

**АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. Ш.МАРДЖАНИ**

**И С Т О Р И Я
ТАТАР
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН**

В СЕМИ ТОМАХ

ТОМ VII

Татары и Татарстан в XX – начале XXI в.

**КАЗАНЬ
2013**

УДК 93/99

ББК 63.3

И90

Подготовка книги осуществлена в рамках реализации Целевой комплексной программы сохранения культурного наследия «Мирас-Наследие» (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2008–2009 гг.)

Финансирование издания книги осуществлено в рамках Года историко-культурного наследия в Республике Татарстан в соответствии с Распоряжением Кабинета Министров Республики Татарстан от 11.07.2012 г. №1161-р

Научный совет издания:

Дмитрий Васильев (Институт востоковедения РАН) *Сергей Кляшторный* (Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН)
Иштван Ваиари (Венгрия, Будапештский университет) *Марк Крамаровский* (Государственный Эрмитаж)
Искандер Гилязов (Казанский (Приволжский) федеральный университет) *Булат Кумекоев* (Казахстан, Международный центр кыпчаковедения)
Людмила Гмыря (Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН) *Евгений Кычанов* (Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН)
Иштван Зимоньи (Венгрия, Сегедский университет) *Айша Рорлих* (США, Южнокалифорнийский университет)
Ильяс Камалов (Турция, Университет Мармара) *Анне Стальсберг* (Норвегия, Музей естественной истории и археологии, Норвежский университет науки и технологии)
Андреас Каппелер (Австрия, Венский университет) *Вадим Трепавлов* (Институт российской истории РАН)
Сергей Каушанов (Институт всеобщей истории РАН) *Юлай Шамильоглу* (США, Висконсинский университет)
Михаэль Кемпер (Нидерланды, Университет Амстердама) *Сигурд Шмидт* (Археографическая комиссия РАН)

Главный редактор

Рафаэль Хакимов (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ)

Научный редактор тома

Радик Салихов (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ)

Ответственный секретарь тома

Алексей Бушуев (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ)

Редакционная коллегия тома:

Рафаэль Валеев (Казанский государственный университет культуры и искусств) *Рафик Мухаметшин* (Российский исламский университет)
Гульнара Габдрахманова (Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ) *Фрид Раиштов* (Саратовский институт Российского государственного торгово-экономического университета)
Ильдус Загидуллин (Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ) *Айрат Ситдилов* (Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ)
Бахтияр Измайлов (Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ) *Индус Тагиров* (Казанский (Приволжский) федеральный университет)
Геннадий Макаров (Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ) *Айдар Хабутдинов* (Казанский филиал Российской академии правосудия)
Ильнур Миннуллин (Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ) *Рафаиль Шайдуллин* (Институт Татарской энциклопедии АН РТ)
Ильнур Миргалеев (Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ)

ISBN 978-5-94981-162-7

© Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013.

У ИСТОРИИ НЕТ СОСЛАГАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ

*Рустам Минниханов,
Президент Республики Татарстан*

История России как великой евразийской державы, созданной усилиями многих народов, воплотившей единство славянской и тюркской цивилизаций, сегодня вызывает растущий интерес среди отечественных и зарубежных исследователей. Осознание особой роли Российского государства в современных мировых процессах, которая обусловлена многовековыми традициями и богатой историей, стимулирует изучение ранее неизвестных и малоизученных страниц прошлого страны и ее народов.

Так получилось, что в предыдущие десятилетия история татар – второго по численности этноса России – нередко становилась предметом споров, осознанного или неосознанного искажения, что не самым лучшим образом сказывалось на духовном самочувствии народа.

Поэтому восстановление исторической правды во всей ее полноте стало одним из актуальных направлений деятельности различных научных центров.

Важным результатом такой деятельности явилась подготовка и издание семитомной академической «Истории татар с древнейших времен». Этот фундаментальный научный труд, созданный под научно-методическим руководством Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан с участием специалистов ведущих научных центров Российской Федерации, стран ближнего и дальнего зарубежья, отражает современные подходы к истории, социально-экономическому и культурному развитию татарской нации, всего многонационального народа Татарстана. На мой взгляд, особенно важен комплексный, непредвзятый подход авторского коллектива в оценке основных этапов становления татарского этноса в контексте общемировых процессов.

XX век стал временем возрождения культуры, экономики, а затем и государственности татар, уходящей своими корнями во времена Тюркского, Кимакского, Хазарского каганатов, Великой и Волжской Булгарии, Золотой Орды, Казанских и других ханств средневековья, а затем и Российского государства.

Современные татары являются прямыми наследниками евразийской цивилизации, впитавшей в себя самые разные элементы культуры тюрков. В мае 922 года посольство Багдадского халифа прибыло в город Булгар на Волге. Это событие стало актом официального принятия ислама в качестве государственной религии, означало вступление Булгарского государства в семью мусульманских стран и народов, способствовало расширению его международных контактов.

Духовный мир предков татарского народа, основанный на гуманистических традициях мусульманской цивилизации, характеризовался терпимостью по отношению к религиозным убеждениям других народов.

Булгары создали развитое государство, где процветали ремесла, торговля, наука и культура. «Великий Волжский путь», как и «Северный пушной путь» в Камском бассейне, соединил разные страны торговыми интересами, способствовал формированию многих современных народов России.

Волгу татары называли «Идель-Йорт». Герой эпоса «Идегей» обращается к Идель-Волге со словами:

«Здравствуй, Идиль, Отчизна-Дом!
Мир да будет в Доме родном!
Здесь, в этом доме, мой отец
Счастлив стал, как жених и зять.
Выйдя замуж, здесь моя мать
Стала невесткой, стала женой.
Здравствуй, Идиль, мой Дом родной!
Здесь, где мое началось бытие».

С подобными словами к Волге могут обратиться и обращаются русские, чувашы, марийцы и представители других народов Поволжья. Волга со временем стала важнейшим связующим звеном, одним из стеновых хребтов России. В народе говорят «Ил коче – Идел коче» («Сила страны – сила Волги»).

Здесь же на Волге, на земле «Священного Булгара» была основана первая столица Улуса Джучи (Золотой Орды). Мы часто слышим противоречивые оценки роли Золотой Орды в отечественной истории, акцентирующие внимание на негативных моментах «татаро-монгольского ига».

Конечно, в период средневековья постоянно велись войны, разгорались феодальные конфликты, несшие разрушения и смуту. Войны между русскими князьями были не менее опустошительными, нежели с внешними противниками Руси. Но история состояла не только из войн, разрушений и насилия. Торговля, обмен культурными достижениями занимали гораздо большее место в жизни, о чем говорят многочисленные памятники археологии и архитектуры.

В период Золотой Орды на территории нынешней России возникли многие города. Нужно видеть созидательный потенциал этого государства, соединившего торговыми путями Запад и Восток, сыгравшего свою роль в становлении великой российской государственности.

Трудно переоценить значение Золотой Орды в формировании татарской этничности. Сегодня можно услышать споры об этногенезе нашего народа, о том, кого надо считать нашими предками – болгар или татар. Думаю, что сама история древнего этноса, сложная и противоречивая, дает принципиальный ответ на эти рассуждения. Существовали разные культурные компоненты, имевшие общую тюркскую основу со времени первого Тюркского каганата, продолжавшие развиваться в период Волжской Булгарии, переплавленные в цельную культуру и ментальность в эпоху Золотой Орды и Казанского ханства. Ни одна культура, ни одна нация не стоит на месте. Поэтому, по достоинству оценивая времена болгар, мы не должны забывать о роли Золотой Орды, как и последующих периодов нашей истории, включая XX век.

Культурное наследие, несмотря на исторические коллизии, продолжало определять жизнь татарского народа и после вхождения нашего края в состав Русского государства, позволило не только сохранить самосознание, но и добиться впечатляющих успехов в торговле, промышленности, науке.

Огромное значение для татарского народа имели преобразования Екатерины Великой. Посетив Казань весной 1767 года, она не только прекратила практику открытой религиозной дискриминации, но и признала духовные права своих подданных мусульман, по достоинству оценила их высокий патриотизм. Реформы «Бабушки-Царицы», так тепло называли Екатерину II наши предки, способствовали расцвету образования, строительству новых больших мечетей, развитию торговли и ремесел.

Распространение капиталистических отношений в татарском обществе привело к появлению национальной буржуазии, достигшей больших успехов в коммерции и производстве и во многом определявшей характер и содержание социальной жизни мусульман России.

Во второй половине XIX – начале XX века у татар возникло реформаторское движение – джадидизм, обеспечивавшее достойное существование народа в новых, постоянно меняющихся условиях капиталистической действительности. Определяющий вклад в эти реформы внесли выдающиеся татарские просветители и богословы: Габденасир Курсави, Каюм Насыри, Хусаин Фаезханов, Шигабутдин Марджани, Ризаэтдин Фахрутдинов, Галимджан Баруди, Зия Камали, Муса Бигиев и другие представители научной и педагогической общественности.

В начале XX века у татар появилась модернизированная система мусульманского и светского образования, развитая периодическая печать. Татарские общественные деятели принимали активное участие в деятельности политических партий. В составе дореволюционной Государственной Думы активно работала мусульманская фракция.

В этот же период происходил расцвет всех форм татарской культуры. Профессиональная литература, театр, музыка, изобразительное искусство пользовались огромной популярностью не только у татарского населения, но и у всех мусульманских народов России. Навсегда в историю отечественной культуры вписаны имена Габдуллы Тукая, Гаяза Исхаки, Габдуллы Кариева, Галиаскара Камала, Салиха Сайдашева, Баки Урманче и других подвижников татарского художественного творчества.

Одной из определяющих исторических вех стало образование в 1920 году Татарской Автономной Советской Социалистической Республики (ТАССР), появлению которой предшествовала активная деятельность татарской общественности по созданию Штата «Идель-Урал», Татаро-Башкирской республики.

Возникновение ТАССР, отражавшее стремление к национальному самоопределению, в то же время стало важным шагом в формировании и развитии полиэтнических государственных образований в рамках России. Несомненно, что успехи Татарстана в культуре, промышленности и сельском хозяйстве были бы невозможны без укрепления единства татарского, русского, чувашского и представителей других народов, населяющих нашу республику.

Эти факторы стали серьезным основанием для провозглашения в 1990 году Декларации о государственном суверенитете Республики Татарстан. В результате политических и социально-экономических преобразований конца 1980-х – начала 1990-х годов республика вышла на новый уровень развития в политике, экономике и культуре, международных связях.

В Татарстане сформировалось полиэтническое и поликонфессиональное общество с уникальным опытом сотрудничества и толерантности. Следует отметить, что во многом благодаря политике и многогранной деятельности первого президента республики М.Ш.Шаймиева весь мир узнал о «модели Татарстана» – успешного региона в составе Российской Федерации, последовательно и сбалансировано решающего сложнейшие социально-экономические и культурные задачи.

Ключевой вывод, который следует из логики исторического развития, состоит, на мой взгляд, в том, что татары, сохранившие свою национальную и культурную самобытность, сыграли важнейшую роль в укреплении могущества Российской державы.

То, что большинство российских татар проживает за пределами административных границ Республики Татарстан, властно диктует их кровную заинтересованность в усилении Российской Федерации, всестороннем развитии интеграционных процессов между ее регионами.

Татарский народ всегда верой и правдой служил своему Отечеству: в рядах ополчения Минина и Пожарского освобождал Москву, строил Российский флот, воевал с Наполеоном на полях сражений Отечественной войны 1812 года, сражался с немецко-фашистскими захватчиками во время Великой Отечественной войны. Закономерно, что Муса Джалиль стал символом мужества и стойкости для всех народов бывшего СССР.

Сегодня многонациональный народ Татарстана ставит перед собой амбициозные цели, связанные с дальнейшим совершенствованием всех сторон жизни республики, ее возрастающей ролью в Российской Федерации.

По основным экономическим показателям Татарстан занимает ведущие позиции в стране. По объемам валового регионального продукта республика сопоставима с такими государствами, как Словакия или Болгария. В 2011 году мы произвели продукции как Новосибирская и Нижегородская области вместе взятые.

Это позволяет уверенно решать вопросы социально-культурного развития. Возрождаются остров-град Свияжск, город Булгар, исторический центр Казани. Преображаются многие другие населенные пункты. Совершенствуются музейные экспозиции, создаются многочисленные туристические маршруты.

Вместе с тем, вполне очевидно, что без знания прошлого, объективного анализа исторического опыта наших предков невозможно строить планы на будущее.

Именно этим и определяется значение данного издания. Думаю, что академическая «История татар с древнейших времен» внесет свой вклад в дело разработки и популяризации объективной истории народов Российской Федерации, откроет читателям увлекательный мир тысячелетней истории татар.

ВВЕДЕНИЕ

Особенности развития татар и Татарстана в XX – начале XXI века

Радик Салихов

Создание многотомного фундаментального труда «История татар с древнейших времен», основанного на комплексе вновь выявленных источников, научных открытий последних лет, требует, безусловно, новых нестандартных творческих и методологических подходов. Трудность заключается здесь не только в первопроходчестве исследователя, но и разных взглядах и оценках тех процессов, которые охватывали жизнь татарского социума на ключевых этапах его развития. Эта проблема в немалой степени касается написания 7 тома, рассматривающего историю народа в новое и новейшее время. По принятому редакционной коллегией варианту том охватывает эпоху начала XX столетия, советский и постсоветский период развития татарского народа и Республики Татарстан. Очевидная теоретическая, источниковая, авторская нагрузка именно на последнюю книгу многотомника, совмещающую в себе три разные общественно-экономические формации, сопряжение которых в едином концептуальном ключе является очень и очень непростой задачей для современных историков. Основной посыл данной концепции заключается в возникновении в начале XX в. политической истории татар, которая затем и определяла весь вектор развития нации на протяжении столетия.

В первой части тома рассматриваются основные процессы джадидского движения, мощного национально-культурного возрождения, во всеуслышанье заявившего о себе после Манифеста 1905 г., когда у татар появилась сеть современных новометодных учебных заведений, начала формироваться светская интеллигенция, появились книгоиздательства, национальная пресса, крупные благотворительные и культурно-просветительские организации. Немаловажным фактором в этот период выступало интенсивное развитие татарской буржуазии, переживавшей промышленный переворот

и проявлявшей высокое этнополитическое сознание. Социально-экономическому развитию Казанской губернии и татарского мира в начале XX в. посвящена первая глава раздела, раскрывающая основные характеристики торгово-промышленной жизни края, предпринимательской деятельности, крестьянского хозяйства. Высокая деловая активность татарской буржуазии позволила ей сконцентрировать солидные материальные и финансовые ресурсы, значительная часть которых направлялась на социальные цели: благотворительность, реформу профессиональной школы, создание различных общественных институтов.

Джадидское движение, охватившее все стороны жизни татарского народа, стремительный рост самосознания обусловили активную борьбу мусульман России за гражданские права, способствовали органичному их взаимодействию с основными политическими силами империи. Соответственно во второй и третьей главах раздела раскрывается сложная картина становления первых татарских политических партий, претендовавших на лидерство во всем тюрко-мусульманском сообществе, специфика этноконфессиональной политики государства, столкнувшегося с масштабным и всесторонним освободительным движением. Несмотря на серьезные идеологические противоречия в самой мусульманской среде по поводу социально-культурных преобразований и путей дальнейшего развития нации, татарской элите удалось провести три общероссийских мусульманских съезда в 1905–1906 гг. Их решения определили единый курс на достижение национально-культурной автономии, что стало первым серьезным шагом к самоопределению народа.

Особенностью тома является сочетание территориального и экстерриториального подходов. Расселение татар занимает огромную территорию по всему Евразийс-

кому континенту, поэтому ее невозможно ограничить рамками только Татарстана. В то же время Казань, являясь традиционным политическим, экономическим и духовным центром татарского народа, на протяжении многих столетий играла роль главного города многонационального Казанского края и губернии, имевших ярко выраженный поликонфессиональный и мультикультурный характер. Всемирно известный Казанский университет, Казанская духовная академия, Казанская инородческая семинария и многие другие учебные заведения являлись образовательными и духовными очагами для русского, чувашского, мордовского, марийского и многих других народов России. Уникальная интернациональная среда, обусловленная крепкими хозяйственными и социальными связями, традициями добрососедства и взаимодействия, во многом определяла характер развития татарской нации, ее открытость, стремление к реформам и прогрессу. Поэтому четвертая глава первой части тома, освещающая образовательные и культурные достижения татар в начале XX в., одновременно характеризует Казанскую губернию как важный научный и культурный регион Российской Империи, оказавший сильнейшее воздействие на судьбы не только народов Поволжья, но и всего многонационального государства.

Революционные события 1917 г. и последовавшая за ними гражданская война коренным образом изменили политический ландшафт России. Жестокие классовые сражения сопровождалось мощным национально-освободительным движением, пытавшимся реализовать исторический шанс на самоопределение народов бывшей империи. Впервые за несколько столетий татары получили возможность возродить собственную государственность, определить свое место в быстро меняющемся мире. В шестой и седьмой главах раздела рассматривается участие татар в революции, борьбе за власть в Казанской губернии, их консолидация вокруг идей территориальной автономии. Провозглашение в 1918 г. Штата «Идель-Урал» стало первой попыткой создания национального государства. Несмотря на неудачу этого проекта, сорванного

контрмерами большевиков, идеологическая борьба и организационная работа политических лидеров татарского народа привела к образованию ТАССР.

Вторая часть 7 тома посвящена основным этапам развития Татарской Автономной Советской Социалистической Республики. Этому событию предшествовала многолетняя многогранная деятельность национальной интеллигенции, предпринимательства, духовенства, выразившаяся в проекте Штата «Идель-Урал», Татаро-Башкирской республики. В первой, второй, третьей и четвертой главах второй части тома отмечается, что создание ТАССР стало реализацией вековых чаяний народа, важным шагом к национальному самоопределению, способствовало появлению феномена полиэтничного государственного образования в рамках РСФСР. Выдающуюся роль в этом процессе сыграл один из лидеров и теоретиков национально-освободительного движения Мирсаид Султан-Галиев. Его идеи, сочетавшие принципы классовой и антиколониальной борьбы, своеобразного «исламского социализма», не нашедшие поддержки у большевиков, стали в XX в. знаменем освободительной борьбы народов мира, находившихся в колониальной зависимости.

Противоречивость государственности советского Татарстана, уже в 1920-х гг. развивавшаяся, с одной стороны, в формировании собственных институтов власти, коренизации аппарата, развитии национального образования и культуры, укрепления экономики, с другой, в политических репрессиях, эмиграции старорежимной интеллигенции, уничтожении национальной буржуазии как класса, борьбе с духовенством и религией, отражала насильственное, искусственное прерывание идеологических и культурных традиций, что неминуемо вело к постепенному «вымыванию» национального компонента государственности. Дальнейшее ужесточение политики, направленное на уничтожение в масштабах СССР сети татарских школ, изданий, культурных учреждений, замыкало духовную жизнь татар в рамках республики, а в самом Татарстане давало все меньше возможностей для ее реализации.

Индустриализация экономики и коллективизация сельского хозяйства превратили Татарстан в развитый промышленный и аграрный регион страны, однако жесткая централизация хозяйственной жизни, фактическое отсутствие экономических прав, республиканской собственности, а также гуманитарные издержки, касающиеся прав крестьянского населения, также нивелировали статус автономии, вызывали острые социальные протесты.

Одним из положительных факторов образования ТАССР стало формирование многочисленной, талантливой научной и творческой интеллигенции. Расцвет татарской профессиональной советской литературы, музыки, театра, изобразительного искусства, академических исследований и вузовской науки способствовал, в непростых условиях государственной политики, сохранению национального самосознания, родного языка, культуры, освоению достижений мировой цивилизации.

Одной из ключевых проблем современной исторической науки является объективное и всестороннее освещение событий Второй мировой войны, нередко являющихся предметом политических спекуляций в зарубежной историографии. Не подлежит никакому сомнению определяющая роль Советского Союза в победе над фашистской Германией. О выдающемся вкладе татарского народа и народов Татарстана в борьбу с фашизмом говорится в пятой главе данной части тома. С первых месяцев боевых действий в ТАССР начали формироваться важнейшая военно-промышленная тыловая база страны, наукоемкие производства, получила развитие авиационная промышленность. В Казани трудились видные советские конструкторы А.Н.Туполев, С.П.Королев, В.М.Петляков, В.П.Глушко и другие, создавшие знаменитый пикирующий бомбардировщик ПЕ-2, работавшие над исследованиями в области реактивных двигателей, что явилось впоследствии основой для создания космической промышленности СССР.

Около 700 тыс. человек было призвано из Татарстана в ряды действующей армии. Золотыми буквами в летопись сражений

вписаны имена татарстанцев, проявивших беспримерное мужество и героизм: П.Гаврилова, М.Девятаева, Г.Гафиятуллина, Г.Загитова, М.Сыртлановой и многих других. Среди 11519 советских воинов, удостоенных Золотой Звезды Героя Советского Союза, татары занимают 4 место по численности среди русских, украинцев и белорусов. Олицетворением высокого гражданского и боевого духа, стойкости и патриотизма советских людей стал беспримерный подвиг поэта-героя Мусы Джалиля и его соратников, организовавших активное антифашистское сопротивление среди военнопленных, находившихся в Германии.

Шестая, седьмая и восьмая главы второй части рассматривают историю послевоенного Татарстана, характеризовавшуюся бурными процессами модернизации, неуклонного роста научного и культурного потенциала. Становление и развитие нефтедобывающей и нефтехимической промышленности, авиационного производства, автомобилестроения, сельского хозяйства и других отраслей экономики, успехи академической и вузовской науки превратили республику в один из самых индустриально развитых регионов Советского Союза.

Однако было очевидно, что усеченная автономия Татарстана, определявшаяся принципом политического ранжирования, существенно сдерживала возможности дальнейшего социально-экономического и культурного развития. Нараставший этнический кризис, вызванный искусственным идеологическим ограничением национальной культуры, языка, гуманитарных исследований, проявлялся в разрыве традиционных связей между татарскими общинами на территории СССР, а в самой республике существенным сужением возможностей для обогащения традиций, реализации духовных прав и достижений татарского народа. В общественном сознании народов республики все большую популярность приобретала идея повышения государственного статуса Татарстана.

Третья часть данного тома посвящена новейшему периоду в политической истории татар и Татарстана. Провозглашение

Декларации о государственном суверенитете в 1990 г. стало естественным продолжением процесса восстановления государственности, обозначенного Декретом об образовании ТАССР 1920 г. В результате Перестройки, социально-экономических реформ 1990-х гг. республика приобрела самостоятельность в политике, экономике и культуре, международных связях, у нее появилась собственная логика исторического развития. В Татарстане сформировалось полиэтническое и поликонфессиональное общество с уникальным опытом сотрудничества и толерантности.

Многолетняя, успешная деятельность первого президента республики М.Ш.Шаймиева позволила представить мировой общественности реализованную на практике «Модель Татарстана» как пример уникального регионального государственного строительства в рамках Российской Федерации, эффективного взаимодействия с федеральным центром, продуманной экономической стратегии, социальной и межнациональной стабильности.

Все эти ключевые и во многом новые проблемы для отечественной науки последовательно раскрываются в главах третьей части тома. В первой и второй главах дается историческая оценка перестроечным процессам в стране и республике, сложной общественно-политической ситуации в СССР и другим факторам, подготовившим почву для провозглашения государственного суверенитета Татарстана. Третья глава третьей части посвящена становлению новых взаимоотношений Республики Татарстан и Российской Федерации, сложному периоду в развитии государственности республики. В поле зрения исследователей находятся главные политические вехи 1990-х гг.: Референдум 1992 г., договор «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» 1994 г., принятие Конституции РТ, реализация национальной политики в РФ и развитие межнациональных отношений в Татарстане и др. Российская Федерация, подписав двухсторонний дого-

вор, де-юре признала акт самоопределения народов РТ.

Одним из главных завоеваний этого периода стала активная внешняя деятельность республики, ее сотрудничество с международными организациями, способствовавшие повышению авторитета РТ на мировой арене. История и приоритеты внешних связей Республики Татарстан нашли свое отражение в четвертой главе третьей части тома.

Успехи в государственном строительстве, экономике и культуре сыграли основополагающую роль в консолидации татарской нации не только в Российской Федерации, но и во все мире. Татарстан стал центром духовного притяжения многомиллионного народа, разбросанного волею исторических судеб по всем континентам. В то же время в татарских общинах, развивающихся по принципу национально-культурных автономий, появились собственные возможности для сохранения и возрождения родного языка, культуры и самобытности. В пятой главе характеризуется этнокультурное состояние татарского мира, роль Всемирного конгресса татар в выражении интересов татарского народа, отмечается возрастающее влияние татар в рамках РФ и СНГ.

Новый статус Татарстана открыл широкие горизонты для развития культуры, системы образования татарского и других народов республики. Несомненные достижения в этой сфере получили высокое признание мирового сообщества. Татарстан стал очагом новаторских инициатив, пилотных проектов в области народного образования, профессионального искусства, в проведении международных форумов по самым актуальным проблемам современности. Празднование 1000-летия города Казани стало не только событием, коренным образом изменившим облик столицы республики, ее инфраструктуры, но и поворотным моментом в историческом самосознании татарстанцев. Признание Казани одним из древнейших городов планеты, с высоким уровнем военной, градостроительной и производственной культуры, органичным сплавом ислама и православия, тюркской, славянской и финно-угорской цивилизаций,

прочно закрепило за ним статус третьей столицы России, крупного центра мирового культурного наследия.

В 2004 г. Казанский университет отмечал свое 200-летие. Существование этого прославленного учебного заведения сформировало особые традиции вузовской науки и образования в Татарстане. Создание в Татарстане Академии наук дало новый импульс фундаментальным исследованиям по самым разным отраслям знания, стало одним из важнейших условий современного экономического и культурного развития. В шестой главе третьей части анализируется логика культурных процессов в республике, позволяющая понять место и роль татарстанского общества в российской и мировой истории.

Самостоятельная социально-экономическая политика Татарстана, направленная на повышение уровня жизни населения, приближение его к европейским стандартам, диктует новые подходы в стратегии и тактике. Главным условием эффективности экономики является отход от сырьевой зависимости, создание инновационных производств на основе имеющегося научно-технического и промышленного потенциала республики. В седьмой главе данной части тома раскрываются приоритеты социально-экономического развития РТ в условиях рыночных реформ. Следует отметить, что самостоятельность Татарстана позволяла и позволяет решать масштабные социальные проекты, такие как Программа ликвидации ветхого жилья, программа социальной ипотеки, газификации населенных пунктов и многое другое.

Этот курс остается неизменным и сегодня в условиях новой общественно-политической ситуации в стране. В 2010 г. новым Президентом Татарстана был избран опытный политик и экономист Р.Н.Минниханов, под руководством которого продолжают эффективно развиваться нефтехимический комплекс, жилищное строительство, автомобильная и авиационная промышленность, сельское хозяйство, культура, республика готовится к Универсиаде 2013 г., Чемпионату мира по футболу 2018 г. и другим событиям международного уров-

ня. Иными словами, начинается новый этап в государственном строительстве Татарстана, речь о котором идет в восьмой главе третьей части тома.

Народы республики с уверенностью смотрят в завтрашний день. Путь, пройденный ими в XX столетии, несмотря на все сложности и противоречия, стал историей возрождения государственности, восстановления традиций, поиска своего уникального места в мировой цивилизации.

* * *

В подготовке данного тома приняли участие специалисты ведущих научных центров Казани и других городов Российской Федерации. При определении структуры и концепции тома активное участие принимали доктор исторических наук Р.С.Хакимов, И.Р.Тагиров, Р.Р.Салихов, А.Ю.Хабутдинов, кандидат исторических наук А.С.Бушуев.

Документы для приложений к тому представлены А.С.Бушуевым, Л.Р.Габдрафиковой, А.Г.Галлямовой, З.Г.Гариповой, И.К.Загидуллин, А.Ш.Кабириной, И.Р.Миннуллин, подобраны А.С.Бушуевым, Л.Р.Габдрафиковой, И.И.Ханиповой.

Поиск и первоначальный подбор фотоматериалов к тому осуществлен Б.И.Измайловым, Р.Р.Салиховым, И.И.Ханиповой. Отбор фотоматериалов проведен А.С.Бушуевым, Б.И.Измайловым, Р.Р.Салиховым.

Список источников и литературы, сокращений составлен А.С.Бушуевым, Л.Р.Габдрафиковой, Б.И.Измайловым, Е.В.Мирановой.

Именной и политико-географический указатели составлены А.С.Бушуевым, Л.А.Бушуевой, А.Г.Галлямовой, Б.И.Измайловым, А.Ш.Кабириной, И.Р.Миннуллин, Е.В.Мирановой, И.И.Ханиповой, Л.Р.Шафигуллин.

* * *

В иллюстрировании тома использованы фотоматериалы, сохранившиеся в фондах Национального архива РТ, Центрального государственного архива историко-политической документации РТ, Национального музея РТ, Национального культурного центра «Казань», архива журнала «Ка-

заны», личного архива И.Р. Тагирова, опубликованных в фотоальбоме «Татарстан: вехи истории. 1920–2010» (Казань, 2010) и в книге «Республика Татарстан: природа, история, экономика, культура, наука» (Казань,

2010), а также размещенные на сайтах Президента РТ (www.president.tatarstan.ru), Кабинета министров РТ (www.prav.tatarstan.ru), Государственного Совета РТ (www.gossov.tatarstan.ru), ОАО «ТАНЕКО» (www.nnpz.ru).

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

*Радик Салихов, Алексей Бушуев,
Альфия Галлямова, Айслу Кабирова*

Прошедший XX в. стал эпохой величайших потрясений и глобальных изменений в политической и социально-экономической жизни российского общества. Радикальные преобразования в государстве вызвали огромный интерес к его истории. Разрушение устоявшихся мифов и стереотипов привели к освобождению науки от обязательных штампов и расширению границ исследований. В свою очередь, стремление ученых восстановить историческую истину, ликвидировать пробелы в изучении отдельных тем затронули глубинные основы исторической науки, вызвав процесс фундаментального переосмысления всего исторического наследия.

Именно поэтому важно предварить исторический анализ событий и процессов истории татар и Татарстана историографическим. Без историографических исследований невозможно охватить всю вышедшую литературу, оценить ее достижения, определить спорные или нерешенные проблемы, наметить подходы к их изучению. Историография призвана сравнивать, сопоставлять труды историков и их идей на различных этапах исторического пути, выявлять общий ход развития научной мысли, закономерности и особенности этого процесса, вклад каждого поколения ученых в достигнутое на конкретном отрезке времени.

Современный анализ истории татар и Татарстана в XX – начале XXI столетия невоз-

можно представить без характеристики состояния историографической изученности и основных исторических источников. Вместе с тем, учитывая концептуальные сложности тома, включающего в себя изложение истории татар и Татарстана на протяжении трех противоречивых и разнохарактерных этапов исторического развития – досоветского, советского и постсоветского, – авторы не ставят себе целью дать исчерпывающий анализ всей совокупности источников и исторических трудов по затрагиваемым в томе проблемам. Такая работа не только весьма затруднительна, учитывая огромный комплекс источников и тысячи опубликованных исторических работ, но и почти бессмысленна, так как в этом случае вполне реальна опасность превратить этот раздел в простое перечисление с неподдающимся пересчету количеством библиографических ссылок.

Авторам представляется более целесообразным дать общую характеристику историографии новейшей истории татар и Татарстана, поэтому здесь вполне логично будет ограничиться лишь обобщающими оценками наиболее важных как в фактологическом, так и концептуальном смысле трудов. Кроме того, важно будет охарактеризовать в целом наиболее крупные комплексы исторических источников, изучение которых дает значительный материал не столько по объему, сколько по важности для изучения истории татар и Татарстана в XX–XXI вв.

История изучения татар и Татарстана XX – начала XXI в.

Первые шаги в направлении изучения татарского общества начала XX в. были сделаны еще в дореволюционных публикациях. Досоветская литература, посвященная процессам, происходившим в татарском обществе начала XX в., отличается ярко выраженным этнографическим подходом. В трудах исследователей этого периода особый акцент делается на образе жизни, быте, системе образования, культуре татарского населения, которое представлялось сплю-

щенной, замкнутой этноконфессиональной группой, свято чтущей традиции и законы ислама [Пинегин, 1890; Рыбаков, 1900; Сухарев, 1904; Алекторов, 1906; Знаменский, 1910; Неджибь, 1911, с.169; Катанов, 2001, с.182; Машанов, 2002; Коблов, 2007].

Вместе с тем, именно в конце XIX – начале XX вв. начинает формироваться национальная историография, которая помимо освещения событий далекого прошлого, стремилась дать оценки основным направ-

лениям современного национального развития, освещать деятельность видных представителей духовенства, делового мира, интеллигенции [Баттал, 1912; Школьный вопрос в русском мусульманстве, 1913, с.515; Газиз, 1994; Р.Фэхретдин, 1995; Акчура, 1997 а; Акчура, 1997 б].

Несмотря на начальный этап своего формирования, татарская историография накопила неплохой фактологический потенциал, заложив тем самым основы последующего научного изучения прошлого татарского народа и других народов Казанского края.

Значительные изменения как в развитии самой исторической науки, так и в вопросах изучения истории народов Поволжья произошли со сменой власти в стране. С первых дней установления политической власти большевиков к исторической науке проявлялось повышенное внимание. Не имея устойчивой поддержки в массах, партийные лидеры стремились заставить людей поверить в закономерность своей победы не только с помощью оружия и установления диктатуры, но и через внедрение в советское общество определенного исторического сознания, основанного на жестких идеологических постулатах.

С самого начала существования коммунистического режима приоритетными темами исторических исследований в государстве были объявлены история революционного движения в России, история российских революций и, прежде всего, Великой Октябрьской социалистической революции, история борьбы классов, история партии большевиков. Изучение же проблем всеобщей истории и отдельных тем российской истории таких, как история церкви, вопросы развития народов и их культуры, ранние периоды политической истории, были признаны неактуальными и практически прекратились.

Насаждение коммунистической идеологии осуществлялось в двух направлениях. С одной стороны, ликвидировалась так называемая «старая» историческая наука: разрушались дореволюционные научные учреждения и общества, подвергалась коренной ломке сложившаяся система высшего образования, изгонялись «буржуазные»

ученые. С другой стороны, создавались новые академические, сугубо марксистские, научные центры, организаторами и цензорами которых являлись партийные органы.

Аналогичные процессы происходили и в Советской Татарии. Многочисленные эксперименты в научной сфере кардинальным образом изменили соотношение сил в республике. Курс на огосударствление и большевизацию всех учреждений, в которых работали историки, был успешно завершен уже к началу 1920-х гг. Главная роль в разработке магистральных тем отводилась Татарстанскому бюро Истпарта, созданному вслед за центральными учреждениями 16 октября 1920 г. Наиболее активными его сотрудниками являлись С.Е.Лившиц, Н.А.Знаменский, Р.Ш.Тагиров, М.И.Борисов, Е.И.Медведев и др. Цензорские функции над местными работниками осуществляли члены Центральной Комиссии Истпарта С.А.Пионтковский, А.Я.Аросев, В.В.Адоратский [Литвин и др., 1972].

Первые работы историков были посвящены изучению и выявлению, согласно марксистско-ленинской концепции, «ведущей роли» партии большевиков в революционном движении. Они носили, как правило, мемуарный характер. Написанные очевидцами или участниками исторических событий, эти труды содержали во многом субъективные взгляды и оценки. Но даже в трудах начального периода историографии уже ощущается стремление авторов показать историю большевистской партии с «правильных», политически выверенных позиций¹.

События Октябрьского переворота вызвали живой интерес и среди татарских авторов: Г.Г.Ибрагимов², М.Х.Султан-Галиева, М.С.Сагидуллина. Наиболее известным трудом Г.Г.Ибрагимова по этой проблеме

¹ Подробно региональная историография истории партии большевиков как часть общего общественно-политического движения в Поволжье представлена в специальных работах. См.: [Литвин, 1982; Литвин, 1985; Литвин, 2003].

² Подробно об историческом наследии Г.Г.Ибрагимова см.: [Хасанов, 1977 а; Хасанов, 1987; Алишев, 1986; Мухаметшин, 1987; Хакимова, 2004].

является работа «Великая Октябрьская социалистическая революция и диктатура пролетариата» [Ибрагимов, 1922]. Завершена она была в феврале 1920 г., но опубликована только в 1922 г. В книге подробно рассмотрен опыт революции, характер и движущие силы, этапы революционной борьбы пролетариата с февраля по октябрь 1917 г., а также показано значение Октября. Работа написана на основе значительного количества изученных литературных и архивных источников. Важные проблемы диктатуры пролетариата, ломки старого государственного аппарата, уничтожения эксплуатации человека человеком нашли здесь доступное народным массам, а главное, марксистское объяснение, за что Г.Г.Ибрагимов и был благогошебно «принят» новой властью.

По-иному сложились судьбы М.Х.Султан-Галиева и М.С.Сагидуллиной и их произведений. Резкое осуждение получила схема революционного движения среди татар, предложенная М.Х.Султан-Галиевым в его статье «Татары и Октябрьская революция» [Султан-Галиев, 1921]. Основным пунктом, по которому критиковался автор, было отрицание резких классовых различий в татарском народе, что, по мнению истпартовцев, означало отрицание существования татарского пролетариата. Неприятие классической схемы пролетарской революции большевиков, согласно которой борьба классов являлась обязательным компонентом, а также ряд других позиций автора повлекли за собой трагические последствия. М.Х.Султан-Галиев был несколько раз осужден и в 1940 г. расстрелян [Султанбеков, 1991 а].

Непримиримым противником М.Х.Султан-Галиева, убежденным «левым» на политической арене республики являлся М.С.Сагидуллин. Казалось бы, его книга «Татарские трудящиеся на путях Великого Октября» [Сагидуллин, 1927], подготовленная к 10-летию социалистической революции, не может содержать «крамолы». По сути, она была призвана еще раз закрепить в сознании татарского населения «азбучные истины» марксизма, столь доходчиво и ясно изложенные Г.Г.Ибрагимовым. Но вопреки ожиданиям партийных лидеров, М.С.Сагидуллин в своей работе, возможно, невольно поло-

жительно охарактеризовал роль Мусульманского социалистического комитета, созданного в Казани в марте 1917 г. во главе с М.Вахитовым как консолидацию различных политических сил края. Имелся и ряд других «неправильных положений». В советской истории и так называемые «правые», стоявшие в оппозиции, и «левые», поддерживавшие представителей новой власти, впоследствии оказались неуютны складывающейся в государстве командно-административной системе. М.С.Сагидуллин в 1932 г. был взят под стражу, а в 1938 г., как и М.Х.Султан-Галиев, осужден и впоследствии расстрелян [Султанбеков, 1991 б].

Значительное место вопросы подготовки и проведения Октябрьской революции занимали и в юбилейных сборниках 1940 и 1945 гг., посвященные образованию Татарской АССР [Зайцев, ред., 1945].

В 1940-е гг. большое внимание стало уделяться не только рассмотрению исторических событий в различные периоды, но и определению вклада отдельных личностей в развитие этих процессов. В том числе широкое распространение получила деятельность историков по изучению жизни и боевого пути выдающихся революционеров, чьи биографии были связаны с республикой. В этой связи следует назвать двухтомник «Жизнь замечательных людей в Казани» (1940–1941 гг.) [Азовский, ред., 1940–1941]. В сборник включены статьи Ш.Маннура «Мулламур Вахитов», М.Бубеннова «Шейнкман Яков Семенович», А.И.Лебедевой «Комлев Абрам Павлович», Н.В.Гусева «Тихомирнов Виктор Александрович». В последующие годы данное направление работы ученых было продолжено. Более всего оно активизировалось в конце 1950-х гг., когда появились подробные очерки о жизни и деятельности М.Вахитова, Х.Мавлютова, Ш.Усманова и др. [Исхаков, 1958; Исхаков, 1960; Яхин, 1963].

К началу 1950-х гг. историография темы Великого Октября и участия партийных органов в его проведении вполне сложилась. В Татарии увидели свет первые серьезные обобщающие работы, выполненные на местном материале в форме кандидатских диссертаций [Тарасов, 1950; Каримова,

1950; Даминов, 1953; Ананьев, 1950; Шишкин, 1954; Ионенко, 1955]. Все они, по установившейся в указанный период традиции, выполнены в историко-партийном плане. Некоторые из этих трудов затем были опубликованы в виде монографий [Тарасов, 1956; Залялов, 1957; Ионенко, 1957; Литвин, 1957; Смыков, 1958]. История Гражданской войны также стала объектом пристального внимания ученых Татарстана³.

Важнейшим объектом исследований ученых в 1920–1950-е гг. являлось исследование наступательного «движения социализма по всему фронту». Здесь имелось в виду отражение в работах историков механизмов проведения в жизнь трехзвенной программы марксизма-ленинизма: развитие индустриализации, укрепление колхозно-совхозной системы и осуществление культурной революции в форме коренного переворота в области культуры и идеологии.

В Советской Татарии, почти половина населения которой были татары, данные положения дополнялись необходимостью разработки вопросов национально-государственного строительства. Образование в 1920 г. Татарской Автономной Советской Социалистической Республики означало восстановление, пусть и в сильно ограниченном, урезанном виде государственности татарского народа, вызвало значительное оживление в исследовательской работе интеллигенции. Проблемы развития нации, возрождения языка, культуры народа, специфика формирования национальной политики в полиэтничном пространстве республики интересовали как профессиональных историков и филологов, так и известных общественно-политических деятелей.

Значительное место этим вопросам отводилось в творчестве Г.Г.Ибрагимова. Он являлся инициатором сбора документальных материалов по истории образования ТАССР и первых лет ее развития. В 1922 г. вышел первый сборник по советскому строительству, которому где предисловием является статья писателя об историческом прошлом и настоящем татарского народа [Совет-

ское строительство в Татарской Республике за год, 1922]. Под его же руководством были изданы «Материалы по истории организации Татарской Республики» [Ибрагимов, 1925 а]. Активно интересовались исследованием вопросов национальной политики в Татарии партийные функционеры различного ранга. Так, работы М.Х.Султан-Галиева, И.М.Казакова, Х.З.Габидуллина, М.С.Сагидуллина и других, относящиеся к жанру исторической публицистики, воссоздают историю создания советской государственности в регионе и служат ценным историческим источником при изучении начального периода советской историографии в республике [Султан-Галиев, 1921; Казаков, 1923; Габидуллин, 1927; Сагидуллин, 1927].

Но наибольшее количество работ, вышедших в 1920–1930-е гг., безусловно, связано с разгоревшейся в республике идеологической борьбой так называемых «правых» и «левых»⁴. Вопросы национально-государственного строительства в этот период были чрезвычайно острыми, а несогласие с официальной политикой властей было чревато для тех, кто находился в оппозиции. Именно Татария была выбрана центральными партийными органами для первого в истории страны показательного политического процесса над М.Х.Султан-Галиевым, по многим пунктам не согласного со взглядами И.В.Сталина. Целое десятилетие ушло на идейное и организационное разоблачение так называемого «национал-уклонизма» в республике. Публицистическая и историческая литература сыграли в этом отношении самую серьезную роль, выполнив заказ политической системы.

Первыми трудами, посвященными изучению проблем идеологической борьбы в ТАССР, были работы Л.Рубинштейна, Г.Касимова, А.Аршаруни, Х.Габидуллина, Х.Хасанова [Рубинштейн, 1930; Аршаруни и др., 1931; Касимов, 1931; Хасанов, 1931]. Все они были изданы в 1930-е гг., после завершения шумных кампаний по «разгрому султангалиевцев» в Татарской республике. Именно они заложили догматические клише

³ Подробно об этом см.: [Литвин, 1988].

⁴ Вопросам идейно-политической борьбы в Татарстане в 1920–1930-е гг. посвящено несколько работ. См.: [Беяков, 1988; Сулима, 1996].

и утвердили в сознании ученых идеологические установки в изучении вопросов теории и практики национально-государственного строительства.

В последующий период расцвета культурных явлений в обществе данная тема в научном плане практически не разрабатывалась. Можно назвать лишь несколько кандидатских диссертаций, в которых освещались те или иные аспекты национальной политики в республике периода первых лет ее существования [Булатов, 1947; Валиуллина 1948; Еналеев, 1950; Валеев, 1955]. Эти работы не избежали влияния своего времени, что в первую очередь нашло выражение в апологетизации политической деятельности И.В.Сталина в национальной сфере. К общим недостаткам указанных трудов относится недооценка сложностей и трудностей решения национального вопроса в Татарии.

Только после исторического перелома 1956 г. историки получили возможность возвратиться к изучению всего комплекса вопросов, связанных с опытом ТАССР в первые годы ее существования. Разработка национальных вопросов со второй половины 1950-х гг. уже велась на широкой источниковой основе. Из опубликованных тогда работ следует, прежде всего, остановиться на исследованиях М.К.Мухарямова, внесшего наибольший вклад в освещение темы. Им было написано большое количество статей и книг, некоторые – в соавторстве. Так, в 1955 г. вышла работа М.К.Мухарямова «Советская Татария в братской семье народов СССР», в 1957 г. – совместный труд М.К.Мухарямова и Х.Г.Гимади «Советская Татария – детище Октября» [Мухарямов, 1955; Мухарямов и др., 1957]. В них освещался опыт реализации национальной политики большевиков, причем национально-государственное строительство в ТАССР авторы представляли как составную часть общего процесса развития советского многонационального социалистического государства.

Большое значение для своего времени имела и другая книга М.К.Мухарямова «Октябрь и национальный вопрос в Татарии», вышедшая в 1958 г. [Мухарямов, 1958]. Анализ многочисленных источников, введение в научный оборот новых материалов позволили автору представить объективную

картину национально-освободительного движения в крае, адекватно оценить деятельность татарских революционеров, их роль в октябрьских событиях, в защите социалистических завоеваний, конечно, с учетом существовавших тогда идеологических ограничений.

Представляют интерес работы И.М.Климова [Климов, 1957; Климов, 1960; Климов, 1962]. Автор, привлекая новые архивные документы, впервые обращается к изучению практики национально-государственного строительства в восстановительный период в ТАССР. Опираясь данными официальной статистики, И.М.Климов попытался показать практическое решение национальной проблемы в республике в период нэпа.

Новые веяния, связанные с периодом «оттепели», получили отражение в трудах историков Ш.Ш.Хафизова, Г.М.Хисамутдинова, М.Р.Булатова [Хисамутдинов, 1957; Хафизов, 1958; Хафизов, 1960; Булатов, 1963]. В дальнейшем высказанные ими положения были развиты в первых сводных трудах по истории Татарской республики – во втором томе «Истории ТАССР» и в первом издании «Очерков по истории партийной организации Татарии» [История ТАССР, 1960; Андрианов, 1962]. На следующих этапах развития историографии к изучению сложных вопросов национальной политики обратились И.Р.Тагиров, Р.И.Нафигов, Р.Г.Хайрутдинов и др.

Тесно связанными с вопросами национально-государственного строительства в республике являлись проблемы создания основ социалистической экономики. Изучение истории промышленности Татарии началось сразу же, как только была определена программа построения нового общества. Первые статьи республиканских ученых по истории промышленности публиковались в основном в журнале «Труд и хозяйство». Среди наиболее активно работавших следует назвать Д.П.Арцыбашева, И.Ф.Победоносцева, А.А.Афанасьева, В.М.Ермолаева и др. [Ситнов, 1923; Арцыбашев, 1925 а; Арцыбашев, 1925 б; Афанасьев, 1925; Ермолаев и др., 1926]. Они занимались исследованием практически всех промышленных отраслей Татарстана: кустарной, ремесленной, арендной, трестированной.

Определенное освещение в работах получили и вопросы электрификации, проведения национализации предприятий.

Неразрывно связанной с историей индустриализации являлась тема исследования рабочего движения в стране и в республике. Причем изучение данной темы не должно было ограничиваться только советским периодом. Согласно марксистско-ленинской установке, развитие революционного движения в России в XIX – начале XX вв. напрямую было связано с пробуждением самосознания пролетариата. Соответственно исключительно важно было показать социально-экономическое положение трудового народа, нарастание недовольства в его среде и, главное, закономерное участие рабочего класса в борьбе против своих угнетателей. Самые разнообразные материалы по наиболее острым и злободневным проблемам рабочего и профсоюзного движения печатались в журналах «Пролетарий Татарстана», «Социалистическое хозяйство Татарстана», «Революция и национальности».

Исследования научного характера, посвященные указанной теме, стали появляться в середине 1920-х – начале 1930-х гг. Среди них особенно выделялись работы Г.М.Залкинда, рассматривавшего становление горнозаводской промышленности в республике [Залкинд, 1930]; М.И.Борисова, активно занимавшегося историей рабочих организаций и профсоюзного движения [Борисов, 1923; Борисов, 1927; Борисов, 1930]; Е.И.Медведева, изучавшего проблемы формирования пролетариата в Татарии и зарождения республиканской промышленности [Медведев, 1930 а; Медведев, 1930 б; Медведев, 1931 а; Медведев, 1931 б], М.К.Корбута, анализировавшего вопросы рабочего законодательства [Корбут, 1925; Корбут, 1926; Корбут, 1927, Корбут, 1928].

В 1940-е гг. начинается изучение истории фабрик и заводов. Разработкой этих вопросов занимались А.С.Ключевич, Я.Винецкий, В.Никольский, Н.Соколов [Никольский и др., 1939; Кушаев, ред., 1940; Винецкий, 1947; Ключевич, 1950]. Авторы останавливаются на вопросах формирования казанского пролетариата, которому была уготована роль «гегемона революции», показывают участие рабочих в развитии революционных процес-

сов. В определенной степени данные работы должны были подготовить почву для создания специальных исследований по истории формирования советского рабочего класса.

Научная разработка истории развития промышленности и рабочего класса в ТАССР активизируется в 1950-х гг. В этот период были защищены кандидатские диссертации О.Н.Чесноковой, М.П.Постнова, Т.Г.Медведевой и др. [Постнов, 1952; Чеснокова, 1952; Медведева, 1953; Петрова, 1954; Тиунова, 1958]. Авторы перечисленных работ собрали значительный материал по избранным темам, сформулировали свои выводы и обобщения. По существу, они предприняли первую попытку систематического изложения исторического материала по проблеме социалистической индустриализации в Татарии за отдельные ее периоды. В этом их ценность и положительное значение для развития историографии.

Вместе с тем в этих работах нет всестороннего анализа проблемы в целом. К тому же общетеоретическая постановка проблемы индустриализации в те годы механически переносилась на регионы. Понятия «индустриализация СССР» и «индустриализация республик» были тождественны. Общие положения, концепции без учета местной специфики распространялись на отдельные республики. В публикациях того периода нашли отражение господствующие представления о закономерностях развития социалистического строительства и, прежде всего, первоочередного развития промышленности. Культ личности заглушал самостоятельное творческое мышление, исследования отличались описательностью, умозрительной констатацией фактов. Статистические данные рисовали вполне благополучную картину. Согласно опубликованным тогда материалам, в ТАССР из года в год увеличивались капиталовложения в связь, строительство, энергетику, отмечался значительный рост численности индустриальных рабочих и служащих. Сегодня достоверность этих данных вызывает сомнение.

Непосредственно к теме истории рабочего класса в республике примыкали проблемы исследования крестьянства, тем более в таком аграрном районе, как Поволжье, изучение данного вопроса было весьма

актуально⁵. Согласно выдвинутой основоположниками марксизма теории, главным союзником пролетариата в революционной борьбе против эксплуататоров должно было стать беднейшее крестьянство, потому историкам вменялось в обязанность создание трудов, демонстрирующих нерушимое единство такого союза, основанного на общих целях. Среди наиболее известных исследователей аграрной истории Татарстана следует назвать Н.Н.Фирсова [Фирсов, 1922]⁶ и Е.И.Чернышева [Чернышев, 1925; Чернышев, 1926].

С укреплением положения правящей партии перед историками советской формации были поставлены новые задачи. Важно было подвести под строительство нового социалистического государства теоретический фундамент. В сельском хозяйстве это было связано с доказательством необходимости проведения массовой коллективизации. «Успехи» в восстановлении и развитии аграрно-хозяйственного производства республики наиболее «убедительно» были показаны в работах В.Ермолаева, М.Хасанова [Ермолаев, 1925; Ермолаев, 1927; Хасанов, 1928]. Избирательное привлечение статистического материала позволило им обосновать вывод о развитии сельского хозяйства республики по восходящей, в отличие, например от позиции И.И.Штуцера или А.Б.Бергера, отвергавших идею форсированного кооперативно-колхозного и совхозного строительства в деревне, которые иначе, как «мелкобуржуазными» и «чаяновско-кондратьевскими» не назывались [Штуцер, 1924; Штуцер, 1926; Штуцер, 1927; Бергер, 1928].

Судьба историков, посмевших выступить против навязанной системой концептуальной линии, оказалась трагична — они были репрессированы. Однако партийные органы, не ограничившись лишь расправой над авторами крамольных трудов, а приложили максимум усилий к тому, чтобы развенчать и их идеи. С этой целью в 1931 г. был выпущен специальный сборник «Кондратьев-

щина в Татарии» [Винтайкин и др., 1931]. Авторы его — З.Винтайкин, Ф.Медведев, Г.Щеперин предприняли попытку экономически обосновать целесообразность сплошной коллективизации сельского хозяйства и попутно «разоблачить» взгляды «мелкобуржуазных авторов».

К концу 1920-х гг. дискуссии о путях развития аграрного сектора почти прекратились, в стране установилась «единственно верная» ленинская концепция. Соответственно в историографии темы в этот период появилось значительное количество работ, призванных доказать успешное осуществление марксистско-ленинской программы социалистического преобразования сельского хозяйства [Байраков 1926; Гусев, 1929; Паперный, 1929]. Историки акцентировали внимание, главным образом, на позитивных изменениях: показывали рост и укрепление колхозов и всей системы сельскохозяйственной кооперации, улучшение социального положения колхозников, лишь вскользь упоминая о недостатках.

В 1940-е гг. работ по аграрной проблематике выходило мало. В основном в них продолжалась популяризация «достижений» коллективизации [Савостин, сост., 1940; Ильин, 1947; Нефедов 1950]. Первые серьезные исследования по этой теме появились лишь в 1950-е гг., когда были подготовлены кандидатские диссертации Л.А.Ильиной, Л.И.Куликовой, Е.Г.Матвеевой и др. [Ильина, 1952; Куликова, 1953; Байрамов, 1954; Матвеева, 1955]. С 1954 г. началась публикация работ Е.И.Устюжанина, внесшего наибольший вклад в изучение аграрной истории в республике в эти годы [Устюжанин, 1954; Устюжанин, 1956; Устюжанин, 1957; Устюжанин, 1959]. В них автор приводит сведения о численности различных форм коллективных хозяйств, на основе архивных источников приходит к выводу о наличии в деревне колхозов уже в первой половине 1918 г., описывает историю их создания, приводит интересные факты и примеры. В последующих работах, а также в главах второго тома «Истории Татарской АССР» Е.И.Устюжанин развивает свои положения и последовательно, на большом фактическом материале отражает историю коллективизации республики, начиная с первых

⁵ Подробно об этом см.: [Залялов, 1978; Гибадуллина, 1993].

⁶ Кроме того, о творчестве Н.Н.Фирсова см.: [Зарипова, 1996].

совместных хозяйств до «полной и окончательной победы колхозного строя».

Более активно вопросами переустройства сельского хозяйства историки начинают заниматься после 1956 г. Помимо уже поставленных, в круг внимания ученых входят проблемы уровня производительных сил деревни, технической оснащенности села, принципы организации распределения общественных доходов, подготовка различных категорий сельхозспециалистов, помощь рабочего класса (двадцатипяти тысячников) в укреплении колхозного строя и т.д. [Вахитов, 1955; Вострокнутов, 1958; Дювбанов, 1958].

Еще одним пунктом социалистического строительства в новом обществе должна была стать культурная революция. Работа всех образовательных, научных, культурно-просветительных учреждений была подчинена единой цели – насаждению коммунистической идеологии. Инакомыслия в советском государстве не допускалось. Задача воспитания человека нового общества стояла в числе приоритетных, а на ее решение была брошена не только мощь аппарата правящей партии, но и вся сила государства. Именно этим объясняется то, что в 1920–1930-е гг. появилось большое количество работ, посвященных изучению роли образовательных учреждений, складыванию единой системы обучения в государстве. Причем круг поднимаемых в них вопросов был весьма широк: от участия учителей в ликвидации неграмотности и попыток реформирования системы образования до различных форм привлечения «старых» буржуазных специалистов⁷.

Сравнительно широко в исторической литературе этого периода освещалась и проблема становления высшей школы. Перед вузами были выдвинуты две основные задачи: открытие широкого доступа для рабоче-крестьянской молодежи и привлечение в высшую школу новых кадров преподавателей, способных выполнить поставленные перед ними государственной системой задачи. Первые сообщения о развитии советской высшей школы в ре-

спублике появились в годы Гражданской войны и представляли собой небольшие газетные информации в форме объявлений об открытии курсов по подготовке в высшие учебные заведения или об организации рабфаков [Знамя революции, 1919, 1 ноября; Фирсов, 1922; Корбут, ред., 1924; На путях к высшей школе. 8 лет работы (1919–1927), 1927]. Авторами публикаций чаще всего являлись сами преподаватели, студенты рабфаков. Во многом поэтому их статьи несли на себе печать личных воспоминаний и представлений. Но были работы и другого плана, например статьи М.К.Корбута, А.Диковицкого, И.Вихирева, постановка вопросов в которых: о роли и значении рабфаков в жизнедеятельности вузов, истории внедрения «социалистического сознания» в стены университетов – позволяют отнести их к ряду исследовательских [Вихирев, 1922; Корбут, 1924; Диковицкий, 1927].

В начале 1930-х гг. появляется также ряд работ, в которых детально освещалась история республиканских высших учебных заведений. Особое место среди них занимает капитальная двухтомная монография М.К.Корбута «Казанский государственный университет им. В.И.Ульянова-Ленина за 125 лет» [Корбут, 1930]. Работы, посвященные изучению деятельности других высших учебных заведений Казани, гораздо менее масштабны. По ним мы можем сегодня составить представление о деятельности вузов в первые годы их существования, контингенте, учебных планах и программах. Здесь следует отметить статьи М.Бречкевича о Северо-Восточном археологическом и этнографическом институте и Б.Вишневого о Восточной Академии [Бречкевич, 1919; Вишневский, 1921].

В 1950-е гг. появились первые обобщающие исследования по истории образования в республике. Среди них следует отметить монографию Ю.А.Туишева «Развитие народного образования в Татарской АССР» и появившуюся несколько позднее брошюру В.М.Горохова и Б.П.Рождественского с аналогичным названием [Туишев, 1950; Горохов и др., 1958]. Проблемы образования поднимались и в других работах. Они касались истории развития общественного

⁷ Подробно об этом см: [Гарипова, 1978; Семенихина, 1987; Галеева, 1994].

дошкольного воспитания, введения всеобщего семилетнего образования, перспектив развития татарской школы и т.д. [Азовский, 1958; Корнеева, 1958; Ширкевич, 1958; Махмутов, 1959].

В 1940–1950-е гг. публиковались статьи и по истории науки в республике. Разумеется, они были весьма слабы в исследовательском плане, многие написаны к юбилеям, но даже постановка этих вопросов в историографии уже имела важное значение. А.Е.Арбузов, Б.М.Гагаев, Н.Н.Лозанов, Г.С.Салехов, Г.А.Палкин, Н.В.Соколов рассматривали становление и развитие казанских школ математиков, химиков, отоларингологов, хирургов, зоотехников и т.д. [Арбузов, 1941; Гагаев, 1946; Лозанов, 1946; Салехов, 1948; Палкин, 1952; Соколов, 1957].

Из других вопросов культурного развития республики специалистов интересовали темы, посвященные изучению творчества писателей и художников. Весьма продуктивными для публикаций в области литературы и искусства оказались 1920–1930-е гг. Огромный поток самых разных изданий вылился в этот период на читателей. Социальный излом общества в октябре 1917 г., предшествовавшие и последовавшие за ним события явились толчком к возникновению, возрождению, упрочению или, наоборот, отмиранию определенных тенденций и направлений в литературе и искусстве [Ибрагимов, 1924; Нигмати, 1925; Сагди, 1926; Тулумбайский, 1926; Саади, 1928; Наджми, сост., 1930].

В 1940–1950-е гг. ситуация кардинальным образом переменилась. Установившийся в советской культуре социалистический реализм сделал невозможными малейшие проявления идеологического плюрализма. В этот период большое значение придавалось выявлению влияния традиций русской литературы на развитие национальной художественной культуры и формированию и развитию на этой основе новой советской литературы. Авторы многих работ особо отмечали преемственность в развитии многонациональной советской литературы, которая творчески восприняла опыт А.Пушкина, М.Лермонтова, М.Горького в художественной прозе и драматургии, В.Маяковского

и Д.Бедного – в поэзии. Публикуемые в этот период издания носили достаточно узкий характер. В статьях А.Глебова, Х.Хайри, Г.Кашшафа, М.Гайнутдинова изучалось творчество татарских писателей Ш.Камала, Г.Тукая, Х.Такташа и др. [Кашшаф, 1941; Гайнутдинов, 1944; Глебов, 1950; Агишев, 1954; Хайри, 1954]. Крупных исследований, анализирующих творчество литераторов Татари, не было.

Исследованием художественного наследия республики в значительной степени занимался П.М.Дульский. Один из организаторов и первый руководитель Союза художников республики, он считается основоположником советского искусствоведения в Татарстане. В своих трудах он прослеживает историю развития изобразительного искусства в крае, в том числе становление и развитие татарского народного творчества [Дульский, 1925; Дульский, 1929 а; Дульский, 1929 б; Дульский, 1930; Дульский, 1931; Дульский, 1945; Дульский, 1946]. Являясь патриотом своего края, П.М.Дульский отдавал должное мастерству местных художников. В своих работах он неоднократно подчеркивал, что, несмотря на привлечение к проектированию некоторых предприятий Казани столичных сил (Гинзбурга, Голосова, Гурьев-Гурьевича), общий расцвет художественной культуры Татари в годы Советской власти определяли яркие творческие индивидуальности самобытных мастеров живописи, скульптуры и архитектуры, живущие в самой республике.

Изучением состояния архитектурных зданий и сооружений древнего зодчества в республике занимались также П.Корнилов, В.В.Егоров, Н.Ф.Калинин, М.Г.Худяков [Дульский, 1920; Худяков 1920; Калинин, 1926; Егоров, 1927; Калинин, 1927; Адо, 1927; Корнилов, 1927]. Затрагивались в республиканской историографии и вопросы развития театрального и музыкального творчества. В 1917–1920-е гг., несмотря на гражданскую войну, голод и разруху, газеты печатали заметки об образовании и деятельности народных театров, открытии Центральной восточной музыкальной школы в Казани, обслуживании работниками искусств рабочих, сельского населения,

красноармейцев [Знамя революции, 1919, 5, 6, 21 ноября; 2, 17 декабря; Линцер, 1925; Полянский, 1930]. Однако эти публикации носили больше информативный характер и не ставили перед собой задачи изучения процесса развития народного творчества.

Появление первых исследовательских работ по развитию театральной и музыкальной культуры в республике относится к 1930-м гг. В связи с постановкой второй татарской оперы.⁸ «Эшче» Г.Поляновский написал заметку, в которой приветствовалась революционная настроенность нового музыкального произведения. Но работ, анализирующих процессы становления и развития системы художественного образования, приемов и методов передачи накопленных в этой сфере знаний, создания творческой атмосферы в коллективах, формирования художественного мировоззрения и восприятия, еще не было.

В 1954 г. в Москве была защищена первая, обобщающая уже имеющийся в распоряжении ученых материал, диссертация Р.Ф.Усмановой по истории татарского театра [Усманова, 1954]. Используя данные периодической печати, материалы из экспозиций музеев, архивные источники, автор попыталась охарактеризовать основные этапы деятельности национального театра. Вывод, к которому приходит Р.Ф.Усманова, заключался в утверждении, что советская театральная политика изначально составляла необходимое звено в программе национально-государственного строительства в Татарстане и являлась неотъемлемым элементом проводимой в целом по стране культурной революции.

Культурно-просветительные учреждения также стали предметом рассмотрения историков, правда, такого рода работ совсем немного. В большей степени анализируется деятельность музеев и библиотек по подъему культурного уровня населения. Этими вопросами интересовались Е.Г.Бушканец, В.М.Дьяконов, М.А.Елизарова, М.К.Андреев, А.К.Каримуллин [Андреев, 1951; Буш-

канец, 1953; Каримуллин, 1954; Дьяконов, 1955; Елизарова, 1958]. Их работы носят в основном аннотационный характер. В них нет анализа сложных проблем. Авторы ограничиваются констатацией «длительной, трудной, но успешной работы культурных учреждений по просвещению и воспитанию широких слоев населения».

Особняком в историографии истории XX в. стоит тема Великой Отечественной войны. Первые попытки ее изучения предпринимались еще до завершения военных действий, но их нельзя назвать в чистом виде историческими работами, так как это в основном очерки, статьи, рассказы о подвигах советских людей на фронте и в тылу [Анисимов, 1941; Бурджалов, 1942; Куфаев, 1942; Пospelов, 1942]. Профессиональное изучение истории Великой Отечественной войны и участия в ней народов Советского Татарстана началось позднее. Вместе с тем, во многом материалы, собранные именно в годы войны, позволили создать первые общие работы о вкладе трудящихся ТАССР в Победу.

Региональная историография Великой Отечественной войны в 1950-е гг. в основном была представлена диссертационными работами, в которых рассматривались различные проблемы истории Татарстана военного периода [Калишенко, 1950; Люшин, 1952; Гайфуллин, 1954; Половникова, 1954]. Особенно много публикаций было посвящено боевым подвигам наших земляков в боях против немецко-фашистских захватчиков [Абсалямов, 1946; Ишмуратов, сост., 1946; Мударрис, 1946; Книга Героев, 1946]. В этих работах отражено участие уроженцев республики в разгроме фашистских войск под Москвой, Сталинградом, на Курской дуге, в обороне Ленинграда, в операциях по освобождению других стран и народов, показано значение военно-патриотических традиций татарского народа и их роль в мобилизации внутренних сил бойцов во время сражений.

XX съезд КПСС открыл новый этап в исследовании проблем военной истории в целом и тыловых аспектов темы в частности. Развитие демократических тенденций в обществе, преодоление последствий культа личности в сфере идеологии улучшили условия работы обществоведов. Важную

⁸ Первой татарской оперой является «Сания», поставленная в 1925 г. (В дни празднования 5-летия ТАССР). Ее авторы: Султан Габяши, Василий Виноградов, Газиз Альмухаметов.

роль в активизации исследований военной тематики сыграло Постановление ЦК КПСС от 12 сентября 1957 г. о разработке «подлинно научной истории Великой Отечественной войны» [Правда, 1957, 29 сентября]. В итоге в 1960–1965 гг. была подготовлена и издана 6-томная «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945» [Поспелов, ред., 1960–1965], характеризовавшаяся обилием фактического материала и аналитическим подходом к его изучению. Повышение общетеоретического уровня обобщающих работ привело к появлению серьезных научных монографических исследований А.В.Митрофановой, Ю.В.Арутюняна, Г.А.Куманева, У.Г.Чернявского, Я.Е.Чадаева, В.Т.Анискова и др., в которых рассматривались новые аспекты истории советского общества военных лет [Митрофанова, 1960; Арутюнян, 1963; Куманев, 1963; Чернявский, 1964; Чадаев, 1965; Анисков, 1966].

Значительный толчок в своем развитии получила на этом этапе и региональная историография. Социально-экономические и идеологические проблемы тылового Татарстана военного времени стали предметом исследования в диссертациях З.А.Ахметшина, Г.Л.Вовченко, М.З.Зарецкого, Л.И.Ханина, З.И.Гильманова. Некоторые из этих работ впоследствии были опубликованы в виде монографий [Ахметшин, 1961; Гильманов, 1963; Зарецкий, 1963; Ханин, 1966; Гильманов и др., 1967]. В работах этих лет неизменной доминантой звучал вывод о том, что Победа над фашизмом была достигнута, прежде всего, благодаря плановой советской экономике и самоотверженности граждан «первого в мире социалистического государства», то есть приоритетным для историков представлялся характер государственного строя, а не человеческий фактор.

Наблюдавшиеся в 1960-е – 1970-е гг. «застойные» явления в полной мере отразились и на исторической науке: несмотря на демагогические лозунги, призывавшие способствовать развитию общественных наук, создавая условия для деятельности ученых, усилился идеологический диктат. Была скорректирована и устоявшаяся государственная концепция истории Великой Отечественной войны, правда, как отмечает В.М. Кулиш, «она мало чем отличалась от прежней, раз-

ве только тем, что имена Сталина и его приближенных назывались реже, а дифирамбов в честь народа стало больше» [Кулиш, 1996]. «Обновленная» концепция стала базовой при создании фундаментальных трудов: 12-томной «Истории Второй мировой войны», отдельных томов капитальной истории СССР, истории КПСС, посвященных военным годам [Минасян, ред., 1965; История КПСС, 1970; Минасян, 1970; Гречко, ред., 1973–1982; История СССР с древнейших времен до наших дней, 1973; Советский тыл в Великой Отечественной войне, 1974].

В 1970–1980-е гг. историография Великой Отечественной войны пополнилась содержательными монографическими работами, в которых нашли отражение вопросы деятельности советского партийно-государственного аппарата, различные аспекты экономической, социальной, культурной жизни страны в военный период [Кравченко, 1970; Митрофанова, 1971; Анисков, 1975; Деборин и др., 1975; Сеницын, 1975; Куманев, 1976; Колесник, 1982; Кондакова, 1982]. В региональной историографии, наряду с разрабатывавшимися ранее темами, был обозначен новый круг вопросов: особенности развития татарской фронтовой печати, состояние госпитальных учреждений, деятельность профсоюзов в ТАССР, военное обучение населения и т.д. [Худякова, 1970; Цирков, 1970; Шаронов, 1970; Айнутдинов, 1971; Храмков, 1974; Гринев, 1978; Карманов, 1978; Ибрагимов, 1979; Пьянов, 1979; Ванчинов, 1980; Мачнев, 1981].

Серьезная работа ученых по изучению истории Татарстана военного времени, накопленный ими за долгие годы обширный фактический материал подготовили почву для создания итоговых трудов по теме. В 1977 г. З.И.Гильмановым была опубликована первая обобщающая монография по истории республики в 1941–1945 гг. [Гильманов, 1977; Гильманов, 1981]. В ней последовательно раскрывается организаторская и идеологическая деятельность государственных и партийных органов республики по перестройке всех областей народного хозяйства на военный лад, характеризуется вклад Татарстана и его жителей в Победу. Несмотря на известные ограничения, связанные с политическими условиями советской эпохи, в раскрытии

некоторых сюжетов, наблюдения и выводы автора и сегодня весьма ценны для исследователей.

После выхода книги З.И.Гильманова деятельность ученых в республике активизировалась. Главными научными центрами по изучению истории Великой Отечественной войны в ТАССР являлись Казанский государственный университет и Институт языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова Казанского филиала АН СССР (с 1997 г. – Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ). Республиканская историография военных лет обогатилась в эти годы новыми диссертационными исследованиями. В них изучались феномен дружбы народов как фактор достижения Победы [Бузяков, 1987], проблемы отражения военной истории на страницах периодической печати [Хайрутдинов, 1989], историография вклада трудящихся Поволжья в разгром фашизма [Храмкова, 1987]; деятельность творческой интеллигенции Татарстана в годы войны [Мазитова, 1990]; роль женщин в различных сферах жизни республики в военное лихолетье [Асылгараева, 1991]. Масса литературы выходила о боевых подвигах татарстанцев [Айнутдинов и др., сост., 1986]. В 1981 г. увидела свет обобщающая монография З.И.Гильманова «Трудящиеся Татарии на фронтах Великой Отечественной войны» [Гильманов, 1981], в которой автор проследил героический путь татарстанцев во всех наиболее значительных военных операциях.

Характеризуя послевоенный период развития исторических исследований по истории татар и Татарстана, следует отметить, что, во-первых, жесткие идеологические рамки существенно ограничивали возможное проблемное поле для исследований, а во-вторых, работы региональных историков вписывались в общепринятую схему российской историографии, в которой послевоенные десятилетия в целом интерпретировались как торжество «ленинской политики» в экономической, социальной, культурной жизни республики.

Комплексное изложение истории Татарской АССР было выполнено в трех обобщающих трудах. Первый из них – 2-й том

«Истории Татарской АССР» был опубликован в 1956 г. [Гимади и др., ред., 1956]. Он был создан в основном силами историков ИЯЛИ Х.Г.Гимади, Х.Х.Хасановым, М.К.Мухарьямовым, И.М.Климовым, А.А.Тарасовым, Е.И.Устюжаниным, Г.М.Хисамудиновым, Г.А.Плотниковой. Во вступительной части к тому было отмечено, что его следует рассматривать как материал для обсуждения. Такая оговорка, очевидно, была вызвана сменой политической ситуации в момент выхода книги, которая в содержании тома не нашла существенного отражения, за исключением того, что имя И.В.Сталина в нем не упоминалось. В IX и X главах книги, освещающих послевоенное десятилетие, на основе материалов текущих архивов различных учреждений, а также широкого использования материалов прессы, большое место уделялось общесоюзному положению, международной ситуации, планам на четвертую и пятую пятилетки. При рассмотрении состояния промышленности и города говорилось об успехах, достигнутых в основном в нефтяной отрасли, жилищном строительстве. При этом главное внимание уделялось раскрытию трудового энтузиазма, рассказывалось о передовиках производства. Аграрная сфера раскрывалась отдельными примерами успешных колхозов. Из негативных явлений была названа засуха 1946 г., как главный фактор того, что сельское хозяйство не сумело преодолеть трудности военного времени. Что касается освещения культурного развития, то здесь главный упор был сделан на положительную динамику в системе образования, появление новых произведений в литературе и различных отраслях искусства, воспевавших советскую действительность.

Следующий обобщающий труд по истории Татарской АССР вышел в 1968 г. [Мухарьямов, ред., 1968]. Последние четыре главы ее посвящены рассматриваемому в данной работе периоду. В XX главе, написанной И.А.Георгиевской, всесторонне рассматривается послевоенная пятилетка. В ней больше, чем в предыдущем коллективном труде, отражены негативные моменты в экономическом развитии, объяснявшиеся как послевоенными трудностями. В особенности

это касается аграрной отрасли, вместе с тем большое место, так же как и в издании середины 1950-х гг., отводилось успехам передовых хозяйств. Достаточно откровенно освещено отсталое положение сельского хозяйства в плане электрификации. Что касается промышленности, то здесь, наоборот, много говорится о борьбе за технический прогресс, рассказывается об успехах в движении рационализаторства. По-прежнему, как и в предыдущем издании, значительное внимание уделено развитию нефтяной промышленности, которая в период написания книги достигла уникальных результатов. Нашли отражение также и успехи республики в отраслях производства товаров народного потребления. Определенное внимание уделено и аграрной отрасли, хотя в основном рассказывается о постановлении сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС при слабом отражении его связи с положением в республике. Также в позитивистском духе говорится о трудовом энтузиазме рабочих и колхозников в период послевоенной семилетки, названной периодом строительства коммунизма. При рассмотрении развития культуры освещены только достижения, лишь вскользь декларативно говорится о нарушениях демократии в послевоенные годы и совсем отсутствует контекст «оттепели». Все же, если сравнить данное издание с другими подобными, то можно констатировать, что данный труд носит наиболее фундаментальный характер. Это связано в том числе и с тем, что вышедшая через 10 лет после этого (в 1980 г.) коллективная монография «История Татарской АССР» фактически повторяла содержание предыдущего издания, не внося ничего существенно нового в развитие исторической науки и исследование проблем истории татар и Татарстана.

Таковую же идеологическую безупречность имели работы обобщающего характера, вышедшие в преддверии юбилейных дат: 50-, 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции, 100-летия со дня рождения Ленина, 40-, 50-, 60-летия со дня образования ТАССР. О содержании этих книг прямо говорят их названия: «Татария на пути к коммунизму», «Под солнцем Октября», «Торжество ленинской национальной

политики в Татарии» и т.п. [Мухарьямов, ред., 1965; Мухарьямов, ред., 1968; Беляев, Муллаянов, сост., Сабирзянов, ред., 1980; Зиганшин, ред., 1980]. История Татарской АССР в них в соответствии с официальными императивами выстраивалась как цепь непрерывных побед и завоеваний народов СССР.

Всестороннее освещение социально-экономической и общественно-политической и культурной жизни республики представлено в монографиях по истории областной коммунистической организации [Лифшиц и др., 1962; Лифшиц и др., 1973]. Помимо этих коллективных работ, ряд авторских исследований 1960–1980-х гг. также внесли заметный вклад в изучение различных аспектов истории татар и Татарстана в XX в. Важной вехой в исследовании участия татар и других народов края в национально-освободительной и революционной борьбе стали работы И.Р.Тагирова, впервые так масштабно и достаточно объективно для своего времени показавшего роль национального фактора в смене власти в стране [Тагиров, 1977 а, Тагиров, 1977 б]. Также интерес представляют книги П.В.Абрамова, А.И.Зайцева, А.Ф.Середы, Ф.Г.Газизова, В.Н.Старикова [Серета, 1950; Газизов, 1956; Зайцев, 1957; Абрамов, 1960; Абрамов, 1967; Стариков, 1967; Абрамов и др., 1970], содержащие множество статистических таблиц по экономике, демографии, занятости, образованию населения и другим вопросам, материалы которых могут быть ценны и для вторичного анализа с современных позиций. Наиболее активно в этот период продолжали разрабатываться проблемы социально-экономической истории Среднего Поволжья в целом и Татарии в частности. Так, наиболее обстоятельный труд по послевоенной истории промышленности представляет монография В.Б.Токарева «Партийное руководство развитием промышленности автономных республик Среднего Поволжья» [Токарев, 1963]. Ценным в ней является сравнительный подход в индустриальном развитии поволжских автономных республик. Заметный вклад в изучение истории промышленного развития республики внесли У.Б.Белялов, Г.Л.Горник, Т.К.Сагитов,

Ш.М.Валеев, Н.С.Пушкарев и др. [Меньшиков, 1956; Валеев и др., 1975; Белялов и др., 1976; Воронин и др., 1980; Белялов, 1982; Гильманов и др., ред., 1984]. Среди работ, основанных на глубоком анализе данных текущих архивов статистических органов, предприятий, необходимо выделить работы экономиста К.И.Азизова и коллективные труды, выполненные под его руководством, в которых не только детально изучено состояние и динамика основных показателей экономического развития республики, но и показаны многие негативные факторы в индустриальном развитии, что для этого периода развития историографии было не вполне характерно [Азизов, 1973; Азизов, 1977; Азизов, 1979; Азизов, ред., 1983]. В конце 1960-х гг. скрупулезный анализ структуры и специализации промышленности республики провела Средневолжская экспедиция географического факультета Московского университета, отметившая транзитный характер большинства отраслей республики и неразвитость производственных связей между ними [Ковальская, ред., 1969]. Огромный вклад в освещение истории нефтяной промышленности Татарстана и страны внес С.Л.Князев, перу которого принадлежат три монографии. В них наряду с анализом огромного арсенала уникальных документов содержатся и его личные воспоминания как человека, чья трудовая карьера была связана с отраслью [Князев, 1981; Князев, 1984; Князев, 1990].

Итоговый характер по промышленной истории и истории рабочего класса республики в советский период, а также по историографии проблемы имеет коллективная монография «Рабочий класс Татарии». История развития промышленности находит свое отражение и во втором томе «Истории Казани», вышедшей уже в годы перестройки [Гильманов и др., ред., 1991]. В ней уже нет обязательных для советской исторической литературы политических клише, но формулировки узловых моментов носят все еще советский стиль. К примеру, большое место уделяется вопросу о «творческом отношении» к труду, трудовом энтузиазме, росте коммунистического сознания как важных маркерах социалистического

промышленного производства, но совершенно не затрагивается вопрос о серьезных тревожных тенденциях в его развитии. Вместе с тем, смелее, хотя и фрагментарно показываются негативные явления, характеризовавшие развитие городской инфраструктуры.

История аграрного развития и крестьянства Татарстана в 1960–1980-е гг. представлена трудами Е.Г.Матвеевой, З.С.Пуцковой, А.Р.Шайдуллина, М.И.Куркина, В.В.Кузьмина [Шайдуллин и др., 1960; Кузьмин, 1975; Матвеева, 1980; Пуцкова, 1973]. Наиболее значимым достижением республиканской литературы по аграрной тематике является коллективная монография «Ленинский кооперативный план и его осуществление в Татарии», в которой были проанализированы все созданные на тот момент работы по аграрной истории республики [Дювбанов и др., 1970]. Итоги ее изучения в советский период были освещены в совместном докладе ведущих ученых республики на XXI сессии Всесоюзного аграрного симпозиума, состоявшейся в 1986 г. в Казани [Абдуллин и др., 1986]. Наиболее адекватное и глубокое отражение аграрная сфера республики нашла в трудах известного в республике экономиста-аграрника М.И.Куркина и других ученых-экономистов [Куркин, 1956; Куркин, 1968; Куркин, ред., 1968; Куркин и др., 1969; Куркин, 1986].

Хотя и не так активно в этот период было продолжено исследование социокультурного развития, национальных отношений в Советской Татарии. Эти вопросы нашли наибольшее отражение в научной литературе, посвященной развитию отдельных отраслей культуры [Валеев, 1975; Гафуров и др., 1977; Айдаров, 1978; Илялова, 1986]. Вопросы реализации национальной политики, ее отражение в духовной жизни республики освещены в работах М.М.Мусина, М.К.Мухарямова [Мухарямов, 1955; Мусин, 1964].

Параллельно с советской историографией история ТАССР освещалась и в зарубежных изданиях. Среди них наиболее обстоятельный труд был создан Т.Давлетшиным «Советский Татарстан: теория и практика ленинской национальной политики». Опубликованная в 1974 г. в Лондоне книга,

по признанию научной общественности, не имела в то время аналогов по глубине раскрытия советской истории Татарстана. В ней на основе доступных автору материалов периодической печати и опубликованных статистических данных рассмотрены вопросы развития национальной культуры и образования до начала 1970-х гг. Свободная от идеологических рамок позиция автора позволила ему воссоздать адекватную картину истории Советской Татарии и татарского народа, хотя и во многом имеющую фрагментарный характер в силу недостаточной репрезентативности источниковой основы исследования.

В 1990-е гг. с распадом Советского Союза и развитием суверенизации регионов, наряду с крахом коммунистической идеологии произошло коренное изменение историографической ситуации. Исследователями с этого времени все больше проявляется плюралистичность подходов, разнообразие применяемых методов и тематики, и что особенно важно, заметно усиливается регионализация исследований. Со снятием идеологических барьеров в условиях так называемой «архивной революции» исследования отечественных ученых становились все более объективными и разносторонними, осваивая новые исследовательские направления или переосмысливая старые с учетом ставших доступными ранее засекреченных документов. Все это не могло не отразиться и на изучении истории татар и Татарстана в XX–XXI вв.

Развитие общественно-политической активности в Казани и Казанской губернии, формирование и деятельность политических организаций – от либеральных до монархических – исследовано в трудах И.Е.Алексеева, Л.М.Айнутдиновой и др. [Алексеев, 2001; Айнутдинова, 2003]. Из новейших работ по истории татарского политического движения, наиболее полно и объективно рассматривающих степень участия буржуазии в социальных процессах, является монография Д.М.Усмановой. Исследование, проведенное с привлечением большого корпуса источников, представляет новые факты, характеризующие активную роль мусульманских интеллектуалов и предпринимателей в соз-

дании первой политической партии «Итти-фак аль-муслимин», формировании мусульманских фракций Государственной думы, защите духовных, культурных и экономических прав единоверцев [Усманова, 2005]. В исследовании Л.А.Ямаевой, посвященном либеральному общественно-политическому движению мусульман, предпринимательство Уфимской губернии, хотя и признается социальной базой мусульманского либерализма, но при этом указывается на достаточно узкий спектр его общественно-политической деятельности [Ямаева, 2003].

Важное значение имеют также труды специалистов, посвященные анализу правовых, социально-экономических и политических условий реформаторского процесса в татарском обществе, изучению общественной ситуации, способствовавшей консолидации татарской нации, формированию ее идеологии, развитию новых гражданских институтов [Мәһдиев, 1989; Загидуллин, 1992; Литвин, 1993; Султанбеков, 1994; Он же, 1995; Гилязов, 1995; Тагиров и др., 1995; Вәлиев, 1996; Исхаков, 1997 г; Михайлова и др., 1997; Фахрутдинов, 1998; Гаффарова, 2001; Ногманов, 2002; Волхонский, 2003; Махмутова, 2003; Юсупов, 2003; Хабутдинов, 2004; Амирханов, 2005; Мухаметшин и др., 2005; Сенюткина, 2005; Әмирханов, 2005].

В 1990–2000-е гг. вышел ряд работ, по-новому освещающих историю Советской Татарии и современного Татарстана и его народов. Благодаря новым веяниям стало возможным и более объективное изучение вопросов политической истории, в ряде работ раскрываются различные аспекты политического развития Республики Татарстан на современном этапе. Заслуживают внимания труды К.С.Идиатуллиной и Б.Ф.Султанбекова, раскрывающие проблему эволюции политической элиты, властных структур республики. Неподдельный интерес к ним привлекает характеристика деятельности первых секретарей республики советского времени – З.И.Муратова, С.Д.Игнатьева, Ф.А.Табеева, Р.М.Мусина, М.Ш.Шаймиева, а также видных политических и общественных деятелей республики – С.Г.Батыева, К.Ф.Фасеева, М.Х.Хасанова, И.Р.Тагирова [Идиатуллина, 1997; Султанбеков, 2003].

Принципиально новая обстановка, сложившаяся в стране в 1991 г. в результате развала СССР, крушения монополии КПСС и рассекречивания архивов, создала условия для реализации новых направлений исследования в области участия татар и других народов Татарстана в Великой Отечественной войне. Среди вышедших в этот период фундаментальных трудов особо следует отметить 4-томную историю Великой Отечественной войны, выделяющуюся среди остальных работ наиболее беспристрастным отражением картины минувшего [Великая Отечественная, 1998–1999].

В Татарстане новые подходы в отражении военной проблематики в 1990-е гг. первоначально проявились в общих работах. Так, важные вопросы, касавшиеся проблем военного лихолетья, были подняты в монографии И.Р.Тагирова. В очерках о социально-экономическом и культурном развитии Татарстана автор дает объективную картину материально-бытовых условий жизнедеятельности населения республики, показал взаимосвязь фронта и тыла, отразил не только позитивные, но и негативные страницы военной истории, выделил национальные аспекты рассматриваемых сюжетов [Тагиров, 1999]. Сегодня в изучении истории войны для исследователей в большей мере характерны многомерный подход, плюрализм мнений, расширение методов исследования. Среди историков актуализировались исследования, направленные на выявление человеческого фактора в рамках демографии, психологии, истории повседневности. Наиболее заметный вклад в изучение этих вопросов внесли А.Ш.Кабилова, Е.Г.Кривоножкина и др. Так, А.Ш.Кабилова долгое время изучает проблемы военных лет, связанные с анализом положения различных категорий населения, состояния социальной сферы, отражением массовых настроений граждан в республике, ужесточением производственных отношений и др. [Кабилова 2005; Кабилова, 2011]. Е.Г.Кривоножкина детально проанализировала положение сельского населения ТАССР в военные годы, рассмотрев в комплексе демографические процессы, показав на новых источниках эволюцию поведенческих установок жителей республики

в чрезвычайных условиях, определив место и роль религии и оценив состояние здоровья сельчан [Кривоножкина, 2001; Кривоножкина, 2011]. Вслед за Е.Г.Кривоножиной В.Т.Сакаев в своем диссертационном исследовании изучил демографическое развитие городского населения ТАССР в годы войны, закрыв существовавший до этого времени историографический пробел [Сакаев, 2008].

Сегодня также активно разрабатывается и фронтовая проблематика. В этом отношении, прежде всего, необходимо отметить огромную работу коллектива редакции «Книга памяти» во главе с А.А.Ивановым, сотрудиниками которой был подготовлен фундаментальный труд «Память», увековечивший имена всех погибших на фронтах войны солдат и офицеров – уроженцев Татарстана и призванных военкоматами республики [Память, 1993–2010]. Это позволило уточнить основные сведения, касавшиеся участия татар и татарстанцев в вооруженной борьбе с фашизмом, заставило оценить в новом свете вклад республики в Победу. В 1998 г. А.А.Иванов представил основные положения своих исследований в виде монографии «Боевые потери народов Татарстана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», а затем в виде диссертации [Иванов, 1998; Иванов, 2001]. Эту работу дополняет деятельность поисковых организаций республики, подготовивших трехтомное издание «Имена из солдатских медальонов», в котором собраны сведения о 6410 военнослужащих, погибших на фронтах Великой Отечественной войны, имена которых были установлены поисковыми организациями в ходе проведения экспедиционных работ [Коноплев и др., сост., 2005–2008]. Заметно отличаются от всех других работ по военной теме исследования И.А. Гилязова, раскрывающие природу и истоки такого явления, как коллаборационизм [Гилязов, 1998; Гилязов, 1999; Гилязов, 2005].

В целом, исследование истории Великой Отечественной войны и участие татар и других народов Татарстана в ней по-прежнему остается одним из важных направлений исследований.

Целый ряд вопросов, связанных с историей татарского народа и других народов Татарстана в XX – начале XXI вв. рассмотрен

в фундаментальных исследованиях академика АН РТ И.Р.Тагирова «Очерки истории Татарстана и татарского народа (XX век)» и «История национальной государственности татарского народа и Татарстана» [Тагиров, 1999; Тагиров, 2000; Тагиров, 2005; Тагиров, 2008 б]. В центре внимания автора – история государственности татар и Татарстана, поэтому в этих работах значительное место отводится главам, посвященным образованию Татарской АССР, а также периоду перестройки и получения Татарстаном суверенного статуса. В работах И.Р.Тагирова вопросы развития Республики Татарстан на рубеже 1980-х–1990-х гг. рассматриваются с позиции непосредственного участника событий тех лет и переговорного процесса с Российской Федерацией, рассматривается роль Декларации о государственном суверенитете ТССР 1990 г. и Договора 1994 г. «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» в развитии политического взаимодействия Татарстана и Российской Федерации, строительства федеративных отношений на принципах договорной федерации.

Важной вехой в изучении истории татар и Татарстана стало издание на английском языке коллективной монографии по истории и культуре татарского народа с древнейших времен до наших дней – «Татарская история и цивилизация» [Tatar history and civilization, 2010]. Этот фундаментальный труд был подготовлен учеными Татарстана под руководством Р.С.Хакимова и М.А.Усманова, переведен на английский язык и издан благодаря усилиям Центра исследования исламской истории, искусства и культуры. В этом издании комплексно рассмотрены многие вопросы истории татар – от проблем джидизма и религиозного реформаторства начала XX в. до формирования этнокультурной и политической нации, образования государственности. Кроме того, в динамике показаны основные вехи развития татарского языка, литературы, образования, науки и искусства. Этот коллективный труд внес заметный вклад в ознакомление мирового сообщества с историей и культурой татар-

ского народа и стимулировал дальнейшие изыскания в этом направлении.

Примером обстоятельного и детального анализа многих компонентов этнополитического развития Республики Татарстан являются исследовательские проекты, реализованные под руководством Л.М.Дробижевой. Опираясь на междисциплинарный подход, автор исследовала феномен культурной дистанции и этнических границ на эмпирическом уровне, через призму этнической особенности социальное-профессиональной деятельности, идеологических ориентаций, представлений о нормативных ценностях. Идеология национального самосознания, этнополитическая идентичность людей, проблема соотношения демократии и национализма рассмотрены ею в контексте с политическими и социально-экономическими изменениями, а также историческими особенностями жизни народов в Татарстане, Туве, Северной Осетии и Саха (Якутии) [Дробижева, ред., 1996; Дробижева, ред., 2000; Дробижева и др., ред., 2007].

Следует отметить наличие целого ряда работ, посвященных анализу различных способов и направлений реализации политического участия населения республики в общественно-политических движениях, организациях, избирательных кампаниях и т.д. В работах Р.М.Гибадуллина, Р.З.Юлдашева, Д.М.Исхакова имеется содержательный материал о развитии татарского национального движения и его роли в общественно-политической жизни республики и татарского народа [Исхаков, 1991; Гибадуллин, 1998; Юлдашев, 1998]. О.В.Красильникова, М.В.Кильдеев, В.В.Немировский, А.С.Бушуев изучили развитие общественно-политических движений, динамику общественно-политической активности различных групп населения и т.д. [Кильдеев, 2002; Красильникова, 2002; Немировский, 2003; Бушуев, 2009]. Большая группа литературы представляет результаты теоретических и прикладных исследований, опросов общественного мнения в республике по различным вопросам общественно-политического устройства, электоральных настроений [Мухаметшин, 1998; Вьюжанина, 2002].

Важным направлением современных исторических исследований стало изучение

татарского и русского предпринимательства, внесшего определяющий вклад в социально-экономическое развитие региона в начале XX в. В работах Р.Р.Салихова, Л.М.Свердловой, Н.И.Таирова и других авторов анализируется роль национального делового мира в экономике государства, специфика его профессиональной деятельности и организации, общественно-политической активности и филантропического подвижничества [Свердлова, 1991; Свердлова, 1993 а; Свердлова, 1993 б; Свердлова, 1994 а; Свердлова, 1994 б; Амирханов, 1995; Амирханов, 1999; Амирханов, 2005; Нигамедзинов, 1999; Нигамедзинов, 2003; Филлипов, 1999; Гибадуллин, 2001; Хайретдинов, 2001; Абубакирова и др., 2002; Сенюткин, 2002; Ямаева, 2002; Таиров, 2002; Таиров, 2004; Загидуллин, 2003; Салихов, 2004]. Различные аспекты социально-экономического развития советского Татарстана сегодня разрабатываются в трудах ряда исследователей. Заметным явлением в развитии исторических исследований этого направления сегодня стали исследования по истории ТАССР периода нэпа и коллективизации. Это работы Р.В.Шайдуллина, исследовавшего проблему крестьянских хозяйств ТАССР [Шайдуллин, 2000], И.А.Гатауллиной, изучившей социально-экономические процессы в Среднем Поволжье [Гатаулина-Апайчева, 2007], Л.О.Кузнецовой, рассмотревшей развитие социальной политики в отношении рабочих и служащих [Кузнецова, 1996], Д.В.Давыдова, изучившего крестьянское население ТАССР с его численным, возрастно-половым и национальным составом, естественным и механическим движением [Давыдов, 2010]. Кроме того, в 1990–2000-е гг. в научной печати вышел целый ряд статей, освещающих самые различные аспекты социально-экономического развития этого периода. Таким образом, период 1920-х –1930-х гг. в современной историографии изучается достаточно активно.

По послевоенному периоду истории Советской Татарии монографических работ значительно меньше. В направлении изучения послевоенного сорокалетия наиболее заметный вклад внесли Ю.П.Смирнов, исследовавший индустриальное развитие автономий Поволжья в послевоенный период

[Смирнов, 1998 б], А.Г.Галлямова, изучившая достижения и противоречия социально-экономического развития ТАССР в послевоенное сорокалетие, когда в республике происходили интенсивные модернизационные процессы [Галлямова, 2010]. В русле принятых сегодня оценок рассмотрено промышленное развитие ТАССР во второй половине XX в. в публикациях А.М.Калимуллина [Калимуллин, 1995; Калимуллин, 2005; Калимуллин, 2011], С.Г.Белова [Белов, 2003; Белов, 2007; Белов, 2010], К.Ф.Фасхутдинова [Фасхутдинов, 2007] и других авторов.

Социально-экономическое развитие постсоветского Татарстана рассматривается в ряде работ современных авторов –Ф.Г.Хамидуллина, Д.С.Хайруллова, В.В.Хоменко и др. [Хамидуллин, 1995; Хайруллов, 1997; Анализ и основные направления развития и размещения производительных сил Республики Татарстан, 1999; Хоменко и др., 2006; Хоменко, 2007; Хоменко, 2011; Хоменко и др., 2011]. Хотя большинство из них не является историческими исследованиями, они все же содержат очень ценный фактологический материал, позволяющий сформировать представление о различных областях социально-экономического развития республики на современном этапе ее исторического развития. В работах Ф.И.Гайнуллиной, Т.А.Мирсияпова, А.А.Фомина, Р.Х.Ахметзянова проанализирован опыт 90-х гг. по формированию механизмов социальной защиты населения постсоветского Татарстана [Гайнуллина и др., 1996; Гайнуллина, 1998; Фомин, 1997; Ахметзянов, 2000]. Внешнеэкономическая деятельность Республики Татарстан рассмотрена в книге «Под покровительством Меркурия», изданной Министерством торговли и экономического сотрудничества РТ [Салихов, ред., 2000]. Здесь дан подробный анализ внешнеэкономических связей республики и межрегиональной деятельности Татарстана в 1990-е гг. Кроме того, вопросам развития внешнеэкономических связей республики посвящена диссертация И.М.Галиева [Галиев, 2006]. В целом, можно отметить, что историческое исследование социально-экономического развития постсоветского Татарстана лишь набирает обороты, поэтому ряд вопросов пока не изучен и еще ждет своего исследователя.

Современная историография культурного развития татарского общества и Татарстана формировалась в течение второй половины 1980-х – 2000-х гг. и испытала на себе влияние гласности и демократизации общества. К тому же в связи с острой национальной проблемой после распада СССР произошел небывалый подъем общественно-политической, гражданской активности, в результате чего были достигнуты важные успехи и в реформировании национально-государственной сферы. После провозглашения Республики Татарстан суверенитета в 1990 г., принятия Конституции РТ в 1992 г. первоочередной задачей стало культурно-языковое возрождение нации. Во многом благодаря этому на современном этапе вопросам развития культуры татар и других народов Татарстана уделяется много внимания.

Особый интерес современных исследователей вызывает проблематика реформаторского процесса, охватившего татарское общество в начале XX в. В этой связи, представляет большое значение новейшая историография татарского ислама, джадидизма и политики, представляющая новые концепции социальной истории народа. Это в первую очередь работы Д.М.Исхакова, Р.М.Мухаметшина, Р.Р.Салихова, Ф.М.Султанова, Д.М.Усмановой, А.Ю.Хабутдинова, Р.С.Хакимова, А.Н.Юзеева, Л.А.Ямаевой [Хабутдинов, 2000 в; Он же, 2001; Ибрагим и др., 2002; Исхаков, 2003; Хайрутдинов, 2003; Ямаева, 2003; Салихов, 2004; Усманова, 2005; Хакимов, 2005].

По мнению Р.С.Хакимова, реформизм является неисчерпаемым потенциалом ислама, который развивается, под давлением жизненных обстоятельств, по собственной логике. Джадидизм, представляющий собой подлинную «исламскую реформацию», решавший проблемы истории, этногенеза, образования и экономики, явился историческим подвигом татарской буржуазии и интеллектуалов [Хакимов, 2005].

Р.М.Мухаметшин считает, что джадидизм, определявший одну из основных тенденций татарской общественной мысли, зародившись как реформа народного образования, был изначально предназначен для решения более широких задач. Одним

из его результатов стало внедрение элементов светской модели мировосприятия, основанной на принципах рациональности, универсальности и объективности [Мухаметшин, 2003].

По мнению А.Ю. Хабутдинова, на первом этапе буржуазных реформ в XVIII–XIX вв. татары, взаимодействуя с русским государством, создавали «Миллет» – своеобразный религиозный коллектив, союз единоверцев в начале XX в., когда под воздействием джадидистских преобразований появилась национальная светская интеллигенция, началось формирование тюрко-татарской нации по европейскому образцу [Хабутдинов, 2000 в]. При этом большая часть крупной буржуазии поддержала эти новации [Хабутдинов, 2001 б].

В целом, рассмотренная литература отличается разнообразием подходов к определению татарского реформаторства, осмыслению его истоков и особенностей развития.

Современные исследования истории религиозного развития среди татар Татарстана в советский период хотя и немногочисленны, но достаточно значимы как по масштабам собранных и проанализированных материалов, так и по уровню обобщений. Среди работ по этой тематике следует выделить работы И.Р.Миннуллина, А.А.Мухаметзянова [Миннуллин, 2006; Миннуллин, 2007; Мухаметзянов и др., 2008], Р.Р.Ибрагимова [Ибрагимов, 2005], с достаточной полнотой рассмотревших взаимоотношения власти и религии, жизнь мусульманской общины Татарстана в советский период.

Народные художественные традиции в монументально-декоративном искусстве рассмотрены в работах Г.Ф.Валеевой-Сулеймановой [Валеева, 1999; Валеева-Сулейманова, 1995]. В изучении профессионального искусства большой научный интерес представляет ее монография, посвященная исследованию декоративного искусства Татарстана 1920-х – начала 1990-х гг. В ней впервые предложено систематизированное изложение истории татарского декоративного искусства в XX в. и поэтапно раскрывается развитие основных видов этого искусства с показом стилевых тенденций в творчестве профессиональных художников и мастеров декоративного искусства.

Если говорить об исследовании культурных процессов постсоветского Татарстана, то необходимо отметить, что для историографии данного периода характерны плюрализм мнений, подходов, суждений, обращение к опыту зарубежных стран, а также практически полное отсутствие собственно исторических исследований, адекватно отражающих происходившие процессы в культурной жизни. Вызвано это как сравнительно малой отдаленностью исследуемых событий во времени, так и кризисом, охватившим общественные науки в конце 1980-х – начале 1990-х гг., отсутствием соответствующей методологической базы, сосредоточением внимания исследователей на более ранних этапах культурного развития общества. Вторая половина 1980-х гг. стала временем формирования принципиально нового подхода к изучению отечественной истории в целом и истории культуры в частности, тем более что поиски причин кризиса во всех сферах общественной жизни, не исключая области культуры, в этот период заставили исследователей обратиться к проблемам истории культуры.

В этот же период идеологи общественных и политических организаций, политологи, этнографы, историки пытались разрешить проблемы развития культуры Татарстана. В этой связи немаловажное значение имело возрождение национального языка и культуры татар. В работах Р.С.Хакимова рассмотрены вопросы культурного строительства и проблема культурных границ татар [Хакимов, 2002]. По его мнению, статус татарского языка, ключевого в группе тюркских языков, дает шанс присутствию татарской культуры на мировой арене как части общетюркской.

В 2000-х гг. стали появляться публикации, в которых подводились предварительные итоги и назывались достижения в культурной жизни республики. Наиболее полно характеристика сфер культуры постсоветского Татарстана нашла свое отражение в работе Р.М.Валеева «Культура и искусство Татарстана на рубеже тысячелетий. Основные тенденции развития в 90-е годы XX – начала XXI века» [Валеев, 2008]. Это исследование вызывает интерес, поскольку затрагивает ряд вопросов, связанных с реализацией куль-

турной политики на территории республики. В нем впервые проанализированы юридические и экономические аспекты проблемы. Автор уделяет внимание объяснению причин противоречий, возникших в области культуры на рубеже 1980–1990-х гг. В работе также освещены темы государственной поддержки кинематографии, кадровой политики в области музыкального и художественного образования, развития народного творчества, музеев и библиотек Республики Татарстан. Кроме того, Р.М.Валеев комплексно изучил проблему охраны объектов культурного наследия РТ [Валеев, 2007 а; Валеев, 2007 б].

Одной из популярной в региональной историографии и изученной непосредственно историками является тема межкультурного взаимодействия Республики Татарстан. Исследования Г.Л.Горника занимают ключевое место среди этих работ [Горник, 2000; Горник, 2002]. В его монографии «Мосты культуры. Из истории культурных связей Татарстана с зарубежными странами» исследуется материал о культурных связях Татарстана с зарубежными странами. В центре внимания автора – произведения искусства, живописи, народного самодеятельного творчества, международных фестивалей и конкурсов искусства, проводимых за рубежом и в республике. Помимо использования архивных материалов, автор проводил интервью с известными солистами театров и ансамблей, режиссерами, что позволяет сделать вывод об исследовании Г.Л.Горника как о большом вкладе в сборе фактического материала.

Также тема межкультурного взаимодействия Татарстана с зарубежными странами сквозь призму деятельности институтов гражданского общества была отражена в диссертации Л.Ф.Ашрафуллиной [Ашрафуллина, 2004]. В работе выявлены социокультурные направления развития культурных связей РТ с зарубежными странами и механизмы их осуществления. Л.Ф.Ашрафуллина охарактеризовала деятельность государственных структур и общественных институтов в изучаемой ею сфере, выявила круг проблем, с которыми они сталкивались.

Возрождением национальной культуры татар за пределами Татарстана занимается международная организация татарского на-

рода –Всемирный конгресс татар. Попытка описания истории и обобщения многогранной деятельности Конгресса была сделана одним из инициаторов его создания, первым председателем исполнительного комитета данной организации И.Р.Тагировым [Тагиров, 1992; Тагиров, 1997 а; Тагиров, 1997 б; Тагиров, 1999; интервью с Тагировым, 1993; интервью с Тагировым, 1994 а; интервью с Тагировым, 1994 б; интервью с Тагировым, 1996 а; интервью с Тагировым, 1996 б; интервью с Тагировым, 1997] и продолжена нынешним председателем исполкома Р.З.Закировым [Закиров, 2006]. В этих работах рассмотрено положение татар в регионах России, в странах СНГ и дальнего зарубежья, проанализированы основные направления деятельности ВКТ по консолидации нации. Впервые в отечественной историографии определены формы и принципы деятельности татарских общественных организаций по возрождению национальной культуры в местах компактного проживания татар.

Ряд публикаций современных авторов посвящен искусствоведческому анализу современной живописи [Гайнутдинова, 1995; Пашкова, 1995; Пашкова, 1997; Цой, 1995; Цой, 1996; Полякова, 1998; Разумейченко, 2000]. В работах С.М.Червонной впервые была отмечена культурно-географическая децентрализация в искусстве Татарстана и высказана мысль о невозможности представления художественной культуры республики без индустриального востока и понимания неповторимого своеобразия татарской национальной школы [Червонная, 1988]. В своих последующих исследованиях С.М.Червонная раскрывает специфику постсоветского периода в изобразительном искусстве Республики Татарстан, которую рассматривает в аспекте религиозно-этнической традиции [Червонная, 1999; Червонная, 2008]. Исследуя произведения отдельных художников бывших автономных республик Российской Федерации с точки зрения влияния религиозного фактора, автор делает акцент на мусульманском контексте современного изобразительного искусства. Формирование и развитие изобразительного искусства новых промышленных городов Татарстана (Набережных Челнов, Елабуги, Нижнекамска) в постсоветский период ис-

следовала Р.Р.Султанова [Султанова, 2000]. В диссертации А.К.Ахметшиной основное внимание сосредоточено на национальном своеобразии татарского искусства, при этом акцент сделан на рассмотрении возрождающегося в настоящее время современного сакрального искусства, уходящего своими корнями в глубокую древность и основанного на идеях общности татарского этноса с тюркскими народами и мусульманским миром [Ахметшина, 2000].

Исследованием татарского музыкального искусства в рамках становления татарской культуры занимались музыковеды Г.М.Кантор, З.Н.Сайдашева, Р.А.Исхакова-Вамба, В.Р.Дулат-Алеев, А.Л.Маклыгин [Кантор, 1995; Исхакова-Вамба, 1997; Дулат-Алеев, 1999; Маклыгин, 2000].

Обобщающие труды по истории татарского театра созданы известными театроведами Республики Татарстан И.И.Иляловой [Илялова, 1993; Илялова, 1996; Илялова, сост., 2006] и М.Г.Арслановым [Арсланов, 2002]. В работах И.И.Иляловой впервые рассматривается история становления и развития Татарского академического театра имени Г.Камала, делается глубокий исторический анализ развития театрального искусства в Республике Татарстан до начала XXI в. М.Г.Арсланов в процессе многолетней работы подготовил ряд трудов по становлению и развитию татарского режиссёрского искусства на протяжении всего XX в. В них анализируются наиболее значимые режиссёрские работы, выявляются ведущие тенденции развития режиссёрского искусства, реконструируются этапные спектакли ведущих мастеров постановочного дела, в том числе и по произведениям татарской литературы. Появлению элементов соц-арта и постсоц-арта в татарском театральном искусстве посвящена диссертация Г.И.Зайнуллиной [Зайнуллина, 2010]. В своей работе автор объясняет, что использование соц-арта в спектаклях М.Салимжанова, Ф.Бикчантаева, Р.Загидуллина и И.Махмутовой определялось преимущественно внутренней проблематикой –особенностями местной истории, этнопсихологии и политической ситуации.

Несмотря на значительное число изданий, вышедших с середины 1980-х гг. до нашего времени, ситуацию в историографии

исследуемой проблемы трудно охарактеризовать как однозначную. В разработке темы участвовали представители целого ряда научных дисциплин, но воссоздание целостной исторической картины развития социокультурных процессов в постсоветском Татарстане – дело будущего.

Если в целом характеризовать состояние изученности истории татар и Татарстана в XX – начале XXI вв., то следует отметить, что в анализе этого сложного и противоречивого периода истории, безусловно, достигнуты большие успехи. Вместе с тем, различные периоды внутри этого хронологического отрезка, а также разные аспекты освещены неравномерно. Если на протяжении почти

всего XX в. исследователи были ограничены рамками марксистско-ленинской методологии, то сегодня этих ограничений нет, поэтому для современной историографии характерны плюрализм подходов и применяемых методов исследования, а также все более широкое распространение междисциплинарного научного поиска, особенно при изучении современного общественного развития. Накопленный за долгие годы материал, собранный дореволюционными, советскими и современными исследователями, позволяет сегодня по-новому взглянуть на долгий исторический путь, пройденный татарами и другими народами Татарстана в XX – начале XXI вв.

Источники по истории татар и Татарстана в XX – начале XXI в.

Источниковую основу исследования новой и новейшей истории народов Татарстана составляет комплекс опубликованных и неопубликованных материалов, включающий в себя документы законодательно-нормативного, делопроизводственного характера, официальную переписку, источники личного происхождения, периодическую печать.

За долгие годы исследовательской работы историки и архивисты выявили, подготовили к печати и опубликовали огромный документальный массив по истории татар и Татарстана XX в. Безусловно, самое значительное количество документальных публикаций пришлось на советский и постсоветский период. При этом, как правило, при публикации документов больше внимания уделялось по идеологическим соображениям документам советского времени, отражающим долгий и трудный путь от пролетариата и крестьянства Татарии к свержению буржуазного строя и образованию нового государства с последующим построением подлинно социалистического общества.

В республике в советский период издаются сборники документов, отражающие как деятельность органов власти в различных сферах экономики и культуры [Заседания Верховного Совета Татарской, 1947–1987; Юдин, 1978; Деятельность Советов Татарии, 1983; Комсомол Татарии в цифрах и фактах, 1974], так и тематические, посвя-

щенные отдельным отраслям хозяйственной и духовной жизни [Промышленность и рабочий класс Татарии, 1986; Кочурова, 1964; Князев, ред., 1978–1979; Мухарямов, ред., 1976]. Эти публикации позволяют получить последовательное представление о государственной политике в самых различных областях развития общества. Но оно является однобоким, декларативным в силу политико-идеологической выверенности подобных изданий. Призванные отвечать принципу идеологической «чистоты», они отражали лишь позитивные моменты развития государства и общества, поэтому полноценное и объективное изучение истории татар и Татарстана в новое и новейшее время на основе этих публикаций невозможно.

В постсоветский период в Республике Татарстан проделана большая работа по изданию и популяризации документов советской эпохи. Примером реализации фундаментального и объективного подхода к подготовке документальной публикации является издание «История Казани в документах и материалах. XX век», подготовленное в рамках празднования 1000-летия Казани отделом новой и новейшей истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ [Амирханов, ред., 2004]. Охватывающий все XX столетие этот комплексный труд включает впервые вводимые в научный оборот документы по трем разделам: экономика, политика и культура. Свободный от идео-

логических рамок он содержит огромное количество документов, показывающих объективную картину истории столицы республики в противоречивый и сложный XX в. Книга выделяется своей основательностью, глубиной и широтой охвата проблем, новым концептуальным подходом, позволившем всесторонне осветить историю столицы республики.

Богатое документальное отображение отдельных проблем современной истории представлено в ряде тематических сборников: по истории коренизации в Татарской АССР [Гарипова, авт.-сост., 2009], Великой Отечественной войны [Кабилова, сост., 2011], развития нефтяной отрасли Татарстана [Князев, ред., 1993], государственного строительства и обретения Татарстаном суверенного статуса [Хакимов, 1996; Мухаметшин и др., авт.-сост., 2000].

Общественно-политическая ситуация, национальная политика, культурное развитие Татарстана в рассматриваемый период также нашли свое отражение в документальных публикациях на страницах журнала «Гасырлар авазы = Эхо веков» [Документы актуальные и сейчас, 1996; Пискарев, 1996; Пискарев и др., 1997; Валеев, 2004; Галиуллина, 2004; Галлямова, 2007 а; Тагиров, 2010; Тагиров, 2011].

Констатируя, что в постсоветское время качество опубликованных материалов значительно улучшилось, и в распоряжении исследователей имеется разнообразная адекватно отражающая конкретные реалии недавнего прошлого источниковая основа, отметим, что архивные неопубликованные документы все же остаются основным источником при изучении истории татар и Татарстана в XX–XXI вв. Большинство данных материалов, являющихся неопубликованными, отложились в центральных и региональных архивах Российской Федерации.

Важными для исследования досоветского периода являются документы Российского государственного исторического архива в городе Санкт-Петербург, характеризующие политическую, социально-экономическую и культурную жизнь татарского населения России в досоветский период. В частности, в фонде Департамента духовных дел иностранных исповеданий (ф.821) пред-

ставлена документальная информация об общественно-политической ситуации в мусульманском сообществе Российской империи, реформаторских процессах, развернувшихся в нем во второй половине XIX – начале XX вв. В отчетах и аналитических записках чиновников данного ведомства на основе сведений, присланных с мест, широко освещается деятельность татарской буржуазии по финансовой поддержке мечетей, новометодных мектебе и медресе, созданию общинных попечительств и благотворительных организаций. В них прослеживается политическая активность мусульманской элиты, дается характеристика ее идеологии, оценивается роль в исламском обновленческом движении. Анализ данных дел дает представление о степени понимания властными структурами сущности джадидистских преобразований и участия в них татарского торгово-промышленного класса. С содержанием данных материалов перекликаются источники, формирующие фонд Департамента Полиции (ф.102), хранящегося в Государственном архиве Российской Федерации. Для нас представляют интерес дела, касающиеся так называемого панисламистского движения: сводки агентурных сведений, переписка с жандармскими управлениями, в которых находит отражение активная общественная деятельность татарской буржуазии. Они также характеризует принципы работы политического сыска в мусульманской среде. Фонд Штаба отдельного корпуса жандармов (ф.110) важен сведениями об офицерах и секретных агентах, вплотную занимавшихся разработкой панисламистских дел. В связи с тем, что татары проживали в различных губерниях Российской империи, большое значение в исследовательском плане имеют региональные архивы. В процессе научного поиска оказались ценны материалы, отложившиеся в Национальном архиве Республики Татарстан, Центральном государственном историческом архиве Республики Башкортостан, Государственном архиве Кировской области, Государственном архиве Оренбургской области, Государственном архиве Рязанской области, Центральном государственном архиве Самарской области, Государственном архиве Ульяновской области и др. Комплекс фондов данных архивов,

важных для изучения истории татар, является достаточно однотипным и отражает особенности исторического развития мусульманских общин той или иной губернии.

Для удобства характеристики имеющейся документальной базы весь комплекс опубликованных и неопубликованных источников, хранящихся в различных государственных и ведомственных архивах может быть подразделен на несколько групп.

Законы и нормативные акты. Значительное место в документальной базе исследования истории татар и Татарстана в новое и новейшее время занимают законодательные и нормативные акты. Для дореволюционного периода наиболее важны законы Российской империи. Именно они характеризуют содержание государственной политики по отношению к мусульманам, их правовое положение и регламентацию жизни конфессиональных общин [Полное собрание законов Российской империи, 1830–1884; Полное собрание законов Российской империи, 1885–1916; Сборник законов о мусульманском духовенстве, 1898; Арапов, авт.-сост., 2001]. Из опубликованных материалов высших государственных органов представляют ценность и журнальные постановления Министерства народного просвещения, выражавшие сущность новой политики в отношении мусульманского образования в пореформенный период.

Как известно, с приходом к власти большевиков, система законодательства претерпела в нашей стране значительные изменения. За долгие годы функционирования Советской власти в стране был накоплен огромный документальный массив различных законов и нормативно-правовых актов, среди которых декреты новой власти, Конституции СССР, РСФСР, ТАССР, законы, указы, постановления, распоряжения исполнительных органов государственной власти и правящей партии – КПСС. В постсоветский период к ним добавились документы органов власти Российской Федерации и Республики Татарстан. Анализ этой группы источников позволяет изучить атмосферу общественно-политической жизни тех лет, понять, как осуществлялось взаимодействие власти и общества по различным вопросам общественно-политической сферы,

социально-экономического и культурного развития, а также выявить многие условия и факторы, оказывающие ощутимое влияние на жизнь общества. Конституции и законы определяют порядок и общие принципы государственной политики в самых разных областях, регламентируют формирование органов власти и участие граждан в этом процессе [Конституция ТАССР, 1984; Конституция СССР, 1988; Конституция РФ, 2002; Конституция РТ, 2004; Закон СССР «О выборах народных депутатов СССР», 1988; Закон ТАССР «О выборах народных депутатов Татарской АССР», 1989; Закон РТ «О выборах народных депутатов местных Советов народных депутатов РТ», 1994]. Указы Президента РФ, постановления Верховного Совета РФ, Верховного (Государственного) Совета РТ, Кабинета Министров РТ регулируют основные направления реализации государственной политики в Российской Федерации и Республике Татарстан, отражают специфику проводимых государственно-структурами мероприятий и программ по различным вопросам.

Ближе к законодательным и нормативным документам, но стоящим несколько особняком, документальным массивом являются уставные, программные и некоторые другие документы (решения, резолюции, обращения, принятые на собраниях и митингах и т.п.) различных общественно-политических движений, партий, союзов, в разные годы функционировавших в стране и республике, в том числе опубликованные в качестве приложений к исследованиям других авторов [Устав ВЛКСМ, 1989; Программа КПСС. Устав КПСС, 1989; Материалы Учредительного съезда комитета «Суверенитет», 1990; Платформа ТОЦ, 1991; Программа ТПНН «Иттифак», 1991; Юлдашев, 1998]. Эти документы являются живым свидетельством времени и происходящих изменений общественно-политической практике современности, поэтому дают интересный материал для анализа. Но опять-таки к специфическим особенностям таких документов следует отнести их заданную направленность и определенность. Анализ их, начиная с документов КПСС и ВЛКСМ и заканчивая документами современных общественно-политических сил, существенно дополняет

картину общественно-политической атмосферы в республике и позволяет судить о некоторых аспектах политического сознания их сторонников и участников (таких, например, как ценности, установки и т.д.) и анализировать причины участия или неучастия населения в них.

Делопроизводственные документы. Вторую группу источников составляют делопроизводственные документы: протокольная документация (протоколы и стенограммы заседаний различных собраний, съездов, конференций, совещаний), официальная переписка центральных и местных органов власти, справки, информации, сводки по различным вопросам, отчетные документы (отчеты, доклады и т.п.).

Отчеты органов общественного управления: протоколы, стенограммы, постановления заседаний, характеризующие участие татар в работе городских дум, их работу по защите экономических, духовных и культурных прав мусульман.

Отчеты благотворительных и культурно-просветительских организаций, получивших широкое распространение в конце XIX – начале XX вв. помогают в освещении процесса трансформации традиционной мусульманской благотворительной системы, истории и особенностей деятельности специализированных организаций социального обеспечения, охватывавших широкие круги татарского населения. Здесь интересны количественные параметры доходной и расходной части бюджета, направления инвестиций, состав и система управления данных учреждений. Существенным дополнением к таким документам выступают уставы общественных и филантропических организаций, созданных и опекаемых национальной буржуазией. К сожалению, материалы этой группы источников, как и отчеты органов общественного самоуправления, сохранились не по всем губерниям Российской империи и представлены изданиями за отдельные годы.

В последние годы издательством «Гасыр» были осуществлены издания архивных документов, относящихся к благотворительности регионального предпринимательства, истории становления и развития государственного образования мусульман [У мило-

сердия древние корни, 2002; У милосердия древние корни, 2003; Казанская татарская учительская школа, 2005]. Также заслуживает внимания серия научно-биографических сборников «Шәхесләребез» («Наши личности»), выпускаемая издательством «Рухият», в которых помещены документы различного характера, отражающие жизненный путь и общественную деятельность выдающихся представителей татарской буржуазии, духовенства и интеллигенции [Бертуган Рәмиевләр, 2002; Гобәйдуллин, 2002; Гомәри, 2002].

Для изучения истории татар и Татарстана советского времени большое значение имеет изучение делопроизводственных документов советских и партийных органов. Материалы съездов КПСС, ВЛКСМ, их областных конференций, пленумов, решения центральных и местных отделений партии отражают направленность и ход идеологической работы по идеологической работе с населением, идейно-политическому (коммунистическому) воспитанию подрастающего поколения, формированию системы ценностей и т.д. [Материалы XXVII съезда КПСС, 1986; Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС, 1988; Документы и материалы XX съезда ВЛКСМ, 1988; Материалы XXVIII съезда КПСС, 1990; ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.14, д.1; оп.15, д.149, д.169, д.770, д.599, д.1865; ф.4034, оп.47, д.1, д.2; оп.48, д.1; оп.49, д.1, д.130; Заседания ВС ТАССР одиннадцатого созыва, 1985; Заседание ВС ТАССР одиннадцатого созыва, 1986 а; Заседание ВС ТАССР одиннадцатого созыва, 1986 б].

Документы Татарского обкома КПСС, отложившиеся в фонде №15 ЦГА ИПД РТ в этом смысле очень интересны. В силу того, что реальная власть в республике осуществлялась через деятельность обкома партии, он обеспечивал практическое руководство во всех сферах социальной жизни, в результате чего образовалась обширная делопроизводственная документация. Это и стенограммы областных партийных конференций, пленумов обкома КПСС, собраний партийно-хозяйственного актива, и протоколы заседаний бюро обкома, а также подготовительные материалы к ним – информации с мест, докладные записки в ЦК

КПСС, ответы на запросы из ЦК КПСС и т.д. В этом фонде можно почерпнуть многочисленные сведения по всем аспектам темы, причем как положительного, так и критического характера. Большую ценность представляют документы личного происхождения – письма-жалобы, письма-раздумья с мест, без лоска и глянца воспроизводящие фрагменты реальной действительности.

Аналогичный характер имеют и материалы Казанского горкома КПСС (ф.26). Большой интерес представляют материалы Бауманского райкома КПСС (ф.19), который контролировал все учреждения и организации, находившиеся в центре столицы республики. Здесь происходили все важнейшие «разборки» с творческой интеллигенцией в послевоенный период установления жесткого идеологического диктата, и хорошо прослеживается позиция интеллигенции в период происходившей в республике «оттепели».

Определенный интерес представляют материалы фондов Президиума Верховного Совета, Совета Министров ТАССР, отдельных министерств, хранящихся в Национальном архиве Республики Татарстан. Особенно важная и относительно систематизированная информация содержится в вводной части постановлений Правительства республики, где часто в форме резюме излагается характеристика и анализ самых различных вопросов жизнедеятельности общества. Несмотря на многие недостатки неопубликованных источников, в том числе и обусловленные характером советской эпохи, а также фрагментарность, слабую сопоставимость содержащихся в них материалов, анализ их в совокупности позволяет выявить сущность происходивших в республике процессов.

В РГАСПИ наиболее ценные сведения содержатся в фондах Управления по проверке партийных органов (ф.17) и Бюро ЦК КПСС по РСФСР (ф.556) за 1946–1958 гг. В РГАНИ наибольший интерес представляют материалы фонда Бюро ЦК КПСС по РСФСР (ф.5). В перечисленных фондах прослеживается политика Центра по отношению к республике. Наибольший интерес представляют здесь протоколы заседаний бюро, на которых обсуждались

отчеты и информации председателей бюро по Татарстану, докладные записки уполномоченных и инспекторов ЦК ВКП(б), выезжавших с проверкой положения дел в регионе. Наибольший интерес представляют: перевод листовки, присланной из Татарского обкома КПСС, вызванной недовольством национальной политикой, а также письмо Ш.Маннура об ущемленном состоянии республики. Ценной является и докладная сотрудника КГБ о деятельности творческой интеллигенции, в основном писателей. Особый интерес представляет и аналитическая записка о казанском студенчестве.

В ГАРФ наиболее ценными для изучения истории республики являются фонды Управления делами Совета Министров РСФСР (ф.А-259). Здесь наибольший интерес представляют материалы переписки Совета министров ТАССР с центральными государственными органами, в основном с Советом Министров РСФСР. Определенный интерес вызывают материалы фонда Переселенческого управления при Совете Министров (ф.А-327). Они содержат ценный материал по плановой миграции. Интересные документы о просчетах, трудностях, неудачах в различных областях социально-экономического и социально-культурного развития республики обнаружены в фонде Комиссии советского (государственного) контроля РСФСР (ф.А-340), фонде Министерства госконтроля СССР (ф.Р-8300), фонде Комитета народного контроля СССР (ф.Р-9477). Большой интерес представляют материалы отдела писем Совета Министров СССР (ф.Р-5446).

Важные сведения об идеологической и культурной сфере жизнедеятельности общества были обнаружены в фонде Главлита СССР (ф.Р-9425), где содержатся годовые отчеты Главлита ТАССР с 1946 по 1973 гг. До 1970 г. они содержат интересные сведения, прямо доказывающие, что и в период либеральных послаблений, связанных с решениями XX съезда КПСС, идеологический контроль над деятельностью творческой интеллигенции со стороны цензуры сохранялся в полной мере.

подавляющая часть сохранившихся в архивах материалов по советскому периоду содержит идеологические штампы и мифы,

восхвалявшие существовавший строй, неадекватно отражавшие процессы развития общества.

Делопроизводственные документы, находящиеся в Текущем архиве Министерства торговли и внешнеэкономического сотрудничества, также содержат ценный материал по экономическому развитию Татарстана. Это, прежде всего, аналитические справки, информационные материалы к заседаниям Кабинета Министров РТ, коллегии министерства и т.д.

Переписка Совета министров ТАССР и Кабинета министров РТ с различными (в том числе центральными) министерствами и ведомствами по вопросам культурного строительства, культурно-просветительской работе, развитию искусства, деятельности творческих союзов, охраны памятников истории и культуры и т.п. — эта группа документов создавалась, что называется, «для внутреннего пользования». Зачастую на них стоит гриф «совершенно секретно», «секретно» или «для служебного пользования», и они были рассекречены в последние годы. Эти документы обычно носят достаточно конкретный характер, содержат сухую и вполне достоверную информацию, чаще отчетного плана, поскольку не рассчитаны на массовое ознакомление. Правда, специфика условий и времени создания этих документов требует взвешенного критического подхода, так как во многих из них замалчиваются те или иные отрицательные аспекты проблемы. Причем это характерно как для официальных документов советского времени, так и для некоторых современных материалов. Анализ привлеченной делопроизводственной документации дает возможность рассмотреть многие особенности взаимодействия власти и общества, государственных институтов и граждан между собой, глубже понять процесс этого взаимодействия.

Периодическая печать. Материалы татарской и русской периодической печати второй половины XIX — начала XX вв. также составляют значительную группу источников, имеющих большое значение для раскрытия проблематики настоящего исследования. Воссоздающие дух времени, общественную атмосферу российского и татарского обще-

ства этого периода, они представляют субъективную оценку современников, наиболее значимых событий, в центре которых находились реформаторская татарская буржуазия и духовенство. Газеты и журналы: «Казан мохбире» (1905–1911), «Юлдуз» (1906–1918), «Вақыт» (1906–1918), «Баян эль-хак» (1906–1914) «Эхбар» (1907–1908), «Кояш» (1912–1918), «Шура», «Иктисад» и многие другие близкие к мусульманским либералам и джадидам, формировали значительный информационный центр, разъясняющий и пропагандирующий общественные новации. Левая татарская печать, объединявшая органы эсеров и социал-демократов: газеты и журналы «Азат» (1906), «Азат Халык» (1906), «Танг Мажмугасы» (1906), «Урал» (1907), «Эль-Ислах» (1907–1909), «Яшен» и другие, активно оппонировала буржуазной прессе, создавая тем самым условия для общественного обсуждения основных направлений деятельности джадидистского предпринимательства и духовенства.

Орган консерваторов оренбургский журнал «Дин вэ магыйшат» выступал с резкой критикой как реформаторов, так и светской интеллигенции, отрицая необходимость реформ и непосредственного участия мусульман в политике. Русская пресса, помещавшая значительные материалы, посвященные жизни татарского населения, также основывалась в своей интерпретации на собственных политических предпочтениях. Так, например, газета «Казанский телеграф» (1893–1917) в начальный период своей работы достаточно благожелательно оценивала культурное и образовательное обновление в среде мусульман. Однако, в начале XX века, когда редакционная политика приняла ярко выраженный правый характер, те же самые перемены стали характеризоваться ею как угрожающие государственному строю Российской империи. В свою очередь, такие либеральные издания как «Камско-Волжская речь» предоставляли свою трибуну видным деятелям джадидизма для отстаивания своих позиций.

Также интересна и советская периодическая печать. Стоит отметить, что материалы прессы в разные хронологические периоды не равнозначны. Так же как и советская историография, советская журналистика была

под идеологическим «колпаком», поэтому в 1946–1985 гг. информативность периодической печати не столь эффективна, как в период перестройки и гласности. Правда, и во второй половине 1980-х гг. конкретные содержательные материалы ретроспективного характера в прессе значительно уступают эмоциональной оценке текущего момента. Что касается показа прошлого, то основное внимание в этот период было сосредоточено на стрессовых политических событиях начала XX в., а также образования ТАССР, борьбы вокруг национального вопроса, репрессий против национальной интеллигенции. Но в любом случае ценность материалов печати в том, что они сохранили событийную хронику, дух времени, хотя не без лакировки и тенденциозности.

Значительный источниковый материал по истории современности также сосредоточен в периодической печати. На страницах центральных и местных газет и журналов широко представлены различные вопросы политического, социально-экономического и культурного развития татар и других народов Татарстана.

Источники личного происхождения. Не менее ценным представляются и материалы источников личного происхождения, конкретизирующих общественно-политические взгляды джадидистского духовенства и национальной интеллигенции [Исхакый, 1991; Баруди, 2000]. Так, дневник Г.Баруди – лидера казанских буржуазных реформаторов, видного духовного и общественного деятеля, выходца из богатой купеческой семьи, содержит в себе глубокие рассуждения о судьбах мусульманского мира, необходимости преобразований ради сохранения веры и прогресса народа. Дневник велся в 1920 г., то есть в период, когда Г.Баруди являлся муфтием Оренбургского магометанского духовного собрания. Соответственно, многие его заметки касались проблем взаимодействия уммы России с новой Советской властью, существования ислама в условиях набравшей силу классовой и атеистической пропаганды.

Также интересны и содержательны мемуары, отражающие различные этапы истории Советского Татарстана. В сборнике воспоми-

наний, собранных журналистом В.Якуповой, посвященном 10-летию суверенитета РТ, нашли отражение ранее не освещавшиеся проблемы социально-экономического и культурного развития в рассматриваемый период. Любопытные факты из истории нефтяной промышленности, строительства КамАЗа, татарской культуры содержатся в воспоминаниях первых лиц республики Ф.А.Табева, Г.И.Усманова, М.Ш.Шаймиева, М.Г.Сабилова, а также писателей Р.И.Валева, Р.А.Мустафина [Якупова, 2000].

Интересный материал по промышленному освоению нефтяного юго-востока, вовлечению местного населения в индустриальное строительство содержит книга воспоминаний первого Премьер-министра РТ М.Г.Сабилова «Три поры» [Сабилов, 2006]. Под его же редакцией вышла книга воспоминаний руководителей и работников объединения «Татнефтегазстрой», в которой рассказывается о людях, имевших непосредственную причастность к созданию топливно-энергетической базы страны [Сабилов, 2008]. Ценные сведения о периоде становления нефтяной промышленности в республике содержатся в воспоминаниях работников нефтепромысла «Миннибаево», на основе которого был создан трест «Альметьевнефть» [История нефтепромысла «Миннибаево», 2000]. В книге, составителем которой является известный краевед Р.Х.Амирханов, рассказывается о суровых условиях труда и буднях теми, кто стоял у истоков нефтяной истории края.

Весьма ценный материал о социальной инфраструктуре Казани представлен в воспоминаниях коллег видного хозяйственного руководителя г.Казани и республики в 1950–1960-е гг. П.Д.Туакова, опубликованных в честь его 90-летия [Абдюшев, ред., 1999]. Атмосфера повседневности 1950–1960-х гг., важные детали из жизни входившей в социальную жизнь «общезитской» студенческой молодежи, технической интеллигенции, проявления гражданской позиции шестидесятников из Казани содержатся в книге стоявшего у истоков создания современной сферы бытового обслуживания в республике Председателя Национального банка РТ Е.Б.Богачева [Богачев, 2001].

Определенный интерес для аграрной и отчасти промышленной истории представляют воспоминания и размышления секретаря обкома по сельскому хозяйству Ф.Садыкова [Садыков, 2001]. Интересными деталями по истории села, трудному послевоенному периоду в аграрной истории республики, становлению крепкого колхоза, перипетиям в его отношениях с государственными структурами богата книга легендарного в республике председателя колхоза Ф.А.Галиева [Галиев, 1987]. Личные впечатления, оценки, размышления представлены в очерках по послевоенной истории села, проведению хрущевских реформ в Татарской АССР в книге бывшего министра сельского хозяйства ТАССР (1959–1962 гг.) У.А.Биктимирова [Биктимиров, 1992]. Аграрная тематика нашла богатое отражение в книге видного государственного деятеля РТ Р.Ф.Муратова [Муратов, 1996]. В ней имеются интересные сведения о тяжелом послевоенном десятилетии (голод, нищета деревни, гонения на личное подсобное хозяйство, налоговое бремя).

Целый ряд мемуарной литературы, отличающейся интересным языком изложения, создан писателями, учеными-гуманитариями республики. В книге Т.Галиуллина «Дети своего времени» содержится смелая критическая характеристика проводившейся властями республики социальной и культурной политики, описаны нравы местного истеблишмента так называемой табеевской эпохи [Галиуллин, 1993]. Интересные сведения об отношениях власти и интеллигенции имеются в публицистической книге А.Еники [Еники, 1996], о литературной творческой среде – в книге Т.Минуллина [Минуллин, 1994], о репрессиях и репрессивной политике, судьбе татарской культуры – в книге А.Гилязова [Гилязов, 1997].

О гонениях на национальную культуру, позиции в этой ситуации своего отца, Ф.Х.Валеева, рассказывает в своем очерке «Золотое яблоко истины» Г.Ф.Валеева-Сулейманова [Валеева-Сулейманова, 1995]. О травле знаменитого татарского композитора С.Сайдашева рассказывает в своих воспоминаниях С.Шамов [Шамов, 2004]. В своей книге он приводит воспоминания других

знакомых, друзей выдающегося деятеля культуры. Атмосфера, в которой вынуждены были работать историки в советское время, воссоздается в воспоминаниях коллег, собранных в сборниках, посвященных памяти двух видных исследователей советского периода З.И.Гильманова и М.К.Мухарямова [Памяти М.К.Мухарямова, 1995; Памяти З.И.Гильманова, 2000].

Содержательную и интересную для анализа информацию содержат и публицистические произведения, как правило, посвященные знаменитым людям, чаще руководителям различного ранга. Так, весомый иллюстративный материал по тяжелому послевоенному времени, аграрной истории республики 1950–1970-х гг. содержится в книге Р.А.Мустафина и А.Х.Хасанова о первом Президенте Республики Татарстан [Мустафин, 1995]. Интересные зарисовки из социально-политической и социально-экономической жизни республики 1960–1970-х гг. представлены в книге Я.Шафикова, посвященной жизнедеятельности секретаря Татарского обкома КПСС Ф.А.Табееву [Шафиков, 2001].

Определенный интерес представляют и публицистические произведения, носящие как бы отчетный характер. Это в том случае, если их авторы рассказывают не просто о своей жизни, а о деятельности находившихся в сфере их профессиональной компетенции учреждений. К числу таких работ относится, например, книга М.Т.Низамиева «Полвека на ниве культуры». В ней имеются сведения о работе культурных учреждений, музеев, библиотек, в основном в сельской местности [Низамиев, 1998]. Ценность подобных материалов состоит в том, что в них приоткрывается политическая кухня в решении кадровых вопросов в республике, принятии масштабных решений по созданию крупных промышленных объектов в этот период. Однако чаще всего, в такой публицистике авторский замысел заключается в прославлении того объекта, которому она посвящена.

Исключением в этом ряду является книга Т.Х.Миннибаева «Политическая карьера провинциалов», написанная уже в период гласности [Миннибаев, 1991]. На основе

изучения биографий кандидатов в депутаты, их предвыборных программ, опубликованных в газетах с 1959 по 1990 гг., автор освещает проблему политической карьеры в советском обществе. Он показывает, как обеспечивалось политическое долголетие и благополучие. Автор ставит очень острые вопросы о люмпенизированном сознании, клановости провинциальных политических лидеров, рассказывает пикантные случаи из жизни республиканских руководителей, правда, чаще всего напрямую не называя имен. Но имена тех, чьи поступки обеспечивали им не всегда спокойную жизнь и вызывали у автора уважение, были названы. Это имена Н.Х.Кадырметова, К.Фасеева, философа В.Лукашова, неординарных личностей И.Гиматова, Т.Назмиева, некоторых других журналистов и общественных деятелей.

В советский и постсоветский периоды вышли десятки публицистических произведений, освещающих историю отдельных предприятий, учреждений республики [Бухарин, ред., 1957; Анисимов, 1960; Белокопытов, сост., 1993; Зарипов, 1998; Печилина и др., 1998; Абязова и др., 2001; Фролова, 2001; 50 лет ОАО «Казанькомпрессормаш», 2001; Дронова, 2002; Бурылина, рук. проекта, 2005], как правило, связанных с их юбилеями, а также сборники, посвященные истории республики в целом, а также ее отдельных регионов [Алексеевский район, 2000; Яковлева, 2004; Насретдинов, Миниханова, рук. проекта, 2005; История ТАССР в одном журнале, 2010; Наш дом Татарстан, 2010], авторами которых являются, как правило, журналисты. Большинство этих произведений носит пафосный стиль, что объясняется их заказным характером. Тем не менее, в них нередко содержатся любопытные детали, проливающие свет, как правило, на трудности периода становления, а также обогащающие историю республики в персоноцентристском ракурсе.

Типичный для советского времени характер носит сборник «Татария: новая строка биографии», авторами которого являются видные общественные деятели, журналисты, редакторы издательств, рассказывающие о достижениях Татарской АССР в советский период исключительно

в позитивистской плоскости [Белокопытов, ред., 1981]. Практически панегирик строительству Камского автомобильного завода воспели авторы книги «Поступь батыра», усиленный описанием трудностей его становления, романтизацией их преодоления [Мусин, ред., 1973].

Колоритная характеристика промышленного освоения новых регионов представлена в публицистических произведениях известных в республике журналистов М.Зарипова, Р.Зарипова, Р.Мустафина, а также московского журналиста Л.Жуховицкого [Жуховицкий, 1976; Мустафин, 1981; Зарипов, 1986; Зарипов, 1987]. Несмотря на то, что большинство написанных ими очерков относятся к советскому времени, они содержат необычно острую критику негативных явлений в экономической жизни республики.

Признавая высокую ценность источников личного происхождения, в том числе мемуарного характера, необходимо учитывать, что они несут на себе отпечаток субъективизма. Во-первых, возможности человеческой памяти не безграничны, во-вторых, искажения в тексте мемуаров могут быть умышленными по тем или иным причинам. Это не всегда осознанная фальсификация событий, хотя и это не исключено, но чаще может быть акцентирование внимания на одних сюжетах, затушевание других, не выгодных с точки зрения автора. Поэтому документы эпохи мемуарного характера необходимо использовать только в сочетании с другими источниками.

Статистические источники. Еще одну важную группу источников составляет корпус массовых статистических источников. Они представлены опубликованными и отложившимися в архивохранилищах табличными данными статистического учета широкого спектра показателей, приводимых различными учреждениями и организациями – численность, возрастно-половой состав и движение населения в республике, различные показатели социально-экономического характера и т.п. [Численность, состав и движение населения в РТ, 1992; Численность, состав и движение населения в РТ, 1993; Численность, состав и движение населения в РТ, 1994; Численность, состав и движение

населения в РТ, 1995; Численность, состав и движение населения в РТ, 2001; Численность, состав и движение населения в РТ, 2002; Итоги Всесоюзной переписи населения, 1990; Итоги Всероссийской переписи населения, 2004; Возрастно-половой состав населения РТ, 2004; Возрастно-половой состав населения РТ, 2005; Республика Татарстан, 1998; Республика Татарстан, 1999; Республика Татарстан, 2004; НА РТ, ф.Р-3610, оп.1, д.1824, 1886а; ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.12, д.230; оп.13, д.272; оп.14, д.377; оп.15, д.228, 886, 1656, 2527; ф.4034, оп.46, д.26; оп.47, д.23; оп.48, д.21; ТА ГС РТ, ф.Р-3610, оп.1, д.1930, 2017, 2146; ф.Р-6004, оп.1, д.42, 134, 235, 365, 510, 913; Статистические данные о рассмотрении устных и письменных обращений граждан в ГС РТ с 01.01.2002 по 31.12.2002 и др.]. Они отражают динамику социально-демографической обстановки, положение населения и развитие инфраструктуры социальных объектов в республике, характеризуя объективные изменения в социально-экономической жизни народов Татарстана. Имеющийся статистический материал позволяет характеризовать различные процессы, в том числе имеющие явный негативный общественный характер.

Особое место в комплексе опубликованных источников занимают официальные публикации Статистического управления ТАССР, осуществлявшиеся по пятилеткам и к юбилейным датам республики и страны. Анализ содержащихся в них данных затруднен слабой сопоставимостью между собой, неполнотой, обусловленной отсутствием гласности в советский период. В открытых изданиях никогда не публиковались сведения о состоянии предприятий военно-промышленного комплекса и т.д. Кроме того, представленные в них показатели не отражают в полной мере состояние производства, его рентабельность, финансовое состояние отдельных отраслей экономики, экономические взаимоотношения, распределение национального дохода, материальное благосостояние по отдельным strатам общества и многое другое, что показывает реальное положение вещей.

Тем не менее, статистические публикации вполне репрезентативны, насыщены

содержательными данными, позволяющими выявить динамику трансформации, показать доминировавшие тенденции. Это особенно относится к сборнику статистических данных, выпущенному к 70-летию ТАССР [Белова, ред., 1990]. Опубликованный в обстановке гласности, в период борьбы за суверенитет, он содержит значительно больше данных, по сравнению с предыдущими изданиями, позволяющих, к примеру, проанализировать этнический ракурс во многих аспектах.

Ценными публикациями статистических материалов являются тематические сборники, вышедшие в период перестройки и содержащие сведения, которые отсутствовали в традиционных сборниках, вышедших до 1985 г. К примеру, в них были опубликованы данные по обеспеченности населения жильем, его качеству, обеспечением населения телефонами, наличию автомобилей в личной собственности, развитию социальной инфраструктуры в РСФСР, ТАССР и Казани. Из производственных данных были опубликованы показатели текучести кадров, потерь рабочего времени, изменение уровня фондоотдачи и т.п. [Социальное и экономическое развитие столиц, 1989; Социальное развитие и уровень жизни населения РСФСР, 1990; Социальное развитие села в РСФСР, 1990].

Вместе с тем следует отметить, что анализ имеющегося статистического материала за этот переходный период истории осложняется рядом факторов, среди которых, прежде всего, следует обозначить постоянное изменение перечня учитываемых показателей, прекращение или простое отсутствие учета тех или иных показателей в связи с общественно-политическими изменениями, проходившими в стране в этот период.

В отдельную подгруппу источников по истории современности могут быть выделены материалы социологических исследований, проводившихся в республике в разные годы [Перестройка, 1987; Мухаметшин и др., 1998; Мусина, ред., 2006; Мусина, ред., 2011; и др.]. Привлечение в качестве источника материалов социологических опросов необходимо с учетом специфики рассматриваемого периода. Материалы ре-

презентативных массовых опросов помогают восполнить имеющиеся пробелы в корпусе отложившихся источников по истории современности.

Таким образом, представленный круг источников исследования создает необходимую документальную основу для изучения сложных процессов истории татар и Татарстана нового и новейшего времени. Они

в достаточной мере репрезентативны и позволяют судить обо всех сторонах политического, социально-экономического и культурного развития в XX – начале XXI вв. При этом немаловажно, что указанные группы источников существенно дополняют друг друга и обозначают позиции для критического анализа литературы по рассматриваемой тематике.

Раздел I

**Казанская губерния
и татарское сообщество России
начала XX века**

ГЛАВА 1

Социально-экономическое развитие Казанской губернии и татарского мира в начале XX века

§ 1. Экономика России империалистического периода и развитие татарского предпринимательства в Казанской губернии

Людмила Свердлова, Марат Гибадуллин

Экономическая ситуация, сложившаяся в России к началу Первой мировой войны, была весьма неоднозначной. В целом, в области экономики Россия достигла значительных результатов. Среднегодовой рост промышленной продукции в 1910–1914 гг. превысил 11%. Отрасли, производящие средства производства, увеличили выпуск продукции за этот же период на 83%, а отрасли легкой промышленности – на 35,3%. Быстрыми темпами развивался начавшийся ранее процесс монополизации – появились монополистические объединения высших типов – тресты, концерны. Но процесс индустриализации российской экономики к 1913 г. был далек от завершения, сохранялась аграрная направленность экономики России: на продовольствие, полуфабрикаты и сырье приходилось более 90% российского экспорта. В то же время объем ввоза промышленных товаров в Россию был настолько значительным, что вызывал опасение среди передовых слоев буржуазии в возрастании зависимости страны от промышленного импорта.

На развитие сельского хозяйства накануне Первой мировой войны большое влияние оказала столыпинская аграрная реформа, способствовавшая модернизации сельского хозяйства, заметному росту сельскохозяйственного производства, чему также способствовали благоприятные погодные условия в предвоенный период и повышение цен на сельскохозяйственную продукцию на мировом и внутреннем рынках.

Быстрое экономическое развитие страны привело к повышению с 1908 по 1913 гг. жизненного уровня населения, что выразилось в росте национального дохода на душу населения на 17%. Следствием этого процесса стало значительное увеличение внутреннего товарооборота, о чем можно судить и по объемам торговли предприятий татарских коммерсантов Казани за 1904 и 1913 гг. (таблица 1.1).

За девять лет количество торговых предприятий, которыми владели татарские предприниматели, увеличилось на 12%, а размеры их товарооборота на – 47%: торговый

Таблица 1.1

Торговый капитал татарской буржуазии Казани в 1904 и 1913 годах¹

Годы	Число предприятий		Сумма годового оборота	
	всего	прирост (в %)	всего (млн. руб.)	прирост (в %)
1904	121	100,0	10,2	100,0
1913	143	122,0	15,0	147,0

¹ Подсчетом охвачена примерно 1/3 торговых предприятий от числа находившихся в руках татарских капиталистов. Небольшие заведения (с оборотом менее 10 тыс. руб. в год) в расчет не принимались, так как их доля в общем обороте не превышала 3–4 %, хотя численно они составляли от 78 до 86 % всех предприятий.

капитал национальной буржуазии имел тенденцию к росту.

Однако приведенные данные о динамике розничного товарооборота не в полной мере отражают реальную картину развития национального торгового предпринимательства. Номинальный товарооборот, выраженный в текущих ценах, показывает состояние торгового капитала только на определенный момент времени. Чтобы получить более объективное представление по интересующему нас вопросу в динамике, необходимо скорректировать номинальный товарооборот с учетом роста уровня цен. Для этих целей можно использовать «индекс цен», который «определяет отношение текущей цены потребительской корзины базисного периода к ее цене базисного периода» [Торвей, 1993, с.17].

Сравнение уровней товарных цен в 1904 и 1913 гг. позволяет сделать вывод: за указанный временной интервал товарные цены на сырье, муку, сахар и другие товары, являвшиеся предметами торговли татарских предпринимателей, выросли на 30,9% (подсчитано по: [Свод товарных цен, 1914]). Таким образом, реальный товарооборот, или товарооборот 1913 г. в ценах 1904 г., составил 11,5 млн. руб., иными словами, за 9 лет он вырос на 12,7%. Увеличение объема товарооборота коммерческих предприятий Казани, принадлежавших татарским предпринимателям, произошло в значительной степени за счет повышения уровня цен. Вместе с тем, необходимо отметить, что инфляционный рост внутренней торговли был характерной тенденцией экономического развития России в начале XX века.

Особенностью развития торгового капитала татарской буржуазии в начале XX в. было то, что, несмотря на определенный рост, оно шло более медленно, чем это происходило в России. Одна из причин заключалась в особенностях структуры внутреннего рынка.

Емкость рынка средств производства в России в начале XX в. неуклонно расширялась. Резко возросла потребность в чугуне, стали, энергоресурсах, строительных материалах, что способствовало интенсивному росту капиталов в соответствующих отраслях промышленности и торговли.

В то же время рынок предметов потребления расширялся более медленными темпами, его развитие сдерживалось низким уровнем материального благосостояния населения страны. Между тем, татарские коммерсанты были ориентированы, главным образом, на удовлетворение и обслуживание нужд населения и были тесно связаны с рынком предметов потребления.

Другая причина отставания темпов накопления торгового капитала татарской буржуазией видится в том, что вступление России в стадию империализма ознаменовалось, наряду с прочим, резким обострением конкуренции на внутреннем рынке, в которой принимали деятельное участие теперь уже не только местные предприниматели, но и крупные капиталисты из Москвы, Санкт-Петербурга и других торговых и промышленных центров. Соперничество за рынки сбыта толкало крупный капитал в провинцию, где конкуренция была значительно меньше, а возможности выгодного приложения капитала гораздо шире. Миграция капитала из районов, где он имелся в избыточном количестве, в районы, где ощущалась его нехватка, – закономерное явление для рыночной экономики.

И в России эта закономерность проявилась в полной мере. Только в Казани в начале века открыли свои филиалы крупные акционерные компании В.Высоцкого, А.Кузнецова, В.Арацкого, АО «Треугольник» и др. [Халиков, 1988, с.255]. Обладая громадными, по провинциальным меркам, капиталами, в десять и более миллионов рублей, и имея несравнимо более широкие возможности в приобретении товаров по выгодным ценам, получении кредитов и т. д., эти фирмы серьезно потеснили на местных рынках провинциальных коммерсантов.

Наряду с ростом торгового капитала происходил процесс его концентрации и централизации (таблица 1.2).

Крупный капитал сумел захватить в торговле господствующие позиции, вытеснив с рынка не только мелких предпринимателей, но и часть средних. Владея лишь незначительной частью торговых предприятий, крупные коммерсанты сосредоточили в своих руках около 57% розничного това-

Таблица 1.2

**Концентрация торгового капитала татарских предпринимателей Казани
в начале XX в.**

Размер торгового предприятия	1904 год		1913 год	
	число	оборот	число	оборот
	(в %%)		(в %%)	
10–49 тыс. руб.	71,6	13,2	68,8	12,7
50–399 тыс. руб.	24,2	37,2	26,9	30,0
400 тыс. руб. и более	4,2	49,6	4,3	57,3

рооборота в 1913 г., по сравнению с 50% в 1904 г., притом, что их доля в общем числе торговых предприятий осталась практически неизменной. Число же мелких и средних заведений оставалось в процентном отношении весьма значительным (свыше 96% всех предприятий), но их доля в общем товарообороте за указанный период снизилась на 7%.

Весь крупный торговый капитал национальной буржуазии на территории Казанской губернии концентрировался преимущественно в Казани. В других местностях губернии преобладали мелкие и средние торговые фирмы.

Вторым по значению торговым городом казанского Поволжья являлся город Чистополь. В конце XIX и начале XX вв. он еще более укрепил свое значение, как крупный центр хлебной торговли в крае, в которой активное участие принимали и татарские предприниматели – татары. По сведениям за 1913 г., всего в Чистополе и уезде татарские коммерсанты имели 33 заведения с совокупным годовым оборотом более миллиона рублей [НА РТ, ф.3, оп.1, д.7493].

Со вступлением России в стадию империализма наблюдался рост торгового капитала и расширение сферы торгового предпринимательства. Это нашло свое отражение как в росте числа торговых домов, так и в увеличении размера объявленного ими капитала. Например, в Казани за период с 1892 по 1913 гг. количество торговых домов увеличилось с 20 до 87 (или в 4,3 раза), а сумма капитала – с 2,5 до 4,9 млн. руб. (в 2 раза) (подсчитано по: [НА РТ, ф.98, оп.5, д.2374]). Рос и укреплял свои

позиции в эти годы и татарский капитал. К 1913 г. татарскими предпринимателями было открыто уже 154 торговых дома с совокупным капиталом 4,9 млн. руб. [Хасанов, 1977 б, с.223].

Однако, несмотря на увеличение капиталов в целом, в его структуре произошли существенные сдвиги. Они были связаны с тем, что прирост численности торговых домов произошел в основном за счет мелкого и среднего капитала, для которого проблемы выживания в условиях острой рыночной конкуренции имели актуальное значение. Например, в Казани число мелких и средних торговых домов, имевших капитал до 100 тыс. руб., увеличилось в 6,3 раза, а крупных – лишь в 1,3 раза. У татарских предпринимателей эти показатели изменились соответственно в 20,8 и 2,6 раза (подсчитано по: [НА РТ, ф.98, оп.5, д.2374]).

В результате таких изменений произошло повсеместное измельчение торговых домов, сокращение среднего размера их капитала. Если в 1892 г. в среднем на торговый дом по Казани приходился капитал в 125 тыс. руб., то в 1913 г. – 60 тыс., а у татар соответственно – 147 и 32 тыс. руб.

Некоторые торговые дома выделялись размахом своих коммерческих операций. Размером капитала и масштабностью своей предпринимательской деятельности отличался, например, Торговый дом «Бр. Халфины». Он был учрежден в 1910 г. мещанами Мензелинского уезда братьями Халфиными, на правах полного товарищества. Торговый дом специализировался на продаже хлеба. Об объеме его торговых операций свидетельствует широкая сеть

филиалов фирмы, расположенных в 15 населенных пунктах Уфимской губернии. В общей сложности торговый дом имел 34 лавки и 2 склада, а сумма годового оборота всех принадлежавших ему торговых предприятий превышала 1,2 млн. руб. [НА РТ, ф.551, оп.1, д.65, л.36–37]. Некоторые товары отправлялись торговым домом даже за границу.

В Казани заметную роль в торговле играл Торговый дом «В.Ибрагимов с братом». Он был учрежден в 1912 г. местными купцами Валиуллой и Усманом Ибрагимовыми для осуществления чайной торговли в городе и за его пределами. Основной капитал торгового дома объявлялся в 75 тыс. руб. [НА РТ, ф.98, оп.5, д.1212, л.19–20]. Контора фирмы располагалась на Сенной улице, где имелись также 3 торговых и столько же складских помещений. При заведении работало 9 человек. За 1913 г. оборот фирмы составил 1,3 млн. руб. [НА РТ, ф.3, оп.1, д.7699, л.43–44].

Постепенно роль и значение объединений капиталистов в коммерции возрастали. Так, если в 1904 г. торговым домам татарских капиталистов принадлежало 3 торговых заведения (2,5% от общего числа), в 1912 г. – 19 (17%), в 1913 г. – уже 24 (18%). За те же годы обороты этих предприятий увеличивались следующим образом: 380 тыс. руб. (3,7% всего оборота), 1 133 (17,3%) и 3 420 тыс. руб. (24%).

Важно отметить, что в начале XX в., как и в середине XIX в., некоторые торговые дома создавались для развития промышленного производства. Например, в Казани в 1900 г. было создано «Товарищество мыловаренного и глицеринового завода И.Арсланова» с капиталом в 50 тыс. руб. В состав фирмы вошли мыловаренный завод, основанный еще в 1870 г. казанским купцом Исаком Арслановым, и несколько торговых предприятий. Учредителями товарищества выступили купцы первогильдейцы С.Аитов и Г.Гизатуллин, каждый из которых внес по половине основного капитала [НА РТ, ф.98, оп.4, д.35, л.14, 16]. Создание товарищества позволило заметно увеличить производственные мощности предприятия. Если в 1900 г. завод

производил 21 тыс. пуд. различных сортов мыла на общую сумму свыше 75 тыс. руб. [НА РТ, ф.908, оп.7, д.354, л.31 об.-32], то в 1905 г. он выпускал уже 40 тыс. пуд. на 210 тыс. руб. [НА РТ, ф.685, оп.1, д.5, л.117–118]. Характерно, что С.Аитов свой первоначальный капитал сколотил на поприще коммерческой деятельности. Он был одним из крупнейших в Казани торговцев сырьем. Обороты его фирмы в начале века составляли более 1 млн. руб. [НА РТ, ф.98, оп.7, д.441, л.55–56].

Торговые дома, ориентированные на осуществление промышленной деятельности, создавались татарскими предпринимателями и в других губерниях Поволжья и Урала. Всего же, по подсчетам Х.Х.Хасанова, к 1913 г. из 154 торговых домов татарских капиталистов 18 осуществляли полномасштабную промышленную деятельность [Хасанов, 1977б, с.220].

Таким образом, как и прежде, торговый капитал продолжал играть весьма существенную роль в становлении национальной промышленности у татар.

Цели мобилизации денежных ресурсов служила и организация крупными предпринимателями торговых акционерных компаний. Создавались они и татарскими коммерсантами.

В 1913 г. было зарегистрировано и начало функционировать акционерное общество «Ижболдина Д.Г.и сыновей», правление которого располагалось в Москве. Основной капитал компании составил 3 млн. руб. Уже за 6 месяцев 1913 г. товарищество получило прибыли в 11 тыс. руб., а баланс на 1 января 1914 г. составил 5,3 млн. руб. Компания Ижболдиных вела обширные торговые операции в Сарапуле, Екатеринбурге, Шадринске, где имела оптовые магазины и склады, а также на Нижегородской, Ирбитской и Мензелинской ярмарках. Торговля велась, в основном, мануфактурными товарами [Акционерно-паевые предприятия России, 1915, с.602; Ижболдин, Нью-Дели, 1963, с.125].

В среде татарского предпринимательства в 1900–1916 гг. суммарное число товариществ увеличилось более чем в 3,5 раза по сравнению с 80 – 90-ми годами предыдущего столетия: с 16 до 57. Тем

не менее, основная масса акционерного капитала (73%) была вложена в сферу торговли, а уставной капитал торговых домов крайне не велик. 72% товариществ в начале XX в. основывалось на капитале от 2 до 10 тыс. руб. (подсчитано по: [Салихов, 2002, с.220–249]). Соучредителями товариществ были не только купцы, но и мещане, и даже крестьяне, а вложенный капитал соучредителя мог равняться и 300 руб. В целом, для татарского бизнеса характерно большое количество семейных фирм.

Примечательно, что в числе пайщиков, и даже соучредителей значатся мусульманки, как правило, родственницы других акционеров. Единичным случаем можно считать создание акционерного общества женщинами. В 1915 г. казанские мещанки Фатиха Сабитовна и Халифа Мухаметшевна Сабитовы, сложив по 2 тыс. руб. наличными, товарами и имуществом, создали полное товарищество Торговый дом «Ф. и Г.Сабитовы», занятый торговлей хлебной продукцией [Салихов, 2002, с.237].

Таким образом, к началу XX в. татарский торговый капитал достиг внушительного развития. Полным ходом шла концентрация и централизация капитала, расширялись масштабы и темпы накопления. Как и прежде, татарские купцы продолжали играть главную роль в становлении национального промышленного капитала. Именно они, в основном, являлись инициаторами создания новых промышленных предприятий. Можно с полным основанием говорить о приоритетной роли национального торгового капитала в становлении рыночных отношений в татарском обществе.

Преобразования в России послужили мощным импульсом для глубокой трансформации социально-экономических отношений в татарском обществе. Основным содержанием этого процесса стало постепенное вовлечение татарского населения в функционирование рыночного хозяйственного механизма и его интеграция в систему общероссийского рынка.

Как и всюду, формирование рыночных отношений у татар протекало по объективным, общим для всех народов Европы и России, экономическим законам. Татарский народ, наряду с другими народами россий-

ского государства, прошел длительный путь становления и утверждения, включая такие этапы, как процесс первоначального накопления капитала, промышленный переворот, переход от свободной конкуренции к монополистическому капитализму и т.д.

Накануне Первой мировой войны национальная буржуазия достигла достаточно высокой степени зрелости. К этому времени татарскими предпринимателями был создан ряд современных предприятий, открыто несколько акционерных компаний. В хозяйственной жизни татарской нации утвердился и стал основой ее существования рыночный способ общественного воспроизводства, сложились институциональные основы рыночного хозяйства, и, прежде всего, национальное предпринимательство. В соперничестве друг с другом и более состоятельными русскими и иностранными капиталистами им приходилось проявлять изобретательность, инициативность, нетрадиционность подходов при поиске сфер приложения капитала и рынков сбыта. В то же время, жесткая рыночная конкуренция подталкивала предпринимателей-татар к объединению усилий с капиталистами других национальностей и регионов России. В результате интеграции и интернационализации хозяйственной жизни началось активное вовлечение всей татарской нации в единое экономическое пространство страны, облегчился ее доступ к научно-техническим знаниям и достижениям отечественной и мировой хозяйственной практики.

Но татарские предприниматели не ограничивались чисто экономической деятельностью. Их усилиями создавались материальные предпосылки для полнокровного и всестороннего развития татарского народа. Они делали многое для поддержания и развития национальной культуры, науки и образования. Благодаря этому, в начале XX в. татарский народ пережил духовный и нравственный подъем, произошла ломка его национальной обособленности и замкнутости, укрепилось взаимодействие между татарами, проживавшими в различных районах страны. Все это способствовало повышению роли и усилению авторитета предпринимательских структур.

§ 2. Основные направления деятельности татарской буржуазии

Радик Салихов

Социальная активность, эффективность общественных действий татарского предпринимательства в начале XX в. во многом определялись результатами его профессиональной деятельности. Деловой успех, концентрация значительных финансовых и материальных ресурсов, стремительное развитие товарно-денежных отношений и современной промышленности становились своеобразным локомотивом прогресса для еще вчера патриархальных татарских общин.

Утверждение капиталистических отношений у мусульманского населения в Поволжье и Приуралье, происходившее в течение всего XIX столетия, обусловило формирование крупных центров татарского предпринимательства в Казанской, Оренбургской, Саратовской, Симбирской, Рязанской и других губерниях Российской империи. Становлению национальной промышленности и коммерции способствовал ряд важнейших политико-экономических факторов, таких как отмена крепостного права, государственные реформы второй половины XIX в., начало промышленного переворота и, как следствие, ускоренная индустриализация прежних мануфактурных и возникновение новых отраслей производства.

Важным и до сих пор мало проясненным остается вопрос о численности татарской буржуазии России, ее реальном вкладе в экономику государства. Так, по данным Х.Х.Хасанова в конце XIX в. она насчитывала 7565 человек (включая членов семьи), что составляло 0,41 % социальной структуры татарского общества. При этом в 1914 г. капиталистам из татар принадлежало 141 промышленное предприятие с годовой производительностью свыше 10 млн. рублей, а также 154 торговых дома с общим уставным капиталом более 9 млн. рублей [Хасанов, 1977 б, с.218–219, 223, 229]. М.З.Гибадуллин, анализируя материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., выводит численность татарского предприниматель-

ства по 10 губерниям в количестве 13892 человек. Причем в Казанской губернии, по мнению исследователя, в торговле было занято 2818, а в Оренбургской – 2988 человек. Конкретных цифр по количеству татарских предприятий и их суммарном капитале в общероссийском масштабе он фактически не приводит, часто опираясь на сведения Х.Х.Хасанова и фрагментарные материалы различных статистических сборников.

Вообще, следует признать, что объективная слабость источниковой базы, объясняемая присущей ей сословной направленностью и определенным невниманием к этноконфессиональным особенностям российского предпринимательства, создают безусловные трудности при количественном и качественном рассмотрении основных направлений торгово-промышленной деятельности татарской буржуазии. Вероятно, данную проблему можно решить лишь в общих чертах, обращаясь к разноплановым источникам и опираясь на различные способы составления статистики. В целом, следует отметить то, что подсчеты М.З.Гибадуллина более реально отражают численность татарской буржуазии, чем аналогичные выкладки Х.Х.Хасанова. Однако, очевидно и то, что имеющиеся в современной литературе данные о количестве татар, занимавшихся в конце XIX – начале XX вв. предпринимательской деятельностью, являются заниженными.

Одним из наиболее крупных национальных торгово-промышленных центров в Поволжье и Приуралье являлся город Казань, в силу исторических традиций и географического положения имевший огромное значение для консолидации и развития татарской нации. Согласно Первой всероссийской переписи 1897 г., татары составляли 22% от всего населения Казани [Халиков, 1988, с.199, 213–214], а татарская буржуазия, вторая по численности после русской, являлась серьезным фактором как экономической, так и общественно-политической жизни губернского центра. Так, например, по материалам Казанской городской думы

за 1900 год среди лиц, объявивших капиталы по первой купеческой гильдии, значилось 19 русских, 7 татар, 6 евреев; по второй гильдии – 188 русских, 52 татарина.

Вместе с тем, состав татарской буржуазии города, безусловно, не исчерпывался количеством приписавшихся в ту или иную гильдию. На наш взгляд, примерную, усредненную цифру городских татар, занимавшихся коммерцией или производством, то есть имевших свое, пусть небольшое, дело, и прибыль с него можно сопоставить с числом домовладельцев в слободских махаллах Казани. А их здесь в 1909 г. насчитывалось 1281 человек (подсчитано по: [НА РТ, ф.2, оп.2, д.8464, л.1–18, 76, об.-77]). При этом, если учесть, что средняя мусульманская городская семья как правило состояла из 5 и более членов, то количество казанского мусульманского предпринимательства достигало примерно 6400 человек, то есть приблизительно 20% всего татарского населения губернского центра.

По данным Д.М.Исхакова, в конце XIX в. в России проживало 160000 горожан из числа волго-уральских татар [Исхаков, 2002 а, с.65]. Если провести определенную аналогию, то не менее 20% из них активно занимались коммерцией или производством, а это 32000 человек с учетом членов семей. Еще раз оговоримся, что цифры эти приблизительные, и на наш взгляд, также не охватывают всего масштаба и количественных параметров татарской буржуазии. Тем более, что практически все городские жители – мусульмане, так или иначе, были вовлечены в активные рыночные отношения, занимаясь мелочной торговлей, промыслами, обслуживая коммерческую инфраструктуру.

Для нас же очевидно, что национальная буржуазия, оставаясь немногочисленной социальной прослойкой не только в масштабах российского общества, но и в социальной структуре татарской нации, тем не менее, сохраняла свою этноконфессиональную идентичность, экономическую самостоятельность, выступала основной и эффективной организующей силой татарской мусульманской уммы России.

Наиболее высокая степень концентрации национального капитала, разнообразие

торгово-производственной деятельности наблюдались в Казани, которая выгодно отличалась от других городов государства с компактным проживанием татаро-мусульманского населения. Причем основная предпринимательская деятельность сосредотачивалась в границах Старотатарской и Новотатарской слобод, являвшихся, по сути, особыми этническими городскими образованиями, чья повседневная жизнь определялась законами шариата. Главным коммерческим центром мусульманской Казани в этот период являлась 2 полицейская часть, охватывавшая несколько кварталов Старотатарской слободы, на территории которой с конца XVIII в. существовал крупный восточный рынок – Сенной базар. Это был район доходных домов, гостиниц, ресторанов, харчевен, сотен лавок и магазинов, принадлежавших, главным образом, мусульманским предпринимателям. По данным Казанской казенной палаты, здесь в 1914–1916 гг. насчитывалось 334 официально зарегистрированных татарских торгово-промышленных заведений с общим годовым оборотом в 14,6 млн. рублей. Для сравнения: купцам и торговцам других национальностей и конфессий, промышленявшим на Сенном базаре и прилегающих к нему улицах, принадлежало лишь 87 предприятий с оборотом в 2,2 млн. рублей (подсчитано по: [НА РТ, ф.3, оп.1, д.8020; д.1479, л.1–23; д.11481, л.1–22]).

Практически все мусульманские заведения этого района имели торговую специализацию. Самыми внушительными по оборотам среди них считались хлебо-бакалейные (66 предприятий с оборотом в 4,4 млн. рублей), мануфактурные (20 предприятий с оборотом в 2,4 млн. рублей), обувные (55 предприятий с оборотом в 1,6 млн. рублей), сырьевые (9 предприятий с оборотом в 1,2 млн. рублей), чайные (1 предприятие с оборотом в 1 млн. рублей), а также галантерейные лавки и магазины (9 предприятий с оборотом в 560 тыс. рублей) и др.

Традиционно основным татарским промышленным районом Казани являлась 5 полицейская часть, охватывавшая несколько улиц Старотатарской слободы и всю Новотатарскую слободу. По данным на 1912 г., здесь функционировало 116 мусульманских заведений с годовым оборотом

в 2,4 млн. рублей, причем 34 из них являлись производственными предприятиями с оборотом в 1,2 млн. рублей.

В структуре татарской промышленности города ведущее место занимало мыловарение. Одним из самых больших и успешных предприятий этой отрасли являлось «Товарищество мыловаренного и глицеринового завода Исхака Арсланова», учрежденное купцом первой гильдии С.М.Аитовым и «купеческим сыном» Х.В.Гизетуллиным в 1900 году. Они приобрели завод у купца И.М.Арсланова [НА РТ, ф.98, оп.4, д.35, л. 16]. В 1912 году на предприятии С.М.Аитова и Х.В.Гизетуллины вырабатывалось мыла разных сортов 49130 пудов, сальных свечей – 173 пуда. Здесь трудилось 50 рабочих, а годовой оборот составлял 200 тыс. рублей [НА РТ, ф.757, д.2а, л.195].

Следующим важным направлением в деятельности мусульманских промышленников было производство и покраска бязи. Две бязекрасильные фабрики, принадлежавшие татарским капиталистам, выпускали 600 тыс. аршин бязи в год при обороте в 450 тыс. рублей. Их рабочий персонал насчитывал 92 человека. Самым крупным предприятием здесь была «Бязекрасильная фабрика Товарищества Утямышевых и К^о». Фабрика имела годовой оборот 217 тыс. рублей [НА РТ, ф.151, оп.1, д.26, л.26 об.].

В начале XX в. у татар активно развивавшейся отраслью была пищевая промышленность, представленная, в основном, кондитерскими заведениями и пекарнями. Всего в Казани работало 7 предприятий с годовым оборотом в 91,2 тыс. рублей и 95 рабочими.

Помимо изготовления бязи, мыла и продуктов питания в промышленном деле татар Казани в данный период в определенной мере сохранялось традиционное для начала XIX в. кожевенное производство. Так, например, мещанин Якуб Ибрагимович Козлов имел на Большой Симбирской улице в Новотатарской слободе (ныне ул.Меховщиков) кожевенно-сафьяновый завод, где 32 рабочих выделявали кожу высокого качества, пользовавшуюся спросом далеко за пределами Казани. Оборот предприятия составлял 120 тыс. рублей [НА РТ, ф.3, оп.1, д.11483, л.10–11]. Вокруг многочисленных и эффективно работающих предприятий постепен-

но появлялись различные торговые фирмы и коммерсанты, обеспечивавшие производством необходимым сырьем.

Таким образом, в национальных городских районах Казани в начале XX в. успешно развивались многочисленные отрасли торговли и промышленности. Мусульманские предприниматели активно проявляли себя в различных сферах производства, за исключением металлообработки, выпуска и продажи алкогольной и табачной продукции. Всего в 1916 г. на территории 5 полицейской части насчитывалось 188 торгово-промышленных предприятий, 116 из них с общим годовым оборотом в 4,4 млн. рублей принадлежали татарским промышленникам и коммерсантам. В свою очередь, среди 50 промышленных заведений этой городской части более 30 являлись собственностью мусульманских предпринимателей. Причем общий годовой оборот 19 самых крупных заводов и фабрик составлял 1,2 млн. рублей (подсчитано по: [НА РТ, ф.3, оп.1, д.11483, л.1–33]). Всего же в Старотатарской и Новотатарской слободах Казани в 1914–1916 гг. функционировало около 500 татарских торгово-промышленных заведений с ежегодным оборотом в 19 млн. рублей (подсчитано по: [НА РТ, ф.3, оп.1, д.8020; д.11479, л.1–23; д.11481, л.1–22; д.11483, л.1–33]).

Успешное и стабильное существование татарской торговли и промышленности в непростых конкурентных условиях свидетельствовало о наличии у национального бизнеса особой системы координат в экономической сфере, постоянного собственного потребителя, предпринимательской кооперации, сырьевой базы, трудовых ресурсов. Иными словами, речь можно вести о формировании некоторых элементов специфической татарско-исламской экономики, являвшейся основной сферой деятельности мусульманского предпринимательства России, чьи интересы поэтому не пересекались или, по крайней мере, не противоречили профессиональным устремлениям русской буржуазии.

Исторические данные подтверждают наличие в национальной коммерции и промышленности особых, специфических отраслей, направленных на удовлетворение

религиозных нужд исламского населения, продукция и предложения которых пользовались стабильным и высоким спросом в местах компактного проживания мусульман. Это, в первую очередь, производство и продажа национальной одежды, предметов культа, духовной литературы на родном языке, продуктов питания и т.д. Такие предприятия можно условно назвать исламско ориентированными. К примеру, в районе Сенного базара в Казани функционировало 104 таких заведения, что составляло 31% от всего числа татарских магазинов и фабрик этого района. Их ежегодный оборот составлял 2 млн. 460 тыс. рублей или 17% годового оборота всех мусульманских предприятий (подсчитано по: [НА РТ, ф.3, оп.1, д.8020; д.11479, л.1–23; д.11481, л.1–22]).

Кроме того, важным признаком особых экономических отношений, сложившихся в татарском мусульманском обществе была опора на собственные силы, ярко выраженная этническая и конфессиональная солидарность. Большинство татарских коммерческих и производственных предприятий базировались на промыслах и ремеслах мусульманских аулов, являлись главными потребителями их животноводческой и сельскохозяйственной продукции. Это обстоятельство обуславливало специфический подбор кадров, особую организацию труда, налаживание крепких профессиональных связей между мусульманами в различных регионах государства. Как отмечал миссионер В.В.Доронкин: «Для татар, занимающихся отхожим промыслом и торговлей трудно, даже невозможно, найти себе хорошего места для служения, трудно вести торговлю без «протекции», без «взаимной поддержки» от татар же, без «родства». Татары ведут коммерческое дело исключительно больше с татарами же» [Касимовская православная магометанская миссия, 1909, с.171].

Наряду с Казанью, значительным торгово-промышленным центром татарского народа являлась Оренбургская губерния, с XVIII столетия осуществлявшая торгово-посреднические функции между Россией и Средней Азией. Татарское предпринимательство концентрировалось в городах Оренбург, Троицк, Сеитовском посаде и других населенных пунктах. По данным на 1872 г.,

в городе Оренбург в составе первой и второй гильдии местного купечества значилось 158 человек православного вероисповедания, 15 раскольников, 20 мусульман и 5 евреев [ГАОО, ф.41, оп.1, д.107]. Однако, здесь так же, как и в Казани, число предпринимателей вряд ли исчерпывалось указанными цифрами. Согласно материалам переписи 1897 г., в Оренбурге проживал 11321 татарин, а в Сеитовском посаде около 13000 татар [Исхаков, 2002 а, с.65; Бакирова, 2004, с.221]. Примерно четверть из них занималась предпринимательской деятельностью.

В Троицке, несмотря на сравнительно небольшое количество мусульманского населения, безусловно, доминировала татарская буржуазия, представленная влиятельными торговыми фамилиями Яушевых, Бакировых, Валиевых, Идрисовых, Уразаевых и др.

Основным видом коммерческих операций национального предпринимательства в данном регионе была закупка для последующей продажи на внутренних рынках и ярмарках России тканей, сырья пушнины, кож, животного сала, скота. В конце XIX – начале XX вв. значительное направление в торговле с Туркестаном контролировали братья Хусаиновы – выходцы из Сеитовского посада, входившие в первую гильдию оренбургского купечества. Неразделенный капитал этой семьи в последней четверти XIX в. составлял около 4 млн. рублей. Основателем семейного дела стал Ахмед Галеевич Хусаинов (1837–1906), еще в молодости открывший собственное предприятие по торговле мелочным товаром и сырьем в городе Оренбург, к которому позднее привлек своих братьев Махмуда (1839–1910) и Гани (1839–1902). Вместе они создали фирму «Ахмед Хусаинов с братьями», которая осуществляла торгово-посреднические операции между европейской Россией и Средней Азией. Общий оборот всех предприятий братьев Хусаиновых исчислялся несколькими миллионами рублей.

Значительными показателями отличались и многие другие предприниматели Оренбургской губернии, являвшиеся в большинстве своем торговцами животным сырьем, владельцами предприятий по переработке сельскохозяйственной и животноводческой продукции. В Оренбурге с успехом осуществляли свою деятельность

торговцы мехами и шкурами, мануфактурой, продуктами и другими товарами купцы второй гильдии Абдулла Киникеев, Хусаин Губайдуллин, Гимадутдин Халилов, потомственный почетный гражданин Мухаметсабир Адамов, крестьянин Мухаммади Аюпов и многие другие.

Одной из крупнейших торгово-промышленных фирм губернии являлся Торговый дом «Братья Яушевы» с годовым оборотом в 1,1 млн. рублей. Ему принадлежали в городе Троицк кожевенный и мыловаренный заводы, крупчатная мельница, чаерассыпное заведение, оптовые и розничные магазины по продаже мануфактурных, галантерейных, железоскобяных, бакалейных и других товаров. Кроме того, Торговый дом владел в Ташкенте 2 хлопкоочистительными заводами и хлопковыми плантациями, имел собственные отделения в Челябинске, Кочкаре, Кустанае, Токмаке и других населенных пунктах [ЦГИА РБ, ф.И-295, оп.6, д.1459, л.3–4].

Впрочем, большинство троицких предпринимателей ограничивались более узкой специализацией в сырьевой торговле и переработке. Не случайно, что среди татарских промышленных заведений города, помимо указанных заводов Яушевых, значились лишь 3 шерстомойки и 11 боен с салотопнями [Список владельцев промышленных заведений, находящихся в Оренбургской губернии, 1900, с.81–82]. Однако в кожевенном производстве они удерживали безусловное лидерство. Так, по данным Троицкой городской думы, в 1917 г. в уездном центре насчитывалось 5 крупных кожевенных заводов, выделявавших ежегодно 96 тыс. кож. При этом три из них принадлежали татарским капиталистам: Яушевым (выделка 60 тыс. кож в год), Валеевым (выделка 15 тыс. кож в год), Идрисовым (выделка 5 тыс. кож в год) [ГАОО, ф.15, оп.1, д.348/1, л.50].

Во второй половине этого же столетия татарские предприниматели Шакир и Закир Рамеевы, скопившие первоначальный капитал на мануфактурной торговле, открыли в Оренбургской губернии несколько десятков золотых приисков, на которых трудились тысячи рабочих. В 1902–1904 гг. им принадлежало 79 приисков, где ежегодно добывалось до 50 пудов золота. В целом, по количеству татарских торгово-промышленных заведений, по их валовому обороту Орен-

бургская губерния практически ни чем не уступала Казани. По некоторым данным, он составлял 16 млн. рублей в год [Амирханов, 2000, с.233].

Крупнейшим татарским промышленным регионом можно назвать территорию сразу трех поволжских губерний: Саратовской, Самарской, Симбирской, где в XIX – начале XX вв. возникли крупные текстильные производства мусульманских промышленников. Это суконные фабрики Ишмухамета Дебердеева в селе Верхозима Кузнецкого уезда Саратовской губернии, аналогичные фабрики Мустафы и Яхьи Дебердеева в селе Пенделе того же уезда и губернии. Данные предприятия производили армейское сукно. На первой из них трудилось 600 рабочих, на двух остальных 900 человек. Фабрики братьев Дебердеевых считались самыми крупными в Саратовском Поволжье. Причем, если на соседней фабрике Работкина один рабочий производил в год товара на 357 рублей, то у Дебердеевых – на 414 рублей 70 копеек [Григорьев, 1974, с.5, 6]. Интересы российской армии обслуживала и суконная фабрика Хамида Алеева в с.Мулловка Ставропольского уезда Самарской губернии. В Симбирской губернии в селах Бобылевка и Ляховка братья Алеевы в середине XIX в. основали суконное производство, функционировавшее на паровом оборудовании. Однако, наиболее значительные текстильные предприятия в Симбирской губернии принадлежали семье Акчуриных. Так, например, в с.Старое Тимошкино Сенгилеевского уезда в 1849 году купцом Сулейманом Абдуловичем Акчуриным была основана суконная фабрика, имевшая в 1855 г. 200 рабочих, 15 мастеров при обороте в 60 тыс. рублей. В 1861 г. ее персонал увеличился до 1423 рабочих, которые производили 255 тыс аршин сукна на сумму в 204 тыс. рублей. После смерти предпринимателя промышленное дело продолжили вести его сыновья, сначала под названием фирма Торговый дом «Вдова Акчурина с сыновьями», а с 1874 г. в рамках Торгового дома «Братья Акчурины» в составе симбирских первой гильдии купцов, потомственных почетных граждан А.С.Акчурина, Я.С.Акчурина, сенгилеевского первой гильдии купца, потомственного почетного гражданина Ю.С.Ачурина [Таиров, 2002, с.19–25]. Они обладали

в Старом Тимошкино 2 фабриками, оборудованными по последнему слову техники. В 1876–1877 гг. фабриканты на своих предприятиях производили различные сорта сукна: армейские, гвардейские, неворсованные, верблюжьи и т.д., как для государственных нужд, так и для частной продажи в объеме 700 тыс. аршин на сумму в 85 тыс. рублей, что составляло 38,3% производимого в губернии сукна [Сверкалов, ред., 1989, с.91]. Всего под началом торгового дома трудилось 1450 человек, производство размещалось в 12 корпусах. Причем, здесь же готовилось необходимое сырье. Акчурины сами приобретали в Средней Азии шерсть и мыли ее на фабрике в количестве более 100 тыс. пудов в год [ГАУО, ф.76, оп.8, д.297, л.44]. Другой крупный капиталист из рода Акчуриных, Тимербулат Курамшевич Акчурин, с 1862 года владел суконной фабрикой в с. Гурьевка Карсунского уезда Симбирской губернии, которая в конце XIX в. силами 1200 рабочих изготавливала до 1 млн. аршин армейского сукна. Промышленник владел также Самайкинской фабрикой в Сызранском уезде, где трудилось 800 рабочих, производивших 500 тыс. аршин сукна.

В 1914 г. оборот одной только Гурьевской фабрики составлял 2.293.886. рублей. В этот же период производственные мощности 7 татарских промышленных объединений Поволжья насчитывали 765000 аршин сукна в год, что составляло 35% всего производственного потенциала 24 крупнейших предприятий региона (подсчитано по: [Гаиров, 2002, с.87–88]).

Меховым и кожевенным производством традиционно занимались татарские предприниматели города Касимов Рязанской губернии. Еще в 1830 г. здесь успешно работал кожевенный завод потомственного почетного гражданина Хамзы сеита Шакулова, имевший 180 котлов и выделявавший 45 тыс. кож на сумму в 140 тыс. рублей. Однако, в пореформенный период наибольшее развитие получило мерлушечное производство. Выделкой овчинных шкур, изготовлением и продажей тулупов в шестидесятые годы XIX в. активно стала заниматься семья Кастровых. Вообще на всех заводиках касимовских предпринимателей в тот период вырабатывалось и красилось 120 тыс. бухар-

ских и киргизских мерлушек, покупавшихся в основном у татарского купечества Оренбурга и Астрахани [Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генштаба. Рязанская губерния, 1860, с.274–276]. В начале XX в. развитие данной отрасли приобрело серьезный размах. В Касимове, например, существовала меховая фабрика Хабибуллы Бахтияровича Мусяева с 60 рабочими и ежегодной выработкой продукции на 50 тыс. рублей, предприятия Х.Х.Танеева, М.В.Девишева, Торгового дома братьев Вергазовых и др. В 1913 г. один только мерлушечный завод А.Х.Кастрова производил 1,5 млн. мерлушек в год. Всего в Касимовском уезде действовало 9 крупных меховых заведений татарских предпринимателей с общим оборотом в 3,6 млн. рублей [Филиппов, 2001, с.67, 98]. Однако, в Касимове как и в других регионах национальное предпринимательство имело торгово-промышленный характер. Многие известные татарские фамилии Касимова – Акбулатовы, Кастровы, Ишимбаевы, Шакуловы, Тубакаевы и др. – осуществляли интенсивную коммерческую деятельность, главным образом, за пределами своей губернии, на Нижегородской ярмарке, Москве, Санкт-Петербурге и Малороссии.

Касимовские татары в массовом порядке занимались мелким предпринимательством в сфере услуг, общественного питания, розничной торговли в столичных городах, на станциях Николаевской железной дороги. В результате, в конце XIX – начале XX вв. они сформировали здесь влиятельные и состоятельные общины.

Говоря о сущности предпринимательской деятельности татарской буржуазии пореформенного периода, следует особо отметить дальнейшее развитие и рост национального торгово-посреднического капитала, связанного с товарным производством, имевшего в данный период тенденцию к созданию торговых домов на паевых началах по типу акционерных обществ. Формирование национальной экономической системы, тесные и глубокие торговые и хозяйственные связи между районами компактного проживания мусульман сопровождались активным процессом концентрации капитала, освоением новых, пере-

довых форм предпринимательства. Это не противоречило шариату, который одобрял совместное ведение дел, создание товариществ равноправных партнеров. Среди первых совместных татарских фирм можно назвать уже упомянутый нами Торговый дом «Вдова Акчурина с сыновьями», в 1870 г. распорядившийся активами Старо-Тимошкинской суконной фабрики. Именно в Симбирской губернии в 1891 г. возникло первое в истории татарское акционерное общество «Товарищество Старо-Тимошкинской суконной мануфактуры Акчуриных» [РГИА, ф.22, оп.4, д.28, б. л.].

Количественный рост товариществ наблюдался и в таком экономически развитом городе, как Казань. Здесь в 1877–1900 гг. по неполным официальным сведениям было зафиксировано 15 торговых домов татарских предпринимателей, а в 1900–1916 гг. зарегистрировано еще 68 товариществ (в том числе и совместных с русскими и еврейскими купцами). Всего за период с 1872 по 1916 гг. в городе было учтено около 300 торговых домов и акционерных обществ, среди которых доля созданных татарскими купцами и предпринимателями достигала 28% от общей численности [Хайрутдинов, 1996, с.48–49].

По данным Х.Х.Хасанова, в России существовало 154 татарских торговых дома, которые в 1914 г. имели общий основной капитал в 4,9 млн. рублей [Хасанов, 1977, с.223].

Таким образом, татаро-мусульманская экономика России была представлена определенными экономическими регионами со своей особой торгово-промышленной специализацией и характеризовалась интенсивной концентрацией капитала в приоритетных для мусульманского сообщества отраслях¹. Причем Оренбургский край и Средняя Азия являлись основной сырьевой базой для мыловаренной, суконной, меховой промышленности, размещавшейся, как правило, в Среднем Поволжье и Центральной России.

Роль крупнейшего национального коммерческого центра государства в XIX –

XX вв. стала играть Нижегородская ярмарка, где и осуществлялись самые значительные торговые операции, товарообмен между предпринимателями из разных уголков империи, а также взаимовыгодное взаимодействие с русской провинциальной и столичной буржуазией. Практически все знаменитые татарские торговые фамилии имели здесь собственную недвижимость и значительное дело. Это оптовая и розничная продажа мануфактуры, мыла, сукна, сырья, мехов, азиатской одежды и обуви, литературы [Таиров, 2004, с.260–264; Загидуллин, 2006 б, с.74–95]. По сути, летом каждого года Нижегородская ярмарка превращалась в большой восточный, татароязычный город, где собиралась вся национальная торгово-промышленная элита. Неслучайно, что именно здесь формировались или получали распространение важнейшие институты татарского буржуазного общества. На Нижегородской ярмарке оттачивалось мастерство первых татарских профессиональных актеров, осуществлялась подписка на общетюркскую газету «Терджиман», проводились серьезные общественно-политические акции, в том числе и создание первой мусульманской партии «Иттифак аль-Муслимин».

Реальная мусульманская экономика с бурно развивающимися капиталистическими отношениями в целом подтверждала тезис видных буржуазных идеологов о том, что «Ислам – экономическая религия» [Мухаметшин и др., 2005, с.116]. Помимо функционирования специальных отраслей, ориентированных исключительно на мусульманского потребителя, тесной кооперации национального предпринимательства, существовала явная тенденция к соблюдению морально-этических правил, диктуемых законами религии. У татар фактически отсутствовало производство и продажа алкогольных и табачных изделий, продуктов питания, не разрешенных шариатом, содержание увеселительных заведений с азартными играми и другими недозволенными развлечениями. Все это, безусловно, ограничивало сферу действия национального предпринимательства, лишало его огромной прибыли. Однако, данное обстоятельство еще раз подтверждает его основную ориен-

¹ Подробные сведения о региональных группах татарского предпринимательства приводятся в: [Амирханов, 2000, с.228–249].

тацию на обеспечение, в первую очередь, насущных нужд мусульманской общины.

Впрочем, успехи пореформенного татарского капитала позволяли ему не только полностью насыщать потребности мусульманской уммы, но и сбывать большие объемы своей продукции за пределами России: в Германии, Турции, США, Великобритании и других крупных государствах. В этой связи перед мусульманским предпринимательством все острее вставала проблема получения больших финансовых средств и сотрудничества с банками. Известно, что по шариату правоверным взбраняется брать и давать в долг под проценты. Однако, существование в условиях развивающейся российской экономики заставляло мусульманских предпринимателей идти на определенный компромисс и пользоваться общедоступными финансовыми инструментами. В противном случае их ожидало бы неминуемое разорение. Так, например, даже вакуфные и другие благотворительные средства обычно размещались духовенством и предпринимательством в банках под определенный процент.

Государство учитывало высокую активность татарской буржуазии и приветствовало их работу в учетно-ссудных комитетах различных банковских структур в качестве экспертов. К тому же набирающий силу мусульманский предпринимательский класс считался одним из активных потребителей банковских кредитов на осуществление коммерческих операций и ведение промышленного производства.

В частности, членами учетно-ссудного комитета казанского отделения Госбанка в конце XIX – начале XX вв. являлись купцы С.М.Аитов, М.-С.К.Бурнаев, М.-С.М.-С.Галикеев, Г.А.Ишмуратов. Показателен также пример купца М.И.Галеева, который состоял членом учетного комитета в пяти банках: Волжско-Камском, Казанском купеческом, Казанском городском общественном банках, а также Нижегородском ярмарочном и Мензелинском отделении Госбанка [НА РТ, ф.98, оп.3, д.3195; ф.1, оп.6, д.505, л.160]. Очевидно, что данная ситуация в какой-то мере тревожила мусульманских правоведов и публицистов, которые в начале XX в. развернули обсуждение данной проблемы, пред-

ложив создать особый мусульманский банк в России. Журнал «Иктисад», в частности, отмечал, что «если бы существовал отдельный мусульманский банк, то уплаченные мусульманами проценты покрывались бы взятыми ими же процентами. Таким образом, мусульманское достояние не уйдет на сторону и останется в собственных карманах» [Хисмэтова, 2002, б.50]. Кроме этого, предлагалось развивать общества взаимного кредита, не предусматривавшие банковского процента. Однако, данные организации вызывали настороженность тем, что не являлись моноконфессиональными и, следовательно, не способствовали установлению финансовых отношений строго по шариату. Безусловно, все эти идеи не могли, в силу объективных обстоятельств, решить разом серьезнейшую проблему соответствия современной рыночной деятельности требованиям исламского закона. Таким образом, интеграция национального предпринимательства в экономическую систему государства не означала потерю определенной автономии и самостоятельности. Напротив, она способствовала формированию некоторых элементов особой мусульманской экономики со специфическими отраслями, кооперацией на этноконфессиональной основе, стремлением к финансовой независимости. Именно в этот период в общественное сознание внедряется понятие национального богатства, которое по исламу должно служить, в первую очередь, всей мусульманской общине. Очевидно, что в условиях иноконфессионального государства, находясь в положении социального «меньшинства», татарская буржуазия всеми своими успехами, определенной конкурентоспособностью и стабильностью была обязана мусульманской умме России. Потому что только она являлась главным потребителем ее товаров и услуг, основным поставщиком рабочей силы, материальных ресурсов.

Вот почему татарский предпринимательский класс был кровно заинтересован в сохранении единства и цельности мусульманских махаллей, в защите их как от миссионерских посягательств государства, так и от объективных процессов европеизации с их неизбежными ассимиляционными последствиями.

§ 3. Социально-профессиональная структура населения Казанского края и татарского мира: общее и особенное

Наиль Халиков

Первые годы XX столетия – особый, этапный период исторического развития России, когда на рубеже веков страна вступила в эпоху империализма, что, помимо прочего, сопровождалось значительными социально-экономическими, классовыми изменениями в обществе. Эти процессы возникали и нарастали еще в предшествующее время, активно развивались в пореформенной капиталистической России (промышленный переворот, становление капиталистических производственных отношений и пр.) и достигли своего максимума в начале XX в.

В России до 1917 г. социальная структура, социальное положение населения в общих чертах совпадали с сословным делением общества. Официально сохранялось традиционное деление общества на сословия: дворянство, духовенство, купечество, крестьянство, мещанство. Сюда следует отнести и другие категории населения, формально сословными не являвшиеся, но имевшие признаки сословий: казачество, рабочие, предприниматели, промышленники, фабриканты и др. Деление на сословия возникло еще в феодальную эпоху, установилось в XVIII в., сохранялось и в капиталистическое время. Об этом красноречиво свидетельствуют материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., в основе проведения которой был заложен именно этот принцип учета населения страны.²

К рубежу XIX–XX вв., согласно материалам Переписи, по Европейской России крестьяне составляли 84,1% населения; мещане 10,6%; дворяне и чиновники 1,5%; купцы и почетные граждане 0,6% и т.д. [Дубровский, 1975, с.43, табл. 3]. По России крестьянами числилось 93,0% татар, рабочими 3,68%, мещанами 1,75%, духовенство составляло

0,59%, дворяне и чиновники 0,48%, буржуазия (купцы и промышленники) 0,41% [Хананов, 1977 б, с.229, табл.].

Формально основным и традиционным видом хозяйственной деятельности, источником жизнеобеспечения и дохода подавляющего большинства поволжских татар было сельское хозяйство, прежде всего, земледелие (86,7% всех учтенных к 1897 г. поволжских татар, проживавших в десяти губерниях Европейской России). По сословному положению они числились крестьянами. Однако их большая часть, не имевшая возможности без земли, скота, рабочих рук, непропорционально высоких налогов существовать на доходы со своего надела, обращалась к приработкам вне своего надела. Часто крестьянин «по паспорту» длительное время уже занятый в сезонных неземледельческих и сельскохозяйственных промыслах, в промышленности и пр., фактически был рабочим. Существовало даже выражение «наемные рабочие с наделом».

Наибольшее число татар (свыше 90%), указавших при переписи 1897 г. основным занятием земледелие, было в Пензенской, Нижегородской, Казанской, Уфимской, Самарской, Саратовской губерниях. Это не было случайностью: губернии располагались по большей части в лесостепной зоне, где природные условия наиболее соответствовали земледелию. Менее всего татар, занятых сугубо сельскохозяйственным трудом (64%), было в Оренбургской губ. Здесь, в районе интенсивного развития предпринимательства, сельскохозяйственного капитализма, многие работали по найму в различных сферах производства и обслуживания. В торговле в губернии, издавна бывшей центром посреднической торговли между Россией и Средней Азией, Востоком, участвовало около 12% татар.

В Казанской губ., по сведениям 1897 г., земледелием среди татар было занято 96% населения и 85% русских [Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. XIV. Казанская губерния, 1904].

² Нами широко используются данные Переписи, составленные еще в 90-е гг. XIX в., но не утратившие информационной ценности, и их без большой погрешности можно экстраполировать и на первые годы XX столетия.

Причину этого следует усматривать в более крепких общинных порядках в татарской деревне и привязанности к земле и своему наделу. Поэтому же казанские татары по возможности отдавали предпочтение местным промыслам и ремеслам. Этого нельзя сказать о татарах-мишарях западных губерний с их четвертным (служилым, помещичьим, частным) землепользованием, меньшей ограничительной ролью общины, слабым развитием кустарных промыслов и по иным причинам отдававших предпочтение дальнему отходничеству.

Мелкая буржуазия: домовладельцы, держатели пекарен, трактиров, мелкие торговцы и предприниматели, служащие низшего звена, ремесленники, обслуга, извозчики составляли социальную категорию (также податное сословие) мещан, основную часть городского населения.

Доля мещан в разных городах края различалась, порой превышая половину жителей (город Мамадыш Казанской губ.), но везде татары-горожане по численности уступали, часто значительно, русским. В Казанской губ. в 1897 г. это соотношение равнялось 19% и 72% соответственно. Лишь в Чистополе татары составляли четверть населения, в Казани пятую часть, в других уездных центрах еще меньше. Около трети горожан было в Буинске Симбирской и Малмыже Вятской губерний. Численность мещан в пореформенное время увеличивалась преимущественно за счет крестьян. В Казанской губ., в частности, мещан было свыше 11 тыс. человек (1897), а в Оренбургской – даже 22,6 тыс. [Хасанов, 1977 б, с.231–232], значительную часть которых составляли татары.

В пореформенное время, особенно в первые годы XX столетия, в связи с распространением капитализма, развитием фабрично-заводской промышленности³, формированием новых производственных отношений происходило сложение двух новых классов, пролетариата и промышленной буржуазии. Число наемных рабочих

возрастало за счет пролетаризирующихся, обедневших крестьян. Категорию рабочих пополняли и бывшие кустари, промыслы которых приходили в упадок из-за отсутствия или дороговизны сырья, конкуренции дешевой фабричной продукции.

Рабочие России по отраслям, видам хозяйственной деятельности подразделялись на следующие категории: 1) сельскохозяйственные рабочие, 2) фабрично-заводские, 3) горные, приисковые, 4) строительные рабочие, занятые на лесоразработках, земляных работах, сооружениях железных дорог и т.п., 5) судовые рабочие, преимущественно грузчики на пристанях в Казани, Нижнем Новгороде и др., на Волге, Каме, Вятке, Белой, железнодорожные рабочие, 6) «чернорабочие», занятые неквалифицированным трудом, 7) рабочие на местных централизованных и рассеянных мануфактурах.

В начале XX в. среди рабочих Казанской губернии было 10–12% татар, а на крупных предприятиях в Казани – до 30%, на фабриках в Предкамье их численность достигала 50–60% [Гильманов, ред., 1968, с.250].

В Среднем Поволжье и Прикамье центрами концентрации рабочих-татар на рубеже XIX–XX вв. были заводы Крестовниковых, фабрики Алафузовых и др. в Казани. В Заказанье еще с XVIII столетия сформировался крупный промышленный центр: кукморские валяльно-войлочные фабрики, меховое производство в с.Шемордан и окрестных деревнях. Рабочих-татар было много на Бондюжском и Кокшанском химических заводах Ушкова в Предкамье, на суконных фабриках, принадлежавших торгово-промышленным товариществам Акчуриных в Корсунском, Сенгилеевском, Сызранском уездах Симбирской губ., Дебердеевых в Саратовской губернии⁴; на стекольных заводах Сайдашевых и Субаева в Царевококшайском уезде Казанской губ. и др.

Часто производства возникали в крупных селениях и окрестных деревнях со старыми ремесленными традициями. Их сохранению способствовали высокая плотность

³ В самом конце XIX в. в Казанской губ. было свыше 200 фабрик и заводов с числом рабочих на них около 12 тыс., в 1904 г. количество предприятий возросло до 326, а численность рабочих на них достигла 15 тыс. [Гильманов, ред., 1968, с.248]

⁴ Товарищество имело ткацкое отделение в татарском селении Пенделка Кузнецкого уезда.

населения, малоземелье и неплодородные почвы, избыток рабочих рук. На этой базе еще в XVIII столетии возникали мануфактуры, рассеянные, затем и централизованные, а в середине XIX в. – и фабрики (Шемордан, Кукмор, Ст.Тимошкино и др.). Эти центры во второй половине XIX – начале XX вв. в массовом количестве привлекали наемных сезонных рабочих из деревень, как это было, в частности, в Мамадышском уезде Казанской губ.

Татары работали на металлургических заводах Петербурга, Екатеринбургa и др., на золотых приисках Рамеевых в Верхнеуральском уезде Оренбургской губ., где среди 1200 рабочих было много татар. Кушвинский чугунолитейный завод на восточных отрогах Урала (Верхотурский уезд Пермской губ.) привлекал около 10 тыс. рабочих, русских и татар. При заводском поселке была мечеть [Список населенных мест Пермской губернии, 1909, с.30], в Пермской губ. в конце XIX в. на добыче каменного угля было занято около 2 тыс. татар [Гаврилов, 1985, с.107].

По данным переписи 1897 г., в десяти губерниях Европейской России земледелием занимались 86,7% татар, животноводством – 1,2%, лесным делом – 0,26%, добычей руд – 0,6%, обработкой волокнистых веществ – 0,4%, дерева – 0,15%, металлов – 0,34%, химическими производствами – 0,18%, обработкой растительных и животных продуктов – 0,3%, изготовлением одежды – 0,8%, содержанием жилья, строительными работами – 0,36%, извозом – 0,5%, торговлей – 3,2% (торговали сельскохозяйственной продукцией, тканями и одеждой, мехами и др.), административной, общественной службой – 1,3%, частной деятельностью, в качестве прислуги – 2,3%. К духовенству принадлежало 0,5%. Из-за несовершенства методики переписи отсутствуют данные о рабочих, но совершенно очевидно, что профессии фабрично-заводских наемных рабочих соответствовали специфике производства. Известно лишь, что рабочие-татары на крупных предприятиях чаще использовались на тяжелых, не квалифицированных и мало оплачиваемых работах.

Множество татар-крестьян было занято различными промыслами. Современники от-

мечали в начале XX в.: «..татары-крестьяне не все занимаются земледелием, многие из них... живут отхожими промыслами, работая в той же Казани на русских и татарских мыльных и кожевенных заводах, занимаясь извозом и т.д.» [Сперанский, 1914, с.12]. Или: «Вследствие дурного состояния земледелия по татарским деревням тысячи поселян отправляются ежегодно на разные отхожие промыслы по окрестным приволжским городам на Волгу. В Казани бедные татары берут на себя труды дворников, носильщиков на пристанях, караульчиков, поденщиков и водовозов».

При всем разнообразии можно выделить два типа крестьянских промыслов (кроме ремесленных) и занятых ими населения: продажу рабочей силы и торгово-промышленное предпринимательство. К первым относился сельский пролетариат, наемные рабочие с наделом. Это обедневшие или неимущие крестьяне, с недостаточными земельными наделами (2–4 дес. при норме в 8–16 дес.), безлошадные или однолошадные (что с хозяйственной точки зрения было одно и то же) и т.п., не имевшие возможности прокормиться со своего надела и вынужденные продавать свою рабочую силу. К этой категории наемных рабочих с наделом относились батраки, поденщики, лесорубы, горняки, строители, чернорабочие и др. Так, в перенаселенном Мензелинском уезде Уфимской губ. с весьма значительной численностью татарского населения в самом конце XIX в. на долю бедноты, наемных рабочих, приходилось 60%: «..процент сельского пролетариата был связан с земельной обеспеченностью крестьян. В малоземельных уездах он был намного выше, чем в многоземельных» [Усманов, 1981, с.274–275]. В Буинском уезде Симбирской губ. особенно много татар, занятых местными и дальними отходническими промыслами, было в деревнях и волостях, где земельные наделы были наименьшими [Подворная перепись Симбирской губернии 1910–1911 гг. Буинский уезд, 1914, с.43]. Так, в волостях с татарским населением промыслами было занято: в Дрожжановской – около 60% крестьян, в Ново-Какерлинской – 80%. В Дрожжановской волости, например, более всего отходников, свыше 500 чел., работали на заводах

и др. предприятиях, 400 чел. были черно-рабочими, поденщиками наименьшими [Подворная перепись Симбирской губернии 1910–1911 гг. Буинский уезд, 1914, табл.].

Татарские крестьяне работали на фабриках, угольных, рудных шахтах и приисках Урала, Сибири, Донбасса, нефтепромыслах Баку, рыбных тонях Астрахани и др. Много их было в числе грузчиков на реках. Эти работы для многих татар даже в начале XX в. были еще сезонными, так как они возвращались домой на летние сельскохозяйственные работы. В отход шли ремесленники: пильщики досок, плотники, печники, скорняки, шерстобиты, портные... Нанимались в пастухи. Работали в городах приказчиками, дворниками, прислугой, банщиками и т.п. Многие касимовские татары были официантами, трактирными половыми, даже содержателями буфетов на железнодорожных станциях. Список можно продолжить.

О масштабах отходничества свидетельствовало число выданных паспортов и билетов (разрешений на временное оставление места жительства): в конце XIX в. в Казанской губ. – до 150 тыс., в Симбирской – до 140 тыс. [Смыков, 1973, с.91].

Вторые – это мелкая сельская буржуазия, зажиточные крестьяне, ведущие предпринимательское земледельческое и скотоводческое хозяйство, для чего покупали, в значительных размерах арендовали землю, нанимали рабочих. Они же часто были владельцами небольших промышленных заведений, мельниц, салотопенных, скорняжных, кожевенных, смолокурных и др. «предприятий». Такие крестьяне выступали подрядчиками на кустарных промыслах, становились мелкими торговцами, скупщиками-заготовителями (прасолы) и др. В многоземельной Оренбургской губернии, где интенсивно развивался капитализм, их численность была особенно значительной [Усманов, 1981, с.273–274].

Промыслы были местные и отходнические, земледельческие и неземледельческие. К последним видам относились и кустарные ремесла. Земледельческие (сельскохозяйственные) промыслы – это работа на богатых односельчан, часто отработки за взятую у них же в аренду пашню, лошадь, посевное зерно, продукты. В особо массо-

вых размерах практиковался летний отход в «степь» на жатву, сенокос и др. в юго-восточные уезды края, в районы предпринимательского земледелия и скотоводства. Развитие отходничества в регионе к началу XX в. шло по пути роста неземледельческих работ, в сравнении с земледельческими промыслами [Смыков, 1965, с.44], что было и результатом развития капитализма в промышленности, на транспорте.

Если для казанских татар Казанской губернии был характерен преимущественно неземледельческий отход в ближайшей округе и соседних городах, то для касимовских татар, татар-мишарей Пензенской, Тамбовской, Симбирской и др. губерний более свойственен был дальний отход на заработки в Москву, Санкт-Петербург, Харьков, Крым и на Черноморское побережье, Кавказ, Кубань, Каспий, Оренбург, Бухару, Сибирь.

Поволжские татары принимали активное участие в кустарных промыслах. В российской статистике под «кустарной» (мелкой сельской) промышленностью подразумевались различные производства⁵ и связанные с ними социально-классовые отношения. К ремесленникам-кустарям относились шерстобиты, скорняки, портные, сапожники и др.; мелкие товаропроизводители: рогожники, плотники, тележники и др., работавшие на рынок или заказчика (посредника), от которого получали и сырье. С развитием промышленности и появлением дешевой массовой продукции наблюдался упадок многих видов мелкой кустарной промышленности: ткацкой, токарно-посудной и др. [Дубровский, 1975, с.353, 357].

В татарских деревнях Казанской губ. особенно развитыми были следующие кустарные промыслы: экипажный в Казанском, Мамадышском уездах; рогожно-кулеткацкий в Казанском, Мамадышском, Спасском, Чистопольском уездах; валяльно-войлочный, прежде всего, в Мамадышском уезде, а также в татарских деревнях в Казанском, Лаишевском и др. уездах губернии; портновский в Лаишевском, а также Мамадышском, Ка-

⁵ В статистике Уфимской губернии реальная цифра промыслов в начале XX в. определялась в 42 вида [Кустарные промыслы Уфимской губернии, 1912, с.8].

занском уездах, в основном, среди татар-кряшен; производство ичигов в Казанском, а также Тетюшском и Чистопольском уездах.

Приблизительно так же выглядела социально-профессиональная структура татарского населения за пределами Среднего Поволжья и Приуралья.

Так, в Тобольской губ. местные сибирские татары занимались хлебопашеством, скотоводством, рыболовством, охотой; сарты (бухарцы) и поволжские татары – земледелием, промыслами, торговлей.

Татары, торговцы и крестьяне, появились на севере Казахстана с середины XVIII в. после строительства сторожевой линии и

основанием город Петропавловск. Первоначально основным занятием переселенцев-крестьян было скотоводство, со временем все большую роль начинает играть земледелие. С середины XIX в. здесь, благодаря льготам правительства, становится все больше купцов из казанских и касимовских татар. В первое десятилетие XX в. в Петропавловске татар насчитывалось почти 9 тыс. человек. Практически вся торговля скотом, пухом, кожей, продуктами животноводства проходила через руки татарских купцов. Отсюда товары поступали на рынки Вены, Парижа, Бостона, Берлина, Гамбурга, а через Одессу – в Турцию.

§ 4. Столыпинская аграрная реформа и татарское крестьянство

Рафаиль Шайдуллин

В начале XX в. все социально-экономического развитие аграрного сектора России наглядно подтверждало, что татарское крестьянство заметно оторвалось от феодального способа производства и все крепче связывало себя капиталистическими формами хозяйствования. Строительство Транссибирской магистрали, Московско-Казанской сети железных дорог, бурное развитие торгового парохозяйства по Волге и Каме, значительное увеличение городского населения, быстрый рост спроса на сельскохозяйственную продукцию на российском и западноевропейском рынках вызвали повышение товарности крестьянского хозяйства. К тому же проникновение буржуазных предпринимательских отношений в татарское общество существенно расширило развитие торгового земледелия в деревне. Этот процесс сопровождался не только резкими социальными изменениями в крестьянской среде, но и заметными качественными сдвигами в области развития сельскохозяйственного производства. Что выразилось, прежде всего, в улучшении культуры земледелия, применении более совершенных крестьянских орудий труда и машин для сельскохозяйственных работ, увеличении площадей под рыночными зерновыми и техническими культурами, росте товарности животноводческой продукции.

Рынок заметно начал перестраивать хозяйственные основы татарской деревни.

Под его влиянием произошли существенные изменения в структуре посевных площадей зерновых культур. Известно, что долгие годы в татарских деревнях господствовали серые хлеба – рожь, овес, ячмень и просо. Однако они отвечали преимущественно потребностям натурального хозяйства и были в самой малой степени рыночным продуктом: на мировых рынках не пользовались большим спросом и главным образом шли на внутривоспроизводственное потребление. Хотя общие сборы ржи и овса в татарской деревне не уменьшались, зато удельный вес их среди остальных культур заметно снизился. Одновременно под воздействием капиталистических товарно-рыночных отношений в зерновом хозяйстве татарского крестьянства происходили не только количественные, но и качественные изменения, которые проявились, прежде всего, в значительном росте удельного веса наиболее интенсивных культур пшеницы и картофеля. Положительным моментом также явилось внедрение в севооборот травосеяния, особенно многолетних трав. Увеличение посевных площадей технических культур, пшеницы, картофеля и кормовых трав стало крупным шагом на пути прогрессивного переустройства сельскохозяйственного производства в татарской деревне.

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. татарская деревня испытывала определенный подъем, в ней произошли разительные

индустриальные перемены. С каждым годом увеличивались площади многопольных севооборотов, особенно под интенсивными товарными зерновыми и техническими культурами, количество сельскохозяйственных машин и земледельческих орудий. В этот период с помощью земских, различных ведомственных агрономических служб и частных лиц в местах компактного проживания татарского населения начали организовывать прокатные пункты сельскохозяйственных машин и устраивать случные пункты для облагораживания крестьянского скота, показательные агрономические мероприятия, а также издавать агрономическую литературу на языке разных национальностей. Особенно эта деятельность получила широкий размах в период проведения столыпинской аграрной реформы. В результате чего в деревне убыстрялось применение различных сельскохозяйственных машин и улучшенных орудий, новых агрикультурных приемов в земледелии.

Столь же важным для развития татарской деревни на капиталистических началах было и распространение новых форм разделения труда. Что выражалось, главным образом, в расширении сферы приложения крестьянского наемного труда в торгово-предпринимательских заведениях и мастерских, на различных промыслах. Хотя экономической базой для предпринимательской деятельности в татарской деревне по-прежнему оставалось земледелие. Однако малоземелье, малая зарплата от полеводства и животноводства, слабая развитость фабрично-заводской сети в местах компактного проживания татар, особенно в Поволжье и Приуралье, толкали национальное крестьянство к новым сферам приложения своего труда – различным промыслам по обработке растительного, животноводческого, лесопильного и других видов местного сырья. Среди татарского крестьянства наибольшее распространение получили такие кустарные промыслы, как кулеткацкое, валяльное, кожевенное, рогожное. В некоторых российских регионах иногда до 40 и более процентов татарского населения на долгое время отрывалось от сельского хозяйства и уходило на сезонные заработки в города и южные губернии на сельскохо-

зяйственные работы. Много татарских крестьян работало в крупных городах (Москва, Казань, Самара и др.), на шахтах Донбасса и золотых приисках Урала, нефтяных промыслах Баку и т.п. [Воробьев, 1953, с.62].

В начале XX в. из общего комплекса социально-экономических проблем татарского крестьянства самым большим и уязвимым был земельный вопрос. Он касался не только безземельных и малоземельных, но и тех крестьян, которые не имели особой земельной нужды. Значительное количество крестьянства Поволжья, особенно Казанской губернии, переживало земельную тесноту. Всюду в местах компактного проживания татарского населения, особенно в Среднем Поволжье, ощущалась так называемая «аграрная перенаселенность», избыточность рабочей силы, которую нещадно эксплуатировали помещики, деревенские богатеи, ростовщики и разного рода скупщики. Малоземелье крестьянских хозяйств было одним из бичей деревни Казанской губернии: 91,2% сельских общинников имело мизерный земельный надел. Это, безусловно, обрекало большую часть крестьянских семей на голод и разорение. Еще в 1884 г. чиновник Министерства внутренних дел Российской империи барон А.А.Иксуль-Гильденбанд сообщал в С.-Петербург, что в известной степени бедность крестьян Казанской губернии зависит от «недостаточного наделения землей» [Даишев, 1958, с.7].

Большой интерес в плане землеустройства представляет обеспеченность землей основных национальных групп населения в Казанской губернии. Как следует из анализа губернских статистических данных о национальных группах сельского населения, 29,8% русских и 24,8% татарских крестьян имело до 2 десятин земли, 53,9% и 72,3% – до 4 десятин, 16,9% и 2,9% – 4 и более десятин [Крестьянское землевладение в Казанской губернии, 1909, с.56]. Из этих данных отчетливо видно, что в плане землеобеспеченности татары значительно отставали от русских. По данным за 1907 г., основная масса татарских крестьян Казанской губернии на семью в среднем имела 7,2 десятины земли, в то же время русские – 7,9 десятин. Подобное положение вещей явилось результатом колониальной политики,

проводившейся царской администрацией и принимавшей особенно резкие формы по отношению к татарам-мусульманам [Воробьев, 1953, с.62–63].

Однако самой опасной тенденцией было сокращение душевых наделов и обезземеливание татарских крестьян. С каждым годом в Казанской губернии росло число безземельных крестьянских семей. В 1891–1907 гг. удельный вес безземельных семей вырос на 1,1% [Крестьянское землевладение в Казанской губернии, 1909, с.66]. В 1907 г. насчитывалось 20323 безземельных семей (4,9% от всех крестьянских семей) [Крестьянское землевладение в Казанской губернии, 1909, с.66]. К этому времени 4,3% татарских хозяйств потеряли свои земельные наделы [Воробьев, 1953, с.63]. Основной причиной этого явления был не только естественный прирост сельского населения, но и усиление процесса дробления крестьянских хозяйств.

Все это наглядно говорило о том, что к началу XX в. значительная часть сельских тружеников в буквальном смысле слова была лишена основного средства приложения своего труда – земли. Вот поэтому во многих местах компактного проживания татарского населения, особенно в Среднем Поволжье, царила крайняя земельная нужда. На «малоземелье» в равной степени жаловались бедняки и середняки – владельцы мизерных земельных наделов, об этом говорили и крестьяне, имевшие 20–30 десятин земли на двор. Таковы были результаты правительственных социально-экономических реформ 2-й половины XIX в. Своей внутренней социальной природой они породили непослушное дитя, имя которого – земельный вопрос. Именно этот наболевший вопрос до крайних пределов накалил всю общественную жизнь в стране и поднял многотысячную массу крестьян на первую российскую революцию.

Причины назревшего аграрного кризиса в стране объяснялись не только политикой царского правительства, проводившего линию на сохранение дворянско-помещичьего землевладения, но и непомерно растущим налоговым бременем, вздутыми арендными платежами, примитивными орудиями труда, господством устаревшей (трехпольной)

системы земледелия. Кроме того, в местах компактного проживания татар остро не хватало рабочего скота. Так, по подсчетам экономиста П.И.Лященко, число безлошадных крестьянских дворов в национальных регионах было выше среднестатистических общероссийских данных. В 1890-е гг. число безлошадных хозяйств у татар насчитывалось 34,8%, у мордвы – 14,1%, у чувашей – 11% [Лященко, 1948, с.503]. Все это вместе взятое мешало крестьянскому хозяйству двигаться вперед по пути прогресса и обрекало большую часть сельского населения на нищету и вымирание. Многие крестьяне жили в маленьких однокамерных бревенчатых домах с соломенной крышей (часто в холодное зимнее время в избах содержалась скотина), носили домотканую одежду и лапти. В отдельных местах компактного проживания татарского населения встречались курные избы с земляным полом. К тому же значительная часть крестьянства вела полуголодное существование, часто питаясь лебедой и прочими суррогатными продуктами. Во многих местах все силы крестьянства уходило на борьбу с голодом: изо дня в день им приходилось думать только об одном – как бы просуществовать до нового урожая. Вследствие хронического недоедания и невыносимо тяжелых условий жизни татарские крестьяне тысячами умирали от дистрофии и различных эпидемий, особенно в годы недородов хлебов, которые на рубеже XIX–XX вв. стали случаться все чаще. Так, по данным А.А.Кауфмана, в Великобритании на 1 тыс. душ в городах умирало 26 человек, в деревнях – 19; во Франции – соответственно 30 и 23. В России же соотношение было обратное – 35 в деревнях и 30 в городах [Кауфман, 1918, с.58]. Смертность же среди татарского населения России, по нашим приблизительным подсчетам, достигала до 40 и более человек. В результате, во многих компактных местах проживания татарские земледельцы бросали свои хозяйства и бежали, куда только можно было бежать.

В ходе революционных событий 1905–1907 гг. произошли существенные изменения взглядов на крестьянский вопрос не только в правящих верхах, но и в низовой дворянской администрации. Усиление

общественно-политической активности крестьянства, грозившее новой социальной войной в деревне, поставило царское правительство перед выбором между существующим аграрным строем и коренным переворотом в земледелии, способным расчистить путь для развития сельского хозяйства. Не случайно главный фронт крестьянской борьбы разворачивался по линии уничтожения средневековых отношений в деревне, ставших преградой на пути экономического развития аграрного производства. В этой борьбе определялась одна из главных особенностей распределялась одна из главных особенностей развития полупатриархальной татарской деревни, которая выражалась в столкновении феодальных отношений с неумолимо внедряющимся капитализмом в земледелии. Усиление крестьянского движения весной и летом 1905 г. окончательно убедило царское правительство в необходимости принятия срочных мер по облегчению положения многонационального крестьянства. С целью успокоения многоэтничного крестьянства оно отменило выкупные платежи (Манифест от 3 ноября 1905 г.), приняло новые правила о землеустройстве (указ от 4 марта 1906 г.). Кроме того, оно ввело новые правила работы Крестьянского поземельного банка, передав ему удельные (указ от 12 августа 1905 г.) и казенные (указ от 27 августа 1905 г.) земли для дальнейшей распродажи безземельному и малоземельному сельскому населению. Годовые оклады выкупных платежей бывших помещичьих, государственных и удельных крестьян подлежали с 1 января 1906 г. сокращению на половину, а с 1 января 1907 г. их взимание должно было полностью прекратиться. Несколько позже указом от 4 марта 1906 г. был создан Комитет по землеустроительным делам и землеустроительным комиссиям, которому предстояло сыграть центральную роль в проведении предстоящей земельной реформы. На местах были созданы губернские и уездные землеустроительные комиссии, в обязанность которых входил ряд важных вопросов: облегчение условий переселения безземельных и малоземельных крестьян на свободные земли и арендных отношений в деревне; содействие сельским обществам в установлении более совершенных способов пользования наделными землями; по-

любовная разверстка чересполосных угодий и других видов сельскохозяйственных земель общего пользования; разделение крупных сельских обществ на более мелкие хозяйственные единицы и содействие к расселению крестьян.

С назначения министром внутренних дел России саратовского помещика П.А.Столыпина в апреле 1906 г. на крестьянскую общину обрушилась вся мощь государственного аппарата. Против нее были пущены в ход все политические и экономические рычаги правительства и местных губернских администраций. В эту антиобщинную кампанию включилась многочисленная армия журналистов, писателей, экономистов и юристов, расписывавших на все лады пороки общинного землепользования.

В процессе реализации столыпинской аграрной реформы предусматривалось создание новой землеустроительной системы, основанной на хуторах и отрубках по типу капиталистического фермерского хозяйства. В социально-экономической основе реформы лежала идея о том, что эти новые формы хозяйствования в деревне сначала поглотят наделные крестьянские земли, а затем – и помещичьи латифундии. Эту задачу предполагалось решить двумя способами: путем отвода общинной наделной земли под хуторские и отрубные участки и созданием хуторов и отрубков на землях Крестьянского поземельного банка. Таким образом, деятельность землеустроительных комиссий сводилась, в целом, к насаждению хуторов и отрубков на наделных, банковских и казенных землях.

Однако заметим, что для создания новой системы землеустройства в местах компактного проживания татарского населения требовались огромные капиталы, большие организаторские и агрикультурные силы в лице агрономов, инженеров, техников, землемеров, экономистов, которыми царское правительство, как и местные губернские руководства не располагали. Достаточно сказать, что процессу организации землеустроительных работ в татарских сельских обществах мешала не только косность основной массы крестьянства, но и сильная «инертность» непрременных членов и низкий уровень образованности в составах большинства ко-

миссий» [НА РТ, ф.256, оп.1, д.1, л.91–94]. Многим агрономам, земельным и техническим служащим часто не хватало знаний и практики по организации землеустроительных работ в деревне. Немаловажную роль в срыве землеустроительных работ играло также незнание ими национальных особенностей татарского крестьянства. Повсеместно в их работе проявлялось канцелярское отношение к делу. Наконец, создание новых форм землеустройства предполагало также активное участие самих крестьянских масс, без творческой энергии которых было очень трудно осуществить коренную перестройку старых форм землепользования.

Одним из свидетельств неэффективности работы землеустроительных комиссий на местах являлось малое количество зарегистрированных крестьянских заявлений об укреплении земли в личную собственность. Так, в Казанской губернии с момента обнародования указа от 9 ноября 1906 г. до истечения 1907 г. в землеустроительные комиссии было подано 2910 заявлений об укреплении земли. В том же году Казанским отделением Крестьянского поземельного банка по законченным сделкам было куплено 34147,5 десятин земли (на 3 млн. руб.). Эти земли были переданы 39 сельским обществам, 58 товариществам и 9 отдельным домохозяевам [НА РТ, ф.1, оп.4, д.4451, л.10–12]. Такие же процессы происходили и в других местах компактного проживания татарского населения, что объяснялось не только косностью татарского крестьянства, цепко придерживавшегося старых дедовских способов земледелия, но и отсутствием доступных форм обнародования правительственного указа от 9 ноября 1906 г. Татарское крестьянство, как и его другие национальные группы, достаточно поверхностно представляло главные цели столыпинской землеустроительной политики. В связи с этим от властей требовалась огромная разъяснительная работа о целях новой аграрной реформы не только среди русских, но и татарских, чувашских, марийских, удмуртских, мордовских крестьян. Правда, чуть позже на местах силами губернских и уездных землеустроительных комиссий были подготовлены и опубликованы для русских крестьян отдельными

изданиями брошюры о задачах указа от 9 ноября 1906 г. Затем они были переведены на татарский язык и распространены среди сельского населения.

Все эти негативные явления, связанные с работой землеустроительных комиссий, объяснялись оторванностью министерских и местных губернских чиновников от проблем многоэтничного крестьянского населения страны. К тому же различные рецидивы на местах, связанные с реализацией новой земельной реформы и землеустройством национальных деревень, постоянно вызывали у правительственных чиновников колебания и замешательство, заставляя их лавировать между различными группами крестьянства, а также разными социальными слоями и прослойками российского многонационального общества. Однако такое положение дел, безусловно, не устраивало главного инициатора земельной реформы П.А.Столыпина. Так, например, он в своем обращении к казанскому губернатору М.В.Стрижевскому требовал от него «неуклонного и неослабного наблюдения и настойчивого руководства» процессом землеустроительных работ в губернии [Кабитов, 1977, с.17]. Вслед за чиновниками Министерства внутренних дел казанский губернатор в своих предписаниях землеустроительным комиссиям требовал ускорения темпов проведения работ по устройству земель сельских общин. Так, в одном своих распоряжений к уездным комиссиям Стрижевский указывал, что «...отныне всю деятельность чинов полиции я буду оценивать со стороны успешного применения в каждом уезде закона 9 ноября 1906 года» [НА РТ, ф.1, оп.4, д.5251, л.3].

Однако расчеты правительственных и губернских чиновников на быстрое проведение землеустроительной кампании в России не оправдались. Развернувшаяся по всей в стране массовая антиобщинная кампания оказалась недостаточной для разрушения многовековых крестьянских поземельных институтов. Российская практика массового принуждения крестьянства очередной раз не смогла обеспечить необходимых условий для поступательной реализации аграрной реформы в татарской деревне. С первых дней проведения земельных реформ в дере-

вне началась активная кампания по защите интересов крестьянской поземельной общины. В результате, к новым формам землепользования крестьянство переходило достаточно вяло, что серьезно настораживало губернские власти. В своем отчете императору Николаю II М.В.Стрижевский (1910 г.) писал: «В переходе крестьян от общинного землепользования к единоличному землевладению наблюдается серьезный кризис, выразившийся в форме резкого уменьшения числа заявлений от отдельных домохозяев о выходе из общины» [НА РТ, ф.1, оп.4, д.4875, л.41].

Причины низких темпов землеустроительных работ в Казанской губернии кроются, несомненно, в принудительном характере этой правительственной кампании. Доказательством этому может послужить сам процесс укрепления земельных наделов в личную собственность. Как следует из анализа статистических данных за 1906–1910 гг., из 21998 домохозяев, укрепивших землю в личную собственность, 17097 хозяев (77,7%) стали владельцами личных земельных участков на основании постановлений земских начальников и только 4901 (22,3 %) – по приговорам сельских сходов [Укрепление наделов в личную собственность в Казанской губернии, 1911, с.21]. Таким образом, можем сказать, что значительная часть крестьянских дворов укрепила свою землю в личную собственность под давлением земских начальников, а не по взаимному соглашению общинников.

Кроме того, нельзя упускать из виду, что в темпах правительственной землеустроительной кампании сказалось не только негативное отношение крестьянства к новому аграрному закону, но и влияние природно-климатических, экономических, национальных, бытовых и многих других факторов. Если количественную динамику реализации аграрной реформы рассмотреть по факту укрепления земельных наделов в личную собственность национальными группами крестьянства, то видно, что татары в этом плане значительно отставали от русских. Общее количество домохозяев, закрепивших земельные наделы в личную собственность, в среднем по Казанской губернии в начале 1911 г. составляло 4,5%

(в том числе владельцев хуторов 0,5%). К этому времени только 3190 татарских крестьянских хозяйств, или 2,5% от всех сельских домохозяев, закрепили за собой свои земли в собственность. В то же время общая площадь земли, укрепленной в собственность, у русских составила 7,5%, у татар – 2,2%, у чувашей – 2,1% [Укрепление наделов в личную собственность в Казанской губернии, 1911, с.28]. Крайне ничтожное распространение получило среди татарского крестьянства хуторская форма землевладения. По некоторым данным, в 1910 г. за русскими хозяевами числилось 4559,1 десятин хуторских земель (59,4%), татарскими – 935,4 десятин (12,2%), чувашскими – 664,7 десятин (8,7%) [Укрепление наделов в личную собственность в Казанской губернии, 1911, с.32]. Эти цифры довольно наглядно показывают, что среди татарского крестьянства хуторская система не получила достаточно широкого распространения.

Такой малый процент укрепления земли в личную собственность среди татарских крестьян объяснялся, скорее всего, сравнительно слабой социальной дифференциацией сельского общества и главенством пережитков патриархальных традиций в нем. В татарской деревне общинные порядки всячески поддерживались зажиточными, отчасти середняцкими слоями крестьянства, для которых было «выгоднее» сохранить некоторые формы традиционного хозяйствования, нежели менять их на отрубное, или на хуторское землепользование. Кроме того, слабые подвиги к укреплению земли в личную собственности среди татарских крестьян объяснялись также развитостью ростовщичества в деревне, часто приобретавшего форму взаимных услуг. В новых условиях, несомненно, оно стало одним из тормозов развития производительных сил в татарском земледелии. В этот процесс свою негативную «лепту» вносило также мусульманское духовенство, главное консервирующее звено традиционных общинных (джиенных) традиций. Оно, таким образом, выполняло свои охранительные функции от православного посягательства на его паству. Все это замедлило процесс разложения татарской общины и индивидуализации крестьянских хозяйств.

Статистические и фактические данные указывали на то, что в местах компактного проживания татар в период активной фазы реализации аграрной реформы в России, несмотря на все «старания» правительственных чиновников, так и не удалось разрушить традиционную общинную форму землевладения и создать единую и стройную систему землепользования. Даже на тех нарезанных участках, которые находились под непосредственным наблюдением правительственных ведомств и земских начальников, отрубное и хуторское землеустройство было далеко не совершенным. Во многих местах это землеустройство носило чисто формальный характер и не отражало истинного положения вещей. Дело в том, что во многих случаях хутора так и остались незаселенными, а их владельцы предпочитали оставаться на прежних местах проживания, поскольку было слишком много трудностей организационно-хозяйственного и социально-бытового плана. Во многих местах для устройства хуторских хозяйств отсутствовали даже минимальные условия: водоснабжение, дороги и другие инфраструктурные коммуникации. Даже крепким хозяйствам было не под силу устроить свое хозяйство на новом месте. К тому же интересы сельского населения далеко не совпадали с официальной политикой правящей верхушки, пытавшейся организацией изолированного и замкнутого хозяйственного строя в деревне вытравить из крестьянской среды «вольнодумство».

Конечно, судьба татарской общины была предрешена самим ходом экономического развития, но в то же время следует заметить, какое сильное сопротивление она оказывала правительственным чиновникам, попытавшимся одним махом ее разрушить. Именно насильственное навязывание новых форм хозяйствования в деревне, без реальной материальной и агротехнической помощи со стороны царского правительства, подорвали веру татарского крестьянства в аграрную реформу, заставив их искать поддержку и защиту своих попорченных земельных прав у различных политических сил страны. Борьба общинников против хуторян и отрубников почти повсеместно носила острый ха-

рактер, особенно больших масштабов она достигла в 1917 г.

Более того, крестьянская община в годы столыпинской аграрной реформы не только не пала, но даже окрепла. Чтобы убедиться в этом, проанализируем какие социальные прослойки крестьянства вышли из общины, а какие силы удерживали ее от распада. Статистические данные свидетельствуют, что самая многочисленная категория выходцев – это малоземельные, разорившиеся крестьяне, многие из которых давно уже порвали связи с землей. К их числу, в первую очередь, относились сельские кустари-ремесленники, отходники-промысловики и т.п., которые ранее сдавали свои наделы в аренду, теперь, пользуясь предоставленными реформой возможностями, распродали их. Ко второй категории относились нетрудоспособные владельцы (престарелые, вдовы, сироты и т.п.), которые и ранее сдавали свои наделы в аренду, а теперь получили возможность совсем отделаться от них, причем эта категория крестьян составляла значительную часть всех выходцев из общины. К третьей категории выходцев из общины относятся переселенцы (по нашим подсчетам, их среди татар было не более 10 тыс. семей), которые путем продажи своих наделов получили возможность переселяться на новые земли. Кроме того, среди выходцев из общины была и определенная прослойка зажиточного крестьянства (так называемых «хозяйственных мужичков»), давно пытавшейся выйти за рамки общины. Теперь они почти полностью порывали с ней свои хозяйственные узы. Хотя это и небольшая по численности категория, но она была самым крупным земельным скупщиком, в руках которого концентрировалась большая часть купленной земли. Очевидно, что, освобождаясь от этой категории крестьян, община не утратила своей жизнеспособности.

Таким образом, из общины выходили главным образом две группы сельских хозяев: деревенская беднота, кустари-ремесленники, отходники-промысловики и нетрудоспособные владельцы и т.п., которые уже почти порвали связь с землей и теперь окончательно развязались со своими наделами; зажиточная верхушка деревни, которая давно уже чувствовала общинную тесноту,

тяготилась ее замкнутостью и неподвижностью. Первые выходили из общины с целью полной ликвидации своего хозяйства, вторые – с целью расширения своего хозяйства, в первую очередь, земельного участка. Разумеется, выход этих категорий из сельских обществ несколько не ослабил позиции традиционной татарской общины.

Татарское крестьянство, не успев оправиться от аграрного кризиса начала XX в., вновь оказалось в полосе более глубоких разрушительных потрясений, вызванных Первой мировой войной. Развернувшиеся мобилизационные мероприятия царского правительства в первую очередь коснулись людских и материальных ресурсов деревни. Изъятие из сельского хозяйства огромного количества людской рабочей силы, тягла, продовольствия, сырья, усиление налогового пресса, введение многочисленных трудовых повинностей – все это поставило деревню на грань хозяйственного развала и полной экономической катастрофы.

Война поглотила, прежде всего, огромную массу здорового, цветущего мужского населения, лишив деревню даже минимума производительной рабочей силы. Достаточно сказать, что в 1914–1917 гг. из Казанского военного округа в российскую армию было отправлено 7950 маршевых рот (около 2,4 млн. солдат и офицеров), в том числе из Казанской губернии свыше 290 тыс. человек [Цейтлин, 2006, с.80], которые были мобилизованы в основном из деревни. Так, по приблизительным подсчетам Г.Исхаки, в составе российской армии было несколько сотен тысяч представителей мусульманского населения, в том числе татар. По его мнению, «первая всеобщая мобилизация в 1914 г. в России неожиданно поразила численностью татар, благодаря чему отправленных на фронт татар в процентном отношении было больше, чем русских, и составила около 960000 человек» [Исхаки, 1932. С.18]. Многие из мобилизованных мусульман России, особенно из народов Средней Азии, использовались в тыловых работах. В годы Первой мировой войны создавались специальные мусульманские воинские формирования из представителей татар, башкир, чеченцев, ингушей и других народов. Так, например, в Казанском во-

енном округе были сформированы 94, 95-я мусульманские запасные пехотные полки и другие воинские подразделения. Татары, в отличие от мусульман Средней Азии, в основном направлялись в действующую армию на Западный фронт, в составе которой они активно участвовали в военных операциях против войск тройственного союза. Об этом свидетельствует контингент немецких лагерей для военнопленных. «Достаточно отметить, что в Германии в лагерях Сосена и Вонгедорфа число их доходило до 57 тыс. человек» [Исхаки, 1932, с.18].

Заметим также, что основная масса мобилизационного населения приходилась на бедняцко-средняцкую часть деревни, почти не затрагивала зажиточные хозяйства, которые могли откупиться от всех воинских повинностей. Продолжающиеся военные мобилизации буквально обескровили сельское хозяйство губернии. Женщины, подростки, вернувшиеся раненые солдаты не смогли полностью заменить крестьян, мобилизованных на фронт. Недостача рабочих рук чувствовалась в крестьянских хозяйствах повсюду. Чтобы яснее представить объем обеспеченности деревни рабочей силой, рассмотрим данные переписи 1917 г. В Казанской губернии из всех сельских работников 44,9% было мобилизовано в армию, в результате чего 24,1% крестьянских хозяйств остались без работников [Сиринов, 1923, с.397–398].

Огромный отлив рабочей силы из многонациональной деревни, особенно из татарской, очень тяжело отразился на мелких крестьянских хозяйствах, которые во многих случаях подвергались разорению и самоликвидации. Разорившиеся крестьянские семьи пополняли резервную армию труда. Достаточно сказать, что во время войны число батраков, готовых работать за кусок хлеба, значительно возросло. В деревне стал широко применяться дешевый женский и детский труд.

Но кроме людских ресурсов война потребовала и другие материальные жертвы. Особенно тяжелое положение в многонациональной деревне складывалось в результате изъятия из крестьянского хозяйства большого количества лошадей – основной двигательной силы земледелия. Если в странах

Западной Европы, особенно в США, уже тогда было большое количество механических двигателей, и лошади не играли столь важной роли в хозяйстве, то в России лошадь представляла собой главную тяговую силу и транспортное средство. Ко второй половине 1917 г. сельское хозяйство потеряло значительное количество рабочих лошадей, что явилось тяжелым ударом для мелкого крестьянского хозяйства. Всего ко второй половине этого года было мобилизовано до 2,1 млн. голов лошадей. Из анализа статистических данных 50 губерний Европейской России, в том числе Казанской, следует, что в 1914–1917 гг. общее число лошадей сократилось с 17,9 млн. до 12,8 млн. голов [Лященко, 1948, с.643–644]. Однако при этом надо подчеркнуть, что в Казанской губернии к 1917 г. в сравнении с 1916 г. общее поголовье лошадей увеличилось почти на 10,5% (с 485,8 тыс. голов [Фазульзянов, 2005, с.380] до 571,5 тыс. голов [Фазульзянов, 2006, с.387]). Конечно, мы далеки от мысли, чтобы придавать росту поголовья конского состава какое-то самодовлеющее значение. Что, скорее всего, связано с особенностью развития главной отрасли животноводства коневодства, которое в этот период у татар получает интенсивный характер воспроизводства. К тому же Казанская губерния была центром военного округа – все это, в конечном итоге, способствовало значительному притоку в Казань лошадей из других регионов, а также брак негодных для армии лошадей и продажа их крестьянам.

Но наряду с большим уроном, нанесенным людской и тягловой рабочей силе, крестьянские хозяйства оказались еще и без земельного инвентаря. За годы войны почти полностью прекратилось поступление промышленных изделий для нужд сельского хозяйства, в результате, деревня лишилась и того мизерного поступления орудий труда, которое было до войны. Заводы, производившие сельскохозяйственные орудия, в первый же год войны были парализованы. Часть из них в силу отсутствия металла, топлива и рабочей силы прекратила производство или же работала не в полную нагрузку, другая же часть перешла на производство военного снаряжения. Уже к концу 1914 г.

крупные сельскохозяйственные машиностроительные заводы сократили производство до одной трети довоенного, а в 1916 г. производство 173 наиболее крупных заводов составило всего 25% довоенной выработки сельскохозяйственных машин. Большинство этих заводов было переведено на военное производство. Оставшимся предприятиям остро не хватало металла и топлива. Так, им вместо требующихся 15 млн. пудов металла было отпущено всего лишь 1,3 млн. пудов [Лященко, 1948, с.644]. К этому необходимо прибавить почти полное прекращение импорта сельскохозяйственных машин и земледельческих орудий, который давал перед войной ежегодно до 9,7 млн. пудов и покрывал до 50% всей потребности России; в 1915 г. было ввезено всего 196 тыс. пудов, а в 1916 г. – 391 тыс. пудов [Лященко, 1948, с.644].

Наконец, деревня лишилась всякой поддержки со стороны мелких починочных и тому подобных металлообрабатывающих мастерских, кустарных предприятий, деревенских кузниц, которые оказались в совершенно катастрофическом положении. С объявлением войны часть кустарей, ремесленников и кузнецов была призвана в действующую армию, другая часть из-за отсутствия металла и топлива свернула свою работу по изготовлению и ремонту сельскохозяйственного инвентаря и ушла в города в надежде на более высокие заработки. Дело дошло до того, что в деревнях были закрыты кузницы, некому было отремонтировать плуг, соху, борону, отбить косу, направить серп, починить сбрую и телегу. Значительная часть крестьянства по существу лишилась самых примитивных орудий земледельческого труда.

Подобно цепной реакции начался постепенный распад экономики крестьянского хозяйства российских провинций. Звено за звеном разваливался целостный хозяйственный организм деревни регионов проживания татарского населения. В хозяйствах значительно сократились посевные площади и поголовье скота, упала урожайность полей, снизились валовые сборы сельскохозяйственных культур, образовалась огромная нехватка продовольствия, наступило расстройство финансовой системы и кредитно-

банковских операций. Положение татарского крестьянства ухудшалось и в связи с сильной инфляцией российского рубля, ростом цен на хлеб и еще более быстрым ростом цен на сельскохозяйственный инвентарь и промышленные товары первой необходимости. Война привела к параличу всей хозяйственной жизни татарской деревни. Говоря иначе, война обратила все людские и материальные ресурсы на непроизводительное хищническое пожирание плодов человеческого труда.

Таким образом, аграрные преобразования начала XX в. не смогли кардинально улучшить социально-экономическое положение татарской деревни. Они еще больше осложнили земельные отношения в аграрном секторе страны. Естественный прирост

татарского населения и сокращение размеров наделов способствовали в определенной мере интенсификации крестьянского труда. Это, с одной стороны, выразилось в расширении площадей крестьянских полей под трудоемкими техническими культурами, прежде всего, под картофелем, с другой – в увеличении численности армии крестьян-отходников и промысловиков. Для определенной части татарского населения неземледельческие заработки постепенно стали превращаться в основное средство существования. Либерально-буржуазные реформы определенно всколыхнули татарское крестьянство, изменился не только его социально-экономический облик, но и общественно-политический менталитет.

ГЛАВА 2

Становление тюрко-татарского политического движения в России (начало XX столетия)

§ 1. Предреволюционная ситуация и революционные события в России и Казанской губернии

Диляра Усманова

Первые годы XX столетия ознаменовались складыванием в России предреволюционной ситуации, когда налицо было глубокое недовольство народных масс, действовали постоянно подогревавшие это недовольство революционные и оппозиционные организации, когда традиционная власть проявляла очевидные признаки явной неспособности контролировать обстановку в стране. В условиях сильного финансово-промышленного кризиса резко усилилось забастовочное движение, о чем свидетельствуют следующие данные: в 1901–1904 гг. в стране было зарегистрировано свыше полумиллиона забастовщиков. Причем стачки все чаще сопровождались политическими демонстрациями, во время которых звучал лозунг «Долой самодержавие!», ставший, по выражению современников, «народной поговоркой». Переломными эти годы стали в плане нарастания крестьянского движения, охватившего с 1902 г. большинство губерний Европейской части России. Неудачная для России война с Японией 1904–1905 гг. еще больше дискредитировала царизм в глазах собственного народа и на международной арене.

Казанская губерния в начале XX столетия представляла собой провинцию с ярко выраженным доминирующим аграрным сектором и преобладающим крестьянским населением. Поэтому недовольство охватывало сельское население губернии с той же интенсивностью и силой, что и другие регионы страны: только в 1901–1903 гг. в губернии произошло более 15 крестьянских волнений. Наиболее крупные волнения происходили в Лаишевском, Спасском и

Свияжском уездах. В основном, речь шла о стихийных проявлениях недовольства, о самовольном захвате и запашке помещичьих земель, о поджоге и разграблении помещичьих имений. Лишь в отдельных случаях крестьяне отказывались от уплаты недоимок по выкупным платежам и вообще могли сформулировать какую-либо программу требований.

Волнения в промышленном секторе также начались в первые годы XX столетия, что было связано и с тяжелым промышленным кризисом, оставившим без работы десятки тысяч рабочих. Но в своей основе волнения промышленных рабочих были обусловлены тяжелейшими, кабальными по сути, условиями труда, чрезвычайно низким уровнем заработной платы, отсутствием каких-либо социальных гарантий и страхований, невыносимыми бытовыми условиями. Из губернских городов промышленность была развита только в Казани и отчасти в Чистополе, а потому самые сильные волнения были в этих городах (в основном, на таких предприятиях, как Алафузовский завод, Паратский механический завод и др.). В период революционных событий волнениями и забастовками было охвачено также большинство мелких предприятий кожевенного, мыловаренного и стеаринового производства. К ним примыкали типографские рабочие, портные, булочники и пр. Рабочие двух крупнейших предприятий Казани – завода Крестовниковых и порохового завода – как правило, оставались в стороне от активного забастовочного движения, отчасти вследствие более жесткой трудовой дисциплины (пороховой завод относился к числу военных заводов, с государ-

ственными заказами и военной дисциплиной) и сравнительно лучших условий труда на данных предприятиях.

В целом, по сравнению с промышленными центром и югом страны, территория Казанской губернии являлась слаборазвитой в промышленном отношении и чрезвычайно провинциальной в плане развития революционного движения (Казань – «сонный город», «вандея» как в оценках революционеров, так и либералов).

Первая русская революция началась с событий 9 января 1905 г., когда в столице была расстреляна мирная демонстрация, что стало мощнейшим катализатором революционных событий в стране. Жестокость и бессмысленность этой расправы, провокативность действий организаторов демонстрации и полиции – все это стало своего рода последней каплей, переполнившей чашу терпения общественности. Волна протестов и недовольств действиями властей прокатилась по всей стране, охватив и Казанскую губернию.

Новая волна забастовочного движения, проходившего как под лозунгами солидарности с расстрелянными в столице демонстрантами, так и с экономическими требованиями, началась 20 января, когда забастовали алафузовские рабочие. К 21 января бастовало уже свыше 4,6 тыс. рабочих, что по своим масштабам для Казани было беспрецедентным явлением и привело к временной капитуляции владельцев предприятий [Амирханов, 2005, с.14]. Январские забастовки в Казани продолжались 4 дня, охватив помимо Алафузовской фабрики, еще целую сеть предприятий мелкого и среднего бизнеса (бастовали грузчики, портные, типографские рабочие, булочники и пр.). В целом, забастовочное движение весной-летом 1905 г., несмотря на значительные агитаторские усилия социал-демократов, имело разрозненный характер, проходило преимущественно под экономическими лозунгами. В ряде случаев оно завершилось успехом бастующих: на отдельных предприятиях ввели 10-часовой рабочий день, местами повысили заработную плату, отменили систему штрафов.

В условиях подъема революционных движений и усиления протестных настрое-

ний активизировались различные политические группы и партии. Еще в предреволюционные годы в Казани и ряде уездных городов действовали отделения социалистических партий: казанский комитет РСДРП и казанская группа социал-революционеров. Довольно активным было студенческое движение, которое, впрочем, не имело ярко выраженной политической окраски. Либеральные партии – партия народной свободы (кадеты) и партия 17 октября (октябристы) – начинают организацию оформляться лишь после издания Манифеста 17 октября, даровавшего населению незыблемые гражданские права и придавшего учреждаемой Государственной думе законодательные права. Правом создавать политические партии воспользовались и представители промонархических кругов, образовавшие осенью 1905 г. в Казани т.н. Царско-народный союз во главе с В.Ф.Залесским [Алексеев, 2002 а; Алексеев, 2004]. Из либеральных партий тон задавали кадеты, которые имели свои отделения в Казани и ряде уездных городов (Чистополь, Лаишево, Цивильск, Ядрин). Лидерами партии были университетские профессора (А.В.Васильев, Г.Ф.Шершеневич, Н.П. Загоскин), представители адвокатуры (М.Л.Мандельштам, А.Г.Бать, И.И.Бабушкин). Октябристов возглавляли представители университетского сообщества (М.Я.Капустин, А.В.Смирнов), крупного бизнеса (В.А.Карякин) и органов местного самоуправления (Н.А.Мельников) [Айнутдинова, 2003; Усманова, 2006]. Основная деятельность региональных отделений этих партий осенью 1905 – весной 1906 гг. свелась к организационному оформлению и участию в предвыборной кампании в Государственную думу 1-го созыва.

Одним из наиболее значительных событий осени 1906 г. в крае стало т.н. октябрьское восстание. 19 октября у здания Городской думы состоялся многотысячный митинг, на котором радикальные ораторы (большевик С.А.Лозовский, эсер П.Л.Драверт и др.) призывали не верить Манифесту 17 октября, бороться до конца. Подстрекаемая ими толпа начала разоружать полицию, попыталась освободить политических заключенных из тюрьмы и пр. Вечером состоялся второй многочисленный

митинг, уже в здании городского театра, который призвал к фактическому неподчинению городским властям, роспуску полиции и созданию народной милиции. Последняя была создана из числа студентов и учащихся гимназий, небольшого числа молодых рабочих и мастеровых, а также представителей радикальной молодежи. В ночь с 19 на 20 октября 1905 г. был создан объединенный комитет партий, который получил название «Городской коммуны». В ее состав вошли представители различных политических партий (большевиков, меньшевиков, эсеров

и кадетов). Однако контроль повстанцев над городом продлился недолго, и уже 21 октября, преодолев первоначальный испуг, городские власти взяли ситуацию под свой контроль: правительственными войсками было захвачено здание Городской думы, где заседал штаб коммунаров, арестованы и заключены в городскую тюрьму около 130 милиционеров. Среди арестованных были лидеры казанских большевиков (С.А.Лозовский, И.А.Саммер) и эсеров (в т.ч. члены татарской проэсеровской организации Ф.Туктаров, Ш.Мухамедьяров) и др.

§ 2. Контакты татар с общероссийскими политическими партиями и образование первых мусульманских (татарских) политических организаций

Диляра Усманова

Политическое движение нерусских народов России в начале XX в. находилось под влиянием общероссийских политических партий. В общероссийском масштабе удельный вес численности людей, состоявших в политических партиях, колебался от 0,5% в 1905–1907 гг. до 1,2–1,5% после Февральской революции [Шелохаев, 1997, с.20.]. Применительно к мусульманскому населению страны этот показатель был на порядок ниже. Участие татар в деятельности общероссийских партий было явлением малораспространенным и ограничивалось узким кругом лиц.

Первый татарский политический кружок в Поволжье был организован примерно в 1895 г. группой учащихся русско-татарской учительской школы (КТУШ) в Казани. Но он был малоизвестен и не нашел широкого отклика в мусульманской среде. Кружок издавал рукописный или гектографический журнал «Таракки» («Прогресс»). В 1901 году он изменил свое название на «Шакирдлык», а еще позднее – на «Хоррият» («Свобода»), также по названию издаваемых им рукописных периодических органов. Многие члены кружка приняли участие в движении «Ислах» («Реформа»), активизировавшем свою деятельность накануне и в период революции. Таким образом, в первые годы XX столетия радикальное татарское общественное движение

в крае было представлено преимущественно активной частью шакирдов (учеников медресе), объединившейся под лозунгами реформы системы мусульманского образования (движение «Ислах»)⁶. Среди идеологов, лидеров и наиболее активных деятелей «ислахистов» следует назвать Юсуфа Акчуру, Гаяза Исхаки, Фатыха Амирхана и Габдрахмана Мустафина. По мере того, как радикальные политические лозунги охватывали все более широкие слои населения, происходила трансформация движения «Ислах» из сугубо джадидистского, предусматривавшего, прежде всего, реформу учебной системы, в политизированное революционно-демократическое движение.

Проникновение в мусульманскую среду социалистических идей происходило также в начале XX века, в период формирования российских социалистических партий, и в значительной степени связано с деятельностью студенчества. Первыми социал-демократами из татар стали братья Ибрагим

⁶ Одним из важнейших источников о деятельности дореволюционных мусульманских съездов и образования татарского политического движения является книга «Основы реформирования» Мусы Бигиева, который сам принимал активное участие в их работе, а в ряде случаев исполнял секретарские функции [Биги, 1917. 289 б].

и Ибниамин Ахтямовы⁷, учившиеся в начале века в Казанском и Санкт-Петербургском университетах. Однако накануне первой русской революции представительство татар в политических объединениях было единичным. Да и само российское политическое движение (особенно либеральное и социалистическое) было в зачаточном состоянии и могло более-менее легально функционировать в эмиграции. В России прутье пошло на либерализацию внутривластного курса лишь осенью 1904 г. («весна Святополка-Мирского»), но вплоть до Октябрьского манифеста 1905 г. не было правовых оснований для существования политических партий.

В целом оживление общественно-политической жизни мусульманского населения России произошло в годы первой русской революции 1905–1907 гг. Именно тогда среди мусульман появились первые политические группы с более-менее ярко выраженной партийной ориентацией. Татарские социал-революционеры объединились в группу «танчлар», тогда как татарские социал-демократы создали группу, по аналогии называемую в литературе «уралчлар». Эти названия произошли от наименований двух газет, являвшихся их печатными органами, – «Танг юлдузы» («Утренняя звезда») и «Урал». Наиболее активными деятелями стали воспитанники Казанской татарской учительской школы Гаяз Исхаки, Фуад Туктаров и Шакир Мухамедьяров, среди последних – Хусаин и Хадича Ямашевы, Гумер Терегулов. Тангисты действовали в Казани и были близки с местными социал-революционерами (в частности, Фуад Туктаров входил в региональное отделение этой партии), а группа Ямашева – в Уральске. Однако их деятельность была непродолжительной, а влияние на татарскую общественность оставалось ограниченным. Обе группы сошли с общественной арены в течение 1907 г., так и не сумев перерасти в политическую партию, частью вследствие репрессий со стороны

властей, а отчасти в силу крайней узости социальной базы.

Либеральное течение в национальном движении было представлено группой лиц, симпатизировавших идеям партии конституционных демократов (кадетов). И в данном случае распространение либеральных идей первоначально происходило на уровне межличностных контактов и личных связей, а также вследствие контактов мусульман с представителями российского общества в высших учебных заведениях или же общеимперских общественных институтах. Важной общественной и политической «школой» для мусульманских либералов являлись органы местного самоуправления, особенно земские учреждения, городские думы и управы.

Не менее значимым для распространения либеральных идей было наличие креативных личностей, способных не только усваивать, но и генерировать различные идеи, создавать вокруг себя общественно и политически активное пространство. Одним из подобных участников мусульманского политического движения был Габдрашид Ибрагимов. После возвращения из-за границы в конце 1904 г. он сразу же включился в общественную жизнь, выполняя для поволжских татар роль «колокола», будировавшего политически инертную мусульманскую массу [Валиди, 1924]. Поселившись в Санкт-Петербурге, Г.-Р. Ибрагимов стал также своего рода мостиком между столичными политическими кругами и мусульманами. В качестве редактора татарского издания «Ульфят» он присутствовал на съезде Союза автономистов и федералистов, состоявшемся в столице в ноябре 1905 г. под председательством известного ученого профессора И.А. Бодуэна де Куртенэ. Делегаты, представлявшие национальные интересы поляков, украинцев, эстонцев, латышей, литовцев, евреев, армян, кавказских мусульман и поволжских татар, киргизов (казахов) и др. нерусских народностей России, ставили перед создаваемым Союзом следующие задачи: провозглашение и установление фактического равноправия народов, входящих в Российскую империю; обеспечение культурно-национальных прав всех национальных меньшинств как в общероссийском

⁷ Позднее Ибрагим Ахтямов стал адвокатом и лидером уфимских меньшевиков, а Ибниамин Ахтямов – активным деятелем национального движения.

масштабе, так и в автономных окраинах; переустройство и децентрализация национальных окраин на демократических принципах и т.п. Если ближайшей задачей члены Союза ставили «самоопределение окраин в форме краевой автономии», то конечная цель виделась в широком переустройстве России на федеративной основе. Делегатами конференции был избран Центральный комитет из 20 человек, среди членов которого был и Г.-Р. Ибрагимов. Образованный осенью 1905 г. Союз автономистов-федералистов стал прообразом «Союза автономистов» [Усманова, 2005; Циунчук, 2006б, с.245–255], созданного первоудмцами. Несмотря на то, что деятельность обоих союзов не была длительной и слишком результативной, их появление отражало степень популярности автономистских идей в российском обществе.

Для мусульманского населения империи, особенно для татар, участие мусульманских общественных деятелей в работе общероссийского съезда играло важную мобилизующую роль. Г.-Р.Ибрагимова заслуженно называют одним из генераторов идеи национальной автономии. Значителен его вклад в институализацию мусульманского политического движения. Судя по первым программным статьям в издаваемой им газете «Ульфет» [Ибрагимов, 1905б], наличие у ряда нерусских народностей вполне осознанной программы действий подталкивало мусульман к осознанию собственных национальных интересов и оформлению их в виде политической программы. В статье «Автономия», открывавшей первый номер газеты, Г.-Р. Ибрагимов писал: «Сегодня отовсюду приходят известия о том, что создаются различные союзы, партии, организации, объединения. Каждый народ старается таким образом отстаивать свои интересы, и только среди татар нет силы, которая могла бы возглавить подобное движение. Ничего нет. Почему так происходит?... Многие народы получают то, что дают и, как говорится, завоевывают то, что им не доступно. Каково же будет положение нашего татарского народа? Что нужно нам, татарам? Чего мы должны добиваться и чего мы хотим в будущем? Знают ли татары,

что им необходимо?... Это очень важные вопросы, их все нужно хорошо обдумать и попытаться найти на них ответы» [Ибрагимов, 1905б]. Размышления Г.-Р.Ибрагимова о векторе национального развития, положения этой и последующих статей легли в основу брошюры, которая является одной из первых работ, затрагивающих проблему национально-государственного переустройства России и политического будущего мусульманских народов империи [Ибрагимов, 1905 а].

Характерным примером персонифицированности распространения либеральных идей в мусульманской среде может служить партийная деятельность Юсуфа Акчуры. Благодаря обширным знакомствам в среде российской интеллигенции, он рано вошел в либеральные круги, участвовал в работе первых кадетских съездов (2-го, 3-го и 4-го), представляя на них интересы мусульманского населения страны [Тыркова-Вильямс, 1998]. На втором съезде партии народной свободы (январь 1906 г.) Ю.Акчура даже был избран в Центральный комитет партии народной свободы, что свидетельствовало о попытках кооптации представителей мусульманской политической элиты с кадетами.

Но подобное взаимодействие было больше на уровне отдельных личных контактов и не выходило за рамки этого. Да и сама история вхождения Ю.Акчуры в руководящий орган кадетской партии весьма показательна. Хотя мусульманские имена встречаются как среди делегатов второго (5–11.01.1906, С.-Г.Алкин и С.Галикеев из Казани), так и третьего съездов (22–25.04.1906, Ю.Акчура из Казани и Д. Шейх-Али из Уфы) кадетской партии, все же представительство мусульманского населения страны играло в партии кадетов маргинальную роль. Примечательно, что именно Д. Шейх-Али поднял вопрос о мусульманском представительстве в центральном комитете партии. Несмотря на разъяснения организаторов съезда о невозможности решения этого вопроса по регламенту, к удивлению руководства партии большинство делегатов решило его утвердить. В итоге Юсуф Акчура был избран членом ЦК партии кадетов, что, безусловно, сыграло свою роль в последующем присое-

динении мусульман – переводумцев к кадетской фракции.⁸ Однако то, каким образом и в какой обстановке проходило принятие данного решения, свидетельствует об отсутствии у руководства кадетской партии

продуманной стратегии взаимоотношения с отдельными национальными движениями. Просто в тех условиях инициатива мусульман пришлось весьма кстати для имиджа российских либералов.

§ 3. Всероссийские мусульманские съезды 1905–1907 гг. Образование Мусульманского союза «Иттифак аль-муслимин»

Диляра Усманова

В становлении мусульманского политического движения ключевую роль сыграли Всероссийские мусульманские съезды (1905–1907 гг.). Они стали весьма заметным явлением в политической жизни мусульманских народов России. Сам факт их проведения стал возможен только в условиях либерализации внутривластного курса в Российской империи. Впрочем, и раньше, в условиях отсутствия демократических свобод, российские подданные находили различные формы для проведения общественных собраний. Для российских либералов это были всевозможные «банкетные кампании» или съезды за пределами империи (в Выборге, на территории Финляндии и пр.). Мусульмане в качестве подобного официального прикрытия зачастую использовали нижегородские ярмарки или же свадьбы. Например, первое подобное собрание было проведено весной 1905 года, когда приехавшие на свадьбу (М.Бигиева) в Чистополь гости, по воспоминаниям современников и агентурным донесениям полиции, были больше заняты обсуждением общественных нужд и проблем, нежели поздравлением новобрачных. Нижегородские ярмарки были очень удобны для проведения подобных мероприятий, поскольку на них съезжались мусульмане со всех регионов империи. Первоначально нижегородские ярмарки использовались представителями мусульманского духовенства для сбора средств среди состоятельных купцов для своих медресе. Накануне и в период первой революции

многолюдные нижегородские ярмарки стали удобным местом проведения общественных мероприятий. Но всероссийским съездам предшествовали региональные собрания. Некоторые из них прошли и в Казани.

В самом начале 1905 года два крупных собрания провели казанские татары. Первое из них состоялось 23 января в доме купца Хусаинова под руководством Г.-Р.Ибрагимова. На собрании было принято решение начать петиционную кампанию, целью которой было выяснение нужд мусульман и избрание депутатов для поездки в Петербург. 29 января состоялось второе, более многолюдное (около 200 участников) собрание, которое приняло развернутую петицию для подачи ее царю. Основное внимание в ней уделялось ликвидации всех национальных, религиозных и сословных ограничений, уравнению мусульман в правах с другими национальностями империи [Хасанов, 1965]. Таким образом, в период либерализации внутривластной ситуации в стране мусульмане активизировали свою деятельность, но вели ее в традиционных формах составления и подачи петиций и обращений к верховной власти.

Легальный сбор представителей мусульманского населения со всей Российской империи был невозможен до обнародования Октябрьского манифеста 1905 года, провозгласившего среди прочих демократических свобод и свободу собраний. Однако по составу участников, по содержанию поднятых проблем и дискуссий, а также по характеру принятых решений эти съезды были явлением, присущим сугубо мусульманскому сообществу страны. Первые два из четырех дореволюционных мусульманских съездов состоялись до начала работы российского парламента и прошли в полунелегальных

⁸ Пребывание Ю.Акчуры в ЦК кадетской партии было недолгим – через год он покинул общероссийскую либеральную партию в связи с вхождением в руководство создаваемой мусульманской партии.

условиях. Особое значение имели мусульманские съезды, первый из которых принял важное решение об образовании политической партии.

В литературе встречаются разные названия данной либерально-демократической политической организации российских мусульман, образованной в 1905–1906 гг. по решению Всероссийских съездов мусульман: *«Иттифак аль-муслимин» («Бөтен Русия мөселманнары иттифақы»*, *«Мусульманский союз»*, *«Союз российских мусульман»*, *«Всероссийский союз мусульман России»*). Лидерами союза были А.А.Ахтямов, Ю.Акчура, С.Алкин, И.Гаспринский, С. Джантюрин, Р.Ибрагимов, Х.Максуди, А.-М.Топчибашев, Ш.Сыртыланов и др. Создание общемусульманской партии стало первой и единственной попыткой объединить либеральные силы мусульманских народов России на общероссийском политическом уровне [Исхаков 1997; Ямаева, 2002; Усманова, 2005; Исхаков, 2007; Сеньюткина, 2007; Усманова, 2010, с.376–378].

Решение о создании мусульманской партии либерального толка было объявлено на 1-ом Всероссийском мусульманском съезде (13–20.08.1905, Нижний Новгород) [Хабутдинов, 2005; Сеньюткина, 2005; Усманова, 2005], созванном для выработки единой политической платформы российских мусульман. В работе съезда приняло участие около 120–150 представителей мусульманской общественности, среди которых были ведущие представители национальной духовной и светской интеллигенции, общенациональные лидеры, представители крупной татарской буржуазии. Организаторы съезда не смогли получить официальное разрешение на проведение съезда, а потому основное заседание (15.08.1905) было проведено нелегально под видом речной прогулки на теплоходе по р. Ока. Основными организаторами съезда являлись идеологии мусульманского либерального движения Г.-Р. Ибрагимов, Ю.Акчура, А.-М.Топчибашев. Председателем собрания единогласно был избран И.Гаспринский. Попытка отстранить от участия в организационном собрании радикальную левую молодежь путем дезинформации (группе татарских эсеров во главе с Г.Исхаки и Ф.Туктаровым было

сообщено неправильное время отправление парохода с тем, чтобы они не попали на данное собрание) не удалась. Левые радикалы внесли в работу съезда некоторый диссонанс, настаивая на том, что невозможно создать единую мусульманскую политическую партию, в которой были бы объединены классово чуждые рабочие и крестьяне с буржуазией. Их политические оппоненты, либерально настроенные деятели (Ю.Акчура, А.-М.Топчибашев и др.), полагали, что создаваемая партия должна была быть основана, в первую очередь, на национальных принципах, а не на принципе классовых раздоров и противоречий. Участники съезда обсудили насущные проблемы мусульманского населения страны, высказались за «сближение мусульман всех областей России на почве общественно-культурных, политических запросов и задач современной русской жизни»; за установление в стране «правового порядка на началах участия свободно избранных народных представителей в законодательстве и управлении государством» и за полное «уравнение мусульман с населением русского государства во всех правах, политических, гражданских и религиозных». После ряда нелегальных совещаний и кулуарных встреч делегаты 20 августа 1905 г. разъехались по домам.

В создании партии, а также определении позиции российских мусульман накануне выборов в первый российский парламент важную роль сыграл 2-й Всероссийский мусульманский съезд (13–22.01.1906, Санкт-Петербург), также не имевший легального статуса. В прошении, поданном столичным торговцем Мухаммед-Алимом Максудовым и Рашидом Ибрагимовым на имя санкт-петербургского градоначальника, было заявлено о намерении мусульман провести с 15 по 25 января серию собраний для рассмотрения следующего круга проблем: «обсуждение разнообразных ходатайств об устройстве религиозно-духовного управления, выраженных мусульманами различных местностей России, и ранее поданных ими петиций в целях их объединения и сводки; разъяснение высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. в отношении духовно-политической и экономической жизни мусульман; выяснение отношения мусуль-

ман к Государственной думе и обсуждения объявленных программ различных политических партий». Аналогичные ходатайства также подали С.-Г.Алкин и Ш.Сыртланов [РГИА, ф. 821, оп.8, д.1198, л.6–7]. Поскольку с 19 декабря 1905 г. на Санкт-Петербург распространялось действие постановления министра внутренних дел о воспрещении всяких публичных и частных собраний политического и экономического характера, съезд столичными властями не был разрешен. Свой отказ министр внутренних дел мотивировал, в частности, нежелательностью создания прецедента: «если разрешить мусульманский съезд, то не будет основания отказывать евреям, полякам и прочим национальностям, живущим в России». Таким образом, власти не хотели создавать прецедент и разрешать крупные общественные мероприятия. Около здания, где должен был состояться съезд, делегатов встретил дежурный наряд полиции с запретом городских властей на его проведение и предписанием делегатам разъехаться по домам [Новое время, 1906, 21 января; Ахвердов, 1906]. Поэтому съездом были названы нелегальные частные совещания, проведенные прибывшими в столицу делегатами. Среди около 100 делегатов из различных мусульманских регионов страны – Туркестан, Кавказ, Крым и Волго-Уральский регион – наиболее влиятельными были азербайджанский адвокат А.-М.Топчибашев, представители казанских татар – мулла Г.Баруди и адвокат С.-Г.Алкин, столичные жители – ахун А.Баязитов и публицист Г.-Р.Ибрагимов, оренбургские делегаты – Ф.Карими и Ш.Тукаев и др.

В ходе этих совещаний был принят Устав будущей партии в первой редакции (из 23 §§) и, вероятно, временная программа. Оба документа были разработаны на русском языке А.-М.Топчибашевым, а затем переведены на татарский язык М.Бигиевым. В соответствии с Уставом территория России была поделена на 16 регионов, населенных мусульманами: Кавказский (центр – Баку), Крымский (Симферополь), Петербургский (Санкт-Петербург), Литовский (Минск), Нижне-Волжский (Астрахань), Верхне-Волжский (Казань), Уфимский (Уфа), Оренбургский (Оренбург), Симбирский (Иркутск), Степной (Уральск), Омский (Омск),

Семипалатинский (Семипалатинск), Акмолинский (Петропавловск), Закаспийский (Ашхабад), Семиреченский (Верный). Во всех центрах учреждались местные комитеты (меджлисы), которые избирались всеобщим собранием этих районов. Было также определено, что высшим руководящим органом партии является всероссийский мусульманский съезд.⁹

Кроме того, участники совещаний приняли решения в период предвыборной кампании действовать солидарно с кадетами, а также добиваться мусульманского представительства в Думе, пропорционального численности мусульманского населения в империи. После того, как большая часть делегатов съезда разъехалась, оставшиеся в столице мусульмане стали добиваться аудиенции у главы правительства. 29 января 1906 г. депутация из семи человек (среди них муллы З.Кашаев, А.Шагидуллин, Ш.Тукаев, а также З.Рамеев, Д.Шейх-Али и Ю.Акчура) была принята графом С.Ю.Витте. Мусульманские представители подали главе правительства записку с изложением пожеланий мусульманской общественности по направлению работы совещания Игнатьева, а также выразили озабоченность тем, что подготовка «мусульманского вопроса» поручена печально известному своими антимусульманскими взглядами деятелю – В.П.Череванскому.

Если говорить о «партиестроительстве», то наиболее важную роль в организации Союза сыграл 3-й Всероссийский мусульманский съезд (16–22.08.1906, Нижний Новгород). Организаторам съезда удалось реализовать намеченные планы: подписанное Г.-Р.Ибрагимовым, Х.Максуди и Г.Ис-

⁹ Устав союза из 23 параграфов, составленный А.-М.Топчибашевым, был отпечатан 8 марта 1906 г. в столичной типографии Антакольского. Текст устава предварялся краткой предысторией образования Союза с 1904 г., составленной М.Бигиевым [РГИА, ф.821, оп.133, д.473, л. 239–242]. Программа была отпечатана чуть позднее – 10 апреля 1906 г. в той же типографии Антакольского. Лишь через десять лет после выхода программы в свет, летом 1916 г., Департамент полиции возбудил переписку с выяснением, «не относится ли эта брошюра к запрещенным к обращению и не возбуждалось ли судебными властями преследования за составление или распространение означенной брошюры» [РГИА, ф.776, оп.9, д.265, л.2].

хаки прошение получило официальное разрешение властей через два дня после подачи ходатайства. Разрешение было дано при условии, что съезд будет закрытым для публики, пройдет вне территории ярмарки и строго по утвержденной программе. А программа съезда, приложенная к прошению, была сформулирована достаточно уклончиво и состояла из следующих пунктов: (1) «о необходимости борьбы с учениями, не отвечающими истинному учению нашего пророка Магомета путем проповеди и печати»; (2) о необходимости полного преобразования начальных мусульманских школ, медрес и медресе и передачи заведования таковыми из рук мусульманского духовенства в руки общества; (3) о выработке программы реорганизации духовного управления и о способах его образования на свойственных исламу основах культуры, прогресса и терпимости; (4) вопрос о денежных средствах (вакуфах и пр.), необходимых для реорганизации школ и духовенства. В прошении, весьма любопытном по стилистике, ходатаи особо подчеркивали необходимость борьбы с «утопическими идеями панисламизма» и разрушительными идеями социализма и анархии, противоречащими духу ислама и разлагающе действующими на темные мусульманские массы. Авторы прошения также указывали на нежелательность получения мусульманами образования за границей, особенно в Константинополе, где молодежь пропитывается или учениями западноевропейских революционеров, или же восточной нетерпимостью; писали о необходимости проповеди среди народа истинных начал ислама. Вся стилистика прошения свидетельствует о том, что писал его человек, не просто хорошо осведомленный о настроениях высшей бюрократии, но использовавший именно тот набор аргументов и выражений, которые могли дойти до сердца ревнителей «государственных интересов»¹⁰.

Впрочем, на первом же заседании Г.-Р. Ибрагимову пришлось давать объяснения делегатам съезда по поводу формулировки прошения, поданного им на имя

министра внутренних дел П.А.Столыпина. Делегатов возмутило не только то, что он подал прошение вопреки решению 2-го мусульманского съезда о сборе явочным путем, но скорее сама формулировка прошения, которая «никак не отвечала стремлениям прогрессивных мусульман». Г.-Р. Ибрагимов всю вину взял на себя, объяснив свои действия желанием принести пользу общему делу. Тем не менее, не желая связывать работу съезда теми ограничениями, которые на него накладывала сформулированная в прошении программа, согласительная комиссия подготовила постановление, что «мотивировка прошения г. Ибрагимова для съезда является излишней» [А.Ш., 1906]. На этом конфликт был исчерпан, но нарекания в адрес Ибрагимова были помещены во многих татарских изданиях. Вся эта история далеко не случайна. С одной стороны, она весьма характерна для личности Ибрагимова, склонного в достижении поставленной цели проявлять гибкость, граничащую с беспринципностью, а порой и авантюристичные качества. В то же время, именно благодаря его усилиям и способности к значительному компромиссу, первый и единственный раз в дореволюционной России состоялся легальный мусульманский съезд, организованный не властями, а самой мусульманской общественностью.

Съезд открылся при 800 делегатах, а завершил свою работу при 1200 участниках, представлявших все мусульманские регионы страны. Председателем съезда был избран А.-М.Топчибашев, заместителями И.Гаспринский, Ш.Сыртланов, Г.-Р.Ибрагимов, С.-Г.Алкин, Г.Баруди, А.Апанаев. Секретарские функции выполняли Ю.Акчура, М.Бигиев, С.-Г.Джантюрин, А.Гисматуллин, М.Ширванский. По ходатайству мусульман Туркестана в президиум дополнительно были избраны Ш.Кошегулов и А.Ильхамджанов. Повестка съезда включала четыре наиболее важных для мусульман вопроса: о борьбе с миссионерской пропагандой, о реорганизации мусульманского духовенства, о вакуфах и, наконец, о реформе системы начального образования. Все заседания и прения велись на татарском языке. За работой съезда следили 16 корреспондентов русских и татарских газет, а ре-

¹⁰ Оригинал прошения Ибрагимова-Максудова-Исхакова и программу будущего съезда см.: [РГИА, ф.821, оп.8, д.1198, л.8–10].

шения съезда были разосланы по телеграфу в ведущие столичные издания («Речь», «Око», «Страна», «Товарищ», «Русские ведомости», «Русское слово», «Новый путь»). Постановления съезда были опубликованы практически всеми мусульманскими периодическими изданиями, а также изданы в виде отдельной брошюры на русском и татарском языке [Третий Всероссийский мусульманский съезд в Нижнем Новгороде, 1906]. Наиболее важные решения данного съезда касались таких вопросов, как реформа системы мусульманского образования и установление общественного контроля над ней; реорганизация духовного управления и введение выборного начала; преобразование созданного союза в политическую партию. Наконец, была принята программа партии, созданы руководящие органы: Центральный комитет и Центральное бюро (с местонахождением в Санкт-Петербурге). Дальнейшая проработка ряда вопросов (о вакуфах и др.) была передана ЦК вновь образованной партии. Делегаты съезда высказались за фактическое осуществление свобод, дарованных Манифестом 17 октября 1905 г., за скорейший созыв ГД второго созыва и против рассмотрения правительственными учреждениями «мусульманского вопроса» до начала работы российского парламента. Следующий 4-й съезд был запланирован на август 1907 г., однако провести его не удалось ни в январе, ни в августе 1907 г.

За основу программы, принятой 2-м и утвержденной 3-м съездом, была взята программа партии конституционных демократов, адаптированная с учетом интересов и потребностей мусульманского населения. Первый пункт программы декларировал, что «партия ставит своей задачей объединить в одной общей практической деятельности всех граждан-мусульман России, единомышленников по своим политическим убеждениям, для проведения в жизнь ряда политических, экономических, социальных, религиозных и других реформ». Основными положениями программы были: конституционно-парламентская монархия; обновление всего «строения гражданской и политической жизни на началах свободы; правды и человечности»; демократические права и свободы, равенство всех российских граждан перед законом «без различия

пола, вероисповедания, расы и национальности»; сохранение частной собственности; наделение крестьян землей из государственного фонда; частичное принудительное отчуждение помещичьих земель за выкуп; возвращение мусульманам вакуфного имущества, а также земель, изъятых казной для нужд переселенцев. Наиболее обстоятельно в программе были сформулированы религиозные требования: мусульманам должно быть предоставлено право образования религиозных, коллегиальных и единоличных учреждений; право свободного выбора всех должностных лиц магометанского духовенства; право общественного контроля над действиями религиозных учреждений и духовенства; право полного распоряжения всеми вакуфным и другим имуществом, принадлежащим мечетям, учебным и богоугодным заведениям [Исхаков, 1997 г; Усманова, 2010, с.376–378].

На ЦК были возложены руководящие функции, предоставлено право изменения программы в случае необходимости без созыва съезда, руководство местными комитетами, координация предвыборной кампанией в ГД, а также предоставлен контроль над финансовыми средствами партии. В состав ЦК вошло 15 человек: Ю.Акчура, братья А.-Х. и С.Максуди, С.-Г.Алкин, А.Апанаев, Г.Баруди-Галеев (Казань), Р.Ибрагимов, М.Бигиев (Санкт-Петербург), Г.Буби (Вятка); Ш.Сыртланов, С.-Г.Джантюрин (Уфа); А.-М.-бек Топчибашев (Кавказ), И. Гаспринский и М.Давидович (Крым), Ш.Кошегулов (Степной край). Кроме того, было решено дополнительно кооптировать в ЦК пятирских представителей мусульманских окраин страны (троих от Кавказа, по одному от Туркестана и Оренбурга). Из региональных отделений партии наиболее деятельными были казанский, уфимский и оренбургский комитеты. Печатными органами в Казани являлись газеты «Казан мухбире» («Казанский вестник») и «Ахбар» («Вести»).

Лидеры партии предприняли несколько неудачных попыток легализовать партию. Устав мусульманской партии рассматривался на заседаниях столичного присутствия 15 и 29 мая 1907. От учредителей партии присутствовали депутат ГД К.-М.Тевкелев, а также Г.-Р.Ибрагимов и Г.-О.Сыртланов. Мнения членов присутствия разошлись: четверо чле-

нов присутствия вынесли по существу об-суждаемой проблемы положительный вер-дикт. На их взгляд, издание основных законов 26 апреля 1906 г. (ст. 86 и 87), а также мани-феста от 17 октября 1905 г. фактически уста-новило в России конституционную монар-хию в смысле ограничения верховной власти императора. Поэтому, полагали они, пресе-дуемая мусульманской партией цель – уста-новление в России конституционной монар-хии – не является противозаконной, а партия подлежит регистрации. С такой трактовкой названных законов не согласился предсе-датель присутствия, Санкт-Петербургский градоначальник Д.В.Драчевский, который и опротестовал решение четверых членов при-сутствия [Речь, 1907, 19 сентября]. Ходатай-ство мусульман было отклонено, а партия не была легализована. По сути, рассмотрение вопроса о легализации мусульманской пар-тии спровоцировало очередной из многочис-ленных споров о природе государственного строя России, установившегося после из-вестных законодательных актов (Октябрь-ского манифеста 1905 г. и апрельских Основ-ных законов 1906 г.). Неопределенность и двойственность природы государственного строя, возможность различного толкования проблемы были использованы властями в качестве мотива для отказа в легализации мусульманской партии.

В период создания Союза радикальная национальная молодежь игнорировала его, считая лишь культурно-просветительской, а не политической организацией. Многие «тангисты» (Ф.Туктаров, Г.Исхаки и др.) по-лагали, что в условиях классовой борьбы не-возможно объединить в одну партию классо-во чуждые элементы. Более того, в условиях первой российской революции среди ради-кальной татарской молодежи было довольно широко распространено представление о том, что мусульмане не должны создавать отдель-ных политических партий. Наиболее четко подобную точку зрения высказал М.-Ф. Тук-таров в своей знаменитой книге о мусуль-манских депутатах. Давая характеристику депутатам-мусульманам, М.-Ф.Туктаров говорил о бесполезности на данный момент самостоятельной мусульманской фракции вследствие «темноты и невежества» мусуль-манского населения, отсутствия традиций политической жизни. Следовательно, для

мусульман гораздо важнее на данном этапе работать вместе с общероссийскими фрак-циями и группами, набираться у них опыта парламентской, политической деятельности, тогда как создание самостоятельной мусуль-манской фракции, как и мусульманской по-литической партии – дело отдаленного буду-щего [Усал, 1909, с.55].

Практически к подобным же выводам, но исходя из иных мотивов, пришел в своих заключениях депутат Думы второго созы-ва Мамед-ага Шахтахинский. Обращаясь к истории создания мусульманского союза, а затем, анализируя отказ в легализации партии, М.Шахтахинский саму идею соз-дания мусульманской партии рассматри-вал как в высшей степени бестактную и неуместную. По мнению азербайджанского публициста, претензии мусульман участвовать в преобразовании русской верховной власти на конституционных началах сами по себе есть форменный, колоссальный скандал. Если же мусульмане хотят участвовать в политической жизни, то они должны действовать лишь в рамках политических объединений своих русских единомышлен-ников. А вообще-то для мусульман высшая политика вовсе не к лицу. Корень всех про-блем мусульманского населения, по мнению М.Шахтахинского, лежит в господстве антисоциального учения ислама, который является главным тормозом прогресса. Об-виняя мусульман во многих бедах и грехах (отсутствии прагматичности и любознатель-ности, индифферентности ко всему, инерт-ности, апатичности, отсутствии знаний и навыков, в неумении работать и в неверии в святость труда и так далее), главный свой гнев Шахтахинский направляет против многоженства [Шахтахинский, 1907].

Да и позднее многие из радикально мыс-лящих мусульман полагали, что создание подлинной мусульманской политической партии не представляется возможным: «У мусульман, как показал политический опыт за время существования третьей Думы, нет партии в узком смысле, а есть только одно прогрессивное политическое тече-ние», – писал депутат Думы третьего созы-ва И.Гайдаров накануне выборов в послед-нюю дореволюционную Думу [Сеид-Заде, 1991, с.94]. Впрочем, если даже кадеты на-зывались партией вождей без войска, что

же говорить о политических объединениях нерусских народностей, не столь богатых идейными или организационными силами.

Хотя в 1908 г. ЦК объявил о самороспуске партии, некоторые ее отделения продолжали действовать. Фактически функции координирующего органа приняла на себя мусульманская фракция, большинство из мусульманских депутатов определяли себя как члены Мусульманского союза. На 4-м Всероссийском мусульманском съезде (июнь 1914) было заявлено о том, что «Иттифак» продолжает функционировать. Некоторые либералы полагали, что мусульманский союз является не столько политической партией, сколько представляет собой «национально-политический союз, куда входят люди одинаково мыслящие в смысле национальном, но различные по своим политическим убеждениям» (Ибн. Ахтямов) [Миллэт, 1914, 6 март].

Парадокс истории заключался в том, что после 1908 г. ни консерваторы, ни радикальная молодежь, ни критикуемая ими мусульманская политическая организация либерального толка фактически не имели возможности для своего легального существования. И если консерваторы представляли в мусульманском политическом движении маргинальный слой, радикальная молодежь за период с 1907–1908 гг. пережила своеобразную эволюцию своих идейных воззрений (наиболее ярко эта эволюция прослеживается на примере судеб Г.Исхаки и Ф.Туктарова), то «Мусульманский союз» пережил трансформацию иного рода. В организационном, практическом плане он вскоре прекратил свое существование, так и не став по-настоящему политической партией. Определенную дезорганизующую роль сы-

грало и то обстоятельство, что после 1908 г. двое наиболее активных и инициативных деятелей союза Г.-Р.Ибрагимов и Ю.Акчура оказались в эмиграции, а ряд членов ЦК подверглись репрессиям за свою политическую деятельность. В частности, С.-Г. Алкин, С.- Г. Джантюрин, А.-М.Топчибашев и др. были лишены политических прав и отстранены от общественной деятельности за подписание Выборгского воззвания, А.Апанаев, Г.Баруди и Г.Буби были репрессированы за культурно-просветительскую деятельность и оказались в ссылке.

После Февральской революции в татарской прессе появились пожелания возродить «Иттифак аль-муслимин», однако большинство населения было настроено в отношении кадетов крайне негативно, а потому лидеры мусульманского политического движения высказались против возрождения мусульманской «кадетской» партии. В 1917–1918 гг. практически все наиболее влиятельные члены партии возглавили в своих регионах национальные движения.

Наиболее деятельные члены «Мусульманского союза», стоявшие у его истоков, так или иначе были связаны с российским парламентом, в стенах которого была сосредоточена вся легальная политическая жизнь российского общества. Внеполитическая же деятельность проходила преимущественно в рамках многочисленных культурно-просветительских и благотворительных организаций, а также земских учреждений. Следовательно, с 1907 г. практически вся легальная политическая жизнь российских мусульман была сосредоточена вокруг мусульманской фракции Государственной думы, которая вскоре превратилась в своего рода национальный политический центр.

§ 4. Мусульманские представители в российском парламенте: общая характеристика мусульманской фракции Государственной думы и роль в ее деятельности татарских представителей

Диляра Усманова

В имперской России по причине относительно позднего вступления страны в эпоху политической модернизации и неразвитости в силу этого политической сферы было чрезвычайно мало институций,

которые действовали бы как всероссийская политическая трибуна. К их числу относится Государственная дума Российской империи, учрежденная в период острого политического кризиса 1905 г. и функцио-

нировавшая с небольшими перерывами одиннадцать лет – с 1906 по 1917 гг. (о Государственной думе Российской империи см.: [Демин, 1996; Смирнов, 1998 б; Лукоянов, 2006]).

Вопрос о том, можно ли считать Думу парламентом в строгом смысле этого слова, спорный и дискуссионный, ибо большие ограничения ее полномочий общеизвестны. Законотворческая функция Думы была сильно ограничена умеренностью верхней палаты (Госсовета), в которой обрекались на верную гибель многие законотворческие начинания депутатов. Государственная дума не была в полной мере и властным органом, поскольку в реальности не влияла на формирование правительства и системы управления страной. Наконец, представительные функции Думы были в значительной степени урезаны избирательным законом 1907 г. как в отношении отдельных слоев населения, так целых регионов и ряда народностей. Несмотря на все ограничения и оговорки Государственная дума может быть названа парламентом. Такова была специфика модернизации политической системы России, которая, начиная с 1906 г., была уже немислима без представительного органа власти в лице Государственной думы. Также как и Государственная дума России в исторической ретроспекции не мыслится без ее национальных и национально-конфессиональных фракций и объединений, среди которых важную роль играла мусульманская фракция [Ямаева, 2002; Циунчук, 2004; Усманова, 2005; Исхаков, 2007].

Многочисленные правовые ограничения и ущемления на религиозной основе, имевшие место в Российской империи, вызывали протестные настроения мусульманского населения, недовольство существующим положением и страстное желание почувствовать себя равноправными гражданами страны. Именно в этом коренились правовые предпосылки образования в российском парламенте отдельной мусульманской фракции, которая мыслила себя призванной устранить все существующие «несправедливости» в отношении мусульман.

Для мусульманского населения империи участие в работе Государственной думы было чрезвычайно важным с точки зрения

формирования и развития политической культуры в плане обучения азам политической, парламентской деятельности, в том числе в плане того, как можно использовать общероссийскую трибуну для презентации и защиты национальных интересов, а властные коридоры – для лоббирования тех же интересов и нужд мусульман в бюрократической среде. Мусульманские депутаты использовали различные аргументы в зависимости от того, к кому они апеллировали. Обращаясь к представителям властной бюрократии, мусульманские представители (Г.Еникеев, С.Максуди и др.) настаивали на неизменной лояльности и верности мусульманского населения престолу и в обмен на эту лояльность они просили о милости – отмене существующих ограничительных и стеснительных норм закона. Когда же мусульманские ораторы выступали с думской трибуны перед членами иных думских фракций, менялся и тон их высказываний, и акценты в выбираемых аргументах. В этом случае они настаивали на законности своих требований, на необходимости введения в стране гражданского равноправия.

Политический опыт мусульманских депутатов базировался преимущественно на религиозной, этнической и региональной идентичности. Доминирующей была именно религиозная идентичность, которая и привела к созданию отдельной мусульманской фракции, объединившей большую часть мусульманских депутатов всех четырех дореволюционных дум. В то же время в практической плоскости то, к каким проблемам обращались те или иные мусульманские депутаты, в первую очередь, каким образом они выстраивали свою фракционную и внефракционную деятельность, сказывались и иные факторы – этнические, региональные, социальные, профессиональные и культурные.

Среди объективных факторов формирования мусульманского депутатского корпуса можно назвать избирательные законы 1905–1907 гг., ограничивавшие количественное представительство нерусских народностей, предоставлявшие преимущественные права тем или иным социальным группам и национальностям. К числу объективных факторов можно отнести и

социальную структуру мусульманского населения, в частности, преобладание среди мусульман сельского и малый процент городского населения. Значительное число среди избранных мусульманами депутатов дворян, особенно представителей родовой аристократии, характерное для кавказских и казахских депутатов, также отражало специфику социальной структуры населения этих окраин. На состав и характер мусульманского депутатского корпуса также оказали влияние такие обстоятельства, как отсутствие партийных структур и политического опыта, неумение вести избирательные кампании, наличие множества соперничавших друг с другом группировок, личные амбиции и ошибки отдельных политических деятелей.

Всего в первую Государственную думу (27 апреля – 9 июля 1906 г.) было избрано 25 депутатов-мусульман, представлявших основные «мусульманские» регионы страны: Волго-Уральский регион, Кавказ, Семиречье и Туркестан. Идея создания собственной мусульманской фракции возникла почти сразу (инициатор С.-Г.Алкин), однако для ее реализации понадобилось время. Лишь 21 июня состоялось первое общее заседание мусульманской группы, на котором было заявлено о создании фракции. Лидером группы был азербайджанский депутат А.-М. Топчибашев. Перед создаваемой фракцией ставились цели предварительно обсуждать вопросы, стоявшие на повестке, и готовить ораторов, согласовывать позиции всех депутатов-мусульман, помогать в составлении запросов. Кроме того, намечался широкий план агитационно-разъяснительной деятельности: встречи и собеседования с мусульманами Петербурга, объезды мусульманских местностей депутатами с целью ознакомления населения с работой Думы, издание на татарском языке отчетов о думской деятельности и выпуск мусульманской газеты в Петербурге. Запланированное на 14 июля выступление с информацией о целях и составе создаваемой фракции не состоялось из-за преждевременного разгона Думы. Поэтому во всех официальных документах мусульманские депутаты были указаны или в числе кадетской фракции, или (меньшая часть) в числе трудовиков. Из

находившихся в столице в момент роспуска Думы девятнадцати депутатов-мусульман к «Выборгскому воззванию» присоединилось шестеро (А.Ахтямов, С.-Г.Алкин, А.Зиатханов, С.-Г.Джантюрин, А.-М.Топчибашев и А.Букейханов). Все они после отбывания трехмесячного тюремного заключения (кроме А.Ахтямова) в дальнейшем были лишены политических прав.

Государственная дума второго созыва (20 февраля – 2 июня 1907 г.) просуществовала всего лишь сто три дня и также была разогнана до окончания срока полномочия. Чем же была вторая Дума для мусульман? В количественном отношении она оказалась самой благоприятной: все мусульманские регионы были представлены в Думе своими народными избранниками. Всего было избрано 37 депутатов-мусульман, которые организовали две фракции и послали одного своего представителя в руководящие органы. Бурные политические события в стране, поляризация российского общества привели к тому, что неустойчивое единство депутатов-мусульман было нарушено: уже к концу февраля во фракции наметился раскол. Большинство мусульманских делегатов (к концу работы Думы их число превысило 30) организовалось в мусульманскую фракцию. Меньшинство в количестве шесть человек составили отдельный блок под названием «мусульманская трудовая группа» и официально присоединились к фракции трудовиков. По большинству сугубо национальных проблем действовали солидарно.

Официальным председателем мусульманской фракции стал уфимский депутат М.-А.Биглов, а членами бюро Р.Медиев, Х.Усманов, М.-С.Хасанов и Ф.Ханхойский. При фракции было образовано несколько комиссий: для рассмотрения законопроектов, касающихся положения мусульманского населения империи, юридическая и экономическая. По общеполитическим вопросам мусульманская программа (переработанная из программы мусульманской группы к концу марта) во многом была близка к кадетским положениям: однопалатная парламентская система; думское министерство; всеобщее, прямое, равное и тайное голосование; равноправие всех граждан без

различия национальности и вероисповедания; всеобщее бесплатное и обязательное начальное образование, выборный низший суд и пр. Национальный фактор проявлялся в том, что мусульманские депутаты настаивали на широком использовании в органах местного самоуправления, низшем суде, а также в начальной школе родного для большинства населения национальных окраин языка. Позиция мусульман расходилась также и в вопросе о народных судах — учитывая их корни, а также популярность среди местного населения вопрос об их сохранении решался положительно. Также несколько иначе трактовался аграрный вопрос. В целом, члены мусульманской фракции были солидарны с кадетами в желании конфискации помещичьих земель со справедливой компенсацией (тогда как мусульманские трудовики настаивали на безвозмездной конфискации). Но в вопросе о вакуфных землях позиция мусульман была особой, что должно было найти отражение в специальном законопроекте о вакуфных землях (прежде всего, в отношении Крыма), который готовился членами мусульманской фракции к внесению на рассмотрение Думы. Именно в вопросе о вакуфной собственности произошел раскол между большинством мусульманской депутации и ее меньшинством в лице мусульманских трудовиков. Последние полагали возможным и даже необходимым конфискацию вакуфной собственности для раздачи малоземельным крестьянам. Еще один пункт, вызвавший оживленные дискуссии во фракции, касался вопроса о женском равноправии. Понадобилось разъяснение наиболее влиятельных улемов Троицка, Оренбурга и Казани, что в Коране нет указаний против политического равноправия женщин и мужчин, прежде чем этот пункт программы был окончательно сформулирован в либеральном духе. Однако в работе мусульманской парламентской группы сказывался ряд неблагоприятных факторов: отсутствие единого лидера, нехватка или даже отсутствие работоспособных членов фракции (оба законопроекта были результатом деятельности бывших депутатов-перводумцев — А.-М. Топчибашева и С.-Г.Алкина); несогласованность в действиях депутатов-мусульман (наличие

местных, групповых интересов); финансовая недисциплинированность членов фракции и т.п.

Вместе в разгоне второй Думы был изменен и избирательный закон (3 июня 1907 г.), который лишил представительства такие регионы с мусульманским населением, как Туркестан и Степной край, а также резко сократил количество депутатов, избираемых от Кавказа. Повышение избирательного ценза привело к значительному уменьшению числа мусульманских выборщиков, а следовательно, и возможной максимальной квоты для нерусских депутатов. В целом, по новому избирательному закону от населения регионов, где преобладали инородцы (Польша, Прибалтика, Кавказ, отчасти Волго-Уральский регион), оставалось всего двадцать пять депутатов. Новым в избирательной кампании осени 1907 г. было практически поголовное разделение избирательных съездов на русские и инородческие. Все это, наряду с активным использованием администрацией т.н. «административного ресурса» во многом предопределило общий облик депутатского корпуса и незначительную долю в нем мусульманских депутатов (всего 10 человек из общего числа в 442 депутата).

Государственная дума третьего созыва (1 ноября 1907–9 июня 1912 гг.) была единственной, которая проработала весь отведенный ей законом срок. В течение 5 сессий Дума рассмотрела 2432 законопроекта. По своему партийному составу Дума третьего созыва — Дума «политической слабости и безвременья» — была гораздо более правой и умеренной. В отдельную мусульманскую фракцию, которая окончательно оформилась 9–10 ноября, вошли только восемь депутатов. Через пару сессий к ним присоединился дагестанец И.Гайдаров, вышедший в 1909 г. из группы социал-демократов. Председателем фракции был избран К.-М. Тевкелев, секретарями С.Максуди и Исмаил Леманов (на платной основе). Мусульманская группа приняла программу, разработанную членами мусульманской фракции предыдущих двух Дум. В общих вопросах мусульманские депутаты Думы третьего созыва первоначально намеревались действовать с партией народной

свободы, однако двойное членство не разрешалось. Допускались лишь отдельные соглашения с другими партиями (преимущественно национальными группами и кадетами, а также октябристами) по конкретным вопросам. Мусульмане оставляли за собой право действовать самостоятельно как в вопросах общеполитического и общегосударственного характера, так и в тех, что касались преимущественно или исключительно мусульманского населения. Таким образом, мусульманская фракция третьей Думы внесла определенные коррективы в свою думскую тактику.

В работе комиссий, образованных при мусульманской фракции (по религиозным делам, вопросам образования и проверке старых законов, касающихся жизни мусульманского общества) активное участие принимали депутаты Думы прежних созывов – С.-Б. Каратаев, С.-Г. Алкин, А.-М. Топчибашев, Ф. Ханхойский и др. Среди тех депутатов-мусульман, которые реально занимались законотворческой деятельностью, прежде всего, следует отметить Г. Еникеева, входившего в комиссию по вопросам народного образования и работавшего над разработкой соответствующего проекта. На формирование политического облика мусульманской фракции достаточно сильное влияние оказывали Г.-О. Сыртланов и С. Максуди, чьи умеренные взгляды и осторожная тактика способствовали некоторому «поправлению» мусульман. С думской трибуны выступали практически все члены фракции, но особо можно выделить кавказских депутатов Х. Хасмамедова и И. Гайдарова. Из представителей Волго-Уральского региона наиболее яркие выступления принадлежат С. Максуди. Думская деятельность способствовала превращению молодого юриста, лишь недавно оставившего университетскую скамью, во влиятельного и опытного политика с большим будущим. Речи С. Максуди принесли ему широкую общественную известность в мусульманском мире России. Особенно большой резонанс в татарском обществе вызвала речь С. Максуди от 6 марта 1912 г. о борьбе правительства с т.н. «панисламистской угрозой», которая была переведена на татарский язык, опубликована в газете «Юлдуз» и разошлась по цитатам в ряде ведущих

татарских изданий. Однако в целом, по оценке современников, мусульманская фракция, должная стать центром мусульманского движения, не всегда справлялась со своей задачей, так как она была «малочисленна, слаба и мало активна». Очень критично татарская пресса отзывалась о политическом облике мусульманских депутатов.

Выборы в Думу четвертого созыва (15 ноября 1912–25 февраля 1917 гг.) проходили осенью 1912 года. Помимо избирательного закона, правительство и местная администрация использовали весь имевшийся у них арсенал административных ресурсов: систему массовых «разъяснений» неудобных кандидатов, привлечение к судебной ответственности по надуманным поводам с целью устранить потенциально-опасных и заведомо успешных кандидатов, разделение выборщиков по отделениям и подотделам, использование православного духовенства и т.п. В итоге, например, мусульманское население Казанской губернии – одного из самых важных и значимых мусульманских центров России – и вовсе оказалось без своего представителя в российском парламенте. Впрочем, провал для мусульман избирательной кампании 1912 г. объяснялся не только и не столько репрессивными действиями властей. Мусульманские политические деятели либерального толка так и не смогли организовать единый центр, должный руководить и координировать действия мусульманских выборщиков, а среди мусульманского населения не было четкого представления о стратегии избирательной кампании.

Мусульманская фракция четвертой Государственной думы состояла из 6 членов, возглавлялась К.-М. Тевкелевым. Секретарем был И. Ахтямов. Один из депутатов-мусульман (Магомет Далгат) примкнул к прогрессистам. Мусульманские представители не отдавали явных предпочтений одной политической группе, а были готовы к сотрудничеству со всеми думскими группами (особенно с национальными), неизменно находясь в блоке оппозиционных партий и фракций. Однако малочисленность мусульманской фракции лишала ее каких-либо возможностей действовать эффективно.

Таким образом, во все четыре Думы всего было избрано 79 депутатов-мусульман.

Поскольку некоторые из депутатов избирались дважды (К.-М. Тевкелев – четыре раза), то во всех четырех Думах работало всего 67 мусульман. Сословно-национальный облик депутатов-мусульман в некоторой степени был определен избирательными законами 1906 и 1907 гг., которые в целом ограничивали представительство нерусских народностей в российском парламенте. По национальному признаку депутаты-мусульмане представляли основные этнические группы страны следующим образом: больше всего было татар (25), далее следовали азербайджанцы (11), казахи (9), башкиры (7¹¹), лезгины (4), узбеки (3), крымские татары (2), туркмены и чеченцы (по 1). Доминирующими в Думе среди мусульманских депутатов сословиями были представители дворянства (19 депутатов, в том числе шестеро представляли родовую аристократию, являлись потомками владетельных ханов) и крестьянства (не менее 20–25 депутатов). Такие сословные группы, как мещанство, купечество и чиновничество, также были представлены среди депутатов-мусульман, хотя, безусловно, в меньшей степени. Значительную группу составляли депутаты, принадлежавшие к мусульманскому духовенству – 15 мандатов (или 13 человек, так как двое мулл избирались дважды). Но поскольку мусульманское духовенство не являлось отдельным сословием, то практически все муллы принадлежали к крестьянству. Региональная специфика проявилась в том, что все депутаты-муллы были посланы в парламент населением Волго-Уральского региона (10) и отчасти Туркестана и Степного края (3). Из 67 депутатов-мусульман высшее и среднее образование было у 33 человек (соответственно 21 и 12). Образовательный уровень депутатов-мусульман сопоставим с данными по Думе в целом. Особенно высокий процент образованных был среди депутатов с Кавказа. Больше всего депутатов, не имевших европейского образования и плохо знавших русский язык, посылало

¹¹ Следует отметить, что национальность некоторых депутатов носит «пограничный» характер, что отражено, например, в различиях между официальной национальностью по документам и национальностью «по родному языку».

население Туркестана и отчасти Волго-Уральского региона.

Среди многочисленных проблем, обсуждавшихся в стенах российского парламента, для мусульман наиболее важными, пожалуй, были религиозные проблемы, вопросы народного образования, переселенческая политика и положение национальных окраин, наконец, вопрос о праздничных днях. Именно при рассмотрении этих вопросов в комиссиях и, особенно, во время общедумских дискуссий наблюдалась наибольшая активность членов мусульманской фракции. По принципиальным вопросам депутаты мусульмане занимали обычно консолидированную позицию и чаще всего старались не выносить за пределы своей группы существующие разногласия. Это стремление было обусловлено, в том числе, и следующим обстоятельством. Вследствие дискриминационного характера избирательного закона 1907 г. представительство в Думе от отдельных мусульманских регионов, если соотносить его с данными переписи 1897 г. было несоразмерным: Волго-Уральский регион в четырех Думах был представлен – 40, Туркестан и Степной край – 16, Кавказ и Крым – 23 депутатами. В условиях, когда мусульмане отдельных регионов были лишены возможности посылать в Думу своих избранников, миссию по защите их интересов, по озвучиванию их пожеланий и требований брали на себя мусульмане иных регионов и областей империи, прежде всего, Волго-Уральского региона и Кавказа. В ряде вопросов (вопросы религиозной свободы, национального образования, введения национальных языков в судопроизводство и местные органы самоуправления) члены мусульманской фракции действовали в союзе с представителями других национальных групп, прежде всего, с членами Польского кола.

Безусловно, имевшиеся внутри мусульманской парламентской группы внутренние расхождения и противоречия были обусловлены наличием особых региональных или национальных интересов. Тем не менее, главный водораздел, приведший к расколу мусульманских депутатов – на мусульманскую фракцию и мусульманскую трудовую группу, – проходил не столько в сфере рели-

гиозных и культурных вопросов, сколько в социальной области, базировался на радикализме части мусульманских депутатов в аграрном вопросе. Радикализм же части мусульманских депутатов в этом вопросе отражал ее остроту для широких слоев населения.

Из различных вопросов наиболее важными для мусульманских депутатов был комплекс вопросов, связанных с конфессиональной сферой и народным образованием. В вопросе о реформе органов духовного (религиозного) управления в пореформенную эпоху можно выделить три крупных периода, когда этот вопрос обсуждался наиболее активно и, казалось бы, был близок к разрешению: первый этап хронологически датируется периодом с середины 50-х до середины 70-х годов, второй – 90-ми годами XIX столетия. Третий этап начинается с 1904–1905 гг. Завершается он лишь после Февральской революции 1917 г., создавшей условия для осуществления намеченных в дореволюционный период преобразований. На третьем этапе наблюдаются новые тенденции – проблема получила общественный резонанс и стала гласной. Наконец, в ее разработку включились новые законодательные учреждения – Государственная дума, в целом, и мусульманская фракция, в частности. В содержательном плане речь уже не шла о ликвидации духовных управлений или же умалении прав мусульманского духовенства. В то же время правительственные органы, ответственные за осуществление реформ, настаивали на децентрализации религиозных центров, на раздроблении существующих духовных учреждений на более мелкие и, соответственно, менее влиятельные и жизнестойкие. В этом вопросе планы столичной бюрократии и мусульманские проекты находились в непримиримой конфронтации, что делало практически невозможным соглашение по этому вопросу в условиях существующей политической системы.

С религиозными вопросами был связан и вопрос о народном образовании. В отношении правительственной политики в области инородческого образования позиции мусульманских депутатов были близки к требованиям нерусских депутатов в целом. По-

добно другим депутатам, представлявшим нерусское население окраин империи, мусульмане выступали категорически против превращения государственной начальной школы в орудие обрусения инородцев, настаивали на изгнании из школы политики и приближении школьной системы к нуждам и интересам инородческого населения. Последнее могло быть достигнуто только при условии допущения в государственную школу народных языков, национальных преподавательских кадров и учета при составлении программы обучения национальных, культурных, языковых особенностей обучаемых детей. Изучение материалов мусульманской периодической печати показывает, что в дореволюционный период для мусульман весьма актуальным был вопрос о будущем конфессиональных школ. В силу того, что проекты реформы духовных учреждений, в ведении которых *de jure* и *de facto* находились конфессиональные школы, так и не были внесены в Думу, вопрос о мусульманской конфессиональной школе не получил в парламенте ожидаемого резонанса. Не занимал он должного места в деятельности членов мусульманской фракции в той степени, насколько он был важен для мусульманской общественности в целом.

Несмотря на незначительные итоги законодательной деятельности как депутатов-мусульман, так и Думы в целом, участие мусульманских представителей в работе российского парламента имело большое значение для формирования политического движения мусульманских народов в целом и татар в частности. Государственная дума была в имперской России единственной всероссийской трибуной политического характера, с которой представители мусульманской уммы могли публично и легально защищать свои национальные интересы, учились выражать свои требования и находить нужных политических союзников, привыкали к неизбежному компромиссу и балансу интересов. В то же время внутри мусульманской фракции татары играли ведущую роль, направляя свои усилия на защиту интересов всего мусульманского общества вне зависимости от региона или национальной принадлежности.

**§ 5. Консервативные тенденции в татарском политическом движении:
политизация ваисовского движения в 1905–1916 гг.
и попытки создания ЦНМО
и союза «Сират аль-Мустахим» («Прямой путь»)**

Диляра Усманова

Наблюдаемое в период первой русской революции (1905–1907 гг.) общее оживление общественной жизни, сопровождавшееся возникновением партий и партийных групп, после спада революции сменяется периодом политических «заморозков». Большая часть мусульманских политических объединений, возникших в это время, не была легализована и влачила номинальное существование («Иттифак аль-муслимин») или же вообще прекратили свою деятельность («тангисты» и др.). Более-менее активная общественная жизнь мусульман была сосредоточена вокруг мусульманской фракции ГД, благотворительных и культурно-просветительских организаций. Более того, многие представители политизированной и весьма радикальной молодежи, проявившей себя накануне или в ходе первой русской революции (Ф.Туктаров, Ибн. Ахтямов, Г.Исхаки и др.) отказались от своего прежнего увлечения социалистическими идеями и стали «националистами». Часть их сосредотачивается на образовании, карьере, семье и личной жизни.

Одновременно мы наблюдаем и иные тенденции: усиление право-консервативного течения. Примечательно, что здесь можно провести некоторую аналогию с русским право-монархическим и националистическим течением общественной жизни: русские промонархические и националистические партии также стали возникать относительно поздно, если брать весь политический спектр, уже в период спада революции. В значительной степени они возникают по инициативе правительства, пользуются поддержкой (как моральной, так и финансовой) властных структур.

Среди татарского населения консервативные идеи имели место. Довольно сильным было традиционалистское крыло в среде мусульманского духовенства, которое впрочем предпочитало не вторгаться в политическую сферу, группируясь преимущественно около журнала «Дин ва магыйшат».

Много людей с умеренными взглядами было и среди представителей купечества.

Своеобразную разновидность мусульманского консерватизма представляет собой т.н. ваисовское движение («Ваисовский божий полк старозеров мусульман»), которое после 1905 г. все более приобретает политический характер.¹² Этот вполне очевидный тренд в политическую сторону наблюдается именно в начале XX в., когда во главе общины встает один из сыновей Багаутдина, Гинанутдин (Гайнан) Ваисов (8.11.1878 – 28.2.1918), возглавлявший движение вплоть до своей гибели в марте 1918 г.

В облике нового лидера движения – Гайнана Ваисова мы наблюдаем черты человека новой эпохи. Он не просто возобновил функционирование общины в период первой русской революции, но придал движению мощный импульс и привнес новую суть. При всем желании внешне оставаться лидером религиозной общины и продолжать дело отца, Гайнан был человеком сугубо светским, образцом секуляризированного сознания и светского образа жизни. Он был довольно успешно адаптирован к политизированному российскому сообществу начала XX в., интегрирован в нее в большей степени, нежели его предшественники. Под руководством Гайнана движение трансформировалось от религиозной общины с ярко выраженной религиозной, социальной и культурной доктриной, в некое подобие политического сообщества, в котором религиозная составляющая уже перестала быть доминантой.

В молодости Г.Ваисов занимался розничной торговлей, жил в Казани, Симбирске и Средней Азии (город Мерв). За сопро-

¹² История возникновения ваисовской общины, судьба ее первых лидеров и специфика движения во второй половине XIX в. описаны коротко в 6-м томе «Истории татар с древнейших времен». Там же представлена основная литература по истории движения. Подробнее см.: [Усманова, 2009 б].

тивление полиции в 1903 г. был приговорен к годичному тюремному заключению, которое отбыл в ашхабадской тюрьме. В конце 1904 – начале 1905 гг. Гайнан вернулся в Казань, на волне революционного подъема возродил общину и провозгласил себя «сардаром». Пик активности ваисовцев пришелся на 1905–1909 гг., когда под руководством нового лидера ваисовцы восстали молитвенный дом в Ново-Татарской слободе, попытались учредить автономную от ОМДС религиозную общину, основали канцелярию с собственными метрическими книгами и казной.

Уже в первые месяцы революции 1905 г. Г.Ваисов, принявший титул «сардар», обращается в высший бюрократические инстанции. Первое прошение, отправленное им в Совет министров, датируется 23.02.1905. После того, как Г.Ваисов получил формально-благожелательный ответ из ДДДИИ, он написал новое подробное прошение на имя премьер-министра (26.04.1905). В этом и других многочисленных прошениях были сформулированы основные требования ваисовцев: признание автономности своей религиозной общины, освобождение староверов-мусульман от воинской повинности по религиозным мотивам, отказ от наименования «татарин», отказ от уплаты большинства податей и налогов (за исключением налога на землю), предоставление свободы культурных начинаний (издание книг, журналов и пр.). Г.Ваисов также переиздал часть поэтического наследия отца, дополнив его некоторыми собственными сочинениями [Ваисзаде, 1907]. В начале XX столетия ваисовцы по-прежнему стремились апеллировать непосредственно к верховной власти. В надежде получить аудиенцию императора Г.Ваисов весной 1908 г. предпринял поездку в Санкт-Петербург.

С появлением новых институтов власти, в том числе Государственной думы, руководители общины стали адресовать свои послания и этому учреждению. Первые обращения в парламент принадлежат, в частности, одному из руководителей общины, находившемуся в это время в ссылке на Сахалине, Шигабутдину Сайфутдинову (весна 1906 г.). Причиной, побудившей ссыльного

ваисовца обратиться к членам Государственной думы, явились обычные притеснения со стороны местной (сахалинской) администрации. Немногие из сохранившихся и известных по архивным документам обращений ваисовцев к думцам свидетельствуют о признании ими Думы легитимным учреждением де-факто, а ее членов – народными избранниками. Для ваисовцев, неизменно подчеркивавших свою лояльность и верно-подданство верховной власти, на первых порах, вероятно, было важно осознать, насколько новое учреждение соответствует воле и пожеланиям императора.

Во время работы Думы третьего созыва тот же Ш.Сайфутдинов несколько раз писал члену мусульманской фракции и депутату от Казанской губернии С.Максуду, а также обращался к депутатам Н.П.Шубинскому, А.А.Селиванову и Д.П.Гулькину. Ряд косвенных свидетельств указывает на попытки ваисовцев установить непосредственные контакты с членами фракции. Среди изъятых в период обысков 1908–1909 гг. и обобщенных к обвинительному протоколу вещей упоминаются визитные карточки члена Думы третьего созыва Г.-О.Сыртланова [НА РТ, ф.41, оп.13, д.3]. В то же время ваисовцы рассматривают Государственную думу не столько как новый современный политический институт, а как одну из традиционных бюрократических инстанций, в которую можно посылать ходатайства и прошения.

На словах лидеры ваисовской общины не признавали политических партий и организаций, считая их ненужным новшеством. Примечательно выступление Ш.Сайфутдинова на общегородском собрании мусульманских выборщиков Казани, состоявшемся 9 января 1907 г., на котором он высказался против присоединения к какой-либо из политических партий. «Для мусульман, – сказал Ш.Сайфутдинов, – политические партии не нужны, достаточно Корана, которым и должны руководствоваться мусульмане в своих действиях и своей жизни» [Юлдуз, 1907, 12 гыйнвар].

Тем не менее, общая политизация российского общества затронула и ваисовцев, а новые политические реалии привнесли в их действия неизбежные тактические изменения. С целью официально легализо-

вать свое движение, в 1908–1909 гг. руководители общины разрабатывают т.н. «Устав относительно военных молитвенников», обсуждают возможность проведения в 1910 г. съезда мусульман-староверов, для пропаганды своих идей намереваются издавать собственный журнал, апеллируют к политическим институтам и даже, как было отмечено ранее, участвуют в предвыборных собраниях. Если ваисовцы не были способны в полной мере усвоить актуальные политические идеи, то, по крайней мере, они пытались приспособиться к современным политическим институтам и использовать политический инструментарий.

Многие требования и действия ваисовцев 1905–1908 гг. оценивались властями как явный политический вызов, а действия сектантов вызвали серьезные опасения в возникновении нового альтернативного и неуправляемого сообщества. В 1909 г. в отношении ваисовцев начались расследования, завершившиеся судебным процессом 1910 г. Из четырнадцати подсудимых одиннадцать были признаны виновными в создании и принадлежности к преступному сообществу, «поставившему себе целью неподчинение распоряжениям правительства», и осуждены на различные сроки тюремного заключения (от двух до четырех лет). Руководитель движения Г.Ваисов после отбытия тюремного заключения был сослан на поселение в Сибирь, откуда смог вернуться в Казань только лишь после Февральской революции.

За все время существования ваисовской общины староверов-мусульман ее члены неоднократно преследовались за свои убеждения и логично вытекавшие из них поступки и действия. Но власти всегда придавали этим преследованиям характер наказания за то или иное уголовное преступление, какова бы на самом деле не была истинная мотивация. Процесс 1910 г. впервые имел ярко выраженный политический характер. После очередного разгрома в жизни общины наступает очередной период затишья (1911–1916 гг.), нарушаемое лишь эпизодическими столкновениями отдельных ваисовцев с представителями власти. Однако предреволюционное десятилетие в целом было логическим этапом в развитии ваисовского

движения, когда происходила очевидная эволюция в сторону постепенной секуляризации сознания и образа жизни «сектантов», появления новых аспектов и усиления политической составляющей. В период революций 1917 г. ваисовская община окончательно приняла политический характер, что проявилось и в смене названия (от «Ваисовский божий полк староверов мусульман» к «Партии ваисовцев революционеров-коммунистов» в начале 1919 г.), и в проявлении лидерами явных политических амбиций, и в установлении противоестественного по сути альянса с большевиками и пр.

Политический консерватизм в мусульманской среде все же выглядел неким нонсенсом, о чем красноречиво свидетельствуют истории образования т.н. Царско-народного мусульманского общества [Алексеев, 2001; Он же, 2002 а; Он же, 2004] и мусульманского народного союза «Сират аль-Мустахим» [РГИА, ф.821, оп.133, д.474; Исхаков, 2001, с.362–370; Фахрутдинов, 2004, с.292; Усманова, 2009, с.56–57].

Татарская (псевдотатарская по сути) общественно-политическая организация Царско-народное мусульманское общество (ЦНМО) была создана в декабре 1908 г. в Чистопольском уезде Казанской губернии. Номинальным руководителем ее был чистопольский крестьянин Хайрулла Файзуллин (в этой организации встречаются и другие татарские имена), однако инициатором и идейным вдохновителем всей этой акции был лидер правых, казанский профессор В.Ф.Залесский. Именно им был разработан устав этой организации, пролоббировано проведение необходимого решения через соответствующие инстанции. По мнению В.Ф.Залесского, создание в мусульманской среде правомонархических организаций должно было способствовать «политическому разъединению инородцев», чтобы остановить процесс распространения среди татар сепаратистских настроений и предотвратить их участие в прогрессистском движении. Согласно уставу ЦНМО, целью этой организации было «сохранение в среде татарского населения верности принесенной на Коране присяге Самодержавному Неограниченному Царю и крепкое единение с русским патриотическим обществом».

ЦНМО, как и все черносотенные организации, имело свое знамя, печать, нагрудный знак, получало право строить школы, открывать больницы, приюты, обладало широкими юридическими правами. Устав организации был утвержден губернским присутствием 9 декабря 1908 г., а в течение весны (апрель-май) 1909 г. отделения ЦНМО возникали в ряде населенных пунктов Чистопольского уезда. Общее число членов общества насчитывалось около 240–250 членов. Впрочем, очень быстро началась разоблачительная кампания в либеральной прессе, а последовавшие за ней расследования со стороны местной администрации показали, что под вывеской монархической организации нередко велась т.н. «панисламистская пропаганда» и антиправительственная агитация, а некоторые ее члены были «не всегда безупречны в нравственном отношении». В итоге, по распоряжению губернских властей осенью 1909 г. деятельность местных отделений ЦНМО была приостановлена, в декабре того же года было принято постановление о закрытии всех его отделений.

Другая попытка создания консервативной промонархической мусульманской партии «Сират аль-Мустахим» и уже на совершенно ином – общероссийском – уровне была предпринята в конце 1913–начале 1914 гг. Учредителями данного союза выступили крупный столичный торговец Фатых Байрашев, ахун Санкт-Петербурга Мухаммад-Сафа Баязитов, ахун 1-й соборной мечети города Троицк Ахмад хаджи Рахманкулов и купец Хабибулла Ялышев.

Соответствующие документы, т.е. прошение об учреждении «Сират аль-Мустахим» и проект устава, за этими четырьмя подписями поступили в ДДДИИ МВД в ноябре 1913 г. В основу устава легли аналогичные документы черносотенных организаций «Союз Михаила Архангела» и «Союз русского народа». В процессе согласования с властями текст устава не претерпел принципиальных изменений, хотя определенная редакция его со стороны сотрудинков ДДДИИ была произведена. Согласно уставу, «Сират аль-Мустахим» ставил своей целью «объединение всех русских мусульман для изучения мусульманства в его прошлом и настоящем, просвещения и всестороннего поднятия бла-

госостояния единоверцев на почве строгой законности, верности Монарху, единства и целостности России» [РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 474]. По замыслу учредителей появление данного Союза должно было сплотить консервативную часть мусульман с целью противодействия модернизаторским тенденциям в мусульманской умме. Деятельность Союза распространялась на всю территорию Российской империи за исключением западных, южных и дальневосточных окраин (т.е., Польши и Западного края, Кавказа, Туркестана и Дальнего Востока), т.е., фактически, речь шла об округе ОМДС.

Всеми основными делами должен был весть Главный совет, состоящий из 12 членов. В практической деятельности союз «Сират аль-Мустахим» ставил широкий круг задач. В религиозной сфере предусматривалось содействие в организации хаджа, в сооружении мечетей, в сфере образования и просвещения – открытие общеобразовательных и профессиональных низших и средних учебных заведений, национальных мектебов и медресе, организации библиотек, издательство книг. Для нуждающихся слоев населения предусматривалось оказание самых разнообразных видов благотворительной помощи, в том числе и медицинской. Казалось бы, по своим целям это была типичная благотворительная организация. Однако ни для кого не было секретом, что создание промонархической мусульманской организации «Сират аль-Мустахим» было политическим проектом. Это была своего рода консервативная политическая альтернатива так и не легализованной либеральной партии «Иттифак аль-муслимин», ответ консерваторов и традиционалистов своим политическим оппонентам – мусульманским (татарским) либералам. Примечательно, что обе организации, хотя и именовались мусульманскими, были в значительной степени результатом деятельности татарской общественности. В то же время хотя и нет документов, письменно подтверждающих следующее предположение, тем не менее, очевидно, что этот проект отчасти был инициирован некоторыми членами правительства, подобно тому, как многие русские промонархические партии создавались сверху.

Процесс легализации «Сират аль-Мустахим» не был завершен. Вероятно, основной неудачей стало отрицательное отношение к проекту общероссийской мусульманской организации большинства губернаторов, а также опасения в среде высшей столичной бюрократии. Вопрос о создании Союза поднимался 16 мая 1914 г. на Особом совещании по мусульманским делам. Участники совещания усмотрели в его учреждении опасность объединения мусульман (традиционные опасения панисламизма) и возможность проникновения в ряды консервативной организации «неблагонадежных элементов». К тому же легализация «Сират аль-Мустахим» создала бы прецедент, дающий полное основание и другим инородцам «домогаться» аналогичного. Руководствуясь этими соображениями, члены совещания единогласно признали безусловную нежелательность «с точки зрения

русской государственности, утверждения проекта устава «Сират аль-Мустахим», как организации, объединяющей мусульман без различия национальности на пространстве почти всей Империи» [РГИА, ф.821, оп.133, д.474, л.376–376 об.].

Проект партии «Сират аль-Мустахим и персонально его учредители подверглись резким нападкам со стороны либеральной татарской прессы, которая окрестила данный союз черносотенным и призвала мусульман не поддерживать его организаторов. В защиту «Сират аль-Мустахим» писал только журнал «Дин ва магишат». С утверждением в июле 1915 г. М.-С. Баязитова муфтием ОМДС идея создания мусульманской консервативной партии и вовсе перестала быть актуальной: центром притяжения консервативной части мусульман отныне становится руководство ОМДС.

§ 6. Основные черты мусульманской (татарской) политической активности в поздней имперской России: общие выводы

Диляра Усманова

Таким образом, можно сказать, что с начала революционных событий (январь 1905 г.) и вплоть до весны 1906 г. – до начала работы первого российского парламента – мусульманское сообщество прошло в своем политическом развитии тот же путь, что и все российское общество. Осень 1904 – весна 1905 гг. стали временем пробуждения мусульманского населения страны (как писал позднее Г.Тукай «мы проснулись с революцией 1905 г.») и оформлением первых политических объединений. В это время в среде российских мусульман действовали объединения преимущественно на местном, локальном уровне (в Поволжье, в Крыму, на Кавказе, в столичных городах), лидеры которых пытались решать свои вопросы традиционным для России способом – проведением собраний и т.н. «банкетных кампаний», составлением ходатайств и петиций, посылкой в столицу депутатий. Вторая характерная черта – создание политических групп и объединений по партийному принципу. В это время в среде мусульман преобладали левые течения: группы различной социалистиче-

ской окраски (социал-демократы и социал-революционеры), а также либералы¹³. Примечательно, что именно либеральное крыло мусульманского политизированного общества первым предприняло попытку организовать и создать общероссийскую мусульманскую политическую партию. Наконец, третьей характерной чертой мусульманского движения было стремление действовать именно как единое мусульманское политическое движение, без деления по национальному или региональному принципу. Поэтому, несмотря на преобладание в руководящем составе, а также среди рядовых членов партии представителей казанских (волго-уральских) татар, последние ни разу не пытались создать отдельную татарскую политическую партию. Четвертая характерная черта – политическое, идеологическое,

¹³ Впрочем, можно сказать, что российский либерализм (например, в лице кадетов) периода первой русской революции был довольно радикальным в своих требованиях и суждениях, что позволяло властям причислять их к революционным партиям.

персональное и, отчасти, финансовое доминирование в общемусульманском политическом движении представителей татарского сообщества, что позволяло правящей бюрократии обвинять казанских татар в стремлении к «татарской гегемонии».

Пик политической активности мусульманских (татарских) либералов пришелся на годы первой русской революции (1905–1907 гг.). Именно тогда прошли основные съезды, были созданы общероссийские и региональные структуры мусульманской партии, наблюдалась наибольшая политическая активность отдельных деятелей. После спада и окончания революции, как и в целом по стране, мы отмечаем спад политической активности российских мусульман. Отчасти это объяснялось репрессиями со стороны властей, отчасти общей усталостью населения от бурной политической деятельности, от революционных потрясений, отчасти – усилением настроений апатии и разочарования, сменивших собой период эйфории 1905–1907 гг. В 1907–1914 гг. политическая деятельность российских мусульман в основном сосредотачивалась вокруг мусульманской фракции Государственной думы.

Следует отметить, что в среде российских мусульман были не только радикальные левые течения (социалисты и либералы), но и довольно сильное умеренно-консервативное течение, предпринявшее попытку соорганизоваться в политическую силу. Несмотря на то, что консервативное крыло мусульманского сообщества должно было бы пользоваться

большей симпатией и поддержкой властных структур, тем не менее и оно вызвало у правительства опасения. Никакая верноподданническая риторика прошений консерваторов и традиционалистов не могла снять традиционные опасения властей, которые видели угрозу в любой политической активности мусульманского населения. Поэтому, несмотря на отсутствие репрессий и гонений в отношении консервативных элементов мусульманского сообщества, представители его не смогли создать достойной альтернативы либеральным, модернистским (джадидистским) проектам. Другая консервативная (традиционалистская) альтернатива в лице ваисовского движения, несмотря на всю активность ее лидеров, играла в татарском общественном движении еще более маргинальную роль и не могла предложить населению программу позитивного действия, адекватную требованиям современной жизни.

В целом, в позднеимперский период мусульмане в политической сфере прошли характерную для всего российского общества эволюцию – от первых робких попыток артикуляции своих нужд и пожеланий до выработки политической программы и попыток (не слишком удачных, впрочем) создать политические структуры, способные вести современную политическую деятельность. В этом процессе волго-уральские татары играли доминирующую роль, стремясь возглавить и повести за собой формирующееся политическое движение «единой мусульманской нации».

§ 7. Либеральные партии Казанской губернии в годы первой российской революции 1905–1907 гг.

Лариса Айнутдинова

Резкое обострение социально-классовых противоречий в ходе Революции 1905–1907 гг. явилось своеобразным катализатором образования политических партий. Кроме уже существующих партий революционно-демократического направления, на политической авансцене появляются монархические, либеральные и национальные партии, блоки и союзы. И если социал-демократы и социалисты-революционеры подошли к революции с хорошо отлажен-

ной организационной системой, то российские либералы позади имели только опыт земской работы и деятельность в таких достаточно аморфных по своей структуре организациях, как «Союз освобождения» и «Союз земцев-конституционалистов». Считая, что форма организации, подобная «Союзу освобождения» или «Союзу земцев-конституционалистов», наиболее приемлема, вожди либерализма пытались сгруппировать вокруг себя всех сочувствующих.

На процесс структурирования в Казани партий либерального толка большое влияние оказали события октября 1905 г., когда революционные настроения приобрели наиболее острый характер. В Казани 16 октября произошло ожесточенное столкновение между демонстрантами и конной полицией. Спонтанные стычки переросли в открытое избиение ни в чем не повинных мирных жителей, что вызвало шок у всех горожан и негодование у гласных Городской думы. Несмотря на жестокую расправу с демонстрантами, 17 октября на улицах Казани у Казанского университета вновь стали собираться студенты, учащиеся, рабочие, простые обыватели. На этот раз полиция открыла огонь. В результате кровавой расправы было убито и ранено 40 человек [Хасанов, 1965, с.132]. Эта ночь переродила многих. Мирные обыватели, которые до этого чуждались революционеров, на другой день сами стали революционерами. В их числе было немало либерально настроенных лиц, которые во главе с гласными Казанской городской думы с особым ликованием восприняли опубликованный на следующий день царский Манифест 17 октября. Тогда же началось оформление в крае легальных политических партий.

Казанский комитет Конституционно-демократической партии (Партия народной свободы) возник в октябре 1905 г. [НА РТ, ф.199, оп.1, д.736, л.6]. Подобные комитеты в 1905–1906 гг. возникли и в ряде уездных центров Казанской губернии – Лаишеве, Ядрине, Чистополе, Цивильске. Работать названным комитетам приходилось в сложной обстановке. Постоянные преследования со стороны местных властей сопровождались и определенным абсентеизмом масс. Так, в Чистополе отделению партии пришлось действовать даже под прикрытием местного отдела Казанского общества попечительства о народной трезвости [НА РТ, ф.199, оп.1, д.445, л.172 об.]. Подобный пример далеко не исключение. На первых порах почти повсеместно кадеты вынуждены были скрывать свою политическую ориентацию под сенью подобных организаций. Власти на местах, особенно в провинции, негативно относились ко всем нововведениям в виде партий и выборов, считали их временной

уступкой взбунтовавшемуся народу. К тому же у местных властей были все рычаги давления на общественность – от административных до моральных. Поэтому сведения о деятельности и численности провинциальных отделов оппозиционных политических партий порой столь отрывочны и несопоставимы. И тем не менее, по далеко не полным данным, в 1906–1908 гг. в Казанской губернии насчитывалось более 700 членов Конституционно-демократической партии. Сторонников партии было значительно больше, но многие не решались открыто заявить о своей принадлежности к оппозиционной партии, которую в официальных жандармских сводках называли левой, и все, кто имел к ней отношение, сразу падал под подозрение.

Количество членов партии росло быстро. Уже в конце декабря возникла необходимость структурировать организацию в рамках всей губернии. На общем собрании казанских кадетов 31 декабря 1905 г. было принято решение о создании губернского комитета партии в составе 20 человек (Ю.Х.Акчурина, С.Ш.Алкина, И.И.Бабушкина, А.Г.Бать, М.С.Венецианова, А.В.Васильева, А.А.Симолина, М.М.Хвостова, Г.Г.Тельберга, А.Д.Черноярова и др.) [ГА РФ, ф.523, оп.1, д.214, л.27–28], также были выбраны делегаты от Казанского губернского комитета на 2-й Общероссийский съезд Конституционно-демократической партии, состоявшийся в Москве 5–11 января 1906 г. (Ю.Х.Акчурина, С.С.Галикеева, А.В.Васильева, Г.Ф.Шершеневич). Наличие представителей татарского народа в составе губернского комитета и делегации на съезд доказывает тот факт, что с момента своего возникновения местная организация кадетов пыталась учитывать одну из главных особенностей губернии, а именно, многонациональный состав ее населения. С первых же шагов своей деятельности губернский комитет пытался объединить в своих рядах сторонников общероссийского либерального движения и национального.

На этом же собрании было принято постановление, определившее тактику казанских делегатов на съезде партии. Они должны были осуществить следующее: высказаться за участие партии в выборах в 1-ю Государ-

ственную думу; сообщить, что казанские кадеты считают нужным для более успешной агитации в широких слоях населения отыскать подзаголовок партии или какой-нибудь девиз по примеру крайних партий, который более доходчиво передавал бы народному сознанию сущность партии, чем слова «конституционно-демократическая»; заявить о желательности добавления в программу особого пункта, следующего за пунктом о пересмотре уголовного и гражданского уложений, о том, что при этом пересмотре должны быть приняты во внимание правовые особенности отдельных национальностей, вытекающие из религиозных взглядов (например, порядок наследования у мусульман); доложить съезду, что в п.1 об основных правах граждан после перечисления национальностей (поляков, евреев) следует вставить слова «татар, сартов и прочих»; обратить внимание делегатов съезда на технику выборов в представительное собрание, «в случае распространения избирательного права на женщин, необходимо, чтобы мусульманские женщины могли участвовать в выборах, не нарушая обычаев своей национальности; предложить съезду, чтобы п.7 программы «о задержании граждан» был изложен по английскому образцу, т.е. чтобы каждый гражданин мог заявить о незаконном задержании другого гражданина; добиться добавления особого пункта о том, что партия принимает принцип представительства меньшинства при выборах; высказаться за политическую ответственность министров и включить в программу пункт, что кабинет министров должен пользоваться доверием у большинства законодательной палаты и др. [ГА РФ, ф.523, оп.1, д.72. л.1–1об.].

Данное постановление показывает, что на момент формирования Казанская губернская организация кадетов была настроена радикально по многим принципиальным вопросам. Стремление ознакомить съезд с проблемами других народов, населяющих Российскую империю, в первую очередь, татарского, свидетельствует о растущей силе национально-освободительного движения в регионе.

Социальный состав кадетской партии был неоднородным. Чтобы облегчить приток новых членов, ее руководство пред-

ложило принимать в партию не на основе рекомендации, а путем обычной записки или даже словесного заявления об этом одному из членов комитета. Таким образом, в члены партии могли вступать лица, принимающие ее программу полностью или частично [История политических партий России, 1994, с.114]. Говоря о социальной основе Казанской губернской организации кадетов в годы Первой русской революции, следует иметь в виду, что в ней преобладали представители интеллигенции: преподаватели высших и средних учебных заведений, адвокаты, редакторы газет, чиновники и т.п. Немало было и представителей средних городских слоев и либеральных помещиков. Большой процент среди членов партии составляли люди с юридическим образованием. Исходя из анализа списка выборщиков от партии кадетов Казанской губернии Государственную думу, видно, что интеллигенция составляла в организации около 60%, буржуазия – 25%, мещане – 11%. Руководство губернского комитета на 90% состояло из представителей интеллигенции, из них 50% – лица с юридическим образованием.

К партии кадетов в это время примкнула значительная часть профессорско-преподавательского состава казанских вузов, стремившаяся преобразовать общество правовым путем. По некоторым данным, в 1905–1908 гг. идеи Конституционно-демократической партии разделяли 22 профессора и 10 приват-доцентов Казанского университета, 1 преподаватель Ветеринарного института, 8 преподавателей Высших женских курсов [НА РТ, ф.199, оп.2, д.200, л.1; д.1273, л.7]. Кроме того, активным элементом в социальном составе партии кадетов выступили земские служащие. Кроме них в Казани кадетов поддерживали и некоторые представители зажиточного купечества, в частности, купцы И.Г.Стахеев, братья А.Д. и Д.Д.Чернояровы, братья И.И. и П.И.Александровы. Были также представители татарских предпринимателей и землевладельцев – И.Казаков, Б.Апанаев, М.Галеев, С.Аитов и др. 4 июня 1906 г. на заседании ЦК по вопросу о финансовой помощи организации Г.Ф.Шершеневич весьма определенно сказал об этом [Протоколы ЦК, 1990, с.142, 149], отметив, что в программе

партии татар особенно привлекал пункт о культурно-национальной автономии.

Поддерживали местную организацию кадетов и некоторые студенты Казанского университета и Ветеринарного института. Обычно они объединялись в различных легальных кружках. Так, в университете состав Юридического общества был почти полностью кадетским [Волжский листок, 1907, 19 августа].

Одной из главных практических задач в деятельности всех политических сил в годы первой русской революции являлась постановка и пропаганда своих идей. Особое значение эта работа приобретала для тех партий и движений, которые не фиксировали в своих уставных документах жестких организационных требований. Поэтому издательская деятельность стала для кадетов одной из основных форм пропаганды. Руководство кадетской партии всегда особо интересовалось положением местных комитетов в плане обеспеченности их агитационной литературой и налаживания ими собственной издательской деятельности. На одном из первых заседаний Казанский комитет поставил вопрос о необходимости составления и издания популярных листовок по программным и текущим вопросам. Поэтому уже 11 ноября 1905 г. они обратились в ЦК партии с просьбой присылать литературу и руководящие указания. В ответ ЦК сразу же прислал 100 экземпляров всех партийных изданий, 100 экземпляров программы партии, 25 экземпляров устава, список членов ЦК и по 1 экземпляру циркуляров [ГА РФ, ф. 523, оп. 1, д. 214, л. 26–27].

Сразу после своего образования Казанский губернский комитет наладил постоянную связь с ЦК. В Казань агитационная литература поступала постоянно на адрес магазина братьев Башмаковых. Владелец магазина Н.Я.Башмаков являлся членом партии и согласился помочь в распространении партийной литературы, продавая ее в своем магазине и рассылая другим книгопродавцам. В его магазине члены губернской организации приобретали книги на средства избирательного комитета для бесплатной раздачи в городе и по уездам [ГА РФ, ф. 523, оп. 1, д. 214, л. 27–27об.]. Достаточно быстро кадетам удалось решить

и вопрос с периодическим изданием. Профессор Г.Ф.Шершеневич, отчитываясь на Общероссийском съезде партии о положении дел в Казанской губернской организации в январе 1906 г., отметил, что в Казани есть партийная газета на татарском языке «Казанский вестник» (предполагалось, что она будет издаваться на двух языках – русском и татарском, но в таком виде удалось выпустить только первые номера) [Съезды и конференции, 1997, с. 57]. Издателем газеты являлся С.Ш.Алкин – член губернского комитета партии кадетов. Кроме того, уже с декабря 1905 г. в Казани стала выходить газета «Вечернее эхо», которую по направленности статей можно определенно отнести к кадетской: в списке ее постоянных авторов были заявлены члены губернской организации партии – И.В.Мандельштам, В.Н.Ивановский, Н.П.Гусев, Г.Г.Тельберг и др. Таким образом, уже в конце 1905 г. местные кадеты наладили связь с центром и издательскую деятельность.

После того, как в июле 1906 г. газету «Вечернее эхо» закрыли, казанские кадеты стали выпускать газету «Казанский вечер», которая уже официально считалась партийным органом. Ее издателем стал секретарь губернского комитета партии кадетов Н.П.Гусев. Благодаря его деятельности кадетские партийные издания под разными названиями («Казанский вечер», «Волжско-Камская речь», «Камско-Волжская речь») выходили постоянно до декабря 1917 г. Дважды губернские власти пытались избавиться от этого человека, высылая за пределы Казанской губернии. Но, несмотря на это, Н.Гусев вновь возвращался и продолжал руководить изданием партийной прессы [НА РТ, ф. 1, оп. 6, д. 767, л. 33 об., 35].

Кроме того, наиболее активные деятели местной партии кадетов, среди которых особо можно отметить Г.Ф.Шершеневича, М.М.Хвостова, И.В.Мандельштама, А.В.Завадского, А.Г.Батя, С.Алкина, Ю.Акчурина, И.И.Бабушкина, Н.П.Гусева, непосредственно работали с народными массами на предвыборных собраниях, митингах, лекциях и т.п. Губернский комитет устраивал лекции по острым проблемам современности, которые читали в основном профессора и преподаватели университета.

Члены партии активно участвовали в работе избирательных собраний как в Казани, так и в уездах. Нередким было и присутствие их на массовых митингах.

Процесс формирования «Союза 17 октября» в Казани проходил одновременно со столичными организациями. 10 ноября 1905 г. в Губернской земской управе состоялось собрание с участием представителей гласных земских собраний, преподавателей университета и др.: М.Я.Капустина, И.А.Праксина, В.И.Разумовского, К.Я.Закроева, Л.П.Охроменко, П.Н.Бельковича, И.М.Петяева, П.И.Геркена, М.П.Депрейса, А.Н.Боратынского, Ф.В.Бутенина, Е.Е.Софронова и др. Обсудив создавшуюся в стране и крае политическую ситуацию, они решили объединиться в организацию под названием «Казанская партия Манифеста 17 октября», провозгласив основной своей задачей «прекращение в России анархии, переход к созидательной деятельности, умиротворение страны и поддержку правительства в его намерении провести в жизнь объявленные в Манифесте 17 октября 1905 г. свободы и реформы». При этом они отметили, что являются самостоятельной организацией, намеренной в «главных основаниях своей программы» примкнуть к партии «Союз 17 октября» [Казанский телеграф, 1905, 19 ноября].

Считая, что «Союз 17 октября» в своей программе слабо учитывает особенности местного населения, казанские октябристы разработали собственный вариант, подключив к этому делу ряд татарских деятелей во главе с купцом А.Я.Сайдашевым [Обновление, 1906, 15 марта]. 13 декабря 1905 г. на общем собрании партии был утвержден окончательный вариант программы; председателем партии избран профессор Казанского университета М.Я.Капустин, товарищами председателя купец – С.М.Аитов и дворянин В.В.Марковников; создан губернский комитет партии в составе 18 человек. Следует также отметить, что членам «Казанской партии Манифеста 17 октября» удалось в январе 1906 г. открыть отделение партии в Чистополе, председателем которого стал городской голова, купец А.Я.Логутов, а секретарем – агроном Чистопольской земской управы В.А.Гоппе [НА РТ, ф.199, оп.1, д.445, л.172, 229 об., 230]. В других уездах

губернии отделений не удалось создать, хотя сочувствующих партии дворян, землевладельцев и предпринимателей было достаточно. Численность губернской организации октябристов в это время определялась в 540 человек [Казанский телеграф, 1906, 17 января].

Ядро партии образовала профессорско-земская интеллигенция, благодаря которой программа казанских октябристов по целому ряду пунктов отличалась от программы «Союза 17 октября» большей демократичностью. Это привело к тому, что казанские октябристы по своему положению оказались на левом фланге общероссийского октябризма. Несмотря на это, в целом партия являлась выразительницей политических и экономических интересов крупных и средних землевладельческих и торгово-промышленных кругов, что в условиях продолжающейся революции и жесткой конкуренции со стороны социалистов и кадетов сводило ее популярность среди широких народных масс практически к нулю. В Казанской губернии, как и в целом по стране, социальную основу партии составляли дворяне и представители торгово-промышленной и финансовой буржуазии, численность которых в губернии была незначительной. Первоначально интерес к партии проявили и представители татарской буржуазии. Как отмечала газета «Казанский телеграф», на собрании партии 13 декабря 1905 г. присутствовали мусульмане, которые, выслушав выступления ораторов, отметили, что программа кадетов их надежды и чаяния отражает лучше, а потому покинули собрание [Казанский телеграф, 1905, 15 декабря]. Больше всего татар отпугивало от октябристов отсутствие реальной программы решения национального вопроса. Поэтому партия октябристов не стала пользоваться популярностью в среде татарского народа. А вследствие того, что ее программа представляла интересы, прежде всего, зажиточных слоев населения, она не получила поддержки и в среде крестьянства, а потому осталась чисто городской партией.

Лидеры «Казанской партии Манифеста 17 октября» много внимания уделяли налаживанию агитационной и издательской деятельности. Партийным изданием казанских октябристов являлась газета «Обновление», идейным руководителем которой

был профессор университета и один из самых активных членов партии Б.В.Варнеке. Сотрудниками газеты в основном были профессоры и преподаватели университета, среди них В.С.Груздев, П.И.Кротов, С.П. Шестаков, А.Я.Богородский, Н.М.Петровский. В 1905–1907 гг. идеи умеренного либерализма находили свое отражение также на страницах газеты «Казанский телеграф».

Расцвет деятельности местных партий либерального направления приходится на время избирательных кампаний в 1-ю (февраль – март 1906 г.) и 2-ю (январь – февраль 1907 г.) Государственные думы. Именно в эти месяцы отмечается пик активности в деятельности партий либерального направления, особенно в провинции.

Казанскому губернскому комитету партии кадетов пришлось проводить свою избирательную кампанию в условиях репрессий, которые обрушились на ее членов в период зимы – весны 1906 г. Так, Чистопольское отделение сообщило об аресте намеченных частным образом кандидатов в Государственную думу. Кроме того, за агитацию в их пользу были уволены «2 врача, 12 учителей земских школ и 2 учителя городской школы» [Вестник партии народной свободы, 1906, 12 марта, с.161–162]. Аналогичная ситуация складывалась и в Казани. 5 марта здесь был арестован один из самых активных членов комитета Ю.Акчурина [Вестник партии народной свободы, 1906, 19 марта, с.207–208]. Власти пытались таким образом снизить авторитет партии кадетов в губернии и не допустить прохождения их кандидатов в состав Государственной думы. Подобные факты отмечались и в других городах края.

Частичным выходом из создавшейся неблагоприятной ситуации для либеральных деятелей и, прежде всего, для кадетов стало их участие в избирательных собраниях, которые местные власти не могли запретить ввиду их законности и обязательности. Практически для всех общественно-политических сил, принимавших участие в избирательной кампании, они стали не только серьезной проверкой их политической зрелости, но и показателем рейтинга популярности в массах. Лидеры губернского комитета партии кадетов это хорошо понимали, а потому посылали на собрания наиболее популярных агитаторов. Среди них наиболее выделя-

лись члены губернского комитета А.Г.Бать, Г.Г.Тельберг, А.В.Васильев, М.М.Хвостов, С.Алкин. Местная периодическая печать не раз сообщала о разгорающихся на собраниях дискуссиях, успехах и неудачах оппонентов. В период предвыборной кампании в 1-ю Государственную думу основная борьба за голоса избирателей в Казанской губернии развернулась между партиями кадетов в союзе с «Иттифак аль-муслимин» и октябристами.

Заинтересованные в поддержке татарского национального движения местные кадеты на предвыборных собраниях, особенно там, где преобладало татарское население, активно критиковали самодержавие за политику угнетения нерусских народов. Так, казанский полицмейстер, докладывая губернатору о состоявшемся 9 января 1906 г. в Казани собрании служащих общественных и правительственных учреждений по поводу выборов в Государственную думу, отмечал, что выступавший на собрании представитель губернского комитета партии кадетов А.Г.Бать критиковал правительство, говоря: «Что же это за закон, каковой давая свободу и равноправие, вместе с тем заставляет татар в школах писать татарские слова русскими буквами» [НА РТ, ф.1, оп.4, д.2107, л. 138]. После его выступления полицейский пристав посчитал необходимым закрыть собрание, увидев в этом революционную крамолу. Репрессивная политика властей в отношении партии кадетов в период выборов в 1-ю Государственную думу еще более подняла их популярность в крае.

Умеренно-либеральные партии в период предвыборной кампании в 1-ю Государственную думу в Казанской губернии создали избирательный блок, в который вошли казанские октябристы, «Союз пастырей...» и Торгово-промышленная партия. Лидирующее положение в блоке заняли октябристы. Таким образом, число их активных сторонников возросло до 1200 человек. Несмотря на рост численности и финансовую поддержку со стороны торгово-промышленной части населения, влияние октябристов в Казанской губернии было менее заметным, чем партии кадетов. И если бы не поддержка со стороны местных властей, их положение стало бы еще менее устойчивым. Образование предвыборного блока предопределило и окончательное

объединение этих партий в составе «Казанской партии Манифеста 17 октября».

Необходимо особо отметить, что и Конституционно-демократическая партия и «Союз 17 октября» были заинтересованы в поддержке «Иттифака аль-муслимин», так как за ним стояло несколько миллионов реальных избирателей. Особенно это касалось таких регионов, как Казанская губерния, где татары составляли 31% населения. Чтобы привлечь на свою сторону татарское население, Казанский комитет партии кадетов целенаправленно отстаивал их интересы перед руководством своей партии. В результате, были внесены изменения даже в программу партии. Своими действиями Казанский комитет партии кадетов добился на выборах в 1-ю Государственную думу почти стопроцентной поддержки татарского населения Казанской губернии. Казанские октябристы после своего поражения, на выборах осознав, что одним из факторов, способствующих победе кадетов в губернии была поддержка со стороны татарского народа, отмечал, что «Союз 17 октября», может быть, назначил бы не одного, а десять, двадцать достойных магометан в кандидаты, если бы магометане участвовали в его составе. Но союзу не удалось привлечь их к себе, несмотря на все старание» [Обновление, 1906, 15 мая].

В результате избирательной кампании в 1-ю Государственную думу решительную победу в Казанской губернии одержали кадеты. Из тех, кто стал депутатом 1-й Государственной думы от Казанской губернии, особо хотелось бы отметить членов губернского комитета партии кадетов Г.Ф.Шершеневича и А.В.Васильева, которые активно работали в думских комиссиях над различными законопроектами. Так, А.В.Васильев принял активное участие в разработке законопроекта по аграрному вопросу, а Г.Ф.Шершеневич – по законопроекту о свободе собраний. Кроме того А.В.Васильев был избран секретарем думской продовольственной комиссии по борьбе с голодом, созданной в июне 1906 г.

После поражения на выборах деятельность «Казанской партии Манифеста 17 октября» почти замерла. Комитет был дезорганизован. Из шести отделений партии в Казани, возникших в период предвыборной кампа-

нии при избирательных участках, действовало только отделение 4-го участка. Здесь сконцентрировались лучшие силы организации под председательством профессора университета П.И.Кротова. С 3 сентября 1906 г. его возглавил профессор Б.В.Варнеке [Казанский телеграф, 1906, 7 сентября]. Это отделение фактически взяло на себя руководство всей организацией. Значительно сократилась и численность партии: в первую очередь, ее покинули случайные лица. Жандармское управление определяло численность организации в этот период в 400 человек [НА РТ, ф. 1, оп.6, д.414, л.18, 22 об.].

Заметно спала активность и губернского комитета партии кадетов. Связав свою судьбу с деятельностью Государственной думы, они терпеливо ждали итогов ее работы. Многие из членов партии в этот период сосредоточились на работе в общественных организациях, чья деятельность была направлена на развитие образования и культуры. Здесь можно выделить уже упомянутое нами Юридическое общество, а также созданное в 1906 г. по инициативе Н.П.Загоскина Казанское общество народных университетов. Кроме того, возникло Казанское общество распространения образования и многие др. Под эгидой данных организаций устраивались образовательные курсы, лекции, экскурсии, открывались библиотеки, читальни, книжные склады и магазины [НА РТ, ф.199, оп.2, д.907].

После разгона 1-й Государственной думы, в связи с предстоящей избирательной кампанией во 2-ю Государственную думу осенью 1906 г. в Казани деятельность либералов оживилась. По инициативе Самарского и Казанского губернских комитетов партии октябристов в сентябре в Казани состоялся Поволжский съезд октябристов (10–12 сентября). На съезде присутствовали делегаты из Самары (С.А.Богушевский и Т.А.Шишков), Симбирска, Малоги (князь И.А.Куракин), Нижнего Новгорода (А.Д.Становой), Москвы. От ЦК на съезде присутствовали А.И.Гучков и А.С.Белкин [Первый Поволжский съезд, 1906, с.7]. Участники съезда обсуждали программу партии, ее Устав, дальнейшую тактику. Постановления съезда отражали отношение поволжских организаций октябристов к сложившемуся политическому раскладу сил в стране и в регио-

не. Результатом его работы стало появление на свет «Краткой политической программы Союза 17 октября».

В ноябре 1906 г. при губернском комитете партии кадетов образовалась студенческая (университетская) фракция, которую возглавили студенты К.В. Белилин, Н.Ключников, Н.В. Утехин и др. [Вестник партии народной свободы, 1906, 30 ноября, с.2111]. Положение фракции в университете было относительно слабым, по количеству своих сторонников она занимала третье место. Так, на февральских выборах 1906 г. в Центральный университетский орган из 1056 поданных голосов за партию кадетов было отдано всего 93 голоса, что позволило им выставить одного депутата (за социалистов-революционеров – 459, за социал-демократов – 410). Положение октябристов в университете было еще более плачевным: за них проголосовал всего один человек [Казанский вечер, 1906, 17 февраля]. Небольшая группа кадетов образовалась и в Ветеринарном институте.

Казанское отделение партии кадетов испытывало в этот период не только давление со стороны властей, но и внутренние разногласия. Так, в январе 1907 г. из ее рядов вышли более умеренные либералы, которые образовали в Казани отделение «Партии мирного обновления». Правда, в силу своей малочисленности значительной роли в общественно-политической жизни Казанской губернии она не сыграла. Ее возглавил генерал-лейтенант И.Л. Панкратов, бывший до этого членом партии кадетов. Несмотря на выход из партии кадетов, они не смогли освободиться от ее идеологического влияния. На одном из своих заседаний в январе 1907 г. мирнообновленцы обсуждали вопрос об отношениях с другими партиями. Большинство голосов было решено не вступать в какие-либо отношения с октябристами и с партиями левее кадетов [Казанский вечер, 1907, 12 января]. И вплоть до своего самороспуска в период избирательной кампании в 3-ю Государственную думу Казанское отделение «Партии мирного обновления» находилось полностью под влиянием губернского комитета партии кадетов.

В ходе предвыборной борьбы во 2-ю Государственную думу в целом по Казанской губернии кадетам вновь удалось опередить своих основных противников в лице октя-

бристов. Однако ход последней в столице губернии – Казани – дал не совсем те результаты, на которые надеялись кадеты. На городском избирательном собрании октябристам удалось создать решающий перевес и провести в выборщики 46 своих кандидатов, мусульманам – 27, кадетам – всего 7. Депутатом от Казани был выбран профессор университета, лидер казанских октябристов М.Я.Капустин. Несмотря на то, что из 10 депутатов от Казанской губернии это был единственный депутат от партии октябристов, победа, одержанная в Казани, стала для них настоящим прорывом. Большую роль сыграли казанские октябристы и на выборах в Самаре, куда был командирован профессор Б.В.Варнеке. Благодаря его деятельности местным октябристам удалось также провести в Думу своего депутата от Самары.

Поражение кадетов в Казани было вызвано рядом причин: во-первых, в отличие от кадетов, октябристы, как и в предыдущей кампании, все свои силы сконцентрировали только в Казани; во-вторых, кадетам приходилось действовать полулегально, постоянно опасаясь репрессий со стороны местных властей; в-третьих, в населении уже проявлялось разочарование в институте парламентаризма вообще, ввиду отсутствия уважения к нему со стороны царского режима и каких-либо реальных результатов; в-четвертых, кадеты, выступив с Выборгским воззванием, отпугнули от себя значительную часть умеренного городского электората.

Необходимо отметить, что профессор М.Я. Капустин представлял в Думе левый фланг октябристов, более близкий к кадетам. В Думе он отличался своей активностью, завоевав тем самым огромную популярность в либеральной среде. Он был избран председателем фракции октябристов и будучи ее лидером старался вести фракцию по пути сотрудничества с кадетами. В.М.Пуришкевич даже ввел выражение «октябрист капустинской марки», характеризующее тех членов союза, которые растягивают конституционные принципы «как резину, влево до бесконечности» [Пуришкевич, 1907, с.5, 9].

После окончания избирательной кампании во 2-ю Государственную думу в политической жизни либералов на местах вновь, как и в первый раз, все внимание было обращено на деятельность депутатов в Госу-

дарственной думе. Периодическая печать довольно подробно освещала все вопросы, которые обсуждались в стенах законодательного собрания. Местные деятели пытались давать подробные разъяснения тем проектам, которые исходили от депутатов их партийной фракции.

Надежды правительства на то, что 2-я Дума будет послушнее, чем 1-я, не оправдались. Декларацию правительства о реформах, которыми должна была заняться новая Государственная дума, оппозиционное большинство не приняло. Как и в предыдущей Думе, центром внимания депутатов стал аграрный вопрос, обсуждение которого затянулось на несколько месяцев. В условиях спада революционного движения Николай II 3 июня 1907 г. издал указ о роспуске Думы и изменении избирательного закона. Подлинная причина роспуска Думы заключалась в невозможности как для правительства, так и для органа народного представительства найти путь сотрудничества, в частности, при проведении в жизнь аграрной реформы. Так закончился наиболее значимый этап деятельности политических партий Российской империи.

Таким образом, в годы первой российской революции в Казанской губернии произошло конституирование основных партий либерального направления. Толчком к их образованию послужили события революции 1905–1907 гг., а целью их деятельности стало реформирование существующего режима по либеральной программе. Радикальное направление либерального движения в Казанской губернии было представлено

Конституционно-демократической партией, ядро которой составила казанская интеллигенция. Несмотря на свою малочисленность, она смогла очень быстро наладить агитационную деятельность, результатом которой стало образование многочисленных отделений партии в уездах. Умеренное направление либерального движения было представлено «Казанским комитетом партии Манифеста 17 октября», которая, несмотря на программное родство с «Союзом 17 октября», заявила о своей самостоятельности и приняла свою собственную программу и Устав. Особенностью региона стало образование национальной партии на конфессиональной основе «Иттифак аль-муслимин», которая нашла, что наиболее близка ей по духу Партия кадетов, а потому оказывала последней полную поддержку на выборах в Государственную думу. Кроме политических партий, либеральные деятели активно участвовали в деятельности общественных организаций, значительное количество которых образовалось в период революции 1905–1907 гг. Здесь они активно занимались благотворительностью, а также пропагандой своих идей.

Революция 1905–1907 гг. позволила либеральным деятелям выйти за пределы экономических проблем, которыми им приходилось заниматься в органах местного самоуправления, и выступить с политическими требованиями. Из узких границ земства либеральное движение вышло на политическую арену и заявило о своей готовности бороться за власть в рамках существующего законодательства с целью его реформирования.

§ 8. Правомонархическое (черносотенное) движение в г. Казани и Казанской губернии в 1905–1917 гг.

Игорь Алексеев

Правомонархическое (черносотенное) движение в России: выход на политическую арену. Правомонархическое движение в Российской Империи возникло в 1905–1907 гг. как реакция на попытки революционно-либеральной модернизации российского общества. Основной предпосылкой образования правомонархических организаций как в центре, так и на местах

стал политический кризис начала XX в., создавший реальную угрозу для существования не только самодержавной формы правления, но и монархического строя в целом. Ответом на неё стало объединение представителей различных социальных, национально-религиозных и профессиональных групп населения Российской империи, заинтересованных в дальнейшем

сохранении традиционных институтов государственной власти и общественных порядков. В связи с этим правомонархическое (черносотенное) движение приобрело массовый, всесловный характер.

Правые монархисты (черносотенцы) руководствовались триединым консервативным принципом «Православие. Самодержавие. Народность». Они соединили в своей идеологии традиции правого крыла славянофильства, официального патриотизма, консервативного течения православно-религиозной мысли, а также элементы политического популизма. Правые монархисты выступали: за восстановление доимперского варианта самодержавной формы правления (который они отчасти идеализировали, противопоставляя западно-европейскому абсолютизму, конституционному монархизму и республиканской форме правления, а отчасти модернизировали, наделяя его антибюрократическими и антибуржуазными свойствами), ограниченной лишь «нравственно-обязательными» постановлениями всесловного законосовещательного Земского Собора; за сохранение и укрепление господствующего положения Православия и консервацию унитарного устройства («единство и неделимость») России посредством придания исключительных прав русскому народу и постепенного поглощения им инородцев (кроме евреев-иудеев, которых предлагалось сначала вернуть в полном составе за «черту оседлости», а затем и вовсе переселить за пределы государства).

Своё второе – обиходное – название правомонархическое движение получило от словосочетания «чёрная сотня» (древняя форма самоуправления русского народа в условиях общины, в широком смысле – тяглое посадское население на Руси), в которое противники самодержавия – либералы и социалисты – вкладывали уничижительный смысл. При этом «черносотенцами» часто называли не только представителей правомонархических общественно-политических организаций, но и всех, кто придерживался консервативных, антиреволюционных и антилиберальных взглядов.

Первой правомонархической (черносотенной) организацией большинство ис-

ториков считают «Русское Собрание», созданное в Санкт-Петербурге в конце 1900–начале 1901 гг., которое объединяло в себе, в основном, представителей русской интеллигенции, дворян, чиновников и православного духовенства столицы. Наиболее известными и крупными черносотенными организациями Российской Империи являлись: «Союз Русских Людей» (создан в марте – апреле 1905 г.; первый председатель Исполнительного Совета – граф П.С.Шереметев), «Русская Монархическая Партия» (создана весной 1905 г., с 1907 г. – «Русский Монархический Союз»; первый председатель – В.А.Грингмут), «Союз Русского Народа» (СРН) (создан в ноябре 1905 г.; первый председатель Главного Совета – А.И.Дубровин, в первый состав Главного Совета, помимо прочих, входил также земский деятель из Казанской губернии Н.Н.Языков), «Русский Народный Союз имени Михаила Архангела» (РНСМА) (создан в начале 1908 г.; председатель Главной Палаты – В.М.Пуришкевич) и «Всероссийский Дубровинский Союз Русского Народа» (ВДСРН) (создан в августе 1912 г.; председатель Главного Совета – А.И.Дубровин).

В разных частях и губерниях Российской Империи процесс формирования правомонархических организаций происходил с различной степенью интенсивности, что, как правило, было обусловлено их внутренней спецификой.

Возникновение правомонархических (черносотенных) организаций в г. Казани и Казанской губернии. Казанский отдел «Русского Собрания». В Казанской губернии, где национально-религиозные и социально-экономические противоречия имели достаточно глубокие корни, процесс создания правомонархических организаций шёл практически параллельно со столичным. При этом наиболее осязаемое влияние на их политический облик и программные требования оказали: во-первых, по преимуществу аграрный характер Казанской губернии (с преобладанием общинной формы землевладения, более чем шестикратным превалированием крестьянского населения, а также частыми неурожаями и проблемами крестьянского безземелья и малоземелья) и, во-вторых, её этническая и конфессиональ-

ная специфика (характеризовавшаяся относительным количественным равновесием русского, татарского и чувашского населения, ростом национального самосознания татарского народа и его буржуазии, создававшей всё более осязаемую конкуренцию местному русскому капиталу, а также наличием скрытых и явных вероисповедальных и культурно-религиозных мусульмано-христианских противоречий).

В конце 1904 г., на волне обостряющегося противостояния в обществе, в Казани было принято решение о создании на базе «Казанского Общества Трезвости» (КОТ) (образовано 30 июля 1892 г.; председатель Комитета – казначей и типограф Императорского Казанского университета А.Т. Соловьёв) первой в губернии правомонархической, национально-русской политической организации – Казанского отдела «Русского Собрания» (КОРС), окончательное официальное оформление которого по ряду причин произошло только в ноябре – декабре 1905 г. В сборнике под названием «Материалы к истории Казанского Общества Трезвости и других обществ», увидевшем свет в 1911 г. в Казани, сообщалось, что: «Ещё в 1904 году, видя подготовку к беспорядкам, в которой главным образом участвовали евреи, Общество трезвости постановило учредить в Казани «Русское Собрание» и в 1905 году, чтобы повлиять на русское, увлечённое жидовским движением, общество, увеличило количество выпускаемых №№[-ов] журнала «Деятель» и начало издавать газету «Русь Православная и Самодержавная».

Первое общее собрание «членов «Русского Собрания» г. Казани», объявившее об официальном открытии КОРС, прошло в торжественной обстановке 6 декабря 1905 г. – в день тезоименитства Императора Николая II. В числе членов Совета на нём были избраны: председателем Совета – А.Т.Соловьёв, его товарищем (заместителем) – С.Д.Бабушкин и делопроизводителем – В.А.Белилин. А.Т.Соловьёв находился на своём председательском посту бессменно до момента прекращения деятельности КОРС. Его товарищами в разное время состояли: член Судебной палаты С.Д.Бабушкин, профессор П.В. Зна-

менский, хранитель Казанского городского музея Р.В.Ризположенский и профессор Н.Ф.Катанов. Делопроизводителями отдела, помимо В.А.Белилина, являлись: деятель в области народного образования В.М.Суханов, священник о. Н.М.Троицкий и купец Ф.С.Гребеньщиков, казначеем – потомственным почётный гражданин А.М.Тюфилин.

Кроме них, в Совет КОРС в разное время избирались: ректор Казанской духовной академии (КДА) епископ Чистопольский Анатолий (А.Г.Грисюк), доцент КДА Варсонофий (А.В.Лузин), Н.Н.Галкин-Врасской, архимандрит Гурий (А.И.Степанов), игумен Казанского Спасо-Преображенского монастыря Иоасаф (И.И.Удалов), П.К.Кувшинов, Л.И.Лосева, священник П.А.Рождественский, Е.В.Фришман и другие. Почётными членами КОРС являлись архиепископы Казанские и Свияжские Дмитрий (Д.И.Самбикин) и Никанор (Н.Т.Каменский), архиепископ Волынский и Житомирский Антоний (А.П.Храповицкий), епископ Вологодский и Тотемский Никон (Н.И.Рождественский), епископ Чистопольский Алексей (А.Я.Дородницын), епископ Мамадышский Андрей (А.А.Ухтомский) и казанский купец В.Ф.Булыгин.

КОРС считался одним из самых влиятельных и авторитетных отделов «Русского Собрания», хотя численность его всегда оставалась невысокой, составляя от 20 до 60 членов. Однако при этом в разное время он непосредственно контролировал и курировал около десяти общественных и общественно-политических организаций (в том числе, с весьма разветвлённой структурой), некоторые из которых объединяли по несколько тысяч членов. Самой большой и известной из де-факто подчинённых КОРС организаций являлось КОТ, членам которого с подачи его Комитета было объявлено, что они должны вступить либо в члены «Русского Собрания», либо в члены СРН. В результате, образовался своеобразный гибрид политической правомонархической (черносотенной) организации и религиозно-просветительно-благотворительного общества.

В 1905 г. КОРС развернул в своих периодических изданиях и изданиях КОТ (журнал «Деятель», газета «Русь Православная

и Самодержавная») активную контрреволюционную правомонархическую пропаганду, но в силу критики либеральными и левыми газетами («Волжский Листок», «Русское Слово» и другими) «чёрной сотни», первоначально резко отмежёвывался от принадлежности к «черносотенцам». До октября 1905 г. противостояние правых монархистов с их политическими оппонентами происходило в Казани в рамках газетно-журнальной полемики. Либеральная и левая пресса приписывала «чёрной сотне» избиение в Казани в феврале 1905 г. студентов, однако документальных свидетельств о его организованном характере и участии в данном инциденте членов КОРС не имеется.

Участие правых монархистов в октябрьских событиях 1905 г. в Казани. Казанское «Царско-Народное Русское Общество». «Общество церковных старост и приходских попечителей города Казани». История правомонархического (черносотенного) движения в Казани и Казанской губернии можно условно разделить на пять периодов: идейно-подготовительный (конец XIX в. – первая половина октября 1905 г.), организационный (вторая половина октября 1905 – начало февраля 1906 гг.), объединённый (февраль 1906 – ноябрь 1907 гг.), конфронтационный (ноябрь 1907 – октябрь 1912 гг.) и деструкционный (октябрь 1912 – февраль 1917 гг.).

Непосредственным толчком к конституированию черносотенных организаций послужили издание Высочайшего Манифеста 17 октября 1905 г. и последовавшие за этим в Казани революционные события, закончившиеся открытым столкновением 21 октября 1905 г. контролировавших Казанскую городскую думу представителей социалистических и либеральных партий и их «милиции» с «патриотической манифестацией», юнкерами и полицией. В результате массового выступления правых монархистов, поддержанного губернской администрацией, в городе была ликвидирована т.н. «Казанская республика» и восстановлены прежние порядки.

Прямым продолжением этих событий стала новая многотысячная «патриотическая манифестация», проходившая 22 октября 1905 г. (в День празднования Казанской

иконы Божьей Матери), в которой также приняло активное участие местное татарское население во главе с мусульманским духовенством (возглавлявшимся муллой Г.М.Баруди), купцом А.Я.Сайдашевым и другими известными лицами. После того, как манифестация разошлась, на улицах Казани собралась толпа, состоявшая, главным образом, из подростков, которая учинила 23 октября 1905 г. погром принадлежавших евреям торговых учреждений и культовых зданий. В первой половине ноября 1905 г. также имели место случаи расправ с революционными агитаторами в городе Арск и в Чистопольском уезде.

Объединение всех контрреволюционных сил Казани привело к созданию «Комитета защиты правового порядка» («Партии защиты правового порядка»), из которого вскоре вышли умеренные монархисты, образовавшие «Казанскую Партию Манифеста 17 Октября». На базе оставшегося правового элемента была создана самостоятельная черносотенная организация – «Казанское Царско-Народное Русское Общество» (по уставу – «Царско-Народное Русское Общество в г. Казани») (КЦНРО), решение о «переименовании» которого было принято 4 декабря 1905 г. на проходившем в манеже Казанского пехотного юнкерского училища под председательством профессора Императорского Казанского университета В.Ф.Залеского третьем собрании «группы объединившихся домовладельцев и жителей г. Казани». С начала своего существования КЦНРО заявило о себе как о правомонархической организации, одной из первых (по собственной версии – первым) постановив «принять на себя черносотенные термины и признать их для себя почётными».

Одновременно КЦНРО сделало ряд заявлений, в том числе о желательности «сохранить самодержавие царской власти во всей её неприкосновенности» и нецелесообразности проведения всеобщих и прямых выборов в Государственную думу. Кроме того, была принята резолюция, в которой признавалась необходимость узаконить и взять под контроль «экономические стачки и забастовки, не сопровождающиеся насилием над личностью и имуществом как хозяев предприятий и администрации их, так и

рабочих, не сочувствующих стачкам», а так-овые же на казённых и частных железных дорогах, равно как и почтово-телеграфные, признать «деянием преступным, государственной изменой, требующей строгих мер преследования». Данное событие послужило поводом для обращения КЦНРО 11 декабря 1905 г. к и.д. Казанского губернатора А.А.Рейнботу с предложением оказать активное содействие администрации по прекращению революционной пропаганды, после чего руководители общества были приглашены к нему для личной беседы.

Главным инициатором и вдохновителем создания общества являлся потомственный дворянин, профессор В.Ф.Залеский, избранный 4 декабря 1905 г. председателем Совета КЦНРО и руководивший обществом на протяжении всей его деятельности. Делами КЦНРО управлял Совет, избираемый собранием общества, который выдвигал из своей среды председателя, секретаря и казначея. В первый состав Совета вошли 9 человек – представители различных сословий и профессий: профессор В.Ф.Залеский (председатель), частный адвокат С.А.Соколовский (секретарь), секретарь Казанского губернского дворянского собрания А.Е.Дубровский, И.Л.Панфилов, учитель и домовладелец П.Ф.Мойкин, крестьяне П.В.Максимов и М.Г.Сазанов, священник Н.М.Троицкий и купец А.В.Калягин. Почётными членами КЦНРО являлись: Казанский губернатор М.В.Стрижевский, Уфимский губернатор А.С.Ключарёв, Казанский вице-губернатор Д.Д.Кобеко, епископ Чистопольский Алексий (А.Я.Дородницын), князь А.Г.Щербатов и другие.

Социально-сословный состав членов общества варьировался от потомственных дворян до крестьян и рабочих. Численный состав КЦНРО определялся его руководством по двум показателям – по количеству «записанных» и «незаписанных» членов: в результате, численность общества оценивается в различных источниках от 1,5 до 15 тыс. человек. Вместе с тем, косвенные данные свидетельствуют, что количество «записанных» членов общества на пике его активности не превышало двух тысяч, что в любом случае сделало КЦНРО одной из наиболее крупных провинциальных право-

монархических (черносотенных) организаций Российской империи.

Пик общественно-политической активности КЦНРО пришёлся на период 1906–1907 гг. Собрания КЦНРО, носившие по большей части митинговый характер, регулярно проходили в просторных помещениях (главным образом, в располагавшемся в Кремле манеже Казанского пехотного юнкерского училища), что позволяло привлекать на них широкую публику и хоровые коллективы, а также устраивать многолюдные шествия. В январе 1906 г. о намерении соединиться с «одинаково мыслящим» КЦНРО объявила «Астраханская Народно-Монархическая Партия» (председатель Совета – купец Н.Н.Тиханович-Савицкий). 11 февраля 1906 г. на собрании монархистов Уфы было принято решение о создании «Уфимского Царско-Народного Русского Общества» (председатель Совета – купец К.А.Лаптев), которое целиком приняло программу КЦНРО и «соединилось» с ним.

1 (или 4) декабря 1905 г. была также создана ещё одна самостоятельная организация – «Общество церковных старост и приходских попечителей города Казани» (ОЦСПП). Общество было образовано по постановлению, состоявшегося 1 (по другим сведениям – 4) декабря 1905 г. в Казани собрания более двадцати старост, приходских попечителей и почётных прихожан казанских церквей «для проведения в жизнь мирным путём дарованных Государем Императором великих благодеяний русскому народу и для водворения мира и спокойствия в наше смутное и тяжёлое время».

Делами ОЦСПП управлял Совет, председателем которого с момента образования общества до своей смерти в апреле 1910 г. состоял купец А.И.Кукарников, избранный также в ноябре 1906 г. председателем Совета Боголюбского отдела СРН, действовавшего в Адмиралтейской слободе Казани. В июне 1910 г. на этот пост был избран потомственный почётный гражданин Л.А.Матвеевский. В первый состав Совета ОЦСПП, помимо А.И.Кукарникова, входили ещё три известных в Казани купца – В.Ф.Булыгин («заступающий место председателя»), И.С.Перов и Е.Е.Софронов (казначей), а также преподаватель Казанской духовной семинарии

А.Г.Калиновский (секретарь). Часть членов ОЦСПП одновременно входили в казанские умеренно-монархические организации («Казанскую Партию Манифеста 17 октября» или Казанский Губернский отдел «Торгово-Промышленной Партии»).

В первых постановлениях и обращениях ОЦСПП содержался призыв ко всему русскому народу («и перее всех к церковным старостам уездных городов и селений Казанской губернии») присоединиться к союзу «для охраны Св[ятой] Церкви, обожаемого Монарха и правительств для скорейшего и спокойного проведения в жизнь Всемилостивейших манифестов 17 октября и 3 ноября». В последующих документах (в том числе, в принятой ОЦСПП программе) идеологические установки общества обрели законченную правомонархическую (черносотенную) направленность. Главная задача ОЦСПП заключалась в том, чтобы возродить православные церковно-приходские организации и превратить их во всероссийскую «церковно-государственную» единицу (путём изменения системы выборов, которые предлагалось назначить по приходам). С 5 декабря 1905 г. по 25 августа 1906 г. было распространено (в том числе и на юге страны) 153 тысячи экземпляров воззваний и постановлений общества.

ОЦСПП выступило с резким осуждением революции, республиканской формы правления, стачек и забастовок (особенно на железных дорогах, почтах и телеграфах), подчеркнув своё благожелательное отношение к армии, а также призвало всех русских людей (а также старообрядцев и мусульман) собраться по своим приходам (соответственно – по молельным домам и под руководством мулл) и образовать местные комитеты общества. Однако, в связи с созданием в противовес ОЦСПП умеренно-монархического «Союза пастырей и церковных старост г. Казани», деятельность по привлечению на свою сторону представителей местного православного духовенства и возрождению церковно-приходских организаций не принесла ожидаемых результатов. Тем не менее, в первый год существования ОЦСПП в его ряды входили: 29 церковных старост, 17 приходских попечителей, 74 уполномоченных представителя от 22-х городских ка-

занских приходов, а также «по общественному приговору» – прихожане 11-и сёл и 7-и деревень пяти уездов Казанской губернии, служащие «Усадского имения г[оспо]д Журавлёвых» (село Усады Казанского уезда Казанской губернии), «Черемышского имения баронессы Буксгевден» (село Черемышево Лаишевского уезда Казанской губернии) и другие лица. Всего, по данным Казанского полицмейстера, по состоянию на 10 октября 1906 г. численность ОЦСПП составляла «до 500 человек», однако в дальнейшем она резко сократилась. В скором времени, благодаря близости программных установок и дружеским контактам многих членов ОЦСПП и КОРС, эти две организации тесно сблизились, а затем первое, оставаясь формально самостоятельным, превратилось в своего рода «придаток» второго.

В целом, в первый год существования численность казанских правомонархических организаций составляла около 2,7 тысячи человек (не считая т.н. «незаписанных» и сочувствующих), за редким исключением – русских и православных.

Основные программные установки правых монархистов (черносотенцев) г. Казани и Казанской губернии. Национальный вопрос. «Царско-Народное Мусульманское Общество». Одной из определяющих причин создания казанскими правыми монархистами (черносотенцами) самостоятельных общественно-политических организаций (с собственными программами и уставами) явилась необходимость учёта в их деятельности особенностей Казани и Казанской губернии, не нашедших отражения в программных и уставных документах столичных черносотенных партий и союзов.

В аграрном вопросе это выразилось в более чётких и реалистичных требованиях в части решения проблемы крестьянского малоземелья и в осторожном подходе к ликвидации крестьянской общины. В частности, КЦНРО признавало возможным отчуждение за установленную плату до одной трети земли у крупных и средних землевладельцев, которые не пожелают продать её добровольно, а также предлагало особую «общинно-хуторскую» модель землевладения.

В национальном и религиозном вопросах местная специфика нашла выражение в при-

менении более гибкой и дифференцированной тактики по отношению к разным категориям инородцев и иноверцев. Так, например, КЦНРО с самого начала своей деятельности демонстрировало особую благосклонность к консервативно настроенным татарам-мусульманам, пытаясь привлечь как можно больше их представителей в ряды сторонников неограниченного русского самодержавия. Тем самым оно пыталось инициировать на фоне стремительной либерализации национального движения, как выразился сам В.Ф.Залеский, «политическое разъединение инородцев», чтобы остановить процесс распространения среди татар-мусульман сепаратистских настроений и предотвратить их участие в «прогрессивном» движении. С этой целью черносотенцами был сделан ряд конкретных шагов к сближению с консервативно-монархическими кругами в татаро-мусульманском движении.

Уже 29 января 1906 г. собрание КЦНРО, «признавая справедливым, что мусульманское население (бывшего Казанского татарского Царства) должно иметь своего в Государственной Думе представителя», постановило «возбудить телеграммой перед Его Императорским Величеством ходатайство о назначении от Казани второго депутата специально для мусульман». Вторая телеграмма с аналогичной просьбой (за подписями В.Ф.Залеского, А.Т. Соловьёва и А.И.Кукарникова) была отправлена министру внутренних дел. Но сами татары-мусульмане этот жест правых монархистов восприняли настороженно, так как углядели в нём некий политический «подвох», который, действительно, имел место: черносотенцы посчитали, что, если татары-мусульмане сплотятся на выборах и будут действовать по принципу «самый плохой татарин лучше самого хорошего русского», то проведут на выборах мусульманина, что их абсолютно не устраивало. Дополнительный же («специальный») депутат автоматически снимал на выборах в городе Казань проблему национально-религиозной конкуренции.

Более откровенные «реверансы» казанские черносотенцы делали в сторону татар-мусульман по части укрепления их экономического положения в Российской империи.

Так, в своём докладе на заседаниях 7 и 15 ноября 1906 г. один из идеологов казанского черносотенства Р.В.Ризположенский, заявлял, в частности, что: «По отношению к татарской группе народностей, исповедующей ислам, в уважение к этой почтенной религии и глубоко заложенным основам государственности в его исповедниках, желательно отказаться от развития христианской миссионерской деятельности среди этих народностей под тем неременным условиям, чтобы миссионерская деятельность магометан среди христианских народностей не была дозволена. В частности, по отношению к казанским татарам, в виду их выдающихся способностей к торговле, необходимо озаботиться о дальнейшем развитии их торговой деятельности на Ближнем Востоке и об установлении торговой связи с Индией, для чего ближайшей заботой должно быть устройство железнодорожной связи с сетью дорог в Индии». А в одной из резолюций Первого Волжско-Камского Областного патриотического съезда, проходившего в Казани 21 – 25 ноября 1908 г., подчёркивалось, что следует ограничить тремя процентами число адвокатов – «иудеев по вере или крови», которые «систематически разоряют русские и мусульманские торгово-промышленные предприятия и тем создают широкую возможность для развития предприятий иудейских».

Однако, несмотря на всё это, попытки казанских правых монархистов (черносотенцев) «нащупать» точки соприкосновения с консервативно настроенными татаро-мусульманскими кругами в самой Казани не принесли ожидаемого результата, вследствие чего В.Ф.Залеским была предпринята попытка создания правомонархической татаро-мусульманской организации в сельской местности – в Чистопольском уезде Казанской губернии. Одновременно с этим местные черносотенцы выступали с резкой критикой либеральных и социалистических течений в татарской среде, членов мусульманской фракции Государственной думы и демократически настроенных общественных деятелей из числа татар.

9 декабря 1908 г. Казанское губернское по делам об обществах присутствие утвердило устав «Царско-Народного Мусульманского

Общества» (ЦНМО), согласно которому целью вновь созданной организации являлось «сохранение в среде татарского населения верности принесённой на Коране присяге Самодержавному Неограниченному Царю и крепкое единение с русскими патристическими обществами». Членами ЦНМО, за очень редким исключением, могли состоять лишь «природные татары обоёго пола, всех сословий и состояний». «Евреи, – говорилось в уставе ЦНМО, – в члены Общества никогда допущены быть не могут, даже в том случае, если они примут мусульманство».

Делами ЦНМО управляет Главный Совет, временно (до предполагавшегося открытия ЦНМО в Казани) располагавшийся в деревне Карамышево Кутёминской волости Чистопольского уезда. Во главе Главного Совета стоял председатель, имевший двух товарищей (заместителей). Председателем Карамышевского отдела ЦНМО (и одновременно Главного Совета) являлся крестьянин Х.Файзуллин, его товарищами – С.Хисамутдинов и Г.Музинов, секретарём – Ш.Рахметуллин, казначеем – М.Афлятунов. С 9 декабря 1908 г. до начала июля 1909 г. Главный Совет ЦНМО открыл восемнадцать отделов общей численностью более 240 человек (в деревнях Ибраево Каркали, Нижняя Каминка, Новое Дёмкино, Новое Ибрайкино, Новое Кадеево, Новое Узеево, Служилая Елтань, Старое Ибрайкино, Старо-Татарская Киреметь и других), членами которых, за малым исключением (сельский староста Х.Сиразетдинов, мулла Г.Г.Тимирбулатов и ряд других), состояли простые крестьяне.

При этом деятельность ЦНМО ограничивалась, главным образом, политическими заявлениями антиреволюционного и антилиберального содержания, а также призывами единения с русским народом «под властью Великого Русского Царя». С самого начала ЦНМО была сделана громкая заявка на создание пропагандистского противовеса для борьбы с «прогрессивными» течениями в татаро-мусульманской среде. «В то время, как мусульманская фракция в Государственной Думе братается с оппозицией, – писала, например, 4 января 1909 г. газета «Московские Ведомости», – среди казанских татар... возникают совершенно противоположные

течения». Однако процесс распространения черносотенных идей среди деревенских татар был вскоре неожиданно прерван административным разбирательством, начавшимся по следам публикации в кадетской газете «Речь» от 9 апреля 1909 г. под названием «Спасают отечество», которое выявило в рядах ЦНМО большой процент лиц с предосудительным поведением. Несмотря на то, что многие из выдвинутых обвинений не подтвердились, выяснилось, в частности, что под прикрытием монархической «вывески» председателем Совета и членами отдела общества в деревне Верхняя Татарская Майна братьями Юзеевыми велась активная панисламистская пропаганда, а товарищ (заместитель) председателя Главного Совета ЦНМО С.Хисамутдинов привлекался в своё время к суду за агитацию к переселению татар в Турцию.

В результате, 23 июня 1909 г. Чистопольский уездный исправник арестовал братьев Юзеевых и закрыл отдел ЦНМО в деревне Верхняя Татарская Майна. В октябре 1909 г. деятельность всех отделов ЦНМО была приостановлена, после чего – 30 декабря 1909 г. – они были закрыты. Официально ЦНМО прекратило существование 20 сентября 1914 г. после контрольной проверки. Попытки В.Ф.Залеского продолжить деятельность по созданию татаро-мусульманских правомонархических организаций ощутимых результатов не принесли. Между тем в рапорте Лаишевского уездного исправника от 6 февраля 1916 г. упоминались три отдела «Царского народного общества», функционировавших в деревнях Малые Нырсы (под председательством М.Галязетдинова), Сауши (под председательством З.Хисамутдинова) и Балыклы (под председательством Я. Халикова) Ключищенской волости Лаишевского уезда (численностью, соответственно, 16, 11 и 11 человек).

Значительно большего успеха казанские правые монархисты (черносотенцы) добились среди представителей чувашского населения и других народов, населявших Казанскую губернию. Самый приблизительный подсчёт показывает, что на её территории отделы правомонархических организаций, открытые и действовавшие в населённых пунктах со сплошным и смешанным чуваш-

ским населением (в деревнях и сёлах Новый Чувашский Адам и Чувашская Чебоксарка Чистопольского уезда, Шор-касы и Янгличи Цивильского уезда, Кюмель-Ямашева, Малая Шатьма, Сарчак Ядринского уезда и других), составляли около 15% от общего числа таковых.

Одновременно для казанских правых монархистов (черносотенцев) были свойственны, в целом, крайние подходы к решению «еврейского вопроса», принимавшие в ряде случаев (в частности, в интерпретации профессора В.Ф.Залеского) расовый оттенок. Между тем тот же В.Ф.Залеский испытывал серьёзные симпатии к идее всеславянской общности и в связи с этим предлагал нестандартные пути решения «польского вопроса», что не всегда находило понимание в черносотенной среде.

Повышенное внимание казанские правые монархисты уделяли созданию русских национальных ремесленных объединений и благотворительных обществ. Самой крупной общественной просветительно-благотворительной организацией, контролируемой ими, являлось КОТ. 16 июля 1908 г. было открыто «Общество ремесленников строительных работ» при КОРС (председатель – потомственный почётный гражданин А.М.Тюфилин), 21 октября 1908 г. – бесплатная общеобразовательная школа с портновским отделением КЦНРО (руководитель – мастер Н.А.Петров). В 1908 г. под патронажем КОРС было создано «Казанское Общество Православных Русских Женщин» (КОПРЖ) (председательницы Комитета – М.М.Соколова, В.С.Булыгина, О.Н.Терновская), в 1912 г. – «Казанское общество во имя Всемилющего Спаса призрения малолетних слабоумных и калек».

Большое значение правые монархисты Казани и Казанской губернии придавали также развитию отечественного образования, которое требовали осуществлять в консервативном, традиционно русском духе. Они категорически возражали против введения автономии университетов, боролись за изгнание из вузов либеральной и левой профессуры, а также за строгий идейно-политический и национальный отбор студентов. В студенческой среде функ-

ционировали: с декабря 1907 г. – «Русский кружок монархической молодёжи» (с 1908 г. – «Казанское общество русской монархической молодёжи»); председатели Совета – П.Я. Полетика, Н.И.Мамонтов, Н.В. Сергиевич, Н.А.Александров), с февраля 1912 г. – «Кружок беспартийных студентов академистов высших учебных заведений г. Казани», ставившие задачей нормализацию учебного процесса, борьбу с проявлениями революционной активности и либерализацией высшего образования. В 1908 г. при «Казанском обществе русской монархической молодёжи» был открыт кружок любителей гимнастики и спорта «Беркут» (с 1913 г. – гимнастическое общество «Сокол»). С 1907–1908 гг. в Императорском Казанском университете действовала «группа правых профессоров» (руководители – профессора Н.А.Засецкий и Н.Ф.Высоцкий), в которую входили правые и умеренные монархисты.

Пик политической активности правых монархистов (черносотенцев) г. Казани и Казанской губернии. Создание отделов СРН. Пик политической активности местных черносотенцев пришёлся на объединённый период их деятельности.

В начале ноября 1906 г. был открыт Казанский губернский отдел (КГО) СРН, председателем которого был избран председатель Совета КЦНРО профессор В.Ф.Залеский. Формально отдел руководствовался уставными и программными документами СРН, но на практике обладал широкой автономией и проводил линию, выгодную, главным образом, его руководителю. КГО СРН участвовал в избирательных кампаниях, организации собраний и манифестаций, открывал отделы СРН в городах и уездах Казанской губернии. Согласно сведениям Казанского полицмейстера, по состоянию на 4 декабря 1907 г. численность КГО СРН составляла «около 500 человек».

Во второй половине ноября 1906 г. в Адмиралтейской слободе Казани был также открыт Боголюбский (Адмиралтейский) отдел СРН, председателем Совета которого стал председатель Совета ОЦСПП купец А.И.Кукарников (с мая 1910 г. председателем Совета отдела являлся священник Н.М.Троицкий). По разным оценкам, чис-

ленность Боголюбовского отдела СРН составляла от ста до двухсот человек.

В декабре 1906 г. в Казани была создана «Областная Управа Объединённого Русского Народа» (ведению которой должны были подлежать все губернии Волжско-Камского края) в составе В.Ф.Залеского, А.И.Кукарникова и А.Т. Соловьёва, избравших её четвёртым членом архимандрита Андрея (князя А.А.Ухтомского). Однако вскоре статус управы был понижен до губернской, но и её создание осталось лишь на бумаге.

В скором времени (благодаря, главным образом, усилиям В.Ф.Залеского и А.Т. Соловьёва) вся Казанская губерния была покрыта сетью отделов СРН. По сведениям Казанского губернатора, по состоянию на 18 декабря 1907 г. в Казанской губернии действовало 97 отделов СРН (общей численностью около 7 тыс. человек), в том числе семь отделов (общей численностью около 1,2 тыс. человек) в шести городах – Арске, Казани, Свияжске, Царёвококшайске, Цивильске и Чистополе.

Казанские правые монархисты принимали активное участие в выборах в Государственную думу всех четырёх созывов, однако не смогли провести в неё ни одного своего «списочного» кандидата. Во время выборов в Государственную думу первого и второго созывов они выступали объединёнными блоками, выдвигавшими, соответственно, общий список выборщиков от Соединённого Совета ЦНРО, КОРС и ОЦСПП и «Список выборщиков в Государственную думу от русских людей».

Правые монархисты (черносотенцы) Казани и Казанской губернии являлись неприменимыми участниками монархических форумов, а также мероприятий, связанных с празднованием главных памятных дат истории Российского государства и Русской Православной Церкви. Казанское правомонархическое (черносотенное) движение было, в частности, представлено разными лицами: на Третьем «Всероссийском съезде Русских Людей» (г. Киев, 1 – 7 октября 1906 г.), Четвёртом «Всероссийском съезде Русских Людей» (г. Москва, 26 апреля – 1 мая 1907 г.), Всероссийском («Восторговском») «Съезде Русских Людей» (г. Москва, 27 сентября – 4 октября 1909 г.),

«Съезде правых профессоров» (г. Санкт-Петербург, декабрь 1911 г.), Пятом «Всероссийском съезде Союза Русского Народа» (г. Москва, 21 ноября – 1 декабря 1911 г.) и на Совещании монархистов 21 – 23 ноября 1915 г. в Петрограде. 11 марта 1906 г. выборы от казанских правомонархических организаций были представлены в Царском Селе Императору Николаю II. Кроме этого, 10 сентября 1910 г. делегация КЦНРО встречалась с находившимся в Казани председателем Совета министров Российской империи П.А.Столыпиным.

Информационную поддержку черносотенцам в разное время оказывали такие казанские периодические издания, как: журналы «Деятель» (издавался с января 1896 по апрель – май 1917 гг.; редактор-издатель – А.Т.Соловьёв) и «Казанский Раешник» (издавался в 1907 г.; редактор-издатель – Н.О.Прокофьев), газеты «Газета «Правых» (издавалась в 1906–1908 гг.; редактор-издатель – Н.О.Прокофьев), «Казанский Телеграф» (издавалась с апреля 1893 по март 1917 гг.; редактор – Н.А.Ильяшенко, издательница – А.Г.Ильяшенко), «Русь Православная и Самодержавная» (издавалась с 1905 по 1916 гг.; редактор-издатель – А.Т.Соловьёв), «Сошники» (издавалась с декабря 1906 по январь 1907 гг.; редакторы – П.К.Кувшинов, В.Ф.Залеский – он же издатель), «Черносотенец» (издавалась с ноября по март 1907 г.; редакторы – П.К.Кувшинов, В.Ф.Залеский – он же издатель).

Раскол в правомонархическом (черносотенном) движении. Создание отделов РНСМА и ВДСРН. «Первый Волжско-Камский Областной патриотический съезд». Уже в 1907–1908 гг., в силу, главным образом, субъективных противоречий, СРН вступил в полосу расколов и распрей между его руководителями, которые затронули, в том числе, и отделы, действовавшие в Казани и Казанской губернии.

Негативные последствия этого дали знать о себе в период подготовки и сразу после неудачных для местных черносотенцев выборов в Государственную думу третьего созыва, когда проявились серьёзные противоречия между основными казанскими правомонархическими организациями и их лидерами. Усилившееся противостояние

А.Т.Соловьёва и В.Ф.Залеского запустило процесс идейно-политического и организационного размежевания внутри всего движения. В конце 1907–начале 1908 гг. из КГО СРН вышло около ста человек, недовольных действиями В.Ф.Залеского, которые организовали альтернативный Казанский второй отдел СРН в Пятницком приходе (под председательством иеромонаха Казанского Спасо-Преображенского монастыря Софрония), объединившийся с Боголюбским отделом СРН, КОРС, ОЦСПП и рядом других отделов СРН, открытых в Казанской губернии А.Т. Соловьёвым и его единомышленниками. В итоге, КГО СРН, вместе с КЦНРО и верными В.Ф.Залескому отделами СРН, оказался в «конкурирующем» лагере.

В ноябре 1907 г. вышедшими из состава СРН В.М.Пуришкевичем и его сторонниками был создан РНСМА. А менее чем через год – в октябре 1908 г. – открыт Казанский отдел (в других источниках – отделение, палата) РНСМА под председательством казанского домовладельца, учителя П.Ф.Мойкина (бывшего члена Совета КЦНРО, ОЦСПП и СРН). Впоследствии отделы РНСМА возникли также в целом ряде уездов Казанской губернии, в том числе на базе отделов СРН.

21 – 25 ноября 1908 г. КГО СРН и КЦНРО, руководство которых незадолго до этого пошло на демонстративный разрыв с председателем Главного Совета СРН А.И.Дубровиным, провели в Казани «Первый Волжско-Камский Областной патриотический съезд» с участием представителей 57-и «провинциальных» отделов СРН, а также прочих правомонархических организаций из Казанской и других губерний (почётный председатель съезда – князь А.Г.Щербатов, председатель – В.Ф.Залеский). По итогам работы съезда было принято восемь резолюций (в том числе по докладам «Духовенство и приход», «По вопросу о землеустройстве», «По инородческому вопросу» и другим), составлены два всеподданнейших адреса и телеграмма на имя Императора Николая II. Отстранённые от съезда В.Ф.Залеским КОРС, ОЦСПП и контролировавшиеся А.Т. Соловьёвым отделы СРН (вошедшие в т.н. «Объединённые монархические общества и

союзы при Казанском отделе «Русского Собрания») провели 21, 23 и 25 ноября 1908 г. в Казани свои альтернативные «общие собрания».

В многолетние распри между казанскими черносотенцами в разной мере оказались вовлечены И.И.Восторгов, А.И.Дубровин и В.М.Пуришкевич. В результате продолжавшегося с 1908 по 1911 гг. противостояния между В.Ф.Залеским (придерживавшимся самостоятельного курса) и А.Т. Соловьёвым (поддерживавшим А.И.Дубровина) КГО СРН пришёл в упадок и утратил свой руководящий статус. В 1910 г. состоялись решения: сначала о роспуске КГО СРН, снятии с поста председателя его Совета В.Ф.Залеского и избрании А.Т.Соловьёва, а затем – о восстановлении первого и отстранении второго.

В марте 1911 г. Казанское Губернское по делам об обществах Присутствие зарегистрировало две формально самостоятельные организации: «Казанский союз русского народа» (учредители – В.Ф.Залеский, С.Т.Голубев и А.Е.Дубровский) и «Казанский союз русского народа имени Георгия Победоносца» (учредители – сторонники А.Т.Соловьёва во главе с купцом Ф.С.Гребеньшиковым). Особой организационной разницы между этими союзами не существовало. Их делами управляли Советы во главе с председателями. При этом в «Казанском союзе русского народа» Совет именовался «Главным (Губернским)», первоначально состоял из трёх человек (бывших членами-учредителями союза), имел право открывать и закрывать отделы организации в уездных городах, сёлах, пригородах и в других местностях. Подобными же правами обладал и Совет «Казанского союза русского народа имени Георгия Победоносца».

Официально оформившееся двоецентрие привело к фактической ликвидации прежнего губернского отдела и окончательной децентрализации местного правомонархического (черносотенного) движения. Постепенно пришли в упадок и большинство остальных правомонархических (черносотенных) организаций и их отделов, действовавших в Казанской губернии.

В августе 1912 г. официально оформился ВДСРН, возникший в результате раскола СРН в 1909–1911 гг. (одним из кандидатов

в члены его Главного Совета от провинции был избран А.Т. Соловьёв). В результате, часть действовавших в Казанской губернии отделов СРН продубровинской ориентации, находившихся под контролем А.Т. Соловьёва, были переоформлены в отделы ВДСРН. При этом нередко в одном населённом пункте действовали отделы сразу нескольких «союзнических» организаций.

В период подготовки к выборам в Государственную думу четвёртого созыва часть казанских правых монархистов (черносотенцев) перешла в «Казанский Русский Избирательный Комитет» и «Казанский Русский Национальный Клуб». Однако В.Ф.Залеский и часть членов КЦНРО резко выступили против «националистов» и выдвинули своих кандидатов. Кроме этого, от «националистов» дистанцировались и А.Т.Соловьёв со своими сторонниками, что стало одной из причин их поражения в Казани. Из выбранных в Казанской губернии депутатов Государственной думы четвёртого созыва только один – выдвигенец от съезда крупных землевладельцев Лаишевского уезда, потомственный дворянин Ф.Н.Казин – вошёл во фракцию правых.

Прекращение деятельности. Крайне негативное влияние на состояние черносотенного движения в Казани и Казанской губернии оказал общий кризис официальной монархической идеи, усилившийся в ходе Первой мировой войны.

В январе – марте 1916 г. Казанский полицмейстер и уездные исправники в своих рапортах упоминали о 66 правомонархических (черносотенных) организациях и их отделах (общей численностью около 2,7 тысячи человек), числившихся на территории восьми уездов Казанской губернии (за исключением Мамадышского, Свияжского, Тетюшского и Чебоксарского). Причём, 11 из них (общей численностью около 1 тысячи человек) либо уже прекратили «де-факто» и «де-юре» своё существование от двух до четырёх лет тому назад, либо, что практически одно и то же, не провели у себя за это время ни одного общего собрания. Из прочих же 55-и продолжавших функционировать организаций и их отделов 50 – кроме КОРС и двух его «сателлитов» (около 500 членов), КЦНРО (около 200 членов) и отде-

ла РНСМА в селе Танкеевка Трёх-Озёрской волости Спасского уезда (40 членов) – к середине 1916 г. реально своего существования не обнаруживали и влияния на местное население не оказывали.

Основными направлениями деятельности правомонархических организаций Казани и Казанской губернии с началом Первой мировой войны стала «работа на оборону», реабилитационная и благотворительная деятельность. КОРС и КОТ выступали активными проводниками введённого в России «сухого закона», открыли в Казани лазарет для раненых воинов (№38), при котором действовал кружок «Вера, Надежда и Любовь» (под председательством С.К.Штенгер), а также оказывали в своём приюте помощь проходившим через город беженцам. КОПРЖ занималось сбором для отправки на фронт тёплых вещей, табака и прочих предметов первой необходимости.

После победы Февральской революции 1917 г. деятельность правомонархических (черносотенных) организаций была окончательно прекращена, их члены подверглись гонениям и репрессиям, а поддерживавшие черносотенцев периодические издания были закрыты или прекратили своё существование в связи с революционными обстоятельствами.

4 марта 1917 г. в газете «Камско-Волжская Речь» было опубликовано «Письмо в редакцию» за подписью В.Ф.Залеского, где он заявил, что: «Небольшая группа правых, объединяющаяся вокруг портновской школы (давно уже работающей на оборону), заранее решила воздерживаться от политических выступлений впредь до окончательной победы над внешними врагами и полного внутреннего успокоения. С восстановлением нормальной политической жизни члены этой группы воспользуются принадлежащим всякому русскому гражданину правом примкнуть к тем легализованным политическим партиям, программы которых будут соответствовать их убеждениям». Вскоре он также объявил, что «в Казани правых организаций нет», и о своём признании «нового строя», но несмотря на это, 17 – 19 марта 1917 г. был подвергнут аресту.

11 марта 1917 г. вышел последний номер правой газеты «Казанский Телеграф»,

а в апреле – мае 1917 г. – последний (№4–5) номер журнала «Деятель». 28 апреля 1917 г. в газете «Камско-Волжская Речь» появилась заметка под названием «Ликвидация общества трезвости», в которой сообщалось, что: «Исполнительный комитет общественной безопасности, рассмотрев вопрос о деятельности местного общества трезвости, основанного и руководимого «известным»

А.Т.Соловьёвым, постановил: «в виду крайне нежелательного направления этого общества, ликвидировать его, и дела его передать в городское управление».

Предположительно, уже к середине 1917 г. правомонархическое (черносотенное) движение в г. Казани и Казанской губернии было полностью подавлено и в прежнем виде уже не возрождалось.

ГЛАВА 3

Этноконфессиональная политика в России в начале XX века

§ 1. Этноконфессиональная политика российского правительства по отношению к татарскому населению

Диляра Усманова

Основные направления общегосударственной национальной политики, составной частью которой являлась политика в отношении мусульманского населения империи, были сформулированы во второй половине XIX в. [Каппелер, 1997; Дякин, 1998; Воробьева, 1999; Карпенкова, 2005; Тихонов, 2007]. На рубеже XIX – XX вв. они принципиально не менялись, хотя политическая модернизация, начатая в ходе первой русской революции (1905–1907 гг.), вынуждала правительство вносить в проводимую политику определенные коррективы. Т.н. «мусульманский вопрос», в составе которого мы и должны рассматривать отношение правительства к татарскому населению, был подвержен изменениям в соответствии с переменами и колебаниями внутри-политического курса в целом. В конечном счете, речь шла о различных сценариях «интеграции» мусульманских подданных в империю.

Отношение государственной власти к религиозной идеологии мусульман базировалось на доктрине «ограниченной веротерпимости», допускавшей исповедание ислама, но препятствующее его распространению и укреплению.¹⁴ В этой системе государственные органы управления духовными делами мусульман (ОМДС и др.), созданные еще в конце XVIII столетия, мыслились как государственный регулирующий орган. Однако даже в такой усе-

ченной форме, муфтиат выглядел «формой мусульманской самоорганизации не только в глазах самих мусульман, но и в глазах русской церковно-государственной элиты», а потому не вызывал доверия [Алексеев, 2002б].¹⁵ Вообще настроения «недоверия» и «опасения» по отношению к мусульманским подданным, которые в значительной мере пришли на смену пренебрежительно-патроналистскому отношению, особенно были характерны в начале XX столетия, причем как для правительственных кругов, так и для широких слоев российской общест-венности.

В правительственном курсе мы наблюдаем одновременно как либеральные устремления, так и усиление националистических тенденций, особенно очевидных после поражения революции, на заключительной стадии премьер-министерства П.А.Столыпина (глава правительства в 1906–1911 гг.).

Этноконфессиональная политика правительства по отношению к мусульманам (татарам, в частности) на рубеже XIX – XX вв. определялась такими факторами, как:

- стремление к культурной и административной унификации страны с целью создания «единой» России;
- смещение акцентов в законодательстве от «вероисповедных» к «национальным» мотивам, очевидное в начале XX столетия;
- опасение усиления мусульманского фашизма и «отатаривания» инородцев;

¹⁴ По мнению ряда исследователей, эта модель зеркально отражала отношения власти к инверсам, разработанную в классическом мусульманском праве [Алексеев, 2002 б].

¹⁵ На одном из межведомственных совещаний по мусульманским делам (1910) руководитель ДДДИИ прямо заявил, что ОМДС «не пользуется полным доверием правительства», а лояльность мусульман – внешняя, показная.

– сохранение в российском обществе и в правительственных кругах представлений о невежестве и фанатизме мусульман, о превосходстве русско-христианской культуры, что порождало разнообразные программы их (мусульман) «просвещения»;

– необходимость проводить более либеральный курс и осуществлять политическую модернизацию страны, подразумевавшую уравнивание в гражданских и национальных правах всех подданных империи, предоставление обществу больших прав и возможностей для самовыражения и самоорганизации.

Как видим, это были разновекторные факторы, которые в комплексе определяли противоречивый характер этноконфессиональной политики в Российской империи в позднеимперский период. «Мусульманский вопрос» в начале XX века – это комплекс проблем, связанных с мусульманскими народностями империи, среди которых центральное место занимал вопрос о широко развернувшемся культурно-национальном движении среди татар и о том, какую степень опасности оно представляет для русской государственности.

Мусульманское население в правовом пространстве империи. Наиболее кардинальные изменения во всей системе гражданского и уголовного права были осуществлены в ходе буржуазно-демократических реформ 60 – 70-х гг. XIX столетия [Мионов, 1999. Т. 2, гл. 8]. В системе гражданского права до конца имперского периода (1917 г.) продолжал действовать Свод законов 1832 г. (введенный в действие в 1835 г.). И хотя позднее в него вносились отдельные изменения, предложение составить в начале XX столетия новый свод гражданского права было отклонено. Большинство правоведов признавало нежелательность кодификации законодательства в условиях революции, а правительство и вовсе не было настроено на кардинальные перемены. Более серьезные изменения коснулись уголовного права: в 1903 г. было утверждено новое Уголовное уложение, постепенно, по частям вступавшее в силу с 1904 г. В частности, законом 14 марта 1906 г. были введены в действие части Уголовного уложения,

касавшиеся религиозных преступлений.¹⁶ Правда, к моменту введения они уже безнадежно устарели: учитывая либерализацию религиозной политики в 1904–1905 гг., эти преступления представляли собой значительный анахронизм. Уголовное уложение 1903 г. с небольшими изменениями просуществовало вплоть до конца имперского строя и, таким образом, сохраняло старые суровые санкции за религиозные преступления (такие, например, как «отпадение от православия», «совращение» и пр.), хотя была объявлена веротерпимость, и религиозное законодательство, в целом, претерпевало эволюцию в сторону признания принципа свободы совести.

В отношении мусульманского населения страны в целом действовало общегражданское право (том XI Свода законов), но в сфере брачных и семейно-наследственных вопросов признавалось также действие мусульманского права (шариата).¹⁷ По мнению ряда исследователей, введение отдельных норм и институтов мусульманского права в общеимперское законодательство для восточных окраин и в судебные институты России представляло собой «продуманный шаг правительства, способствовавший гармонизации отношений в полиэтничном обществе» [Бекмаханова, 2003, с.48]. Не отрицая положительных последствий подобных действий властей, думается все же, что продуманности и планомерности в проведении подобной политики было гораздо меньше, нежели спонтанности и действий, исходящих из сиюминутных практических соображений. Поскольку татары первыми оказались в составе русского государства, то в отношении их меньше всего было изъятий и исключений из общеимперского законода-

¹⁶ Вопрос о религиозных преступлениях по русскому праву был основательно разработан российскими правоведами и имеет обширную историко-догматическую литературу. Среди дореволюционных авторов были такие корифеи русского уголовного права, как Н.С.Таганцев, А.Ф.Кистяковский, А.А.Жижиленко, В.Н.Ширяев, С.В.Познышев, Н.С.Тимашев и пр. См. подробнее: [Усманова, 1999; Софонов, 2007].

¹⁷ Некоторые из наиболее важных законодательных актов в отношении мусульман были переизданы в последнее десятилетие [Юнусова, ред., 1999; Арапов, сост., 2001].

тельства (по сравнению с другими окраинными мусульманами).

Учитывая сохранение норм мусульманского права и планы по реформированию законодательства в отношении мусульман, в начале XX столетия Департаменту духовных дел было поручено составить специальный сборник, «закрывающий в себе сводку шариатских постановлений, определяющих порядок наследования по закону и по духовному завещанию у мусульман суннитского толка», с параллельным текстом на русском и арабском языках. Сборник предназначался, в первую очередь, для ознакомления с нормами мусульманского права судебных чинов, вовлеченных в судопроизводство по делам подобного рода. Перевод соответствующих статей, осуществленный сотрудниками ДДДИИ П.В. Антаки и Г.Н.Тарановским, прошел экспертизу в Оренбургском и Таврическом духовных собраниях. Первый выпуск «Сборника постановлений шариата по семейному и наследственному праву» с правилами наследования увидел свет осенью 1912 г. Он был разослан в губернские администрации регионов со значительным мусульманским населением, а также в крупнейшие библиотеки и научные учреждения страны. По рекомендации П.В. Антаки сборник был послан также известным российским ученым (профессорам В.В. Бартольд, В.А.Жуковскому) и мусульманским общественным деятелям (И.Гаспринскому, бр. Рамеевым, Ф.Карими) [РГИА, ф.821, оп.133, д.604, л.54, 58–59, 67; Право, 1912, №30, 42, 44]. Одновременно была подготовлена вторая часть сборника, касавшаяся «Лиц опекаемых и их прав». Наконец, третий выпуск сборника, включавший нормы шариата в отношении брака, был подготовлен П.В. Антаки к весне 1914 г. [РГИА, ф.821, оп.133, д.604, л.110, 114, 118.]¹⁸, однако до революции 1917 г. так и не увидел свет. Интерес к правовым нормам, действовавшим в мусульманском сообществе, был

проявлен правительственными кругами с точки зрения практической реализации «правового плюрализма», с которым власти были вынуждены считаться в силу обширности империи и гетерогенности состава ее населения. Подготовка подобных сборников являлась вынужденным шагом, продиктованным осознанием недостаточности осведомленности правительственных чиновников в вопросах мусульманского права.

Следует сказать, что вплоть до Февральской революции и в столице, и на окраинах было очень мало специалистов по мусульманскому праву, а основные кадры экспертов по «мусульманскому вопросу» вплоть до конца XIX столетия готовили духовные академии и семинарии, и прежде всего Казанская духовная академия, в которой в 1854 г. было открыто т.н. «противомусульманское миссионерское отделение». Естественно, их предназначением была миссионерская деятельность. Показательно, что в программах юридических факультетов большинства российских университетов курс мусульманского права отсутствовал. Даже в Казанском университете, призванном готовить специалистов для восточных окраин страны, подобный курс был впервые введен лишь в 1916/1917 учебном году, когда лектору французского языка КДА П.К.Жузе было поручено чтение юристам «необязательного, но рекомендуемого в связи с исламоведением» курса лекций по мусульманскому праву. В программе курса значительное внимание уделялось как догматическим вопросам мусульманского права, так и освещению положения мусульманского населения империи по мусульманскому праву и общероссийскому законодательству [НА РТ, ф.977, оп. Совет, д.13224, л.1–6; РГИА, ф.821, оп.133, д.630, 4 л.]¹⁹.

Примечательно, что интерес в юридическим вопросам проявляли и представители татарского населения империи, осознававшие недостаточность знаний мусульман о своем правовом положении. В частности,

¹⁸ Составление арабского текста сборника было поручено муфтию Сафе Баязитову. См.: [РГИА, ф. 821, оп.133, д.606, л.43 об.].

¹⁹ Программа приват-доцента П.К.Жузе была полностью опубликована в 1916 г. [Обозрение преподаваний Императорского Казанского университета. Юридический факультет, 1916, с.15–16] и переиздана И.А.Емельяновой. См.: [Емельянова, 1998, с.137–138].

1913–1914 гг. казанский присяжный поверенный Ш.-Г.Иманаев предпринял не слишком, впрочем, удачную попытку издания татароязычного журнала «Хокук ва хаят» («Право и жизнь»), специализировавшегося на проблемах права.²⁰ Еще более примечательный пример – имам-мударрис медресе при 1-й соборной мечети Уфы Джигангир Абызгильдин кроме традиционных курсов (толкование Корана, изречения пророка, история пророка, догматы ислама и пр.) преподавал курс «законоведения Российской империи, касающийся мулл» [РГИА, ф.821, оп.133, д.466, л.477]. Наконец, в период предвыборной кампании в Думу первого созыва кандидатура уфимского татарина, адвоката Абусугуда Ахтямова пропагандировалась как пример удачного образца мусульманского деятеля с высшей юридической квалификацией, близко знакомого с правовым положением мусульман (в 1890-е гг. он состоял на службе в ОМДС).

Ограничительные нормы российского права в отношении мусульман. Разработка вероисповедного законодательства в Государственной думе Российской империи (начало XX столетия). В Российском законодательстве были заложены нормы, по которым религиозная или национальная принадлежность субъекта права изначально давали определенные преимущества в гражданских правах или же были основой для ограничительных норм. Усиление ограничений по вероисповедному и национальному признаку наблюдалось в 80–90-е гг. XIX в., что было связано с отходом от курса либеральных преобразований эпохи Великих реформ, а также с тем, что главным ориентиром в имперской политике этого времени стал идеал «единой» России во главе с русской народностью. Стремление к этому идеалу осуществлялось в форме культурной и административной унификации на основе русификации населения. Именно поэтому в российском праве того времени необычайно широкое распространение получили такие термины, как «инородец», «туземец», «лица русского происхождения»

и пр., юридическое содержание которых было неопределенным и часто изменчивым в зависимости от внутривластного курса. Множественность толкований этих терминов, несовершенство законов и их противоречивость приводили к появлению многочисленных «подзаконных актов» (циркуляров министерства юстиции и внутренних дел, примечаний и «разъяснений» сената и пр.), которые нередко меняли суть закона до неузнаваемости.

Правовые нормы, носившие ограничительный характер именно по вероисповедному или же национальному принципу, можно условно разделить на несколько групп: одни касались всего нерусского населения страны, другие были ориентированы на ограничение прав не-христиан (преимущественно, евреев и мусульман) и, наконец, третья группа касалась регулирования и изъятия в правах отдельных народностей (преимущественно, евреев). Ограничительный компонент в российском законодательстве претерпел значительную эволюцию – от преобладания религиозной мотивации в начале к постепенному главенству национальных мотивов на более поздних этапах развития российской государственности. При этом их анализ весьма убедительно показывает, насколько тесно были переплетены вероисповедные и этнические компоненты в мотивации ограничений. Охранительные тенденции в религиозном законодательстве более всего очевидны именно в отношении татар, что свидетельствует о дифференцированности проводимой национально-религиозной политики, а также о тех опасениях и фобиях, которые испытывали царские чиновники в отношении реальной или мнимой «татарской угрозы».

Одно из важных ограничений касалось *права приобретать и владеть недвижимостью лицами нехристианского вероисповедания*. Согласно ст. 262 «Положения управления Туркестанским краем» и ст. 136 «Положения Управления Областей», лицам нехристианского вероисповедания запрещалось приобретать земли и владеть иной недвижимостью в Туркестане и Степном крае. Весьма очевидно просматривается экономическая подоплека проблемы и ее национальный характер: данная огра-

²⁰ Журнал выходил в течение года – с 20.01.1913 по 20.01.1914 года. Всего вышло 10 номеров издания. См. подробнее: [Усманова, 2009 в, с.100–105].

ничительная мера была направлена, прежде всего, против евреев, а также против «мусульман внутренней России» – т.е. татар, которые были чрезвычайно активны в торгово-предпринимательской деятельности в данных регионах. Не случайно, что власти в это время были всерьез озабочены опасностью распространения татарского влияния в Среднеазиатском регионе, ведя борьбу с «панисламизм» и «пантюркизм», идеологами и проводниками идей которого считали именно поволжских татар. Многочисленные требования мусульман снять данное ограничение оставались безответными, так как здесь затрагивались непосредственные экономические интересы окраинного чиновничества и русского купечества.

В основе другой ограничительной нормы – запрета не христианам торговать в воскресные дни и дни христианских праздников – за внешне вероисповедной мотивацией также вполне очевидны были экономические причины, что проявилось при обсуждении в Думе законопроекта «О нормальном отдыхе торговых служащих». Предложение сделать для мусульман и евреев выходным днем, соответственно, пятницу и субботу было отклонено думским большинством. Противники этой поправки опасались экспансии татарского купечества. В итоге даже уступка правительства, согласного предоставить право установления дней отдыха органам местного самоуправления с учетом религиозных и местных традиций, была отвергнута думским большинством, объединившим правые и левые фланги.

Закон об ограничительной норме для присяжных поверенных нехристианского вероисповедания (1889) первоначально касался евреев. Однако в начале XX в., по мере увеличения в российских высших учебных заведениях числа мусульман-студентов и с началом формирования светской элиты, он стал непосредственно затрагивать и интересы мусульманского населения страны. В период модернизации правовой и политической системы в 1905–1906 гг. либерально-настроенной адвокатурой неоднократно поднимался вопрос об отмене подобных ограничений. Разработанный мусульманами и прогрессистами законопроект («Об отмене ограничений в правах на вступле-

ние в сословие присяжных поверенных для лиц мусульманского вероисповедания»²¹) и одобренный большинством Думы 4-го созыва был признан правительством «неприемлемым» (20 марта 1914 г.). Только в конце 1915 г. власти пошли на некоторые уступки: на заседании Совета министров 29 декабря было одобрено решение особой межведомственной комиссии о беспрепятственном приеме «в число присяжных поверенных и их помощников магометан и караимов, при отсутствии опорочивающих сведений» [Право, 1916, 10 января]. Это правительственное решение стало своего рода уступкой мусульманскому населению, поскольку процент юристов-мусульман был столь мал, что не казался «опасным» для властей.

Начиная с 80-х гг. XIX столетия мусульмане были лишены права преподавать в казенных средних и высших учебных заведениях, а домашними учителями могли быть только у своих единоверцев. В 1911 г. МВД издал циркуляр, по которому было запрещено утверждать в звании мулл лиц, получивших богословское образование за границей (особенно в Турции и Египте), даже если они русские подданные. Однако, настаивая на соблюдение этого циркуляра, власти одновременно не были намерены вносить его в закон, «ибо закон ограничений в правах для обучавшихся в иностранных учебных заведениях не устанавливает» [РГИА, ф.821, оп.133, д.576]. Одновременно в свете борьбы с панисламизмом утверждение в должности мулл лиц, окончивших новометодные медресе, должно было осуществляться при наличии сведений «непричастности к религиозно-племенной агитации».

В целом, можно утверждать, что на рубеже XIX–XX вв. в российском праве преобладали ограничительные нормы, действующие в целом в отношении нехристиан. И хотя их появление было непосредственно связано с ужесточением курса в отношении евреев, в конечном счете, они затрагива-

²¹ Законопроект был инициирован прогрессистами, но среди 54 подписавших его депутатов были и члены мусульманской фракции И.Ахтямов, М.Джафаров, Г.Еникеев, Г.Байтеряков, М.Минигалеев. Текст законодательного предположения с объяснительной запиской переиздан: [Мусульманские депутаты, 1998, с.231–233; Усманова, 2005].

ли и интересы мусульманского населения страны. Многочисленные запретительные нормы наиболее болезненными были именно для татар, что позволяет дифференцировать правительственную политику в отношении мусульманского населения империи. Второй важной особенностью ограничительных норм в отношении мусульман, особенно в сравнении с «еврейским законодательством», был их подзаконный характер: ограничения и запреты чаще формулировались в многочисленных «циркулярах», «разъяснениях», нежелали оформлялись в виде полноценных статей Свода законов Российской империи. Потому они были не так очевидны, но не менее болезненны. Не случайно, что требование отмены ограничений религиозного и национального характера традиционно было во всех петициях и прошениях мусульман, а также оно занимало важное место в программах мусульманских либеральных партий и в деятельности мусульманских депутатов Государственной думы [Усманова, 2005].

Безусловно, с конца XVIII столетия Россия была «веротерпимым государством», но это была «полицейская веротерпимость». Принципиальный поворот в вероисповедной политике начался зимой 1904–весной 1905 г. с опубликования указа «Об укреплении начал веротерпимости» (17 апреля 1905 г.), даровавшего «каждому ... свободу верований и молитв по велениям его совести». Хотя данный указ был основан на принципах религиозно-административных привилегий и лишь немного расширял права инославных и частью иноверных исповеданий, его последствия оказались гораздо более значительными. Может быть, даже неожиданно для авторов закона он стал прологом провозглашения свободы совести. Относительно мусульманского населения империи в данном указе было сказано: «признать подлежащим пересмотру законоположения, касающиеся важнейших сторон религиозного быта лиц магометанского исповедания». Повторявшее основные положения указа «Высочайше утвержденное 17 апреля 1905 г. положение Комитета Министров» определило основной круг вопросов, касавшихся мусульман. Создаваемому «Особому совещанию о веротерпимости» (под руководством

графа Игнатьева) было поручено разработать и представить на рассмотрение Государственного совета законопроекты:

- «о сооружении молитвенных домов иноверных исповеданий;

- о порядке избрания и назначения должностных лиц магометанского духовенства, приходских и высших;

- об освобождении от призыва на действительную военную службу из запаса некоторых лиц магометанского духовенства;

- о порядке открытия магометанских духовных школ – мектебе и медресе;

- об учреждении особых духовных управлений для киргизов областей Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской, а равно для магометанских общин на Северном Кавказе в Ставропольской губернии, Туркестанском крае и Закаспийской области;

- о возможности дозволения воспитывать подкидышаемых детей в религии принявших их на воспитание иноверных семей».

25-го июня того же года было утверждено положение Комитета министров, которое определяло порядок перехода из православия в другое исповедание до издания соответствующего закона: желающие выйти из православия должны были подать заявление непосредственно на имя губернатора или же через уездную полицейскую власть; после проверок местная административная власть в лице губернатора давала соответствующее распоряжение. Это «временное правило» действовало, как минимум, до 1912 г.

Октябрьский манифест 1905 г. стал значительным шагом вперед, так как он устанавливал в стране основы конституционного порядка, а провозглашаемая свобода совести являлась частью общедемократических свобод и представлялась необходимым залогом «перехода к правовому государству». Однако этот переход осуществлялся по принципу «один шаг вперед, два – назад», причиной чему было то, что все указанные документы являлись детищем чиновников, находившихся «всецело на точке зрения полицейского государства». Таким образом, издание указа от 17 апреля 1905 г. и Октябрьского манифеста стало очень важным, но всего лишь первым шагом на пути преобразования всей системы взаимоотношения в империи различных

вероисповеданий между собой и с государством. Более того, либеральные указы вносили определенную путаницу в существующее законодательство.

В разработке вероисповедного законодательства в начале XX столетия важная роль принадлежала Государственной думе (1906–1917 гг.), являвшейся нижней палатой российского парламента.²² Начавшему свою деятельность в апреле 1906 г. российскому парламенту предстояло взять на себя большую часть сложной работы по ликвидации этих противоречий и приведения законодательства в соответствии с принципами, провозглашенными в данных указах. За краткий период работы Думы первого созыва (26 апреля – 9 июля 1906 г.) ее члены лишь успели внести 12 мая 1906 г. проект под названием «Основные положения законопроекта о свободе совести» за подписью 50 перводумцев, преимущественно кадетов. В семи пунктах законопроекта были сформулированы базовые принципы свободы совести, провозглашенные в Манифесте 17 октября 1905 г. Проект соответствовал тем радикальным настроениям общества, которые преобладали в тот период времени.

Правительство полагало, что составление одного общего законопроекта о свободе совести менее удобно и практично, чем разработка и принятие конкретных законопроектов. Поэтому оно пошло по пути внесения в Думу второго созыва отдельных законопроектов. Среди вынесенных на рассмотрение депутатов министерских более десятка вероисповедных законопроектов для мусульман важнейшими были следующие: «Об изменении законоположений, касающихся перехода из одного исповедания в другое», «Об инославных и иноверных религиозных обществах», «О вызываемых провозглашеною 17 октября 1905 г. свободой совести изменениях в области семейственных прав», «Об отмене содержащихся в действующем законодательстве ограничений, политических и гражданских, находящихся в зависимости от принадлежности к инославным и иноверным исповеданиям...».

²² Разработка вероисповедного законодательства в Думе подробно рассмотрена в: [Усманова, 1999; Софонов, 2007].

Намерения правительства по реформированию религиозного законодательства хорошо характеризует законопроект «Об отношении государства к отдельным вероисповеданиям». Этот ключевой в блоке религиозных законов проект, по словам современников, представлял собой «удивительный документ канцелярского творчества, весь сотканный из противоречий» (С.П.Мельгунов). Правительство намеревалось идти по пути мелких уступок, не меняя сути религиозной политики: на пути «отпадающих» от православия ставились многочисленные препоны.

В качестве основного руководящего принципа для дальнейшей работы вероисповедная комиссия «единогласно и без прений постановила принять основные положения о свободе совести, внесенные в Государственную думу первого созыва партией народной свободы». В течение 13 заседаний члены вероисповедной комиссии (в их числе трое мусульман – С.-Б.Каратаев, С.Н.Максуди и М.-Ш.Тукаев) успели лишь рассмотреть отдельные положения законопроекта «Об инославных и иноверных религиозных обществах». Однако и эта работа не была завершена.

Государственная дума третьего созыва (1907–1912 гг.) вместо одной образовала три отдельные комиссии: по делам православной церкви, по старообрядческим вопросам и по вероисповедным делам (в их числе два мусульманина – И.Муфтий-Заде и М.-Ш.Тукаев). Последняя должна была «разработать законопроекты, относящиеся к инославным и иноверным исповеданиям, осуществляющие в нашем законодательстве возмещенное начало свободы совести». Смена названия, как и дробление единой комиссии на три, были вызваны рядом причин: попыткой избежать употребления таких выражений, как «конституция», «парламент», «свобода совести», служивших сильнейшим раздражителем для консервативных правительственных кругов. Кроме того, выделение самостоятельных комиссий по делам православной и старообрядческой церковью должно было предотвратить такую возможность, когда «иноверцы» становились «вершителями вопросов чисто русских». Среди депутатов также было широко распространено мнение, что право-

славная церковь должна стоять вне сферы влияния Думы.

Законопроекты, внесенные на рассмотрение вероисповедной комиссии, были подготовлены в соответствующих департаментах МВД. Будучи инициатором, министерство могло взять обратно внесенный ею законопроект, что было осуществлено в октябре 1909 г., когда МВД забрало обратно два весьма принципиальных законопроекта, более всего раздражавших правое крыло Думы. Наиболее важным для татар был законопроект «Об изменении законоположений, касающихся перехода из одного исповедания в другое». Его подробное обсуждение в комиссии состоялось в 1908–1909 гг., а доклад был представлен общему собранию 22 мая 1909 г. Обсуждение заняло несколько дней – 22–26 мая, 1 июня – и закончилось принятием несколько измененного законопроекта 30 октября 1909 г. Внесенные комиссией и утвержденные Думой уточнения меняли законопроект в либеральном духе. Наибольшие споры вызвало обсуждение проблем *свободы проповеди* и условия легализации перехода из христианской в нехристианские конфессии. Право-националистическое крыло депутатского корпуса усматривало в свободе проповеди недопустимое унижение православной церкви, полагая, что «идея равноправия всех подданных русского царя независимо от религии, независимо от племени – это идея безнравственная, негосударственная, идея разрушительная и пагубная для государства» (Марков 2-й). Ограничения также должны были касаться и свободы перехода. По плану правительства право перехода предоставлялось только в том случае, когда «переходящие или их восходящие (предки – Д.У.), но не далее деда и бабки, исповедовали нехристианскую веру». Члены комиссии и большинство депутатов смягчили эту норму, предоставив право свободного перехода всем совершеннолетним (с 21-го года). Второе принципиальное изменение, внесенное либеральной частью комиссии и утвержденное Думой, касалось перехода несовершеннолетних детей (от 14 до 21 года), которым такое право предоставлялось с разрешения родителей, усыновителей, опекунов и пр. Определение веропринадлежности малолетних детей (до 14 лет), исходя из принципа «совесть

родителей заменяет совесть детей», Дума предоставила в исключительное право родителей. Депутаты-мусульмане выступали за легализацию этого перехода, указывая на те лишения и страдания, которые испытывали люди, желавшие не просто отпасть от православия, но скорее вернуться в религию своих предков (из выступлений К.-М.Тевкелева, И.Муфтий-Заде, Х.-бек Хас-Мамедова и И.Гайдарова) [Государственная дума. Стенографические отчеты].

Существенной преградой на пути превращения проекта в закон стал Государственный совет, отклонивший все изменения, внесенные Думой. Работа особой согласительной комиссии (24 января 1912 г.) не дала желаемых результатов: ни по одному из основных разногласий соглашения достигнуто не было. Депутаты предпочли предоставить правительству «возможность сохранить действующий закон, изданный в порядке 87 статьи Основного Закона еще в 1906 г.», ставившую возможность перехода в зависимость от воли местной администрации. Таким образом, важнейший для татар законопроект, регулирующий возможность перехода из православия в другую веру и фактически легализующий процесс возвращения в ислам крещенных татар, не получил силу закона, а следовательно, отдавал всю процедуру на откуп местной администрации.

В период работы последней дореволюционной Думы (1912–1917 гг.) правительство пошло по пути внесения в парламент второстепенных законопроектов, касающихся частных вопросов (т.н. «законодательная вермишель»). Часть вероисповедных законопроектов, рассмотренных и одобренных депутатами, была изъята МВД, а из оставшихся в думском портфеле преобладали второстепенные законопроекты. В период работы Думы четвертого созыва от имени 32 членов фракции народной свободы было внесено законодательное предположение «О свободе совести» (3.12.1912). В феврале 1916 г. группа либеральных депутатов вновь выступила за отмену всех национально-религиозных ограничений. Однако все без исключения министры высказались против разработки такого законопроекта, в лучшем случае предлагая отложить решение проблемы до окончания войны.

Подводя общий итог, можно сказать, что веротерпимость Российского государства в предреволюционное десятилетие (1905 – 1916 гг.) в целом носила весьма ограниченный характер, поскольку православие, сохранив свои позиции господствующей церкви, являлось господствующим исповеданием и основой государственной идеологии. Религиозное законодательство, исходя из принципа «ранжирования» конфессий, предоставляло господствующей церкви исключительное право прозелитизма, препятствовало переходу из одной религии в другую, одновременно отрицая возможность вневероисповедного состояния. В отношении мусульман провозглашалась веротерпимость, но на деле сильно ограниченная и стесняемая всевозможными подзаконными актами и циркулярами.

Государственная система управления духовными делами мусульман. Департамент духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ). С 1832 г. все религиозные дела российских мусульман находились в ведение магометанского отдела Департамента духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ). В начале XX в. его руководство довольно часто менялось и состояло из следующих деятелей: М.Э.Ячевский (1904 – 1905 гг.), В.В.Владимиров (1905 – 1908 гг.), А.Н.Харузин (1909 – 1911 гг.), Е.В.Менкин (1912 – 1915 гг.), Г.Б.Петкевич (1915 – 1916 гг.), Н.П.Харламов (1916 – 1917 гг.) [Витенберг, 2001, с.36–38]. ДДДИИ находился в составе МВД и являлся высшей инстанцией в системе духовного управления мусульман империи. Сфера его компетенции определялась Уставом. Февральская революция вызвала череду преобразований: 5 августа 1917 г. Департамент был включен в состав вновь созданного Министерства исповеданий, прекратившего свое существование после Октябрьской революции.

Из семи отделений ДДДИИ, существовавших к 1917 г., делами мусульманского, ламаитского и языческого исповеданий занималось 5-е отделение. Мусульманский отдел департамента ведал следующими делами: возведением в духовное достоинство духовных лиц и утверждением членов консисторий, награждением духовных лиц знаками отличия; осуществлением надзора за учреждением и деятельностью конфессио-

нальных учебных заведений; составлением ведомостей о числе приходов и количестве прихожан. Строительство новых мечетей с учреждением прихода, открытие общества религиозного характера – эти вопросы также входили в сферу компетенции ДДДИИ. Кроме того, сотрудники департамента разрабатывали различные законопроекты, связанные с иностранными исповеданиями, и давали отзывы на вероисповедные законопроекты, подготовленные другими ведомствами. С конца XIX в. и на протяжении первых десятилетий XX в. деятельность мусульманского отдела ДДДИИ носила ярко выраженный бюрократический характер. В основу работы был положен принцип надзора за мусульманским населением. Информация в отдел поступала в виде отзывов губернских учреждений на запросы департамента. Большое значение уделялось подготовке аналитических обзоров, записок по наиболее значимым в тот или иной период проблемам. Работа с информацией мусульманских газет и журналов, анализ содержания татарской периодической печати наряду со сведениями, доставляемыми из органов полицейского надзора, также рассматривались как эффективное средство реагирования на ситуацию в мусульманских общинах и регионах.

Кроме ДДДИИ существовали и другие государственные учреждения, которые занимались делами мусульманских народов России. Вопросы, связанные с организацией школьного образования инородцев решались в Министерстве народного просвещения, которое стремилось контролировать деятельность мусульманских конфессиональных школ (мектебов и медресе) и проводить общегосударственную политику в сфере инородческого образования. Ведомство православного исповедания разрабатывало миссионерскую тактику по отношению к мусульманам. Главное управление по делам печати осуществляло надзор за мусульманской прессой. В начале XX в. к мусульманским делам стал проявлять внимание Департамент полиции МВД. Наконец, также в начале века для выработки общей политики по отношению к мусульманам при МВД стали созываться особые межведомственные совещания.

Органы управления религиозными делами мусульман были представлены также

духовными собраниями. На большей части Российской империи мусульманские духовные лица находились в подчинении мусульманских духовных управлений (Оренбургского, Таврического и двух Закавказских). Территория, на которую распространялась компетенция Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС), была ограничена европейской частью России и Сибири. В 1889 г., к столетнему юбилею ОМДС был опубликован отчет, в котором были приведены следующие данные: к 1889 г. на территории, находившейся в ведение ОМДС с населением 3,5 миллиона человек, было 4222 общины и 7203 духовных чина, в том числе 60 ахунов, 2734 имам-хатыпа, 2621 имам-мударрис и 1873 муадзина. К началу 1911 г. в округе ОМДС был 5771 приход с 5409 соборными мечетями, в которых несли службу 3946 хатыпов, 3696 имамов и 691 мулла [Фархшатов, 1999, с.67–72].

В вопросе *о реформировании органов управления духовными делами мусульман* власти демонстрировали постоянную нерешительность, при том, что неоднократно заявляли о назревшей необходимости пересмотра всего законодательства о мусульманах (том XI Свода законов). Планы кардинального или частичного преобразования ОМДС разрабатывались в правительственных кругах с середины 60-х гг. XIX столетия. Основное их направление – ослабление влияния муфтия и муфтиата, увеличение роли русского языка в делопроизводстве, ограничение сферы компетенции духовных правлений, раздробление ОМДС с последующим полным уничтожением. Однако практически все предложения чиновников так и оставались на бумаге в силу нерешимости властей ворошить клубок противоречивых и болезненных проблем. В середине 70-х гг. свои предложения по реформированию и упорядочению деятельности духовного правления высказал глава ОМДС С.-Г.Тевкелев [Усманова, 2005; Загидуллин, 2007]. Проект Тевкелева предполагал уточнить следующие вопросы: определить точное число мечетей, которые можно сстроить, ввести промежуточное звено между муллами и муфтиатом – должность участкового ахуна с функцией контроля за деятельностью мечетей и школ; упорядочить порядок избрания членов Собрания [РГИА,

ф.821, оп.8, д.616, л.1–48]. Однако, и он не был реализован.

В начале XX столетия в недрах бюрократической машины вновь стали разрабатываться проекты расчленения территории, подведомственной ОМДС, на более мелкие с целью ослабления последнего. Одним из авторов подобного проекта был член Государственного совета В.П.Череванский (1836 – 1914 гг.). В своем сочинении, озаглавленном «Записка по делам веры мусульман-суннитов» и подготовленном для рассмотрения на Особом совещании по делам веры под председательством А.П.Игнатьева (1906 г.), он предлагал разделить Оренбургский муфтиат по территории и по народностям, создав, соответственно, целую сеть более мелких духовных управлений: Петербургское, Крымское, Кавказское, Сибирское, Оренбургское, Степное и Башкирское [Рыбаков, 1917]. Таким образом, территория ОМДС резко уменьшалась за счет потери таких регионов, как северо-запад, Сибирь и Приуралье. Северный Кавказ предлагалось присоединить к Закавказскому округу. Кроме того, автор проекта полагал целесообразным в дальнейшем отказаться от титула «муфтий», заменив его постепенно названием «председатель правления». Соглашаясь с основной идеей расчленения ОМДС на более мелкие округа с целью, во-первых, ослабления влияния татарского духовенства, а во-вторых, осуществления децентрализации духовной жизни мусульман империи, критики данного проекта высказывали свои замечания. В частности, председатель (с 1905 г.) особого совещания по вопросам образования восточных инородцев А.С.Будилович полагал, что создаваемым новым региональным духовным правлениям необходимо придавать характер областей, а не племенной. Учреждение же духовных правлений в Оренбурге, Троицке и Петропавловске, по мнению того же А.С.Будиловича, было крайне опасно ввиду близости этих регионов к восточным границам и возможного усиления здесь агитационной деятельности татар.

Параллельно свои проекты реформирования органов духовного управления разрабатывали и представители мусульманского сообщества. В начале XX в. эти вопросы,

благодаря прессе и деятельности мусульманской фракции Государственной думы, приобрели публичный характер. Впервые всеобъемлюще данная проблема была поднята на всероссийских мусульманских съездах 1905 – 1907 гг., которые среди прочего приняли широкую программу реформирования управления духовными делами мусульман. В числе основных пунктов программы был вопрос о выборности муфтиев и об уравнивании мусульманского духовенства в правах с православным. В 1907 – 1908 гг. Юсуф Аккура разрабатывал законопроект о реформе прихода [Миллят, 1914, 17 май]. В 1906 – 1914 гг. эта проблема была в центре внимания и членов мусульманской фракции [Усманова, 2005]. Реакционный поворот в правительственной политике, ставший очевидным с 1908 г., сделал практически невозможным их реализацию в полной мере. По мере «усмирения страны» все проекты отодвигались в сторону, а ходатайства мусульман стали рассматриваться как «незаконное домогательство». В силу особенностей политической системы страны реализация любых проектов, представленных самими мусульманами, в принципе была невозможна без соответствующего на то согласия правительственных структур.²³

²³ Последним из важнейших дореволюционных мероприятий, на котором происходило обсуждение путей реформирования ОМДС и всей системы духовного управления в стране, был съезд представителей мусульманских общественных организаций, который состоялся 15–25 июня 1914 г. и был признан четвертым мусульманским съездом под руководством председателя мусульманской фракции К.-М.Тевкелева. Основными докладчиками на съезде стали депутаты Думы И.А.Ахтямов (доклады об ОМДС и управлении сибирскими мусульманами, а также обзор основных существующих проектов) и М.Джафаров (о закавказских мусульманах), редактор газеты «Миллят» И.Леманов (о Таврическом духовном правлении); бывшие депутаты С.Н.Максуди (об основных положениях реформы управления духовными делами мусульман России), С.-Б.Каратаев (о положении казахов), А.-М.Топчибаев и др. Работа съезда-совещания проходила по трем основным секциям: организационной, по духовно-учебным делам и вакуфной. И хотя многие из поднятых вопросов не были до конца разработаны, в итоге съезд принял проект «Положения об управлении духовными делами мусульман Российской империи» (из десяти резолюций). Подробнее см.: [Миллят, 1914, 21 августа; Усманова, 2005].

Правительственные чиновники, как мы видим из проектов комиссии графа Игнатьева, А.С.Будиловича и др., имели собственное представление о том, в каком направлении необходимо решать «мусульманский вопрос». Особенно много в эти годы говорилось об угрозе панисламизма, об «отатаривании инородцев» Поволжья, о распространении татарами мусульманского фанатизма среди казахского населения степных областей. Особенно четко эта тенденция проявилась в ходе работы двух важнейших антимусульманских совещаний – 1910 и 1914 гг. [Махмутова, 1998; Воробьева, 1999].

Первое из этих двух «мусульманских» совещаний было проведено в январе 1910 г. (12–29.01.1910) по инициативе П.А.Столыпина по соглашению с Синодом и МНП под руководством главы ДДДИИ А.Н.Харузина. О направлении работы Совещания красноречиво свидетельствует его заглавие: «Особое совещание по выработке мер по противодействию татарско-мусульманского влияния в Поволжском крае». Однако центральным вопросом совещания был вопрос о характере татарского движения и о системе мусульманского образования. Ставя диагноз, участники совещания были вполне солидарны с губернатором Казанской губернии М.В.Стрижевским, утверждавшим следующее: «за последние годы оно [татарское движение] приобрело наиболее яркое и определенное выражение под влиянием крупных событий во внутренней жизни России. Движение это носит, безусловно, панисламистский характер и питается идеями как культурными, так и политическими. Что особенно характерно в татарском движении – это стремление не только к объединению татар-мусульман в одно сплоченное целое, но и чисто завоевательное стремление, направленное на другие народности» [Махмутова, 1998]. Почти все участники совещания вслед за казанским губернатором твердили о той угрозе и крупной опасности русской государственности, которая исходит от активности татарского населения. А председатель совещания (глава ДДДИИ) был убежден, что «лояльность мусульман является также лишь формальной, а не по существу. (...) Подтверждением их лояльности лишь внешней служит то

обстоятельство, что они стремятся к культурному единению в борьбе с русским началом, изыскивают методы борьбы, причем своей кажущейся лояльностью стремятся усыпить правительственную власть» [Махмутова, 1998]. Одной из мер противодействия этой угрозе участники совещания посчитали запрет на реформирование мусульманской конфессиональной школы, запрет на создание национальной системы образования и учреждение школ с преподаванием на родном языке. Все предлагаемые меры в этой сфере были направлены на то, чтобы сделать мусульманские школы неконкурентно способными (для этого предлагалось искоренить из мектебе и медресе все светские предметы, и даже русские классы и запретить преподавание русского языка – то, что упорно насаждалось с 1870-х гг.), а самих мусульман через систему запретов и ограничений вынудить идти в русские государственные школы. Сама же школа является «достоинством правительства» и м.б. только русско-национальной по духу. Дети же, «получающие даже бы начальное обучение на материнском инородческом языке, являются оторванными от русской гражданственности». Таким образом, очевидно, что ход обсуждения национально-культурных проблем шел абсолютно вразрез с либеральными проектами реформирования системы образования, обсуждавшимися в стенах российского парламента, что позволяет понять их итоговую безуспешность. Среди намеченных контрмер по борьбе с татарской угрозой была заявлена и необходимость упорядочения государственно-правового положения мусульман с усилением над ним государственного контроля [РГИА, ф.821, оп.133, д.573].

Известно, что премьер-министр был не только одним из инициаторов проведения данного совещания, но и тщательно следил за ходом его подготовки и работы, был знаком с его итоговыми материалами. Думается, что они не могли не укрепить в главе правительства убеждения, что надо и далее продолжать осуществление программы преобразований с опорой на концепцию «единой и неделимой России».

В мае 1911 г. П.А.Столыпин разрабатывал проект преобразований системы

государственного управления страной.²⁴ В новой системе правительства он предусматривал учреждение двух новых министерств: национальностей и исповеданий. Министерство национальностей, по замыслу П.А.Столыпина, должно было удовлетворять религиозные и культурные нужды каждой национальности, входящей в состав империи, посредством тщательного изучения культурной, религиозной и социальной жизни народностей, создания условий для распространения среди них верноподданнических настроений. В проекте Столыпина о создании министерства национальностей обращает на себя внимание два тезиса, которые подчеркиваются неоднократно и с особенной силой – необходимость отмены всяческих ограничений на национальной основе (в том числе, вероятно, и позорной черты оседлости в отношении евреев), а также наличие многочисленных внешних и внутренних врагов России, которые только и думают о ее ослаблении и расчленении [Зеньковский, 1956, с.79–81]. Министерство исповеданий должно было не только ведать делами православной церкви, но и внимательно следить за деятельностью других исповеданий. При этом все сотрудники данного министерства должны были иметь глубокое духовное (православное) образование и должны быть «глубоко преданы православной вере» [Зеньковский, 1956, с.82–83].

Таким образом, проект преобразований, разрабатывавшийся П.А.Столыпиным, сохранял и даже был призван укрепить один из базовых принципов имперской идеологии – господствующее положение православия.

Новое Особое межведомственное совещание по мусульманским делам было проведено в апреле-мае 1914 г. под пред-

²⁴ По словам профессора А.В.Зеньковского, премьер-министр в течение четырех дней в мае 1911 г. диктовал ему свой проект для более детальной обработки с тем, чтобы представить его на рассмотрение Николаю II. После гибели П.А.Столыпина многие бумаги из его кабинета были изъяты, а затем исчезли. Автор мемуаров о Столыпине после революции покинул Россию и вывез с собой свои записи, которые он вел в течение 1906 – 1911 гг. и через много лет опубликовал их. В их числе был и данный проект государственного преобразования. См.: [Зеньковский, 1956].

седательством заместителя министра внутренних дел Н.Н.Золотарева. Несмотря на просьбу мусульманских деятелей отложить созыв Совещания до проведения мусульманского съезда, оно все же было открыто 29 апреля 1914 г. Основная цель данного совещания, как и предыдущего, заключалась в обсуждении т.н. «татарского засилья», поскольку «мусульманский вопрос» рассматривался, прежде всего, как «татаро-мусульманский». Речь шла об опасности распространения татарской национальной культуры на соседние мусульманские и языческие народы. Поскольку ислам рассматривался как проводник татарских идей, то борьба с «татаризмом» предусматривала и противодействие исламу и мусульманским религиозным структурам. После полумесячного обсуждения, Совещание фактически отказалось от всех своих прежних обещаний по реформированию системы управления духовными делами мусульман, по либерализации законодательства о мусульманах, выступив за сохранение существующего статуса-кво. Оно признало необходимым сохранить Таврический и Оренбургский муфтиаты в их прежних территориальных

районах, сохранить существующий порядок замещения высших мусульманских духовных должностей путем назначения, также как выборность лиц приходского духовенства. Из ведения мусульманского духовенства Совещание предлагало изъять две компетенции – дело метрикации мусульман и наследственные дела, возложив первые на соответствующие общественные, а последние – судебные установления. В последующем, правительственные эксперты стали все более склоняться к мысли, что реформирование ОмДС, как и учреждение новых муфтиатов, будет идти в разрез с государственной политикой, направленной на постепенное ослабление и упразднение самого института мусульманских управлений (1914 г.) [РГИА, ф.821, оп.133, д.566].

Начавшаяся вскоре мировая война сделала невозможным разрешение намеченных вопросов ни в правительственном духе, ни тем более в направлении, предпочтительном с точки зрения самих мусульман. Коренная перестройка всей системы взаимоотношения государства и мусульманского населения стала возможной лишь после Февральской революции.

§ 2. Идеологическая борьба среди российских мусульман

Рафик Мухаметшин

Татарская общественная мысль начала XX в. во всей совокупности проблематики различных течений и направлений имела общую нацеленность на формирование национальной идеологии и определение основных идей национально-освободительного движения, национального самосознания. Этот период ознаменовался выходом на общественную арену новых сил, качественным изменением общественного сознания: на базе религиозного реформаторства, просветительства и либеральных идей формировались основные направления общественной мысли, которые образовали теоретическую основу последовавшего мощного подъема национального движения среди татар по пути прогресса и стремления стать активными творцами своей истории. Именно в этот период были серьезно поколеблены основы традиционного мировоззрения, заложе-

ны основы секуляризации теоретической мысли. Эти тенденции особенно отчетливо проявились после революции 1905–1907 гг., когда широкое распространение получили периодические издания, светское образование, пробудился интерес к достижениям современной науки и техники, появилась возможность создавать политические партии и объединения, относительно свободно выражать свои политические взгляды.

В освоении многих теорий и идей, обретающих в этот период решающее значение для татарской общественной мысли, огромную роль сыграло печатное слово. Царизм, прекрасно понимая роль и значение печатного слова, особенно периодической печати, в распространении новых идей и информации, не всегда приемлемой для официальных властей, в течение почти ста лет не разрешал создавать газеты

и журналы. По этому поводу попечитель Казанского учебного округа в главном Управлении по делам печати в 1903 г. обратил внимание, что «газеты на татарском языке, удовлетворяя естественную любознательность татар и давая им все нужные сведения об общественной и практической жизни, надолго устраняют необходимость изучения татарами государственного языка и во всяком случае будут способствовать скорее национальному сепаратизму, чем культурному слиянию татар с русским населением...» [НА РТ, ф.92, оп.1, д.21132, л.5]. Только в годы революции 1905–1907 гг. татары добились разрешения на издание газет и журналов. Так, уже в 1905–1907 гг. на татарском языке легально выходили 33 издания (21 газета и 12 журналов) [Амирханов, 1986, с.10]. В России после 1906 г. ежегодно издавалось около 8000 книг общим тиражом 5,6 миллион экземпляров [Каримуллин, 1974, с.21, 185]. Безусловно, в данном случае необходимо обратить внимание не только на количественные показатели, но и на те тенденции, которые наметились в печатной продукции на татарском языке. Так, в циркуляре, разосланном губернаторам Российской империи, отмечалось, что «за последнее время в татарской литературе замечаются совершенно новые веяния, грозящие расшатать весь многовековой уклад жизни 14-миллионного мусульманского населения русского мусульманства и дающие возможность предполагать о готовящемся в жизни сего населения серьезного перелома» [Каримуллин, 1974, с.187–188]. При этом нельзя не обратить внимание и на то, что к началу XX в. доля светской литературы увеличилась до 83–85%, а по тиражу до 70–75% от общего количества [Каримуллин, 1974, с.291]. Газеты и журналы значили татарского читателя с новейшими течениями философской и социологической мысли, литературной жизнью Запада и России. Пресса развертывала перед читателем все перипетии борьбы между старым и новым, практически став мощным средством формирования общественного сознания. М.Н.Пинегин, казанский инспектор по делам печати, обратил внимание, что «татарская масса не лишена, конечно, способности к восприятию новых идей, она доходит до неё через школы, через молодых

мулл и едва ли не главным образом через татарские газеты и журналы, проникающие в самую гущу населения, 80 процентов которого по-своему грамотно» [НА РТ, ф.420, д.258, л.5]. В этой связи немаловажным было и то, что «стремление приблизить искусственный литературный язык к языку живому особенно усилилось после 1905 г., когда мусульманские писатели сильнее почувствовали потребность обращаться не к группе ученых и хорошо грамотных людей, а к большой публике. Тогда собственно в большом количестве появились издания на языке весьма близком к народному» [Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия, 1917. Ч.59, с.67]. Н.Бобровников далее утверждает, что «это чтение, весьма благоприятное для развития глубоких слоев народа, усиливается с каждым днем: чужие речи постепенно заменяются производными от тюркских корней и пускаются в оборот через многочисленные газеты и журналы, через учебные книги, через школу, через театр. Можно сказать, что теперь некоторые татарские газеты, например «Вақыт» (Оренбург), «Юлдуз» (Казань) понятнее малоучившемуся татарину, чем наши газеты русскому крестьянину, прошедшему 2-х классовое училище» [Новая серия, 1917. Ч.59, с.68]. И «мектебе всюду преобразовываются в светские учебные заведения с татарским, теперь уже действительно татарским, а не жаргонным преподавательским языком» [Новая серия, 1917. Ч.59, с.68].

Роль татарских учебных заведений, сыгравших и на предыдущих этапах развития общества определяющую роль в формировании общественного сознания, в новых условиях возросла еще больше. Не случайно, в центре внимания оказалась задача просвещения народа, без чего и не мыслилась возможность дальнейшего прогресса общества и нации. Поэтому вполне естественно, что 779 медресе, 8117 мектебов России, где получали образование 267476 учащихся [Амирханов, 1986, с.82], оказались в эпицентре довольно жесткой идеологической борьбы за умы подрастающего поколения. Но и в этой сфере наметились довольно определенные тенденции. Как отмечалось в циркуляре губернаторам России еще в 1900 г., сторонники нового метода «призывают та-

тарское население России к образованию, к приобретению практических познаний как в области ремесел и промышленности, так и в изучении иностранных языков, дабы оно (население – *Р.М.*) было культурно и богато» [Каримуллин, 1974, с.187–188].

В художественной культуре начала XX в. также отчетливо проявляло себя растущее самосознание. В этот период возник широкий интерес к наследию прошлого, к национальным корням, духовным и религиозно-этическим традициям. Одновременно изучались и осмысливались литературные и культурно-политические взаимосвязи с Западом и Востоком. На страницах периодической печати развернулись дискуссии вокруг трактовки культурного наследия прошлого и отношения к проблеме «Запад-Восток» и западной цивилизации в широком плане. В связи с этим особое значение приобрели вопросы политической организации общества. Недовольство условиями существования народа пробуждало у татарской интеллигенции особый интерес к проблемам государственной власти. Идеи свободы, конституционализма и парламентаризма получили в начале XX в. широкое распространение. Пытаясь решить вопросы общественного бытия, татарские мыслители проявили сознательное стремление к усвоению достижений западной культуры и европейских форм политического устройства. В конституции и парламенте большинство представителей татарской интеллигенции видело политический рычаг, могущий повернуть Россию на путь прогресса, что, в свою очередь, дало бы возможность использовать более реальные пути для политического переустройства татарского общества. Эти тенденции в общественной мысли, ставящие во главу угла проблему синтеза элементов традиционной и европейской культур, не снимали противостояния между старым и новым во всех сферах идеологической жизни, наоборот, борьба между старым и новым в общественном сознании приобрела необыкновенную остроту, потому что в противоборство вступали едва ли не все полярные силы, опирающиеся на институты, критерии, поведенческие установки традиционного и современного общества. Эта борьба породила многие парадоксы в татарском обществе, сложные

мировоззренческие и нравственные коллизии, социальные потрясения, ибо перемены, порождавшие новые понятия и новые представления, одновременно действовали и в обратном направлении, создавая определенную почву для сохранения традиционалистских тенденций. Дело в том, что общественная мысль обращалась к западным идеям и ценностям в поисках решения проблем, связанных с современными аспектами политической, экономической, социальной и культурной сфер жизни, а к традиционному прошлому – в поисках опоры для национальной самоидентификации.

Общественное сознание в татарском обществе формировалось не без значительного влияния социально-экономических факторов. Поэтому вполне естественно, что для татарской общественной мысли начала XX в. характерны попытки осмысления этих факторов. В этот период значительно возрос интерес и к проблемам экономики. Татарские мыслители пытались выявить общие тенденции развития экономических отношений с учетом их национальной специфики. Журнал «Икътисад» (1908–1913 гг.), ставший первым профессиональным экономическим изданием на татарском языке, много внимания уделял освещению различных экономических теорий, научной оценке ситуации в этой области, путей и форм получения выгод и прибыли, ликвидации бедности в татарском обществе. Трактовки, предложенные журналом, интересны тем, что в них предпринимаются попытки освещения экономических проблем с учетом этноконфессиональных особенностей татар. Неслучайно, журнал, объясняя предмет и объект исследования экономики, подчеркивает, что это «Наука, изучающая формы хозяйствования, показывающая пути благополучного существования отдельной нации, народа, государства. Она делится на экономическую политику и политическую экономию. Первая объясняет причины изменения в экономике, вторая – правила изменений экономических отношений» [Икътисад, 1908. №1, с.2].

В своей программной статье журнал также подчеркивает, что «он все проблемы рассматривает через каноны ислама» [Икътисад, 1908. №1, с.1], поскольку «ислам – экономическая религия» [Икътисад, 1909. №1, с.1], подкрепляя свои мысли хадисами проро-

ка Мухаммада, такими как «заботящийся о своем экономическом положении не станет бедным» [Икътисад, 1909. №1, с.1] и др. Это, по мнению главного редактора журнала Ф.Муртазина, в первую очередь, подчеркивает взаимосвязь и взаимодополняемость экономики и религии [Икътисад, 1908. №1, с.2]. В связи с этим журнал, сравнивая экономическую концепцию К.Маркса с учением о закяте, доказывает бесспорное преимущество закята в решении проблем благополучия общества: «Европейцы в любом случае примут закят и этим решат проблемы казны и бюджета» [Икътисад, 1908. №4, с.97].

Соглашаясь с социал-демократами, журнал приводит их высказывания о необходимости кардинального переосмысления марксистского учения [Икътисад, 1908. №4, с.97–99]. Небезынтересными с точки зрения теоретического осмысления и практического применения в татарском обществе являются высказывания, связанные с совершенствованием производства и повышением производительности труда. Журнал выделяет пять условий, которые должны способствовать этому процессу: 1) свободный труд; 2) частная собственность на средства производства; 3) профессиональный уровень работников; 4) разделение труда; 5) объединение усилий [Икътисад, 1908. №3, с.79–80].

Раскрывая различные аспекты этих условий, журнал всячески подчеркивает их значимость и для татар. Так, наличие монополий в различных отраслях промышленности рассматривается как фактор, сдерживающий свободное предпринимательство [Икътисад, 1909. №7, с.198]. Касаясь проблемы профессиональной подготовки кадров, журнал обращает внимание на её актуальность для татарских рабочих, которые в отличие от западноевропейских «проявляют себя разве что в сфере некалвалифицированного труда» [Икътисад, 1908. №3, с.79]. Журнал подчеркивает, что повышать квалификацию татарских рабочих необходимо одновременно с реализацией их права на труд, соблюдение которого является одним из принципов ислама [Икътисад, 1910. №10, с.258].

В реализации последнего немаловажным является и учет интересов семьи, махалли, своей нации и государства [Икътисад, 1910. №10, с.290]. В контексте вышеназванных проблем, журнал рассматривает и вопрос

бедности и богатства нации. Позиция журнала в этом вопросе интересна тем, что она, избегая упрощенных идеологических оценок, пытается выявить внутренние экономические механизмы данного явления. Отличая, что «причин бедности много, но главная причина – незнание законов экономики и неумение пользоваться ими... Есть две обязанности, которые должны выполняться каждой нацией, населением любого государства: первая – каждая нация и каждое правительство должны беречь свое богатство, вторая – они должны уметь его умножать» [Икътисад, 1908. №1, с.8]. Выводы журнала в этом плане для татар неутешительны: «наши российские мусульмане пользуются ли этими законами экономики?... Нет, поэтому бедность нации естественна и объяснима» [Икътисад, 1908. №1, с.8]. Подчеркивая общетеоретический характер этих причин, журнал анализирует и другие возможные причины бедности: нарушение равновесия между производством и потреблением [Икътисад, 1909. №10, с.290], изменение демографических процессов [Икътисад, 1909. №12, с.357] и др. Журнал предпринимает попытки определения путей выхода из бедственного положения: «Для этого необходимо обратить внимание на следующее: 1) в руках нации необходимо сохранить такие виды богатства как земля, вода, леса и как можно больше стремиться быть их хозяевами; 2) то, что имеется в руках у нации, необходимо использовать в ее интересах, а также изучать пути использования природы. Иначе польза от них будет тем, кто умеет пользоваться ими; 3) просвещение и обучением ремеслам. И наш Пророк сказал: «Ремесло – путь к избавлению от бедности»; 4) развитие различных видов торговли; 5) улучшение существующих способов земледелия» [Икътисад, 1908. №1, с.10].

Общетеоретические аспекты сохранения и умножения национального богатства, борьбы против бедности, по утверждению многих авторов журнала, совершенно не противоречат канонам ислама. Даже наоборот, уже в самом исламе заложены меры, не допускающие бедности как социального явления. Среди них главный редактор журнала Ф.Муртазин, а втор серии статей «Нищета и ислам» выделяет такие: «любой здоровый совершеннолетний человек должен зани-

маться своим делом. Таким необязательно давать садака (подавание)» [Икътисад, 1909. №7, с.193]. Довольно подробно рассматривая нравственно-личностные аспекты этой проблемы (о долге детей перед родителями, родителей, близких родственников и т.д.), а втор обратил внимание и на то, что в канонах ислама много внимания обращается на необходимость создания благотворительных обществ» [Икътисад, 1909. №7, с.195].

В целом, можно сказать, что журнал «Икътисад» является своеобразным отражением новых тенденций в татарской общественной мысли начала XX в. Акцентируя внимание на теоретических вопросах экономики, журнал исходил из насущных проблем татарского общества. Неслучайно, хотя в программной статье и подчеркивалось, что «журнал не ограничивает себя точкой зрения какой-либо партии, в каждом деле, в каждой мысли он будет придерживаться центризма и всё будет рассматривать с точки зрения экономики» [Икътисад, 1908. №1, с.1], тем не менее, он намеревался «ознакомить мусульман с состоянием дел в экономике, вооружить их научными знаниями в области торговли, агрономии, промыслов и промышленности и показать экономические пути использования национального богатства» [Икътисад, 1908. №1, с.1]. Правда, нельзя не обратить внимание на то, что в журнале практически не встречаются ссылки на «татар», на «татарское общество», тем не менее все теоретические вопросы рассматриваются в контексте общеисламских ценностей, и вся проблематика журнала имеет довольно четко выраженный национальный оттенок. Рассмотрение путей увеличения и сохранения национального богатства, критика монополий и защита частной собственности, свобода предпринимательства, а центрирование внимания на подготовке высококвалифицированных кадров и на создании общественных и благотворительных организаций, способных в какой-то степени аккумулировать и, соответственно, разумно распределять хотя бы часть принадлежащего народу национального богатства и др., во многом свидетельствуют о том, что журнал сумел собрать вокруг себя представителей татарской интеллигенции, довольно четко представлявших характер процессов, происходивших в татарском обществе. Действи-

тельно, многие проблемы, которые обсуждались авторами журнала, были в центре внимания и всей татарской интеллигенции. Так, вопросы создания мусульманских благотворительных обществ, о необходимости которых так много писал «Икътисад», имели не только экономическую, но и политическую подоплеку, поэтому можно было встретить разные точки зрения, иногда и противоположные.

На первый взгляд, в татарском обществе не должно было быть идеологических разногласий по поводу благотворительных обществ, поскольку, как совершенно справедливо отмечает Р.Р.Салихов, «со времен падения Казанского ханства, в условиях, когда российская государственная казна совершенно игнорировала интересы иногородческого населения края, благотворительность являлась для татар единственным источником финансирования их социальных, духовных и просветительских нужд» [Салихов, 1998, с.87].

Но постепенно, к концу XIX в., идея концентрации национального благотворительного капитала под эгидой благотворительных обществ, приобретает и иное воплощение. Формирующаяся национальная буржуазия эти организации использовала наряду с их основным назначением для создания культурно-просветительских заведений, новометодных медресе, способных формировать для нее идеологическую опору. Неслучайно, казанский губернатор в 1912 г. обратил внимание, что попечители махалли являются «зачастую инициаторами реформы конфессиональной школы на новометодных началах» [НА РТ, ф.2, оп.2, д.8961, л.52.] (подробнее см.: [Салихов, 1998, с.134–149]). Консервативно настроенную часть татарского общества такие изменения в деятельности благотворительных обществ, конечно, не устраивали. Их точку зрения довольно четко сформулировал журнал «Дин ва магишат»: «Реформаторы открыли... разные общества под названием «мусульманские общества благотворительности...» Они тратят деньги на открытие мектебов для того, чтобы учить народ грамоте, арифметике... Общества отдают предпочтение тем мектебам, где обучение идет по звуковому методу, но они в то же время категорически не дают денег старым

мектебам и таким образом стараются уничтожить эти последние... Если теперь спросят у детей, какие главные основы ислама, то они отвечают, что не знают, так как этому их не учили... А в конце-концов разбивают в пух и прах слова «благотворительность» и «мусульманское» и остается для них только одно слово «общество» [Мир ислама, 1913. Т. 2, вып. 9, с.626].

Также бурно обсуждалась проблема бедности, которая подробно освещалась на страницах журнала «Икътисад». Правда, в данном случае больше споров вызвал не социальный аспект, а его богословская трактовка. З.Камали, например, в своей книге «Религиозные устройства» условием правоты мусульманина считал его материальное благополучие (подробнее см.: [Камалов, 1994, с.40–49]).

Знаменитый, но признанный не всеми мусульманскими правоведами хадис о том, что бедность является хвалой для человека, он объяснял как потребность в милосердии Аллаха. М.Бигиев считал, что «бедность в особом значении не является неверием (куфр)» [Шура, 1914. №4, с.108]. Тем не менее, усмотреть социально-политическую подоплёку таких подходов несложно.

Проблемы экономического развития татарского общества, вполне естественно, были в центре внимания у представителей зарождающейся национальной буржуазии. Те явления, которые препятствовали нормальному функционированию общества, им были восприняты негативно и они искали пути их искоренения. В этой связи небезынтересным является отношение ряда представителей татарской буржуазии к древнему празднику Джиен. В 1887 г. гласные Казанского уездного земского собрания известные татарские купцы А.Я. Сайдашев и М.И.Галеев на очередную сессию внесли предложение о ходатайстве перед министром внутренних дел «относительно искоренения мусульманского празднования «джиина», оказавшего весьма вредное влияние на экономическое положение магометанского населения и строго воскрешаемого законом шариата» [НА РТ, ф.1, оп.3, д.7233, л.1]. Уездное собрание, в котором из числа всех 52 гласных участвовали 16 представителей мусульманского населения уезда, действительно, постановило «возбудить

ходатайство об уничтожении, путем правительственных мер, мусульманского обычая «джиина» [НА РТ, ф.1, оп.3, д.7233, л.1]. Указывая «громадный вред этого народного мусульманского обычая», Сайдашев и Галеев обратили внимание, что «крестьяне, проживающие в городе, преимущественно самые бедные из мастеровых и поденщиков, во что бы то ни стало стараются заработать или, если нет заработка, заложить что-либо, с целью присоединиться к общему гулянию. Деревенские же крестьяне точно так же готовятся к приему ожидаемых гостей. Но так как «джиин» совпадает с самым безденежным временем у крестьян, ... то крестьяне продают или овец, или телят, или последнюю корову и лошадь, если нет скота, то даже одежду. При недостатке того и другого продается земля, хлеб на корню, трава, запасы дрова, даже последние земледельческие орудия» [НА РТ, ф.1, оп.3, д.7233, л.2]. Во время праздника крестьяне, как взрослые, так и дети, толпами собираются на поля, составляется нечто вроде ярмарки, время проводится в разнообразных увеселениях... Особенно вредно празднование «джиина» отзывается на молодом поколении, которое отвыкая от работы, пристращается к праздности и лени» [НА РТ, ф.1, оп.3, д.7233, л.3]. Социальные аспекты функционирования общества также интересовали татарских мыслителей. Так, известный татарский юрист Ш.Мухаммедьяров, подчеркивая значимость деления общества на классы, обратил внимание на то, что «как показывает история любого народа, он делится на три-четыре класса» [Мөхөммөдьяров, 1914, б.7]. Но одновременно татарские мыслители подчеркивали их специфику в условиях татарского общества. В воззвании к мусульманам, принятом на заседании исполкома Всероссийского мусульманского Совета в июне 1917 года, отмечается, что «общественная дифференциация, а следовательно, и классовая борьба как результат ее не играет еще в многомиллионном мусульманском мире той роли, какую она играет среди европейских народов. Вот почему Всероссийский мусульманский съезд, состоявший из 900 делегатов, представителей всех слоев мусульманского населения различных окраин и народностей, не распался на составные части ни в классо-

вом, ни в ином отношении, а сохранил единство» [Фахрутдинов, сост., 1992, с.80]. Первый Всероссийский мусульманский съезд (1–11 мая 1917 г.) обратил внимание на то, что у мусульманских народов «ничтожное количество представителей капитала и представителей крупного землевладения; наш пролетариат только стал образовываться. Классовая дифференциация в мусульманской среде слаба. В этом наш плюс и в этом наш минус. Классовая дифференциация ведет к интенсивной политической жизни и в этом ее плюс, но она ослабляет общий напор нации – в этом ее минус. Ослабим же минус и усилим плюс» « [Фахрутдинов, сост., 1992, с.63]. Г.Газиз утверждает, что «наш век является эпохой национальных отношений и классовой борьбы» [Газиз, 1913, б.22]. Дж.Валиди же считает, что «сегодня практически во всех государствах политика строится на национальных принципах. Политика и национальное теснейшим образом связаны между собой» [Валиди, 1912, б.23]. Правда, в понимании этого вопроса среди мыслителей единства взглядов не наблюдалось. Ф.Карими, например, был уверен в том, что «народы делятся на разные классы, и они имеют разные экономические интересы. Но среди людей одной нации или одной веры идейная близость и духовное родство настолько сильны, что все материальные интересы, которые имеются в мире, не способны их преодолеть. Правда, классовый интерес вполне естественен. Российским мусульманам пока нельзя игнорировать это единство и ориентироваться только на классовые интересы. По мере формирования самостоятельных наций и окончательного их становления настанет время определения своего отношения к классовым интересам. Но пока этого делать нельзя» [Кәримі, 1906]. Тем самым Ф.Карими, как и многие представители татарской интеллигенции, признает приоритет национальных интересов. С этой точки зрения он критикует Г.Исхаки, Ф.Туктарова, Ш.Мухамедьярова за то, что они, подражая русским социалистам, призывают крестьян и рабочих к классовой борьбе, а не довольствуются распространением знаний и передовых идей Западной Европы в области организации экономики, использования научных достижений сообразно духу ислама. Ю.Акчура в этом вопросе подчеркивает

несколько иной аспект. Он считает, что «в каждом обществе есть социальная потребность в противостоянии классов. Они не могут находиться в состоянии социального равновесия» [Акчура, 1911, б.48], поэтому, по мнению Ю.Акчуры, «над Россией витает дух революционных выступлений, которые закономерно приводят к революциям» [Акчура, 1911, б.48].

Как уже отмечалось, в начале XX века на общественную арену вышли новые силы, произошли качественные изменения в общественном сознании. На базе просветительства, религиозного реформаторства, джадидизма и других либеральных течений формировались основные направления общественной мысли. Это был период осознания новыми социальными силами национальных идей, политизации религиозной и радикализации политической мысли.

Начало XX в. в татарской общественной мысли открыло целое направление политического радикализма, который выступал в различных проявлениях: от революционного демократизма и позднего народничества (эсеров) до марксизма (большевиков и меньшевиков). Хотя эти направления в научной литературе и рассмотрены довольно обстоятельно (правда, в основном, со значительными идеологическими перекосами в пользу большевизма) (см., например: [Нафигов, 1964; Фасеев, 1971 и др.]), необходимо обратить внимание на некоторые принципиальные методологические моменты. Во-первых, нужно иметь в виду, что они представляли собой преимущественно движение интеллигенции. Во-вторых, несмотря на кажущуюся цельность восприятия социального идеала, они имели довольно расплывчатую идейно-философскую ориентацию, абсолютизировали необходимость обоснования и пропаганды революционных идеалов. Поэтому с полным основанием можно говорить о мировоззренческом синкретизме и констатировать, что в философском отношении эти направления так и не поднялись выше просветительской идеологии XVIII–XIX вв. На это обращают внимание и исследователи, утверждающие о том, что «теоретической базой в историческом развитии революционно-демократической идеологии вообще и татарской в частности явилась рационалистическая философия

и гуманистическая культура Просвещения» [Абдуллин, 1991, с.125]. Поэтому политический радикализм в татарской общественной мысли, не имея собственной философской опоры, довольно свободно эволюционизировал то вправо, то влево. Это мы видим на примере татарских эсеров – «тангистов», Г.Ибрагимова и многих других мыслителей начала XX в. Что касается судеб марксизма в татарском обществе, то можно сказать, что политизированное сознание немногочисленных татарских марксистов не несло в себе никакого заряда самобытного философского творчества и лишь пользовалось готовыми философскими системами, безуспешно пытаясь поставить их на службу идеологии. Как считает А.А.Рорлих, татарские большевики и их соратники, «несмотря на свою непрерывную пропаганду», не имели большого успеха. Да и царское правительство не видело в них большой политической угрозы для России. Как считает инспектор народных училищ Я. Коблов, «если же магометане и примыкают к левым партиям, опять тех же своих националистических вождедений. Отдельные убежденные из магометан социал-демократы или эсеры теряются в общей массе и не имеют значения, так что и новометодистов-мугаллимов с этой стороны опасаться нет оснований» [НА РТ, ф.92, оп.2, д.8777, л.62].

Конечно, это еще не означает, что татарская общественная мысль начала XX в. не разделяла новые идеи, получившие большое распространение в этот период, в том числе и идеи социализма. В связи с этим большой интерес представляют высказывания Заки Валиди, относящиеся к 1910-м годам, которые во многом характерны для одной из тенденций в татарской общественной мысли начала XX в.: «Мне по душе были мысли о необходимости критического изучения исторических событий нашего века, о вреде теократизма, о важности национального принципа в истории... иной подход к жизни и сегодняшним научным исследованиям безнадежно устарел... Познакомившись с работами социал-демократа Плеханова («О материалистическом понимании истории» и «К вопросу о роли личности в истории»), я увидел, что исключительно полезно изучение истории с точки зрения экономики... Прочтя

Плеханова, я загорелся идеей социализма, к которой и прежде был склонен!... Но, тем не менее, я полностью разделял... точку зрения, что материализм есть метод исследования истории и идеология, присущая странам Запада с развитой промышленностью, а потому на Востоке применять материалистический метод очень трудно» [Тоған, 1997, с.65]. Возможно, поэтому идеи социализма татарской национальной интеллигенцией воспринимались, в первую очередь, не как сугубо классовая идеология пролетариата, а как часть идейного комплекса национального движения, поэтому основные представления о социализме были основаны на постулате об органической связи социальных принципов с национальными ценностями. Дж.Валиди по этому поводу отмечает, что «социализм, укрепивший в последнее время свои позиции в Европе, не имеет непосредственного отношения к национальному. Его основной целью является разрушение основ капитализма, эксплуатации и ликвидация классов этим же путем. Тем не менее, он создает новые условия для развития национального языка, национальной школы, открывает новые возможности для прогресса в национальной сфере» [Валиди, 1914, б.45]. Признание социализма «национального» типа предполагало соединение политических, социальных, национальных и религиозных аспектов. Исламу в осмыслении нового общественного идеала отводилась особая роль, поскольку, по мнению многих татарских мыслителей, его принципы изначально соответствовали социалистическим идеалам. Ф.Карими по этому поводу отмечает, что «в Европе богатство изо дня в день попадает в одни и те же руки, число бедных растет», тем самым расширяется социально-экономическая база для распространения социализма. «Но для мусульман, если они осмысленно соблюдают основы своей религии, нет опасности в том, что социализм реально проникает в их среду. Потому что такие основополагающие принципы ислама, как равенство, справедливость, милосердие являются основными принципами социализма и демократизма» [Кәрим, 1906]. Одновременно Ф.Карими предостерегает и от слепого подражания русским социалистам [Кәрим, 1906]. Эта точка зрения была до-

вольно распространенной среди татарской интеллигенции, даже такие представители радикального крыла общественной мысли как Г.Тукай, Ф.Амирхан связывали свои представления о социализме с религией. По этому поводу Г.Тукай писал: «Пока не рухнет капиталистическая система, не установится социалистический строй и капитал не перестанет быть завесой истины, я не вижу никакого смысла в том, чтобы считаться мусульманином. Я хочу сказать, что тот, кто в душе доволен этой действительностью, тот и не правверный, и не мусульманин, и не человек» [Тукай, 1961, с.37–38]. В этот период наметилась и определенная трансформация социально-ценностных критериев и психологии татар, особенно молодежи. В их среде было заметно ослабление внутрисемейных и родственных контактов. Житейские дела и события политического и национального значения привлекали уже больше внимания, чем традиционно-религиозный церемониал. Главный упор делался на учебе и работе. Молодежь пыталась выстроить планы на будущее, исходя из собственных устремлений, а не из первоочередного учета мнения родственников и т.д. Появление таких элементов подобной рационализации мировосприятия и психологического настроения, безусловно, стало результатом кардинальных изменений в общественной жизни.

§ 3. Движение возвращения крещеных татар в ислам в начале XX в.

Правовые основы перехода из православия в ислам. Императорский указ «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. ознаменовал собой новую эпоху межконфессиональных отношений в России. Впервые в истории Российской империи было публично объявлено о предоставлении каждому российскому подданному свободы вероисповедания [О веротерпимости, 1905, с.7]. Разрешался переход из православия в ислам лиц, номинальных христиан, лишь числящихся православными, в действительности исповедывающих ислам, к которому до присоединения к православию принадлежали сами они или их предки (ст. 3). Это положение указом Сената от 2 июня 1906 г.

Как видим, социально-экономические изменения в начале XX в., особенно революция 1905–1907 гг., ускорили развитие политического сознания татар, способствовали зарождению и укреплению в них национального самосознания и приверженности демократическим принципам. Ориентация татарской общественной мысли более, чем когда-либо определяется соотношением и взаимодействием национальных и интернациональных факторов на основе унаследованного от прошлого своеобразного комплекса идей и поведенческих установок. Татарская общественная мысль вырабатывает свое отношение к национальному культурному наследию и традициям, а также к инонациональным ценностям. Для нее характерно соединение разноречивых и противоречивых идей, отражающих движение по пути обновления общества, которое, в свою очередь, ускоряло процесс секуляризации общественной мысли. В общественном сознании можно констатировать ослабление влияния религии. Но при этом нужно иметь в виду, что общественное сознание всегда в немалой степени зависит от унаследованных от прежних эпох представлений, культурных ценностей, традиций. Общество использует идейный материал прошлого как основу при осмысливании жизненной обстановки, привлекая его в поддержку своих идейных позиций.

Ильдус Загидуллин

за №5982 было распространено и на лиц, желающих вернуться в нехристианство из инославных исповеданий, а МВД – на лиц, желающих перейти из христианства в язычество [Справка о свободе совести, 1906, с.5]. Как видно, коренные народы Среднего Поволжья получили возможность возвращения в веру своих предков-язычников с опозданием более чем на год.

Согласно циркуляру МВД от 18 августа 1905 г., желающие перейти из православия в другое вероисповедание обращались с заявлением к губернатору который удостоверялся в принадлежности заявителя и его предков к исламу. В случае затруднительности установить в точности данное

обстоятельство, администрация обязана была ограничиться проверкой, действительно ли заявитель до издания указа от 17 апреля 1905 г. уклонялся от исполнения обрядов православной веры (не бывал на исповеди и т.д.). После выяснения этого момента губернатор сообщал епархиальному начальству для зависящих распоряжений об исключении заявителя из православных метрических книг [РГИА, ф.821, оп.8, д.797, л.5].

22 марта 1906 г. МВД известило местные власти о том, что согласно 4 п. циркуляра от 18 августа 1905 г. решение вопроса об исключении из православной веры всецело зависит от губернатора, не дожидаясь отзыва духовной власти [Кобзев, 2007, с.210–211].

Особенности движения перехода в ислам в Казанской губернии. Существование в Казанской губернии институтов епархиального противомусульманского и противоязыческого (инородческого) миссионера, окружных миссионеров и «Братства св. Гурия» внесли некоторое своеобразие в порядок рассмотрения в местной духовной консистории вопросов исключения ходатайствующих из церковных документов. Систематическое рассмотрение прошений началось в конце 1905 г. Прошения консисторией направлялись епархиальному миссионеру, который сам выезжал в эти селения, привлекал для увещевания окружных миссионеров, местный причт, и лишь по итогам миссионерского увещевания «отпавших» Я.Д.Коблов представлял свое заключение для принятия окончательного решения. В 1907 г. Я.Д.Коблов перешел на службу в учебное ведомство. Поэтому составление заключений перешло в компетенцию Совета «Братства св. Гурия», который заседал с большими перерывами, что затягивало рассмотрение и принятие окончательного решения.

Свое недовольство затягиванием судьбоносного вопроса «новые мусульмане» доводили до сведения ОМДС. Оренбургский муфтий М.Султанов 11 ноября 1905 г. обратился к казанскому и симбирскому губернаторам с просьбой о скорейшем рассмотрении находящихся в губернском правлении прошений, «поступающих от православных и язычников». По его мнению, в «настоящее

тревожное время» нерасторопность власти «особенно раздражающим образом» действует на мусульманское население, что нежелательно и может «способствовать возникновению смуты и беспорядков» [НА РТ, ф.4, оп.1, д.120758, л.21; Исааков, 2008, с.184].

Синод, со своей стороны, своим определением от 30 января 1906 г. предписал архиереям предпринять меры к укреплению православия в «инородческих епархиях» Восточной России и «улучшению постановки вообще миссионерского дела» [НА РТ, ф.4, оп.1, д.122760, л.48 об.].

После обнародования указа от 17 апреля 1905 г. «отпавшие» сразу не поверили в истинность намерений правительства. Лишь увидев, что их не подвергают преследованию ни духовные власти, ни полиция, они начали публичное исполнение обрядов ислама, легализовать тайно существовавшие школы и открывать новые мектебе [НА РТ, ф.4 оп.1, д.122760, л.37 об.].

Первая и главная волна ходатайствующих в 1905–1906 гг. была представлена детьми и внуками «отпавших» в XIX в. Юридическая сторона вопроса для них сводилась лишь к официальному исключению их из церковных документов, в которых они уже не значились, и официальному приобретению прав мусульман.

Противомусульманский миссионер С.А.Багин выделял в 1910 г. вторую группу «отпавших» – жителей селений, в которых отсутствовали мусульмане, которые начали ходатайствовать о переходе в ислам в конце XIX в. К 1908 г. в Мамадышском уезде зарегистрировались «новыми мусульманами» жители сел Большие Савруши (266 чел.), Старая Икшурма (379 чел.), Яныль (145 чел.) и деревень Три Сосны (246 чел.), Верхние Отары (526 чел.), Живут-себе-Усадом (73 чел.) и Сатлыган Ключь (85 чел.), в Казанском уезде – жители сел Апазово (599 чел.) и Крещеный Янасал (24 чел.). В пяти из названных селений действовали церкви, проживал православный причт и, естественно, имелась миссионерская школа, что вносило напряженность во взаимоотношения между духовенством и остальными односельчанами, оставшимися в православии, с одной стороны, и «отпавшими», с другой стороны [Багин, 1910, с.10–11].

Третья малочисленная группа ходатайствующих была представлена лицами, которые имели определенные симпатии к исламу, тайно исполняли мусульманские обряды, но вынуждены были поддерживать контакты с православным причтом и до определенного времени номинально исполняли церковные ритуалы. В новых общественных условиях они подавали ходатайства о переходе в ислам.

Таблица 1.3

**Отпадение в мусульманство по губерниям
Волго-Уральского региона
с 17 апреля 1905 по 1 января 1910 гг.**

Губернии	Численность отпавших (обоего пола)
Казанская	38999
Уфимская	4505
Симбирская	4360
Пензенская	866
Оренбургская	539
Вятская	427
Самарская	71
Саратовская	38
Тамбовская	23
Астраханская	6
Рязанская	4
Нижегородская	1
ИТОГО:	49839

Источник: [Исхаков, 1993, с.97, табл. № 29]

Официальная статистика отражает общую численность лиц, перешедших в ислам и год регистрации их мусульманами и приписку к ближайшей махалле. К 1910 г. в губерниях Поволжья и Приуралья в ислам перешло около 50 тыс. человек: «новокрещенные» татары, составлявшие большинство среди «новых мусульман», локальные группы «старокрещенных» татар, а также язычников и христиан из числа чувашей, удмуртов и марийцев. «Отпавшие» в 1905–1909 гг. составили около 40–45% всех крещеных татар [Исхаков, 1993, с.97].

Миссионерская деятельность мусульман. Татары-мусульмане оказывали моральную и материальную поддержку возвратившимся в ислам своим соплеменникам.

Анализируя конфессиональную ситуацию в «старокрещенных» селениях Сатлыган Ключь, Старая Икшурма, Елышево, Савруши епархиальный миссионер Я. Коблов еще в сентябре 1902 г. писал: «причины отпадения крещеных татар в мусульманство кроются в стремлении всех татар в объединению» [НА РТ, ф.4, оп.134, д.4, л.4 об.]. Жители указанных селений заявляли ему буквально следующее: «Если мы останемся христианами, не будем носить тюбетеек, татары не дадут нам работать, а иного, кроме шитья ремесла мы не знаем. Язык у нас и племя с татарами одно – видно бог велит нам туда склоняться» [НА РТ, ф.4, оп.134, д.4, л.4 об.].

Мусульмане распространяли литографические листы, в которых утверждалось, что «каждый должен исповедовать веру своих предков», и готовые отпечатанные листы прошения об отчислении из православия в ислам [НА РТ, ф.4, оп.1, д.122760, л.48 об.]. К прошению прилагалась форма для записи списка лиц (членов семей), переходящих в ислам и причисляющихся к конкретной махалле и мулле [НА РТ, ф.4, оп.138, д.12, л.150, 157 и др.].

В 1906 г. в Казани, в типографии братьев Каримовых, была издана брошюрка «Ислам дине» («Религия ислам») на татарском языке в русской транскрипции, разработанной Н.Ильминским, где было напечатано воззвание к братьям, «силою выведенным из ислама». В ней разъяснялось, как поступать при возвращении в ислам, давались краткие сведения об исламском вероучении и основных обязанностях мусульман. Привлекают внимание советы по устройству религиозно-обрядовой жизни в малочисленных обществах, составлявших большинство среди «новых мусульман». В частности, до постройки мечети и регистрации махалли рекомендовалось приглашать в селение шакирда, и, научившись у него молитвам, собираться на молитвенные собрания. Мужчины, изучив свои религиозные обязанности, должны были учить своих жен. Избрав шакирда общественной муллой и женив его на умеющей обучать девушке, рекомендовалось доверить ей обучение девочек чтению и письму [Багин, 1909, с.11–14]. Таким образом, благодаря данному наставлению

«новые мусульмане» были осведомлены о путях организации религиозно-обрядовой жизни в малочисленных общинах.

Помимо вероисповедального аспекта вопроса, выделялся и ряд факторов социально-экономического характера, также оказывавший существенное влияние на их решения. Ключевым являлись отхожие промыслы в Уфимскую, Оренбургскую и другие губернии для шитья одежды, их проживание с осени и до весны в татарских и башкирских селениях, жители которых стремились заказывать одежду портным, исполняющим исламские обряды. Следовательно, успешность заработка в значительной степени обуславливалась вероисповеданием портного. Другим важным фактором назывались возможность развода и женитьба на другой, что для православных, практически, было невозможно. Далее – возможность получения в любое время кредита от богатых односельчан или татар соседних селений и поддержание с ними хлебосольтва, что считалось важным для «отступников» [НА РТ, ф.4, оп.138, д.12, л.40–40 об.]. Причинами «отпадения» священники указывали также: «общую с татарами-магометанами народность, разговорный язык и мировоззрение»; пропаганду татарских мулл и вообще мусульман, близкое расселение их селений и др. [НА РТ, ф.4, оп.1, д.122760, л.48 об.].

Приват-доцент Московского археологического института С.К.Кузнецов, посетивший в 1911–1912 гг. по поручению МВД Вятскую, Казанскую, Пермскую и Уфимскую губернии с целью изучения религиозных и бытовых условий жизни местных народов, находящихся под влиянием татар-мусульман, отмечал: «каждый мусульманин старается чем-нибудь проявить свое расположение и любовь к прозелитам; они получают подарки и наперерыв приглашаются в гости богатыми татарами, причем бывают примеры, что угощение тянется неделями. Если новообращенный вообще нуждается, мусульмане приходят ему на помощь скотом, домашней птицей, хлебом и даже деньгами. Многие из татар стараются оказать такую помощь тайно, а потом сами отказываются признать ту или иную вещь своею, когда она им предъявляется. Это так называемая

«тайная милостыня», которой мусульмане придают большое значение. Вместе с тем татары зорко следят за тем, чтобы новообращенный твердо соблюдал магометанские обряды и даже внешним своим видом не напоминал о своем происхождении из другого племени» [РГИА, ф.821, оп.133, д.576, л.235–235 об.].

Как правило, в случае решения главы семьи, переходили в ислам и остальные члены семьи, хотя в ряде случаев их жены, по утверждению священников, хотели оставаться в прежней конфессии. Такое их поведение объяснялось боязнью быть брошенными мужьями, риском остаться с малолетними детьми без куска хлеба [НА РТ, ф.4, оп.138, д.12, л.40 об.]. Нередко в ислам переходили родители, родные братья и сестры, племянники учителей братских школ, священников [НА РТ, ф.4, оп.1, д.121818, л.5 об.].

Возникновение отдельных конфликтов между членами одной семьи или жителями одного селения миссионеры отмечали в населенных пунктах: Верхние Отары, Савруши, Елышево, Сатлыган Ключь, Три Сосны, Старая Икшурма, Жувут-себе-Усадом, Яныль, Важешур и Биер Мамадышского у.; Апазово и Крешеный Янасал Казанского у.; Киязлы, Чувашская Майна, Ново-Чувашский Адам, Шама и Салтакаево Чистопольского у. и др. [Багин, 1910, с.27].

Этнический состав «новых мусульман». Большинство участников движения «отпадения» являлись «новокрещеными» татарами, предки которых крестились по разным причинам и мотивам, главным образом, во второй трети XVIII в. или последующие десятилетия. Основная часть «старокрещеных» татар, принявших христианство в допетровскую эпоху, благодаря успехам миссионерской системы Ильминского, сохранила свою конфессиональную идентичность.

В этническом плане среди «новых мусульман» выделяются локальные группы отатарившихся чуваш и представителей финно-угорских народов. Еще во времена Казанского ханства в Среднем Поволжье татарский язык служил языком межнационального общения для коренных народов края. В XIX – начале XX вв. эта традиция

в значительной мере сохранялась. Исламизация происходила на всем протяжении XIX в. Переход в ислам они сами называли «уходом в татары» [Багин, 1909, с.21]. Среди них выделяются две группы: язычники и номинальные христиане. Интенсивной исламизации подверглись жители чувашских селений Кукшим, Белая Волошка, Утево-Биково, Сугуты Тетюшского у., Татарский Сунчелей, Салдакаево Чистопольского у. Казанской губ., Старое и Новое Суркино, Казябаш, Новой Серезкино, Алексеевки, Абдикеево, Рысайкино, Старое Ганькино, Николькино, Булантамака, Сумели Степанково, Нижний Нурлат, Вороний Куст, Иглайкино, Сабакеево, Калмаюр Самарской губ. [ГАСО, ф.32, оп.1, д.3243, д.3257; оп.3, д.36; Самарские епархиальные ведомости, 1906. №17, с.790–798]. «Отпадали» в ислам чуваша деревень: Теневой (здесь была построена мечеть), Полевой Байбахиной, Водоял (Уты) Цивильского у. Казанской губ. [Коблов, 1910, с.370], Старой Афонькино, Артемьевки (Булантамак) Самарской губ., бесермены селений: Юкамень, Досасе, Иманаево, Кашур Глазовского у. Вятской губ. [ГАКО, ф.237, оп.222, д.463, л.92–92 об.]. С 1905 по 1913 гг. ислам приняли удмурты селений Новый Кумор, Малый Юмь, Иштуганов, Сутер, Вежешур, Нижняя Русь, Лья Пойкино (573 человека) Казанской губ. [НА РТ, ф.2, оп.2, д.3960, л.25, 36]. В первое десятилетие XX в. официально мусульманами стали 702 чувашей в Уфимской губ., 574 – в Самарской губ., 305 – Пензенской губ., 187 – Саратовской губ. [Ягафова, 2009, с.55]. В 1911 г. в Симбирской губернии численность чуваш-мусульман, расселенных в 16 деревнях, достигла 600–880 человек [Кобзев, 2007, с.278–281].

Переход в ислам русских был весьма редким явлением [РГИА, ф.821, оп.8, д. 801, л.165].

Организация религиозно-обрядовой жизни. Благодаря предусмотрительности ОМДС и его циркуляра от 12 сентября 1905 г. за №5017 в заявлении о переходе в ислам «отпавшие» указывали конкретную махаллю, фамилию имама той мечети и прилагали поименный список членов всех семей с указанием их возраста. По сути, с момента официального перехода практи-

чески все «новые мусульмане» оказывались в религиозно-административном плане членами действующей махалли. Следует выделить несколько моделей устройства ими религиозно-обрядовой жизни.

1) *Приписка к мечети родного селения.* В случае существования нескольких исламских культовых зданий, они становились прихожанами мечети, которая была наиболее удобной для посещения. Принимались во внимание и личные качества имама и сложившиеся ранее с ним взаимоотношения. В обществах, в которых численность махалли увеличилась за счет односельчан, через некоторое время начиналась «волна» строительства новой мечети с образованием новой махалли. Для них важнейшими факторами являлись соблюдение норматива в 200 наличных душ мужского пола для действующего и вновь учреждаемого приходов и наличие средств для строительства нового культового здания.

2) *Приписка к мечети соседней деревни,* в случаях, когда мечеть отсутствовала в родном селении. Власти не вмешивались в эту проблему, не обращали внимания на расстояние до избранной ими мечети, поэтому просители вполне самостоятельно делали свой выбор, хотя порой это был вынужденный шаг. Расположение мечети в соседнем селении означало необходимость поездки туда на пятничное полуденное богослужение, привоза каждый раз муллы для наречения имени новорожденному, совершения бракосочетания, похорон и исполнения других треб, лишние хлопоты по организации обучения детей. В селениях с моноконфессиональным составом жителей главным препятствием в устройстве новых мусульманских приходов являлась малочисленность религиозной общины – несоответствие требованию норматива (200 наличных душ мужского пола). В частности, в виде исключения, на основе «высочайшего» дозволения от 18 апреля 1907 г., получили право на строительство мечети возвратившиеся в ислам крещеные татары деревни Янгильдино Свяжского у. (160 душ мужского пола) [РГИА, ф.821, оп.8, д.703, л.23]. В том же 1907 г. жители селений Баймурзино, Старые Курбаши и Полевая Бува (всего 154 души мужского

пола) Тетюшского у. также получили «высочайшее» разрешение на возведение мечети в первой из деревень [РГИА, ф.821, оп.8, д.703, л.30–31]. В этой сфере для ряда сельских обществ позитивную роль сыграл указ Николая II от 18 февраля 1908 г., дозволивший министру внутренних дел индивидуально разрешать строительство мечети с организацией махалли в малочисленных (менее 200 наличных душ мужского пола) сельских обществах.

3) *Учреждение самостоятельной махаллы с постройкой мечети.* Здесь следует выделить две группы поселений.

К моменту объявления указа от 17 апреля 1905 г. в ряде сельских общин уже действовали молитвенные дома, имелись общественные муллы [Багин, 1909, с.12]. Вслед за исключением из православных списков, их жители составляли общественный приговор об учреждении автономной махаллы, постройке мечети и выборе духовных лиц. Таким путем сельские общества деревень Ельшево, Азяк, Кобяк-Кози наладили религиозный уклад в рамках традиционной религиозной организации.

Иная ситуация складывалась во второй группе селений – в поликонфессиональных населенных пунктах, в которых «новые мусульмане» проживали с христианами и (или) язычниками. Духовная консистория брала христиан под свою защиту, объявляя об опасности соблазна от постройки новой мечети. В новых общественно-политических условиях лишь начальники Симбирской, Вятской и Пермской губерний перестали обращаться в местную духовную консисторию по данному вопросу, поручив предоставление требуемых сведений «о соблазне» чинам полиции. В остальных губерниях продолжала действовать прежняя модель государственно-церковных отношений [Загидуллин, 2007, с.128–129].

Кажется, легче было возвести мечеть в селении, в котором татары проживали совместно с русскими. Так, в 1907 г. со второй попытки в изъятии из общих правил правительство удовлетворило ходатайство доверенного общества деревни Благодарной Сиделькинской волости Чистопольского уезда о разрешении построить мечеть для 102 душ мужского пола мусульман,

проживающих совместно с православными (198 душ мужского пола) [РГИА, ф.821, оп.8, д.703, л.36–36 об.].

В Казанской губ. единственный случай постройки мечети в селении, где существовала церковь, произошел с «высочайшего» разрешения от 4 декабря 1907 г. в селе Крещеные Янасалы Казанского у., где отпавшие были ранее приписаны (112 домохозяев) к махалле деревни Каинсар, расположенной в 4 верстах [РГИА, ф.821, оп. 8, д.703, л.58].

В последующие годы отношение власти к религиозным проблемам «новых мусульман» ужесточилось. Под предлогом «опасности соблазна» были отвергнуты ходатайства возвратившихся в ислам в селе Старая Икшурма (162 души мужского пола), проживавших совместно с христианами (1908, 1909 гг.), в деревне Сатлыган Ключь (100 душ мужского пола), пожелавших учредить махаллу совместно с жителями деревни Нижние Шитцы (104 души мужского пола), потому что в последнем селении в православии оставались 29 душ мужского пола и 27 душ женского пола, «колеблющихся в склонных к перемене» вероисповедания крещеных татар, деревни Тохтамышево (1908 г.), деревни Сосновый Мыс Мамашского у. (1909 г.) [РГИА, ф.821, оп.8, д.704, л.27–27 об., 109–109 об., 144–145, 156] и др.

В таких селениях обучение детей производилось грамотными мусульманином или мусульманкой соседнего селения, и занятия велись в домах жителей.

Выводы. Таким образом, основную часть возвратившихся в ислам составляли «новокрещеные», родители которых порвали с церковью в XIX в. и большинство которых проживало совместно с мусульманами. Поэтому для них данный акт означал юридическое получение прав мусульман, членов махаллей. Основная часть «новых мусульман» сумела за весьма короткое время наладить религиозно-обрядовую жизнь по исламским канонам. Когда в селении отсутствовали православные жители, им намного быстрее удавалось зарегистрировать автономную махаллу.

Они были восприняты татарами-мусульманами как братья по вере, как члены

неотъемлемой части татарского сообщества и получали моральную и определенную материальную поддержку. В начале XX в. официальная смена вероисповедания, помимо религиозного аспекта, приобрела четко выраженное этническое содержание и ассоциировалась с записью «в татары». Движение официального перехода в ислам стало частью социокультурных процессов в рамках формирования единой татарской нации.

В начале XX в. произошла этноконфессиональная идентификация «старокрещеных» татар, в Казанской губернии в более десяти селениях наблюдался переход в ислам. Наличие в этих населенных пунктах церквей и (или) миссионерских школ, сохранение частью или большинством жителей православного вероисповедания создавали серьезные трудности в организации «новыми мусульманами» традиционного религиозного уклада.

ГЛАВА 4

Просвещение и культура Казанской губернии и татар России

§ 1. Казанская губерния как образовательный, культурный и научный регион Российской империи

Людмила Бушуева

Казанская губерния начала XX в. представляла собой крупнейший регион Российской империи. Расположение между Востоком и Западом имперского пространства, сложный национальный состав обусловили своеобразие культурной жизни края. Первые десятилетия XX в. для Казанской губернии стали важным этапом развития просвещения, науки и культуры. Процессы и изменения в этих областях были тесно связаны с общественными переменами в стране, вызванными революцией 1905–1907 гг.

Первые десятилетия XX в. стали динамичным периодом в истории развития образования в крае. Казань являлась центром огромного учебного округа, включавшего Казанскую, Самарскую, Саратовскую, Астраханскую, Вятскую губернии. Центром учебного округа являлся Казанский университет – старейшее высшее учебное заведение страны, признанный крупный научно-педагогический центр. Он долгое время был единственной высшей школой для всей восточной части Российской империи и научным центром, координирующим изучение данного региона. В связи с этим Казанский университет оказывал огромное влияние на интеллектуальную и повседневную жизнь жителей губернии. В начале XX в. в его стенах продолжали успешно развиваться научные школы, созданные еще в XIX в. Общественные перемены в стране, изменения в структуре управления университетами, либерализация университетской жизни, приток новых молодых кадров способствовали появлению и развитию в Казанском университете новых научных направлений [Ермолаев, ред., 2004, с.226–253; Корбут, 1930].

Начало XX в. являлось временем расцвета гуманитарных наук в Казанском университете. В данный период здесь преподавали такие известные историки, как Д.А.Корсаков – автор трудов по истории России XVIII века, Н.П.Загоскин – исследователь истории русского права, автор работы по истории Казанского университета, Н.Н.Фирсов, М.М.Хвостов, В.К.Пискорский. В Казани работал Н.М.Петровский – исследователь истории и культуры южных славян. Под непосредственным влиянием Н.М.Петровского сделал первые шаги в науке А.М.Селищев, впоследствии известный советский славист [Ермолаев, ред., 2004, с.226–228]. Начало XX в. было связано с деятельностью Н.Ф.Катанова – историка, востоковеда, этнографа, языковеда [Иванов, 1973, с.62–63]. Он занимался изучением многих тюркских языков [Катанов, 1899], участвовал в ряде экспедиций в Восточную и Западную Сибирь, Монголию [Сведения о состоянии Казанского университета за 1906 и 1-е полугодие 1907 г. (Извлечение из отчета), 1907, с.51], являлся автором трудов по истории Казани, Казанского ханства. Плодотворной деятельностью Н.Ф.Катанова была и в качестве председателя Общества археологии, истории и этнографии и директора Казанского городского научно-промышленного музея [Годичный отчет, 1909, с.32–34].

Активно развивалась казанская лингвистическая школа, продолжалась деятельность одного из ее самых ярких представителей – профессора В.А.Богородицкого – ученика известного русского языковеда И.А.Бодуэна де Куртенэ. Видным филологом конца XIX – начала XX вв. был Е.Ф.Будде,

вошедший в историю отечественного языкознания как основатель исторической диалектологии русского языка.

В начале XX в. в университете также бурно развивались и другие научные направления. Продолжали активную работу представители казанской химической школы – последователи знаменитого химика А.М.Бутлерова. К этому периоду относится начало профессиональной деятельности известного химика, основателя школы фосфороргаников А.Е.Арбузова – ученика А.М.Зайцева и Ф.М.Флавицкого. Во время Первой мировой войны казанские химики сыграли важную роль в деятельности Казанского военно-промышленного комитета [НА РТ, ф.977, оп. Совет, д.1204, л.116]. Под руководством профессора А.Я. Богородского химическая секция этой организации занималась разработками средств борьбы с удушливыми газами [НА РТ, ф.977, оп. Совет, д.1204, л.118].

Успешную научно-педагогическую деятельность продолжала казанская географическая школа. Одним из видных ее представителей являлся П.И.Кротов, получивший широкое признание как исследователь Востока Европейской России, Урала, Казанской, Вятской, Симбирской губерний [Сведения о состоянии Казанского университета за 1900 и 1-е полугодие 1901 года (Извлечение из отчета), 1901, с.62; Дедков, 2002, с.1–10]. Медицинский факультет Казанского университета являлся одним из мощных медицинских центров России. Здесь проходили подготовку медики огромного региона страны, включавшего Поволжье, Приуралье. На факультете работали многие известные ученые: физиолог Н.А.Миславский, хирург В.И.Разумовский, хирург А.В.Вишневский, невропатологи Л.О.Даркшевич, А.В.Фаворский. На физико-математическом факультете Казанского университета в это время преподавали такие математики и механики, как Ф.М.Суворов, Д.Н.Зейлингер, А.П.Котельников. В Казани продолжал работать Д.А.Гольдгаммер, один из видных физиков конца XIX – начала XX вв. – первый в России исследователь электромагнитной теории света, А.В.Васильев – известный общественный деятель, инициатор издания первого полного собрания сочинений по

геометрии выдающегося математика XIX в. Н.И.Лобачевского.

Заметное место среди российских правоведов занимали ученые юридического факультета Казанского университета. Среди них В.В. Ивановский – один из крупнейших исследователей в области уголовного права, А.А.Пионтковский – автор трудов по вопросам условного осуждения, отмены смертной казни. Авторитетным знатоком гражданского права, одним из активных деятелей Казанского юридического общества был приват-доцент А.В. Завадский. В Казанском университете началась педагогическая и научная деятельность известного исследователя административного права А.И.Елистратова [Ермолаев И.П., ред., 2004, с.249].

Несмотря на то, что Казанский университет являлся русским по языку преподавания и предназначался преимущественно для молодежи православного вероисповедания, в нем получали высшее образование и студенты тюркского происхождения, в том числе татары, башкиры, азербайджанцы, казахи [Михайлова, 2006, с.206]. Активная деятельность на всероссийском рынке, стремление получить представительство в выборных органах и государственных структурах требовали от татарской интеллигенции высокого образовательного уровня. Если в XIX в. молодые люди из татарских семей имели возможность обучаться в высших учебных заведениях только за границей (в Турции, Египте, европейских странах), то в начале XX века стало возможным получать высшее образование в учебных заведениях России. Революция 1905–1907 гг. способствовала некоторому увеличению количества студентов-мусульман. Так, в 1908 г. на различных факультетах Казанского университета обучались 13 студентов-татар. В 1913 г. их число возросло до 27 человек. В 1912 г. Казанский университет с дипломом первой степени окончил А.Б.Терегулов. Выпускник медицинского факультета, ученик известных профессоров-медиков С.С.Зимницкого и А.Н.Казем-Бека, впоследствии А.Б.Терегулов стал первым доктором медицинских наук, профессором из татар.

После революции 1905–1907 гг. Казанский университет способствовал развитию

в губернии высшего женского образования. Оно явилось приметой времени, своего рода символом либерализации общества. По инициативе университетских профессоров К.А.Арноштейна, А.В.Васильева, Н.В.Сорокина, М.М.Хвостова, Г.Ф.Шершеневича было создано учебное заведение – казанские Высшие женские курсы, где могли получить высшее образование девушки. Обучение проводилось по программам историко-филологических факультетов университетов по специальностям «история» и «русская словесность». Выпускники курсов имели право преподавать в женских средних учебных заведениях, а с 1911 г. – в мужских средних учебных заведениях. Большинство преподавателей этого учебного заведения были профессора Казанского университета, среди них – А.И.Александров, В.А.Богородицкий, Д.И.Нагуевский, Н.М.Петровский и другие [Справочная книжка, 1910, с.35]. В связи с этим уровень образования, получаемый на Высших женских курсах, был довольно высоким. В 1911–1917 гг. здесь обучались 19 девушек из татарских семей, среди них М.С.Губайдуллина, А.Ф.Мухитдинова, З. и Р.Габитовы.

Степень взаимосвязи между университетом и культурной жизнью в регионе не определялась исключительно развитием науки и образования. Казанский университет являлся центром развития общественной жизни края. В рассматриваемое время продолжалась успешная деятельность университетских научных обществ, созданных еще во второй половине XIX в. Представители национальной интеллигенции региона принимали в них активное участие. В начале XX века с Обществом археологии, истории и этнографии сотрудничали 30 татар. Активным членом общества был крупный мордовский просветитель и ученый-языковед М.Е.Евсевьев. Общество археологии, истории и этнографии оказывало содействие в собирательской и исследовательской деятельности не только в Казанской губернии. В «Известиях» Общества публиковались методические рекомендации по проведению археологических и других исследований. Под влиянием таких рекомендаций представители

национальной интеллигенции становились учредителями собственных краеведческих объединений в Вятской, Самарской, Симбирской губерниях [Сидорова, 2008, с.11].

Деятельность профессоров Казанского университета способствовала превращению Казани в один из важных музейных центров страны. Детищем профессорского сообщества стал Казанский городской музей – один из крупнейших региональных музеев России, как по количеству, так и по составу коллекций.

В Казани функционировала Духовная академия, открытая в 1842 г., одна из четырех в Российской империи. Это учебное заведение обладало высоким научным потенциалом в богословии, философии, языковедении, востоковедении, церковном праве. В начале XX в. здесь преподавал крупнейший специалист по церковному праву профессор И.С.Бердников, работал известный востоковед профессор Н.Ф.Каганов [Маурер ред., 2009, с.461].

Основу системы среднего образования составляли гимназии, а для детей из татарских семей – мектебы и медресе. В начале XX в. татарской общественностью все больше осознавалась необходимость получения светского образования. В связи с этим в данный период важным изменением в этой области стало развитие новометодных (джадидистских) школ [Амирханов, 2002а, с.146]. Большинство изучаемых в них дисциплин имело светский характер. Здесь преподавались такие предметы, как арифметика, география, логика, геометрия, история России, русский язык, юриспруденция, педагогика, психология, восточные языки, медицина, этика. В некоторых медресе работали драматические и литературные кружки, выходили рукописные газеты. В начале XX в., в особенности после революции 1905–1907 гг., в условиях ослабления ограничения со стороны властей все больше детей из татарских семей обучалось в русских гимназиях, а также возросло число русско-татарских училищ, русско-татарских школ и русских классов при медресе.

Революция 1905–1907 гг. оказала благотворное влияние на развитие татарского среднего женского образования. Девушки из семей татарской интеллигенции получи-

ли возможность учиться в русских учебных заведениях – Мариинской женской гимназии, гимназии Шумковой, Котовой.

Под воздействием общественных перемен стал активно развиваться целый ряд татарских женских учебных заведений. Наибольшую известность среди них приобрели школы Л.Хусаиновой, Ф.А.Аитовой в Казани, Ф.Адгамовой в Оренбурге, успешно работали также школы Ф.Гайнутдиновой в Чистополе и других городах губернии. В них преподавались такие светские предметы, как татарское письмо и чтение, арифметика, география, история.

Однако несмотря на бурное развитие, татарская школа по-прежнему существовала в очень трудных условиях, новым явлениям в ней препятствовали кадимисты – приверженцы схоластической системы в области образования и воспитания, местные власти и чиновники, утверждавшие учебные программы и преподавательский состав [Амирханов, 2002 а, с.148]. Большое количество татарского населения, прежде всего, сельского, оставалось вне школы [Рустямова, 1957, с.421].

Под воздействием общественно-политических перемен в стране, повышения уровня образования национальная интеллигенция края все больше приобщалась к европейской культуре. Об этом свидетельствует развитие различных видов искусства - литературы, музыки, театральной жизни.

Начало XX в. стал важным этапом развития татарской литературы. Данный период явился временем активной творческой деятельности многих татарских писателей. На первое десятилетие века пришелся и пик творчества ряда уже сложившихся мастеров слова и выход на литературную арену молодых писателей. Многие из них впоследствии стали классиками татарской литературы. Творчество татарских писателей ярко свидетельствовало о приобщении национальной литературы к общемировому литературному процессу.

В это время видоизменялись традиционные жанры, начали появляться, формироваться новые литературные направления и художественные методы. Татарские писатели, поэты все активнее использовали опыт восточной, русской и западноевропейских

литератур. В татарской литературе существовали и активно взаимодействовали такие ведущие в мировой литературе направления и школы, как реализм, романтизм, натурализм, модернизм. Традицию просветительства и критического реализма развивали Г.Тукай, Г.Исхаки, Г.Камала. М.Гафури. Романтизм нашел воплощение в произведениях Г.Ибрагимова, драматургии М.Файзи. Наряду с реализмом и романтизмом, в татарской литературе этого периода обнаруживаются черты модернистского искусства. Так, символизм нашел отражение в поэзии Дэрдмента и произведениях Г.Губайдуллина [Миннегулов, 2006, с.618].

Неотъемлемой частью литературного процесса начала XX в. стала татарская литературная критика. Она сформировалась и выделилась в самостоятельное научное направление после революции 1905–1907 гг. в связи с появлением татарской периодической печати. Огромное значение в развитии татарской литературной критики сыграли Г.Тукай, Р.Фахретдин, Ф.Амирхан, Г.Исхаки. В их статьях и рецензиях были заложены ее теоретические основы, разрабатывались вопросы национального своеобразия татарской литературы, определялись и утверждались принципы методов критического реализма.

В период революции 1905–1907 гг. возникла и начала бурно развиваться татарская периодическая печать [Амирханов, 1988, с.3]. В 1905–1907 гг. по всей России: в Казани, Петербурге, Москве, Оренбурге, Уфе, Симбирске, Астрахани и других городах на татарском языке выходили 33 периодических издания – 21 газета и 12 журналов. Среди них газеты «Фикер» («Мысль»), «Азат» («Свобода»). Татарская периодическая печать сыграла важную роль в становлении единых норм татарского литературного языка. Огромная заслуга в выработке и утверждении этих норм принадлежит татарским просветителям К.Насыри, Г.Ильяс, Г.Тукаю, Г.Исхаки, Г.Ибрагимову и другим [Хаков, 2006, с.621].

В начале XX в. активно развивалось татарское книгоиздательское дело. Центром татарского книгопечатания являлась Казань. В данный период здесь увеличилось число типографий, возникли целые фирмы, специализирующиеся на издании и торговле

книгами. Среди них книготорговая фирма Каримовых, «Сабах», «Магариф» («Просвещение»). В типографиях печатались произведения как татарских авторов – М.Гафури, Ф.Карими, М.Файзи, Н.Думава, так книги русских и зарубежных поэтов и писателей – А.С.Пушкина, Л.Н.Толстого, И.С.Тургенева, Д.Дефо и других. Заметный вклад в татарское книгоиздательство вносили русские типографии. Только в 1910–1913 гг. ими были выпущены около двух тысяч книг на татарском языке.

Казань являлась одним из центров развития литературы и других народов региона. К примеру, во время революции 1905–1907 гг. группа марийских литераторов, живших в Казани, выпускала на родном языке ежегодник «Марийский календарь». Его редактором являлся известный марийский просветитель В.М.Васильев [Михайлова, 2006, с.159].

Казань была местом развития театрального искусства. Театр являлся ведущим местом развлечения жителей столицы губернии, символом высоких духовных запросов. В первое десятилетие XX в. в Казани действовали 7–8 профессиональных драматических трупп. Работали городская театр на Театральной площади, Новый театр, Большой театр Г.А.Розенберга на Большой Проломной, Алафузовский театр, театральные труппы также работали в Купеческом собрании, Восточном клубе, существовало и большое количество любительских коллективов. Приезжали в город и труппы оперетты [Благов, 2001, с.45–46].

В начале XX в. стал профессиональным татарский театр. Первое публичное театральное представление на татарском языке состоялось в 1906 г., а в 1908 г. Ильясом Багатыргаевичем Кудашевым-Ашкадарским была основана первая в России передвижная труппа «мусульманских драматических артистов», позднее она была названа татарской театральной труппой «Сайяр» («Передвижник»).

Развитие татарского театра происходило под благотворным воздействием европейского и русского театрального искусства. На творчество первых татарских драматургов – Г.Камала, Ш.Камала, К.Тинчурина и других – оказали влияние произведения

ведущих русских писателей и драматургов А.Н.Островского, М.Горького, Н.В.Гоголя, А.П.Чехова [Илялова, 1986, с.5–30]. Как и в постановках русских театральных мастеров, в татарском сценическом искусстве преобладающее значение имели традиции реалистического актерского искусства.

В конце XIX – начале XX вв. в Казани сформировалась музыкальная культура новоевропейского типа. Об этом свидетельствовала активная деятельность концертно-филармонических и оперных антреприз, открытие музыкальных школ, ориентированных на профессиональное музыкальное образование, а также деятельность музыкальных общественных организаций. Об активной концертной жизни столицы губернии свидетельствуют гастрольные выступления таких выдающихся музыкантов, как С.Рахманинов, А.Скрябин, Л.Собинова, А.Нежданова и других. В Казани началась артистическая деятельность знаменитого оперного певца Ф.И.Шаляпина.

Развитие национальной татарской музыки в начале XX в. во многом было связано с появлением профессионального татарского театра. Сначала татарская музыка исполнялась инструментальными ансамблями в антрактах спектаклей театральной труппы «Сайяр». Вскоре концерты татарской музыки стали входить в программы литературных вечеров «Восточного клуба» Казани, а также проводиться в Москве, Санкт-Петербурге, Уфе, Оренбурге, Саратове. Первыми профессиональными татарскими музыкантами стали Фатах Латыпов, Ф.Гумерова, Камиль Мутыги. Активную музыкально-просветительскую деятельность вел С.Габяши – один из первых татарских композиторов, создавших замечательные камерно-инструментальные, вокальные, театральные-музыкальные произведения. Интерес к татарской музыке проявляли и русские музыканты – скрипач И.Козлов, дирижер А.Эйхенвальд, исполнявшие на концертах авторские обработки татарских народных песен.

Формирование художественной культуры региона отличалось новыми по сравнению с предыдущими периодами качествами. Изобразительное искусство стало занимать заметное место в художественной культу-

ре края. Рост его значения был обусловлен длительным и успешным функционированием Казанской художественной школы, созданной в 1895 г. при поддержке Академии художеств [Розенберг, 2001, с.122–155; Ключевская, 1990, с.36–40]. Школа давала профессиональную подготовку живописцам, графикам, архитекторам, мастерам декоративно-прикладного искусства. Учреждение провинциальной художественной школы делало реальным приобщение широких социальных и национальных слоев населения к художественному образованию. Среди учеников школы были представители разных национальностей – удмуртов, марийцев, чувашей. Полиэтническая среда способствовала развитию различных стилевых направлений в изобразительном искусстве. Основными направлениями, оказавшими влияние на казанских художников первого десятилетия XX в., являлись позднее передвижничество и «Мир искусства». Казань стала местом, где прошли период становления такие известные мастера, как Н.И.Фешин, А.Родченко, Д.Бурлюк [Розенберг, 2001, с.130].

Культурные запросы образованных жителей губернии подпитывали развитие и различных форм интеллектуального общения. В 1907 г. в Казани открылся Восточный клуб. Председатель клуба И.В.Терегулов и другие организаторы провозгласили целью его деятельности «устройство музыкальных и литературных вечеров, драматических представлений» [Михайлова, 2006, с.176]. Клуб стал своего рода культурным центром татарской интеллигенции Казани. При нем

действовали библиотека, читальный зал, был организован струнный оркестр, проводились литературные вечера, где выступали Г.Тукай, Ф.Амирхан, Г.Камал. В развитии музыкально-общественной жизни заметную роль играли Казанское отделение Русского музыкального общества, Казанский кружок любителей музыки, Казанское общество любителей изящных искусств, Казанское общество народных университетов.

Таким образом, в начале XX в. культура региона переживала бурные процессы развития и изменений. Центром развития его культурной жизни оставалась столица губернии Казань. Важную роль в образовательной, научной и общественной жизни края по-прежнему играл Казанский университет – крупнейший в стране образовательный и научный центр. Значительное влияние на развитие культуры Казанской губернии оказала революция 1905–1907 гг. Либеральные преобразования в стране способствовали развитию в крае литературы, периодической печати, различных видов искусства. Большую светскую направленность приобрела система национального образования, обучение в высших учебных заведениях стало более доступным для молодых людей из татарских семей. На новую ступень развития поднялась национальная литература, возникла национальная периодическая печать, татарский профессиональный театр. Начало XX в. стало временем активного вхождения интеллигенции народов Поволжья и Приуралья в пространство европейской культуры.

§ 2. Состояние национального образования у татар

Рафик Мухаметшин

Народное образование у татар, как разветвленная система, формировалось еще в Волжской Булгарии, традиции которой развивались и в период Золотой Орды и Казанского ханства. После потери татарами государственности объективные условия для функционирования высокоразвитой культуры исчезли. Это коснулось и народного образования, которое потеряло и государственную поддержку, и материальные основы существования. Только в конце

XVIII в. возникли определенные условия для его восстановления. В силу отсутствия педагогических кадров, утери многих своих местных традиций учебные заведения возрождались по аналогии среднеазиатских. Это, во-первых, потому, что к этому времени Средняя Азия, состоявшая из нескольких самостоятельных ханств, была одним из главных центров мусульманской образованности, где основным очагом ее была Бухара. И хотя научная мысль в мусульман-

ском мире давно уже потеряла свой былой прогрессивный характер и застыла в своей клерикальной и схоластической исключительности, тем не менее сюда стекались «искатели света ислама и восточной философской мудрости» не только из России, но и из других мусульманских стран [Валидов, 1986, с.26]. Во-вторых, к этому времени татарские купцы постепенно восстанавливали торговые связи со Средней Азией. Они привозили много рукописей и книг, которые тогда высоко ценились среди казанских татар. Представители купечества своими глазами видели, как ценится в мусульманских странах знание и каким покровительством со стороны общества пользуются там ученые. Именно они стали практически первыми меценатами татарских учебных заведений. Человек, получивший образование в Бухаре, пользовался большим почетом, ему давали большую махаллю и величали дамудла – великий мулла. Выпускники бухарских медресе не ограничивались исполнением обязанности имама в махаллинской мечети, а открывали медресе, собирали учеников – шакирдов и готовили рядовых священнослужителей для махалли, а некоторые из шакирдов этих медресе продолжили свое образование в Бухаре. И.Г.Георги еще в конце XVIII в. обратил внимание, что у татар во всякой деревушке имеется «обособленная молебная храмина и школа, даже в больших деревнях есть подобные сим девичьи школы».

У татар учебные заведения разделялись на два типа: мектеб (низший) и медресе (средний и высший). Мектеб, как начальная школа, существовала при каждой мечети, которой руководил мулла своей махалли. Классов или отделений, а также определенных учебных программ в мектебе не было. Преподавание велось с каждым учеником персонально по книгам, содержание которых состояло из догматов веры и нравоучительных рассказов, обычно из жизни святых пророков. Сроки обучения в мектебе также не определялись. Основную массу учеников составляли мальчики от 8 до 14 лет. Девочки учились в доме муллы, у его жены, которую величали остабике или абыстай. Приемы обучения здесь были те же, что и в мектебе, но запрещалось обучение письму.

Мектебы содержались на средства населения. Помещения представляли собой обычные деревенские дома из одной или нескольких комнат, которые были и классом, и общежитием для многих учащихся. Здесь они готовили пищу, вели все остальное хозяйство, спали, проводили свободное время. Мулла и основные учителя-хальфы не получали жалованья. Они жили приношениями и дарами учеников.

Медресе, как и мектебе, состояли при мечетях и находились под заведованием махаллинского духовенства. Но не каждая махалля имела свое медресе. Они открывались только в городах и в тех деревнях, где были богатые люди, способные и желающие его обеспечивать, а также образованный мулла, способный организовать такого типа учебное заведение. В Казани, например, каждая махалля имела свое медресе, правда, не все из них пользовались одинаковым авторитетом. Так, в конце XVIII – начале XX вв. наибольшей популярностью пользовалось Апанаевское медресе. И в деревнях появились крупные учебные заведения, которые по своей популярности и уровню подготовки не уступали городским. Такими были медресе в деревнях Кшкар, Большие Сабы, Сатыш, Асан Иле, Тумутук, Уруссу, Байряка, Нижние Чершилы и др.

Основной контингент шакирдов составляли мальчики от 10 до 20 лет. Медресе, как и мектебе, не имели ни строго определенных программ, ни сроков обучения. Содержание и методы обучения в медресе вплоть до середины XIX в. носили чисто конфессиональный характер. Правда, наряду с богословскими дисциплинами учащимся давали также элементарные знания по арифметике, геометрии, некоторые сведения по географии, астрономии, медицине. Но уровень преподавания светских дисциплин не выходил за пределы средневековых религиозных представлений о мире, практически не учитывались последние достижения науки и техники.

Основными преподавателями, как и в мектебе, были хальфы. Во главе медресе стоял мударрис, имеющий, как правило, солидное богословское образование в восточных странах.

Материальное положение медресе было сложным. Неблагоустроенные комнаты служили нередко аудиториями и общежитием. Данная ситуация усугублялась еще и тем, что закят (одна сороковая часть богатства имущих людей, отчисляемая по шариату на благотворительность), по толкованию схоластических правоведов, считался действительным только тогда, когда он раздавался в собственность отдельным неимущим людям. Поскольку общественная благотворительность не считалась формой закята, богатые люди свои закаты давали бедным людям, а на содержание медресе выделяли очень скудные средства. Хотя медресе и не оставалось без закята, но он здесь тоже раздавался среди самих шакирдов, к тому же не по степени нужды, а по курсам, то есть чем выше курс, тем больше получал шакирд и закят. Поэтому, не случайно, татарская интеллигенция была заинтересована в создании благотворительных организаций, способных в какой-то степени аккумулировать и, соответственно, разумно распределять хотя бы часть принадлежащего народу национального богатства, в том числе и закята. И действительно, со второй половины XVI в., в условиях, когда государство практически игнорировало интересы инородческого населения России, благотворительность для татар являлась единственным источником финансирования их социальных, духовных и просветительских нужд. Новые веяния в общественную жизнь татар проникли со второй половины XIX в. А до этого татарские медресе представляли традиционное мусульманское учебное заведение бухарского типа. Этот тип учебных заведений сыграл огромнейшую роль в становлении системы образования у мусульман Поволжья и Приуралья. Особенно в условиях отсутствия государственности учебные заведения мусульманского Востока в какой-то степени способствовали воспроизводству интеллектуальных основ татарского общества. Выпускники этих учебных заведений в регион несли мусульманскую ученость в ее классическом виде. Она уже не отвечала требованиям новой действительности, но среди татар поддерживала мусульманскую идентичность. Не случайно власти были уверены в том, что «муллы с азиатским об-

разованием являются элементом наиболее вредным в деле русификации татар» [НА РТ, ф.92, оп.2, д.8777, л.74]. Поскольку именно «Бухара, Самарканд, Каир священные места для мусульман: в них древнейшие медресе, в этих городах жили и составляли свои богословские сочинения многие из мусульманских законовевдов, с именами этих городов в представлении мусульман связываются воспоминания об славной эпохе процветания ислама и богословско-философской арабской науки. Вот почему так велики симпатии татар к лицам, обучавшимся в этих местах» [НА РТ, ф.92, оп.2, д.8777, л.74]. Правда, «с завоеванием Россией мусульманских центров в Средней Азии паломничество туда поволжских татар с целью усовершенствования стало несколько меньше, но обаяние прежней славы и традиционное устремление умственных взоров на восток далеко еще не исчезли в русском мусульманстве» [НА РТ, ф.92, оп.2, д.8777, л.74]. К середине XIX в. в Казанском крае насчитывалось 430 мектебе и 57 медресе, а в Волго-Уральском регионе их было уже 1482. Через эти учебные заведения «проходит почти все» (до 80%) мусульманское юношество..., здесь формируется не только его религиозные воззрения, но и взгляд на жизнь и окружающий мир» [НА РТ, ф.92, оп.2, д.8777, л.68]. Воспитанники мектебе и медресе «утверждаются в убеждении, что нет и не может быть ничего лучшего и более высокого, чем мусульманская наука, что магометанская школа выше, чем всякая другая..., всякая культурная жизнь мусульманина направляется и регулируется ясно выраженными правилами и законами шариата» [НА РТ, ф. 92, оп.2, д.8777, л.68].

Учебные заведения бухарского типа к середине XIX в. уже не устраивали потребностей татарского общества. Их необходимо было адаптировать к новым реалиям российской действительности и идеологическим потребностям самого татарского общества, в первую очередь, зарождающейся буржуазии. Старометодная (кадимистская) школа не могла оставаться в прежнем состоянии, ибо требовался качественный сдвиг в сторону серьезного изучения светских наук для практической подготовки подрастаю-

щего поколения к жизни. Решение этой задачи стало основополагающим моментом реформы системы народного образования. Новометодные («джадидские») медресе, в первую очередь, были нацелены на использование нового (звукового) метода обучения и полноценного преподавания светских дисциплин. При этом нужно признать, что хотя в новометодные учебные заведения изначально и были заложены иные, чем в кадимистские, идеологические функции, их нельзя противопоставлять, поскольку они стали составляющими единой системы национального образования. При этом также нужно иметь в виду, что татарские сельские общины, к которым относились около 95% всех конфессиональных учебных заведений, оставались оплотом традиционного мусульманского общества. Нельзя забывать также и то, что община, по словам Исмаила Гаспринского, «представляет собою миниатюрное государство с прочной связью частей с целым и имеет свои законы, обычаи, общественные порядки, учреждения и традиции, поддерживаемые в постоянной силе и свежести духом исламизма. Община эта имеет свои власти в лице старшин и всего прихода, не нуждающиеся в высшем признании, ибо авторитет этой власти – авторитет религиозно-нравственный... Община эта имеет совершенно независимое духовенство, не нуждающееся ни в каких санкциях и посвящениях. Всякий подготовленный мусульманин может быть учителем, муэдзином, имамом, ахуном и пр., при согласии общины» [Гаспринский, 1881, с.25–26]. Поэтому, не случайно, учебные заведения оказались в эпицентре довольно жесткой идеологической борьбы за умы подрастающего поколения, поскольку они оказались наиболее эффективным (до начала XX в. практически единственным) инструментом воздействия на общественное сознание. В 1912 г. в России было уже 779 медресе, 8117 мектебе, где образование получали 267476 учащихся [Амирханов, 1986, с.82] и в этой среде наметились довольно определенные тенденции. Так, к 1910 г. до 90% всех мектебов и медресе Казанской губернии примкнули к звуковому методу, тем самым отдав предпочтение не только новой системе образования, но и идеологии

национального обновления общества. Как отмечалось в циркуляре правительства губернаторам России, еще в 1900 году сторонники нового метода призывали «татарское население России к образованию, к приобретению практических познаний как в области ремесел и промышленности, так и в изучении иностранных языков, дабы оно (население – М.Р.) было культурно и богато» [Каримуллин, 1974, с.187–188]. Чиновник и известный специалист в системе народного образования инородцев в России Н.Бобровников обратил внимание на то, что в официальных отчетах называют «мектебе и медресе конфессиональными школами... Таковая квалификация в настоящее время уже неточна; решаюсь утверждать, что в настоящее время чисто конфессиональных училищ, вероятно, вовсе нет. В самых отсталых глухих мектебах всегда уже найдется азбука по звуковому методу... почти повсюду есть уже и арифметика и элементы географии, а иногда и история татар, песни и т.д... так что мектебе по курсу в той или иной степени приближается к русским средним школам... Называть такие медресе конфессиональными можно только в том случае, если мы будем называть конфессиональными все учебные заведения ведомства православного исповедания» [Журнал Министерства народного просвещения, 1917, май, с.62].

Практически во всех регионах компактного проживания татар появились крупнейшие джадидистские медресе, ставшие очагами татарской культуры: «Галия», «Усмания» (Уфа), «Хусаиния» (Оренбург), «Расулия» (Троицк), «Мухаммадия», «Марджани», Апанаевское (Казань), «Буби» (Иж-Бобья) и др. Эти учебные заведения появились, в первую очередь, благодаря представителям крупной татарской буржуазии, которые были заинтересованы в подготовке молодежи, адекватно воспринимающую изменения, происходящие в татарской и российской действительности. Так, известный татарский промышленник и меценат Ахмат Хусаинов построил здание медресе нового типа «Хусания» в Оренбурге стоимостью в 100 тыс. рублей, где обучались 200 учащихся, из которых 100 учеников находились полностью на иждивении. Одновременно он

ежегодно выделял стипендии для учащихся татар, обучающихся в Казанской учительской школе (для 2-х учащихся), в Казанском и Оренбургском ремесленном училищах (по 6 учеников), в Казанском коммерческом училище (4 ученика) (подробнее см.: [Шэрэф, 1913; Фэхретдинов, 1911]).

На организацию медресе «Галия» в Уфе немалые средства вложили крупные татарские купцы и промышленники Хакимовы, братья Назировы, Ягудины, Гибадулла Усманов, Суфия Тевкелева и др. Медресе в городе Троицк содержалось купцом Л. Яушевым, в Екатиенбурге купцом Агафуровым, медресе «Мухаммадия» в Казани братьями Галеевыми.

Одновременно, в рамках реализации национальной политики российского государства и планов миссионерства, открывались школы для крещеных татар и нерусского населения в целом. Старая система, строящаяся на принципах насильственного крещения, себя не оправдала. Система, разработанная Н.И.Ильминским, во главу угла ставила распространение православия среди нерусского населения на их родном языке. Для этой цели печатали учебники и религиозные книги на основе русского алфавита на родном языке учащихся. Конечной целью обучения, по словам Н.И.Ильминского, должно стать «обрусение инородцев и совершенное слияние их с русским народом по вере и языку» (цит. по: [Воробьев, ред., 1967, с.385]). На основе этой системы была организована значительная сеть школ. С целью подготовки учителей для миссионерских школ, а отчасти и священников, в 1863 г. в Казани была открыта центральная крещено-татарская школа, в 1872 – инородческая учительская семинария. Учительские школы были открыты также в Симбирске, Уфе, Бирске. К 1870 г. крещено-татарских школ было уже 39.

Кроме чисто миссионерских школ, созданных для детей крещеных народностей, для татар-мусульман открывались школы другого типа – русско-татарские. Это были начальные школы, функционирующие на средства казны, где наряду с обучением русской грамоте все общеобразовательные дисциплины велись на русском языке. В 1876 г. для подготовки учителей этих школ была

открыта в Казани первая татарская учительская школа. Однако татарское население проявило отрицательное отношение к русско-татарским школам. Поэтому такие школы не имели большого успеха, число их было крайне мало. В начале XX в. по всему Казанскому учебному округу, куда входило шесть губерний региона, было всего 57 русско-татарских школ, а в самой Казанской губернии – 11 школ.

Татарская интеллигенция предпринимала энергичные меры, направленные на превращение этих школ в новометодные учебные заведения с обязательным преподаванием Корана, основ веры и шариата. Так, в Казани с 1870 по 1915 гг. открылись 14 русско-татарских школ и русских классов при медресе, которые находились под покровительством прогрессивных татарских купцов.

Одной из особенностей татарского образования конца XIX – начала XX вв. стало и то, что именно в этот период получило широкое развитие женское образование, отражающее новые прогрессивные сдвиги в решении женского вопроса в татарском обществе. Так, к началу XX в. в Казани существовали женские школы Аитовой, Хусаиновой, Муштариевой, Сайфуллиной, Габитовой, Амирхановой, Мирхайдаровой и др. В 1907 г. женская школа была открыта в деревне Иж-Бобья, в 1909 – в Троицке, Оренбурге и др.

Тем не менее, в начале XX в. система образования требовала серьезных перемен, которые были обусловлены многими факторами. Новометодные медресе, ставшие к этому времени основой этой системы, также нуждались в совершенствовании. Необходимо было определиться в основных принципах, которые должны были обозначить перспективу системы образования. Это, в первую очередь, коснулось статуса татарских учебных заведений. Являются ли они сугубо конфессиональными, или новометодные учебные заведения приобретают иной, светский характер? Эта проблема оказалась не такой простой, как казалось на первый взгляд. Хотя и правовое положение татарских медресе вписывалось только в систему конфессиональных учебных заведений, реальная ситуация была намного

сложнее. Не было единодушия по этому вопросу и у представителей власти. Как обратил внимание Н.Бобровников, в отчетах Казанского учебного округа мектебе и медресе называют профессиональными школами. Но «таковая классификация в настоящее время уже неточна; ... в настоящее время чисто профессиональных училищ, вероятно, вовсе нет. В самых отсталых глухих мектебах всегда уже найдутся азбука по звуковому методу и книжка для чтения со статьями светского содержания ... В медресе же наряду с мусульманскими предметами, преподаются многие светские науки, так что мектебе по курсу в той или иной степени приближаются к русским средним школам» [Журнал Министерства народного просвещения, 1917, май, с.62]. Татарские мектебе и медресе все без исключения открывались как профессиональные учебные заведения при приходах (махалля). Если было получено разрешение на открытие прихода, то при нем можно было открыть и медресе, и мектебе.

Такое положение вполне устраивало мусульман России, поскольку они могли довольно легко решить проблему открытия учебных заведений. Но их профессиональный характер, безусловно, во многом сдерживал процесс их модернизации. Возможно, поэтому в начале XX в. в татарской периодической печати развернулась целая дискуссия по определению содержания профессионального образования. Одной из причин этого спора стал запрос Департамента иностранных исповеданий Оренбургскому и Таврическому духовным управлениям в октябре 1913 г. о том, как смотрит шариат на вопрос о мектебе и медресе. На данный запрос Департамента откликнулись все без исключения татарские газеты. Красной нитью в публикациях проходил тезис о том, что в исламе не существуют деления учебных заведений на профессиональные и светские: будучи по существу профессиональными, мусульманские учебные заведения в течение всей истории исламской цивилизации не ограничивали круга изучаемых в них наук, если они, конечно, не противоречили основным канонам ислама. Так, газета «Кояш» обратила внимание, что «Наша религия не является религией, вы-

ражающейся исключительно, в молитве; она предписывает приобретение знаний, необходимых для жизни» [Кояш, 1913, 11 октябрь, 13 октябрь]. Газета «Вақыт» по этому поводу заметила, что «наука у нас обозначает светское и религиозное знание», поэтому «наши мектебе не разделяются на профессиональные и непрофессиональные» [Вақыт, 1913, 2 ноябрь].

Ответы, подготовленные после предварительного их обсуждения, по сути дела, отражали общее настроение татарского общества. Как отмечается в газете «Баян-нульхак», «Все имамы, участвовавшие в совещании, признали необходимость преподавания в наших мектебе и медресе светских дисциплин» [Баянелхак, 1913, 27 декабрь]. На вопрос «что представляет из себя по шариату мусульманские профессиональные мектебе и медресе?», совещание сформулировало ответ: «Они представляют собою место, в котором обучают установлениям и основам веры Ислама и дают нужные сведения для земного и небесного благополучия» [Баянелхак, 1913, 27 декабрь].

Такое единодушие в идеологически разношерстном татарском обществе, в первую очередь, означало озабоченность различных слоев татарского общества судьбой системы образования. С одной стороны, все прекрасно понимали необходимость если не кардинальных, то значительных изменений в этой сфере. А с другой, их настораживало то, что именно правительство предпринимало решительные попытки в реформировании системы образования. Татарские интеллектуалы прекрасно понимали, что для татар именно система образования является основой воспроизводства духовных ценностей в обществе и поэтому кардинальные преобразования в этой сфере требовали большой ответственности и осторожности. Как обратила внимание газета «Юлдуз», «ни государство, ни общество не создали ничего подобного, что могло бы заменить мусульманские учебные заведения. По этой причине дело касается не только представителей духовенства, но и как национальная проблема, всей системы образования. Вот почему мусульманское общество и придает особое значение идее реформирования профессиональных учебных заведений» [Юлдуз, 1914, 3 январь].

Перемены, которые происходили в системе образования, вне всякого сомнения, были позитивными. Реформы еще «10–15 лет назад были только в мыслях, такие планы предлагались только передовыми людьми нации. Тогда, казалось, что осуществление подобных изменений в татарском обществе может произвести довольно значительные перемены» [Кояш, 1913, 29 сентября]. Но «частичное преобразование наших медресе не могло произвести каких-либо значительных изменений в нашей жизни. Насколько наши прежние медресе отставали от жизни, настолько же далеки от нее и нынешние медресе; насколько непригодных для жизни людей выпускали прежние медресе, настолько же далеких от жизни людей выпускают и современные медресе. Медресе и жизнь идут самостоятельно своей дорогой. Выпускники наших медресе, подобно простонародью, необучавшейся в медресе, не могут понять ни жизни внешней, ни жизни духовной. Наши медресе продолжают выпускать особый тип людей, называемых шакирдами» [Кояш, 1913, 29 сентября]. Даже новометодные учебные заведения, по утверждению представителей прогрессивной интеллигенции, и по своему статусу, и по правовому положению, и по организации учебного процесса не могли соответствовать тем требованиям, которые ставила жизнь перед татарским обществом особенно перед молодежью. Дело в том, что, действительно, «была сделана попытка введения светских наук в реформированные духовные учебные заведения. Но тогда они оказались в промежуточном положении: они почти утратили свою прежнюю роль конфессиональных школ и не приобрели значение светских школ. Поступившие в них ученики совершенно не стремились к духовному званию и богословским наукам. Они хотели через эти медресе найти себе выход в светские профессии. А общество же, в значительной степени, хотело получить из реформированных медресе хорошо образованных богословских духовных лиц» [Мэктэп, 1913, №3]. Об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что в медресе «Галия» за 10 лет его существования из 950 выпускников муллами стали всего лишь 38

человек, а остальные, в основном, занялись учительством.²⁵

Таким образом, можно сказать, что к 1910-м гг. представления татарской интеллигенции о перспективах реформы национальной системы претерпели кардинальные изменения. Иллюзии о возможности ее проведения в рамках конфессиональной школы рассеялись. Конфессиональная школа, как и предусматривалось ее статусом, могла готовить только религиозных деятелей, способных обслуживать интересы мусульманской общины, а также образованных людей, ориентирующихся в перипетиях современной им жизни, но не специалистов, способных найти свое место в различных сферах общества и имеющих возможность без проблем влиться в ту или иную социальную группу. Интеллигенция была озабочена тем, что татары, будучи, по сравнению с другими нациями России, довольно высокообразованным народом, продолжили пополнять ряды самых неквалифицированных и низкооплачиваемых слоев общества. Не без основания на это явление обратил внимание в газете «Вақыт» некий Искандер аль-Хамзави, «теперь принято думать, что медресе должны обеспечивать нацию образованием, готовя проникнутых идеями мулл и мугаллимов. В медресе и были проведены реформы в рамках этих представлений. Программы таких крупных и благополучных медресе, как «Галия», «Мухаммадия» подготовлены именно в этом русле. Но ныне программы и задачи медресе уже не удовлетворительны, поскольку и сама национальная жизнь ушла вперед» [Вақыт, 1914, 24 август]. Поэтому, как утверждает автор, «уже недостаточно быть только идейным и образованным, чтобы стать лидером народа, муллой и мугаллимом, а нужно быть деловой личностью (выделено мною – Р.М.). Обладать идеями в свое время было делом самым важным, но теперь это считается годным только для философствования. Теперь человек, желающий быть полезным и примером для своего народа, помимо идей, должен оказать ему реальную помощь» [Вақыт, 1914, 24 август].

²⁵ Об этом писал сам ректор медресе Зия Камали в своем отчете о деятельности учебного заведения за 10 лет. См.: [Тормыш, 1916, №566, 567].

В данной ситуации полностью ориентироваться на государственную систему образования России было чревато нежелательными последствиями: интеллигенция не исключала возможности потери для нации самой образованной своей прослойки, которой будет безразлично интересы своего народа. Эти опасения, безусловно, имели под собой определенную почву. Еще в «Правилах о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» 1870 г. было четко указано, что «Татары-магометане... составляют племя, фанатизируемое многочисленным духовенством, богатое мечетями и магометанскими школами и крепкое в своей вере. Поэтому обрусение татар-магометан может быть ведено лишь путем распространения русского языка и образования» [Мир ислама, 1913. Т. 2, вып. 4, с.260]. При этом не скрывалось, что «конечной целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего отечества, бесспорно, должно быть обрусение их и слияние с русским народом» [Мир ислама, 1913. Т. 2, вып. 4, с.261]. Правительство пыталось использовать и часть национальной интеллигенции, которая могла выступить ему в этом вопросе союзником. Как обратил внимание в 1905 г. цензор М.Н.Пинегин, «в последнее время, когда началось заметное умственное пробуждение татар и когда обозначились среди них две партии: молодая, мечтающая о какой-то национальной самобытности, и старая, отстаивающая лишь уравнение в религиозных и общественных правах» [НА РТ, ф.1, оп.1, д.1649, л.7]. Официальных властей устраивало второе направление, поскольку именно они направили свои усилия «главным образом на улучшения в делах религии, на уравнение в правах и на распространение образования, а не на поддержание национальной обособленности» [НА РТ, ф.1, оп.1, д.1649, л.7]. И самое главное, среди представителей этой группы много тех, которые ратуют за обучение татар «русскому языку и в общих учебных заведениях», и считают, что «именно только благодаря знанию государственного языка татары могут получать нужные им реальные знания и общеевропейское образование, как залог их дальнейшего культурного развития» [НА РТ, ф.1, оп.1, д.1649, л.7]. Тем не менее, российское пра-

вительство не отказывалось от своей цели, время от времени собирало по этому поводу совещания на самом высоком уровне и принимало многочисленные, но половинчатые решения. Депутат Госдумы Еникеев по этому поводу довольно резко выступил на заседании собрания 1 июня 1913 г.: «Запреты и произвол в отношении инородцев достигли крайних пределов. Право контроля над школой превращено в орудие постоянной и тяжелой репрессии... Министерство проводит политику обрусения против инородцев, выдвигают пугало под названием инородческого сепаратизма... Во имя интересов и достоинства государства мы должны требовать изгнания политики из сферы народного образования» [Мир Ислама, 1913. Т. 2, вып. 5, с.303–304].

В такой ситуации стало ясно, что в области реформирования образования необходимо было предложить принципиально новые формы. Реформа конфессиональной школы, задуманная как оптимальная и эффективная форма решения всех накопившихся в этой сфере проблем, как показало время, оказалась только первым этапом серьезных преобразований. Необходимо было идти дальше, делать и другие шаги. Но татарское общество, все еще функционировавшее на принципах конфессиональной общины, практически не имело ни финансовых, ни интеллектуальных возможностей, а самое главное, правовых основ создания принципиально новой системы светского образования. В свою очередь, и российское государство понимало нежелательность кардинальных шагов со стороны мусульман, которые представляли большую опасность для идеологической целостности России.

Реформирование системы образования должно было идти в русле интересов империи. Заметное оживление российских официальных кругов в 1910 гг. свидетельствует о том, что у государства вырисовывалась определенная модель развития системы образования для инородцев: начальная ступень предполагалась как самостоятельно конфессиональная, а средняя и высшая ступени должны были быть едиными для всей империи. Такую перспективу татарская интеллигенция оценивала как очень опасную для единства нации.

Как обратил внимание Х.Атласи, «народы, обладающие школами, в силу того, что каждая личность снабжена знаниями, в мировой схватке за существование одерживают верх, когда как народы, лишённые школ, вследствие невежества своих соплеменников, не обладают никакой силой. Если искать причины поражений, нанесённых в последние столетия мусульманскому миру другими народами, то весь вопрос сведётся к тому, что мусульмане были без знаний, без школ, тогда как их противники обладали знаниями, имели школы» [Мэктэп, 1913, №1, 19 б.].

Эта проблема постоянно и всерьёз обсуждалась в татарском обществе. Единства в мнениях не было, но уже было понимание необходимости преобразований в этой сфере: «одни утверждают, что мектебы и медресы должны быть чисто религиозные учебные заведения, другие доказывают, что они должны быть чисто светские или смешанные, третьи пишут, что мектебы не следует отделять от медресе и что оба эти отделения ... составляют одно учебное заведение, некоторые доказывают, что в мектебах, кроме религии, должны проходить начальные сведения из общеобразовательных предметов и т.д.» [НА РТ, ф.420, оп.1, д.297, л.13]. Но всех объединяла идея о том, что «государственная школа для них должна согласовываться с религиозными и бытовыми особенностями мусульман. Поэтому они усиленно настаивают на введении в школах для мусульман родного языка и татарской литературы» [НА РТ, ф.420, оп.1, д.297, л.13]. Как считает Н.Ф.Катанов, русская интеллигенция о языке преподавания в мусульманских учебных заведениях также не имела четкого представления: «часть думает, что с предоставлением мусульманам учреждения заведений на европейский лад, хотя бы с преподаванием на одном татарском языке, мусульмане перестанут чуждаться европейской науки и впоследствии может быть, даже совсем перестанут быть азиатами» [НА РТ, ф.420, оп.1, д.297, л.13]. А другая часть «интеллигенции вовсе не разделяет таких радужных надежд и полагает, что мусульмане, удалившись от правительственного контроля, благодаря исламу, сопутствуемому европейской наукой, станут

для европейских христиан еще худшими врагами, чем были до сих пор» [НА РТ, ф.420, оп.1, д.297, л.13]. А официальные круги по этой проблеме заняли четкую и принципиальную позицию, поскольку они опасались не открытия «специальных мужских и даже женских гимназий для мусульман» [НА РТ, ф.420, оп.1, д.297, л.58], а языка преподавания в этих учебных заведениях, поскольку «если допустить преподавание на татарском языке, то татаризация охватит и мещеряков, и башкир, и киргиз еще в больших размерах, чем было до сих пор, ибо мусульман, желающих учиться европейским наукам, но не учащих им из-за преподавания предметов на русском языке, очень много» [НА РТ, ф.420, оп.1, д.297, л.58].

Проблема реформы системы образования, действительно, стала одной из насущных для татарского общества. Не случайно бюро мусульманской фракции Государственной думы приняло специальное постановление по этому вопросу, где отмечалось, что «мусульмане нуждаются в новых типах учебных заведений, которые могут создаваться на тех общих основаниях, предложенных учебной комиссией третьей Государственной думы. Но в постановлении особо подчеркивалось, что это возможно только тогда, когда «будут приняты поправки, которые требовались мусульманскими депутатами» [НА РТ, ф.1, оп.4, д.4485, л.1]. Среди этих требований были: «1) обучение в начальных школах тех местностей, где живут мусульмане, должно происходить на языке мусульманских детей, посещающих школу. 2) Начальные школы должны соответствовать интересам государства, но вместе с тем удовлетворять религиозным и национальным интересам местного населения, их обычаям и правам. 3) В школах местностей с мусульманским населением преподавание русского языка должно начинаться лишь с начала третьего года» [НА РТ, ф.1, оп.4, д.4485, л.1]. Поскольку мусульманские учебные заведения, по сути дела, и при реформировании оставались религиозными, в постановлении отмечалось, что «они должны быть выведены из подчинения министерства народного образования и подчинены министерству внутренних дел, а надзор за учебной и воспитательной стороной и внутренним распорядком, также ру-

ководительство преподавателями – принадлежать духовным собраниям» [НА РТ, ф.1, оп.4, д.4485, л. 1]. Правда, членов мусульманской фракции существующая система формального подчинения мусульманских учебных заведений духовным собраниям уже не устраивала. Поэтому в постановлении специально оговаривается, что дальнейшее подчинение возможно только при реформировании духовных собраний, которые обеспечили бы выборы преподавателей и одновременно «их обязанности и права будут определены и их денежная сторона обеспечена» [НА РТ, ф.1, оп.4, д.4485, л.1]. Члены мусульманской фракции подразумевали и финансовое обеспечение начальных учебных заведений «так как мусульмане в общем бедны... Эта помощь особенно необходима там, где нет вакуфов или доходов

и с вакуфа недостаточно» [НА РТ, ф.1, оп.4, д.4485, л.3].

Ситуация, которая сложилась в системе религиозного образования, обнажила многие проблемы, присущие татарскому обществу. Общество, которое повернулось лицом к светским ценностям, не имело возможности создать интеллектуальную базу для ее внедрения и распространения. Система образования, которая была призвана консолидировать интеллектуальные силы общества, не имела возможности выйти за пределы конфессионального образования. Такое положение, с одной стороны, имело и положительные моменты: оно консолидировало татарское общество вокруг мусульманской уммы. Но, с другой стороны, многие возможности создания гражданского общества не могли быть реализованы.

§ 3. Национальная пресса и книгоиздание

Алсу Ахтямова

Начало XX в. стало переломным этапом в формировании татарской нации и развитии национальной культуры. Весьма значимой в духовной жизни татарского общества была роль национальной печати – книгоиздательства и прессы – неотъемлемой части татарской культуры. Д.Исхаков, выделяя в развитии татарского книгопечатания несколько этапов, период с 1901 по 1917 гг. отмечает как заключительный, когда завершается формирование национального книгоиздательского дела [Исхаков, 2010 в, с.44]. Между тем процесс становления татарской периодической печати начался лишь под влиянием революции 1905–1907 гг.

В связи с растущим спросом на печатную продукцию все более заметной отраслью предпринимательства становилось книгоиздательское дело. Примечательно, больших успехов в этой стези достигли и татарские коммерсанты.

Главным центром татарского книжного дела в начале XX в. по-прежнему являлась Казань. Ведущие позиции в книгоиздании занимали типографии бр. Каримовых, Казанского университета и И.Н.Харитонова (таблица 1.4), при этом с 1901 по 1917 гг. братья Каримовы выпустили половину всего ти-

ража татарских книг, напечатанных в Казани, а по количеству изданий – одну треть.

Следует подчеркнуть, что с открытием в начале 1899 г. типографии братьев Каримовых, приступившей к работе 1 марта 1900 г., начинается новая страница национального книжного дела, отмеченная ростом татарских изданий, удешевлением их себестоимости и продажной цены, что сделало печатную продукцию более доступной широким массам [Каримуллин, 1974, с.27, 42]. В этом предприятии производилось не только печатание книг, но и отливка шрифтов, выпуск изданий путем литографии, многоцветное печатание [Каримуллин, 1974, с.28]. В годы Первой российской революции национальное книгопечатание получило дальнейшее развитие. Так, с 1 ноября 1906 г. начала работать типография братьев Шараф (открылась в доме В.Е.Казакова, в номерах «Болгар»), но уже в середине 1908 г. по распоряжению казанского губернатора была опечатана без суда и следствия. После «приобретения» печатного заведения Г.Саиновым оно стало называться «Типографией Саинова», а вскоре получило наименование «Урняк» (1908–1911 гг.). По негласной договорен-

Таблица 1.4

Печатная продукция, изданная Казанскими типографиями в 1901–1917 гг.

№	Типографии	Общий тираж, ед.	Доля от общего тиража, %	Кол-во изданий, ед.	Доля от кол-ва изданий, %
1	бр. Каримовых	19648986	51,32	1700	34,00
2	Казанского университета	3748265	9,79	552	11,04
3	И.Н.Харитонова	3300126	8,62	666	13,32
4	Б.Л.Домбровского	3116050	8,14	451	9,02
5	наследников М.Чирковой	2481990	6,48	171	3,42
6	«Миллят»	1376015	3,59	256	5,12
7	«Умид»	1347575	3,52	401	8,02
8	И.В. Ермолаевой и ее преемников	790370	2,06	169	3,38
9	«Магариф»	530800	1,39	147	2,94
10	«Урняк»	480665	1,26	152	3,04
11	И.В. Перова	373080	0,97	31	0,62
12	бр. Шараф	338045	0,88	106	2,12
13	Л.П.Антонова	295000	0,77	76	1,52
14	«Баянель-хак»	219950	0,57	75	1,50
15	А.А.Кокорева и К°, В.В.Вараксина	190470	0,50	33	0,66
16	В.Е.Казакова	49500	0,13	14	0,28
	Всего	38286887		5000	

Сост. по: [Каримуллин, 1974].

ности «Урняк» приобрел получивший 29 марта 1911 г. свидетельство на открытие типографии В. Казаков, однако она смогла действовать только до 26 июня. С 1913 г. правопреемницей типографии братьев Шараф («Урняк», Казакова) становится типография «Магариф».

Типография товарищества «Торговый дом Идрисов, Галиев и К°» была открыта в сентябре 1908 г., и с этого времени она выступала в своей издательской и книготорговой деятельности как фирма «Миллят» (разрешение от 25 ноября 1908 г.). Официальное открытие типографии и словолитни «Умид» состоялось 8 июня 1911 г. Эти печатные заведения, как и типография братьев Каримовых, сыграли значитель-

ную роль в улучшении художественного оформления и полиграфического исполнения татарской книги [Каримуллин, 1974, с.42, 119–125]. Необходимо подчеркнуть большой вклад в совершенствование татарского шрифта И.Харитонова, Г.Камала, М.Идрисова, И.Юзеева [Каримуллин, 1997, с.122]. В 1907–1912 гг. печатались татарские книги также в типографии «Баянель-хак» А.Сайдашева (разрешение от 17 марта 1906 г.) [Каримуллин, 1974, с.130].

Помимо Казани татарская книжная продукция выпускалась и в других городах Российской империи. В Оренбурге функционировали достаточно мощные для своего времени печатные заведения: типография Ф.Карими (1917–1922 гг.), товарищества

«Каримов, Хусаинов и К^о» (1907–1915 гг.), «Г.Хусаинов и К^о» (1915–1917 гг.), которые часто выступали и как издатели, и как издательства. Здесь работали самостоятельные издательские общества, в частности «Белек», «Хезмэт», «Файда». По сведениям А.Каримуллина, в начале XX в. в Оренбурге было издано около 400 татарских книг тиражом около одного миллиона экземпляров, без учета заказов на казахском и русском языках [Каримуллин, 1999, с.235–236]. В орбиту влияния татарской печати попали и более мелкие города, примыкающие к Оренбургскому региону. В Троицке татарские книги издавались в типографии, принадлежащей Ф.Селянику, которая затем была приобретена товариществом «Хезмэт» («Труд»). Известны факты печатания татарских книг в Уральске.

В Семипалатинске работало товарищество «Ярдэм» («Помощь»), занимавшееся сначала торговлей татарскими книгами, а затем и издательской деятельностью. Отметим, типография «Ярдэм» была организована братьями Нигматуллинными в 1911 г. [Каримуллин, 1974, с.160].

В конце 1905 г. татарские шрифты были приобретены типографией Уфимского губернского правления. В Уфе появляются и первые татарские типографии: отделение оренбургского «Т-ва Каримов, Хусаинов и К^о», известная как «Шэрык матбагасы» («Восточная печать», 1908–1917 гг.), «Тормыш» («Жизнь», 1914–1916 гг.). В Стерлитамаке было основано издательско-типографское общество «Нур» («Свет»). Возникают товарищества, которые занимались только издательской и книготорговой деятельностью, – «Акча», «Иршад», «Китап», «Чулпан». Свои заказы они размещали в названных типографиях. В целом, в Башкортостане, по данным А.Каримуллина, было издано 260 татарских книг общим тиражом более 725 тыс. экз. [Каримуллин, 1999, с.226].

В Астрахани с 1908 по 1914 гг. в типографии «Т-ва Г.Гумеров и К^о» вышло в свет 58 татарских книг (общий тираж – 123,4 тыс. экз.). Татарское печатное слово здесь вновь усиливается лишь после Февральской революции, а полиграфической базой татарской печати становится типо-

графия «Нашрият», созданная на основе типографии «Т-ва Г.Гумеров и К^о». В начале нового века в С.-Петербурге продолжает издание восточных книг (в том числе татарских) «Лито-типография И.Бораганского и К^о». В годы Первой российской революции компаньоном Бораганского становится петербургский ахун Г.Баязитов, который организовал типографию «Нур». Количество установленных А.Каримуллиным татарских книг, напечатанных в обоих печатных заведениях в 1901–1910 гг., составляло 148,4 тыс. экз. [Каримуллин, 1974, с.179]. Другая восточная типография, открывшаяся в столице в 1906 г., известна под названием печатавшейся там газеты «Ульфат» («Дружба»). В 1909 г. возникла третья татарская типография, принадлежавшая Усманову, и, по предположению А.Каримуллина, ее правопреемником являлось татарское печатное заведение М.Максутова, основанное в 1914 г. [Каримуллин, 1999, с.183–184]. Единичные издания на татарском языке печатались в московских типографиях – О. Гербека, Лазареского института восточных языков, М.Аттая. Отдельные заказы татарских издателей выполнялись и в других печатных заведениях Москвы в основном путем литографии. По данным А.Каримуллина, в городе было издано 14 книг общим тиражом 28 тыс. экз. [Каримуллин, 1974, с.184]. А в целом, по утверждению книговеда, в начале XX в. татарская книжная продукция по количеству изданий занимала третье место после русской и латышской книги и по тиражу – второе место среди национальных книг народов России. Он считает, что такому широкому развитию татарского книжного дела способствовало то, что на них был спрос и со стороны других народов и что к печатанию в татарских типографиях в это время включились издатели казахских и узбекских книг [Каримуллин, 2005, с.205].

Татарские издания вмещали в себя весь спектр литературы как по содержанию, так и по типу полиграфического исполнения. Среди них были справочники, календари, словари, энциклопедии, серия «Народы мира» (переводная работа), учебные пособия, работы по философии, языкознанию

и т.д. При этом произведения художественной литературы, в том числе переводы сочинений русских и западноевропейских классиков, являлись одной из основных составляющих репертуара татарской книги. Книги на арабском языке, издававшиеся татарами, не только воспроизводили традиционные тексты канонической литературы (Корана, Хадисов и др.), большое место занимала религиозная, социальная полемика на сугубо местные темы [Сафиуллина, 2001]. Несомненно, что в основе национальной книгоиздательства помимо материальной выгоды татарские коммерсанты видели просветительские, реформаторские замыслы.

На фоне развития национального книгопечатания все более была очевидна актуальность функционирования татарской периодики как вида печатного слова, обеспечивающего оперативную информацию. В начале века заметно оживились инициативы, прежде всего, представителей татарской интеллигенции по созданию периодической печати на родном языке. Отметим, в это время в Бахчисарае продолжала выходить общетюркская газета «Тарджеман» («Переводчик», 1883–1918 гг.). В С.-Петербурге выпускался альманах «Миръят» («Зеркало», 1900–1909 гг.²⁶) на татарском языке видным общественным деятелем Р.Ибрагимовым [Батталов, 1996, с.133].

Первая газета на татарском языке под названием «Нур» («Луч») вышла 2 сентября 1905 г. в С.-Петербурге, ее издателем был вышеупомянутый военный ахун Петербургского гарнизона Г.Баязитов. Вторая в России по времени основания татарская газета «Казан мөхбире» («Казанский вестник») вышла в Казани 29 октября 1905 г. Разрешение на ее издание было дано присяжному поверенному, гласному Казанской городской думы С.Алкину, и сначала газета выпускалась согласно предписанию на двух языках, а потом только на татарском. В том же году возникли еще две газеты на татарском языке. Так, 27 ноября в Уральске вышел первый номер газеты «Фикер» («Мысль») К.Мутыги-Тухфатуллина, 11 декабря в С.-Петербурге –

газета «Ульфат» («Дружба»), которую возглавил вышеназванный Р.Ибрагимов [Гайнуллин, 1983, с.12–13; Амирханов, 2005, с.121–122].

К концу 1906 г. национальная пресса была представлена уже двадцатью изданиями, а следовательно, не осуществились планы правящих кругов, обсуждавших еще на рубеже XIX–XX вв. вопрос о возможном количестве татарских газет и журналов и пришедших к заключению, что их число не должно превышать 3–5 [Каримуллин, 1983, с.232]. Следует отметить, что с момента зарождения в истории татарской периодической печати в количественном отношении были периоды подъема и снижения. Так, например, если в 1907 г. функционировали 28 татарских периодических изданий, то в 1908–1909 гг. – 19, а в 1910–1912 гг. – не более 15. В 1913 г. выпускались 24 татарские газеты и журналы, в 1914 г. – 25. В 1915 г. действовали 19, в 1916 г. – 18 татарских органов печати, при этом доминировали журналы (11 и 12 соответственно). После Февральской революции одна за другой о своем открытии оповещали, прежде всего, татарские газеты, и в целом, в 1917 г. выпускались по меньшей мере 50 изданий, в том числе 14 журналов [Амирханов, 2002 б, с.47–51]. Исследователи отмечают, что, по неполным данным, с 1905 по октябрь 1917 гг. в отдельные годы выходили свыше 100 газет и журналов на татарском языке [Амирханов, 2002б, с.15; Каримуллин, 1983, с.233]. Так, по сведениям Р.Амирханова, в Казани издавалось 29 органов печати (в том числе 11 журналов), Оренбурге 15 (10), Уфе – 14 (5), Астрахани – 13 (4), Уральске – 6 (2), С.-Петербурге – 6 (1), Москве – 6 (1), Троицке – 2 (1), Петропавловске – 2 (0), Ташкенте – 2 (0), Самаре – 1 журнал, в Томске, Мензелинске, Семипалатинске, Коканде, Саратове, Симбирске – по одной газете [Амирханов, 2002 б, с.52].

Особую популярность снискали газеты «Казан мөхбире» («Казанский вестник», Казань, 1905–1911 гг.), «Йолдыз» («Звезда», Казань, 1906–1918 гг.), «Вақыт» («Время», Оренбург, 1906–1918 гг.), «Баянель-хак» («Вестник правды», Казань, 1906–1914 гг.), «Идель» («Волга», Астрахань. 1907–1914 гг.), «Эль-ислах» («Реформа», Казань,

²⁶ Всего было 22 выпуска, с №17 (1903 г.) издавался в Казани.

1907–1909 гг.), «Кояш» («Солнце», Казань, 1912–1918 гг.), «Тормыш» («Жизнь», Уфа, 1913–1918 гг.), «Иль» («Страна», С.-Петербург-Москва, 1913–1915 гг.), «Сюз» («Слово», Москва, 1915 г.), «Безнен ил» («Наша страна», Москва, 1916–1918 гг.), «Иль» («Страна», Москва, 1917 г.), журналы «Дин вэ магишат» («Религия и жизнь», Оренбург, 1906–1918 гг.), «Шура» («Совет», Оренбург, 1908–1917 гг.), «Иктисад» («Экономика», Самара, 1908–1913 гг.), «Ялт-йолт» («Сверкание», Казань, 1910–1918 гг.), «Анг» («Сознание», Казань, 1912–1918 гг.), «Сююмбика» (Казань, 1913–1918 гг.), «Ак юл» («Светлый путь», Казань, 1913–1916 гг.) и др. [Амирханов, 2002б, с.50–52; Гайнуллин, 1983, с.18, 34, 45, 60, 64, 86–88; Гаффарова, 2006, с.36–39]. При характеристике периодики важным показателем является их профессиональная направленность. Среди татарских газет и журналов были общественно-политические, религиозные, сатирические, литературные, учебно-педагогические, детские, экономико-коммерческие, правовые, женские и т.п. издания.

Весьма значимо также определение идейной направленности периодической печати. Анализ литературы показывает, что существует несколько классификаций национальной прессы. В частности, в своих поздних работах Р.Амирханов предлагает дифференцированный подход (классификация по периодам, которые связаны с историей развития всего российского общества): 1) годы Первой российской революции, 2) этап до Февральской революции, 3) до Октябрьской революции) [Амирханов, 2002 б, с.59].

Татарская периодическая печать периода революции 1905–1907 гг. условно подразделяется исследователем на следующие направления: 1) социал-демократическое (газета «Урал»); 2) революционно-демократическое (газеты «Танг юлдузы», «Азат халык», журнал «Карчыга» и др.); 3) радикально-демократическое (газеты «Фикер», «Эль-ислах», журналы «Туп», «Уклар», «Эль-гаср эль-джадид» и др.); 4) либерально-демократическое (газета «Идель», журналы «Чукеч», «Тарбия-и этфаль», «Чикерткэ», «Ислах»); 5) либерально-буржуазное (га-

зеты «Казан мохбире», «Юлдуз», «Вақыт», «Эхбар», «Бурганы таракки»); 6) умеренно-консервативное (газеты «Нур», «Ульфат», «Баянель-хак», журнал «Нэжат»); 7) консервативное (клерикально-монархическое) (газета «Эль-галями эль-ислами», журналы «Эд-дин вэ эль-эдэп», «Донья вэ магишат» («Дин вэ магишат»)) [Амирханов, 2002б, с. 60–62].

Как видим, татарские газеты и журналы охватывали широкий спектр идеологических воззрений. Отметим, что рубеж XIX–XX вв. характерен резкой активизацией общественной жизни татарского народа, соответственно, поляризацией общества. Нарастала идеологическая борьба между двумя течениями татарской общественной мысли – кадимистами и джадидистами. В годы Первой российской революции джадидизм принимает политическую окраску, и это движение развивается по двум направлениям – либеральному и социалистическому. Становление либеральной политической партии российских мусульман «Иттифак эль-муслимин» («Союз мусульман»), где татары имели большое влияние, происходит в результате работы трех всероссийских съездов мусульман (1905–1906 гг.). Формируются политические организации татарских социал-революционеров «Тангчылар» (лидеры Г.Исхаки, Ф.Туктаров), социал-демократов «Уралчылар» (руководитель Х.Ямашев), набирает силу массовое радикально-демократическое движение татарской молодежи «Эль-ислах» (идейный руководитель Ф.Амирхан). Важнейшим центром консолидации всех этих общественно-политических сил становится татарская периодическая печать. В частности, печатным органом кадимистов являлся журнал «Дин ва магишат». Члены ЦК партии «Иттифак» возглавляли газеты: «Ульфат» (редактор Р.Ибрагимов, основатель и сотрудник М.Бигиев), «Казан мохбире» (редактор С.Алкин при участии Ю.Акчуры), «Йолдыз» (редактор Х.Максуди). Так, на страницах «Тан йолдызы» освещались программные положения татарских эсеров (см., например: [Тан йолдызы, 1906, 1, 15, 27 июня]). В период деятельности первой Государственной думы политические симпатии «Тан йолдызы» были на стороне тру-

довой фракции. О работе мусульман, да и в целом татарских либералов, газета отзывалась критично, подчеркивая невозможность объединения всех представителей мусульман в единый союз, прежде всего, из-за несовместимости политических и экономических интересов буржуазии и трудового народа [Тан йолдызы, 1906, 23 июнь]. Таким образом, на страницах этих газет и журналов весьма четко проявились политические симпатии издательского состава.

Второй период характеризуется Р.Амирановым наличием перечисленных типов изданий, за исключением социал-демократического течения. Этот перечень замыкает еще одно направление. Так, вышедшие в свет на данном этапе газеты «Иль», «Сюз», «Безнен иль» определены им как пресса «с ярко выраженным национал-патриотическим направлением». Как он пишет, они резко осуждали колониальную политику царизма по отношению к нерусским народностям и в противовес этому проповедовали лозунги национального и религиозного единства [Амиранов, 2002 б, с.65]. Следующей особенностью татарской прессы, функционировавшей с 1908 г. до Февральской революции, являлось бурное развитие печатных органов либерально-буржуазной направленности, а также оживление изданий либерально-демократического толка. Примечательно, понятие «либеральное» несколько трансформировалось, а потому грань между этими направлениями стала весьма прозрачной [Амиранов, 2002б, с.63, 69].

Татарская пресса послефевральского периода условно делится Р.Амирановым на шесть направлений: либерально-демократическое; национально-религиозное; национально-патриотическое; военно-национальное (армейская печать); революционно-демократическое; социал-демократическое [Амиранов, 2002 б, с.69].

Как видим, вновь фигурирует социал-демократическое направление, которое было представлено единственным изданием – газетой «Алга». В то же время ей была свойственна пестрота политических материалов, в частности, газета выступала за осуществление принципов федерализма в

сочетании с культурно-национальной автономией [Амиранов, 2002 б, с.74]. Возникли новые идейные течения: национально-религиозное (журнал «Мохтариать», газета «Хэр миллэт» и др.) и военно-национальное (газеты «Безнен тавыш», «Солдат телэге», «Солдат ялкыны» и др.). Характерной чертой прессы первого направления было органическое переплетение национальной идеи с религиозной, например, уфимский журнал «Мохтариать» ратовал за религиозное самоуправление мусульман и единство нации под эгидой ислама. Армейская пресса преследовала цели мобилизации солдатских масс для достижения общенациональных задач с использованием военной силы. Анализируя данный корпус изданий, исследователь обращает внимание на близость их позиций с самыми различными направлениями национальной периодики [Амиранов, 2002 б, с.72].

Итак, все изложенное позволяет утверждать, что татарское книжное дело в начале XX в. сосредоточилось, в основном, в руках самих татар. С появлением новых национальных печатных заведений в условиях конкуренции наблюдалось удешевление себестоимости татарской книги, а следовательно, и снижение ее продажной цены и доступность.

Помимо роста количественных показателей улучшилось и качество татарской книжной продукции, что выразилось в расширении ее репертуара, а также в совершенствовании полиграфического исполнения и художественного оформления.

Новым явлением в духовной жизни татарского народа и большим достижением для него стало зарождение национальной прессы. Функционирование такого обилия периодической печати на татарском языке различных профессиональных направлений свидетельствовало о высоком уровне, зрелости татарской журналистики начала XX в. Идейное многообразие национальной прессы было следствием политической активизации представителей татарской буржуазии и интеллигенции, развития национального движения.

Таким образом, начало XX в. характеризуется окончательным формированием национальной печати.

§ 4. «Золотой век» татарской культуры: татарская литература в начале XX века

Дания Загидуллина

Начало XX в. по праву считается временем зарождения новой татарской литературы, ускоренного развития татарской культуры, «золотым веком» в национальной культурной жизни. Бурное развитие татарской периодической печати, издательского дела, поворот к светскому образованию, новая культурологическая ориентация – от Востока к Западу – стали импульсом для формирования новых тенденций в культуре.

Сформировавшаяся сравнительно поздно, только во второй половине XIX в., в период становления национального самосознания народа, татарская светская просветительская литература на первый план выдвинула необходимость преобразования конкретного национального общества. По времени движение просветительства совпало с процессом секуляризации, поэтому наблюдаются резкие перемены в сторону европеизации жанровых и стилевых структур. В целом, в ней преобладал утверждающий пафос, мотивированность стремлений и дел героев, доминировали мотивы взаимосвязанности нравственного совершенства и просвещенности, важности роли семьи в деле реформы общества, освобождения женщины от семейного и духовного гнета и т.д. Эти особенности не противоречили, а были созвучны стремлениям молодой татарской интеллигенции, вышедшей на литературную арену в начале XX в.

Опыт просветительской литературы был развит и обогащен в начале XX в.: в драматургии – в первых пьесах Г.Исхаки, Г.Камала, в поэзии – в творчестве М.Гафури, молодого Г.Тукая, С.Рамиева, Ш.Бабич и др., в прозе – Р.Фахрутдиновым, Ф.Карими, Г.Исхаки, Г.Чыгтай, З.Хади, Ш.Мухамедовым и др. Исследования последних лет доказывают, что просветительская парадигма сохранила свою роль в татарской литературе не до 1905 г., а вплоть до 1917 г., и значение – в национальной культуре всего XX в. Этим объясняются многие особенности литературного процесса.

Татарскую литературу начала XX в. можно разделить на два этапа: 1905–1911 гг. и 1912–1917 гг. До 1912 г. просветительская парадигма оставалась главной, и этот период назван Г.Ибрагимовым «периодом пробы пера» [Ибрагимов, 1910]. Общая просветительская формула прогресса нашла отражение в противопоставлении образованных и нравственных героев к необразованным и безнравственным героям («Вечная мечеть» («Мәңгелек мәчет», 1901 г.) Я.Вали) с целью выдвижения идеи о необходимости воспитания образованной и гармонично развитой личности («Прошедшая любовь» («Үткән мәхәббәт», 1905 г.) А.Биктимирова), изображения идеального героя как образца для подражания («Прекрасное воспитание» («Яхшы тәрбия», 1909 г.) Я.Моради). В произведениях проявляется мотив борьбы нового и старого (джадид и кадим), и обычно добро выступает носителем нового, в легкой борьбе одерживает победу над злом. Например, *Риза Фахретдин* (1858–1936 гг.) – мыслитель, общественный деятель и писатель – выдвинул идеал женщины-мусульманки, получившей европейское образование, которая могла бы стать не только матерью семейства, но и матерью нации.

Сентиментализм стал той категорией, которая постепенно уводила просветительскую литературу от назидательности, обеспечивая читабельность и направляя национальную литературу в сторону психологизма. Драмы «Бедное дитя» («Кызганыч бала», 1898 г.) Г.Камала, «Жалость» («Кызганыч», 1913 г.) М.Файзи, «Последний привет» («Соңгы сәлам», 1917 г.) К.Тинчурина, рассказы-повести «Встреча, или Гульгизар» («Очрашу, яки Гөлгыйзар», 1902–1903 гг.) Г.Исхаки, «Жизнь, прошедшая в нищете» («Фәкыйрьлек белән үткән тереклек», 1902–1904 гг.), «Голодный год, или Продажная девушка» («Ачлык ел, яки Сатлык кыз», 1907 г.), «Бедняки» («Ярлылар, яки Өйдәш хатын», 1909 г.), «Любовные письма» («Мәхәббәт хатлары», 1912 г.) М.Гафури репрезентируют личностно-субъективные

формы психики и сознания, тем самым расширяют ценностно-смысловые и эстетические границы текстов.

Отмечая сильные и слабые стороны просветительской литературы, Г.Сагди писал, что те идеальные образы, которые должны были служить пробуждению в народе новых мыслей и представлений, «напоминали скорее небесных, а не земных героев» [Сэгъди, 1926, с.113]. Жизненными получались отрицательные персонажи, они «воплощали в себе самые отвратительные стороны татарского общества» [Сэгъди, 1926, с.112]. В том числе и этим объясняется постепенное усиление критicismа, направленного против существующих порядков: прозаики обращают внимание на нищету простых людей («Жизнь в бедности» («Фэкыйрьлек берлә тормыш», 1902 г.) М.Гафури), отвергают неразумные поступки и деяния необразованных мулл («Несчастливая девушка» («Бэхетсез кыз», 1905 г.) З.Хади), характеризуют старомодные медресе как место унижения личных достоинств («Магсум» («Мэгъсүм», 1906 г.) З.Хади, «Изгнание Заки шакирда из медресе» («Зэки шэкертен мэдрэсэдэн куылуы», 1907 г.) Г.Ибрагимова). Это приводит к сохранению публицистического, нравоучительного пафоса. Сатира достигает небывалой активности, в ее основе сформировался критический реализм. Эти процессы хорошо видны на примере творчества Ш.Мухамедова.

Шакир Мухамедов (1865–1923 гг.) – писатель, просветитель, журналист. Первые его повести «Невежество, или Дядя Галиакбер» («Жәһаләт, яхүд Галиәкбәр агай», 1901 г.), «Под листком, или Макарьевская ярмарка» («Яфрак асты, яки Мәкәржә ярминкәсе», 1901 г.) посвящены описанию жизни и нравов татарских купцов. Критикуя их за невежество, алчность, Мухамедов проводит просветительские идеи. Сравнивая делопроизводство своих героев с порядками в конторах купцов других национальностей, призывает учиться, овладевать азами профессии. Просветительская линия особенно ярко проявилась в дидактической поэме «Новый Бадавам» («Яңа Бәдәвам», 1903 г.), в коротком предисловии которого автор пишет *«Наша нация больна... Наша*

болезнь состоит из невежества. А от невежества можно излечиться только наукой и просвещением». Если первые повести прославили Ш.Мухамедова как непревзойденного сатирика, в знаменитой повести «Японская война, или Доброволец Батыргали агай» («Япун сугышы, яхүд Доброволец Батыргали агай», 1905 г.) сатира пересекается с тонким юмором, нередко переходящим в едкую иронию. В повести высмеивается деятельность периодической печати, доводящей людей до сумасшествия с политическими лозунгами и призывами, ложный патриотизм татарских и русских купцов в дни Русско-японской войны. Противопоставив «добровольцев» Батыргали и Шубина настоящим героям–воинам из крестьян, автор разоблачает антигуманность военных действий. Занимательный сюжет, точные характеристики, знание человеческой психики, приемы приключенческой литературы сделали повесть популярной. Перо его рождала и романтические произведения. «Дочь хана» («Хан кызы», 1908 г.) – один из последних рассказов писателя. В центре произведения – любовь между дочерью хана Фатимой и пленным хана, сыном иранского шаха Ширином. Имя юноши и ситуация встречи героев, их побег вызывает ассоциации с сюжетами средневековой татарской литературы («Хосров и Ширин», «Сухайль и Гульдурсен»). В рассказе автор создает идеал волевой и свободолюбивой женщины. Оригинальная концовка рассказа – трусость принца, появление аллегорического образа дракона, съевшего отважную девушку – позволяет двоякое прочтение рассказа: традиционно, как «ослушание родителей приводит к гибели»; и философски, как «человеческие недостатки способны помешать счастью, убить любовь, привести к смерти».

В сатирической литературе со временем наблюдается обращение к условной, аллегорической образности. Так, в поэме «Клоп» («Кандала», 1916 г.) Ш.Бабича центральный образ задуман в символическом–аллегорическом ключе: в лице клопа автор показывает отношение к зачинателям Первой мировой войны. Или поэма «Газазил» (1916) Бабича, написанная как пародия средневековым историям пророков, при помощи детальной

стилизации отвергает систему ценностей дидактической литературы и свидетельствует о появлении жанра поэмы светской направленности.

Важную роль в формировании течения критического реализма играют саяхатнамэ (путевые заметки), в которых особенно ярко проявляется радикальное преобразование национальной жанровой системы. В указанное время в татарской литературе появились путевые заметки, объединяющие историческое и биографическое время на паритетных условиях, где синтез литературного и публицистического начал подкреплялся авторской рефлексией по поводу актуальных проблем татарского общества или общечеловеческих ценностей вообще. Традиционно романтический герой-путешественник рассказывал о далеких странах, природе чужих местностей, о жизни людей в тех краях. Но кроме этого, ретроспекция к историческим событиям прошлого позволяла обогатить произведение мифологическими, философскими, конкретно-историческими подробностями, усиливая эмоциональную привлекательность путевых очерков. Саяхатнамэ начал терять жанровую чистоту, все больше превращаясь в литературную, нежели публицистическую единицу. Наряду с описанием странствия, зачастую в таких произведениях рассказывалась трагическая история любви или преждевременной смерти и т.д. Тем не менее позиция автора-просветителя выражалась предельно ясно как стремление к просвещению татар. Изучив нарушение канона на материале произведений Г.Рафикый, Г.Монасыппа, Ш.Ахмадеева, А.Биктимирова и других прозаиков начала XX в., мы приходим к выводу, что причиной изменений жанровой природы саяхатнамэ стала тенденция к мифологизации истории тюрко-татар [Заһидуллина, 2003, 178 б.].

Творчество одного из основателей татарского профессионального театра, драматурга Г.Камала также развивалось в русле обличения морального состояния отдельных представителей татарского общества. Галиасгар Галиакберович Камал (1879–1933) – драматург, публицист, театральный и общественный деятель – вопреки воле отца избрал путь служения просвещению своего народа. В первых литературных опытах: «Несчаст-

ный юноша» («Бәхетсез егет», 1900 г.), «Три злодея» («Өч бәдбәхет», 1900 г.) и др. – драматург критикует патриархальный семейный уклад татар. В последующие годы раскрылся талант комедиографа. В комедиях «Первое представление» («Беренче театр», 1908 г.), «Ради подарка» («Бүләк өчен», 1909 г.), «Банкрот» (1911 г.), «Тайны нашего города» («Безнең шәһәрнең серләре», 1911 г.) с сатирических позиций воссоздал жизнь отдельных слоев татарского общества начала XX в., затронул проблемы отцов и детей, семейно-бытовых отношений. Комедии Г.Камала породили целое обличительное направление в национальной драматургии. Высмеивая те или иные аспекты национальной жизни, отдельных слоев общества, авторы добивались утверждения через отрицание (комедии «Борьба» (1907 г.) Г.Исхаки, «Образцовое медресе» («Низамлы мәдрәсә») С.Рамиева, «Вопрос о помаде» («Помада мәсьәләсе», 1908 г.) И.Богданова и др.); повесть «Фатхулла хазрет» (1909 г.) и драмы «Молодые» («Яшьләр», 1909 г.), «Неравные» («Тигезсезләр», 1913 г.), рассказ «Самигулла абзый» (1916 г.) Ф.Амирхана; пьесы «Ад» (1909–1910 гг.), «Общество» («Жәмгыять», 1909–1910 гг.) Г.Исхаки и др.), сделав социальные и нравственно-идеологические пороки общества частью художественной идеи. В драме «Учитель» («Мөгаллим», 1908 г.) Г.Исхаки; в комедиях «Живи, Зубайда, я живу» («Яшә, Зөбәйдә, яшим мин», 1907 г.) С.Рамиева и др. авторы не только выявляли свое отношение к героям, но и дидактически проповедовали вредоносность старого уклада.

В этот период в татарской драматургии формируются новые жанры: трагедия («Зулейха» Г.Исхаки), историческая драма («Герои Родины» Ф.Туйкина), мелодрама («Учительница» («Мөгаллимә») Г.Исхаки); проявляются новые темы: отношение интеллигенции к революции («Две мысли» («Ике фикер») Г.Кулахметова), нравственная и интеллектуальная свобода молодого поколения («Молодые» («Яшьләр») Ф.Амирхана) и др. В прозе ярко проявились публицистические (повести «Тюрьма» («Зиндан», 1907 г.) Г.Исхаки, «Тюремные воспоминания» («Мәүкуфиять хатирәләре», 1907 г.) Й.Акчуры); условно-символические (дра-

ма «Две мысли» (1906 г.) Г.Кулахметова), экзистенциальные («Книга мира» (1910 г.) Н.Дума́ви) начала. Возникают предпосылки для жанрового обособления рассказа: создаются социально-бытовые, социально-политические, исторические, сатирические, психологические и романтические рассказы. Нарастающее внимание к западной культуре приводит к поискам в области содержания и формы жанра. Появляется интерес к социальному статусу, личностным качествам человека, для выражения которого авторы находят новые формы, например, рассказы-назиде, отсылающие к средневековой литературе, пародии («Яна эсха́бе кәхаф» («Новые пещерные люди» (1908 г.) З.Хади). С одной стороны, наблюдается усиление публицистичности и сатирического пафоса («Праздники» («Бэйрәмнәр», 1909 г.) Ф.Ами́рхана, «Симург» («Сәмруг кош», 1910 г.), «Депутат» (1910 г.) Ш.Кама́ла). Часть рассказов, где писатель опирается на действительные факты, взятые из жизни, преподносятся читателю как очерки. Новые темы, например, провокаторства («Черное пятно» (1912 г.) К.Баке́ра, «Великое проклятие» (1912 г.) Гу́байдулли́на; «маленького человека» («Калош» (1909 г.), «Счастье башкира» («Башкорт бәхете», 1909 г.), Г.Исха́ки, «Старый батрак» («Карт ялчы», 1912 г.) Г.Ибра́гимова); «лишних людей» («Угасший ад» («Уты сүнгән жәһәннәм», 1911 г.), «...из тетради покойного» («...Мәрхүмнең дәфтәреннән», 1914 г.) Г.Ибра́гимова, «Жизнь Хамита» («Хәмитнең хяты», 1911 г.) М.Гафу́ри); войны («Жертва слабой старухи» («Зәгыйфь карчыкның корбаны», 1914 г.) Ф.Ами́рхана, «Деревянная нога» («Агач аяк», 1916 г.) Н.Дума́ви, «Дядя Хакимджан» (1916 г.) К.Тинчу́рина) явились результатом осмысления все более обостряющихся противоречий между человеком и обществом, между материальным и духовным началами, между действительностью и идеалом интеллигенции начала XX в. и придавали татарской литературе большую социальную остроту. С другой – рост интереса к психологии человека («В метель» («Буранда», 1909 г.), «Бродяга» («Сукбай», 1909 г.), «Пробуждение» («Уяну», 1909 г.), «В вороньем гнезде» («Козгыннар оясында», 1910 г.) Ш.Кама́ла), тщательно на-

рисованный в рассказах внутренний мир, душевные переживания героев свидетельствовали о появлении психологического рассказа. Появляются рассказы Ш.Кама́ла, Ш.Мухамедова, Ф.Ами́рхана, по композиционным признакам отвечающие требованиям новеллы. Это находит продолжение в 1930-е гг. (цикл новелл «Жемчужины» («Мәржәннәр», 1936 г.) К.Тинчу́рина).

В начале XX в. проза, с одной стороны, постепенно стала приближаться к реальной повседневноности татарского общества, с другой – менять ориентиры в эстетическом плане. Социально и национально акцентированная, касающаяся основной проблемы татарской действительности – судьбы нации – повесть Г.Исха́ки «Исчезновение через двести лет» («Ике йөз елдан соң инкыйраз», 1902–1904 гг.) со своей фантастико-публицистической формой, игровыми элементами, символами являл собой образец условно-метафорической прозы, позволяющей сделать обобщения социокультурного характера. Гибель болгар автор объясняет как результат отсталости и фанатизма, обвиняет в этом невежественных мулл.

Первыми произведениями, в которых отразились признаки идейно-эстетического поворота, можно назвать роман «Нищенка» («Теләнче кыз», 1901–1908 гг.) и повесть «Жизнь ли это?» («Тормышмы бу?», 1909 г.) Г.Исха́ки; рассказы «Сон в канун праздника» (1907 г.), «Состарился» («Картайдым», 1909 г.) Ф.Ами́рхана; «Пробуждение» («Уяну», 1909 г.) Ш.Кама́ла и др. В них содержится новая эстетическая установка – установка на психологизм. В социально-психологическом романе «Нищенка» Исха́ки впервые прослеживается становление татарской женщины на путь борьбы за будущее нации, и как ведущая поднимается проблема социального равенства в обществе. Написанном в форме дневника, психологическом романе «Жизнь ли это?» (1911 г.) Исха́ки с позиции самоиронии раскрывается весь трагизм слепого подражания изжившим себя, устаревшим религиозным канонам и догмам в воспитании и обучении молодого поколения. В тематическом плане, выделяется судьба национальной интеллигенции, где герой-мусульманин изображен

в поисках красоты и идеала, своего места в жизни (Ф.Амирхан «На перепутье» («Ургалыкта», 1912 г.); Г.Ибрагимов «Молодые сердца» («Яшь йөрәкләр», 1912 г.) и др.); в поисках счастья («Сельский учитель», «Чайки» Ш.Камала). Жизнь сезонных рабочих, «путешествующих» в погоне за заработками, стала фоном для изображения духовных контрастов, сложных психологических переживаний героев Ш.Камала («Отец», «В вороньем гнезде» и др.). В творчестве Г.Ибрагимова, М.Гафури сильны социальные мотивы («Старый батрак», «Пастухи» Г.Ибрагимова; «Бедняки...» М.Гафури), чувствуется стремление к изображению идеально-гармонического образа простого человека. Одной из центральных остается тема судьбы татарки, неустанно стремившейся к свободе («Нищенка» Г.Исхаки), духовный мир которой полон романтических грез о счастливой и свободной жизни с любимым человеком («Хаят» Ф.Амирхана и др.).

Писателем, возглавившим идейно-эстетические поиски в татарской литературе, является *Фатих Амирхан* (1886-1926 гг.). В его творчестве национальные художественные традиции сочетаются с освоением достижений русского и европейского словесного искусства. Как и вся татарская литература начала XX в., с просветительских позиций, через углубление психологических установок писатель переходит к реализму, зарождение романтизма и модернизма переплетается со стремлением осознать индивидуальное и всеобщее в едином ключе.

Контраст реального и идеального, старого и нового, прекрасного и безобразного в рассказах «Праздники» («Бэйрэмнар», 1909 г.), «Обед во время уразы» («Көндезде сэхәр, яки рузасызлар», 1911 г.), «Как способствовать прогрессу нации» («Милләтне тәрәккый иттерү», 1908 г.), «Блаженный день» («Рэхәт көн», 1910 г.), «Мулла пришел поучать» («Хэзрәт үгетләргә килде», 1912 г.) и др. отражает мечту писателя о преобразовании старых форм социально-бытового уклада жизни, неприятие невежества, фанатизма, всего того, что мешает социальному, культурному, духовно-нравственному прогрессу нации. Примечательна в этом плане сатирико-фантастическая повесть «Фатхулла хазрет» (1909 г.), в которой автор воскре-

шает главного героя, кадимиста Фатхуллу, в лаборатории Казанского университета через 40 лет после смерти. Фантастический сюжет позволяет автору в гротескном заострении показать черты современной ему действительности, противопоставленной идеальному будущему. В просветительской утопии, созданной писателем, татарский народ представлен цивилизованным, высоко-нравственным, материально и духовно богатым: в Казани высятся 20-этажные дома, имеются мечети, в которых одновременно помещаются 200 тыс. человек. Людей обслуживают машины-роботы, используются беспроводные телефоны с экраном, повара-автоматы, воздушные лодки вместимостью 700 человек, доктора умеют воскрешать мертвых и т.д. «Подобно тому, как темное пятно на белом полотне кажется еще темнее, на фоне жизни, достигшей высокой цивилизации, реакционный облик Фатхуллы хазрета выступает более отчетливо, более выпукло» [Нуруллин, 1971, с.133].

В рассказе «Любовь – унижение» («Хәкарәт саналган мэхәббәт», 1908 г.) писатель сосредоточен на анализе психологического состояния героя, которому возлюбленная призналась, что его любовь – позор для нее. Чувства обиды, унижения проводят к более глубокому, осмысленному пониманию себя и окружающих. В то же время, изображая переживания героя, автор показывает, как высший смысл и вечные ценности входят в человеческую жизнь: они связаны с молодостью, стремлением к счастью, способностью любить. Эти категории примеряют и синтезируют противоположные стороны человеческой жизни – счастье и страдание, радость и отчаяние. Герой рассказа «По-старел!» («Картайдым!», 1909 г.) 29-летний юноша Мустафа, казалось бы, достиг того, к чему стремился: получил аттестат зрелости и поступил в университет. Но Мустафу гложет тоска, он далек от ощущения счастья, разочарован и неудовлетворен своей жизнью. Причины переживаемого героем острого духовного кризиса сложны и многообразны: это и трудности, с которыми он сталкивался на пути к своей цели, и лишения, выпавшие на его долю, и отсутствие настоящего дела, которому он мог бы себя посвятить, и сознание скоротечности жиз-

ни, кратковременности человеческого счастья на земле, и сомнение в безусловности высших духовно-нравственных ценностей и общественных идеалов. Мустафа близок к отчаянию, потому что он чувствует себя постаревшим: «Верните мне мою молодость, мою невинную молодость! Я вам отдам все, чего я достиг в жизни!» [Эмирхан, 1984, с.45], – восклицает герой. Таким образом, писатель сопрягает мотивировки разного порядка – от бытовых и социальных до трансцендентных.

Вершинное произведение прозы Ф.Амирхана и всей татарской литературы начала XX в. – повесть «Хэят» («Хаят», 1911 г.). В центре внимания писателя – психологическая драма молодой девушки, в душе которой сталкиваются противоположные начала: разум и сердце, просыпающееся чувство личности, новое отношение к миру и моральные заповеди старого татарского общества. Внутренние противоречия порождаются внешними взаимоотношениями Хаят с ее ближайшим окружением, в первую очередь, с семьей. Родители Хаят стремятся воспитать дочь в соответствии с традиционными религиозными взглядами на поведение татарской девушки: чтение намаза и религиозных книг, запрет на самостоятельное знакомство с мужчинами (причем, даже при случайной встрече необходимо прикрывать свое лицо). В то же время Хаят с детства дружит с Лизой Мясниковой, знакома с ее семьей, братом Михаилом. Жизнь семьи Мясниковых отличается от жизни ее семьи: Лиза и Михаил, в отличие от Хаят, получают светское образование, в их доме часто устраиваются танцевальные вечера, на которые собирается молодежь. Общение с Мясниковыми не проходит для Хаят бесследно: она выучилась читать по-русски, что расширяет ее кругозор, достаточно свободно держит себя при общении с русскими студентами. Ю.Г.Нигматуллина называет Ф.Амирхана основоположником социально-психологической повести в татарской литературе: «Его героини противостоят окружающей среде не своими общественными устремлениями, не широтой умственного кругозора, а полнотой натуры, естественностью, стремлением к счастью» [Нигматуллина, 1970, с.67].

В основе внутреннего эмоционального сюжета повести – стремление героини гармонизировать окружающую ее действительность. Таким гармонизирующим началом для Хаят выступает любовь, о чем свидетельствует последнее обращение героини к Богу: «Боже, дай мне любовь! Боже, прошу тебя, дай мне любовь на всю жизнь!». Каждое из субъективно значимых для героини событий: признание Михаила в любви, встреча с московским студентом Гали Арслановым, сватовство Хаят молодым баем Салихом Фатыховым – вызывает в ее душе борьбу противоречивых мыслей и чувств, переходящую в мучительную тоску и беспокойство. На смену эмоциональным порывам, желанию самостоятельно принимать решения приходит рациональное осознание невозможности счастья, свободной жизни. Используемые Ф.Амирханом принципы и приемы художественного обобщения позволяют видеть в истории Хаят отражение судьбы всей татарской молодежи, нации в целом.

В романе «На перепутье» («Урталыкта», 1912 г.) Ф.Амирхан раскрывает психологию человека переходной эпохи, мучающегося сомнениями и не нашедшего своего места в жизни. Писатель синтезирует принципы типизации, свойственные эпическому и лирическому родам литературы. Представлена широкая панорама национально-исторической действительности начала XX в.: городской быт, культурная жизнь Казани, среда демократической интеллигенции и учащейся молодежи – студентов, гимназистов, курсисток. Для Хасана характерны рефлектирующий аналитический склад мышления, поэтому основное место в композиции образа героя занимает его самосозерцание, самоанализ и самопознание. Субъективный внутренний мир персонажа представлен в непосредственной исповедальной форме. Хасан порвал с прошлым, не приемлет старую жизнь, размышляет о судьбах нации и о ее культуре, пытается разобраться в окружающей его действительности, мечтает о преобразовании жизни татарского народа на пути приобщения к русско-европейскому просвещению. В то же время в себе самом он находит много слабостей и недостатков: неумение сосредоточиться на достижениях

поставленных целей, отсутствие силы воли и организованности, которые помогли бы ему восполнить пробелы в образовании, и др.: «... через изображение ежедневной обыденной жизни героя, через его переживания Фатих Амирхан стремится раскрыть нечто глубинное, социально значимое: поиски татарской молодежи 1906–1911 годов идеалов переустройства общественной и духовной жизни татар» [Ганиева, 2002, с.97].

В прозе Ф.Амирхана наряду с приемами реалистического художественного письма присутствуют различные формы символизации, условно-метафорической образности, поэтика антиномий и контрастов, позволившие ему выявить дисгармоничность национального бытия, его трагические противоречия и конфликты. Как новое явление в татарской литературе был воспринят современниками писателя его рассказ «Татарка» («Татар кызы», 1909 г.) [Эмирхан, 1984, б.428]. Позднее Г.Толымбай назовет данное произведение и рассказ «Среди развалин...» («Бер хэрабэдэ...», 1913 г.) явлениями символизма в татарской литературе [Толымбай, 1936, б.81]. Действительно, писатель выстраивает в «Татарке» образную систему, соответствующую эстетике символизма. В изображении судьбы женщины-татарки писатель претендует на универсализм обобщений. История татарки не является лишь аллегорическим изображением жизни всех татарских женщин-мусульманок, этот образ символизирует Жизнь, Искренние Мечты, Красоту, Святость. Темная Сила – символическая модель типических, повсеместно распространенных обстоятельств, сковавших жизнь, зол общественной действительности. Она лишает человека свободы, убивает красоту, мечты и надежды.

Автор последовательно прослеживает процесс «погребения» – превращения в живую куклу: до 6 лет девочка жила свободно, с 7 – начинается ее изоляция. С этого момента жизнь в родном доме ассоциируется с долей узницы. Выход из темницы один – замужество. Однако образ семейной жизни также прочитывается в контексте несвободы. Татарке суждено в будущем стать игрушкой для мужа, его рабыней. Татарка оказывается запертой в «четыре стены». Сфера жизни превращается в сферу небытия, смерти.

Фатальным всеобщностям писатель противопоставляет феномен самой жизни как высшей ценности. Его надежда и вера в возможность возрождения «живой куклы», преобразования личности женщины-татарки связана с девушками мусульманского Востока, не желающим быть погребенными заживо, не желающим быть погребенными заживо. Произведение посвящено «девушкам мусульманского Востока, не желающим быть погребенными заживо».

Модернизм разрабатывал формы взаимодействия и слияния разных видов искусства, что выразилось в понятии художественного синтеза. Пример диалога между литературой и пластическим искусством – картина Леконта де Нойля «Сон Востока», репродукция которой была размещена в журнале «Сознание» за 1912 г. в №1 как иллюстрация к насеру Ф.Амирхана «Восток спит». На картине изображен безмятежно спящий человек Востока. Он лежит на роскошной мягкой постели в бедной лачуге, рядом – кальян, ожидающий пробуждения спящего. Картине дается следующее толкование: спящий человек – исламский Восток, мечтающий о рае и гуриях. Бодрствующие же в это время делят его государство, грабят богатства его страны, собираются его поработить. Они стремятся к знаниям, занимаются торговлей, смело реализуют все свои планы. Противопоставление двух аллегорических образов (спящего и бодрствующего) выражает авторскую тревогу и беспокойство за судьбы своего народа.

Стремясь осмыслить современные события в их исторической перспективе, в проекции на прошлое и будущее, писатели начала XX в. обращаются к мифологическим образам и сюжетам. В 1913 г. Ф.Амирхан создает цикл «Татар кызлары» («Татарские девушки»), в который входят три рассказа: «Девушка Зухра на луне», «Сююмбака», «Проигранная в карты Зуххабира». Сюжеты, восходящие к мифологическим традициям, изменяют свою природу и содержание, объединяемые в новой индивидуально-авторской мифопоэтической идее. Писатель полагает, что на определенной дистанции, пространственной и временной, возможно воссоединение противоположностей и преодоление антитез.

В поисках новых художественных средств, усиливающих изобразительно-вы-

разительные возможности слова татарские писатели начала XX в. обращаются к приемам импрессионистического письма. Элементы импрессионизма в творчестве Ф.Амирхана не только стилевое явление, но и составляющая его общего художественного видения мира. Ориентация на выявление субстанциональных начал бытия, проявляющихся в эмпирике жизни, соединяется со столь ненеустрашимой потребностью запечатлеть окружающий мир в его изменчивости, зафиксировать оттенки неповторимого мгновенного впечатления (рассказ «В весеннем опьянении» («Яз исереклегендэ», 1916 г.).

Есть существенные моменты типологического схождения между пьесами Ф.Амирхана и западно-европейской и русской драмой начала XX в., получившей условное наименование «новая драма». В пьесе «Молодежь» («Яшьләр», 1909 г.) Ф.Амирхан, продолжая традиции И.С.Тургенева, изображает конфликт «отцов» и «детей» – идеологическое противостояние представителей двух поколений. Но и между молодыми героями драмы нередко вспыхивают споры об исторических судьбах нации, общественном прогрессе и путях, ведущих к нему. Сталкивая идейные позиции героев в отношении к старому и новому, Ф.Амирхан показывает неоднородность современного ему молодого поколения, переводя драматургическое действие во внесобытийный ряд. Предметом изображения становятся идейные споры, в которых отражается резкое размежевание основных общественно-исторических сил эпохи. Своеобразие жанра пьесы как драмы идей определяет способы выражения авторской позиции. Вопросы, как изменить жизнь и кто является носителем идеала национального прогресса, остаются открытыми. Но через столкновение разных точек зрения, «голосов» и «правд» героев раскрывается убеждение писателя в том, что только молодое поколение способно перестроить старый мир, закосневший в своих привычках и предрассудках.

О диалоге Ф.Амирхана с традициями русской литературы свидетельствует и его пьеса «Неравные» («Тигезсезләр», 1914 г.), имеющая подзаголовок «Новые люди». В драме прослеживаются два основных конфликта. Первый – это конфликт между

старым и новым, отцами и детьми – Сафыем Насыбуллиным и его сыном Гумером, представителями татарской торговой буржуазии двух поколений. Другой конфликт связан с двумя типами татарской национальной интеллигенции – новой, у которой стремление ко всему прогрессивному не сопровождается отрицанием татарской национальной культуры и своих истоков (ее представляют Сулейман, Салимэ, Ракия), и так называемых «западников», для которых прогрессивность заключается в предпочтении всего русского и в презрении всего родного, национального (таковы Закир, Габдулла). Через всю пьесу лейтмотивом проходит мысль писателя о том, что залогом истинного прогресса и расцвета татарской нации является не безоговорочное отрицание всего национального и предпочтение всего русского, а совмещение и признание лучшего, что есть в обеих культурах.

Таким образом, в начале XX в. в татарской литературе романтизм оформился как самостоятельное направление в творчестве Ф.Амирхана («Драгоценные минуты», 1912 г., «На перепутье», 1912 г.); Г.Ибрагимова (роман «Молодые сердца», 1912 г., рассказы «На море», 1911 г., «Любовь-счастье», 1912 г., «Вор-мулла», 1911 г.); М.Файзи (драмы «Шутка судьбы», 1913 г., «Галиябану», 1916 г.); Ш.Мухамедова (рассказ «Дочь хана», 1908 г.); в поэзии С.Рамиева, Г.Тукая, Н.Думаи, С.Сунчалая и др. Основной темой литературы романтизма и татарской литературы вообще стала судьба нации, произведения проникнуты драматическими раздумьями о будущем татарского народа, о свойствах татарского характера, сложившегося в национальной истории. С целью пробуждения национального самосознания, авторы обращаются к истории («Зулейха» (1912 г.) Г.Исхаки); легендам («Булгарская девушка Айслу» (1910 г.), «Ханская дочь Алтынчеч» (1914 г.) М.Гафури, «Дочери народа» (1912 г.) Ф.Амирхана, «Ханская дочь» (1914 г.) Ш.Ахмадиева и др.); к символическим образам сна («Пусть исчезает» (1911 г.) Ш.Саттарова). Ведущей тенденцией стала стремление к воссозданию целостной картины своего времени. Крупные формы романтической прозы («Молодые сердца» (1912 г.) и «Наши дни»

(1914–1920 гг.) Г.Ибрагимова) проникнуты драматическими переживаниями, вызванными реальными условиями действительности, и отличаются глубиной психологического анализа. Идеализация народной жизни, канонов ислама, богословов и их жен, воспевание семейного счастья и любви к детям складывается в идиллическую картину в романе «Мулла бабай» (1910 г.), повести «Остазбикэ» (1910 г.) Г.Исхаки. Активизируются исторические рассказы – изложение исторических эпизодов или биографий известных личностей – об Идегее, Чингиз-хане, Чура-Батыре, Нурутдине и др. («Воин Сатыш эфенди» (1912 г.) Ф.Туйкина, «Татарский народ» (1911 г.) Ш.Саггарова, «Чингиз» (1911 г.) А.Тангатарова). Беспощадность ушедшего, роковая предопределенность истории стали лейтмотивом исторических произведений.

Татарская литература начала XX в. изобилует философскими рассказами, в основе которых лежит концепция о гибели мира и человека, растерявшего представление о смысле бытия. Они дают волю целому потоку ассоциаций («Девушка–булгарка Айслу» (1910 г.) М.Гафури, «В одной труппе...» (1913 г.) Ф.Амирхана, «Оттуда» (1913 г.), «В цветочном саду» (1913 г.) М.Ханафи, «Моя фантазия» (1913 г.), «В поисках попутчика» (1916 г.) Г.Газиза, «На кладбище» (1916 г.) Н.Гасрый). Стихия татарской романтической литературы – стихия идеального, красоты, гармонии (рассказы «Надежда» (1914 г.) А.Тангатарова, «Таинственная-таинственная сказка» (1913 г.) Г.Рахима). Любовь у романтиков выступает в качестве силы, роднящей и объединяющей людей, способной противостоять вражде и насилию («Колдовские капельки» (1914 г.) Н.Думаи). Любовь облагораживает личность, окрыляет ее (рассказы «Двое хороших людей» (1910 г.) Ш.Камала, «Искандер» (1915 г.) К.Тинчурина и др.).

Противоречие между идеалом и жизнью отражается в раздвоенности души и сознания героя. В татарском рассказе вырабатывается особый способ изображения явлений мира и духовных движений человека путем контрастных сопоставлений. Тоска одиночества и жажда идеала, выраженная при помощи романтического героя, усиливает эсхатологиче-

скую направленность татарской литературы (стихи «Мы» (1908 г.), «Надежды» (1912 г.) Дардменда, «Я умираю» (1908 г.) С.Рамиева, поэма «Коркут» (1916 г.) Ф.Бурнаша, рассказ «Оттуда» (1913 г.) М.Ханафи и т.д.), оборачивается особой философией смерти.

Спасение от враждебной действительности видится в бегстве в лоно природы и экзотические места («На море», «Дети природы» Г.Ибрагимова); в воспоминаниях о детстве («Прошедшие дни» (1903 г.) Дардменда), воображаемый мир утопии («Деревня» С.Рамиева); в свой духовный мир («Душа» (1909 г.) Г.Тукая); в смерти («Оттуда» (1913 г.) М.Ханафи); в любви («Любовь – счастье» Г.Ибрагимова), в вере (религиозные стихи Г.Тукая и др.). Так, для Г.Тукая детство – не только пора в жизни каждого человека, а для человечества вообще – время простодушия, чистоты, свободы («Время праздника и детства» (1908 г.), «Я помню» (1909 г.), «Я перестал желать» (1909 г.). Поэты одушевляют природу, находят в ней созвучие своим настроениям и чувствам. Идеализируются и люди, живущие на лоне природы («Дети природы» Г.Ибрагимова).

Наличие особого романтического героя, создававшегося согласно традиции восточной, в том числе средневековой татарской поэзии, стремление к поэтизации героического, идей возрождения нации способствовали к формированию особого течения в татарской романтической литературе – гисьянизма. Корнями гисьянизм уходит к призывающей осознать божественную природу человека феноменальной философии «Ана-аль-хак», выраженной в суфийской поэзии и утверждающей о том, что душа каждого человека носит в себе частицу божественного, которая служит сохранению гармонии, совершенствованию человека и общества, а также к одному из основных учений суфизма – об аскетизме, который интерпретируется способом сохранения человеческого и спасения от несовершенства земного бытия. Гисьянизм ставит во главу угла героя-бунтаря, поднявшего свой голос против земных законов, Бога и религиозных канонов во имя индивидуализма. Считавший своей целью разрушение материальных и духовных ценностей, крушение идеалов, даже уничтожение мира, ге-

рой признает единственную ценность – духовную свободу. Его бунт направлен против всяких ограничений личной свободы.

В творчестве М.Гафури, на материале просветительских стихов, появляются первые признаки гисьянизма. В них автор призывает читателя гордиться тем, что он человек, стремится пробудить в нем веру в свои силы («Если каждый победит ...» (1907 г.), «На дорогах бытия» (1913 г.), «Сила» (1916 г.), «Ты – человек!» (1916 г.) и др.). Похожие призывы наблюдаются в стихах Г.Тукая, например «Грех» (1911 г.). Течение находит идейно-эстетическое обоснование в творчестве С.Рамиева. В его стихах конфликт идеала и действительности становится определяющей: герой, испытав на себе несправедливость земной жизни, стремится в небо («Вижу: божественно...», 1908 г.), он безвозвратно отчужден от мира и утверждает лживость земного бытия («Обманулся», 1908 г.), но и на небе не находит для себя успокоения, его гнев обрушивается и на небо, и на землю: осознает непримиримое противоречие в самом себе («Пророк», 1909 г.). Раздвоенность действительности на метафизическом уровне приводит к пониманию мира как живого, единого организма, где небо и земля, человеческое и божественное, добро и зло переплетены, и единственной возможностью спасения остается борьба против всего.

Герой, наступивший на путь гисьяна, должен быть необыкновенно ярким и страстным: из-за возвышения человека возникает конфликт между человеком и обществом и осуществляется бегство из раздвоенного мира. С.Рамиев уничтожает дистанцию между человеком и Богом, подчеркивает его право быть хозяином земли и неба («Я», 1907 г.). Его традиции продолжают в поэзии Ш.Бабича («Жалеет», 1912 г., «Хочу», 1916 г.). Бунт в каком-то смысле понимается как самопожертвование ради нации, но иррациональное восприятие бытия в творчестве Бабича переносится с трагического – в ироническую плоскость. Гротесковое стремление героя «обелить» жизнь в течение всего одной минуты («Одна минута», 1914 г.), например, воспринимается игрой фантазии. Отрицание земных (общественных) канонов и правил разъяняется как со-

стояние души («Миру», 1915 г., «Проводи короткую жизнь в борьбе», 1915 г.), именно в душе можно найти путь к счастью («В темноте», 1916 г.), констатирует он. Эти мотивы сильны в поэзии М.Гафури, Н.Думаи, Б.Мирзанова, в прозе Ш.Ахмадиева («Человек», 1913 г.).

В поэзии начала XX в. структурно-содержательные признаки восточных жанров – газели, мадхьи, марсии, касыды, ограничивающие возможности передачи гражданских переживаний лирического героя, теряют свою актуальность, поэты постепенно переходят от аруза к силлабике. Активно используется система жанров западной литературы. Поэты серьезно интересуются народным слогом, фольклорными традициями и сближение национальной поэзии с народным творчеством способствует чистоте языка произведений, стихи «избавляются» от лишних арабо-персидских и турецких заимствований. Творчество одного из родоначальников новой татарской литературы поэта *Габдуллы Тукая* (1886–1913 гг.), заложившего основы новой национальной поэзии и создавшего ее классический стиль – тому пример. Г.Халит, исследуя роль Г.Тукая в истории татарской поэзии, приходит к выводу, что он максимально сблизил поэтическое слово и его функцию с сущностью художественного объекта: «В тукаевской поэзии татарское слово впервые в полном смысле скинуло свое национальное звучание. В поэтической речи Тукая слова свободно переходят из одной тональности в другую, перестают быть атрибутами, привязанными к какой-либо теме или образу. В ней расширились и обогатились эмоциональные потенции и музыкальные нюансы родного слова. Поэт придавал большое значение его поэтической пластичности. <...> Впервые в тукаевской поэзии засверкали, как единое целое, интимно-лирические, общественно-публицистические и обличительно-сатирические грани национально поэтического стиля» [Халит, 1990, с.66–67].

Системообразующими в творчестве Г.Тукая являются мотивы судьбы нации и служения ей – основные идеологемы формирующегося в эти годы национального самосознания. Они стали определяющими в системе ценностного кода общественной

идеологии, их приоритет перед другими интересами был незыблем. Только в служении нации личность обретала возможность самореализации. Они вобрали в себя и мысль о необходимости развития татарского общества на путях приобщения к опыту и достижениям европейской культуры, и осознание значимости национальных традиций, и жесткую правду реальности, и утопические надежды, и исторический опыт. Просветительская парадигма стала толчком к преобразованию традиционной для национальной литературы картины мира, где доминировала оппозиция «Бог – человек». Так, одно из первых стихотворений Г.Тукая «Алла гыйшына» («Из-за любви к Богу», 1905 г.) использует ее модификацию: «Бог – нация». Традиционные оппозиции используются для выражения нового содержания: лирический герой призывает свой народ жить по божественным канонам. Под ними понимаются высокая нравственность, стремление к знаниям, просвещению, высокое представление о человеке, его жизненном и общественном долге. Исламская философия, таким образом, переосмысливается с позиций этноцентризма – служение нации осознается как необходимость для мусульманина (фарыз). В соответствии с логикой просветительского мышления строится характеристика человека. Такие качества, как высокомерие, лесть, консервативность, невежество, борьба против просвещения, негативное отношение к другим людям, оцениваются отрицательно и признаются вредными для будущего нации, а значит и богоотступническими. Противоположные им черты способствуют прогрессу нации, и, следовательно, оцениваются как богоугодные.

Функционирование традиционных структур в новом качестве наблюдается и в романтических стихотворениях, где основным выступает мотив творчества. В стихотворении «Хэзерге халемезэ даир» («Относительно современной ситуации», 1905 г.) утверждается божественная сущность художественного слова и выстраивается цепь соответствий: перо – проводник божественного изречения людям, им написан Коран; писатели – столпы ислама, указывающие путь к идеалу. Свое критическое отношение к татарскому обществу лирический герой объясняет тем, что в нем живет невеже-

ство, зависть, жажда мести, а «лекарством» считает почитание Бога, что равнозначно почитанию художественного слова. В стихотворении «И каләм!» («О перо!», 1906 г.), написанном в форме молитвы, полный надежды взгляд лирического героя обращен к перу: для него именно сила художественного слова может вылечить нацию, спасти ее от унижений и уничтожения, вывести на счастливый путь, установить границу между добром и злом, правдой и обманом; риторическое обращение к Богу заменено обращением к перу. В стихотворении «Милләткә» («Нации», 1906 г.) известный суфийский мотив – сумасшествия от любви, трансформируясь в мотив любви к нации, подчеркивает степень накала чувств: эта любовь доводит до сумасшествия. Данное чувство – высшая ценность на свете, служение нации – высшее наслаждение и счастье. Так, в первых стихах молодого Тукая происходит перекодировка традиционных образов, начинается разговор о проблемах нации с позиций просветителя и мусульманина, поэта и неравнодушного человека. Те же идеи проступают и в его публицистике.

Сатирическое творчество Тукая данного периода направлено против невежества («Японияне мөселман идәчәк голяма нәрэдә?» – «Где ученые, которые хотят исламизировать Японию?», 1906 г.), безнравственности («Кечкенә генә бер көйле хикәя» – «Небольшой ритмизированный рассказ», 1906 г., «Хатирәи «Бакырган» – «Вспоминая «Бакырган», 1906 г.), религиозного фанатизма («Мөритләр каберстаныннан бер аваз» – «Голос из кладбища мюридов», 1906 г., «Сорыкортларга» – «Паразитам», 1906 г., «Пыяла баш» – «Стеклянная голова», 1906 г.). Со временем в стихотворениях все острее проявляется гражданская и политическая позиция поэта-сторонника демократических преобразований («Государственная Думага» («Государственной Думе», 1907 г.); «Китмибез!» («Не уйдем!», 1907 г.). Г.Тукай размышляет о трагедии нации, у которой нет настоящего и будущее зависит от твердости и активности всего народа. Большую часть стихотворений занимают посвящения, где основная мысль формулируется как риторическое обращение к представителям различных слоев татарского общества, ведущим остается мотив судьбы нации.

Поэт очень удачно использует романтический стиль, фантастические и аллегорические приемы средневековой татарской литературы, такие средства, как сарказм, гиперболы, ирония, пародия, гротеск. Тукай проявил себя мастером назыйрэ – вариации на заданный сюжет. Наиболее яркое сатирическое произведение Тукая – поэма «Печән базары, яхуд Яна Кисекбаш» («Сенной базар, или Новый Кисекбаш», 1908 г.) также задумана как пародия на литературный памятник XIII в. «Кисекбаш» («Отрезанная голова»). В поэме преобладает эпическое начало: имеется сюжет, рассказывается о событиях, «происходящих» на Сенном базаре в Казани. Отрезанная голова, у которой Див съел туловище, проглотил сына и увел жену, рассказывает о своем горе. Фантастический сюжет, основанный на повторении сходных, однотипных образов, дает возможность автору воссоздать облик татарского общества, которое далеко от действительности, живет в ожидании чудес и зрелища, «циркового представления».

В творчестве татарских писателей начала XX в. рождение новой формы авторства, характерной для поэтики художественной модальности, сосуществует с элементами традиционалистского художественного сознания, что проявляется в преобладании объективного начала над субъективным в структуре художественного образа. Допущение, что «я» как автономный и самоценный субъект может владеть истиной, дополняется представлением о посреднической функции автора, в котором индивидуально-творческое начало взаимодействует с традиционно-каноническим. Так, в стихотворении «Ике юл» («Два пути», 1909 г.) традиционная антиномия «просвещение–невежество» выступает как средство интерпретации двух возможностей человеческой жизни: пути к духовному совершенству и пути к стагнации. Парадоксальная мысль о том, что стремление к просвещению делает человека несчастным, завершает художественную идею произведения: просвещенные люди – борцы за будущее нации – обречены жить для других людей, их проблемами и заботами. Жизнь представляется как вечная борьба, но все же страдания поэта светлы: чувства безысходности, уныния, одиночества, острое восприятие быстротечности жизни преодолеваются

присутствием веры в светлое будущее нации. Или в стихотворении «Өмид» («Надежда», 1908 г.) поэт, выстраивая оппозиции света и тьмы, восхода и заката, будущего и настоящего, друга и врага, отчаяния и оптимизма, приходит к утверждению жизни как победы «солнца ума» над «тьмой невежества» («*О, взоиди, светило мысли! Туча, прочь уйди скорей!// Совесть мертвую, о солнце, оживи, лучом согрей!*»), пер. А.Ахматовой). «Солнце мысли» противопоставляется «совести мертвой» – тьме ложных представлений, верований, идей. Даже «светочь вселенной» не сравним с тем, что дает надежду: «*Нет, душа не будет низкой, высота – ее удел*». В стихотворении «Күнел» («Душа», 1909 г.) лирический герой обращается к своей душе, призывая ее к страданиям – жить горестями и заботами других. Высший смысл существования для него – в посвящении себя другим. Только максимальное погружение в мрак и безнадежность, в холод и пустоту, в боль и страдание может вывести к свету и чувству гармонии с мирозданием.

По такому же принципу развивается поэтическая идея многих стихотворений: «Сэрлэхәсез» («Без названия», 1909 г.), «Милли моцнар» («Национальные мелодии», 1909 г.), «Өметсезлек» («Без надежды», 1910 г.) и др. В них драматические, порой трагические переживания лирического героя связаны с жизнью народа, с историей нации. В стихотворении «Сэрлэхәсез» (1909 г.), подчеркивая необходимость воспевать «горестную песню»: «*Кузгатмакчы булсаң халык куңелларен, / Тибрәтмәкче булсаң иң нечкә кылларын, / Көйләү тиеш, әлбәт, ачы хәсрәт көен, / Кирәк түгел мәгънәсе юк кәлке, уен*», поэт предлагает философское осмысление основ бытия: несовершенство бытия порождает у человека чувство горечи, неудовлетворенности, безысходности.

В философской лирике поэта преодоление трагизма жизни неразрывно связано с утверждением идеала и категорией идеального. Именно через идеал Г.Тукай оценивает все явления современной ему жизни. В стихотворениях, где главным выступает мотив тоски о прошлом, жизнь разделена на две половины: время, когда лирический герой считал себя вполне счастливым, и время осознания невозможности быть счастливым. Так, в стихотворениях «Бәйрәм вә сабыйлык

вакыты» («Время праздника и детства», 1908 г.), «Исемдә» («Я помню», 1909 г.) идеализируются приметы прошлого: чистый и бескорыстный смех и игры; ожидание светлого счастья; первая влюбленность; сладостные слезы божественных переживаний; пронзительные чувства любви. Они противопоставлены холоду и равнодушию настоящего. Константирующий «вечную мерзлоту» души лирический герой живет только воспоминаниями. В воспоминаниях о прошлом, в гармонии, красоте, живой жизни сосредоточена суть стихотворения. Память превращается в ценность, сохраняющую ощущение гармонии, красоты мироздания.

Идеал – истина, которую ищет человек, посвятивший себя служению народу, истина, которая поможет осветить жизнь, проявляется во многих стихах Тукая. Идеал неумолимо борца, «честного и чистого, как жемчуг», Тукай воспел в марсии «Хөрмәтле Хөсәен ядкар» («Светлой памяти Хусаина», 1912 г.), посвященной памяти Х.Ямашева. Посвящения «Шиһап хәзрәт» (Шигап–хазрет», 1913 г.), «Улмы? – Ул» («Кто он?», 1910 г.) и «Мөхәрриргә» («Писателю», 1906 г.) воссоздают идеальные образы просветителя Ш.Марджани и писателя Г.Исхаки. Тукай стремится воплотить в своем идеальном герое субстанциальные силы народа, нации.

Истина, противопоставленная материальным ценностям, прочитывается и как состояние души человека, который «пошел искать огонь, чтоб светлым сделать мир земной», и стремление к духовной свободе («Даһигә» – «Гению», 1913 г.). Она уподобляется ярчайшей звезде («Күнел йолдызы» – «Звезда души», 1909 г.), поддерживающей человека в самые сложные минуты жизни и позволяющей помочь другим:

Я ощущаю тяжесть рук,
прикосновение черных сил,
Но враг мой в сердце у меня
святой звезды не погасил.
Нет, нет, горит моя звезда,
не меркнет отблеск золотой,
И несомненно, хоть один
заблудший той спасен звездой.

(Пер. В. Тушновой).

В стихотворениях о любви Г.Тукая чувство влюбленности интерпретируется как категория возвышенного, как источник поэтического вдохновения («Мәхәббәт» – «Лю-

бовь», 1907 г.), счастья («Кулың» – «Твоя рука», 1908 г.) и стимул к самосовершенствованию («Гә» – «Посвящение», 1908 г.), как недостижимый идеал («Бер рәсемгә» – «Одному портрету», 1908 г.) и как смысл жизни («Иһтида» – «Постижение истины», 1911 г.). Мотив любви сплетается с мотивом творчества. Между мотивом любви и творчества устанавливается семантическая эквивалентность: по Тукаю, любовь и творчество имеют божественное происхождение и предопределенность.

В пейзажной лирике, где преобладает мотив наслаждения красотой, идеализируется природа родной земли, и красота видится в простых явлениях, ярко проявляется национальное своеобразие поэзии Тукая. Он сумел передать присущее татарскому народу восприятие природы («Ай һәм кояш» («Луна и солнце») 1909 г., «Кышка бер сүз» («Слово зиме») 1909 г., «Жәйге таң хатирәсе» («Воспоминание о летней заре») 1910 г. и др.). «Естественная» красота природы в стихах и поэмах противопоставляется «жестокости» исторического развития. Кроме того, двойственность бытия выражается в антитезе божественного и земного, природы и человека («Дошманнар» («Враги») 1912 г.).

Надежда – еще один отблеск идеального в лирике Тукая. Если прошлое – счастливая пора, то мрачное сегодняшнее – время потери надежды, оно ассоциируется с адом, со смертью («Өмидсезлек» («Без надежды») 1910 г., «Теләү бетте» («Кончилось время надежд») 1909 г.). Милосердие, равно как и надежда, способна поддержать человека в самых тяжелых жизненных испытаниях («Катиле нәфескә» («Самоубийце») 1910 г.). Несовершенство бытия объясняется неспособностью человека к состраданию, однако поэт, заявляя об иллюзорности ожидания помощи от других, подчеркивает, что рассказывая о своем горе, человек преодолевает чувство одиночества. Общение очищает душу и помыслы («Ачы тәжрибә авазы» («Голос горького опыта») 1910 г.). Так в самых трагических стихотворениях Тукая присутствует вера в высокие идеалы любви, милосердия, красоты, надежда на их осуществление.

В философской лирике формируется один из центральных мотивов лирики Тукая – мотив трагического одиночества и отчуждения. Прежде всего, он представлен

как одиночество среди равнодушной толпы, причиной которого является посвящение себя борьбе за свободу духа, за светлое будущее нации, за изменение мира. В стихотворении «Кыйтга» («Отрывок», 1913 г.) чувство сожаления лирического героя, жизнь которого состояла из «черных дней» и борьбы за «обеление, очищение мира», возникает как результат осознания недостижимости этой цели. Но верность идеалу и стойкость человеческого духа торжествуют: несмотря на одиночество и отчаяние, лирический герой не изменяет своему стремлению изменить общество, мир к лучшему.

Исповедальность и стремление к внутреннему самоанализу в стихах такого плана соединены с ощущением кризиса – драмы в личной судьбе, потери друзей, крушения всего, что было дорого, осознания недостижимости цели всей жизни. Так, в стихотворении «Өзелгән өмид» («Разбитая надежда», 1910 г.) жизненная установка поэта: песней, творчеством «оживить национальные деревья» – «разбудить» нацию, изменить мир, найти свет и тепло на своем пути, – противопоставлена надгробному камню на могиле матери – образу, приобретающему символический смысл. В минуты осознания недостижимости идеала единственной ценностью для лирического героя является камень, символизирующий и преемственность поколений, и бесконечность бытия, и традиции народа, и общечеловеческий, связанный с этой преемственностью великий смысл жизни. Так, отчуждение, погружение в себя открывает сокровенную тайну назначения человека в мире.

Мотив молитвы, мотив любви к Богу пронизывает многие стихи, посвященные нравственным вопросам о судьбе человека («Мигъраж» (1910 г.), «Кадер кич» (1911 г.), «Тэффирме? Тәржемәме?» (1913 г.)). Молитва как таинство, через которое человек выражает своей внутренний мир, предстает не только как обращение к Богу, но и как «разговор» со своей душой, своим «я» («Ана догасы» («Молитва матери») 1909 г.). «Там», у Всевышнего, человек всегда может найти успокоение, поддержку («Киңәш» («Совет») 1909 г.), чистоту и истину («Таян Аллага», 1909), так как человек сам несет в себе капельку божественного («Нәсыйхәт» («Назидание») 1910 г.).

Тукай одним из первых в татарской литературе специально занялся изучением эстетических принципов фольклора, его связей с письменной литературой. В 1910 г. в знаменитом Восточном клубе поэт прочитал лекцию «Халык әдәбияты» («Народная литература»), провозгласив лозунг «Да здравствует народная литература, да здравствует народный язык!». В своем творчестве он использовал сюжетные схемы народных сказок: поэмы «Шүрәле» («Шурале», 1907 г.), «Су анасы» (Водяная», 1908 г.), «Кәжә белән сарык хикәясе» («Рассказ о козе и овце», 1910 г.), передал специфику народного мировосприятия и мироотражения: «Милли моңнар» («Национальные мелодии», 1909 г.), образы и детали, изобразительно-выразительные средства, присущие татарскому устному народному творчеству: «Пар ат» («Пара лошадей», 1907 г.), «Эштән чыгарылган татар кызына» («Униженной и оскорбленной татарской девушке», 1909 г.), писал стилизации под народные песни: «Авыл жырлары» («Деревенские песни», 1908 г.). Опираясь на традиции устного народного творчества, Г.Тукай добился полной трансформации слога и формы татарской поэзии, стал создателем национального литературно-поэтического языка, «свободного от всякого постороннего влияния арабского, турецкого, узбекского» («Народная литература»). Древние традиции в творчестве Тукая соотнесены с современным ему художественным сознанием, его критериями и ориентациями. Вместе с тем, традиционные структуры и образы, мотивы, детали, узнаваемые и прочитываемые в контексте восточной литературы, стали средством оживления художественной памяти, в том числе и жанровой. Гражданская, любовная, пейзажная лирика Тукая сохранила память восточных жанров: газели, касыйды, марсии, но актуализировала ее для выражения национальной идеи, сформировавшейся в начале XX в.

Татарские поэты и писатели начала XX в. стремились трансформировать татарскую литературу по образцу европейской и русской литератур, но хотели сохранить национальную самобытность искусства слова. Проблема сохранения, развития, совершенствования нации стала ключевой тенденцией новой светской литературы.

§ 5. Возникновение национального театра

Айгуль Салихова

Развитие капиталистических отношений повлекло за собой существенные изменения в политической, экономической, духовной сферах российского государства. В конце XIX – начале XX вв. вся общественная жизнь страны обрела особую динамику, что не могло не сказаться и на традиционном укладе тюркских народов империи. Вырос и укрепился национальный капитал, усилились экономические и культурные связи татар с другими народами. Утверждалась новая, прогрессивная национальная идеология, формировались собственные общественные институты: политические партии, пресса, начали развиваться светские формы культуры, литературы и искусства.

Зарождение национального сценического творчества обуславливалось и возникновением татарской драматургии. Первые татарские пьесы появились в последней четверти XIX в.: «Несчастливая девушка» Г.Ильясина датируется 1887 г., пьеса Ф.Халиди «Против несчастной девушки» опубликована в 1888 г. К наиболее ранним драматическим произведениям относятся также «Комедия в Чистополе» (1895 г.) и первая редакция пьесы Г.Камала «Несчастный юноша» (1898 г.). Примерно в это же время появились переводы пьес (в основном, с русского и турецкого языков).

Первые татарские спектакли ставились в богатых частных домах любительскими кружками, а также учащимися передовых медресе, таких как «Мухаммадия» в Казани, «Усмания» и «Галия» в Уфе. Но уже в начале 1907 г. в Оренбурге появляется «Первая в России труппа мусульманских драматических актеров под руководством Ильясина Кудашева-Ашказарского». В этой труппе начали свою творческую деятельность многие известные в дальнейшем актеры – Вали Муртазин-Иманский, Ахмет Кулалаев, Бари Болгарский и др. Летом 1907 г. коллектив выезжает на свои первые гастроли по городам Поволжья, во время которых в труппу вступает первая женщина-актриса Сахибжамал Гизатуллина-Волжская, а затем и Габдулла Кариев. В репертуаре труппы

были такие произведения, как «Мурат Салимов» Ф.Халиди, «Предложение» А.П.Чехова, «В чужом пиру похмелье» А.Н.Островского и др.

Руководитель труппы И.Кудашев-Ашказарский отличался энергичностью и яркими актерскими данными, но видимо, ему не хватало широты взглядов и чисто организаторских способностей. Вскоре он покидает труппу и начинает самостоятельную творческую деятельность. Во главе коллектива встает молодой, талантливый и самозабвенно преданный искусству Габдулла Кариев. Многогранная личность Г.Кариева оказала такое большое влияние на дальнейшее развитие татарского сценического искусства, что национальную актерскую школу до сих пор называют «кариевской». Он выступал и как художественный руководитель, и как режиссер, и как театральная педагог. Вместе с тем, организация деятельности труппы носила коллегиальный характер. Каждый ее член должен был отвечать за определенный круг вопросов: Кариев – за общее руководство, Муртазин, Гизатуллина – за режиссуру, Кулалаев – за написание и расклейку афиш, Хайрутдинов – за переписывание ролей и суфлерство. Все это говорит о том, что в коллективе царил дух товарищества, взаимовыручки и равноправного партнерства.

Весной 1908 г. татарские актеры, гастролируя в Тифлисе, объединяются с азербайджанскими актерами, о чем пишет тифлисская пресса: «В Тифлис приехала татарская труппа. В редакции газеты «Молла Насретдин» встретились Араблинский и татарские артисты и решили, объединив труппы, выехать на гастроли» [Летопись азербайджанского театра, 1975, с.163]. Для совместной работы были взяты пьесы как азербайджанских, так и татарских драматургов – трагедии «Надир шах» Н.Нариманова, «Горе Фахретдина» Н.Вазир-Заде, драма Г.Камала «Несчастный юноша» и др. Совместная работа двух национальных трупп заметно обогатила творческий диапазон каждой из них. Татарские артисты показали своим азербайджанским

товарищам малознакомый им театр бытового, психологического реализма, а сами, в свою очередь, близко познакомились с искусством больших страстей, возвышенных чувств и героического пафоса, усвоили приподнятую, романтическую манеру игры. Кроме этого, совместная работа обогатила обе национальные труппы репертуаром. Пьесы Н.Нариманова, М.Ахундова и других азербайджанских авторов заняли с тех пор прочное место на сцене татарского театра.

После гастролей, осенью 1908 г. коллектив разъединяется. С этого момента татарская труппа берет себе название «Сайяр» («Странствующая»). И действительно, не имеющему собственного помещения коллективу приходится много гастролировать. Поволжье, Крым, Кавказ, Средняя Азия, Казахстан, Сибирь – везде актеры находят своего благодарного зрителя, хотя условия существования бродячей труппы не могли не сказываться на их творческих успехах. Отсутствие собственного помещения, необходимость каждую неделю ставить новую пьесу, огромные расходы на аренду здания, газетные объявления, афиши, тяжелое и нестабильное материальное положение – все это существенно осложняло работу первых татарских артистов. Не случайно исследователи дореволюционного театра выделяют этот период как первый, наиболее сложный этап развития национального театрального искусства [Махмутов, 1988]. Тем не менее, по-своему он был весьма плодотворен. Репертуар обогащался разнообразными по жанру и стилю произведениями – ставили бытовую комедию и водевили, драму и высокую трагедию, произведения русских, азербайджанских, турецких авторов, появлялись новые оригинальные пьесы татарских писателей: И.Богданова, Г.Камала, Г.Исхаки. Таким образом, накапливался жизненный и творческий опыт, росло мастерство, и расширялся кругозор татарских актеров.

С декабря 1911 г. труппа «Сайяр» была включена в штатное расписание Восточного клуба [Юлдуз, 1911, 1 ноябрь]. Это означало регулярное жалованье всему творческому коллективу на зимний сезон, постоянное помещение. В это же время в труппу был принят художник С.Яхшыбаев, отвечающий за декорации. Все это ознаменовало наступле-

ние второго этапа в развитии национального театрального искусства, продлившегося до 1917 г. – этапа активного творческого роста.

В 1912 г. в Уфе начинает работать вторая профессиональная труппа «Нур» под руководством С.Гиззатуллиной-Волжской, а в 1915 г. в Оренбурге В.Муртазиным-Иманским была организована труппа «Ширкят».

Говоря об особенностях национальной исполнительской школы, следует отметить, что татарские актеры являлись пионерами в своем деле, не имели специального образования и азами профессии овладевали на практике, в процессе каждодневной работы. Большим подспорьем для них были спектакли других трупп, в частности русских городских театров Казани и других городов. Очень часто использовался прием подражания, копирования, когда для сценического персонажа находили реальный прототип в жизни, а затем полностью переносили его на сцену, сохраняя мельчайшие подробности внешней характеристики. Свидетельства тому мы находим в воспоминаниях З.Султанова, Г.Болгарской и других. Исследователь татарской режиссуры М.Г.Арсланов приводит описание творческого метода Г.Кариева: «Жизнь была для него незаменимым арсеналом, источником несметных богатств, творческого потенциала. Если в эмоциональной памяти не имелось необходимого материала для работы, он уходил в те места, где находились люди той среды, которая изображена в пьесе. Только после тщательного изучения реальных прототипов действующих лиц он снова продолжал работу, он учил тому же своих актеров. В силу того, что театр постоянно находился на гастролях, и за неимением хорошо оборудованной стационарной сцены Кариев не мог полностью реализовать свои замыслы. Поэтому все внимание и силы он отдавал работе с актерами. Кариев рассказывал интересные эпизоды из личной жизни, проводил литературные параллели, стараясь возбудить творческую фантазию актеров и, наконец, пользовался приемом показа, когда не получалось какое-то место роли у того или иного исполнителя. Будучи режиссером реалистического направления Г.Кариев стремился воссоздать на сцене «кусочек жизни» во всей его полноте» [Арсланов, 1992, с.61]. Несмотря на наивность

и некоторую примитивность такого подхода, он сослужил хорошую службу начинающим исполнителям, и явился определенной ступенью в развитии сценического реализма.

Некоторые исследователи выделяют две школы актерского искусства – жанрово-бытовую и лирико-романтическую, – которые представлены именами Г.Кариева и С.Гизатуллиной-Волжской [Илялова, 1981, с.25–26]. На наш взгляд, можно говорить лишь об особенностях, личных предпочтениях и творческой направленности того или иного исполнителя. Действительно, дореволюционный татарский театр объединял очень разных актеров, каждый из которых был сильной личностью, яркой индивидуальностью, и это, безусловно, отражалось на творчестве. Интересно, что еще в 1910 г. театральный критик Г.Карам указывал на это в своих статьях. В частности, он писал, что Г.Кариев – «резонер и бытовик» и «не может играть роли любовников» [Анг, 1913, 1 июня], К.Тинчурин – «хорошо выступает в переводных произведениях и достигает желаемого, а в национальных пьесах особенно не блещет талантом». Высоко ценя и искренне восхищаясь первой татарской актрисой С.Гизатуллиной-Волжской, Карам все же отмечал, что ее настоящее амплуа – драматическая героиня и «ее игра в комедиях зачастую напоминает драму, по этой причине впечатление у зрителя не всегда остается правильным» [Юлдуз, 1910, 23 декабрь]. Тот же критик выделял необычайную широту творческого диапазона Г.Болгарской: «Какие только амплуа не подчиняются ей... Несомненно, Болгарская одна может управлять репертуаром, у нее для этого достаточно и опыта и мастерства» [Юлдуз, 1913, 4 апрель]. В целом, можно сказать, что еще до революции 1917 г. татарский театр имел плеяду ярких, самобытных, талантливых актеров, проделавших путь от ученического подражания к самостоятельному и полноценному творчеству, от увлечения поверхностными внешними характеристиками к психологической глубине, от конкретного детального правдоподобия к поэтическим и социальным обобщениям.

Этому в немалой степени способствовал богатый, разнообразный по стилям, жанрам и направлениям репертуар. Поскольку пере-

мены во взглядах глубоко и искренне верующих мусульман шли нелегко, старания энтузиастов театрального дела поначалу были встречены настороженно. Решающим аргументом в пользу нововведения стало признание его положительной воспитательной роли. И действительно, ранние татарские пьесы Г.Ильяси, Ф.Халиди, Г.Камала, Г.Исхаки полностью соответствовали духу исламского просветительства, осуждали пороки, невежество, безнравственность. Среди переводных произведений сначала также преобладали мусульманские – турецкие и азербайджанские авторы. Постепенно, нация становилась более открытой и динамичной, рос интерес к западной, европейской, а также русской культуре. Это сказалось и на репертуаре. Как татарские газеты печатали на своих страницах образцы зарубежной литературы и репродукции мировых шедевров изобразительного искусства, так и театральная труппа знакомила публику с произведениями Мольера, Гейне, Гоголя, Островского, Чехова. Просвещая своих зрителей, артисты учились и сами.

Постановки же по пьесам национальных драматургов каждый раз становились радостным и долгожданным событием. Большой популярностью пользовались комедии Г.Камала. Позднее советские ученые назовут их острой социальной сатирой на богатеев-эксплуататоров. На самом деле сатира эта была чисто бытовая – небольшие юмористические зарисовки, в которых он весело и непринужденно описывал хорошо знакомый ему купеческий мир, высмеивал общечеловеческие пороки: жадность, глупость, хитрость.

Всего два произведения для сцены – драмы «Молодежь» и «Неравные» – написал Ф.Амирхан. Поразившие современников художественным совершенством, богатством идейного содержания, красотой языка, они стали классикой. Писали для театра С.Рамиев, И.Богданов, Ф.Сайфи-Казанлы и другие.

Но самым ярким и разносторонне одаренным среди драматургов был, несомненно, Гаяз Исхаки. Путь, который он прошел в своей творческой эволюции, весьма показателен. Его просветительская драма «Жизнь с тремя женами», опубликованная

еще в 1900 г., с большим успехом шла на татарской сцене вплоть до 1916 г. Более поздние драмы и комедии поднимали актуальные для своего времени проблемы и относились уже к критическому реализму. Но вершиной его творчества по праву считается трагедия «Зулейха». По своему эпическому размаху, глубине философских обобщений и силе эмоционального воздействия она и сегодня не имеет себе равных в татарской драматургии. Не случайно показанная в марте 1917 г. постановка встретила небывало восторженный прием и получила международный резонанс. Конечно, после того, как Гаяз Исхаки, не приняв власть большевиков, эмигрировал в Турцию, к нему намертво приклеили ярлык «буржуазного националиста» (парадокс – до революции он скитался по ссылкам и тюрьмам как «социалист»). Новым режимом «Зулейха» была объявлена мистической, антирусской, идеологически вредной и находилась под запретом. Между тем в этом создававшемся на протяжении долгих лет, основанном на реальных исторических событиях, очень сложном и серьезном произведении нет ни грамма бытового, вульгарного национализма, что подтверждается и наличием положительных русских персонажей. Рассказывая о судьбе насильственно крещеных татар, писатель поднял глобальную проблему не только физического, но и куда более

страшного – духовного угнетения, показал, как страдают люди, низведенные до положения бесправной скотины, словно у них нет души, чувств, разума. С болью и состраданием пишет он о своих единоверцах, перенесших множество горя и лишений. Помимо масштабности, эпичности произведения, его идейной глубины и оригинальности, заслуживает внимания тот факт, что впервые в драматургическую ткань спектакля были органично введены народные песни и танцы, фольклорная сцена свадеббы. Впервые для постановки была специально написана музыка композитором Султаном Габаши. Можно сказать, что трагедия «Зулейха» открыла путь новому сценическому жанру – музыкальной драме.

Дореволюционная история татарского театра насчитывает чуть больше десяти лет. Но за этот небольшой промежуток времени был сделан огромный путь, и не только в освоении актерского мастерства. Помимо сугубо коммерческих задач – привлечения и развлечения публики, актеры ставили перед собой и более важные, значительные, благородные цели – способствовать распространению культуры и образованности, развитию литературы и искусства, росту национального самосознания. Театр и сам по себе воспринимался как символ прогресса и объединял вокруг себя широкий круг молодой татарской интеллигенции.

§ 6. Развитие музыкального и изобразительного искусства у татар до 1917 года

Татарское изобразительное искусство – сравнительно молодое художественное явление. Развитие татарской живописи невозможно представить без советского фона. Ведь именно отход от религиозных ценностей, установление атеистического воззрения, а также новые возможности в образовательной сфере способствовали становлению профессиональной художественной культуры.

Хотя интерес к изобразительному искусству, художники-самоучки и первые профессиональные живописцы в татарском обществе были еще до 1917 г. На рубеже XIX–XX вв. мусульманская молодежь особенно активно стала интересоваться рус-

Лилия Габдрафикова
ской культурой, в том числе и живописью. Например, в учебной программе Казанской татарской учительской школы значились черчение и рисование, где помимо элементарных знаний, учили перспективе и светотени [Горицкая, сост., 2005, с.63]. Долгие годы преподавателем этих предметов работал Шакирджан Тагиров, выпускник этой же школы.

Определенное влияние на молодое поколение татар оказывала и культура Османской империи, где изобразительное искусство развивалось еще со средневековья в виде миниатюр. С середины XIX в. часть турецких художников проходит обучение

в Европе, в Стамбуле были проведены первые художественные выставки, а в 1882 г. открылась Школа изящных искусств – Sanayiî Nefise Okul (ныне Университет изобразительного искусства им. Мимара Синана). Первые турецкие картины представляли, в основном, пейзажи, при этом они нередко были срисованы с фотографий. Появились и изображения людей. Например, в работах художников Осман Хамди бей, Шекер Ахмета паши [Çağdaş türk resmi].

Первые изобразительные практики в татарском обществе на рубеже XIX–XX вв. являлись дополнением к издательскому делу, к театральным постановкам. В оформлении татарских книг (а после 1905 г. газет и журналов) сначала использовались готовые русские штампы, потом уже появились и оригинальные художественные образцы. В дореволюционной периодической печати особенно был развит жанр карикатуры. Критические, эмоциональные статьи того времени усиливались с помощью остроумных изображений. Известным мастером карикатурного жанра был писатель Галиаскар Камал. Он оформлял и декорации к театральным постановкам [Червоная, 1987, с.288]. Но книжные иллюстрации и декорации для спектаклей были лишь отдаленным напоминанием собственно изобразительного искусства. В пейзажных рисунках отсутствовали люди, а о портретах еще не было и речи.

Взгляды татар-мусульман на изображение живых существ, в первую очередь, людей, изменились после широкого распространения фотографии. Среди горожан фотоуслуги стали особенно популярны в последней трети XIX в. Связано это было как с более поздним развитием данного сегмента рынка в провинциальных регионах России, так и спецификой мусульманского мировосприятия. Но почти в каждой состоятельной татарской семье имелись фотоснимки. «Некоторые люди имеют дома свои портреты, но они никогда их не вывешивают на стенах», – отмечал Каюм Насыри [Насыри, 2005, б.232]. В начале XX в., когда появились переносные камеры, и увлечение фотографией достигло невероятного размаха, в татарских семьях составляли уже фотоальбомы.

Распространение фотографии в мусульманской среде было связано не только с природной любознательности человека, это стало практической необходимостью. Фотографировались для служебных документов. Например, муллы при сдаче экзаменов на знание русского языка, представляли еще и свои фотоснимки [НА РТ, ф.2, оп.2, д.6081, л.8]. Экзамены для имамов проводились с начала 90-х гг. XIX в., фотографии в личных делах появились чуть позже. Так, в новое направление визуализации были вовлечены самые ортодоксальные слои мусульманского общества. И это стало своеобразным разрешением для остального населения, часть которого по религиозным убеждениям, еще избегала фотообъективов. Иногда даже в одной семье встречались разные взгляды на фотоискусство. В начале XX в. фотоснимки человека были необходимы и для проездных документов, и для аттестатов некоторых учебных заведений [НА РТ, ф.142, оп.1, д.338, л.2].

Развитие фотоуслуг способствовало появлению новых вариаций «визуального» бизнеса. Так, еще до 1917 г. работали мастера по увеличению фотографий (наибольший размах эта услуга приобрела уже в советское время). Например, художник-самоучка, декоратор труппы «Сайяр» Сабит Яхшыбаев в казанский период жизни (с 1912 до 1920-х гг.) увлекался фотографией, рисовал портреты на дому [Рэми, 2001, б.325]. В статье «Мусульманский художник», опубликованной в газете «Юлдуз» в 1912 г., Галиасгар Камал писал о том, что Сабит Яхшыбаев, «китайский башкир» (китай – один из башкирских родов), приехал из Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии с целью поступить в Казанскую художественную школу. Но опоздал к вступительным экзаменам. «Сабит эфенди очень беден и нуждается в материальной поддержке, – обращается к читателям газеты драматург, – если среди наших соплеменников найдутся люди не равнодушные к искусству, они должны оказать ему хоть небольшую помощь» [Камал, 1981, б.263–264]. Сабит Яхшыбаев так и не поступил в художественную школу, влачил тяжелое существование, в 20-е г. он создал в Казани картины «Деревня», «Крестьянка-татарка», «Татарин», «Изба», но потом

уехал на Родину и работал театральным художником Башкирского драматического театра в Уфе.

Развитие национального изобразительного искусство в Башкирии связывают с именем Касима Девлеткильдеева. Уроженца д. Кугуль (Марьино) Уфимского уезда (ныне Благоварский район Республики Башкортостан) по советской традиции называют первым башкирским художником. Хотя даже в справочнике «Список населенных пунктов» по Уфимской губернии от 1877 г. жители Кугуля обозначены как татары [Населенные пункты Башкортостана, 2002, с.149]. Касим Девлеткильдеев происходил из семьи татарских «лапотных» дворян. Его старший брат работал в Уфе учителем, и подростковые годы Касима прошли в губернском центре, где он окончил Уфимскую мужскую гимназию. После недолгого обучения в Казанской татарской учительской школе, в 1908 году он отправляется в Петербург. Это был смелый поступок для своего времени, семья Девлеткильдеева была против затеи, а некоторые родственники (например, в Казани) даже отреклись от него. Его мечтой была учеба в Академии художеств. Но в 1914 г. он окончил Петербургское училище технического рисования барона Штиглица. Семейные обстоятельства и материальные трудности не позволили Касиму Девлеткильдееву продолжить образование в Академии, он вернулся в Уфу [Бондаренко, 2002, с.158–167]. Училище Штиглица окончили Хусаин Баданинский, Мирзажан Байкиев (долгие годы работал реставратором скульптур в Эрмитаже). Накануне Первой мировой войны училась в Московском Строгановском художественном училище Хадича Акчурина. Её первые гравюры публиковались в детском журнале «Ак юл».

Если в повседневной жизни к 1910 г. визуальное восприятие мира у татар-мусульман значительно видоизменилось: об этом свидетельствуют фотографии, иллюстрации книг и периодических изданий, театральные декорации, то отношение к профессиональному занятию изобразительным искусством оставалось критичным. Практически ни один родитель не желал своему ребенку судьбы художника. Хотя по данным газеты

«Эль-ислах» на 1908 г. в Казани, в художественном училище в указанном году обучались два ученика из татар [Амирханов, ред., 2004, с.536]. За исключением таких единичных случаев получения профессионального художественного образования, в целом, эта ниша продолжала пустовать. По словам Г.Камала, уже в 1912 г. в Казанской художественной школе не было ни одного студента-мусульманина, более того, отсутствовали и желающие поступить в это учебное заведение. Еще в 1909 г. представители татарской интеллигенции решили учредить стипендию для одного студента-мусульманина. Редакция газеты «Юлдуз» для этих целей выделила 50 рублей, столько же прислала и оренбургская газета «Вакыт». Однако необходимую сумму так и не удалось собрать, не было, как уже было сказано, и абитуриентов.

В 1912–1913 гг. в казанской библиотеке «Шарык» была организована первая небольшая художественная выставка, где экспонировались портреты татарских писателей (Г.Тукая, Ф.Амирхана и др.) Одним из организаторов выставки являлся Сабит Яхшыбаев [Урманче, 1960, б.138–142]. Значительную агитационную работу по продвижению изобразительного искусства среди населения вели также татарские газеты и журналы. Особо выделялся журнал «Анг». В 1915 г. как приложение к журналу выпустили альбом с образцами мировой живописи. В 1916 г. его издатель Ахметгарей Хасани издал и распространял изображение царицы Сююмбике (репродукции картины XIX в.). В казанской жандармерии этот факт интерпретировали по своему, если распространяет изображения бесплатно, значит «с целью подготовить массы к мысли о возможности воссоздания Казанского ханства» [Амирханов, 2005, с.70]. Хотя издателем двигали исключительно идеи «национального прогресса». Поощряли интерес к изобразительному искусству и в редакциях газет «Юлдуз» и «Кояш», в них постоянно искали талантливых рисующих ребят, оказывали им материальную помощь [Мәһдиев, 1987, б.52–54]. Векания нового времени, а также постоянная агитация национальной прессы оказали влияние и на учебную программу татарских медресе. В начале XX в. к рисованию в них

начали относиться с большим вниманием [Ваһапов, 2010, б.121].

Таким образом, благодаря ряду факторов еще до 1917 г. в татарском обществе изменилось отношение к изобразительному искусству. Развитие буржуазной национальной культуры: книгоиздательства, газет и журналов, театра требовало новых форм подачи материала. Конкуренция вела к тому, что предлагаемая продукция отходила от существовавшего ранее минимализма и дополнялась новыми художественными изысками. Но в изображении конкретного человека-мусульманина значительную роль сыграло появление в повседневной жизни татар фотографии. Если в мировой истории фотография развивалась под воздействием живописи, то в истории татар наоборот: распространение фотослужб повлияло на развитие изобразительного искусства. Благодаря фотографии исчезли некоторые стереотипы визуального восприятия мира. Изображения татарских деятелей публиковались в книгах и журналах, свидетельствах об окончании медресе, татары увеличивали собственные фотоснимки для домашнего пользования, начали писать первые портреты и устраивать для них художественные выставки. Некоторые молодые люди из татар в начале XX в. поступили в высшие художественные училища. Среди них были К.Девлеткильдеев, Х.Баданинский, М.Байкиев, Х.Акчурина и другие.

Музыкальная культура у татар на протяжении долгих столетий носила частный характер, публичное исполнение мелодий не приветствовалось мусульманским духовенством. Но в домах еще в конце XIX в. появились поющие часы, чуть позднее – различные музыкальные шкапулки. Самыми распространенными моделями этих «ящичков» стали «Стелла» и «Аристон». В Казани на рубеже XIX–XX вв. были известны два мастера по почину музыкальных механизмов – Гариф Минкин и Гилязутдин Сайфуллин. Они занимались не только ремонтом ящичков, но и записывали татарские народные мелодии на медные пластинки [Рәми, 2001, б.179, 229]. В каталоге музыкального мастера Сайфуллина насчитывалось 200 наименований татарских песен. Жители Ново-Татарской слободы называли его «эр-

гэн Гиляз» (орган Гиляз). Конечно, муллы не одобряли деятельность ни Гилязутдина Сайфуллина, ни тем более его предшественника Гарифа Минкина. Их бойкотировали и проклинали [Габяши, 1994, с.50].

В начале XX в. музыкальные ящики с их металлическими дисками вытесняются появившейся в это время принципиально новой звукозаписывающей техникой. В обиход вошли граммофоны. Они были известны еще с конца XIX столетия, но стали повсеместно применяться лишь спустя некоторое время. Самостоятельные татарские певцы начинают записывать песни на пластинки. Например, в 1910 г. оренбургская газета «Вақыт» сообщила о том, что певец Мухаммеджан Габидуллин записывался в Москве в фирме «Граммфон» [Гафури, 1983, б.348]. Кроме него в это время стали популярны граммофонные записи Марьям Искандаровой, Нафисы Поздняковой, Хусаина Юсупова, Мирфайзы Бабаджанова, Камиля Мутыги, Ибрагима Адамантова, Хадичи Гамбитской, анонимных женских соло и дуэтов. Новая татарская городская культура была в своей основе подражательной. Здесь были и русские песни, перепеты на татарский лад. Помимо вокала, на граммофонных пластинках были представлены и инструментальные записи. Они пользовались особой популярностью. Одна из ведущих звукозаписывающих фирм компания «Граммфон» еще в 1910 г. выпустила каталог «Общий список казанско-татарских зонофонных пластинок старой и новой записи общества «Граммфон». Таким образом, данный сегмент рынка был достаточно развитым.

По замечанию современного музыковеда Идриса Газиева, «записи некоторых татарских певцов демонстрируют необычный тембр исполнителей, отличающийся некоторой искусственностью, визгливым, полуфальцетным звучанием в высокой тесситуре, напоминающим женский голос» [Газиев, 2009, с.178]. Например, такой визгливой манерой исполнения отличался Хусаин Юсупов. Он был одним из самых часто записываемых исполнителей фирмы «Патэ». В том же стиле пел и Мирфайза Бабаджанов. В этом ряду кардинально отличался Камиль Мутыги, который обладал низким тембром

и исполнял песни в современной манере без нарочито высоких нот.

Качество граммофонных записей татарских исполнителей являлось предметом постоянной критики на страницах национальной прессы начала XX в. Об этом писали Сагит Сунчелей, Шагит Ахмадеев, Габдулла Тукай и другие авторы. В основном, певцов и певца упрекали в искажении песен, не всех устраивала их несколько вульгарная манера исполнения. Кроме того, музыкальный материал состоял преимущественно из народных песен. Слушателям же, особенно передовой публике, хотелось авторских мелодий, сочинений татарских композиторов [Сунчеләй, 2005, б.235–238; Тукай, 1986, б.53–54].

Как известно, на рубеже XIX–XX вв. татарские музыканты-любители могли демонстрировать свое творчество лишь в ресторациях и трактирах, а также другого рода увеселительных заведениях. Даже при их выступлениях в общественных садах или в более респектабельных местах на них оставался ярлык трактирных певцов. Такое же отношение сохранялось и при обсуждении граммофонных записей.

Столь критикуемый в прессе низкий уровень исполнения не всегда был таковым при живом исполнении. Виной всему была сама техника звукозаписи, которая при малейшем неправильном движении искажала звук. Микрофонов, корректирующих голоса, тогда не было. Певец пел в рупор соединенный с мембраной, которая своей иглой записывала на восковой пластинке борозду. С них уже делались оттиски и печатались настоящие пластинки. При сильных звуковых колебаниях мембрана так дребезжала, что там действительно, по выражению Габдуллы Тукая, слышались «кошачьи вопли». Возможно, сразу после появления граммофонов мало кто знал о таком свойстве новой техники, поэтому на исполнителей обрушился целый шквал негодований. Неслучайно, слово «граммофон» через некоторое время стало почти нарицательным, так звали любого плохого певца [Колбасьев, 1931, с.109].

Распространение музыкальных носителей и дальнейшее обсуждение всех плюсов и минусов данного направления досуга, выработка более высоких требований к ним, создавало единое культурное пространство,

что, безусловно, сыграло значительную роль в консолидации татарской нации. Граммофонные записи стали альтернативой, объединяющей публичное исполнение и приватное прослушивание. Так, не все татарские женщины могли позволить себе посещение рестораций и трактиров, общественных садов. Благодаря звукозаписи этот вид культурного отдыха, до этого доступный лишь мужчинам, проникал и в домашнюю среду.

По мнению Сагита Сунчелейя, если весь XIX в. прошел под флагом гнета народной музыки, то в начале следующего столетия граммофоны есть «во всех деревнях, что у мужика, что у мульты» [Сунчеләй, 2005, б.236]. Обезличенное «машинное» исполнение воспринималось мусульманами, как допускаемое Кораном, поэтому людей интересующихся такого рода «ящиками», следовательно, и собственно музыкой становилось все больше.

В начале XX в. в татарском обществе наблюдался небывалый интерес к музыке. Это видно и по литературно-музыкальным вечерам, и по популярности грампластинок, и по полемике на страницах национальной периодической печати. Большинство авторов признавали, что татарские песни утратили свою самобытность и значительно уступают народному творчеству башкир и ногайцев. Оригинальность их музыкальной культуры объяснялась относительной изолированностью их быта от чужеродного влияния, полукочевым образом жизни. По мнению писателя Гаяза Исхаки, забыты не только сами мелодии, но и сам национальный дух татарских и мишарских песен. «Вся музыкальная сила теперь заключается в пении русских частушек на татарский лад. Единственная отдушина для нас – это башкирские мелодии. Казанские песни – оставшиеся от ханов либо навсегда забыты, либо уже исчезают», – писал он в статье «Наша национальная мелодия и музыка», опубликованной в журнале «Мэктэп» в начале 1914 г. [Исхакий, 2005, б.279–281]. Влияние русской музыки на татарское народное творчество отмечали и другие авторы. Отдаление татар от народной музыки другой исследователь вопроса – историк Гали Рахим связывал с развитием городской культуры у татар. «Среди нас теперь очень мало тех,

кто напевает красивые старинные мелодии; народ теперь любит новые песни, без глубокого смысла, их сочиняют одну за другой», – сокрушался он [Рахим, 2008, с. 76]. Именно на рубеже XIX–XX вв. татары выделяли сельские мотивы («авыл кое») и городские («шэхэр кое»).

Бурные дискуссии, в какой-то мере спровоцированные грамзаписями, привели к тому, что менялось в целом отношение к музыке. Например, в Казани татарская молодежь организовала в январе 1908 г. «Музыкальное общество», целью которого была «пропаганда национальной музыки среди народа и создание национального оркестра» [Амирханов, 2005, с. 134]. Татарские юноши и девушки поступали в музыкальные училища, в мусульманских учебных заведениях организовывались собственные хоры и оркестры. Певцами и певицами становились люди из самых разных семей. Так, один из знаменитых исполнителей тех лет Камиль Мутыги был сыном авторитетного религиозного деятеля – муллы Мутыгуллы Тухватуллина из города Уральск.

Действительно, после 1905 г., в новометодных медресе и среди либерального духовенства наблюдалось более лояльное отношение к музыке. Особое место в этом ряду занимало медресе «Галия» в Уфе, открытое в 1906 г. В учебном заведении разрешалась игра на различных музыкальных инструментах, более того, ученики организовали собственный оркестр. Сам руководитель медресе, богослов Зия Камали тоже любил петь. Правда, об этом знали только его близкие. Его сын в своих мемуарах отмечал о том, что отец иногда пел старинные татарские песни: «Кара урман», «Зиляйлюк» и другие мелодии, а дети ему подпевали [ЦИА РФ, ф.Р-4767, оп.1, д.2, л.71]. Музыкальный кружок действовал и в оренбургском медресе «Хусаиния» [Рахимкулова, 2010, с. 153].

В сборнике, посвященном Шигабутдину Марджани (издание 1915 г.), бывшие шакирды и другие исследователи наследия выдающегося ученого-богослова отдельно выделяли его взгляды к поэзии и музыке [Мәржани, 2001]. Шигабутдин хазрат еще в середине XIX столетия стал одним из первопроходцев реформированного ислама и аргументировал свою мысль о том,

что музыка не противоречит шариату. «Он говорил, что нет никакой разницы, откуда идет звук, будь это соловей или неодушевленный предмет, – писал о нем его ученик Габдрахман Гумари, – другое дело, если в литературно-музыкальных вечерах происходят вещи, не соответствующие нормам ислама, но это никак не касается самих стихов или музыки» [Мәржани, 2001, б.55]. На особом отношении Марджани к музыке акцентировал внимание и Хасан-Гата Габяши. Интересно, что оба этих автора, представители высшего мусульманского духовенства, являлись не просто теоретическими защитниками вопросов, касающихся музыки и шариата, но и в своей повседневной жизни сталкивались с ними.

Например, астраханский имам и издатель Габдрахман Гумари в 1912 г. выпустил сборник «Ногайские песни». Казый Оренбургского магометанского духовного собрания и ученый-историк Хасан-Гата Габяши разрешил своему сыну учиться игре на фортепиано. Впоследствии, Султан Габяши стал одним из первых татарских композиторов. Занимался он дома в Уфе, у преподавательницы Нины Соколовой. Педагог звала ученика продолжить обучение в консерватории. «Но на это папаша мой не пошел и нельзя в этом его обвинять, – писал в своей автобиографии композитор, – тогда среди татар не было принято обучаться музыке и становиться профессиональными музыкантами, потому что не было для этого ни поприща, ни спроса» [Габяши, 1994, с.33–35].

Благодаря литературно-музыкальным вечерам и клубам среди татар появилась мода на создание оркестров и хоровое пение. Вечера стали массовыми после 1905 г. Основными организаторами всегда выступала молодежь. Татарской интеллигенцией постепенно проводилась мысль о том, что литературно-музыкальные вечера или «Әдәбият ахшамы» – это возможность слушать мелодии своей нации не в сомнительных местах, а в приличных залах. «Если музыка, призывающая к прелюбодеянию – это харам, то музыка, зовущая к прогрессу просто обязательна», – писал о литературно-музыкальных вечерах Габдулла Тукай [Тукай, 1985, б.225]. Эти мероприятия во многом способствовали распространению пози-

тивного отношения к музыке. Например, в казанском «Восточном клубе» (работал с декабря 1907 г.) действовал собственный оркестр, куда вошли талантливые музыканты И.Галиакберов, Г.Зайпин, В. Апанаев. Коллектив исполнял, в основном, произведения из татарского фольклора, то есть делались попытки привить публике хороший музыкальный вкус.

Организаторы всегда выделяли конфессиональный характер вечеров. Очевидно, это делалось для того, чтобы как-то реабилитировать новую форму культурного времяпровождения в глазах у старшего поколения, а также у более религиозной публики. В татарской прессе различные авторы выступали в защиту мусульманских вечеров, акцентируя внимание на их просветительском значении.

Вскоре оркестры и хоры стали создаваться и при учебных заведениях. Например, в 1914 г. в Бугуруслане Самарской губернии городская мусульманская община организовала для детей музыкальную школу. Сначала она работала в здании медресе, через некоторое время была переведена в отдельное помещение. Здесь обучались игре на мандолине, скрипке, гитаре двадцать учеников [Гибадуллина, 2009, с.173–175].

В женской школе Фатыхи Аитовой в Казани (открыта в 1916 г.) был хор учениц. Кроме пения, им разрешалось танцевать и играть на музыкальных инструментах. Воспитанницы организовывали в школе кон-

церты, посещали городской театр и другие представления [Явгильдина, 2007, с.205]. Однако демократичное отношение к урокам пения и к музыкальному досугу учениц установилось не сразу. Это можно наглядно проследить на примере ученицы данной школы Сары Садыковой. «Голос маленькой Сары нравился её подругам и они привели её в детский хор, которым руководил редактор детского журнала «Светлый путь» Фах-релислам Агеев (при «Восточном клубе» – прим.). В этом хоре она запевала известную в те годы народную татарскую песню «Рокия гулькэем». Директор школы Фатыха Аитова, услышав ее в этом хоре, очень рассердилась, т.к. считала неприличным совместное пение девочек и мальчиков. Она даже исключила девочку из школы, – вспоминала её дочь Альфия Айдарская, – но позже взгляды ее меняются и она возвращает «певицу» в школу, потому что Сара очень хорошо училась» [Айдарская, 2002, с.175].

Таким образом, со второй половины XIX в. до 1917 г. в татарском обществе серьезно изменились взгляды на музыку, которая за это время из интимного явления превратилась в общественное достояние. Большую роль в этом сыграли новые звукозаписывающие технологии, просветительская работа татарской интеллигенции, литературно-музыкальные вечера. Культурный потенциал, накопленный до 1917 г., стал хорошим подспорьем для развития татарского музыкального искусства уже в советское время.

ГЛАВА 5

Казанская губерния и татарский народ в годы Первой мировой войны

§ 1. Социально-экономическое и политическое положение Казанской губернии в период войны

Айдар Хабутдинов

С началом Первой мировой войны в августе 1914 г. наблюдался подъем патриотизма во всех слоях общества, однако он носил достаточно кратковременный характер. Православное духовенство и имамы проводили молебны, отправлялись патриотические телеграммы [Медведев, 1948, с.6–7]. Татарское общество также лояльно отнеслось к своему общегражданскому долгу. Элита рассматривала вступление Турции в войну как признак неспособности ее руководства оценить геополитическую обстановку. Начало войны татары Казани отметили патриотической манифестацией, в которой участвовало более 500 человек. Были посланы телеграммы императору Николаю II и верховному главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу [НА РГ, ф. 1, оп.6, д.862, л.26–28, 36–37].

От имени мусульманской фракции ее председатель, депутат от Уфимской губернии К.-М.Тевкелев утверждал 26 августа 1914 г. в связи с началом Первой мировой войны: «Мусульмане Российской империи считали и считают себя русскими гражданами не только тогда, когда добиваются прав, но и тогда, когда им приходится исполнять обязанности перед родиной». При этом он указал, что «мусульмане не могут утверждать, что их гражданские чувства всегда находили справедливую оценку со стороны русской государственной власти. Они не могут скрыть от себя, что даже теперь в такой серьезный момент правительство иногда наносит очень чувствительные удары по их религиозным и национальным чувствам» [Государственная дума, 1915а, стб. 34]. Именно политическое и гражданское не-

равноправие, усугубленное антитурецкими и в целом антимусульманскими настроениями, создаст затем среду для возникновения оппозиционных чувств у российских мусульман. Татары Казанской губернии не были представлены в четвертой Государственной думе. Поэтому о патриотических чувствах населения края высказался депутат от губернии, октябрист И.Годнев: «все инородцы края, как и мы все, русские, находящиеся в полном единении с ними, готовы пожертвовать свою жизнь и все свое достояние положить, если понадобится, для защиты родины» [Государственная дума, 1915а, стб.35].

С началом войны происходит милитаризация индустрии края. Промышленность губернии была почти целиком сосредоточена в одном центре – Казани. В 1914 г. по данным фабричной инспекции в Казанской губернии насчитывалось 388 фабрик и заводов с общим количеством рабочих 18,3 тыс. человек. Крупнейшими были обувные и швейные фабрики товарищества фабрики Алафузовых с 8,8 тыс. рабочих. На 1 января 1916 г. в Казанской губернии насчитывалось 19,9 тыс. рабочими. На военных заказах только в Казани было сосредоточено 43 предприятия с 15 тыс. рабочих. Причем из-за массового призыва мужчин на фабриках Алафузовых 59,4% трудящихся составляли женщины, дети и подростки [Медведев, 1948, с.5].

Для буржуазии война обозначала получение сверхприбылей. Если в 1914 г. прибыли Волжско-Камского банка составили 4,3 млн. руб., то в 1916 г. – 7,6 млн. руб. Фабрикант А.Шабанов получил в 1915 г. 185 тыс. руб.,

а в 1916 г. – 817 тыс. Наибольшие прибыли получали заводы и фабрики, работавшие на армию. Здесь на первом месте находились фабрики Алафузовых [Амирханов, ред., 2004, с.65]. Вышеупомянутый А.Шабанов, бывший до войны владельцем только овчинно-шубной мастерской, сумел организовать в Суконной слободе Казани фабрику по пошиву военного обмундирования, создал в разных частях города ее 15 филиалов. Временами число трудившихся на него рабочих достигало 8 тыс. человек. В 1916 г. в связи с трудностями по доставке сырья, топлива, рабочей силы начинается сокращение объема продукции и остановка ряда производств, прежде всего работавших на нужды населения. Так к 1917 г. на 65% сократил производство мыловаренный завод Крестовниковых [Халиков, 1988, с.331–332].

Наиболее непопулярна была война среди широких слоев простых тружеников, для которых она обозначала массовую мобилизацию и жертвы на фронтах, понижение жизненных стандартов, ухудшение условий труда и бесконтрольность действий администрации и фабрикантов. Еще в августе 1914 г. прошла массовая забастовка на фабрике Алафузовых, выступления трудящихся Казани продолжались в 1915 г. Фактором, усилившим влияние радикальных активистов, стала эвакуация в 1915 г. населения из западных регионов, оккупированных немцами. Уроженцы польских территорий сыграли большую роль как в рабочем, так и в целом революционном движении в Казани. Трудящихся неизбежно подталкивал к забастовкам непрекращающийся рост цен. Определенную помощь рабочим оказывали потребительские лавки и общества потребителей, наиболее развитые при фабриках Алафузовых и Крестовниковых. Они занимались выпечкой хлеба, продавали муку и сахар по ценам, близким к заготовительным [Амирханов, ред., 2004, с.64]. Однако эти меры были явно недостаточными. В январе 1916 г. экономическая забастовка прошла на фабрике Алафузовых, следующая большая стачка началась в сентябре 1916 г. Казанский губернатор П. Боярский абсолютно адекватно оценивал ситуацию, указывая на прямое озлобление населения против органов пра-

вительственной власти, что «при благоприятных условиях не замедлит выразиться в таких крупных осложнениях, перед которыми события 1905 года покажутся только незначительными эксцессами» [Медведев, 1948, с.9].

Органы самоуправления и благотворительные общества развернули широкую деятельность по помощи семьям фронтовиков, раненым и инвалидам. Только на содержание семей запасных (т.е. мобилизованных из запаса) за два года войны Казанская городская дума ассигновала 400.000 руб. В городе под председательством казанского городского головы В. Боронина действовал городской комитет по оказанию помощи больным и раненым воинам, комитет по оборудованию госпиталей. Наряду с денежными и продовольственными пособиями первый комитет занимался также устройством столовых, детских яслей, сбором вещей и теплой одежды, приобретением дров. 14 августа 1914 г. при губернской земской управе был открыт Казанский губернский комитет помощи больным и раненым воинам. Всего в Казани действовало более 150 благотворительных организаций. Только за год войны в Казань было доставлено более 50 тыс. раненых.

К лету 1915 г. встал вопрос о массовом приеме эвакуированных, прежде всего с территорий царства Польского. В августе 1915 г. в Казани был образован городской комитет по оказанию помощи беженцам. В его состав вошли представители национальных комитетов: польского, еврейского, латышского и мусульманского. К январю 1916 г. комитет имел свыше 80 помещений для беженцев, 5 питательных пунктов, несколько специальных госпиталей, выдал им около 30 тыс. предметов одежды и обуви [Димитриева, сост., 2003, с.4–7].

Общественная деятельность татар сконцентрировалась на создании лазаретов и сборе средств для раненых мусульман. 2 ноября 1914 г. в Казани на Московской улице открылся Мусульманский лазарет. На церемонии присутствовали и выступали казанский губернатор П.Боярский, казанский городской голова В.Боронин, председатель комитета по организации лазарета имам Г.Галеев (Баруди). От мусульманских обще-

ственных деятелей Казани выступили также С.-А.Алкин и С.Максуди [Юлдуз, 1914, 5 ноябрь].

6–11 декабря 1914 г. в Петербурге состоялся Всероссийский Съезд Мусульманских Благотворительных Обществ. Это был первый съезд после смерти И.Гаспринского и последний перед революциями 1917 г. Несмотря на то, что приглашения были разосланы 87 организациям, в съезде приняли участие 35 представителей 20 организаций. Председателем съезда был избран Ибн. Ахтямов. Был избран «Центральный Комитет Российских мусульманских общественных организаций», которому поручалось «руководство всей работой мусульманских общественных организаций по оказанию помощи раненым воинам». Несмотря на ряд закулисных дискуссий, съезд воздержался от принятия политических решений. В состав ЦК не вошел ни один крупный общенациональный лидер [Аршаруни, 1990, с.91–92; Терегулов, 1926, с.52. Рукопись ОРРК НБЛ КГУ. 3881; Хабутдинов, 1997. Ч.2, с.36–37]. В соответствии с решениями этого съезда, в Петрограде был создан «Временный Мусульманский Комитет по оказанию помощи раненым воинам и их семьям». 28 февраля 1915 г. он получил разрешение создать центральный орган и отделения на местах. Председателем Комитета стал генерал Габдулгазиз Давлетшин [Вақыт, 1915, 24, 25, 27 февраль; 3 март]. 9 мая 1915 г. состоялось собрание членов Казанского отделения комитета, избравшее его председателем С.- Г. Алкина [Димитриева, сост., 2003, с.94].

В январе 1915 г. к мусульманам Волго-Уральского региона обратились с просьбой о помощи представители мусульман Закавказья. 25 января 1915 г. казанская газета «Йолдыз» опубликовала открытое письмо членам правления Общества пособия бедным мусульманам г. Казани с описанием бедственного положения мусульман Карской области, где шли военные действия. 29 января 1915 г. этот вопрос рассматривался на заседании правления общества, прошедшем в доме его председателя Б.Апанаева. На собрании было решено организовать спектакль, и перечислить доходы от него в пользу мусульман Карской области [Ди-

митриева, сост., 2003, с.80–84]. 24 февраля 1915 г. был создан «Комитет помощи пострадавшим от войны русским подданным мусульманам» в Оренбурге. Основная цель комитета заключалась в сборе средств для мусульман Карской области [Вақыт, 1915, 3, 6, 8, 10, 14 март, 10, 17, 19, 24 апрель].

В августе 1915 г. в Казани организуется комитет помощи беженцам – мусульманам. Инициаторами его создания выступают С.-Г.Алкин и В.Таначев. 6 сентября Комитет проводит встречу с мусульманской молодежью Казани, на которой избирается 14 человек для помощи Комитету. В сентябре организуются комиссии Комитета по гигиене (А.Терегулов), приему беженцев (С.Габяши), кормлению и обеспечению одеждой (С.Ахмерова) [Димитриева, сост., 2003, с.111–112, 115–117].

В 1915 г. в связи с растущими поражениями на фронтах, особенно потерей летом Царства Польского, увеличивается активность различных общественных и политических группировок. По данным начальника Казанского губернского жандармского управления полковника К.И.Калинина (22 августа, 12 сентября 1915 г.), среди интеллигенции Казни единодушную поддержку получает идея «министерства общественного доверия», то есть ответственного перед Государственной думой. При этом партийные подпольные группировки отсутствуют после разгрома в апреле 1915 г. «Коалиционного комитета» среди студентов Казанского университета, объединявшего большевиков, меньшевиков и эсеров [Амирханов, ред., 2004, с.352–353]. В сентябре 1915 г. создается Военно-промышленный комитет, проходят выборы в его рабочую группу. Часть рабочих призывает бойкотировать эти выборы, что приводит к арестам на Пороховом, Крестовниковских, Алафузовском заводах [Медведев, 1948, с.9].

Осенью 1915 г. вновь организуется революционный кружок, пополнившийся за счет эвакуированных в Казань студентов Варшавского университета. Важную роль в восстановлении большевистской ортодоксии в Казани сыграл его студент Г.Олькеницкий. В феврале 1916 г. выходит воззвание, сообщающее об организации нового «Коалиционного комитета», который начинает

регулярно распространять листовки революционного содержания [Медведев, 1948, с.13]. В сентябре 1915 г. проходит первая за время войны студенческая сходка с антивоенными лозунгами [Халиков, 1988, с.336]. 18 марта 1916 г. проходит общестуденческая сходка в знак протеста против призыва студентов в армию [Медведев, 1948, с.14]. 5 ноября 1916 г. проходит новая студенческая сходка. В ее резолюции студенты потребовали создания «ответственного министерства» и введения политических свобод [Амирханов, ред., 2004, с.360–361].

Летом 1916 г. три члена «Коалиционного комитета» совершают поездку в Уфу, где устанавливают связь с большевиками Самары и Оренбурга. Летом же 1916 г. в Казань прибывают два видных большевика В.Тихомирнов и В.Молотов. Они ведут работу по большевизации рабочих Казани. В. Тихомирнов снабжает казанских большевиков, издававшейся в Женеве газетой «Социал-демократ» [Медведев, 1948, с.15]. К началу 1917 г. революционная пропаганда охватывает студенчество, рабочих и солдат казанского гарнизона.

Начавшаяся Мировая война дала новый импульс для объединения и среди мусульманских политических лидеров. В 1915 г. они решили создать центр, объединяющий все тюркские регионы России, – бюро мусульманской фракции. Основным инициатором выступил редактор газеты «Суз» Г.Исхаки. Прошли заседания в Москве, Уфе и Казани. Кандидатами в бюро от Казани намечались С.-Г.Алкин, С.Максуди и Ф.Туктаров. Члены бюро должны были помогать фракции в вопросах координации деятельности мусульман России. Была создана комиссия по организации бюро, куда вошли С.-Г.Джантюрин (представитель Уфы и член I Думы), Г.Еникеев (депутат IV Думы), бывшие лидеры «тангчылар» Ш.Мухаммедьяров и Г.Исхаки [НА РТ, ф.199, оп.1, д.1112, л. 1].

В 1915 г. в редакции газеты «Йолдыз» начали собираться представители национальной интеллигенции. Это редактор газеты А.-Х.Максуди и его брат С.Максуди, сотрудники газеты Г.Баттал, Г.Камал, Ф.и И.Амирхановы, редактор журнала «Анг» Г.Хасанов, редактор журнала «Ялт-Йолт» А.Урманчеев, владелец типографии Гильм.

Шараф, Ш.Ахмеров, В.Таначев, Г.Кариев, редактор журнала «Ак юл» Ф.Агеев, редактор журнала «Русия сзудэсе» В.Шагидуллин, Гимран Садыков [НА РТ, ф.199, оп.1, д.1112, л.1–1 об.]. Таким образом, национальные активисты в Казани сосредоточились, прежде всего, на просветительской деятельности.

Татарская элита надеялась на то, что мусульмане, проливавшие кровь на фронте, получат равноправие. 20 июля 1915 г. К.-М. Тевкелев от имени думских представителей латышей, литовцев, эстонцев, армян, евреев и мусульман заявил: «Мы выражаем... глубокую уверенность, что в деле отражения врага и победы над ним одним из главных условий успеха является подъем духа в среде населяющих Россию народов, и возможность свободного приложения для каждого из них своих сил на общее дело борьбы с врагом, и что такое положение может быть лучше всего достигнуто, при обеспечении входящим в состав России народностям гражданского и национального равноправия». Заявление было отклонено 190 голосами против 162. Оно стало последней реальной попыткой компромисса нерусских народов с думским большинством [Государственная дума, 1915б, стб. 187, 196].

В 1915 г. муфтием ОМДС был назначен Мухаммад-Сафа Баязитов. В результате, если ранее Духовное Собрание рассматривалось национальными лидерами скорее как нейтральный орган, то после назначения С.Баязитова они ориентировались на создание светского общенационального органа, не связанного с Собранием. В начале 1916 г. в Петрограде состоялось совещание, принявшее решение о создании бюро при мусульманской фракции. В совещании приняли участие Ш.Мухаммедьяров, Г.Исхаки, И.Биккулов, С.Максуди. В Бюро должны были войти представители Казани, Оренбурга, Москвы, Астрахани, Троицка и Челябинска. Реально у татар в нем были представлены Казань, Оренбург и Уфа. Председателем бюро был избран Ахмет Цаликов (Северный Кавказ), а секретарем – Исмагил Леманов (Крым). Бюро приняло на себя роль информационного и координирующего центра мусульман России. Фракция и Бюро все больше воспринимали себя единственными

законными представителями мусульман России. Параллельно обсуждался вопрос о присоединении к оппозиционному думскому «Прогрессивному блоку». Наиболее горячим сторонником этой идеи был С.Максуди. Лидеры мурз Уфы и татарские социалисты проявили себя принципиальными противниками альянса на всероссийской политической арене с объединением правой и центростской части депутатов Думы. Поэтому представители Казани, ориентированные на поиск партнера на российской политической арене, не приняли активного участия в деятельности бюро [Хабутдинов, 20016, с.254–259].

В 1915 г. казанцы, тогда студенты в Петрограде (Галимджан Шараф, Ильяс и Джигангир Алкины и Султанбек Мамлиев) создают общество «Татар учагы» («Татарский очаг»), взявшее за основу деятельность «Тюркского очага» Ю.Акчуры и ставящее своей целью рост политической культуры татарской нации и ее модернизацию. Все они, кроме Г.Шарафа, были призваны в армию и впоследствии оказались ключевыми фигурами в объединении мусульманских воинов и создании Харби Шуро [Хабутдинов, 1997. Ч. 1, с.28–29]. Впервые лидеры «Татар учагы» публично высказали свои позиции в начале 1917 г. Молодежь заявила, что в дискуссии о существовании тюркской или татарской нации, они, выражая мысли всего юного поколения, целиком находятся на стороне существования отдельного татарского народа и полноправного татарского языка. Этот язык должен официально употребляться в судах и официальных учреждениях на местах [Кояш, 1917, 14 февраль].

В годы войны Казань была центром крупнейшего в России тылового военного округа, охватывавшего 98 гарнизонов, расположенных на территории 10 губерний и 2 областей Волго-Уральского региона. Гарнизон самого города насчитывал до 50 тыс. человек. В округе формировались маршевые роты для отправки на фронт. Только в 1914 г. в Казанской губернии было проведено 5 мобилизаций. По некоторым данным, население губернии за полтора года войны сократилось с 2,8 млн. человек до 2,2 млн. человек [Медведев, 1948, с.4].

В первые три месяца войны можно было говорить о массовом патриотическом порыве, хорошо фиксируемом по письмам солдат-фронтовиков. Например, Григорий Вострышев писал 10 сентября 1914 г.: «может все это переносить русский солдат, которому сам сатана и то не страшен. Русские герои ни перед чем не останавливаются и сумеют завоевать славу нашему Царю Батюшке и дорогой родине Матушке. Мы сумеем победить этого проклятого немчуру так что будет помнить целый век» [Максимов, сост., 1932, с.17]. Однако, по данным цензуры, уже тогда свыше половины писем солдат не содержали упоминаний о войне, а были заполнены заботами о доме, семье, хозяйстве.

В 1915 г. война воспринимается уже как общенациональная трагедия. Так в письме Нине Просветовой в Казань неизвестный военнотрудовой 30-го пехотного полка утверждает: «Солдаты вообще очень правильно смотрят на войну, как на огромное несчастье не отдельных лиц, а целой страны, несчастье как экономическое, так и моральное, а на немецких солдат как своих товарищей по несчастью». Важным фактором было то, что война шла вдали от дома, от этнических территорий народов края. В то же письмо автор полемизировал с полуротным командиром: «Он и забыл, что родина дорога нам только домом и близкими людьми, а не учебниками истории Иловайского или Острогорского» [Максимов, сост., 1932, с.24]. Солдаты были возмущены не только собственным бесправием, но и плачевным положением трудящихся масс в России. М.Петров («1 парк 20 Мартирн. парк Арт. дивиз.») пишет Е.Петровой в Казань 31 января 1916 г. о том, что крестьяне живут в грязи и холоде, так как им не дают воспользоваться лесными угодьями. Напротив, «когда немцы занимают территорию нашу, то они позволяют крестьянам брать казенного леса сколько угодно и на поправку избы и топливо». Особенно больно он воспринимает участь детей: «Сколько умирает такой детворы и чахнет, это Минская губерния, Гродненская, Витебская и др. И я считаю, что немцы вправе смотреть на нас, как на дикарей» [Максимов, сост., 1932, с.64–65]. В 1916 г. появляется информация о том, что солдаты убивают офицеров. Так, в письме

Гаврилы Романова от 25 марта 1916 г. указывается, что «в Кубанском полку и в Дербенском пobiли офицеров» [Максимов, сост., 1932, с.91].

К началу 1917 г. военная цензура Казанского военного округа отмечает резкий рост антивоенных настроений в письмах солдат, особенно татар. Список претензий воинов-мусульман к властям включал невозможность соблюдения религиозных обрядов, отсутствие печати на родном языке, разрозненность среди христиан, невозможность свободно общаться на родном языке и предвзятое отношение части сослуживцев к мусульманам [Максимов, сост., 1932, с.100, 106, 186–196]. Отличительной чертой большинства цитируемых писем являлось именно недовольство униженным положением, чувство отрыва от своих соплеменников, а не негативное отношение к войне и к гражданскому долгу как таковым. К 1917 г. в Казанском военном округе массовым явлением стало дезертирство.

В начале 1917 г. общественные лидеры Казани сосредоточились на выборах в Городскую думу. В Казани в феврале 1917 г. «прогрессивная группа» (то есть национальные либералы) выдвинула список из 16 кандидатов. 13 февраля 1917 г. в гостинице «Амур» состоялось собрание под председательством С.Максуди, где рассматривались вопросы выдвижения кандидатов в Городскую думу, заключения союза с русскими партиями и условия такого рода союза. По докладу А.Мустафы были определены такие условия, как введение в каждую комиссию Думы мусульман, введение мусульман в городскую управу, правление Банка городского общества и ломбарда и передача по одной из мужских и женских школ города в руки мусульман. В список вошли: 1 мулла (Г.Апанай), 9 представителей буржуазии (в том числе С.Аитов) и 6 представителей интеллигенции: 1 педагог (Г.Губайдуллин), 2 врача, 1 издатель и 2 присяжных поверенных (С.Максуди и В.Таначев) [Кояш, 1917, 16 февраль]. В целом, этот список показывает как абсолютный перевес светской либеральной элиты, как правило, периода российской революции 1905–1907 гг., так и преобладание буржуазии среди городских деятелей Казани.

Однако попытки частичного решения проблем на местном уровне уже не удовлетворяли потребности все более радикализирующегося населения. Еще 17 октября 1915 г. губернатор П.Боярский доносил в Департамент полиции, что в Казани «сквозит недовольство и озлобление особенно вследствие вздорожания жизни, начиная от квартир, топлива и кончая самыми необходимыми продуктами. В этой дороговизне вина главным образом спекуляцию коммерсантов. Усилия городского управления бороться с дороговизной путем конкуренции не могут осуществляться потому, что нет денег, а в ходатайстве города о миллионной ссуде отказано.

Недовольство сквозит даже в таких кругах, где этого всего менее можно было ожидать и разговоры о революции, как финал войны стали обычным явлением» [Амирханов, ред., 2004, с.59].

Российская государственная машина была явно не способна справиться с трудностями, как на фронте, так и в тылу. К началу 1917 г. перебои с продовольствием, включая даже нормированный черный хлеб, недостаток дров, отсутствие сырья для ряда предприятий, угроза закрытия предприятий и мобилизации на фронт стали становиться все более массовым явлением [Амирханов, ред., 2004, с.67–70]. На селе урожайность в Казанской губернии упала с 6,2 ц. с га (в среднем в 1905–1914 гг.) до 5,3 ц. с га в 1917 г. [Медведев, 1948, с.4]. Ситуация усугублялась падением посевных площадей, сокращением поголовья рабочего скота, массовой мобилизацией мужчин в армию, тяжелыми податями, возрастающими конфискациями продовольствия. Член мусульманской фракции, депутат от Уфимской губернии Г.Байтеряков заслуженно утверждал 24 марта 1916 г.: «При трудных условиях приходилось и приходится нашим крестьянам поддерживать свое существование. Вы все хорошо знаете бесправное положение нашего сельского трудового населения» [Государственная дума, 1916, стб.3951].

В городах за время войны заработок казанского рабочего повысился на 81%, а цены на предметы первой необходимости возросли до 600% [Халиков, 1988, с.334]. В ответ с 30 января 1917 г. в городе начинается

забастовка на Алафузовском заводе. В начале она затронула женщин, так как они могли не бояться призыва в армию. 5 февраля 1917 г. забастовка перекинулась на другие предприятия города, но 8 февраля была подавлена полицией и войсками [Халиков, 1988, с.338]. Губернатор П.Боярский пред-

ложил высылать бастующих женщин из Казани и ее пригородов, и направлять первыми эшелонами на фронт их мужей или других военнообязанных-родственников [Халиков, 1988, с.360–362]. В городе и губернии воцарилось хрупкое перемирие, которое продлилось до Февральской революции.

§ 2. Татары в российской армии

Халим Абдуллин

Татары как военная сила всегда были востребованы в Российском государстве. Служилые татары как особое привилегированное сословие сохраняли свое значение на протяжении XVI–XVII вв. Особо воинская доблесть татар проявилась в Ливонскую войну и событиях Смутного времени. В целом, к 1630 г. ратные люди из народов Среднего Поволжья составляли 18 701 человек, то есть 20% от общего числа русского войска (92 555 человек) [Ногманов, 1994, с.49]. Однако в начале XVIII в. переход к регулярной армии снизил их роль в вооруженных силах России. С 1722 г. рекрутская повинность распространилась на ясачных татар, так как комплектование армии легло на плечи сословия государственных крестьян. При этом если с представителей других поволжских национальностей рекрут брали так же, как с русских, для татар рекрутчина принимала изуверские формы: «Татар брать малолетних, а именно в гарнизоны от 10 до 12 лет, из которых употреблять в денщики Генералам и Штабу третью долю, также и в матросы некоторую часть» [ПСЗ-1, 1830, с.483]. В том же году рекрутская повинность начинает распространяться и на приписанных к Адмиралтейству служилых татар. В XVIII в. рекруты-татары для прохождения службы отправлялись в районы Прибалтики: в военно-морской флот и полковую пехоту.

В противовес ясачным и служилым татарам из центральных районов России и Среднего Поволжья, от рекрутской повинности освобождаются татары, проживавшие в Приуралье и на восточных и юго-восточных окраинах империи. Здесь формируются особые этно-сословные группы татар, привлекавшиеся к иррегулярной

воинской службе: тептяри, мещеряки, татары, записавшиеся в сословие восточных башкир и татары, вошедшие в состав казачества территориальных казачьих войск.

В 1790 г. тептяри определяются в казачье сословие, из них и бобылей Уфимской и Вятской губерний был образован казачий полк. 23 июля 1791 г. он получил название Уфимского казачьего, а в 1798 г. был разделен на два: 1-й и 2-й Тептярские полки [Казин, 1992, с.235]. Перед полками ставилась задача участия в боевых походах и несения пограничной службы на Оренбургской линии [Рахимов, 2002, с.67]. Эти полки приняли активное участие в Отечественной войне 1812 г. В марте 1835 г. сформированный из 1-го и 2-го Тептярских полков 1-й Оренбургский казачий полк был причислен к составу Оренбургского казачьего войска. В 1841 г. ему было возвращено старое название Уфимского казачьего полка, а в 1845 г. полк был упразднен [Казин, 1992, с.235]. В 1855 г. все тептяри и бобыли Оренбургского края были причислены к составу Башкирского войска.

С 1798 г. башкиры и служилые татары Приуралья, именовавшиеся здесь отдельным термином «мещеряки», были также причислены к казачьему сословию и составили отдельное Башкиро-мещеряцкое казачье войско. Основные боевые задачи, ставившиеся перед войском, были идентичны с целями создания тептярских казачьих полков. Казаки войска также приняли активное участие в Отечественной войне 1812 г., в частности 1-й и 2-й Мещеряцкие полки, а также 3-й и 5-й Башкирские полки, сформированные из жителей Мензелинского уезда Уфимской губернии. Кроме того, войско выставляло полки в период Коали-

ционных войн, в Русско-турецкую войну 1828–1829 гг., для усмирения Польского восстания 1830–1831 гг., в Хивинском походе 1839 г. и в Крымскую войну 1853–1856 гг. В 1856 г. Башкиро-мещерякское войско было переименовано в «Башкирское», а в 1865 г. войско было передано в ведение Министерства внутренних дел [ПСЗ-2, 1866, с.753]. С 1874 г. тептяри, мещеряки и башкиры начали отбывать воинскую повинность на общих основаниях в регулярных войсках.

Во многих территориальных казачьих войсках татары присутствовали изначально, а также и позже пополняли ряды российского казачества. Так, 11 февраля 1736 г. в новоустроенных городах Оренбурге и Тобынске были учреждены казаки из уральских новокрещенцев-мещеряков и других категорий казаков [Казин, 1992, с.235]. Эта дата считается днем начала официальной истории Оренбургского казачьего войска. Другой пример – Сибирское казачье войско, которое было официально оформлено в 1760 г. «из донских казаков, башкир и мещеряков, составлявших кордонную линию в Сибири и пожелавших там остаться навсегда» [Казин, 1992, с.272].

В состав Оренбургского казачьего войска татары записывались неоднократно: в 1799 г. были причислены ясачные крестьяне и татары Оренбургской губернии, в 1817 г. к составу войска были присоединены служилые и ясачные татары той же губернии [ПСЗ-1, 1830б, с.464]. К началу 90-х гг. XIX в. количество татар в войске составляло 21581 человек, что равнялось 6% от всего войскового населения [Стариков, 1891, с.155].

В Уральском казачьем войске состояли как татары-мусульмане, так и нагайбаки – православные татары-казаки. По данным на 1853 г., в войске было 3407 мусульман [Арапов, 2003, с.8]. Первоначально здесь лидирующую позицию среди мусульман занимали татары, однако в 1838 г. к войску был причислен 9-й башкирский кантон, впрочем, позже удаленный от войска. К середине 70-х гг. XIX в. в Уральском войске число мусульман достигало 15%, однако из них только 4810 человек, или 5%, принадлежали к войсковому сословию [Краснов, 1877, с.273]. Абсолютное большинство среди них

составляли татары. Доля казаков-мусульман как и в Оренбургском казачьем войске имела здесь тенденцию к росту: в 1885 г. – 5378 (5,4%), 1897 г. – 6304 (6%) [Дубовиков, 2000, с.21–22].

В состав Сибирского казачьего войска изначально вошли татары-мишари и башкиры, несшие кордонную службу в Сибири, однако костяк мусульман в войске составили коренные сибирские татары. В 1822 г. из разных казачьих команд было сформировано семь городских казачьих полков. Особенно много татар служило в Тобольском конном и Сибирско-татарском конном полках [Казин, 1992, с.327]. В 1849 г. Тобольский и Сибирский татарские городские казачьи полки были переданы в военное ведомство, при этом из них были сформированы новые части. Тогда же часть татар-казаков была переведена в разряд ясачных крестьян [ПСЗ-2, 1850, с.115–127]. Собственно в Сибирском казачьем войске, по данным на 1853 г., мусульман было немного – всего 261 человек. Однако в Тобольском батальоне и Тобольском конном полку служили уже 6247 мусульман [Арапов, 2003, с.8]. По данным на 1908 г., только в одной Тобольской губернии проживало 2243 казака из татар [Файзрахманов, 2002, с.401–402].

Татары казачьего сословия участвовали в Первой мировой войне в составе полков своих войск. Остальные категории татарского населения, с 1874 г. подлежащие призыву на общих основаниях, призывались во все виды регулярных войск и военно-морской флот.

Необходимо отметить и то, что в 1797–1833 гг. в российской армии нес службу Татарский конный (позже уланский) полк из польско-литовских татар. Присоединенные к России в конце XVIII в. крымские татары были освобождены от рекрутской повинности и вплоть до крушения империи имели свои национальные военные формирования в русской армии [Абдуллин, 2007, с.49–54].

Интересно, что и в начале XX в. военное ведомство разделяло татар по этнословному признаку (татары, мещеряки, тептяри), однако учитывало их вместе, присоединяя к ним и башкир. Накануне Первой мировой войны из указанных категорий нижними чинами проходили во-

енную службу 38679 человек, что составляло 3,1% от общего числа нижних чинов [Военно-статистический ежегодник, 1914, с.374–375]. В отличие от XVIII в., из них для службы в военно-морском флоте были отобраны лишь 14 татар, остальные проходили службу в сухопутных войсках. Среди офицерского и генеральского состава подобного национального учета не проводилось, имеются сведения лишь об их религиозном составе, всего 269 человек мусульман.

Однако после начала войны численность татар в войсках резко увеличилась. Как отмечается в литературе, всего в ходе войны было мобилизовано от 1 до 1,5 миллионов турецких солдат, что составляло 10% общей ее численности [Исхаков, 2003, с.245]. Большую часть из них составляли татары. Увеличилось и количество офицеров из татар.

Отношение к начавшейся войне у татар было неоднозначным. С одной стороны, национальная пресса пестрела верноподданническими статьями, духовенство, дворянство и купечество также вторило патриотическому порыву. С другой стороны, основная масса татарского населения – крестьяне восприняли войну как нечто неизбежное, фатальное и лишь по мере возможности старались избежать участия в ней. Наиболее ценным историческим источником, отражающим истинное положение татар на фронте, следует считать письма военнослужащих [Максимов, сост., 1932; Вахрушева, 1972, с.77; Шарангина, 1998, с.177–184]. Известный тюрколог Н.И.Ашмарин, служивший казанским военным цензором во время войны, отмечал в своем отчете, что «письма солдат-мусульман обыкновенно пишутся по одному и тому же шаблону и заключают в себе крайне мало информации о том, что происходит на войне. Тон писем – минорный... Война, по-видимому, представляется мусульманину каким-то непредвиденным бедствием, которое предназначено судьбой для одних и минует других; он мало вникает в трагическую связь событий и недоволен тем, [что] что-то нарушило мирное течение его обывательской жизни» [Исхаков, 2003, с.260].

Вопросами, волновавшими татарских солдат на фронте, были как обычные про-

блемы: холод, голод и потери, так и специфические: национальный гнет и исполнение религиозных обрядов. Нижним чинам из татар запрещали разговаривать на родном языке, реже выдвигали на командные должности, оскорбления и побои на национальной почве со стороны сослуживцев и в большей степени офицеров также не были редкостью.

Наиболее остро татары реагировали на несоблюдение их религиозных прав. Еще в 1908 г. в военном ведомстве были возрождены упраздненные в 1896 г. штаты для мусульманского военного духовенства. Согласно законодательному акту, вакансии военных мулл предусматривались при окружных штабах Виленского, Варшавского, Киевского, Приамурского и Московского военных округов, в которых перед войной служили по 3000 и более нижних чинов из мусульман. Этот же законодательный акт впервые уравнивал в правах мусульманских священнослужителей с католическим и лютеранским военным духовенством [Абдуллин, 2009, с.111–112]. Однако в сложной обстановке начала войны вопрос духовного попечения представителей религиозных меньшинств в действующей армии остался неурегулированным, что естественно вызывало недовольство солдат-мусульман. В одном из донесений Казанский губернатор сообщал, что в переписке солдат-татар замечается недовольство войной и, в частности, невозможностью исполнения религиозных обрядов. Так, один военнослужащий писал: «...у русских на войне присутствуют священники, которые приобщают своих солдат, а у нас, мусульман, этого нет. К нам мулл не назначают, несмотря на то, что у нас больше половины солдат мусульман, которые умирают без муллы и их хоронят вместе с русскими в одной могиле, по-нашему следовало бы обратить на это внимание правительства» (цит. по: [Аршаруни, 1931, с.98]).

В 1914 г. вопрос о посылке мулл в действующую армию обсуждался на Всероссийском съезде представителей мусульманских обществ, который принимает решение ходатайствовать о посылке по одному мулле в каждую дивизию [Каспий, 1914. №281, с. 4]. Однако в 1915 г. военные муллы со-

стояли по большей части только при штабах армий или в национальных полках [Приказы армиям юго-западного фронта, 1915]. В 1915 г. около 30 военных мулл было определено к должностям указами министров внутренних дел и военного ведомства. Наконец, 15 июля 1916 г. в соответствии с указом Николая II в войсках были введены штатные должности дивизионных мулл [Загидуллин, 2006а, с.45].

Несмотря на все противоречия, татары в целом, как и во всех прежних войнах Российской империи, оставались верными присяге и с честью исполняли свой воинский долг вне зависимости от звания. Так, Генерал-майор Зулькарнайн Шагингиреевич Дашкин командовал 14-м Оренбургским казачьим полком, который с боями дошел от города Суходол до городов Ченстохов (Польша) и Вилькомир (Литва) [Семёнов, 2001, с.166–189; Денисов, 2005, с.233]. Командир 166-го пехотного Ровненского полка генерал-майор Р.Сыртланов погиб в бою 20 июня 1916 г. вблизи Скробово. Посмертно награжден высшей офицерской наградой – орденом Св. Георгия IV степени [Исхаков, 2003, с.254]. Еще одним генерал-майором из татар был командир 152-го запасного пехотного полка Хаджи-Ахмет Исхакович Ижбулатов [Общий состав чинов Казанского военного округа, 1917, с.66; Ижбулатов, 2005, с.534]. Именно в эту войну первый капитан первого ранга из татар Исхак Ибрагимович Ислямов удостоился пагонов генерал-майора [Ахметшин, 2003]. Георгиевским оружием был награжден командир 306-го Мокшанского полка полковник М.Ибрагимов, взявший со своим полком 14 мая 1915 г. у деревни Загробы гребень высот и удерживавший эти позиции в течение трех дней против превосходившего в силах противника [Исхаков, 2003, с.254]. Прапорщик Чеченского конного полка Мухамеджан Хосянович Вишняков пал смертью храбрых 19 апреля 1917 г., посмертно произведен в подпоручики и награжден орденом Св. Георгия IV степени [РГВИА, ф.409, оп.1, д.180661, л.52–54; ф.407, оп.1, д.2254, л.73 об.]. Одним из многих полных кавалеров солдатских георгиевских крестов из татар был Ахтям Мусалимович Бахтизин [Набиев, 2002, с.318].

После Февральской революции 1917 г., значительное количество вопросов, волновавших военнотатар в первые годы войны, находят свое разрешение. Повсеместно на фронте начинают создаваться мусульманские военные организации. Примечательно, что первой такой организацией стал Казанский мусульманский военный комитет, созданный 8 марта 1917 г. В целом, к декабрю 1917 г. были созданы 4 фронтовых, 13 армейских, 12 окружных, 98 гарнизонных, более 150 дивизионных, а всего около 300 мусульманских комитетов. Не осталось ни одной армии и ни одного округа, где не действовали бы мусульманские комитеты. Разбросанные по всей стране татарские и башкирские солдаты смогли сплотиться, создав многочисленные спаянные между собой организации, стремившиеся к формированию национальных частей [Исхаков, 2003, с.275]. В течение неполного года были достигнуты значительные результаты в деле создания и отдельных воинских частей из мусульман. К концу 1917 г. существовали следующие воинские части, которые комплектовались преимущественно татарами и башкирами: два Крымских конных полка, Мусульманский стрелковый корпус на румынском фронте, 1-й стрелковый мусульманский полк в Оренбурге, 2-й мусульманский запасной полк (144-й) в Уфе. Кроме того, были несколько отдельных эскадронов и многочисленные роты и батальоны. Заканчивалось переформирование 95-го пехотного запасного полка в Казани, 32-го пехотного запасного полка в Симферополе и двух дивизий на фронте [Исхаков, 2004, с.436–437].

Опыт национального строительства в армии позже был подхвачен большевиками, умело воспользовавшимися многовековым стремлением татарского народа к сохранению своей национальной идентичности даже в суровых условиях царской армии. Казанские татары были единственным народом «мусульманской веры», с петровских времен подвергавшихся тяжелой рекрутской повинности. Со второй половины XIX в. всеобщая воинская повинность была распространена и на остальные этно-сословные группы татар. Служба нижними чинами в регулярной армии царской России ни одной из категорий населения страны не вос-

принималась позитивно. Однако наиболее остро этот вопрос стоял перед представителями национальных и религиозных меньшинств, условия службы которых, кроме бытовых и служебных трудностей, были осложнены проявлениями национального и религиозного гнета. В то же время общие тяготы армейской службы сближали представителей разных национальностей. К тому

же связанные религиозной присягой татары в своем большинстве честно и терпеливо несли службу, мужественно выполняли все боевые задачи, возложенные на них армейским начальством. В конечном итоге ни один из других «мусульманских» народов России в армии не воспринимался на ментальном уровне славянским большинством также близко, как татары.

ГЛАВА 6

Революционные события и борьба за власть в Казанской губернии и Казани в 1917–1918 гг.

§ 1. Февральский переворот в Казани. Образование совета и установление двоевластия

Индуc Тагиров

28 февраля 1917 г. в результате победоносного восстания рабочих и солдат в Петрограде пало царское самодержавие. Телеграмма о победе революции была получена в Казани 1 марта и явилась сигналом для начала демократического переворота. Первые месяцы революции характеризовались романтическим настроением народа и состоянием всеобщего восторга революцией. Именно об этом свидетельствуют тысячи телеграмм в адрес новой власти и возникшего тогда же Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Газета «Камско-Волжская Речь» писала: «Новое правительство, созданное волею народа, стало законной властью. Мы знаем, кто стоит сейчас во главе власти. Все важные министерские должности в руках друзей народа» [Камско-Волжская речь, 1917, 4 марта]. В номере от 5 марта в статье В.Сасонова «Народ строитель» есть такие строки: «Низвергаются правительства, рушатся престолы, а вчерашние властители становятся простыми смертными или еще того для них хуже – бесправными. Народ строитель. Тяжелая задача выпадает на его долю, ибо в наследие ему остаются груды развалин от величественного храма – государства».

Действительно, тогда все казались друзьями народа. Тогда еще не настало время, чтобы осознать кто кому друг и кто кому враг. А это непременно должно было случиться в ходе последующих месяцев революции. И случилось. Пока же от собраний и митингов, коими была охвачена страна, льются всеобщий восторг, надежды и пожелания.

Телеграммы шли со всех концов России, от всех народов, ее населяющих. В данном

изложении мы приведем лишь некоторые телеграммы от мусульманского и, главным образом, татарского населения. На митингах и собраниях мусульманского населения сквозь ярко выраженный восторг национальные чувства переливались через край. В них выражались надежда и пожелания, чтобы, как это выражено в телеграмме от 18 марта собрания мусульман села Байсарово Мензелинского уезда Уфимской губернии, «отрадное чувство восходящей зари над Россией» светило «над всеми национальностями обновленной России» [РГИА, ф.1278, оп.5, д.1338, л.142]. Мусульмане оценили революцию как «солнце правды над Россией и ее разноплеменным населением» [РГИА, ф.1278, оп.5, д.1338, л.216]. «Теперь чувствуем себя гражданами равными со всеми национальностями великого государства, доказывающего свою политическую зрелость, в глубокой уверенности, что дело раскрепощения страны и освобождения угнетенной России от векового деспотизма доведенного до слабивого юнца». Так выражалось отношение казанских мусульман к изменениям после свержения самодержавия в телеграмме, подписанной Саидгареем Алкиным [РГИА, ф.1278, оп.5, д.1338, л.2].

2 марта на театральной площади состоялась политическая демонстрация студентов и рабочих. В ней участвовали и небольшие группы солдат.

В этот же день возник Совет рабочих депутатов, возглавленный меньшевиками из рабочей группы военно-промышленного комитета. Меньшевицкая рабочая группа Казанского военно-промышленного комитета во главе с Ефимовым, Денике и Чеку-

новым созвала представителей больничных касс. Обсудив политическое положение страны, собрание группы приняло обращение к рабочим, студенчеству и призвало их «...пополнить создавшуюся организацию представителями больничных касс от мелких заводов и фабрик». В нем содержался призыв провести на предприятиях собрания по выборам рабочих депутатов. Авторы обращения предполагали, что Совет должен работать «в согласии со всеми учреждениями, решительно поддерживающими Временное правительство». Вскоре Совет был пополнен делегатами, wybranymi на рабочих собраниях. Председателем Совета стал Чекунов, разоблаченный впоследствии как провокатор.

Наиболее крупным событием в ходе революционно-демократического переворота в Казани явилось выступление гарнизона 4 марта 1917 года. Первым поднялся 94-й полк. В нем особенно много было солдат, побывавших на фронте. Помощником адъютанта полка являлся чиновник военного времени Новиков Василий Иванович, член РСДРП (б) с 1904 г. Здесь же служили Федотов, Попов и другие демократически настроенные прапорщики. Активную роль в полку играл член партии большевиков Капралов. В учебной команде полка революционную агитацию вел унтер-офицер Мосолов.

Впоследствии В.И.Новиков писал: «Наш полк первым отправился в Казань для установления там революционной власти. Я был один из первых выступавших... в полку...» [См.: Ионенко, 1957; Силаева, 1958]. Далее сообщается, что в день выступления был образован временный революционный комитет, в котором Новиков являлся секретарем. Вслед за 94-м полком поднялся 95-й полк, а затем – и другие пехотные полки, и 2-я артиллерийская бригада.

В ночь на 4 марта Казанский гарнизон восстал. Были арестованы генералы Сандецкий, Файдыш, Комаров, Язвин, отстранены от командования полками командиры 94-го, 95-го, 164-го полков и другие ненавистные офицеры. Солдаты создавали свои комитеты и выделяли представителей в Совет солдатских депутатов. Офицеры, принявшие участие в восстании против Сандецкого, олицетворявшего царский режим,

понимали, что удержать солдат под своим влиянием невозможно без организации военных комитетов и советов.

Все вместе они пытались контролировать события. Возникла ситуация двоевластия, а если выражаться словами Л.Д.Троцкого, многовластия. В сознании масс переплелись всеобщий восторг и доверие новой власти с недовольством политикой ее местных органов.

В Казани от власти был отстранен губернатор Боярский. 8 марта к исполнению своих обязанностей приступил комиссар Временного правительства помещик Молоствов. 10 марта начала функционировать городская милиция. Начальником ее был назначен М.Бухов. Заместителями Бухова стали прапорщики И.Алкин и П.Голанов. Представительным органом демократии должен был стать комитет общественной безопасности, который окончательно сформировался к середине марта. В уездах также появились аналогичные органы власти.

В марте 1917 г. в ходе массового революционного движения возникли фабрично-заводские комитеты и профсоюзы. После свержения царизма экономическое положение трудящихся не улучшилось. Временное правительство продолжало вести преступную империалистическую войну. По всей стране борьба рабочих за улучшение условий жизни нарастала изо дня в день. Экономические требования рабочих переплетались и сливались с политической борьбой. Повышение заработной платы, установление 8-часового рабочего дня, признание прав фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов, отношение к Советам, Временному правительству, к войне – вот основной круг вопросов, который выдвигался трудящимися массами после Февральской революции. В процессе забастовочной борьбы повсеместно возникали фабрично-заводские комитеты и профессиональные союзы, которые затем становились во главе движения на том или ином предприятии или отрасли промышленности. Руководящая роль в создании профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов принадлежала, как правило, большевикам. Борьба казанских рабочих еще более усилилась, когда из газет стало известно, что Москов-

ский Совет рабочих и солдатских депутатов вынес постановление о введении 8-часового рабочего дня. Губернский фабричный инспектор с тревогой сообщал по этому поводу, что «...положение дел на фабриках резко изменилось, вследствие чего можно... ожидать больших осложнений в местной промышленности». В начале марта был создан фабзавком Алафузовских заводов и фабрик. Инициатором его создания был большевик И.Гладилов. Фабзавком состоял из 35–37 человек – представителей предприятия.

На Пороховом заводе в первые дни функционировал временный рабочий комитет. 18 марта состоялось первое заседание вновь избранного комитета. Его председателем был избран большевик А.Гришанин.

В последующие дни фабрично-заводские комитеты возникли на большинстве предприятий. Им принадлежала большая роль в организации рабочих, в контроле над производством и распределением. В эти же дни начинают создаваться профсоюзы. Раньше других 10 марта возник профсоюз служащих на предприятиях Алафузова. В него принимались также служащие Порохового завода, предприятий Ушкова, Ярцева и Шабанова. Со второй половины марта движение за организацию профсоюзов охватило все промышленные предприятия города. Всюду проводились собрания, совещания и митинги металлистов, ремесленников, булочников и т.п. Возник даже профсоюз официантов, первым мероприятием которого была организация движения за отказ от чаевых.

Активизировали свою деятельность местные партийные организации. Одним из первых 26 марта в аудитории №10 было созвано собрание социал-демократов. На нем с докладом выступил представитель ЦК РСДРП (б) Виктор Тихомирнов. Присутствовало около 70 человек. Был избран комитет из 16 человек во главе с В. Тихомирновым. Это была совместная организация большевиков и меньшевиков-интернационалистов.

В это же время проводились собрания местной группы эсеров. Инициаторами создания Казанской организации социалистов-революционеров выступили университетские эсеры-интернационалисты из коалиционного комитета К.Шнуровский, В.Жилинский и др. Они обратились к членам

партии Драверту, Бургальшинскому и др. Этим старым деятелям удалось стать во главе комитета эсеров. В ходе образования эсеровской организации обнаружились острые противоречия, главным образом, по вопросам войны и мира. Низы партии в основном были интернационалистами, а верхи – ярыми оборонцами. В апреле 1917 г. в Казанской эсеровской организации произошел раскол. В результате, возникли самостоятельные так называемый «старший комитет», состоявший из оборонцев и «младший комитет», куда входили эсеры-интернационалисты. Это был первый раскол среди эсеров страны. Наиболее авторитетным среди крестьян были члены «младшего комитета» – левые эсеры. Именно они возглавили борьбу крестьян казанской губернии за землю.

Активную роль в революционной деятельности играло казанское студенчество. 4 марта состоялась студенческая сходка, которая в специальной резолюции изъявила желание «взять на себя немедленную инициативу по устройству общенародных митингов» [Георгиевская, 1957, с.21]. «Революционная волна, докатившись до Казани 1 марта, поставила студенчество во главе местной жизни, пока не народились революционные органы городского самоуправления и общественных организаций. Деревни, отстоящие на сотни верст от города, различные воинские части, фабрики, заводы – все требовали живого слова, и студенчество посылало из своей среды товарищей с объяснением происшедших событий, с соответствующей их оценкой, с призывом к поддержке начавшегося освободительного движения». «... Пред нами встал вопрос о закрытии университета», ... так как «масса студентов энергично отдалась работе на агитационном поприще всего города». Эти строки содержались в докладной записке студентов Казанского университета министру народного образования. В то же время студенчество добивалось автономии со своим участием в управлении университета. «Произошло коренное расхождение профессуры и студенчества во взглядах на университетскую жизнь... Логическим следствием подобного взаимного непонимания явилось прекращение сношений с профессорами, каковое по постановлению студенчества будет длиться до того момента,

пока профессурой не будет признана новая автономия на демократических началах» [РГИА РФ, ф.733, оп.226, д.222, л.2–4].

Составной частью революционной борьбы стало солдатское движение. Возникшие в первые же дни революции войсковые комитеты и солдатский Совет были результатом революционного творчества солдат Казанского гарнизона. Командование пыталось всячески ограничить права солдатских комитетов. Специальным приказом по округу предлагалось создавать их из равного числа офицеров и солдат. Этот же приказ определял и функции комитетов, которые сводились к разбору «возникающих потребностей и недоразумений бытового характера».

Солдаты бдительно следили за тем, чтобы их первые завоевания по демократизации армии не были сведены на нет. Учитывая нарастающее возбуждение в гарнизоне, меньшевики и эсеры решили составить делегацию к военному министру по вопросу о Сандецком. В Петроград была направлена делегация во главе с подполковником Руанетом. Из его доклада о поездке в Петроград известно, что, когда стало известно о распоряжении командования об освобождении Сандецкого и вводе генерала в состав Военного Совета, то «... среди солдат начались волнения и они вошли в согласие с исполкомом железнодорожников, который согласился, в случае отъезда Сандецкого, отделить вагон с ним на первой от Казани станции, а солдаты взяли бы Сандецкого под арест».

Солдатская секция Совета рабочих и солдатских депутатов 11 апреля постановила вторично освидетельствовать здоровье генералов Сандецкого и Язвина и в случае выздоровления перевести их снова на гауптвахту. 1 мая толпа вооруженных солдат около 300 человек из 95-го полка подошла к лечебнице Красного Креста (ул. Красная) и потребовала выдачи генерала Сандецкого для немедленного перевода его на гауптвахту. «Под давлением силы, – писал в своем рапорте комендант города Григорьев, – ... пришлось... сдать им означенного генерала». По пути следования на гауптвахту с генерала сорвали погоны, а один из прапорщиков ударил его по голове с криком «кокарду долой». На гауптвахте генерал был посажен в солдатский карцер. Туда же посадили ра-

нее арестованных генералов Комарова и Файдыша.

Полковник Григорьев просил солдатский Совет расследовать этот случай с участием представителей всех солдатских организаций и тут же указывал, что «... делегаты (комитетов и Совета) не имеют в глазах массы солдат необходимого авторитета». Действительно, соглашатели меньшевики и эсеры из полковых комитетов, ВОК и солдатского Совета уже не пользовались тем моральным авторитетом, который они имели в первые дни после Февральской революции.

Так называемое «дело Сандецкого» тянулось и дальше, вплоть до отправки его в августе 1917 г. в распоряжение прокуратуры Московского военного округа.

Как бы в ответ на революционные требования многих делегатов на конференции, командующий округом генерал Мышляевский 6 июня, в день закрытия конференции, разослал во все части и команды телеграмму, в которой требовал «Доносить имена лиц, деятельность которых не согласовывалась [с] постановлениями Временного правительства, Петроградского Совета Р. и С. д. и Всероссийского съезда крестьян [о] необходимости довести войну до победного конца». Эта телеграмма вызвала взрыв негодования солдатских масс, и командующий вынужден был отменить распоряжение от 6 июня. Вскоре генерал Мышляевский был освобожден от командования округом, и в Казань прибыл новый командующий полковник Коровиченко, бывший до этого комендантом в Царском Селе.

Большое значение весной и летом 1917 г. имела борьба за отпуска на полевые работы. Военный министр Керенский запретил в мае всякие отпуска и приказал уволенным на полевые работы вернуться в свои части. Но солдаты в своем большинстве не возвращались. Они добивались своего избрания в волостные исполкомы или другие выборные органы, чтобы не возвращаться в свои воинские части. 2 мая гарнизонное собрание потребовало от командующего округом отпустить на сельскохозяйственные работы 10 процентов военнослужащих.

Борьба солдат за отпуска на полевые работы была составной частью борьбы за прекращение империалистической войны. Сви-

детельством роста антивоенных настроений являлся отпор солдат попыткам командования отправить 94-й и 240-й полки на фронт в полном составе. Эти полки были наиболее революционными частями, и власти решили просто-напросто избавиться от них. Но эта попытка позорно провалилась. 3 мая для отправки было назначено 8 тыс. человек из 94-го полка. К посадке же явилось всего лишь 300 человек. В знак протеста против отказа солдат ехать на фронт подпоручик Поплавский снял с себя обязанности председателя Казанского Совета. Это была внушительная победа солдат.

Антивоенные выступления солдат Казанского гарнизона особенно усилились в связи с выпуском «Займа свободы» и с решением правительства начать наступление на фронте. В номере от 8 июня газета «Рабочий» поместила обращение к гарнизону за подписью 14 солдат с призывом оказывать решительное сопротивление политике продолжения империалистической войны. В этом же номере газета напечатала ответ солдат 240-го запасного пехотного полка солдату Полтеву, призывавшему в меньшевистской «Казанской рабочей газете» поддержать «Заем свободы». В нем содержалось решительное разоблачение империалистической войны.

На 11 июня военное командование объявило манифестацию артиллеристов и эвакуированных воинов в честь «Займа свободы». Группа антивоенно настроенных солдат во главе с Н.Л.Андроновым проводила в подразделениях большую агитационную работу, чтобы сорвать манифестацию. В результате, в ней отказались участвовать даже солдаты учебной команды 1-го дивизиона. 13 июня Андронов на митинге солдат 4-й батареи говорил, что «... нужно быть буржуем, чтобы вести дальше войну», и призвал выступать против «Займа свободы». Эта агитация охватила и пехотные полки и приняла настолько широкий размах, что командующий войсками округа отдал приказ об аресте Андропова. Но солдаты отказались повиноваться этому приказу. Массовое неповиновение высшей военной власти округа создало напряженное и критическое положение в Казани. Оно усиливалось ухудшением материальных условий трудящихся. Городу

катастрофически не хватало хлеба. Вовсе не случайно, что именно в этот же день возбужденная толпа, состоящая в основном из татарской бедноты, ворвалась в продовольственные лавки, арестовала председателя продовольственного комитета М.Боронина. «13 июня около 1 ½ часа возле Продовольственного комитета собралась небольшая толпа, которая, помедлив немного, убралась. Спустя 20 минут подошла толпа в несколько тысяч человек со знаменем МСК преимущественно мусульман, состоявшая из рабочих, солдат, торговцев и женщин». Так говорилось в официальном документе. К членам комитета от имени собравшихся обратился известный общественный деятель юрист Фуад Туктаров. Он потребовал, чтобы населению немедленно был роздан весь наличный хлеб и произведены закупки муки в Харбине в объеме 200 тыс. пудов, выдав находившемуся в Казани торговцу задаток. Не получившая удовлетворительного ответа, толпа потребовала ареста Боронина. Не помогло и вмешательство городского головы Бухова. Боронин был арестован и отведен в гарнизонную гауптвахту.

События 11–13 июня в Казани явились одним из симптомов того, что приближался конец двоевластия. Большевистско-эсеровский исполком Совета явно сдавал позиции администрации контрреволюционного Временного правительства.

Образованное после падения царизма Временное правительство оставило в неприкосновенности помещичью собственность на землю. Крестьян призывали дожидаться Учредительного собрания, которое якобы разрешит земельный вопрос. Но трудящееся крестьянство не хотело ждать Учредительного собрания. Повсеместно крестьяне самовольно захватывали частнособственнические земли, разгоняли волостные правления и создавали свои свободно избранные комитеты и Советы.

Казанская губерния по размаху аграрного движения стояла на первом месте. Районами наиболее сильного крестьянского движения стали уезды Спасский, Лаишевский, Мамадышский и Чебоксарский. В ряде уездов работали влиятельные группы крестьянских активистов. В Спасске такую группу возглавлял Г.С.Гордеев, в Мамады-

ше – Давыдов и Бусырев. Такая же группа работала в Свяжском уезде под руководством Н.Гордеева.

Левые эсеры в деревне тяготели к большевикам. В группу Гордеева в Спасске входили Мохов, Хуснутдинов, Емельянов и другие, причислявшие себя к левым социалистам. Эта группа пользовалась безраздельным влиянием в деревне. Ее численность достигла двадцати человек. Сам Гордеев был избран председателем уездного продовольственного комитета, Мохов – начальником участковой милиции, Емельянов – начальником уездной милиции и т.д. Временное правительство на заседании 9 марта рассмотрело «устные предложения военного и морского министра... «О мерах к подавлению возникших в Казанской губернии аграрных беспорядков». Однако тогда оно считало «употребление оружия при подавлении аграрных беспорядков в настоящее время недопустимым» [Горохова, 1973, с.34].

Захват частнособственных земель достиг наибольшего размаха в мае. Именно в это время собрался Первый губернский крестьянский съезд. Он начал свою работу 6 мая в Казани. Съезд открыл солдат-крестьянин Агапов. Во вступительном слове он заявил: «Власть народа – вы; деревня не знает другой власти, как власти, выбранной самой деревней». Съезд оформил губернский Совет крестьянских депутатов.

В результате острой борьбы по земельному вопросу на съезде победили большевики и левые эсеры. Важное значение приобрело постановление от 13 мая о передаче в ведение волостных комитетов частнособственных земель и имений «впредь до разре-

шения земельного вопроса Учредительным собранием, в интересах успеха революции и для обеспечения страны продовольствием. После того, как будут образованы волостные и сельские комитеты, Совет крестьянских депутатов находит необходимым все пахотные земли и луга помещичьи, казенные, удельные, монастырские, церковные, городские передать в распоряжение волостных комитетов» [Георгиевская, 1957, с.286]. Оно прогремело на всю Россию и оказало заметное влияние на развитие крестьянского движения в других районах страны. Тогда же было принято решение о непризнании за Временным правительством прав назначать уездных комиссаров Казанской губернии и признать это право за уездными Советами. Председателем губернского крестьянского Совета был левый эсер А.Л. Колегаев, близко стоявший к большевикам.

Газета «Кызыл байрак» писала, что решение крестьянского съезда является осуществлением вековой мечты крестьянства и что это не только голос крестьян Казанской губернии, а «голос и законное требование обессиленных от безземелья и грабежа крестьянских масс всей России» [Георгиевская, 1957, с.300].

С образованием крестьянского Совета в Казани усилился фронт революционной демократии, и создались более благоприятные условия для организации помощи трудящемуся крестьянству в его борьбе за землю. Газета Казанского губернского крестьянского Совета широко информировала о развитии аграрного движения в губернии. Вскоре явочным путем оно было демократизировано.

§ 2. Политические группировки и борьба за власть в Казанской губернии в 1917–1918 гг.

Индус Тагиров

Вечером 26 октября 1917 г. открылось торжественное заседание Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов с участием представителей полковых, ротных и фабрично-заводских комитетов. С докладом о вооруженном восстании выступил Н.Ершов. Докладчик и другие ораторы от-

метили героическое участие татарских трудящихся в вооруженном восстании. Было внесено предложение «...заменить две должности: военную и гражданскую (командующего Казанского военного округа и губернского комиссара), но пока избрать исполнительное бюро Совета из 15 чело-

век...». Однако, ввиду получения тревожных известий о возможном подходе войск к Казани, собрание спешно решило вопрос о выборах Революционного штаба в составе 20 человек. Н.Ершов огласил 15 фамилий в качестве кандидатов в Ревштаб. В числе предложенных 15 кандидатов 9 человек являлись военными. Большевиков в списке было 8, левых эсеров – 4, меньшевиков-интернационалистов – 2, беспартийных – 1. Отсутствие в числе большевиков видных руководителей Казанского комитета РСДРП(б) объяснялось тем, что Ревштаб формировался из лиц, непосредственно руководивших ходом восстания. Это были наиболее активные члены военной организации большевиков Казанского гарнизона. Предложенный Н.Ершовым список участники заседания приняли единодушно, но поручили дополнить его четырьмя представителями [Крестьянская газета, 1917, 28 октября]²⁷ от воинских частей и одним представителем от Порохового завода.

Собрание предоставило право мусульманским организациям, признавшим переход власти Советам, послать своих представителей в Ревштаб. Выделенные в Ревштаб представители Харби шури и Мусульманского социалистического комитета (МСК) также были в основном военные (Я.Чанышев, К.Якубов и др.). Только М.Вахитов не являлся военнослужащим гарнизона.

Казанский комитет большевиков и Мусульманский Социалистический Комитет не предлагали официально кандидатуры в Ревштаб потому, что в той обстановке считалось вполне естественным передать временную революционную власть военному руководству, так как их популярность позволяла навести в кратчайший срок революционный порядок в городе и подготовить условия для правильного избрания исполкома Советов и передачи ему всей полноты власти как в городе, так и в целом по губернии. Контроль над деятельностью нового времен-

ного органа власти осуществлял Казанский комитет РСДРП(б) во главе с К.Грасисом, И.Волковым, А.Карповым, Г.Олькеницким.

Революционный штаб обратился к населению города и губернии с воззванием. В нем говорилось о победе вооруженного восстания в Петрограде и Казани, свержении власти Временного правительства и установлении Советской власти. «Кошмарные дни борьбы миновали. Революционные войска победили. Этой победой власть передана народу в лице его полномочных органов Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Не только в Казани свергнута власть буржуазии, капиталистов и помещиков, но в Петрограде и ряде других городов. Это не значит, что борьба с буржуазией закончена. Борьба продолжается и продолжится до тех пор, пока не установится и не утвердится окончательно народовластие» [Знамя революции, 1917, 29 октября].

Далее в воззвании говорилось: «... Отныне народ сам будет творить свою жизнь, решать свою судьбу. Иначе и быть не может, только сам народ выведет себя из трудного положения, в какое его ввергли буржуазные управители и опекуны. Мы глубоко убеждены, что в народе достаточно творческих сил, чтобы создать себе светлое будущее, без гнета, без слез и без страданий». Воззвание призывало народ к бдительности, к поддержке революционной власти. Оно было опубликовано в первом номере газеты «Знамя революции» и расклеено на улицах города.

На первом заседании Ревштаба были назначены комиссары в Государственный банк, телеграф, почту, телефонную станцию, водопровод и др. Ревштаб ограничил выдачу денег по чекам до 500 рублей. Переводы разрешалось давать на сумму не более чем 5000 рублей. Брать средства из охранных ящиков разрешалось только в крайних случаях. Эти меры вводились только до 30 октября. Этот срок, пусть даже и короткий, дал возможность установить контроль над банковскими учреждениями. Отныне деньги для нужд предприятий стали выдаваться только с разрешения фабрично-заводских комитетов. 29 октября из Государственного банка решением Ревштаба было взято 27 тыс. рублей, из которых 15 тыс. предна-

²⁷ В списке Н.Ершова значились: Масальский, Ершов, Грасис, Фролов, Олькеницкий, Конюшкин, Милх, Кортов, Казакевич, Венецианов, Бадаев, Карпов, Жестянных, Пономарев, Гинсбург. Из восьми большевиков шесть являлись членами военной организации. По воспоминаниям К.Шнуровского, секретарем Ревштаба являлся Г.Олькеницкий.

значались для организации новой власти, 10 тыс. рублей – на издание газеты «Знамя революции» и 2 тыс. рублей – на разъезды руководителей Ревштаба [Казанское слово, 1917, 31 октября].

Остро стоял продовольственный вопрос, в городе имелось около 100 тыс пудов белой муки и 30 тыс. ржаной, примерно месячный запас. Одним из первых мероприятий Советской власти был переход к рабочему контролю над производством и потреблением. 9 ноября состоялось собрание фабрично-заводских комитетов, рабочей секции Совета и Военно-промышленного комитета. На повестке дня стоял вопрос: организация контроля над производством. Были заслушаны отчеты делегатов Всероссийской конференции фабрично-заводских комитетов большевиков И.Дерунова и С.Рудова. Затем выступил председатель Совета А.Карпов. Он заявил, что рабочий контроль должен осуществляться специальным Советом, обладающим исполнительной властью, принудительной для капиталистов, и Совет рабочего контроля должен поддерживать постоянный контакт с профессиональными союзами. Собрание избрало Совет рабочего контроля из представителей фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов. Это был важнейший шаг к подготовке национализации крупных капиталистических предприятий.

Были проведены преобразования в области судопроизводства. Ревштаб арестовал прокурора Карасева и его помощников, назначил комиссара всех судебных учреждений. Особое значение имело создание следственной комиссии во главе с Г. Олькеницким, Фроловым и Израйловичем. Комиссия развернула активную работу по привлечению к ответственности контрреволюционно настроенных чиновников Временного правительства. Перед ней предстали бывший командующий войсками округа полковник Архипов, бывший председатель Казанского Совета поручик Поплавский и другие. Начала функционировать комиссия по национализации банков.

Все это сопровождалось нападками на руководителей казанских большевиков. Н.Ершов и К.Грасис назывались не иначе, как узурпаторами. Саботаж служащих госу-

дарственных учреждений, получивший распространение в стране, не обошел и Казань. Открытую враждебностью к Советской власти выразила стачка работников почты и телеграфа. 31 октября так называемый «Казанский стачечный комитет» почтово-телеграфных служащих выразил протест против действий Революционного штаба и, в частности, отправки комиссаров на почту и телеграф. Комитет потребовал удаления комиссаров и грозил им в противном случае объявить забастовку.

В то же время внутри Революционного штаба обнаружились разногласия, усложнившие и без того большие трудности на пути укрепления новой власти. 28 октября из Ревкома вышли некоторые левые эсеры и председатель МСК М.Вахитов. Несогласие с действиями Ревкома выразил Военно-Окружной комитет (ВОК). Он считал незаконным назначение исполнявшим должности командующего военным округом Николая Ершова.

Члены ВОК не были сторонниками вооруженного восстания. Один из них заявил: «Если на той стороне теперь сила, то нам не следует оказывать сопротивление, чтобы не проливать лишней крови». А 31 октября видный эсер Арсентьев писал в газете «Революционный трибун»: «Не могло быть никакого признания, никакого присоединения, было всего лишь подчинение». Следовательно, ВОК, осуждая большевиков, не решался активно противодействовать восстанию, поскольку не имел в гарнизоне достаточного авторитета. Однако ВОК не сидел сложа руки. Срочно были запрошены гарнизоны Поволжья и Приуралья об отношении к переходу в окружном центре Казани власти в руки солдатского Совета и его председателя прапорщика Н.Ершова. Предлагалось созвать съезд солдатских Советов округа, а до съезда принять активное участие в управлении округом, «...дабы не оставлять его без власти».

Как только образовался Ревштаб и временным командующим округом был избран прапорщик Н.Ершов, начались переговоры с ВОК. Представители ВОК сразу же выступили с резкими нападками на Н.Ершова и К.Грасиса и пытались заменить Н.Ершова прапорщиком Федотовым.

28 октября ВОК принял решение, в котором говорилось, что «переход власти в руки ревкома в Казани не знаменует собой перехода окружной власти к одному какому-либо из гарнизонов, ВОК считает неправильным назначение нового командующего со стороны Ревкома». В решении говорилось также о необходимости созыва окружного военного съезда. Члены ВОК потребовали и отмены ограничений выдачи денег банком, введенных Ревкомом. Отказ в выполнении этих требований привел к выходу представителей ВОК из Ревкома.

В этих условиях 4 ноября Ревком сложил с себя полномочия власти. Власть перешла в руки Казанского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Н.Ершов продержался в своей должности лишь до 19 ноября, т.е. до открытия съезда представителей Советов солдатских депутатов Казанского военного округа. На съезде вместо единоличного командующего был избран Совет по управлению округом и Н.Ершов в его состав не попал. Причиной явилось резкое недовольство диктаторскими замашками Н.Ершова и К.Грасиса. Даже бригадный комитет 2-Артбригады во главе с Андроновым отказался от поддержки своего недавнего кумира.

Снова имя К.Грасиса звучало в Чебоксарах. Он навел ужас на весь город. Установил слежку за каждым, как ему казалось, подозрительным человеком, производил массовые расстрелы [Новое Казанское слово, 1918, 19 августа (1 сентября)]. Далее его «героизм» продолжился в Астрахани. Как сообщалось, Е.Бош в 1918 году, будучи представителем Прифронтового ЧК, дискредитировал многих местных работников, обвинив их или в контрреволюции, или в неблаговидных поступках. Без всякой на то причины арестовал председателя и двух членов губчека. На протест председателя исполкома Астраханского губернского Совета против такого произвола последовал ответ: «Я и вас арестую». И арестовал, что привело к натравливанию мусульманской части гарнизона на Совет, Совета на мусульман, матросов на солдат. Все совершалось так, словно копия того, что имело место в Казани в октябре 1917 г. Он успел бы еще наломать немало дров, если бы более высокой инстанции не пришло понимание, «что в пользу революции, в пользу социализма такие герои должны уйти из ЧК». Даже те, кто пытался защитить К.Грасиса, признавали, что он «самолюбив», действует «поспешно» и «не совсем обдуманно» [РГА-СПИ, ф.17, оп.4, д.52, л.23].

§ 3. Победа революции в Казани

Индуc Тагиров

Переход власти Советам в стране совершился главным образом мирным путем. Вооруженные столкновения являлись, скорее всего, исключением, чем правилом. Казань явилась одним из таких исключений. Оно было определено ее особым положением как центра крупнейшего в России военного округа, включавшего в себя 10 губерний и 2 области. В самой Казани располагался штаб округа, две юнкерские школы и 40 тысячный гарнизон. В четырех пехотных запасных 94, 95, 240, 164 полках и во 2-й Артиллерийской бригаде готовились маршевые подразделения для отправки на фронт.

Летом и осенью 1917 г. в частях головного гарнизона широко развернулась антивоенная пропаганда. Одним из таких активных антивоенных агитаторов был солдат

2-артиллерийской бригады Николай Андронов, ставший кумиром солдат и которого они избрали председателем солдатского бригадного комитета.

По частям бродило немало авантюристов, подыгрывавших на антивоенных настроениях солдат. Их привечал Андронов. Одним из таких был прапорщик Николай Ершов, отправленный в казанский военный округ после расформирования 2-пулеметного полка в Петрограде за участие в июльских событиях. Местом его дальнейшей службы командование определило Самару. Однако Ершов не подчинился этому приказу и остался в Казани и самовольно пребывал в 1-м дивизионе 2-й Артиллерийской бригады. Против него было возбуждено уголовное дело за неподчинение приказу

командования. Вчерашний эсер Ершов быстро примкнул к большевикам и развернул в частях широкую антивоенную агитацию. Вскоре его избрали в Совет, где он возглавил его солдатскую секцию, а вскоре стал руководителем военной организации большевиков и левых эсеров.

Тогда же проявил себя втершийся в доверие к солдатам и выступавший перед ними с антивоенными речами, арестованный в Саранске за проигрыш за карточным столом значительной суммы казенных денег и бежавший из гауптвахты подпоручик Гроздов. Виновность его была признана им самим в рапорте на имя командующего войсками округа, в котором он просил отправить его на фронт, чтобы «искупить свой недавний поступок в Саранске». Причем из рапорта видно, что это не первый случай, ибо в рапорте есть следующие слова: «надеюсь, господин полковник, вы, как и первый раз, пойдете мне навстречу и дадите возможность исправить свою ошибку». Милости командующего он не дождался. 2 июля взволнованная толпа солдат освободила из гауптвахты всех солдат, в том числе и Гроздова. 31 июля он самовольно отбыл в Саранск, где был снова арестован и переправлен в Казань. Из гауптвахты бежал к артиллеристам 2-й Артиллерийской бригады. Вот этот Гроздов 12 октября на плацу казарм 1-го дивизиона 2-й запасной Артиллерийской бригады созвал многолюдный солдатский митинг, на котором произносились речи, призывавшие к неповиновению Временному правительству и заключению мира [Георгиевская, 1957, с.400].

Уже в конце сентября Казанский Совет в лице своей солдатской секции начал принимать на себя функции окружного командования. В телеграмме от 28 сентября военному министру командующий войсками Казанского военного округа полковник Караулов сообщал: «казанский Совдеп, вопреки моим предупреждениям, вынес резолюцию о немедленном роспуске солдат Казанского гарнизона на полевые работы, о чем разослал по частям гарнизона, уведомляя и объявляя на гарнизонном собрании, чем вызвал брожение среди солдат, особенно 2 запасной Артбригады» [РГВИА, ф.1720, оп.15, л.8].

Не повезло и предшественнику Никитенко в должности командира 2-й Артиллерийской бригады полковнику Седлецкому. 20 октября солдаты при активном участии Н.Андропова, в ответ на попытку арестовать Гроздова, вооружились. Затем арестовали своего командира и препроводили к командующему войсками округа. В результате, как было отмечено на собрании представителей гарнизона 22 октября, созданном для расследования событий, связанных с Гроздовым, создалось «невыносимое положение», заключающееся в нарастании противоборства между солдатами, укрывавшими этого авантюриста и юнкерами, которые должны были арестовать его.

Пожар на пороховом заводе и его последствия еще более обострили обстановку. Он начался 14 августа в 2 часа 20 минут дня с пожара на станции Пороховой, где загорелись мешки с селитрой. Огонь быстро перекинулся к ящикам со снарядами, а затем взорвались два пороховых погреба. В одном хранилось 5 тыс. пудов, в другом – 9 тыс. пудов бездымного пороха. Сила взрывов была настолько велика, что были выбиты стекла окон домов, находившихся на расстоянии многих верст. Говорили, что на расстоянии нескольких верст от взрыва попадали всадники с лошадей. Затем загорелась нефть. Снаряды взрывались непрерывно. Взрывы и пожары продолжались несколько дней. Население спасалось как могло. Разбежались солдаты запасных полков, расквартированных в Заречье [См.: Ионенко, 1967, с.126]. Из 2524 человек, числившихся в списках 95 полка, 648 человек находились в бегах. В бегах находилось также и более трехсот солдат 240 полка. Командование округа ввело в городе военное положение, что лишь обострило обстановку. Многочисленные факты показывают, что дисциплина в гарнизоне расшаталась. Везде проходили митинги с требованием прекращения войны, избивались ненавистные офицеры. Захватывались арсеналы и цейхгаузы с оружием.

15 октября на лугах за вокзалами под председательством Н.Ершова состоялся общегарнизонный митинг, на котором была принята большевистская резолюция с тре-

бованием прекращения войны и передачи власти Советам.

23 октября командующий войсками и комиссар округа писали в донесении военному министру, что «положение в Казани крайне напряженное и части гарнизона разделились на два лагеря, из коих одни остаются на стороне Временного правительства и готовы исполнять приказы начальства, а другие всецело идут за Советом, руководимым безответственными лицами, именующими себя большевиками и выставившими требование передачи власти Советам», указывалось, что «руководителями солдатской массы являются два демагога-большевика, находящиеся под судом и следствием» [Горохова, 1973, с.119]. Речь шла о Гроздове и Ершове. Обращают на себя внимание слова, добавленные к донесению окружным военным комиссаром капитаном Калининым: «Можно ожидать выступления, таковая агитация ведется в широком масштабе в значительной части гарнизона... Командующий войсками прилагают все усилия к мирному решению конфликта...» [Горохова, 1973, с.120]. Однако события нарастали с невиданной быстротой и далеко не в сторону мирного решения конфликта.

На вечернем заседании Казанского Совета рабочих и солдатских депутатов 23 октября было принято решение о роспуске солдат призыва 1899 г. На этом заседании Ершов заявил, что «представители местной власти не посмеют воспрепятствовать нашему решению» и что «артиллерия и пехота показали, что они не шутят и что для них власть не Временное правительство, а Советы» и что «...и командующий войсками ничего не сможет сделать, ибо на его стороне нет силы». И он несколько раз сказал «мы не боимся». Его поддержал Грасис, обвинив юнкеров в поддержке властей и призвав солдат не повиноваться им. «Мы, – сказал он, – имеем на своей стороне силу и потому можем провести все, что угодно» [Георгиевская, 1957, с.425]. После перерыва эсеры, меньшевики и независимые социалисты сделали заявление, что отказываются от голосования вопроса о роспуске солдат призыва 1899 г. Ершов сказал им, что «большевикам это безразлично». Тогда оппоненты большевиков покинули собрание, и их

представители поехали на заседание революционного штаба.

Таким образом, за резолюцию голосовали только большевики. За нее было отдано 230 голосов, против – 1, при 21 воздержавшемся. После этого собрания и был арестован К.Грасис. Командование отдало распоряжение об аресте Ершова и Гроздова. И вряд ли при этой ситуации одним из первых действий Н.Ершова было бы проведение солдатского митинга с требованием освобождения Грасиса. Наоборот, арест должен был бы послужить поводом к решительной реализации плана восстания, если бы таковой имелся. Однако этого не последовало. Более того, после перехода власти к большевикам, они возбудили судебное дело по обвинению К.Б.Поплавского «в провоцировании кровавого столкновения».

После этих событий командование округа отдало приказ об аресте Карла Грасиса и Николая Ершова. К.Грасис был арестован у себя на квартире. Однако он успел предупредить об этом Николая Ершова. Последний немедленно отправился в 1-й дивизион Артбригады.

Утром прапорщик Ершов устроил митинг в 1 дивизионе 2-й Артиллерийской бригады по поводу ареста Грасиса. Во время митинга прибежал солдат Александр Паломожных и сообщил, что подпоручик Поплавский по телефону потребовал у командующего округом Архипова несколько броневиков и кавалерию. Поплавский сказал, что это он «сделал в целях самозащиты и после совета с офицерами и ближайшими солдатами» [НА РТ, ф.526, оп.5, д.1, л.66 об.].

Начиная с 1934 г. с выходом книги «Казанская большевистская организация в 1917 году», утвердилась ничем не обоснованная точка зрения о получении руководящих указаний из Центра. На долгие годы стало традицией писать о том, что 23 октября 1917 г. состоялось заседание партийного комитета, на котором будто бы его секретарем Олькеницким было зачитана резолюция ЦК от 10 октября. Между тем, никакого заседания парткома большевиков в эти дни не было. События 23–24 октября в казанском гарнизоне для него и многих его членов стали полной неожиданностью. Об этом

уже после перехода власти в руки Совета говорилось на заседании парткома 30 октября 1917 г. Председательствовавший на нем А.Карпов во вступительном слове сказал, что «...события, свершившиеся за последние дни до получения сведений о перевороте [в Петрограде – И.Т.], происходили не под руководством комитета, а под руководством отдельных членов его и не имели политической почвы, а чисто военную» [Знамя революции, 1917, 2 ноября].

Не соответствует истине и утверждение Грасиса о том, что имелся план вооруженного восстания, который якобы «после переворота... был одобрен» неким полковником, оказавшимся на стороне революции [НА РТ, ф.1875, д.24, л.71]. Возникает вопрос, если полковник был на стороне революции, почему же этот план не был показан ему до начала восстания. Ясно, что такого плана не было и не могло быть. Во-первых, потому что ни Петроград, ни Москва каких либо указаний о необходимости проведения вооруженного восстания не давали. Более того, приведенное решение Московского Областного бюро РКП(б) нацеливало местные организации на мирное решение вопроса о власти. Но и оно, по всей видимости, не дошло до Казани, ибо в Казань от Областного бюро должен был приехать Манцев. Однако по неизвестным причинам он в Казань не приехал. Одно можно сказать с уверенностью, что общепартийная линия в Казани была хорошо известна. Во-вторых, восстание стихийно назревало давно и началось с внутригарнизонного конфликта, а не по плану некоторых большевистских руководителей.

О том, что не было никакого плана вооруженного выступления, свидетельствуют и воспоминания Ершова, где он излагает меры, принятые им после прибытия 24 октября после ареста К.Грасиса во 2 дивизион 2-й Артиллерийской бригады. Во-первых, он пишет, что «известил об аресте Грасиса», объяснив, что это «означает начало нападения и разоружение всего гарнизона», во-вторых, предложил «вынести резолюцию с требованием освободить Грасиса и послать предложение остальным воинским частям принять такую же резолюцию» и дал распоряжение воинским частям о приведении

в боевую готовность. Дежурный офицер по 2 дивизиону Вильнянский в своем рапорте от 31 октября сообщил командиру дивизиона, что Ершов говорил, что «нужно освободить организованным путем Грасиса, но предупредил, чтобы не было вооруженного выступления» [НА РТ, ф.526, оп.5, д. 1].

В связи с этим представляют интерес следующие слова адъютанта командующего войсками округа Леонтьева: «Было сообщение через контрразведку, что Архипова хотят арестовать за то, что не согласился с постановлением Совета о роспуске 1899 года... Юнкера были вызваны не для действия против частей, а для предупреждения этого ареста».

Действительно, решению конфликта мирным путем склонен был и командующий военным округом полковник Архипов. Однако военно-окружной комиссар капитан Калинин, был настроен решительно. Именно ему принадлежала инициатива ареста Грасиса и Ершова. И по его команде его помощник Минц с отрядом юнкеров в сопровождении двух броневикулов прибыл в Артиллерийскую бригаду и ультимативно потребовал выдачи Ершова. По его команде было сделано несколько выстрелов по казарме, где должен был находиться Ершов. Однако его там уже не было. Он в сопровождении двух солдат переправился в 1 дивизион Артиллерийской бригады, располагавшийся на Арском поле. Там его встретил председатель бригадного комитета Н.Л. Андронов с рапортом о выполнении распоряжений по подготовке сил к восстанию. «Действительно, – писал по этому поводу несколько позднее Н.Ершов, – пушки были выкачены на Арское поле... и около каждой батареи стояла прислуга». Здесь еще до прибытия Н.Ершова было созвано заседание бригадного комитета, на котором обсуждался план вооруженного сопротивления властям.

Из 1-го дивизиона на Арском поле Н.Ершов направился в город, чтобы известить о происходящих событиях военную организацию большевиков. К этому времени туда прибыли из 2-й Артиллерийской бригады большевики И.Шелыхманов и Я.Крылов. Тут же находились прапорщики Фролов и Л.Жестянников. Н.Ершов информировал членов организации о последних событиях и

дал им указание быть готовыми к вооруженному выступлению. Было решено создать из представителей войсковых частей при 240-м полку революционный штаб для руководства ходом боев.

Около 11 часов утра 24 октября над городом разорвался первый шрапнельный снаряд, выпущенный артиллеристами 1-го дивизиона 2-й Артиллерийской бригады. Во второй половине дня развернулся бой против юнкеров, уланов и 6-й Финляндской батареи, который затих лишь в ночь на 25 октября. Вечером по приказу штаба округа отряд юнкеров вновь двинулся на Арское поле. Впереди отряда, скрываясь за трамвайными вагонами, шел броневик. Но на Арском поле к их появлению готовились. Когда юнкера дошли до здания высших женских курсов, по ним был открыт артиллерийский и пулеметный огонь. Артиллеристов поддержали 685-я, 686-я дружины. Юнкера вынуждены были отступить. Первые два снаряда попали в здание окружного военного интендантства и значительно повредили его. Артиллерийский огонь по городу все усиливался. Несколько снарядов угодило в здание штаба военного округа. Снаряды стали разрываться и в центре города. Один из них повредил колонну университета. В городе закрылись магазины и общественные учреждения. В школах прекратились занятия. Перепуганные обыватели скрылись в подвалах.

Вскоре по городу был развешен приказ командующего Казанским военным округом о введении в Казани и его окрестностях военного положения. Активизировал свою деятельность карательный отряд, составленный из всех трех родов войск. Юнкерские патрули стали контролировать дамбы, соединяющие центр города с рабочими слободами.

В Кремле в здании военного училища начал действовать военный комитет во главе с П.Голановым, бывшим председателем Совета. В здании ветеринарного института развернулся полевой штаб во главе с полковником Добрянским. Начальник милиции М.Бухов поставил на ноги всю свою агентуру и помог тем самым юнкерской разведке. Но милиция, в которой состояло 200 человек, в основном не приняла активного

участия в событиях. Особой активности не проявили драгуны и казаки.

Весь день 24 октября в воинских частях проходили митинги и собрания, на которых члены военной организации большевиков информировали солдат о вооруженных столкновениях с юнкерами и раскрывали их смысл. Солдаты всех частей гарнизона присоединились к восставшим артиллеристам. Так началось вооруженное восстание в Казанском гарнизоне. Как видим, его начало не было связано с получением сигнала из Москвы или Петрограда.

В полдень 25 октября борьба приняла ярко выраженный политический характер. Развязка приближалась. На Кремль, где засели юнкера, со стороны лугов вдоль поймы реки Казанки наступал 240-й полк. Часть 164-го полка перебралась на понтонных мостах через р. Казанку на помощь артиллеристам. Туда же из Осокинских казарм, преодолевая сопротивление противника, прибыл отдельный батальон 95-го полка. Со стороны Арского поля наступление вели, кроме артиллеристов, три пехотных батальона. В обстреле города приняло участие 11 батарей.

В это время 6-я батарея Поплавского была переброшена в город. Еще накануне полковник Архипов лично распорядился о включении этой батареи в состав карательного отряда. В отряде, составившем костяк контрреволюционных сил, участвовали все три рода войск. Всего в распоряжении командования округа находилось 2–2,5 тысячи человек, в том числе юнкера военного училища, две школы прапорщиков, эскадрон гусар, сотня казаков и 4 броневика. Но как только восстание развернулось, солдаты батареи Поплавского начали уходить и ко второй половине дня у орудий оставались единицы.

В первой половине дня 25 октября бои шли на трех участках: на Арском поле, у крепости со стороны Заречья и на железнодорожном вокзале. Две роты солдат с разных сторон начали прорываться в Кремль. Около 3 часов ночи была получена телеграмма о победе вооруженного восстания в Петрограде и свержении Временного правительства. Узнав об этом, юнкера сразу же сложили оружие, а командующий войсками полковник Архипов отдал приказ всем воинским частям разойтись по казармам. Это

был его последний приказ, означавший признание совершившегося переворота и подчинение Казанскому Совету рабочих и солдатских депутатов.

Октябрьское вооруженное восстание в Казани победило, и с утра 26 октября в городе власть находилась в руках представителей революционных рабочих и солдат, руководивших восстанием. Комиссар Калинин, полковник Архипов, поручик Поплавский и другие были арестованы.

Восстание победило почти бескровно. Убитые и раненые с обеих сторон составили около десяти человек.

Послекапитуляции юнкеров находившиеся в помещении Казанского Совета (быв. Губернаторский дворец в Кремле) члены Казанского комитета большевиков и комитета левых эсеров, члены партийных фракций в Совете на экстренном совещании приняли «Воззвания» к населению с извещением о победе революции в Петрограде и Казани.

В Национальном Архиве Республики Татарстан хранится комплекс документов дела №52 Революционного трибунала при Казанском Совете Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов (начало 21 декабря 1917 и конец 11 января 1918 г.), который полностью опровергает господствовавшие представления о Казанском октябре 1917 г. Уже само название дела говорит о том; что партком большевиков не мог быть инициатором этих событий. Оно называется делом «по обвинению подпоручика Поплавского в провоцировании кровавого столкновения войск и ранении часового». Причем, как явствует из материалов дела, в качестве обвинителей выступили большевистские руководители Карл Грасис и Гириш Олькеницкий. По их мнению, не они были инициаторами октябрьских событий, а Казимир Бронеславович Поплавский. В марте, пользовавшийся авторитетом в гарнизоне Поплавский, был избран первым председателем Совета. Он по собственной воле ушел с поста председателя Совета и занялся воспитанием солдат. В октябре командовал одной из артиллерийских батарей 6-й Финляндской бригады. Читал солдатам газеты, водил их в музей. Политикой старался не заниматься. Однако в бурном 1917 г. сделать это было трудно. Помимо своей воли, он оказался в центре этой политики.

Между тем главным «героем» был не он, а Николай Ершов. Это видно, хотя бы из его письма своему знакомому от 14 ноября 1917 г., где в хвастливом и оскорбительном для татар тоне писал так: «Привет из далекой Казани. Казань вторично завоевана русским народом, но осаждал ее не Иван Грозный, а прапорщик Ершов. Октябрьское восстание в Казани началось раньше Петрогр[ада]. Может быть первый выстрел октябрь[ской] революции раздался по инициативе Ершова. Когда город был взят, юнкера, уланы и броневики сложили оружие. Меня восставший народ избрал командующим войсками Казанского военного округа».

Как видно, здесь нет ни комитета РСДРП(б), ни военной организации. И избрал его командующим не восставший народ, а революционный штаб, созданный на собрании Казанского Совета 26 октября по списку, предложенному самим Ершовым и возглавлявшемуся Грасисом, т.е. узким кругом приближенных. В сообщении из Казани под названием «Казанская директория» одна екатеринбургская газета писала так: «В местных кругах глухое недовольство по поводу захвата власти командующего Казанским военным округом никому неизвестным прапорщиком Ершовым, никем не назначенным и не выбранным командовать Казанским военным округом. Знающие нового командующего Казанским военным округом прапорщика Ершова аттестуют его с самой дурной стороны, как и его коллегу Грасиса» [Зауральский край, 1917, 15 ноября].

В Казани вооруженного восстания, организованного большевистским комитетом, не было. Не было и каких-либо указаний из Петрограда или Москвы. Факты показывают, что вообще можно было избежать вооруженных действий. Соотношение сил в городе было такое, что мирному провозглашению Советской власти никто бы не смог помешать. В распоряжении командующего войсками округа не было для этого достаточных сил.

Однако случилось то, что могло не случиться. И этому причиной было не указание ЦК РСДРП о проведении восстания, а конкретно сложившаяся обстановка в гарнизоне.

§ 4. Татары-мусульмане и органы российской власти в 1917–1918 гг.

Диляра Усманова

Конец самодержавия и установление новой власти в стране произошло в течение конца февраля – начала марта 1917 г. Важной вехой в этих событиях стало образование Временного правительства (в ночь с 1 на 2 марта 1917 г.), которое было создано как компромиссный вариант в ходе долгих и болезненных переговоров между руководством Петросвета, лидерами кадетской партии и членами т.н. «Временного комитета членов Государственной думы». Участие депутатов в формировании новой власти было необходимо для ее легализации. После отречения Николая II и фактического прекращения функционирования многих институтов Государственная дума – законодательная ветвь власти – оставалась единственной легальной преемницей прежней России. Одним из первых актов новой демократической власти стало обнародование 3 марта 1917 г. правительственной декларации. В ней провозглашалась программа преобразований, были намечены основы формирования нового государственного строя на демократических принципах.

Для мусульманских деятелей, как и для многих, февральские события в столице оказались полной неожиданностью. В частности, члены малочисленной и весьма слабой мусульманской фракции не приняли какого-либо видимого участия ни в свержении старой, ни в формировании новой власти²⁸, которую они, тем не менее, горячо приветствовали [Усманова, 1997, с. 164–170]. Члены мусульманской фракции ГД направили 8 марта в адрес Временного правитель-

ства заявление, в котором высказали свое одобрение озвученной программе, но в то же время призвали новую власть не совершать прежних ошибок и в большей степени руководствоваться указаниями представителей мусульманского сообщества при принятии решений, которые касаются мусульманского населения империи [Исхаков, 2009в, с. 257–260]. Среди татарских деятелей, особенно активно контактировавших с новой властью, можно упомянуть Ибн. Ахтямова, который в первые же весенние месяцы (11 марта) был назначен комиссаром Временного комитета ГД и Временного правительства в Уфимской губернии, а также комиссаром, контролирующим деятельность ОМДС. Были также назначены комиссары или представители новой власти из числа депутатов-мусульман на Кавказ (М. Далгат, М.-Ю. Джафаров) и в Туркестан (А. Букейханов, М. Тынышпаев, С. Максуди). В Казанской губернии комиссаром был назначен председатель Казанской земской управы В. В. Молоствов (который вскоре передал свои полномочия новому главе управы А. Н. Плотникову), отчасти потому, что среди членов Думы четвертого созыва не было мусульманских депутатов, избранных от этой губернии. Функции мусульманских комиссаров и членов всевозможных новообразованных комитетов заключались в ознакомлении новой власти с интересами и пожеланиями мусульманского населения. В целом, мусульманские деятели играли в событиях первых весенних месяцев маргинальную роль, искренне приветствуя и поддерживая новую власть в надежде на обновление.

Среди пунктов декларации Временного правительства (3.03.1917) важным было обещание отменить религиозные и национальные правовые ограничения. Однако правительственная декларация являлась лишь символическим жестом в сторону нерусской части общественности. Для воплощения провозглашенного принципа в действительность требовалась более кропотливая

²⁸ Галимджан Ибрагимов, обвиняя позднее своих политических оппонентов, писал, что «члены мусульманской фракции в период февральских событий и сражений народа на улицах столицы проводили время в карточных играх и все на свете проспали». Даже если эти обвинения были беспочвенны и сутью идеологической расправы со своими политическими оппонентами, они отражали тот реальный факт, что революция и падение самодержавия стали неожиданностью для большинства политических деятелей. См.: [Ибрагимов Г., 1925].

работа законодательной и исполнительной властей. В период с апреля по июнь 1917 г. в ДДДИИ был разработан целый перечень ограничительных норм и статей закона, которые отменялись в соответствии с провозглашенной декларацией. Из более, чем тридцати пунктов, треть касалась положения мусульманского духовенства, около трети – проблемы образования мусульман и треть – общих вопросов [РГИА, ф.821, оп. 133, д.622, л.4–6 об.].

Среди отмененных ограничительных норм или демократических нововведений в качестве наиболее важных были следующие:

- введение выборного начала с предоставлением высшим магометанским духовным установлениям прав утверждения [нижестоящих выборных лиц];
- отмена удостоверений в политической благонадежности кандидатов на должности;
- предоставление права определения количества духовных лиц приходскому населению;
- предоставление права переписки между мусульманскими духовными установлениями на местных языках с тем, однако, чтобы таковая с государственными учреждениями велась на русском языке;
- отмена всех циркуляров, разъяснений и прочих ограничительных норм к указу 17 апреля 1905 г.;
- отмена ограничений по квоте в численности гласных земских учреждений;
- отмена ограничений по использованию родного языка и допуск преподавания на местных языках;
- предоставление мусульманам права не снимать головные уборы в присутственных местах;
- передача мечетских школ (*медресе* и *мектебов*) в ведение мусульманских духовных установлений и снятие ограничений, заключающихся в действующих законах;
- разрешение допуска к преподаванию в магометанских школах лиц, получивших образование за границей (т.е. отмена циркуляра 1911 г.);
- отмена ограничений в выделении земских средств на нужды инородческого населения (отмена постановления Правительствующего сената 1915 г.).

Кроме отмены правовых норм, непосредственно ограничивавших правоспособность мусульман, были приняты и такие поправки в законодательство, которые расширяли права мусульманского населения в политической и общественной сферах, а также предоставляли мусульманской фракции фактическую роль общемусульманского политического центра:

- учреждение высшего духовного управления в Петрограде;
 - учреждение издательства и периодического печатного органа Центрального управления;
 - организация приходской единицы «союз верующих» (проект члена Государственной думы Г.Х.Еникеева);
 - предоставление мусульманскому духовенству казенного жалования;
 - введение муфтиата на Северном Кавказе, Туркестане и Степных областях (среди киргизского населения) и реорганизация Оренбургского, Таврического и Закавказского духовных учреждений и вообще установление на местах единообразия порядка управления духовными делами мусульман;
 - предоставление мусульманской фракции Государственной думы, «согласно выраженному ею печатному желанию», право рекомендовать лиц к должностям как в центральном управлении, ведающим делами мусульман, так равно и в местах с преобладающим мусульманским населением [РГИА, ф.821, оп.133, д.622, л.4–6 об.].
- В период с 15 июня по 15 июля 1917 г. на рассмотрении ДДДИИ находилось еще около десятка дел в отношении мусульман, в том числе касавшихся вопросов:
- об ассигновании ОМДС из средств Государственного казначейства единовременного пособия в сумме 5000 рублей в виду истощения средств Собрания (ходатайство И.Ахтямова);
 - об освобождении от военной службы лиц, избранных на магометанские духовные должности и до утверждения на должность губернским правлением взятых на военную службу (ходатайство И.Ахтямова);
 - о временном усилении штатов ОМДС;
 - о созыве при ДДДИИ комиссии по мусульманским делам;

– по прошениям о перечислении из христианского исповедания в магометанское;
– о допустимости пожертвования в пользу религиозных учреждений (мечетей) мусульман участков крестьянской надельной земли [РГИА, ф.821, оп.133, д.622, л.1–1 об].

Перечень дел, рассмотренных ДДДИИ или находившихся на стадии рассмотрения в отношении мусульманского населения, свидетельствует о том, что эти вопросы были подготовлены членами мусульманской фракции совместно с сотрудниками ДДДИИ. Все они неоднократно выдвигались мусульманскими представителями в прошениях, разработанных проектах реформ или же озвучивались публично с думской трибуны и в прессе. Т.е. в период между Февральской и Октябрьской революциями лидеры татарского национального движения сосредоточили свои усилия на реализации той программы, которая была разработана еще до революции.

В то же время наблюдается и определенная новизна, отличавшая послефевральскую ситуацию от дореволюционной: мусульманские лидеры не довольствуются лишь ролью просителя и ходатая по мусульманским делам, а начинают вполне открыто претендовать на роль важного координирующего и политического центра. Не случайно, что созданное в середине марта (15–17.03.1917) Временное центральное бюро российских мусульман (ВЦБРМ, руководитель Ибн.Ахтямов), а затем и Всероссийский мусульманский совет, заменивший его после майского съезда (ВМС во главе с А.Цаликовым), заявляли, что они являются единственными представителями мусульманского населения, к которому должно обращаться правительство. Тем не менее отношения между этими силами складывались непросто, порой переходя в конфликтное противостояние [Исхаков, 2009а, с.52–54].

В период июльского кризиса Временного правительства (3–5 июля), когда климат в российском обществе резко изменился и отношение к новой власти претерпело эволюцию от эйфории и восторженной поддержки к преобладанию настроений разочарования и критики, среди членов ВМС высказывались мысли о необходимости участия мусульман в коалиционном правитель-

стве и создания специального министерства по мусульманским делам (Ш.Мухамедьяров, Садри Максуди, Ислам Шагиахметов, Гаяз Исхаки и др.) или же, по крайней мере, постов заместителей в важных для мусульман ведомствах. В частности, С.Максуди полагал, что мусульманам будет крайне сложно получить пост министра, а потому, вероятно, следует добиваться поста заместителя в двух министерствах – внутренних дел и народного просвещения [Исхаков, 2004; Исхаков, 2009а, с.52–54]. Среди возможных кандидатур обсуждались Ибр. и Ибн. Ахтямовы, А.Цаликов, С.Максуди, З.Валиди, Г.Терегулов и др. Тем не менее все попытки мусульманских деятелей ввести своего (своих) представителя (-лей) не увенчались успехом.

С лета 1917 г. в национальном движении наблюдается смена приоритетов с общенациональных на региональные и национальные интересы, что незамедлительно сказывается на взаимоотношениях с центральной властью, которое также вступает в череду кризисов. ВМС был многопартийным коалиционным органом, в котором все же доминировали общенациональные (общемусульманские) интересы и позиции. Лидеры ВМС демонстрировали стремление к консолидации усилий мусульман и консолидированной поддержке новой демократической власти. На региональном же уровне партийные разногласия и классовое противостояние были выражены гораздо сильнее. Если столичные лидеры мусульман в основном устанавливали контакты с новой властью и пытались оказывать на нее давление, организовывали единение мусульманского движения (готовили мусульманские съезды, решали насущные вопросы и пр.), то деятели в регионах занимались иными вопросами. Для них более актуальным было определение реальной власти на местах (в губерниях), политическая борьба и защита интересов или отдельных народностей (национальные лидеры), или определенных социальных групп (партийные лидеры).

Помимо региональных Милли Шуро, в регионах со значительным татарским населением были и другие политические силы. В Казанской губернии это Мусульманский социалистический комитет (МСК во главе

с М.Вахитовым), мусульманские военные организации, лидеры которых придерживались социалистической ориентации (Харбишуро во главе с И.Алкиным и др.), в Уфимской губернии – татарские левые эсеры во главе с Галимджаном Ибрагимовым. В связи с деятельностью названных организаций можно назвать вторую определяющую тенденцию в национальном движении, очевидную летом 1917 г., – происходит естественная смена политических элит, наблюдается выдвижение новых политических деятелей (И.Алкин, Г.Ибрагимов, М.Вахитов, М.Султан-Галиев и др.) и уход с политической арены некоторых прежних, ранее весьма влиятельных и активных деятелей (К.-М.Тевкелев, Ш.Сыртланов, А.Ахтямов и др.). Отчасти эта смена происходила в силу возрастных причин, отчасти была связана с тем, что летом 1917 г. необычайную популярность приобретают идеи социального равенства и социалистические партии. С новыми лозунгами приходят и новые герои.

Была еще одна политическая сила, которая стремилась играть более активную роль во взаимоотношениях с властью: лидеры ваисовского движения во главе с Гайнаном Ваисовым. Вернувшись после объявленной Временным правительством амнистии в Казань, Г.Ваисов возрождает свою общину и развивает бурную деятельность. В апреле 1917 г. в Казани состоялся съезд «божьих воинов», приветствовавший Петроградский Совет рабочих и крестьянских депутатов, а также Временное правительство [Валеев, 2007]. Чуть позднее Г.Ваисов попытался выступить на Всероссийском мусульманском съезде (май 1917, Москва) с изложением основ ваисовской доктрины. Однако организаторы съезда не дали ему такой возможности, еще более усугубив наметившийся ранее раскол. Это, вероятно, предопределило дрейф ваисовцев влево. Летом 1917 г. Г.Ваисов намеревается издавать журнал «Ислам» и другую литературу, а также создать собственную политическую партию [Ваисов, 1917, с.23]. В период Октябрьской революции складывается парадоксальная ситуация: с провозглашением свободы совести религиозная составляющая этого движения отходит на задний план, а политиза-

ция его принимает необратимый характер. В 1917 – 1918 гг. это уже политическое движение, лидеры которого не скрывали своих политических пристрастий и амбиций. Не найдя общего языка с лидерами либерального крыла национального татарского движения, осенью 1917 г. руководители ваисовского движения объявляют о поддержке Советской власти и вступают в альянс с казанскими большевиками. Однако для самих казанских большевиков этот альянс был не столько осознанной коалицией с иной политической силой, сколько вынужденным тактическим маневром, к тому же основанным на личных контактах между лидерами (Г.Ваисов и К.Я.Грасис, соответственно).

Отношение большевиков, а затем и представителей Советской власти к ваисовцам в 1917 – 1920 гг. эволюционировало от осторожно-доброжелательного, от стремления использовать их в своих интересах на пути достижения власти до настроенного и крайне негативного в итоге. По мере того, как Советская власть упрочивалась, были одержаны победы на фронте (особенно восточном), большевики все меньше склонялись к компромиссу и сотрудничеству с разнообразными силами, тем более религиозными организациями. Поэтому не случайно, что данный альянс закончился репрессиями в отношении руководителей и наиболее активных членов ваисовской организации (уже начиная с 1921 г.), а также официальным запретом самой организации в середине 1920-х гг.

После октябрьского переворота перед руководителями многих политических партий и группировок, равно как и перед лидерами национального движения, встал вопрос об отношении к факту переворота и к новой большевистской власти. Если посмотреть, каково было отношение лидеров татарского национального движения к большевиком, то мы увидим весь спектр мнений с преобладающим негативным отношением. Заседавшее в Уфе с ноября 1917 г. по январь 1918 г. «Национальное собрание» практически единогласно (за исключением группы левых эсеров во главе с Г.Ибрагимовым) высказалось против поддержки октябрьского переворота, посчитав его очередной попыткой маргинальной группы взять власть,

а большевиков – временными псевдополитическими деятелями, не заслуживающими серьезного внимания. Такое же отношение высказала практически вся ведущая татарская национальная пресса – газеты «Юлдуз» и «Курултай» в Казани, «Турмуш» в Уфе, «Вақыт» в Оренбурге и пр. В то же время руководители военной организации «Харби Шуро» – Ильяс Алкин, Ю.Музаффаров, О.Токумбетов и др., не говоря уже о лидерах МСК М.Вахитове и М.Султан-Галиеве, были на стороне большевиков, или, по крайней мере, не против перехода власти к блоку социалистических партий.

Важную роль в событиях конца 1917 – начала 1918 гг. играли выборы в Учредительное собрание. В целом, в них приняло участие чуть менее 50% населения, из числа голосовавших за социал-революционеров (эсеров) отдали свои голоса 40%, за большевиков – 24%, за меньшевиков – 2,5% (плюс 1,5% за грузинских меньшевиков), за кадетов (фактически, единственная праволиберальная партия на выборах) – 4,7% и пр. Довольно много получили различные мелкие партии, независимые кандидаты и кандидаты от различных национальных групп.

Мусульманские лидеры надеялись провести в Учредительное собрание значительное количество своих депутатов (пропорциональное доле мусульман в стране, т.е. приблизительно около 60 человек) и наме-

ревались создать в нем отдельную мусульманскую фракцию. Однако в ходе выборов мусульманское движение раскололось не только по национальному, но и по классовому признаку. Об это свидетельствует наличие многочисленных списков, в которых мы встречаем имена мусульман: списки губернских «Милли Шуро», списки социалистов всех оттенков (особенно сильными позиции последних оказались на Кавказе, в Уфимской и Казанской губерниях) (подробнее см.: [Всероссийское Учредительное собрание, 1930; Протасов, 1997]). В итоге, в Учредительное собрание было избрано всего 37 мусульман. Причем большая часть их прошла по партийным спискам социалистических партий, а не по общемусульманским спискам (местных отделений «Милли Шуро»). При образовании единой мусульманской фракции среди мусульманских депутатов сразу же произошел раскол на мусульманских националистов (во главе с Ф.Туктаровым и А.Цаликовым) и мусульманских социалистов (во главе с Г.Ибрагимовым и М.Вахитовым). То есть в обоих мусульманских блоках ключевую роль играли татары. Сложно сказать, как развивались бы взаимоотношения этих двух мусульманских групп, если бы Учредительное собрание просуществовало дольше, чем ему было отведено времени большевиками, как и в том случае, если судьбы большевизма в России складывались бы иначе.

ГЛАВА 7

Всероссийские мусульманские съезды 1917 г., Национальное собрание и их значение. Провозглашение национальной автономии в 1917–1918 гг.

§ 1. Значение всероссийских мусульманских съездов 1917 г.

Айдар Хабутдинов

В первые послереволюционные дни во всех основных населенных пунктах с татарским населением были созданы мусульманские комитеты и бюро как общенациональные органы, объединявшие представителей всех социальных групп. Они включали в себя всех национальных общественных деятелей. Либеральное, умеренное социалистическое и левое социалистическое крылья этих комитетов сконцентрировались на политическом развитии татар, культурно-просветительской деятельности, создании основ культурно-национальной и религиозной автономии. Руководящую роль в этих органах заняла светская интеллигенция в лице лидеров периода российской революции 1905–1907 гг.: либералов (С.Максуди, Ф.Карими) и умеренных социалистов (Г.Исхаки, Г.Терегулов). Мусульманские комитеты и бюро, в основном, являлись общенациональными, а не политическими органами (за исключением Казани и Уфы с их сильными национальными социалистическими традициями). Именно эти лидеры сыграли основную роль в организации и проведении всероссийских мусульманских съездов 1917 г. Кроме М.Вахитова в Казани, в состав комитетов вошли все социалисты [Хабутдинов, 2008, с.169].

17 марта 1917 г. в Петрограде из членов бюро при мусульманской фракции и прибывших с мест делегатов с целью подготовки к общероссийскому съезду и координации действий образовалось Временное Центральное Мусульманское Бюро под председательством А.Цаликова [Иль, 1917, 23 март].

23 марта в казанской газете «Кояш» была опубликована статья С.Максуди «Как собрать национальный съезд?», в которой говорилось о созыве общенационального съезда в Уфе при Духовном Собрании для превращения его в «религиозный и национальный центр». Сам съезд должен был носить всероссийский характер, но «представители мусульман Внутренней России составят на этом съезде большинство», С.Максуди выступал за реализацию решений III Всероссийского мусульманского съезда 1906 г. Он призывал к повсеместной организации собраний и созданию местных бюро, С.Максуди обвинял бюро фракции в неактивной позиции по подготовке съезда [Кояш, 1917, 23 март].

К апрелю 1917 г. из представителей регионов был создан координирующий орган мусульман России, где абсолютное большинство составили татары. Именно значительное представительство регионов, обеспечившее взаимодействие и финансирование, позволило активизировать подготовку съезда. 8 апреля 1917 г. Центральное Мусульманское Бюро в Петрограде окончательно объявило о созыве съезда мусульман России 1 мая 1917 г. в Москве. В разосланной телеграмме основными вопросами повестки предстоящего съезда были объявлены: способ управления государством, национально-культурная автономия, выборы в Учредительное Собрание, отношение к войне, создание Всероссийского Мусульманского Совета. Решение о включении в повестку съезда рабочего и земельного вопросов было принято в последний момент

большинством в четыре голоса. Земельный вопрос рассматривался, прежде всего, как восстановление собственности мусульман на конфискованные земли Крыма, Кавказа, Туркестана и Казахстана. В отношении к войне была поддержана резолюция Петроградского Совета об оборонительной войне до победного конца. Бюро заняло антикадетскую позицию, в связи с политикой партии по контролю над турецкими проливами, и склонялось к поддержке российских социалистов [Кояш, 1917, 9 апрель].

В период, предшествующий проведению съезда, возникла конфликтная ситуация, когда бюро выступило против деятельности С.Максуди на VII съезде партии кадетов и его речи, в которой он, якобы, выразил безусловную поддержку кадетам от имени всех российских мусульман. Во всех основных мусульманских газетах был опубликован протест бюро, в котором оно поддерживало политику обороны России, но выступало против претензий кадетов на проливы Босфор и Дарданеллы, С.Максуди отбыл в Ташкент, куда он был назначен членом Туркестанского Комитета [Кояш, 1917, 9 апрель; Айда, 1996, с.90–93]. Только 10 мая 1917 г. в газете «Йолдыз» С.Максуди опубликовал статью о двух своих выступлениях на съезде кадетов. В своей второй речи С.Максуди высказал условия возможной поддержки. Основным условием являлось признание за каждым народом права жить по собственной воле. Поэтому С.Максуди призвал кадетов исключить из своей программы решения о захвате Стамбула и проливов. В знак протеста против отказа он сразу же вышел из партии кадетов [Юлдуз, 1917, 10 май].

Таким образом, сам протест был составлен на основе сфальсифицированных данных с целью политической изоляции С.Максуди. В результате, Петроград покинул последний из лидеров татарских либералов, сторонников эволюционного развития мусульман в рамках России. Руководство бюро оказалось в руках социалистов, для которых либерал С.Максуди являлся серьезным противником. В первоначальном варианте программы съезда именно ему был поручен доклад по национально-культурной автономии, который после его отъезда взял на себя А.Цаликов. Вопрос о мусульманских воин-

ских частях был первоначально возложен на К.-М.Тевкелева. Этот доклад был передан представителям Московского и Казанского Харби Шура Галиеву и Г.Монасыпову. Таким образом, либералы – сторонники тюркского единства потеряли контроль над двумя ключевыми проблемами съезда. За исключением выступивших с докладом об устройстве религиозной автономии Внутренней России и Сибири, все докладчики были социалистами. Организация съезда находилась в руках председателя бюро А.Цаликова, секретаря бюро А.-З.Валиди и лидера Московского Мусульманского Комитета Г.Исхаки [Хабутдинов, 2008, с.170]. В период нахождения в Петрограде в этот круг входил и будущий лидер Харби Шура И.Алкин. В конце марта 1917 г. А.Цаликов и А.-З.Валиди действовали совместно. По воспоминаниям А.-З.Валиди, для него было стратегически важно расколоть двух крупнейших сторонников экстерриториальной автономии в лице А.Цаликова и С.Максуди. А.-З.Валиди связался с представителями Кавказа, провел встречи с представителями башкир и прибыл в Ташкент для вербовки на московском съезде большинства из сторонников территориальной автономии [Кояш, 1917, 11 апрель; Тоған, 1994, с.163–205; Султанбеков, 1995, с.56].

Принцип избрания делегатов на I Всероссийский Мусульманский съезд в Москве гарантировал преобладание городов над сельскими районами и образованных слоев над малообразованными. По сходному принципу избирались и делегаты в органы местного самоуправления [Вақыт, 1917, 5 апрель].

Представители кружка «Татар учагы» в своем обращении предложили вначале провести съезд татар, на котором бы рассматривались вопросы национальной автономии и общественно-политические требования. Деятели кружка утверждали, что жизненные условия, требования и культура различных тюркских народов настолько отличны, что каждый из них может иметь только самостоятельные автономные органы. За всероссийским съездом они оставляли принятие общей программы, уже утвержденной на национальных съездах [Кояш, 1917, 18 апрель].

4 апреля 1917 г. на заседании Казанского Мусульманского Комитета предложение «Татар учагы» о созыве 22 апреля татарского съезда в Казани получило большинство голосов [Кояш, 1917, 18 апрель]. На Уфимском губернском мусульманском съезде 14–17 апреля 1917 г. З.Камали, Г.Ибрагимов и Г.Баимбетов также предложили провести съезд мусульман Внутренней России до созыва Учредительного Собрания. Инициативу проведения съезда в Казани поддержали мусульманские комитеты и бюро Нижнего Новгорода, Зайсана, Царицына, Бузулука и даже Баку. Однако окончательное решение о созыве только общероссийского съезда было принято бюро в Петрограде [Кояш, 1917, 9 апрель; Вахыт, 1917, 23 апрель].

I Всероссийский мусульманский съезд в мае 1917 г. проходил на деньги и во многом под контролем татар. На московском съезде татары составили большинство в ключевых комиссиях съезда [Терегулов, 1926, с.86]. Такое превалирование татар, по образцу всероссийских мусульманских съездов 1905–1906 гг. и 1914 г., вызвало сопротивление большинства представителей других народов, выступавших за преобладание интересов каждой из этнических групп над общими интересами мусульман России. Фактически, радикальное и социалистическое большинство съезда оказалось в союзе с консерваторами в стремлении не допустить создания эффективных общероссийских органов. На этом съезде был положен конец идеям политического, административного и экономического единства мусульман России, то есть классического либерализма и мусульманской тюркской нации, разработанных И.Гаспринским и его соратниками. На съезде победила идея не единой нации мусульман России, а создания отдельных наций из основных этнических групп. Благодаря этому все резолюции съезда, за исключением резолюции о типе автономии, фактически еще на съезде превратились в декларации, не имеющие никого механизма реализации. А.Цаликов не сумел обеспечить большинство сторонников экстерриториальной автономии на съезде. Вопрос о власти был изъят с общероссийского уровня и перешел на уровни

отдельных этнических групп [Хабутдинов, 2008, с.171].

Наиболее квалифицированную оценку такому положению дал Г.Ибрагимов, оказавшийся не в состоянии учесть выделения только такой этнической группы, как башкиры. Он утверждал, что единство мусульманских народов должно быть политическим и экономическим, но не религиозным и культурным. Г.Ибрагимов призывал к созданию пяти отдельных штатов: Казахстана, Кавказа, Туркестана, Татарстана и Крыма. [Ирек, 1917, 15 июнь].

Таким образом, уже в мае 1917 г. в Москве на I Всероссийском мусульманском съезде тюркскому единству был нанесен двойной удар: один со стороны консерваторов и части социалистов, провозгласивших территориальную автономию и создавших чисто декларативный Всероссийский Милли Шуро (Национальный Совет), другой со стороны социалистов, так как их резолюции о равноправии женщин и земельном разделе (социализации земли) укрепили консерваторов Кавказа и Туркестана в желании изолироваться от мусульман центральных районов. На съезде муфтием ОМДС был избран Г.Баруди, казиями Р.Фахретдин, С.Урманов, К.Тарджемани, М.Буби (в первый и последний раз женщина), Г.Сулеймани, Г.Караши. Большинство татар считали невозможным воссоединение разрезанных по разным губерниям и заселенных русскими территорий. Ф.Карими предсказывал, что татары окажутся в меньшинстве во всех штатах и тогда «права мусульман будут рассматриваться в парламенте своего штата, и из-за того, что они там будут в меньшинстве, не будут в состоянии их защитить». Мусульмане проведут меньше депутатов и в федеральный парламент [Терегулов, 1926, с.124].

Татарам удалось создать представительный (Мэркэз Милли Шуро – Центральный (Всероссийский) Национальный Совет) и исполнительный (Исполнительный комитет Милли Шуро-Искомус) органы мусульман России во главе со сторонником экстерриториальной автономии А.Цаликовым.

25 июня 1917 г. на заседании Мэркэз Милли Шуро С.Максуди призвал его членов

«подчиняться постановлениям образовавшего его мусульманского съезда» и встать над интересами отдельных этнических групп во имя общих интересов мусульман России. Этот тезис С.Максуди сразу же подвергся критике лидером Харби Шуро И.Алкиным [Давлетшин, 1974, с.109]. Таким образом, даже среди представителей татар не имелось единства по поводу деятельности Мэркэз Милли Шуро. Представители других мусульманских народов фактически игнорировали его работу. В период правительственного кризиса в июле 1917 г. Искомус выступил с инициативой введения мусульман в правительство. Временное правительство отклонило это предложение [Давлетшин, 1974, с.109]. Иронией выглядит тот факт, что Мэркэз Милли Шуро сумел согласовать с Временным правительством только увеличение числа казиев ОМДС с трех до шести [Исхаков, 2003, с.151]. С созданием Милли Идарэ и, особенно, после избрания А.Цаликова депутатом Учредительного Собрания от Симбирской губернии и членом «солых хэяте» (комиссии по вопросам мира) при Милил Идарэ (10 января 1918 г.) он тесно координировал свою деятельность с Миллет Меджлисе. Поэтому в январе 1918 г. отказался создать Мусульманский комитет в составе Совета народных комиссаров [Хабутдинов, 2009, с.268].

Единственным реальным актом Искомуса было решение о способе проведения выборов на II Всероссийский мусульманский съезд в Казани. По нему большинство делегатов выбирались губернскими мусульманскими совещаниями из представителей уездных комитетов [Терегулов, 1926, с.154]. Таким образом, в отличие от Московского съезда, где было значительным представительством крупных городов и учащейся молодежи, большинство голосов на Казанском съезде получили представители сельских районов, что определило относительный консерватизм съезда.

Казанские съезды июля 1917 г. и создание правительства культурно-национальной автономии сформировали татарскую доминанту национального движения (см. списки участников: [Курултай, 1917, 8 август]). Лидеры национальных либералов и умеренных

социалистов получили практически полный контроль над Вақытлы Милли Идарэ (Временным Национальным Правительством) и сконцентрировались на управлении, а не на политической деятельности.

При анализе национальных съездов июля 1917 г. в Казани остановимся вначале на анализе съезда духовенства, на котором были подняты базовые проблемы соотношения духовной и светской властей, а также решение противоречий между консерватизмом и модернизмом в женском вопросе. Далее остановимся на проблематике и основных дискуссиях и решениях II Всероссийского мусульманского съезда, на котором были приняты решения и созданы структуры, определившие развитие экстерриториальной автономии татар.

Кульминацией движения духовенства (голяма) стал всероссийский съезд, открывшийся в Казани 20 июля 1917 г. Кроме представителей татар и башкир на нем присутствовало духовенство Крыма, Кавказа, Туркестана, Казахстана, Сибири [Юлдуз, 1917, 19 июнь]. Буинский ахун Нургали Хасанов призвал съезд к активизации роли духовенства. Ему возразил С.Максуди, заявив, что деятельность духовенства должна быть ограничена тремя вопросами: обеспечение потребностей культа; обеспечение нужд духовенства, как класса; использование духовной силы духовенства. Он подчеркнул, что духовенство должно выбрать этот путь, а не путь влияния на все стороны жизни. Против этой позиции выступили все имамы [Юлдуз, 1917, 19 июнь]. В устав Общества Духовенства был внесен пункт о его цели: «Сохранять мораль, обычаи и религию Ислама» [Юлдуз, 1917, 26 июнь].

24 июля на заседании съезда обсуждался вопрос о правах женщин. С докладом выступил консерватор Мурад Рамзи (Мекки). Он подверг резкой критике решение о равноправии женщин, как подрывающее устои татарского исламского общества. Напротив, М.Биги утверждал, что «мужчины и женщины без исключения равны во всех правах». Он призвал провозгласить в семьях автономии, чтобы не погибли мусульманские государства. Столь радикальная терминология не была воспринята большинством съезда

[Юлдуз, 1917, 26 июнь, 27 июль; Хабутдинов, 2000а, с.114–116].

В целом, участники съезда от духовенства смогли противопоставить свою позицию в женском вопросе либералам. Но именно объединенное заседание казанских мусульманских съездов 22 июля 1917 г., включив муфтият, как один из назаратов (министерств) в правительство национально-культурной автономии, фактически поставило духовную власть под контроль светской. Путем отказа от ряда либеральных положений (важнейшим из них стало частичное ограничение женского равноправия), светским лидерам удалось заключить альянс с большинством духовных лидеров [Юлдуз, 1917, 27 июль]. Против такой уступки выступили лидеры уфимских эсеров, Харби Шуро и МСК [Терегулов, 1926, с.205–209]. Духовное Собрание выступило стабилизатором между радикальной молодежью и консервативным народным большинством. Этот эпизод был одним из ключевых факторов в ухудшении отношений между муфтиятом, контролируемым тюркистами, и социалистической татаристской молодежью. Противоречия по женскому вопросу составили одну их ключевых проблем, вызвавших расхождение между большинством съезда и социалистическим меньшинством. Его базовым недостатком было незнание структуры татарского общества и позиций его основных групп, что напоминает позицию «тангчылар» и «уралчылар». Радикальные социалисты, сформировавшиеся в условиях революции 1905–1907 гг., выступили за примирение с позиции большинства народа, хотя являлись сторонниками равноправия женщин [Хабутдинов, 2008, с.186–189].

22 июля 1917 г. на объединенном заседании съездов была провозглашена национально-культурная автономия мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири и объявлено о ее немедленном осуществлении [Юлдуз, 1917, 26 июль].

24 июля развернулась дискуссия по поводу участия мусульман во всероссийской политической деятельности и отношений с Временным правительством. Г.Исхаки потребовал от имени съездов, чтобы «пра-

вительство рассматривало своим долгом сотрудничество с центральными национальными организациями народов России». Милли Шуро и Харби Шуро отправили Временному правительству телеграммы, где утверждалось, что, в случае отсутствия разрешения, они приступят к формированию мусульманских полков без согласия правительства.

Г.Исхаки выступил с докладом о тактике на выборах в Учредительное Собрание. Было предложено три различных варианта: единый мусульманский список, блок с социалистами и выдвижение отдельно списка в каждой губернии губернским Милли Шуро. Последний вариант и был принят [Юлдуз, 1917, 2 август].

29 июля развернулась дискуссия, приведшая к расколу между основным крылом съезда и Г.Ибрагимовым и М.Султан-Галиевым. В своем докладе Г.Терегулов призвал к отмене решения резолюции I Всероссийского мусульманского съезда о социализации земли и о возвращении к традиционному пункту «Иттифака» о конфискации без выкупа казенных, кабинетских, монастырских и удельных земель. Выступавший от имени меньшинства Г.Ибрагимов призвал к обязательному сохранению пункта о социализации земли. Он соглашался даже оставить вопрос о форме автономии на будущее, но требовал безусловной социализации земли. Особую остроту дискуссии придавала и личная борьба Г.Терегулова и Г.Ибрагимова как лидеров наиболее значительных мусульманских организаций Уфимской губернии. Именно она стала началом разрыва между аграрными социалистами и основным крылом мусульманского движения Уфимской губернии. В итоге, была принята резолюция Г.Терегулова.

М.Султан-Галиев делал доклад на съезде по вопросам издательской деятельности. Он предложил выделить десять областей, каждая из которых обладала бы своей системой издательств и книжных складов. Это предложение было отклонено Г.Терегуловым и Ф.Туктаровым – лидерами Уфимского и Казанского губернских Милли Шуро. Вопросы печати были переданы в сферу отдела просвещения [Юлдуз, 1917, 4 август].

Таким образом, М.Султан-Галиев не сумел завоевать себе позиции среди национальной элиты, что способствовало его сближению с МСК и лично с М.Вахитовым.

19 июля в органе Казанского губернского Милли Шура газете «Курултай» была опубликована статья Г.Шнаси: «Как провести в жизнь национально-культурную автономию мусульман Поволжья?». Автор утверждал, что существуют две точки зрения о типе взаимоотношений Всероссийского Милли Шура и Духовного Собрания. По одной из них, Милли Шура должно существовать при Духовном Собрании, по другой, Духовное Собрание должно представлять отдельную часть Милли Шура. Шнаси предлагал включить в структуру Милли Шура следующие отделы: религиозный, юстиции (для надзора за судами), просвещения и печати (для воспитания светского духа в религиозной школе и издания учебной литературы), организации и пропаганды (для выборов в органы власти), финансов и вакфов, статистики и Харби Шура [Курултай, 1917, 19 июль]. Таким образом, до последнего дня перед съездом не были решены вопросы структурирования органов автономии. Не был решен даже фундаментальный вопрос о соотношении органов религиозной и светской автономии, а также о взаимоотношениях с Харби Шура. Фактически подтверждается рассказ дочери С.Максуди, Адиле Айда, что данная структура автономии и тип отношений с Духовным Собранием являются единоличным планом ее отца [Айда, 1996, с.100–101].

Однако стоит отметить, что в проекте реформы ОМДС, представленном Ю.Акчурой на заседании «голяма жэмгыяте» при ОМДС в Уфе в апреле 1905 г., он предлагал разделить духовные лица на три отрасли: «Ахуны, мухтасибы, мударрисы обладают правами и обязанностями по закону. Ахуны управляют (назарат итеп) и контролируют вопросы правосудия – юридические (гаделия) в рамках махаллей, мухтасибы – финансовые (малия) и организационные (идария) вопросы, мударрисы – вопросы образования (таглим). Каждый из них является руководителем местного духовенства в означенных вопросах» (п.12). Само

ОМДС состоит из муфтия и шестерых кади, подразделяется на три управления: 1) отдел юридический (гаделия) состоит из ахундов; 2) отдел управления, состоит из мухтасибов; 3) отдел образования, состоит из мударрисов (п. 17) [Биги, 1917, с.44]. Тем самым, мы фактически видим здесь принципы, положенные в основу создания Милли Идарэ (Национального Управления) в 1917 г. Здесь в рамках ОМДС возникают основы трех ведомств (назаратов) Милли Идарэ: духовного (диния), финансового (малия), образования (магариф).

Даже в заключительный день съезда развернулась дискуссия о порядке введения национально-культурной автономии. От имени данной секции, Г.Шнаси призвал к немедленному введению автономии. Его основными оппонентами выступили председатели Уфимского и Казанского губернских Милли Шура Г.Терегулов и Ф.Туктаров и председатель Харби Шура И.Алкин. Позицию Г.Шнаси поддержали С.Максуди и Х.-Г.Габяши. В результате, данное решение было принято абсолютным большинством [Юлдуз, 1917, 11 август].

В итоге, казанские съезды июля 1917 г. (мусульманский, военный и духовенства) создали правительство культурно-национальной автономии и окончательно сформировали татарскую доминанту национального движения. Его наиболее активными центрами стали представительные и исполнительные органы национально-культурной автономии. Если в мае-июле 1917 г. религиозные и светские структуры сосуществовали параллельно, то в июле 1917 г. муфтият стал одним из назаратов (министерств) в правительстве автономии, что поставило духовную власть под контроль светской. Уступки были достигнуты путем отказа от ряда либеральных положений, и важнейшим из них стало ограничение женского равноправия. Так, светским лидерам удалось заключить альянс с большинством духовенства при сохранении устоев традиционной общины. Реальными органами власти стали Вақытлы Милли Идарэ (Временное Национальное Правительство) и Милли Шура (Национальные Советы) губерний и местные комитеты [Хабутдинов, 1996, с.31].

§ 2. Органы национальной автономии татар в 1917–1919 гг.

Айдар Хабутдинов

22 июля 1917 г. на объединенном заседании мусульманских съездов была провозглашена национально-культурная автономия нации, названная «мусульмане тюрко-татары Внутренней России и Сибири»²⁹, и объявлено о ее немедленном осуществлении (см. анализ темы в печати: [Усманова, 1994]). Три будущих министерства автономии, образовавшие на II Всероссийском мусульманском (казанском) съезде июля 1917 г. Вақытлы Милли Идарэ (Временное Национальное Правительство), представляли собой три наиболее могущественные профессиональные корпорации татарского мира. Милли Идарэ сформировалось в составе трех назаратов (министерств): Магариф (просвещения), Маляя (финансового) и Диния (религиозного). Диния Назарат полностью сохранило свою структуру, избранную на I Всероссийском мусульманском съезде мая 1917 г. Два других назарата были укомплектованы из представителей Мэгариф из «Бютен Русия Укытучылар жэмгыяте» («Всероссийского Общества учителей»), Маляя – из буржуазии, представлявшей местные национальные фонды. Три общенациональных центра: Казань, Уфа, Оренбург-Троицк – имели своих представителей в каждом из назаратов. Тем самым национальная администрация еще не могла создать новые кадры, а опиралась на имеющиеся корпорации и коллегиальные формы. Политический и административный талант С.Максуди заключался в том, что он эффективно использовал имеющиеся органы для решения общенациональных задач и ставил их под контроль единого общенационального правительства. Светской интеллигенции путем создания Милли Идарэ удалось сохранить контроль над общественным движением нации (см.: [Хабутдинов, 1999, с.95–99; Хабутдинов, 2000а, с.103–111; Хабутдинов, 2008, с.191–196]). В коллегии по осуществлению автономии были избраны С.Максуди, Ибн.Ахтямов, Г.Шараф, А.Му-

хетдинова, Ф.Карими, К.Каримов, Н.Хальфин и Х.Атласи. Представительство географически получили Казань, Уфа и Оренбург. Наряду с умеренными социалистами типа Ахтямова, Шарафа и Хальфина туда вошла как представительница МСК Мухетдинова [Курултай, 1917, 8 август].

25 августа 1917 г. в Уфе состоялось первое заседание коллегии по осуществлению автономии, на котором присутствовало большинство членов этой коллегии и коллегий назаратов [Тормыш, 1917, 27 август]. С этого момента правительство автономии начало практическую деятельность по выработке конституции, созданию структур автономии.

После казанского съезда Диния назарате окончательно определился как один из органов автономии [Тормыш, 1917, 16 октябрь]. В сентябре 1917 г. на уфимском губернском съезде духовенства (голяма) было принято решение о том, что все религиозные школы должны финансироваться соответствующим отделом Милли Шуро. Обязательными были объявлены уроки религии во всех школах [Тормыш, 1917, 18 октябрь].

10–13 октября 1917 г. в Уфе прошло совещание при Маляя назарате, где обсуждался вопрос «национальной казны тюрко-татар Внутренней России и Сибири». Милли хэзинэ (Национальная казна) должна была обеспечить финансирование нужд органов автономии, больниц, приютов и ремесленных школ. Было принято решение отчислять минимум 1% имущества на национальные нужды. Предусматривались такие способы сбора финансов, как налог, непосредственное обращение к имущим и подписка. В результате совещания были созданы центральная комиссия Милли хэзинэ и консультативная комиссия при назарате, включавшая 29 членов [Тормыш, 1917, 16 октябрь].

1 ноября 1917 г. прошло совещание при Мэгариф назарате. Повестка дня включала вопросы деятельности учительских школ, временных курсов, создания школ типа реальных училищ и гимназий, высших курсов, высших учительских институтов и вообще

²⁹ Самоназвание: Эчке Русия ва Сибирия тюрк-татар муселманнары.

высшего национального образования. Наилучшая ситуация складывалась в Оренбурге, где удалось обеспечить сотрудничество органов автономии с губернским земством и финансирование мусульманского образования. Основной тенденцией стало массовое открытие национальных школ, преимущественно начального типа, создание отделов мусульманского образования или мест инструкторов при уездных земствах и организация временных курсов. Сложнее обстояло дело с развитием средней школы: в Чистопольском уезде Казанской губернии на 130 школ существовало только две 6-ти летние школы. Г.Терегулов призвал к сотрудничеству с земствами при условии выделения самостоятельной мусульманской системы образования [Тормыш, 1917, 3 ноябрь].

В августе 1917 г. в Мензелинском уезде Уфимской губернии был создан Комитет по просвещению. Его целью стало превращение земских, министерских и кряшенских школ в национальные, открытие в 90 аулах 6-ти летних школ, проведение в Мензелинске учительских курсов, обучение детей-мусульман татарскому языку и истории в реальном училище, гимназиях и городских училищах. В ноябре эти цели были достигнуты [Тормыш, 1917, 8 ноябрь].

Проанализируем структуру власти на местах. За формированием местных комитетов и бюро в апреле 1917 г. последовало создание региональных (губернских) органов. После создания Вақытлы Милли Идарэ начался процесс назначения представителей отделений назаратов Милли Идарэ на уровне губерний. В апреле 1918 г. была осуществлена попытка создания национальных округов (милли вилайятляр), как территориальных единиц автономии.

14–17 апреля в Уфе, а 23–24 апреля 1917 г. в Казани прошли губернские мусульманские съезды, создавшие губернские национальные советы. Окончательно органы власти сформировались в конце августа, когда в Казанской губернии были созданы следующие органы автономии:

1) Казанское Губернское Мусульманское Собрание (Курултай) – съезд;

2) Казанский Губернский Мусульманский Совет (Милли Шуро) – представительный орган;

3) Казанское Губернское Мусульманское Управление (Милли Идарэ) – исполнительный орган в составе отделов: духовного, просветительского, финансового, статистического и агитационно-пропагандистского [Кояш, 1917, 22 август].

15 июля 1917 г. был сформирован статистический отдел Казанского Мусульманского Комитета во главе с Г.Шарафом. Его задачами были: выяснение числа и процентного соотношения представителей различных национальностей, подсчет числа детей школьного возраста, выяснение количества земли у татар [Курултай, 1917, 16 июля]. Эти данные составили основу для разработки всех карт территориальной автономии татар.

Губернский мусульманский съезд в Казани состоялся 16–19 августа 1917 г. В состав идарэ (управления) Казанского губернского Милли Шуро вошли имам К.Салихи, Ф.Туктаров, М.Курбангалиев, Г.Губайдуллин, Н.Хальфин, Гильм. Шараф и Х.Сафиуллин. Они представляли сторонников Ф.Туктарова, в большинстве своем умеренных социалистов [Кояш, 1917, 22 август].

Осенью 1917 г. создавались органы национально-культурной автономии на местах. Первым данное решение приняло Казанское губернское Милли Шуро. На его заседании 31 августа было принято решение о создании органов Милли Идарэ на всей территории губернии. Особое внимание было уделено созданию органов просвещения и обеспечению контроля над медресе [Кояш, 1917, 3 сентябрь].

29–30 октября 1917 г. в Уфе на заседании губернского Милли Шуро был создан президиум, куда вошли Г.Терегулов, З.Кадыри, А.-З.Валиди, Г.Ибрагимов, Ф.Сайфи и Ф.Ахмадуллин. Таким образом, в руководстве три места получили представители национального большинства, два – эсеровского меньшинства и одно – представитель башкирских автономистов. Были избраны председатели губернских отделов Милли Идарэ: мухтасиб Зыя Камали, глава отдела Малия назарате Хидаятулла Еникеев и глава отдела Мэгариф назарате Мардегалым Мухамедов, представлявшие большинство [Тормыш, 1917, 31 октябрь, 1 ноябрь].

Аналогичные уездные органы чуть позже были сформированы во всех уездах Уфимской губернии.

В ноябре 1917 г. Милли Идарэ назначило первых мухтасибов. В Казани мухтасибом стал Г.Апанай, Самаре – Ф.Муртазин (бывший редактор журнала «Иктисад»). Назначение мухтасибов, лояльных Милли Идарэ, становилось механизмом контроля правительства за регионами [Тормыш, 1917, 1 ноября].

Осенью 1917 г. медресе «Усмания» под руководством мударриса Дж.Абзгильдина фактически превратилось в основное медресе культурно-национальной автономии, где к преподаванию приступил целый ряд улемов, включая муфтия Г.Баруди, Х.-Г. Габяши, Г.Сулеймани, З.Камали, Г.Шнаси, М.-Н. Тютяри, З.Кадыри, М.Ханафи [Тормыш, 1917, 24 сентябрь]. Лидеры духовенства играли периферийную роль в общенациональных органах. Общенациональные, финансовые, просветительские, политические вопросы были изъяты у Диния Назарат. По конституции автономии оно сохранило контроль лишь в сфере назначения духовенства, строительства мечетей, создания духовных учебных заведений и их программы, вопросах брака, регистрации, раздела имущества. Управление вакфами было поручено Малия Назрат. Низам-Намэ (Устав) Духовного Собрании был принят Миллят Меджлисе [Тормыш, 1917, 31 декабря].

Высшей точкой национального движения стала сессия Миллят Меджлисе – первого парламента в истории татарской нации [Тормыш, 1917, 22 ноябрь; Айда, 1996, с.334–335]³⁰. Выборы в парламент из-за реалий современности были произведены не путем всеобщего голосования, а в губернских Мили Шуру и в органах Харби Шуру в действующей армии. Миллят Меджлисе должен был принять Конституцию национально-культурной автономии, сформировать ее правительство, и тем самым превратить татарскую нацию

в юридический субъект и автономный коллектив.

Перед открытием Миллят Меджлисе 20 ноября 1917 г. председатель Союза приказчиков, депутат Миллят Меджлисе от Казани, член Мусульманского социалистического комитета (МСК) Ш.Ахмадиев предложил послать Совету Народных комиссаров, как ранее Временному правительству, телеграмму, сообщавшую об открытии сессии. По настоянию депутатов Ф.Сайфи и Г.Баттала это решение было отклонено.

20 ноября 1917 г. С.Максуди торжественно открыл заседание Миллят Меджлисе. Основная часть его доклада была посвящена отчету коллегии по осуществлению национально-культурной автономии. Максуди отметил, что Малия назарат создал Милли хэзинэ (Национальная казна), в которой находилось более миллиона рублей, Мэгариф назарате вступил в контакт с земствами и официальными учреждениями. Сама коллегия разработала ряд законопроектов для принятия их Миллят Меджлисе, распространила информацию об автономии через всех имамов. Далее Максуди обосновал роль Миллят Меджлисе и автономии для судеб нации: «теперь северные тюркотатары объявляют всему миру о своем существовании». В заключении С.Максуди призвал опираться на собственные силы и собственный народ. Фактически речь Максуди констатировала отход от единства мусульман России в пользу татарского национального единства [Тормыш, 1917, 22 ноябрь].

Следующий отчет был дан Г.Исхаки от имени Всероссийского Милли Шуру. Исхаки признал, что оно фактически не функционирует как общероссийский орган. В ответ И.Рамиев от имени Уфимского Военного Совета (связанного с группой Г.Ибрагимова) призвал создать федерацию мусульман Урала, куда вошла бы башкирская часть. И.Рамиев назвал главной целью образование собственного государства и выступил за оказание большей материальной помощи при организации национальных полков [Тормыш, 1917, 22 ноябрь]. Однако переговоры с лидером башкирской автономии А.-З.Валиди не увенчались успехом.

³⁰ Речи и решения участников Миллят Меджлисе в полном виде печатались только на страницах уфимской газеты «Тормыш» и не переводились. Стенограмма не сохранилась.

В Миллят Меджлисе о создании партии заявляли две группировки: тюркисты и татаристы. Предпосылки для формирования единой национальной партии имела фракция тюркистов. 8 декабря 1917 г. появляется сообщение о создании «партии тюркистов». Для составления программы выбирается группа из пяти человек в составе Г.Исхаки, Г.Терегулова, З.Кадыри, А.-Х.Максуди и И.Биккулова [Тормыш, 1917, 8 декабря]. Основным лозунгом тюркистов было: «В национально-культурной жизни тюрки Внутренней России и Сибири, не разделяясь на племена, должны идти естественным путем под знаменем тюркизма и объединять вокруг этого знамени культурные дела». В вопросе территориальной автономии они оставляли решение о провозглашении Штата на Волге и Южном Урале за Учредительным Собранием. Национально-культурная автономия должна была осуществляться при любом развитии ситуации в России [Тормыш, 1917, 26 ноябрь]. У тюркистов существовали разногласия по поводу способа автономии. Фактически, было совершено перераспределение полномочий, когда решение проблемы территориальной автономии было поручено членам мусульманской фракции в Учредительном Собрании. Другие лидеры фракции во главе с С.Максуди были сосредоточены на деятельности в Милли Идарэ.

Татаристы были сторонниками территориальной автономии. Однако с самого начала в группировке существовал раскол между казанской группой, сконцентрированной вокруг Харби Шуру и части Казанского Милли Шуру, и уфимской группой, связанной с левой фракцией Уфимского Милли Шуру. Каждая из этих группировок боролась за контроль над властью в штате и за создание столицы штата, соответственно, в Казани или в Уфе. Лидер МСК М.Вахитов вообще не прибыл в Уфу.

25 декабря 1917 г. «Йолдыз» в статье «Большевики и мусульмане» опубликовала первое сообщение о начавшихся в Петрограде переговорах наркома по делам национальностей И.Сталина с председателем Всероссийского Милли Шуру А.Цаликовым. И.Сталин предложил А.Цаликову возгла-

вить комиссариат, который избирался бы президиумом всех мусульманских народов. При этом заместителем комиссара был бы один из мусульманских социалистов. А.Цаликов вынес этот вопрос на обсуждение Миллят Меджлисе и Всероссийского Милли Шуру, которые отклонили возможность сотрудничества с большевиками [Юлдуз, 1917, 25 декабря; Волобуев, ред., 1993, с.337–338]. Все попытки, предпринимаемые Г.Ибрагимовым для выведения своей организации на всероссийскую арену, не имели на этом этапе успеха.

3 января 1918 г. татарист Г.Шараф выступил с докладом о планах создания территориальной автономии. Он заявил, что из разрозненных по разным губерниям представителей нации необходимо создать отдельный штат [Тормыш, 1918, 5 гыйнвар] (см. концепции Идел-Урала: [Хабутдинов, 2001а, с.50–59]). Тюркист Г.Исхаки призвал ориентироваться в создании штата на его экономическую жизнь – основной артерией штата должна стать Волга. Азербайджан и Туркестан имеют выход к Турции, поэтому так важно получить выход к этим территориям и Каспийскому морю. В ответ на замечание о нереальности предложения, Исхаки предложил провести референдум и, в случае несогласия населения, оставить претензии на Самарскую и Астраханскую губернии [Тормыш, 1918, 9 гыйнвар].

Комиссия по территориальной автономии (так называемая Коллегия Урало-Волжского штата – КУВШ) сообщила Миллят Меджлисе о трех проектах создания мусульманской автономии в Волго-Уральском регионе. По одному из них в штат должны были войти все татары, чуваша и марийцы, при этом мусульмане составили бы 44%. Этот проект получил название первой карты Идель-Урала. По второму проекту (вторая карта Идель-Урала) в штат должны были войти целиком Казанская и Уфимская губернии и частично – Пермская, Оренбургская, Самарская и Симбирская губернии. При этом мусульмане составили бы 51%. По третьему проекту (большой Идель-Урал) в штат входили бы вся Самарская губерния и Букеевская Орда. Здесь мусульмане составляли 29%, а славяне – 56% населения.

В этом же докладе Г.Шараф предложил принять решение из шести пунктов, провозглашающее штат «Идель-Урал». В первом пункте проекта решения заявлялось о провозглашении штата на территории, где большинство составляют представители его нации, но во имя национальных и экономических интересов всех наций штата. Территория штата, включала целиком Казанскую и Уфимскую губернии, части Оренбургской, Самарской, Пермской, Симбирской и Вятской губерний, включая чувашские и марийские территории. Верховным органом власти объявлялся законодательный парламент, в чьей компетенции находились все вопросы, кроме переданных федеральному парламенту. Полномочия федерации включали в себя почту, телеграф, железнодорожные и водные пути сообщения, меры весов и длины, основы денежной системы, основы гражданского, уголовного, торгового и вексельного права, общенациональные налоги, международные займы, внешнюю политику и таможенное дело. Только в этих вопросах законы федерального парламента имели верховенство над законами местных парламента. В штате провозглашалось равенство наций, языков и религий. Парламент штата не должен был участвовать в составлении федерального законодательства и в работе общегосударственных организаций [Тормыш, 1918, 7 гыйнвар].

5 января 1918 г. Всероссийское Учредительное Собрание приняло «Постановление о государственном устройстве России», в котором «Государство Российское провозглашается Российской Демократической Федерацией, объединяющей в неразрывном союзе народы и области, в установленных федеративной конституцией пределах, суверенные» [Всероссийское Учредительное Собрание, 1930, с.113].

Ранее в этот же день, 5 января 1918 г., А.Цаликов провозгласил «Декларацию мусульманской социалистической фракции». В ней констатировалось, что «Совет Народных Комиссаров оказался бессильным обеспечить народам России свободное развитие и осуществление ими всей полноты национального творчества». В декларации требовалось «действительное признание

России федеративной республикой и санкционирование Учредительным Собранием... штатов», включая штат «Поволжье» и «Южный Урал». В земельном вопросе предусматривалась социализация земли при существовании особых земельных кодексов частей федерации. Декларация предусматривала национализацию армии [Всероссийское Учредительное Собрание, 1930, с.113].

На следующий день после провозглашения Российской Федеративной Республики 6 января 1918 г. Миллят Меджлисе заявило о рождении ее субъекта – штата «Идель-Урал» и приняло решение о порядке создания штата. В этот день лидер башкирской автономии А.-З.Валиди, выступая на сессии Миллят Меджлисе, заявил об окончательном отказе от идеи единой автономии. Коллегия Урало-Волжского штата (КУВШ) должна была обеспечить созыв съезда в Уфе для принятия временной конституции штата и создания временного правительства. Этот вопрос должен был быть урегулирован с представителями национальных организаций, входящих в штат народов. КУВШ должна была разработать проект конституции, определить границы штата и его экономическое положение. По соглашению Харби Шуро подчинялось КУВШ. Она не имела право доизбирать членов мусульман, но обладала правом избирать новых членов КУВШ, представителей других наций.

8 января 1918 г. в КУВШ вошли Г.Шараф, С.Енгальчев, Ф.Мухаммедьяров, Н.Хальфин, С.Атнагулов, Г.Губайдуллин, И.Алкин и Ф.Сайфи. Абсолютное преобладание в КУВШ получили представители Казани. Губернское Милли Шуро представляли Г.Шараф, Н.Хальфин и Г.Губайдуллин, Харби Шуро – И.Алкин, Мусульманский Социалистический комитет – Ф.Мухамедьяров. Уфу и группу Г.Ибрагимова представляли только С.Атнагулов и Ф.Сайфи, С.Енгальчев не принял участия в работе комиссии. 21 января остальные члены КУВШ прибыли в Казань.

Миллет Меджлисе принял проект комиссии по территориальной автономии, за исключением добавления одного пункта. В третьем пункте решения было указано:

«Идель-Урал Олжясе, являясь по способу своего правления народной республикой, вместе с другими «олжя» (областями, государствами) образует Российскую Федеративную Республику» [Тормыш, 1918, 8, 10 гыйнвар].

Таким образом, была провозглашена территориальная автономия татарской нации. Основным принципом этой автономии было равноправие всех входящих в штат народов при соблюдении их национально-культурной автономии. Штат «Идель–Урал» рассматривался как один из субъектов федеративного государства. Штат, как и Россия, создавался в форме парламентской республики. В отсутствие федеративного законодательства и конституции, создатели штата должны были сами определить его основные полномочия и полномочия, оставляемые за центральным правительством. Этот документ носил предварительный характер и должен был претерпеть изменения в ходе переговоров с центральным правительством и на основании решений федерального парламента. Однако реальность заключалась в том, что в этот момент не существовало ни того, ни другого органа, а власть перешла к советским органам. Депутаты Миллят Меджлисе создали штат для сохранения парламентской формы правления в противовес власти Советов.

В эти дни мусульмане были вынуждены занять свою позицию в конфликте между большинством Учредительного Собрания и СНК [Тормыш, 1918, 8, 10 гыйнвар; Юлдуз, 1918, 25 гыйнвар]. Только Г.Ибрагимов поддержал линию ВЦИК и покинул Всероссийское Учредительное Собрание вместе с большевиками и левыми эсерами. Татары создали «мусульманскую социалистическую фракцию», куда вошли А.Цаликов, С.Салихов, Ф.Туктаров, Ш.Мухаммедьяров, Ш.Сунчалый, А.Мухаметдинов, Г.Ильясов и М.Ахмеров. Ф.Туктаров и Ш.Мухамедьяров целиком поддерживали политическую линию лидера эсеров, председателя Всероссийского Учредительного Собрания В.Чернова и выступали за борьбу с СНК. В здании Всероссийского Милли Шуро состоялась встреча между наркомом по делам национальностей в составе

СНК И.Сталиным и мусульманскими депутатами от Волго-Уральского региона. Г.Ибрагимов, М.Вахитов и представитель башкир Ш.Манатов стремились к привлечению А.Цаликова в качестве лидера будущего комиссариата, однако он решил принять позицию мусульманской фракции. В итоге, уже 7 января 1918 г. на встрече с председателем СНК В.Лениным и И.Сталиным Г.Ибрагимов, М.Вахитов и Ш.Манатов приняли решения об условиях сотрудничества с советской властью. Встреча была подготовлена Ибрагимовым и Сталиным. СНК получил возможность частичного контроля над татарским движением в Уфе и Казани и башкирским движением [Ибрагимов, 1922, с.140–143; Вахитов, 1967, с.116; Волобуев, ред., 1993, с.61, 203].

Депутаты Миллят Меджлисе отказались вести переговоры с советским режимом и продолжили формирование органов национально-культурной автономии. 5 января 1918 г. председателем Милли Идарэ был избран Садри Максуди [Тормыш, 1918, 9 гыйнвар]. 11 января 1918 г. первая сессия Миллят Меджлисе, провозгласив конституцию автономии [Мухтарият, 1918, 16 гыйнвар], прекратила работу. В период между сессиями Милли Идарэ было объявлено единственным высшим законным органом нации. Членами Диния назарате были избраны казыи Р.Фахретдин, С.Урманов, К.Тарджемани, М.Буби, Г.Сулеймани, Х.Махмудов. Пост председателя сохранил Г.Баруди. Реальная власть в Диния назарате сохранилась в руках деятелей ордена Накшбандийа: шейха Баруди и его мюридов Тарджемани и Сулеймани, то есть духовенства, связанного с буржуазией Казани. Членами Магариф назарате стали Закир Кадыри, Мардельгалим Махмудов, Исмагил Утямышев, Гумер Терегулов, Гали Еникеев, Ибрагим Биккулов под председательством Наджиба Курбангалиева. В назарате Н.Курбангалиев представлял Оренбург, четыре члена – Уфу, И.Утямышев и И.Биккулов – Казань. В Маля Назарат вошли Салим-Гирей Джантюрин, Гариф Каримов, Гали Кураманаев, Латыф Яушев, Габдулла Буби, Наджиб Хакимов под руководством Шайхуллы Алкина. В назарате большинство получила бур-

жуазия Уфы, представленная Ш.Алкиным, С.Г.Джантюриным и Н.Хакимовым, Г.Каримов представлял Оренбург, а Л.Яушев – Троицк. Была также избрана «илчеляр хэяте» (посольская комиссия), выполнявшая функции представительства при центральном правительстве. В комиссию вошли члены Всероссийского Милли Шуро С.Мамлиев, З.Шамиль и Г.Исхаки [Тормыш, 1918, 14 гыйнвар].

В условиях невозможности созыва новой сессии Миллят Меджлисе Милли Идарэ приняло решение о создании 34 милли вилаятов (национальных регионов). Они охватывали территории от Прибалтики до Дальнего Востока. При этом Уфимская губерния делилась на 5 вилаятов, Казанская и Оренбургская – на четыре [Юлдуз, 1918, 22 апрель].

В ответ на роспуск Милли Идарэ 25 (12) апреля 1918 г. газета «Тормыш» опубликовала обращение правительства автономии ко всем местным и аульным Милли Идарэ. В обращении утверждалась незаконность роспуска Милли Идарэ как непартийного, а общенационального органа. Местные Милли Идарэ призывались обеспечить выполнение функций религиозной, национальной и культурной жизни, благотворительности, сбора национального налога, представительство в земских и городских организациях соответственно с конституцией автономии. Деятели Мусульманского комиссариата объявлялись правительственными чиновниками, незаконно вмешивающимися в сферы, которые должны относиться к компетенции всенародно избранных органов нации. Обращение подписали председатель Милли Идарэ С.Максуди и председатели назаратов Г.Баруди, Н.Курбангалиев и Ш. Алкин [Тормыш, 1918, 25 апрель].

По утверждению Г.Касимова расходы Милли Идарэ между октябрём 1917 и 23 апреля 1918 гг. распределялись следующим образом: Уфимские медресе «Галлия» и «Усмания» получили 25.000 руб., Коллегия Урало-Волжского Штата – 110.500 руб., казанское отделение Диния Назарат и журнал «Мухтарият» – 22.604 руб., члены Миллет Меджлисе, Милли Идарэ и служащие – 184.533 руб. Всего было израсходовано – 418.696 руб. [Касыйми, 1918, с.43, 51].

Уничтожение Милли Идарэ в апреле 1918 г. привело к формальному восстановлению религиозной автономии, так как лидеры Мусульманского комиссариата не оспорили полномочия Духовного Управления. В решении о роспуске Милли Идарэ было особо отмечено сохранение Духовного Управления [Хафизов, 1960, с.33]. Однако муфтий Галимджан Баруди и казыи продолжали считать себя членами Диния назарате, опасаясь ареста, С.Максуди был вынужден покинуть Уфу.

7 июля 1918 г. Милли Идарэ в составе трех назаратов возобновило свою работу после перехода Уфы 5 июля под власть войск КомУЧА. Временным председателем Милли Идарэ стал председатель Магариф назарате Наджиб Курбангалиев. Поздравление с избавлением от власти большевиков подписали председатель Диния Назарат Галимджан Баруди, Риза казый Фахретдин, Салихджан казый Урманов, Кашшаф казый Тарджемани, Габдулла казый Сулеймани [Уфа хэберлэре, 1918, 26 июнь (по ст. стилю)]. В Обращении Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания «К тюрко-татарскому народу Государства Российского» от [6 сентября] 1918 г. «временным органом национального самоуправления» признается Милли Идарэ, расположенное в Уфе [Вестник Комуча, 1918, 8 сентября].

Члены Милли Идарэ подписали Конституцию Уфимской директории – Акт об образовании всероссийской верховной власти в сентябре 1918 г. Здесь Милли Идарэ именуется как Национальное управление тюрко-татар Внутренней России и Сибири. Среди его представителей указаны С.-Г. Джантюрин (член Маляя назарате), Г.Исхаки и С.Мамлиев (оба члены «илчеляр хэяте»). Ибн. Ахтямов указан в списке представителей съезда городов и земств Сибири, Урала и Поволжья [Гессен, сост., 1991, с.191–193].

Накануне вторичного захвата Уфы большевиками 31 декабря 1918 г. лидеры Милли Идарэ отбыли в Петропавловск. Однако 18 ноября 1918 г. власть перешла в руки адмирала Колчака, чья администрация выступила против национальных правительств. Однако на протяжении 1919 г. белый режим вынужден был поддерживать отношения

с представителями региональных общин татар Урала, Сибири и Казахстана фактически подчиненных Милли Идарэ, и проводивших ряд религиозных и просветительских мероприятий. [Нам, 1998]. Ядро Милли Идарэ в Петропавловске образовывали председатель Мили Идарэ (ранее зампредседателя) Ибниамин Ахтямов, зампредседателя казый Салихджан Урманов, секретарь, член Магариф назарате Ибрагим Биккулов. Диния Назарат представлял муфтий Г.Баруди, Магариф – члены З.Кадыри и Г.Еникеев, Малия – Ш.Алкин и члены С.-Г.Джантюрин и Г.Каримов [ЦГАИПД РТ, ф.36, д.106, л.137 об.-138]. В 1919 г. С.Максуди безуспешно

пытался обеспечить статус нации на Парижской мирной конференции. После разгрома режима Колчака в январе 1920 г. Милли Идарэ окончательно прекратил существование (последний известный документ относится к 13 декабря 1919 г.). Г.Баруди вернулся в Уфу. Р.Фахретдин, в отличие от муфтия и других казыев, отказался покинуть Уфу в конце 1918 г., и Диния назарате, продолжил существование. В годы гражданской войны Диния Назарат в Уфе, несмотря на репрессии советской власти и белогвардейского режима Колчака, оставался единственным постоянно функционирующим назарате, Милли Идарэ.

§ 3. Казанские мусульманские съезды и провозглашение «культурно-национальной автономии»

Диляра Усманова

Летом 1917 г. в Казани состоялось несколько мусульманских съездов, состав участников, характер деятельности и решения которых, весьма красноречиво характеризуют изменившийся характер национального движения. II Всероссийский мусульманский съезд проходил с 21 июля по 2 августа 1917 г. в Казани. Одновременно в Казани состоялось еще два мусульманских форума: съезд мусульманского духовенства (17–21 июля 1917 г., около 250 делегатов) и съезд воинов-мусульман (17–26 июля 1917 г., около 200 делегатов) [Всероссийские съезды мусульман, 2002, с.642–644].

Съезд мусульманского духовенства сконцентрировал свое внимание на двух пунктах: о религиозных учреждениях и о правах женщин. И вновь, как на московском съезде, наиболее острую дискуссию вызвал женский вопрос, поскольку традиционалистская часть духовенства объединила свои позиции против равноправия женщин. В ходе переговоров с представителями женских организаций усилиями муфтия Галимджана Баруди удалось достичь некоторого компромисса и снизить градус напряжения в этом вопросе.

Военный съезд был создан по инициативе Временного Всероссийского мусульманского военного совета. Среди рассмотренных съездом вопросов можно выделить:

вопрос о национальных военных формированиях, о выборах в Учредительное собрание, отношение к женскому и аграрному вопросам и пр. В женском вопросе делегаты высказались за уравнивание женщин с мужчинами в гражданских и политических правах. Политическая платформа руководства Вошуро была близка к блоку социалистических партий. Военный съезд создал Всероссийский мусульманский военный совет (Харби Шуро) во главе с И.Алкиным и избрал 36 из 67 его членов. Кроме того, было принято решение издавать газету «Безнетавыш».

Однако из трех казанских съездов центральное место занимал II Всероссийский мусульманский съезд, который по сравнению с московским съездом оказался немногочисленным – в нем приняло участие около 200 делегатов. Среди наиболее известных делегатов съезда были Ахмет Цаликов, Ибниамин Ахтямов, Гаяз Исхаки, Садри Максуди, Усман Токумбетов. В то же время на съезд не приехали, за редким исключением, представители Туркестана, Кавказа и Крыма. Да и представительство Волго-Уральского региона было несопоставимым с майским съездом, что свидетельствовало о происходящих в стране переменах. Вероятно, низкое представительство было связано с общим ухудшением

материального положения населения в связи с галлопирующей инфляцией в условиях продолжающейся мировой войны. Вторая причина заключалась в очевидном спаде общественной активности, наблюдавшемся летом 1917 г., когда весенняя эйфория сменилась настроениями разочарования и апатии. Наконец, важным был третий фактор. Лето 1917 г. – время, когда происходит фрагментация «обшемусульманского» движения на региональные и национальные движения, центр тяжести перемещается на окраины, вверх берут всевозможные «эгоизмы»: классовые, этнические, групповые. В этих новых условиях «традиционные» лидеры татарского национального движения должны были переосмыслить свое будущее и свою роль. Казанские съезды, превратившиеся в силу объективных причин из «обшемусульманских» в «татарские», стали переломными в судьбе татарского национального движения. Несмотря на сохранение традиционной мусульманской терминологии, были приняты решения, касающиеся сугубо татарского народа. Неопределенное состояние в вопросе о «выборе» закончилось в июле 1917 г. решительным поступком сторонников «экстерриториальной» автономии, среди которых роль первой скрипки играл, без сомнения, С.Максуди.

Среди вопросов, вынесенных на обсуждение делегатов общемусульманского съезда в Казани, наиболее важными были: о выборах в Учредительное собрание, о культурно-национальной автономии, женский вопрос. И самым важным в ряду этих решений стало провозглашение «культурно-национальной автономии тюрко-татар внутренней России и Сибири». 22 июля 1917 г. на объединенном заседании трех мусульманских съездов – общемусульманского, военного и религиозного – была торжественно провозглашена «культурно-национальная автономия мусульман внутренней России и Сибири». Это заседание было названо историческим, а день объявлен праздничным. С докладами по этому вопросу выступили С.Максуди, Гумер Терегулов, Хасан-Гата Габаши и Габдулла Шинаси [Корынтай, 1917, №7, 28 июль; Юлдуз, 1917; Исхаки, 1931; Даулет, 2008].

С.Максуди был не только лидером, но и признанным авторитетом, теоретиком, сыгравшим основную роль в развитии идей «культурно-национальной автономии» применительно к тюрко-татарской действительности России. Базовыми принципами выступления С.Максуди стали, во-первых, признание права всех народов, в том числе и «мусульманского» на самоохранение и развитие, и, во-вторых, требование узаконения невмешательства государства во внутренние дела народов. Остановившись на содержании национальной жизни, оратор выделил следующие ключевые моменты; «часто думая по этому вопросу, ломая голову, я пришел к следующему выводу, даже убеждению, что для сохранения нашей нации необходимы следующие три вещи: язык, религия, обычаи (традиции)». Эти три понятия, по мнению докладчика, включают в себя и литературу, и книги, и школы и пр. В своих национальных делах каждый народ, в том числе и российские мусульмане, должны быть ограждены от государственного вмешательства, право на самостоятельность должно быть не только признано государством, но и узаконено [Тормыш, 1917, №632, 30 июль].

Выступления других ораторов развивали и поддерживали эти тезисы основного доклада. Наиболее эмоционально насыщенной стала речь Гумера Терегулова, говорившего о ценности для цивилизации каждого народа, этноса, вплоть до самого малого [Корынтай, 1917, №7, 28июль].

В своих последующих выступлениях С.Максуди, исходя из принципа, что «любое дело нуждается в управлении, а управление – в организации», подробно охарактеризовал структуру автономии, состоящую из организаций трех уровней: община – органы национального управления областного масштаба – центральные органы управления (Национальное управление) и Национальное собрание как высший законодательный орган. Далее оратор подробно остановился на задачах и структуре всех этих органов [Тормыш, 1917, № 633, 1 август]. Основные положения выступлений С.Максуди легли в основу будущего проекта.

Избранная съездом и состоявшая из 12 человек во главе с С.Максуди специальная комиссия по «выработке основ культурно-национальной автономии» должна была осуществить разработку будущих законопроектов о национальной автономии, провести всю подготовительно-организационную работу по созыву первого в истории тюрко-татарского народа Национального собрания (Миллят Меджлисе). 25 августа члены комиссии переехали в Уфу, где были проведены официальные торжества в честь провозглашения автономии [Тормыш, 1917, №708, 30 август; №709, 31 август; Ирек, 1917, №34, 4 сентябрь; Солдат теляге, 1917, №13, 14 сентябрь; Даулет, 2008 и др.]. Вскоре в печати появились «Основы культурно-национальной автономии», в которых были сформулированы основные принципы и организационная структура будущей автономии [Тормыш, 1917, №726, 3 октябрь; Мохтарият, 1918; Давлетшин, 1974, с.338–352; Фахрутдинов, 1992; Татарстан, 1992, №5/6, с.90–100; Идель, 1995, №5/6; Политика, 1995, с.93–105; Даулет, 2008]. Дальнейшая работа заключалась в том, чтобы эти «Основы» были утверждены Национальным и Учредительным собраниями и, таким образом, приняли форму закона.

§ 4. Национальное собрание и судьба различных проектов национальной автономии

Диляра Усманова

Миллят Меджлисе, или Национальное собрание тюрко-татар внутренней России и Сибири проработало всего 52 дня, с 22 ноября по 11 января 1918 г. [Яна милли юл, 1933, №№1, 2, 3; 1937, №12; 1938, №1; Баттал-Таймас, 1947; Тагиров, 1987; Усманова, 1995, с.29–35; Усманова, 1996, с.61–72; Тагиров, 2000; Исхаков, 2004; Даулет, 2008 и др.]. Выборы делегатов на него прошли в октябре – начале ноября 1917 г. Всего было избрано около 115–120 делегатов по принципу – 1 делегат от 50 тысяч человек (на фронте – один от 25 тысяч). Делегаты избирались, как правило, в два этапа, на собраниях общественных организаций, областных съездах и т.д. В силу определенных обстоятельств, в процессе выборов уча-

ствовало не все мусульманское население, а потому состав Собрания не стал репрезентативен, не отражал и не мог отражать адекватно социальную структуру тюрко-татарского населения «внутренней России». Некоторые значительные слои населения (например, крестьянство) были представлены в несоразмерном меньшинстве. В Собрание были избраны преимущественно: «муллы, учителя, редакторы, газетчики, офицеры запаса, военные, студенты, один-два адвоката и две-три женщины» [Баттал-Таймас, 1947, с.76], т.е. представители тех слоев населения, которые были наиболее активны в национальном движении. Это объяснялось не только характером выборов делегатов, но и спецификой Собрания.

В татарском общественном сознании было широко распространено мнение, что Миллят меджлисе является внепартийным, общенациональным органом, которому предстояло решать сугубо внутренние, национальные, а не политико-партийные или классовые проблемы тюрко-татарского народа. Именно этим обстоятельством во многом определялся социальный и персональный состав участников Собрания.

Количество делегатов, работавших регулярно и находившихся в Уфе постоянно, составляло приблизительно 80–85 человек [Тормыш, 1917, №756, 21 ноябрь; №758, 23 ноябрь, №761, 28 ноябрь]. Во время работы Собрания на нем была образована специальная комиссия для сбора биографических данных и фотографий делегатов с целью издания их в виде альбома. Вероятнее всего, из-за последующих событий эта идея так и не была реализована, так как сведений о существовании подобного фотоальбома нет.³¹

Вся подготовительная работа по созыву Собрания была проделана временной комиссией, возглавляемой С.Максуди. Он же был избран и председателем Национального собрания в первые же дни его работы. Заместителями стали Ибниямин Ахтямов и Ильяс Алкин, а секретарями – Габдрахман Фахретдинов и Галим Акчурин. После того, как И.Алкин и Г.Фахретдинов покинули Уфу, их заменили соответственно Фатых Мухамедьяров и Халил Бакеев [Сарай, 1917, №6, 27 ноябрь; Тормыш, 1917, №763, 8 декабря, №758, 23 ноябрь].

По замыслу организаторов Национальное собрание должно было стать еще одним шагом на пути законодательного утверждения и реализации среди мусульман Волго-Уральского региона идей «культурно-национальной автономии». Но еще до начала работы Собрания стало ясно, что прежние споры о будущем национально-государственном устройстве страны и судьбе татарского народа по-прежнему актуальны. Свидетельством того, что этот вопрос еще далеко не решен, стало образование двух основных фракций Собрания: тюр-

кистов («теркчелэр») и территориалистов («тупракчылар») [Давлетшин, 1974, с.154]. Водоразделом между ними стал вопрос о наиболее целесообразной форме самоопределения татарского народа.

В численном отношении обе ведущие фракции были приблизительно равны: в них было по 40–45 человек. Интересен социальный состав обеих фракций. По словам Т. Давлетшина, во фракцию тюркистов входили, главным образом, представители старшего поколения, люди правых взглядов и духовенство. Г.Баттал же считал, что тюркистами были прогрессивные муллы (общая численность которых насчитывалась около 30 человек), интеллигенция и умеренная в политическом отношении часть молодежи [Баттал-Таймас, 1958–1969, с.193]. Во главе фракции стояли Ибн.Ахтямов и Г.Исхаки. Несомненно, что одним из идеологов был С.Максуди, который после избрания его председателем Собрания, чтобы оставаться «нейтральным» (подобно парламентской традиции), подал официальное заявление о выходе из фракции [Тормыш, 1917, №761, 28 ноябрь]. Во фракцию территориалистов, созданную по инициативе и под руководством И.Алкина и Галимджана Ибрагимова, входили преимущественно военные, студенты, молодые литераторы, учителя и др. В политическом плане там преобладали левые социалисты, возглавляемые Г.Ибрагимовым. По свидетельству современников, более авторитетной и влиятельной была фракция тюркистов, члены которой и определяли ход работы и характер многих принимаемых решений Собрания [Кояш, 1917, №1188, 5 декабря].

В литературе сложилось мнение, что представители двух фракций придерживались противоположных взглядов и стояли на непримиримых позициях. Если же сравнить программные заявления обеих фракций [Тормыш, 1917, №757, 22 ноябрь; №758, 23 ноябрь], то обнаруживается их единство по ключевым вопросам. Второй пункт программы тюркистов фактически включал все основные положения территориалистов. В нем признавался и федеративный принцип государственного устройства страны, и приемлемость для «тюрко-татар внутренней России» территориальной авто-

³¹ Хотя по данным газеты «Тормыш» фотографии делегатов были сделаны. См.: [Тормыш, 1917, №776, 31 декабря; Н.А.Г., 1918].

номии в виде штата, и целесообразность решения этого вопроса через Учредительное собрание всех народов, входящих в штат. Но тюркисты одновременно подтверждали свою приверженность принципам экстерриториальной автономии, призывая не прекращать работу по ее реализации. Эта двойственность позиции дала о себе знать при обсуждении проекта штата. Не случайной значительная часть татарской интеллигенции, по выражению Ахмет-Заки Валиди, «вертела хвостом между территориальной и культурно-национальной автономией», пытаясь соединить различные формы и принципы реализации национальной проблемы.

Среди сторонников персональной автономии, не возражавших в принципе против территориальной автономии в виде тюрко-татарского штата, были такие, кто исходил из своеобразного понимания (по Отто Бауэру) сути нации как явления сугубо духовного, культурного (С.Максуди, Г.Терегулов и др.). Была и другая мотивация. Наиболее последовательно ее выражали представители татарского населения тех регионов, которые, будучи слишком удалены от центра (Казани и Уфы), не попадали в сферу предполагаемого штата. Для них реализация культурно-национальной автономии была единственной возможностью сохранить свою национальную самобытность, остаться в ареале тюрко-татарского мира. Поэтому многие из них, не возражая ни против федерации, ни против территориальной автономии тюрко-татар в форме штата «Идел-Урал», одновременно выступали за сохранение «культурно-национальной автономии». Об этом свидетельствуют материалы провинциальных (окраинных) татарских периодических изданий (газеты «Мухбир», органа Уральского Милли Шуро; газета «Сарай» – печатного органа астраханских татар и др.).

Когда делегаты Национального собрания вновь обратились к проблеме национальной автономии, они не могли в одночасье отменить принятые ими же ранее решения. Ведь большинство делегатов Собрания были участниками прошедших съездов (И.Алкин, Хади Атласи, Ибн. Ахтямов, Ибрагим Биккулов, Г.Ибрагимов, Г.Исхаки, З.Кадыров, С.Максуди и др.). Более того,

они же были активными членами региональных Милли Шуро, а потому не могли не считаться с реальными переменами, которые происходили в жизни мусульманских общин России. Тем более, что эти перемены соответствовали давним и очень стойким устремлениям татар к самостоятельности в области образования и религиозных дел. Этим сферам духовной жизни народа соответствовала и структура создаваемых Милли Шуро, традиционно состоявших из следующих отделов: религиозного, образования, печати и средств информации, финансового и статистического. Поскольку низовые органы «культурно-национальной автономии» возникали на местах, начиная с лета 1917 г., Собранию надлежало упорядочить этот несколько хаотичный процесс. Для этого оно, во-первых, должно было утвердить разработанные принципы экстерриториальной автономии, и, во-вторых, сформировать центральные органы национальной автономии.

Обсуждение «Основ культурно-национальной автономии тюрко-татар внутренней России и Сибири» началось 16 декабря. Вылившись в бурные дебаты, оно растянулось на несколько дней. Первоначальный вариант «Основ» был принят еще на 2-м Всероссийском съезде. Однако для того, чтобы стать законом этот проект, впоследствии немного переработанный, должен был быть утвержден законодательным органом, каковым замышлялся Миллят Меджлиси. «Основы», представленные Назиб Курбангалеевым, состояли из четырех частей. В первой части («Общий раздел») были сформулированы общие положения, вторая была посвящена центральным национальным органам (Национальное собрание, Национальное управление), их структуре и функциям, а третья – низовым, первичным органам (районным, городским и областным) органам управления. Четвертая часть «Основ» была предусмотрена на случай внесения в закон изменений и дополнений. Так как этот документ, особенно первая его часть, должен был быть представлен на рассмотрение и утверждение Учредительного собрания России, он был составлен на двух языках: русском и татарском.

В своем вступительном слове докладчик, выступавший от имени законодательной комиссии, остановился на обосновании этого проекта именно с точки зрения «персонализации» национального вопроса. Н.Курбангалеев говорил о том, что независимо от формы государственного устройства (будет ли Россия унитарной или федеративной республикой), решение национальных проблем возможно лишь на основе принципов «национальной автономии». Для реализации национальных интересов в такой стране, как бывшая Российская империя, одной территориальной автономии недостаточно, поскольку всегда, при любой федерации, в России будут оставаться национальные меньшинства. Более того, татары еще до Февральской революции предпринимали значительные усилия, чтобы взять национальные дела в свои руки, но лишь сейчас для этого есть все возможности и условия. Для того, чтобы права наций в России были гарантированы, по мнению докладчика, основные принципы, заложенные в этом проекте, должны быть утверждены Учредительным собранием и внесены в будущую конституцию страны.³²

Выступление Н.Курбангалеева отражало позицию тех татарских деятелей, которые, понимая всю сложность решения национальных проблем в стране, подобной России, пытались совместить различные варианты. Но уже начало дискуссии показало, что многие делегаты не разделяют подобных взглядов, не понимая, как можно сочетать территориальную и культурно-национальную автономии, противопоставляли их, доходя до отрицания последней. По их мнению, территориальная автономия решает все проблемы и снимает необходимость провозглашенной ранее автономии. В подобном ключе высказывались делегаты Г.Амиров, Х.Зуфаров, Ш.Ахмадиев и др. Обсуждение часто сбивалось на более частные, второстепенные вопросы, вместо того, чтобы «рассматривать, насколько эти

«Основы» соответствуют национальным интересам» (Шайхулла Алкин).

На одном из последних заседаний Миллят Меджлисе в январе 1918 года были избраны центральные органы: председателем Национального управления стал С.Максуди, его заместителем – Ибн. Ахтямов. Одновременно были избраны члены трех министерств: просвещения (Назиб Курбангалеев), финансов (Шайхулла Алкин) и религиозного (Галимджан Баруди).

Развитие дальнейших событий привело к тому, что оставленные Собранием национальные структуры просуществовали недолго. Весной были ликвидированы основные национальные организации: 26 марта 1918 г. вместе с «Забулачной республикой» распущено Харби шуру, 15 апреля – московское отделение Милли шуру. Наконец, 21 апреля, незадолго до того, как должно было продолжить свою работу Национальное собрание, было ликвидировано Национальное управление. Все финансы были конфискованы, некоторые из активных деятелей подверглись аресту и репрессиям.

Но и после репрессий со стороны большевиков, ряд лидеров национального движения, несогласных с политикой новых властей, не желая сдаваться, пытались продолжить свою деятельность. Взятие Уфы летом 1918 г. белыми силами позволило им на некоторое время восстановить Милли Идарэ, наладить выпуск газет. Но этот период был недолговечен и после окончательного установления в Уфе Советской власти, оппозиционное национальное движение было вытеснено вглубь, в Сибирь.

В Сибири, в период гражданской войны, лидеры национального движения попытались установить сотрудничество с руководителями антибольшевистского движения (как социалистического толка, так и правыми) и добиться признания с их стороны принципов «культурно-национальной автономии» [Культурно-национальная автономия, 1998, с.166–205], однако успеха эти попытки также не имели. Руководство временных правительств (вне зависимости от персонального лидера, вне зависимости от того, преобладали ли в кабинете социалисты или монархисты) не желало идти на

³² Окончательный вариант «Основ культурно-национальной автономии», утвержденный Национальным собранием и опубликованный в журнале «Мохтарият» см.: [Культурно-национальная автономия, 1998, с.94–110].

признание внегосударственных национальных структур, видя в них угрозу русской государственности. Лишь исходя из соображений политической целесообразности, они не отказывали окончательно представителям национальных организаций, но заведомо рассматривали все их усилия как домогательство и угрозу государственности [Культурно-национальная автономия, 1998, с.188–189]. Таким образом, можно сказать, что примат «государственных» интересов, а также традиционные фобии перед общественной или национальной инициативой доминировали в сознании многих представителей российской власти или людей, стремившихся эту власть иметь; а потому любые общественные инициативы, идущие вразрез государственной концепцией (по сути, с идеей «единой и неделимой» России), отвергались на корню [Культурно-национальная автономия, 1998, с.231–248]. Заведомая безуспешность попыток наладить сотрудничество с различными силами антибольшевистской коалиции и неприятие большевистской стратегии вынудило многих лидеров национального движения предпочесть эмиграцию. Значительная часть деятелей национального движения этого крыла: С.Максуди, Г.Исхаки, Г.Терегулов, Г.Баттал, Закир Кадыри, Нияз Максуди, Ф.Туктаров и др. – оказалась в эмиграции. Некоторые, вернувшись домой, порывают с политическим прошлым, и, оставив общественно-политическую деятельность, посвящают себя полностью педагогической, научной или иной деятельности: Г.Шинаси, Ибр. Биккулов, Г.Сайфульмулюков, братья Ахтямовы, И.Алкин и др. Впрочем, в 30-е гг. большинство из них были репрессированы.

Последняя, но безуспешная попытка защитить идеи «культурно-национальной автономии» была предпринята рядом лидеров в эмиграции. Речь идет о деятельности татарской делегации, участвовавшей в работе Версальской мирной конференции. Незадолго до окончания Первой мировой войны в Европе державами-победительницами было принято решение о созыве в Париже мирной конференции для выработки и подписания мирных договоров и реше-

ния вопроса о будущем переустройстве мира. Версальская конференция состоялась в 1919–1920 гг. Национальным собранием было решено послать в Париж собственную делегацию из трех человек – Ф.Карими, А.Цаликова и Г.Исхаки – которые должны при обсуждении будущего России высказать пожелания тюрко-татар Идел-Урала [Тормыш, 1918, №748, 14 гыйнвар]. В силу ряда обстоятельств, первые двое не смогли принять участие в работе этой конференции, а вместо них прибыли С.Максуди (эмигрировавший после ликвидации национальных органов в 1918 г.), Ф.Туктаров (с мандатом от Национального управления тюрко-татар внутренней России и Сибири, подписанном заместителем председателя Ибн.Ахтямовым) и Г.Исхаки (от Национального собрания). Все они, приехав в Париж в начале 1920 г., провели ряд встреч и бесед с высокопоставленными лицами во французской администрации и с турецкими представителями. На встрече с премьер-министром и министром иностранных дел Франции Мильераном С.Максуди сформулировал основные пожелания тюрко-татарской делегации. Касаясь отношения с большевистскими властями, С.Максуди сказал, что, несмотря на стойкое недоверие, они (т.е. представители национального движения) могли бы пойти на переговоры и признание новых властей при следующих условиях:

1. Правительство России должно опираться на демократические принципы и, подобно другим демократическим государствам, созвать Учредительное собрание, представляющее весь народ.

2. Должны быть гарантированы свобода религии, языка, слова, печати и собраний.

3. В качестве признания равенства в правах всех народов, проживающих в России, должна быть подтверждена провозглашенная тюрко-татарским народом «культурно-национальная автономия» и признаны его национальные учреждения в равных правах с государственными учреждениями [Исхаки, 1979, с.219].

Однако международная конъюнктура была не в пользу того, чтобы державы-победительницы озаботились обеспечением интересов национальных меньшинств

в ущерб взаимоотношений с Советской Россией. Поэтому шансов на реализацию этой программы не было никаких. Тем более, что победа большевиков в гражданской войне, очевидная к 1920 г., легитимизировала произошедший переворот и вынудила мировые державы поменять свою стратегию. Укрепление позиций большевиков-унитаристов внутри страны также не делало их более сговорчивыми с «буржуазными» лидерами. Такова была печальная судьба проекта «культурно-национальной автономии».

Национальное собрание замышлялось и созывалось для решения вопросов, связанных с реализацией «культурно-национальной автономии». Но история уготовила этому форуму другую судьбу: именно на нем была провозглашена территориальная автономия тюрко-татар в виде «Урало-Волжского штата» («Идел-Урал штаты», штат «Идел-Урал»), то есть был положен краеугольный камень в фундамент возрождающейся национальной государственности, основанной на территориальном принципе.

Поскольку московский и казанские съезды рассматривались организаторами как общемусульманские, вопрос о судьбе территориальной автономии тюрко-татар внутренней России на протяжении 1917 г. оставался открытым. Согласно принятым резолюциям, этот вопрос передавался на рассмотрение самих мусульман Волго-Уральского региона, однако вплоть до созыва Национального собрания вопрос о территориальной автономии публично не обсуждался. Поэтому, по свидетельству Г.Баттала, обнародование проекта штата Г.Шарафом и его единомышленниками стало «ошеломляющим сюрпризом» для таких руководителей Собрания, как С.Максуди и Г.Исхаки [Баттал-Таймас, 1958–1969, с.40]. Видимо, «сюрпризом» была не столько идея тюрко-татарской территориальной автономии, сколько наличие готового проекта, разработанного молодежью.

Нельзя сказать, что эта идея не озвучивалась ранее. Аналогичную идею развивали два совещания представителей всех мусульманских организаций города Казани, со-

стоявшиеся в первых числах ноября (6 и 12 ноября) 1917 г. [Кояш, 1917, 8 ноябрь; Мухарьямов, 1969, с.79–80]. Второе из них, проходившее под председательством И.Алкина, приняло предложенную Н.Хальфиным резолюцию о том, что «на заседаниях (Национального собрания) должен обсуждаться вопрос о территориальной автономии для татар» [Кояш, 1917, 8 ноябрь; Мухарьямов, 1969, с.79–80]. Поэтому не случайно, что И.Алкин, руководивший совещанием, стал одним из организаторов и лидеров фракции территориалистов, поднявшей эту проблему, а позднее и основным реализатором идеи штата «Идел-Урал».

Еще более определенно в пользу территориальной автономии высказались члены исполнительного комитета воинов-мусульман 12-й армии в специальном наказе, данном делегатам (З.Маликову и И.Кадерлиеву), отправляемым в Уфу для участия в работе Национального собрания: «Хотя задачей Национального собрания является исполнение решений июльских съездов, однако, учитывая то, что провозглашенная автономия не соответствует в полной мере правам и интересам мусульман внутренней России и Сибири, Собрание должно немедленно провозгласить территориальную автономию этих мусульман. Оно должно определить границы этой федерации» [Сугыш сафы, 1917, №4, 29 ноябрь].

Итак, к началу работы Национального собрания большинство его делегатов уже склонялись к положительному ответу в вопросе о «татарской федерации» и более того, к тому, что эту проблему предстоит решить именно на этом форуме, созванном, казалось бы, совсем с другой целью. Что же склонило «чашу весов» в пользу подобного решения? Какие события в стране и, может быть, внутри национального движения подтолкнули сторонников к решительным действиям, а сомневающихся и колеблющихся – к согласию и примирению?

Судя по татарской прессе, таким сильным катализатором были действия других мусульманских и немусульманских (прежде всего, украинского) народов России на пути достижения собственной автономии, а подчас и независимости. Значительное влияние

на активность лидеров татарского движения оказал факт захвата большевиками власти. Но, безусловно, более всего на настроение делегатов Собрания повлияло решение Оренбургского башкирского Совета, которое 16 ноября «провозгласило башкирскую автономию на землях, населенных башкирами в Оренбургской, Уфимской, Пермской и Самарской областях и приступило к реализации этого решения» [Тормыш, 1917, №755, 19 ноября]. Это известие было получено 18 ноября, когда в Уфе проходили предварительные встречи-совещания прибывших делегатов Собрания, и произвело эффект разорвавшейся бомбы. Оно предопределило настроения этих встреч, напоминая встревоженный улей. Вот как в прессе описывалась обстановка в городе: «В настоящее время делегатов более всего, даже более открытия Собрания, беспокоит вопрос о провозглашенной башкирской автономии. Делегаты при встречах больше обсуждают башкирскую автономию и исходя из нее вопрос о федерации» [Тормыш, 1917, №756, 21 ноября].

После нескольких дней обсуждения текущих организационных вопросов 29 ноября Собрание обратилось к наиболее сложной проблеме автономии и судьбе «федерации». Дискуссия проходила в сложной обстановке, поскольку среди делегатов были распространены номера газеты «Яна вакыт» с описанием действий башкирских лидеров. Чтение и обсуждение газетных статей еще более накаляло обстановку в зале, усиливая отрицательное отношение тюркистов и колебания в стане территориалистов, которые «не стали так рьяно защищать башкирскую автономию, а выступали лишь за то, чтобы не идти на открытый конфликт с башкирами» [Тормыш, №762, 1 декабрь]. Первоначально казалось, что дискуссии зайдут в тупик. Сторонами были предложены две различные резолюции, из которых ни одна не получила явного преимущества.

В итоге, после долгих и жарких дискуссий, было решено снять оба проекта и, объединив их, выработать общий, компромиссный вариант. Резолюция, состоявшая из 10 пунктов, повторяла основные положения программ обеих фракций. Новыми стали

два пункта, определявшие, во-первых, что «в этой автономии не должно быть отдельных штатов» (п. 3) и, во-вторых, что «все руководство в культурно-национальных делах мусульман в областях, входящих в сферу действия автономии, должно принадлежать областным органам Национального управления и ни у кого, ни у одной организации нет права лишать их этой власти» (п. 8) [Тормыш, 1917, №762, 1 декабрь]. На последнем предложении особо настаивали тюркисты. Фактически, реализация этого пункта должна была стать официальным признанием законности принципов «культурно-национальной автономии», главенства национальных органов над другими организациями в сфере национальной и культурно-религиозной жизни мусульманской общины. Однако последний пункт входил в противоречие как с принципами, лежащими в основе «башкирской автономии», так и с сущностью возникаемых новых органов власти – большевистских Советов, стремившихся к монополизации всей власти в стране, что предопределило в конечном счете нереализуемость этих идей.

Таким образом, 29 ноября 1917 г. стал днем, когда Национальное собрание приняло историческое решение о признании необходимости создания территориальной автономии тюрко-татар внутренней России и Сибири в виде штата «Идел-Урал». С этого дня вопрос о собственно тюрко-татарской территориальной автономии перешел из сферы абстрактных рассуждений в плоскость рассмотрения и обсуждения конкретных проектов и реальных шагов на пути их реализации. С этой целью была создана специальная комиссия из 16 человек – «комиссия по выработке основ территориальной автономии», в которую вошло по 8 человек от каждой фракции. Председателем комиссии стал территориалист Сагит Енгаличев (позднее его заменил Фатых Мухамедьяров), заместителем – тюркист Габделбари Баттал, секретарем был избран опять же территориалист Фатых Сайфи-Казанлы, а заместителем – тюркист Х.Зайни [Сарай, 1917, №9, 15 декабрь; Тормыш, 1917, №765, 12 декабрь; Тормыш, 1917, №769, 20 декабрь].

В свою очередь комиссия поделилась на три группы для проработки различных вариантов штата. В первую группу вошли сторонники создания штата на основе областной автономии. Проект разрабатывал Г.Шараф. Вторую группу составили также сторонники областной автономии, но с расширением границ штата. Авторы – Ш.Гайфи и Селим-Гирей Джантюрин. В третью – вошли приверженцы национальной территориальной автономии. Этот проект должны были подготовить Сагит Енгаличев, Гани Абызов и Саях Атнагулов. Основными критериями, таким образом, стали вопросы о принципах штата и о его границах.

Одновременно дополнительно было создано три подкомиссии для подготовки необходимых материалов и рассмотрения вопросов:

- права (или правовой основы штата);
- экономических вопросов;
- вопросов географии и картографии [Тормыш, 1917, №765, 12 декабрь; №769, 20 декабрь; Сарай, 1917, №9, 15 декабрь].

В процессе подготовки и обсуждения различных вариантов на основе указанных принципов (областной или национальной территориальной автономии, процентного соотношения народностей в штате и пр.) выкристаллизовывалось пять проектов предполагаемого штата [Тормыш, 1918, №780, 7 гыйнвар]. Сравнительный анализ содержания всех пяти проектов позволяет проследить, как эволюционировала идея национальной государственности. Аргументы, использовавшиеся в спорах между сторонниками различных проектов, красноречивее других данных свидетельствуют об уровне понимания (довольно низком) делегатами Собрания сути национальной идеи.

Первый проект под названием «башкирская автономия» (или «Малая Башкирия») базировался на принципе национальной территориальной автономии. Он был сразу же отвергнут комиссией, так как включал незначительную часть «мусульманского», да и то, преимущественно башкирского населения края и не имел в своих границах ни одного города, за исключением Златоуста. В качестве плюса отмечалась значительная доля в будущем штате мусульман (75%).

Второй проект, базировавшийся на тех же принципах, отличался от первого несколько более широкими границами, что, в свою очередь, снижало процент тюрко-татарского населения до 57–58 %. Этот проект также был отвергнут членами комиссии, так как он оставлял за пределами штата Казанскую губернию и Казань, являвшуюся экономическим, политическим, историческим и культурным центром татарского народа. По сообщениям в прессе, в среде делегатов Собрания было очень мало сторонников этого проекта. Но именно на таком решении настаивали башкирские делегаты, что они подтвердили решением всебашкирского съезда [Тормыш, 1917, №765, 12 декабрь, №769, 20 декабрь].

Третий и четвертый варианты были разработаны Галимджаном Шарафом. В их основе лежали принципы областной автономии. Отличие одного проекта от другого заключалось в вопросе о включении в штат земель, населенных преимущественно чувашами и черемисами. Третий вариант был шире, но он снижал количество тюрко-татарского населения до 43–44 %, тогда как четвертый (без названных земель) позволял увеличить процент мусульманского населения до 51% [Тормыш, 1918, №780, 7 гыйнвар].

Пятый вариант еще более расширял границы штата за счет включения Самарской и Астраханской губерний, что соответственно уменьшало долю тюрко-татарского населения (29%).

Обсуждение этих пяти проектов во фракциях показало, что тюркисты склоняются к последнему, пятому, а территориалисты – к одному из двух вариантов, предложенному Г.Шарафом [Тормыш, 1917, №767, 17 декабрь]. Самый последний из названных проектов, в итоге, был также отклонен комиссией, несмотря на его явную поддержку тюркистами. Основным аргументом «против» было то, что в случае принятия данного варианта тюрко-татарское население оставалось бы в значительном меньшинстве: 29% тюрко-татар против 56% русских и 9–8% чувашского населения [Тормыш, 1918, №780, 7 гыйнвар]. Этот проект меньшинства поддерживали и активно защищали Г.Исхаки, Ш.Алкин, Дауд

Еналиев, Ибрагим Биккулов, Х.Зайни и другие тюркисты в своих аргументах «за», исходивших, прежде всего, из идеи экономической целесообразности. Но, тем не менее, несмотря на все их усилия, это предложение было отклонено большинством делегатов [Тормыш, 1918, №783, 12 гыйнвар, №784, 14 гыйнвар].

После месяца кропотливой работы, обсуждения всех предложений, рассмотрения положительных и отрицательных сторон каждого из проектов, комиссия решила остановить свой выбор на одном из проектов, разработанном Г.Шарафом, который и был вынесен на общее заседание делегатов Национального собрания от 3 января 1918 г. Сообщения по этому вопросу были сделаны Г.Шарафом и Г. Амировым (последний изложил экономические аспекты данной проблемы).

В своем докладе Г.Шараф перечислил все рассматривавшиеся в комиссии проекты, подчеркнув их привлекательные стороны и явные недостатки, затем подробнее остановился на статистике предполагаемого штата [Тормыш, 1918, №780, 7 гыйнвар; *Der Neue Orient*]. По проекту разработчика, в штат должны полностью войти Казанская и Уфимская губернии, а также отдельные районы Оренбургской, Пермской, Самарской, Симбирской, Вятской губерний, населенных преимущественно тюрко-татарами. Причем в докладе оговаривалось, что решение о вхождении или не вхождении в штат некоторых волостей должно быть принято после опроса населения этих районов. Также предполагалось, что чуваша и черемисы входят в штат, поскольку «они не в состоянии создать собственную автономию», и что в дальнейшем, по мере подъема культурного уровня этих мелких народностей, допускалось выделение более мелких штатов. Комиссия решила также остановиться на нейтральном названии – «Область Идел-Урал», исключив из него название отдельного конкретного народа, чтобы предотвратить возможные осложнения на этой почве.

Каковы же принципы и основные положения этого проекта будущего штата «Идел-Урал»? Частично они были сформулированы в процессе подготовки и обсуждения вариантов этих проектов, и наконец,

изложены в окончательных решениях, принятых под занавес работы Собрания. Впервые, это решение Собрания от 6–7 января об «Образовании «Области Идел-Урал» и ее взаимоотношении с другими областями республики Россия», во-вторых, «О принципах и правах языков, религии народов, входящих в область «Идел-Урал» и наконец, постановление об образовании «Комиссии по реализации территориальной автономии, ее функциях и правах» (КУВШ) [Тормыш, 1918, №781, 9 гыйнвар].

Во всех этих решениях были зафиксированы следующие положения будущего штата:

– «Идел-Урал», основанный на принципе областной автономии, является республикой, составляющей вместе с другими областями федеративную республику Россия;

– Высшим органом республики (области) является парламент, избираемый на основе всеобщих, прямых, тайных и пропорциональных выборов и ведающий всеми внутренними делами области, за исключением перечисленных ниже. Только этот орган обладает правом издавать законы, касающиеся внутренней жизни народов области;

– Общие дела всей страны, как-то: почта и телеграф, железная дорога и водный транспорт, общая система веса, измерений, денежная система, составление гражданского, уголовного, торгового и вексельного права, общие налоги, внешняя политика и таможня и др. подобные вопросы, находятся в ведении общероссийского парламента. В названных вопросах законы, издаваемые общероссийским парламентом, имеют верховенство над местными;

– В республике (области) все национальности, языки и религии полностью равноправны;

– Издание законов, касающихся национальных вопросов и решение их находится в ведении центральных органов этих народов и областной парламент не в праве вмешиваться в эти проблемы [Тормыш, 1918, № 781, 9 гыйнвар].

Таким образом, все органы управления штата (области, республики) делились на две категории – «общенациональные» и «национальные». В первую группу входили организации, ведающие делами всего на-

селения штата, т.е. внациональные по характеру: земства, городская дума и пр., в том числе и республиканский парламент. Если численность одной из народности в этих районах достигала определенного процента (25%), то язык этого народа должен быть официальным. Во вторую группу входили организации, создаваемые по национальному принципу, в ведении которых находятся все культурно-национальные дела. Для удобства штат должен быть поделен на национальные районы. Причем, это правило относится ко всем без исключения народам области. Таким образом, ликвидировались такие понятия, как государственная, официальная нация. Все народности должны быть полностью равноправны [Сарай, 1918, №15, 5 гыйнвар].

Характерно, что все национальные органы, ведающие национальными делами, обладали бы внетерриториальным характером, т.е. они выходили за границы определенного штата, республики и их действие распространялось на всю территорию проживания того или иного народа (в данном случае тюрко-татар), невзирая на месторасположение центрального органа [Тормыш, 1918, №781, 9 гыйнвар]. Поэтому неверно утверждение ряда историков о том, что Национальное управление, избранное Собранием, являлось правительством будущего «Урало-Волжского штата»; а «культурно-национальная автономия», таким образом, была «замкнута в границах определенной территории» [Мухарямов, 1969, с.81; Хасанов, 1977 а, с.127]. Как раз наоборот, «культурно-национальная автономия» и действие национальных органов во главе с Национальным управлением были шире территории будущего штата. В решениях Собрания был записан специальный пункт о том, что деятельность этих национальных организаций не ограничивается границами создаваемой автономии, где находятся его центральные органы, а должна охватывать все очаги, диаспоры тюрко-татарского народа [Тормыш, 1918, №781, 9 гыйнвар]. Одновременно эти национальные органы обладали бы публичным правом, т.е. они были общественными, а не государственными организациями. Все эти и другие, более частные, проблемы опреде-

лялись вторым постановлением Собрания, принятым 7 января 1918 г. Третье постановление касалось организации и деятельности комиссии по реализации идей «территориальной автономии».

Разработанный Г.Шарафом проект штата «Идел-Урал» и принятые Национальным собранием соответствующие постановления были, по сути, компромиссным решением, попыткой, причем довольно успешной, совместить территориальную автономию с принципами персональной автономии и, прежде всего с важнейшим из них – провозглашением невмешательства государства в национальные дела народа путем разграничения сфер деятельности государственных и общественных, национальных органов. При разработке этого проекта определенную роль, несомненно, сыграло то, что Г.Шараф принял активное участие в качестве секретаря в работе комиссии «по выработке основ культурно-национальной автономии», возглавляемой С.Максуди. Поэтому его вариант «территориальной автономии» стал своеобразным сплавом двух различных автономий (территориальной и экстерриториальной), что представляло возможности для сторонников как территориальной, так и персональной национальных автономий.

Делегаты Национального собрания, утвердив «Основы культурно-национальной автономии», придали им форму и силу закона, избрали центральные национальные органы. Однако они в силу ряда причин не смогли и не захотели ограничиться лишь культурно-национальной автономией, а приняли (отчасти под давлением внешних сил) решение о территориальной автономии для татар. Обсудив различные варианты, они приняли решение о создании «Области Идел-Урал», таким образом, ясно высказавшись в пользу «территориальной автономии», основанной на принципе областной автономии с элементами «культурно-национальной» или «персональной» автономии. Эти усилия лидеров татарского национального движения демонстрировали стремление превратить Россию из «национального государства» в подлинное «государство национальностей».

§ 5. Попытки провозглашения штата «Идел-Урал» и судьба национальных проектов весной 1918 г.

Диляра Усманова

Весной 1918 г., после завершения работы первой сессии Национального собрания (11 января) центр событий вновь перемещается в Казань, где в начале 1918 г. начал свою работу II Всероссийский мусульманский военный съезд (8.01.–3.03.1918). Другая особенность весеннего периода в развитии национального движения – усиления в нем т.н. «просоветского» крыла. Хотя в Собрании и была группа татарских социалистов во главе с Галимджаном Ибрагимовым, в целом, социалисты в ходе работы мусульманских съездов 1917 г. не играли ведущей роли, более того, были маргинальной силой. Весной 1918 г. ситуация меняется в сторону радикализации населения и усиления позиций социалистов. Отчасти это было результатом повсеместного утверждения в стране большевистской власти («триумфальное шествие Советской власти»), что многократно увеличило число ее сторонников из числа традиционного аморфного населения. С другой стороны, все российское общество – и мусульмане в этом смысле не были исключением – было в плену идеи социального равенства и социалистической фразеологии.

После того, как центр принятия решений перемещается из Уфы в Казань, куда переезжают члены КУВШа, появляются новые факторы и силы, сыгравшие определяющую роль в судьбе идеи национальной автономии. Последующий после закрытия Собрания месяц – время «мирного» противостояния и попыток «сожительства» Казанского совета во главе с большевиками, с одной стороны, и лидеров национального движения, с другой. Это мирное сосуществование длилось чуть больше месяца (с середины января до конца февраля по новому стилю) и после превентивного удара одной из сторон приняло характер вооруженного противостояния, известного под названием «Забулачная республика», закончившегося трагической развязкой.

Ведущими политическими силами в этот период были: (1) Коллегия (КУВШ), из-

бранная Национальным собранием для реализации идеи «Урало-Волжского штата», (2) руководство Вошуро и военного съезда, (3) Казанский совет рабочих и солдатских депутатов, выступивший инициатором созыва областного съезда Советов, (4) Мусульманский комиссариат, созданный 18–21 февраля при Казанском совете после того, как радикальная часть левой фракции покинула военный съезд.

Местом работы КУВШ была определена Казань, куда и съехались к концу января большинство его членов. Самая первая из задач, которая стояла перед членами Коллегии, – проведение встреч и переговоров с представителями различных политических и национальных сил в крае для достижения компромиссного решения о будущем штате. Учитывая произошедшие в стране перемены, Коллегия делегировала троих своих членов – И.Алкина, Г.Шарафа и С.Атнагулова – на областной съезд Советов (21–22.02.1918), поручив им образовать на съезде единую фракцию из числа делегатов-мусульман.

Центральным был вопрос о будущем штате и в работе II Всероссийского мусульманского военного съезда, хотя формально он был сформулирован как пятый–шестой в повестке дня. Но все отлично осознавали, что другие вопросы, в том числе и вопрос о будущем национальных воинских формирований, напрямую зависит от реализации автономии. Уже на данном съезде было заявлено, что будущий штат будет автономной частью федеративной республики России. Власть должна быть определена на учредительном собрании штата, выбранном на основе всеобщих, прямых, равных, тайных и пропорциональных выборов. До созыва учредительного собрания и провозглашения штата власть должна принадлежать временному правительству, состоящему из представителей демократических организаций, делегированных на тех же принципах (т.е., пропорциональ-

ном). Таким образом, мусульманский военный съезд фактически отрицал всевластие большевиков, полагая, что в органах управления краем должны быть представлены все демократические (социалистические) партии, как общероссийские, так и национальные. Уже одно это, а также признание военным съездом необходимости реализации решений Национального собрания, делало проблематичным его бесконфликтное сотрудничество с большевиками, не склонными ни с кем делиться своей властью. Следует сказать, что неясной оставалась позиция лидеров чувашского национального движения, довольно слабого и аморфного в это время, колебавшегося в своих симпатиях и решениях. Среди делегатов военного съезда были и такие, которые по-прежнему настаивали на варианте башкирской автономии (делегат Имаков и др.), полагая, что идея штата «Идель-Урал» – несбыточная мечта, иллюзия татарских буржуазных националистов. Наконец, казанские большевики противопоставляли проекту «Урало-Волжского штата» в качестве альтернативы идею «Казанской Советской рабоче-крестьянской республики». Этот свой альтернативный проект они намеревались провозгласить на областном съезде Советов, созванном 21–22 февраля 1918 г. По официальной версии, областной съезд был созван для обсуждения вопроса «о формах разрешения национального вопроса применительно к народам Среднего Поволжья». Первоначально открытие областного съезда планировалось на 1 февраля и ожидалось около 700–800 делегатов от 11 губерний. Однако из-за низкого качества подготовки, съезд начал свою работу с большим опозданием при 144 делегатах, среди которых численно доминировали представители большевистских советов. По мнению татарской прессы, организаторы съезда, с одной стороны, пригласили на него различные общественные организации, даже самые мелкие и незначительные, а с другой, сделали все, чтобы максимально ограничить представительство мусульманских национальных объединений. Поэтому ни для кого не стало сюрпризом, что областной съезд большинством голосов

отверг все постановления Национального собрания, в том числе и проект «Урало-Волжского штата», объявив его «буржуазным». В то же время ничего альтернативного на областном съезде предложено не было, так как ни одного разработанного проекта у его организаторов не было. Отвергнув все предложения и проекты, поступавшие со стороны татарских общественных организаций, настояв на уходе татарских большевиков с военного съезда, областной завершил свою работу общей, ни к чему не обязывающей и совершенно пустой, резолюцией. Все эти действия казанских большевиков вызвали в среде мусульманских участников съезда стойкие подозрения, что и сам областной съезд замыслился лишь для отвода глаз, чтобы проверить настроения масс и для того, чтобы «не допустить провозглашения утвержденного Национальным собранием проекта штата» [Кояш, 1918, №1216, 26 февраль].

23 февраля 1918 г. мусульманские делегаты областного съезда, не согласные с позицией казанских большевиков, опубликовали собственную резолюцию, состоявшую из девяти пунктов:

1. Каждая нация и каждый народ вправе через свой пролетариат объявить культурно-национальную и территориальную автономию. Они лишь обязаны не ущемлять права национальных меньшинств, которые войдут в пределы создаваемого штата. Если это меньшинство пожелает внутри штата создать свою автономию, оно должно иметь для этого все возможности.

2. Власть в области (республике и автономии), а также в уездах и волостях должна находиться в руках бедных рабочих и крестьян.

3. При переизбрании власти должен учитываться национально-пропорциональный принцип.

4. Должна быть создана область Идель-Урал.

5. При создании Урало-Волжской области необходимо стремиться к заключению в границы штата максимального количества мусульман, а немусульманские народы по возможности оставаться в соседних автономиях.

6. В области Идел-Урал предоставляется полная свобода и автономия всем языкам и религиям.

7. При создании автономной области для максимально полной культурной и национальной самостоятельности возможно объединение народов в культурно-национальную автономию.

8. Должны быть произведены переборы на национально-пропорциональной основе Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а также в исполнительный комитет и другие органы.

9. Для народов, составляющих меньшинство, должна быть предоставлена свобода вплоть до территориальной автономии» [Кояш, 1918, №1216, 26 февраль].

Если коротко проанализировать эту резолюцию, то следует признать, что с одной стороны, мы встречаем актуальные для того времени выражения («пролетариат», интересы национальных меньшинств, национально-пропорциональный принцип и пр.), с другой – неизменную приверженность идее «Урало-Волжского штата» и культурно-национальной автономии, т.е. решениям Национального собрания. В то же время, еще 23 февраля активные сторонники национальной автономии в виде штата, планировали проведение официальных торжеств лишь в конце апреля 1918 г.

В течение нескольких дней конца февраля ситуация сильно обостряется, происходят события, побудившие татарских лидеров (членов КУВША, руководство Вошуро, персонально И.Алкина и др.) активизировать свои действия: в срочном порядке был разработан церемониал, а торжественное провозглашение его было намечено на 1 марта, в 14-00 на театральной площади (современная площадь Свободы города Казани). При сборе представителей общественных организаций должен был быть зачитан универсал, после чего на площади должны были пройти конная и пешая национальная гвардия. В специально отведенном месте должно было состояться чтение молитв из Корана. Потом все собравшиеся должны были пройти к башне Сююмбике, на которой, если успеют подготовиться, планировалось водрузить полумесяц. По-

сле этого участники мероприятия должны были разойтись по домам. Таков был план официальных торжеств. Как видим, все мероприятия носили символический характер и мало напоминали собой попытку переворота. К тому же в списке участников этих торжеств не было ни одной т.н. буржуазной или националистической организации (как например, религиозных организаций, Милли Шура и пр.): КУВШ, мусульманская фракция Совета, члены мусульманской фракции областного съезда Советов, МСК, представители комитета трудящихся женщин-мусульманок, представители центрального союза учителей. Видно, что все перечисленные организации стояли на социалистической платформе. К тому же, подготовка к этим мероприятиям широко освещалась в татарской прессе.

Но подобный ход событий не устраивал членов большевистского Казанского совета, и «мирное» противостояние перешло в свою активную фазу: в ночь с 27 на 28 февраля 1918 г. были превентивно арестованы руководители Мусульманского военного совета, братья Ильяс и Джигангир Алкины, Усман Токумбетов и Юсуф Музаффаров. Инициаторами этого ареста стали руководители Казанского совета К.Грасис, Я. Шейнкман и глава мусульманского комиссариата Мирсид Султан-Галиев. С этого момента начинаются события, известные в литературе как «Забулачка»³³.

Арест известных деятелей накануне торжественных мероприятий накалил обстановку в городе, особенно в татарской ее части. Все магазины были закрыты, люди вышли на улицы и площади. Повсюду проходили многочисленные митинги и собрания, распространялись различные слухи, нарастало беспокойство, которое грозило

³³ «Забулачная республика» («Забулачка») – термин, которым характеризуются события весны 1918 г., когда соперничество и противоборство большевистской власти (в лице Казанского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов) и татарского национального движения (КУВШ и др.) приняли характер открытого противостояния. Центральным вопросом, вокруг которого и разворачивались события, стал проект национально-территориальной автономии [Валеев, 2005, с.399–400].

перерасти в массовые беспорядки. При чем, позднейшие воспоминания М.Султан-Галиева свидетельствуют, что казанские большевики при поддержке малочисленной группы татарских коммунистов своими авантюристичными действиями активно подталкивали развитие событий по негативному сценарию, провоцируя открытый конфликт и даже не слишком опасаясь кровавых столкновений [Султанбеков, 1991, с.113–115]. Но поскольку у большевиков не было достаточных сил, то они были вынуждены пойти на соглашение (против соглашения выступали лишь К.Грасис и Я. Шейкман) и освободить арестованных членов Вошуро. Последние были освобождены при поручительстве М.Султан-Галиева и при условии подписания обязательств: не провозглашать превентивно «Урало-Волжские штаты», не предпринимать никаких активных действий против Советской власти, распустить мусульманские военные организации (Харби Шуру и его отделения) [Мухарямов, 1969, с.100–101]. Естественно, это решение вызвало недовольство татарского населения, а также участников военного съезда. Последний завершил свою работу 3 марта, до этого выразив поддержку бывшему руководству Харби Шуру, а также идее «Урало-Волжского штата», выбрав «Мусульманский народный комиссариат по осуществлению штата» (из 15 человек во главе с И.Атнагуловым), постановив, вместо закрытой большевиками газеты «Безнен тавыш» издавать газету «Идел-Урал олкэсе». Но на этом противостояние не закончилось: в начале марта по инициативе большевиков татарская часть города (татарские слободы «за Булаком») была окружена воинскими частями и объявлена антисоветской «Забулачной республикой». Развязка трагических событий наступила через месяц (27–28 марта), когда прибывшие в город отряды матросов Балтийского флота и другие части красноармейцев вошли на территорию т.н. «Забулачной республики» и, не встретив вооруженного сопротивления, установили полный контроль. Вскоре все национальные органы (Харби шуру/Военный совет в Казани – 26 марта, Национальное управление в Уфе и пр.) были запрещены, а ряд национальных деятелей арестованы или, спасаясь от

ареста, были вынуждены бежать из города. В ходе описываемых событий большевики установили полный контроль над Казанью и нанесли сильнейший удар по татарскому национальному движению.

Кроме использования военной силы и репрессий, большевики использовали и традиционное для себя средства – демагогические обещания, как правило, заимствованные у своих же противников. То есть большевики действовали методом «кнута и пряника». Если в качестве «кнута» выступала армия (матросы) и ВЧК, то в качестве «пряника» – обещания, посулы и незначительные уступки, имевшие скорее моральное значение. 7 марта, в разгар событий Казанский совет принял следующее постановление: «Совет принимает срочные меры к организации Урало-Волжской республики, таковая республика организуется во главе с Советом народных комиссаров на пропорционально-национальных классовых основах. Поручить Президиуму соотнестись с Уфимским и Оренбургским советами по вопросу о срочном провозглашении Урало-Волжской республики» [Мухарямов, 1969, с.96]. Как видно из текста постановления, он был полностью заимствован у буржуазного мусульманского военного съезда. Чего только не пообещаешь, лишь бы привлечь на свою сторону симпатии масс, даже «Урало-Волжскую республику». Более того, на этом же заседании было заявлено, что «Совет, идя навстречу всем национальным народам, считаясь с местными условиями, уже предпринял свою реорганизацию на пропорционально-национальных классовых началах», что в действительности не было осуществлено [Мухарямов, 1969, с.102].

Вторым подобным «пряником» стала телеграмма, пришедшая из Москвы и подписанная М.Вахитовым. В ней говорилось, что трудящимся татарам в Казани передается башня Сююмбике. Эта телеграмма была публично зачитана, а затем опубликована в печати [Тагиров, 1987, с.252].

Наконец, завершающим актом в раздаче «пряников» стало публикация декрета о создании «Татаро-Башкирской республики» (22 марта декрет подписан, 23 марта разослан по городам Казань, Уфа и Оренбург,

а 24 марта опубликован в печати). В чем же состояло принципиальное отличие декрета о ТБР от проекта УВШ? Да ни чем, если не считать смены названия. Границы будущей республики, указанные в Декрете, практически полностью совпадали с границами штата по проекту Г.Шарафа, который был принят и Национальным собранием, и мусульманским военным съездом, и мусульманской фракцией областного съезда. Единственное новшество заключалось в том, что реализация данного проекта была возложена на Комиссариат по делам мусульман Средней России, т.е. на татарских большевиков. Главным для большевиков было не упустить инициативу из своих рук. История не позволила проверить, насколько искренними были обещания, данные в ходе разгрома национального движения под лозунгом борьбы с «Забулачкой»: вскоре началась гражданская война, которая вынудила отложить все подобные проекты в долгий ящик.

Следует сказать, что в ходе событий февраля–марта 1918 г. лидеры казанских большевиков и татарских коммунистов проявили необычайную гибкость и даже беспринципность (например, чего стоит с моральной точки зрения поступок М.Султан-Галиева, который не только подстрекал арест руководителей военного съезда, но сам же взял их на поруки; или «заимствование» чужих инициатив – проектов, идеи установления полумесяца на Сююмбике и пр.), а главное большую, порой безграничную, готовность пойти на крайние меры, даже на кровопролитие в достижении своей цели – установления тотального контроля над происходящими событиями. То есть большевики победили оппонентов в своем стремлении к взятию и удержанию власти.

Подводя итог тому, как развивалась идея национальной государственности татар в 1917 – 1918 гг., можно сказать следующее. На первых порах лидеры татарского национального движения стремились действовать в рамках единого мусульманского движения и рассуждали от имени единой мусульманской нации. Отчасти, это было результатом политической традиции, сложившейся в позднеимперский период, что проявлялось в деятельности мусульман-

ской фракции Государственной думы. Отчасти сказывалось искреннее заблуждение некоторых из них в том, что мусульмане представляют собой единый народ (мусульманская нация) с общими национальными интересами. Резолюции многочисленных региональных съездов и собраний, работа московского съезда, а главное, активность лидеров окраинных мусульман показали, что на самом деле все обстоит гораздо сложнее. Несмотря на сохранение прежней лексики, летом 1917 г. татарское национальное движение в значительной степени сместилось с общероссийского на региональный уровень. И здесь на первый план выступают те общественные деятели, которые были сторонниками «культурно-национальной автономии». Несмотря на то, что позднее акценты сместились в пользу территориальной автономии, татары, в силу своей распыленности по империи и дисперсному характеру проживания, а также с учетом наличия развитой сети культурно-религиозных институтов, сохраняли приверженность принципам персональной (экстерриториальной) автономии. В то же время, на рубеже 1917 – 1918 гг., ситуация в стране, в целом, и в Волго-Уральском регионе складывалась таким образом, что чаша весов все более склонялась в сторону местных национальных территориальных автономий. Лидерам татарского национального движения потребовалось пройти достаточно долгий путь от московского съезда до Национального собрания в Уфе, прежде чем идея территориальной автономии была принята и поддержана достаточно широкими слоями татарского общества. Понадобилось более полугода кропотливой работы членов группы «Татар учагы» во главе с Галимджаном Шарафом, прежде чем довольно абстрактная по началу идея татарской территориальной автономии приняла вполне осязаемые черты конкретного штата «Идел-Урал». Первая половина 1918 г. стала временем безуспешных попыток реализовать этот проект. В конечном счете, она закончилась неудачно, а идея территориальной автономии была успешно адаптирована большевиками, сумевшими в противостоянии с либералами и социалистами из числа национальных меньшинств проявить больше

воли и настойчивости (оставляем в стороне морально-этический аспект действий большевиков, исходивших, вероятно, из принципа «победителей не судят» и «историю пишет победитель»), одержать убедительную победу и поставить ситуацию под соб-

ственный контроль. В итоге, весной 1918 г. в качестве альтернативы национальным проектам был выдвинут проект «Татаро-Башкирской республики». Начавшаяся вскоре активная фаза гражданской войны открыла новую страницу в этой истории.

Раздел II

Этапы развития Татарской Автономной Советской Социалистической Республики

ГЛАВА 1

**Образование ТАССР и татарское сообщество Советской России
в условиях общественно-политических преобразований
1920–1930-х гг.****§ 1. Проекты национально-государственного строительства
и образование ТАССР***Рамзи Валеев*

После Февральской революции 1917 г. на территории Российской империи начались кардинальные общественно-политические изменения, которые затронули все слои российского общества. К ноябрю 1917 г. оформилось татарское национально-демократическое движение. Почти вся территория, населенная татарским народом, была покрыта сетью различных национальных организаций. Основными руководящими центрами движения тюрко-татарского населения стали Милли Шура (Национальный Совет) и Харби Шура (Военный Совет). В ходе работы I и II Всероссийских мусульманских и I Всероссийского мусульманского военного съездов были выработаны основы Культурно-национальной автономии тюрко-татар Внутренней России и Сибири. По мнению многих лидеров национального движения, обретение культурно-национальной автономии тюрко-татарами было первым этапом создания национальной государственности. Для реализации культурно-национальной автономии тюрко-татар решением мусульманских съездов был избран Миллят Меджлисе (Национальное собрание) и высший исполнительный орган культурно-национальной автономии тюрко-татар Милли Идаре (Национальное управление тюрко-татар Внутренней России и Сибири) во главе с известным политическим деятелем, конституционным демократом (кадетом) Садри Максуди.

20 ноября 1917 г. Миллят Меджлисе (парламент) начинает свою работу. В парламент было избрано около 110 депутатов, но некоторые из них не смогли участвовать

в его работе. По разным оценкам, в его работе участвовало от 67 до 96 депутатов из представителей интеллигенции, духовенства, дворянства и мелкой буржуазии. Первое заседание открылось 22 ноября, на котором был избран Президиум во главе с С.Максуди и его заместителями Ибниамином Ахтямовым и Илиасом Алкиным. Миллят Меджлисе образовал комиссии: законодательных предложений, мандатную, просвещения, финансовую и религиозную. Его работа проходила в очень сложных общественно-политических условиях – в период так называемого «триумфального шествия Советской власти».

Во время заседаний Миллят Меджлисе обсуждались различные вопросы, в том числе об образовании тюрко-татарского государства. Этот вопрос конкретно был поставлен на обсуждение парламента в ноябре-декабре 1917 г. Первоначально было предложено три варианта проекта тюрко-татарской автономии. В ходе рассмотрения этого вопроса в парламенте оформилось несколько фракционных групп. Самая острая полемика происходила между сторонниками культурно-национальной и территориально-национальной автономии. Первую группу возглавлял сам спикер парламента Садри Максуди, кроме него туда входили Закир Кадыри, Ахметхади Максуди, Гумер Терегулов и др. (всего около 50 депутатов), другую – его заместитель Илиас Алкин (члены Салях Атнагулов, Хади Атласи, Габделбари Баттал, Салимгирей Джантюрин, Галимджан Шараф и др., всего 37 депутатов). Фракция, возглавляемая

С.Максуди и получившая название «терк-челэр» («тюркисты»), во время обсуждения проблемы татарской национальной государственности попыталась навязать делегатам парламента идею культурно-национальной автономии. По их мнению, культурная отсталость большей части тюрко-татарских народов серьезно препятствовала образованию национально-территориальной автономии. И в связи с этим на первом этапе национально-государственного строительства они предлагали образовать тюрко-татарскую культурно-национальную автономию с широкими полномочиями. Предлагаемая программа культурного самоопределения (кстати, кадетская) как бы ограждала тюрко-татар от революционных потрясений и способствовала бы мирному обретению национальной государственности. На первом этапе своей основной задачей они считали повышение культурного и образовательного уровня тюрко-татарских народов, а после этого создание тюрко-татарской территориальной автономии. Тюркисты не рассматривали татарский народ как буржуазную нацию и считали, что в татарском обществе еще не созрели условия для национальной государственности.

Сторонники И.Алкина, придерживающиеся в какой-то мере «социалистических идей», наоборот предлагали образовать для тюрко-татар территориально-национальную автономию. Это течение получило название «туфракчылар» («территориалисты»). Заметим, что некоторые представители этой фракции изучением этой проблематики занимались еще в период Первой мировой войны. Так, например, члены студенческого кружка «Татар учагы» («Татарский очаг»), действовавшего в Петрограде в 1915–1916 гг., И.Алкин, Г.Шараф и другие во время его заседаний обсуждали вопросы национально-государственного строительства мусульманских народов Внутренней России, Сибири и Кавказа и в качестве одной из форм татарской государственности предлагали территориально-национальную автономию. Они уже тогда выступали против пантюркистских тенденций в национальном движении. Сторонники И.Алкина на заседаниях Миллят Меджлисе в ходе острых дебатов смогли перевесить чашу

весов на свою сторону: парламентом было принято решение о создании территориальной автономии в форме «Идель-Урал штаты» («Урало-Волжского штата»). Им также в этом помогла общественно-политическая ситуация в России: с приходом большевиков к власти сторонники кадетской партии были объявлены вне закона, а деятельность их организаций запрещена, этому способствовала и «большевистская декларация» о праве наций на самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

На заседаниях Миллят Меджлисе обсуждались и другие актуальные вопросы национально-государственного строительства, в том числе проекты о границах штата, составе и функциях коллегии по осуществлению штата, о внутреннем устройстве и управлении штата. Эти проекты с незначительными изменениями и добавлениями были приняты парламентом, и было решено создать «Урало-Волжский штат».

В январе 1918 г. Миллят Меджлисе образовал Коллегию по осуществлению «Урало-Волжского штата» в составе Илиаса Алкина, Саяха Атнагулова, Газиза Губайдуллина, Фатиха Сайфи, Наджиба Халфина, Галимджана Шарафа и др. На коллегию возлагались следующие задачи: определение границ штата, разработка проекта его конституции, созыв Учредительной конференции «Урало-Волжского штата», образование временного правительства и т.п. Во время обсуждения вопроса об органах государственной власти будущего штата некоторые члены коллегии, представители левого крыла, предложили взять за основу советы, избираемые по национально-пропорциональному принципу. После переезда коллегии в Казань на первом же ее заседании был образован Президиум, председателем которого был избран И.Алкин, а заместителем – Г. Шараф. На заседании Президиума Г. Шараф сделал доклад о структуре власти. Вразрез решению Миллят Меджлисе он предложил образовать органы власти по советской системе, в которых каждый Совет должен избираться пропорционально в соответствии с национальным составом населения. После долгих дискуссий большинством голосов предложение Г. Шарафа было принято. Г. Губайдул-

лин и Н. Халфин, несогласившись с такой постановкой вопроса, покинули коллегию. Таким образом, члены коллегии почти в полном составе выступили с предложением создания штата на базе советов, что вызвало недовольство среди правых депутатов Миллят Меджлисе, которые выступили на страницах татарских газет с критикой позиции Г.Шарафа. Его обвинили в нарушении прерогатив всенародно избранного меджлиса и объявили ему выговор через уфимскую и казанскую татарскую печать за подписью заместителя председателя И.Ахтямова.

Отметим, что коллегией были определены также границы будущего государственного образования и его основные административно-территориальные деления. В состав предполагаемого «Урало-Волжского штата» входили территории Казанской и Уфимской губерний полностью, а также прилегающие к ним районы Вятской, Оренбургской, Пермской, Самарской, Симбирской губерний бывшей Российской империи, населенные в основном тюрко-татарскими народами. На этой территории в основном проживали нерусские народы: башкиры, марийцы, мордва, татары, удмурты, чуваша. В процессе работы коллегии был достигнут определенный консенсус между татарами и башкирами. Чуваша, марийцы и другие народы проявляли готовность добровольно войти в состав «Урало-Волжского штата». Во время работы II Всероссийского мусульманского военного съезда (январь-март 1918 г.) представители этих народов называли татар своим старшим братом и благодарили их за то, что они не забыли о них. Однако хрупкий консенсус между башкирами и татарами был нарушен неразумными действиями некоторых татарских и башкирских деятелей. Резкие выпады И. Алкина против башкирских лидеров и А.-З.Валиди обострили отношения между представителями башкирского и татарского народов.

Однако, несмотря на эти противоречия, возникшие между татарскими и башкирскими национальными лидерами, коллегия не свернула подготовительные работы по созданию единого тюрко-татарского государства в форме «Урало-Волжского штата». Г.Шарафом был подготовлен универсал об

образовании штата. Провозглашение этого государства было намечено на 1 марта 1918 г. В этот день делегаты II Всероссийского мусульманского военного съезда должны были во время торжественного митинга на центральной площади Казани провозгласить универсал о создании «Урало-Волжского штата». Таким образом, судьба будущего тюрко-татарского государства должна была решиться на II Всероссийском мусульманском военном съезде.

8 января 1918 г. в Казани свою работу начал военный съезд. В нем участвовало около 200 делегатов, в том числе татар – 141, башкир – 35. На съезде в качестве гостей присутствовали представители национальных организаций Украины, Крыма, Польши и т. д. На повестке дня съезда были следующие вопросы: 1) отношение к Учредительному собранию; 2) отношение к Советской власти; 3) о «Урало-Волжском штате»; 4) о мусульманской армии. К моменту созыва второго съезда в Казани было 20 тысяч, в Оренбурге – около 10 тысяч, в Уфе – около 15 тысяч мусульманских солдат. Кроме того, мусульманские части были в Астрахани, Самаре, Омске, Иркутске, Екатеринбурге и других населенных пунктах Внутренней России и Сибири.

Во время работы съезда возникло несколько идейно-политических группировок. Но самая острая полемика происходила между правыми – сторонниками «Урало-Волжского штата» и левыми – большевистского режима. В первый же день его работы большая часть депутатов высказалась за поддержку разогнанного большевиками Учредительного собрания. Что еще больше накалило фракционную борьбу. Особенно острая борьба развернулась между этими двумя фракциями по вопросу об отношении к Советской власти. Правая фракция съезда выступила против узурпации власти большевиками, добивалась создания правового демократического государства в форме федерации, в состав которой должен был войти, наряду с другими территориально-национальными автономиями, и «Урало-Волжский штат». Но ее планам не суждено было реализоваться.

С целью противодействия созданию «Урало-Волжского штата» Казанская боль-

шевистская организация развернула в воинских частях местного гарнизона и среди рабочих промышленных предприятий города энергичную агитационно-политическую работу. Под давлением большевистского руководства Казани в ультимативной форме военный съезд покинули анархически настроенные делегаты, представители левых партий. Покидая его, они заявили, что «резюлюции, вынесенные съездом после 17 января, не считают для себя обязательными» [Знамя Революции, 1918, № 39]. Тем самым они усилили расщепление политических сил в тюрко-татарском национально-демократическом движении. Фактически в нем образовались два лагеря: левые национал-интернационалисты, придерживающиеся большевистских идей, и сторонники тюрко-татарской национальной автономии.

8 января 1918 г. по инициативе Казанского совета был созван Съезд советов Поволжья и Приуралья, который начал свою работу в один день со вторым мусульманским военным съездом. Таким образом, местное большевистское руководство попыталось укрепить свои позиции среди националов. На нем участвовали представители советов и мусульманских национальных организаций Астраханской, Вятской, Казанской, Нижегородской, Оренбургской, Пензенской, Пермской, Самарской, Симбирской, Уфимской и некоторых других губерний. Основным вопросом повестки дня съезда был поиск форм решения национального вопроса тюрко-татарского населения. Несмотря на сильное идейно-политическое давление на делегатов со стороны советских и партийных властных структур, съезд принял резолюцию о самоопределении народов края в форме Волжско-Уральской Советской Республики. Фактически своей резолюцией он поддержал решение Миллят Меджлисе. После политического провала на этом съезде казанское большевистское руководство перешло к активным действиям: 9 января был распущен съезд, и от имени так называемого «трудового народа», представленного в лице рабочего класса и беднейшего крестьянства, для борьбы с «контрреволюцией» большевики организовали в феврале 1918 г. самостоятельное государственное образование – Казанскую Советскую Рабоче-

крестьянскую Республику. Председателем Совнаркома этой республики был избран Я.С.Шейнкман, его членами (народными комиссарами) – С.М.Брауде (труда), А.И.Карпов (промышленности и торговли), В.И.Мохов (внутренних дел), Сахипгирей Саид-Галеев (по делам национальностей), Казимир Шнуровский (земледелия) и др. Вся власть в губернии перешла этому чрезвычайному государственному образованию, возглавляемому в основном представителями партии большевиков и левых эсеров. Первыми политическими акциями этого самопровозглашенного Совнаркома стали организация 26 февраля Революционного штаба (председатель К.Я.Грасис, члены: А.Г.Гинцбург, М.Х. Султан-Галиев, Я.С.Шейнкман, К.Л.Якубов и др.). В ночь с 27 на 28 февраля были арестованы руководители военного съезда Илиас и Джангир Алкины, Юсуф Музафаров, Усман Токумбетов и др., с 1 марта на территории губернии введено чрезвычайное положение. Тем самым временно была приостановлена работа военного съезда и предотвращено провозглашение универсала об образовании «Урало-Волжского штата», намеченного на 1 марта. 3 марта 1918 г. Революционный штаб принимает постановление: «1) организовать боевые отряды из рабочих заводов; 2) усилить Красную Армию и послать агитаторов в ближайшие деревни» [20 лет ТАССР, 1940, с.43].

Наряду с этими политическими акциями Казанская большевистская организация развернула массовую разъяснительную работу среди рабочих и солдат города Казани. В результате, рабочие-татары и солдаты Алафузовского района города, поддавшись большевистской агитации, издали специальную резолюцию: «Заслушав доклад... мы, рабочие и солдаты Алафузовского района, заявляем, что подобные слухи распространяются без сомнения контрреволюционной буржуазией для того, чтобы внести раскол между русскими и мусульманскими рабочими, солдатами и крестьянами с определенной целью вызвать кровавое столкновение и братоубийственную резню, и таким образом, потопив нас в братской крови, буржуазия хочет сорвать революцию и вместе с нею и власть Советов. Мы заявляем, что интересы

пролетариата русских, мусульман и других являются одинаковыми. Все трудящиеся без различия нации одинаково были угнетены самодержавием и капиталистами. Принимая во внимание все вышеизложенное, мы просим Казанский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, чтобы все лица, распускающие провокационные слухи, были арестованы и преданы суду революционного трибунала. Принята единогласно» [Знамя революции, 1918, № 12].

Одновременно Казанская организация РКП(б) усилила агитацию среди солдат и младших офицеров мусульманских полков Казанского гарнизона. Большевистскому руководству удалось сагитировать часть солдат на свою сторону. Большая часть военнослужащих, уставших от войны и революционных катаклизмов, были против любых военных действий. Между прочим, таких же позиций придерживалась и значительная часть руководства Харби Шура и делегатов военного съезда. В отличие от большевиков, взявших курс на вооруженную борьбу за власть, они искали мирные пути национального самоопределения тюрко-татарских народов и призвали своих сторонников к мирной демонстрации. Среди них тоже были «горячие головы» – сторонники насильственного разрешения национального вопроса, так, например, Габдулгазиз Мунасыпов 28 февраля на утреннем заседании военного съезда (после большевистских арестов) предлагал: объявить о создании «Урало-Волжского штата», издать приказ о мобилизации мусульман от 18 до 40 лет, захватить власть в свои руки и арестовать членов Казанского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и членов мусульманского комиссариата.

Однако многие лидеры татарского национально-демократического движения выступили против любых форм насилия. В результате, 28 февраля 1918 г. в Казани состоялась многотысячная мирная демонстрация татарского населения, в которой участвовали свыше 10 тысяч человек. Ее участники послали своих уполномоченных к казанскому большевистскому руководству с требованием освободить арестованных руководителей военного съезда, которое осталось без ответа. В свою очередь, казан-

ское руководство при помощи и по указке Центра усилило чрезвычайные меры в губернии, стало стягивать в Казань верные ему военные части. Советскими карательными органами (предположительно, чекистами) в провокационных целях был убит руководитель ваисовского движения Гайнан Ваисов, выступавший за мирное ненасильственное решение возникшей проблемы. Таким образом, местное руководство перешло к активной вооруженной борьбе.

Несмотря на обострившиеся события, в первых числах марта делегаты возобновили работу военного съезда в казармах 95-го запасного пехотного полка, расположенного в забулачной части Казани. После этого Революционный штаб казанских большевиков объявил забулачную часть города (практически несколько квадратных километров) «Забулачной республикой» и начал решительные военные приготовления, стал окружать Татарские слободы плотным кольцом войск. Оставшиеся на свободе руководители военного съезда для координации деятельности национальных организаций и тюрко-татарского населения города образовали Мусульманский народный комиссариат во главе с Исмагилом Атнагуловым (члены: Исхак Алмашев, Фахрелразый Басыров, Акрам Биглов, Афтахетдин Габидуллин, Габдулла Габдрашитов, Сулейман Ловчицкий, Гали Моракаев, Фатих Мухаммедьяров, Сулейман Полтаржицкий, Ахметсултан Тагиров, Кашаф Терегулов, Адам Якубовский) и создали Мусульманский революционный штаб во главе с Габдулгазизом Мунасыповым, начали издавать газету «Идель-Урал олкэсе» («Урало-Волжский штат»). Они обратились к мусульманской части населения, призвав ее к единству действий во имя утверждения «Урало-Волжского штата», и изъявили готовность сотрудничать со всеми организациями, признающими необходимость создания Штата, а также потребовали переизбрания местных советов с учетом национального состава населения.

Однако тюрко-татарские лидеры верные своим принципам ненасилия отказались от вооруженных методов борьбы за национальную государственность. Этим их бездействием воспользовалось казанское руководство, которое к 27 марта полностью

окружило войсками забулачную часть города и предъявило ультиматум Мусульманскому революционному штабу: сдать все имеющееся оружие и боеприпасы. По истечении срока ультиматума (28 марта) Революционный штаб ввел в забулачную часть отряд матросов, прибывший из Москвы, и другие воинские формирования. Они ворвались в Татарскую слободу и с помощью винтовок, пулеметов и пушек разогнали так называемую «Забулачную республику». Серьезных военных столкновений не произошло. Мусульманские воинские подразделения, дислоцированные в забулачной части Казани, были вынуждены сдаться. «Временный революционный штаб татарской части города», организованный для ликвидации «беспорядков», произвел обыски, аресты членов Мусульманского народного комиссариата и Мусульманского революционного штаба. 1 апреля 1918 г. один из руководителей казанских большевиков М.Р.Милх сообщил в Москву об упразднении органов власти «Забулачной республики». По соглашению между Харби Шура и Казанским Совнаркомом были освобождены арестованные руководители военного съезда, мусульманские воинские формирования переданы в распоряжение Казанского Военного Округа. Харби Шура обязывалась не предпринимать никаких конкретных мер по организации «Урало-Волжского штата».

Активное этнополитическое движение среди нерусских народов, особенно среди тюрко-татарского населения Внутренней России и Сибири, заставило советское руководство по-новому взглянуть на национальный вопрос, предпринять определенные шаги в направлении его разрешения на территории бывшей Российской империи и создания национальных субъектов. Начиная с января 1918 г. с момента начала работы II Всероссийского мусульманского военного съезда советское правительство перешло к решительным действиям, начало проводить ряд практических мероприятий по расколу национально-демократических движений. В конце января 1918 г. при Народном комиссариате по делам национальностей, руководимом И.В.Сталиным, был создан Центральный мусульманский комиссариат во главе с Мулламуром Вахитовым. Созда-

ние мусульманского комиссариата явилось поворотным моментом в истории тюрко-татарского национально-демократического движения. Вместе с тем в январе было принято постановление Совнаркома и Народного комиссариата по делам национальностей об организации при местных советах мусульманских комиссариатов. В феврале 1918 г. быстрыми темпами стали создаваться областные мусульманские комиссариаты в городах. Такой же комиссариат был образован и при Казанском совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов с отделами: труда, крестьянским, военным и культурно-просветительным. Он с первого дня своего существования начал активную борьбу со сторонниками «Урало-Волжского штата».

26 марта 1918 г. в разгар борьбы с тюрко-татарским национально-демократическим движением было опубликовано постановление о ликвидации Всероссийского Харби Шура за подписью наркома по делам национальностей И.В.Сталина и председателя Центрального мусульманского комиссариата М.М.Вахитова. В нем говорилось: «Всероссийское военное бюро и связанные с ним гарнизонные и окружные комитеты и всякие другие военные организации, под какими бы наименованиями они ни значились, настоящим упраздняются. Все дела, документы, имущество, капиталы передаются в распоряжение местных мусульманских советских комиссариатов, которые ответственны перед комиссариатом по делам мусульман Внутренней России при Народном комиссариате по национальным делам. Лица, виновные в расхищении имущества во время ликвидации означенных комитетов будут преданы суду революционного трибунала. Всякие самочинные организации, являющие попытку вырвать власть из рук мусульманских комиссариатов при Совете, объявляются контрреволюционными и подлежат немедленной ликвидации» [Известия ЦИКа, 1918, 28 марта]. 1 мая 1918 г. было издано специальное постановление Центрального мусульманского комиссариата о ликвидации Милли Идаре, на основании которого губернские, уездные и районные учреждения, а также Милли фонд (Национальное казначейство) упразднились, и все имущество, деньги и документы их

передавались в распоряжении комиссариата. К концу мая 1918 г. почти все тюрко-татарские национально-демократические органы управления, избранные на Всероссийских мусульманских съездах, были распущены.

Таким образом, «Забулачная республика» стала одной из трагических страниц истории борьбы тюрко-татарского населения бывшей Российской империи за национальную государственность, в процессе которой были разгромлены татарские национально-демократические организации, ликвидирована мирная попытка демократического разрешения проблемы национального самоопределения татарского народа и навязана большевистская модель национально-государственного устройства.

Работа Миллят Меджлисе и его организаций ярко показала политическую зрелость лидеров татарского национально-демократического движения и стремление широкой тюрко-татарской общественности образовать свою национальную государственность. В проекте «Урало-Волжского штата» впервые в России была опробована идея создания Советских Социалистических Республик (штатов). Это вынуждены были признать ленинские идеологи советского национально-государственного строительства. Так, в статье газеты «Правда» от 23 марта 1918 г. нарком по делам национальностей РСФСР И.В.Сталин отметил: «Со времени III съезда Советов, провозгласившего федеративный строй Российской Республики, прошло уже два месяца, а окраины все еще заняты утверждением Советской власти на местах, до сих пор не высказывались ясно и определенно о конкретных формах федерирования. Татаро-Башкирия является, кажется, единственной областью, революционные организации которой определенно начертили план федерирования с Советской Россией. Мы имеем в виду ту метко очерченную общую схему организации Татаро-Башкирской Советской Республики, о которой говорят теперь все и которую разработали влиятельнейшие советские организации татар и башкир» [Сталин, 1951, с.40–41].

Здесь возникает вопрос: какие национальные организации разработали подлин-

ный проект Советской Федерации? Хотя, И.В.Сталиным однозначно утверждается, что идея федеративного устройства бывшей Российской империи была реализована татаро-башкирскими революционерами, но это далеко не так, идея федерации разрабатывалась на заседаниях Миллят Меджлисе, первого демократичного национального парламента новой России. Таким образом, можем отметить, что большевики очередной раз заимствовали идеи своих политических соперников – лидеров татарского национально-демократического движения, как они раньше это делали с проектами левых эсеров. Неудивительно, что большевики – сторонники единой неделимой России, противники федерации после ряда международных конфликтов в тюрко-татарском мире стали федералистами. Все это вынудило их идти на уступки татарам и башкирам, издать положение о Татаро-Башкирской Республике. Предлагаемое государственное образование практически охватывало территорию нереализованного «Урало-Волжского штата».

Таким образом, несмотря на поражение в борьбе с большевиками, тюрко-татарские национально-демократические силы добились учреждения Татаро-Башкирской Республики. Советское руководство вынуждено было приступить к тюрко-татарскому национально-государственному строительству и в качестве альтернативы «Урало-Волжскому штату» предложить башкирам и татарам свой проект. Огромную политическую роль в этом сыграл не Центральный мусульманский комиссариат, а Миллят Меджлисе и Коллегия по осуществлению «Урало-Волжского штата». Мусульманский комиссариат предал интересы татарского и башкирского народов и помог советскому руководству ликвидировать все тюрко-татарские организации, созданные Всероссийскими мусульманскими съездами.

22 марта 1918 г. было опубликовано положение о Татаро-Башкирской Советской Республике за подписью наркома по делам национальностей РСФСР И.В.Сталина и председателя Центрального мусульманского комиссариата М.М.Вахитова. В нем говорится, что «исходя из принципа национального самоопределения трудовых масс,

утвержденного III Всероссийским съездом советов, Народный комиссариат по делам национальностей, в согласии с Комиссариатом по делам мусульман Средней России, выработал следующие положения о Татаро-Башкирской Республике: 1. Территория Южного Урала и Среднего Поволжья объявляется Татаро-Башкирской Советской Республикой Российской Советской Федерации. 2. При определении границ, в основу кладется проект, разработанный башкирскими и татарскими революционными организациями (вся Уфимская губ., Башкирская часть Оренбургской губ., Казанской губ., за исключением чувашско-черемисской части [чуваш и марийцев. – *Р.Ш.*], и прилегающие мусульманские части Пермской, Вятской, Симбирской и Самарской губерний). Окончательное установление границ республики предоставляется Учредительному съезду Советов этой республики. 3. Политические и экономические взаимоотношения западной части республики и Башкортостана определяются Учредительным съездом Советов Татаро-Башкирской республики. 4. Организация комиссии по созыву Учредительного съезда Советов поручается Комиссариату по делам мусульман Средней России» [20 лет ТАССР, 1940, с.45–46]. Большевицкое руководство этим положением смогло обмануть не только широкие народные массы, но даже многих представителей тюрко-татарской интеллигенции.

В то же время заметим, что это положение исходило не от первых лиц Советского государства – председателя Совнаркома В.И.Ленина и председателя ВЦИК РСФСР Я.М.Свердлова. Этот государствообразующий документ был подписан лишь наркомом по делам национальностей И.В.Сталиным и председателем (фактически его заместителем) Центрального мусульманского комиссариата М.М.Вахитовым. Таким образом, со всей уверенностью можно сказать, что это положение не гарантировало татаро-башкирскому населению национальную государственность. Вероятнее всего, оно необходимо было большевикам для раскола и ликвидации тюрко-татарского национального движения.

В контексте высказанного следует отметить, что не все народы Урало-Поволжья по-

ложение о Татаро-Башкирской Республике восприняли на «ура», как это преподносилось в советской печати. Так, на заседании малых народностей Поволжья и Приуралья, состоявшегося 13 июня 1918 г., по этому поводу разгорелась острая дискуссия. Представители чуваш, марийцев выступили против проекта Татаро-Башкирской Республики. По их мнению, организационные формы будущей республики не отвечают культурно-бытовому и национальным условиям народов Поволжья и Приуралья. К ним присоединились и представители кряшен И.Петров, Гаврилов, Купцов, которые также выразили свое отрицательное отношение к республике татар и башкир. Не смогло их убедить и выступление Г.Шарафа, который отметил, что «образуя республику, они не собираются поработить кого-либо. Единственное желание – получить культурно-национальную автономию. В идее штата нет шовинизма. В советах Российской республики теперь большей частью сидят русские, малым народностям представляется мало мест, от чего интересы последних сильно страдают. Необходимо получить полную автономию. Для мусульман в отдельности она невысказана, но совместно с другими народностями вполне возможна была бы лишь согласованность. О гегемонии татаро-башкир не может быть и речи: все народы будут равны. Язык каждой народности должен быть государственным, хотя для этого потребуется большой штат служащих в учреждениях. Особого господства татар в штате опасаться нечего: их будет только 44%. Нами руководит исключительно принцип равенства и культурно-национальной автономии. В состав штата входят губернии: Уфимская, Казанская, Оренбургская с татарами и чувашами и Пермская тоже. В процентном отношении национальности распределяются следующим образом: чуваш – 12%, марийцев – 4-5%, великорусов – 33%, мусульман – 43% и крещенных татар – 1,1-2%. Название Татаро-Башкирское не есть окончательное, это во власти Учредительного съезда. Если какая-нибудь народность не будет согласна войти в состав республики, если она составляет большинство, то такая территория исключается, в противном случае, оставляется в пределах республики. Вопрос о штате –

это вопрос о культурной самостоятельности татаро-башкир, а потому они ни под каким видом не откажутся от осуществления этой идеи. В штате всем будет обеспечено самостоятельное культурное развитие, никаких агрессивных стремлений татар нет». Представители чуваш, марийцев, крещеных татар не прислушались к убедительным доводам Г.Шарафа и призвали всех участников форума: «Отказаться от участия в попытках к созданию республики по проектам сего времени, выработанным на татаро-башкирских съездах при центральном правительстве» [Образование ТАССР, 1963].

Таким образом, положение о Татаро-Башкирской Республике стало переломным моментом в национально-государственном строительстве народов Поволжья и Приуралья. С этого времени стала осуществляться так называемая «ленинско-сталинская национальная политика». После укрепления своих позиций в большинстве регионов бывшей Российской империи большевики, маскируясь флагом национального единения, старались собрать все силы для борьбы против национальных автономий, за установление экономического и политического господства над народами. Большевистское руководство, принимая решение о создании Татаро-Башкирской Республики, пыталось создать видимость реализации основных пунктов своей партийной программы. Таким образом, национально-государственное строительство в России стало исключительной прерогативой большевистского руководства, а народные массы почти полностью были отстранены от национально-государственного строительства. В зависимости от общественно-политической ситуации в стране нерусским народам сверху стали навязывать различные формы национальной государственности, как например, татарам и башкирам.

Из высказываний И.В.Сталина со всей очевидностью видно, какую автономию предпочитало советское руководство [см.: Сталин, 1951, с.86–87]. Ему нужна была такая советская автономия, которая по существу своему была бесправной, вся власть над народами страны принадлежала бы партийным функционерам. Советская власть не могла санкционировать создание полно-

ценной Татаро-Башкирской автономии с широкими властными полномочиями, которую добивалась широкая тюрко-татарская общность. Такой формы автономии, где вся власть принадлежала бы народу и существенно ограничивалась бы роль Центра, советское руководство не могло предоставить националам. И вот поэтому два Совещания по вопросу о Татаро-Башкирской Республике, состоявшиеся 13–15 апреля и 10–16 мая 1918 г. в Москве, завершились почти безрезультатно, они не смогли принять основополагающих решений и документов по этому вопросу.

Правда, на последнем совещании в ходе острых дебатов между противниками Татаро-Башкирской Республики (К.Я.Грасис, Ф.Ф.Сыромолотов, И.Тунтул и др.) и его сторонниками (М.М.Вахитов, Г.Г.Ибрагимов, К.Я.Якубов и др.) была создана комиссия для подготовки и созыва Учредительного съезда советов Татаро-Башкирской Республики, которой также поручалось «... выработать правила устройства уездных и районных съездов До открытия съездов послать агитаторов с целью ознакомления населения о будущей республике, а также во всех агитационных курсах у разных национальностей ввести в программу вопрос о Татаро-Башкирской Республике» [Правда, 1918, №101]. Летом 1918 г. эта комиссия приняла ряд противоречивых постановлений: решение вопроса автономии, об ее компетенции и территориальных границах возложила на Учредительный съезд Советов, определение срока созыва съезда – на Народный комиссариат по делам национальностей по соглашению с местными Совдепами. Таким образом, она сняла с себя всю ответственность за судьбу будущей республики. Кроме того, местом работы съезда почему-то назначается Уфа, а не Казань, где еще было много сторонников «Урало-Волжского штата». Это обстоятельство еще больше обострило отношение между башкирскими и татарскими лидерами. Вероятно, все это делалось по указанию И.В.Сталина, поскольку такая ситуация его устраивала и он, играя на противоречиях между этими народами, оттягивал образование автономии. Эту догадку подтверждают другие его действия. Так, например, летом

1918 г., когда возникли задержки с финансовым обеспечением подготовительных работ по созыву Учредительного съезда Татаро-Башкирской Республики, татарские ответственные работники обратились в Москву. Однако, смета, привезенная К.Л.Якубовым в Москву, была задержана И.Фалиным. Заместитель И.В.Сталина С.Пестковский причину задержки объяснил М.М.Вахитову тем, что Сталин дал ему указание не форсировать подготовку съезда. М.М.Вахитов вынужден был обратиться к В.И.Ленину. На вопрос Ленина о причине задержки сметы Пестковский ответил, что смета Вахитова предрешала вопрос об ускорении созыва Учредительного съезда Татаро-Башкирской Республики, а между тем Сталин перед съездом сказал, чтобы с этим делом не торопились. 17 июля 1918 г. Совнарком РСФСР принял постановление о выделении Центральному мусульманскому комиссариату аванса, однако коллегия Народного комиссариата по делам национальностей опротестовала это решение. И поэтому 20 июля советское правительство под председательством В.И.Ленина вторично рассмотрело вопрос об ассигновании Центральному мусульманскому комиссариату и подтвердило прежнее ассигнование. Из этого видно, что И.В.Сталин всеми силами противился созданию сильной и правомочной Татаро-Башкирской автономии.

Итак, в ходе умело проведенной политической игры с татаро-башкирскими лидерами советское руководство добилось своего, оно смогло перехватить инициативу у националов, и тем самым, укрепить позиции Центра в национальном вопросе. Вновь к этому вопросу ленинское руководство вынуждено было вернуться в самые тяжелые дни гражданской войны, когда Советская Россия оказалась окруженная со всех сторон белой армией – с северо-запада наступала армия генерала Н.Н.Юденича, с востока – адмирала А.В.Колчака и с юга – генерала А.И.Деникина. 20 марта 1919 г. в Москве было подписано «Соглашение Центральной Советской власти с Башкирским правительством о Советской Автономии Башкирии». Автономия была создана в пределах так называемой «Малой Башкирии» и включала южные, юго-восточные и северо-восточные

земли современной Башкирии. Фактически, советские руководители воспользовались возникшими противоречиями между колчаковским правительством, выступавшим за единую и неделимую Россию и башкирскими националами во главе с А.-З.Валидовым. Большевики предоставили башкирам автономию, а они, в свою очередь, признали Советскую власть и башкирский корпус, сражавшийся до этого в составе армии А.В.Колчака, в сентябре 1919 г. направили свои силы против армии генерала Н.Н.Юденича. Таким образом, большевики этим решением поставили окончательную точку на реализации положения о татаро-башкирской государственности.

Однако с этой политической акцией советского руководства многие татаро-башкирские национальные лидеры не согласились. Проблема татаро-башкирской автономии вновь зазвучала на II Всероссийском съезде коммунистических организаций мусульманских народов Востока, состоявшемся с 22 ноября по 3 декабря 1919 г. в Москве. В своей резолюции съезд констатировал, что «... объявление Малой Башкирии Автономной Советской Республикой совершенно не аннулирует положения Совета Народных Комиссаров «о Татаро-Башкирской Советской Социалистической Республике» и не разрешает в окончательной форме татаро-башкирского вопроса в его целом, так как эта республика включает в себя лишь треть всех имеющихся в Советской республике башкир... Самым правильным разрешением татаро-башкирского вопроса как с политической, так и с естественно-исторической и социально-экономической стороны является создание для них общей Советской республики, объединяющей вместе татаро-башкирский пролетариат; в состав республики входят губернии: Уфимская, Казанская и прилегающие к ним части с татаро-башкирским населением — Самарская, Симбирская, Вятская и Пермская... Татаро-башкирский вопрос является назревшим вопросом национальной политики Советской республики, требующим немедленного своего разрешения. И исходя из принципа самоопределения наций, декларированного Конституцией РСФСР, Всероссийскими съездами Советов и VIII съездом

РКП(б)..., съезд признает необходимым: 1) Осуществить положение Совнаркома о Татаро-Башкирской Советской Социалистической Республике в границах, исключаящих автономную Малую Башкирию. 2) Вопрос о включении в Татаро-Башкирскую Советскую Социалистическую Республику автономной Малой Башкирии оставить на разрешение пролетариата самой Малой Башкирии. 3) Осуществление постановления съезда возложить на особый ревком, выделяемый настоящим съездом по соглашению с ЦК РКП(б), поручив последнему созыв Учредительного съезда Советов Татаро-Башкирской Советской Республики» [20 лет ТАССР, 1940, с.57-58].

Характерно, что если татаро-башкирские национальные лидеры выступали за создание этой автономии, то сталинское руководство, наоборот, развернуло борьбу против нее. 13 декабря 1919 г. оно смогло провалить в Политбюро ЦК РКП(б) решение об отмене положения о Татаро-Башкирской Республике от 22 марта 1918 г. И после этого вопрос о Татаро-Башкирской автономии еще неоднократно становился предметом обсуждения на различных форумах при непосредственном участии В.И.Ленина и И.В.Сталина. Даже для окончательного его решения была организована новая особая комиссия. Но к этому времени изменилась обстановка внутри страны. Широкая общественность уже не могла открыто ставить свои требования. Инициатива в вопросе национально-государственного строительства полностью перешла к советскому руководству. В апреле 1920 г. во время работы IX съезда РКП(б) в Совнарком состоялось специальное заседание под председательством В.И.Ленина (с участием И.В.Сталина) с представителями местных партийных и советских организаций по вопросу образования Татарской республики. Во время заседания некоторые представители русскоязычного казанского губернского руководства выступили против образования отдельной Татарской республики, доказывая, что среди татар нет выдержанных и подготовленных коммунистов для управления республикой. Они считали, что образование Татарской республики при таких условиях приведет к плохой работе и распаду советского и хозяйственного ап-

парата. Несмотря на их возражения, большинство участников заседания высказалось о необходимости создания отдельной Татарской республики.

В середине мая 1920 г. этот вопрос специально обсуждался на Политбюро ЦК РКП(б). Заседание проходило под председательством В.И.Ленина, на котором была образована Комиссия для выработки проекта декрета о создании Татарской АССР под председательством И.В.Сталина. 27 мая 1920 г. ВЦИК и Совнарком РСФСР издали декрет «Об образовании Автономной Татарской Советской Социалистической Республики» и о создании Временного революционного комитета в количестве 7 человек, который был подписан председателем Совнаркома В.И.Лениным, председателем ВЦИК М.И.Калининым. ВЦИК постановил образовать Татарскую республику в пределах территории, объявленной положением Народного комиссариата по делам национальностей о Татаро-Башкирской Республике от 22 марта 1918 г., за исключением территории уже существующей Автономной Башкирской Советской Республики. В действительности же не только территория Малой Башкирии, но и Краснококшайский, Чебоксарский, Цивильский, Ядринский уезды Казанской губернии, Уфа и Уфимский, Бирский и Белебеевский уезды Уфимской губернии, указанные в положении о Татаро-Башкирской Республике, не вошли в состав Татарской АССР. Что касается Белебеевского и Бирского уездов, этот вопрос тогда оставался открытым до решения его самими трудящимися массами этих двух уездов. Вероятно, это было тактической уловкой советского руководства. В конце 1922 г. Уфа и Уфимский, Бирский и Белебеевский уезды были переданы в состав Башкирской АССР, и таким образом, образована Большая Башкирия.

Между прочим, во время совещания по вопросу образования Татарской АССР по этим территориям была острая дискуссия. Татарским представителям, согласившимся на создание Татарской республики, пришлось спорить с Центром по вопросу включения в состав будущей республики города Уфы, Мензелинского, Уфимского, Белебеевского уездов. Было получено

согласие на включение в Татарскую республику некоторых волостей Самарской, Симбирской, Вятской губерний. Было отказано во включении в состав республики Уфимского уезда, были попытки не включать и Мензелинский уезд. «Мы, – сказал Бурундуков, – говорим, что в Мензелинском уезде и вокруг Мензелинска большинство жителей составляют татары-башкиры, у которых общие обычаи, и они не возражат, поэтому просили включения Мензелинского уезда в состав Татарской республики, но получили отказ» [Кызыл Армия, 1920, 6 июня]. Однако по настоянию самих мензелинцев Центр был вынужден согласиться на включение Мензелинского уезда в состав Татарской республики. Вопрос о включении Уфы в одну из республик должен был решить референдум. В этих условиях М.Х.Султан-Галиев считал возможным создать республику с включением Уфы и Бирска рядом с Малой Башкирией со столицей в Стерлитамаке и назвать ее Татаро-Башкирской Республикой.

Таким образом, сталинское руководство добилось своего. Была образована маленькая, экономически слабая республика, а значительная часть татарского народа осталась за пределами Татарстана. В Татарской республике лишь около 50% населения составляли татары. На втором месте после них были русские. Все это давало огромные возможности центральному руководству для вмешательства во внутренние дела Татарской АССР.

25 июня 1920 г. власть от Казанского губернского исполкома перешла к Временному революционному комитету. Этот день вошел в историю, как день образования Татарской АССР. В ходе острых дискуссий между татарскими национальными лидерами и представителями Народного комиссариата по делам национальностей председателем Временного революционного комитета был назначен С.-Г.Саид-Галиев. Многие ответственные национальные работники на этом посту хотели увидеть образованного, инициативного, энергичного и смелого М.Султан-Галиева. Будущее территориальное расширение республики, развитие татарской государственности и культуры они связывали с его именем. Но Центр больше

устраивала кандидатура Саид-Галиева как по социальному происхождению (рабочий), так и по «деловым качествам» (малообразованный, безвольный, безинициативный, послушный, уступчивый, злопамятный и т.п.).

В составе Временного революционного комитета были созданы различные структуры, в том числе отделы: внутренних дел (руководитель Гасым Мансуров), здравоохранения (Кашаф Мухтаров), земельный (Юнус Валидов), народного образования (Карим Хакимов), юстиции (А.Н.Нехотяев), труда (А.И.Догадов), социального обеспечения (Валей Исхаков), финансовый (А.С.Гордеев); совнархоз (М.Г.Рошаль); военный комиссариат (Ительсон); губернская продовольственная комиссия (Барабарчук), Чрезвычайная комиссия (Г.Иванов). Основные кандидатуры на властные структуры комитета также были навязаны из Москвы, ведущие хозяйственные и силовые ведомства заняли их выдвиженцы. В течение июля–августа 1920 г. Временный революционный комитет провел подготовительную работу по созыву Учредительного съезда советов Татарской АССР. 25 сентября съезд приступил к работе. На нем был избран Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК) Татарской АССР в составе 59 человек (Г.Б.Багаутдинов, А.И.Догадов, К.Х.Исмаев, Б.Х.Мансуров, К.Г.Мухтаров, С.-Г.С.Саид-Галеев, М.Х.Султан-Галиев и др.). 28 сентября на первом пленарном заседании ЦИК было образовано правительство – Совет Народных Комиссаров в составе 15 человек (председатель С.-Г.С.Саид-Галеев, члены: Ю.Н.Валидов, А.С.Гордеев, А.И.Догадов, А.Ю.Измайлов, А.С.Изюмов, В.Исхаков, К.Г.Мухтаров, А.Н.Нехотяев, М.Г.Рошаль и др.) и избран Президиум ЦИК Татарской АССР в составе 7 человек (председатель – Б.Х.Мансуров, члены: Х.З.Гайнуллин, А.А.Денисов, А.Копнов, А.С.Самохвалов, А.П.Таняев, Н.Я.Яруллин).

Осенью 1920 г. были образованы почти все властные структуры республики. И здесь без вмешательства Центра не обошлось. Многие кандидатуры в государственные органы пришлось отстаивать перед центральным руководством и не всегда это удавалось (так, например, в случае с М. Султан-Галиевым). Состав высших властных структур был

нестабильным, часто менялся. В этом было заинтересовано центральное правительство, поскольку частая смена управленческого состава открывала перед ним огромные возможности для руководства республикой через своих ставленников – временщиков. У этой категории руководителей не было как общереспубликанских, так и общенациональных интересов. Многие из них свою должность воспринимали не иначе как «кормление» и готовы были за это отработать – исполнять все приказания Центра. Своевольных и непокорных руководителей центральное правительство направляло как бы с повышением в другие регионы на второстепенные должности. В этом процессе активную роль играли также Татарский обком, секретариат и орготдел ЦК РКП-ВКП(б). Принцип демократического централизма заставлял партийные низы подчиняться верхам.

Таким образом, татарская национальная автономия создавалась в чрезвычайно трудных условиях – в период социально-

экономического и политического кризиса в стране, острой общественно-политической борьбы между национальными и большевистскими лидерами. Татарская государственность возникла и крепла в борьбе с национал-интернационалистами и великодержавными шовинистами, выступавшими против любых форм национальных государственных образований. Огромный вклад в создание татарской национальной автономии внесли лидеры татарского национально-демократического движения. Благодаря их усилиям татарский народ вновь стал государствообразующей нацией, хотя и в сильно урезанном, ограниченном виде. Тем не менее это была большая победа, опираясь на которую в будущем можно было продолжить борьбу за воссоздание полноценного государства. В конечном счете, в регионе, где первоначально планировалось создание «Урало-Волжского штата», затем Татаро-Башкирской Советской Республики образовалось несколько национальных автономий, в том числе Татарская АССР.

§ 2. Формирование советских институтов власти в ТАССР

Индус Тагиров

Республика народу досталась дорогой ценой. В первый же год существования республику настиг голод. И причиной его были не только, а может быть, даже не столько объективные условия, сколько продовольственная политика партийных органов и руководства республики.

На республику сначала было наложено 10120 тысяч пудов продрозверстки. Вопрос этот обсуждался на первой республиканской партийной конференции.

Старый партийный работник Иван Дерунов в своем выступлении прямо заявил, что такую разверстку республика не может выполнить. «Но об этом, – сказал он, – можно говорить только в партийных кругах». Зная условия Казанской губернии, он сказал, что старые уезды губернии «давно выкачаны до нитки» и что можно рассчитывать только на уезды, вошедшие в состав республики из других губерний. К чести этого партийца, он сказал еще и о том, что с крестьянством не произведен расчет и за прежний урожай,

что нет соли, не завезена мануфактура [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.1, д.3, л.13]. К сожалению, такого рода выступлений было не так много. Промолчал об этом и Председатель Совнаркома К.Мухтаров, который в своем выступлении сделал упор на перспективы мировой революции. На конференции победила линия жестких мер в обеспечении продовольственной политики.

В докладе председателя губчека А.А.Денисова на заседании бюро обкома особое внимание было уделено сбору теплых вещей у населения. По сути, была дана команда партийцам: «Принудительное отчуждение теплых вещей производить путем обыска» [Там же, л.51]. Кроме продовольственной разверстки, объем которой, в силу мягкотелости и конформизма руководства республики во главе с Саид-Галиевым, был доведен до 15,4 млн. пудов, над крестьянством висели мясной, масляный, овощной налоги, налог на яйца, шерсть, мед, сено, птицу и др. Выполнение всего этого означало вы-

несение приговора о смерти не только крестьянству, но всему населению республики. Для обеспечения выполнения разверстки было мобилизовано 1500 человек, создано несколько ревтрибуналов, что, как указывалось в документах, «морально подействовало на крестьянские массы и еще больше внушило понятие, что выполнение разверстки необходимо и обязательно» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.1, д.202, л.23].

20 августа 1920 г. Татнаркомпрод издал приказ, коим государственная хлебофуражная разверстка была объявлена «обязательной и подлежащей безусловному выполнению, хотя бы в ущерб установленным продовольственным нормам». Был определен следующий порядок. Поволостную разверстку проводят райпродкомы по нормам хлеба, на основании данных о посевной площади. Разверстка по селениям ведется волисполкомами, а по хозяйствам – сельскими Советами с соблюдением следующих принципов: 1) обложение целого хозяйства по его посевной площади; 2) недопущение наложения по едокам или отдельным душам; 3) ответственность за выполнение разверстки не индивидуальная, а коллективная. Одновременно были установлены и меры ответственности. Основная мера наказания – привлечение к судебной ответственности. В качестве дополнительной меры принуждения предусматривался ввод в село продотрядов для немедленной конфискации хлеба.

Карательные меры по отношению к крестьянскому населению были не новы. Они применялись с первых дней Советской власти. Примером этого может послужить Арская волость, где беспорядки возникли на основе недовольства крестьян в ходе учета хлеба в ноябре 1918 г. Крестьянские волнения были ликвидированы с помощью воинской команды. 16 декабря таким же путем было подавлено восстание крестьян села Шумково Лаишевского уезда.

Еще более жестокие меры по отношению к крестьянству были применены в дни подавления восстания «Черного орла». Поэтому решимость властей пойти на аналогичные меры ради выполнения разверстки не вызвала никаких сомнений.

30 сентября 1920 г. состоялось первое пленарное заседание Совнаркома республи-

ки. Кроме разработки регламента работы правительства, на повестке дня стоял вопрос об издании Воззвания к населению Татарской республики о выполнении продразверстки. Шамиль Усманов отказался его подписать, сказав, «что не хочет грабить свой народ». Его близкий соратник, народный комиссар земледелия Юнус Валиди, людей, настаивающих на принятии этого воззвания, назвал «холоуями Москвы», «предателями нации».

Такое поведение этих людей запомнилось и, несомненно, сказалось на их последующей судьбе.

Воззвание лишь по форме являлось таковым, а по существу это был декрет. Документ не просто призывал крестьян к выполнению разверстки во что бы то ни стало, но и давал возможность для развертывания репрессивных мер по отношению к ним.

Нельзя сказать, что руководство республики и лично Саид-Галиев не знали об угрозе голода и о постоянно ухудшающемся положении населения. На его стол систематически ложились сводки органов ЧК. Но глава республики считал, что «нужно спасти революцию» и что «перед интересами мировой революции татарский народ ничто» [ЦГА ИПД РТ, ф.36, оп.2, д.3, №21].

Как свидетельствовал Х.Габидуллин, «с татарского населения продразверстку можно было бы взять гораздо меньше. Этого отрицать никто не может. Саид-Галиева можно было оправдать тем, что он это делал по революционному сознанию, но то, что Татарская республика была фикцией, этого ни один работник тоже отрицать не может» [Там же, оп.1, д.8, №7а, л.21]. Так что опровергалась точка зрения о том, что во имя республики, в обмен на ее создание, можно идти и на голодную смерть. Республика – фикция, а продразверстка – жестокая реальность. Так понимали суть вопроса те, кого потом записали в список «правых» в Татарской парторганизации.

Тем временем становление республики продолжалось. На указанном заседании Ревкома 20 июля обсуждался также вопрос о переводе протоколов заседаний уездных исполкомов на татарский язык и приеме заявлений на татарском языке. Начиная с 25 июня, рекомендовалось вести протоколы Ревкома на татарском языке, а уездным

исполкомам предложено «открыть прием заявлений на татарском языке, для чего организовать при уисполкомах переводческое бюро». Было решено также через эти бюро организовать прием телеграмм на татарском языке.

Некоторые уезды сразу же приступили к реализации принятого решения. 2–3 августа состоялась IV бугульминская уездная конференция, где после доклада Шингареева об организации Татарской республики, по предложению Галактионова было решено «приложить все усилия к укреплению духовной и экономической мощи трудящихся Татарской республики в тесном единении с трудящимися Российской Советской республики и всего мира». 6 августа на заседании уисполкома был обсужден вопрос о реализации решения Ревкома от 20 июля. Муссекции уездного комитета РКП(б) было поручено организовать бюро для приема заявлений на татарском языке.

С 15 сентября во всех уездах прошли уездные съезды Советов, на которых приветствовалось образование Татарской республики, и были выбраны делегаты на I съезд Советов Татарской АССР.

25–27 сентября в здании драмтеатра работал I учредительный съезд Советов ТАССР. На съезде присутствовало 348 делегатов: 150 татар, 167 русских, 29 других национальностей. Были заслушаны доклады о текущем моменте и о работе Ревкома. Обсуждались продовольственные, земельные вопросы, вопросы народного образования и всеобщей трудовой и гужевой повинности. По каждому из вопросов делегаты приняли резолюцию. Съезд приветствовали В.И. Ленин и председатель ВЦИК М.И. Калинин. В резолюции по текущему моменту особо была выделена ситуация на Западе, где говорилось, что «побуждаемые примером русских рабочих и крестьян трудящиеся массы Запада под знаменем III Коммунистического Интернационала готовятся к решительной борьбе с буржуазией и провозглашению у себя советского строя», и на Востоке, народы которого, по словам резолюции, «связали свое освободительное движение с судьбами российской революции».

Последняя часть резолюции, озаглавленная «Все силы для победы», подчеркивала,

что «мирное развитие и само существование Татарской АССР возможно только при победе социалистической революции в России и в других странах». Резолюция по докладу Ревкома была краткой и в целом одобряла его работу.

Зато резолюция по продовольственному вопросу была жесткой и бескомпромиссной. Она состояла из 9 пунктов, каждый из которых напоминает директиву. В ней продовольственная политика Советского государства признана «единственно возможной и правильной». Подчеркивалось, что «правильное экономическое развитие Татарской АССР может быть обеспечено лишь при условии полной централизации продовольственного дела на всей территории РСФСР». Указывалось, что «полное выполнение [продовольственных] разверсток является обязанностью для каждого крестьянина». Обращает на себя внимание то, что съезд признавал «произведенные разверстки как минимум требований» и «заранее отвергает всякие попытки, направленные к частичному уменьшению или полной отмене их». Особенно жестко звучит пятый пункт, который гласит: «Съезд считает, что ответственность за невыполнение разверсток возлагается на общество в целом, и поэтому несдача продуктов по разверсткам одним его членом пополняется запасами всего общества». И, наконец, как директива звучит последний пункт резолюции: «Каждый член съезда обязуется немедленно по прибытии на место приступить к побуждению крестьян выполнить всю продовольственную разверстку полностью».

Надо сказать, что делегаты съезда выполнили эту директиву высшего государственного органа только что созданной республики.

Резолюция по земельному вопросу носила конструктивный характер. Здесь ставился вопрос об обустройстве земель, пашен, лугов и лесов. Указывалось на необходимость, а также на методы и способы подъема сельского хозяйства. Нашлось место и развитию агрономического образования, поощрению передовых методов хозяйствования, в т.ч. и в области животноводства.

Резолюция по народному образованию акцентировала проблему развития профес-

сионального образования взрослого населения. На первое место был поставлен вопрос о школе и учительских кадрах, о переводе специальных книг на татарский и чувашский языки.

Резолюция о всеобщей трудовой и гужевой повинностях также жестка и всем своим содержанием соответствует одному из предложений: «Рабочие должны поднять производительность труда. Крестьяне обязаны выполнять возложенные на них государством повинности».

На съезде был избран Центральный Исполнительный Комитет из 56 человек, председателем которого стал Бурхан Мансуров.

28 сентября состоялось пленарное заседание ЦИК ТАССР, где был обсужден вопрос о персональном составе Президиума ЦИК и Совета Народных Комиссаров (СНК). В Президиум ЦИК кроме Б.Мансурова вошли еще 6 человек: Самохвалов, Таняев, Денисов, Яруллин, Копнов и Гайнуллин.

Правительство было избрано из 15 человек: Саид-Галиев, Измаилов, Изюмов, Рощаль, Султанов, Нехотяев, Исхаков, Бочков, Догатов, Мухтаров, Валидов, Гордеев, Иванов, Хахарев, Вейцер.

Однако нельзя сказать, что съезд стабилизировал обстановку в Татарстане. В самом руководстве республики продолжали развиваться процессы раскола, которые наиболее четко обозначились в ходе реализации разверстки 1920 г., принесшей населению неисчислимые жертвы и бедствия.

Ситуация усугубилась тем, что 11 октября в газетах появилось сообщение о том, что со стороны националистов и буржуазии на Председателя Совнаркома республики Сахибгарея Саид-Галиева совершено покушение. Начались странные аресты. Среди арестованных был заведующий типографией «Миллят» Н.Мухтаров, проживавший в 1919 г. на одной квартире вместе с С.Саид-Галиевым и Вали Шафигуллиным. В докладной записке на имя С.Саид-Галиева он писал, что в подвале Особого отдела, куда он был доставлен, не увидел никого из националистов и буржуазии. У него сложилось впечатление, что кто-то с кем-то сводил счеты. «Что касается покушения на тов. Саид-Галиева, – писал он, – я ничего определенного не могу сказать, но есть слухи, что

это совершено русскими националистами и русскими буржуями, но есть и слухи, что это он сам сделал из-за карьеры, но все это слухи, правда или нет, это не мое дело». Судя по этому документу, в республике имело место соперничество между разными группами национальной интеллигенции.

Хотя аресты зачастую производились по субъективным причинам, тем не менее главную роль в них играли не Г.Ибрагимов, С.Атнагулов, Ф.Сайфи, Г.Баимбетов и другие, то есть сторонники Саид-Галиева, а политические силы более высокого порядка. Комиссия по расследованию покушения, присланная из Москвы, никакого официального заявления о своей деятельности не сделала. Однако ряд телеграмм сочувствия с выражением презрения к организаторам покушения на вождя татарского пролетариата в какой-то мере свидетельствовал о политическом характере этого акта.

Султан-Галиев в докладе ЦК РКП(б) по поводу этого инцидента писал, что это была «искусственно созданная история», ибо «не было смысла в убийстве Саид-Галиева, т.к. это могло создать почву для выступления контрреволюции» и «если бы покушение было, то оно было бы организовано, и тогда уже Саид-Галиев не отделался бы маленькой царапиной» [Султан-Галиев, 1998, с.290].

Во всяком случае, борьба между правыми и левыми среди татарских активистов усилилась. Дело кончилось тем, что С.Саид-Галиев был отозван из Казани и получил должность Председателя Совнаркома Крымской республики. В руководство республики пришли так называемые правые, т.е. в основном сторонники Мирсаида Султан-Галиева. Правительство возглавил Бурхан Мансуров.

Все это отнюдь не означало конца политической эпопеи. Она приобрела иной характер и привела к новым политическим изменениям в связи с делом Мирсаида Султан-Галиева. В свое время на эту тему и на имя самого Султан-Галиева, как на врага народа, было наложено табу. Однако после реабилитации Султан-Галиева и осужденных по его делу появилось множество исследований, отражающих реальные события драматических коллизий 20–30-х гг.

Мирсаид Султан-Галиев, занимавший пост члена малой коллегии Наркомнаца и одновременно являвшийся представителем Татарской республики в Москве, пользовался большим уважением и авторитетом среди работников национальных республик. Он постоянно выступал защитником как отдельных людей, национальных организаций, так и целых республик. Считались с ним и руководители Советского правительства, особенно Сталин.

Признавая его неумолимую деятельность и талант теоретика и организатора, тем не менее к нему всегда относились настроенно. Об отношении к нему Ленина в определенной мере уже говорилось. Не лишне сослаться на письменное обращение Султан-Галиева к Ленину 7 августа 1919 г., в котором он выразил обиду, что Ленин ни разу его не принял, в то время как Заки Валидову, Мусе Бигиеву и индийскому деятелю М. Баракатулле доступ был открыт.

«Письмо В.И. Ленину с просьбой об аудиенции

27 августа 1919 г.

Дорогой Владимир Ильич!

Я один из главных инициаторов и активных борцов с мусульманскими буржуазно-соглашательскими организациями в Советской России.

Ликвидация Всероссийского мусульманского военного совета, Всероссийского мусульманского национального совета, Национального парламента мусульман Внутренней России в момент, когда все они угрожали превратиться в активных противников большевизма, – вот моя основная заслуга перед революцией.

Ликвидация этих органов произошла в процессе революционной борьбы в первый период Октябрьской революции, и декреты об их упразднении изданы лишь после совершившегося факта, когда уже восставшая против большевизма и социальной революции мусульманская мелкая и крупная буржуазия была окончательно раздавлена, и работающим вместе со мной товарищам коммунистам-татарам обидно, что руководители революционного движения мусульман внутренней России после смерти Муллагура Вахитова не удостоиваются приема с Вашей стороны, тогда как к Вам

имеют свободный доступ мусульманские националисты (З.Валидов, Баракатулла, Муса Бигиев и другие).

Думаю, после моей записки Вы примете и выслушаете меня.

Я имею большие права на это, чем З.Валидов, М.Бигиев и другие, и даже только потому, что Вы меня ни разу не принимали.

Примите меня в первый и последний раз: я больше ни разу не буду беспокоить Вас.

С глубоким уважением

Председатель Центр. мусульм. воен. коллегии, Комиссар по делам мусульман Вн. России и член Реввоенсовета 2-й армии М.Султан-Галиев» [Султан-Галиев, 1998, с.197].

Причиной того, что Султан-Галиев не удостоивался приема Ленина, был Сталин, который, по всей видимости, давал о нем превратную информацию. Дело в том, что Сталин завидовал незаурядным способностям Султан-Галиева и собирал на него компромат, в том числе и стараниями Е.Д.Стасовой. Однако вскоре искусственная изоляция от Ленина была преодолена. Примерно через месяц после своего письма Султан-Галиев был принят Лениным.

Подозрение к личности Султан-Галиева ранее всех возникло у секретаря ЦК Е.Д.Стасовой в связи с активной ролью татарского лидера в переговорах Советского правительства с правительством Малой Башкирии. Султан-Галиев подозревался в сговоре с З.Валидовым. Неизвестно какую роль сыграло доноительство Стасовой, но у Ленина возникло недоверие к Султан-Галиеву, и это, как уже говорилось, нашло отражение в период создания Татарской республики. За ним следили, на него доносили.

Мирсаида Султан-Галиева не устраивала политика ЦК РКП(б) по отношению к восточным республикам, особенно в связи с образованием СССР, когда автономные республики оказались бесправными. Он добивался уравнивания их в правах с союзными республиками, стремился к повышению их статуса. В связи с этим он неоднократно критиковал Сталина, обращался с письмами и записками к своим соратникам. Часть из них перехватывалась и составила основу компромата, который, по словам его друга и соратника Фирдеуса, состоял из «двух ду-

рацких писем». Однако было достаточно нескольких слов, сказанных сгоряча Сталину, чтобы компромат «заиграл». Султан-Галиев был арестован и 4 мая 1923 г. исключен из партии как антипартийный и антисоветский элемент. Письмо правительства Татарской республики в защиту М.Султан-Галиева, направленного 8 мая 1923 г. на имя Зиновьева, Каменева, Троцкого, Бухарина, Радека и Куйбышева, не возымело действия. Для публичного осуждения Султан-Галиева было собрано так называемое IV совещание ЦК РКП(б) с активом национальных республик.

19 июля 1923 г. в Казани состоялось совещание членов ОК ВКП(б) по результатам IV совещания. Оно продолжалось три дня. Присутствовало 130 человек. Вел совещание председатель Татарского ЧК С.М.Шварц.

Доклад секретаря ОК Д.Е.Живова начался следующими словами: «Всем известно, что М.Султан-Галиев являлся представителем Татарской республики в Москве, он от нас имел определенные полномочия, пользовался известным доверием, был тесно связан с нашими работниками, выражал определенные тенденции по целому ряду вопросов, считался своего рода вождем татарских трудящихся масс, хотя, на мой взгляд, трудно утверждать справедливость последнего». В заключение он сообщил, что теперь Султан-Галиев лишился всего.

После доклада не было задано ни единого вопроса, что было объяснено тем, что «с докладом заранее не были ознакомлены». Стенограмму IV совещания было решено разослать по кантонам партийным организациям.

Выступая по докладу, Ш.Усманов сказал: «Товарищи, доклад т. Живова произвел впечатление разорвавшейся бомбы. До сих пор наши работники не кипели в котле национального вопроса, так как мы все время национальный вопрос скрывали, подобно тому, как венерик скрывает свою болезнь, и в результате этого лопнувший нарыв среди нас в такой уродливой форме». О проекте резолюции, предложенной участникам совещания, он выразился следующим образом: «Теперь нам предложен проект резолюции Бюро о борьбе с имеющейся якобы в Татарии «султангалиевщиной», это подо-

лжет лишь масла в огонь. Нужно бороться не только с последствиями, но и с причинами. Причиной султангалиевщины является великодержавный шовинизм, и это нужно подчеркнуть, иначе каждый своего противника будет называть Султан-Галиевым». Он обвинил и Саид-Галиева, который три года в кармане держал письмо В.И.Ленина, где «по сути дела содержалось руководство к действию в том, что республики должны существовать долго и что русские товарищи должны быть не няньками, а помощниками местных коммунистов», и не руководство ОК, которое «борется с левыми и правыми своеобразно». «Левых» ОК «жалеет, как незаслуженно обиженных, беспомощных, а некоторых из правых, более активных работников в национальном вопросе, он не допускает к работе, пытаясь консервировать в резерве чинов политсостава Красной Армии».

В том же ключе выступил и Ш.Ахмадиев, который, осудив султангалиевщину, в отличие от Ш.Усманова сказал, что ее причиной являлся не русский шовинизм, который «русские коммунисты с огромным опытом проверенными старыми способами свободно могут победить». Он напомнил, что на IV совещании было выражено сожаление, что «подпольная организация не была вскрыта самими местными организациями», и обвинил ОК в том, что он «напоминает деревню, которая по тем или иным соображениям не ловит своего конокрада, а поймает его в соседней деревне». И заключил так: «Наша просьба к ОК, который еще продолжает пользоваться авторитетом, как высшая парторганизация, – линию свою выпрямить и действовать так, как постановил XII съезд партии и как постановило партийное совещание по национальному вопросу».

Выступления по докладу так или иначе выявили тех, по словам Якубова, «кто защищает Султан-Галиева, кто его отвергает». По мнению Г.Ибрагимова, «кое-где и даже на данном совещании остатки султангалиевщины чувствовались». К сказанному он добавил следующее: «Когда говорили т. Усманов, Танеев, Валидов, мне стало жутко. Хотя Султан-Галиев лично ликвидирован – исключен из партии, но, когда слышишь

некоторые речи, чувствуешь, что это тень Султан-Галиева». В качестве метода воспитания таких людей он назвал убеждение и принуждение.

Сторонники М.Султан-Галиева на самом деле не были столь воинственны, как это изобразил Г.Ибрагимов. Так, Б.Мансуров лишь говорил, что нельзя, чтобы обсуждение шло через призму личности: Саид-Галиев или Султан-Галиев. Енбаев лишь напомнил присутствующим, что обсуждение должно идти не в форме следствия и сведения личных счетов. М.Брундуков также предостерег, что нельзя всех татар причислять к султангалиевцам и «сваливать в одну кучу всех только за то, что когда-то за руку здоровались с Султан-Галиевым, нельзя». Упрек левым был только в том, что они могли «на этом вопросе перепутать все карты, в мутной воде рыбку половить, капиталчик нажить».

Однако рыбку ловили не «правые» и не «левые», а совсем иные силы, о которых сказал Д.Живов, отвечая М.Сагидуллину: «Бояться нам нечего, товарищ Сагидуллин, в распоряжении партии пролетариата имеются аппараты, которые должны следить, следят и будут следить за всеми теми, кто может принести вред власти пролетариата». Это было предостережение тем, кто забывал, что Татарская республика не является щитом в борьбе за реализацию прав татарского народа и что есть силы, которые могут поставить всех на свои места.

Бронштейн справедливо заметил, что лишь 10% выступлений направлено на достижение правильной национальной политики, а остальные 90% – «либо прокурорство, либо адвокатство». А руководитель ЧК С.М. Шварц сказал, как бы подводя итоги, следующее: «Виноваты ли товарищи, которые были связаны с Султан-Галиевым и ныне стоят у власти? Мы не можем сказать, что они не виноваты. Ясно и определенно мы должны заявить, что они виноваты. Но можем ли мы поставить их на одну доску с Султан-Галиевым? Конечно, нет. Султан-Галиев – изменник, предатель рабочего класса, связал себя с басмачами и т.д. Наши ответственные татарские коммунисты виноваты в том, что они недостаточно следили за Султан-Галиевым. У меня нет

оснований говорить, что они были в курсе его планов, но они ему чересчур доверяли». В стенограмме совещания записан голос с места: «Мы люди маленькие. ЦК ему больше доверяло». Однако эти слова остались неслышанными. Итоговая речь явилась приговором местным сторонникам Султан-Галиева.

Вскоре, в 1924 г., на основе решений VIII и IX областных партконференций К.Мухтаров, Г.Мансуров, А.Енбаев были отозваны из Казани в Москву. Однако судьба распорядилась так, что им снова пришлось встретиться с Султан-Галиевым. Но уже в качестве обвиняемых в национализме и измене делу пролетариата. Это произошло через 6 лет, а пока что в руководстве Татарии их места заняли «левые».

Процесс создания в составе России бесправных национальных автономий находил отражение и в Крыму, во многом тесно связанном с рядом казанских политических лидеров, и прежде всего с М.Султан-Галиевым и С.Саид-Галиевым. Трудности становления автономии в Крыму усугублялись предшествовавшей гражданской войной, когда под крылом Врангеля предпринимались попытки создания национальной государственности под руководством генерала армии Сулеймана Сулькевича. Обстановка осложнялась и тем, что из 740 тысяч населения Крыма только 126 тысяч человек составляли татары. Причин такого соотношения немало, в том числе и голод, постигший Крым в годы гражданской войны. Однако главная причина – это насильственное вытеснение татар в Турцию, систематически осуществлявшееся царскими властями. Поэтому среди татарских активистов велась определенная работа по возвращению татар на свою историческую родину. Их также очень тревожили и определенные тенденции, направленные на создание в Крыму еврейской автономии.

Короче говоря, обстановка в Крыму, в том числе и между самими руководителями крымских татар, была непростая.

В Москве всегда имелись силы, которые подозрительно относились к связям Султан-Галиева с национальными республиками. Очевидна была попытка изоляции Султан-Галиева от Татарии и Башкирии. В центре

пристального внимания были его отношения с крымско-татарскими работниками. Так, в одном из документов Султан-Галиев назван «примазавшимся к большевикам пантюркистом», а Исмаил Фирдевс – один из видных большевиков из крымских татар – человеком, работавшим под его идейным влиянием.

В Крыму существовала партия «Милли Фирке». После революции ее активные члены слились с большевиками. В документе говорилось: «Более авторитетные представители националов М.Султан-Галиев, Шагимардан Ибрагимов пытались оформить это двойственно-партийное положение среди местных нацкоммунистов созданием национальных Компартий или единой общей мусульманской коммунистической партии. Во главе этого дела стояли М.Султан-Галиев, И. Фирдевс и татарские левосеры. В период организации Татарской, Башкирской, Крымской республик это движение за «самостоятельную национальную Коммунистическую партию» приобрело серьезную форму и подпольно-конспиративный характер. Вождем этой идеи стал М.Султан-Галиев, на местах эту работу проводили: в Крыму – И.Фирдевс и в Казани – А.Енбаев». Указывалось, что в Крыму миллифирковцы сгруппировались вокруг И.Фирдевса и О.А.Г.Дерен-Айерлы.

Одной из причин влиятельности «Милли Фирке» в документе называлось бандитское движение после разгрома Врангеля, которое якобы состояло из крымских татар. Говорилось также, что это движение возглавлялось белогвардейскими офицерами и оно связано с подпольными контрреволюционными группами, «в том числе, конечно, и М.Ф.».

Из Москвы для ликвидации «созданного бандитизмом тревожного положения в Крыму» присылают специальную комиссию под руководством Шагимардана Ибрагимова.

В указанном документе признается роль Ш.Ибрагимова в стабилизации обстановки в Крыму: «Приезд Комиссии Ибрагимова закрепил достигнутое между обкомом и «М.Ф.» соглашение. В результате этих мероприятий было положено начало ликвидации бандитизма». В числе конкретных результатов работы комиссии называется подписание 3 июля 1921 г. акта о сдаче

главных бандитских шаек и начало сдачи «бандгрупп». В заслугу комиссии причислено и проведение целого ряда мероприятий, направленных на достижение соглашения между обкомом РКП(б) и «Милли Фирке».

Далее перечисляются факты, которые не устраивали Москву. Во-первых, оказалось, что многие встречи с членами «Милли Фирке» были проведены без ведома обкома партии. Во-вторых, Ш.Ибрагимов, пользуясь своим положением представителя ЦК, якобы выдвинул свою кандидатуру в Председатели Совнаркома Крымской республики. Естественно, что в Москве не могли согласиться с тем, чтобы в Крыму обосновался человек, близкий к националам-руководителям «Милли Фирке». Поэтому в Москве остановились на кандидатуре Саид-Галиева, непримиримого противника Султан-Галиева.

О том, как это случилось, говорится в письме Ш.Ибрагимова, которое он написал в Крым, вернувшись в Москву. Вот оно: «Здравствуйте, т. Фердевс. Привет Вам и пожелания. К сожалению, я лично не могу Вам сообщить все то, что происходит в Москве. Из прилагаемого при сем письма вы увидите. Тов. Сталин меня не пустил для работы в Крым, едет Саид-Галиев. Я знаю, Вам это не понравится, но что же делать, если ЦК так хочет; Саид-Галиев, наверное, будет говорить, что он отказывался, но ничего подобного не было. Все-таки Вы его приезда не бойтесь. Товарищ Сталин дал ему соответствующие указания на этот счет, и я настаивал на том, чтобы ни одного работника не брать».

Однако Ш.Ибрагимов глубоко заблуждался, полагая, что ему доверяют и верят. Это видно из дальнейших строк письма: «Знайте, что Центр на моей стороне. Если у Вас что-либо выйдет, я Вас поддержу. Самое главное, Вы постарайтесь сгруппировать вокруг себя коммунистов-татар и [беспартийных] «М.Фирковцев». Они по отношению к вам постепенно изменяют свое поведение.

Посмотрите, что будет делать Саид-Галиев на областной партийной конференции. Ведь против него имеется многое. А если будет работать хорошо, так пусть работает. Пишите регулярно обо всем. Буду ждать с нетерпением. С коммунистическим приветом Ш.Ибрагимов». Письмо было да-

тировано 31 ноября 1921 г. В конце письма выражалась уверенность: «Может быть, когда-нибудь так называемая судьба снова забросит в Крым».

О том, насколько доверяли Ш.Ибрагимову, свидетельствует факт, что само письмо оказалось в руках органов ЧК. Далее констатировалось, что миллифирковцы, как «единственная работоспособная группа в Крыму», устроили обструкцию Крымскому советскому правительству во главе с Саид-Галиевым. Главным виновником назывался руководитель татарской секции при обкоме партии Дерен-Айерлы, который вскоре был избран Председателем Совнаркома.

§ 3. Идеологическая борьба в стране по национальному вопросу в 1920-е гг.

Дамир Шарифутдинов

Основная идеологическая борьба по национальному вопросу в 1918–1920 гг. развернулась в работе по созданию автономных республик в составе РСФСР и СССР с союзными республиками. Еще в конце 1917 – начале 1918 г., опираясь на «Декларацию прав народов России» от 2 ноября 1917 г., подписанного «Именем Республики Российской» Председателем Совета Народных комиссаров В.И. Лениным и Народным Комиссаром по делам национальностей И.В. Сталиным, в котором провозглашалось «равенство и суверенность народов России», «право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства» [Декреты Советской власти, 1957, №29; Образование ТАССР, 1963, с.24–25], была предпринята попытка создания, как составной части Российской Федерации «Идель-Уральского штата» [Известия ВМВШ, 1918, 26(13) февраля]. Декларация «Идель-Уральского штата» по постановлению II Всероссийского мусульманского военного съезда, созванного Всероссийским мусульманским военным советом (председатель – Илиас Алкин) [Илиас Алкин, 2002, с.6] должна была быть провозглашена 1 марта 1918 г. Однако, накануне этого события руководство Военного Шуро было арестовано. Следует отметить, что к этому времени Вошуро имело в своем распоряжении более

Органы ВЧК-ОГПУ нарочно связали судьбы многих людей. Они готовили новое дело так называемого «Московского центра», о чем будет сказано в последующем изложении.

Действительно, страну в целом, и в том числе Татарскую республику, ждали новые испытания.

Однако, как бы трудно ни осуществлялся проект национальной автономии татарского народа, какими бы мизерными ни были права Татарской республики, он стал той базой, опираясь на которую, в последующие годы развернулась борьба за создание суверенной государственности.

50 тысяч штыков [Давлетшин, 2005, с.162], в том числе 20 тысяч солдат и 30 офицеров в Казани и Уфе [Гиззатуллин, 2002, с.103], а председателю Вошуро И.С.Алкину доверяли крупные военачальники, как командующий 37-м корпусом генерал-лейтенант Сулейман Сулькевич, командующий 12-й армией генерал-лейтенант Якуб Юзэфович и др. и активно сотрудничали с ним [Илиас Алкин, 2002, с.9,77–79]. В результате нежелания центральных и местных органов Советской власти иметь столь крупный в России республики, способной оказать существенное влияние на политику всей РСФСР, что было не в интересах большевистского руководства [Гиззатуллин, 2002, с.126] и нерешительности руководства Вошуро в отстаивании и защите создания штата, план учреждения штата «Идель-Урал» не был реализован. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что проблема решения столь острого национального вопроса без пролития крови – это уникальный случай, не характерный для того периода, да и позднейших времен.

Своеобразным политическим шагом, направленным против участников идеологической борьбы по национальному вопросу, стала разработка Центральным мусульманским комиссариатом при Наркомате проекта Положения Татаро-Башкирской Советской Республики от 13 марта 1918 г. [НА РТ,

ф.2648, д.17, л.6.], утвержденного Декретом народного Комиссариата по делам национальностей 22 марта 1918 г. [Известия ВЦИК, 1918, с.394; Образование ТАССР, 1963, с.39–40]. Уже через несколько дней после этого народный комиссариат издал декрет о ликвидации Харби Шура (Военного Совета) [ГА РФ, ф.1318, д.25, л.57]. Оба документа были подписаны народным Комиссаром по делам национальностей И.Джугашвили-Сталиным и комиссаром по делам мусульман внутренней России Муллануром Вахитовым [Мулланур Вахитов, 1985]. Следует подчеркнуть, что и Мулланур Вахитов, и Мирсаид Султан-Галиев в это время верили в большевиков, в искренность их вождей, с которыми они близко общались. Так, в речи на совещании в Москве по созыву Учредительного съезда Татаро-Башкирской Советской Республики М.Вахитов, принося глубокую благодарность т.т. Ленину и Сталину за принятие указанного Положения, полагал, «что мусульманский пролетариат, когда он будет осуществлять свою Татаро-Башкирскую Республику, он жизнь свою не пожалеет для защиты завоеваний Октябрьской революции [Там же, с.43].

Вопрос о предоставлении башкирскому народу автономии на базе советов был в принципе решен в начале 1918 г. [Раимов, 1952, с.254]. 20 марта 1919 г. на основе двухстороннего соглашения центральной Советской власти с Башкирским правительством о Советской Автономии Башкирии, Совнарком, ВЦИК утвердили Башкирскую Автономную Республику. 19 мая 1919 г. ВЦИК и Совнарком приняли декрет «О государственном устройстве Автономной Советской Башкирской Республики» [Раимов, 1952, с.255, 324; Известия ВЦИК, 1919, 23 марта; У истоков борьбы, 1997, с.232; Кульшарипов, 1992, с.157].

Таким образом, в повестку дня встал вопрос о создании отдельной от Башкирии Татарской Республики. И в этом деле М.Султан-Галиев принимает активное участие, будучи убежденным, что эти две республики в будущем объединятся.

М.Х.Султан-Галиев, после смерти своего наставника М.Вахитова во время захвата Казани чехословаками в августе 1918 г. [ТЭС, 1999, с.108], став председателем Центрального мусульманского комиссариата, вплот-

ную занялся вопросами национальной государственности татар и башкир. Прекрасно зная социально-экономическое положение Уфимской и Казанской губерний, имея в виду родство татар и башкир, почти единый язык и общую культуру, понимая, что невозможно отделить без ущерба татар от башкир и башкир от татар никакими границами в силу расположения в Уфимской губернии татарских и башкирских деревень вперемежку, Султан-Галиев считал оптимальным вариантом создание единой республики и предпринимал действия по реализации Положения о Татаро-Башкирской Советской Республике, утвержденного декретом Наркомнаца от 22 марта 1918 г. От этой идеи он не отказался и после образования в марте 1919 г. Башкирской АССР (Малой Башкирии). 28 ноября 1919 г. на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока Султан-Галиев в своем докладе по татаро-башкирскому вопросу доказывал необходимость создания Татаро-Башкирской еспублики с включением в нее не вошедшей в Башкирскую АССР части Уфимской губернии, где проживало около 356 тыс. башкир и более 1,3 млн. татар [Образование БАССР, 1959, с.521]. Съезд, после всестороннего и бурного обсуждения, большинством голосов принял резолюцию, признающую необходимым осуществить Положение о Татаро-Башкирской Республике в границах, исключающих автономную Малую Башкирию. Поскольку вся башкирская делегация голосовала против этой резолюции, обсуждение вопроса было перенесено на Политбюро, которое 13 декабря 1919 г. постановило Татаро-Башкирскую Республику не создавать и запретило членам партии агитировать за нее [Там же].

Заслуживает внимания и тот факт, что к этому времени, в результате ультимативного требования башкирских войск [Муртазин, 1927; Илияс Алкин, 2002, с.137, 140–142, 146–147], начальником штаба и заместителем главного командующего был И.С.Алкин, впоследствии работавший профессором Коммунистического университета трудящихся Востока и расстрелянного сталинистами в 1937 г.

На повестку дня встал вопрос о создании отдельной от Башкирии Татарской республики. Как член комиссии, созданной Совнаркомом для разработки материалов по вопросу

об образовании республики, Султан-Галиев участвовал в составлении проекта Положения о Татарской АССР. После образования республики он в 1920, 1922 гг. избирался в состав Центрального Исполнительного Комитета Советов ТАССР.

25 мая 1920 г. на заседании Совнаркома РСФСР Мирсаид Хайдаргалиевич был назначен членом коллегии Народного комиссариата по делам национальностей.

Центральный мусульманский комиссариат, возглавляемый М.Султан-Галиевым, после образования Татарской АССР был преобразован в Татарский отдел Наркомнаца. В этом отделе было создано представительство Татарской Республики при Наркомнаце. Султан-Галиев, работая заведующим Татарским отделом, председателем представительства Татарской АССР и членом коллегии Наркомнаца, имел возможность близко присмотреться к Сталину, которого уважал. И.Сталин, по всей вероятности, ценил в нем широкую эрудицию, аналитический ум, деловитость, принципиальность, организаторские способности, высокий авторитет у работников восточных республик. Чем ближе узнавал Султан-Галиев Сталина, тем сильнее охватывало его чувство разочарования, явью становилось расхождение во взглядах по принципиальным вопросам национальной политики. Это расхождение проявилось выпукло в ходе дискуссий по национальному вопросу в период образования Союза ССР.

Мы теперь хорошо знаем о том, что Сталин никогда не прощал своих оппонентов. Так было и в случае с Султан-Галиевым. Еще летом 1922 г. при помощи секретаря ЦК партии и председателя ЦКК В.В.Куйбышева Сталин пытался вывести Султан-Галиева из состава коллегии Наркомнаца. Он даже был направлен на работу в Закавказье, но по ходатайству представителей ряда автономных республик и областей РСФСР в сентябре 1922 г. Султан-Галиев был отозван из Кавказского бюро ЦК РКП (б) в Наркомнац и восстановлен членом Коллегии [Мирсаид Султан-Галиев, 1998, с.409–410]. А в апреле 1923 г. был назначен членом Малой Коллегии Наркомнаца.

На X Всероссийском съезде Советов 26 декабря 1922 г. Сталин, выступая с докладом об объединении советских респуб-

лик, говорил, что в СССР входят РСФСР, Закавказская Советская Федеративная Социалистическая Республика, Украина и Белоруссия, и только они являются субъектами СССР. На заседании фракции РКП (б) съезда Султан-Галиев говорил о: 1) необходимости непосредственного вхождения в СССР и автономных республик, входящих в РСФСР и ЗСФСР, 2) целесообразности иметь полномочных представителей автономных республик в ЦИК и СНК СССР, подчеркнул, что деление наций на настоящих сыновей и на пасынков – явление ненормальное [Там же].

О повышении статуса автономных республик, предоставлении им права быть субъектами СССР говорили и другие делегаты. Однако, под давлением Сталина, эти предложения не были приняты.

На XII съезде РКП (б) (17–25 апреля 1923 г.) в докладе о национальных моментах в партийном и государственном строительстве Сталин свел решение национального вопроса лишь к созданию в Центральном Исполнительном Комитете Советов СССР, наряду с союзной палатой, палаты национальностей. На заседании национальной секции съезда доклад Сталина рядом делегатов был подвергнут критике. «По моему мнению, – говорил Султан-Галиев, – та постановка вопроса, которая предлагается тов. Сталиным, не разрешает национального вопроса, и мы принуждены будем опять возвращаться к этому вопросу, если не поставим его кардинально». Подчеркнув, что так называемый местный национализм, возникающий как ответная реакция на великодержавный русский шовинизм, по сути является не национализмом, а борьбой с шовинизмом, Султан-Галиев высказался за необходимость борьбы с любым национализмом, который проявляется в виде угнетения сильной нацией сравнительно слабых национальностей [Мирсаид Султан-Галиев, 1998, с.435–437; История ВКП(б), 1952, с.250–252].

Это выступление Султан-Галиева вывело Сталина из себя. И он решает покончить с ним при помощи партийного аппарата и карательного органа – Государственного политического управления НКВД. На девятый день после выступления, 4 мая, партколлегия ЦКК без приглашения на свое заседание Султан-Галиева, не заслушав его, вынесла решение об исключении его из

партии, снятии со всех государственных и партийных должностей «как антипартийного и антисоветского элемента» и передаче его дела для доследования в ГПУ. При этом 9-й пункт протокола № 6 заседания партколлегии ЦКК от 4 мая 1923 г. оформлен так, будто Султан-Галиев присутствовал на этом заседании, более того, якобы давал личное объяснение по поводу предъявленных ему обвинений. Он был арестован и препровожден на Лубянку.

Много лет спустя Л.Д.Троцкий в своей книге «Сталин» привел следующие слова Л.Б.Каменева об этом эпизоде: «Помните арест Султан-Галиева, бывшего председателя Татарского совнаркома (здесь ошибочно названа его должность. – *Сост.*) в 1923. Это был первый арест видного члена партии, произведенный по инициативе Сталина. Мы с Зиновьевым, к несчастью, дали свое согласие. С того времени Сталин как бы лизнул крови...» [Троцкий, 1990, с.260].

В тот же день, 4 мая, решение партколлегии было подтверждено Оргбюро, 10 мая – Политбюро ЦК РКП (б).

Арест Султан-Галиева вызвал недоумение на местах. Как только слухи об этом дошли до Казани, группа руководящих работников республики написала «письмо 39-ти» в ЦК партии о том, что если действительно арестован Султан-Галиев, то это чистейшее недоразумение, и просила его освободить. После подтверждения факта ареста казанцы написали второе письмо, в котором настоятельно просили ЦК освободить Султан-Галиева и передать его им на поруки.

В дальнейшем все подписавшие эти письма люди были репрессированы.

Как подчеркивалось выше, именно по инициативе Сталина было созвано Четвертое совещание ЦК РКП (б) с ответственными работниками национальных республик и областей, которое состоялось в Москве с 9 по 12 июня 1923 г. Первым вопросом было рассмотрено «Дело Султан-Галиева». В докладе В.В.Куйбышева, составленном при участии Сталина, Султан-Галиев необоснованно представлен врагом Советской власти. На совещании, по сути, столкнулись два направления по национальному вопросу, два взгляда на перспективу развития межнациональных отношений.

Теперь стало известно, что вопрос о Султан-Галиеве перед совещанием был рассмотрен на Политбюро, и оно дало санкцию Сталину на политическое уничтожение Султан-Галиева.

Физическая ликвидация Султан-Галиева тогда еще не входила в планы Сталина. Ему пока важнее было другое: его политическое уничтожение. В конце своей речи Сталин сказал: «Я и до совещания говорил и теперь утверждаю, что тов. Куйбышев прав, думая, что его надо освободить. Человек признался во всех своих грехах и раскаялся. Из партии он изгнан и в партию, конечно, не вернется... С человеком покончено как с политической единицей. Чего же еще?» [Четвертое совещание ЦК РКП, 1923, с.69].

Сталин на примере Султан-Галиева хотел дать урок другим оппонентам по национальным вопросам и таким путем укрепить свои позиции. Только этим можно объяснить то, что стенограмма совещания в срочном порядке была отпечатана в виде книги с грифом «Строго секретно» и разослана в партийные организации. И на местах были организованы подобные совещания, на которых принимались резолюции с осуждением Султан-Галиева. В Казани, в частности, такое совещание состоялось 19-21 июля 1923 г. Характерно то, что оно проходило под председательством начальника Татарского отдела ГПУ С.Шварца [Тайны национальной политики, 1992, с.294].

Перед освобождением Султан-Галиеву было объявлено об его исключении из партии и снятии со всех должностей.

Грубое нарушение действующего Устава партии при исключении из партии Султан-Галиева, фальсификация протокола заседания партколлегии ЦКК, недопущение его на Четвертое совещание, где рассматривалось его «дело», понадобились Сталину и его окружению для сокрытия от членов партии истинной причины исключения М.Султан-Галиева из партии, ареста, обвинения в несуществующих преступлениях [История ВКП(б), 1952, с.252].

В 1928 г. было сфабриковано новое дело – о «султангалиевщине» как агентуре международного империализма. Султан-Галиев вновь был арестован. Арестовали также большое количество лучших представителей татарской, башкирской, крымско-

татарской интеллигенции. По количеству привлеченных к суду эти процессы превосходили даже печально известные политические процессы 1936–1938 гг. В 1930 г. Султан-Галиева приговорили к расстрелу, через полгода заменили эту меру на 10 лет тюрьмы. В 1934 г. досрочно освободили. В 1937 г. вновь арестовали, подвергли жесточайшим физическим пыткам и 28 января 1940 г. отняли у него жизнь [Неизвестный Султан-Галиев, 2002, с. 384]. Так расправился кровавый тиран Сталин со славным сыном татарского народа Мирсаидом Султан-Галиевым за то, что он отстаивал равноправие народов страны, ратовал за повышение статуса автономных республик, хотел видеть СССР Союзом истинно суверенных республик и осмелился критиковать дискриминационную сталинскую национальную политику. В сталинских застенках погибли также жена и двое детей Султан-Галиева.

Были необоснованно репрессированы и расстреляны близкие соратники М.Х. Султан-Галиева – Микдаг Бурундуков, Ариф Енбаев, Кашаф Мухтаров, Рауф Сабиров, Шамиль Усманов, Измаил Фирдевс, десятки тысяч ни в чем не повинных «султангалиевцев». Однако идеологическая борьба в стране по национальному вопросу во второй половине 1920-х гг. еще продолжалась.

Как попытку создания единого фронта в идеологической борьбе по национальному вопросу можно назвать совещание представителей национальных образований в составе РСФСР, созванное по инициативе отдела национальностей при Президиуме ВЦИК и заместителя председателя СНК РСФСР Т. Рыскулова 12-14 ноября 1926 г. В историю оно вошло как рыскуловское совещание. В нем Т. Рыскулов высказался за непосредственное вступление в Союз ССР автономных республик и областей.

На указанном совещании выяснилось общее недовольство положением автономных образований в составе РСФСР, сужением их прав до уровня губернских, реальным отсутствием влияния в руководящих структурах РСФСР и СССР.

В руководстве страны были приняты меры по предотвращению распространения идей повышения статуса республик. Была организована кампания дискредитации рыс-

куловского совещания как не отражающего мнения местных партийных организаций и осуждения предложений о переводе автономных республик в разряд союзных, а автономных областей – в разряд автономных республик и образования Русской республики.

М. Султан-Галиев назвал совещание Рыскулова, с которым его объединяла общность взглядов по национальному вопросу, демонстрацией националов их недовольства политикой партии и Соввласти по национальному вопросу [Тагиров, 2005, с. 104].

После XX съезда КПСС многие «султангалиевцы» были реабилитированы. Но как только речь заходила о самом лидере движения и его ближайших соратниках, следовал отказ: «был и остается врагом». Дело в том, что его оправдание потребовало бы пересмотра многих исторических и теоретических постулатов и принципов, «поступаться» которыми было рискованно для сложившегося понимания мирового освободительного движения, перспектив социалистического развития. Представления Султан-Галиева разительно отличались от господствующей концепции, разработанной Сталиным и его преемниками. Поэтому он и был неприемлем официальному руководству партии.

Лишь в 1990 г. М. Султан-Галиев и его соратники, после тщательного изучения его многотомного «Дела» правоохранительными органами, были реабилитированы полностью. Все предъявленные к ним обвинения оказались сфабрированными [ЦГА ИПД РТ, ф.8237, оп.1, д.12, л.67; ф.8237, оп.1, л.12; Известия ЦК КПСС, 1990, № 10, с.75–88].

В возвращении доброго имени Султан-Галиева большую роль сыграли республиканские газеты и журналы, которые еще задолго до реабилитации стали публиковать материалы самого Султан-Галиева, статьи о нем. Активность, гражданственность, осознание своей роли перед обществом помогли печати преодолеть сложившиеся десятками лет стереотипы оценки личности Султан-Галиева, повысили интерес у людей к его жизни и деятельности, трагической судьбе, теоретическому наследию. Тут требовалась немалая решительность не только авторов, но, пожалуй, в первую очередь, редакторов изданий. Ведь в ту пору партийных решений, осуждающих Султан-Галиева, никто еще не отменял.

С обстоятельными статьями о Султан-Галиеве и предложением о его реабилитации и сразу после этого выступили на страницах республиканской печати казанские ученые И.Р.Тагиров, Б.Ф.Султанбеков, М.И.Абдуллин, И.Г.Гизатуллин, Р.С.Хакимов, Д.Р.Шарафутдинов и другие.

Впервые издание сборника трудов М.Х.Султан-Галиева на английском и русском языках было осуществлено в Англии Обществом исследования Средней Азии при Оксфордском университете в 1984 г.

Заметным явлением в изучении жизни и деятельности выдающегося деятеля национального движения является книга А.В.Сагадеева «Мирсаид Султан-Галиев и идеология национально-освободительного движения: Научно-аналитический обзор» (М., 1990). Автором этих строк вместе с известным историком И.Г.Гизатуллиным в 1992 г. был издан сборник статей, выступлений [Мирсаид Султан-Галиев, 1992, с.518], в 1998 г. – избранные труды М.Султан-Галиева [Султан-Галиев, 1998, с.720].

Каково же основное содержание духовного наследия М.Султан-Галиева?

В статьях, опубликованных до 1917 г., им рассмотрены, главным образом, вопросы культуры и народного образования у татар.

С 1918 г. в творчестве Султан-Галиева особое место занимает национально-колониальный вопрос. Глубоко изучив эту проблему, он в конце 1917 – начале 1918 гг. выдвигает важное в теоретическом и практическом отношении положение об угнетающих и угнетенных народах, неоднократно возвращается к этому положению в последующих статьях и выступлениях, дополняя и углубляя его. К угнетенным он относит народы колоний и полуколоний, в том числе наиболее забытые мусульманские народы Востока. К этой же категории он относит и нерусские народы Российской империи, в том числе татар и башкир. К угнетателям отнесены народы метрополий, богатства которых созданы потом и кровью народов колоний. Западноевропейский рабочий класс, будучи одним из потребителей тех богатств, которые империалистическая буржуазия получала в результате эксплуатации колоний, отнесен М.Х.Султан-Галиевым косвенно к угнетателям. Отсюда вытекало другое, не менее важное положение Султан-Галиева

о неготовности западноевропейского пролетариата к социалистической революции, ибо капиталисты этих стран имели возможность удовлетворять экономические требования своих рабочих за счет получаемых из колониальных богатств и подавлять возможные революционные настроения в зародыше. Это положение было выдвинуто Султан-Галиевым тогда, когда большевистские лидеры иллюзорно ожидали со дня на день подъема западноевропейского пролетариата на социалистическую революцию. Готовым к социалистической революции Султан-Галиев считал угнетенный Восток при условии ликвидации его колониальной зависимости. Поэтому антиколониальную революцию он считал очень важным общенациональным делом. По его убеждению, нация, стремящаяся к независимости и созданию своего государства, не имеет права раскалываться на классы и партии, только единство национальных революционно-демократических сил – верная гарантия победы.

В целях сохранения национального единства на стадии антиколониальных революций выдвигание социалистических лозунгов, идеи классовой борьбы Султан-Галиев полагал преждевременным и недопустимым, ибо они могли оттолкнуть национальную буржуазию от революции, привести ее к союзу с буржуазией метрополий, упрочению позиций империализма в данной колонии и в конечном результате – к поражению революции.

Идея единства национальных революционно-демократических сил стала реальной силой в борьбе против колониализма и империализма. Вот почему Султан-Галиев признан отцом революции третьего мира.

Султан-Галиев имел свой взгляд на казавшееся аксиомой ленинское определение империализма. Он не согласился с тем, что империализм как экономическая и политическая категория свойствен лишь определенной, монополистической стадии капитализма, считал, что он присущ капитализму вообще, независимо от стадии его развития, допускал возможность в теории и на практике наличия социалистического или коммунистического империализма, если существует система колониального хозяйствования (эксплуатация национальных окраин как источников сырья для промышленности

центральных районов, слабое развитие или отсутствие на окраинах предприятий, перерабатывающих добываемое сырье, полная их зависимость от центра в обеспечении жизненно необходимыми промышленными товарами и продуктами питания и т. д.).

С болью в сердце констатировал Султан-Галиев, что победа революции и создание СССР не прервали империалистического развития России.

Вот почему он, как человек глубоко убежденный в крахе империи как таковой, констатировал, что СССР есть видоизменная, но империя, и предсказал, что это образование непрочно и оно со временем перестанет существовать. Как подчеркивалось выше, в результате такой лицемерной национальной политики в стране установилось ранжирование национальностей и их государственных образований.

Это неравенство закреплялось конституциями СССР 1924, 1936, 1977 гг. Право отделения от СССР сохранялось лишь за союзными республиками, а его осуществление было практически невозможным. Существенные ущемления в правах, в экономическом развитии, в области образования и культуры испытывали автономные республики, автономные национальные области и округа. Национальные противоречия вместо их разрешения подавлялись силой. Порочная сталинская национальная политика, которую проводили и последующие большевистские правители, привела, наряду с другими причинами, к развалу СССР, гражданской войне в ряде республик, чеченской трагедии.

Султан-Галиев подвергал сомнению и сердцевину марксизма – идею о диктатуре пролетариата. Он считал, что замена диктатуры буржуазии диктатурой другого класса, имея в виду пролетариат, ни к чему хорошему не приведет. Время доказало его правоту.

Идеи Султан-Галиева получили широкое распространение во всем мире. Они особо популярны в странах, включившихся в национально-освободительное движение с целью порвать цепи колониальной зависимости и уже добившихся успеха.

12 июня 1992 г. в Татарстане широко отмечалось 100-летие со дня рождения М.Х.Султан-Галиева. Проведенные мероприятия красноречиво свидетельствовали о значимости этого исторического события для суверенного Татарстана. К юбилею одна из площадей в центре Казани была названа именем М.Султан-Галиева. На площади им. Султан-Галиева, на том месте, где будет установлен памятник славному юбиляру, был поставлен памятный камень.

В заключении следует подчеркнуть, что всестороннее и объективное изучение проблемы идеологической борьбы по национальному вопросу в начале XX в. в 20-е гг. представляет не только научный интерес, но имеет и практическое значение в плане разграничения положительного и негативного опыта в проведении национальной политики в условиях формирования действительно федеральных отношений в России. Эти проблемы, поставленные еще в прошлом веке, будут определять развитие России в течение всего XXI века.

§ 4. Образование ТАССР и решение вопросов коренизации

Зубарзят Гарипова

С получением автономии на базе реализации Декрета ВЦИК и Совнаркома РСФСР от 27 мая 1920 г. молодой Татарской республике предстояло бороться за свои автономные права. Первостепенной задачей было решение вопросов введения татарского языка в делопроизводство, представительства татар в советских учреждениях, открытия школ на родном языке. Основанием для их осуществления стал Декрет ЦИК и СНК ТАССР от 25 июня 1921 г. о признании та-

тарского языка государственным. В вводной части Декрета отмечено: «...Татарский Центральный Исполнительный Комитет и Татарский Совет Народных комиссаров постановляют ввести во всех государственных советских учреждениях татарский язык обязательным» [Культурное строительство в Татарии, 1971, с.169].

Надо заметить, что еще до выхода Декрета Совет народных комиссаров республики постановлением от 24 мая 1921 г. поручает

Наркомпросу в течение трех недель открыть курсы татарского языка в Казани, кантонах и волостях [НА РТ, ф. Р-732, оп.1, д.6, л.45; ф. Р-3682, оп.3, д.436, л.44]. Вскоре они были открыты, несмотря на голодные годы. На страницах периодической печати татарская интеллигенция также до принятия Декрета поднимала вопрос о необходимости перевода делопроизводственных документов на татарский язык. Так, в июле 1920 г. известный писатель и политический деятель Шамиль Усманов делает заявление на заседании Временного Ревкома о введении системы приема телеграмм на татарском языке. В числе первых мероприятий была коренизация судебно-процессуальных органов республики. Ибо до образования ТАССР татары не имели возможности говорить и обращаться в органы юстиции на своем родном языке. В 1920–1921 гг. из 83 судебных участков не было ни одного татарского. Лишь в 1922 г. наблюдается едва заметный сдвиг: создаются три татарских следственных участка. Далее центральный журнал «Новый Восток» – орган Научной ассоциации востоковедения – отмечал, что в 1922 г. судебный аппарат был коренизирован на 2,8%, в 1924 г. – на 22,8%, в 1926 г. – на 30,8% и на 1 июля 1927 г. – на 38,5% [Осуществление политики коренизации, 2009, с.41].

Большое внимание обращалось госаппарату. В то время он не был приспособлен к обслуживанию татар. На 1 января 1921 г. в центральных учреждениях республики было всего лишь 7,8% служащих татар [Резолюция, 1924]. Были изданы многочисленные постановления и решения бюро, пленумов, секретариата как Татобкома партии,

так и ТатЦИКа, нацеленные на организацию дела коренизации, устранение недочетов и ошибок в ходе его осуществления. Под контролем держался процент роста численности ответственных работников татар. Требовалось представление отчетов за каждые полгода. И надо заметить, что результаты во многом были весомыми. Так, на 1 октября 1924 г. их было 18,6%, через 6 месяцев, т.е. на 1 апреля этого года – 20% и 22,4% в сентябре 1925 г. Однако в казанских учреждениях и предприятиях на ответственных должностях татары были заняты несколько меньше, чем по республике: на 1 сентября 1924 г. – 14,1%, на 1 апреля 1925 г. – 17,1%, на 1 сентября 1925 г. – 17,5%.

Более детальные сведения степени коренизации управляющего аппарата в 1925 г. видны по таблице 2.1 [НА РТ, ф. Р-732, оп.1, д.766, л.20]

Большой интерес с точки зрения динамики развития представляют данные о коренизации аппарата ЦИК и СНК и народных комиссариатов Татарской республики. Так, в 1936 г. в ЦИКе ТАССР общее число работающих было 40 чел. Из них руководящие работники-татары составляли 17,5%, ответственные исполнители и специалисты соответственно – 25%. В Совнаркоме всего было 98 человек. Из них руководящие работники-татары – 3%, ответственные исполнители и специалисты – 10%. Во всех десяти наркоматах татар на руководящих должностях насчитывалось лишь от 2,3% до 20,1%, ответственных исполнителей и специалистов от 5,21% до 40% [Осуществление политики коренизации, 2009, с.247]. В целом, если сопоставить 1936 г. с 1926 г., то выясняется:

Таблица 2.1

Состояние коренизации управляющего аппарата ТАССР в 1925 г.

	Абс.	%
Количество волостей, обслуживающих на татарском языке	42	33,6
Количество центральных учреждений, перешедших на татарский язык	138	2,2
Число ответственных работников-татар советских учреждений г. Казани	138	2,2
Число кантонных ответственных работников	319	31,0
Число технических работников	612	17,0
Число волостных ответственных работников	208	49,3
Число технических работников	713	34,5

в центральном аппарате удельный вес татар за 10 лет вырос с 18,7% до 38,5%, отдельно по группе руководящих работников с 23,4% до 47,1%, ответственных специалистов и исполнителей с 14,9% до 36,1% [ЦГА ИПД РТ, ф.26, оп.1, д.202, лл.159–163]. Однако обращает внимание некоторое отставание общего процента (38,5), если учесть в составе населения 52% коренного населения.

В центре внимания руководящих органов Татарской республики было проведение работы по обслуживанию татарского населения на его родном языке. В частности, оно осуществлялось через Центральную комиссию по реализации татарского языка. Ее общая линия, как отмечал в 1925 г. зам. председателя Президиума ЦИК ТАССР Ш.Шаймарданов, с самого начала сводилась: а) «к стремлению установления полного фактического равенства татарского и русского языков в учреждениях и предприятиях; б) к установлению активного делопроизводства учреждения на языке большинства обслуживаемого населения, и сохранению пассивного делопроизводства на языке меньшинства и в) проведению в первую очередь реализацию татарского языка в учреждениях, непосредственно обслуживающих низовые массы», оставались основной линией деятельности Центральной комиссии РТЯ и во второй половине 20-х гг. [НА РТ, ф. Р-732, оп.1, д.766, л.20].

В 1920-г гг. татарский язык начал применяться в делопроизводстве учреждений. Все основные законы: уголовный, гражданский, уголовно-процессуальный, земельный, трудовой кодексы – были переведены на татарский язык. Процессы в суде с участием татар проводились на татарском языке. Меры реализации Декрета ЦИК и СНК ТАССР от 25 июня 1921 г. постепенно дали свои результаты: наблюдалось близкое к нормальному процессу процентное соотношение выборных органов, начиная от сельсоветов и волостных, и заканчивая кантонными исполкомами и центральными органами Татарской республики. Шла постепенная реализация татарского языка в низовом советском аппарате, в сельсоветах и волостных исполкомах. Повышалось представительство татар в образовательных и административных учреждениях республики.

В 1920-е гг. увеличился приток татарского населения в Казань. Если в 1920 г. татары составляли всего 21,9% жителей города, то в 1926 г. – 25,7% (44 тыс. человек).

Документы свидетельствуют об особо заметной работе в республике по вовлечению татар в промышленное производство и увеличению их численности. Однако такое рвение иногда порождало и нездоровые настроения, зачастую ничем прикрытое сопротивление у части русских рабочих. Так, в отчете Татарского обкома партии 1926 г. мы читаем, что при приеме на работу татарам зачастую выставляются чрезмерные, заведомо не выполнимые требования, как: помимо знания своей специальности, знание иностранных языков, большой стаж практической работы. Например, в «Госторге» в числе принятых 39 работников только один татарин, на технической работе. В «Эльводтраме» посылаемые из ЦК РТЯ кандидатуры отклонялись по разным мотивам. Уменьшение численности татарских рабочих на шести предприятиях – заводе имени Вахитова, «Красный путь», «Красный Восток», железнодорожных станциях Казань и Юдино, Госпароходстве объяснялось в постановлении Нижне-Городского райкома партии города Казани в 1928 г. именно слабой коренизацией в них управленческих аппаратов [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.1, д.1347, л.44; оп.2, д.501, лл.27–28].

В отчете ТатЦИКа, адресованном в отдел национальностей при Президиуме ВЦИК от 1931 г. сообщается о фактах систематического отказа татарам в приеме на работу на Казанский пошивочной фабрике при нуждемости в рабочих. По данным этого документа, имелись факты личного оскорбления и побоев на национальной почве на Силикатном заводе города Казани и на швейной фабрике Набережных Челнов. Бывали случаи коллективных стычек русских с чувашами в Чистопольском районе, а также выживания и игнорирования учащихся-татарок, выражавшиеся в отказе мастеров обучать их в «Набережно-Челнинской игольно-швейной школе» [НА РТ, ф. Р-732, оп.1, д.1931, лл.222–223].

Такую ситуацию отчасти можно объяснить слабой постановкой разъяснительной работы властями о сущности коренизации

и необходимости ее для решения экономических задач страны. По этому поводу в постановлении Татарского обкома ВКП(б) от 20 марта 1931 г. было отмечено, что со стороны партчасти Татарского совнархоза и руководителей трестов промышленности не было принято решительных мер в деле коренизации управленческого аппарата, отсутствие в этом плановой системы и было предложено составить план, беря установку поднять процент татар в аппарате к уровню удельного веса рабочих-татар в производстве [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.2, д.956, л.48]. И надо заметить, что такие планы составлялись и принимались практические меры. Однако нельзя утверждать, что работа шла беспрепятственно. В 1938 г. татар среди персонала крупной промышленности насчитывалось лишь 35 процентов. Тем не менее, это было положительной динамикой по сравнению с 1921 г., когда они составляли лишь 15,5%.

В целом, надо подчеркнуть последовательную и созидательную работу по осуществлению политики коренизации республиканской власти, смело опиравшейся на автономный статус. И в 1930-е гг. принципы коренизации оставались еще в силе, несмотря на репрессии периода «большого террора». Нижестоящие инстанции продолжали отчитываться перед вышестоящими. Статистические сведения о количестве татар в учреждениях и на предприятиях как ответы на запросы продолжали поступать и в 1937 и в 1938 гг. Отчеты народных комиссариатов об удельном весе татар и обслуживании их на родном языке периодически заслушивались на заседаниях ТатЦИКа, что, в свою очередь, усиливало ответственность

исполнителей. Обращает на себя внимание рациональный подход руководства республики к решению задач политики коренизации, понимая ее как повышение общего уровня хозяйства и культуры Татарии. В мероприятиях по реконструкции сельского хозяйства учитывалось отставание татарского крестьянства, проводя в первую очередь землеустройство, организуя поселки, сельскохозяйственную кооперацию, направляя кредиты, семена и машины в районы татарского населения и нерусских национальностей с соблюдением принципа поддержки бедноты.

Задача коренизации в области промышленности решалась в частности путем подготовки специалистов, квалифицированных рабочих и научных сил из татар и национальных меньшинств. В сущности она сводилась к идее о необходимости обеспечить татарской и нацменьшинской части населения ускоренный по сравнению с русской частью населения, темп развития до момента выравнивания их хозяйственного и культурного уровня, решить вовлечение трудящихся масс этих отсталых по вине царизма народов в дело строительства социализма. Этой задаче были подчинены многие мероприятия в области национальной политики в республике.

Однако фактически в 1930-х гг. татарский язык в административных и судебных учреждениях применялся уже редко. Изучение татарского языка служащими в учреждениях прекратилось. Рост количества татар в них стабилизировался. Усиление тоталитарных тенденций привело к фактическому сворачиванию национально ориентированной политики.

ГЛАВА 2

Социально-экономическое положение ТАССР и татар в 1917–1940 гг.

§ 1. Советская политика ликвидации имущих классов

Ирина Гатауллина

Системный подход к анализу исторических явлений, вписывание предмета рассмотрения в конкретное исследование, всегда имеющее тематический, хронологический и территориальный предел, в более широкий проблемно-событийный контекст – важнейшее методологическое требование. В соответствии с этим необходимо иметь в виду, что вынесенная в заголовок тема – часть фундаментальной историографической проблемы военного коммунизма – идеологии, предопределенной опытом государственного регулирования экономики 1914–1917 гг. и ставшей результатом утопических представлений большевиков о путях утверждения мировой революции. Именно военномунунистический контекст позволяет взглянуть на политику ликвидации имущих классов¹ через призму проблем социально-экономического развития страны, противоречий общественного сознания. Эта политика, спровоцированная попыткой новой власти реализовать доктринальные установки и имевшая тяжелые последствия для страны (огромные материальные потери и человеческие жертвы), поднимает вопрос социальной «цены» трансформации традиционного общества в индустриальное. Здесь важно выявить не столько правых и виноватых, сколько определить способность власти принимать ответственные решения, от которых зависит исторический выбор страны. Политику ликвидации имущих классов реа-

лизывывали именно большевики, но только ли они ответственны перед историей за драматический исход революционного процесса в послеоктябрьской России? Почему радикальный авангард, искренне стремившийся к созданию справедливого общественного порядка, не сумел принять оппозицию и, сломив сопротивление «бывших», а потом и уничтожив их, начал движение в сторону тоталитарной системы?

Чтобы понять логику развития исторических событий после Октября 1917 г. и дать объективную оценку политике ликвидации собственников и собственности, следует разобраться в её истоках, берущих своё начало в тактике Временного правительства в период двоевластия, укорененных действиями большевиков после захвата власти и, наконец, принесших свои «горькие» плоды в 1918–1921 гг.

Если принять во внимание точку зрения историка-меньшевика Н.Н.Суханова о начале политики военного коммунизма с момента введения хлебной монополии в России сразу после Февральской революции, то нужно признать, что Временное правительство даже из чувства самосохранения должно было осуществить принудительное регулирование хозяйственных отношений по примеру европейских стран, так же как и Россия, оказавшихся втянутыми в 1-ю мировую войну. Так, если в Германии меры государственного регулирования были проведены немедленно методом «принудительного хозяйства» во всех отраслях производства через установление твердых цен, нормирование распределения не только сырья, но и непосредственного потребления людей путем карточек и пайков,

¹ По мнению ведущего специалиста ИРИ РАН А.К.Соколова, понятие классов сегодня необходимо подвергнуть методологическому переосмыслению, наполненному реальным историческим содержанием [см.: Соколов, 2002, с. 104].

то Россия затянула введение этих мер до такого предела, что в дальнейшем их нужно было осуществлять самым радикальным способом. Согласно справедливому замечанию русского философа П. Чаадаева о сложном характере исторического пути России, то «что у других народов обратилось в привычку, в инстинкт, нам приходится вбивать ударами молота» [цит. по: Наше Отечество, 1991, с.41]. Глубинная причина этого – позднее вступление России в капитализм. 1-я мировая война вскрыла незрелость буржуазных отношений, означавшую, что ни буржуазия, ни государство не успели усвоить определенные правила в использовании рыночного механизма. Представляется, что именно поэтому экономика России, пережив подъем в 1914 г., став основным мировым экспортером хлеба, уже через пять месяцев военных действий проявила дисбаланс, выраженный в быстрорастущих ценах, транспортных затруднениях, спекуляции. В этих условиях необходимость решительного урезания прав крупных землевладельцев на распоряжение своим товаром была главной задачей буржуазно-помещичьего правительства, которое ввело обязательную поставку хлеба в казну, согласно разверстке осенью 1916 г. – 25 марта 1917 г. теперь уже Временное правительство, издав постановление о государственной торговой монополии на хлеб, продемонстрировало понимание данной проблемы и готовность направить в распоряжение государства все количество хлеба за вычетом запаса, необходимого для продовольствия и хозяйственных нужд. Но данная мера требовала подчинения государственному регулированию рынка промышленных товаров, исходя из чего 16 мая 1917 г. меньшевистско-эсеровский Исполком Петросовета принял резолюцию «регулирующего участия государства» почти для всех отраслей промышленности в распоряжении сырьем, готовой продукцией, в установлении цен. Но нажим промышленных кругов на власть оказался сильнее обстоятельств. Временное правительство так и не приняло программу социально-экономического регулирования, показав, тем самым, предпочтительность конъюнктурных действий, когда поддержка интересов отдельных классов – собствен-

ников осуществляется в ущерб национальным интересам.

Неспособность буржуазии идти на компромиссы, осознать временность и вынужденность меры государственного регулирования хозяйственных отношений объективно подготавливала базу для прихода к власти той политической силы, которая вынуждена будет вводить госрегулирование «ударом молота» военно-коммунистической машины.

Всё это стало закономерным результатом не только преступной безответственности либералов, но и пагубной самонадеянности большевистской власти, которая, не будучи связанной «уважением к священной частной собственности», создавала новый общественный порядок на внесобственнической основе, притязая на выход за пределы товарного общества и, соответственно, выводя вопрос госрегулирования как второстепенный из круга более важных, с большевистской точки зрения, задач осуществления социалистической революции.

Однако латентно перекочевавшие из дореволюционной в послеоктябрьскую Россию социально-экономические и политические проблемы лишь обострили тему государственного регулирования. Если в период двоевластия её «питал» внешний фактор – Первая мировая война, то после Октябрьского переворота – внутренний, выраженный, прежде всего, в дальнейшем ухудшении продовольственного снабжения населения, фактор, способный «похоронить» самые благие намерения власти.

Лозунги большевиков о мире, земле и свободе, неоднократно ими провозглашаемые, действительно были общепризнанны и ожидаемы. Их реализация объективно способствовала модернизации России, её вхождению в мир индустриальной современности. Но в создавшихся условиях эти обещания, переплетенные с узкоклассовыми интересами, можно было реализовать только посредством диктатуры пролетариата, согласно В.И. Ленину, основной формы развития классовой борьбы на этапе перехода от капитализма к социализму [Ленин, 1970, с.14–15]. Обстановка всевозрастающего экономического кризиса подталкивала большевиков к его разрешению через

принуждение и насилие в их самых крайних формах.

Первым актом политической бескомпромиссности большевиков стал разгон Учредительного собрания, оцениваемый демократическими силами послеоктябрьской России как «величайшее преступление против Революции». Расстрел мирных демонстраций рабочих и служащих в его поддержку в Петрограде и в Москве стал выражением политической нетерпимости новой власти, спровоцировавший впоследствии общественное противостояние, а затем гражданскую войну. 11 января 1918 г. на III съезде Советов В.И. Ленин призывал: «На все обвинения в гражданской войне мы говорим: «Да, мы открыто провозгласили то, чего ни одно правительство провозгласить не могло... Да, мы начали и ведем войну против эксплуататоров» [цит. по: Наше Отечество, 1991, с.41]. Нельзя утверждать, что большевики не учитывали важности решения вопроса госрегулирования в первые месяцы революции, но примат узкоклассовых интересов и сложность создавшейся ситуации выдвигали первоочередность задачи «победить сопротивление имущих классов» как способа решения всех насущных хозяйственных, продовольственных проблем. Данная политическая установка власти вызвала соответствующую реакцию людей. И.Бунин в своих дневниках «Окаянные дни» записал один из уличных диалогов между «бывшими» и представителями «гегемона». На вопрос: «Кому же от большевиков стало лучше? Всем стало хуже и первым делом нам же, народу», – раздался ответ рабочего: «...Мы вас всех перережем». Солдаты подтвердили: «Вот это верно!» – и пошли прочь [Бунин, 1988, с.401]. В этой озлобленности – отчаяние, толкающее как рабочих, так и солдат на противоправные действия вплоть до физического уничтожения, последствия которых им совершенно неважны. Моральная индифферентность населения, как следствие несбывшихся ожиданий, неустроенности и нужды, стала той спровоцированной властью почвой, на которой взойдут ростки будущей гражданской бойни.

Ещё до устранения политических оппонентов Учредительного собрания больше-

вики сразу после свержения буржуазного правительства приступили к реализации программы ликвидации экономической основы имущих классов. Час капиталистической собственности в России пробил 20 ноября 1917 г., когда была произведена экспроприация денежных средств Петроградского Госбанка, а 17 ноября, по приказу В.И.Ленина, произошло овладение частными банками. В январе 1918 г. были аннулированы все акции ценных бумаг, а в феврале – все государственные займы царского и временного правительства. Параллельно этому стала осуществляться кампания по конфискации и национализации предприятий буржуазии. Все государственные фабрики и заводы перешли к новой власти автоматически. Национализация частных заведений началась в ноябре–декабре 1917 г. с конфискации российских наиболее крупных производств: Путиловского, Невского, Сестрорецкого заводов, групп предприятий Донбасса и Урала. Попытки владельцев торгового флота продать свои производства иностранцам были запрещены январским декретом 1918 г. о национализации промышленности. Завершающий удар по собственности был нанесен 28 июня 1918 г., когда в соответствии с ленинским декретом вся крупная промышленность и частные железные дороги безвозмездно переходили Советскому государству. Неделями раньше власть отобрала у владельцев все предприятия с числом более десяти рабочих, а там, где имелся механизированный двигатель, более пяти.

Национализация промышленности в регионах имела свои особенности. Так, в Татарской АССР этот процесс шел медленнее, чем в промышленно развитых районах из-за активного сопротивления имущих слоев, резко отрицательной позиции меньшевистско-эсеровских представителей в местных советах по этому вопросу. Многим владельцам Чистополя и Елабуги удалось бежать за границу, а мелкой промышленности не подвергнуться полному огосударствлению [Рабочий класс Татарии, 1981, с.110, 112]. Однако уже с осени 1918 г. по темпам национализации Татарская республика превзошла средний уровень по стране. К этому времени было обобществлено 60,9% предприятий

к общему числу отчужденных, а по стране только – 38,4% [Там же, с.112].

Так, исходя из своей политической доктрины, большевистская власть в соответствии с отвергнутыми Учредительным собранием, но одобренными III Всероссийским съездом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов принципами «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» сумело реализовать программу полного уничтожения частной собственности в промышленности – экономическом фундаменте собственников. Предполагалось, что централизованное управление улучшит материальное положение рабочих, увеличит их зарплату, усилит их участие в управлении производством. Однако кампания национализации привела к развалу производства, а перевод их на государственную дотацию вообще лишил их финансовых средств. Государство увеличивало эмиссию, росли инфляция и безработица. Положение было столь отчаянным, что призывы «хлеба и хлеба!» звучали не только из уст населения, но и руководства страны. В феврале 1918 г. В.Ленин требовал террора и расстрела на месте крестьян, не сдавших продовольствия в срок [см.: Наше Отечество, 1991, с.46]. Представляется неслучайным принятие в этом же месяце ВЦИКом «Основного закона о социализации земли», по которому в соответствии с декретом о земле крестьяне должны были получить 150 млн. десятин земли, освободиться от задолженности банкам и от платежей за землю. Но, распределяя землю, власть поддерживала бедноту, что вызвало сопротивление зажиточных слоев крестьянства, выраженное в придерживании хлеба. 26 марта 1918 г. Совнарком принимает декрет об организации товарообмена, который должен был разрешить продовольственные затруднения в городах, а также упорядочить стихию вольной торговли. Но и эта мера не принесла ощутимых результатов: товар служил не средством обмена, а премией бедноте за содействие в выкачке хлеба от более крепких хозяйств. Специальная инструкция Наркомпрода к вышеупомянутому декрету запрещала индивидуальный обмен с отдельными крестьянскими хозяйствами так же, как и покупку хлеба у каких-либо

организаций. Товары отпускались волостям и районам только при условии сдачи ими хлеба. Основным исполнителем этой задачи выступала беднота.

«Шесть месяцев крестьянского самоуправления в деревне», как некоторые авторы называли период с октября 1917 до лета 1918 гг., вызвали там социальное противостояние и подготовили почву для усиления репрессивного характера майского и июньского декретов 1918 г. о продовольственной диктатуре, комбедах и продотрядах. Приоритет классовых интересов поглотил стабилизирующую значимость товарообмена, и спустя год перед теперь уже новой властью вновь возник вопрос о хлебной монополии, нерешенный Временным правительством в 1917 г. Не сумев тогда проявить политическую волю, буржуазия не оставила большевикам иного выбора, кроме как сделать ставку на «применение вооруженной силы в случае оказания противодействия отбиранию хлеба и иных продовольственных продуктов». Социальная борьба в деревне стала продолжением таковой в городе. Введению продовольственной диктатуры пыталась противостоять эсеро-меньшевистская оппозиция в Советах, предлагавшая опереться на представительные крестьянские Советы, взять курс на восстановление демократических ценностей и, в целом, демократического строя. Решение этих задач виделось на пути нового созыва Учредительного собрания. Но на этом этапе институционального разрушения собственности вряд ли что можно было изменить. Затягивание и крайняя мучительность осуществления назревших преобразований ещё со времен буржуазного правительства не оставляли шанса на мирный исход. Вспыхнувший в конце мая 1918 г. мятеж чехословацкого корпуса стал сигналом к объединению всех антисоветских сил на востоке страны, положил начало регулярной гражданской войне с образованием фронтов и вовлечением в военные действия широких масс населения.

Против введения продовольственной диктатуры выступали как ответственные государственные руководители Л.Каменев, А.Рыков, Ю.Ларин; так и представители партии меньшевиков Р.Абрамович, В.Альтер, А. Бейлин. Однако открытой формой несо-

гласия с большевиками стал мятеж левых эсеров на V Всероссийском съезде Советов 6-7 июля 1918 г. В целях придания своим действиям легитимного характера на этом же собрании рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, большевики утвердили первую конституцию РСФСР, лишившую избирательного права и, соответственно, возможности участия в политической жизни представителей бывших имущих классов, священнослужителей, офицеров и агентов полиции. Введя преимущество прав рабочих по сравнению с крестьянами, большевики закрепили такую систему, по которой выборы были не всеобщими, не прямыми и не равными. Классовая сущность гражданских прав Конституции подверглась резкой критике. В частности, меньшевик Н.А.Рожков характеризовал её как антидемократический и даже реакционный законодательный акт. Он писал: «Республика эта – социалистическая. Но странно: читая её Конституцию, видишь в ней многое, нам знакомое ещё со времен царской России. ... В социалистической республике даже нет всеобщего и прямого избирательного права, зажат рот оппозиции, она изгоняется из всех учреждений, уничтожили все свободы, свирепствует террор, воскрешены все предания старого строя» [цит. по: Волобуев, Ильяшук, 1991, с.48].

Так, декларируя введение политических свобод – слова, печати, собраний, митингов и шествий, в реальности нарушаемых, первая Конституция России объективно отражала глубинные противоречия власти и общества. В течение лета 1918 г. комбедам удалось извлечь из крестьянских хозяйств буквально крохи продовольствия, а 30 млн. пудов хлеба, собранные осенью, дались ценой поголовного возмущения и волн крестьянских восстаний. Понимая абсурдность ситуации и необходимость ослабления деятельности комбедов, В.И.Ленин уже в начале августа 1918 г. меняет тактику в отношениях с крестьянством. Но несмотря на изменение курса, направленное на соглашение со средним крестьянством, деревня по-прежнему саботировала госзаготовки из-за сложностей получения промтоваров в обмен на хлеб, большая часть которого поступала в город через нелегальные торговые каналы.

Нелегальный товарообмен в условиях денежной эмиссии, полной разбалансировки доходно-расходных статей бюджета выполнял функции жизнеобеспечения людей. По замечанию известного экономиста тех лет С.Н.Первушина, массовые обследования питания неопровержимо доказывают, что большую часть продуктов население получало именно через «вольный» рынок, которым пользовались не только обыватель, но и правительственные учреждения [См.: Первушин, 1921, с.2]. Однако для власти в этот период борьба за чистоту классовых принципов представлялась более важной задачей. Поэтому, упразднив очередным решением от 21 ноября 1918 г. остатки частноторгового аппарата и наделив Комиссариат продовольствия функциями заготовки и снабжения населения всеми продуктами личного потребления и домашнего хозяйства, СНК нанес удар по торговле так называемых «мешочников» – единственному способу выживания людей. Реализация всех принятых декретов сказалась на российском населении самым пагубным образом. Особенно тяжело оно переживало последствия деятельности комбедов и вооруженного похода в деревню, когда у зажиточных крестьян было изъято более 15 млн. десятин земли. Логическим продолжением продовольственной диктатуры стал декрет от 11 января 1919 г. о разверстке зерновых хлебов и фуража. Поскольку данная разверстка содержала конкретные требования в отношении количества собираемого хлеба, постольку это в какой-то степени умеряло государственную потребность и было её формальным ослаблением. Однако оппоненты большевиков считали иначе. Так, по мнению Н.А.Рожкова, большевики должны были начать перестройку экономической политики как раз с отмены продовольственной диктатуры вообще. «Вся ваша продовольственная политика, – писал он В.И.Ленину в день выхода декрета, – построена на ложном основании... Сохраните Ваш аппарат снабжения и продолжайте его использовать, но не монополизируйте торговли ни одним предметом питания, даже хлебом... уничтожьте все заградительные отряды, если нужно даже силой... Нельзя в XX в. превращать страну в конгломерат средневековых замкнутых местных рынков»

[см.: Симонов, 1992]. На это В.И. Ленин ответил, что большевики не имеют сомнений в успехе экономической политики военного коммунизма, которая прямо ведет к социализму [Там же].

Продиктатуру критиковали не только меньшевики, но и профсоюзы, которые принимали участие в реквизиционной политике, знали её негативное воздействие и выступали против неё. Но апологеты военного коммунизма были непрístupны. Вслед за В. Лениным Н. Бухарин, Л. Троцкий призывали к беспощадному и неумолимому террору, требовали показательных процессов с суровыми приговорами, подписывали декрет об изгнании из страны «классово чуждых» элементов. И хотя они впоследствии стали убежденными сторонниками нэпа, их попытка реализовать иллюзорно-утопический коммунизм имела насильственный характер и сопровождалась человеческими жертвами уже в первый год существования новой власти. Весной 1918 г. в ходе подавления рабочих забастовок в Перми было казнено 800 человек. С осени 1918 г. в результате реализации политики раскачивания под руководством Я. Свердлова и Л. Троцкого было уничтожено 2 млн. чел. [Мельгунов, 1990]. Первыми жертвами смертной казни, восстановленной большевиками в июне 1918 г., стали члены семьи Романовых.

Таким образом, упразднив институт частной собственности и проведя комплекс мероприятий по экспроприации экспроприаторов, Советская власть ликвидировала экономический фундамент имущих классов. Монополизация всех средств буржуазной России позволила большевикам начать наступление на военно-политическую оппозицию, переросшее в гражданскую войну, в ходе которой произошла ликвидация, иначе говоря, физическое уничтожение имущих классов.

В отечественной историографии нет единого мнения о времени начала гражданской войны. Одни историки относят его к октябрю 1917 г., другие – к весне–лету 1918 г., когда сложились основные центры антибольшевистского движения и началась иностранная интервенция. Декретами «Об аресте вождей гражданской войны против революции» (ноябрь 1918 г.) и «О красном

терроре» (сентябрь 1918 г.) большевистское руководство законодательно закрепило свое «право» на насильственную расправу с противниками. Уже в ходе так называемого упрочения Советской власти с октября 1917 по май 1918 гг. были подавлены антибольшевистские мятежи атаманов Донского казачьего войска А. М. Каледина и на Южном Урале А. И. Дутова. На юге России и Северном Кавказе под руководством генералов М. В. Алексеева и Л. Г. Корнилова начала формироваться Добровольческая армия, ставшая основой белого движения. Уже летом–осенью, когда произошло выступление чехословацкого корпуса, начался ввод английских, французских, американских, японских войск. Введение продовольственной диктатуры и организация комбедов привели к созданию в деревне массовой базы контрреволюции. Объединение сил «демократической контрреволюции» и белого движения также происходило на антибольшевистской основе. Когда в июне 1918 г. против восставшего чехословацкого корпуса и антисоветских сил Урала и Сибири был образован Восточный фронт, а в начале сентября 1918 г. Красная Армия перешла в наступление в течение октября–ноября вытеснила противника за Урал, завершился I этап гражданской войны, итогом которого стало восстановление Советской власти в Приуралье и Поволжье.

II стадия гражданской войны была самой острой по накалу противостояния и продолжалась с декабря 1918 по июнь 1919 гг. Ожесточенная борьба Красной и белой армий переросла в разгул красного и белого террора. Объявленный «Верховным правителем России» адмирал А. В. Колчак захватил власть в Сибири, а в ноябре начал наступление в Приуралье с целью соединения с армией генерала Е. К. Миллера, опиравшегося на Антанту, для нанесения совместного удара на Москву. Однако, сумев взять Пермь 25 декабря, уже 31 декабря 1918 г. Колчак был остановлен Красной Армией. В марте 1919 г. А. В. Колчак начал новое наступление от Урала по направлению к Волге. Однако был остановлен вновь войсками С. Каменева и М. Фрунзе в апреле, а летом вытеснен в Сибирь. Мощное крестьянское восстание и партизанское движение против правитель-

ства А.Колчака помогло Красной Армии установить советскую власть в Сибири.

На III этапе (с июля 1919 – по ноябрь 1920 гг.) произошел разгром белых армий, обусловленный изменением политики большевиков в отношении среднего крестьянства. В июле 1919 г. А.Деникин захватил Украину и, проведя там мобилизацию, начал наступление на Москву. Для борьбы с А.Деникиным был образован Южный фронт под командованием А.Егорова, и в октябре Красная Армия перешла в наступление. Повстанческое крестьянское движение во главе с Н.Махно, развернувшим «второй фронт» в тылу Добровольческой армии, оказало ей поддержку и в декабре 1919. – нач. 1920 гг. войска А.И.Деникина потерпели поражение. Так была восстановлена Советская власть на юге России, Украине, Северном Кавказе. Приняв от Деникина командование остатками Добровольческой армии, П.Н.Врангель был избран «правителем юга России» и с апреля 1920 г. возглавил антисоветскую борьбу. Южный фронт под командованием М.Фрунзе начал наступление на врангелевскую «Русскую армию», которая была разбита в конце октября, а в ноябре части Красной Армии ворвались в Крым. Поражение П.Н.Врангеля ознаменовало конец гражданской войны. Наконец, на IV этапе (декабрь 1920–1922 гг.) происходило завершение ликвидации очагов гражданского противостояния на Дальнем Востоке, в Средней Азии и Закавказье, а белое движение и остатки либерально-демократической оппозиции оказались в эмиграции.

Вопрос – кто виноват в развязывании этой братоубийственной войны: представители бывших имущих классов, потерявшие власть и собственность, или большевики, навязавшие населению свой метод преобразования общества? – по-прежнему волнует специалистов и среди них не выработана общая позиция. Вслед за авторами «Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация» можно утверждать, что большевики победили не потому, что рабочие и крестьяне оказали им поддержку в Гражданской войне,² а потому, что боль-

шевики завоевали расколотое общество по кускам, общество, не способное к сопротивлению в общенациональном масштабе [Политическая история, 1996, с.103]. Однако имеет смысл и постановка вопроса о мере ответственности власти за принимаемые решения. Гражданская война, как национальная трагедия, была логическим следствием Октябрьского переворота 1917 г. А если говорить о его авторах, то, согласно мнению А.С.Синявского, это «отнюдь не большевики – мелкая сектантская» группка, ещё накануне революционного взрыва не надевавшаяся на какие-либо реальные перспективы. Их предоставили большевикам те самые либералы, которых сегодня идеализируют многие историки. Именно либералы разных мастей подтачивали российскую государственность на протяжении многих дореволюционных десятилетий, толкали власть на принятие неадекватных состоянию общества решений и непосредственно привели к демонтажу самодержавного режима. Режим, который в то время ещё соответствовал исторической, социокультурной, социальной почве... Но заменен он мог быть – по объективным причинам – отнюдь не демократией, а лишь ещё более жестким и репрессивным режимом, переросшим в «тоталитарную модель». Представляется, что в основании этой замены лежала глубинная причина, выраженная в неспособности власти возвысить узкоклассовый интерес над общенациональным. В результате как либеральная, так и большевистская власть в одинаковой мере несут ответственность за то, что ввергли страну в катастрофу.

Первый крупный западный историк советской эпохи У.Чемберлен утверждал, что «период военного коммунизма можно по праву считать величайшим и всеобъемлющим провалом». Он выражался не только в падении экономики страны, когда национальный доход в 1921 г. составил 1/3 уровня 1913 г., сельское хозяйство сократилось наполовину, а транспортная система была разрушена. Революционный процесс, завершившийся гражданской войной, вызвал гибель российского населения, надолго определившую его демографическое развитие. По данным В.Жиромской, с осени 1917 г. к 1920 г. население России сократилось

² Такую позицию небезосновательно выражают авторы издания «Наше Отечество».

на 7,1 млн. чел., к 1921 г. – на 10,9 млн. чел., а к 1922 г. – на 12,7 млн. человек. Трудно установить, какую долю в этом количестве составили представители имущих слоев, но по косвенным данным известно, что если в 1913 г. буржуазия, помещики, торговцы и кулаки составляли 16,3%, а в 1924 г. – 8,5%, то к 1928 г. – всего 4,5% населения, окончательно исчезнув как социальная группа в 1930-е годы.

Сформировавшаяся в российском обществе антисобственническая, антикапиталистическая ментальность стала самым тяжелым последствием советской политики ликвидации имущих слоев. Последовательно реализованная большевиками, она была подкреплена радикальной деинституционализацией 1917–1921 гг. Эта политика была закономерным результатом нерешен-

ности буржуазией целого ряда политико-экономических и социальных проблем, что сузило историческое пространство для их решения новой, более радикальной силой. Можно заключить, что близорукость Временного правительства в решении вопроса о госрегулировании в 1917 г. породила большевизм, а приоритет узкоклассовых ценностей последнего спровоцировал тоталитарную направленность последующего развития российского общества. Большевистский путь был не единственной альтернативой страны, но рассмотренная выше совокупность исторических обстоятельств обусловила жесткий вариант разрешения насущных проблем, одним из драматических проявлений которого стало уничтожение собственных граждан, разделенных по классовому признаку.

§ 2. Крестьянство в стране и ТАССР

Рафаэль Шайдуллин

В результате аграрных преобразований первых лет Советской власти в российской деревне оформился новый аграрный строй с преобладанием в нем мелкотоварного крестьянского уклада. Самой яркой чертой этих преобразований явилось уничтожение крупного полукрепостнического землевладения – главного оплота политической реакции и консервации традиционных земельных отношений в стране. Россия, в сущности, превратилась из страны крупного землевладения в страну мелкого крестьянского земледелия. Главной фигурой в деревне стал «советский бедняк».

В ходе аграрной революции 1917–1918 гг. и ликвидации частного землевладения увеличились площади крестьянских наделов. В процессе аграрных преобразований в Казанской губернии были национализированы и розданы крестьянам 714 тыс. десятин помещичьих, удельных, церковных и др. земель [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.1, д.1331, л.58]. В результате чего средний размер земельных наделов крестьян вырос на 10,4% (с 1,47 до 1,64 десятины) [НА РТ, ф. Р-4580, оп.1, д.118, л.1]. Из сравнительно-сопоставительного анализа площади розданной земли крестьянам вид-

но, что у татарских крестьян средний размер надела увеличился на 0,12 десятины, у русских – 0,38 десятины [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.1, д.1331, л.58]. Из этого следует, что в наиболее привилегированном положении в отношении землеобеспеченности оказались русские крестьяне. В 1920 г. средний размер земельного надела на едока у русских равнялся 1,89 десятины, у татар – 1,52 десятины и у национальных меньшинств – 1,51 десятины [Там же]. В некоторых кантонах, заселенных большей частью татарами, таких как Арский, Мамадышский площади земельных наделов на едока составляли 0,5 десятины [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.1, д.1331, л.58].

При рассмотрении причин данного вопроса важно учесть всю сложность социально-экономической ситуации, сложившейся в татарской деревне в период послереволюционных аграрных преобразований. Известно, что такое неравномерное распределение частновладельческих земель между различными национальными группами крестьянства в ходе аграрной революции произошло в силу социально-экономических и исторических причин прошлого. Здесь уместно привести оценку

одного из современников периода раздела частновладельческих земель, ответственного работника Наркомата земледелия Татарстана А.В.Коржеца: такое неравномерное распределение помещичьих земель произошло из-за того, что они «преимущественно располагались среди надельных земель русского населения, вдоль крупных промышленных центров и водных артерий Волги, Камы, тогда как земли татарского населения, в силу причин исторического прошлого, были удалены от этих центров в глубь страны и, естественно, оно не могло воспользоваться аграрной революцией» [Коржец, 1925, с.8].

С установлением Советской власти экономическое положение татарского крестьянства начало с каждым днем ухудшаться, самым тяжелым бременем для него была продовольственная и сырьевая разверстка властей. Новая власть, охраняя интересы пролетариата и бедноты, со всей жестокостью добивалась взимания продразверстки со всех слоев сельского социума. Особенно гнетущей для крестьянства была возрожденная в новой форме система «круговой поруки», связывающая всю деревню ответственностью за неплательщика – бедняка. Ко всему этому следует добавить еще множество других повинностей и чрезвычайных реквизиций: военная, гужевая и трудовая повинности, революционные налоги и контрибуции. Одновременно с этим по отношению «непокорного крестьянства» широко практиковались административно-репрессивные меры: штрафы, конфискация имущества, отдача под суд и отправка в трудовые лагеря. Развитие аграрного сектора неизменно двигалось в сторону дальнейшего упадка крестьянской жизнедеятельности, разорения и обнищания деревни.

Послереволюционные годы вековая мечта сельского обывателя быть хозяином на земле и свободно распоряжаться ее продуктами постепенно возбуждала крестьянское житейское самосознание и толкала селянина к активным действиям. Все индивидуалистическое сознание и житейская психология крестьянства возмущалось не только антирелигиозной политикой «безбожников»–коммунистов, но и продовольственной и сырьевой разверсткой властей, заставляя встать

его в оппозицию. Оно уже не могло больше мириться с действующей политикой «военного коммунизма» и объявляло экономический бойкот правящему режиму путем сокращения посевных площадей и поголовья скота, перехода на потребительскую норму хозяйствования, сокрытия запасов зерна, стравливания их животным. Наряду с экономическими формами воздействия на власть, крестьяне постепенно переходили к политическим действиям. События лета–осени 1918 г. указывали о начале крестьянской войны в деревне, когда повсеместно участились столкновения селян с властями, которые часто заканчивались вмешательством отрядов ВЧК или воинских частей. В сентябре–декабре 1918 г. значительную часть территорий компактного проживания татарского народа охватили крестьянские волнения. Так, например, в сентябре 1918 г. прокатились крестьянские волнения в Лаишевском [ЦГА ИПД РТ, ф.868, оп.1, д.100, л.18–19], в ноябре – Казанском [Чуканов, 2005, с.338], в декабре – Свияжском [Там же, с.334–342; НА РТ, ф. Р-98, оп.1, д.61, л.19, 28, 29] уездах Казанской губернии. В декабре 1918 г. в Казанском уезде крестьяне, доведенные до отчаяния, собрались на мирный митинг и решили предъявить свои требования властям, на который прибыли представители 6 волостей. Власти, в свою очередь, на разгон митинга направили карательный отряд, который открыл стрельбу по безоружным людям, в результате было убито и ранено свыше 100 человек [НА РТ, ф. Р-98, оп.1, д.61, л.16]. Весной 1919 г. с особой силой вспыхнули крестьянские волнения по всей территории Поволжья и Приуралья. Одновременно с «чапанной войной», охватившей значительную часть Поволжья, в марте 1919 г. прокатились крестьянские волнения в Свияжском, Спасском [НА РТ, ф. Р-98, оп.1, д.61, л.46, 108.] и Чистопольском [Там же, д.36, л.5] уездах Казанской губернии. Лишь ко времени весенних посевных работ путем жесточайших репрессий и определенных экономических уступок властям удалось сбить волну массовых крестьянских выступлений.

Эти разрозненные крестьянские волнения стали предпосылкой к «вилочному» мятежу 1920 г., охватившему ряд уездов Ка-

занской, Самарской и Уфимской губерний, места компактного проживания татарского крестьянства. Основным поводом для перехода селян к активным действиям против представителей Советской власти стали ужесточение мер по отношению неплатильщиков продовольственной и сырьевой разверстки, а также многочисленные бесчинства продотрядчиков и продуполномоченных в сельской местности. Наибольшим раздражающим моментом для голодного крестьянства стал лозунг продразверсточной кампании 1920 г.: сбор продразверстки в наиболее кратчайшие сроки и максимальном объеме. О чем свидетельствует доклад начальника гарнизона Бугульминского уезда И.П.Чуйкова, в котором говорится что «мы должны в течение последних этих двух недель перед распутицей взять хлеб по разверстке, дабы дать вздохнуть голодному центру, где хлеб даже едят на половину с соломой, а здесь крестьяне и мы вместе с ними едим сколько влезет» [ЦГА ИПД РТ, ф.868, оп.1, д.389, л.150об.]. Конечно, в своем докладе автор явно преувеличил хлебозаготовительные возможности региона. Местные крестьяне также хлеб не ели досыта, многие из них питались суррогатным хлебом.

Крестьянское восстание, известное под названием «вилочный» мятеж началось 4 февраля в д. Новая Елань Мензелинского уезда Уфимской губернии, которое впоследствии перекинулось на Кичуйскую, Альметьевскую, Урсалинскую волости Бугульминского уезда Самарской губернии и ряд волостей Чистопольского уезда Казанской губернии; продолжалось 35 дней. Характерно, что это выступление в ряде мест принимало организованный характер, оно сливалось в единый поток со всеми национальными и социальными группами деревни и приобретало ярко выраженное антисоветское направление. В период этого вооруженного противостояния власти с крестьянами жестокости проявлялись с обеих сторон. К примеру, отряд начальника Бугульминского военного гарнизона И.П.Чуйкова в количестве 50 человек в течение 10 дней (февраль–март 1920 г.) по пути продвижения из села Кичуй в город Бугульма совершил многочисленные бесчинства в татарских деревнях, что впоследствии послужило поводом вызова

его на партийную комиссию. Бойцы отряда венгерских интернационалистов во главе с Жиго, направленного на подавление «вилочного» мятежа, убивали и насиловали крестьян, грабили и сжигали деревни. Во многих местах накладывались контрибуции на жителей деревень, брали в заложники мулл, зажиточных крестьян, членов их семей и др., угрожая расстрелом, заставляли их выступать гарантами исполнения планов продразверстки и контрибуции, а также неучастия в антиправительственных выступлениях. В селах, занятых красноармейцами и отрядами ВЧК, у населения отбирали хлеб, фураж, скот, сено, дрова и др. Так, на жителей д. Малые Чути Бугульминского уезда Самарской губернии была наложена продразверстка в размере 14990 пудов хлеба и фуража.

«Вилочное» восстание было жестоко подавлено, среди повстанцев были убитые и раненые. Из отчетного доклада командующего Запасной армии Республики Б.И.Гольдберга известно, что во время продвижения вверенных ему воинских формирований в сторону Бугульмы, через территории Чистопольского уезда Казанской губернии, Мензелинского уезда Уфимской губернии и Бугульминского уезда Самарской губернии, было убито 637 человек, арестовано – 5235 человек. Так, по неполным данным, в период подавления «вилочного» мятежа было убито свыше 3 тыс. крестьян. Потери другой стороны составило около 800 человек [Шайдуллин, 2000, с.184].

После подавления локальных выступлений многонационального крестьянства к началу посевной кампании 1920 г. в большей части мест компактного проживания татарского населения установилось относительное спокойствие. Оно длилось до начала новой продовольственной кампании. С началом продовольственной кампании 1920–1921 гг. в деревне вновь стали слышны ропоты на власть. Во многих татарских деревнях крестьяне начали поговаривать, что власть «у них отбирает последнее и наверно хочет поморить голодом» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.1, д.197, л.3]. Настоящий разбой был учинен в Салаушской волости Елабужского кантона, где прибывший продотряд под командованием уполномоченного

А. Яшина из Мензелинска 26 ноября 1920 г. произвел почти полную конфискацию хлебов и имущества жителей. «Ни чем не считаясь, отбирал все до основания... избивал нагайками, сажал в холодные амбары». В результате, «население осталось без куска хлеба», зато «разверстка была выполнена полностью на 100%» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.1, д.104, л.104].

В результате тотальной конфискации продовольственных запасов и семенного материала у крестьянства к 1920–1921 гг. во многих местах компактного проживания татарского населения, особенно в Среднем Поволжье, сложилась крайне неблагоприятная экономическая ситуация. Крестьяне, лишившиеся не только хлебных запасов, но и значительной части продовольствия и посевного материала, постепенно теряли интерес к развитию своего хозяйства. С каждым днем их хозяйства все больше приходили в упадок, в них сокращались посевные площади, особенно рыночных культур. Так, например, в Казанской губернии к 1920 г. посевная площадь, по сравнению с 1913 г., сократилась на 22,2% (с 2,2 млн. дес. до 1,71 млн. дес.) [Штуцер, 1924, с.3]. Урожайность ржи уменьшилась (с одной десятины) в 2,5 раза, овса — в 2,1, гречихи — в 2,7 раза. Валовой сбор хлебов, по сравнению с довоенным уровнем, сократился в 4,3 раза [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.1, д.1330, л.23об.].

Войны и принудительные продовольственные и сырьевые разверстки не только нарушили нормальный ход развития аграрного сектора, но и потребовали выработки такой хозяйственной политики, которая отвечала бы интересам военного времени. Советское руководство, вслед за царским правительством, ввело государственное регулирование в аграрном секторе экономики страны. Фактически это решение было первой попыткой спланировать объем посевных площадей и определить размеры засеваемых культур в масштабе России. Правительство в директивном порядке устанавливало жесткий посевной план для каждого крестьянского хозяйства и определяло перечень обязательных сельскохозяйственных культур. В соответствии с этим планом до каждого крестьянского двора доводилось твердое задание по сдаче хлеба государству

и засыпке в общественные амбары посевного материала. Руководство страны таким образом попыталось взять под свой контроль почти всю экономическую деятельность крестьянства.

Для реализации поставленной цели весной 1920 г. в сельской местности советским руководством были образованы специальные органы — посевные комитеты. По плану большевистского руководства им возлагалась «огромная роль» в преобразовании многонациональной деревни. Они должны были оказать практическую помощь крестьянам в изыскании семян, снабжении их сельскохозяйственным инвентарем, рабочей силой и тем самым обеспечить на деле выполнение планового засева каждым сельским двором. Особый упор в работе посевных комитетов делался на оказание помощи бедноте и маломощным посевицам. В действительности, они занимались только выколачиванием у крестьян семенного фонда и засыпкой его в общественные амбары.

Однако государственные мероприятия по регулированию сельского хозяйства оказались малоэффективными. Попытки одним махом решить эту сложную задачу потерпели неудачу. Особенно плохую услугу оказали в этом деле административные восторги некоторых местных работников. Предпринятая попытка наибо́льшего решения продовольственной проблемы путем определения жесткого посевного плана с обязательным перечнем сельскохозяйственных культур для каждого крестьянского хозяйства оказалась чистой утопией. Государственное регулирование сельского хозяйства не смогло дать ощутимых результатов. Значительная площадь крестьянских полей осталась не засеянной. В конечном итоге, татарские селяне лишились стимула к производительному труду, в результате, они постепенно начали переходить к натуральным (потребительским) формам хозяйствования [Сабанче, 1922, 24 августа; 1923, 24 марта].

Для продразверсточной кампании 1920–1921 гг. характерным явлением было широкое применение мер административного принуждения по отношению к крестьянству. Как говорится в одном из документов тех лет, в 1920–1921 гг. «принудительные методы и решительные действия продорганов

и всего вспомогательного аппарата отличались особенной выпуклостью и яркостью» [Вестник НКВД ТАССР, 1921, № 4–6, с.4]. Основной причиной этих безобразий было повальное увлечение партийных и советских работников военно-административными методами решения поставленных задач. Любая задача ими воспринималась как боевое задание партии и разрешалась средствами «лихого налета» и «красногвардейского натиска» на «мелкобуржуазную массу крестьянства». Характеризуя работу местных органов власти и продовольственного ведомства, один из ответственных руководителей Татарской республики Н.И.Барышев на 2-й конференции Татарского обкома РКП(б) (26 февраля 1921 г.) заметил: «Мы видим, что сейчас в уездных райпродкомах и органах продовольственного ведомства чувствуется полнейший произвол, т.к. будто там находятся совершенно безответственные, политически неизвестные, неопределенные лица» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.1, д.79, л.55].

Все это наглядно показывает, что местные вышестоящие партийные и советские органы власти бездействовали, в лучшем случае были статистами происходящих событий. Фактически, их участие в этом процессе было номинальным: всю свою работу, как правило, они ограничивали составлением многочисленных инструкций, поскольку размеры продразверстки определялись Центром, им же формировались продотряды для ее сбора. По этой причине большинство местных руководителей бездействовали, не проявляли никакой собственной инициативы, беспрекословно выполняли распоряжения сверху и зачастую не задумывались, отвечают эти указания интересам местных жителей или нет. Об этом красочно свидетельствуют слова ответственного работника местного ВЧК А.А.Денисова, высказанные на 2-й конференции Татарского обкома РКП(б) (26 февраля 1921 г.): «Мы видели с тех пор много писанных инструкций. Инструкции хороши. По-деловому, практических предложений провести в жизнь через непосредственный выезд на местах самих членов Бюро областкома не удалось». На места «посылают незнакомых с работой партии рядовых ... работников», которые проводят инструкции, написанные

в 1917 г.» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.1, д.79, л.60]. Эти руководители закрывали глаза на бесчинства продотрядчиков, позволяли им грабить крестьян. При обращении к ним крестьян разводили руками и говорили, что они в этом не виноваты и просто выполняют волю вышестоящих органов.

В результате, стали возможны различные меры административного, экономического и политического принуждения крестьянства. Татарстан в числе первых в России выполнил план по продразверстке на 103%. Тогда как по России к 20 февралю 1921 г. он был выполнен всего на 58,7% [Поляков, 1967, с.54]. Вследствие такой попустительской политики местных властей из скудного урожая 1920 г. (свыше 32 млн. пудов [Отчет эконом. сов. ТАССР, 1922, с.52]) было изъято и вывезено чрезмерно большое количество хлеба (свыше 10 млн. пудов, или 35% от валового сбора хлебов [Шайдуллин, Валиев, 1995, с.424]). Что привело в 1921 г. к массовому голоду населения и обострению социальной напряженности в деревне. В конце 1920 г. и особенно в начале 1921 г. в республике вспыхнули крестьянские восстания на почве голода. Репрессивные меры советского правительства не смогли приостановить движение крестьянских масс. На 2-й конференции Татарского обкома РКП(б) (26 февраля 1921 г.) Н.И.Барышев, характеризуя политическое положение в деревне, сказал, что «...сейчас идут восстания. Если посмотреть сейчас на деревню, то волосы дыбом могут стать» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.1, д.79, л.57].

В 1920–1921 гг. татарская деревня переживала острый продовольственный кризис. В ряде мест компактного проживания татарского населения произошли волнения голодного населения. В апреле–мае 1921 г. произошли выступления крестьян в Арборской, Шубинской и Атнинской волостях Арского кантона, Байсаровской волости Мензелинского кантона [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.1, д.197, л.17, 20.] и Алексеевской волости Чистопольского кантона [Там же, д.128, л.481], в ходе которых был захвачен и разделен крестьянский семенной материал, хранящийся в общественных амбарах. Основными причинами недовольства крестьянства были отсутствие продовольствия,

семян, промышленных товаров, дороговизна товаров и т.д.

В конечном итоге, продолжение политики «военного коммунизма» явилось основной причиной страшного голода 1921–1922 гг., когда свыше трех миллионов татарского населения было обречено на голодную смерть. В 1921 г. на Поволжье и Приуралье, в том числе на Татарскую республику, обрушился страшный голод. В Татарстане сбор хлебов в 1921 г., по сравнению с 1913 г., сократился на 94% (с 112 до 6,4 млн. пудов) [Шалавин, 1923, с.48]. На голодную смерть было обречено 83,3% населения республики [Отчет о деятельности ЦИК и СНК, 1922, с.60]. Голодное крестьянство, оставшееся после продовольственной кампании 1920–1921 гг. без куска хлеба, требовало у правительства продукты питания. Местное руководство не спешило оказать продовольственную помощь сельскому населению, а наоборот, вплоть до ноября–декабря 1921 г. было занято сбором с них налогов, посевного материала и т.п. Отчаявшееся крестьянство в американцах увидело своих спасителей: по мнению многих из них, «приехавшие американцы хотят взять власть в свои руки, после чего начнут кормить массу» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.1, л.100, л.13]. Действительно, «АРА» и другие гуманитарные общественные иностранные организации спасли несколько сотен тысяч татарских крестьян от голодной смерти и эпидемий.

В 1921–1922 гг. массовый голод охватил многие места компактного проживания татарского населения. Так, по свидетельству документов из Пензенской губернии, официально признанной более благополучным регионом [ГАПО, ф. Р-298, оп. 1, д.5, л.18], татарские села там переживали те же лишения, что и в голодающих губерниях Поволжья [Сабанче, 1924, 22 декабря]. В период голодного противостояния крестьянства на местах компактного проживания татар создавались различные чрезвычайные комиссии помощи голодающим и общественной взаимопомощи. 21 июня 1921 г. в Татарстане была создана Чрезвычайная комиссия помощи голодающим при ЦИКе республики. В Саратовской губернии, наряду с немецким, мордовским учреждением взаимопомощи, была создана татарская

национальная секция помощи голодающим [ГАНИСО, ф. Р-27, оп.2, д.57, л.12]. В результате деятельности этих комиссий значительно сократились эпидемические заболевания и смертность среди голодающего населения поволжских губерний [ГАНИСО, ф. Р-27, оп.2, д.181 б, лл. 9, 47]: в начале 1922 г. она не превышала 6% [Сабанче, 1922, 11 сентября].

Несмотря на эти мероприятия помощи голодающему населению страны, в годы голода 1921–1922 гг. в ряде мест компактного проживания татар наблюдалась большая смертность и массовое бегство крестьян в урожайные губернии. Так, данные загсов Татарстана за 1921–1922 гг., показывают уменьшение численности населения примерно на 600–700 тыс. человек, в том числе 300 тыс. случаев смерти [Шайдуллин, 2000, с.168], большая часть из них приходится на татарское крестьянство. Особенно высокую смертность татарского населения в Татарстане была в первой половине 1922 г. По данным Наркомата внутренних дел ТАССР, к концу 1922 г. численность сельского населения вследствие вымирания и переселения сократилась, по сравнению с демографической переписью 1920 г., на 400 тыс. человек. А если сравнить ее с данными сельскохозяйственной переписи 1920 г., то эта разница будет равняться свыше 650 тыс. человек [Шайдуллин, 2000, с.169]. Следствием чего явились повышение смертности и понижение рождаемости татарского населения по сравнению с русским. В 1921–1923 гг. смертность у татар составила 6,6%, у русских – 4,1%, рождаемость – 1,7%, у русских – 1,9% [Третий пленум, 1927, с.35].

Тяжелые последствия неурожая 1921 г. наложили отпечаток на всю хозяйственную жизнь татарской деревни. В период голода в татарских деревнях почти на одну треть уменьшилось число крестьянских хозяйств, что привело к существенному росту незасеянных площадей сельскохозяйственных земель. Так, например, в Татарстане размер пашни, по сравнению с 1920 г., сократился на 39,8% (с 1,71 до 1,03 млн. десятины) [Штуцер, 1924, с.3]. Неурожай 1921 г. негативно сказался и на животноводстве. Многие татарские крестьяне остались без скота, который был употреблен в пищу или ис-

пользован в качестве обменного продукта. Необходимо отметить и тот факт, что в татарских селах лошади традиционно использовались и в качестве тягловой силы, и в качестве продукта питания. К 1922 г. убыль поголовья скота, по сравнению с 1917 г., в Татарстане составила: лошадей – 65%, крупного рогатого скота – 65%, овец и коз – 91%, свиней – 97%. Особенно пострадал рабочий скот: по скромным подсчетам для нормального развития аграрного сектора республики не хватало примерно 400 тыс. лошадей [Бюллетень СНК ТАССР, 1923, 32, с.4]. Колоссальный урон в животноводстве поставил татарское крестьянство в тяжелое экономическое положение. Известно, что в те годы лошадь и корова являлись тем минимумом, дальше которого крестьянину опускаться было некуда, кроме как стать полным пролетариатом, «презренным в татарской деревне батраком». Крестьянские хозяйства также остро испытывали нехватку сельскохозяйственного инвентаря. В 1922 г. по Татарстану на каждое хозяйство приходилось в среднем 0,6 телеги, 0,4 сохи, 0,3 плуга, 0,6 бороны, 0,5 косы и 2 серпа [Авербух, 1922, с.56].

Точно такая ситуация была и в некоторых других местах компактного проживания татарского населения. О чем наглядно доказывают сравнительно-сопоставительные оценки Кривоозерской волости Пензенской губернии, по которым к 1922 г., по сравнению с 1917 г., поголовье лошадей сократилось почти на 70%, коров – на 73%, овец – на 83% [ГАПО, ф. Р-298, оп.1, д.14а, л.117]. В другой волости этой же губернии в татарских деревнях поголовье лошадей сократилось на 71%, коров – на 88%, мелкого рогатого скота – на 91% [ГАПО, ф. Р-298, оп.1, д. 14а, л. 112].

Эти данные наглядно доказывают, что в годы голода 1921–1922 гг. сильно пострадали татарские крестьяне не только регионов, подвергшихся жесточайшей засухе, но и более благополучных регионов компактного проживания татарского народа, например, Пензенская губерния. Все это позволяет сделать вывод о том, что «в результате приходится не восстанавливать крестьянское хозяйство, а создавать его вновь» [Там же].

Переход к новой экономической политике стал поворотным моментом в развитии сельского хозяйства страны. Этот процесс сопровождался не только социальными изменениями в деревне, но и некоторыми качественными сдвигами в развитии крестьянского хозяйства. Это выразилось, прежде всего, в увеличении посевных площадей, повышении культуры земледелия и товарности сельскохозяйственной продукции. Лето 1922 г. в некоторых регионах компактного проживания поволжско-приуральских татар выдалось урожайным, что способствовало возвращению крестьянских хозяйств к нормальной жизни. Государственная агрокультурная и материальная помощь крестьянству усилила в деревне тягу к сельскохозяйственным работам [Сабанче, 1922, 1 сентября]. В 1923–1924 гг. почти во всех местах компактного проживания татарского населения наметился рост засеиваемых площадей сельскохозяйственных культур и увеличение поголовья крестьянского скота [Росницкий, 1925, с.13]. В Саратовской губернии в 1922–1923 гг. площади пашни выросли на 15%, общее поголовье скота – на 10% [ГАСО, ф. Р-521, оп.1, д.948, л.5,9; ф. Р-466, оп.1, д.57, л.1а; ГАНИСО, ф. Р-27, оп.3, д.23, л.84, д.32, л.69; д.147, л.64.]. Такие же тенденции наблюдались и в Татарской республике, где в 1923–1924 гг. посевная площадь выросла на 11,5% [Даниловский, 1924, с.3].

Однако увеличение посевных площадей при снижении урожайности не позволяет говорить об увеличении валового сбора урожая. Что подтверждается депрессивным характером развития сельского хозяйства Татарстана. В этой республике, в отличие от других регионов России, в первые годы новой экономической политики в деревне существенных изменений не произошло. Этому помешал ряд обстоятельств – неурожай 1922 и 1923 гг., массовый голод среди населения, большие материальные и людские потери. Так, например, в Татарстане в 1923 г. валовой сбор хлебов был ниже, чем в 1922 г., на 20,8% (29,5 млн. пудов и 23,4 млн. пудов соответственно) [ГАРФ, ф. Р-1066, оп.1, д.157, л.69, 66.]. Малый валовой сбор хлебов привел к острому продовольственному дефициту и массовому

голоду населения. На 1 февраля 1923 г. в Татарстане голодали 993711 человек [Там же, оп.2, д.127, л.130-131], к марту 1924 г. – 340 тыс. человек [Там же, оп.1, д.157, л.80]. Только с 1924–1925 гг. сельское хозяйство Татарстана постепенно стало набирать темпы роста. По нашим подсчетам, валовой сбор хлеба в 1925 г., по сравнению с 1923 г., увеличился на 306%, в 1926 г. – на 426%.

Причем подобная ситуация оказывается характерной не только для первой половины 1920-х гг., но и для всего рассматриваемого периода. В свою очередь, такое положение вещей сопровождалось естественным стремлением хозяев к интенсивным работам. Региональные власти стремились поддержать работников полей [ГАСО, ф. Р-521, оп.1, д.950, л.3]. Однако стремление к восстановлению имело ряд преград. Одной из таких стала критическая ситуация с тягловой силой. Необходимо отметить усилия губернских и республиканских властей в деле снабжения земледельческими машинами и орудиями труда, рабочим и продуктивным скотом. Власти помогали ремонтировать крестьянский инвентарь, на местах организовывали прокатные пункты сельскохозяйственных машин [ГАНИСО, ф. Р-27, оп.2, д.10, л.32]. Так, например, в 1922 г. татарское правительство выделило кредит в 45 млн. рублей на покупку рабочего скота, 27 млн. рублей на проживание до нового урожая, 10 млн. рублей на уборку урожая. Большая часть из этих средств была предоставлена бедноте. Кроме того, на целевое кредитование деревенских низов было отпущено 19 млн. рублей [НА РТ, ф. Р-3452, оп.1, д.117, л.14об.]. В 1924–1926 гг. для улучшения обеспеченности крестьянского хозяйства сельскохозяйственными машинами и земледельческим инвентарем в Татарскую республику было завезено 70 тыс. плугов, 74,6 тыс. борон, 461 сеялка, 1437 молотилок, 3005 зерноочистительных машин. В 1927 г. в республику дополнительно было завезено сельскохозяйственной техники на сумму 3,0 млн. рублей [Дювбанов, 1975, с.18]. С 1922 г. наряду с сельскохозяйственным инвентарем в Татарстан стали завозить тракторы. В 1922–1923 гг. в республике было принято на учет 13 тракторов общей мощностью 495

л.с., но из них использовались лишь 4 машины. В совхозах Киреметевском Чистопольского и Александровском Свяжского кантонов, Областной опытной станции с их помощью было вспахано свыше 302 десятины пашни и обмолочено 20 тыс. пудов хлеба [Труд и хозяйство, 1923, №6, с.123]. К октябрю 1928 г. тракторный парк Татарстана составлял 135 машин [Асанов, 1928, с.48], хотя в этом плане Татарстан значительно отставал от других регионов. Например, от Немецкой автономной республики, где уже в 1925 г. работало 450 машин [Стенографический отчет, 1925, с.202]. Немцы Поволжья большую часть сельскохозяйственных работ выполняли с помощью тракторов. В Татарской республике количественный рост тракторного парка не привел к качественному улучшению агрикультуры земледелия. Так, на 12-й конференции Татарского областного комитета ВКП(б) Ш.Г.Башкиров заметил что «из 110 тракторов, которые имеются в Татарии, 12 тракторов различных систем совершенно бездействуют ввиду невозможности рационально применить их в наших условиях. Остальные 98 тракторов системы «Фордзон» работают почти только наполовину, т.к. 25% из них требуют капитального ремонта и 25% – текущего ремонта» [Стенографический отчет, 1927, с.194].

С первых лет новой экономической политики для оказания материально-технической помощи крестьянству была задействована кооперативная сеть. Она велась, главным образом, по линии снабжения лошадьми. Средства на закупку лошадей кооперации выделяли различные государственные организации (ЦК Последгол, Наркомат земледелия Татарстана и Казанское отделение Госбанка и др.) и сами крестьяне. Так, в 1923 г. в Татарстан на государственные и кооперативные средства было завезено 3500 лошадей, на крестьянские – 31 тыс. лошадей [Бюллетень СНК ТАССР, 1923, №2, с.7]. К 1925 г. в республике насчитывалось 402256 лошадей. В течение одного года их поголовье увеличилось на 26%. Благодаря этому почти на 50% уменьшилось количество безлошадных хозяйств [НА РТ, ф. Р-5874, оп.1, д.963, л.2,3].

В 1920-е гг., несмотря на значительную материально-техническую помощь со сто-

роны государственных и кооперативных организаций, крестьянские хозяйства Татарстана остро нуждались в средствах производства. Нехватка инвентаря и тягловой силы усиливала нагрузку на них и снижала качество обработки земли. Так, нагрузка на одно пашущее орудие в 1926 г., по сравнению с 1917 г., выросла в Татарстане на 30% [Сивогринов, 1929, с.44]. В 1922 г., средняя нагрузка на одну лошадь составляла 15 десятины, в 1927 г. – 6 десятин, а в 1917 г. – 3 десятины [Труд и хозяйство, 1924, №10, с.22; Известия ТатЦИК, 1922, 15 ноября; НА РТ, ф. Р-5874, оп.1, д.963, л.3; Асанов, 1928, с.48].

В то же время следует заметить, что ряд кантонов Татарстана, особенно татарские деревни, в плане обеспечения земледельческими орудиями находился в плачевном состоянии. Так, в Буинском кантоне сельскохозяйственным инвентарем, особенно улучшенным, крестьянские хозяйства были обеспечены намного слабее, чем в других кантонах республики. В 1926 г. на 100 га посевной площади приходилось в среднем 5,7 плуга, а по Татарстану – 9,07. В значительной части крестьянских хозяйств Буинского кантона использовался примитивный сельскохозяйственный инвентарь – сохи, косули, сабаны. В крестьянских хозяйствах кантона имелось в наличии 34673 сохи, 1907 косулей и сабанов, 15173 плуга [Малкина, 1929, с.7].

Не лучше обстояло обеспечение земледельческими машинами и в других местах компактного проживания татарского населения. Количественный рост сложных сельскохозяйственных машин происходил очень медленно, так за 1922–1923 гг. число тракторов в Пензенской области увеличилось лишь на 9 единиц. В Саратовскую губернию к 3 мая 1923 г. потупили 7442 сельскохозяйственные машины [ГАРФ, ф. Р-1066, оп.2, д.7, л.122]. Уборочных машин в селах Пензенской губернии было в 6 раз меньше, чем по РСФСР [Росницкий, 1925, с.19], что объяснялось низкой покупательной способностью крестьян. Но даже при условии осуществления политики обеспечения сельскохозяйственными машинами на государственном уровне, слабая информированность, непросвещенность, отсутствие

навыков обращения с сельскохозяйственной техникой приводило к тому, что машины часто выходили из строя [Сабанче, 1926, 20 июля]. Крестьяне татарских деревень, не имея опыта эксплуатации техники, часто ломали машины. Отсутствие складов, неответственное отношение к эксплуатации приводило к нехватке машин, к срыву некоторых сельскохозяйственных работ.

К 1920-м гг. в татарских деревнях прочно утвердилась малая семья. Если большая семья состояла из родственников трех – четырех поколений, то малая семья обычно состояла из двух поколений, т.е. из супружеской пары и их детей, и реже – из родителей. По традиции среди татар имели место два вида раздела: частный и общий. Частный раздел имущества не приводил к распаду большой семьи и представлял выход из нее лишь одной семейной ячейки. Такие разделы чаще проходили при жизни отца. Отделившейся ячейке выделяли определенную долю имущества. Но при этом глава семьи старался, чтобы раздел не отразился на экономической жизни семьи. Этот принцип раздела сохранился в исследуемый период [ГАПО, ф. Р-1336, оп.1, д.9, л.3]. Поэтому отделившейся семье всегда выделяли худшую часть имущества. Частный раздел имущества приводил лишь к частному разрешению конфликта в семье. С выходом одной ячейки противоречия в ней не прекращались и в конце концов приводили к общесемейному разделу.

Татарская деревня в основном жила общинными традициями. Страх перед потерей земли, угрозой голода консолидировал татарскую сельскую поземельную общину татарской деревни. Поэтому большая часть татарского крестьянства выступала за сохранение общины и активно сопротивлялась введению участкового землевладения, она вела активную борьбу против хуторян и отрубников. Причины этой борьбы, как и ее формы, были самыми различными. В экономическом плане выход крестьян из общин часто был связан с нарушением привычных севооборотов и всего сельскохозяйственного цикла работ, что крайне отрицательно сказывалось на хозяйствах других общинников. В плане социальном вражда к «выделенцам» объяснялась тем, что среди них

было немало пришлых людей, получивших, по мнению крестьян, самые лучшие земли. Причем в последнем случае ситуация усугублялась действиями властей, часто провоцировавших общинников на выступления. Наконец, важную роль в этом сыграли также патриархально-общинные пережитки в сознании и поведении крестьян, взгляд на землю как на «дар божий», как на общенародное достояние, которое нельзя было передавать в частную собственность. Борьба крестьян против «выделенцев» проявлялась и в давлении на них сельских сходов, и в прямом вредительстве их хозяйств. Вот поэтому очень незначительное число крестьянских хозяйств вышло из общины. Многие крестьяне, подавшие заявления о выходе, затем под давлением общинников забрали их обратно. К тому же у выделенцев возникали трудности с содержанием скота, так как общинники запрещали им пользоваться общественными лугами и пастбищами, сенокосами. Землеустроенные хозяйства, видимо, действительно функционировали эффективнее, чем общинные, но едва ли они могли в этих условиях сразу оказать существенное влияние на общие показатели сельскохозяйственного производства. По данным исследований видно, что их хозяйства мало чем отличались от хозяйств общинников. Переход к участковому землепользованию далеко не везде вел к агрикультурному прогрессу и мог стать наглядным примером для окружающего крестьянского населения. Поэтому не случаен тот факт, что в Татарстане хутора и отруба не получили широкого распространения. К 1924 г. хутора занимали лишь 0,25% (283,2 тыс. десятин) общей площади пашни [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.1, д.1331, л.61].

Однако татарская община очень трудно откликнулась на современные агрикультурные мероприятия и приемы земледелия. В результате чего в большинстве татарских земельных обществах очень медленно прививались многопольные системы земледелия. В 1924 г. под многопольным севооборотом в Татарстане было занято 25 тыс. десятин пашни, в 1925 г. – 57 тыс. [Стенографический отчет, 1927, с.148], в 1926 г. – 70 тыс. [Шестой съезд Советов ТАССР, 1925, с.256], в 1927 г. – 100 тыс., или 4% всей посевной площади [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.2, д.323, л.122]. В Пензенской губернии

в 1923–1926 гг. площади многопольных севооборотов возросли более чем в 2 раза [Сабанче, 1923, 1 ноября]. Говоря вообще, следует заметить, что как в этой губернии, так и в других местах компактного проживания татарского населения, многопольные севообороты в татарских земельных общинах занимали незначительное место, по нашим подсчетам, менее 1% от всех площадей.

В 1920-е гг. наблюдалась определенная экономическая отсталость татарского крестьянства. Экономическая отсталость этой части населения республики по сравнению со средним уровнем окружающих русских крестьян являлась общепризнанным фактом. По части посева татарское крестьянство Татарстана отставало от русского на 7,5%, в отношении всего стада скота – на 17%, по обеспеченности рабочим скотом – на 7%, по обеспеченности плугами – на 32,3% и т.п. [Исхаков, 1929, с.VI]. Сам по себе этот факт различия в экономическом развитии татарской и русской деревень имеет старые корни, которые восходят к временам русской колонизации Казанского края. Татарское крестьянство, оказавшееся во второй половине XVI в. перед выбором: либо приспособиться к неумолимо развивающемуся процессу христианизации нерусских народов края и принять православие, либо покинуть свои обжитые места и переселиться в отдаленные залежные земли, утратив тем самым свои позиции в главных торгово-экономических центрах, вблизи крупных водных и шоссейных путей. Пожертвовав своим экономическим благополучием, значительная часть татарского крестьянства попыталось сохранить свою религию, культуру и традиции.

В 1920-е гг. жизнь татарского крестьянства, как и до революции, была связана в основном с мелким индивидуальным семейным хозяйством, которое эксплуатировало естественные производительные силы, в первую очередь, землю, скот и рабочую силу крестьянина. Мелкий сельский товаропроизводитель занимался преимущественно простым физическим трудом, воспроизводившимся как самой природой, так и внутри крестьянского хозяйства, которое, как правило, являлось и основным потребителем производимой в хозяйстве продукции. При этом носителем поземельных и имущественных прав являлся не отдельный

член крестьянского хозяйства, а семейно-трудовой коллектив лиц, совместно ведущих хозяйство. Семейная кооперация служила достаточным условием для использования наличных средств производства, состояние которых находилось в прямой зависимости от численности и состава семьи, поскольку распространенная практика уравнилельно-трудового перераспределения земли ограничивала размеры ее земельного надела. Натурально-потребительский характер значительной части татарских хозяйств и вызванная этим обстоятельством их экономическая замкнутость, а также традиционализм обусловили в татарской деревне господство уклада, свойственного докапиталистическим формам хозяйствования, в которых воспроизводство производительных сил не определялось товарно-денежными отношениями. Татарская деревня была также более чувствительной к любым нарушениям конъюнктуры рынка.

Экономическое неравенство между татарским и русским крестьянством еще в большей степени выявляется при рассмотрении их бюджетов. Татарское крестьянство по отношению доходности отставало от русского на 20–30%. Причем надо сказать, что снижение доходности этой группы хозяйств фактически зависело не только от рассмотренных нами моментов: наличие скота и инвентаря и неравномерное распределение помещичьих земель, но и от развития рыночных отношений. Отдаленность от водных, железнодорожных и шоссейных путей, городов-рынков наложила известный отпечаток на весь хозяйственный механизм татарской деревни. К тому же были слабо развиты средства передвижения, в основном использовался гужевой транспорт. Так, например, в Татарстане на 1 тыс. верст путей сообщений приходилось рельсовых путей 2,6 верст, водно-судоходных – 17,1, шоссейных – 1,8. Республика была беднее железными дорогами, по сравнению с Пензенской губернией в 8 раз (21,8 верст), с Ульяновской – в 5,5 раз (14,5) и Саратовской – в 4 раза (2,36) [Асанов, Бергер, 1927, с.36].

Конечно же, такое географическое расположение татарской деревни наложило неизгладимый отпечаток на все ее хозяйственное развитие. Татарское крестьянство в своих хозяйствах развивало менее интенсивные

культуры, в основном, серые хлеба: рожь и овес, почти не возделывало рыночные культуры: пшеницу, лен, коноплю, подсолнечник и др. В севообороте озимого и ярового клиньев татарским крестьянством свыше 90% отводилось под зерновые культуры. К тому же огородничество и садоводство в татарских хозяйствах занимали ничтожно малое место. О чем наиболее ярко свидетельствуют бюджетные данные крестьянских хозяйств Татарстана за 1927 г. Сравнительно-сопоставительная оценка 100 татарских и 100 русских крестьянских хозяйств показала, что площадь огородных культур в русских хозяйствах была в 15 раз больше, чем в татарских. В татарских хозяйствах огородные культуры занимали в среднем 0,1% обрабатываемой пашни, в русских – 1,5% [Ермолаев, Шараф, 1927, с.8].

С образованием Татарской АССР начался процесс обеспечения фактического равноправия татарских крестьян. Многим русским, представителям господствующей нации, трудно было свыкнуться с тем равенством национальностей, которое было декларировано после прихода к власти большевиков. Действительно, с переходом к новой экономической политике появились определенные надежды на фактическое равенство наций и религий. В те годы особую постановку у государства получили вопросы землеустройства. Задача землеустройства выдвигалась, главным образом, необходимостью подъема производительных сил и интенсификации сельскохозяйственного производства. В 1920-е гг. в Татарстане землеустройство было проведено на площади свыше 2,3 млн. десятин, из которой свыше 51,1% приходилась на татарское крестьянство. К тому же из 111 поселков, организованных на землях госфонда в 1923–1926 гг., 84 принадлежали татарам [Хафизов, 1960 а, с.284].

Экономическая отсталость татарской деревни также требовала от местного руководства мероприятий в области агрикультурного просвещения сельского населения путем издания соответствующей литературы. Следует сказать, что для этих целей издательским отделом Наркомата земледелия Татарстана только в 1925 г. было выпущено на татарском языке 26 изданий на 98 печатных листах общим тиражом 51,1 тыс. экземпля-

ров и на русском языке – 10 изданий на 27 печатных листах общим тиражом 20,6 тыс. экземпляров [Отчет ЦИК и СНК ТАССР, 1925, с.15]. Причем многие просветительские мероприятия Наркомата земледелия Татарстана не доходили до основной массы татарского крестьянства. Оно по-прежнему продолжало вести свое хозяйство на основе устаревших технологий, доставшихся от дедов и прадедов. Любое нововведение в большинстве случаев воспринималось крестьянством в штыки. Иногда татарское крестьянство отвергало даже крайне необходимые мероприятия для развития его хозяйства. Так, например, в 1923 г. оно воспротивилось борьбе с саранчой, говоря, что «борьба с саранчой равносильна борьбе с богом» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.1, д.906, л.101]. Вследствие чего агрикультурные мероприятия местного руководства часто оказывались малоэффективными.

Введение чрезвычайных мер во время хлебозаготовительной кампании 1927–1928 гг. в корне изменило отношение советского руководства к новой экономической политике. Командно-административные методы управления сельским хозяйством, широко применявшиеся в годы гражданской войны и отброшенные с переходом к новой экономической политике, начали вновь восстанавливаться: на местах стали закрываться рынки, запрещаться свободная торговля и создаваться заградительные отряды для борьбы с мешочниками, спускаться сверху планы по хлебосдаче в форме продрозверстки и т.п. Власти, начав с мягких форм внеэкономического принуждения, по мере форсирования темпов хлебозаготовительной кампании 1927–1928 гг. постепенно усиливали ее репрессивную направленность в плане принудительного изъятия крестьянского имущества, скота, земледельческого инвентаря. После принятия советским руководством ряда чрезвычайных законодательных актов в местах компактного проживания татар положение национально-крестьянства еще больше усугубилось. Поскольку на основании Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 29 июня 1929 г. для каждого района и села был спущен обязательный план по хлебосдаче. После его обнародования местные власти начали принуждать крестьян на сельских и волостных

сходах брать самообязательства по сдаче хлеба. Большая часть «хлебной разверстки» принудительно закладывалась на зажиточную часть деревни вне зависимости от того, торгуют они или нет [ГАПО, ф. Р-1315, оп.1, д.1, л.30]. Повсеместно проводились реквизиции излишков хлеба, фуража, семенного материала.

Однако даже подобные чрезвычайные меры не помогли государственным и кооперативным хлебозаготовительным учреждениям. Согласно документам, хлебозаготовительная кампания 1928–1929 гг. во многих местах компактного проживания татар осталась невыполненной [ГАПО, ф. Р-1315, оп.1, д.1, л.60]. В этот период, наряду с 58 статьей Уголовного кодекса РСФСР о контрреволюционной деятельности, особенно широко применялась 107 статья. К уголовной ответственности стали привлекать крестьян не только за невыполнение налоговых, страховых, заемных и прочих обязательств перед государством, но и за укрытие хлебных запасов, кожсырья. Фактически, этим актом в стране был введен запрет на рыночную хлеботорговлю [Колганов, 1990, с.108], началось свертывание новой экономической политики в деревне, развивающейся в русле общественно-политической кампании по переходу к принудительной коллективизации крестьянских хозяйств.

Как свидетельствуют документы, процесс организации колхозных хозяйств в местах компактного проживания татар в годы новой экономической политики проходил крайне медленно, трудно и спонтанно. Так, в докладе «О состоянии колхозов в Татарской республике», сделанном 27 сентября 1927 г. на заседании секретариата Татарского обкома ВКП(б) инструктором А.Гудожниковым говорится, что «в среднем на [один] колхоз приходится 215 десятин земли. По национальному составу коллективы имеют 52% татар. Обеспеченность земли доходит до 3,16 десятины на человека, т.е. выше средней крестьянской. Скота и сельскохозяйственного инвентаря в колхозах меньше, чем в крестьянских хозяйствах. Полной коллективизации ни в одном коллективе нет, а в 20 из них вообще нет никакой коллективизации, коллективность в быту отсутствует, только в четырех колхозах имеются общие кухни. В среднем урожаем в колхозах выше

крестьянских на 25%. Полностью колхозы не землеустроены. 83% из них экономически слабы» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.2, д.23, л.30]. По другим подсчетам, на один коллектив приходилось в среднем 12,5 хозяйств и 163 га сельскохозяйственных угодий [ЦГА ИПД РТ, ф.292, оп.1, д.553, л.25]. Заметим, что большинство коллективных хозяйств работали в убыток, применение сложных сельскохозяйственных машин в них было нерентабельно.

В 1927 г. в Татарстане около 100 тыс. крестьянских хозяйств (19%) было охвачено различными формами кооперации [НА РТ, ф. Р-4580, оп.1, д.403, л.42]. Из общего количества кооперированных крестьянских хозяйств 95% было кооперировано по линии кредитных и закупочно-сбытовых товариществ и 5% – производственной кооперации [Красная Татария, 1926, 17 октября]. Темп развития коллективных хозяйств в Татарстане был медленным. В 1928 г. колхозный сектор охватывал 0,5% всех крестьянских хозяйств республики [Гусев, 1929, с.25]. Процесс организации колхозов был вызван, скорее всего, возможностью получения от государства кредитов, налоговых и других материальных льгот, нежели верой в их «светлое будущее», что часто толкало крестьянство к созданию фиктивных (бумажных) коллективных хозяйств. В результате, многие коллективные хозяйства не смогли выйти из полосы проедания государственных кредитов и материальных средств. Урожай в колхозах, как правило, был чуть выше, чем в единоличных крестьянских хозяйствах. Но этот рост был незначителен, после удовлетворения нужд членов колхозов и покрытия других хозяйственных расходов оставшийся излишек не гарантировал надеждающего темпа накопления. Без этого нельзя было рассчитывать на дальнейшее развитие, процветание колхозной системы. Большинство колхозов оставалось на стадии мануфактурного развития.

С переходом к массовой коллективизации крестьянских хозяйств в местах компактного проживания татар с целью придания организационного начала процессу создания колхозной системы начали активно привлекать к этой работе уполномоченных по работе с национальными меньшинствами. Как правило, их основная работа заключалась

в оказании агитационно-пропагандистской помощи национальным меньшинствам [ГАПО, ф. Р-1315, оп.1, д.4, л.8]. Так, в Пензенской области в среднем по району, населенному татарами, работало три инструктора, которые оказывали содействие крестьянам, как по хозяйственным, так и по социально-экономическим вопросам. Несмотря на эти организационные моменты, в первые годы коллективизации колхозное движение не получило достаточно широкого развития. По-прежнему в деревнях действовали, в основном, простейшие формы производственной и потребительской кооперации, главным образом, товарищества. Так, например, к 1 октября 1928 г. в Татарстане насчитывались 1282 различные формы кооперативных товариществ [НА РТ, ф. Р-4580, оп.1, д.403, л.42]. На каждое из них приходилось в среднем 331,6 дворов и 1072 человека. Общая кооперированность сельского населения в Татарстане составляла 32,8% [НА РТ, ф. Р-3452, оп.1, д.29, л.2]. Такая же картина была и в Пензенской области, где простейшими формами производственной кооперации было охвачено 46% татарских хозяйств [ГАПО, ф. Р-1694, оп.1, д.13, л.206]. Значение обобществленного колхозного сектора в деревне Татарской республики оставалось незначительным: валовая продукция в 1926–1927 гг. составляла 1,3%, в 1928–1929 гг. – 2,8%; товарная часть в 1928–1929 г. – всего лишь 3,1% [НА РТ, ф. Р-4580, оп.1, д.336, л.3]. Согласно документальным данным из других мест компактного проживания татар, процесс кооперирования татарской деревни происходил очень медленно: в конце 1920-х гг. он составлял 15,4%, в начале 1930-х гг. – 46% [ГАПО, ф. Р-1315, оп.1, д.13, л.155].

Татарское крестьянство особой силой сопротивлялось обобществлению домашнего скота, особенно конского состава. Даже угрозы исключения из рядов ВКП (б) для татарских коммунистов не являлись достаточно емким аргументом. Они открыто заявляли властям, что «хоть завтра исключайте, а лошадь не отдам» [ГАПО, ф. Р-1694, оп.1, д.3, л.143, 449]. В то же время в качестве мер, охраняющих индивидуальные права хозяев на скот, татарские крестьяне предлагали в колхозах оставлять скот в индивидуальном пользовании [Там же, д.13,

л.198-198об]. Тяговая сила была в цене; так на 133 двора села Бикмурзино Неверкинского района Пензенской области приходилось 80 рабочих лошадей [ГАПО, ф. Р-1315, оп.1, д.9, л.5]. В условиях неблагоприятной конъюнктуры на хлебном рынке и жесткой налоговой политики конца 1920-х – начала 1930-х гг. многим лошадным крестьянам было выгодно податься в город на заработки. Достаточно отметить, что прибыль от извоза в 1920-е гг. была достаточно велика, учитывая расценки: от 1 до 25 верст – 5 рублей, до 25 рублей – за пассажира с багажом [ГАПО, ф. Р-1694, оп.1, д.3, л.143, 449].

В то же время с началом массовой коллективизации крестьянских хозяйств активизировалась миграция татарского населения в Среднюю Азию и Закавказье, особенно из Среднего Поволжья. Побросав свои хозяйства и земельные наделы, многие крестьяне ушли на различные стройки, нефтяные промыслы и шахты. Так, например, из сопредельных мест с Пензенской, Саратовской и Симбирской областями татары с семьями переселились на нефтяные промыслы Баку, из Татарстана – в республики Средней Азии (где они осели и образовали многочисленную татарскую диаспору). В результате активизации миграции среди сельского населения в 1930–1931 гг. начался массовый отток колхозного крестьянства из коллективных хозяйств. Так, вследствие массового выхода сельских жителей из колхозов количество обобщественных крестьянских хозяйств в Пензенской области сократилось до 25,2%

[ГАПО, ф. Р-1694, оп.1, д.13, л.206]. Процесс миграции татарского населения в какой-то мере приостановил введение паспортной системы в сельской местности, которое жестко прикрепило бы их к колхозно-совхозной системе. В документах встречаются также данные о саботаже, поджогах и уничтожении колхозного имущества, убийства активистов коллективной жизни и т.п. [ГАПО, ф. Р-1315, оп.1, д.13, л.71].

Таким образом, процесс коллективизации в татарских деревнях происходил крайне сложно. Процент кооперированного татарского крестьянства во многих местах компактного проживания татар Среднего Поволжья и Приуралья в середине 1930-х г. был намного ниже аналогичных показателей по русским селам. Однако Татарстан, в отличие от других регионов компактного проживания татар, по темпам коллективизации крестьянских хозяйств в 1930 г. занимал 3-е место по России. Рост членов кооперации происходил в основном за счет середняков и бедняков. Татары охотнее вступали в кредитную и потребительскую кооперацию в надежде на то, что первая позволит им быстрее восстановить хозяйство, а вторая – «является более крепкой» [ГАРФ, ф. Р-1235, оп.120, д.100, л.53]. Что касается производственной кооперации, она с большим трудом приживалась в татарской деревне. Лишь концу 1930-х гг. в ходе принудительной коллективизации в татарских деревнях страны сложилась колхозная система хозяйствования.

§ 3. Политика индустриализации страны: результаты в ТАССР и ее влияние на положение татар в республике и за ее пределами

Клара Назипова

К середине 20-х гг. XX в. стало ясно, что расчеты на скорую мировую революцию пролетариата не оправдались. В условиях больших экономических трудностей, острой борьбы за власть, в ходе ожесточенных внутривластных дискуссий победила точка зрения: «о возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране». Партия большевиков решила строить социализм в одной стране – СССР – своими силами. Основным его звеном была

признана первая в истории альтернативная капиталистической форсированная социалистическая индустриализация, которая бы осуществлялась на новой основе – социалистической собственности на орудия и средства производства и планового ведения хозяйства в условиях государства диктатуры пролетариата.

Официально курс на индустриализацию страны в качестве генеральной линии партии был провозглашен ВКП(б) на XIV съез-

де партии, состоявшемся в декабре 1925 г. Суть его состояла в том, чтобы превратить «СССР из страны ввозящей машины и оборудование в страну производящую машины и оборудование», чтобы таким образом СССР в обстановке капиталистического окружения не мог превратиться в экономический придаток капиталистического мирового хозяйства [КПСС в резолюциях, 1970, с.245]. XIV съезд ВКП(б) подчеркнул также «исключительную важность развития промышленной жизни в каждом районе, каждом округе, в каждой губернии, области, в национальной республике», привлечения к активному производительному труду всех трудящихся [Сажин, Налимов, 1960, с.111].

Стратегический курс партии предусматривал планомерную перестройку экономики страны на основе первоочередного развития приоритетных отраслей – тяжелой индустрии, особенно машиностроения – ее сердцевины. Промышленность Татарии из-за последствий Первой мировой и гражданской войн, военных действий, дважды проходивших на ее территории, большого ущерба, нанесенного людским ресурсам и народному хозяйству голодом 1921–1922 гг. находилась в критическом положении. Для восстановления промышленности не хватало средств. Это отмечалось почти на всех съездах Советов ТАССР, в решениях Областных партийных конференций и постановлениях обкома партии. По восстановлению своей промышленности республика отставала от других регионов РСФСР.

Крупная промышленность Татарской республики вплоть до 1924/1925 гг. работала себе в убыток. Только в 1926/1927 хозяйственном году она дает прибыль в размере около 4,6 млн. рублей. Восстановлена она была в 1927/1928 хозяйственном году. Валовая продукция всей крупной промышленности составила 120% к уровню 1913 г. [Сажин, Низамов, 1960, с.111]. Однако меньше вырабатывалось электроэнергии. Некоторые отрасли промышленности – текстильная, деревообрабатывающая, пищевая, швейная – дали больше продукции, чем в 1913 г., но объем производства на многих мыловаренных, полиграфических, строительных и других предприятиях не был еще восстановлен [Малков, 1930, с.20].

Восстановление промышленности базировалось на принципах нэпа (трестирование, хозрасчет и т.д.). Политика, направленная на поддержку мелких частных предприятий, создание благоприятных условий для внедрения и притока частного капитала в промышленность республики способствовали тому, что частники помогали восстановлению крупной промышленности. Государство получало от них дополнительные средства в виде арендной платы и налогов. Кроме того, частники производили необходимую для населения продукцию. Так, только за первое полугодие 1924/1925 гг. хозяйственного года все арендные предприятия республики произвели продукцию на 850 тыс. рублей, что составило 10% от всей республиканской государственной продукции. В ценностном выражении рабочий арендного предприятия выработал вдвое больше изделий, чем рабочий трестов [Глевский, 1925, с.41–43].

Из-за опасения партии социальной дифференциации в обществе одновременно с подъемом частной собственности над ней усилился контроль государственных и общественных организаций. Начавшиеся с 1924 г. ограничения деятельности арендаторов и собственников завершились в Татарии в 1928–1929 г. окончательной ликвидацией частного капитала в промышленности республики [см.: Назипова, 2000, с.305–324].

Восстановление промышленности происходило на старой технической основе за счет нагрузки существующих предприятий, благодаря более полному снабжению сырьем и материалами. Средняя изношенность основных капиталов промышленности составляла от 50–60% их начальной стоимости [Индустриализация ТАССР, 1968, с.144–145]. Для дальнейшего развития промышленности и всей экономики требовалось не только переоборудование старых фабрик и заводов на основе новой техники и технологий, но и особенно строительство новых современных предприятий. Наряду с технической отсталостью большие трудности создавали недостаток материальных и финансовых ресурсов, квалифицированных рабочих и инженерно-технических кадров, опыта крупного промышленного строительства.

Как в стране, так и в Татарии были противники индустриализации. Имелись они и в самой партийной организации республики, органах местной власти. Некоторые из них, ссылаясь на экономическую отсталость республики, утверждали, что ей не по силам индустриализация. «Она может осуществляться односторонне только за счет развития легкой и пищевой промышленности», - считали другие.

Были противники ее ускоренных темпов, создания национальных пролетарских кадров, коренизации партийного, советского и хозяйственного аппарата. Наряду с внутривнутрипартийной борьбой, тормозом для индустриализации являлись и трудности межнациональных отношений [Тагиров, 2008, с.241–256].

Для развития тяжелой индустрии, превращения Татарии в крупный индустриальный центр имели большое значение благоприятные условия в самой республике: наличие государственной промышленности, сельскохозяйственной, лесной сырьевой базы, запасы гидротехнических ресурсов Волги и Камы, выгодное транспортно-географическое положение между индустриальным Уралом и промышленным Центром на пересечении железнодорожных и водных путей, полезные ископаемые, трудовые ресурсы, навыки ремесленного и промышленного труда у населения.

Решение задач индустриализации в максимально сжатые сроки за счет внутренних накоплений, строжайшего режима экономии требовали напряжения всех сил и средств. Партийные, советские, профсоюзные и другие общественные организации Татарии всячески старались развивать живое творчество массы, превратить индустриализацию во всенародное дело.

Трудящиеся Татарии активно участвовали в изыскании и мобилизации средств для индустриализации. Они добивались сокращения штатов, уменьшения расходов на содержание учреждений, удешевления строительства. Благодаря сокращению расходов на управленческий аппарат на промышленных предприятиях и административных учреждениях только в 1926–1927 гг. было сэкономлено и направлено на развитие промышленности около 3 млн. рублей.

Рабочие, крестьяне, интеллигенция республики, увеличивая денежные вклады в сберегательных кассах, подписываясь на займы индустриализации, отдавали немало своих сбережений в фонд индустриализации. Так, только в течение 1927 г. в ТАССР от реализации трех займов индустриализации было получено около 12 млн. рублей [История ТАССР, 1968, с. 408–409].

Одним из главных источников накопления для индустриализации считается экспорт зерна. В.С.Лельчук, Л.Т.Кошелева и другие историки утверждают, что продажа изымавшегося у крестьян по баснословно низкой цене зерна не обеспечивала для закупки техники валютой в достаточном количестве и поэтому важной роли не играла. Наибольшую выручку за вывоз хлеба удалось получить в 1930 г. – 883 млн. руб. В тот же год продажа нефтепродуктов и лесоматериалов дала более 1 млрд. 430 млн. руб. Пушнина и лен добавили еще почти полмиллиарда и т.д. В последующие годы цены на зерно на мировом рынке резко упали. Экспорт большого количества хлеба в 1932–1933 гг., когда голодный мор косил советских людей, суммарно принес всего 389 млн. рублей, а вывоз лесоматериалов – почти 700 млн. рублей, вывоз нефтепродуктов – еще столько же. Только продажа пушнины в 1933 г. позволила выручить средств больше, чем за вывезенный хлеб [Правда, 1988, 28 сентября].

Понимая всю выгоду, Пушно-синдикат Наркомвнешторга приступил к созданию меховой промышленности в стране путем строительства меховых фабрик. Чтобы не отдавать за полцены нью-йоркским и лейпцигским меховщикам сырье и терять значительное количество валюты, Пушно-синдикат сумело через местные отделения Госторга организовать кустарную выделку мехов. Так, в селе под Казанью, где был развит меховой промысел, надомники производили первоначальную выделку сырья. Окончательно отделяли его на заграничных меховых фабриках. Нужна была своя фабрика. Народный комиссариат внешней торговли выбрал Казань местом строительства мехового комбината. Весной 1927 г. началось строительство меховой фабрики в Казани, где имелись благоприятные условия: были

мастера по меховому делу, скрещивались пути всех заготовителей мехов и пушнины. При строительстве использовали недействовавшие корпуса, оборудование бывших частных заводов в Ново-Татарской слободе. Строили фабрику в трудных условиях местные рабочие, инженерно-технический персонал. В конце 1928 г. был осуществлен пуск 1-ой Казанской меховой фабрики, получившей название «Первая Татарская». Это было головное предприятие будущего Казанского мехового комбината. В 1928–1929 гг. валовая продукция фабрики составила 8 млн. рублей [Сказ о казанских меховщиках, 1974, с.57]. Ее «мягкое золото» превращено было в валюту. Средства в местный бюджет не отчислялись.

В лесной промышленности Татарии в ведении Лесотреста насчитывалось в 1927/1929 хозяйственном году 6 действующих заводов, около 70% продукции которых сбывалось за пределами республики. В Докладе Госплана ТАССР «Об экономическом развитии республики в 1925/26 и 1927/28 гг.» отмечалось, что за эти три года из центра выделено всего 1584,5 тыс. рублей, которые «не способствовали улучшению общего состояния промышленности ТР. Из названной суммы по специальным заданиям центра» «1082 тыс. рублей затрачены на финансирование Лесотреста» [Индустриализация ТАССР, 1968, с.146]. В ноябре 1926 г. на станции Васильево Московско-Казанской железной дороги был построен новый лесопильный завод [Кр. Т., 1929, 9 мая]. В 1929 г. вошел в строй крупнейший в Европе, оборудованный по последнему слову техники Поволжский фанерный завод №3 в городе Зеленодольск, все процессы на котором были полностью механизированы. Начал действовать лесопильный завод «Красный коммунальник». В 1928 г. были построены лесопильные заводы в Набережных Челнах, Свияжске, Алькеевском районе [История ТАССР, 1968, с.412; Рабочий класс Татарии, 1981, с.173]. Их продукция шла и на экспорт. В 1940 г. вывоз лесовой древесины составил 507 тысяч кубометров.

В 1928 г. СССР по объему промышленной продукции оставался на 5-м месте в мире и на четвертом – в Европе. Около 2/3 продукции народного хозяйства давало

сельское хозяйство и немного более 1/3 – промышленность [СССР, 1982, с.137]. «По национальному доходу мощности капитала», – отмечали составители плана пятилетки, – «мы отстали от Соединенных Штатов на 50 лет» [Правда, 1988, 28 октября].

Начиная с 4-го квартала 1928 г. развитие народного хозяйства СССР стало осуществляться на основе пятилетних планов. Конкретной программой реконструкции народной экономики, в том числе и индустриализации страны, явился 1-ый пятилетний план развития народного хозяйства на 1928/29 – 1932/33 гг. Он был рассмотрен в апреле 1929 г. на XVI конференции ВКП(б), а затем утвержден V-м съездом Советов СССР в мае 1929 г. План предусматривал превращение СССР из аграрной в развитую индустриальную державу. Единственной политической силой в Советском Союзе, взявшей на себя государственное управление в области индустриализации, стал ВКП(б). Она разработала политику, стратегию и методы индустриализации, осуществлял руководство по их реализации.

Первый пятилетний план народного хозяйства и социально-культурного строительства ТАССР на 1928/29 – 1932/33 гг. пересматривался несколько раз, и каждый последующий вариант усиливал темпы подъема реконструкции народного хозяйства. Окончательный его вариант был рассмотрен и одобрен в начале ноября 1929 г. пленумом Татарского обкома партии, а в декабре этого же года утвержден II сессией Татцика VIII созыва и стал законом.

В 1928 г. Татария представляла район с малоразвитой промышленностью. Удельный вес ее промышленности составлял всего 33,1% [НА РТ, ф. Р-100, оп.4, д.1096, л.103; ГАРФ, ф.262, оп.1, д.549, л.6]. Основной задачей первого пятилетнего плана республики являлась ликвидация ее хозяйственной и культурной отсталости. Главная роль в решении этой задачи отводилась развитию ускоренными темпами крупной индустрии, количественному и качественному росту рабочего класса и особенно формированию его национальных кадров, повышению их квалификации. В целях преодоления отставания промышленности по плану предусматривались более высокие темпы ее развития,

чем в среднем по стране. Намечалось строительство 26 фабрик и заводов, ТЭЦ №1. На новое строительство и реконструкцию предполагалось вложить 86,6 млн. рублей.

В годы первой пятилетки рост промышленной продукции и доходов республики должен был происходить за счет отраслей легкой и пищевой промышленности.

Первый пятилетний план Татарии неоднократно пересматривался и Госпланом России. Так, в него не включили имевший всесоюзное значение Бондюжский химзавод им. Л.Я.Карпова, который по решению Северо-химтреста без веских оснований предстояло ликвидировать в 1929 г. Завод выпускал 405 производимых в Советском Союзе солей, а по таким продуктам, как гипосульфит, хлористый барий являлся единственным поставщиком в стране. Завод кроме того изготавливал серную, соляную, азотную кислоты, хлор, кальцинированную и каустическую соду [Кашин и др., 1965, с.54-55; РГАЭ, ф.4372, оп.9, д.1049 (г), л.61]. Его продукция, занимавшая по качеству первое место в стране, использовалась в оборонной, текстильной, бумажной, стекольной и кожевенной промышленности. Она поступала на предприятия Москвы, Ленинграда, Нижнего Новгорода, Саратова, Свердловска и других городов Центрального, Приволжского, Уральского регионов страны, шла на экспорт в другие государства [РГАЭ, ф. 4372, оп.9, д.1049, лл.46, 98об.]. Бондюжский завод был самым первым и самым старым химическим предприятием России. На нем работали три поколения химиков-рабочих и ИТР. Первокласные кадры завода укрепляли другие предприятия зарождающейся химической индустрии.

Коллектив завода, Татарский обком партии, правительство республики решительно выступили против ликвидации предприятия. Им удалось сохранить его.

Год с небольшим потребовался коллективу химзавода, чтобы в полтора раза повысить производительность труда, резко снизить себестоимость продукции. А по итогам 1930 г. Бондюжский химзавод вошел в число 11 лучших предприятий страны [Кр. Т., 1988, 28 августа].

Первые два года пятилетки промышленность Татарстана по темпам роста произ-

водства приближалась к среднему уровню РСФСР, что объяснялось возможностью расширения за счет основного капитала существующих отраслей. Для дальнейшего развития нужны были дополнительные вложения в создание новых отраслей строительства крупных предприятий. Из-за отсутствия капитальных вложений она отставала в новом крупном промышленном строительстве от других регионов страны. Это было связано с тем, что превышение капитальных вложений в местной промышленности Татарии началось лишь с 1926/1927 г., «тогда как аналогичный процесс, обеспечивающий расширенное воспроизводство по Союзу начался с 1923/1924 г., т.е. на 3 года ранее, чем в ТР».

Более или менее заметные вложения в расширение и капитальный ремонт существующих предприятий был сделан в размере 3,5 млн. руб. в 1928/1929 г. (т.е. в первый год пятилетки) [ГАРФ, ф.1235, оп.125, д.332, л.1]. По пятилетнему плану Татарии в 1929/1930 гг. на развитие промышленности должны были поступить 10 млн. руб. (без жилищного строительства), но фактически они составили 7,4 млн. руб., в 1930/1931 гг. (без судостроения) – 14 млн. руб. Размер вложений, планируемый по постановлению президиума Госплана РСФСР, уменьшился до 9,1 млн. руб. Это означало, что капитальные вложения в промышленность Татарстана сократились по сравнению с пятилетним планом в 1929/1930 гг. на 25%, а в 1930/1931 гг. на 35%. Кроме того, Госплан РСФСР исключил из контрольных цифр республики строительство 10 новых фабрик и заводов, имевших важное значение для развития промышленности. Все это могло способствовать тому, что Татария по темпу и удельному весу капитальных вложений стала бы еще больше отставать от среднего уровня по России, создавать угрозу для выполнения пятилетнего плана.

Изложенные выше акты содержатся в отношении от 3 июня 1930 г. СНК Татарской АССР Отделу Национальностей при ВЦИК, в котором приводятся аргументированные «возрождения против производственного Президиумом Госплана РСФСР сокращения лимитов по капитальному строительству промышленности на 1930/1931 г.» [Там же, лл.1–2об., 8–9об.].

На XIV Всероссийском съезде Советов, состоявшемся в 1928 г. в Москве, рассматривался вопрос о национальных районах РСФСР в национальном разряде. Выступавшие на съезде представители автономных республик, останавливаясь на проблемах своих экономик, отмечали об ограничении их самостоятельности и экономических прав.

Выступавший на съезде председатель Совнаркома ТАССР К.Х.Исмаев говорил: «Первый вопрос – вопрос о взаимоотношениях республик и областей с правительством РСФСР ... Имея достижения в области упорядочения бюджетных прав автономных республик до сего времени автономные республики (я не знаю, как в отношении остальных республик, но о Татарской республике я могу сказать определенно) не имеют еще утвержденных конституций. Скоро будет десять лет как существует Татарская автономная республика, и, несмотря на это, мы еще не имеем утвержденной центром Конституции. Это осложняет работу местных органов и создает ненормальное положение во взаимоотношениях с наркоматами РСФСР. Я бы мог привести очень много примеров характеризующих взаимоотношения автономных республик с центральными наркоматами. Укажу только на то обстоятельство, что иногда отдельные наркоматы рассматривают автономные республики не больше, не меньше как губернии, а иногда и как округа. Мне кажется, что это недопустимо. Наркомторг РСФСР, в частности, доходит до того, что по яичной заготовке намечает пункты, где должны быть организованы склады, причем решение это он считает окончательным, т.е. не подлежащим изменению на местах. Мне кажется, такого рода регулирование, такого рода централизация мешает разворачиванию работы, проявлению местной инициативы ... До сего времени при составлении планов, в частности по пятилетнему плану, причисляет нас то к одной, то к другой области, и тем самым осложняет работу. Нам хотелось бы, чтобы правительство РСФСР издало декрет о том, что Татарская республика является самостоятельной экономической единицей» [ГАРФ, ф.1235, оп.123, д.4, лл.9, 12].

Тем не менее, с 1929/1930 хозяйственного года в Татарстане начинается новое промыш-

ленное строительство в таких масштабах, каких еще прежде не было. В течение первой пятилетки республика сильно отставала от среднего уровня по стране по выработке электроэнергии. В 1930 г. на одного жителя в среднем по СССР было выработано 57 кВт, в ТР – 17 кВт, в 1932 г. она составила по стране 100 кВт, а по Татарии осталась на прежнем уровне [20 лет ТАССР, 1940, с.73].

Без достаточной энергетической базы, системы централизованного обеспечения республики электроэнергией не могло быть и речи о строительстве новых фабрик и заводов, развитии промышленности и социально-производственной сферы.

В мае 1930 г. на южной окраине Казани, в слободе Жировка началось строительство КазГРЭС – ТЭЦ №1. Подобная стройка сложного комбинированного предприятия с новейшей техникой осуществлялась в республике впервые, поэтому при ее сооружении пришлось столкнуться, особенно на первых порах, с большими трудностями и недостатками. Неудачным оказался первый проект станции. Строителям пришлось изменять, переделывать чертежи, добывать цемент, железо, строительные материалы. Не хватало квалифицированных специалистов, рабочих.

Строить приходилось в те годы при остром недостатке техники. Лопата, кирка, тачка, в лучшем случае лошадь и телега – таковы были основные орудия труда. Условия работы и жизни на стройке, особенно в первое время, были тяжелые: рабочие жили в землянках, временных палатках и бараках. Имелись большие трудности и в обеспечении их продуктами питания. Все это сказывалось на темпах строительства.

С самого начала сооружение Казанской ТЭЦ №1 было в центре внимания партийных, государственных и общественных организаций Татарии, местной печати. Стройка была объявлена всенародной стройкой республики. Ее включили в число 518 важнейших строек страны [Рабочий класс Татарии, 1981, с.171–173; История Казани, 1991, с.121–122; Белялов, 1978, с. 171–177]. Начальником ее был назначен Али Ганеевич Ганеев.

Ускорению строительства ТЭЦ №1 способствовало включение ее приказом пред-

седателя ВСНХ Г.К.Орджоникидзе от 8 января 1931 г. в число пусковых объектов. Это значительно улучшило снабжение стройки материалами, оборудованием, машинами. Усилилась помощь материальными и людскими ресурсами.

В сооружении ТЭЦ №1 приняли участие бригады бетонщиков из Березников, монтажники котлов из Березников, рабочие и специалисты других передовыхстроек. В основном же это были каменщики, арматурщики, опалубщики, другие строители и не имеющие никакой специальности чернорабочие из самой Казани, со всех концов республики. Несмотря на низкий уровень механизации, недостаточную квалификацию строительных кадров, благодаря высокому трудовому подъему, царившему на стройке, первая теплоэлектроцентраль была сооружена в рекордный срок (17 января 1933 г. в торжественной обстановке состоялся пуск первого турбоагрегата. 18 января 1933 г. в газете «Советская Татария» была опубликована статья под названием «Мощная фабрика электроэнергии». В ней сообщалось: «КазТЭЦ относится к станциям самого нового типа. Здесь нашли свое практическое применение почти все достижения мировой техники. На станции 5 котлов. Каждый дает 45-50 тонн пара в час при давлении 36 атмосфер. Оборудование для ТЭЦ готовили 11 первоклассных иностранных фирм и более 20 советских заводов». ТЭЦ №1 в основном была укомплектована импортным оборудованием. Но часто случалось, что инженеры и рабочие стройки в процессе монтажа оборудования быстрее находили решения вопросов, чем многоопытные представители фирм-поставщиков. А часть оборудования иностранного оборудования устанавливалась вообще без представителей фирм. Так произошло, к примеру, с мостовым австрийским краном в турбинном цехе.

Пуск ТЭЦ №1 положил начало развитию энергетической системы в Татарии, ТЭЦ №1 представляла собой уже современную для той поры станцию, вырабатывающую электрическую и тепловую энергию по наиболее экономическому технологическому циклу [Советская Татария, 1987, 2 июля].

За высокие темпы работ, достигнутые на строительстве станции, досрочный ее пуск

в эксплуатацию и проявленный трудовой героизм коллектив строителей и монтажников, по постановлению ЦИК ТАССР, был занесен в «Красную книгу новостроек Татарии».

Стройка явилась хорошей школой для последующих электростанций, новых крупных заводов и фабрик. На ней готовились кадры рабочих, инженерно-технических работников и для других строек республики.

По решению Наркомата внешней торговли СССР в годы первой пятилетки в Татарии бурно развивалось на индустриальной основе меховое производство. Общая сумма капиталовложений к концу пятилетки в меховую промышленность республики составила около 20 млн. руб. [Индустриализация ТАССР, 1968, с.324]. В 1928-1929 гг. были построены сыреиная, красильная фабрики. По строящимся скоростными методами в Ново-Татарской слободе крупнейшего по тем временам в Европе предприятия по выделке, квашению овчины и мерлушки, утилизационному заводу СНК СССР в начале 1930 г. принимает специальное постановление о включении их в список первоочередных строек СССР.

Предприятиям были выделены оборудование, строительные материалы. Строились они на основе последних достижений техники, оснащались отечественными и зарубежными машинами. В 1930 г. предприятия объединяются и создают Казанский меховой комбинат – крупнейшее в мире предприятие меховой промышленности. В его состав входили: 5 основных фабрик, 2 утильзавода, механико-монтажный завод, фабрика-школа ФЗУ, меховой техникум, а также крупные подсобные хозяйства: сырьевая база, материальная база и транспортные хозяйства.

В годы первой пятилетки в ТАССР было возведено всего 22 крупных предприятия, многие из которых имели всесоюзное значение (первый и единственный в СССР кетгутный завод; крупнейшая в стране валено-обувная фабрика им. М.Разумова; №№3,4,6,8 фабрики мехкомбината), более 60 средних фабрик и заводов, а также множество мелких предприятий. Валовая продукция только крупных предприятий составила уже в 1932 г. 117497 тыс. руб. [РГАЭ, ф.4372, оп.30, д.822, л.13; ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.14, д.157, л.2].

Всего в годы первой пятилетки подверглись реконструкции около 30 фабрик и заводов республики: фабрики «Красный текстильщик» в Кукморе, льняная им. В.И.Ленина, «Спартак», заводы «Серп и Молот», им. М.Вахитова и др. Валовая продукция их в 1928 г. составляла 45 млн. руб., а в 1932 г. – 133 млн. руб. [Объединенный пленум ОК и ОК ВКП(б), 1933].

С выполнением плана первой пятилетки Татария стала одним из значительных районов легкой промышленности РСФСР. Так, если Казанский мехкомбинат в 1928–1929 гг. выработали продукцию на 8 млн. руб., то в 1932 г. его валовая выработка продукции составила 128 млн. 614 тыс. руб. Перевыполнив экспортную поставку 1932 г., он выполнил досрочно задание правительства ТАССР от 2 июля этого же года «о дополнительной выработке продукции ширпотреба на 7100000 рублей» [Сказ о казанских меховщиках, 1974, с.56-57].

Швейная, обувная, валенная отрасли промышленности из полукустарных производств превратились в крупные механизированные отрасли. Удельный вес швейной промышленности Татарии в этой отрасли России в 1932 г. составлял 7,5%, льняной – 9,2%, жировой – 3,5% [РГАЭ, ф.4372, оп.31, д.1928, л.113]. В 1932 г. в республике было изготовлено 1646 тысяч пар валенной обуви, а удельный вес ее в валенной промышленности по СССР составлял 34,5%. В годы пятилетки производство кожаной обуви увеличилось в 3,4 раза, льняной ткани – в 1,1 раза.

Республика стала одним из центров деревообрабатывающей промышленности [Достижения ТАССР, 1967, с.16].

В борьбе за выполнение 1-ой пятилетки после опубликования 20 января 1929 г. статьи В.И.Ленина «Как организовать соревнование?» в республике развернулось социалистическое соревнование, ставшее массовым. Основной формой соревнования в этот период было ударничество³. К концу 1929 г. в республике было 305 ударных бригад. Соревнование охватило 40% ра-

бочих, занятых в промышленности. Главные задачи, которые при этом выдвигались и решались, были: повышение производительности труда, снижение себестоимости, расценок продукции, отсутствие брака, не опаздывать.

Рабочие на фабриках и заводах выдвигали встречные промфинпланы, усиливали контроль за ходом выполнения планов. Были и другие формы соревнования: сквозные бригады, общественный буксир, конкурс «Лучшее предприятие», межзаводские соревнования и т.д. Главным был лозунг «Пятилетку в четыре года» [Рабочий класс Татарии, 1981, с.186–194; История Казани, 1991, с.127–133].

Направление основных средств до 1930 г. в производстве, выпускающем предметы потребления, сократило сроки окупаемости капитальных вложений и ускорило рост доходов республики, получение ресурсов для развития отраслей, производящих средства производства в последующие годы. Несмотря на огромные трудности с сырьем, материалами, к концу первой пятилетки производство предметов потребления крупной промышленности Татарии увеличилось в 3,5 раза при увеличении по СССР на 87,3%. Валовая продукция только легкой промышленности Татарии в 1932 г. составила 221,3 тыс. рублей против 59,6 тыс. руб. в 1927-1928 гг. [РГАЭ, ф.4372, оп.31, д.1928, л.110].

Рост внутрихозяйственных накоплений позволил путем перераспределения части доходов увеличивать капиталовложения в тяжелую промышленность республики, так в годы первой пятилетки в развитие тяжелой индустрии было вложено средств вдвое больше, чем намечалось (вместо 36,0 млн. по плану – 57,9 млн. рублей, или 48,0% капиталовложений).

С 1932 г. республике началось строительство, непредусмотренное планом, но вполне обоснованное с точки зрения экономики Татарии и географии размещения гигантов: заводов авиационного, синтетического каучука, фабрики киноплёнки и др.

В начале 1933 г. советский народ приступил к выполнению второго пятилетнего плана развития народного хозяйства на 1933–1937 гг., утвержденного на XVII съезде

³ Понятие «ударники», «ударный труд» означают добросовестность, инициативность, профессиональное мастерство.

(январь–февраль 1934 г.) ВКП(б). Основной экономической задачей пятилетки являлось завершение технической реконструкции народного хозяйства, освоение новой техники и новых производств. Народное хозяйство оснащалось новой техникой, которую нужно было эффективно использовать. План предусматривал форсированное развитие восточных районов и национальных республик, в том числе и ТАССР, создание там опорных баз.

Вторая пятилетка Татарии предусматривала выдвинуть ее в число передовых индустриальных центров страны, превращение «в один из мощных индустриальных районов Союза» [РГАЭ, ф.4372, оп.3, д.1933, л.6]. Достигнуть этого предполагалось за счет развития преимущественно отраслей тяжелой промышленности: металлообрабатывающей, химической. Вместе с тем должны были развиваться легкая, пищевая, лесная промышленность. В годы второй пятилетки на народнохозяйственное и культурное строительство республики было израсходовано 1087,68 млн. руб. На развитие промышленности было направлено 703,2 млн. руб. капиталовложений [Индустриализация ТАССР, 1968, с.477–478].

За годы второй пятилетки были построены две мощные теплоэлектростанции: ТЭЦ №1 (вторая очередь ТЭЦ №2). Мощность электростанций республики возросла на 117,8% против 1932 г. В 1937 г. в Татарии производилось электроэнергия в три раза больше, чем в 1932 г. Потребление электроэнергии за эти годы увеличилось более чем в два раза [Рабочий класс Татарии, 1981, с.206].

Металлообрабатывающая промышленность в Татарии развивалась по следующим направлениям: машиностроение, судостроение, ремонтно-механические заводы в Казани и Чистополе, гвоздильный и чугунолитейный заводы. В годы второй пятилетки в республике насчитывалось 17 предприятий машиностроения и металлообработки, из которых 11 были сооружены заново, 4 (2 судоремонтных и 2 металлообрабатывающих) реконструированы, остальные находились в стадии строительства [НА РТ, ф. Р-100, оп.4, д.2931, лл.24-29]. Значительно расширил свою мощность судостроительный

завод «Красный металлист», которому в 1932 г. было присвоено имя А.М.Горького. Завод занимался судоремонтом, выпускал сельскохозяйственную технику: веялки, молотилки; чугунное литье. После реконструкции в 1925–1926 гг. начал строить гражданские суда (сухогрузные баржи, буксиры), а с 1934 г. – военные корабли (бронекатера) [ТЭ, 2005, с.451].

К числу всесоюзных ударных строек второй и третьей пятилетки относилось строительство «Казмашстроя» – Казанского авиакомбината, решение о сооружении которого было принято Наркомтяжпромом СССР еще в 1931 г.

2 мая 1932 г. на просторах Каравеевских полей на окраине Казани в присутствии сотен людей под звуки торжественной музыки были заложены первые камни в фундамент будущего гиганта машиностроения. Был выдвинут лозунг: «Вся Татария строит Казмашстрой», который нашел широкий отклик. Районы республики направляли кадры будущих строителей. Предприятия, учреждения посылали своих проверенных товарищей руководить хозяйством, партийной, комсомольской, профсоюзной работой.

Стройка стала интернациональной. Прибывали рабочие из Чувашии, Горьковской области, Украины, Марийской АССР и др. Стройке оказывалась самая разнообразная помощь [Советская Татария, 1967, 7 июля].

На строительстве авиакомплекса участвовали и зарубежные специалисты и рабочие, которые поселились в специально построенном для них доме. Жили они коммуной, которую назвали «Цемент». Работали в качестве инструкторов, бригадиров, обучая начинающих рабочих строительному мастерству. Были среди них победители социалистического соревнования, которым присвоили звание «Героя социалистической стройки Татарстана». По просьбе рабочих Авиастроя за организацию помощи в строительстве авиакомбината и других строек страны этого звания был удостоен глава Компартии Германии Эрнст Тельман [Советская Татария, 1979, 6 октября; 1981, 22 января].

Авиакомплекс состоял из двух совместно работающих заводов – авиационного и моторостроительного по производству самолета-

тов, двигателей винтов, арматуры, крепежных деталей. Одновременно развивались и вспомогательные производства (ТЭЦ, водозабор, железнодорожные и транспортные пути, завод силикатного кирпича, хлебозавод). Вся республика самоотверженно участвовала в этом строительстве. В результате, в 1937 г. вошел в число действующих завод №124 по производству самолетов, занимавшийся ремонтом цельнометаллических бомбардировщиков ТБ-3 и выпускавший малыми сериями машины ДБА-А, ТБ-7ДС-3.

К началу Великой Отечественной войны было освоено производство бомбардировщиков ПЕ-2. В 1940 г. вошел в строй завод двигателей. На заводе обозных деталей освоено производство авиальж.

К концу 1940 г. авиастроение – одна из наиболее технически развитых отраслей машиностроения с высокой степенью концентрации кооперирования и производства превратилась в ведущую отрасль машиностроения Татарстана. На его долю приходилось 85% стоимости основных производственных фондов, свыше 70% всех работающих, более 60% объемов производства этой отрасли [ТЭ, 2002, с.31].

Исключенное Госпланом РСФСР из первой пятилетки строительство завода «Пишмаш» все же было осуществлено в годы второй пятилетки. Для этого потребовались постановления Совета и Обороны (СТО) от 21 апреля 1933 г., СНК СССР от 24 октября 1935 г., постановления и решения СНК СССР от 20 февраля и 20 июня 1936 г. [РГАЭ, ф.4372, оп.31, д.1930, л.44; Индустриализация ТАССР, 1981, с.494]. На основе мало мощной мастерской был построен новый завод пишущих машин в Казани. Проектировала его московская организация «Гипромаш». Изучать производство в Америку послали создателя первой советской пишущей машины Г.А.Елизарова, который в 1937 г. стал директором завода и одним из его проектантов. В прошлом кустарная мастерская была преобразована в Государственный завод пишущих машин, выпускавший в год 6000 машинок, печатающих на 42-х языках национальностей СССР. К декабрю 1939 г. завод выпустил свыше 30000 машинок. Наряду с татарским шрифтом он производил машинки с чувашским, казахским, узбек-

ским, марийским, удмуртским, башкирским, кабардинским и другими шрифтами. Продукция завода шла в Якутск, Улан-Удэ, Омск, Фрунзе, Алма-Ату, Ташкент, Душанбе, Баку, Ереван, Тбилиси, Киев, Минск, Ленинград и другие города страны. В 1940 г. завод «Пишмаш» стал выпускать машину под названием «Прогресс», которая стала широко известной, а специалисты признали лучшей в стране [Рабочий класс Татарии, 1981, с.208; Вечерняя Казань, 1979, 1 декабря].

Крупным шагом на пути дальнейше го развития химической промышленности в Татарии явилось строительство в Казани одного из четырех (СК-4) (в Ярославле, Ефемове, Воронеже) заводов, где впервые в мире было осуществлено производство синтетического каучука. Строительство завода началось в 1932 г. Оно шло с большими трудностями. Так, в феврале 1933 г. противникам отечественного каучука удалось замедлить строительство Казанского завода. Были сокращены ассигнования до одного миллиона вместо предполагавшихся 20 миллионов рублей. Строительство завода оказалось законсервированным. Благодаря усилиям Татарского обкома партии и директора завода Ф.В.Егорова, который побывал на встрече с Серго Орджоникидзе, строительство возобновилось. Самоотверженным трудом строителей в 1934 г. возведение основных технологических цехов было закончено. При сооружении Казанского завода синтетического каучука с общей стоимостью в 58 млн. рублей и мощностью в 10 тысяч каучука в год был учтен опыт, накопленный строителями Ярославского, Воронежского и Ефремовского заводов синтетического каучука. Это позволило увеличить мощность завода в 2,5 раза [НА РТ, ф. Р-732, оп.1, д.2750, л.52]. Если первые заводы оснащались импортным оборудованием, то Казанский завод – современной сложной аппаратурой отечественного производства, изготовленной на советских предприятиях.

В строительстве завода участвовало более 60 предприятий и научно-технических учреждений страны. Новые высококвалифицированные кадры специалистов и рабочих для СК-4 готовились при помощи Ярославского завода синтетического каучука.

ИТР проходили стажировку на родственных предприятиях [Абрамов, 1970, с.42]. В августе 1936 г. была введена в строй первая очередь завода, а к 1940 г. с завершением строительства достигнута его проектная мощность. Завод синтетического каучука им. С.М.Кирова – первенец промышленно-органического синтеза Татарии. Своей работой он избавил страну от ввоза из-за рубежа значительного количества дорогостоящего натурального каучука. В годы Великой Отечественной войны он оставался единственным предприятием, обеспечивавшим потребность фронта и нужды народного хозяйства в каучуке.

Важная роль в развитии киноплочной промышленности страны отводилась строительству фабрики №8 Казанского кинофотокомбината. Постановлением СНК СССР от 30 апреля 1933 г. оно было включено в список «ударных строек», быстрый ввод в эксплуатацию которых имел особое народно-хозяйственное значение [О ходе строительства см.: Абдуллина, Аблязов, 1970]. Мощность одной только фабрики №8 должна была составить 250 млн. м пленок в год, в то время как производственная мощность двух первых советских фабрик пленки в Шостоке и Переславле не превышала 70 млн. в год [ЦГА ИПД РТ, ф. Р-732, оп.1, д.2750, л.520].

К 7 ноября 1935 г. фабрика выпустила первую продукцию. «Молодой коллектив Казанской учебно-экспериментальной фабрики кинопленки, – писала газета «Красная Татария» 17 апреля 1936 г., – добился большой победы – на пленке первого выпуска напечатана картина «Мы из Кроншта-та». По качеству казанская пленка оставила далеко позади пленки старых фабрик в Шостоке и Переславле». Казанская фабрика производила несколько видов кино- и фотопленки: кинопозитивные, кинопегативные, рентгеновские, любительские и др.

Фабрика кинопленки вступила в строй действующих в 1936 г., и в этом же году по производству кинопленки Советский Союз вышел на третье место в мире [Советская Татария, 1977, 25 мая].

XVIII съезд ВКП(б), проходивший в марте 1939 г., утвердил план развития народного хозяйства СССР на 1938–1942 гг. XVIII

съезд определил основную задачу третьей пятилетки: догнать и перегнать в экономическом отношении: т.е. по размерам промышленного производства на душу населения наиболее развитые капиталистические страны. В плане предусматривался значительный подъем всех отраслей народного хозяйства страны, причем особое внимание обращалось на ускоренное развитие тяжелой промышленности. К концу пятилетки планировалось увеличить выпуск ее продукции почти в 2 раза по сравнению с 1937 г.

В соответствии с планом третьей пятилетки СССР были определены и плановые задания по всем отраслям народного хозяйства Татарской республики. В промышленное строительство планировалось вложить 1 млрд. 69,5 млн. руб. [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.20, д.34, л.42]. К концу третьей пятилетки валовая продукция промышленности Татарии должна была возрасти по сравнению с 1937 г. в 2,3 раза. Третий пятилетний план предусматривал развитие в республике и прежде всего в Казани мощного машиностроения как основы механизации и автоматизации во всем народном хозяйстве. Большое внимание уделялось дальнейшему развитию химической промышленности, производству строительных материалов, сооружению заводов-дублеров, а также энергетики, легкой и пищевой промышленности.

Кроме Казани, крупные промышленные предприятия запланировано было создать в Зеленодольске, Чистополе, Камском Устье, Бугульме. В Татарии предстояло развернуть значительные нефтеразведочные работы, создавать условия для возникновения новых отраслей: нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности. Тем самым, республика должна была активно участвовать в создании новой нефтяной базы страны – Второго Баку [Кр. Т., 1939, 2 апреля].

В 1939 г. на геологопоисковые и разведочные работы на нефть в Татарской республике предусматривались затраты в 1340 тысяч рублей, в 1940 г. – 10390 тысяч, а в 1941-м г. – 11610 тысяч рублей [Советская Татария, 1977, 29 мая].

Как отмечается в документах Госпланов СССР и РСФСР: «Татария определилась как район благоприятный для развития точного и квалифицированного машиностроения»,

требующего относительно малого расхода металла, «технически совершенной химической промышленности» [Индустриализация ТАССР, 1981, с.451–452].

В годы третьей пятилетки в связи с началом Второй мировой войны, военной угрозой в планах третьей пятилетки на практике произошли изменения еще более ускоренного развития тяжелой индустрии и прежде всего ее военных отраслей. Все существующие предприятия и отрасли промышленности стали производить продукцию и материалы преимущественно необходимые для оборонных целей. В республике уменьшился выпуск товаров народного потребления, что вызвало их дефицит и дополнительные трудности для населения.

Удельный вес продукции промышленности во всей продукции народного хозяйства Татарии составил в 1941 г. – 86%, крупной промышленности – 77,6%. Это означало, что промышленность стала главной сферой производства, а республика из аграрно-промышленной превратилась в промышленно-аграрную.

За годы довоенных пятилеток к середине 1941 г. в Татарии было построено и введено в действие 58 крупных промышленных предприятий, множество средних и мелких, а также реконструированы все старые фабрики и заводы. В результате, в республике в начале 1940 г. действовало 805 промышленных предприятий вместо 127 в 1928 г. В 1940 г. валовая продукция крупной промышленности возросла по сравнению с 1913 г. – в 12 раз, продукция машиностроения и металлообработки – в 71 раз, химической промышленности – в 24 раза, лесной, деревообрабатывающей промышленности – в 21 раз, промышленности строительных материалов – в 12 раз, легкой – в 14,4 раза, пищевой промышленности – в 5 раз. В 1940 г. мощность электростанций по сравнению с 1928 г. увеличилась в 7 раз, а выработка электроэнергии возросла в 17 раз [Рабочий класс Татарии, 1981, с.210; Достижения ТАССР, 1967, с.17–19, 25, 29, 31, 77; Нархоз ТАССР, 1970, с.28, 47, 50, 52].

Большинство предприятий, построенных в довоенные годы, имело всесоюзное значение. Были созданы отрасли тяжелой индустрии – энергетика, машиностроение,

производство строительных материалов, химической промышленности. Возникли новые отрасли промышленности: по производству самолетов, синтетического каучука, кинофотопленки, фотожелатина, искусственной кожи, а также по производству разных видов оборонной продукции.

Увеличение в Татарии за 1928–1940 гг. в 11 раз производства промышленной продукции в расчете на душу населения, которое в 1913 г. было в четыре раза меньше, чем, в целом, в России, позволило ликвидировать эту разницу [Достижения ТАССР, 1967, с.30].

Отдельные предприятия и отрасли промышленности республики занимали значительный удельный вес в масштабе всей страны. Так, в 1939 г. в Татарии производилось 43% пишущих машин, до 50% меховых изделий, 32% фетровой и 27,9% валяной обуви, 8,6% фанеры, выпускавшихся в СССР [Известия, 1939, 4 июня; Индустриализация ТАССР, 1981, с.466, 473, 479].

Для освоения вновь строящихся предприятий, обеспечения работоспособного состояния решалась важнейшая задача подготовки квалифицированных специалистов: ИТР и рабочих, в том числе и национальных, способных полностью и по-хозяйски использовать новую технику и совершенствовать ее, управлять сложными технологическими процессами, двигать их вперед. Осуществлять ее приходилось быстро, без всякого опыта, путем проб и ошибок в экономически отсталой, технически безграмотной стране.

В промышленности Татарии плохо обстояло дело с инженерно-техническим персоналом. На конец 1926 г. на фабриках и заводах республики имелось всего 43 инженера (2 женщины), 150 техников (1 женщина), 121 мастер (1 женщина). Среди них было татар: 2 инженера – женщины, 3 техника – мужчины, 32 мастера – мужчины [Рабочий класс Татарии, 1981, с.177]. По обеспеченности инженерно-техническими кадрами в 1928–1929 гг. промышленность Татарской республики сильно отставала от РСФСР в целом. Если в РСФСР промышленный инженерно-технический персонал составлял 2,5% к числу занятых в промышленности, то в Татарии – 0,87%, из них 0,27%

с высшим образованием и 0,60% со средним образованием [ГАРФ, ф.1235, оп.123, д.7, л.44]. Старые инженерно-технические работники не могли удовлетворить потребности развивающейся промышленности. Шел процесс создания новой производственно-технической интеллигенции, инженеров, конструкторов, технологов из рабочих и крестьян. Крупные промышленные предприятия Татарской республики превратились в массовые школы по подготовке высококвалифицированных техников и инженеров узкой специальности без отрыва от производства. На некоторых предприятиях возникли вечерние техникумы и даже втузы.

16 декабря 1929 г. Совнарком Татарской республики вынес постановление организовать втуз при заводе им. Вахитова. Одним из его организаторов и первым ректором был И.К.Неометов. Втуз начал действовать в январе 1930 г. Это был первый опыт Татарии в деле создания нового типа технического высшего учебного заведения. Втуз готовил специалистов для жировой промышленности всей страны. Нашли помещение для втуза, хорошо его оборудовали, привлекли к преподаванию преподавателей местных вузов.

Во втуз поступила большая группа рабочих завода. Они обучались без отрыва от производства при сокращенном до 6 часов рабочем дне. Завод готовил инженеров-технологов и тепломехаников. Завод-втуз выпустил 37 инженеров-технологов, 20 инженеров-механиков, 35 техников-химиков и 11 техников-механиков, в том числе 20 инженеров и 3 техника – татар. Многие из выпускников втуза заняли на Вахитовском и других заводах жировой промышленности ответственные должности. В 1936 г. завод-втуз был преобразован в жировой технологический техникум.

За плодотворную деятельность на посту директора Вахитовского завода постановлением ЦИК ТАССР от 30 апреля 1931 г. И.К.Неометову, одному из первых в республике, было присвоено званием Героя социалистической стройки Татарстана [Герои труда Татарии, 1974, с.203-204].

Также шло строительство ТЭЦ №1, его начальник Али Ганеевич выступил инициатором создания в Казани энергетического

института. В октябре 1990 г. в Казани был открыт втуз, ректором которого стал сам Али Ганеевич Ганеев. Создание Казанского энергетического института было первой попыткой открыть высшее учебное заведение энергетического профиля в Татарской республике. Кроме Казани в 1930 г. энергетические институты были открыты в Москве и Иванове.

Казанский энергетический институт был создан на основе Казанского политехнического института (КПИ). КЭИ готовил инженеров по двум специальностям: «Промэнергетика», «Центральная электрическая станция». В институте имелись очное и заочное отделения, рабфак, вечернее полугодовое отделение по подготовке инженеров и техников. На 1 января 1931 г. в нем училось 107 студентов, 26 человек научного и педагогического персонала. КЭИ просуществовал пять учебных семестров и был закрыт в 1933 г. «по причинам не связанным с качеством подготовки специалистов. Этот вуз с первого дня существования принимал не только на первый, но и на последующие курсы и поэтому успел сделать несколько выпусков, оставив свой след в истории энергетического образования» и электрификации Татарии [КГЭУ, 2008, с.5,12; Герои труда Татарии, 1974, с.73–80].

Учащиеся проходили производственную практику на строительстве ТЭЦ №1, которая превратилась в своеобразную лабораторию применения и испытания новой техники и технологий, передовых методов труда и организации производства. Среди 11 наиболее отличившихся строителей электростанции и удостоенных почетного звания «Героя социалистической стройки Татарстана» были ее начальник А.Г.Ганеев и инженер-теплотехник, монтажник строительных работ К.Х.Мухитдинов, прораб А.Смирнов и др. [Герои труда Татарии, 1974, с.186-190]. В апреле 1933 г. Казанский энергетический институт был преобразован в энерготехникум.

Колыбелью для многих институтов, как и для Казанского государственного технического университета им. А.Н.Туполева, был Казанский государственный университет им. В.И.Ульянова-Ленина. Начало КАИ положило выделевшееся из КГУ аэро-

динамическое отделение. Первыми студентами нового авиационного вуза стали студенты аэродинамического отделения физико-математического факультета КГУ. Ведущими педагогическими кадрами института были профессор и преподаватели Казанского университета. Вся учебная, научно-исследовательская и организационная работа возглавлялась и направлялась крупнейшим ученым, специалистом в области устойчивости движения, профессором Н.Г.Четаевым. К середине 1932 г. в КАИ были два отделения: аэродинамическое и самолетостроительное, на которых общая численность студентов составляла 618 человек.

КАИ был создан из потребностей авиационной промышленности, которая стала развиваться в Татарии с 1932 г. с сооружения в Казани «Казмашстроля». В создании поколений самолетов, символизовавших развитие авиационной науки и техники, участвовали выпускники института – ученые, авиаконструкторы и технологи [Казанский университет, 1979, с.119; Советская Татария, 1977, 7 мая].

К началу 1932 г. в Казани было 6 технических вузов: втуз при заводе им. Вахитова, энергетический, авиационный, химико-технологический, лесотехнический, коммунально-строительный. В индустриальных вузах обучалось 635 татар, или 29% студентов.

К началу 1939 г. в вузах республики очно учились 1547 (352 жен.) татар, заочно – 1547 (352 жен.); техникумах – 9224 (4436 жен.), ФЗУ – 1821 (587 жен.) [История Казани, 2004, с.29].

К началу 1941 г. техническими вузами было подготовлено для промышленности страны и Татарии 1333 инженера-химика, 1029 инженеров-строителей, 530 инженеров авиационной промышленности [Рахматуллин, Сташкевич, 1970, с.55].

Благодаря подготовке ИТР через дневные, заочные, вечерние учебные заведения, массовые школы и другие формы по подготовке высококвалифицированных инженеров и техников узкой специальности без отрыва от производства на самих крупных предприятиях к началу 1939 г. в промышленности Татарии численность их по основным профессиям технического персонала

достигла 8305 человек. Среди них было 2072 (406 женщин) инженера, 557 (117 женщин) конструкторов, 2558 (525 женщин) техников, 2773 (446 женщин) мастера (кроме мастеров рабочих), 345 (7 женщин) прорабов.

С 1926 г. по 1939 г. среди технического персонала удельный вес татар возрос с 9,6% до 25,1%. Их численность в начале 1939 г. составила 1494 человек. Среди них насчитывалось 300 (75 женщин) инженеров, 61 (10 женщин) конструктор, 396 (80 женщин) техников, 737 (143 женщины) мастеров (кроме мастеров рабочих), 13 (1 женщина) прорабов. Несмотря на абсолютное и относительное увеличение среди татар ИТР, их удельный вес среди технического персонала был низким. Большинство принадлежало русским [подсчитано по: Всесоюзная перепись, 1992, с.181]. С увеличением численности ИТР возросла их роль в промышленности республики и, особенно, в таких ведущих отраслях, как машиностроение, металлообработка, химическая промышленность. Они непосредственно обслуживали производство, участвовали в его организационно-техническом управлении, подготовке квалифицированной рабочей силы, в распределении технических знаний.

Индустриализация изменила распределение трудящихся по отраслям народного хозяйства и их социальный состав. По переписи 1939 г. в Татарстане социальный состав населения был следующий: рабочих – 21,4% (с членами семьи), служащих – 13,8%, колхозников – 61,2%, единоличников и неорганизованных кустарей – 3,3%, прочих – 2,3% [Абрамов и др., 1970, с.22].

Создание крупной промышленности в республике сопровождалось возрастанием удельного веса рабочих (лиц, занятых в промышленности) с 1,16% в 1926 г. до более 15% в 1939 г. Количество рабочих в крупной промышленности увеличилось за эти годы с 15704 до 120600 человек. Из них в тяжелой промышленности было занято наибольшее число рабочих – около 45800 человек, или 37,9%, легкой – 33000, или 27,4%, пищевой – 13500 человек, или 11,2%, лесопиление и деревообработка – 23600, или 19,6% [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.22, св. 156, д.531, л.48]. Количество татар, работавших в круп-

ной фабрично-заводской сети увеличилось с 3,1 тысяч человек до 28,1 тысяч в 1937 г., т.е. в 8,3 раза. Удельный вес их среди рабочих крупной промышленности вырос с 2,16 до 34% [ТАССР за XX лет, 1940, с.18].

Крупным промышленным центром была Казань. В 1940 г. выпуск продукции действовавших казанских предприятий составил по валовой продукции 897 млн. руб., по товарной – 840 млн. руб. Только на 139 предприятиях работало 80 тысяч рабочих, ИТР и служащих, из которых свыше 52 тыс. человек являлись производственными рабочими [История Казани, 2004, с.171].

На протяжении 20-х годов массовым источником пополнения рабочего класса были безработные. С 1931 г. в связи с ликвидацией безработицы возросла роль деревни в удовлетворении большого спроса на рабочие руки из-за широко развернувшегося промышленного строительства. Осуществлялось оно за счет притока сельских жителей в форме организованного набора, причем две трети переселений носили в этот период принудительный характер. В 1931 г. для Татарстана в аулах и селах республики было завербовано 56778 человек [ЦГА ИПД РТ, ф.262, оп.1, д.549, л.31].

Целые районы закреплялись за такими стройками, как завод СК-4, фабрика киноплёнки, Авиастрой и др. Например, за Авиастроем было закреплено 28 районов. Только в 1932 г. в порядке организованного набора из сельского хозяйства в промышленность влилось свыше 10 тысяч человек [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.14, д.256, л.5].

Переходной ступенью в промышленность и первой производственной школой для завербованных в деревне было строительство. Здесь они, начиная с труда землекопа и чернорабочего, могли приобщаться к коллективу, приобрести производственные навыки и квалификацию на специальных курсах или в школах.

Для подготовки квалифицированных рабочих в годы индустриализации сложилась сеть профессионально-технического образования и повышения квалификации специалистов, определились их направления.

В стационарной сети профессионально-технического образования: в школах ФЗУ, ШУМП, профтехшколах готовили молодых квалифицированных рабочих.

Только с 1932 по 1935 гг. школы ФЗУ Татарии подготовили 10 тысяч таких рабочих [Рабочий класс Татарии, 1981, с.212]. Большая часть рабочих обучалась и повышала квалификацию без отрыва от производства, непосредственно на рабочем месте путем индивидуально-бригадного обучения, через разные курсы, кружки и т.п. На 1 января 1933 г. в республике без отрыва от производства учились 28658 человек.

Внедрение в производство достижений науки и новой техники требовало от рабочих не только профессиональных навыков, но и широких технических знаний. Повышение профессиональной квалификации и технической грамотности, как правило, шли одновременно и обогащали друг друга.

В 1932 г. техучебой в Татарии было охвачено 32 предприятия, работали 328 технических кружков. В них повышала профессиональный уровень почти треть рабочих промышленности [Рабочий класс Татарии, 1981, с.181].

В 1935 г. только на предприятиях местной промышленности различными видами технической учебы было охвачено 10815 рабочих, в том числе 4681 татарин. На курсах техминимума обучался 5571 рабочий, на курсах повышения технических знаний – 1299 и на курсах мастеров социалистического труда – 1703 человека [НА РТ, ф. Р-732, оп.1, д.2742, л.262; Беялов, Низамов, 1969, с.106].

Были массовые формы производственно-технической учебы. Создавались добровольные общества «ЗОТ» (за овладение техникой). Наиболее массовой формой технического обучения рабочих в годы второй пятилетки стал техминимум. 30 июня 1932 г. Совет Труда и Оборона СССР постановил ввести обязательный технический минимум знаний для рабочих, обслуживающих сложные агрегаты, установки, механизмы. Инициаторами движения за сдачу общественно-технического экзамена на право управления механизмами явились в Татарии комсомольцы заводов «Серп и молот» и «Пишмаш». На этих заводах с хорошо поставленной технической учебой к концу 1933 г. все рабочие сдали общественно-технический экзамен. К началу 1934 г. в Казани из 5394 комсомольцев, занятых на производстве, 2871 человек, или 53,2% от общего числа комсомольцев,

сдали общественно-технический экзамен. В 1935 г. был введен государственный технический экзамен для рабочих, изучающих техминимум, который явился формой контроля не только знаний, но и их производственной активности, дисциплинированности, выполнения плана. По результатам экзаменов проводились повышения или понижения в рядах, увольнения и т.д. [История Казани, 1991, с.157].

В 1935 г. в СССР возникло движение новаторов производства, ломавших устаревшие технические нормы и перекрывавшие их в несколько раз. Оно получило название стахановское движение по имени донецкого шахтера А.Г.Стаханова, установившего в августе 1935 г. мировой рекорд добычи угля. Его почин был подхвачен в других отраслях народного хозяйства. Стахановское движение представляло собой качественно новый этап социалистического соревнования. Суть движения заключалась в том, что передовые рабочие, овладев техникой, рационально организовав труд и интенсивно используя рабочее время, резко повышали производительность труда.

Трудящиеся ТАССР с огромным энтузиазмом подхватили это патриотическое движение [о стахановском движении см.: Белялов и др., 1976; Рабочий класс Татарии, 1981, с.222–232; История Казани, 1991, с.159–167; Петрова, 1985]. Уже в сентябре 1935 г. в республике появились первые стахановцы. К концу марта 1936 г. на промышленных предприятиях насчитывалось более 15 тыс. стахановцев. Из них на предприятиях тяжелой промышленности работало 4800 человек, в меховой промышленности – более 12000, в местной промышленности – 3260, на предприятиях легкой и пищевой промышленности – более 2500 человек. Количество стахановцев в промышленности Татарии с 28986 человек на 1 января 1938 г. возросло до 31586 на 1 января 1940 г. Удельный вес стахановцев к началу 1941 г. среди рабочих легкой промышленности достиг 57, пищевой промышленности – 67,7% [Рабочий класс Татарии, 1981, с.227, 231].

Стахановское движение вызвало к жизни новые формы и методы технического обучения рабочих и пропаганды ударных методов труда. С рабочими, не справлявшимися с планами заданиями, занимались стаханов-

цы, которые передавали отстающим свой опыт и умение. В этот период был совершен переход от индивидуального шефства к организации общественного института инструкторов-стахановцев. Каждый общественный инструктор обучал новым методам целую бригаду или участок. Готовились инструктора в специальных профессионально-технических курсах. С созданием стахановских школ было положено начало массовому обучению рабочих передовым приемам и методам на производстве. Их работа давала хорошие результаты. Как правило, рабочие, не справлявшиеся с нормами выработки до поступления в стахановские школы, после обучения в них выполняли производственные задания на 100–160%.

За годы второй пятилетки в Татарии в промышленности в целом производительность труда повысилась в 1,5 раза, в металлообрабатывающей отрасли – в 4,5 раза. Немалая роль в этом принадлежала стахановскому движению.

Внедрение новой техники, технологий во все отрасли промышленности, борьба за их овладение привели к количественным и качественным сдвигам в профессиональном составе всех отрядов рабочего класса Татарии. Появились новые профессии, требующие высокой квалификации и широкого технического кругозора. Особенно большие изменения произошли в машиностроении и металлообработке за 1926–1938 гг. По Всесоюзной переписи населения 1926 г. в народном хозяйстве республики по главному и побочному занятию насчитывалось 3904 металлостроителей. В ценовой промышленности имелось всего 1037 слесарей (7 женщин), 180 токарей. К началу 1939 г. количество металлостроителей основных профессий достигло 13813 (1063 женщины) человек. Среди них были рабочие квалифицированного труда при машинах и механизмах: токари, фрезеровщики, мотористы, механики, электромонтеры, а также инструментальщики, электро- и автогенно-сварщики, сталевары, варганщики, литейщики и формовщики и др. Количество слесарей увеличилось с 1037 (7 женщин) до 12953 человек (395 женщин) токарей с 180 до 3067 (251 женщина).

До Октябрьской революции металлостроителей среди татар было очень мало, так как царское самодержавие не допускало их к этой

профессии. Им запрещалось быть кузнецами, производить металлическую продукцию, оружие, ножи. К 1939 г. количество татарских металлистов достигло 5770 (408 женщин), слесарей – 2975 (134 женщины), токарей – 685 (93 женщины), фрезеровщиков – 105 (27 женщин). Среди сталеваров они составляли 45,8%, литейщиков – 32,7%, фрезеровщиков – 34,4%, электро-и автогенносварщиков – 26,5% и т.д. [Всесоюзная перепись, 1929, с.378; Всесоюзная перепись, 1992, с.182]. Среди всех названных основных профессий металлистов было всего 370 женщин татарской национальности. Их было больше в числе слесарей, токарей, фрезеровщиков. Татарки овладевали даже тяжелыми чисто мужскими профессиями сталевара, литейщика, формовщика, электроавтогенносварщика и др.

На 1 января 1937 г. в местной промышленности Татарии квалифицированные рабочие составляли 53,3%. За годы первой пятилетки количество квалифицированных татарских рабочих повысилось с 22 до 35%. За годы второй пятилетки свыше 50% татар приобрели квалификацию. На 1 января 1937 г. в группе высшей квалификации они составляли 29,2%, а в группе средней квалификации – 39% [Назипова, 1989, с.38; Рабочий класс Татарии, 1981, с.213; История Казани, 1991, с.158]. Несмотря на очевидные сдвиги в подготовке рабочих, имеющих профессии квалифицированного труда, в рядах рабочего класса республики была еще большая группа неквалифицированных рабочих, связанных с наименее механизированным, организованным, низким уровнем оплаты, тяжелым физическим трудом. Особенно это касалось татарских рабочих, которые несмотря на имевшиеся достижения в повышении квалификации, все еще отставали и имели различия в их профессионально-квалификационной и отраслевой структуре в сравнении с русскими. Преодолению их мешал целый ряд трудностей и недостатков в подготовке квалифицированных рабочих из татар, состоявших в основной своей массе из выходцев из деревни. Освоение сложных специальностей затруднялось незнанием русского языка, неграмотностью и малограмотностью. Большие трудности возникли из-за смены дважды в течение одного десятилетия алфавитов татарского языка.

Татарская республика являлась поставщиком рабочей силы для крупнейших союзных строек, портов и Донбасса. В 1931 г. республика перевыполнила план организованного набора и заняла первое место среди других республик и краев. В этом же году она направила в Донбасс, Центральную Россию, Урал, Баку, Москву и другие стройки около 125 тысяч человек. На Магнитострой, например, прибыло из республики 10668 человек [Рабочий класс Татарии, 1981, с.195]. Татария заняла в стране второе место после Уральской области по поставке рабочих Магнитострою [История ТАССР, 1968, с.436].

Количество завербованных в 1932 г. превысило 1931 г. В 1932 г. было завербовано в дальневосточные края 7214 человека, Нижневолжский край – 1737, Горьковскую область – 7644, Северный Кавказ – 2872, Ленинградскую область – 1737, Уральскую область – 6343, Московскую область – 4990, Якутию – 259 и т.д. В наиболее напряженный момент скальных, земляных и бетонных работ представители Татарской республики составляли почти третью часть рабочих Днепрогпроеса [Советская Татария, 1972, 18 июня]. Республика и в последующие годы оставалась одним из основных поставщиков рабочей силы. Более того, решением Совнаркома СССР от 21 июля 1938 г. ряд районов были закреплены за Народным комиссариатом тяжелой промышленности. Только в 1938 г. для этого ведомства были завербованы в Татарии 10550 человек.

Составители Всесоюзной переписи населения 1937 г. по итогам переписи разбили страну на 5 групп – индустриальные области и области с огромным ростом индустрии за последние годы, давшие очень высокие показатели роста населения и впитавшие в себя значительную часть населения из других областей. Сюда относились Московская, Горьковская, Свердловская области, Донецк, Западная Сибирь, Восточная Сибирь, Красноярский край, города: Москва, Ленинград. Приток населения в выше указанные области происходил за счет областей, входивших во вторую группу: Калининградская, Западная, БССР, Северная, Кировская, Ярославская, Воронежская, Омская области, Татария и Мордовия. Наибольший отток населения среди них был в Татарстане. За счет этого население

в республике уменьшилось на 9,1%. Это означало, что тысячи татарстанцев за один 1937 г. выбыли из своих родных мест, стали жить и работать за их пределами [Всесоюзная перепись, 1991, с.27, 34]. А в это время на крупных стройках самой республики не хватало рабочей силы, приходилось привлекать ее из других мест. На одном из заседаний совещания работников промышленности автономных национальных республик и национальных автономий РСФСР, проходившего при президиуме ВСНХ РСФСР 3 сентября 1931 г., председатель Татсовнархоза Ю.Н.Паперный говорил: «Мы имеем такое положение, когда из Татарии ежегодно уходят на постоянную работу десятки тысяч человек. Рабочую силу мы сейчас даем и все время давали для Донбасса, Урала и целого ряда других крупных строек, но к нашему стыду имеется целый ряд предприятий, которые мы не можем обеспечить целиком и полностью, главным образом, по причине совершенно недостаточной жилплощади...» [ГАРФ, ф.1235, оп.126, д.3, л.37об.]. Так продолжалось и в последующие годы.

В 1926 г. за пределами Татарстана насчитывалось около 90500 татарских рабочих, основная масса которых сосредотачивалась на Урале, в Донбассе, Азербайджане, Центральном промышленном регионе и других индустриальных центрах страны. По переписи населения 1939 г., только в РСФСР выходцев из Татарской республики насчитывалось 16676 человек, Казахской ССР – 18500, Узбекской ССР – 29004, Азербайджанской ССР – 9324, Белорусской ССР – 1836, Туркменской ССР – 5089 и т.д. Всего в СССР насчитывалось 512424 татарских рабочих [Сенявский, Тельнуховский, 1971, с.335–336]. Татар можно было встретить на многих крупных стройках социализма, на которых они самоотверженно трудились и добивались больших успехов [Нәжипова, 1972, б.141–152; Назипова, 1997, с.3; Назипова, 2004].

Индустриализация СССР, осуществлявшаяся в сложных политических, экономических и международных условиях, обеспечила ликвидацию технико-экономической отсталости, завоевание экономической независимости, укрепила обороноспособность страны. По структуре промышленного производства Советский Союз вышел на уровень

развитых стран мира, а по объему основных видов индустриальной продукции он обогнал Англию, Германию, Францию, уступая лишь США [Правда, 1988, 18 октября].

Исторический опыт показывает, что догоняющая, ускоренная индустриализация, осуществляемая сверху и с чрезмерной централизацией чревата большими объективными трудностями, недостатками, ошибками и субъективными просчетами. Так, недостатки в планировании и просчеты в проектом деле, выразившиеся в неправильном учете реальных возможностей обеспечения людскими, материальными ресурсами строительства, приводили к распылению средств, к удорожанию и удлинению сроков строительства, ухудшению условий труда.

Ускоренная индустриализация способствовала становлению в стране экстенсивного пути развития экономики, направленного на количественное увеличение, а не в сторону улучшения качества, нерационального использования людских и материальных ресурсов. Поспешные действия, жесткая централизация, административно-командная распределительная система управления экономикой с ее безусловным подчинением центру, стремлением достичь своих целей любой ценой создавали условия для социальной напряженности в стране, привели к репрессиям, принесли народу немало бед.

Курс на индустриализацию страны в качестве генеральной линии был провозглашен ВКП(б) в декабре 1925 г. на XIV съезде партии. При этом отмечался подъем народного хозяйства СССР, восстановление его в основном до военного уровня. Из-за гражданской и мировой войн, голода 1921–1922 гг. восстановление промышленности в ТАССР осуществлялось более медленными темпами, чем в РСФСР. Промышленность была восстановлена лишь в 1927/1928 хозяйственном году. Из-за отсутствия достаточных капитальных вложений республика отставала от других регионов России с началом нового крупного промышленного строительства. В годы первой пятилетки, направляя средства преимущественно на производство, выпускавшее предметы потребления, правительство Татарии рассчитывало сократить сроки окупаемости капитальных вложений и ускорить рост доходов республики. Появившиеся ресурсы предполага-

лось направить не только на развитие легкой, но и тяжелой промышленности. Исходя из этого, в первые годы пятилетки большая часть вложений шла на расширение, реконструкцию существовавших старых предприятий, строительство новых фабрик и заводов легкой и пищевой промышленности. На индустриальную основу было поставлено меховое производство, занявшее прочные позиции в этой отрасли во всей стране. Преобразился облик предприятий кожаной, швейной, валяльно-войлочной, валяльно-обувной, жировой, обувной, деревообрабатывающей промышленности. Это позволило превзойти довоенный уровень производства. С выполнением первой пятилетки республика стала одним из значительных районов легкой промышленности РСФСР. Только со второго года первой пятилетки с 1929/1930 хозяйственного года в Татарской республике началось крупное промышленное строительство. Первым важным объектом было сооружение КазГРЭС – ТЭЦ №1 – стройки комбинированного предприятия с новейшей техникой, которое осуществлялось в республике впервые. Стройка была всенародной. В ней участвовала вся республика.

Несмотря на низкую квалификацию строительных кадров, низкий уровень механизации и множество других трудностей и недостатков, благодаря высокому трудовому подъему, царившему на стройке, ТЭЦ №1 была сооружена в рекордно короткий срок. Пуск ее положил начало развитию энергетической системы в Татарии. Ее строительство явилось хорошей школой для возведения последующих электростанций, новых крупных фабрик и заводов. На ней готовились кадры специалистов из рабочих и инженерно-технические работники.

Вторая и третья пятилетки явились для Татарии периодом развернутого строительства предприятий тяжелой индустрии: машиностроения, металлообработки и химической промышленности. Возникли новые современные отрасли промышленности: энергетика, одна из наиболее технически развитых отраслей машиностроения – авиастроение, судостроение, производство синтетического каучука, кинофотопленки, фотожелатина, искусственной кожи, приборостроение, а также производство раз-

ного рода оборонной продукции, строительных материалов. Отдельные отрасли и предприятия занимали значительный удельный вес в масштабе всей страны.

Удельный вес промышленных товаров во всей продукции народного хозяйства Татарии составил в начале 1941 г. 86%, а крупной – 77,6%. Это означало, что промышленность стала главной опорой, сферой производства, а республика из аграрно-промышленной превратилась в промышленно-аграрную. Было ликвидировано существенное промышленное отставание ее от других регионов СССР. Создан экономический потенциал, а также промышленная основа современного Татарстана.

В отличие от крупнейших промышленных стран, где кадры технически грамотных людей формировались в течение многих десятилетий, кадры специалистов и рабочих способных овладеть новой техникой, управлять ею в Татарии (как и в стране) росли быстрее. Подготовка их шла одновременно со строительством новых предприятий, оснащенных новой техникой.

По обеспеченности инженерно-техническими кадрами республика накануне индустриализации сильно отставала от РСФСР в целом. На конец 1926 г. на фабриках и заводах ее имелось всего 43 инженера (2 женщины), 150 техников (1 женщина), 121 мастер (1 женщина). Среди них было татар: 2 инженера (женщины), 3 техника (мужчины), 32 мастера (мужчины).

В годы довоенных пятилеток путем проб и ошибок шел процесс создания современной производственно-технической интеллигенции. Крупные предприятия республики превратились в массовые школы по подготовке высококвалифицированных техников и инженеров узкой специальности без отрыва от производства. На некоторых предприятиях возникли даже вечерние втузы и техникумы.

Создавались новые технические вузы, техникумы. К началу 1932 г. в Казани было 6 технических вузов: втуз при заводе им. М.Вахитова, энергетический, авиационный, химико-технологический, лесотехнический, коммунально-строительный. В них обучалось 635 татар. При приеме в вузы и техникумы соблюдался принцип партийно-клас-

сового подхода. Предпочтение при приеме отдавалось детям рабочих и бедных крестьян. Технические вузы Казани стали центрами подготовки для промышленности страны и республики инженеров-химиков, инженеров-строителей, инженеров авиационной промышленности.

К началу 1939 г. в Татарии насчитывалось 8305 человек технического персонала основных профессий. Среди них было 2072 инженера, 557 конструкторов, 2558 техников и др. С 1926 по 1939 гг. среди технического персонала удельный вес татар вырос с 9,6 до 25,1%. Несмотря на абсолютное и относительное увеличение среди татар ИТР, их удельный вес среди технического персонала был низкий.

Индустриализация была материальной основой развития рабочего класса. Ее процесс влиял на темпы и характер этого развития, его коренные количественные и качественные внутриклассовые изменения. Ускоренный рост промышленности, строительства сопровождался высоким темпом роста рабочих кадров в крупной индустрии, повышенным приростом числа рабочих, занятых в отраслях средств производства (особенно в металлообработке и машиностроении). Интенсивно протекал процесс вовлечения женщин в ряды промышленных рабочих.

Темпы роста национального отряда опережали рост всего рабочего класса Татарии. Увеличивалось число татарских рабочих, работавших в крупной промышленности, машиностроении.

Наряду с тенденцией к коренизации национальных кадров рабочих шел процесс дальнейшей индустриализации рабочего класса республики. Изменились источники и формы его пополнения. Для подготовки квалифицированных рабочих в годы довоенных пятилеток расширялась сеть профессионального образования и повышения квалификации специалистов, определялись их направления. Повышение профессиональной квалификации и технической грамотности, как правило, шли одновременно и обогащали друг друга. Большая часть рабочих обучалась и повышала квалификацию без отрыва от производства, непосредственно на рабочих местах путем индивидуального обучения, через различные курсы, кружки и т.д. В республике складывалось ядро индустриальных работников современного типа.

Индустриализация изменила распределение трудящихся по отраслям народного хозяйства и их социальный состав. В ходе ее росло население городов, особенно Казани, где шло основное строительство в годы пятилеток.

Выросшие в сложную, противоречивую эпоху рабочие, инженеры, специалисты Татарской республики, несмотря на отсутствие экономических условий для удовлетворения материальной заинтересованности и личной инициативы, не жалея сил, своим самоотверженным трудом вывели республику из технико-экономической отсталости и создали основы для дальнейшего индустриального и культурного развития.

ГЛАВА 3

Этнодемографическая ситуация в ТАССР в 1920–1930-е гг.

Вскоре после образования Татарской Автономной Советской Социалистической Республики в августе 1920 г. в Российской Федерации была проведена первая перепись населения. Ее нельзя с полным правом назвать всеобщей, поскольку ею не учитывались военнослужащие и население оккупированных и прифронтовых территорий. Тем не менее, для Среднего Поволжья вообще и для ТАССР в частности ее материалы можно считать в высокой степени достоверными и принимать за базовые при анализе демографических характеристик населения. Согласно ее данным, на территории республики проживало 2 892 тыс. человек, из них – 149 227,2 тыс. татар, что составляло 51,6% [История ТАССР, 1960, с.139]. Русское население составляло 40,4%, чувашское – 4,3%, марийское – 1,5%, прочие этнические группы – 2,2% [История ТАССР, 1960, с.139].

Абсолютное большинство жителей республики было сосредоточено в сельской местности – 2 639 тысяч. Татар здесь насчитывалось 1 452 506 человек, или 54,8% всего сельского населения [Шараф, Ермолаев, 1925, с.25]. Как можно заметить по приведенным данным, татарская нация на момент образования автономной республики была сельской – 97,3% татар проживало в сельских местностях.

Крестьянство, а именно оно составляло подавляющее большинство сельского населения, предпочитало компактное мононациональное расселение. Из 3548 населенных пунктов 42,2% было татарских, 43,7% – русских, 6,9% имели смешанное в этническом плане население. В среднем на одно татарское селение приходилось 928 жителей (для сравнения – на одно русское поселение приходилось в среднем 583 жителя).

«Коэффициент прокормежности», т.е. отношение количества едоков к работникам,

Наталья Федорова, Ильнара Ханипова

у русского и татарского крестьянства в республике был примерно одинаков – около 5. Это значит, что один работник, под которым подразумевался взрослый трудоспособный мужчина, мог обеспечить продуктами своего труда примерно 5 человек. Учитывая размер семей, можно констатировать, что товарность сельского хозяйства была очень низкая. Практически все, что производилось, потреблялось членами семьи и почти ничего не шло на продажу.

Что касается городов, то самой большой и значимой во всех смыслах была столица ТАССР – Казань. Перепись 1920 г. зафиксировала в ней 146 495 жителей. Притом, что это был многонациональный город (всего здесь насчитывалось более 50 различных этнических групп), где доминировали русские – 73,95%. Татары занимали 19,43% [Атлас истории Татарстана, 1999, с. 48–49] (таблица 2.2).

В 1921–1923 гг. республику постигло страшное бедствие – голод. Потери населения достоверно не подсчитаны, поскольку учет не был организован. Еще одна проблема – отсутствие единой методики подсчета жертв голода. Люди умирали от полного отсутствия питания, от недоедания, от сопутствующих болезней (прошли эпидемии «испанки», тифа и холеры), дети рождались мертвыми, недоношенными, умирали в первые дни и месяцы после появления на свет, люди становились жертвами преступлений, совершенных на почве голодания. В демографические потери надо включать и механическое движение за пределы республики – организованную и стихийную миграцию. Даже такое беглое перечисление определяет факторы, влияющие на изменение численности населения голодающих регионов, и демонстрирует сложность подсчетов. По официальным данным общая

Таблица 2.2

**Распределение татарских сельских населенных пунктов
по количеству постоянного населения (в %)***

Количество жителей	Удельный вес
Менее 300	14,0
300 – 500	13,4
501 – 750	19,0
751 – 1000	16,8
1001 – 1250	11,4
1251 – 1500	9,4
1501 – 2000	8,6
2001 – 3000	6,5
3001 – 4000	0,6
Более 4000	0,2
Итого	100,0

* Шараф, Ермолаев, 1925, с. 26.

численность сельского населения с 1920 г. сократилась к 1922 г. на 218,7 тыс. человек [20 лет ТАССР, 1940, с. 106].

Учитывая, что голод еще не был преодолен данная тенденция продолжилась, и смертность в эти годы превышала рождаемость примерно в 4 раза [см.: Олышамовский, 1923, с. 130]. Согласно переписи 1920 г., в Татарии имелось 522,3 тыс. крестьянских хозяйств, а к 1922 г. осталось 484,6 тыс. хозяйств [Тарханов, 1930, с.20].

В 1923 г. в Российской Федерации была проведена перепись городского населения. Упор делался на перепись всех промышленных заведений, начиная с кустарей-одиночек и кончая большими фабриками и заводами. Разработка результатов обследования заняла много лет и полностью не была завершена. Согласно ее данным в городах ТАССР было переписано 255 039 человек. В главном городе республики, Казани, насчитывалось 158 085 человек (61,9% горожан) [Итоги ВГП, 1923, с.19]. Татары составляли чуть более 16 % городского населения.

Более достоверную картину нам дают материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. Она явилась первым сплошным обследованием всего населения СССР, проводилась в относительно благоприятных политических и экономических условиях декабря 1926 г. по единой тщательно разработанной программе [см.: Федорова, 1991,

с.17-47]. Ее результаты вошли во все официальные статистические справочники. Перепись показала, что всего в СССР проживали 2 916 536 человек, признающих себя татарами (1 413 027 мужчин и 1 503 509 женщин), что составляло 1,98 % населения Советского Союза. В городах СССР были зарегистрированы 451 440 человек, в сельской местности – 2 465 096. Таким образом, можно констатировать, что татары составляли 1,716% горожан СССР и 2,042% сельского населения союзного государства [ЦСУ СССР, 1929, с. 8–9, 28–29].

Лидирующее положение среди городов республики принадлежало, бесспорно, Казани. Здесь было сосредоточено 63,8% всех горожан. В столице ТАССР, согласно данным переписи 1926 г., проживали представители 49 наций и народностей СССР. Абсолютное большинство было русских (более 70 %), следующей за ними по численности группой были татары – 24,5 %.

Сравнивая материалы переписей 1923 и 1926 гг. можно отметить, что рост городского населения достигался, главным образом, за счет механического движения населения. В основном шло движение из сельской местности в города (примерно 11 897 человек в год). Что касается естественного прироста, то рождаемость татарского населения была заметно выше, чем русского (3,64 против 2,47 по данным 1926 г.).

Таблица 2.3

**Распределение татарского населения по кантонам республики
в середине 1920-х гг.***

Кантоны	Кол-во татар (абсолют.)	Кол-во татар (относит.)	Удельный вес татар в кантоне
Арский	220399	18,4	59,7
Буинский	75540	6,3	54,6
Бугульминский	142763	11,9	58,7
Елабужский	66391	5,5	49,1
Лаишевский	76161	6,4	46,9
Мамадышский	114820	9,6	69,8
Мензелинский	122990	10,3	77,1
Свияжский	51198	4,3	34,0
Спасский	41454	3,5	31,3
Тетюшский	77071	6,4	54,5
Челнинский	114541	9,6	54,6
Чистопольский	93800	7,8	30,5
Всего	1197128	100,0	51,7

*Составлено по: ЦСУ СССР, 1928, с.372–417.

Татарское население в сельской местности составило 1 198 702 человек. Татары составляли 51,8% всех жителей сельской местности [ЦСУ СССР, 1928, с.193, 243] (таблица 2.3).

Расхождение в суммарном показателе количества сельских жителей в 1574 человека объясняется тем, что одни характеристики при подведении итогов переписи подсчитывались по данным о наличном населении, а другие – о постоянно проживающем.

Как видно из приведенных в таблице данных, татары были расселены по всей территории автономной республики и, за исключением Чистопольского, Свияжского, Лаишевского и Спасского кантонов, составляли этническое большинство населения.

Семейное состояние населения фиксировалось с 16-летнего возраста без предъявления каких-либо подтверждающих документов. Что касается сельского татарского населения, то в середине 1920-х гг. здесь наблюдалось преобладание неженатых парней над незамужними девушками (103 457 юношей и 100 284 девушки). С одной стороны, это можно объяснить национальными традициями, предусматривавшими более

ранний срок вступления в брак для девушек. С другой, это является признаком роста рождаемости в недалеком будущем. Во всех остальных категориях, раскрывающих семейное состояние (семейные, вдовы, разведенные, не указавшие своего семейного статуса), наблюдается явное преобладание женской части населения, что свидетельствует о разрушительных последствиях революционных событий, мировой и гражданской войн.

Абсолютное количество вдов более чем в 11 раз превышает количество вдовцов.

Татары в 1920-е гг. демонстрировали высокий уровень грамотности. Совокупное умение читать и писать было у 39,8% мужчин и 25,2% женщин в республике. В масштабах СССР соответствующие показатели были ненамного выше – 41,4% для мужчин и 26,2% для женщин. Необходимо отметить тот факт, что среди татар была распространена грамотность на языке своей национальности. Среди грамотных татар в ТАССР владели письменной культурой 98,7% мужчин и 99,6% женщин. Преобладание женщин здесь можно объяснить более активным вовлечением именно мужской части населения

в общественно-политические процессы, что влекло за собой необходимость более активного изучения русского языка как языка межнационального общения.

Во второй половине 1920-х гг. политика Советской власти была направлена на повышение уровня грамотности и профессиональной подготовки представителей нерусских национальностей, нацменов. Официальные отчеты дают следующие статистические показатели: удельный вес татар среди учащихся начальных школ республики в 1928–1929 гг. составил 54,2% (русских – 38,5%), среди учащихся техникумов – 49,3% (русских – 38,2%), студентов вузов – 12%. В рабфаках обучалось в то же время 482 татарина, что составляло 40% общего количества рабфаковцев [Тарханов, 1930, с.28–29].

В 1930-е гг. Советская власть провела две демографические переписи – в 1937 и 1939 гг. Как известно, данные 1937 г. не совпали с ожидаемыми показателями и были признаны недостоверными, организаторы и некоторые участники обследования были репрессированы. Руководство СССР приняло решение провести новую

перепись населения, в ходе которой результаты обследования были подогнаны под заранее высчитанную схему. В отличие от материалов 1937 г. данные переписи 1939 г. полностью подтверждали успехи строительства социализма в СССР. Тем не менее, вполне допустимо рассчитывать суммарные и средние показатели как по первой, так и по второй переписям 1930-х гг., искажение общей картины на региональном уровне незначительное.

Изменилось административно-территориальное деление ТАССР. Вместо кантонов 1920-х гг. были созданы районы. Единицы административного деления стали меньше, а это свидетельствовало об усилении контроля со стороны властных структур над обществом.

В 1930-е гг. Татарская республика по своему составу оставалась полиэтничной (см. Таблица 2.4). В то же время в численности населяющих ТАССР народов происходят некоторые изменения, связанные и с политическими, и социальными, и экономическими причинами. В значительной степени эти изменения были обусловлены

Таблица 2.4

Национальный состав Татарской республики в 1937–1939 гг.*

Национальность	По данным переписи 1937 г.		По данным переписи 1939 г.	
	Абсолютн.	В %%	Абсолютн.	В %%
Татары	1 337 338	48,8	1 421 514	48,76
Русские	1 182 577	43,2	1 250 667	42,9
Чуваши	128 782	4,7	138 935	4,77
Мордва	32 908	1,2	35 759	1,23
Марийцы	13 545	0,49	13 979	0,48
Удмурты	25 257	0,92	25 932**	0,89
Украинцы	6 575	0,24	13 087	0,45
Евреи	5 305	0,19	6 050	0,21
Башкиры	922	0,03	931	0,03
Прочие	6 569	0,23	8 423	0,28
Итого:	2 739 778	100,00	2 915 277	100,00

* Составлено по: РГАЭ, ф.1562, оп.329, д.145, лл. 15–16; оп. 336, д.348, л.8. Более подробно о национальном составе населения ТАССР по районам, городам и крупным населенным пунктам [см.: РГАЭ, ф.1562, оп.336, д.348, лл.50–53].

** К удмуртам в переписи 1939 г. были присоединены в значительной мере ассимилированные ими бесермяне, численность которых по переписи 1926 г. насчитывала 10 тыс. человек. [см.: Всесоюзная перепись, 1992, с. 246].

интенсивными миграционными процессами, в том числе насильственными, связанными, главным образом, с раскулачиванием. В республике активно велась переселенческая политика, проводились организованные наборы рабочей силы для создающейся в СССР промышленности, что привело к сокращению численности населения, особенно сельского.

Численность населения республики, по данным переписи 1939 г., определялась в 2 915 277 человек (1 359 735 мужчин и 1 555 542 женщины). В ТАССР проживали представители 36 национальностей. Татарское население составляло 1 421 514 человек, или 48,8%. Из них 657 979 мужчин (46,3% или 48,4% всего мужского населения ТАССР) и 763 535 женщин (53,7% или 49,1% всего женского населения республики) [Всесоюзная перепись, 1992, с.25, 181]. С учетом приписок и черновых материалов переписи, действительный итог населения Татарии по переписи 1939 г. составляет 2 853,3 тыс. человек, процент приписки 2,2 (т.е. 62 тыс. человек) [см.: Жиромская, 1997, с. 52].

В 1930-е гг. более 2/3 населения ТАССР по-прежнему проживало в сельской местности. Городское население насчитывало 614 293 человек, в том числе 293 536 мужчин и 320 757 женщин. Из них татары составляли 28,4% (174 622 человека). Большинство горожан было русским – 66,9% (410 844 человек), чуваша составляли 1,1% (6678 человек), мордва – 0,7% (4083 человека), удмурты – 0,2% (1405 человек), прочие этнические группы – 2,7% (16 661 человек). Казань, согласно данным переписи 1939 г., концентрировала 64,8% всех горожан. Абсолютное большинство было русских – 65,2% (259 387 человек), следующей за ними по численности группой были татары – 30% (119 282 человека) [подсчитано по данным: РГАЭ, ф. 1562, оп.336, д.349, л.36].

Жителями сельской местности были 2 300 984 человека, в том числе 1 066 199 мужчин и 1 234 785 женщин. Татар здесь насчитывалось 1 246 892 человека. Их удельный вес среди сельского населения составлял 54,2% [подсчитано по данным: РГАЭ, ф.1562, оп.336, д.348, л. 50]. Что касается доли сельчан среди татарского населения республики, то она составляла 87,7% (таблица 2.5).

Из 63 сельских районов республики преимущественно татарскими были двенадцать районов (Азнакаевский, Актанышский, Альметьевский, Атнинский, Балтасинский, Ворошиловский, Калининский, Кзыл-Юлдузский, Кзыл-Юлский, Сабинский, Сармановский, Тумутукский). Русское население преобладало в Акташском, Бугульминском, Елабужском, Верхне-Услонском, Ново-Шешминском, Столбищенском, Теньковском, Юдинском районах. Остальные районы имели смешанное в этническом плане население. В составе девяти районов проживало значительное количество чувашей, в четырёх – марийцев, в трёх – мордвы, в двух – удмуртов. В Бугульминском районе 3,9% жителей были украинцами [подсчитано по: НА РТ, ф. Р–1296, оп.18, д.519, л.64; см. также: РГАЭ, ф.1562, оп.336, д.348, лл. 50–53].

В составе населения СССР татары относились к наиболее многочисленным национальностям, занимая пятое место по численности. По материалам переписи 1939 г., татар насчитывалось (с семьями) 4 313 488 человек, в том числе 3 212 455 человек сельского населения (74,5%) и 1 101 033 человека городского населения (25,5%), что составляло 2,53% населения Советского Союза. Если в переписи 1926 г. было выделено несколько близких татарам народов – мишари (243 тыс.), крышены (101 тыс.), тептяри (27 тыс.), нагайбаки (11 тыс.), то в переписи 1939 г. эти группы были определены как татары. Включали они и крымских татар [Всесоюзная перепись, 1992, с.57, 246].

Согласно распределению населения СССР по национальности и родному языку, по материалам переписи 1939 г., в целом по стране на 1000 человек татарской национальности с родным языком своей национальности (татарским) приходилось 966 человек. Из 4 313 48 татар родным языком считали язык своей национальности 4 167 363 человека, русский язык называли 113 922 человека, еще 32 203 человека называли родным прочие языки (удмуртский, чувашский и т.д.) [Там же, с.80].

Распределение населения СССР только по родному показывает, что татарский язык назвали родным 4 533 324 человека,

Таблица 2.5

**Распределение татарского населения по районам республики
по переписи 1939 г.***

Районы	Кол-во татар (абсолют.)	Кол-во татар (относит.)	Удельный вес татар в районе
Агрызский	23882	1,68	62,6
Азнакаевский	22816	1,61	91,9
Аксубаевский	11140	0,78	28,9
Актанышский	36998	2,59	88,2
Акташский	3674	0,26	9,9
Алексеевский	7030	0,49	22,2
Алькеевский	16999	1,19	60,7
Альметьевский	30237	2,13	85,5
Апастовский	32724	2,29	78,3
Арский	40174	2,83	74,0
Атнинский	34680	2,44	94,5
Бавлинский	16528	1,16	51,6
Балтасинский	21194	1,49	89,0
Билярский	12775	0,89	39,5
Большестарханский	11066	0,78	34,0
Бондюжский	21724	1,53	54,1
Бугульминский	7794	0,55	15,4
Будённовский	22226	1,56	57,3
Буинский	30451	2,14	65,0
Верхне-Услонский	3511	0,25	8,5
Ворошиловский	23830	1,68	88,7
Высокогорский	7736	0,54	26,1
Дрожжановский	32565	2,29	56,8
Дубьязский	28942	2,04	71,9
Елабужский	13380	0,94	24,0
Заинский	27215	1,91	63,9
Кайбицкий	31549	2,22	55,6
Калининский	35104	2,47	93,5
Камско-Устьинский	19853	1,39	56,4
Кзыл-Армейский	14880	1,05	71,9
Кзыл-Юлдузский	37713	2,65	82,1
Кзыл-Юлский	27728	1,95	95,0
Красноборский	20456	1,44	60,4
Кузнечихинский	9783	0,69	35,6
Куйбышевский	7602	0,54	15,4
Кукморский	39804	2,79	74,0
Лаишевский	14497	1,02	31,4
Мамадышский	18728	1,32	41,3

Окончание таблицы 2.5

Районы	Кол-во татар (абсолют.)	Кол-во татар (относит.)	Удельный вес татар в районе
Мензелинский	30243	2,13	52,3
Муслимовский	27051	1,89	76,7
Новописьмянский	9139	0,64	40,1
Новошешминский	6797	0,48	15,8
Нурлатский	25601	1,79	60,3
Октябрьский	16833	1,18	37,1
Первомайский	23950	1,68	51,4
Пестречинский	11270	0,79	32,2
Рыбно-Слободский	14209	0,99	37,2
Сабинский	40975	2,88	91,0
Сармановский	31559	2,22	87,5
Столбищенский	2133	0,15	6,5
Таканьшский	32573	2,29	67,5
Тельманский	10629	0,75	34,8
Теньковский	3613	0,25	15,4
Тетюшский	3922	0,28	10,5
Тумутукский	20324	1,43	91,7
Тюлячинский	24477	1,71	73,0
Ципьинский	17511	1,23	70,5
Челнинский	24558	1,73	45,0
Чистопольский	21658	1,52	31,4
Шереметьевский	14314	1,01	31,5
Шугуровский	26598	2,75	67,9
Юдинский	12598	0,89	20,1
Ютазинский	24214	1,69	69,2
Итого	1295737	91,15	44,5
Кроме того, татар – жителей городов			
г. Казань	119282	8,39	30,0
г. Зеленый Дол	6495	0,46	21,5
Всего	1421514	100,0	48,8

* Составлено по: НА РТ, ф.3610, оп.1, д.27, л.7; РГАЭ, ф.1562, оп.336, д.348, л.50–53.

в том числе 1 033 753 горожанина и 3 499 571 сельчанин [Там же, с.81]. В процентном соотношении это составляло 2,66% к общей численности населения.

По РСФСР татары занимали второе место по численности, насчитывая, по материалам переписи 1939 г., 3 901 835 человек (вместе с семьями), в том числе 3 043 332 человека сельского населения и 858 503 человека городского населения [Всесоюзная

перепись, 1992, с.59]. Т.е. татары составляли 3,6% всего населения РСФСР.

Численность населения ТАССР на 1 января 1941 г. насчитывала 2 760,0 тыс. человек. По национальному составу сохранялись примерно те же соотношения, которые были установлены переписью 1939 г.: татар – 48,8%; русских – 42,9%; прочих национальностей – 8,3% [НА РТ, ф. Р–1296, оп.18, д.538, л.22]. При этом за два предво-

Таблица 2.6

**Численность и возрастной состав татар, состоящих в браке
(по данным переписи 1939 г.)***

Возраст (лет)	Численность	Городское население			Сельское население			Все население		
		Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
15-19	всего	11003	10285	21288	39852	46307	86159	50855	56592	107477
	состоит в браке	120	494	614	554	4162	4716	674	4656	5330
20-29	всего	18972	20994	39966	64687	94187	158874	83659	115181	198840
	состоит в браке	8845	11646	20491	37944	66788	104732	46789	78434	125223
30-39	всего	14077	13421	27498	70001	82797	152798	84078	96218	180296
	состоит в браке	12693	10004	22697	67087	70355	137442	79780	80359	160139
40-49	всего	7267	6817	14084	40359	57326	97685	47626	64143	111769
	состоит в браке	6907	4744	11651	39455	44234	83689	46362	48978	95340
50-59	всего	4758	4639	9397	36786	54105	90891	41544	58744	100288
	состоит в браке	4473	2326	6869	35351	32959	68310	39824	35355	75179
60 и старше	всего	3132	4492	7624	40515	58214	98729	43647	62706	106353
	состоит в браке	2651	1034	3685	34861	18800	53661	37512	19834	57346
итого 15 лет и старше	всего	59209	60648	119857	292200	392936	685136	351409	453584	804993
	состоит в браке	35689	30318	66007	2152552	237298	452550	250941	267616	518557
	приходится на 1000 человек	603	500	551	737	604	661	714	590	644

* Составлено по: РГАЭ, ф.1562, оп.336, д.520, л.30.

енных года количество сельских жителей значительно уменьшилось.

Перепись 1939 г. зафиксировано семейное состояние населения республики с 15-летнего возраста. Что касается татарского населения, то к концу 1930-х гг. наблюдалось преобладание неженатых парней над незамужними девушками только среди горожан в возрастной группе 15–19 лет (10 883 юноши и 9 791 девушка) и в возрастной группе 19–29 лет (10 127 юношей и 9 348 девушек). Во всех остальных возрастах, особенно сельского населения, наблюдалось явное преобладание женщин. Это явилось

следствием как революционных событий, мировой и гражданской войн, так и большей миграционной активностью мужского населения в связи с политикой коллективизации и индустриализации (таблица 2.6).

В 1930-е гг. заметно выросла грамотность жителей ТАССР. Если по переписи 1926 г. грамотность в возрасте от 9 лет и старше составляла 48,2%, то по переписи 1939 г. – 81,7%. В возрасте 9–49 лет число грамотных по переписи 1926 г. было 53,6%, по переписи 1939 г. – 90,4%. В возрастной категории 50 лет и старше по материалам переписи 1939 г. грамотных в республике стало вдвое

больше, чем по данным переписи 1926 г. (соответственно 22,5% и 43,5%) [Всесоюзная перепись, 1992, с.41].

По уровню образования население ТАССР по материалам переписи 1939 г. распределялось следующим образом: на 1000 человек населения приходилось лиц, имеющих среднее образование, 60,6%, в том числе 72,5% мужчин и 50,2% женщин. Высшее образование имели 4,2% жителей республики, в том числе 5,7% мужчин и 2,9% женщин. В целом, по республике среднее образование имели 176 738 человек (в том числе 98 622 мужчин и 78 116 женщин), высшее образование имели 12 295 человек (в том числе 7 754 мужчин и 4 541 женщина) [Всесоюзная перепись, 1992, с.52].

Грамотность татар в 1930-е гг. заметно выросла по сравнению с показателями грамотности 1920-х гг. По материалам переписи 1939 г., в целом по республике в возрасте 9 лет и старше грамотными были 79,9% татар [РГАЭ, ф.1562, оп.336, д.348, л.10]. Грамотность татар, проживавших в городе, – 87,9% – была выше показателя грамотности татар, проживавших в сельской местности, – 78,6 %. Среди татар-мужчин грамотными были 85,1%, среди татарок – 75,5%. В масштабах Советского Союза соответствующие показатели были несколько ниже. В целом по стране в возрасте 9 лет и старше грамотными были 77,9% татар, показатель грамотности татар-мужчин составил 84,7%, татар-женщин – 71,5% [Всесоюзная перепись, 1992, с.83–84].

Уровень образования татар, проживавших на территории СССР, был следующим: среднее образование имели 216 965 человек (в том числе 128 492 мужчин и 88 473 женщины), высшее – 9 640 человек (в том числе 6 613 мужчин и 3 027 женщин) [Всесоюзная перепись, 1992, с.86].

На 1000 человек населения приходилось лиц, имеющих среднее образование, 50,3%, в том числе 61,1% мужчин и 40,0% женщин. Высшее образование имели 2,2% татар, проживавших в СССР, в том числе 3,1% мужчин и 1,4% женщин.

Татары в социальной структуре СССР. Материалы советской статистики 1920-х гг. фиксировали общественный статус человека, исходя из того положения, которое он за-

нимает по роду своих занятий, дальнейшее распределение шло по отраслям народного хозяйства. Официальные документы содержали классификацию занятий по 10 позициям, раскрывающим социальную структуру государства: рабочие, служащие, «лица свободных профессий», «хозяева с наемными рабочими» (т.е., частные предприниматели, использующие в своем занятии наемных работников), «хозяева, работающие только с членами семьи и члены артели», «одинокки», «члены семьи, помогающие главе в его занятии», «лица, не имеющие или не указавшие занятий», безработные и военнослужащие. Распределение по данным категориям производилось, начиная с 10-летнего возраста, с момента признания государством права на получение самостоятельного дохода. Дети младшего возраста автоматически признавались несамостоятельными. Подобный подход свидетельствует о низком уровне экономического развития страны. Чем позднее начало трудовой деятельности индивида, тем благополучнее состояние как страны в целом, так и отдельной семьи. Подсчеты свидетельствуют, что в татарских семьях дети самостоятельными становились несколько позднее, чем в русских. Так, например, доля детей в возрасте до 10 лет, имеющих собственный заработок, у татар составляла 0,09, а у русских – 0,14 [подсчитано по данным: Всесоюзная перепись, 1929, с. 231] (таблица 2.7).

По приведенным данным можно отметить довольно слабую вовлеченность татарского населения в государственную политико-экономическую систему. Среди рабочих, абсолютное большинство которых трудилось в государственном секторе экономики, татары составляли 23,1%, причем женщин здесь было в 3,7 раза меньше, чем мужчин. Правительство и партийные органы считали важнейшим вопросом национальной политики формирование кадров пролетариата из числа татарского населения. Для реализации поставленной цели были подключены биржи труда, школы фабрично-заводского ученичества, структуры ТСПС и Наркомтруда. К концу 1920-х гг. удельный вес рабочих-татар, членов профессиональных союзов составлял уже 26,3% [Иванов, 1929, с.22]. Всего же рабочих татарской национальности

Таблица 2.7

Распределение самостоятельного татарского населения по роду занятий*

Занятие	Мужчины	Женщины	Всего	Удельный вес в группе
Рабочие	6234	1671	7905	23,1
Служащие	5898	2280	8178	19,3
Лица свободных проф.	842	23	865	40,8
Хозяева с наемными рабочими	2769	1613	4382	35,0
Хозяева с чл. семьи и чл. артелей	200582	29629	230211	55,2
Одиночки	7231	6012	13243	40,3
Члены семьи, помогающие в занятии	151991	378947	530938	54,5
Не имеющие или не указавшие занятия	4838	3042	7880	29,2
Безработные	885	394	1279	12,5
Военнослужащие	1201	-	1201	58,7
Итого	382471	423611	806082	53,2

* Составлено по: Всесоюзная перепись, 1929, с.230–231.

на 1 июля 1928 г. насчитывалось 4 316 человек (27,24%), из них 1 279 женщин.

Практически не было служащих в частном секторе. Доля татар среди них не достигала 20% (см. Таблица 2.8), а женщин было в 2,6 раз меньше, чем мужчин [см.: Каримова, 2009, с.113–126].

Неуклонно политику коренизации кадров, политику вовлечения представителей татарской нации в сферу административного управления проводила коммунистическая партия. По отчетным данным, в составе Казанского городского совета 8 созыва было всего 4% татар, к 1924 г. этот показатель был доведен до 31,7% [НА РТ, ф. Р–326, оп.1, д.62, л.1; Кр. Т., 1924, 3 октября]. Из шести казанских вузов три возглавляли в 1928 г. ректоры татарской национальности [Тарханов, 1930, с.29]. В то же время татары были неплохо представлены в составах волостных и кантональных исполнительных комитетов. По данным 1921 г., из 664 работников волысполкомов 30,4% были татарами, а из 172 работников кантисполкомов – 35%. В то же время надо констатировать, что татары не занимали руководящие должности на постоянной основе. В 234 волостных исполкомах, вошедших в состав республики, было всего пять — шесть секретарей-татар,

20–25 канцелярских работников-татар. В аппарате уездного и Казанского исполкомов удельный вес служащих-татар не превышал 4% [Валиев, 2009, с.59].

Даже в конце десятилетия, в 1929 г., среди выдвиженцев рабочих-татар по 22 центральным учреждениям было всего 10 человек [10 лет соцстрою, 1930, с.111].

После выборов 1922 г. представительство татарской нации достигло 40% в ВИКах и 47% в КИКах [Там же, с.106–107].

К концу 1920-х гг. наблюдалась следующая картина: в составе сельских советов татары достигали 52–52,8%, русские – 39,2–39,8%, чувашаи – 5%, мордва – 1,3%, удмурты – 0,9%, марийцы – 0,5%. В ВИКах представительность татар достигла 56,5%, в КИКах – 53,8%, в городских и поселковых советах – 25,4% и в составе ТАТЦИКа – 40,7% [10 лет соцстрою, 1930, с.108–109].

Шло активное вовлечение представителей татарской нации в коммунистическую партию. Статистические данные говорят о том, что в 1922 г. в составе Татарской партийной организации татар было 28,5%, русских – 64,1%. На 1 января 1930 г. удельный вес татар-коммунистов вырос до 37,3%. Из 6058 членов партии татарской национальности 45,2% были по социальному по-

ложению крестьянами, 37% – рабочими, 17,4% – служащими, 0,4% – прочими [Тарханов, 1930, с.54–55].

В 1920-е гг. в среде сельского населения был распространен отхожий промысел. Большинство из них не обладало квалификацией, не владело профессией, было согласно на любую работу и на любой заработок. Татарские крестьяне, владея лошадьми, подрабатывали извозом.

Абсолютное большинство самодеятельного татарского населения находилось на положении самостоятельных трудящихся, чей уровень жизни зависел от их собственных усилий, инициативности, способностей. Зажиточные и богатые крестьяне из татар занимались торговлей или как основным занятием, или в качестве дополнения к сельскому хозяйству. Многие крестьяне, особенно больших сел, вели различные торговые операции, большей частью в виде заготовки сырья, которое затем перепродавалось городским торговцам.

Социальное состояние общества, сложившееся к середине 1930-х гг., зафиксировала проведенная в январе месяце перепись 1937 г. В переписных листах были названы такие общественные группы, как рабочие, служащие, колхозники, единоличники, кооперированные и некооперированные кустари, люди свободных профессий, служители культа, иждивенцы государства и пенсионеры, инвалиды в инвалидных домах и воспитанники детдомов, рантье, живущие на доходы от продажи имущества и от сдачи домов, комнат и др. помещений, а также нетрудящиеся элементы [см.: РГАЭ, ф.1562, оп.336, ч.1, д.242, л.4]. Не нашла отражения в переписи предпринимательская категория населения «хозяев с наемными рабочими».¹

Такие категории, как «хозяева, работающие только с членами семьи», «хозяева-одиночки», выделенные в переписи 1926 г., также отсутствуют в социальном составе населения переписи 1937 г. Вместо них вво-

дятся новые термины – «единоличники», т.е. самостоятельные хозяева, не использующие наемного труда в сельском хозяйстве и «некооперированные кустари» – самостоятельные хозяева, связанные с промыслами. Сравнивая данные переписей 1937 и 1939 гг., обнаруживаем ярко выраженную тенденцию убывания единоличников ТАССР, как и в целом в РСФСР и в СССР.²

Основная масса бывших самостоятельных хозяев в сельском хозяйстве и промыслах была связана с кооперацией. Но кооперированных кустарей было так же немного.

В последний раз в переписи 1937 г. упоминаются такие категории, как лица «свободных профессий», священнослужители (по терминологии 1937 г. – «служители культа»), рантье, нетрудящиеся (деклассированные). Все они занимали по удельному весу сотые, тысячные доли процента, но все же имели место в переписи.

Значительный удельный вес в самодеятельном населении ТАССР (по данным переписи 1939 г.) имели служащие – 13,8%. Несколько ниже, чем служащих в составе самодеятельного населения РСФСР (17,7%), но приближенная к среднестатистическому показателю по всему Советскому Союзу (15,6%). В сельской местности республики служащие составляли 8,2% (в составе сельского населения РСФСР – 9,6%) [РГАЭ, ф.1562, оп.336, ч.1, д.374, л.140; д.476, л.163].

Служащие в деревне были представлены бухгалтерами, счетоводами, кассирами, учетчиками, зоотехниками, агротехниками и агрономами. Разрастался административный персонал, включавший по переписи 1939 г. председателей колхозов, заведующих ферм и т.п. Заметно преобладание среди всех служащих села мужчин; в частности, женщин-председателей колхозов было всего 2,10%, женщин агрономов и зоотехников – 16,6% [подсчитано по: РГАЭ, ф.1562, оп.329, д.144, л.103 об.–105 об.].

Значительная часть сельских жителей Татарской республики относилась к категории рабочих и служащих, поскольку,

¹ Согласно статье 1 Конституции 1936 года, Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян, допускалось лишь мелкое частное хозяйство единоличных крестьян и кустарей, основанное на личном труде и исключающее эксплуатацию чужого труда [см.: Конституция СССР, 1999, с.343].

² К началу 40-х гг. крестьяне-единоличники и некооперированные кустари составляли всего лишь 2,6% населения страны [см.: Советское крестьянство, 1970, с.283].

во-первых, совхозы и МТС приравнивались к государственным промышленным предприятиям и подчинялись специальному наркомату. Их работники получали зарплату, и потому рассматривались советской статистикой не как крестьяне, а как сельскохозяйственные рабочие. Во-вторых, многие жители пригорода работали на промышленных предприятиях в городах, хотя жить продолжали в сельской местности.

Рабочие совхозов, составлявшие среди сельского населения ТАССР – 12,5%, мало чем отличались от колхозников по характеру и видам труда, по своему социальному статусу. И те и другие отличались высокой степенью зависимости от государства. Колхозники занимались одновременно и общественным, и личным подсобным хозяйством, работники совхозов – преимущественно общественным, но и они порою занимались приусадебным хозяйством.

Сведения о численности рабочих, занятых в кооперативном секторе, в переписи 1939 г. отсутствуют. Это объясняется дальнейшим разрастанием госсектора, в связи с этим подавляющее большинство рабочих трудилось теперь на государственных предприятиях.

К сожалению, данные переписей 1937 и 1939 гг. не позволяют раскрыть социальную структуру Татарской республики в национальном разрезе (таблица 2.8).

В абсолютных показателях, по материалам переписи 1939 г., в Татарской республике имели занятия 1 286 703 человека, из них 686 963 мужчины и 599 740 женщин. В том числе татар, имевших занятия, было 622 691 человек (48,4%), из них 318 435 мужчин (46,4%) и 304 256 женщин (50,7%).

Более подробно переписью 1939 г. рассматривался кадровый состав ТАССР, в том числе и в национальном разрезе [Всесоюзная перепись, 1992, с.181–183].

Таблица 2.8

Состав населения ТАССР по переписи 1939 г. по общественным группам (в %)*

Все население	Сельское население			Все население		
	Мужчины	Женщины	оба пола	Мужчины	Женщины	оба пола
Рабочие	13,98	11,20	12,48	22,77	20,18	21,39
Служащие	9,6	7,15	8,22	14,59	13,12	13,80
Колхозники	72,11	76,83	74,65	58,01	61,78	60,02
Кооперированные	0,74	0,70	0,72	1,42	1,39	1,41
Некооперированные	0,98	0,72	0,84	0,98	0,76	0,86
Единоличники	2,67	3,34	3,03	2,17	2,71	2,46
Нетрудящиеся	0,06	0,06	0,06	0,06	0,06	0,06
Всего	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00
Лица, имеющие занятия						
Рабочие	15,60	6,37	11,12	25,78	16,18	21,31
Служащие	10,62	3,60	7,22	15,85	9,18	12,74
Колхозники	69,13	84,26	76,47	53,66	69,29	60,95
Кооперированные	0,80	0,64	0,72	1,52	1,08	1,31
Некооперированные	1,21	0,35	0,79	1,13	0,32	0,75
Единоличники	2,64	4,78	3,68	2,06	3,95	2,94
Всего	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00

* Составлено по: РГАЭ, ф.1562, оп.336, д.348, л.15. Материалы переписи 1939 г. в работах справочного характера советского периода даются несколько иные. Социальный состав всей республики характеризовался следующими данными: рабочих и служащих – 35,2%, колхозников – 59,8%, единоличников – 2,5%, прочих – 2,5% [см.: Агитатору, 1957, с.42].

По материалам переписи среди руководителей партийных организаций, кооперативных и общественных учреждений и предприятий татар было 11 205 человек (42,8%), в том числе 793 женщины. На руководящих должностях республиканского уровня представителей татарской нации было 38%, татар – руководителей районных и городских предприятий и учреждений – 50%. Неплохо татары были представлены в составе сельских советов, 53,3% татар были председателями и заместителями председателей сельсоветов. В руководстве колхозов (председатели и заместители председателей) процент татар к общему числу руководящих колхозами лиц составил 52%.

Татар, входивших в состав технического персонала (инженеры, конструкторы, техники, агрономы и агротехники, зоотехники, дорожные мастера и т.п.) насчитывалось 5 607 человек (25,1%), в том числе 1 140 женщин. При этом процент татар этой же группы, чьи занятия связаны с сельскохозяйственным трудом: агрономы, зоотехники, агротехники, ветеринарные фельдшера и ветеринарные техники, был намного выше (соответственно 42,4%; 40,3%; 56,2 и 39,5%).

Число татар, имеющих занятие в культурной и политико-просветительной сфере, насчитывало 14 908 человек (47,3%), из них 6 990 – женщины. В эту группу входили научные работники, профессора и преподаватели вузов – из них татар всего лишь 229 человек (17,2%), в т.ч. 53 женщины; учителя начальных и средних школ и учебных курсов – из них татар всего 10 607 человек (48,52%), в т.ч. 4 686 женщин. Значительное число татар – 59,9 % (к общему числу лиц, имеющих данное занятие), или 1359 человек, в т.ч. 487 женщин, были заведующими клубами и избами-читальнями, домами культуры. Среди заведующих библиотеками и библиотекарей татар было 443 человека (40,2%), в т.ч. 375 женщин.

Среди прочих занятий служащих удельный вес служащих-татар был невысоким, например, бухгалтера – 18%, экономи-

сты – 23,8%, статистики – 30,8%, адвокаты и юрисконсульты – 28,3%.

В сфере медицины татары, в основном это женщины, составляли всего лишь 25,8% медицинского персонала (удельный вес татар-врачей был 16,5% от общего числа врачей в республике, удельный вес татар, работавших фельдшерами и акушерками, – 31%).

Занятия, связанные с дошкольным воспитанием (заведующие детскими яслями, воспитатели в детских садах), были полностью замещены женщинами, из них представительницы татарской нации составляли 39,6%.

Более высоким был удельный вес татар, имевших сельскохозяйственные занятия. Татар, заведующих колхозными товарными фермами, насчитывалось 53,6%, бригадиров полевых бригад и прочих сельскохозяйственных бригад соответственно 58,7 и 53,7%, заведующих хатами-лабораториями и селекционеров – 60,6%, бригадиров тракторных бригад и трактористов соответственно 51,4 и 49,3%, комбайнеров и штурвальных на комбайнах – 47,5%, машинистов и рабочих сельскохозяйственных машин – 58,8%, скотников, конюхов, доярок – 51,3%. Удельный вес татар, имевших занятие садовников и огородников, был ниже – 34,4%.

В меньшей степени представители татарской нации представлены в занятиях, связанных с рабочими и строительными профессиями. Удельный вес татар мастеров буровых – 23,7%, токарей – 22,3%, слесарей – 23%, монтеров и электромонтеров – 23,2%, механиков (рабочих) – 22%, станочников и токарей-деревообделочников – 27,9%, машинистов – 31,1%, арматурщиков – 32,3%, бетонщиков – 56,6%, экскаваторщиков – 16,7%. Процент татар, занятых в текстильной промышленности, несколько выше: трикотажницы и вязальщицы – 23,4%, ткачи – 38%, подмастерья текстильные – 38%, прядильщицы – 39,6%.

Удельный вес татар, задействованных в транспортной сфере, также был невысоким. Татар машинистов локомотивов и их помощников было всего 15,1%, машинистов судовых – 17,3%, шоферов – 31,9%.

ГЛАВА 4

Культура, образование, наука ТАССР и татар в 1920–1930-е гг.

§ 1. Образование ТАССР и развитие национальной культуры

Индус Тагиров

Подписание Декрета об образовании Татарской Автономной Республики, несмотря на многочисленные негативные факты, сопровождавшие этот исторический акт, имело огромное значение для развития культуры татарского народа. Какие же процессы происходили в духовной жизни татар в 20–30-е годы прошлого столетия?

Прежде всего, несколько слов о трудностях становления республики, оказавших негативное влияние на духовное состояние народа. Во-первых, это «вилочное» восстание, начавшееся в начале февраля 1920 г. и продолжавшееся 35 дней. В нем приняло участие множество крестьян Уфимской и Казанской губерний. И оно было подавлено самым беспощадным образом. Нельзя не отметить, что со стороны определенных партийных кругов предпринимались попытки, обозначив это трагическое событие как мусульманское восстание, не допустить реализации национальной автономии.

Во-вторых, это голод 1921–1922 гг., в результате которого к 1926 г. население республики сократилось примерно на 400 тыс. человек. И в-третьих, на что тоже нельзя не обратить внимания, систематические действия партийных органов по узурпации полномочий советских органов власти республики.

Однако республика состоялась. Заместитель председателя Совнаркома РСФСР Турар Рыскулов в одном из своих выступлений в 1926 г. заявил, что «Татарская республика мыслима вообще как национальное государство», что татары «зрелая нация, у которой были зрелые классы, и была общественная зрелость» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.2, д.183, л.71–72]. Все остальные республики в соста-

ве РСФСР, по его мнению, существуют лишь по милости федеральных органов власти.

Действительно, татары, пережившие на рубеже XIX–XX вв. подлинный ренессанс, вступили на путь государственного строительства, имея свою систему образования, десятки газет и журналов, свой театр и развивающуюся музыкальную культуру. На ниве культуры трудились сотни талантливых писателей, поэтов, журналистов, деятелей искусства.

Провозглашение республики, воспринятое как факт восстановления государственности, дало мощный импульс для развития национальной культуры. Применительно к новым условиям, правда не без трудностей, перестраивалась вся культурная жизнь народа.

В сложнейших условиях оказалась религия. Всюду постепенно закрывались медресе и мечети, подвергались преследованию духовные лица. В этом контексте представляет интерес судьба выдающегося богослова Мусы Бигиева, написавшего в 1920 г. в противовес «Азбуке коммунизма» Н.Бухарина и Е.Преображенского книгу «Азбука ислама». Во вступительной статье он подверг жестокой критике коммунистическую идеологию и ее основателя К.Маркса. В том же году в Уфе познакомил с ее основными положениями участники съезда мусульманского духовенства. Затем с намерением издать свою книгу он отправился в Туркестан. Однако в начале 1921 г. был арестован в Ташкенте. Вторично арестовали его в Ленинграде после издания книги в берлинском издательстве «Кавияни» и распространения ее 1500–2000 экземпляров в России. Она была издана под редакцией Гаяза Исхаки.

Бигиев был освобожден только благодаря своей широкой популярности среди мусульманского населения и вмешательства ряда правительственных органов Турции, Швеции и Финляндии [Бигиев, 2005, с.13]. Галимджан Ибрагимов, оценивая его гражданское мужество, писал, что он «живя в пролетарском центре Ленинграде, на деньги татарской буржуазии опубликовал книгу, направленную против революции и с защитой основ капитализма» [Гыймадиев, 2000, с.147–157].

Политика Советской власти, направленная на полное вытеснение религии из жизни общества, встречала сопротивление населения. Организаторы сопротивления подвергались разного рода судебным наказаниям.

В мае 1929 г. за организацию торжественного проведения Курбан-байрама в деревнях Большие и Малые Труевы Вершины, Большой и Малый Чирклей, Татарский Канадей и Кумаевка Пензенской губернии с участием 8 тыс. крестьян были привлечены к судебной ответственности 36 человек и их семьи. Десять из них были расстреляны. Остальных приговорили к пожизненному заключению в концлагерь.

В конце 1920 – начале 1930 гг. столь же трагическая участь постигла крестьян ряда деревень Дрожжановской волости Буинского уезда, сгруппировавшихся вокруг ишана Сафы Биккулова и выступивших против религиозной политики Советской власти и насильственной коллективизации деревни. Наиболее активную роль при этом играли женщины, обезоружившие опергруппу, которая приехала для ареста мулл. Вооружившись чем попало, около 800 человек заставили агрессивно настроенную опергруппу убраться из деревни Ново-Чукали. За участие в этих событиях сам ишан Сафа Биккулов был расстрелян, а семья сослана в Сибирь. Более 60 человек были приговорены к различным срокам тюремного заключения [Тагиров, 1999, с.250–252, 266–272].

Над татарской интеллигенцией, начиная с 1923 г., когда состоялось так называемое IV совещание ЦК РКП по национальному вопросу, висел дамоклов меч обвинения в национализме [Тайны национальной политики, 1992].

Опытные и много повидавшие аксакалы татарской литературы – Г.Ибрагимов,

М.Гафури, Ш.Камал, Г.Камал, на глазах которых и в дореволюционное время происходили не менее трагичные события, искали и в ряде случаев находили возможности обходить рифы нового времени. Ими был создан ряд талантливых произведений, получивших широкое признание общественности. Это «Красные цветы», «Дочь степей», «Глубокие корни» Г.Ибрагимова, повесть «Кара йезлэр» («Черноликие») М.Гафури, «Магур туганда» («Когда рождается прекрасное») Шарифа Камала и другие.

Вокруг этих видных деятелей выросли десятки талантливых писателей и поэтов. Плеяда молодых литераторов была представлена именами Кави Наджми, Мусы Джалиля, Фатхи Бурнаша, Гали Рахима, Шайхи Маннура, Хасана Туфана, Тази Гиззата, Сайфи Кудаша, Нура Баяна, Салиха Баттала, Тухвата Ченекая, Абдрахмана Минского, Махмута Максуда, Афзала Шамова и десятком других писателей и поэтов.

Это молодое поколение в условиях бурной и далеко не однозначной общественной жизни искало свои идеалы в литературе. Дискуссии, литературные вечера проходили шумно и бурно. Обсуждались проблемы духовного наследия и перспективы литературного творчества. Неизбежными были в этой обстановке взаимные упреки и обвинения. Возникали группировки, которые, как указывал Г.Кутуй, «объединяли по тому или иному вопросу своих единомышленников». Одну группу составляли Фатих Сайфи, Закир Гали, Исмагил Рамеев, в другую входили Кави Наджми, Г.Тулумбайский, Х.Туфан, Абдрахман Сагди, М.Гали. Еще одну группу образовали Гумар Гали, Газиз Иделле, Хади Такташ, Гадел Кутуй [Гасырлар авазы = Эхо веков, 1997, № 3/4, с.164–165].

Литературная молодежь увлекалась революционными классовыми идеями, в той или иной мере отрицала культурное наследие прошлого. Как отмечал Г.Кутуй, была даже попытка создать блок для борьбы с тукаевской школой. Эта была молодежь, сгруппировавшаяся вокруг так называемой Татарской ассоциации пролетарских писателей (ТАПП). Определенной части молодежи, состоявшей в ней, не нравилось, что кое-кто считал Тукая богом татарской литературы. Была также группа писателей, направлявшая острие критики против Галимджана

Ибрагимов. В нее входили Фатхи Бурнаш, Шамиль Усманов, Садри Джалял. Аделя Кутуя поносили за то, что он сын буржуя, Фатхи Бурнаша уличали якобы за тоску по ханским временам. Много тогда навешивалось ярлыков. Наверное, трудно назвать писателя и поэта, обделенного ими.

Примечателен литературный суд над произведениями Фатхи Бурнаша с участием и студентов Татарского коммунистического университета. Разгорались дискуссии по вопросам создания пролетарской литературы. Аналогичные процессы происходили в Уфе.

Это была своего рода «детская болезнь», которая преодолевалась в непростых условиях и обстоятельствах. Преодолевалась, однако, не без осложнений.

Первым проявлением этого осложнения стало дело «Джидегян» – организации, якобы состоявшей из семи молодых писателей. В принадлежности к ней, кроме Аделя Кутуя, которому приписывалась идея ее создания, были обвинены Габдрахман Минский, Сайфи Кудаш, Наки Исанбет, Сагит Агиш и Тухватулла Ченекай. Седьмого участника «Джидегяна» никак не удавалось выявить. Называли имена нескольких литераторов. Долго открещивались от этого подозрения редактор газеты «Кызыл Татарстан» Сафа Бурган, башкирский писатель Сагит Агиш. Подозрения падали и на Галимджана Ибрагимова. Некто Х.Наумов в журнале «Октябрь» за 1931 г. писал: «Надо сказать открыто, Г.Ибрагимов не большевик, он татарский националист. Он оппортунист, который выражает устремления татарских националистов, осуществляет их цели через свою литературную агентуру «Джидегян»!»

Это было раздутое, ни на каких фактах не основанное дело. Начало истории было положено поездкой в 1928 г. Габдрахмана Минского и Аделя Кутуя в Уфу. Несколько ранее приехал туда самостоятельно и Тухватулла Ченекай. Цель поездки заключалась в установлении дружественных отношений с башкирскими литераторами. В результате, состоялся литературный вечер с участием татарских и башкирских писателей. Выступили с чтением своих стихов Маджит Гафури, Аделя Кутуй, Габдрахман Минский и Тухватулла Ченекай.

Молодые писатели и поэты дискутировали и с писателями и поэтами Уфы, среди

которых также не было единства. Многие из них искали и, казалось, находили своих единомышленников. Разумеется, о чем-то договаривались. Выдающийся и многоопытный писатель Маджит Гафури, житель Уфы, всячески стремился примирить всех литераторов Казани и Уфы. Не исключается, что А.Кутуй, А.Минский, Наки Исанбет, Тухватулла Ченекай, Сайфи Кудаш на какое-то время сблизились. Возможно, их было семеро, возможно, больше или меньше. Однако никакого «Джидегяна» не было. Были дружеские встречи, во время которых у этой пишущей молодежи выработалась общая позиция в отношении ряда литературных деятелей. Возможно, были и обещания чаще общаться. Во всяком случае казанцы вернулись домой, удовлетворенные результатом своей поездки.

Однако кто-то проинформировал, что в Уфе создана тайная буржуазная организация «Джидегян». Вскоре обвиненные по этому делу были арестованы. На страницах печати Казани и Уфы развернулась разнужданная кампания против арестованных литераторов, продолжавшаяся с перерывами до 60-х годов. Писателей натравливали друг на друга. Тон кампании задавали партийные органы обеих республик. Газеты и журналы, словно соревнуясь, беспощадно клеймили предполагаемых «джидегяновцев» и и же с ними «султан-галиевцев». В свою очередь, обозначенные пять «джидегяновцев», открещиваясь от этой мифической организации, были вынуждены писать на страницах печати «разоблачительные» публикации с оговорами возможных членов «семерки». Таковы письма Т.Ченекай в газету «Башкортостан», Г.Минского – в газету «Кызыл Татарстан». В них и других десятках статей появлялись оговоры одни пуще других. Назывались уже не только имена «джидегяновцев», но и десятков писателей и поэтов. В ходе этой искусственно созданной взаимно разоблачительной кампании соответствующие органы собирали досье на многих деятелей культуры и литературы. Арестованные по этому делу Г.Кутуй и Н.Исанбет также вынуждены были дать письменные показания аналогичного характера [см.: Гасырлар авазы = Эхо веков, 1997, №3/4, с.139–171].

Следствие по нему продолжалось более полугода. В Казани допрашивали Наки

Исанбета и Аделя Кутуя. Не приходится сомневаться в том, что их показания во многом давались под принуждением. Поэтому вряд ли можно считать вполне достоверными ряд содержащихся в них сведений. Но в показаниях нет ничего такого, за что можно было привлекать к ответственности.

В заключении ОГПУ при СНК СССР от 11 сентября 1931 г. о деятельности «Джидеян» говорится: «... в деле нет материалов, подтверждающих состав преступления, инкриминируемого обвиняемым... поскольку эта деятельность не переходит границы советской легальности... дело № 114819 необходимо производством прекратить и арестованных освободить» [цит. по: Зайнутдинова, 2008, с.211]. Освободить освободили, однако клеймо националистов с них не сняли.

25 июля 1937 г., в разгар репрессий в стране, секретарь Татарского обкома партии Г.М.Мухаметзянов дал предписание органам НКВД «раскопать в архивах НКВД дело о контрреволюционной организации «Джидеян» и дать соответствующие справки об участниках этой организации, указав меры, которые были приняты в отношении этих людей». Примечательно, что во втором пункте предписания говорилось о необходимости «подобрать соответствующие материалы по поводу писателя Карима Тинчурина» [цит. по: Вәлиев, 1999, с.160].

Трудно сказать, это или что-то другое стало причиной ареста и последующей репрессии Тинчурина. Однако трагическая судьба не миновала и самого Мухаметзянова. В том же 1937 г. он в числе многих партийных и хозяйственных активистов и деятелей культуры также был репрессирован.

Авторы воспоминаний о С.Кудаше пишут, что в 1941 г. обсуждался вопрос о назначении Аделя Кутуя наркомом просвещения ТАССР. Однако при обсуждении якобы кто-то произнес, что он был участником контрреволюционной организации «Джидеян». Вопрос отпал сам собой, оставив в душе поэта глубокий след. И он добровольцем ушел на фронт, откуда уже не вернулся.

Много и в разных жанрах пробовали свое перо молодые литераторы. Так, свежее дыхание в татарскую поэзию вдохнул Хади Такташ, сочетавший в своем творчестве романтику с непростыми и далеко не роман-

тичными реалиями советской действительности. Таковы его поэма «Века и минуты», «Письмо Гульчачак», «Провокатор» и другие произведения, навсегда вошедшие в золотой фонд татарской литературы. Кроме широко известных талантливых произведений Мусы Джалиля, Аделя Кутуя, Фатхи Бурнаша, Абдуллы Алиша, М.Максуда, А.Шамова, появлялись прекрасные стихи Тухватуллы Ченекая, М.Крымова и других поэтов.

Особое место в татарской литературе тех лет занял Ш.Усманов. Он был не только пламенным революционером, но и одним из тех, кому мы обязаны появлением на политической карте Татарской республики. В эти годы им написаны произведения, выражавшие пафос и остроту гражданской войны: «В кровавые дни», «Под красным знаменем». Ему принадлежит также фантастический роман «Радио с Памира».

Отличился своими рассказами и стихами, также отражавшими суровые годы Гражданской войны, Кави Наджми. Особой популярностью пользовался его рассказ «Шобага» («Жребий»). В его биографии примечателен факт, связанный с «Джидеян». Когда к нему как руководителю Татарской ассоциации пролетарских писателей явился один из обвиняемых по этому делу с намерением разоблачить Аделя Кутуя как инициатора создания организации «Джидеян», он выгнал его из кабинета.

Драматург Г.Камал, кроме пьес, которые успешно шли на сценах театров, написал ряд сатирических рассказов и пародий. Основывая новую татарскую драматургию, он опирался на традиции народной культуры, берущие свое начало с болгарских времен. Этот маститый литератор, как отметила профессор Ю.Нигматуллина, представил жизнь и обычаи всех основных слоев народа в их динамике, «в бурлескном плане, использовал нарочито грубый, буффонадный смех в их критике». Языку его персонажей присущи точность, меткость и остроумие.

Выдающийся татарский писатель, друг и соратник Г.Тукая Ф.Амирхан внес в татарскую драматургию оптимизм и радость жизни.

Большим успехом у зрителя пользовались музыкально-драматические пьесы «Галиябану» М.Файзи, «Башмагым» Х.Ибрагимова,

«Угасшие звезды» и «Казанское полотенце» К.Тинчурина.

Одним из ведущих драматургов стал Таджи Гиззат, пьесы которого «Ташкыннар» и «Наемщик» завоевали симпатии не только зрителей Казани, но и Москвы, Симбирска, а также ряда городов республики.

К.Тинчурин продолжил драматургические начала Г.Камала. Элементы фарса и гротеска, присущие его пьесам, он обогатил элементами трагизма. Новизна в творчестве Тинчурина и в том, что они вместе с Салихом Сайдашевым заложили основу музыкальной драмы [Нигматуллина, 2000, с.119].

Салих Сайдашев начал свою творческую жизнь с известной труппой «Сайяр», пьесам которых он аккомпанировал на фортепьяно и перерабатывал татарские народные песни для струнного оркестра. Проходя службу в армии в Оренбурге, он работал пианистом татарской драмы, организованной политотделом 1-й армии. Вся последующая жизнь его была связана с Казанью. Им были музыкально оформлены более 30 пьес. Самой первой крупной удачей композитора стал спектакль «Зэнгэр шэл» («Голубая шаль»). Затем последовали «Наемщик», «Иль» («Родина»), «Кандыр буе» («На Кандре»), «Бишбулэк», «Кузлэр» («Очи») и другие произведения [См.: Юнусова, 2006, с.156–159]. Несомненным вкладом в становление музыкальной драмы была творческая дружба Таджи Гиззата и композитора Джавдата Файзи.

Важным событием культурной жизни 30-х годов стало создание в 1933 г. передвижного колхозного филиала Татарского государственного академического центра для обслуживания сельского населения. Первым его режиссером стал Гали Ильясов. В штате работали актеры Г.Болгарская, М.Ильдар, Г.Гиматов, Г.Камская, Б.Галиуллина, З.Агишева, Ф.Нариманов, Э.Ягудин, А.Гацулина, Б.Ахтямов и другие [Заббарова, 2000, с.232].

Крупным успехом музыкальной культуры республика явилась татарская опера «Сания», созданная В.И.Виноградовым и С.Х.Габяши. Основными исполнителями главных партий были С.Айдаров, Г.Кайбицкая, М.Рахманкулова.

Росту музыкального искусства Татарии во многом способствовал Казанский восточный музыкальный техникум, созданный

на базе ранее существовавших двух музыкальных учебных заведений.

В 1925 г. в республике насчитывалось свыше 150 публичных библиотек, 211 клубов, 305 изб-читален, около 70 красных уголков. В 1923–1924 гг. Татиздатом были выпущены книги 107 названий, в том числе на татарском языке – 88; в 1924–1925 гг. – 150 названий, в том числе на татарском языке 143. В 1925 г. в ТАССР издавалось шесть областных газет и семь журналов на русском и татарском языках.

19 апреля 1921 г. при Наркомпросе был создан Академический центр, который вскоре возглавил Галимджан Ибрагимов. К 1924 г. завершилось формирование авторских коллективов при нем, ставших главным органом координации учебной литературы. Были разработаны и изданы на татарском и русском языках программы для школ I и II ступени. Академцентр координировал выпуск трудов по истории, археологии, этнографии, краеведению, татароведению, тюркологии и детской литературы [см.: Гасырлар авазы = Эхо веков, 2000, № 1/2, с.228–230]. В его составе были научный, переводческий, художественный, республиканский архив и музей.

Значительное развитие получило музейное строительство, имевшее глубокие корни. Возникший в 1895 г. на основе материалов выставки, созданной «для ознакомления с естественными богатствами края и его производительностью» и по инициативе А.Ф.Лихачева, музей к началу XX в. превратился в один из крупных культурных очагов Поволжско-Уральского региона. Вокруг него сплотились и ученые, и любители краеведы.

В 20–30-е гг. успешно работали Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете, Общество по изучению Татарстана и Научное общество татароведения. Их деятельность широко освещалась на страницах журнала «Вестник Научного общества татароведения». С 1921 г. начал издаваться журнал «Музейный вестник».

Образование ТАССР дало толчок возникновению музеев на местах. В 1921 г. были открыты музеи в Свияжске и Чистополе. Развернулась активная работа по их созда-

нию в Арске, Бугульме, Лаишеве и Мамадыше [Синицына, 2002, с.54–55]. К 1927 г. в республике функционировало 10 музеев. Из года в год росла их посещаемость.

Временами казалось, что обстановка, сложившаяся к середине 30-х гг., не предвещает ничего страшного. 27 октября 1936 г. бюро обкома партии приняло постановление о работе Союза писателей Татарии. В нем была дана высокая оценка роману «Наши дни» Г.Ибрагимова, «За туманом» Шарифа Камала, «Замечательная эпоха» Тази Гиззата, «Агидель» Мирсая Амира. Отмечена «положительная работа по организационному объединению вокруг Союза писателей... и по выявлению и привлечению новых молодых писательских кадров к литературно-творческой деятельности». Среди молодых писателей назывались имена Г.Мухаметшина, Л.Гильманова, Г.Разина, И.Салахова.

Однако настораживало то, что партгруппе Союза писателей и лично Кави Наджми было сделано серьезное предупреждение «за проявление либерального отношения к враждебным троцкистским, буржуазно-националистическим элементам, примазавшимся к литературному фронту, за отсутствие активной борьбы с идеологическими извращениями, имевшими место в произведениях отдельных писателей» [цит. по: Султанбеков, 2006, с.98–99].

В связи с этим необходимо сказать несколько слов об ответственном секретаре

Татарского обкома ВКП(б) А.К.Лепе. Он, несмотря на систематически поступающие доносы на представителей творческой интеллигенции, проводил умеренную политику, сдерживая их взаимные наскоки и оскорбления. Так, видя, что сгущаются тучи над головой Галимджана Ибрагимова, из-за болезни проживавшего в Крыму, он пытался уберечь его от возможной кары. До своего ареста А.К.Лепе трижды отказывался дать санкцию на «изъятие» Ибрагимова. Вовсе не случайно, что ему после ареста инкриминировали потакание буржуазным националистам.

Обвинял его в этом секретарь ЦК партии большевиков Г.М.Маленков, приехавший на пленум обкома ВКП(б) 27–28 августа 1937 г. Пленум коренным образом изменил общественную обстановку и дал старт кампании репрессий в республике. А.К.Лепе был осужден и 9 мая 1938 г. расстрелян. Начался повальный арест деятелей литературы и культуры. Вслед за Г.Ибрагимовым были арестованы и расстреляны Ш.Усманов, К.Тинчурин, М.Галаяу, М.Крымов, ряд других писателей. Еще раньше, в 1932 г. был арестован и умер в тюрьме Джамал Валиди. По материалам книги политических жертв, в 1937–1938 гг. в республике было расстреляно около 3 тыс. человек.

Однако, несмотря на трагические события этих лет, культурная жизнь в республике продолжалась как в годы Великой Отечественной войны, так и в последующий период.

§ 2. Формирование советской образовательной системы. Последствия смены алфавита в 1927 г.

Зубарзят Гарипова

На протяжении первых пяти–шести лет после октябрьской революции 1917 г. происходило организационное становление основных структур новой советской системы образования. Путь ее развития определял ряд документов советского правительства 1918 г. Определенное волнение как среди русской, так и татарской интеллигенции вызвал Декрет СНК РСФСР «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» от 20 января 1918 г. [Ленин и культурная революция, 1972, с.49]. В связи с отделением школы от церкви и запрещением обучать религии все мектебе и медресе подлежали закрытию.

Однако фактически они существовали еще в течение ряда лет. Активную деятельность развил Наркомпрос Татарской республики в первый период своего существования.

Много нового в процесс преподавания в школах республики внес Декрет ЦИК и СНК Татарстана от 25 июня 1921 г. [Культурное строительство в Татарии, 1971, с.169]. На его основе III съезд Советов Татарстана 10 декабря 1922 г. принял резолюцию, которая гласила: «Поставить фактическое осуществление преподавания татарского языка в школах II ступени и в профессионально-технических учреждениях» [НА РТ,

ф. Р–3682, оп.5, д.1, л.27]. Эта же задача была поставлена Академцентром в 1924 г. Подготовку программ для школ взял на себя Народный комиссариат просвещения. Работа по переводу новых программ с русского языка на татарский и дополнению их краеведческим материалом была возложена на Академцентр Наркомпроса. С 1927 г. начали создавать новые учебники для татарских школ, к разработке которых были привлечены опытные педагоги.

Более результативным был замысел введения всеобщего обязательного обучения детей. К февралю 1931 г. был, в целом, успешно пройден первый этап всеобщего в Татарстане. В течение 1930/31 учебного года Татария привлекала к обучению в школы I ступени детей школьного возраста на 40% больше, в то время, как средний процент по стране составлял 28,8%. Однако в 1940–1941 гг. школ стало не больше, хотя число учащихся в них выросло намного – до 54800 чел.

Наряду с развитием школ для детей школьного возраста в 20–30-е гг. осуществлялась

большая работа по ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения. В эти годы она имела свою специфику – это перевод (начиная с 1928 г.) татарской письменности с арабского на латинизированный алфавит Яналиф, который был завершен в январе 1931 г. Указом Президиума Верховного Совета ТАССР от 5 мая 1939 г. татарский язык был переведен на кириллицу. Так был завершен процесс двукратного изменения татарской письменности за десять лет. Естественно, это отразилось на качестве грамотности татарского населения. И надо заметить, что в процессе создания единой советской школы была полностью разрушена традиционная татарская система образования.

Тем не менее, надо учесть, что до революции дети татар учились преимущественно в медресе. Их насчитывалось около тысячи. В них обучалось 80 тыс. чел. В 1939 г. в начальных, неполных средних и средних школах обучалось 281 тыс. детей татар (49,5% от общего количества учащихся в этих школах) [Кр.Т., 1940, 27 мая].

§ 3. Развитие профессиональных видов культуры и искусства

Зубарзят Гарипова

Годы революции и гражданской войны для развития культуры народов были сложным и трагическим периодом. Падение самодержавия одобрили все деятели культуры. Однако дальнейшие события разделили их на различные политические группы и течения. Развитие татарской литературы в первые годы Советской власти было специфичным и противоречивым. Целый ряд татарских писателей и поэтов, среди них и такие известные люди, пользовавшиеся широкой популярностью в народе еще до октября 1917 г., как Г.Исхаки, Р.Фахретдин, поэты З.Рамиев (Дердмэнд), Н.Думаи, С.Рамиев, С.Сунчалей, после прихода к власти большевиков перестали писать.

Большой потерей для татарской советской литературы было эмиграция Г.Исхаки. По причине невосприятия большевистской политики остались за границей Ф.Туктаров, Г.Терегулов, Р.Ибрагимов, поэтесса Сания Гиффат.

В начале 1920-х гг. в мире татарской художественной литературы началась борьба

различных направлений не только за форму, но и за идеологию. В период гражданской войны в литературе были характерны темы фронта, войны, Красной Армии, военного коммунизма. Затем актуальными темами стали новая семья, заводы-фабрики, трудовой процесс, психология советского крестьянина, быт рабочего и др. Сменились не только темы и сюжеты в литературе, но также ее язык и стиль. Большинство арабских слов исчезли из оборота, вместо них в художественную литературу вошли редко встречающиеся в народе фразеологизмы, выражения и слова, а также «интернациональные» термины.

Надежда на скорое светлое будущее, духовный энтузиазм вдохновляли многих деятелей культуры на создание интересных произведений. Несмотря на изменившиеся социально-политические условия, продолжала развиваться национальная литература. Заметной фигурой того времени стал Г.Ибрагимов. В 1920 г. он выпустил первую книгу трилогии «Безнең көннәр» («Наши

дни») (написана в 1914 г.), драму «Яңа кешеләр» («Новые люди»), в 1923 г. была опубликована его повесть «Казак кызы» («Дочь степи»), в 1928 г. – роман «Тирэн тамирлар» («Глубокие корни»).

Среди большого количества писателей, пришедших в татарскую литературу после 1905 г., наиболее выдающимися были Фатых Амирхан и Галимджан Ибрагимов. Фатх Амирхан в своих произведениях обнажил социальные контрасты современной ему действительности, отразил проблемы татарского общества начала XX в. В сатирической повести «Шафигулла агай» (1926, опубликована в 1991 г.) резко осмеял большевистский догматизм и фанатизм. В статьях отстаивал народность и реализм в литературе и искусстве.

На рабочую тему писали Ш.Камал, Ф.Амирхан. Ш.Камал в повести «Таң атканда» показал участие рабочих в революции. Ф.Сайфи описывал типографских рабочих («Инвалиды», Казань, 1928).

Отражению крестьянской жизни были посвящены произведения М.Гали, Г.Тулумбайского, Г.Гали, Г.Минского, А.Шамова, А.Тагирова [Вәли, 1928, с.26–28].

На тему военной жизни в 1919 г начал писать свои повести и пьесы Ш.Усманов. В этот же период начали создавать свои произведения драматурги Т.Гиззат, М.Файзи – основоположник татарской музыкальной драматургии, автор пьесы «Галиябану», поэт, прозаик Кави Наджми, прозаик А.Шамов, сатирик Г.Тулумбайский, поэты А.Кутуй, М.Джалиль, внесшие немалый вклад в национальную литературу в период ее еще благоприятного, независимого от диктата власти имущих развития.

В 20-е годы драматический жанр татарской литературы шагнул немного вперед. Первые кирпичи в его основу в послеоктябрьское время положили Г.Ибрагимов и Ш.Усманов. Всеобщий интерес вызвали музыкальные драмы Ф.Бурнаша.

Музыкальные комедии на татарскую сцену принес К.Тинчурин. Авантюрные жанры в татарскую драматургию – Ахмет-Тазетдин Рахманкулов [Вәли, 1928, с.28].

Наиболее заметным среди молодых литераторов этого периода, по признанию специалистов, был поэт, прозаик и драматург Хади Такташ (1901–1931), обладавший

большим и разносторонним талантом, выступавший и как литературный критик, и как публицист. Выступал против угнетения, неравенства и несправедливости, но он был не революционером, а борцом-одиночкой, бунтарем. Революцию он считал только разрушительной силой («Вулканы», 1923 г.). Его идеалом являлся герой-освободитель угнетенных (См.: «Гасырлар һәм минутлар») [Давлетшин, 2005, с.269].

В начале 1920-х гг. писателям была дана определенная свобода, и они, воспользовавшись ею, образовали литературные объединения. Однако в их деятельности было много противоречивого и ошибочного.

Относительно свободное развитие татарской литературы проходило в сложных противоречивых условиях. Во второй половине 20-х гг. все сильнее становилось идеологическое давление коммунистической партии на писателей. В это же время проявились тенденции русификации татарской культуры и языка. Начавшаяся дискуссия относительно замены арабского шрифта латинским развернулась в 1927 г. и затронула, в целом, вопросы татарской культуры и путей ее развития.

Творчество писателей Татарстана в 1930-х гг. отличается от 20-х гг. своей тематикой. В произведениях преобладают темы фабрик и заводов, колхозов, вредительство кулаков, мулл, которые якобы, проникнув в колхозы, ведут работу по разложению их изнутри. Литературу 1930-х гг. в 1960–1980 гг. характеризовали следующим образом: «В конце 30-х годов появились «приглашенные» рассказы и очерки, где раскрытие характеров и конфликтов часто подменялось пустой помпезностью и народными лозунгами. Литература 30-х годов росла с активным участием в строительстве социализма. В романах и повестях, поэмах и драматургических произведениях тема современности выдвигается на первый план, усиливается стремление к этническому изображению действительности» [История татарской советской литературы, 1965, с.242; Татар әдәбияты тарихы, 1989, с.359]. Молодые силы брали себе темы из жизни рабочих и крестьян. Однако разгул терроризма парализовал творческую жизнь писателей.

Ясно одно, в литературной жизни республики господствовала новая идеология.

Материалы печати тех лет свидетельствуют также о том, что в поэзии старому размеренному, рифмованному стиху был нанесен сильный удар. Группа молодых поэтов, ополчившись против старых традиционных форм стихотворства, пытались создать новое в области татарского стихосложения. Однако и они вынуждены были работать под жестким контролем и цензурой.

Театральное искусство. 1920-е годы в театральном искусстве являются периодом интенсивных и напряженных поисков новых форм работы. Если в первые годы после двух революций было сильное оживление театральной жизни в Казани (с 1918 по 1920 гг. существовало около десяти профессиональных или полупрофессиональных и до тридцати самодеятельных трупп) [Гарипова, 2004, с.110], то в последующие годы этот театральный энтузиазм начал затухать. Субсидии прекратились, труппы начали распадаться. Некоторые театральные коллективы оказались нежизнеспособными. На сцене ставились заведомо слабые произведения. В 1923–1924 гг. с целью выхода из кризиса и обогащения репертуара были организованы конкурсы на постановку лучшей советской пьесы, соответствующей «пролетарской идеологии». Так произошло рождение нового жанра – героико-революционной драмы.

Более того, с лета 1923 и в течение всего сезона 1923/24 гг. на страницах периодической печати развернулась бурная дискуссия о соответствии задач театра новым идеологическим требованиям. Обсуждалось, как должен развиваться татарский театр, как использовать творческое наследие прошлого, какому стилистическому течению следует отдать предпочтение. Дискуссия открыла статья К.Тинчурина «Каким путем должен пойти татарский театр?» Известный драматург считал, что татарское сценическое искусство не должно отступать от принятого с первых же дней существования национального театра реалистического метода отражения действительности [Арсланов, 1992, с.123–124]. В театральном искусстве были и чрезмерные увлечения отдельных лиц новыми течениями, что иногда выражалось в критических выступлениях в периодической печати, отрицающих репертуар, творческий состав старого театра. В течение все-

го сезона 1923/24 гг. не затихали споры. На страницах газет и журналов по-прежнему велись оживленные обмены мнениями о предназначении сценического искусства, о том, какой видится форма новых постановок. Так, открыто противопоставлять в своих статьях старый реалистический и новый театры стремился А.Мазитов. Он пропагандировал методы КЭМСТА – конструктивно-экспериментальной мастерской современного театра, рекомендуя его как образец революционного искусства [Татар эdəбияты тарихы, 1989, с.241]. Такого характера дискуссии продолжались вплоть до конца 20-х годов. Много пояснений и рекомендаций по улучшению татарского драматического театра внес его главный режиссер Карим Тинчурин.

Сезон 1925/26 гг. стал юбилейным в развитии татарского театра. Главный режиссер Карим Тинчурин включил в состав коллектива лучших актеров: М.Мутина, З.Султанова, Б.Тарханова, Ш.Шамяля, С.Айдарова, Х.Уразикова, Г.Болгарскую, Ф.Ильскую. Режиссерами назначались Гумер Девишев, М.Магдеев. Под руководством композитора Салиха Сайдашева был организован оркестр из семнадцати музыкантов. В эти годы были поставлены такие интересные, привлекавшие внимание публики и критики спектакли, как «Без ветрил», «Голубая шаль», «Американец», «Маленький брат» К.Тинчурина, «Переселение» Н.Исанбета, «Стенька Разин» В.Каменского, «Старик Камали», «Заблудшая девушка», «Безземельные», «Хусаин Мирза» Ф.Бурнаша, «Галиябану» Ф.Амирхана. Проблеме разоблачения мещанства были посвящены постановки «Сенной базар», «Казанская девушка» К.Амира, «Свояки» Г.Тулумбайского, «Директор Джамилев», «Свояченица» А.Кутуя и др.

С богатым репертуаром работал Татарский драматический театр и в конце 1920-х гг. В репертуаре театра 1928 г. насчитывалось 12 новых спектаклей, утвержденных худсоветом. Среди них имена новых авторов. В портфеле театра были и произведения из жизни крымских татар и узбеков [Яналиф, 1928, №19, с.10].

Молодые талантливые режиссеры как Гумер Девишев и др. воплощали на сцене переведенные с русского и других языков произведения. Однако театральное искус-

ство творило в условиях государственного терроризма, достигшего своей кульминационной точки в середине 30-х годов и в Татарии. Усиленная идеологизация выдвинула свои требования и перед искусством, в том числе перед театром. Казалось бы, большой разнообразный репертуар отвечал официальной установке, но Татарский обком партии и здесь проявил бдительность, приняв постановление от 4 ноября 1933 г., которое подвергло критике деятельность Татарского академического театра. Впредь предписывалось «осуществлять большее руководство работой драматургов». Театр должен был «приглашать в качестве консультанта русского художника-режиссера», пьесы посылать в Москву на утверждение ЦК ВКП(б) [НА РТ, ф. Р-7239, оп.1, д.1, л.166]. Эти установки и претворялись в жизнь.

Неотъемной частью театрального искусства Татарстана был Казанский русский драматический театр, носивший в 1924–1929 гг. название им. А.В.Луначарского, с 1948 г. – им. В.И.Качалова. Театр до 1934 г. существовал на принципах антрепризы с набором труппы посезонно, с 1934 г. работал как постоянная труппа. С первых лет установления Советской власти на него, как и на другие театры России, была возложена задача «воспитания трудящихся в духе советского патриотизма». Поэтому на сцене большей частью ставились спектакли на революционные темы. Театр «рос» в русле строительства социализма и «новой советской культуры», ставил спектакли политически острые, затрагивающие проблемы партийной жизни и подчеркивающие идейность советского человека.

В то же время репертуар 1940 г. показывает разнохарактерную работу Большого драматического театра, которую создали выдающиеся мастера сцены Ф.В.Григорьев, Н.И.Якушенко, Г.П.Ардоров, Преображенская и др.

В 1932 г. началась творческая биография Театра юного зрителя (ТЮЗ), возникшего при Центральном городском клубе пионеров.

В 1934 г. создается Казанский театр кукол на основе любительского коллектива при Центральном городском клубе пионеров как первый государственный интернациональ-

ный театр кукол. Спектакли ставились как на русском, так и на татарском языке.

Характерная черта времени – повышенный интерес к искусству. В частности, это выразилось в росте популярности театральных зрелищ. Этим можно объяснить в некоторой степени и появление трамбовского движения, захватившего в 20–30-е гг. всю страну. Первый «трам» (сокращенное название «театра рабочей молодежи») открылся в ноябре 1925 г. в Ленинграде [Миронова, 1977, с.6]. Вслед за ним появились театры рабочей молодежи в других городах. Первый татарский рабочий театр был организован в 1929 г. В 1930 г. был создан «Казанский трам». Надо заметить, что они долгое время сохраняли свое «срединное» положение между профессиональным театром и квалифицированным кружком. В публикациях о трамбовских спектаклях упоминается тесный контакт исполнителей с аудиторией, горячие споры и дискуссии зрителей во время антрактов. Ибо эти спектакли рассказывали о злободневном и наболевшем. Репертуар театра отражал рабочую и общественную жизнь предприятий. Впоследствии трамбовские спектакли казались архаичными. «Трам» нуждался в обогащении форм. Тем не менее, он сыграл значительную роль в подъеме и развитии художественной самодеятельности. Самодеятельные коллективы были в то время сильным средством влияния на молодежь.

В противоречивые 20–30-е гг. деятели культуры и публика искали ответы на возникающие в их сознании вопросы.

Музыка. Татарская музыка на профессиональном уровне стала развиваться после 1917 г. Ведь еще в начале XX столетия не было ни одного музыканта с профессиональным образованием. Многовековая музыка татарского народа бытовала лишь в форме устной традиции, представленной одноголосными песнями без инструментального сопровождения. В условиях социального и национального гнета развивалась преимущественно лирическая песня о тяжелой жизни. Царская администрация была не только равнодушна к состоянию культурного развития инородцев, но и всячески препятствовала развитию духовной культуры малых народов. Профессиональная музыка, тре-

бующая особых условий для исполнительства, определенные социальные институты, не могла получить развития. В творческих опытах первых татарских музыкантов, одаренных композиторов-самоучек (З.Яруллин, Ф.Латыпов, С.Габаши) наметились первые ростки профессиональной музыки [Нигмедзянов, 1980, с.273]. Труды этих музыкантов явились почвой для начала развития творчества и исполнительства после Октября, когда духовное возрождение народа, строительство его театрально-музыкальной культуры стали предметом государственной заботы Татарского правительства.

В ноябре 1919 г. организуется музыкальная секция губернского отдела народного образования, нотная библиотека, которая снабжала город нотами. В целях распространения музыкального образования в том же году были открыты две музыкальные общеобразовательные школы. Их программы включили в себя музыкальную грамоту, хоровое пение, постановку голоса, знакомство с инструментами.

Аналогичные школы были созданы при фабриках «Поляр» и «Победа», при заводах Крестовникова, Алафузова. В сентябре 1919 г. в Казани начались показательные концерты симфонического оркестра. На них вместе с русскими музыкантами выступали татарские певцы Ф.Латыпов, М.Гамаева, А.Мухтарова, К.Мутыги, композитор и певец Г.Альмухаметов, Г.Кайбицкая, А.Измайлова, хор под управлением С.Габаши.

Большой популярностью пользовались и выступления оркестров народных инструментов под управлением Вали Апанаева и Исмагила Галиакберова, гармонистов-виртуозов Файзуллы Туишева, Файзи Бикинина, пианиста Загидуллы Яруллина, скрипачей Хабибуллы Ахмадуллина и Мухаммеда Яушева.

Молодое татарское правительство, созданное после образования ТАССР, принимало активные меры по подготовке преподавателей музыки. Так, в 1921 г. Наркомпрос вынес постановление об организации 4–6 месячных курсов для будущих работников музыкальных школ, детских садов и единых трудовых школ. Казанский восточный музыкальный техникум, созданный на базе ранее существовавших двух музыкальных

учебных заведений, во многом способствовал росту музыкального искусства в Казани. Сосредоточив лучшие музыкальные педагогические силы города, к 1925 г. он стал весомым музыкальным учебным заведением РСФСР. В 1927 г. в числе его учащихся было 59 татар. Всего обучалось 258 человек [Гарипова, 2004, с.117–119].

В начале 1920-х гг. появляются песни нового жанра – с элементами «скорой городской», как отмечают музыковеды, быстрого темпа. В их число входит «Ком бураны», «Каз канаты», «Баламишкин», «Замана» и др.

В 1920–30 гг. начинает формироваться музыкальный стиль татарской массовой и лирической песни в творчестве С.Габаши, С.Сайдашева, М.Музафарова, Дж.Файзи, З.Хабибуллина, Ф.Яруллина, А.Ключарева.

На сцене театра ставятся спектакли с музыкальным оформлением С.Габаши, С.Сайдашева, многие песни из этих постановок впоследствии стали народными. Композиторы вводят в татарскую музыку новые формы: арии, дуэты, хоры.

С.Сайдашев являлся одним из родоначальников татарской популярной оркестровой музыки. В 1920–1925 гг. композитор в числе своих произведений создает и «Балетную сюиту» для оркестрового исполнения. Музыкальная критика отмечала, что уже в первой половине 1920-х гг. он решил в своей музыке многие сложные проблемы, только еще поставленные жизнью перед деятелями молодых национальных музыкальных культур. В начале 20-х гг. многое в музыкальном образовании держалось на горячем энтузиазме первостроителей советской культуры.

В 1920-е годы Сайдашевым были созданы сочинения в жанре песни-марша, ставшего массовым явлением в советской музыке только в 1930-е годы. Музыкальное оформление С.Сайдашевым спектаклей Татарского драматического театра еще в начале 1920-х гг. стало принципиально важным явлением в татарской советской музыке [Салитова, 1983, с.266–267].

В развитие молодой татарской музыкальной культуры значительный вклад внес и Василий Виноградов. В 1921–1924 гг. он создает несколько крупных симфонических произведений, в частности таких, как «Татарская сюита», «Шихай». Крупным

успехом музыкального искусства явилась первая татарская опера «Сания» (либретто самих композиторов), муз. В.Виноградова, С.Габаша, Г.Альмухаметова, поставленная на сцене Татарского государственного академического театра 25 июня 1925 г.

В 1927 г. клавир и фотография исполнителей первой татарской оперы «Сания» были выставлены на международной музыкальной выставке во Франкфурте-на-Майне. Об особом внимании и интересе посетителей к опере «Сания» писала немецкая пресса, о чем сообщало в Казань Общество культурной связи с заграницей [Кр.Т., 1927, 23 июля].

В 1927 г. этот же коллектив создал оперу «Эшче» (либретто М.Гафури).

По оценке музыковедов в татарской советской песне еще в 20-е годы происходит сплав характерных народных элементов с маршевыми интонациями русских революционных гимнов, а также новых, в том числе комсомольских, песен. В сочинениях С.Сайдашева переосмысление данных источников приобрело достаточно сложные формы. Это сказалось, прежде всего, в типе мелодии, в частности, в коротких отчеканенных возгласах призывного и декламационного характера [Сайдашева, 1995, с.42].

В этот период формируется татарское профессиональное музыковедение и музыкальная фольклористика. Одни из выдающихся теоретиков национального музыкального искусства был С.Габаша, оставивший ряд интересных наблюдений о путях развития татарской музыки. Он же впервые начал систематическую, научно обоснованную работу по сбору и популяризации образцов народного музыкального творчества.

Событием в музыкальной жизни Казани явилось открытие в 1939 г. Татарского государственного оперного театра на основе постановления СНК ТАССР от 28 октября 1938 г. Основу творческого коллектива составили солисты, окончившие татарскую оперную студию при Московской государственной консерватории.

Театр искал новые пути развития национального искусства. За 1939 г. в портфеле театра уже было 3 спектакля. И началась подготовка опер: «Алтынчэч» (либретто М.Джалиля, композитор Н.Жиганов), «Галиябану» (либретто А.Ерикеева, композитор

М.Музафаров); «Сафа» (либретто А.Файзи, музыка Д.Файзи). С.Сайдашев работал над оперой «Наемщик» (либретто Т.Гиззата); З.Хабибуллин – над оперой «Кара кюзляр» (либретто М.Максумова); Ф.Яруллин – над балетом «Шурале» по либретто А.Файзи, Оранский – над балетом «Хаджи женится» по либретто Г.Тагирова [НА РТ, ф. Р–6663, оп.1, д.17, л.25].

В 1940 г. театральная критика Москвы дала высокую оценку операм «Качкын» («Беглец») и «Ирек» («Свобода») молодого композитора Н.Жиганова, как «несомненно одаренного художника». Характеризуя его первые две оперы, журнал «Театр» писал: «По своей эмоциональности, глубине музыкальных тем, оркестровке и техническому мастерству они могут с успехом состязаться с многочисленными произведениями современных русских композиторов». Вокруг опер Н.Жиганова в то время разгорелась дискуссия, которая была вызвана ошибочным суждением, что подлинная народность заключается в использовании только фольклорного материала в самом «чистом» виде. Композитора упрекали в том, что он отошел от этого. Тот же журнал «Театр» писал: «По своей эмоциональности, глубине музыкальных тем, оркестровке и техническому мастерству они могут с успехом состязаться с многочисленными произведениями современных русских композиторов» [Лесков, 1940, с.142].

Надо отметить еще одно величайшее произведение – первый татарский балет «Шурале» тогда еще молодого композитора Фариды Яруллина, которому суждено было стать основоположником национального балетного искусства и вывести татарскую музыку на международную арену. Балет «Шурале» стал одним из репертуарных балетов не только в Татарстане, но и во многих странах мира.

Таким образом, можно констатировать, что оперный театр, осуществив пять премьер, заявил о большом творческом потенциале своего коллектива.

В популяризации музыкальной культуры большую роль сыграли Татарская государственная филармония, созданная в 1937 г., а также Ансамбль песни и танца Татарстана. 589 концертов, данных Татгосфилармонией за один 1940 г. [Культурное строительство

в Татарии, 1971, с.608], – неплохой показатель ее деятельности. Научной обработкой татарских народных песен и регулярным их изданием занимался Казанский кабинет музыкального фольклора, организованный в 1938 г. Уже через 1,5 года ему удалось собрать и создать фонограмму более 300 татарских народных песен дооктябрьского и послереволюционного периодов [Ключарев, 1939, с.74–78; Нигмедзянов, 2003, с.17]. В 1940 г. Кабинет выпустил 1-й том татарских песен, включавший 145 названий с научным анализом и комментариями [НА РТ, ф.4580, оп.33, д.1380, лл.69–81]. По отчету его директора А.Ключарева в январе 1941 г. видно, что работа этого учреждения была нацелена на изучение татар как в республике, так и в местностях СССР, населенных татарами. Организованные экспедиции в Западную Сибирь позволили коллективу подготовить научно-популярные очерки по истории татарской музыкальной культуры [История Казани, 2004, с.611].

Несмотря на сложные времена, республика жила в яркой музыкальной жизни. Были ее создатели в лице композиторов, были исполнители в лице актеров и музыкантов, были и слушатели.

Изобразительное искусство и архитектура. Изобразительное искусство и архитектура Татарстана вплоть до конца XIX в. не могло развиваться в силу многих причин. В 1895 г. была открыта Казанская художественная школа, где в первые десятилетия XX в. преподавали живописцы Павел Беньков, Николай Фешин, Павел Мансуров, Степан Федотов и др., определившие реалистическую направленность формирующегося профессионального искусства Татарстана.

1920-е гг. стали годами напряженных поисков путей развития изобразительного искусства. В 1922–1924 гг. происходили горячие диспуты о задачах и назначении искусства. Наибольшие разногласия отмечались между членами АХРР (Ассоциация художников революционной России) и левовцами.

Исторически так сложилось, что в станковой живописи, скульптуре и графике у татар не было старых традиций, но в архитектуре и декоративно-прикладном искусстве татарские изобразительные формы имели глубокие древние корни. В начале XX в. появляются первые татарские художники-

графики, иллюстраторы книг и журналов М.Галеев, Г.Гумеров, Г.Камал и др. Известными стали имена первого графика-педагога Ш.Тагирова – выпускника Петербургской академии художеств, театрального художника Ч.С.Яхшибаева.

К 20-м годам созрела острая необходимость в национальном художественном образовании. Получившие до революции специальное образование в Санкт-Петербурге Мирзаджан Байкеев, скульптор, проживавший в Ленинграде, и Касым Давлеткильдеев, живописец, проживавший в Уфе, не могли оказать заметного влияния на развитие татарского изобразительного искусства.

Первые татарские мастера, заложившие фундамент современного национального изобразительного искусства, воспитывались в стенах бывшей Казанской художественной школы, преобразованной после Октябрьской революции 1917 г. в Государственные свободные архитектурно-художественные мастерские, а в дальнейшем – в Художественный техникум. Большое внимание на формирование казанских художников оказал Николай Фешин, работавший в Казанской художественной школе с 1908 до 1922 гг. В начале 20-х гг. абстрактная живопись преподавалась в мастерских Степана Федотова и Павла Мансурова в Архумасе. По данным И.Галеева, программы Казанских художественных мастерских создавались не без влияния П.Мансурова. Особенностью Казанского искусства 1920-х гг. он считает авангардистские искания молодых художников, осуществленные в графике [Архумас, 2005, с. 15–16].

Во второй половине 20-х годов число татарской молодежи среди студентов художественного техникума увеличивается. Среди них Ш.Мухамаджанов, Г.Юсупов, Г.Мусин, Газизова и др. Это первое поколение художников – татар Казанского художественного техникума [Урманче, 1985, с. 69,71].

Специфика 20-х гг. не могла не отразиться на выборе тематики картин и форме художественного письма. Именно в эти годы студенты Казанского художественного техникума выступали против натурализма за новый реализм в живописи, за «экономии в подборе выразительных средств». Они утверждали, что «современное изобразительное искусство должно идти по двум путям:

А) по пути внедрения художника-мастера в производство – плакат, книга (полиграф-производство), реклама, клубы и т.д. Б) по пути реформы станковых форм, приближая последние к нуждам массового потребления (клуб, общественное здание, улица), взамен кабинетно-салонных форм старого станка» [Архумас, 2005, с.15–16].

Известный искусствовед П.Дульский писал, что 1924–1925 гг. должны быть отмечены как период зарождения национальной графики Татарской республики, и только на большой юбилейной выставке искусства народов СССР в Москве (1927 г.) выявился актив художников из татар, положивший начало своему книжному искусству. Сумев завоевать себе имя, татарские художники в 1931 и в 1933 гг. были приглашены к участию в ответственных международных выставках в Париже, Чикаго, Филадельфии. В Париже в 1931 г. было выставлено 150 образцов лучших мастеров советской графики на выставке «Искусство книги». Среди них работы Бакира Юсупова (инициалы его имени в разных источниках указываются по-разному: Б., Г., Т.) [Червонная, 1975, с.201], Фаика Тагирова, Шакира Мухаметжанова, Николая Сокольского. Заграничная пресса отметила это событие, дав высокую оценку на страницах «Таймс» [Кр.Т., 1933, 22 ноября].

Фаик Тагиров по определению художников создал свой неповторимый стиль, представлявший своеобразный, совершенно оригинальный восточный вариант конструктивизма, органично соединивший авангардные поиски европейской культуры с древними национальными истоками, с традиционной для татар арабской графикой. Уже в 1925 г. в работах Тагирова появился новый прием – фотомонтаж, который стал важнейшей составляющей художественного языка конструктивизма, и которому в 1920-е и в начале 1930-х гг. в советском искусстве придавалось большое значение. Со второй половины 20-х гг. художник работает в Москве и становится полноправным участником процесса создания русской советской книги [Архумас, 2005, с.15].

Во 2-ой половине 1920-х гг. большую роль в воспитании живописной и графической культуры учащихся Художественного техникума играл Баки Урманче – живописец, скульптор, основоположник професси-

онального искусства, вернувшийся в Казань в 1926 г. после окончания ВХУтемаса. Одной из основных своих задач Урманче ставил организацию работы графической мастерской. В 1977 г. при Казанском художественном техникуме была образована производственная группа в составе: В.Бадюль, Х.Алмаев, М.Мухаметшина, Ш.Мухаметжанов, Г.Юсупов, А.Баширов, Э.Розова, А.Гончаров и др. Для этой группы было характерно обращение к жанру агитлисток, современных форм народных картинок – лубков [Там же, с.16].

В 20-е гг. художники в основном обращались к местной тематике, к истории, культуре народов Поволжья, выявляли самобытные черты татарского искусства.

Особую струю, так сказать, в искусство республики принесли 30-е гг. и особенно предвоенные годы. Искусствоведы отметили, что рост изоискусства как бы несколько замедлялся. Лишь в творчестве отдельных художников прослеживалось развитие социальной и гражданской тематики [Валеева, 1999, с.32].

В центральном журнале «Творчество» появляется статья Н.Машковцева «художественная жизнь Казани», где говорится: «Еще совсем недавно столица Татарской республики имела репутацию города, отличающегося развитой художественной культурой. В Казани постоянно устраивались выставки с участием художников Москвы и Ленинграда. Казанское художественное «Сегодня» представляется бесконечно менее отрадным, чем «вчера», что в Казани не поощряется работа графиков над станковым рисунком, а также в области создания эстампа» [Машковцев, 1940, с.15].

Состояние изоискусства в Татарстане было заслушано на III пленуме Оргкомитета Союза советских художников СССР 4 апреля 1940 г. В его резолюции было подчеркнута, что Казань – один из выдающихся центров нашей художественной культуры – превратилась по существу в город, лишенный настоящей и подлинной творческой деятельности в области изобразительного искусства [Там же, с.14]. Тем не менее, в Казани была значительная группа художников с серьезной творческой культурой.

После образования Татарской республики в строительстве города появился поворот. Была поставлена задача сохранять и со-

держат в порядке существующие здания, приступить к ремонту и реставрации ценнейших памятников архитектуры, возводить новые здания, благоустроить город. Первые попытки составить хотя бы схематичные наброски дальнейшей застройки Казани были сделаны в 1924–1926 гг. архитектором строительного Управления инженеров ТАССР Ф.П.Гавриловым. Архитекторы занимались решением вопросов по застройке Казани и особенно слобод. Они планировали объединить все слободские районы в единой городской организации, создав новую главную площадь под Кремлем, на территории бывшей ярмарки (ныне здесь находятся Дворец спорта и цирк).

Совет архитекторов при казанском горсовете, архитектурно-планировочная мастерская, местные кадры и выпускники института Ленинградского коммунального строительства способствовали созданию многих проектов будущих строений: Клуб меховщиков (архитектор Гайнетдинов), стадион «Динамо» (Сперанский), Дом Комиссариата внутренних дел на К.Маркса (Федотов, гостиница «Татарстан» на улице Куйбышева, дворец культуры возле озера Кабан, который должен был вместить театр, музей, библиотеку и другие культурные учреждения. В конкурсе участвовали и казанские архитекторы Гайнетдинов, Сперанский, Дубровин [Дульский, 1935, с.90; Дульский, 1934 б, с.81; Остроумов, 1978, с.152–167]. Однако эти проекты не были претворены в жизнь.

В 1933–1934 гг. городскими магистралями предусматривалась удобная и кратчайшая связь между всеми районами Казани. Главная уличная сеть центральной части города сохранялась по исторически сложившемуся направлению. Генеральный план «Большой Казани» был завершен и утвержден правительством 19 июня 1941 г. за три дня до начала Великой Отечественной войны.

Однако специалисты большим недостатком строительства этого периода считали отсутствие ансамблевой застройки в центре города. Метод социалистического реализма должен был присутствовать и в архитектуре. Как показывают публикации, некоторые архитекторы стремились возродить архитектуру прошлых эпох, которая считалась классическим «недосягаемым образцом». Но подобным попыткам положил конец июньский

пленум ЦК ВКП(б) 1931 г., на котором были намечены конкретные мероприятия по социалистическому переустройству городов [Остроумов, 1978, с.152–167].

В области скульптуры в Татарстане было немного прославленных имен. В начале 30-х годов этому виду искусства стало уделяться относительно большее внимание, что было связано с необходимостью применения ее в оформлении новых «социалистических городов». Были сделаны первые шаги – установлены два монумента-памятника: на Кольце (ныне площадь Тукая) – Бауману и в Заречье (ныне Кировский район) – Ленину, которые были выполнены московскими скульпторами. В начале 30-х гг. как талантливый скульптор зарекомендовал себя Садри Ахунов. Ему принадлежат работы: бюст поэта Хади Такташа, «Колхозница-огородница» [Дульский, 1934 а]. Казань для постановки монументальной скульптуры и вообще для утверждения любого проекта строительства обязана была обращаться в Москву. Такая ситуация и отсутствие условий для творчества казанских специалистов вызвали текучесть художественных сил. Многие из них покинули республику.

От скульптуры также требовалось идеологическое содержание, тематика должна была соответствовать «высокому стилю социалистической эпохи». Что касается техники, то она обязана была дать звучность объемно-пространственных отношений, выявить могущество и силу фигур и образцов нового человека. Установка на единственно возможный «реалистический метод» [Машковцев, 1940, с.14] стала основой вынужденной консолидации различных творческих групп в рамках единой организации – Союза советских художников.

Итак, искусство в Татарстане прошло сложный путь. В эти годы в нем отразились все тенденции и стили, присущие искусству страны.

Первый сильный всплеск в художественной жизни Татарской Республики произошел в 20-е гг. XX столетия. В искусстве татарского народа появились новые (европейские) виды и жанры: профессиональная музыка, профессиональное изобразительное искусство – живопись, скульптура, станковая графика. В каждом из этих видов появились крупные мастера.

§ 4. Основные тенденции в научных исследованиях в ТАССР (1917–1941 гг.)

Зубарзят Гарипова

Республика Татарстан уже в 1920-х гг. стала одним из крупных научных центров Советского Союза. Но до этого, в первые годы Советской власти научная работа, по свидетельству публикаций тех лет, пошла на убыль. В качестве причин указывались «отход» многих профессоров от работы, уменьшающаяся возможность взаимоотношений с Западом, полное отсутствие новой литературы и аппаратуры для лабораторно-исследовательской работы. В 1918–1919 учебном году физико-математическое общество, общество естествоиспытателей, юридическое, пушкинское общество, общество врачей, невропатологов и психиатров при Казанском университете уже не функционировали. Издание их печатных трудов прекратилось из-за дороговизны печатания [Сотонин, 1922]. Но по мере стабилизации политической ситуации и ликвидации последствий гражданской войны и голода результаты их трудов становились достоянием общественности.

Многие кафедры казанских высших учебных заведений, в том числе Казанского университета, также вели научные исследования по многим фундаментальным и прикладным направлениям. Кроме того, активно работали специализированные научно-исследовательские учреждения, которых в начале 20-х гг. насчитывалось семь. Затем стали открываться новые, такие как: Краевой микробиологический институт (1925 г.), Зоологический и ботанический сад, Областная лесная и лесомелиоративная станция (1926 г.), Институт социального здравоохранения и гигиены (1926 г.). В их работе продолжали функционировать традиционные научные направления, в то же время возникали новые научные школы.

В начале 1920-х гг. число лиц, ведущих научную работу в области математики резко увеличилось. Работы их охватывали почти все отрасли современной для своего времени математики. Научно-исследовательский институт математики и механики при Казанском университете объединял матема-

тиков из различных вузов Казани. Другим таким центром было Казанское физико-математическое общество. Казанскими математиками был решен ряд научных проблем. Ими были разработаны методы, нашедшие применение в работах других отечественных и иностранных математиков. Казанскими учеными велись исследования в следующих отраслях математики: алгебре, теории чисел, теории групп дифференциальных и интегральных уравнений, теории функции действительного переменного, теории аналитических функций, теории вероятностей и геометрии. «Алгебра, – как утверждал Б.М.Гагаев, – сделалась предметом разработки в республике лишь с 1928 г., со времени приезда из Одессы проф. Н.Г.Чеботарева. До его приезда алгеброй после Н.И.Лобачевского никто не занимался». Чеботареву и его ученикам принадлежит цикл работ по распределению корней уравнений. Н.Г.Чеботаревым решен ряд важных проблем теории групп Ли. Б.М.Гагаевым написан ряд работ по изучению сходимости и суммируемости ортогональных рядов.

Надо заметить, что в этот период стали известными среди математиков татарские ученые. В их числе ученик профессора Б.М.Гагаева Г.Максудов (в области математического анализа), ученики Н.Парфентьева из кафедры механики Казанского университета К.З.Галимов, М.И.Альмухаметов. Из работ по аналитическим функциям известны труды Н.К.Усманова, продолжившего затем свою деятельность в ленинградской военно-воздушной Академии. По интегральным уравнениям были выполнены интересные работы учеником Б.М.Гагаева Г.С.Салиховым, который дал доказательства существования решений нелинейных интегральных уравнений более общих, чем ранее изученные, типов, а также существования собственных значений. Им же получен ряд интересных результатов по решению в конечном виде различных классов уравнения в частных производных, являющихся обобщением классических

формул [Ученые заметки КГУ, 1946, т.106, кн.2, вып.4, с.3–13].

Н.Г.Чеботарев в 1938 г. писал, что разрабатываемая тема об «однолистно-продолжаемых полиномах» весьма трудная и имеющая большое значение в теории аналитических функций. Сам он написал две монографии: «Теория групп Ли» и «Алгебраические числа». М.Альмухаметов – «Особые точки систем дифференциальных уравнений». В.Яблоков занимался исследованием геометрических сопряжений в нуль-системе и изучением пространств финслера, П.Широков – вопросами теории римановых пространств. Н.Четаев закончил труд «Об устойчивых траекториях динамики», Х.Муштари – докторскую диссертацию «Об устойчивости тонких оболочек», М.Аминов изучал вопрос об аэродинамике машущих крыльев, а в разработке была тема докторской диссертации «Изменение статического принципа Гаусса в целях расширения его на некоторые задачи динамики» [Чеботарев, 1938, с.297–299]. Из этого краткого обзора работ казанских математиков видно, что Казань сделалась одним из математических центров Советского Союза.

В области физико-математических наук, несмотря на тяжелые 20-е годы, ценные исследования дали ученые Н.Парфентьев, Н.Четаев, А.Аминов, Х.Муштари, Н.Чеботарев, Е.К.Завойский, П.А.Широков и др. Работы казанских ученых по математике, астрономии, физике привлекали и тогда внимание ученых не только СССР. Их достижениями пользовались многие научные школы.

Недаром именно в Казанском университете организовывались международные конкурсы на соискание премии им. Лобачевского. По инициативе профессора Чеботарева ряд казанских математиков и механиков с 1929 г. работали в области теории устойчивости, которая имела громадное значение для решения вопросов машиностроения, теории аэроплана, сверхскоростных поездов. Полученные Чеботаревым, Персидским, Малкиным результаты были затем отмечены Всесоюзным математическим съездом.

Борьба высокой прочности, легкости и экономичности конструкций привели к широкому и смелому применению тонких пластин и оболочек во многих областях

техники. Различные комбинации пластин и оболочек являются конструктивными элементами самолетов и судов. В летательных аппаратах и быстроходных турбинах многие главные детали еще в то время изготовлялись в виде оболочек. Все это, в свою очередь, вызвало необходимость создания надежных методов расчета тонкостенных конструкций на прочность и в особенности на устойчивость.

В связи с важностью применения гибких пластин и оболочек в технике в конце 30-х гг. как в Советском Союзе, так и за границей усиленно разрабатывалась нелинейная теория упругих пластин и оболочек. Усилия казанских ученых и в послевоенный период были направлены, в основном, на дальнейшую разработку теории пологих оболочек [Суркин, 1957, с.27–29].

К концу 1930-х гг. механико-математической школой, начало которой было положено Н.Лобачевским, разрабатывались научные проблемы, имеющие оборонное значение.

Бурное развитие физики пришлось на 30-е гг. Перед началом Великой Отечественной войны ученые Е.К.Завойский, С.А.Альтшулер, Б.М.Козырев стояли на пороге открытия мирового значения – явления парамагнитного резонанса.

Казанские астрономы продолжали вести фундаментальные исследования в области изучения Луны. Надо заметить, что развитие астрономии в крае связано с основанием в 1804 г. Казанского университета и подготовкой на кафедре астрономии (с 1810 г.), одной из первых в России, профессии астрономов, а также с деятельностью И.А.Литтрова, оборудовавшего первую Казанскую городскую астрономическую обсерваторию. Издание при Казанском университете научных журналов «Труды Казанской городской астрономической обсерватории», «Известия астрономической обсерватории Энгельгардта» и открытие в 1901 г. Астрономической обсерватории Казанского университета способствовали развитию астрономической науки. В 1930-е гг. создано Казанское астрономогеодезическое общество.

Первым директором Астрономической обсерватории был Д.И.Дубяго (до 1918 г.), который внес большой вклад в теорию движения комет. Благодаря работам Д.Я.Мар-

тынова и его учеников 1930–40-е гг. Казань стала ведущим центром по изучению затменно-переменных звезд. Еще до Октябрьской революции казанская химическая школа получила мировое признание. После Октября 1917 г. у истоков химической науки в Казанском университете стоял выдающийся ученый А.Е.Арбузов. В 1920-е гг. ему принадлежали фундаментальные работы в области кислородсодержащих органических производных фосфора. В лаборатории Арбузова впервые получены полные эфиры фосфористой кислоты в чистом виде, были открыты пути синтеза фосфорокربоновых кислот. Благодаря этому Казань стала мировым центром исследования фосфорорганических соединений. А.Е.Арбузов в этот период начинает разрабатывать проблемы, имеющие народнохозяйственные и оборонное значение: изучает смолы хвойных деревьев, состав живицы и скипидара. Это было впервые в Советском Союзе. Данное исследование установило отличие отечественного скипидара от французского и американского. Применяемые казанскими химиками новые методы дали возможность найти в скипидаре до этого неизвестную составную часть терпинкарен. Теоретическая разработка вопросов переходила в практику. Так, лаборатория Арбузова получила заказ от Дулевской фарфоровой фабрики. Эти открытия могли развить подсочный промысел на востоке европейской части страны – важной отрасли лесного хозяйства.

В конце 20-х гг. в лаборатории А.Е.Арбузова была решена еще одна важная для экономики проблема – метод получения фурфурола из отходов сельского хозяйства, ставшего сырьем для производства пластических масс [Гарипова, 2004, с.101]. С 1929 г. в научно-исследовательском институте им. А.М.Бутлерова начинается интенсивная работа по органическим производным фосфора. С 1930 г. исследования фосфорорганических соединений разворачиваются и на кафедре органической химии Казанского химико-технологического института. В 1929 г. А.Е.Арбузовым и Б.А.Арбузовым был открыт новый способ получения свободных радикалов триарилметильного ряда. В период до начала Великой Отечественной войны возникают и развиваются но-

вые центры изучения фосфорорганических соединений. К ним относятся исследования в Институте органической химии Академии Наук СССР [Арбузов, 1957, с.35–36]. Была признана роль Казанской школы химиков в возникновении и развитии отечественной химической промышленности в стране, а также было значимо их влияние на мировую химическую промышленность.

В начале XX в. на территории Татарстана проводились тектонические исследования. Так, существенно важные тектонические данные были выявлены А.В.Нечаевым, А.Н.Замятиним и М.Э.Ноинским. Нечаев и Замятин обнаружили в ядре Сокско-Шешминской дислокации выходы никем до сих пор не описанных нижнепермских известняков, принятых ими в то время за известняки каменноугольного возраста. Такие же известняки были выявлены и на реке Кама, в ядре Ижминводской структуры М.Э.Ноинским. Профессор Б.М.Юсупов отметил, что изучение тектоники Татарии в то время носило не систематический, а случайный характер. Для регионального обобщения отдельных, разрозненных наблюдений тектонических явлений достаточных данных еще не было.

Планомерное изучение тектоники Татарии началось лишь с 30-х гг. XX в. В отношении планирования работ по изучению тектоники Урало-Поволжья важная роль принадлежала участникам совещания, состоявшегося в 1929 г. в здании Политехнического музея в Москве. С докладом на совещании о тектоническом строении и перспективах нефтеносности Татарии выступил М.Э.Ноинский. Совещание выработало план инструментальной структурно-геологической съемки, что явилось началом нового этапа тектонических исследований в Татарской республике. Ведущую роль в осуществлении этого плана сыграли С.И.Миронов, Е.И.Тихвинская, К.Р.Чепиков, Н.П.Герасимов, С.П.Чернов, В.М.Бутров, Б.В.Селивановский и др.

В 30-е гг. велись геологические исследования М.Э.Ноинским в районе Ижевского минерального источника и Е.И.Тихвинской по вопросу миграции нефти в недрах Татарской АССР. Большую работу по обобщению материалов нефтепоисковых работ проводил Всесоюзный научно-исследовательский

геологоразведочный институт. В частности, в 1942 г. здесь была составлена сводная структурная карта Татарии по маркирующим горизонтам верхнепермских отложений под редакцией С.И.Миронова. В 1943 г. структурная карта для востока Татарии по кровле нижнеказанских отложений была составлена А.А.Мельниковым [Юсупов, 1957, с.71, 79].

Представители Казанской геологической школы осуществили разработку стратиграфии, палеонтологии, тектоники, минералогии, в основном верхнепалеозойских отложений Востока Европейской части России, изучали нефтегазоносность и рудоносность Среднего Поволжья, Прикамья и Приуралья. В минералогии фундаментальные исследования связаны с именами ученых, работавших в Татарстане в 30-е гг., Б.П.Кротова, Л.М.Миропольского, Б.М.Юсупова и др.

Одной из важнейших проблем, которыми занимались физиологи в Татарстане, явилась проблема нервной деятельности. «От решения ее зависело понимание многих процессов, происходящих в человеческом организме, выяснения причин ряда заболеваний», – писал профессор А.Кибяков [Кибяков, 1941]. Этой проблеме была посвящена научная деятельность физиологов Казани еще с 1858 г., когда кафедру нормальной физиологии на медицинском факультете Казанского университета возглавлял профессор Овсянников.

Физиологическая лаборатория университета была создана трудами крупного ученого с мировым именем профессором А.Ф.Самойловым (умер в 1930 г.). Его лабораторию считали рассадником электрофизиологических знаний среди советских ученых.

Деятельность кафедры физиологии Казанского университета под руководством профессора А.Самойлова была известна за пределами СССР уже в 20-е гг. По точности и четкости в деле записи электрических токов животного тела его лаборатория не только занимала первое место в СССР, но и имела возможность конкурировать с зарубежными институтами. Казанские ученые уже тогда знали, что любой миг жизни центральной нервной системы человека сопровождается появлением элек-

трического тока, что всякий орган обнаруживает себя еще и своей электрической реакцией, которая дает возможность уловить новые стороны в работе того или иного органа в организме человека. Труды ученых в этой области печатались в разных журналах не только Союза, но и за границей. Сам профессор Самойлов по приглашению иностранных научных обществ читал лекции об исследованиях своей лаборатории в Голландии, США, в Физиологическом обществе при Гарвардском университете в Бостоне, в Берлине.

Примечательно то, что в Татарстане, в лаборатории Самойлова впервые в России был записан ток сердца. В Казань стали направлять для усовершенствования врачей из Москвы и других городов. Знаменитая московская больница им. Боткина, Институт профзаболеваний им. Обуха в Москве, курортные кардиологические клиники по методике и инструкции, разработанной казанским ученым Самойловым, создали у себя электрофизиологические кабинеты [Гарипова, 2004, с.101–102].

Достойными преемниками профессора Самойлова были профессора Воронцов и Киселев. В конце 30-х гг. в физиологической лаборатории Казанского университета велись исследования по изучению процесса прохождения волны возбуждения по нервным проводникам. Зав. лабораторией проф. Резвяков установил ряд фактов, свидетельствующих о том, что возбуждение, пробегая по нервным стволам, встречает сопротивление и уменьшается в своей величине. По утверждению профессора Кибякова, единого мнения о том, что происходит с импульсом, когда он пробегает по нервным стволам, не существует. Он сделал вывод, что раскрытие этого процесса представляет практическую ценность – дает возможность понять причины многих заболеваний, связанных с поражением периферической нервной системы.

Одним из крупнейших основателей Казанской школы физиологов является профессор Миславский, ученый с мировым именем. Здесь воспитывались кадры физиологов: доцент И.Г.Валидов, профессора Чеботарев, Вишневский, Чирковский, Горяев, Терегулов, Домрачев и др.

В эти же годы в физиологической лаборатории института впервые было показано, что и во взаимоотношениях между отдельными нервными элементами также принимают участие химические факторы.

Самой молодой физиологической лабораторией Казани являлась лаборатория Педагогического института. В этой лаборатории под руководством доцента О.Д.Курмаева установлены новые данные относительно влияния постоянного тока на полоски желудочного сердца. Эти данные в то время имели и теоретическое, и практическое значение (восстановление работы сердца и механизмы электронаркоза) [Кибяков, 1941].

В 1920 г. в Казани был основан Клинический институт (с 1925 г. стал называться Казанский государственный институт для усовершенствования врачей – ГИДУВ). Хотя в первые годы его основной задачей было повышение квалификации врачей, позднее Институт проводил исследовательские работы по приоритетным направлениям медицины. В эти годы функционировали и специализированные медицинские научно-исследовательские институты (микробиологический, туберкулезный, трахоматозный), внося огромный вклад в развитие медицинской науки. Перед ними была поставлена задача комплексного изучения человеческого организма, изыскания новых методов исследования, лечения и профилактики болезней на основе достижений биологии, физики и химии.

Сельскохозяйственные и лесные науки имели своим опорным пунктом Институт сельского хозяйства и лесоводства, созданный в 1922 г. на основе слияния лесного факультета университета и сельскохозяйственного факультета Казанского политехнического института (с 1930 г. – Казанский сельскохозяйственный институт, с 1995 г. – Казанская сельскохозяйственная академия). Создание института и начало его деятельности имели неопределимое значение для спасения сельского хозяйства от развала и окончательного упадка и оскудения. Среди педагогов института были профессор А.М.Васильев, А.Я.Гордягин, Н.Н.Парфентьев, М.А.Грачев, М.Э.Ноинский, Н.А.Ливанов, В.Г.Беляев и др.

Надо заметить, что лесное опытное дело в Татарстане имеет более раннюю историю.

Берет свое начало с 1911 г., когда было открыто Опытное лесничество. Но лесоводство ограничилось тогда накоплением знаний лишь путем наблюдений, эксперименты длительное время не проводились. Во время гражданской войны и в первые годы восстановительного периода теоретические вопросы лесного хозяйства еще не получили первостепенного значения, и лесное дело находилось в состоянии застоя. Научная исследовательская работа в Казанском опытном лесничестве начала оживать только с конца 1922 г. под руководством профессора К.В.Войт. Жизнь требовала придать лесному делу новые организационные формы. На основании нового положения о лесном опытном деле Татарской республики, утвержденного 12 июля 1926 г. ЦИК ТАССР, при Управлении лесами Татаркомзема организуется бюро по лесному опытному делу и лесная опытная станция «Татарстан» с присоединением к ней опытного лесничества.

В 20-е гг. кроме опытного лесничества и лесной опытной станции большую исследовательскую работу вели кафедры лесного факультета Казанского института сельского хозяйства и лесоводства. Они проводили исследование проходных рубок в сосновых молодняках, изучали динамику естественного возобновления сосны на вырубках. По химической технологии ставились опыты с подсочкой сосны и ели. Почвоведы занимались изучением генезиса разновидностей почв. По лесной энтомологии велись исследования различных средств защиты леса от вредителей.

За период с 1925 по 1930 гг. лесные кафедры института работали над 77 темами, из них к 1931 г. капитально было изучено 26 тем. На наш взгляд, это не является мелкотемьем, а в большой степени показывает способность сотрудников работать по различным направлениям. Результаты их деятельности и поисков получили отражение в «Известиях Казанского института сельского хозяйства и лесоводства», в журналах «На лесокультурном фронте», «Лесное хозяйство и лесозащита», в «Трудах Общества изучения Татарстана» и др. Такие исследователи, как профессор А.Я.Гордягин, А.А.Юницкий, Л.И.Яшнов, А.П.Тольский и Г.С.Судейкин, а также Б.Н.Мартынов, П.Г.Трошанин,

Б.М.Алимбек, Н.И.Степанов и др. [Бобровский, 1952, с.3] были известны своими трудами по проблемам общего лесоводства, лесной фитопатологии, орнитологии, энтомологии, по вопросам плодоношения, стандартизации семян, организации лесосеменных хозяйств. Надо заметить, что тематические планы строились в соответствии с запросами производства с учетом народнохозяйственных задач правительства республики. Деятельность ученых лесного хозяйства в 20–30-е гг. обогатили лесную науку и оставили значительный практический след в технике ведения лесного хозяйства.

Узловые вопросы организации и планирования сельскохозяйственного производства в колхозах МТС изучал созданный в марте 1933 г. Татарский научно-исследовательский институт социалистической реконструкции сельского хозяйства. Уже через год положительные результаты и практические выводы институт передавал колхозам и МТС или публиковал в печати. Так, труды М.Г.Сафиуллиной, А.П.Трапезникова, Галимова и др. увидели свет в виде книг или в журнале «Социалистическое хозяйство Татарстана» [НА РТ, ф. Р–1076, оп.1, д.68, л.1].

Татарский научно-исследовательский экономический институт, приступивший к работе в июле 1930 г., начал разрабатывать многие проблемы экономики и внедрять первые результаты. Уже в первый год существования институт, занимаясь изучением производительных сил республики, проделал конкретную работу по вопросу изыскания сырья для местной промышленности. В частности, были выполнены научные обоснования по бурению нефти.

Такие же результаты коллектив института имел и в отношении других естественных богатств. Республика являлась едва ли не самым богатым районом по гипсовым залежам, но вопрос по их использованию не ставился. Изучая гипс, институт доказал возможность производства многочисленных стройматериалов [Гарипова, 2004, с.103].

В те же годы исследовательская мысль направляется по пути использования имеющихся в Татарии месторождений гипсов и ангидритов. Ряд исследователей: А.Я.Богородский, А.И.Луньяк, В.Г.Соболев (1930 г.) обращают внимание на возмож-

ность организации на этой базе комплексного производства серной кислоты и портландцемента. Рекомендации общего порядка о необходимости «ставить вопрос о производстве в Татарской республике цементов типа портланд и роман, на базе известняков, доломитов и глин республики» были высказаны в 1932 г. бригадой Камстроля (Батыр, Трофимук, Мясникова). В 1939 г. Е.И.Тихвинская отмечает целесообразность использования известняков верхнеказанского подъяруса, указывает ряд горизонтов известняков [Незимов, Сементовский, 1957, с.114].

Учеными (Татарский научно-исследовательский экономический институт) были продвинуты и вопросы относительно меди, возможность ее эксплуатации на основе обоснования историками предпосылок развития медедобывающей промышленности, ибо татарстанская территория была когда-то центром медеплавильной промышленности.

В полугодовом отчете Института за 1930–1931 гг. значились такие работы, как опробование медных руд в Мамадышском районе, геологическая съемка с регистрацией полезных ископаемых в Бугульминском, Рыбно-Слободском районах, вблизи Бондюжского химзавода, геолого-поисковые работы на горючие сланцы в Бугульминском районе, на стекольные пески в районе станции Васильево, а также на флоридиновые глины в Чистопольском районе, на железный сурик в районе Кизического болота.

Насущные потребности развития народного хозяйства ТАССР и прилегающих территорий, наличие объективных предпосылок к созданию цементной промышленности явились причиной неоднократных попыток разрешения этой проблемы. Впервые вопросы организации цементного производства в республике были поставлены еще в 1930–1932 гг. в связи с большими задачами, возникшими перед страной в период осуществления первого пятилетнего плана. С.П.Егоров в сборнике «Геология и полезные ископаемые Татарской республики» (1932 г.) отмечал возможность использования для производства портландцемента известняков нижнеказанских отложений, развитых в районе города Елабуга – устье реки Иж. О.А.Хованская, изучавшая глины раз-

лично возраста, пришла к заключению, что «... все исследованные глины Татарии пригодны для цементного производства ...» [Незимов, Сементовский, 1957, с.114].

Сотрудники Научно-исследовательского экономического института разрабатывали такие темы, как технико-экономические обоснования постройки завода азотных туков, развитие силикатной промышленности Татарстана, перспективы снижения себестоимости промышленной продукции.

Учеными секции экономики транспорта этого же института была составлена экономическая характеристика проектируемых железнодорожных линий в республике, инспекция железобетонных мостов [Гарипова, 2004, с.103–104].

Надо подчеркнуть, что разрабатываемые в послевоенный период научные проблемы экологии, систематики наземных позвоночных животных, фауны края, водного режима растений, энтомологии, гидрологической изученности малых рек Среднего Поволжья имели свою теоретическую базу и основу, заложенную также в 20–30-е гг.

Гидрогеологические исследования на территории Татарстана имеют свою давнюю историю. Подобные исследования проводились в связи с водоснабжением древнего города Болгары. «Однако результаты этих работ в литературе не получили освещения», – писал ученый М.С.Кавеев в 1957 г. В конце XIX столетия, в связи с проблемой водоснабжения крупных населенных пунктов были организованы специальные работы по изучению подземных вод. Материалы буровых работ по водоснабжению в период с 1883 по 1900 гг. были опубликованы профессором А.А.Штукенбергом в трудах Казанского общества естествоиспытателей.

После октябрьской революции 1917 г. гидрогеологические исследования были связаны с проектированием гидротехнических сооружений, поисками месторождений полезных ископаемых, с изучением минеральных вод и со строительством инженерных сооружений. За период с 1917 г. на территории республики непрерывно продолжалось бурение скважин на воду. Темпы буровых работ на воду с каждым годом возрастали. Если в 1920 г. было пробурено 27 скважин, то в 1930 г. – 40.

В освещении региональных гидрогеологических особенностей территории республики большое значение имели гидрогеологические наблюдения, проводимые в процессе геологической съемки. Начиная с 1933 г., в связи с изучением тектонических структур, была покрыта геологической съемкой почти вся территория Татарской АССР. В этом процессе были выявлены особенности гидрогеологии пермских и более поздних геологических образований, выступающих на дневную поверхность. Подземные воды глубинных горизонтов осадочной толщи на территории ТАССР изучались А.Г.Забировым, В.А.Сулиным, Н.В.Тагеевой. С начала организации Казанского филиала АН СССР гидрогеологические исследования Геологического института направлялись на разработку теоретических вопросов, необходимых для решения практических задач, связанных с поисками нефтяных месторождений [Кавеев, 1957, с.97–99].

В области истории и филологии в первое десятилетие после Февральской революции 1917 г. открылись сравнительно благоприятные возможности для научной разработки истории татарского народа. На это были нацелены в основе своей научно-исследовательские планы Научной коллегии, Академцентра, различных научных обществ, таких как: татарское педагогическое общество, Научное общество татароведения, Общество изучения Татарстана, Дома татарской культуры, затем Татарского научно-исследовательского экономического института, созданного в 1930 г. и просуществовавшего около двух лет. В 20-е гг. были опубликованы такие фундаментальные труды, как: «Очерки истории Казанского ханства» М.Худякова, «История татарских классов» Г.Ибрагимова, «К вопросу о происхождении Камско-волжских болгар» В.Ф.Смолина. Им же в 1925 г. были закончены «Введение в Волжско-Камскую Булгарию», «Реальный словарь Волжско-Камского края».

Статьи ученых Джамала Валиди по наречиям глазовских и каринских (по другому, нократских) татар, Гали Рахима с анализом эпиграфических памятников татар эпохи Казанского ханства, которые еще не были объектом изучения, опубликованы Обще-

ством изучения Татарстана в 1931 г. Гали Рахим провел исследование более пятидесяти надгробных памятников Арского кантона, относящихся к XV в., и впервые сделал вывод об их языке (язык местных татар в сочетании со словами чыгтаев из Средней Азии).

Интересны выводы исследователя А.Васильева на основе анализа пяти серебряных монет Золотой Орды с татарскими надписями, найденных на территории Татарстана в окрестностях деревни Кирби Лаишевского района. Ученый установил, что монеты относятся к ханам, царствовавшим непосредственно один за другим в небольшом промежутке времени (десять лет) – в 806–818 гг., то есть в 1412–1413 гг. н.э. По утверждению А.Васильева, они относятся к числу редких монет, одна из монет чеканена в «Болгаре новом». Автор статьи ставит вопрос – «что за Новый Болгар?». «Известны монеты с указанием места чеканки: Новый Сарай, Новый Азов, Новый Астрахань, Новый Гюлистан, но Нового Болгара на монетах не встречал». Крупнейший востоковед Френ также оставил их определение под вопросом и не высказал своего суждения [Труды ОИТ, 1930, с.175].

Е.Чернышев в статье «Причина эмиграции Крымских татар в Турцию в 1860 г.», основываясь на новых архивных материалах, дает новое объяснение этой проблеме. Причину крымско-татарской эмиграции он видит в экономическом развитии России середины XIV в. с ее заинтересованностью в восточных рынках сбыта российских товаров и связанной с этим аграрной политикой царского правительства, направленной на вытеснение крымских татар с исконных земель [Труды ОИТ, 1930, с.173]. Надо заметить, что данный вывод ученого был не только новым словом, так как другие исследователи видели главную причину эмиграции в подстрекательстве Турцией крымских татар к эмиграции, но и мужественным поступком для своего времени.

Среди трудов по татароведению 1930 г. нужно особо выделить статью профессора Н.Н.Фирсова о работе Эренжен Хара-Дован «Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII-XIV вв.», изданной в городе Белград в 1929 г. Общество изучения

Татарстана поместило ее на страницах своего сборника под названием «Чингиз-хан как полководец и его наследие» [Труды ОИТ, 1930, с.179].

Характеризуя его труд, Н.Фирсов особо подчеркнул утверждение доктора Эренжена о том, что «империя Чингиз-хана управлялась на неукоснительном соблюдении законов, обязательных для всех, начиная от главы государства и заканчивая последним подданным». Анализируя работу Эренжен, Н.Фирсов пишет, что автор выяснил лишь положительную сторону монархии Чингиз-хана, который пишет: «Из культурного наследия, оставленного ею другим народам, и прежде всего народам Восточной Европы, собравшим в конце концов большую часть владений монгольской державы под власть нового государственного сосредоточения (Москвы и Петербурга), особенное значение имела веротерпимость. Но какими бы культурными благами и техническими удобствами управления ни снабдила Чингизова держава: через Золотую Орду Россию, это обстоятельство не дает нам ни малейшего права мечтать о возрождении величайшего Государства Великого Монгола» [Труды ОИТ, 1930, с.180].

Другой крупный ученый Ф.Баллод также сделал большие открытия в области изучения истории татар, являвшиеся результатами раскопок, произведенных им на развалинах бывших центров Золотой Орды. Благодаря этим изысканиям был поднят вопрос о пересмотре установившихся взглядов (после работ Березина и Саблукова) о Золотой Орде как кочевом и варварском государстве.

Приоритетное место получила история татарского народа и в плане Татарского научно-исследовательского экономического института, открытого на основе Постановления Совнаркома ТАССР от 18 марта 1930 г. [НА РТ, ф. Р-516, оп.1, д.4, л.9]. Так, в плане Кабинета истории на 1930–1931 гг. значились темы: «Тюркизм в истории татар», «История главнейших татарских медресе Казани и Казанской губернии, Уфы, Оренбурга». В плане Кабинета языка и литературы на 1931 г. в разработке были темы: «Происхождение ремесел у урало-алтайских народностей по данным палеонтологии речи», «Происхождение земле-

деляя у тюрков по данным палеонтологии тюрко-татарского языка», «Древнетатарские литературные памятники» и др. Исполнителями этих тем были известные ученые и писатели, общественные деятели Г.Алпаров, Г.Шараф, С.Атнагулов, Г.Галеев, Г.Рахим, Г.Тулумбайский, А.Шнаси, М.Фазлуллин и др. [НА РТ, ф. Р-516, оп.1, д.137, л.9].

Постепенно начинаются и новые этнографические исследования. Казань издавна была крупным востоковедческим центром. Особенно большую роль в этом отношении сыграл Казанский университет, в стенах которого работало немало видных ученых, проявивших интерес к изучению истории и этнографии народов Поволжья: татар, чуваш, мари, удмуртов и др. Работа местных ученых в области этнографии начинается почти сразу после открытия, в 1804 г., Казанского университета. Первым из них можно назвать ученого профессора К.Ф.Фукса, напечатавшего в период 1814–1844 гг. ряд работ по этнографии народов края, особенно татар. В 1840–60-х гг. с ценными работами выступают В.А.Сбоев, А.Артемьев и др. ученые.

Значительный толчок к изучению быта народов края дало открытие в 1878 г. Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете с его печатным органом «Известия», которое стало центром местной этнографической мысли. Постепенно в деле изучения быта народов края занимают видное место кафедра географии и этнографии Казанского университета (П.И.Кротов, Б.Ф.Адлер), открытая в 1888 г., и Казанский городской музей, в котором создается историко-этнографический отдел, некоторое время руководимый Н.Ф.Катановым.

Еще в дооктябрьский период казанские этнографы и статистики-экономисты собрали и обработали материал по характеристике дореволюционного быта народов Среднего Поволжья. «Всех исследователей привлекали нерусские народы, с их своеобразным бытовым укладом, – писали Н.И.Воробьев и Г.М.Хисамутдинов, – русские же считались «обычными великороссами». Казанские этнографы считались одними из наиболее солидных исследователей в России. Изучая жизнь и быт нерусских народностей края, они в большинстве своем выступали

в защиту интересов этих народностей против социального и национального гнета.

В связи с образованием ТАССР общественность стала серьезно интересоваться изучением языка, истории и этнографии своих народов. Однако голод 1921 г. не давал возможности вести полевую исследовательскую работу среди народных масс. Поэтому до 1923 г. в Казани проводилась преимущественно концентрация уже имеющихся научных материалов, привлечение к работе ученых, а также подготовка национальных кадров. Концентрацию материалов с 1920 г. стал проводить Музей народов Востока, позднее объединенный с Центральным музеем ТАССР. В эти годы он становится краеведческим центром республики. Был организован ряд экспедиций для изучения развалин Булгарского городища и эпитафических памятников края.

В это же время в активную работу по этнографии включаются искусствовед П.М.Дульский, известный знаток мордвы М.Е.Евсеев, чувашевед Н.В.Никольский, молодые ученые-историки М.Г.Худяков и Г.С.Губайдуллин, этнографы М.С.Губайдуллина и К.С.Губайдуллин, искусствовед-архитектор В.В.Егерев, географ-этнограф Н.И.Воробьев и др. Начиная с 1924 г. развернулась более планомерная работа по изучению этнографии татар, которой руководил Н.И.Воробьев. Почти ежегодно проводились этнографические экспедиции в различные места Татарии, финансируемые местными учреждениями. Участниками поездок были: Н.И.Воробьев, К.И.Воробьев, Ф.И.Терегулова, этнографы Губайдуллины, историк Саид Вахитов, литературоведы Джамал Валиди, Али Рахим (А.Ш.Абдрахимов), историки Р.Ш. и З.Ш. Тагировы, квалифицированные фотографы Х.А.Апанаев, Н.П.Засыпкин, а также искусствовед П.М.Дульский. Результаты этих исследований были опубликованы в «Вестнике Научного общества татароведения» и журнале «Труд и хозяйство».

Статья этнографов Губайдуллиных на тему «Воспитание детей у татар России» привлекла внимание итальянского журнала «Новый Восток», и она была опубликована на итальянском языке в 1926 г. В книге Н.И.Воробьева «Материальная культура казанских татар» (Казань, 1930 г.) дан этно-

графический анализ одежды татар сравнительно с одеждой соседних и родственных по языку и культуре народов, в историческом разрезе описаны быт и материальная культура казанских татар [Воробьев, Хисмутдинов, 1957, с.163, 165–166].

В целом, период, охватывающий более чем первое десятилетие после Октябрьской революции, для этнографической науки был временем накопления научных сил и новых материалов. В конце 20-х–начале 30-х гг. делались первые попытки пересмотреть методологию этнографической науки. Этнографы вынуждены были упорно работать над освоением марксистско-ленинской методологии, над применением ее в своей исследовательской работе. В этнографической науке развернулась идейная борьба, происходили многочисленные теоретические конференции и дискуссии.

Открытие в 1939 г. при Казанском государственном университете историко-филологического факультета и создание в том же году Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории способствовали оживлению исследовательских работ в области изучения истории местного края. Однако следует отметить, что этнографические исследования в Татарской республике в то время еще не велись. Серьезная работа в этом направлении возобновилась лишь после Великой Отечественной войны.

Татарская фольклористика имеет свою достаточно длинную историю. Известный фольклорист профессор Хамит Ярмухаметов датировал начало записей татарского фольклора XVIII в. Объяснял это тем, что еще в XVIII в. в русской научной литературе имеются сведения по этнографии казанских татар и по их фольклору. В сборнике И.М.Снегирева под названием «Русские в своих пословицах» (1834 г.) впервые были помещены татарские пословицы на русском и на татарском языках. Затем фольклорные материалы – в сборниках профессора Карла Фука (1844 г.), в хрестоматии М.Иванова (1842 г.), в «Русско-татарской азбуке» Г.Вагапова (1852 г.), в «Татарской хрестоматии» С.Кукляшева (1859 г.) и в ряде др. работ.

Крупным вкладом в татарскую фольклористику являются работы известного тюрколога, академика В.В.Радлова, который после длительного пребывания среди сибирских

татар в 70-х гг. XIX в. опубликовал большой труд, посвященный фольклору тюменских, тобольских и тарских татар. Х.Ярмухаметов отмечал, что сбор и изучение татарского фольклора до Каюма Насырова и Габдуллы Тукая велись отрывочно и разобщенно. Деятельность ученого просветителя Каюма Насырова внесла много нового в дело изучения татарского фольклора. Народный поэт Г.Тукай не только собирал образцы народной поэзии, но и выступил с первой исследовательской работой о характере и особенностях татарского фольклора. Вопрос о социальных функциях фольклорных произведений и их классовой дифференциации, проблема авторства в фольклоре, идейной направленности и структуры татарских народных песен – все эти вопросы были поставлены по существу впервые именно Г.Тукаем [Ярмухаметов, 1957, с.173–175].

В дореволюционные годы в области собирания татарского фольклора видное место занимает работа фольклориста Хузи Бадыгова, который опубликовал ряд работ, включающих в себя пословицы, загадки, поговорки, песни и байты (в 1912, 1913, 1919, 1926 гг.).

В первые годы после Октябрьской революции 1917 г. систематическая работа по сбору татарского фольклора не велась. Эта работа началась лишь в 30-е годы. Тогда, наряду с усилением собирательской деятельности, стали появляться в печати фольклорные сборники. Например, «Советские песни» (1933 г.), «Народное творчество» (1938 г., 1940 г.), «Народные песни» (1939 г.), «Народные сказки» (1940 г.). Гумер Баширов впервые в татарской фольклористике издал сборник татарских народных сказок с соблюдением всех требований науки [Ярмухаметов, 1957, с.177].

Татарское языкознание имеет свою многолетнюю и богатую историю. В числе других тюркских языков татарский язык еще до Октябрьской революции 1917 г. был вовлечен в орбиту научных исследований. Такие видные лингвисты, как И.Н.Березин, С.Хальфин, Каюм Насыри, В.В.Радлов, Н.Ф.Катанов и др., занимались собиранием и исследованием материалов по тюркским языкам вообще и по татарскому языку в частности. Однако до революции, по утверждению специалистов, татарское языкознание

еще не сложилось как самостоятельная отрасль лингвистических знаний.

Уже в 1918–1919 гг. татарская интеллигенция начала интенсивную работу во всех его областях. Прежде всего, вопрос о реформе орфографии татарского языка на базе арабского шрифта был поставлен на обсуждение III Всероссийского съезда учителей, состоявшегося в мае 1918 г. в Казани. В январе 1919 г. проблемы татарского языка обсуждались на I Всероссийской конференции по шрифту и орфографии. Принятые на конференции решения легли в дальнейшем в основу мероприятий по усовершенствованию шрифта и орфографии татарского языка. В 1927 г. профессор Г.Алпаров отмечал, что татарский литературный язык стал научно упорядоченным, самостоятельным [Залая, Амиров, 1957, с.183].

В 20-е гг. создаются новые учебники татарской грамматики для начальных и средних школ и руководства по татарскому языку для вузов. Различные лингвистические оформления – логицизм, формализм получили свое окончательное оформление в трудах Г.Алпарова, Дж.Валиди и др. ученых.

В Академцентре активно работали такие видные лингвисты, как профессор филологии Г.Саади, Г.Нугайбек, Г.Алпаров, Г.Бадигов, Дж.Валиди. Эти ученые начали свою лингвистическую деятельность до революции. Г.Саади начал печататься еще в 1911 г. Его «Морфология татарского языка в новом и упрощенном виде», «Усовершенствование грамматики татарского языка (морфология и синтаксис)», «Татарская этимология» и др. были изданы еще до революции. После Октября он напечатал труды о классификации тюркских языков, об истории языка, письменности и литературы, о принципах изучения тюркских языков и составления их грамматики, многочисленные труды по литературе и искусству.

Академцентром была организована специальная комиссия по выработке научной терминологии, столь необходимой для учебных руководств и научных трудов. Эта комиссия разработала и создала около 15 тыс. новых терминов по различным отраслям науки (по родному языку, математике, физике, ботанике, химии, зоологии и т.д.). По оценке лингвистов наблюдался

заметный рост употребления народных слов, фразеологии, речевых оборотов в произведениях татарской художественной литературы.

Большой вклад в разработку грамматики современного татарского языка внесли Г.Алпаров («Татарская грамматика на формальной основе», 1926 г.), Ш.Рамазанов (с 1930 по 1947 гг. он опубликовал статьи, учебники и пособия, «Граматику татарского языка» (Ч.1), «Очерки по татарскому языку», «Орфография татарского литературного языка»). Одним из продолжателей работы в этой области является В.Н.Хангильдин. Его труды по татарскому языку получили большую известность и за пределами республики. В 1934–1957 гг. были опубликованы его статьи по самым актуальным вопросам грамматики современного татарского языка. Работа В.Н.Хангильдина «Грамматика татарского языка. Очерки по морфологии» в 1954 г. была удостоена премии Президиума АН СССР.

Особое место в разработке научной грамматики и фонетики татарского языка за советский период занимают труды профессора В.А.Богородицкого. Им впервые был создан Казанский кабинет экспериментальной фонетики в Волжско-Камском крае, который высоко ценился в СССР и за границей [Кр. Т., 1932, 10 июня]. С 1920 г. чл.-корр. АН СССР В.А.Богородицкой начал изучать татарский языка сравнительно-историческим методом. Им были созданы такие известные в тюркологии труды, как «Этюды по татарскому и тюркскому языковедению» (1933 г.), «Введение в татарское языковедение в связи с другими тюркскими языками» (1933 г.), а также отдельные статьи и очерки: «Характер тюркского сингармонизма», «Эволюция родительного падежа в тюркских языках», «Движение тона в двухсложных словах татарского языка» [Залая, Амиров, 1957, с.187].

Продолжателями школы В.А.Богородицкого по экспериментальной фонетике были его ученик Галимжан Шараф и др. Книги Г.Шарафа «Сонорная длительность звуков татарского языка», «Палятограммы звуков татарского языка» и статьи «Палятограммы звуков татарского языка в сравнении с русскими» [Вестник научного общества

по татароведению, 1927, №7, с.65–102] и др. были известны за пределами ТАССР.

В первое десятилетие после Октября 1917 г. активно началась работа по татарской лексикографии. К 1927 г. было выпущено 2 части I тома полного словаря татарского языка Дж.Валиди, а также ряд терминологических словарей. С 1927 г. начинался систематический выпуск русско-татарских и татаро-русских словарей различных типов (1927, 1929, 1931, 1932, 1936, 1938 гг.). В 1939 г. вышел Русско-татарский терминологический словарь по физике и метеороло-

гии. В 1941 г. издан Русско-татарский словарь политико-экономических терминов. Но в дальнейшем Великая Отечественная война прервала работу в области татарского языкознания. Новое оживление наступает лишь с 1946 года.

В то же время надо заметить, что развитию науки в Татарстане серьезный урон нанесли необоснованные репрессии в отношении тех, кто стоял у истоков науки, ведущих научных работников. 30-е годы прошли в жестоких преследованиях и терроре видных представителей татарской культуры.

ГЛАВА 5

Религия и общество в ТАССР в условиях становления командно-административной системы

§ 1. Мусульманские общины в 1920–1930-е гг.: политико-правовое и социально-экономическое положение

Ильнур Миннуллин

Одним из самых драматичных периодов в истории исламского сообщества России является эпоха социальных революций XX в., приведшая к установлению совершенно новых политических отношений, к строительству государства на основе, в частности, антирелигиозной идеологии. Утверждение Советской власти и последовавшие вслед за этим коренные преобразования во всех сферах общественной жизни оказали мощное воздействие на принципы организации и существования мусульманской общины, обусловив коренную трансформацию ее институтов, разрушив привычные конфессиональные связи и традиции татарского народа.

Локальная конфессиональная община – махалля – являлась основным способом организации общественной жизни татарского народа в дооктябрьский период. Среди определений данного социального образования можно привести следующее: «татарская махалля – это локализованная в силу исторических и историко-градостроительных факторов самоуправляющаяся мусульманская община, которая в условиях иноконфессионального государства, организует свою внутреннюю жизнь в соответствии с установками шариата и обеспечивает своим членам возможность свободного исполнения религиозно-нравственного долга» [Салихов, 2004, с.69].

Исследователи, анализируя сущность локальной мусульманской общины, ее социальных сил и структурных элементов, выделяли в ней три составных части. В первую очередь, собственно сообщество верующих, проживавших на определенной территории, объединенных профессиональными, сосед-

скими и родственными отношениями. Вторых, приходской священнослужитель как главный распорядитель в конфессиональной сфере, следивший за исполнением религиозных обязанностей и соблюдением норм мусульманского права. И, в-третьих, квартальная мечеть, представлявшая собой не просто помещение для отправления религиозных обрядов, но и своеобразный общинный «клуб», где решались насущные вопросы повседневной жизни махалли [Сухарева, 1960, с.58; 1976, с.19–23]. Четвертым важнейшим институтом общины являлось также конфессиональное учебное заведение, выступавшее очагом исламского просвещения и воспитания, постоянного воспроизводства кадров мусульманских проповедников и педагогов.

Развитие татарской локальной мусульманской общины в дооктябрьский период характеризовалось упрочением позиций приходского духовенства, созданием общинных образовательных центров, формированием вакуфно-благотворительной системы, обеспечивавшей потребности махалли. Большую роль в данном процессе играли представители татарской буржуазии, финансирующие духовно-просветительские нужды единоверцев.

Революция 1917 г. положила начало новым изменениям в жизни мусульман России. Религиозная политика большевистской власти имела целью постепенное полное вытеснение религии из жизни общества и мировоззрения верующих.

Махалля и советское законодательство о религиозных обществах. В первые годы Советской власти вопросам законодательства о религиозных обществах было уделено большое внимание. Это объясня-

лось в первую очередь необходимостью практического осуществления отделения церкви от государства. В декретах, постановлениях и инструкциях был четко определен юридический статус религиозных общин, их новое положение в обществе. Религиозная община советского времени была полностью зависимым от государства объединением верующих граждан. Ее правовой статус подчеркивал ее несправедливость и даже номинальность существования. Юридическое положение религиозных объединений позволяло государству полностью контролировать их деятельность, препятствовать их регистрации, при необходимости – ликвидировать. Логика определения юридического и политического статуса мусульманской общины в советском государстве, в частности в Татарской АССР, в целом соответствовала духу советского законодательства. В законодательстве РСФСР вообще отсутствовало понятие мусульманского прихода. Единственным документом, упоминающим такое объединение был «Устав духовной организации мусульман РСФСР» (1923 г.) [НА РТ, ф. Р-732, оп. 6, д. 133, л. 107–110].

Приход представлял собой объединение мусульман с целью совместного отправления богослужения и обрядов, а также для удовлетворения религиозно-нравственных нужд верующих. Каждая махалля ограничивалась определенным районом, границы которого различались в зависимости от местности. Так, население одного села могло входить в одну махаллю с единственной мечетью. Однако в большинстве сел и деревень насчитывалось по 2–3 прихода. Приход составляло мусульманское население какой-либо местности, включающее лиц обоего пола, достигших 18-летнего возраста. Для решения внутриприходских проблем созывалось общее собрание верующих, работа которого строилась по типичному образцу собраний других обществ: избирался председатель собрания и секретарь, обязательно велся протокол.

Всю работу между собраниями верующих осуществляло приходское управление – мутаваллият. По Уставу в его обязанности входило обеспечение материального состояния общества, управление приходским имуществом, в том числе надзор за кладбищами, состоянием мечетей

и других культовых зданий, заключение договоров на пользование недвижимостью, проведение в жизнь постановлений общих собраний. Такие обязанности резко отличали махаллю советского периода от дореволюционной. Деятельность первой ограничивалась только религиозными делами, тогда как в последней осуществлялись и мероприятия социального характера.

Тем не менее, каждый приход существовал не только на основе Устава духовной организации. С развитием советского религиозного законодательства деятельность мусульманской общины определялась им. В законодательной практике понятие «приход» было заменено словом «общество» (религиозное общество), как и другие какие-либо объединения граждан. Религиозное общество могло организовать не менее 50 человек, достигших 18 лет. Согласно Декрету об отделении церкви от государства, религиозные организации лишались права юридического лица, их деятельность ограничивалась удовлетворением исключительно религиозных потребностей верующих, т.е. совершением обрядов. Религиозные общества должны были представить в административные органы протокол собрания учредителей общества, устав и список учредителей. После рассмотрения документов религиозное общество регистрировалось в наркомате внутренних дел.

Таким образом, мусульманский приход с юридической точки зрения являлся обычным религиозным обществом советского типа. Махалля представляла собой объединение мусульман с целью только совместного отправления богослужения и обрядов.

В целом, юридический и политический статус религиозных общин практически не менялся до конца 1920-х гг. Постановление Президиума ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» ужесточило процесс регистрации религиозных обществ, усилило их поднадзорность, зависимость от государства, облегчило процесс ликвидации.

Установив юридические основы существования религиозной общины, советское государство с самого начала ограничило и ее функции. Община могла только устраивать богослужение, обслуживать храм, участвовать в съездах и назначать служителей куль-

та. Но даже эти виды деятельности не были полностью свободны от государственного вмешательства. Община фактически потеряла такие ранее важные функции, как образовательная, пропагандистская, благотворительная.

Однако до середины 1920-х гг. государство занимало двойственную позицию по отношению к религиозным организациям. Относительно спокойным было и отношение государства к исламу вообще. По сравнению с такими антихристианскими акциями, как закрытие монастырей, изъятие огромных материальных средств православной церкви, мусульманские приходы практически не были затронуты советской экспроприацией. Вообще до 1922 г. ни в отчетах Татарского обкома РКП(б), ни в сводках местного отдела ГПУ, ни в других источниках «мусульманский вопрос» практически не поднимался.

Поэтому, анализируя источники, можно сказать, что в 1920-е гг. мусульманская община еще могла функционировать в прежних, дореволюционных рамках. Например, это касается образовательной функции махалли.

Мусульманское образование. Конфессиональная приходская школа всегда являлась одним из ключевых элементов в структуре татарской махалли. Она не только осуществляла важнейшую для мусульманского мира функцию воспроизводства кадров профессиональных проповедников, но и играла определяющую роль в религиозном воспитании широких масс татарского населения. Учебные заведения имелись практически в каждой общине, при всех соборных и даже при некоторых пятивременных мечетях.

Поэтому и после 1917 г. развитие мусульманской школы было важным для существования махалли. После окончания гражданской войны духовенство приступило к возобновлению системы мусульманского образования. В это время сложилась сложная ситуация с светским образованием. Дело в том, что советские школы были сняты с государственного снабжения и перешли на местное содержание, и их работа финансировалась из скудных местных бюджетов. В этих условиях, религиозное население

по инициативе духовных лидеров общин отказывалось содержать учителей и работу советской школы.

Необходимо отметить, что ввиду необходимости получения элементарных начальных знаний, а также из-за закрытия светских школ из-за недостатка средств, мусульманское население положительно воспринимало идею обучения в религиозной школе. Однако в этот период местные советские органы торпедировали такую инициативу административными мерами. Серьезным ударом по активности духовенства стало постановление Наркомпроса РСФСР «О преодолении вероучения в мусульманских школах» от 3 января 1923 г. и декрет ВЦИК о закрытии религиозных школ [Набиев, 1991, с.83]. Тем не менее, открывались нелегальные религиозные школы, начался новый этап борьбы за свободу преподавания религии, организуется отправка писем от имени верующих.

С начала 1923 г. все мухтасибаты Татарской АССР провели свои съезды. На основании выработанных предложений можно судить о том, что приоритетные требования мусульман России после 1917 г. почти не изменились. Главными из них, как и прежде, оставались независимое образование, полная свобода вероисповедания и невмешательство государства во внутренние дела мусульманских обществ и организаций.

Проходивший в июне 1923 г. в Уфе II Всероссийский мусульманский съезд показал всю сложность государственно-конфессиональных (в том числе исламских) отношений в стране и разработки компромиссной модели сосуществования. Тем не менее, значительным достижением съезда стала частная уступка, на которую пошло правительство. Постановление ЦИК и СНК СССР (октябрь 1923 г.) позволило в мусульманских регионах организацию группового преподавания вероучения в мечетях и частных домах, в свободное от занятий время, лицам, достигшим совершеннолетия по шариату и имеющим образование в объеме 3-х классов школы первой ступени [Юнусова, 1999, с.135–136]. Некоторые представители духовенства начали создавать религиозные школы еще в 1924–1925 гг., однако пик этой кампании пришелся на 1926 г. К 1 апреля 1926 г. коли-

чество религиозных школ в Татарской АССР по официальным данным достигало 684, которые посещали до 17,5 тыс. учащихся [НА РТ, ф.3682, оп.1, д.1008, л.129].

Период до 1927 г. характеризуется некоторым количественным ростом школ. Кроме того, масса верующих выдвинула требование свободного, ничем не ограниченного исповедания ислама. На мухтасибатских съездах постоянно выдвигались требования не ограничивать вероучение стенами мечетей, разрешить использовать специальные здания под школы, не ограничивать возраст и состав учащихся, программу ЦДУМ.

Работа III Всероссийского мусульманского съезда в октябре–ноябре 1926 г. четко определила, что дальнейшее развитие исламского образования является одной из приоритетных задач в работе Духовного управления. Требования делегатов съезда по этому вопросу сводились к тому, чтобы обеспечить полноценное функционирование института мусульманской школы. Однако уже к концу года партийные и советские органы Татарской АССР приняли решение о постепенном запрещении религиозного образования. Уже 1927 г. число мусульманских школ резко снизилось. Если по разным данным в 1926 г. оно достигало 800–1000 с 30 тыс. учениками, то в 1927 г. упало до 150–200 с 6 тыс. учениками.

Такое уменьшение было вызвано рядом причин. Во-первых, были воздвигнуты многочисленные административные барьеры при открытии религиозных школ, а также предусмотрены репрессивные меры со стороны государства. Во-вторых, сказывался недостаток кадров учителей-муаллимов, их материальная незаинтересованность, неудовлетворенность программой. Эти причины названы в официальных источниках. Здесь же указывается, что на уменьшение количества религиозных школ повлиял естественный отход населения от религии и неудовлетворенность религиозным образованием. Родители, отдавшие детей в мектебы, подвергались административному и психологическому нажиму со стороны местных партийно-государственных органов, их дети лишались возможности продолжить образование. С другой стороны, мусульманское образование не позволяло быть активным

гражданином нового общества, а приверженность религии отнимала возможность пользоваться социальными благами. По всей видимости, незаинтересованность в религиозном образовании стала основной причиной его спада, хотя этот фактор практически замалчивается в источниках неофициального происхождения. Но, очевидно, рано или поздно при массивном антирелигиозном наступлении, даже без применения запретительных мер, произошел бы отход основной массы населения от религии (может быть только внешне) и религиозных школ.

Работа религиозных школ стала важным условием дальнейшего развития ислама в атеистическом государстве. Но перед мусульманами Советской России стояла также насущная задача дальнейшего пополнения кадров учителей и богословов. Поэтому, не ограничиваясь открытием религиозных школ, мусульманское духовенство в 1920- гг. активно пыталось открывать средние учебные заведения или курсы по подготовке имамов.

В конце 1924 г. казанское духовенство создало специальную комиссию по подготовке открытия в городе медресе. Однако в условиях постоянного административного давления и контроля религиозные деятели решили ограничиться открытием курсов по переподготовке имамов. Для обсуждения этого вопроса в Казани часто проводили собрания духовенства, что не могло не привлечь внимания государственных органов. Так, местный отдел ОГПУ счел нежелательным открытие курсов, поскольку «1. это способствовало бы усилению влияния казанских мулл на сельских, так как почти все они займут должности преподавателей, а сельские муллы окажутся на правах учеников, 2. главная цель курсов – указать практический путь приспособления религии к настоящим условиям» [Архив УФСБ по РТ, ф.109, оп.9, д.15, л.3].

В апреле 1925 г. ЦДУМ подготовило специальную инструкцию по работе уездных религиозных курсов, которые организовывались для имамов и муэдзинов на один месяц с целью повышения их профессиональных и моральных качеств. Работа курсов оплачивалась из добровольных пожертвований, а руководство ими осуществлялось мухтаси-

бом и специальной коллегией. Руководство Духовного управления разработало краткую программу обучения на курсах [Архив УФСБ по РТ, ф. 109, оп.9, д.15, л.24].

Летом 1925 г. вопрос открытия медресе был поднят вновь, причем казанское духовенство объединилось для этого с духовенством некоторых кантонов и начало сбор средств. Вопрос был положительно решен только в середине 1926 г., когда Татнарком выдал Казанскому мухтасибату уведомление «о неимении с его стороны препятствий». Однако ситуация так и не была окончательно разрешена, так как ОГПУ указало ТатНКВД на нецелесообразность подобного шага [Архив УФСБ по РТ, ф.109, оп.9, д.15, л.16, 20 об.].

Медресе также планировалось открыть в Буинском, Челнинском, Елабужском и других кантонах. Одним из первых в 1920 г. открылось медресе «Исламия» в Буинске, в котором училось до 70 человек. Однако в условиях голода 1921–1922 гг. и известных постановлений 1923 г. медресе не могло нормально функционировать. Кантональный съезд 1923 г. принял постановление о возобновлении деятельности медресе, расходы по организации которого взяли на себя мусульманские приходы кантона. Кроме того, значительную помощь предложил и Тетюшский мухтасибат [Архив УФСБ по РТ, ф.109, оп.9, д.1, л.5]. В начале 1926 г. должны были открыться курсы по переподготовке в Мамадышском кантоне и в Мензелинске, однако разрешения на это не последовало.

Вопрос оживленно обсуждался в местных и центральных органах на протяжении всего 1927 и начала 1928 гг. ВЦИК указывал правительству ТАССР на отсутствие законных препятствий и просил мотивировать отказ местных властей. ТатЦИК, со своей стороны, сослался на постановление Бюро обкома ВКП(б) от 3 января 1928 г., в котором НКВД предлагалось не давать разрешения на открытие медресе по формальным основаниям [Архив УФСБ по РТ, ф.109, оп.9, д.20, л.81].

Формы деятельности мусульманских общин в 1920-е гг. В 1920-е гг. мусульманские общины, развивая исторические традиции, пытались в рамках махалли продол-

жать благотворительную деятельность, хотя эта сфера была резко сужена из-за большого числа запретов со стороны властей и отсутствия необходимых средств. Некоторые мусульманские приходы и духовенство создавали из приходских поступлений особый фонд, из которого оказывали экономическую помощь бедным семьям, вдовам и сиротам.

В 1926 г. в Чистополе организовали касу взаимопомощи, откуда беднякам, систематически посещающим мечеть, выдавали денежное пособие [Уханов, 1932, с.44]. Казанский мухтасибат занимался оказанием помощи беспризорным детям, что, например, ярко проявилось на съезде мусульманских приходов и духовенства города 20 мая 1923 г. Еще 17 сентября 1922 г. на одном из собраний имамов Казани обсуждались вопросы открытия приюта для детей мусульман и благотворительного общества [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.1, д.591, л.52].

Для укрепления позиций в обществе мусульманские общины и духовенство вели и активную пропагандистскую работу среди населения. В условиях усилившейся атеизации и насаждения сверху безбожия в обществе такое направление деятельности было весьма актуальным. В этом отношении деятельность общины распространялась, прежде всего, на мусульманскую молодежь, т.е. на прослойку общества, наиболее склонную к разрыву с религией. Старшее поколение мусульман продолжало соблюдать традиционные обряды и жить по предписаниям шариата. Основным каналом приобщения молодежи к религии, естественно, служили религиозные школы. Кроме этого, активные деятели общины предпринимали и другие меры, направленные на привлечение населения в мечеть. Так, некоторые использовали мечеть одновременно и как здание культуры, и как молодежный клуб.

Важную роль играла также пропагандистская работа духовенства среди женщин. Характерным результатом такой работы стало создание женского мутаваллията при 12-й мечети Казани. Также формой общественного влияния была пропагандистская работа духовенства среди женского населения. В этом направлении известность получили действия имам-хатыба этого прихода Гаяза Якупова. Для привлечения женщин

в мечеть он еженедельно собирал их на проповедь, в которой затрагивал актуальные вопросы семейного быта: отношения с мужем, воспитание детей [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.2, д.172, л.20–21]. Женский мутаваллият ставил перед собой задачи просвещения женщин, уравнения их с мужчинами при посещениях мечети. Имам Г.Якупов также агитировал своих прихожанок участвовать в выборах.

Собеседования с женщинами также практиковал имам С.Иманкулов, который собирал их в мечети дважды в неделю. Позицией в защиту прав женщин в ходе дискуссий среди духовенства был известен мухтасиб Агрызско-Елабужского района Я.Адутов. В мечетях Агрыза он периодически проводил собрания женщин, на которых призывал их ходить в мечеть и приводить детей, держать пост и соблюдать другие обряды.

Практиковались сборы женщин женами мулл – абыстайми – на дому. Государственные и партийные органы рассматривали такие встречи как новую форму враждебной работы мусульманских организаций, направленной на «идеологическую обработку» населения.

Таким образом, до конца 1920-х гг. мусульманские общины продолжали деятельность в условиях относительной свободы, не ограничиваясь проведением богослужений в мечети. Община боролась за контроль над системой образования, оказывала влияние на различные слои общества, принимала меры к улучшению социально-экономического положения. В целом, активность мусульманских общин была довольно высока.

В 1920-х гг. сохранялись и такие структуры махали, как духовенство и мечеть. Несмотря на то, что духовенство было ограничено в гражданских правах и подвергалось усиленному налогообложению, приходские имамы не только осуществляли религиозное руководство, но и активно участвовали в общественной жизни. Мечеть оставалась в пользовании верующих, хотя и была государственным имуществом. До середины 1920-х гг. число мечетей и приходов продолжало расти. 1927 г. стал рубежом строительства мечетей, после которого численность приходов начала сокращаться. К тому вре-

мени количество мусульманских приходов в Татарской АССР составляло около 2 тыс., а численность имамом и муэдзинов – около 4 тыс. человек.

Экономика махалли. Несмотря на мощное государственное давление в 1920-х гг. функционировала и финансовая система махалли. Важнейшим условием существования мусульманской общины всегда являлась ее экономическая состоятельность, основанная на обязательном конфессиональном обложении и широкой благотворительности верующих. В дореволюционный период татарская локальная мусульманская община обладала финансовой базой и самостоятельно вела духовно-просветительскую деятельность. Возможность учреждать приходские попечительства, пожертвования верующих, отсутствие налогов на приходы, поддержка со стороны предпринимательской элиты – все это позволяло мусульманским общинам функционировать без прямой поддержки государства.

Революция 1917 г. изменила финансовую базу существования мусульманских общин, приходы потеряли финансовую самостоятельность. Главной причиной этого стало разрушение института попечительства махалли, в котором важную роль играли представители мусульманской торгово-промышленной буржуазии. Уже в первые годы Советской власти они подверглись преследованиям и репрессиям, их имущество и капиталы были национализированы, выходцы из многих купеческих семей оказались в эмиграции. Уничтожение мусульманской буржуазии как класса стало решающим фактором в процессе полного разрушения прежней системы экономического самообеспечения общин. Большую роль в разрушении финансовой базы махалли сыграла политика государства как в регулировании видов деятельности общин, так и в области их налогообложения. В 1920-е гг. государство законодательно контролировало финансовые потоки конфессиональных обществ. Однако на практике эффективный контроль был в этой сфере еще невозможен ввиду различных обстоятельств. Вообще источниковая база для изучения проблемы религиозных сборов в мусульманской общине очень скудна. Можно предположить, что мусульмане

и в Советское время продолжали делать пожертвования в пользу мечети и духовенства. Это предположение подтверждается отдельными документальными материалами.

Например, в информсводках ОГПУ 1920-х гг. отмечается, что духовенство ведет агитацию за сбор обязательного натурального налога для различных целей. В сводке от 26 сентября 1922 г. сообщалось, что в Казани ведется сбор денег в пользу ДУМ, причем большую активность проявляют городские муллы [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.1, д.591, л.52].

Материальная необеспеченность большинства духовенства заставило ЦДУМ летом 1924 г. выпустить воззвание к верующим с предложением учредить религиозный фонд. Из этого фонда предполагалось распределять средства на обеспечение духовенства, ремонт мечетей и другие религиозные нужды [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.1, д.918, л.155]. В том же году имам-мухтасиб села Большая Атня (ныне центр Атнинского района РТ) С.Максудов предложил муллам и населению коллективно произвести ушр (пожертвование в натуральном виде в пользу мечети или медресе, составляющее 1/10 урожая). Из этих средств он предлагал покрыть нужды Духовного управления и мухтасибата, а оставшуюся часть разделить пропорционально среди духовенства [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.1, д.918, л.155]. Традиция отдавать мечети часть урожая практиковалась в селах, где жили авторитетные муллы или ишаны. Так, этот сбор производился во многих селах Буинского кантона, одного из наиболее религиозных регионов Татарской АССР [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.1, д.918, л.208].

Указывалось, что при малой численности посещающих мечеть приходские советы работают, муллы получают выплаты, молитвенные здания отапливаются и освещаются [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.1, д.1333, л.186–187]. Писатель и публицист Ф.Сайфи, совершивший поездку в Мамадышский кантон, пишет о том, что «сбор десятины для мулл – явление редкое в других кантонах, но в Сабах процветает...» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.1, д.1347, л.96].

В сводке ОГПУ о политических настроениях в Татарской АССР в апреле–июне 1925 г. отмечается, что при больших жертв-

вованиях в пользу духовенства крестьяне отказываются от содержания учителя и «самые мизерные вклады давали на постройку памятника Ленину» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.1, д.1378, л.13]. Принудительные сборы имели место в деревне Ашытбаш Арского кантона, где мулла угрожал не пускать в мечеть тех, кто не заплатит страховых взносов [Там же, оп.2, д.72, л.36].

Можно сказать, что в начале 1920-х гг. финансовые вложения все еще производили зажиточные крестьяне на селе и торговцы в городе. Институт попечительства махалли, хотя и в измененном виде, продолжал существовать. Тот же Ф.Сайфи отметил, что почти каждая из 47 мусульманских общин Сабинской волости имела 3–5 попечителей: «Попечитель для мусульманского клерикального движения – самый сильный инструмент. Обыкновенно в попечители избирают крестьянина, сильного хозяйством и авторитетного среди населения, с большим религиозным уклоном» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.1, д.1347, л.96].

Большое внимание к делам махалли проявляли представители татарской буржуазии в Казани. Так, в одной из сводок ОГПУ хозяйственная комиссия Казанского мухтасибата названа «официальным представительством» национальной буржуазии в этом религиозном органе [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.1, д.1378, л.34]. Практически на всех мухтасибатских съездах поднимались вопросы материального благосостояния мечети или мухтасибата. Так, осенью 1925 г. на съездах 2-го и 4-го мухтасибата Челнинского кантона приняли смету на содержание регионального управления [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.2, д.72, л.61].

Продолжали информировать о финансовых потоках в махалле сводки ОГПУ и в дальнейшем. В марте 1927 г. в мечетях Агрыза муллы призывали платить ушр и фитр. В деревне Табарли Елабужского кантона при участии членов сельсовета на религиозные нужды был произведен сбор по 1/2 пуда хлеба с дома. В деревне Терси того же кантона сельсовет предоставил для мечети 1,5 десятин леса. В деревне Служилая Ура Арского кантона верующие вынесли постановление о сборе в пользу мечети с середняков по 1 руб., а с бедняка по 50 коп.

В деревне Булым-Булыхчи Тетюшского кантона в одном приходе на содержание мечети и другие нужды собрали по пуду зерна со двора, а во втором приходе – по 2–3 пуда [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.2, д.355, л.7, 12, 14].

Ограничение функций и деятельности махалли в 1930-е гг.

Последовавшие в конце 1920-х гг. коренные преобразования во всех сферах общественной жизни оказали сильное воздействие на существование мусульманской общины. К 1927 г. власть перекрыла возможность образовательной деятельности махалли. В январе 1927 г. АПО ЦК ВКП(б) подготовил проект постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) «О мерах борьбы с мусульманским религиозным движением», в котором, в частности, предлагалось резко ограничить возможности обучения исламу и подготовки священнослужителей. В мае 1928 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о закрытии мусульманских религиозных школ [Нуруллаев, 1999, с.137], а затем Президиум ЦИК СССР отменил постановления о преподавании мусульманского вероучения [Архив УФСБ по РТ, ф.109, оп.9, д.19, л.58].

В январе 1928 г. Восточный отдел ОГПУ в письме Президиуму ЦИК СССР практически перечеркнул надежды мусульман на открытие медресе в Казани: «С точки зрения борьбы против духовенства, нам конечно ни в коей мере не выгодно создание медресе, имеющего задачей подковать мусульманское духовенство, в первую очередь, для борьбы с нами. Но тактические же соображения, известные Вам, вынуждают нас разрешить этот вопрос в положительную сторону. Поэтому мы должны подойти на практике к вопросу об организации медресе с сугубой осторожностью – и на этот год исключительно в виде опыта. Отсюда наше мнение, принципиально разрешить открытие медресе пока только в Уфе при ЦДУ. Разрешение на это выдать на имя лица, пользующегося у нас хотя бы относительным доверием...» [Архив УФСБ по РТ, ф.109, оп.9, д.1, л.76].

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. разрешало преподавать религию исключительно на специальных богословских курсах, открываемых с особого разрешения НКВД и ЦИК. Никакие собрания и группы

по изучению вероучения не допускались. Но даже этим правом мусульманские приходы воспользоваться не могли, т.к. репрессии подавили одну из составляющих мусульманского образования – мусульманское духовенство. Таким образом, система мусульманского образования была окончательно разрушена.

Вообще Постановление «О религиозных объединениях» и Инструкция НКВД РСФСР «О правах и обязанностях религиозных организаций» поставили точку в определении функций религиозного общества. В Инструкции впервые перечислялось то, чем общинам заниматься было запрещено:

а) создавать кассы взаимопомощи, богадельни, приюты, странно-приимные дома, общежития для бедных, похоронные кассы и т.п.;

б) организовывать кооперативы, производственные объединения и вообще пользоваться находящимся в их распоряжении имуществом для каких-либо иных целей, кроме удовлетворения религиозных потребностей;

в) оказывать материальную поддержку членам религиозного объединения;

г) организовывать специально детские, юношеские, женские молитвенные и другие собрания;

д) организовывать общие библейские, литературные, рукодельческие, трудовые, обучению религии и т.п. собрания, группы, кружки, отделы и т.п.;

е) устраивать экскурсии и детские площадки;

ж) открывать библиотеки и читальни;

з) организовывать санатории и лечебную помощь» [Бюллетень НКВД РСФСР, 1929, №37, с.691].

Таким образом, компетенция религиозных общин, теперь уже в рамках закона, сужалась до удовлетворения религиозных потребностей в молитвенном здании. Это вытесняло религиозные организации из всех сфер общественной жизни, где они могли действовать ранее. Анализ источников показывает, что в 1930-е гг. такое сужение функций произошло не только юридически, но и практически.

С этого времени в стране начались масштабные хозяйственные и политические

кампании, которые привели религиозные общины в критическое состояние. Невозможно говорить о наличии активной деятельности религиозных общин в 1930-х гг. Основным содержанием деятельности мусульманских приходов, исходя из анализа документов, стало только отправление богослужения в мечети и обрядов. Участие населения в религиозных праздниках и повседневных обрядах было практически единственным показателем религиозной жизни. Отмечается, что во всех мусульманских районах население соблюдает посты, забывает скот в праздник Курбан-байрам. Между тем, религиозную обрядовость мусульман невозможно было ликвидировать административными мерами. Сводки ОГПУ отмечают большую посещаемость мечетей, особенно в дни мусульманских праздников. Так, в 1935 г. в дни Курбан-байрама все три мечети деревни Большие Нурлаты были переполнены. В том же году в праздник Ураза-байрам Азимовскую мечеть Казани посетило около 500 человек, в Новотатарской слободе – 800, Белу» мечеть – до 1 тыс., причем, 20% верующих составила казанская молодежь [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.3, д.865, л.63].

При отсутствии активных форм религиозной активности, какие имели место в 1920-е гг., даже наличие коврика-намазлык или кумгана в татарских семьях выставлялось в отчетах районных парткомов как проявление религиозности. Борьба с такими «пережитками» была одним из главных направлений антирелигиозной работы. В 1936 г. Центральный совет Союза воинствующих безбожников (СВБ) предложил, например, «решительно бороться с обрядом обрезания» в Татарской АССР.

С конца 1920-х гг. отсутствует и информация о финансовой базе и системе жизнеобеспечения махалли. Она постепенно разрушилась в результате коллективизации, раскулачивания, репрессий. Эти процессы, во-первых, ликвидировали зажиточный класс, который традиционно оказывал значительную финансовую помощь приходу, во-вторых, подавили религиозное сознание верующих, которые теперь и материально не могли (или не хотели) поддерживать религиозное общество. Данные о каких-либо пожертвованиях в пользу мечети в 1930-х гг. единичны. В деревне Дюсум Сармановско-

го района не раз срывались антирелигиозные лекции из-за того, что клуб, в отличие от мечети, не отапливался и не освещался. Сборы на выплату налогов служителями культа на их содержание, на ремонт мечети и арендную плату за нее, на содержание Духовного управления и помощь семьям репрессированных мулл проводились в деревне Пшалым Арского района в 1937 г. [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.4, д.762, л.16].

Таким образом, если в 1920-е гг. финансовые поступления в общины еще имели место в разных формах, то в 1930-е гг. экономическая самостоятельность мусульманской общины практически была сведена к нулю.

Массовое закрытие мечетей. В 1930-е гг. махалля естественно получали финансовую помощь только в тех местах, где были мечеть и законно зарегистрированное религиозное общество. Поэтому целенаправленная и масштабная кампания по закрытию мечетей была также одним из направлений борьбы власти с религией и влиянием духовенства, с религиозной общиной.

Закрытие религиозных зданий началось с первых лет Советской власти. В конце 1920-х гг. нормативные акты еще более упростили этот процесс. Регламентирующими документами были постановление ВЦИК от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» и инструкция Постоянной комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК от 16 января 1931 г. «О порядке проведения в жизнь законодательства о культах». На деле, впрочем, расторжение договоров и закрытие культовых зданий совершенно не учитывали требований законодательства и повсеместно сопровождалась произволом властей и партийных органов.

Начало и дальнейшая эскалация данного процесса совпали с широкомасштабной индустриализацией и массовой коллективизацией сельского хозяйства. В связи с этим весьма важным для Советской власти было уничтожение крупных городских религиозных центров, остававшихся не просто своеобразным оплотом духовной оппозиции, но и очагом «вредного» идеологического влияния на пролетарские массы. Следует отметить, что, например, в Казани, закрытие храмов началось лишь в 1928 г., а первыми административное давление испытали православные церкви и монастыри. Так, в октя-

бре 1928 – апреле 1929 гг. прекратили деятельность 12 из 52 церквей и монастырей, а из 19 мечетей не было закрыто ни одной [НА РТ, ф. Р–5852, оп.1, д.784, л.12 об.].

Именно кварталы исторического национального района города – Новотатарской слободы – в 1928 г. стали полем первой большой социалистической стройки Казани, а именно возведения крупного мехового комбината. Для осуществления этого грандиозного технологического и, конечно же, социально-политического проекта, требовалось разрушить весь прежний уклад жизни и быт жителей слободы, исторически группировавшихся в конфессиональные общины вокруг трех местных мечетей. Известно, что все махаллы Новотатарской слободы в дореволюционный период отличались высокой общественной активностью. Здесь функционировали известные исламские образовательные центры, проповедовали и преподавали знаменитые педагоги и богословы [Салихов и др., 2004, с.294–295]. Можно сказать, что такой религиозный очаг в самом центре разворачивающегося строительства был изначально обречен. 11-я мечеть в Новотатарской слободе – первое мусульманское культовое здание Казани, закрытое, отобранное у верующих и «переданное под культурные нужды» [НА РТ, ф. Р–5852, оп.1, д.784, л. 5–12 об.].

С завершением строительства меховой фабрики в местные органы власти начали поступать ходатайства трудовых коллективов различных цехов о закрытии и остальных мечетей Новотатарской слободы. Последнее из оставшихся молитвенных зданий Новотатарской слободы – мечеть «Иске Таш» – также было на грани закрытия. В 1931 г. арестовали ее имама М.-С.Иманкулова. Сразу же после этого среди рабочих мехкомбината началась кампания по сбору подписей за закрытие мечети. Однако, по всей видимости, массовые жалобы верующих этого промышленного района в высшие государственные инстанции приостановили процесс закрытия мечети, который завершился лишь в 1939 г.

К тому времени все духовенство Новотатарской слободы было репрессировано, и двухвековая история ее религиозных общин фактически завершилась. Впрочем, из 19 мечетей города на этот период дей-

ствующей осталась только одна – мечеть «Марджания», которая, конечно же, не могла удовлетворить духовные потребности всех мусульман города.

Массовые закрытия мечетей продолжались вплоть до начала Великой Отечественной войны. Из 13,7 тыс. мусульманских приходов внутренней России в 1941 г. действовало около 100 [Юнусова, 1999, с.189]. На одном из республиканских совещаний политпросветработников и СВБ в начале 1939 г. секретарь Татобкома ВКП(б) Мухаметов заявил, что духовенство республики распустило слух о намеченном огульном закрытии молитвенных зданий. Тем не менее, этот факт подтвердился: анализ материалов показывает, что только в 1939 г. было закрыто 698 молитвенных зданий, в том числе 574 мечети и 124 церкви [НА РТ, ф. Р–3610, оп.5, д.3].

Кампания по закрытию культовых зданий, развернувшаяся в конце 1920-х гг., ознаменовала начало решительного разрушения традиционных отношений в локальных мусульманских общинах и была призвана подготовить необходимую идеологическую и социальную почву для проведения сплошной коллективизации в сельских районах. Массовое закрытие мечетей привело к ликвидации самого религиозного общества, которое утратило даже необходимость в финансовой самостоятельности.

Социально-экономическое положение мусульманского духовенства. Кроме этих процессов, большое влияние на процессы трансформации мусульманской общины в конце 1920–1930-х гг. оказало разрушение института мусульманского духовенства. Советское правительство изначально поставило задачу его нейтрализации и устранения из общества. Уже первыми декретами Советской власти церковные служители были ограничены в своей деятельности и стали лишь исполнителями обрядов, они сразу были лишены избирательных прав, что не позволяло им участвовать в общественно-политической жизни страны.

Ограничения в области гражданских прав – не единственная форма давления на духовенство. В 1920-х гг. основным методом его нейтрализации служила экономическая политика. Завышенные для этой категории населения ставки налогообло-

жения позволяли ограничить духовенство в материальных средствах. Одним из серьезных последствий правовых и экономических ограничений со стороны государства стал массовый отказ религиозных деятелей от исполнения духовных обязанностей. Отход духовенства от религиозной деятельности важен для понимания процессов трансформации мусульманской общины 1920–1930-х гг.

Это явление отмечалось уже в первые годы Советской власти. Как правило, массовое сложение сана наблюдалось в периоды ужесточения политики государства по отношению к духовенству, ухудшения материального и общественного положения священнослужителей. Так, первые массовые отказы от духовных должностей имели место сразу после октября 1917 г. В Татарии за первые годы Советской власти от религиозной должности отошли свыше 200 мулл [Маторин, 1929, с.145]. Новый импульс этот процесс приобрел после окончания гражданской войны, когда были введены новые ограничения на деятельность духовенства и ужесточена налоговая политика.

Говоря о причинах отказа от религиозной должности, необходимо заметить, что в документах контролирующих органов, в частности, ОГПУ практически не упоминается идеологический разрыв с религией. Такие случаи были единичными, как правило, их широко рекламировали на страницах печати. Основные же причины снятия сана крылись в социально-экономическом положении духовенства. Его облагали завышенными налогами, лишили избирательных и других гражданских прав, недоступны были социальные блага и членам их семей. Отказ от должности позволял восстановить в правах и участвовать в общественной жизни. Поэтому многие предпочитали жить наравне с остальными гражданами, чем быть «лишенцами».

Социально-материальная незаинтересованность духовенства в официальном исполнении духовной службы стала основной причиной отказа от нее. Часть мулл навсегда порывала таким образом с исполнением обязанностей в приходе. Однако некоторая часть духовенства использовала такое положение для неофициального отправления

обрядов. Динамику этого процесса проследить довольно сложно из-за отсутствия статистического материала. По данным органов власти, данный процесс нарастал во время кампаний выборов, когда официальный разрыв с религией давал доступ к участию в общественной жизни. Эта тенденция также широко использовалась для дискредитации духовенства [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.1, д.1347, л.92].

Среди социально-экономических причин отказа от религиозной должности лидирует невозможность уплатить все налоги. В такой ситуации материальную поддержку иногда оказывало само население, выделяя своему имаму денежную или натуральную помощь. Однако в тех приходах, где это было невозможно из-за бедности прихожан или активных контрмер сельских органов власти, сложение сана стало единственным выходом из сложившейся ситуации. В мечети села Мелля-Тамак Мензелинского кантона имамхатыб заявил: «Мы, муллы, служим для вас и для сохранения религии в будущем. Если нам, муллам, в силу тяжести налогов и прочих сборов в будущем придется отказаться от сана, то вашу мечеть превратят в клуб. Погребение, бракосочетание тогда производиться не будут» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.2, д.524, л.99]. Часто причиной отказа от сана указывались социальные ограничения в отношении семьи муллы, в частности, невозможность обучать детей в школе.

Огромный размах этот процесс принял в конце 1920-х гг. Политика раскулачивания стала главной причиной массового отказа духовенства от должностей. К социальным и материальным лишениям в этот период добавились новые методы борьбы с духовенством. Официальный разрыв с религией стал единственным способом спасти себя и семью от раскулачивания. Партийные органы признавали, что причиной отказа от сана способствовали прежде всего социально-экономические лишения: «Материальное неблагополучие, а также гражданское бесправие, невозможность обучения своих детей в советских учебных заведениях и, единично, идейный отход от религиозных убеждений вынудили часть духовенства отречься от сана и начать трудовую жизнь» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.2, д.524, л.96].

В 1928–1929-х гг. отмечено 150 случаев отказа мусульманских священнослужителей от должности. Сами муллы иногда призывали к массовому отказу от сана. Это, по их мнению, заставило бы правительство пойти на определенные уступки. Мулла деревни Альметьево Челнинского кантона Валеев заявил: «Мы, муллы, в настоящее время все вместе одновременно должны отречься от сана, иначе освободиться от налогов нельзя» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.2, д.524, л.100 об.]. Данная тенденция отмечена во многих кантонах Татарской АССР. В Шонгутской волости Буинского кантона к такому шагу были готовы 19 мулл.

Нарушения религиозного законодательства стали нормой в конце 1920-х гг., и тогда же они были практически узаконены. В это время духовенство подверглось новому ущемлению социальных и экономических прав. В ходе коллективизации и раскулачивания оно было официально причислено к кулакам, что позволило не только полностью лишить духовенство средств к существованию, но и «нейтрализовать» и уничтожить наиболее активных религиозных деятелей. Лишенное гражданских прав и материальных средств духовенство в конце 1920 – начале 1930-х гг. в значительной мере утратило свой потенциал.

В 1930-х гг. очередной удар по положению духовенства нанесла кампания по закрытию религиозных зданий. С потерей мечети приход переставал существовать, а служитель общины терял источник дохода и вынужден был заканчивать духовную деятельность. Кроме того, не было облегчено налоговое законодательство в отношении духовенства, оставались в силе все социальные ограничения. Итак, гражданское бесправие, завышенные налоги, раскулачивание обусловили падение численности духовенства и снижение их роли в обществе.

Репрессии против мусульманского духовенства. Одним из главных факторов, повлиявших угнетающим образом на мусульманское духовенство, стали политические репрессии. Первая волна массовых репрессий против духовенства началась в самом конце 1920-х гг., когда началось форсированные преобразования всех сфер жизни страны. Важным препятствием на этом пути

власти считали религию, священнослужителей и простых верующих. Наибольшие последствия проводимая политика имела в сельской местности, где коллективизация и связанные с ней эксцессы ломали традиционный уклад жизни, разрушали крестьянское общинное мировоззрение, в том числе и приверженность населения религии.

Политика «ограничения и вытеснения кулачества экономическими методами» сопровождалась применением административно-репрессивных мер во время хозяйственно-политических кампаний. Постоянно подчеркивалось, что хозяйство служителей культа также является кулацким. С этого времени карательная политика Советской власти была направлена уже не столько против духовенства в целом, сколько против его представителей как «участников» антиколхозного движения. Практически все осужденные служители культа в 1929–1932 гг. обвинялись в противодействии колхозной и другим хозяйственным кампаниям и в организации с этой целью кулацких группировок. В этот период религиозная деятельность была фактически приравнена к антиколхозной, особенно в тех случаях, когда не было засвидетельствовано фактов участия духовенства в сопротивлении созданию колхозов.

В конце 1920 – начале 1930-х гг. ОГПУ ТАССР сфабриковало несколько групповых дел по так называемым «мулльско-купеческим контрреволюционным образованиям». Репрессии были начаты на основе директив о массовой операции по ликвидации кулачества и охватили все районы республики. Например, в сентябре 1931 г. Татотдел ОГПУ завершил следствие по делу т.н. «контрреволюционной буржуазно-националистической религиозной повстанческой организации» в Мамадышском, Сабинском и Рыбно-Слободском районах (бывший Мамадышский кантон) [Архив УФСБ по РТ, архивно-следственное дело №2-14047 (в 4 т.)]. Одним из главных моментов в обвинительном заключении стало стремление связать антиколхозные настроения с религиозным движением в кантоне, сопровождавшимся требованиями возратить мечети и освободить арестованных духовных лиц.

В соответствии с существовавшей практикой дело обычно формировалось во-

круг одной крупной и известной фигуры, устанавливались все его профессиональные и непрофессиональные связи, и фигурантов объединяли в одну организацию. В данном случае присутствовала типичная постановка – руководителем этого несуществующего формирования был выставлен известный и авторитетный имам-хатыб Мамадыша, мухтасиб Мамадышского кантона Мухамет Беркутов. Его активная деятельность как имама и мухтасиба, контакты с представителями духовенства различного уровня были предметом особого внимания к нему со стороны органов безопасности. М.Беркутов, например, участвовал в работе Всероссийских съездов духовенства 1920–1926-х гг., был организатором кампании по открытию религиозных школ в кантоне, активно отстаивал права духовенства и возвращение мечетей. Естественно, что круг его знакомств охватывал не только представителей приходов Мамадышского мухтасибата, но и включал мусульманских лидеров Казани, Уфы и других центров. Исходя из этого, местный отдел ОГПУ выстроил и структуру «организации». Так, в нее по ходу следствия объединили более 70 человек, проживавших в разных селах и составлявших якобы 15 групп. Во главе каждой из них поставили муллу, а остальными «членами» будто бы являлись кулаки.

В обвинительном заключении была подробно описана работа каждой ячейки в рамках кантона. Однако на этом уровне масштаб организации был бы незначителен. Обычно подобным «организациям» приписывались связи с Казанью, в частности, с М.-С.Иманкуловым, общее руководство, осуществляемое ЦДУМ и выход на другие регионы, в данном случае – на Среднюю Азию. Формальным поводом установления связей «организации» могли служить любая поездка или заочное знакомство.

Директивы ОГПУ коснулись не только села, учитывая «оживление городской контрреволюции», предполагалось активизировать работу и в городах. Параллельно с этими операциями Татотдел ОГПУ готовил новую репрессивную кампанию против влиятельного казанского духовенства и буржуазии, объединенных в «мулльско-купецкую группу Казани». По типичному

сценарию это дело формировалось вокруг известного общественного деятеля, казанского мухтасиба, имам-хатыба 9-й соборной мечети М.-С.Иманкулова.

В результате массовых репрессий конца 1920 – начала 1930-х гг. было физически уничтожено или устранено значительное количество духовенства всех конфессий по всей республике. Только «тройка» ГПУ-НКВД ТАССР в 1929–1938 гг. осудила 802 представителя мусульманского духовенства Татарской АССР³. Мусульманское духовенство утратило наиболее активных и образованных религиозных деятелей, на смену которым приходили неквалифицированные имамы, что способствовало утрате исламского наследия татарским обществом. Хотя некоторые муллы возвратились на родину из концлагерей и ссылок, многие из них уже не исполняли прежних обязанностей. Все они в середине 1930-х гг. стали жертвами еще более суровых репрессий.

О потерях среди духовенства можно косвенно судить лишь по количеству оставшихся официально исполняющих обязанности. В результате естественной убыли, отказа от должности и репрессий численность мусульманского духовенства Татарской АССР к началу 1930-х гг. сократилась почти в четыре раза: если к 1927 г. число мусульманских служителей культа варьировало в пределах 3,6–3,9 тыс. человек (т.е. практически не изменилось), то к 1934 г. зарегистрированных имам-хатыбов и муэдзинов осталось около 1 тыс. человек (по официальным данным – 1555 человек, но в это число были включены «лапотные», «бродячие» и снявшие сан).

Беспрецедентное наступление началось в 1936 г., когда было уничтожено почти все руководство мусульманских организаций. Разгром ЦДУМ и его членов позволил приступить к ликвидации мусульманского духовенства по всей стране. В том же году началось уголовное преследование и духовенства Татарской АССР, одним из громких примеров чего стало «дело Атласова».

³ Сведения даны по: Багагиева, 2003 с.155. К сожалению, исследования точного числа репрессированного духовенства (не только «тройками») в настоящее время не проведено.

Ужесточение репрессий по всему СССР отмечено в 1937 г. Как и прежде сильно пострадало духовенство всех конфессий. В ходе «кулацкой операции» в Татарской АССР было репрессировано значительное количество мусульманских духовных лиц. К высшей мере наказания были приговорены известные мусульманские деятели Татари – мухтасиб Дубьязского района Ф.Шамсутдинов, мухтасиб Арского района Г.Уразгильдеев, бывший имам мечети 17-й махалли Казани С.Вахитов.

К тому времени было практически уничтожено высшее духовенство – прежнее руководство ЦДУМ. В 1936 г. расстреляна казий ЦДУМ Мухлиса Буби, в 1937 г. в Москве – имам Соборной мечети А.Шамсутдинов, в 1938 г. приговорено к высшей мере практически все руководство Духовного управления – Ш.Шараф, З.Камали, Дж.Абзгильдин и другие. Осужденный в январе 1937 г. на 10 лет заместитель муфтия К.Тарджиманов в октябре следующего года был этапирован в Уфимскую тюрьму, где в течение года подвергался допросам с пристрастием.

Несмотря на некоторое общее снижение масштабов репрессий, в 1938 г. появились новые тенденции в карательной политике по религиозно-национальным мотивам. В этот период число дел с участием духовенства вновь возросло в связи с ликвидацией в Татарской АССР т.н. «филиалов» организации «Идель-Урал». В связи с установкой на раскрытие общереспубликанского заговора, мусульманских духовных лиц уничтожали как якобы «идейных руководителей» этих филиалов.

Репрессии 1930-х гг. полностью изменили социально-культурную и численную характеристики мусульманского духовенства. Аресты и расстрелы тысяч имамов привели к заметной утрате преемственности религиозных традиций между поколениями.

Таким образом, существование мусульманских общин в 1920–1930-е гг. было предопределено логикой развития Советского государства: все его действия были направлены на слом прежних общинных институтов. Однако, нюансы такой политики зависели от общественно-политической и экономической обстановки в стране. Так,

до середины 1920-х гг. государство внешне не вмешивалось в дела общин, но вынуждало их ограничивать сферу деятельности. Формально община могла только устраивать богослужение, следить за сохранностью молитвенного здания, участвовать в съездах и назначать служителей культа.

Анализ имеющегося материала показывает, что до конца 1920-х гг. мусульманские общины продолжали деятельность в условиях относительной свободы, не ограничиваясь лишь проведением богослужения в мечети. Община боролась за контроль над системой образования, оказывала влияние на различные слои общества, принимала меры к улучшению своего социально-экономического положения.

Однако, в конце 1920-х – 1930-х гг. государство приняло ряд мер, которые поставили традиционную татарскую махаллю с присущими ей социально-экономическими функциями на грань исчезновения. Уже в конце 1920-х гг. государство предприняло шаги по ликвидации религиозной системы образования. Сначала оно было поставлено в жесткие рамки административных ограничений, а затем и полностью уничтожено. Налоговый пресс Советской власти уничтожил экономический потенциал махалли. В 1930-х гг. был организован массовый снос мечетей. Ликвидация института духовенства привела к полной недееспособности татарской махалли в ее прежнем виде. Если в 1920-х гг. основными методами нейтрализации религиозных деятелей были социальные и экономические ограничения, то в 1930-х гг. репрессии привели практически к уничтожению этого слоя мусульманского общества.

В 1920–1930-х гг. произошла глубокая трансформация уммы в России. Сама махалля перестала быть самоуправляющей мусульманской общиной с особой организацией жизненного уклада. Она превратилась в религиозное общество, зарегистрированное или неофициальное, в которое верующие объединялись для исполнения лишь религиозных обрядов. Существование такого религиозного общества в течение последующего длительного периода поддерживалось либо наличием мечети, либо присутствием лица, проводившего обряды.

§ 2. Политические репрессии в ТАССР в 1930-е гг.

Айслу Кабирова

Укрепление личной власти И.В. Сталина в Советском государстве сопровождалось насаждением атмосферы подозрительности и вражды в обществе, активизацией деятельности ОГПУ по поиску «врагов», проведением карательных мероприятий. В 1930-е гг. масштабные политические репрессии коснулись всех категорий населения. Прежде всего, разумеется, они затронули политическую элиту. После показательного-назидательного процесса над М.Х.Султан-Галиевым, который стал первым пробным шаром в общей цепи уничтожения общесоюзной оппозиции, были отстранены от своих должностей и другие видные работники партийно-государственных органов Татарской АССР. В антисоветской деятельности были обвинены председатель ТатЦИКа Г.Г.Байчурин, секретарь Татарского обкома ВКП(б) Г.Мухаметзянов. Были арестованы и позже расстреляны работавшие в разные годы Председателями Совета Народных Комиссаров республики С.С.Саид-Галиев, К.Г. Мухтаров, Х.З.Габидуллин, Ш.Ш.Шайморданов, А.М.Давлетьяров, многие наркомы и ответственные работники наркоматов [Политические репрессии в ТАССР, 2011, с.26]. Впоследствии было установлено, что сотрудники органов внутренних дел применяли к этим руководителям незаконные методы – избияния, пытки, голод, заставляя давать «признавательные» показания в преступлениях, которых они не совершали.

Громкий резонанс в Татарстане получили сфабрикованные НКВД дела «Джидегян», «Госиздата», «Новаторов», «Яна китап», «Наркомзема», «Крестьянского иттифака», «Право-троцкистской националистической организации», различных диверсионно-вредительских организаций на предприятиях оборонной промышленности, шпионских террористическо-повстанческих организаций, антисоветского формирования «Идель-Урал» и т.д. По подсчетам А.Л.Литвина, за 1929–1938 гг. чекистские тройки Татарской АССР во внесудебном порядке рассмотрели более 20 тыс. дел и приговорили к расстрелу каждого пятого осужденного [Литвин, 1995, с.172].

Влиятельной и потому «опасной частью» общества для властных структур представлялась интеллигенция, в связи с чем под репрессии «попал» весь цвет татарской нации: Карим Тинчурин, Галисгар Камал, Баки Урманче, Газиз Губайдуллин, Хасан Туфан, Фатых Карим, Гильм Камай, Салах Атнагулов и другие. Надуманных поводов обнаруживалось» более чем достаточно. Многие широко известные в обществе татарские писатели и ученые вызвали недовольство И.В.Сталина и приближенных к нему государственных деятелей еще в конце 1920-х гг., когда усомнились в необходимости проведения навязываемой высшими инстанциями реформы татарского языка, предполагавшей переход на новый алфавит с арабского шрифта на яналиф.

Острые дискуссии по этому вопросу разгорелись во второй половине 1920-х гг. Арабская графика тогда была объявлена «помехой» на пути социалистических преобразований. Путь в «светлое будущее», с точки зрения властей, должна была обеспечить интернационализация национальных культур, достижение которой виделось через официальное и массовое внедрение латиницы. Обсуждение данных проблем было включено в повестку дня первого тюркологического съезда в Баку в 1926 г. Самыми ретивыми сторонниками и поклонниками латинизации выступили азербайджанские лидеры, тогда как Армения и Грузия, наоборот, считали, что не следует торопиться с ее введением.

Разделились позиции и среди татарских ученых и общественных деятелей. Шамиль Усманов поддержал внедрение яналифа, заявив, что таким образом «в корне разрешаются все вопросы орфографии татарского языка». С ним согласились Салах Атнагулов и Фатых Сайфи. Однако другая часть ученых, такие как Галимджан Ибрагимов и Галимджан Шараф, призывали к осторожности и осмотрительности при проведении революционных изменений [Давлетшин, 2005, с.362–363]. Этой же позиции придерживались многие беспартийные татарские

интеллигенты, считая, что ликвидация арабской графики разом приведет к забвению, а затем и уничтожению многовекового письменного наследия татар. Опасаясь такого исхода событий, они выступили с протестами против форсированных темпов перевода татарского алфавита на яналиф, обратившись с письмами лично к И.В.Сталину. Эти протесты вошли в историю под названием «Письмо 82-х». Данный документ подписали: Г.Губайдуллин, Б.Урманче, Г.Камал, А.Рахим, Ф.Мухамедьяров, М.Гали и др. [Султанбеков, 1994, с.129–131].

После организации партийными органами «разъяснительных» мероприятий многим пришлось снять свои фамилии, но позже факт наличия подписи стал расцениваться как преступление против Советской власти и являлся поводом для привлечения к уголовной ответственности.

1930-е гг. ознаменовались новыми репрессиями среди татарских интеллигентов. В августе 1930 г. в республике «была раскрыта» мифическая организация татарских писателей «Джидегаен» («Большая медведица»), якобы образованная еще в 1928 г. Входившие в нее литераторы обвинялись в том, что ставили своей целью борьбу против руководства коммунистической партии в художественной литературе, не видели путей развития пролетарской литературы и разжигали классовую ненависть среди татарского народа. Одновременно жесточайшей критике был подвергнут и литературный сборник, изданный к 10-летию ТАССР, авторами публикаций в котором выступили «джидегаеновцы». Издание было окрещено «сборником антисоветских декламаций», его составители во главе с татарским писателем Тухфатом Ченакаем обвинены в принадлежности к контрреволюционерам, а выпустившее книгу Татарское книжное издательство – в засоренности националистами. Поскольку в республике в этот момент набирала силу разоблачительная кампания против «султангалиевцев», то легче всего было списать все именно на их вредное идеологическое влияние. Так и было сделано. В 1931 г. все члены тайной организации «Джидегаен» были причислены к «султангалиевцам» со всеми вытекающими отсюда трагическими последствиями.

В 1932 г. органы ГПУ отрапортовали о «вскрытии» в Казани контрреволюционной троцкистской националистической группы «Крестьянский иттифак» [Тагиров, 1999, с.224]. Руководство этой организации приписали Галимджану Аминову – инструктору Татарского издательства, а идейным вдохновителем «назначили» Мингарея Сагидуллина, которого друзья за прозорливость и незаурядный ум нередко называли «татарским Бухариным». Близко к этой группе стояли писатель Ф.Сайфи, директор швейной фабрики №4 А.Нугаев, секретарь Бавлинского райкома ВКП(б) Ш.Якупов, председатель Мензелинского исполкома Совета Г.Султанов и др.

Всего по списку «контрреволюционной группы» в марте 1933 г. из партии были исключены 13 человек. О том, как фабриковались подобного рода дела, дают представление предъявленные обвинения. М.Ю.Хузеев был привлечен за то, что «имел дружескую связь с Сагидуллиным»; писатель Г.Галеев – заведующий сектором Татиздата – осуждался за связь с опальным литератором Г.Баимбетовым, в московской квартире которого останавливался; С.Бикүшев – заведующий партийным отделом газеты «Кызыл Татарстан» – обвинялся в том, что «не принял никаких мер к разоблачению антипартийной деятельности контрреволюционной группы».

По делу «Крестьянского иттифака» был привлечен даже известный татарский военачальник Якуб Чанышев, которому следствие припомнило то, что на Маршальских курсах в Москве генерал слушал Л.Д.Троцкого, тепло отзывался о нем, хранил у себя его портрет и троцкистскую литературу. Таким образом, для того чтобы соответствующие органы вынесли судебное решение, не обязательно было считаться контрреволюционером самому; достаточно было только знать участников группы, общаться с неугодными властям лицами, в кулуарах выражать одобрение деятельности Л.Д.Троцкого, Г.Е.Зиновьева, Л.В.Каменева и других репрессированных государственных и общественных деятелей, не заниматься доношением и т.п.

В некоторой степени продолжением дела «Крестьянского иттифака» стала проведенная в 1936 г. в Казани операция «Новаторы»,

в ходе которой была «разоблачена» крупная контрреволюционная организация среди литературно-издательских работников [Султанбеков, 1994, с.132–152]. Среди главных действующих лиц были названы Салах Атнагулов – авторитетный специалист в области татарской литературы и языкознания, доцент Казанского педагогического института; Исхак Рахматуллин – в прошлом Нарком просвещения республики, позднее занимавший различные должности в Татарском госиздательстве; Фатых Сайфи – писатель и общественный деятель; Заки Гимранов – бывший заведующий отделом пропаганды обкома ВКП(б). В 1936 г. все они были арестованы. Обвиняемым инкриминировались подготовка терактов, насаждение на ответственных постах в госиздате националистических и троцкистско-буржуазных элементов, срыв планов издания на татарском языке трудов классиков марксизма-ленинизма, публикация идеологически вредной литературы с антисоветским содержанием и т.д.

Путем бесчеловечных следственных приемов из них были выбиты необходимые признания, уличающие не только их самих, но и других людей, принадлежащих к идеологической элите Казани. Всего по делу проходило 34 человека.

«Новаторов» должны были судить в Москве на военной коллегии Верховного Суда. Предполагалось устроить показательный процесс. Но позже процедуру упростили до предела. В мае 1938 г. за два дня работы выездной сессии на смерть было отправлено более 100 человек из Татарстана и 18 – из Марийской Республики, в том числе видные представители татарского народа: директор КГПИ Г.Касымов, корреспондент «Известий» С.Бурган, начальник управления по делам искусств Г.Альмухаметов, бывший директор КГПИ, а затем татарского театра М.Юсупов, бывшие секретари Казанского горкома ВКП(б) – Б.Абдуллин и А.Биктагиров, выдающийся языковед и этнограф Н.Хакимов и др. Косвенно по этому делу проходили причисленные к националистам К.Наджми, Х.Туфан, Г.Нигмати, С.Айдаров, А.Кутуй, Н.Исанбет, А.Алиш, С.Баттал и др.

Известный по жестокости и масштабности репрессий 1937 г. принес новые беды.

Самым громким и массовым в республике стало так называемое «Дело Наркомзема» [Султанбеков, 1994, с.152–164]. К судебной ответственности привлекались руководители колхозов и МТС, заведующие районных земельных отделов (райзо), работники контор «Заготзерно». Они обвинялись в развале колхозов, падеже животных, нехватке горючего и т.д. В подавляющем большинстве это были хозяйственные преступления, за которые в другое время были бы назначены лишь административные меры, но в обстановке ажиотажных разоблачительных кампаний суд расценил их как различные формы политических преступлений. Вообще, следует заметить, что перекалелирование хозяйственных проступков со ст. 109 Уголовного кодекса РСФСР (злоупотребление служебным положением) на один из подпунктов статьи 58-й о контрреволюционной деятельности по развалу экономики стало обыденным, а потому страшным явлением.

«Сельхозвредители» и «пантюркисты в животноводстве» «обнаруживались» повсеместно. Маховик репрессий затронул тогда многие районы Татарстана: громкий резонанс получило «Буинское дело», где в «преступлениях против своего народа» оказались «замешаны» первый секретарь РК ВКП(б) К.Г.Гафуров, председатель РИК Г.В.Валеев, заведующий райзо З.З.Шарафутдинов. Такое же дело было заведено на руководителей Кзыл-Юлдузского района. Здесь к суду привлекли секретаря РК ВКП(б) Б.Ш.Шаймарданова, председателя райисполкома Я.Ф.Курамшина и др. Аналогичные процессы прошли в Бавлинском, Кукморском, Альметьевском и других районах республики. Обвиняемые исключались из партии, арестовывались и предавались суду, расстреливались, ссылались на длительные сроки в лагеря.

Массовая волна репрессий прокатилась и по Красной Армии (согласно статистическим данным, в 1930-е гг. было уничтожено 90% генералов и 80% полковников), затронув и военачальников татарской национальности. Среди них оказался Хусаин Мавлютов, в годы гражданской войны – командир полка 1-й татарской стрелковой бригады, во второй половине 1920-х гг. успешно работавший в советской военной

разведке. В июле 1937 г. он был арестован и расстрелян. Документы, обнародованные в ходе его реабилитации в 1957 г., показали, что состава преступления не было. Жестоко судьба обошлась и с Ади Маликовым, служившим в годы гражданской войны начальником штаба 2-й татарской стрелковой дивизии, а с 1928 г. состоявшим на разведывательной дипломатической работе. Ему было инкриминировано участие в «контрреволюционной правотроцкистской националистической организации», которая якобы существовала в Казанском гарнизоне с 1931 г. А.К.Маликов был арестован в июне 1938 г. и сослан в лагеря. Вышел он оттуда только через 16 лет, в 1954 г., после полной реабилитации. В разгар войны с фашистской Германией был арестован и в 1942 г. расстрелян литовский татарин Александр Тальковский, воевавший в Первую мировую войну командиром батальона, в гражданскую – служивший начальником штаба 1-й татарской стрелковой бригады и назначенный затем начальником объединенной татаро-башкирской военной школы в Казани. Ему приписали связь с немцами, бывшими в 1928–1931 гг. на казанских бронетанковых курсах, и шпионаж в пользу Германии. Уверения А.Тальковского о том, что он не состоял ни в каких военных заговорах, следователем приняты не были [Литвин, 1993, с.24–26].

Надо отметить, что во второй половине 1930-х гг. обвинения в шпионаже стали самым распространенным поводом для привлечения к судебной ответственности. В канун Второй мировой войны более всего активизировался поиск агентов иностранной разведки, якобы искусно внедрившихся в промышленные, хозяйственные и иные организации. Апофеозом ложных обвинений стало «участие» в так называемой контрреволюционной организации среди татарских эмигрантов, получившей название «Идель-Урал» [Степанов, 1996, с.39–45]. Считалось, что эта организация направлялась белоэмигрантами татарской национальности из Японии, Германии и Турции и одновременно использовалась в шпионско-диверсионных целях в пользу названных стран. Во главе организации значился Галимджан Шараф (автор проекта

создания штата «Идель-Урал»), на местах – бывшие активные руководители Милли Шура. Участникам организации приписывалось проведение подрывной работы в целях ослабления оборонной мощи Советского Союза, срыв производственных программ и подрывная диверсионно-вредительская деятельность на промышленных предприятиях, сбор секретных сведений, подготовка боевых террористических групп для совершения покушения на руководителей партии и правительства и вооруженного выступления против Советской власти в момент нападения капиталистических стран на СССР.

Всего по делу проходило 1000 «выявленных» участников организации. Из них аресту, проводившемуся по прямым вербовкам, подлежало 450 чел. Согласно опубликованным в современный период историографии следственным делам, агентами иностранных разведок значились видные политические деятели: Мирсаид Султан-Галиев (турецкой и японской – с 1919 г.), Кашаф Мухтаров (турецкой и японской – с 1921 г.) и др. В принадлежности к этой организации были обвинены и впоследствии осуждены также известный татарский драматург Карим Тинчурин, популярный татарский поэт Хасан Туфан (обоим инкриминирован шпионаж в пользу Японии); бывший ректор Казанского химико-технологического института, в прошлом Нарком юстиции ТАССР Гимаз Багаутдинов; известный химик Гильм Камай (проходили по делу как германские шпионы); ведущий преподаватель турецкого языка в Институте востоковедения Фатых Карими, его агентами были названы писатель Шамиль Усманов, политический и общественный деятель Ильяс Алкин, историк Хади Атласи (якобы переправлявшие секретные сведения в Турцию) и др.

Таким образом, кампания по разоблачению уличенных во враждебной деятельности видных татарских общественных и политических деятелей, известных представителей науки и культуры, административных работников, военачальников, хозяйственных руководителей коснулась значительного числа людей. Репрессивная машина с каждым годом набирала обороты. Под расстрельные обвинения подводились рабочие, крестьяне, ученые, писатели. По данным

татарстанской редакции «Книги Памяти», зафиксированным на начало 2011 г. политическим репрессиям в республике подверглись 54727 человек (т.е. привлеченных к ответственности за государственные преступления по 58 статье УК РСФСР) [Книга Памяти]. Среди них – 17188 татар (в т.ч. кряшен), что составляет 31% от общего числа всех репрессированных [Политические репрессии в ТАССР, 2011, с.75].

Репрессии касались не только людей, но и созданного ими культурного и научного наследия: из библиотек изымались кни-

ги и журналы, запрещались литературные, музыкальные произведения и художественные полотна, уничтожались научные труды, вымарывались неугодные властям имена. Только по Татарстану из общественного пользования было изъято почти 700 наименований книг. Такими жесткими и беспощадными методами к концу 1930-х гг. в стране была сформирована сверхцентрализованная командно-административная система управления во главе с И.В.Сталиным. Авторитет вождя был непререкаем. В государстве установился тоталитарный режим.

ГЛАВА 6

Татары и Татарстан во Второй мировой войне

22 июня 1941 г. с нападением фашистской Германии в одночасье рухнули все личные планы и надежды десятков миллионов советских людей. Началась Великая Отечественная война, ставшая тяжелейшим испытанием для нашей Родины. Все нации и народности Советского Союза поднялись тогда на защиту своего общего дома, опровергнув планы Гитлера и его приспешников на то, что СССР, по их мнению, «колосс на глиняных ногах», не сможет устоять из-за обострения межэтнических противоречий. Но агрессор просчитался: в жестокой битве не на жизнь, а на смерть консолидирующий вектор развития народов оказался объективно более весомым, чем разъединительные факторы. Существенную лепту в дело разгрома ненавистного врага и достижение Победы внесли в военные годы также татары и жители Республики Татарстан.

§ 1. Участие татарстанцев и татар на фронтах войны

Айслу Кабирова

Военно-мобилизационная работа в стране и в республике развернулась сразу после объявления о начале войны. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г., мобилизации подлежали военнообязанные граждане 1905–1918 гг. рождения. Татарская АССР входила в состав Приволжского военного округа.

Повсеместно состоялись многолюдные митинги, участники которых выражали готовность встать на защиту Отчизны. Электрик завода №27 Ленинского района Гильмутдинов в своем выступлении на митинге, организованном в первые дни войны, отмечал: «На нашу миролюбивую страну напал озверелый фашизм. Наша задача еще больше поднять производительность труда и в то же время быть готовым, если понадобится, – встать с винтовкой в руках на защиту нашей социалистической Родины» [ЦГА ИПД РТ, ф.26, оп.10, д.130, л.22]. Закир Галиев на митинге в колхозе «Дирижабль» Альметьевского района подчеркивал: «Отечественная война – это священная война... В настоящее время двое моих сыновей сражаются за Родину, за Сталина. Несмотря на то, что мне сейчас 53 года, я и сам готов вместе с моими сыновьями бороться за то, чтобы уничтожить фашистские банды» [Социализмга, 1941, 6 июля]. Все речи выступавших были

проникнуты твердой верой в неизбежность победоносного окончания войны.

Формирование вооруженных сил осуществлялось не только за счет подлежащих мобилизации. С первых дней войны в партийно-советские органы и военкоматы устремился поток граждан с просьбами о добровольном зачислении в ряды Красной Армии. Типичны были заявления следующего содержания: «Подлость фашистской своры, осмелившейся напасть на нашу Родину, вызвала у меня великую ненависть к заклятому врагу... Прошу Вас, тов. военком, направить меня в действующую армию. За дело любимой Родины не пожалею себя и своей жизни», – так писала работница управления связи А.Н.Львина [Татария в ВОВ, 1963, с.27]. Секретарь Алькеевского райкома комсомола М.Мангушев заявлял: «Моя мечта быть в армии, а в данное время на фронте – мой высший идеал... Клянусь быть верным своей Родине до конца и вынести любые лишения и невзгоды в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками» [Заялов, 1975, с.4].

Всего за шесть дней с начала войны (с 23 по 29 июня 1941 г.) от граждан республики поступило свыше 5 тыс. заявлений об отправке их в Красную Армию. К середине июля общее число добровольцев по ТАССР

превысило 14 тыс. человек [История ТАССР, 1968, с.508]. Однако в связи с масштабным характером военных действий и 1000-километровой протяженностью фронтов превалирующим источником пополнения воюющей армии оставался, безусловно, мобилизационный набор.

За годы, прошедшие после войны, историки и местные краеведы неоднократно пытались подсчитать число участников боевых сражений из Татарстана и количество потерь, понесенных республикой в военный период. Огромную, кропотливую работу в этом направлении провели сотрудники республиканской редакции «Книга Памяти»⁴, созданной при Кабинете Министров РТ в преддверии 50-летнего юбилея Победы. В ходе многолетних научных исследований и поисковых экспедиций они уточнили основные данные, касающиеся в целом участия татар и татарстанцев в вооруженной борьбе с фашизмом. Согласно этим сведениям, в годы войны в действующей армии сражалось около 700 тыс. наших земляков. Более 350 тыс. из них не смогли вернуться к своим родным [Татарстан в ВОВ, 2000, с.3; Татарстан в ВОВ, 2009, с.3; История Татарстана, 2001, с.414] (погиб каждый второй!)⁵. Этот показатель в общей сложности составляет 11,5% от всего довоенного населения Татарской АССР⁶.

Феномен массового героизма советских людей, красноречивым свидетельством которого являются вышеизложенные обобщающие цифры участия татарстанцев

⁴ Имена погибших солдат и офицеров занесены в изданную в Татарстане книгу «Память». За время 1993–2010 гг. издано 27 книг этого скорбного мартиролога на русском и татарском языках. Многолетний труд стал фундаментальным печатным историко-мемориальным памятником, главным назначением которого является увековечение имен павших героев. [См.: Память, 1993–2010].

⁵ До начала работы редакции «Книга Памяти» во всех работах, посвященных военному периоду, указывалось, что из Татарской АССР на фронт было отправлено 560 тысяч человек, 87 тысяч из которых погибли в боях с немецко-фашистскими захватчиками [см.: Гильманов, 1981, с. 4–5].

⁶ Процентные показатели были высчитаны, исходя из общей численности довоенного населения республики. По переписи 1939 г., в Татарской АССР проживало 2914,2 тысяч человек [см.: ТАССР за 40 лет, 1960, с. 15; Нархоз ТАССР, 1970, с. 8].

в военных операциях, до сих пор остается предметом восхищения и изучения как отечественных историков, так и зарубежных специалистов. Но вместе с тем нельзя общее сознание в республике представлять как одномерное явление. Напротив, как показывают архивные документы, оно было достаточно противоречивым. В ходе мобилизации, организованной военкоматами и создания народного ополчения, далеко не все стремились попасть на передовую. На фоне массового проявления патриотизма в республике имели место отдельные случаи дезертирства, членовредительства, уклонения от службы. Подобные факты были, к примеру, выявлены в Муслумовском, Тюлячинском, Арском районах Татарстана [ЦГА ИПД РТ, ф.7130, оп.1, д.9, л.351]. Согласно источникам, только за три месяца с начала боевых действий военной прокуратурой республики к уголовной ответственности были привлечены и осуждены на разные сроки за уклонение от мобилизации 49 человек, за дезертирство – 27 человек [Кривоножкина, 2001, с.204].

Широкое распространение в военный период получили также т.н. «контрреволюционные» высказывания граждан. В донесениях в Татарский обком ВКП(б) отмечалось, в частности, что среди населения зафиксированы такие разговоры, как например: «У нас не хватает хлеба, мы голодаем, а наших мужей и братьев заставляют воевать» (Дрожжановский район); «Мы победить не можем, Германия нас победит, нас туда отправляют как пушечное мясо...» (Альметьевский район); «Эта война для нас хорошо, при Советской власти мы живем плохо, вот власть переменится, и мы будем жить лучше» (Рыбно-Слободский район) [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.5, д.351, л.350; ф.273, оп.1, д.178, л.19; ф.15, оп.5, д.153, л.78] и т.д.

Высказывания такого рода были, хотя и не типичны, но совсем не единичны. Они отражают весьма сложную гамму чувств, которую переживали люди в военное время. Наряду с подавляющим большинством населения, искренне желавшим победы над врагом, в стране имелись вполне определенные категории граждан, «обиженные» на Советскую власть в период проведения индустриализации и коллективизации, не прими-

рившиеся с разрушением церквей и мечетей, невинно пострадавшие в годы разгула политических репрессий. В массовом сознании одновременно сосуществовали кардинально различавшиеся между собой позиции и мнения. Однако если в мирные годы люди стремились сдерживать проявления своих эмоций, то война обнажила все сокровенные мысли и, возможно, даже возродила у некоторой части населения надежду на возвращение старых порядков.

Но все же основная масса советских граждан восприняла начавшуюся войну, действительно, как Великую Отечественную. Фронтвики, ощущая свою причастность к судьбе Отчизны, заново переосмысливали такие понятия, как «народ», «Родина», выражали готовность отстоять целостность и независимость своей страны. Желание защитить землю, на которой они родились, жизнь близких и дорогих людей двигало их делами и помыслами.

С первых дней войны республика превратилась в настоящую кузницу боевых резервов для Красной Армии. В значительной степени этому способствовала хорошо поставленная работа по военному обучению населения. Особенно активное участие в ней принимали Осоавиахим, физкультурные организации, общество Красного Креста и Красного Полумесяца. В октябре 1941 г. специальным постановлением Государственного Комитета Оборона всеобщее обязательное обучение военному делу (всевобуч) было введено для всех граждан СССР. В целом за 1941–1945 гг. Татарстан подготовил 350 тыс. человек более 30 военных специальностей (летчиков, телефонистов, снайперов, пулеметчиков, радистов и др.) [Татарстан в ВОВ, 2000, с.125]. Существенную лепту в обучение офицеров-танкистов внесло Казанское танковое училище. За военный период здесь состоялось 23 выпуска, в ряды Красной Армии влилось 4628 командиров и 832 политработника [Панов, 2009, с.206]. 17 воспитанников училища стали Героями Советского Союза [Сов. Т., 1970, 13 сентября].

Военными профессиями овладевали не только мужчины, но и женщины. В системе республиканского всевобуча из числа женщин было подготовлено более 23 тыс.

радисток, телефонисток, телеграфисток [Кабирова, 1995, с.137]. Вполне традиционной оставалась и задача военного обучения женщин и девушек для службы в качестве младшего и среднего медицинского персонала. Подготовка их, как правило, осуществлялась на краткосрочных курсах, которые организовывались на предприятиях, в учреждениях, в районах. За годы войны из Татарстана на фронты войны и в полевые госпитали было отправлено около 3,5 тыс. медсестер и свыше 3 тыс. сандружинниц [Пьянов, 1979, с.23].

Прошедшие военное обучение кадры непрерывно направлялись в действующие части. Однако, несмотря на огромный объем организационно-мобилизационной работы, размах войны вызывал необходимость пополнения Красной Армии и новыми бойцами. Катастрофические поражения советских войск на ее начальном этапе заставили руководство страны искать новые возможности для формирования значительных военных резервов. Было принято решение о комплектовании новых частей и соединений непосредственно на территории национальных республик в глубоком тылу. К началу войны в Татарстане уже дислоцировались 18-я и 86-я стрелковые дивизии. В августе 1941 г. началось укомплектование 352-й с.д., в сентябре 1941 г. – 334-й с.д. В декабре 1941 г. была начата работа по формированию 146 и 147-й с.д., в марте 1942 г. – 120-й с.д.

Всего за годы войны из республики на решающие участки фронта было направлено 7 стрелковых дивизий (18-ая, 86, 120, 146, 147, 334, 352 с.д.), 91-я отдельная танковая бригада, отдельный инженерно-саперный батальон, две авиационные дивизии, десятки отдельных полков. Эти воинские подразделения были многонациональными по составу. Вместе с тем работа по формированию их на территории ТАССР предопределила тот факт, что значительную долю в них составляли татары. Например, в 334 стрелковой дивизии служили представители 33 национальностей, в том числе татары составляли 9,5% дивизии. 352 стрелковая дивизия была укомплектована представителями 27 национальностей, среди них 7,9% были татары [Дюрягин, 1984, с. 88; Бузяков, 1987, с. 63].

Лица татарской национальности были в значительной степени представлены и среди воинских частей, сформировавшихся на территории других областей и республик СССР, отмеченных компактным проживанием татарского населения накануне войны. Например, в 195-й стрелковой дивизии, созданной в марте 1942 г. в Чкаловской (ныне – Оренбургской) области, насчитывалось 1945 татар. А в 8-й гвардейской стрелковой дивизии, комплектование которой проводилось на территории Казахстана, татары составляли 2,1% ее состава [Артемьев, 1975, с.41–55].

К сожалению, пока состояние источниковой базы не позволяет достоверно выявить точное количество лиц татарской национальности, призванных на фронты войны. Тем не менее, можно предположить, что из Татарстана – места наиболее компактного расселения татар (насчитывая 1419,4 тыс. человек, они по переписи 1939 г. составляли 48,7% к общей численности населения республики [Нархоз ТАССР, 1970, с.11]) – в военные годы приблизительно было мобилизовано около 390 тыс. татар⁷.

Кроме того, исследования известных союзных историков Ю.И.Кораблева, Г.А.Куманева, А.П.Артемьева показывают, что в 1943 г. в составе только 200 стрелковых дивизий, изученных ими, татары составляли до 2,6% их состава, при этом доля татарского населения по отношению к общей численности граждан СССР в этот период составляла 2,54% [Кораблев, Куманев, 1972, с.200; Артемьев, 1975, с.58] (по переписи 1939 г., лиц татарской национальности в СССР насчитывалось 4313,5 тыс. человек [Козлов, 1974, с.249]).

На полях сражений воины-татары и уроженцы республики Татарстан показали себя отважными и мужественными бойцами. Летопись Великой Отечественной войны полна примерами их бесстрашия и героизма.

Первыми встретили врага пограничные заставы. Германия, имея к моменту вторжения на СССР всесторонне оснащенные, тех-

нически подготовленные, сведенные в мощные наступательные группировки воинские формирования⁸, рассчитывала преодолеть сопротивление в приграничной зоне в течение часа. Однако с самого начала «блицкрига» немецкие войска и части союзников Германии натолкнулись на яростное сопротивление советских солдат и офицеров. Выбить пограничников с занимаемых рубежей оказалось непросто.

Среди тех, кому пришлось столкнуться с фашистами уже в первые дни войны, были и наши земляки: на участке советско-финской границы защищал Родину от врагов уроженец села Прости Нижнекамского района республики Никита Кайманов, удостоенный впоследствии звания Героя Советского Союза; на румынской границе вместе со своими боевыми товарищами стойко отражал атаки гитлеровцев будущий известный писатель Татарстана Геннадий Паушкин. При обороне Брестской крепости прославил себя и весь татарский народ уроженец Пестречинского района республики, командир 44-го стрелкового полка Петр Михайлович Гаврилов. Он руководил защитой Восточного форта Кобринского укрепления крепости. Около месяца горстка бойцов под командованием майора сдерживала продвижение почти целой немецкой дивизии. Измученные длительной борьбой, голодом и жаждой, защитники крепости сражались до последнего. На 32-й день обороны П.М.Гаврилов в бессознательном состоянии был захвачен в плен. Русские врачи лагерного госпиталя для пленных сделали все, чтобы вернуть к жизни умирающего героя.

⁸ В первый свой натиск на СССР фашистский блок бросил в наступление 4,4 млн. солдат и офицеров, 4,4 тыс. самолетов, 4 тыс. танков и штурмовых орудий, 39 тыс. пушек и минометов. Врагу противостояли боевые силы западных приграничных округов. Они включали 3 млн. советских солдат и офицеров, 39,4 тыс. пушек и минометов, 11 тыс. танков и штурмовых орудий, 9,1 тыс. боевых самолетов. По оценкам военных специалистов, несмотря на то, что советские войска имели значительно больше танков и самолетов, противник обладал рядом преимуществ: его войска находились в полной боевой готовности, отличались лучшим качеством военной техники, имели превосходство в автомобильном транспорте и т.п. [см.: История России, 2008, с. 193].

⁷ Подсчеты автора (основаны на общей численности воинов-татарстанцев в составе действующей армии и процентном соотношении татарского и русского населения в республике).

Позже они рассказывали, что в лагерь несколько дней подряд приезжали немецкие офицеры, чтобы посмотреть на советского командира.

Но не зря говорят, что «нет пророка в своем отечестве». Парадокс истории заключается в том, что человек, поразивший воображение гитлеровцев негибаемой силой духа, для Сталина и всего советского народа долгое время оставался «под подозрением». После фашистского плена П.М.Гаврилову еще долго пришлось доказывать свою невиновность в соответствующих инстанциях. Только после смерти Верховного Главнокомандующего, в период «хрущевской оттепели» легендарный командир был реабилитирован, а в 1957 г. удостоен звания Героя Советского Союза [Сов. Т., 1956, 28 августа; 1965, 21 февраля; 1970, 18 января; 1979, 9 мая; Соц. Т., 1970, 8 мая, 28 августа; Герои, 1982, с.99–101].

Образцы стойкости и отваги в приграничных боях показали также солдаты и офицеры действующих частей и соединений. На границе с Польшей в районе города Цехановца война застала 86-ю стрелковую дивизию имени Президиума Верховного Совета Татарской АССР, сформированную в нашей республике в предвоенные годы. Ей пришлось принять на себя удар отборных немецких войск. Татарстанцы под командованием Героя Советского Союза, полковника М.А.Зашибалова не только сумели остановить наступление врага, но и отбросили гитлеровцев за государственную границу.

Важнейшим событием первого года войны стала битва за Москву. Чтобы не допустить фашистов к столице, советским людям пришлось заплатить огромную цену. Но именно здесь гитлеровская армия, до этого триумфально шествовавшая по Европе, потерпела свое первое значительное поражение.

В боях под Москвой отличился казалец Рамазан Бикмухамедов. Стрелковый полк, в котором он служил, с ходу по прибытии вступил в бой. Когда все офицеры батальона погибли, командование принял на себя раненый Р.Бикмухамедов. За стойкость в бою медаль «За отвагу» ему вручил сам командующий 16-й армией генерал К.К.Рокоссовский [Гильманов, 1981, с.50].

В ожесточенных сражениях на подмосковной земле звания «настоящего героя Отечественной войны» удостоился уроженец Альметьевского района Татарстана Барый Юсупов. Дивизион «Катюш», которым он командовал, появляясь на разных участках фронта, наводил ужас на фашистских солдат. В одном из боев под Старой Руссой, куда соединение было переброшено для отражения наступления вражеских танков, гвардии полковник был ранен, ослеп, но не оставил занимаемый рубеж. По окончании боя многие бойцы посчитали, что их командир погиб, однако комиссар, усомнившись в этом, приказал перенести Барыя Абдуллоевича в избу. Десять суток полковник находился между жизнью и смертью, прежде чем его самолетом вывезли в Москву. Мужество советского офицера было высоко оценено. Член ГКО А.С.Щербаков лично пришел в госпиталь к герою и вручил ему орден Ленина, а известный скульптор В.И.Мухина здесь же, в госпитале, изваяла его бюст [Сов.Т., 1964, 17 апреля; 1966, 17 мая; 1969, август; 1970, 27 марта; Соц. Т., 1968, 23 февраля].

Храбрыми и бесстрашными воинами рекомендовали себя в сражениях под Московской бойцы 18-й, 146-й, 334-й, 352-й стрелковых дивизий из Татарстана. Оценивая подвиг солдат, генерал армии П.А.Курочкин писал: «У меня как у командующего 20-й армией, навсегда сохранится самое лучшее впечатление о 18-й дивизии, обо всех ее солдатах, командирах и политработниках. Трудные испытания начального периода минувшей войны казанцы прошли с честью» [Казанцев, 1968, с.4].

После провала плана молниеносной войны под Москвой гитлеровский штаб в качестве решающей на Восточном фронте определил летнюю кампанию 1942 г. Воспользовавшись отсутствием второго фронта, командование германских войск организовало новое мощное наступление, в результате которого армиям противника удалось выйти к предгорьям Кавказа и в район Сталинграда. Оборона волжской твердыни по праву считается одной из самых героических страниц Великой Отечественной войны.

Целые боевые подразделения, сформированные в Татарстане, не давали ни мину-

ты передышки врагу в сражениях на Волге. В составе войск 62-й армии храбро сражались воины 147-й стрелковой дивизии под командованием А.А.Вольхина. Значительный урон противнику нанесла 91-я отдельная танковая бригада Я.И.Якубовского. Умелыми и отважными воинами показали себя бойцы 38-й стрелковой дивизии под командованием уроженца Арского района, полковника Г.Б.Сафиуллина [Герои, 1985, с.38].

В боях под Сталинградом участвовало много воинов-татар не только из Татарстана, но и из других регионов. На 10 сентября 1942 г. в личном составе Сталинградского фронта насчитывался 6671 татарин [Военно-исторический журнал, № 12, с.20]. О том, как они сражались, можно судить по характеристикам, которые приводятся в разных источниках. В письме немецкого ефрейтора к своему брату имеются следующие строки: «Здесь против нас много татар. Это сумасшедшие люди, и я не хотел бы встретиться с татаринцем даже во сне» [За Родину, 1942, 3 ноября]. «Этот – татарин, он не подкачает», – часто можно было услышать на фронте», – отмечал Илья Эренбург в своих корреспонденциях о татарских солдатах [Сов. Т., 1970, 8 мая].

Осознание важности и огромного воздействия на бойцов национального фактора заставило высшее руководство страны задуматься о возможности его использования в военных условиях. Сделано это было в период сталинградских боев, когда Верховное Главнокомандование с целью объединения воинов по национальному признаку и консолидации их усилий в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками приняло решение об организации выпуска фронтовых газет на языках народов СССР.

В советской историографии утвердилась точка зрения, что в военные годы издавалось 8 татарских фронтовых газет [Мурдянов, 1978, с.84]. Однако скрупулезные исследования казанского журналиста и ученого А.К.Айнутдинова привели к выявлению вдвое большего числа таких изданий. На сегодняшний день мы знаем о 16 фронтовых газетах на татарском языке [Айнутдинов, 1984, с.8]. Для усиления состава их редакций уже в 1942 г. из Татарстана была командирована группа писателей. В частно-

сти, литсотрудниками газеты «Ватан очен» («За Родину») Северо-Западного фронта работали Х.Усманов, Ш.Мударрис, Г.Насрый. В творческую командировку в редакцию этой газеты приезжали писатели Г.Баширов, М.Амир. Активно работали в редакции газеты «Кызыл Армия» («Красная Армия») 1-го Белорусского фронта И.Гази и А.Кутуй. В газете «Ватан очен сугышка» («В боях за Родину») Карельского фронта сотрудничал А.Абсалямов.

Татарские фронтовые газеты выпускались форматом 30 на 42 см, периодичностью 2 раза в неделю. Вначале их тираж колебался от 5 до 8 тыс. экземпляров, а затем стал устанавливаться, исходя из того, чтобы одна газета приходилась на 5 или 10 человек. Несмотря на то, что фронтовые газеты на татарском языке носили резко конъюнктурный характер, выполняя, в основном, чисто идеологические задачи, они были крайне важны для бойцов и нужны им, т.к. чтение газет и листовок на родном языке сплачивало фронтовиков, повышало настроение, укрепляло моральный дух, помогало выжить.

Историческая битва под Сталинградом завершилась блестящей победой Красной Армии в феврале 1943 г. Боевые действия советских солдат и офицеров привели к окружению и полному уничтожению крупной группировки гитлеровских войск.

В дни Сталинградской битвы в лесах Белоруссии произошло событие, которое в истории Великой Отечественной войны пока еще не заняло должного места. 23 февраля 1943 г. 825-й батальон легиона «Идель-Урал», направленный на борьбу против партизан Белоруссии, поднял восстание и, перебив немецких офицеров, с полным вооружением и боеприпасами перешел в районе Витебска на советскую сторону.

Всеобщая эйфория от разгрома германского вермахта в сталинградском котле не позволила в должной мере оценить указанный переход. Возможно, на фоне глобальной истории военного противостояния с фашизмом некоторым он показался лишь эпизодом. Но значение его выходило далеко за рамки местных боев и, самое важное, являлось неоспоримым доказательством преданности татар своему Отечеству.

Идея использования попавших в плен советских солдат не только на вспомогательных (главным образом, земляных) работах на фронте, но и для создания вооруженных подразделений родилась у гитлеровского командования еще весной–летом 1942 г. после поражения под Москвой. В числе прочих (наряду с грузинским, армянским, азербайджанским и др.) в польском местечке Едлино под Радомом был также сформирован легион «Идель-Урал» из содержавшихся в немецких концентрационных лагерях военнопленных, представлявших народности Поволжья: татар, башкир, чувашей, мари и др. В связи с тем, что подавляющую часть легиона составляли волжские татары, фашисты иногда называли его Волго-татарским легионом⁹. Тысячи солдат, записанные в число легионеров не по доброй воле, у себя на Родине сразу были причислены к изменникам и предателям. Черная тень подозрения легла тогда на всех татар. Но легионеры не были теми, кем их считал Сталин. Первый же опыт использования батальонов Волго-татарского легиона против белорусских партизан показал, что идея фашистов повернуть оружие в руках военнопленных советских солдат против своих соотечественников потерпела крах. В последующем германское командование остерегалось отправлять батальоны легиона «Идель-Урал» на Восточный фронт [Гилязов, 2005].

В сражениях 1943–1944 гг. стратегическая инициатива уже прочно находилась в руках советских войск. После победы под Сталинградом контрнаступление Красной Армии переросло в мощное наступление на большей части советско-германского фронта. В последующих операциях враг был отброшен от Волги на 600–700 километров. В январе 1943 г. была прорвана многомесячная блокада Ленинграда. Одновременно развернулись бои на многих направлениях. Началось массовое изгнание фашистских

оккупантов с территории Советского Союза, которое в 1944 г. продолжилось на землях сопредельных государств.

В этих военных операциях также отличилось немало татарстанцев. Среди них – наводчик оружия, уроженец Рыбно-Слободского района Татарстана Закий Шаймарданов, который в боях возле села Красная Дубрава на Орловско-Курском направлении уничтожил 12 фашистских танков; летчик, выпускник Оренбургской военно-авиационной школы Шамиль Абдрашитов, совершивший 242 боевых вылета и лично сбивший 16 самолетов врага; стрелок-радист, уроженец Ленинграда Набиулла Юнысов, героически проявивший себя во время прорыва блокады города на Неве. Все они были удостоены звания Героя Советского Союза.

Беспримерный по доблести подвиг, ставший высшим образцом служения Родине, совершил в феврале 1943 г. в районе деревни Чернушки в Псковской области Александр Матросов. Израсходовав в бою все боеприпасы, он телом закрыл амбразуру вражеского дзота, ценой своей жизни обеспечив выполнение боевой задачи своего подразделения. Обнаруженные впоследствии поисковиками документы позволили установить, что этот «русский чудо-богатырь», как писали о нем ранее в прессе, в действительности является Шакиржаном Юнусовичем Мухаметжановым, сыном татарского народа, уроженцем Башкирской АССР. Рано лишившись родителей, он воспитывался в детском доме в Ульяновской области, там же в городе Мелекесс получил русское имя [ТЭС, 1999, с.347].

Побратимами по великому ратному подвигу Александра Матросова в военные годы стали 26 татарстанцев: Газинур Гафиятуллин, Барый Шавалиев, Хафиз Зарипов, Алексей Исев, Нур Идрисов, Николай Липатов, Арсений Карташов, Абдулла Салимов, Мингали Губайдуллин, Мансур Валиуллин, Салахутдин Валиуллин, Ахмет Мухамедов, Афанасий Панарин и др.¹⁰

⁹ Всего в 1942–1943 гг. было сформировано 7 боевых батальонов Волго-татарского легиона с нумерацией, начиная с 825-го по 831-й, а также саперный, штабной, или запасной, батальоны, ряд рабочих батальонов. В них служило, по разным данным, от 8 до 10 тысяч легионеров [см.: Провал операции, 2010, с.42].

¹⁰ Ранее было принято считать, что такой же подвиг, как и А.Матросов, совершили 13 татарстанцев. Исследования татарского журналиста и краеведа Ш.С.Мустафина позволили выявить вдвое большее количество таких героев [см.: Мустафин, 2008].

В период кровопролитных боев на Курской дуге, в знаменитом танковом сражении в районе села Прохоровка в составе 10-го танкового корпуса отважно сражались воины из республики Ф.Шарипов, В.Халиков, К.Уразов, М.Новиков. Все бригады корпуса были оснащены танками Т-34 с надписью на борту «Колхозник Татарии». 200 боевых машин, построенных на средства трудящихся республики, были переданы прославленному корпусу под командованием уроженца Елабужского района, генерал-лейтенанта Василия Герасимовича Буркова. В районе Белгорода громили врага пикирующие бомбардировщики Пе-2, переданные жителями республики полком 202-й бомбардировочной авиационной дивизии. На фюзеляжах боевых машин была выведена надпись «Совет Татарстаны».

Большой вклад в дело разгрома врага в военные годы внесли специальные женские формирования: авиационные полки, стрелковые дивизии. Особенно досаждали фашистам летчицы легендарного Таманского женского авиационного полка ночных бомбардировщиков, среди которых были представительницы татарского народа – Ольга Санфирова из Куйбышева и наша землячка, уроженка города Белебей Башкирской АССР Магуба Сыртланова. Обе они были удостоены звания Героя Советского Союза. В архивах разгромленного имперского воздушного флота сохранились приказы гитлеровского командования с категорическим предписанием всячески охотиться за небольшими и маневренными У-2, на которых воевали «разъяренные русские ведьмы» [Кабирова, 1995, с.142–143].

Татарстанцы отличились и в завершающих сражениях войны на территории Германии. В составе войск 1-го Белорусского фронта в захвате города Пренцлау участвовала 76-я гвардейская дивизия под командованием казанца, генерал-майора Александра Васильевича Кирсанова. Больше 100 кварталов Берлина освободила и закончила войну в центре города – на Александрплац – 146-я Казанская стрелковая дивизия.

Символом окончательной победы над фашизмом в сознании всего советского народа и каждого бойца Красной Армии стал штурм рейхстага. Татарин, уроженец Баш-

кирской АССР Гази Загитов вместе с группой своих боевых товарищей стал первым, кто водрузил знамя на крыше последней цитадели фашизма. В состав группы, кроме Г.К.Загитова, входили бойцы: А.П.Бобров, А.Ф.Лисименко, М.П.Минин, руководителем ее являлся капитан В.Н.Маков [Пискарев, 1996, с.92–107]. Согласно сохранившимся документам, они установили красный стяг на рейхстаге на несколько часов раньше, чем официально признанные в угоду политической конъюнктуре «знаменосцы Победы» М.А.Егоров и М.В.Кантария. В 1994 г. общественность Татарстана и Башкортостана, воспользовавшись ситуацией пересмотра многих прежних незыблемых идеологических постулатов, выступила с ходатайством о присвоении настоящим героям высокого звания – Героя России, но, к сожалению, оно не было поддержано Министерством обороны Российской Федерации.

Воины-татары героически проявили себя не только в составе частей и соединений Красной Армии, но и в тылу врага. Только на Смоленщине в партизанских отрядах насчитывалось более 200 сынов Татарстана. Одну из групп Герчиковского подполья возглавлял майор Бари Кадырметов. Партизанский отряд «Саша» был организован Ахнефом Бикбаевым. В рядах белорусских партизан громили врага известный татарский поэт Заки Нури, бугульmineц Борис Пахомов, выпускница Чистопольской средней школы Рита Загирова, бывший секретарь республиканского обкома комсомола Иван Заикин. Самые рискованные, опасные операции Минского подпольного горкома партии поручались казанцу Ивану Константиновичу Кабушкину, известному фашистам под кличкой «Жан».

Советские патриоты не теряли присутствия духа и продолжали борьбу, даже являясь узниками фашистских концлагерей. Примером непреклонности и бесстрашия для всех военнопленных Освенцима стал видный ученый, генерал-лейтенант инженерных войск, татарин Дмитрий Карбышев. В фашистском лагере города Мюнхен инициатором создания подпольной организации «Братское сотрудничество военнопленных» выступил известный татарский писатель Хайрутдин Муджай (М.Хайрутдинов). Не-

бывалый в истории авиации и истории войны подвиг совершил, находясь в плену, татарстанец Михаил Девятаев. Воспитанник Казанского аэроклуба, он с группой советских военнопленных осуществил дерзкий побег из фашистского плена на захваченном немецком бомбардировщике «Хейнкель-111».

Таким образом, татары и татарстанцы на всех этапах Великой Отечественной войны показывали образцы доблести, мужества и патриотизма. На стенах рейхстага они оставили сотни надписей, свидетельствующих об их прямой причастности к победе. «Мы из тех, кто насмерть стоял у стен Сталинграда и штурмовал логово фашизма – Берлин, Малкин П.И., 1918 г. рождения, из Татарии», – так подписался полный кавалер орденов Славы Петр Иванович Малкин. «Казанская татарка приехала сюда с боями с Волги», – эту надпись оставила Р.Ш.Насырова из Казани, служившая старшим врачом гвардейского полка [Фронт хакыйкаты, 1945, 12 июля; Сов. Т., 1968, 4 февраля; 1970, 12 мая]. На историческом параде Победы в Москве, состоявшемся 24 июня 1945 г., торжественным маршем по Красной площади прошли М.Ахметшин, С.Ахтямов, В.Булатов, Т.Ибрагимов, Г.Рашитов, С.Садриев, М.Сыртланова, Ф.Тухватуллин, В.Шагиев, Р.Халитов, М.Хасаншин и др.

Правительство высоко оценило подвиги своих сынов и дочерей. Среди награжденных орденами и медалями на 1 ноября 1947 г. были воины 193 национальностей. Из общего числа 9284199 наград – 174886 были вручены татарам [Артемьев, 1975, с.176]. Звания Героя Советского Союза за военные годы были удостоены 11519 человек, представители 100 наций и народностей. По численности Героев – 161 человек – татарский народ занимал 4-е место после русских, украинцев, и белорусов. В 1984 г. в Воениздате был издан историко-статистический очерк «Герои Советского Союза», в котором приводятся цифровые данные по всем периодам войны. Так, в I период Великой Отечественной (22 июня 1941 г. – 18 ноября 1942 г.) звания Героя Советского Союза были удостоены 625 человек, в том числе 3 татарина. Во II период (19 ноября 1942 г. – 31 декабря 1943 г.) общее количество награжденных Зо-

лотой медалью Героя составило 3658 человек. Из них татар – 63 человека. В III период (1 января 1944 г. – 9 мая 1945 г.) из общего числа награжденных в 7008 человек, татар – 94 человека. Еще один татарин получил звание Героя Советского Союза за участие в партизанской войне в тылу врага [Герои Советского Союза, 1984, с.288].

Однако жизнь не стоит на месте. И после войны историки и журналисты продолжают свои научные изыскания. Активное содействие им оказывают студенты, школьники. В республике огромный размах получило патриотическое движение, в рамках которого были созданы отряды «Снежных десантов», молодежные движения «Долина», «Отечество». Благодаря активной поисковой работе достоянием общественности становятся все новые факты о подвигах сынов татарского народа. За послевоенные годы список имен легендарных татар значительно пополнился. В итоге, по последним сведениям, их число среди Героев Советского Союза составляет 179 человек¹¹.

Что касается заслуг уроженцев республики всех национальностей, то они отмечены следующим образом: более 200 наших земляков в военные годы удостоены Золотой Звезды Героя Советского Союза; летчик Н.Г.Столяров, единственный в Татарстане, получил это высшее звание дважды; более 100 тыс. человек награждены орде-

¹¹ Подсчеты автора на основании книги И.Ф.Исмагилова «Герои татарского народа». На с.166 И.Ф.Исмагилов указывает, что в ходе подготовки материалов книги были выявлены новые имена героев татарской национальности. Таким образом, как он отмечает, «реальное количество татар – Героев Советского Союза, участников Великой Отечественной войны и военных событий, стало равно 184. В свою очередь, учитывая, что в это число вошли не только ветераны Великой Отечественной войны, но и участники других военных операций, мы совершили необходимые арифметические действия, вычитав разность между приводимой цифрой и вычитаемым, определенным нами по ходу изучения текста (мы исключили №№ 1, 56, 171, 182): 184-4=180. Далее: на с.90 под №142 ошибочно в список включен Столяров Н.Г. – по национальности русский. В итоге, число фронтовиков, по нашим подсчетам, равняется 179 (с учетом людей, получивших это звание и в довоенный период 1938–1940 гг., но принимавших участие в вооруженной борьбе с фашизмом) [см.: Исмагилов, 2007, с.166, 15, 44, 90, 171, 182]

нами и медалями СССР [Гильманов, 1981, с.5]. 50 уроженцев республики из общего числа в 2457 человек являются полными кавалерами ордена Славы [История ТАССР, 1980, с.179].

Война раскрыла также полководческие таланты многих татарстанцев. Мудрыми и храбрыми командирами в военных сражениях зарекомендовали себя генералы Л.А.Говоров, А.О.Ахманов, А.В.Кирсанов, И.Н.Конеv, В.Н.Гордов, З.Ю.Кутлин, Я.Д.Чанышев, Г.Б.Сафиуллин и многие другие.

Героизм воинов республики не остался незамеченным и видными советскими вое-

начальниками. Маршал Советского Союза Р.Я.Малиновский еще в дни войны писал: «Я, как старый солдат, много видел на фронте бойцов и командиров-татар и всегда восхищался их непреклонным упорством, железной волей в бою. Этот народ снискал к себе уважение за выдающееся мужество» [Книга Героев, 1946, с.25]. «Уроженцы Татарии дерутся с врагом как львы», – отмечал и Маршал Советского Союза И.Н.Конеv, по достоинству оценивая проявленные нашими земляками силу духа, выдержку и упорство в достижении цели [История ТАССР, 1980, с.179].

§ 2. Татарская АССР – важная тыловая база СССР

Айслу Кабирова

С первых месяцев нападения Германии на СССР Татарская АССР вместе с другими республиками и областями Поволжья, Урала, Сибири превратилась в один из важнейших военно-промышленных арсеналов советского государства по обеспечению фронта и армии боеприпасами, вооружением, снаряжением, продовольствием.

Накануне войны в Татарской АССР проживало 2914,2 тыс. человек. Из них татары составляли 48,7% (1419,4 тыс.), русские – 43,0% (1251,3 тыс.), остальные – чуваша, мордва, удмурты и др. национальности [Нархоз ТАССР, 1970, с.7–9,11]. Осуществленные в республике в 1920–1930-е гг. масштабные преобразования в экономической и социокультурной сферах послужили фундаментом, на котором была сформирована мощная тыловая база на востоке страны в военное время.

Летом 1941 г. Совет Народных Комиссаров разработал и принял к выполнению целый ряд мобилизационных программ по перестройке народного хозяйства СССР на военный лад. Существенной и весьма значимой частью организации военного производства стала эвакуация промышленных предприятий из прифронтовой зоны в глубокий тыл [Директивы КПСС, 1957, с.707–712]. Только во второй половине 1941 г. на Восток было вывезено оборудование более 2,5 тыс. промышленных предприятий [ВОВ, 1985, с.802].

Наличие на территории ТАССР профильных заводов и фабрик способствовало тому, что многие аналогичные промышленные предприятия из уязвимых в военном отношении областей СССР уже летом–осенью 1941 г. были эвакуированы в республику. Среди них – крупнейшие в своих отраслях: Московский авиационный, Ленинградский авиационный, Ленинградский металлообрабатывающий, Московский часовой и другие заводы, Московская кондитерская фабрика «Большевик», Выборгская табачная фабрика, Днепропетровская биофабрика, Кренгольмская мануфактура из города Нарва и т.д. В общей сложности из 226 предприятий, эвакуированных в Поволжье, более 70 предприятий были приняты и размещены в Татарстане [Гильманов, 1977, с.70], причем сроки введения их в строй были чрезвычайно сжаты. Так, Московский авиационный завод им. С.П.Горбунова, восстановленный на базе Казанского авиационного завода им. Серго Орджоникидзе, начал выпуск пикирующих бомбардировщиков Пе-2 уже через два месяца после прибытия. Две недели потребовалось другому авиационному заводу из Ленинграда, чтобы наладить производство легендарных «небесных тихоходов» – самолетов У-2, широко использовавшихся на фронте в качестве разведчика, связного, перевозчика раненых. В среднем все вновь прибывшие предприятия в течение двух–трех месяцев

осваивались на новом месте и приступали к выпуску необходимой для фронта продукции в предусмотренных Государственным Комитетом Оборона объемов.

Местные заводы и фабрики оказывали им в этом неоценимую помощь. Тем более многие из них и сами приступили к выполнению военных заказов. К примеру, в строгом соответствии с мобилизационными планами казанская фабрика киноплёнки №8 им. В.В.Куйбышева освоила выпуск новых видов авиационной плёнки для фотосъёмки с больших высот военных объектов противника. Завод «Серп и молот» в полтора раза увеличил производство металлорежущих станков. Заводы искусственной кожи, пишущих машин, автогаражного оборудования перешли на изготовление мин, снарядов, осветительных бомб. Поистине уникальную продукцию выпускал Казанский кетгутный завод, единственное предприятие, обеспечивавшее госпитали и больницы живительными нитями кетгута для зашивания ран, без которых немыслимо было выполнение сложнейших операций. меховой комбинат наладил производство шапок-ушанок, рукавиц, унтов, шлемофонов для воинов. Комбинат «Спартак» поставлял армейскую обувь.

Освоение производства вооружения и снаряжения для Красной Армии было сопряжено со значительными трудностями. Оно требовало новой технологии, четкой организации труда. Но самым определяющим являлось, пожалуй, недостаточное количество трудовых резервов. Мобилизация мужчин на фронт крайне обострила кадровую проблему. С целью ее решения в военный период был предпринят целый ряд мер: введена семидневная рабочая неделя, отменены очередные и дополнительные отпуска с заменой их денежной компенсацией, введены сначала всеобщая трудовая повинность, затем трудовая мобилизация с последствиями уголовного наказания за опоздание на работу или самовольное ее оставление. Но разрыв между потребностями промышленности Татарстана и ее обеспеченностью трудовыми ресурсами оставался колоссальным. Более того, даже имевшиеся в наличии рабочие кадры постоянно отвлекались от выполнения своих основных функций на производстве. Населе-

ние республики в принудительном порядке привлекалось на разного рода общественно-полезные работы: лесозаготовки, торфоразработки, расчистку площадей под строительство. Тяжелым испытанием для жителей Татарстана стало возведение Волжского оборонительного рубежа. Он был построен за четыре месяца в период с октября 1941 г. по февраль 1942 г. с целью подготовки территории на случай возникновения реальной опасности проникновения врага в тыл страны. Протяженность рубежа составила 331 км [Тагиров, 1999, с.328–329].

В сложившихся условиях в значительной степени решению кадрового вопроса в республике способствовала эвакуация рабочей силы из внешних источников. Первоначально, согласно постановлению центрального Совета по эвакуации, наша республика должна была разместить 165 тыс. человек [Татария в ВОВ, 1963, с.35]. Но в действительности эти цифры неоднократно корректировались. Несколько раз Татарстану приходилось дополнительно принимать тех граждан, которых не смогли устроить другие города. Подтверждением тому является сохранившаяся в Национальном архиве республики телеграмма коллегии Народного комиссариата путей сообщения в СНК ТАССР от 23 июля 1941 г., предписывавшая: «Находящиеся в пределах дороги два эшелона по 60 вагонов назначением в Ульяновск, два эшелона по 90 вагонов назначением в Свердловск и два эшелона по 101 вагону назначением в Омск с эвакуанаселением разгрузить в пределах ТАССР» [НА РТ, ф. Р–128, оп.1, д.3638, л.49].

Уже к середине августа 1941 г. в республику прибыло 163 тыс. человек [НА РТ, ф. Р–128, оп.1, д.3635, л.26], а к 15 января 1942 г., согласно официальным данным, здесь было размещено уже 273,5 тыс. человек [НА РТ, ф. Р–1296, оп.18, д.508, л.183]. Как правило, квалифицированных рабочих и инженерно-технических работников, прибывших с эвакуированными промышленными предприятиями, размещали в городах. Об этом свидетельствует тот факт, что население одной только Казани за первый год войны выросло с 401 тыс. до 515 тыс. человек. Оставшихся распределяли по районам ТАССР. Например, в июле 1941 г.

на временное место жительства в Кукморский район был направлен 3451 человек, в Бавлинский район – 1765 эвакуированных граждан, в Тюлячинский район – 2146 человек и т.д. В итоге, с учетом механического, естественного прироста и эвакуированных, население Татарской АССР на 1 сентября 1941 г. составляло 2996179 человек. Из них 771671 проживал в городской местности, 2224508 человек – на селе [НА РТ, ф.Р–1296, оп.18, д.508, л. 187]. Прибывшие граждане, определившись с жильем, сразу же включались в общественное производство, помогая закрыть образовавшуюся с началом войны брешь в составе рабочей силы Татарстана.

В существенной мере проблема трудовых ресурсов решалась также за счет подготовки молодых кадров в системе государственных резервов. Ежегодно на протяжении всех военных лет эта система выпускала в Татарстане более 13 тыс. молодых квалифицированных рабочих по 53 различным специальностям. В совокупности за 1941–1945 гг. в ремесленных и железнодорожных училищах и школах ФЗО ТАССР для республиканской оборонной промышленности был подготовлен 49261 молодой рабочий [ЦГА ИПД РТ, ф.4034, оп.26, д.199, л.5; Калишенко, 1950, с.68; Ханин, 1966, с.84].

Пришедшие на производство кадры в большинстве своем работали с полной отдачей, зачастую на пределе возможностей. Ударный труд как реальный вклад в скорейшее достижение Победы над фашизмом являлся в военное время делом чести. На предприятиях широкое распространение получили различные формы социалистического соревнования, движения многостаночников, рационализаторов, изобретателей. Наиболее популярным для военного времени был лозунг: «работать за себя и за товарища, ушедшего на фронт». Всей республике были известны имена зачинательницы движения двухсотников в Татарстане, закройщицы юфти Казанского комбината «Спартак» Н.Хабибуллиной, трехсотниц артели им. «XX-летия Татарии» М.Романовой и А.Булаевой, пятисотницы кондитерской фабрики «Светоч» М.Юсуповой, тысячников Ф.Абдрахманова, С.Хидиятуллина, А.Бирюкова, трудившихся в цехах машиностроительных заводов республики и многих других. К концу войны на заводах и фабри-

ках Татарстана насчитывалось около 50 тыс. стахановцев [Молодость древнего города, 1970, с.174].

Кроме индивидуальных форм, широкое распространение получили также коллективные формы социалистического соревнования, в частности, движение комсомольско-молодежных бригад. Звание фронтовых присваивалось тем бригадам, которые выполняли норму на 150–200% и давали отличную продукцию. На 1 июля 1942 г. в Татарстане звания фронтовых удостоились 204 бригады, а к концу войны в республике насчитывалось уже 1642 комсомольско-молодежные фронтовые бригады [История ТАССР, 1968, с.183]. Наибольшую известность среди них получили бригады З.Варламовой, А.Батталова, Н.Игнатьева, А.Закировой, М.Бурайкиной, М.Пчелина и др.

Но не все выдерживали жесткий мобилизационный характер индустриального труда. Поэтому в стимулировании труда рабочих были задействованы и принудительно-карательные методы. Для борьбы с нарушителями производственной дисциплины в военный период применялись так называемые трудовые репрессии. Судя по архивным источникам, количество нарушителей и дезертиров в течение военных лет в республике было разным. В первые месяцы войны администрация заводов и фабрик жестко отслеживала нарушения трудового режима, согласно Указу от 26 июня 1940 г., предусматривавшего уголовное наказание рабочих за прогул и опоздание на работу. Специально организованная прокуратурой Татарстана проверка 39 предприятий и учреждений Казани и районов в июле 1941 г. показала, что за время с 15 февраля по 1 июля 1941 г. четко проявилась тенденция к снижению количества нарушителей: в судебные органы было передано 11552 дела, тогда как в 1940 г. за тот же отрезок времени был осужден 25081 человек [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.5, д.147, л.3].

Однако уже в конце 1941 г. число прогульчиков снова растет, причем в геометрической прогрессии. Причины такого «непатриотичного» трудового поведения граждан лежат на поверхности: в связи с мобилизацией на фронт опытных кадров производство принудительно пополнялось новыми слоями населения из сельской местности

и молодежью, что расширяло контингент потенциальных нарушителей.

Особенно суровые меры применялись по отношению к рабочим, нарушившим основные положения Указа Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с работы», предусматривавшей уголовное наказание в виде 5–8 лет лишения свободы. Уже к 23 февраля 1942 г. в производстве военного трибунала войск НКВД ТАССР находилось 176 таких дел [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.5, д.472, л.38–39]. Но в целом, в 1942 г. отмечается некоторое сокращение дел на нарушителей трудовой дисциплины. В 1943 г. имел место небольшой подъем, а в 1941 г. снова наблюдалось количественное уменьшение дел. К примеру, в течение двух кварталов 1944 г. в производстве военного трибунала республики находилось только 4659 дел на дезертиров [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.5, д.147, л.1–7], хотя в 1941 г. их насчитывалось в 2,5 раза больше [Там же, л.3].

Сокращение дезертирства и дисциплинарных нарушений на предприятиях связано с тем, что начиная с 1943 г. вопросы борьбы с этими явлениями в Татарстане начали решаться в комплексном виде. Наряду с применением репрессивных мер значительное внимание стало уделяться улучшению материально-бытовых условий работающих на производстве. Принятые на многочисленных заседаниях партийных комитетов и хозяйственных активов постановления и резолюции ориентировали руководство учреждений и организаций на решение насущных социальных задач, связанных с жильем, продовольственным обеспечением, повышением заработной платы. Акцент делался на индивидуальном подходе к людям, учет их личных интересов, талантов и запросов [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.5, д.704, л.92–93]. Благодаря такой постановке работы положение с дисциплиной в общественном производстве республики в конце войны улучшилось.

Закономерным результатом величайшего напряжения рабочих Татарстана стало создание в республике мобильной военной экономики. На фронт поставлялось свыше 600 наименований оружия, боеприпасов, снаряжения: снаряды и взрыватели, патро-

ны и бомбы, авиационные приборы, десантные суда, средства связи [Гильманов, 1977, с.128]. На казанском авиационном заводе №22 им. С.П.Горбунова, единственном в стране, (ныне – акционерное общество «Казанское авиапредприятие»), выпускались стратегические бомбардировщики Пе-2, Пе-8, которые считались лучшими образцами самолетов этого класса во всех воюющих армиях. Авиационный ленинградский завод (ныне – акционерное общество «Казанский вертолетный завод») занимался изготовлением ночных бомбардировщиков У-2 (По-2), незаменимых при выполнении военных операций на небольшой высоте. Всего в республике было выпущено 22 тыс. этих боевых самолетов. По подсчетам специалистов, каждый шестой самолет, изготовленный в годы войны, получил «путевку в небо» из Казани. Около десятка предприятий Татарстана участвовало в создании различных компонентов для знаменитых «Катюш». Только пороховой завод отправил для них миллион зарядов. В 5 раз увеличилось производство кетгута на казанском кетгутном заводе. В 4 раза возросло производство аэрофото- и рентгеновской пленок на фабрике кинопленки №8 им. В.В.Куйбышева (ныне – акционерное общество «Тасма»). Здесь же в военный период было обеспечено хранение прибывшего из Московской области уникального Госфильмофонда СССР.

В целом валовая продукция промышленности республики за военные годы увеличилась в 2,2 раза, составив в 1945 г. 219% по сравнению с 1940 г. [Нархоз РСФСР, 1957, с.109–110; Нархоз ТАССР, 1970, с.28; 50 лет ТАССР, 1967, с.18]. Эти цифры значительно превосходили общие итоги работы промышленности РСФСР за тот же период, валовая продукция которой в 1945 г. равнялась только 106% [Советский тыл, 1986, с.260]. Основной прирост объемов индустриальной сферы Татарстана был обеспечен введением в эксплуатацию эвакуированных объектов и расширением производства на имеющихся промышленных предприятиях. Преимущественное развитие в республике получила тяжелая промышленность, удельный вес продукции которой составил более 2/3 всей индустриальной продукции Татарстана. Изменилась и география размещения промышленности. Кроме Казани и Зеленодольска,

новые промышленные центры появились в городах Елабуга, Чистополь, Мамадыш, Бугульма. Коренные качественные изменения в индустриальном облике Татарской АССР привели к тому, что республика, ставшая индустриально-аграрной еще во второй половине 1930-х гг., в военный период превратилась в регион тяжелой индустрии и развитого машиностроения. Удельный вес промышленности, производящей средства производства, поднялся с 48,8% в 1940 г. до 83,3% в 1944 г. [25 лет ТАССР, 1945, с.63–64; Гильманов, 1977, с.130].

Производство легкой промышленности, в силу объективных обстоятельств, осталось почти на довоенном уровне, но эта отрасль дала фронту около 200 наименований вещевого снаряжения и обмундирования для бойцов Красной Армии. За годы войны в республике было изготовлено около 1 млн. шинелей, 1,5 млн. плащ-палаток. Предприятия Татарстана каждый рабочий день одевали полк и обували дивизию. Одежды и обуви, изготовленной в ТАССР, было достаточно, чтобы экипировать трехмиллионную армию.

Событием поистине стратегического значения в военный период стало обнаружение промышленной нефти в республике. 6 августа 1943 г. вблизи села Шугуры мастерами-бурильщиками Г.Х.Хамидуллиным и Я.М.Буянцевым была добыта первая партия нефти. Через год, летом 1944 г., забил еще более мощный фонтан на второй скважине [Жзыл Татарстан, 1944, 18 июня]. Открытия военных лет, приведшие к началу добычи «черного золота» в регионе, на долгие годы вперед предопределили приоритетное развитие здесь нефтяной отрасли.

В чрезвычайно сложном положении находилось в годы войны сельское хозяйство Татарстана. Проведенная в стране коллективизация ликвидировала частные крестьянские хозяйства, но заменившие их колхозы и совхозы не успели укрепиться. Материально-техническая база аграрного производства республики была крайне низка, а с началом войны и вовсе перестала пополняться. Не хватало тракторов, машин, остро стояла проблема горючего, резко уменьшилось число лошадей, в связи с чем было принято решение использовать в качестве тягловой силы быков и коров. Но, самое главное, некому было работать на полях. После проведенной

мобилизации в армию сельское трудоспособное население республики сократилось более чем на одну треть.

Проблема дефицита рабочей силы в сельском хозяйстве решалась за счет интенсификации труда и ужесточения дисциплины. В 1942 г. для колхозников был определен обязательный минимум трудодней (100–150 – для взрослых, не менее 50 – для подростков), за невыполнение которого они могли быть привлечены к судебной ответственности. Реализация этого постановления поручалась возрожденным на селе политотделам. Они, наряду с райкомами ВКП(б), осуществляли политический и хозяйственный контроль за деятельностью колхозов и совхозов.

Все произведенное в общественном производстве практически подчистую сдавалось государству. Согласно архивным документам, для выполнения спущенных сверху государственных заданий и нарядов власти использовали любые способы. Сдача хлеба проводилась под угрозой ареста, в семьях производились обыски. Нельзя было собирать оставшиеся колосья с полей, подбирать овощи, приносить домой орехи, ягоды и т.п. Нередки были факты избияния колхозников «за нерадивость» председателями колхозов и бригадирами. По существу, решение задачи продовольственного и сырьевого обеспечения государства, поставленной перед сельским хозяйством республики, в военное лихолетье было в основном достигнуто жесткой системой государственного регулирования и мерами прямого администрирования и насилия по отношению к колхозному крестьянству. И все же ценой величайших усилий колхозы и совхозы Татарстана поставили государству 131 млн. пудов хлеба, 39 млн. пудов картофеля и овощей, 56 млн. пудов мяса, 200 млн. литров молока и другой необходимой в военное время продукции [Гильманов, 1977, с.175].

При этом жизненный уровень самого населения был чрезвычайно низким. Остройшей проблемой все годы войны оставался жилищный вопрос. Бывший непростым и в довоенное время, он обострился еще более в связи с прибытием в республику эвакуированных. Под жилье приспособлялись общественные и производственные здания, помещения школ, дачные постройки. Под

нажимом администрации местное население предоставляло часть своей площади приездом. Многие рабочие и служащие из-за отсутствия помещений были вынуждены проживать на расстоянии 10–20 км от места работы и добираться до нее по 2–4 часа. Средняя площадь на одного человека в Татарстане составляла 4 м², но нередки были случаи, когда на человека приходилось по 2–3 и менее квадратов [ЦГА ИПД РТ, ф.840, оп.1, д.387, л.19; НА РТ, ф. Р–1804, оп.1, д.66, л.1].

Существенно сократилось производство товаров первой необходимости. Одежда, спички, соль, керосин и т.п. исчезли из продажи. Трудно решалась продовольственная проблема. Цены на свободном рынке были запредельными. Массовый характер приобрели хищения и растраты в сфере распределения, должностные нарушения чиновников при рассмотрении заявлений и жалоб от граждан. С целью обеспечения населения основными продовольственными и промышленными товарами была введена карточная система, но и она не могла удовлетворить необходимых требований людей. К тому же нормированное снабжение распространялось только на жителей городов и представителей сельской интеллигенции. Колхозники были лишены этой поддержки со стороны государства. Выдача продовольствия крестьянам зависела исключительно от выработанных ими трудодней. А она по сравнению с довоенным периодом сократилась почти в три раза.

Голод и холод являлись постоянными спутниками военных лет. Невозможность прокормить себя и свои семьи во многом стала причиной страшной эпидемии септической ангины, охватившей большинство районов Татарстана весной 1944 г. Массовые заболевания вызвало употребление в пищу пролежавшего зиму хлебного зерна, ставшего к тому времени смертельным ядом. Только на конец июня в республике было зарегистрировано 23470 случаев заболеваний, из них больше 6 тыс. имели летальный исход [Серебрянников, 1997, с.261].

Высокая смертность (до 25% заболевших) была обусловлена нехваткой лекарств и врачей. Сохранившаяся в Татарской АССР сеть гражданских медицинских учреждений постоянно испытывала перебои с оборудо-

ванием, помещениями, медикаментами, кадровым обеспечением.

Однако, несмотря на тяжелейшие жизненные обстоятельства, люди верили в Победу и приближали ее, как могли. Даже свои скудные денежные и продовольственные запасы жители Татарстана расходовали так, что исхитрились выделить из них средства на покрытие коммунальных услуг, оплатить налоги, подписаться на добровольно-принудительные займы. Правда, зачастую это происходило в ущерб себе и своей семье. Но люди жертвовали последним, чтобы приблизить день окончания войны, участвуя в многочисленных формах движения в помощь фронту. Общая сумма средств, внесенных за военные годы гражданами республики в фонд обороны на вооружение Красной Армии, составила 262 млн. рублей [Сов.Т., 1970, 6 мая]. На личные сбережения людей были построены танковые колонны «Красная Татария», «Колхозник Татарии», авиадивизия «Совет Татарстаны», бронекатера, бронепоезда и т.д.

Ярким проявлением патриотизма татарстанцев стало движение по сбору теплых вещей для фронтовиков. Трудящиеся республики собрали для бойцов 23 тыс. полушубков, 54 тыс. пар валенок, 59 тыс. телогреек и шаровар, 106 тыс. комплектов теплого белья на общую сумму 10 млн. рублей [Кр.Т., 1944, 1 февраля]. Широкое распространение получило донорское движение. За все военные годы доноры Татарстана сдали 42 тыс. литров крови, из которых 12 тыс. литров были отправлены непосредственно на фронт. Особенно отличились О.В.Курицына (домохозяйка), сдавшая 14,5 литров крови, М.С.Букова (1-я швейная фабрика) – 13 литров, М.И.Павличева (санитарка) – 12,5 литров, Е.А.Белозерова (артель «Искра») – 10 литров и др. [Кабирова, 1995, с.125]. Бесперебойное снабжение фронта и тыловых госпиталей донорской кровью дало возможность спасти жизни многим сотням тысяч тяжелораненых бойцов и значительно сократить сроки их лечения. Только в Татарстане было развернуто и оснащено более 50 госпиталей, где за военные годы прошли курс лечения около 334 тыс. раненых и больных воинов, 207 тыс. из них были возвращены в строй [Очерки истории партийной организации, 1973, с.475].

В годы войны заметно поднялся нравственно-религиозный уровень населения республики. Смягчение позиции советских руководителей по отношению к конфессиональным организациям привело к восстановлению молитвенных зданий, прекращению расправ над священнослужителями, ослаблению контроля над деятельностью церковью и мечетей. В свою очередь, религиозные институты, усилившие свое влияние на массы, начали более целенаправленно проводить патриотическую работу, призывая активно оказывать материальную помощь фронту. К сентябрю 1944 г. в сберкассе ТАССР от прихожан поступило 1 млн. 273,4 тыс. рублей. Кроме того, верующими республики было собрано около 4 фунтов золота в фонд обороны, 476 предметов в помощь Сталинграду и на подарки бойцам и командирам Красной Армии [НА РТ, ф. Р-873, оп.1, д. 2, л.26].

Особая страница военных лет – деятельность научной и творческой интеллигенции по формированию духовного потенциала Победы. В Татарстане поставленные перед наукой новые задачи решались в тесном взаимодействии местных ученых с лучшими научными кадрами страны, представлявшими Академию наук СССР. Решение о переводе академических учреждений было принято 16 июля 1941 г. За короткий срок в Казань были переведены ведущие институты системы Академии наук СССР: органической химии, неорганической химии, коллоидной химии, физических проблем, горючих ископаемых, физический, радиевый, энергетический институты и др.

Всего в городе было размещено 1660 научных сотрудников и 93 академика и члена-корреспондента АН СССР [Татарстан в ВОВ, 2009, с.195]. Среди ученых – получившие мировое признание А.Е.Порай-Кошиц, Б.Д.Греков, Е.В.Тарле, Г.М.Кржижановский, С.И.Вавилов, А.Ф.Иоффе, А.Н.Несмеянов, С.М.Обнорский, П.Л.Капица, М.В.Келдыш, Н.Д.Зелинский и др. С августа 1941 г., вплоть до его перевода в Свердловск в мае 1942 г. в Казани размещался также Президиум Академии наук СССР.

Диапазон исследований эвакуированных научных сотрудников был весьма широк. В период пребывания в Татарстане ими были разработаны улучшенные сплавы для

моторостроения (Е.А.Чудаков, А.К.Дьячков), предложены эффективные методики расчета аэродинамики самолетов и баллистики орудий (Л.И.Русинов, Л.М.Шестопапов), подготовлена аппаратура для дистанционного подрыва мин (Н.Н.Андреев), утверждены состав брони знаменитых танков Т-34 (А.М.Бочвар, Н.Т.Гудцов), продолжены опыты по исследованию цепных ядерных реакций на быстрых нейтронах, положивших начало созданию отечественной атомной промышленности (И.В.Курчатов) и т.д.

Огромную работу по совершенствованию военной техники выполнили в Татарстане известные российские конструкторы А.Н.Туполев, С.П.Королев, С.А.Чаплыгин, В.М.Петляков, В.П.Глушко и др. В период тотальных репрессий 1930-х гг. многие из них были арестованы по обвинению в создании германских шпионских и диверсионных групп. Однако, несмотря на расстрельные обвинения, практически всем ученым была сохранена жизнь и вскоре предоставлена возможность продолжения работы в условиях специальных конструкторских бюро в Москве и других городах, имевших крупные авиационные заводы. Именно таким образом многие из них попали в Казань и трудились здесь в качестве «спецконтингента» казанских тюрем в так называемых «шарашках» на площадях местных авиационных заводов [Султанбеков, Малышева, 1996, с.252–253].

Это благодаря их усилиям в годы войны в серийное производство был запущен пикирующий бомбардировщик Пе-2 (В.М.Петляков); создан пульсирующий ускоритель «УС» (Б.С.Стечкин, Г.Н.Лист), усовершенствованы новые типы дизельных двигателей для тяжелых самолетов (А.Д.Чаромский). Но главным достижением авиаконструкторов в Татарстане стала разработка и применение на самолетах Пе-2 реактивного двигателя, созданного в результате совместного труда В.П.Глушко и С.П.Королева. Их открытие стало началом развития реактивной авиации в СССР и ступенью на пути в космос.

Чрезвычайно интенсивно в военный период работали и казанские ученые. Их деятельность в значительной степени была направлена на решение местных производственных задач: более целесообразное ис-

пользование природных ресурсов края, получение новых материалов и продуктов, необходимых фронту и тылу и т.д. Так, исследования известного химика, профессора Б.А.Арбузова позволили улучшить качество и морозостойкость каучука, что имело огромное значение для обеспечения бесперебойной работы военного транспорта в зимнее время. Профессора Г.Х.Камай и М.И.Беляева занимались совершенствованием технологии получения новых видов крайне нужного в военной медицине шовного хирургического материала – кетгута. Академик А.Е.Арбузов, разрабатывая проблемы фосфоорганических соединений, получал вещества, игравшие важную роль в производстве оптических приборов для орудийных систем, а также в создании новых видов лекарств.

Выдающимся событием в мировой науке стало обнаружение казанским физиком Е.К.Завойским в мае 1944 г. явления электронного парамагнитного резонанса. За открытие, имевшее мировое значение, ученый был избран действительным членом АН СССР, ему была присуждена Ленинская премия. В физике электронный парамагнитный резонанс, став мощным методом научных исследований, положил начало новому направлению – магнитной радиоспектроскопии.

Важное народнохозяйственное значение имели научные изыскания геологов республики. Горячим поборником интенсивного освоения минерально-сырьевой базы Татарстана был профессор Л.М.Миропольский. Он первым предпринял попытку выявить возможность производства новых строительных материалов. В частности, с его подачи началось более широкое применение гипса как в строительстве, так и в сельском хозяйстве для производства минеральных удобрений. Доцент Е.И.Тихвинская, первая из женщин республики защитившая докторскую диссертацию в военные годы, занималась изучением проблем нефтеносности недр нашего края.

Эффективные методы лечения раненых были предложены профессорами В.А.Гусыниным, Ф.Г.Мухамедьяровым, А.Г.Терегуловым. Настоящим открытием в медицине стал разработанный выдающимся казанским хирургом А.В.Вишневым метод местного обезболивания и новокаинового блока.

Многие производственные задачи в Татарстане решались благодаря коллективной работе ученых казанских и эвакуированных учреждений. Новой формой организации такого сотрудничества в военный период стали региональные комиссии, позволявшие комплексно и глубоко решать любые проблемы. В июне 1942 г. по примеру других регионов в Казани была образована Комиссия по мобилизации ресурсов Среднего Поволжья и Прикамья на нужды обороны. Возглавил Комиссию вице-президент АН СССР Е.А.Чудаков.

Совместные исследования казанцев с академическими учеными, ведущими специалистами в своих областях, способствовали росту научных сил республики. После реэвакуации большинства институтов и лабораторий АН СССР в 1943 г. казанские ученые самостоятельно продолжили разработку коллективно начатых проектов. Признанием вклада научной общественности Татарстана в дело защиты Родины стало создание в республике Казанского филиала Академии наук СССР. Решение об этом было принято советским правительством 13 апреля 1945 г.

Коренной перестройке в годы войны подверглась деятельность образовательных учреждений республики. В школах в связи с нехваткой помещений дети учились в основном в три смены, не было в достаточном количестве школьных принадлежностей: учебников, тетрадей, карандашей. Из-за материальной необеспеченности, отсутствия одежды и обуви усилился отсев учащихся, в некоторых школах он достигал 40%. Сложное положение сложилось с педагогическими кадрами. В 1941–1942 гг. из 8444 учителей Татарстана, занятых в 5–10 классах, только 1517 учителей имели высшее образование, а 352 – даже не закончили среднюю школу. Тем не менее, все усилия педагогов были направлены на выполнение закона о всеобщем обучении. Школьникам по мере возможности оказывалась социальная помощь. Ученики старших классов своими силами ремонтировали школьное оборудование, выезжали на дровазаготовки и т.п.

Изменения коснулись и учебных программ. В них основной акцент был сделан на усиление патриотической составляющей в деятельности школы. Для стимулирования

учащихся были введены экзамены на аттестат зрелости, учреждены золотая и серебряная медали за успехи в учебе. В целом, несмотря на военное время, в Татарстане удалось сохранить систему общего образования. Количество школ в республике не только не уменьшилось, но даже возросло – с 3510 в 1940/1941 учебном году до 3718 школ в 1944/1945 учебном году (1901 из них была татарская), хотя контингент учащихся при этом несколько сократился – с 445,8 тыс. школьников до 409 тыс. соответственно [25 лет ТАССР, 1945, с.82].

В высших учебных заведениях республики профильное обучение во многом было переориентировано. Будущие врачи, химики, геологи получали образование в соответствии с практическими нуждами. Для восполнения кадров специалистов в начале войны были введены планы с сокращенными сроками учебы, но эта мера не оправдала себя, и уже с 1942/1943 гг. институты вернулись к довоенным учебным планам. Всего в военный период в Татарстане насчитывалось 13 вузов, в которых обучалась 21,1 тыс. студентов. К концу войны по объективным обстоятельствам контингент учащихся уменьшился до 11,2 тыс. человек, но число подготовленных высококвалифицированных кадров было все же значительным [Достижения ТАССР, 1967, с.97]. За 1941–1945 гг. высшая школа республики выпустила свыше 6 тыс. специалистов в разных областях знаний: математиков, физиков, синоптиков, химиков, биологов, врачей и др. [25 лет ТАССР, 1945, с.54]. Появились также новые институты, факультеты: в 1944 г. в составе историко-филологического факультета КГУ было открыто специальное отделение татарского языка и литературы, в 1945 г. основана Казанская консерватория, восстановлен Казанский институт инженеров гражданского строительства.

В политической мобилизации на отпор фашизму важное значение имела деятельность работников творческих профессий. Для национальной интеллигенции приоритетными являлись темы героизма советских людей на фронтах войны и их самоотверженный труд в тылу. Многие татарские писатели с оружием в руках отстаивали независимость Родины. 25 человек из 53 членов Союза писателей Татарстана уже в первый

военный год ушли на фронт: Муса Джалиль, Фатых Карим, Абдулла Алиш, Адель Кутуй, Сибгат Хаким, Наби Даули и др. Большая группа татарских писателей – около 15 человек – в 1942–1943 гг. были командированы в редакции татарских фронтовых газет.

Имя Мусы Джалиля сегодня известно во всем мире, он по праву является символом татарской поэзии военных лет. Летом 1942 г., во время попытки вырваться из окружения в районе станции Мясной Бор М.Залилов (Джалиль) – в то время корреспондент газеты «Отвага» 2-й Ударной армии Волховского фронта – был ранен и попал в плен к фашистам. Находясь в концентрационном лагере, он продолжил борьбу в составе подпольной организации; однако выданный провокатором, оказался в заточении. Будучи приговорен к смертной казни, поэт в камере следственного изолятора создал цикл стихов «Моабитская тетрадь» глубоко патриотического содержания. В 1956 г. М.Джалилю посмертно было присвоено имя Героя Советского Союза, а через год – за литературное творчество – ему, первому среди поэтов, была присуждена Ленинская премия.

Также свои жизни за свободу Отечества отдали 30 писателей республики: М.Аблеев, А.Аитов, А.Алиш, М.Ахметгалиев, К.Басыров, Н.Баян, М.Вадут, Ш.Гарай, М.Гаязов, Р.Ильяс, Х.Кавеев, А.Камал, Ф.Карим, А.Кутуй, В.Мифтахов, Х.Муджай и др. Такие потери не понесла ни одна другая писательская организация страны. Причиной этого являлась неразработанность в стране механизма сохранения лучших сил национальной интеллигенции. Крупнейшие деятели татарской культуры и литературы отправлялись на фронты войны в обычном порядке. Хотя нельзя не признать, что отдельные попытки обратить внимание общественности на необходимость изменения сложившейся ситуации были. Так, еще в ноябре 1942 г. председатель Союза писателей ТАССР Тази Гиззат с горечью отмечал, что «руководителей нашей республики и города никогда не интересовала творческая деятельность татарского писателя ... Татарские писатели, находящиеся на фронтах, используются не по специальности, так как военкоматы татарской республики направили их в воинские части на общих основаниях» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.5, д.547, л.109]. Но, к со-

жалению, данное выступление не оказало существенного влияния на действовавшую в Татарстане практику мобилизации элиты национальной интеллигенции.

Существенным изменениям подверглась и работа писателей, оставшихся в тылу. Значительной составляющей их жизни стала идеологическая работа среди населения: литераторы устраивали художественные вечера, выступали в печати, по радио. Кроме того, их активно привлекали на различные общественно-полезные мероприятия. Не оставляли писатели и собственно литературного труда. За годы войны Татарское книжное издательство выпустило 220 книг писателей и поэтов республики общим тиражом свыше 1,5 млн. экземпляров.

В татарской прозе военных лет преобладали малые формы: очерки, рассказы. Наибольшей известностью среди населения пользовались рассказы «Артиллерист Сулейман» К.Наджми; «Сержант Хайруллин» Г.Баширова; «Ночная встреча» Г.Насретдинова; «В зимнюю ночь», «Их было трое» И.Гази; «Единство», «Сильнее смерти», «Солдат Хайрулла» А.Абсалимова; «В бурную ночь» А.Шамова; «Марат» Ш.Камала. Из более крупных литературных творений следует назвать повести «Записки разведчика», «В весеннюю ночь» Ф.Карима; «Приключения Рустема» А.Кутуя.

Поэтический жанр был представлен более 20 поэмами и сотнями стихотворений, среди которых «Сын Волги», «Снайпер», «Жена партизана» Ф.Карима; «Артиллерист Вагап» Ш.Мударриса; «Фронтовик», «Перед атакой» С.Хакима; «Хаят апа», «Фарида» К.Наджми; «Русская девушка» Н.Арсланова; «Песнь о храбром танкисте Петре Новикове» А.Исхака и др.

Успешно работали над новыми произведениями и писатели русской секции Союза писателей Татарстана – М.Елизарова, Б.Зернит, И.Субботин, Е.Верейская.

Вместе с отрядами местной творческой интеллигенции задачи политического характера выполняли эвакуированные в республику русские и зарубежные писатели. Они обосновались, в основном, в городах Казань и Чистополь. В военные годы в республике жили и работали А.А.Фадеев, М.И.Алигер, В.М.Бахметьев, М.В.Исаковский, К.А.Тренев, Л.М.Леонов, К.А.Федин. Здесь же

на временное место жительства были устроены известные писатели-антифашисты Жан Ришар Блок из Франции, Джованни Джерманетто из Италии, Иоганнес Бехер, Вилли Бредель, Клара Блюм из Германии, Сесар Арконада из Испании, Леон Пастернак из Польши. Все они впоследствии с теплотой вспоминали о Татарстане. А сюжеты, связанные с их жизнью в республике, прочно вошли в произведения военных лет, навсегда оставшись в летописи советской и мировой литературы.

Однако в годы Великой Отечественной войны в культурной жизни республики имелись не только обретения, но и явные потери. Связаны они, были, главным образом, с изменениями вектора идеологической направленности в советском государстве. В начальный период войны растерянность от фронтовых неудач и поражений заставила сталинское руководство пойти на целый ряд уступок политического характера. В том числе для поднятия патриотического духа разных народов было предложено использовать национальный фактор. Татарская интеллигенция, воспользовавшись предоставленным ей правом, обратилась к давно закрытым, но бережно сохраненным в памяти поколений сюжетам и образам героического прошлого, «вспомнила» о времени существования могущественных средневековых татарских государств, возродила образы народных героев. Известные писатели: Н.Исанбет, Ф.Хусни, Ш.Маннур, С.Хахим, Ф.Карим начали, наконец, творить свои литературные произведения без привычной оглядки на охранительные органы.

Но отмеченные идеологические послабления оказались весьма непродолжительны. Как только впереди забрезжила Победа, власти с прежним рвением взялись за «наведение порядка». В 1944 г. целые народы (калмыки, чеченцы, крымские татары, ингуши, балкарцы и др.) подверглись политическим выселениям с мест проживания. Основанием для депортации послужили обвинения их якобы в массовом предательстве. В отношении же татарского народа, который выселить представлялось довольно проблематичным (татары относятся к дисперсно-расселенным нациям. – А.К.), явственно проявилась жесткая линия, направленная на его духовное порабощение

и уничтожение этнической истории. Она нашла свое выражение в принятом 9 августа 1944 г. постановлении ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации». В нем высшие органы республики подверглись остракизму за «преувеличенное внимание» к национальному фактору [КПСС в резолюциях, 1985, с.513–520]. Особую неприязнь властных инстанций вызвало произведение Наки Исанбета «Идегей», в котором «обнаружились» такие ошибки, как «приукрашивание Золотой Орды», «популяризация ханско-феодального эпоса» и т.п., хотя совсем недавно это произведение считалось «политически выдержанным» и объективно отражавшим историю татар.

Данное постановление на долгие десятилетия определило для партийных и государственных органов Татарстана установки в области национальной политики. По нему выверялась деятельность всех научных и культурных учреждений в республике. Малейшие попытки представителей гуманитарной интеллигенции отклониться от официально утвержденной парадигмы развития истории татар сразу же объявлялись национализмом и жестоко карались. Вмешательство властей в творческие процессы общества в военный период заложило основу для дальнейших гонений на деятелей культуры и в послевоенное время.

Заметный вклад в общую победу внесли работники изобразительного искусства. С первых дней войны художники приступили к организованному выпуску политических и военных плакатов. В них показывался героизм воинов, трудовые подвиги труженников тыла, разоблачались мифы фашистской идеологии. В Татгосиздате выполнялись плакаты по рисункам казанских мастеров Б.М.Альменова, А.М.Родионова, Н.М.Сокольского, Р.Ф.Сайфуллина, Э.Б.Гельмса.

Кроме типографского плаката, в Казани вручную, в технике трафарета, было изготовлено около 170 номеров «Окон сатиры». Инициаторами их выпуска стали художники И.Е.Бобровицкий, Н.М.Сокольский и поэт Бруно Зернит. «Окна сатиры» выходили по 4 номера ежемесячно, тиражом до 300 экземпляров. Эти плакаты являлись самыми оперативными и общедоступными.

Они устанавливались во всех многолюдных местах города и отражали последние события внутренней и международной жизни.

Продолжалось и оттачивание мастерства республиканских художников через создание новых полотен. Большинство из них были написаны на военно-патриотические темы. Кисти В.К.Тимофеева принадлежали полотна «Слушают сводку Совинформбюро», «В рабство»; Д.Г.Булата – «Подразделение Героя Советского Союза т. Батыршина в штыковой атаке»; Г.А.Рахманкуловой – «Портрет Саразеевой, матери фронтовиков»; К.Е.Максимова – «Заготовка торфа», «Помогают взрослым», «Эвакуированные в колхозе»; И.А.Новоселова – «Оборона Казани»; Г.П.Каткова – «Всеобуч в Казани». В станковой скульптуре работал известный татарский мастер С.С.Ахун, выполнивший две значительные скульптурные композиции «Ләгънәт!» («Проклятье!») и «Жину» («Победа»). Баки Урманче в годы войны проживал в городе Алма-Ата; часть его творчества тоже посвящена военной тематике, в частности им были написаны такие сюжетные полотна, как «Возвращайтесь с Победой», «В госпитале», «Портрет снайпера Афанасьева».

Важно отметить, что, несмотря на отдельные попытки национальных художников не потерять своего лица и продолжить заложенные в предвоенные годы традиции, татарское изобразительное искусство пострадало в военный период весьма ощутимо. Из 46 членов Союза художников Татарстана 22 человека воевали на фронтах, 14 из них погибли. Не вернулись с поля боя уже сформировавшиеся мастера и молодежь, только начавшая свой путь в искусстве и потому полная творческих планов. В годы войны погибли на фронтах Н.К.Валиуллин, П.М.Байбарышев, Л.Н.Александров, А.Г.Силантьев, Ю.С.Зиновьев, В.И.Гурьев, Г.Я.Мусин и др. Для тех же, кому посчастливилось остаться в живых, военная тема надолго стала определяющей в творчестве. Среди них – Х.А.Якупов, М.У.Усманов, Л.А.Фаттахов, В.И.Куделькин. Лишь по прошествии некоторого времени они смогли обратиться к другим сюжетам.

В едином строю со всем народом приближали окончание войны композиторы. Они создавали произведения в основном на оборонные темы. Из 108 произведений,

написанных в этот период, 72 являлись военно-патриотическими. Как и во всех видах искусства, в начальный период войны в творчестве музыкантов преобладали малые формы: массовые песни, марши. Наиболее часто звучали песни «За Родину!», «На войну, товарищи» на музыку М.Музафарова; «Кровь за кровь!» Дж.Файзи; марш «Родина» для симфонического оркестра и «Суворовский марш» для духового оркестра С.Сайдашева; «Походный марш» Дж.Файзи; «Ополченческий марш» В.Виноградова.

Вместе с тем деятельность композиторов Татарстана отличало разнообразие жанров, обращение к крупным музыкальным формам. В этот период были написаны оперы Н.Жиганова «Ильдар», «Туляк»; М.Музафарова – «Зульхабира»; М.Юдина – «Фарида»; балеты Н.Жиганова «Фатых», «Зюгра». Дальнейшее развитие получила симфоническая музыка, она была представлена произведениями М.Музафарова, Н.Жиганова, З.Хабибуллина. Кроме того, татарская музыка ознаменовалась появлением нового жанра – музыкальной комедии. Композитор Дж.Файзи создал два произведения: «Башмачки» по либретто Тази Гиззата и «Чайки» по либретто А.Файзи.

Многие композиторы сражались в рядах действующей армии. С оружием в руках боролись против фашистов Х.Абдульменов, Х.Валиуллин, М.Латыпов, И.Шамсутдинов. Были и безвозвратные потери. Молодой, талантливый композитор, автор первого татарского балета «Шурале» Фарид Яруллин героически погиб осенью 1943 г. при выполнении боевого задания.

Практически фронтовую жизнь вели театры Татарстана. С началом войны в их репертуаре появились новые патриотические произведения: «Парень из нашего города» К.Симонова о борьбе в республиканской Испании, «Фельдмаршал Кутузов» В.Соловьева о событиях Отечественной войны 1812 г. С созданием песен на тему Великой Отечественной зрители были показаны «Фронт» А.Корнейчука, «Марьям» Н.Исанбета, «Миникамал» М.Амира. Большое место в деятельности артистов и исполнителей занимала концертная деятельность, которая проходила в колхозах, в госпиталях, на передовой. В общей сложности в республике было сформировано 18 творческих бригад, которые на 11 фронтах дали более 2000 концертов и показали почти 70 спектаклей [Иванов, 2010, с.57]. Большой любовью зрителей пользовались Х.Абжалилов, Г.Болгарская, М.Булатова, Ф.Ильская, Г.Кайбицкая, М.Рахманкулова, Ф.Туишев и др.

Таким образом, жители Татарстана с честью и достоинством вынесли испытания военного лихолетья. Сложнейшие задачи, стоявшие перед тружениками тыла, были выполнены благодаря их величайшему самопожертвованию. Дни и ночи напролет татарстанцы не выходили из цехов, валили деревья на лесозаготовках, пахали, сеяли и убирали урожай на полях, работали на укрепление силы и духа народа, реализуя заложенный в них творческий потенциал. Надежда на лучшее будущее, чувство любви и преданности Родине, глубокая вера в Победу объединяли людей, придавали им необходимую силу и помогали выстоять.

§ 3. Восточная политика Германии и Волго-татарский легион – легион «Идель-Урал». Бессмертный подвиг Мусы Джалиля

Искандер Гилязов

16 июля 1941 г. на совещании германского высшего руководства с участием Гитлера, Розенберга, Кейтеля, Геринга и Ламмерса было заявлено: «Железным правилом должно стать и оставаться: Никому не должно быть позволено носить оружие, кроме немцев! И это особенно важно, даже если вначале может показаться легким привлечение каких-либо чужих, подчиненных народов к военной помощи – все это неверно! Когда-

нибудь оно обязательно, неизбежно будет повернуто против нас. Только немцу позволено носить оружие, а не славянину, не чеху, не казаку или украинцу!» [Der Prozeß gegen die Hauptkriegsverbrecher, 1949, s.88].

Сказано, как видим, было очень категорично и, казалось бы, пересмотра этого жесткого запрета не должно быть и не будет. Но уже к концу 1941 и в течение 1942 гг. под знамена вермахта были поставлены

десятки тысяч представителей народов СССР. В спешном порядке из них формировались Восточные легионы, основной толчок к созданию которых был дан очевидным провалом плана молниеносной войны.¹²

В качестве других важнейших обстоятельств, способствовавших созданию Восточных легионов, можно выделить следующие:

– Наличие огромного количества советских военнопленных в руках Германии;

– Проведение активной германской пропаганды среди населения оккупированных областей СССР и против передовых частей Красной Армии. Это приводило к тому, что многие представители гражданского населения Украины, Белоруссии и Прибалтики сотрудничали с немцами. Также на немецкую сторону, особенно в первый период войны, перешло немалое количество солдат и офицеров Красной Армии.

– Позиция некоторых зарубежных стран, требовавших более человеческого обращения хотя бы по отношению к тюркским, мусульманским военнопленным. Наибольшую заинтересованность в этом вопросе проявляли политики Турции. Сюда же следует отнести и активизацию с началом войны эмигрантских лидеров из представителей народов СССР.

Когда план «блицкрига» провалился, названные факторы оказали свое влияние на позицию германского руководства. И оно, несмотря на различие точек зрения и серьезные противоречия между вождями и высшими государственными и военными учреждениями рейха, решило в своих интересах использовать сложившиеся обстоятельства.

Штаб по созданию Восточных легионов с 18 февраля 1942 г. был размещен в Польше, в городе Рембертов, летом этого же года под названием «штаб Восточных легионов» переведен в город Радом, 23 января 1943 г.

¹² Однако объяснять создание Восточных легионов исключительно провалом плана «молниеносной войны» является чрезмерным упрощением проблемы. Такая тенденция явственно наблюдается в нашей историографии [см., например: Абдуллин, 1985, с. 44]. Даже создание комиссий по отбору тюркских военнопленных «подгоняется» к поражению немцев под Москвой, хотя такие комиссии, о которых речь пойдет ниже, существовали уже в августе–сентябре 1941 г. [см., например: Мустафин, 1993, с. 73].

стал именоваться Командованием Восточных легионов [Hoffmann, 1976, s.30–31].

Волго-татарский легион (или легион «Идель-Урал») был создан позже всех остальных. Хотя фактически представительней народов Поволжья отделяли в специальные сборные лагеря уже осенью–зимой 1941–1942 г. Впервые же в имеющихся в нашем распоряжении документах речь о создании Волго-татарского легиона идет 1 июля 1942 г. – в этот день в разные инстанции были разосланы сведения о формирующихся легионах, среди которых упоминался и Волго-татарский [ВА-МА, РН 19 III/492, Вл. 232]. 1 августа 1942 г. из штаб-квартиры Гитлера был дан приказ, подписанный начальником штаба Кейтелем о создании в дополнение к существующим легионам, состоящего из поволжских (казанских) татар, башкир, говорящих по-татарски, чувашей, марийцев, удмуртов и мордвы [Bundesarchiv-Koblenz, NS 19/2523]. Приказом предписывалось выделить представителей названных народов в специальные лагеря, активизировать работу с вербовкой военнопленных. Отмечалось, что статус Волго-татарского легиона точно такой же, как и у прежде созданных подобных соединений, что применение легиона предусмотрено в областях военных действий, но особенно в районах действия партизан.

Приказ Кейтеля явился как бы указанием сверху, а практический приказ Верховного командования вермахта был подписан 15 августа 1942 г. В нем уже содержались более конкретные указания:

«1. Создать легион из татар, башкир и говорящих по-татарски народов Поволжья;

2. Татар, приписанных к Туркестанскому легиону, перевести в Волго-татарский легион;

3. Военнопленных татар срочно отделять от остальных и направлять в лагерь Седльце (на железнодорожной линии Варшава–Брест). Передать их в распоряжение Военного командующего в генерал-губернаторстве (Militärbefehlshaber im General-Gouvernement);

4. Созданный легион использовать прежде всего в борьбе против партизан» [ВА-МА, РН 19 III/492, Вл. 172 oder РН 19 V/79, Вл.8].

Практическая работа по созданию Волго-татарского легиона началась 21 августа

1942 г.: местом его формирования был избран лагерь в Едлино под Радомом, куда поступали обмундирование и оружие для легиона. Сюда же прибывал немецкий ответственный персонал. Лагерь Седльце, расположенный вблизи Едлино, уже раньше стал сборным пунктом для военнопленных из тюркских народов.

Знамя Волго-татарскому легиону было вручено 6 сентября 1942 г., поэтому сами легионеры именно этот день считали датой окончательного формирования соединения [Idel-Ural, № 36(42), 5.05.1943].

8 сентября 1942 г. Волго-татарский легион был передан под командование штаба Восточных легионов и командующего военным округом в «генерал-губернаторстве».

Военнопленные татары концентрировались, в основном, в лагере Седльце А, откуда их и направляли для подготовки в легион в Едлино. Впоследствии роль предварительного лагеря играл также лагерь в Демблине (шталаг 307). А в начале 1944 г., уже после перевода Восточных легионов во Францию, общий предварительный лагерь был в Легионово под Варшавой [ВА-МА, RH 53-23/44, Bl.136], с марта 1944 г. – вновь и в Седльце Б (шталаг 366), и в лагере Нехрыбка (шталаг 327) [BStU-Zentralarchiv, RHE 5/88-SU, Bd.2, Bl. 143].

Командиром Волго-татарского легиона был назначен уже довольно пожилой и опытный военный, майор Оскар фон Зеккендорф. Родился он 12 июня 1875 г. в Москве, хорошо говорил на русском, английском, французском, китайском; похуже владел украинским и испанским языками¹³. Позднее он был произведен в подполковники.

По имеющимся документам можно судить, что Зеккендорф, несмотря на свой возраст, довольно энергично взялся за дело, более всего уделяя внимание вопросам боевой подготовки легионеров. Пожалуй, одной из самых серьезных проблем для него (как и для прочих немецких организаторов Восточных легионов) стала проблема подготовки национальных офицерских кадров, кото-

рая, кстати говоря, так и не была решена до конца войны, хотя не раз поднималась.

Согласно плану, первый из батальонов Волго-татарского легиона, получивший номер 825, должен был быть создан к 1 декабря 1942 г., но его сформировали даже чуть раньше – 25 ноября. Сроком формирования 826-го батальона было установлено 15 декабря 1942 г., 827-го – 1 января 1943 г. Фактически же это произошло, соответственно, 15 января и 10 февраля 1943 г. [ВА-МА, RH 19 V/110, Bl. 254; RH 53-23/38, Bl.218; RH 53-23/51, Bl. 18; RH 58/42, Stammtafel der Wolgatatarischen Legion]. В сохранившихся документах все три батальона впервые упоминаются 3 ноября 1942 г. в качестве создающихся [Ibid., RH53-23/51, Bl. 28–29].

Татарские батальоны, которые создавались в Польше, в Едлино, под контролем и юрисдикцией командования Восточных легионов в германских вооруженных силах, и о которых подробно рассказывается на основании имеющихся документов, не были единственными. Вероятнее всего, при отдельных армиях или группах армий параллельно или же позднее, например, в течение 1944 г. создавались и другие татарские соединения. Среди них были и боевые, и строительные, и снабженческие подразделения.

825-й батальон. Это самый известный из всех созданных татарских батальонов. Командиром батальона был назначен майор Цек. Точное число татарских легионеров в этом батальоне в сохранившихся документах не указано, но, сравнивая его с другими подобными соединениями, можно считать, что в нем находилось примерно 900 человек.

Известен 825-й батальон прежде всего своим вооруженным выступлением против немцев в конце февраля 1943 г. Факт этот нашел отражение и в отечественной публицистической литературе [Забинов, 1990, с.57–59; Мустафин, 1971, с.124–141].¹⁴

Это произошло следующим образом. Судя по всему, 14 февраля 1943 г. батальон торжественно был отправлен на фронт:

¹³ Отрывочные биографические сведения о фон Зеккендорфе [см.: Bundesarchiv-Potsdam, NS 31/45, Bl. 237; NS 31/55, Bl.27]. В книге С.Дробязко его фамилия искаженно передана как Зикердорф [Дробязко, 2004, с. 151]

¹⁴ Наиболее подробно этот эпизод истории войны представлен в сборнике [Провал операции, 2010].

«Перед отъездом батальона на борьбу с партизанами в с.Едлино из Берлина для доклада прибыл профессор, фамилия которого неизвестна. Доклад был сделан на иностранном языке. В своем докладе докладчик призвал легионы к уничтожению большевиков, (говорил) о создании Гитлером «татарского государства», о создании новой прекрасной жизни», – сообщал о проходах источник из среды белорусских партизан [Всенародное партизанское движение, 1973, с.230]. 18 февраля ночью батальон прибыл в Витебск, после чего был направлен в сторону деревни Бельновичи по Суражскому шоссе. Затем основная часть его была расположена в деревне Гралево на левом берегу Западной Двины. 21 февраля представители легионеров связались с партизанами.

В результате переговоров была достигнута договоренность о том, что 22 февраля в 23 часа будет поднято общее восстание легиона, и он перейдет с оружием на сторону партизан. Очевидно, немцам стало известно о планах подпольщиков, и за час до запланированного выступления были произведены аресты и схвачены руководители восстания Жуков, Таджиев и Рахимов. Тогда инициативу принял на себя командир штабной роты Хусаин Мухамедов. Был подан сигнал почти во все подразделения батальона, расположенные в разных населенных пунктах по соседству, – началось восстание. Согласно источнику, известить, не удалось два взвода второй роты.

Перешедшие легионеры были распределены в партизанских бригадах, которыми командовали Захаров и Бирюлин [Мустафин, 1971, с.134].¹⁵

Итак, первый ввод в бой первого подразделения Волго-татарского легиона закончился провалом для немецкой стороны. В немецких документах, пусть и в завуали-

рованной форме, ясно видны причины этого: во-первых, бесспорно сказалась деятельность «отдельных интеллигентных татар» среди легионеров, которые и организовали переход батальона на сторону партизан. Возможно, речь идет или о деятельности группы Мусы Джалиля, или его предшественников, но в любом случае, выступление легионеров было заранее организовано и подготовлено. Во-вторых, несмотря на длительную идеологическую обработку, немцам все-таки не удалось по-настоящему привлечь татарских легионеров на свою сторону. Чувство советского патриотизма в них оказалось сильнее – немцы вопреки их усилиям так и остались «чужими» для татарских легионеров, «своих» они видели в белорусских партизанах.

Бывшие легионеры, которые перешли на сторону партизан, судя по всему, практически сразу же приняли участие в боях против немецкой армии – особенно интенсивными они были 28 февраля 1943 г. и имели целью прорыв блокады. Они и в дальнейшем продолжали оставаться в составе партизанских соединений в Белоруссии. Это подтверждается, например, данными письма Белорусского штаба партизанского движения от 2 июля 1943 г.: «После перехода батальона к партизанам личный состав его действительно был рассредоточен по партизанским бригадам, принимал участие в боевых действиях против немецких оккупантов, показал себя с положительной стороны. Некоторая часть личного состава батальона и до настоящего времени находится в партизанских бригадах» [Гараев, 2003].

Оставшиеся на стороне немцев легионеры 825-го батальона были после этих событий немедленно отправлены в тыл и причислены к другим соединениям. Восстание 825-го батальона стало «холодным душем» для германского командования. Это событие сыграло далеко не последнюю роль в дальнейшей судьбе Восточных легионов.

826-й батальон. Запланированная на 15 декабря 1942 г. организация 826-го батальона не состоялась – он был сформирован в Едлино 15 января 1943 г. В марте 1943 г. после восстания 825-го батальона 826-й «от греха подальше» был переведен на территорию Голландии в район города Бреда [Tessin,

¹⁵ Партизанское движение в Белоруссии в то время развивалось в очень сложных условиях: по партизанским данным, например, известно, что именно в феврале 1943 г. 6000 партизан были окружены в районе Витебска отрядами противника общей численностью до 28 000 человек, имевших артиллерию, танки и авиацию. Командовал первой витебской партизанской бригадой М.Ф.Бирюлин, комиссаром ее был В.А.Хабаров, начальником штаба – Л.П.Корнеев [см.: Гараев, 2003].

1976, s.33].¹⁶ Здесь, судя по всему, он нес охранную службу, привлекался и к другим работам. К каким-то реальным военным операциям 826-й батальон привлечь явно не решились.

На 1 сентября 1943 г. батальон, возможно, находился во Франции (более точного указания нет) [Bundesarchiv-Potsdam, NS 31/55, Bl. 8],¹⁷ а 2 октября 1943 г. был вновь передислоцирован в Голландию, где и находился на протяжении всего 1943 – начала 1945 гг. [Die geheimen Tagesberichte, 1988, s.168].

Р.А.Мустафин связывает с историей 826-го батальона и такой красноречивый факт – в соединении было подготовлено восстание, однако немецкой контрразведке удалось сорвать планы подпольщиков. 26 членов подпольной организации после этого были расстреляны, двести человек переведены в штрафной лагерь [Мустафин, 1974, с.199–200].¹⁸

827-й батальон. Батальон был создан 10 февраля 1943 г. в Едлино. Номер полевой почты его был 43645А-Е. Командиром батальона являлся капитан Прам.

С конца июня 1943 г. 827-й батальон, направленный на борьбу с партизанами, находился на Западной Украине [ВА-МА, RH 53-23/51, Bl. 88]. Здесь легионеры приняли участие в нескольких столкновениях с партизанами.

В начале октября 1943 г. батальон был переведен в город Ланьон во Франции и был передан в распоряжение 7-й армии [Die

geheimen Tagesberichte, 1988, s.233, 248]. В действиях против партизан на Западной Украине и 827-й батальон также разочаровал немецкое командование. Более того, пребывание батальона на этой территории усилило партизанские отряды, так как многие легионеры перешли к ним. После перевода батальона во Францию он так и не стал для немцев «надежным» соединением, поскольку и здесь немало легионеров перешло к французским партизанам.

828-й батальон. Этот батальон создавался в период с 1 апреля 1943 г. и был окончательно сформирован 1 июня 1943 г.¹⁹ После формирования батальон довольно долгое время находился в самом Едлино [Bundesarchiv-Potsdam, NS 31/55, Bl.8].

28 сентября 1943 г. соединение было направлено на Западную Украину взамен оказавшегося «ненадежным» 827-го батальона [ВА-МА, RH 53-23/42, Bl.267]. Надежды немцев на вновь прибывших легионеров оказались тщетными. Источники свидетельствуют со всей очевидностью – за все время пребывания 828 батальона на Западной Украине многие из легионеров перешли к партизанам.

829-й батальон. Был создан 24 августа 1943 г. в Едлино. Скорее всего, под воздействием неудач с первыми батальонами, 829-й довольно долгое время оставался в Едлино [Ibid., RH 53-23/51, Bl. 100]. Но впоследствии батальон также был перемещен на Западную Украину [Ibid., RH 53-23/44, Bl.136].

Финал для 829-го батальона наступил довольно скоро: приказом командующего военным округом в «генерал-губернаторстве» от 29 августа 1944 г. он был распущен в связи с участвовавшими в батальоне случаями «нарушения дисциплины» [Ibid., Bl.164]. Все эти мероприятия должны были быть проведены до 18 сентября 1944 г.

На этом история 829-го татарского батальона и закончилась.

830-й батальон. Точных данных о дне формирования 830-го батальона нет. Хотя он и упоминается в документах уже от 1 сентября 1943 г. [ВА-Potsdam, NS 31/55, Bl.8], существование его на тот день сомнитель-

¹⁶ Впрочем, в книге Ю.Карчевского и Н.Лешкина отмечено, что 826-й батальон 2 апреля 1943 г. был «торжественно» отправлен во Францию. Источник таких сведений мне неизвестен [Карчевский, Лешкин, 1982, с. 83].

¹⁷ Эти сведения, скорее всего, неточны. Батальон, вероятно, так и оставался на территории Голландии, а не переводился из страны в страну.

¹⁸ М.Черепанов, будто дополняя сведения Р.Мустафина, пишет: «826-й батальон в 1944 г. тоже поднял восстание и пытался перейти на сторону французских (? – И.Г.) партизан» [Черепанов, 1991, с. 41]. Но и об этом сведений в источниках я не нашел. Но в отечественной публицистике зато удалось обнаружить еще одно любопытное замечание относительно этого батальона. Г.Кашшаф в своей книге сослался на дневник немецкого офицера Вальтера Хайзена, в котором сообщалось о полном разоружении остатков 826-го батальона из-за его ненадежности 6 сентября 1944 г. [Кашшаф, 1984, с. 184].

¹⁹ С.Чуев искаженно передал его фамилию как «Гаулинц» [Чуев, 2004, с. 506]

но, поскольку даже в документе от 26 октября он упоминается как «формирующийся» [ВА-МА, РН 53-23/51, Вл. 100].

Использовать батальон против партизан немцы уже не решились: он нес охранную службу в разных населенных пунктах Западной Украины и Польши. Переводы эти были осуществлены для проверки «надежности» и боеспособности батальона, которые у немцев вызывали подозрения, и не без основания.

В июне 1944 г. отделению гестапо в Радеме удалось выйти на одного из унтер-офицеров 830-го батальона, который искал связи с «коммунистическими бандами». Он, судя по всему, сумел организовать 20 человек легионеров, чтобы в ночь с 17 на 18 июня убить людей из немецкого персонала, вскрыть склад оружия, захватить автомобили и с оружием бежать к партизанам – но 12 и 15 июня инициаторы заговора, всего более 20 человек, были арестованы. 17 человек из-за отсутствия доказательств были впоследствии освобождены военным судом. Представители тайной полиции посчитали, что юридически это решение обосновано, но его последствия могут быть непредсказуемыми, поэтому рекомендовалось ситуацию подробно обсудить с командиром восточных отрядов [ВА-Potsdam, Film 56636, A 196].²⁰

Наверное на заключительном этапе войны 830-й батальон существовал как строительно-саперный, в начале 1945 г. дислоцировался в излучине Вислы, а позднее – в Померании [Ibid., Bd.13, s.38].

831-й батальон. Был сформирован осенью 1943 г. в Едлино. Его существование подтверждается во второй половине октября. Насколько можно судить по тексту документа, он обеспечивал охрану основного лагеря Волго-татарского легиона в Едлино [ВА-МА, РН 53-23/51, Вл. 100]. Примерно то же самое пришлось делать соединению в феврале 1944 г., когда он находился в Легионово под Варшавой [Ibid., РН 53-23/44, Вл.136].

Других упоминаний о 831-м батальоне в известных источниках не имеется.

Создание батальонов Волго-татарского легиона за порядковыми номерами 832, 833,

834 было запланировано на осень 1943 г. Скорее всего, они так и не были сформированы. Каких-либо упоминаний, которые реально подтверждали бы существование этих татарских батальонов, найти не удалось.

29 сентября 1943 г. Гитлер отдал распоряжение о переводе всех восточных добровольцев с Востока на Запад [Neulen, 1985, s.331], и это нашло отражение в приказе германского Генштаба от 2 октября 1943 г. (№ 10570/43) о переводе Восточных легионов с территории Польши во Францию в распоряжение командующего группой армий Запад в городе Нанси [BStU-Zentralarchiv, RHE5/88-SU, Bd.3, Вл.91]. Передислокацию полагалось осуществлять в следующем порядке:

1. Грузинский легион;
2. Северо-кавказский легион;
3. Командование Восточных легионов;
4. Офицерская школа в Легионово;
5. Волго-татарский легион и школа переводчиков;
6. Армянский легион;
7. Туркестанский легион;
8. Азербайджанский легион.

Речь шла, таким образом, не об абсолютно всех восточных батальонах, часть из них оставалась на месте несения службы. Переводились во Францию все структуры командования Восточных легионов, так называемые «основные лагеря», и часть батальонов.

Для осуществления этого масштабного мероприятия был создан специальный ликвидационный штаб под командованием полковника Мёллера. Порядок, предусмотренный приказом, в целом соблюдался: например, основной лагерь и командование Волго-татарского легиона покинули Едлино 19 октября 1943 г., а командование и штаб Восточных легионов отправились в путь 24 октября [ВА-МА, РН 53-23/43, Вл.36]. Транспортировка осуществлялась специальными военными эшелонами и очень поспешно. И все же в первой половине ноября 1943 г. передислокация была в основном завершена: на 1 марта 1944 г. в распоряжении командующего группой армий Запад находилось, по официальным данным, 61 439 иностранцев и восточных добровольцев [Neulen, 1985, s.331].

Командование Восточных легионов во Франции в октябре 1943 г. находилось в городе Нанси (Восточная Франция), но уже в конце ноября было переведено далее на юг в город Мийо [BStU-Zentralarchiv, RHE

²⁰ Отрывки из документа опубликованы Р.А. Мустафиным [Гасырлар авазы = Эхо веков, 1995, №3/4, с.142–143].

5/88-SU, Bd.3, Bl.98]. Скорее всего, в связи с неблагоприятным для немцев развитием военной ситуации 15 марта 1944 г. командование восточными соединениями из Мийо вновь вернулось в Нанси (речь идет именно о бывшем командовании Восточных легионов, а не о командовании всеми соединениями добровольцев) [Ibid., Bl.101].

В начале 1944 г. во Франции произошла серьезная реструктуризация соединений из восточных народов, которая, вероятнее всего, имела целью усилить контроль за ними и добиться их максимальной боеготовности [См.: Романько, 2004, с.204–206]. Здесь в феврале 1944 г. была сформирована новая структура, названная Основной добровольческой дивизией (Freiwilligen Stamm Division) с центром в Лионе и под командованием сначала полковника Хольсте. В конце марта 1944 г. Хольсте заменил генерал-майор фон Хеннинг. Названная дивизия делилась на ряд полков по национальному признаку, включая соединения из русских, украинцев и казаков. Волго-татарский легион, командование которого располагалось в городе Ле Пюи, относился ко 2-му полку, и соединение продолжало именоваться Волго-татарским легионом в составе 2-го полка.

Дислоцированные в разных странах и районах Западной Европы восточные батальоны предназначались не только для обороны Атлантического вала, но так же, как и на Востоке, для борьбы против партизан. Так, например, в немецкой акции против французских маки в департаменте Шанталь в начале июня 1944 г. принимало участие три роты из Волго-татарского легиона, в начале августа подразделения Волго-татарского легиона участвовали в таких же акциях в районах населенных пунктов Иссуар и Рошфор (в районе города Клермон-Ферран) [ВА-МА, RH 36/509, Bl.8].

Восточные легионы во Франции в целом продемонстрировали те же самые качества, что и раньше на Украине.

Стабильную «ненадежность» демонстрировали подразделения Волго-татарского легиона. 13 июля 1944 г. полевая комендатура 588 в Клермон-Ферране явно с горечью констатировала в своей сводке: «Разведывательная группа татарского легиона не смогла добиться ничего большего, чем поймать нескольких ранее сбежавших армянских ле-

гионеров» [Ibid., RH 36/509, Bl.46]. В ночь с 29 на 30 июля 1944 г. один русский офицер и 78 легионеров Волго-татарского легиона, по сообщению той же комендатуры, перешли к партизанам, а оставшиеся были тут же возвращены в казармы [Ibid., Bl.61]. Таких примеров, когда восточные легионеры переходили к партизанам в последний период войны, известно множество. Многие такие случаи стали уже широко известны по публикациям в нашей печати.²¹

Большинство батальонов восточных добровольцев на Западном фронте было разделено и распределено по разным районам и придано более крупным немецким соединениям. Эта оторванность друг от друга, бесспорно, еще заметнее усиливала чувство растерянности, подавленности среди большинства легионеров. Так что, в целом, использование Восточных легионов и в Западной Европе желаемых для немцев результатов не принесло. Многие из легионеров очень боялись оказаться в плену наступающих советских войск, предпочитая в конце концов оказаться в плену у союзников. Но и у последних судьба оказалась незавидной: по соглашениям между СССР и союзными державами, все советские граждане, оказавшиеся в руках английских и американских войск, впоследствии были переданы советской стороне. Они возвращались на родную землю, где в большинстве случаев их ожидало суровое наказание.²²

Таким образом, мы видим, что немецкие планы использования соединений из пред-

²¹ Назову лишь некоторые из таких публикаций: [Бронштейн, 1995; Кашапов, 1994 б; Кашапов, 1992; Кашапов, 1994 а; Мустафин, 1992; Черепанов, 1993, с.50–61; Черепанов, 1995, с.86–93]. Хотя подобные публикации часто содержат немалое количество неточностей касательно общей истории Восточных легионов, тем не менее, они сообщают важные данные о военной и послевоенной судьбе многих бывших легионеров Волго-татарского легиона.

²² Судьба большинства бывших легионеров и вообще всех советских граждан, находившихся на стороне Германии и оказавшихся в союзническом плену по-настоящему трагична [см.: Толстой, 1996]. По мнению автора, в 1944–1947 гг. союзники выдали СССР два с лишним миллиона советских граждан (среди них заключенные в лагерях, военнопленные, остатки различных «добровольческих соединений», восточные рабочие и т.п.). Нетрудно представить, что ожидало большинство этих людей на родине.

ставителей тюркских народов СССР, в том числе и татар, особенно активные в 1942–1944 гг., завершились крахом. Свою роль в провале устремлений гитлеровцев, безусловно, сыграли и подпольные антифашистские группы, которые возникали среди восточных легионеров. Одной из самых известных таких групп является группа, которую возглавляли Гайнан Курмашев и Муса Джалиль.²³ Судя по всему, эта группа начала свою деятельность в конце 1942 г. В ее состав вошли, прежде всего, татарские офицеры, оказавшиеся в германском плену. Подпольщики поставили своей основной целью разложение легиона «Идель-Урал» изнутри и подготовку к восстанию. Они использовали для достижения цели типографию газеты «Идель-Урал», издававшуюся Восточным министерством Германии специально для легионеров с осени 1942 г.

Гайнан Курмашев создавал и координировал работу пятерок подпольной организации. Муса Джалиль, имевший возможность свободного передвижения по территории Германии и Польши, организовал проведение агитации среди легионеров. На пропагандистской радиостанции «Винета» работал Ахмет Симаев, где он мог получать сведения для группы Сопrotивления и изготавливать листовки. Активное участие в производстве и распространении листовок принимали также Абдулла Алиш, Ахат Атнашев и Зиннат Хасанов.

Можно с уверенностью считать, что батальоны легиона «Идель-Урал» не оправдали тех ожиданий, которые возлагало на них германское командование, во многом благодаря

деятельности подпольщиков группы Курмашева-Джалиля. К сожалению, эта деятельность была прервана немецкой контрразведкой: в Берлине подпольщики были арестованы в ночь с 11 на 12 августа 1943 г. Всего в августе 1943 г. было схвачено около 40 человек из подразделений пропаганды легиона «Идель-Урал».

После длительного следствия участники Сопrotивления предстали перед Имперским судом в Дрездене. 12 февраля 1944 г. по его решению 11 человек были приговорены к смертной казни. Это – Муса Джалиль, Гайнан Курмашев, Абдулла Алиш, Ахмет Симаев, Ахат Атнашев, Абдулла Батталов, Фуат Булатов, Салим Бухаров, Фуат Сайфульмулюков, Зиннат Хасанов, Гариф Шабаев. В качестве основания для приговора в тексте для всех указаны «содействие врагу» и «подрыв военной мощи». Такая формулировка позволяет обоснованно утверждать, что группа Сопrotивления, существовавшая в легионе «Идель-Урал», нанесла своими действиями серьезный ущерб «третьему рейху».

Казнь татарских патриотов гильотинированием была проведена в берлинской тюрьме Плётцензее 25 августа 1944 г. Первым на эшафот взшел Гайнан Курмашев – в 12 часов 06 минут. Остальные участники подполья были казнены с интервалом в три минуты.

В Берлине, в Музее Сопrotивления фашизму, в память о татарских подпольщиках открыта мемориальная доска с именами участников группы, а в тюрьме Плётцензее установлены стенды с материалами о героях.

²³ Наиболее подробно о деятельности подпольщиков в составе легиона «Идел-Урал» [см.: Забиоров, 1990; Мустафин, 1971]. В сконцентрированном виде эта деятельность представлена в работе [Ахтамзян, 2002]

ГЛАВА 7

Национальный вопрос и политическая ситуация в Татарской АССР в середине 1940-х – первой половине 1980-х гг.

Альфия Галлямова

В первые послевоенные годы общество жило большими надеждами на демократические перемены. Ответом на них стали ужесточение партийно-государственного контроля над различными сферами общественно-политической и духовной жизни, использование репрессий. «Подкручивание» идеологических гаек в стране началось в 1943 г., когда наряду с принятием решений о восстановлении народного хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации, разрабатывались мероприятия по преодолению «грубых политических ошибок» в целом ряде советских журналов [Новейшая история России, 2007, с.327]. Летом 1944 г. были приняты постановления об усилении идеологической работы в Молдавской и Белорусской ССР [Там же, с.501, 506]. В августе 1944 г. вышло и постановление ЦК ВКП (б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации». Данные решения были направлены на отказ от идеологических «поблажек», допускавшихся в силу чрезвычайных обстоятельств военного времени. В новых условиях, когда враг был изгнан с территории страны, официальная пропаганда меняла свою тональность. Она больше не нуждалась в опоре на национальный героический эпос, исторические образы, жившие в памяти народов СССР и поднимавшие в людях патриотический дух.

Ключевой момент постановления по Татарской АССР выражается в том, чтобы вытравить из массового сознания татар историческую память о существовавших в прошлом могущественных татарских государствах. Неслучайно, первый идеологический удар был сделан по исторической науке.

Запретной темой для изучения стала история Золотой Орды. Она стала рассматриваться как отрицательное явление для социогенеза не только Татарстана, но и России.

В послевоенный период обозначилась тенденция сужения сферы применения татарского языка, что отражало курс на укрепление русского языка, поднятие значимости всего русского в социально-политической жизни страны. Тон этому задал И.В.Сталин: в мае 1945 г. во время празднования победы он назвал русских «наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза» [Похлебкин, 1997, с.349]. Вскоре был запущен тезис о русском народе как старшем брате других народов страны.

Как известно, основой для совершенствования языка, трудовых традиций, обычаев и других национальных особенностей народа всегда служило производство. В 1940-е гг. в городской трудовой сфере республики татарский язык все более утрачивал эти социальные функции. Типичной, к примеру, была ситуация на Казанском авиационном заводе, 40% рабочих которого являлись татарами, но не было ни одного кружка, чья работа строилась бы на татарском языке [Тагиров, 1973, с.23]. В нефтяной отрасли, развернутой в республике в послевоенный период, не сложилось производственной терминологии на татарском языке, она была полностью заимствована из русского языка. Хотя нефтедобывающая отрасль разворачивалась в регионе, подавляющее большинство населения которого составляли татары.

Внедрение русской лексики сопровождалось осуждением употребления в устной и, тем более в письменной речи, арабизмов. Так, на одном из заседаний Союза писателей

республики секретарь Татарского обкома ВКП(б) Рахматуллин заявил: «С арабскими словами мы будем беспощадно бороться», в подтверждение своих слов он подверг резкой критике К.Насыри за то, что в его произведениях много «восточных» слов. В 1951 г. на заседании Союза писателей республики как положительное явление расценивалось очищение языка от всяких примесей арабизма, фарсизма и пантюркизма и внедрение русской лексики. Что касается самих писателей, то многие из них, как например Ш.Маннур, Н.Исанбет, выражали опасения, что, увлекшись русским языком, можно забыть родной. Однако были и такие, кто поддерживал официальную линию в языковой политике из прагматических соображений. Например, И.Гази такую позицию мотивировал тем, что совершенное знание русского языка нужно для получения высшего образования [Хаплехамитов, 2008, с.47].

Однако в первые послевоенные годы такая резонность игнорировалась со стороны татарского населения. В конце 1940-х гг. подавляющее большинство татар стремилось учиться на родном языке. 95% татарских детей обучалось в татарских школах, и их не хватало. Подтверждением тому являются многочисленные письменные обращения татарского населения Казани в Татарский обком ВКП(б) в начале 1950-х гг. с просьбами об открытии татарских школ. Так, под давлением настойчивых требований жителей Казани в июле 1950 г. заведующий Казанским горно Н.Трусенев просил Татарский обком ВКП(б) открыть татарскую школу вблизи завода № 237, где работало много татар, вчерашних крестьян. Как говорилось в заявлении, «близлежащие школы, находящиеся в зданиях барачного типа, использовались в три смены и были переполнены» [ЦГА ИПДРТ, ф.15, оп.31, д.760, л.398–399].

Однако новые татарские школы не открывались, в то время как предпринимались активные меры для изучения русского языка в татарских школах. В 1946 г. в Казанском и Елабужском педагогических институтах было организовано отделение по подготовке учителей русского языка и литературы для татарских школ [Демидова, 1977, с.74]. В 1948 г. в главной республиканской газете «Красная Татария» была организована

серия статей о способах повышения эффективности по изучению русского языка, начало которой положила преподаватель русского языка и литературы З.Максудова. Следом были напечатаны статьи ученых, преподавателей вузов, наиболее авторитетных учителей средних школ. Среди них, например, был известный ученый Г.Камай.

В 1949 г. первый секретарь Татарского обкома ВКП(б) Муратов обратился в ЦК ВКП(б) с просьбой обязать Министерство просвещения РСФСР увеличить количество часов на обучение русскому языку и русской литературе [ЦГА ИПДРТ, ф.15, оп.30, д.6, л.406]. Свое обращение он мотивировал заботой о повышении культурного уровня татарского народа, оперируя тем, что хорошее владение русским языком дает преимущества в получении средне-специального и высшего образования. Действительно, в 1947/1948 учебном году из общего числа обучавшихся в 10-х классах татар только 70% сдали экзамены успешно. Подавляющее большинство не выдержало экзамен по русскому языку. Аналогичное положение сохранялось и в последующие годы. В 1952/1953 учебном году из общего числа неуспевающих в 80634 человека по русскому языку числилось 51752 человека, т. е. 64% [ГАРФ, ф. А–2306, оп. 72, д.2751, л.18]. Поскольку положение в республике не менялось, летом 1953 г. вопрос о плохом знании русского языка учащимися татарской национальности был вынесен на обсуждение Коллегии Министерства народного образования РСФСР. Акцент был сделан на то, что ТАССР была единственной автономной республикой, где преподавание в татарской школе с 1 по 10 класс по всем предметам шло на родном языке. На коллегии Министерства РСФСР было указано на необходимость повышения квалификации учителей русского языка в республике. Из 1827 учителей русского языка имели высшее образование 132 человека, незаконченное высшее – 459 человек, со средним образованием – 1236 человек [ГАРФ, ф. А–2306, оп. 72, д.2751, л.19]. Главная причина плохого знания русского языка учащимися татарских школ усматривалась в том, что учителя начальных школ сами не знают русского языка [ГАРФ, ф. А–2306, оп. 72, д.2751, л.129].

Вопрос о том, чтобы развивать возможности получения высшего и среднеспе-

циального образования на родном языке, в начале 1950-х гг. властями республики не ставился. Не отрицая непосредственной причастности к русификаторскому процессу руководителей республики, необходимо признать, что принципиально противостоять ему было невозможно. Ведь не случайно не только в Татарстане, но и ни в одной союзной республике в этот период не было принято ни одного постановления об улучшении преподавания родного языка. Вместе с тем во всех без исключения союзных и автономных республиках имелось по несколько постановлений об улучшении преподавания русского языка.

Вместе с тем, нельзя обойти вниманием такой нюанс. Татарский язык активно использовался при насаждении коммунистической идеологии коренному населению республики. В начале 1946 г. бюро обкома ВКП(б) создало при отделе пропаганды и агитации специальную комиссию по переводу на татарский язык произведений классиков марксизма-ленинизма. Во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. вышли в свет двухтомники произведений К.Маркса, Ф.Энгельса и В.И.Ленина на татарском языке. В декабре 1953 г. бюро Татарского обкома КПСС рассмотрело вопрос об издании собрания сочинений В.И.Ленина на татарском языке тиражом 10 тыс. экземпляров. Иными словами, использование татарского языка для насаждения коммунистической идеологии не только не ослабевало, а даже расширялось.

Во второй половине 1940-х гг. в Татарской АССР, как и в стране в целом, усилился не только идеологический прессинг. С окончанием войны власти стали активно прибегать к репрессивным методам, возобновившим в стране довоенную атмосферу страха и подозрительности. За малейшую провинность, даже за неосторожное высказывание в ходу были обвинения в антисоветской деятельности и совершении контрреволюционных актов. Так, в 1947 г. из партии был исключен сотрудник Казанского филиала Академии наук СССР У.Ш.Байчура за то, что во время чаепития с коллегами, глядя на портрет Сталина, сказал: «Вот он о пайке не думает». Ситуация усугублялась тем, что чаепитие происходило на избирательном участке, призванном служить очагом поли-

тической безупречности. Очевидно, поэтому этот безобидный с точки зрения здравого смысла инцидент имел неприятные последствия не только для автора высказывания, но и секретаря партийной организации Фурасова, снятого со своего поста за «нераспорочность при принятии решения по поводу проступка» Байчуры [ЦГА ИПД РТ, ф.26, оп.16, д.26, л.10–12].

Особая волна недоверия поднялась против военнопленных. Характерной в этом отношении является реакция Татарского обкома ВКП(б) на анонимное письмо (1949 г.), содержащее факты «неправильного отношения» к кадрам со стороны первого секретаря Кзыл-Юлдузского райкома ВКП(б) С.В.Вафина. В нем сообщалось о лицах, недостойных, с точки зрения писавшего, занимаемых ими должностей. При этом причины назывались самые разные, чаще всего за недобросовестное исполнение своих обязанностей, круговая порука, аморальность. И лишь в отношении помощника секретаря Л.Я.Новиковой в качестве причины был приведен факт того, что ее брат, преподаватель математики Кутлу-Букашской средней школы, Г.Я.Новиков был в немецком плену. Татарский обком ВКП(б) среагировал только на этот аргумент, порекомендовав освободить Новикову от работы, что вскоре и было сделано [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп. 30, д.1, л.123–124]. Необходимо отметить, что в архивных фондах, содержащих материалы по послевоенному периоду, аналогичного, анонимного компромата встречается довольно много [Там же, ф.15, оп.30, д.1, л.115; д.4, л.5; д.5, л.104, 165, 174; оп.37, д.15, л.215].

Настороженное отношение властей к вчерашним победителям, дошедшим до Берлина, было совсем неслучайным. Они видели во фронтовиках потенциальный источник для развенчивания идеологических штампов об СССР как самом передовом государстве мира. Действительно, у многих фронтовиков после знакомства с жизнью на западе, менялся социально-психологический настрой. Так, в Новом Надырове многие запомнили, с каким восторгом о жизни в Германии рассказывал сын председателя колхоза, первый колхозный шофер Юсуп Шафикович Гараев, прошедший войну от начала и до конца. А побывавший в плену надыровец Салих Зарипов говорил односельчанам, что

условия жизни даже в плену были лучше, чем в колхозе. В результате, за «антисоветскую агитацию» фронтовик был осужден на 25 лет лишения свободы. Преследованиям подвергались даже те, кто не был замечен в антисоветских высказываниях, но побывал в плену. Так, на несколько лет были лишены свободы такие широко известные ныне деятели, как писатели Аяз Гилязов, Гурий Тавлин, Суббух Рафиков, защитник Брестской крепости П.М.Гаврилов, доблестный летчик М.П.Девятаев, участник французского движения Сопротивления А.Г.Утяшев.

Распространенным наказанием для коммунистов, побывавших в плену, было исключение из партии. В 1947–1948 гг. ему подверглись 26 человек. Подобные меры применялись и в отношении «детей бывших эксплуататоров», лиц, не скрывавших своих религиозных взглядов и открыто соблюдавших обряды. В 1947–1948 гг. Татарским обкомом ВКП(б) из партии было исключено за скрытие социального происхождения 26 человек, за соблюдение религиозных обрядов – 23 человека, за антисоветские высказывания – 26 человек. При этом основную массу исключенных из партии составляли молодые коммунисты, вступившие в партию в 1941–1947 гг. [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.30, д.6, л.177]. Среди них было немало талантливой молодежи, заметных личностей.

С 28 июня по 25 сентября 1949 г. в ТАССР работала партгруппа ЦК ВКП(б), которая устроила тотальную проверку идеологической работы в республике, при этом с особой тщательно проинспектировали работу всех средств массовой информации, включая районные газеты. Были проинспектированы филиал Академии наук, Союз писателей и оперный театр, дома-музеи Ленина в Казани и деревне Кокушкино. В принятом решении наиболее сильной критике подверглись республиканские газеты «Красная Татария», «Кзыл Татарстан», «Херле Ялав». После этого в обкоме ВКП(б) было проведено совещание соборов республиканских газет с вопросом об итогах очередного пленума о подготовке и проведении уборки урожая. Комиссия проверила работу Татарского книжного издательства, которому «была оказана помощь в составлении плана изданий» [РГАСПИ, ф.17, оп.132, д.103,

л.102]. Иными словами, на протяжении всего послевоенного периода идеологический прессинг в республике усиливался и обрел все более широкий характер.

Начавшийся в 1950-е гг. процесс десталинизации не мог не вызвать оживления в различных сферах общественной жизни Татарстана. Пожалуй, первым серьезным знаком политических перемен стала начавшаяся осенью 1953 г. реабилитация репрессированных. Она коснулась сотен человек, обвиненных в процессах, происходивших в республике по сфабрикованным в 1933–1937 гг. делам «Контрреволюционной немецкой фашистской организации», «Контрреволюционной повстанческой организации», «Контрреволюционной троцкистской группы», «Контрреволюционной троцкистской террористической организации», «Крестьянский иттифак», «Контрреволюционной троцкистско-националистической террористической организации». Из наиболее известных политических работников и творческих деятелей республики были реабилитированы председатель СНК ТАССР К.А.Абрамов, председатель ЦИК ТАССР Г.Г.Байчуринов, государственный деятель, редактор газеты «Кзыл Татарстан» А.М.Давлетьяров, первые секретари Татарского обкома ВКП(б) А.К.Лева, М.О.Разумов, М.М.Хатаевич, нарком легкой, затем местной промышленности ТАССР А.Г.Ганеев, нарком земледелия А.И.Искендеров, бывший старший помощник прокурора республики Х.Х.Алкин, первые секретари райкомов ВКП(б) З.Г.Гильмутдинов, Х.Р.Палютин, Г.П.Тикн, политический деятель, проректор Татарского коммунистического университета И.Ш.Рахматуллин, главный редактор Татгосиздата В.С.Шафигуллин, языковед, брат Садри Максуди, Хади Максуди, бывший преподаватель медресе «Мухаммадия» А.Р.Мустафин, историк, заместитель директора Татарского научно-исследовательского экономического института М.К.Корбут, экономист-географ, ректор КГУ Н.З.Векслин, медик-патологоанатом, ректор Казанского ГИДУВа М.И.Аксянцев, публицист и педагог С.С.Атнагулов, первый прокурор ТАССР, директор Казанского химико-технологического института Г.Б.Богаутдинов, писатель и педагог Ф.К.Сайфи-Казанлы, директор Казан-

ского института охраны труда С.М.Шварц, историк, профессор Н.Н.Эльвов, известные писатели Галимджан Ибрагимов, Карим Тинчурин, Шамиль Усманов. Выжить в застенках сталинских лагерей и вернуться домой смогли писатели Аяз Гилязов, Гурий Тавлин, Суббух Рафиков, поэт Хасан Туфан, генералы Нигмат Еникеев, Якуб Чанышев.

Но процесс реабилитации в 1950-е гг. носил незавершенный, половинчатый характер. За многими видными деятелями Татарстана 1920–1930-х гг. по-прежнему сохранялось злоещее по тем временам клеймо националистов, султангалиевцев. В сопроводительных письмах из высших судебных инстанций строго указывалось: «В случае установления ближайших родственников необходимо сообщать им лишь результат рассмотрения дела, не объявляя полностью содержания определений». Реабилитации не подлежали репрессированные во время насильственной коллективизации, борьбы с «национал-уклонизмом», преследовавшиеся по религиозным мотивам. Местные органы часто перестраховались при пересмотре дел по заявлениям пострадавших и их родственников, необоснованно отказывая в оправдательных решениях. Характерным свидетельством этому является докладная записка прокуратуры РСФСР о проверке работы прокуратуры ТАССР за 1959 г. По 22 проверенным российскими органами случаям все они заканчивались или необоснованными отказами со стороны прокуратуры ТАССР или отправкой дела на доследование даже при очевидности несправедливого наказания. Так, на дополнительную проверку было направлено дело А.Ш.Шакирова, который, как указывается в документе, был «старым членом партии и крупным ученым специалистом». В 1942 г. он был обвинен в организации антисоветской националистической деятельности, но в деле полностью отсутствовали доказательства вины Шакирова. Аналогичная ситуация сложилась по делам М.Ф.Бывальцева, А.Я.Прохорова, С.М.Шарафеева, В.Хамзина и др.

В середине 1950-х гг. наметилась определенная тенденция отхода от откровенно диктаторского режима, унитарной модели с сильным центром к рассредоточению части полномочий по отдельным регионам. Были

предприняты попытки повысить значение Советов в культурном строительстве. Также с 1957 г. Верховный Совет ТАССР, как и аналогичные органы в других автономных республиках, стал обсуждать годовые народнохозяйственные планы, составленные на основе директив центра. Были несколько расширены права исполнительских структур автономий в области руководства промышленностью, а также городских и районных Советов в основном по вопросам культурно-бытового строительства на своей территории. Расширению социалистической демократии должны были служить различные общественные организации, активно создававшиеся в рассматриваемый период на производстве, по месту жительства, в советских органах. Многочисленные домкомы, уличкомы, женсоветы, народные дружины, производственные общественные бюро и т.д. и т.п. были призваны направить энергию людей на установление коммунистических отношений в обществе, которые, как декларировалось в политических документах, через 20 лет должны были стать господствующими в СССР. Однако ни одно из общественных формирований не могло существовать без одобрения партийных и государственных органов, что показывало весьма ограниченные пределы курса на демократизацию общества.

Между тем, поворот к либерализации дал определенный импульс процессу духовного освобождения и возрождения надежд у людей на радикальное изменение политической атмосферы. В Татарской республике, как и в целом по стране, отмечались определенные попытки сформировать вне партийного и комсомольского влияния самостоятельные общественные организации, однако их деятельность, небезосновательно рассматриваемая властями как возможность возрождения оппозиционных политических течений, немедленно пресекалась.

Заметную деятельность по воплощению в социальную жизнь подлинных демократических принципов предпринимали студенты казанских вузов. Так, в Казанском финансово-экономическом институте в 1956 г. была предпринята попытка создания дискуссионного кружка, инициаторами которого выступили коммунист Саидгаджиев

и комсомольцы Гайнутдинов, Нуруллин, Турьянский, Катаев. В свой клуб они привлекали «только тех, кто имеет собственные мысли, кто может самостоятельно мыслить, независимо от нашей партийной идеологии» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп. 38, д.133, л.18]. В нем, как заявил Катаев на комсомольском собрании студенческой группы 29 ноября 1956 г., «студенты собирались обсуждать вопросы политики, экономики и культуры без опеки сверху» [Там же]. Были сделаны и первые шаги по осуществлению намеченного. Так, на одном из заседаний общества обсуждался вопрос «Является ли культ личности продуктом социалистического общества?» Заслуживает внимания высказывание по этому вопросу уже упоминавшегося Катаева: «Если бы у нас существовало две партии, не было бы и культа личности. Например, в капиталистических странах существует несколько партий, там нет, и не может быть культа личности». Интересно отметить, что Катаев подметил, как вместо культа личности Сталина в стране стал складываться культ личности Ленина» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп. 38, д.133, л.19].

Наряду с финансово-экономическим институтом «неблагонадежностью» отличались Казанские химико-технологический и ветеринарный институты. К примеру, в КХТИ студентами Сапожниковым и Фридманом «тайно, без ведома партийной и комсомольской организаций» был выпущен специальный номер стенной газеты «Голос курса», в передовице которой содержался призыв: «Ругать нужно все, что кажется неправильным, косным, бюрократическим» [Там же]. В ветеринарном институте большой резонанс получили публичные «дезорганизирующие, демагогические и антиобщественные» выступления студентов 5 курса Павлова, Липовцева, Ахметова, Ельцова, Чегвинцева и Сиразеева против проекта реформы высшего образования, предложенного Минвузом СССР [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп. 38, д.133, л.21].

Несмотря на то, что большинство конкретных предложений студентов сводилось к недовольству студентов организацией учебы и желанию внести в нее целесообразные, с их точки зрения, изменения, власти республики были весьма встревожены настроением студенческой молодежи. Во всех

вузах Казани были организованы собрания, на которых вышеназванные студенты были подвергнуты публичному осуждению. О том, что этим собраниям власти придавали далеко не формальное значение, говорил тот факт, что во всех без исключения вузах на них присутствовали авторитетные руководители республиканского значения. К примеру, в университете, химико-технологическом институте присутствовал секретарь обкома Батыев, в ветеринарном – Бадыгов, в сельскохозяйственном и авиационном – заместитель заведующего отделом науки, школ и культуры обкома КПСС Мангуткин и т.п. [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп. 38, д.133, л.22].

К тому же не для всех студентов их стремление к «демократическим излишествам» закончилось моральным наказанием. Инициаторы создания дискуссионного клуба в КФЭИ Катаев, Нуруллин были исключены из комсомола, Саидгаджиев – из КПСС, все трое были отчислены из института. Директору института Бунину и декану факультета Андрееву, на котором учились эти студенты, «за притупление политической бдительности» были наложены партийные взыскания [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп. 38, д.133, л.21].

Куда более суровым мерам подвергались люди, проявлявшие оппозиционные настроения по отношению к существующему строю не в виде публичных высказываний, а конкретных действий. Так, 16 августа 1957 г. в городе Чистополь было обнаружено четыре листовки «антисоветского содержания», прикрепленные на здании горсовета. После тщательного расследования их автор был установлен. Им оказался уроженец Чистополя, прибывший на каникулы студент четвертого курса Московского института международных отношений А.М.Васильев. Органами КГБ ТАССР он был арестован по знаменитой статье 58–10 [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп. 38, д.93, л.155]. В обнаруженном нами документе ЦГА ИПД РТ, автор листовок раскаивается и пытается объяснить происхождение своих оппозиционных взглядов причинами личного характера: отказом властей предоставить лучшие жилищные условия его родителям.

В данном конкретном случае, возможно, это и было одним из решающих факторов проявления нелояльного отношения

к власти. Однако, безусловно, связывать существование оппозиционных настроений в обществе только с подобными факторами нельзя. Также как вряд ли можно считать их случайными и единичными. Во всяком случае, документально подтверждается, что аналогичные «вылазки антисоветских враждебных элементов» в республике наблюдались. В подтверждение этому приведем сопровождающую записку секретаря Татарского обкома КПСС С.Батыева в отдел парт-органов по РСФСР В.М.Чураеву, датированную 12 февраля 1956 г. В ней, в частности, говорится: «Направляем при этом листовку «Обращение ко всем гражданам г. Казани» антисоветского содержания» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп. 38, д.93, л.71].

30 апреля 1956 г. в почтовых ящиках 35 казанских квартир было обнаружено письмо объемом в 5 страниц с «воззванием антисоветского содержания». В нем содержалось обращение к различным учреждениям и лицам Татарской и Башкирской АССР, Арзамасской, Чкаловской, Куйбышевской областей, преимущественно татарским пединститутам, училищам и школам. Текст письма–воззвания был написан от руки на татарском языке печатными буквами и размножен при помощи копировальной бумаги одним лицом, подписавшимся, как И.Бикбулат от имени «комитета по организации мнениями по вопросам национальной свободы».

Воззвание начиналось с заявления о притеснениях, которые «татарский народ терпел в течение 400 лет». Далее автор воззвания разоблачает политику русификации в области просвещения. Данная листовка любопытна тем, что ее автор в отличие от тех, кто письменно обращался в официальные инстанции, апеллирует, выражаясь его словами, к «чистым, свежим силам народа». Составитель или составители листовки не верили в созидательный потенциал власти, во всяком случае, при решении национального вопроса. В листовке по этому поводу говорится: «Ждать чего-то от ЦК или их наймитов на местах является самообманом ... Ныне сидящие во главе его зря сваливают на одного Сталина зверства, которые осуществлялись в течение 30–40 лет. Их руки также запачканы в крови, которая

пролита за годы диктатуры Сталина. Они помогли установить кровавую диктатуру. Господство Сталина, основанное на терроре, держалось с их помощью, а для татарского народа все равно, что один диктатор стоит во главе русского правительства, что 10–15 аристократов от имени партии, что национальная политика правящих коммунистов называется ленинской или сталинской. Основа их политики – русский шовинизм...». Исходя из этого, автор листовки делает вывод, что в ЦК КПСС обращаться бесполезно, но и к радикальной борьбе он не призывает, по сути дела идея текста – вести просветительскую работу среди татар, «разъясняя народу основы политики русских шовинистов» [РГАСПИ, ф.556, оп.14, д.55, л.15–17].

Под влиянием либеральных начинаний XX съезда КПСС широкие слои татарской интеллигенции выдвигали на самых различных уровнях заявления по повышению государственного статуса республики, принятию решений по развитию национальной культуры, языка.

Наиболее радикальные требования, связанные с необходимостью повышения государственного статуса ТАССР, исходили от представителей татарской интеллигенции. Еще до знаменитого XX съезда КПСС группа творческих деятелей республики направила письмо в ЦК КПСС, в котором наряду с вопросами культурного возрождения татар ставилась проблема предоставления Татарстану статуса союзной республики [Исхаков, 1997, с.34]. После же разоблачительной критики культа личности Сталина, прозвучавшей с трибуны съезда, выступления интеллигенции умножились и усилились.

В 1956 г. на собрании партийно-хозяйственного актива Бауманского района города Казани писатель Г.Кашшаф, говоря об огромном вреде культа личности в области исторических наук, литературы и искусства, открыто выразил надежду, что «ЦК партии займется вопросом возможности преобразования Татарии в союзную республику» [ЦГА ИПД РТ, ф.19, оп.45, д.72, л.108]. В 1957 г. писатель Н.Фаттах отправил письма с требованием реорганизации Татарской Автономной Республики в союзную республику первым лицам государства,

включая Н.С.Хрущева [Там же, ф.15, оп.38, д.196, л.111]. Прежде с этим вопросом он обращался в высшие инстанции в республике, где его суждения были расценены как ошибочные. О несправедливости пребывания Татарской республики в статусе автономии говорилось в письме в «Литературную газету» Г.Энверова и Ш.Фахруль-исламова, написанном также 1957 г. В своем послании «О будущем татарской нации» в это одно из самых популярных изданий того времени они, в частности, пишут: «Из-за такого второстепенного признака», как отсутствие границ с иностранными государствами, положение в наших школах и на приемных экзаменах в вузы отличается от положения в других республиках» [Там же, д.191, л.65].

Известный татарский писатель Ш.Маннур, отличавшийся умением говорить правду и следовать ей даже в период послевоенной сталинской реакции, за что был исключен из членов ВКП(б), после XX съезда КПСС не побоялся напрямую обратиться к первому лицу в государстве Н.С.Хрущеву с откровенным изложением своей тревоги относительно социально-экономической и социально-культурной ситуации в Татарской республике [РГАСПИ, ф.556, оп.14, д.55, л.108–116]. Особые опасения автора связаны с духовным состоянием татар. В частности Ш.Маннур отмечает: «У нас много запутанности, извращений в области просвещения, языка и литературы, культуры и искусства. В Казани и многих районах все делопроизводство, даже судопроизводство поставлено на русском языке. Наши руководители выступают только на русском языке. За послевоенное десятилетие татарская литература и искусство имеют очень незначительные сдвиги. Татарский драматический театр в особо трудном положении. Он из года в год расстается со своими лучшими старыми кадрами, а новых не выращивает. В это десятилетие секретари обкома руководили литературой и искусством только путем окрика, проработки, исключения и громовых постановлений. Поэтому развитие литературы и искусства не только не поощряется, а искусственно ограничивается. Несчастье в том, что эти товарищи не читают и не понимают своей литературы. От-

сюда отсутствие всякого живого партийного руководства этой областью».

Татарская интеллигенция в Казани принимала неоднократные попытки выработать стратегию консолидации татарской нации в меняющемся мире. На собрании Союза писателей в 1956 г. Амирхан Еники, Ахмет Файзи, Хатип Усманов подняли вопрос о необходимости создания некоего координационного культурного центра для всех шести миллионов татар, разбросанных по всей стране. Однако эта позиция была решительно отвергнута руководителями республики С.Игнатьевым и С.Батыевым как курс, ведущий к национальной обособленности, возвращение к «теории культурно-национальной автономии, давно разгромленной партией» [РГАСПИ, ф.556, оп.14, д.55, л.10–11].

Смелой гражданской позицией отличался и один из самых авторитетных татарских писателей Амирхан Еники. Опираясь на многочисленные факты, А.Еники публично выразил тревогу по поводу несоответствия в темпах развития экономики республики и качественных изменений в этническом развитии татар. «Я не скажу, что татарский народ исчезнет. Он будет жить и творить, но что будет с его культурой? Мне кажется, что за последние 15–20 лет в национальной политике (теоретические положения, безусловно, верны), в практике сделаны многие упущения», – сделал вывод писатель [РГАСПИ, ф.556, оп.15, д.31, л.8]. Высказывание А.Еники хорошо отражает отношение татарской интеллигенции к модернизационным процессам республики. Рассуждение писателя о верности теоретических положений в национальной политике и о том, что татарский народ будет жить и творить с одновременно высказанной тревогой о судьбе татарской культуры показывает, что татарская творческая интеллигенция приняла советскую модель социальной трансформации, но осознавала опасную тенденцию угасания этнического фактора в модернизирующейся республике.

Эта тенденция ощущалась не только в среде творческой элиты. Об этом свидетельствует письмо учителя из Альметьевского района Музафарова в редакцию газеты «Правда». Он предложил создать Татаро-тептярскую автономную республику в не-

фтяных районах юго-восточного Татарстана и западного Башкортостана [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп. 38, д.195, л.58]. На мой взгляд, это было вызвано желанием остановить стремительный процесс превращения нефтяного края в новый русскоязычный анклав, разъедающий культурогенную общность татар.

В еще большей степени этот процесс конулся тех татар, которые в результате приверженности советского руководства курсу экстенсификации экономики и интенсивного освоения новых территорий, оказывались за пределами ТАССР. Естественным порывом тех из них кто попал в результате политики плановой миграции в другую этническую среду, было сохранение национального духа. Вдали от родины они стремились создавать татарские ансамбли, самодеятельные театры, собирались по вечерам петь родные песни. Но остаться приверженцем родной культуры за пределами ТАССР было непросто. Так, в 1950-х гг. в шахтерском городе Прокопьевск Кемеровской области татары смогли организовать татарский ансамбль песни и пляски и татаро-башкирский ансамбль «Агидель», сформировали интересный репертуар, дали не менее двух десятков концертов. Однако их творческой деятельности не суждено было развиваться. Местный чиновник от культуры, запретив деятельность самодеятельных артистов, заявил: «Желаете слушать и исполнять национальные песни, поезжайте в Казань» [Сов. Т., 1990, 15 ноября].

В 1950-е гг. это вызывало у татар дух сопротивления, они обращались в высокие инстанции с жалобами на местную власть. Одно из таких писем было направлено в 1958 г. заслуженным учителем Казахской ССР, преподавателем Семипалатинского педагогического института М.Л.Ягудиным в руководящие органы КПСС в Москве, Алма-Аты, Казани. Автор подробно со всеми нюансами проанализировал культурно-политическую ситуацию в Казахстане, охарактеризовав ее как неблагоприятную для национальной самоидентификации живущих там татар. Ягудин пишет о свертывании работы татарских библиотек, других культурно-просветительских учреждений, радиопередач.

Характерно, что во всех упомянутых обращениях, на всех форумах, касавшихся национального вопроса, общественность

республики тревожилась, прежде всего, о судьбе татарского языка. В 1950-е гг. сфера его применения стремительно сужалась. Быстрые темпы роста промышленного развития в республике приводили к соответственному росту городского населения. В городах же средством общения на производстве, в учреждениях все чаще становился русский язык. Взрослое поколение городов, большинство из которых составляли недавние селяне, испытывавшие немалые трудности из-за плохого знания русского языка, хотели оградить своих детей от подобных проблем.

Видя бесперспективность совершенного знания татарского языка, даже многие представители татарской творческой интеллигенции стали обучать своих детей в русских школах. Об этом со всей прямотой сказал секретарь Татарского обкома КПСС К.Ф.Фасеев на Пленуме 1958 г., посвященном языковой ситуации в республике. «Получается интересная картина, – отмечает он, – учителя сами работают в татарских школах, договаривают других отдавать своих детей в татарские школы, а своих детей учат в русских школах». В подтверждение своих слов он приводит пример одной из Агрызских школ, в которой из 39 учителей–татар только двое обучали своих детей в татарской школе [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.39, д.141, л.33].

В столице республики татарская школа стала терять свою популярность уже с начала 1950-х гг., в 1958 г. в Казани работало только 3 татарские и 17 смешанных школ, 83% детей татар обучалось в русских школах [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп. 39а, д.77, л.44]. К концу 1950-х гг. значение национальной школы стало быстро снижаться и в других городах, и районных центрах республики. Количество детей, обучавшихся в татарских школах, в целом по республике сократилось в несколько раз.

О заметном снижении значения татарской школы свидетельствовали показатели поступающих в вузы. В конце 1950-х гг. среди студентов республики татары составляли только 28%, большинство из которых окончило русские школы. Так, в 1957 г. на первый курс Казанского университета было принято 620 человек, в т. ч. 173 татарина, но из них окончивших татарские средние школы было только 27 человек, 24 из кото-

рых было принято на отделение татарского языка. Казанский авиационный институт принял в 1957 г. 750 человек, в том числе 113 татар и только 11 – из татарских школ; Казанский финансово-экономический институт – 200 человек, в том числе 39 татар, из которых только 9 человек окончили татарские школы. В Казанский медицинский институт было принято 405 студентов, из них татар – 121 человек, в том числе окончивших татарские школы 18 человек [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп. 39 а, д.77. л.20].

Ради спасения татарского языка многие ее представители предлагали уже в детских садах создать отдельные татарские и русские группы. Популярной в среде татарской творческой элиты была и идея восстановления существовавших в 1920–1930-е гг. коренизированных групп в вузах, где преподавание осуществлялось бы на татарском языке. Наиболее радикальные представители татарской интеллигенции, в частности известный своими оппозиционными взглядами писатель Нурихан Фаттах, предлагали запретить учиться татарам в русских школах. В атмосфере усиления либеральных тенденций и под воздействием все более настоятельных выступлений интеллигенции в конце 1950-х гг. руководство республики принимает ряд мер, направленных на создание более благоприятных условий для развития татарского языка и национальной культуры в целом. Конечно, в этой связи, в первую очередь, необходимо сказать о майском (1958 г.) Пленуме обкома КПСС, на котором состояние развития национальной школы было подвергнуто обстоятельному анализу. Пленуму предшествовала тщательная предварительная работа подготовительной комиссии, в состав которой входили представители ЦК КПСС, признавшие ненормальным положение стремительного сокращения национальных школ.

Решающую роль в организации майского Пленума сыграл С.Д.Игнатъев, возглавивший осенью 1957 г. Татарский обком КПСС. Это хорошо видно из его выступления на одном из подготовительных заседаниях бюро Татарского обкома КПСС. «Осенью прошлого года мне довелось встретиться с писателями, которые взволнованно рассказали о состоянии развития культуры. К тому

времени я еще не представлял, как обстоит дело с языком, преподаванием, как полезен язык, чтобы партийный работник мог довести слово партии на родном языке. А когда стал присматриваться и изучать это дело, мне стало страшно. Я впервые за все время работы в национальных республиках встретился с таким положением, как здесь – неуважение к родному языку, отсутствие поддержки его, плохая работа по его развитию, совершенствованию, руководящие кадры стесняются говорить на родном языке, даже когда обязательно надо. Мы посоветовались после всего этого и решили поставить этот вопрос, как полагается, начать говорить, писать лозунги, призывы на татарском языке, заставить людей татар выступать с докладами на татарском языке и т.д. Но для того, чтобы не «перегнуть», потому что не считали себя большими специалистами, рассказали в ЦК партии и просили помочь нам...», – это начало пространной эмоциональной речи С.Д.Игнатъева [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.39, д.70, л.41–49], весьма точно передавшей непростую даже в период либеральных веяний XX съезда атмосферу вокруг национального вопроса. В выступлении явно чувствуются готовность и в то же время боязнь действовать во имя спасения национальной культуры, смешение мировоззрения коммуниста-функционера с искренним удивлением, если не сказать, потрясением от предательского отношения к родной культуре со стороны руководителей-татар в республике.

Майский Пленум (1958 г.) признал ненормальным положение стремительного сокращения национальных школ. Принятыми решениями предусматривалось обеспечить резкое повышение качества преподавания татарского языка и литературы, укрепить материально-техническую, учебно-методическую базу татарских школ, улучшить состав преподавателей. Намечалась также организация приемных экзаменов в вузы и техникумы по желанию абитуриентов на татарском языке. Серьезной критике было подвергнуто состояние научной разработки проблем национальной школы: недостаточное количество аспирантов по вопросам татарского языкознания, отсутствие научных трудов по методике преподавания родного и русского языков в татарской школе.

На Пленуме было обращено особое внимание на слабое использование национальных элементов в создававшейся социокультурной инфраструктуре, облике городов и сел. Характерно в этой связи выступление редактора газеты «Совет Татарстана» (ныне «Ватаным Татарстан») Рябкова. «Город Казань ничем не отличается от других приволжских городов, несмотря на то, что он является центром национальной республики. Ни в одних магазинах нет витрин, в учреждениях отсутствуют вывески на татарском языке. Пассажир, проходящий через станцию «Казань», через крупный речной порт не найдет ни одного лозунга, вывески, витрины на татарском языке – ведь это очень не хорошо. Вообще в городе наглядная агитация поставлена слабо, а на татарском языке – она совсем отсутствует. На такие факты можно натолкнуться и в других городах республики. Такое положение у части татарского населения вызывает раздражение, является пищей для кривотолков», – сказал Рябков [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.39, д.70, л.5]. Пленум признал ненормальным резкое ослабление организационно-политической работы среди населения и делопроизводства в министерствах и ведомствах на татарском языке, отсутствие вывесок, объявлений, лозунгов, плакатов на татарском языке. В связи с этим был принят комплекс мер по организации воспитательной работы на татарском языке в домах пионеров, клубах, библиотеках, театрах, парках, кинотеатрах и т. п.

Майский (1958 г.) Пленум ЦК КПСС сумел лишь продекларировать необходимость исправить положение в развитии татарского языка, но реализовать намеченное практически не удалось. К началу 1960-х гг. по мере того, как все четче проявлялась ограниченность либеральных преобразований в стране, творческих деятелей республики все чаще одергивали «за нездоровые суждения об ущемлении интересов татарского народа». В начале 1960-х гг. была свернута работа терминологической комиссии, активно работавшей в конце 1950-х гг. по усовершенствованию татарского алфавита с целью приблизить его к нормам татарского языка. В этот же период был предпринят ряд других мер, направленных против деятельности языковедов, журналистов, борющихся

за чистоту татарского языка, пытавшихся противостоять процессу искусственного обеднения его за счет подмены имевшихся в нем понятий русскими и иностранными терминами.

В 1960 г. по настоянию Москвы постановление Пленума Татарского обкома КПСС «О состоянии и мерах улучшения работы татарских общеобразовательных школ» (май 1958 г.) было признано ошибочным.

В связи с отменой постановления сменивший в 1960 г. С.Д.Игнатьева на посту первого секретаря Татарского обкома КПСС Ф.А.Табеев сказал: «Проведение в жизнь этого ошибочного решения могло привести к национальной ограниченности, замкнутости, к снижению требовательности в работе татарских школ относительно глубокого изучения русского языка» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.39, д.129, л.7]. Позиция официального Татарстана определялась интернационалистской фразеологией. Выступления первых лиц республики в это время были полны славословий в отношении проводившейся национальной политики и ее благотворного влияния на республику. Характеризуя процесс «прогрессивного сближения наций в период строительства коммунизма», Ф.А.Табеев на одном из собраний партийного актива заявил: «Хорошая основа для интернационального воспитания в республике имеется. У нас каждый производственный коллектив многонациональный, нет обособления по национальной принадлежности, по месту жительства, дети разных национальностей воспитываются в единых детских садах, а посмотрите, сколько у нас межнациональных браков» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.7, д.4528, л.23, 25].

О недовольстве новым поворотом в языковой политике в среде простого народа свидетельствовало, в частности, коллективное письмо в обком КПСС учащихся Усадского сельскохозяйственного училища в 1961 г. «Желающих учиться на татарском языке, – говорилось в письме, – зачисляют в русские группы, зачисленные в русские группы товарищи вынуждены бывают бросить учиться и уехать домой ... Недопустимо то положение, что человек только из-за незнания русского языка остался неквалифицированным. Этого раньше у нас не было. Только с осени

1960 г. начались такие порядки» [Там же, оп.42, д.20, л.14, 14 об.]. Однако языковая ситуация на протяжении следующих 20 лет только усугублялась.

Смена политического руководства в стране в 1964 г. возродила надежду, особенно в среде татарской интеллигенции, на возможность повышения государственного статуса республики. Татарские писатели вновь стали настойчиво обращаться с этим вопросом в самые различные инстанции и в связи с принятием Конституции СССР (1977 г.), РСФСР и ТАССР (1978 г.). Взаимоотношения руководства республики и интеллигенции по этому вопросу мастерски показаны в произведении А.Еники «Перед закатом», где он описывает свой диалог с Председателем Президиума Верховного Совета ТАССР С.Г.Батыевым по поводу целесообразности отправки своего письма Л.И.Брежневу относительно статуса Татарской республики [Еники, 1996, с.119–121]. Из рассказа аксакала татарской культуры видно, что власти республики придерживались позиции профанации, не реагируя на попытки национальной интеллигенции к постановке и решению назревших этнополитических проблем.

С обстоятельным письмом о преобразовании ТАССР в союзную республику обратился к Л.И.Брежневу участник Великой Отечественной войны, коммунист Гайнулла Яфаев. Свое предложение он обосновал шестью пунктами, доказывавшими неполноценность статуса автономной республики: это отличия между союзными и автономными республиками в нормах представительства в Совете Национальностей Верховного Совета СССР, отсутствие в Татарской республике Академии наук и киностудии, недостаточная популяризация произведений татарской культуры на союзном радио и телевидении, отсутствие павильона Татарской АССР на ВДНХ²⁴. Интересно отметить, что от татар, проживавших в Татарской республике, поступали предложения и о восстановлении автономии крымских татар [ГАРФ, ф. А259, оп.46, д.7012, л.108]. Что касается официальной позиции, то необходимо от-

метить, что с согласия руководства РСФСР был также подготовлен проект Конституции Татарстана как союзной республики, который обсуждался на одном из заседаний в Научном Совете по национальным проблемам при Секции общественных наук Президиума АН СССР [Дробижева, 1997, с.69]. Но ни в середине 1960-х, ни тем более в конце 1970-х гг., когда брежневско-суловский консерватизм достиг своего апогея, вопрос о преобразовании ТАССР в союзную республику решен не был.

По мере того, как тональность официальной трактовки достижений национальной политики становилась все более радужной, оппозиционные настроения в обществе росли. Правда, обретали они все больше так называемый катакомбный характер. Интеллигенция все больше дистанцировалась от властей, в ее среде складывались неформальные общественные группы со своими, независимыми оценками явлений, своими культурными пристрастиями, внутренними связями. О национальных проблемах много говорилось на литературных вечерах, кружках, съездах творческих работников, во время неформальных встреч в кругу единомышленников. В 1960-е гг. популярными были поездки творческой интеллигенции в Болгар, где у древних святынь острота наболевших проблем ощущалась по-особому, и они обсуждались с особой откровенностью. Представители татарской интеллигенции не только говорили о наболевших проблемах. В 1964–1965 гг. в республике активно действовала татарская неформальная группа. Она стремилась поддерживать национальное самосознание татар, живших за пределами республики, снабжая их татарской литературой, республиканскими газетами и журналами [Галлямова, 1997 а, с.202].

Татарская интеллигенция не просто говорила о вызывающем тревогу состоянии национальной культуры, но и пыталась действовать, все больше дистанцируясь от властей. В ее среде складывались неформальные общественные группы со своими независимыми подходами к оценке явлений, своими культурными пристрастиями. В августе 1964 г. в КГБ при Совете министров ТАССР поступил сигнал о группе молодых инженеров, проявлявших недовольство культурно-

²⁴ Из архива Р.У.Амирханова, переданного автору в 2000 г.

языковой ситуацией в республике. Это были аппаратчик завода «Оргсинтез» Тауфик Айди, ставший впоследствии писателем, работники ЦКБ при Казанском оптико-механическом заводе (КОМЗ) Э. Зайнуллин, М.Мухаметзянов, Хасибуллин. В одном из донесений КГБ Татарскому обкому КПСС отмечалось, что Т. Айдельдинов пользуется среди известной части татарской молодежи репутацией «теоретика и поборника за интересы национальной культуры». Согласно этому донесению, основная деятельность Т. Айди состояла в написании как анонимных, так и от имени группы лиц писем-обращений в партийно-государственные органы об угнетении татарского народа. В них автор обращал внимание на малое количество радиопередач на татарском языке, на отсутствие татарского кино, татарского симфонического оркестра, общетатарской всесоюзной газеты, на недостаточное издание книг татарских писателей.

За членами этой неформальной группы была установлена самая настоящая слежка. Согласно материалам органов госбезопасности, Э.Зайнуллин, выступая 29 октября 1964 г. на литературном вечере во Дворце культуры в Дербышках, обрушился с резкой критикой на профессора М.Закиева, писавшего о необходимости обогащать татарский язык за счет средств русского. 27 января и 18 февраля 1965 г. в этом же Дворце культуры на литературных вечерах против официальной позиции в языковом вопросе выступили Хасибуллин и М.Мухаметзянов. В марте 1965 г. на читательской конференции в республиканской библиотеке Э.Зайнуллин снова подчеркнул, что татарский литературный язык «теряет свое лицо и русифицируется» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.7, д.85, л.14]. Выступления Э.Зайнуллина и М.Мухаметзянова, названные сотрудником КГБ «проповедью национальной ограниченности», прозвучали на многолюдном литературном вечере, посвященном памяти Г.Тукая, в апреле 1965 г. в том же Дворце культуры. Никто из присутствовавших на вечере, а среди них были многие видные представители творческой общественности, например Х.Туфан, Г.Латып, Г.Халит, не возразил им, что свидетельствовало о том, что выступавшие являлись выразителями об-

щих настроений [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.7, д.85, л.15].

В апреле 1965 г. Т.Айди был приглашен в Ленинский райком ВЛКСМ, где он продолжал отстаивать собственную позицию, говоря об отставании татарской культуры от культуры среднеазиатских народов, о необходимости создания условий для получения высшего образования на татарском языке. Чуть позднее, в июне 1965 г., на профилактическую беседу в КГБ на печально известное «Черное озеро» были приглашены М.Мухаметзянов и Э.Зайнуллин, которые продолжали настаивать на собственной позиции, говоря об упадке татарского образования, отсутствии татарской газеты на КОМЗе, работниками которого являлись. Беседа закончилась предупреждением М.Мухаметзянова и Э.Зайнуллина, что если они не осознают свои «ошибки», то в их отношении будут применены иные меры воздействия.

Однако и после профилактической беседы в КГБ Т.Айдельдинов, Э.Зайнуллин, М.Мухаметзянов, отказавшись от публичных выступлений, продолжали «скрытную националистическую обработку» контактировавших с ними граждан. Так, летом 1965 г. Т.Айдельдинов и М.Мухаметзянов совершили поездки в другие области Татарской республики в качестве распространителей газет и журналов. В ноябре–декабре того же года М.Мухаметзянов несколько раз посетил Московскую мечеть, где продолжал «в националистическом духе активно обрабатывать ее служителей». В докладной содержатся сведения и о тех, кто поддавался их влиянию. Так, сообщается о художнике Якупове, который вел дневник, где излагал свои взгляды по национальному вопросу. Одна из его записей приведена в докладной: «Пока существует данное государство, татарам свободы не может быть» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.7, д.85, л.15].

Судя по докладной, неформальная группа прекратила свою активную деятельность лишь в конце 1966 – начале 1967 гг. В ноябре 1966 г., после поступившего в КГБ сигнала о том, что у Т.Айдельдинова «имеется множество документов, представлявших оперативный интерес», на его квартире был проведен негласный осмотр. В результате,

было обнаружено и сфотографировано много рукописей и копий писем-обращений в разные инстанции, в которых он, ссылаясь на многочисленные статистические и справочные данные, обосновывает принижённое положение татарского народа. После этого профилактические беседы были проведены не только с Т.Айдельдиновым, М.Мухаметзяновым и Э.Зайнуллиным, но и с их женами.

В стремлении противостоять этнической ассимиляции данная «националистическая группа» была не одинока. Находились в республике и другие смельчаки, открыто выражавшие недовольство проводившейся национальной политикой. В 1968 г. дело дошло до разбрасывания листовок на республиканском съезде писателей, который проходил в здании Татарского театра. В них содержалось требование организовать молодежный татарский журнал. Авторами листовок были начинающие писатели Р.Валеев, З.Маликов, М.Мансуров [Идель, 1994, №7–8, с.21–23]. Отдавая должное личному мужеству и самоотверженности этих людей, нельзя, однако, не учитывать, что их оппозиционная деятельность приходилась на время модернизации советского строя, а не его утверждения и освобождения от рудиментов старого строя. Режим победил, и ему не нужно было уже прибегать к таким формам расправы с оппонентами, как репрессии. Конечно, власти не могли не замечать громких заявлений об упадке татарской культуры, связанном с политическими условиями в стране. Активисты-оппозиционеры неоднократно вызывались в КГБ на так называемые профилактические беседы. Но тот факт, что и после них социальное поведение «неформалов» не менялось, позволяет говорить о достаточно лояльном отношении к ним. Возможно, это связано с тем, что деятельность «националистических групп» имела не очень сильный общественный резонанс.

Оппозиционность национальной интеллигенции имела и опосредованный характер, проявлявшийся и в противостоянии многих представителей татарской интеллигенции конформизму в своем творчестве. К примеру, редакция журнала «Казан утлары» часто давала публикации, темы которых не вполне поощрялись властями. Замет-

ный общественный резонанс вызвала развернутая на страницах журнала дискуссия о происхождении башни Сююмбеки, не перестававшая волновать общественность на протяжении всего советского периода. Начало дискуссии положил известный татарский артист Г.Шамуков, написавший статью, в которой убедительно доказывалось татарское происхождение этой башни.

С этой же целью в июле 1969 г. житель Казани И.Сибгатуллин написал в Верховный Совет СССР, а также главным редакторам центральных газет письмо, в котором, опираясь на многочисленные источники, обосновал вывод о башне Сююмбеки как о подлинном памятнике «татарского владычества» в Казани, являвшейся минаретом «Муралеевой мечети». И.Сибгатуллин также неоднократно обращался в самые разные официальные инстанции, указывая на двойные стандарты проводимой политики интернационализма, которая допускала возможность оскорбления национальных чувств татар в русской литературе. Так, он требовал принятия мер по отношению к русским писателям Борису Шергину (автору произведения «Илья Муромец»), Анатолию Ананьеву (автору романа «Танки идут ромбом»), допустившим, по его мнению, «оскорбление национального достоинства татар» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.7, д.644, л.27–29].

В послевоенные десятилетия в Татарской республике стремительно нарастала тенденция невостремленности складывавшейся веками культуры татарского народа, особенно со стороны его наиболее образованной части – интеллигенции, духовный мир которой все больше формировался на основе русской и зарубежной культур, пропущенных к тому же «через сито» официальной идеологии. В татарском народе, постоянно испытывавшем своеобразную «презумпцию виновности», явно обозначился процесс глубокой культурной мутации. Наблюдавшиеся в этот период недооценка, а часто и прямое игнорирование национальных особенностей и интересов, унификация и стандартизация духовной жизни, сопровождавшиеся потерей этнических форм самовыражения, вели к утверждению нигилистического отношения к своей национальности, родному языку, культуре, традициям. В воспитательном про-

цессе постепенно атрофировались чувства национальной гордости, чести, достоинства татар. Так, в 1975 г. имя З.Космодемьянской носили 183 средние школы Татарстана, О.Косевого – 67, а имя Г.Гафиатуллина, повторившего подвиг А.Матросова, – лишь одна школа. Из 993 пионерских дружин только 48 носили имена прославившихся земляков [Андреева, 1989, с.101].

В условиях «растущей интернационализации» стремительно росло и увеличивалось число татар, ориентировавшихся на совершенное знание русского языка, что неизбежно вело к вытеснению родного языка из общеобразовательной школы. В середине 1960-х гг. дети рабочих-татар, хорошо владевшие татарским языком, но предпочитавшие учиться в русских школах, составляли большую часть учащихся. Так, согласно данным анкетных опросов, проведенных на казанских предприятиях, почти 88% детей из семей рабочих-татар обучалось в школах на русском языке. Многие татары старались не манифестировать свою национальность. На улицах редко можно было услышать татарскую речь, городская молодежь изменяла свои имена на русский лад.

Вместе с тем, и в 1980-е гг. общественность республики продолжала выражать недовольство языковой ситуацией в ней. Об этом, в частности свидетельствует письмо Д.Касимова, направленное в обком КПСС в 1980 г., в котором он замечает: «Воспитывая татарских детей с раннего детского возраста в русских яслях, в русских детсадах, в русских школах, у них выветривают национальные чувства, родной язык, родную культуру, быт и т.д. В республике шла, идет интенсивная русификация татарского народа, коренных народов нашей земли» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.8, д.1573, л.64]. О потребности учить и знать татарский язык заявляли не только татары. Так, из письма А.Кацюбы становится понятным, что лицам нетатарской национальности выучить татарский язык было практически невозможно даже в Казани. В письме в газету «Вечерняя Казань» (1981 г.) она написала: «Я прожила в Казани большую часть жизни, но не умею говорить по-татарски. С величайшим трудом мне удалось раздобыть самоучитель Р.С.Газизова, изданный в 1960 г.

тиражом 6 тыс. экземпляров. ...с его помощью я усвоила грамматический строй татарского языка, набрала определенный запас слов». Далее читательница просила организовать какие-нибудь курсы, так как, пишет она, «в своем желании научиться говорить по-татарски я далеко не одинока» [Веч. Каз., 1981, 20 янв.].

«Размывание» этнического облика Татарстана было подмечено татариним из Казахстана, написавшим в Татарский обком КПСС: «Два года тому назад (в 1978 г. – А.Г.) по служебным делам мне посчастливилось впервые в своей жизни побывать на родине моих предков в Татарии, ну и конечно, в Казани. Какой разительный контраст с Алма-Атой! Практически вся наглядная агитация, вся реклама, все вывески, названия культурно-бытовых объектов и т.д., только на русском языке. И если бы не приветствие на вокзале «Рахим итегез Татарстанга!» да милый говор старушек в автобусах и трамваях, можно было бы не поверить своему счастью. Почему и от чьего имени тов. Р.Сабилов на страницах «Правды» предлагает назвать будущий город строителей татарской атомной электростанции Камскими Полями? Может быть, достаточно Нижнекамска, Набережных Челнов, Зеленодольска, Чистополя, Спасска и т.д. и т.п.?» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.8, д.1573, л.20].

В 1960–1970-е гг. в фазу активной социальной и производственной жизни вступало поколение, родившееся после революции. Подрастала молодежь, не видевшая войны. Учитывая это, особое внимание в идеологической работе власти уделяли прославлению большевиков в революции, гражданской войне, советского народа – в Великой Отечественной войне. Особый пропагандистский размах отмечался накануне юбилейных дат, связанных с послеоктябрьской историей. В это время широкое распространение получали общественно-политические чтения, кинолектории, вечера революционной, боевой и трудовой славы. Целые «сериалы» помпезных мероприятий вызывали юбилейные даты, связанные с Великой Октябрьской революцией, Великой Отечественной войной.

В Татарской республике особенно шумно и с размахом отмечались даты, связанные

с Лениным. Здесь было много исторических мест, связанных с его именем: доме-музее Ленина в Казани, в Ленино-Кокушкино, Ленинский мемориал в Казанском университете. Вошло в традицию принимать здесь в пионеры, в комсомол, проводить конференции по ленинской тематике. Ленинский урок, ленинский зачет, ленинские чтения – после разоблачения культа личности Сталина это были чуть ли не самые употребляемые понятия во внутривосточной работе.

Традиционным стало проведение 16 декабря в актовом зале КГУ сходки в память о выступлении студентов в 1887 г., в котором, будучи первокурсником юридического факультета КГУ, принял участие Владимир Ульянов. В школах города активизировалась работа по воспитанию учащихся на примере жизни и деятельности В.И.Ленина. Идолизация вождя мирового пролетариата не знала пределов. В 1980-х гг. в Казани насчитывалось около 20 памятников, посвященных ему [Веч. Каз., 1987, 23 окт.], причем, только два из них, установленные в 1954 г., – напротив главного здания КГУ и на Площади Свободы – представляли собой художественную ценность. Своего рода кульминационной точкой в увековечивании памяти Ленина явилось сооружение на берегу Казанки среди казанских трущоб огромного красного здания Ленинского мемориала, пророчески названного поэтом Евтушенко крематорием. Действительно, недолго это массивное краснокаменное здание просуществовало в качестве «храма» коммунистической идеологии. Вскоре после его возведения рухнула ее монополия вместе с государственной системой, в которой она господствовала, и в здании разместился Национальный культурный центр (НКЦ).

Помимо ленинских мероприятий в политической жизни Казани большое место отводилось проведению юбилеев татарских революционеров и тех, кто был причислен к их предшественникам: Х.Ямашева, Г.Кулахметова, Г.Ибрагимова, М.Гафури, К.Насыри, М.Вахитова.

Большое значение придавалось внедрению советских ритуалов. В середине 1960-х гг. предпринимались настойчивые попытки по организации торжественных проводов в армию, вручения паспортов, чествованию

рабочих династий, проводов на пенсию, торжественных регистраций браков, новорожденных. 18 ноября 1965 г. у Речного порта был заложен «Парк молодоженов». Такие парки были созданы в Ленинском и Кировском районах Казани.

В сердцах людей не встречали отклик даже бесплатные, но идеологически окрашенные мероприятия, порой подготовленные на высоком профессиональном уровне. Так, в республике не прижились политические клубы «Родина», «Прометей», «Глобус», молодежь не считала их своими, «всамделишными». Тщетность идеологических мероприятий подтверждала слабая посещаемость спектаклей на историко-революционную тему. К примеру, спектакль, поставленный в театре им. Качалова «Города ветров» А.Киршона на революционно-патриотическую тему, носивший откровенно политический пафосный характер, не нашел отклика в зале: зрители уходили с представления. Та же участь постигла спектакль о комсомоле Н.Мирошниченко «Берегите белую птицу» [Хакимов, 1989, с.75]. Однако от творческих коллективов требовали наличия в репертуаре идеологически заостренных произведений. Во второй половине 1970-х гг. в Камаловском театре были поставлены спектакли Л.Леонова «Нашествие», М.Шатрова «Большевики». В декабре 1964 г. лекция-концерт «Муса Джалиль и татарская музыка», организованная Татгосфилармонией в рамках работы университетов культуры. Все они проходили в полупустых залах, где присутствовало всего 20–30 человек [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.7, д.354 а, л.6].

В 1965 г. Татарский обком КПСС подверг критике работу филармонии за то, что она не стала центром пропаганды лучших произведений советских композиторов, писателей и поэтов. При этом за исполнение «преимущественно легковесных песен» «досталось» популярным исполнителям народных песен А.Авзаловой, Д.Саляховой, З.Басыровой, Г.Рахимкулову и др. [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.7, д.354 а, л.6]. Нарекания властей вызывало аполитичное не комплиментарное отношение к советской действительности со стороны коллектива филармонии. В 1960–1970-е гг. песенное творчество

композиторов с официальной трибуны часто упрекали за господство в нем темы грусти и меланхолии, отсутствие социальной направленности. Кроме того, коллектив филармонии в середине 1960-х гг. был подвергнут критике за слабую коммунистическую прослойку: в творческом коллективе филармонии из 200 человек было только 14 коммунистов и 2 кандидата в члены КПСС [Там же, ф.15, оп. 7, д. 354 а, л.9].

В целом, в обществе нарастали социальная пассивность, скептицизм, политическая апатия. Неприятие игры в общественно-политическую активность выражалась в массовом эскапизме, т.е. «уходе» людей в себя, семью, с работы интеллектуального характера в грузчики, дворники и т. д.

Слабая гражданская позиция была прямым следствием отсутствия возможностей для ее реального проявления. Ярким свидетельством тому явилось закрытие в 1970-е гг. школы общения в Молодежном центре, мотивированное аморальным поведением ее руководителя. В действительности, по воспоминаниям очевидцев, здесь собиралась неординарная молодежь, ставившая острые политические не всегда удобные для власти вопросы, затевавшая интересные дискуссии на злободневные темы.

Еще более очевидным свидетельством опасных последствий проявления принципиальной гражданской позиции является судьба казанца Р.Илялова, являвшегося тогда специальным корреспондентом «Учительской газеты». Р.Илялов не побоялся заявить открыто протест относительно ввода советских войск в Чехословакию. За две недели до известной демонстрации, организованной диссидентами в Москве в августе 1968 г. во время событий в Праге, Р.Илялов написал письмо–предупреждение «Всяк в своем доме хозяин» о готовящейся агрессии, рассчитывая, что оно будет опубликовано в газете «Руде право». Не получив никакого ответа, Илялов написал еще одно письмо «Не помощь, а оккупация», адресованное в издания ряда коммунистических партий. Оба письма оказались совсем в другой инстанции и были расценены как «антипартийные». Рамзи Илялович написал обстоятельное письмо и в Контрольную партийную комиссию при ЦК КПСС, где

помимо советской агрессии в Чехословакии, он указывал на изъяны политического порядка в СССР [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.7, д.645, л.15]. За свое вольнодумство он был подвергнут инспирированному «общественному осуждению», поплатился партийным билетом. После рассмотрения персонального дела на заседании Бауманского райкома КПСС 21 ноября 1968 г. Р.Илялов был исключен из рядов партии. Данное постановление было отменено лишь спустя 21 год.

Конечно, отсутствие других подобных инцидентов диссидентского характера в республике не отмечалось, что вовсе не означает здесь отсутствие оппозиционно настроенных граждан. В вузовских аудиториях, институтских лабораториях, конструкторских бюро, студенческих общежитиях, наконец, просто дома на кухне, нарастание негативных процессов в обществе становилось вполголоса обсуждаемой темой споров. Люди старались проникнуть за идеологическую ширму, прослушивая тщательно заглушавшиеся передачи западных радиостанций: «Голос Америки», «Би-Би-Си», «Немецкая волна». Иногда это заканчивалось профилактическими беседами на «Черном озере». Так, в докладной записке председателя КГБ при Совете министров ТАССР А.Бичурина, относящейся к периоду 1970-х гг., сообщается о профилактировании сборщика Чистопольского завода А.И.Улитина, преподавателя КИСИ Б.С.Калыгина, художников А.А.Прокопьева, Н.С.Уткина, электромонтера ЖКО завода им. Горького С.А.Потапова, заместителя начальника завода «Оргсинтез» В.М.Яблокова, рабочего трампарка В.С.Смирнова. Основной причиной вызова этих людей на «Черное озеро» являлся зафиксированный спецслужбами их интерес к информации в зарубежных СМИ, расцененный как антисоветская позиция [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.7, д.85, л.52–60].

В другом официальном документе как преступление расценивалась тяга к западной музыке. Об этом можно судить по следующему отрывку из докладной КГБ: «От безделья и тунеядства легко впасть в аполитическое состояние, а от него к преступлению. Недавно в Казани была раскрыта тунеядствующая группа молодых людей из

42 человек, которые занимались прослушиванием «Голоса Америки» и «Би-Би-Си», они записывали американскую и английскую джаспераздирающую джазовую музыку на пленку и организовывали ее сбыт из-под полы в магазинах грампластинок» [Там же, ф.15, оп.41, д.140, л.8-9].

Широкое распространение в Казани получило «радиоулиганство», заключавшееся в том, что 14–18-летние подростки кустарным способом изготавливали радиопередатчики устройства и при помощи обычных радиоприемников выходили в эфир под названиями, бросавшими вызов официальной идеологии, например, «Доллар», «Христос», «Рваный сапог», «Лондон», «Разноэтажная Америка», «Би-Би-Си». «Радиоулиганы» устанавливали между собой двухстороннюю радиосвязь, прокручивали грамзаписи диких джазов «Атомная бомба», «Туберкулезные палочки», «Диксен-рок». Радиоулиганство было столь популярно среди молодежи, что обычные пропагандистские методы борьбы через средства массовой информации не помогали, а скорее, наоборот, прибавляли им симпатии со стороны окружающих. Как отмечалось в справке КГБ, «после комплекса проведенных бесед личным и через средства массовой информации количество радиоулиганов даже увеличилось». При этом в обществе наблюдалась не афишируемая солидарность с радиоулиганами: «Подавляющее большинство родителей ... поощряют их занятие радиоулиганством ... Некоторые народные судьи при определении мер наказания за радиоулиганство проявляют излишнюю мягкость и не выносят постановлений о конфискации у радиоулиганов используемой при выходе в эфир радиоаппаратуры на том основании, что она принадлежит не им, а их родите-

лям. Имеются случаи, когда постановления судов по различным, зачастую необъективным причинам не исполняются судебными исполнителями», – сообщает работник КГБ [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.45, д.25, л.2–5].

Важным фактором молодежной жизни 1960–1970-х гг. являлись мероприятия, связанные с авторской песней. В них не было идеологической риторики, часто звучал критический настрой. Комитеты ВЛКСМ пытались направить ее в нужное русло, организовывая конкурсы самодеятельной песни. Однако среди молодежи более популярными были несанкционированные выезды за город, где гитара становилась как бы символом, объединяющим единомышленников. В этот период свою творческую деятельность начинали известные казанские барды Л.Сергеев, Б.Львович, В.Муравьев.

Конечно, синдром постоянного идеологического сдавливания приводил не всегда к благородным привлекательным формам общественной оппозиции. Нередко молодежь, безразлично относившаяся к мертворожденным идеологическим союзам, клубам, комитетам, объединялась в агрессивные группировки. Стихийная самоорганизация эпатажной молодежи в виде банд с их единственным культом – насилия – распространилась по всей стране. Однако особо выраженная антисоциальная активность, вылившаяся в ряд широко освещавшихся в прессе преступлений, нередко и с трагическим концом, приобрела широкую известность под названием «казанский феномен». Не последнюю роль здесь сыграла атрофия национального самосознания, несущего среди других важных функций – функцию самовоспитания, наделяющего понятием национальной совести, дающего нравственно-этические ориентиры.

ГЛАВА 8

Социально-экономическое развитие ТАССР в 1945 – середине 1980-х гг.

Альфия Галлямова

Промышленное развитие. Во второй половине XX в. Татарская АССР среди других регионов Советского Союза выделялась высокими темпами промышленного развития. Это объяснялось послевоенной государственной стратегией, в соответствии с которой республике отводилась роль важной тыловой базы, а также развертыванием на юго-востоке нефтедобывающей промышленности и связанной с ней Камской промышленной зоны на севере республики. Уже в первые послевоенные десятилетия темпы роста валовой продукции крупной промышленности Татарской АССР намного превышали средние показатели по СССР. Так, если в СССР она выросла в 1959 г. по сравнению с 1913 г. в 45,3 раза, то в ТАССР – в 146 раз [Зайцев, 1957, с.43].

Во второй половине 1940-х гг. строительство новых промышленных предприятий, ориентированных на общесоюзные нужды, развернулось в Казани, остававшейся сердцевинной единственного в республике Казанско-Зеленодольского промышленного узла. Прочное место в ее экономике занял военно-промышленный комплекс (ВПК), в котором видное место занимал авиационный завод им. Горбунова, освоивший в 1940-е гг. выпуск стратегических бомбардировщиков ТУ-4, способных нести ядерное оружие [ЦГА ИПД РТ, ф.26, оп.33, д.40, л.23]. В 1953 г. завод первым в стране освоил выпуск скоростных реактивных бомбардировщиков ТУ-16. Многие годы они являлись основой советской боевой стратегической авиации. На самолетах, выпущенных заводом, были осуществлены многие мировые авиационные рекорды. В 1955 г. в Казани в системе авиационной промышленности было создано особое конструкторское бюро (ОКБ) по созданию специальной радио-

измерительной аппаратуры, необходимой для радиолокационных станций. ОКБ разрабатывало темы под кодовыми названиями «Уран», «Грунт», «Акация», «Флокс», «Вольт». Кроме того, завод внес большой вклад и в развитие гражданской авиации. С 1956 г. здесь было налажено серийное производство первого в мире реактивного пассажирского самолета ТУ-104. В последующие десять лет этот лайнер оставался одним из самых «дальних» самолетов аэрофлота. В 1957 г. завод осуществил выпуск многоместных пассажирских самолетов ТУ-110 и ТУ-110А, антенных устройств для радиолокационных станций «Тюльпан» и «Дунай» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.42, д.11, л.16].

Вторым по значению в системе ВПК являлся моторостроительный завод. В 1945 г. его коллектив стал работать над созданием первого в стране реактивного двигателя РД-20 с осевым компрессором. С 1946 г. завод приступил к серийному производству этих двигателей, а с 1950 г. начал осваивать современный реактивный двигатель с центробежным компрессором ВК-1. В 1953 г. завод стал выпускать двигатели АМ-3 для скоростных бомбардировщиков дальнего действия. В 1957 г. была создана новая модификация – двигатель РД-3М, который обеспечил большую дальность, скорость и высоту полета [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп. 37, д.162, л. 1–3].

Зеленодольский судостроительный завод производил корабли противолодочной обороны. Здесь был спроектирован быстроходный корабль на подводных крыльях «Сokol», не имевший аналогов ни в отечественном, ни в зарубежном судостроении. При заводе было организовано конструкторское бюро, которое осуществляло стратегически важные разработки по созданию противоло-

дочной обороны страны. К началу 1960-х гг. Зеленодольский завод освоил производство радиолокационных станций «Лоза», «Онега», «Дозор», «Сура», «Кулой», «Увиго», «Вико», «Тренажер», «Тюльпан», контрольно-проверочной аппаратуры гидроскопов ракет [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.42, д.11, л.20].

В 1950-е гг. совершенствовалось производство на вертолетном заводе. В 1957–1958 гг. был увеличен ресурс боевого вертолета, в 1959 г. завод стал производить вертолеты пассажирского варианта. Завод «Радиоприбор» освоил выпуск станции наведения «Протон», радиолокационной станции ближней навигации «Свод», контрольно-проверочной аппаратуры к ней, телевизионного прицела ТП-1, приставки станции опознавания Хром и Хром-никель. Завод математических машин организовал серийный выпуск приборов инфранизких частот, счетно-вычислительного устройства «Гранит-2», электронно-математической машины М-20 [История Казани, 2004, с.214–215]. Высокими темпами росло производство продукции, особенно военного предназначения на заводе штепсельных разъемов, опытном заводе вакуумного машиностроения (со второй половины 1970-х гг. производственные объединения «Электрон», «Вакууммаш») и других.

К началу 1990-х гг. 40% экономического потенциала республики составляли предприятия, выпускавшие военную продукцию [Сов.Т.,1990, 15 дек.].

Во второй половине XX в. обнаружилось нефтяное «призвание» юго-востока республики, и он начал активно индустриализироваться. Государство придавало огромное значение освоению открытых в годы войны нефтяных месторождений Татарстана, о чем свидетельствует величина выделенных для этого средств. В 1951–1955 гг. в нефтедобывающую отрасль республики было вложено более 5 млрд руб., больше, чем во всю ее промышленность с начала индустриализации [Бурнашева, 1960, с.258].

Объемы добывавшейся в Татарской республике нефти по сравнению с другими регионами страны увеличивались несравнимо более высокими темпами. Так, если по Советскому Союзу в первой половине 1950-х гг. они выросли чуть более чем в 2 раза, то в Татарстане – почти в 21 раз. Это

позволило республике уже в середине 1950-х гг. стать бесспорным лидером в нефтедобывающей отрасли страны [Байбаков, 1984, с.199]. Татарстан занимал ведущие позиции не только по объемам добывавшейся нефти, но и в применении новых технологических решений. Неслучайно, в 1960-е гг. появилось понятие «татарская школа», означавшее всеобщее признание достижений нефтяников республики в организации добычи «черного золота». На здешних месторождениях впервые в мире было применено внутриконтурное заводнение, иными словами закачивание в нефтяные пласты воды вместо глинистых растворов, что позволяло добывать самую дешевую нефть в стране и экономить многие миллиарды рублей государственных средств. С 1952 г. нефтяники Татарстана первыми в стране полностью перешли с роторного бурения на турбинное. В результате, скорости, полученные в республике, превысили аналогичные показатели американских буровиков в схожих геологических условиях. Это вызвало интерес к советским турбобурам со стороны американцев, приобретших на них лицензию. Благодаря нефтяной отрасли к середине 1960-х гг. республика заняла первое место среди автономных республик по выпуску валовой продукции [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.7, д.270, л.16]. Огромная роль в становлении нефтяной промышленности на юго-востоке Татарстана принадлежит первым руководителям «Татнефти» А.Т.Шмареву, В.Д.Шашину, Р.Ш.Мингареву.

К концу 1960-х гг. нефтяная отрасль достигла пика производства и стала играть решающую роль в экспортных ресурсах страны. В 1970 г. Татария добилась рекордного объема добычи нефти в 100 млн. т в год и удерживала эту высокую планку до середины 1970-х гг. В начале 1970-х гг. лишь 5 стран мира (США, Саудовская Аравия, Иран, Венесуэла и Ирак) добывали нефти больше, чем Татарстан [Зарипов, 1986, с.121]. К 1971 г. из недр республики был извлечен 1 млрд. т нефти, фактически, за 25 лет, в то время, как первый млрд. «черного золота» в России добывали в течение 90 лет [Зарипов, 1986, с.121]. В так называемый брежневский период экономика СССР во многом держалась благодаря «нефтедолларам».

Начиная со второй половины 1970-х гг., развитие нефтяной отрасли в республике стало замедляться. Основное внимание руководства страны тогда было обращено на тюменскую нефть, что свидетельствовало о приверженности руководства страны экстенсивным методам модернизации. На разработку нефтяных месторождений Западной Сибири направлялся основной поток инвестиций, техники. Из Татарской республики туда в большом количестве посылались квалифицированные кадры. Среди западносибирских нефтяников даже появилась поговорка: «Самотлорскую нефть освоили при помощи трех «Т»: тракторов, «Татр» (чехословацкие самосвалы – *авт.*) и татар».

В индустриальном развитии нефтяного края с самого начала отчетливо проявился директивно-мобилизационный характер советской модернизации. Постоянно и быстро расширявшаяся эксплуатация нефтяных месторождений не сопровождалась столь же масштабным развитием нефтеперерабатывающего производства в Татарстане. В первое время нефть отсюда поступала на заводы Башкортостана, Куйбышева (ныне Самары), Саратова. Но когда объемы добычи нефти выросли в десятки раз, эти заводы перестали справляться с ее переработкой. С конца 1950-х гг. в республике активно строились товарные парки, нефтепроводы. В 1959 г. началось сооружение знаменитого нефтепровода «Дружба». Его первая очередь была завершена через пять лет. Всего же было построено три нитки этого нефтепровода, по которым нефть поступала в Польшу, ГДР, Чехословакию.

Развитие в республике крупной нефтяной индустрии сопровождалось созданием газовой промышленности. В 1956 г. вступила в строй первая очередь Миннибаевского газоперерабатывающего завода, который работал на попутном нефтяном газе. Долгие годы Альметьевский регион оставался ведущим центром газовой промышленности СССР. Развертывание нефтяной промышленности оживило и промышленное развитие старейшего города республики Бугульмы, в 1956 г. для нужд нефтяной промышленности был построен Бугульминский механический завод.

В 1950–1960-х гг. в республике широко разворачивалось химическое производство.

В 1958 г. началось строительство Казанского завода «Оргсинтез». Свою главную продукцию – полиэтилен – завод стал выпускать с 1965 г. А еще раньше, в 1963 г., здесь заработал цех по производству фенола и ацетона, что ознаменовало собой рождение новой отрасли – нефтехимической. На предприятиях химической промышленности было освоено производство новых видов синтетического каучука, рукавов высокого давления, пленки на негорючей основе, шестислойной кинофотопленки для широкоэкранных фильмов, других видов продукции. Тон в отрасли задавали Казанский завод резиновых технических изделий, Казанский завод синтетического каучука, Казанский фотожелатиновый завод, Казанский химкомбинат.

Развитие нефтяной промышленности обусловило создание нового промышленного региона на северо-востоке Татарстана – Камского промышленного комплекса (КПК). Начало ему положил Нижнекамский нефтехимический комбинат, затем завод «Нижнекамскшина», где производился синтетический каучук и автомобильные шины для большегрузных автомобилей и автобусов «ЛиАЗ». Превращение в 1960–1970-е гг. плодородных земель северо-востока республики в гигантскую строительную площадку определялось не только близостью районов нефтедобычи. Выбор места для строительства КамАЗа пал на мононациональный регион, подавляющую часть населения которого составляли татары. Начатое в 1969 г. строительство Камского автозавода было призвано демонстрировать братское сотрудничество народов СССР в строительстве материально-технической базы коммунизма, определявшем экономическую стратегию государства. Сюда по оргнабору приехали люди из самых различных областей и республик. В некоторой степени такое положение определялось желанием центра мобилизовать трудовые ресурсы региона, упрочив их приверженность Центру и идентификацию с ним. Вместе с тем, строительство автогиганта на Каме вовсе не являлось итогом лишь экономической экспансии Центра, руководители республики добивались и приветствовали его, придерживаясь преобладающего как в экономической политике, так и общественных настроениях технокентризма.

Как в 1950-е гг. с первых полос газет страны не сходил нефтяной юго-восток республики, так в 1970-е гг. большое значение придавалось освещению хода промышленного освоения ее северо-востока. В средствах массовой информации неизменно подчеркивались небывалые масштабы Камского автозавода, исключительно высокие темпы строительно-монтажных работ, которые обеспечивались колоссальными государственными капиталовложениями. Коллективы тысяч предприятий страны работали под девизом «Заказы КамАЗа – досрочно!» Создание КамАЗа, как и всего Камского территориально-промышленного комплекса, во многом носило экспериментальный характер. По сути дела, строительные площадки представляли собой испытательный полигон для принципиально новых решений в строительстве, всесоюзную лабораторию технологических, организационных инноваций. В проектировании и строительстве автогиганта участвовали около 25 министерств и ведомств, свыше 100 научно-исследовательских институтов, около 150 строительно-монтажных управлений. Заказы стройки выполняли 5 тыс. предприятий СССР, оборудование поставляли 867 заводов из 307 городов страны. На стройке работали люди из 96 городов и областей [Галлямова, 2007 а, с.50]. В 1960–1970-е гг. в Набережных Челнах нередко проводились всесоюзные школы передового опыта организации труда. Сосредоточение огромного количества людей и материальных средств позволило уже к 1976 г. получить первую продукцию Камского автогиганта, хотя строительство его было развернуто только в 1969 г. Начало работы КАМАЗа было специально приурочено к работе XXV съезда КПСС. В советское время, как известно, съезды КПСС, проходившие один раз в 5 лет, традиционно встречались особыми трудовыми подвигами. Колонне новеньких автомобилей марки «КамАЗ», вставших в Москве на Красной площади у Спасской башни Кремля, было суждено знаменовать самые высокие достижения страны к очередному съезду партии. За короткий срок на Каме были сооружены корпуса шести заводов, не имевших аналогов в мировой практике. В апреле 1980 г. был выпущен уже 150-тысячный «КАМАЗ»,

в 1984 г. – 500-тысячный, в 1988 г. – миллионный [Галлямова, 2010, с.87].

С развитием автомобилестроения в Камском регионе в индустриальном потенциале республики значительно увеличилась доля машиностроительной отрасли, которая к середине 1980-х гг. составляла почти 40% промышленного производства в Татарстане. Вместе с тем, строительству КамАЗа было заметным событием экономической истории в позднесоветский период и в масштабе страны. До середины 1970-х гг. грузовой автопарк страны был в основном представлен машинами небольшой грузоподъемности. На КамАЗе стали производить большегрузные автомобили и тягачи, автопоезда большой и особо большой грузоподъемности. Массовое производство автомобилей с дизельными двигателями способствовало экономии топливно-энергетических ресурсов страны. К середине 1980-х гг. на автомобилях «КАМАЗ» осуществлялся основной поток автоперевозок в СССР. В стране был преодолен остро ощущавшийся до сих пор дефицит грузового транспорта.

На фоне грандиозных преобразований в тяжелых отраслях промышленности, значительно расширивших географию их размещения в республике, изменения в производстве, работавшем непосредственно на удовлетворение нужд населения, выглядели не столь впечатляющими. Многие предприятия уже внешним видом своих обветшавших зданий представляли собой жалкое зрелище. Некоторые из них были выстроены еще до революции и продолжали работать на еще более устаревавшем оборудовании. В отраслях легкой и пищевой промышленности во многом работали по старинке на старых станках с некачественным сырьем и архаичными материалами.

В этих отраслях была самая высокая доля ручного труда. Да и в целом по промышленности республики удельный вес ручного труда оставался довольно высоким. Ежегодно в промышленности внедрялись многие тысячи организационных мероприятий по техническому совершенствованию производства, но при этом рост объема продукции достигался в основном за счет увеличения рабочей силы. В начале 1980-х гг. в объединении мясной промышленности

ручной труд составлял 63%, управлении хлебопекарной промышленности – 62%. К концу советского периода численность неквалифицированных работников составляла в промышленности республики 50 тыс. человек. Вручную работало 168,5 тыс. человек, или каждый третий, в строительстве – 61,4 тыс. рабочих, или почти каждый второй [Программа стабилизации, 1991].

К началу 1980-х гг. лишь десятая часть заводов и фабрик была комплексно автоматизирована или механизирована. Даже на передовых предприятиях республики лишь 40–50% прироста выработки продукции обеспечивались за счет достигнутый научно-технического прогресса, хотя, согласно плановым заданиям, он должен был составить 75–80%. В 1970–1980-е гг. на многих предприятиях энергетики, транспорта, строительства доля оборудования, эксплуатировавшегося более 20 лет, не только не снизилась, а даже возросла. К 1985 г. коэффициент замены морально и физически устаревшей техники в республике составлял 1,8% в год, что было примерно в 3 раза меньше необходимого [Усманов, 1987].

Отсутствие стимулов к рачительному хозяйствованию оборачивались огромными экономическими потерями. К середине 1980-х гг. ежегодно в отходы безвозвратно уходило свыше 290 тыс. тонн черного металла, более 0,5 млн. кубометров лесоматериала, огромное количество дефицитных пластмасс, десятки тысяч тонн текстиля и многое другое [Сов.Т., 1989, 26 сент.]. Количество промышленных отходов в конце 1980-х гг. доходило до 8 млн. т, или 2,2 т на одного человека. Их переработка практически отсутствовала [Программа стабилизации, 1991]. Угрожающие размеры приобретали потери от брака. Причем наибольшие убытки от брака – 77% от общего объема в промышленности – имела передовая машиностроительная отрасль [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.45, д.41, л.37–40]. Неконкурентноспособными на внешнем рынке были производившиеся в республике ЭВМ, часы. Много нареканий получала продукция компрессорного завода, производственного объединения «Тасма», «Органический синтез», химкомбината им. Вахитова, «Нижнекамскшина». Не только на внешнем, но и на внутреннем рынке

не пользовалась спросом продукция предприятий легкой промышленности. К примеру, спартаковская обувь «пылилась» на полках в то время, когда ощущался острый дефицит обуви и люди часами выстаивали длинные очереди за импортной обувью.

Ритмичной работе быстро растущих и совершенствующихся промышленных предприятий все более остро ощущали излишний централизм в управлении, параллелизм, региональные противоречия, неразбериха в установлении хозяйственных связей. Пришедшее к власти в октябре 1964 г. руководство страны пыталось создать механизм внутренней саморегуляции промышленного производства путем внедрения принципов материальной заинтересованности производителей в конечном результате своего труда, провозглашении хозрасчета. Расширение самостоятельности предприятий, реальные рычаги стимулирования трудовых коллективов благотворно отразились на показателях промышленного производства республики во второй половине 1960-х гг., когда общий объем его во второй половине 1960-х гг. вырос на 66%, производительность труда – в 1,5 раза, сверхплановой продукции было реализовано на 220 млн. руб. В 1970 г. свыше 80% прироста объема производства было получено за счет увеличения выработки на каждого работающего [ЦГА ИПД РТ, ф.26, оп.43, д.39, л.71].

Однако эти показатели не означали, что индустриальным отраслям удалось преодолеть старые «болячки». Сводные показатели промышленного развития республики отражали его высокие темпы, но в то же время и затратный характер. Так, с 1960 по 1989 гг. промышленная продукция республики выросла в 6,8 раза, а производительность труда только в 3,8 раза [подсчитано по: 70 лет ТАССР, 1990, с.20].

Таким образом, в рассматриваемый период почти вся территория Татарстана была втянута в интенсивные процессы индустриализации. До второй мировой войны в республике существовал практически единственный индустриализированный центр в виде Казанско-Зеленодольского промышленного узла. В 1950-е гг. к нему присоединился нефтяной регион, существенно изменивший экономический облик юго-востока Татар-

стана. В 1970-е гг. в республике появился третий индустриальный центр – Камский территориально-промышленный комплекс, вовлекший в промышленные и строительные отрасли целые пласты до этого однородного в социальном и этническом отношении населения – татарского крестьянства. К середине 1980-х гг. Татарстан превратился в один из крупнейших по научно-техническому и экономическому потенциалу регионов. Из поставляющего зерно, продукты животноводства, кустарные изделия он стал регионом, экспортирующим различные машины, зубоорудия, инструменты, часы, медикаменты, пишущие машины, меховые изделия, химикаты, киноленту. К середине 1980-х гг. более 130 видов продукции Татарстана поставлялись в 82 страны мира. К концу советского периода ТАССР среди 71 области РСФСР находилась на 11 месте по развитию промышленности, на 7 месте – по строительству, на 8 месте – по получаемой прибыли. Основные общеэкономические показатели, характеризовавшие вклад республики в развитие народного хозяйства страны, в расчете на одного жителя превышали среднесоюзный уровень, в том числе по валовому общественному продукту – на 14%, по продукции промышленности – на 27% [Веч. Каз., 1989, 26 июня]. Вместе с тем в индустриальном развитии республики, как и в целом по стране, отчетливо проявились тенденции, свидетельствующие о том, что задачу коренной технической модернизации промышленности решить не удалось.

Аграрное развитие. К окончанию войны сельское хозяйство республики, как и России в целом, находилось в упадке и нуждалось в государственной поддержке. Резко ослабла материально-техническая база сельскохозяйственного производства. Однако, как известно, в послевоенный период колхозная деревня опять стала основным источником поступления средств и трудовых ресурсов для восстанавливающейся промышленности.

Страшным испытанием для огромной территории страны, куда входила и Татарская республика, стала жестокая засуха 1946 г. Вследствие практически полного отсутствия дождей в весенне-летний период урожай зерновых в республике составил

3,5 ц с 1 га, картофеля 43 ц, овощей 73 ц с 1 га. В результате, урожай зерна не хватило даже на семена, которыми колхозы были обеспечены на 43% от потребности [НА РТ, ф.5894, оп.1, д.3431, л.1]. Засуха меньших масштабов повторилась в 1948, 1949 гг.

К концу 1940-х гг. агротехника оставалась на низком уровне. В начале 1950-х гг. сев яровых культур осуществлялся часто по весновспашке, по зяби засевалось менее 50% яровых. В отдельные годы, например в 1950 г., остались необработанными значительные площади зерновых и других культур, на токах из-за отсутствия сушилок испортилось в большом количестве намолоченное зерно [Кр.Т., 1950, 15 сент.].

В послевоенный период сельскохозяйственная отрасль была весьма слабо электрифицирована, хотя четвертый пятилетний план (1946–1950 гг.) предусматривал массовое строительство небольших сельских электростанций, ветроэлектростанций и тепловых станций. Технически этот план не был подкреплен, поэтому при строительстве станций в подавляющем большинстве случаев все работы выполнялись конно-ручным способом.

Многие хозяйства систематически из года в год не обеспечивали себя семенами. В начале 1950-х гг. собственными силами колхозы засеивали 36–38% посевной площади [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.30, д.6, л.139]. Для выполнения и перевыполнения плана хлебозаготовок они вынуждены были сдавать семенное зерно государству, обещавшему выделить семенную ссуду позднее. Она, действительно, выделялась, но уже по цене, гораздо превышавшей ту, по которой колхозники осенью сдавали зерно государству. Доставка его в колхозы, по воспоминаниям колхозников, оставила одно из самых тяжелых впечатлений от тех лет. Как правило, выделяли семена в весеннее бездорожье, когда разливались весенние воды на полях. Голодные женщины, подростки на ручных санях тащили семена из государственных хранилищ на расстояние 20–50 км. Все это отрицательно отражалось на показателях растениеводческой отрасли. Вследствие этого уменьшился размер пахотной земли: в 1950 г. по сравнению с 1940 г. она уменьшилась на 12 тыс. га [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.30, д.6, л.139]. В четвертой пятилетке

среднегодовая урожайность зерновых в республике не превысила 5,3 ц с 1 га, в некоторые годы этот результат был совсем незначительный: в 1948 засушливом году урожай составил 4,1 ц, в 1949 г. – 4,6 ц с 1 га. Это было ниже, чем в целом по стране, где урожайность составляла в среднем за 1946–1950 гг. более 6 ц [Зеленин, 2001, с.47]. Валовой сбор хлебов в 1950 г. исчислялся 65 млн. пудов, что было в 2,5 раза меньше плановых заданий и составляло только 83% от валового сбора зерновых в 1940 г. [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.31, д.789, л.79; подсчитано: Нархоз ТАССР, 1970, с.71].

В крайне запущенном состоянии находилось и животноводство. Ни одна из его отраслей в республике не была рентабельной. Часть колхозов даже не имела помещений для содержания общественного стада, поэтому практиковалось размещение скота по несколько голов в подворьях колхозников. К началу 1946 г. из 4255 колхозов республики фермы крупного рогатого скота имели 4210 хозяйств, свиноводческие – 3878, овцеводческие – 4194, птицеводческие – 3429. В основном это были мелкие, продуваемые всеми ветрами с протекающими крышами помещения, типичной картиной было отсутствие кормушек, животных кормили прямо с пола грязной сырой картошкой, либо неразмолотым зерном.

В 1950 г. первый секретарь Татарского обкома ВКП(б) З.И.Муратов направил Сталину письмо об ужасающем положении в деревне, конкретными примерами показывая, что отсутствие экономического интереса крестьян к общественному труду привело аграрную отрасль к критическому состоянию. На 1 января 1950 г. недоимки по хлебопоставкам в республике достигли 1,449,8 тыс. тонн, по мясопоставкам – 3,9 тыс. т и по поставкам молока 242,6 тыс. гектолитров. В общей сложности к началу 1950-х гг. в Татарстане имелось 2 тыс. остальных колхозов, имевших огромные недоимки [Там же, ф.15, оп.31, д.15, л.148].

Низкие показатели сельскохозяйственного производства свидетельствовали о том, что военно-мобилизационный характер аграрной политики не оправдывал себя. В Татарской республике, как и по всей стране, сельское хозяйство являло собой отрасль с отрицательной динамикой развития

по всем результативным показателям: валовой продукции, урожайности, продуктивности в животноводстве. Несмотря на то, что несколько увеличилась материальная база общественного производства: выросло общественное поголовье почти по всем видам скота, парк сельскохозяйственных машин, сельское хозяйство пребывало в состоянии деградации.

После смерти Сталина новое руководство страны приняло серьезные меры по смягчению аграрной политики. В соответствии с решениями сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС была изменена налоговая система, увеличены цены на закупку сельскохозяйственной продукции, снижены нормы ее обязательных поставок, списаны задолженности с колхозов. Значительно увеличились и средства на развитие материально-технической базы отрасли. В масштабе всей страны, согласно новейшим разработкам российских аграрников, с которыми нельзя не согласиться, первое пятилетие после сентябрьского Пленума 1953 г. – наиболее успешный и результативный период в аграрном реформировании, нацеленном на решение назревших экономических и социальных проблем деревни [Зеленин, 2000, с.397].

Но главную ставку государство по-прежнему делало на экстенсивный путь развития, т.е. расширение посевных площадей за счет освоения целинных и залежных земель Казахстана, Оренбуржья, Башкортостана. Поэтому основной поток инвестиций, выделенных на развитие аграрной сферы, шел во вновь осваивавшиеся районы. Татарская республика, относясь к числу старопахотных регионов, по-прежнему не располагала достаточными средствами для модернизации отрасли.

Разворачивание нефтедобывающей отрасли привело к изъятию огромного массива наиболее плодородных черноземов на юго-востоке республики. Острейшей проблемой колхозов нефтяного региона были нарушения их прав по землепользованию. Использование нефтяными организациями колхозных земель часто выходило за рамки естественной целесообразности и носило характер самовольного захвата их, сопровождаясь вопиющей бесхозяйственностью, наносившей непоправимый ущерб сельхозугодиям и окружающей среде. В начальный

период освоения нефтяных месторождений в крайне запущенном состоянии находилось нефтеулавливающее хозяйство, не решались вопросы промышленной канализации и строительства очистных сооружений.

Первое постановление по соблюдению земельного законодательства в крае Совет министров СССР принял в 1947 г., однако оно вряд ли было действенным, поскольку аналогичные решения принимались и в 1950-м, и в 1954-м и примерно с такими же интервалами в последующие годы вплоть до конца советской эпохи. Исходя из приоритетов в стратегии экономической модернизации страны местное партийное руководство, также как и руководство нефтяной индустрии в первую очередь заботилось о претворении в жизнь планов по разрыванию нефтедобычи, понимая, что сполна спросят за их выполнение, а за испорченную землю лишь слегка пожурят. Значительные площади колхозных земель, поля, ручьи и водоемы в нефтяных районах систематически загрязнялись нефтью и отходами производства, порча земли и порча посевов производилась при транспортировке оборудования и стройматериалов. Постепенно руководители-аграрники поняли, что «нефтяные штрафы» даже выгодны хозяйствам: при их помощи можно было решать многие внутриколхозные проблемы.

Кроме материальных убытков, нефтяная отрасль наносила ущерб здешним колхозам, отвлекая из сельского хозяйства значительную часть его трудового потенциала. К 1957 г. из села в нефтяную промышленность выбыло более 400 тыс. человек сельского трудоспособного населения. В связи с этим в значительной группе колхозов из-за острого недостатка рабочей силы сельскохозяйственные работы стали выполняться с нарушением агротехнических сроков, допускались большие потери выращенного урожая.

Положение аграрной отрасли республики в середине 1950-х гг. усугублялось менее выгодными по сравнению с соседними регионами условиями экономических взаимоотношений с государством в лице МТС. Так, в районах ТАССР, расположенных севернее Камы, твердые ставки оплаты тракторных работ по зерновым культурам были почти в 2 раза выше, чем в грани-

чивших с ними районах Удмуртской, Марийской, Чувашской АССР и Кировской области и имевших с ними одинаковые природно-климатические условия. К примеру, в ТАССР они составляли по пахоте 65 кг зерна с 1 га, в то время как у соседей – 35 кг. Аналогичная ситуация была и в районах ТАССР, расположенных южнее Камы. Здесь почвенно-климатические условия были одинаковы с районами Чкаловской, Куйбышевской и Ульяновской областей. Несмотря на это, размер твердых ставок натуральной оплаты работ по зерновым культурам для колхозов Татарстана устанавливался по пахоте 65 кг с 1 га против 50 кг для колхозов соседних областей [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.35, д.138, л.149].

В 1954 г. Татарский обком КПСС обратился с просьбой пересмотреть создавшееся положение, и ставки натуроплаты были снижены по 27 северным районам Татарстана. Но даже после этого они оставались более высокими, чем в колхозах Удмуртской, Марийской АССР и Кировской области. По черноземным районам ситуация и вовсе не поменялась. В 1956 г. секретарь Татарского обкома КПСС П.Ураев вновь обратился к Н.С.Хрущеву с просьбой пересмотреть вопрос по южным районам республики. Реакции из Москвы не последовало. Ущемление республики в аграрной отрасли отчетливо осознавалось ее общественностью. В 1957 г. татарский писатель Ш.Маннур в письме Н.С.Хрущеву четко обозначил болевые точки в развитии сельского хозяйства Татарстана, среди которых наибольший акцент он сделал на повышенных планах поставок сельскохозяйственной продукции ТАССР и отрицательных последствиях их на состоянии аграрной отрасли республики и крестьян.

В середине 1950-х гг. сельское хозяйство республики продолжало пребывать в отсталом состоянии. Из-за недостатка техники сроки сева различных культур растягивались до 35 дней, а уборки урожая – на 60–70 дней. В большинстве колхозов посева производились семенами низкого качества. К примеру, в 1957 г. в 920 колхозах республики, что составляло 50% от их общего числа, не хватало собственных семян. На низком уровне находилась агротехника: более половины озимых посевов

не бороновалось, подкормка минеральными удобрениями почти не производилась, органическими – лишь в малой степени. Междурядная обработка и прорывка пропашных культур проводились с грубым нарушением сроков, с малой повторностью и не на всей площади. В результате, по государственным поставкам зерна, овощей, подсолнечника, пеньковолокна, сахарной свеклы планы республикой не выполнялись. К концу пятой пятилетки (1951–1955 гг.) по многим показателям сельскохозяйственное производство не только не превысило уровень 1940 г., но и не достигло его. Так, среднегодовой валовой сбор зерна в колхозах Татарстана за девять предвоенных лет (1932–1940 гг.) составил 19,2 млн. ц в год, а в послевоенные 10 лет (1946–1955 гг.) – только 14,4 млн. ц [РГАСПИ, ф.556, оп.14, д.83, л.79]. К середине 1950-х гг. урожайность зерновых культур в республике была ниже общесоюзного уровня. В крайне запущенном состоянии находилось и колхозное животноводство. В середине 1950-х гг. планы поголовья не выполнялись в республике ни по одному виду животных [РГАСПИ, ф.556, оп.14, д.83, л.81].

Сужение сферы сельскохозяйственного производства актуализировало проблему интенсификации аграрного производства за счет усиления его материально-технической базы. Однако Татарская республика, в числе других регионов традиционного земледелия, как уже отмечалось, не располагала достаточными средствами для преодоления отсталого состояния аграрной отрасли. Как в промышленной, так и в аграрной стратегии властей предпочтение отдавалось экстенсивным методам, в соответствии с которыми государство пыталось осуществить прорыв в сельском хозяйстве через расширение посевных площадей за счет освоения целинных и залежных земель.

В 1957 г. отсталое положение аграрной отрасли республики уже невозможно было игнорировать. Для анализа сложившейся в сельском хозяйстве ситуации в Татарстан была направлена бригада ЦК КПСС. Проверяющие увидели беспросветную нужду, отчаяние колхозников, что было отмечено в составленной ими аналитической записке. В отчете московской делегации были зафиксированы жалобы крестьян на про-

извол местных властей, полное бесправие рядовых колхозников и сделан однозначный вывод об отсталом состоянии аграрной отрасли в республике.

При этом главную вину за создавшееся положение возложили на руководство республики. Острая критика в его адрес, в особенности ответственных за развитие сельскохозяйственной отрасли прозвучала на состоявшемся в марте 1957 г. пленуме обкома КПСС со стороны местных руководителей. Именно после этой проверки встал вопрос о замене на посту первого секретаря Татарского обкома КПСС З.И.Муратова на С.Д.Игнатъева [РГАСПИ, ф.556, оп.14, д.55, л.90].

В июле 1957 г. Совет министров РСФСР принял постановление «Об оказании помощи сельскому хозяйству Татарской АССР». Начиная с 1957 г., колхозам Татарской АССР был снижен план обязательных поставок зерна, списана задолженность прошлых лет по натуральной оплате за работы МТС, а также задолженность по денежным платежам. Республике были выделены тракторы, комбайны, завезен породистый скот. Несмотря на определенные подвижки в сельскохозяйственной отрасли, она была еще далека от уровня, позволяющего говорить о ее модернизированном облике, тем не менее, инвестиционная политика в начале 1960-х гг. в отношении аграрной отрасли республики вновь ослабла. Так, если в 1953–1956 гг. капиталовложения в сельское хозяйство ТАССР составили 62,1 млн. руб., а в 1956–1959 гг. – 90,1 млн. руб., т.е. возросли на 45%, то уже в 1959–1961 гг. они вновь были уменьшены до 70,7 млн. руб., т.е. на 22%. Кроме того, в целом по стране были снижены закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию, повышенные после сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС. Одновременно повысились цены на сельскохозяйственную технику, запчасти, корма и минеральные удобрения. При этом в 1958 г. был принят закон о реорганизации МТС, в соответствии с которым государство обязало колхозы выкупить большую часть техники, принадлежавшей машинно-тракторным станциям.

С целью прорыва в животноводческой отрасли в конце 1950-х гг. в аграрной политике был провозглашен авантюристический курс «Догоним и перегоним Америку по про-

изводству мяса и молока». По всей стране начались шумные кампании по принятию повышенных обязательств по досрочному выполнению семилетнего плана в области животноводства. Выступая на Пленуме Татарского обкома КПСС, состоявшемся в мае 1959 г., председатель Совета министров А.А.Абдраязов заявил: «Труженики Татарии дали твердое слово выполнить план по увеличению производства мяса в 3 года и молока в 2 года» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.40, д.135, л.89]. Однако какой цели достигались эти успехи, свидетельствуют письма-жалобы крестьян, направленные в различные высокие инстанции. Поскольку общественному хозяйству было не по силам справиться с резко возросшими планами заготовок животноводческой продукции, усилилось давление на личные подсобные хозяйства. В счет выполнения плана колхозы стали забирать молодежь у колхозников.

Руки местных руководителей были развязаны после того, как на Пленуме ЦК КПСС в декабре 1959 г. был сделан вывод о том, что личное подсобное хозяйство колхозников должно постепенно утратить свое значение. Началась безудержная кампания по насильственной скупке скота у колхозников. Факты нарушения принципа добровольности при проведении закупок продуктов животноводства у населения были установлены в Альметьевском, Арском, Высокогорском, Дрожжановском, Елабужском, Камско-Устьинском, Кукморском, Заинском районах.

Из-за усиления налогового бремени на личное подсобное хозяйство содержать животных становилось невыгодно: телят забирал колхоз в счет выполнения плана, кроме того, на каждую корову накладывался налог в виде масла, молока, мяса. Дело доходило до абсурда, крестьяне вынуждены были покупать масло на базаре и сдавать его государству в качестве налога. Кроме того, выделявшиеся колхозом сенокосные наделы были явно недостаточны для обеспечения скота, находившегося в личной собственности. Крестьянам приходилось косить украдкой, возить сено ночью, за транспорт платить «неконвертируемой советской валютой» – водкой. В начале 1960-х гг. в материалах архивов, на страницах газет появилось немало статей о произволе местных руководителей

в отношении ЛПХ. 1 августа 1962 г. в газете «Комсомольская правда» действия некоторых сельских руководителей республики получили широкую огласку благодаря статье «Буренка под арестом». После этого одни из них были сняты с работы, другие получили административные взыскания решением обкома КПСС [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.43, д.29, л.40].

Критика перегибов в отношении личного подсобного хозяйства, однако, не отменяла мегапрограмму по взятию намеченных высот в животноводстве. В 1960-х гг. главное внимание партийных, советских и сельскохозяйственных органов было направлено на увеличение поголовья скота в общественном стаде. В 1960 г. Татарский обком партии принял решение ежегодно увеличивать численность поголовья коров в колхозах и совхозах на 25%. Но эта задача, не подкрепленная серьезными экономическими расчетами, не была выполнена. По уровню механизации труда на фермах республика значительно отставала от средних показателей РСФСР. План продажи животноводческой продукции колхозы и совхозы в 1962 г. не выполнили [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.44, д.37, л.6, 10]. В 1963 г. положение в животноводстве еще более усугубилось сильной засухой. В условиях острого дефицита кормов колхозы вынуждены были снять с доращивания и откорма поголовье свиней и овец, чтобы сохранить маточное поголовье. В результате, поголовье свиней сократилось в колхозах на 50%, овец – на 18,5%, в совхозах соответственно – на 61,4 и 14,5%.

В рамках проводившегося в конце 1950-х гг. курса на создание мощных хозяйств, оснащенных солидной материально-технической базой, началась очередная кампания по укрупнению колхозов как дальнейшее совершенствование форм собственности, на практике означавшая принятие мер борьбы с отсталостью производства в экономически слабых хозяйствах. Под государственное «крылышко» переводили, обычно предварительно объединив несколько слабых колхозов, как правило, в том случае, когда не было возможности «вливать» их в какой-нибудь соседний мощный колхоз. Если же слабые колхозы можно было присоединить к соседнему сильному,

форма собственности не менялась. Процесс преобразования колхозов в совхозы часто приводил к созданию громоздких, трудно управляемых, нерентабельных хозяйств, результаты деятельности которых не оправдали их реорганизации. Общее количество совхозов в 1955–1965 гг. возросло с 35 до 94. К середине 1960-х гг. они занимали 20% всех сельскохозяйственных площадей, а аграрной продукции производили лишь 14% от ее общего объема по республике [Матвеева, 1980, с.28].

Противоречивый ход аграрного развития прямо отразился на обобщающих показателях развития сельского хозяйства следующим образом. Валовая продукция сельского хозяйства республики возросла на 40%, в том числе в общественном производстве – на 67,2%. Этот показатель был выше, чем в целом по СССР, где производство сельского хозяйства возросло на 10% [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.41, д.132, л.25]. Такое соотношение было связано с тем, что в Татарской республике «прорыв» в сельскохозяйственном производстве произошел только в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг., а не после сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС, как по стране в целом. В середине 1950-х гг. аграрная отрасль республики оставалась все еще слабо механизированной. Однако и Татарская республика семилетний план развития сельского хозяйства не выполнила. В первой половине 1960-х гг. в республике снизились показатели урожайности и валового сбора зерна. В некоторых районах с одного га собрали только 5–8 ц. Средняя урожайность зерновых по республике не превышала 9,5 ц с 1 га, правда, в лучших хозяйствах доходила до 20–23 ц [Каримов, 1992, с.123]. В конце 1950 – первой половине 1960-х гг. производство мяса в республике сократилось, а молока несколько увеличилось, но значительно отставало от плановых показателей [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.43, д.30, л.67]. При этом высокие темпы роста производства отмечались по производству сахарной свеклы, яиц.

Таким образом, аграрная отрасль в Татарстане развивалась весьма неравномерно. Сельское хозяйство лихорадили бесконечные реорганизации, периодически проводившиеся укрупнения колхозов, преобразования

их в совхозы. В целом, сельскохозяйственное производство подвергалось мелочной опеке. Хозяйствам диктовались технологические процессы, сроки сева и уборки, площади возделывания тех или иных культур. При полном игнорировании местных условий восхвалялась и повсеместно внедрялась то одна, то другая культура, технология. Все это лихорадило аграрный сектор.

В 1965 г. новое руководство страны во главе с Л.И.Брежневым приняло Комплексную программу развития сельского хозяйства, предусматривавшую обширный перечень финансовых, экономических, технологических мер по преобразованию отрасли. Всецело поддерживая аграрно-политический курс КПСС, власти Татарстана ориентировались на широкомаштабные изменения сразу по многим направлениям сельскохозяйственного производства: механизации, электрификации, химизации, мелиорации земель.

Экономические и материально-технические преобразования, предпринятые в первое пятилетие после принятия Комплексной программы развития сельского хозяйства, имели значительный эффект в республике. Успешно за счет использования интенсивных факторов решалась ключевая проблема аграрной отрасли в республике – зерновое производство.

Наиболее заметные позитивные подвижки произошли в сельском хозяйстве Татарстана, как и по СССР в целом, во второй половине 1960-х гг., когда на государственном уровне был принят комплекс мер, направленных на усиление материальной заинтересованности аграрных предприятий в результатах своей деятельности. Среднегодовое производство валовой сельскохозяйственной продукции в республике за восьмую пятилетку (1966–1970 гг.) увеличилось на 28% при плане 25%. Производительность труда в колхозах и совхозах Татарстана повысилась тогда на 44%, в то время как по СССР – на 37% [Файзрахманов, 1981, с.15].

Но в 1970-е гг. положение аграрной отрасли республики стало осложняться, хотя акценты в аграрной политике не менялись. В аграрно-промышленный комплекс Татарстана в 1971–1980 гг. было сделано капитальных вложений в 1,8 раза больше,

чем в предшествовавшее десятилетие – 4,7 млрд. руб. [Нархоз ТАССР, 1987, с.124], но основная часть шла на производственное строительство.

Во второй половине 1970-х гг. темпы обновления материально-технической базы аграрного производства республики стали отставать от общесоюзных показателей. Это в значительной мере было связано с тем, что в 1974 г. было принято специальное постановление ЦК КПСС «О дальнейшем развитии Нечерноземной зоны России», согласно которому на развитие вошедших в эту зону областей и республик Центральной России были выделены огромные капиталовложения. Татарская республика, несмотря на то, что половину ее земель составляли нечерноземы, даже частично не была включена в щедро субсидированную Нечерноземную зону.

Ситуация в аграрной отрасли усложнялась продолжающимся сокращением посевных площадей в республике: в 1970-е гг. огромные массивы наиболее плодородных земель были превращены в гигантские строительные площадки в связи с формированием Камской промышленной зоны, сооружением Нижнекамского водохранилища, прокладкой крупнейших нефте- и газопроводов по ее территории. Тенденция сокращения сельскохозяйственных угодий сохранялась на протяжении всего рассматриваемого периода. За 1950–1990-е гг. из сельскохозяйственного оборота республики выбыло 140 тыс. га, эрозией охвачено около 2 млн. га угодий, закислено 1,7 млн. га [Программа стабилизации, 1991].

Это отрицательно отразилось на уровне развития сельскохозяйственной отрасли республики. Так, среднегодовой объем продукции сельского хозяйства увеличился в республике на 9%, в то время как в целом по стране на 13%. Тем не менее, в целом, показатели аграрного сектора экономики Татарстана были выше общесоюзных. В расчете на 100 га сельхозугодий в общественном секторе аграрного производства республики продукции производилось в 1,5 раза больше, чем по Российской Федерации [Галлямова, 1997 а, с.73]. Однако и в республике уровень интенсификации сельского хозяйства был неадекватен объему затраченных для его достижения

материально-технических средств. Темпы роста фондовооруженности труда намного превосходили темпы роста валовой продукции, произведенной в расчете на одного человека. Если фондовооруженность в 1980 г. увеличилась в сравнении с 1970 г. на 222%, то выпуск валовой продукции в расчете на одного работника возрос на 42% [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.8. д.116, л.10]. Снижение отдачи производственных затрат прямо отражалось на уровне доходности сельскохозяйственных предприятий. Среднегодовой размер валового дохода колхозов ТАССР неуклонно уменьшался: с 505 тыс. руб. в 1966–1970 гг. до 497 тыс. в 1971–1975 гг. и до 401 тыс. в 1976–1980 гг.

Период активной протекционистской политики, обозначенной Комплексной программой развития сельского хозяйства закончился принятием очередной программы по поднятию сельского хозяйства – Продовольственной программы СССР, которая также не оправдала ожиданий ее создателей, подтвердив тем самым, что для развития сельского хозяйства недостаточно сильного государственного патернализма, нужны механизмы саморегуляции социально-экономических отношений, которые действуют в условиях цивилизованного рынка.

Социальная инфраструктура города и села. В годы войны территория ТАССР не являлась ареной боевых действий. Однако последствия войны были тяжелыми и для нее. Жизнь большинства людей сопровождала бытовые трудности. В Казани, как и по всей стране, остро недоставало хлеба, других продуктов питания. Ощущался недостаток жилья. В запущенном состоянии оказалось коммунальное хозяйство. Для восстановления непроизводительной инфраструктуры требовались колоссальные вложения, но Татарстан не входил в зону военных действий и не мог рассчитывать на выделение достаточных средств для преодоления трудностей военного времени.

Более того, еще во время войны республика, как и многие тыловые регионы СССР, начала оказывать помощь территориям, освобожденным от немецкой оккупации. Она шефствовала над восстановлением одного из районов Сталинграда и двумя сельскими районами Сталинградской обла-

сти, Орла и 23 районов Орловской области. Сюда отправлялись оборудование, строительные материалы, семена, породистый скот, одежда, обувь, предметы домашнего обихода. В Сталинград были направлены квалифицированные рабочие, инженеры, медицинские работники, учителя [Абдрахманов, 1960, с.15].

Быстрый рост численности городского населения в связи с высокими темпами промышленного развития республики и «бегством» крестьян из деревни делал очень острой жилищную проблему в Казани. Лишь для различного рода руководителей, наиболее видных представителей творческой и научной интеллигенции на центральных улицах столицы возводились комфортабельные дома, известные как «сталинки». Всего за годы четвертой пятилетки в столице республики на новое жилищное строительство было затрачено 80 млн. руб. и введено в эксплуатацию 85 тыс. м² жилой площади. Это было в несколько раз меньше, чем в Самаре (тогда Куйбышеве), Нижнем Новгороде (тогда Горьком), Екатеринбурге (тогда Свердловске). Из-за недостатка стройматериалов городской совет в 1947–1948 гг. не построил ни одного дома [ЦГА ИПД РТ, ф.26, оп.20, д.4, л.48]. Более того, горисполком не располагал ни одним механизмом, а лишь топорами и пилами для заготовки лесоматериала, необходимых для ремонта домов. Для вывоза лесоматериала в горисполкоме имелись только лошади. А между тем для ремонта не терпевших отлагательства зданий, многие из которых были деревянными, требовалось 50 тыс. м³ стройматериалов [Там же, ф.26, оп.29, д.299а, л.2–5; 34–36]. Для подавляющей части простых горожан решение жилищного вопроса могло быть осуществлено только путем индивидуального строительства за свой счет или при помощи государственного кредита. Но из-за отсутствия средств и острого дефицита стройматериалов и такая возможность для многих была недоступна. Большинство простых казанцев проживало в домах, не имевших бытовых удобств. Часто это были тесные холодные бараки. Жилье отапливалось дровами или углем.

Наиболее значимым социальным достижением 1950-х гг. считалось появление так

называемых «хрущевок». Такое название закрепилось за квартирами, строительство которых носило в этот период массовый характер по всей стране. В Татарской республике в 1959–1965 гг. было построено 4 млн. м², что было в 2,2 раза больше, чем в 1951–1955 гг. В этот период в Казани появились новые жилые массивы в Караваеве, Дербышках, по Сибирскому тракту, многоквартирные жилые дома по улицам Куйбышева, Ленина (ныне Кремлевская), Пушкина, Маяковского, Левобулачная. В конце 1950-х гг. в целом по республике обеспеченность жилой площадью в городах и рабочих поселках составляла 4,7 м² на одного человека или 50% от нормы, а в Казани 4,4 м² [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.31, д.15, л.221–222]. В 1961 г. около 10% населения проживало в общежитиях, 19,5% – в частных, зачастую аварийных домах [История Казани, 1991, с.310]. В 1960 г. в Казани был смонтирован первый крупнопанельный жилой дом в Ленинском (ныне Авиастроительный) районе. С этого времени в республике отдавалось предпочтение жилищному строительству в крупнопанельном исполнении. К середине 1970-х гг. оно составляло 80% от общего количества строившегося в республике жилья [Табеев, 1976, с.115]. В жилищном фонде Казани 75% стали составлять дома в девять и выше этажей [Там же, ф.26, оп.43, д.525, л.5]. В 1970 – первой половине 1980-х гг. почти каждому второму казанцу удалось улучшить жилищные условия. Более 90% населения стало жить в домах, построенных за годы Советской власти [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.45, д.27, л.13].

Высоким уровнем развития отличалось домостроение в Набережных Челнах, где широко использовалось возведение зданий по оригинальным проектам с применением прогрессивных технологических и организационных решений. В 1972 г. здесь начал работать один из самых современных в стране домостроительных комбинатов мощностью 120 тыс. м² жилья в год [Сов.Т., 1972, 16 авг.], где все основные процессы были механизированы, а некоторые и автоматизированы. В Набережных Челнах апробировались самые передовые идеи в конструкции и технологии изготовления сборных деталей, а также наружной облицовки домов.

Однако свою остроту жилищная проблема сохраняла в Казани на протяжении всего советского периода. При этом районы, в которых жили коренные казанцы, оставались в своем развитии. Трущобы, в которых жили коренные казанцы, превращались в настоящую язву в центре столицы. В неблагоустроенных домах без горячей воды, газа, центрального отопления, с протекавшими крышами, промерзшими стенами ютились целые поколения коренных казанцев, не знакомых с элементарными условиями нормального человеческого жилища. «Забытым уголком» являлась Новотатарская слобода, где традиционно жили татары. В советское время это был большой рабочий район, в основном населенный рабочими легкой и пищевой промышленности. Здесь совершенно отсутствовала социальная инфраструктура, не было никаких культурно-просветительских, социально-бытовых учреждений: парикмахерских, прачечных, бань, поликлиник и т.п. [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.41, д.126, л.148].

Редакции центральных, республиканских газет были буквально завалены письмами от казанцев. В Центральном архиве историко-политической документации республики имеется многостраничная подборка писем, пришедших в газету «Правда» в 1964 г., всего их было 330. Большинство жалоб поступило от рядовых рабочих предприятий, строек. Они проживали семьями в нечеловеческих условиях в течение многих лет. О тяжелых жилищных условиях писали инвалиды Отечественной войны, семьи погибших воинов, больные туберкулезом. Авторы многих писем рассказывали также и о серьезных нарушениях при распределении жилплощади, особенно в ведомственных домах. Рабочие ряда предприятий жаловались, что нередко давались квартиры вне очереди, в то время, как некоторые рабочие, проработавшие на предприятии 20–25 лет, не имели нормального жилья, многие проживали на частных квартирах [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.45, д.24, л.7–15].

С середины 1950-х гг. жилищную проблему остро стали ощущать даже те, кто составлял культурную и интеллектуальную элиту республики. В первое послевоенное десятилетие счастливыми обладателями

«сталинок», строившихся не в столь значительных масштабах, становились наряду с высокопоставленными чиновниками и хозяйственными руководителями, наиболее видные представители творческой и научной интеллигенции.

Масштабное жилищное строительство осуществлялось промышленными предприятиями. Наиболее крупными застройщиками были производственные объединения «Органический синтез», моторостроительное, авиационное им. Горбунова, заводы им. Куйбышева, электронно-вычислительных машин, Казанское отделение Горьковской железной дороги [История Казани, 1991, с.236]. Так, только предприятиями, относившимися к авиационной промышленности, в середине 1950-х гг. было введено в эксплуатацию около 50% от всего жилищного строительства в Казани [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.37, д.20, л.58–59]. Ведомственный подход в развитии жилищного вопроса определял заметный рост жилмассивов вблизи промышленных предприятий, что способствовало изменению пространственной организации жизнедеятельности столицы республики. Здесь активно застраивались окраины города, свободные территории за его чертой. Они занимали от 15 до 40 га с населением от 6 до 12 тыс. жителей. За счет новой застройки Казань значительно расширила свои границы. Если в начале 1960-х гг. длина улиц и проездов в городе была 712 км, то в конце 1970-х гг. эта цифра составляла 933 км. Протяженность города с севера на юг стала 27 км, а с востока на запад – 29 км [История Казани, 1991, с.331–332].

Негативные экстенсивные тенденции в развитии Казани еще в 1956 г. подметил известный в Татарстане поэт Ш.Маннур. В письме Н.С.Хрущеву он пишет: «В Казани крайне плохо обстоит дело с жилищным вопросом. В городе очень много аварийных, полуаварийных домов, зданий, требующих капитального ремонта, где живут многочисленные семьи рабочих и служащих в весьма тяжелых условиях. Работники горисполкома мало беспокоятся об этом, жилищное строительство в самом городе мизерное. Лишь строятся окраины за счет номерных заводов» [РГАСПИ, ф.556, оп.14, д.55, л.111].

Районы новой застройки, существенно отличавшиеся от старой части однообразием длинных девятиэтажек, прозванных в народе «китайскими стенами», также нельзя было назвать комфортной средой для полноценной жизнедеятельности человека. Здесь недостаточно была развита инфраструктура. Так, в 1970-е гг. новым районом в Казани был так называемый «Танкодром». Его жители систематически обращались с жалобами в различные инстанции, из которых видно, что ни одна сторона культурно-бытовой жизни в районе решена не была: «автобусные остановки и тротуары не обустроены, дороги в школы и магазины не сделаны, освещение плохое. Большие неурядицы наблюдаются с водоснабжением, автобусным сообщением» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.7, д.1184, л.22]. С такими проблемами сталкивались все новые микрорайоны в Казани. В начале 1980-х гг. Казань осталась одним из немногих городов Поволжья, где не было принято решение по комплексному развитию [Сов.Т., 1983, 26 июня].

Нерешенность социально-бытовых и социально-культурных проблем оборачивалась серьезными коллизиями. Неслучайно, именно в тоскливых жилмассивах, называвшихся в обиходе «спальными», с их скучным социальным интерьером возникали общественно опасные группы маргинальной молодежи.

Тяжелая ситуация на протяжении всего советского периода была и со снабжением иногородних студентов общежитиями. Бывали случаи, когда студенты жили на вокзале. Так, в 1960 г. декан геологического факультета КГУ на общегородском совещании работников вузов сказал, что ему нередко звонят из милиции речного порта с просьбой забрать студентов, которые ночуют на вокзале, студенты этого факультета лишь на 25% были обеспечены общежитиями. В целом, по Казани лишь 45% студентов, нуждавшихся в общежитии, были обеспечены ими [РГАНИ, ф.5, оп.37, д.90, л.80]. Совершенно не имели своих общежитий авиационный техникум, техникум связи, юридическая и фельдшерско-акушерская школы в 1940 – начале 1950-х гг. [ЦГА ИПД РТ, ф.26, оп.30, д.15, л.82 об.]. Другой проблемой общежитий были невыносимые

условия жизни в них. Так, в 1955 г. на одном из заседаний обкома КПСС прозвучала критика в адрес общежития асфальтобетонного завода: «Кухня сейчас не отапливается, нет умывальников, с первыми морозами вода в бачках замерзает, в мастерских нет буфета, помещения для принятия пищи. ... У нас много трудностей с жильем. Но что мешает строительной организации или предприятию отремонтировать в общежитии крышу, своевременно сменить постельное белье, убрать грязь, обеспечить их питьевой водой, организовать их культурный досуг» [ЦГА ИПД РТ, ф.26, оп. 88/16, д.39, л.13 об.].

Чрезвычайно сложно было устроиться в Казани и временно приехавшим, в середине 1950-х гг. в столице было всего 4 гостиницы, в то время как до революции – 34 [Там же, ф.19, оп.45, д.72, л.19–21]. Между тем посещаемость Казани была довольно высокой. Так, в 1956 г. Казань посетило 1800 иностранцев. В основном, это были приезжие из социалистических стран, хотя были представители и из Англии, Канады, Франции, Финляндии [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.39а, д.77, л.201].

Под стать жилищным были и проблемы в коммунальном хозяйстве городов. В первую очередь это были вопросы обеспечения городского населения питьевой водой и канализацией. Из-за отсутствия средств на ремонт, половина объектов коммунального хозяйства, культурных учреждений в Казани не работала после войны по 5–10 лет, а иногда и больше. Так, серьезные претензии вызывала у жителей городов работа бань. В Казани их катастрофически не хватало, а многие из имевшихся годами находились на ремонте. Казанцы, большинство которых не имело дома ни ванной, ни душевой, вынуждены были в бане часами просиживать в очередях.

Положение с внутригородскими дорогами также оставалось острым на протяжении всего советского периода в Татарстане. К концу 1950-х гг. только пятая часть улиц Казани имела какое-то дорожное покрытие, 27% протяженности улиц не имели освещения [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.39а, д.77, л.202]. В середине 1970-х гг. из 900 км дорог Казани твердое покрытие имели менее половины. В начале 1950-х гг. при длине улиц города

в 360 км коммунальное хозяйство не располагало ни одной снегоуборочной машиной, ни одним грейдером [Там же, ф.15, оп.31, д.15, л.227]. Из-за неудовлетворительной очистки от снега, в конце февраля – марте городские дороги становились труднопроходимыми для автобусов и троллейбусов, из-за чего они часто выходили из строя. С большими перебоями работал городской автотранспорт, который до середины 1950-х гг. в основном состоял из списанных военным ведомством машин.

В результате бурного развития промышленности в конце 1950-х гг. городские агломерации республики столкнулись с серьезными экологическими проблемами. В Казани их создавали химический комбинат им. Вахитова, «Теплоконтроль», асфальтобетонный завод и многие другие. На одном из собраний партийно-хозяйственного актива, посвященном экологической ситуации, студент КАИ Кабанов весьма точно обрисовал бедственное состояние столицы республики: «По всему городу дымят трубы. Посмотрите на снег, он кругом черный от копоти. Есть фильтры для дымовых труб, их необходимо ввести. Кроме того, в центре города есть озеро Кабан. А что представляет оно собой? В середине августа это озеро превращается в болото, на нем появляется тина, а там купаются дети. В озеро сбрасываются все промышленные отходы предприятий, расположенных вокруг озера. Даже рыба из Кабана пропахла этими отходами» [ЦГА ИПД РТ, ф.19, оп.45, д.72, л.51–52]. В крайне неудовлетворительном состоянии находились водоёмы в нефтяных районах, особенно река Степной Зай в районе Альметьевска. В Каме содержание нефти превышало предельно допустимые нормы в 20 раз.

В 1950–1960-е гг. Казань имела репутацию самого грязного города Поволжья. В письме Н.С.Хрущеву Ш.Маннур отмечал: «Город крайне запущен, улицы содержатся в безобразном состоянии» [РГАСПИ, ф.556, оп.14, д.55, л.108–116]. Известный историк М.А.Усманов о своих первых впечатлениях о Казани, которую он впервые увидел в 1950-е гг., говорит так: «Казань была тогда очень обшарпанной и какой-то измученной» [Усманов, 1999, с.26]. Плачевное состояние

хозяйства столицы Татарской республики осознавали и городские власти. В 1954 г. по их инициативе состоялось совещание с приглашением московских руководителей с целью «достучаться» до них и показать, как много проблем, не решавшихся годами, накопилось в жилищно-коммунальном хозяйстве Казани. В течение 7 лет после войны ежегодно городские власти Казани ставили вопрос о необходимости незамедлительного ремонта ливневой канализации и неизменно получали из Москвы отказ. В течение трех лет между центральными министерствами «гуляла» просьба Казанского горисполкома о выделении средств для дезинфекции общественных санузлов. Их в постоянно растущем в условиях бурно развивавшейся промышленности городе катастрофически не хватало, ведь для большинства казанцев «удобства были во дворе».

Присутствовавший на совещании министр коммунального хозяйства РСФСР Суворов признался, что его первым впечатлением от Казани было отсутствие порядка и грязь: «Нет двора, о котором можно было бы сказать, что он хорошо очищен, нет улицы, которая чисто содержится. Даже центральные улицы, по которым гуляют люди, где расположены магазины, культурные учреждения, тоже содержатся в неудовлетворительном состоянии. ...Дойдите до Кремля, и там вы найдете свалку». При этом министр пытался указать на недостатки в работе самих городских служб. Но обличительной речи в их адрес не получалось. Упрекнув в вышедших из строя раньше срока городских автобусах, Суворов сам же был вынужден признать, что для их ремонта нет запасных частей, а частые поломки вызывались никудышными дорогами, для содержания которых в надлежащем виде у города не было достаточной техники.

Суворов согласился, что коммунальное хозяйство Казани нуждалось в серьезном переоснащении, но посоветовал выявить внутренние резервы для исправления положения, так как Министерство коммунального хозяйства, по его признанию, не имело возможности выделить ни одной бортовой машины, ни одного снегопогрузчика, ни одного самосвала. После совещания Казани было выделено три машины для уборки го-

рода, что повысило возможности городских служб по уборке территории лишь на 5%. Кроме того, коммунальным службам было выделено 8 унитазов и 80 бачков, что покрывало потребности только одного дома.

Коренного перелома в развитии коммунального хозяйства в 1950-е гг. не произошло. В конце 1950-х гг. в Казани для уборки мусора имелось всего 26 машин, обеспечивавших потребности города в них только на 30%. Из-за катастрофической нехватки мусороуборочной техники в городе было 40 свалок, находившихся в безобразном состоянии. С.Д.Игнатьев на одном из заседаний обкома КПСС в 1958 г. с нескрываемой досадой, где-то даже отчаянием, заметил: «Я думаю, что у нас по-настоящему города нет. Нельзя назвать Казань городом только потому, что здесь живут люди, есть много домов, но если при этом нет условий для безопасности трудящихся. Наш город представляет собой колонию для инфекционных больных, в которой сосредоточено огромное количество больных желудочно-кишечными заболеваниями, туберкулезом, всякого рода кожными заболеваниями.... Я вчера был в Кировском районе, пылица там невозможная и ничего не делается, чтобы вывезти эти кучи грязи. То же самое и в центре города» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.39, д.68, л.76–77].

На протяжении послевоенных десятилетий тяжелая ситуация сохранялась и по школам. Из-за недостатка средств в городах республики они почти не строились и не ремонтировались. Правда, отданные в годы войны под госпитали эвакуированные учреждения и организации здания возвращались к предвоенному предназначению, но часто находились в таком состоянии, что их невозможно было использовать без хотя бы минимального ремонта. Недостаток помещений приводил к необходимости вводить трехсменный режим работы в школах, количество которых постоянно нарастало. Так, в 1956/1957 учебном году в столице республики 25 школ с контингентом учащихся в 3200 человек работало в три смены, в 1957/1958 учебном году было уже 39 таких школ, где училось 5800 человек [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.39а, д.77, л.204]. В столице Татарстана только одна татарская школа (№ 113) имела нормальные условия для обу-

чения. Большая часть татарских школ ютилась в неблагоустроенных помещениях.

Некоторые культурные и просветительские учреждения не могли вернуть себе прежние здания в полном объеме. В послевоенные годы Казань оставалась единственным городом в Поволжье, где не было ни одного Дома для школьников [там же, ф.15, оп.30, д.6, л.425]. Дворец пионеров был открыт в Казани только в 1951 г. За послевоенное десятилетие в Казани не было построено ни одного рабочего клуба [РГАСПИ, ф.556, оп.15, д.8, л.104].

Огромные трудности с материально-техническим оснащением в первые послевоенные десятилетия испытывала система высшего и среднеспециального образования республики. Проблема помещений остро стояла практически во всех вузах и техникумах Казани. В 1940-е гг. вообще не имели своих зданий ветеринарный и финансовый техникумы, поэтому занятия в них проводились только по вечерам в арендованных помещениях [там же, ф. 26, оп.88/16, д.39, л.13]. Вузам и техникумам не хватало мебели, студентам порой приходилось слушать лекции, стоя [РГАСПИ, ф.26, оп.88/16, д.39, л.13]. В ведущих вузах (КАИ, КХТИ) на одного студента приходилось учебно-производственных площадей – 2–3 м² при средней норме – 10 м². Поэтому ряд вузов работал в три смены с укороченным перерывом.

Во второй половине 1960-х – начале 1980-х гг. стало заметно меняться положение с материальной базой науки и образования. (Разворачивавшаяся научно-техническая революция побуждала власти обращать пристальное внимание на науку, укрепление ее материально-технической базы). Для Казанского университета были возведены два современных высотных здания. Появились новые здания и у Казанского филиала Академии наук, авиационного, химико-технологического, сельскохозяйственного, ветеринарного, финансово-экономического, инженерно-строительного институтов, большинства техникумов.

Определенные подвижки наметились и в развитии социально-культурной инфраструктуры Казани. Здесь появился ряд зданий, ставших не только достопримечатель-

ностью, но и визитной карточкой города. Так, центр столицы немислим без здания театра оперы и балета им. М.Джалиля, открытого в 1956 г., Приволжский район – без Дворца культуры им. Кирова (с 2000 г. Концертный зал Татарской Государственной филармонии), Московский (тогда Ленинский) – без Дворца культуры им. Урицкого, Советский – без Дворца культуры им. Саид-Галиева. В этот период в Казани были построены широкоэкранные кинотеатры: «Дружба», «Победа», «Звезда», «Мир», «Огонек», им. Тукая, такие же кинотеатры начали работать в Зеленодольске, Лениногорске, Нурлатах, Уруссу.

В центральной части всех районов Казани, Альметьевске были разбиты парки. В столице республики были построены Дом актера, Дом бытовых услуг, крытый рынок, плавательный бассейн, комбинат «Здоровье», Дворцы культуры химиков и строителей, центральный стадион, Дворец спорта, Выставочный зал Союза художников республики. В Казани наиболее заметные реконструкционные мероприятия проводились на центральных улицах им. Ершова, Бутлерова, Татарстан, Комсомольской, Профсоюзной, Правобулачной.

В 1970-е гг. архитектурный облик Казани обрел черты столичности благодаря сооружению высотных зданий. Город украсили многоэтажные здания Молодежного центра, газетно-журнального издательства, гостиницы «Татарстан», Дома быта.

Настоящим событием в истории архитектуры Казани является строительство в 1967 г. Казанского цирка. Его необычная архитектура в форме летающей тарелки уже в то время позволила называть его зданием XXI в. Поначалу проект А.Хайруллина был встречен с большой настороженностью, поскольку аналогов в мировой практике строительства ему не было. После долгих согласований в различных инстанциях, тщательных расчетов и упорной работы группы специалистов, куда входили руководитель творческой мастерской «Татгражданпроекта» В.Панова, директор этого института У.Алпаров, а также конструкторы Е.Брудный, О.Берим, архитектор Г.Пичуев, здание было построено. Оно сразу полюбилось казанцам, получило самые высо-

кие оценки со стороны работников цирка, в том числе со стороны знаменитого Ю.Никулина. Цирк стал одним из знаковых явлений Казани XX в., придав ему неповторимый облик и узнаваемость.

В целом, в городской архитектуре все больше проявлялось чрезмерное увлечение бетоном и стеклом. Характерным в этом отношении было сооружение актового зала консерватории на центральной Площади Свободы, Дома татарской кулинарии на центральной улице Баумана, пригородного железнодорожного вокзала. Эти здания существенно отличались от здания Театра оперы и балета отсутствием дорогостоящего декора. В архитектуре почти не использовались национальные мотивы. Внешний облик зданий носил депрессивный характер, что было связано с бедностью фактуры использовавшегося строительного материала. Фасады кирпичных зданий выполнялись в основном из силикатного кирпича, так как выпускавшийся красный кирпич имел низкое качество. Производство глазурованного и цветного кирпича не было освоено местной промышленностью. Пигменты, применявшиеся на строительстве, имели небольшое разнообразие колеров и низкое качество.

Новые города республики, закладывавшиеся в эпоху гигантомании и помпезности, также несли на себе печать времени в виде сооружения крупных монолитных зданий. Так, в генеральном проекте, разработанном в 1973 г., главное ядро города Набережные Челны – административная площадь в два раза превышала размеры Красной площади в Москве [Республика Татарстан, 1995, 26 янв.]. Это делало центр Набережных Челнов некомфортным в восприятии горожан.

Воплощением философии усредненности, противостоящей яркой индивидуальности, являлись административные здания для органов власти, активно сооружавшиеся в 1960–1970-е гг. Возводившиеся по одному типовому проекту, они не имели собственного лица, что делало их не запоминающимися. За счет нового пристроя было расширено здание Татарского обкома КПСС. На центральной улице столицы республики им. Баумана был сооружен дом

политического просвещения (ныне здание Академии наук РТ). В каждом районе были выстроены шаблонные здания райкомов компартии, выделявшиеся среди окружающих их строений современной, но в то же время безликой формой и высаженными около них голубыми елями. В то же время достойных зданий на протяжении почти всего советского периода не имели такие важнейшие очаги татарской культуры, как Татарская филармония [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.7, д.354а, л.6], Татарский академический театр им. Г.Камала.

Маломощным в советский период было татарское телевидение, которое стало входить в быт горожан республики с конца 1950-х гг. В начале 1960 г. в республике насчитывалось 25 тыс. телевизоров [НА РТ, ф.4493, оп.1, д.486, л.1]. Телепередачи Казанской студии смотрели только в 27 районах республики.

Важной сферой социальной инфраструктуры городов является система здравоохранения. В рассматриваемый период неуклонно росла больничная сеть. Обеспеченность населения врачами в расчете на 1000 человек увеличилась в шесть раз. Большим событием стало строительство комплекса Республиканской клинической больницы. В это время уровня республиканских клинических лечебных учреждений достигли больницы в Зеленодольске, Елабуге, Бугульме, Чистополе, Альметьевске. Но к 1989 г. обеспеченность амбулаторно-поликлинической помощью в Казани составляла лишь 70% к расчетному нормативу. В ряде микрорайонов положение было просто катастрофическим. К примеру, в поселке Борисково филиал поликлиники №9 был размещен в деревянном аварийном одноэтажном здании с печным отоплением и без удобств. Здесь один врач обслуживал более 6 тыс. человек. Такое же положение было и в поселке Мирный [Проблемы перестройки, 1990, с.104]. К концу 1980-х гг. в ТАССР врачей было меньше, чем в среднем по СССР на 10%, по РСФСР – на 20%. В республике было только 9 из 10 положенных коек [Мустафин, 1989]. Частые поломки медицинской аппаратуры, нехватка простейших приспособлений, дефицит автотранспорта – все это вместе порождало очереди, ставшие признаком

советского здравоохранения. Очередь вообще была неотъемлемой чертой советской социальной действительности. Ее можно было наблюдать повсюду: в парикмахерских, банях, кино, театрах. Важной социальной ценностью, позволявшей избежать очереди, становилось наличие знакомого врача, парикмахера, банщика, закройщика.

Наиболее болезненно очереди и тотальный дефицит ощущались в сфере торговли. Относительный достаток позволил людям лучше одеваться и питаться. Стремясь во всем зажить по-новому, они стали уделять много средств и времени обустройству своего быта. Это было сопряжено с немалыми трудностями, так как производство мебели, радиотоваров, холодильников, стиральных машин явно не поспевало за возросшими потребностями.

О пустых прилавках, перебоях торговли хлебом, продовольственными и промышленными товарами власти республики систематически информировали Москву [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.7, д.28, л.17; оп.37, д.190, л.35]. В 1950 г. первый секретарь Татарского обкома ВКП(б) З.И.Муратов обратился в Совет министров СССР с просьбой о планировании товарных фондов для города Казани по нормам городов республиканского подчинения с выделением города отдельной строкой. При этом он подчеркивал, что по всем остальным направлениям планирования в первую очередь производственным Казань обрела такой статус еще в 1944 г. [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.7, д.15, л.224–225]. В 1962 г. руководство республики обратилось в Совет министров РСФСР с письмом, в котором сообщалось о «ненормальном планировании рыночного фонда мясомолочной продукции для Татарии», что привело к резкому снижению потребления мяса и молока в расчете на одного человека [Там же, ф.15, оп.43, д.29, л.52]. Поток жалоб на плохое обеспечение повседневными товарами со всех концов республики нарастал в течение рассматриваемого периода. В аналитической записке писем, пришедших в редакцию «Сов. Т.» за 1971 г., приводятся следующие характерные примеры: «Мы, рабочие, второй год не видим мяса, процент выполнения плана правдив, когда он лежит на прилавке». Группа рабочих цеха №14 Ка-

занского химзавода им. Ленина (Дмитриева, Ибрагимова) пишет: «Мы проработали доклад Табеева на Пленуме ОК КПСС. И очень удивились и насторожились, когда прочитали, что опять будет уклон на свинину. [...] Почему у нас не ратуют за баранину? В газетах все в ажуре, а мясо берем на рынке по 4–4,50. Конечно, ошибки бывают у всех. Даже у Сталина были. Однако при нем городское население каждую весну ждало снижения цен на продукты. А сейчас, как повысили временно цены на мясо, колбасу, масло, так и держатся эти цены. Теперь вот на водку цена подскочила. Как Вы думаете, нужно народу объяснить причину повышения цен или достаточно Указа? Ведь Указ без совета с народом раздражает, вызывает у одних – неуверенность, у других – панику». В другом письме говорится: «В 1971 г. я бы желал, чтобы не в газетах было мясо, а в магазинах. Такие же люди в Йошкар-Оле получают мясо по талонам ... Хорошо бы у нас сделать хотя бы так» [История Казани, 2004, с.226–227].

Аналогичные сигналы шли и из молодых городов. Рабочий А.Генералов пишет: «Я приехал в Нижнекамск в 1967 г. До половины 1969 г. мясо, телятина, свинина, тушенка, сельдь копченая и маринованная, колбаса всех сортов – все было в магазинах. Теперь и минимального нет ... Магазинов продтоваров мало. Кругом ужасная толкотня. Чувствительно быстро растет стоимость обеда в рабочих столовых» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.35, д.305, л.214–215]. В 1977 г. жители Нижнекамска написали коллективное письмо в газету «Правда», в котором выражали недовольство развитием социальной инфраструктуры в городе, а также неблагоприятным состоянием общественного порядка [Там же, ф.15, оп.8, д.349, л.18].

К концу 1970-х гг. положение с обеспечением населения продуктами питания в городах республики настолько обострилось, что на мясные изделия и масло были введены талоны, которые просуществовали до конца советского периода, причем нормы продуктов не менялись с момента их введения.

Многие проблемы развития городов, не поспевавших за промышленным строительством в республике, были связаны с резким ростом городского населения.

Большинство местных жителей охотно вовлекались в промышленное производство. Об этом свидетельствовал быстрый рост среди них рабочих-нефтяников, рабочих-химиков, рабочих-машиностроителей.

Стремительный рост занятых в промышленных сферах производства не всегда прямо отражался на увеличении численности городского населения. Так, на юго-востоке в силу специфической особенности нефтедобывающей отрасли, заключающейся в ее территориальной рассредоточенности, уход местных крестьян в нефтяники чаще всего не означал ухода из родного дома. В отличие от рабочих, поднимавших заводы Казани в 1930-е гг., а также тех, кто позже в 1960–1970-е гг. создавали Камскую промышленную зону, у нефтяников переход в промышленную сферу деятельности, как правило, не был связан с переездом в город. Многие из них в силу нехватки жилья в городе продолжали жить в родных домах, не меняя стиля сельской жизни. Забота о родителях, воспитании детей, многочисленные хлопоты на личном подворье, знакомое с рождения социальное окружение – все это оставалось у большинства из них в неизменном виде. К тому же условия труда для нефтяников существенно не менялись. Ведь в отличие от рабочих заводов и фабрик, трудившихся под крышей, нефтяники, так же, как и крестьяне, трудились на земле, под открытым небом. В период становления нефтяной промышленности местное население использовалось чаще всего на неквалифицированных работах, требующих больших физических усилий. Положение усугублялось и необходимостью ежедневного преодоления неблизкого пути от дома до промысла. В отличие от нефтяников, живущих в городе компактно и развозившихся на автобусах, местные жители на работу добирались пешком.

Бурный рост городского населения происходил в 1960–1970-е гг. в основном за счет Камской промышленной зоны. Строительство КамАЗа в Набережных Челнах, нефтехимических предприятий в Нижнекамске вовлекло в урбанизационный процесс огромную территорию бывшей сельской глубинки.

Так, в 1970–1989 гг. население Казани выросло на 10%, Альметьевска – на 18%,

Набережных Челнов – на 66%, Нижнекамска – на 42% [Мустафин, Хузеев, 1992, с.16]. В общей численности населения республики доля столицы уменьшилась с 47% до 42%. 16 ноября 1979 г. в Казани родился миллионный житель – Ирек Шамильевич Мустафин [История Казани, 2004, с.237]. Но по сравнению с другими городами-миллионерами, численность населения Казани увеличивалась намного медленнее, его прирост в 1980-е гг. составлял 10% против 29% по стране. Ее население росло медленнее, в среднем в 2 раза, и по сравнению с общим числом горожан республики. Население Нижнекамска росло в 4 раза быстрее, чем Казани, Набережных Челнов – в 6 раз. В целом, по республике темпы роста городского населения превышали более, чем в 1,5 раза среднесоюзный показатель [Веч. Каз., 1990, 30 мая]. Эти цифры показывают высокий уровень экстенсификации экономики республики, обусловившей соответствующий темп урбанизации.

В результате картина размещения городского и сельского населения в республике существенно изменилась. В 1950–1960-е гг. самые значительные перемены произошли на юго-востоке Татарстана. Этот регион наряду с традиционным Казанско-Зеленодольским промышленным узлом стал представлять второй промышленный центр республики с многонациональным городским населением. Здесь появились: новые города Альметьевск, Лениногорск; рабочие поселки Азнакаево, Актюбинский, Бавлы, Джалиль, Заинск, Зеленая Роща, Карабаш, Русский Акташ, Шугурово, Уруссу. Численность городского населения в республике с 1939 по 1959 гг. выросла с 614,3 тыс. человек (21,1% от общего населения) до 1190,3 тыс. человек (41,8%). В то время сельское население сократилось с 2299,9 тыс. чел. (78,9%) до 1660,1 тыс. чел. (58,2%) [70 лет ТАССР, 1990, с.5]. К началу 1970-х гг. удельный вес городского населения в республике составил почти 50%, а уже согласно данным переписи 1989 г., 73% населения республики жили в городах. На долю трех промышленных зон приходилось 80% населения [Нургалиев и др., 1989, с.69].

Однако высокие темпы модернизационных процессов в экономике республики

и урбанизации ее территории не означали опережающих перемен в развитии уровня жизни ее населения. Регионы поздней урбанизации представляли собой промышленную провинцию, характеризовавшуюся скудностью и схематизмом облика городов. Яркое представление об этом дает справка, составленная на основе комплексного обследования городского хозяйства Нижнекамска в 1966 г. В то время в городе проживало 27 тыс. человек. В документе отмечалось: «...Швейная мастерская находится в непригодном, тесном, холодном помещении. Единственная в районе фотография на одно рабочее место с декабря 1965 г. помещается в подвале дома. Во всем районе работает всего лишь одна парикмахерская с мужским и дамским залами» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.7, д.98, л.1–4]. В этой же справке указывалось на неудовлетворительную работу предприятий по оказанию населению услуг по ремонту бытовой техники, радиоаппаратуры, химической чистке и др. Было указано, что в городе работал лишь один денежный автоматический телефонный аппарат, для междугородных переговоров имелись только две кабины. Обеспеченность Нижнекамска объектами торговли составляла лишь 50% потребности: было два хлебных, один мебельный магазин и ни одного специализированного по продаже промышленных товаров, овощей, молочных и мясных изделий. Обеспеченность школьными помещениями составляла 59%, детскими дошкольными учреждениями – 33%, больницами и поликлиниками – 32%. В городе не хватало тепла, зимой 1966 г. температура в помещениях составляла 10–12 градусов тепла. В городе была только одна баня на 26 моечных мест, отсутствовали прачечная, гостиница. Из-за недостатка автобусов не было организовано автобусное сообщение между городом и строительными площадками химического комбината, ТЭЦ, комбината ЖБИ и отдельных населенными пунктами района. Весной и осенью город становился труднопроходимым даже в резиновой обуви. Как отмечалось в упомянутой справке, на день проверки в мужском общежитии не работали кубовая, душевые кабины, отсутствовала горячая вода и кипяток для чая. В постельном белье были об-

наружены клопы [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.7, д.98, л.2]. Хотя раньше в начале 1960-х гг. на всесоюзном конкурсе проектов новых городов план строительства Нижнекамска за простоту, максимальные удобства для жителей и экономическую эффективность строительства был отмечен золотой медалью и дипломом первой степени.

Таким образом, промышленное развитие республики в изучаемый период отмечено крупными достижениями в области внедрения передовых технологий, вовлечением в него новых обширных территорий, появлением ряда новых отраслей, десятков новых предприятий. В послевоенные годы были достигнуты беспрецедентные успехи в области авиастроения, приборостроения. Республика была задействована в развитии ракетно-космической техники, освоении космоса. Некоторые виды промышленной продукции, производившейся в республике, имели уникальный характер, но в основном это были отрасли тяжелой промышленности. Большой вес в промышленной продукции республики занимали добывающие отрасли, производящие продукцию на экспорт. Индустриальный прогресс отраслей, работавших на нужды человека, был недостаточным.

Модернизация индустриального производства характеризовалась усложнением организации производства, но не означала его совершенствования. Она была ориентирована на экстенсивные методы ее осуществления, сопровождавшиеся неоправданно затратным характером преобразований и прогрессирующей потерей качества

продукции. Правда, показатели республики были выше по всем направлениям, чем, в целом, по России. Так, если общий объем промышленной продукции в республике вырос в 1985 г. по сравнению с 1940 г. в 72 раза, то в Российской Федерации – только в 22 раза. При этом темпы роста производительности труда в Татарстане выросли в 19 раз, в России – в 10 раз.

Опережающие темпы модернизационных процессов в экономике республики и урбанизации ее территории не означали соответствующих перемен в развитии уровня жизни ее населения. Наоборот, экстенсивность нередко оборачивалась авральностью, экстремальностью жизни, которые означали дезорганизацию и бытовую неустроенность. Технократический подход неизбежно наносил ущерб развитию социальной сферы, целостности социально-экономического развития региона.

Политика размещения производительных сил, диктовавшаяся из центра, привела к обострению противоречий между ведомственными и местными интересами, расточительному использованию природных ресурсов, нарушению экологического равновесия на значительной части территории Татарстана. Последствия ведомственной экспансии привели к однобокому, не комплексному развитию социальной сферы. Для устранения подобных явлений требовалась кардинальная перестройка хозяйственного механизма, что и обусловило революционные процессы, приведшие к развалу советской модели модернизации экономики.

ГЛАВА 9

Духовные и культурные процессы в ТАССР в 1940-х – середине 1980-х гг.

§ 1. Идеология и культура татарского народа во второй половине 1940-х – середине 1980-х гг.

Альфия Галлямова

Идеологическая ортодоксальность послевоенных лет наиболее сильно отразилась в гуманитарных науках, литературе и искусстве. Власти пытались ввести в жесткие рамки официальных догм, прежде всего, научную и художественную интеллигенцию, постоянно испытывавшую своеобразную «презумпцию виновности».

В исторической науке возобладала булгарская теория происхождения татар. Все прогрессивное в истории татарского народа необходимо было связывать только с ролью русского народа и Российского государства. Обо всем, что относилось к периоду государственного могущества татарского народа и было связано с мусульманским Востоком, предлагалось либо замалчивать, либо трактовать негативно. Это, например, превращало «завоевание» Казанского ханства в «присоединение» Русским государством, причем непременно имевшее прогрессивное для татар значение.

Первое крупное общественное мероприятие в свете августовского постановления прошло в сентябре 1944 г., когда состоялось собрание республиканского партийного актива. Вскоре мощный идеологический удар обрушился на Татарский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории – центр татарской гуманитарной науки. В октябре 1944 г. бюро Татарского обкома КПСС приняло постановление «Об ошибках и недостатках в работе Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории», в котором были продублированы основные положения августовских решений ЦК ВКП(б). Институт был обвинен в том, что допустил серьезные

ошибки националистического характера в освещении истории, литературы и искусства татарского народа [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.5, д.1143, л.51–55]. В числе работ, в которых были допущены грубые ошибки в освещении истории Золотой Орды, были названы «Перспектив периодизации истории», «История литературы» Б.Яфарова и «Перспектив периодизации истории литературы» Х.Х.Хисматуллина и Я.Х.Агишева [Там же].

Негативная оценка властей была вынесена в статье Наки Исанбета «500-летие татарского народного эпоса – дастана «Идегей», опубликованной в 1940 г. в журнале «Совет эдэбияты» (№№ 11–12) [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.5, д.1154, л.30–31], в постановлении обкома ВКП(б) от 28 ноября 1944 г. «Об ошибочной статье Н.Исанбета».

В феврале 1945 г. на пленуме обкома ВКП(б) первый секретарь З.И.Муратов и секретарь по идеологии Малов еще раз подтвердили официальные установки, придерживаясь которых в обязательном порядке предписывалось всем, кто изучает, пишет, об истории татар. Суть их состояла в артикуляции позитивного показа совместной борьбы русского, татарского и других народов страны против чужеземных захватчиков, царизма и помещичье-капиталистического гнета, социалистического преобразования Татарии, популяризации революционеров-татар [Тагиров, 1999, с.335–336]. Хотя двумя годами ранее, незадолго до принятия августовского постановления в июне 1944 г., оно рассматривалось в ряду достижений татарской культуры [Культурное строительство в Татарии, 1976, с.68]. Принятые решения свидетельствовали об отказе от объективного изучения истории

татарского народа. Дело не ограничилось «работой над ошибками» историков и филологов. Тогда же произошли и кадровые перестановки: был назначен новый директор М.Гайнуллин, сменивший на этом посту Х.Ярмухаметова, смещены некоторые заведующие отделами. В 1946 г. в Москве прошла научная сессия, посвященная этногенезу татар. Несмотря на то, что в процессе дискуссии было сделано немало откровенных аргументированных высказываний, в которых болгарская гипотеза подверглась серьезному сомнению, она утвердилась в исторической науке [Галиуллина, 2004, с.26]. В 1949 г. под идеологический пресс попал сборник статей отдела истории ИЯЛИ «Происхождение казанских татар». Его авторы, известные историки Б.Д.Греков, А.П.Смирнов, Н.Ф.Калинин, Е.И.Чернышев, были обвинены в «недостаточной приверженности марксистско-ленинской идеологии, в объективистском подходе к освещению истории, переоценке влияния мусульманского Востока и недооценке влияния Руси в этногенезе татар» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.30, д.6, л.229].

Тем не менее, попытка выстроить татарскую историю под предложенные официозом «лекала» вызвала определенное противодействие со стороны татарских гуманитариев. Об этом свидетельствует дискуссия между Хайри Гимади и Магаметом Сафаргалиевым, развернувшаяся в 1951 г. на страницах журнала «Вопросы истории» о происхождении, этногенезе татарского народа. Вначале М.Сафаргалиев опубликовал статью, где он выразил свое несогласие с болгарской теорией происхождения татар, считая, что в этногенезе казанских татар приняли участие многие тюркоязычные племена, а не только болгары. В этой связи он подверг критике готовившийся к изданию I том первого коллективного обобщающего труда «Истории Татарской АССР с древнейших времен до Великой Октябрьской Социалистической Революции» [Сафаргалиев, 1951, с.74–80].

Разгромной критике были подвергнуты в тот период и литературоведы. Так, составленный в конце 1940-х гг. проспект истории татарской литературы получил порицание за слабое раскрытие влияния русской революционно-демократической литературы, отсутствие показа борьбы двух направлений литературы в классовом обществе, переоценку «суфийской» литературы. Во-

пиющей ошибкой была названа исследовательская работа Г.Кашшафа по изучению творчества Дэрдемнда только за то, что тот был золотопромышленником [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.30, д.6, л.287].

Ученых ИЯЛИ осуждали за «замкнутость, отрыв от жизни, от актуальных задач советского литературоведения» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.30, д.6, л.284]. Данное обвинение строилось на том основании, что никто из литературоведов не желал участвовать в инспирированных сверху разоблачительных кампаниях и не выступил в печати с критикой космополитизма. Институт получил серьезное замечание также за то, что ни один из филологов не избрал для своей диссертации тему по советскому периоду. Ученые, действительно, не хотели заниматься политически ангажированными проблемами советской литературы, ведь именно в отношении нее малейшее несоблюдение коммунистической «рецептуры» строго осуждалось. Так, Ф.Хусни, Л.Залай, Ф.Мусагит, пытавшиеся критически осмыслить произведение современных им татарских писателей, были обличены в принижении значения их творчества.

Самым непосредственным образом обший курс на ужесточение партийного контроля над духовной жизнью страны коснулся и самой литературы. Жесткие идеологические рамки были обозначены в докладе секретаря Союза писателей ТАССР К.Наджми в июле 1945 г., в котором он повторил партийные установки относительно освещения истории Золотой Орды и подходов к эпосу об Идегее. К.Наджми призвал писателей сосредоточить свои усилия на создании «высокохудожественных произведений, раскрывающих высокий моральный облик героев нашего времени, отображающих великую победу советских народов, рисующих жизнь татарского народа в период социалистического преобразования Татарию в годы Советской власти» [История Казани, 2004, с.440–441].

27 августа 1947 г. в газете «Правда» была опубликована статья собственного корреспондента по Татарской АССР С.Бахтиярова «Серьезные недостатки в работе с писателями Татарию», в которой сообщалось о ропуске редакции журнала «Совет эдэбияты» за публикацию сборника стихов Ш.Маннур

«Телега дергачей». Он был назван пасквилем на советскую действительность, в этом же стиле оценивалось в статье все творчество Ш.Маннура. С.Бахтияров подытожил свое выступление критикой «попустительской» позиции руководства Союза писателей республики.

После такой публикации в главной газете страны последовала вереница заседаний Татарского обкома, Казанского горкома, Бауманского райкома ВКП(б), на которых принимались решения, смысл которых сводился к тому, что из поля зрения «здоровой критики» не должно ускользнуть ни одно произведение [Никифоров, 1984, с.153]. От деятелей культуры требовали воспевать пафос восстановления, изображать лучшие черты и качества советского человека, позитивные явления социалистического строя, лишая при этом права изобличать реальные пороки общества. К примеру, басня А.Исхака «Дыра» была раскритикована за точно подмеченный критерий социальной успешности: сиди тихо, не трогай никого, и тебя никто не тронет [РГАСПИ, ф.17, оп.8, д.778, л.43]. В конце 1940-х гг. идеологическому разгрому подверглись либретто оперы «Алтынчеч» Н.Жиганова, комедия «Ходжа Насретдин», драма «Райхан» Н.Исанбета, поэма «Орленок» А.Ерикеева, а также многие рассказы А.Еникеева, С.Баттала («По столбовой дороге»), Ф.Хусни («Тропа пешехода»), М.Амира, Ш.Маннура [РГАСПИ, ф.17, оп.8, д.778, л.43]. Жесткие предписания были предъявлены к репертуару театров, от которых требовали современных спектаклей, «правдиво отображающих жизнь и борьбу советских людей». Как не соответствующие партийным установкам были запрещены к показу около двух десятков спектаклей столичных театров [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.30, д.6, л.287]²⁵.

Идеологическим проработкам подверглись учебники. Дважды (в сентябре 1948 г. и в январе 1952 г.) был резко раскритикован учебник-хрестоматия по татарской литературе для восьмого класса средней школы. Авторы обвинили в том, что они «оказались в плену буржуазного объективизма»,

включили в хрестоматию «вредные произведения», слабо осветили влияние на татарскую литературу русской литературы, неправильно оценили джадидизм, роль ислама, идеализировали «религиозно-мистическое творчество» М.Колый, Г.Утыз Имяни. В число вредных попали некоторые произведения Г.Кандалый, Ф.Халиди. В постановлении бюро обкома КПСС «Об ошибках в учебнике литературы для восьмого класса татарских средних школ» как буржуазно-националистическое течение, стремившееся оторвать татарский народ от России, был представлен джадидизм. Общим результатом этой кампании стало то, что была наложена опала на имена и произведения людей, составляющих гордость татарской литературы.

Не в силах противостоять идеологическому натиску, деятели культуры переставали писать, творить, за что тоже получали «нагоняй» со стороны партийных органов. В 1948 г. известные своими сатирическими произведениями А.Исхак, М.Максудов, А.Шамов были подвергнуты так называемой «партийной критике» за отсутствие «новых вещей».

Партийные оценки, определившие судьбу учебника и тех, кто писал и издавал его, от одного бюро к другому становились все более жесткими, как и организационные меры. В газете «Культура и жизнь» от 11 июля 1948 г. появилась статья П.Климова «Школе – хорошие учебники!», которая содержала критические замечания по ряду учебников центральных и местных издательств. Самые серьезные претензии предъявлялись к хрестоматии по татарской литературе, в которую якобы вошли «заведомо ошибочные и вредные произведения». Ее основные положения и были продублированы в постановлении от 2 сентября 1948 г. После январского постановления один из авторов литературовед Б.Яфаров был исключен из рядов ВКП(б), директор Института М.Гайнуллин получил выговор. За неправильную трактовку проблем татарской литературы, в частности за позитивную оценку джадидизма, «досталось» Л.Заляю, Г.Кашшафу, Г.Халиту.

Идеологически выверенные ориентиры оценки татарской общественной мысли были обозначены в сборнике статей о Каюме

²⁵ Списки названий запрещенных спектаклей в 1946–1949 гг. [см. подробно: История Казани, 2004, с. 638–642].

Насыри, опубликованном сотрудниками ИЯЛИ в 1948 г. В нем К.Насыри был охарактеризован как крупный татарский просветитель, Г.Тукай представлен как народный поэт-демократ. Таким образом, официально одобрялась позитивная трактовка просветительства и демократизм деятелей культуры из бедных слоев дореволюционного общества, противопоставлявшихся джадидизму, и выдающимся деятелям из имущих. Иными словами, главный критерий в оценке дореволюционной культуры определялся классовым подходом.

В этих условиях татарская интеллигенция, не желавшая «плясать под идеологическую дудку», часто уходила в так называемую «внутреннюю эмиграцию». Об этом, например, свидетельствует письмо корреспондента «Советской России» по ТАССР С.Мокшина главному редактору этой газеты П.П.Ерофееву. Он пишет: «После известного решения ЦК по татарской парторганизации республиканские газеты шарахнулись в другую крайность и перестали вообще упоминать об эпохе Идегее, о джадидизме, и т. д., перестали вести идеологическую борьбу против буржуазно-националистических предрассудков. Это привело к тому, что разговор велся в кулуарах, в узком кругу людей, а на страницах печати эти вопросы замалчивались. В последнее время газеты совершенно не публикуют статей, посвященных пропаганде успехов ленинской национальной политики, дружбе народов СССР. А если время от времени такие статьи и появляются, то в них много декларативности, нет должной политической остроты, они, как правило, оторваны от местной жизни. По существу идеологическая работа на страницах газет имеет оборонительный, а не наступательный характер, в статьях редко дается отпор неправильным взглядам и отсталым настроениям» [РГАСПИ, ф.556, оп.15, д.31, л.14]. Из процитированного письма явно просматривается позиция национальной творческой интеллигенции в неприятии официальной линии в трактовке истории и культуры татарского народа, в саботировании пропагандистской деятельности, навязываемой партийными органами.

Усиленным идеологическим проработкам подверглись в послевоенный период все отрасли науки. В республике, как и по всей

стране, развернулись погромные дискуссии по проблемам философии, биологии, языкознания, политической экономии. В 1947 г. во всех научных и учебных учреждениях прошли собрания, осуждавшие московских профессоров Ключеву и Роскина за попытку опубликования в американском журнале своей научной статьи. Несмотря на то, что советские медики действовали официальным способом, спрашивая разрешение на ознакомление зарубежной ответственности с результатами своих исследований, в Министерстве здравоохранения их обвинили в отсутствии патриотизма. В прокатившейся по стране обличительной кампании досталось и казанским ученым. В низкопоклонстве перед Западом были обвинены преподаватели пединститута Велихов и Порфирьев, которые также, как их московские коллеги в ответ на предложение Калифорнийского университета, хотели напечатать свои труды за границей. Получил порицание ученый секретарь химического института Никаноров за то, что о приготовленном им препарате появилось сообщение в иностранной печати. Необходимо отметить, что в Казани находились ученые, которые, рискуя своей карьерой, не желали участвовать в публичной «порке» своих коллег. Так, Арбузов и Миропольский открыто заявили, что не считают ошибкой и более того приветствуют стремление ученых поддерживать научные контакты с иностранными коллегами [РГАСПИ, ф.17, оп.122, д.277, л.3–10].

В 1948–1950 гг. Татарский обком ВКП(б) принял ряд решений против ученых, не вписывавших свои работы в идеологические клише. В этот период была осуждена деятельность ученых-юристов КГУ, станции животноводства Татарского научно-исследовательского института по сельскому хозяйству, преподавателей финансово-экономического института. Опытную станцию по животноводству обвинили в низком уровне научно-исследовательской работы в статье сотрудника Лебедева «Изучение состояния черкасской породы овцы в условиях ТАССР». В ней было проведено сравнение показателей двух групп овец – общественного и индивидуального пользования, выводы по всем исследованным параметрам оказались не в пользу колхозного стада, поэ-

тому исследование было объявлено антинаучным. За дискредитацию колхозного строя была раскритикована деятельность научно-сотрудника ИЯЛИ доцента Элиа, руководителя фольклорной экспедиции по сбору, как было отмечено в партийном документе, «антисоветских, антиколхозных частушек» [РГАСПИ, ф.17, оп.122, д.277, л.10]. Ученый, с точки зрения властей, очевидно, должен был фильтровать устное народное творчество, не фиксируя негативное отношение крестьян к советской действительности.

В 1949 г. были изъяты из продажи «Ученые записки юридического института» за ряд «грубейших теоретических ошибок и политических извращений». Конкретные обвинения были предъявлены Левшину и Маленкову за то, что в своей совместной статье они приводили данные о резком сокращении «спекулянтов среди единоличников» и незначительном сокращении их среди колхозников и служащих. Порочной и вредной была признана также статья из этого сборника старшего преподавателя Ахмадеева «Очерки по конституционной истории Турции», в которой он характеризовал государственный строй Турции как демократический, подчеркивая большую роль в его утверждении Кемалья-паши, журналиста Ялчина. Отрицательную оценку обкома ВКП(б) получил сборник трудов Казанского финансово-экономического института (выпуск 8, 1948 г.) за «аполитичный характер, низкий идейный уровень». На этот раз в отсутствие критики буржуазных экономистов в вопросах налоговой политики капиталистических государств был обвинен сотрудник института Сакс. Как отмечается в партийных документах, Сакс «под видом полемики с буржуазными экономистами, по существу пропагандирует теорию налогов буржуазных экономистов» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.30, д.6, л.122].

В период хрущевской оттепели, творческая интеллигенция стремилась сполна воспользоваться возможностями, открытыми XX съездом КПСС, для возрождения и дальнейшего развития татарской культуры. В мае 1956 г. на заседании правления Союза писателей были обсуждены наболевшие вопросы татарской литературы. Выразив тревогу по поводу того, что «Таткнигоиздат» за последние годы начинает терять

свое лицо, как национальное издательство, писатели существенно пересмотрели план изданий в сторону увеличения выпуска татарской литературы [Там же, оп.38, д.473, л.38]. В ходе его обсуждения секретарь Союза писателей А.Шамов отметил такую деталь, что «Неотосланные письма» Аделя Кутуя в Узбекской республике издали тиражом в 60 тыс. экземпляров. «Мы у себя, – сказал Шамов, – ни разу не имели возможности выпустить таким большим тиражом произведение нашего татарского писателя» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.41, д.120, л.85].

Настойчивыми были в этот период попытки со стороны писателей добиться издания в Казани литературного иллюстрированного журнала для молодежи [Там же, л.94]. Его отсутствие напрямую связывалось с неполноценным государственным статусом Татарской республики. С этим же фактором национальная интеллигенция связывала и более низкую оценку труда творческих деятелей в автономии по сравнению с союзными республиками, ставя вопрос об изменении такого положения. Так, заместитель председателя Союза писателей Татарской АССР Сибгат Хаким обратился в Татарский обком КПСС с просьбой устранить положение неоправданного ущемления прав местных писателей. «За художественные произведения, издаваемые в автономных республиках, – писал он, – гонорар оплачивается на 25% ниже, чем в союзных республиках, а за драматические произведения – ниже на 50%» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.37, д.378, л.53].

Активность татарской интеллигенции по улучшению условий для развития национальной культуры заметно повысилась после успешно проведенной в 1957 г. декады татарской литературы и искусства в Москве. Это был настоящий триумф татарского искусства, продемонстрировавший не только высокое мастерство творческих деятелей республики, но и востребованность его достижений со стороны широких слоев населения. В рамках декады свои лучшие спектакли показали Татарский государственный театр оперы и балета им. М.Джалиля, Казанский Большой драматический русский театр им. Качалова, Татарский академический театр им. Г.Камала. В залах Академии художеств СССР было выставлено более

700 произведений изобразительного искусства Татарстана.

Вдохновленный позитивным резонансом декады, председатель правления Союза писателей Г.Баширов поставил перед Татарским обкомом КПСС целый перечень вопросов: о возобновлении выходящей до войны татарской периодики – ежемесячном литературно-художественном журнале для молодежи, пионерской газеты, о преобразовании альманаха «Литературный Татарстан» на русском языке в журнал, увеличении штата сотрудников и гонорарного фонда для журнала «Совет эдэбияты» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.38, д.473, л.94–95]. В этот же период Г.Баширов на страницах республиканской газеты высказался за запрет давать татарским детям русские имена, видимо, улавливая в этом признаки комплекса национальной неполноценности у родного народа [РГАСПИ, ф.556, оп.15, д.31, л.11].

Протестуя против политической инструментализации его творческой деятельности, он в публичном выступлении, подвергнувшись резкому осуждению с официальной трибуны, высказался против опеки деятелей культуры со стороны партийных органов: «Там, где есть принуждение, искусство погибнет» [Там же, л.162].

Попытка дезавуировать некоторые оценки истории и культурного наследия татарского народа, исходившие из августовского постановления (1944 г.) ЦК ВКП(б), нашла свое продолжение в январе 1958 г. на совещании работников Татарского обкома КПСС с представителями творческой интеллигенции. С.Баттал выступил против того, чтобы рассматривать эпос «Идегей» как ханско-феодалный, считая его народным. В этом его поддержал Ш.Маннур. А.Файзи призвал по-новому взглянуть на джадидизм: «Из слова «джадидизм» создали жупел, его всячески замалчивают, хотя связать с пантюризмом. А ведь, это научно-просветительское народное движение! Из медресе вышла половина сидящих здесь. Правда, к этому движению примазались контрреволюционные элементы, и из-за этого все движение стало контрреволюционным» [РГАСПИ, ф.556, оп.15, д.31, л.10–11].

Стоит отметить, что все поднятые вопросы не находили возражения со стороны присутствовавших в зале творческих

работников. По сути дела с выступавшими дискутировали только представители власти С.Игнатъев, С.Батыев, К.Фасеев. Таким образом, общественность республики под воздействием усиливавшегося курса либерализации настойчиво ставила вопросы о демократических преобразованиях в социально-политической и социально-культурной жизни республики.

Новый поворот в развитии национальной культуры наметился в 1960 г., когда кратковременная «оттепель» вновь сменилась «политическими заморозками». В октябре 1960 г. на Пленуме Татарского обкома были признаны порочными в идейно-художественном отношении произведения Г.Минского «Весеннее пробуждение», Ш.Хусаинова «Муки любви», Х.Камалова «Горение», Р.Латыпова «Родная земля» и «Солдаты». Чтобы побудить литераторов создавать «социалистические по содержанию» произведения на современные темы, их прикрепляли к промышленным предприятиям.

В 1960 г. новым идеологическим проработкам подверглись татарский театр и татарская драматургия, охарактеризованная как самый отстающий жанр татарской литературы [ЦГА ИПД РТ, ф.19, оп.45, д.120, л.84–85]. В специально принятом постановлении бюро обкома КПСС «О работе Татарского государственного театра им. Камала» он был раскритикован за то, что «за последнее время он не поставил ни одной пьесы, поднимающей коренные вопросы современности, за то, что включает в репертуар слабые в идейном и художественном отношении спектакли, за стремление угодить отсталым вкусам некоторой части зрителей, тяготение к мелодраматизму, бытовизму» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.41, д.69, л.110].

Об «эффективности» опеки творческой интеллигенции со стороны властей можно судить по информации председателя КГБ в 1960 г. Он сообщает: «Из прикрепленных к производству Р.Ишмуратов (компрессорный завод), С.Баттал (завод №16) и Г.Хузи (Химстрой) и другие до сего времени не написали ни одной строчки» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.41, д.21, л.5]. О том, как своеобразно справился с заданием командировки в нефтяной край, интересно вспоминал художник И.Зарипов. «Работаю по заказу, а душа другого просит», – рассказывал он. По велению души он сначала

создал картину: «красивого мужика в уютном доме», а потом решил назвать картину «Нефтяник Ахат абый». «Чем не нефтяная тема, – рассуждал художник, – Он же не обязательно должен быть весь испачкан нефтью». [Звезда Поволжья, 2009, № 47].

В обстановке строгого идеологического надзора оказались ученые-гуманитарии, занимавшиеся дореволюционной проблематикой. В одной из справок КГБ (1960 г.) со скрупулезной точностью указывались количество и перечень произведений, которые изучали студенты историко-филологического факультета КГУ при подготовке своих дипломных работ. «Чтение такой литературы при еще недостаточной политической подготовке студентов отрицательно влияет на формирование их научно-политических воззрений», – отмечалось в справке [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.41, д.21, л.100–102]. В списке студентов фигурировали имена ныне известных в республике ученых Р.Нафигова, А.Каримуллина, Х.Курбатова [История Казани, 2004, с.660–662].

В 1963 г. из журнала «Совет эдэбияты» была снята статья Р.Мустафина «Думы о литературной критике», поскольку в ней положительно характеризовался джадидизм, который тогда все еще имел официальную оценку как реакционное дореволюционное течение татарской буржуазной интеллигенции [ГАРФ, ф. Р–9425, оп.1, д.1131, л.211].

Официальные установки на принижение национального в угоду интернациональному не могли заглушить интересы татар к своей культуре, истории. Об этом свидетельствовали многочисленные письма, обращения в руководящие органы, средства массовой информации.

Полное обиды на Казанское телевидение письмо направил в Татарский обком КПСС житель поселка Бавлы С.В.Рахимов. «Мы, телезрители, – пишет он, – не можем утвердительно сказать, что татарская телестудия есть, так как мы не видим никакой ее работы...» [ГАРФ, ф. Р–9425, оп.7, д.644, л.22]. Г.Ширгазин из Казани пишет в «Советскую Татарию»: «Мне 22 года. Люблю культуру своего народа. Почему бы не выпускать художественные фильмы на татарском языке?». А.Сабиров из Набережных Челнов с упреком указывает на то, что национальное музыкальное искусство обречено на забвение.

«Другие нации с раннего детства воспитывают у детей любовь к своей музыке», – замечает он [ГАРФ, ф. Р–9425, оп.7, д.1184, л.14, 16]. С просьбой о создании газеты «Литература и искусство» и татарской киностудии обращается к властям рабочий Химэнергостроя Г.Хусниев [ГАРФ, ф. Р–9425, оп.41, д.221, л.12–12 об.]. В 1980-е гг. в обком КПСС поступило письмо студента Казанского педагогического института Тагира Идрисова (как показала проверка, имя оказалось вымышленным). В письме также говорилось о недостаточной работе Татарского телевидения на татароязычную аудиторию [Там же, оп.8, д.1573, л.34].

Утрата ценностного отношения к сокровищам национальной культуры проявлялась в работе учреждений, призванных обогащать духовную жизнь народа, принимавшую все более однобокий характер. Так, на сцене оперного театра из года в год сокращалось число создававшихся местными композиторами произведений. Если с 1939 по 1950 гг. здесь было поставлено 13 национальных спектаклей, с 1951 по 1960 гг. – 8, то с 1961 по 1970 гг. – только 5 [Коммунист Татарии, 1970, №8, с.10]. В репертуаре Государственного филармонического оркестра в 1968 г. было 33 произведения русских и зарубежных классиков, 21 – композиторов союзных и автономных республик СССР и только 13 – татарских композиторов. К 1969 г. в их репертуаре осталось только 8 произведений татарских композиторов [Там же]. В работе республиканского радио и телевидения также явно недоставало передач на татарском языке. В 1960-е гг. Казанская студия телевидения вещала по 1,5 часа в сутки, из них на татарском языке – 43 мин., на русском – 47 мин. Татарское радио ежедневно вещало в среднем по 4 часа, из них 2 час. 40 мин. – 2 час. 50 мин. на татарском, 1 час. 10 мин. – 1 час. 20 мин. – на русском [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.7, д.640, л.2–3]. Учитывая, что Казань являлась единственным очагом татарского радио и телевидения, налицо игнорирование духовных запросов татарского населения.

Послевоенные десятилетия – это не только время утрат в духовной жизни. Наука, образование, культура не стояли на месте. До сих пор в данном разделе апология интеллигенции была связана с ее противостоянием власти, стойкостью по отношению к кон-

формизму, сопротивлением идеологическим императивам. Но уровень цивилизованности общества, прогресс определяются во многом теми, кто не борется, а строит, кто и в период бурных процессов социальной трансформации, и в период стабильности «сеет разумное, доброе, вечное». Истинные интеллигенты, продолжают добросовестно учить, лечить, сочинять, изучать, невзирая ни на какую политическую конъюнктуру, не изменяя своим убеждениям в угоду карьерным интересам, сполна используя свое профессиональное мастерство.

Образование. В конце 1940-х гг. в республике, как и по всей стране, было введено обязательное семилетнее образование. В 1958 г. начался переход на обязательное восьмилетнее обучение. Татарская республика отчиталась о завершении этого перехода в 1963 г. В середине 1970-х гг. здесь, как и по всей стране, был завершён переход к всеобщему среднему образованию. Однако согласно справке Статуправления СССР за 1962 г., в РСФСР не обучалось в школах 59 тыс. детей в возрасте 7–15 лет. В прилагавшемся к справке списку регионов ТАССР шла первой строкой. Здесь необучавшихся детей школьного возраста насчитывалось 2606 человек, следом шла Башкирия (2127 человек), потом Саратовская область (1749 человек) и Дагестан (1728 человек). Причем Татарстан входил в число девяти регионов РСФСР, где количество неучившихся детей выросло по сравнению с 1961 г. [РГАНИ, ф.5, оп.37, д.104, л.126]. Данный документ показывает, что достижения СССР по всеобщему образованию не столь безусловны, как они были представлены в политических заявлениях, хотя уровень его неизменно и заметно повышался.

В конце 1950-х гг. в республике, как и в стране в целом, началась перестройка системы образования на основе соединения обучения с работой на производстве. С 1959 по 1962 г. все семилетние школы были преобразованы в восьмилетние политехнические. Шел и интенсивный процесс преобразования десятилеток, которые, считалось, оторваны от жизни, в политехнические средние школы с производственным обучением. В 1960/61 гг. их было – 114, а в 1964/65 учебном году действовало 279 средних

школ с производственным обучением на 202,6 тыс. детей [Сафронов, 1965, с.185].

В 1964 г. концепцию политехнизации школы признали ошибочной, поскольку ее осуществление не давало должного эффекта, в процессе было много формализма. Однако именно в этот период в рамках процесса специализации школ в Казани появились знаменитые школы № 18 и 39, осуществлявшие процесс обучения на английском языке, № 36 – на немецком языке. Школа № 131 Казани стала готовить математиков-программистов, радиофизиков и химиков-лаборантов. Таким образом, появилась возможность со школьного возраста дифференцированно подходить к обучению детей с учетом их способностей, по крайней мере, для части казанских детей. В 1960 г. открылась средняя музыкальная школа при Консерватории с небольшим интернатом для приезжих из районов.

Что касается подготовки рабочих кадров, то основная ставка была сделана на профессионально-технические училища, сеть которых в изучаемый период расширилась в геометрической прогрессии. Если в 1941 г. функционировало 15 подобных заведений с числом учащихся 4,8 тыс. человек, в 1951 г. – 69, где обучалось 6,9 тыс. человек, то в 1986 г. в республике насчитывалось 123 ПТУ с числом обучавшихся в них 58,8 тыс. человек [70 лет ТАССР, 1990, с.163]. В начале 1980-х гг. 71 училище одновременно давало среднее образование [Шакиров, 1983, с.83].

Многоплановый и разносторонний характер имела система высшего и среднего специального образования в республике. Бурные темпы промышленного развития обусловили резкий спрос на рабочую силу, который довольно легко удовлетворялся за счет крестьян, охотно покидавших село в поисках лучшей доли в городах. Но по мере усложнения производства требовалась не просто рабочая сила, а профессионалы высокого уровня. Быстро индустриализировавшаяся Татарская республика испытывала острую нехватку кадров высшей квалификации. Так, в 1960 г. Татарский совнархоз сделал заявку на 1779 специалистов с высшим образованием, а получил лишь 610 человек. В 1961 г. ситуация еще более ухудшилась. Вместо запрошенных 1780 на предприятия,

входившие в Татсовнархоз, пришло работать 482 человека с высшим образованием [РГАНИ, ф.5, оп.37, д.90, л.79].

В этих условиях система высшего и среднего образования приобретала ключевое значение в модернизации республики. Она сложилась в Татарстане в 1930-е гг. В 1935 г. здесь существовало 13 вузов [Казань на пороге тысячелетия, 2004 с.24]. Все они находились в Казани. Первый вуз вне столицы республики появился в 1939 г. Это был Елабужский педагогический институт. Сразу после войны в 1945 г. в Казани открылась консерватория европейского образца, первая по всем автономным республикам, к тому же долгое время оставшаяся единственной. В 1946 г. был вновь восстановлен Казанский инженерно-строительный институт, созданный в республике до войны. В связи с развитием в Татарстане энергоемких производств, в 1968 г. в Казани открылся филиал Московского энергетического института. В это же время в столице республики были созданы филиалы Ленинградского института культуры им. Н.К.Крупской, Волгоградского института физической культуры. К началу 1980 гг. в Татарской АССР имелось 13 высших учебных заведений [70 лет ТАССР, 1990, с.225]. За счет слияния некоторых вузов появление новых институтов не привело к увеличению их общего количества. Большинство институтов по-прежнему находилось в столице республики.

Отсутствие количественного роста вузов вовсе не означало их качественной стагнации. Существовавшие вузы неузнаваемо менялись, открывали новые факультеты, расширяя свои образовательные возможности. Одним из крупных событий такого рода стало создание в 1969 г. архитектурного факультета в Казанском инженерно-строительном институте, с чем связывают создание Казанской архитектурной школы, весьма значимой не только для республики, но и для всего Поволжья. Власти республики настойчиво добивались возможности готовить архитекторов в КИСИ, так как в середине 1960-х гг. обеспеченность Татарстана квалифицированными архитекторами была одна из самых низких в стране: четыре специалиста на 1млн. человек. Укомплектованность штатов архитекторами в про-

ектных институтах республики составляла 1–10%, в составе 35 районных и 8 городских архитекторов не было ни одного дипломированного специалиста [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.7, д.76, л.142].

В связи с открытием крупных месторождений нефти и с развертыванием в республике нефтедобывающей промышленности резко возросла потребность в специалистах по геологии нефти, геодезическим методам разведки полезных ископаемых, технологии разработки и эксплуатации нефтяных месторождений. Их стали готовить в КГУ и КХТИ. В 1956 г. в Альметьевске и Лениногорске были организованы учебно-консультационные пункты Московского нефтяного института им. И.М.Губкина, в Альметьевске и Лениногорске были созданы вечерние отделения Октябрьского нефтяного техникума Башкирской АССР [Шамсеев, 1972, с.154]. В соответствии с растущими потребностями авиационной, приборостроительной, машиностроительной отраслей увеличивалось число специальностей на физическом, химическом, механико-математическом факультетах КГУ. В авиационном институте стали готовить специалистов по реактивным двигателям, радиолокации и др. В 1980 г. в Набережных Челнах был открыт Камский политехнический институт, готовивший специалистов для КамАЗа. Свои возможности расширяли вузы, готовившие специалистов для модернизирующегося сельского хозяйства. В Казани стали готовить мелиораторов, зоотехников и др.

Некоторое развитие наблюдалось и по гуманитарным специальностям. В КГУ к отделениям истории, филологии русского языка, добавились отделения татарского языка и литературы, логики и психологии, был восстановлен также юридический факультет и др. В Елабужском педагогическом институте стали готовить преподавателей иностранных языков.

В соответствии с расширением образовательных возможностей увеличилась и численность студентов в республике. С 1952 по 1962 гг. она возросла с 17 тыс. до 40 тыс. человек, т.е. в 2,5 раза [РГАНИ, ф.5, оп.37, д.102, л.29]. Наибольший рост отмечался в технических вузах: в Казанском авиаци-

онном институте – в 8 раз (с 1200 до 9600), в Казанском химико-технологическом – в 5 раз, в остальных вузах – в 2–3 раза [Там же, ф.5, оп.37, д.102, л.29].

Как писал в своей книге Е. Богачев, «КАИ в те годы был в фаворе. Молодежь стремилась в авиационный, поближе к космосу. Была реабилитирована кибернетика» [Богачев, 2001, с.43]]. В одной Казани количество студентов было больше, чем во всей Турции. Татарская республика намного превосходила и наиболее развитые страны Европы. В 1958 г. на 10 тыс. жителей насчитывалось студентов: в ФРГ – 24, во Франции – 34, в ТАССР – 113. Почти одну треть студентов в республике составляли татары. Много студентов татар училось в вузах Москвы, Ленинграда [Абрамов, 1960, с.84].

Сеть средних специальных учебных заведений имела не столь однозначную динамику. В годы войны она сильно сократилась: с 53 – в 1940/41 гг. до 43 в 1945/46 гг. К 1960 г. число техникумов сократилось до 35, но с 1960 г. оно неуклонно росло и в 1985/86 гг. составило 62 [50 лет ТАССР, 1970, с.159; 70 лет ТАССР, 1990, с.225].

Бытует мнение о «жажде знаний» у молодежи в 1940–1960-е гг. Безусловно, отрицать ее нельзя, но и преувеличивать, характеризуя ее как массовую тягу к знаниям, тоже не вполне корректно. Конечно, высшее образование в СССР играло роль статусного параметра, гарантировавшего обладателю вузовского диплома определенное место в социальной иерархии и долю общественного признания [Нугаев и Нугаев, 1997, с.67]. Однако, не всех прельщала карьера, многие в 1960-е гг. стремились получить хорошую рабочую квалификацию и материальное благополучие. Например, как показала проверка ЦК КПСС в 1961 г., некоторые предприятия направляли в институты рабочих вопреки их желанию, которые просили экзаменаторов поставить им неудовлетворительную оценку. В 1960 г. в авиационном институте вследствие такой уловки не сдали вступительные экзамены 50 рабочих [РГАНИ, ф.5, оп.37, д.102, л.79]. Не чуждый советскому студенчеству откровенный прагматизм, однако, вовсе не означал, что сложившийся в общественном сознании образ советского студенчества, как наибо-

лее передовой, смелой, романтической части молодежи, не верен. Он был разноликим, не вписывавшимся в идеологически заданные параметры.

К концу 1980-х гг. в ТАССР из высших учебных заведений выпускалось около 11 тыс. человек, из средних специальных заведений – более 17 тыс. человек. К этому времени в республике на 10 тыс. человек населения приходилось 30 выпускников вузов и 48 – средних специальных учебных заведений [70 лет ТАССР, 1990, с.229].

Что касается национального аспекта, то следует отметить, что по темпам роста численности учившейся в вузах и техникумах молодежи татары обошли русских. Если в 1960/61 учебном году русские студенты вузов составляли 57,8 % от общей численности, а татары – 31,2 %, то через 25 лет соответственно: 44,5 и 44,7 %. Такая же ситуация наблюдалась и по техникумам [70 лет ТАССР, 1990, с.226]. Рост численности студентов обусловил и рост общего уровня образования населения. В 1979 г. он вырос в 8 раз. Если в 1939 г. на 1 тыс. человек занятого населения приходилось 100 с высшим и средне-специальным образованием, то в 1979 г. – 815. По Российской Федерации этот показатель увеличился в 6,5 раз: со 124 до 803 человек [Нархоз РСФСР, 1986, 14; 70 лет ТАССР, 1990, с.10].

Наука. В середине XX столетия уровень развития науки в Татарстане находился на высоком уровне. Бурное развитие промышленности в республике способствовало росту числа научных учреждений, призванных обеспечивать научно-технический прогресс в приоритетных отраслях народного хозяйства. В 1945 г. был открыт Казанский филиал Академии наук СССР. В 1950–1960-е гг. были созданы Казанский филиал Ленинградского оптического института им. С.И.Вавилова, Казанский филиал Московского НИИ технологии и организации производства, научно-исследовательский и проектный институт по внедрению вычислительной техники в народное хозяйство, Всесоюзный научно-исследовательский институт углеводородного сырья, филиал Всесоюзного научно-исследовательского института синтетического каучука, научно-исследовательский и конструкторский институт

вакуумного машиностроения. В учебный и научно-исследовательский вуз был реорганизован Казанский ветеринарный институт.

За 1940–1980-е гг. произошел колоссальный рост численности научных и научно-педагогических кадров. В 1965 г. в 51 научно-исследовательском учреждении республики было занято около 3,7 тыс. научных работников [Решения партии, 1968, с.293]. Неуклонно росла доля татар, занятых в интеллектуальных сферах труда. В 1951–1965 гг. численность научной интеллигенции выросла в СССР на 38%, а среди татар – на 65% [Измайлова, 1980, с.188]. К началу 1980-х гг. их общая численность в республике превышала 9,6 тыс. человек. Из научных работников республики каждый четвертый доктор наук, каждый третий кандидат наук и каждый третий аспирант были татарами.

По многим естественно-научным направлениям казанские школы пользовались всемирной известностью. Именно в Казани было сделано открытие мирового значения Е.К.Завойским. Он обнаружил явление электронного парамагнитного резонанса. Весомый вклад в его исследование внесли Б.М.Козырев и С.А.Альтшулер. Под руководством Н.Г.Чеботарева сложился один из крупнейших центров по изучению высшей алгебры, С.М.Кочергина – центр по изучению электрохимических процессов. Труды Н.Г.Чеботарева были удостоены Государственной премии. Учениками его школы стали В.В.Морозов, И.Д.Адо. Открытие в республике большой нефти послужило импульсом для развития геологической науки в столице. Л.М.Миропольский, Е.И.Тихвинская, В.А.Полянин, М.С.Кавеев, Б.М.Юсупов и другие ученые вели исследования недр, геологической истории и нефтеносности Волжско-Камского края. В области геометрии и механики плодотворно работали Б.Л.Лаптев, Н.Г.Четаев, Ю.Г.Одинокоев, М.Т.Нужин, Х.М.Муштари, А.З.Петров, математики – Б.М.Гагаев, Г.С.Салехов, астрономии – А.Д.Дубяго, Д.Я.Мартынов, И.А.Дюков, Ш.Т.Хабибуллин, химии – Г.Х.Камай, биологии – И.Г.Валидов, Н.А.Ливанов. Фундаментальные научные проблемы разрабатывали профессоры В.Е.Алемасов, К.А.Ва-

лиев, М.М.Зарипов, П.А.Кирпичников, А.И.Коновалов, А.П.Норден, К.М.Салихов, И.А.Тарчевский, И.Г.Терегулов, Г.Г.Тумашев, И.Б.Хайбуллин и многие др. Всеобщим признанием пользовались труды казанских ученых в области химии. В 1978 г. академику Б.А.Арбузову и члену-корреспонденту Академии наук СССР А.Н.Пудовику была присуждена Ленинская премия в области науки и техники.

Татарские гуманитарии, несмотря на остороженное отношение к их деятельности со стороны властей, не оставляли своих исследований по проблемам этногенеза, этнического развития татар, накапливая ценный материал для воссоздания подлинной картины исторического прошлого татарского народа. Главную роль в изучении истории и культуры татар был призван играть Казанский институт языка, литературы и истории, являвшийся филиалом Академии наук СССР. Конечно, его возможности были куда более ограниченными по сравнению с Академиями наук союзных республик. В этом плане были ограничены и возможности Казанского государственного университета, где не было даже кафедры по татарской истории, но в 1944 г. на историко-филологическом факультете открылось отделение татарского языка и литературы.

В исследуемый период усилиями татарских фольклористов были созданы 12 томов научного свода «Татарское народное творчество» – сокровищницы устных преданий народа. Татарские лингвисты издали «Толковый словарь татарского языка» в 3 томах. В 1969 г. вышла книга единственного тогда не только в Татарстане, но и в Поволжье доктора искусствоведения Ф.Х.Валеева «Орнамент казанских татар», ставшая знаковым событием в татарском искусствоведении. Ряд исторических трудов был опубликован М.И.Абдрахмановым, З.И.Гильмановым, И.П.Ермолаевым, А.Л.Литвиным, Н.М.Мухарьямовым, Ю.И.Смыковым, И.Р.Тагировым, М.А.Усмановым, А.С.Шофманом и многими др. Проблемы истории татарской общественной мысли разрабатывали Я.Г.Абдуллин, Ф.Г.Газизуллин, Р.И.Нафигов. Археологические исследования вели археологи П.Н.Старостин, Е.П.Казаков, Р.Г.Фахрутдинов, А.Х.Халиков, этнографические – Н.В.Зорин, Е.П.Бусыгин.

Казань являлась центром татарского языкознания. Здесь работали такие признанные ученые в области татарской лингвистики, как Х.У.Усманов, Д.Г.Тумашева, М.З.Закиев, Г.Ф.Саттаров, Л.З.Залаяй, Ф.С.Сафиуллина. Кафедра татарского языка являлась крупным научным центром для тюркоязычных республик. Здесь повышали квалификацию специалисты Туркмении, Якутии, Чувашии, Башкирии, Тувы, Карачаево-Черкессии, Дагестана. В 1961 г. был создан Татарский филиал научно-исследовательского института национальных школ Академии педагогических наук РСФСР.

Литература и искусство. Условия, при которых деятельность творческой интеллигенции строго регламентировалась, наложили сильный отпечаток на содержание созданных в послевоенное время произведений литературы и искусства. Главными темами тогда были тяжелое дореволюционное прошлое народа, героика военной поры, строительства социализма. Но, являясь «детьми» своего времени, лучшие произведения вместе с тем воплощали в себе общечеловеческие ценности. И сейчас в сокровищнице национальной культуры достойное место занимают книги К.Наджми, Г.Баширова, А.Абсалямова, А.Еники, музыка Н.Жиганова, С.Сайдашева, М.Музафарова, Д.Файзи, А.Ключарева, картины Х.Якупова, Л.Фаттахова, К.Максимова. В 1951 г. Г.Баширов за роман «Честь» и К.Наджми за роман «Весенние ветры» были удостоены высокой награды – Государственной (в то время Сталинской) премии СССР. Заметным событием культурной жизни послевоенной поры стало открытие музея-квартиры классика татарской литературы Ш.Камала в январе 1950 г.

Творческая деятельность получила новый импульс после XX съезда КПСС, чему послужило разоблачение сталинских преступлений. Об этом свидетельствовали произведения С.Хакима, С.Баттала, Ш.Мударриса, ряда других поэтов. Татарские прозаики обратились к проблемам нравственного, духовного облика личности, борьбы нового со старым. Эта вечная тема, к примеру, нашла отражение в романе о студенчестве Н.Фаттаха «А как, по-вашему?», романе о нефтяниках Г.Ахунова «Клад», сборнике рассказов Ш.Маннурра «Песня но-

вая пришла». Явным показателем потепления идеологического климата явилась подготовка Г.Башировым сборника татарского фольклора «Тысяча и один мэээк». Отдавая дань времени, пытались воссоздать достоверный облик своих современников, своей эпохи А.Расих, А.Ерики, З.Нури, М.Амир, Н.Исанбет, Р.Ишмурат.

В период «оттепели» в творческую жизнь вступали новые поколения татарских композиторов. Замечательные песни и романсы создал Р.Яхин. Э.Бакировым были написаны балет «Золотой гребень», музыкальная комедия «Мелодия тальянки», Х.Валиуллинным – опера «Самат», А.Валиуллинным – симфония и симфоническая поэма. Большой популярностью пользовалась музыка Н.Жиганова, А.Лемана, М.Музафарова.

Заметное место в культурной жизни республики заняло открытое в начале 1960-х гг. театральное училище. С неизменным аншлагом проходили спектакли Татарского государственного академического театра им. Г.Камала. Своей популярностью он был обязан игре актеров Х.Абжалилова, Г.Булатовой, Ф.Кульбарисова, А.Хайруллиной, Г.Шамукова, Ф.Халитова и др. В 1957 г. Татарский театр был награжден орденом Ленина. Тогда же звание народного артиста СССР было присвоено композитору Н.Жиганову, артистам Х.Абжалилову, Е.Жилиной, работавшей в Казанском драматическом театре им. Качалова, пользовавшегося огромным успехом у русскоязычной публики. Сотни людей приобщались к лучшим образцам музыкального классического искусства на постановках Театра оперы и балета им. М.Джалиля. Определенное место в репертуаре театразанимали произведения татарских композиторов – опера «Джалиль» Н.Жиганова, балеты «Раушан» З.Хабибуллина, «Кисек-баш» Р.Губайдуллина. С 1956 г. в Казани выступал оркестр композитора и эстрадного дирижера Олега Лундстрема, автора симфонических произведений и джазовых композиций.

В 1950–1960-е гг. появились крупные произведения монументальной скульптуры. В этот период был возведен памятник Г.Тукаю С.С.Ахуном, Л.Е.Кербелем и Л.М.Писаревским. Большой вклад в архитектуру Казани внес И.Г.Гайнутдинов. Са-

мые знаменитые его проекты – Театр оперы и балета им. М.Джалиля и здание речного вокзала. В первом проекте удачно сочетаются принципы классики и татарского орнаментального декора. Во втором – воплощен поиск новых архитектурных решений, отразивших современный уровень технологии строительства. Другим видным архитектором, внесшим значительный вклад в архитектуру Казани 1940–1980-х гг., был А.Г.Бикчентаев. Он – автор проектов многих крупных общественных и жилых зданий, преимущественно в центральной части столицы Татарстана. Среди них химический корпус Казанского Государственного университета, жилые дома на Площади Свободы, на улицах Театральная, С.Халтурина.

В творчестве художников большое место занимала индустриальная тема. Нефтяные мотивы воплотились на картинах А.Бурлая «Нефтеразведчики», «Нефть пошла». Современный город был запечатлен на картинах Н.Кузнецова. Важной вехой в культурной жизни стало открытие в 1959 г. на базе картинной галереи Государственного музея изобразительных искусств. Как уже отмечалось, в 1958 г. была учреждена премия Г.Тукая, присуждаемая за особые успехи в области художественной культуры. Первыми лауреатами премии стали Ф.Яруллин (балет «Шурале»), А.Файзи (роман «Тукай»), режиссер Ш.Сарымсаков, художник А.Тумашев, актеры Х.Абжалилов, А.Хайруллина и Ф.Кульбарисов (спектакль «Без ветрил»), художники Х.Якупов и Л.Фаттахов (иллюстрации к татарским сказкам), режиссер Н.Даутов (постановка опер «Алтынчеч» и «Евгений Онегин»).

В 1960–1980-е гг., несмотря на отсутствие духовной свободы, тематический диапазон творчества расширялся. С тревогой об эрозии народной памяти, ухудшении отношения человека к природе писал Г.Баширов в автобиографической повести «Родимый край – зеленая колыбель», романе «Семь родников». Историческая тематика освещалась в романах Н.Фаттаха «Итиль-река течет», «Свистящие стрелы», трагедии «Кул Гали», повести Г.Ахунова «Ардуан батыр», романе Э.Касимова «Чулман – река внуков». Во многом по-новому зазвучала тема дерев-

ни в повестях Р.Тухватуллина «О чем поют капли», «Ягодные поляны», М.Хабибуллина «Гора с горой не сходится», в его романе «Водовороты». Острые морально-этические вопросы современности были поставлены в произведениях А.Гилязова «Посредине», «В пятницу вечером», «Петух на плетне», «За околицей луга зеленые»; А.Еники «Невысказанное завещание», «Умиротворение», «Совесть»; А.Расиха «Два холостяка». В 1960–1980-е гг. татарская поэзия была представлена произведениями Ш.Галиева, Р.Файзуллина, Р.Хариса, Г.Рахима, Р.Гатауллина, Р.Мингалима, Зульфата и др.

Значительными событиями в театральной жизни стали постановки сценических произведений в Татарском академическом театре им. Г.Камала и Татарском театре драмы и комедии им. К.Тинчурина: «Голубая шаль», «Угасшие звезды», Н.Исанбега «Миркай и Айслу», Ш.Хусаинова «Мама приехала», Т.Миннуллина «Альмандар из Альдермышы». Постоянного зрителя имел Татарский театр оперы и балета им. М.Джалиля. В 1971 г. здесь состоялась премьера балета Э.З.Бакирова «Су анасы» («Водяная»). Обновлял свой репертуар Казанский Большой драматический театр им. В.И.Качалова. В нем были поставлены такие пьесы, как например, «Зыковы» Горького, «Океан» Штейна, «Бег» Булгакова, «Быть или не быть» Гибсона. Увеличивалось число народных театров. Татарский академический театр им. Г.Камала был награжден орденом Ленина, а Казанский Большой драматический театр им. В.И.Качалова – орденом Трудового Красного Знамени. Яркий национальный колорит культурной жизни республики придавали Государственный ансамбль песни и пляски под руководством Л.Кустобаевой, Татарский театр драмы и комедии им. К.Тинчурина.

В 1966 г. был организован Государственный симфонический оркестр. На протяжении 12 лет его возглавлял видный дирижер, народный артист СССР Натан Рахлин. В 1979 г. художественным руководителем оркестра стал Ренат Салаватов. Оркестр трижды становился лауреатом всероссийских и всесоюзных конкурсов. Коллектив первым исполнил симфонические произведения татарских композиторов. В об-

ласти симфонической музыки активно проявили себя выпускники Казанской консерватории: Ф.А.Ахметов, Р.А.Еникеев, И.Д.Якубов, Р.Ф.Абдуллин, Л.М.Батыр-Булгари, Л.А.Хайрутдинова, Ш.Х.Тимербулатов и другие. Лучшие достижения татарской симфонической музыки связаны с симфониями Н.Г.Жиганова, А.З.Монасыпова, Ф.А.Ахметова. В 1970-х гг. симфония Назиба Жиганова «Сабантуй» была удостоена Государственной премии СССР, а симфоническая поэма Ф.Ахметова, посвященная памяти Ф.Яруллина, – Государственной премии РСФСР им. М.Глинки.

В 1960–1980-е гг. все более актуализируются традиционные ценности национального музыкального наследия. Возрождаются ранее неизвестные архаичные пласты фольклора различных диалектных и областных групп татарского народа (татар-мишарей, казанских татар, кряшен, сибирских, астраханских и иных групп). Восстанавливаются прерванные в начале XX в. линии развития традиционной музыкальной культуры, возрождаются пласты, связанные с исламской культурой и восточными музыкально-поэтическими традициями (кораническая речитация, традиция книжного пения, мунаджаты). Новые тенденции были характерны для творчества А.Монасыпова, Ш.Шарифуллина, Р.Калимуллина, М.Шамсутдиновой.

Важным событием культурной жизни Казани, начиная с 1982 г., стали шаляпинские фестивали, популярность которых в 1980-е гг. быстро набирала вес. Участие в фестивале почитают за честь звезды оперной сцены не только российского, но и мирового масштаба.

Песни и романсы татарских композиторов популяризировали признанные исполнители А.Авзалова, Ш.Ахметзянов, Э.Заяльдинов, Р.Ибрагимов, И.Шакиров. И может быть, в аполитичности, которую не жаловали на официальном уровне, заключалась причина настоящей популярности произведений С.Садыковой и Р.Яхина, Ф.Ахметова, Р.Еникеева.

В области изобразительного искусства выделялись работы Б.Урманче. В те годы он создал триптих «Татарстан», скульптуры «Сагыш», «Весенние мелодии», «Тул-

пар». Над новыми живописными полотнами работали Л.Фаттахов, А.Прокопьев, К.Максимов, Н.Адылов. Монументальные росписи и произведения станковой живописи «В родном ауле», «Зульфия – казанская красавица» были созданы И.Зариповым. Последняя картина представляла советское изобразительное искусство на международных выставках в Париже и Вестбадене вместе с работами Дейнеки, Пластива и Корина. История и современность нашли свое яркое отражение в творчестве художников В.Куделькина, А.Родионова, М.Усманова. Неизменный интерес вызывают необычные картины самобытного казанского художника Г.Архиерева, скульптуры и композиции из металла И.Н.Башмакова. Важное место в жизни художников с 1970-х гг. стала занимать зональная выставка «Большая Волга».

В 1959 г. с открытием телестудии в Казани появляется принципиально новый вид искусства: производство телевизионных передач. В 1940–1950-е гг. в Казани был только корреспондентский пункт Куйбышевской студии кинохроники. Первые живые передачи на Казанской студии были посвящены, в основном, партийным мероприятиям и спортивным состязаниям. С 1961 г. здесь действовала студия кинохроники, которая ежегодно переводила на татарский язык 15 художественных фильмов, производила 6 документальных фильмов и выпускала в среднем 36 журналов «На Волге широкой». Редактором киногоруппы был С.Говорухин, ставший впоследствии известным кинорежиссером. В начале 1960-х гг. были сняты фильмы «Хочу верить» (режиссер И.Прошкуратов, оператор И.Шамсутдинов), короткометражный «Цветы черемухи» на татарском языке (режиссер Р.Сакаев, оператор И.Шамсутдинов), полнометражный «Беренче театр» (режиссер Р.Сакаев, оператор А.Привин). Это были игровые картины с участием артистов казанских театров. В 1970 г. был создан пятисерийный документальный фильм «Советский Татарстан».

В середине 1960-х гг. Казань широко прославил своими успешными экспериментами в области светомузыки СКБ «Прометей» под руководством Б.Галева. Впервые в СССР им был поставлен светозвуковой

спектакль без актера под открытым небом, светомузыкальный фильм «Маленький триптих» на музыку Г. Свиридова.

Трудногих творческих деятелей получил высокую оценку. Так, Государственной премии республики им. Г. Тукая были удостоены Х. Туфан, И. Гази, Г. Ахунов, А. Еники, А. Гилязов; Государственной премии РСФСР им. М. Горького – Сибгат Хаким. Лауреатом Государственной премии РСФСР им. И. Репина в области изобразительного искусства стал художник Х. Якупов; Государственной премии им. Г. Тукая – скульптор В. Маликов, живописец Н. Кузнецов. Тукаевская премия была вручена Б. Урманче.

Награды, как известно, отражали только парадную сторону жизнедеятельности творческих работников. Попытки воссоздать подлинную картину советской действительности вызывали негативные оценки властей, обвинения в увлечении теневыми сторонами жизни. Обращение к вопросам личной жизни человека, повседневности, семейных коллизий сопровождалось критикой за мелкотемье, узость интересов, недостаток идейности, гражданственности. Вопреки этому интеллигенция, обладающая не только незаурядным интеллектом, но и истинной, а не декларируемой любовью к родному народу, родине, своим трудом и социальной позицией служила тому, чтобы в процессе модернизации культурная составляющая татарского народа заняла бы достойное место. По большому счету, именно независимо мыслящая интеллигенция являлась доминирующим фактором в конструктивной трансформации общества, при-

зывая к максимальному учету своеобразия его базисных позиций, обеспечивающему естественный эволюционный путь развития без социальных потрясений.

Таким образом, несмотря на официальное утверждение о полном решении национального вопроса в стране, о всестороннем прогрессе советских народов, общественность Татарской республики продолжала волновать негативные процессы в культурном развитии татарского этноса. Наиболее яркие примеры сопротивления искусственно поддерживаемому процессу деэтнизации демонстрировала татарская интеллигенция. В пределах и за пределами возможного ее представители продолжали отстаивать собственную позицию, в чем, несомненно, выражается присущее настоящему интеллигенту чувство гражданской ответственности за морально-этическое состояние своего народа, умение говорить правду и следовать ей в любых, даже самых неблагоприятных обстоятельствах. Оставаясь в меньшинстве, иногда в одиночестве, наиболее стойкие и принципиальные представители татарской интеллигенции противостояли «обескультуриванию» общества, процессу насильственного уничтожения здорового начала в культуре татарского народа. При всем кажущемся незыблемым господстве официальной идеологии в обществе, пусть и в ограниченном, зародышевом состоянии, сохранялась и зрела гражданская активность. В условиях национального региона, в силу игнорирования этнического фактора в государственной политике, она обретала соответствующую окраску.

§ 2. Ислам среди татар в 1940–1980-е гг.

Руслан Ибрагимов

К началу Великой Отечественной войны политика Советского государства в отношении религии, в том числе и ислама, почти достигла своей цели. По данным социологических исследований тех лет, численность верующих сокращалась с каждым днём и наоборот, число деревень, посёлков, городов и районов, в которых не было ни одного официально действующего молитвенного здания и религиозного объедине-

ния, постоянно увеличивалось [Барменков, 1979, с. 162]. К середине 1941 г., в результате массивной атеистической пропаганды, репрессий в отношении верующих и духовенства, а также после трёх общесоюзных антирелигиозных кампаний, религиозные объединения республики находились на грани полного уничтожения.

Положение верующих и духовенства существенно изменилось с началом Великой

Отечественной войны. Представители всех конфессий, действовавших на территории СССР, выступили с патриотическими воззваниями к своим последователям. В их числе были и представители ислама, второй по численности конфессии в СССР. В обращении Центрального духовного управления мусульман основное внимание акцентировалось на необходимости противостояния внешней угрозе, в частности, в нем говорилось: «Центральное духовное управление мусульман СССР призывает всех правоверных встать на защиту родной земли, молиться в мечетях за победу Красной Армии и благословить своих сыновей, сражающихся за правое дело» [Куроедов, 1982, с.92–93].

Жесткий контроль, установленный сталинским режимом над всеми сторонами общественной жизни, в том числе духовной, подавление любых проявлений несоответствия с советским образом жизни и мышления, в условиях войны был невозможен. В периоды социальных катаклизмов актуализируются и становятся особенно востребованными стабилизирующие и интегрирующие функции религии. Поэтому в эти годы многие верующие стали открыто выражать свою приверженность к той или иной конфессии, посещать молитвенные здания и отправлять обряды, игнорируя тем самым многие запреты и ограничения.

Одной из причин, повлекшей корректировку политики в отношении религии, стала международная ситуация. Перед Советским Союзом, в одиночку ведущим войну с фашистской Германией, стояла важная задача – открытие второго фронта. В этих условиях демократизация некоторых сторон жизни советского общества могла благоприятно сказаться на ходе переговоров с союзниками.

В сентябре 1943 г. состоялась встреча И.В.Сталина с главами Русской православной церкви, в ходе которой были приняты решения, ознаменовавшие новый этап в отношениях государства и конфессий. На практике это выразилось в смягчении налогового законодательства в отношении зарегистрированных служителей культа, освобождении их от призыва по мобилизации, предоставлении религиозным организациям ограниченных прав юридического лица

и др. Эпохальным событием для мусульман страны стало разрешение на совершение хаджа группе верующих из 17 человек.

В 1943 г., в дополнение к действующему Центральному духовному управлению мусульман (с центром в городе Уфа), были образованы ещё три духовных управления мусульман – Северного Кавказа (в Буйнакске), Закавказья (Баку), Средней Азии и Казахстана (Ташкент). Данное событие, по словам Я.Роя, «...следует рассматривать как часть идеологической кампании, проводимой советским руководством для воздействия на гражданские, патриотические чувства населения и для его мобилизации в военных условиях» [Рой, 1998, с.129]. Среди вышеперечисленных духовных управлений мусульман, статус неформального лидера приобрело Среднеазиатское духовное управление, в ведении которого находилось единственное на территории СССР высшее мусульманское учебное заведение – медресе Мир-Араб (город Бухара).

Краткосрочная нормализация государственно-конфессиональных отношений в 1943–1948 гг. вызвала необходимость создания нового органа власти, способного в новых условиях осуществлять связь между правительством и религиозными объединениями с учётом перемен в политике Советского государства в отношении религии. В этой связи, в мае 1944 г. был учрежден Совет по делам религиозных культов (далее СДРК) при Совете народных комиссаров СССР. Этот орган был призван осуществлять связь между правительством и всеми религиозными объединениями (кроме религиозных объединений Русской православной церкви, для связи с которыми был основан Совет по делам Русской православной церкви; в 1965 г. оба совета были объединены в единый орган – Совет по делам религий при Совете министров СССР (далее СДР), действовавшими на территории Советского государства. В ведении Совета находились уполномоченные, действовавшие в областях, краях, союзных и автономных республиках. По всем вопросам, имеющим отношение к сфере государственно-конфессиональных отношений, таким как регистрация религиозных общин и молитвенных зданий, проведение религиозных праздников, верующие

обращались к уполномоченному в конкретном регионе. Номинально они выполняли более широкий круг обязанностей, заключающийся в осуществлении тотального контроля за религиозными организациями.

С мая 1945 по декабрь 1947 гг. в Татарской АССР подверглись перерегистрации и регистрации 16 мусульманских религиозных объединений [НА РТ, ф. Р-873, оп.1, д.4, л.33], что являлось отражением либерализации курса государства в отношении религии.

Пик религиозной активности населения также пришёлся на этот период. В 1945 г. в республике необычайно торжественно и широко прошло празднование Курбан-байрама. Из отчёта уполномоченного по делам религий по ТАССР следует, что 15 ноября в Казани в праздничном намазе (проходившем в 6 местах, хотя зарегистрированной в органах власти была только одна мечеть и община мусульман) приняли участие ориентировочно 24 000 – 25 000 человек, причём половина из них были представителями молодёжи и людей среднего возраста [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.5, д.18446, л.1]. Шествие к местам исполнения намаза сопровождалось пением «Такбир». В мечети Марджани – единственной официально действовавшей мечети города Казани, на праздничный намаз собралось около 12 000 – 13 000 человек [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.5, д.18446, л.1]. Такое количество верующих не могло разместиться в здании мечети, поэтому большая их часть находилась на близлежащих улицах. Среди пришедших были замечены и люди в военной форме, которые были не только участниками богослужения, но и сами исполняли обряд жертвоприношения. Ещё одной особенностью празднования Курбан-байрама в 1945 г. стала значительная численность участвовавших в нём детей школьного возраста и женщин. Последним была предоставлена возможность провести молебен 17 ноября в мечети Марджани, где их численность составила 1 500 – 1 800 человек [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.5, д.18446, л.1].

В этот день почти во всех деревнях республики также были проведены богослужения в частных домах и на кладбищах, ими руководили бывшие муллы и старики, хорошо знающие обряды ислама. Характерной чер-

той было участие значительной численности молодёжи (1928–1930 г.р.) и людей среднего возраста. К примеру, в деревне Кляшево Тетюшского района ТАССР они составили соответственно 30% и 40% от числа участников [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.5, д.18446, л.1]. Примечательно, что один из обрядов жертвоприношения исполнил председатель колхоза [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.5, д.18446, л.1].

Видимо, причиной столь активного выражения мусульманами республики своей религиозности стал эмоциональный подъём, наступивший в советском обществе в послевоенный период. Долгожданная победа в Великой Отечественной войне, радость возвращения домой победителей, за спасение жизней которых молились их родные и близкие, переоценка духовных ценностей за годы войны некоторой частью самих военнослужащих, лояльность властей по отношению к религии – всё это в совокупности определило необычайно высокий уровень религиозной активности населения в первый послевоенный праздник Курбан-байрам. В последующие годы подобной массовости среди верующих уже не наблюдалось.

Усиление религиозности среди татар в военные и послевоенные годы выразилось также в активизации деятельности духовенства. В своем сообщении уполномоченный СДРК по ТАССР писал: «Отдельные служители культа, оставившие свою прежнюю деятельность и работавшие ряд лет в Советских учреждениях в данное время (имеется ввиду 1944 г. – *И.Р.*) оставляют работу и переходят к своей прежней деятельности» [НА РТ, ф. Р-873, оп.1, д.2, л.18]. Но, перед тем как та или иная религиозная община представляла в религиозное управление своего кандидата на должность служителя культа, она была обязана согласовать его кандидатуру с уполномоченным, который, в свою очередь, должен был известить о принятом решении уполномоченного Совета по той республике, краю или области, где находился центр духовного управления. Говоря о деятельности мулл нельзя не отметить, что они, как и служители культа других конфессий, подвергались мощному налоговому прессингу. Это создавало ситуацию, при которой духовенству было выгоднее отправлять об-

ряды, будучи незарегистрированными, т.к., согласно указанию Министерства финансов от 13 декабря 1946 г., доходы бывших священнослужителей, не имеющих своего прихода и постоянного дохода, не облагались налогом. В то же время нередко местные фискальные органы, вопреки закону, облагали налогом и нелегально действующих безмечетных мулл.

Безусловно, только легально действующие мечети не могли удовлетворить религиозные потребности мусульман. Поэтому, они были вынуждены собираться для коллективного отправления религиозных обрядов в незарегистрированных, но фактически действующих общинах и группах. В этой связи, получила распространение практика использования незарегистрированными мусульманскими общинами пустующих мечетей. С точки зрения властей, последние были не просто местом удовлетворения верующими своих религиозных потребностей, а местом собрания людей с идеологией и мировоззрением, значительно отличавшимися от официальных. Поэтому, в конце 1940-х гг. было решено возобновить практику передачи молитвенных зданий культурно-просветительским и хозяйственным учреждениям.

Ввиду недостатка молитвенных зданий для исполнения коллективного намаза в пятничные и праздничные дни, мусульмане нередко были вынуждены собираться на территориях татарских кладбищ [НА РТ, ф. Р-873, оп.2, д.2, л.76]. Но и в этом случае верующие подвергались гонениям, так как, согласно советскому законодательству, все кладбища являлись «всенародными» и находились в ведении сельских и городских Советов.

Таким образом, большая часть мусульманских объединений страны оказалась в таких условиях, когда они были вынуждены действовать на нелегальной основе, что давало властям юридическое основание для применения в их отношении административных мер.

Незарегистрированным общинам запрещался любой вид деятельности, в т.ч. сбор денег для своих нужд. Духовное управление мусульман существовало также за счет денежных сумм, отчисляемых мусульман-

скими общинами, но в связи с тем, что количество легально действующих общин было ничтожно мало, муфтий нередко инициировал (вопреки советскому законодательству о культах) придание незарегистрированным муллам определенного статуса легитимности посредством выдачи бывшим муллам свидетельств на право исполнения обрядов. Такое явное нарушение законодательства о культах требовало от властей немедленно вмешательство. Поэтому Совет по делам религиозных культов в лице его председателя И.В.Полянского «предложил» уполномоченному Совету по Башкирской АССР Каримову «в категоричной форме рекомендовать муфтию Хиялетдинову и работникам его управления прекратить связь с незарегистрированными группами и духовенством и впредь не выдавать им удостоверений и одновременно принять меры к изъятию уже выданных» [НА РТ, ф. Р-873, оп.2, д.5, л.34].

В 1948 г., впервые за 22 года, был созван меджлис Центрального духовного управления мусульман (переименованного на съезде в Духовное управление мусульман Европейской части СССР и Сибири – ДУ-МЕС), сам факт созыва которого в истории государственно-конфессиональных отношений в рамках Советского государства является едва ли не исключительным. Однако решения, принятые на съезде лишь подтвердили ограниченность прав, которыми обладали верующие и духовенство в 1920–1940-е гг. В его компетенции остались функции исключительно богословского характера, а также отныне ему предписывалось вести учет мечетей и молитвенных домов [Юнусова, 1999, с.218]. Политическая конъюнктура той эпохи даже на фоне либерализации государственно-религиозных отношений не позволяла ставить вопрос о восстановлении прав верующих и духовенства.

Завершение краткосрочной разрешительной политики Советского государства в отношении религии совпало по времени с окончанием послевоенного периода. Это служит доказательством того, что лояльная политика в отношении религии для советского режима являлась мерой вынужденной и временной. Проблемы, вызванные условиями военного времени, такие как консолидация советского общества перед угрозой

внешнего врага, создание благоприятного образа перед союзными державами, трудности послевоенного периода – перестали быть приоритетными.

В 1948 г. СДРК разослал своим уполномоченным циркуляр, предписывавший прекратить вынесение положительных решений по ходатайствам о регистрации религиозных общин. Варианты мотиваций, на основании которых производился отказ, были заложены на законодательном уровне в постановлении СНК СССР от 28 ноября 1943 г. «О порядке открытия церквей». Причинами отказа могли служить: техническая непригодность молитвенного здания, малочисленность общины, наличие поблизости молитвенного здания зарегистрированной религиозной общины той же конфессии (в этом случае ходатайствующим предлагалось объединиться с этой общиной), использование здания в других целях.

Наряду с выполнением вышеупомянутого циркуляра, местные органы власти усилили свою работу по борьбе с нелегально действующими мусульманскими общинами, активизировались нападки и на официально действующие религиозные объединения.

На рубеже 1940–1950-х гг. наметилась тенденция на интенсивную ликвидацию пустующих зданий мечетей как очагов «нелегальной» религиозной жизни татар. Со стороны властей этот процесс инициировался как вынужденная разборка мечетей ввиду их якобы аварийного состояния. Сомнение относительно правдивости подобных заключений органов власти вызывает тот факт, что, как правило, оставшийся материал использовался для строительства культурно-просветительских и хозяйственных объектов. Подобные действия властей в отношении верующих в целом и мусульман в частности, были типичными для постлиберального периода во взаимоотношениях государства и конфессий. Позиция властей в этом вопросе определялась желанием вернуть религиозные объединения к их предвоенному состоянию.

В середине 1950-х гг., на фоне общеполитической оттепели в стране, верующие были вправе рассчитывать на более лояльную политику в отношении религии. Однако в действительности власти не только

не ослабили нажим на религию, но и предприняли усилия по ограничению возросшего в военные и послевоенные годы её влияния на общество. В этой связи 7 июня 1954 г. вышло постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах её улучшения», в котором значительное место отводилось и мерам по борьбе с влиянием ислама. В частности, в нём содержались пункты о недопущении открытия новых мечетей, всемерном противодействии проповеднической деятельности мулл и повышении суммы их подоходного налога [Малашенко, 1998, с.60]. Вскоре, излишнее рвение и неизбежные в таких случаях перегибы местных властей в исполнении данных решений, обусловили появление нового постановления ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения», которое последовало 10 ноября 1954 г. и было призвано исправить и предотвратить наиболее одиозные факты ущемления прав верующих. Реакция последних не заставила себя долго ждать, она выразилась в очередной волне ходатайств о регистрации религиозных общин и групп. По данным уполномоченного Совета по делам религиозных культов по ТАССР, в республике в 1957 г. было подано 28 подобных заявлений, и 50 человек посетили его с ходатайством лично [НА РТ, ф. Р–873, оп.1, д.4, л.100–101]. Наиболее настойчивые представители верующих обращались с заявлениями в центральные органы власти – Советы Министров РСФСР и СССР. Однако функционирование административно-командной системы было выстроено таким образом, что заявление или жалоба верующих «возвращалась» для разбирательства обратно, в первичные, местные органы власти, на действия которых собственно жаловались заявители. Практика показывает, что даже при формальном согласии органов центральной власти на регистрацию той или иной общины, окончательное решение в этом вопросе оставалось на усмотрение местных исполкомов райсоветов и горсоветов, которые крайне негативно реагировали на возможность функционирования на их территории религиозного объединения. Согласно конъюнктуре того периода, сам факт

функционирования зарегистрированного религиозного объединения на территории того или иного района или города, являлся показателем высокой религиозной активности и свидетельствовал о существенных недостатках в идеологической работе местных органов власти. Поэтому последние стремились не только всячески препятствовать регистрации религиозных объединений, но и в статистических сводках сознательно занижали количество нелегально действующих религиозных общин и групп.

Не оказало существенного влияния на положение верующих и постановление Совета министров СССР от 17 февраля 1955 г. В соответствии с ним должны были быть зарегистрированы все фактически действующие религиозные объединения, при условии, что у них были в наличии служитель культа и помещение, пригодное для исполнения своих обрядов. Если в подборе кандидатур духовенства у верующих не возникало особых сложностей, то в отношении поиска помещения были значительные трудности.

С 1958 г. начинается новый массивный натиск на религию. Провозгласив развернутое строительство коммунизма, Н.С.Хрущев поставил задачу «преодоления религии как пережитка капитализма в сознании людей». Доминирующим явлением в религиозной сфере идеологами был объявлен «кризис религии». Религиозная жизнь представлялась средствами пропаганды как неизбежный процесс «вырождения» и «угасания». В основном, этот постулат обосновывался количественным показателем зарегистрированных религиозных обществ, который, по мнению властей, адекватно отражал состояние религиозной активности населения.

В начале 1960-х гг., даже в условиях гегемонии командно-административных отношений и формализма в подходе к решению многих вопросов, стало очевидным, что реальная ситуация в области религиозной активности населения не имеет ничего общего с официальной.

В своем отчете о ходе выполнения постановления Совета министров СССР от 16 марта 1961 г. «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культурах» уполномоченный Совета по делам

религиозных культов по Татарской АССР главной проблемой в борьбе с влиянием ислама назвал незарегистрированные общины и группы верующих, а также служителей культа. По его словам «...трудно и невозможно определить какой процент населения находится под влиянием религии...по-прежнему не наблюдается заметного отхода верующих от мечети и спада активности духовенства» [НА РТ, ф. Р-873, оп.1, д.11, л.6]. Действительно, многие обряды ислама среди татарского населения, особенно на селе, оставались весьма распространенным явлением.

С целью исправления создавшуюся ситуацию, в 1961 г., в стране, при исполкомах районных и городских Советов депутатов трудящихся, были образованы группы содействия по соблюдению законодательства о религиозных культурах, в 1966 г. преобразованные в комиссии содействия контролю за законодательством о религиозных культурах. Им вменялось в обязанность осуществлять повседневный, текущий контроль за религиозными общинами и группами. Большое значение уделялось изучению форм и методов деятельности религиозных организаций, степени их влияния на население вплоть до изучения проповеднической деятельности духовенства, сбора сведений и составлению информационных отчетов о прохождении религиозных праздников (Ураза-байрам, Курбан-байрам). Комиссии функционировали на общественных началах и образовывались из депутатов местного Совета, работников административных, финансовых органов, органов народного образования и др. лиц. В связи с тем, что обязанности членов комиссии требовали от них непосредственного посещения богослужений, проходящих и в рабочее время, для этих целей рекомендовалось привлекать пенсионеров из числа местных общественных активистов, разбирающихся в вопросах советского законодательства о культурах. Председателем комиссии, как правило, утверждали заместителя председателя или секретаря исполкома местного Совета. Количественный состав комиссии определялся исходя из наличия в данном районе действующих религиозных обществ и степени религиозности населения. Выразителем

последнего являлась численность незарегистрированных, но фактически действующих религиозных общин и групп.

Несостоятельность и иллюзорность постулата об адекватном соотношении количества зарегистрированных религиозных объединений и уровня религиозности в стране продемонстрировал проведённый в 1961 г. единовременный учет религиозных объединений и духовенства. Следует заметить, что в Советском Союзе подобное мероприятие проводилось впервые. В его рамках предполагалось взять на учет все реально функционирующие религиозные общины и группы. По итогам данной кампании в Татарской АССР было выявлено: 646 неофициально действующих мусульманских объединений, а также 366 нелегально работающих мулл [НА РТ, ф. Р-873, оп.1, д.11, л.107]. Материалы учета показали, что культовой деятельностью среди мусульман занимались исключительно старики, но среди них были люди, в прошлом занимавшие руководящие посты, работавшие в сфере образования, в колхозах, совхозах, на производстве, служившие в рядах Советской армии. Эти данные не соответствовали стереотипу того времени о том, что влиянию религии были подвержены исключительно отсталые и малограмотные слои общества.

Результаты единовременного учета наглядно продемонстрировали устойчивость и живучесть мусульманского образа жизни среди татар. Благодаря поколению, получившему полноценное религиозное образование еще до 1917 г., незарегистрированные мусульманские общины были обеспечены так называемыми «безмечетными» муллами, которые хорошо разбирались в догматах ислама и его обрядах. Можно говорить о том что, в 1960-е гг. почти в каждой татарской деревне был человек или группа людей, способных не только по всем канонам ислама провести праздничное богослужение, исполнить обряды, но и подобающим образом разъяснить верующим иносказательный смысл отдельных сур и аятов Корана. Однако в эти годы, ввиду естественной убыли, численность таких мулл значительно сократилась. Этот неизбежный процесс на фоне разрушенной многовековой системы мусульманского образования, обусловил

тот факт, что руководство религиозной жизнью татар перешло в основном в руки мулл, обладавших минимальными знаниями в вопросах религиозной догматики. В этой связи, с 1960-х гг. основным критерием, по которому татары определяли себя как верующие, стало выполнение ими обрядов ислама, в то время как его мировоззренческий аспект отошёл на второй план. В таких условиях, по словам Р.М.Мухаметшина «... ислам «архаизировался», потерял многие выработанные веками позиции» [Мухаметшин, 1998, с.38], что при отсутствии системы мусульманского образования повлекло за собой «...общую «деинтеллектуализацию» ислама» [Там же].

Особую значимость за годы Советской власти, приобрёл распространённый в исламе принцип «такыйя», позволявший мусульманину в интересах своей конфессии скрывать свои истинные убеждения, избегая тем самым неизбежных проблем с органами государственной власти, общественными организациями, и оставаясь, таким образом, вне влияния коммунистической идеологии. Также большое значение имели правила исполнения мусульманских обрядов, которые, в отличие от православных, можно было отправлять в домах и квартирах, что позволяло оставаться вне поля зрения контролирующих органов власти.

По мнению уполномоченных СДРК, высокий уровень мусульманской обрядности у населения объяснялся не только активностью духовенства и верующих, но и недостаточным использованием атеистической пропаганды гражданских обрядов.

После отстранения от власти Н.С.Хрущева в политике государства в отношении религии стали применяться менее радикальные методы. В этот период власть стала более активно стимулировать участие духовенства в общественной жизни страны, организуя многочисленные встречи служителей культа с лекторами общества «Знание» по вопросам внутренней и внешней политики Советского государства. Мусульманское духовенство так же, как служители культа других конфессий, активно занималось сбором денежных средств в фонд Мира, общество охраны памятников и в отдел внешних мусульманских связей. Подобная деятель-

ность религиозных организаций поощрялась властями.

Очевидным становится негласное соглашение между властями и религиозными организациями, при котором «...религиозные деятели вполне довольствовались существующими «свободами», а власти терпели тот уровень религиозности населения, который сохранился к данному времени» [Юнусова, 1999, с.270].

Несмотря на то, что СМИ постоянно декларировалась одна из догм коммунистической идеологии об «угасании религии», по данным социологических опросов, проведённых в ТАССР в конце 1960-х гг., верующими себя назвали 25,7% татар Казани, на селе этот показатель составлял 17,9% [Мусина, 1992, с.54].

В этот период контингент прихожан мечетей в будние дни был однороден. Как правило, это были люди преклонного возраста. Но ситуация существенно преобразалась в дни мусульманских праздников. Как уже упоминалось выше, в это время среди посетителей мечетей было значительное число представителей среднего возраста и молодёжи. В казанской мечети Марджани численность верующих в будние дни на утреннем намазе достигала 120 человек, на дневном – не менее 500; на пятничном намазе (в дневное время) – более 1000; в праздничные дни ок. 4500 – 5500 [НА РТ, ф. Р–873, оп.2, д.40, л.17–38; там же, д.44, л.37]. В мечети города Чистополь эти показатели составляли соответственно: 30–40, 70–80, около 250 и около 1000 человек [НА РТ, ф. Р–873, оп.2, д.40, л.17–38; там же, д.44, л.37]. Численность верующих мусульманских общин (из числа зарегистрированных) в сельской местности колебалась в среднем от 15 до 45 – во время пятничных намазов и от 45 до 150 – в дни праздников [НА РТ, ф. Р–873, оп.2, д.44, л.37; там же, д.45, л.6].

Помимо пустующих мечетей, домов верующих и татарских кладбищ, местами нелегальных собраний мусульман были святы места, как правило, представлявшие собой «ключи» и «святы могилы». Паломничества в такие места проходили только в тёплые, летние месяцы, обычно в пятничные дни. Как и в вышеперечисленных местах несанкционированных собраний мусуль-

ман, здесь местные власти также всячески препятствовали собраниям верующих.

Середина 1970-х гг. ознаменовалась разрядкой напряженности международных отношений, одним из проявлений которой стало вступление в силу (23 марта 1976 г.) на территории СССР Международного пакта о гражданских и политических правах. В статьях пакта, имеющих отношение к духовной сфере, декларировалась свобода принимать религию по своему выбору, исповедовать ее как единолично, так и сообща с другими. В действительности же, как и прежде, все свелось к декларации мнимой свободы вероисповедания.

В 1970-е гг. получила развитие практика, применявшаяся ещё с начала 1960-х гг., когда ряд мечетей Советского государства был выбран местом демонстрации лояльного отношения властей к исламу. Среди таковых оказалась и мечеть Марджани Казани. Во время визита в Татарскую АССР зарубежных делегаций из мусульманских стран её члены непременно посещали эту мечеть, встречались с ее имамом, после чего оставляли запись в книге почетных гостей о том, что «советское правительство не препятствует деятельности религиозных организаций». Тем не менее, некоторые нелюбимые для властей факты были столь очевидны, что скрыть их не удавалось. Так, в октябре 1979 г. во время визита в Казань мусульманской делегации из Турции, ее члены выразили недоумение в том, что в Ташкенте действуют 16 мечетей, а в Казани только одна [НА РТ, ф. Р–873, оп.1, д.93, л.58].

Одним из наиболее мощных рычагов воздействия на служителей культа являлось налоговое законодательство. В нём учитывалось даже то, что священнослужителями были люди пенсионного возраста. Поэтому, в соответствии с параграфом 172 «Положения о государственных пенсиях», пенсионерам, работавшим по найму в религиозных организациях, в случаях, если их заработок не превышал 100 рублей, размер пенсии снижался до 15 рублей. Если же он превышал вышеуказанную сумму – пенсия вообще не выплачивалась.

Одним из путей ликвидации деятельности незарегистрированных служителей культа стало обложение их подоходным на-

логом как некооперированных кустарей. Министерство финансов РСФСР в феврале 1969 г. директивным письмом за №03/160 потребовало от местных финансовых органов привлечения к налоговому обложению незарегистрированных мулл и абыстай.

Степень налогового прессинга наглядно иллюстрирует письмо представителей духовенства и исполнительного органа мечети Марджани от 13 апреля 1976 г., адресованное председателю Совета министров СССР А.Н.Косыгину и председателю Верховного Совета СССР Н.В.Подгорному. В этом письме заявители указывают, что «... обложение подоходным налогом (служителей культа – И.Р.)... в корне не соответствует рассказам тов. З.А.Куроедова (в тот период председателя Совета по делам религий при Совете министров СССР – *И.Р.*) о том, что верующие всех религий, как и священнослужители – полноправные граждане Советского Союза...» [НА РТ, ф. Р–873, оп.1, д.76, л.43]. Для приведения реального положения духовенства в соответствие с вышеупомянутым тезисом, заявители предложили: 1) обложение подоходным налогом духовенства производить наравне со всеми гражданами СССР; 2) разрешить образование профсоюза работников религиозных учреждений, мечетей с возложением на него обязанностей оплаты по временной нетрудоспособности, очередных отпусков, назначений пенсий по старости. Членские взносы профсоюза и отчисления в фонд соцстрахования сосредоточить в Духовном управлении.

Реализация этих требований, особенно пункта 2, грозило государству значительным усилением влияния Духовного управления и приобретением им некоторой автономности в области собственной кадровой политики. Поэтому заявление вызвало резко негативную реакцию властей. Представителями местных органов власти была проведена беседа с лицами, подписавшими письмо «...о недопустимости подобных экстремистских проявлений» [НА РТ, ф. Р–873, оп.1, д.76, л.48]. Служители культа были предупреждены о возможности снятия их с регистрации в случае повторения подобного факта.

В 1970-е гг. некоторой частью граждан Советского государства осознавалась оче-

видная декларативность провозглашаемых КПСС ценностей, утопичность намечаемых ею целей и задач. Религия для многих стала альтернативой официальной идеологии, системой нравственно-этических ценностей, способной заполнить духовный вакуум, образовавшийся у многих людей после разочарования в коммунистической идеологии. В русле таких процессов в обществе значительно возрос интерес к религии, в том числе и к исламу.

Конец 1970-х – первая половина 1980-х гг. ознаменовались усилением роли ислама в международных отношениях. Вторжение советских войск в Афганистан и борьба с его мусульманской оппозицией не могли способствовать улучшению отношений между властью и мусульманами. В указанный период государство чётко разделило ислам на две категории. К первой были отнесены «миролюбивые мусульмане Советского Союза», ко второй – «исламские фундаменталисты» за рубежом. Наличие последних позволяло власти поддерживать в советском обществе определённый страх перед исламом в целом, создавая у людей заведомо предвзятое отношение к нему, как к одной из причин дестабилизации отношений за рубежом и потенциальной опасности внутри страны.

Однако в реальной жизни всё больше татар обращалось к исламу. Так, одной из характерных черт положения ислама в первой половине 1980-х гг. стало усиление роли женщин в мусульманских объединениях. В частности, в мечети «Марджани» на пятничных намазах присутствовало до 200 женщин. Учитывая то, что в татарском обществе именно им принадлежала главная роль в воспитании детей, значимость данного факта в осуществлении преемственности между поколениями татар духовных ценностей ислама очевидна. По данным социологических исследований, проведённых в Татарской АССР в середине 1980-х гг., 80% мусульман получили религиозное воспитание именно в семье [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.14, д.401, л.13]. В этой связи красноречиво звучат слова сотрудника отдела пропаганды и агитации Татарского Обкома КПСС: «Несмотря на усилия, которые прилагает партия в борьбе с религиозным миро-

воззрением, ощутимых результатов мы пока не видим...» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.14, д.401, л.13].

Существенным фактором, обусловившим формирование нового поколения мусульман, стала способность духовенства адаптироваться к выполнению своих функций в условиях неблагоприятных внешних воздействий на мусульманскую умму со стороны государства. В частности, в проповедях имамов мечети Марджани отчётливо просматривалась гражданская и нравственная направленность и это приносило свои плоды – в Татарской АССР значительно расширилась социальная база ислама, произошло «омоложение» социума верующих. Явлениями из разряда уникальных перестали быть посещения мечетей верующими из числа рабочих и интеллигенции в возрасте 30–40 лет. Нередко среди них встречались даже комсомольцы и коммунисты. К примеру, в числе ходатаев о регистрации мусульманского объединения в Московском районе Казани было 8 коммунистов и 2 комсомольца [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.14, д.401, л.5].

Одни из последних антирелигиозных постановлений КПСС касались ислама. 21 октября 1985 г. вышло Постановление ЦК КПСС «О дополнительных мероприятиях в связи с активизацией в странах Азии и Африки так называемого «воинствующего ислама», а 18 августа 1986 г. – «Об усилении борьбы с влиянием ислама». Несмотря на то, что данные постановления касались в основном республик Средней Азии, Кавказа и Закавказья, руководящие органы других регионов также ориентировали государственные структуры на активизацию борьбы с исламом.

Примечательно, что в эти годы в политике государства в отношении религии отсутствовала последовательность в действиях. Так, наряду с официальными партийными документами, призванными ограничить влияние ислама, в 1986 г. властями было санкционировано проведение в городе Баку международной исламской конференции «Мусульмане за мир», в которой приняли участие и восемь делегатов от мусульманских объединений Татарской АССР.

Несмотря на стремление властей проводить дозированную демократизацию советского общества, вскоре этот процесс вышел

из-под контроля и проник во все сферы жизни, в том числе и в сферу государственно-конфессиональных отношений. Как и в 1943 г., этому во многом способствовал внешнеполитический фактор. Во второй половине 1980-х гг. активизировалась советская дипломатия, стремящаяся преодолеть конфронтацию с ведущими капиталистическими державами в первую очередь с США, и установить с ними дружеские отношения. Учитывая, какое большое значение в этих странах придавалось демократическим свободам, в том числе и свободе вероисповедания, руководство СССР не только ослабило давление на религиозные организации, но и привлекло их к реализации своих внешнеполитических планов. В связи с этим во время визита М.С.Горбачёва в США в состав официальной делегации, наряду с общественными деятелями и учёными, были включены представители основных конфессий, действовавших на территории СССР, что можно считать значительным прорывом в государственно-конфессиональных отношениях.

На фоне начавшейся демократизации всех сторон жизни советского общества, конфессии всё активнее участвовали в общественной жизни республики. Во многом этому способствовали подготовка и проведение юбилейных торжеств по случаю 1 000-летия принятия христианства на Руси в 1988 г., 1 200-летия принятия ислама народами Поволжья и Приуралья и 200-летия образования ДУМЕС в 1989 г. Эти празднования получили широкий резонанс в обществе и прошли соответствующим образом. Данные мероприятия в значительной степени способствовали тому, что в обществе наметилась переоценка роли религии в истории и культуре. В сознании многих людей, особенно молодёжи, был серьёзно поколеблен сложившийся стереотип в отношении верующих и духовенства. Кардинально изменились подходы при освещении в СМИ вопросов, связанных с религией и деятельностью религиозных объединений. В конце 1980-х гг. частыми явлениями стали выступления представителей духовенства различных конфессий на страницах печати, на радио и телевидении.

Во второй половине 1980-х гг. в среде татарской молодёжи наблюдалось возрастание интереса к мусульманским учебным

заведениям. Начиная с 1980 г. 5 жителей Татарской АССР стали выпускниками Бухарского медресе Мир-Араб (среди них был и Госман Исхаков, впоследствии – Муфтий ДУМ РТ), а к 1987 г. в нём обучалось ещё 5 шакирдов из ТАССР. Характерной чертой времени стало увлечение молодёжи мусульманской атрибутикой – ношение кулонов с изображением полумесяца, написание текстов религиозного содержания и даже отдельных аятов Корана на кузовах автомашин и т.д. Об усилении религиозности среди молодёжи красноречиво свидетельствуют и данные социологических опросов. Так, если в 1983 г. только 0,9% студентов отнесли себя к верующим, то в 1990 г. таковых оказалось 20% [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.15, д.266, л.21; Мусина, 1997, с.212]. В целом, в 1989–1990 гг. признали себя верующими – 34,1%, колеблющимися между верой и безверием – 30,4% городских татар; в сельских районах эти показатели составили соответственно – 43,4% и 19,1% [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.15, д.266, л.21; Мусина, 1997, с.212].

Примечательно, что в конце 1980-х гг., в период ломки устоявшихся догм и идеалов, наиболее востребованной стала регулятивная функция ислама. Проведённые социологические опросы в городах и районах республики показали, что респонденты чаще других форм положительного воздействия ислама отмечали, что он способствует установлению социальной справедливости – 30% опрошенных; 20% опрошенных выделили интегративную функцию ислама, по их мнению, он являлся одним из гарантов сохранения национальной культуры и тра-

диций; 10% отметили его компенсаторную функцию – вера в Аллаха помогает в трудные периоды жизни [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.15, д.1626, л.18].

В условиях демократизации советского общества мусульмане существенно активизировались в реализации своих прав на удовлетворение религиозных потребностей. Прежде всего, это выразилось в ходатайствах о регистрации религиозных объединений, передаче им мечетей, что при данной политической конъюнктуре находило поддержку у властей.

Характерной чертой времени стало стремление религиозных объединений и духовенства поднять свой статус в обществе и реализовать свой потенциал во внекультурной деятельности, что, прежде всего, выразилось в благотворительности и организации курсов по изучению основ религии для разных возрастов.

Социально-политические процессы, протекавшие в стране, вызвали необходимость в изменении существующего законодательства о культурах, которое уже не соответствовало существующим реалиям. В этой связи, в октябре 1990 г. были приняты новые законы СССР «О свободе совести и религиозных организациях» и РСФСР «О свободе вероисповеданий», предусматривавшие действительную реализацию гражданами принципа свободы совести. Таким образом, несмотря на все притеснения и унижения, которым подвергались верующие, ислам сумел сохранить некоторые свои позиции, а также оказывал значительное влияние на определённую часть татар.

§ 3. Праздничная культура татар советского времени

Рауфа Уразманова

В советское время (XX в.) с его новой идеологией узаконенного атеистического общества в общественной жизни татар, как и других народов страны, происходит полная смена не только праздничного календаря, но и форм празднования.

В первую очередь, стали внедряться новые общественно-политические и государственные праздники, посвященные значительным датам в жизни Советского государства, Красной Армии. Их подготовке

уделялось большое внимание. В частности, уже в 20-е гг. XX в. с большим подъемом отмечалась годовщина образования Татарской АССР. При ТАГЦИКе создавались специальные комиссии по организации этих торжеств. 25 июня, день провозглашения автономной республики, стал всенародным праздником. Этому способствовало не только объявление 25 июня нерабочим днем, но и стремление организаторов привнести в него национальный колорит.

Наряду с парадом красноармейских частей, демонстрацией трудящихся, торжественными собраниями и праздничными концертами в Казани ко дню празднования первой годовщины образования ТАССР был приурочен народный праздник Сабантуй. А в 1925 г. республиканской комиссией было рекомендовано повсеместно, где возможно, приурочить празднование Сабантуя и Джиена к моменту пятой годовщины республики. Постепенно это стало нормой.

В 20-е и 30-е гг. XX в. так же, как и в других районах страны, велась большая работа по пропаганде, повсеместному распространению, внедрению и другим советских праздников таких, как годовщина Октябрьской революции, 1 Мая, 8 Марта и т.д. В газетах, журналах, специальных изданиях в доступной форме, на родном языке разъяснялась суть праздников, издавались сборники стихов, песен, которые рекомендовалось использовать при проведении торжеств. Одновременно эти годы характеризовались усилением атеистического воспитания, борьбы с религиозными обрядами и праздниками [Уразманова, 1984, с.8–9]. Все это способствовало тому, что уже в довоенные годы советские праздники широко вошли в быт народа, а религиозные постепенно теряли свои позиции.

Тем не менее, благодаря поколению, получившему полноценное религиозное образование еще в дооктябрьский период, незарегистрированные мусульманские общины были обеспечены так называемыми безмечетными муллами, которые хорошо разбирались в догматах ислама и его обрядах. Почти в каждой татарской деревне был человек или группа людей, способных по всем канонам ислама провести религиозные богослужения, в том числе праздничные, которые продолжали устраивать в чьем-нибудь доме либо на территории возле кладбищ, если позволяли погодные условия. Потеряв свою массовость, все советские годы в семьях продолжала сохраняться традиция соблюдения специфического поста – уруза с полным запретом в светлое время суток употребления пищи, питья и т.д. Несмотря на то, что сам пост соблюдала незначительная часть татар, стало довольно широко бытующим явлением проведение особого

званного ужина-разговения – авыз ачу. Оно заключалось в том, что в один из дней поста созывали гостей, для которых после захода солнца устраивали угощение, сопровождаемое чтением Корана, молитв, беседами на религиозные темы. Среди приглашенных, как правило, были и те, кто пост не соблюдал, в основном, молодые родственники.

В праздник Корбан гаега сам обряд жертвоприношения встречался довольно редко. Однако в этот месяц часть тех, кто не провел авыз ачтыру, стремились пригласить к себе пожилых (мужчин или женщин) на так называемый «картлар ашы», который по ритуалу напоминал авыз ачтыру, а устраивать его могли в любое время дня. Проведение таких званых обедов было характерно как для сельчан, так и татар-горожан. [Уразманова, 2000, с.132].

В силу невозможности общественного празднования, религиозные праздники приобрели личный, «камерный» характер. Там, где оставалось старшее поколение, в семьях готовили праздничное угощение, стараясь использовать халяльные, дозволенные шариатом, продукты. И даже те, кто не вкладывал в эти события глубокого религиозного смысла, с удовольствием принимали эти угощения, нередко старались по таким поводам передать садака – подавание либо деньгами, либо продуктами, вещами, «умеющим молиться» представителям старшего поколения, сиротам, обездоленным.

Еще в 1950–1960-е гг. в народе удерживалась традиция именования религиозных праздников, связанных с ними действий, атрибутов арабским словом гаега – гаега намазы, гаега коймагы. К началу 1990-х гг. наблюдалась почти полная утеря этой традиции.

Из числа знаменательных (благословенных) дат исламского календаря наиболее значимым оставался Маулид – праздник «рождества пророка» Мухаммада [Ислам, с.78], который довольно широко стали отмечать, начиная с 1960-х гг. С одной стороны, эти годы были годами относительного затишья в атеистической пропаганде. С другой – в семьях появился определенный достаток. Проводили Маулид в виде домашнего званого обеда по традиционному ритуалу с чтением сур Корана и связанного с этим действием. Таким образом, мусульманские праздники

из элемента образа жизни прошлого с ярко выраженной эмоциональной составляющей для большинства татар в советское время превратились в символы, маркирующие элементы этнической (национальной) культуры, призванные подчеркнуть ее особенность, своеобразие, «татарскость».

Из традиционных народных праздников только Сабантуй остался в бытовой культуре татар, не только сохранив свои специфические особенности, но и расширив свои функции. Именно в этот период Сабантуй стал более осознанно восприниматься как свой этнический, татарский народный праздник в отличие от «подаренных государством» общесоветских, активно внедряемых праздников «красного календаря». На этом этапе ярко проявилась этноинтегрирующая функция праздника: его стали отмечать те группы татар, которые в прошлом его не праздновали, в том числе сибирские татары [Сибирские татары, 2002, с.134, 135].

Индустриализация страны, вызвала значительный отток сельских жителей в города и в создаваемые промышленные центры. И там, где в процессе миграции появился значительный контингент татар, например, в Москве, Ташкенте, Петербурге, Самаре, в городах промышленного Урала, Сибири и др., Сабантуй стали праздновать как общетатарский народный праздник. Об этом, в частности, писали исследователи быта рабочих Нижнего Тагила 60-х гг. XX в. Они справедливо подчеркивали, что празднование Сабантуя, которое проводится здесь в течение многих лет, служит убедительным примером того, что народная традиция живет в наши дни и ее с успехом можно использовать для создания интересного общественного праздника; и наконец, что существенно, праздничные обычаи одного народа могут служить в нашем обществе делу объединения людей разных национальностей, воспитания чувства патриотизма и интернационализма [Крупянская, Будина, Полищук, Юхнева, 1974, с.142]. Более того, исследователь праздничной культуры русских Западной Сибири Т.Н.Золотова отмечает, что в 1970–1980-е гг. в северной части этого региона праздник, который проводился в начале июня, стали называть «сабантуем». В этом празднике нашли отражение

культурные традиции двух наиболее многочисленных этносов северных районов – русского и татарского [Золотова, 2002, с.167].

Характерные для этих лет командно-административные методы руководства страны в общественных праздниках, преобладающий диктат партийных и советских органов, стремящихся превратить их в показательные и агитационно-пропагандские мероприятия, не могли не сказаться на форме и содержании Сабантуя. Произошла постепенная его институционализация и связанная с этим унификация. Во-первых, даже в сельской местности, особенно после коллективизации, повсеместно стали праздновать не до, а после завершения весенних полевых работ. Во-вторых, праздновать в общепринятый в государстве выходной день недели – в одно из воскресений. Главное же в единый день в аулах и райцентрах, затем в отдельных городах. Завершающим объявлялся Сабантуй в Казани, который приурочивали к дате образования (провозглашения) республики. Установление конкретной даты стало прерогативой руководства республики. А работа по организации и проведению праздника на местах – обязанностью специально назначаемой по этому поводу комиссии, которая составляла программу праздника, назначала ответственных за то или иное мероприятие. Форма организации, оправданная в новых условиях, связанных с расширением географии праздника, его масштабов, стала обязательной и для деревень, заменив веками отработанный принцип организации на основе добровольного участия в этой работе, являвшегося почетной обязанностью уважаемых в ауле аксакалов и их помощников.

В-третьих, перенос сроков празднования привел к постепенному исчезновению обрядовых действий «подготовительной части» праздника, в которых активное участие принимали дети: подворный сбор продуктов для приготовления каши – зэрэ боткасы, карга боткасы, сбор по домам крашенных яиц. [Уразманова, 2001, с.24–37]. Эти обряды нередко объявлялись унижающим достоинство побирательством, в результате, они были запрещены.

В этот период ярко проявилось адаптивное и адаптирующее свойство Сабантуя,

чему в немалой степени способствовала его светскость. С одной стороны, праздник с минимальными потерями адаптировался к кардинально изменившимся политическим и социально-экономическим условиям. С другой – адаптировал в свой ритуал много инноваций, в том числе из общемировых урбанистических элементов культуры, сведения о которых стали доступны, массово возможны благодаря мобильности татар, широкой сети СМИ, а со второй половины XX в. – телевидения. Отдельные из них в этот период стали традиционными «сабантуйными состязаниями».

Таковыми являлись многочисленные состязания в ловкости, смелости, сноровке, имеющие не столько спортивный, сколько зрелищный характер, создающий непринужденную атмосферу праздничного веселья.

В советское время сложилась единая (унифицированная) структура праздника, чему в немалой степени способствовали различные «рекомендации» и «методические материалы» по проведению Сабантуя, разрабатываемые отделом пропаганды и агитации Татарского обкома партии, республиканским научно-методическим центром народного творчества и культурно-просветительной работы Министерства культуры ТАССР.

В ритуале праздничного действия появилась характерная для большинства праздничных мероприятий того времени официальная часть с обязательным приветственным словом одного из представителей «руководящих органов», подъемом флага, чествованием передовиков производства. По инициативе разработчиков методических материалов были предложены и введены единые правила судейства одного из главных состязаний сабантуя – борьбе на кушаках (көрәш) [Шарафутдинов, 2004, с.373–377]. Разнообразие в перечне состязаний в каждом конкретном случае варьировало за счет включения все новых видов, не всегда соответствующих духу праздника и, как правило, зависело от инициативы и фантазии ответственных за проведение Сабантуя.

В городах – это однодневный праздник, сосредоточенный на майдане. В аулах же – растянутое на несколько дней действие, включающее в себя предварительный подворный

сбор подарков для одаривания участников состязаний, сами состязания на майдане, и в завершение – вечерние молодежные игрища. Кроме того, в сельской местности это время приема гостей, встречи родственников и близких друзей – он вобрал в себя функцию летнего гостевого праздника казанских татар Джиен. [Уразманова, 2001, с.70–84]. И если в городах, особенно крупных, основные средства на праздничные затраты, в том числе приобретение призов, поступали из бюджета города, различных предприятий, то в сельской местности сбор подарков, как правило, проводился по традиционной форме.

Революционное переустройство жизни захватило и область семейно-бытовых отношений. Существенные изменения произошли в структуре и сути семейно-бытовой обрядности. Годы запрета религии, ее обрядов привели к интересному по своей сути явлению. Передача официальной регистрации брака, рождения, смерти государственным органам способствовала более осознанному отношению к этим обрядам как религиозно-этническим, а для отдельной категории людей, в частности считающих себя неверующими, как просто этническим, идущим из глубины веков. Это привело к появлению в быту татар двух типов званых трапез: званые трапезы, проводимые по традиционному ритуалу, и званые трапезы, проводимые поновому. Первый тип получил название картлар ашы, олылар ашы – званая трапеза для стариков и старших. В его ритуале сохранялось чтение Корана, различных молитв, раздача подаяния (сэдака), а также порядок подачи традиционных блюд, угощение без спиртных напитков. Нередко соблюдалось и раздельное угощение мужчин и женщин (или проведение таких застолий с приглашением только тех или других), воспринимаемое так же, как мусульманское предписание.

Ритуал второго типа званых трапез был построен на контрасте с первым: гостей приглашали парами – мужчин и женщин, среди угощения появились новые блюда, в частности, различные закуски, спиртные напитки. Эти застолия сопровождалась исполнением различных песен (соло и хором), плясками, танцами. Появились они уже

в конце 1920-х – начале 1930-х гг., когда и среди татар началась активная пропаганда новых безрелигиозных обрядов, например, оформление бракосочетания молодых так называемыми красными свадьбами (кызыл туй), проводимых публично в клубе [Уразманова, 1984, с.84–86].

В 1930–1960-е гг. наблюдается резкое сокращение традиционных свадебных обрядов. Распространенной становится осуждаемая прежде форма заключения брака сбегаем – ябышып чыгу: юноша с согласия своей избранницы уводит ее к себе под покровом ночи, чаще всего из клуба, с посылкой, пригласив своего друга и близкую подругу невесты в свидетели.

На следующий день родителей девушки оповещали о ее местонахождении и приглашали на угощение, во время которого проводили никах в кругу пожилых родственников, соседей. Это свадебное застолье стали называть никах туе, олылар туе – свадьба для пожилых. Присутствие молодых на этом застолье было сугубо добровольным. Это свадебное угощение оставалось (становилось) демонстративным актом оформления начала супружеской жизни. Введенная же одним из первых декретов Советской власти регистрация брака в органах ЗАГС в те годы, особенно в сельской местности, не стала еще актом, достаточным для санкционирования брака в общественном мнении. Приурочивая к какому-нибудь государственному празднику (выходному дню), в доме жениха проводили свадебный пир. Его проводили по-новому ритуалу.

За такими пирами закрепился термин «кызыл туй», «яшылар туе». Таким образом, возникнув как клубное мероприятие, красные свадьбы у татар становятся составной частью народной свадебной обрядности. Постепенно именно этот свадебный пир становится основным, главным и в тех случаях, когда брак заключался по форме сватовства, и сохранялся традиционный свадебный ритуал, правда в усеченном по времени виде.

С 1960-х гг. начинается новый этап в развитии свадебной обрядности.

Изменились функции свадебной обрядности, в ней появились другие акценты. В частности создание необычной (надобыденной) праздничной атмосферы, под-

черкивающей важность, значимость этого момента в жизни молодых и их родственников. Это достигалось с помощью ритуала «торжественной регистрации брака», проводимого государственными органами, и устройством свадебных пиров. Остальные же моменты обрядового оформления брака не имели большого значения, а потому сроки, порядок их проведения не были столь существенны, хотя они и создавали своеобразие отдельных свадеб.

В сельской местности наблюдалось относительно большее разнообразие вариантов, особенно в периферийных районах проживания татар, в которых ранее наблюдался сложный ритуал с обилием различных гостей [Татары, 2001, с.340–347]. В городах же, в условиях многоэтажных домов, свадьбы проводились по более упрощенной и одинаковой схеме. Вместе с тем существовал ряд черт, присущих для всех свадеб.

Обращает на себя внимание сложение единых форм в предсвадебном цикле. Становится обязательным оповещение, получение согласия родителей девушки на предстоящий брак дочери после того, как молодые люди решают пожениться.

Этот акт нередко являлся моментом более близкого знакомства друг с другом двух роднящихся сторон. Такое изменение функций сватовства было характерным не только для татар, но и других народов [Лобачева, 1975, с.17; Жирнова, 1980, с.99; Зорин, 2001, с. 78].

Появление ритуала торжественной регистрации брака, активная его пропаганда, а затем и законодательное закрепление способствовало осознанию значимости, необходимости акта государственной регистрации брака не только с юридической точки зрения. Торжественная регистрация брака стала важной, наиболее яркой, эмоционально насыщенной составной частью свадебной обрядности. Для торжества стали готовить общепринятого образца свадебную одежду – белое платье удлиненного покроя, фату, белые туфли – для девушки, как правило, разового пользования; темный костюм, белая рубашка – для юноши, обручальные кольца. Для татар – это новое явление. В городах при органах ЗАГС появились специальные службы по обслуживанию ритуала

и свадебных торжеств, в том числе тамады – ведущие свадебных торжеств по сценариям, разработанным ими самими, по изготовлению свадебных атрибутов – специальных лент для свидетелей, свадебных букетов, фотоальбомов и т.д.

Свидетельством большой популярности этого ритуала служит тот факт, что в сельской местности, где нет специальных дворцов бракосочетания, как в городах, сами молодожены, их родственники, друзья становились не только активными участниками, но и создателями праздничной, торжественной атмосферы во время акта регистрации брака.

В каждом регионе, сначала в городах, а затем и сельской местности, постепенно появились особые места, определенные маршруты, которые объезжали свадебные кортежи после регистрации брака.

При проведении свадебных пиров и застолий стойко держалась традиция возрастного деления участников.

Свадебное застолье для пожилых – картлар туе, олылар туе по традиции проводилось в доме невесты, реже – в доме жениха. Характерной особенностью его являлся не только возраст большинства приглашенных, но сам ритуал: без спиртных напитков, с подачей традиционных блюд и т.д.

Стержневым моментом этого застолья в доме невесты являлось проведение религиозного обряда бракосочетания – никах. Однако в эти годы он полностью потерял юридическую значимость, максимально упростился и его ритуал. Так, к 1980-м гг., как правило, даже не упоминалось об одном из важнейших предписаний никаха – передаче стороной жениха в собственность невесты брачного дара – мәнәр. Более того, и само это свадебное застолье стали называть олылар туе, картлар туе, делая акцент уже в самом названии на возраст участников, а не на сути торжества. Это было связано, главным образом, с гласным, временами негласным, запретом на исполнение религиозных обрядов в Советском государстве с его атеистической идеологией. Обряд сохранялся в силу традиции как элемент татарской свадебной обрядности, как некий акт публичного признания факта появления новой семьи. Со стороны молодых – акт

уважения старших, которые в силу возраста, убеждений, не могли быть активными участниками главного свадебного торжества – туй, сый, кызыл туй.

В сельской местности встречались случаи проведения свадьбы в клубе. В городах же ее стали устраивать в помещении столовой, кафе, ресторана или специально зала торжеств.

Менялся сам стиль свадебного застолья за счет включения в него многочисленных игровых моментов. Некоторые из них были заимствованы из свадебных обычаев народов нашей страны; другие – из практики массовиков-затейников. Характерно быстрое распространение этих моментов благодаря мобильности населения, участию в свадьбах, как сельских, так и городских жителей, наличию национально смешанных браков.

В свадебной обрядности перестал быть значимым момент, связанный с подготовкой и проведением первой брачной ночи.

В целом, повсеместно продолжался процесс унификации, сокращения свадебной обрядности. В ней появилось много единых, и не только общероссийских, но и интернациональных черт.

Одним из ярких показателей перемен в быту татар может служить характерный для середины 1920–1930-х гг. резкий отказ от мусульманских имен и интенсивный поиск новых. Причем новые имена давали не только новорожденным, но при желании меняли имена и взрослые.

Новые имена в лексико-семантическом отношении были полной противоположностью старым: имена и фамилии выдающихся деятелей (Энгель, Тельман, Фрунзе), имена, восходящие к географическим названиям (Казбек, Урал, Эльбрус, Марсель, Рим), имена по названиям планет (Венера, Марс), минералов (Бриллиант, Энже, Рубин), цветов (Резеда, Роза, Сирень, Ландыш). Широко распространенными стали в те годы и аббревиатурные «революционные» имена, такие как Виль (Владимир Ильич Ленин), Лениза (ленинские заветы), Ленар (ленинская армия), Рунар (революция уничтожает национальную рознь), Дамир и Дамира (Да здравствует мир!), Изиль (исполнитель заветов Ленина) и т.п. [Саттаров, 1981, с.17–18]. Постепенно эти имена стали

восприниматься в народе как татарские, получили распространение и в деревнях.

Уже в 1930-е гг. делались попытки проводить по-новому обряд наречения имени. Так, газета «Красная Татария» 22 июня 1924 г. по этому поводу опубликовала следующее сообщение: «В клубе трамвайного парка (Казани) состоялись октябрины новорожденной рабочего-татарина. Девочке дали имя Троцкино в честь вождя Красной Армии. Тов. Троцкому послана приветственная телеграмма. На вечере была поставлена живая газета».

Вместе с тем они сыграли определенную роль в борьбе с религиозной обрядностью, в целом и с мусульманским обрядом имянаречения «исем кушу», в частности, а также всевозможными магическими обрядами. На исем кушу стали приглашать лишь нескольких, а чаще одного-двух стариков, знающих религиозный обряд. Официальную же регистрацию новорожденного, сводящуюся к простой выдаче документа, проводили в сельском Совете или в органах ЗАГСа.

В советские годы бытование и развитие обрядности, связанной с рождением ребенка, характеризуется, с одной стороны, сохранением тех традиционных обычаев, обрядов, празднеств, которые подчеркивают радость семьи, родных по этому случаю. С другой – превращением этого важного семейного события в торжество с участием более широкого круга людей, сослуживцев, общественных организаций.

По традиции роженицу с угощением, подарком для ребенка посещали родственники, друзья.

Если женщина работала на производстве, она никогда не оставалась без внимания своего коллектива – ее навещали, вручали подарок. Помимо этого становилось обычаем коллективное посещение роженицы. Друзья, знакомые договаривались заранее о дне посещения, оповещая об этом роженицу. Они приносили с собой угощение и организовывали застолье. В таком случае женщины приходили не одни, а с мужьями. Покупали сообща подарок: детскую кроватку, коляску и т.п.

Появилось проведение праздника в честь новорожденного – бэби туе – с приглашением большого количества гостей:

родных, знакомых, товарищей по работе. Бэби туе чаще всего устраивали первенцу или долгожданному, будь то мальчик или девочка, приурочив к какому-нибудь празднику «красного календаря» (нерабочие дни).

Борьба с религией привела к тому, что в 1960–70-е гг. даже в сельской местности, где традиционные формы быта более устойчивы, религиозный обряд наречения имени – исем кушу – стал несовместимым. Информаторы с сожалением отмечали, что мужчин, умеющих провести обряд не осталось. Сократилось и число проводящих обрезание. Так, по материалам анкетного обследования, проведенного в Альметьевске, только с 1950 по 1965 г. оно сократилось более чем в три раза [Уразманова, 2000, с.103].

В городской местности особых обрядов, связанных с новорожденным было еще меньше. Живущие вдали от родных молодые родители часто не проводили ни исем кушу, ни бэби туе. Проведение исем кушу они считали не нужным, ведь ребенок уже зарегистрирован в ЗАГСе, имя найдено. А проведение бэби туе, как любого праздничного застолья, сопряжено с определенными хлопотами, которые не всегда под силу молодой матери. Вместе с тем, в эти годы появились новые торжества, проводимые с участием общественных организаций, расширяющих круг лиц, причастных к этому важному моменту в жизни семьи.

Родителей с новорожденными приглашали в клуб, специально к этому дню украшенный плакатами, панно о счастливом детстве, высказываниями знаменитых людей о матери и материнстве. Сюда же приглашались представители общественности тех предприятий, где работали родители (мать). Со словами приветствия, пожеланиями к родителям новорожденных обращались депутат городского (сельского) Совета, одна из многодетных матерей, пришедшие на торжество сослуживцы. Работница ЗАГ-Са, поздравляя родителей, вручала им свидетельство о рождении, либо это делал депутат – заслуженный, уважаемый человек. Поздравления перемежались выступлением самодеятельных артистов, октябрат и пионеров местной школы или детского сада. Обязательным моментом таких торжеств являлось вручение небольшого подарка. Довольно

широкое распространение получило вручение писем-напутствий или пакета, внутри которого было письмо, октябрьский значок, пионерский галстук, а также поздравление от имени исполкома, отпечатанное на специальном бланке или открытке. На эти вечера одновременно приглашались родители всех новорожденных за какой-то период времени. Чаще всего их проводили раз в квартал, раз в полгода или в год.

Организаторы отмечали, что родители с охотой участвовали в этих праздниках и долго еще с удовольствием вспоминали о них [Уразманова, 1984, с.114–116]. И тем не менее, подобные торжества не стали повсеместной традицией.

Все советские годы похоронно-поминальные обряды продолжали сохранять традиционный ритуал, лишь погребальная часть которого – обмывание, обряжение умершего, рытье могилы, отдельные требования к поведению живых в данной ситуации – прописана в Шариате и соответствовала этим правилам. Поминальные же обряды связаны с этнической, тюркской историей народа. Именно в комплексе он воспринимался татарским, мусульманским. Происходившие в нем изменения заключались в ослаблении строгости выполнения обрядов, исчезновении отдельных из них. Они стали переосмысливаться, и это, очевидно, главное. Похоронно-поминальные обряды перестали связываться с потусторонней жизнью, а исполнялись именно как народный обряд, привычное русло, в которое выливается владеющая человеком скорбь. Они стали осознаться, прежде всего, как последние почести завершающему жизнь. Вместе с тем были направлены на оказание внимания, поддержки людям, которых постигло большое горе. Именно эти стороны похоронно-поминальных обрядов получили дальнейшее развитие.

Канонизированная часть обрядов проводилась под руководством знающих, обучившихся этому людей, которые по своему желанию (убеждению) получали эти знания, а главное, навыки от людей старшего поколения. Даже тогда, когда не осталось ни официальных мулл, ни одной действующей мечети, всегда находились люди, готовые бескорыстно помочь в организации и про-

ведении похорон. В литературе 1930-х гг. их называли «санитарные муллы». [Касымов, 1932, с.48].

Стало характерным участие в похоронах не только родственников, соседей, но и сослуживцев. Профсоюзные организации нередко брали на себя всю организационную сторону похорон, в том числе и большую часть материальных затрат, связанных с ними. Отсюда и похороны в гробу, устройство гражданской панихиды, участие женщин в траурной процессии. Под влиянием общегородской культуры проститься с покойным стали приходить с цветами.

В селах же в гробу, как правило, хоронили представителей интеллигенции, молодых людей, особенно трагически погибших, в похоронах которых активное участие принимали общественные организации, сослуживцы [Уразманова, 1984, с.123–130].

И тем не менее, традиционного похоронного обряда даже в городской местности (полностью или частично) придерживались 67–73% татар. Они – инварианты относительно размера города и этнического состава населения. Процент соблюдавших был устойчив для различных групп населения (кроме интеллигенции) [Старовойтова, 1976, с.53].

В семейно-бытовой обрядности татар появились и принципиально новые торжества. К таким, в первую очередь, относится празднование дня рождения. В традиционном быту татар аналогий ему нет.

Возникновение и широкое распространение празднования дня рождения явление советского времени, атеистическая идеология и активная пропаганда которого в противовес религиозному вероучению о бренности земной жизни человека («раб божий») была направлена на утверждение ее самоценности, давала возможность человеку осознать себя личностью.

Появилось оно в послевоенные годы, а широко бытующим обычаем стало с 1970-х гг. Первыми дни рождения стали отмечать горожане, в основном в семьях интеллигенции. Довольно быстро это явление распространилось во всех слоях населения, в том числе и в сельской местности.

Домашнее торжество включает в себя поздравление именинника, вручение подар-

ка, устройство праздничного обеда, нередко с приглашением родных, друзей. Под влиянием художественной литературы, кино, телевидения и среди татар за праздничным столом стали зажигать свечи по количеству наступивших лет, особенно в день рождения детей.

Интересно отметить, что этот, безусловно, семейный в своей основе праздник получил и формы коллективного праздника.

Дни рождения сотрудников стали отмечать и в трудовых коллективах. В ходе исследования нам приходилось знакомиться с жизнью коллективов, бригад коммунистического труда. Характерно, что в них почти всегда помнили о днях рождения товарищей. Их поздравляли, выпускали специальные «Молнии», «Листики», вывешивали «Поздравительные телеграммы», ставили на рабочие места цветы. На предприятиях стало обычаем отмечать юбилеи (50-, 55- и 60-летие) сотрудников. По этому поводу издавали приказ с объявлением благодарности и вручали подарок или денежное вознаграждение. Особо отличившимся вручали Почетные грамоты от имени предприятия или вышестоящей организации. Передовиков производства, орденосцев в юбилейные даты чествовали в клубе, красном уголке. Юбилеям посвящали свои выступления участники художественной самодеятельности. По случаю юбилейных дат особо знаменитых тружеников – Героев Социалистического Труда, например, в рабочем поселке Азнакаево стали издавать специальные буклеты с описанием их жизненного пути и трудовых достижений. В частности, такой буклет, изданный в 1978 г., был посвящен Багманову Гараю Мавлетбаевичу, уроженцу этих мест, Герою Социалистического Труда, прославленному вышкостроителю.

По примеру рабочих коллективов такие торжества стали устраиваться и в сельской местности. Летом 1963 г. в поселке Узбек Лениногорского района мы были участниками вечера, посвященного 70-летию колхозника Шайхразы Галиева. В клубе, при большом стечении односельчан, руководители колхоза, представители из районного центра горячо поздравили юбиляра с праздником, преподнесли подарки. Торжество это

было продолжено в семье, в кругу родных, близких. Колхозники с большим интересом встретили это чествование простого труженика. Подобные чествования в последующие годы были нередкостью.

Во многих селах с днем рождения стали поздравлять всех работающих односельчан и пенсионеров, посылая им поздравительные открытки от имени правления, партийного и местного комитетов колхоза. Иногда такие поздравления помещали на специальных стендах в здании правления колхоза. Несомненно, такие торжества в целом положительно сказывались на сплочении коллектива, являлись одним из показателей хорошего микроклимата.

Новыми, общесоветскими моментами в семейной обрядности татар являлись празднования так называемых серебряных, золотых свадеб – көмеш туй, алтын туй – 25-летие и 50-летие совместной жизни супругов, появившиеся также во второй половине XX в. Если организаторами серебряной свадьбы, как правило, были сами юбиляры, то золотой – дети этой четы. Проводили их в виде семейных застолий, во время которых гости поздравляли юбиляров, вручали им ценные подарки.

Характерно, что в сельской местности эти домашние застолья, как правило, предварялись коллективным чествованием юбиляров в клубе. Иногда оно проводилось для нескольких пар одновременно. Такие чествования привлекали к себе общее внимание односельчан и обычно превращались в настоящие праздники, оставляющие глубокий след в памяти не только юбиляров и членов их семей, но и всех жителей села – участников тожества.

В городах же подобные чествования начали проводить в помещениях ЗАГСов, дворцов бракосочетания. Инициаторами их являлись представители общественных организаций коллективов, в которых работали юбиляры. В назначенное время супруги в сопровождении детей, внуков и родственников, друзей прибывали на место чествования. Ритуал проводился с использованием конкретных фактов из жизни юбиляров, чем достигалось большое эмоциональное воздействие на всех собравшихся. Фамилии супругов вносились в специальные книги

записи серебряных и золотых свадеб, в которых они расписывались, в их честь звучала музыка, им преподносили подарки. Подобные чествования в нашей стране проводились повсеместно [Рогозина, 1973, с.38].

Во многих семьях татар как в городах, так и в сельской местности стало обычаем поздравлять и одаривать женщин в день 8 Марта, а 23 Февраля поздравлять мужчин, даже если они и не служили в армии. Отмечаются и дни профессиональных праздников, которые в советское время появились в большом

количестве, в частности, День учителя, День медицинского работника и т.д.

Все эти события продолжают отмечаться и в постсоветское время. Популярными стали персональные поздравления с юбилеями через татароязычные печатные и электронные СМИ. В городах расширяется сфера услуг, предлагающая помощь в организации торжеств, в том числе дней рождения детей, различных юбилейных дат, причем не только в светской форме, но и «по предписаниям шариата».

Раздел III

**Республика Татарстан и татарский мир
на рубеже тысячелетий**

НОВАЯ СТРАНИЦА В ИСТОРИИ ТАТАРСТАНА

Минтимер Шаймиев

Советский период в истории Татарстана, как бы его не критиковали, предоставил ряд возможностей для развития республики. В экономике появилась нефтяная промышленность, которая сегодня является ведущей отраслью. На ее базе выросли нефтехимические и химические предприятия. Появилась авиационная промышленность и многочисленные предприятия машиностроения. КамАЗ стал ведущим предприятием страны, таковым он остается и в XXI в. Вместе с появлением новых отраслей укрепились вузы, а также научные институты. Татарстан из полуаграрной республики стал индустриальным регионом. За советский период был преодолен перекоп в профессионально-квалификационной структуре населения. Практически во всех сферах жизни из татарской среды выросли высококвалифицированные специалисты. Это положительно сказалось впоследствии, в годы перестройки, когда межнациональные отношения были довольно напряженными. Конкуренция при продвижении по служебной лестнице не приобрела политического характера, и главным фактором при отборе кадров стал рассматриваться профессионализм.

Несмотря на то, что татарская интеллигенция пострадала в годы репрессий 1937 г., а затем потеряла многих талантливых людей во время Великой Отечественной войны, татарский народ сумел воспитать новое поколение интеллектуалов. Появились замечательные ученые, писатели, композиторы, артисты, художники. Старшее поколение, успевшее в 20-е гг. пожить в условиях обреченной демократии, передавало дух свободы молодым, и во многом это стало той духовной пищей, которая проявилась в годы перестройки.

Вместе с тем советский режим сдерживал потенциал республики. Автономный статус Татарстана рассматривался населением как явная несправедливость. Инфраструктура не развивалась. Не было дорог, газификация охватывала только города, строительство жилья было минимальным. Ветшал жилой фонд. Полки в магазинах были полупустыми. Доходило до того, что люди ездили в Москву, чтобы привезти продукты питания, которые они сами же производили. Этот разительный контраст между уровнем жизни в Москве, Киеве, Минске, Алма-Ате, Ташкенте, Бишкеке, не говоря уже о прибалтийских и закавказских республиках и советской «глубинкой» сказывался на настроениях людей.

Технология производства мирной продукции в СССР сильно отставала от Запада. Все силы были брошены на гонку вооружений. Милитаризация и монополизация экономики принимала угрожающие размеры, и Татарстан был включен в этот процесс, что больно сказалось при переходе на рыночные условия хозяйствования в 90-е гг.

В сфере культуры существовала жесткая цензура. В директивном плане закрывались татарские школы, а сфера татарского языка свелась к бытовому уровню. Газеты и журналы регламентировались, радио- и телепередачи на татарском языке были жестко ограничены. Все это вместе взятое создавало негативное умонастроение.

«Гласность» всколыхнула все советское общество. Москва и Прибалтика задавали тон. На уровне СССР лозунг «Иного не дано» захватил умы. В Татарстане главным стержнем с 1918 г. была идея возрождения государственности. В конце 80-х – начале 90-х гг. она была выражена в требовании придать Татарстану союзный статус. Всем казалось, что проблема

заключена в ущербности автономии. Во многом это так и было, однако стремительное развитие событий показало, что союзные республики сами были недовольны своим статусом. Тогда стала доминировать идея суверенности республик.

Суверенитет в международном праве понимается довольно широко, хотя традиционно его связывают с независимостью. В Татарстане после длительных дискуссий, где разброс мнений находился между независимостью и сохранением существующего автономного статуса, нашли компромиссную формулу, которая впоследствии вошла в Конституцию Республики Татарстан. Основной закон РТ (Ст.1) гласит:

«Суверенитет Республики Татарстан выражается в обладании всей полнотой государственной власти (законодательной, исполнительной и судебной) вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и Республики Татарстан и является неотъемлемым качественным состоянием Республики Татарстан».

Такая формула соответствует Конституции Российской Федерации¹, поэтому определение Конституционного суда (от 27 июня 2000 г., №92-0), по которому понятие суверенитета может применяться исключительно к Конституции РФ и не может относиться к республикам, было явно политизированным решением. В федеративном государстве полномочия делятся, а значит, существует «разделенный суверенитет».

Первоначально в содержание суверенитета Татарстана входило и понимание республики в качестве субъекта международного права, но впоследствии в ходе острых дискуссий его исключили из официальных документов, хотя фактически РТ вела и продолжает вести активную международную деятельность на достаточно высоком уровне.

30 августа 1990 г. была принята «Декларация о государственном суверенитете Республики Татарстан». Декларация объявлялась вслед за принятием Российской Федерацией «Декларации о государственном суверенитете», где предусматривалось право народов «на самоопределение в избранных ими национально-государственных и национально-культурных формах» (п.4), что и стало основанием для принятия Татарстаном ряда конструктивных шагов и открыло возможность для выработки собственной политики.

В политическом плане перед республикой стояли несколько непростых вопросов, которые требовали своего решения. Во-первых, статус татарского языка; во-вторых, участие в «Союзном договоре» в качестве самостоятельного субъекта, наряду с РФ; в-третьих, выработка взаимоотношений с РФ на договорной основе. Декларация о государственном суверенитете РТ признала татарский и русский языки в качестве государственных. Такое решение было принципиально важным для татарского населения, хотя и вызывало возражения со стороны оппозиции. Компромисс состоял в том, что на политическом уровне была договоренность о том, что вместе с приданием татарскому языку статуса государственного одновременно будет инициирован переговорный процесс с союзным центром.

По предложению делегации Татарстана на съезде народных депутатов СССР удалось внести изменения в статье 71 Конституции СССР, которая признала, наряду с союзными республиками, членами нового Совета Федерации, и автономные республики.

Вопрос о форме участия Татарстана в разработке и заключении Союзного договора стал самым принципиальным. Российская Федерация настаивала на участии республик в рамках делегации РФ. У РТ была иная позиция, которая была выражена в Постановлении Верховного Совета Татарской ССР «О проекте Союзного договора». Пункт 2 содержал принципиальную позицию о том, что парламент республики: «В соответствии с Декларацией о государственном суверенитете Татарской ССР от 30 августа 1990 г. и Законом СССР от 26 апреля 1990 г. «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации» заявляет о своей готовности выступить соучредителем

¹ Ст.73 Конституции РФ гласит: «Вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации субъекты Российской Федерации обладают всей полнотой государственной власти» [см.: Конституция РФ, 1993].

Союза Суверенных Советских Республик, самостоятельно подписать Союзный договор и принять вытекающие из него высокие обязательства» [Хакимов, Белая книга, 1996, с.7].

Такая позиция требовала урегулирования взаимоотношений с РФ. Политическая обстановка в Казани, Набережных Челнах, Нижнекамске и других городах в начале 90-х гг. была весьма напряженной. Регулярно собирались многотысячные митинги, где требовали независимости Татарстану. Многие депутаты поддерживали такую позицию, о чем говорит факт принятия Постановления Верховного Совета Татарской ССР «Об Акте государственной независимости Республики Татарстан», в соответствии с которым было поручено «Кабинету Министров в месячный срок представить на рассмотрение Верховного Совета Татарской ССР анализ-прогноз изменения политико-правового, социально-экономического положения Республики Татарстан в результате принятия Акта о государственной независимости» [Хакимов, Белая книга, 1996, с.11]. Вместе с тем провозглашение независимости увязывалось с проведением всенародного голосования (референдума) «граждан Республики Татарстан по вопросу о государственном статусе Республики Татарстан» [Хакимов, Белая книга, 1996, с.12].

О серьезности политической ситуации говорит и факт принятия «Декларации о вхождении Республики Татарстан в Содружество независимых государств», где отмечается, что республика заявляет о вхождении в СНГ «на правах учредителя» [Хакимов, Белая книга, 1996, с.12].

Политическая ситуация смягчилась благодаря переговорам между делегациями РТ и РФ, где были достигнуты определенные успехи. С большим трудом, но 15 августа 1991 г. был подписан Протокол по итогам консультаций, где были зафиксированы намерения о необходимости «ориентироваться на использование договорных форм регулирования отношений Российской Федеративной Социалистической Республики с Республикой Татарстан, учитывающих их приоритетные интересы без ущемления интересов других республик и Союза в целом» [Хакимов, Белая книга, 1996, с.32]. Это был первый документ в новейшей истории, подписанный между Москвой и Казанью, и он положил начало переговорам о заключении Договора о разграничении полномочий между сторонами. Важным этапом стало подписание 22 января 1992 г. Соглашения Правительства Российской Федерации с Правительством Республики Татарстан об экономическом сотрудничестве.

Для укрепления статуса республики трудно переоценить значение референдума, состоявшегося 21 марта 1992 г. С самого начала переговорного процесса между Центром и РТ, начавшегося 12 августа 1991 г., делегация РФ ставила вопрос о легитимности полномочий делегации РТ. В Москве шла активная борьба демократических сил с коммунистами, и Татарстан для многих политиков был неудобным и якобы недемократическим субъектом, продолжающим советские традиции. Обнаружилось явное недопонимание центром происходящих на местах процессов. На самом деле работа в республике велась в интересах населения, что и мог подтвердить референдум. Первоисточником права является народ, и мы обратились к нашему населению, чтобы сами люди непосредственно на основе свободного волеизъявления выразили свое отношение к принятой парламентом республики декларации о государственном суверенитете.

Взаимоотношения между Москвой и Казанью накануне референдума накалились до предела. Республику забросали плакатами и листовками с призывом голосовать против вопроса, вынесенного на референдум: «Согласны ли Вы, что Республика Татарстан – суверенное государство, субъект международного права, строящее свои отношения с Российской Федерацией и другими республиками, государствами на основе равноправных договоров?»

Все властные структуры в России в категорической форме выступили против проведения референдума. Нам было совершенно непонятно, почему и на каком основании нас пытаются лишить права советоваться с народом, причем в самой демократической форме.

Перед самым референдумом выступил Б.Н.Ельцин с обращением к населению Татарстана и призвал бойкотировать референдум. С призывом дружно поддержать вынесенный на референдум вопрос пришлось выступить мне. Напряжение росло. Дело доходило до того, что во все избирательные участки РТ Прокурором РФ было направлено предписание

об уголовной ответственности в случае их открытия для голосования. Однако к утру в день референдума все из 2611 избирательных участков были открыты.

Итоги референдума показали, что за статус республики голосовали как татары, так и русские. Полученные результаты (62%) подтвердили существующее доверие населения к избранному президенту и депутатам. По итогам референдума не было возражений со стороны каких-либо политических сил или населения. Итоги голосования были приняты всеми, после чего в республике наступила межэтническая и в целом политическая стабильность. Организованно проведенный референдум с участием наблюдателей из РФ и международных организаций стал серьезным аргументом в ходе последующих переговоров.

Закрепление статуса республики путем всенародного голосования стало основой для разработки новой конституции Татарстана, которая была принята парламентом в 1992 г. Основной закон стал одним из базовых документов для подготовки проекта двустороннего договора.

Переговоры шли с большим трудом и перерывами, поскольку каждая сторона искала дополнительные аргументы в свою пользу. В 1993 г. руководство центра предложило проект новой Конституции Российской Федерации, который обсуждался на Конституционном совещании. Президент РТ и Председатель Верховного Совета РТ обратились к Президенту РФ с предложением «о конституировании в Основном законе Российской Федерации положения о договорно-конституционных отношениях между Республикой Татарстан и Российской Федерацией – Россией». Однако официальный ответ не был получен. Делегация республики покинула Конституционное совещание, после чего начались двусторонние консультации по вопросу внесения поправок в проект Конституции РФ с тем, чтобы учесть позицию Татарстана. В результате, в Основном законе РФ появился весьма важный пункт (ст. 11 п.3), который гласит: «Разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации осуществляется настоящей Конституцией, Федеративным и иными договорами о разграничении предметов ведения и полномочий» [Конституция РФ, 1993].

В этой статье 11 для Татарстана была существенно важна фраза – «иными договорами», что открывало путь к заключению двустороннего договора. Конечно, впоследствии вокруг пункта 3 статьи 11 возникло много дискуссий, но на тот момент это было безусловной победой республики в отстаивании своих прав на самостоятельный голос при формировании федеративных отношений. Следует заметить, что в Конституции РФ была зафиксирована международно-правовая норма о «равноправии и самоопределении народов», что укрепляло позиции делегации РТ.

Переговоры о заключении двустороннего договора приближались к завершающей стадии. Важным аргументом для заключения договора служило то, что республика в 1992 г. не подписала Федеративный договор в силу ряда причин. В частности, к тому времени у республики фактически прав было больше, чем предоставлял Федеративный договор, который по существу был обычным соглашением между центром и субъектами о разграничении полномочий. Последующие события подтвердили правоту позиции РТ – Федеративный договор реализовать не удалось и его довольно быстро забыли.

Вместе с тем Татарстану было необходимо войти в общее правовое поле России. 15 февраля 1994 г. Договор Российской Федерации и Республики Татарстан «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» был подписан. Ситуация сложилась так, что Федеральный центр также был заинтересован, против своей воли, в подписании Договора, потому что до его заключения в Татарстане не проводились выборы в Госдуму РФ, а также республика не была представлена в Совете Федерации России. Договор стал историческим документом и обозначил перелом в отношениях с федеральным центром. Двусторонние отношения стабилизировались и стали базой для успешного социально-экономического и культурного развития РТ.

Параллельно с политической составляющей в республике выработывалась концепция социально-экономического развития. Структурная перестройка экономики, необходимая для перехода к рыночной экономике, затруднялась наличием масштабного военно-промышленного комплекса. Кроме того, экономика РТ сильно зависела от цены на нефть, которая сильно колебалась, а потому было непросто выработать долгосрочную экономическую политику. Инфраструктура в РТ была плохо развита. Были также другие причины, препятствовавшие ускоренному переходу к рыночным отношениям.

«Шоковая терапия», объявленная правительством РФ, ставила под удар основное население республики и грозила людям обнищанием. Переход к рынку не должен был порождать негативное отношение к рыночной экономике и вызывать недоверие людей к руководству республики. Поэтому Правительство Татарстана избрало путь «мягкого вхождения в рынок», что означало контролируруемую адресную социальную защиту населения, постепенную приватизацию под контролем государственных органов, сохранение контрольного пакета акций за государством в бюджетобразующих предприятиях. Самостоятельная политика Татарстана в период ваучеризации позволила избежать распродажу собственности республики за бесценок.

Важнейшими задачами экономической политики стали приближение инфраструктуры к рыночным условиям, поэтому началось строительство дорог, газификация, телефонизация, ликвидация ветхого жилья, прокладка оптико-волоконной связи для Интернета и т.д.

Важнейшим фактором стабильной продовольственной обеспеченности в эти сложные годы стала политика сохранения сельскохозяйственного производства, постепенной приватизации сельскохозяйственных земель крупными татарстанскими компаниями.

Одновременно был взят курс на переход от продажи сырой нефти к ее переработке и в целом ориентация на развитие высоких технологий. Постепенно удалось расширить переработку нефти, развить нефтехимическую и химическую отрасли. Доля высокотехнологичной продукции в производственном секторе республики из года в год повышалась. Политика «мягкого вхождения в рынок» полностью себя оправдала.

Важнейшей составляющей постперестроечного периода стало развитие культуры Татарстана. Руководство РТ открыто объявило, что финансирование развития татарской культуры будет приоритетным, поскольку она пострадала в советский период больше, нежели русская культура. Русская часть населения РТ поддержала это мнение, что было важно с точки зрения сохранения межэтнического согласия. Открывались татарские школы и гимназии, учреждались новые газеты и журналы на татарском языке, появилось собственное спутниковое телевидение, что было важно для всех татар, проживающих в РФ и странах СНГ, татарский язык из разговорного стал государственным и неуклонно расширял сферу применения, включая Интернет, Татарстан наладил тесные контакты с татарским населением РФ и СНГ. Наряду с церквями, строились и восстанавливались мечети по всей республике. Была учреждена собственная Академия наук. Важным моментом развития сферы культуры стало изменение психологии людей, они не только почувствовали себя хозяевами республики, но также приобрели чувство гордости за успехи Татарстана.

Благодаря Договору 1994 г. республика смогла развивать внешние связи, координируя свою деятельность с Министерством иностранных дел РФ. Это позволило привлечь инвестиции в экономику, подняло авторитет Татарстана среди зарубежных стран. Казань превратилась в место проведения серьезных международных форумов и спортивных состязаний.

В результате принятых мер в политике, экономике, социальной сфере и культуре республика к концу XX в. стала одним из самых динамично развивающихся регионов РФ. Не случайно в начале XXI в. Казань называют третьей столицей России. Наступил перелом в историческом развитии республики, а потому период с начала 90-х гг. до начала XXI в. в полной мере можно назвать новой страницей в истории татарского народа и Татарстана.

ГЛАВА 1

Перестройка и общественно-политические изменения в стране и республике

§ 1. Причины общественно-политических изменений в СССР и курс на перестройку

Михаил Горбачев

К середине 80-х гг. советское общество подошло в состоянии глубокого кризиса. Оно все больше скатывалось в застой. Экономика буксовала – снижались темпы экономического роста, они оказались практически на нуле. В связи с падением мировых цен на нефть ухудшалось финансовое положение. Общество лихорадило перебои в снабжении, дефицит товаров широкого потребления – продовольственных и промышленных – порождал бесконечные очереди. Самая богатая по ресурсам страна не могла решить простые житейские проблемы своих граждан.

Деградировала моральная и психологическая атмосфера. Все больше давало о себе знать противоречие между растущим уровнем образованности населения, его духовными запросами и догмами идеологии, которые насаждала официальная пропаганда. Ограничение гражданских и политических свобод, господство цензуры и идеологическое давление пропагандистского аппарата вызывали глухое недовольство, особенно со стороны интеллигенции. Обострялась социальная ситуация. Власть в лице партийной номенклатуры все больше отрывалась от народа. Многие требовали осадить произвол партийной бюрократии, отменить привилегии номенклатуры.

Между тем в капиталистическом мире развертывалась научно-техническая революция, а на ее основе – процессы глобализации. Это были вызовы, ответить на которые можно было, только встав на путь преобразования общества, освобождения его от засилья бюрократической сверхцентрализации. Советская система, обеспечив-

шая на определенном этапе быстрое развитие страны, практически исчерпала свои мобилизационные возможности. Мы опоздали с ответом на вызовы новой научно-технической революции. Страна сдавала позиции. С начала 70-х гг. отставание от стран Запада, которые уже вступили в новую технологическую эпоху, стало все более возрастать.

Чтобы выйти из этой ситуации, надо было избавиться от тоталитарного сталинского наследия, преодолеть отчуждение человека от собственности и власти, открыть тем самым простор для реализации творческого, интеллектуального потенциала нации, пробудить в людях заинтересованность в результатах своего труда. Сделать это и была призвана перестройка с ее установкой на вовлечение трудящихся в принятие экономических и политических решений. Надо было помочь людям стать полноправными гражданами, осознать себя хозяевами своей судьбы. Только включив в полную силу «человеческий фактор», можно было начать постепенно преодолевать отставание от развитых стран. Первоначально эта цель нашла выражение в установке на «ускорение научно-технического прогресса». Лишь потом появилось более общее понятие «перестройка».

Другой важнейшей причиной перестройки была сложившаяся к середине 80-х гг. международная обстановка. Ситуация холодной войны, продолжавшейся уже почти четыре десятилетия, становилась все более опасной и нетерпимой. Гонка вооружений набирала обороты, и угроза ядерной войны возрастала. Никто не желал, конечно, ядер-

ной войны, но никто и не мог гарантировать, что она не возникнет – хотя бы в результате какой-то нелепой случайности.

СССР и США постоянно находились «на прицеле» друг у друга. Гонка вооружений стала привычной частью мирового бытия. Европа превратилась в настоящий ядерный полигон, с каждым годом все плотнее насыщавшийся ракетами разной мощности и дальности. Успехи в области миниатюризации ядерных зарядов привели к появлению ядерного оружия «поля боя». Моря и океаны кишели надводными и подводными ракетными носителями. Не только воздух, но и космос становился пространством противоборства. Обе сверхдержавы в той или иной мере были вовлечены – на разных сторонах – в региональные конфликты, бушевавшие в Азии, Африке, на Ближнем Востоке.

Стремление обеспечить военный паритет с США и их союзниками привело к тому, что на оборонные расходы в СССР фактически тратилось до 40% государственного бюджета, а продукция военно-промышленного комплекса составляла около 20% (в отдельные годы – 25–30%) ВВП – в пять-шесть раз больше в сравнении с аналогичными показателями стран НАТО. Из общей суммы расходов на науку до 80% приходилось на военно-технические исследования. Военные расходы обескровливали народное хозяйство, сдерживали рост жизненного уровня народа. На удовлетворение материальных потребностей людей использовалось всего 8–10% основных фондов.

Но при этом безопасность страны не становилась более надежной. Ведь ядерное оружие – это оружие коллективного самоубийства. Тем не менее, именно накопление ядерного оружия и средств его доставки вышло на первый план. Сценарии, предусматривавшие использование оружия массового поражения или угрозу его применения, лежали в основе военных доктрин, принятых обеими сторонами.

Нужно было искать выход из этого тупика. Требовалось коренное изменение и принципиальных позиций государств, и их практических подходов в международной политике, которые диктовались тогда пре-

имущественно мировоззренческими догмами, а не реальными жизненными интересами народов. Для нас речь шла о том, чтобы заново определить национальные интересы страны, действительные параметры и императивы ее безопасности, о том, чтобы трезво оценить основные тенденции развития мирового сообщества и выработать на этой основе программу конкретных действий на главных внешнеполитических направлениях.

Здесь внутренние и внешние мотивы курса на перестройку непосредственно смыкались. Кардинальные реформы были невозможны без создания благоприятной международной среды, без освобождения от гнетущего бремени колоссальных военных расходов. Двигаться вперед можно было только одновременно – и во внутренней, и во внешней политике. Философия и методология курса на перестройку в единстве ее внутренних и внешних аспектов получили обоснование в концепции нового мышления. Отправное исходное положение нового мышления – признание все более утверждавшейся целостности мира, взаимосвязанности и взаимозависимости государств, при всей их несхожести и различиях. Отсюда второе исходное положение – о приоритете общечеловеческих интересов и ценностей. С этими идеями, как известно, еще ранее выступили такие выдающиеся ученые и мыслители, как Альберт Эйнштейн, Бертран Рассел, Нильс Бор, Владимир Вернадский и другие.

В новой ситуации уже невозможно было рассматривать мировое развитие с точки зрения борьбы двух противоположных социальных систем. То, что официальная советская идеология представляла как форму классовой борьбы на мировой арене, в действительности выродилось в военно-политический конфликт двух блоков, возглавляемых сверхдержавами. Политика идеологически мотивированной конфронтации изжила себя. Корни нового мышления – в понимании того, что в ядерной войне не может быть победителей, что место конфронтации должна занять политика, основанная на балансе интересов и взаимной равной безопасности. Теория и методология нового мышления базировались

на стремлении сочетать политику и мораль – нравственные принципы в подходе к решению как во внутренних, так и международных проблем.

Начиная перестройку как процесс демократических преобразований, необходимо было, чтобы и средства их осуществления были демократическими. Основным способом вовлечения людей в политику, их приобщения к преобразованиям с самого начала стала установка на гласность. Для руководителей государства она означала – надо говорить правду народу о состоянии страны и об окружающем ее мире. Для народа – возможность говорить, что думаешь, в том числе все чаще очень неприятные для начальства вещи. Тем самым возникала обратная связь с народом. Отказ от идеологических репрессий, от цензуры привел к тому, что гласность быстро переросла в реальную свободу слова, свободу печати, стала важнейшим оружием демократизации различных сторон жизни.

Перестройка распространилась на экономическую сферу. Началось с постепенного перевода части предприятий на хозрасчет, с внедрения коллективного подряда, аренды, особенно в сельском хозяйстве, с распространения кооперации как формы предпринимательства. С начала 1988 г. вступил в силу Закон о предприятии, согласно которому все предприятия переходили на хозрасчет; они должны были стать самостоятельными хозяйствующими субъектами и действовать на основе самокупаемости и самофинансирования. Соответственно реформировалась система управления: ограничивались и изменялись функции министерств, планирование из директивного должно было стать рекомендательным, прогностическим. Предусматривался переход к новым принципам ценообразования, сочетающим рыночный механизм с государственным регулированием.

Эти преобразования встретили сопротивление значительной части управленческого аппарата и партийной номенклатуры, интересы которых они задевали. Экономическая реформа стала буксовать. Меры по обновлению кадров не дали заметных результатов. В повестку дня встала задача политической реформы, изменения системы власти. Логи-

ка общественного развития продиктовала необходимость передачи власти от монополюно владевшей ею партии – Советам, которым она и должна была принадлежать по Конституции. Государству предстояло преобразоваться из «коммунистическо-идеократического» в «светское». Ключевыми событиями в этом направлении стали выборы народных депутатов СССР, прошедшие впервые в советской истории на альтернативной основе, и первый Съезд народных депутатов СССР (май–июнь 1989 г.).

В конструкции Съезда как нового высшего органа власти и в его работе отразились назревшие проблемы и противоречия трансформации союзного государства. Будучи формально федерацией, СССР на самом деле превратился в унитарное государство. Все основные решения принимались центральными органами власти в Москве. Республики распоряжались какими-нибудь 10–15% экономики на своей территории. Сверхцентрализация душила местную инициативу. Съезд народных депутатов призван был не только заложить институциональные основы демократизации общества и государства, но и стать крупным шагом в преобразовании унитарного государства в действительно демократическую федерацию. Такая форма верховной власти, как Съезд народных депутатов, непосредственно избираемых в республиках, должна была повысить статус последних, их голос в Союзе.

Перетекание власти от партии к Советам, имевшим изначально национальную «окраску», как бы «легализовало» требования большей самостоятельности со стороны союзных и автономных республик. Гласность и демократизация общественной жизни сняли «сталинский колпак» с проблемы межнациональных отношений. Но заложенные в них опасности для перестройки не сразу получили должную оценку. Казалось, что в основном национальные проблемы в Союзе уже решены. Это ошибочное мнение обернулось серьезным запаздыванием с принятием необходимых мер по нейтрализации угрозы национализма и сепаратизма. Сигналы о неблагополучии стали появляться все чаще. Организованные формы приняло движение крымских татар

за возвращение в родные места. Осудив насильственное переселение крымских татар в 1944 г., мы не могли вместе с тем не учитывать, что за прошедшие почти 40 лет этнодемографическая ситуация в Крыму коренным образом изменилась. Столь же остро встали проблемы других незаконно репрессированных народов – немцев Поволжья, балкарцев, чеченцев, ингушей, карачаевцев, калмыков...

В начале 1988 г. разгорелся конфликт между Арменией и Азербайджаном из-за Нагорного Карабаха. В феврале произошли сопровождавшиеся кровопролитием погромы армян в Сумгаите (недалеко от Баку). События грозили перерасти в религиозный конфликт, который мог распространиться за пределы Закавказья. Набирали силу и другие, более спокойные по формам, но не менее значимые процессы в Прибалтике, Молдавии, Грузии, нечто подобное зарождалось в Средней Азии и на Украине. В различных регионах все чаще ставились вопросы о языке коренных национальностей, экономическом суверенитете, расширении прав.

Общей основой этих процессов был рост национального самосознания народов Союза, своего рода национальный ренессанс, для которого политика гласности и демократизации открывала большой простор. Проблема национальных отношений приобрела самостоятельное значение. Нужно было заново оценить законодательство, регулирующее взаимодействие Союза и республик, уточнить или заново определить статус, права и обязанности союзных и автономных республик, других национальных образований. На XIX партконференции было, в частности, заявлено, что в рамках сложившейся структуры союзного государства необходимо обеспечить максимальный учет интересов каждой нации и народности, всего сообщества народов СССР в такой крайне чувствительной сфере, как международные отношения.

Многонациональный состав советского государства придавал политической реформе особый характер, свою окраску и своеобразие. На первый план выдвинулись проблемы, связанные с отношениями между Центром (федерацией) и республиками. Было

решено в рамках следующего этапа политической реформы разработать на основе конституционных норм систему государственных правовых механизмов, регулирующих эти отношения внутри союзного государства. Стала очевидной необходимость развития договорного принципа строения Союза, в связи с этим возник вопрос о новом Союзном договоре.

Новый Союзный договор был призван, прежде всего, обеспечить политические, социально-экономические интересы союзных республик, защиту их суверенных прав в Союзе ССР. Вместе с тем проект обновления советской федерации предусматривал и признание нового статуса советских автономий: расширение прав автономных республик во всех областях государственного, хозяйственного и культурного строительства, укрепление их экономической самостоятельности, а также расширение прав автономных областей и округов.

В связи с развернувшимися дискуссиями по национальному вопросу всплыли такие сложнейшие вопросы, как понятие суверенитета, трактовка его содержания; разграничение полномочий Союза ССР и республиканских субъектов федерации; хозрасчетные отношения на разных уровнях, вплоть до местного; гарантии использования языков народов СССР; право выхода республик из Союза. Концепция новых договорных отношений, которая отвечала бы сложившимся реальностям и потребностям развития федерации, рождалась, можно сказать, в муках. Нужно было предусмотреть дифференциацию и большую гибкость федеративных связей с учетом своеобразия условий и возможностей каждой республики. Пока эти проблемы обсуждались, в республиках все больше разыгрывались страсти «по суверенитету», стремление «застолбить» его явочным порядком, еще до заключения нового договора. Активизировались деструктивные силы, которые спекулировали на требованиях независимости, подыгрывали сепаратистским настроениям.

Ситуацию крайне осложнили и обострили решения I съезда народных депутатов РСФСР. На этом съезде Ельцин выдвинул провокационную концепцию суверенитета,

согласно которой «первый суверенитет принадлежит человеку, затем предприятию, колхозу, совхозу, любой другой организации...». Съезд избрал Ельцина Председателем Верховного Совета РСФСР, принял Декларацию о государственном суверенитете РСФСР, а под занавес – предложенное Ельциным постановление, вышедшее Советом министров РСФСР, а также ряд важнейших министерств и ведомств из подчинения союзного правительства. Эти действия, недвусмысленно направленные на развал Союза, подтолкнули другие республики к аналогичным шагам, спровоцировав так называемый «парад суверенитетов».

Автономным республикам Ельцин обещал «абсолютно все права», какие только они захотят взять. Об этом он заявил, выступая в Казанском университете. На встрече с общественностью Уфы он предложил Башкирии: «возьмите ту долю власти, какую можете проглотить». Продолжая уверять в своей приверженности к сохранению Союза, Ельцин фактически вел дело к его развалу. Но он вынужден был маневрировать, особенно после того, как на референдуме в марте 1991 г. (проведению которого Ельцин всячески противился) большинство граждан, принявших участие в голосовании, высказалось за сохранение Союза. В Татарстане 87,5% проголосовавших сказали «да» Союзу.

Благодаря успеху референдума удалось провести встречу руководителей 9 союзных республик (по формуле «9+1» – руководители 9 республик и Президент СССР) и договориться об ускорении работы по проекту нового Союзного договора. Это положило начало Ново-Огаревскому процессу. Появилась надежда на продвижение вперед. Недовольны остались руководители автономных республик: они выступили с совместным заявлением, выразив озабоченность тем, что решения в Ново-Огарево принимались без их участия и потребовали равноправного участия в обсуждении проекта и в подписании Союзного договора. Их обеспокоенность имела под собой основания. В подходе российских властей к суверенитету был заложен двойной стандарт: весь суверенитет – союзным республикам, а ав-

тономии как-нибудь обойдутся. Татарстан, в частности, где до 80% предприятий были союзного подчинения, оказался в трудном положении, когда Россия прекратила отчисления в союзный бюджет.

Летом 1991 г. Ново-Огаревский процесс после трудных переговоров и неизбежных компромиссов вышел на согласованный проект Договора о Союзе Суверенных Государств. Свой конструктивный вклад внесли и бывшие автономные республики, которые были признаны полноправными участниками процесса как субъекты Федерации, наряду с союзными республиками. Проект Договора был опубликован для всеобщего сведения 15 августа, а его подписание было назначено на 20 августа.

Августовский путч сорвал подписание Договора (что и было целью путчистов). Создалась новая ситуация, когда все надо было начинать с начала, причем в еще более сложных условиях. Вызванная позицией российских властей дезорганизация хозяйственной жизни страны нарастала, все больше обращая недовольство населения против перестройки. Какое-то время Ельцин еще делал вид, что он за сохранение Союза, но его действия свидетельствовали об обратном. Ново-Огаревский процесс удалось реанимировать, но все действия российского руководства были направлены на его подрыв. Дискуссии по новой концепции Союзного договора увязали в бесконечных спорах. Достигнутые договоренности опрокидывались выдвиганием новых условий. Парафирование очередного проекта, согласованного семью республиками 14 ноября, было сорвано. За этим последовал референдум о независимости на Украине 1 декабря 1991 г. и... сговор руководителей трех республик – России, Украины и Белоруссии – в Беловежской пуше, где они совершили государственный переворот, объявив о «ропуске» СССР. Дезинтеграция страны произошла в результате авантюры ГКЧП и политики российского руководства, взявшего курс на разрушение Союза.

Перестройка была сорвана, но она оставила глубокий след в истории страны и всего мира. Историческая заслуга реформаторов перестроечных лет в том, что они начали коренные, назревшие реформы и стреми-

лись вести их демократически, шаг за шагом расширяя границы свободы. Мы зашли с реформами настолько далеко, что тенденция была уже необратима. При этом удалось избежать гражданской войны. Перестройка всколыхнула общество, привела его в новое состояние, привнесла в его развитие демократические начала. Констатация тех или иных ошибок в ходе перестройки (а они были) не может перечеркнуть ее основных долговременных достижений. Возникла новая политическая система, восприимчивая к парламентаризму. Демонтаж командной системы экономики открыл путь для формирования рыночного уклада. Неоспоримы

положительные результаты перестройки в области внешней политики. Главный из них – преодоление холодной войны. Угрозу ядерного Армагеддона удалось отвести. Отношения с государствами как Востока, так и Запада были введены в нормальное, неконфронтационное русло. Все это опровергает распространенное мнение о провале перестройки. Многие ее цели были достигнуты. К сожалению, с ликвидацией Советского Союза был утрачен мощный рычаг перспективного развития великой державы, а с мировой сцены исчез важнейший фактор упорядочения и умиротворения международных процессов.

§ 2. Перестройка в Татарстане

Индус Тагиров

«Перестройка — это назревшая необходимость, выросшая из глубинных процессов развития нашего социалистического общества. Оно созрело для перемен, можно сказать, оно выстрадало их. А задержка перестройки уже в самое ближайшее время могла бы привести к обострению внутренней ситуации, которая, прямо говоря, заключала в себе угрозу серьезного социально-экономического и политического кризиса», – писал М.С.Горбачев [Горбачев, 1987, с. 11]. Однако в его книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» ни слова не говорится о перестройке национально-государственного устройства страны. Между тем именно этот вопрос был одним из наиболее назревших вопросов жизни страны.

Определенное прозрение к партийному руководству страны пришло несколько позже. В тезисах ЦК КПСС к XIX Всесоюзной партконференции отмечалась необходимость принятия мер «по дальнейшему развитию Советской Федерации» в условиях роста национального самосознания. Децентрализация и максимальная передача на места многих управленческих функций признавались велением времени. Однако последующий тезис о том, что «ключ к дальнейшему развитию наций... в органическом соединении самостоятельности союзных и автономных республик... с их ответствен-

ностью за общесоюзные государственные интересы» [Правда, 1988, 27 мая], фактически отрицал необходимость каких-либо существенных преобразований в сфере государственного устройства страны. Демократизация межнациональных отношений диктовалась временем.

Требовалась решительная ломка установившихся унитарных взаимоотношений союзного Центра и республик. При этом существующие формы национальной государственности, ранжирование республик на союзные и автономные также не предполагали равноправия. В стране назревало недовольство существующей формой управления. Об этом свидетельствовали волнения в Казахстане, кровавые события в Нагорном Карабахе и Фергане, выступления в Тбилиси.

Настоящих прав в СССР не имели и союзные республики. «Если бы республиканские законодательные органы имели те же полномочия, что и законодательные органы штатов, наши федеративные отношения были бы в значительно лучшем положении», – говорил эстонский профессор Ю.Бояре. «Истинный федерализм предполагает, чтобы все субъекты Федерации в Совете Национальностей были представлены одинаковым количеством голосов. Возражение, что, мол, татар в Союзе больше, чем эстонцев, а они представлены не будут, неоснователь-

но: разве из автономной республики нельзя сделать союзную?», – вопрошал ученый [Коммунист, 1989, №6, с.74–75].

Ученый из Латвии А.Плотникс утверждал, что «если не будет сильных республик, реально наделенных всеми атрибутами суверенного государства, то Центр по-прежнему будет подменять аппарат республики, пытаясь решать все, однако толком не сможет ничего сделать». Он предлагал, ссылаясь на ленинское политическое завещание, оставить за Союзом только вопросы обороны и внешних сношений.

Именно Прибалтийские республики должны были стать детонатором идей перестройки, так как они были включены в состав СССР только в 1940 г. У народов Прибалтики были еще свежи в памяти времена былой независимости. Они острее других чувствовали несправедливости тоталитарного режима и именно поэтому, пользуясь началом перестройки в стране, первыми развернули борьбу за реальный суверенитет.

Вовсе не случайно 8–9 февраля 1989 г. журналом «Коммунист» с участием журналов «Коммунист Советской Латвии», «Коммунист Эстонии» и «Коммунист» (Литва) в Риге был проведен «круглый стол» под девизом «Слышать друг друга». Материалы этого «круглого стола» дают представление о том, как в двери и окна страны сначала робко, а потом все громче и требовательнее стучалась подлинная федерация. В.Кремнев, В.Нехотин и А.Улюкаев, готовившие материалы «круглого стола» к публикации на страницах «Коммуниста», писали: «Круг проблем, обсуждавшихся в Риге, чрезвычайно широк. К тому же большинство – крайне остры. Неудивительно, что суждения были высказаны разные, зачастую спорные. Часть из них была оспорена в ходе дискуссии, остальные редакция выносит на суд читателей. И хотя мы также далеко не во всем разделяем представленные точки зрения, а ряд положений находим недостаточно убедительными, тем не менее стремимся дать по возможности максимально полное представление о том веере мнений, который характеризует прошедшую дискуссию» [Коммунист, 1989, №6, с.62].

Чем же были недовольны Прибалтийские республики? Тем, что собственниками

земли и ее недр являются не народы этих республик, а весь советский народ. Тем, что большинство предприятий, банков, сетей и средств связи, систем транспорта и энергетики в этих республиках находилось в союзном подчинении и господствовал диктат союзных министерств. Тем, что росла миграция из Российской Федерации и резко сокращалась доля коренного населения. Тем, что неуклонно сужалась сфера применения родных языков по принципу, подмеченному одним из участников дискуссии, членом-корреспондентом АН Эстонии И.Апине: «Чем быстрее переход на русский язык, тем лучше».

Чего же добивались Прибалтийские республики? Признания земли и ее недр достоянием народов этих республик, отказа от монополии союзных министерств, перехода к полной экономической самостоятельности, прекращения миграции русскоязычного населения из центральных районов страны, признания языков коренных народов этих республик в качестве государственных языков, перестройки партии по федеративному принципу и, наконец, решительного расширения прав республик до уровня прав подлинно суверенных государств.

Реализация этих требований могла превратить страну в подлинную федерацию с элементами конфедерации. Прислушалась ли партия к тому, что говорилось за этим «круглым столом»? И не только за ним, но и в письмах, и в многочисленных сообщениях с мест, где резко осуждалось существующее положение в республиках и все чаще раздавались голоса в поддержку выхода из СССР?

Проявив на словах готовность к решительным мерам, КПСС оказалась не готовой к отказу от монополии власти и преобразованию СССР. Так называемая концепция перестройки, о которой много говорили, не содержала конкретной цели, и никто не знал о ее задачах. «У нас, – признавал и сам М.С.Горбачев, – нет готовых рецептов» [Горбачев, 1987, с.62]. Запоздалые и половинчатые «реформы» в области управления народным хозяйством не решали ни одну из задач, которые были призваны решить, и лишь вносили дезорганизацию в худо-бедно, но налаженную командно-

централизованную систему управления народным хозяйством.

В сентябре 1989 г. состоялся Пленум ЦК КПСС, на котором была принята платформа «Национальная политика в современных условиях». Ее проект был опубликован на страницах газет. В Республике Татарстан, как и повсюду в стране, прошло его оживленное обсуждение: общественность более всего интересовал вопрос о статусе республик, существующим положением были недовольны как союзные, так и автономные республики. Однако общественность и в платформе Пленума ЦК КПСС не обнаружила рецептов решения накопившихся проблем.

Создавалось впечатление, что платформа ни в коей мере не направлена на перестройку национальной политики. Она напоминала попытку залатать давно изношенный кафтан. Здесь не было ни слова о принципе равноправия республик. Автономные республики и тем более автономные области и национальные округа оставались в прежнем положении – о признании их суверенитета не было и речи. На сентябрьском Пленуме ЦК КПСС 1989 г. говорилось лишь о наполнении существующих форм государственности «реальным содержанием». Однако ни в одном документе это так называемое «реальное содержание» не раскрылось.

Платформа не учла ни материалов указанного «круглого стола», ни итогов бурных дискуссий, развернувшихся на нем по вопросам федеративного устройства страны. Требования, направленные на обретение республиками реального, а не бумажного суверенитета с тем, чтобы, по образному выражению представителя Латвии А.Плотниекса, Конституции республик не были бы слепками союзной Конституции, чтобы ответ на вопрос, чем отличается Конституция Латвийской ССР от Конституции СССР, не прозвучал бы «обложкой», остались неуслышанными [Коммунист, 1989, №6, с.75].

В союзных республиках, и не только Прибалтийских, говорили, что надо было давно пересмотреть распределение компетенций между Союзом и республиками с тем, чтобы Конституции республик стали Конституциями суверенного государства в составе СССР, где были бы закреплены

основы политической, экономической и социальной систем, гражданство, конституционный статус находящихся на ее территории граждан других республик, организации и формы реализации государственной власти [Коммунист, 1989, №6, с.75].

В платформе не было ни слова об отказе партии от монополии на власть и изменении взаимоотношений с партийными организациями республик. Между тем на указанном «круглом столе» в Риге говорилось и о необходимости реорганизации КПСС на федеративных началах. Так, представитель Эстонии К.Халлик объяснил это необходимостью вывести партию из административной системы. Сославшись на решение X съезда РКП(б) «О единстве партии», он сказал, что предусмотренное в нем разделение функций партии и государства не состоялось, и партия во многом взяла на себя административно-управленческие функции [Коммунист, 1989, №6, с.78].

Платформа не затрагивала проблем находившихся в бедственном состоянии национальных культур и языков, хотя громких слов об их «гармоничном развитии» было немало. В существовавших тогда условиях размывалась национальная культура, выходили из сферы официального и научного обращения национальные языки. Научный сотрудник Института востоковедения АН Таджикской ССР С.Абдулло поделился на страницах журнала «Коммунист» наблюдениями о случае, имевшем место в Таджикской государственной филармонии. Кому-то из артистов понадобилось написать заявление на имя директора. «Присутствующие, – отмечал Абдулло, – оказавшиеся случайными свидетелями этого случая, помогали ему, но, не шибко грамотные в русском письме, они испытывали явные затруднения. Он спросил их: «Что, ваш директор не знает таджикского языка?». «Знает, он таджик», – был ответ. «Тогда почему же не напишете по-таджикски?». Ответ: «Говорят – нельзя» [Коммунист, 1989, №8, с.68].

«Что могло бы ждать Украину в том случае, если бы «Союз нерушимый» оставался нерушимым еще 50 лет?.. – задавался вопросом – задним числом – бывший Президент Украины Л.Кучма. ... Не колонией пыталась Россия сделать «Малороссию», она пыта-

лась сделать ее частью себя» [Кучма, 2003, с.147, 270]. Подобная участь могла ждать и Белоруссию.

Обеспокоенность судьбой своей культуры и языка царила и в других республиках. На съезде литовских коммунистов этот вопрос был поставлен со всей полнотой. Генеральному секретарю ЦК КПСС М.С.Горбачеву, принимавшему участие в работе съезда, был задан вопрос: «Михаил Сергеевич, расшифруйте, пожалуйста, каждое слово гимна СССР «Союз нерушимый республик свободных навеки сплотила великая Русь». Растерявшемуся Генеральному секретарю делегаты сказали: «Не затрудняйте себя этим здесь, Михаил Сергеевич. Это вам домашнее задание».

Между тем общественность давала необходимый материал для решения этого «домашнего задания». Так, за «круглым столом – Россия и Запад» доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой экономики АН СССР В.Хорос сказал: «Нам следует решительно отказаться от извечного российского «мессианизма», начиная с тезиса «Москва – третий Рим» и кончая положением о международной революционной гегемонии СССР» [Коммунист, 1990, №11, с.20].

О двух альтернативах развития Союза – федеративном и конфедеративном – говорил и писатель Б.Олейник. Отдавая предпочтение федерации, Б.Олейник высказался за новый союзный договор, «подписанный не отдельными, замыкающимися в себе республиками, отстаивающими лишь собственный интерес, а всеми населяющими их народами». В данном случае он имел в виду и интересы автономных образований, «которые хотят вырваться из-под опеки союзных республик» [Коммунист, 1990, №11, с.30].

От союзного руководства требовалась определенная дальновидность в политике в отношении союзных республик, оно же вместо этого плелось в хвосте событий, оказываясь во многих случаях даже не в состоянии понять происходящее. Вот несколько фактов, свидетельствующих об этом.

11 марта 1990 г. Верховный Совет Литовской ССР принял Акт «О восстановлении независимого Литовского государства» и «Временный Основной закон Литовской

Республики», отменив действие Конституции СССР на территории Литвы. В таком же направлении развивались события в Латвии и Эстонии. 30 марта 1990 г. Верховный Совет Эстонии принял Постановление «О государственном статусе Эстонии», признающее незаконной существующую советскую государственную власть на своей территории. В Латвии был подготовлен проект закона о гражданстве, по которому гражданами республики считались только лица, проживавшие в республике с 17 июня 1940 г.

30 января 1991 г., выступая на совещании в ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Литвы М.Бурокаявичус сказал, что нынешние руководители республики «внушали и внушают людям, что Литва уже отделилась от Советского Союза, что Компартия Литвы является партией иностранного государства» [Известия ЦК КПСС, 1991, №4, с.43]. Первый секретарь ЦК Компартии Латвии А.Рубикс, рассказав об аналогичной ситуации в республике, сказал, что «в силу того морального террора, который осуществляется в республике, ломаются не просто рядовые коммунисты, но и видные деятели нашей партии» [Известия ЦК КПСС, 1991, №4, с.43].

Непростые процессы происходили и в самой Российской Федерации, где развернулась война российских законов с законами Союза ССР. Президент РСФСР Б.Н.Ельцин противопоставил себя союзному руководству. По оценке первого секретаря Волгоградского обкома КПСС А.Анипкина, руководители России «ждут того момента, когда центр сам примет какие-то непопулярные решения, и после этого поведут на нас штыковую атаку» [Известия ЦК КПСС, 1991, №4, с.45]. А первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана И.А.Каримов на совещании в ЦК КПСС 30 января 1991 г. охарактеризовал политику российского руководства как путь великодержавного шовинизма и призвал переходить к решительным мерам [Известия ЦК КПСС, 1991, №4, с.47].

В Российской Федерации назревал протест и против действий российского руководства. Вслед за принятием Декларации о суверенитете Российской Федерации 12 июня 1990 г. были приняты декларации о суверенитете республик в ее составе. Пришли в движение края и области, которые

выражали недовольство своим бесправием и добивались равных прав с республиками. Вовсе не случайно, что с началом суверенизации республик были провозглашены областные Уральская и Вологодская республики. Подготовка к такому шагу началась и в некоторых других регионах России.

С тем, чтобы остановить этот процесс, государственный секретарь при Президенте России Г.Э.Бурбулис попытался подтолкнуть губернатора Свердловской области Э.Э.Россея к выступлению против особых прав республик (речь шла о превращении республик в обыкновенные административно-территориальные единицы). Однако Э.Э.Россель от этого дипломатично уклонился. Он добивался не превращения республик в области, а наоборот, обретения наиболее развитыми областями прав республик. Вовсе не случаен факт провозглашения Э.Э.Росселем Уральской республики, равно как не случайным было и отстранение его впоследствии Б.Н.Ельциным от власти. Однако идея республики оказалась настолько привлекательной, что во время альтернативных губернаторских выборов избиратели Свердловской области отдали предпочтение именно Э.Э.Росселю. Этот и другие аналогичные факты свидетельствовали о том, что наиболее сильные в экономическом отношении области тянулись к республикам, а не к маломощным дотационным российским регионам.

Одним из бесправных регионов к 1989 г. была и Татарская АССР. Из ее недр безжалостно выкачивались природные ресурсы, в катастрофическом состоянии находилась экология. Умирал татарский язык, в жалком состоянии находилась национальная культура. Насущной потребностью становился вопрос о придании Татарстану статуса союзной республики.

Руководство Татарии добилось включения республики в число шести регионов страны, где предполагалась разработка и внедрение системы регионального хозрасчета. Для ее реализации в республике бюро обкома КПСС создало комиссию во главе с Председателем Совета Министров М.Ш.Шаймиевым. В нее вошли также ученые, экономисты, представители трудовых коллективов и общественности. В Казанском

филиале Академии наук СССР был создан экономический отдел, которому была поручена разработка концепции республиканского хозрасчета. Велись социологические исследования по изучению межнациональных отношений, изучались мнения и настроения различных слоев населения. Первый секретарь обкома КПСС Г.И.Усманов на каждом собрании или заседании требовал от руководителей внимательного отношения к нуждам людей, сам систематически встречался с представителями общественности, изучал мнения ученых. По его инициативе была создана республиканская «копилка» идей по перестройке всего уклада общественной жизни. В результате, к открытию сентябрьского (1989 г.) Пленума ЦК КПСС был накоплен солидный банк идей и разработок, направленных на обеспечение перехода республики к принципу регионального хозяйственного расчета.

В Москву на партийный форум Г.И.Усманов приехал с глубоким знанием общественных настроений и нужд республики, с конкретными предложениями по обсуждаемому вопросу. Его выступление, опубликованное под названием «Наше будущее – в единстве» в газете «Советская Татария» за 22 сентября 1989 г., отражало концентрированное мнение общественности по всем вопросам общественно-политического и экономического развития.

Г.И.Усманов на Пленуме ЦК КПСС озвучил самые наиболее проблемные хозяйственного развития и межнациональной жизни. Среди них особого внимания заслуживали предложения о повышении статуса автономных республик. Г.И.Усманов сослался на данные социологических исследований, которые свидетельствовали, что 67% опрошенных предлагают отказаться от ранжирования республик, как не отвечающего современным реалиям. Г.И.Усманов в контексте разработок основ законодательства Союза ССР предложил правовой статус РСФСР определить как суверенное федеративное государство с созданием Компартии Российской Федерации. Особо выделил докладчик вопрос о статусе Татарской республики, которая, как он сказал, «способна обеспечить свое развитие за счет собственных средств, рассчитываясь при

этом по платежам с госбюджетами СССР и РСФСР», подчеркнув, что ее доходы в два с половиной раза превышают ее расходы.

Однако, хотя ряд предложений Г.И.Усманова и был учтен в платформе ЦК КПСС по национальному вопросу, основное из них, а именно отказ от ранжирования республик, в нее не вошло.

Между тем о возможности придания автономным республикам, в частности Татарии, статуса союзных говорилось и на упомянутом «круглом столе» в Риге [Коммунист, 1989, №6, с.75]. Проявилась нерешительность Генерального секретаря ЦК КПСС М.С.Горбачева к необходимым преобразованиям в этой области.

Оценивая надежды, которые возлагались обществом на платформу «Национальная политика в современных условиях», секретарь Татарского ОК КПСС Р.И.Идиатуллин в интервью корреспонденту газеты «Советская Татария» сказал, что «люди ждали этот документ, остро ощущая его необходимость, жизненную важность» [Сов. Т., 1989, 14 сент.]. Однако принятая платформа, хотя и содержала много красивых слов, была нацелена оставить все как есть.

Идея повышения статуса Татарии звучала как до Пленума, так и после него в устных и печатных выступлениях многих известных деятелей. Так, писатель Т.А.Миннуллин с трибуны I съезда народных депутатов СССР заявил о необходимости уравнивать «статус всех национальных республик, не разделяя на союзные и автономные», классик татарской литературы Г.Б.Баширов в газете «Социалистик Татарстан» писал, что обретение Татарстаном статуса союзной республики «придало бы народу новые силы, позволило бы рука об руку с другими народами подняться на более высокий уровень мировой цивилизации» [Исаев, Миннибаев, Тухфатуллин, 1990, с.35]. Наиболее полное отражение настроения широкой общественности нашло в статье «Чего мы ожидали» А.Н.Еники в газете «Вечерняя Казань» [Веч. Каз., 1989, 16 окт.]. Как отметил аксакал пера, проект платформы не соответствовал чаяниям народов, не обладавших союзной государственностью на обретение национально-государственного равноправия в Союзе.

А.Н.Еники убедительно обосновал правомерность постановки вопроса о придании ТАССР статуса союзной республики, показал преимущества этого для всех народов, населяющих республику.

Однако А.Н.Еники не ставил себе целью лишь осуждение принятого документа. Нет, не пессимизм, а веру и надежду в будущее вселял он своим читателям: «И все же, по-моему, нельзя окончательно терять надежды. Проект платформы по национальному вопросу отражает новый взгляд на национальный вопрос и вбирает в себя немало деловых предложений». При этом писатель не забыл и о судьбе свыше 6 млн. татар, проживавших в разных регионах страны. С сожалением констатируя, что «в последние 60 лет автономный Татарстан практически не мог оказать им ни культурно-моральной, ни материальной помощи», он указал, что это привело к постепенному разрушению целостности народа, к закрытию во многих регионах компактного проживания татар национальных школ и других очагов национальной культуры, к прекращению выпуска газет, журналов на родном языке.

Тем не менее, писатель считал, что трагедию народа можно предотвратить. При этом он возлагал надежду на начавшуюся в стране перестройку и платформу по национальному вопросу: «Наши надежды связаны, конечно, с платформой партии по национальному вопросу. Там ясно сказано, что представителю любой национальности, независимо от места проживания, дано право развивать родной язык, учить ему детей, удовлетворять национальные, духовные потребности, исполнять религиозные обряды, соблюдать народные обычаи и традиции, сохранять и умножать родную культуру. Возможно, в местах компактного и преимущественного проживания татар целесообразно создать административную автономию. Во всяком случае, таким регионам нужно оказывать помощь в приобретении учебников и других пособий, литературы на родном языке, в обеспечении кадрами учителей и других специалистов. В этом отношении помощь может прийти только из Татарии, из Казани – общей столицы всех татар».

Писатель вступил в полемику с доцентом Казанского университета Б.Л.Железновым,

опубликовавшим 24 августа в «Правде» статью «Что могут автономии?», где, по сути, одобрялись и оправдывались все положения партийного документа.

Б.Л.Железнов, к тому времени только что защитивший докторскую диссертацию по проблеме автономии, решил, видимо, что уже созрел для того, чтобы давать «ценные советы» как государственным и партийным деятелям, так и общественности страны². Статью в «Правде» он начал с выражения сомнения в возможности и целесообразности придания Татарии статуса союзной республики. Автор полагал, что возможности автономий вполне достаточны для решения вопросов национального развития и нет необходимости в преобразовании их статуса. Видимо, он не хотел замечать того, что не только автономии, но даже союзные республики задыхались в бесправии и что только решительные действия по расширению их прав могли спасти страну от развала.

Ближе к правде был Э.Гадевосян, придерживавшийся мнения, что новый Договор о Союзе ССР может и должен базироваться на ленинских принципах свободного и суверенного самоопределения наций, добровольности их объединения и полного национального равноправия [Коммунист, 1990, №6, с.19].

А.Н.Еники обратил внимание на робость и неуверенность шагов советского руковод-

ства в обеспечении национального равноправия в стране. Действительно, после 1922 г. ряд автономий, в том числе и закавказские республики, обрели статус союзных. А.Н.Еники из весьма туманных и витиеватых рассуждений Б.Л.Железнова сделал вывод о том, что, по мнению последнего, Татарстан еще не до конца использовал возможности автономного статуса и не вправе рассчитывать на статус союзной республики. Писатель жестко и аргументировано оспорил это мнение, отметив, что Конституция оставляет право самоопределения за самими народами [Веч. Каз., 1989, 16 окт.].

Настроения широкой общественности нашли отражение и в деятельности обкома КПСС, который после избрания Г.И.Усманова секретарем ЦК КПСС возглавил М.Ш.Шаймиев. В создавшихся условиях новому секретарю Татарского обкома КПСС пришлось нелегко: идея преобразования Татарии в союзную республику уже овладела общественностью, она была популярной и в самой республиканской партийной организации, не была чужда и самому М.Ш.Шаймиеву. Однако он как путами был связан платформой ЦК КПСС по национальному вопросу, которая мешала ему открыто развернуть борьбу за преобразование Татарстана в союзную республику. М.Ш.Шаймиев находился словно между молотом и наковальней.

§ 3. Идеология обкома КПСС в годы перестройки

Олег Морозов

В свое время один из американских экспертов по Советскому Союзу предсказал, что в Татарстане рано или поздно неизбежно острейшее этноконфессиональное столкновение. Русские и татары, православные и мусульмане, сложная история, разные стереотипы и обиды, несовпадаю-

щие интересы... Словом, он не видел путей цивилизованного разрешения противоречий в столь разделенном обществе. В его практике не было исключений. Но оно появилось, и американцы в начале XXI в. назовут этот феномен «Моделью Татарстана».

Конечно, эта модель не могла родиться в одночасье. Ее основы начали закладываться еще в середине 80-х гг. прошлого века, вошедших в российскую историю как период перестройки. Причем, руководящей и направляющей силой этого процесса, как ей тогда и полагалось, была КПСС в лице ее Татарского обкома.

² Кстати, во время встречи Б.Н.Ельцина с научной общественностью в Казанском университете в августе 1990 г. Б.Л.Железнов послал ему записку с предложением своей помощи в решении проблем российских автономий.

Но прежде всего следует вспомнить обстановку тех переломных для страны лет. Реформы Михаила Горбачева в буквальном смысле слова взорвали общество. И как любой взрыв, он породил массу осколков. Особенно резко маятник качнулся в сторону пробуждения национального сознания во всех его проявлениях, включая экстремистские. Над всей страной нависла тень Карабаха.

И вот в это время в Татарский обком пришла новая и, как оказалось, последняя волна партийных работников, в числе которых был и автор этих строк. По сути дела мы попали в обком, не имея опыта партийной работы, перескочив через десяток карьерных ступенек, что считалось тогда делом неслыханным. Например, мне, доценту Казанского государственного университета, сразу доверили руководство отделом пропаганды и агитации (позднее преобразован в идеологический отдел). На первых ролях оказались и мои коллеги по университету, тоже доценты – Василий Лихачев и Андрей Бусыгин. В конечном итоге, удалось собрать сплоченную команду единомышленников, состоящую из целого созвездия известных ныне в стране и Татарстане людей. В нее входили Рафаэль Хакимов, Наиль Хуснутдинов, Александр Юртаев, Георгий Исаев, Римзиль Валеев...

Сегодня, что называется задним числом, я понимаю, что наша команда служила, скорее, не строю, а тем переменам, которые в то время происходили. Другое дело, что все мы, особенно в начале перестройки, искренне верили, что эти перемены может осуществить сама партия. Короче говоря, мы были в системе и пытались в меру своих сил и возможностей изнутри повлиять на эти процессы.

Понятно, что наши возможности были далеко не безграничными. Москва с опаской наблюдала за тем, что собирается делать Казань, и чуть что была готова «закрутить гайки». Хорошо еще, что у нас имелось надежное прикрытие в лице первого секретаря обкома Гумера Усманова и секретаря по идеологии Наиля Кадырметова. Естественно, мы по разному смотрели на многие вещи (сказывались возраст, жизненный опыт, менталитет), но в основном, в основ-

ном были едины: надо во что бы то ни стало сохранить мир и спокойствие в Татарстане, реформировать общество в стабильной обстановке. Это и была, если так можно сказать, идеология обкома партии, которой мы руководствовались, принимая те или иные решения.

Изменение стиля работы обкома в первую очередь почувствовали ученые, деятели культуры, журналисты, которые стали нашим активом. По их совету мы начали проводить социологические исследования рейтинга партийных работников. Секретари горкомов и райкомов, а это были люди, прошедшие большую жизненную школу и школу партийной работы, впадали в самую настоящую оторопь, когда им показывали, что на самом деле думают о них люди. Мы были первыми, кто ввел ежемесячные суждения членов партии и беспартийных о тех, кто занимал высокие посты.

Конечно, самым острым был национальный вопрос. Анализ показал, что в республике, где для половины населения родной язык – татарский, практически не было школ, газет и журналов на татарском языке. Словом, этот шлюз надо было срочно открывать. В результате, стали печататься книги и учебники на татарском языке, готовиться кадры для татарских школ. По нашей инициативе в Казани начали выходить двуязычный журнал «Идель», журналы «Панорама» и «Казань», детский журнал на татарском языке «Салават купере», который издается до сих пор. Все это было очень и очень не просто. Каждое издание в буквальном смысле приходилось пробивать в Москве, в ЦК КПСС. Понимание встречали не всегда.

Надо было что-то делать и с национальными организациями. Так, самая известная среди них Татарский общественный центр (ТОЦ) работала фактически в подполье. При этом никто из партийных работников толком не знал, что они требовали. Посмотрели. Оказалось, ничего особенного: требовали союзного статуса для республики, открытия национальных школ, учреждения общества по связям с татарской диаспорой и т.д. Подумав, решили опубликовать программу ТОЦ в журнале «Блокнот агитатора».

Резонанс был огромным. Представляет, программа оппозиционной организации выходит в официальном органе обкома партии. Правда, весь этот шум вокруг публикации членов нашей команды совершенно не интересовал: о том, чтобы прослыть новаторами, а тем более о саморекламе никто из нас даже и не задумывался. Цель публикации была совсем иной: мы просто давали понять национальным организациям, что с нами можно иметь дело, и эта цель была достигнута. Лидер татарской эмиграции в Европе Али Акыш публично заявил, что национальным организациям не надо ссориться в республике с властями и что «коммунисты-реформаторы лучше демократов-шовинистов». А в феврале 1989 г., когда уже меня на работу в ЦК КПСС, в Казани легально прошел первый съезд Татарского общественного центра. Тем самым, как сейчас принято говорить, ТОЦ удалось вписать в систему, и пробудившееся национальное самосознание не стало в Татарстане горячим материалом.

Вот так, постепенно, без резких движений, небольшими шажками, и формировалась «модель Татарстана». По сути, мы во многом интуитивно следовали консервативному принципу «Сохрани и приумножь!», пытались создавать новое, сохраняя лучшее. И дальше в республике неукоснительно следовали правилу: никогда не «резать по живому», не проводить реформы ради реформ.

Параллельно обком решал еще одну важную задачу – готовил кадры для Татар-

стана и в целом для России. Мы прошли фантастическую школу. Это культура работы с документами и вообще с текстами, это исполнительская дисциплина, понимание того, как принимается решение и как оно выполняется. А уж работе с людьми партийная школа учила так, как сегодня, на мой взгляд, не учит ни одна другая школа. Думаю, что, не имея опыта партийной работы, вряд ли стал бы политиком крупнейшего калибра первый Президент Татарстана Минтимер Шаймиев. Да и автор этих строк не смог бы шагу сделать в политической жизни постсоветской России без опыта партийной работы.

Конечно, все вышесказанное не отменяет главного. Наши попытки реформировать КПСС в отдельно взятой республике были заведомо обречены. Партия гибла на наших глазах и понятно от чего – от своего устройства, которое никак не отвечало остроте переживаемого политического момента, от собственной закостенелости, собственного догматизма, от неспособности измениться идеологически. Это, пожалуй, и есть самый главный урок, который следует извлечь из опыта КПСС, в том числе и «Единой России». Партия, если она хочет сохранить себя в качестве правящей, должна находиться в движении, в развитии, и не от случая к случаю, а постоянно. Попытки что-то изменить в уже закостеневшем партийном организме лишь ускоряют ее агонию. Очень жаль, что КПСС умерла, взяв в небытие вместе с собой и великую страну.

§ 4. Подъем татарского этнонационального движения в конце XX века

Ринат Закиров

К середине 80-х гг. XX столетия Советский Союз вступил в полосу социально-экономического кризиса. Очень много проблем накопилось и в сфере межнациональных отношений. Новый генеральный секретарь ЦК КПСС М.С.Горбачев, выдвигая программу «перестройки и ускорения» социально-экономической жизни страны, поначалу не придавал особого значения национальным проблемам СССР. Это в какой-то степени было объяснимо, если иметь

в виду, что к тому времени в стране накопилось множество проблем, связанных с банкротством старой управленческой системы. В такой ситуации руководство КПСС никак не предполагало, что очень скоро именно этнонациональные проблемы выйдут на первый план. Отсутствие продуманной национальной политики довольно быстро привело к усилению центробежных тенденций в многонациональном государстве и обострению межнациональных отноше-

ний. Волнения в союзных республиках властями воспринимались лишь как издержки демократии. Поэтому по традиции у официальных структур в центре внимания оказался поиск националистов, экстремистов, деструктивных элементов. Вместо серьезного и вдумчивого анализа этих явлений, приоритеты отдавались силовым методам решения проблем. Так было во времена событий в Казахстане, республиках Балтии, Ферганской долине Узбекистана, Нагорном Карабахе и других регионах.

Что касается Татарстана, то первые неформальные движения в республике стали возникать в 1987 г. В основном они были нацелены на решение экологических проблем. Несомненно, Чернобыльская авария 1986 г. сыграла в этом не последнюю роль. К тому же союзное правительство без соответствующей экспертизы и учета мнения общественности начало строительство в Татарстане атомной электростанции. Другим важным фактором зарождения неформальных объединений можно считать недовольство населения отсутствием у органов власти ясной перспективы развития страны в этих непростых для нее условиях, в том числе в сфере национальных отношений.

Летом 1988 г., по примеру союзных республик, и в Казани зародилось национальное движение. Группа представителей национальной интеллигенции выступила с инициативой создания Татарского общественного центра (ТОЦ), в основном, с целью поднятия статуса республики до уровня союзного. Идеи ТОЦ нашли широкую поддержку в народе. Татарские общественные центры стали возникать в районах и городах республики, регионах компактного проживания татар по всей стране. Уже зимой 1988–1989 гг. в городах республики, и особенно в Казани, стали проходить массовые митинги, на которых, наряду с социальными проблемами, поднимались и национальные. В частности, идею придания республике союзного статуса поддержали не только татары, но и русские, чуваша, марийцы и представители других народов, живущих в Татарстане. На митинги и собрания ТОЦ приезжали представители национальных движений из многих концов страны.

Сложные процессы шли и в партийной организации (КПСС) Татарии. Среди коммунистов наметился раскол по национальному вопросу. Сторонники «жесткой руки» настаивали на полном запрете национальных организаций. Однако их оппоненты, стоявшие на демократической платформе, призывали идти в народ. Обозначился перелом и в руководстве республики. Правящая элита прошла эволюцию от полного неприятия существующих национальных проблем до идеи суверенитета и возрождения государственности Татарстана.

Возникающие национальные организации придерживались самых различных ориентаций. Проблемы возрождения национальной культуры и сохранения родного языка активно поднимались обществом им. Ш.Марджани, созданным в 1988 г. Зимой 1990 г. было учреждено общество «Ватан» («Родина») по связям с зарубежными соотечественниками. До этого такие общества действовали только в союзных республиках. Возникновение этого общества было связано с тем, что с началом перестройки татарская диаспора за рубежом стала проявлять большой интерес к контактам с исторической родиной. Одновременно и в Татарстане возрос интерес к зарубежным соотечественникам.

Вполне естественно, что национальное движение с самого начала не было однородным. Своеобразное место в национальном движении занимала Татарская партия национальной независимости «Иттифак». Удивительно то, что эта партия создавалась в условиях политической монополии КПСС накануне референдума о сохранении СССР весной 1990 г. Партию возглавила писатель и общественный деятель Фаузия Байрамова. С самого начала партия определила своей целью достижение полной независимости Татарстана. Учредительный съезд проходил накануне всесоюзного референдума. «Иттифак» выступил с призывом к татарам голосовать против сохранения СССР, чтобы затем на развалинах империи создать независимое татарское государство. Безусловно, эти лозунги «Иттифака» воспринимались как чрезмерно радикальные. Но спустя какое-то время идеи независимости Татарстана, правда, в более

сдержанной форме, получили широкое распространение среди татар. В том же 1990 г., весной, Ф.Байрамова была избрана народным депутатом Верховного Совета ТАССР. Радикализм партии «Иттифак», безусловно, неоднозначно воспринимался в республике, особенно в русскоязычной среде Татарстана и России.

В довольно необычных общественно-политических условиях зимой 1992 г. был создан Милли Меджлис, который претендовал на роль национального парламента татарского народа. Еще в одном из первых программных документов ТОЦ было предусмотрено создание Милли Меджлиса путем легитимного избрания его состава. В региональных и районных организациях ТОЦ велась подготовительная работа по паспортизации мест компактного проживания татар, то есть будущих избирателей Меджлиса. Однако радикальные лидеры национального движения посчитали такую работу излишней и решили не откладывать создание Милли Меджлиса в долгий ящик. Это привело к расколу в национальном движении. Показательно, что наспех созданный Меджлис не сумел достичь ни одной из поставленных задач, а распри внутри самого «парламента» практически блокировали его работу. Лидеры Милли Меджлиса погрязли в своих амбициях и взаимных распрях, поэтому выдвинутая идея национального парламента татар с самого начала была дискредитирована в глазах широкой общественности. В 2004 г. определенные политические силы предприняли попытку реанимировать Милли Меджлис. Но со дня своего создания он практически не смог функционировать, и поэтому его воссоздание в прежнем виде, по сути, не имело какого-либо смысла. Необходимо понимать и то, что поспешность создания Милли Меджлиса не в последнюю очередь объяснялась тем, что определенный круг радикальных лидеров хотел упредить созыв I Всемирного конгресса татар (ВКТ). Это, как они предполагали, позволило бы им иметь определенное преимущество перед ВКТ. Такое предположение, скорее всего, верно, поскольку Милли Меджлис претендовал на полномочия ВКТ. Раздавались также требования сделать его Нацио-

нальной палатой Верховного Совета РТ. Об этом на I конгрессе говорил и председатель Милли Меджлиса Т.Абдуллин [Всемирный конгресс татар, 1992, с.214].

Такова внешняя канва и частичная фабула основных событий, связанных с татарским национальным движением рубежа XX–XXI вв. Здесь необходимо сказать, что татарский вопрос в России имеет давние и глубокие исторические корни. Этот вопрос, на самом деле, представляет собой целый конгломерат проблем, связанных с обеспечением прав и интересов татарского народа.

Не будет преувеличением сказать, что XX в. для татар прошел под знаком борьбы за национальные права. Начало реального и мощного подъема татарского национального движения, как известно, приходится на период Первой русской революции 1905–1907 гг. Демократизация российского общества, появление определенных политических свобод позволили татарам за короткое время мощно продвигаться вперед в развитии национального образования и культуры. Именно тогда по всей России возникла широкая сеть татарских периодических изданий, книжных издательств и библиотек, зародилась новая татарская литература, синтезировавшая в себе традиции мусульманской и европейской культур. Тогда же появились татарское профессиональное театральное и музыкальное искусство. В сфере образования был сделан огромный шаг вперед с созданием широкой сети джадидистских (новометодных) медресе.

Вторая волна подъема татарского национального движения связана со свержением царизма в России в феврале 1917 г. Татары с огромным энтузиазмом встретили это событие. Вот как об этом пишет известный ученый и деятель татарской эмиграции Тамурбек Давлетшин: «Свержение царизма в феврале 1917 г. татары встретили довольно подготовленными. К этому времени они имели уже значительный опыт консолидации сил для борьбы за свою национальную свободу» [Давлетшин, 1974, с.55].

Особенность событий 1917–1918 гг., на наш взгляд, заключается в том, что впервые после утраты своего независимого го-

сударства в XVI в. татары предприняли реальную попытку возрождения национальной государственности в виде штата «Идел-Урал». Тогда были воссозданы реальные институты национального государства: проведены демократические выборы в парламент – Милли Меджлис; сформировано правительство – Милли Идарэ; сформированы военные структуры во главе с Харби Шуру (Военный Совет); сформирован национальный финансовый фонд и т.д. Необходимо признать, что эти процессы не были доведены до конца в рамках предполагавшегося федеративного союза российских народов. Тем не менее пришедшие к власти большевики были вынуждены учитывать достаточно мощное стремление татарского народа к воссозданию национальной государственности. Именно это обстоятельство вызвало к жизни декретирование в мае 1920 г. Татарской Автономной Советской Социалистической Республики.

Конечно, воссоздание национальной государственности татарского народа, пусть в виде весьма ограниченной в правах автономной республики, стало важным событием в его новейшей истории. Но это событие породило и новые проблемы в жизни татар, поскольку большевики, инициировав создание ТАССР, преследовали, в основном, свои цели, порой весьма далекие от интересов народа. Да, создание Татарской Автономной Республики позволило подвести институциональную базу под насущные задачи сохранения и развития языка, образования, культуры татарского народа. Однако большевистский подход к этим проблемам ограничивался лишь удовлетворением потребностей только тех татар, которые оказались в границах ТАССР. А они составляли лишь четвертую часть от численности всего народа. К концу XX в. татарский вопрос в России, таким образом, обрел новое измерение.

Многоуровневая система национально-государственных образований в СССР создавала большое напряжение в сфере межнациональных отношений страны. Татары ощущали это особенно болезненно. Дело в том, что на начало XX в. они были среди самых развитых и передовых народов империи, переживавших национальное

становление в русле прогрессивных европейских тенденций XIX в. К 1917 г. они подошли со значительными достижениями в сфере образования, культуры, что послужило толчком к формированию современной татарской нации. И вот большевистская «автономизация» загнала большой народ (пятый по численности) с вполне объяснимыми и понятными притязаниями на передовые позиции в многонациональной стране, в прокрустово ложе автономной республики.

Как известно, в СССР автономные республики были лишены многих атрибутов современной культуры, дарованных союзным республикам. Так, автономным республикам не полагалось иметь национальный кинематограф (искусство XX в.), академическую науку, энциклопедические издания, необходимые периодические издания (скажем, дополнительные литературные журналы), «лишние» книжные издательства и т.п. Между тем, татары, будучи пятым народом по численности, обладая богатой историей и традициями, явственно демонстрировали «культурную избыточность», выходя за рамки советской автономии. Эта «избыточность» проявлялась в том, что большое количество талантливых представителей татар служили культурам других народов СССР (особенно республик Средней Азии). Накопленный интеллектуальный потенциал народа быстро стал проявляться с началом горбачевской перестройки. Еще в рамках автономии, ломая все барьеры, в республике начали готовить выпуск многотомной «Татарской энциклопедии», добились разрешения на издание нового молодежного литературного журнала «Идель», открыли новое издательство «Магариф», новый татарский театр в Набережных Челнах и т.д. Это были косвенные показатели огромного культурного потенциала татарского народа, сдерживаемого рамками советской автономии.

Как известно, в СССР господствовала партийная идеология КПСС. Это обстоятельство весьма осложняло развитие национальных культур. Татары ощущали это особенно остро, ведь на момент большевистского переворота в 1917 г. они сумели накопить значительный духовно-культурный

багаж. А настоящий, культурный прорыв народа в начале XX в. сегодня по праву называют «татарским ренессансом». И вот все достижения дореволюционной культуры татарского народа в СССР были объявлены «буржуазно-националистическим хламом», и доступ к ним оказался под фактическим запретом.

С началом перестройки татарская интеллигенция стала поднимать вопросы возвращения народу культурного достояния досоветской эпохи. Особенно бурные дискуссии разгорелись вокруг творчества видного татарского писателя и активного лидера татарской политической эмиграции, оппонировавшей коммунистическому режиму, Гаяза Исхаки. Сбросив идеологические оковы, татарская общественность обнаружила в наследии дореволюционных авторов выдающиеся образцы национальной литературы. Необходимо признать, что все это болезненно воспринималось партийными функционерами КПСС, они видели в новых процессах «националистический уклон» и «идеологическую диверсию».

Таким образом, можно сказать, что идея повышения статуса ТАССР до уровня союзной возникла не на пустом месте. Она, что называется, легла на благодатную почву. Активисты национального движения организовали сбор подписей в поддержку союзного статуса Татарстана, в течение 1989 г. они собрали свыше 1 мил. таких подписей. А депутаты от ТАССР А.Коновалов и И.Котов об этом своеобразном волеизъявлении народа республики объявили с высокой трибуны Съезда народных депутатов СССР.

Активность татарского национального движения весьма заметно сказывалась и на внутренней жизни ТАССР. Различные собрания и митинги многочисленных национальных организаций на рубеже 80–90-х гг. XX столетия проводились в Казани чуть ли не ежедневно. В республиканской печати разворачивались бурные дискуссии по поводу будущего существующей государственности Татарии и татарского народа, обсуждались возможные варианты ее статуса. Эти процессы не остались без внимания со стороны центральных органов власти и высшего руководства ЦК

КПСС. В Казань зачастили высокие гости из Москвы.

Говоря о татарском национальном движении рубежа XX–XXI вв., нельзя обойти вниманием активность общественности в решении вопросов языка, образования, культуры, религии и т.д. Так, видные представители национальной интеллигенции взялись за разработку концепции развития национального образования и концепции развития национальной культуры. Они были озвучены с трибун парламента республики, обсуждались на заседаниях его комиссий. Такая активность татарской интеллигенции представляла также своеобразную форму давления на официальные структуры с целью побуждения их к конкретным мерам по развитию языка, образования и культуры народа.

Татарская общественность также широко обсуждала проблемы возвращения татарской письменности на латинскую графику, хорошо зарекомендовавшую себя в 1920–40-е гг. Как известно, в 1997 г. Государственный Совет Татарстана принял решение о возвращении латинской графики. Однако федеральный Центр решил воспрепятствовать решению сугубо внутренних лингвистических проблем татарского языка: Государственная дума РФ приняла закон, фактически обязывающий народы страны пользоваться только кириллическим алфавитом.

Национальное движение активно участвовало также и в религиозном возрождении татарского общества. С падением коммунизма заметно возросла тяга татар к собственным духовным истокам. Как известно, татарский народ уже свыше тысячи лет укоренен в мусульманской цивилизации. Ислам фактически является важнейшим, базисным элементом этнокультурной идентичности татар. Глубокое понимание этого обстоятельства прослеживается во всех программных документах ВТОЦ, Милли Меджлиса, комитета «Магариф» и других организаций. В годы Советской власти во многих регионах культовые здания старинных мечетей использовались не по назначению. Активисты татарских общественных организаций внесли большой вклад в дело возвращения этих сооружений верующим.

Они же зачастую выступали инициаторами строительства новых мечетей и культурных центров.

Подводя итоги, можно сказать, что татарское национальное движение стало заметным явлением в жизни народа на рубеже XX–XXI вв. Говоря о его перспективах, необходимо сказать, что татары особо чувствительны к общественно-политической атмосфере страны. Как безусловную закономерность, можно отметить: когда в России наступали краткосрочные периоды «от-

тепелей», либеральных послаблений или революционных перемен, татарская жизнь обретала динамизм, культура и образование были на подъеме. И наоборот, когда в стране воцарялась «твердая рука», то есть те или иные формы авторитаризма, в жизни татар наступала стагнация, народу оставалось лишь уповать на те духовные опоры, которые достались в наследство от предков, людям приходилось запереться в скорлупе частной жизни, чтобы не быть раздавленными державной машиной.

§ 5. Топтание вокруг идеи суверенитета

Индус Тагиров

Так можно было бы охарактеризовать начальный период становления суверенности Татарстана. Общественные организации республики, и прежде всего Татарский общественный центр (ТОЦ), толкали партийные и государственные органы на активную борьбу за превращение Татарстана в союзную республику, не предлагая, однако, конкретного механизма осуществления этой идеи. В партийном и государственном руководстве республики не видели возможности ее реализации, кроме как путем обращения в верхние эшелоны власти. Последние исходили из положения платформы ЦК КПСС, предусматривающего не изменения существующих форм национальной государственности, а лишь наполнение их «реальным содержанием». В то же время никто не был в состоянии сказать, в чем заключалось это реальное содержание. Атмосфера неопределенности передавалась и на места.

Одновременно ломались и старые представления о партии. Быстро исчезали иллюзии о «чести и совести» эпохи. В КПСС появилась демократическая платформа, ставшая фактически альтернативой партии, однако она представляла собой лишь определенную модернизацию того, что было. О наступившем кризисе идеологии и практики партийной жизни КПСС свидетельствовал массовый отток из ее рядов, что свидетельствовало о близком крахе не только социалистической идеологии, но и самого Советского государства.

Приступив к перестройке общественной жизни, партия, тем не менее, не отказалась

от старых постулатов, а выдвинула лишь задачу «обновления социализма», проявив при этом готовность бороться против «очернительства, грубых, необоснованных нападок на партию».

Обо всем этом со всей прямотой было заявлено на Пленуме Татарского обкома КПСС 7 декабря 1989 г., посвященном обсуждению итогов сентябрьского (1989 г.) Пленума ЦК КПСС и подготовке к XXVIII съезду партии. Пленум проходил в условиях начавшегося развала республиканской организации партии коммунистов, была также выражена большая обеспокоенность результатами надвигавшихся выборов в Верховный Совет республики. В своем докладе первый секретарь ОК КПСС М.Ш.Шаймиев заявил: «Каждый коммунист должен осознать, что речь идет, в конечном счете, о том, в чьих руках окажется власть».

Основное внимание в докладе было уделено национальному вопросу. Ссылаясь на сентябрьский Пленум ЦК КПСС, М.Ш.Шаймиев высказался о необходимости кардинальных преобразований в этой области: «Перед партией встала чрезвычайной важности задача – выработать современную стратегию по национальному вопросу, четкую программу действий в этой сложной сфере общественной жизни». В качестве такой программы он назвал платформу КПСС, по его определению, являющуюся хорошей основой для обновления на ленинских принципах национальной политики, гармонизации национальных отношений, решения других национальных

проблем и поэтому получившей широкую поддержку партии и народа [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.15, д.1299, л.5]. М.Ш.Шаймиев подчеркнул, что речь идет о совершенствовании федерации, расширении прав и возможностей всех видов автономии. Отдавая должное прошлой национальной политике, он сказал, что благодаря ей многие нации возродили или впервые создали свою государственность, различные формы национально-территориальной автономии, и это создало возможность для сохранения и развития национальной самобытности, формирования дружбы народов. «Однако уже с середины 20-х годов, по мере утверждения командно-административной системы, стали происходить деформации ленинской национальной политики, последствия которой сказываются до сих пор», – заявил М.Ш.Шаймиев.

Отметив, что Советская Татария в своем развитии прошла очень большой и сложный путь, благодаря Октябрьской революции она обрела собственную национальную государственность, докладчик остановился на фактах гонений на национальную культуру, в том числе и закрытия во многих регионах страны татарских театров, газет и журналов, смене татарского алфавита и т.д., что в совокупности привело к образованию в сфере межнациональных отношений множества проблем, «загнанных вглубь». И только перестройка и вызванные ею процессы демократизации и гласности обнажили истинную картину в межнациональной сфере. В качестве важнейших проблем М.Ш.Шаймиев обозначил вопросы интернационального воспитания, национально-государственного устройства, развития родных языков и культуры, акцентировав внимание на экономических и правовых взаимоотношениях республики и Центра [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.15, д.1299, л.20].

При этом докладчик не выходил за рамки вопросов национальной проблематики, обсужденных на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС, а говорил лишь о необходимости упрочения и совершенствования социалистической федерации, расширения компетенции автономных образований. Упомянув о выступлениях на съезде народных депутатов СССР с требованием повышения

статуса автономных республик и перевода их в разряд союзных, М.Ш.Шаймиев отметил, что при всей привлекательности идеи ее реализация не так проста, и к тому же решение вопроса о статусе не решает многих проблем. Позицию республики он выразил так: «Сегодня, с учетом конкретно-исторической обстановки в вопросах национально-государственного устройства СССР, мы должны твердо придерживаться позиции, выработанной на Пленуме ЦК. Она представляется наиболее выверенной и конструктивной». При этом он сослался на мнение М.С.Горбачева, что глубокие преобразования Федерации не должны приводить к перекройке границ и смене форм национальных образований, и на данном этапе важно наполнение этих форм реальным содержанием. В качестве последнего первый секретарь ОК КПСС обозначил экономическую самостоятельность республики, самостоятельность в решении вопросов административно-территориального деления, политику в области национальной культуры, языка и защиты природы [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.15, д.1299, л.34]. «Вместе с тем, – подчеркнул М.Ш.Шаймиев, – мы решительно отвергаем национальную ограниченность и кичливость, всецело поддерживая то положение платформы КПСС, где говорится, что коммунисты должны считать своей обязанностью не допускать какого-либо размежевания на национальной почве ни в партийных рядах, ни в трудовых коллективах и общественных организациях».

Особо остановившись на вопросах религии, межнациональных и межконфессиональных отношений, секретарь ОК КПСС сказал: «В нашей идеологической работе мы по-новому должны осмыслить роль и место религии в межнациональных отношениях, ее влияние на национальное самосознание. Ни в коем случае нельзя противопоставлять людей, а тем более подогревать национальную рознь на религиозной основе. Несмотря на то, что мировоззренческие взгляды коммунистов и верующих различны и атеистическое воспитание было и остается одной из важных наших задач, мы должны ценить активную миротворческую деятельность верующих, участие их наравне со всеми в процессе обновления общества». В ка-

честве приоритетного направления работы М.Ш.Шаймиев определил необходимость решения задач, связанных с гармонизацией межнациональных отношений и перестройкой интернационального воспитания, активизации научных исследований в этой области. Он подверг критике обществоведов за слабое изучение процессов в сфере межнациональных отношений и малую практическую значимость многих научных работ по этой проблематике. Докладчик отметил: «Межнациональные отношения требуют комплексных и систематических научных исследований. В этой работе должны участвовать не только обществоведы и этнографы, но и филологи, историки, юристы, экономисты, искусствоведы, музыковеды и другие. Издаваемые сегодня статьи и сборники научных трудов, защищаемые диссертации зачастую узкоспециализированы, страдают затеоритизированностью, их авторы нередко оперируют абстрактными категориями, а главное – они оторваны от реальных задач совершенствования межнациональных отношений». М.Ш.Шаймиев упрекнул ИЯЛИ КФАН СССР и КГУ в безынициативности и подчеркнул, что ученых необходимо привлекать к решению актуальных проблем, ставить перед ними долговременные и ближайшие задачи, требующие научных изысканий, выработки конкретных рекомендаций [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.15, д.1299, л.40].

Дискуссия на Пленуме обкома развернулась в русле обозначенных в докладе первого секретаря ОК КПСС вопросов. Ее открыл первый секретарь Казанского горкома КПСС Г.И.Зерцалов, сразу заявив, что без перестройки межнациональных отношений, как части общего процесса перестройки общества и его демократизации, не удастся решить ни одного крупного вопроса. Руководитель самой крупной в республике партийной организации старался быть как никогда осторожным и деликатным. Он подчеркнул, что «национальные отношения, как показывают события в других регионах нашей страны, не терпят категоричности, сиюминутных мер... и у нас в республике иногда нет-нет да и проявляется желание поспешить». Далее следовал риторический вопрос: «А допустимо ли это, когда многие попросту не представля-

ют себе, как в принципе решаются национальные проблемы, а некоторые до сих пор искренне не понимают даже правомерности постановки таких вопросов? Распутывать же клубок межнациональных проблем без осознанного участия всех без исключения граждан республики – значит получить новые, возможно, еще более острые проблемы».

В качестве одного из самых сложных вопросов Г.И.Зерцалов определил двуязычие, т.к. судьба родного языка волнует каждого. Прочитывая платформу КПСС по национальному вопросу о праве коренного населения всех республик утверждать свой язык в качестве государственного, а русскому языку придать статус общегосударственного, Зерцалов акцентировал внимание на трудности в решении проблемы двуязычия. Нельзя по указке сверху заставить буквально всех за небольшой промежуток времени выучить язык – это нереально, скоропалительными мерами без соответствующих материальных затрат языковую проблему не решить. Торопиться нужно, но, как говорят, не спеша. Спешка в этом вопросе очень опасна и вредна. Указав на необходимость выработки механизма последовательного решения вопросов национально-языковой политики, Г.И.Зерцалов заявил, что обозначенные меры по развитию татарской культуры в республиканской программе «Мирас» недостаточны и нужна комплексная программа свободного развития татарского языка на основе хорошо продуманной научной и материальной базы. Обозначил он и такой не менее сложный вопрос, как национальный колорит столицы республики, ее уникальность, сославшись при этом на статью М.С.Магдеева в газете «Социалистик Татарстан» от 5 декабря по этой проблеме. «Было бы хорошо, если бы вместе с нами о национальном колорите Казани по-настоящему переживали Совет Министров, Госстрой республики вместе со своими архитекторами, дизайнерами, художниками», – закончил свое выступление Г.И.Зерцалов [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.15, д.1299, л.41].

Включившийся в дискуссию член обкома партии слесарь-ремонтник прессова-рамного завода КамАЗа А.Якупов охарак-

теризовал межнациональные отношения на КамАЗе. На этом заводе-гиганте работают 160 тыс. человек более 60 национальностей, и в рабочем коллективе мерилом ценности работника должна являться не национальная принадлежность, а отношение к работе. Даже технически грамотный специалист не будет пользоваться уважением в коллективе, если у него не будет уважения к национальным особенностям других работников. Языковую атмосферу в Набережных Челнах А.Якупов обозначил так: «Сегодня мы отмечаем механическое ограничение сферы татарского языка. На производстве, скажем, в промышленности, языком общения является русский язык. Это исторически объективный факт. И противостоять этому бессмысленно, так как лексикон производства сегодня насыщен словами иностранного происхождения, техническими терминами, которых в татарском языке практически не существует. А вот в сфере культуры, быта мириться с ограничением применения татарского языка нельзя. К сожалению, в кинотеатрах нашего города невозможно посмотреть художественный фильм на татарском языке, так как нет своей художественной кинематографии». Оратор посетовал на то, что в пределах Татарии невозможно отправить письмо или телеграмму, получить документ или справку на татарском языке. Не применялся он и в городском общественном транспорте, отсутствовали указания названий улиц на татарском языке. А.Якупов высказался за то, чтобы в республике равноправное русско-татарское двуязычие стало законом и правилом, однако, так же, как и Г.И.Зерцалов, посоветовал решать проблему не спеша, с учетом материальных, кадровых и других вопросов [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.15, д.1299, л.42].

Член обкома КПСС, генеральный директор производственного объединения «Нижнекамскшина» Н.А.Зеленов связывал производственные успехи своего предприятия с «ленинской национальной политикой, неуклонно проводимой Татарской областной партийной организацией, ее областным комитетом и Президиумом Верховного Совета ТАССР». В качестве примера он назвал подготовку национальных кадров инжене-

ров, техников в вузах Казани, Нижнекамска и тот факт, что среди руководителей среднего звена на вверенном ему предприятии трудятся люди десяти национальностей, а представители семи национальностей занимают руководящие должности. «За прошедшее с начала формирования время – коллективу 19 лет – у нас не было случая, чтобы в коллективе возникали вопросы межнациональных конфликтов, подчеркнул он. Все мы равны в праве на труд, в использовании социальных благами, развитии своих традиций, языка и культуры» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.15, д.1299, л.61].

Однако все выступления носили дежурный характер и не могли произвести на участников Пленума впечатление. Ни Якупов, ни Зеленов, ни другие ораторы, представлявшие трудовые коллективы промышленных предприятий, положительно охарактеризовав межнациональные отношения на производстве и высказав ряд пожеланий, направленных на их дальнейшее улучшение, не выразили своего мнения о статусе республики.

Член обкома КПСС, секретарь парткома Казанского моторостроительного объединения Г.Иванов также рассказал о хорошей межнациональной обстановке в своем коллективе и выразил ряд пожеланий по ее улучшению. Выразив несогласие с национальной политикой прошлого, в результате которой «языки многих народов нашей страны, в том числе и татарский, доведены до уровня бытового», он высказался в поддержку положения платформы КПСС о передаче республикам права самим определять государственный статус языка, не ущемляя прав других народов. Причину обострения национального вопроса оратор объяснил слабостью экономики, чего, как он сказал, не могут не понимать те, кто обостряет этот вопрос, сталкивает людей разных национальностей и вместо того, чтобы направить усилия на совершенствование хозяйственного механизма, перевод республики на региональный хозрасчет, насыщение прилавков товарами народного потребления, т.е. на устранение причин, играет на национальных чувствах народа. Кто же эти люди, которым «выгодно растащить страну на национальные общины, внести

раскол»? Ответ оратора был предсказуем: «Помню то недоумение и даже возмущение, когда к нам в коллектив через Президиум Верховного Совета ТАССР пришло обращение Татарского общественного центра об организации широкого обсуждения надуманных вопросов по национальным взаимоотношениям» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.15, д.1299, л.70]. Между тем Г.Иванов ни словом не обозначил сути этих «надуманных вопросов», речь же в обращении ТОЦ шла о придании татарскому языку статуса государственного и превращении Татарии в союзную республику.

Необходимость преобразования Татарии в союзную республику была настолько очевидной, что за нее высказывались многие деятели науки и культуры других республик. Так, за уже упоминавшимся «круглым столом» в Риге было заявлено, что это был бы «шаг вперед по поднятию уровня суверенитета нации» [Коммунист, 1989, №6, с.75].

Гораздо более дельным и конкретным было выступление сверловщика объединения «Элекон» А.Бородина. Этот рабочий, в отличие от ряда руководящих партийных работников, смог высветить ряд проблем, требующих решения. Он выразил недовольство тем, что в республике мало национальных театров и клубов, что телевидение увлекается трансляциями футбольных и хоккейных матчей, демонстрирует одни и те же пьесы, и без перевода на русский язык, мало применяется татарский язык в сфере обслуживания [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.15, д.1299, л.55].

Интересным, основанным на фактах личной биографии получилось выступление генерального директора производственного объединения «Радиоприбор» члена обкома партии Ю.Ф.Емалетдинова. Он начал так: «Я татарин. Отец у меня был членом партии с 1918 года. Он устанавливал власть в Мелеузском районе Башкирии. Отчим русский, член партии с 1919 года, участвовал в создании комсомола в Удмуртии. Я был непростой ребенок, но от отчима-русского ни разу не слышал слова «татарчонок». Так почему же мы сегодня поднимаем вопросы межнациональных отношений? Почему мы традиции, которые создавались в трудных условиях, должны рушить?». Оратор

критически отозвался о ТОЦ, обвинив его в организации борьбы с КПСС за власть, и заявил о необходимости отстаивания статьи 6 союзной Конституции, закрепившей руководящую роль партии коммунистов в государстве и обществе. Досталось от Ю.Ф.Емалетдинова и ученым, которые, по его словам, «защитились на марксизм-ленинизме, получили положение, сейчас начинают охаивать теорию, которую создали сами», и призвал разобрататься с ними [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.15, д.1299, л.89].

Определенный интерес вызвало выступление секретаря парткома Елабужского педагогического института А.Рыбакова, подчеркнувшего, что нужны коренные изменения самих форм, методов и содержания работы по формированию интернационалистского сознания в вузах. Исходя из того, что национальный вопрос всегда имеет конкретно-историческое содержание и для его решения нет и не может быть рецептов, годных на все случаи жизни, одинаковых на всех этапах социалистического развития, для всех регионов страны и даже для различных трудовых коллективов, Рыбаков поднял проблему разработок новых подходов к организации этносоциологических исследований процессов развития наций и национальных отношений [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.15, д.1299, л.45]. Но докладчик не смог обозначить каких-либо новых подходов, ограничившись констатацией, что подготовка кадров для татарских школ в Елабужском педагогическом институте осуществляется русско-татарским отделением филологического факультета и татарским отделением педагогического факультета. Как можно было понять из выступления, возможность подготовки учителей истории, преподающих на татарском языке, и формирования на естественно-математических отделениях татарских групп находится пока лишь на стадии обсуждения.

В своем выступлении о преподавании языков в общеобразовательных и воскресных школах республики министр народного образования ТАССР Р.А.Низамов отметил необходимость ориентирования на двуязычие и овладение школьниками в одинаковой мере и родным, и русским языками. Министр особо подчеркнул, что органы

народного образования прилагают усилия для возвращения татарскому народу потребности в родном языке, следовательно, и национальной школы. В этих целях проводится работа по восстановлению статуса национальной школы, по преодолению психологического барьера значительной части родителей, особенно городских жителей, не желающих обучать своих детей родному языку. Р.А. Низамов сообщил, что в русских школах и профтехучилищах введен новый учебный предмет «Культура, литература и история родного края», а перед отделами народного образования поставлена задача обеспечить обучение родному языку всех воспитанников детских садов, учащихся школ и профтехучилищ, а в министерстве для координации деятельности по развитию национально-русского двуязычия созданы совет по родным языкам, отдел национальных школ, а также кафедра татарского языка и литературы при Татарском институте усовершенствования учителей. Особое место Р.А. Низамов уделил проблемам взаимоотношений семьи и школы, интенсификации подготовки педагогических кадров. Понимая, что языковую проблему нельзя решить методом «большого скачка», он предложил начинать эту работу с дошкольных учреждений, открыв в них специальные группы по изучению татарского языка.

Ясно то, что в сфере народного образования было не все гладко. Медлительность вместо оперативного вмешательства, нерешительность в открытии национальных школ и классов в общеобразовательных школах, нерасторопность в обеспечении школ учебниками – обо всем этом говорили многие выступавшие.

Председатель правления Союза писателей республики Р.С. Мухамадиев, назвав эти просчеты, констатировал, что в городах и рабочих поселках республики почти не осталось национальных школ, даже в столице трудно отыскать детские дошкольные учреждения, где воспитание велось бы на языке коренной национальности. Он объяснил ситуацию тем, что начало репрессивным мерам по отношению к кадрам национальной интеллигенции было положено арестом в 1923 г. М.Х. Султан-Галиева. Свою роль сыграли и две принудительные

замены татарского алфавита, знаменитое Постановление ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. В результате этого татарский народ был превращен в «население без рода, без племени и без подлинного имени».

«Писателям, возможно, более часто, чем кому-либо, приходится остро переживать и осмысливать ситуацию, когда ущемляют духовно-нравственные потребности человека, что особенно сильно ощущается в области языка – краеугольного камня культуры народа», — сказал Мухамадиев. Оратор выразил уверенность, «что недалек тот день, когда в Верховном Совете СССР будет принят закон о языке, который создаст гарантию конституционного равноправия, свободы развития и полноценного использования всех национальных языков страны в пределах их этнического бытования».

Подчеркнув, что в республике должна обеспечиваться гарантия развития языка и культуры всех компактно проживающих здесь народов, Р.С. Мухамадиев предупредил о необходимости понимания того, что Татарстан – единственная историческая территория на земле, где может быть обеспечено свободное развитие татарской нации, ее культуры, языка, и на повестке дня стоит острая необходимость восстановления статуса татарского языка на территории республики как государственного. В отличие от ораторов, выступавших до него, Р.С. Мухамадиев закончил свою речь выражением уверенности в том, что в недалеком будущем Татарстан станет союзной республикой, а татарский язык – государственным [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.15, д.1299, л.56–57, 59].

Директор Института языка, литературы и истории имени Г.Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР член обкома партии М.З. Закиев свое выступление целиком посвятил межнациональным отношениям и их исследованию. Подчеркнув, что межнациональные отношения оказались очень чувствительными к процессам, связанным с развитием демократизации и гласности, профессор сразу же перешел к вопросу о статусе республики, оценив платформу КПСС «Национальная политика партии в современных условиях» по сравнению с другими недавно приня-

тыми советскими и партийными документами как большой шаг вперед. М.З.Закиев выразил сожаление, что вопрос об обеспечении народов республик фактически равными правами решается на декларативном уровне. Он обнародовал итоги научно-практической конференции по проблемам управления социально-экономическим развитием автономных республик на основе самоуправления и самофинансирования, проведенной на базе ИЯЛИ. Ученые восьми автономных республик пришли к единодушному мнению, что предпосылкой реализации экономической самостоятельности является преобразование политического статуса автономных республик. Ученый подверг также весьма деликатной критике содержащиеся в платформе КПСС критерии определения статуса наций по четырем признакам: социально-экономическому развитию, численности, уровню национальной консолидации, наличию опыта создания своей государственности.

При этом М.З.Закиев привел любопытные факты: «По социально-экономическому развитию наша республика находится в первой десятке даже среди союзных республик. По численности татары занимают шестое место в Союзе, правда, лишь 26,5% проживают в Татарии (1,6 млн.), но остальные 5 млн., проживающих на других территориях Союза, признают Татарию своей духовной родиной, и, как ни странно, они больше всех заботятся о статусе республики. Далее, и по третьему критерию татары, консолидировавшиеся в нацию еще в середине XIX века, и по четвертому критерию — они же, татары, с тысячелетней историей государственности, раньше имели и сейчас имеют все основания самоопределяться в суверенную республику в составе СССР, то есть поднять свой статус на одну ступень» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.15, д.1299, л.65].

Как видно, на Пленуме от обсуждения межнациональных отношений постепенно перешли к вопросу о статусе республики. Все настоятельнее звучало требование преобразования Татарии в союзную республику.

Первым, кто подверг критике доклад М.Ш.Шаймиева за недостаточное, на его

взгляд, внимание к национальному вопросу, был президент Татарского общественного центра М.А.Мулюков. Выразил он неудовлетворение и замалчиванием многими выступающими этого вопроса. М.А.Мулюков призвал не смешивать вопросы статуса республики и межнациональных отношений. Он отметил, что татарское общественное движение является всенародным движением в поддержку перестройки. В ответ на критические замечания в адрес ТОЦ он сказал, что на первом учредительном съезде ТОЦ в феврале 1989 г. более 40% делегатов являлись коммунистами и комсомольцами, а 18 из 21 члена его правления являются коммунистами.

В вопросе о предоставлении Татарии статуса союзной республики М.А.Мулюков подверг критике руководство обкома КПСС за непоследовательность: «Как вам известно, бывший первый секретарь Татарского обкома партии товарищ Усманов на сентябрьском (1989 г.) Пленуме ЦК КПСС поднимал вопрос о повышении статуса нашей республики, и во время встречи перед отъездом в Москву с руководством Татарского общественного центра он недвусмысленно говорил о поднятии статуса Татарии до уровня союзного. Почему же новое руководство отходит от намеченного пути и не сохраняет преемственности в этом вопросе?». М.А.Мулюков сообщил, что 70% опрошенных в Татарии выступают за повышение статуса республики и в ТОЦ собрано более двухсот тысяч подписей в поддержку этого требования, и призвал, не откладывая, обсудить и поставить на повестку дня сессии Верховного Совета Татарской АССР (пленум проходил накануне. — *И.Т.*) вопрос о статусе союзной республики. Оратор отметил, что ТОЦ предоставил Верховному Совету ТАССР тезисы закона о языках и проект механизма реализации этого закона.

В качестве примера того, как надо бороться за превращение автономной республики в союзную, он привел опыт Башкирской АССР, где в 1989 г. была создана комиссия по выработке предложений по предоставлению Башкирии статуса союзной республики. У ТОЦ, подчеркнул М.А.Мулюков, есть выработанные предложения по данному вопросу.

Выступающий подверг критике также докладчиков, придерживающихся мнения, что экономика, хозрасчет и самофинансирование сами по себе смогут поднять статус республики: «Во-первых, хозрасчет и самофинансирование не дадут республике полного экономического суверенитета. Во-вторых, кто даст нам гарантию, что мы, получив экономический хозрасчет... выравняемся с союзными республиками и что в Верховном Совете СССР будет 32 депутата от Татарской АССР? Экономика не существует без политики, и наоборот... Многие, в том числе известный писатель Кугультинов, академики Сахаров, Сагдеев, Валеев, Ларионов из Якутии не раз говорили о необходимости поднятия статуса Татарии до союзного. Бурятская республиканская газета «Буряат Утен» 15 ноября 1988 г. писала, что татарская социалистическая нация должна в первую очередь обрести статус союзной республики. «Не буду здесь говорить о том, что документы Организации Объединенных Наций и другие международные документы дают нам полное право поднять статус до союзного... Пользуясь неосведомленностью масс, – продолжил свою речь М.А.Мулюков, – антиперестроечные силы сознательно, видимо, смешивают национальный вопрос с межнациональными отношениями и преподносят их вместе. Кстати, в докладе областного комитета партии не ясно, где национальный вопрос, а где вопрос межнациональных отношений. Решение безобидного, деформированного национального вопроса стремятся показать как попытку столкнуть одну нацию с другой». Как и другие выступавшие, отметив, что в республике нет острых межнациональных противоречий, а есть национальные вопросы, он заострил внимание собравшихся на проблеме подготовки национальных кадров. «В Казани среди заведующих роно и гороно нет ни одного представителя коренной национальности. Из 140 директоров школ города Казани только 19 – татары. В новом составе профкома литейного цеха КамАЗа из 34 человек нет ни одного татарина, а ведь на этом заводе татары составляют 33,1%. В настоящее время на КамАЗе татары составляют 40% всех работающих, а среди руководящих работников их факти-

чески нет. Говоря о кадровой политике, хочу задать вопрос: до каких пор место второго секретаря обкома партии будет зарезервировано, пользуясь термином Беляева³, за представителями определенной нации?».

М.А.Мулюков предложил создать на часть доходов от добычи и реализации нефти коротковолновую радиостанцию для вещания на татарском языке и привел в качестве примера радиостанцию «Свобода», программа «Азатлык» которой ежедневно вещает на весь мир по три часа.

Не обошел М.А.Мулюков и проблему совместной работы с партийными органами. Тенденция отчуждения партийных и советских органов от ТОЦ была налицо. Вместо того чтобы сотрудничать, сказал он, «некоторых представителей ТОЦ вытесняют, наказывают или не хотят принимать на работу». В качестве примера М.А.Мулюков назвал понижение в должности с объявлением строгого выговора члена правления ТОЦ Ф.Бадретдинова, ведущего телепередачи «Гласность», якобы за необъективное комментирование сессии Верховного Совета ТАССР. Возможно, в вопросе о Бадретдинове Мулюков был не совсем точен, ибо, согласно справке председателя Государственного комитета ТАССР по телевидению и радиовещанию И.К.Хайруллина, Бадретдинов и еще несколько работников телевидения были наказаны за субъективный подход к подготовке передачи. (Имелся в виду репортаж с сессии Верховного Совета Татарской АССР, куда, по словам И.К.Хайруллина, не были включены выступления абсолютного большинства депутатов Верховного Совета Татарской АССР, в том числе и выступавших на татарском языке. Возможно, что в данном случае прав был И.Хайруллин.) История с Бадретдиновым, конечно же, не была случайной: было бы желание, а повод найдется. По вполне понятным соображениям И.К.Хайруллин не мог сказать всю правду.

³ М.А.Мулюков имел в виду заведующего кафедрой научного коммунизма Казанского авиационного института В.Беляева, который жаловался, что основные руководящие должности в республике зарезервированы за представителями одной нации. Однако он имел в виду татар.

Оппонировал Мулюкову первый секретарь Вахитовского райкома КПСС Б.Д.Леушин. «Я, – сказал Б.Д.Леушин, – в отличие от некоторых деятелей общественных формирований, полностью поддерживаю положение доклада первого секретаря обкома КПСС М.Ш.Шаймиева о том, что было бы очень опасной иллюзией, что перемена статуса республики автоматически решит все имеющиеся у нас национально-культурные, экономические и социальные проблемы» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.15, д.1299, л.78]. Под «некоторыми деятелями» явно подразумевался М.А.Мулюков, доказывавший, что вопросы экономики и политического статуса республики напрямую зависят друг от друга. По мнению же Б.Д.Леушина, «простая замена административного управления из Москвы на административное управление из Казани во всяком случае не ускорит их решения. Статус союзной республики без экономической основы на принципах регионального хозрасчета – это бессодержательная, хотя внешне и очень привлекательная, форма народовластия». В доказательство того, что не использованы, не испытаны все предоставленные возможности, он сослался на проект закона о земле, где, по его мнению, права союзных и автономных республик одинаковы. Б.Д.Леушин также осудил Р.С.Мухамадиева с М.З.Закиевым, которые якобы говорили о том, что распространение русского языка может привести к ядерной войне [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.15, д.1299, л.79].

Высказал свое мнение о судьбе республики и народный депутат Верховного Совета СССР Т.А.Миннуллин: «Мы уже никак не можем отделиться, так как вросли друг в друга. Это тысячелетняя история. По-другому нашу жизнь и представить невозможно... Республика наша многонациональная, и никаких других разговоров у нас не может быть. Если кто-то говорит о союзной республике – он говорит о республике для всех народов, живущих в ней. Это... скорее не национальный вопрос, а экономический». Т.А.Миннуллин разъяснил ситуацию и по поводу выступления Б.Д.Леушина: «Сегодня товарищ Леушин говорил о том, что в проект закона о земле включены автономные республики. Вы знаете, каких трудов это стоило? Вы смотрели по телевидению только то, что по-

казывали, а ведь в комитетах, в представленных проектах законов не было ни одного слова об автономиях. В проекте закона о собственности – ни одного слова об автономиях. В проекте закона о языках – ни одного слова об автономных республиках... Только экономическими реформами свои проблемы мы не сможем решить. Это все требует политического решения». Писатель в мягкой форме покритиковал и М.Ш.Шаймиева: «Вот поэтому не могу согласиться с Минтимером Шариповичем по этому поводу, хотя я абсолютно не согласен с тем, что доклад преподнесен неудачно. Минтимер Шарипович говорил об экономических вопросах, связанных и с сегодняшней повесткой дня Пленума. Это все никак нельзя отделить друг от друга, потому что без решения экономических вопросов мы не можем решить и наши национальные и интернациональные вопросы».

Т.А.Миннуллин затронул и злободневный вопрос о языках: «Я обращаюсь к русским товарищам. Когда мы работаем с населением, давайте толковать этот вопрос в нашу же пользу. Ведь речь идет не об ущемлении какого-нибудь языка, а о сохранении татарского языка. И не только татарского, а о сохранении всех национальных языков». Сообщив о том, что в Верховном Совете СССР готовится проект закона о языках народов СССР, выступающий обозначил виновников плачевного состояния языков, назвав в качестве таковых чиновников и «национальных подхалимов, национальных карьеристов и трусливую интеллигенцию» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.15, д.1299, л.97–98].

Писатель подверг критике депутатскую группу «Движение», ратовавшую за провозглашение Татарии открытой республикой. «У меня, – сказал он, – и у многих появилось какое-то отрицательное отношение к этому движению. Почему? Я знаю открытые сердца людей, живущих в этой республике. Но открытая республика, извините, товарищи, это не проходной двор. Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика – республика национальная, в которой проживают все народы Советского Союза, и проживают прекрасно. Вот этого я хочу и в дальнейшем».

Аргументированным и обоснованным было выступление заведующего кафедрой марксизма-ленинизма Казанской консерватории Б.Ф.Султанбекова, расставившего акценты на многих спорных моментах обсуждаемого вопроса. Он рассказал о том, как на одной из встреч по национальным вопросам в Москве сидевшие рядом в зале два секретаря ЦК соседних союзных республик не замечали друг друга в упор, не слышали друг друга; напомнил о том, как в Грузии под улюлюканье толпы воюли по мостовой с петлей на шее памятники Кирову и Орджоникидзе, а в Каунасе сбросили с пьедестала танк «Т-34», первым ворвавшийся в город в 1944 г., об изуверских убийствах и надругательствах над женщинами в Сумгаите и Фергане. Оратор констатировал, что за этими, казалось бы, единичными фактами скрывается борьба. И не только за власть. «Из кризиса надо выходить, как подобает цивилизованным людям, не взрывая стены, а тем более фундамент нашего общего дома, ибо упавшая крыша не будет разбирать ни правого, ни виноватого». Предостерег Султанбеков тех, кто «в эти тревожные дни... раскачивает государственный корабль, идущий в бурном море».

Б.Ф.Султанбеков осудил практику мелочного вмешательства центральных органов власти в дела республики, узурпацию всех прав регулирования местной жизни. В качестве примера он привел Указ Верховного Совета РСФСР «Об утверждении Указа Президиума Верховного Совета Татарии «О наименовании возникшего на территории Казакларского сельсовета Высокогорского района населенного пункта деревни Наратлык». И, назвав имя подписавшего этот Указ председателя Президиума Верховного Совета РСФСР, задал риторический вопрос: «Что, у товарища Воротникова, подписавшего этот документ столь «громкого государственного значения», больше нет других проблем?». Даже казанский губернатор такие вопросы решал сам, без обращения в Петербург, по простому представлению сельского схода. Б.Ф.Султанбеков подверг критике и Президиум Верховного Совета республики, который также мог бы решить этот вопрос самостоятельно.

Оратор одобрил доклад М.Ш.Шаймиева в части необходимости наполнения реальным содержанием прав республики и, поддержав предложение о восстановлении доброго имени первого оппонента И.В.Сталина по национальному вопросу М.Х.Султан-Галиева, тем самым одобрил идею этого политического деятеля о придании Татарии статуса союзной республики [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.15, д.1299, л.93].

Б.Ф.Султанбекова поддержал первый секретарь обкома ВЛКСМ М.Гадыльшин, заявив, что молодежь республики выступает за суверенный Татарстан и его самостоятельную молодежную организацию и что «все требования по изменению статуса республики должны быть подкреплены ясным представлением о механизме, экономическом и правовом, преодоления неоправданного разделения всех без исключения наций нашей страны по ранжиру».

Первый секретарь Октябрьского райкома КПСС, кандидат в члены обкома партии Х.Мурадымов на основе многочисленных фактов показал, что в районе, где проживают представители 15 национальностей, царит атмосфера взаимного доверия. В то же время Х.Мурадымов отметил, что предстоит сделать очень много для внедрения двуязычия в общественную и культурную жизнь, и выразил сожаление об утрате многих народных промыслов, традиций национально-го спорта, развлечений и игр.

Представитель «Движения за радикальную перестройку Татарии», ректор Казанского государственного университета, народный депутат СССР, член обкома партии А.И.Коновалов также поддержал идею обретения статуса союзной республики для Татарии: «Республика по своему экономическому, интеллектуальному потенциалу сегодня на уровне и даже выше уровня некоторых наших союзных республик». Однако, по мнению депутата, вопрос необходимо решать на общеполитической основе, чтобы решение распространялось на все нации и народы Советского Союза, чтобы все национально-государственные образования, как и нации, имели равные права и равные возможности.

Призвав участников Пленума к обдуманым действиям в решении назревших про-

блем, А.И.Коновалов закончил свое выступление следующими словами: «Нам не следует забывать хорошую татарскую поговорку: «Кычгытмаганны кашыма» – «Не чеши место, которое не чешется» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.15, д.1299, л.99]. В то же время выступавший ни слова не ответил Т.А.Миннуллину, раскритиковавшему его за предложение превратить Татарстан в открытую республику.

После дискуссий первый секретарь обкома КПСС М.Ш.Шаймиев отвечал на вопросы. Их тематика соответствовала проблемам, обсужденным на Пленуме. На наиболее острые и провокационные из них: «Когда и как предполагается обеспечить татарскому языку в Татарской республике хотя бы равные условия и права с русским языком? Когда и как предполагается ликвидировать дискриминацию татар в республике при выборах депутатов в Верховный и городские советы, а также профсоюзные и другие комитеты? Примеры дискриминации татар: из 28 народных депутатов СССР от Татарской республики только 8 – татары; среди 34 членов вновь избранного завкома профсоюза литейного завода КамАЗа нет ни одного представителя татарской национальности. Существующая система выборов позволяет большинству подавлять меньшинство, практически во всех городах Татарии татары являются меньшинством, следовательно, подавляемым. Нужны конституционные гарантии представительства меньшинств в выборных органах», М.Ш.Шаймиев ответил следующим образом: «Я считаю, что на первый вопрос мы достаточно хорошо ответили и в докладе, и в ходе обсуждения. По второму вопросу, о чем говорил и товарищ Мулюков, нужны некоторые уточнения. Из 28 народных депутатов СССР из ТАССР не 8, а 13 татар, 11 русских, 2 украинца, 1 мордвин, 1 чуваш.

Будем считать, что это нормально, но дело здесь даже не в этом – считать не считать – это выборы народа. Озабоченность по отдельным регионам можно понять, и по городу Казани это нужно понять, но я считаю, что для того, чтобы в какой-то степени поправить это положение, и Татарский общественный центр должен прилагать усилия такие, чтобы были результаты».

В заключительном выступлении М.Ш.Шаймиев сказал: «Говоря о статусе республики, мы должны помнить, что мы поддерживаем всесторонне выверенную на сегодняшний момент платформу ЦК партии, об этом мы сказали и в докладе. Видимо, это вопрос такой, что, в конечном счете, должна быть такая федерация, где все должны иметь одинаковые политические и экономические права. Мы должны к этому стремиться. Исходя из доклада Горбачева на сентябрьском (1989 г.) Пленуме ЦК КПСС, появилась уже та платформа, которая определяет задачи по решению национальных вопросов на данном этапе для всех коммунистов нашей страны...

...Я обменялся мнениями с членами бюро во время перерыва. Всем нравится ход Пленума. Действительно, открытый разговор, а главное, я бы подчеркнул, озабоченный по сути вынесенного на обсуждение вопроса. Это говорит о зрелости нашей областной партийной организации и всех товарищей, которые сегодня принимают участие в работе нашего Пленума. Нужно подчеркнуть, что все принципиальные вопросы, поставленные в докладе во всех его разделах, – мы можем сделать такой вывод, – абсолютным большинством поддерживаются».

М.Ш.Шаймиев отметил, что национальные вопросы еще будут обсуждаться в печати, а положения его доклада будут детализироваться. Он сообщил, что М.Х.Султан-Галиев юридически реабилитирован, идет подготовка полной его партийной реабилитации. Коснувшись проблемы удовлетворения запросов татар, проживающих вне республики, он выразил надежду, что переход на региональный хозрасчет, призванный обеспечить экономическую самостоятельность республики, позволит направить определенные средства и на эти цели [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.15, д.1299, л.102–106].

Как видно, пленум не смог ограничиться обсуждением лишь межнациональных отношений. Постановка любого вопроса, связанного с ними, упиралась в вопрос о статусе республики. Не решив его, невозможно было сдвинуть с места вопросы реализации татарского языка и равноправного развития республики в рамках союзного государства.

В то же время становилось все более понятным и то, что решить проблему декретным путем невозможно. Нужно, чтобы совершился акт реального самоопределения народа республики. Как это сделать? Каков реальный путь воссоздания полноправной государственности Татарстана? Путь был

указан самой Россией, принявшей 12 июня 1990 г. на I съезде народных депутатов Декларацию о государственном суверенитете РСФСР. Татарская республика могла и должна была идти по этому же пути. Российская Декларация открыла так называемый «парад суверенитетов».

§ 6. Развитие идеи суверенитета республики

Индус Тагиров

Пленум Татарского обкома КПСС 3 августа 1990 г. проходил на фоне грозных событий, охвативших страну. В Елгаве и еще трех городах Латвии решениями местных Советов были демонтированы памятники Ленину и воинам Советской армии, освобождавшим республику от фашистов. В республиках Прибалтики, в Молдове, на Украине, в Армении и Грузии резко усилились антиармейские настроения. Во многих случаях военнослужащие и их семьи оказывались беззащитными перед произволом местных властей. Верховными Советами Латвии и Эстонии были приняты постановления о приостановлении распоряжения Совета Министров СССР от 2 ноября 1989 г. «О прописке военнослужащих по месту дислокации воинских частей». Такая же картина наблюдалась и на Украине, где женам военнослужащих отказывали в трудоустройстве, увольняли с работы тех, кто не знал украинского языка. Участились случаи физической расправы над военнослужащими. В 1989–1990 гг. были убиты 97 офицеров, 150 человек получили тяжелые увечья. Одновременно в этих республиках развернулась работа по созданию национальных воинских формирований [Известия ЦК КПСС, 1990, №12, с.20].

25–28 октября 1990 г. во дворце «Украина» в Киеве на съезде Народного Руха Украины с участием 2,1 тыс. делегатов от 632,8 тыс. членов этой организации была объявлена борьба «за суверенную, независимую, демократическую, парламентскую Украинскую республику». В программе Руха говорилось, что процесс исторического развития был прерван насильственным путем, в результате чего Украина стала частью СССР с единой правящей партией, которая довела народы до экономического и экологического кри-

зиса. Подчеркивалось, что предотвращение общенациональной катастрофы невозможно без замены политической системы, устранения монополии Коммунистической партии и утверждения политического и экономического плюрализма. Главной целью своей деятельности Рух определил установление государственной независимости Украины и создание ненасильственным путем парламентской республики [Известия ЦК КПСС, 1991, №2, с.62].

Одновременно начались преследования коммунистов. 18 октября в газете «За вилну Украину» было опубликовано решение президиума Львовской краевой рады Руха, где говорилось: «Призываем тех коммунистов, кому дороги национальные интересы, честь и достоинство человека, отмежеваться от продажного и преступного руководства Компартии Украины, по вине которого наша богатая республика доведена до нищеты, развала и духовного опустошения, и в знак протеста выйти из рядов КПСС, и таким образом способствовать роспуску партийных организаций по месту работы». Началась кампания по выселению парткомов даже из помещений за пределами предприятий, а у освобожденных партийных работников отбирали пропуска на территории предприятий. Коммунистам запрещалось занимать руководящие должности. В Ивано-Франковской области была запрещена деятельность партийных и комсомольских организаций в школах. К примеру, на сессии городского Совета гражданке С.Сичовой было отказано в утверждении в должности заведующей загсом, так как она когда-то работала инструктором горкома партии. В Тернопольской области русским рекомендовали убраться в Россию, а украинцам говорили: «Хочешь работать

врачом, учителем, журналистом – сдай партбилет!».

Об осложнении политической ситуации в республике информировали из Грузии, где по итогам выборов в Верховный Совет республики в новом парламенте коммунисты получили лишь 64 места, – «круглый стол – Свободная Грузия» во главе с З.Гамсахурдиа получил в парламенте 155 мест, остальные 27 мест принадлежали другим девяти блокам и партиям. «Круглый стол – Свободная Грузия» вел четкую линию на отмену действия Конституции СССР, на неподписание нового Союзного договора и признание Грузии субъектом международного права. По призыву народного форума «Айдгилар» абхазское население не приняло участия в выборах, в Южной Осетии большинство населения также проигнорировало их, здесь шла подготовка к выборам в Верховный Совет Юго-Осетинской Советской демократической республики.

Активизировали свою деятельность одержавшие победу на выборах в местные Советы народные фронты в Латвии и Эстонии, «Саюдис» – в Литве. Произошел раскол в компартиях этих республик: от них отделились самостоятельные компартии. Готовились новые законы, рассчитанные на запрет компартий как преступных организаций. Раздавались даже требования проведения «второго Нюрнбергского процесса».

В октябре 1990 г. в Эстонии были повышены цены на продукты питания, что не вызвало недовольства населения: 50% эстонцев и 16% русских отнеслись к этому спокойно. Туда для изучения ситуации был направлен ответственный работник отдела социально-экономической политики ЦК КПСС И.Белистов. В информации о своей поездке он писал: «Известно, что центробежные процессы, получившие ныне широкий размах в ряде регионов страны, наиболее рельефно проявились в Эстонии. Праведное желание обрести подлинный суверенитет – и в первую очередь в экономической сфере – на деле трансформировалось в неприкрытое проявление сепаратизма, чреватое опасностью разрушения нашего общего экономического пространства» [Известия ЦК КПСС, 1990, №12, с.94].

Непростые процессы происходили и в самой Российской Федерации, призванной быть объединяющим началом в демократизации страны. Всюду создавались различные партии и движения, требующие подлинной демократизации страны путем роспуска КПСС и ликвидации ее диктата над жизнью страны. Набирало силу движение «Демократическая Россия». 20–21 октября 1990 г. в Москве в кинотеатре «Россия» состоялся его съезд, на котором присутствовал 1 000 181 делегат от 71 региона РСФСР. В качестве основного принципа работы оргкомитета по созыву съезда была названа альтернатива руководству КПСС, а как организационный принцип обозначен отход от любых способов насильственного решения национальных, социальных проблем и других вопросов. Среди требований выступивших были такие, как отставка союзного правительства, департизация армии, КГБ и МВД. Хотя единого программного документа и не было принято, в обращениях, декларациях и резолюциях в качестве основной политической задачи была поставлена задача разрушения СССР путем выхода из него РСФСР. Идея суверенитета России стала главной в работе съезда. В качестве конкретных мер по разрушению СССР были обозначены подготовка и проведение актов гражданского неповиновения с целью отставки правительства Горбачева–Рыжкова, поддержка курса российского парламента и правительства на радикальную экономическую реформу и участие в работе по подготовке новой Конституции РСФСР.

Заведующий кафедрой теории социализма МГИМО МИД СССР, доктор философских наук Э.Тадевосян в журнале «Коммунист» писал, что провозглашенное в начале перестройки заявление о расширении прав республик пора бы привести в действие. Он высказался за скорейшее подписание республиками нового союзного договора. Иначе, предупреждал ученый, распад СССР может стать реальностью. Автор напоминал, что в некоторых республиках различными силами приняты решения о создании независимых государств вне Союза ССР. «Глубоко убежден, – писал ученый, – активное обсуждение проекта нового договора,

а тем более принятие его год–полтора назад серьезно сузило бы возможности действия сепаратистских сил. Ясно, что сегодня преодолеть пути подхода к такому договору значительно сложнее и труднее, в связи с чем было бы и вовсе неоправданным затягивать его подготовку и заключение». Статья была напечатана в апреле 1990 г. Ученый считал, что уже к тому времени было многое упущено. Договор нужно было заключить в 1988–1989 гг. [Коммунист, 1990, №6, с.19]. А он не был готов и тем более подписан даже к августу 1991 г.

Происходящее в стране затронуло и Татарскую республику. Прекратился прием в партию, усилился процесс выхода из нее. Если в 1989 г. в республике из КПСС вышло 1,2 тыс. человек, то в 1990 г. партию покинуло около 2,5 тыс. человек. Более чем на 40% сократился партийный бюджет. Усилились противоречия между советскими и партийными органами. Повсеместно выдвигался лозунг «Вся власть Советам!». Ставился вопрос о полном устранении КПСС от монопольного управления государством и введении в стране многопартийной системы.

Снижался жизненный уровень населения, обострился продовольственный вопрос. Социологические исследования, проведенные среди коммунистов в ТАССР, показали, что свыше 34,3% опрошенных подтвердили существование определенного напряжения в межнациональных отношениях. На настроениях людей сказывались сообщения радио, телевидения и газет о нарастающем межнациональном напряжении в Прибалтике, на Украине, в Средней Азии и Закавказье.

На августовском Пленуме Татарского обкома КПСС, помимо обсуждения итогов XXVIII съезда КПСС и вышеописанных проблем, центральное место занимал вопрос о государственном суверенитете Татарской АССР. Докладчик, первый секретарь обкома партии М.Ш.Шаймиев, ссылаясь на слова Генерального секретаря партии М.С.Горбачева, заявил, что прогрессивные силы страны делают поворот «к гуманизму, демократии и социальной справедливости, ... преодолевается тоталитарная сталинская система, идет становление общества свобод-

ных граждан, основанного на социалистических ценностях». Оптимизм заключался и в его уверенности, что «сверхцентрализованное государство преобразуется в действительно союзное государство, ... происходят глубокие революционные процессы». Однако реалии, отраженные в дозированной информации, прозвучавшей в выступлениях участников Пленума, свидетельствовали о разрушительных процессах внутри КПСС и в стране.

Как отметил М.Ш.Шаймиев, XXVIII съезд КПСС, исходя из стремительно обостряющейся межнациональной ситуации в стране, взял курс на демократическую национальную политику, добровольный союз и согласие между народами, в связи с чем он подчеркнул необходимость установления конституционно-договорных отношений между Центром и республиками на основе идеи о союзе суверенных государств по договору с четким разграничением полномочий Союза и союзных республик. «В этом процессе равноправными участниками должны стать все национально-государственные образования, включая автономные», – отметил докладчик.

Последующее содержание доклада было направлено на обоснование необходимости рассмотрения на второй сессии Верховного Совета ТАССР вопроса о государственном суверенитете республики. Как видно, М.Ш.Шаймиев уже отошел от идеи сохранения Татарстана лишь в качестве автономной республики.

В качестве обуславливающих принятие Декларации о государственном суверенитете политических, экономических и юридических факторов докладчик назвал активный рост национального самосознания и нарастание гражданского движения за повышение конституционного статуса республики. М.Ш.Шаймиев указал, что экономическая реформа, переход к рыночным механизмам позволят развязать главный узел противоречий между союзными и автономными республиками, устранить существующие элементы неравноправия в их экономических отношениях. Он сослался также на Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятую III Всероссийским съездом Советов в 1918 г., которая не пред-

усматривала ранжирование республик и выдвинула в качестве основного принципа федерации идею свободного союза свободных наций. Принятие 26 апреля 1990 г. Закона СССР «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами Федерации», в котором автономные республики провозглашались советскими социалистическими государствами – субъектами Федерации – Союза ССР, М.Ш.Шаймиев назвал началом восстановления этого принципа. В докладе было указано, что смысл выражения «право наций на самоопределение» заключается в свободном установлении республиками договорно-конституционных отношений со всеми заинтересованными национально-территориальными образованиями. В качестве примера М.Ш.Шаймиев назвал принятие 12 июня 1990 г. на I съезде народных депутатов РСФСР Декларации о суверенитете России. Он отметил, что принятие Верховным Советом ТАССР Декларации о государственном суверенитете будет способствовать достижению реальной политической и социально-экономической самостоятельности, расширению компетенции и полномочий республики. «Думается, что этот документ выразит интересы всех народов республики, станет базой для разработки нового законодательства ТАССР, включая ее Конституцию, участия республики в подготовке и заключении Союзного и Федеративного (с РСФСР) договоров, не нарушая территориальной целостности РСФСР», – сказал он. Учитывая особые исторические, экономические, культурные и другие связи народов, проживающих в РСФСР, М.Ш.Шаймиев указал на необходимость установления договорных отношений между РСФСР и Татарской республикой [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.15, д.1899, л.4–34].

Первый секретарь Набережно-Челнинского горкома КПСС А.Логутов одобрил вынесение вопроса о провозглашении суверенитета республики на пленум обкома, как одной из острейших проблем: необходимо было еще на I съезде народных депутатов СССР рассмотреть вопрос национально-государственного устройства СССР, определить на этот счет четкую концепцию, и именно это могло бы снять многие проблемы на местах. Более опре-

деленно и жестко А.Логутов оценил факт поспешного, без учета мнений автономий, принятия Декларации о государственном суверенитете России. Это, на его взгляд, противоречило Закону СССР от 26 апреля 1990 г. «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами Федерации», по которому Татария является и субъектом Союза ССР, и субъектом Российской Федерации. Не могли не согласиться участники Пленума и со следующими словами выступавшего: «Сегодняшний уровень жизни Татарии не соответствует тому большому вкладу, который вносят в экономику страны промышленный и аграрный секторы республики. Это видно и на примере нашего города. Предприятиями, организациями выпускается товарной продукции более чем на 3 миллиарда рублей. В госбюджет перечисляется более 700 млн. рублей. В то же время бюджет города составляет, например, на текущий год 85 миллионов, хотя для нормального развития и надежного функционирования городского хозяйства необходимо иметь около 250 млн. рублей».

В то же время А.Логутов посетовал на отсутствие полной официальной информации о событиях в стране, что порождало в народе различные слухи, противоречивые мнения, способствовавшие возникновению межнационального напряжения. «Людей сегодня, а это показали встречи в первичных партийных организациях после съезда, – сказал он, – интересуют в основном три вопроса. Первый. Что мы будем иметь, как это скажется на регионах республики, каждом ее жителе? Второй. Как будет решаться проблема межнациональных отношений, не дойдет ли дело до беженцев? Третий. Как будет решена проблема языков? Вот эти три вопроса очень остро сегодня стоят». Отметив, что до сессии Верховного Совета Татарии еще есть время, он предложил использовать все средства массовой информации республики для того, чтобы люди смогли получить максимум информации. В заключение и оратор сказал: «В провозглашении суверенитета должна быть полная ясность на основе взвешенного подхода и строгих экономических расчетов, чтобы его не постигла судьба регионального хозрасчета, о котором мы недавно так много говорили.

Что касается моей позиции, я за суверенитет, который строится на основе союзного договора, я за суверенитет, который позволил бы республике быть равной среди равных, обеспечил бы равноправие всех народов, неотъемлемое право каждого человека на достойную жизнь, свободное развитие и пользование родным языком, удовлетворение своих национально-культурных запросов. Суверенитет должен способствовать общему прогрессу Союза и Российской Федерации, их укреплению. Ради достижения этих целей необходимо отбросить все наносное, прийти к гражданскому соглашению, сплотиться, работать и созидать» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.15, д.1899, л.34–35].

Первый заместитель Председателя Совета Министров ТАССР, член обкома КПСС М.Х.Хасанов, одоблив идею о суверенитете как обоснованную и своевременную, сказал: «Татария прожила в рамках автономии 70 лет. Для истории срок этот небольшой, но он, думается, вполне достаточный для того, чтобы сделать выводы, дать оценку состоявшемуся, сопоставить различные формы национально-государственного устройства с точки зрения эффективности и целесообразности дальнейшего сохранения». Указав, что в Казани и других городах республики сосредоточены крупнейшие предприятия машиностроения, нефтехимии, энергетики, легкой и перерабатывающей промышленности союзного и федерального подчинения, он посетовал на то, что только лишь 2% из них, причем предприятия второстепенного значения, находятся в ведении республики. За 70 лет своего существования республика имела всего два своих министерства промышленного профиля: местной промышленности, в подчинении которого состояли Арская фабрика национальной обуви и картонажная фабрика инвалидов; и топливной промышленности, которое занималось распределением дров населению. В последнее время и их не стало. Таким образом, в распоряжении Совета Министров не осталось ни одного министерства производственного профиля. «О каком же руководстве промышленностью, экономических правах автономной республики может идти речь при таком положении вещей?» – вопрошал оратор.

«В республике, – отметил М.Х.Хасанов, – для удовлетворения социально-культурных и иных потребностей остается всего 2–9% от суммы отчисления от прибылей предприятий, организаций союзного и республиканского подчинения. У республики нет реальных прав внешнеэкономической деятельности, а валютный фонд, составляющий менее 1% от общего объема экспорта республики, смехотворен».

В заключение М.Х.Хасанов сказал: «Рассматривая вопрос о суверенитете, считаю необходимым особо подчеркнуть, что он касается не только татарской нации, а имеет самое непосредственное отношение ко всем народам, проживающим на территории Татарии. Решая его, мы ни в коем случае не должны допускать национализма и шовинизма, игнорирования и ущемления интересов какой-либо национальности ... Нельзя сказать, что вопрос о государственном суверенитете воспринимается всеми однозначно и одобрительно. Одни ратуют за это убежденно, другие относятся к нему настороженно, занимают выжидательную позицию, третьи видят в этом затею республиканских лидеров. Делается немало спекулятивных, экстремистских заявлений, что якобы затевают дело об отделении, о выходе из России, даже из Советского Союза. И по этому поводу следует решительно заявить, что предоставление республике государственного суверенитета не означает ни политического обособления, ни экономической и культурной изоляции ее от других республик и центральных государственных структур, изменения границ, тем более выхода из России и Советского Союза ... Мы должны твердо и недвусмысленно заявить, что Татария была, есть и будет в составе Советского многонационального государства. Это – краеугольный камень нашего дальнейшего национального государственного строительства. Внесенный бюро областного комитета партии проект резолюции по данному вопросу предлагаю в основном принять и, пользуясь правом законодательной инициативы, внести вопрос о государственном суверенитете республики на рассмотрение предстоящей сессии Верховного Совета ТАССР» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.15, д.1899, л.41–42].

Первый секретарь Вахитовского райкома КПСС Казани Б.Д.Леушин, как и многие партийные работники, был озабочен внутрипартийной ситуацией. Его тревожил отток из рядов партии значительной части научной, творческой, технической интеллигенции. Не обошел докладчик и экономический вопрос, особо отметив меры по переходу к рыночной экономике, не дожидаясь решений союзного или российского правительства. В числе этих мер он обозначил разгосударствление предприятий, приватизацию государственной собственности, льготное налогообложение и режим наибольшего благоприятствования для предпринимательской деятельности, широкое распространение форм хозяйствования, реорганизацию банковского дела, повышение процентов за вклады и др.

Б.Д.Леушин отметил, что социально-экономический отдел республиканского комитета партии, коммунисты в правительстве республики должны сосредоточиться на скорейшей выработке концепции перехода Татарии к рынку, для этой работы необходимо привлечь новых, молодых, нестандартно мыслящих людей из Казанского научного центра Академии наук СССР, вузов, научно-исследовательских институтов.

Однако Б.Д.Леушин был благожелательнее к российскому руководству, подходы которого к этим вопросам, как он выразился, «мы не можем не учитывать»: «Если мы употребим свой предполагаемый экономический и политический суверенитет только для того, чтобы схлестнуться с соседями, с Россией и Союзом за передел нашего скудного общественного пирога, то это станет шагом к дальнейшему углублению кризиса. Мы только усугубим тем самым свои, российские и союзные проблемы». Он высказался за взвешенный, поэтапный подход к решению такой непростой проблемы, как обретение суверенного статуса, за проведение всенародного референдума по этому вопросу, с предшествующим обсуждением вопроса в трудовых коллективах и СМИ [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.15, д.1899, л.43–50].

Мнения рядовых коммунистов о происходящих в партии и стране переменах выразил мастер по добыче нефти НГДУ «Ленингорскнефть» секретарь цеховой партийной

организации, делегат XXVIII съезда КПСС И.Кабанов. Отметив, что людей волнуют вопросы социально-экономического положения, проблемы, связанные с переходом на рыночные отношения. В вопросе о суверенитете республики И.Кабанов был краток: «Согласен с тем, что каждая национальная республика должна быть равной среди равных... и в исторической сложившейся ситуации статус республики должен решать ее народ» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.15, д.1899, л.52].

Выступающие одновременно с поддержкой обретения республикой суверенитета говорили о и других немаловажных проблемах. Первый секретарь Зеленодольского горкома КПСС, член обкома партии, делегат XXVIII съезда КПСС Х.Хайрутдинов, несмотря на то, что в районе из рядов КПСС вышли 284 человека, выразил уверенность в будущем партии [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.15, д.1899, л.53].

Секретарь Азнакаевского горкома партии, делегат XXVIII съезда КПСС Н.Музафаров свое выступление целиком посвятил суверенитету республики. «Суверенитет, – заявил он, – мы понимаем не как отделение и глухую самоизоляцию, а, наоборот, как усиление разносторонних связей республики с другими регионами страны... Повышение статуса республики, несомненно, будет способствовать росту влияния ее как единого духовного, культурного центра на всех татар». Н.Музафаров сообщил, что на встречах в трудовых коллективах люди поднимали в качестве основного вопрос о суверенитете. Был отмечен позитивный пример позиции ТОЦ, представители которого способствовали сближению позиций сторон, лучшему взаимопониманию. «Надо вести диалог и совместные поиски, чтобы все, кто заботится об интересах народа, каждый день что-нибудь да делали для них практически, а не в оппозицию уходили», – подчеркнул выступавший.

Н.Музафаров не обошел вниманием и трудности в снабжении населения: «Земледельцам, животноводам, нефтяникам, транспортникам трудно объяснить, почему им, добросовестно выполняющим свои планы, обязательства перед народом, приходится чуть ли не посигаретно получать

курево, втридорога платить за ширпотреб». «Ссылки Центра на события в Армении, Азербайджане, на другие экстремальные события, – сказал он, – уже набрали оскомины и воспринимаются лишь как свидетельство неспособности центральных ведомств контролировать экономическую ситуацию. Люди не уверены, что завтра председателю колхоза или директору завода не придется делить по коробку спички, по ложке – соль». Он высказался и за контроль над деятельностью руководителей республики, министерств и ведомств, поставив вопрос ребром: пусть уйдут со своих должностей, если «плохо делается то, ради чего они поставлены» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.15, д.1899, л.58].

Секретарь парткома Казанского авиационного института, делегат XXVIII съезда КПСС В.Саламашкин высказался за развитие «обновленной Татарской республики ... вместе с Российской Федерацией и в составе Российской Федерации на основе Федеративного договора и с Советским Союзом на основе Союзного договора» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.15, д.1899, л.64].

Секретарь партийной организации завода «Этилен» А.Самаренкин, отметив, что идет процесс сокращения партийных рядов и подаются массовые заявления о выходе из партии, основное внимание в докладе уделил проблемам, возникающим с обретением суверенитета республики: «В настоящее время на страницах печатных изданий, по радио, телевидению ведутся дебаты о будущем Татарской АССР. К сожалению, в этой полемике пока больше, считаю, митингового начала, эмоций относительно того, что из недр республики выкачали всю нефть, при нехватке продовольствия продукция сельского хозяйства отгружается за пределы Татарии, по поводу экологического кризиса и т.д. С этими доводами трудно не согласиться. Но в большинстве публикаций и выступлений очень много эмоционального и очень мало аналитического, цифрового материала, позволяющего нам, простым труженикам, выработать по данному вопросу свое мнение, позицию ... Нельзя забывать об экономических связях, тем более что республика вплотную приблизилась к региональному рынку, а это серьезнейшим

образом касается вопросов снабжения всех отраслей Татарии материалами, сырьем, запасными частями и комплектующими изделиями. Пока не ясно, как в условиях суверенитета, рыночных отношений жители республики будут обеспечены продуктами питания ... Нужна целенаправленная, глубоко продуманная программа стабилизации сельского хозяйства с привлечением всего промышленного и научного потенциала республики» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.15, д.1899, л.68–69].

Руководитель Кукморской районной партийной организации Р.И.Зарипов обосновывал необходимость обретения республикой суверенитета на примере экономического развития села. «Как вы знаете, в 1989 г. в Татарии было произведено более 60 центнеров мяса [на душу населения], – сказал он, – в Поволжье – 37, в РСФСР – 46, а потребление по Татарии – 69 кг, по Поволжью – 78, Российской Федерации – 75 и так далее. Наши труженики справедливо недовольны тем, что уровень их жизни не соответствует индустриальному и научно-техническому потенциалу республики. Возникает вопрос, на который ответить трудно: почему, являясь одним из передовых районов республики по производству и заготовкам животноводческих продуктов, мы вынуждены умолять вышестоящие органы дать нам возможность обеспечить на минимальном уровне... мясомолочными продуктами наше население? Мы не можем продать рабочим промышленных предприятий ни одного килограмма мяса, постоянны перебои с молочными продуктами. Что толку от того, что район надаивает в среднем от коровы более четырех тысяч килограммов молока?! Три наши фабрики – швейная, меховая, валяной обуви – на каждой работает более тысячи человек – ежегодно производят товаров народного потребления на 70 с лишним млн. рублей, а в районе остается от этой продукции лишь 0,9 процента. Фабрика валяной обуви, например, производит в год полтора миллиона пар валенок, трудящимся же района остается лишь 4–5 тысяч». Эти фабрики практически не участвовали в формировании районного бюджета. Р.И.Зарипов высказал справедливое нарекание по пово-

ду того, что Центр забирает из республики ценную промышленную и сельскохозяйственную продукцию, оставляя на душу населения гораздо меньше, чем по стране, а по потреблению мяса в Российской Федерации республика занимает 50-е место среди 73 административно-территориальных единиц, молока – 42-е, овощей – 62-е и т.д. Для повышения уровня жизни населения, по мнению докладчика, нужна подлинная самостоятельность – и политическая, и экономическая: «Статус суверенного государства нужен Татарии для того, чтобы максимально использовать свой богатый потенциал». Четко обозначил Р.И.Зарипов и взаимоотношения республики с СССР: «Я думаю, что ни один коммунист не выступит за выход Татарии из СССР. Татарам, всем народам республики нужны другие отношения с Российской Федерацией в рамках СССР: справедливые, равноправные и взаимовыгодные» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.15, д.1899, л.72]. В качестве специалиста по национально-государственному строительству на пленум был приглашен Б.Л.Железнов – доктор юридических наук, доцент кафедры государственного и международного права Казанского государственного университета. Поскольку он принял активное участие в разработке основополагающих положений суверенитета, приведем более полное изложение содержания его выступления, где он осветил актуальнейшие проблемы взаимоотношений Центра и республики: «Я, как юрист, уловил некоторые моменты, которые, как мне представляется, требуют юридического разъяснения ... Первый момент, который я хотел бы отметить, это вопрос, связанный с взаимоотношениями, с одной стороны, Татарии, с другой стороны, Союза и Российской Федерации. С Союзом сейчас вопрос выглядит более-менее ясно. После издания Закона от 26 апреля этого года (1990 г. – *И.Т.*) «О разграничении полномочий между Союзом и субъектами Федерации» ... мы выступаем как субъект федерации Союза ССР, и в этом качестве можем и должны подписать Союзный договор. Но для того, чтобы Татария подписала его не в составе союзной республики, а как полноправный член федерации Союза, мы

должны провозгласить свой государственный суверенитет. Должен сказать, что пока в готовящемся проекте Союзного договора существует такое положение. Допустим, Азербайджанская ССР подписывает договор и в ее составе подписывает, скажем, Нагорно-Карабахская автономная область и так далее. Я думаю, что мы от этой формулы должны уйти. Мы должны быть суверенным, равноправным участником Союзного договора, подписывая его напрямую, а не через и не в составе союзной республики. Это не означает, что я призываю к выходу из Российской Федерации. Мы можем и должны остаться в составе России, подписывать Союзный договор должны напрямую как суверенное государство. И это очень важно.

Второе. Еще более сложным выглядит узел проблем, связанных с взаимоотношениями между Татарией и Россией, когда мы провозгласим свой суверенитет. Я обратил внимание на то обстоятельство, что, как высказался здесь товарищ Логутов, да и у некоторых других товарищей тоже проскальзывало, мы как бы будем, в их понимании, выступать в качестве субъектов двух федераций: Союза и России. Думаю, что эта точка зрения имеет ... право на существование. Но в истории человечества практически не было случая, когда бы одно и то же государство являлось субъектом двух федераций. Кроме того, если предположить, что между этими федерациями возникает какая-то конфронтация, совершенно ясно, что государство, являющееся субъектом обеих федераций, попадает в весьма сложное положение. Мне кажется, что и юридически, и логически правильно было бы исходить из того, что Татария, подписав договор с Союзом ССР на правах субъекта союзной федерации, не выступает уже как субъект Российской Федерации и не должна подписывать Федеративный договор с Россией. Как же должны строиться отношения Татарии с Россией? Я считаю, что мы должны заключить с Российской республикой ряд соответствующих договоров и соглашений по конкретным вопросам, делегировав России, как суверенное государство, осуществление тех функций, которые целесообразнее передать ей. Вот, видимо, в таком плане мы должны

понимать свое правовое положение после провозглашения суверенитета.

Итак, подписываем Союзный договор, а с Россией подписываем не Федеративный договор, а ряд договоров и соглашений, передавая ей определенные свои функции, и частично мы можем это зафиксировать в своей Конституции. Однако принятие самой Декларации о суверенитете Татарии – это только первый, хотя и важный, шаг. Следующий очень важный шаг, который предстоит нам сделать немедленно после принятия суверенитета, когда встанет вопрос: а какие же права мы будем передавать по договорам Российской Федерации? Для того чтобы передать эти права, надо как минимум их иметь. Сейчас как автономная республика по нашей Конституции многих из этих прав мы не имеем. Поэтому, я считаю, что независимо от наработки текущих законов, которые нам необходимы по ряду вопросов, а нам предстоит принять как минимум 20–30 новых законов, в первый же период времени после провозглашения нашего суверенитета, независимо от этого, первое и главное, что мы должны сделать, – это разработать Конституцию Татарии. Это нам позволит установить свои права как суверенного государства и определить, какие же права мы можем передать России. Иначе мы будем висеть в воздухе и кончим тем, что нас сверху организуют в рамках вышестоящей Конституции, и мы потом ничем не будем отличаться от автономии».

В докладе Б.Л.Железнов, в отличие от своих предыдущих ораторов, уже не выступал приверженцем автономии, однако в заключительной части он как бы свел на нет сказанное им ранее. Он предостерег Татарию от конфронтации с Российской Федерацией и заявил, что нет никакого повода для беспокойства в связи с принятием Декларации о суверенитете России. Не упомянув, что Декларация была составлена без учета мнений и с ущемлением прав автономных республик и находится в полном противоречии с международными нормами о правах народов, Железнов сказал, что этот документ не должен «вызывать каких-то особых тревог, так как, в сущности, носит характер блокнотной нормы, то есть его можно наполнить любым содержанием», и содержит

указание на то, что все народы России имеют право на свободное самоопределение [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.15, д.1899, л.75].

Весомые доводы в пользу провозглашения суверенитета высказал председатель правления Союза писателей ТАССР Р.С.Мухамадиев: «В стране происходит настоящая социальная революция. То есть низы не хотят жить по-старому, а верхи не могут управлять по-новому. Страну раздирают противоречия, аномальные процессы. С одной стороны, нам хочется жить в правовом государстве, а с другой – признавать законы не желаем. Ратуем за демократизм, а избавиться от имперских амбиций и диктата никак не можем. Голосуем за Советы, а все вопросы решаем и собираемся решать исключительно в партийных комитетах. Предоставляем экономическую самостоятельность предприятиям и тут же создаем для них десятки новых препонов и т.д. У нас, во второсортной республике, эти извращения проявляются особенно резко и остро, потому что правовой статус автономии доведен до абсурда, а само понятие «республика» крайне атрофировано.

На первый взгляд, мы имеем и собственный Верховный Совет, и даже Конституцию. И все же в правовом отношении ничем не отличаемся от обычных территориальных образований. Во время работы I съезда народных депутатов РСФСР я с оптимизмом голосовал за суверенитет России, за верховенство законов РСФСР, но через некоторое время был буквально шокирован тем, что большинство депутатов не понимают одну, казалось бы, очень простую истину, которая логически должна была вытекать из принятых деклараций: что и автономные республики хотят разогнуть спины, что субъекты федерации должны обладать теми же правами, что и Россия ... Потому я далек от надежды, что в ближайшее время Верховный Совет России сможет разобраться и решить наболевшие проблемы автономных образований. Но прошу понять меня верно, это не является выражением недоверия ни Верховному Совету РСФСР, членом Президиума которого я являюсь, ни его руководителю Б.Н.Ельцину. Наоборот, после встреч и бесед с этим политическим лидером мое отношение к нему изменилось значительно

но в лучшую сторону. Просто российскому парламенту пока не до нас, более чем предостаточно давно назревших общероссийских проблем. В такой ситуации народ и Верховный Совет автономной республики обязаны сами заботиться о своей судьбе, чтобы не отстать от жизни, не упустить предоставляемый исторический шанс. Поэтому считаю своевременным и актуальным включение в повестку дня Второй сессии Верховного Совета республики ключевого вопроса – вопроса о суверенитете Татарстана.

Тут необходимы полное взаимопонимание между представителями всех народов, населяющих республику, и консолидация всех здоровых демократических сил. Нас должно объединить стремление к национальному согласию и гражданскому миру, при этом недопустимо чрезмерное нагнетание эмоций ни со стороны Демократической партии России, органом которой мне представляется газета «Вечерняя Казань», ни со стороны национальной интеллигенции, не имеющей своего ежедневного периодического издания. Правильно решить национальный вопрос, и решить его в интересах народов можно только на пути последовательной демократизации которая предполагает в национальной сфере признание права наций на самоопределение.

При этом необходимо глубоко осознать, что первопричиной межнациональных конфликтов, как правило, бывает игнорирование национального вопроса как такового, привычка не замечать назревшие потребности народа, имеющего и без того деформированное, ущербное самосознание.

Сегодня любой здравомыслящий человек должен понять, что объявление суверенитета и повышение статуса Татарстана, провозглашение его союзной республикой не ущемят ничьи права и интересы, напротив, это послужит решающим условием гармонизации межнациональных отношений в республике, ибо бесправие республики – это политическое и экономическое бесправие каждого из нас, бесправие представителей народов. При этом обещание существенно расширить права автономных республик в рамках федерации, как свидетельствует практика, является нечем иным, как пустой фразой.

Новый статус Татарстана должен быть закреплен в Конституции (я полностью согласен с товарищем Железновым⁴, который, поняв чаяния народа республики, прекрасно выступил сегодня), к разработке которой надо приступить немедленно, исходя из принципов глубокой демократизации политической системы и в первую очередь децентрализации власти. Крайне необходима здоровая экономическая политика, самостоятельно определяемая республикой. Татарстан не может и впредь оставаться дешевым сырьевым придатком всесоюзных министерств и ведомств. Разве это нормально, что объединение «Татнефть», добывшее к этому дню 2,5 млрд тонн нефти, является сегодня убыточным, если я не ошибаюсь? К тому же юго-восток республики доведен сегодня до крайней экологической катастрофы, в то время как иные страны, добывающие столько же нефти, уже давно купаются в золоте и пользуются всеми благами современной цивилизации. Судьба будущих поколений гарантируется у них валютными сбережениями. А что мы можем оставить нашим потомкам: разграбленные недра, изуродованные поля, засоренные родники и сотни нерешенных проблем?»

Как председатель правления Союза писателей республики Р.С.Мухамадиев не мог обойти проблемы культуры и образования в республике: «Не могу не сказать и несколько слов о проблемах заброшенной идеологии, ставшей никому не нужной культуры, о ходе реализации программ и решений по национальному вопросу. Горько признавать, но факт, что на транспорте, на вокзалах по-прежнему редко можно услышать здоровую татарскую речь. Тиражи татарских книг, особенно добротных книг для малышей, из квартала в квартал сокращается из-за отсутствия бумаги. Журналу «Идель» вот уже который месяц не на чем печатать, городская газета на татарском языке «Шәһри Казан» по-прежнему не имеет даже временной прописки в столи-

⁴ Полного согласия, конечно, не могло быть, так как Б.Л.Железнов целиком поддержал Декларацию о суверенитете Российской Федерации, а Р.С.Мухамадиев выразил опасение, что в ней не учтены права автономных республик.

це Татарстана ... Недавно было во всеуслышание объявлено об открытии трех татарских гимназий. Министерство просвещения республики (тов. Низамов) и гороно (тов. Прохоров) продемонстрировали в очередной раз свое нежелание, неумение решать назревшие проблемы. Оказывается, что две гимназии будут открыты на базе ликвидированных татарских школ, изменится только вывеска, а третья и по сей день не имеет даже собственного угла. Преподавательский состав укомплектован, желающих учиться в Казани хоть отбавляй, только вот принять заявления от родителей негде, они до сих пор хранятся в сейфах Союза писателей. И это, заметьте, всего за месяц, даже меньше чем за месяц до начала нового учебного года». Более всего досталось заведующему гороно Ю.Прохорову, который, как заявил Р.С.Мухамадиев, на страницах газеты «Вечерняя Казань» сваливает вину за развал национального образования на других.

Председатель республиканского комитета женщин Д.С.Давлетшина поддержала провозглашение государственного суверенитета Татарии и преобразование ее в Татарскую Советскую Социалистическую Республику в составе России [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.15, д.1899, л.83]. К сожалению, Д.С.Давлетшина не стала обосновывать свою позицию ни на Пленуме, ни в ходе подготовки и принятия Декларации о государственном суверенитете Татарской республики. Предельно ясной была позиция министра внутренних дел ТАССР С.И.Кириллова: «Провозглашение государственного суверенитета нашей республики явится актом государственного значения. Я «за» суверенитет, но вместе с Советским Союзом» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.15, д.1899, л.88].

В связи с предстоящим рассмотрением на Второй сессии Верховного Совета Татарской АССР вопроса о государственном суверенитете Татарской АССР Пленум принял Постановление «О государственном суверенитете Татарской АССР».

Пленум отметил, что перестройка советского общества открыла реальные возможности для расширения прав автономий, повышения их конституционного статуса, а дальнейшее развитие автономных образований соответствует ленинским принципам

национальной политики – право народов на самоопределение и равноправие, сотрудничество и взаимопомощь, отвечает политическому курсу XXVIII съезда КПСС на обновление союза суверенных республик.

Пленум поддержал идею провозглашения государственного суверенитета республики, который будет способствовать развитию государственности, политической и экономической самостоятельности республики, совершенствованию ее правового статуса как советского социалистического государства. Было определено, что суверенитет соответствует коренным интересам представителей всех народов Татарстана, способствует созданию равных условий для сохранения и развития их культуры, языков, национальных обычаев и традиций, укреплению дружбы и интернационального единства, росту благосостояния трудящихся; создает необходимые предпосылки для разработки новой конституции Татарской республики, ее участия в подготовке и подписании на равной основе Союзного договора, заключения Федеративного (с РСФСР) договора, установления взаимовыгодных связей с другими республиками.

Пленум счел целесообразным коммунистам – народным депутатам – принять активное участие в подготовке Декларации о государственном суверенитете республики и проведении целенаправленной работы по реализации ее положений [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.15, д.1899, л.95].

В заключение М.Ш.Шаймиев ответил на вопросы. Он начал с констатации того, что в средствах массовой информации появилось множество публикаций, отражающих интерес населения республики к вопросу о суверенитете Татарии. На вопрос депутатов, связанный с высказыванием председателя политсовета Демократической партии России Н.И.Травкина о том, что идея суверенитета татарскому населению подброшена Союзным центром, М.Ш.Шаймиев ответил так: «Я считаю, что это не меньше, чем провокация. Я об этом говорил, когда выступал по республиканскому телевидению, я должен со всей ответственностью заявить об этом и на Пленуме. Нельзя, не вникнув в жизнь населения республики, так легко-весно народному депутату РСФСР и СССР

бросать, я бы сказал, слова. Он как председатель комитета по работе с Советами Верховного Совета Российской Федерации не соизволил, побывав в Казани, поинтересоваться, как же формируются новые Советы хотя бы в столице Татарской АССР. Если он приехал для создания ячейки своей партии, это его дело. Только об этом тогда и надо было говорить. В связи с этим в какой-то степени, я бы сказал, начали появляться статьи отдельных народных депутатов. Это, конечно, право каждого человека, каждого гражданина, но когда появляются не всегда ответственные статьи за подписью народного депутата, я считаю, что они действительно заслуживают определенной оценки со стороны населения» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.15, д.1899, л.99].

О том, что среди интеллигенции идет широкое обсуждение вопросов, связанных с суверенитетом республики, свидетельствовала и записка президента Татарского общественного центра М.А.Мулюкова: «У нас подготовлен проект конституции в связи с принятием суверенитета». В ответ М.Ш.Шаймиев сказал: «У нас сейчас много альтернативных вариантов по самой Декларации. Я считаю, что этот проект конституции также будет принят Конституционной комиссией, которую создаст предстоящая сессия. Обязательно все варианты конституции, предложения будут ею рассматриваться» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.15, д.1899, л.99].

Неудивительно, что проблемы суверенитета республик, равно как и принятие Конституции, более всего обсуждались в татарской национальной среде. Наряду с ТОЦ большую активность проявляла и созданная в апреле 1990 г. татарская партия национальной независимости «Иттифак», организованная Р.Ф.Мухаметдиновым и Ф.А.Байрамовой. Острые заявления «Иттифака» по вопросам суверенитета и межнациональных отношений вызывали определенную озабоченность нетатарской общественности. К примеру, М.Ш.Шаймиеву был задан вопрос: «Выскажите, пожалуйста, свое отношение к Татарской партии национальной независимости, к ее программе, в частности к ее требованиям к коммунистам-татарам о выходе из КПСС и вступлении в «Иттифак». Ответ прозвучал так: «Мы живем

в условиях многопартийности. Это уже конституционное положение, это закон. С программой этой партии я не знаком. В истории мусульман такая партия уже была, по-моему, в 1906 году. Она тогда была мусульманской партией. И не только на территории ТАССР, а, по-моему, российской. Может, название оттуда, может, случайное совпадение. Партии могут быть. Единственное пожелание, чтобы эта национальная партия не стала националистической».

М.Ш.Шаймиев отметил, что во многих газетных публикациях допущены неточности, и привел пример, когда в одной из газет было написано, что республика вывозит 40 млн. кг мяса, т.е. 40 тыс. тонн. «Такого количества мяса мы никогда не вывозили, не вывозим и не будем вывозить», – сказал М.Ш.Шаймиев. Он подчеркнул, что в такие сложные времена нужны взвешенность, аргументированность и точность в высказываниях: «Нельзя же каждый раз, выступая, заявлять о том, что выкачали всю нефть, и мы остались ни с чем. Нельзя так подходить к вопросу. В той системе, в какой мы жили, в каких условиях жили все народы Советского Союза, если бы мы сидели на золотой горе из чистого золота, все равно мы имели бы примерно то, что имеем. Это же везде так. У нас же есть республики, одни из которых сидят на золоте, другие – на нефти, на хорошем угле или еще на каких-то недрах. Мы и сегодня сидим на нефти, ее примерно от 7 до 11 миллиардов тонн в наших недрах. Мы же жили в этих условиях все. Сейчас создаются условия для того, чтобы мы зажили по-другому. Перестройка нам позволяет подойти к этому вопросу с иных позиций и с другими возможностями. Поэтому я считаю, что совершенно правильны претензии и высказывания участников сегодняшнего Пленума о недостаточном просвещении населения по вопросу о суверенитете ... Пока еще идут в средствах массовой информации самые полярные мнения в виде выступлений или в виде статей. Немало и таких, о которых я сказал. Но я думаю, что сегодняшнее обсуждение, когда коммунисты республики на своем расширенном Пленуме высказали отношение своей резолюцией к данному вопросу и когда уже практически подготовлен соответствующими комиссиями Верховно-

го Совета республики вариант Декларации, который будет опубликован для всенародно-го обсуждения, с этого момента мы должны позицию свою высказать» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.15, д.1899, л.100].

Далее М.Ш.Шаймиев акцентировал внимание на необходимости разъяснения населению проекта Декларации о государственном суверенитете республики с привлечением народных депутатов ТАССР, СССР, РСФСР и местных Советов. Очень важно, сказал М.Ш.Шаймиев, чтобы депутаты ознакомили с Декларацией население, посоветовались с ним и на сессию приехали с мнением избирателей.

Обобщая выступления на Пленуме по вопросам суверенитета, М.Ш.Шаймиев сказал: «Очень четко юридическая, правовая сторона суверенитета была изложена в выступлениях товарища Железнова, других участников Пленума. Единственное, что я хочу сказать, это то, что мы по Конституции являемся сегодня автономной республикой социалистического государства, но какое же это государство, когда мы строим правовое общество без суверенитета? Мы не можем без суверенитета. Сегодня важен сам факт – объявить республику суверенной. Объявив ее суверенной, мы себе делегируем соответствующие права. Те права, которые нам дают возможность участвовать в разработке и подписании союзно-федеративного договора. Мы делегируем себе права. Этим самым получаем возможность решать, какие из своих прав отдать России, какие – Союзу. Если бы в этой обстановке, когда впервые после революции страна, общество возвратились к возобновлению, переработке, может быть, новой разработке Союзного договора, партийные, советские органы той автономной республики, которая за эти годы очень сильно изменилась, в которой создан огромный всесторонний потенциал, не подняли бы этот вопрос, не заявили бы о своем суверенитете, то ни вы, ни население республики, ни общественность, никто бы нас с вами не понял.

Совершенно правильно было высказано здесь, что после заявления о суверените-

те мы должны практически начинать «отдавать» эти права. Но каким образом это делать? Здесь необходимо отработать механизмы, нужно принять целый ряд законодательных актов и поработать над нашей Конституцией. Процесс этот длительный. Но без объявления суверенитета мы не можем приступить к этой работе. Вот я бы так изложил ответ на данный вопрос. Все вопросы отношений с Россией и с Союзом будут обговорены. Не нужно сегодня ставить этот вопрос упрощенно: мы с Россией или не с Россией? Мы суверенны. Мы определяем взаимоотношения, но мы не можем жить без России – это же всем ясно. Если даже мы этого захотим, мы этого не сможем. Зачем нам этого хотеть, когда нам это невыгодно? Я считаю, что это ясно» [ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.15, д.1899, л.100–101].

Необходимо отметить, что Пленум не внес полную ясность в вопрос о суверенитете. Не было четкого мнения и по вопросу взаимоотношений с Россией. Не внесло в него ясности и выступление Б.Л.Железнова: чувствовалось, что он сам пребывает в тисках противоречий, с одной стороны, признавая необходимость суверенитета для Татарстана и права самостоятельного подписания им Союзного договора, с другой – радуя за то, чтобы республика оставалась в составе России. Хотя сам же утверждал, что Татарстан не может быть одновременно субъектом двух федераций.

Оценка М.Ш.Шаймиевым выступления Б.Л.Железнова как «четкого с правовой стороны» была выражением того, что руководство республики еще не было готово обозначить в Декларации статус республики. И вовсе не случайно в ее проекте, подготовленном рабочей группой Президиума Верховного Совета, Татарстан был обозначен как субъект Российской Федерации.

Таким образом, к этому времени республика еще не была готова к провозглашению суверенитета без указания ее правосубъектности. Хотя такая точка зрения и была высказана, она с большим трудом пробивала себе дорогу. И все же, в конечном счете, обладала именно она.

ГЛАВА 2

Судьба СССР и положение Татарстана в новых политических условиях

§ 1. Демократическая платформа

Владимир Лысенко

С началом перестройки демократические силы в СССР выступили за либерализацию общественного строя и федерализм. Одной из политических лидеров этого процесса была демократическая платформа в КПСС, которая группировалась вокруг Московского городского партийного клуба. Идеологом демократического движения СССР был Александр Николаевич Яковлев – самая яркая личность того периода.

Целью партийного клуба была пропагандистская деятельность за созыв внеочередного съезда КПСС. На съезде предполагалось провести реформу Компартии, выступить за многопартийность и демократию.

В ноябре 1989 г. по инициативе Московского партийного клуба была проведена рабочая встреча представителей аналогичных формирований из 16 городов и регионов, в ходе которой был выработан ряд обращений и принято решение о проведении в январе 1990 г. учредительной конференции по созданию демократической платформы в КПСС. Вскоре цели платформы стали широко известны в стране, объединив вокруг себя реформаторов не только в КПСС, но и в обществе в целом.

Демократическая платформа в КПСС поручила автору этих строк выступить на очередном съезде КПСС, который оказался последним. Суть моего выступления сводилась к призыву перейти к социал-демократии и либерализму, однако ортодоксы коммунизма не пошли на компромисс, и была потеряна реальная возможность создания массовой демократической партии.

На рубеже 80–90-х гг. на территории Советского Союза прошла демократическая революция. Весной 1990 г. был учрежден

пост Президента СССР, как главы исполнительной власти. Избрание М.С.Горбачева на этот пост в марте 1990 г. завершило формирование центра альтернативного Политбюро и ЦК КПСС. В условиях кризиса КПСС проходили выборы народных депутатов России и местных Советов. Во время выборов организационно выступили оппозиционные демократические силы в крупных городах (Москве, Ленинграде, Горьком, Свердловске и др.). Однако вскоре СССР распался. Благодаря демократическому руководству России распад Советского Союза прошел в сравнительно мирных формах, не повторив югославской трагедии. На смену СССР пришел федеративный союз российских регионов.

Первый революционный этап 90-х гг. XX в. ознаменовался эпохой Б.Ельцина. При нем Федерация в России характеризовалась, как децентрализованное, ассиметричное, конституционно-договорное государство. Выборы стали альтернативными, выведя на политическую арену новых лидеров общероссийского и регионального уровней. Большую активность и самостоятельность проявила Республика Татарстан. Весьма поучителен пример Татарстана. Увидев, что после проведения республиканского референдума о независимости дальнейшие шаги в этом направлении приведут к неизбежному силовому конфликту, руководство Татарстана вовремя остановилось, подписав с федеральными властями РФ договор фактически о конфедеративных отношениях. В дальнейшем опыт Татарстана был использован для Грузии, Азербайджана, Молдовы и других регионов.

Среди сильных субъектов Федерации (кроме Татарстана) следует выделить также такие

богатые регионы, как Башкортостан, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий автономные округа, Краснодарский край, Белгородская, Липецкая, Кемеровская области, Красноярский край и др. Кремль не пошел на полную самостоятельность сильных республик (Татарстан, Башкортостан, Якутия). Они получили статус республик в составе Российской Федерации. Но в то же время в постсоветском пространстве появились регионы более низкого статуса: Чеченская республика, Северная Осетия, Абхазия, Аджария и еще ряд республик, краев, областей.

На втором этапе начала XXI в. пришло время В.Путина, с характерным переходом к централизованной, симметричной, конституционной федерации с нарастающими элементами унитаризма и авторитаризма.

Федерализм в России очень молодой. На протяжении предыдущих веков Россия была всегда государством с тоталитарным режимом. Демократическая революция 80–90-х гг. XX в. привела к смене общественного строя.

Конституция России – это конституция суперпрезидентской республики, где президент доминирует. С приходом к власти

В.Путина была проведена замена губернаторских выборов назначениями. Была восстановлена единая жесткая вертикаль власти в стране, что в корне противоречит принципу субсидиарности. Произошло понижение политического статуса руководителей субъектов Федерации до уровня региональных политиков:

- фактически были заморожены межрегиональные ассоциации регионов;
- завершен процесс создания «партии власти» в лице «Единой России»;
- политическая партийная система стала похожа на либерально-демократическую партию Японии.

Прошло 20 лет со времени зарождения демократического движения в нашей стране. На парламентских выборах в конце XX в. «Союз правых сил», «Яблоко», республиканская и другие демократические партии потерпели поражение, что явилось отражением и кульминацией глубинного кризиса. Время потребует выработки новой демократической платформы с учетом современных условий, с анализом не столько побед, сколько поражений и ошибок, приведших демократическое движение к глубокому кризису.

§ 2. «Парад суверенитетов»: причины возникновения и влияние на формирование федеративных отношений в стране

Любовь Болтенкова

Имея в виду под страной вначале Российскую империю, затем СССР, а с декабря 1991 г. Российскую Федерацию, то происходившие в этой стране (в разных формах ее существования) «парады суверенитетов» имеют нечто общее, повторяющееся от эпохи к эпохе. Причин этого процесса множество, поводы разные, но из множества причин укажем на постоянные – историческая закономерность, как объективная причина; ошибки, просчеты в государственном управлении и национальной политике; целенаправленная деятельность людей (как правило, политической элиты) – субъективные причины. Историческая закономерность кроется в самом процессе зарождения, становления, формирования, развития государства, именуемого, независимо от его форм, Россия. Вернемся мысленно к ее истокам и окинем

историческим взглядом весь путь России до сегодняшнего дня. Если коротко сказать в контексте нашей темы, то это был путь «собирания народов» под одной политической оболочкой, распространения на народы и их территории единых цивилизационных ценностей. Характер процесса определяли темпы, глубина, методы и способы проникновения в «чужую» жизнь со стороны носителя этих цивилизационных ценностей. До какого-то исторического момента носителем ценностей был русский народ, затем цивилизационное и государственное творчество стало совместным с другими народами. Речь идет о том, что русские, создав свое государство, заново «осваивали» уже «освоенные» другими народами территории, формируя Россию. Можно сказать, что «ничейной» территории не было. К приходу русских на ту

или иную территорию, там уже жили народы, имевшие «за плечами» свою историю. Не всегда это были государства, но история была. Соединение с русскими происходило по-разному: добровольно или подчинение силой. Там, где процесс соединения происходил добровольно, впоследствии о суверенитете думали меньше. Там, где народы подчинялись силой, – суверенитет оставался предметом мечты, а для какой-то части общества – целью жизни. Эта цель жизни передавалась из поколения в поколение и при «случае» ее пытались реализовать. Таким образом, цель кроется в историческом процессе, а «случай» – это ошибки, просчеты и т.д. правящей элиты.

Казань, столица нынешнего Татарстана, была взята, как известно Иваном Грозным в 1552 г. вооруженным путем. Учитывая, что местное население, объединенное в процессе Восточного завоевания и господства (которое долгое время довлело и над Русью) под именем татар, раньше имело многовековую историю, о чем сказано в предыдущих томах. Взятие Казани русским царем, во-первых, означало, что Русь превращается в Россию, а во-вторых, что в побежденной стороне сохранилась мысль или мечта о суверенитете. Будущая история по отношению к 1552 г. показала, что не все общество было охвачено идеей сохранения суверенитета⁵, иначе бы не произошло такого тесного исторического соединения татарского и русского элементов в российской государственности. Однако нельзя недооценивать притягательную силу суверенитета для элитной прослойки татарского общества. Эта историческая память прошла через века, она и есть форма исторической закономерности. Память «дремала»⁶, пока не появился исторический повод в 1917–1918 гг., подготовленный события-

ми 1905–1914 гг. Не будем рассматривать весь клубок противоречий, скажем лишь, что ошибки правящей верхушки были допущены также и в национальной политике. В научной литературе давно отражена позиция самодержавия по отношению к участию «иностранцев» в управлении государством, в частности, Государственной думе. «Государственная дума должна быть русской не только по духу, но и по своему составу, а иностранцы могут участвовать в ее работе постольку, поскольку не будут мешать решению чисто русских задач», – говорилось в Манифесте о роспуске Государственной думы от 3 июня 1907 г. [Законы Российской империи, 1910, т.27, №29241–29242].

Демонстрация неуважения народов России на высшем уровне заронила семя недоверия к власти. В соединении с причинами социально-экономического характера это привело к борьбе против режима, а тех, кто помнил свое государственное существование в прошлом, – борьбе за независимость. Ко времени прихода к власти большевиков, Российская империя практически распалась. Чтобы ее собрать на новой политической основе, был брошен лозунг-принцип: право народов на самоопределение вплоть до отделения [Декреты Советской власти, 1917, с.39–41]. Этим правом воспользовались очень многие – каждый в разных формах: РСФСР, УССР, БССР, ЗСФСР образовали Союз ССР. Татары, башкиры, якуты и другие создали АССР в составе РСФСР. Таким образом, история дала шанс (повод) отчасти реализовать свою историческую цель – получение суверенитета татарами, и не только ими. Этой возможностью и правом воспользовались даже те, кто не лелеял мечты о суверенитете, у кого не было к этому веских оснований. Но данная тактика большевиков сплотила народы на какое-то время. Вся последующая политическая и правовая практика в сфере национально-государственного строительства содержала противоречия: с одной стороны, начиная с первой советской Конституции 1918 г., подчеркивались свобода наций, свободный союз национальных республик, право для союзных республик свободного выхода из СССР [Кукушкин, Чистяков, 1987,

⁵ Говоря о суверенитете в ранние и средние века истории, следует помнить, что теории суверенитета тогда еще не было. Мы применяем этот термин вместо «самостоятельность», «независимость».

⁶ Слово «дремала» беру в кавычки, поскольку на самом деле память проявлялась в стихах, песнях, народных преданиях, других формах искусства, культуры – о былой славе, достижениях, самостоятельности.

с.283–313, с.315–365], автономные республики считались государствами [Косицин, 1968 а; с.519–555; Косицин, 1968 б; с.137–148; Еникеев, 2002 и др.], с другой стороны, наблюдалась тенденция к централизации, унитаризации. Но как бы то ни было, внешние атрибуты государственности сохранялись из года в год даже у автономных республик, следовательно, и в ТАССР. Вот это ощущение государственности постоянно подпитывалось лозунгами, речами, теорией, учебниками в вузах, школах. Сведущие люди знали, что там, где государственность, там и суверенитет.

Крен в сторону суверенизации набрал обороты в годы перестройки. Это проявилось, прежде всего, в экономической политике (перевод республик на хозрасчет). «Суверенизация экономики» неминуемо повлекла за собой необходимость фактической, а не бумажной политической суверенизации. Поначалу это вылилось в разработку нового Союзного договора (Договор 1922 г. не подписывали Грузия, Армения, Азербайджан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия, Туркмения, Молдавия, Латвия, Литва, Эстония, Казахстан. Эти республики вошли в состав СССР либо по Конституции, либо по законам). В процесс разработки Союзного договора были вовлечены и автономные республики (это «вбило клин» во взаимоотношения двух уровней власти: союзной и республиканской). В соответствии с партийными и государственными решениями союзного уровня наметилась тенденция уравнивания в правах союзных и автономных республик. Как те, так и другие должны были принять декларации о государственном суверенитете, чтобы стать учредителями нового Союза (субъектами нового Союзного договора) [Абдулатипов, 1993 а, с.70–80; Верховный Совет СССР, 1990, с.72–77, 140–143].

Как видим, не в гущу народных масс и не на уровне автономных республик родилась идея суверенизации. Во исполнение Союзных решений 12 июня 1990 г. была принята Декларация о государственном суверенитете РСФСР [Ведомости съезда, 1990, №2, ст.22], пункт 9 которой подтвердил «необходимость существенного рас-

ширения прав автономных республик, автономных областей, автономных округов, равно как краев и областей РСФСР». Подчеркнем, что Декларация подтверждала то, что было решено на Союзном уровне. На самом же деле для существования РСФСР было противоестественным углублять процесс суверенизации своих составных частей. Понимая всю сложность и противоречивость ситуации, руководство РСФСР дало команду активно работать над проектом Федеративного договора, подписание которого могло бы спасти Россию от распада «в угоду» нового Союза, субъектами которого в 1991 г. уже не хотели быть многие союзные республики (субъекты старого Союза не по Договору, а по законам). Их ряды, предполагалось, видимо, заменить новыми членами Союза – бывшими АССР, которые вслед за РСФСР стали принимать Декларации о государственном суверенитете [Абдулатипов, 1993 б, с.20–57].

Принятие Деклараций о суверенитете стало проявлением «парада правовой суверенизации». Произошло это в соответствии с решениями Союзных органов власти.

Если оценивать процесс исторически, то тенденция к такому полуфиналу была заложена давно, что и показано выше. Полуфинал не превратился в ожидаемый финал, поскольку события лета–зимы (август, декабрь) 1991 г. скорректировали процесс. Три республики–учредители СССР: Россия, Украина, Белоруссия – реализовав право на свободный выход из СССР, 8 декабря 1991 г. объявили о создании СНГ, субъектами которого республики в составе Российской Федерации уже не могли быть.

Однако одно дело – суверенизация республик внутри России – было уже сделано, и дальнейшая политика не могла строиться без учета данного факта. Этот процесс суверенизации бывших АССР внутри России, в бытность СССР, настолько завладел умами политиков и части общества в ряде мест, что подписание Федеративного договора им казалось шагом назад на пути самостоятельности. Таким «местом» оказался Татарстан, принявший Декларацию о государственном суверенитете 30 августа 1990 г. Данная Декларация предоставляла

политико-правовую возможность руководству республики идти на отдельные (самостоятельные, а не в списке с другими) договоры с руководством РСФСР. Продолжая линию Декларации, не делая шага назад, Татарстан отказался от подписания Федеративного договора (31 марта 1992 г.). С точки зрения Татарстана, это был правильный политический ход, имевший под собой политико-правовую основу. С точки зрения Федерации, это был опасный прецедент, создавший угрозу целостности страны. Участники данного политического процесса нашли единственно верный выход: со стороны Федерации прозвучало «берите суверенитета столько, сколько сможете реализовать»; со стороны Татарстана поступило согласие на подписание двухстороннего Договора, что не противоречило Конституции РФ 1993 г. Таким образом, федеративные отношения с Татарстаном вошли в конституционное русло, хотя некие «перегибы» в сторону суверенизации республики в условиях российской федеративности (российского федерализма), которые не являются классическим образцом, а выстраданы исторически, конечно были. Но не «перегибы» определили суть процесса, хотя и в них содержался определенный позитив с точки зрения сохранения и развития федерализма, внутренне присущего российской государственности и необходимого ей. Главное состояло в доказательстве того, что федерализм, как ненасилие, как демократия, является мощным инструментом разрешения конфликтных ситуаций, устранения противоречий. Эта истина должна осознаваться всеми участниками процесса, что побуждает на взаимные уступки в пределах, гарантирующих политико-правовую стабильность целого (общего, единого). Такая гарантия во взаимоотношениях с Татарстаном была создана. Одновременно это послужило гарантией федерализма в целом для России. Все остальное – это шлифовка созданного в переходные противоречивые неустойчивые времена. Сюда относится и новый Договор с Татарстаном 2007 г., прошедший всю необходимую правовую процедуру, и процесс приведения в соответствие Конституции РФ, конституций и законодательства субъектов РФ и многое другое

из области федеративных отношений. Но, как и всякий процесс, он таит в себе возможность возникновения противоречий.

Одним из противоречивых вопросов является проблема суверенитета в федеративном государстве. «Парад суверенитетов» завершился на данном этапе жизни России. Будущее же зависит от того, как поведут себя люди, прежде всего, политики в разных обстоятельствах. То, что в обозримом будущем сохранятся две противоположные тенденции: к суверенизации и десуверенизации – это понятно из хода истории. То, что наука о государстве, праве, суверенитете питает надежды народов, живущих в федеративных, да и в унитарных государствах, на суверенизацию, тоже ясно. Но в Российской Федерации таким «возбудителем» является сама Конституция РФ (ст.5 и др.). Следовательно, для устойчивого развития страны рано или поздно придется менять противоречивые, двусмысленные нормы. Здесь опять понадобится активное участие Татарстана в процессе. Каким оно будет? Это решать народу Татарстана. Народ же должен быть правдиво информирован по важным аспектам и истории, и современности.

Представляется, что скорость глобализации, масштабы компьютеризации, развитие нанотехнологий и другие, мыслимые ранее только в сказках, новации, воздействующие на человека, – побуждают нас к переосмыслению представлений о будущем. С позиций нашей темы – это означает коррекцию взгляда на суверенитет с учетом того, что народы, государства жили веками, тысячелетиями, не зная такого слова, как «суверенитет». Оно родилось в связи с конкретными политическими целями. А вот идеал свободного человека сопровождает человечество изначально. Эту мысль можно выразить и с помощью слова «суверенитет»: суверенна, прежде всего, личность. Все остальное – от нее, или, как сказал, великий философ И.Кант, – каждый человек сам себе монарх. Только новации, в том числе и в вопросах суверенитета, направленные на формирование «суверенной» личности, живущей, думающей и отвечающей за все, что делается в мире, будут оправданы историей.

§ 3. Положение Татарстана в новых политических условиях

Индус Тагиров

В истории редко бывает так, чтобы народ и власть слились в едином порыве. Однако в Татарстане 90-х гг. так и происходило. Первоначально население на улицах, на митингах и собраниях требовало повышения статуса республики до уровня союзных республик, в то время как партийная верхушка долго топталась на месте. Ситуация изменилась лишь после принятия Верховным Советом РСФСР 12 июня 1990 г. Декларации о государственном суверенитете России. Следуя примеру, открывшему так называемый «парад суверенитетов», власти республики взяли твердый курс на принятие аналогичного документа.

В середине августа 1990 г. Председатель Верховного Совета Татарской АССР М.Ш.Шаймиев, одновременно являвшийся и первым секретарем Татарского обкома КПСС, собрал в Казанском кремле представителей общественных организаций. Обсуждался вопрос о принятии Декларации. Все участники собрания признали необходимость ее принятия. Споры возникли лишь относительно срока созыва сессии Верховного Совета и субъектности республики, т.е. правовых взаимоотношений республики с СССР и РСФСР. М.Ш.Шаймиев внес предложение созвать сессию в конце августа. Депутатская группа Верховного Совета «Равноправие и законность» возразила, сославшись на то, что в летнее каникулярное время невозможно будет посоветоваться с народом: «Все в отпусках и разъездах, надо, чтобы люди вернулись на свои места. Без совета с народом нельзя принимать такой важный документ, каким является Декларация».

Не было согласия в вопросе изложения в Декларации правовых взаимоотношений Татарстана с СССР и РСФСР. Депутаты группы «Равноправие и законность» И.Д.Грачев и А.В.Штанин настаивали на провозглашении суверенитета в составе РСФСР. Иное мнение было высказано профессором И.Р.Тагировым, который в полном соответствии с Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа – единственным

документом, провозгласившим в январе 1918 г. Россию Федерацией (текст которого держал в руках), заявил, что в Декларации суверенитет Татарстана должен быть провозглашен в полном объеме. Затем в ходе ее реализации с учетом исторических, географических, геополитических, экономических и иных реалий должен начаться процесс самоограничения, передачи на основе двустороннего Договора ряда полномочий Российской Федерации.

Голосования по этим вопросам не требовалось. Важно было привлечь общественность к обсуждению проблем Декларации и начать подготовку ее текста. Варианты документа разрабатывались разными общественными организациями.

Президиум Верховного Совета принял Постановление «О проекте Декларации о государственном суверенитете Татарской Советской Социалистической Республики» и образовал рабочую группу по ее подготовке, в которую вошли народные депутаты ТАССР, работники обкома, члены правительства республики, ученые (в том числе и автор этих строк).

В результате, было подготовлено несколько вариантов Декларации, принципиально отличавшихся друг от друга двумя моментами: взаимоотношения Татарстана и России и взаимоотношения в республике татарского и русского языков. Проект доцента КРУ депутата Верховного Совета республики А.В.Штанина предполагал, что республика должна быть в составе Российской Федерации, тогда как проект рескома КПСС вообще не указывал какой-либо правосубъектности республики, полагая, что суверенитет, согласно Декларации прав народов России (документу, учредившему в январе 1918 г. Российскую Федерацию), должен быть провозглашен в полном объеме, и только после этого республика должна определить свое отношение к федерации. Близки были к этой позиции проекты, подготовленные ТОЦ и группой писателей и хозяйственников во главе с писателем народным депутатом республики Р.И.Валеевым.

Таким образом, уже накануне сессии Верховного Совета позиции общественности и власти сблизилась, в чем немалую роль сыграли республиканские средства массовой информации. Людей сблизало осознание необходимости качественного изменения статуса республики, превращения ее в государство, базирующееся на праве народа на свободное самоопределение.

27 августа 1990 г. открылась Вторая сессия Верховного Совета Татарской АССР двенадцатого созыва. К моменту открытия сессии на улицах вокруг здания Верховного Совета собрались тысячи людей. Депутаты проходили в охраняемое десятками милиционеров здание через толпу, которая к каждому из них обращалась с призывом незамедлительно принять Декларацию о государственном суверенитете. На сессии из 249 депутатов присутствовал 241. Председатель Верховного Совета республики М.Ш.Шаймиев от имени Президиума Верховного Совета предложил повестку из 12 пунктов, где третьим пунктом предполагалось обсуждение вопроса о государственном суверенитете республики. Однако в ходе обсуждения повестки дня вопрос о государственном суверенитете был отодвинут на пятое место, что вызвало недовольство многих.

Накал страстей в зале заседаний Верховного Совета соответствовал настроению на улицах и площадях Казани и республики. Один из депутатов обратился к председательствующему и к народным депутатам с предложением принять решение о снятии милицейского пикета со входа в Верховный Совет, ибо «не нужно... прятаться от своего народа» [ТА ГС РТ, ф. Р-3610, оп.1, д.1915, л.35]. М.Ш.Шаймиев ответил, что для этого не требуется решения Верховного Совета, и милиция осталась на месте.

После перерыва слово взяла депутат Ф.А.Байрамова: «Товарищи депутаты! Вы просили нас, чтобы мы успокоили народ на улице. Мы удовлетворили вашу просьбу, и вы во время перерыва, наверное, видели, что народ отошел от здания, где идет сессия Верховного Совета, и разошелся. Но это не значит, что напряжение исчезло. Вы знаете, что мы собрали полмиллиона подписей и передали Президиуму Верховного

Совета Татарии. Сегодня в Набережных Челнах, Нижнекамске, Уфе и во многих других местах объявившие голодовку татары требуют от нас решительного и срочного решения вопроса о государственном статусе ... Я призываю срочно перейти к рассмотрению вопроса о государственном статусе Татарской АССР. Если по тем или иным причинам рассмотрение нашего предложения будет оттягиваться или совсем прекратится, то мы освобождаем себя от ответственности за напряженность, конфликты на национальной почве» [ТА ГС РТ, ф. Р-3610, оп.1, д.1915, л.183 а] (перевод с татарского. – *И.Т.*)

В зале раздавались требования об изменении повестки дня в связи с неоднозначной обстановкой в республике и незамедлительного рассмотрения вопроса о Декларации республики [ТА ГС РТ, ф. Р-3610, оп.1, д.1915, л.184]. Хотя обсуждение регламента и продолжалось, стало ясно, что невозможно бесконечно оттягивать обсуждение вопроса о Декларации. Становилось невозможным игнорирование мнения общественности, которое находило выражение и в многочисленных телеграммах и письменных обращениях населения.

Во второй половине второго дня работы сессии Ф.Х.Мухаметшин от имени секретариата проинформировал о поступивших в адрес сессии документах. К 15 часам было зарегистрировано 685 документов, из которых 137 писем, 207 обращений и заявлений, 612 документов было непосредственно по вопросу о суверенитете. География поступающей корреспонденции охватывала 50 республик, областей, городов и других населенных пунктов. Даже вокруг этих документов разгорелась борьба между депутатскими группами. Депутат Р.Сиразиев выразил недовольство тем, что была зачитана только часть телеграмм, в то время как наличие 612 телеграмм по вопросу о суверенитете свидетельствовало, что «не о хлебе сейчас у людей душа болит», а о том, каким будет суверенитет: «Мы оттягиваем все время этот вопрос. Вы поймите, мы ж даем волю абсолютно непредсказуемым последствиям. Поэтому я считаю ... надо завтрашний день посвятить именно этому вопросу» [ТА ГС РТ, ф. Р-3610, оп.1, д.1915, л.294].

Взявший за ним слово Р.Г.Галеев, поддержав Сиразиева, произнес следующие слова, вызвавшие оживление в зале: «Мы, товарищи, все-таки начали работу, поставив телегу впереди лошади. Не приняв Декларацию о суверенитете, мы много такого приняли, что в дальнейшем, если примем Декларацию, нам надо будет перерабатывать, опять сидеть две недели. Поэтому я присоединяюсь к депутату Сиразиеву, что завтра нам надо братья за основное...» [ТА ГС РТ, ф. Р-3610, оп.1, д.1915, л.295]. Были на сессии и депутаты, придерживавшиеся иного мнения. Так, депутат В.Курылев сказал следующее: «Сегодня... не все депутаты готовы к обсуждению вопроса о суверенитете. Потому есть у ряда депутатов излишняя категоричность в заявлениях. Мы должны обсуждать этот вопрос в абсолютно спокойной обстановке. Мы должны вынести чрезвычайной важности документ, и он должен быть разумным. Поэтому я обратился с запиской, где предлагаю обратиться от имени нашей сессии в печати ко всем гражданам с призывом прекратить митинги, забастовки и всякие голодовки ... Каждый из нас понимает важность того вопроса, который будет обсуждаться» [ТА ГС РТ, ф. Р-3610, оп.1, д.1915, л.296]. По результатам голосования сессия решила обратиться к населению и призвать к спокойствию. Такое обращение было принято на следующий день.

Несколько депутатов в своих выступлениях отвергли базировавшееся на письме в адрес сессии предложение разъехаться депутатам по домам, поскольку-де на селе идет уборка урожая. Депутат Р.А.Юсупов, отвечая на такого рода требования, сказал, что митинги выражают как раз солидарность по главному вопросу, который тревожит всю общественность, все население республики, и потребовал, чтобы все телеграммы были немедленно изучены и доложены сессии. Он осудил подход, при котором кто-то, основываясь на какой-то одной телеграмме, пытается сорвать сессию, когда в то же время другие телеграммы остаются без внимания [ТА ГС РТ, ф. Р-3610, оп.1, д.1915, л.299]. А депутат А.Васильев предложил развесить в фойе все телеграммы с тем, чтобы депутаты с ними ознакомились. М.Ш.Шаймиев с этим согласился.

Нашлись депутаты, которые, ссылаясь на мнение трудовых коллективов, попытались не допустить обсуждения предложенного Президиумом Верховного Совета проекта Декларации. Так, депутат Спартакского избирательного округа Казани В.Иванов сослался на митинг жителей Московского и Ленинского районов, где якобы было заявлено, что «если он (проект. – *И.Т.*) будет принят, это приведет к непредвиденным последствиям».

После длительного обсуждения Закона о статусе народного депутата сессия приступила к рассмотрению вопроса о государственном суверенитете республики. При этом было решено вести прямую трансляцию по радио из зала заседаний.

Обсуждение началось выступлением Председателя Верховного Совета М.Ш.Шаймиева. Он подчеркнул обоснованность повышения статуса республики, необходимость в связи с этим принятия Декларации о государственном суверенитете Татарстана. Для выработки этого документа М.Ш.Шаймиев предложил создать специальную комиссию.

Затем слово было предоставлено председателю постоянной комиссии по национальным вопросам и культуре Р.А.Юсупову. Он, обосновывая необходимость принятия Декларации, сказал, в частности, следующее: «Ни один разумный и честный человек, будь он татарин или не татарин, не может не замечать того факта, что существующая поныне унитарная, тоталитарная и иерархическая государственная система не может обеспечить подлинного равноправия народов, создать необходимые условия для развития их культуры и языка. В наиболее невыгодном положении, по сравнению с союзными республиками, находятся автономные образования». Юсупов указал на то, что Татарстан почти лишен национальных татарских школ, не имеет своей Академии наук, студии художественных фильмов, имеет всего одно книжное издательство. Татарстан, обладая огромными природными богатствами и большим промышленным потенциалом, не вправе распоряжаться своей собственностью. Сужается сфера использования татарского языка, создалась реальная угроза утери национального быта, традиций и обы-

чаев. Вместе с тем Р.А.Юсупов предостерег депутатов от принятия документа с указанием двусубъектности Татарстана, т.е. его принадлежности и к Союзу ССР, и к Российской Федерации. Р.А.Юсупов закончил свое выступление следующими словами: «Я, как народный депутат, отвечающий прежде всего за обеспечение и укрепление добрососедских, дружеских отношений между представителями различных национальностей в нашей республике, считаю своим долгом обратить на это внимание всех моих коллег по парламенту, ... очень серьезно взвесить все факторы при голосовании за Декларацию, нести высокую ответственность за судьбу 7,5 млн. татар. Я призываю вас отдать свои голоса за подлинный суверенитет народа Татарстана» [ТА ГС РТ, ф. Р-3610, оп.1, д.1915, л.412-416].

Затем М.Ш.Шаймиев огласил представленный группой депутатов документ, в котором, учитывая исключительную сложность достижения согласия по вопросу о суверенитете, предлагалось начать работу с обсуждения концепции и основных принципов Декларации. Предлагалось выступить всем желающим. Однако депутаты такой подход не восприняли, и было решено заслушать авторов альтернативных вариантов Декларации.

Депутат Р.Сиразиев представил проект Декларации, подготовленный под руководством депутата Р.И.Валеева. Проект был направлен против двусубъектности республики, напоминающей, по словам оратора, положение человека, сидящего на двух стульях. В документе главный упор делался на верховенство, самостоятельность, полноту и неделимость власти республики в пределах ее территории, независимость и равноправие во внешних сношениях, а также на международную правосубъектность республики [ТА ГС РТ, ф.Р-3610, оп.1, д.1915, л.419].

Поддержкой выступлений Р.А.Юсупова и Р.Сиразиева прозвучало выступление депутата Верховного Совета РСФСР Н.Махиянова. Он выделил три фактора, имеющих принципиальное значение при решении вопроса о суверенитете: тесная взаимосвязь Татарстана с духовной и материальной

жизнью России; политическая ситуация в Советском Союзе; национальный фактор. В качестве приоритетного Н.Махиянов обозначил национальный фактор, сказав, что в свое время большевики, признав право наций на самоопределение, заработали хороший политический капитал и сейчас «самое подходящее время оплатить щедро розданные в свое время политические векселя». По мнению докладчика, СССР уже перестал существовать, а РСФСР переживает стадию развала, а новой структуры, способной объединить появляющиеся суверенные республики, еще нет. В этих условиях для Татарстана выход из состава РСФСР и вступление в СССР будет означать лишь переход «из одной тюремной камеры в другую». Исходя из этого, Н.Махиянов предложил следующую последовательность действий: «Признание Татарстана суверенной республикой. В Декларации о государственном суверенитете Татарской республики не указывать к субъектам какой Федерации причисляется наша республика. Второй этап: определение полномочий, которые Татарстан готов передать условному Центру, который в будущем объединит суверенные республики. Третье: немедленное предъявление требований к новому Союзному договору». Оратор особо подчеркнул, что обретение суверенитета Татарстаном является не разрушительным, а созидательным процессом и предложенный подход будет стимулировать создание принципиально нового содружества национально-государственных образований. К тому же Н.Махиянов предложил назвать республику просто «советской», убрав слово «социалистическая», что будет означать определенный шаг к деидеологизации и демократизации общества. Он предостерег депутатов от дискриминации граждан по национальным, религиозным и политическим мотивам, предложил ратифицировать международное соглашение по правам человека и выработать Конституцию республики [ТА ГС РТ, ф. Р-3610, оп.1, д.1915, л.423-424]. Здесь необходимо отметить, что среди значительной части депутатов, а следовательно, и населения, назрело убеждение о необходимости отказаться от определения республики как соци-

алистической. Отказ же от идеи Советской власти назревал долго. Однако эти вопросы не стали на сессии предметом специальных дискуссий.

В эти дни всех волновал вопрос взаимоотношений России и Татарстана. При этом депутаты не переставали ссылаться на своих избирателей. Так, депутат Косулин заявил о том, что перед отъездом на сессию Верховного Совета депутаты Зеленодольского городского Совета поручили ему озвучить обращение, принятое на сессии городского Совета. В обращении говорилось, что принятие деклараций о суверенитете союзными республиками ставит под сомнение само существование Союза Советских Социалистических Республик. В документе обосновывалась неправомерность принятия Декларации о государственном суверенитете республики: «Провозглашение Татарии суверенным государством заблокирует действие союзных и республиканских (РСФСР) законов. Верховный Совет Татарии должен будет экстренно разработать и принять пакет законов, регулирующих политическое, экономическое устройство республики, собственное гражданское, уголовное, трудовое законодательство. Суверенное государство должно иметь постоянно работающий законодательный орган, которого сегодня нет ... Мы призываем вас сосредоточить усилия на первоочередных вопросах. Никто не мешает республике принять такой объем самостоятельности, какой мы можем взять на себя. Никто не мешает принять меры для создания оптимальных условий, способствующих возрождению татарской национальной культуры, самобытности татарской нации. Поскольку вопрос государственного устройства является основополагающим в жизни народа, Зеленодольский городской Совет народных депутатов считает, что вопросы об определении статуса республики и о принятии Декларации о суверенитете являются преждевременными и должны быть определены самим народом путем проведения референдума на основе пакета проектов всех вышеуказанных законов. Мы призываем вас проявить государственную мудрость и гражданскую ответственность». Однако депутат, похоже, сам придерживал-

ся несколько иной точки зрения на этот вопрос, поэтому завершил свое выступление следующими словами: «Товарищи народные депутаты! Я бы еще раз просил вас не очень строго относиться ко всему тому, что вы здесь услышали. Возможно, это есть альтернатива, и считаю, что основное, к чему мы должны прислушаться в этом обращении, это та боль, с которой народные депутаты относятся к тем бедам, которые касаются всех нас. Ведь не только мы переживаем за судьбу нашей республики, за судьбу граждан, проживающих на территории нашей Татарии» [ТА ГС РТ, ф. Р-3610, оп.1, д.1915, л.425–428]. Выступления депутата М.А.Мулюкова многие ждали с нетерпением. С одной стороны, оно являлось выражением настроений значительной части татарского населения, а с другой – служило ориентиром для многих сидящих в зале. Поэтому все присутствовавшие слушали его внимательно. «Татарский общественный центр уже три года, учитывая настроения населения нашей республики, учитывая настроения татар и представителей других национальностей в нашей республике, также учитывая настроения татарского населения, проживающего за пределами нашей республики, – это, как известно, более 5 млн., пришел к мысли о необходимости изменения именно статуса нашей республики», – начал докладчик. Далее следовал вывод: республике тесно в рамках автономного статуса, назрела необходимость повышения ее статуса, но этого невозможно сделать в составе Российской Федерации. Далее он изложил основные положения предложенного Татарским общественным центром проекта Декларации, состоящего из 36 пунктов. Зал с удовлетворением воспринял следующие его слова: «...я могу подтвердить, что гарантируются права всех граждан, проживающих в нашей республике. А то распускают разные ложные слухи о том, что якобы Татарский общественный центр ставит вопрос о суверенитете республики и в дальнейшем хочет переселить русское население из нашей республики. Товарищи, я повторяю – это неправильно! [Этого] вы ни в одном документе Татарского общественного центра и Декларации не найдете». Хорошим

предзнаменованием прозвучал призыв докладчика к гражданскому согласию и предложение определить 30 августа как день суверенного Татарстана [ТА ГС РТ, ф. Р-3610, оп.1, д.1915, л.428–431].

Депутат П.Ионов, в свою очередь, признал право любой нации беспрепятственно реализовывать свои национальные, политические и социальные интересы, исключая возможность превосходства одной нации над другой. Он высказался также против передачи части полномочий республики Союзу ССР или РСФСР, поскольку суверенитет предполагает полную самостоятельность республики. С учетом этого П.Ионов предложил исключить из проекта Декларации указание о правосубъектности Татарики. Свое выступление депутат завершил предложением принять Декларацию в виде политического документа, провозглашающего суверенитет, а дальнейшие правовые аспекты уже доработать. Выступление депутата, по сути призвавшее депутатов к компромиссу, вызвало одобрение и аплодисменты.

Депутат Р.Хафизов, выступивший от имени постоянной комиссии Верховного Совета по вопросам законодательства, законности, правопорядка и привилегиям, во многом обобщил выступления предыдущих депутатов. Он сообщил о том, что комиссия провела по проблеме суверенитета пять заседаний и предложила Министерству юстиции представить проект Декларации о государственном суверенитете. Проект Министерства юстиции был одобрен на заседании комиссии девятью голосами «за» при семи «против». Многие вопросы оказались спорными, и по ним у комиссии не выработалось единого мнения. Одним из важных выводов работы комиссии стало заключение о том, что положение «суверенная Татарская республика является субъектом двух федераций – Союза ССР и РСФСР» является юридически недействительным. Эти слова вызвали аплодисменты зала.

Особое внимание Р.Хафизов обратил на положения проекта Декларации, обеспечивающие верховенство законов республики и устанавливающие договорные отношения с Россией и Союзом ССР. Далее Р.Хафизов остановился на вопросах собственности и предложил изложить соответствующую

статью Декларации в следующем виде: «Земля, ее недра, другие природные ресурсы на территории Татарской АССР являются собственностью народа, которому принадлежат исключительные права по их владению, пользованию, распоряжению. Определение правового режима всех видов имущества относится к исключительной компетенции Татарской ССР. Татарская ССР имеет право на свою долю в общесоюзном имуществе соответственно вкладу народа Татарской АССР».

Р.Хафизов не удержался и озвучил мнения своих избирателей о суверенитете республики, показывающие, что депутатам предстоит решать проблему независимости Республики с учетом многообразных, порой противоречащих друг другу факторов. В одном из них, подписанном 400 избирателями, содержалось следующее требование: «Мы, рабочие и служащие, творческая интеллигенция, татары и русские, чуваш и евреи, весь народ Татарики, избирали вас народными депутатами, доверяясь вашим предвыборным платформам и обещаниям. Практически в каждой платформе депутатов были лозунги о преобразовании Татарики в союзную республику. Мы требуем выполнения своих предвыборных обещаний и провозглашения на Второй сессии Верховного Совета ТАССР Декларации о государственном суверенитете Татарской Советской Социалистической Республики. Мы требуем поименного голосования по вопросу о суверенитете. Народ должен знать, кого из депутатов надо будет отозвать за несоответствие предвыборным обещаниям, их конкретным действиям» [ТА ГС РТ, ф. Р-3610, оп.1, д.1915, л.433–437]. Другой документ за подписью полутора тысяч человек был следующего содержания: «Депутатская группа микрорайона Дербышки, обобщая мнение жителей микрорайона о суверенитете Татарики в связи с начинающейся сессией Верховного Совета ТАССР, доводит до вашего сведения следующие предложения: Декларацию о суверенитете, предложенную Президиумом Верховного Совета ТАССР, не принимать, а ограничиться на данной сессии коротким заявлением по этому вопросу ... Голосование ... проводить поименно. Решение об изменении ста-

туса республики, о государственном языке и по другим вопросам принимать только через референдум. Для этого вначале разработать Закон о референдуме. Трудовые коллективы предприятий Дербышек видят будущее Татарию только в составе обновленной России. Верховному Совету республики провести в жизнь Постановление первого съезда народных депутатов РСФСР о недопустимости совмещения должностей председателей Советов всех уровней с другими должностями». В заключении депутат предложил после принятия Декларации поставить на голосование обсуждение двух проектов документов: постановления о задачах правительства, вытекающих из принятия Декларации о государственном суверенитете, и Обращение Верховного Совета Татарской республики к Верховным Советам Союза ССР и РСФСР с предложением незамедлительно вступить в переговоры с суверенной Татарской республикой о заключении взаимовыгодных договоров. Эти слова вызвали аплодисменты участников заседания.

Депутат Б.Воробьев свое выступление построил на тезисе о необходимости привлечения народа к обсуждению важнейших документов. При этом он сослался на статьи 1 и 2 Конституции республики, согласно которым вся власть в Татарской АССР принадлежит народу. Б.Воробьев сообщил депутатам, что перед сессией он провел анкетирование и личные встречи с избирателями, в результате которых выяснилось, что 83,4% избирателей требуют проведения референдума. Возражая утверждениям о том, что проведение референдума дестабилизирует обстановку в республике, депутат отметил: «...народ у нас достаточно грамотен ... и созрел для того, чтобы самому определять те или иные важнейшие законодательные акты. А вопрос о суверенитете, о самоопределении республики – что может быть важнее этих вопросов для татарского народа, для русского народа, для всех жителей республики? Поэтому, поддерживая идею о суверенитете республики, я считаю целесообразным после принятия суверенитета республики составить пакет законодательных актов, в первую очередь закон о референдуме. Все дальнейшие вопросы

вхождения республики в те или иные договорные отношения с Союзом или с Россией решать именно путем референдума. Также и вопрос о языке, и другие важнейшие законодательные акты должен решить референдум. Иначе все наши предвыборные обещания останутся пустым гласом» [ТА ГС РТ, ф. Р–3610, оп.1, д.1915, л.439–440].

В выступлении Б.Воробьева получили освещение вопросы о выходе страны из экономического кризиса, о необходимости тщательной проработки договорных отношений с РСФСР и СССР. Вывод депутата был таков: Декларацию о суверенитете республики надо принять, а вопрос о вхождении в ту или иную федерацию решить через референдум.

Далее с яркой речью на татарском языке выступил депутат М.Шайхиев. Он сказал, что провозглашение суверенитета республики отвечает чаяниям всего татарского народа и многонационального народа Татарстана. Категорически отвергнув идею двусубъектности, он поддержал идею непосредственного вхождения республики в Союз ССР.

Депутат В.Михайлов попытался охарактеризовать настроения избирателей Советского района города Казани, оперируя несколькими письмами и обращениями. Выборочный метод, который был представлен им при анализе этих документов, базировался на данных приборостроительного конструкторского бюро (КПКБ), где он сам работал, и мнения депутатов Советского района. Требования основной массы населения – суверенитет через референдум. По мнению В.Михайлова, ставить вопрос о выходе из состава России несвоевременно по двум причинам: во-первых, Верховный Совет РСФСР имеет конкретную программу вывода России из кризиса, разработанную лучшими учеными-экономистами, а в Татарию собственная программа экономического развития и перехода к условиям рынка не разработана; во-вторых, предлагаемая Декларация о суверенитете не соответствует международной Декларации прав человека, не предполагает дальнейшей демократизации жизни. Поэтому В.Михайлов предложил сначала разработать пакеты экономического и национального развития ТАССР

и определить договорные отношения с Россией, и только после этого вернуться к вопросу о суверенитете.

Далее депутат зачитал обращение сессии Советского районного Совета народных депутатов к сессии Верховного Совета республики, в котором отрицалась возможность выхода Татарстана из России и выражалось опасение, что в республике могут оказаться опасными в правах русские, марийцы, мордва, украинцы и т.д. Свое выступление В.Михайлов закончил следующими словами, вызвавшими аплодисменты в зале: «Нам жить на этой земле, мы никуда друг от друга не уйдем. Поэтому нам всем надо дать равные права, и мы все вместе будем двигаться дальше» [ТА ГС РТ, ф. Р-3610, оп.1, д.1915, л.441-443].

Депутат Ф.Ш.Сафиуллин начал свое выступление с констатации отсутствия в стране равных прав между народами, но главным источником бед обозначил экономический кризис. Не называя фамилии, однако имея в виду выступившего перед ним В.Михайлова, он сказал: «Говорят, что у нас своей программы нет. Зачем нам сочинять программу, если есть программа Ельцина? Мы ее возьмем целиком, на 100% или, может быть, на 110, если она нам подходит. Но мы ее возьмем не потому, что нам приказали, а потому, что считаем ее разумной по нашей воле, вот в этом суверенитет». Идею двусубъектности Ф.Ш.Сафиуллин назвал бессмыслицей. Коснувшись вопроса о референдуме, он сказал, что у многих людей существует ложное впечатление о нем как о форме справедливости. Однако после референдума какая-то часть населения все равно останется недовольной его результатами, и потому он не принесет обществу покоя. Предполагая, что татары не составляют абсолютного большинства в республике, и, возможно, поэтому результаты референдума могут не дать им желаемого результата, депутат сказал: «А ведь речь идет о национальном достоинстве народа, возрождении национальной культуры. Без воли татарского народа суверенитет объявить нельзя... Но это не дает право татарскому народу проводить референдум только среди татар, исключать людей другой национальности. Мы на это тоже не имеем право...».

Ф.Ш.Сафиуллин призвал депутатов отказать от названия республики советской и социалистической, обозначив ее просто Республикой Татарстан. У депутатов вызвали удовлетворение его следующие слова: «Отношения с Россией у нас должны быть особые, и вот после Декларации надо эти особые отношения закрепить особым законом. Мы внутри России. От России отделение немыслимо при всем желании, этого никто, думаю, и не желает». Ф.Ш.Сафиуллин выразил согласие с В.Михайловым в необходимости принятия декрета о власти, который должен стать «первым криком новорожденной Татарской суверенной республики». «Благоразумие со стороны одних, уступка – других. Я, например, считаю: без благоразумной уступки русского народа суверенитет татарского народа невозможен. Но татарский народ никогда не ответит злом на это благоразумие, ответит только двойной, тройной дружбой. Я призываю к этому благоразумию всех жителей республики – татар, чувашей, русских», – заключил депутат под аплодисменты [ТА ГС РТ, ф. Р-3610, оп.1, д.1915, л.445-450].

Депутат Т.Шигабиев поддержал Ф.Ш.Сафиуллина в том, что суверенитет – это, прежде всего, ответственность перед народом, и он нужен для эффективного управления республикой, его реализация не означает разрыва с Россией: «Мы расположены в самом центре России. Куда мы уйдем? Куда мы денемся? Мы же не ставим вопрос об образовании своих вооруженных сил, своих таможенных служб, денежного обращения, образования Министерства иностранных дел и т.д.». В заключение он сказал: «Мы почти все в своих предвыборных программах говорили о суверенитете нашей республики, что будем добиваться самостоятельности. Я знаю, что почти 90% сидящих здесь в зале депутатов имело в программах такие пункты. Так давайте же будем верны своим обещаниям, и поэтому голосование, я считаю, все же надо произвести поименно, чтобы избиратели знали, как выполняет тот или иной депутат свои обещания перед избирателями». И призвал депутатов поддержать проект Декларации, предложенный Р.Сиразиевым и Р.Хафизовым [ТА ГС РТ, ф. Р-3610, оп.1, д.1915, л.450-453].

Народному депутату РСФСР М.Р.Рокицкому на сессии выпала роль посредника между руководством сессии и депутатской группой «Согласие». Суть его позиции заключалась в отказе от таких крайностей, как требование преобразования республики в Казанскую область или выдвижение лозунга «Татария – для татар». Он открыто поддержал центристскую позицию М.Ш.Шаймиева: «И вот я должен – те, кто знает меня хорошо, скажут, что это, наверное, впервые, – я должен просто воздать должное председателю Минтимеру Шариповичу за взвешенное, продуманное выступление». М.Р.Рокицкий призвал депутатов принять Декларацию на этой сессии без определения субъектности: «Не надо обручать себе пути, надо подождать». Докладчик рекомендовал депутатам объяснить своим избирателям, что государственный суверенитет подразумевает национальный суверенитет и это не ущемление, это путь к процветанию республики [ТА ГС РТ, ф. Р–3610, оп.1, д.1915, л.453–454]. Посредническая деятельность М.Р.Рокицкого на этом не завершилась.

30 августа 1990 г. утреннее заседание сессии открыл М.Ш.Шаймиев, призвавший депутатов к взвешенному, конструктивному разговору с тем, чтобы абсолютным большинством прийти к конкретному решению [ТА ГС РТ, ф. Р–3610, оп.1, д.1916, л.1].

Первым слово было предоставлено депутату Р.А.Файзуллину, который, подчеркнув важность обсуждаемого вопроса, призвал своих коллег к консенсусу. Боящихся суверенитета он разделил на три группы. Первая, по его мнению, боится, что это может привести к отделению Татарстана от России. Однако, по мнению поэта, об отделении полностью Татарстана не может идти и речи: «Ведь вопрос ставится только о суверенитете, о равноправии. Разве можно найти хоть одного человека, который семейными или другими узами не был связан с другими? Нам друг без друга жить просто невозможно, будем реалистами. Без России нам нет полнокровной жизни» [ТА ГС РТ, ф. Р–3610, оп.1, д.1916, л.3]. Во вторую группу он выделил опасующихся, что при суверенитете будут ущемлены интересы народов другой национальности. Эти опа-

сения Р.А.Файзуллин назвал совершенно необоснованными. К третьей группе были отнесены люди, полагающие, что суверенитет нужен партократам, которые «готовят для себя новую структуру». Несостоятельность таких опасений очевидна, подчеркнул докладчик, так как вопрос о том, кто будет управлять республикой, определяет народ и депутаты. Р.А.Файзуллин категорически отверг принцип двусубъектности, ибо, по его словам, «на одну шею два хомута не надевают».

Получивший за Р.А.Файзуллиным слово А.А.Колесник, наоборот, поддержал идею двусубъектности, сославшись на своих избирателей, 80% которых, по его утверждению, выступают против выхода из России.

Депутат В.Фахрутдинов заявил, что на первое место при провозглашении суверенитета республики должен быть поставлен человек, а не государство, источником права должен быть народ. «Считаю, – отметил он, – нельзя строить свое благополучие за счет ущемления прав других, ... это неизбежно приведет к межнациональным конфликтам». Как и многие другие депутаты, В.Фахрутдинов предложил принять Декларацию без указания субъектности республики с тем, чтобы, получив поддержку народа, сесть за стол переговоров с Россией или с Союзом.

Р.М.Миннуллин главный акцент сделал на необходимости поднять статус республики до уровня нормального цивилизованного государства с тем, чтобы она стала субъектом международного права, имела в других государствах и республиках СССР свои представительства. «Нас устраивает только полная самостоятельность, полная свобода. Суверенитет, извините, не мясо, не сахар, которые можно получать порциями», – сказал он. Р.М.Миннуллин призвал депутатов преодолеть сомнения, неуверенность в своих силах и закончил свое выступление следующими словами: «Начинается новый отсчет времени. Всех нас ждут новые времена, новые трудности, новые проблемы, которые нам решать самим» [ТА ГС РТ, ф. Р–3610, оп.1, д.1916, л.19].

Выступивший за ним автор одного из вариантов Декларации А.В.Штанин подчеркнул, что государственный суверенитет не-

обходим, национально-государственное самоопределение каждого народа необходимо. Он, так же, как и В.Фахрутдинов, отметил, что при этом на первом месте должен стоять человек.

Генеральный директор производственного объединения «Нижнекамскнефтехим» Г.З.Сахапов привел конкретные цифры, свидетельствующие об экономическом беспорядке республики. По его данным, в республике 80% произведенной промышленной продукции приходилось на долю предприятий союзного подчинения, 18% – на долю предприятий российского подчинения, и только 1,5% – местного ведения. Г.З.Сахапов отметил, что продажа на экспорт продукции «Нижнекамскнефтехима» осуществляется по лицензии, спускаемой «сверху», при этом доходы почти целиком остаются в Москве. Подчеркнув, что у других предприятий, например, «Нижнекамскшина», положение еще хуже, он сказал: «Ясно одно: так жить нельзя, и назад дороги нам тоже нет. Какая же тогда дорога может вывести нас на широкий простор, если не на процветание, то хотя бы на нормальную экономическую и человеческую деятельность? Это независимость предприятий, разные формы собственности, рынок, суверенитет и самоуправление территории. Наше благополучие в наших руках. И не в подчинении у кого-то, не в составе кого-то, а вместе с кем-то, с суверенными республиками, в договоре равных, достойных деловых партнеров». Г.З.Сахапов особо выделил область межнациональных отношений и гражданства, обратив внимание депутатов на то, что люди обеспокоены тем, что придется в принудительном порядке изучать татарский язык. В заключение депутат сказал: «Голосую поименно за суверенитет, где четко написано: «Татарская АССР гарантирует всем проживающим на ее территории гражданам, независимо от их национальности, право на всестороннее экономическое, социальное и культурное развитие, свободу совести и вероисповедания, а также другие права и свободы человека». Мы, народные депутаты, должны принять эти слова как клятву. Другого не должно быть» [ТА ГС РТ, ф. Р–3610, оп.1, д.1916, л.29].

Депутат Сабинского избирательного округа Ф.А.Байрамова, подчеркнув, что она выдвинута от Татарского общественного центра, выступила против референдума и сказала, что дала клятву вести борьбу за суверенность Татарстана: «Этот язык, земля, вера нам, татарам, даны Богом много тысяч лет тому назад. Мы здесь никого не завоевали и не собираемся завоевывать. Мы боремся только за свои права, за сохранение своей нации. Выносить на референдум вопросы государственности, языка было бы грубейшим нарушением международных прав. Мы вынуждены будем искать защиты у мировой общественности...» [ТА ГС РТ, ф. Р–3610, оп.1, д.1916, л.28]. Особое внимание Ф.А.Байрамова уделила проблемам села, национальной культуры. В заключение она затронула вопросы взаимоотношений татар и русских, которые, по ее словам, «настолько вместе жили, что даже в каких-то поколениях начали развиваться, как сиамские близнецы, ... мы с русскими росли друг в друга». Сращивание двух народов было оценено ею как противоестественное явление и начало национальной трагедии, в результате которой теряются «две большие культуры, прекрасные качества двух наций». «Типы, которые не имеют ни национальных корней, ни разума, не являются ни татарами, ни русскими ... Вот чего мы добились, стремясь слить две нации», – сказала она [ТА ГС РТ, ф. Р–3610, оп.1, д.1916, л.31].

Депутат от Елабуги А.Владимиров, вручив президиуму сессии заявление, подписанное 3185 гражданами города, изложил его содержание. Горожане, поддерживая идеи суверенитета, требовали не выходить из состава России, ибо это, по их мнению, приведет к развалу экономики страны и республики и может повлечь за собой непредсказуемые последствия в межнациональных отношениях. Ему возразил депутат Н.Валеев, который сказал, что общественность склоняется к тому, чтобы взаимоотношения с СССР и РСФСР и другими республиками строились на основе договоров, в том числе и Союзного.

Между тем на площади вокруг здания, где проходила сессия, народ не расходил-

ся. Возгласы с требованием немедленно принятия Декларации были слышны отовсюду. Однако такого рода настроения могли сорвать работу Верховного Совета, поэтому председательствующий на сессии М.Ш.Шаймиев напомнил депутатам о принятом накануне специальном обращении к избирателям и сообщил, что вопреки договоренности на площади Свободы прошла демонстрация. «Если товарищи депутаты от Татарского общественного центра не пойдут (на площадь. – *И.Т.*), не договорятся (с демонстрантами. – *И.Т.*), чтобы такое не происходило, я считаю, что работу сессии продолжать не нужно. Я предлагаю за один час до следующего перерыва договориться», – сказал он. Эти слова вызвали аплодисменты в зале, и работа сессии снова вошла в конструктивное русло.

Полемичным и конструктивным было выступление народного депутата РСФСР, председателя Союза писателей республики Р.С.Мухамадиева. Вот небольшой отрывок из его выступления: «Ряд депутатов, в частности товарищи Косулин и Воробьев, громкогласно говорили о необходимости проведения референдума. В стране пока еще никто не проводил подобных акций. И Россия, и Туркмения, и Молдова, и Литва, то есть каждая из республик, провозгласивших суверенитет, решила этот вопрос парламентским путем. Многих беспокоит при условии нашего суверенитета перспектива выживания республики. Нас предостерегают: а что если Россия перекроет нефтепроводы, а что если не пропустит сюда через свои шлюзы, блокирует железные дороги и воздушное пространство? Отвечаю, товарищи демократы: демократическая правовая Россия на это пойти не может. Времена, когда все решалось при помощи силы и диктата, думаю, уже канули в историю. Председатель Верховного Совета России Ельцин сам не раз заявлял, что РСФСР, цитирую: «...будет всемерно поддерживать любую форму суверенитета Татарии, защищать его от посягательств». Объявляя свой суверенитет, Татарстан вовсе не идет на конфронтацию с кем-либо, а тем более с Россией. Даже тот факт, что на территории РСФСР вне Татарстана проживает бо-

лее 3 млн. татар, а на территории Татарстана проживает более 1,5 млн. русских, доказывает несостоятельность таких опасений. Дружба и взаимопонимание – они как воздух будут одинаково необходимы для всех. И перед равноправными самостоятельными республиками откроются невиданные ранее перспективы экономического, культурного и политического сотрудничества. Договоры, заключаемые между суверенными республиками, наоборот, еще более сблизят их, явятся предпосылкой здоровых, подлинно демократических взаимных отношений между народами ... Что касается Декларации, где Татарстан провозглашается субъектом двух федераций, то она абсурдна, я соглашаюсь со всеми. Что касается половинчатых решений и предложений подождать, то хочется напомнить уважаемым народным депутатам: во-первых, мы уже ждали более 70 лет, а то и больше; во-вторых, суверенитет или есть, или его нет. Другого варианта не бывает. И вообще пора бы понять, что перепрыгивать пропасть в два прыжка невозможно, рассчитывать на второй прыжок бесполезно. Я искренне верю в благоразумие и политическую компетентность народных избранников Татарстана».

Под впечатлением от этих слов депутат П.Ионов обратился ко всем депутатам, в том числе и депутатам РСФСР, с просьбой не делать тенденциозных заключений по позиции каждого депутата. Это относилось и к выступлению Р.С.Мухамадиева, потому что тенденциозные заявления, может быть, непродуманные, были не только со стороны демократической платформы, а также Татарского общественного центра.

Б.Л.Железнов, подчеркнув, что выступает не как политик, а как юрист и ученый, попытался обосновать взаимоотношения Татарстана с Россией и СССР и тем самым поддержать защитников идеи двухсубъектности республики. По его мнению, в РСФСР Татарстан должен быть субъектом Федерации, а в СССР, в силу его постепенного превращения в конфедерацию, войти как конфедеративный член. «Мы не мыслим себя вне правосубъектной связи с Россией не только в силу исторических, экономи-

ческих причин, но хотя бы в силу нашего геополитического положения в центре, в самом сердце России», – сказал он [ТА ГС РТ, ф. Р–3610, оп.1, д.1916, л.50–51].

Жесткой критике подверг проект Декларации, разработанный рабочей группой Верховного Совета, а по сути и подходы Б.Л.Железнова депутат от Азнакаево Р.Шакуров: «Два взаимосвязанных принципа лежат в основе ленинской национальной политики: это самоопределение и равенство народов. С точки зрения реализации этих принципов проект Декларации, представленный рабочей группой ... является аморфным, непоследовательным. Я бы назвал его Декларацией о псевдосуверенитете. Не зря говорится, что история повторяется дважды: в виде трагедии и фарса. Еще в 20-е гг. был первый обман татарского народа – процесс автономизации. В 1990 г. – «двойное подчинение», «двойной статус». Готовится новый обман всех народов, населяющих нашу республику». Предложение А.А.Колесника подождать с провозглашением суверенитета Р.Шакуров также подверг критике, сказав, что при таком подходе с суверенитетом придется подождать еще 500 лет. Закончил выступление он так: «Суверенитет Татарстана не противоречит, а только усиливает суверенитет России».

Писатель Р.И.Валеев, выразив озабоченность возможным расколом депутатского корпуса по национальному признаку, сказал, что будет выступать на русском языке с тем, чтобы его поняли «русские братья и русскоязычные татары», так как «если сегодня они не поймут меня на русском языке, тогда, боюсь, мы уже никогда не пойдем друг друга ... А если на этой сессии русская часть депутатов заблокирует принятие Декларации о государственной независимости, я боюсь совсем разочароваться в них». В своем выступлении он попытался убедить депутатов в необходимости принятия Декларации, обеспечивающей политический и экономический суверенитет республики и тем самым восстанавливающей справедливость по отношению к татарскому народу. Р.И.Валеев категорически отверг предложения о двусубъектности Татарстана и идею референдума по вопросу о статусе республики. Он заявил, что будет голосовать за

полный суверенитет без слов «субъект» и «в составе», ратовать за поименное голосование с последующим опубликованием результатов в печати и выступать за срочное составление правительственной программы в условиях суверенитета и рыночных отношений. Категоричным было требование депутата к правительству: если оно не видит путей выхода из кризиса и формирования своей самостоятельной экономической политики, то должно подать в отставку.

Нужно отметить, что правительство приняло активное участие в обсуждении вопросов политического и экономического суверенитета. Прежде всего, сам глава правительства М.Г.Сабилов в ходе сессии выступил несколько раз. Со специальным докладом об экономической программе правительства выступил заместитель Председателя Совета Министров Ф.Г.Хамидуллин. Вот выдержка из его выступления: «Среди 73 областей, автономных республик Российской Федерации Татария занимает по численности населения 9-е место, по объему промышленной продукции – 9-е место, продукции сельского хозяйства – 8-е, по объему ежегодно осваиваемых капитальных вложений – 7-е место ... Республика занимает 1-е место среди автономных республик России по объему промышленной продукции на душу населения, значительно превышая среднероссийские показатели. Выше среднего по России и показатель производства в республике сельскохозяйственной продукции в расчете на душу населения». Далее отметив, что Татария является одним из ведущих экономических регионов, он указал на слабые места народного хозяйства. Особо он отметил отставание республики от других регионов России в социальной сфере. Так, по обеспеченности больничными койками ей принадлежало 61-е место, жильем – 37-е место. Суть правительственной политики в условиях суверенитета, по мнению Ф.Г.Хамидуллина, будет заключаться в максимальном использовании экономического потенциала республики в интересах ее многонационального народа [ТА ГС РТ, ф. Р–3610, оп.1, д.1916, л.73–75].

Среди поддержавших идею суверенитета и особенно его экономической части был депутат Верховного Совета СССР Ю.Кра-

сильников. Одобрение депутатов вызвали следующие его слова: «Сколькими процентами собственности владеет сегодня Татария из ее промышленного потенциала? Полутора процентами! Ни одна колония никогда не имела такого мизерного капитала в своей собственности ... Я за полный суверенитет с признанием Советского Татарстана субъектом международного права».

Выступления секретаря Казанского горкома КПСС Г.Зерцалова и депутата М.Казакова были посвящены вопросам межнациональных отношений. Если первый докладчик ссылаясь главным образом на мнение партийного актива, второй выражал точку зрения рядового коммуниста. Выступление М.Казакова ярко показывает настроения, внутренние переживания и сомнения русских депутатов: «Самое главное для русскоязычной части населения – гарантированное равенство всех народов, населяющих республику. Но с приездом в Казань и с первых дней работы нашей сессии у меня закрались в душу некоторые сомнения, появилась неуверенность в принятом решении ... по причине того, что вот эти митинги, манифестации, лозунги, плакаты, эмоции, открытое выражение национализма и шовинизма, требование, чтобы депутаты слушали только их, – все это вызвало у меня очень отрицательное отношение. И я некоторым своим товарищам сказал было, что, видимо, придется голосовать за другие какие-то предложения, но не за суверенитет. Однако, взвесив все это реально, обдумав еще раз и поняв, что эти митинги – дело рук небольшой группы людей и их организаторов, которые, чувствуется, имеются и среди народных депутатов, я решил быть выше эмоций, выше мнений организаторов этих митингов и все же проголосовать за суверенитет нашей республики ... Успех может быть только на пути консолидации всех общественных сил в интересах народа, т.е., как это указал XXVIII съезд КПСС, в осуществлении принципов партнерства, терпимости, взаимоуважения, корректности» [ТА ГС РТ, ф. Р–3610, оп.1, д.1916, л.78–79].

Для снятия такого рода сомнений оказалось очень уместным выступление депутата из Нижнекамска А.Зиатдинова, отразивше-

го настроения татарской части депутатского корпуса. Русскоязычным депутатам было важно услышать из уст авторитетного человека, что Татарстан не добивается разрыва отношений с Россией, а требует только равноправия. «Насколько нам нужна Россия, – сказал депутат, – ровно настолько же Татарстан нужен России. Насколько нам нужны Украина, Молдавия, Эстония, Чувашия, Узбекистан, Якутия ... Сахалин, ровно настолько же Татарстан нужен им ... Именно на принципах взаимовыгодности строятся все экономические отношения в мире. Насильно мил не будешь ... Говорят, что у нас мало природных ресурсов. Разве их больше у Финляндии, у Израиля, не говоря уже о Японии? Мы основную ставку должны делать на труд, труд умственный, труд физический, труд созидательный ... Республика обладает огромным интеллектуальным, научным, инженерно-техническим потенциалом, прекрасными рабочими кадрами и замечательными работниками сельского хозяйства. Есть только задача, как их заинтересовать, чтобы они заработали в полную силу». А.Зиатдинов подверг критике прозвучавшее мнение об отсутствии в республике экономических концепций для подкрепления государственного суверенитета и напомнил, что еще в середине 1989 г. группа экономистов республики при участии специалистов шести автономных республик разработала основные принципы экономической самостоятельности, которые были отвергнуты Москвой со ссылкой на то, что они применимы только в союзных республиках. Депутат закончил свое выступление следующими словами: «Думаю, что новые задачи при новых возможностях найдут и новых исполнителей. Есть у нас экономисты, есть и юристы. Некоторые наши коллеги бьют тревогу о том, насколько опасно быть самостоятельным. Да, наше положение было такое, что мы как бы снимали комнату в чужой квартире. Когда настало время получать квартиру, начали выражать сомнение в том, сможем ли мы жить самостоятельно. Но, не получив квартиры, это трудно доказать» [ТА ГС РТ, ф. Р–3610, оп.1, д.1916, л.80–82].

Об изменении настроений депутатов в пользу полноценного суверенитета свиде-

тельствовало выступление председателя Совета народных депутатов Набережных Челнов Ю.Петрушина, который довел до сессии Верховного Совета поручение депутатов городского Совета: «1. Принять Декларацию о государственном суверенитете Татарской Советской Социалистической Республики и преобразовать ее в Советскую Республику Татарстан. 2. Исключить из проекта Декларации тезис о субъектности Татарстана в обновленной Федерации России и Союза. 3. Объявить, что государственными языками на территории Татарстана являются татарский и русский языки. 4. Учесть при обсуждении Декларации предложения и замечания, высказанные на сессии городского Совета». Депутат предложил принять короткую декларацию с определением двух государственных языков, гарантией защищенности всех наций республики и гражданства [ТА ГС РТ, ф. Р-3610, оп.1, д.1916, л.84-87].

Депутат С.Титов, всецело поддержав Петрушина, предложил, однако, сохранить в названии республики слова «Советская Социалистическая».

Депутат Казанского Совета М.Шамсутдинов, депутат Верховного Совета А.Ахатов так же, как и многие другие депутаты, предложили переименовать ТАССР в Республику Татарстан. Первый секретарь Кировского райкома КПСС Р.Сабитов, в отличие от многих депутатов, заявил, что люди не готовы к восприятию суверенитета в его правовом и экономическом содержании, и, сославшись на решение Кировского районного Совета народных депутатов от 28 августа, предложил решить этот вопрос путем референдума.

Выражая мнение противников дусубъектности и референдума, прокурор Кировского района Казани Р.Вагизов апеллировал к Сабитову так: «Если мы здесь «торжественно» хороним сталинскую политику ранжирования народов по сортам, если все депутаты согласны, что дусубъектность с точки зрения политики и права – это абсурд, то должны поставить точку над «і» и по вопросу о референдуме. Мои аргументы против референдума: когда референдумом решаются вопросы естествен-

ного права народов на самоопределение, на создание национального очага, то референдум проводить не следует. Второй аргумент: провозглашая суверенитет, мы как бы ратифицируем международные правовые законы о праве народов на самоопределение ... В СССР создан прецедент провозглашения суверенитета Верховных Советов СССР, Украины и т.д. И почему Татария должна пойти на какой-то непонятный эксперимент и создать прецедент решения этого вопроса через референдум? Тем более референдум может обострить ситуацию в республике. Тогда уже джинна межнациональных напряжений трудно будет загнать назад в бутылку» [ТА ГС РТ, ф. Р-3610, оп.1, д.1916, л.107].

Обсуждение вопроса так затянулось, что выступления последних ораторов Ю.С.Решетова, Р.Г.Галеева, Т.Абдуллина, И.Мустафина, несмотря на их конструктивизм, прозвучали при большом шуме в зале.

В ходе заседания председательствующий М.Ш.Шаймиев внес предложение создать для выработки окончательного текста Декларации согласительную комиссию в следующем составе: С.Абуладзе, М.Аглиуллин, Ю.Алаев, Н.Баграмов, Н.Владимиров, И.Грачев, Б.Железнов, Е.Кабыш, Х.Киямов, Ю.Красильников, В.Липужина, В.Лихачев, А.Лозовой, Р.Миннуллин, М.Мулюков, Г.Муртазин, Р.Мухамадиев, В.Нефедов, А.Перов, Ю.Петрушин, М.Сираев, Р.Сиразиев, И.Тагиров, Л.Терентьев, Ф.Хамидуллин, Р.Хафизов, А.Штанин, Р.Юсупов, Ш.Ягудин. По предложению депутата А.Васильева в комиссию дополнительно был включен Ф.Сафиуллин. Всего 30 человек.

Так как в работе комиссии в качестве ее председателя участвовал М.Ш.Шаймиев, на вечернем заседании сессии председательствовал Р.Ш.Шамгунов.

В вопросе о названии республики комиссия без особых дискуссий пришла к единому мнению. Слова «Советская Социалистическая» были убраны, и она была обозначена просто Республика Татарстан.

Однако это было сделано в отсутствие М.Ш.Шаймиева. Когда он вошел в комнату, где работала комиссия, и увидел на столе

проект без названных двух слов, то настоял на двойном названии республики. «Вы примете Декларацию и разъедетесь по домам. А мне с этим документом завтра надо ехать в Москву», – сказал он и добавил, что время для отказа от этих слов еще не настало.

Основным предметом дискуссий на комиссии стали вопросы субъектности и государственных языков. Наконец, компромисс был найден. Было решено не указывать в Декларации субъектность Татарстана, а в качестве государственных обозначить татарский и русский языки.

По окончании работы комиссии М.Ш.Шаймиев, заняв место председательствующего в зале заседаний, сказал: «По настроению депутатов чувствуется, что они в ожидании такого документа, который должен вобрать в себя все различие мнений, стремлений, все сомнения и все надежды ... По-моему, им удалось сделать такой документ, который является творчеством коллективного разума. По поручению комиссии слово о проекте Декларации суверенитета Татарской АССР имеет депутат Сафиуллин».

Приведем некоторые строки из выступления Ф.Ш.Сафиуллина: «...Набиравший силу заряд разнополярности в нашем парламенте в результате плодотворной работы и взаимного понимания ... теперь уже рассеялся. Разрядка произошла, и я очень рад, что в результате мы приходим к общему пониманию. Растаяли последние льды взаимного недоверия, подозрений в каких-то подвохах. Мы окончательно убедились, что нам делить нечего, что у нас общая судьба ... Могу доложить от имени согласительной комиссии, что 30 человек почти единодушно, без споров по принципиальным вопросам, отобрав самое лучшее из всех проектов деклараций, пришли к единому разумному, нравственному выводу, который я хочу предложить от имени комиссии вашему вниманию. Я допускаю мысль, что здесь не все шероховатости удалены, есть, наверное, и к чему придраться. Товарищи, это есть компромисс, это есть согласие. То, что должно быть в отношении между людьми, между народами, между возрастами, как в нормальном обществе. Прежде чем зачитать, я призываю поддер-

жать документ, в котором отображены самые основные идеи, которым он призван отвечать» [ТА ГС РТ, ф. Р–3610, оп.1, д.1915, л.134–135]. Началось обсуждение озвученного Ф.Ш.Сафиуллиным проекта Декларации, в основном были затронуты пункты о собственности и верховенстве законов республики. Была достигнута договоренность, оставить все как есть в проекте. Предложение исключить из выражения «реализуя неотъемлемое право татарской нации, всего народа республики на самоопределение» слова «татарской нации» не прошли, т.к., по словам председателя комиссии по законности, привилегиям и депутатской этике Р.Хафизова, татарская нация является субъектом государственно-правовых отношений, имеет право на самоопределение [ТА ГС РТ, ф.Р–3610, оп.1, д.1916, л.140]. В 22 часа 30 августа документ был принят в окончательном виде. Председатель счетной комиссии Р.З.Алтынбаев объявил, что «за» из 242 депутатов проголосовал 241, воздержался только депутат Ю.Бахтеев. Это сообщение было встречено бурными аплодисментами и возгласами «ура».

Принятие Декларации явилось коренным поворотом в истории Татарстана, так как открыло путь к становлению полнокровной государственности, в то же время оно положило начало превращению России в подлинную Федерацию. Однако вся подлинно революционная работа по ее реализации была еще впереди.

Успешность всякой революции определяется степенью отхода от старых законов и переходом к новым правовым нормам. Татарстану во взаимоотношениях с Россией и со всем остальным миром также предстояло перейти на новые правовые нормы.

Предстоял переход республики в статус суверенного государства. Он не умалял, а скорее возвышал значение Декрета 27 мая 1920 г. об образовании Татарской республики, так как народ, потерявший после 1552 г. свою государственность, обрел автономию. Если бы тогда не была обозначена территория республики, суверенитет 90-х был бы невозможен. Татарская АССР стала плацдармом для борьбы за подлинную государственность.

Декларация о государственном суверенитете, хотя и была важным документом, сама по себе не изменила статуса республики. Права республики по-прежнему определялись сверху. Республика могла быть в любое время ликвидирована или в лучшем случае преобразована в обычную административно-территориальную единицу. И никто не смог бы оспорить правомерность ее ликвидации. Принятую Декларацию необходимо было закрепить. Для этого существовало два пути: первый – проведение всенародного референдума, что явилось бы беспорным выражением воли многонационального народа Татарстана, второй – достижение признания Декларации Российской Федерацией путем заключения двустороннего договора.

На первых порах двусторонний договор был более предпочтительным. Если бы удалось убедить российское руководство в правомерности действий руководства Татарстана, то для республики сразу открылся бы путь к установлению договорных отношений с Российской Федерацией, что действительно стало бы реализацией формулы «революции без ссоры с прокурором».

Однако в российском руководстве обнаружилось значительные колебания в этом вопросе. В Москве с признанием Декларации о государственном суверенитете Татарстана явно не спешили.

В те дни Верховный Совет республики получил проект Федеративного договора, который был рассмотрен и обсужден на сессии 6–8 февраля 1991 г. Депутаты отвергли его как документ, противоречащий Декларации о государственном суверенитете республики, и специальным постановлением поручили делегации Татарстана подготовить проект Договора ТССР с Российской Федерацией.

20 февраля 1991 г. М.Ш.Шаймиев направил соответствующее письмо Председателю Верховного Совета РСФСР Б.Н.Ельцину. Одновременно в адрес III внеочередного съезда народных депутатов РСФСР была направлена телеграмма от Президиума Верховного Совета ТССР. Съезд извещался о том, что, исходя из Декларации о государственном суверенитете ТССР и Закона СССР от 26 апреля 1990 г. «О разграничении пол-

номочий между Союзом ССР и субъектами Федерации», Третья сессия Верховного Совета Республики Татарстан приняла решение о самостоятельном подписании Союзного договора и последующем заключении Договора с РСФСР.

Однако решить вопрос о порядке подписания Союзного договора через съезд народных депутатов России оказалось невозможным. В республике возникли явные затруднения в связи с предстоящими выборами Президента России и Татарстана. Должен ли Татарстан участвовать в выборах Президента РСФСР?

В мае 1991 г. Верховный Совет республики решил провести выборы Президента Татарстана и России. У значительной части населения это решение вызвало недоумение, а у некоторых – чувство протеста и возмущения.

14 мая 1991 г. Ф.А.Байрамова заявила: «Я объявляю голодовку в знак протеста против грубого попрания Декларации о государственном суверенитете ТССР и необдуманного решения Верховного Совета республики от 13 мая 1991 г. о проведении выборов Президента РСФСР на территории Татарстана». Голодовка депутата, к которой присоединились еще 16 человек, продлилась до 27 мая. Состоялось несколько митингов против решения Верховного Совета о проведении выборов российского президента.

27 мая митингующая толпа внесла в зал заседаний Верховного Совета республики сидящую в кресле Ф.А.Байрамову. В тот же день Верховный Совет принял решение, по которому республика официально не должна была участвовать в выборах российского президента, вместе с тем в документе говорилось о необходимости создания условий для голосования желающим принять участие в выборах Президента Российской Федерации.

На выборах Президента Татарстана за кандидатуру М.Ш.Шаймиева проголосовало 74% избирателей. Выборы Президента России на территории Татарстана не состоялись, так как на избирательные пункты не явилось более половины избирателей.

В этих условиях стало необходимым внести ясность в вопросы взаимоотношений России и Татарстана и подписания Со-

юзного договора. Переговоры по вопросу велись непосредственно М.Ш.Шаймиевым и Б.Н.Ельциным.

12 августа 1991 г. две делегации в Москве сели за стол переговоров. Переговоры шли в очень жесткой форме и завершились 14 августа принятием совместного протокола.

Переговоры начались с приветственных слов глав делегаций. Затем слово было предоставлено заместителю руководителя делегации Татарстана профессору И.Р.Тагирову. Он начал свое выступление с напоминания о том, что историческая память татарского народа хранит историю своей государственности и народ никогда не прекращал свою борьбу за ее восстановление. Было отмечено, что Татарстан никогда добровольно не входил в состав России. Специальное внимание было уделено документам состоявшегося в январе 1918 г. III Всероссийского съезда Советов, и особо – Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, признавшей суверенность народов России и провозгласившей Россию федерацией. Было сказано, что особое значение имеет последний пункт документа, где констатируется, что «III Всероссийский съезд Советов ограничивается установлением коренных начал федерации Советских республик России, предоставляя рабочим и крестьянам каждой нации принять самостоятельно решение на своем собственном полномочном советском съезде: желают ли они и на каких условиях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях» [Васильев, Гуреев, 1972, с.9–11].

С.М.Шахрай выразил удовлетворение тем, что наконец-то стали обращаться к документам, учредившим федерацию, а С.Б.Станкевич хотя и попытался отвергнуть эти документы как «большевистские штучки», но иного аргумента, кроме «тысячелетней истории России», у него не нашлось. Доводы были исчерпаны, когда С.Б.Станкевичу напомнили, что начало этой тысячелетней истории – Киевская Русь, и предложили для продолжения переговоров поехать в Киев. С.Б.Станкевича попытался поддержать заместитель министра иностранных дел Ф.В.Шелов-Коведяев.

Г.Э.Бурбулис на второй день переговоров признал правомерность позиции Татарстана, однако и он не был готов к тому, чтобы включить произнесенные им слова в протокол, составленный по окончании переговоров. Он напомнил также, что в Татарстане были сорваны выборы Президента России, и, по его мнению, это обстоятельство усугубило ситуацию.

Естественно, что основой переговоров, кроме документов III Всероссийского съезда Советов, явилась Декларация о государственном суверенитете Татарстана. Г.Э.Бурбулис в этой связи отметил, что было бы гораздо лучше, если бы делегация Татарстана приехала с результатами референдума о статусе республики. Татарстанская же сторона возразила, что, поскольку не было добровольного вхождения в состав России, в проведении референдума нет необходимости: за 438 лет, которые прошли после взятия Казани, ни один татарин не подписывал документа о таком вхождении, и именно потому в Декларации не указано, что Татарстан есть часть России. Услышав эти слова, С.М.Шахрай поднялся из-за стола и, прохаживаясь вдоль стола, начал рассуждать как бы от лица татарстанской стороны: «Значит, мы из России не выходим, но в нее и не входим». В ответ прозвучала реплика: «Сергей Михайлович, вы очень тонко поняли нашу позицию». После этого вопрос о выходе из состава России не ставился очень долго.

Далее российская делегация предложила исходить из понимания положения каждой из сторон. Для руководства России было важно обеспечить конфиденциальность переговоров – это было необходимо для того, чтобы об этом не знали другие союзные республики, поскольку существовал документ «девять плюс один», связывающий российскую сторону. Имело место и опасение того, что за примером Татарстана могут последовать другие бывшие автономные республики. Договорились, что определенная конфиденциальность будет обеспечена. А что касается соблазна брать пример с Татарстана, то этого не надо было бояться: во-первых, потому что республики признали факт своего добровольного вхождения в состав России; во-вторых, в своих деклараци-

ях о государственном суверенитете признали свое нахождение в составе России.

По результатам переговоров был принят протокол.

16 августа делегация Татарстана вернулась в Казань полная надежд, что для Татарстана открылся путь для самостоятельного подписания Союзного договора. К этому времени до возможного начала процедуры его подписания оставалось всего несколько дней.

§ 4. Заговор против страны и народа

Индус Тагиров

Заговором против страны и народа можно было бы назвать события 18–21 августа 1991 г. Это был заговор властей. Не против друг друга, а именно против народа. В историю они вошли как события ГКЧП (Государственный комитет по чрезвычайному положению). К настоящему времени вокруг них нагромоздилось немало мифов и домыслов. В результате, реальные события оказались отодвинутыми на задний план, а на первое место вышли второстепенные, не имеющие принципиального значения факты.

Действительно, что представляли из себя эти события? Почему они совпали с датой возможного подписания нового Союзного договора? Бесспорно одно, они были связаны с ним и являлись продолжением борьбы вокруг этого документа. В то же время на них лежала печать противостояния Президента СССР, Генерального секретаря ЦК КПСС М.С.Горбачева и Президента РСФСР Б.Н.Ельцина. Горбачев добивался максимальных прав для будущего Союзного государства, а, следовательно, и для себя, а Ельцин стремился к тому, чтобы будущий Союз более всего походил на конфедерацию и реальные властные полномочия были бы сосредоточены у республик, и более всего – у России, следовательно, у российского президента. Ельцин говорил, что за Союзом следует оставить не более двух-трех полномочий, а остальные должны реализовываться на местах.

История рассудит взаимоотношения этих людей. Однако уже сейчас со всей определенностью можно сказать: в случившемся противостоянии немалая вина ло-

По договоренности двух делегаций 19 августа 1991 г. в 16 часов в российском Белом доме планировалась встреча Б.Н.Ельцина и М.Ш.Шаймиева, которые должны были поставить последнюю точку по этому вопросу.

Однако встреча не состоялась. Развитие событий пошло по другому руслу. Три августовских дня 1991 г. коренным образом изменили положение в стране.

Если победила линия борьбы Ельцина, то это вовсе не говорит о его правоте. Впрочем, давайте рассмотрим события в их хронологической последовательности.

Формальным поводом для обострения противостояния Горбачева и Ельцина стал появившийся на страницах газет проект нового Союзного договора. Приближенные Ельцина полагали, что он оставляет много прав за союзным центром, а лица близкие к Горбачеву, в частности Председатель Верховного Совета СССР А.И.Лукуьянов, считали, что он является отходом от результатов Всесоюзного референдума, на котором народ высказался за сохранение Союза СССР. Однозначной была и позиция Татарстана. Большинство избирателей республики сказали «да» Союзу.

В газетах и журналах начали появляться статьи с критикой ряда положений проекта договора, где выражалось опасение, что Союз Суверенных Государств, который должен был заменить СССР, может стать началом конца Союзного государства. Озабоченность за целостность государства, вызванную появлением этого документа, выражал и Президент Татарстана М.Ш.Шаймиев [Сов. Т., 1991, 21 авг.]. Надо сказать, что он сделал очень много для того, чтобы был выработан документ, приемлемый всем республикам. Он отстаивал, в том числе и в переговорах лидеров республик по созданию соответствующего документа в Ново-Огарево, равноправное участие в новом договоре всех республик, в том числе и автономных. Это в то время, когда против

выступило большинство лидеров союзных республик, что нашло отражение в так называемом «Заявлении 9+1» (руководителей девяти союзных республик и плюс самого Горбачева). Руководители автономных республик вообще промолчали.

Весьма примечателен эпизод, связанный с бывшим мэром Москвы Гавриилом Поповым. В один из июньских дней 1991 г., когда Президент России Б.Н.Ельцин находился в Америке, он внезапно явился в посольство Соединенных Штатов, где встретился с послом США в СССР Джоном Мэтлоком. После нескольких минут тривиальной беседы, предназначенной для подслушивающей аппаратуры, Попов взял лист бумаги и написал: «Мне нужно срочно передать послание Борису Николаевичу Ельцину. Возможен переворот. Ему следует срочно вернуться в Москву». Продолжая беседу, как ни в чем не бывало, посол взял ручку и вывел одно слово: «Кто?». В ответ Попов написал имена трех лиц: премьер-министра Валентина Павлова, председателя КГБ Владимира Крючкова и министра обороны Дмитрия Язова. «Я немедленно сообщу в Вашингтон», – написал в ответ Мэтлок» [ГКЧП, 2007, с.27]. Сообщая в Вашингтон о готовящемся заговоре против Горбачева, к этим трем фамилиям, он прибавил и фамилию Лукьянова, что дает возможность предполагать, что у посла имелись и другие источники информации. Итак, уже в июне российскому руководству было известно, что готовится заговор. Знал и Горбачев. Об этом в своих секретных записках ему сообщал Крючков. По поручению Буша о готовящемся заговоре его предупредил посол США Мэтлок.

Создается впечатление, что и Ельцин со своей командой, и Горбачев с будущими чекистами знали все. Горбачев, находясь в Форосе, по свидетельству А.С.Черняева, помогавшему ему в написании статьи, «предвидел возможные варианты событий, в том числе и «чрезвычайный».

4 августа Горбачев отправился на отдых в Крым на свою дачу в Форосе. Спрашивается, должен ли был он в столь ответственные для судьбы страны дни уезжать куда бы то ни было? Перед своим вылетом в Крым 3 августа на заседании Совета Министров

СССР М.С.Горбачев сказал: «Имейте в виду, надо действовать жестко. Если будет необходимо, мы пойдем на все, вплоть до введения чрезвычайного положения». А уже на аэродроме перед вылетом сказал провожавшему В.А.Крючкову: «Надо смотреть в оба. Все может случиться. Если будет прямая угроза, то придется действовать», а вице-президента Г.И.Янаева предупредил: «Геннадий, ты остаешься на хозяйстве. При необходимости действуй решительно, но без крови» [Вопросы истории, 2003, №7, с.78]. В стенограмме об этом заседании зафиксированы его слова: «Я завтра уеду в отпуск, с вашего согласия, чтобы не мешать вам работать». Бывший тогда председателем Совета Союза Верховного Совета СССР И.Лаптев, вспоминая события тех дней, писал: «Одной из самых больших загадок последних дней советской истории, думаю, навсегда останется августовский отпуск Президента СССР. Горбачев приложил, без преувеличения, колоссальные усилия, чтобы довести Союзный договор до подписания. Он уже имел информацию, что готовится некая акция. Почему Горбачев не внял этим предупреждениям, отмахнулся от них? Сказать может только он сам». Редактор «Общей газеты» Егор Яковлев задал ему этот вопрос. Он спросил: «Так почему же вы так скоропалительно уехали, даже не попрощавшись с президентом Бушем-старшим, который тогда находился в Москве?» Горбачев ответил: «Я должен самокритично признать – в этой ситуации проявилась моя самоуверенность» [ГКЧП, 2007, с.31, 36].

Он уехал, чтобы не мешать работать своим соратникам. И они работали. В порядке реализации его поручений 6 августа на одном из секретных объектов КГБ, на окраине Москвы встретились министр обороны маршал Д.Т.Язов и Председатель КГБ В.А.Крючков. На встрече присутствовали О.Д.Бакланов и В.И.Болдин.

Разработку технических деталей мероприятий на случай введения чрезвычайного положения Д.Т.Язов поручил командующему ВДВ СССР П.С.Грачеву. В течение семи дней до 14 августа шла подготовка к введению в стране режима чрезвычайного положения. В.А.Крючков, Д.Т.Язов, Бакланов,

О.С.Шенин, Г.И.Янаев, В.И.Болдин, В.С.Павлов ежедневно звонили Горбачеву, информируя его о ситуации в стране и в Москве.

Газеты сообщили, что в Алма-Ате ратифицирован договор между Казахстаном и Россией, Б.Н.Ельцин и Н.А.Назарбаев приняли два совместных заявления о гарантиях Союза Суверенных Государств. Пресса сообщала также о подписании протоколов о сотрудничестве и координации деятельности министерств иностранных дел России и Казахстана. Руководители обеих республик дали оценку их взаимоотношениям. Н.А.Назарбаев, в частности, сказал: «Мы оказались единодушны в референдуме по поводу Союзного договора и сегодня выступаем за скорейшее его подписание». На пресс-конференции лидеры республик заявили, что в результате встречи в Алма-Ате «заложена надежная база нового Союза» [Известия, 1991, 19 авг.].

18 августа в Форос к Горбачеву на личном самолете Язова прилетела делегация в составе Бакланова, Шенина, Болдина и главнокомандующего сухопутными войсками В.Варенникова, которая информировала его о возможности введения режима чрезвычайного положения. Бакланов сказал, что «подписания Союзного договора не будет» и что Ельцин «будет арестован в пути». Он предложил Горбачеву «побыть здесь, пока мы за вас сделаем всю грязную работу». Горбачев напоследок сказал: «Черт с вами, делайте, что хотите, но доложите мое мнение» [ГКЧП, 2007, с.36].

19 августа рано утром радио и телевидение сообщили о введении в стране чрезвычайного положения, создании Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП) и передаче полномочий президента страны, «ввиду болезни» М.С.Горбачева, вице-президенту Г.И.Янаеву. В этот комитет вошли О.Д.Бакланов – первый заместитель председателя Совета обороны СССР, В.А.Крючков – председатель КГБ СССР, В.С.Павлов – премьер-министр СССР, Б.К.Пуго – министр внутренних дел СССР, Д.Т.Язов – министр обороны СССР, Г.И.Янаев – и.о. Президента СССР, а также В.А.Стародубцев и А.И.Тизяков. ГКЧП принял «Заявление советского руководства», «Обращение к советскому народу»,

«Постановление №1». В этих документах подчеркивалась приверженность идеям социализма и перестройки советского общества. В «Обращении» говорилось, что начавшаяся перестройка зашла в тупик, власть на всех уровнях потеряла доверие населения, страна стала неуправляемой. Лейтмотивом всех этих документов стали слова, содержащиеся в «Обращении»: «Над нашей великой Родиной нависла смертельная опасность!» В документах наряду с объективной характеристикой сложившейся ситуации, содержались весьма сомнительные положения. Так, абсолютно неясно следующее умозаключение: «Вместо того, чтобы заботиться о безопасности и благополучии каждого гражданина и всего общества, нередко люди, в чьих руках оказалась власть, используют ее в чуждых народу интересах, как средство беспринципного самоутверждения». Спрашивается: разве не у этих, занимавших высшие государственные должности, людей находилась власть? О ком идет речь? Непонятно.

Реакция российского руководства на создававшуюся ситуацию была однозначной. Она нашла отражение в появившихся в тот же день указах Президента РСФСР, совместном обращении Президента Б.Н.Ельцина, Председателя Кабинета Министров И.С.Силаева и исполняющего обязанности председателя Верховного Совета Р.И.Хасбулатова к населению. В этих документах говорилось о неконституционности ГКЧП и преступности вошедших в него лиц. Указами до созыва съезда Советов СССР союзные органы власти на территории РСФСР, включая КГБ, МВД, прокуратуру, переподчинялись руководству Российской Федерации. Местным органам власти было предписано не выполнять указы и постановления ГКЧП. Прозвучало требование создать условия для выступления перед народом М.С.Горбачева. В виде условия, предъявленного Председателю Верховного Совета СССР А.И.Лукьянову, говорилось о необходимости созыва чрезвычайного съезда народных депутатов СССР. Граждане вплоть до выполнения этих требований призывались к бессрочной забастовке.

19 августа Президент РСФСР Б.Н.Ельцин созвал пресс-конференцию, на кото-

рой выступил с обращением и расценил отстранение от власти Президента СССР М.С.Горбачева как антиконституционный акт [Труд, 1991, 20 авг.]. В тот же день у Белого дома Российской Федерации состоялся многотысячный митинг, продолжавшийся более трех часов. На нем Б.Н.Ельцин призвал к спокойствию и предостерег от провокационных действий военных.

О том, как будут развиваться события, предугадать было не трудно. В рядах заговорщиков была полная сумятица. Растерянный и напуганный Горбачев самоустранился, «передав» заговорщикам свои сомнения, колебания и неуверенность. На пресс-конференции перед журналистами у вице-президента Г.И.Янаева дрожали руки. Неуверенность и страх передавались в войска, органам МВД, КГБ, всем тем, кто был привлечен к участию в заговоре. Это был заговор обреченных. Плохая подготовка заговора была отмечена бывшим помощником Президента США, известным советологом З.Бжезинским: «Если бы путчисты готовили переворот тщательно, они в первую очередь учли бы настроения армии и не рассчитывали на московский гарнизон, а перебросили бы войска из дальних районов страны» [Комсомольская правда, 1991, 22 авг.]. Действительно, П.С.Грачев и некоторые другие генералы, на которых возлагали надежды путчисты, были перевербованы Б.Н.Ельциным и его людьми. Вовсе не случайно, что на суде над участниками ГКЧП Олег Шенин сказал, что «если бы они с Валентином Ивановичем Варенниковым в том проклятом августе входили в состав ГКЧП, то результат был бы совсем другим» [цит. по: Гарифуллина, 1995, с.253].

В свою очередь, как ответ на эти действия российского руководства 20 августа появился указ исполняющего обязанности Президента СССР Г.И.Янаева, в котором указы Ельцина были объявлены неконституционными и не подлежащими исполнению. В заявлении ГКЧП по этому поводу говорилось, что большинство союзных и автономных республик «поддерживают принятые меры, вызванные исключительно острой ситуацией» [Ком. правда, 1991, 22 авг.].

Таким образом, началась война указов и предписаний, внесшая сумятицу в умы

людей, и особенно тех, кто стоял во главе местных органов государственной власти.

В указах и предписаниях как ГКЧП, так и российского руководства содержались угрозы применения карательных мер к уклонившимся от их выполнения. В том, кто прав или не прав, чьи указы конституционны, а чьи нет, не смог разобраться даже Комитет конституционного надзора СССР. В еще более затруднительном положении находились местные органы власти: их судьба зависела от того, кто победит, а победителей, как известно, не судят.

В своей победе сомневались и российские руководители. Как высказывался Р.И. Хасбулатов на радио «Свобода» 19 августа 2001 г., Ельцин, почувствовав опасность, местом возможного спасения назвал посольство США. Потому и получилось так, что в большинстве регионов страны была занята выжидательная позиция. Не было активной поддержки ни ГКЧП, ни российского руководства и в Казани. Руководству республики приходилось преодолевать обе противоположные тенденции.

Шифротелеграммы ГКЧП были получены в Администрации Президента, секретариате Кабинета Министров, в Президиуме Верховного Совета республики и рескоме КПСС. Все они были одинакового содержания. Часть из них была секретной и не подлежала разглашению, остальные через средства массовой информации были доведены до общественности.

В Татарском рескоме КПСС 20 августа в 10 часов 36 минут была получена шифротелеграмма из ЦК КПСС за подписью секретаря ЦК КПСС О.С.Шенина, адресованная первым секретарям ЦК компартий союзных республик, рескомам, крайкомам, обкомам партии. В ней говорилось: «В связи с введением чрезвычайного положения в отдельных местностях СССР просим регулярно информировать ЦК КПСС о положении в регионах, настроении людей, о принимаемых мерах по наведению порядка и дисциплины, о реакции населения на мероприятия Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР». С нею ознакомились секретари рескома Р.И.Идиатуллин, Н.Ф.Балешов и В.Кандалинцев. Через час, точнее в 11 часов 37 минут, была получена

шифротелеграмма от имени Секретариата ЦК КПСС: «В связи с введением чрезвычайного положения примите меры по участию коммунистов в содействии Государственному комитету по чрезвычайному положению в СССР. В практической деятельности руководствоваться Конституцией СССР. О Пленуме ЦК и других мероприятиях сообщим дополнительно». Шифротелеграммой были ознакомлены Р.Р.Идиатуллин, Н.Ф.Балешов, В.Кандалинцев, Р.Р.Муслимов, Р.С.Хакимов, С.Ф.Мухарлямов, Б.А.Шагиев, Зиновьев, М.Г.Сабилов, В.П.Васильев.

В то же время поступали телеграммы от российского руководства, обязывающие органы власти не выполнять указания и постановления органов ГКЧП.

Властные структуры республики находились как бы между молотом и наковальней. С одной стороны, поступали шифротелеграммы от органов власти СССР и ГКЧП, требующие неукоснительного выполнения его решений и постановлений, с другой – усиливался поток шифротелеграмм от руководства Российской Федерации, требующего противодействия решениям ГКЧП. Так, 20 августа МВД республики получило телеграмму, подписанную председателем Комитета государственной безопасности В.Иваненко и министром МВД РСФСР В.Баранниковым: «В этот критический для нашего общества момент все сотрудники органов госбезопасности и внутренних дел России должны проявить выдержку, благоразумие, способность трезво оценивать политическую ситуацию в стране, всемерно содействовать законно избранной народом власти в предотвращении использования военной силы и возможного кровопролития. Уверены, что сотрудники органов КГБ и МВД РСФСР решительно откажутся от участия в антиконституционном перевороте» [ТА Прокуратуры РТ, д.109966, т.5]. Телеграмма была доведена до Президента и Премьер-министра республики.

В тот же день были получены Обращения руководства РСФСР к народу Российской Федерации, указы Президента РСФСР Б.Н.Ельцина, в которых создание ГКЧП было объявлено антиконституционным актом и квалифицировано как государственный переворот. Решения ГКЧП объявлялись

незаконными и не имеющими силы на территории РСФСР. Указывалось, что должностные лица, исполняющие их, подпадают под действие Уголовного кодекса РСФСР и подлежат преследованию по закону. В одном из указов говорилось, что до созыва внеочередного съезда народных депутатов СССР все органы исполнительной власти Союза ССР, включая КГБ СССР, МВД СССР и Министерство обороны СССР, действующие на территории РСФСР, переходят в непосредственное подчинение избранного народом Президента РСФСР. Органам КГБ, МВД и министерства обороны предписывалось немедленно исполнять указы и распоряжения Президента и Совета Министров РСФСР и принять незамедлительные меры к тому, чтобы исключить выполнение любых приказаний и распоряжений антиконституционного комитета по чрезвычайному положению. Указ содержал предупреждение: должностные лица, выполняющие решения ГКЧП, отстраняются от исполнения своих обязанностей и привлекаются к уголовной ответственности.

В тот же день состоялось заседание Президиума Верховного Совета Татарской ССР, посвященное общественно-политической ситуации в стране в связи с введением чрезвычайного положения. Было отмечено, что на территории республики чрезвычайное положение не введено и органы государственной власти и управления осуществляют свои конституционные полномочия. С целью обеспечения политической и экономической стабильности в республике Президенту республики было рекомендовано усилить контроль за исполнением действующего законодательства Союза ССР и Татарской ССР, в том числе и за средствами массовой информации. Редакторам республиканских и местных газет было рекомендовано воздержаться от публикаций материалов, направленных на дестабилизацию обстановки [ТА Прокуратуры РТ, д.109966, т.5].

В этой сложной ситуации для руководства республики самым главным было сохранение стабильности. Речь не могла идти о том, чьи указания выполнять, а о том, как сохранить в республике гражданский мир и межнациональное согласие. Поэтому все действия Президента, Правительства и Вер-

ховного Совета всецело соответствовали этой цели.

Президент Шаймиев в это время находился в Москве, где он соответственно предварительной договоренности должен был встретиться с Ельциным и согласовать с ним процедуру подписания Татарстанского проекта Союзного договора. Однако, в силу сложившейся ситуации, эта встреча не состоялась. Во всяком случае, вины Шаймиева в этом нет: в условленное время он находился в Белом доме. Не было только Ельцина. Удовлетворительного результата не дала и встреча руководителей 15 автономных республик с Лукьяновым и Янаевым. Оба лукавили. Никакого конкретного результата эти встречи не дали. Ситуация сложилась такая, что напоминала прохождение по лезвию ножа. Здесь важно было не ошибиться. Нельзя было поддаваться ни панике, ни призывам принять одну из сторон.

Все ждали приезда Президента. В аэропорту его встречали руководители правительства и ряда ведомств, которым он категорически заявил, что в республике чрезвычайное положение вводиться не будет [ТА Прокуратуры РТ, д.109966, т.5, л.89].

20 августа в 10 часов 30 минут М.Ш.Шаймиев провел расширенное заседание Президентского Совета, продолжавшееся около полутора часов. На нем присутствовали также члены Президиума Верховного Совета, Кабинета Министров во главе с Премьер-министром, ответственные работники Аппарата Президента и Верховного Совета, председатели районных и городских Советов, начальник Казанского гарнизона и начальники двух военных училищ.

Президент детально рассказал о своем пребывании в Москве. В своем выступлении главной целью он определил сохранение стабильности в республике и недопущение втягивания известными политическим силам населения в пучину противостояния, ориентировал участников совещания на то, чтобы не давать повода для введения чрезвычайного положения, призвал хранить выдержку [ТА Прокуратуры РТ, д.109966, т.5, л.37]. Эту четкую и твердую позицию Президент изложил и на встрече с журналистами, состоявшейся сразу же после этого совещания.

Положительную роль в обеспечении стабильности в республике сыграло обращение Президента к гражданам республики с призывом сохранить мир и спокойствие. Республика заняла позицию, соответствующую Декларации о государственном суверенитете Татарстана. Во всех выступлениях и действиях руководства республики на первое место ставились интересы Татарстана, его многонационального народа. Не было открытой поддержки ни ГКЧП, ни руководства Российской Федерации.

Те, кто толкал руководство республики на односторонние действия, рассчитывали лишь на один-единственный исход событий. Тот, кто был в ответе за судьбу республики и ее народа, должен был быть готов к любым последствиям. На односторонние действия Президиум Верховного Совета толкала депутатская группа «Народовластие», добивавшаяся созыва внеочередной сессии Верховного Совета и осуждения на ней ГКЧП. Между тем это могло привести к ожесточенной схватке в стенах парламента между сторонниками ГКЧП и российского руководства. А она, несомненно, перекинулась бы за стены парламента и охватила бы всю республику и ее столицу.

Между тем о правильности действий руководства республики свидетельствовали приготовления к поддержке заговора в Приволжском Военном округе. 19 августа в 7 часов 40 минут в казанском гарнизоне была получена команда «РОТОР» – привести в боевую готовность части гарнизона и ждать дальнейших распоряжений. 20 августа командующий войсками округа А.Макашев приказал отозвать из отпусков: руководящий состав армий, соединений, частей и учреждений. Начальнику гарнизона генералу-майору Тимашеву было приказано выделить 150 человек бригады спецназа и автомобили для них. Целью являлся захват таких важных объектов, как телецентр, здание Верховного Совета, Совет министров, аэропорты, центр города, почтамт, подстанции электросетей, три точки водосистемы, речной порт.

Команды танкистов и местных воинских частей должны были встретить подразделения спецназа из Самары. Пять взводов численностью 150 человек на 7 машинах

должны были расположиться на линии Кремль – ул. Ленина – ресторан «Акчарлак» – ул. Гвардейская. Войска должны были пройти по этому маршруту четыре раза. 150 солдат на семи машинах, одном БТРе и одном танке должны были расположиться по линии ул. Вишневого – ул. Гвардейская – полигон, а также около железнодорожного вокзала, Центрального университета, по улице Кирова и около Дома офицеров. Был определен график продвижения: 7 офицеров + 8 машин – 8.00 ч, БТР – 10.00–12.00 ч, автомобили с солдатами 7–12–13 – 13.30 ч. Кроме того, на дороги со стороны Набережных Челнов и Зеленодольска должны были выдвинуться колонны «для демонстрации силы» [ТА Прокуратуры РТ, д.109966, т.6].

Опасность вывода войск на улицы города сохранялась даже 21 августа. В этот день в 3 часа дня, когда уже путч был ликвидирован, в гарнизон поступила телеграмма из округа о приведении войск в состояние боевой готовности. Это было свидетельством того, что Макашев, даже в условиях неблагоприятного развития для него событий в Москве, мог пойти ва-банк. Начальник гарнизона генерал-майор Г.А.Тимашев на вопрос, заданный ему на сессии Верховного Совета о возможности вывода танков

на улицы столицы ответил «Если бы мне дали такую команду – двигать танки на любую площадь города – я бы приложил руку к головному убору и сказал: «Честь имею» – и ушел бы в отставку». А ведь если бы он, послушавшись Макашева, ушел в отставку, что, разумеется, мало вероятно, сменивший его другой начальник гарнизона выполнил бы этот приказ.

В этой связи обращает на себя внимание то, что ряд приказов, полученных из округа сразу же после подавления заговора ГКЧП, были уничтожены. Видимо, по очень простой причине: они обязывали военные власти города беспрекословно выполнять все приказы, полученные из штаба фашиствующего Макашева вплоть до приказа за №337 от 20 августа 1991 г., опубликованного в «Комсомольской правде» с требованием «комиссаров, космополитов, предателей Родины, Союза арестовать, допросить и передать правоохранительным органам».

Однако даже то, что нам известно, свидетельствует о том, насколько взвешенными и продуманными были действия руководства республики в дни ГКЧП. В свете этих и других аналогичных фактов становится очевидным, насколько беспочвенными были обвинения, предъявленные в те дни руководителям республики.

ГЛАВА 3

Новые отношения Республики Татарстан с Российской Федерацией

§ 1. Подготовка референдума и решение народа республики

Индус Тагиров

События августа 1991 г. не только привели в движение самые различные политические силы, но и положили начало развалу СССР. М.С.Горбачев приехал из Фороса абсолютно разбитым. Его ближайшие сподвижники, затеявшие мятеж, оказались в тюрьме. Министр внутренних дел Б.К.Пуго застрелился. Покончили жизнь самоубийством несколько ответственных работников ЦК КПСС. М.С.Горбачев отныне делал все, что требовал от него Б.Н.Ельцин, заставивший его на глазах миллионов телезрителей подписать указ о роспуске Компартии.

СССР доживал свои последние дни. В декабре 1991 г. руководители России, Украины и Белоруссии в Беловежской пуще подписали трехстороннее соглашение о роспуске СССР. Они не только пошли вразрез с волей народов страны, высказавшихся на Всесоюзном референдуме за сохранение СССР, но и с Конституцией Советского Союза, нарушив территориальную целостность государства. М.С.Горбачев, продолжавший оставаться Президентом СССР, в подчинении которого находились все силовые структуры, и являвшийся гарантом Конституции СССР, был обязан арестовать и предать суду этих людей. Однако он этого не сделал, поэтому как человек, не выполнивший свой конституционный долг, в одинаковой мере был виновен в крахе СССР.

У Татарстана оставался один путь – укрепление суверенитета и установление договорных отношений с Российской Федерацией.

Принятие этого постановления основывалось на решимости татарского народа иметь полноправную государственность и

строить свои отношения с Россией на основе двустороннего договора. Референдум не ставил задачу выхода из ее состава, и это придавало уверенность, что на его вопрос будет получен положительный ответ.

Этот документ не удовлетворил российское руководство, и оно решило прибегнуть к помощи целиком политизированного Конституционного суда во главе с В.Д.Зорькиным. 13 марта Конституционный суд вынес решение о неправомерности проведения референдума в Татарстане и необходимости его отмены. Это решение было подкреплено Верховным Советом РСФСР, на заседание которого был вызван Председатель Верховного Совета Татарстана Ф.Х.Мухаметшин. Ход заседания транслировался по телевидению и радио.

В.Д.Зорькин, с целью запугать российскую общественность, заявил: «Если на вопрос референдума будет получен положительный ответ, то это будет юридической основой для провозглашения независимости. Так будет считать любой юрист и будет прав».

Хотя запугать общественность не удалось, его слова были услышаны, и потому в общественном мнении появилась точка зрения, что референдум направлен на разрыв с Россией. Московские радио и телевидение, газеты и журналы тиражировали такое понимание вопроса референдума. Не остановило эту кампанию даже специально принятое разъяснение Президиума Верховного Совета Татарстана. Кампания клеветы на республику набирала нарастающие темпы, и это вызывало негативную реакцию значительной части общественности России и стран СНГ, о чем свидетельствова-

ли многочисленные письма и телеграммы в адрес Верховного Совета и Президента Татарстана.

В своем письме Президенту Татарстана М.Ш.Шаймиеву, Председателю Верховного Совета Ф.Х.Мухаметшину и Премьер-министру М.Г.Сабинову гражданка Т.Володина выразила поддержку намеченного референдума. По мнению этой женщины, противники суверенитета «хотят резни, крови, Карабаха, Грузии, Сербии, Хорватии, Молдавии ... Многонациональный народ Татарстана сам выбрал свой путь ... Не трогайте и не оскорбляйте, не грозите руководителям суверенного Татарстана ... Руки прочь от Татарстана». Так писала простая женщина, так думали и писали многие жители республики.

Немало граждан России также выражали протест против давления на республику. Поступали письма и телеграммы поддержки с Украины, из Таджикистана, Узбекистана, стран Балтии.

Однако были в стране и другие настроения. Так, в Самаре активную антитатарскую пропаганду вел депутат Верховного Совета Российской Федерации от Самарской области Юдин. Судя по телеграмме активистов Татарского культурного центра Абдулова, Галимова и Надирова на имя Президента Татарстана М.Ш.Шаймиева, этот человек угрожал походом добровольческих отрядов великодержавных шовинистов на Казань, ультимативно потребовал от активистов Татарского культурного центра публичного осуждения по телевидению референдума в Татарстане. В противном случае обещал изгонять и расстреливать татар.

В республике активизировались различные политические силы, которые в ряде случаев оказывались в ситуации резкого противостояния. Так, депутаты «Народовластия» решили созвать в Казани в феврале 1992 г. консультативный совет Конгресса демократических сил республик и национально-государственных образований Российской Федерации. В свою очередь ТОЦ, увидев в этом попытку создания препятствия реализации суверенитета республики, добился срыва этого мероприятия. В ответ на это в газете «Вечерняя Казань» появилось заявление руководителей группы

«Народовластие», озаглавленное «Экстремизму – народный отпор».

Подписавшие заявление депутаты обвиняли руководство республики в попустительстве нарушению свободы слова и собраний со стороны радикалов националистических организаций, требовали от правоохранительных органов привлечения к ответственности «организаторов и исполнителей субботнего шабаша», призывали граждан Татарстана, общественные организации и партии республики провести организационную подготовку к противодействию любым попыткам насильственного нарушения Конституции [Веч. Каз., 1992, 19 февр.].

Разумеется, читателям газеты не было понятно, о каком организованном сопротивлении и о защите какой конституции шла речь. Однако, как бы то ни было все это подогривало страсти и было направлено на создание в республике межнациональной напряженности.

К происходящему в республике были неравнодушны и определенные силы вокруг руководства Российской Федерации. Молодые политики, окружавшие российского Президента, не имея политического опыта, толкали Б.Н.Ельцина на опрометчивые действия, грозили ему импичментом, заставляя отказаться от своих слов: «Берите суверенитета столько, сколько сможете взять!» Более того, некоторые из них предлагали ввести в Татарстан войска. Но секретарь Совета Безопасности Российской Федерации Ю.Скоков убедил Б.Н.Ельцина не совершать необдуманных действий.

При подготовке референдума руководство республики должно было максимально доходчиво разъяснить широкой общественности цели и задачи выносимого на референдум вопроса. Для этого было решено 16 марта созвать IX внеочередную сессию Верховного Совета Республики Татарстан двенадцатого созыва и включить в ее повестку вопрос «О разъяснении формулировки вопроса референдума Республики Татарстан 21 марта 1992 года». За сессией внимательно следила и Москва. Там с тревогой ожидали решения, которое могло изменить судьбу не только Татарстана, но и России. На сессию приехал

известный в России государственный деятель Р.Г.Абдулатипов. Его тепло встретили все депутатские группы.

Дебаты были бурными, звучали весьма противоречивые мнения. Так, депутат Р.Вагизов в своем выступлении, указав, что постановление Конституционного суда России несправедливое, принято с грубыми нарушениями норм внутреннего и международного права, заявил: «Обвинительный вердикт строится на том аргументе, что Декларация, дополнения к Конституции, а также республиканский закон и постановление о референдуме не соответствуют положениям Конституции Российской Федерации ... Вызывает недоумение, что российские парламентарии громко, на всю Россию говорят, что Конституция – это рудимент командно-административной системы, в то же время готовы стоять насмерть за каждую ее букву. Россия, подписывая с Татарстаном межправительственные договоры, признает его равноправным партнером и тут же ставит под сомнение конституционность взаимных договорных отношений ... В мировой практике существует основополагающее положение: если соответствующих норм в Конституции России нет, то следует положиться на положение международных актов, которое позволит найти правовое решение в возникшей конфликтной ситуации. Но это высоким судом было отклонено».

Далее Р.Вагизов отметил, что у избирателей вызывает недопонимание вопрос референдума. Население за повышение экономического и политического статуса, за справедливые договоры со всеми республиками. Однако формула «субъект международного права» воспринимается как чуть ли не выход республики из России и присоединение ее к какому-то иностранному государству. «Гарантией нашей вековой дружбы станет наша новая Конституция, где будут предусмотрены гарантия прав человека, двуязычие и двойное гражданство ... – отметил Вагизов. – Победа суверенных устремлений явится крупным достижением в истории народа, даст импульс повышению экономического и политического статуса республики. В случае отрицательного исхода образуется благоприятная среда для роста националистических и шовинисти-

ческих настроений ... Процесс суверенизации необратим, возврата к прошлому нет... Нам необходимо принять постановление об отношении к постановлению Конституционного суда России и подтвердить наше стремление к проведению референдума о повышении статуса нашей республики».

Депутат Н.В.Мансуров заявил, что силы, которые пытаются оклеветать референдум утверждением о том, что его решение означает выход из России, тем самым пытаются задушить суверенитет.

Депутатская группа «Согласие» целиком и полностью поддержала постановление Конституционного суда России и решила бойкотировать обсуждение этого вопроса. «Я оказался в сложном положении, ... поскольку группа «Согласие» приняла решение не участвовать в обсуждении данного вопроса... Речь идет безусловно, безоговорочно о выходе из состава Российской Федерации и об образовании независимого отдельного государства... что и подтвердил Конституционный суд Российской Федерации», – заявил руководитель группы «Согласие» И.Д.Грачев. Однако то, что лидер группы был вынужден включиться в дискуссию, говорило о том, что метод бойкота малоэффективен и только активное участие в обсуждении вопроса может дать определенные результаты.

Настроения многих депутатов смогло переломить выступление Председателя Совета Национальностей Верховного Совета РСФСР Р.Г.Абдулатипова, который отметил, что исторически Россия – это федеративное государство, и она в большей степени страдает от унитаризма, чем от федерализма. Докладчик подчеркнул, что процесс суверенизации – объективный процесс в развитии национального самосознания, связанный с обретением народами национального достоинства и самостоятельности. Он должен быть доведен до российских республик, чтобы Российская Федерация не повторила судьбу Советского Союза, распавшегося прежде всего из-за сверхцентрализации власти и управления. Р.Г.Абдулатипов поблагодарил Президента Татарстана за взвешенную позицию в этом вопросе и, признав недопустимость «диктата Центра», предостерег от «национального диктата» на ме-

стах. В заключении он призвал депутатов к взвешенности решений, дабы не было повода крайним силам ставить суверенитет под сомнение, и выразил надежду, что парламент республики откроет дорогу и другим для нормализации федеративных отношений и национальных процессов. Выступление представителя российского парламента неоднократно прерывалось аплодисментами депутатов.

Депутату Ф.Ш.Сафиуллину, выступившему за Р.Г.Абдулатиповым, уже легче было говорить, так как зал в целом, а не только отдельные депутаты, был готов к критике действий Конституционного суда России. Вот выдержка из его выступления: «Я хочу кратко проанализировать решение Конституционного суда в смысле его несостоятельности. Ведь нас судят не за то, что кого-либо пытаемся захватить, унижить, своих прав лишить. Нас судят только за то, что мы требуем, настаиваем, просим равноправия, права заключать равноправные соглашения без ущемления чьих-либо прав. Судят только за это. За право быть хозяевами своих недр, своего добра. Поэтому нам не надо стыдиться этой «судимости». Я верю, что скоро будет стыдно другим – судьям и их хозяевам. Суд состоялся с грубейшими нарушениями процедурных норм. В качестве экспертов на заседании суда присутствовали заинтересованные лица. Это получается суд, где присутствовали свидетели только обвинения».

Депутат Ю.П.Алаев построил свое выступление в русле поддержки основных положений, высказанных Р.Г.Абдулатиповым. Особое внимание он уделил проблемам взаимного уважения национального достоинства народов, высказался за самостоятельные межправительственные контакты Татарстана с зарубежными странами, за экономический суверенитет. Ю.П.Алаеву, как и многим депутатам, было хорошо известно, что Р.Г.Абдулатипов является одним из авторов и убежденным сторонником Федеративного договора. С явным расчетом обыграть это обстоятельство он сказал, что названный документ предусматривает самостоятельное осуществление республиками, входящими в состав Российской Федерации, международных контактов как на межгосударствен-

ном и межправительственном уровне, так и на уровне субъектов хозяйственного права». Ю.П.Алаев попытался убедить депутатов в том, что последний проект Федеративного договора существенным образом отличается от первоначальных вариантов и вполне приемлем для Татарстана. По его словам, «изменение позиции российского руководства – это следствие и нашей последовательной политики, ... следствие нашего стремления получить суверенитет цивилизованными методами». Депутат допустил возможность, что в будущем республика будет являться, по существу, полностью независимой. Однако, по его мнению, пока она должна остаться в составе Российской Федерации.

Ход развития событий на сессии не удовлетворил депутатов группы «Согласие», и они, собравшись во время перерыва, решили пригласить к себе телевидение. Депутатами было принято решение бойкотировать голосование.

Затем от имени «Согласия» И.И.Салахов сообщил, что депутаты этой группы только что получили решение Конституционного суда и проект Федеративного договора, в связи с чем хотят задать вопросы Р.Г.Абдулатипову и Президиуму Верховного Совета. Его поддержал М.А.Мулюков, предложив поручить Комиссии конституционного надзора изучить решение Конституционного суда. Группа «Согласие» безуспешно пыталась сорвать заседание, но большинством голосов было решено заслушать выступление Президента М.Ш.Шаймиева.

М.Ш.Шаймиев, в частности, отметил: «Референдум – это испытание для всех нас, и он должен дать хороший результат, заложить хорошую основу дружбы народов нашей республики на века. Вот таково должно быть понимание данного вопроса... Мы всегда дорожили авторитетом Верховного Совета нашей республики. И не нужно строить иллюзий. Только через дружное «за» на референдуме мы придем к согласию. Все это накладывает на нас большую ответственность и требует единства взглядов в разъяснении целей референдума, другого выбора нет...»

Я считаю, что и у Верховного Совета, и у народа республики хватит мудрости для

того, чтобы на референдуме сделать правильный выбор во имя сохранения дружбы народов. Это даст нам возможность сполна использовать созданный трудом многих поколений потенциал для улучшения благосостояния нашего населения, а для этого у нас есть все возможности. Спасибо за внимание».

Этим выступлением был окончательно предопределен исход сессии. Хотя попытки изменить ситуацию предпринимались и в ходе обсуждения проекта Постановления.

После продолжительных прений сессия большинством голосов приняла Постановление «О разъяснении формулировки вопроса референдума Республики Татарстан, назначенного на 21 марта 1992 года».

В Московском Кремле и Белом доме подыгрывали негативным настроениям в Татарстане. Из Москвы последовало распоряжение прокурору Республики Татарстан закрыть все избирательные участки. Особым рвением отличались прокуроры некоторых районов самой республики. Так, в Лениногорске изымались письма, направленные в адрес Президента и Верховного Совета. Прокурор Гринь, возглавлявший местное отделение ДПР, вызывал их авторов и, якобы по распоряжению Верховного Совета Татарстана, заставлял писать объяснительные записки на имя прокурора республики О.М.Антонова. Однако в республике не был закрыт ни один избирательный участок.

В события вмешался Б.Н.Ельцин, который выступил с обращением по телевидению к избирателям Татарстана, припугнув их тем, что если они на референдуме скажут «да», то завтра русские жители республики проснутся второстепенными гражданами.

После Б.Н.Ельцина по республиканскому телевидению с обращением к народу выступил М.Ш.Шаймиев. Это был мужественный поступок с его стороны. Спокойный тон руководителя республики, веские аргументы, разъясняющие суть позиции Татарстана и цель проводимого референдума, вселили уверенность в граждан республики. Обращаясь с письмом на имя Ф.Х.Мухаметшина, М.Г.Сабилова и М.Ш.Шаймиева, житель

Казани член КПСС Н.Степанов писал: «Как я переживал в день голосования 21 марта, думая только о победе. Очень помогло этой победе ваше обращение к народу – избирателям Республики Татарстан, подчеркиваю, своевременное обращение».

Татарское население России и СНГ не оставалось безучастным к происходящему. Татары Узбекистана, Москвы, Астрахани, Екатеринбургa, Челябинска, Красноярска просили присоединить их голоса к голосам тех, кто поддерживал суверенитет республики. Инженер-строитель из Челябинска В.Валиев писал: «Считал и считаю себя гражданином своей исторической родины и на вопрос референдума отвечаю «да».

В Татарстане крепло движение протеста против давления на руководителей республики. Избиратели Э.Газизова и Р.Закирова писали: «Передайте, пожалуйста, Президенту М.Шаймиеву нашу благодарность за проявленную им и всем руководством республики твердость в отстаивании суверенитета. Мы боялись, что придется уступить давлению и отменить референдум». Были письма с решительным требованием не сдаваться. К.Нуретдинов писал Ф.Мухаметшину, что если он, испугавшись правителей Москвы, подпишет Федеративный договор, то станет предателем номер один и ни один татарин не простит его. «Если Вы боитесь правительства России, Вы не председатель. Если Вы размазня или человек имперского духа, уходите в отставку, не позорьте татарский народ!» – говорилось в заключение его письма¹. В письме из Агрыза говорилось: «Сейчас назад дороги нет. Сегодня нас знает весь мир. Референдум должен пройти удачно... Назад пути нет, только вперед, только вперед».

Противники референдума стремились во что бы то ни стало переломить эти настроения. Так, Президиум Верховного Со-

¹ Забегая вперед, можно сказать, что Ф.Х.Мухаметшин проявил твердость и настойчивость 31 марта, когда Р.И.Хасбулатов пытался заставить его подписать Федеративный договор. Тогда Р.И.Хасбулатову и Государственному секретарю Российской Федерации Г.Э.Бурбулису удалось сломить руководителей Башкортостана и Якутии и заставить их подписать этот документ. Татарстан не сдался. Воля народа была выполнена.

вета РСФСР по инициативе Председателя Р.И.Хасбулатова направил в Республику Татарстан машины, груженные листовками, обращениями к населению и всевозможными воззваниями. Они расклеивались в подъездах всех домов. Однако это во многих случаях вместо сомнений и страхов вызывало раздражение у людей.

В одном из писем на имя первого заместителя Председателя Верховного Совета З.Р.Валевой говорилось: «У нас в доме (и в соседних домах) во всех подъездах и этажах аккуратно и крепко приклеена вот такая, прилагаемая в этом письме, прокламация. Нельзя ли что-нибудь предпринять против этой акции? Не знаю, может быть, тоже заклеить такую же антипрокламацию?»

Ветераны войны и труда из Кукмора послали письмо, написанное на обороте обращения комитета «Дружба» к пенсионерам. В нем есть такие строки: «Сегодня наша страна у последней черты, националисты раздирают ее на части...». Далее большими красными буквами выведено: «Родина в опасности!». В письме также говорилось и следующее: «Позор тому, кто эти листовки распространяет. Мы, ветераны войны и труда, все как один будем поддерживать только «да», мы за разделение с Россией. Кукморские труженики-рабочие будут поддерживать правительство Татарстана во главе с Шаймиевым».

Конечно, были письма и иного характера. Так, избирательница Сидорова обратилась с письмом к Ф.Х.Мухаметшину: «Неужели мало примера... других суверенных государств? Возьмите пример Прибалтики, разве у них жизнь со взятием суверенитета лучше стала? Или Кавказ, Молдова... Мы жили хорошо, не различали и не задумывались, кто рядом с тобой, – татарин, русский, чуваш и т.д. Потому что все жили в России».

Письмо это не злобное, а скорее протест против развала Союза и страх перед тем, что такое же может случиться с Россией. Автор уверена, что с выходом из состава России всем в республике будет плохо, разве что, пишет она, будет хорошо «политикам и членам высшего ранга», которым нужна власть и «портфель побольше». Из письма семьи Гусевых: «Шаймиеву верим, но ему не дадут работать националисты, и он им

подчинится, только бы удержаться в кресле. За референдум проголосовало бы до 90%, если бы не Ф.Байрамова, М.Мулюков, Ф.Сафиуллин, – это явные националисты и будут все силы предпринимать, чтобы убрать Президента и Верховный Совет... Получение суверенитета в Татарстане к улучшению жизни людей не приведет, как и в других бывших республиках... Мы должны жить в России». У автора письма, так же, как и у многих других людей, листовки вызывали раздражение: «Нет бумаги на газеты, а на это есть».

Письма, помимо всего прочего, свидетельствовали и о том, что разъяснительная работа среди населения со стороны организаторов референдума была недостаточной. Видимо, прав один из написавших в Верховный Совет республики: «Если бы руководители предприятий провели на своих местах собрания по вопросу референдума с работниками, число голосов было бы до 99%».

Письма отражают и сведения о работе руководителей ряда предприятий, начальников цехов, некоторых депутатов Верховного Совета Татарстана по дискредитации референдума. Так, в письме Вафина и Садриева сообщается о собрании, проведенном депутатом М.Хафизовым, на котором он призвал голосовать на референдуме против суверенитета республики, потому что «Кабинет Министров, Верховный Совет и Президент республики ведут население к голоду, и нефти в Татарстане хватит только на 3–4 года, размер пенсии, заработной платы будет ниже уровня российского». В письме Низамовых из Казани сообщалось об аналогичных высказываниях депутата Верховного Совета Ю.С.Решетова, призвавшего избирателей по республиканскому радио 9 марта 1992 г. сказать «нет» на вопрос референдума. По мнению авторов письма, депутат своим выступлением противоречил самому себе, поскольку 30 августа 1990 г. голосовал за принятие Декларации о государственном суверенитете Республики Татарстан.

Многие избиратели выражали недовольство газетой «Вечерняя Казань». В письме учителя-ветерана Г.Хамиди, озаглавленном «Кайныйлар» («Кипят»), описан день, проведенный в кабинете заведующей отделом межнациональных отношений этой газеты

Е.Чернобровкиной. Автор пишет, что после ее слов о том, что газета печатает материалы разных направлений, отдал редакции 3–4 письма в защиту референдума. Однако они не были напечатаны и через три недели. Хотя, как пишет автор, в то же время печатаются материалы противоположного направления. На стене кабинета Е.Чернобровкиной было прикреплено обращение к женщинам с призывом зачеркнуть слово «да» на бюллетене для голосования. Один из посетителей кабинета держал в руках целую пачку таких обращения. Несколько экземпляров вручили и автору письма: «Раздайте знакомым!». Г.Хамиди пробыл в редакции несколько часов, и все это время там кипела работа, связанная с референдумом в республике. В письме Р.Хуснуллина на имя Ф.Х.Мухаметшина есть такие строки: «Вечерняя Казань» активно включилась в разрушительную работу против референдума. В каждом номере по 2–5 статей, все они озаглавлены «Уйдем из России», изображен пограничный столб с вооруженными солдатами. Ведь это и есть призыв к конфликту, гражданскому конфликту». Автор был недоволен тем, что не принимаются «меры против этой газеты».

Во всех этих письмах была выражена озабоченность судьбой республики и исходом референдума. В то же время они являются показателями того, что люди еще не привыкли жить в условиях демократии, не научились адекватно воспринимать разные мнения и позиции. В то же время через письма можно проследить и медленное, трудное становление демократии. В них не было призыва к насилию, скорее, наоборот, преобладает стремление к сохранению согласия между народами республики, укреплению взаимного доверия между людьми, улучшению их материального благосостояния. В этой связи вызывает интерес письмо Н.Шарифуллина из Кукмора. В нем содержатся шесть таких предложений: усилить разъяснительную работу среди населения, особенно в местах с преобладанием русского населения; чаще предоставлять страницы газет, радио- и телеэфир для выступления простых людей; необходимо аргументированное опровержение решений Конституционного суда и Верховного Совета Российской Федерации, не исключаяю-

щего в случае необходимости обращения в Международный суд; как шовинисты, так и националисты должны отвечать перед законом; необходимо принимать законы и конкретные меры, направленные на улучшение материального положения трудящихся. Очень важен последний пункт: автор считает, что за 1–2 дня до референдума Президент республики должен выступить с обращением к народу.

Письма в адрес Президента, Верховного Совета и Кабинета Министров тщательно изучались. Они являлись ориентиром для принятия весьма ответственных решений. Заведующий отделом писем Президиума Верховного Совета Х.Иштиряков сводил их воедино и хранил в особой папке «Референдум»².

Анализ писем и заявлений, поступивших в адрес Верховного Совета и Президента республики, показывает, что в республике царил обстановка межнационального доверия. Даже самые противоположные мнения и суждения в отношении суверенитета сходились в одном: Татарстан – наш общий дом, и он должен находиться в самых близких отношениях с Россией. Большинство людей в республике и в России считали, что должны быть сохранены и укреплены многосторонние экономические, культурные и родственные связи. Это, по сути, был наказ народа.

Наступило 22 марта – день референдума. Вот как вспоминает его Председатель Верховного Совета Ф.Х.Мухаметшин: «Это было теплое, солнечное утро. Все были в напряжении – и Москва, и руководство республики. В городской квартире, куда мы заехали с женой до поездки на избирательный участок, в 9.30 утра раздался телефонный звонок правительственной связи. Мне сообщили, что со мной хочет говорить руководитель аппарата Президента Российской Федерации С.Филатов. Коротко поздоровавшись, он попросил доложить обстановку в республике, на что я ответил, что обстановка нормальная, русские и татары дружно идут на избирательные участки,

² Материалы этой папки были любезно предоставлены автору этой статьи заведующим отделом писем и приема граждан аппарата Президента Республики Татарстан Х.Г.Иштиряковым.

чтобы выразить свое отношение к вопросу референдума. Никаких межнациональных конфликтов, которыми нас пугали все эти дни, к счастью, нет. С.Филатов, как мне показалось, недовольным голосом сказал, что он едет на работу, и просил позвонить ему через час.

Москва по всем каналам отслеживала обстановку в Республике Татарстан. Этот день мне запомнился на всю жизнь по напряженному ожиданию результатов референдума, к счастью, положительных для наших людей. Что бы ответили людям при обратном результате – начались бы взаимные упреки и недоверие? А это уже совсем другой путь развития Республики Татарстан в новых условиях – новой России!»

Действительно, 22 марта родился новый Татарстан, и был открыт путь к становлению новой демократической России. И потому не могли сбыться прогнозы о том, что в республике обострится межнациональная ситуация и что завтра после референдума русские в Татарстане проснутся второстепенными гражданами. Письма, телеграммы, социологические опросы и исследования убеждали руководство республики в необходимости идти на референдум с полной уверенностью в его положительных результатах.

Тем не менее, определенные круги продолжали нагнетать страхи и панику среди населения. Из гарнизонов, расположенных в Татарстане, начали спешно вывозить оружие. Оружейные склады остались опустошенными. По республике разъезжали агитационные машины Верховного Совета РСФСР и распространяли среди населения провокационные и угрожающие листовки.

Голосование прошло спокойно. Везде царил обстановка взаимного доверия. Не было ни одного факта межнациональных столкновений. Наоборот, результаты референдума придали уверенность в правильности выбранного пути. Вот как вспоминает эти дни М.Ш.Шаймиев: «Когда осталось несколько дней до референдума, Конституционный суд России возбудил дело, что это якобы неправомочный референдум и его надо отменить. Верховный Совет Российской Федерации организовал бурное заслушивание спикера нашего парламента. В республику была направлена группа рос-

сийских прокуроров. В то время у нас было 2 611 избирательных участков, и всем председателям этих участков было дано письменное предписание, что если они в день референдума откроют избирательные участки, то будут привлекаться к суду. Накануне референдума (мне до сих пор непонятна причина этого шага) Президент России Борис Николаевич Ельцин выступил по телевидению с обращением к татарскому народу, отговаривая его от участия в референдуме, и призвал к бойкоту: «Если на референдуме народ Татарстана ответит положительно на поставленный вопрос, – утверждал он, – это может привести к кровопролитию».

В тот же вечер, после его выступления, я тоже обратился к своему народу. Я объяснил недемократичность такого давления. Я сказал, что свою судьбу может определить только сам народ. Я твердо заявил, что только через положительный ответ на вопрос референдума придет мир и покой в каждую семью. На другой день после референдума я в семь часов утра получил первые данные. Все участки до единого были открыты для избирателей. И более шестидесяти процентов принявших участие проголосовали «за». Я это все рассказываю для того, чтобы подчеркнуть, какой сложный путь нам пришлось пройти на пути к демократии» [Мухаметшин, Измайлов, 1997, с.50].

В итоге, за суверенный статус Татарстана проголосовало 61,4% явившихся на избирательные пункты граждан республики.

Вот небольшая зарисовка обстановки, царившей в Лениногорске в дни проведения референдума, из письма жителя этого города Н.Егорова: «Дом на улице Садриева, в котором я живу, – небольшой: в нем всего 14 квартир. Но какое богатое в нем представление наций нашего славного некогда Отечества! В марте прошлого года все мы: татары и русские, чувашаи и мордва, казахи и украинцы – проголосовали за сохранение СССР. Увы, к мнению таких, как мы, не прислушались. Не думаю, что нынче перед нами стояла слишком сложная задача – сказать «да» или «нет» суверенитету Татарстана. Пожалуй, все мы исходили из желания, чтобы в маленьком доме на улице Садриева и в доме большом – Татарстане, как и прежде, как много веков подряд, царили мир и дружба, покой и счастье».

Еще задолго до референдума нас стали запугивать, что и «да», и «нет» на референдуме все равно приведет к ссоре между татарами и русскими, а может, даже и к крови. Другими словами, нас призывали бойкотировать голосование. Но в минувшую субботу все мы дружно пошли на избирательный участок №15, чтобы сделать свой выбор. Мы отдали свои голоса за счастливую, мирную жизнь в суверенном Татарстане. Так пусть именно такой и будет она на нашей древней земле!» [Сов. Т., 1992, 24 марта].

Плотник вертолетного объединения Логинов, выйдя из кабины для голосования, так оценил референдум: «Думаю, обретение Татарстаном суверенитета выгодно всем. Будет больше возможностей для процветания. И дружба наша, убежден, станет крепче. Скажу по себе. Я – русский, а лучший друг у меня – татарин Ильдус Абраров. Вместе работаем, в гости ходим, часто спорим о политике, в чем-то не соглашаемся друг с другом, но, как говорится, нас водой не разольешь».

Эти слова рядовых жителей Татарстана в полной мере отражают настроение большинства жителей республики. Они несколько не соответствуют высказываниям о том, что проведение референдума было нецелесообразным и что он мало что изменит. Один из активистов ДПР высказался следующим образом: «...Мы не признаем за результатами референдума юридической силы, считая его социологическим опросом. Однако референдум явно выявил паритет двух общин – татарской и русской, ведь «за» высказалась половина всех жителей, занесенных в списки для голосования, – 50,2%. Следовательно, политикам придется согласовывать интересы этих двух общин».

За несколько месяцев до описываемых событий специальный корреспондент «Российской газеты» Е.Скукин писал, что только благодаря усилиям депутатов группы «Народовластие», которую поддержали депутаты-хозяйственники, Верховный Совет Татарстана принял постановление о проведении референдума по вопросу о статусе республики [Российская газета, 1991, 28 ноября]. Таким образом, было время, когда активисты ДПР и депутатской группы «Народовластие» настаивали на референдуме, очевидно, рассчитывая на то, что избирате-

ли скажут «нет» суверенитету. А когда он состоялся и избиратели сказали «да», они начали говорить о том, что он был нецелесообразен и что его результаты следует считать лишь социологическим опросом. При этом они ссылались на решение Конституционного суда России, сознательно умалчивая о том, что председатель этого суда В.Д.Зорькин заявил, что если на референдуме избиратели скажут «да» вопросу референдума, то это будет юридической основой для провозглашения независимости. Разумеется, ни один из руководителей Татарстана не ставил целью провозглашение независимости. Однако в данном случае важно то, что В.Д.Зорькин признал юридическую силу референдума. Поэтому в оценках противниками референдума его результатов, как правило, преобладает недовольство его результатами. Так, по словам заместителя Председателя Верховного Совета республики А.П.Лозового, «референдум ставил задачу закрепить Декларацию о суверенитете Татарстана волей населения. Ведь когда она была принята, союзный центр, да и Россия сделали вид, что ничего не произошло. Это задевает самолюбие, а кроме того, определенность в отношениях всегда лучше. К сожалению, ни тогда, ни сейчас российским руководством не было проведено анализа ситуации в Татарстане. Не были прояснены побудительные мотивы, вызвавшие к жизни Декларацию о суверенитете. Результат референдума заставит политиков сделать какие-то выводы».

Настроения основных слоев населения нашли наиболее полное отражение после референдума в Обращении Президента М.Ш.Шаймиева к народу республики с изложением его сути и итогов. В частности, в нем говорилось: «Совершился исторический факт обретения подлинной свободы для полнокровного развития многонационального Татарстана в братской семье народов России, СНГ, мира...»

Несмотря на массивное давление определенных кругов, вы проявили свои собственные нашему народу мудрость и огромное терпение.

Выражая искреннюю благодарность за вашу поддержку, за ваш ясный ум, доброе сердце, я обращаюсь к вам, дорогие соотечественники, именно сегодня, именно

в этот час с призывом еще более укрепить мир и согласие в нашем общем доме – родном Татарстане. Опираясь на ваше доверие, перед лицом мирового сообщества еще раз хочу подтвердить: все от нас зависящее для дальнейшего процветания родной республики, для дальнейшего укрепления традиционной вековой дружбы между нашими народами будет сделано...

Как и до референдума, я повторяю: наша судьба в наших руках! От того, насколько мы проникнемся сознанием величайшей ответственности перед историей, перед будущим, зависит и судьба народа, и судьба каждого из нас. Оставим же нашим потомкам добрую память мудрого решения сложных проблем нашего бытия. Это – мудрость в обновлении и укреплении союза с Россией, сохранении ее целостности и приверженности не на словах, а на деле, стремление к демократическим принципам гражданского общества и государственного строительства; в признании и уважении прав человека независимо от его национальности и вероисповедания. Это наше сегодня, это – и наше завтра» [Сов. Т., 1992, 24 марта].

В этой связи интересно интервью М.Ш.Шаймиева с корреспондентом «Советской Татарии»:

— Накануне референдума проводились учения в нашем военном округе. Были ли эти учения согласованы с Вами? Расцениваете ли Вы их как давление? Является ли это нарушением норм права и морали?

— Если бы я расценивал эти действия как давление, то выразил бы к ним отношение. Слухов было много, в том числе и о вывозе и ввозе оружия. Идет обычная замена устаревшего оружия, не более.

— Будут ли сделаны официальные признания от других стран? Будет ли какое-либо заявление от Вашего имени?

— Поднимать вопрос о субъектности международного права на референдуме, быть может, и не было необходимости. Добившись суверенитета, мы и так будем обладать этим правом. У суверенного государства должны быть все атрибуты независимого государства, кроме тех, что мы передадим Российской Федерации. Суверенным можно быть сутки, а потом нужно ограничивать себя.

— Каковы будут Ваши ближайшие политические шаги? Не возьмут ли власть экстремистские силы?

— Политический шаг будет сделан с учетом результатов референдума. Необходимо еще до съезда народных депутатов России подготовить проект договора с Российской Федерацией и представить его российскому руководству. Что касается захвата власти, то, я думаю, нет оснований беспокоиться на этот счет, так как доверие к государственным органам Татарстана у народа достаточно высокое» [Сов. Т., 1992, 24 марта].

Не таким простым оказался путь к договору. Еще не раз подвергалось испытанию то достаточно высокое, как сказал Шаймиев, доверие народа.

§ 2. Итоги референдума и их законодательное закрепление

Индус Тагиров

Благоприятный исход референдума по вопросу о государственном статусе Татарстана не означал завершения борьбы за суверенитет республики, наоборот, она входила в самую ответственную фазу: во-первых, предстояло подвести итоги референдума, во-вторых, закрепить их в Конституции и, в-третьих, принять ряд важнейших законов, направленных на становление суверенного государства.

Эти задачи решались на X, XI, XII и XIII сессиях Верховного Совета Татарстана. В прениях принимали участие представи-

тели органов различных ветвей власти Российской Федерации и Республики Татарстан. По каналам центрального телевидения и радио, на страницах печати передавалась разнохарактерная информация о событиях в Татарстане. На имя Президента и в адрес Верховного Совета республики поступали письма и телеграммы, отражавшие весь спектр общественного мнения не только Татарстана, но и России и даже стран СНГ. Ибо в процессах, происходивших в Татарстане, как в капле воды, отражались важнейшие политические события на всем простран-

стве бывшего Советского Союза. Татарстан, как выразился один из ответственных руководителей Российской Федерации, создавал нравственный вектор, которому следовали другие.

Х сессия Верховного Совета, по предложению Президиума, помимо подведения итогов референдума, должна была обсудить проект будущей Конституции республики. Формирование повестки дня стало отражением сложной и напряженной ситуации, сложившейся после референдума. По-сути, шла борьба двух тенденций общественного развития республики: укрепление ее суверенитета и наступление на его основополагающие принципы, закрепленные Декларацией о государственном суверенитете и итогами всенародного референдума.

Депутатская группа «Согласие» предложила свой вариант повестки дня, в котором отсутствовал вопрос об итогах референдума. По словам одного из активных членов этой группы, доцента юридического факультета Казанского университета Ю.С.Решетова, референдум не нуждается в чем-либо утверждении. Между тем речь шла не об утверждении, а о подведении итогов. Прямо противоположными такой позиции были мнения депутатских групп «Татарстан» и «Суверенитет», считавших, что одного лишь подведения итогов мало, важнее определить на их основе перспективы дальнейшего развития республики. Без учета итогов референдума невозможно было принять и Конституцию республики. Декларация, референдум и Конституция могли рассматриваться лишь в единой связке. Поэтому, по предложению депутата Н.В.Мансурова, вопрос был сформулирован так: «О мерах по реализации государственного суверенитета Республики Татарстан, вытекающих из итогов референдума по статусу республики 21 марта 1992 года».

Депутаты группы «Согласие», ссылаясь на изменение формулировки вопроса, попытались сменить докладчика, предложив в его качестве Н.В.Мансурова. Это было похоже на предложение союза депутатским группам «Татарстан» и «Суверенитет» совместной борьбы против официальной власти. Но оно не было воспринято, так как пропасть,

отделявшую эти группы друг от друга, еще только предстояло преодолеть, что – как показали сессии – было делом нелегким. Тем не менее, к согласию нужно было стремиться, и это все понимали.

В связи с изменением формулировки вопроса о референдуме докладчик Председатель Верховного Совета Ф.Х.Мухаметшин попросил перенести обсуждение на следующий день, чтобы лучше к нему подготовиться.

В 17 часов 30 минут состоялось заседание Президиума Верховного Совета, где Ф.Х.Мухаметшин вынес на обсуждение: как поступить с вопросами, внесенными дополнительно. Речь шла именно об итогах референдума и вытекающих из них задачах. Было решено, что основным докладчиком будет Ф.Х.Мухаметшин, а с содокладом выступит один из членов правительства. Ф.Х.Мухаметшин отметил, что по этому вопросу у него состоялась беседа с первым заместителем Генерального прокурора Российской Федерации, в которой были обозначены и другие вопросы перспективного развития Татарстана, и они нашли отражение в его докладе [ТА ГС РТ, ф.Р–3610, оп.1, д.2073, л.5].

Непростым оказалось включение в повестку дня вопроса о проекте новой конституции. Были попытки включить в повестку дня не только обсуждение одного официального проекта, разработанного конституционной комиссией Верховного Совета, возглавляемой Президентом республики М.Ш.Шаймиевым, но еще двух проектов. Последние, отличавшиеся друг от друга лишь по форме изложения, были розданы депутатам буквально за два дня до открытия сессии «Движением демократических реформ» и депутатской группы «Согласие». Депутатская группа «Татарстан» расценила их как ревизию результатов референдума и предложила снять их с рассмотрения. Предложение не было принято.

Авторы альтернативных проектов с самого начала пытались создать негативное представление об официальном проекте. Депутат И.Д.Грачев заявил, что в группе «Согласие» к официальному проекту Конституции отношение крайне отрицательное как

по структуре власти, так и по ключевым вопросам: взаимоотношения с Российской Федерацией, гражданство, границы Республики Татарстан и т.д. [ТА ГС РТ, X, т.1, л.44].

Примечательно, что, какой бы вопрос ни обсуждался на сессии, в нем присутствовал мотив борьбы – за или против суверенитета. Таким был вопрос о переводе правоохранительных органов под юрисдикцию Татарстана: все хорошо представляли, что его решение является конкретным шагом, направленным на реализацию суверенитета республики. Тем более предварительно работала специальная комиссия, которая с учетом мнений руководителей правоохранительных органов и министра финансов Д.Н.Нагуманова пришла к выводу, что перевод правоохранительных органов под юрисдикцию Республики Татарстан возможен. Имелись подготовленные законопроекты «О судебном устройстве в Республике Татарстан», «О статусе судей в Республике Татарстан», «О милиции», «О прокуратуре», «Об арбитражном суде». Докладчик по этому вопросу руководитель группы А.П.Лозовой подчеркнул, что для перевода правоохранительных органов под юрисдикцию республики потребуются коренное изменение структуры самой системы правоохранительных органов, порядка их материально-технического обеспечения и выделение из республиканского бюджета около шести миллиардов рублей. Кроме того, он указал на необходимость включения вопроса в перечень вопросов переговорного процесса с Российской Федерацией [ТА ГС РТ, X, т.1, л.61]. Было принято решение вынести этот вопрос на обсуждение сессии.

Четко выявилось наличие двух подходов и в обсуждении бюджетного устройства республики. Большая часть депутатов высказалась за бюджет, построенный на одноканальном налоге, а депутаты группы «Согласие» всячески выступали против него. Доклад Д.Н.Нагуманова об утверждении исполнения бюджета 1991 г. и законе о бюджетном устройстве на 1992 г., равно как и доклад председателя плановой и бюджетно-финансовой комиссии Верховного Совета Г.В.Кобелева, явился поводом для критики правительства в бесконтрольном использо-

вании финансовых средств и особенно валютных поступлений. Дальнейшее обсуждение, перешедшее в дискуссии о беспроцентном кредитовании малоимущих граждан для строительства индивидуального жилья, о соотношении республиканского и местных бюджетов, не сняло напряжения. Обстановка накалилась. Временное спокойствие наступило лишь после вмешательства Президента М.Ш.Шаймиева и председательствующего Ф.Х.Мухаметшина, но ненадолго. Так, группа депутатов «Согласие» даже после объявления режима голосования по проекту закона «О бюджетной системе Республики Татарстан на 1992 год» попыталась сорвать его. И.Д.Грачев заявил, что в цифровой форме этот бюджет принимать нельзя, мотивируя это тем, что цифры выдержаны не будут и взаимоотношения с Российской Федерацией в нем построены в стиле финансовой войны, а в самом бюджете сохраняется уравнительный принцип распределения денежных ассигнований по регионам и отраслям экономики независимо от их вклада в развитие республики [ТА ГС РТ, X, т.3, л.335].

Заявление И.Д.Грачева встретило отпор депутатов. Так, А.А.Колесник охарактеризовал определение И.Д.Грачевым экономических взаимоотношений России и Татарстана как финансовую войну, не выдерживающую никакой критики, напомнив о том, что в дни подготовки к референдуму И.Д.Грачев запугивал население началом третьей мировой войны в случае его проведения. Колесник, тонко уловив скрытый мотив неприятия суверенитета республики Грачевым, как бы от его имени произнес: «Вот плохо ведь, плохо, смотрите, суверенитет во всем виноват» [ТА ГС РТ, X, т.1, л.336]. Действительно, несогласие с суверенитетом республики являлось скрытым, может быть, не до конца осознаваемым всех мотивов действий членов депутатской группы «Согласие».

Преодоление противоречий по вопросам бюджетного устройства, которое привело к принятию одноканального бюджета, и сопутствовавшие этому словесные баталии были лишь прелюдией бурных дискуссий по вопросам референдума и Конституции Татарстана. Страсти не утихали

и в перерывах, переносились в кабинеты, выплескивались в фойе, находили отражение в интервью.

Доклад Председателя Верховного Совета Ф.Х.Мухаметшина был реалистичным и взвешенным. Главным итогом референдума как показателя достижений качественно нового уровня в развитии государственности республики докладчик назвал завершение очередного этапа в реформировании национально-государственного устройства. Значение референдума для республики было определено как факт становления суверенного государства, субъекта международного права, как новая страница в многовековой истории Татарстана.

Ф.Х.Мухаметшин отметил, что референдум, как это было подтверждено представителями международных организаций, соответствовал всем нормам международного права, несмотря на неблагоприятные деяния российской прокуратуры, направленные на его срыв. «Всего этого сегодня можно было бы и не вспоминать. Но как не выкинешь строку из песни, так и эти неприятные моменты останутся в памяти нашего многонационального народа. Сейчас это уже история. История тернистого, долгого пути Республики Татарстан в направлении повышения ее статуса, достижении равноправия в государственных отношениях с Россией, другими республиками и государствами ближнего и дальнего зарубежья», – сказал оратор.

По результатам голосования Ф.Х.Мухаметшин сделал вывод о том, что больше половины граждан Татарстана поддержали главную мысль референдума – необходимость и политическую целесообразность повышения государственного статуса республики, оказали доверие своему парламенту, Президенту и правительству, подтвердили приверженность тому политическому курсу, по которому в последние годы двигалась республика. Ф.Х.Мухаметшин указал на наличие различных подходов в оценке референдума: одни пытаются дискредитировать его результаты, ссылаясь на то, что на результаты голосования оказала влияние национальная принадлежность голосовавших, другие настаивают на незамедлительном провозглашении государ-

ственной независимости Татарстана, третьи говорят о необходимости скорейшего подписания Федеративного договора в нынешнем его виде. Ф.Х.Мухаметшин привел конкретные цифры, опровергающие мнения, что якобы положительно за вопрос референдума проголосовало село, в основном состоящее из татар, и против высказались города с преобладающим русским населением. В Казани сказали «да» вопросу референдума 46,8% избирателей, в Набережных Челнах – 60,8%, в Альметьевске – 71,4%, в Нижнекамске – 54,3%. «Считаю подобные рассуждения надуманными и политически безответственными», – сказал Председатель Верховного Совета. – Реальность такова: и среди татар были те, кто голосовал "нет", и среди русских – кто сказал "да".

Одним из важнейших выводов доклада Ф.Х.Мухаметшина стал следующий: спешить с провозглашением независимости нельзя, поскольку в последнее время энергично шли консультации, переговоры делегаций Татарстана с руководством Российской Федерации. Уже была достигнута договоренность о необходимости установления особых отношений Республики Татарстан с Российской Федерацией путем подписания двустороннего договора на основе взаимного делегирования полномочий.

Большое внимание в докладе Ф.Х.Мухаметшина было уделено экономическим проблемам суверенитета. Главный упор был сделан на укрепление имущественных прав республики и особенно на использование добываемой в республике нефти. В качестве факта становления экономического суверенитета докладчик назвал становление независимого бюджета республики и создание национального банка.

Вопросы законодательного закрепления результатов референдума получили у депутатов неоднозначную оценку. Мухаметшин подчеркнул, что содержание проекта новой Конституции, внесенного на рассмотрение сессии Верховного Совета, в ходе обсуждения будет обогащено всесторонним, углубленным видением депутатами конституционных проблем, впитает в себя современные реалии правового развития республики. В качестве прав, которые должны быть

закреплены за республикой, он перечислил восемнадцать наиболее значимых полномочий, осуществляющихся суверенным государством [ТА ГС РТ, X, т.3, л.31–39].

Предметом особых споров были вопросы взаимоотношений России и Татарстана. Депутаты стояли на двух позициях: первая – настаивающая на установлении равноправных отношений с Российской Федерацией, а вторая – направленная на суверенное развитие республики в составе Российской Федерации. Разногласия возникли из-за различного толкования постановления Верховного Совета от 16 марта, разъясняющего вопрос референдума в части сохранения целостности Российской Федерации.

Со стороны депутатов группы «Татарстан» раздавались упреки в адрес Президента, Верховного Совета и правительства в затягивании решения вопросов, связанных с реализацией результатов референдума. Депутаты же оппозиционных групп, наоборот, старались не замечать этих результатов.

Ф.А.Байрамова обрушилась с критикой на депутатов пророссийской ориентации, обвинив их в попытке ревизии результатов референдума, превращения республики в государство не реального, а лишь бумажного суверенитета. Высказала она упрек и в адрес руководителей республики, которым, по ее словам, надлежало уже на второй день после референдума «засучив рукава взяться за государственные дела» и создать программу реализации самостоятельности республики. В качестве мер она назвала создание резервного банка для сбора налогов, собственной денежной системы, перевод правоохранительных органов под республиканскую юрисдикцию и принятие ряда законов, необходимых для суверенного развития республики. «Нужна армия», – сказала она. Ф.А.Байрамова потребовала также выхода из экономического пространства России, ограничения ввоза товаров оттуда, создания самостоятельной образовательной системы татарского народа и вхождения Татарстана в ООН.

Созвучными многим предложениям Ф.А.Байрамовой были выступления Ф.Ш.Сафиуллина, М.А.Мулюкова и Р.И.Валеева. Однако в них не было резкости, харак-

терной для выступления Байрамовой. Так, Ф.Ш.Сафиуллин результат референдума оценил как выражение взаимного доверия народов республики. «Мы, – сказал он, – не ставим целью обособление от кого-либо, мы не ставим целью покушение на чьи-либо границы» [ТА ГС РТ, X, т.3, л.388]. Ф.Ш.Сафиуллин указал на необходимость принятия закона о закреплении прав суверенного государства за органами Республики Татарстан и призвал к тому, чтобы все шаги по реализации суверенитета были обдуманными и согласованными с нуждами и потребностями народа. Р.И.Валеев высказался за создание собственного национального банка и право на эмиссию денег. Депутат в то же время четко заявил, что у него нет никаких экстремистских стремлений и он против конфронтации с Россией, а выступает за равноправный договор с ней на основе разграничения полномочий.

Депутат М.А.Мулюков, всецело поддерживая предложение о передаче правоохранительных органов под юрисдикцию Татарстана и создании собственной денежной системы, привел некоторые факты, характеризующие действия против референдума сторонников групп «Народовластие», «Согласие» и «Граждане Российской Федерации». По его данным, противниками референдума на его срыв было потрачено 60 млн. руб., а в республику для ведения соответствующей работы было заслано три тысячи агентов, которым в день выплачивалось 500 руб. командировочных. Депутат назвал также адреса и лиц, куда и к кому следовало обратиться этим командированным в республику людям, среди них редакции газет «Вечерняя Казань», «Казанские ведомости», народные депутаты республики И.Д.Грачев, И.Т.Султанов, З.Латыпов и В.Михайлов. Трудно сказать, в какой мере эти данные – никем из депутатов не опровергнутые – соответствовали истине.

Коренные вопросы суверенного развития Татарстана продолжали оставаться в центре внимания депутатов и во время обсуждения других вопросов.

Вопрос о передаче проекта Конституции Республики Татарстан на предварительное обсуждение комиссиям Верховного Совета рассматривался на заседании его Президиу-

ма 13 мая 1992 г. Речь шла и об альтернативных проектах Конституции: выносить их на сессию или нет? Было решено передать постоянным комиссиям три проекта Конституции и образовать рабочую группу для обобщения предложений и замечаний, поступивших в ходе обсуждения [ТА ГС РТ, ф.Р–3610, оп.1, д.2072, л.57].

На вечернем заседании был обсужден доклад Президента Татарстана М.Ш.Шаймиева о проекте новой Конституции республики. Содержательная часть доклада была направлена на закрепление положений Декларации о государственном суверенитете, поддержанной всенародным референдумом. М.Ш.Шаймиев начал выступление с констатации того, что с момента принятия Декларации прошло достаточно времени для осмысления сути общеполитической ситуации, позиции и действий Татарстана, направленных на повышение государственного статуса республики. «Одни нас критиковали, и продолжают это делать, за медлительность, другие – за поспешность. От одних мы слышали упреки в том, что якобы выходим из России, рвем с ней исторические и иные связи, другие критиковали нас за то, что мы ведем с Россией переговоры», – сказал Президент. Оценив Декларацию как цементирующий инструмент межнационального согласия в республике, он определил ее как источник правового регулирования жизни республики, политико-правовую базу для принятия Конституции Республики Татарстан.

Глава республики выразил удовлетворение высокой активностью населения в ходе проведения референдума [ТА ГС РТ, ф.Р– 3610, оп.1, д.2072, л.397, 398]. «Как только ни называли его (референдум. – *И.Т.*) наши оппоненты, чего только ни предрекали, переходя порой на недозволенные в цивилизованном обществе действия, пытаюсь тем самым оказать давление на избирателей», – сказал он, характеризуя ситуацию в республике в эти дни. Затянувшуюся подготовку проекта Конституции М.Ш.Шаймиев объяснил так: «Надо прямо признать, что мы жили надеждой на сохранение Союза ССР, за который на референдуме (в марте 1991 г. – *И.Т.*) голосовало большинство населения страны». Судьбу республики, ее политиче-

ский статус Президент определял в контексте судьбы всего бывшего Советского Союза. Это явилось лейтмотивом всего доклада и одновременно обозначило стратегию становления суверенного Татарстана.

Принципиальное значение имело отражение в проекте Конституции республики качественного изменения статуса Татарстана по результатам проведенного референдума. Его М.Ш.Шаймиев обозначил так: «До сих пор права республики, как известно, декретировались сверху союзными и российскими органами. Сегодня мы заявляем о приверженности демократии, и, следовательно, источником права становится сам народ, его воля и интересь». В то же время демократия и суверенитет в докладе Президента были обозначены как неразделимые, взаимозависимые понятия, полностью соответствующие общепризнанным правам человека, зафиксированным в Уставе ООН, пактах о правах человека 1966 г. и других нормах международного права. «Их соблюдение, – сказал Президент, – критерий цивилизованности суверенного Татарстана, условие его активного участия в международных отношениях и, конечно, предпосылка его признания со стороны других государств».

С большим вниманием были заслушаны слова М.Ш.Шаймиева о взаимоотношениях России и Татарстана. В качестве ключевой в этом аспекте была обозначена статья 66 проекта Конституции: «Республика Татарстан строит свои отношения с Российской Федерацией – Россией на основе Договора о взаимном делегировании полномочий». В качестве механизма этого принципиального документа Президент назвал специальные соглашения.

М.Ш.Шаймиев внес предложение принять за основу для обсуждения представленный проект Конституции.

Депутатов более всего интересовали вопросы, связанные с взаимоотношениями и договором Татарстана с Российской Федерацией, а также вопросы гражданства. И.Д.Грачев, отметив, что в проекте Конституции есть положение о безоговорочном равноправии граждан, независимо от каких-либо признаков, и, тем не менее, в пункте 6 статьи 14 допускается ограничение по при-

знаку владения двумя государственными языками, спросил, как к этому относится Президент. Ответ М.Ш.Шаймиева был кратким: «Я считаю, что это должно определяться законом о языках». Затем он добавил, что в законе зафиксировано положение о том, что Президент должен владеть двумя государственными языками.

В статье 35 проекта Конституции было оговорено право передвижения в пределах республики граждан Татарстана. И.Д.Грачев истолковал это положение как означающее возведение границ в будущем. Надуманность этого вопроса была очевидна, так как в Конституции Татарстана имелась в виду лишь территория республики, право же продвижения граждан по территории России четко зафиксировано в Конституции Российской Федерации. Президент ответил так: «Как же мы можем ограничивать право свободного передвижения человека на территории нашего государства?». Однако Грачев остался при своем мнении [ТАГС РТ, ф.Р–3610, оп.1, д.2072, л.413]. Такое восприятие 35-й статьи Конституции означало и невосприятие положения 23-й статьи о двойном гражданстве, сводившееся вообще к отрицанию гражданства республики.

По вопросу о гражданстве высказались и депутаты группы «Татарстан» с точки зрения возможности расширения сферы действия его на татар, желающих иметь гражданство Татарстана. «Если кто-то в Татарстане является лишь гражданином России, то почему бы и в российской Конституции не указать, что татары, проживающие в Российской Федерации, также могут обладать гражданством Татарстана?» – адресовала Президенту вопрос Ф.А.Байрамова.

М.Ш.Шаймиев, сославшись на всеобщую Декларацию прав человека, по которой каждый человек имеет право на гражданство и не может быть лишен его, ответил, что это должно быть отражено в договоре с Россией.

Депутатов группы «Согласие» более всего интересовали вопросы взаимоотношений ветвей власти. И.И.Салахов обратился к Президенту с вопросом: «К какому типу государства относите данный проект Конституции, представленный конституционной комиссией: по режиму – ближе к автори-

тарному или демократическому и по форме правления – к президентскому, суперпрезидентскому или парламентскому?».

Отвечая на этот вопрос, Президент сказал, что демократический режим пронизывает все статьи Конституции и в ней заложены принципы, уравнивающие все три ветви власти. Однако, подчеркнул он, «кажется, в дальней перспективе должна преобладать президентская форма правления».

Принципиальным был вопрос депутата Н.В.Мансурова по 66-й статье проекта Конституции о механизме действия взаимного делегирования полномочий: «Подразумевает ли эта статья возможность одностороннего отзыва делегированных полномочий?»

Ответ был следующим: «Да, вообще договорные отношения при прекращении выполнения обязательств одной стороной автоматически приводят к потере самого соглашения».

В альтернативных проектах депутатов «Согласия» и «Народовластия», называвших себя демократами и много говоривших о правах человека, часто противопоставляя их коллективным правам, в том числе и правам народов, было уделено много места проблемам демократии и прав человека.

Первый из этих проектов был представлен «Движением демократических реформ». С докладом по нему выступил З.Латыпов. Начав свое выступление выражением удовлетворения официальным проектом Конституции, он сообщил, что в представленном им проекте Конституции, содержащей 59 статей и 7 глав, излагаются известные принципы народовластия и формы его выражения, система выборов и изменения законов. Конституция же должна приниматься посредством всенародного референдума.

По-сути, все главы и статьи проекта, изложенные докладчиком, ничего принципиально нового не содержали, а были лишь произвольным изложением международных пактов о правах человека, Всеобщей декларации прав человека. В докладе Латыпова были обозначены также некоторые общеизвестные положения, например, постоянство Конституции как залог ее авторитета как у населения, так и у власти со ссылкой на Конституцию США, к которой за 218 лет

ее существования из более трех тысяч предложенных поправок были приняты лишь 26. Однако эти сведения, будучи важными и интересными сами по себе, непосредственно отношения к предложенному проекту Конституции не имели. Представленный проект, по признанию самого З.Латыпова, не содержал конкретных норм: «Мы здесь конкретных норм не вводим только потому, что у нас действительно сегодня нет законодательной базы по многим вопросам. Мы вводим только принципы, а все остальное – исходя из жизненных условий, обстоятельств, в которых мы будем жить. Все это будет меняться, естественно». Сославшись на Конституцию США, докладчик должен был бы напомнить, что при ее принятии также не было законодательной базы. Не Конституция должна приспособливаться под какие бы то ни было до этого существовавшие законы, а она сама должна стать основой для их принятия.

Единственное отличие представленного З.Латыповым проекта – в определении статуса республики, выведенном из одностороннего толкования Постановления Верховного Совета республики от 16 марта 1992 г.: «Республика Татарстан – суверенное, демократическое правовое государство в составе Российской Федерации». При этом докладчик, не раскрывая сути договорных взаимоотношений Татарстана и России, говоря о 56-й статье своего проекта, лишь вскользь упомянул о принципе делегирования полномочий между Россией и Татарстаном. Остается только догадываться, осознанно или неосознанно из доклада выпало понятие взаимного делегирования полномочий.

Докладчик не смог дать удовлетворительного ответа ни на один заданный вопрос, в том числе о республиканском гражданстве, об отношении государства к религиозным праздникам, о взаимоотношениях двух государственных языков. Совсем в тупике оказался докладчик, когда М.А.Мулюков, указав на несоответствие представленного проекта Конституции Декларации о государственном суверенитете и результатам референдума, спросил: «Почему вы, вопреки волеизъявлению народа, вопреки референдуму, в своем проекте Конституции ста-

раетесь вновь включить Татарстан в состав России?». Латыпов ответил, что основой для обозначения Татарстана как субъекта Российской Федерации явились юридические документы, принятые в Верховном Совете, и референдум. О каких документах шла речь, осталось непонятным, ибо до сих пор коллеги З.Латыпова ссылались только на Постановление Верховного Совета Татарстана от 16 марта 1992 г. Ссылка же на референдум тех, кто был против рассмотрения его итогов на сессии, была удивительной. Тем более странными прозвучали следующие слова З.Латыпова: «Если вы хотите действительно убедиться, что я не прав, можете обратиться к независимым юристам, пусть они сделают вывод». Видимо, докладчик «забыл», что накануне референдума, выступая на сессии Верховного Совета РСФСР, председатель Конституционного суда России В.Д.Зорькин уже сделал вывод о том, что на референдуме ответ «да» будет юридической основой для провозглашения независимости Татарстана. Казус возник и при определении докладчиком понятия «суверенитет». Депутаты обратили внимание на то, что оно присутствует в проекте лишь формально. Так, А.Г.Ахатов задал докладчику вопрос: «Существует ли на нашей планете такое суверенное государство, которое сохраняет свою суверенность в составе другого суверенного государства?» Ответ: «Башкирия, Чувашия – все они приняли суверенитет» – вызвал лишь дружный смех в зале.

Основные принципы другого альтернативного проекта Конституции от группы депутатов «Народовластие» были изложены депутатом В.Михайловым. В его докладе также много места заняли пункты о правах человека в их соотношении с коллективными правами. Подчеркнув, что права человека – это центральное ядро права вообще, он сказал: «Любые коллективные права могут быть выведены из прав личности, и никогда не бывает наоборот... мы прерываем традицию, когда Конституция заявляет от имени народа».

Во многом представленный проект «Народовластия» был похож на проект группы «Движение демократических реформ»: подразумевалось, что Верховный Совет не дол-

жен иметь Президиум, который, по их мнению, невозможно найти ни в одной конституции демократических стран [ТА ГС РТ, ф.Р-3610, оп.1, д.2072, л.449], наблюдались те же подходы к организации местного самоуправления, характеристика проблем разделения властей, принцип выборности глав администраций. Проект представлял Татарстан как парламентскую республику, когда правительство ответственно не перед Президентом, а перед парламентом. По мнению депутатов группы «Народовластие», Конституционный суд является последней инстанцией в решении вопросов соответствия законов и постановлений Верховного Совета Конституции республики. Разумеется, это вполне демократическое положение не встретило и не могло встретить возражения депутатов. Возражения и вопросы возникли по другим вопросам. Так, депутат А.А.Колесник спросил о преемственности представленного проекта Конституции с традициями и особенностями Республики Татарстан, и не случайно, ибо проект подходил в равной мере для любого региона России. Ответ прозвучал туманно. А.А.Колесник обратил внимание В.Михайлова на то, что судебная система Татарстана по проекту «Народовластия» ликвидируется и становится всецело российской. В ответ прозвучало рассуждение о том, что граждане Татарстана являются гражданами Российской Федерации и они будут требовать защиты своих прав именем Российской Федерации.

Ф.Ш.Сафиуллин задал несколько вопросов, касающихся несоответствия проекта конституции группы «Народовластие» результатам референдума, и предложил снять его с рассмотрения. Этому возразил депутат И.И.Салахов, сказав, что, так как все три проекта не соответствуют результатам референдума, то их нужно снять сразу все. В обсуждение вмешался М.Ш.Шаймиев: «Я не могу согласиться с мнением депутата Салахова, потому что в проекте Конституции, предложенном конституционной комиссией Верховного Совета, по статьям все четко разложено в строгом соответствии именно результатам референдума. Об этом сказано в моем докладе» [ТА ГС РТ, ф.Р-3610, оп.1, д.2072, л.463].

Председатель Верховного Совета Ф.Х.Мухаметшин отметил: так как проекты Конституции еще не обсуждались в комиссиях, их надо направить туда, и это будет самый разумный, реальный подход. Депутаты группы «Согласие» выразили мнение, что в официальный проект Конституции нужно внести три ключевых момента: она не должна допускать никакой дискриминации по языковому принципу, включая и ограничение на профессии, должна быть статья о сохранении в Татарстане гражданства России и оговорена сохранность территориальной целостности Российской Федерации.

Ф.Х.Мухаметшин нашел, что депутаты забегают вперед, ибо сначала надо принять какой-то из проектов за основу и только потом вносить в него предложения. М.Ш.Шаймиев же оценил предложения группы «Согласие» скорее как политическое выступление, рассчитанное произвести определенный эффект, и напомнил, что лидер группы И.Д.Грачев был в конституционной комиссии, где после долгих дискуссий пришли к следующей формулировке 23 статьи: «В Республике Татарстан допускается двойное гражданство, условия осуществления которого определяются договором, соглашением с Российской Федерацией, другими государствами. Граждане Республики Татарстан сохраняют по своему желанию гражданство Российской Федерации – России. Каждое лицо имеет право выбора гражданства и право изменять его. Лишение гражданства или права на изменение гражданства запрещается» [ТА ГС РТ, ф.Р-3610, оп.1, д.2072, л.465].

В.Х.Вахитов напомнил собравшимся, что проект Конституции, который был представлен Президентом, в течение двух месяцев прошел общенародное обсуждение, и предложения о поправках поступали только на тот проект. Два альтернативных проекта стали доступны только два дня тому назад. По этой причине, отметил он, надо отдать предпочтение проекту, прошедшему всенародное обсуждение.

Члены депутатской группы «Согласие» И.Грачев, Б.Козлов, М.Хафизов, И.Султанов и Н.Горшунов попытались помешать принятию за основу официального проекта и передаче его в комиссии, настаивая

на обсуждении всех трех проектов. В свою очередь, депутаты группы «Татарстан» Ф.Ш.Сафиуллин и Р.А.Юсупов, отстаивая мнение, что два альтернативных проекта противоречат результатам референдума и Декларации о государственном суверенитете, настаивали на принятии за основу проекта комиссии Верховного Совета [ТА ГС РТ, XI, т.1, л.28].

Было принято решение о направлении в комиссии всех трех проектов Конституции. Сессия прервала свою работу с тем, чтобы продолжить ее 6 июля.

Казалось бы, работа подходила к концу. Были выявлены основные подходы к важнейшим статьям Конституции, определены ее основные статьи, проделана большая работа над внесением поправок в ее обсужденный проект. Оставалось прийти к согласию по ключевым вопросам: взаимоотношения с Россией и определение гражданства. Это, естественно, не означало, что остальные вопросы улажены и по ним нет разногласий. Они оставались, но в сопряженном к этим двум проблемам виде.

XI сессия Верховного Совета двенадцатого созыва, открывшаяся 28 сентября 1992 г., ознаменовалась новым этапом обсуждения Конституции.

Председатель Верховного Совета Ф.Х.Мухаметшин на татарском языке огласил проект повестки из 12 пунктов. Вопрос о проекте Конституции в ней был обозначен первым [ТА ГС РТ, XI, т.1, л.6–7]. Однако предложения по повестке дня продолжали поступать. Порой вопросы на сессию врывались как бы с улицы. Депутаты пытались внести на рассмотрение своих коллег вопросы о росте преступности, безработице, обнищании народа, процессе приватизации и многое другое. Выделялся вопрос Ф.А.Байрамовой об оценке действий правоохранительных органов Мензелинска и Набережных Челнов: речь шла о применении 20 августа 1992 г. сотрудниками этих органов огнестрельного оружия к активистам национального движения, в результате чего было ранено 26 человек, а после арестовано 68.

Информация Ф.А.Байрамовой вызвала бурную реакцию депутатов. Председатель прервал прения и поставил предложение

Ф.А.Байрамовой на голосование, но оно не прошло. Не прошли и другие схожие предложения. Иногда дело доходило до того, что раздавались призывы не обсуждать проект Конституции, а обратить взор на нужды людей и обсуждать только повседневные проблемы. В таких призывах, несомненно, кроме естественной озабоченности судьбами населения, было и стремление отложить рассмотрение проекта Конституции. Так, депутат В.Михайлов предложил снять проект с рассмотрения якобы по причине его плохой подготовленности, отсутствия независимой экспертизы и поправок группы «Согласие».

Перекрыть проект Конституции иными вопросами, какими бы весомыми они ни были, не представлялось возможным. Слишком велика была цена вопроса.

Докладчик по проекту новой Конституции республики министр юстиции А.М.Салабаев указал, что в работе по совершенствованию проекта участвовали все комиссии Верховного Совета и многие народные депутаты. «И хотя наши позиции не во всем и не всегда совпадали, внесенные предложения и замечания оказали конституционной комиссии большую помощь, позволили ей выработать, с нашей точки зрения, более правильно ряд принципиальных положений проекта Конституции», – сказал министр. Он сообщил, что проект Конституции прошел экспертизу докторов права Кристиана Дики из Швейцарии и Кристиана Вебера с кафедры публичного, гражданского и европейского права Мюнхенского университета. Внесены поправки в шесть разделов проекта из семи, в 59 статей из 175. Три статьи приняты вновь, и шесть статей исключены. Затем докладчик осветил ряд принципиальных моментов проекта Конституции. Один из таких вопросов был о том, кто ее будет принимать: Верховный Совет или всенародный референдум?

Изменения, предложенные комиссией, касались второй главы – об экономической системе республики. «Комиссия, – сказал А.М.Салабаев, – исходила из того, что демократия и суверенитет имеют смысл только в том случае, когда они подкрепляются соответствующей экономической базой, пра-

вом народа распоряжаться своей собственностью... Именно в этой связи в данной главе появилась статья 8, гласящая, что земля, ее недра, водные, лесные и другие природные ресурсы, животный и растительный мир, средства государственного бюджета, активы государственных банков, культурно-просветительские ценности народов Татарстана и другое имущество, обеспечивающее хозяйственную самостоятельность республики, сохранение материальной и духовной культуры, являются общенародным достоянием».

В докладе министра особо выделен был вопрос о гражданстве, записанный в проекте с учетом замечаний депутатов. Докладчик отметил, что в замечаниях чувствовались разные, порой противоположные, позиции, и это требовало от конституционной комиссии наиболее взвешенных подходов, учета существующей реальности и международных норм. Ключевым, и потому дискуссионным, стал вопрос о характере взаимоотношений Республики Татарстан и Российской Федерации. Тем не менее, отметил докладчик, в этом вопросе позиция комиссии не изменилась, и она считает, что Республика Татарстан должна строить свои отношения с Россией на основе договора, причем договора с большой буквы, а в качестве механизма реализации договора должны определяться специальные соглашения. Неоднозначно были восприняты депутатами следующие слова докладчика: «Взятый республикой курс – строить отношения с Россией только по горизонтали, как мы полагаем, – это путь всех цивилизованных государств. Выход Республики Татарстан как суверенного государства на международную арену потребует от нее во взаимоотношениях с другими государствами безусловного соблюдения международного права». Соблюдение норм международного права, признание их приоритета над нормами внутреннего законодательства докладчиком были обозначены как предпосылки признания Татарстана другими государствами. А.М.Салабаев подробно охарактеризовал положения проекта Конституции о взаимоотношениях ветвей власти, о роли и месте судебных органов, местных органов власти,

а также избирательной системы [ТА ГС РТ, XI, т.1, л.435–439].

В вопросах депутатов к докладчику была выражена озабоченность сокращением прав и возможностей Верховного Совета и усилением президентской власти, в связи с чем был затронут вопрос об импичменте Президента республики. Дискуссии явились показателями наличия в обществе тревоги по неоднозначной перспективе демократического развития республики.

Как и на прошлой сессии, центром внимания депутатов стали вопросы взаимоотношений Татарстана и России и республиканского гражданства. Ф.А.Байрамова повторила свой вопрос: «получат ли татары, проживающие за пределами республики, возможность обретения гражданства Татарстана?». На это докладчик ответил, что у него накануне с Фаузией-ханум состоялся обмен мнениями по этому вопросу, однако прийти к единому мнению им не удалось. Договорились, что Ф.А.Байрамова внесет в проект соответствующую поправку.

М.А.Муллюков предложил свое видение вопроса о гражданстве. Речь, по его мнению, должна идти лишь о гражданстве Татарстана. Этим правом должны обладать все жители республики и желающие обрести это право татары, проживающие за ее пределами. А вопрос о том, могут ли быть жители Татарстана гражданами других государств, должен решаться соглашением Татарстана с другими государствами [ТА ГС РТ, XI, т.1, л.535].

Депутатов группы «Согласие» вопрос о гражданстве беспокоил с несколько иной позиции, а именно: не лишится ли человек российского гражданства, если он его юридически не оформит? Разумеется, что такого рода беспокойства были беспочвенны, ибо в проекте, а затем и в самой Конституции было четко указано, что никто не может быть насильно лишен гражданства и за гражданами Татарстана сохраняется российское гражданство. В то же время чувствовалось, что и в самой группе по этому вопросу нет единого мнения.

Вопросы депутатов и ответы на них А.М.Салабаева вызывали шум в зале, дискуссии между отдельными депутатами.

Председателю иногда с трудом удавалось унять иных разгорячившихся депутатов. Так, Н.В.Мансуров, возмущившись тем, что его поправка о защите суверенитета и территориальной целостности не прошла, задал вопрос: «обладает ли суверенное государство правом на такую защиту?» А.М.Салабаев был в затруднении. Он попытался отменить замечание и поправку депутата тем, что депутат пытается решить этот вопрос лишь созданием вооруженных сил республики, а защита суверенитета ведется путем принятия законов, экономической и финансовой политикой. Создание вооруженных сил, по мнению министра, преждевременно [ТА ГС РТ, XI, т.1, л.434]. Уловив некоторое замешательство докладчика, Н.В.Мансуров настаивал на внесении таких полномочий в Конституцию. На этот раз А.М.Салабаев быстро завершил спор: «Я думаю, что после того, как завершится переговорный процесс, эти вопросы как-то так будут решены».

Депутатов интересовал вопрос о судьбе договора между Россией и Татарстаном. Не целесообразно ли будет воздержаться с принятием Конституции до завершения переговорного процесса и подписания договора с Россией? Не возникнут ли в последующем разночтения, которые впоследствии тяжелее будет урегулировать? Этот вопрос в разных формах задавался депутатами группы «Согласие». Интересовал он не только депутатов. Многочисленные публикации в газетах, выступления по радио и телевидению представителей различных слоев населения и разных национальностей свидетельствовали, что ошибиться в этом вопросе нельзя.

Выступление Президента о судьбе договора между Россией и Татарстаном было более чем актуальным. М.Ш.Шаймиев заявил, что в проекте Конституции в соответствии с Декларацией записано, что взаимоотношения между Татарстаном и Россией будут строиться на основе договора, а механизмом реализации договора будут отдельные соглашения. К этим словам Президент добавил: «Если в ходе подписания появится определенный принципиальный вопрос, я думаю, что мы не сможем себя заранее ли-

шить того права, чтобы не внести изменения» [ТА ГС РТ, XI, т.1, л.474]. Это представляло определенную новизну в подходе к взаимоотношениям России и Татарстана, ибо придавало им динамизма и не предопределяло конкретный исход переговорного процесса.

Всплеск эмоций среди депутатов вызвали споры по определению дальнейшей повестки дня: перейти к постатейному обсуждению проекта Конституции или же до этого завершить дискуссии по принципиальным вопросам. Т.М.Абдуллин предложил консенсус: провести постатейное обсуждение, сделав при этом центральным вопросом о государственном устройстве республики. Однако предложение не было адекватно воспринято. Возбужденный депутат Ю.С.Решетов, напомнив, что на майской сессии Верховного Совета за проект Конституции проголосовало лишь 145 человек, а это не соответствует норме регламента в две трети, предложил согласовать принципиальные моменты проекта. «Прийти к согласию и потом двигаться дальше!» – произнес он [ТА ГС РТ, XI, т.1, л.485]. А.В.Ефремов при поддержке части депутатов внес предложение заслушать мнение А.М.Салабаева лишь по трем статьям проекта Конституции, по которым у депутатов имеются принципиальные разногласия, и провести только их обсуждение. Председатель согласился с этим предложением, но с некоторым компромиссом: выступающие депутаты, сконцентрировавшись на трех статьях, могут затронуть и прочие статьи проекта.

По итогам голосования депутаты перешли к его постатейному обсуждению.

Несколько успокоившийся Ю.С.Решетов объяснил резкость своего выступления тем, что речь идет о согласованной воле большинства депутатов, за которыми стоят избиратели. Он предложил принципиально обсудить вопросы взаимоотношений с Российской Федерацией, о верховенстве законов Татарстана и о государственных языках. Сохранение принципа верховенства законов Татарстана в Конституции, по его словам, означало бы его выход из состава России. Эта статья, отметил депутат, не соответствует как международной норме о терри-

ториальной целостности и политическом единстве государства, так и воле 60% опрошенных, выступающих за суверенитет республики в рамках Российской Федерации. Ю.С.Решетов категорически заявил, что обсуждаемая статья не получит одобрения у российского руководства. Вопрос о языках, по мнению Ю.С.Решетова, также требовал обсуждения. «Несмотря на Декларацию, – сказал он, – здесь ... голосовали за то, чтобы оставить в республике один государственный язык – татарский».

На последнюю фразу Ю.Решетова тут же среагировал Президент М.Ш.Шаймиев. Он сказал, что в проекте Конституции имеется четвертая статья, гласящая, что государственными языками в Республике Татарстан являются равноправные татарский и русский языки. Для большинства депутатов это было в той же мере очевидно, в какой вызывало их неприятие утверждения Ю.С.Решетова, не соответствующего истине. Шум в зале свидетельствовал именно об этом [ТА ГС РТ, XI, т.1, л.491]. Критику в свой адрес Ю.С.Решетов услышал и от депутата М.А.Муллюкова.

Подачу принципа верховенства законов Татарстана Ю.Решетова подвергли критике даже его единомышленники. Один из них разъяснил Ю.С.Решетову, что речь не идет об отделении от России: законы Республики Татарстан по вопросам ее ведения обладают высшей юридической силой, а по вопросам, переданным Республикой Татарстан в ведение федеральных органов власти, на территории Республики Татарстан действуют законы Российской Федерации [ТА ГС РТ, XI, т.1, л.504].

Искусственное акцентирование внимания на вопросе о взаимоотношениях Татарстана с Российской Федерацией возмутило женскую часть депутатского корпуса. «Каждое наше заседание, – возмущенно заявила депутат Л.Зеленовская, – начинаем с вопроса: выходим мы из России или не выходим. Ведь по этому поводу состоялся референдум. Референдум решил, что мы – суверенное государство. Суверенное государство – субъект международного права, то есть экономические права наши суверенны, наши политические права суверенны... Да куда мы не выходим. Мы что, претендуем на тер-

риторию России, или Россия отнимает у нас какую-то часть территории?». Четко и ясно высказалась Л.Зеленовская и по вопросу гражданства: «Принимая нашу Конституцию, мы все являемся – по желанию, естественно, – гражданами Татарстана. А те, кто хотят принять еще и второе гражданство – России или какое-то другое, – они должны об этом заявить» [ТА ГС РТ, XI, т.1, л.555].

Чувствовалось, что позиции депутатов разных политических взглядов постепенно сближались. Не получило поддержки предложение вынести обсуждаемые три статьи на второй референдум. Мнение большинства депутатов выразила депутат А.Зиатдинова: «Народ достаточно четко высказал свое мнение 21 марта, и прошу к этому вопросу не возвращаться» [ТА ГС РТ, XI, т.1, л.500]. Так и поступили: к этому больше не возвращались.

После столь бурных дебатов некоторые депутаты группы «Согласие» сосредоточились на проблеме ограничения власти Президента. Они настаивали на том, чтобы Конституция содержала норму отрешения Президента от власти в случае нарушения им закона и закрепила право импичмента Президента у Верховного Совета, имея в виду, что «коллективный орган всегда примет решение более справедливое, по сравнению с одной личностью, несмотря на все заслуги и прочее» [ТА ГС РТ, XI, т.1, л.502]. Предложение не прошло. Неудачной оказалась аргументация: история знает немало случаев, когда оказывался правым один человек, а народ заблуждался.

Постепенно обстановка среди депутатов разряжалась. Возникла некая иллюзия полного примирения. Кто-то внес даже предложение вывесить над республикой белый флаг примирения. Однако реакция Ф.Х.Мухаметшина на это была мгновенной: «Белый флаг над зданием Верховного Совета вывешивать мы не намерены, я категорически возражаю!» [ТА ГС РТ, XI, т.1, л.500].

До полного согласия было еще далеко. Прежде чем принять Конституцию, предстояло преодолеть определенный этап противостояния. Некоторые депутаты еще пытались свести на нет результаты сессии. Один из них безапелляционно заявил, что на сессии разговора о настоящем суве-

ренитете не было, а была лишь манипуляция и обман людей ложным суверенитетом, и потому уровень понимания прав человека нынешним составом Верховного Совета не позволяет ему принять нормальную Конституцию. Он предложил всем общественным организациям и партиям подготовить свои проекты Конституции, чтобы Конституция не принималась только на период правления Президента республики М.Ш.Шаймиева.

«А что, у партий есть свои конституции?» – этот вопрос Президента не мог не озадачить безмерно самоуверенного депутата. Всем было известно, что, кроме двух уже отвергнутых, других проектов нет.

Это выступление вызвало недовольство и в зале. Даже депутаты группы «Согласие» больше не говорили о том, что Президентом представлен плохой проект. Наоборот, было отмечено, что Конституционная комиссия проделала огромную работу и состоялось нормальное обсуждение проекта Конституции, и нужно лишь создать представительную комиссию, которая сбалансирует все шероховатости проекта [ТА ГС РТ, XI, т.1, л.508].

В последующих выступлениях была дана объективная оценка проекту Конституции, указано, что в нем, как никогда в предыдущих Конституциях, четко разделены права человека и гражданина. Идея создания согласительной комиссии была поддержана, и было окончательно решено принять Конституцию на специальной сессии.

На согласительной комиссии Президент республики М.Ш.Шаймиев предложил вариант принятия Конституции путем референдума. Однако представители депутатской группы «Согласие», и особенно И.Д.Грачев, выступили категорически против этого предложения. Опыт проведения референдума по статусу республики убедил их в том, что официальный проект Конституции будет поддержан народом. По этой причине указанная депутатская группа согласилась на принятие Конституции Верховным Советом, хотя ранее утверждала, что данный состав Верховного Совета несостоятелен для осуществления этой задачи...

XII сессия Верховного Совета Республики Татарстан открылась 28 октября 1992 г.

и продолжилась три дня. Она была посвящена постатейному обсуждению проекта Конституции. В качестве юристов-консультантов были приглашены доктора юридических наук В.Н.Лихачев, Б.Л.Железнов, кандидаты юридических наук Р.Биктагиров, А.Каримов, Р.И.Тарнапольский, Г.Р.Хабидуллин, Ш.Ш.Ягудин. В зале заседаний присутствовали заместитель Председателя Верховного Совета РСФСР Ю.Ф.Яров и ответственный секретарь Конституционной комиссии Верховного Совета Российской Федерации О.Г.Румянцев. Они не только следили за ходом сессии, но и устраивали пресс-конференции, консультировали депутатов группы «Согласие».

По главному вопросу о проекте Конституции выступил министр юстиции А.М.Сабабаев.

Вопреки договоренности на предыдущей сессии, депутаты группы «Согласие» предприняли попытку включить в повестку дополнительные вопросы. И.Д.Грачев объяснял это тем, что ему ни один из избирателей не говорил принимать срочным образом Конституцию, но все просят разобраться с транспортом, ценами, пенсиями [ТА ГС РТ, XII, т.1, л.6]. Однако депутаты проголосовали за то, чтобы сессия была полностью посвящена обсуждению проекта Конституции.

Во вступительном слове Председатель Верховного Совета Ф.Х.Мухаметшин отметил, что со времени принятия Декларации о государственном суверенитете прошло более двух лет. «За этот период, – сказал он, – и в этом зале, и в средствах массовой информации раздавались разные суждения. Одни нас обвиняли в том, что Верховный Совет затягивает с обсуждением Конституции, требуя ее незамедлительного принятия, другие до сих пор стоят на позиции, что принимать ее еще рано. Я как Председатель Верховного Совета не согласен с подобными суждениями. Конституция суверенного государства – это не тот случай, когда нужны излишняя торопливость или неоправданная медлительность» [ТА ГС РТ, XII, т.1, л.18]. Ф.Х.Мухаметшин, указав на историческую значимость документа, отметил, что по новой Конституции предстоит жить и последующим поколениям. Он при-

звал депутатов, придерживающихся разных политических взглядов и убеждений, объединиться во имя достижения подлинной государственности, единства и процветания республики [ТА ГС РТ, XII, т.1, л.23].

Однако к такому единству были не склонны депутаты группы «Согласие». Они выбрали тактику отстаивания своей концепции Конституции путем внесения поправок в ее официальный проект: девяносто восемь статей из отвергнутых 21 мая проектов были поданы ими в виде поправок. Расчет был на долгое обсуждение с надеждой на возможный провал принятия Конституции.

Атаку начал Б.Козлов, выразивший удивление, что со вступительным словом выступил не Президент, а Председатель Верховного Совета, т.е. не законодатель, а исполнитель. Ответ Ф.Х.Мухаметшина был быстрым: «Во-первых, я не исполнительный орган, я Председатель Верховного Совета, и я сделал вступительное слово перед началом обсуждения Конституции. За конституционную комиссию я ни слова не сказал».

Почти все депутаты группы «Согласие» один за другим, а иногда даже перебивая друг друга, ссылаясь то на регламент, то на процедурные нарушения, начали предъявлять к Президиуму Верховного Совета различные претензии с целью оттянуть принятие Конституции.

Наконец на трибуну вышел член Конституционной комиссии министр юстиции А.М.Салабаев. Он сообщил, что после последней сессии Верховного Совета поступило 140 поправок и замечаний народных депутатов в преамбулу и 59 статей проекта Конституции, относящихся к вопросам гражданства, по правам граждан, отношениям с Российской Федерацией, деятельности Верховного Совета, его Президиума, их полномочий [ТА ГС РТ, XII, т.1, л.39–40]. Он сообщил, что депутаты группы «Согласие» внесли поправки, противоречащие официальному проекту и соответствующие отвергнутой 21 мая концепции группы. Министр назвал также ряд поправок депутатской группы «Татарстан», не нашедших одобрения Конституционной комиссии, в том числе поправку Ф.А.Байрамовой о том, что в ре-

спублике только татарский язык должен быть государственным (отстаивая свою точку зрения, Ф.А.Байрамова утверждала, что там, где два языка провозглашаются государственными, на практике таковым становится только один из них. В пример она привела 1921 г., когда два языка были объявлены в республике государственными, а фактически таковым стал только русский язык).

В отличие от Ф.А.Байрамовой, депутаты группы «Согласие» настаивали на конституировании двух государственных языков. В проекте Конституции был зафиксирован принцип равноправия татарского и русского языков.

Докладчик А.М.Салабаев сообщил, что Конституционная комиссия с учетом поступивших поправок пришла к мнению о том, что в статье о гражданстве, устанавливающей собственное гражданство республики, должно быть зафиксировано и следующее положение: «Граждане Республики Татарстан могут иметь гражданство иных государств, условия осуществления которого определяются договорами с другими государствами. Граждане Татарстана сохраняют по своему желанию гражданство Российской Федерации – России». Докладчик сказал, что комиссия по законодательству, где преобладали депутаты группы «Согласие», предложила последнее предложение сформулировать так: «Все граждане Республики Татарстан являются одновременно гражданами Российской Федерации – России». Им не нравилось положение, по которому граждане Татарстана могут сохранить российское гражданство по своему желанию, и депутаты «Согласия» предложили убрать выражение «по своему желанию». «Я настаиваю на такой формулировке, – заявил один из них, – что, если она (формулировка. – *И.Т.*) не будет принята, для меня это будет совершенно очевидно означать, что нас собираются лишить российского гражданства», и ультимативно пригрозил, что не будет участвовать в голосовании. Комиссия по промышленности и отдельные депутаты также предлагали убрать слова «по своему желанию» и заменить их следующим, более гибким, выражением: «сохраняют гражданство Российской Федерации» [ТА ГС РТ, XII, т.1, л.144].

Перепалка между депутатами группы «Согласие» и докладчиком вылилась в открытое противоборство с партией «Иттифак» и ТОЦ. И.Д.Грачев произнес в микрофон: «...Вы ради того, чтобы удовлетворить 10 тысяч людей, которые хотят отказаться от российского гражданства, заставляете два миллиона или больше писать какие-то заявления, высказывать свое желание каким-то образом» и припугнул, что списки желающих принять российское гражданство будут отдаваться в «Иттифак» и ТОЦ [ТА ГС РТ, XII, т.1, л.148]. Трудно было в этих словах отделить реальность от вымыслов, эмоции – от сути вопроса. Однако в том, что вопрос начал приобретать этническую окраску, сомневаться не приходилось. Дальнейшее развитие событий свидетельствовало, что большинство депутатов не хотят этого. В зале возник шум от споров и дискуссий. На последнем этапе обсуждения 23-й статьи о гражданстве большую активность проявляла О.Ермакова, занявшая позицию депутатов группы «Согласие». Ее голос порой перекрывал голоса сразу нескольких депутатов, в том числе докладчика и председателя.

После долгих и жарких препирательств статья была принята в варианте, предложенном Конституционной комиссией. Была создана согласительная комиссия во главе с Президентом республики, куда, кроме представителей депутатских групп, вошли профессор И.Р.Тагиров и Б.Л.Железнов. Ей удалось согласовать все спорные вопросы.

6 ноября XII сессия завершила свою работу принятием новой Конституции республики. Она закрепила выраженную на референдуме волю граждан о превращении республики в суверенное государство. Первые же строки документа гласят, что «настоящая Конституция принимается и провозглашается в соответствии с результатами народного голосования (референдума) о государственном статусе Республики Татарстан». Первая статья воплотила в жизнь суть Декларации и референдума: «Республика Татарстан – суверенное демократическое государство, выражающее волю и интересы всего многонационального народа республики. Суверенитет и полно-

мочия государства исходят от народа. Государственный суверенитет есть неотъемлемое качественное состояние Республики Татарстан». Статья 59 Конституции гласит, что законы Республики Татарстан обладают верховенством на всей ее территории, если они не противоречат международным обязательствам Республики Татарстан, а статья 60 закрепляет неприкосновенность территории последней. Статья 61 закрепляет взаимоотношения России и Татарстана: «Республика Татарстан – суверенное государство, субъект международного права, ассоциированное с Российской Федерацией – Россией на основе Договора о взаимном делегировании полномочий и предметов ведения». Важно подчеркнуть, что эта статья была зафиксирована до подписания двустороннего договора.

Было принято Постановление «О порядке введения в действие Конституции Республики Татарстан» и решено внести соответствующий законопроект на рассмотрение XIII сессии. Предложенный проект закона «О порядке введения в действие Конституции Республики Татарстан» состоял из 13 статей. Особенно важной была его 11-я статья, сформулированная так: «С учетом принятой новой Конституции Республики Татарстан обратиться в Верховный Совет Российской Федерации – России с предложением о конституировании в Основном законе Российской Федерации положения о договорно-конституционных отношениях между Республикой Татарстан и Российской Федерацией – Россией» [ТА ГС РТ, XII, т.1, л.95].

Борьба за Конституцию на этом не прекратилась, она приняла иные формы.

Наступление на принятую Конституцию было продолжением борьбы в ходе ее предварительного обсуждения. Депутаты группы «Согласие» продолжали консультации с известными политическими кругами в Москве, выступавшими против Конституции Татарстана. 12 ноября 1992 г. в программе «Утро» Первого канала телевидения состоялось выступление ответственного секретаря Конституционной комиссии Верховного Совета Российской Федерации О.Г.Румянцева с односторонним тенденци-

озным толкованием ряда статей Конституции Татарстана.

В связи с этим выступлением был подготовлен проект заявления Президиума Верховного Совета Республики Татарстан, который гласил: «Конституция Республики Татарстан законодательно закрепила изменения, произошедшие в ее государственно-правовом статусе, начала которых заложены в Декларации о государственном суверенитете Республики Татарстан от 30 августа 1990 года и в итогах всенародного референдума 21 марта 1992 года». В заявлении осуждалась линия поведения определенных кругов, направленная на дискредитацию объективного процесса реформирования национально-государственного устройства Республики Татарстан, создающей свою новую государственность. Указывалось, что выступление О.Г.Румянцева идет вразрез с продолжающимся переговорным процессом между руководством Татарстана и России и ставит под сомнение искренность желания найти долгожданное согласие между республиками. Заявление заканчивалось словами: «Мы убеждены, что предстоящее подписание договора между Республикой Татарстан и Российской Федерацией отвечает устремлениям наших народов. Принятая Конституция суверенного Татарстана будет способствовать этому. Она исходит из принципов самоопределения народов, их равноправия, уважения прав человека, территориальной целостности, сохранения с Российской Федерацией – Россией исторически сложившихся всесторонних связей» [ТА ГС РТ, XII, т.1, л.83–84].

Ф.Х.Мухаметшин при встрече с Председателем Верховного Совета РСФСР Р.И.Хасбулатовым перед съездом народных депутатов РСФСР выразил недовольство выступлением О.Г.Румянцева, а также некоторых журналистов, тенденциозно осветивших события в Татарстане. Ф.Х.Мухаметшин ознакомил Р.И.Хасбулатова с текстом заявления Президиума Верховного Совета Татарстана и потребовал, чтобы оно было помещено во всех средствах массовой информации. Р.И.Хасбулатов согласился на это только тогда, когда было сказано, что иначе оно появится в независимых газетах. Более того, состоялось выступление Ф.Х.Му-

хаметшина по телевидению. Председатель Верховного Совета Республики Татарстан выступил и на съезде народных депутатов РСФСР.

Правда о Конституции суверенного Татарстана пробивала себе дорогу и доходила до всей российской общественности. Отовсюду в адрес руководства республики поступали поздравительные телеграммы. Подтверждались слова о том, что Татарстан задает нравственный вектор и своими реальными шагами моделирует будущую демократическую Россию. Важным результатом встречи Р.И.Хасбулатова и Ф.Х.Мухаметшина было сделанное ими заявление о необходимости подписать договор о новых отношениях Татарстана и России [ТА ГС РТ, XII, т.1, л.90].

Одновременно Президент республики М.Ш.Шаймиев вел продуктивную работу в Конституционной комиссии Верховного Совета РСФСР. Накал обстановки, подогреваемый известными политическими силами, постепенно спадал. Взаимоотношения между руководством России и Татарстана входили в нормальное деловое русло. Все это создало условия для активизации процесса создания законодательной базы республики.

В ходе подготовки к очередной сессии Верховного Совета РТ в его Президиуме несколько раз обсуждались вопросы взаимоотношений Российской Федерации и Татарстана. Уточнялись понятия договорно-конституционных и конституционно-договорных отношений, обсуждались законопроекты «О прокуратуре Республики Татарстан», «Об избрании судей», «Об избрании Высшего арбитражного суда» [ТА ГС РТ, ф.Р–3610, оп.1, д.2080, л.63–66]. Было решено вынести на сессию вопросы о проектах законов «О Конституционном суде Татарстана», «О Высшем арбитражном суде Республики Татарстан», «О милиции». Законопроекты «О статусе судей Республики Татарстан», «О судостроительстве в Республике Татарстан» были подготовлены заместителем председателя Верховного суда республики М.М.Мавлятинным, а законопроект «О прокуратуре Республики Татарстан» был разработан группой юристов во главе с заместителем прокурора республики К.Ф.Амировым, обсужден и одобрен кол-

лективом прокуратуры республики 13 ноября 1992 г. В объяснительной записке к законопроекту говорилось, что его подготовка «вызывается прежде всего тем, что становление суверенного государства и принятие новой Конституции диктуют необходимость законодательного регулирования деятельности органов власти, в том числе прокуратуры» [ТА ГС РТ, ф.Р-3610, оп.1, д.2080, л.130–163].

Все вышеописанные законопроекты были обозначены среди шестнадцати вопросов XIV сессии [ТА ГС РТ, ф.Р-3610, оп.1, д.2080, л. 81–82]. Их судьба сложилась не просто. В конечном счете, этим законопроектам не было суждено быть принятыми.

После принятия Конституции Республики Татарстан ситуация осложнилась. Оппозиция делала все для того, чтобы она не была введена в действие, не стала итогом борьбы за суверенитет. Депутаты Верховного Совета РСФСР от Татарстана Моркин и Фахрутдинов начали собирать подписи под требованием передачи Конституции Татарстана на рассмотрение Конституционного суда России. Члены депутатской группы «Согласие» приступили к созданию так называемого «Гражданского форума», куда пытались вовлечь авторитетных российских политиков. Для этого наспех сколоченного, юридически не оформленного и фактически не существовавшего «форума» был подготовлен документ с осуждением Татарстана, с обвинением его в попытке расчленения России.

С российской стороны особую активность проявлял секретарь Конституционной комиссии Российской Федерации О.Г.Румянцев. По его инициативе 16 сентября 1992 г. В Москве состоялось заседание комиссии Верховного Совета Российской Федерации по международным отношениям и национально-государственному устройству, возглавляемое Н.Я.Медведевым. Обсуждался вопрос о Конституции Татарстана. О.Г.Румянцев пригласил туда депутатов группы «Народовластие» Верховного Совета Татарстана. Для доклада был приглашен государственный секретарь при Президенте Российской Федерации Г.Э.Бурбулис, возглавлявший до этого делегацию Российской Федерации на переговорах с делегацией Та-

тарстана по подготовке двустороннего договора. В то же время на заседание не был приглашен В.Н.Лихачев, возглавлявший на этих переговорах делегацию Татарстана. Таким образом, намеренно была заслушана лишь одна сторона. Цель заключалась в том, чтобы, осудив российскую делегацию за уступчивость Татарстану, заставить ее занять более жесткую позицию.

Перед тем, как прийти на заседание комиссии, Г.Э.Бурбулис в телефонном разговоре с В.Н.Лихачевым спросил, нельзя ли принять какое-то постановление, разъясняющее 60-ю статью Конституции Татарстана в плане ее соответствия 70-й статье Конституции Российской Федерации.

О.Г.Румянцев на заседании после выступления Г.Э.Бурбулиса потребовал привести Конституцию Татарстана в соответствие с Конституцией Российской Федерации и отложить принятие закона о ее введении. Он же поставил вопрос о вынесении Конституции Татарстана на рассмотрение съезда народных депутатов Российской Федерации. В выступлении О.Г.Румянцева прозвучало также требование о передаче дела о Татарстане в Конституционный суд Российской Федерации. Для приведения Конституции Татарстана в соответствие с Конституцией РСФСР Румянцевым определялся срок в два месяца. Это было не что иное, как ультиматум. В случае его неудовлетворения к республике должны были быть приняты жесткие меры. Речь шла об экономической и финансовой блокаде Татарстана. Это означало полное прекращение выплаты заработных плат, стипендий, пенсий. Однако «румянцевским поползновениям» был дан отпор татарстанцами, участвовавшими на этом заседании, а также депутатами Верховного Совета Российской Федерации Р.С.Мухамадиевым и Н.Махияновым. В.Н.Лихачев, узнав о случившемся, потребовал, чтобы на заседании был заслушан и он.

23–24 сентября 1992 г. состоялось совместное заседание двух комиссий с участием отдельных членов Конституционной комиссии Верховного Совета РСФСР. На нем присутствовали группа юристов – специалистов в области государственного, международного и конституционного права, а также иностранные и российские журналисты.

Также присутствовали депутаты Верховного Совета Татарстана А.А.Колесник, Ф.Ш.Сафиуллин и вице-президент республики В.Н.Лихачев. Депутаты группы «Народовластие» распространили среди участников совещания клеветнический материал о референдуме, обсуждении и принятии Конституции и ситуации в Татарстане.

Был заслушан доклад В.Н.Лихачева. Он начал свое выступление с доказательства того, что Конституция является логическим завершением пути, пройденного республикой с момента принятия Декларации о государственном суверенитете, поддержанной всенародным референдумом. В.Н.Лихачев подчеркнул, что Татарстан изменил свой статус, опираясь на статью 70 Конституции РСФСР. Докладчик сообщил, что в июле российской стороне был предложен проект двустороннего договора, но после определенной активизации переговорного процесса произошел срыв. «У меня, – сказал он, – создалось впечатление, что руководство Российской Федерации не хочет брать на себя ответственность за определение характера отношений с Республикой Татарстан, и, безусловно, инициатива перешла в руки Верховного Совета» [ТА ГС РТ, XIII, т.1, л.54]. На вопрос, нарушает ли Татарстан территориальную целостность Российской Федерации и права человека, он ответил «нет». «В политике надо быть прагматиком и видеть конкретные процессы в социальной, юридической и иных сферах», – заявил В.Н.Лихачев и подробно высказал свое видение характера двусторонних договорных отношений.

Затем В.Н.Лихачев в течение полутора часов отвечал на вопросы. Больше всего их задавали депутаты группы «Согласие» Верховного Совета Татарстана. «Как будто их нельзя было задавать в Казани, и для этого надо было приехать в Москву», – пошутил В.Н.Лихачев. Шутка была адекватно воспринята, и обсуждение, вопреки расчетам определенных участников заседания, прошло как двусторонний равноправный диалог. В конце четырехчасового заседания Г.Э.Бурбулис заявил: «И с политической, и с юридической, и с экономической точек зрения, с учетом всех реальностей Татарстан единственный на сегодняшний

день имеет право на особый статус, на особые права» [ТА ГС РТ, XIII, т.1, л.56]. После этого комиссия приняла постановление, один из пунктов которого предусматривал встречу Президентов Российской Федерации и Татарстана.

25 сентября 1992 г. эта встреча состоялась. На ней Президентами Российской Федерации и Республики Татарстан были обговорены реальные подходы к определению взаимоотношений России и Татарстана. Суть Конституции Татарстана была изложена также и на заседании совета глав республик в составе Российской Федерации. Таким образом, табу, которое хотели наложить определенные политические силы на Конституцию Татарстана, было снято. Появились реальные возможности для рассмотрения вопроса о введении Конституции в действие. Эта задача была реализована XIII сессией Верховного Совета РТ.

XIII сессия, приняв Закон о введении новой Конституции Республики Татарстан в действие, подвела итоги пройденного республикой пути со времени принятия Декларации о государственном суверенитете 30 августа 1990 г. Она открылась 30 ноября 1992 г. в 10 часов. Ф.Х.Мухаметшин от имени Президиума Верховного Совета внес предложение рассмотреть проект закона «О порядке введения Конституции Республики Татарстан». Р.Сиразеев, исходя из того, что точки зрения всех групп депутатов известны, рекомендовал выслушать присутствовавших на заседании представителей комиссии Верховного Совета Российской Федерации, а закон о введении Конституции поставить на поименное голосование. Депутаты группы «Согласие», не согласившись с этим, попытались внести в повестку ряд других вопросов. Они предприняли все усилия, чтобы отложить рассмотрение проекта закона о введении Конституции, выдвигая при этом разные аргументы.

Повестка дня была утверждена с единственным вопросом: «О порядке введения Конституции Республики Татарстан».

Первым выступил депутат А.П.Лозовой. Хотя его сообщение и было кратким, процедура вопросов и ответов была довольно напряженной. Главным образом, речь шла о взаимоотношении Татарстана и России

и гражданства. Докладчик сказал, что положение о договорных конституционных отношениях согласовано с руководством Российской Федерации и должно быть закреплено в Конституции Российской Федерации. В основу закрепления должен лечь Договор между Республикой Татарстан и Российской Федерацией. Депутат Ф.А.Байрамова высказалась против, поскольку, по ее мнению, он свел бы на нет принцип верховенства законов Татарстана, и исходя из этого, предложила убрать статью 11 обсуждаемого законопроекта.

Хотя для участия в прениях записались 11 человек, было решено заслушать депутатов, участвовавших на заседании комиссии Верховного Совета РСФСР. Рассказ Ф.Ш.Сафиуллиной о ходе заседания был эмоциональным и представлял авторское видение того, что происходило на заседании комиссии. Цель заседания была им раскрыта точно: не допустить введения Конституции Татарстана до тех пор, пока она не будет приведена в соответствие с российской. В случае невыполнения этого требования республике грозят экономические и финансовые санкции.

Иным было видение заседания представителя группы «Согласие» И.Д.Грачева. Он, как говорят, оказался большим католиком, чем сам Папа Римский: защищал Россию более рьяно, чем сами ее официальные представители. И.Д.Грачев напал на Конституцию и референдум в Татарстане, пожалуй, как никто даже в самой первопрестольной. Более того, отражая позицию руководства Верховного Совета РСФСР, он подверг резкой критике делегацию Российской Федерации на переговорах с Татарстаном, которая, по его словам, проявила излишнюю уступчивость, недостаточную твердость в отстаивании целостности Российской Федерации, чем не преминуло воспользоваться руководство Татарстана, поспешно принявшее Конституцию. Из его слов выходило, что переговорный процесс был прерван по вине Татарстана, а не из-за конфликта по этому вопросу между исполнительной и законодательной властями самой Российской Федерации, вскоре обернувшегося огромной трагедией. Как грозное обвинение руководству республики прозвучали следующие слова

Грачева: «Подобные действия руководства Республики Татарстан можно расценивать только как попытку сознательного обмана своего народа и народов России. Это путь силового давления, ультиматумов и демонстративного игнорирования законных интересов и прав Российской Федерации» [ТАГС РТ, XIII, т.1, л.48–49]. Было странно и непонятно, о каких ультиматумах и демонстративном игнорировании законных интересов и прав России и тем более, о каком силовом давлении на Татарстан идет речь.

Выступление В.Н.Лихачева как бы отвело грозную тучу, навеянную И.Д.Грачевым. Он подробно рассказал о том, что происходило в Москве на заседании комиссии Верховного Совета Российской Федерации, и сообщил, что после завершения съезда народных депутатов Российской Федерации переговорный процесс будет продолжен с тем, чтобы выйти на подписание двустороннего договора. Вице-президент выразил уверенность в том, что на съезде, несмотря на возможные попытки поставить в повестку вопрос о Конституции Татарстана, модель развития Татарстана будет воспринята положительно.

После состоявшегося обсуждения проекта, подготовленного редакционной комиссией, закон был принят.

XIV сессия Верховного Совета РТ, состоявшаяся 22–25 декабря 1992 г., была посвящена законопроектам, направленным на реализацию новой Конституции Республики Татарстан. Первым был обсужден доклад министра внутренних дел республики С.И.Кириллова о проекте Закона «О милиции». Докладчик обосновал необходимость этого закона в связи с принятием новой Конституции, указав, что преступность не знает границ, а Республика Татарстан находится в едином уголовно-процессуальном пространстве с Российской Федерацией. Вопросы министру более всего касались взаимоотношений милиций Татарстана и Российской Федерации. Обобщенным ответом на них стали слова министра о том, что милиция республики руководствуется теми положениями закона Российской Федерации «О милиции», которые не противоречат законодательству и Конституции Татарстана [ТАГС РТ, ф.Р–3610, оп.1, д.2142, л.455–456].

Депутат М.М.Курманов сравнил работу разработчиков законопроекта с попыткой «расшифровки того кроссворда, который существует в законе «О милиции» Российской Федерации». Расшифровка заключалась в том, что законопроект соответствовал как российскому закону «О милиции», так и принципам новой Конституции Татарстана. Принятие закона соответственно новой Конституции В.Михайлов нашел нецелесообразным, поскольку его реализация была якобы невозможна без закладывания собственных границ республики, а правоохранные органы Татарстана не будут защищать права граждан Российской Федерации, и предложил восстановить все административные связи с подчинением Российской Федерации. Это соответствовало мнению группы «Согласие», считавшей, что из российского закона «О милиции» изъяты наиболее положительные моменты и законопроект разрывает территориальное действие этого закона. Депутаты группы «Татарстан» в прениях по докладу критиковали законопроект за то, что по нему у республики узок круг полномочий и он напоминает инструкцию по выполнению российских законов. В итоге бурного обсуждения законопроект был принят в первом чтении [ТА ГС РТ, ф.Р-3610, оп.1, д.2142, л.170-235].

Не менее острым стало обсуждение доклада председателя Верховного суда Татарстана Г.М.Баранова «О статусе судей Республики Татарстан». В своем обращении он сказал: «Принятая Конституция республики теперь уже конституционно закрепила принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Таким образом, суд из обычного органа государства преобразован в отдельную ветвь государственной власти». Г.М.Баранов указал, что многие положения законопроекта, не противоречащие суверенитету республики, взяты из действующего в Татарстане Закона «О статусе судей в Российской Федерации». Далее последовала дискуссия, связанная с взаимоотношениями с Российской Федерацией и гражданством.

Наступление на законопроект было продолжено в прениях. И.Т.Султанов, обвинив руководство республики в поспешности принятия законов о правоохранных

органах, предупредил: «Та торопливость, с которой мы стали принимать законы о судостроительстве, прокуратуре, правоохранных органах, приведет ... к тому, что мы все ощутим разницу между Конституцией Республики Татарстан и Конституцией Российской Федерации, между законами Республики Татарстан и законами Российской Федерации».

Интересной была перепалка между Ф.Ш.Сафиуллиным и М.М.Хафизовым, посвятившим значительную часть ответственного им времени проблеме реализации татарского языка в судебной сфере. На этот раз позиции депутатов имели видимое сходство. Оба защищали норму знания судьями двух государственных языков. Разница заключалась лишь в том, что Ф.Ш.Сафиуллин был за немедленную ее реализацию, М.М.Хафизов же считал, что ее «сейчас вводить нельзя». М.М.Хафизову не по душе пришлось слова Ф.Ш.Сафиуллина об отсутствии защитников родного языка. Он воспринял это как камень, брошенный в его огород, и сказал, что еще «в тех условиях, когда вы хорошо жили и не возражали против существующего положения татарского языка», он, Хафизов, со своими товарищами писал письма в обком партии, в Президиум Верховного Совета и Совет Министров с выражением возмущения положением татарского языка в республике.

Вопроса о языках в законопроекте не обошел вниманием и разработчик его концепции заместитель председателя Верховного суда М.М.Мавлятшин, давший аргументированный ответ на многочисленные вопросы и возражения выступавших депутатов. Вначале он решительно отменил высказывания отдельных ораторов о том, что этот законопроект представляет собой копию российского закона, и перешел к разъяснению положения законопроекта о двуязычности судей. Он заявил, что уже 70% татарстанских судей владеют двумя языками. Необходимость и правомерность нормы двуязычия в законопроекте судья мотивировал тем, что она призвана способствовать объективности судебных рассмотрений и повышению профессионализма судей. Он сравнил судью, знающего лишь один язык, с дальтоником.

Депутаты пришли к мнению, что рассматриваемый законопроект будет жизнеспособен, возможно, только при условии его соответствия основным принципам Конституции республики и принципиальным позициям российского закона. Концепция законопроекта была принята в первом чтении.

Перед тем, как перейти к обсуждению вопроса «О проекте закона "О судостроительстве в Республике Татарстан"», по проблеме языка высказался Президент республики, который разъяснил, что норма двуязычия, заложенная в законопроекте, должна соответствовать Закону о языках, на реализацию которого отведено 10 лет, и она не распространяется на нынешних судей.

По вопросу «О проекте закона «О судостроительстве в Республике Татарстан» депутаты заслушали председателя Верховного суда Г.М.Баранова. Отличительной особенностью проекта закона от действовавшего было то, что он предусматривал введение института мировых судей, что приближало суды к народу и способствовало демократизации общества. По проекту мировые судьи должны были назначаться Президентом республики по представлению Верховного суда. Остальные судьи должны были избираться Верховным Советом. Докладчик подробно охарактеризовал права и обязанности судей, устройство судов, их взаимоотношения с другими ветвями власти.

Всю проводившуюся законотворческую работу депутат В.Михайлов назвал проведением черты, отделяющей от Российской Федерации, а данный законопроект оценил как выражение политики, направленной на то, чтобы все судьи были коренной национальности [ТА ГС РТ, ф.Р-3160, оп.1, д.2143, л.3]. Причем в своем выступлении он употребил выражение «так называемая коренная нация», но поняв, что этим нанес оскорбление целой нации, заявил, что допустил ошибку и готов принести извинения.

Заместитель председателя Верховного суда М.М.Мавлятин выделил особенности предложенного законопроекта. Введение института мировых судей он оценил как коренную реформу судебной системы. Раньше, отметил докладчик, суды создавались для защиты существующего государственного строя, для защиты партии, теперь же они

призваны служить непосредственно народу. Обосновал он также и экономическую целесообразность реформы судебной системы [ТА ГС РТ, ф.Р-3160, оп.1, д.2143, л.15].

Концепция, предложенная Верховным судом, была одобрена и направлена в комиссию по вопросам законодательства с тем, чтобы совместно с Верховным судом они подготовили проект для рассмотрения в первом чтении.

Следующим вопросом стало обсуждение проекта закона РТ «О прокуратуре Республики Татарстан». Прокурор республики С.Х.Нафиев сообщил, что законопроект разработан группой наиболее квалифицированных работников прокуратуры с учетом пожеланий и высказываний народных депутатов всех уровней, ученых, юристов, работников городских и районных прокуратур. «В проекте сохранены все ценные ныне действующие законы Российской Федерации, и при его разработке были использованы нормы, содержащиеся в законе о прокуратуре Казахстана, бывшего Союза ССР», – сказал он [ТА ГС РТ, ф.Р-3160, оп.1, д.2143, л.87]. Прокурор, подробно осветив все статьи законопроекта, сделал следующий вывод: «Принятие закона "О прокуратуре Республики Татарстан"» позволит закрепить в системе власти государственные институты и завершить формирование организационной и правовой основы ее деятельности». Докладчику было задано много вопросов практического характера, выступили три народных депутата. Законопроект был принят в первом чтении.

С заключительной речью на сессии выступил Председатель Верховного Совета Ф.Х.Мухаметшин. Отметив, что 1992 г. был нелегким, он подчеркнул, что «этот год войдет в историческую летопись многонационального народа Татарстана, как год знаменательных свершений, глубоких общественных преобразований, как год появления нового суверенного государства – Республики Татарстан» [ТА ГС РТ, ф.Р-3160, оп.1, д.2143, л.146].

Прошедший 1992 г. был хотя нелегким, но плодотворным. В общих чертах он завершил процесс превращения Татарстана из автономного национально-государственного образования в составе Российской Фе-

дерации в суверенное государство со своей Конституцией, строящее свои отношения с Российской Федерацией на основе двустороннего договора.

Однако дальнейшее развитие событий показало, что противники становления суверенного Татарстана не сложили оружия.

Конституция Татарстана вызвала нападки со стороны определенных кругов России, не желавших установления равноправных отношений между Россией и Татарстаном. Поскольку противники суверенитета Татарстана группировались вокруг Председателя Верховного Совета РСФСР И.Хасбулатова, на его имя за подписью Ф.Х.Мухаметшина было послано письмо, гласящее: «Происходящие в республике демократические преобразования, отвечающие коренным интересам ее многонационального народа, не устраивают определенные политические силы в Российской Федерации. Процесс суверенизации во многих бывших автономиях по-прежнему воспринимается ими как стремление местных правящих элит сохранить свою власть. Идет сознательная дискредитация объективного процесса реформирования национально-государственного устройства Республики Татарстан, создающей свою новую государственность на основе традиционной дружбы между населяющими ее народами.

Неблаговидную роль в этом сыграли некоторые средства массовой информации. Пример тому – выступление 12 ноября текущего года в телевизионной программе «Утро» Первого канала народного депутата России, ответственного секретаря Конституционной комиссии Верховного Совета Российской Федерации О.Г.Румянцева. В своем интервью он подверг вольному толкованию ряд положений статей новой Конституции Республики Татарстан. «Мы считаем, что отдельные его высказывания идут вразрез с продолжающимся переговорным процессом между руководством Татарстана и России, ставят под сомнение искренность желания найти долгожданное согласие между нашими республиками. Объективно это способствует нагнетанию нездоровых политических страстей в обществе, ведет к разжиганию межнациональной розни между народами.

В этих условиях Президиум Верховного Совета Республики Татарстан со всей ответственностью заявляет, что никому не удастся спровоцировать в республике обстановку политической нестабильности, поставить под сомнение традиционные, многовековые узы дружбы, братства и согласия между людьми разных национальностей.

Мы убеждены, что предстоящее подписание Договора между Республикой Татарстан и Российской Федерацией отвечает устремлениям наших народов. Принятая Конституция суверенного Татарстана будет способствовать этому. Она исходит из принципов самоопределения народов, их равноправия, уважения прав человека, территориальной целостности, сохранения с Российской Федерацией – Россией исторически сложившихся всесторонних связей».

Письмо это несколько утихомирило противников суверенитета Татарстана. Однако запугивания общественности развалом России не прекращались. Газеты публиковали материалы один страшнее другого. А статья в газете «Аргументы и факты» под названием «Разваливается Россия?..» в качестве наглядного свидетельства развала России представила даже карту.

Центральные издания обвиняли Татарстан, а вместе с ним и другие бывшие автономии в стремлении к выходу из России, чему якобы будет способствовать практика заключения договоров о разграничении полномочий между ними и федеральным Центром. Наконец, республики упрекали в том, что они добиваются для себя финансовых льгот.

Выскажем лишь несколько замечаний по существу этих обвинений. Во-первых, ни одна республика, тем более Татарстан, не ставила себе целью выход из России. Во-вторых, договоры между ними и федеральным центром, разграничив предметы ведения и полномочия, сделали бы возможным обеспечение верховенства законов республик в реализации тех полномочий, которые были бы признаны за ними, причем в полном соответствии с документом, учредившим Российскую Федерацию, с Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа, где черным по белому написано, что республики сами определяют характер

своих взаимоотношений с федеральным центром. В-третьих, ни о каких финансовых льготах для республик не могло быть и речи. Не о льготах, а о справедливых финансовых взаимоотношениях вели переговоры республики с органами власти Российской Федерации.

1 апреля 1993 г. состоялось заседание Президиума Верховного Совета Татарстана под председательством заместителя Председателя Верховного Совета республики З.Р.Валеевой. Не было на месте ни Ф.Х.Мухаметшина, ни Президента республики М.Ш.Шаймиева, З.Р.Валеева переговаривалась с ними лишь по телефону. Обсуждался вопрос о референдуме Российской Федерации 25 апреля 1993 г. на территории Татарстана, который должен был проводиться на основании решения IX съезда народных депутатов Российской Федерации. Предстояло решить вопрос: проводить или не проводить его на территории Татарстана? А если проводить, то как? Возникла масса других, более мелких, вопросов, которые вытекали из главного. Если исходить из принципа верховенства республиканских законов, четко зафиксированного в Конституции Татарстана, то российский референдум на ее территории проводиться не должен, поскольку это означало бы признание Татарстана субъектом Российской Федерации. В результате, оказался бы нарушенным суверенитет республики. Тем более что отсутствовал договор между Татарстаном и Российской Федерацией, призванный установить взаимоотношения между республикой и федерацией. Однако если исходить из заложенной в Конституции республики нормы двойного гражданства, по которому жители республики одновременно могли быть и гражданами Российской Федерации, референдум на территории Татарстана должен был состояться. В противном случае оказались бы нарушенными права людей, считающих себя и гражданами Российской Федерации. Проблема заключалась в том, чтобы преодолеть эти противоречия, совместить несовместимые, казалось бы, противоречащие друг другу принципы.

Политика – вещь более тонкая и гибкая, чем юридические нормы и понятия. Она призвана выступать в роли третейского су-

дьи между противоречащими друг другу юридическими нормами. Данное заседание является показателем того, как осуществлялось это совмещение при обсуждении конкретного вопроса о проведении российского референдума на территории Татарстана.

Сразу же возникла проблема: как обозначить обсуждаемый вопрос в повестке? Заместитель Председателя Верховного Совета А.П.Лозовой предложил назвать его так: «О постановлении съезда народных депутатов Российской Федерации 25 апреля 1993 года». В таком варианте этот вопрос повестки и был утвержден. З.Р.Валеева заявила, что, кроме ссылки на документы съезда народных депутатов, надо исходить из независимого статуса Республики Татарстан и от того, что в статье 59 Конституции говорится, что Татарстан самостоятельно определяет свой статус, республика не подписала Федеративный договор и в Конституции республики записано о двойном гражданстве.

Началась дискуссия. В качестве главного аргумента для проведения референдума З.Р.Валеева указала на необходимость соблюдения прав людей, считающих себя гражданами Российской Федерации. Члены Президиума не были уверены в правомерности и целесообразности проведения этого референдума. Они оказались в затруднительном положении из-за возможности неоднозначного толкования положения Конституции Татарстана о двойном гражданстве.

Сталкивались два положения, содержащиеся в Конституции, а именно: статус Татарстана как суверенного государства, где все проживающие в нем люди являются только его гражданами, и норма о двойном гражданстве, по которому при определенном толковании проживают и лица, считающие себя гражданами или только самой республики, или только Российской Федерации. С одной стороны, Татарстан – суверенное государство, субъект международного права, с другой – его граждане одновременно являются и гражданами Российской Федерации. Суверенность диктовала Татарстану не принимать участия в общероссийском референдуме, а двойное гражданство обязывало соблюдать права человека, права

гражданина Российской Федерации и, следовательно, принимать участие в российских референдумах. Эту дилемму должны были решить члены Президиума Верховного Совета.

Представитель группы «Татарстан» Ф.Ш.Сафиуллин делал упор на суверенность Татарстана, в силу чего республика не должна участвовать в референдуме другого государства. И.И.Салахов из группы «Согласие», наоборот, настаивал на участии в референдуме, ссылаясь на то, что граждане Татарстана являются одновременно и гражданами Российской Федерации. Тогда З.Р.Валеева обратилась к членам Центральной избирательной комиссии по выборам депутатов в Верховный Совет республики. Однако ее председатель И.Галиев заявил, что и комиссия оказалась не в состоянии разрешить эту дилемму. В то же время он напомнил, что у комиссии есть опыт проведения российского референдума, полученный во время выборов Президента Российской Федерации в июне 1991 г., когда для желающих участвовать в них были созданы все условия. Каждый, кто хотел принять участие в выборах, имел такую возможность. Отличие нынешней ситуации от ситуации того времени заключалось в наличии у республики своей Конституции, в которой было заложено двойное гражданство. Секретарь избирательной комиссии Зарипов обратил внимание присутствовавших на то, что у Татарстана нет закона о гражданстве, и поэтому с учетом нормы двойного гражданства, заложенной в Конституции, необходимо создать механизм для участия в голосовании тех, кто хотел бы принять участие в российском референдуме. В качестве такого механизма он предложил сформировать избирательную комиссию. Были возражения и в отношении этого подхода, основанные на отсутствии договора с Россией.

Потребовалась консультация квалифицированного юриста. Заместитель министра юстиции Р.А.Саяхов заявил, что независимо от наличия или отсутствия договора «мы должны всегда обеспечивать право граждан выразить свое волеизъявление» [ТА ГС РТ, ф.Р-3160, оп.1, д.2143, л.22]. Вице-президент РТ В.Н.Лихачев согласился с подходом, по которому на первое место

ставились права человека, и призвал членов Президиума принять политически и юридически правильное решение.

В этой сложной ситуации люди задавали вопросы не только друг другу, но и самим себе. Они искали согласия не только в обществе, но и в самих себе. Г.В.Кобелев предложил вообще снять с рассмотрения этот вопрос, поскольку якобы он должен рассматриваться с участием первых лиц. Однако и первые лица республики не могли взять на себя единоличную ответственность в вопросе об участии в российском референдуме. Вопрос был не юридическим, а политическим. Во-первых, сам референдум явился результатом столкновения законодательной и исполнительной властей Российской Федерации. Во-вторых, втянувшись в референдум, нужно было сказать, на чьей стороне Татарстан. Р.И.Валеев в поддержку Г.В.Кобелева предложил решать этот вопрос с участием Президента и Председателя Верховного Совета. Президент передал по телефону: «Вы хотите, чтобы это решение было принято одним человеком?». Разумеется, должно было появиться решение не одного человека, а может быть, даже и не только Президиума, а всего Верховного Совета.

Некоторые члены Президиума считали, что в этой неустойчивой обстановке вернее всего будет не дать «втянуть себя в эту свалку» [ТА ГС РТ, ф.Р-3160, оп.1, д.2143, л.27].

В результате всестороннего обсуждения Президиум принял Постановление «Об обеспечении прав граждан на участие в референдуме Российской Федерации 25 апреля 1993 года», в котором говорилось: «Центральной избирательной комиссии по выборам народных депутатов Республики Татарстан создать условия для волеизъявления граждан в референдуме 25 апреля 1993 года» [ТА ГС РТ, ф.Р-3160, оп.1, д.2143, л.53].

Осенью 1993 г. Россию захлестнули события в связи с противостоянием законодательной и исполнительной властей – между Президентом Борисом Ельциным и Председателем Верховного Совета Русланом Хасбулатовым. Яркая характеристика этим событиям была дана в «Комсомольской правде» в статье Н.Долгополова «Демократия тогда чего-нибудь стоит, когда она умеет защи-

щаться». В публикации были такие строки: «Октябрь. Роковой для Руси месяц. На страну обрушилось худшее из всего, что только могло сбросить державу в уже пережитое, казалось бы, прошлое. Но так лишь казалось. В 1993 г. нам еще раз испытывать нагрянувший семнадцатый, только теперь не с убогой трехлинейкой, а с мощными танками и разящими «Калашниковыми». Как бы ни обернулись события, имя допущенному – трагедия или, если без дипломатии, гражданская война» [Ком. правда, 1993, 5 октября]. Действительно, казалось, что страна вступает в эпоху гражданской войны. Об этом говорилось и в Обращении Президента России Б.Н.Ельцина к народу: «...в столице России гремят выстрелы, и льется кровь. Свезенные со всей страны боевики, подстрекаемые руководством Белого дома, сеют смерть и разрушения».

Руководство Верховного Совета назначило экстренную сессию, а Б.Н.Ельцин своим указом прекратил полномочия парламента и съезда. Газеты печатали экстренные сообщения из аппаратов Президента и Верховного Совета. «Комсомольская правда» 23 сентября поместила хронику событий под названием «Кому нужна великая Россия – кому Белый дом». В ней были помещены краткие интервью с вице-президентом А.В.Рудским, объявившим себя Президентом, и с Р.И.Хасбулатовым. Обе стороны сплывали вооруженные силы. Начались боевые действия. О возможности возвращения в большую политику заявил бывший Президент СССР М.С.Горбачев.

Как видно, события в стране спровоцировали властные структуры. Схватку между собой они начали в столице. Газеты писали: «Из Грозного на помощь Хасбулатову выехала тысяча вооруженных чеченцев, на рынках Москвы формируются батальоны поддержки. Военным накануне повысили зарплату в 10 раз» [Ком. правда, 1993, 23 сент.].

Был отдан приказ о приведении в боевую готовность дивизии имени Дзержинского. Главное медицинское управление Москвы сообщило список погибших в результате событий 3–5 октября 1993 г.: 90 опознанных и 49 неопознанных трупов. В приписке говорилось, что точное количество по-

гибших не установлено [Ком. правда, 1993, 4 октября].

Страну от распада и гражданской войны сохранила мудрость народов России. Они не последовали за обезумевшими верхами, выдержав трудное испытание на прочность. Иначе и не могло быть. То, что произошло в те дни, пробудило всю Россию. Россия не развалилась.

Конституционная комиссия Верховного Совета Российской Федерации была распущена. В декабре на основе референдума была принята новая Конституция Российской Федерации, разработанная в недрах президентского аппарата. Одновременно были проведены выборы в Государственную думу – нижнюю палату учрежденного Конституцией Федерального собрания.

Начался качественно новый этап российско-татарстанских отношений. Республике не суждено было завершить процесс перевода правоохранительных органов под свою юрисдикцию и утвердить в окончательном виде соответствующие этому законопроекты, принятые в первом чтении на XIV сессии Верховного Совета РТ. Все упиралось в договор, который до сих пор не был подписан.

30 ноября 1992 г. М.Ш.Шаймиев официально обратился в Верховный Совет России с предложением о закреплении в российской Конституции конституционно-договорных отношений между Республикой Татарстан и Российской Федерацией. Однако путь к заключению договора был медленным и трудным.

В декабре 1993 г. одновременно с референдумом по принятию новой Конституции России прошли выборы в Государственную думу. В Татарстане эти выборы, так же, как и референдум, не состоялись. На избирательные участки из 2, 6 млн. человек явились только 367 тыс. избирателей, т.е. менее 25%. За принятие российской Конституции из них проголосовало всего 88 тыс. человек. Это было выражением недовольства ходом переговоров по вопросу о заключении двустороннего Договора между Россией и Татарстаном.

Действительно, российская сторона все больше отходила от уже согласованных позиций, оказывала давление на республику,

особенно по части бюджетных взаимоотношений. В ходе подготовки договора между правительствами Татарстана и России было подписано 12 соглашений, в том числе по вопросам таможи, бюджета, обороны, высших учебных заведений и т.д. Анализ этих документов показывает, что уступки со стороны Татарстана были сделаны по всем без исключения пунктам. По сути дела, эти уступки в концентрированном виде были заложены в Договор, подписанный 15 февраля 1994 г.

Время и условия подписания Договора были невыгодными для Татарстана. Зима была холодной. Не хватало тепла в домах и учреждениях. Российские нефтепроводы сократили прием татарстанской нефти, в результате, остановились многие нефтепромыслы, начались увольнения и сокращения рабочих. Это был нажим на республику.

В этих условиях пришлось идти на уступки российской стороне и отойти от ряда ранее согласованных позиций. Наиболее неизменной и более приемлемой частью договора 15 февраля 1994 г. была только преамбула, где говорилось, что стороны исходят из признания принципов самоопределения и свободного волеизъявления народов. О компромиссном характере документа свидетельствовало и то, что Татарстан напрямую не был признан суверенным государством и субъектом международного права. Такое признание было опосредованным, т.е. через признание в преамбуле договора Конституции Татарстана, где написано, что он объединен с Российской Федерацией на основе Конституций России и Татарстана и через настоящий Договор.

Положительным моментом Договора явилось признание земли, ее недр и всей собственности Татарстана достоянием многонационального народа республики. Большое значение имело и признание за Татарстаном права на самостоятельную международную экономическую деятельность. Утверждалось также право республики вступать в международные отношения, устанавливать связи с иностранными государствами, заключать с ними договоры и соглашения.

Договор признавал за Татарстаном собственное гражданство. Однако, в отличие от ранее согласованного проекта, много

полномочий было передано России в совместное ведение; милиция, суд, прокуратура оставались в российском ведении. За Россией было закреплено 17 полномочий, за Татарстаном – 15, в совместном ведении – 23.

Договор вызывал недовольство как в России, так и в Татарстане. В Москве российского Президента обвиняли в уступчивости, в развале страны и даже грозили импичментом. В Татарстане М.Ш.Шаймиева также обвиняли в излишней уступчивости. Подлинную оценку Договору смогли дать руководители России. Б.Н.Ельцин так охарактеризовал его: «...в 1994 г. для решения очень сложных и спорных вопросов с Татарстаном мы впервые использовали принципиально новый конституционный элемент. Имею в виду двусторонний Договор о разграничении полномочий между федеральными и региональными органами власти. Тогда он выполнил роль своего рода «скорой политической помощи». Предотвратил опасность раскола Федерации» [Российская газета, 1997, 1 ноября]. Премьер-министр РФ В.И.Черномырдин дал аналогичную оценку, сказав, что подписанный документ позволил уберечь Россию от распада [Красная звезда, 1997, 3 октября]. Положительную оценку договору дал и В.В.Путин во время своего пребывания в Казани накануне выборов Президента Российской Федерации. Он назвал Минтимера Шаймиева одним из основателей современной Российской Федерации. Это, по-сути, была оценка пионерской роли Татарстана в процессе демократического преобразования России.

Бесспорно, Договор неоднозначен. В нем, кроме значительных отступлений от первоначальных договоренностей, заложено немало того, что действительно способствует укреплению суверенитета республики. Наибольшими завоеваниями явились экономическая самостоятельность, закрепление за Татарстаном его собственности и права на международную деятельность. Эти возможности Татарстан активно использовал, начав вести самостоятельную внешнеэкономическую деятельность, открыв в ряде стран свои представительства. Особо теплые отношения сложились у Татарстана с Турцией. Зарубежные визиты официаль-

ных делегаций республики и приемы, оказываемые им, подтвердили, что западный мир воспринимает Татарстан как государство, находящееся в особых отношениях с Российской Федерацией.

Однако начало XXI в. ознаменовалось серьезными изменениями во взаимоотношениях Татарстана с органами государственной власти Российской Федерации. Сложившийся особый статус Татарстана не устраивал определенные круги политической элиты Российской Федерации. Наметилась четкая тенденция на создание вертикали власти и на уравнивание в правах всех субъектов Федерации. Появилась Дума, работающая по команде президентской администрации. Судебные инстанции, и более всего Конституционный суд, также стали послушным инструментом в руках администрации Президента Российской Федерации. Именно Конституционный суд в 2002 г. принял постановление, отменяющее суверенитет республики. Поистине был прав известный историк Н.А.Фирсов, который еще в 1869 г. писал, что «центральная власть в России не любит ... таких подданных, которые живут не по ее законам и указаниям», и отмечал, что в России «всегда существовали две партии, из которых одна стояла за решительные меры к слитию» национальных окраин «с великороссийскими областями посредством подведения их под одинаковые законы, управление и суд, а другие надеялись возбудить в этих, вошедших в состав Русского государства ... чувство приязни и расположения к русской власти и Русскому государству посредством сохранения их особенных прав и льгот» [Фирсов, 1869, с.215]. Видимо, ничего не изменилось и в XXI веке. Однако верх берут сторонники первой партии. Представители второй партии обороняются. Не случайно появляются предложения запретительного характера, требующие ограничить суверенитет республик, свести принцип свободного самоопределения народов до уровня выхолощенной, финансово и материально не подкрепленной национально-культурной автономии. В одной из передач «Однако» журналист М.В.Леонтьев высказался примерно так: незачем, мол, народам России республики с их суверенными правами. Им

достаточно национально-культурной автономии. Чем, мол, они лучше населения Тамбовской или какой-либо иной области или края? Примерно так же высказался губернатор Новгородской области господин М.М.Прусак. Губернатор Пензенской области В.К.Бочкарев не согласен с тем, что национальный вопрос надо решать в соответствии со статьей 5 Конституции Российской Федерации (исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов), а также предложил решать его на базе создания национальных автономий [Российская газета, 2000, 12 января]. Реплика профессора, доктора политических наук А.Н.Загородникова на статью Председателя Госсовета Республики Татарстан Ф.Х.Мухаметшина «Договор, укрепляющий Россию», опубликованную в журнале «Российская Федерация сегодня», свидетельствовала о том, что в борьбу против суверенитета Татарстана включились не только политики, но и маститые ученые. Автор требовал привести статьи конституций республик в соответствии с Конституцией Российской Федерации, причем не исключая и возможность применения силы для решения вопроса.

А.Н.Загородников считает, что краеугольным камнем федерации является принцип объединения равноправных субъектов [РФ сегодня, 2000, с.25]. Однако он входит в противоречие с утвердившимися представлениями о федерации, ибо большинство ученых сходятся во мнении, что федерация появляется там, где, с одной стороны, имеется языково-культурное и этническое многообразие, а с другой – возникает необходимость создания определенного государственного единства. Живой классик американского федерализма Винсент Остром писал, что основными элементами федерализма США являются договорный подход, плюрализм институтов правления, конституционное правление, состязательность как способ урегулирования и разрешения конфликтов, активное участие граждан в общественной деятельности, установление моделей взаимоотношений, присущих открытым обществам, и способность к реформированию в условиях сложноорганизованного общества [Остром, 1993, с.283]. Однако сто-

ронников возрождения в России унитарных порядков не интересовали эти четко установленные принципы федерализма. Их задача заключалась в подготовке российской общественности к кампании по ликвидации суверенитета российских республик. Все эти выступления напоминали артиллерийскую подготовку перед наступлением на Конституцию и законы республики, а само наступление приобрело характер прокурорских протестов и судебных процессов.

Начиная с 2000 г., с приходом к власти В.В.Путина, начался активный процесс атаки на законы Татарстана. 7 июля появился протест Прокурора на Конституцию республики. 24 мая 2002 г. заместитель Генерального прокурора по Приволжскому федеральному округу А.Г.Звягинцев подал в суд иск с требованием внесения изменений в Конституцию республики. В Нижнем Новгороде начались долгие и утомительные переговоры вновь созданных комиссий по внесению изменений в Конституцию. Российскую сторону возглавлял представитель Президента РФ в Приволжском федеральном округе С.В.Кириенко, татарстанскую – Председатель Государственного Совета республики Ф.Х.Мухаметшин. В результате, 19 апреля 2002 г. Государственный Совет принял Закон «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Татарстан». По-сути, это был новый вариант Конституции, отличающийся от первоначального существенным сужением прав и полномо-

чий республики. Однако даже после этого не прекратился процесс судебных исков и прокурорских протестов. Была опротестована статья 21, где говорилось, что Республика Татарстан имеет свое гражданство, вместо этого появилось выражение «гражданин Российской Федерации в Республике Татарстан». По состоянию на 3 февраля 2005 г. 99 законов республики были приведены в соответствие с российским законодательством. Они затрагивают все основные области экономической, культурной и политической жизни республики. Был опротестован даже Закон «О языках народов Республики Татарстан», а на использование латинской графики и вовсе был наложен запрет.

Одним из последних протестов стал протест на государственную символику. В нем говорилось об обязательности вывешивания российского флага. Российский флаг над парламентом должен быть одного размера и на одной высоте с флагом Татарстана. При обсуждении этого протеста на сессии Государственного Совета 25 мая 2005 г. все выступавшие защищали суверенный статус и символику республики, только один депутат требовал неукоснительного выполнения прокурорского протеста.

Подшли к своему завершению переговоры о внесении изменений в Договор между Москвой и Казанью, заключенный 15 февраля 1994 г. Пришли другие времена, требующие иных взаимоотношений между Татарстаном и Российской Федерацией.

§ 3. Историческое значение Договора 1994 г.

Индус Тагиров

Документ исторического значения – так бы я назвал документ, подписанный в Москве 15 февраля 1994 г. Во-первых, потому, что это первый договор между Россией и Татарстаном после взятия Казани войсками Ивана Грозного. Во-вторых, он устанавливает договорные отношения между двумя государствами. И, наконец, в-третьих, он направлен на превращение России в договорно-конституционную федерацию. Ибо вслед за Татарстаном заявили о своем стремлении подписать договор с Россией и республики, подписавшие Федеративный договор.

Иногда говорят, что, может быть, Татарстану было бы лучше подписать Федеративный договор, чем проходить такой трудный путь. Против этого сразу же следует возразить, ибо Федеративный договор – это документ, формально распределяющий права, находящиеся у федеративных органов власти, между субъектами, т.е. сверху вниз. К тому же все видят, что в силу отсутствия механизма реализации этого документа, права так и остались нераспределенными, т.е. по-прежнему у московских властей.

Иного характера наш договор. Он с самого начала исходит из признания наличия

прав суверенного государства у каждой из сторон. Здесь нет вертикали, есть только горизонталь, хотя в тексте документа нет упоминания о суверенности Татарстана. Но сказанное говорит о фактическом признании нашего суверенитета.

Вполне понятно, что Договор как исторический документ еще не осознан. Этот процесс идет на двух уровнях. Чтобы воспринимать Договор на уровне массового сознания, не требуется каких-либо профессиональных навыков. Невооруженным глазом видно, что это не есть договор, в полном объеме реализующий принцип равноправия, обозначенный в преамбуле. И не надо трубить об этом на весь мир и представлять такое понимание как некое откровение. Никто не делает секрета из того, что он по ряду своих позиций напоминает договор между метрополией и освобождающейся из-под ее опеки колонией, т.е. фиксирует определенное положение этого динамического процесса.

Иначе и не могло быть, ибо Россия – общепризнанный субъект международного права, а Татарстан только добивается этого статуса. Следовательно, причина появления слабых мест договора заключается не в чем-то упущении или в чьих-то ошибках, а в изначальной неравноправии. И потому Договор получился таким, каким предстал сегодня миру. Он мог быть в чем-то лучше или в чем-то хуже. Нежелание понять равносильно нежеланию видеть за деревьями лес.

В связи с этим приходится только сознавать, что некоторые властные структуры начинают трактовать договор как факт полного признания Татарстаном Конституции Российской Федерации. Такая трактовка вопроса также не соответствует истине и противоречит духу Договора. Необдуманное действие лишь льют воду на мельницу людей, кричащих о том, что руководство Татарстана продало свободу и независимость республики. По представлениям этих людей Татарстан уже является независимым государством и субъектом международного права. Между тем пока дела обстоят иначе. Беспристрастный взгляд на договор доказывает, что он как раз и является важным шагом на этом пути.

Что дает нам основание считать, что это действительно так? Начнем с констатации неоспоримого факта, заключающегося в том, что кое-кто в Государственной думе России добивается аннулирования договора, считая, что он разрушает Россию. В данной статье нет необходимости доказывать этим «демократам», что Россия нуждается в демократизации, но пока еще не является демократическим государством. Договор, заключенный между Россией и Татарстаном, означает начало такой демократизации. Ведь демократия – это не только признание прав бездресной личности, но и, прежде всего, реализация прав регионов и отказ от диктата Центра. Президент России Б.Н.Ельцин в пору, когда боролся против диктата союзного центра, говорил, что за ним надо оставить две-три важные функции. Конечно же, он был прав. Ошибка М.С.Горбачева заключалась в том, что он не понял этого. И мы сейчас имеем то, что имеем. Сегодня, подписав договор, Ельцин доказал, что он в принципе стоит на прежних позициях. Надо полагать, что он усвоил известную аксиому: если хочешь сохранить большое, уступи в малом.

Итак, в чем же суть договора и его значимость? на абсолютную истину я не претендую, хотелось бы, чтобы читатель воспринял предложенные его вниманию суждения лишь как мое личное видение проблемы. Первое, что я вижу в этом документе, – признание изначальной суверенности Татарстана. Это доказывается тем, что Договор в своей преамбуле выделяет особым пунктом объединенность Татарстана и Российской Федерации. Для того, чтобы осуществить объединенность, нужно изначальное быть разъединенным. Вот почему в употреблении понятия объединенности заключен факт признания нашей Декларации о государственном суверенитете. Одновременно наносится удар по концепции единой и неделимой России.

В то же время употребление этого емкого понятия выводит Татарстан за рамки статуса республики в составе Российской Федерации, ибо когда особо выделены субъекты объединения, а именно Татарстан и Российская Федерация, то имеется в виду, что все другие республики находятся в ней.

И это действительно так, поскольку они подписали Федеративный договор. Взаимоотношения России и Татарстана лежат за рамками этого документа.

Договор закрепил результаты референдума о статусе Татарстана от 21 марта 1992 года. Это доказывается следующим: во-первых, договорные отношения между Татарстаном и Россией – реальный факт. Во-вторых, через признание Конституции Татарстана суверенность признается в том объеме, в каком это обозначено в 1 и 61-й статьях. Подобным же образом опосредованно признается международная правосубъектность Татарстана. К тому же это подкрепляется и рядом статей самого договора, где говорится об участии Татарстана в международных организациях и отношениях. И, в-третьих, признание Конституции Татарстана положит конец требованиям не только державников, но и тех, кто называет себя демократами, о ее приведении в соответствие с Конституцией Российской Федерации. Ведь в нашей Конституции черным по белому написано о верховенстве на территории Татарстана законов республики. Это и есть основной показатель, суть суверенитета.

Не удивительно, если мне тут же возразят: позвольте, разве объединенность Татарстана с Российской Федерацией признается лишь на базе Конституции Татарстана? Разве одновременно не указывается и на Конституцию Российской Федерации? И, несомненно, эти люди будут правы. Логика их рассуждений в дальнейшем может пойти примерно таким путем. Найдите статью 65 Российской Конституции и вы увидите, что там Татарстан перечисляется в числе других субъектов федерации.

В том-то и заключается суть указания на объединенность Татарстана с Россией, что она базируется на противоречащих друг другу позициях. Конституции двух государств указаны как правовая база объединения потому, что нужен был компромисс. Этот компромисс, вполне неизбежный и разумный, и есть показатель примирения столь противоречивых документов. Не приходится сомневаться в том, что факт указания обеих конституций и настоящего Договора есть победа обеих сторон. В даль-

нейшем многое будет зависеть от мудрости и компетентности тех, кто будет его реализовывать. С этой точки зрения можно считать, что это не только слабость документа, но возможность для превращения слабости в силу. И вот почему. Если, во-первых, это закрепление определенного этапа в движении к самостоятельности, то, во-вторых, договор фактом своего заключения превращает Россию из унитарного в федеративное государство. Более того, даже с элементами конфедерации.

В то же время Договор имеет особое значение для самой России, ибо он призван стать инструментом ее демократизации через децентрализацию экономики, о чем говорил Президент Татарстана М.Ш.Шаймиев.

Будет ли Россия развиваться как единое целое и неделимое государство с жестко централизованным управлением, опирающимся на военную силу? Такая тенденция вполне обнаруживается в новой военной доктрине России, согласно которой войска могут использоваться и для подавления внутренних очагов напряженности. Такую тенденцию можно видеть и по результатам выборов в Государственную думу РФ, и, прежде всего, по факту победы партии В.В.Жириновского. И не только. Немало тех, кто, называя себя демократами, отстаивает лозунг единой и неделимой России. Этим людям хочется напомнить, что идеолог данной концепции, основатель партии кадетов профессор истории П.Н.Милюков позднее вынужден был признать, что именно этот лозунг их и погубил.

Между тем сила и значение нашего Договора в том и заключаются, что он дает иной шанс развития России. А именно шанс демократизации через реализацию принципов асимметричности федерации и децентрализации экономики. Однако это требует определенного времени. Ибо речь идет о преодолении известных настроений в общественном сознании. О необходимости определенных изменений в российском менталитете.

Долг передовой общественности и, прежде всего, гуманитарной интеллигенции, заключается не в потакании отсталым настроениям с целью завоевания политического капитала, а в умении видеть и пропагандировать то, что отвечает задачам

стабилизации общества, вывода экономики из кризиса и обеспечения гражданского мира и международного согласия.

Договор между Татарстаном и Россией является именно тем документом, который может стать инструментом переустройства общества на демократических принципах. Да, Договор не всех устраивает. Но есть разница между желанием и реальными возможностями.

Договор уже подписан. И теперь его нужно защищать и превращать в механизм

становления Татарстана в реальное суверенное демократическое государство и субъект международного права.

Наш Договор должен стать также инструментом укрепления стабильности в республике, ее экономики. Политические события развиваются столь быстро и стремительно, что порой общественность не успевает их осознать. Подписание договора между Россией и Татарстаном тоже находится в ряду таких событий. А всестороннюю оценку ему даст сама жизнь.

§ 4. Значение законотворчества Верховного Совета Республики Татарстан для закрепления статуса Республики Татарстан

Фарид Мухаметшин

На рубеже 1980–1990-х гг. Республика Татарстан одной из первых в Российской Федерации стала реально разрабатывать и внедрять в практику социального процесса конкретные механизмы построения новой модели федеративной государственности. Опыт Татарстана в повышении самостоятельности и законотворческом обеспечении этого процесса, формировании адекватных особенностям новой эпохи форм взаимодействия с федеральным Центром стал в дальнейшем внимательно изучаться и перениматься многими российскими регионами. Республика приобрела статус реального участника общероссийского политического процесса, особенно в той его части, которая связана с выработкой принципов и механизмов функционирования демократической федеративной государственности.

Параллельно и в самой республике происходили знаковые перемены. Активно разрабатывалась и законодательно закреплялась собственная концепция социального, политического и экономического развития, становления новой государственности республики, формирования целостной правовой и политической систем. Поэтому если попытаться сгруппировать события, которые на протяжении десятилетия 1990-х гг. выступали фоном развития политического процесса в Татарстане, то получится значимый динамический ряд: начало реформ в экономике и социально-политической

сфере; процесс повышения государственно-правового статуса Татарстана; выборы первого Президента республики; подготовка и правовое сопровождение переговорного процесса с федеральным Центром. Кроме того, именно в этот период были приняты декларации о государственном суверенитете Татарстана и новая Конституция республики, проведен республиканский референдум о повышении государственного статуса Татарстана, шла работа над Федеративным договором, делегация Татарстана участвовала в Конституционном совещании.

В это время хорошую проверку на прочность и историческую перспективу получили разработанные и законодательно оформленные принципы взаимодействия между представительными и исполнительными ветвями государственной власти республики [Ведомости ВС РТ, 1992, №1; №3]. Был накоплен опыт своевременного снятия возникающих противоречий и требовательного отношения высших институтов государственной власти друг к другу.

С позиций сегодняшнего дня в рамках десятилетнего периода 1990-х гг. можно выделить три относительно самостоятельных этапа в новейшей истории республики, а соответственно, и в развитии политико-правового процесса. Первый этап охватывает период с апреля 1990 до ноября 1992 года, с начала работы первой сессии Верховного Совета республики XII созыва (1990–1995 гг.) до принятия но-

вой Конституции Татарстана. Условно его можно определить как этап политического самоопределения республики.

Второй этап – период активных действий за политико-правовое признание произошедших в республике перемен – ограничен временными рамками с ноября 1992 по февраль 1994 гг. Рубежом его завершения стало заключение Договора «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан».

Третий этап начинается с февраля 1994 г. и связан с законодательным оформлением принципов реформирования политической структуры республики, началом проведения полноправной (признанной с позиций общефедерального, конституционного и международного права после заключения Договора «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий с органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан») и полномасштабной политики социально-экономических реформ.

В основу данной периодизации заложены не только чисто внешние политические и социальные факторы. В рамках каждого из этапов деятельность парламента республики по своему содержанию в большей степени была связана с решением вполне определенного класса задач. В этом смысле приоритетной задачей первого этапа являлось политическое самоопределение республики, становление Татарстана как субъекта общероссийского политического процесса. Соответственно, поэтому и работа высших органов государственной власти была связана с законодательным и политическим обеспечением происходящих в республике и с республикой перемен.

Исторической точкой отсчета начала проведения активной политики, направленной на реформирование сложившихся устоев национально-государственного устройства, стало 30 августа 1990 г., когда Верховный Совет Татарстана провозгласил Декларацию о государственном суверенитете [Ведомости ВС РТ, 1992, №1]. Осо-

бий акцент здесь следует сделать на том, что принятие Декларации явилось для республики не какой-либо данью политической моде начала 1990-х гг., а выражением глубинных демократических процессов. Тенденции обновления государства и общества конца 1980-х гг. явились мощным импульсом возрождения национального самосознания в регионах страны. Общественность республики настойчиво стала выдвигать требования об изменении статуса республики, который давно объективно не соответствовал интересам ее дальнейшего социально-политического и экономического развития.

Идея суверенитета выступила реальным объединяющим фактором. Значительная часть граждан республики высказывалась за изменение статуса Татарстана, что достаточно убедительно продемонстрировали результаты голосования в парламенте Татарстана: «за» принятие Декларации о государственном суверенитете республики отдал свой голос 241 народный депутат (при одном воздержавшемся) из 242-х, присутствовавших на заседании Верховного Совета Татарстана 30 августа 1990 г.

Декларация закрепила реализацию неотъемлемого права татарской нации, всего многонационального народа республики на самоопределение, право его собственности на землю, недра и природные ресурсы. Татарский и русский языки были провозглашены государственными, всем гражданам была гарантирована равная ответственность перед законом, независимо от «национальности, социального положения, религиозных и политических убеждений». В Декларации государственный суверенитет был провозглашен без ссылки на изначальную правосубъектность, что полностью согласуется с международно-правовыми нормами.

Весьма показательно, что Декларация о государственном суверенитете Татарстана была принята вскоре после Декларации о государственном суверенитете Российской Федерации. Это событие послужило толчком роста национального самосознания народов России, интенсификации демократических преобразований. Последовавший процесс суверенизации республик

создал основу для становления демократической Федерации. В связи с этим позиция Татарстана по конкретным политическим и правовым вопросам в тот период должна рассматриваться в контексте российских событий как прошлого, так и настоящего.

Избранный в августе 1990 г. курс социально-политического развития выдержал испытание временем. В отличие от многих регионов, где суверенизация привела к межнациональным трениям, в Татарстане Декларация стала цементирующим началом в проведении демократических преобразований и сохранении межнационального согласия. Она закрепила в качестве основополагающего принципа развития соблюдение интересов всех граждан республики, защиты их прав и свобод. После окончания эпохи авторитаризма имидж республики все больше стал определяться динамизмом инновационных процессов по созданию демократического, социально-ориентированного государства, реальному вкладу в формирование новой демократической Российской Федерации. Согласно этим двум критериям, Татарстан стал значимым примером проведения последовательной политики на повышение самостоятельности республики.

Говоря о значении Декларации следует признать, что ее провозглашение явилось своевременным ответом на исторический вызов нарождающейся эпохи. Она стала необходимым условием обретения Татарстаном самостоятельности, гарантом его поступательного развития; дала мощный импульс формированию в широких социальных слоях новой системы ценностей и мировоззренческих ориентиров. Ускорила смену форм государственности и этапов национальной истории республики.

С ее принятием были заложены основы нового демократического государственного образования – Республики Татарстан, – началось создание необходимых политико-правовых и социальных институтов, формирование нового типа общественных отношений. А настоящим прорывом здесь стал отказ республики от федеральной концепции «шоковой терапии» в начале 1990-х гг. и разработка собственной стратегии «мягкого вхождения в рынок».

Декларация стала доминантным фактором укрепления политической стабильности и межнационального единства. Республике удалось избежать социального противостояния между людьми разных национальностей. В соответствии с Конституцией Татарстана в республике создано полиэтничное, поликультурное общество, в котором приоритетными выступают задачи формирования социальных условий в интересах всего многонационального народа. Кроме того, Татарстан получил широкие возможности для установления прямых партнерских отношений с субъектами Федерации и зарубежными странами, прежде всего, в сферах экономики, образования, науки и культуры. Республика активно включилась в систему международных отношений.

Именно тогда в Верховном Совете республики была начата работа над законами по обеспечению в общественной жизни баланса национальных языков, культур и конфессий, подготовка государственных программ развития национального образования, национальных культур и искусств [Ведомости ГС РТ, 1996, №4, 8–10; 1998, №7, 11; 1999, №8, 10]. Приоритетное место в этих решениях отводилось повышению роли этно- и социокультурных составляющих татарстанского социума в его жизнедеятельности.

Указанные проблемы выдвигались в законодательном плане в число приоритетных отнюдь не случайно, поскольку в начале 1990-х гг. накануне проведения референдума о повышении государственного статуса Татарстана (март, 1992 г.) политическая ситуация в республике была достаточно напряженной. Состояние межэтнических отношений, восприятие людьми накопившихся в этой сфере проблем во многом определялись действием ряда фоновых факторов, сформировавшихся еще в советские времена. Среди них: утраты, понесенные национальными культурами; длительное бездействие властей по возрождению исторических традиций народов Татарстана и страны в целом; имевшие место перекосы в кадровой политике; невосприимчивость определенной части русскоязычного населения к значимости национальных обычая-

ев; трудности, вызванные сужением сферы использования национальных языков. Однако уже тогда начавшиеся в республике процессы социальной консолидации оказывали мощное позитивное воздействие на социально-психологический климат в татарстанском обществе.

Поэтому вполне закономерно, что в день проведения Республиканского референдума на поставленный в бюллетене вопрос, – «Согласны ли вы, что Республика Татарстан – суверенное государство, субъект международного права, строящее свои отношения с Российской Федерацией и другими республиками, государствами на основе равноправных договоров», – «да» ответили 1 млн. 309 тыс. человек, или 61,3% от числа принявших участие в голосовании (что составило 50,3% от числа всех избирателей республики). Таким образом, больше половины граждан Татарстана поддержали главную мысль референдума – необходимость и политическую целесообразность повышения государственно-правового статуса республики. Была выражена поддержка политической стратегии руководства республики в лице Президента Татарстана, парламента и правительства на достижение равноправия в отношениях с федеральным Центром.

Итоги референдума позволили республике сделать следующий важный шаг по пути расширения демократии и повышения экономической самостоятельности Татарстана. Здесь же следует подчеркнуть, что проведенный референдум способствовал стабилизации политической ситуации, укреплению отношений в сфере межнационального взаимодействия.

Важнейшим направлением реализации государственного суверенитета республики стало принятие 6 ноября 1992 г. Конституции Татарстан, в которой получили законодательное оформление основные права и свободы личности, соответствующие Всеобщей декларации прав человека. В Основном законе была закреплена взаимная ответственность гражданина и государства при приоритете прав человека, как высшей социальной ценности. С принятием Конституции в Татарстане была сделана серьезная

политическая заявка на формирование оригинального подхода к проблеме взаимодействия Центра и субъекта, создания в республике демократического политического устройства, новых подходов к вопросам национально-государственного строительства, формирования гражданского общества и правового государства, достижения и углубления межэтнического согласия.

Вместе с тем, отсутствие стабильного правового поля в складывающихся отношениях между Центром и регионами не могло не сказаться на обострении противоречий между ними в видении путей развития российского федерализма. Для разрешения этой коллизии предпринимались неоднократные попытки сдвинуть с «мертвой точки» переговорный процесс как федеральным центром, так и республиками (причем, последние были более активны). В апреле 1992 г. центральными органами был подписан Федеративный договор с субъектами Федерации. Только Татарстан не поставил под ним свою подпись, а Башкортостан подписал с условием, что Федеративный договор будет дополнен двухсторонним договором.

Главными причинами отказа со стороны Татарстана подписать этот документ являлось то, что в нем предусматривалось меньше прав, чем республика к тому времени фактически уже имела. Федеративный договор, по существу, был всего лишь соглашением о разграничении полномочий между федеральным правительством и субъектами, которое не устанавливало федеративной природы России и, следовательно, не гарантировало сохранения самостоятельности республики в реализации функций, отнесенных к ее компетенции. Дальнейшее развитие федерального политико-правового процесса показало – во время подготовки новой Конституции России пункт о Федеративном договоре фактически был исключен из конституционного процесса.

Противоречия, возникшие между федеральным центром и Республикой Татарстан во время Конституционного совещания, которые не удалось решить через переговоры, привели к тому, что делегация Татарстана заявила о невозможности своего дальнейше-

го участия в его работе. Главным спорным пунктом, по которому мнения кардинально расходились, стало игнорирование федеральным Центром законодательной инициативы Республики Татарстан о новом видении федерализма в России, о конституировании в ее Основном законе положения о конституционно-договорных отношениях между Российской Федерацией и Республикой Татарстан.

Второй, важный этап в новейшей истории республики был логически связан с самоутверждением Татарстана в качестве субъекта межгосударственных отношений. Именно в это время развернулся переговорный процесс Республики Татарстан с Федеральным центром. Руководство республики всегда последовательно выступало за подписание двустороннего договора, в котором будут прямо признаны права республики и результаты референдума, гарантии ее качественно нового политико-юридического статуса, отстаивало идею формирования нового типа федеративных и межгосударственных отношений [см.: Сов. Т., 1990, 18 декабря; 1991, 16 февраля, 11 июля; Ведомости ВС РТ, 1992, №4, 5; 1993, №5–7, 11–12].

В рамках этого периода на основе Конституции Татарстана, которая стала исходной правовой базой для дальнейшего развития и совершенствования всех отраслей законодательства республики, получил новый импульс процесс формирования собственной системы права. В области государственного строительства были приняты законы о Высшем арбитражном суде, о Конституционном суде, о государственной службе, о бюджетном устройстве и бюджетном процессе и многие другие. Все они направлены на развитие государственности республики, укрепление ее самостоятельности в осуществление функций государственной власти.

Парламентом был принят ряд законов, обеспечивающих в республике экономические преобразования, проведение земельной реформы, приватизации и разгосударствления собственности. Оригинальные подходы были использованы к комплексному решению социальных проблем. В первую очередь речь идет о законах и государственных

программах, принятых Верховным Советом и правительством республики в первые годы реформ: Программа стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночным отношениям; Программа адресной социальной защиты населения; Программа ликвидации ветхого жилья в Татарстане на 1993–1995 гг. и на перспективу до 2002 г.; Программа приватизации государственной и коммунальной собственности; Республиканская комплексная программа «Забота»; Государственная программа экономического и социального прогресса Татарстана; Программа демонополизации экономики и развития товарных рынков в республике; Программа борьбы с преступностью³.

Проведенный 12 декабря 1993 г. Всероссийский референдум о проекте новой российской Конституции выявил, что этот проект не устраивал не только Татарстан, но также и ряд других субъектов России. После принятия Конституции Российской Федерации сложилась противоречивая ситуация. С одной стороны, существовал Основной закон федеративного государства, с другой – более трети регионов не приняли его. Реальным способом разрешить это противоречие и стал договорный процесс. Договор «О разграничении пред-

³ См.: Постановление Верховного Совета Республики Татарстан от 23 марта 1993 г. № 1790–ХП (в ред. от 8 июня 1994 г.) «О программе адресной социальной защиты населения Республики Татарстан» [Ведомости ВС РТ, 1993, №3]; Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 19 мая 1993 г. №290 «О программе ликвидации ветхого жилья в Татарстане на 1993–1995 гг. и на перспективу до 2002 г.» [Ведомости ВС РТ, 1993, №5]; Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 25 июля 1994 г. №353 «Об антимонопольной политике и о государственной программе демонополизации экономики и развития конкуренции на товарных рынках Республики Татарстан»; Постановление Верховного Совета Республики Татарстан от 10 июля 1992 г. № 1553–ХП «О государственной программе приватизации государственной и коммунальной собственности Республики Татарстан на 1992 г. и в перспективе до 1995 г.» [Ведомости ВС РТ, 1992, №6]; Постановление Государственного Совета Республики Татарстан от 27 февраля 1997 г. №1077 «О государственной комплексной программе борьбы с преступностью в Республике Татарстан на 1997–1999 гг.».

метов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» открыл новый этап во взаимоотношениях между Татарстаном и федеральным центром, этап совместного конструирования демократической федерации, в которой взаимодействие между Центром и субъектами развивается с учетом интересов друг друга⁴.

Аналогов такому политико-правовому соглашению в истории Российской Федерации еще не было. Дальнейшее развитие политического процесса и в Российской Федерации и в республике показало, что позиция Татарстана, стремившегося заключить двухстороннее соглашение с федеральным центром, была правильной, а сама республика является лидером в развитии интеграционных процессов в современной России. Позднее был подписан ряд договоров и с другими субъектами Федерации.

Оценивая с позиций второго десятилетия XXI века значение этого документа, следует признать, что договор, действительно, стал победой политического реализма, когда конфликтная ситуация и напряженность первых лет российской государственности между федеральным Центром и субъектом Федерации разрешились политическими средствами через компромиссы. Договор ознаменовал собой окончание периода государственно-правовой неопределенности между Москвой и Казанью, позволил сделать значимый шаг в укреплении социально-политической стабильности в обществе. Его подписание успокоило людей всех национальностей, проживающих в Татарстане, и выбило почву из-под ног у политических спекулянтов как у шовинистически настроенных групп, так и у националистов экстремистского толка, исключив возможность возникновения напряженности в межэтнических отношениях. Были созда-

ны условия для возрождения и всестороннего развития родного языка и культуры татар, других народов в республике. Кроме того, фактом своего появления он придал мощный импульс эволюционному развитию Российского государства на принципах демократии. Руководство России перед лицом мирового сообщества тогда наглядно продемонстрировало свою приверженность правовым методам строительства новой Федерации.

Договор закрепил право Татарстана самостоятельно решать вопросы формирования системы органов государственной власти, порядка ее организации и деятельности. Но главное – это то, что в обществе было сохранено взаимное доверие, на фоне отсутствия противоборства различных властных структур. Договор интенсифицировал процесс создания республиканской правовой базы, учитывающей всю многогранность ее специфики. По многим направлениям законоотворчества Татарстан стал примером активного освоения нового политико-правового пространства.

Наконец, Договор явился существенным фактором повышения экономической самостоятельности республики. Благодаря Государственной программе адресной социальной защиты население республики относительно легче перенесло первые удары рыночной стихии. Процесс «мягкого вхождения в рынок», использование регулирующей роли государства в управлении экономикой и социальной сферой, эволюционное реформирование общества с углубленным вниманием к поддержанию жизненного уровня населения и множество других мер позволили обеспечить гражданам республики относительное благополучие, избежать потрясений, а в конечном итоге, – острых социальных конфликтов. Весьма показательно, что многие из татарстанских новаций в дальнейшем брались Федеральным центром на вооружение и распространялись уже в качестве передового опыта среди субъектов Федерации.

Более того, Договор предоставил возможность в существенной мере влиять на процесс подготовки и принятия решений на уровне федерального Центра по вопросам, затрагивающим интересы республики.

⁴ См. договор Российской Федерации и Республики Татарстан «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» [Мухаметшин, Измаилов, 1997, с.33–39].

Именно в этом смысле в 1994 г. была начата сложнейшая деятельность по отладке модели взаимовыгодных отношений, учитывающей интересы многонационального народа Татарстана и интересы Российской Федерации в целом.

С завершением второго этапа (ноябрь 1992 – февраль 1994 гг.) приоритетными в деятельности органов государственной власти и управления стали вопросы, относящиеся к всестороннему правовому обеспечению жизни Республики Татарстан, как полноправного политического и государственного образования.

Оценивая в целом развитие политического процесса в постдоговорной период, следует подчеркнуть, что оно связано с возникновением принципиально новой социальной ситуации, снятием многих противоречий между Татарстаном и Федерацией, а также укреплением социальной стабильности в республике. Это, в свою очередь, повлияло на отношение избирателей в целом к политике, проводимой ее руководством. Неслучайно первостепенная задача, над решением которой в рамках третьего этапа начали работать представительные и исполнительные органы власти республики, – это максимально возможное сокращение сроков затянувшегося кризисного состояния 1990-х годов.

Благодаря достигнутым с федеральным центром договоренностям, республика одной из первых в Российской Федерации вступила на путь инновационных преобразований, избрав во многом уникальный путь вхождения в рыночную экономику. Речь идет об особом подходе в разработке и принятии стратегии управления социальными процессами. В Татарстане, благодаря мерам по социальной защите населения на первом этапе реформ, негативные последствия «шоковой терапии», вызванные нарушением хозяйственных связей и высокой инфляцией, были существенно ослаблены. Законодательно обеспеченное «мягкое вхождение в рынок» позволило сохранить стабильность в обществе и избежать социальных потрясений. Все это способствовало формированию качественно новых подходов к оценке состояния и перспектив развития социальной и эко-

номической сфер, содержания социально-экономической стратегии.

Логическим следствием начатых преобразований стало принятие в 1996 г. Государственной программы экономического и социального прогресса Татарстана, определившей концептуальную модель развития республики, системно прописавшей цели на следующий этап реформ, методы и механизмы их достижения. Главной целью программы было провозглашено повышение качества жизни людей и построение социально-ориентированной рыночной экономики. Будучи частью федерального экономического пространства Татарстан должен был стать стабильной и динамично развивающейся его частью. Тем самым, модель Татарстана – это экономика с устойчивым типом роста, интегрированной в будущее в мировое хозяйство, приводимой в действие внешними инвестициями за счет высокой добавленной стоимости товаров и услуг при активной регулирующей роли государства.

Важнейший итог десятилетнего развития республики в конце XX века – сохранение социальной и политической стабильности в татарстанском социуме, последовательное проведение политики разумного сочетания личностных и общественных интересов. Другими словами, на протяжении всего периода 1990-х гг. форма и содержание законодательства в рамках института государственного устройства Республики Татарстан претерпевали качественные изменения, которые обуславливались не столько административно-территориальным устройством, сколько формой национальной государственности республики и особенностями развития федеративных отношений в стране. Законодательская работа, проделанная татарстанским парламентом в это время, позволила практически «с нуля» создать правовую базу республики, заложить фундамент демократии, права и справедливости в обществе. Решающими факторами становления и дальнейшего совершенствования государственного устройства Республики Татарстан выступали и продолжают выступать конституционно-правовой статус республики и характер взаимоотношений Российской Федерации и Татарстана.

§ 5. Татарстан: стратегия «мягкого вхождения в рынок»

Фильза Хамидуллин, Вадим Хоменко

Республика Татарстан в течение 90-х гг. осуществляла политику «мягкого вхождения в рынок». В этих целях формировалась специальная законодательная база. Уже в течение 1991 г. были приняты «Программа стабилизации народного хозяйства ТССР и перехода к рыночным отношениям», «Земельный кодекс», законы о земельной реформе, крестьянском (фермерском) хозяйстве, о собственности в ТССР, о бюджетном устройстве и бюджетном процессе в республике.

Но татарстанская модель перехода к рынку достаточно специфическая. Она была ориентирована на постепенную адаптацию социально-экономической сферы к новым условиям хозяйствования с целью недопущения дестабилизации соответствующих процессов жизнедеятельности на территории республики. В большей степени возможность реализации данной модели была сформирована в процессе заключения Договора «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и Республики Татарстан», подписанного 14 февраля 1994 г. Результаты «мягкого вхождения» неоднозначно трактуются до сих пор специалистами, хотя нельзя отрицать, что в этот период удалось избежать существенных катаклизмов в развитии республики и по многим центральным оценочным показателям она имела существенное положительное отличие от других регионов России.

В этой связи важно выяснить содержание положительного потенциала татарстанской модели и те параметры социально-экономического развития, которые достичь не удалось ввиду наличия у нее определенных недостатков. Это важно не только в историческом, но и в прогнозном аспектах развития татарстанского и российского общества. Причем здесь сложно отделить экономические, социальные, а зачастую, и политические аспекты, которые в данном случае сильно взаимосвязаны и взаимообусловлены. В этой связи видится необхо-

димость комплексного рассмотрения итогов соответствующего этапа развития Татарстана с определением позиций, обеспечение которых в дальнейшем в составе перспективной модели развития республики будет объективно необходимо.

Сам период «мягкого вхождения в рынок» важно рассматривать с включением в него кризисного 1998 г. и последующих 4–5 лет, когда происходила коррекция соответствующей модели управления на основе оценки ее устойчивости к циклическим рыночным колебаниям.

Экономика. По всем основным направлениям индустрии на протяжении первой половины 90-х гг. отмечался спад производства, который удалось остановить в 1995 г., то есть раньше, чем в целом по РФ, благодаря принятым в РТ мерам по поддержке товаропроизводителей. С 1999 г. началось наращивание промышленного производства. Этот процесс имел достаточно динамичный характер, если сравнивать Татарстан не только с соседними регионами–лидерами, но и с чисто сырьевым нефтедобывающим регионом, каким является Ханты-Мансийский автономный округ. Так, уже к 2004 г. промышленное производство республики достигло уровня 1990 г., в то время как в сравниваемом автономном округе он составил к этому времени только 90%. Остальные достаточно «сильные» близлежащие регионы (Самарская область, Пермская область, Республика Башкортостан, Нижегородская область, Свердловская область) имели данный показатель на более низком уровне.

Динамика развития промышленного производства Татарстана была определена:

– сохранением возможности конструктивного управления инвестиционным процессом в период приватизации собственности, когда отсутствовал четко выраженный частный интерес к крупным проектам развития и квалифицированный корпоративный менеджмент. Это было достигнуто посредством сохранения за государственным республиканским управлением необходимых объемов акций приватизируемых

бюджетообразующих предприятий и размещением их в целях управления в специализированных государственных холдингах;

– сохранением необходимых и достаточных источников инвестиций в процессе заключения договора между Республикой Татарстан и федеральным центром, где пропорция распределения налоговых поступлений соответствовала в то время реалиям федеративного государства;

– определенным положительным ростом цен на нефть.

Несмотря на истощение месторождений нефти, Татарстан ставил задачу стабилизации ее добычи и даже определенного роста, для чего и использовалась часть налоговых поступлений и формировались налоговые льготы, обеспечиваемые потенциалом федеративного договора.

Такое понимание «мягкого вхождения в рынок» весьма отлично от варианта распространенной его трактовки, что якобы она базировалась на значительных экономических ресурсах и особых финансово-бюджетных отношениях с федеральным центром. Государственная составляющая управления инвестиционным процессом в таком определении начисто отсутствует (таблица 3.1)

Как видно из таблицы 3.1, Республика Татарстан с 1995 по 2003 г. смогла существенно поднять долю машиностроения – с 20 до 24%, сделав ее больше, чем по РФ в целом. Тем не менее, необходимо отметить, что по завершению «мягкого вхождения в рынок» Татарстану не удалось восстановить ту высокотехнологичную стоимостную структуру промышленного производства, которая была в 1991 г. при опережающих объемах машиностроения, химии и нефтехимии.

Татарстан, наряду с сохранением промышленных позиций, вошел в пятерку крупнейших производителей сельскохозяйственной продукции и является крупным производителем зерна. В 1996 г. по валовому сбору зерна республика вышла на первое место в Российской Федерации, опередив такие сильные зерновые регионы, как Ставропольский край и Ростовская область. Специализированные программы поддержки были адресованы как нарождающимся мелким, так и крупным сельхозпредприятиям. Безусловно, важно видеть, что помимо дотаций, важной составляющей выживания сельскохозяйственной отрасли стала трудовая этика сельского, в подавляющем большинстве татарского, населения. Села республики более благоустроены по сравнению с соседними регионами. Здесь сохранились традиции ведения большого подсобного хозяйства. Это контрастирует с деградирующими деревнями за пределами республики, прежде всего – в Нечерноземье.

Однако за время «мягкого вхождения в рынок» Татарстану не удалось адекватно развить рынок услуг. Сдерживалось развитие сотовой связи и Интернета, которые значительно отставали от регионов-лидеров. Эта ситуация стала меняться уже после периода «мягкого вхождения в рынок», когда в республике стали появляться крупные, в том числе международные, торговые и гостиничные сети, рос рынок платных услуг, менялись стандарты потребления жителей крупных городов Татарстана.

Занятость населения. Благодаря сохранению потенциала промышленности и сельского хозяйства Татарстану удалось обеспечить максимальный уровень занятости и минимальный уровень безработицы. Хотя

Таблица 3.1

Отраслевая структура промышленного производства Татарстана в 1990–2003 гг., %

	Год	Электроэнергетика	Топливная	Химия и нефтехимия	Машиностроение	Пищевая
РФ	2003	12	19	6	20	14
Татарстан	1991	4	8	21	34	13
	1995	12	21	25	20	9
	2003	7	38	18	24	9

при этом характер тренда по безработице отражал общероссийские тенденции – с повышением ее уровня 1999 г. до величины более 11% с дальнейшим постепенным снижением к 2002 г. до уровня менее 6%, что представляло наиболее низкую величину данного показателя среди близлежащих регионов РФ, за исключением Самарской области.

Общая тенденция в изменении структуры занятого населения свидетельствует о том, что в Татарстане идет предсказуемое увеличение числа занятых в торговле и сфере услуг, что соответствует положению дел в странах с рыночной экономикой. Однако при этом динамично увеличивается удельный вес управленческого аппарата, приближаясь к общероссийскому уровню (таблица 3.2), хотя реалии рыночной экономики предполагали наличие иного противоположного тренда.

Специфической особенностью в формировании татарстанского рынка труда в рассматриваемый период стало и накопление скрытой безработицы в сельской местности при официально ее низком уровне. В сельских районах фиксировалось не более 12% всех зарегистрированных безработных. Однако если в среднем по республике на 1 вакансию приходилось 2 человека, то во многих глубинных сельских районах – более 50. Население татарских сел менее склонно было воспринимать практику отходничества, развитую во многих русских регионах, и это выступало также фактором динамики данного процесса. Положение ухудшалось и большей, чем в целом по России, долей безработных среди сельских женщин.

Вследствие изменений в структуре промышленного производства в Татарстане, как

и в других регионах России, возникла проблема моногородов, где производство было представлено 1–2 основными предприятиями, а возможности перепрофилизации и диверсификации оказались ограниченными. Такими моногородами явились Чистополь (ОАО Чистопольский часовой завод «Восток»), Лениногорск (нефтегазодобывающее предприятие «Татнефтебитум»), Елабуга (ПО «ЕлАЗ»), пгт Камские Поляны. К примеру, в Елабужском районе уровень безработицы в 1997 г. приблизился к 3,5%, а в Чистопольском районе – к 4%. Повышенные уровни безработицы фиксировались также в городе Набережные Челны, Менделеевском и Зеленодольском районах.

Минимальным же уровнем зарегистрированной безработицы отличались центры нефтепереработки, нефтехимии и энергетики, такие как Нижнекамский район, где этот показатель в 1997 г. составил около 1%, Альметьевский и Заинский районы – около 1,5% и т.д.

К 2003 г. разница в уровнях безработицы была в определенной степени сглажена, тем не менее, основные районные и городские отличия сохранились. Так, если в Нижнекамском районе этот показатель оставался на уровне 1%, то в Чистопольском районе превышал 2,5%.

Данные проблемы, связанные с недостаточной диверсификацией производства, отсутствием стратегического взгляда на альтернативные сегменты развития экономики, где Татарстан имеет естественные преимущества (например, в сфере возможного транспортного транзита, туризма и т.д., определяемых расположением республики на перекрестке международных транспорт-

Таблица 3.2

Отраслевая структура занятых в Татарстане в 1990–2003 гг., %

	Год	Промышленность	Сельское хоз-во	Строительство	Транспорт и связь	Торговля, обществ. питание	ЖКХ	Соц. сфера	Управление
Татарстан	1990	31,9	13,6	13,4	7,2	7,0	4,7	17,6	1,9
	1995	28,8	14,5	12,1	7,0	8,1	3,5	19,6	2,8
	2002	25,3	13,0	8,2	6,4	14,0	4,9	20,6	3,6
	2003	23,2	12,7	8,2	6,3	15,9	4,8	19,4	4,1
РФ	2003	21,9	11,0	7,7	7,8	16,8	4,9	18,1	4,7

ных коридоров, наличием рекреационного потенциала и т.д.), наиболее ярко обострились затем в период мирового экономического кризиса 2008–2009 гг.

Доходы населения и социальное развитие. На протяжении всего периода «мягкого вхождения в рынок» Татарстан обеспечивал необходимый уровень жизнеобеспечения населения, измеряемый по отношению денежных доходов и прожиточного минимума, достигнув к 2003 г. величины на уровне 280%. По этому показателю республика опережала большинство сильных регионов-соседей, например, таких как Нижегородская (221%), Пермская (232%) области и Республика Башкортостан (278%), уступая лишь Самарской области, где этот показатель к 2003 г. составил около 300%.

Однако механизм поддержания этого уровня имел существенные отличия. В нем акцент был поставлен на обеспечение низких тарифов на услуги ЖКХ, городского транспорта, дотации на основные продукты питания. При этом по уровню заработной платы и среднедушевых доходов Татарстан не был лидером. Подобный подход был вынужденным и имел явно нерыночный характер. Но метод такой «ручной регулировки» был необходим, так как требовалось время для формирования необходимых пропорций в заработной плате и ценах на услуги и товары. В условиях монополизма свободное движение цен могло привести к общей диспропорциональности и возможному социальному напряжению. Но здесь важно было и вовремя отойти от подобного управленческого воздействия, обеспечивая необходимый рыночный принцип взаимоотношения контрагентов, обеспечивая нормальную рыночную конкуренцию и сокращение иждивенческих настроений. Это было сделано в дальнейшем. Но вопрос относительно правильности выбора временной точки до сих пор остается, так как до недавнего времени Татарстан отставал по уровню заработной платы и от Самарской, и от Пермской областей. Становится ясно и то, что увеличение заработной платы по инициативе работодателей – более длительный и сложный процесс, чем регулирование цен и введение дотаций.

«Мягкое вхождение в рынок» сопровождалось попыткой сдержать чрезмерное

расслоение населения по уровню доходов. Однако достигнуть это было крайне трудно и Татарстан стремительно «догонял» Россию. Так, только за 2003 г. отношение доходов 10% самых богатых жителей республики к 10% самых бедных увеличилось с 11,8 до 13,1 раз, в то время как в среднем по России – с 14,0 до 14,3 раз. В Татарстане была сохранена большая равномерность оплаты по отраслям экономики и социальной сферы. Так, если в республике отношение средней заработной платы в сельском хозяйстве к средней заработной плате по территории составила в 2002 г. более 40%, то в Самарской области – менее 40%. В промышленности в первом регионе этот показатель был чуть более 120%, во втором – превышал 130%. Соответствующие усилия прилагались в отношении недопущения расслоения доходов и заработной платы населения в разрезе районов и населенных пунктов (территорий). Но сдержать данный процесс дифференциации в доходах было объективно невозможно, учитывая разницу в отраслевой структуре районов республики и постепенную концентрацию частного капитала в рентабельных отраслях отдельных территорий. Так, лидером, увеличивающим отрыв от остальных муниципалитетов, стал нефтедобывающий Альметьевск, а машиностроительные города Елабуга и, особенно, Зеленодольск за годы «мягкого вхождения в рынок» явно ухудшили свои позиции по уровню заработной платы. Так, если отношение средней заработной платы к средней по республике в Альметьевске в 1998 г. было около 150%, то в 2003 г. оно приближалось уже к 180%. В противоположность этому в Зеленодольске, например, эта величина, составлявшая в 1998 г. около 90%, снизилась к 2003 г. до 80%.

Парадоксальным на фоне относительного сохранения промышленного производства и сельского хозяйства, обеспечения доходов населения в основных секторах экономики выглядела тенденция резкого уменьшения притока учащихся в сферу профессионального образования. На начало нынешнего столетия численность учащихся профессиональных учебных заведений в расчете на 10 тыс. населения была самой низкой в ПФО. Вместе с тем, более

интенсивно, чем в среднем по стране, росла численность студентов вузов – в 2,8 раз за 1995–2004 гг. (в РФ – в 2,3 раза). Именно здесь в сфере высшего образования рыночные отношения развивались стремительно, не имея должных ограничений. Доля учащихся негосударственных вузов в Татарстане в 2003/2004 учебном году составила почти 22%, в то время как в РФ – 13%. Что вело, с одной стороны, к определенной девальвации данного уровня образования, с другой – к кадровому дисбалансу, последствия которого сказались гораздо позже.

Особый подход к регулированию доходов и жизненного уровня населения в Татарстане подкреплялся реализацией широкомасштабных программ жилищного строительства и благоустройства, газификации. Так, газификация стала практически сплошной в городах и сельской местности (более 96%), центральным отоплением обеспечено было в городах 97% жилищного фонда, в сельской местности – 80%. Введение механизмов бюджетной поддержки строительства жилья позволило Татарстану войти в число лидеров ввода жилья в расчете на душу населения, где он в начале нынешнего столетия уступал только Московской, Астраханской, Белгородской областям, Ханты-Мансийскому автономному округу и Москве. Параллельно реализовалась и программа ликвидации ветхого и аварийного жилья.

Итоговые демографические и интегральные показатели «мягкого вхождения в рынок». Демографические процессы наиболее тонко и многогранно отражают результаты социально-экономических реформ. В этой оценочной позиции место Татарстана в рассматриваемом периоде положительно отличалось на фоне «демографического кризиса», распространившегося на территории большинства регионов России, и последствия которого мы ощущаем до сих пор.

К началу 1990-х гг. республика сохраняла более высокий уровень естественного прироста, чем он имел место в регионах Центра и Северо-Запада России. Но уже в 1993 г. естественный прирост сменился убылью, что определялось глобальными последствиями развертываемой «шоковой терапии»

в российском масштабе. Однако в сравнении с другими регионами России убыль населения была умеренной. Так, общий коэффициент рождаемости в 2003 г. не отличался от среднего по стране (10,2 промилле), а показатель смертности был ниже среднероссийского (13,8 и 16,4 промилле, соответственно).

В определенной степени убыль населения в Татарстане вызывалась повышенной детской смертностью в сравнении с другими сильными регионами страны, несмотря на общую тенденцию к ее снижению в течение данного периода времени. Так, если в 2002 г. этот показатель составлял в Татарстане 12 промилле, при общероссийском уровне свыше 13 промилле, то в Самарской области – чуть более 8 промилле, Санкт-Петербурге – ниже 7 промилле. Причиной этого являлись более низкая урбанизация и транспортная доступность в сельских населенных пунктах республики.

Имея статус социально привлекательно-го региона, Татарстан покрывал естественную убыль населения миграционным притоком населения – большим, чем это имело место в Приволжском федеральном округе и России в целом. В начале 2000-х гг. стрессовые миграции из СНГ закончились, и объем миграций в Татарстан заметно сократился. С этого времени он стал компенсировать немногим более половины естественной убыли. Однако в соседних Самарской и Нижегородской областях объем миграции покрывал в данный период времени только 5–15% убыли населения.

Вместе с тем необходимо отметить, что степень привлекательности Татарстана для мигрирующего из ближнего зарубежья русского и татарского населения была разной в пользу последнего. Наблюдалась и активная внутривосприимчивая миграция татарского населения на территорию Татарстана, что, в итоге, способствовало изменению общего баланса населения в пользу титульного этноса. Существенного «вливания» русского населения в этот период не наблюдалось, в отличие от предшествующих периодов, когда шло освоение нефтяных месторождений и строительство крупных промышленных комплексов. В итоге, если к моменту образования Татарской АССР в 1920 г. та-

тарское население составляло 44,3% населения, то в 2002 г. – уже 52,9%. Прогноз соответствующей тенденции на перспективу нуждается больше в политологическом и социологическом анализе, нежели экономическом.

Очень важно, что в республике была сохранена жизнеспособная сеть сельских поселений. Их средняя людность превышает 300 жителей. В условиях общероссийской картины «вымирания» сел данное положение было достаточно уникальным явлением, ставшим объектом пристального внимания как отечественных, так и зарубежных специалистов.

В части городского населения имело место повсеместное его увеличение, за исключением Чистополя (таблица 3.3).

В конечном итоге, необходимо отметить, что Татарстан вошел в немногочисленную группу регионов России, в которых численность населения в 2004 г. превысила значение 1989 г.

По индексу развития человеческого потенциала республика входила в 2002 г. в тройку лидеров. Это было достигнуто, прежде всего, за счет показателя уровня доходов и несколько более высокого индекса долголетия. Кроме того, Татарстан благодаря своей социальной политике имел повышенные значения «кризисного» индекса качества жизни.

Однако по факторным показателям, обеспечивающим динамику высокотехнологичного развития, республика имела весьма посредственные места. Она уступала наиболее развитым регионам по уровню образования. И по индексу инновативности республика к концу перехода к рынку занимала только 11-е место, уступая лидерам почти по всем компонентам, за исключением частных индексов числа студентов вузов и проникновения сотовой связи.

Таким образом, сильнейший комплекс государственной социальной поддержки экономики и населения в период «мягкого вхожде-

Таблица 3.3

Динамика численности населения городов республиканского подчинения Татарстана

Города	Население, тыс. чел.				Динамика, %			Доля в общей численности населения, %	
	1970	1979	1989	2004	1979 к 1970	1989 к 1979	2004 к 1989	1989	2004
Казань	875,1	995,5	1097,0	1106,9	114	110	101	30,2	29,3
Набережные Челны	40,9	309,7	503,4	512,3	757	163	102	13,8	13,6
Нижнекамск	49,0	136,2	190,8	226,6	278	140	119	5,2	6,0
Альметьевск	93,8	115,9	136,4	153,2	124	118	112	3,8	4,1
Зеленодольск	77,0	84,9	94,1	100,0	110	111	106	2,6	2,7
Бугульма	72,4	80,2	89,6	92,4	111	112	103	2,5	2,4
Елабуга	31,7	36,0	53,5	69,1	114	149	129	1,5	1,8
Лениногорск	46,6	53,1	62,1	65,4	114	117	105	1,7	1,7
Чистополь	60,0	64,3	65,5	62,5	107	102	95	1,8	1,7
Заинск	23,3	30,4	36,9	42,1	130	121	114	1,0	1,1
Азнакаево	21,9	25,8	32,2	35,2	118	125	109	0,9	0,9
Нурлат	17,5	18,3	23,5	32,4	105	128	138	0,6	0,9
Бавлы	14,7	15,5	20,0	23,0	105	129	115	0,6	0,6
Буинск	14,9	15,5	16,8	19,6	104	108	117	0,5	0,5

ния в рынок» был налицо. Это ослабило неизбежные негативные последствия быстрого «шокового перехода» к рыночной модели, когда отсутствие сформированных зрелых рыночных механизмов поддержания необходимых социально-экономических пропорций развития, общей социальной ответственности бизнеса могли привести к общему экономическому спаду и социальным катаклизмам. Вопросы времени, глубины содержания и механизмов такого государственного регулирования еще долгое время будут предметом изучения науки и, безусловно, подвергнутся определенной критике, так как не все здесь укладывается в стандартные классические

схемы, а зачастую процесс входит в правовой диссонанс с российским законодательством. Вероятно, некоторые рыночные пропорции и рыночные институты выстроились в Татарстане несколько позже, чем в других передовых регионах России. Так же, как и запаздывало развитие демократических форм в политической сфере, что находило отражение в соответствующих рейтингах и оценках специалистов. Но необходимость «мягкого вхождения в рынок», в целом, находило больше сторонников, чем противников, вследствие высокой степени прагматичности и ориентации на социальные параметры экономического развития.

§ 6. Федеративные отношения в 1990-е годы и их роль в укреплении целостности России

Эмиль Паин

В первые годы существования новой России были крайне слабыми силы, заинтересованные в сохранении ее единства. Лидеры национальных движений нерусских народов добивались суверенитета для «своих» республик, а русские националисты не способствовали укреплению общероссийского единства, поскольку мечтали о восстановлении СССР.

После того, как российские республики продемонстрировали «парад суверенитетов», непреодолимое желание повысить свой статус возникло у российских краев и областей. О своем суверенитете объявили даже административные районы в некоторых городах. Инерция распада СССР набирала силу, и никто в то время еще не знал, когда и на каком территориальном уровне она может завершиться.

Сложившаяся политическая ситуация в значительной мере продиктовала политическую стратегию президента Б. Ельцина во взаимоотношениях с наиболее активной тогда частью общества – региональными политическими элитами. Это была политика, основанная на переговорном процессе, достижении компромиссов, взаимных уступок, сделанных как федеральной властью, так и лидерами республик. Эта политика, на мой взгляд, помогла переломить негативные тенденции в федеративных отношениях.

Договоры между федеральным центром и органами власти субъектов Федерации, а также договор об общественном согласии (1994 г.), подписанный всеми субъектами Федерации, кроме Чеченской Республики, значительно ограничили возможность объявления кем-либо из руководителей республик, краев, областей выхода из состава Федерации, поскольку все они признали, что «...реализация прав субъектов Федерации возможна только при обеспечении государственной целостности России, ее политического, экономического и правового единства» [Договор, 1994].

Новый политический порядок, установившийся в России с конца 1993 г. предполагал не только формальные, но и устные договоренности между президентом Ельциным и лидерами республик. С тех пор не наблюдалось ни одного проявления этнического сепаратизма, за исключением конфликта с Чеченской Республикой, которая в то время ни в каких договоренностях с лидерами России не участвовала.

Эти перемены тогда были замечены российским общественным мнением. В массовом сознании россиян постепенно росла уверенность в том, что целостность России укрепляется, а главное, уменьшается угроза вооруженных конфликтов, неизбежного спутника распада страны. Об этом неопро-

вержимо свидетельствовали материалы мониторинговых социологических исследований (таблица 3.4).

Как видно из таблицы, в 1993 г. определился перелом в массовом сознании россиян. Если в первые два года жизни постсоветской России более половины опрошенных жили в страхе перед вооруженными конфликтами, то к концу 1993 г. большинство наших сограждан демонстрировало определенный оптимизм. Политика переговоров и компромиссов дала результат. Но прошло время, и эта политика стала восприниматься в сознании большинства россиян как стратегия односторонних уступок республикам, как начало развала России и даже как злой умысел: «Те же, кто развалил СССР, теперь разваливают Россию».

Большей частью такие представления имели мало общего с реальностью. Например, знаменитая фраза Ельцина: «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить», оброненная им в Татарстане в 1992 г., стала трактоваться чуть ли ни как начало дезинтеграции России. Но ведь она была сказана не до, а после «парада суверенитетов» и не только не подтолкнула республики к большей суверенизации, но, как видно, предшествовала процессу стабилизации отношений регионов и федерального Центра.

Договор федеральной власти с Татарстаном с нарастающей силой стал осуждаться с начала 2000-х гг. В действительности же он был полезен как для республики, так и для Федерации в целом. Он резко ослабил позиции радикально националистических сил в республике, влияние которых основывалось почти целиком на страхе населения перед образом «имперского врага». Договор между Москвой и Казанью сильно «при-

тушил» этот образ в сознании жителей республики. Договор не отменил ни одного, из ранее принятых в республике законодательных актов, но практически сделал их не опасными для сохранения целостности страны. Границы допустимых уступок республикам со стороны федеральной власти определялись ее способностью контролировать основные рычаги влияния на регионы: финансовую систему, транспорт, магистральные трубопроводы и, разумеется, силовые структуры. Неслучайно, татарские радикальные националисты крайне негативно оценили Договор между федеральным Центром и Татарстаном. На II Всетатарском съезде в феврале 1994 г. 655 делегатов осудили этот договор как капитуляцию перед «имперским центром». Как заявила Фаузия Байрамова, «мы потерпели поражение, и с заключением 15 февраля Договора в Москве республика отброшена в 1989 год» [Политические партии Татарстана].

Также спорными можно считать весьма распространенные представления о несправедливости и нецелесообразности предоставления ряду республик налоговых льгот. Например, ныне не только общественное мнение, но большинство экспертов-экономистов осуждают идею создания оффшорной зоны в Ингушетии. Однако, на мой взгляд, нельзя не согласиться с бывшим секретарем Совета безопасности России И.П.Рыбкиным, отмечавшим, что без такой зоны не удалось бы предотвратить вовлечение Ингушетии в чеченский конфликт [Рыбкин, Дубнов, 2003, с.15]. Это значит, что налоговые потери от оффшорной зоны ничтожно малы по сравнению с возможными потерями бюджета на войну с Ингушетией, не говоря уже о неизбежных в таких случаях потерях человеческих жизней.

Таблица 3.4

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, насколько вероятны в ближайшие месяцы вооруженные конфликты в России?»*

Варианты ответов	1991 декабрь	1992 декабрь	1993 декабрь
вероятны (в той или иной мере)	55	51	27
не вероятны	25	30	50

*По материалам мониторинга ВЦИОМ.

С точки зрения воздействия социальных представлений на политику не столь уж важно, насколько они реалистичны. Если представления возникли и стали массовыми, то они влияют на политический процесс ничуть не меньше, чем реальность. Известная в социологии «теорема Томаса» гласит: «Если люди определяют ситуации как реальные, то они и являются реальными по своим последствиям» [Thomas, 1918, с.79]. Думаю, что именно из такой реальности, основанной на массовых и во многом мифологизированных представлениях, выросла современная стратегия, ключевыми идеями которой являются создание «единой исполнительной вертикали» и ограничение политической роли региональной элиты, и, прежде всего, лидеров республик. Избиратель хочет наведения порядка в стране – так нет ничего проще, чем имитировать его установление за счет создания федеральных округов во главе с генералами. Избиратель недоволен тем, что «региональные бароны» забрали себе слишком много власти, в ответ применяется эффектный ход по изгнанию лидеров региона из Совета Федерации.

Чеченская политика во многом определила подход и инструментарий решения всего комплекса региональных и национальных (этнических) проблем – это метод давления (не обязательно военного), но непременно жесткого и обеспечивающего беспрекословное послушание региональных лидеров Кремлю. Если в 1990-х гг. федеральный Центр делил региональных лидеров на «своих – демократических» и «чужих – коммунистических», то в 2000-х гг.

был взят курс на тотальное подчинение региональных элит. Эти перемены точно, на мой взгляд, охарактеризовал бывший губернатор Новгородской области Михаил Прусак, который сказал, что раньше для Кремля губернаторы были белые и красные, а теперь одинаковые – «все плохие» [Цит. по: Цуканова, 2000].

Сейчас стоит задаться вопросом: существовала ли реально опасность дезинтеграции государства?

Уже отмечалось, что с середины 90-х гг. в регионах России не было зафиксировано ни одного серьезного проявления сепара-

тизма, за исключением сепаратизма в Чечне, который проявляется и сегодня в период, когда, по определению В.Путина, «расползание государственности позади».

Устойчивость российской федеративной системы прошла проверку на прочность в период экономического кризиса 1998 г., хотя поначалу казалось, что именно он подтолкнет Федерацию к неминусовому распаду.

После объявления федеральным правительством дефолта практически все регионы стали предпринимать меры экономической самозащиты, которые, казалось бы, реально угрожали сохранению экономической целостности страны. Так, по материалам Госкомстата России, к сентябрю 1998 г. 79 регионов ввели административное регулирование цен на продукты питания и запрет (либо ограничение) на их вывоз за пределы соответствующего региона. В прессе заговорили о том, что «продовольственный сепаратизм посильнее политического» [Коновалов, 1998, с.1]. Еще страшнее выглядели действия ряда регионов по обособлению региональной финансовой системы и отказу от перечисления налогов в федеральный бюджет (таблица 3.5).

Подобные действия дали повод известным российским политикам говорить о распаде России как чуть ли не о свершившемся факте. О реальной опасности «потерять» Россию 2 сентября 1998 г. заявил исполнительный секретарь СНГ Борис Березовский [Эхо Москвы, 1998]. Вслед за ним 3 сентября такую же опасность признал красноярский губернатор Александр Лебедь [НТВ, 1998]. Неделий позже лидер проправительственной думской фракции НДР Александр Шохин уже прямо обвинил Президента России (тогда это было возможно) в том, что он «не сумел сохранить финансово-экономическую, а значит, и политическую целостность России». Что касается публицистов и ученых, то они буквально соревновались друг с другом в мрачности прогнозов распада России. Если журналист А.Венедиктов исходил из предположения о распаде как одномоментном акте и называл 17 августа днём, «когда в России территории и регионы начинают жить отдельной жизнью от Москвы и от федеральных властей» [Эхо Москвы,

Таблица 3.5

**Примеры финансовой автаркии регионов в период финансового кризиса
(август–сентябрь 1998 г.)***

Автономистские действия	Регион
1) Создание пула региональных банков, ограничение сфер действия московских банков 2) Обособление областной расчётно-кассовой системы	Самарская область
Ведение «режима чрезвычайной экономической ситуации»	Калининградская область
Формирование областного золотого запаса	Кемеровская область
Приостановка перечисления налогов в федеральный бюджет	Башкирия, Калмыкия, Татария, Томская область, Хабаровский край
Налоговые поступления в федеральный бюджет самостоятельно списаны в пользу республиканского бюджета.	Калмыкия

*По материалам российской прессы за август–сентябрь 1998 г.

1998], то историк В.Логинов, признавая распад России неизбежным, отводил ему целую эпоху [РЕН-ТВ, 1998].

В это же время получили распространение идеи введения чрезвычайных административных мер по нормализации ситуации. Губернатор Сахалина Игорь Фархутдинов предложил отменить республики и ввести губернскую форму управления. Губернатор Ярославской области Анатолий Лисицын предложил заполнить вакуум власти за счет создания «федеральных округов» в границах восьми региональных ассоциаций экономического сотрудничества. Это должно было, по мысли губернатора, «помочь Российскому государству, правительству и администрации президента сформировать ту вертикаль власти, которая бы была работающей и взаимнообязанной. Не правда ли, эта идея очень напоминает ту, которая впоследствии была реализована президентом Путиным в 2000 г.? Те же слова про «вертикаль власти» и та же ставка на общенациональную федеральную власть не с 89 лидерами субъектов Федерации, а с руководителями нескольких региональных округов. Правда, вместо предлагаемых восьми федеральных округов Путиным было создано семь, и не в рамках экономических ассоциаций, а в границах военных округов. Не была реализована также идея Лисицына о взаимных обязательствах центра и регионов, вместо этого была создана система прямого под-

чинения нижестоящих звеньев вышестоящим. Но главное не в этом. Ни в то время, ни позднее не было никакой нужды в чрезвычайных административных мерах, поскольку в России уже сложились обычные, я бы даже сказал, классические механизмы, надежно обеспечивающие сохранение целостности Федерации.

Уже через три недели после дефолта и шока, на время парализовавших всю систему управления, федеральная власть включила обычные правовые механизмы борьбы с экономической автаркией. И их использование привело к неожиданно быстрому успеху. Так 23 сентября 1998 г. генеральный прокурор Юрий Скуратов дал указание всем прокурорам субъектов Федерации проверить законность действий местных властей [ТАСС, 1998], и уже на следующий день они были опротестованы. Многие должностные лица, пусть и не первые, а всего лишь исполнители, были привлечены к уголовной ответственности. Еще раньше (10 сентября) Центральный банк России отозвал лицензию банка Калмыкии, по сути, ликвидировал его. Республика дорого заплатила за попытку присвоить себе средства, предназначенные для уплаты федеральных налогов.

С «сельскохозяйственным сепаратизмом» довольно быстро и жестко расправился рынок: те края и области, которые ограничили вывоз продовольствия, в ответ перестали

получать бензин и горюче-смазочные материалы (это в сентябре-то в уборочную кампанию), поэтому вынуждены были сами отменить свои решения. Ни в одном из регионов не удался эксперимент по административному замораживанию цен. Через два месяца после августовского кризиса, к ок-

тябрю 1998 г. от проявлений экономического сепаратизма в России не осталось и следа, а сегодня о том эпизоде помнят разве что специалисты-аналитики. Уже в тот период вполне уверенно можно было говорить о завершении периода «расползания государственности».

§ 7. Учреждение Всемирного конгресса татар

Ринат Закиров

К 1992 г. татарское национальное движение приняло массовый характер. Конечно, национальные организации имели разную политическую ориентацию, предлагали разные пути решения накопившихся проблем, но все они служили одной большой цели – возрождению государственности и сохранению национальной самобытности татарского народа. Необходимо признать, что к этому времени произошел перелом и во взглядах правящей элиты Татарстана. Очевидно, у руководства республики появилось понимание того, что промедление в решении национальных проблем чревато утратой контроля над ситуацией. В обстановке такого коренного перелома было принято решение о проведении в 1992 г. I Всемирного конгресса татар.

I Всемирный конгресс татар открылся 19 июня 1992 г. в Казани. На конгресс приехало более 1000 делегатов из различных регионов России и стран мира. Среди них были представители татарского народа из США, Канады, Австралии, Китая, Японии, Турции, Финляндии, Польши, Румынии и др. Всемирный конгресс татар вызвал необычайный подъем народного духа, он был воспринят как праздник единения соотечественников. Всеми участниками конгресса было единодушно признано, что именно Казань является очагом национальной культуры и центром татарской цивилизации.

Впервые на таком высоком форуме были подняты жизненно важные проблемы татарского народа, рассеянного по всему миру. Именно тогда были заложены основы принципиально нового подхода к проблемам нации, которые, спустя некоторое время, легли в основу новой редакции Конституции Республики Татарстан.

На конгрессе поднималась и проблема статуса государственных языков в Татарстане и России. В первую очередь, естественно, речь шла о статусе татарского языка. Как обратил внимание президент Академии наук Татарстана М.Х.Хасанов, «перед всей культурной общественностью во всей сложности встал вопрос разработки научного обоснования и методики для того, чтобы татарский язык стал реальным полноправным государственным языком» [Всемирный конгресс татар, 1992, с.214].

Бесспорно, первый съезд проходил в атмосфере эмоционального подъема. Такие настроения трудно было совместить с необходимой деловитостью и четким регламентом работы. Тем не менее, резолюция I съезда Всемирного конгресса татар представляет огромный исторический интерес. В ней отразились и оценка текущей ситуации в стране, и идея возрождения государственности, национальной самобытности татарского народа, сохранения и развития родного языка. В резолюции выражена полная поддержка государственного суверенитета Татарстана, соблюдения прав человека и народов. В ней звучит призыв к единению татар всего мира под знаменем национального возрождения.

На пленарном заседании съезда был сформирован Исполнительный комитет, его председателем был избран И.Тагиров, а при исполкоме был учрежден Фонд. Без преувеличения можно утверждать, что съезд в многовековой истории татарского народа открыл новую эпоху. Организационные структуры Всемирного конгресса татар успешно функционируют уже два десятка лет.

Высшим органом Конгресса является съезд, который созывается не реже одного раза в пять лет. В период между съездами

руководство деятельностью Конгресса осуществляет Исполком, избираемый съездом со сроком полномочий на 5 лет. Исполком является постоянно действующим руководящим органом Конгресса. Председатель Исполкома ВКТ, который одновременно является и членом бюро, избирается на заседании Исполкома сроком на 5 лет большинством его членов. Председатель проводит заседания Исполкома, его бюро, координирует работу своих заместителей и экспертных групп, комиссий и советов, представляет ВКТ и его Исполком в государственных органах, общественных объединениях и международных структурах.

В состав Конгресса входят общественные объединения – юридические лица, которые действуют в соответствии с собственными уставами, а также Уставом Конгресса. Конгресс может создавать отделения и открывать представительства, как в РФ, так и за рубежом; они осуществляют свою деятельность от имени Конгресса.

Основными целями Конгресса являются:

- консолидация татарского народа и его общественных объединений;
- содействие социально-экономическому, национально-культурному, политическому и духовному развитию РТ, укреплению его государственности;
- участие в разработке программ и механизмов реализации культурно-национальной автономии татарского народа в регионах его проживания;
- участие в исследовательской и миротворческой деятельности.

Конгресс выполняет задачи:

- всесторонне содействует социально-экономическому, национально-культурному развитию Республики Татарстан;
- участвует в деятельности по разрешению этнорегиональных проблем татар на основе соблюдения общедемократических принципов, норм международного права и законов стран проживания татар;
- разрабатывает и содействует реализации целевых программ в области национально-культурного развития – языка, науки, образования, культуры, исторического наследия, народной педагогики, демографии и т.п.;
- участвует в подготовке и проведении аналитических, исследовательских и экс-

пертных работ, выработке практических рекомендаций для государственных и общественных организаций, а также проектов законов и межгосударственных договоров;

- регулярно взаимодействует с татарской диаспорой, неправительственными международными организациями.

Основополагающие принципы деятельности Конгресса:

- признание прав татарского народа и других народов на самоопределение, сохранение национального языка, образования, культуры, обычаев;

- признание приоритета национального единства над идеологическими и классовыми убеждениями и предрассудками;

- признание и неукоснительное соблюдение законов Республики Татарстан, Российской Федерации и других стран проживания татар, а также норм международного права и требований международных договоров;

- решение национальных и политических проблем на правовой основе цивилизованными демократическими путями.

Предметом деятельности Конгресса является:

- сбор и анализ информации о социально-культурном и правовом положении татарского населения в регионах проживания татар и, в случае необходимости, оказания им юридической помощи;

- участие в практической работе по разрешению этнорегиональных проблем татар, взаимодействие с государственными и муниципальными структурами, общественными, культурно-просветительскими и научно-исследовательскими организациями, СМИ, международными гуманитарными организациями, занимающимися проблемами национально-культурного развития;

- участие в разработке и содействии реализации целевых программ в области национально-культурного развития;

- участие в выработке практических рекомендаций для общественных и иных организаций, а также проектов законов и межгосударственных договоров;

- сбор и распространение информации о Республике Татарстан и татарском народе, издание газет и журналов, аудио-видео про-

дукции, взаимодействие со СМИ в регионах проживания татар;

– обобщение опыта работы местных организаций Конгресса, их пропаганда и распространение.

Исполком ВКТ, как неправительственная организация, не подменяя функции органов государственного управления, осуществляет связи с национальными объединениями татар во всем мире. В рамках взаимоотношений Республики Татарстан с другими регионами РФ и странами, этот орган ВКТ прилагает большие усилия по развитию и объединению татарского народа и по общему руководству национально-культурным движением татар.

В ходе реализации основных целей и задач Исполком ВКТ сотрудничает с государственными органами, культурно-просветительскими учреждениями, национально-культурными объединениями, ассоциациями, политическими партиями и движениями, религиозными организациями Татарстана, регионов Российской Федерации, стран СНГ, а также отдельными гражданами.

В структуре аппарата Исполкома ВКТ созданы отделы по работе с татарскими общественными организациями ближнего и дальнего зарубежья, с общинами татар в регионах России, с татарстанскими республиканскими отделениями ВКТ, а также информационно-аналитический отдел. Отделы создают базы данных о татарах в регионах, держат с ними постоянную связь, отслеживают процессы, происходящие на местах, осуществляют координацию деятельности местных татарских общин с органами власти, участвуют в решении конкретных проблем.

Для Исполкома Всемирного конгресса очень важна связь с широкой общественностью и поддержка с ее стороны. В этой связи надо особо отметить роль комиссий Исполкома ВКТ, которые разрабатывают пути реализации задач, поставленных Конгрессом. Комиссии формируются из членов Исполкома и ведущих специалистов по отдельным направлениям деятельности ВКТ.

В настоящее время в структуре Исполкома Всемирного конгресса татар действуют 8 комиссий: комиссия стратегии развития

татарской нации, которая занимается разработкой концептуальных направлений такого развития; комиссия международных связей и защиты прав человека; комиссия развития предпринимательства среди татарского населения, как экономической основы деятельности национальных организаций на местах; комиссия культуры; комиссия образования; комиссия национальных средств массовой информации; комиссия по делам татарской молодежи; комиссия по делам религии. Комиссия по делам религии была создана с целью урегулирования сложной обстановки в татарских, религиозных организациях. К началу XXI в. в этой среде царил разобщенность, религиозные деятели нередко конфликтовали между собой. Зачастую в регионах Российской Федерации создавались искусственные препятствия строительству мечетей. В Исполком Всемирного конгресса татар поступало много обращений с просьбой оказать помощь в разрешении тех или иных возникающих сложных ситуаций. В настоящее время на платформе Всемирного конгресса татар удалось урегулировать большинство конфликтных проблем и ситуаций в татарских религиозных организациях России.

На сегодняшний день в регионах РФ, СНГ и дальнего зарубежья созданы и действуют более 450 местных организаций, принятых в состав ВКТ. Конгресс принимает в свой состав, как правило, только официально зарегистрированные татарские организации, для работы с которыми Исполком ВКТ широко использует все механизмы, так или иначе регулирующие взаимоотношения как с национальными общинами, так и с официальными структурами, представляющими интересы Татарстана.

На практике довольно часто официальные представители Республики Татарстан успешно занимаются и проблемами татарских общин. С одной стороны, казалось бы, эти вопросы не входят в круг обязанностей представителей республики. Однако, чтобы выйти за пределы формализованного подхода, им необходимо было организовать свою деятельность, владея знанием истории, культуры, обычаев народа и современных процессов возрождения нации.

§ 8. «Модель Татарстана»

Рафаэль Хакимов

Регионы, где проживают очень разные по культуре и религии народы, как правило, становятся зонами конфликта. Босния типичный пример. Конфликт возник между православными сербами, хорватами-католиками и мусульманами, хотя все они говорят на диалектах одного языка, живут вместе в течение многих столетий и среди них немало смешанных семей. По этому поводу М.Шаймиев высказался так: «Тяжелейший боснийский кризис, возникший на территории бывшей Югославии у нас на глазах, является уроком и предупреждает, что в братоубийственной войне не бывает победителей. Как бы тяжело ни было вести переговоры, это все же легче, нравственнее, чем убивать друг друга» [Хакимов, Белая книга, 1996, с.5].

Постсоветское пространство после распада СССР стало зоной военных столкновений и остается территорией потенциального конфликта. Грузия с Абхазией и Южной Осетией, Молдова с Приднестровьем, Таджикистан, Нагорный Карабах, Крым, а затем Кыргызстан с Узбекистаном оказались втянутыми в затяжное противостояние. Татарстан (РТ) в этом плане стал исключением. Таких исключений в мире очень мало, поэтому не случайно родился термин «модель Татарстана». Он появился во время поездки М.Ш.Шаймиева в Гарвардский университет в 1994 г. на политический форум, где традиционно представляют президентов и политических лидеров различных стран.

Выступление М.Шаймиева длилось почти 3 часа, оно произвело глубокое впечатление, его показывали по одному из национальных каналов США. После форума американские газеты заговорили о Татарстане как «Острове стабильности», хотя до этого писали как об «Острове коммунизма».

Ряд международных экспертов был убежден, что в Татарстане будет конфликт, на подобии чеченского, ведь русские и татары в республике являются носителями весьма различных культурных традиций, связанных не только с религией, но и языком, нормами поведения, историей, кото-

рая оставила глубокий след в психологии двух народов. У экспертов были основания для своих опасений, ведь Татарстан представлял из себя типичное «разделенное» общество с потенциальной конфликтностью, но руководство республики сумело избежать конфронтации благодаря многим факторам, включая выработки адекватной ситуации политики, а также развития социально-экономической сферы со своей спецификой.

В XXI в. трудно представить, что в начале 90-х гг. XX в. Татарстан переживал сложнейший период в своей истории. Экономическая неразбериха, непрерывные митинги с требованием расширения прав татарского населения, противостояние демократов и коммунистов, отсутствие ясной стратегии в федеральном Центре – все это создавало крайне напряженную ситуацию. «Гласность» привела к тому, что пресса критиковала все и вся, при этом редко появлялись конструктивные предложения. Людей можно было понять, ведь они ждали возможности сказать все, о чем думали долгие годы, но претензии со стороны татар создавали напряжение среди русских, которые с надеждой смотрели на Москву.

К концу XX в. политическая обстановка стабилизировалась, хотя в социально-экономической сфере был кризис, приведший к изоляции регионов страны и обнищанию населения, но и он был преодолен. Сегодня люди в Татарстане уже не задумываются над тем, почему русские и татары должны конфликтовать, почему мусульманские деятели во время торжеств стоят рядом с православными, иудеями, католиками, протестантами, а у гостей республики вызывает удивление то, что в Казанском кремле мечеть «Кул Шариф» и Благовещенский собор стоят рядом, символизируя этноконфессиональное взаимопонимание между народами республики. Все это результат кропотливой работы.

«Модель Татарстана» строится на нескольких принципах, которые определяют

ее эффективность. Первое и главное – это межэтническое согласие, что является базой стабильности в республике. Ни один народ не должен чувствовать себя ущемленным. Нередко в российской прессе и ученых трудах любят подсчитывать процентное соотношение тех или иных народов, что неверно методологически. Любой народ вне зависимости от численности достоин уважения. Об этом записано в Уставе ООН, в «Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций», где имеется отдельная глава под названием «Принцип равноправия и самоопределения народов». В этом важном документе право на самоопределение трактуется широко, не просто в виде стремления к независимости, а как возможность создания конфедеративных, федеративных, ассоциированных отношений или даже растворения в другом государстве: «Создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним, или установление любого другого политического статуса, свободно определенного народом, являются способами осуществления этим народом права на самоопределение» [Резолюции ООН, 1971].

«Жесткими» международными документами, т.е. обязательными для исполнения для подписавших стран являются «Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах» и «Международный пакт о гражданских и политических правах». Статья 1 этих пактов гласит: «Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие» [Адамишин, 1989, с.292–293].

Среди европейских документов особенно примечательна «Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств», где выделяются 4 нормы:

«1. Стороны обязуются гарантировать любым лицам, принадлежащим к национальным меньшинствам, право на равенство перед законом и на равную защиту со стороны закона. В связи с этим любая дискрими-

нация, основанная на принадлежности к национальному меньшинству, запрещается.

2. Стороны обязуются принимать в необходимых случаях надлежащие меры, с тем чтобы поощрять во всех областях экономической, социальной, политической и культурной жизни полное и действительное равенство между лицами, принадлежащими к национальному меньшинству, и лицами, принадлежащими к большинству населения. В связи с этим стороны должны образом учитывают особое положение лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам» [Шайхутдинова, 2000, с.107].

До сегодняшнего дня в международных документах нет точного определения понятий «народ» и «национальное меньшинство», но сама тенденция в развитии норм идет в сторону расширения прав этнических групп независимо от того, как они себя называют народом или национальным меньшинством.

Само по себе соблюдение юридических норм не приводит к межэтническому согласию, которое не сводится только к толерантности, т.е. терпимости. Важна общая политика по удовлетворению этнонациональных потребностей. В РТ это формулируется как соблюдение баланса интересов конфессиональных, этнических групп, политических сил. Смысл этого принципа был выражен в центристском подходе руководства, осуждении со стороны лидеров республики, политиков, интеллигенции крайностей в политических отношениях. С годами такой подход стал частью культуры Татарстана.

Взвешенность в таких сложных вопросах особенно важна в силу того, что роль исламского фактора неуклонно возрастает по всей стране. Принятие ислама как государственной религии Булгарского государства в 922 г. сегодня отмечается весьма торжественно с участием огромного количества паломников. С другой стороны, после взятия Казани Иваном Грозным миссионерская деятельность православных священнослужителей стала важной частью российской политики. Казань превратилась в центр изучения народов Востока, базу христианизации края и продвижения православия в глубь Сибири и Азии. При наличии таких традиций крайне важно особенно осторожно вести внутреннюю политику, ведь тема ислама

и православия задевает интересы всей Российской Федерации, а Татарстан оказался на линии прикосновения двух ведущих религий. При исключении крайностей всегда можно найти компромисс, что и было сделано в республике довольно успешно.

Другой фундамент «модели Татарстана» – Договор между республикой и федеральным центром о взаимном делегировании полномочий от 15 февраля 1994 года. Он определил стабильность в отношениях Казани и Москвы. Значение подписанного Договора особенно хорошо видно на фоне событий на Северном Кавказе. В Татарстане, несмотря на непростую ситуацию в начале 90-х гг., до открытого конфликта дело не дошло, что является заслугой большого круга экспертов и руководителей республики. Кроме политической составляющей, у Договора была не менее важная социально-экономическая часть. Благодаря стабильности и Договору Татарстан смог выработать собственную экономическую политику, подняться из довольно среднего региона в ряды самых передовых субъектов в социально-экономическом развитии. Сплошная газификация и телефонизация, строительство дорог и жилья, развитие сети Интернет и т.д. создали неплохую инфраструктуру и подготовили республику для перехода к рыночной экономике, привлечения инвестиций, перехода от сырьевой зависимости к высокотехнологичному производству. Новый Договор 2007 г. был скорее выражением доброй воли обеих сторон в политической сфере, он не дал никаких налоговых или других льгот, но подтвердил значимость самих договорных отношений.

Договоры и соглашения, подписанные между государственными органами власти Российской Федерации (РФ) и Республики Татарстан содействовали развитию федеративных отношений. М.Шаймиев высказался по этому поводу весьма определенно: «Договор имеет большое значение не только для Татарстана, он имеет огромное значение – и это с каждым днем подтверждается – и для самой Российской Федерации. Если бы не было Договора Татарстана с Россией, трудно сказать – по какому пути государственного устройства пошла бы сегодня Россия. Подписав Договор с Татарстаном, Россия поставила мощный заслон на пути

возврата к унитарному государству, она встала на путь развития в качестве Федерации» [Хакимов, Белая книга, 1996, с.11].

Федерализм – это судьба России, которая исторически строилась как союз народов, такой она и остается. Роль Татарстана в процессе децентрализации и федерализации России была и остается значительной. Как известно, многие в стране хотели бы видеть Россию унитарным государством, последние годы слышались голоса о том, что федерализм разваливает страну. «Модель Татарстана» пример того, какими должны быть федеративные отношения с тем, чтобы устраивать Центр и республику, а также не задевать интересы других субъектов. Конечно, не все так просто в этом сложном процессе. Если во времена Б.Ельцина многие вопросы не были урегулированы, не везде был порядок, то с приходом к власти В.Путина началось неоправданно подробное регулирование взаимоотношений между Центром и субъектами. Дело доходило до того, что в ряде вопросов федеральный Центр вмешивался в исключительные полномочия Татарстана (например, по вопросу татарского языка и национального компонента в системе образования), нарушая тем самым Конституцию РФ. При этом Конституционный суд в ответ на претензии РТ вынес вердикт, опираясь на политико-юридические основания, а не саму Конституцию РФ. Несмотря на все сложности переменчивой политической ситуации, Татарстан остается инициатором федерализации России.

Третий фундамент «модели Татарстана» заключается в международной деятельности республики. В традиции России, СССР, РФ было запрещение губерниям, а затем субъектам Федерации заниматься внешней деятельностью. После Второй мировой войны Украина и Белоруссия стали членами ООН, но все находилось под жестким контролем МИД СССР. Союзные республики номинально имели Министерства иностранных дел, а фактически выполняли протокольные функции.

Ситуация изменилась после начала перестройки. Не только союзные республики, прежде всего, прибалтийские, но и автономии почувствовали определенную свободу. Татарстан в РФ первым начал налаживать контакты с другими республиками, страна-

ми и международными организациями. Ко времени подписания Договора 1994 г., уже имелся достаточный опыт с тем, чтобы его сформулировать и закрепить юридически. Татарстан совершил подлинный прорыв во внешних связях. Разработанные Татарстаном подходы в международной деятельности впоследствии вошли в федеральное законодательство, и стали нормой для всех субъектов РФ.

Таковы основные принципы «модели Татарстана». Следует отдельно сказать, что на «модель Татарстана» обратили внимание не только журналисты, но и специалисты различных научных центров в РФ и на Западе, а также конфликтующие страны постсоветского пространства. Состоялось немало конференций и семинаров по этой теме, но наиболее значимыми стали «круглые столы» под названием «Гагская инициатива». Они проходили во второй половине 1990-х гг. Во Дворце мира в Гааге при поддержке Фонда Карнеги. Организаторами выступили Республика Татарстан и Гарвардский университет. В Гааге собирались представители официальных органов Российской Федерации, Чечни, Молдовы с Гагаузией и Приднестровьем, Украины с Крымом, Грузии с Абхазией при участии ряда международных организаций [см.: Хакимов, Белая книга, 1996, с.112]. Не всем «модель Татарстана» оказалась пригодной в силу специфики стран, но Приднестровье и Крым внимательно изучали наш опыт. Для Чечни предложили вариант урегулирования конфликта, который сформулировали в «Меморандуме по Чечне», где есть следующие выводы и рекомендации:

«1. Не существует военного решения кризиса в Чечне, и требуется немедленное прекращение боевых действий.

5. Создание оптимальных условий для проведения свободных и справедливых выборов в Чечне с объявлением всеобщей амнистии.

7. Решать вопрос о политическом статусе Чечни на основе принципа отложенного решения, а также с учетом мирового опыта» [Хакимов, Белая книга, 1996, с.111].

Принцип отложенного решения означал, что переговоры надо вести по конкретным жизненно важным вопросам без определе-

ния статуса республики, ибо обсуждение вопроса о независимости Чечни загонял федеральный Центр в тупик. По прошествии нескольких лет, по мнению участников форума, после стабилизации обстановки можно было бы вернуться к этому вопросу и зафиксировать взаимоотношения Чечни с Российской Федерацией.

Материалы «круглых столов» были использованы рядом стран. Вместе с тем обнаружилось недостатки в процедуре переговоров, которые вели конфликтующие стороны. Если Татарстан при подготовке Договора работал с очень большим кругом специалистов политического и социально-экономического характера, т.е. не только с Аппаратом Президента РФ, но и правительством России, а также многочисленными министерствами, при этом руководство РТ регулярно информировало население о ходе переговорного процесса через СМИ, то, например, в Грузии и Молдове встречи сторон носили кулуарный характер, что порождало подозрения в «сдаче позиций и государственных интересов». Поэтому оппозиция возникала даже в ближайшем окружении руководителей стран. Грузия при президенте Э.А.Шеварднадзе могла стать федеративным государством, о чем он высказывался в прессе, но не подготовленное к этой идее население и политические круги отвергли такое общественное устройство страны. В результате, Грузия просто распалась.

«Модель Татарстана» опирается на исторические традиции и современную политику республики. Она была бы невозможна без демократии и федерализма. Возрождение татар всегда совпадало с периодами появления элементов демократии. 1905 г., 1917 г., «оттепель» времен Хрущева. Период перестройки для республики стал новым этапом. В то же время следует учитывать, что татары всегда были государственниками, реформаторами в древности и средние века, участвовали в становлении Российской державы и такими остаются до сегодняшнего дня. Вместе с русскими, которые также являются государственниками, они создали прочную базу для социально-экономического, культурного и политического развития республики на принципах «модели Татарстана».

ГЛАВА 4

Приоритеты внешних связей Республики Татарстан

§ 1. Практика внешних связей Республики Татарстан

Ильдар Насыров

Республика Татарстан, являясь одним из наиболее экономически развитых субъектов Российской Федерации, активно участвует в международном сотрудничестве с целью содействия росту экономики, привлечения инвестиций и технологий, укрепления научных, образовательных и культурных контактов, а также поддержки соотечественников.

Татарстан сочетает в себе большинство факторов (за исключением приграничности), способствующих международной интеграции. Это экономически развитый регион, обладающий запасами энергоресурсов, наряду с нефтедобычей производящий широкий спектр продукции нефтехимического и машиностроительного комплекса, опираясь на международную кооперацию и во многом ориентируясь на внешние рынки. Практически нет ни одной отрасли экономики республики, которая прямо или косвенно не имела бы контактов с внешним миром. Около 60% татарстанской продукции идет на экспорт [Семеркин, 2010].

При этом Татарстан устанавливает связи не только с экономически развитыми странами Европы и Америки, но и традиционно тяготеет к укреплению торговых и культурных отношений со странами Ближнего Востока и Азии. Основанием этого служит расположение в центре Евразии, на пересечении торговых путей между Востоком и Западом, Севером и Югом в сочетании с исторически сложившимся многонациональным и многоконфессиональным населением.

Рассматривая комплекс внешних связей Татарстана необходимо обязательно принимать во внимание этнокультурный фактор. Наряду с экономическими интересами он является важной движущей силой международного сотрудничества республики, делая

культурные и гуманитарные контакты, поддержку соотечественников одним из приоритетов в этой сфере. Духовная близость, общность культурных интересов лежат в основе многовековых связей Татарстана с мусульманскими странами Азии и Ближнего Востока. В настоящее время, в свете все более заметной роли России в Ближневосточном и Азиатском регионах, они приобрели новое наполнение и получили дополнительный импульс [Насыров, 2008].

Современная практика внешних связей Татарстана ведет отсчет с начала 1990-х гг. Принятие Декларации о государственном суверенитете (1990 г.) и Конституции Республики Татарстан (1992 г.) способствовали системному развитию международной деятельности. С принятием во второй половине 1990-х гг. федерального законодательства, регулирующего международные и внешнеэкономические связи российских регионов, было завершено формирование правовых и организационных основ их осуществления. Международные связи Республики Татарстан осуществляются в соответствии с принципами внешней политики Российской Федерации, на основе российских и международных правовых норм, в тесном взаимодействии с Министерством иностранных дел России [Акулов, 2006, с.272–286].

Главной особенностью нормативной базы внешних связей Татарстана является наличие договора от 26 июня 2007 г. «О разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан», содержащего отдельную статью о международном и внешнеэкономическом сотрудничестве Республики Татарстан. Ука-

занный Договор является своего рода «пре-емником» двустороннего договора о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий от 15 февраля 1994 г., который в свое время стал формой легитимизации Конституции Российской Федерации в Татарстане.

В Татарстане в соответствии с республиканской Конституцией глава республики определяет направления внешней деятельности, представляет Татарстан при осуществлении международных и внешнеэкономических связей [Конституция РТ, 2005]. Огромную роль в завоевании международного признания Татарстана в качестве узнаваемого в мире фактора международных отношений сыграл его первый Президент М.Ш.Шаймиев.

Государственный Совет Республики Татарстан как высший орган законодательной ветви власти формирует региональный уровень нормативно-правовой базы международного сотрудничества, определяет объемы бюджетного финансирования международной и внешнеэкономической деятельности. В рамках своей компетенции Республика Татарстан формирует нормативно-правовую базу внешних связей, которую можно разделить на две группы:

– первая группа включает в себя Конституцию Республики Татарстан, законы Республики Татарстан и другие нормативно-правовые акты;

– вторую группу составляют международные соглашения Республики Татарстан.

Первые международные соглашения в области торгово-экономического, научно-технического и культурного сотрудничества (Украина, Кыргызстан, Азербайджан, Венгрия, Литва, Белоруссия, Болгария) были подписаны в 1991–1992 гг. Всего были подписаны свыше 50 подобных документов, часть из них в настоящее время утратила силу.

Осуществление внешнеэкономической деятельности отнесено к полномочиям Правительства Республики Татарстан и возложено на Министерство промышленности и торговли. Республиканские министерства, курирующие сельское хозяйство, культуру, образование, науку, туризм, спорт, иные отрасли, также развивают международное сотрудничество.

Органы власти Республики Татарстан обеспечивают поддержку как крупным предприятиям при проработке долгосрочных международных проектов и расширении рынков сбыта, так и малому и среднему бизнесу, осуществляя консультации и обучение, презентации и бизнес-миссии, внедряя меры финансового стимулирования экспортоориентированных производств, внедрения инновационные разработки и создание конкурентоспособной продукции.

В течение второй половины 1990-х гг. формируется система представительств республики за рубежом и в регионах России. Тенденцией последующего этапа стал акцент на укрепление внешнеторгового сотрудничества, что определяло организационную форму зарубежных миссий в виде торгово-экономического представительства или торгового дома. В настоящее время (с учетом регионов РФ) функционируют 20 представительств и около 30 торговых домов Республики Татарстан.

Представительства и, частично, торговые дома обеспечивают выполнение приоритетных задач в сфере внешних связей, среди которых продвижение продукции предприятий Татарстана, привлечение инвестиций в проекты на территории республики, установление прямых связей татарстанских предприятий с хозяйствующими субъектами страны/региона пребывания, взаимодействие с органами власти по реализации совместных проектов, организации визитов, а также поддержка соотечественников.

Значительную поддержку развития всего комплекса двусторонних связей с Турцией и Ираном оказывают генеральные консульства Турецкой Республики (открыто в Казани в 1996 г.) и Исламской республики Иран (открыто в 2007 г.).

Внешнеторговое сотрудничество республики динамично расширяется. Имея торговые связи более чем со 100 странами мира, Татарстан стремится соблюдать баланс между сотрудничеством со странами Запада и Востока. Наряду с развитием внешнеэкономических связей с Францией, Германией, Италией, Нидерландами, США и другими западными партнерами, укрепляются отношения с Турцией, Республикой Корея, Ки-

таем, Индией, ОАЭ, другими восточными государствами.

Увеличившись с 1992 г. в двадцать раз, внешнеторговый товарооборот достиг максимальных объемов в 2008 г. и составил 21,3 млрд. долл. США, в том числе экспорт – 18,4 млрд. долл. Доля машинотехнической продукции в республиканском экспорте составила 6,6%, каучука синтетического 5,4%, пластмассы и изделий из нее – 1,7%, шин – 0,9%. Вместе с тем в республиканском экспорте сохранялся высокий удельный вес сырой нефти (66,0%) и нефтепродуктов (14,8%). Последовавший глобальный кризис привел к существенному снижению объемов внешнеторгового оборота, прежде всего вследствие падения цен на нефть и нефтепродукты.

Однако объемы инвестиций из-за рубежа, напротив, даже в кризисный 2009 г. показали тенденцию к росту (за 9 месяцев в Татарстан поступило свыше 1,5 млрд. долл. США, или 119% к аналогичному периоду прошлого года). В структуре накопленных к этому времени иностранных инвестиций стояли (по видам внешнеэкономической деятельности) операции с недвижимым имуществом – 66,8%, в обрабатывающих производствах накоплено 23,9% инвестиций, на третьем месте – добыча полезных ископаемых (4,1%) [Деятельность предприятий и организаций РТ, 2009].

Одной из точек экономического роста и развития совместных производств стала крупнейшая в России Особая экономическая зона промышленно-производственного типа «Алабуга» на территории Елабужского района Татарстана. На территории ОЭЗ инвесторы получают подготовленные участки со всей необходимой инфраструктурой. Резиденты ОЭЗ представлены тремя ключевыми кластерами: производство автомобилей и автокомпонентов, переработка полимеров в готовую продукцию, производство стройматериалов. По состоянию на конец 2009 г. в ОЭЗ «Алабуга» было зарегистрировано 9 резидентов.

Признанием высокого международного авторитета республики стали посещения Татарстана политическими лидерами иностранных государств. Уже в 1993 г. Казань посетил Президент Венгрии Арпад Генц,

а среди крупнейших международных мероприятий, прошедших в Татарстане за последние годы, – саммит СНГ (август 2005 г.), ежегодное собрание Совета управляющих ЕБРР (май 2007 г.); визиты глав государств: КНР (Ху Цзиньтао, март 2007 г.), Чехии (В.Клаус, апрель 2007 г.), Туркменистана (К.Бердымухамедов, июнь 2008 г.), Турции (А.Гюль, февраль 2009 г.), а также Государственного секретаря США (Х.Клинтон, октябрь 2009 г.) и Главы ПНА (М.Аббас, январь 2010 г.). В 2009 г. Татарстан посетили 18 послов иностранных государств в РФ. Зарубежные визиты официальных делегаций Республики Татарстан также проходят на высоком уровне.

К приоритетным направлениям международного сотрудничества республики, закрепленным Конституцией Татарстана (статья 14), относится укрепление связей с татарской диаспорой в регионах России и за рубежом. В настоящее время за пределами России проживает около 1 млн. татар, а наиболее многочисленные татарские диаспоры исторически сформировались в среднеазиатских странах СНГ. Поддержка соотечественников, осуществляемая в тесном взаимодействии с федеральными органами власти и российскими заграничными учреждениями, проецируется на все формы международного сотрудничества – от культурных до экономических, придавая им особую специфику.

Одним из наиболее значимых проектов в данной области является Всемирный конгресс татар (ВКТ), регулярно проводимый в Казани с 1992 г. с целью решения насущных этнокультурных вопросов в России и в среде соотечественников за рубежом. Среди реализованных инициатив Конгресса – принятие Государственной программы по сохранению, изучению и развитию языков народов Республики Татарстан; создание торговых домов в местах компактного проживания татар; развитие спутникового телевидения и радио с целью формирования общего информационного татароязычного пространства.

Исполком ВКТ контактирует с полтора сотнями татарских организаций в 35 странах, во взаимодействии с которыми удается определять наиболее актуальные проблемы,

волнующие соотечественников [Насыров, 2007, с.179–185].

На разных этапах новейшей истории Татарстан привлекал внимание международной общественности, будучи в центре ключевых социально-экономических событий. В последние годы Татарстан активно участвует в международных процессах по развитию межцивилизационного диалога, укреплению принципов толерантности и терпимости в общественной жизни.

Большой позитивный интерес, проявляемый со стороны исламских стран к укреплению контактов с Татарстаном, объясняется не только проживанием здесь значительного количества мусульман, но и успешным осуществлением в многонациональной республике с примерно равным мусульманским и православным населением сбалансированной внутренней политики.

В целом можно сказать, что к настоящему времени Татарстан выработал основные принципы и подходы к развитию своей международной деятельности, сформировал необходимую организационно-правовую и кадровую основу, инфраструктуру внешних связей, наладил механизм координации с федеральными органами власти.

Татарстаном накоплен богатый опыт международных и внешнеэкономических связей, получивший название «татарстанская дипломатия», суть которой состоит в эффективном

использовании международного сотрудничества для социально-экономического развития республики, распространения принципов толерантности и согласованного учета различных социальных интересов, сохранения региональной идентичности в мультикультурном современном обществе.

Международное сотрудничество Татарстана многоплановое и разнонаправленное. Его география и формы, состав участников постоянно расширяются. Устанавливающиеся международные контакты в совокупности с обширными внешнеэкономическими связями тесно объединяют Татарстан с миром.

Ставя перед собой задачи укрепления международного сотрудничества для развития диверсифицированной экономики на основе передовых технологий, в том числе, повышения уровня переработки сырьевых ресурсов, повышения общей конкурентоспособности региона, Республика Татарстан содействует решению общенациональных задач социально-экономического развития в условиях глобализирующегося мира. Необходимость консолидированного ответа на новые внешние вызовы, усиливающаяся взаимосвязь внутригосударственных и глобальных процессов, требует большей координации действий региональных органов власти в сфере международного сотрудничества с федеральным Центром и другими ключевыми участниками международных связей.

§ 2. Сотрудничество Республики Татарстан с международными организациями

Сотрудничество с международными организациями стало важной формой осуществления внешних связей Республики Татарстан по всем его основным направлениям, охватывающих реализацию как экономических, так и гуманитарных проектов. При этом Республика Татарстан участвует в работе не только международных организаций, объединяющих представителей регионов из различных стран, но и взаимодействует с объединениями межгосударственного характера.

В первой половине 1990-х гг. Татарстан принимал участие в отдельных мероприятиях Организации непроданных наций

и народностей, позже стал членом Ассамблеи регионов Европы. Исполком Всемирного конгресса татар получил статус наблюдателя при Межпарламентской ассамблее СНГ. Установились контакты с такими крупнейшими международными организациями, как ООН, ЮНЕСКО, ЮНИДО, МОТ, ЕБРР, Совет Европы, Конгресс местных и региональных властей Европы, Международный союз местных властей, Совет европейских коммун и регионов, с рядом других международных и региональных организаций. При этом обеспечивается согласованность действий республики с МИД РФ [Акулов, 2000, с.61–66].

Ильдар Насыров

В этой связи представляет интерес оценка Американской консультативной комиссии по межправительственным отношениям значимости международных связей Татарстана для Российской Федерации: «Активность Татарстана в европейских региональных институтах, Программе развития ООН и ЮНЕСКО послужила более глубокой интеграции России в европейское и глобальное сообщества в постсоветский период. При поддержке международных организаций Татарстан предпринял важные шаги к сохранению этнической, лингвистической и культурной уникальности татарского народа в самом Татарстане и в России в целом» [Graney, 2001, p.39].

В январе 1994 г. Татарстан посетил заместитель Генерального секретаря ООН Джон В.Рид. На этот же период пришлось выступление Президента Республики Татарстан М.Ш.Шаймиева в Гарвардском университете США, которое стало знаковым для понимания западными политиками процессов, происходящих в нашей республике. С этого времени появляется термин «модель Татарстана».

На рубеже XX–XXI вв. активизировалось сотрудничество республики с ЮНЕСКО. Хотя необходимо отметить, что ещё в 1983 г. по решению ЮНЕСКО был проведен 800-летний юбилей крупнейшего представителя восточной поэзии XIII в. Кул Гали. В 2001 г. Казанский кремль был включен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Значимым результатом сотрудничества с ЮНЕСКО стало проведение в июне 2001 г. в Париже Дней Республики Татарстан в ЮНЕСКО, посвященных 1000-летию Казани. В предварительный список (ожидания) Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО включены также Болгарский историко-архитектурный комплекс и Свияжский историко-архитектурный и природно-ландшафтный комплекс. Ведется работа по включению в список нематериального наследия ЮНЕСКО татарского национального праздника Сабантуй. В 2003 г. Казань посетил Генеральный директор ЮНЕСКО Коитиро Мацуура. В Календарь памятных дат ЮНЕСКО вошли юбилей г. Казани (2005 г.) и 200-летие Казанского государственного университета (2004 г.). В Каза-

ни под эгидой ЮНЕСКО и Совета Европы было положено начало международному проекту «Великий Волжский путь» (2001–2005 гг.) [Акулов, Насыров, Савельев, 2006, с.196–210]. На базе одного из ведущих негосударственных вузов Казани с 1998 г. действует международная кафедра ЮНЕСКО, курирующая научные и социально-образовательные проекты. С 2007 г. общей координацией сотрудничества с этой международной организацией занимается Комиссия Республики Татарстан по делам ЮНЕСКО. В октябре 2010 г. М.Ш.Шаймиев в статусе Государственного Советника РТ принял участие в 185 сессии Исполнительного Совета ЮНЕСКО, где представил проект восстановления древнего Болгара и острова-града Свияжск.

В последние годы Республика Татарстан укрепила сотрудничество с Организацией ООН по промышленному развитию (ЮНИДО) и Европейской Экономической Комиссией ООН. Начав в середине 1990-х гг. с интенсивного информационного обмена с ЮНИДО по вопросам выхода на мировые рынки инвестиций, в 2009 г. Татарстан подписал Меморандум о сотрудничестве между правительством республики и ЮНИДО. Меморандум направлен на развитие сотрудничества в области энергоэффективности и энергосбережения, охраны окружающей среды и рационального использования водных ресурсов, развития промышленности, привлечения в Республику Татарстан современных технологий переработки и утилизации отходов с использованием вторичного сырья. В ходе рабочего визита в Республику Татарстан Генерального директора ЮНИДО Кандэ Юмкеллы в мае 2010 г. была достигнута договоренность о создании в Республике Татарстан Проектного офиса ЮНИДО для реализации перспективных направлений сотрудничества и проведения обучения по вопросам подготовки документов в соответствии с требованиями и стандартами международных финансовых институтов.

В рамках сотрудничества Республики Татарстан с Европейской Экономической Комиссией ООН рассматривается возможность применения альтернативных источников энергии, в том числе возможности использования биомассы и реализации дан-

ного проекта в Республике Татарстан. Работа по развитию инновационных технологий и биоэнергетики в Республике Татарстан продолжается в рамках межведомственной рабочей группы по координации сотрудничества Республики Татарстан с ЕЭК ООН [Деятельность Правительства РТ, 2010].

К 2010 г. в Казани были открыты около 20 представительств международных организаций и общественных ассоциаций содействия двусторонним гуманитарным связям с зарубежными государствами.

Сотрудничество с международными организациями играет важную роль в совершенствовании государственного управления, становлении демократии и формировании гражданского общества, сохранении культурного многообразия, защиты прав человека.

Среди международных организаций, действующих подобному многоплановому сотрудничеству, следует отметить Совет Европы, при поддержке которого в Татарстане был проведен ряд международных конференций и научно-практических семинаров по вопросам местного самоуправления, федерализма и внутригосударственных отношений, защиты прав человека, культурного наследия, межкультурного и межрелигиозного диалога.

С зарубежными коллегами активно взаимодействуют правозащитники Татарстана. В своем докладе Комиссар по правам человека Совета Европы Альваро Хиль–Роблес обратил внимание на инициативы Республики Татарстан, направленные на содействие согласию между этническими группами, а также дух сотрудничества и диалога, поддерживаемый политическими и общественными лидерами республики [Роблес, 2004].

Укрепление международных позиций России, в совокупности с необходимостью развития диалога с мусульманскими странами, привело к расширению деятельности в этом направлении [Насыров, 2008, с.2687–2692]. Республика Татарстан, исторически тяготеющая к разносторонним контактам со странами Ближнего Востока, активно включилась в развитие восточного вектора российской внешней политики. Здесь можно отметить и визиты в страны Ближнего Востока руководителей республики, кото-

рых принимали на самом высоком уровне, и вклад Татарстана в построение отношений с ведущей организацией, объединяющей мусульманские страны, – Организацией исламская конференция (ОИК), Генеральный секретарь которой Э.Ихсаноглу неоднократно посещал Татарстан. Находясь в Казани в августе 2005 г., Генеральный секретарь ОИК Экмеледин Ихсаноглу отметил, что Татарстан находится в постоянном сотрудничестве с этой организацией, было проведено немало совместных мероприятий. Это сотрудничество приобрело системный характер после получения Российской Федерацией статуса страны-наблюдателя в ОИК.

В Казани проводятся крупные международные мероприятия, организованные при непосредственной поддержке аффилированных структур ОИК. Среди них – Международная инвестиционная конференция, организованная в 2008 г. впервые в России совместно с Исламским банком развития под эгидой Министерства иностранных дел РФ. В 2009 и 2010 гг. это мероприятие проводилось уже в формате Международного саммита исламского бизнеса и финансов. В сфере научного сотрудничества можно отметить проведение в Казани XVI Международной научной конференции Академии наук Исламского мира. Представительный форум, на который в 2008 г. съехались более 100 ведущих ученых исламского мира, стал первым подобным мероприятием, проходившим на территории России. Приобретенный опыт взаимодействия с Исламской академией наук показал, что ее деятельность имеет выраженный прикладной характер. Основное внимание было уделено развитию новых технологий, защите окружающей среды и здоровья, социальным вопросам [Насыров, 2009, с.6–10].

25 сентября 2009 г. ОИК отметила 40-летие со дня своего основания. В преддверии этого события в Республике Татарстан прошло два крупных мероприятия: 27-е заседание Административного совета Организации исламских столиц и городов и Международная научно-практическая конференция «Мусульманское образование в России и за рубежом», организованная совместно с Исламской организацией по делам образования, науки и культуры (ИСЕСКО) и Федерацией

университетов исламского мира, членом которой является Российский исламский институт (г. Казань).

Рассматривая проблему сотрудничества с исламскими финансовыми институтами необходимо принимать во внимание, что нынешний статус России в ОИК не позволяет осуществлять на ее территории деятельность Исламского банка развития в полном объеме. Данную проблему без поддержки со стороны федерального центра решить невозможно. Здесь надо искать точки соприкосновения исламских финансовых кругов с Центральным банком России, вносить соответствующие изменения в действующее законодательство и нормативные акты. В связи с этим можно заметить, что находясь на инвестиционной конференции в Казани, Президент Исламского банка развития Ахмад Мухаммед Али высоко оценил вклад Российского исламского института в продвижение изучения и реализации в Татарстане и России исламской финансовой системы, отметив, в частности, проведение семинара «Исламские финансы – банкинг и страхование».

В марте 2010 г. совместно с Исламским банком развития и партнерами из мусульманских стран была создана Татарстанская международная инвестиционная компания, акционеры которой определили приоритетными направлениями для инвестирования развитие инфраструктуры, телекоммуникации, сельское хозяйство, финансы, малую энергетику, индустрию халяль.

Результативным оказалось и сотрудничество Татарстана с Всемирным банком. Первые контакты по предоставлению займа, начавшиеся в 2002 г., завершились принятым в феврале 2005 г. решением Всемирного банка о предоставлении России кредита в размере 125 млн. долларов на нужды муниципального развития Казани (т.е. на этом этапе реализация проекта осуществлялась через федеральный Центр). В дальнейшем сотрудничество продолжилось на основе подписанного в июне 2006 г. Меморандума о взаимопонимании по вопросам сотрудничества между Республикой Татарстан и Международным банком реконструкции и развития (входящим в состав Всемирного банка). Среди перспективных направлений сотруд-

ничества – управление активами, оказание технического содействия и предоставление займов, содействие развитию ОЭЗ «Алабуга», реформированию сферы ЖКХ. Работа над повышением инвестиционной привлекательности татарстанских компаний также ведется с привлечением экспертов Всемирного банка. В июле 2009 г. был подписан Меморандум о стратегическом партнерстве Республики Татарстан и МБРР до 2015 г.

Республика Татарстан имеет статус наблюдателя в Международной организации по совместному развитию тюркской культуры и искусства (ТЮРКСОЙ) с 1992 г., и с тех пор в реализации международных культурных программ, проводимых под эгидой ТЮРКСОЙ, участвуют творческие коллективы, эстрадные и оперные исполнители, художники Татарстана. С 1993 г. театральные коллективы Татарстана участвуют в Международном театральном фестивале тюркских народов «Науруз». В 2009 г. Казань в четвертый раз принимала участников фестиваля. ТЮРКСОЙ принимает участие в работе Международного фестиваля «Золотой минбар» (г. Казань) со специальным призом «За вклад в развитие кинематографии тюркского мира». В 2009 г. Министерство культуры РТ совместно с ТЮРКСОЙ провели Фестиваль турецкого кино. ТЮРКСОЙ объявила 2011 г. – Годом Габдуллы Тукая в связи со 125-летием со дня рождения поэта.

Из международных объединений регионального уровня наиболее активно сотрудничают с Татарстаном европейские организации. Председатель Государственного Совета РТ Ф.Х.Мухаметшин с 2001 г. входит в состав делегации Российской Федерации в Конгрессе местных и региональных властей Европы Совета Европы (КМРВЕ), принимая непосредственное участие в деятельности руководящих структур этой представительной организации. В числе наиболее значимых проектов, инициированных при участии Татарстана, – развитие межкультурного диалога и сохранение языков национальных меньшинств в современном мире, содействие интеграции молодежи из неблагополучных районов в общество, а также внедрение электронной демократии в текущую работу органов местного самоуправления.

В ноябре 2010 г. Ф.Х.Мухаметшин также был избран в бюро одного из старейших в Европе межрегионального объединения – Ассамблеи регионов Европы (АРЕ) (основано в 1985 г., объединяет 270 региональных членов из 33 стран Европы и 13 межрегиональных организаций-членов). Среди приоритетных направлений работы АРЕ, помимо формирования регионального вектора в европейской политике – поддержка культурного разнообразия, обмен опытом и повышение квалификации государственных служащих. Татарстан достаточно длительное время входил в состав АРЕ, однако избрание Ф.Х.Мухаметшина в бюро АРЕ вывело взаимодействие с этой организацией на новый уровень.

В деятельности международных организаций весомо представлена и столица Татарстана. Мэр Казани И.Р.Метшин является вице-президентом Организации городов Всемирного наследия (в Казани расположено Евроазиатское региональное отделение ОГВН); Международной Ассамблеи столиц и крупных городов; Российского Союза исторических городов и регионов (также Председатель Палаты исторических городов). В статусе наблюдателя Казань входит в Организацию исламских столиц и городов, а также в Сообщество европейских городов, отмеченных явлением Божией матери. В Казани проводятся мероприятия в рамках Программы Организации Объединенных Наций по населенным пунктам (ООН-Хабитат). Почетных дипломов ООН-Хабитат удостоены Казань (2005 г.) за реализацию Программы ликвидации ветхого жилья и Бугульма (2008 г.) за проект «Чистая вода».

Сотрудничество с международными организациями осуществляется и по линии министерств. Помимо совместных проектов с ТЮРКСОЙ, Министерство культуры РТ взаимодействует с Всемирным конгрессом писателей, в работе которого регулярно принимает участие Общественная организация писателей Республики Татарстан – Татарский ПЕН-центр. Министерство культуры РТ установило контакты с Международной федерацией библиотечных ассоциаций и Библиотечной Ассамблеей Евразии. Министерство внутренних дел по РТ сотруд-

ничает с Международной полицейской ассоциацией.

Казань стала признанной площадкой для проведения мероприятий на уровне крупных международных организаций. В 2005 г. в Казани прошло заседание Совета глав государств СНГ, в 2007 г. – XVI ежегодное собрание Совета управляющих ЕБРР, в 2009 г. – VI Совещание министров культуры государств-членов ШОС, 50-ое заседание Совета руководителей таможенных служб государств-участников СНГ, Международная конференция по конкуренции под эгидой БРИК, в 2010 г. – совещание руководителей аппаратов МВД (Полиции) государств СНГ, XII заседание Постоянного совета партнерства России – ЕС по вопросам свободы, безопасности и правосудия, 5-е заседание Совета министров юстиции государств СНГ.

Подобной динамике расширения международных контактов, безусловно, способствует развитие современной инфраструктуры туризма и транспорта столицы Татарстана, что во многом связано с подготовкой города к проведению ряда крупнейших мероприятий: в 2005 г. Казань отмечала 1000-летний юбилей, в 2013 г. – готовится принять летнюю Универсиаду, а в 2018 г. здесь пройдут матчи Чемпионата мира по футболу. Два последних события стали бы невозможными без плодотворной работы Татарстана с ведущими спортивными организациями – ФИСУ и ФИФА, которая осуществлялась в рамках заявок России на проведение этих спортивных мероприятий мирового уровня.

Подводя итог рассмотрению участия Республики Татарстан в деятельности международных организаций следует признать, что эта организационная форма сотрудничества позволяет более акцентировано выражать региональные интересы на международной арене, содействовать развитию институциональных механизмов и нормативно-правовой базы участия регионов в международной кооперации. Усиливающаяся зависимость социально-экономического развития страны и ее регионов от глобальных процессов свидетельствует о необходимости дальнейшего укрепления международного сотрудничества, в том числе и на уровне международных организаций.

§ 3. Полномочное представительство Республики Татарстан в Российской Федерации в системе международных связей Татарстана

Назиф Мириханов

После образования Татарской Автономной Советской Социалистической Республики (ТАССР) в 1920 г. Татарский отдел Народного комиссариата по национальным вопросам (Наркомнаца) был переименован в представительство Татарской республики в столице страны. Первым руководителем представительства стал Мирсаит Султан-Галиев. В 1938 г. представительство Татарской республики было закрыто, Мирсаит Султан-Галиев репрессирован. Вновь представительство Республики Татарстан в Российской Федерации открылось только в 1991 г.

Полномочное представительство Республики Татарстан в Российской Федерации является государственным органом, юридическим лицом, осуществляющим деятельность, согласно Положения, утвержденного Президентом Республики Татарстан.

Суть полпредства (полномочного представительства) РТ в РФ исходит из федеративного устройства российского государства – каждое федеративное государство имеет представительства субъектов в столице страны.

Полпредство РТ в РФ ведет работу по ряду направлений: содействие и общий контроль исполнения политических и экономических вопросов, поставленных руководством РТ перед федеральными органами; поддержка международных связей, в первую очередь работа с посольствами иностранных государств; связи с общественностью и СМИ, протокольное обслуживание.

Татарстан постепенно набирает опыт сотрудничества с зарубежными странами: Францией, Германией, Италией, Австрией, Турцией, Швейцарией, Польшей, Венгрией, Болгарией, Ираном, регионами и административными единицами США, Канадой и др. Расширяется сотрудничество с Китаем.

Республика Татарстан, реализуя на практике свое конституционное положение о правосубъектности, предпринимает значительные усилия по осуществлению ряда

международных программ и расширению возможностей выступать самостоятельно в системе двусторонних и многосторонних (вместе с федеральными структурами России) международных связей.

Успешные визиты Президента, Премьер-министра и Председателя Госсовета РТ за рубеж и подписание значительного количества двусторонних соглашений позволяют расширить международное признание Республики, поднять авторитет Татарстана и активизировать все формы и уровни международного сотрудничества.

Одним из связующих звеньев структуры государственных органов власти Татарстана с федеральными органами России и зарубежными дипломатическими представительствами в Москве в сфере международных отношений является полномочное представительство Республики Татарстан в Российской Федерации, ведущее международную работу по следующим направлениям:

– установление и развитие деловых контактов и связей с дипломатическими, торговыми и культурными представителями и миссиями иностранных государств, международными организациями, иностранными фирмами и компаниями;

– участие в подготовке зарубежных визитов руководителей, государственных и правительственных делегаций Республики Татарстан, решение в этой связи консульских и паспортно-визовых вопросов, согласование в соответствующих федеральных органах власти и зарубежных представительствах проектов программ пребывания делегаций, подписываемых ими документов, обеспечение делегаций необходимыми информационно-справочными материалами.

Полпредство РТ в РФ обеспечивает участие представителей министерств и ведомств Республики в программах сотрудничества с зарубежными партнерами в лице крупнейших межправительственных и неправительственных международных организаций, таких как ООН, ЮНЕСКО, ЮНИДО,

МОТ, Совет Европы, КМРВЕ (Конгресс местных и региональных властей Европы), МСМВ (Международный союз местных властей), СЕКР (Совет европейских коммун и регионов), АРЕ (Ассамблея регионов Европы).

Ведется работа по развитию контактов с крупнейшими банками, включая Всемирный банк, и фондами (Аденаура, Эберта, Зайделя, Сороса, Форда), международными организациями предпринимателей и туристических фирм (Международный союз оптовых рынков, ежегодная Лейпцигская ярмарка и др.).

Очевидно, что сотрудничество с большинством стран не ограничивается внешнеэкономической деятельностью, а расширяется в сторону культурных и образовательных программ.

Более активное участие Республики Татарстан в программе технической помощи Совета Европы и Европейского сообщества также является приоритетным программным элементом. Участие Председателя Госсовета РТ в составе официальной делегации РФ в Конгрессе местных и региональных властей Европы (КМРВЕ), его работа в Палате регионов КМРВЕ позволяют расширить влияние Татарстана в представительном европейском органе, поскольку региональные проблемы регулярно рассматриваются в этой Палате.

Участие представителей Татарстана в программах и мероприятиях Совета Европы, Ассамблеи регионов Европы, переговоры и контакты с руководством Совета Европы и лидерами АРЕ подтверждают признание Татарстана в региональных европейских кругах.

В системе международных контактов Республики Татарстан исключительно важное значение имеют внешние связи органов местной власти, руководителей предприятий и предпринимателей, представляющих все виды собственности. Оказание содействия данной категории участников международных связей не может не сказаться благоприятно на экономическом здоровье Республики. В рамках развития международных связей городов и районов Татарстана имеются значительные возможности для внедрения в республике основных положений «Европейской хартии местного

самоуправления» и «Европейской хартии региональных языков и культур или языков и культур меньшинств».

Крупные экономические проекты осуществлялись под эгидой Совета Европы в рамках Программы технического содействия странам СНГ (ТАСИС) на основе межгосударственных соглашений. Приоритетные секторы этой программы – перестройка государственного предприятия, развитие частного сектора, сельского хозяйства, инфраструктура (энергетика, телекоммуникации, транспорт), реформа системы управления, сфера услуг и образование.

Особый уровень отношений сотрудников полпредства РТ в РФ сложился со структурными подразделениями МИД РФ, что позволяет оперативно решать текущие вопросы международной деятельности РТ. Международный отдел полпредства РТ в РФ все больше становится «рабочим органом» в Москве, помогающим Аппарату Президента, Правительству, Госсовету РТ, отдельным министерствам, при подготовке и проведении ими мероприятий международного характера.

Полпредство РТ в РФ в целом, наряду с выполнением важных функций внутреннего характера, выступает в качестве основного связующего звена между Москвой и Казанью в международной деятельности Республики Татарстан, становится важным элементом в реализации программ внешних связей республики.

Стало практикой организация встреч в полпредстве РТ в РФ с послами и торговыми представителями иностранных государств в Москве в рамках подготовки зарубежных визитов руководителей Татарстана, а также приема иностранных делегаций в Казани. Полпредством РТ в РФ проводится работа по согласованию с МИД России проектов двусторонних договоров и соглашений, подписание которых планируется в ходе предстоящих визитов руководства РТ.

Благодаря активной международной деятельности руководителей Татарстана, личному авторитету первого Президента Республики М.Ш.Шаймиева в Российской Федерации и на международной арене и его регулярным выступлениям по сложным региональным и федеральным проблемам в средствах мас-

совой информации, полпредство РТ в РФ в Москве становится все более узнаваемым среди федеральных органов власти, дипломатического корпуса и зарубежных партнеров. Руководство полпредства РТ в РФ получает приглашения и участвует в официальных протокольных мероприятиях, проводимых иностранными посольствами, торговыми представительствами, а также федеральными структурами, включенными в международную деятельность. Представительство РТ в РФ принимает участие прак-

тически во всех международных форумах и семинарах, организуемых МИД в Москве, а в иных случаях и за рубежом.

Важная работа по осуществлению программы внешних связей Республики Татарстан как самостоятельно, так и совместно с федеральными структурами Российской Федерации продолжается. Полномочное представительство Республики Татарстан в Российской Федерации вносит в этот процесс свой существенный вклад, достойный международному авторитету Татарстан.

ГЛАВА 5

Татарский мир в конце XX века

§ 1. Татары в ближнем и дальнем зарубежье: история расселения и современное состояние

Рустэм Гайнетдинов

Татарская нация входит в число мировых диаспорных наций и представлена в ведущих государствах пяти континентов планеты.

По имеющимся весьма приблизительным данным, общая численность татар, проживающих за пределами Российской Федерации, составляет чуть более 707 тыс. человек, в том числе в ближнем зарубежье – 634,9 тыс., в дальнем – 72,5 тыс. Этнические сообщества и группы татар имеются более чем в 50 государствах мира.

По мнению большинства современных ученых, татары, как народ, формировались в недрах Золотой Орды во второй половине XIV – начале XV вв. Географически это были районы Волго-Урала, которые традиционно считаются историческим ареалом формирования этнических татар. При этом языковая и культурная интеграция региональных этнических общностей, компонентов и субэтносов татар шла в рамках единого государства. Ко времени распада золотоордынского государства на самостоятельные татарские ханства татары имели четкую этническую самоидентификацию, общий литературный язык, основанный на тюрко-кыпчакских диалектах, общую религию – ислам, общие национально-психологические черты и даже близкие антропологические признаки. Последовавшие в течение следующих веков славянские, финно-угорские и другие этнические вливания в этногенез татар были не настолько значительны, чтобы изменить сложившиеся в позднем средневековье присущие им идентификационные признаки.

Будучи народом подвижным, легким на подъем, татары с незапамятных времен за-

нимались торговлей и предпринимательством. Еще в домонгольский период Волжской Булгарии столица государства, Биляр, превратилась во всемирный торговый центр, а булгарских купцов и их товары знали во многих странах Востока и Запада. Во времена Золотой Орды Волга и города, расположенные на ней, в том числе Булгар, славились своими базарами, собиравшими торговый люд из многих стран. В период Казанского ханства Казань играла роль крупного торгового центра, связывающего Европу с Азией. Потеря в XVI в. большинством татарских ханств своей государственности, вытеснение с исторически обжитых земель в результате постоянно усиливавшейся политики насильственной христианизации вынуждали часть нации покидать свои традиционные ареалы обитания и переселяться на новые территории.

Активные межэтнические контакты татар в последующие века привели к усилению интеграционных процессов внутри нации. Локальные самоназвания этнографических групп, доставшиеся от татарских государств средневековья (казанские (волжские), сибирские, астраханские, касимовские татары), стали вытесняться общенациональным этнонимом «татары». Их языковые и культурные различия в XX в. окончательно исчезли. Сейчас эти этнонимы сохраняются лишь как названия второго уровня и носят локальный характер.

Развитие диаспорных частей татарской нации шло разными путями. С 1552 г. – времени присоединения территории Казанского ханства к Русскому государству – начинают вынужденные переселенческие процессы поволжских татар, главным образом, на вос-

ток и юг – в башкирские и далее – в казахские степи.

Территориальные перемещения татар, составлявших население павших после Казани Астраханского и Сибирского ханств и мирно присоединённой Ногайской Орды, незначительны; в основном, они остались на местах своего исторического обитания. Лишь в конце XIX в. отмечалась относительно крупная миграция татарского сельского населения из Сибири в Турцию.

В XVIII–XIX вв. татары активно использовались царской администрацией России в процессе освоения присоединяемых территорий Казахстана и Семиречья (Туркестана), выполняя, в основном, посредническую функцию ввиду языковой и конфессиональной близости с коренными народами данных земель. За счет интенсивной торговли с новыми территориями в это же время начал формироваться значительный торговый капитал переселенцев-татар, который в последующем играл стимулирующую роль для осуществления татарскими «культуртрегерами» широкой просветительской функции тюрко-мусульманского населения Центральной Азии, с традиционным патриархальным образом жизни.

Освоив «ближние» части Туркестана, татарские пионеры-торговцы прошли дальше в Синьцзян, а в конце XIX в. проникли в Афганистан и даже в Индию (Кашмир). За ними переселялись, как правило, члены их семей и земляки, активно занимая предпринимательскую нишу или выступая в качестве латифундистов в новых регионах поселения.

Одной из быстро освоенных территорий в начале XX в., благодаря широкому участию татар в строительстве и обживании Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), стала Юго-Восточная Азия (Маньчжурия, Япония, Корея), где формировалась и укреплялась мощная городская культура татар.

Несколько своеобразно шло формирование общностей польско-литовско-белорусских и добруджинских (румынских) татар. Их выход из золотоордынского государства начался в XV–XVI вв. В последующие столетия они развивались довольно обособленно от основной массы татарского этноса

(польско-литовские татары в процессе осадничества даже утратили свой язык). Связь этих периферийных (диаспорных) частей с этническим ядром нации, сосредоточенным в Урало-Поволжье, вплоть до конца XX в. поддерживалась на уровне нерегулярных культурно-информационных контактов.

Татары же в Крыму, сохранившие до середины XVIII в. свою государственность, выбрали путь интегрирования с этническими турками, в связи с чем их национально-психологические различия с казанскими и сибирскими татарами в настоящее время наиболее существенны. В период Всесоюзной переписи 1989 г. крымские татары самоопределились как самостоятельный этнос, и консолидация их с поволжскими и другими этническими группами татар в общемировую татарскую нацию может произойти лишь в отдаленной исторической перспективе.

В конце XIX – начале XX вв. татары создали современные институты развития культуры и образования и стали одним из передовых и образованных народов Российской империи. В частности, до Октябрьской революции татары были вторыми, после русских, по количеству издаваемых в России книг на родном языке. Они внесли значительный вклад в культуру народов Урало-Поволжья, Центральной Азии, Кавказа. Именно через интеллектуальные возможности казанских татар у последних распространились современное образование, книгопечатание, газеты и журналы.

Татарской буржуазии на новых территориях принадлежали золотые прииски, кожевенные и суконные фабрики, мыловаренные заводы, предприятия по обработке шерсти и пушнины, гостиницы, магазины, предприятия общественного питания. Всюду они стремились к росту своего благосостояния.

По данным И.Р.Тагирова, в 1914 г. татарам принадлежало 141 более-менее крупное предприятие, из них в Поволжье и Приуралье – 90, в Средней Азии – 19, в Казахстане – 18, в Средней России – 8, на Кавказе – 6. Промышленные предприятия татарских капиталистов ежегодно производили товаров на 10 млн. рублей [Тагиров, 1999 б, с.23].

Как отмечают многие исследователи социально-политической истории народов Поволжья и Приуралья, в начале XX века татары представляли «вполне сформировавшуюся и определившуюся российскую нацию буржуазного типа» [Хасанов, 1977].

По мнению Д.М.Исхакова, у татар «с XVIII – по начало XX вв. сложилась общенациональная (так называемая «высокая») культура с развитым литературным языком» [Исхаков, 2002 в, с.2]. Этот слой культуры имел весьма разветвленные институциональные механизмы (национальную печать, систему образования, театры, издательства и т.д.) и обслуживал всю нацию.

Большевистская революция 1917 г. преврала эволюционное развитие нации. В Советской России, а затем в СССР стала формироваться командно-административная система, которая использовала в ряде случаев усеченный, фиктивный федерализм, игнорировала противоречия в национально-государственном устройстве страны и реальные потребности ее народов, отмела варианты национально-государственного строительства, не устраивавшие Советы, физически уничтожала или вынуждала эмигрировать их носителей – известных общественных и исторических деятелей, не принявших коммунистическую идеологию большевиков. Многие народы СССР, в том числе крупнейший русский народ, были поделены советскими идеологами на «правильную» (советскую) и «вредную» (эмигрантскую) части.

Кроме того, литературным традициям и преемственности культуры татар большой урон нанесла трехкратная принудительная смена в XX в. алфавита татарского языка: с XV в. до 1929 г. письменность была основана на арабской графике, в 1929–1939 гг. использовался латинский алфавит, а с 1939 г. принято правописание букв на кириллице.

Диаспорная часть нации, оказавшаяся в странах дальнего зарубежья, в этот период развивалась автономно от «материнского» этноса, взаимодействие между двумя частями этноса допускалось советской политической надстройкой лишь в ее сиюминутных интересах. Как заметила исследователь Л.Р.Усманова, «отношения между Родиной и диаспорой исторически сводились к заб-

вению беглецов и невозможности возвращения из-за идеологических разногласий» [Усманова, 2004].

Важно отметить, что по своему социальному происхождению татарская диаспора неоднородна. В регионах России и странах СНГ диаспора формировалась в результате трудовых миграций дореволюционного и советского периодов, и ее представители неразрывно связаны с исторической Родиной.

Ярким примером трудовой миграции является массовое переселение татар Урало-Поволжья, где в 20–30-х гг. они составляли избыточные трудовые ресурсы, в Юго-Восточную Украину на работу в шахты, строительство Днепрогэса и металлургических комбинатов. В немалой степени на это повлиял голод 1920-х гг. в Поволжье, начало репрессий в отношении крестьянства и активно действовавшая коммунистическая пропаганда, призывавшая население на индустриальные социалистические стройки.

В 1930-х гг. XX столетия, в военные и послевоенные годы, татарская диаспора Узбекистана значительно пополнилась выходцами из голодающих районов России, для которых Ташкент всегда олицетворялся с образом «хлебного юга».

В 1950-е – 1970-е гг. притягательным мотивом для переселения татар стало бурное промышленное строительство во всех республиках Центральной Азии. В Казахстане татары устремились в шахты Караганды и Усть-Каменогорска, горнорудные комбинаты Темиртау, Джезказгана, Шымкента, Джамбула (современный Тараз). Пиковым временем массового переселения татар из центральной части страны стали годы освоения казахской целины. В Узбекистан татары продолжали прибывать на строительство пострадавшего от землетрясения 1966 г. нового Ташкента и мелиоративные стройки Голодной степи. Вместе с русскими и украинцами они составляли костяк трудовых коллективов флагманов узбекской промышленности – горно-металлургического комбината в Навои, полиметаллических комбинатов в Алмалыке и Ангрене, авиастроительного и тракторного заводов в Ташкенте. В Таджикистане татары прибыли на работу на рудники и горно-обогачительные комбинаты, предприятия легкой промышлен-

ности, на строительство мелиоративных сооружений и гидроэлектростанций, в том числе крупнейшей Нурекской ГЭС, а также флагмана металлургии республики – Таджикского алюминиевого завода (ТадАЗ). В туркменский Красноводск (современный Туркменбаши) татары-специалисты прибыли в 1960–70-х годы на освоение месторождений соли и минералов залива Кара-Богаз-Гол. В Чарджоу (Туркменабаде) они работали на химкомбинате, в Небитдаге добывали нефть и газ и трудились на нефтеперерабатывающем заводе, в Кизил-Арвате работали на крупнейшем вагоноремонтном заводе имени 26 Бакинских комиссаров. При массовом участии татар был построен Каракумский канал от реки Аму-Дарья до Каспия.

В результате данных миграций татарское население республик Центральной Азии выросло в несколько раз (максимальные «пики» зафиксированы Всесоюзной переписью населения 1979 г.: в Узбекской ССР – 531,2 тыс. чел., Казахской ССР – 312,6 тыс., Таджикской ССР – 78,2 тыс., Киргизской ССР – 71,7 тыс., Туркменской ССР – 40,3 тыс. чел.). Эти диаспоры до сих пор остаются самыми крупными в количественном отношении на постсоветском пространстве.

Формирование общин поволжских (казанских) татар в Белоруссии и странах Балтии (Литва, Латвия, Эстония) также связано с послевоенным участием татар в крупных промышленных стройках данного региона. Позже они составили здесь интеллектуальную часть хозяйственных и инженерных кадров.

В результате распада СССР татары в бывших союзных республиках в одночасье стали диаспоральными (исключая, естественно, Россию).

В новых постсоветских государствах перед ними встала острая проблема интеграции в гражданские общества своих стран в условиях довлеющей роли титульных наций во всех областях хозяйственной и общественной жизни. Неблагоприятная социально-экономическая и политическая обстановка в начале 1990-х гг. XX в. вызвала массовую миграцию и снижение рождаемости нетитульных народов, в результате чего татарское население в государствах ближне-

го зарубежья повсеместно стало уменьшаться. Особенно сильно это заметно в странах Центрально-Азиатского региона, где разрушение сложившихся культурных и экономических связей, межэтническая напряженность, ухудшение состояния экономики и социальная незащищенность большинства населения на исходе первого тысячелетия имели наибольшие последствия.

Миграция населения чутко реагировала на изменения условий жизни в Российской Федерации и бывших республиках СССР.

За 10 лет, с 1989 по 1999 гг., количество татар в Узбекистане уменьшилось на 32%, Казахстане – на 18%, Кыргызстане – на 35%, Таджикистане – на 80%, Туркменистане – на 54%, Азербайджане – на 46%. Украина и Беларусь потеряли между переписями по 16% татар, страны Балтии – от 30 до 35%.

Большинство татар выезжало в Россию, прежде всего, в Урало-Поволжский регион. Татарстан, наряду с Башкортостаном, оказался для татар ярко выраженным полюсом миграционного притока. Из прибывших в Республику Татарстан с 1992 по 1997 гг. из 100 тыс. человек 73% составляли татары. В то же время отток татар шел не только в Россию, но и соседние государства (например, из Туркменистана и Узбекистана – в Казахстан) и в дальнее зарубежье. В последующие годы поток миграции из СНГ и Балтии сократился на несколько порядков: если в 1994 г. в Республику Татарстан прибыло 12,5 тыс. переселенцев, то в 2001 г. – около 800 человек.

Оставшиеся татары в сложных исторических условиях, проявив присущие им выдержку и чувство реальности, находили цивилизованные пути национального возрождения, сохранения и развития своей культуры, языка, традиций, а также безболезненной интеграции в новые гражданские общества государств, получивших независимость в результате распада СССР.

Диаспора татар в дальнем зарубежье насчитывает более шестисот лет своей истории. Польско-литовские татары были частью Великого княжества Литовского и начали расселяться на современных восточных польских землях еще в XIV в. Другой осколок Золотой Орды – добруджинские

татары обосновались в придунайских провинциях в XV в., а на территорию Китая, Турции и Финляндии татары начали прибывать в XIX в.

В некоторых странах диаспора сложилась в XX в. как следствие социальных потрясений – революций и войн, заставлявших людей покидать традиционные места проживания в поисках безопасной жизни.

Часть диаспоры составили и уехавшие из России мусульмане (не только татары) по религиозным признакам в результате нескольких спорадических волн насильственной христианизации татар Урало-Поволжья и Сибири (наибольшая волна «религиозной» эмиграции отмечена у татар в страны Ближнего Востока в конце XIX и начале XX вв.).

В советское время диаспора в дальнейшем зарубежье была представлена двумя слоями: трудовой (осваивавшей новые торговые рынки и сферы приложения труда) и политической эмиграцией из дореволюционной России и СССР (Турция, Германия, США). В число политэмигрантов входили татары-эмигранты периода Гражданской войны в России, не принявшие социалистический выбор своей родины (представители торгово-промышленного капитала, общественные деятели, служители культа и воины-татары, воевавшие против Красной Армии на стороне Белой гвардии), а также невозвращенцы периода Великой Отечественной войны. Достаточно многочисленная группа татар, обучавшихся в духовных и светских учебных заведениях Европы, Азии и Америки, в силу своих мировоззренческих позиций и гражданской позиции примыкала к тем или иным политическим группировкам или оставалась индифферентной. К представителям политэмиграции также можно условно отнести небольшое количество диссидентов 70–90-х гг. прошлого XX столетия, выехавших за рубеж по идеологическим убеждениям.

Эти волны татарской эмиграции дали миру много готовых талантов, которые зачастую «дозревали» до мирового признания в условиях зарубежья (Рудольф Нуриев и др.).

Интересен процесс формирования диаспоры в Австралии, куда в конце 40-х гг. XX в. стали прибывать российские переселенцы из стран Юго-Восточной Азии

(главным образом, Маньчжурии), бежавшие от преследования советских властей и коммунистического Китая. Таким образом, Австралийский Союз стал для этих мигрантов второй переселенческой территорией.

В конце XX в., в эпоху глобализации, массовых коммуникаций и возникновения условий для свободного передвижения по миру, стали формироваться новые диаспоры в несоединенных прежде тюрко-татарским населением странах Европы, Азии и Америки.

В настоящее время наиболее крупные диаспоры в дальнейшем зарубежье представлены в Румынии (свыше 23 тыс. чел.), Турции (20 тыс.), Китае (5,6 тыс.), Польше (5,5 тыс.). За счет переселенцев из бывших республик СССР стремительно растет численность диаспор в США, Канаде, Германии, ряде европейских стран.

Представители диаспоры, уехавшие за границу в постсоветский период на учебу или работу, создав семьи с гражданами иностранных государств, как правило, политически нейтральны.

Сегодня грани между категориями диаспоры фактически размыты – потомки трудовых и политических мигрантов, являясь уроженцами стран проживания, как правило, мало придают значения, каким способом или по каким причинам прибыли их предки в государства нынешнего обитания, ставшие для них новой родиной.

Следует отметить, что переселение людей в другие государства не следует представлять как поиск счастливой земли для себя и потомков. «Это, в любом случае – трагедия, причем не только личная, но и всего народа», – отмечал академик И.Р.Тагиров [Тагиров, 1997 в, с.9].

Татарская диаспора – одна из наиболее структурированных российских диаспор. В 44 странах мира зарегистрированы общины, национально-культурные объединения, имеются устойчивые этнические группы. Тенденция к созданию своей микросреды и привычно-традиционного социально-психологического климата, призванного компенсировать духовную удаленность от исторической родины, наиболее сильна в татарских общинах.

Для татар, проживающих в зарубежье в условиях национального меньшинства,

традиции и обычаи предыдущих поколений служат средством самосохранения как этноса. Поэтому представители старшего поколения стараются передать детям и внукам национальные обычаи и традиции, культивируя их не только как национальные ценности, но и как средство защиты от ассимиляции.

Соотечественники за рубежом поддерживают друг с другом тесные контакты, постепенно укрепляя культурную общность и единство общины. Пребывание в обществе, где звучит родная речь, татарские песни, присутствуют элементы традиционного образа жизни и мысли, позволяет сохранять соотечественникам свою идентичность с остальными татарами, является своеобразной отдушиной адаптации психологии к условиям иноязычной среды.

В национально-культурных сообществах соотечественников происходит сохранение стойкого татарского национального самосознания, важнейших эстетических ценностей, идеалов и целей, культурно-нравственного и исторического опыта нации, норм поведения.

Татары – один из немногих народов России, имеющих многовековой опыт мирного сожительства с другими народами в иноязычной и инокультурной среде. Оказавшись по воле исторических событий в разных странах мира, татары зарубежья обладают высоким международным правосознанием, уважают общественный и государственный строй стран расселения, достойно выполняют гражданские обязанности. Татары в дальнем зарубежье по традиции добросовестно исполняют законы стран своего проживания, с уважением относятся к их традициям и культурам. Где бы они ни проживали, они не являются источником конфликтов и взаимного непонимания. Будучи гражданами своих стран и внося весомый вклад в их экономическое и культурное развитие, наши соплеменники остаются достойными представителями древнего татарского народа. Они заинтересованы в мире, стабильности и процветании своих государств и в расширении их всестороннего сотрудничества с исторической родиной татарского народа. Независимо от места проживания и вероисповедания, принадлежности к различным

этнокультурным и конфессиональным группам, татары дальнего зарубежья признают себя частью единого и неделимого татарского народа, целостность которого основывается на общей истории, культуре, языке и самосознании.

Как отмечает современный исследователь Л.Р.Усманова «у этих людей поражает не только интеллектуальный уровень, но и этническое своеобразие в абсолютно чуждой, нетатарской среде. Это – пример выживания нации в условиях глобализации» [Усманова, 2004].

Таким образом, в течение нескольких веков татарская диаспора в ближнем зарубежье играла исторически важную роль в пионерном освоении вновь открываемых территорий, при этом, благодаря своим развитым этнокультурным возможностям, всегда несла миротворческие и миростроительные функции, обеспечивала широкое посредничество в поиске и установлении межэтнического компромисса, транслировала новым территориям договорную практику метрополии. Такой потенциал несут в себе и современные татарские диаспоры на всем постсоветском пространстве. Задача политиков и обществоведов – правильно его использовать в интересах поступательного развития нации.

Сложнейшей проблемой остается вопрос о возвращении этой части диаспоры на историческую родину. По нашему мнению, в основе политики в этой области должна лежать целевая потребность самобытного этнического сообщества, ибо искусственное и весьма поспешное соединение частей этноса, объединенного во многом лишь исторической памятью, представляется весьма сомнительным и при нерегулируемом характере может привести к возникновению социальной напряженности между «материнской» и возвратившейся частью нации. Видимо, в настоящее время нет острой нужды в разрушении мозаичного татарского мира планеты.

Большинство татарских культурно-национальных обществ зарубежных стран активно сотрудничают с Республикой Татарстан и его государственными и общественными институтами, многие являются коллективными членами Международного

союза общественных объединений «Всемирный конгресс татар». Актуальной остается задача активизации роли диаспор стран СНГ и Балтии в установлении и расширении взаимовыгодного сотрудничества России и Татарстана с зарубежными государствами, так как доля участия диаспоры в этих масштабных экономических операциях мизерна.

Таким образом, задача исторической родины в этих условиях – планомерное и методичное создание нормативной базы и бюрократической процедуры обеспечения самодостаточности диаспоры, максимального удовлетворения ее национально-культурных потребностей, выработка эффективных механизмов взаимодействия российского государства с зарубежной диаспорой в интересах

защиты прав и свобод соотечественников, сохранения этнокультурной самобытности.

Произошедшие на рубеже двух тысячелетий крупные исторические события круто изменили ситуацию в положении татарского народа. В результате падения «железного занавеса» россиянам открылся многообразный мир соотечественников за рубежом. Зарубежная диаспора превратилась в объект широчайшего общественного и научного интереса, ее история стала частью исторического прошлого народа, появился реальный шанс соединить воедино разрозненные части этноса. Поэтому создание объективной, правдивой истории всего татарского народа (с учетом истории диаспор) сегодня является одной из наиболее актуальных задач отечественных обществоведов.

§ 2. Положение татар в Российской Федерации и странах зарубежья. Роль общетатарских мероприятий в консолидации нации

Ринат Закиров

В Российской Федерации практически нет мест, где бы не было татарского населения, речь может идти только о той или иной его численности. Однако есть регионы с весьма значительными массивами татар. К таковым относятся: Республика Башкортостан (свыше 1 млн. человек), Республика Удмуртия (110 тыс.), Тюменская область (свыше 230 тыс.), Пермская область (более 150 тыс.), Свердловская область (100 тыс.), Челябинская область (около 250 тыс.), Оренбургская область (свыше 160 тыс.), Ульяновская область (160 тыс.), Самарская область (около 120 тыс.), Пензенская область (около 130 тыс.), Москва и Московская область (свыше 200 тыс.).

Конечно, ситуация с положением татар в каждом регионе имеет свои особенности, связанные с историческими, социальными, экономическими, политическими, культурологическими, межэтническими и прочими факторами. Но в целом, необходимо признать, что везде существуют серьезные проблемы в деле сохранения родного языка, системы национального образования, удовлетворения духовных и культурных потребностей, получения той или иной информации на родном языке. И там, где на-

циональные общины проявляют настоящую активность, подлинную гражданскую позицию, положение татар заметно отличается в лучшую сторону, нежели в целом по стране. К таким регионам можно отнести Ульяновскую, Самарскую, Саратовскую области, Республику Удмуртия.

Положение татар в Республике Башкортостан заслуживает отдельного рассмотрения. Как известно, три четверти татар Российской Федерации проживает за пределами Республики Татарстан. Во многом такая ситуация возникла из-за искусственного административного разделения довольно компактного массива татарского населения, расселенного, в основном, между Волгой и Уралом. Не секрет, что нынешние административные единицы и их границы Российской Федерации наследует с советских времен, когда большевики довольно-таки произвольно определяли и нарезали территориальные образования, в том числе и национальные.

Наиболее крупная часть общего массива татар Урало-Поволжья (около 1,5 млн. человек) была отнесена к Башкирской Республике, учрежденной большевиками в 1919 г. А в 1920 г. была декретирована Татарская

Автономная Советская Социалистическая Республика на территории Казанской, а также частично Уфимской, Вятской, Самарской губерний. В частности, к ее территории был отнесен Мензелинский уезд Уфимской губернии. Что касается остальных частей этой губернии, населенных татарами, то там должны были провести референдум с целью их территориального самоопределения. Однако этого не было сделано, и судьба значительного массива татарского этноса фактически решила путём так называемого «опроса» коммунистов в партийных ячейках ВКП(б). Таким образом, ещё вначале советского строительства были заложены истоки серьёзных межнациональных проблем, которые ощутимо дают о себе знать в настоящее время.

Необходимо также сказать, что со времен освоения Поволжья и Приуралья царским властям удавалось довольно ловко создавать межэтнические противоречия и умело на них играть. Как пишет американский исследователь Дмитрий Горенбург, согласно царскому Указу башкиры с XVI в. наделялись особыми привилегиями во владении землей и оплате различных податей [Горенбург, 2004, с.109]. Эти привилегии стимулировали переход представителей других народов в сословие башкир, особенно много таких было среди татар Приуралья. «Как показывают источники различных эпох, такие субэтнические группы татар, как мишары и тептяры, очень часто записывались в башкирское сословие с целью получения земли и налоговых послаблений» [Горенбург, 2004, с.109].

Американский исследователь значительно расширяет понятийный аппарат изучения проблем этничности и межэтнических отношений применительно к российской ситуации. При этом он обращает внимание на то, что «переписи населения и создание административных границ, а также раздача привилегий отдельным этносам нередко приводят к возникновению новых этнических групп и к этнокультурным переменам у существующих этносов. Эта теория, часто называемая конструктивизмом, была разработана Лероем Вейлом (Vial, 1989) и его коллегами, считающими, что основной причиной трайбализма в Южной Африке явля-

ется европейский колониализм: европейцы возводили этнические барьеры между культурами для удобства управления своими колониями. ... аналогичная ситуация наблюдается у татар и башкир – двух тюркомусульманских этносов Урало-Поволжья» [Горенбург, 2004, с.107].

Необходимо сказать, что в мировой науке существует два подхода к феномену этничности. Первый подход принято называть примордиализмом, его сторонники считают национальную принадлежность инвариантной (неизменной) и важной составляющей этнической идентичности. Другой подход именуется ситуативизмом. Сторонники этой концепции считают этничность изменчивым явлением, зависящим от тех или иных выгод политического и экономического характера, на получение которых ориентируются носители «подвижной этничности». Рассматривая метаморфозы национальной идентичности татар и башкир в Республике Башкортостан, мы считаем целесообразным введение понятия «плавающей этничности», чтобы адекватно объяснить сложившуюся ситуацию.

Начиная с 70-х гг. XX в., башкирская Советская власть принялись настойчиво и последовательно выправлять «неблагоприятную», с их точки зрения, ситуацию. Оказалось, что преобладание русских (32% от общего количества населения) и татар (24%), а также невозможность резкого увеличения численности башкир (21%) без статистико-демографических манипуляций являлись предметами серьёзного беспокойства руководителей Башкирского обкома КПСС. Исходя из своих этнически корыстных соображений, эти функционеры благословили административную кампанию по превращению татар в башкир путём переписывания в паспортах 5-й графы о национальной принадлежности. Одновременно стали подводить под эту сомнительную практику ещё и определенную научную базу. Некоторые ученые республики были мобилизованы для поиска доказательств того, что часть татарских населенных пунктов, при «научной» проверке, обнаруживает «башкирские корни». Кроме того, имевшие место в прошлом случаи перехода татар в социальное сословие башкир послужили сомнительным

историческим обоснованием современной «этнической метаморфозы» в пользу титульной нации.

Последовавшие статистико-демографические манипуляции с численностью этнических массивов татар и башкир хорошо прослеживаются по результатам переписей. Так, перепись 1989 г., проходившая в условиях нарождавшейся демократии и свободы волеизъявления, показала, что численность татар в Республике Башкортостан – около 1,3 млн. человек (28,4% от всего населения), а численность башкир – около 1 млн. человек (21,9%). А перепись населения 2002 г. «поменяла» ситуацию на противоположную. Теперь оказалось, что численность татар за 13 лет между переписями сократилась на 300 тыс. душ и составила 1 млн. человек (их доля в населении упала до 21%). Численность же башкир увеличилась на эти 300 тыс. душ, составив 1,3 млн. человек. Но тут есть над чем задуматься. Если такой значительный массив населения в 300 тыс. человек без особых затруднений меняет свою национальную идентичность в пределах двух родственных народов, то тут, безусловно, имеет место феномен «плавающей этничности».

Однако с научной точки зрения было бы неверно закрывать глаза на сопутствующие этому феномену политические и социально-экономические обстоятельства. Так, в условиях демократии, свободы волеизъявления и отсутствия административного давления преобладает численность тех, кто определяется в татарской идентичности. А в обстановке административного давления возрастает численность башкирского этноса. С сожалением приходится признать, что в последние 10–15 лет положение татарского населения Башкортостана, с точки зрения сохранения родного языка, национального образования и культуры, заметно осложнилось. И в этом, надо признать, вина не только руководства Башкортостана, но и определенной части татарской общности, ставшей на радикальные позиции и отказавшейся от самой возможности диалога с властными органами республики. В результате, ситуация противостояния зашла настолько далеко, что прекратились контакты между писателями, учеными, дея-

телями искусства, представителями общности двух очень близких, родственных народов.

Разумеется, такая ситуация заставила здоровые силы татарской и башкирской общности заняться поисками выхода из возникшего тупика на путях согласия и взаимопонимания. Состоявшийся в декабре 2007 г. IV съезд Всемирного конгресса татар принял решение о необходимости принятия мер по преодолению кризисной ситуации в отношениях между башкирским и татарским народами. Также на этом съезде было принято Обращение к башкирскому народу с призывом к сотрудничеству и добрососедству на основе взаимного уважения. Все это было воспринято весьма положительно широкими кругами татарской и башкирской общности.

Уже в 2008 г. возобновились контакты между Всемирным конгрессом татар и Всемирным курултаем башкир. Летом того же года в Казани состоялась встреча лидеров общественных движений народов Поволжья и Урала. На этой встрече было принято Совместное заявление в защиту национального образования народов Российской Федерации, которая сводилась на нет принятым Госдумой РФ печально известным 309 законом.

В результате конструктивного сотрудничества представителей татарской и башкирской общности напряжение в отношениях двух народов начало постепенно спадать, возобновились контакты творческой интеллигенции, писателей, музыкантов, художников. Также возобновились гастроли театральных коллективов Башкортостана в Татарстане, а татарских – в РБ. Население двух республик очень позитивно восприняло эти перемены. Так, гастроли Татарского государственного академического театра им. Г.Камала, ансамбля танца «Казань» в Уфе и других городах Башкортостана проходили при неизменном аншлаге. Аналогичный успех сопутствовал гастролям Башкирского академического театра им. Мажита Гафури и фольклорного ансамбля «Мираж».

Как известно, летом 2010 г. сменилось руководство Республики Башкортостан. Первые шаги нового руководства в сфере татаро-башкирских отношений можно рас-

ценить как позитивные. Так, возобновилась трансляция сигнала телеканала «Татарстан – Новый век» на всю территорию Башкортостана, тогда как телезрители Татарстана уже много лет имеют возможность смотреть передачи канала «Башкирское спутниковое телевидение» (БСТ). В настоящее время возобновились также межпарламентские связи двух республик, происходит обмен опытом депутатов в сфере законодательства.

Такова вкратце ситуация вокруг самого большого этнического массива татар вне пределов Татарстана. Положение татар Башкортостана, можно сказать, находится постоянно в поле зрения Исполкома Всемирного конгресса татар и широкой татарской общественности. Опыт последних двух десятилетий показал, что, в принципе, любая конфронтация, нагнетание ситуации, завышенные амбиции ведут в тупик, и отнюдь не способствуют национальному развитию народа.

Анализируя положение татар в Российской Федерации, будет уместно вспомнить встречу летом 2002 г. делегатов III съезда Всемирного конгресса татар с Президентом страны В.В.Путиным. Как известно, на этой встрече представители татарской общественности поставили перед главой Российского государства весьма острые вопросы национальной жизни, требующие решений на федеральном уровне. Прежде всего, они обратили внимание Президента РФ на отсутствие в стране адекватной, соответствующей требованиям времени, концепции национальной политики. Также делегаты съезда ВКТ убедили главу государства в том, что необходимо учитывать интересы национальной школы при разработке федеральных стандартов образования. Ну и, конечно, был поднят вопрос о необходимости общенационального радио- и телевидения на татарском языке для второго по численности народа страны. В.В.Путин с пониманием воспринял эти вопросы и публично дал поручения правительству РФ изыскать в ближайшее время возможности для их решения. Однако, даже спустя 8 лет, эти вопросы остаются нерешенными. И это, в общем-то, достаточно красноречиво характеризует положение татар в современной Российской Федерации.

Что касается положения татар в зарубежных странах, то тут наблюдаются совершенно различные ситуации, в зависимости от общего политического и социально-экономического климата государства проживания. Необходимо сказать, что после распада СССР в зарубежной диаспоре оказалось более 1 млн. татар. Конечно, в странах СНГ и Балтии люди по-разному переживают так называемый «постсоветский транзит». Скажем, в странах Балтии (Эстония, Латвия, Литва) татарские общины довольно успешно адаптировались и к рыночной экономике, и к открытому гражданскому обществу. Они активно взаимодействуют друг с другом, а также продуктивно сотрудничают с исторической родиной – Республикой Татарстан.

Вообще, надо сказать: в последние годы в странах Европы наблюдается заметный рост интереса к жизни татарских общин и татарского народа в целом. Так, в Финляндии становится доброй традицией посещение прибывшими с визитом в страну главами государств (особенно из мусульманских стран) Татарского культурно-религиозного центра финских татар «Исламия» в городе Хельсинки. Руководители Финляндии не раз заявляли, что они гордятся своими татарами-мусульманами, вносящими достойный вклад в процветание страны. Глава финского государства ежегодно встречается с представителями татарской общины.

В самом деле, татарская община Финляндии имеет уже двухвековую историю, и татары укоренились здесь достаточно давно. «Исламское общество Финляндии» было основано в 1925 г. и до сих пор успешно функционирует, привнося организационное начало в жизнь всех татар страны. Под одной крышей Татарского культурно-религиозного центра «Исламия» в центре Хельсинки объединены мечеть с молельным залом, общество «Союз тюрок Финляндии», молодежный клуб, спортивное общество «Юлдуз», библиотека и читальный зал. Сюда на пятничные намазы приходят не только татары, но и другие мусульмане, проживающие в Финляндии (в основном, дипломаты из мусульманских стран). В течение года здесь проходят религиозные и национальные праздники, музыкальные вече-

ра и совместные чаепития. Обобщая, можно сказать, что насыщенная и организованная жизнь татарской общины Финляндии может служить примером для всех татар, проживающих за пределами исторической родины.

Весьма интересную и своеобразную субэтническую группу татарского народа представляют татары Польши, Литвы и Белоруссии, имеющие общие исторические корни. Их общая численность в трех странах составляет 16 тыс. человек. Татарское население этих трех стран представляет, по сути, древний реликт золотоордынских татар, переселившихся сюда более 600 лет назад (в XIV веке) на земли Великого княжества Литовского для несения военной службы. Позднее, с образованием Речи Посполитой, они вошли в состав польского нобилитета (знати) и получили дворянские звания от польских королей. В отличие от Российской империи, получение польских дворянских званий не обуславливалось для татар обязательным отказом от ислама. Таким образом, польские мусульмане еще в средние века образовали самобытную религиозную группу, представляющую исламскую цивилизацию в Европе.

В результате раздела Польши в конце XVIII в. польско-литовские татары оказались в подданстве Российской империи. Так продолжалось до 1918 г., когда Польша вновь обрела независимость. Первый президент независимой Польши, видный деятель польского национально-освободительного движения Юзеф Пилсудский весьма радушно принял татарскую политическую эмиграцию в начале 20-х гг. XX в. Как известно, татарских оппонентов большевистского режима возглавлял видный общественный деятель и выдающийся писатель Гаяз Исхаки, отбывавший вместе с Ю.Пилсудским ссылку в 1907–1908 гг. в Архангельске за антигосударственную деятельность. Начало Второй мировой войны Г.Исхаки встретил в Польше. Ему пришлось выбираться из пылающей под бомбами Варшавы в начале сентября 1939 г.

С падением коммунистического режима в 90-е гг. XX в. центром национального возрождения польских татар стал Гданьск, в котором после Второй мировой войны образовалась значительная татарская община.

Именно здесь сконцентрировались интеллектуальные силы татарского нобилитета Польши, отсюда началось поступательное возрождение татарской (мусульманской) части польского общества. В 1990 г. был воссоздан Союз татар Польши, который существовал до Второй мировой войны. Его возглавил известный ученый-тюрколог и поэт, профессор Салим Хазбиевич. В 1991 г. в Гданьске, при активной поддержке руководства Поморского воеводства, был открыт Народный центр культуры татар Республики Польша. Он разместился в старинном особняке, расположенном в парковой зоне центральной части города. В настоящее время вся культурная жизнь польских татар развивается в этом центре.

Большим событием в жизни польских татар и всего татарского народа стало открытие в 2010 г. в Гданьске памятника татарскому воину, защитнику польского Отечества. На торжествах по этому поводу выступил президент Польской Республики Бронислав Коморовский. Его яркая и образная речь была наполнена глубоким уважением и благодарностью польским татарам, а в их лице – и всему татарскому народу.

Довольно значительным массивом татарского населения (по официальным данным 23 тыс. человек) обладает Румыния, еще одна страна Евросоюза. Здесь татарская жизнь сосредоточена вокруг черноморского города Констанца, где расположена штаб-квартира Демократического союза мусульманских тюрко-татар Румынии. Союз издает ежемесячник «Карадениз» («Черное море»). Среди румынских татар немало видных деятелей науки, образования, культуры, сотрудников дипломатического корпуса страны. Татары имеют фиксированное представительство в парламенте Румынии.

По разным оценкам в Турции проживает от 10 до 25 тыс. татар. В силу языковой и культурной близости, общей религии здешние татары в большей степени подвержены ассимиляции, нежели в других странах. Многие представители татарской эмиграции сумели блестяще показать себя на общественно-политическом и научном поприще Турецкой Республики. Среди них – Юсуф Акчура, Садри Максуди, Ахмат-Заки Валиди-Тоган, Абдулбари Баттал, Гаяз Ис-

хаки, Сагадат Чагагай, Хамит Кушай, Рашит Рахмати Арат, Ахмет Темир, Акдас Курат и другие. И сегодня немало выходцев из татар играют заметную роль в общественно-политической жизни Турции. Это известный общественный деятель и журналист Али Акыш, автор книг о советском режиме и положении мусульман Волго-Уральского региона. А также профессор Надир Давлет, видный специалист по истории тюркских народов России, профессор Гюнюль Пултар (внучка Садри Максуди), специалист по международному праву. В Турции функционируют татарские культурные центры – в Анкаре, Стамбуле и Эскишехире.

Среди стран дальнего зарубежья, где имеются активные татарские общины, можно отметить Германию и Чехию в Европе, а также Австралию, США, Канаду. Конечно, среди стран СНГ есть такие, где имеются весьма значительные массивы татарского населения. По данным переписей, в Украине проживает 70,3 тыс. татар, в Казахстане – 203,3 тыс., в Узбекистане – 219,1 тыс. человек. В трех других центрально-азиатских государствах – Кыргызстане, Таджикистане и Туркменистане – в общей совокупности проживает около 60 тыс. татар. Особое положение занимает Китай, где имеется значительная татарская община, проживающая в Синьзян-Уйгурском автономном округе (свыше 5 тыс. человек).

В целом, завершая тему татарской диаспоры, необходимо сказать, что опыт, накопленный Татарстаном в деле сотрудничества с зарубежными соотечественниками, оказался востребованным на федеральном уровне. Российская Федерация в последние годы стала уделять большое внимание связям с зарубежными соотечественниками. Был создан Международный совет российских соотечественников, среди учредителей которого – Всемирный конгресс татар. Также конгресс на этом поприще весьма плодотворно взаимодействует с Министерством иностранных дел Российской Федерации и его заграничными учреждениями.

Созыв Указом Президента Татарстана I Всемирного конгресса татар летом 1992 г. в Казани стал событием исторического масштаба. Съезды Всемирного конгресса татар (а их прошло четыре) всегда проходят в ат-

мосфере духовного и эмоционального подъема, они, безусловно, служат консолидации нации, расселенной по всему миру среди других народов. В этих условиях роль общетатарских мероприятий неизмеримо возрастает. И, надо сказать, количество и масштабы таких мероприятий увеличиваются с каждым годом.

Конечно, необходимо, прежде всего, признать огромную консолидирующую роль общенациональных праздников таких, как Сабантуй, а также мусульманских праздников. И это не случайно, ведь праздники всегда проходят в возвышенной атмосфере, они способствуют эмоциональному общению, взаимному сближению людей. Во все времена сабантуу, джиены (народные сходки накануне жатвы) служили знакомству, общению и сватовству молодых людей, девушек. Таким образом, народные праздники выполняют определенные институциональные функции по социализации татарской молодежи и консолидации нации.

Что касается мусульманских праздников, то они также способствуют общению и взаимному сближению людей на основе общей религии и общих моральных ценностей. О масштабах таких праздников говорит тот факт, что только в Московской Соборной мечети в Ураза-байрам и Курбан-байрам собирается до 70 тыс. мусульман. Естественно, люди не помещаются в стенах мечети, они заполняют все прилегающие улицы и скверы.

Сегодня Сабантуй проводится не только в регионах Российской Федерации, но и во многих странах ближнего и дальнего зарубежья, где имеются татарские общины. Традиционными стали контакты городов и районов Татарстана с регионами РФ, где проходит этот праздник. Такое шефство татарстанцев над закрепленными за ними российскими регионами дает весьма позитивные результаты: организационный и содержательный уровни проводимых там сабантуев заметно повышаются. В таких регионах, как Москва, Самара, Челябинск и других, сабантуу собирают до 100 тыс. человек. С 2002 г. стал проводиться общенациональный Сабантуй, эстафета которого каждый раз передается новому региону. Федеральный Сабантуй уже состоялся в ре-

спубликах Марий Эл, Удмуртия, Мордовия, Ульяновской, Нижегородской, Астраханской, Челябинской областях. Он пользовался большим успехом у представителей всех национальностей, проживающих в том или ином регионе. Что касается зарубежных сабантуев, то они проводятся сегодня в более чем 30 странах мира. Таким образом, можно сказать, что за последние два десятилетия праздник Сабантуй превратился в массовое этнокультурное движение татарского народа, причем в международном масштабе. Не случайно он выдвинут ЮНЕСКО в Список объектов нематериального культурного наследия народов мира.

Начиная с 2004 года, Исполком Всемирного конгресса татар стал проводить Всемирный форум татарской молодежи (ВФТМ). Летом 2010 г. прошел уже IV форум. Необходимо сказать, что спонтанное молодежное движение татар существовало всегда, даже в советское время. Молодые люди, выходцы из сел, по вечерам собирались в парках, на открытых площадках больших городов таких, как Казань, Набережные Челны, Уфа, Ижевск, Москва и др. Так происходило знакомство, общение, если угодно, проявление этнокультурной идентичности татарской молодежи. Разумеется, это можно расценить также как один из важных элементов социализации национальной молодежи.

Сегодня стихийное молодежное движение обрело определенные организационные формы. На форумах татарской молодежи избирается его исполнительный орган – Координационный совет (до IV форума в 2010 г. – Бюро) ВФТМ. Оно организует различные общенациональные молодежные мероприятия: театральные и музыкальные фестивали, турниры КВН, спортивные состязания, поездки молодежи в памятные места, связанные с историей татарского народа и т.д. С большим энтузиазмом татарская молодежь восприняла решение Международной федерации студенческого спорта о проведении Всемирной летней Универсиады 2013 г. в Казани. Вообще, необходимо сказать, что именно студенческая молодежь проявляет большую активность. В Казани, Уфе, Москве, С.-Петербурге и других крупных городах успешно функционируют татарские

студенческие клубы. Сегодня именно клубная форма работы наиболее популярна у татарской молодежи. На 2010 г. в регионах РФ и странах зарубежья функционирует более 100 татарских молодежных организаций.

Большую и славную историю имеет также татарское женское движение. С момента возникновения Всемирного конгресса татар в его составе образовались различные женские организации такие, как «Ак калфак», фонд «Татарская семья» и другие. Они вносят свой достойный вклад в дело воспитания молодежи, сохранения прочных устоев семьи. Как известно, сегодня педагогический корпус страны состоит, в основном, из женщин. В рамках Всемирного конгресса татар прошли уже пять съездов учителей татарского языка и руководителей татарских школ регионов Российской Федерации. Татарские женские организации принимали в них самое активное участие.

Жизнь показала, что Всемирный конгресс татар не может оставаться в стороне от религиозной жизни народа. Дело в том, что одним из важнейших, базисных элементов этнокультурной идентичности татар является ислама. И когда в этой сфере стали возникать сложные коллизии, связанные с современной жизнью, мусульманские духовные лица сами стали обращаться в Исполком Всемирного конгресса татар с просьбой о помощи в организации нейтральной площадки для дискуссий. Такое доверие со стороны мусульманских религиозных деятелей побудило Исполком ВКТ к созданию специальной комиссии по духовному возрождению. В 2005 и 2010 гг. в Казани состоялись съезды религиозных лидеров татарских общин Российской Федерации. Они прошли с большим успехом. Религиозные деятели получили возможность взаимного общения и достижения согласия по многим волнующим их вопросам. Необходимо сказать, что есть регионы, где национальные организации возглавляют авторитетные религиозные деятели. Так, Национально-культурную автономию татар Ивановской области возглавляет председатель – религиозный лидер местной мусульманской общины Фарит-хазрат Ляпин. Благодаря авторитету и организаторским способностям Ф.Ляпина, жизнь татарской общины обла-

сти может служить примером для многих регионов Российской Федерации.

Как известно, более 1000 лет по своей культурной идентичности татары являются неотъемлемой частью исламской цивилизации. В татарском народе всегда существовало глубокое понимание важности того исторического события, когда предки современных татар официально приняли ислам в качестве государственной религии Волжской Булгарии. Произошло это в мае 922 г. на берегах Волги при участии посольства Багдадского халифата во главе с Ибн Фадланом. В память о тех событиях мусульмане Поволжья ежегодно собираются в начале лета в древнем городище Болгар. Поначалу эти мероприятия проходили под эгидой Духовного управления мусульман Европы и Сибири (ДУМЕС) во главе с муфтием Талгатом Таджутдином. Однако, когда к этим мероприятиям присоединились и другие муфтияты, религиозные деятели сочли необходимым привлечь к ним и Всемирный конгресс татар. Исполком ВКТ активно включился в эту работу, и в последние годы на сходы мусульман Поволжья в древнем Болгаре приезжают до 20 тыс. человек. Этот сход получил название «Изге Болгар жыены» («Сход священного Болгара»), он пользуется огромной популярностью в народе и, безусловно, служит духовному единению татар.

В последние годы Всемирный конгресс татар проводит целенаправленную работу по формированию национального бизнес-сообщества. Результаты этой работы стали проявляться уже сейчас. Необходимо сказать, что в регионах РФ и странах СНГ появились достаточно успешные и самодостаточные бизнес-структуры деловых людей

из татар. Это позволяет им самостоятельно финансировать многие проекты, связанные с национальной жизнью на местах. Сегодня потребности бизнеса требуют серьезной консолидации, поэтому при конгрессе татар образовалась Ассоциация татарских бизнесменов. Безусловно, появление такой структуры будет способствовать успешной реализации многих национальных проектов.

Многие проекты Всемирного конгресса татар связаны с поддержкой национальной культуры. Так, с 2008 г. проводятся всероссийские фестивали татарских фольклорных коллективов «Түгәрәк уен». Кроме этого, ежегодно в регионах РФ и странах СНГ проходят более 20 фестивалей татарской песни, организаторами которых выступают татарские общины. С одной стороны, эти фестивали служат сохранению глубинных пластов музыкальной культуры народа, с другой – помогают решать практические вопросы музыкального обеспечения национальных праздников.

Следует отметить, что большой популярностью у татар пользуются национальные виды спорта. Исходя из этого Исполком Всемирного конгресса татар в 2005 г. учредил Всероссийскую федерацию национальной борьбы «Татарча керэш». Под эгидой этой федерации ежегодно проводятся чемпионаты России, различные турниры, создаются детские секции национальной борьбы. В чемпионате России 2010 г. участвовали команды 32 регионов страны.

Подводя итоги, можно сказать, что сегодня общетатарские мероприятия обрели большой размах и мощь. Безусловно, они играют важную роль в консолидации современной татарской нации.

ГЛАВА 6

**Этнокультурные процессы в Татарстане и татарском мире
в конце XX – начале XXI в.****§ 1. Динамика этнокультурных политик федерального центра
и Республики Татарстан в 1990–2000-е гг.***Гузель Макарова*

Прежде чем обратиться к рассмотрению этнокультурных и национально-гражданских идентичностей населения Татарстана, необходимо раскрыть содержание, проследить процесс становления и характер развития этнокультурных политик РФ и РТ, в контексте которых эти идентичности формировались и развивались.

На протяжении 1990–2000-х гг. в России наблюдается поиск новых моделей построения этнокультурных политик. Этот поиск был связан с происходившими в обществе бурными социально-политическими, социально-экономическими и социокультурными процессами. Причем в проводимых стратегиях получали отражение, учитывались уже сформированные и актуализированные на тот момент в социуме этнические и гражданские идентичности. В свою очередь, федеральная и региональная стратегии оказывались направленными на поддержание и развитие либо конструирование новых социокультурных общностей.

В интерпретации самого термина «культурная политика» мы будем использовать сложившуюся в социокультурной практике России и большинства стран Запада трактовку. Соответственно, под данной политикой здесь понимается такая форма влияния государства и связанных с ним социальных институтов на процесс культурного производства и формирование социокультурных норм, взглядов, ценностей людей, которая является декларируемой, официально закрепленной в законах, концепциях и программах культурного развития. Собственно же этнокультурная политика – это часть культурной политики и одновременно этнополитики,

формирующаяся на их пересечении, и связанная с сохранением, воспроизводством и развитием либо нивелировкой этнических языков и культур, с управлением процессами взаимодействия этнокультурных групп, а также, наряду с национальной политикой, с обеспечением консолидации населения страны на основе общегражданских ценностей [см.: Макарова, 2009, с.35–49].

С тем, чтобы обозначить историко-политические условия формирования линий федерального Центра и регионов РФ в области этнокультурного развития в постсоветский период, кратко охарактеризуем проводившуюся в СССР государственную национально-культурную политику. Она носила двойственный характер. Поскольку, с одной стороны, в официальной советской версии марксизма, положенной в основу идеологии страны, был тезис о постепенном «сглаживании» различий в том числе, этнонациональных. С другой стороны, на деле политика приспособлялась к реальной практике, и уже в период прихода к власти большевики использовали этнический момент для завоевания позиций в национальных регионах.

Позже этнокультурное многообразие также не подавлялось, а жестко направлялось и контролировалось. Провозглашался лозунг равноправного развития культур народов страны, культивировалось их функционирование как «национальных (этнических) по форме и интернациональных по содержанию». Кроме того, проводилась политика приписывания индивида к этносу, когда этническая принадлежность закреплялась в официальных документах, а также

с помощью политики переписи. Наконец, характерной особенностью советского этапа являлась предельная централизация, концентрация всех основных функций управления культурной жизнью в центральных органах власти, которые и проводили названную, не лишнюю противоречий политику.

Конец 1980 – начало 1990-х гг. стали, как известно, периодом не только распада Советского Союза, но и роста этнонациональных движений в регионах России, выступивших с критикой стратегии центра и выдвинувших новые лозунги этнокультурного развития. Это было также время «парада суверенитетов» республик, являвшихся ранее автономными в составе РСФСР. В этих обстоятельствах в культурной политике страны, в характере взаимодействия правительства РФ с национальными республиками в этнокультурной сфере, когда руководство России было вынуждено проводить политику «уступок и консенсусных мер» [Дробижева, 2003, с.34], «учета резкого усиления активности национальных и региональных элит» [Зорин, 2003, с.126] происходят существенные перемены.

Так, в «Основах законодательства Российской Федерации о культуре» (9 октября 1992 г. №3612-1) нашло воплощение исходившее от регионов стремление к независимости в решении культурных вопросов. Законодательное закрепление получило разделение компетенций в области культуры между федеральными и региональными органами государственной власти и управления. Согласно ст. 39 Основ, к ведению государственной власти и управления республик в составе РФ стали относиться определение культурной политики и принятие законодательств республик о культуре. Это явилось принципиальным шагом к региональному самоуправлению в данной сфере. Причем в условиях крайнего обострения вопросов, связанных с этничностью, данный документ не мог обойтись и без специальных статей, посвященных правам этнических общностей в области культуры, то есть групповым (коллективным) правам (раздел III Основ).

Конституция РФ 12 декабря 1993 г. и Федеральный закон «О национально-культурной автономии» (17 июня 1996 г., №74-ФЗ) заложили основы по сути «мультиэтни-

ческой модели нашего общества» [Зорин, 2003, с.129; Дробижева, 2003, с.29], реализуемой в двух формах: этнотерриториальных автономий и национально-культурной автономии (НКА). Единственным носителем суверенитета России был признан, согласно основному закону РФ, многонациональный народ (ст.3), то есть все этнические общности провозглашены в нем государствообразующими. Конституцией также предусмотрено право на сохранение и использование родного языка, «на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества» (ст.26), запрещается пропаганда расового, национального и религиозного превосходства, ненависти, вражды (ст. 29).

Характер развития национально-территориальной формы мультиэтнической модели нашего общества определяли в 1990-е гг. и такие документы, как Договор «О разграничении полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и Республики Татарстан» от 15 февраля 1994 г. и Закон РФ «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации» (24 июня 1999 г., №119-ФЗ). Закрепляя права, относительную самостоятельность регионов РФ, они косвенно способствовали сохранению характерных для них этнокультурных идентичностей, а также становлению идентичностей региональных. В то же время названные документы задавали определенные рамки самостоятельности субъектов федерации, ограничивая характерный для начала 1990-х гг. «синдром «регионального своеволия»» [Абдулатипов, 2008], в том числе и в этнокультурной сфере.

В свою очередь, Закон РФ «О национально-культурной автономии» сделал легитимным возникновение внетерриториальных этнокультурных объединений граждан. Тем самым он включил в поле национальной политики все этнические группы, «независимо от наличия или отсутствия своих административных образований» [Зорин, 2003, с.133]. Правда этот документ содержал ряд противоречий и недостатков, мешавших его последовательной реализации. В частности, по замечанию А.Г.Осипова, цели НКА сво-

дятся в нем к сохранению и развитию языка, образования и национальной культуры, исключая правозащитную, исследовательскую и прочие виды деятельности [см.: Осипов, 2004; Кузеев, 1999, с.123–126]. В статьях, касающихся финансовой поддержки национально-культурных обществ со стороны государства и органов местного самоуправления, не определяется четко, какие именно органы должны оказывать эту поддержку, каковы механизмы ее осуществления и объемы выделяемых ресурсов [Осипов, 2004, с.130]. В.М.Гуща отмечает также, что в Законе нечетко прописаны конкретные формы объединения национальных групп и порядок их регистрации [Гуща, 1997, с.5]. Тем самым, по замечанию названных авторов, этнические меньшинства не получили «адекватных рамок» для реализации своих потребностей в языково-культурной сфере.

И все же, в конечном счете, принятие Закона «О национально-культурной автономии» в определенной мере способствовало и способствует сохранению самобытности языков и культур, следовательно, и воспроизведению этнокультурных общностей России. Однако именно это последнее обстоятельство, связанное с ним «навязывание» коллективной принадлежности вместо реализации «либерального принципа культурной свободы индивида» [Филиппова, Филиппов, 2006] и вытекающая из положений закона дальнейшая институционализация этничности становятся предметом его критики и принципиального с ним несогласия уже со стороны некоторых других исследователей.

Еще один базовый документ данного периода, призванный определить цель и задачи, принципы и содержание стратегии страны по отношению к этническим общностям и их культурам – Концепция государственной национальной политики Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ (15 июня 1996 г. №909). Ею подтверждается мультиэтническая и мультикультурная модель политики России 1990-х гг., которая, тем не менее, не обозначается термином «мультикультурализм»). Российская Федерация признается здесь в качестве одного «из крупнейших в мире многонациональных государств, где проживает более ста народов» (раздел I). Основ-

ной же целью государственной национальной политики провозглашается, наряду с упрочением общероссийской общности, обеспечение «условий для полноценного социального и национально-культурного развития всех народов России» (раздел III).

При этом Концепция практически закрепляет за государством ответственность за «выживание», сохранение этносов, этнических меньшинств и их культур. В ней прописано, что, помимо распространения идей духовного единства и дружбы народов, оно обязано содействовать сохранению их исторического наследия, развитию традиций и самобытности, языков всех народов России, совершенствованию «национальной общеобразовательной школы как инструмента сохранения культуры и языка каждого народа...» (раздел III). Такой вариант построения политики страны, по сути, должен был способствовать воспроизведению множественности всех языково-культурных идентичностей России. И хотя на деле данный документ не получил широкого общественного резонанса и последовательного воплощения в жизнь [Дробижева, 2003, с.33; Макарова, 2009, с.94–95], уже сам принятый им курс на поддержку многообразия не мог не сказаться на дальнейшем развитии этноидентификационных процессов в российском обществе, в так называемых «национальных регионах РФ».

В отдельных пунктах Концепции уже начинает артикулироваться значимость упрочения единой общности россиян (раздел III), а также появляются положения «об объединяющей роли русского народа» (раздел I), о значимости его национального самочувствия как государствообразующего (раздел VI). Тем не менее, эти направленные на формирование единства моменты звучат здесь еще слабо.

Помимо концептуальных основ в данный период получают оформление и некоторые конкретные аспекты российской этнокультурной политики. Охарактеризуем кратко законы и программы РФ, связанные с сохранением и развитием тех или иных элементов культуры либо с деятельностью институтов, в функции которых входит формирование значимых для общества социокультурных ценностей.

Основы этноязыковой политики России были заложены Законом РФ «О языках народов Российской Федерации» (25 октября 1991 г. №1807-1). В нем отмечается, что «языки народов Российской Федерации – национальное достояние Российского государства» и «находятся под защитой государства» (введение). Здесь прописывается право граждан РФ на получение основного общего образования на родном языке (ст.9, п.2), которое обеспечивается «созданием необходимого числа соответствующих образовательных учреждений, классов, групп» (п.2 в ред. от 24 июля 1998 г.).

Законом также утверждается право республик РФ публиковать издаваемые ими законы на государственных языках республик одновременно с государственным языком России, использовать их, наряду с русским, во время подготовки и проведения выборов и референдумов (ст.13, п.1; ст.14, п.1), в судопроизводстве и делопроизводстве (ст.18, п.2). Предусматривается возможность использования государственных языков республик и иных языков народов России при обращении граждан в государственные органы, организации, на предприятия и учреждения РФ (ст.15, п.4), в средствах массовой информации субъектов РФ (ст.20, п.2) и т.д.

Все это означало признание и поддержку этноязыкового многообразия России, а также относительной самостоятельности регионов в решении языково-культурных вопросов.

Важный элемент культуры, нередко выступающий в качестве маркера этнических идентичностей, – традиционная народная культура. На содействие одной из ее форм был направлен Федеральный закон «О народных художественных промыслах» (6 января 1999 г. №7-ФЗ), которым их сохранение, возрождение и развитие было объявлено важной государственной задачей.

В свою очередь, значимым социальным институтом, с помощью которого реализуется национально-культурная и этнокультурная политика государства, выступает образование. 10 июля 1992 г. в России был принят Федеральный закон «Об образовании» (№3266-1), закрепивший среди основных принципов государственной политики в данной сфере следующий двуединый прин-

цип: «единство федерального культурного и образовательного пространства. Защита и развитие системой образования национальных культур, региональных культурных традиций и особенностей в условиях многонационального государства» (ст.2). В нем также находят дальнейшее закрепление основные тезисы Закона РФ «О языках...», касающиеся языков изучения и обучения (ст.6).

Законом также закрепляется фактически складывающееся в тот период разграничение полномочий в области образовательной политики между Российской Федерацией и субъектами РФ (ст.28, 29). В частности, об утверждении в 1990-е гг. линии на принятие регионального и этнического языково-культурного многообразия в сфере образовательной политики России свидетельствовало признание за субъектами федерации права (позже отмененного) на «установление национально-региональных компонентов государственных образовательных стандартов» (ст.29, п.8).

Определенное влияние на этно- и национально-культурные процессы, в том числе идентификационные, оказывает и политика государства по отношению к религии. Закон РФ «О свободе совести и религиозных объединениях» (26 сентября 1997 г. №125-ФЗ) закрепил право граждан страны «исповедовать... любую религию или не исповедовать никакой» (ст.3, п.1), равенство перед Законом независимо от религиозной принадлежности (ст.3, п.4), а также указал на то, что в РФ «никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной...» (ст.4, п.1). Все эти моменты, несомненно, влияли на ход конфессионального самоопределения граждан и были принципиально важны для социального самочувствия представителей этнических общностей, считающихся исторически связанными с исламом и другими неправославными религиями. Тем самым они демонстрировали признание не только многообразия религиозных, но и, косвенно, свободу выбора и равенство этнокультурных идентичностей.

В свою очередь, стратегии РФ 1990-х гг. в этнокультурной сфере в определенной мере проявили себя и в законах, затрагивающих социокультурные аспекты жизни отдельных этнических общностей России либо групп

людей, дискриминированных, подвергшихся насилию и преследованию по расовому, этническому, языковому или религиозному признакам, а также соотечественников за рубежом. Это такие законы, как: Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» (26 апреля 1991 г. №1107-1) и последующий Закон РФ «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» (1 июля 1993 г., №5303), «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (30 апреля 1999 г. №82-ФЗ), «О государственной политике РФ в отношении соотечественников за рубежом» (24 мая 1999 г. №99-ФЗ) и др.

В частности, Законом РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» действия советского государства по отношению к ним были признаны политикой «произвола и беззакония» (введение), «клеветы и геноцида» (ст.2). Соответственно, закон утверждает ряд мер по территориальной, политической, экономической, социокультурной реабилитации данных народов. Причем статьей 11 было специально предусмотрено «осуществление комплекса мероприятий по восстановлению их духовного наследия и удовлетворению культурных потребностей». Принятие такого рода Закона призвано было показать утверждение равноправия всех народов страны на деле, без чего дальнейшее проведение политики этнокультурного плюрализма в России казалось бы фикцией.

Между тем Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» закрепил ряд дополнительных преференций теперь уже за малочисленными народами страны, сохраняющими «традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы» (ст.1). Такие «особые правовые нормы» (ст.5) были направлены против насильственной ассимиляции этих народов, нивелировки их социокультурной самобытности и должны были, по справедливому замечанию В.А.Тишкова, «дать дополнительную защиту наиболее уязвимым в социально-культурном плане общинам» [Тишков, 2007].

Принятый же в конце 1990-х гг. Закон «О государственной политике РФ в отношении

соотечественников за рубежом» провозгласил «важным направлением внешней и внутренней политики Российской Федерации» помощь в осуществлении ими «своих гражданских, политических, социальных, экономических и культурных прав, сохранении самобытности» (введение к закону). При этом его принятие было призвано не только способствовать сохранению этнокультурных идентичностей народов нашей страны за рубежом. Демонстрация заботы государства о своих гражданах и соотечественниках, проживающих за пределами России, об их правах, в том числе и в этнической, культурной, образовательной сферах, была также важным шагом по пути консолидации, формирования единой общероссийской идентичности внутри страны.

Проанализируем, как в тот же период выстраивалась этнокультурная политика Республики Татарстан.

Рубеж 1980–1990-х гг. был ознаменован здесь стимулировавшимся национальными элитами подъемом татарского движения. Лидеры объединений титульного этноса ставили своей целью воссоздание «культурно-цивилизационной самобытности татарского народа через его национально-государственное самоопределение, этническую консолидацию и социокультурную реабилитацию» [Габидуллин, 1997]. В этих условиях руководство республики начало поддерживать лозунги национально-культурного возрождения татар и, получив в связи с этим признание со стороны этноориентированной их части, «перехватили инициативу» у активистов татарских общественных организаций. Используя ослабленность федеральных властей [Фарукшин, 1994, с.67–79] и опередившись на названные выше этнонациональные лозунги, они добивались относительной автономности региона от центра, в том числе и в вопросах этнокультурного развития.

При этом не без влияния этнонациональных элит, отстаивавших тезис о том, что «суверенитет Татарстана является производным от суверенитета татарского народа» [Габидуллин, 1997, с.3], в принятой 30 августа 1990 г. «Декларации о государственном суверенитете Татарской ССР» нашло закрепление противоречивое по сути

положение о «реализации неотъемлемого права татарской нации, всего народа республики на самоопределение» [Хакимов, Белая книга, 1996, с.4]. Тем не менее, уже в Конституции РТ, принятой 6 ноября 1992 г. (№1665-ХП), зафиксировано, что Татарстан «выражает волю и интересы многонационального народа республики» (ст.1).

Следовательно, территориальные власти постепенно начали подчеркивать свои центристские позиции, провозглашая в программных документах и вновь создаваемых законах равенство прав всего населения республики. Однако обозначенная двойственность сохранялась, в том числе и в этнокультурной политике республики, на протяжении 1990-х гг. К примеру, во всех принятых в этот период законах и программах, касавшихся языков и культур, подчеркивалась полиэтничность, поликультурность региона. В то же время в ряде из них делался определенный акцент на поддержку языка и культуры титульного этноса республики (со ссылкой на то, что именно они были длительное время лишены возможности полноценного развития). Например, в Законе Республики Татарстан «О культуре» (3 июля 1998 г. №1705) отмечалось, что одной из главных задач культурной политики является «содействие развитию татарской национальной культуры, культуры многонационального народа Республики Татарстан» (гл.1, ст.2).

Серия официальных документов определяла цели, задачи и механизмы реализации политики Татарстана в языковой сфере, сущность которой в придании татарскому языку как важному компоненту этнической идентичности татар, наряду с русским, статуса государственного, в создании реальных условий для расширения его социальных функций.

Так, Законом РТ «О языках народов Республики Татарстан» (8 июля 1992 г. №1560) провозглашалась социальная, экономическая и правовая защита обоих государственных языков республики, прописывались возможности их равноправного использования в различных сферах жизнедеятельности, закреплялось положение об изучении татарского и русского языков в дошкольных учреждениях, общеобразовательных школах и средних специальных учебных заведениях

в равных объемах (ст.10, п.2). Однако в Законе содержался и ряд специальных пунктов, касавшихся поддержки татарского языка как языка татарской диаспоры (ст.7, п.3.), обеспечения перевода на татарский язык разного рода литературы и фильмов, а также перевода «известных татарских произведений на русский язык» (ст.23, п.1, 2) и т.д. С целью же последовательной реализации положений Закона была принята «Государственная программа по сохранению, изучению и развитию языков народов Республики Татарстан» на 1994–2003 гг. (20 июля 1994 г.).

Важным документом, раскрывающим стратегию республики 1990-х гг. в плане формирования идентичностей, явился и Закон РТ «Об образовании» (19 октября 1993 г. №1982). Здесь в качестве одного из основных принципов политики Татарстана в соответствующей области утверждалась свобода «выбора языка обучения» (ст.4, п.8), прописывалось, что деятельность национально-образовательных учреждений «направлена на возрождение национального самосознания личности, исходя из приоритета общечеловеческих ценностей», и что обучение и воспитание в таких учреждениях проводятся «на основе Концепции развития татарского национального просвещения» (ст.5). Согласно последней, татарская национальная школа должна строиться на национально-нравственных традициях татарского народа с преподаванием на родном языке.

В свою очередь, ст.7 Закона «Об образовании» гласит: «В Республике Татарстан устанавливаются государственные образовательные стандарты, определяющие в числе прочих базовые требования к каждой ступени обучения и воспитания в общеобразовательных учреждениях...». В соответствии с этим, а также с Законом РФ «Об образовании» в республике был разработан региональный компонент в системе школьного образования. В частности, с 1993 г. во всех школах РТ стал изучаться предмет «История татарского народа и Татарстана». В статье же 6 (п.2) Закона в очередной раз закреплялось изучение татарского и русского языков в общеобразовательных учреждениях и учреждениях среднего профессионального образования Татарстана в равных объемах.

Еще одним документом, призванным повлиять на дальнейшее развитие татарского языка и татарской национальной школы, был Закон РТ «О восстановлении татарского алфавита на основе латинской графики» (15 сентября 1999 г. №2352). Его принятие стало результатом дискуссий, которые велись татарской гуманитарной интеллигенцией по проблеме замены кириллицы латинским либо арабским алфавитом. И хотя важность этой замены объяснялась, в первую очередь, фонетикой татарского языка, не последнюю роль в устремлениях национальных элит, по справедливому замечанию Л.В.Сагитовой, играл «фактор становления новой идентичности, включающей в себя попытку утвердить свое отличие от русской культуры» [Сагитова, 1998, с.114].

Усилия местных национальных и политических элит также были направлены в этот период на то, чтобы сделать Татарстан центром культурного притяжения татар всего мира. В связи с этим следует отметить деятельность созданного в 1992 г. (не без содействия руководства РТ) Всемирного конгресса татар, в том числе по объединению татарской молодежи, проживающей в разных странах (организация Всемирного форума татарской молодежи, летних лагерей для татар из разных регионов страны), создание татарских интернет-сайтов [см.: Татарский интернет, 2010], организацию и проведение в Казани Международного фестиваля классического балета имени Р.Нуриева (с 1987 г.) и т.д. Все эти меры имели целью придать процессам этнокультурного возрождения татар не только локальный, но и глобальный характер, что, в свою очередь, призвано было позитивно сказаться на идентичности татар Татарстана.

Ряд принятых в этот период в регионе и связанных с культурой законов не содержал специальных положений, характеризующих стратегию республики в этнонациональной сфере, например, законы РТ «Об охране и использовании культурных и исторических ценностей» (1996 г.), «Об архивном фонде Республики Татарстан и об архивах» (от 13 июня 1996 г., №644) и др. Особенности этнокультурной политики Татарстана данного периода обнаруживают себя при анализе «Республиканской про-

граммы развития культуры в Республике Татарстан на 1998–2001 гг.». Среди целей программы – «содействие развитию культур народов Татарстана». В то же время одна из задач, уточняющих цель, звучит как «сохранение и развитие татарской традиционной культуры и культур народов Татарстана...». Иными словами, приоритет культуры титульного этноса здесь все же не исключается, что отчасти подтверждается системой конкретных, запланированных в Программе мероприятий.

В частности, в подпрограмме «Поддержка и развитие профессионального искусства» мы находим меры по развитию художественной культуры Татарстана в целом. Вместе с тем ряд специальных мероприятий направлен на совершенствование татарского искусства, начиная от «Осуществления постановок татарских опер и балетов по системе социального заказа» (п.1.2 подпрограммы 1) и кончая конкурсами «Татар жыры» («Татарская песня») и «Татар пьесасы» («Татарская пьеса») (пункты 3.2, 3.3 подпрограммы 1). В подпрограмме «Сохранение и использование историко-культурного наследия» в качестве объектов выделяются 7 комплексов археологических и архитектурных памятников, связанных с историей татарского народа и два – русского и т.д. Третий же раздел программы «Поддержка и развитие международного и межрегионального культурного сотрудничества...» был направлен, в первую очередь, на поддержку культуры татарской диаспоры.

В 1990-е гг. в Татарстане проводилась политика активного «выравнивания» развития татарской и русской культур, охарактеризованная программа является тому подтверждением. Это объяснялось необходимостью уравновесить характерные для советского периода тенденции, когда русский язык и культура выступали в роли государственных и были приоритетными на всей территории страны, а языки и культуры других этнических групп оказывались на втором плане. В условиях же крайней ограниченности средств, выделяемых на образование и культуру, в первое десятилетие после провозглашения суверенитета обозначенная направленность политики республики оборачивалась временным неравенством

уже не в пользу русского языка и русской культуры.

Этнокультурную политику Татарстана – региона, в котором религия традиционно выступает одним из основных маркеров этнических границ в определенной мере характеризует и Закон РТ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (14 июля 1999 г. №2279). В нем подчеркивается значение для культур татар и русских (как основных по их численности в республике этнических групп) двух религий – ислама и православия. При этом в статье 10 законодательное закрепление получают конкретные формы централизованного управления в РТ мусульманских религиозных организаций и православной церкви (п.5). Кроме того, Закон оставляет за республиканскими властями право регулировать некоторые вопросы управления религиозными организациями. В частности, на такого рода регуляцию направлено утверждаемое отдельной статьей закона (ст.7) функционирование в поликонфессиональном регионе специального государственного органа РТ по делам религии, призванного анализировать и прогнозировать развитие религиозной обстановки, способствовать укреплению взаимопонимания между религиями, развитию контактов между государственными органами и религиозными объединениями и т.д. В политике РТ данного периода начинает подчеркиваться поликонфессиональность республики и фактически провозглашается официальное признание двух основных религий – ислама и православия. Причем дискурс властей в определенной мере способствует закреплению в сознании населения связей конфессиональной и этнической идентичностей.

В свою очередь, ряд специальных мер направлен в эти годы на формирование и укрепление регионального самосознания населения РТ, в частности, объявление 30 августа (даты принятия Декларации о государственном суверенитете республики) праздничным днем – Днем Республики Татарстан. В этот главный праздник РТ ее Президент традиционно обращается к жителям региона с поздравлением, устраиваются общенародные гуляния, завершаемые вечерним салютом.

Реализация охарактеризованных направлений этнокультурной стратегии Татарстан нашла свое отражение в статистических данных по развитию в республике языков и культур. Так, с целью «проведения в жизнь» языковой политики РТ на протяжении 1990-х гг. были открыты либо перефилированы более 170 школ и гимназий, обучение в которых стали вести на татарском языке. До конца 1980-х гг. татарский язык не преподавался в русскоязычных школах. После принятия Закона «О языках» во всех школах республики постепенно введено обязательное изучение татарского языка и литературы.

В эти годы начинает разрабатываться региональный компонент в системе общего среднего образования РТ. С 1993 г. в школах региона введен учебный курс «История татарского народа и Татарстана» (8–11 классы). В образовательных же учреждениях (и классах) с обучением на татарском языке изучается (5–7 классы) предмет «История и культура татарского народа». В свою очередь, в творческих вузах и училищах открылись кафедры и отделения татарского искусства.

В культурной политике республики большое место стало отводиться возрождению обрядов, обычаев, праздников этносов Татарстана. В 1991 г. из состава Республиканского научно-методического центра, занимающегося проблемами сохранения традиционной культуры, в самостоятельную организацию выделился Государственный центр татарского фольклора; в 1995 г. при Управлении культуры администрации города Казани был создан Центр русского фольклора.

Наконец, этнические аспекты осуществлявшейся в РТ в 1990-е гг. культурной политики также нашли свое отражение в следующих статистических данных. Из функционировавших на начало 2000-х гг. 43 музеев республики экспозиции примерно равного количества были посвящены жизни и творчеству русских и татарских деятелей культуры и искусств – А.М.Горького, Е.А.Боратынского, И.И.Шишкина, Б.Л.Пастернака, Г.Тукая, Б.Урманче, К.Насыри, Г.Исхаки и др. Паритетные показатели были получены за счет открытия ряда учреждений, связанных с творчеством представите-

лей татарской художественной школы. На возрождение идентичности татар в первую очередь было направлено и открытие на базе Казанского филиала Центрального музея В.И.Ленина Национально-культурного центра (НКЦ) «Казань».

Таким образом, ряд внешних показателей культурного развития Татарстана 1990-х гг. свидетельствует о постепенном «подтягивании» по основным параметрам позиций татарской культуры к русской. По некоторым же количественным данным татарская культура даже начала опережать русскую. В то же время в Татарстане оставались сферы, в которых русская и русскоязычная культура продолжала занимать уверенные и даже господствующие позиции. Например, на 1 января 2001 г. в республике было зарегистрировано 547 медиа. Из печатных средств массовой коммуникации более половины (55,8%) вели свою деятельность на русском языке, одна четверть (25,1%) на обоих государственных языках республики и лишь одна восьмая – на татарском (12,2%); Имелись также издания, выходившие на других национальных языках (чувашском, удмуртском и т.д.). В названной ситуации языковой асимметрии медиаполитика властей была направлена, прежде всего, на поддержку татароязычных СМИ.

Высоким оставался статус русскоязычной школы; русский язык продолжал занимать лидирующие позиции в качестве основного языка общения на работе, а также в быту. В свою очередь, произведения русских композиторов, драматургов, художников сохраняли важное место в программах театров и концертных залов, в экспозициях музеев и выставочных залов Татарстана. Хотя за годы постперестроечного развития удельный вес работ татарских драматургов, музыкантов, художников в них увеличился.

Что же касается развития культур так называемых «этнических меньшинств» Татарстана, следует отметить, что в 1992 г. по инициативе властей республики при поддержке лидеров национально-культурных обществ в Казани был проведен Первый съезд народов Татарстана, на котором принято решение о создании Ассоциации национально-культурных обществ (АНКО РТ). 26 мая 1999 г. с целью оказания государственной

поддержки общественным национально-культурным организациям, входящим в состав АНКО РТ, в Казани был открыт Дом дружбы народов, а с момента принятия в республике Закона «о языках», началось расширение сети не только татарских национальных школ, но и школ других народов Татарстана.

Рубеж 1990–2000-х гг. был ознаменован в России новым выстраиванием правовой вертикали, в том числе в этнокультурной сфере. Шаги Центра по укреплению собственных позиций в кадровой и финансовой областях были призваны способствовать дальнейшему объединению политико-правового и социально-экономического пространства российского государства. Такого рода преобразования стали возможными в условиях уже произошедшего во второй половине 1990-х гг. снижения активности этнополитических движений, достигнутой относительной стабилизации отношений центра с так называемыми «национальными регионами РФ», а также постепенного выхода страны из глубокой экономической депрессии конца 1990-х гг.

В данном контексте все более очевидным становится стремление политических лидеров России мобилизовать идеологические усилия для интеграции многообразного в этнокультурном плане населения страны. Задача формирования единой российской идентичности ставится в рамках федерального политического дискурса. Так, Президент РФ В.В.Путин в своих выступлениях начинает активно употреблять термины «российская нация», «единый народ России», «единая нация» [Путин, 2007]. Д.А.Медведев (президент РФ в 2008–2012 гг.) подчеркивал, что единство нации является одной из высших духовных ценностей страны [Медведев, 2008].

В связи с этим обращает на себя внимание и факт законодательного закрепления национальных символов российского государства. Симптоматично, что именно в начале 2000-х гг., когда начинается новое укрепление российской государственности и национального единства, в стране принимаются законы «О государственном флаге РФ» (25 декабря 2000 г., №1–ФКЗ), «О государственном гербе РФ» (25 декабря 2000 г., №2–ФКЗ) и «О гимне

РФ» (25 декабря 2000 г., №3–ФКЗ). При этом вновь утвержденные флаг и герб демонстрировали собой отказ от революционной символики (красного флага и герба с серпом и молотом). Они восстанавливали (с некоторыми изменениями, вариантами) символы того периода развития России, когда она была сильной и крепкой державой, будучи признанными олицетворять преемственность отечественной истории, признание и гордость за былые победы страны. В том же духе звучит и новый текст гимна. Он, хотя и написан С.Михалковым на музыку принятого в советский период гимна В.Александрова, содержит такие характерные для российского дореволюционного высокого стиля выражения, как: «священная наша держава», «храняемая богом родная земля». Одновременно «следы» влияния советской эпохи заметны в строках типа: «широкий простор для мечты и для жизни грядущие нам открывают года», «братских народов союз вековой» и т.п.

Таким образом, становление новой российской государственности в 1990-е гг. началось с поиска символов и образов, способных объединить граждан страны. Этап же ее укрепления был ознаменован законодательным утверждением данных символов. В то же время принятие названных законов было призвано уравновесить характерные для предыдущего периода тенденции усиления значимости идентичностей региональных, чему, в свою очередь, способствовала политика, проводимая властями национальных республик РФ.

Активное обсуждение вопросов формирования российской гражданской нации открывается в этот период отечественной интеллектуальной элитой. В стране начинают реализовываться конкретные «идеологические проекты интеграции», строящиеся вокруг тех или иных идей – «победы в Великой отечественной войне», «православия», «достижений россиян в спорте», «побед в международных эстрадных конкурсах» и т.д. Они активно продвигаются и пропагандируются средствами массовой информации РФ, будучи призванными объединять, сплачивать, формировать единую российскую идентичность.

Рассмотрим, как обозначенные тенденции проявили себя в принимаемых федеральным

центром документах в области культуры и этнокультурного развития. В первую очередь знаковым стало вступление в силу нового Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» (1 июня 2005 г., №53-ФЗ), официально оформившего статус в качестве такового русского языка. Закон гарантирует его использование на всей территории страны (введение) и определяет сферы его обязательного применения (ст.3), обеспечивает право граждан РФ на пользование государственным языком (введение) и определяет меры, предпринимаемые федеральными органами государственной власти по его защите и поддержке (ст.4), предусматривает ответственность за принятие в РФ и в субъектах законов и нормативных правовых актов, «направленных на ограничение использования русского языка как государственного языка Российской Федерации» (ст.6).

Среди других шагов в этом направлении – принятие федеральных целевых программ «Русский язык» на 1996–2000 гг., 2002–2005 гг. и 2006–2010 гг. В них подчеркивается интеграционная функция русского языка, как средства «укрепления государственности», как элемента, объединяющего «политическую, экономическую и культурную сферы жизни на территории Российской Федерации», «как одной из важнейших социально-культурных составляющих консолидации российского гражданского общества» [Федеральная целевая программа, 2007].

Желанием сохранить и упрочить единое культурно-символическое пространство страны было обусловлено и утверждение Федерального закона «О внесении дополнения в Закон «О языках народов РФ» (11 декабря 2002 г., №165-ФЗ). Согласно ему, алфавиты государственных языков Российской Федерации и республик строятся на графической основе кириллицы. По сути, это было ответом на принятие в 1999 г. Госсоветом Республики Татарстан Закона «О восстановлении татарского алфавита на основе латинской графики», которое расценивалось федеральными властями как сепаратистское, не способствующее интеграции народов России.

Смещение акцентов в этнонациональной стратегии Центра с многообразия на интеграцию сказалось и на сфере образования.

Так, принятый 1 декабря 2007 г. Закон РФ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта» (№ 309-ФЗ) закрепил новое его понимание: отныне государственный образовательный стандарт не делится на федеральный и региональный компоненты, а является единым федеральным государственным стандартом. Соответственно, из Закона РФ «Об образовании» исключается пункт, касающийся установления субъектами РФ «региональных (национально-региональных) компонентов государственных образовательных стандартов» (ст.29, п.8 Закона РФ «Об образовании»). В качестве же одной из основных функций названных стандартов закрепляется обеспечение «единства образовательного пространства Российской Федерации» (ст.7 п.3 новой редакции Закона РФ «Об образовании»).

Определившиеся в начале 2000-х гг. новые стратегии формирования идентичностей в России проявили себя и в ходе подготовки и проведения переписей населения страны 2002 и 2010 гг. Как известно, в советский период господствовала тенденция жесткого приписывания индивида к этносу в соответствии с официальным «списком», которая базировалась на примордиалистских представлениях об этничности. В 2000-е гг. эта политика сменяется стратегией акцентирования свободы выбора этнической идентичности, то есть ее субъективизации. Так, в процессе подготовки всероссийских переписей был расширен «перечень национальностей», а в ходе переписи 2002 г. из переписного листа исключен вопрос о родном языке. Все это также являлось сопряженным с усилиями власти по укреплению общероссийской идентичности по отношению к этнической, в связи с чем вместо этнических категорий стало допускаться указание гражданских («россиянин» и т.д.).

В свою очередь, в 2000-е гг. на федеральном уровне также предпринимались усилия по преодолению характерной для 1990-х гг. тенденции политизации этничности, когда руководство регионов РФ связывало вопросы этнокультурного развития с реше-

нием политических задач, с достижением и сохранением относительной самостоятельности территорий. В связи с чем, во-первых, центром стала артикулироваться важность замены термина «национальная политика» на «политику этнокультурную» в случае, если речь ведется о политике «в отношении российских национальностей» [Тишков, 2003а]. Соответственно, термин «национальная политика» высвобождается для «политики обеспечения национальных интересов страны...» [Тишков, 2009]. Во-вторых, обозначается стремление федеральных властей разграничить вопросы государственно-территориального деления России, самостоятельности субъектов федерации и этнокультурного развития, то есть перевести этнонациональные проблемы в этнокультурное русло, а выражение этнокультурных интересов населения с институционального уровня (субъектов федерации) на личностно-персональный и групповой [см.: Мусина, ред., 2009, с.371–372]. И это также обнаруживает федеральную стратегию постепенной субъективизации этничности, нейтрализации источников ее актуализации. При этом и региональные идентичности, во многом базировавшиеся на идее поддержания и развития этноязыков и этнокультур, должны были бы отчасти потерять свою значимость и начать вытесняться идентичностью общероссийской.

В связи с обозначенными установками задача сохранения этнокультурного многообразия также постепенно видоизменяется. На уровне Российской Федерации она начинает формулироваться уже не как самостоятельная ценность, а как способ «интеграции граждан любой этнической принадлежности в общероссийское социально-экономическое и культурное пространство...» [Тишков, 2003а].

Так, в России в конце 1990-х – 2000-е гг. был принят ряд федеральных программ в области культуры: «Развитие и сохранение культуры и искусства Российской Федерации (1997–1999 гг.)»; «Культура России (2001–2005 гг.)»; «Культура России (2006–2010 гг.)». В системе принципов, задач культурной политики государства, конкретных мероприятий все большее место отводится

тем, что направлены на консолидацию, интеграцию российского общества. Формулировки же принципов поощрения многообразия постепенно сглаживаются, речь все чаще идет не о спонсировании государством развития языков и культур различных этносов, системы национального образования, а о поддержке этнокультурных инициатив самих граждан, содействии их взаимному контакту, диалогу и обмену.

Названная тенденция проявляется, отчасти, и при анализе проекта нового варианта Концепции государственной национальной политики Российской Федерации [см.: Национальная политика РФ, 2007], который, с одной стороны, имеет черты преемственности по отношению к Концепции 1996 г., с другой – является воплощением характерной для 2000-х гг. стратегии этнокультурного развития РФ. В частности, в формулировке задач государственной политики в культурной и образовательной областях появляются пункты «воспитание патриотизма и формирование общероссийской гражданской идентичности», «уважения к истории России, символам государства», в международной сфере – также значимое для становления национальной идентичности россиян «укрепление позитивного международного имиджа России...». Одновременно задача «укрепления и совершенствования национальной общеобразовательной школы как инструмента сохранения и развития культуры и языка каждого народа...» (см. Концепцию 1996 г.) в названном варианте Концепции отсутствует. Отсутствует также показательный в концептуальном плане принцип этнокультурной политики РФ 1990-х гг. – «содействие развитию национальных культур и языков народов Российской Федерации». В сущности, он закреплял за государством функцию поощрения этнокультурного многообразия страны, возлагая на него ответственность за выживание этносов и их культур. В то же время в анализируемый проект Концепции вошел связанный с международными обязательствами России принцип «защиты прав национальных меньшинств». Однако это дополнение обретет свой смысл лишь в случае достижения политиками и учеными согласия по во-

просу о том, какие народы должны быть отнесены в нашей стране к национальным меньшинствам.

Иными словами, центральные власти и в 2000-е гг. не отказываются от политики признания этнокультурных различий. Не отказываются они и от отдельных форм создания гражданам условий для реализации потребностей в названной сфере (см. раздел «Основные направления реализации государственной национальной политики») проекта Концепции. Однако на федеральном уровне обозначается постепенный отход от стратегии спонсирования многообразия. Патернализм же в настоящее время характерен в первую очередь для политики государства по отношению к наименее защищенным в социокультурном плане группам населения. Среди такого рода групп, прежде всего, находятся коренные малочисленные народы страны. Им в названный период посвящен целый ряд федеральных законов и программ (Закон РФ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (20 июля 2000 г., №104-ФЗ), «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (7 мая 2001 г., №49-ФЗ) и др.), на них делается акцент во вновь разрабатываемых в РФ документах, в частности, в названном выше новом проекте Концепции. Кроме того, особым объектом государственной этнонациональной политики Российской Федерации становятся репрессированные во время Великой Отечественной войны российские немцы. В частности, на поддержку их социально-экономического и культурного развития были направлены две федеральные целевые программы – на 1997–2006 гг. и 2008–2012 гг. [Развитие социально-экономической и культурной базы, 1997; Развитие социально-экономического и этнокультурного потенциала российских немцев, 2007].

Наконец, в России, столкнувшейся с межэтническими конфликтами, проявлениями фундаментализма и терроризма на Северном Кавказе, увеличением числа мигрантов и отдельными вспышками ксенофобии и ми-

грантофобии со стороны принимающего населения, в первое десятилетие нового века начинают артикулироваться задачи, являющиеся неизменными спутниками политики этнокультурного плюрализма: формирования толерантности населения путем организации межкультурного и межконфессионального диалога, нахождения равновесия между тем, что людей различает и соединяет; регулирования межэтнических отношений и предупреждения межэтнических конфликтов; противостояния крайним проявлениям национализма и экстремизму. На решение перечисленных задач в характеризуемый период были направлены: Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» (25 июля 2002 г., №114-ФЗ), Федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001-2005 годы)» (принята постановлением Правительства РФ 25 августа 2001 г.). Здесь же следует назвать и проект Федерального закона «Об основах государственной политики в сфере межэтнических отношений в Российской Федерации». Причем во всех этих документах проявляется укрепление статусных позиций центра в регулировании соответствующих вопросов.

В республиках РФ некоторые из обозначенных выше изменений этнонациональной стратегии центра вызывают поначалу скрытое или явное недовольство элит и части интеллигенции. В частности, это касается вопроса о признании или непризнании этнического фактора в качестве основы федеративного устройства страны. Причем в начале 2000-х гг. в защиту национально-территориального построения федерации в России выступают не только национальные и политические лидеры Татарстана, но и ряд ученых. Они предостерегают, что «разрушение национальной государственности народов» [см.: Фарукшин, 2009, с.107; Хакимов, 2009, с.94] может привести к «политической дестабилизации (дательный падеж. – Г.М.) с непредсказуемыми для страны и ее многонационального народа последствиями» [Фарукшин, 2009, с.107], то есть проблемы этничности неразрывно связываются ими с вопросами регионализма. Для доказательства же эффективности модели этнофедера-

лизма ими приводятся примеры ряда западных государств (Канада, Швейцария).

Региональные элиты высказывают возражения и по поводу принятого в РФ курса на субъективизацию этничности и, соответственно, ослабление этнической идентичности в процессе подготовки и проведения переписных кампаний 2000-х гг. В частности, в Республике Татарстан в начале 2000-х гг. актуализировались проблемы «перечня народов» и «раздробления татарского этноса» [см.: Соколовский, 2002, с.207–237; Исааков, 2002 в, с.235–249], связанные с выделением в «списке» национальностей таких этнических групп, как кряшены, сибирские татары и др., классифицировавшихся ранее – в переписях советского периода – как татары. В этом нововведении политические и национальные лидеры видели способ занижения численности татар с целью «упразднения» национальных республик и «губернизации России». Критиковалась и политика реализации переписи в связи с обсуждением проблемы «башкиризации» татар в Республике Башкортостан [см.: Исааков, 2005], а также усложненная методика вопроса о родном языке (в ходе переписи 2010 г. поднимались те же темы [см.: Исааков, 2010 в; Галеев, 2010 и др.], однако накал вокруг них существенно снизился).

В то время как политики федерального Центра проводят проекты формирования общероссийской идентичности, руководство регионов продолжает (хотя и в меньшей степени и, отчасти, на иной основе) прилагать усилия, направленные на укрепление идентичностей региональных. Так, в Татарстане еще до утверждения федеральных законов о языке, гимне и флаге, уже принят Закон «О государственных символах Республики Татарстан» (14 июля 1999 г., №2284). Эти символы отсылают нас в первую очередь к истории и культуре титульного этноса республики. Хотя сама региональная общность трактуется как объединяющая все население РТ, а к середине первого десятилетия 2000-х гг. – как часть общероссийской.

Важно отметить, что власти регионов стараются в первое десятилетие 2000-х гг. сохранить достижения 1990-х гг. в плане развития национальных языков и культур. В частности, Татарстан стремится

придерживаться основных направлений этнокультурной политики РТ, связанных с укреплением статуса татарского языка (наряду с русским) как государственного языка республики, развитием татарской национальной школы, поддержкой татарской культуры, тем самым, в конечном счете, и с развитием этнокультурной идентичности татар. Так 28 июля 2004 г. в республике был принят Закон «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Татарстан "О языках народов Республики Татарстан"» (№44-ЗРТ). В нем дается новая редакция Закона, прописываются новые меры, направленные на расширение сфер функционирования татарского языка в обществе. Здесь также сохраняется основополагающее для языковой политики республики положение о том, что татарский и русский языки изучаются в школах РТ в равных объемах (ст.9, ранее ст.10 Закона). В том же 2004 г. в республике была утверждена Государственная программа РТ по сохранению, изучению и развитию государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2004–2013 гг. (11 октября 2004 г., №52-ЗРТ), направленная на реализацию новых задач в области языковой стратегии.

Одним из приоритетов этнокультурной политики республики остается и татарская культура, что находит отражение в отдельных программах культурного развития (например, в «Целевой комплексной программе сохранения культурного наследия "Мирас – наследие" на 2007–2009 гг.»), в конкретных мероприятиях, в том числе связанных с юбилейными датами и т.д.

В начале 2000-х гг. развитие татарской национальной школы также продолжало поддерживаться региональными властями. Так, к концу 2004 г. в 1210 школах республики обучение проходит по учебному плану татарских школ. Из них 94 имеют статус «учебных заведений нового типа», поскольку являются школами с углубленным изучением татарского языка. Кроме того, в 403 школах Татарстана к этому периоду действуют классы, обучение в которых ведется либо на татарском, либо на русском языке.

Тем не менее с принятием Федерального закона «О внесении изменений в отдельные

законодательные акты Российской Федерации в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта» (1 декабря 2007 г., №309), отменившего возможность самостоятельного установления субъектами РФ региональных компонентов, положение дел в названной сфере осложняется. Элиты республик высказывают опасение, что это нововведение приведет к «ограничению прав народов РФ на национально-культурное развитие» [Права народов России, 2008], к постепенному закрытию школ с этнокультурным компонентом и сокращению объемов преподавания в школах татарского языка и литературы, истории татарского и других народов. Соответственно, это вызывает у них негативную реакцию. В частности, Р.С.Хакимов отмечает: «Мне как политику с солидным стажем, непонятно, зачем вообще отменять региональный компонент. Что, в России не хватает проблем?». «Зря на ровном месте такую проблему создают, – в свою очередь подчеркивает председатель комитета по культуре, науке, образованию и национальным вопросам Госсовета РТ Р.Валеев. – Кому плохо от того, что татары изучают татарский язык, чувашки – чувашский и так далее?». Как подготовку «к отмене многонациональности Российской Федерации» появление названного Закона трактует Ф.Ш.Сафиуллин [Сафиуллин, 2010]. Д.М.Исхаков же призывает не останавливаться в отстаивании своих этнокультурных прав и идти дальше – вплоть до международного суда [Звезда Поволжья, 2009, 14–20 мая].

Таким образом, решения РФ вокруг этнорегионального компонента были оценены национальными элитами весьма отрицательно. Причем следует отметить, что данный вопрос до сих пор остается предметом споров и взаимной корректировки позиций федерального Центра и регионов России.

Дискуссии в обозначенный период велись и относительно возможности введения в систему среднего образования России урока православия. Они начались 25 декабря 2007 г. с объявления главы Русской православной церкви Алексия II о том, что с 1 сентября 2009 г. в школах страны повсеместно начнется преподавание «Основ православной культуры». В Татарстане национальной

и политической элитой республики, а также духовенством было выдвинуто встречное предложение о замене данного предмета факультативом «История религии». Обобщая же проходившие в стране в последние годы обсуждения по данному вопросу, Президент РФ Д.А.Медведев на специальном совещании с лидерами религиозных общин 21 июля 2009 г. сообщил о том, что с 2010 г. в нескольких регионах страны в качестве эксперимента будут введены «Основы религиозной культуры и светской этики».

Между тем в указанной сфере возникла новая спорная ситуация, связанная с утверждением Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России» от 26 мая 2010 г., в перечне значимых для страны событий которого оказался – День крещения Руси (28 июля) [см.: Отзывы татарской общественности, 2010]. В ответ на это региональные власти предложили признать на общероссийском уровне еще одну дату – принятие в России ислама. Законом же РТ «О внесении изменений в Закон Республики Татарстан "О праздничных и памятных днях Республики Татарстан"» (14 октября 2010 г., №74-ЗРТ) День официального принятия ислама Волжской Булгарией (21 мая) устанавливается как памятная дата в регионе.

Что же касается осуществляемой республиканскими властями политики по отношению к религиям, нужно заметить, что на официальном уровне в 2000-е гг. всячески подчеркивается равноправное положение в Татарстане ислама и православия при признании других исповедуемых населением региона религий. Причем теперь региональными политическими элитами делается акцент на специфике «местного» ислама, который обозначается как «евроислам», «мирный ислам». Такого рода действия, очевидно, призваны умиротворить отношение федеральных политиков к российским мусульманам, к которым в той или иной мере относит себя большая часть титульного этноса РТ, когда российский ислам артикулируется как «свой», отличный от традиционного ислама арабских государств [см.: Сагитова, 2009, с.125–162].

Нужно подчеркнуть, что, стремясь сохранить основные принципы и приоритеты культурных политик 1990-х гг., власти субъ-

ектов РФ были вынуждены, учитывая складывающееся не в пользу укрепления их статуса и позиций соотношение сил, уже с начала 2000-х гг. начать корректировку своих позиций. В частности, постепенное выстраивание правовой иерархии, когда конституции, уставы и законы республик приводятся в соответствие с федеральными, сказалось и на правовых основах регулирования вопросов этнокультурной жизни. Так, в Татарстане в данный период вносятся изменения и дополнения в ряд соответствующих законов, принимаются новые законы и редакции, в которых имеются обязательные отсылки к соответствующим федеральным законам. Более четко, нежели в 1990-е гг., прописывается соотношение законодательств РФ и РТ о языке и культуре, уточняется ряд моментов, касающихся взаимодействия центральных и региональных властей и органов управления в указанной сфере, исключается ряд положений, противоречащих федеральному законодательству. К примеру, в новой редакции Закона «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в РТ» от 28 июля 2004 г. №44-ЗРТ теперь прописывается, что законодательство РТ о языках «основывается на соответствующих положениях Конституции Российской Федерации, Конституции Республики Татарстан, Закона Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» (ст.1). Из третьей статьи о языках изымается формулировка о Республике Татарстан как государстве. Наконец, вводится уточнение, касающееся языка ведения официальной переписки с адресатами РФ и ее субъектами, каким является русский язык (гл. III, ст.15).

Особенностью этнокультурной стратегии РТ в первое десятилетие 2000-х гг. становится и ее корректировка по отношению к русскому языку и русской культуре. Так, в ноябре 2002 г. состоялась широко освещавшаяся в СМИ Татарстана встреча Президента РТ М.Ш.Шаймиева с руководителями русских национально-культурных обществ и центров, где обсуждались проблемы развития в регионе русского языка и культуры. 20 мая 2003 г. было принято Постановление Кабинета Министров РТ «О проведении Республиканского праздника русского

фольклора "Каравон"» (№274). Активнее, чем в прошлые годы, стала праздноваться Масленица.

В 2001 г. разрабатывается Республиканская целевая программа «Русский язык в Татарстане» на 2001–2005 гг. (от 22 февраля 2001 г.). В республиканскую же целевую программу «Развитие культуры в РТ на 2004–2007 года» (подпрограмма «Сохранение и использование недвижимого историко-культурного наследия»), помимо таких крупных, связанных с православием архитектурных памятников, как Благовещенский собор в Казанском кремле и архитектурный комплекс острова Свяжск, были включены церкви в городах и ряде районов Республики Татарстан.

Некоторые конкретные меры в культурной политике республики названного периода, очевидно, были призваны продемонстрировать декларируемый региональными властями паритет развития татарской и русской культур в Татарстане (как культур двух основных по численности в республике народов, один из которых является титульным в РТ, другой в России), исторически связанных, соответственно, с мусульманством и православием. Среди такого рода мероприятий: почти одновременное открытие отреставрированного Благовещенского собора и вновь построенной мечети «Кул Шариф» в Казанском кремле (2005 г.) [Мечеть «Кул Шариф» и Благовещенский собор, 2010]; следующие друг за другом решения о поддержке развития историко-архитектурных комплексов Свяжска (исторического оплота православия на территории Татарстана) и Болгар (города, основанного исторически предками татар) [см.: Болгарское государство, 2007; Возрождение Свяжска, 2007], объединенных в 2010 г. в проект «Культурное наследие Республики Татарстан: древний город Болгар и остров-град Свяжск» и др.

Характерной же чертой этнокультурной политики республики последних лет становится провозглашение в ряде официальных документов мультикультуралистских по своей сути принципов. В частности, в целях и задачах программы «Развитие культуры в РТ на 2004–2007 гг.» прописаны принципы «поддержки многообразия культурной жизни» и «создания условий

для диалога культур в многонациональной республике» (паспорт программы). Причем, будучи продекларированными в начале программы, они получают свое закрепление в ее последующих разделах. Специально на защиту прав «граждан Российской Федерации в Республике Татарстан, относящих себя к определенной этнической общности, находящейся в ситуации национального меньшинства» (ст.1), направлен Закон РТ «О национально-культурных автономиях в Республике Татарстан» от 12 мая 2003 г., №15-ЗРТ. В нем уточняются меры, предпринимаемые органами государственной власти региона по поддержке инициатив НКА.

В 2007 г. на III съезде народов Татарстана принята Концепция государственной национальной политики Республики Татарстан (утверждена указом Президента РТ №УП-312 от 3 июля 2008 г.). Здесь на программном уровне закрепляются не только характерные для стратегии признания этнокультурного многообразия принципы соблюдения прав личности «на свободное этническое самоопределение», «удовлетворение этносоциальных, культурно-бытовых, религиозных и духовно-нравственных потребностей» [см.: Национальная политика РТ, 2010], но и свойственные политике «обеспечения самобытности» принципы «содействия развитию национальных культур и языков, сохранению традиционного жизненного уклада, народных промыслов и ремесел, обычаев и обрядов», «бережного отношения к историческому наследию и национальному достоянию народов» [см.: Национальная политика РТ, 2010] и т.д. Причем, на основе утверждения прав всех народов Татарстана на свободное этнокультурное самовыражение власти республики стремятся теперь выстроить и региональную татарстанскую идентичность.

Тем самым обозначившуюся в регионе в конце первого десятилетия 2000-х гг. линию можно охарактеризовать как стратегию этнокультурного плюрализма, или, как ее называют на Западе, политику идентичности. Важной же стороной, идеологическим компонентом последней, как уже отмечалось выше, обычно выступает воспитание толерантности к «другим» языкам, культурам и их носителям.

Стоит, однако, заметить, что в Республике Татарстан вплоть до последних лет артикулировалось отсутствие каких-либо проблем в сфере межэтнических и межкультурных отношений, когда уже сама политика многокультурности трактовалась как важнейшее условие взаимного признания, взаимопонимания, а также социально-политического сплочения многообразного в этнокультурном плане населения. И все же постепенно руководство Татарстана пришло к осознанию важности и необходимости предпринять на региональном уровне некоторые специальные усилия в этом направлении, в связи с чем в 2008 г. была принята Республиканская целевая программа по профилактике терроризма и экстремизма в Республике Татарстан на 2009–2011 гг. (Постановление Кабинета министров РТ №956 от 31.12.2008 г.). Последней утверждаются не только действия по предупреждению собственно терроризма и экстремизма, но и ряд превентивных мер, направленных на формирование отношений терпимости и взаимопонимания между представителями различных этноконфессиональных общностей.

Итак, проводимая в 1990-е гг. политика характеризовалась следующими особенностями.

1. В условиях крайней ослабленности Центра в начале 1990-х гг. речь не могла идти о стратегии целенаправленного и последовательного формирования на федеральном уровне тех или иных идентичностей. Тем не менее в ходе переговоров с руководством национальных республик РФ в этот период были заложены основы новой этнокультурной политики страны. Она была мультиэтнической по сути, отличалась признанием и поддержкой этнокультурной самобытности и осуществлялась в двух формах – этнотерриториальной и национально-культурной автономии. Будучи политикой «институционализации и спонсирования» «многонациональности» в России [Тишков, 2003 а], она на деле способствовала воспроизведению многообразия этнокультурных идентичностей. Интегративные же моменты были тогда разработаны слабо.

2. Сама сложившаяся ситуация, в силу вынужденной передачи Центром ряда полномочий в области этнокультурного раз-

вития в регионы, отказа от концентрации функций управления культурной жизнью в центральных органах власти и управления, также косвенно содействовала укреплению региональных идентичностей.

3. На волне происходивших в России процессов децентрализации, провозглашения и утверждения суверенитета Татарстана, в республике была разработана новая, относительно самостоятельная этнокультурная политика. В условиях стимулируемого национальными элитами роста значимости этничности она была этноориентированна, способствуя возрождению и развитию в первую очередь татарского языка и культуры, поднятию статуса татар. Тем самым эта стратегия не только базировалась на потребности населения в сохранении своих этнических идентичностей, но и была направлена на укрепление их значимости, возрастание интереса представителей различных этнических групп РТ, прежде всего титульной, к своим традициям и культуре.

4. Политика республики, в том числе в области этнокультурного развития, была также устремлена в эти годы на построение общерегиональной татарстанской идентичности.

Этнокультурные же политики РФ и РТ первого десятилетия 2000-х гг. в плане их направленности на формирование этнокультурных и гражданских идентичностей также имеют свои особенности.

1. Усилия Центра концентрируются в этот период, прежде всего, на сплочении политико-правового и социокультурного пространства страны, на формировании единой российской нации. Такого рода стратегия проводится путем:

– приведения законодательств субъектов РФ, в том числе в этнокультурной сфере, в соответствие с федеральным;

– законодательного закрепления национальных символов России, утверждения статуса русского языка (и русской культуры) как основы становления российской идентичности, формирования единого государственного образовательного стандарта и тому подобных мер;

– разработки и проведения ряда конкретных идеологических проектов интеграции.

2. При сохранении принципа признания этнокультурного многообразия власти РФ

постепенно отказываются от его спонсирования, оставляя за собой поддержку социокультурному развитию коренных малочисленных народов и некоторых других наименее защищенных групп населения. Они также стремятся увести страну от характерной для 1990-х гг. тенденции политизации этничности и перевести этнонациональные проблемы в этнокультурное русло. Все это должно было вести к некоторой субъективизации этнических идентичностей (когда их выбор и поддержание становятся личным делом каждого и предметом инициативы самих этнических групп), снижению степени их актуальности и связи с региональными идентичностями. Одновременно федеральный Центр берет на себя задачу формирования толерантности населения, регулирования межэтнических отношений в стране.

3. Политика Республики Татарстан в 2000-е гг. – это во многом реакция на требования и предписания федерального Центра, а руководство региона стремится

придерживаться основных сложившихся в предыдущий период направлений этнокультурной стратегии РТ. Это касается сохранения и развития татарского языка, татарской культуры и татарской национальной школы. В то же время предпринимается ряд дополнительных мер по развитию русского языка и русской культуры в Татарстане, что приводит к утверждению паритетности татарской и русской культур. Такого рода действия должны были способствовать, с одной стороны, сохранению высокого статуса и актуализированного самосознания титульной этнической группы республики, с другой – улучшению социального самочувствия и укреплению позитивной идентичности русских РТ.

4. Региональная татарстанская идентичность начинает артикулироваться в данный период как составная часть общероссийской и базироваться на декларируемой и закрепляемой на программном уровне политике многокультурности.

§ 2. Динамика межэтнических отношений и идентичностей в Татарстане в 1990–2000-е гг.

Гульнара Габдрахманова, Розалинда Мусина

Эпоха перестройки и последовавшей за ней распад СССР, крушение советской идеологической системы ознаменовали собой кардинальную трансформацию общественных отношений и социальных ценностей на всем постсоветском пространстве. Особым маркером изменений стала актуализация этнического фактора, который в Российской Федерации и в 2000-х гг. оставался значимым элементом политической, социальной, культурной сфер. Драматургия сохранения роли этнического фактора в стране заключается в том, что этничность в течение 20 лет постсоветской истории проявила высочайшую мобильность, в том числе и за счет формирования этнической солидарности, ее включения в матрицу повседневной социальной идентичности населения и в процессы государственного строительства. Именно эта идентификационная и идеологическая подвижность этничности особенно ярко проявились в истории Татарстана 1990–2000-х гг. и, прежде всего, у та-

тар. В статье рассматриваются изменения в этот период идентичностей татар Татарстана. Эта проблема в сравнительном аспекте раскрывается и у русской части республики, что позволяет показать роль этнической идентичности в процессах поддержания межэтнической толерантности и формирования гражданской идентичности.

Этносоциологическое исследование 1989–1990 гг., проведенное в ТАССР на излете советского периода, показало существование латентного конфликта в этнической сфере региона. Наряду с позитивными результатами национальной политики СССР (увеличение темпов социальной мобильности среди нерусского населения, рост уровня образования, развитие национального профессионального искусства и науки, формирование национальной творческой интеллигенции и т.д.), имело место и асимметричность социального и культурного развития народов. Так, дисбаланс в этнической структуре городского и сельского насе-

ления на фоне обучения в высших и средних специальных заведениях исключительно на русском языке predetermined диспропорции в образовательной и социально-профессиональной структуре региона в пользу русской части населения ТАССР. Татарский язык практически не функционировал в общественно-политической сфере, в сфере материального производства, весьма ограниченно он использовался в сфере обслуживания, образования, массовой коммуникации, в области информации, рекламы. Ислам в советское время был утрачен как целостное мировоззрение татарского народа, сохранившись лишь на уровне обрядовых практик.

Процесс демократизации общества второй половины 1980-х гг. способствовал тому, что различные социальные группы получили возможность заявить о своих интересах. В Татарстане, как и в других регионах СССР, начали формироваться национальные движения за обретение народами больших политических, экономических, этнокультурных прав. Этнополитическая ситуация на всем постсоветском пространстве, национальные движения в ТАССР на рубеже 1980–1990-х гг. привели к актуализации этнического самосознания у татар. Последовавшее укрепление относительной политической независимости Татарстана, благодаря принятию в 1990 г. Декларации о государственном суверенитете Республики Татарстан, в 1992 г. – Конституции Республики Татарстан, подписанию двустороннего Договора о разграничении полномочий между органами власти РТ и РФ, закрепили у татар «... возможность публично высказывать ощущение стигмы собственной идентичности» [Макарова, 2010, с.94]. Использование в исследовании 1994 г. модифицированного теста Куна-Макпартленда (попробуйте 5 раз ответить на вопрос «Кто я?») показало актуализированную этническую идентичность у более 40% (41,2%) опрошенных татар-горожан. Еще в большей степени актуализированность этнической идентичности проявилась при поддержке суждения «Я никогда не забываю о своей национальности». 50,5% татар, опрошенных в городах Татарстана (для выявления степени актуализации этничес-

сти респондентам предлагалось выбрать одно из двух суждений: «Я редко задумываюсь, кто я по национальности» и «Я никогда не забываю о своей национальности»). У русской же части Татарстана в этот период ощущение своей этнической принадлежности было ниже, чем у татар: лишь четверть среди них (24,6% среди горожан) выделяла свою этническую идентичность в идентификационной матрице и 27,2% поддерживало суждение «Я никогда не забываю о своей национальности». Причинами довольно высокого индифферентного отношения к своей этнической принадлежности у русских в этот период стали социально-психологический дискомфорт и растерянность, связанные с потерей государственно-образующей функции и выравниванием их социального статуса с другими народами, с длительной нестабильностью в федеральном Центре, с политикой Татарстана, сконцентрированной вокруг проблем сохранения и развития татарского языка и культуры, с заявлениями радикально настроенных лидеров татарских национальных движений и их поддержкой у части татар. Все эти чувства подкреплялись информацией об ухудшении положения русских в республиках бывшего Советского Союза.

2000-е гг. отмечаются ростом значимости этнической принадлежности как для татар, так и для русских Татарстана. Более существенная актуализация фиксируется у русской части населения республики. Если у татар суждение «Я никогда не забываю о своей национальности» в 1999 г. выбрали 51,9% татар-горожан, в 2002 г. – 61,2%, в 2011 г. – 77,5% (в 2012 г. – 86,4% сельчан), то у русских это распределение следующее: 37,8%, 41,7%, 64,9% (71,0% русских в селе) соответственно. Если почти два десятка лет назад степень этнической актуализированности у русских была выражена почти вдвое слабее, чем у татар, то в начале второго десятилетия XX в. различие менее весомое. Рост этнической идентичности у русских в 2000-е гг. фиксируется в целом по стране [Дробижева, 2011, с.19], что связано с новыми тенденциями в политике федерального Центра по укреплению вертикали власти и позиций русского языка и культуры, призывами отдельных политиков к усилению

этнического национализма как национализма доминирующей нации, что в сумме стимулирует развитие ощущений собственной этнической группы.

Важными компонентами этнической идентичности для татар являются язык, культура и религия (таблица 3.6). В 2000-х гг. по сравнению с 1990-ми гг. у татар усилился интерес к религии и к традиционным обрядам и праздникам. А по отношению к национальной профессиональной культуре наблюдается спад. Так в 1990-х гг. более половины татар отдавали предпочтение творчеству татарских авторов (за исключением изобразительного искусства). От трети до двух пятых ориентировались на русскую и общероссийскую художественную культуру. А в 2000-х гг. доля татар, отдающих предпочтение своей национальной профессиональной культуре, заметно снижается. Теперь уже меньше половины из них, а в области изобразительного искусства – десятая часть, проявляет интерес к работам татарских артистов, писателей, композиторов. В то же время доля высказавших предпочтение русской, а также общероссийской культуре, постепенно повышается, приближаясь к половине [Макарова, 2010, с.177].

На фоне подъема этнической идентичности у татар и русских Татарстана начинает складываться новая территориальная идентичность, включающая в себя российскую и региональную. Еще в первые годы постсоветской России значительная часть татар и русских Татарстана чувствовала себя «жителями СССР». В 1995 г. 21,3% татар и 35,2% русских Татарстана назвали своей Родиной СССР [Столярова, 2008, с.167], в 1998 г. 33% татар и 38,1% русских, живущих в Казани, ощущали в той или иной степени свою общность с жителями СССР. Однако, наши исследования середины 1990-х гг. показывают, что треть татар и русских республики чувствовали себя и гражданами России, и гражданами Татарстана (таблица 3.7). Новая идентичность «мы – татарстанцы», сконструированная в тот период политической элитой Татарстана, нашла широкую поддержку у населения республики и, прежде всего, у татар. В 1994 г. в той или иной степени считали себя татарстанцами 90,6% татар и 54,3% русских, из них около 60% татар и каждый пятый русский связывали свою идентичность больше с Татарстаном. Однако, треть среди русских ощущали себя только гражданами России.

Таблица 3.6

Компоненты этнической идентичности татар Республики Татарстан (%)*

Варианты	1994 г.		2011/2012 гг.	
	город	село	город	село
Язык	74,9	69,8	80,3	86,4
Культура, обычаи, обряды**	65,0	49,8	58,5	62,8
Обычаи, обряды**			71,5	70,4
Родная земля, природа	49,5	40,5	53,4	59,8
Черты характера, психология	20,9	9,3	19,3	22,3
Религия	32,0	43,7	49,7	62,8
Историческое прошлое	21,1	8,3	38,2	31,6
Общая государственность	17,6	10,7	32,2	35,9
Внешний облик	6,4	3,7	8,8	14,6
Другое	1,6	24,7	-	0,3
Ничто не роднит	1,1	-	0,2	-

* Респондент мог выбрать несколько вариантов ответа.

**В исследовании 1994 г. респондентам был предложен ответ «культура, обычаи, обряды», а в исследовании 2011/2012 гг. он был разбит на два варианта – «культура» и «обычаи и обряды».

Таблица 3.7

**Динамика соотношения региональной
и национально-гражданской идентичностей, город (%)**

Варианты ответов	1994 г.		1999 г.		2011 г.	
	татары	русские	татары	русские	татары	русские
В равной мере татарстанцем и россиянином	31,8	35,3	27,1	42,8	52,2	49,4
Больше татарстанцем	58,8	19,0	64,6	26,9	34,2	10,6
Больше россиянином	2,7	36,1	3,6	24,7	12,3	37,6
Другой ответ (затруднились ответить, ни тем, ни другим)	6,7	9,6	4,7	5,6	1,4	2,4

Идентичность «мы – татарстанцы» в республике строилась на этнорегиональной консолидации, но декларировала и имела под собой локально-гражданские основания: «Правительство и татарская элита ... выступали больше от имени многонационального народа республики, чем только от татар ... В Татарстане пропагандируется идеологема татарстанцы-нация – имеется ввиду общность как согражданство» [Дробужева, 1996, с.79]. Политика, которая была заложена в Татарстане в начале 1990-х гг. – это политика культурного плюрализма, заложенная в законодательных документах, а в социальной и экономической сферах она не содержала в себе принцип исключительности по этнической принадлежности. Ни в одном законодательном акте начала 1990-х гг., касающемся социального и экономического развития Татарстана, не были заложены этнические параметры (этнический протекционизм, лоббирование экономических интересов этнических групп, требование знания татарского языка при приеме на работу и т.д.). Поиск такой политики в тот период проходил в сложных условиях. Радикально настроенные члены Татарского общественного Центра выдвигали идею построения самостоятельных «национальных» экономических систем на основе «традиционных трудовых навыков». Умеренно настроенная татарская интеллигенция искала «средний» путь, способный устроить как татар, так и русских Татарстана. В качестве такого варианта предлагалось реализовать идею «национального капитала», которая подразумевала активное участие государства

в экономической жизни республики. Авторы не вкладывали этнического смысла в данный проект и тем самым обеспечивали равенство разных этнических групп в экономике [Исхаков, 1997, с.113]. Интеллектуальной площадкой для обсуждения проблем экономического и этнического возрождения Татарстана стал журнал «Идель». На его страницах предлагались самые разные стратегии развития республики. Ученые-историки связывали экономическое развитие Татарстана с торговыми традициями татарского народа и образовательным потенциалом татарской диаспоры (Р.Амирхан), экономисты и политологи – с возможностями практической реализации договорных отношений с федеральным Центром и созданием политической системы как основы экономики (М.Галеев, Р.Мухаметшин, Р.Курчаков, Р.Хахим), этнологи – с формированием интеллектуальных татарских центров (Д.Исхаков) [Модели экономического развития Татарстана, 1995, с.2–3, 52]. Баланс интересов разных слоев и групп Татарстана впоследствии нашел свое выражение в формуле стратегии республики: «Экономика – это достойная жизнь там, где родился» [Курчаков, 2012]. Именно эта формула обеспечила плавный переход Татарстана к рыночной экономике, политическую и социальную интеграцию этнических групп, заложила принцип разделения экономической и этнической политик республики. И в итоге стимулировало солидаризацию населения Татарстана на внеэтнической, гражданской основе.

Региональную идентичность – мы-татарстанцы – значительная часть населения

в начале 1990-х гг. поддерживала и благодаря политике «мягкого вхождения в рынок», проводимой властями Татарстана. Она в некоторой степени защитила население от обвального ухудшения экономического состояния, характерного для России того времени, обеспечив относительное благополучие в сравнении с другими регионами РФ. Сами же приоритеты региональной идентичности закреплялись и более высоким доверием к органам власти Татарстана: 41,2% опрошенных в 1994 г. татар и 20,8% русских в городах РТ и 59,1% и 21,3% – в селах выразили доверие республиканской власти, тогда как федеральной власти – соответственно 4,2% и 11,2% горожан (0,5% и 4,9% сельчан). В этом проявлялось и признание экономических успехов Татарстана, и осознание того, что власти не допустили радикализации национального движения, этнизации экономики, трудовой сферы, имевшей место в некоторых регионах постсоветского пространства. Однако отметим, что более четверти опрошенных (26,6% городских татар и 28,7% русских, а также 29,8% и 21,3% – сельских) при этом не доверяла ни той, ни другой власти, а каждый пятый затруднился ответить на вопрос о доверии власти. И это было связано с общей политической нестабильностью того периода.

Как показал последний этносоциологический опрос 2011/2012 гг. выбор только

российской идентичности у русских и татар остался на прежнем уровне, региональной – снизилась, а сдвоенная (или паритетная) – российская и региональная усилилась (таблица 3.7). Это значит, что для значительной части представителей этнических групп Татарстана остается важным ощущение себя гражданами России, но при сохранении значимости идентификации с родным регионом. Эти ощущения наполнены позитивным содержанием: отвечая на вопрос «Какие чувства у Вас вызывает, что вы татарстанец?», 94% татар и 79,5% русских выбрали ответ – «чувство гордости и достоинства». И такие же чувства у татар и русских республики вызывает идентификация с Россией (88–89%). Общероссийская идентичность татар и русских Татарстана совмещает в себе и государственную (принадлежность к России, ее символы), и гражданскую (ответственность за судьбу страны), и национальную (язык, культура, обычаи, праздники, историческое прошлое). При этом представления этнических групп республики мало отличаются (таблица 3.8).

Сохраняющаяся региональная идентичность в Татарстане в 2000-х гг., несмотря на отсутствие четких, декларируемых политической элитой, идеологием, наполнилась новым содержанием. Сегодня она играет символическую роль. Половина русских и 60% татар – участников исследования 2011/2012 гг. определили «провозглаше-

Таблица 3.8

Компоненты идентификации с россиянами у русских и татар, 2011/2012 гг. (%)*

Варианты ответов	Город		Село	
	татары	русские	татары	русские
Общее государство	87,7	88,4	90,7	87,7
Ответственность за судьбу страны	32,9	39,8	36,9	35,7
Родственные, дружеские связи	44,6	46,1	34,2	43,3
Историческое прошлое	38,8	45,5	47,8	44,0
Родная земля, территория, природа	53,8	59,3	59,5	55,7
Язык	38,2	48,2	27,9	39,0
Культура	35,3	41,1	29,6	32,0
Общие символы (флаг, герб)	40,7	42,3	49,2	40,3
Обычаи, праздники	36,1	38,2	25,2	34,3
Черты характера	2,7	4,9	9,0	8,0
Ничего не объединяет	0,8	-	-	-

*Респондент мог выбрать несколько вариантов ответа.

ние суверенитета республиками РФ» как положительное явление в истории России (таблица 3.9). При этом «укрепление самостоятельности Татарстана» как необходимое условие для развития своего народа рассматривается лишь пятой частью русских и татар республики (таблица 3.10). За последние 15 лет уровень поддержки этой позиции упал почти в два раза. Суверенизация воспринимается и татарами, и русскими РТ как значимое явление постсоветской России (более 60%), играющее сегодня для них лишь символическое значение и не имеющее сепаратистской составляющей. При этом почти половина наших респондентов – и татар, и русских – демонстрирует высокий уровень активности и заинтересованности

в развитии России, готовности быть полезным стране. Еще столько же являются потенциальными деятелями, чувствующими ответственность за происходящее в России (таблица 3.11). Однако солидарность содержит в себе и негативный симптом – она в немалой степени основана на обидах. В 2011/2012 гг. 36% татар-горожан и 44,5% русских, живущих в городах республики, присоединились к мнению «Люди моей национальности многое потеряли за последние 15–20 лет». Сплачивает не только обида за реальные и воображаемые этнокультурные потери, но и за несбывшиеся ожидания от реального, позитивного и масштабного политического социально-экономического развития российского общества.

Таблица 3.9

**Уровень абсолютной поддержки преобразований в России
у татар и русских Татарстана, 2011/2012 гг. (%)**

Варианты ответов	Город		Село	
	татары	русские	татары	русские
Переход к рыночной экономике, введение возможностей для индивидуальной предпринимательской деятельности	44,7	44,1	46,2	38,3
Распад СССР	22,8	22,4	22,3	14,7
Растущее влияние Запада	20,1	23,2	14,0	6,7
Провозглашение суверенитета республиками РФ	66,4	50,8	62,5	46,0
Свобода слова, печати	46,4	49,2	54,5	53,3

Таблица 3.10

**Степень поддержки татарами и русскими Татарстана условий
для развития своего народа, 2011/2012 гг. (%)**

«Что из перечисленного больше всего необходимо людям Вашей национальности?»	Город		Село	
	татары	русские	татары	русские
Возрождение и развитие национальной культуры	55,2	42,5	57,8	26,0
Поддержка религии	39,4	26,8	46,2	31,7
Поддержка языка	55,0	33,1	44,9	25,3
Развитие экономики, преодоление социального неравенства	52,8	58,9	54,2	66,3
Наведение порядка, борьба с коррупцией	52,2	62,2	56,5	65,7
Укрепление самостоятельности Татарстана	23,2	16,7	31,6	19,7

Таблица 3.11

Распределение ответов на вопрос: «Что значит, на ваш взгляд, быть патриотом России?», 2011 г., город (%)

Варианты	Татары		Русские	
	полностью согласны	скорее согласны	полностью согласны	скорее согласны
Гордиться своей страной	60,7	33,4	61,4	32,7
Говорить о своей стране правду, какой бы горькой она не была	43,3	34,4	43,7	37,4
Не говорить, что у страны есть свои недостатки	16,8	27,3	16,1	22,6
Чувствовать ответственность за происходящее в стране	44,7	38,9	42,7	41,9
Что-нибудь делать, быть полезным стране	43,9	38,3	43,1	41,5

В 2000-х гг. региональная идентичность в Татарстане стала органично дополнять общероссийскую идентичность. Этот органичный режим функционирования объясняется, прежде всего, высокой субъективной значимостью для любого человека его ближайшего окружения, места рождения, местных традиций – т.е. той системы ценностных образов, которые реализуют базовые потребности личности и на базе которых выстраиваются потребности более высокого порядка (А.Маслоу). В Татарстане в первом десятилетии 2000-х гг. именно эти первичные потребности личности, связанные с историей и культурой республики, легли в основу политики регионального символического менеджмента. Ее инструментами выступили:

– этнические и религиозные символы: факты и памятники этнической истории республики (1000-летие Казани, 900-летие Елабуги, Булгарское городище и Свияжский монастырь, мечеть «Кул Шариф», Казанская икона Божией Матери), отдельных муниципальных образований и деревень; элементы традиционной и религиозной культуры – праздники (татарский Сабантуй, русский «Каравон», кряшенский «Петрау», чувашский «Уяв», Спасская ярмарка и др.), мифы и легенды (святые места, ключи);

– культурные символы: шедевры классической музыкальной культуры (Международный фестиваль классического балета им. Р.Нуриева, Международный оперный

фестиваль им. Ф.Шаляпина, литературно-музыкальный фестиваль «Аксенов-фест»), современное музыкальное искусство (Международный фестиваль живой музыки «Сотворение мира»), выдающиеся деятели культуры и науки (А.С.Пушкин, Г.Тукай, М.Джалиль, С.А.Альтшулер, А.М.Бутлеров, Е.К.Завойский, Н.И.Лобачевский и др.);

– социальные символы: благотворительность и личности благотворителей (памятник благотворителю в центре Казани), спорт и здоровый образ жизни (Универсиада 2013 г., Гран-при ФИДЕ по шахматам, конные скачки на приз Президента РТ, футбольная «Рубин» и хоккейная «Ак Барс» команды).

Как показывает опыт Татарстана, сочетание качественно разных символов (этнических, религиозных, культурных, социальных) и использование их в единой стратегии развития региона свидетельствует о значительном потенциале «прагматического плюрализма». «Капитал разнообразия» становится особым ресурсом развития Республики Татарстан и России в целом. Рост туризма, предпринимательская инициатива, укрепление идентичностей, стимулирующих к созидательным действиям, повышение имиджа России как государства, обладающего культурой и наукой общемирового значения – все это дивиденды символического менеджмента, имеющие общегосударственное значение.

Кроме того, использование символов повышает социальную и межэтническую устойчивость Татарстана за счет формирования региональной идентичности у представителей разных социальных, этнических групп, конфессий. Первый Президент Татарстана М.Ш.Шаймиев, выступая на презентации Республиканского Фонда возрождения памятников истории и культуры 20 марта 2010 г., отметил, что «наша стратегическая цель состоит в том, чтобы комплексы исторических памятников Булгарского государства (Биляр, Сувар, Чистополь и другие), града Свияжск стали общим достоянием. Болгар как первая столица Золотой Орды, история реки Свияга, архитектурные сооружения Свияжска стали отражением истории и символами нашего края (выделено нами – Г.Г., Р.М.)» [Шаймиев, 2010 а].

Материалы исследования 2011/2012 г. позволяют представить современную матрицу идентичностей татар республики. «Мы-идентификация» у татар включают в себя систему сложных социальных ролей, значимость которых не всегда одинакова (таблица 3.12).

Для большинства татар Татарстана макротерриториальные общности (идентификация со страной и республикой), являются менее важными, чем макрообщности, отражающие духовную близость людей во всем ее многообразии (идентификация с социально-

экономическими, профессиональными, религиозными и другими группами). При этом национально-этнический фактор оказывается в системе «мы-идентификаций» гораздо важнее, чем гражданский. И как показывают исследования Института социологии РАН, эта ситуация была характерна для России в целом до середины 2010-х гг. В последующие годы российская идентичность стала немного преобладать над этнической на фоне сохранения значимости последней. Это позволяет исследователям сделать вывод об отсутствии конкуренции между общероссийской и этнической идентичностями [Дробижева, 2011, с.204]. В чем причина отставания гражданской составляющей «мы-идентификаций» у татар Татарстана?

Как показывают материалы этносоциологических исследований, в целом позитивное отношение к ценностям демократии этнических групп сочетается со скепсисом ее инструментальных возможностей. Российская демократия реализовалась на уровне нормативной модели, но не переросла в реальную демократию участия. Когда этнические группы говорят о равенстве, то они имеют в виду не столько декларируемое равенство в правах (оно закреплено Конституцией РФ), сколько реальные практики выражения равенства прав народов. Почти 90% татар и русских, живущих в городах Татарстана, отметили важность в современной

Таблица 3.12

С кем и в какой степени татары Татарстана испытывают чувство общности, 2011 г.(%)

«С кем Вы ощущаете чувство общности?»	В значительной степени		В некоторой степени		Не ощущаю	
	город	село	город	село	город	село
С людьми, строго соблюдающими закон	66,0	55,1	28,9	25,9	5,1	18,9
С гражданами России	66,0	44,2	30,8	42,2	3,2	13,6
С людьми того же достатка	71,3	50,2	26,1	35,9	2,6	14,0
С людьми своей национальности	78,9	79,4	19,6	19,3	1,6	1,3
С жителями своего города	69,0	75,1	27,7	22,9	3,4	2,9
С жителями Татарстана	62,6	59,8	34,2	37,9	3,2	2,3
С людьми моей веры	69,2	61,8	26,1	30,9	4,7	2,3
С людьми моей профессии	65,8	61,5	26,1	32,2	8,1	6,3
С людьми моих взглядов	70,4	71,4	22,1	25,9	7,5	2,7

Таблица 3.13

**Распределение ответов на вопрос:
«Что сейчас особенно важно для России?», город (%)
(ответы «полностью согласен» и «скорее согласен»)**

Варианты	Татары	Русские
Преодоление общественного неравенства, достижение социальной справедливости	88,3	89,7
Наведение порядка в стране, жесткая борьба с коррупцией	89,9	91,1
Защита национального достоинства, равноправие людей разных национальностей и вероисповеданий	89,1	86,6

России защиты прав народов, а также необходимость обеспечения равенства в правах представителей разных национальностей и вероисповеданий (таблица 3.13).

Основания для такой обеспокоенности имеются. 2000-е гг. – это период инициации федеральным Центром ряда стратегий в этнокультурной сфере. В частности по отношению к Татарстану, это выдвинутые требования приведения законодательства РТ в этнокультурной сфере в соответствие с федеральным законодательством. Это и субъективизация этничности в период переписных кампаний 2002 г. и 2010 г. Наконец, решение об утверждении единых государственных образовательных стандартов и отмена национального компонента в образовании. Последнее привело к потере эффективных условий для развития национального образования. Негативные последствия для развития национального образования имело и введение тестовой системы итоговой оценки успеваемости учащихся (ЕГЭ, ГИА), которая проводится на русском языке. Попытки возрождения системы высшей школы на татарском языке в РТ и за ее пределами также не увенчались успехом, хотя на этом пути сделано было немало. Серьезные проблемы возникают с обеспечением региональными учебниками и учебной литературой на татарском языке в связи с изменением порядка экспертизы и грифования учебников, лишившей региональные органы управления образованием соответствующей компетенции. В настоящее время Республика Татарстан лишена возможности влиять на ситуацию с развитием татарских школ

в регионах РФ с компактным проживанием татар, на обеспечение их необходимыми учебниками. В то же время ими не занимаются ни местные власти субъектов федерации, ни федеральные власти. В регионах фактически нарушается конституционное право граждан на получение бесплатного образования на родном языке.

Татарстанская политическая и национальная татарская элита, принимая «новые условия игры» и признавая важность процессов интеграции, стремится в 2000-х гг. придерживаться основных, сложившихся в предыдущий период, направлений этнокультурной стратегии РТ [Макарова, 2010, с.232]. Приветствуя участников Всероссийского схода предпринимателей татарских сел 24 марта 2012 г., Президент РТ Р.Н. Минниханов отметил: «Нас всех интересуют вопросы поддержки и сохранения культуры татарского народа, его консолидации, сохранения традиций и обычаев татар» [Минниханов, 2012]. Идеология поддержки культуры и идентичности татар в 2000-х гг. реализуется через ряд практических действий. Это принятие Государственным Советом РТ 15 сентября 1999 г. Закона о переходе татарского языка на латинскую графику, отклоненного Государственной думой РФ (16 ноября 2004 г.). Это и разработка, и принятие Концепции государственной национальной политики Республики Татарстан, утвержденная Указом Президента РТ от 3 июля 2008 г. Это и разработка, и принятие 8 декабря 2012 г. на V Всемирном съезде татар Концепции сохранения этнической идентичности татарского народа. Это и критика

реализуемой в современной России концепции исторического образования, которая, по мнению специалистов, «основывается на господстве государственной идентичности (в упрощенном западном понимании термина «национальный») над этническими идентичностями, с их последующим поглощением (вплоть до подавления локальных идентичностей)» [Гибатдинов, 2012]. Альтернативой ситуации стали подготовка и издание в Татарстане в конце первого десятилетия 2000-х гг. несколько учебников и учебных пособий по истории и религиоведению, основанных на иной концепции гуманитарного образования.

Однако, пожалуй, самым значимым направлением сохранения политического курса 1990-х гг. является твердая позиция руководства Татарстана по отношению к государственному статусу татарского языка и его преподаванию в школах республики. В некоторых регионах России в конце первого десятилетия 2000-х гг. стал происходить постепенный отказ от государственного статуса национальных языков и их ликвидация в системе образования. В Татарстане же, напротив, наблюдается укрепление статуса татарского языка (наравне с русским) и сохранение его преподавания в школах республики в равных с русским языком объемах, поддержка развития татарской национальной школы. Все это происходит в условиях неустойчивости правового статуса национальной школы в образовательной сфере РФ [Мухарямова, 2008, с.81, 89, 99].

Стремление Татарстана к сохранению позиций татарского языка вполне оправда-

но. Благодаря введению в начале 1990-х гг. татарского языка в качестве обязательно-го школьного предмета наравне с русским, удалось приостановить процесс языковой ассимиляции у татар. Так, по данным наших исследований, если в 1999 г. 88,7% опрошенных татар-горожан отметили знание татарского языка как хорошее (в т.ч. 68% – свободное владение), то в 2011 г. – их доля составляла 94,6% (72,9% отметили свободное владение). Кроме того, за годы этноязыковых реформ выросло и поколение русской молодежи, которая в той или иной степени владеет татарским языком (таблица 3.14).

Знание языка и культуры контактируемых этносов стимулирует их взаимную лояльность. Как показывают наши исследования, более половины опрошенных русских горожан хотели бы, чтобы их дети знали татарский язык и более 50% считают, что татарский язык должен быть обязательным школьным предметом. Но при этом значительная часть считает, что на него должно отводиться меньшее количество учебных часов. Заметим, что сторонников преподавания этого предмета в качестве факультатива несколько меньше, а доля отрицающих необходимость его преподавания – ничтожно мала (таблица 3.15).

Актуализация этнической идентичности, фиксируемая в ходе этносоциологических исследований татар и русских Татарстана, ставит вопрос о ее конструктивно/деструктивном характере. Многолетние исследования в Татарстане выявили то, что процессы усиления этнического самосознания не указывают на рост этнической эксклюзивности. Идея этнической исключительности не на-

Таблица 3.14

Степень владения татарским языком русскими Татарстана, 2011 г., город (%)

Варианты ответов	18–24 года	25–34 года	35–49 лет	50–59 лет	60 и старше
Совершенно свободно	6,4	4,8	3,2	0	3,4
Хорошо, но не свободно	16,7	10,5	2,4	8,2	4,6
Плохо	37,2	30,5	28,2	22,4	23,0
Совсем не говорите	39,7	53,3	66,1	66,3	67,8
Не знаю	0	1,0	0	3,1	1,1
Отказ	0	0	0	0	0

Таблица 3.15

Распределение ответов русских Татарстана о поддержке обязательного преподавания татарского языка в русскоязычных школах, 2011 г., город (%)

Варианты ответов	18–24 года	25–34 года	35–49 лет	50–59 лет	60 и старше
Да, он должен быть обязательным предметом для всех	24,4	29,5	21,0	29,6	25,3
Да, он должен быть обязательным предметом для всех, но на него должно отводиться меньше времени, чем сейчас	20,5	26,7	34,7	17,3	16,1
Нет, он должен идти в качестве факультатива для желающих	41,0	35,2	27,4	39,8	41,4
Нет, он должен быть обязательным только для татар	9,0	2,9	11,3	5,1	10,3
Его вообще не должно быть в школе	2,6	1,0	5,6	1,0	1,1

ходит поддержку ни у татар, ни у русских Татарстана: позицию «В республиках РФ титульные народы должны обладать большими правами, чем русские и другие народы» или «Россия – многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны иметь больше прав» выбирают не более 8% респондентов, опрошенных в 2011/2012 гг. В России же доля сторонников позиции «Россия – многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны иметь больше прав» составляет около трети участников опросов [Дробижева, 2011, с.17].

Источниками формирования толерантного направления этнического самосознания на базе актуализированной этнической идентичности являются контактные зоны. Они могут выражаться как в воображаемых представлениях, так и в реальных взаимодействиях. Эмпирические материалы показывают, что в Татарстане представления о близости контактирующих этнических групп и конфессий в течение почти двадцати лет стали получать большую поддержку. Так, в 1994 г. почти 3/4 русских и татар степень близости по отношению друг к другу определили как близкую и очень

близкую. При этом не более трети считали приверженцев соседствующих конфессий близкими, а значительная часть (каждый четвертый из опрошенных татар и каждый седьмой – из русских) ушла от ответа. Исследование, проведенное в 2011/2012 гг., показывает увеличение числа респондентов, заявивших о межэтнической (до 90%) и межконфессиональной (более 60%) близости (таблица 3.16).

В Республике Татарстан высокими являются и показатели межгруппового (межэтнического) доверия. Свыше 91,7% татар, опрошенных в городах РТ в 2011 г., доверяют русским и 93,2% русских доверяют татарам (объединение ответов «полностью доверяю» и «скорее доверяю») (таблица 3.17). Результаты исследования не выявили статистически значимых различий по уровню доверия татар к мусульманам, а русских к православным (81,4% татар доверяют православным и 88,6% русских доверяют мусульманам). Такая ситуация наблюдается и в других национальных регионах и свидетельствует о том, что этнические категории, не подавляя другие социальные идентичности, расширяют и укрепляют социальные связи, доверительные отношения. В современных социологи-

Таблица 3.16

**Оценка респондентами социально-культурной дистанции (степени близости)
по отношению к народам и конфессиям, города РТ (%)**

	Очень близко	Близко	Далеко	Очень далеко	Затруднились ответить
1994 г.					
Татары					
С русскими	17,4	69,6	7,5	4,8	10,7
С православными	4,0	26,2	23,5	23,0	23,3
Русские					
С татарами	9,6	63,7	15,7	4,4	8,3
С мусульманами	6,9	32,0	32,2	14,8	14,1
2011 г.					
Татары					
С русскими	29,2	60,8	7,2	0,8	2,0
С православными	21,4	47,8	20,5	2,1	8,9
Русские					
С татарами	32,7	56,5	6,7	1,0	3,1
С мусульманами	20,9	40,5	25,2	5,7	7,7

Таблица 3.17

**Уровень доверия (доверяют полностью или скорее доверяют)
русских и татар, город, 2011 г. (%)**

	Русские	Татары
Соседям	73,3	72,2
Коллегам по работе	58,9	61,5
Начальству на работе	47,2	53,7
Президенту РФ	66,0	71,1
Правительству РФ	65,5	60,1
Президенту РТ	63,8	70,3
Правительству РТ	61,0	64,9
Главе местной администрации	55,2	58,5
Органам правосудия	44,1	45,6
Представителям крупного бизнеса	30,5	28,2
Представителям малого бизнеса	38,3	39,9
Православной церкви	81,5	46,1
Мусульманским организациям	52,0	74,3
Международным организациям	40,6	36,4
Татарам	88,6	89,3
Русским	93,1	93,3

ческих концепциях отмечается, что «...чем крепче взаимное доверие и надежнее отношения взаимопомощи, чем более разветвлены и переплетены социальные сети, тем надежнее связи между людьми, тем устойчивее, сплоченнее и эффективнее общество, прочнее его демократический устои» [Козырева, 2012, с.165]. Залогом дальнейшего успешного развития России становится широкий радиус глубоких и прочных доверительных отношений – институциональных межгрупповых (межэтнических), межличностных. Поэтому позитивная этничность становится практической платформой для формирования дальнейшего общественного развития и переустройства РФ, т.к. она углубляет поддержку гражданами ценностей и норм, по-

зволяет им взаимодействовать на понятной, равной и взаимовыгодной основе.

Масштабными являются и реальные межэтнические контакты татар и русских Татарстана. Даже в период активизации национальных движений в республике начала 1990-х гг. 88,1% русских и 79,7% татар в городах, а также 96,9% русских и 93,7% татар в селах готовы были иметь дело с представителем любого народа, несмотря на расовые и национальные различия (таблица 3.18). В последние годы готовность татарстанцев принять человека другой национальности в качестве жителя республики, коллеги по работе, начальника, соседа по дому, близкого друга выросла до 99–92% (таблица 3.19).

Таблица 3.18

Ориентации на межэтническое взаимодействие в Республике Татарстан, 1994 г.(%)

Готовность принять человека другой национальности в качестве:	Город		Село	
	татары	русские	татары	русские
Гражданина республики	77,0	83,7	74,9	67,7
Ближайшего партнера в совместном деле	61,0	74,1	53,0	69,2
Непосредственного начальника	46,0	59,0	50,7	63,1
Соседа по дому	68,7	80,2	61,9	87,7
Друга	56,4	71,1	40,9	70,8
Супруга (супруги) своих детей	31,8	54,3	15,4	44,6
Своего супруга (супруги)	25,7	47,7	13,9	44,6

Таблица 3.19

Ориентации на межэтническое взаимодействие в Республике Татарстан, 2011/2012 гг. (%)

Готовность принять человека другой национальности в качестве	Город		Село	
	татары	русские	татары	русские
Гражданина России	93,4	94,4	99,0	99,3
Жителя Татарстана	95,6	95,9	98,7	98,6
Коллеги, партнера по работе	94,3	92,9	96,4	97,5
Непосредственного начальника	92,4	92,6	92,6	95,7
Соседа по дому	97,6	97,6	87,3	96,3
Близкого друга	96,6	95,4	95,4	92,6
Супруга (супруги) своих детей	69,3	85,9	42,6	73,9
Своего супруга (супруги)	63,0	76,4	33,8	61,9

Представленная в таблицах шкала Э.Богардуса, позволяющая определить характер межэтнического взаимодействия, показывает, что эта готовность в разных контактных сферах неодинакова: в большей степени она проявилась в сфере гражданского, делового, дружеского, соседского общения и в значительной меньшей – семейно-брачного. Эта сфера человеческих отношений наиболее интимная и сокровенная, и здесь в большей степени, особенно у татар, сказывается традиция этнической эндогамии. Однако, как показывают наши исследования, в 2000-х гг. наблюдается постепенное смягчение этноцентристских тенденций предыдущего десятилетия, проявившиеся среди осужденной доли татар в их отношении к межэтническим бракам. Естественно, горожане, межнациональные контакты которых обусловлены их образом жизни, чаще допускают возможность межнациональных браков. В селах, тем более в татарских, число ориентированных на такие контакты значительно меньше: татары–сельчане более чем в полтора раза реже городских татар выражают готовность принять представителя другой национальности в качестве супруга своих детей (42,6% и 69,3%), доля сельских татар со сходной ориентацией в 1,7 раз меньше, чем русских сельчан (42,6% и 73,9%). Наиболее открыты для семейно-брачных отношений русские горожане (85,9%). Большая

ориентация татар на этническую эндогамию связана и с осознаваемой опасностью утери этнонациональной культуры и ассимиляции в случае гетерогенных браков последующих поколений. Почти 2/3 опрошенных татар в республике согласились с суждением (в т.ч. 33,3% полностью согласны, 30,7% скорее согласны), что межнациональные браки ведут к исчезновению нации (данные исследования 2011/2012 гг.).

Социокультурная и психологическая близость, прожективные и реальные практики межэтнических взаимодействий в Татарстане складывались в процессе многовековой совместной жизни татар и русских, благодаря многим заимствованиям и одинаковым традициям, элементам культуры, сложившимся в результате сходных хозяйственно-культурных и географических условий проживания. Длительное соседство на одной территории, давние экономические, культурные связи, тесное взаимодействие в быту, в трудовой деятельности не могло не наложить отпечаток на характер межэтнических установок и контактов. Сложившаяся общность ценностей различных этнических групп, особенно в городах, также является фактором их сближения и консолидации. Материалы исследований 1990–2000-х гг., с учетом допустимой статистической погрешности в 4–5%, свидетельствуют о практическом совпадении, особенно в городах,

Таблица 3.20

Жизненные ценности татар и русских РТ, город (%)

Варианты	1994 г.		1999 г.		2011 г.	
	татары	русские	татары	русские	татары	русские
Пользоваться уважением людей	41,2	42,3	61,4	66,6	52,4	50,8
Иметь интересную работу	50,4	50,4	52,8	52,1	56,5	61,6
Иметь хорошую семью	76,8	74,0	83,2	87,6	80,9	75,4
Иметь власть, положение в обществе / иметь право на свободный выбор своих политических взглядов*	7,8	7,8	9,1	5,0	25,9	25,0
Жить обеспеченно, в достатке	63,6	67,3	70,2	73,1	68,8	70,1

*В исследованиях 1994 и 1999 гг. был использован ответ «иметь власть, положение в обществе». В исследовании 2011/2012 гг. – «иметь право на свободный выбор своих политических взглядов».

жизненных приоритетов этнических групп Татарстана (таблица 3.20).

В начале 1990-х гг. одной из популярных западных теорий стала идея С.Хантингтона о столкновении цивилизаций. Основание потенциальных разломов мира исследователь усматривал в религии. Некоторые материалы массовых опросов 1990–2000-х гг. могли служить основанием для правомерности такой позиции. В течение последних 20 лет у татар и русских Татарстана наблюдается положительная, динамично развивающаяся тенденция роста уровня религиозности. Так, в 1990 г. к верующим отнесли себя 34% татар и 28% русских, опрошенных в городах республики. В 1994 г. соответственно 66% и 56% горожан, среди которых были выделены верующие, соблюдающие обычаи, обряды (практикующие верующие) – 32% и 23% и не соблюдающие их (номинально верующие) – 34% и 33%. В селах доля лиц, идентифицирующих себя как верующие, составила тогда 86% среди татар и 75,4% среди русских, из них 64,5% и 55,4% отнесли себя к практикующим верующим. В 1997 г. верующими назвали себя 81% татар и 72% русских РТ, часть которых (соответственно 41% и 43%) считали себя скорее верующими, чем неверующими. В 2011/2012 гг. в городах к верующим отнесли себя около 84% респондентов (как татар, так и русских), половину из которых составили верующие, старающиеся соблюдать религиозные обычаи и обряды, в селах – более 90% (91,4%

татар и 91,% русских), в т.ч. 59,8% и 48,5% соответственно – практикующие верующие.

Усиление религиозного сознания особенно заметно среди молодежи: именно в молодежных группах в возрасте до 35 лет наименьшая доля неверующих, при этом у татар выделяются молодые верующие, старающиеся соблюдать обряды, у русских – верующие, не соблюдающие обряды (таблица 3.21).

Тенденции роста религиозности проявляются и в осуществлении религиозной практики, особенно в городах. Так, по данным исследования 1990 г., даже среди верующих горожан лишь 7,9% татар и 31% русских посещали мечеть или церковь, соответственно 15,4% и 10,1% респондентов молились дома, но основная масса опрошенных (76,4% и 68,7%) не соблюдали этих религиозных предписаний. Их отношение к религии определялось внутренним самоощущением («внутренне считаю себя мусульманином или православным»).

Материалы исследования 2011/2012 гг. показывают положительную динамику проявления религиозного поведения. Каждый пятый из городских татар (19,3%) и каждый шестой из русских горожан (16,7%) ежедневно молились, а около половины опрошенных (46,1% и 49,1%) иногда совершали моление. Никогда не посещали храмы 43,2% респондентов-татар и 27,7% русских, тогда как 56,6% и 70,7% на вопрос о посещении мечети или церкви ответили утвердительно.

Таблица 3.21

**Распределение ответов татар и русских на вопрос
«Верующий ли Вы человек?» в разных возрастных группах, 2011 г., город (%)**

Ответы Возраст	«Активные» верующие		«Пассивные» верующие		Коллеблющиеся		Неверующие	
	татары	русские	татары	русские	татары	русские	татары	русские
Всего	42,0	40,3	42,4	43,4	7,1	7,6	8,4	8,6
18–24	40,5	30,8	46,4	51,3	6,0	9,0	6,0	6,4
25–34	37,6	33,3	46,5	52,4	9,9	9,5	5,0	3,8
35–44	34,5	34,1	51,2	40,2	7,1	9,8	7,1	15,9
45–54	39,8	45,2	39,8	46,2	9,7	4,8	9,7	3,8
55–64	37,3	51,5	47,8	24,2	3,0	7,6	10,4	13,6
65 и старше	66,7	49,1	17,5	33,3	1,8	3,5	14,0	12,3

Но лишь 2,5% и 4,1% соответственно ответили, что бывают там не менее одного раза в неделю и немногим более – 3,1% и 7,1% – 1–2 раза в месяц. Сравнительно низкая активность татар в посещениях мечетей объясняется тем, что в исламе нет предписания обязательного посещения мечетей, лишь отмечается богоугодность коллективного моления. Достаточно низкий уровень регулярного посещения религиозных храмов для участия в службах или получения совета священнослужителей респонденты связывают с недостаточным профессиональным уровнем, а подчас и проявлениями человеческих качеств служителей религии.

Опыт Татарстана в регулировании межконфессиональных отношений, а также особенности ислама у татар, продемонстрировали несостоятельность теоретической позиции С.Хантингтона. Даже в условиях актуализации религиозного самосознания возможна межконфессиональная толерантность и позитивное сосуществование разных религий, особенно в регионах с опытом длительного межэтнического взаимодействия. Это подтверждает исследование Д.Фурмана и К.Каарияйна, проведенное ими в 1999 г. в регионах России, включая Татарстан. По данным исследователей положительное отношение к исламу было выявлено у 92% русских, проживающих в Республике Татарстан, а отрицательное – лишь у 3%, тогда как в общероссийской выборке соответственно у 57% – в первом случае и 21% – во втором [Фурман, Каарияйн, 2000, с.214].

В ходе исследования 2011/2012 гг. более 95% русских горожан и сельчан определили свое отношение к исламу как положительное (57,9% и 38,5%) или скорее положительное (37,9% и 56,8%). По отношению к православию аналогичные оценки были выявлены у 96% опрошенных татар-горожан (в т.ч. 63,0% отметили положительное отношение и 33% – скорее положительное) и у 90% сельских татар (соответственно 38,9% и 51,2%). Лишь 4,2% русских и 3,7% татар, проживающих в городах, а также соответственно 4,7% и 10% сельчан признались в негативном отношении к религии этнического соседа.

Высокий уровень толерантности характерен и для самих верующих. Так, в 1994 г.

среди русских Татарстана верующие несколько чаще выражали желание, чтобы их дети знали татарский язык (73% против 64% среди неверующих). При определении культурно-психологической дистанции тогда была выявлена более высокая степень близости у верующих татар по отношению к православным, равно как у верующих русских по отношению к мусульманам. Материалы исследования 2011/2012 гг. подтвердили большую толерантность верующих в сравнении с другими мировоззренческими группами.

Для татар и русских Татарстана характерен более высокий уровень религиозного сознания, чем в среднем по России. Это объясняется длительными и тесными этноконфессиональными контактами, усиливающими значимость оппозиции «мы – они». Но вместе с тем соседствующий этнос и его конфессия воспринимаются как достаточно близкие: хотя другой, но не чужой, а свой. Большое значение на формирование благоприятных межконфессиональных отношений в Татарстане оказывают традиции ислама у татар – открытого, мягкого, обозначаемые термином «евроислам», а также конфессиональная политика Татарстана, ориентированная на паритетную поддержку традиционных религий. Проблемы в религиозной сфере в республике в последние годы концентрируются внутри самих конфессий.

Особое внимание в исследованиях межэтнических отношений уделяется молодежи, которая, как правило, демонстрирует более максималистские взгляды и критическое восприятие действительности, но в силу отсутствия жизненного опыта чаще подвергается деструктивному воздействию и вовлекается в различные радикальные сообщества. Исследование 2011/2012 гг. показало, что у молодого поколения республики превалирует мнение о добрососедских отношениях в регионе. Так, среди городской молодежи более 70% русских в возрасте до 35 лет (70,5% в группе 18–24 лет, 74,4% – 25–35 лет) и более 80% татар (78,6% и 86,1% соответственно) оценивают отношения в республике как благоприятные или спокойные. Среди сельской молодежи доля сторонников такой оценки еще выше. Отметим при этом, что оценка межнациональных отношений

в конкретных городах и селах – местах проживания респондентов, так же как и в их трудовых или учебных коллективах на 10–12% выше. Около 90% русских до 35 лет оценивают культурно-психологическую дистанцию с татарами как достаточно близкую (в т.ч. 30% как очень близкую); до 60% представителей этой группы воспринимают достаточно близко мусульман (в т.ч. 24% – очень близко). Со стороны татарской молодежи выявлено также до 90%, считающих русских достаточно близкими, и до 66%, относящихся таким же образом к православным.

Характерным показателем является и отношение к религии контактируемого этноса. Материалы исследований 2011/2012 гг. показали, что 85–90% русской молодежи в городах и селах республики отметили положительное (в т.ч. скорее положительное) отношение к исламу, 5–3% – отрицательное, 10–8% затруднились ответить. Среди татар, как в селе, так и в городе положительное отношение к православию выявлено у 90–92%, отрицательное у 2,5–6%, затруднились ответить 3–5% опрошенных. Отметим, что в молодежном исследовании 1999/2000 гг. при такой же доле негативных оценок религии соседствующего этноса доля положительных была значительно меньше – 69,9% татар, положительно оценивших православие и 62,5% русских, также оценивших ислам (около трети опрошенных тогда затруднилось ответить на вопрос) [Современные этнокультурные процессы, 2000, с.54–55].

Одновременно, с характерным для большинства молодого поколения Татарстана высоким уровнем межэтнической и межконфессиональной толерантности, материалы этносоциологических опросов фиксируют и часть молодежи республики с негативным восприятием межэтнических отношений. Так, по данным 2011/2012 гг. около 20% русской и 12% татарской молодежи в городах, а также соответственно около 10% и 16% – в селах республики при оценке межнациональных отношений в РТ выбрали позицию: «Внешне спокойные, но внутреннее напряжение существует». Еще 1–3% признали эти отношения напряженными. Столь критическая оценка состояния межнациональных отношений связана с ростом этнического самосознания (около 60% опрошенной рус-

ской и свыше 80% татарской молодежи поддерживают суждение «Я никогда не забываю о своей национальности»), на фоне которого многие социальные проблемы принимают этническую окраску. Особенно болезненно воспринимаются проблемы, связанные с этнокультурными проблемами, проблемами социального статуса, статуса этнических языков и культур. В общественном сознании превалирует мнение о необходимости равноправия всех российских народов. Суждение «Россия – общий дом для многих народов. Все народы России должны обладать равными правами» полностью поддержали 3/4 русской и около 70% татарской опрошенной молодежи. При этом 10,3% в возрасте 18–25 лет и 17,1% в возрасте 26–35 лет среди опрошенной русской городской молодежи и соответственно 2,4% и 2,7% – сельской полностью согласны с суждением «Любые средства хороши для защиты интересов своего народа». Среди татарской молодежи это суждение нашло поддержку полностью у 22,6% и 14,9% рассматриваемых возрастных групп в городах и у 4,8% и 13,3% – в селах. Но очевидно, что имелись в виду мирные, ненасильственные способы решения проблем, т.к. более 60% как русской, так и татарской молодежи категорически считают недопустимым использование насилия в межнациональных и межрелигиозных спорах и около 10% опрошенных однозначно являются сторонниками суждения «Насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении моего народа или веры».

Этносоциологические исследования дают возможность проследить динамику изменений межэтнических отношений за последние 20 лет. В середине 1990-х гг. 15,1% русских в городах оценивало межэтнические отношения в республике как напряженные. У татар такую оценку давали 7,6% татар-горожан (в селах соответственно 1,6% и 5,2%). Двукратная разница в пессимистичных оценках межэтнических отношений в первой половине 1990-х гг. между русскими и другими народами наблюдалась и в других регионах России [Рыжова, 2011, с.59]. В конце 1990-х гг. (по данным исследования 1999 г.) почти каждый пятый из опрошенных в городах республики татар (21,5%) и каждый третий из

Таблица 3.22

**Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы сейчас оценили
межнациональные отношения в Вашей республике?», 2011/2012 гг. (%)**

Варианты ответов	Город		Село	
	татары	русские	татары	русские
Благоприятные	20,5	19,1	26,4	19,4
Спокойные	68,6	62,0	60,2	70,3
Внешне спокойные, но внутреннее напряжение существует	9,9	17,0	12,4	10,0
Напряженные	0,8	1,5	1,0	0,3
На грани открытых столкновений	0,2	0,4	–	–

русских (33,4%) оценили межнациональные отношения как внешне спокойные, отметив при этом, наличие внутреннего напряжения и еще, соответственно, 3% и 5% назвали их напряженными.

На современном этапе межэтнические отношения в Татарстане можно охарактеризовать как благоприятные. Именно так их оценивает основная часть участников опроса 2011/2012 гг. – 73% русских и 80,5% татар среди горожан и 88,9% русских и 83,9% татар среди сельчан (таблица 3.22).

В течение 20 лет постсоветской истории у татар Татарстана произошло формирование массовой, уверенной и достаточно сильной этнической идентичности. Она сопряжена с высоким уровнем межэтнической и межконфессиональной толерантности и воспринимается самими татарами как элемент

национально-гражданской идентичности, цементирующей российскую политическую нацию. Национально-гражданская идентичность татар содержит в себе высокий уровень заинтересованности в развитии России и активистские установки. Этнокультурное и социально-экономическое развитие Татарстана в 1990–2000-х гг. и в целом позитивное восприятие модельного опыта республики со стороны русской части региона показывает возможности эффективного включения этнической идентичности в процессы государствообразования. Здесь важным становится подкрепление этнических чувств реальными политическими и этнокультурными правами. Только в этом случае этническая идентичность способна обеспечить межэтническое согласие и стать эффективным ресурсом развития страны.

§ 3. Ислам в общественно-политической жизни современного Татарстана

Рафик Мухаметшин

Основные этапы возрождения ислама в Татарстане. «Исламский» фактор в общественно-политической жизни Татарстана стал наиболее значимым явлением в конце 1980-х гг. Это первоначально было связано не с непосредственно возрождением самого ислама, а с появлением национальных общественно-политических организаций, рассматривающих исламский фактор как важнейший компонент национального самосознания и необходимый атрибут в борьбе за суверенитет Татарстана. Поэтому появление первых религиозных

институтов в республике стало результатом деятельности этих организаций. В 1992 г. было создано самостоятельное Духовное управление мусульман РТ (ДУМ РТ), с одной стороны, как одно из проявлений национального движения татар, а с другой – как вполне неизбежная в тех условиях децентрализация управления мусульманскими общинами. Этот период стал первым этапом возвращения исламских ценностей в татарстанское общество, и поэтому 1988–1992 гг. можно условно назвать периодом легализации.

Дальнейшее распространение и функционирование ислама в общественно-политической жизни Татарстана также условно можно разделить еще на три периода.

1992–1998 гг. стали периодом институционализации ислама. Именно в этот период появились основные институты ислама в республике:

а) становление мусульманских общин. Этот процесс, начавшийся раньше, именно в этот период достиг своего апогея. Так, если в 1988 г. было 18 мусульманских общин, то к 1992 г. их стало более 700. Правда, и в настоящее время процесс роста количества общин продолжается, но темпы их увеличения были заметно снижены. В 2000 г. их стало около 950, а в 2001 г. – около 1000. К началу 2003 г. эти показатели практически не изменились;

б) появились первые мусульманские учебные заведения, к 1992 г. их было уже более 15. Среди них наиболее крупные и авторитетные среди мусульман: медресе «Мухаммадия» и имени Тысячелетия принятия Ислама (Казань), «Юлдуз» (Набережные Челны);

в) возрождался институт мусульманского духовенства. В основном этот процесс шел по пути превращения неофициальных и необразованных сельских мулл в официально зарегистрированное духовенство. Тем не менее, можно сказать, что духовенство формировалось как особая социальная прослойка (около 3 тыс.). Правда, говорить об особых, отличных от других, мировоззренческих установок, поведенческих стереотипов духовенства было еще рано, поскольку оно было довольно разношерстным. Те молодые люди, которые обучались в мусульманских странах в первую очередь в Саудовской Аравии (к началу 90-х гг. их количество превысило 100 человек) в среде мусульманского духовенства не делали погоду;

г) именно к этому периоду относится активизация политической деятельности мусульман центральной России. Были предприняты попытки создания мусульманских и общественных организаций и политических партий. Этот процесс начался с создания Татарского общественного центра (ТОЦ) в 1989 г., который довольно четко обозначил свою позицию по отношению

к исламу как важнейшему компоненту духовного возрождения. В 1990 г. появилась первая всероссийская мусульманская партия – «Исламская партия возрождения». В 1991 г. были предприняты попытки создания и региональных мусульманских партий: Исламская демократическая партия Татарстана, Всеисламская демократическая партия в Уфе. В этом же году Абдулвахид Ниязов в Москве организовал Исламский культурный центр. В 1995 г. возникли Союз мусульман России и Общероссийское мусульманское общественное движение «Нур». В 1996 г. муфтий Татарстана Габдулла Галиуллин организовал движение «Мусульмане Татарстана».

Но политический спектр ислама в Поволжско-Уральском регионе оказался очень неустойчивым. Одной из причин стала довольно слабая социальная база общественно-политических движений и партий (и не только религиозных). Их влияние, даже в период подъема национального движения в 1989–1992 гг., по утверждению социологов, было незначительным. Так, в августе 1991 г. сторонниками ТОЦ себя считали 6%, партии «Иттифак» (объяснить где, кем и когда была создана, цели, численность и характер деятельности, чем отличалась от ТОЦ и др. партий) 2,5% опрошенных. Правда, при этом нужно иметь в виду, что и все остальные партии, функционировавшие на территории поволжского региона (а их было около 10), набрали только 10,6%. А 46,9% опрошенных не симпатизировали каким-либо партиям или организациям. В ноябре 1997 г. сторонниками ТОЦ считали себя 0,6% (а в Казани и во все – 0%), «Иттифак» – 0,6%. Возможно, эти показатели больше характеризуют общую ситуацию в регионе и России, чем влияние отдельных партий и движений на политическое сознание масс, поскольку «на конец 1997 г. около 68% опрошенных не могли назвать какую-либо партию, которой они отдавали бы своё предпочтение». Эти данные свидетельствуют «о сохраняющейся политической дезориентированности массового сознания», неспособности «большинства граждан идентифицировать себя политически с каким-либо течением или партией»;

д) к этому периоду относится появление основных элементов структуры управления

мусульманскими общинами (махалля – мухтасибат – ДУМ РТ).

Но этому периоду характерно бессистемное возникновение многочисленных мусульманских институтов. Они были связаны между собой довольно условно, в основном функционировали самостоятельно.

Следующий III этап охватывает период 1998–2002 гг. и стал периодом структурализации. Этот этап охватывает период между февральскими съездами 1998 и 2002 годов.

Этому этапу характерно формирование действующей системы управления мусульманскими общинами и другими институтами ислама. ДУМ РТ стало единственным высшим органом мусульман республики. Во всех 45 районах Татарстана оно имеет свои структурные подразделения – мухтасибаты, которые занимаются организацией деятельности 1 тыс. мусульманских общин на местах.

В этот период все мусульманские учебные заведения стали структурными подразделениями ДУМ РТ, которое, в свою очередь, выработало для них образовательные стандарты, применение которых привело к сокращению количества случайно возникших учебных заведений. Их осталось всего 8, что было вполне достаточно для удовлетворения потребностей мусульманских общин в имамах. В них обучались очно и заочно (не включая слушателей воскресных школ) более 1 тыс. шакирдов.

Можно сказать, что в Татарстане был создан работоспособный орган в виде ДУМ РТ, который, за редким исключением, в целом, контролировал ситуацию на местах.

IV период внутренней мобилизации охватывает период между II и III съездами (с 2002 по 2006 г.), который констатировал завершение этапа кардинальных структурно-организационных преобразований и основное внимание обратил на решение внутренних проблем мусульманских общин республики:

а) подготовка религиозных деятелей, адаптированных к местным условиям, знающих многовековые традиции мусульман Среднего Поволжья, способных организовать работу на местах в рамках традиционного для татар ханафитского мазхаба;

б) выявление внутренних резервов функционирования мусульманских общин, использование экономических рычагов в виде различных налогов, присущих мусульманам, создание разветвленной сети благотворительных организаций, активное использование той собственностью (вакуфами), которая передана мусульманам Татарстана.

Мусульманские общины и сегодня не имеют возможности содержать на свои средства духовенство и учебные заведения, строить или ремонтировать мечети и медресе. Поэтому можно сделать вывод, что мусульманские общины Татарстана хотя и получили государственную регистрацию, но еще не стали самостоятельной ячейкой мусульманского сообщества. Поэтому II съезд мусульман Татарстана в 2002 г. объявил своей приоритетной задачей создание полноценных мусульманских общин. Но каковы их основные принципы функционирования, этот вопрос, по сути, остался открытым. В каком виде она должна быть воссоздана в современных условиях? Дело в том, что классическая мусульманская община является продуктом аграрно-традиционного общества. А сегодня речь может идти об их возрождении в условиях индустриального или индустриально-ориентированного общества. При этом нужно иметь в виду, что в условиях индустриального общества людей объединяют не столько традиционные личные взаимоотношения и привязанности в рамках своей религиозной общины, сколько превращенные в идеологию цели и символы. Ислам сегодня перестал быть только формой семейного и общинного самосознания и стал важнейшим элементом этнического самосознания и идеологического осмысления современной действительности.

У религиозных деятелей в этот период еще не сформировалось готовых рецептов решения возникших проблем. Но было понимание того, что их надо решать за счет внутренних резервов, не формируя потребительской психологии.

V период определения идейно-богословских ориентиров. После съезда 2006 г. мусульманское сообщество Татарстана вступило в очень важный этап в своем становлении. Оно организационно-структурно сформиро-

лось, но не определилось в идейных и богословских ориентирах и основных принципах своего существования. Особая значимость этого этапа заключается и в том, что необходимо было приложить больших интеллектуальных усилий, чтобы четко обозначить будущие ориентиры исламского возрождения в Татарстане.

Возникновение и функционирование мусульманских институтов в Татарстане. Неоднозначность и сложность процесса возрождения ислама в Татарстане в какой-то степени нашли отражение и в деятельности Духовного управления мусульман Республики Татарстан (ДУМ РТ).

Возникновение ДУМ РТ в 1992 г. было обусловлено многими факторами. Во-первых, процессы «демократизации и суверенизации», а также распад СССР (декабрь 1991 г.) во многом способствовали кардинальным изменениям, произошедшим в рамках официальных религиозных институтов в бывшем СССР и России. Во-вторых, в татарском национальном движении, особенно после принятия Декларации о государственном суверенитете республики 30 августа 1990 г. все чаще и чаще звучали призывы в необходимости перевода Духовного управления из Уфы в Казань [Гараева, 1994, с.197]. Правда, тогда еще не стоял вопрос о создании самостоятельного духовного управления мусульман республики. Как отмечалось во второй редакции Платформы Татарского общественного центра (ТОЦ), что он «предлагает и в дальнейшем работать в тесной координации с Духовным управлением мусульман Европейской части и Сибири» (ДУМЕС). Однако, в связи с принятием Декларации о государственном суверенитете Татарской ССР, как отмечалось в программе ТОЦ, организационная форма управления мусульманами в Республике Татарстан должна измениться, и центр Духовного управления должен быть переведен в Казань. При противодействии официальных структур ДУМЕСа этому перемещению ТОЦ оставляет за собой право приступить к созданию самостоятельных структур Духовного управления мусульман Республики Татарстан с включением татар-мусульман других регионов, изъявивших на это свое

согласие» [Миллэт, 1991, янв.]. Проблема местонахождения Духовного управления мусульман за его 200-летнюю историю неоднократно поднималась религиозными деятелями и татарской интеллигенцией. Еще Ш.Марджани в 1897 г. писал, что «после открытия Духовное управление работало в Оренбурге. Но через три года ... было переведено в захудалый город Уфа. Но более чем ясно, что Казань для этой организации является самым приемлемым местом» [Маржани, 1989, с.211].

Галимджан Баруди, будучи муфтием Духовного управления мусульман России в 1920 г. писал, что «в давние времена Екатерина с целью покорить, привлечь на свою сторону казахов и башкир ... открыла Управление в глухом и крохотном городе... Если мусульмане по своему желанию переместят Управление в Казань, со стороны правительства не должно быть препятствий. Провозглашение в Казани Татарской республики и первые шаги в её создании особенно благоприятствуют этому делу. Его осуществление повысит авторитет Республики и в глазах народа... Вопрос стоит так: раз Духовное управление является единственной высокой религиозной столицей мусульман, естественное её место в Казани, признанной центром религии и городом науки» [Баруди, 1998, с.25].

Как уже отмечалось, для представителей татарского национального движения в определении их отношения к ДУМЕСу большую роль сыграло принятие Декларации о государственном суверенитете Татарстана. До её принятия ДУМЕС рассматривалось как одно из устоявшихся организационных структур, способных объединить вокруг себя татар и возрождать традиционное этноконфессиональное самосознание народа. Для национальных общественно-политических организаций и движений принятие Декларации стало промежуточным результатом в борьбе за национальную независимость и открыла некоторые возможности для ее продолжения. Поэтому в отношении к Духовному управлению на первое место выходит понимание его как необходимого атрибута государственности. Одновременно проблема национального

единения всех татар оставалась актуальной. Поэтому для национального движения с этой точки зрения наиболее приемлемой оставалась идея перевода центра Духовного управления из Уфы в Казань, а не создания новой религиозной организации.

В такой ситуации Талгат Таджутдин, чтобы предотвратить кардинальные изменения в ДУМЕС, летом 1992 г. приехал в Казань для встречи с лидерами национального движения. Один из участников этой встречи, Дамир Исхаков по этому поводу в одном из интервью вспоминал, что Таджутдину «настоятельно предлагалось перевести Духовное управление в Казань. Но вместо этого он организовал здесь мухтасибат (отделение)» [Казанское время, 1998, 12 февр.]. Мухтасибатское управление в Татарстане не внесло каких-либо изменений в деятельность ДУМЕС. Это еще больше усугубило назревавший уже многие годы внутренний кризис в ДУМЕС. Быстрый рост количества мусульманских общин, требовавший решения многочисленных организационных, кадровых, финансовых проблем, усиление противоречий между региональными религиозными организациями и центром ускоряли естественный процесс создания самостоятельных духовных управлений.

Габдулла Галиулла, имам-хатиб казанской мечети Нурулла, избранный муфтием ДУМ РТ, обратил внимание, что «причин распада ДУМЕСа было несколько. Одна из них – принятие декларации о суверенитете бывшими автономиями... В республиках были избраны президенты, появились новые властные структуры. Естественно, что должны были появиться и структуры духовные, независимые от Центрального духовного управления мусульман России. У каждой республики были свои интересы и свои тонкости во взаимоотношениях с федеральными властями. Талгат Таджутдин в это время продолжал проводить жесткую линию Москвы» [Время и деньги, 1996, 3 окт.]. По его словам, процесс распада ДУМЕС нельзя рассматривать как «потерю единства мусульман России. Наоборот, они (мусульмане. – Р.М.) сегодня, избавляясь от тоталитарной идеологии, с учетом интересов каждого, ищут новые, основан-

ные на демократических принципах пути объединения» [Ватаным Татарстан, 1995, 3 февр.].

У Талгата Таджутдина была своя версия раскола ДУМЕСа и возникновения самостоятельных духовных управлений. Он утверждал, что «это, конечно, отражение тех процессов, которые происходят в обществе, но в большинстве своём навязано извне... В этом деле, мне кажется, было отрицательное влияние наших зарубежных братьев-мусульман. Некоторые так называемые «Исламские благотворительные общества», стоящие далеко от благотворительной деятельности, в своё время нас, живущих за «железным занавесом», пожалели. Но когда дело дошло до строительства мечетей и медресе, оказалось, что их деятельность направлена в совершенно другую сторону... Деятельность этих организаций и в Средней Азии, и на Северном Кавказе внесла раскол в среду мусульман» [Шәһри Казан, 1996, 18 сент.].

Официальные власти признали, что «факт образования Духовного управления мусульман в Республике Татарстан, вне зависимости от того, нравится это кому-то или нет», является уже реальностью [Терентьева, 1993, с.14].

Создание Высшего координационного центра вновь возникших управлений мусульман России (ВКЦ ДУМР) в 1992 г. диктовалось необходимостью образования единой организации, способной скоординировать деятельность духовных управлений и противостоять ДУМЕС. Это уже изначально предполагало создание принципиально новой, в отличие от него, структуры, объединяющей религиозные организации на демократической основе.

Потенциальные возможности для создания такого центра действительно, были, поскольку ВКЦ ДУМР строился по конфедеративному принципу, объединяя структурно и организационно совершенно самостоятельные духовные управления. Однако ВКЦ ДУМР эту возможность, практически, не реализовал, постепенно превратился в московскую верхушечную организацию, хотя его председателем был избран муфтий ДУМ РТ Габдулла Галиулла. В июле 1996 г. в Москве был создан Совет муфтиев России

под председательством муфтия Духовного управления Центрально-Европейского региона России Рауиля Гайнетдина [Ватаным Татарстан, 1996, 12 июля].

Ситуация в Татарстане усугубилась еще и тем, что в Казани 1 ноября 1994 г. состоялось собрание имамов 14 мусульманских общин Казани, в котором было принято решение о создании нового Духовного управления мусульман Татарстана во главе с имамом мечети города Зеленодольск Габдулхамитом Зиннатуллой [Иман, 1994, 1 нояб.]. Наличие двух духовных управлений создавало определенную напряженность между мусульманскими общинами Казани. Что касается мусульманских общин за пределами столицы, то появление новой религиозной организации также не вызвало у них особого энтузиазма, поскольку многие прекрасно понимали, что это очередная структурная единица ВКЦ ДУМР, постепенно теряющего свое влияние и практически не имеющего возможности оказания финансовой помощи религиозным общинам на местах. А вновь возникающие мусульманские общины в первую очередь нуждались в такой поддержке. Но ни ДУМ РТ, еще не окрепшее и структурно не оформившееся, ни ВКЦ ДУМР, не выдержавшее испытания временем и не сумевшее реорганизовать свои структуры в новых политических условиях, не смогли стать для них надежной опорой.

Реализацию идеи объединения взял на себя внеочередной съезд мусульман республики, проходивший в январе 1995 г. в Казани. В подготовке съезда и его документов принимали самое активное участие представители национального движения и научной интеллигенции. Более 80% мусульманских общин республики прислали на съезд своих делегатов, тем самым признав его своим высшим органом, а решения обязательными для выполнения.

Можно сказать, что формальное объединение мусульманских общин Татарстана произошло. Съезд свою задачу практически выполнил. Но дальнейший ход событий показал, что организаторы съезда, в какой-то степени абсолютизируя необходимость единства мусульман республики вокруг ДУМ РТ, упустили довольно существенный момент, касающийся конкретных

мер по обновлению его структуры и организации его деятельности на новой основе. Правда, эти вопросы съезд обсуждал, но не принял конкретных решений. Поэтому достигнутые позиции довольно быстро были утрачены, поскольку, как оказалось, съезд отражал чаяния, надежды и планы скорее татарской интеллигенции, чем духовенства и, тем более, руководства духовного управления.

События вокруг захвата комплекса зданий медресе Мухаммадия осенью 1995 г. во многом высветили реальную ситуацию, которая сложилась в руководстве ДУМ РТ: в условиях отсутствия четко продуманной работы по укреплению своей позиции на местах через оказание мусульманским общинам реальной помощи, если и не материальной, то кадрами, религиозной и учебной литературой и т.д., своими действиями муфтий Г.Галиуллы спровоцировал открытый конфликт с официальными властями. Предпосылки этого конфликта наметились еще в 1992 г., когда главой вновь созданного духовного управления стал Г.Галиуллы, к которому официальные органы отнеслись довольно настороженно, не без основания считая его представителем радикального крыла духовенства, связанного с оппозиционными организациями национального движения.

Сдержанная реакция официальных властей, скорее всего, означала признание ими целесообразности функционирования в республике единого духовного управления и боязнь возникновения открытого конфликта между мусульманскими общинами Казани. Но ДУМ РТ не сумело использовать и этот благоприятный момент для установления нормальных отношений с официальными органами. Оно не смогло использовать и интеллектуальный потенциал татарской интеллигенции, которая после внеочередного съезда 1995 г. изъявила желание сотрудничать с духовным управлением. В марте 1995 г. при ДУМ РТ был создан Совет улемов (Голэмэлэр шурасы), состоявший из известных ученых республики. Эта общественная организация главными направлениями своей деятельности определила «участие в разработке основных направлений деятельности ДУМ РТ в об-

ласти религиозного образования, подготовки религиозных кадров, нравственного воспитания граждан, особенно молодежи; оказание теоретической и методической помощи мусульманским учебным заведениям в разработке концепции развития мусульманского образования национального типа, в подготовке учебных программ, написании учебников, методических пособий и т.д. Но Совет улемов не успел развернуть свою деятельность, а события вокруг здания медресе «Мухаммадия» показали невозможность реализации поставленных целей, поскольку для руководства ДУМ РТ приоритетными оказались иные цели, которые концентрировались вокруг проблем недвижимости (дореволюционного вакуфного имущества в виде зданий, земельных участков и т.д., принадлежавшего мусульманам региона), которую оно намеревалось получить от государства. Политическая близорукость, отсутствие продуманной программы действий для руководства ДУМ РТ осенью 1995 г., в конечном счете, обернулись практически полной изоляцией: официальные власти открыто осудили его действия, возбудив уголовное дело против организаторов захвата здания медресе «Мухаммадия», в том числе и против самого муфтия Г.Галиуллы; интеллигенция отказалась от сотрудничества, предварительно изложив свою позицию в открытом письме [Ватаным Татарстан, 1995, 24 нояб.]; мусульманские общины на местах, открыто не осуждая действия муфтия, но и не поддерживая, постепенно дистанцировались от духовного управления, прекрасно понимая, что противостояние между руководством ДУМ РТ и официальными органами вполне может лишить их практически единственного относительно постоянного источника существования. Действительно, почти все мечети в республике, особенно в деревнях, строились при значительной поддержке местных властей или колхозов. Их более или менее полноценное функционирование также во многом зависело от них. Если иметь в виду, что к этому времени в республике около 200 мечетей находились на стадии строительства, то соответствующая реакция на местах в связи с этим конфликтом вполне понятна.

Конец 1995 и первая половина 1996 гг. стали периодом выжидания. Руководство ДУМ РТ ожидало результатов уголовного дела, открытого по факту захвата здания медресе «Мухаммадия», безуспешно пытаясь организовать себе поддержку со стороны мусульманских общин на местах. Последние также заняли выжидательную позицию, не без основания надеясь на разрешение этого конфликта на очередном съезде мусульман республики путем избрания нового руководства ДУМ РТ.

Возможно, поэтому многие процессы, связанные с возрождением ислама в Татарстане развивались независимо от деятельности ДУМ РТ. Так, система мусульманского образования, о необходимости которой говорил и сам муфтий Г.Галиулла на втором съезде мусульман Татарстана в январе 1995 г., не была создана. Существующие мусульманские учебные заведения, имеющие различный статус, в лице ДУМ РТ не нашли ни научно-методического и координационного, ни, тем более, материально обеспечивающего центра. Тем не менее, несмотря на отсутствие единого координационного центра, в 1990-е гг. в Татарстане появились первые мусульманские учебные заведения: начиная от начальных курсов при мечетях (многие из которых, особенно на селе, называются «медресе»), средних специальных учебных заведений (медресе «Танзиля», «Юлдуз» в Набережных Челнах и др.) до высших (медресе «Мухаммадия», Казанское высшее мусульманское медресе имени 1000-летия ислама и др.). Хотя зарегистрированных мусульманских учебных заведений насчитывалось более 10, реально работающих было меньше. Среди них можно назвать Казанское высшее мусульманское медресе «Мухаммадия», Казанское высшее мусульманское медресе им. 1000-летия ислама в Казани, «Юлдуз», женское медресе «Танзиля» в Набережных Челнах. Это не могло не вызвать озабоченности религиозной общественности и интеллигенции. В эти годы на страницах периодической печати все больше и больше появились публикации о необходимости укрепления и распространения в Татарстане именно традиционного в Поволжье ханафитского мазхаба. В этой связи вполне понятна пред-

принятая интеллигенцией (с участием духовенства) попытка создания в начале 1998 г. Центра по изучению традиционного ислама. Как ни парадоксально, Г.Галиуллы, еще будучи муфтием, не предпринимая каких-либо серьезных шагов для создания своих учебных заведений, тем не менее предупреждал, что «в скором будущем я не исключаю и более глубоких расколов в нашей среде, и не только по политическим соображениям. Сейчас около 100 студентов только из Татарстана обучаются в духовных учреждениях Турции, Сирии, Иордании, Ливии, Марокко, Туниса, Саудовской Аравии, Арабских Эмиратов, Малайзии, Индонезии. Это страны мусульманского мира, среди них есть и такие, где исповедуется шиизм.

Вернувшись на родину, молодые имамы вольно или невольно будут пытаться возродить в своих приходах ту обстановку, в которой они жили 5–6 лет во время учебы за рубежом. Они неизбежно внесут что-то новое, что может войти в противоречие с устоявшимися обычаями. Не сомневаюсь, что начнется вражда, интриги и в итоге – раскол. Вред будет нанесен всей религиозной среде. Нам необходимы свои учебные заведения, но на их организацию нет средств, а государство стоит в стороне. Создается впечатление, что Москве выгоден раскол» [Время и деньги, 1996, 3 окт.].

Первая половина 1997 г., на первый взгляд, не ознаменовалась какими-либо значительными событиями в жизни ДУМ РТ. Но если иметь в виду, что именно за этот период практически все члены президиума ДУМ РТ, избранные на съезде 1995 г., в силу различных причин, оказались в оппозиции к муфтию, несложно догадаться, что зыбкое единство (точнее, перемирие) духовенства, достигнутое на съезде 1995 г., дало серьезную трещину.

Официальные власти республики также выступали за объединительный съезд. Президент Татарстана Минтимер Шаймиев в январе 1998 г. встретился с Талгатом Таджутдином и Габдуллой Галиуллой. Выяснив позиции сторон, осознав, что подготавливаемый ДУМ РТ съезд вряд ли разрешит накопившиеся проблемы, официальные власти активизировали свою деятельность. В интервью СМИ Минтимер Шаймиев не-

однократно заявлял, что съезд состоится, дав понять, что у духовенства нет выбора: необходимо провести съезд в назначенный срок. Инициатива практически полностью перешла в руки оргкомитета, созданного по предложению официальных властей из 12 представителей двух духовных управлений. Оргкомитет утвердил список кандидатов в муфтии. Среди них оказались Габдулла Галиуллы, Фарид Салман, Габдулхамит Зиннатулла, мухтасиб Казани Мансур Зялялутдин, имам-хатиб Султановской мечети Казани, бывший казий ДУМ РТ Камиль Бикчантаев и заместитель муфтия ДУМ РТ Гусман Исхаков. Оргкомитет подготовил проект нового устава ДУМ РТ, который, значительно ограничив полномочия муфтия, должен был координировать деятельность постоянно действующих структур духовного управления.

Оргкомитет сумел четко обозначить первоочередные задачи подготовки съезда: разработка нового варианта устава с акцентом на коллегиальности работы ДУМ РТ через участие в съезде представителей всех мусульманских общин республики; выборы нового муфтия и обновленного состава Пленума.

14 февраля 1998 г. съезд прошел по предложенному им плану. На нем присутствовали 718 делегатов, из них 653 представителя из 686 официально зарегистрированных мусульманских общин республики, 43 мухтасиба из 44 мухтасибатов и представители религиозных учебных заведений; съезд избрал новым муфтием Гусмана Исхакова.

На съезде Президентом РТ М.Шаймиевым были озвучены те проблемы, которые волновали мусульман республики. В связи с этим до и после съезда на страницах центральных и местных средств массовой информации поднимался вопрос о вмешательстве государства во внутренние дела мусульманской общины Татарстана. Действительно, официальные круги республики были заинтересованы в проведении объединительного съезда и избрании нового муфтия: деятельность ДУМ РТ с его непродуманной, временами крайне оппозиционной политикой и непредсказуемостью действий самого муфтия Г.Галиуллы работали не на пользу политического имиджа

Татарстана. ДУМ РТ, действительно, могло создать новые проблемы вдобавок к уже существующим (подготовка служителей культуры, материально-финансовое положение мусульманских общин на местах и т.д.).

Выступая на съезде, М.Шаймиев довольно четко сформулировал свое отношение к проблеме взаимоотношения государства и религии: «В последнее время можно услышать суждения типа "Почему правительство вмешивается в наши религиозные дела?"... Речь не идет о том, чтобы вмешиваться, заставить что-либо делать, мешать работе религиозных деятелей, органов правления мусульман, а о совместном служении народу. Хотя религия и отделена от государства, религия и религиозные организации не отделены от общества» [Ватаным Татарстан, 1998, 17 фев.].

Съезд, действительно, стал объединительным. Правда, некоторые центральные средства массовой информации поспешили объявить об углублении раскола среди духовенства Татарстана. Газета «Русский телеграф», ссылаясь на мнение неких «экспертов-исламоведов» писала, что «раскол стал полностью зримым, а татарский ислам – весьма политизированным ... Галиулла же готовится стать знаменем татарских националистов» [Русский телеграф, 1998, 24 фев.].

После объединительного съезда новый состав ДУМ РТ предпринял энергичные меры по его превращению в полноценно действующий орган управления мусульманами республики. Если при Г.Галиулле не было постоянно работающих структур, не считая 2–3 его секретарей, то новый муфтий считал их создание своей первоочередной задачей. Со стороны властей были созданы соответствующие условия: под административное здание ДУМ РТ в центре города был выделен и отремонтирован старинный особняк, Российский исламский университет, открывшийся в сентябре 1998 г., также получил просторное здание. В июле 1999 г. вступил в силу республиканский Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», где в статье 10 было зафиксировано, что «мусульманские религиозные организации в Республике Татарстан представляются и управляются одной централизованной религиозной организацией – Духовным управ-

лением мусульман Республики Татарстан» [Закон РТ, с.25]. Этот закон, и особенно упомянутая статья вызвали большие споры в республике и за ее пределами. Как обратил внимание председатель Совета по делам религий при Кабинете министров РТ Р.Набиев, «многие посчитали, что мы нарушаем российское законодательство» [НГ–религии, 1999, 27 окт.]. Но, по его словам, речь шла только об учете «желания татарских мусульман создать одно Духовное управление Республики Татарстан», «поскольку в российском законодательстве как будто специально оговаривается, что три религиозные общины имеют право создавать централизованную религиозную организацию. И ... в каждой российской республике образовывалось по два, по три муфтията, а иногда и больше. Между ними возникали постоянные конфликты» [НГ–религии, 1999, 27 окт.]. В данном случае в первую очередь подразумевалась ситуация в самом Татарстане в 1994–1998 гг.

Не останавливаясь на правовых коллизиях данного закона, можно сказать, что он, действительно, работал на стабилизацию положения в мусульманской общине и поэтому ДУМ РТ его полностью поддерживало.

Встретив политическую лояльность и правовую поддержку со стороны властей, ДУМ РТ приступило к решению своих организационных проблем. Были созданы отделы статистики, архитектуры и строительства, учебный, международный, призыва (дагват), научный, предприняты попытки возобновления деятельности Совета улемов. Выступая на конференции в октябре 1999 г., муфтий Г.Исхаков заявил, что «структура ДУМ РТ поднялась до уровня решения задач, стоящих перед нами... Правда, еще нужно трудиться над созданием работающей на должном уровне вертикальной структуры, поскольку мы не можем работать напрямую с религиозными общинами, количество которых перевалило уже за тысячи» [Исхаки, 1999, с.3].

В целом, рассматривая процесс исламского возрождения в российском обществе и его проблемы на современном этапе, ДУМ РТ исходило из того, что оно вступило в свою новую стадию, которая требует уточнения основных задач и путей их решения.

Наряду с нерешенными внутриконфессиональными проблемами новый этап выявил еще одну, не менее важную сторону этого процесса. Как обратил внимание муфтий Г.Исхаков, «то недопонимание, которое существует вокруг ислама и его роли в духовном оздоровлении российского общества, непрекращающиеся попытки превратить его в пугало для инаковерующих – это своеобразное отражение неразрешенных проблем исламского возрождения. Нужно признать, что успехи в возвращении исламских ценностей в общественную жизнь касаются, в основном, количественных показателей... Мы вынуждены констатировать, что сегодня не имеем необходимых интеллектуальных сил, чтобы убедительно показать неиспользованные гуманистические возможности ислама, его место в истории российского общества, региональные особенности мусульманской религии» [ТА ДУМ РТ, с.3]. Одной из причин Г.Исхаков считает то, что «мусульманская умма страны, за редким исключением, по сути дела, сама до сих пор находится в плену созданного еще в годы Советской власти малопривлекательного и примитивного образа: ислам как совокупность превращенных в догму обрядов, неукоснительное выполнение которых определяет истинное лицо мусульманина. А какую смысловую и нравственную нагрузку несут эти обряды, как они преломлялись и преломляются в тех или иных регионах, насколько верно и оправдано сведение сущности ислама только к этим обрядам, как показать его мощный интеллектуальный потенциал, накопившийся в течение многих веков, в чем конкретно проявляется миротворческая миссия ислама сегодня? Эти и многие другие вопросы, к сожалению, остаются открытыми. Конечно, нужно понять и то, чтобы разрушить установившиеся стереотипы и перейти на новую ступень религиозно-нравственного оздоровления общества, необходимо обновить концепцию исламского возрождения. Она должна быть более конкретной и направленной на решение злободневных проблем нашего общества» [ТА ДУМ РТ, с.3].

Очередной съезд мусульман РТ прошел в феврале 2002 г. Съезд прошел спокойно. Скорее всего, это вполне естественный ход

событий, поскольку четыре года, прошедшие после объединительного съезда 1998 г., не создали каких-либо серьезных предпосылок для кардинальных структурных изменений. Объединение мусульман, к чему стремились и органы власти, и сами мусульмане, уставшие от бездеятельных и верхоушечных структур и надеющиеся на появление работоспособного единого Духовного управления, тогда, действительно, состоялось. В 1999 г. оно было подкреплено республиканским Законом «О свободе совести и о религиозных объединениях», который юридически закрепил приоритеты единого духовного управления и исключил возможность официальной регистрации параллельных структур управления мусульман.

Немногочисленные оппозиционеры довольно быстро сошли с дистанции. Даже незначительный опыт существования ДУМ РТ с 1992 г. преподавал им уроки прагматизма: сегодня мусульманским общинам нужны не красивые лозунги, не многочисленные духовные управления, выясняющие между собой отношения, а орган, хоть каким-то образом помогающий им в решении их проблем.

Среди главных проблем, прозвучавших на съезде, встал вопрос об источниках материального обеспечения и финансирования мусульманских общин на местах и религиозных организаций в целом. По подсчетам ДУМ РТ, на эти нужды ежегодно нужно 75 млн. рублей, которых у него, конечно, нет.

Выход из положения Духовное управление видит в восстановлении традиционных для уммы источников, которые у татар в течение многих веков служили основными доходами содержания мусульманских общин: десятина (гошер), закят, доходы, полученные от выполнения религиозных обрядов и эксплуатации вакуфного имущества и т.д. Но в решении финансовых проблем единодушие на съезде сводилось в основном к констатации их наличия.

Создавалось впечатление, что многие имамы все еще надеялись на местные органы власти, на спонсоров и на другие источники финансирования. Еще не было понимания того, что сегодня на местах самой главной задачей является создание полноценных мусульманских общин – махалля,

не просто объединяющих единомышленников по вере, но способных стать центрами духовного оздоровления общества.

Отсутствие постоянных и надежных финансовых источников мусульманской общины, по сути, лишают возможности привлечения молодых образованных имамов. Как прозвучало на съезде, только 8% из 3 тыс. мусульманских священнослужителей имеют специальное богословское образование.

Конечно, трудоустройство выпускников – не единственная проблема религиозной системы образования. Она и сегодня находится на перепутье. Период бездумного копирования образовательных стандартов арабских стран, можно сказать, прошел. Медресе пытаются выработать модели обучения, адаптированные к местным условиям. Это вполне естественно, поскольку они должны формироваться с учетом многих факторов, а также на прочной теоретической базе, о необходимости которой говорится давно и пока, к сожалению, безуспешно. Джадидизм и кадимизм как формы функционирования системы образования у татар совершенно не изучены. Поэтому вполне понятно настороженное отношение духовенства к джадидизму, которому в вину ставится размывание основ традиционного мусульманского общества. У многих, и не только у религиозных деятелей, очень большие сомнения по поводу перспектив использования традиций джадидизма в возрождении исламских ценностей. Съезд, конечно, не дал четких установок по этому поводу, хотя там и подчеркивалась необходимость изучения и использования духовного наследия народа.

Среди проблем, волнующих мусульман, помимо этих двух можно выделить и другие. Но именно они оказались сквозными и наиболее значительными. Возможно, поэтому во всех итоговых документах они нашли свое отражение в той или иной форме. В «Основных направлениях деятельности ДУМ РТ на 2002–2006 годы» [ДУМ РТ, 2004] в качестве стратегической задачи было определено формирование полноценной общины, способной собрать вокруг себя здравомыслящих мусульман, адекватно воспринимающих происходящее вокруг и активно участвующих в решении насущ-

ных проблем общества. В обращении к Государственной думе поднималась проблема вакуфного имущества, которое должно иметь правовые основы для полноценного функционирования. Президенту РФ Владимиру Путину было направлено обращение с просьбой поддержать Исламский университет как научно-методический и образовательный центр Поволжского региона.

Очередной съезд мусульман прошел в 2006 г. Вокруг этого съезда не было каких-либо скандалов, серьезных разногласий между представителями незначительной оппозиции. Если иметь в виду, что мусульманское сообщество вступило в новый этап своего функционирования – определения богословско-правовых ориентиров, то можно не сомневаться в том, что этот процесс оказался глубинным и не имел четко выраженных внешних проявлений. Но самое главное, те проблемы, которые были озвучены на предыдущих съездах, откладывались на потом. И только на очередном съезде 2010 г. они были озвучены и о них всерьез заговорили после отставки муфтия Г.Исхакова в 2010 г.

Неслучайно эти события во многом для всех российских мусульман стали знаковыми. И отставка в конце 2010 г. муфтия ДУМ РТ Гусман хазрата Исхакова, руководившего Духовным управлением в течение двенадцати лет, и избрание муфтием Ильдуса хазрата Фаизова оказались событиями не случайными.

Подводя итоги двенадцатилетнего руководства Гусмана Исхакова, следует отметить выстраивание ДУМ РТ управленческой вертикали. Правда, ее эффективность требует особого анализа. Тем не менее, в этом плане ДУМ РТ в каком-то смысле можно ставить в пример остальным духовным управлениям мусульман России. Мухтасибаты во всех районах РТ, 6 казиятов, система мусульманского образования, включающая девять учебных заведений свидетельствуют о выстраивании управленческой инфраструктуры. В России нельзя назвать другого регионального духовного управления, сумевшего выстроить подобную вертикаль. Можно сказать, что в Татарстане намного серьезнее, чем в других регионах отнеслись к проблеме институционализации и структуризации

ции ислама. Дело в том, что в исламе нет деления на светское и религиозное, и поэтому в мусульманских государствах исламские институты функционируют в тесном контакте с властными структурами. Но, поскольку Россия по конституции является светским государством, задача выстраивания собственных институтов является проблемой самих мусульманских сообществ. Создание оптимальной модели, к тому же еще работающей – это, безусловно, очень важно. В Татарстане она была выстроена.

Тем не менее, через год после единогласного избрания муфтия РТ состоялась его отставка, которая не могла быть случайной. Дело, в данном случае, скорее всего, в том, что ДУМ РТ и система управления мусульманским сообществом, выстроенная вокруг него не без поддержки органов государственной власти, в последние годы пытались самостоятельно реализовать свое видение перспектив развития мусульманского сообщества республики. В связи с тем, что определение стратегических задач функционирования мусульманского сообщества является важнейшим направлением формирования конфессиональной политики, органы государственной власти также имели свое видение этой проблемы. В последние годы представления о перспективах функционирования мусульманской общины государства и ДУМ РТ заметно отличались. Более того, официально они приобрели форму разногласий. Ключевой проблемой в этом контексте стало понимание перспектив исламского возрождения в республике. ДУМ РТ рассматривало исламское возрождение как процесс возвращения ислама в духовную жизнь общества, при этом не акцентируя внимание на роли ислама в возрождении духовных ценностей. А органы государственной власти, в свою очередь, рассматривали ислам для выстраивания полноценной конфессиональной политики как некий инструмент возвращения в общества традиций и ценностей, которые в течение многих веков способствовали формированию приемлемых для многонационального общества, как Россия, внутриконфессиональных и межконфессиональных отношений.

Если на начальной стадии возвращения ислама в общество актуализация процесса

институционализации завуалировала разные подходы, то в последние годы на первый план вышли сложные богословские проблемы, которые требуют четкого определения своей позиции. ДУМ РТ не смогло определить свою позицию. Точнее, не смогло внести коррективы в свое стратегическое направление деятельности. Эксперты в области религии уже давно наблюдали за развитием взаимоотношений между органами власти республики и ДУМ РТ, отмечая охлаждение этих отношений и подчеркивая его серьезные подоплеку. Решение этого разногласия ожидалось на очередном съезде мусульман РТ в 2010 г. Но решение съезда в этом вопросе оказалось половинчатым: появился первый заместитель муфтия ДУМ РТ, которому вменялось в обязанность определение новых тенденций в деятельности ДУМ РТ. На съезде это было четко обозначено в выступлении Президента РТ М.Ш.Шаймиева, который обратил внимание на то, что «процесс возвращения традиций в татарское общество пока не стал духовно консолидирующим фактором. Напротив, мы видим, что в отношении к традициям поляризация представлений всё больше и больше углубляется. Более того, всё чаще словосочетание «ханафитский мазхаб» становится прикрытием для отдельных лиц, распространяющих чуждые для татар религиозные идеи, иначе они не смогли бы работать в мечетях Татарстана. А ведь в уставе ДУМ записано, что мусульмане республики – приверженцы ханафитского мазхаба. В этом вопросе должна быть жесткая позиция нашего духовенства. Следующий срок будет для ДУМ РТ ключевым в решении этого вопроса» [Шаймиев, 2010 б].

Власть устами Президента довольно жестко обозначила негативные тенденции в деятельности ДУМ РТ: «О негативных проявлениях в мусульманском сообществе Татарстана свидетельствуют и судебные процессы над участниками радикальных религиозных групп, и многочисленные обращения граждан по поводу совершения имамами в районах и городах ритуалов и чтения проповедей по нетрадиционному для нашего народа порядку. И это уже становится достаточно серьезной проблемой, требующей незамедлительного принятия

мер. И в первую очередь со стороны Духовного управления мусульман, муфтия, имам-мухтасибов» [Шаймиев, 2010 б].

Но стороны ДУМ РТ серьезных выводов не последовало. Муфтий Г.Исхаков в очередной раз озвучил свою позицию по отношению выпускников зарубежных вузов, по сути, делая на них ставку в распространении исламских ценностей: «Ребята, которые, вернулись с чуждым нам мазхабом, нуждаются как минимум в двух-трехгодичной реабилитации прежде, чем их можно было бы поставить на какой-то пост. При этом не надо от них отворачиваться, отдалять от себя, обвинять сразу в ваххабизме, салафизме или суфизме. С ними надо очень терпеливо работать, разъясняя постулаты и преимущества ханафитского мазхаба – самого умеренного, самого толерантного. Это очень тонкая вещь, и к этому надо подходить очень аккуратно и осторожно, чтобы не допустить никаких обвинений, никакого противостояния. Да, есть приверженцы разных течений («Хизб ут-Тахрир», «Джамаат таблиг»), запрещенных на территории России, но их единицы, и они нереакционны. Не надо путать терроризм с теологическим разногласием! Если мы будем и дальше с ними бороться, не пытаясь мирным путем наставить на путь истинный, то это может превратиться в более суровые отношения» [Исхаков, 2010 б].

События, которые произошли в Нурлатском районе Татарстана в ноябре 2010 г., заставили заговорить о накопившихся проблемах более открыто и резко, чем раньше. Силами правоохранителей и спецслужб в этом районе была ликвидирована вооруженная группа радикально настроенных мусульман.

Позиция ДУМ РТ по этому событию оказалась более чем туманной, но предсказуемой. В «Обращении муфтия, Председателя ДУМ РТ Гусмана хазрата Исхакова к мусульманам Татарстана в связи с событиями, произошедшими в Нурлатском районе Республики» многозначительно подчеркивалось, что «Недавние события в Нурлатском районе нашей Республики заставили всех нас ещё раз серьезно задуматься» [Исхаков, 2010 б]. Правда, не уточнялось, над чем надо было задуматься. Но были намеки по пово-

ду некоторых политических сил в стране, которые «не желают нашего спокойствия и мира и всеми путями стремятся посеять вражду и смуту между нами» [Исхаков, 2010 б]. Вывод обращения был так же более чем туманным: «Не стоит поддаваться этим провокациям! Ведь какой ощутимый урон несет вся мусульманская умма из-за событий, которые произошли недавно» [Исхаков, 2010 б].

Властные структуры сделали более конкретные и четкие выводы после этих событий, чем ДУМ РТ. Министр внутренних дел РТ А.Сафаров заявил, что «как ни прискорбно признавать, но сегодня существует опасность проникновения в республику различной ненужной, мягко сказать, экстремистской идеологии. Первая попытка проникнуть в Татарстан была еще в 90-х гг. под видом религиозных деятелей. Вы помните печально известное медресе «Юлдюз»... Сегодня это происходит по-другому. Особую активность проявляют группировки сторонники так называемого салафитского течения (ваххабиты). В отличие от обычных организованных преступных формирований, у них отсутствует понятие противоборствующих группировок: они солидарны и поддерживают друг друга» [Сафаров, 2011].

Начальник Центра по противодействию экстремизму МВД по РТ М.Галлямов также обратил внимание на то что «в последнее время очень часто говорится о салафизме. Это направление представляет, на наш взгляд, наибольшую угрозу для стабильности в республике. События в Нурлатском районе, ликвидация вооруженной группы... показали, что ситуация непростая. Мы это знали и раньше, работали в этом направлении..., но может быть, мы недостаточно активно привлекали общественность для предупреждения подобных проявлений религиозного экстремизма. Бывало и так, что представители религиозной общественности говорили нашим сотрудникам: «Зачем вы поднимаете шум? У нас все нормально. Вы действуете в угоду чужим интересам». Поддерживали их и другие авторитетные деятели, убеждая нас не поднимать лишнего шума, поскольку «это может повредить репутации республики». По своей линии мы и раньше работали без компромиссов, мы выявляли злоумыш-

ленников, предупреждали готовящиеся преступления, но вот что касается создания нетерпимого отношения в обществе к таким вещам, то признаю, мы не были столь активны. Да и не наша это задача – мнение формировать» [Regnum, 2012].

Проблема богословских разногласий в российском мусульманском сообществе имеет вполне объективные причины, которые восходят еще к началу 1990-х гг., возможно и раньше.

Одна из причин богословских разногласий лежит на поверхности. В начале 1990-х гг. молодежь, которая постепенно стала возвращаться в Россию, выезжала за рубеж для получения религиозного образования. Ни у кого нет сомнения в том, что она была воспитана совершенно в других традициях. Молодые люди вернулись, может быть, искренними мусульманами. Но они уезжали за рубеж сразу же после школы, не имея никакой религиозной подготовки. Их воспитывали с нуля в той среде, и здесь они считают, что их обучали основам истинного ислама. Такая молодежь сегодня есть во всех уголках России. Она представляет практически самую образованную часть мусульманского духовенства. Другая сторона этой проблемы заключается и в том, что если в 1990-е гг. сетовали на негативное внешнее влияние, то сегодня это влияние стало внутренней проблемой. Сегодня в России почти не работают зарубежные исламские благотворительные фонды и преподаватели из других стран, но из-за границ вернулось множество обучавшихся в религиозных учебных заведениях молодых людей. Эта российская молодежь, получившая образование в мусульманских странах, – носитель той же идеологии, которую раньше распространяли арабы. Представляя самую образованную часть мусульманского сообщества, эта группа мусульманского духовенства оказывает большее влияние на молодежь, чем небольшое количество последователей ханафитских традиций. В обществе есть понимание того, что возрождение этих традиций сегодня является первоочередной задачей и требует серьезных интеллектуально-богословских усилий. Но сегодня мусульманское сообщество еще не доросло до осмысления глубинной

сути богословских традиций ханафитского мазхаба. Возможно, это связано и с тем, что мусульманской интеллигенции, способной обсуждать серьезные богословские проблемы, сегодня практически нет.

Тем не менее, появившиеся в последние годы публикации дают возможность утверждать о том, что интеллектуальные поиски о судьбах ислама в российском обществе вышли на новый уровень. Вполне естественная для первых лет религиозного обновления эйфория постепенно заменяется серьезными размышлениями о сущности того ислама, который нужен мусульманам, в первую очередь, татарам. Высказываются совершенно разные, подчас противоположные точки зрения. И это вполне естественно, поскольку ни в одном обществе (не только в мусульманском) никогда не было единого мнения по поводу форм проявления, сферы применения и перспектив развития религии.

В татарском обществе в XIX – начале XX в. споры развернулись между представителями кадимизма и джадидизма. Но сегодня ситуация в этой области намного сложнее. До начала XX в. споры велись мусульманской интеллигенцией, которая анализировала процессы изнутри и с позиции ислама и поэтому между ее различными слоями, даже между идеологическими противниками было много точек соприкосновения. Но сегодня татарская интеллигенция идеологически более разнообразная и, в основной своей массе, светская, поэтому отношение к исламу и процессам, происходящим вокруг него, является, по сути дела, взглядом со стороны. Это, безусловно, вносит в споры негативный оттенок, поскольку создает массу возможностей для создания искусственных конструкций, которые имеют свою внутреннюю логику, но не всегда учитывают особенности догматико-обрядовой составляющей ислама.

Тем не менее, появление не только отдельных идей, но и целых концептуальных представлений о путях развития ислама в татарском обществе, безусловно, своевременное и положительное явление. Они, по сути дела, создают определенную интеллектуальную среду, в которой идут жаркие споры и поиск сути и оптимальных форм

реализации и использования ислама в татарском обществе.

Поэтому среди мусульман Татарстана богословские разногласия вытекают из сложившейся непростой ситуации в мусульманском сообществе. Ситуация осложняется и тем, что распространение нехарактерных для татар богословских идей носит в какой-то степени половинчатый характер. Сложные мировоззренческие аспекты прикрываются единой правовой оболочкой, т.е. соблюдая правовые принципы ислама по ханафитскому мазхабу, некоторые мусульмане придерживаются совершенно других мировоззренческих установок. Поэтому среди мусульман, позиционирующих себя ханафитами, много противников медрес по определенным датам, посещения древнего Булгара и т.д.

Результаты этих богословских разногласий, к сожалению, выходят далеко за пределы сугубо богословских споров. Богословие с различными подходами сегодня является эффективным инструментом воспитания мусульманской молодежи в мусульманских учебных заведениях, мечетях и в различных официальных и неформальных кружках.

Сложность и неоднозначность ситуации в регионе заключается в том, что процесс радикализации идет на уровне смены обрядовой системы. Неподготовленному человеку и непосвященному в специфику мусульманской обрядовой системы эти изменения

преподносятся как возвращение в лоно истинного ислама.

Поскольку радикализация происходит в основном только в рамках богословских представлений, то для органов власти не было серьезных оснований для принятия каких-либо мер по отношению к этим общинам. Официальные исламские институты в лице духовных управлений также этой проблемой практически не занимаются. Они сами далеки от традиционных для мусульман России исламских ценностей. «Экспорт» чуждых для российских мусульман богословских традиций для них ассоциируется с религиозными ценностями, которые формировались в полноценном мусульманском обществе и поэтому вполне способны быть формой исламского возрождения. Будучи оторванными от многовековых богословских традиций мусульман России, основная часть современных мусульманских лидеров не могут смотреть на чуждые традиции критически, поскольку они не знают других ценностей, на что можно было бы опираться.

Неслучайно выборы в 2011 г. нового муфтия в Татарстане было названо знаковым событием. В республике в руководство ДУМ РТ пришла новая команда, которая понимает необходимость кардинальных перемен в осмыслении богословских традиций. Станут ли эти изменения новым этапом исламского возрождения в России покажет только время.

§ 4. Трансформация праздничной культуры татар в постсоветский период

Рауфа Уразманова

В постсоветское время произошла смена праздничного календаря. Современный календарь праздничных дат в Татарстане несколько отличается от общероссийского за счет дополнительного включения объявленных праздничными дат, которые связаны с этапными общественно-политическими событиями в республике. К ним отнесены принятие Конституции Республики Татарстан – 6 ноября и день объявления суверенитета – 30 августа (День Республики). Кроме того, наряду с общероссийским христианским Рождеством (7 января) не-

рабочим днем был объявлен мусульманский праздник Курбан–байрам. С 2011 г., как и в других «мусульманских республиках» России, в Татарстане праздничным (нерабочим) стал и второй главный праздник ислама – праздник завершения поста Ураза–байрам. В связи со спецификой мусульманского календаря их дата ежегодно объявляется. Татары же, испокон веков компактно проживающие в российских регионах Окско-Сурского междуречья, Среднего Урала, Западной Сибири, такой возможности не получили.

Некоторые из праздников «красного календаря» остаются широко бытующими, любимыми, в частности, Новый год, 8 Марта. Правда, масштабы последнего более скромны. Это главным образом выходной день, как правило, с подарками для женщины, поздравлениями, как по месту службы, так и в семейном кругу.

Форма проведения, размах всех остальных праздников, установленных («подаренных») государством, зависит от организаторов, в том числе от размеров финансирования со стороны местных органов. Особо зрелищным бывает День Республики – 30 августа, организуемый не только в Казани, но и в других городах Татарстана. Именно эта зрелищность – праздничное оформление мест проведения, участие известных артистов (профессиональных и самодеятельных), показательные выступления спортсменов, игровые площадки для детей, множество торговых точек – привлекает на праздник тысячи горожан и гостей.

В постсоветское время еще более активно стала проявляться этноинтегрирующая функция Сабантуя: праздник становится элементом этнопрезентации татар, как в России, так и за ее пределами.

С созданием довольно активно функционирующего Всемирного конгресса татар с административным центром в Казани, проводится большая работа по расширению связи татар, проживающих в республике, с татарами различных регионов России и за ее пределами, в том числе в области культуры. В.А.Тишков назвал эту работу «политическим проектом "татарской диаспоры" за пределами соответствующей республики», признав при этом, что у этого проекта есть основания, ибо Татарстан сегодня – основной очаг татарского культурного производства, опирающийся на автономную государственность [Тишков, 2003 б, с.438].

Правовой базой для этого стало подписанное между Кабинетом министров РТ, Исполкомом Всемирного конгресса татар и Советом Федеральной национально-культурной автономии российских татар (ФНКАТ) от 4 июня 1999 г. «Соглашения о культурном, экономическом и научном сотрудничестве». На этой юридической

основе были закреплены нити, связывающие Республику Татарстан с регионами компактного проживания татарского народа. Этот процесс был усилен и закреплен в 2002 г., когда в Конституции РТ появилась ст.14 «Об оказании содействия РТ татарам, проживающим за пределами республики». Наиболее продуктивной оказалась работа по участию представителей республики в организации и проведении праздника Сабантуй.

В Казани стали проходить обучающие курсы для организаторов и режиссеров праздника, на которые приезжают представители татарской общественности. Например, в 2006 г. присутствовало 168 человек из 112 районов и городов 42 субъектов Российской Федерации, а также из 2 городов Турции и Казахстана.

Начиная с 2002 г., постановлением Правительства Республики Татарстан для делегаций из районов республики составляется график посещения Сабантуя в различных регионах России. Так, в 2005 г. в него было включено 59 регионов, в 57 из них были направлены делегации. В составе делегаций, наряду с официальными лицами из Аппарата Президента Республики Татарстан, Кабинета Министров РТ, депутатами Госсовета РТ, с представителями администраций ответственных районов, обязательно включаются участники художественной самодеятельности, спортсмены – победители различных сабантуйных состязаний, нередко, известные эстрадные артисты. Причем, большую часть расходов на поездку, как правило, берут на себя приезжающие.

Организаторами же на местах стали руководители созданных национально-культурных автономий и отделений Всемирного конгресса татар, а Сабантуй там проводится как областной.

Наряду с «региональными» («областными») ежегодно, начиная с 2001 г. по инициативе Совета Федеральной национально-культурной автономии татар России, стали проводить федеральный Сабантуй. Первый такой Сабантуй был проведен в Саратове, затем – в городах Тольятти Самарской, Димитровград Ульяновской областей, в столице Республики Марий Эл в городе Йошкар-Ола, в Нижнем Новгороде, в горо-

дах Саранск (Республика Мордовия), Челябинск, Астрахань, Ульяновск, а в 2010 г. – в Ижевске (Республика Удмуртия).

Само название «Федеральный» свидетельствует об увеличении масштаба участников. И если во втором Федеральном сабантуе, проведенном в празднующем 265-летие своего основания городе Тольятти, приняли участие делегации из 8 регионов России (областей – Ульяновской, Самарской, Саратовской, Оренбургской, Волгоградской, Республик – Мордовии, Марий Эл и Ханты-Мансийского автономного округа) [Шарафутдинов, 2004, с.315], то в проведенном в городе Ульяновск в 2009 г. таких было более 50 (Карелия, Иркутск, Архангельск, Нижний Новгород, Рязань, Челябинск, Калуга, Волгоград, Краснодар, Пермь, Чувашия, Мордовия, Бурятия, Коми, Сахалин и т.д. [Мэдэни жәмга, 2009, 10 июля]. Это является ярким свидетельством возросшего интереса к Сабантуе как со стороны самих татар, волей судьбы дисперсно разбросанных по всей России, так и руководителей регионов. Многие из них не только оказывают активную помощь и поддержку в его проведении, но и сами участвуют в нем.

Свидетельством истинной народности Сабантуя является тот факт, что с ослаблением диктата руководящих (партийных) органов в постсоветское время по инициативе самих жителей стало возрождаться проведение праздника в тех деревнях, где по той или иной причине его перестали праздновать. [Уразманова, 1984, с.66; Шарафутдинов, 2004, с.273]. Да и факт проведения Сабантуя, как в дальних регионах России, так и в зарубежных странах подтверждает этот принцип бытования праздника. Например, по данным Всемирного конгресса татар, в 2007 г. Сабантуй праздновали в 18 странах ближнего и дальнего зарубежья. Наряду с татарами в празднике принимает участие местное население, представители различных мусульманских общин, знакомясь с традиционным духовным наследием татарского народа [Закиров, 2009].

Сабантуй остается активно функционирующим явлением этнической культуры татар. Он является эффективным механизмом воспитания, поддержания этничности

в современном глобализующемся мире, уже затронувшем, преобразившем многие стороны жизни и быта татар, механизмом межпоколенной трансмиссии элементов этнической культуры. Недаром члены делегаций из регионов России, многие из которых уже выросли в иноэтничной среде, отмечают, что для них это участие не только встреча, знакомство с соплеменниками, но и приобретение опыта проведения праздника. [Фэхретдинова, 2009]. Современный Сабантуй – это и эффективный механизм (и средство, и способ!) объединения татар в рамках района, области и, наконец, Российской Федерации в целом. Не менее важным является и то, что Сабантуй – это своеобразный способ презентации культуры татарского народа перед другими народами.

Официальное объявление выходным днем мусульманского праздника Курбанбайрам при фактическом отсутствии в то время действующих мечетей – мест средоточия кульминации праздника – торжественного богослужения, духовенства как такового, не могло сразу изменить сложившуюся в советское время ситуацию в области праздничной культуры татар. Тем не менее, оно было воспринято с энтузиазмом, особенно в среде творческой интеллигенции и многочисленных «борцов за национальную свободу». Именно творческая интеллигенция становится застрельщиком в поиске путей оживления интереса к знаменательным датам исламского календаря, как специфичным, отличительным элементам этнической культуры татар, их эмоционального обогащения. Появилось стремление вывести их из узких рамок домашних застолий – коранических меджлисов, придать им общественное звучание.

Первое десятилетие постсоветского времени характеризуется тем, что в концертных залах Казани, на арене цирка стали проводиться «Вечера мунаджатов» с участием известных татарских певцов – профессиональных артистов. Своей новизной, необычностью эти концерты привлекали внимание публики.

Стали появляться новые «массовые зрелища» с исламским колоритом, проводимые на Центральном стадионе Казани. Многотысячной публике 22 августа 1989 г.

была представлена грандиозная постановка мистерии – «Дастан древнего Булгара» – «Махди» (автор сценария, композитор М.Шамсутдинова, режиссер-постановщик Д.Сиразеев, солист – А.Асадуллин, г. Ленинград), посвященная знаменательной дате – 1100-летию официального принятия ислама Волжской Булгарией.

Проповедью и поздравлением с приближающимся праздником Курбан–байрам был открыт концерт популярного исполнителя народных песен Ильхама Шакирова, состоявшийся в одну из пятниц (праздничный день мусульман!) лета 1990 г. На стадионе присутствовало более 25 тыс. зрителей [Социалистик Татарстан, 1990, 3 июля]. Это было новым явлением, ранее не позволенным.

Необычность подобных представлений была еще и в том, что на них собиралась мононациональная аудитория – как правило, одни татары, которые свою татарскость стали демонстрировать элементами народного (татарско-мусульманского) костюма: стало модным мужчинам надевать на голову тюбетейки, женщины – в ярких закрытых одеждах, покрытые платками, шарфами, шальями, кстати, чаще всего завезенными из Турции, арабских стран, благо это было время активизации «челночной» торговли.

Были предприняты попытки организации особых концертных программ, посвященных конкретным мусульманским праздникам, в том числе с целью усиления их эмоционального воздействия. Так, Государственным ансамблем песни и танца Республики Татарстан (художественный руководитель Лима Кустабаева) была подготовлена специальная программа, названная «Курбан байрам» (композитор Масгуда Шамсутдинова), где художественными средствами, в том числе с использованием светомызыки (Булат Галеев) организаторы стремились показать суть этого праздника, вызывающего к милосердию, его вселенскую значимость. Она была приурочена к проведению I Всемирного конгресса татар, по времени совпадающему с Курбан–байрамом. Второе отделение было посвящено демонстрации места татар в тюркском мире. Концерт состоялся во Дворце спорта и получил искреннюю признательность многотысячных зрителей,

среди которых были и делегаты Конгресса, приехавшие из многих регионов России, стран ближнего и дальнего зарубежья. По словам Лимы Кустабаевой, Ансамбль получил благодарность от руководства татарстанского Духовного управления мусульман. Присутствовавший на концерте известный татарский общественный деятель, проживающий в Германии, Гали Аккыш не просто дал высокую оценку показанной программе, а особо подчеркнул, что такое видит впервые и в тюркском, и в исламском мире. Однако искреннее желание художественного руководителя Ансамбля продолжить работу в этом направлении было пресечено руководством Министерства культуры республики, объяснившим запрет светским характером нашего государства.

Аншлаг был и в Татарском театре драмы и комедии им. К.Тинчурина, где руководство Молодежного центра исламской культуры «Иман» организовало торжество, посвященное одной из знаменательных дат исламского календаря – Миградж.

Заметным явлением общественной жизни татар становятся масштабные торжества по случаю открытия мечетей, число которых резко возрастает. По данным Совета по делам религии при КМ РТ, в 1990 г. было 154 прихода, в 1991 г. – 207, в 1992 г. – 333, в 1993 г. – 399, в 1994 г. – 482, в 1995 г. – 574, в 1996 г. – 653, в 1997 г. – 695 [Религия и общество, 1998, с.133].

В сельской местности открытие мечети – это становится праздником, причем не только жителей конкретного населенного пункта, но и всей округи. Можно говорить о сложении его ритуала. Открытие мечети – это повод (возможность) сбора возле мечети нарядно одетых жителей аула всех возрастов и их гостей – родственников, друзей из соседних деревень. Это и повод публично продемонстрировать свою щедрость, когда особую активность проявляют выходцы из данного аула, сумевшие обустроить свою жизнь в другом месте. В торжестве официального открытия принимают участие наряду с приглашенными представителями структур Духовного управления мусульман и светские руководители, вручая при этом подходящие случаю дары в пользу мечети – ковры, книги и т.д.

Звуки профессионального чтения (исполнения) отдельных сур Корана, усиленные громкоговорителем, коллективный намаз, нередко особое жертвоприношение (жорбан чалу) и коллективное угощение участников, являясь неординарным событием, как правило, никого не оставляют равнодушными и глубоко западают в душу всех участников.

Республиканские газеты стали публиковать информационные сведения о времени (датах), сути знаменательных событий исламского календаря, подготовленные местными журналистами, статьи с освещением хода торжества по случаю закладки, а чаще открытия новых мечетей в ауле, райцентре, городе, поселке не только на территории Татарстана, но и в регионах России с татарским населением.

На радио, телевидении появились особые передачи, посвященные религиозной тематике. Их авторами были те же светские журналисты, многие из которых наряду с педагогами, врачами, творческими деятелями стали в числе первых посещать курсы по основам ислама при мечетях. «Эти верующие в массовом порядке пришли в мечеть в основном не из-за чьей-то проповеди или миссионерства, а в поисках новой идентичности и новой системы мировоззрения и ценностей взамен утраченных – социалистических», – справедливо отметил В.Якупов [Якупов, 2005, с.32].

С 1994 г. под названием «Татар мөселман календаре» стал издаваться своеобразный календарь, где наряду с сугубо религиозными темами (указанием сроков знаменательных (благословенных) событий, описанием их сути, названием месяцев на арабском языке, указанием дат по хиджре, указанием конкретного времени пятикратных намазов по месяцам и т.д.) помещаются статьи из области литературы, искусства, очерки о выдающихся деятелях культуры. Составители и издатели календаря супруги – журналисты Ш.Забиров и Ф.Хузахметова. Позже стали появляться издания сугубо «исламских календарей» на татарском языке, подготовленные представителями духовенства, в частности «Дини календарь» Фариды Салмана, «Мөселман календаре» Валиуллы Якупова и др. Интересно отметить, что первым издательством, специализирующимся на из-

дании «мусульманской» литературы на кириллице в постсоветском Татарстане было издательство «Иман», основателем которого был руководитель Молодежного центра исламской культуры «Иман» В.Якупов (1990 г.), впоследствии ставший одним из заместителей муфтия РТ.

В эти годы празднование Курбан-байрама, в частности в Казани, не ограничивалось лишь церемониями в мечетях, в которых участвовало мужское население. Праздник выплескивался на площади в виде митингов, шествий с произнесением восхвалений Всевышнему, пророку Мухаммаду, в которых участвовали не только и не столько люди верующие, а вдохновленные открывшимися возможностями изъяснения (демонстрации) национальных чувств. Праздничная атмосфера создавалась соответствующими атрибутами – торговлей, выступлениями артистов, участников художественной самодеятельности.

К концу второго десятилетия постсоветского времени (а также первого в XXI в.) оба главных праздника ислама стали значимыми явлениями в жизни татарского общества. «Заметными» и в российском масштабе, в том числе благодаря прямой трансляции праздничных богослужений по каналам российских ТВ (из соборных мечетей Москвы и Уфы), по национальному спутниковому телеканалу «Татарстан – Новый Век» (ТНВ), дающему всем желающим возможность визуального присутствия на праздничном богослужении в мечети Кул Шариф, расположенной на территории Казанского кремля, в 2011 г. – в Соборной мечети Марджани.

В настоящее время идет активно развивающийся процесс становления «мусульманской» субкультуры как части духовной культуры татар, ярким проявлением которой стали широко отмечаемые праздники и благословенные даты исламского календаря. А ее локомотивом является все более активизирующаяся, многопрофильная деятельность вновь появившихся многочисленных мечетей и управленческих структур мусульман.

Новым, заметным явлением в жизни татарского общества стала деятельность мечетей по организованному проведению месяца поста Рамазан. Становится традиционным, особенно в городских мечетях

проведение вечернего ужина – разговения, которое все чаще сейчас именуют арабским словом «ифтар». И если еще лет десять назад ифтары проводились как разовые мероприятия, то сейчас немало мечетей, где они стали ежевечерними в месяц поста, причем не только в городах Татарстана. Например, в городе Можга Удмуртии с относительно небольшим количеством татарского населения в последние годы становятся традиционными ежевечерние ифтары, организуемые мечетью от имени (и на средства) конкретных жителей города. На угощение наряду с их родственниками, близкими приглашаются все желающие. Заранее оговаривается очередность их проведения, иногда от имени двух-трех жертвователей одновременно. При мечетях появились специальные структуры, организующие (обслуживающие) эти званые ужины по законам халяль. 26 августа 2011 г. впервые в Татарстане на одной из центральных площадей Казани – площади Тысячелетия – Духовным управлением мусульман Татарстана совместно с Аппаратом Президента РТ, Администрацией Казани и Ассоциацией предпринимателей-мусульман был проведен Первый республиканский ифтар «Рамазан–2011». На него были приглашены нуждающиеся, малообеспеченные семьи. Присутствовали политические, общественные и религиозные деятели, всего более 1000 человек [Халяль гид, 2011, сентябрь, №6 (08)].

В сельской местности авыз ачтыру продолжает оставаться домашним званым ужином, хотя и там периодически стали устраивать ифтары при мечетях, как правило, в случае поступления средств, специально присылаемых для этих целей отдельными выходцами из деревни.

В дни другого главного праздника в исламе – Курбан-байрама в разы увеличились ряды проводящих жертвоприношение – корбан чалу.

Новым является организация при мечетях коллективной праздничной трапезы – корбан ашы. Для приготовления угощения используется мясо и другие продукты, поступающие от частных лиц в виде пожертвований.

Определенная работа проводится по активизации и приданию общественного зву-

чания одной из наиболее значимых благословенных дат исламского календаря – празднованию дня рождения Мухаммада – Маулид. По словам информаторов, в постсоветское время как-то само собой из бытовой практики ушло устройство званого обеда по этому поводу в домашних условиях, что было характерно для второй половины XX в. Одна из причин этого, думается, заключалась в том, что ушло из жизни поколение женщин, хорошо знающих суть и легенду праздника, устные истории о Пророке – мархаба, салаваты, маулиды и т.д. В то же время оно стало одним из значимых, особо отмечаемых событий в практике работы мечетей, где стали организовывать торжества с участием детей, посещающих воскресные школы по основам ислама – в народе именуемые медресе. Праздничная атмосфера создается уже самим присутствием мам, бабушек, одетых в подобающие случаю наряды – платья, платки и т.д. Суть действия – короткие рассказы о Пророке, демонстрация детьми полученного ими знания, вдохновляемая не только одобрением присутствующих, но и получением небольших подарков за проявленное мастерство. Нередко в завершение устраивается праздничный обед, или раздаются пакеты с угощением. Инициаторами и организаторами в таких случаях являются женщины, работающие на общественных началах преподавателями в этих медресе, как правило, пенсионеры – бывшие врачи, педагоги, журналисты, сами получившие систематизированные знания по основам ислама в открывавшихся при мечетях в 1990-е гг. медресе.

Кроме того, вот уже несколько лет подряд в Казани в залах Татарской государственной филармонии им. Г.Тукая, ДК «Сайдаш» при спонсорской поддержке состоятельных людей проводятся праздничные вечера по поводу Курбан-байрама, Маулида по сценариям, разработанным специалистами. В концертном действе участвуют как представители духовенства, так и профессиональные артисты, участники самодеятельных коллективов. Выступления прерываются для проведения вне зала наступившего по времени очередного намаза, в котором имеют возможность принять участие все желающие. Проведение таких вече-

ров также является новым в общественной жизни Татарстана.

Появилась и получает все более широкое распространение деятельность новых культурных посредников, не только поддерживающих мусульманскую субкультуру, но и способствующих ее расширению, делающих более устойчивой, плодотворно функционирующей. Это специализированные печатные СМИ, такие как «Дин вә мәгыйшәт», «Умма», издаваемые ДУМ РТ, Всероссийская газета мусульман «Медина», издается с 2004 г. при содействии Фонда поддержки исламской культуры, науки и образования. Это и многопрофильная инфраструктура по обслуживанию этой субкультуры, в том числе сфера услуг, предлагающая помощь в организации и проведении мусульманских обрядов и праздников. Знаменательно появление вокальных коллективов из среды профессионалов, позиционирующих себя как мусульманские, таких как «Медина» (Москва), «Райан» (Казань) и др.

В культуре татарского мира появилось своеобразное новое явление – народный праздник, в основу которого положен некий симбиоз религиозного со светским, гражданским. Он возник на волне актуализации исторической памяти народа в результате обострения вопросов этнокультурной идентификации, с получившей, наконец, признание религиозной составляющей. Летом 1989 г. по инициативе Духовного управления мусульман Европейской части России (ДУМЕС) и лично его муфтия Т.Таджутдина тысячи татар из различных регионов России, преодолев немалый путь, впервые одновременно собрались на территории Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (БГИАМ-З) на большое торжество в ознаменование 1100-летия официального принятия ислама Волжской Булгарией.

Начиная с этого года Т.Таджутдин ежегодно в июне месяце продолжает собирать мусульман, съезжающихся сюда под руководством муфтиев и имамов, сохранивших свое подчинение ДУМЕС и позже – ЦДУМ. Постепенно сложился ритуал этого праздника. Главным оставалась его проповедь – вэгазь, посвященная исторической памяти, за которой закрепился термин «Тәүбә»,

а местом проведения – территория возле Малого минарета. Кульминацией же является коллективный полуденный намаз на месте фундамента Соборной мечети, производящий на присутствующих неизгладимое впечатление, не в последнюю очередь, своей массовостью.

Одна из улиц русского села превращается в настоящую ярмарку, где идет бойкая распродажа не только исламской атрибутики (четки, молитвенные коврики, религиозные книги, платки, тюрбетейки, платья и т.п.), но и др. ширпотреба; продуктов питания, в том числе конских колбас – казылык, привезенных из татарских деревень Мордовии, Пензенской, Нижегородской областей, чакчака и т.д.

Инициативу мусульманского воссоединения взял на себя Исполком Всемирного конгресса татар. По его инициативе с 2006 г. наряду с ЦДУМ России участниками праздника стали Совет муфтиев России и ДУМ РТ. Конгресс взял на себя организацию «культурной программы», тем самым внеся существенные изменения не только во внешнюю форму события, но и в его суть. Увеличилось число участников. Организаторами на местах стали не только муфтии, но и руководители татарских, иногда татаро-башкирских культурных общественных центров различных регионов России. Оно трактовалось не столько как включение татар в мировую мусульманскую умму, а как долгожданное объединение, согласованное действие всех муфтиятов в интересах татарского народа.

Через 20 лет, в 2009 г., в сценарии появилось «официальное открытие праздника» – представительское приветствие от имени Президента и Правительства Татарстана, Всемирного конгресса татар, администрации района, представителей регионов и т.д.

Нетолько упорство руководителей ЦДУМ, а главное, ежегодное участие желающих «по движению души» из «простого» народа, подключение к его организации Конгресса татар и других муфтиятов, регулярность его проведения дают возможность говорить о его традиционализации. Произошло переосмысление не только целей, но и сути посещения «святых» мест, испокон веков характерных для всего тюрко-мусульманского мира.

Имена конкретных «святых», объектов «святости» в данном случае заменились расширительным понятием «Изге Болгар», которое может означать как «святое», «священное» название конкретного места, так и напоминание истории предков татарского народа. Нередко в название праздника добавляется слово джиен – Изге Болгар жыены, которое так же имеет ряд значений. Это и древний общественный институт родственных связей, и народный праздник казанских татар, и народный сход, собрание, люди одного рода, община. Даже «специализированность» ярмарки, устраиваемой в этот день, на которую со своим товаром прибывают также из многих регионов России, придает особое своеобразие этому празднику. Главное – появилась возможность приобщиться к этой земле, истории татарского народа, его духовной культуре через религию [Уразманова, 2010, с.69–83].

Трансформируется и семейно-бытовая обрядность. В свадебной обрядности татар продолжают развиваться те явления, которые стали преобладающими в предыдущие годы. В первую очередь это поиск все новых обрядовых форм, вернее определенных действий, подчеркивающих необычность, надобденность, особую праздничность свадебного торжества. Этому способствует активная деятельность появившихся инфраструктур, предлагающих свои услуги по организации и проведению не только кульминации события – самой свадьбы (пира, застолья, банкета, приема), но и предвещающих ее действий, в том числе связанных с торжественной регистрацией брака, по созданию особого (на вкус заказчика) антуража, атрибутики, музыкального сопровождения с проведением «на память» специальной фотосессии, видеосъемки и т.д. Это явление в основном городское, и не «татарское», а общероссийское. И не только, судя по фильмам, Интернету и т.д., в определенной степени глобальное [Овчинников, 2012]. Вместе с тем отдельные его проявления постепенно проникают и в сельскую местность. Так торжественную регистрацию брака с соответствующей атрибутикой и антуражем, да и саму свадьбу стали проводить не у себя в деревне, а в райцентре, где появились соответствующие условия.

Туда на многочисленных машинах, автобусах прибывают родственники, друзья из разных мест и не только из республики. В таком случае максимально сокращается количество взаимных гостеваний, одариваний роднящихся сторон.

В свадебном цикле «татарским» остается торжество, во время которого проводится религиозный обряд бракосочетания – никах. С изменением социально-политического и социокультурного контекста этот обряд из категории нежелательной и «преследуемой» со стороны государства перешел в категорию нормативной и поощряемой. Именно проведение никаха становится не только знаковым, но и значимым. Возрождается его суть – осознание проведения этого обряда актом, санкционирующим начало совместной жизни молодых Всевышним, вполне достаточным и для признания его окружающим обществом – родными, близкими, друзьями.

Появились различные варианты места, формы и времени проведения этого свадебного торжества. Преобладает вариант проведения никаха (никах туе) в доме родителей невесты, как в сельской, так и в городской местности. Вместе с тем в городах становится популярным проведение никаха в мечети, а приема по этому поводу – в одном из халяльных кафе, ресторанов.

И если в последние советские годы никах стали проводить за день-два, максимум за неделю до официальной регистрации брака, то сейчас этот разрыв по времени может быть достаточно продолжительным.

Новым явлением стало появление так называемых «мусульманских» свадеб, основная особенность которой – отсутствие алкоголя, а угощения – халяльные. В ней совмещается проведение религиозного обряда, который проводит приглашенный из мечети официальный представитель духовенства – имам (мулла) и свадебный прием широкого круга родственников, друзей и старшего возраста, и молодых, семейных и молодежь, с профессиональным ведущим и организатором, музыкантами. Инициаторами такой свадьбы, как правило, являются сами молодые, ставшие «практикующими мусульманами». Более массовым стало проведение религиозного обряда имянаре-

чения. По месту проведения, количеству участников ритуала он становится более разнообразным. Преобладает традиционная форма – проведение исем кушу в домашних условиях, через несколько дней после возвращения роженицы из роддома, с приглашением официального муллы или «бабая» из мечети, завершаемого праздничным обедом с участием родственников, соседей, как правило, обоюбого пола – и мужчин, и женщин, которые по традиции приходят с подарком и каким-нибудь угощением.

В городах приобретает популярность проведение этого обряда в мечети, где родителям вручают «мусульманское» свидетельство о рождении ребенка.

Продолжающиеся трансформационные процессы в похоронно-поминальной обрядности связаны в первую очередь с активизацией деятельности легализованных религиозных структур и ее служителей, направленной главным образом на исламское просвещение народа. Это ведет к еще большей унификации ритуала похоронно-поминальной обрядности татар. С одной стороны ослабляется сакральность элементов народных обрядовых действий, их обязательность и строгость исполнения, которые до этого довольно стойко сохраняли свое бытование в отдельных регионах сельской местности. В частности, употребление

определенных индульгенций – яваплама, жавапнэмэ – написанных арабским шрифтом на листке бумаги «готовых (правильных) ответов мусульманина» во время «допроса» особых ангелов – сөөль фәрештэләре, посещающих могилу усопшего сразу после захоронения, которые вкладывали в облачение покойника. К таковым относятся и обряд дэвер сөрү, дэвер итү – круговой обход покойника с произнесением молитв и получение за это от его родственников небольшого количества зерна (ржи, пшеницы) – бөртекле эйбер во имя отпущения грехов усопшего. С другой стороны, происходит отказ от нововведений советского времени, таких как похороны в гробу, одетым, с участием в похоронной процессии духового оркестра. Вернее, практически это уже произошло. Все чаще приходится слышать, что в деревнях женщины перестали посещать могилы близких, вообще – кладбище. Это снова трактуется и воспринимается как запретное для них. Попытки же отдельных имамов, как правило, получивших религиозное образование в арабских странах, объявить поминальные обряды греховным нововведением – бидгать – не увенчались успехом. Именно комплекс похоронных обрядов с поминальными по-прежнему воспринимается верующими как мусульманский, остальными – как татарский.

§ 5. Приоритеты развития науки в Республике Татарстан

Ахмет Мазгаров

История науки в нашей республике имеет давние и богатые традиции. Казань издавна славилась как центр образования и науки. В исторической памяти народа город сохранился как столица могущественного Казанского ханства, где были сосредоточены многочисленные медресе, богатейшие библиотеки. В последующие эпохи татары всегда жили надеждой на возрождение былой славы в области науки и культуры. Во второй половине XIX в. крупные ученые Ш.Марджани, Р.Фахретдинов, К.Насыри, Х.Фаизханов и другие своими трудами известили исламский мир о том, что мусульманский компонент в научном пространстве России жив, подготовили основу для ускоренного

развития татарской культуры в начале XX в. Открытие Казанского университета способствовало зарождению всемирно известных казанских школ математиков, химиков, астрономов, физиков, востоковедов. Гениальный математик Н.И.Лобачевский, построивший и подаривший Казанскому университету обсерваторию В.П.Энгельгардт, арабист, основоположник восточной нумизматики в России Х.Д.Френ, тюрколог А.К.Казем-Бек, основатель лингвистической школы И.А.Бодуэн де Куртенэ, химик К.К.Клаус и многие другие получили академическое признание. За весь период до 1917 г. в Академии наук России насчитывалось 19 академиков и 43 почетных члена из Казани.

Роль своеобразного координатора научных исследований по гуманитарному направлению знаний играло Общество истории, археологии этнографии, организованное в 1878 г. при Казанском университете.

В новых общественно-политических условиях в Татарской АССР получил дальнейшее развитие ряд научных направлений. К концу 1920-х гг. республика вплотную подошла к созданию собственной Академии наук. Большую роль в этом сыграл Академический центр при Наркомпросе ТАССР, занимавшийся координацией научных исследований, созданием научных структур, написанием монографий, учебников, подготовкой научных кадров.

В области физико-математических и химических наук больших успехов достигли ученые А.Арбузов, Н.Парфентьев, Н.Четаев, А.Аминов, Х.Муштари, Г.Камай, Н.Чеботарев и др. По инициативе профессора Чеботарева группа казанских математиков и механиков с 1929 г. работала в области теории устойчивости, которая имела огромное практическое значение для решения вопросов машиностроения, теории аэроплана, сверхскоростных поездов. К концу 1930-х гг. казанской механико-математической школой разрабатывались научные проблемы, имеющее оборонное значение.

В 1920-е гг. в лаборатории А.Е.Арбузова были открыты пути синтеза фосфорно-карбоновых кислот, впервые получены эфиры пиррофосфористой и в чистом виде субфосфорной и пиррофосфорной кислот. Благодаря этим открытиям республика стала центром исследования фосфорорганических соединений.

В конце 1920-х гг. получила международное признание кафедра физиологии Казанского университета под руководством профессора А.Самойлова. По точности и четкости в обнаружении электрических токов животного тела его лаборатория не только занимала первое место в СССР, но и имела возможность конкурировать с заграничными аналогами.

Создание Татарской АССР стимулировало развитие историко-краеведческих исследований, способствовало расширению их тематики, подготовки кадров, которую осу-

ществляли Казанский университет, Восточный педагогический институт, Татарский коммунистический университет. В 1925 г. было создано научное Общество татароведения, целью которого было «объединение лиц, работающих в области всестороннего научного изучения татар и татарской культуры...». В должности председателя общества огромную научно-организаторскую работу проводил профессор Казанского университета Н.Н.Фирсов, его заместитель Г.Ибрагимов, секретарями в различные годы состояли М.Г.Худяков, Е.И.Чернышев, Гали Рахим. В его периодическом органе – «Вестнике научного Общества татароведения» – большое место отводилось публикациям историко-краеведческого характера. В 3-м номере «Вестника...» к 5-летию образования республики была дана подборка документов «Из материалов и документов по национальному вопросу и организации Татреспублики», что ознаменовало начало документальной разработки истории образования ТАССР.

В конце 1920-х гг. началась переориентация историко-краеведческой работы, по решению Совнаркома ТАССР было решено учредить общество по изучению Татарстана, целью которого являлось «всестороннее изучение Татарстана, т.е. его природы, населения, быта, истории, культуры и производительных сил», что означало локализацию изучения татар границами автономной республики. Организованное на базе научного общества татароведения общество объединяло 98 ученых, в том числе 14 почетных членов, 74 действительных члена, 10 сотрудников, и поддерживало тесные связи с более 120 научными учреждениями СССР. Являвшееся аналогом Академии наук Татарстана общество прекратило существование в 1931 г., после включения в состав Татарского научно-исследовательского института.

1920-е гг. XX в. стали временем больших достижений в области гуманитарных наук. В области исторических знаний активизировалось изучение средневековой истории татар. Увидели свет монографии М.Худякова «Очерки истории Казанского ханства» и В.Ф.Смолина «К вопросу о про-

исхождении Камско-волжских болгар». Благодаря трудам и изысканиям Ф.Баллода был поднят вопрос о пересмотре установившихся взглядов о Золотой Орде как кочевом и варварском государстве. Фундаментальные труды Гали Рахима и Г.Губайдуллина, Г.Сагди в области истории тюрко-татарской литературы переросли в концепцию изучения тюрко-татарской культуры в целом, стали основой для разработки истории культуры тюркоязычных народов России.

Однако постановления ЦК ВКП(б) о журнале «Под знаменем марксизма» (январь 1931 г.) и «О работе Коммунистической академии» (март 1931 г.) поставили общественные науки под жесткий партийный контроль. Серьезный урон развитию науки в республике нанесли необоснованные репрессии в отношении крупнейших ученых, стоявших у истоков целых научных направлений (Г.Ибрагимов, Ф.-С.Казанлы, М.Корбут, А.Рахим, Г.Нигмати, Дж.Валиди, Г.Губайдуллин, М.Худяков, В.Ф.Смолин и др.).

В годы Великой Отечественной войны поставленные временем задачи решались в тесном взаимодействии местных ученых с лучшими научными кадрами страны, представлявшими Академию наук СССР. Решение о переводе академических учреждений было принято 16 июля 1941 г. За короткий срок в городе было размещено 33 научных учреждения и 1884 научных сотрудника, в том числе 39 академиков и 44 члена-корреспондента Академии наук СССР. Среди ученых – известные всей стране А.Е.Порай-Кошиц, Б.Д.Греков, Е.В.Тарле, Г.М.Кржижановский, С.И.Вавилов, А.Ф.Иоффе, А.Н.Несмеянов, С.М.Обнорский, П.Л.Капица, М.В.Келдыш, Н.Д.Зелинский и др.

Тематика исследований определялась необходимостью решения оборонных задач. В лабораториях Физического института АН СССР (ФИАН) теоретические изыскания академиков Л.И.Мандельштама, Н.Д.Папалекси, В.А.Фока и др. нашли применение при создании радиотехнических приборов. Научные сотрудники работали над повышением методов борьбы с радиопомехами, совершенствованием системы радиопеленгаторов, помогавших определять расположение основных позиций артиллерии противника и т.д.

Оборонные проблемы стали основными в Ленинградском физико-техническом институте. Исследования академика А.Ф.Иоффе содействовали успешному выполнению многих государственных заданий.

Важные проблемы разрабатывались в лаборатории динамики материалов, которой руководил В.П.Куприенко. После приезда в Казань в январе 1942 г. профессора И.В.Курчатова руководство лабораторией было передано ему. Здесь предложили и внедрили в производство принципиально новую броню для самолетов, основанную на изменении конструкции защитного слоя металла. И.В.Курчатов продолжил начатые еще до войны опыты по исследованию цепных ядерных реакций на быстрых нейтронах: они положили начало созданию отечественной атомной промышленности.

Значительные работы проводились в Институте машиноведения (ИМАШ) по внедрению новой технологии производства деталей самолетов, разработке улучшенных сплавов для моторостроения и т.п. Новые системы оружия разрабатывали конструкторы А.Н.Туполев, С.П.Королев, В.П.Глушко и др.

Деятельность казанских ученых, прежде всего, была направлена на получение новых материалов и продуктов, необходимых фронту и тылу. Так, исследования известного химика, профессора Б.А.Арбузова позволили улучшить качество и морозостойкость каучука, что имело огромное значение для обеспечения бесперебойной работы военного транспорта в зимнее время. Профессора Г.Х.Камай и М.И.Беляева занимались совершенствованием технологии получения новых видов шовного хирургического материала – кетгута. Академик А.Е.Арбузов, разрабатывая проблемы фосфорорганических соединений, получил вещества, сыгравшие важную роль в производстве оптических приборов для оружейных систем, в создании новых видов лекарств.

Выдающимся событием в мировой науке стало открытие казанским физиком Е.К.Завойским в мае 1944 г. электронного парамагнитного резонанса. Став мощным методом научных исследований, он положил начало новому направлению – магнитной радиоспектроскопии.

Большую работу проводили биологи. Профессор М.В.Марков к лету 1942 г. закончил разработку темы о дикорастущих лекарственных растениях нашего края. Профессор Н.А.Ливанов совместно с работниками комиссии Академии наук по изысканию пищевых ресурсов предложил технологию производства пищевых белков и витаминов из моллюсков, вылавливаемых в реках республики, что являлось большим подспорьем в условиях продовольственного дефицита.

Важное народнохозяйственное значение имели научные изыскания геологов республики. Профессор Л.М.Миропольский предпринял попытку выявить возможность производства новых строительных материалов. В частности, с его подачи началось более широкое применение гипса, как в строительстве, так и в сельском хозяйстве для производства минеральных удобрений. Доцент Е.И.Тихвинская, защитившая в военные годы докторскую диссертацию, занималась изучением проблем нефтеносности недр нашего края.

Эффективные методы лечения раненых были предложены профессорами В.А.Гусыниным, Ф.Г.Мухамедьяровым, А.Г.Терегуловым. Настоящим открытием стал метод местного обезболивания и новокаинового блока казанского хирурга А.В.Вишневого.

Особое значение для республики имело образование в 1939 г. Института языка и литературы при Совнарком Татарстана. На него были возложены задачи исследования проблем истории татарского народа и края. С февраля 1941 г. он приобрел статус Татарского НИИ языка, литературы и истории.

Таким образом, научная мысль в Татарстане в годы Великой Отечественной войны работала, прежде всего, на оборону. Признанием вклада научной общественности в дело защиты Родины стало создание 13 апреля 1945 г. Казанского филиала Академии наук СССР, правопреемником которого сегодня является Казанский научный центр, работающий в тесной взаимосвязи с Академией наук РТ.

В послевоенные годы бурное развитие промышленности в республике способствовало росту числа научных учреждений, призванных обеспечивать научно-технический

прогресс в приоритетных отраслях народного хозяйства. В 1950–60-е гг. были созданы Казанский филиал Ленинградского оптического института им. С.И.Вавилова, Казанский филиал Московского НИИ технологии и организации производства, научно-исследовательский и проектный институт по внедрению вычислительной техники в народное хозяйство, Всесоюзный научно-исследовательский институт углеводородного сырья, филиал Всесоюзного научно-исследовательского института синтетического каучука, научно-исследовательский и конструкторский институт вакуумного машиностроения.

На переднем крае науки находилась казанская физическая школа, исследования С.А.Альтшулера, заложившего основы квантовой акустики. Б.М.Козыревым и Н.С.Гарифьяновым было развито широкое применение магнитной радиоспектроскопии в химии, биологии, технологии. В конце 1950-х гг. возникло новое научное направление – физика полимеров. Была создана лаборатория ядерной физики, начала интенсивно развиваться молекулярная физика, возникла радиофизика, а также стала формироваться школа оптики и спектроскопии. Фундаментальные научные проблемы разрабатывали физики К.М.Салихов, И.Б.Хайбуллин. За открытие лазерного отжига коллективу ученых физиков в 1988 г. была присуждена Государственная премия. Активно велись изыскания в области математики и механики, геометрии. Достижения В.Е.Алемасова, А.Ф.Дрегаллина, А.С.Землякова в области теплоэнергетики и двигателестроения отмечены двумя Государственными премиями СССР. Широкое признание в зарубежных научных кругах получили работы сотрудников Астрономической обсерватории им. В.П.Энгельгардта и кафедры астрономии и геодезии.

Благодаря работам А.Е.Арбузова, Ю.Ю.Самитова и Б.А.Арбузова, получившего в 1951 г. Сталинскую премию, казанская школа химиков превратилась в один из крупных центров исследования фосфорорганических соединений. Под руководством Ф.Ф.Файзуллина разрабатывались новые методы электрохимической обработки металлов, имевшие большое практическое значение.

Больших достижений в своих исследованиях добились химики П.А.Кирпичников, А.И.Коновалов, биохимик И.А.Тарчевский. В 1978 г. Герою Социалистического Труда химику-органику Б.А.Арбузову и химику-органику А.Н.Пудовику была присуждена Ленинская премия в области науки и техники.

В связи с открытием на территории ТАССР и сопредельных районов Поволжья и Приуралья крупных месторождений нефти время бурного подъёма переживали геологические исследования. На стыке геоморфологии, физической географии и геологии складывалось новое научное направление – карстоведение. Были созданы предпосылки для формирования школы казанских микробиологов. Большая группа учёных – физики, химики, геологи – по заказам объединения «Татнефть» участвовали в разработке проблем повышения нефтеотдачи пласта.

В послевоенный период славилась казанская медицинская школа. В Казани началась история отечественной электрокардиографии, начало ей положил А.Ф.Самойлов. Здесь работал крупнейший клиницист С.С.Зимницкий, основатель школы функциональной диагностики.

Расширились горизонты исследований в области гуманитарных дисциплин. Со второй половины 1940-х гг. в Казанском университете началось возрождение этнографии как науки, активно исследовались вопросы этногенеза, этнического развития татар, чувашей, русского населения Среднего Поволжья, процессы межэтнического взаимодействия. Благодаря усилиям казанских археологов во главе с А.Х.Халиковым была создана целостная древнейшая история края, получены ответы на вопросы этногенеза народов Поволжья и Приуралья.

Усилиями татарских фольклористов были созданы 13 томов научного свода «Татарское народное творчество» – сокровищницы устных преданий народа. Татарские лингвисты издали «Толковый словарь татарского языка» в трёх томах.

Рубеж XX–XXI вв. отмечен многими важными событиями и процессами в научной и культурной жизни республики. Одним из таких событий стало создание Указом Президента Республики Татарстан

М.Ш.Шаймиева №УП-138 от 30 сентября 1991 г. Академии наук Татарстана. Образовав Центр координации деятельности научных учреждений, республика сумела сохранить и преумножить научные силы, направить интеллектуальный потенциал на решение первостепенных социально-экономических задач, стоящих перед республикой.

В момент создания АН РТ в Татарстане насчитывалось 700 докторов наук. Научный потенциал республики задал тон и высокую планку требований к вновь созданной Академии. Сегодня на научной ниве республики трудятся более 1100 докторов наук. В составе Академии республики 40 академиков, 84 членов-корреспондентов, 8 иностранных и 31 почетных члена. Работают 7 отделений.

Сегодня важнейшей задачей для научного сообщества является максимальное содействие научно-техническому и инновационному развитию республики. Исходя из этого, выделяются наиболее приоритетные направления развития науки.

В Республике Татарстан добывается более 30 млн. тонн нефти в год. Увлечение нефтеотдачи пластов по-прежнему остается важнейшей научной проблемой. Благодаря новейшим разработкам в сфере разведки и добычи нефти создана комплексная высокоэффективная программа извлечения трудноизвлекаемых запасов нефти, что позволило ОАО «Татнефть» сохранить высокий уровень добычи нефти. Например, разработка Ромашкинского месторождения, открытого 60 лет тому назад, до настоящего времени осуществляется при непрерывном обеспечении воспроизводства запасов нефти.

Проблема комплексного освоения природных битумов РТ является актуальной и приоритетной для всех ученых-нефтяников республики. Под эгидой АН РТ разработана сольвентная технология переработки битумной нефти с получением высококачественного дорожного неокисленного битума и облегченной нефти.

Ученые АН РТ занимают передовые позиции в мире в области очистки нефти, газов и нефтепродуктов от сернистых соединений. Из последних разработок можно упомянуть щелочно-каталитическую техно-

логию очистки попутного нефтяного газа от сероводорода (процесс «Серокс-Газ») с получением электроэнергии, которая признана эффективной для Волго-Уральского региона.

В области медицины крупным открытием рубежа веков стала работа академика Д.М.Зубаирова о микровезикуляции в крови как здоровых, так и больных людей. Внедрение методов трансплантации стволовых клеток при лечении циррозов печени и заболеваний сосудов, генетической модификации стволовых клеток из пуповинной крови, существенно повышающих эффективность клеточной терапии, являются прорывными направлениями для Татарстана и России в целом. Совместно с физиками разрабатываются и внедряются новые методы магнитно-резонансной и рентгенокомпьютерной томографии для диагностики ранних стадий заболеваний измерением кровотока.

Приоритетной для Республики Татарстан является сфера нанотехнологий. Формирование наноиндустрии должно стать важнейшим стратегическим направлением, определяющим новые подходы к преобразованию отечественной промышленности. Для достижения этой цели в Республике Татарстан разработана и утверждена Комплексная программа проектного развития наноиндустрии РТ на период до 2015 г.

Казанская астрономическая школа во главе с Н.А.Сахибуллиним получила статус ведущей школы России в области астрофизики. Открылись новые возможности для развития исследований в связи с созданием телескопа, установленного в Турции, где казанские астрономы ведут совместную работу с коллегами Института космических исследований РАН, Национальной обсерватории Турции.

В нашей республике, в отличие от многих регионов России, стабильно развивается агропромышленный комплекс. Республика полностью обеспечивает себя зерном, молочными и мясными продуктами собственного производства. Разумеется, такие достижения невозможны без науки. Одним из приоритетных направлений является селекция, базирующаяся на фундаментальных знаниях важнейших отраслей

биологической науки. В настоящее время в реестре сортов, допущенных к возделыванию в РФ – более 30 сортов зерновых, бобовых, крупяных культур, многолетних трав и плодовых растений местной селекции.

Во всем мире известна Казанская математическая школа. Учеными, в частности, решена известная проблема Сламана, получены значительные результаты в алгебре, в топологии сходимости операторов, построены оптимальные приближенные методы решения интегральных уравнений и т.п.

В области компрессоростроения впервые в России внедрены в серийные конструкции безмасляные подшипники и уплотнители. На основе виртуальных и экспериментальных исследований созданы вычислительные модели теплообменного оборудования и методы проектирования высокоэффективных теплообменных аппаратов.

Особое место в деятельности АН РТ занимают гуманитарные исследования. Большую работу на этой стезе проводят академические научно-исследовательские учреждения. Результатом их совместной деятельности является издание 6-томной Татарской энциклопедии, пять первых томов которой уже дошли до читателя. Впервые татары получили возможность довести до мировой общественности сведения в энциклопедическом формате о самобытной материальной и духовной культуре татар, видных деятелях науки, искусства, народного хозяйства и других областей.

Важным событием в отечественной историографии стала реализация проекта по написанию 7-томной «Истории татар с древнейших времен до наших дней», где национальная история рассматривается в масштабе Евразии, определяется место татар в истории исламского мира, тюркских народов и России, а также сборника «Татары», атласа «Тартарика. Этнография», представляющих итог многолетних исследований богатого культурного наследия татар. Результатом более чем тридцатилетней работы археологов республики стала «Археологическая карта Татарстана» в 6 томах.

В последние годы археологические изыскания ведутся и за пределами Татарста-

на, что позволяет получать новые знания об истории татар средневекового периода. Среди достижений археологов следует отметить доказательство 1000-летнего возраста Казани и Елабуги.

Эти примеры свидетельствуют о том, что в Татарстане имеются серьезные научные наработки в естественно-техническом и гуманитарном направлениях. Трудно переоценить тот важный вклад, который вносят наши ученые в развитие научного, научно-технического, промышленного и оборонного потенциала Российской Федерации и Республики Татарстан, ту огромную роль, которую играют деятели науки в духовной

жизни многонационального народа страны. Имидж Татарстана неразрывно связан с его определением как крупного научного и образовательного центра.

Татарстан обладает огромным интеллектуальным богатством. Это национальное достояние, к которому следует относиться очень бережно. Сегодня поддержка научных и вузовских центров республики, сохранение их потенциала, создание условий для плодотворного и творческого труда научных работников – в числе важнейших государственных приоритетов. Способствуя развитию науки сегодня, мы закладываем фундамент будущего нашей республики.

§ 6. 200-летие КГУ и развитие Высшей школы Татарстана

Мягзюм Салахов

Всестороннее осмысление проблем развития высшего образования – это вопрос, который приобрёл особую актуальность в связи с развернувшимися в стране процессами модернизации высшей школы, образовательной системы, в целом, и не случайно, поскольку речь идёт не о некоем произвольном решении соответствующих инстанций. В последнее время в нашей стране прочно утвердилось представление о том, что развитие профессионального образования критически важно для модернизации общества. Это вопрос выживания в быстроменяющемся современном мире, поскольку тот, кто будет создавать знания, будет успешно двигаться вперёд, а кто нет – останется на периферии, не будет иметь сколь-нибудь серьёзных шансов на развитие. Это значит, что образование ныне в буквальном смысле определяет будущее общества.

Между тем эта проблема – как в общероссийском масштабе, так и на региональном уровне, в том числе на опыте нашей республики – всё же относится к числу малоизученных. Как правило, можно рассчитывать на какие-то информационные материалы в изданиях энциклопедического, информационного типа, или же обратиться к формальному, в основном, описанию изменений в системе образования на тех или иных этапах общественного развития, что содержится во многих, имеющих отношение к этой теме, работах.

Не буду здесь углубляться в причины такого, а не иного положения дел. Приведу лишь один пример. Вот сейчас, в 2010-м, когда и пишется этот текст, научно-педагогическая общественность Республики Татарстан и её столицы – города Казани отмечает 80-летие со времени образования Казанского государственного архитектурно-строительного университета. Согласно приказу по Народному комиссариату просвещения Союза ССР, 13 мая 1930 г. было принято решение «образовать строительный институт на базе строительного факультета Казанского политехнического института с передачей его в ведение Наркомвнудела». В действительности уже спустя непродолжительное время руководство Народного комиссариата внутренних дел передало вновь образованный строительный институт в ведение Народного комиссариата коммунального хозяйства, но само это изначальное решение «отдать» строителей под опеку НКВД однозначно свидетельствует о замысле использовать строительный институт не в последнюю очередь для нужд ГУЛАГовской экономики. Надо понимать так, что после здравого размышления всё же решено было не «завязывать» напрямую подготовку инженеров-строителей с наркомвнудельскими структурами.

Приведённый пример – лишняя иллюстрация того, что история высшей школы в двадцатом веке оказывается весьма резким вопросом. Что тут сказать? Хотя бы то, что

ныне специалисты-гуманитарии не должны, не могут обходить острые углы, в нашем прошлом завязаны многие узлы, развязывать которые приходится сегодня.

Полагаю, что назрела потребность создания в нашей республике научно-исследовательского института проблем высшей школы, и здесь мы можем опереться на возможности как Академии наук Татарстана, так и тех казанских вузов, которые вошли в состав элитных вузов страны – Казанский (Приволжский) федеральный университет и университеты, которым присвоена категория «национальный исследовательский университет»: Казанский технический университет и Казанский технологический университет.

Здесь же выскажу несколько соображений о некоторых тенденциях развития высшей школы в нашем крае, с учётом их исторического развития.

Система высшего образования в нашем регионе начинает складываться в связи с открытием в 1804 г. Казанского Императорского университета, который вскоре превратился в один из крупных учебных и научных центров России. Позже, в семидесятые годы девятнадцатого века, был создан Казанский ветеринарный институт и Казанский учительский институт, а также организованы Казанские высшие женские курсы – первое высшее учебное заведение для женщин в нашем городе. Таким было начало высшей школы на той территории, которая ныне в основном входит в Республику Татарстан.

Для уяснения особенностей процесса оформления системы высшего профессионального образования, не только в Средне-Волжском регионе, но и России в целом, надо представлять, как в нашей стране исторически складывалось соотношение между наукой и образованием. Считается, что моделью классического университета в России, в том числе и Казанского, послужил «университет Гумбольдта». Я бы уточнил: в условиях России произошло всё же своего рода скрещивание «университета Гумбольдта» с французской моделью, которая под влиянием Лейбница была перенесена в Россию Петром Великим: смысл французского паттерна в том, что исследования исключались из университета и передавались в академии.

Впрочем, сложившееся в дореволюционной России научное двоецентрие не стоит преувеличивать. Знаменитый медик и организатор науки Н.И.Пирогов говорил, что фактически «не было различий между академией и университетом. Кто двигал науку вперёд, тот и учил».

Взаимодействию научных сил Академии и университетской профессуры способствовали научные общества. Накануне XX столетия их насчитывалось более трёхсот, из них девять были организованы при Казанском университете – Физико-математическое, психиатров и невропатологов, археологии, истории и этнографии и другие.

Этот процесс набирал силу, на собрания Академии наук всё чаще стали приглашать университетских учёных, многие из них были избраны в её состав. За первое столетие существования Казанского университета из него вышли 15 действительных членов Академии и 33 почётных члена и члена-корреспондента. Профессора Казанского университета были связаны с крупнейшими научными обществами Европы – парижским Астрономическим и Азиатским, Азиатским и Королевским в Лондоне, Академией наук в Брюсселе, Берлине, Лиссабоне, других городах.

Российское государство во второй половине девятнадцатого – начале двадцатых веков всё более вовлекает классические университеты в практическую сферу деятельности, а Казанский университет прочно удерживал в это время высокие позиции среди классических учебных заведений, которых к концу девятнадцатого века в стране было семь, а к 1917 г. – двенадцать.

Резкие перемены в общественно-политическом развитии после 1917 г. существенно сказались на ситуации в высшей школе, на образовании в целом. Вот мы всегда подчёркиваем, что Казанскому государственному университету имени В.И. Ульянова-Ленина принадлежит выдающаяся роль в создании новых отраслевых институтов. Это действительно так, в предвоенные десятилетия на базе факультетов и отделений КГУ было создано порядка десяти новых вузов специального профиля.

Но надо видеть и другую сторону. Новая власть взяла курс на развитие узкопрофиль-

ных вузов, в такой ситуации «старые» университеты с их мировоззренческим плюрализмом, академическими свободами вошли в противоречие с новыми политическими принципами. В итоге к началу тридцатых годов из восемнадцати имевшихся тогда в стране университетов были закрыты десять, в том числе и ровесник Казанского университета Харьковский университет. Остальные оказались на грани ликвидации. Так, собрание коллектива МГУ приняло решение закрыть этот университет как «реликт буржуазно-помещичьей эпохи», ну и т.д.

В Казанском университете в 1931 г. оставалось только два факультета – физико-математический и геолого-биологический. Руководитель Казанского университета, видный учёный-химик Г.Х.Камай позднее говорил на одном из совещаний в Москве: созданные на базе КГУ новые институты унесли с собой всё, «вплоть до директорского стула». Горькой иронией звучали его слова: «Казанский университет был богат и славен. Богатство его увезли, но слава осталась».

Однако потребности индустриального и культурного развития страны вновь вызвали к жизни университетскую систему, только вот наметившаяся до 1917 г. тенденция к тесному сближению между вузовской и академической наукой не получила развития. Развитие фундаментальной науки было возложено на систему Академии наук, а в университетах – «старых» и вновь образованных – если и поощрялась, то в основном наука прикладная. Так что условия для фундаментальной науки в университетах тех времён трудно назвать благоприятными. Например, известно, какие серьёзные препятствия пришлось преодолевать тогда доценту КГУ Е.К.Завойскому, сделавшему в 1944 г. одно из самых выдающихся открытий в современной физике – явления электронного парамагнитного резонанса. Тем весомее выглядит вклад в развитие мировой науки, который внесли учёные Казанского университета наряду с исследователями других классических университетов страны.

Такие полосы исторического развития, такие эпохи, какие отмечены – скажем так – некомпетентным вмешательством в интеллектуальные процессы, не проходят

бесследно, мы до сих пор ощущаем на себе последствия тех времён. Стоит ли удивляться, что доля вузов в числе организаций страны, занятых НИОКР, составляет немногим более 10%? Даже в этих условиях классические университеты России всё же сумели удержать высокую научную планку, но сегодня этого явно недостаточно. Ведь что характеризует современное образование? А то, что мы с вами – наследники образовательной системы индустриальной эпохи, не проведя её модернизации, мы обрекаем себя на цивилизационное отставание.

Между тем, сегодня сложилось противоречие между возможностями высшей школы и потребностями развития современного общества. С этим столкнулась не только наша страна. Увеличивающийся разрыв между качеством образования и ростом требований к компетенции, личностным качествам персонала – характерная черта мирового образования в целом. Система образования просто не успевает за скоростью приращения знаний, поскольку информация, технологии нарастают лавинообразно.

Это стало осознаться не сегодня. Впервые о кризисе образования было открыто заявлено в 1967 г. на получившей широкую известность Международной конференции в США, в которой приняли участие представители свыше пятидесяти стран. Причём было признано, что этот кризис имеет глобальный характер, охватывая как развитые, так и развивающиеся страны.

В итоговом докладе этой конференции, который сделал Томас Перкинс, – а это хорошо известный в мировом бизнесе венчурный предприниматель, который, кстати, был одним из руководителей Hewlett-Packard – прозвучал вывод: сущность кризиса заключается в несоответствии между потребностями общества, с одной стороны, и возможностями системы образования – с другой.

С тех пор мировая система образования пытается разрешить это противоречие, и не сказать, что это получается всегда очень уж эффективно. Институт образования формировался как средство решения определённых общественных задач, поэтому ему в принципе недостаточно внутреннего ре-

сурса для выхода из кризиса. Оно не может само себя – как барон Мюнхгаузен – вытаскивать себя за волосы.

Поэтому в современных условиях, которые один учёный назвал «текучей современностью», система образования в той или иной степени будет постоянно подвергаться

модернизации по планам и расчётам государства. Только важно, извлекая уроки из прошлого, разворачивать модернизационные процессы, ориентируясь на принципы и условия адекватного творческому научному поиску свободного общества, где главной ценностью является человеческий капитал.

§ 7. Развитие системы образования татарского народа в постсоветский период

Марат Гибатдинов, Ляля Муртазина

В последние десятилетия XX в. татарская система образования пережила период бурного развития. На это повлиял целый ряд факторов: либерализация и демократизация общества, снятие идеологических ограничений, расширение прав регионов в области образования и др.

Больше, чем когда-либо, люди начали интересоваться вопросами, касающимися настоящего и будущего страны, начали задумываться о прошлом своего народа, культуре, традициях, истории. Возросла потребность в изучении многих, неизвестных до этого времени, страниц истории. Изменились осмысление и трактовка многих вопросов истории и культурного наследия народов. На волне активной вовлеченности широкой общественности в поиск путей решения насущных проблем развития общества, проблемы образования и культуры стали одними из центральных в общественном дискурсе, начался «стихийный» поиск новой парадигмы национальной школы» [Замалетдинов, 2006, с.98]. Возрождение национальной системы образования являлось одной из приоритетных задач реформирования образования в Республике Татарстан. Оно является и основным направлением развития и педагогической мысли татарского народа в указанный период [Муртазина, 2012а, с.16].

Татарская общественность развернула борьбу за возрождение татарского языка и национальной школы как важнейшего фактора национального возрождения любого народа [Даутов, Садыков, 1994, с.5]. На этой волне было разработано большое количество концепций, программ и других документов, призванных определить

основной вектор развития татарского образования [Шәһри Казан, 1991, 15 марта; Офык, 1991, №8; Мәгърифәт, 1997, 27 авг.; Национальная доктрина, 1999; Мәгърифәт, 2000, 19 февр.; Гайфуллин, 2002, б.4]. Их разработчиками и заказчиками выступили государственные и общественные институты и организации, научные коллективы, отдельные педагоги-энтузиасты и инициативные граждане и др. [Валиев, 2001, с.8–9]. Ситуация в стране и в республике, обусловленная демократизацией, развитием плюрализма мнений и подходов, породила широкую дискуссию разрабатываемых проектов. В 1990-х гг. Татарским общественным центром (ТОЦ) был объявлен конкурс на лучшую концепцию национального просвещения. В конкурсе участвовало более 20 работ. Победу одержала концепция И.Амирханова, которому, впоследствии, было поручено создание нового документа. Разработанная им концепция «Теоретические и прикладные основы татарской школы» была принята 22 июня 1996 г. на 7 сессии II созыва Милли Меджлиса. В 2000 г. на Всетатарском курултае работников татарского просвещения, проходившем в Казани, шло бурное обсуждение «Концептуальных основ национального просвещения Республики Татарстан».

Диапазон мнений о национальной школе, выявленный в ходе обсуждения концепций, был чрезвычайно разнообразен: одни понимали татарскую школу как татароязычный вариант русской школы («унитарная школа с татарским языком обучения») [Әмирхан, 2003, 129б.], другие же видели развитие татарского просвещения вне рамок официальной школы, независимой от

российской системы образования: «вся система образования целиком должна быть в руках нации, она должна организовываться снизу на основе инициативы отдельных школ, коллективов, народа и т.д.; при этом учебно-воспитательная система опирается на народную педагогику и мировые достижения в области образования» [Әмирхан, 2003, с.157].

Красной нитью в большинстве концепций проходит мысль о пробуждении и воспитании национального самосознания с использованием традиционных воспитательных средств татарского народа: «сегодня, как никогда, стоит над обществом вопрос о создании системы образования с совершенно иным вектором культурного развития» [Мәғрифәт, 2000, 19 февр.], опирающейся на забытые традиции народной педагогики. Особое значение приобретает обращение к традиционным духовным ценностям народа: «Только сочетание достижений научно-технического прогресса и испытанных веками этно-духовных и культурно-национальных традиций может обеспечить стабильное развитие общества. Возврат к духовности сегодня является не только потребностью души, а жизненной необходимостью. По сути дела, речь идет о возвращении к истокам духовной цивилизации» [Мәғрифәт, 2000, 19 февр.]. В отличие от российских, где основной приоритет отдается сохранению и развитию единого образовательного пространства, в татарстанских доктринах основной упор делается на учет интересов Татарстана и проживающих в нем народов, развитие их культуры и сохранение самобытности. В то же время огромное внимание уделяется вопросам модернизации системы образования вообще.

При всем различии трактовок [Мәхмүтов, 1996, с.5] общим для всех концепций было признание необходимости неотложных мер по сохранению и развитию татарского языка и культуры и важности роли системы образования в данном процессе [Харисов, 2000, с.3]. В этом же русле развивался и законодотворческий процесс в Республике Татарстан. Целью образовательной политики республики был учет всех региональных и национальных особенностей республики в процессе образования и воспитания.

Республика самостоятельно решала вопросы строительства системы национального образования (от нормативно-правовой базы до научных исследований). Принятые в РТ законы о языках народов РТ (1992), об образовании (1993) [Ведомости ВС РТ, 1993, №10], концепции развития татарского просвещения и другие документы позволили придать развитию национального образования статус одного из приоритетных направлений государственной политики в республике. Принципы государственной политики республики в области образования учитывали национально-культурные традиции в обучении, обеспечивали свободу выбора языка обучения и гарантии права на обучение в школе на родном языке не только в РТ, но и оказание содействия в получении необходимого образования на родном языке татарам, проживающим вне территории Татарстана (в конституцию РТ была включена ст.14, регламентирующая данный процесс).

Все это привело к увеличению количества национальных школ в РТ, расширялась и инновационная деятельность в них. Если в 1988 г. в республике учебно-воспитательная работа велась на татарском языке в 995 школах (11,8% от общей численности учащихся), то к 2002 г. их численность достигла 1220 (49,3%).

Расширялась инновационная деятельность, открывались татарские школы инновационного типа (гимназии и лицеи). Кроме того, в большинстве школ с русским языком обучения открывались «менталитетные» классы (классы с этнокультурным компонентом), в которых учебный процесс ведется на русском языке, а воспитательный процесс должен вестись на татарском. Однако фактически этот принцип работает лишь формально. К сожалению, открытие классов с воспитанием на родном языке не способствовало развитию национального образования (фактически это паллиатив национального образования).

В данный период федеральное законодательство – (федеральные законы «О языках народов РСФСР» (1991), «Об образовании» (1992) – также объективно способствовало развитию национального образования. Разрушив советскую систему методического и

организационного контроля за национальными школами, федеральный Центр фактически самоустранился от решения данной проблемы, предоставив регионам возможность самостоятельно определять содержание и объем национально-регионального компонента образования (НРК). Благодаря этому в Татарстане осуществлялось преподавание татарского языка и литературы, истории татарского народа и Татарстана, географии и экологии Татарстана (создавались элективные курсы по краеведению). Разрабатывались региональные учебники, отражавшие этнокультурную специфику региона.

Признание за татарским языком статуса государственного языка РТ, закрепленного в Конституции Республики Татарстан (1992), позволило ввести его преподавание в качестве обязательного предмета в общеобразовательной школе, что, несмотря на существующие проблемы с выбранной методикой преподавания, привело к определенному росту владения языком у молодого поколения по сравнению со старшим. Анализ степени владения татарским языком школьниками и их родителями в городах и районах РТ показывает, что свободно говорят по-татарски 10,9% русских старшеклассников и 2,3% их родителей. У татар же благодаря поддержке татарского языка наблюдается сохранение этноязыковой компетенции (77,4% старшеклассников татар и 78,1% их родителей свободно говорят по-татарски). Несмотря на отдельные протесты, в целом, население положительно восприняло официальную политику республики в области образования. Наблюдается высокая поддержка обязательного преподавания татарского языка в школах. В 2011/2012 гг. лишь 0,2% татар и 1,2% русских считают, что татарского языка вообще не должно быть в школе. 4,9% татар и 7,7% русских считают, что татарский язык должен быть обязательным только для татар. Остальные (46,5% татар и 25,8% русских) настаивают на сохранении его статуса как обязательного предмета в школе 21,3% и 24,0%, соответственно, предлагают сократить часовую нагрузку, сделать его изучение в факультативной форме – 23,9% и 36,2%. Около 82% школьной молодежи признали необходимость обязательного владения и русским и татарским языком для тех, кто работает

в органах власти в республике и в сфере обслуживания (опрос 2011/2012 гг.) [Мусина, ред., 2006; Мусина ред., 2011]. Однако реального функционального двуязычия у русскоязычного населения достигнуто не было.

Несмотря на известную автономию и отсутствие фактического контроля данной сферы со сторон федерального центра система образования в Татарстане всегда оставалась в рамках единого образовательного пространства России. В содержательном плане республика жестко следовала федеральному компоненту образования, татарские школы работали по общим учебным планам и программам, учебники для татарских школ по всем основным учебным дисциплинам переводились с русского языка из федерального перечня учебников, допущенных Министерством образования РФ. Самостоятельно издавались только учебники по истории татарского народа и Татарстана [Хузин, 2006; Гилязов, 2004; Хузин, 2005; Пискарев, 2012; Султанбеков и др., 2006; История и культура татарского народа, 2011; Татар халкы тарихы, 2012; Загидуллин, Гибатдинов, 2010; История Татарского народа, 2012], географии Татарстана [Тайсин, 2003] и татарскому языку и литературе. Вышел ряд оригинальных учебников и по естественнонаучным дисциплинам для средней школы [Гайфуллин, Исламшин, 1993; Гайфуллин, Габидуллин, 1997; Гайфуллин, Габидуллин, 2005; Гайфуллин, 1996; Гайфуллин, 1997; Хәлиуллин, 2001; Хәлиуллин, 2002; Казыйханова, 2002]. Попытки создания полностью самостоятельной, автономной системы национального образования остались лишь на уровне проектов, разрабатываемых в рамках татарского национального движения.

Несмотря на определенные успехи, расширение сети татарских школ и дошкольных образовательных учреждений, издание учебной литературы на татарском языке, татарская система образования не смогла получить полноценного развития в силу ряда факторов. Постепенно наметился отток учащихся из татарских школ, что во многом обусловлено низкой функциональностью татарского языка в современном обществе. Татарские школы так и не смогли стать привлекательными и конкурентоспособными на общем образовательном пространстве.

Несмотря на декларируемую приоритетность развития образования в РТ, многие положения регионального и федерального законодательства так и остались декларативными, что признается даже на официальном уровне: «В перечне... сдерживающих факторов можно выделить следующие: пробелы в правовом регулировании языковой политики: описательно-декларативный характер отдельных статей Закона Республики Татарстан «О языках народов Республики Татарстан», несовершенство механизма реализации положений этого Закона и Государственной программы по сохранению, изучению и развитию языков народов Республики Татарстан, отсутствие дополнительных нормативных правовых актов в сфере языкового общения и санкций за нарушение законодательства о языках; отсутствие развитой инфраструктуры, обеспечивающей реализацию Государственной программы по сохранению, изучению и развитию языков народов Республики Татарстан не только в разрезе конкретных мероприятий, но и с точки зрения достижения поставленных целей и выполнения задач соответствующего этапа» [Государственная программа, 2005, с.24].

Как отмечают эксперты, «реализация столь масштабного проекта, как создание татарской национальной (этнонациональной) системы образования: происходит на фоне недофинансирования отрасли» [Мухарямова, 2011, с.194]. Об этом же свидетельствует и то, что по рейтингу субъектов Российской Федерации по показателям развития образования в 2004/2005 учебном году Республика Татарстан имела не лучшие показатели. По уровню образования населения (31-е место из 89 субъектов), по социально-экономическим условиям развития образования (53-е), по доступности получения образования (22-е), по качеству образования (25-е). В первую десятку Татарстану удалось попасть только по трем показателям: состояние дошкольного образования (10-е), состояние общего образования (7-е), здоровье детей и подростков (3-е) [Гохберг, Забатурина, 2006, с.33, 35, 38, 41, 45, 47, 50, 53, 57, 61].

Все это заставило руководство республики обратить пристальное внимание на сферу

образования, были запущены амбициозные проекты. В 2010 г. в Республике Татарстан принята масштабная Стратегия развития образования в Республике Татарстан на 2010 – 2015 гг. «Киләчәк» – «Будущее», «Бәләкәч», грантовые программы «Наш лучший учитель», «Наш новый учитель», «Алгарыш» и др. Однако в рамках стратегии задачи по национальному образованию они направлены в основном на внедрение и обновление педагогических технологий изучения родных языков. Если в 1990–2005 гг. говорили о билингвизме, впоследствии речь все чаще стала вестись о полилингвальном – русско-татарско-иностранном (английском) – образовании. Хотя, как уже отмечалось, реально го билингвизма добиться так и не удалось.

Следует так же отметить, что показатели развития национальных школ, уровень языковых компетенций владения родным языком не учитываются в федеральных рейтингах. Федеральные органы управления образованием по-прежнему не уделяют внимания развитию языков народов РФ, системы национального (этнонационального) образования, считая вопрос сохранения родных языков прерогативой лишь самих родителей и органов местного самоуправления. Таким образом, декларативный характер носят и такие положения Федерального законодательства, как ст.72 п.б, е Конституции Российской Федерации, относящие «общие вопросы образования, культуры и языка как ее компоненты – к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов»; гарантирующие всем народам Российской Федерации право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития (ст.68 п.3), свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества (ст.26 п.2); ст.2, п.2 Федерального закона «Об образовании», провозглашающая принципом государственной политики в области образования: «развитие системы образования национальных культур, региональных культурных традиций и особенностей в условиях многонационального государства», ст.6, гарантирующая всем гражданам Российской Федерации право на получение основного общего образования на родном языке, а также выбор языка обучения в пределах возможностей,

предоставляемых системой образования (п.2); и содействие представителям народов Российской Федерации, проживающим вне ее территории, в получении ими основного общего образования на родном языке (п.4).

Главный, на наш взгляд фактор, тормозящий развитие национального образования, это – общее падение его престижа. В обществе не обеспечен реальный статус татарского языка как второго государственного. Несмотря на Закон РТ «О языках народов Республики Татарстан» (1992), Постановление Кабинета Министров «О первоочередных мерах по выполнению Закона РТ «О языках народов РТ» (1992), государственную Программу «По сохранению, изучению и развитию языков РТ», утвержденную Парламентом РТ в 1994 и 2004 гг., предусматривающие дополнительные выплаты специалистам, владеющим двумя государственными языками (русским и татарским), реальные шаги для реализации этого закона правительство не предпринимает. Владение двумя языками фактически не требуется для занятия какой-либо официальной должности, кроме Президента РТ. В бытовом общении и в официальном делопроизводстве по-прежнему преобладает русский язык. За последние два десятилетия практически не изменилась коммуникативная функция татарского языка. Только 8,5% татар – участников исследования 2011/2012 гг. отметили, что на работе говорят на татарском языке. В 2001 г. их число было 9,6%. Среди русских эту позицию не выбрал ни один респондент. На русском и татарском на работе говорят 42,3% и 2,6% респондентов (в 2011/2012 гг.). В 2001 г. – 41,5% и 1,2%. Фиксируется двукратное падение показателей заинтересованности русских в изучении татарского языка. Если в 1994 г. 63% русских, в 1997 г. 59% считали важным для своих детей знание и изучение татарского языка, то в 2011/2012 гг. только 23% респондентов. Главной проблемой является низкая мотивация к изучению татарского языка. Как инструмент социальной мобильности выступает, прежде всего, русский язык (81,3% опрошенных школьников в 2011/2012 гг.), затем иностранные, европейские (77,2%), и лишь затем татарский (34,3%) [Мусина ред., 2011].

Если национальное образование дает ученику очевидные преимущества на первом этапе, так как ему легче усваивать знания на родном языке, то при переходе на ступень получения высшего образования это создает проблемы (выпускник татарской школы оказывается в неравных условиях с остальными, т.к. должен писать сочинение и сдавать экзамены на русском языке. В 1990–2000 гг. в РТ существовала возможность выбора языка при сдаче вступительных экзаменов у каждого абитуриента во всех вузах РТ. Проблема стала чрезвычайно обостряться в связи с введением ЕГЭ (единый государственный экзамен). Попытки решить данную проблему введением в Татарстане ЕРЭ (единый республиканский экзамен), действительный для поступления только в вузы на территории РТ, переводя федеральные Контрольно-измерительные материалы (КИМ), тексты заданий ЕГЭ на татарский язык, не увенчались успехом. Количество выпускников, желающих сдать ЕГЭ и ГИА (государственная итоговая аттестация) по татарскому языку, неуклонно сокращается. В 2011 г. единый республиканский экзамен по татарскому языку и татарской литературе сдавали 40 человек (в 2010 г. – 57), в том числе татарский язык – 37 чел. (в 2010 г. – 55), татарскую литературу – 3 чел. (в 2010 г. – 2) (таблица 3.23). В 2012 г. в 25 муниципальных районах РТ из 43 не было ни одного учащегося, выбравшего сдачу ГИА по татарскому языку. Из 16 муниципальных районов РТ не поступило ни одной заявки на сдачу ГИА по предметам по выбору на татарском языке. В Казани заявили только выпускники одной школы Московского района. Во всей республике всего 500 учащихся выразили желание сдать экзамены на татарском языке.

Пагубно сказывается на системе национального образования и его незавершенность, отсутствие ступени высшего образования. Вопрос о создании Татарского Национального университета, о котором долго мечтала татарская интеллигенция, который был поднят Верховным Советом РТ еще в 1991 г., затем в 1994 г., обсуждался Государственным Советом РТ (1998), II съездом Всемирного конгресса татар (1997), так и не был решен. С ликвидацией Татар-

Таблица 3.23

Результаты единого республиканского экзамена за 2006–2011 гг.

Предмет	2006		2007		2008		2009		2010		2011	
	Кол. участ.	Ср. балл	Кол. участ.	Ср. балл	Кол. участ.	Ср. балл	Кол. участ.	Ср. балл	Кол. участ.	Ср. балл	Кол. участ.	Ср. балл
Татарский язык	272	60,39	350	59,70	373	61,16	152	65,56	55	66,9	37	68,30
Татарская литература	-	-	-	-	-	-	14	50,29	2	64,0	3	56,67

ского государственного гуманитарного университета (ТГГУ), а затем и Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета (ТГГПУ), в рамках создания Казанского федерального университета, этот вопрос фактически сошел с повестки дня.

Не удалось утвердить и систему преподавания на татарском языке и в уже существующих вузах. В 1990-е гг. татарские группы открывались практически во всех вузах республики (первыми в сельскохозяйственной и строительной академиях и Камском политехническом институте уже в 1993 г.). В 1997 г создается Межвузовский научно-методический совет, главной целью которого являлось обеспечение учебного процесса необходимой литературой и разработка научной терминологии на татарском языке.

Можно выделить два основных подхода к тому, какие дисциплины должны в первую очередь преподаваться на татарском языке. По мнению Р.Юсупова, на татарском языке должно вестись преподавание, прежде всего, в педагогических вузах, специальности гуманитарного цикла, связанные с культурой, музыкой, творчеством, должны преподаваться на двух языках, так же как и подготовка специалистов, которым предстоит работать в сфере обслуживания населения (медицина, транспорт и т.д.) [Юсупов, 1998, с.12], как и сельскохозяйственное образование, готовящее специалистов для сельской местности. В технических же вузах, по мнению Р.Юсупова, необходимость преподавания на татарском языке вызывала серьезные сомнения ввиду того, что «большинство инженерно-технических терминов носят интернациональный характер и выпускни-

кам этих вузов предстоит работать на крупных предприятиях, где языком общения является русский» [Юсупов, 2002, с.3].

Другой точки зрения придерживался Н.Туктамышев, развивавший идею билингвального обучения в вузах, призванного расширить возможности выпускника на рынке труда [Туктамышев, 2001, с.43]. Исходя из практики преподавания в Казанском государственном архитектурно-строительном университете (КГАСУ), он доказывает, что преподавание, учитывающее особенности обучения в условиях двуязычия, дает позитивные результаты по улучшению успеваемости студентов и их социальной адаптации. В процессе дальнейшей работы данный принцип полностью был поддержан и другими исследователями в этой сфере [Муртазина, 2012б] Присутствие татарского языка в системе высшего образования рассматривается не только как логическое завершение полного цикла непрерывного образования на родном языке, но и как условие жизнеспособности и развития языка, позволяющее ему полноценно функционировать в научной сфере [Ягъфаров, 1993, б.3].

Был разработан ряд концепций развития высшего образования на татарском языке, проектов по разработке его теоретических основ [Фэтхуллин, Шакиржанов, Нарбеков, 1999, б.10–15; Юлдашев, 1998, б.38], однако, из-за нехватки квалифицированных кадров, отсутствия на первом этапе необходимой учебной литературы на татарском языке, целенаправленной политики по развитию высшего профессионального образования на татарском языке и действенных механизмов ее реализации, а в последние годы и из-за сокращения числа желающих получить

образование на родном татарском языке, сохранились и закрепиться эти группы смогли лишь в тех вузах, где имелись увлеченные этим вопросом энтузиасты (среди таких оказались, прежде всего, технические вузы и некоторые факультеты ТГГПУ (мехфак, физфак и др.).

Другой аспект данной проблемы – изучение татарского языка. Изучение татарского языка стало вводиться во всех ПТУ и техникумах с 1989/1990 учебного года, в 2,5 раза увеличился набор в татарские группы педагогических училищ [Гатауллина, 2001, с.21]. С 1991/1992 учебного года началась реализация двуязычия в вузах РТ, в ТГГПУ, а затем и в других вузах ввелось изучение наряду с русским, и татарского языка, как государственного языка РТ. На всех факультетах были введены 64 часовые учебные курсы татарского языка, как неродного [Харисов, 1998, с.40]. Изучение студентами татарского как родного включалось уже в 1988/1989 учебном году. Практически во всех вузах стали открываться кафедры татарского языка [Вәлиев, 1998, б.84].

Главной проблемой здесь, как и в случае с общеобразовательной школой, была проблема методики преподавания татарского языка в русскоязычной аудитории, как неродного [Салехова, 1993; Сафиуллина, 2010]. С особой остротой эта проблема проявила себя в общеобразовательной школе, где благодаря неэффективной методике преподавания, уделявшей преимущественное внимание не аудированию, а заучиванию грамматики, не удалось добиться реального функционального двуязычия выпускников школы, изучавших оба государственных языка.

Вместо пристального внимания к методике и качеству преподавания, органы управления образованием увлеклись чисто внешней, формальной стороной вопроса, ростом процента «охвата обучением на татарском языке» и «охвата изучением татарского языка». Официальная статистика Министерства образования и науки РТ показывает, что охват обучением детей-татар на родном (татарском) языке сохраняет тенденцию роста с 17% в 1989 г. до 59% в 2007 г. Однако, как показывает анализ, этот рост достигается за счет «менталитетных классов», механического объединения статистических данных

по «обучающимся» и «воспитываемым» на родном языке. Для этого придуман особый эвфемизм «охват обучением и воспитанием». После 2007 г. наблюдается падение процента обучающихся на родном татарском языке до 46,1% в 2010 г. Количество изучающих татарский язык («охват изучением») уже к 2000 г. достигает 99,1%, и, изменяясь лишь на доли процента, к 2009 г. доходит до 100%. При этом качество образования оставляет желать лучшего. В результате, родители считают более целесообразным отдавать детей в школы с русским языком обучения, выпускники которых будут иметь больше шансов для поступления в любой вуз РФ.

Если в 1990-е гг. количество школ, гимназий, обучающихся и воспитывающих на родном языке, стабильно росло сравнительно быстрыми темпами, росло и количество учащихся в них, то к началу XXI в. ситуация изменилась. Уменьшилось количество учащихся в татарских школах и количество татарских школ (за счет «оптимизации», т.е. закрытия малокомплектных сельских школ, перехода части школ на преподавание на русском языке и т.д.). На 1 сентября 2006 г. в РТ имелось 1075 школ с татарским языком обучения (в 2005 г. – 1093). В 2008–2011 гг. их количество уменьшилось с 1138 до 852. При этом число учащихся в них так же сократилось с 76,5 тыс. до 71,4 тыс., соответственно. Следует отметить также тенденцию сокращения татарских учебных заведений нового типа (лицеев и гимназий) с 98 до 69, хотя число обучающихся в них даже увеличилось с 23 тыс. до 26,5 тыс. При этом отчетлива тенденция увеличения смешанных (тат.-рус., рус.-тат.) школ с 356 до 371, в то время как число учащихся в них сократилось с 22 тыс. до 15 тыс. . Все это во многом связано с общим падением численности учащихся в Республике Татарстан и учащихся-татар в частности (с 202,9 тыс. в 2008 г. до 180,6 тыс. в 2011 г.). Доля обучающихся на родном языке снизилась за данный период с 47,6% до 44,41%.

Переход на подушевое финансирование образовательных учреждений также создает трудности в развитии национального образования. Содержать малокомплектные национальные школы и классы становится экономически невыгодно, особенно в сель-

ской местности. При укрупнении, разумеется, создаются школы с преподаванием на русском языке.

Еще более сложна ситуация с татарским образованием за пределами РТ.

Статья 14 Конституции Республики Татарстан, а так же Договор «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» предусматривают, что Республика Татарстан оказывает содействие в развитии национальной культуры, языка, сохранении самобытности татар, проживающих за пределами Республики Татарстан. Однако реальное осуществление этого сталкивается с целым рядом труднопреодолимых преград. На практике Татарстан фактически лишен действенных рычагов воздействия на положение с сохранением и развитием татарского языка и развитие татарской системы образования за пределами РТ.

Если с 1998 г. по 2008 г. количество школ с татарским языком обучения в регионах Российской Федерации увеличилось вдвое (с 13 до 26), а к 2009 г. возросло многократно (до 416), в основном за счет татарских школ в Башкортостане (357), то в 2010–2011 гг. наблюдается снижение их численности (371 и 345 соответственно). При этом число обучающихся в них сократилось с 16,6 тыс. (2009 г.) до 15,6 тыс. (2010 г.) и 14,3 тыс. (2011 г.), соответственно. По данным на 2010/2011 уч. г. наибольшее число учащихся обучалось в школах с татарским языком обучения в Башкортостане (9,8 тыс.), Пермском крае (1,7 тыс.), Чувашской республике (1,5 тыс.).

В регионах Российской Федерации работают образовательные учреждения, в которых организовано изучение родного татарского языка как учебного предмета, либо воспитание ведется на родном татарском языке, число которых также сокращается. С 2009 г. по 2011 г. количество общеобразовательных учреждений с изучением родного (татарского) языка в регионах РФ уменьшилось с 1,3 тыс. до 1,3 тыс. Наибольшее количество подобных школ существовало в Башкортостане (962 и 929 соответственно), Ульяновской области (68 и 56), Тюменской области (57 и 57), Оренбурге (60 и 57).

Лишь в 13 регионах количество школ не изменилось, во всех остальных регионах – уменьшилось. Позитивная динамика наблюдается только в Чувашской республике (7 и 10) и Астрахани (11 и 12).

Негативная динамика прослеживается в регионах РФ и по последним данным статистики Министерства образования и науки РТ. В 2011/2012 уч. г. произошло дальнейшее сокращение количества общеобразовательных учреждений с изучением родного (татарского) языка до 1 тыс. и значительное сокращение школ с обучением на родном (татарском) языке (до 294).

Количество дошкольных образовательных учреждений с воспитанием на татарском языке в 2009–2011 гг. уменьшилось незначительно с 480 до 479, наибольшее количество их работает в Башкортостане (371) и Пермском крае (38). Количество воскресных школ с изучением родного (татарского) языка в регионах Российской Федерации не изменилось с 2009 г. (в 10 регионах работает 12 школ).

Вместе с тем в регионах РФ очень остро стоит вопрос наполняемости татарских классов. Из-за отсутствия контингента учащихся, нежелания родителей обучать своих детей на родном языке, не открываются татарские школы (Челябинская обл. – г. Магнитогорск, Свердловская обл. – г. Екатеринбург и др.), закрываются воскресные школы (Республика Коми), малокомплектные татарские школы и классы.

Анализ ситуации в регионах Российской Федерации показывает, что удельный вес образовательных учреждений, в которых ведется преподавание на родном (татарском) языке и изучение родного (татарского) языка, как правило, составляет около 1–2% от общего количества общеобразовательных учреждений в регионе (в 11 регионах менее 1%), исключением являються Башкортостан (37,3%), Тюменская область (10,7%), Ульяновская область (10%), Пермский край (6,3%), Оренбург (5,2%), Мордовия (5,3%), Чувашская республика (4,8%) и ряд других.

В татарских школах многих регионов РФ наблюдается массовый переход на обучение на русском языке. Так, по сведениям, представленным Министерством образования Республики Башкортостан, в 2000 г. школ с обучением на татарском языке было 604,

в 2005 г. – 404, в 2011 г. – 298, в то время, как увеличилось количество школ с изучением татарского языка с 553 в 2000 г., до 715 в 2005 г. и 929 в 2011 г. В ряде татарских школ единственным их признаком осталось преподавание татарского языка; недостаточно применяются в воспитании детей основы народной педагогики, современные педагогические технологии.

Негативно сказывается на системе национального образования и политика «оптимизации» образовательных учреждений. Так, в Бардымском районе Пермской области прежде функционировало 68 татарских школ. Сегодня в связи с оптимизацией бюджетных средств они объединены в 29 образовательных учреждений. Нередко объединение происходит за счет присоединения татарских школ к школам с русским языком обучения. При этом не всегда учитываются законные интересы и нужды самих учеников и мнение родителей.

Серьезные проблемы возникают с подготовкой кадров учителей татарского языка. Традиционно подготовка национальных педагогических кадров велась, кроме Республики Татарстан, и в ряде высших учебных заведений субъектов Российской Федерации (Московский педагогический государственный университет, Оренбургский государственный педагогический институт, Астраханский государственный университет, Башкирский государственный педагогический университет, Стерлитамакская государственная педагогическая академия, Тобольская государственная социально-педагогическая академия, Башкирский государственный университет, Мордовский государственный педагогический университет, Тюменский государственный университет). Однако количество абитуриентов, поступающих на татарские отделения и группы в данных вузах, постепенно сокращается.

Несмотря на предоставление абитуриентам из регионов РФ возможности поступать по направлению МОиН РТ в вузы Татарстана, без восстановления и развития татарских отделений при вузах в регионах компактного проживания татар, одна Республика Татарстан не в силах решить вопрос обеспечения педагогическими кадрами всех татарские образовательные учреждения в регионах РФ.

Факторами, обеспечившими бурный рост национального образования у татар в конце XX в. были: общая демократизация общества и подъем национального самосознания народа, богатое культурное и педагогическое наследие татарских просветителей начала XX в. и значительный научно-педагогический и экономический потенциал Казани и Республики Татарстан.

Задачей первого этапа реформирования образовательно-воспитательных систем в РТ являлось освобождение системы образования от наследия тоталитаризма, ее демократизация. Очевидно, данная задача была более или менее решена. В то же время, несмотря на некоторые успехи, многие декларируемые в государственных документах задачи реализации татарского языка как государственного в сфере образования не были реализованы в полной мере. Задачей следующего этапа развития национального образования является ее развитие, совершенствование и вписывание в современное отечественное и мировое образовательное пространство, в поликультурный российский социум. Несмотря на все проблемы и потери прошедших лет, за постсоветский период удалось добиться кардинальных изменений в отношении татар к своему родному языку и культуре, молодежь перестала стесняться говорить на родном языке. До сих пор Татарстан остается одним из немногих регионов России, где все еще осуществляется полное среднее общее образование на родном языке.

ГЛАВА 7

**Татарстан в системе глобальных координат
социально-экономического развития Поволжья и России***Вадим Хоменко***§ 1. Общая характеристика уровня
социально-экономического развития Республики Татарстан**

Республика Татарстан принадлежит к числу немногочисленных регионов России, устойчивое, стабильное социально-экономическое положение которого основывается на сочетании богатого природно-ресурсного потенциала и высокого уровня развития научно-технического и человеческого капитала.

Татарстан на сегодняшний день является одним из наиболее развитых, в экономическом отношении, регионов Российской Федерации. Так, по величине валового регионального продукта (ВРП) на душу населения республика с 2002 г. занимает первое место в Приволжском федеральном округе. Разница по этому показателю в сравнении с другими развитыми регионами Приволжского федерального округа стала заметно увеличиваться, начиная с 2006 г. Даже в кризисном 2009 г., когда цены на нефтькратно снизились, в Республике Татарстан объем ВРП на душу населения составил 234,3 тыс. руб., в то время как в Пермском крае – 201,3 тыс. руб., в Оренбургской области – 196,2 тыс. руб. в Самарской области – 182,6 тыс. руб. [Регионы России, 2011, с.354].

Основной интенсивно используемый природный дар региона – нефть. Разведанные запасы составляют 900 млн. тонн. В республике добывается также попутный газ, имеются перспективные запасы нефтебитумов (36% от ресурсов Российской Федерации).

Республика располагает также промышленными запасами известняка, доломитов, строительного песка, глины для производства кирпича, строительного камня, гипса, песчано-гравийной смеси. Имеются запасы

каменного угля, горючих сланцев, цеолитов, меди, бокситов.

Традиционно интенсивно функционирующее сельское хозяйство основывается на умеренном континентальном климате и значительных размерах сельскохозяйственных угодий, которые в республике составляют 4503,4 тыс. гектаров (8,7% от соответствующего показателя Приволжского федерального округа), в том числе пашни – 3455,3 тыс. гектаров (9,7%).

В республике сформирован мощный промышленный потенциал. Ведущие отрасли промышленности – нефтедобыча и нефтехимия, авиастроение, машиностроение и приборостроение. основополагающая структура многоотраслевой экономики Татарстана формировалась в советский период. В число промышленных предприятий и промышленных городов вошли: ОАО «Татнефть», ОАО «КАМАЗ» и город Набережные Челны, Нижнекамский нефтехимический комплекс, включая шинную промышленность и город Нижнекамск, Казанский авиационный комплекс с производством самолетов и вертолетов («Ту-160», «Ту-204», «Ил-62», «Ми-17», «Ансат», «Актай» и др.) и многие другие, созданные в том числе на базе эвакуированных во время Великой Отечественной войны предприятий европейской части России.

Республика располагает развитой транспортной сетью. Основу ее составляют автомагистрали, железные дороги, четыре судоходные реки – Волга, Кама, Вятка, Белая, нефте- и газопроводы, авиалинии.

Издавна Татарстан был представлен как мощный образовательный и научный

центр России, формирующий необходимый потенциал ее инновационного развития. В Казани действует Академия наук Татарстана, Казанский научный центр РАН, функционирует более 60 отраслевых научно-исследовательских и проектных институтов. Наряду с обширной сетью госу-

дарственных и коммерческих учреждений высшего профессионального образования на территории республики созданы два национальных исследовательских и один федеральный университет, что является весомым фактом уникальности региональной научно-образовательной площадки.

§ 2. Татарстан на рубеже XX–XXI веков и в системе современных оценок социально-экономического развития регионов Приволжского федерального округа

Исторические торговые выгоды Татарстана от уникального географического расположения были существенно утрачены или заменены другими позициями экономического развития с момента перемещения сюда промышленных производств в период Второй мировой войны и, главное, в связи с открытием в сороковых годах XX в. богатых месторождений нефти. Вместе с тем историческая логика определяет внимательное отношение к тому, что веками обуславливало возможность получения географической ренты в органической совокупности с факторами промышленного развития. В период интеграции России в международное экономическое пространство это обстоятельство объективно должно формировать важнейшие позиции бизнес-прогнозов и стратегий регионального и федерального развития. И нужно видеть, что республика на рубеже XX–XXI вв., в условиях приобретения определенного суверенитета, предприняла попытку сохранить имеющийся промышленный потенциал, добиться инновационной модернизации в условиях развития рыночных отношений, стать мощным как торговым, так и промышленным кооперационным центром. Аналогично Российской Федерации, Татарстан объявил все богатство на своей территории национальным достоянием. Основные положения о государственном суверенитете были закреплены в Конституции Республики Татарстан. Республика вступила в переговоры с Центром с целью заключения договорных отношений по предметам ведения, собственности и деятельности на международной арене. 15 февраля 1994 г. в Москве был подписан Договор между РФ и РТ «О взаимном де-

легировании полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти РТ». В развитие этого Договора были подписаны более десяти межправительственных соглашений по вопросам собственности, военного строительства, банковского дела, бюджетных взаимоотношений, подготовки кадров и др.

Особенность развития республики на этом этапе заключалась, прежде всего, в том, что было принято решение о «мягком вхождении в рынок», по возможности нивелируя социальные последствия «шоковой терапии». Усилия направлялись на поддержку производства и социальную защиту населения. Важной чертой становления рыночной экономики был и особый путь приватизации имущества РТ. Отличие заключалось в том, что для приобретения доли собственности в Татарстане использовались наряду с ваучерами и ИПВ (именные приватизационные вклады), которые открывались в банковской системе, а следовательно, не появлялись на спекулятивном рынке. Вторая особенность состояла в том, что оценка имущества приватизируемых предприятий осуществлялась с учетом коэффициента переоценки имущества, который превышал общероссийские в 26 раз. Высокая цена объектов приватизации на первом этапе ваучеризации России позволила Татарстану в основном сохранить собственность и управлять ею.

К концу первого десятилетия XXI в. в Республике Татарстан действовали 33 долгосрочных и 60 ведомственных целевых программ. Кроме этого республика принимает активное участие в деле реализации федеральной целевой программы (ФЦП) и федеральной адресной инвестиционной

программы (ФАИП). В 2010 г. участие республики предусматривали 20 из 53 действующих федеральных программ. К 2010 г. федеральное финансирование на реализацию мероприятий Республики Татарстан достигло более 27 млрд. руб., в т.ч. примерно 11 млрд. руб. на проведение универсиады [Муракаев, 2010].

В условиях налоговых льгот и на основе Закона РТ «Об инвестиционной деятельности в Республике Татарстан» существенно возрос перечень предприятий, реализующих на территории Татарстана крупные инвестиционные проекты. В их числе ОАО «Танеко» («Комплекс нефтеперерабатывающих и нефтехимических заводов в г. Нижнекамск»), стоимость проекта которого составила 265,9 млрд. руб.; «Развитие ОАО «Казаньоргсинтез» – стоимость проекта 21,5 млрд. рублей, ООО «Северстальавто-Кама» (строительство завода по производству легковых автомобилей FIAT в г. Набережные Челны) – стоимость проекта 36,5 млрд. руб. и многие другие. Инвестиционный меморандум республики к началу текущего десятилетия включал около 120 инвестиционных проектов на общую сумму более 1 трлн. рублей.

Правительственные ориентиры последних лет были направлены на создание сбалансированного, высокоразвитого индустриального регионального комплекса с емкими внешнеэкономическими связями. Существенная часть их была реализована, но отдельные проблемные вопросы были и остаются до сих пор, что видно из анализа, приведенного ниже.

Одна из устойчивых основ современной экономики Республики Татарстан, как уже было отмечено выше, сформированная более полвека назад, – добывающая промышленность (таблицы 3.24 и 3.25). В докризисный период здесь создавалось около 30% валовой добавленной стоимости. В кризисный период – 2008–2009 гг. – эта доля сократилась примерно на 25%, составив к 2009 г. 22,5%. Однако это – результат снижения цены на нефть. Как видно, и на российском уровне произошло адекватное снижение доли добывающих производств – с 12,8% до 9,7%. В 2011 г. в объеме отгруженных товаров собственного производства предприятиями (организациями) Республики

Татарстан, выполненных работ и услуг по видам экономической деятельности добыча топливно-энергетических полезных ископаемых возросла опять и составила 28,0%, химическое производство – 15,2%, производство транспортных средств и оборудования – 15,0%, производство нефтепродуктов – 11,9%.

Как видно из таблицы 3.26, где представлены основные показатели по наиболее сильным регионам Приволжского федерального округа, Республика Татарстан выделяется существенно по обобщающим валовым показателям развития экономики. Она опережает в общероссийском рейтинге с большим отрывом такие регионы, как Республика Башкортостан, Самарская область, Нижегородская область, Пермский край по: объему валового регионального продукта на душу населения; инвестициям в основной капитал на душу населения; поступлению налогов, сборов и иных обязательных платежей в бюджетную систему Российской Федерации на душу населения; вводу в действие общей площади жилых домов на 1000 человек населения; численности студентов образовательных учреждений высшего профессионального образования на 10 тыс. человек населения. Резко ощущается опережение Татарстана и по уровню развития сельского хозяйства. Такие позиции объективно создают основу для интенсификации и инновационного развития экономики, роста благосостояния населения.

Однако, определенная сырьевая специфика существенно определяет иные выходные параметры. Так, по объему обрабатывающих производств Татарстан уступает Башкортостану и Нижегородской области, среднедушевым денежным доходам – Самарской области и Пермскому краю, обороту розничной торговли на душу населения – Башкортостану и Самарской области, числу собственных легковых автомобилей на 1000 человек населения – Башкортостану, Самарской области, Нижегородской области. А по удельному весу автомобильных дорог с твердым покрытием в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования Татарстан уступает всем этим регионам.

Таблица 3.24

Отраслевая структура валовой добавленной стоимости в 2005 г. (в текущих основных ценах; % к итогу)

	по видам экономической деятельности															
	Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	Рыболовство, охота и рыбное хозяйство	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	Строительство	Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, бытовых изделий	Гостиницы и рестораны	Транспорт и связь	Финансовая деятельность	Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	Гос. управление и военная безопасность	Образование	Здравоохранение и предоставление социальных услуг	Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	
Всего																
Российская Федерация из суммы субъектов	100	5,2	0,3	12,8	18,5	3,8	5,7	21,8	0,9	10,6	1,1	9,0	2,9	2,8	3,1	1,5
Приволжский федеральный округ	100	8,3	0,0	15,1	24,0	4,0	6,2	13,4	0,7	10,4	0,3	7,3	2,9	3,1	3,2	1,1
Республика Башкортостан	100	10,4	0,0	12,7	27,7	3,4	6,6	10,5	1,1	10,1	0,2	7,0	2,5	3,4	3,3	1,1
Республика Марий Эл	100	19,4	0,0	0,1	20,2	8,1	6,7	11,4	1,2	10,3	0,0	4,7	5,9	5,6	5,0	1,4
Республика Мордовия	100	20,2	0,0	0,0	24,4	5,9	11,5	10,8	0,5	6,4	0,0	5,7	5,2	4,3	4,0	1,1
Республика Татарстан	100	7,8	0,0	30,9	16,9	1,9	10,0	11,2	0,5	7,3	0,5	4,8	1,8	2,6	2,3	1,5
Удмуртская республика	100	6,8	0,0	26,7	21,3	3,4	6,8	9,8	0,6	9,4	0,0	4,2	2,7	3,5	3,5	1,3
Чувашская республика	100	13,7	0,0	0,1	23,0	7,5	10,5	14,3	1,0	8,1	0,3	5,7	4,6	4,6	4,9	1,7
Пермский край	100	3,3	0,0	15,7	29,4	4,1	3,2	14,1	0,7	10,2	0,1	9,9	2,5	2,8	3,2	0,8
Кировская область	100	16,4	0,0	0,2	21,1	5,8	4,1	12,4	1,1	15,5	0,0	6,2	5,9	4,9	5,1	1,3
Нижегородская область	100	5,5	0,0	0,0	30,6	3,8	4,8	21,0	0,8	11,4	1,0	10,8	3,3	2,8	3,3	0,9
Оренбургская область	100	8,8	0,0	37,0	16,0	3,6	3,9	8,2	0,7	7,7	0,0	4,0	3,0	2,6	4,0	0,5
Пензенская область	100	13,3	0,1	0,8	18,9	4,3	5,7	16,3	0,7	16,9	0,0	8,1	4,6	4,7	4,5	1,1
Самарская область	100	4,5	0,0	10,8	29,9	4,0	4,6	14,9	0,7	12,0	0,4	10,1	2,4	2,5	2,3	0,9
Саратовская область	100	15,0	0,0	4,0	16,8	8,3	7,8	14,6	0,6	14,7	0,1	5,4	4,1	3,9	3,6	1,1
Ульяновская область	100	10,9	0,0	3,3	19,8	5,3	4,4	20,3	0,5	13,9	0,6	7,3	4,5	3,8	4,2	1,2

Таблица 3.25

Отраслевая структура валовой добавленной стоимости в 2009 г. (в текущих основных ценах; в % к итогу) *

	по видам экономической деятельности														
	Сельское хозяйство и лесное хозяйство	Рыболовство, охота и лесное хозяйство	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	Строительство	Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, бытовых изделий	Гостиницы и рестораны	Транспорт и связь	Финансовая деятельность	Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	Гос. управление и военная безопасность	Образование	Здравоохранение и предоставление социальных услуг	Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг
Всего															
Российская Федерация из суммы субъектов	4,9	0,3	9,7	16,7	4,6	6,7	18,4	1,1	10,4	0,6	11,8	5,5	3,5	4,2	1,6
Приволжский федеральный округ	7,7	0,0	12,4	20,2	4,8	6,8	13,6	1,1	10,3	0,2	8,6	5,3	3,8	4,1	1,1
Республика Марий Эл	16,8	0,0	0,1	21,4	5,4	7,8	10,3	1,1	8,1	0,0	5,9	10,4	5,6	5,0	2,1
Республика Мордовия	17,4	0,0	0,0	20,7	4,5	9,4	13,3	0,7	8,3	0,0	6,7	9,4	4,6	4,0	1,0
Республика Татарстан	7,3	0,0	22,9	15,4	3,0	9,0	13,5	1,2	8,2	0,3	9,9	3,2	2,8	2,2	1,1
Удмуртская республика	8,3	0,0	24,5	18,6	2,9	4,9	10,4	1,1	7,9	0,0	5,8	5,6	4,0	4,9	1,1
Чувашская республика	9,7	0,0	0,1	24,9	6,7	7,9	14,2	0,9	7,3	0,4	8,6	6,8	5,1	5,9	1,5
Пермский край	2,9	0,0	13,1	26,5	3,9	5,7	12,9	1,2	10,0	0,1	10,5	5,2	3,2	4,0	0,8
Кировская область	9,8	0,0	0,3	20,6	5,0	4,9	13,6	1,5	12,5	0,0	8,0	10,2	5,0	6,9	1,7
Нижегородская область	4,1	0,0	0,1	26,7	4,5	9,5	16,0	1,1	11,1	0,8	10,9	6,0	3,6	4,5	1,1
Оренбургская область	8,7	0,0	34,7	10,3	8,1	4,9	8,7	0,9	7,7	0,0	4,3	4,4	3,0	3,6	0,7
Пензенская область	12,2	0,0	0,5	17,6	4,0	6,8	15,8	0,9	12,0	0,0	10,1	8,0	4,7	6,0	1,4
Самарская область	5,2	0,0	11,9	20,6	4,4	4,2	14,5	1,3	12,9	0,2	11,1	5,0	3,8	3,9	1,0
Саратовская область	12,5	0,0	2,8	19,5	10,6	5,9	10,1	1,0	12,1	0,0	6,6	6,9	5,5	5,4	1,1
Ульяновская область	7,5	0,0	2,0	17,8	5,8	7,8	16,9	0,6	15,2	0,3	7,2	7,7	4,5	5,3	1,4

* Сост. по: [Регионы России, 2011, с.367]

Таблица 3.26

**Место, занимаемое Республикой Татарстан
по основным социально-экономическим показателям
в Российской Федерации в 2010 г.***

№ п.п	Показатель	Регион				
		Республика Татарстан	Республика Башкортостан	Самарская область	Нижегород-ская область	Пермский край
1.	Валовой региональный продукт на душу населения	14	37	25	33	17
2.	Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности:					
	добыча полезных ископаемых	7	17	15	65	14
	обрабатывающие производства	9	8	12	7	11
3.	Продукция сельского хозяйства	3	5	23	22	29
4.	Инвестиции в основной капитал на душу населения	18	57	46	31	34
5.	Поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей в бюджетную систему Российской Федерации на душу населения	17	26	15	33	21
6.	Среднедушевые денежные доходы (в месяц)	20	22	17	27	18
7.	Оборот розничной торговли на душу населения	14	12	10	25	15
8.	Число собственных легковых автомобилей на 1000 чел. населения	57	35	24	48	65
9.	Удельный вес автомобильных дорог с твердым покрытием в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования	63	31	55	48	45
10.	Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя	45	62	51	33	61
11.	Ввод в действие общей площади жилых домов на 1000 человек населения	11	16	40	20	47
12.	Численность студентов образовательных учреждений высшего профессионального образования на 10 тыс. чел. населения	9	44	17	18	51

*Таблица составлена по: [Регионы России, 2011, с.34–35].

Из сказанного можно сделать следующие выводы, относящиеся к проблемным сторонам татарстанской экономики:

1. Добыча сырьевых ресурсов стягивает «на себя» инвестиционные ресурсы с минимизацией использования интеллектуального потенциала республики и дальнейшим перераспределением налоговых поступлений в федеральный бюджет, которые, закономерно могут рассматриваться как «природная рента».

2. Соответствующая модель обладает достаточной устойчивостью, ограничивая возможности расширения спектра обрабатывающей промышленности, отдельных инфраструктурных сфер и доходов населения, распределенного по иным альтернативным сферам жизнедеятельности.

Определенные шаги в решении этих проблем республика предпринимает: строятся дополнительные мощности переработки нефти в районе Нижнекамска, разрабатываются планы развития и модернизации производства автомобилей и т.д. Однако

общая концентрация российского капитала в сырьевых отраслях, воздействие этого капитала на деятельность органов федеральной власти и отсутствие четких федеральных планов развития технологического производства с четкой территориальной схемой размещения производительных сил, вхождение крупного российского капитала в структуру экономики ранее относительной самостоятельных «локомотивных» регионов, функционированием фискальной системы межбюджетных отношений и т.д. – создают серьезные препятствия на пути кардинального изменения ситуации. Тем не менее, республика в состоянии ограничивать действие подобных факторов, используя опыт политического диалога с федеральными органами власти, концентрируя внимание на прорывных моделях и схемах социально-экономического развития, критически подходя к своим, ранее принятым стратегическим оценкам и решениям, сопрягаясь с рекомендациями научной и бизнес-общественности.

§ 3. Кооперационное позиционирование Татарстана – глобальный вектор исторического и будущего лидерства

Ближайший вектор устойчивого инновационного пути развития экономики Республики Татарстан связан с наращиванием выпуска высокотехнологичной продукции, реализуемой на внутрисреднеазиатском рынке, странах СНГ, Таможенного союза. Емкий внутренний рынок и рынки сопредельных государств стратегически необходимы России в целях экономической безопасности и антикризисной политики. Кроме того они являются промежуточным этапом для накопления конкурентных преимуществ и закрепления на технологичных рынках развитых стран. Одновременно Татарстан способен традиционно выполнять роль как моста между Европой и Азией, так и внутреннего межрегионального кооперационного ядра, закрепляя свое технологическое лидерство и используя исторические транспортные преимущества, подкрепленные новыми перспективными схемами транзитного транспортно-логистического обслуживания. Использование модернизированной в новых условиях схемы коопе-

рационного торгового позиционирования Татарстана, рельефно действовавшей в XIX в. с внесением в нее элемента преобладающей промышленной кооперации, – это исходный тезис, определяющий будущую конкурентоспособность региона. Генезис и проблемные позиции соответствующей установки определяются следующими аналитическими срезами.

Как видно из таблицы 3.27 в структуре экспорта-импорта со странами дальнего зарубежья Татарстан позиционируется как чисто сырьевой регион. Здесь доля сырья в экспорте превышает 80%, доля же продукции химического и нефтехимического комплекса, машиностроения и приборостроения составляет менее 20%. В структуре же импорта имеет место обратная пропорция: доля продукции машиностроения и приборостроения, продукции химического и нефтехимического комплекса приближается к 89%.

Иная ситуация складывается по отношению к странам СНГ. Здесь профиль Татар-

Таблица 3.27

**Удельный вес отдельных видов продукции
в структуре экспорта и импорта предприятий и организаций
Республики Татарстан в 2010 г.***

Позиция продукции	Экспорт		Импорт	
	Страны дальнего зарубежья	Страны СНГ	Страны дальнего зарубежья	Страны СНГ
минеральные продукты	83,0	47,1	1,0	5,9
продукция химического и нефтехимического комплекса	11,0	28,5	15,2	5,6
машины, оборудование, приборы и транспортные средства, их части	5,6	20,2	73,9	59,0

*Таблица составлена по данным: [Республика Татарстан, 2010, с.487].

стана складывается как высокотехнологичного региона. Так, продукции химического и нефтехимического комплекса, машиностроения и приборостроения составляют около 50%, даже несколько превышая долю минеральных продуктов. В структуре же импорта происходит существенное сокращение доли продукции машиностроения и приборостроения, продукции химического и нефтехимического комплекса – до 65%. Очевидно, что эта структура более сбалансирована, в ней видны равенство уровней развития и перспектива развития полноценных равноправных партнерских отношений, где каждая страна может накапливать положительный запас не только сырьевой, но и высокотехнологичной промышленной конкурентоспособной кооперации.

Однако, как видно из таблицы 3.28, соотношение объемов экспорта и импорта продукции предприятий и организаций республики складывается с громадным преимуществом в пользу стран дальнего зарубежья. Общий объем экспорта и импорта этих стран превышает аналогичный показатель стран СНГ примерно в 8 раз. Соответственно, выравнивание данной диспропорции должно составить перспективную позицию стратегии развития республиканской экономики и внешнеэкономической деятельности. Динамика развития сопредельных государств «мягкого подбрюшья» России будет еще больше актуализировать эту задачу.

Межрегиональный товарооборот определяет еще более выгодные позиции респуб-

Таблица 3.28

Структура общих объемов экспорта и импорта продукции предприятий и организаций Республики Татарстан по группам стран в 2010 г.*

Страны	Экспорт		Импорт		Всего (экспорт и импорт)	
	Объем (млн. долл.)	%	Объем (млн. долл.)	%	Объем (млн. долл.)	%
Страны дальнего зарубежья	14596,3	89,8	2148,8	83,3	16745,1	88,9
Страны СНГ	1661,6	10,2	428,5	16,7	2090,1	11,1
Итого	16257,9	100,0	2577,3	100,0	18835,2	100,0

*Таблица составлена по данным: [Республика Татарстан, 2010, с.487–489].

лики. Так, в структуре вывоза из Республики Татарстан в 2011 г. отдельные позиции продукции были представлены в следующем виде:

- Грузовые автомобили – 25,5%;
- Синтетические смолы и пластмассы – 18,5%;
- Шины – 8,2%;
- Нефть – 7,5%;
- Топливо дизельное – 3,6%;
- Трубы стальные – 1,4%;
- Мазут топочный – 1,3%;
- Синтетический каучук – 0,9%;
- Прочие – 5,2%.

В этой структуре доля сырья и продуктов первичной его переработки составляет менее 10%. Одновременно доля технологичной продукции существенно превышает 50%. В структуре же ввоза в Республику Татарстана в 2012 г. из других регионов РФ самую существенную долю составили потребительские товары – 42%, что свидетельствует лишь о заниженном объеме производства конечной продукции в республике.

В первую десятку регионов, ведущих активную торгово-экономическую деятельность с Татарстаном, входят город Москва, Московская и Самарская области, Республика Башкортостан, Челябинская, Нижегородская и Свердловская области, город Санкт-Петербург, Чувашская республика, Волгоградская область, на долю которых приходится более 55% межрегионального оборота РТ. Однако за исключением отдельных средних показателей по развитию регионов, например Чувашской республики, сам Татарстан, в большинстве случаев, не является ведущим партнером. Это касается особенно крупных «локомотивных» регионов. При этом межрегиональный товарооборот республики за 2010 г. составил 328,5 млрд. руб., что дает основание для представления следующей совокупной структуры общего товарооборота, выходящего за пределы Татарстана: страны дальнего зарубежья – 56,2%, страны СНГ – 7%, регионы РФ – 36,8%. Т.е., сумма межрегионального товарного оборота и товарного оборота со странами СНГ существенно меньше, чем со странами дальнего зарубежья. Это говорит о неиспользовании

в полном объеме преимуществ отраслевой структуры Республики Татарстан в межрегиональном обороте и обороте со странами СНГ. Причем и спектр стран дальнего зарубежья, с которыми складывается активный товарооборот, является достаточно узким. Среди них явно преобладают страны Европы и ограниченное число азиатских стран, с традиционно заметным местом Турции. По состоянию на 2010 г. структура стран, занимающих во внешнеэкономическом обороте Татарстана один и более процентов, была следующей: Польша – 16,3%; Германия – 9,7%; Нидерланды – 9,2%; Италия – 8,4%; Турция – 8,0%; Венгрия 6,3%; Белоруссия – 4,9%; Латвия – 2,9%; Франция – 2,6%; Хорватия – 2,6%; Казахстан – 2,5%; Китай – 2%; Бельгия – 1,9%; Украина – 1,9%; Великобритания – 1,8; Болгария – 1,5%; США – 1,4%; Финляндия – 1,3%; Швеция – 1,2%; Босния и Герцеговина – 1,1%; Канада – 1,1%; Египет – 1%. Т.е., это не дает возможности для выстраивания положительных ассоциаций в отношении выполняемой на сегодняшний день функции Татарстана «моста между Европой и Азией». Однако объективный ход развития экономики на азиатских рынках и возрастание доли высокотехнологичного производства в самом Татарстане будет двигать именно к такой сбалансированной структуре товарооборота. В существенной степени этот процесс будут ускорять проекты формирования крупнейших международных транспортных коридоров, проходящих через территорию республики. Речь, прежде всего, идет о уже действующем МТК «Запад-Восток» (Транссиб), формируемом коридоре «Север-Юг» и самом новом, не вышедшем за рамки строительства, международном автотранспортном коридоре «Европа-Западный Китай».

В частности, международный транспортный коридор «Север-Юг» свяжет Центральную Европу и Скандинавию с Южной Азией и Ближним Востоком. Соглашение о его создании было принято 12 сентября 2000 г. на II Международной евроазиатской конференции по транспорту, проходившей в Санкт-Петербурге, министрами транспорта и путей сообщения России, транспорта Индии, дорог и перевозок Ирана.

Идея создания транспортного коридора «Север–Юг» появилась в начале 1990-х гг. Для России проект имеет стратегическое значение. Коридор «Север–Юг» призван вернуть направление внешнеторговых грузопотоков по побережью Каспийского моря, Ирана, значительно увеличить объемы товаропотоков с Казахстаном, странами Средней Азии и Китаем. До 15% этих грузоперевозок между Западной Европой и Восточной Азией может следовать через Россию. Российский бюджет будет ежегодно получать оплату транзита. При этом сами перевозчики, как записано в соглашении, будут освобождены от уплаты налогов.

После 48-й сессии Экономической и социальной комиссии для Азии и Тихого океана ООН был утвержден комплексный проект по развитию инфраструктуры наземного транспорта в Азии. Российская Федерация приступила к разработке национального плана, предусматривающего реализацию целей, которые ставят перед собой участники проекта. В нем также уделяется значительное внимание развитию и совершенствованию маршрутов по направлению «Запад–Восток» с использованием сетей автомобильных дорог, связывающих Россию с Казахстаном, Монголией, Китаем, Корейским полуостровом. Проводимые в настоящее время исследования позволят определить оптимальные и взаимовыгодные для транзитных перевозок маршруты международных автомобильных дорог. В целом, развертывание системы транспортных коридоров в восточном и юго-восточном направлениях имеет определенные свои преимущества, в сравнении с южным направлением, когда учитывается интенсивно развивающаяся экономика Китая и усложнение геополитической ситуации на юге Азии.

Одним из направлений исследования возможностей развития международных транспортных магистралей в направлении Северная Европа – Центральная и Восточная Азия является маршрут «Санкт-Петербург–граница Республики Казахстан» в составе нового автодорожного коридора «Европа–Западный Китай».

Особая роль Республики Татарстан в системе международных транспортных ко-

ридоров определена рядом обстоятельств. Татарстан относится к числу наиболее развитых в экономическом отношении регионов России. При этом республика имеет исключительно выгодное экономико-географическое положение, располагаясь практически в центре экономически развитого Приволжского федерального округа, между промышленными регионами Центра и Урала. Регион имеет благоприятное положение и по отношению к важным сырьевым базам Урала и Сибири, сельскохозяйственным районам Поволжья.

Татарстан отличается выгодностью транспортно-географического положения, находясь на пересечении авиалиний, железнодорожных, автомобильных и речных стратегических магистралей общероссийского значения. Пользуясь этим расположением Татарстан реализует проект формирования Свияжского мультимодального логистического центра – одного из самых крупных и уникальных в России. Это является основой для ренессанса роли Казани как «Восточных ворот» России. Это определяет особую миссию Татарстана среди других российских регионов. Именно в этом контексте следует понимать слова Президента России, сказанные им на торжественном собрании, посвященном 1000-летию Казани, 26 августа 2005 г.: «... строя прочные и долговременные отношения с Казанским ханством, русские правители начали вполне осознанно формировать Россию как интегрированную евразийскую державу. Подчеркну: здесь, в Поволжье, больше чем где-либо видна роль России как моста, связующего две великие цивилизации – европейскую и азиатскую» [Путин, 2005].

Автомобильный транспорт при этом играет в современных условиях особую роль. Предприятия практически всех отраслей Республики Татарстан при транспортировке грузов отдают предпочтение данному виду. Так, в промышленности РТ по комплексному параметру «скорость транспортировки/стоимость перевозки» автомобильный транспорт в среднем в 3,7 раза предпочтительнее железнодорожного. Абсолютное предпочтение автомобильному транспорту уделяют такие отрасли про-

мышленности республики, как легкая, пищевая, молочная, а также все отрасли агропромышленного комплекса. В среднем по Республике Татарстан доля затрат на автотransпорт составляла в последние годы около 6% себестоимости продукции отраслей материального производства, в то время как железнодорожного и внутреннего водного видов транспорта была на порядок меньше и не выходила за пределы одного процента. Это наглядно свидетельствует о высокой востребованности автомобильного транспорта. Исходя из этого можно утверждать, что Республика Татарстан располагает возможностью обеспечивать эффективность управления и организации работы крупных участков международных автодорожных коридоров. Правительство Казахстана положительно относится к участию РТ в формировании автомагистрали «Европа–Россия–Казахстан–Китай». После встречи с Премьер-министром Республики Татарстан Р.Миннихановым (нынешним Президентом Республики Татарстан) Глава правительства Казахстана Д.Ахметов сообщил, что выявлена уникальная возможность строительства самой короткой дороги, маршрут которой включает наряду с Санкт-Петербургом, Оренбургом, городами Казахстана, также и Казань.

Поддержку участия РТ в маршруте магистрали выразили в то время в своих письмах Президенту Республики Татарстан Президент Республики Казахстан Н.Назарбаев,

губернаторы регионов, территория которых входит или тяготеет к зоне действия данного коридора, в т.ч. Вологодской, Ленинградской, Костромской, Кировской, Оренбургской областей и Санкт-Петербурга.

Учитывая экономический потенциал республики, она может взять на себя ведущую роль в формировании центральной компании по созданию и эксплуатации российского участка рассматриваемого автодорожного коридора. Соответствующие паи в уставной фонд этой компании могут быть внесены акциями ОАО «КАМАЗ» и рядом других республиканских компаний, включая ОАО «Татнефть». В функции компании может быть включена перевозка грузов в пределах автодорожного коридора, их техническое обслуживание и заправка. Автомобили татарстанского предприятия пригодны для перевозки грузов на всем протяжении российского участка, а также на значительной территории казахстанского и китайского участков, учитывая качество дорог и характер перевозимых грузов на территориях данных государств. В случае применения при этом технологии прямой перегрузки контейнерных грузов на граничных пунктах контроля (прежде всего западных) с зарубежных автомобилей на российские, сократится время на таможенный осмотр самих автомобилей, что существенно снизит потери времени при осуществлении контрольно-пропускных операций и повысит эффективность всего цикла перевозки.

§ 4. Межбюджетные отношения как стратегический стимул развития экономики Республики Татарстан

Межбюджетные отношения как теоретически, так и практически, несомненно, являются главным механизмом финансовых взаимосвязей, обеспечивающих существование бюджетной системы страны, способным не только сохранить, но также и разрушить целостность и единство федерального государства в результате ослабления регионов, а затем и самого федерального центра. В этом смысле эти отношения являются не только экономической, но и политической составляющей всей общественной жизни России.

Нынешний уровень развития межбюджетных отношений отличают достаточно

явная их эклектичность, сложность и субъективность, которые снижают эффективность всей системы властных отношений между Центром и регионами, между регионом и территориями местных самоуправлений, определяют в значительной степени отсутствие сильной и результативной государственной региональной политики. Если десять лет назад данные недостатки и проблемы можно было объяснить непродолжительностью развития российских федеративных отношений, то сейчас об этом можно говорить лишь с позиций характеристики длительного невнимания к самой

проблеме российского федерализма со стороны властных структур, приводящего также к ослаблению и соответствующей научной и общественно-политической потенции. Большая часть научных изысканий в этом случае ограничивается некоторой модернизацией действующей практической конструкции, а не изменением ее системообразующей основы.

Развитые и эффективные межбюджетные отношения являются одним из важнейших критериев зрелости федеративного государства. Причем, как показывает мировая практика, эти отношения постоянно эволюционируют, приобретая в отдельных странах свою специфику. Но было бы крайне необъективным не видеть и общие черты, свойственные им.

Формирование российской модели межбюджетного федерализма сопряжено с выделением ряда принципиальных специфических условий. В силу этого данный процесс изначально не может сводиться к механическому заимствованию швейцарского, германского, американского и т.д. вариантов. Тем не менее важно выделение и ряда общих черт, сближающих российскую модель с соответствующими аналогами. Здесь нужно учитывать, что налоговые системы развитых стран сильно дифференцированы. Дифференциация связана, главным образом, с преобладанием признаков федерализма либо унитаризма (США и Франция), либо с характером изначально процесса формирования федеративного государства – «снизу вверх» (США), либо «сверху вниз» (Германия). Как унитаризм, так и процесс формирования федеративного государства «сверху вниз» определяют снижение самостоятельности региональных и местных бюджетов, усиление перераспределительных межбюджетных процессов.

При формировании основ модели межбюджетного федерализма не в меньшей, чем условия и принципы, а в большей степени важно выделение соответствующей цели или группы целей, которые определяют изначальную направленность всего процесса. К ним относят:

– выравнивание территориального развития;

– решение задач общегосударственного характера и удовлетворение общенационального интереса (в части развития производственной и транспортной инфраструктуры, обороноспособности, обеспечения минимально-необходимых уровней развития сфер образования, здравоохранения и т.д.);

– создание стимулов для развития инициативы отдельных территорий.

В России этот список целей расширяется или может быть расширен за счет:

– установок на социально-культурное развитие отдельных наций и народов (чего изначально не было при формировании, скажем, германской и американской моделей межбюджетного устройства);

– создания дополнительного центростремительного экономического тяготения, без которого огромное территориальное российское пространство под действием рыночных процессов обрекается на распад.

Если первая дополнительная российская цель определяет усиление процессов бюджетной децентрализации, то вторая ориентирует на противоположное их протекание.

Противоречие между «сжатием» объемов налоговых поступлений в региональные бюджеты и сравнительно небольшим объемом «вторичного» перераспределения средств в пользу регионов, характерное для конца 90-х гг. XX в., остается в силе и в начале наступившего века. Если в 2001–2002 гг. соотношение налоговых поступлений, распределяемых между федеральной казной и бюджетом регионов, составляло примерно 50/50, то к 2006 г. на территориях регионов оставалось немногим более 30 % от собранных налогов. В результате, в 2006 г. доля собственных средств в региональных бюджетах снизилась до 13 % [Бюджетный круговорот, 2007] (поступления от региональных и местных налогов уже в 2005 г. составили только 13,2%). Даже по отношению к сильным регионам ситуация кардинально не меняется. Так, пропорция распределения собираемых на территории Татарстана налогов между федеральным и республиканским бюджетами на конец 2011 г. выглядела следующим образом: 68% налогов уходят в бюджет Российской Федерации, а в консолидированном бюджете республики оста-

ется 32%. И в обратном порядке: даже в благополучном 2007 г. на межбюджетные трансферты приходилось более трети расходов федерального бюджета. Та же самая принципиальная схема – при формировании муниципальных бюджетов.

Чрезмерное «сжатие» бюджетных возможностей регионов РФ имеет место не только в количественном, но и в качественном отношении. Это выражается в том, что подавляющая часть налоговых доходов региональных и местных бюджетов формируются за счет отчислений от федеральных налогов. Важно отметить и то, что в структуре налогов, пополняющих региональные бюджеты, в большей степени представлены так называемые «труднособираемые» налоги. Это резко отличает Россию от большинства других федеративных государств.

Постепенное сжатие формальных бюджетных возможностей регионов и уход федерального Центра от прямой ответственности за состояние социально-экономических процессов на их территории породило ситуацию, когда в регионах достаточно интенсивно стали развиваться внебюджетные формы финансового обеспечения реализации обязательств и полномочий региональных властей.

Это делает их «зависимыми» от интересов региональных финансовых и промышленных групп, снижает возможности объективной оценки уровня социально-экономического развития региона и развития рыночных основ управления. С другой стороны в условиях дефицита формальных возможностей финансирования социально-экономического развития у региональных администраций появляется возможность перекладывать ответственность за состояние финансов региона на федеральный Центр. Интенсивно развивается «федеральный бюджетный лоббизм», выходящий на позиции первоочередной оценки качества региональных чиновников. Нельзя не признать, что все это формирует факторы развития как глобального иждивенчества, так и глобальной коррупции. Одним из следствий такого положения дел с территориальными бюджетами стали существенные межтерриториальные различия

в объемах бюджетного финансирования по основным социально значимым категориям расходов и в обеспечении населения соответствующими базовыми бюджетными услугами. Разница в уровнях дифференциации по всем категориям расходов изменяется в сторону снижения, но крайне медленно, несмотря на все формальные «усилия» выравнивания региональных уровней за счет мощных трансфертных перераспределений. В 2010 г. эта разница составляла примерно 13 раз (Чукотский автономный округ – 333,8 тыс. руб., Брянская область – 26,4 тыс. руб.) [рассчитано по данным: Регионы России, 2011, с.54, 55, 838, 839]. Даже если пересчитать этот показатель по индексу бюджетных расходов (ИБР), учитывающему уровень цен и реальную покупательную способность, то она составит, как минимум, 3–4 раза. Часто говорят, что это – судьба России, так как она лежит в разных климатических поясах. Но тогда следует посмотреть и с другой стороны: трансферт должен иметь стимулирующий фактор, направленный на выравнивание самих уровней территориального развития регионов за счет их экономического развития, определяемых как объем ВРП на душу населения. Однако, если в 1998 г. разница в этих уровнях составляла 9,44 раз, то в 2008 г. – 12, 24 раз (а с учетом Чеченской республики – 15 раз) [Федеральная служба, 2008]. В конечном итоге, регионы, крайне суженные в своих возможностях, не могут формировать полноценные региональные бюджеты в целом. Эта логика применима в полной мере и к Татарстану.

Однако, сказать, что формально ничего не делается, было бы нельзя. В потенциальной динамике есть:

1. В 2001 г. в рамках Программы развития бюджетного федерализма в РФ на период до 2005 г. была утверждена концепция реформы межбюджетных отношений. В рамках нее сделана попытка поставить их доходы в прямую зависимость от успешности развития «налогооблагаемой базы» территории (местной экономики): успешности привлечения инвесторов, стимулирования предпринимательской активности и роста малого бизнеса. Здесь нужно вы-

делить вводимый принцип разграничения полномочий между разными уровнями власти. За регионами и муниципалитетами закреплялся ограниченный круг обязательств (мандатов), исключены обязательства, не подкрепленные источниками финансирования.

2. В 2005 г. был принят Закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с совершенствованием разграничения полномочий». Соответственно ему было продекларировано создание «института добровольных полномочий», которые регионы могут вводить в одностороннем порядке, даже при отсутствии источников финансирования.

3. В 2006 году утверждена Концепция повышения эффективности межбюджетных отношений и качества управления государственными и муниципальными финансами в РФ. А в 2007 году утверждена методика оценки «эффективности работы региональных властей», расходования региональных бюджетов, которая включила 43 параметра, по которым должна оцениваться работа губернаторов за истекший год и их планы на три будущих года.

Однако сам принцип разработки базы налогов – их структуры и объема, инициативности в этом регионов – данные положения существенно не затрагивали. Налицо была попытка подмены отчета за предвыборную платформу региональных губернаторов перед населением региона, на соответствующую их оценку федеральным правительством в условиях ужесточения вертикали власти.

По многим позициям ответственность за оказываемые бюджетные услуги была попросту потеряна или сознательно заменена на ситуацию создания больших центров ответственности (что, в принципе, – одно и то же). Причем речь идет о важнейших услугах. Возьмем, например, школьное образование. Школа, формально муниципальное учреждение, по отдельным статьям одновременно финансируется из трех бюджетов. Так, классное руководство обеспечивается за счет федерального бюджета, заработная плата – регионального бюджет, затраты на ремонт школьных зданий и их

техническое поддержание – муниципального бюджета. Как говорится, у семи нянек дитя без глаза...

На этапе входа в предвыборный процесс в 2011 г. федеральными органами власти был внесен пакет законопроектов по серьезному изменению распределения властных полномочий и бюджетных ресурсов в пользу регионов и муниципалитетов. Дополнительные доходы регионов в этом случае, как предполагается, составят до триллиона рублей. Практическая реализация может начаться в 2013 г. и растянуться на три–пять лет. Структура предложений примерно такова:

1. целый ряд налогов будет платиться не в федеральный Центр, а напрямую регионам, налоговая нагрузка при этом в разных регионах будет различна;

2. за регионами и муниципалитетами закрепляется ограниченный круг обязательств (мандатов), исключены обязательства, не подкрепленные источниками финансирования;

3. на региональный уровень передается дополнительно налог на прибыль организаций в размере 2% и водный налог, что позволит увеличить доходы региональных бюджетов;

4. предполагается разработать механизм поощрительных дотаций регионов, «которые достигли наилучших результатов в сфере развития предпринимательства и привлечения инвестиций»;

5. частично отменяются льготы по региональным и местным налогам, которые установлены федеральным законодательством;

6. вероятно передача регионам акцизов на спирт этиловый, табачную продукцию, спиртосодержащую продукцию, автомобильный бензин, дизтопливо и т.д.

Конечно, передача отдельных налогов в порядке их расщепления, отмена некоторых льгот усиливают стимулы для регионов. Это укладывается в понятие «улучшение», а не «коренное изменение» идеологии межбюджетных отношений, о чем говорилось выше. Поэтому считаем возможным предложить иной подход к решению проблемы.

§ 5. Модель организации межбюджетных отношений

1. Межбюджетные отношения базируются на распределении прав и полномочий федерального центра, регионов и муниципалитетов. Минимальный объем полномочий, который возлагается на каждый уровень, является обязательным. Дополнительный объем полномочий оговаривается специальным договором между вышестоящим и нижестоящим уровнем власти. В счет этого уменьшается объем налогов (пошлин), поступающих в вышестоящий бюджет. Невозможность выполнения обязательного объема полномочий рассматривается как временная ситуация, подлежащая устранению в течение нормативного срока. Необходимо исходить из условий необходимости и возможности обеспечения рентабельности хозяйства на всей территории страны. Потенциал эффективности региональной экономики должен быть определен на основе территориального зонирования и определения исходных нормативов оценки эффективности потенциальных ресурсных групп.

2. Федеральный бюджет пополняется на общие нужды государства за счет единой федеральной пошлины на валовой региональный продукт либо объем произведенных и реализованных товаров и услуг. Это создает гарантию пополнения федерального бюджета и ограничивает возможности чрезмерного влияния на стоимостные пропорции, что является прерогативой рыночного регулирования. В отдельных случаях, при осуществлении дополнительного стимулирования отдельных секторов экономики, вместо общей федеральной пошлины могут вводиться отраслевые налоги на выпускаемые товары и оказываемые услуги. В любом случае введение пониженной отраслевой налоговой ставки будет определять минимизацию межбюджетных трансфертов.

3. Регионы, имеющие размер валового регионального продукта на душу населения выше среднего на фиксируемый процент, платят дополнительную пошлину, не подрывающую их интерес к дальнейшему наращиванию регионального продукта.

4. Отдельно устанавливается размер федеральной пошлины с доли ВРП или товаров и услуг, имеющих характер ренты. Ее

размер выше, чем размер стандартной пошлины, определенной в п.2.

5. За счет федеральных пошлин удовлетворяются общегосударственные функции, финансируются общегосударственные проекты развития, осуществляется трансфертная временная помощь регионам.

6. Временную трансфертную помощь получают регионы, у которых фиксируется уровень ВРП на душу ниже среднего свыше определенного процента, который определяется как сверхнормативное отклонение. Регион получает этот трансферт на ограниченный период времени с обязательством в течение нормативного срока выхода на нормативный уровень.

7. Межрегиональные инфраструктурные проекты должны финансироваться за счет нормативного распределения общей суммы между федеральным, региональным бюджетом и частными инвестициями. Внутрирегиональные проекты должны удовлетворяться за счет средств регионального бюджета, фондов коллективного инвестирования, частных инвестиций. При этом активно должны использоваться средства региональных облигационных займов и инструменты региональных гарантий.

8. Особое место в системе бюджетов каждого уровня должны занять резервные фонды. Средства резервов должны использоваться как на покрытие непредвиденных расходов, так и на обеспечение гарантий, формирование системы межбюджетного кредитования. В этом случае важным направлением должно стать горизонтальное бюджетное взаимодействие между субъектами федерации, муниципальными районами, как альтернатива системе вертикального трансферта, имеющая в основе региональную инициативу кооперационного взаимодействия.

9. Общефедеральные проекты, имеющие альтернативу реализации на территориях разных регионов, должны реализовываться только на тендерной основе на условиях формализуемых критериев, определяемых государственным экспертным советом, с обязательным доведением алгоритма итоговой оценки до общественности через средства массовой информации.

10. Регионы сами определяют структуру внутренних налогов, являющейся одной из основ выборной платформы региональных органов управления. Ограниченный перечень налогов, имеющих социально-политический характер и определяющих общую социально-политическую стабильность в обществе, может быть обязательным (например, прогрессивная шкала налогообложения доходов и имущества населения).

11. Аналогичная схема действует в отношениях между региональными и муниципальными бюджетами. Но при этом должно быть соблюдено условие отсутствия дублирования региональных и муниципальных налогов.

12. Общий объем распределяемых налогов и пошлин должен быть однозначно с приоритетом в пользу нижестоящего бюджетного уровня, что определяется на этапе разработки соответствующих нормативов.

11. Должны быть разработаны предельные сроки выхода региона на необходимый уровень валового регионального продукта на душу населения, уровень прибыльности (соотношения разницы суммарных размеров региональных доходов и убытков к валовому региональному продукту), за счет чего обеспечивается внебюджетное финансирование региональных социальных стандартов, часть из которых имеет федеральную основу (минимальные социальные стандарты), а другая часть определяется обязательной выборной платформой руководства региона. Если при превышении данного срока соответствующие величины не достигнуты, то можно говорить о необходимости проведения ряда реорганизационных мероприятий (так же, как и при превышении критического объема просроченных региональных займов). Первое из них сводится к выборной замене состава высшего руководства регионом и, в случае отсутствия соответствующего эффекта от этой меры (в течение фиксируемого срока):

- подчинение региона прямому федеральному управлению;
- включение данного региона в состав соседнего стабильно развивающегося региона;
- вхождение региона в юрисдикцию управления со стороны региона-кредитора.

Возможно расширение списка этих реорганизационных мероприятий. Но, в любом

случае, они должны включать бизнес-основу регионального проектирования. Аналогичная схема может быть применена и к уровню муниципального управления.

Однако формируя структуру российского межбюджетного устройства, поднимающей статус региональной финансовой автономии, нужно иметь в виду, что, если федеральное правительство по политическим или иным причинам не в состоянии выдержать жесткие бюджетные ограничения, децентрализация властных полномочий не только не приведет к росту экономической эффективности, но и может подорвать макроэкономическую стабильность.

Необходимо формирование в каждом регионе целевых программ развития территорий и фондов территориального развития («бюджетов развития») с повышенной долей инвестиций. То есть, приоритет задачи механического выравнивания социально-экономического уровня развития регионов за счет централизованного перераспределения бюджетных средств должен быть изменен в пользу приоритета выравнивания на основе ускоренного развития территорий, где вышестоящий бюджет обеспечивает реализацию программ межрегионального инфраструктурного развития и необходимый режим гарантий региональных проектов производственного развития. В условиях современной России, когда корпоративный финансовый и банковский рынок не в состоянии, в силу многих причин, резко усилить свое участие в этом направлении, такой подход представляется крайне необходимым.

Данная модель способна придать мощнейший импульс деятельности «локомотивных» регионов, транслирующих свою потенцию развития на систему кооперационно связанных с ними периферийных регионов. В этом ракурсе резко будет усилена конфигурация лидирующих позиций Республики Татарстан, сопряженная с ответственностью за состояние интегрированной системы экономики Поволжья и России в целом. Это соответствует полноценному ответу в части создания эффективных альтернатив выстраивания федеративных отношений, положительно воспринимаемых как отечественным, так и зарубежным политическим и бизнес-сообществами, общественными организациями и населением.

ГЛАВА 8

Государственное строительство в Республике Татарстан в начале XXI века

§ 1. Новый договор отвечает современным реалиям

Индус Тагиров

26 июня 2007 г. Президентом Российской Федерации В.В.Путиным и Президентом Республики Татарстан М.Ш. Шаймиевым был подписан обновленный вариант Договора между федеральным центром и Республикой Татарстан. Этот акт явился продолжением заложенных в основание российской государственности договорных начал.

В России, в силу сложившихся исторических условий, всегда соседствовали унитаризм и федерализм. К 862 г. древнерусское государство состояло из более, чем десяти княжеств, большинство из которых находилось «в основательно поставленных» договорных отношениях.

Тюркско-татарские государства, начиная с Тюркского каганата, также функционировали на федеративных началах. Все это было унаследовано Московским государством. Оно складывалось из непростых взаимоотношений русских княжеств, над которыми неуклонно возвышалось Московское княжество. Одни княжества оказались в составе Московского государства, в силу сложившихся договорных отношений, другие были включены в него в результате военных столкновений. Решающую роль в возвышении Москвы сыграла Золотая Орда, ханы которой покровительствовали московским князьям. Татарский фактор постоянно присутствовал и в последующие периоды развития Русского государства.

По мере превращения России в Империю, начало которой относится ко времени присоединения татарских государств и добровольного вхождения Башкирии в ее

состав, элементы договорных отношений усиливались.

Возникшее после Октябрьской революции 1917 г. советское государство также развивалось на основе договорно-федеративных отношений. В Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятой III Всероссийским съездом Советов в январе 1918 г., провозглашалось: «Советская Социалистическая Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация советских национальных республик» [Декреты Советской власти, 1917, с.341]. В постановлении этого съезда об основных положениях Конституции РСФСР говорилось, что разграничение сферы деятельности федерации и республик определяется Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом и центральными исполнительными комитетами республик.

Созданный в 1922 г. СССР также базировался на Союзном договоре. Однако принципы свободного волеизъявления, провозглашенные в первых документах Советской власти, оставались лишь на бумаге. В.И.Ленин пошел на признание федерации вынужденно, поняв, что ее альтернативой является распад страны. Он гениально совместил в теории абсолютно несовместимые друг с другом на практике принципы федерализма и централизма и унитаризма. Формально провозгласив федерацию, большевики, вопреки своим центристским убеждениям, продлили жизнь Империи еще на 80 лет.

Но обмануть историю невозможно, и этой псевдофедерации грозил распад. Соратники Ленина, особенно после его смерти, делали

все для ликвидации национальных республик и превращения их в обычные административные единицы.

В годы перестройки проблема использования договорных отношений в стране впервые была обозначена Татарстаном после принятия Декларации о государственном суверенитете. На переговорах о статусе республики, продолжавшихся в течение трех лет, перед делегацией Российской Федерации систематически ставился вопрос об установлении договорных отношений между Россией и Татарстаном. В результате 15 февраля 1994 г. такой Договор был заключен. За Татарстаном последовали более сорока субъектов Федерации, заключивших с органами государственной власти РФ договоры о разграничении полномочий и предметов ведения. Таким образом, Татарстан смог поставить формально федеративную Россию на подлинно федеративные рельсы.

Договорная практика в Российской Федерации не всем пришлась по нраву. На нее начались яростные атаки, в результате чего все субъекты Федерации, заключившие договора с федеральным Центром, отказались от их продления. Один Татарстан остался верен договорной практике. Руководство республики исходило из того, что она нужна не только Татарстану, но и всей России. Факты свидетельствуют о том, что Республика Татарстан, опираясь на признанные Россией в договоре 1994 г. полномочия, вышла на передовые рубежи социально-экономического развития.

Саммит глав государств СНГ, который состоялся в 2005 г. в Казани в дни празднования 1000-летия столицы республики, показал эффективность социально-экономической политики татарстанского руководства. Он послужил доказательством того, что договор 1994 г. сыграл огромную роль в становлении федеративных отношений в России.

Новый этап борьбы за продолжение договорного развития республики проходил в контексте успехов Татарстана. Задача заключалась в том, чтобы эти успехи, являющиеся эталоном для других регионов страны, были приумножены. Переговоры

по этому вопросу начались в Нижнем Новгороде. Делегацию РФ возглавил заместитель Руководителя Администрации Президента РФ Д.Н.Козак. Делегацию Татарстана возглавил Председатель Государственного Совета Ф.Х.Мухаметшин. Переговоры, продолжавшиеся в течение двух лет, оказались трудными. Приходилось уступать одну за другой закрепленные в предыдущем договоре позиции.

Однако оказалось, что самое трудное – впереди. Снова пришли в движение сторонники унитарного проимперского развития страны. Они пугали общественность тем, что договор разрушает Россию, способствует укреплению центробежных тенденций.

Тем не менее, Президент России В.В.Путин поддержал проект Договора и внес его на рассмотрение Государственной думы. Дума большинством голосов одобрила его. Недовольные таким исходом силы попытались изменить ситуацию. Председатель Совета Федерации С.М.Миронов сделал официальное заявление о том, что он против Договора, который политически опасен, грозит целостности России, хотя ни российский Президент, ни Дума не усмотрели в Договоре какой-либо политической опасности, тем более угрозы целостности России.

Обсуждение в Совете Федерации происходило по заготовленной программе, содержавшейся в заявлении председателя Совета Федерации С.М.Миронова. Заметим, что это заявление противоречило принципу равноправия и самоопределения народов, нашедшему отражение в преамбуле и в 5-й статье Конституции РФ. Оно находится также в противоречии с 11-й статьей, где написано, что разграничение предметов ведения и полномочий между органами власти Российской Федерации и органами власти субъектов Российской Федерации осуществляется настоящей Конституцией, Федеративным и иными договорами о разграничении предметов ведения и полномочий. Как известно, Татарстан не подписал Федеративный Договор, и разграничение предметов ведения и полномочий между органами власти Федерации и Татарстана осуществлено на основе двухстороннего Договора от 15 февраля 1994 года.

Разумеется, у противников документа могли быть замечания, хотя проект Договора уже прошел неоднократную экспертизу и в Аппарате Президента РФ, и в Государственной думе. Но выступавшие при обсуждении проекта Договора члены Совета Федерации построили свои «филиппики» против него, исходя не из позиции главы государства и Думы, а из запланированной цели С.М.Миронова, стремившегося «провалить» новый Договор во что бы то ни стало.

Прежде чем перейти к постатейному разбору, члены Совета Федерации должны были решить, возможны или невозможны договорные отношения в нынешнем Российском государстве. Высказаться против не смог бы ни один юрист, поскольку это противоречило бы конституционной норме. Но принципиальный вопрос странным образом остался «за кадром».

Члены Совета Федерации, тем не менее, перешли к постатейному анализу предложенного проекта, придя к выводу, что он не несет ничего нового, а лишь повторяет положения Конституции РФ. На самом деле, проект Договора конкретизирует эти положения, создавая тем самым механизм их реализации. И федеральная Конституция становится работающим документом. К сожалению, в Совете Федерации на данном этапе достоинства проекта Договора не были замечены.

В процессе обсуждения некоторые сенаторы, в том числе наш земляк Р.З.Алтынбаев, пытались доказать, что у Татарстана нет каких-либо особенностей, открывающих возможность установления договорных отношений с федеральным Центром. Возникает вопрос, если у Татарстана нет таких особенностей, то у кого же они есть? Сам Алтынбаев, работая главой администрации Набережных Челнов и депутатом Верховного Совета Татарстана, немало говорил о них. Так, во время принятия Декларации о государственном суверенитете Татарстана, проведения референдума он достойно отстаивал особый статус республики и всячески поддерживал договорные отношения Татарстана с федеральным Центром.

Если говорить об особенностях, то их можно объединить в две группы – исто-

рические и исходящие из современных реалий.

Главная историческая особенность заключается в той роли, которую сыграли татары в становлении Российского государства. Для этого достаточно взглянуть на соответствующие страницы трудов Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, да и ряда современных авторов, таких как В. Тишков, А. Фурсов, Ю. Пивоваров. Они свидетельствуют о значимости татарского фактора в становлении и развитии Московского государства.

Вторая историческая особенность Татарстана – в его вхождении в состав России. Часть татар, например рязанские, касимовские и нижегородские, как известно, вошла в состав России добровольно. Однако Казанское ханство, как написано в многочисленных трудах отечественных и зарубежных историков, было присоединено к России завоевательным путем. Поэтому Татарстан не празднует, как это делают сегодня другие республики, добровольное вхождение в состав России. Историческое значение Договора от 15 февраля 1994 г. как раз заключается в определенном узаконивании его отношений с федеральным Центром. Новый договор призван привести эти отношения в соответствие с современными реалиями.

Третья особенность – историческая память татарского народа, хранящая тысячелетнюю историю своей государственности. Татары всегда мечтали о равноправии и достойной жизни в России. После 1552 г. взаимоотношения с русским населением у них складывались особым образом. Если на уровне верхов произошло постепенное слияние татарского господствующего слоя с верхами российского общества, то на уровне народных низов в результате многовекового сожительства возникли прочные добрососедские, дружественные отношения, выдержавшие испытание временем. Это капитал, которым ни в коем случае нельзя пренебрегать и тем более ставить под угрозу.

Четвертая историческая особенность заключается в наличии у татар уязвленного национального достоинства, возникшего в результате наслоений несправедливостей по отношению к ним со стороны государства. В школьных учебниках, работах исто-

риков татары представлялись диким, варварским народом, причинившим немало бед России и русским людям, например, миф о 300-летнем татарском иге, ставшем якобы причиной многовековой отсталости России от Запада. Договор призван снять эти наслоения и искоренить остатки «статуса» завоеванного народа. Предыдущий договор, помимо благ, появившихся для продвижения России по пути федеративного демократического развития, работал и на это.

Что касается особенностей современных реалий, то известно, что в Татарстане проживает лишь четверть всех татар Российской Федерации. Остальные рассредоточены главным образом по России и по странам ближнего зарубежья. Татарстан является для них центром развития национальной культуры, единственной основой сохранения татарского языка, традиций и обычаев, в конечном счете, гарантией их этнического выживания.

Например, в Рязанской области осталось немногим более 2–3 тыс. татар, большинство из которых хранит свою национальность лишь в исторической памяти и в некоторых традициях и не знает своего родного языка. Таких регионов в России немало. В них нет ни школ, ни культурных учреждений, нет и государственной заботы об их создании.

Начало перестройки в стране возвратило татарам надежду на возрождение языка, обычаев и традиций. В регионах возникло более 50 национальных организаций, поставивших своей целью национальное возрождение. Более 20 из них, в том числе в Москве, зарегистрированы под названием «Туган тел» («Родной язык»), что является отражением озабоченности татар состоянием своей культуры, языка, а по большому счету – своим будущим.

Все эти организации «потянулись» в Казань, которую они считают своей духовной столицей, в надежде, что столица Татарстана окажет им помощь в возрождении языка, национальных школ и культурных центров. Договор от 15 февраля 1994 г. соответствовал этим настроениям татар. В результате реализации его положений Татарстан стал оказывать им посильную помощь.

Создание и начало деятельности Федеральной национально-культурной автоно-

мии татар России с центром в Казани стало важным стимулом духовного сплочения нашего народа. Однако, как известно, автономия татар, равно как и другие национально-культурные автономии, ничего не получает из федерального бюджета. И только благодаря усилиям Совета автономии и местных национальных организаций удается получать некоторые незначительные суммы на проведение отдельных мероприятий. Иными словами, Федеральная национально-культурная автономия татар функционирует лишь благодаря поддержке Татарстана.

Члены Совета Федерации подвергли критике принцип соучастия Татарстана в реализации политики российского руководства в отношении зарубежных соотечественников. Между тем в странах ближнего и дальнего зарубежья проживает несколько миллионов татар. Республика поддерживает с соотечественниками, проживающими за границей, тесные контакты, осуществляет ряд интересных проектов и тем самым способствует укреплению позиций России в дальнем и ближнем зарубежье.

Обсуждение в Совете Федерации проекта Договора Татарстана с федеральным Центром напоминает в какой-то мере историю с Конституционным судом России, осудившим в свое время референдум в республике по политическим, а не юридическим мотивам. Тогда этот суд предстал политизированным институтом, переставшим отвечать своим задачам, и по этой причине он был распущен.

Татарстан был вынужден продолжить борьбу за Договор. Предстояло доказать сомневающимся о его необходимости не только для Татарстана, но и для России. В первую очередь было необходимо преодолеть вето Совета Федерации. Это можно было сделать повторным голосованием в Государственной думе, однако Президент Татарстана М.Ш. Шаймиев выбрал другой путь. Он был против того, чтобы Совет Федерации оставался в оппозиции к Договору. Как сторонник поиска взаимопонимания, он выступил за то, чтобы провести новое обсуждение в обеих палатах Федерального Собрания. И этот подход оказался плодотворным.

Предварительно в проект в соответствии с замечаниями, сделанными в Совете Фе-

дерации, было внесено несколько несущественных изменений. Проект Договора был сначала одобрен в Государственной Думе, затем обсуждался в Совете Федерации и, наконец, получил его одобрение. Президент Российской Федерации подписал его, и, таким образом, Договор обрел силу закона.

В определенных слоях республиканской общественности возник критический подход к Договору, который якобы малосодержателен и ничего не дает республике.

Разумеется, новый Договор отличается от предыдущего своим содержанием. Однако суть его заключается не в этом. От прошлого Договора новый документ отличается тем, что он полностью прошел путь юридических процедур. Договор 1994 г. был подписан только главами исполнительной власти Российской Федерации и Татарстана и потому не мог иметь полной юридической силы. Он в любое время мог быть опротестован. Новый Договор юридически безупречен, одобрен Государственным Советом Татарстана и обеими палатами Федерального Собрания РФ, подписан президентами Российской Федерации и Республики Татарстан. Президентом Российской Федерации подписан также соответствующий закон. В силу этого по отношению к нему невозможны никакие претензии.

Договор делает Татарстан единственной в России договорной республикой, т.е. республикой с особым статусом. Россия, поскольку в ней сохраняется договорной принцип, продолжает оставаться федеративной страной.

Договор 2007 г. позволяет развивать начала, заложенные в Договоре 1994 года. В преамбуле документа говорится, что он заключен с учетом «опыта применения Договора Российской Федерации и Республики Татарстан «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и Республики Татарстан» от 15 февраля 1994 года, заключенного на основе референдума Республики Татарстан, проведенного 21 марта 1992 года, и в соответствии с Конституцией Российской Федерации и Конституцией Республики Татарстан». Следовательно,

Договор преодолел решение Конституционного суда России, и теперь результаты референдума стали легитимными. Это имеет принципиальное значение.

Внесение в текст Договора культурных и иных особенностей Татарстана, во-первых, дезавуирует утверждение об отсутствии у него каких-либо особенностей, во-вторых, создает стимулы для дальнейшего национально-культурного строительства.

Договор сохраняет за Татарстаном право осуществлять международные и внешнеэкономические связи, которые сегодня достигли значительных масштабов.

Очень важен пункт, узаконивающий статью в Конституции Татарстана, где говорится о праве республики оказывать «государственную поддержку и содействие соотечественникам в сохранении самобытности, развитии национальной культуры и языка». Такого положения не было в предыдущем Договоре. Между тем это одно из важнейших условий развития татарской нации как единой культурно-этнической общности.

Договор признает государственный статус татарского языка, его равноправное с русским языком функционирование в пределах республики. Это делает нелегитимными судебные тяжбы по поводу статуса татарского языка, имевшие место в свое время в республике. Изучение татарского языка лицами нетатарской национальности стимулируется положением о том, что высшее должностное лицо республики, т.е. ее Президент, обязан владеть обоими государственными языками. Ведь Президентом Татарстана может стать любой гражданин республики, независимо от национальности.

Таким образом, новый Договор отвечает современным реалиям. Расшифровка и реализация его положений создает огромные возможности для укрепления экономических и правовых основ Татарстана.

Историческое значение Договора заключается в том, что он, преодолевая определенные проимперские тенденции в современном российском обществе, расчищает путь для демократического развития страны, укрепляет ее договорно-федеративные основы.

§ 2. Законодательство Республики Татарстан в условиях новой политики в федеративных отношениях

Фарид Мухаметшин

Современный этап развития федеративного Российского государства характеризуется укреплением парламентаризма как системы демократического управления обществом. Именно этому институту в Татарстане исторически отведена важнейшая роль по формированию правового каркаса гражданского общества, развития многопартийности, определения стратегии и ориентиров социального и политического развития общества.

Государственный Совет Республики Татарстан в первом десятилетии XXI века продолжил законодательскую деятельность в условиях так называемого «нового федерализма», характерными чертами которого стало приведение законодательства субъектов Федерации в соответствие с Конституцией России и федеральным законодательством, а также – выстраивание «вертикали власти» в отношениях между Центром и регионами.

Политико-властные отношения и процессы, происходившие в последние десятилетия в Российской Федерации, привели к созданию основных институтов, норм и правил принятия политических решений, появлению в стране политической элиты с властными полномочиями. В этих условиях парламент Татарстана приложил немало усилий к тому, чтобы сформировать необходимую нормативно-правовую базу для совершенствования федеративных отношений в целом и повышения эффективности конструктивного взаимодействия республики с федеральным Центром. Однако и на рубеже второго десятилетия нового века в рамках происходящих политико-трансформационных процессов продолжают оставаться не до конца решенными проблемы, связанные с этническими факторами политики, федеративным устройством Российского государства вообще и центр-периферийными отношениями, в частности.

В транзитивной ситуации именно федерализм как принцип государственного обу-

стройства и средство обеспечения стабильности в отношениях между Центром и субъектами Федерации как никогда остро стоит в повестке дня. Речь идет о формировании такого типа федерализма, который предполагает организацию отношений между Центром и регионами и, в частности с Республикой Татарстан, на основе партнерства, разграничения предметов ведения и полномочий. При этом каждый уровень властных отношений должен обладать теми правами, обязанностями и ресурсами, которые будут соответствовать его задачам и функциям. Тогда и на местах процесс социальных реформ будет идти устойчиво и динамично.

Другой важнейшей задачей в контексте реализации федеративных отношений выступает осмысление и формирование адекватного восприятия интересов федерального Центра и субъектов Федерации, поскольку региональная политика не должна и не может ограничиваться лишь вопросами трансфертов или материальной помощи регионам. Прежде всего, она должна охватывать развитие социальной сферы субъектов, организацию воспроизводства ресурсов, создание условий для активной деятельности малого и среднего предпринимательства, стимулировать использование регионами их естественных преимуществ. Решение этих проблем требует разработки государственной доктрины экономического выравнивания регионов; формирования единой системы оценки уровня экономической самодостаточности субъектов Федерации; введения построенной на нормативных принципах методики регулирования межбюджетных отношений; определения функций органов государственного управления различных уровней и механизмов участия регионов в процессе принятия решений на федеральном уровне.

За последние годы руководством Татарстана было много сделано для полноценного участия представителей региональной власти в формировании общегосударствен-

ной политики. Значительная роль здесь отведена Совету законодателей при Совете Федерации, созданному для обеспечения единого правового пространства, координации деятельности и обмена опытом региональных законодателей. Подготовлена и одобрена Концепция совершенствования взаимодействия Совета Федерации и законодательных органов государственной власти субъектов РФ, предусматривающая механизмы учета мнений субъектов при формировании и реализации федеральной законодательной политики, в том числе через внесение консолидированных инициатив.

К сожалению, региональным политикам пока не удалось создать сбалансированную систему взаимодействия Центра и регионов. Только около четырех процентов законодательных инициатив субъектов приняты Государственной думой России, то есть нашли свое воплощение в федеральных законах, что, само по себе, – достаточно красноречивый показатель. Параллельно, с начала 2000-х гг. зримо стала проявляться общая тенденция по ограничению конституционно закрепленных полномочий регионов, что объективно привело к излишней централизации компетенций в очень многих сферах на уровне федерального Центра и является, по сути, явным нарушением принципов федерализма. Эта отрицательная тенденция получили свое развитие в Бюджетном, Водном, Лесном кодексах Российской Федерации. Федеральным законодательством сокращены полномочия субъектов в области недропользования. Налицо абсолютно неэффективная централизация полномочий в экологической сфере.

Многие эксперты отмечают, что если подобная тенденция будет и в дальнейшем получать свое развитие, то реформирование регионального законодательства, в конечном счете, может свести все полномочия органов власти субъектов только к принятию ими собственных бюджетов. Не менее острой остается проблема подбора и расстановки кадров. Речь идет о руководителях федеральных территориальных органов, имеющих по большей части дублирующие с республиканскими организациями функции.

Необходимо законодательно установить обязательное участие руководителей регионов в процедуре назначения руководителей территориальных федеральных структур. А кандидатуры руководителей силовых структур должны обсуждаться региональными парламентами. И так же законодательно установить принцип двойного подчинения руководителей федеральных структур, как это было в недавние времена. Они могут одновременно находиться в подчинении у своих министерств и у высшего должностного лица региона.

9 февраля 2007 г. в современной Российской истории наступил новый этап федеративного развития. После долгого и сложного периода согласований и политических дискуссий, как в органах государственной власти, так и в среде политиков и ученых Президент Российской Федерации внес в Федеральное Собрание проект Договора «О разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан». На своем пленарном заседании 4 июля 2007 г. Государственная дума проголосовала за принятие Федерального закона об утверждении указанного Договора. 11 июля проект Федерального закона был одобрен Советом Федерации и 24 июля 2007 г. – подписан Президентом Российской Федерации.

Как отмечается в преамбуле Договора, органы государственной власти Российской Федерации и органы государственной власти Республики Татарстан, действуя в соответствии с Конституцией Российской Федерации и Конституцией Республики Татарстан, учитывают опыт применения Договора Российской Федерации и Республики Татарстан «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» от 15 февраля 1994 г., заключенного на основе референдума Республики Татарстан, проведенного 21 марта 1992 г., и в соответствии с Конституцией Российской Федерации и Конституцией Республики Татарстан.

Договор как бы материализует и конкретизирует положение Основного закона РФ о том, что в соответствии с Конституцией Российской Федерации и Конституцией Республики Татарстан – Республика Татарстан (государство) – субъект Российской Федерации обладает всей полнотой государственной (законодательной, исполнительной и судебной) власти вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

В развитие положений Договора Правительство Российской Федерации и Кабинет Министров Республики Татарстан могут заключать соглашения, предусматривающие совместное решение вопросов, связанных с экономическими, экологическими (в результате длительного использования нефтяных месторождений с учетом горно-геологических условий добычи углеводородов), культурными и иными особенностями Республики Татарстан, в том числе, через внесение совместных законодательных инициатив в Федеральное Собрание Российской Федерации.

Учитывая накопленный за последние 15 лет опыт, Республика Татарстан в пределах своих полномочий в соответствии с Договором сможет более активно осуществлять международные и внешнеэкономические связи; оказывать государственную поддержку и содействие соотечественникам в сохранении самобытности, развитии национальной культуры и языка.

В равной степени жизненно важным для нас является статья Договора в которой, в частности, говорится о том, что, в соответствии с Конституцией Российской Федерации и Конституцией Республики Татарстан утверждается статус государственных языков и порядок их использования.

Положения Договора, устанавливают дополнительное требование для кандидатур на замещение высшего должностного лица, предусматривающее владение государственными языками Республики Татарстан, а также статья о том, что граждане Российской Федерации, проживающие на территории Республики Татарстан, имеют право полу-

чать основной документ, удостоверяющий личность (общегражданский паспорт Российской Федерации), с вкладышем на татарском – государственном языке Республики Татарстан с изображением государственного герба Республики Татарстан. Эти положения весьма важны для татар–граждан многонациональной Республики, носителей древней культуры и традиций татарского народа.

Сейчас все больше региональных политиков приходят к убеждению, что Россия сильна не только единством, но и непохожестью отдельных ее частей. Именно в этом состоит ее сила. Поэтому правила взаимодействия между федеральным Центром и субъектами Федерации должны быть сформированы таким образом, чтобы их реализация была политически, экономически и социально выгодна и целесообразна для всех участников взаимодействия.

Развитие договорной практики между федеральными и региональными органами власти выступает важнейшим конституционным инструментом укрепления федеративных отношений, формирования сбалансированной системы взаимных прав и ответственности сторон, создания эффективных механизмов взаимодействия органов государственной власти различного уровня. Поэтому при всех юридических коллизиях сложившейся системы отношений вполне очевидно, что заключенные ранее договоры работали и укрепляли согласие и взаимопонимание сторон.

Вместе с тем, на рубеже двух веков, на этапе переходности федерализм вообще и государственная национальная политика пока продолжают оставаться в значительной мере не достигнутым рубежом в общественно-политическом и экономическом развитии России. Хотя в этой области и принят ряд необходимых законодательных решений, однако, эти решения, по сути, представляют собой лишь первые шаги к реальному федерализму, правовому государству и демократии, политическому плюрализму. Очевидно и то, что в настоящее время имеет место даже отход от тех скромных результатов, которые были достигнуты в 1990-е годы.

Поэтому, оценивая итоги последнего десятилетия с точки зрения реализации государственной национальной политики, можно говорить, что в данной области мы пережили десять лет застоя.

Российская Федерация – одно из крупнейших в мире многонациональных государств, где проживают более ста народов и национальностей, каждый из которых обладает уникальными особенностями материальной и духовной культуры. Преобладающее большинство народов страны на протяжении веков сложились как этнические общности на территории России, и в этом смысле, как подчеркивается в Концепции государственной национальной политики Российской Федерации, «они являются коренными народами, сыгравшими историческую роль в формировании российской государственности. Благодаря объединяющей роли русского народа на территории России сохранились уникальное единство и многообразие, духовная общность и союз различных народов».

К сожалению, до настоящего времени новый вариант Концепции государственной национальной политики не разработан. Федеральное законодательство весьма слабо развивается по вектору обеспечения прав многочисленных этносов России. В этих условиях Республика предложила свою концепцию развития многонационального народа Татарстана.

Концепция государственной национальной политики Республики Татарстан (далее – Концепция) представляет собой систематизированную совокупность политико-правовых взглядов, ценностных ориентиров, принципов и приоритетов, регламентирующих деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, национальных общественных организаций, граждан республики в сфере этнического развития и межнациональных отношений.

Концепция строится на основе двух правовых составляющих: федеральной и республиканской, а также с учётом общепризнанных принципов и норм международного права – «Конвенции о защите прав человека и основных свобод» Совета Европы (1950 г.), «Международного пакта о граж-

данских и политических правах» (1966 г.), «Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах» (1966 г.), Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств (1992 г.), «Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам» Организации Объединённых Наций (1992 г.) и «Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств» Совета Европы (1995 г.).

Федеральная составляющая включает в себя: Конституцию Российской Федерации, законы Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации», «О национально-культурной автономии», «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», а также Концепцию государственной национальной политики Российской Федерации. Республиканская составляющая – Конституцию Республики Татарстан, законы Республики Татарстан «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан», «О национально-культурных автономиях в Республике Татарстан» и Закон Республики Татарстан «Об утверждении Государственной программы Республики Татарстан по сохранению, изучению и развитию государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2004–2013 годы».

Концепция опирается на осознание исторических традиций представителей проживающих в республике народов, природно-климатических и естественно-экономических условий, социально-психологических и культурно-бытовых особенностей их жизни, геополитического и национального окружения, опыта взаимоотношений с соседями. Она отражает этноисторические особенности и современную этносоциальную ситуацию в Республике Татарстан.

Как политико-правовой акт, Концепция нацелена на обеспечение общей социальной, политической и экономической стабильности, эффективное взаимодействие органов государственной власти и местного самоуправления, развитие традиций межнационального согласия и гражданско-

го мира, веротерпимости и национально-культурного взаимообогащения представителей проживающих в республике народов. Она призвана служить ориентиром для всех ветвей власти, органов местного самоуправления и общественных организаций в деле решения задач национального развития и регулирования межнациональных отношений, обеспечения конституционных прав человека и гражданина, выработки и реализации целевых проектов и программ, затрагивающих сферу государственной национальной политики.

Другим важным направлением в национальной политике Татарстана выступает языковая проблематика в самом широком смысле слова. В соответствии с основными принципами государственной политики в области государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан, предполагающими развитие и гармоничное взаимодействие языков, 1 июля 2004 г. Государственный Совет Татарстана принял Закон «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Татарстан «О языках народов Республики Татарстан». 9 сентября 2004 г. Законом Республики Татарстан была утверждена Государственная программа Республики Татарстан по сохранению, изучению и развитию государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2004–2013 годы. Она рассчитана на следующий этап по выработке взаимодействия в языковой сфере республики и разработана с учетом произошедших в социуме перемен.

По вышеуказанному Закону и вытекающей из него Программе, будучи национальным достоянием республики, государственные языки в Татарстане охраняются и поддерживаются государством. Языковая политика как одна из составных частей государственной политики направлена на обеспечение оптимального функционирования языков во всех сферах жизни общества, их взаимодействия и дальнейшего развития. Основные цели Программы – это создание условий для достижения реального равноправия татарского и русского языков как государственных языков Республики Татарстан; сохранение и развитие татарского языка как основы национальной культуры,

полноценного средства общения и консолидации татарского народа; сохранение и развитие русского языка как государственного языка Республики Татарстан; содействие в сохранении и развитии языков представителей других народов, проживающих в Республике Татарстан; повышение общего уровня речевой культуры и межъязыковой толерантности; в соответствии со статьей 14 Конституции Республики Татарстан, оказание содействия в сохранении и развитии татарского языка в регионах Российской Федерации и странах СНГ, в которых компактно проживает татарское население.

В соответствии с Государственной программой по сохранению, изучению и развитию государственных языков республики и других языков в Татарстане совместно с Академией наук РТ и соответствующими Министерствами уже разработаны и в настоящее время разрабатываются проекты ряда нормативных документов: о порядке использования государственных языков Республики Татарстан в делопроизводстве, внутриведомственной деятельности; о порядке использования государственных языков республики в потребительской сфере, при организации и проведении массовых и культурно-массовых мероприятий; об учебных курсах по изучению и совершенствованию знаний татарского языка и ряд других.

В рамках Протокола о намерениях в области применения информационных технологий между ООО «Майкрософт Рус» и Кабинетом Министров республики был подготовлен пилотный проект по локализации на татарский язык программных продуктов Linux и Microsoft. Разработан и утвержден распоряжением Кабинета Министров республики глоссарий компьютерных терминов на татарском языке. Данный глоссарий передан для работы в Корпорацию «Майкрософт», разрабатывающую программные продукты с поддержкой татарского языка.

В развитии данного направления в 2005 г. был также реализован проект по локализации на татарский язык операционной системы AltLinux Linux и коммуникационных приложений Mozilla Firefox и Mozilla Thunderbird. Данные программ-

ные продукты стали первыми на рынке мировых информационных технологий и предназначены для обмена электронными почтовыми сообщениями и работе в сети Интернет. Их появление позволило всем желающим изучать и использовать татарский язык для работы и общения в сети Интернет, что особенно важно для татар, проживающих или работающих за пределами Татарстана.

Парламент Республики всегда уделял много внимания вопросам совершенствования отношений с федеральным Центром. В условиях федеративного устройства государства и самостоятельности местного самоуправления особого внимания заслуживают механизмы управления социально-экономическими процессами на федеральном, региональном и местном уровнях, обеспечивающие единство целей, задач и действий всех органов публичной власти. Это потребует решения задачи совершенствования федеративных отношений и местного самоуправления, прежде всего, через завершение процесса разграничения полномочий органов государственной власти и органов местного самоуправления и выстраивания системы их надлежащего исполнения. Что, в свою очередь, позволит в значительной мере реализовать еще одну стратегическую цель региональной политики – формирование эффективного и компактного государства.

В этом контексте, после принятия 6 октября 2003 г. Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» основным направлением деятельности Государственного Совета Татарстана стало законодательное обеспечение масштабной муниципальной реформы. В сжатые сроки были определены границы и установлен статус всех 43 муниципальных районов, городов Казань и Набережные Челны. Приняты республиканские законы «О местном самоуправлении» (в новой редакции), «О местном референдуме», «О муниципальных выборах», «О муниципальной службе», «О наделении органов местного самоуправления в Республике Татарстан полномочиями на государственную регистрацию актов гражданского состояния» и др.

В ходе законодательного сопровождения реформы местного самоуправления всего было принято более 120 республиканских законов, регулирующих процедуру организации муниципальной службы, устанавливающих границы и статус муниципальных образований, передающих на места отдельные государственные полномочия и др. Особо следует подчеркнуть, что Республика Татарстан вошла в число тех субъектов Российской Федерации, в которых с 1 января 2005 г. Федеральный закон №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления» стал реализовываться в полном объеме.

К приоритетам сегодняшнего дня в законодательной сфере мы относим, прежде всего, формирование демократического государства с высокими стандартами качества жизни, опирающегося на гражданское общество и динамично развивающуюся многоотраслевую инновационную экономику с многочисленным средним классом. Республика должна выйти на устойчивую траекторию экономического роста, основанную на использовании новейших технологий и накопленного научно-технического потенциала.

Решение этой масштабной задачи зависит от целого ряда факторов, однако локомотивом здесь во многом должно стать именно местное самоуправление – фундамент народовластия. Без преувеличения можно сказать: муниципалитеты – вслед за государственным уровнем представительства интересов различных социальных групп – все больше сегодня становятся мощным рычагом политического развития страны и новым инструментом овладения нормами демократического общежития. И это вполне закономерно, поскольку только органы представительной власти в качестве основы своей правовой и политической деятельности имеют такую незыблемую опору, какой выступает признание народа сувереном и единственным источником власти.

В 2010 г. Татарстан отметил 90-летие со дня образования ТАССР. В эти дни не только были подведены итоги предшествовавшего развития республики, но и определены приоритеты и перспективы дальнейшего движения вперед. На

повестке дня у парламентариев остаются вопросы формирования конструктивной и политически зрелой оппозиции, слабость гражданского общества, выработка механизмов цивилизованного компромисса, реализации идеи правительства парламентского большинства, формирование дееспособной многопартийной системы, поскольку именно партии должны стать движущей силой модернизации общества.

Развитие российского политического процесса демонстрирует формирование на федеральном уровне устойчивой тенденции концентрации наиболее значимых полномочий и «стягивания» под них наиболее доходных источников и ресурсов. Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием разграничения полномочий» вновь перераспределил полномочия между Российской Федерацией и субъектами, но уже «сверху – вниз».

Вместе с тем, вполне очевидно, что без использования объективных критериев перераспределения, а также механизмов согласования интересов Российской Федерации и, в частности, Татарстана, дальнейшее совершенствование федеративных отношений будет происходить лишь на уровне взаимодействия федеральных органов го-

сударственной власти, ответственных за состояние дел в отдельных сферах общества, и органов управления субъектов Федерации. Между тем, федеративные отношения это всегда «ансамбль» и взаимопроникновение интересов и потребностей регионов и Центра, которые предполагают более широкий диалог и отлаженную систему взаимодействия их участников. В противном случае появляется директивность передачи полномочий и незаинтересованность субъектов Российской Федерации в качестве их исполнения.

Иначе говоря, при постановке и решении проблем государственного устройства необходим комплексный подход. Руководство Татарстана всегда придерживалось концептуального подхода триполитического единства: парламентаризм–демократия–подлинный федерализм. Политические отношения, которые строятся на этих принципах, гармонично объединяют различные интересы. Российская Федерация – это огромная страна, федерализм в России – это территориальный каркас демократии. Отстаивая федеративные принципы, мы одновременно выступаем за сохранение демократии, которая и сегодня нуждается в защите. А лучшим защитником демократии, в свою очередь, является парламент – выразитель воли народа, избирателей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

XX век – сложный, противоречивый, но в тоже время определяющий период в истории татарского народа. Буржуазные преобразования, охватившие Российскую империю, способствовали становлению и развитию национального капитала, светской интеллигенции, институтов гражданского общества. В этот период происходило масштабное формирование сети книгоиздательств, системы средств массовой информации, культурно-просветительских и благотворительных организаций. Время коренного переустройства переживала национальная школа. Религиозное реформаторство, продолжая традиции великих Г.Курсави и Ш.Марджани, открыло для мусульманского сообщества новые пути для органичного приобщения татар к достижениям и ценностям европейской цивилизации.

В эпоху социальных революций, потрясших основы самодержавия, в татарском обществе приобрели особую актуальность вопросы национального самоопределения, вызванные насущной необходимостью сохранения и защиты вероисповедных прав, культуры, языка, традиций. Все эти явления и процессы ознаменовали возрождение политической жизни мусульман России, создавших партию «Иттифак аль-муслимин», собственную фракцию в Государственной думе, ряд организаций монархического, либерального и левого толка.

Выдающиеся национальные лидеры начала XX в. неустанно формулировали и пропагандировали идеи народного единства, сохранения религии и культуры, напоминали о тысячелетней истории государственности татарского народа. Попытка реализации проектов «Урало-Волжского штата», Татаро-Башкирской Республики отражали творческий и в тоже время очень непростой поиск формы национального государственного устройства в условиях революционного хаоса, Гражданской войны и большевистской диктатуры.

Таким образом, образование в составе советской России Татарской автономии выражало многовековые устремления татар и стало результатом многолетней деятельности всех слоев общества: политиков, интеллектуалов, военных, рабочих и крестьян. Следует отметить, что, ТАССР, являлась уникальным полиэтническим образованием, отражавшим интересы русского, финно-

угорских и других народов, веками в дружбе проживавших на территории Поволжья и Приуралья. Советская эпоха государственности Татарстана характеризовалась, несмотря на очевидные идеологические издержки, созданием мощного индустриального потенциала, развитого сельского хозяйства, расцветом науки и всех форм профессионального искусства. Народы республики с честью выдержали испытания Великой Отечественной войны, проявляя удивительную самоотверженность как в тылу, так и на полях сражений. Бессмертный подвиг М.Джалиля навсегда остался символом стойкости, патриотизма и мужества советского народа.

Достижения советского Татарстана создали прочную основу для всестороннего развития республики в период демократических реформ, способствовали проведению самостоятельной социально-экономической и культурной политики. Деятельность первого Президента РТ М.Ш.Шаймиева, направленная на сохранение целостности Российского государства, повышение жизненного уровня населения, последовательное соблюдение баланса интересов различных социальных групп, укрепление содружества народов и конфессий получила заслуженное признание в стране и мире.

Сегодня Татарстан – флагман экономического, культурного, инновационного, научно-образовательного развития регионов РФ. Амбициозные задачи, стоящие перед республикой, требуют консолидации всего общества. Их реализация невозможна без единства народов, традиций дружбы и созидания, исключающих какие-либо проявления ксенофобии и экстремизма. Президент Татарстана Р.Н.Минниханов, определяя прорывные направления в социально-экономической политике, обращает особое внимание на гуманитарные аспекты процессов модернизации. Сохранение ценностей традиционного ислама, возрождение историко-культурного наследия, объединение созидательных сил татарского народа во имя решения насущных проблем современности, уважение к языку, обычаям и культуре всех народов республики являются определяющими факторами ее прогресса и процветания. В трудах и свершениях Татарстан XXI века продолжает творить свою историю, историю, обращенную в будущее.

Приложения

№1**Письмо Абдул-Гамида Апанаева в редакцию газеты «Казанский телеграф»
о необходимости освобождения мусульманского духовенства
от отбывания воинской повинности**

21 января 1905 г.

Голос татарина
(Письмо в редакцию)

Милостивый государь, г. Редактор!

Зная вполне беспристрастное направление газеты «Казанский телеграф» в вопросах, касающихся инородцев России, прошу Вас поместить мою маленькую заметку.

Я хочу задать вопрос: почему у нас до сих пор не обращено внимания на наше духовенство по поводу отбывания им воинской повинности, от которой муллы не изъяты. Не потому же они не освобождены от солдатчины, что без них у нас не хватит солдат, когда еврейский раввин, польских ксендз и духовенство других религий освобождены от воинской повинности, наравне с православным духовенством.

Обидно нам, когда магометане тысячами умирают на поле битвы, защищая родину от врага, представителей его и нашего духовного отца, посредника между нами и Богом заставляют драться в рядах армии. Вряд ли Россия станет более уязвимой, если к миллионной армии не прибавится десяток несчастных мулл.

Наше общее и справедливое желание: уравнивание прав нашего духовенства с правами духовенства других исповеданий.

Абдул-Гамид Апанаев

Казанский телеграф. - 1905. - 21 января.

Опубликовано: История Казани в документах и материалах. XX век / под ред. Р.У.Амиранова. - Казань: Магариф, 2004. - С.298

№2**Листовка Казанского комитета РСДРП с обращением к приказчикам,
русским и татарам, объединиться с рабочими для совместной борьбы
за улучшение условий своей жизни**

3 апреля 1905 г.

Российская социал-демократическая рабочая партия

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ко всем приказчикам г. Казани, русским и татарам

Товарищи! Прошел месяц после того, как вы громкими аплодисментами приветствовали думское постановление о праздничном отдыхе. Вы приветствовали свой успех; им вы были обязаны только себе самим. В самом деле, вопрос о праздничном отдыхе – вопрос не новый: уже несколько лет гг. гласные думы, по большей части сами владельцы торгово-промышленных предприятий, оттягивали его разрешение. Был он и в Министерстве внутренних дел, и тоже без всяких результатов. И это продолжалось бы еще долго, если бы вы, наконец, не взяли сами за улучшение своей жизни, по примеру наших рабочих.

Когда вы тысячной толпой шли по улицам Казани, то ваши хозяева покорно запирали свои магазины. Когда вы собирались в думской зале, хозяева молчали, - никто не посмел говорить против принадлежащего вам по праву отдыха.

Но это не значило, что хозяева действительно хотели уступить вам: они заранее решили при первом удобном случае свести на нет постановление Думы. Хозяева-мусульмане, прикрываясь религиозными соображениями, старались произвести рознь между русскими и татарами; они про-

тестовали против воскресного отдыха, уверяя, что их служащие в этом с ними согласны. Это неправда, мусульмане-приказчики ничего не имеют против общего воскресного отдыха; ведь они, благодаря уловке хозяев остались в проигрыше, не получив отдыха ни по воскресеньям, ни по пятницам. Русские хозяева тоже вели интригу.

И вот правительство – этот всегдашний враг трудящегося люда – в лице местной администрации пришло на помощи предпринимателям. Губернатор и Губернское присутствие опротестовали постановление Думы, придравшись к каким-то формальностям. Да, наше правительство ловко играет законами. Когда нужно, оно беззастенчиво попирает их, но для обмана и притеснения народа законы всегда к его услугам! Лицемерие и ложь – вот оружие правительства и его чиновников. Ему нет дела до вас, до ваших нужд, оно не слышит стонов, не видит слез угнетенных. Оно уступает лишь перед силой, и надо иметь силу.

В чем же ваша сила? В чем сила трудящихся?

В единении сила, в дружной борьбе залог победы и лучшего будущего.

Приказчики многих городов добились уже не только праздничного отдыха, но и уменьшения рабочего дня и других прав. Но не прошениями, не петициями добились они этого, а смелой, дружной борьбой – забастовками и демонстрациями. Действуйте так же и вы. Выходите на улицу, каждый праздник собирайтесь к 11 часам дня на Проломной, запирайте толпой магазины. До сих пор вы просили – теперь требуйте:

1. Полного прекращения торговли по праздничным дням во всех торговых заведениях русских и татарских.
2. 12-часового рабочего дня, и в том числе полтора часа на обед и полчаса на завтрак.
3. Булочные должны быть открыты в праздники с 12 до 4 часов дня, и в них устроены дежурства с тем, чтобы дежурные были свободны на следующий день.
4. В случае болезни – сохранение содержания и лечение на счет хозяина.
5. В случае отказа от места хозяин должен предупреждать об этом за две недели.
6. Ежегодно двухнедельный отпуск с сохранением содержания.
7. Учреждение комиссии наполовину из хозяев, наполовину из служащих для разбора и улаживания недоразумений.
8. Кроме того, необходима свобода собраний, союзов и стачек.

Вот ваши требования на первый раз, держитесь их все, не давайте хозяевам вносить разнь в ваши ряды обещаниями и уловками. Помните, что интересы всех приказчиков – и русских и татар – одинаковы, что вы все страдаете от одинаковых притеснений и обманов.

Мусульмане-приказчики, вопреки уверениям лицемерных религиозных своих хозяев, сами теперь за общий воскресный и праздничный отдых.

Начало сделано. Не останавливайтесь, шаг за шагом отвоевывайте себе лучшую долю, но знайте, что прочных улучшений жизни вы добьетесь только в совместной борьбе, рука об руку со всем рабочим классом.

Казанский комитет РСДРП

Опубликовано: Революционное движение в Татарии в 1905-1907 гг.: документы и материалы. Казань: Таткнигоиздат, 1957. – С. 77-79.

№ 3

Высочайше утвержденные, 17-го апреля 1905 г., положения Комитета Министров об укреплении начал веротерпимости

Комитет Министров, в видах выполнения выраженной в п. 6 Именного Высочайшего Указа 12-го декабря 1904 года Высочайшей Воли об охранении терпимости в делах веры, полагал постановить:

I. По общим началам веротерпимости:

1) Признать, что отпадение от Православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию и не должно влечь за собою каких-либо невыгодных

в отношении личных или гражданских прав последствий, при чем отпавшее по достижении совершеннолетия от Православия лицо признается принадлежащим к тому вероисповеданию или вероучению, которое оно для себя избрало.

2) Признать, что при переходе одного из исповедующих ту же самую христианскую веру супругов в другое вероисповедание, все не достигшие совершеннолетия дети остаются в прежней вере, исповедуемой другим супругом, а при таковом же переходе обоих супругов дети их до 14 лет следуют вере родителей, достигшие же сего возраста остаются в прежней своей религии.

3) Установить в дополнение к сим правилам (пп. 1 и 2), что лица, числящиеся православными, но в действительности исповедывающие ту нехристианскую веру, к которой до присоединения к Православию принадлежали сами они или их предки, подлежат, по желанию их, исключению из числа православных. <...>

Х. По иноверным нехристианским исповеданиям:

1) Предоставить особому совещанию о веротерпимости (разд. VIII сего положения), на изъясненных в журнале Комитета Министров основаниях, разработать нижеследующие вопросы и составленные законопроекты безотлагательно представить на уважение Государственного Совета, без предварительных сношений с ведомствами:

а) о сооружении молитвенных домов иноверных исповеданий;

б) о порядке избрания и назначения должностных лиц магометанского духовенства, приходских и высших;

в) об освобождении от призыва на действительную военную службу из запаса некоторых лиц магометанского духовенства;

г) о порядке открытия магометанских духовных школ — мектебе и медресе;

д) об учреждении особых духовных управлений для киргизов областей Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской, а равно для магометанских общин на Северном Кавказе, в Ставропольской губернии, Туркестанском крае и Закаспийской области,

и е) о возможности дозволения воспитывать подкидываемых детей в религии принявших их на воспитание иноверных семей. <...>

О веротерпимости. Закон 17 апреля 1905 г. - Москва: Типография Товарищества И.Д.Сытина, 1905. - С.7, 14

№4

Прошение политического заключенного Г.Исхакова прокурору окружного суда

19 июня 1907 г.

Казань

Ввиду того, что приходящие ко мне на свидание мать, жена, сестра ни слова не знают по-русски, жандарм не разрешает говорить им по-татарски. Я незаконно лишен иметь удовольствие говорить с близкими мне людьми. Считаю такое положение вещей совершенно незаконным и по отношению к моим родным издевательством, прошу принять меры о разрешении мне свиданий на татарском языке.

Мухамедгаз Исхаков

Настоящее прошение имею честь препроводить г. начальнику Казанского губернского жандармского управления на распоряжение. Июня 22 дня 1907 года.

Прокурор (подпись)
Секретарь (подпись).

НА РТ, ф.199, оп.1, д.538, л.48-49

Опубликовано: Гаяз Исхакий: тарихи-документаль жыентык / тез.-авт.: С.Рәхимов, З.Мөхәмәтшин, А.Заһидуллин. - Казан: Жыен, 2011. - С.638

№5

Заметка из газеты «Казанский телеграф» о татарском спектакле

10 июня 1907 г.

Из мусульманского мира. Татарские спектакли, начавшие развиваться сравнительно с недавнего времени, начинают завоевывать симпатии среди мусульман и охотно ими посещаются. Несколько спектаклей, данных в новом клубе зимой, заинтересовали их. С наступлением летнего времени труппа артистов татар и артисток татарок перекочевала в Русскую Швейцарию, где и был дан ими первый спектакль 25 мая, который привлек очень много татар. В виду такого успеха 15 июня (в татарский праздник) в той же Русской Швейцарии, сформировавшейся татарской труппой артистов, с участием получившего известность артиста Газизова, предполагается спектакль на котором пойдет пьеса «Тушену» («Поветие»), а затем вод[евиль]. «Деньщик подвел», переведенный на татарский язык. Весьма желательно, чтобы артисты сосредоточили свое внимание на пьесах характерной бытовой жизни мусульман, мало доступной наблюдению русских и этим привлекли бы внимание последних.

Казанский телеграф. - 1907. - 10 июня. - №4292

№6

Записка ходока – крестьянина Иванова Т.А. с. Нижне-Алькеево Спасского уезда о поездке в Вольнский район для ознакомления с хуторским расселением и хозяйством

Сентябрь 1909 г.

В составе четырех человек Алькеевской волости Спасского уезда мы выехали из Казани 18-го сентября и 23 сентября прибыли в город Житомир, где явились в Землеустроительную комиссию. По явке в Комиссию, мы, наняв лошадей, отправились по данному Комиссией маршруту в с. Каменку с общинным владением земель, где нас встретили местные крестьяне и, узнав зачем мы приехали, предложили нам завернуть к их уполномоченному, где показали нам новый план разверстки земли и объяснили, что они с согласия всего общества решили всю землю разделить в сем году на отрубные участки и в данное время уже 29 участков нарезаны; участки от 9 до 16 десятин. Причину переход с общинного владения на отрубные участки они объяснили тем, что многие селения в их местности перешли на волоки (хутора) и живут много лучше их, т.к. земля у них вся в одном месте и они не теряют, как они, напрасно время на переезды с полосы на полосу при уборке хлеба и при удобрении своей земли. Переночевав в Каменке, мы направились в с. Вильск Пуленской волости. По дороге всюду разбросаны хутора. На многие из них мы заходили и опрашивали владельцев как они живут, везде был один ответ: живем много лучше чем при общинном владении. Скот у них пасется каждый на своем поле подростками и стариками. Лошадей и коров пускают, а прочий скот нет. Лошади у них как у нас, а коровы более улучшенной породы. Земли имеют в разном количестве, от 3 до 30 десятин. Хаты (избы) у них у каждого очень чистые, в два жилья, стены как снаружи, так и снутри выщекотурены. Каждый хуторянин держит гусей и поэтому у каждого гора подушек. Кроме жилых помещений они имеют еще сараи для склада не молоченного хлеба и другие постройки для скота и все эти постройки никакой городьбой между собой не соединены, что хорошо в пожарном отношении. Как надворные, так и жилые постройки крыты соломой, но так хорошо, что в отношении прочности не уступят нашим тесовым. <...>

Отсюда мы направились к селу Решевку и на пути осмотрели много малороссийских и немецких хуторов у последних обработка земли лучше чем у местных жителей, а так же лучшей породы и лошади, и коровы. Близ Решевки мы заметили человека 3 работающих на соломорезке, к которым мы подошли, посмотрели на их работу и на вопрос: как им живется на хуторах они ответили что на волоках жить очень хорошо, а один из них Михайло Лещенко добавил, что если бы ему предложили в обществе и дали бы в место 20-40 десятин земли, то и тогда бы он не согласился перейти в общество.

И так от города Житомира мы на лошадях проехали около ста верст и на всем этом пространстве, почти все крестьяне живут на хуторах и осмотрев много попутных хуторов мы вполне убедились, что на хуторах несравненно во всех отношениях жить лучше, чем в обществах так как при нахождении земли в одном месте ее можно без особого труда удобрять, а удобренная земля дает больше прибыли, да кроме того можно избавиться от бесполезного парового поля. Земля упоминаемых крестьян много хуже, чем в нашей местности, так в нашей местности наших 5 десятин земли заменяют 10 десятин тамошней, а следовательно у нас можно выселяться и на меньшие участки.

Если кто из читателей отнесется с недоверием к описанной хуторской жизни, тот может справиться с письмом у упоминаемых здесь лиц.

Крестьянин Алькеевской волости с. Нижне-Алькеево

Тимофей Андреев Иванов.

НА РТ, ф. 712, оп.5, д.90, л. 329-330, 332-333

№ 7

**Отношение казанского губернатора Стрижевского М.В.
начальнику казанского губернского жандармского управления о высылке
из Казанской губернии крестьян Лаишевского уезда, выступавших против выхода
крестьян из общины на отрубные земельные участки**

16 декабря 1910 г.

Департамент полиции от 9-го сего декабря за №80346 уведомил меня, что по рассмотрению Особым Совещанием, образованным согласно ст.34 Положения о государственной охране, обстоятельств дела о содержащихся под стражей в Лаишевской уездной тюрьме, крестьянах Лаишевского уезда, дер. Кугарчиной: 1) Миннигалее Назмутдинове, 2) Насыбулле Хамидуллине, 3) Хасане Галимове, 4) Мухаммет-Вафе Гайнуллине, изблеченных в составлении шайки, поставившей задачей своей воспрепятствовать выходу крестьян из общины на отрубные земельные участки, при чем для достижения означенной цели члены шайки употребляли насильственные действия, выразившиеся в поджоге имущества крестьян, укрепивших земельные наделы в личную собственность, Г. Министр Внутренних Дел постановил: 1) Миннигалея Назмутдинова выслать в Олонецкую губернию под гласный надзор полиции на три года и 2) Насыбулле Хамидуллину, Хасану Галимову и Мухамет-Вафе Гайнуллину воспретить жительство в Казанской губернии на два года.

К сему Департамент Полиции присовокупил, что срок высылки Назмутдинова и надзора за ним полиции, а равно и воспрещения Хамидуллину с проч. жительство в Казанской губернии надлежит считать с 22-го ноября 1910 года.

<...>.

Губернатор (подпись)

Правитель канцелярии (подпись)

Старший Помощник Правителя (подпись)

НА РТ, ф.199, оп.2, д.1128, л. 11-13

№ 8

**Выступление Боратынского А.Н.¹ об инородцах на заседании очередного
Казанского губернского собрания дворянства**

14 января 1911 года

¹ Боратынский А.Н. – председатель Казанского губернского дворянского собрания, он же казанский губернский предводитель дворянства.

А.Н.Боратынский заявил, что... Слишком осторожно надо говорить о враждебном к нам отношении инородцев, ибо чем больше мы сами будем указывать на рознь, то тем сильнее будем развивать в инородцах чувства к нам недоверия. Если вы хотите заронить в сердце инородца любовь к отечеству, достигнуть объединения племен, населяющих Россию, то не обостряйте недружелюбие. Вспомните, какие результаты принесло наше стремление к русификации татар. В то время как в Казанской губернии открылось русско-татарских М.Н.Прос[вещения]. 24 школы, имеющих целью русифицировать инородческое и мусульманское население, в это же время татары открыли 852 своих конфессиональных школ-мектебе и медресе, т.е. таких школ, в которые они с удовольствием отдают детей, но которые уходят из под Государственного контроля. Эти мектебе и медресе создают и развивают татарскую культуру. В противовес этому явлению мы должны создать школы, которые привлекли бы мусульманское население, и таких учителей, которым были бы ясны наши идеалы и стремления учителей, которые эти идеалы могли бы провести в жизнь. Только путем присоединения инородцев к нашей культуре возможно достигнуть благоприятных результатов в разрешении инородческого вопроса.

Журналы Казанского очередного собрания дворянства в сессию 1911 г. – Казань, 1913. – С. 25-26.

№9

Выступление депутата Государственной думы 3-го созыва С.Н.Максудова в ходе обсуждения законопроекта «О применении Положения о земских учреждениях 12 июня 1890 г. в губернии Оренбургской»

23 января 1912 г.

Господа. Я не буду долго злоупотреблять вашим вниманием. Я, как представитель и народа, и мусульманского населения, не могу не сочувствовать введению земства в Оренбургской губ., но, к величайшему сожалению, должен сказать, что сочувствие мусульман должно оставаться почти платоническим. Фактически мусульмане пользоваться благами земства почти что не будут, и я вам объясню почему: как вам известно, по существующему закону 1890 г. во всех земствах избиратели делятся на три группы: 1) группа дворян, 2) группа остальных сословий, за исключением крестьян, и 3) крестьянская группа; причем закон составлен таким образом, что во всех уездных земских собраниях заранее преобладание обеспечивается дворянскому сословию. В 355 уездных земских собраниях дворяне преобладают, крестьянам отводится незначительное минимальное число мест; это - факт, с которым вы должны согласиться. У нас среди мусульман дворяне совершенно отсутствуют: старое наше дворянство не признано, новое не народилось и, вероятно, никогда не образуется, и об этом мы не сожалеем, - дело не в этом, гг. (Новицкий 2, с места: новое не народилось, но оно похоже на Максудова). Я не дворянин и нисколько не жалею об этом. Так вот гг., поэтому фактически мусульмане почти что не могут пользоваться благами земства; мы можем избирать, можем посылать своих представителей в земство только через уполномоченных от сельских обществ, причем представителям сельских обществ отводится незначительное число мест, и это незначительное число мест разверстывается между православным и мусульманским населением. Вот почему во всех губерниях, даже там, где преобладает мусульманское население вроде Оренбургской, Уфимской, Казанской губ., мы имеем и в уездных, и в губернских земских собраниях только по два или по три гласных. Мы с этим положением мирились до сих пор, потому что мы считали, что Положение 1890 г. есть продукт бюрократического творчества, что оно скоро изменится и при изменении откроется более широкий доступ представителям широких масс населения. Мы этого ждали и рассчитывали, что тогда можно будет и нам мусульманам принимать более реальное участие в земстве, но, гг., когда такое же лишение, умаление или ограничение избирательных прав крестьянского, следовательно, и мусульманского населения проводится и Государственной думой, представи-

телями народа, тогда мы не можем не возражать. Мы будем возражать, гг., во-первых, как представители народа вообще, а, во-вторых, как представители мусульман, потому что мусульмане могут участвовать только через представителей крестьянского населения. По Оренбургской губ. места распределяются тоже совершенно по старому рецепту, т.е. заранее обеспечивается большинство мест представителям богатых сословий, городским собственникам, землевладельцам и т.д., а несчастному крестьянству отводится очень незначительное число мест. Между тем в объяснительной записке само правительство говорит, что в этой губернии очень мало землевладельцев, так что в одном уезде они, при желании, не могли дать преобладания представителям землевладения, потому что их там нет. Точно также не найдется и в других уездах достаточного количества землевладельцев. Вот по всем этим соображениям я и представляю свои поправки относительно распределения мест в земских собраниях по Оренбургской губ. По старому, т.е. по предложению комиссии, 24 места отводятся представителям богатых сословий, а 15 - несчастным крестьянам. Вместо 24 я предлагаю 13, а вместо 15 предлагаю 26. По Орскому у. предлагается комиссией 13 мест богатым и 13 крестьянам. Я предлагаю 8 мест представителям богатых классов и 18 представителям сельских обществ. По Челябинскому у. предлагается 18 мест представителям богатых сословий и 20 - представителям крестьян; я предлагаю 13 и 25. Гг., я думал, что все эти цифры распределения мест, сделанные правительством, чем-нибудь обосновываются, оправдываются в объяснительной записке правительства. Я добросовестно обратился к этой записке, но я там никаких объяснений, никаких оправданий этому не нашел. Напротив, я нашел там данные, которые совершенно противоречат тому, что предлагают комиссия и правительство. Там говорится, что для распределения мест, т.е. гласных в земских собраниях, существуют три принципа: принцип площади земли, занимаемой известным сословием, принцип численности населения и принцип культурности. По площади в Оренбургской губ. невозможно распределять, потому что площадь крестьянской земли гораздо больше. Другой принцип - принцип численности - также не годится, потому что число крестьян там гораздо больше, чем число землевладельцев; значит, остается принцип культурности; в этом отношении представители богатого сословия, богатых классов, конечно, стоят выше чем крестьяне; следовательно, остается один принцип, что землевладельцы должны преобладать во всех земских собраниях. Гг., я понимаю, что земское дело есть сложное дело; понятно, что тут необходимы руководители образованные и просвещенные, но ведь необходимы только руководители, чтобы можно составлять управу и т.д.; но для того, чтобы быть гласным в земском собрании не надо быть образованным. Крестьяне могут быть прекрасными выразителями нужд своего района и мы знаем много случаев, когда крестьяне оказываются прекрасными гласными. Вот по всем этим соображениям я и предлагаю свою поправку, и думаю, что она пройдет, потому что она справедлива.

Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. - СПб., 1912. - Ч.2. - Стб.834-836

Опубликовано: Мусульманские депутаты Государственной думы России. 1906-1917 гг. Сборник документов и материалов / сост. Л.А.Ямаева. - Уфа: Китап, 1998. - С.173-175

№ 10

Докладная записка основателя медресе «Мухаммадия» Г.М.Галеева казанскому вице-губернатору о своей деятельности

13 февраля 1912 г.

Беру на себя смелость обратиться к вашему превосходительству с настоящей моей запиской в полной надежде на Ваше просвещенное внимание. Цель моей записки - моя реабилитация в глазах вашего превосходительства, ибо мои убеждения, моя предшествующая деятельность, очевидно, были освещены ложным светом и показаны через призму пристрастности и

предубеждения, дававшими повод видеть во мне человека, как бы неблагонамеренного, почти вредного для общественного спокойствия и совместной культурной работы моих единоверцев с русскими. Между тем мое знакомство с историей народностей, мои личные наблюдения во время моих путешествий по Востоку выработали во мне глубокое убеждение, что для той народности, к которой я принадлежу, нет большего счастья, как составлять нераздельную часть великого русского народа, являющегося более благожелательным, чем какой-либо народ, хотя бы и связанный с ним узами крови и единой веры, и только в России, в единении с русским народом, мы татары-мусульмане можем достигнуть возможного на сей земле благоденствия, как материального, так и духовного. Держась таких убеждений не за страх, а за совесть, могли я, естественно желающий добра своему народу, поступать и действовать, хотя бы помышлением в ущерб интересам России, не наносимое неизмеримо большего вреда своему народу, ибо благо моего народа неразрывно связано с величием этой страны, Богом данной нам родины. В минуты помрачения разума народной массы, вследствие дурно понятых или плохо истолкованных распоряжений правительства, я и словом и делом старался, по мере моих слабых сил, к вразумлению этой темной массы. Так, в 1894 году, по поводу распоряжения цензурного комитета об изъятии из обращения в школах книг, большей частью в то время рукописных, началось довольно сильное движение и началось, было, эмиграция в Турцию. Чтобы удержать людей от этого необдуманного поступка и чтобы выяснить высшей власти причины смущения мусульман, видевших в том распоряжении посягательство на свободу своей религии, я в числе других с покойными отцом моим Мохамеджаном Галеевым и муллой Абдулбадиговым, был в Петербурге у тогдашнего министра внутренних дел. Результатом этой поездки и данным нам объяснений было разъяснение со стороны министерства, успокоившее население, и эмиграция прекратилась.

Во время последней переписи, в 1898 г., вследствие наущения темных и неблагонамеренных людей, темная масса хотела воспротивиться этой переписи, представляя ее себе со словом тех же неблагонамеренных людей, мерой к обрусению. Моя непрестанная и упорная проповедь, разъясняющая истинный смысл переписи до того озлобило этих людей, что я, ввиду угрожавшей мне с их стороны личной безопасности, вынужден был на некоторое время удалиться в Саратовскую губернию. Это обстоятельство могут удостоверить все знающие меня люди в Казани.

В эпоху брожения умов учащейся молодежи 1904-1905 гг. я всячески старался противиться вторжению в медресе при 5-й мечети превратных идей и, заметивши нежелательные элементы, всегда удалял их и однажды сразу 50 учеников, увлекшихся новыми, модными идеями.

Эти факты из числа многих им подобных моей общественной деятельности достаточно обрисовывают как мою личность и мои убеждения с точки зрения приверженцев к порядку, так мою всегданнюю лояльность.

Теперь перехожу к обзору моей педагогической деятельности, начавшейся с 1882 года. И в этой сфере моей деятельности не находится ни одного факта, который шел бы вразрез с видами правительства и интересами России. Зная по своему личному горькому опыту всю тяжесть и несовершенство существующей системы первоначального обучения в приходских школах и средневековой схоластики в медресе, я начал вводить в находящейся в моем заведовании школе при 5-й соборной мечети в г. Казани более современные методы обучения и преподавания. Цель моя была, с одной стороны, при наименьшей затрате времени дать возможность учащимся получить возможно большую сумму знаний, избавив их от того ненужного балласта, которым под видом науки их перегружали наши муллы-рутенеры, с другой, доказать, что при желании еще остается достаточно времени для изучения, необходимого для нас, русских мусульман, русского языка, ибо при предъявлении требования его знания наши противники, видевшие в изучении русского языка один из этапов обрусения, постоянно ссылались на сложность и продолжительность изучения мусульманских богословских наук, что не остается времени для изучения русского языка. Взамен безграмотного обучения, существовавшего во всех медресе, я ввел преподавание в своем медресе по программам и лично составил много учебных руководств, чтобы избавиться от необходимости прибегать к таковым, изданным за границей, и тем избавиться от всевозможных нареканий

учебного начальства, относившегося недоверчиво к заграничным учебникам. И в этой сфере моей деятельности красной нитью проходила та идея, которой я, повторяю, держался не за страх, а за совесть, что татары-мусульмане должны стремиться быть всегда искренно преданными России, их родине, ибо вне ее для них немислимо их земное благоденствие. Я проповедовал не рознь, а единение, и по своему убеждению вел юношество к тому.

Мои труды и старания не были поняты и были истолкованы превратно, и мои стремления разграничить истину от ходячих установившихся мнений причинили мне одни неприятности и огорчения. Темная, непросвещенная масса, послушная подобным ей непросвещенным муллам, увидала в водимых мною новшествах чуть ли не ересь и отступничество. Эти приверженцы рутины начали распространять про меня слухи, что я подкуплен миссионерами, что я иду с ними рука об руку в деле обрусения татар и тому подобные небывлицы. Как ни горько было для меня слышать и читать в присылаемых мне и отцу моему анонимных письмах такую ложную оценку моей деятельности, я все это переносил с терпением, жалел этих людей не знающих, не понимающих, что творят и пребывал в надежде, что истина все-таки в конце концов восторжествует и что труды мои увенчаются признательностью моих единоверцев и получат должную оценку со стороны властей, хотя я трудился не для славы, не в ожидании похвал, а движимый чувством любви и сострадания к своей меньшей братии, коснеющей в невежестве, предрассудках и суеверии.

Горько же было мое разочарование. Мои идейные противники, испробовавши все находящиеся в их распоряжении средства, чтобы дискредитировать меня и мои дела в глазах единоверцев, и не будучи уже в состоянии остановить и погасить возжегшиеся сияние истины, прибегли к последнему средству - доносу.

То что постигло меня в мае 1908 года, я ожидал всего менее. Не говоря уже о нравственных страданиях, это событие так поразило моих родителей в преклонные их годы, что дни их сократились. Я далек от мысли роптать на Бога, пославшего мне такое тяжелое испытание. Я перенес его со смирением, но оно оставило, независимо от моей воли, горькое сознание двух вещей. Во-первых, сознание того, как трудно еще доказать правительству всю благонамеренность мусульманского населения, относительно которого существует еще такое досадное предубеждение.

Второе же касается лично меня. Свои 50 лет я провел исключительно за книгами, занимаясь наукой и преподаванием, пренебрегши торговым занятием своего отца, в этом мое призвание, я хотел остаток своих дней до последнего вздоха опять посвятить этому великому делу просвещения своих братьев и тем заслужить милосердие моего Бога в будущей моей жизни; хотелось бы уйти из мира с приятным сознанием исполненного долга перед Всемогущим Богом и людьми.

Такова моя искренняя исповедь, мое раскрытое сердце перед взорами вашего превосходительства и я уповаю, что моя надежда не будет тщетна и старческий голос мой не будет гласом вопиющего в пустыне.

Галеев.

НА РТ, ф.1, оп.6, д.949, лл.34-38

Опубликовано: Медресе г. Казани XIX - нач. XX вв / отв. сост. Л.В.Горохова; под общ. ред. Д.И.Ибрагимова. - Казань: Гасыр, 2007. - С.197-200

№11

Из выписки из агентурных сведений Казанского губернского жандармского управления о похоронах татарского поэта Абдуллы Тукаева

6 апреля 1913 года

Сегодня, 4 апреля, состоялись похороны скончавшегося 2 апреля народного татарского поэта Абдуллы Тукаева, страдавшего за последнее время чахоткой. По этому поводу сегодня были открыты татарские книжные магазины: «Сабах», «Гаср», «Юль», «Маариф»; магазин Шараф и К-о - участник книжного магазина «Маариф». После покойного остались, кроме литературных

трудов, 500 руб. денег, но несмотря на это книготорговцы собрали около 400 руб., часть каковой суммы поступила на расходы по похоронам, а остальная часть, вместе с оставленными покойным 500 руб., поступит на содержание фонда стипендии имени Тукаева. Сегодня - в день похорон - почти во всех медресе были прекращены занятия. Учениками медресе производились сборы денег, часть которых поступила в упомянутый выше фонд, а часть употреблена на возложение венков. На похоронах присутствовало очень много народа. Над могилой произнесли речь следующие лица: Абдулла Гисметуллин, Фахрельслам Агеев (учитель), Шайхульгаттар Иманав (присяжный поверенный), Гильметдин Шараф - представитель издательства «Маариф», и от имени «Вакт» и «Шуро» - студент Абдурахман Мустафин. В конце речи последнего оратора были слышны возгласы: «Да здравствует «Вакт» и «Шуро», «Да здравствует наша нация - мильямь». В своих речах ораторы заметно били на национальные чувства мусульман. Сборы производились и будут производиться книгоиздательствами «Маариф», «Сабах», «Гаср» и «Юль».

/«Житель»/

НА РТ, ф. 199, оп.1, д.923, лл.21об. - 22 об.

№12

Мнение председателя Казанского комитета по делам печати М.Н.Пинегина о магометанских учебных заведениях

20 октября 1913 г.

<...> дело народного образования у магометан поставлено весьма прочно и представляет такую крепкую организованную систему, что изменить ее, или по крайней мере, провести в ней другие начала - задача весьма сложная и трудная. Татарские школы существуют давно, имеют свои традиции, вполне своеобразные, чисто народные, направлены в исключительно религиозно-нравственном духе; ученые муллы, заведующие медресе и их шакирды, составляют гордость населения; мударрисы, муллы и учителя (мугаллимы) проникнуты идеями святости своих педагогических трудов, ибо учат они во имя Бога, во имя распространения и укрепления ислама, по предписанию шариата - безвозмездно. Отсюда понятно и сильное влечение татар к своим медресе и к учению в них.

Мусульманское духовенство и школа в связи с литературой, исходящей главным образом из этой же среды, создают такой стойкий фанатизм, что лишь при непрерывной, энергичной и систематической деятельности, направленной к насаждению в мусульманстве идей русского просвещения, при столь же прочной и последовательной системе, какая теперь существует у мусульман, можно ожидать благих результатов и преуспевания дела русификации, конечно в ближайшем будущем только гражданской.

К изложенному считаю нужным прибавить, что описанный выше тип медресе и мектебе самый распространенный. Но лет 20 назад в татарских медресе появились нововведения, коснувшиеся, правда, немногих школ в Казанской губернии. Нововведения заключаются, во 1-х в изменении внешней обстановки училищ: появилось устройство классных комнат с учебной обстановкой и даже партами, практикуется разделение училища на отделения и классы, расписание уроков, особые преподаватели для отдельных предметов; кроме собственно богословских наук введены светские предметы: история и география, арифметика, даже геометрия, начатки естествознания и физики. В Казани положил начало такого новометодного учебного заведения мулла Галимзян Галеев; сделавшись руководителем этого медресе, он сперва расширил его пристройками на пожертвованные деньги, а потом постепенно и осторожно стал вводить новшества. Это первое новаторское медресе, в котором стали преподаваться светские науки, совершенно неведомые до тех пор в татарских конфессиональных школах. Несколько позднее открылось подобное же медресе в Оренбурге на средства миллионера Хусаинова, который, между прочим, по завещанию пожертвовал корпус с лавками на Нижегородской ярмарке, с доходом до 10 тыс. руб. в год казанскому

медресе Галимзяна Галеева. Мулла Галеев пригласил в свое медресе учителей (мугаллимов) нового направления; из них обращал на себя внимание Юсуф Акчура, про происхождению из симбирских татар, но получивший образование в Турции. В начале 1900-х годов он сделался одним из главных учителей этого медресе и быстро стал его обращать в среднее учебное заведение. Этот же Акчурин, склонив казанских татар примкнуть к кадетской партии, на мусульманском съезде в Нижнем Новгороде председательствовал в училищной комиссии и провел свой доклад о необходимости национального образования татар на родном языке. Целью муллы Галеева было готовить в своем медресе учителей для националистических школ-новометодистов. Питомцы его медресе рассеивались в качестве мугаллимов по всему Волжско-Камскому району. Сначала их принимали в селениях неохотно и нередко у них случались столкновения с сельскими муллами, но чтобы упрочить положение бывших своих питомцев, Галеев собирал пожертвования и лучшим мугаллимам в разных селениях выдавал жалованье. Учителя, вышедшие из новых медресе Галеева и Хусаинова (в Оренбурге), стали добиваться того, чтобы открывать в селениях самостоятельные школы, свободные от влияния мулл. Как только где-либо умирал мулла, казанский инициатор мулла Галеев хлопотал перед приходом за своего ставленника, которого и спешил определить на открывшееся место. Мусульмане всего Поволжья были захвачены этим движением. Муллы разделялись на два лагеря: новометодистов и старометодистов. Прогрессисты выпустили целый ряд сочинений, в которых они обличали различные предрассудки, укоренившиеся в массе народа, и обвиняли в застое татарской жизни старых мулл; консерваторы же доказывали, что новометодисты подрывают основы веры. Образовалось целое общество «Эль-Ислах» (реформа), цель которого распространение учебных заведений и литературы нового направления. Появилась газета того же названия, посвятившая свои страницы всецело реформе татарского образования; эта газета издавалась шакирдами казанских медресе, которые обнаружили сильное стремление к обучению русскому языку и настойчиво проводили мысль о необходимости изучения этого языка. Открылись три книжные фирмы для издания и распространения литературы новометодистов. Ввиду того, что мулла Галеев был одним из главных деятелей по привлечению татар к кадетской партии и видным распространителем идей панисламизма, в то же время он вызвал своей новаторской деятельностью сильное озлобление татар консервативных взглядов, то для пресечения вредной агитации он вместе с другими двумя муллами был административно выслан в Вологодскую губернию на два года. С его отъездом медресе продолжало существовать с тем же новаторским характером, хотя дух и направление учения в нем изменились, приняв деловой характер, по-видимому, без антигосударственной (кадетской) политики. Теперь мулла Галеев, восстановленный в правах, снов взял в свои руки управление медресе.

Из изложенного видно, хотя наиболее распространенным типом магометанских училищ до сего времени служат старые конфессиональные (т.е. для обучения религии) школы, но уже появился новый вид этих учебных заведений - так называемые - новометодные мектебе и медресе, в которых вместе с обучением религии проходятся и общеобразовательные предметы, и притом некоторые из этих медресе (Галеева - в Казани, Хусаинова - в Оренбурге, Бобинская - в Малмыжском (*Сарапульском - прим. ред.*) уезде Вятской губернии) стремятся быть своего рода учительскими семинариями, выпуская мугаллимов для магометанских училищ нового направления. Если новометодные школы в настоящее время еще не так многочисленны, то можно с уверенностью сказать, что при благоприятных к тому условиях в недалеком будущем они постепенно заменят собой старометодные медресе и мектебе. Таким образом, татарское юношество будет по-прежнему обучаться в своих национальных школах разным наукам в духе обособленности от всего русского, без всякого контроля со стороны правительства.

Допустимо ли такое положение дела с государственной точки зрения? Безусловно, нет. Общеобразовательная школа в России для всех ее племен и народов должна быть единая, государственная с преподаванием всех предметов, кроме религии, на русском языке.

Эта одна из основ государственного организма, залог его сплоченности и крепости. Если закон признает существование медресе и мектебе при мечетях, то они должны выполнять только одну цель: обучать детей магометан их религии; поэтому никоим образом не следует допускать в них преподавания общеобразовательных предметов. Но так как за последние годы татарами

стала очень сильно ощущаться необходимость реальных знаний и общего образования, то для удовлетворения этой законной потребности следует всячески облегчить татарскому юношеству получение такого образования на русском языке. Для этого необходимо: во 1-х, в возможно большем числе открывать в селениях русско-татарские училища, одноклассные и двухклассные, и даже высшие начальные училища, ремесленные, сельскохозяйственные и пр., с преподаванием в них всех предметов, кроме магометанского вероучения, на русском языке.

Во 2-х, для тех лиц из татар-магометан, которые пожелают обучаться в средних учебных заведениях, облегчить поступление в них увеличением возрастного срока, по крайней мере, на 2 года, что вызывается трудностью подготовки для них на родном языке.

В 3-х, повысить требования в знании русского языка от кандидатов на должности сельских мулл, установленные Министерством народного просвещения 30 декабря 1890 года, а именно не позднее как с 1 января 1916 года требовать от вышеупомянутых кандидатов знания русского языка в объеме правительственных одноклассных русско-татарских училищ. Такая мера побудила бы магометанское население хлопотать от открытия в их селениях русско-татарских училищ, чтобы обучать в них своих детей русскому языку. При нынешних же условиях, когда кандидаты на должность сельских мулл для выдержания экзамена по русскому языку находят возможным довольствоваться приватными от 3 до 6 месяцев занятиями, русско-татарские школы не могут быстро увеличиться в своем числе.

В 4-х, установить проектированные «правилами 26 марта 1870 года о мерах к образованию инородцев» требования в знании русского языка и русской грамоты для магометан, избираемых в общественные должности (земские, городские и сельские) и ввести эти требования в ближайший срок (примерно с 1 января 1917 года).

Последние меры несомненно, желательны для нужд и целей администрации, будут иметь особенное значение, как средство для сближения мусульман с коренным населением империи. Необходимость знания русского языка побудит мусульманское население заботиться об открытии в своих селениях русско-татарских училищ и обучать в них своих детей. Изучение же государственного языка и других общеобразовательных предметов на русском языке отвлечет мысль магометан от исключительных интересов ислама, раскроет им мир новых идей и поспособствует смягчению той религиозно-пламенной розни, которую до настоящего времени воспитывало и поддерживало исключительное господство в мусульманских школах учения ислама, заставляющего русских магометан тяготеть духовно более к Турции, чем к России.

М.Пинегин.

НА РТ, ф.1, оп.4, д.5482, лл. 92-96об

Опубликовано: Медресе г. Казани XIX - нач. XX вв. / отв. сост. Л.В.Горохова; под общ. ред. Д.И.Ибрагимова. - Казань: Гасыр, 2007. - С.218-222

№13

Записка казанского губернатора П.М.Боярского «По вопросу о современном направлении идей мусульманского населения Казанской губернии в связи с развивающейся пропагандой панисламизма и о мерах, могущих способствовать установлению правильного течения местной общественной жизни в соответствии с нашими государственными задачами».

Приложение к журналу Особого совещания по мусульманским делам, образованного при Министерстве внутренних дел

29 апреля 1914 г.

<...> Казанская губерния является одним из центров российского мусульманства, и притом не только по количеству проживающих в ее пределах мусульман, но и в смысле того значения,

какое имеет, в частности, г. Казань и местная татарская интеллигенция в деле развития и упрощения современных движений, главным образом, националистического характера, наблюдающихся в среде русских мусульман вообще.

По последним статистическим данным, общее число проживающих в ней магометан превышает 820 тысяч душ обою пола, что составляет 33 % всего населения губернии. По национальности среди магометан значительно преобладают татары, коих насчитывается свыше 819 тысяч обою пола душ, причем по отдельным уездам татары составляют от 71-73 % всего населения и лишь в двух уездах (Козмодемьянском и Ядринском), населенных другими инородцами, татар не проживает. Во многих уездах, благодаря такому численному соотношению, татары имеют доминирующее значение как в экономической, так и общественной жизни. Характерной особенностью этнографического состава Казанской губернии является то, что ни в одном уезде русский элемент не составляет подавляющего большинства населения, и находящиеся в этом отношении в наиболее благоприятных условиях уезды Свяжский, Спасский и Лаишевский насчитывают лиц русского происхождения от 68 до 56 %, а процент тех же лиц по всем остальным уездам весьма незначителен.

Если, независимо от цифровых данных, принять во внимание, что, в частности, г. Казань, бывший некогда столицей Казанского царства, окружен в глазах татар ореолом славных исторически-национальных воспоминаний, то отсюда естественным образом вытекает, что казанские татары не могли остаться чуждыми той эволюции, которая наблюдается последнее время среди мусульман всего мира, а в силу исторически сложившегося культурного преобладания и влияния поволжских татар среди мусульман-инородцев России заняли в этом отношении, можно сказать, первенствующее место.

<...>.

Между прочим, небезызвестный турецкий деятель Махмуд-Эсад-Эфенди, посетивший в прошлом году некоторые местности России и в том числе г. Казань, в беседе с сотрудником издающейся в Константинополе газеты «Сабах» в следующих выражениях отзывался о просветительской роли Казани и казанских татар: «Казань и соседний с нею край распространяют лучи просвещения среди мусульман, населяющих области к востоку до границ Китая. Куда ни пойдешь, везде встречаешь улемов (ученых), муаллимов (преподавателей) и коммерсантов Казанского края. Везде среди населения видны стремление к прогрессу и очень серьезная работа в этом направлении. Казань и ее округа являются самым просвещенным культурным центром мусульманского мира. К сожалению, мы этого до сих пор как следует не понимали».

Насколько развито в Казани татарское издательское дело можно судить хотя бы по тому, что в 4-х мусульманских типографиях г. Казани напечатано и вышло в свет неповрежденных изданий в 1908 г. - 456 названий, в 1909 - 412, в том числе 108 учебных руководств, в 1913 г. - 319. Таким размерам издательской деятельности соответствует и количество татарских книжных магазинов, которых в г. Казани существует в данное время 9.

Однако изданием учебников и книг разнообразного содержания не исчерпывается влияние г. Казани на умственную жизнь российского мусульманства и на формирование мусульманской общественной мысли. Здесь же издаются три газеты («Баянульхак» - Изложение правды, «Кояш» - Солнце, «Юлдуз» - Звезда (прогрессивного направления) и три журнала «Анг» (Понятие), «Мектебе» (Школа) и «Хокук ва Хаят» (Право и жизнь). На страницах повременных изданий, выходящих в г. Казани, татарские публицисты проповедуют необходимость братского единения мусульман между собою, как неперемennого условия сохранения значения мусульман и принадлежащих им прав; те же публицисты, выступая в качестве приверженцев европейского образования, ратуют за необходимость в то же время сохранения и развития национальной самобытности во всех сторонах жизни.

Параллельно с этим на страницах печати часто говорится о том, что татары являются членами одной и той же семьи народов, именно тюркской, и указывается необходимость изучения в татарских школах общего всем тюркского языка.

Вместе с тем нельзя, однако, не отметить, что в минувшем году, во время празднования 300-летия благополучного царствования Дома Романовых, все казанские газеты отнесли весь-

ма сочувственно к юбилею и целые номера их были заполнены статьями и стихотворениями, относившимися к празднуемому событию, в коих говорилось о неизменной верности русских мусульман престолу и о всегда милостивом отношении русских государей к своим поданным мусульманам. <...>.

Опубликовано: Особое совещание по мусульманским делам 1914 года: журналы / сост. И.К.Загидуллин. - Казань: изд-во «Ихлас»; Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. - С.41-42, 44-45

№ 14

Отношение казанского городского головы В.Д.Боронина казанскому губернатору П.М.Боярскому об организации помощи беженцам

4 августа 1915 г.

В видах правильного разрешения вопросов, выдвигаемых ожидаемым прибытием в г.Казань беженцев, мною было созвано в понедельник 3 августа заседание городского комитета, который пришел к заключению: о необходимости для более правильной помощи беженцам ввести в состав комитета представителей национальных организаций - по три от каждой - польского комитета, латышского, еврейского и мусульманского, и выделить из своего состава исполнительную комиссию, с непременным участием в ее заседаниях представителей национальных групп по одному от каждой. Комиссии даны широкие полномочия в отношении практической работы, с тем, чтобы она в затруднительных случаях обращалась к городскому комитету.

Во исполнение этого поручения исполнительная комиссия собралась 4 августа и вынесла следующие практические постановления: 1) для выяснения вопроса о размещении беженцев осмотреть городские бараки в татарской части города, помещение бывшей чайной Общества трезвости, городской чайной на Устьинских пристанях и др. и выяснить пригодность их для размещения беженцев и возможные переделки и приспособления; 2) выяснить вопрос о возможности найма номеров и отдельных квартир для беженцев интеллигентных и семейных, для чего войти в соглашения с владельцами номеров и поместить в местных газетах обращения к домовладельцам о нужде комитета в дешевых квартирах и просьбу сообщить о таковых городской управе; 3) озаботиться заготовкой соломенных матов, которые могли бы заменить матрасы; 4) расклеить плакаты на русском, татарском, польском, латышском и еврейском языках в разных местах города, на вокзале и на пристанях с извещением беженцев, где они могут найти приют, с адресами национальных комитетов; 5) организовать питание беженцев в городских столовых и при латышском комитете с выдачей обедов и ужина; 6) обеспечить прибывающих беженцев пользованием банями и выдавать им белье для смены; 7) медицинская помощь на первое время будет обслуживаться думскими врачами. Дальнейшую организацию предоставить разработать городской санитарной комиссии; 8) выдавать беженцам возвратные пособия на самых льготных условиях. Назначаемые пособия будут производиться, по обследовании степени нужды, городским комитетам. В намеченных к размещению беженцев помещениях может быть принято до 1500 чел. Что касается средств для организации помощи беженцам, то комитет постановил возбудить пред вашим превосходительством, не признаете ли Вы возможным передать в распоряжении комитета имеющееся у вашего превосходительства 3000 руб. из средства на оказание первой помощи беженцам и, кроме того, просить ваше превосходительство предоставить ходатайство о передаче комитету всей той суммы, которая поступила от сбора в пользу разоренных окраин, организованного по поручению комитета, состоящего под августейшим покровительством ее императорского высочества великой княжны Татьяны, имея в виду, что для помощи разоренным окраинам Казань дала средства в ноябре прошлого 1914 г.

Об изложенных предположениях комитета имею честь представить для сведения вашего превосходительства.

Председатель комитета,
городской голова

В.Д.Боронин

НА РТ, ф.419, оп.1, д.1297, л.19-20

Опубликовано: У милосердия древние корни (Благотворительность и милосердие в Казани в годы Первой мировой войны. 1914-1917). Сборник документов и материалов. Кн.2. / отв. ред. Л.В.Горохова, научн. ред. Д.Р.Шарафутдинов. - Казань: Гасыр, 2003. - С.107-108

№15

Статья «Имамы» из татарской газеты в переводе профессора Н.Катанова

1915 г.

Материальное положение наших сельских и городских имамов, не обеспечено и остается оно необеспеченным, по всей вероятности, еще долгое время. Имамы живут на средства прихода, но размеры этих средств, идущих в пользу имама крайне неопределенны. В последние годы имамов поставили в еще более неудобные условия. Заботы имамов увеличились. В связи с войной им в несколько раз больше приходится сдавать метрические выписки, разные справки. Для этих справок и метрических выписок нужны им бумага, при том более или менее хорошая. И вот сельский имам на свои последние деньги, которые он делили на чай и сахар, покупает бумагу. Поэтому среди сельских имамов встречаются случаи, когда имам истратив свои последние деньги на покупку бумаги, вынужден бывает жить без чая и сахара. Вот для таких имамов условия жизни являются и наиболее острыми.

В этом году урожай был отличным. Встречаются поэтому люди, которые говорят, что доход сельских имамов в этом году увеличился. Но эти люди ошибаются. Я наводил справки относительно более чем пятидесяти имамов и муадзинов. Из них 48 человек получили от 8 до 20 телег ушура (ушур – десятая часть собранного хлеба, которая должна быть отделена в пользу бедняков, а в настоящее время выделяется в пользу имамов и муадзинов), 2 человека получили по 35 телег, один муадзин 35 телег, а мулла того же прихода, что и муадзин, только 1,5 телеги. Только один мулла получили 50 телег ушура (*гушура – прим. ред.*).

Средним числом на одного муллу падает 14 телег. В пудах это выходит 84 пуда хлеба. Если бы имам мог ждать, пока хлеб вырастет в цене, он тогда, пожалуй, мог бы выручить столько, сколько зарабатывает в течение 8 месяцев сельский пастух. Но материальное положение имама не позволяет ему долго ждать. Ему нужно скорее продать рожь и заплатить долги Алтунбаеву. Его вещи лежат в закладе у этого Алтунбаева.

Наконец, должен за чай-сахар А[н]дрею. Надо и ему заплатить. Поэтому бедный мулла в разгар полевых работ вынужден все 84 пуда продать по 50 копеек за пуд. Получается 42 рубля. Из этих денег 10 рублей платит рабочим, которые смолотили его хлеб. Остается 32 рубля. При таком положении вещей поневоле должен иной раз думать следующим образом: «Конечно, хорошо было бы, если бы умер вон тот купец. Достались бы после него кое-что на починку дыр». Что может дать духовного такой мулла?

Теперь перейдем к самим муллам. Если я скажу, что 2/3 всех мулл достойны своего звания, а остальные часто совершенно недостойны его, то едва ли я буду не прав. У меня в настоящее время имеются бумаги от разных мулл. Многие из этих мулл пишут с грубыми ошибками. Из них трое совсем не умеют писать. Среди мулл некоторые имеют по девяти человек детей. Как будет воспитывать их мулла, вынужденный жить на 32 рубля?

Нынче все дорого. Поэтому все представителям труда жалованье увеличили. Между тем как доход муллы в этом году меньше прежнего. Кроме того, в этом году с мулл заставили заплатить

и те 25 рублей, которые они в голодный год заняли у правительства через Духовное собрание. Кто не может заплатить у того описывают имущество. Раньше бывали браки, рождались дети и они давали мулле кое-какой доход. С уходом мужчин на войну в этом году не стало и браков. Не женихов для девушек, с уходом на войну мужей уменьшилась и рождаемость.

Единственное, что при таком положении вещей остается делать мулле, это читать проповеди, удобные какому-нибудь сельскому кулаку, если он сельский мулла, или же подмазаться к богачам, если он в городе.

Безусловно, среди мулл есть и честные, может, мулла, про которого мы выше говорили, что получил только 1,5 телеги, в то время как мулла прихода – 35 телег, безусловно, человек очень честный. Он никогда не продает себя, даже за миллионы.

В этом вопросе не без греха так же и печать. Она обрисовала мулл обжорами, обирателями народа. Муллы сами против этого не возражали. Но почему же вы, отцы, не защищаете себя. Или уже вы не умеете читать? Может быть не обращаете внимания на печать? Вы ведь прекрасно видите, какое большое влияние имеет печать. Если мы не будем стараться за себя, о кто же будет стараться? Вы ведь не ангелы и не можете без того, чтобы не пить, не есть, не одеваться. И тому же не надо забывать, что всем нужно воспитывать своих детей.

Ахун Гиниятулла сын муллы Гизатуллы.

НА РТ, ф. 969, оп.1, д.46, лл.5-9-об

№ 16

Из обзора экономического и бытового положения населения Казанской губернии за 9 месяцев с начала войны - о помощи семьям лиц, призванных или добровольно вступивших в ряды действующих армии

20 июля 1915 г.

Из всех источников, за счет которых производилось и производится вспомоществование семьям лиц, призванных или добровольно поступивших в ряды действующей армии, - казенное довольствие на основании закона 25 июня 1910 г. является, конечно, самым ценным. Все другие виды помощи имеют, за редким исключением, характер временный. Общественные организации редко располагают достаточными средствами и поэтому помощь их преждевременно прекращается, притом она в большинстве случаев ограничивается единовременными выдачами. Единственное в этом отношении исключение составляет организованная Казанским городским самоуправлением помощь из городских средств, которая по характеру своему близко подходит к казенной, о чем более подробно будет сказано ниже.

От начала первого призыва запасных и ратников ополчения до мая включительно 1915 г. было выдано пособий из средств казны по городам 270171 руб. 15 коп. и в сельских местностях 5683068 руб. 56 коп., а всего 5953239 руб. 71 коп. или в среднем по 567000 руб. в месяц. В городских поселениях пособия выдаются ежемесячно, а в сельских по расчету на три месяца <...>.

Первоначально размер пайка был установлен для г. Казани в 2 руб. 24 коп., а для уездов с их городами, в зависимости от стоявших цен на продукты питания, от 2 руб. 9 1/2 коп. по Казанскому и до 2 руб. 34 коп. по Спасскому и Чистопольскому уездам, причем по большинству уездов паек был назначен в 2 руб. 17 коп. <...>.

Таким образом, при существовавших размерах паек средняя по численности семья в 4 человека в возрасте старше 5 лет, имеющих право на получение полного пайка, должна была получать от казны пособие, проживая с сентября до июня в г. Казани, 9 руб. 4 коп., а в уездах - минимум, при пайке 2 руб. 16 коп., - 8 руб. 60 коп. и максимум, при пайке в 2 руб. 34 коп., - 9 руб. 36 коп., т.е. в этом случае даже более, чем в г. Казани. По сообщению податных инспекторов, некоторые семьи, вследствие своего многочисленного состава, получали пособия до 17 руб. - 22 руб.

в месяц, т.е. такую сумму, которую даже не вырабатывали призванные из таких семей. Вообще размер казенного пособия для жителей деревень признается всеми совершенно достаточным, вполне обеспечивающим семью ушедших на войну и даже иногда дающих возможность делать сбережения, вносить избытки в сберегательные кассы, погашать долги призванных и т.п., как об этом сообщает в своей записке податный инспектор Ядринского уезда, бывший сам очевидцем всего этого. Податный инспектор Спасского уезда вдается еще глубже в оценку значения казенного пайка. Он считает размер выдаваемых за счет казны пособий предельной помощью, полагая, что при увеличении ее, может уже явиться дальнейшее искусственное ослабление энергии и трудоспособности некоторых семей.

В самых редких случаях оказывалось недостаточно для крестьянских семей казенной помощи и тогда последняя восполнялась общественной благотворительностью на покупку, например, одежды для детей, вывозку дров для семей, в которых не осталось мужчин и т.д.

Кроме того, мирские, общественные средства расходовались иногда, но не на нужды собственно семей призванных, а на потребности последних. Так, например, некоторые сельские общества Царевококшайского уезда ассигновали запасным и ратникам ополчения 2650 руб. <...>.

В случаях получения крестьянскими семьями казенного пайка в одинаковом размере и даже несколько в меньшем с пайком городских семей, первые оказывались всегда в более благоприятных материальных условиях, чем последние. Крестьянские семьи, за самым редким исключением, имеют собственную избу, очень часто обеспечены топливом, если не в виде дров из общественного леса, то, по крайней мере, в виде соломы. Главнейшие продукты питания собственного хозяйства и обеспечивают существование, если не до нового урожая, то по крайней мере, хотя в течение некоторого времени года. Наконец, не редко возможно встретить в крестьянской семье и предметы одежды и обуви также собственного, домашнего производства (холст, валенки, лапти и т.д.).

Семьи призванных, проживавших в городах в качестве рабочих, ремесленников, служащих у частных лиц и т.п. и получавших средства для существования исключительно от личного труда оказались весьма в тяжелом материальном положении. Последнее усугублялось еще более для тех семей, в которых не осталось рабочих рук.

Помимо заботы о насущном хлебе, подобные семьи должны были изыскивать способ обеспечить себя помещением, топливом, одеждой и проч. Тот казенный паек, который был определен для выдачи семьям запасных, конечно, не мог обеспечить существование никакой семьи, раз она не была обеспечена недвижимостью или доходами от какого-либо вообще имущества или занятия, которое по роду своему легко могло продолжиться семьей и после призыва его главы (например, торговля). Только весьма немногие семьи призванных, служивших у частных лиц, оказались сравнительно в счастливом положении. Некоторые богатые торгово-промышленные фирмы, а также и частные лица, сочувственно отнесшиеся к положению семей запасных, предоставили последним бесплатное временное проживание, а в иных случаях даже и до конца войны в тех самых помещениях, в которых они жили вместе с призванными, пользовавшимися по роду своей службы бесплатной квартирой; некоторые же фирмы сочли возможным сохранить за семьями часть содержания призванных.

Благодаря такому общему положению перед городами встала очень трудная задача по облегчению той нужды, которая широкой волной катилась в семьи призванных из городского населения.

Казанское городское общественное управление одно из первых встало на путь и ассигновало для удовлетворения нужды семей призванных 100000 руб., из которых к апрелю 1915 г. уже было израсходовано 55064 руб. 73 коп. Для осуществления этой меры городом был организован особый комитет, в состав которого вошли, кроме городских гласных, и представители различных классов населения. Этим городским комитетом оказывалось и оказывается помощь в четырех видах. Во-первых, им выдается продовольственное пособие в размере установленного казенного пайка лицам, не имеющим по закону права на получение последнего, например, гражданским женам с их семьями, живущими вместе с призванными и на их средства, если это было установлено специальным обследованием через особые участковые попечительства, на которые город был разделен по числу шести полицейских частей. Все по этому виду довольствия городом было выдано за время с 17 июля 1914 г. по март 1915 г. включительно 2706 семьям 13384 руб. 33 коп. За сим, наиболее распространенным видом помощи являлось выдача

квартирного пособия, которого за все выше указанное время было выдано 10398 семьям - 21991 руб. 16 коп. Это пособие выдавалось только семьям, которые, по местному обследованию, оказывались очень нуждающимися, причем оно выдавалось из расчета по 75 коп. на каждое лицо в месяц, но не выше 3 руб. на одну семью, хотя бы она состояла и более, чем из 4 членов.

В течение декабря и января месяцев город отпустил семьям запасных 1200 сажень дров на сумму 6690 руб. 48 коп. Дрова эти были собственной заготовки из городского леса. Так как самому городу было очень трудно организовать раздачу дров, то последняя была произведена при содействии церковных попечительств, как общественных организаций очень близко стоящих к местному населению и хорошо знакомых с материальным достатком отдельных членов своего прихода. Благодаря такому соглашению дрова были доставлены в церковные попечительства, а последние уже выясняли, на основании особых обследований, степень нужды отдельных семей и действительно нуждающимся выдавали топливо, приблизительно 1/2 сажень на семью. Наконец, при широком содействии местного общества городу удалось устроить бесплатные столовые, которых в настоящее время функционирует 13. На содержание их городом израсходовано до апреля месяца 12998 руб. 26 коп. Этой суммой не исчерпывается весь расход по столовым, так как к ним стекаются очень много частных пожертвований натурою и деньгами, общую сумму каковых добровольных приношений учесть довольно трудно. В столовых ежедневно кормятся дети запасных, семьи которых наиболее нуждаются. В крайних случаях, например, вследствие болезни или по другой уважительной причине, обеды отпускаются и вне столовых.

Кроме прямого своего назначения, городские столовые преследуют еще воспитательную цель. Местные интеллигентные дамы, являющиеся фактическими руководительницами всего дела в столовых, стремятся, по возможности, искоренить замеченные в детях дурные привычки и наклонности, привить к ним любовь к религии, родине, заинтересовать различными научными познаниями, доступными детскому возрасту и т.п. Результат такого отношения сказывается очень скоро на детях и последние делаются более воспитанными.

Было бы несколько неполным освещение деятельности города в рассматриваемой сфере, если бы попутно не было упомянуто об устройстве им, при широком участии местного общества, сбора вещей в конце 1914 г. в пользу наших воинов. Сбор этот превзошел всякие ожидания. Была собрана масса различных предметов, которые по своему назначению, не могли быть направлены по прямому назначению, как, например, предметы женского одеяния и частью мужского, и потому все такого рода вещи были розданы на месте семьям запасных через те же церковные попечительства.

Помимо указанной городской организации, в г. Казани функционировало еще несколько организаций, преследовавших ту же цель - материальную помощь семьям призванных. В первую очередь можно поставить деятельность местных церковных попечительств, выдававших из своих средств, приблизительно, в месяц по 1 руб. и более на одного члена семьи, особенно нуждающейся или обремененной числом членов. Деятельность этих попечительств была и есть очень продуктивна благодаря тому, что сфера ее касалась сравнительно небольшого района и потому обследование материального положения семей запасных не представляло особенного труда для членов попечительств, как жителей той же местности.

Казанский отдел общества повсеместной помощи, состоящий под высочайшим Его императорского величества покровительством и имеющий своей задачей оказывать помощь пострадавшим на войне русским воинам и их семьям, проявил очень заметную деятельность в деле оказания помощи призванным на действительную службу. В 1914 г. отделом через своих членов было обследовано 1115 семейств и роздано им пособий свыше 4000 руб., а в текущем году выдано еще 2000 руб. Кроме того, отдел через попечителей роздал наиболее бедным семьям запасных одежды и белья более 700 штук. Деятельность отдела заметно расширяется, так как увеличивается число членов и усиливается приток пожертвований. Для усиления средств отдела местными общественными учреждениями сделаны ему пожертвования: земством 300 руб. и г. Казанью 500 руб.

Из других городов губернии наибольшую деятельность по призрению семей запасных проявил г. Чистополь, оказавший помощь по апрель 1915 г.: деньгами на 6905 руб., продуктами - чаем, сахаром, мукой - 683 руб. 63 коп., топливом - 3000 руб. и водою - 400 руб., всего на 10988 руб. 63 коп.

Кроме этого, с января с.г. на помощь семья призванных пришло попечительство о трудовой помощи устройством пяти столовых детей от 3 до 14 лет. За первые три месяца существования столовых расход их определен в сумме около 1500 руб., причем на призрении находится 709 семей с 2359 едоками.

Деятельность остальных городских самоуправлений в указанной области проявлялось в более скромных масштабе, по возможности настолько, насколько позволяли средства каждого.

В уездных городах также функционировали разные благотворительные организации по мере своих средств.

Сводя общий итог суммам, выданным семьям призванных по март месяц включительно, получается 6128597 руб. 46 коп., в том числе выдано пособий: от казны 5953239 руб. 71 коп., земского и городского союза 21015 руб. 70 коп., земств 37708 руб. 83 коп., городов 74202 руб. 15 коп., из мирских средств 17894 руб. 44 коп., от волостных попечительств 754 руб. и церковно-приходских попечительств, общества повсеместной помощи и различных благотворительных организаций 23782 руб. 93 коп.

Начальник отделения

И.А.Спасский

НА РТ, ф.3, оп.1, д.10137, л.192-195об., 213.

Опубликовано: У милосердия древние корни (Благотворительность и милосердие в Казани в годы Первой мировой войны. 1914-1917). Сборник документов и материалов. Кн.2. / отв. ред. Л.В.Горохова, научн. ред. Д.Р. Шарафутдинов. - Казань: Гасыр, 2003. - С.97-103

№17

Из донесения главноначальствующего Казанской губернии П.М.Боярского в Департамент полиции об озлоблении населения г. Казани вследствие экономического кризиса

17 октября 1915 г.

С внешней стороны как будто бы все спокойно, но внутри сквозит скрытое недовольство и озлобление особенно вследствие вздорожания жизни, начиная от квартир, топлива и кончая самым необходимыми продуктами. В этой дороговизне видят главным образом спекуляцию коммерсантов, желающих нажиться, пользуясь моментом. И озлобление против них очень сильно. Усилия городского управления бороться с дороговизной путем конкуренции не могут осуществляться потому, что нет денег, а в ходатайстве города о миллионной ссуде отказано.

Недовольство сквозит даже в таких кругах, где этого менее всего можно было ожидать и разговоры о революции, как финал войны, стали обычным явлением.

НА РТ, ф.1, оп.4, д.6259, л.28

Опубликовано: История Казани в документах и материалах. XX век / под ред. Р.У.Амирханова. - Казань: Магариф, 2004. - С.59.

№ 18

Телефонограмма помощника казанского губернского комиссара мамадышскому уездному комиссару о принятии мер против крестьян села Ямбай, Абдинской волости, разгромивших имение помещика Юнусова

16 мая 1917 г.

Абдулвалей Ихсанович Юнусов телеграфирует, что в имении Ямбай, Абдинской волости, крестьяне ближайших сел восстали, избили приказчика, грабят имение, взяли деньги и прочее, опасается убийства, судьба семейства в неизвестности, сам спасся бегством, при имении имеет-

ся хлеб, предназначенный для сдачи армии. Прошу принять самые энергичные меры к установлению законности и порядка вплоть до отправки воинской команды, строжайше расследовать дело и виновных привлечь к законной ответственности. О последующем сообщите.

Пом [ощник] губернского комиссара Чернышев

НА РТ, ф. 1246, д. 51, л. 151.

Опубликовано: Татария в борьбе за победу пролетарской революции (февраль - октябрь 1917 г.): сборник документов и материалов / Ин-т истории партии при Татарском Обкоме КПСС [и др.]; под ред. М. К. Мухарямова [и др.]. - Казань: Татаркнигоиздат, 1957. - С. 290.

№19

Заметка в газете «Кзыл байрак» «Задачи различные или у каждого свои задачи» по поводу истинных целей военного займа

18 июня 1917 г.

В чем задачи солдата на войне и какие обязанности возлагаются на плечи буржуа? На этот вопрос имеется ясный ответ в объявлении правительства о займе.

Там сказано: «Армия свою задачу перед Родиной выполнила, она перешла в наступление. Вы тоже свои задачи выполняйте, подписываясь на заем свободы, помогайте армии».

Именно так, задачи солдата перед Родиной – получать ранения, быть искалеченным и погибать на войне, а задачи буржуев – сидя дома, приобретать облигации займа, извлекать шесть процентов прибыли от займа и подсчитывать другие барыши. Несчастные буржуи, какие тяжелые обязанности несут они! Товарищи солдаты, отправляющиеся на поле боя, пожалейте этих несчастных буржуев!

Социал-демократ

«Кзыл байрак», 18 июня 1917 г., № 3.

Опубликовано: Документы по истории Октября в Татарии: (март 1917 - март 1918 гг.): сборник/ сост.: Л. В. Горохова, Н. М. Силаева. - Казань: Татарское книжное изд-во, 1973. - С. 69.

№ 20

Из отчета отдела труда Комиссариата по делам мусульман внутренней России при С[овете] Н[ародных] К[омиссаров] за период с 15 апреля по 1 мая

4 мая 1918 г.

Разрушена буржуазная организация «Милли Шуро» московской татарской буржуазии. На место буржуазной организации создан отделом труда совместно с Центральным мусульманским социалистическим комитетом Московский комиссариат по делам мусульман г. Москвы и Московской области при Совете рабочих, солдат и крестьянских депутатов.

ГАРФ, ф. 1318, оп. 17, д. 4, л. 1.

№ 21

Доклад Хвалынского мусульманского подотдела Саратовского губ[ернского] отдела по делам национальностей с апреля 1919 по 15 июня 1920 г.

Не ранее 15 июня 1920 г.²

² Датируется на основе документа.

Мусульманский отдел организован в апреле 1919 г. Собраны были сведения из волостей уезда о числе населения мусульман. Распространяли среди мусульман политическую литературу, газеты и журналы. Настроение мусульман к советской власти дружелюбное. Мусульмане очень интересуются газетой, журналом. Мусульманский отдел заказал в г. Казани мусульманские шрифты. Татары относятся с большой любовью к театру. Сирот определяют к приютам. Но нет средств. Недавно только получено известие от Саратовского губ[ернского] отдела по национальным делам об утверждении сметы на 1920 г., но кредит до сих пор не открыт. Штат работников вместо 3-х утвержден только 1. Работа среди 70 тысяч мусульманского населения для одного инструктора – агитатора очень тяжелая.

Зав. подотделом

Алимжан Нурмухамедов

ГАРФ, ф. 1318, оп. 17, д. 92, л. 177.

№ 22

Из резолюции I Всетатарского учредительного съезда Советов³

26–27 сентября 1920 г.

Заслушав доклад Наркомпроса о его деятельности, находящейся вследствие разных причин в общем и целом в плачевном состоянии, I Учредительный съезд Татарской АССР все же отмечает значительные успехи, достигнутые упорной борьбой органов просвещения при неблагоприятных условиях хозяйственного распада школ и недостатка педагогических кадров.

Одновременно съезд находит, что Наркомпрос, объединяя в себе всю просветительную и идейную работу Татреспублики, должен исходить из особенностей области с тем, чтобы все рабочие и крестьяне в действительности были творцами и участниками пролетарской культуры во всех направлениях.

На повестке дня съезда были:

1. Текущий момент.
2. Доклад Татревкома.
3. Продовольственный вопрос.
4. Хозяйственное строительство.
5. Доклад земотдела.
6. Доклад собеса.
7. Доклад Татздрави.
8. Доклад по народному просвещению.
9. Выборы ЦИК.

<...>

Предлагая будущему Наркомпросу твердо проводить свою практическую работу по линии выполнения всех своих заданий в области социального воспитания, а также школьного, внешкольного и дошкольного образования, I съезд Советов предлагает Наркомпросу обратить серьезное внимание на постановку профессионального и технического образования, которое до сих пор встречало почти непреодолимые помехи в своем проведении.

В этой области съезд находит необходимым: 1) усиленно заняться подготовкой учительского персонала, 2) обязательно образовывать группы учителей, могущих преподавать не только на русском, но и на других языках разных национальностей Татарской АССР, для чего предлагается выделить часть учителей и командировать их на специальные курсы, 3) заготовить запас

³ Первый Всетатарский учредительный съезд Советов открылся в Казани 26 сентября 1920 г. Съезд провозгласил образование Автономной Татарской Советской Социалистической Республики в составе РСФСР. После образования секретариата съезда, избрания мандатной комиссии и редакционной коллегии были образованы три секции - земледелия, народного образования и здравоохранения, которым поручалось подготовить съезду доклады по соответствующим отраслям управления.

оборудования для профшкол и мастерских, 4) слабые школы соединять с более сильными или в последних устроить: а) интернаты и б) подготовительные группы для лиц разных народностей, 5) усиленно заняться переводом специальных книг на татарский и чувашский языки, 6) быстрее закончить разработку учебных планов и программ, 7) сосредоточить внимание на развитии профессионально-технических знаний среди взрослых, организуя курсы не только при заводах, но и при хорошо оборудованных школах.

Кроме того, в организационном отношении съезд рекомендует будущему Наркомпросу установить более тесную связь с другими советскими ведомствами: установить твердый контакт и организационное слияние работы всех (подведомственных Наркомпросу органов, в частности, свою работу с горотделом и, наконец, правильно и твердо поставить дело учета и распределения работников просвещения, в возможных пределах обеспечить их благоприятными материальными условиями и одновременно поднимая среди них на достаточную высоту трудовую дисциплину.

Опубликовано: Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик. Сборник документов в 3 тт. – Т. 1 (1917-1922 гг.). – М., 1959. – С. 571-573, 581-583.

№ 23

Из доклада Сибирского татарского подотдела отдела национальностей при Сибревкоме в декабре 1920 г.

Не ранее декабря 1920 г.⁴

<...> Издавать на татарском языке еженедельную газету, издавать брошюры не менее 20 п.л. в месяц, отвечающие запросам татарской массы.

Зав. Сиб[ирско]татарским подотделом
отдела национальностей при Сибревкоме

ГАРФ, ф. 1318, оп. 17, д. 108, л. 2.

№ 24

Из доклада издательства Сибирского татарского отдела Киргизского бюро отдела нацменьшинств при Сиб[ирском] бюро ЦК РКП(б)

6 декабря 1920 г.

<...> На татарском языке «Красная молодежь Востока» издано 15 номеров.

В Томске

Издано 72 номера газеты «Кызыл Шарык» 2 раза в неделю по 600-700 экз. Сейчас – 1700 экз. Редактор Халил Сайфуллин.

В Семипалатинске

По прибытии в Семипалатинск красноармейских войск издается газета на татарском языке «Эшче халык союзы».

ГАРФ, ф. 1318, оп. 17, д. 108, л. 4.

⁴ Датируется на основе документа.

№ 25**Из доклада о деятельности подотдела национальных меньшинств
Царицынского губернского отдела народного образования**

Не ранее 1921 г.

По имеющимся сведениям населения нерусского языка в Царицынской губернии около 40 тысяч, из них татарского языка – 25 тысяч.

В 1920/1921 учебном году открыто школ I ступени в г. Царицыно и губернии на татарском языке – 22. 3 татарского народного дома, 4 татарских школ для взрослых, 1 татарский детский сад. Школьных работников татарского языка – 57. Татарских учащихся – 2000.

Секретарь

Мискарев

ГАРФ, ф. А-296, оп. 2, д. 47, л. 11.

№ 26**Декрет ЦИК и СНК Татарской АССР о введении татарского языка
в делопроизводство советских учреждений республики⁵**

25 июня 1921 г.

Учитывая создавшуюся впервые после долголетних обострений гражданской войны возможность мирного культурного строительства Татарской Республики, Татарский Центральный Исполнительный Комитет и Татарский Совет Народных комиссаров - в отношении татарского трудящегося населения - постановляет:

1. Ввести во всех государственных советских учреждениях татарский язык обязательным.

Примечание: Общественные, кооперативные и профессиональные организации вводят татарский язык по своему усмотрению.

2. В целях планомерного и скорейшего осуществления настоящего положения при ТатЦИКе, на правах его отдела, учреждается специальная комиссия по реализации татарского языка, которая использует и развивает все татарские культурные силы путем их учета и распределения как в Центре, так и на местах⁶; а также через Татнаркомпрос проводит мероприятия организации новых кадров татарских культурных работников, знающих татарский язык и национальный быт трудящихся. Постановления комиссии считаются обязательными для всех советских учреждений и могут быть обжалованы только в ТатЦИКе и в Совнаркоме.

3. Обязательной орфографией при реализации татарского языка считается новая - разработанная Наркомпросом. Ему же, Наркомпросу, поручается создать специальную комиссию по установлению подходящей для государственных сношений терминологии и татарскую азбуку для телеграфных сношений.

4. Наркомпросу поручается немедленно организовать курсы татарского языка для желающих советских служащих народной связи и советских работников⁷. Ввести во всех русских

⁵ Вопрос о введении татарского языка в делопроизводство был рассмотрен еще 14 февраля 1921 г. на заседании Президиума ЦИК ТАСР, на котором было принято постановление о необходимости реализации татарского языка. (НА РТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 6. Л. 45).

⁶ Постановление ЦИК ТАСР от 13 мая 1922 г. было утверждено положение о кантонных комиссиях по реализации татарского языка. На них возлагалось руководство работой всех советских учреждений в пределах кантона по введению татарского языка в делопроизводство. (НА РТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 2. Л. 136. Подлинник).

⁷ Постановлением СНК ТАСР от 24 мая 1921 г. предложено Наркомпросу ТАСР к 15 июня 1921 г. открыть курсы татарского языка в Казани, кантонах и волостях. Курсы должны были обслуживать в первую очередь ответственных работников, во вторую - советских служащих, в третью - всех желающих. (НА РТ. Ф. Р-3682. Оп. 2. Д. 436. Л. 44).

школах 2-й ступени для желающих преподавание татарского языка, а в 7 татарских школах - точно также преподавание русского языка.

5. Наркомпросу поручается открыть в свое время закрытые татарские школы и усиленно развивать татарские народные театры, причем все советские учреждения обязаны Наркомпросу оказывать всяческое содействие.

6. Немедленно организовать по практическому соглашению ТатЦИКа и Наркомюста и их органов на местах народные суды на татарском языке в местностях с большинством татарского населения, чтобы таким образом судебные процессы и приговоры обязательно производились на родном языке подсудимых. По мере необходимости органы народных судов пользуются переводчиками, утвержденными ТатЦИКом и Наркомюстом или их органами на местах.

Примечание 1. Переводы текстуально заносятся в протоколы и зачитываются перед обвиняемыми и свидетелями, причем переводчики отвечают перед судом Ревтрибунала за неправильный или злоумышленный перевод.

Примечание 2. Наркомюсту поручается в месячный срок разработать положение о смешанном делопроизводстве.

7. Немедленно ввести прием и передачу телеграмм на татарском языке русским шрифтом в телеграфных конторах по практическому соглашению ТатЦИКа с почтово-телеграфным ведомством, там, где это вызывается необходимостью, впредь до разработки татарского шрифта и особого постановления Комиссии по реализации татарского языка и декрета ТатЦИКа и Татсовнаркома. Не медленно принимается во всех телеграфных конторах заказная корреспонденция с адресами на татарском языке. При этом Комиссии по реализации татарского языка предлагается принять срочные меры к свободной передаче простой корреспонденции с татарскими адресами.

8. Все декреты и постановления ТатЦИКа, Совнаркома и советских учреждений, подлежащие опубликованию, издаются на татарском и на русском языках.

9. Учитывая высокий процент русского пролетарского и крестьянского населения в г. Казани и кантонах, для которого исключительное введение татарского языка может явиться большим затруднением - наравне с татарским, на правах государственного, существует и русский язык.

10. Переписка между государственными учреждениями и дело производство внутри их производится на одном из государственных языков, причем и в тех и в других случаях при учреждениях организуются бюро переводчиков, дающих справки на любом из государственных языков.

Примечание 1: Бюро переводчиков организуются по конкретному указанию Комиссии по реализации татарского языка и не могут превышать количества 3-х переводчиков без особого канцелярского аппарата при центральных наркоматах и 1-2-х - на местах на тех же условиях.

Примечание 2. На Комиссию по реализации татарского языка возлагается обязанность снабжать силами переводчиков все учреждения в коих признано необходимым организовать бюро переводчиков.

Примечание 3. При отсутствии переводчиков учреждения реализуют татарский язык своими силами в пределах фактической возможности.

11. Все недоразумения и затруднения при осуществлении настоящего декрета разрешаются Комиссией по реализации татарского языка.

Председатель ТатЦИКа

Бурхан Мансуров

Председатель Татсовнаркома

С.Саид-Галиев

Секретарь ТатЦИКа

Х.Гамзат

№ 27

Положение об Академическом центре Наркомпроса Татарской АССР⁸

3 декабря 1921 г.

I. Общее положение

Академический центр ведет общим теоретическим и программным руководством научной, учебной (учебно-педагогической и учебно-технической), просветительной и художественной деятельностью Наркомпроса.

Основными задачами Академического центра являются:

- а) Выработка общего плана народного просвещения на тот или иной период по проектам, представленным центрами и главками Наркомпроса.
- б) Выработка по особому поручению коллегии Наркомпроса частных планов для той или другой области просвещения.
- в) Разработка планов и программ деятельности научных учреждений и программ преподавания всех типов учебных заведений ТССР.
- г) Непосредственное заведывание учреждениями, ставящими своей задачей чисто научную, теоретическую и художественно-академическую работу.
- д) Руководство, направление и координирование работы центров и главков Наркомпроса в тех или иных учреждениях, ведущих академическую работу.
- е) Выработка планов и проектов по организации научных экспедиций, исследований и созыв научных конференций.
- ж) Приобретение научных трудов, учебников, литературно-художественных произведений - путем объявления конкурсов, составления коллективов и [з] отдельных заинтересованных лиц.
- з) Учет и регистрация существующих научных обществ и организация новых.
- и) Общее руководство указанными в § 3 учреждениями.

II. Структура Академического центра

3. При коллегии Академического ц[ентра] имеется научная комиссия: 1) научно-политическая, 2) научно-техническая и 3) научно-педагогическая, 4) художественная с пятью подкомиссиями:

а) литературной, б) театральной, в) музыкальной, г) изобразительных искусств и д) кинематографической. Сверх того туда же входят Главархив и Главмузей, секретариат Академического центра.

4. Академический центр управляется коллегией в составе 5 чел.

1) председатель Академцентра, 2) председатель государственного ученого совета, 3) председатель главной художественной комиссии, 4) председатель Главархива и 5) председатель Главмузея, и, кроме того, один представитель от ТЦСПС.

5) Председатель коллегии является заведующим Академическим центром и несет ответственность за всю работу Академцентра.

6. Заведующий Академическим центром назначается Наркомпросом и утверждается Совнаркомом ТССР<...>⁹.

Народный комиссар просвещения Татарской АССР
Секретарь коллегии Татнаркомпроса.

Ш.Ахмадеев

НА РТ, ф. Р-3682, оп. 2, д. 432, л. 389-390.

⁸ Положение утверждено на заседании коллегии Наркомпроса Татарской АССР от 3 декабря 1921 г. (НА РТ. Ф. Р-3682. Оп. 2. Д. 432. Л. 388).

⁹ Опущены сведения о штатах Академического центра.

№ 28**Сведения о татарской национальности, проживающей на территории РСФСР.
Сведения от 1920 года**

13 февраля 1922 г.

Петроград: Бюро переводит политические книги на татарский язык.

Работают 2 школы I-й ст[упени], две дошкольные группы при школах.

Оренбург: школ I-й ступени – 16; II-й ступени – 74. Открыты 3-х годичные педагогические курсы. Имеется Восточный институт с факультетами: Восточный словесно-художественный, географический, биологический, исторический и физико-математический. Открыты рабоче-крестьянские клубы и народные дома. Имеются библиотеки-читальни в 23 пунктах.

Рабоче-крестьянских клубов в 5 школах для взрослых.

Сведения от 1921 года

Саратов. Татарская секция издает газету «Ялкын». Вне пределов Татарской Республики разбросано 5-6 млн. татар. В пределах Татарской Республики проживают всего 1 700 000 человек.

В шахтах Сибири работает 100 тысяч человек. В Донбассе – 100 тысяч человек.

В Уфимской губернии всего населения – 1 790 572 человек. Из них татар более 50% – 966 619 человек.

В Самарской губернии – татар до 500 000 человек (около 20 % всего населения).

В Саратове – 250 тысяч (10% всего населения, в административных органах татар совершенно нет).

В Сибири до 1,5 млн. (в административных органах [татар] нет).

Сведения взяты из газеты «Жизнь национальностей» от 1920-1921 года.

Делопроизводитель татарского п/отдела А. Бабушкина.

ГАРФ, ф. 1318, оп. 17, д. 4, л. 16-16 об.

№ 29**Распределение татарской национальности по губерниям РСФСР (чел.)**1922 год¹⁰

Алтайская	- 1 445
Астраханская	- 10 000
Вятская	- 17 000
Екатеринбургская	- 26 050
Кубанская	- 100
Казанская	- 798 910
Пензенская	- 120 000
Пермская	- 36 205
Новгородская	- 30
Олонецкая	- 10
Омская	- 167 605
Рязанская	- 3 665
Симбирская	- 100 000
Ставропольская	- 5 960

¹⁰ Датируется на основе титульного листа «Д. 4.»

Енисейская	- 5 000
Тюменская	- 35 760
Тамбовская	- 17 865
Томская	- 41 900
Царицынская	- 5 745
Черноморская	- 200

Всего - 1 393 450

<...>

Расселение татарской нации по уездам РСФСР (чел.)

Вологодская губерния:

Вологодский уезд – 33
Грязовецкий уезд – 12

Всего – 45

Костромская губерния:

Туй уезд – 31
Галичевский уезд – 2
Костромской уезд – 108
Колиграфский уезд – 111
Солигаличевский уезд – 21
Чухлома – 1
Ст. Шарья – 1

Всего – 195

Двинская губерния:

В. Устюган – 59

Всего – 59

Инспектор – подпись¹¹

ГАРФ, ф. 1318, оп. 17, д. 4, л. 17-17 об.

№ 30

Выписка из сводки Спасского политбюро Татарскому рескому о настроении населения кантона за период с 15 по 30 ноября 1920 г.

15 декабря 1920 г.

Настроение служащих советских учреждений спокойное, лишь слышны со стороны некоторых недовольства на невыдачу мануфактуры и, вообще, продуктов первой необходимости. К Советской власти и компартии таковые относятся сочувственно и возложенные на них обязанности выполняют добросовестно. Настроение же крестьян в связи с переживаемым моментом плохое, со стороны которых везде и всюду слышны ропоты* на власть, говоря, что власть отбирает у нас последнее и нас, верно, хочет поморить голодом, так как в настоящем году урожай был плох и, не-

¹¹ Подпись неразборчива.

смотря на это, по их мнению, разверстка налагалась, не сообразуясь с урожайностью, кроме того, крестьянство недовольно тем, что не выдается предметов городского производства, а главное, мануфактуры, и затем в кантоне имеются случаи, когда крестьяне уже начинают питаться желудями. В довершение всего крестьянство ропщет на то, что власть якобы ни с чем не считается, зная, что кормить лошадей нечем, но в подводы гоняют ежедневно и в большинстве случаев наблюдается явление засильства кулачества, которое умело пролезает в сельсоветы и старается всячески эксплуатировать бедняка, так как, по мнению кулаков, чрезвычайный налог на них налагался бедняками, и вот за это все при удобных случаях они стараются им отомстить и стремятся делать так, чтобы во всем этом, т.е. в обложениях всевозможными разверстками и нарядами, обвинить Советскую власть. Бывали факты, когда разверстка на скот по вине этих кулаков, пролезших в сельсовет, налагалась неправильно, а именно: при распределении не соблюдался классовый принцип. Затем крестьянство также ропщет и на то, что в некоторых учреждениях и совхозах резать и рубить дрова наряжают крестьян и, как они говорят, этого не было даже и при помещиках, а теперь, не говоря уже о советских служащих, даже и сторож работать не хочет, в особенности крестьянство не довольствуется тем, когда их наряжают рубить дрова для совхозов, так как в большинстве случаев порубка дров производилась для квартир служащих совхоза. В силу этого крестьяне говорят: у нас нет ни одной свободной минуты для того, чтобы работать для себя, так как все стараются ехать на мужичьей шее, хозяйство наше рушится, и если в дальнейшем подобные наряды будут продолжаться, то с уверенностью можно сказать, что к весне крестьянин будет совершенно бессилен обсеменить поля, поправить свое хозяйство и так далее.

Почему население названного кантона к Советской власти и коммунистической партии относится недоверчиво, между прочим, вся беднота говорит: что Советская власть - власть наша и другой мы не желаем, но вся беда в том, что на местах не выполняются ее задания так, как нужно.

ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп. 1, д. 197, л. 3.

Опубликовано: Шайдуллин Р.В. «Советская власть раздевает крестьян догола» (Социально-политические настроения крестьянства республики 20-х гг.) // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1998. – № 3/4. - С. 300-301.

№ 31

Сведения из кантонов Тат[арской] республики по циркулярной телеграмме № 475 от 14 декабря 1921 года

На 22 января 1922 года

1. АРСКИЙ КАНТОН. Общее число голодающих 388 735 [человек], не обеспечено столовыми из взрослого населения 347 376 [человек], эвакуировано до настоящего времени взрослых 2 287 [человек], столовых при школах 19, с пропускной способностью от 50 до 100 человек каждая, столовых АРА 325 с пропускной способностью от 50 до 100 человек каждая, столовых Помгола 94 с пропускной способностью от 50 до 200 человек каждая, предполагается эвакуировать детей 2 000 [человек], смертность населения за неделю от голода 30 [человек], от тифа 15 [человек], заболеваемость за неделю тифом 150 человек, от голода 360 человек.

2. БУГУЛЬМИНСКИЙ КАНТОН. Общее число голодающих 240 310 [человек], не обеспечено столовыми взрослых 132 000 [человек], эвакуировано до настоящего времени взрослых 2 188 [человек], открыто питательных пунктов для больных детей и взрослых 10 с пропускной способностью по 50 человек каждый, столовых при школах 123, с пропускной способностью их: 121 столовая от 50 до 150 человек каждая, а 2 столовые от 600 до 1 200 каждая, в них питаются 25% взрослых больных и инвалидов, столовых АРА - 2 в городе на 479 человек и 2 изолятора на 160 человек, столовых Помгола 129 на 13 000 человек, эвакуировано детей до настоящего времени 1 334 [человек], предполагается эвакуировать 2 000, смертность с 1 декабря по 22 января 1 266 [человек], от тифа 101 [человек], заболеваемость за все время тифом 3 063 [человек], от голода 5 112 человек.

3. БУИНСКИЙ КАНТОН. Общее число голодающих 147 428 человек, столовых обще[го] питания 88 на 1 700 человек, эвакуировано с настоящего времени взрослых 5 859 человек, столовых при школах 115 на 4 368 человек, столовых АРА 206 на 15 376 человек, смертность за неделю от голода 57 [человек], от тифа 10 [человек], заболеваемость за неделю тифом 576 [человек], от голода 655 человек.

4. ЛАИШЕВСКИЙ КАНТОН. Столовых, открытых на местные средства, 28 на 944 человека. Общее число голодающих 165 512 [человек], из них детей 72 051 [человек], столовых при школах 75 на 3 390 человек, столовых АРА 156 на 15 000 человек, смертность за неделю от голода 28 [человек], от тифа 15 [человек], заболеваемость за неделю тифом 118 [человек], от голода 764 [человек].

5. МАМАДЫШСКИЙ КАНТОН. Столовых обще[го] питания 26 на 1 326 человек, общее число голодающих 152 935 [человек], эвакуировано до настоящего времени взрослых 29 111 [человек], открыто питательных пунктов для детей 336 на 8 648 человек, столовых Помгола 75 на 13 000, столовых АРА 171 на 14 200 человек, эвакуировано до настоящего времени детей 685 человек, предполагается эвакуировать детей 300 [человек], смертность за все время: от голода 2 371 человек, от тифа 121 человек, заболеваемость тифом за все время 1 699 человек, от голода 21 616 человек.

6. МЕНЗЕЛИНСКИЙ КАНТОН (сведения на 15 января). Столовых обще[го] питания для взрослых 19 на 1 237 человек, общее число голодающих 175 530 человек, эвакуировано до настоящего времени взрослых 2 900 [человек], питательных пунктов для детей 4 на 800 человек, открыто Помголом столовых при школах 60 на 3 100 человек, столовых АРА 161 на 13 032 человека, эвакуировано до настоящего времени детей 823 человека, смертность от голода за все время 1 926 человек.

7. СВИЯЖСКИЙ КАНТОН (сведения на 15 января). Общее число голодающих 165 309, из них 20 591 из Чув[ашской] области, эвакуировано до настоящего времени взрослых 23 035 человек, столовых АРА 101 на 12 500 человек, столовых Помгола 384 на 33 897 человек, эвакуировано до настоящего времени детей 204, предполагается эвакуировать детей 200 человек, смертность за неделю от голода 100 человек, от тифа 40 человек, заболеваемость за неделю тифом 110 человек, от голода 641 человек.

8. СПАССКИЙ КАНТОН. Столовых обще[го] питания 34 на 2 100 человек, общее число голодающих 158 271 человек, эвакуировано до настоящего времени взрослых 19 411 человек, питательных пунктов для детей на 382 человека, столовых при школах 165 на 3 750 человек, столовых АРА 184 на 17 500 человек, эвакуировано детей 2 309 человек, смертность от голода с 1 по 22 января 277, от тифа 201 человек, заболеваемость за все время от голода 8 288 человек.

9. ТЕТЮШСКИЙ КАНТОН. Столовых обще[го] питания 181 на 7 289 человек, общее число голодающих 174 720 человек, эвакуировано до настоящего времени взрослых 25 515 человек, питательных пунктов для детей 66 на 28 322 человека, столовых при школах 154 на 7 653 человека, столовых АРА 302 на 20 700 человек, столовых Помгола на 7 622 человека, эвакуировано до настоящего времени детей 12 662 человека, смертность за все время от голода 12 662 человек, заболеваемость за все время тифом 15 000 человек, от голода 32 500 человек.

10. ЕЛАБУЖСКИЙ КАНТОН. Столовых обще[го] питания 1 на 300 человек, общее число голодающих 141 133 человека, столовых АРА 109 на 9 090 человек, столовых Помгола 71 на 2 952 человека, эвакуировано до настоящего времени детей 693 человека, смертность за неделю от голода 106 человек, заболеваемость за все время от голода 4 366 человек.

11. ЧИСТОПОЛЬСКИЙ КАНТОН (сведения на 15 января). Столовых обще[го] питания для взрослых на 2 300 человек, общее число голодающих 279 901, эвакуировано до настоящего времени взрослых 13 793 человека, столовых АРА 244 на 18 000 человек, столовых Помгола на 6 650 человек, эвакуировано детей до настоящего времени 1 604, предполагается эвакуировать детей 10 000 человек, смертность от голода за неделю 2 016 [человек], от тифа 40 человек, заболеваемость за неделю тифом 226, от голода 39 008 за все время.

12. ЧЕЛНИНСКИЙ КАНТОН. Столовых обще[го] питания для взрослых 35 на 1 275 человек, столовых открыто на местные средства 13 на 601 человек, общее число голодающих 260 872

Сеть татарских учреждений на 1924-1925 гг.

№ п/п	Наименования губерний	Школ	Учащих	Учащихся
1.	В Забайкальской губернии			
	а) в г. Чите б) в д. Ново-Курчатое	1 1	2 1	57 32
2.	В Амурской губернии			
	а) в г. Благовещенское б) в пос. Сурожевке	1 1	2 1	35 60
3.	В Приморской губернии			
	а) в г. Владивостоке б) в г. Николаевске	1 1	1 1	
	Всего	6	8	242

В Благовещенске и в Чите преподавание ведется на русском и татарском языках, поэтому там имеются по 2 учителя. В других школах преподавание ведется исключительно на родном языке. Все школы содержатся на средства местного бюджета. Учебники и учебные пособия выписываются на средства родителей учащихся из Татарской Республики.

В г. Чите имеются клубы. Других просветительских учреждений для татар нет.

В I квартале с[его] г[ода] получены из Главполитпросвета и разосланы по губ[ернским] о[тделам] н[ародного] о[бразования] буквари для взрослых на татарском языке. «Наша сила – наша нива» - 125 экз., «Рабочий букварь» - 125 экз.

Зам. заведующего Дальневосточного
о[тдела] н[ародного] о[бразования]
Зав. подотделом Соцвоса
Инспектор Нацмен

Пономарев
Кузнецов
Ючай

ГАРФ, ф. А.–296, оп. 1, д. 88, л. 30-30об.

№ 33

**Положение дела народного образования среди национальностей в РСФСР
(вне автономных республик) на 1925-1926 учебный год**

Не позднее 1925 г.¹³

Все нацмен население РСФСР (кроме областей и республик) насчитывает около 19 млн., в том числе около 9 млн. в автономных областях. <...> Главнейшие из них по количеству населения следующие: мордва – 1 500 000, татары – 1 360 000. Татары разбросаны по 41 губернии и округам.

Отношение мест к национальной работе

Для сравнения...¹⁴ Так, например, в Ульяновской губернии в 1923-1924 учебном году функционировало разных русских учреждений по соц[иальному] вос[питанию] 806 с числом учащихся в них 70 819. Нацмен учреждений было всего 158 с числом учащихся в них 10 374. На каждую тысячу русского населения приходится учащихся около 65, на каждую тысячу нацмен населения

¹³ Датируется по содержанию документа.

¹⁴ Пропуск в тексте.

приходится в Ульяновской губернии учащихся около 36, так что обслуживание нацмен было чуть не вдвое меньше общего обслуживания. 1924-1926 учебный год не принес почти никаких изменений, как это видно из материалов инспекторского обследования, происходившего в январе 1925 г. Материалы обследования устанавливают, что мордовские дети этой губернии обслуживаются на 27,81%, татарские на 28,0%, между тем, как русские дети обслуживаются не менее, чем на 46,61% количества детей.

ГАРФ, ф. А-296, оп. 1, д. 184, л. 86-88.

№34

**Заявление Секретарю Центрального Комитета
Российской коммунистической партии (б) дорогому товарищу Сталину
и всем членам Центрального Комитета от рабочих и работниц,
работающих на фабриках и заводах центра Татарской Республики г. Казани,
и от делегатов и делегатов в фабрично-заводских комитетах**

1924 г.¹⁵

Вместе с настоящим заявлением доводим до сведения ответственного секретаря Центрального Комитета - дорогого нашего товарища Сталина о нашем горе.

В 20-21 годах <...>¹⁶, хотя был большой голод, промышленность улучшалась и <...> увеличивались рабочие силы. Заработная плата уплачивалась вовремя, неграмотность <...> понижалась. С <...> улучшением промышленности и <...> прояснением сознания рабочих и крестьян укреплялась достаточно и дружба между рабочими и крестьянством. Когда из нашей среды были взяты <...> т. Мухтаров и трудившиеся вместе с ним работники, отдавшие очень много сил и энергии всему этому делу и добившиеся <...> очень многих достижений в этом направлении, то промышленность и сельское хозяйство Татарской республики <...> сильно ухудшилось <...> и очень сильно сократилось производство фабрик и заводов <...>. Начались сокращения на фабриках и заводах и других промышленных предприятиях, <...> и выброшены на улицу тысячи рабочих. Вместе с этим участились случаи закрытия фабрик и заводов. Между тем даже раньше у нас даже в голодные годы не было сокращений и не закрывались заводы и фабрики.

Если коснемся вопроса о школах, то и здесь <...> видим очень сильное сокращение <...>: осталось по одной школе на 5-6 аулов. <...> Без движения стоят сейчас школы, которые до того довольно хорошо функционировали, давая <...> знания тысячам рабочих и крестьянских детей. <...>. Дети, эти звезды будущей нашей жизни, остаются без знаний и в невежестве.

Если же обратим внимание на положение крестьян, то оно еще хуже. Нынешний Наркомзем не проводит в жизнь тех серьезных начинаний, которые проводились раньше со стороны старого Наркомзема. <...> Так, например: ничего не предпринимается для увеличения в республике лошадей и сельскохозяйственных орудий, составляющих «сердце» сельского хозяйства. Вообще все крестьянское хозяйство в настоящее время находится в крайне тяжелом положении и, весьма возможно, что не будут приняты <...> меры, то наша Республика опять <...> вернется к положению голодного года и вопросы просвещения, поднятия <...> крестьянского хозяйства и усиления промышленности останутся совсем позади.

Если коснемся вопроса кооперации, то в аулах и в волостях во главе большинства кооперативов сидят кулаки и мироеды. <...> Поэтому от них не только дало пользы крестьянству, но часто они бывают ему совершенно бесполезны. Вообще положение крестьянства, ввиду не обращения на него <...> должного внимания на местах, становится все хуже и хуже.

Мы просим Вас вернуть к нам в нашу среду <...> нужного и ценного для нашей республики т. Мухтарова и работавших вместе с ним товарищей, которые <...> не покладая рук, работали

¹⁵ Датируется по содержанию документа.

¹⁶ Здесь и далее: зачеркнуто в документе.

среди нас, спасли нас от голода, подняли нашу промышленность и <...> много сделали в поднятии крестьянского хозяйства, и тем самым <...> исправить <...> творящиеся ошибки и <...> вывести нас из нашего теперешнего <...> трудного положения. Из этого положения мы <...> выйдем лишь при помощи указанных товарищей и при их умелой и <...> соответствующей действительным условиям нашей республики - работе.

Сейчас, не знаем почему, крайне сильно сократилось число детских домов и яслей, в результате чего выброшены на улицу голодными и холодными тысячи пролетарских детей. <...> Их взгляды на будущее сейчас затемнены. Они скитаются по улицам, <...> протягивая руки к прохожим за подаванием.

Заявление это свое здесь на месте мы не подаем. Мы посылаем его непосредственно к Вам, так как у нас вера в Вас большая <...>. Думаем и надеемся, что Вы поймете нас, войдете в наше трудное положение, удовлетворите нашу просьбу и тем обеспечите наше будущее.

На подлиннике <...> подписи рабочих <...> (Порохового, Алафузовского, Пугачевского и друг[их]).

Мухамеджанов
 Авходиев
 Сафиуляин
 Валиуллин, делегат завкома,
 Валиуллин
 Хайбуллин
 Хайретдинов
 Мухаметимы
 Минуллин
 неразборчиво
 Сагидов
 Халимов
 Мусина, делегатка
 Нурлу-Банат Халждуллина, делег[атка]
 Марфуга Габрахманова, делегатка
 Рашитова, делегатка
 Махи-Кемаль, делег[ат]
 Марьям Сафарова, делегатка
 Хадича Туктарова, - // -
 Ходыча Халфева, - // -
 Абдуллина, - // -
 Хатмуллина, - П -
 Шаштоллина, - П -
 ...(Подп. не разб.) - //- завкома
 Шакиров - чл. завкома
 Фатхуллин
 Кадиров
 Хабибуллин
 Данбараева
 Галиокбаров
 Байрамов
 Сафиуллин
 Гашуллин
 Давлеткши

ЦГА ИПД РТ, ф. 30, оп. 3, д. 2038, л. 35-37.

Опубликовано Валеев Р. «Мы просим Вас вернуть к нам в нашу среду К. Мухтарова» // Га-сырлар авазы = Эхо веков. – 2004. - №1. – С. 99-100.

№ 35

Протокол открытого заседания Балтасинской вол[остной] ячейки ВКП(б) с участием бедняков, батраков, середняков и допризывников

20 ноября 1926 г.

Присутствовало: 124 чел. и 26 допризывников.

Повестка дня: 1. Доклад о работе партии в деревне.

2. Разные. Президиум: Султанбеков, Ибрагимов, Герфанов, Сагаутдинов, Файзуллин, при секретаре Сергееве.

Слушали: Доклад о работе партии в деревне (Докладчик тов. Иванова).

По окончании доклада с мест со стороны присутствующих задаются следующие вопросы:

1). Советскую власть встретили с приветствиями. Для восстановления сов[етской] власти мы не жалеем ничего. Отдавали своих детей в Красную Армию, хлеб и скот. Всеми действиями и мероприятиями сов[етской] власти довольны. Лишь одно нас интересует. Почему нельзя открывать школы для вероучения детей?

2). Вопрос с кредитованием беднейшего слоя населения обстоит плохо. Кредит отпускается лишь зажиточным крестьянам, а бедняки кредитом пользоваться не могут. Принимаются ли меры к обеспечению долгосрочным кредитом бедняков?

3). Правильно ли поступает кооперация, отпуская ссуду в размере 30 р. зажиточным крестьянам, беднякам ссуда не выдается совершенно.

4). Батраки не имеют возможности разбираться в политических вопросах и очень отстают от современной обстановки. Причиной этому является отсутствие литературы. Принимаются ли меры к снабжению деревни татарской литературой?

5). По количеству населения школьного возраста не хватает штата сети школ. Необходимо расширение штатных школ и оборудование уже имеющихся. Принимаются ли меры к размножению сети школ?

6). За годы гражданской войны много мостов, а равно пожарного инвентаря пришли в негодность. Необходимы мероприятия советской власти по оборудованию тракторных* мостов и снабжений селения пожарным инвентарем, что самое главное в деревне.

7). Инвалиды гражданской войны, несмотря на то, что они по положению должны получить строевой лесоматериал, до сего времени этим не обеспечиваются.

Необходимо было бы данный вопрос разрешить.

8). Возврат семенной ссуды, полученной бедняками и середняками для обсеменения обстоит весьма плохо. В течение 2-х лет на каждый пудросло пени более 50%. Если бедняк получил сем[енную] ссуду в размере 3-4 пудов, то ему приходится уплачивать 7-8 пудов, что является очень трудным. Необходимо было бы принять меры, чтобы не допускать такого большого процента пени, или даже на сем[енную] ссуду начисления пени совершенно не допускать и начисленную необходимо снять.

9). В деревне Балтасы за бедняками и середняками числится сем[енная] ссуда с 1921 года в размере 250 п[удов] ржи. Несмотря на то, что мы эту рожь никогда не получали, с нас это взимают. Необходимо принять меры к выяснению данного положения.

10). Необходимо отметить, что выборы в Советы в 1926 году прошли удачно. До настоящего года бедняки-батраки принимали в предвыборной кампании Советов слишком малое участие и процент участвующих дал большое превышение.

11). В кооперативных лавках бакалейные товары по своей цене несколько не ниже, чем у частных. Необходимо принять меры к снижению цен на кооперативные товары.

12). Комитет взаимопомощи в нашей волости работал очень плохо. Это объясняется неудачным подбором работника, которого во время перевыборов заменили другим.

13). Сплошь и рядом в большинстве своем крестьяне, имеющие 1 лошадь, 1 корову да овец пары две, временами очень бедствуют из-за недостатка хлеба, а равно в тех случаях, когда приходится за плату получать медикаменты для лечения заболевшей лошади или коровы. Желательно было бы узнать конкретно, какой же крестьянин называется у нас середняком.

14). Крестьянин-бедняк недоволен тем, что ему не оказывается бесплатная медпомощь. Плата за медикаменты нам непосильна, а в них мы частенько нуждаемся. Необходимо этот вопрос разрешить в сто[рону] бесплатного отпуска медикаментов беднякам.

15). Отсутствие при фельдшерских пунктах в деревне акушерок вызывает недовольство крестьянства и бедняков. Имеющиеся бабки в деревне зачастую не могут оказывать ту помощь, каковую могут получать работницы в городе. Необходимо установить в фельдшерских пунктах в деревне штат акушерок.

16). Связь беднейшего крестьянства с партячейкой установлена. Бедняки при обращении к ячейке, а равно и к отдельным партийцам никогда отказа не получают.

17). Отмечалось среди отдельных партийцев резкое антирелигиозное выступление. Необходимо это изгнать.

18). Нарсудья, прибывший в Балтасинскую волость, вновь с крестьянами обращается грубовато. Необходимо такое явление со стороны нарсудьи изжить.

19). В прошлом году допризывники были размещены по отдельным домохозяйствам, за что обещали уплатить 2 коп. в сутки за каждого. Желательно узнать, будут ли эти деньги уплачены.

20). У нас, среди крестьянства-бедняков и середняков, имеются желающие на переселение. Будут ли льготы и какие?

21). В Балтасинской волости открылась профтехническая школа, каковая плохо обеспечена. Необходима поддержка со стороны сов. органов.

22). Есть кумышкварение. Какие меры предполагается принять к ликвидации кумышкварения в деревне в дальнейшем?

Тов. Иванова дает на все вопросы удовлетворяющие присутствующих ответы.

Настроение собравшихся хорошее. <...>

ЦГА ИПД РТ. Ф.292. Оп.1. Д.311. Л.61-64.

Опубликовано: Шайдуллин Р.В. «Советская власть раздевает крестьян догола» (Социально-политические настроения крестьянства республики 20-х гг.) // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 998. – №3/4. – С. 301-303.

№36

Резолюция бюро Татарского обкома ВКП(б) о национальной культуре

14 июня 1927 г.

В связи с имевшей место в рядах парторганизации Татарской республики дискуссией о путях татарской национальной культуры, бюро ОК считает необходимым установить свой принципиальный взгляд на вопросы, выдвинутые этой дискуссией:

1. На фоне роста общественно-политической активности всех социальных групп и слоев населения наблюдается оживление активности в лагере побежденных революцией классов, которые, естественно, стремятся оказать свое воздействие на трудящиеся массы. С этим явлением связан напор антиреволюционной буржуазной идеологии, который получает выражение в росте и распространении националистических идей (великодержавно-шовинистических у великороссов и буржуазно-националистических среди других национальностей СССР), в усилении религиозного движения и в попытках подчинить своему идеологическому влиянию наиболее отсталые слои рабочих и крестьян.

В национальных республиках этим явлениям способствует ряд дополнительных причин:

а) малочисленность пролетариата, уменьшающая сопротивляемость трудящихся масс давлению буржуазной и мелкобуржуазной идеологии;

б) своеобразие обстановки и особенности условий, в которых: протекает партийная и советская работа (главным образом в области практического проведения в жизнь национальной политики);

в) возможность использования буржуазией своего влияния на отсталые слои трудящихся по линии общности языка, письменности и национальной принадлежности.

Усиление внимания партии и советских органов к вопросам культурного строительства вызвало оживление на всех участках культурного фронта. Замечен подъем активности населения вокруг вопросов культуры.

В связи с этим имеет место усиление попыток со стороны буржуазно-националистических элементов, маскируясь под флагом культурничества, проводить пропаганду обособленного развития национальной культуры и общности интересов всех социальных групп населения данной национальности в области культурного строительства. Конечной целью этой пропаганды является направление всей нашей практической работы в области развития культуры народов СССР, улучшения культурного обслуживания трудящихся масс всех национальностей (особенно отсталых) на их родном языке и втягивания их под руководством пролетариата в общественно-политическую жизнь и социалистическое строительство, - в русло национального обособления и отрыва трудящихся своей национальности от пролетарского интернационализма, отрыва от рабочего класса СССР и от руководства Коммунистической партии.

2. По существу вопроса о дальнейших путях развития национальной культуры необходимо признать, что все попытки пересмотреть или «дополнить» имеющиеся постановления руководящих партийных органов (X и XII партсъезды, VI национальное совещание) по этому вопросу не имеют под собой никакой почвы. Ссылки на окончание восстановительного периода и изменение экономической обстановки, указания на эпоху социалистического строительства, которая уже на данной стадии, якобы, требует новой постановки вопроса о национальной культуре, совершенно не подкреплены фактами и данными, которые, действительно, подтверждали бы эту «новизну» и необходимость пересмотра имеющихся решений партии. Вся наша установка в вопросе о национальной культуре целиком укладывается в формулу тов. Сталина о том, что эта культура должна быть «пролетарской по содержанию, национальной по форме».

Вся установка буржуазных идеологов построена, наоборот, на преобладании формы над содержанием, то есть, в конечном счете, на выхолащивании пролетарского содержания из всего нашего культурного строительства.

Реакцией на эту установку, реакцией на усиление буржуазно-националистической активности приходится считать усилившееся проявление среди многих партийцев-националов, особенно молодежи, взглядов, основывающихся на упрощенном подходе к вопросу и недооценке и умалении значения национальной культуры, как средства для приобщения трудящихся масс к социалистическому строительству. Идущие из этого лагеря указания на необходимость немедленного приобщения отсталых национальностей к более высокой русской культуре, являются по существу ассимиляторскими и неизбежно приводящими к ряду антиленинских выводов. Подобные взгляды были изложены в недавно вышедшей книжке тов. Ваганяна «О нацкультуре».

В дискуссии, имевшей место в парторганизации Татарской республики, к взглядам тов. Ваганяна несколько приближаются взгляды, изложенные в тезисах тов. Атнагулова.

3. Основными ошибками тезисов тов. Атнагулова нужно считать:

а) неправильное и схематическое противопоставление духовной и материальной культуры;

б) упрощенный подход к вопросу о роли языка (ссылки на видоизменения в языке пензенских, саратовских и сибирских татар, ссылки на решающее влияние на язык технической терминологии, приобретающей международный характер (радио, трактор и т.п.);

в) преувеличенное представление о влиянии более высокой (в данном случае русской) культуры, против чего особенно энергично выступал тов. Ленин;

г) игнорирование роли национальной культуры не как самоцели, а как средства приобщить трудящиеся массы отдельных национальностей (особенно отсталых) к советскому социалистическому строительству;

д) сведение всех отдельных этих взглядов в явно ассимиляторскую систему, которая неминуемо отпугнет трудящиеся массы татар и позволит буржуазии, используя эту боязнь и недоверие массы, усилить среди нее свое влияние;

е) искажение ближайшей перспективы в области практической культурной работы партии и Советской власти в массах, ибо установка на ассимиляцию потребовала бы такого направления

нашей работы, которая содействовала бы элементам ассимиляции в противовес развитию национальной культуры, что явно противоречит интересам трудящихся и основным задачам партии.

Все это, вместе взятое, находится в явном противоречии с ленинскими взглядами и постановлениями партсъездов, а потому бюро обкома считает петицию тов. Атнагулова и др. товарищей, разделяющих его тезисы, совершенно неправильной.

4. Тезисы тов. Г. Ибрагимова, хотя и несколько ближе стоят к официальной точке зрения партии на вопросы национальной культуры, содержат вместе с тем ряд значительных неправильностей, из которых наиболее важными являются:

а) преувеличение самостоятельности и некоторая идеализация форм национальной культуры («особый путь, которым пойдет татарская культура», «экстерриториальный культ[урно]-нац[иональный] коллектив»), все это несколько напоминает старые споры о культурно-национальной автономии;

б) затушевание роли пролетариата в деле развития татарской национальной культуры и переоценка роли национальной интеллигенции;

в) сосредоточение политического удара против «левых» взглядов при явном недостаточном и нечетко сформулированном размежевании с правыми буржуазно-националистическими идеями, что привело к такой целевой установке всей брошюры, что, заслоняя рост и давление буржуазно-националистической идеологии, она целиком бьет только по ошибочным взглядам партийных товарищей и в результате находит сочувственный отклик в лагере буржуазных идеологов;

г) недопустимые приемы в партийной дискуссии, выразившиеся в сравнении ряда партийных и честных советски настроенных беспартийных работников с мирзами - царскими чиновниками, проводниками насильственной обрусительной политики, воспоминание о которых с широких трудящихся масс татар вызывает чувство отвращения. Поскольку этот тон господствует во всей брошюре, естественно, что он не только не мог содействовать уяснению вопроса ошибавшимися товарищами, но наоборот - вызвал обострение дискуссии, углубление разногласий и некоторые признаки опасности перенесения старых группировочных споров в новую плоскость борьбы по вопросам идеологического характера.

Ввиду всех этих обстоятельств бюро ОК считает необходимым высказать свое отрицательное отношение к брошюре тов. Г. Ибрагимова.

5. Вместе с тем бюро ОК считает, что дальнейшее продолжение дискуссии в той плоскости, в которой она протекала («куда идет татарская культура»), является нерациональной затратой партийной энергии и отвлечением внимания парторганизации от более актуальных задач, выдвигаемых политической и хозяйственной обстановкой. В то же время эта дискуссия отвлекает от практической работы в области развития национальной культуры - работы, требующей гораздо больших успехов и результатов, чем то, что мы имеем в настоящее время. Преодолевая со всей решительностью ассимиляторский уклон, как определенно непартийный, давая открытый решительный отпор всем проявлениям давления буржуазно-националистической идеологии, парторганизация должна со всей энергией сосредоточиться на практических вопросах национальной культуры (борьба с религиозным движением, строительство школ, усовершенствование языка, литература, искусство, театр, открытие и работа дома национальной культуры и пр.), укрепляя соответствующие советские и партийные организации, ведущие эту работу, сплачивая вокруг партии кадры татарской советской интеллигенции, искренно готовых наполнить формы национальной культуры пролетарским содержанием, и широко разъясняя массам основной смысл всей нашей политики в этом вопросе и значение отдельных практических мероприятий.

6. Предложить АПО ОК ВКП(б) на основе настоящего постановления разработать ряд мероприятий по части усиления практической работы в области национальной культуры, представив свои предложения в бюро ОК не позднее 1 августа сего года.

№37

Сообщение в газете «Красная Татария» об успехе экспонатов оперы «Сания» на выставке за границей

23 июля 1927 г.

Татнаркомпросом получено письмо от Общества культурной связи с заграницей следующего содержания:

«Уважаемые товарищи! На днях состоялось открытие советского отдела на международной музыкальной выставке во Франкфурте-на Майне. Открытие прошло с большим успехом. Отдел посещается тысячами. По сообщению нашего представителя, среди советских экспонатов особенное внимание и интерес у посетителей вызывает манускрипт первой татарской оперы «Сания», свидетельствующей о большом подъеме музыкальной культуры в Татарской Республике. Своевременно препроводим вам выдержки из немецкой прессы». <...>

Красная Татария. – 1927. – 23 июля.

№38

Из выступления С.М.Сагидуллина¹⁷ на 4-м пленуме Татарского обкома ВКП(б)

17 сентября 1927 г.

Я вынужден говорить на тему о Сагидуллине, так как многие другие темы для меня находятся под знаком «Табу». Я два года нигде не выступал, ничего не говорил. Однако везде и всюду склоняют мое имя по всем падежам. Тов. Боярский как докладчик О[бластного] К[омитета], официально от имени ОК на Верхне-Городской Рай[онной] партконференции 13 ноября с[его] г[ода] заявил, что Сагидуллин нигде еще не выступал, и он мне никакие счета не предъявил, ни в чем меня не обвинял. Несмотря на это травля продолжается.

Мое заявление, Вы знаете, выполняю - тоже видите. Тов. Боярский это не отрицал. Но я должен протестовать потому, что мое заявление растет в длину и ширину.

Товарищи вносят новые пункты, вписывают новые обязательства без моей подписи. Мое заявление превращают в договор, а меня самого в «договорного коммуниста». Это - новый метод держать в плену активиста. Молчу, не выступаю, говорят – «договор нарушается», надо, видите ли, выступать против Шаймарданова; еду в отпуск на родину - говорят, что это нарушение обязательства и т.д. Заявляю, что никому никакого обязательства не давал не ездить в Мензелинск, выступать против Шаймарданова. Против такого расширенного толкования заявления, я решительно...¹⁸ протестую против неуместных напоминаний о моем заявлении, чтобы парализовать мою активность прошу Бюро ОК...¹⁹

Многие товарищи мое заявление превратили в веревочку, а меня...²⁰ собачку, чтобы запугивать «добрых людей». Против такого «рационального» использования меня я не могу не протестовать. Я спрашиваю, мой ли только этот путь. Нет, я на этом пути не один, в наших условиях каждый выдвиженец - туземец приблизительно повторяет этот путь, доходя до Обкома, доходя до руководящей работы аккуратно получает ярлык «групповщика», - это ненормальная обстановка, которую необходимо ликвидировать. Я считаю, что мое заявление рассчитано на опреде-

¹⁷ С.М.Сагидуллин (1900-1938), политический деятель. В 1920-1925 гг. секретарь Мензелинского кантона, зав. отделом Татарского обкома РКП (б). В 1925 г. отстранен от занимаемой должности. В 1938 г. расстрелян.

¹⁸ Пропуск в тексте.

¹⁹ Пропуск в тексте.

²⁰ Пропуск в тексте.

ленный срок, на определенную обстановку. Я вынужден протестовать, когда мое заявление, т.е. документ доверия превращают в «бессрочный паспорт», при помощи которого хотят держать в плену. Я вынужден и буду бороться за партийное полноправие, буду требовать не превращать мое заявление в орудие травли против меня.

ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 3, д. 1457, л. 43-45.

№39

Из докладной записки ответ[ственного] секретаря ЦК по Р[еализации] Т[атарского] Я[зыка] Валеева. О состоянии коренизации государственных учреждений и привлечении татар в учебные заведения в г. Казани

1 ноября 1927 г.

Вопросы РТЯ в основном сводятся к следующему:

- а) организационные моменты;
- б) укомплектование госаппарата сотрудниками, владеющими обоими гос[ударственными] языками;
- в) втягивание в промышленность татарского пролетариата;
- г) подготовка работников, владеющих обоими гос[ударственными] языками;
- д) приспособление канцелярской техники к татарскому делопроизводству<...>. Переходя к конкретным данным о темпе коренизации аппаратов массового характера, придется привести следующие цифры:

Эти цифры показывают, что как вообще сотрудников, так и татарской части их в абсолютных числах уменьшилось, но служащих татар в % отношении к общему числу сотрудников увеличилось на 2,7 %.

Территориальные признаки	На 1/VII 1926 г.			На 1/ 1927 г.			Изменения
	Всего	Татар	% тат.	Всего	Татар	% тат.	
По центральным и по казанским органам	14425	2395	16,6	11558	2130	18,43	-1,83

Увеличение татарского кадра произошло не за счет низшего обслуживающего персонала, как это практиковалось в прошлые годы, а за счет ответственных и среднетехнических работников, которые больше всего связаны с обслуживанием трудящихся масс рабочих и крестьян. Например, в центральных²¹ и в Казанских органах за указанный выше период, ответ[ственных] работников татар относительно увеличилось на 1,4 %, а среднетехнический персонал на 3,14 %, низший обслуживающий персонал, наоборот, уменьшился на 1,2 %. В кантонах такое же положение <...>. Что касается центральных учреждений, то за этот период имеется солидное повышение в следующих учреждениях: в Наркомюсте - на 8 %, в НКВД - на 9 %, в НКФине - на 6,6 %, в Татторге - на 8,3 %. Имеется понижение служащих татар в НК Труда и СО - на 6,7 %, в Татсоюзе - на 2,4 %, в Совнархозе - на 1,2 %, в Хлебопродукте - на 1,6 %.

Таким образом видно, что нет вполне планового и нормального сдвига вперед в деле коренизации гос[ударственных] аппаратов, ибо в некоторых учреждениях наблюдается систематическое понижение, напр[имер], в Татсоюзе, Хлебопродукте и Наркомтруде.

²¹Под термином центральные учреждения имелось в виду: Наркомюст, НКВД, Наркомфин, Татсоюз, Сов-нархоз, Хлебопродукт, Наркомтруд

Теперь, если возьмем цифры Обл[астного] Бюро Статтруда вообще о работающих в учреждениях и заведениях с 1/X 26 г. по 1/VII 27 г., то мы увидим тоже относительное повышение [численности] татар.

Вот по этим цифрам видно, что в общем и целом имеется и в абсолютных числах и относительно увеличение татар. <...>

Теперь вкратце остановимся на вопросе о подготовке работников, владеющих обоими гос[ударственными] языками, вообще, и из туземной татарской молодежи, в частности.

	На 1/VII 1926 г.			На 1/ 1927 г.			Изменения
	Всего	Татар	% тат.	Всего	Татар	% тат.	
Работающих	77719	16390	21,1	82724	18870	22,8	1,7
В том числе по профсоюзам	25058	4959		11558	5341		0,1

Способов подготовки работников у нас имеется несколько. Главным и самым основным способом является подготовка работников через постоянные учебные заведения. Кроме того, при исключительных обстоятельствах, временные курсы по подготовке работников со специальностью по разным отраслям строительства. В наших условиях, тем более, такие курсы играют доминирующую роль.

Поэтому, прежде всего, [этот способ] необходимо иллюстрировать цифровыми данными, доказывающими положение нашего культурного строительства. Оно заключается в следующем.

Национальный состав учащихся во всех видах учебных заведений

	В 1925 / 1926 уч. г.			В 1926 / 1927 уч. г.			Изменения
	Всего	Татар	% татар	Всего	Татар	% татар	
В школах I-II ст. 9-7 лет, крестьянской молодежи и школ взрослых	161284	84847	21,1	174422	90051	51,6	-0,9
В техникумах, профшколах, профкурс. и фабзав. учен.	8870	3319	37,4	7795	3388	23,4	0,5
В рабфаках и ТКУ	1390	603	43,4	1286	430	34,1	0,7
Во всех ВУЗах	4464	346	7,7	4539	382	8,4	0,7
Всего	176008	89115	50,6	188042	94260	50,1	-0,5

Вот эти цифры дают ясную картину о состоянии наших учебных заведений в смысле подготовки работников из туземной отсталой татарской молодежи. По этим данным можно судить, что в школах I-й ступени количество учеников соответствует пропорции населения Татареспублики. Более или менее благополучно обстоит дело и в техникумах. Что же касается национального состава учащихся ВУЗов, то здесь положение все еще не улучшается и едва ли улучшится в ближайшие годы. Хотя прием текущего учебного года дал некоторое повышение (на 41 чел.), но постановка дела по подготовке кадра татарской молодежи для поступления в ВУЗы обстоит не блестяще, так как в школах II-й ступени татары составляют 22,8 %, в школах

9-летках - лишь 14,9 %; кроме малочисленности татар, постановка дела в этих школах не дает никаких шансов ожидать от них отвечающего требованиям ВУЗов вполне подготовленного кадра. Остаются другие, более надежные источники, откуда можно выкачивать более или менее подходящие кадры для втягивания в ВУЗы - это рабфак. А что же мы видим в этих учебных заведениях. В течение прошлого года из 337 вновь принятых курсантов-татар было 164, а в прием текущего уч. года из вновь принятых 322 чел. татары составляют 104, или 32 %, - значит, татарский состав понизился в количественном отношении на 60 чел., а в процентном на 16,6 %. Подобное явление не может считаться нормальным. <...>

Ответ[ственный] секретарь ЦК по РТЯ

Валеев.

НА РТ, ф. Р-732, оп. 1, д. 1138, л. 4-11.

Опубликовано: Осуществление политики коренизации в Татарстане в документах. 1920-1930-е гг. / Автор-составитель к.и.н. З.Г.Гарипова. - Казань, 2009. - С. 60-67.

№ 40

Национальный состав горсоветов ТАССР в 1926–1927 гг.

Не позднее 1928 г.²²

		Татар	Русских	Прочих
Казанский Горсовет	1927 г.	146 – 28,7%	324 – 63,5%	41 – 7,8%
	1926 г.	157 – 31,7%	307 – 62,0%	31 – 6,3%
Горсоветы городов	1927 г.	141 – 22,6%	472 – 75,8%	10 – 1,6%
	1926 г.	144 – 24,56%	426 – 72,69%	16 – 2,75%
Поселковые советы	1927 г.	67 – 29,4%	158 – 69,3%	3 – 1,3%

НА РТ, ф. Р-732, оп. 1, д. 1749, л. 1.

Опубликовано: Осуществление политики коренизации в Татарстане в документах. 1920-1930-е гг. / Автор-составитель к.и.н. З.Г.Гарипова. - Казань, 2009. - С. 80.

№41

Из отчета Астраханской губернии о нацмен²³работе

1928 г.²⁴

<...>Татары и казаки концентрируются в городе и следующих районах: Зацаревском, Красноярском, Марфинском, Зеленчинском, Харабалинском, Н. Баскунчаковском и Болхунском районах.

В Зацаревском районе татары-нагайцы, являясь основным населением, составляет больше 50% всего населения. Главное занятие – садо-огородничество и бахчеводство.

В Красноярском – татары, населяющие низмен. часть населения, занимаются скотоводством, отхожим промыслом, [заняты] на рыбных промыслах и на соляной промышленности.

²² Датируется по содержанию документа.

²³ Так в документе.

²⁴ Датируется по содержанию документа.

Культурный уровень

После революции 1905 г. в Астраханской губернии появились земские русско-татарские школы: 5 земских школ и 2 министерства. Занятия ведутся на татарском языке. В текущем году делопроизводство перешло на родной язык в 10-ти районах и 3-х сельсоветах.

ГАРФ, ф. 296, оп. 1, д. 336, л. 13.

№42

Из сообщений казанских ученых о деятельности возглавляемых ими лабораторий, опубликованных в газете «Красная Татария»

Профессор А.Ф.Самойлов²⁵

С благодарностью должен упомянуть нашего талантливого университетского механика А.С.Николаева, с которым мы контролировали приборы, впоследствии вызывавшие внимание и за границей. По четкости и точности в деле записи электрических токов животного тела наша лаборатория не только занимает первое место в СССР, но может конкурировать с зарубежными институтами. <...>

В нашей лаборатории мы исследовали некоторые реакции мышц, нервов, желез; мы исследовали в последнее время рефлекторные процессы по показаниям электрической реакции мышц.

Целый ряд работ моих совместно с моими сотрудниками - отпечатан в разных русских и иностранных журналах. Я неоднократно докладывал о них на международных конгрессах. По приглашению различных зарубежных ученых обществ я читал лекции об исследованиях нашей лаборатории в Голландии (Утрехт), в Америке в физиологическом обществе при Гарвардском у[ниверсите]те в Бостоне. В прошлом году во время Недели русских естествоиспытателей в Берлине я читал лекцию, в которой излагал свой взгляд на процесс перехода возбуждения с клетки на клетку при посредстве химического вещества, причем данные для этого утверждения я получил из исследований токов нервов и мышц.

Приглашение меня на заседание в память Гервея в этом году в Лондоне я тоже отношу за счет достижения нашей лаборатории. Пусть, - все это так. Спрашивается, однако, какой же практический результат всех исследований? На это отвечу прежде всего так. Такой естественно-исторической дисциплины, которая раньше или позже не дала бы практических результатов, не существует. Всякое теоретическое знание должно дать плоды и для жизни. Но только нужно быть благоразумным и не встряхивать дерева раньше, чем плод созрел. Лучшим примером служит именно учение о животном электричестве. Мы присутствуем при знаменательном явлении, когда учение, казавшееся в течение 100 лет чисто академическим, стоящим в стороне от жизни и потому как бы неоправдавшим себя, теперь, наконец, проявило себя и свою силу в вопросах практики. Сердце наше, при каждом своем сокращении, дает электрический ток, и запись этого тока рассказывает такие интимные черты из его жизни в здоровом и больном состоянии, что клиника сердечных заболеваний уже не может обойтись без, так назыв[аемой], электрокардиографии (запись сердечных ударов). В России впервые записан был ток сердца в нашей лаборатории, мы принимали деятельное участие в разработке этого вопроса. В Казани первым откликнулся институт для усовершенствования врачей им. Ленина, в котором я читал и читаю теперь курс электрокардиографии. В бытность мою в Америке я по приглашению администрации генерального госпиталя в Бостоне читал такой же курс врачам. В настоящее время всюду в СССР устраиваются при клиниках и больницах соответствующие институты. В Москве в больнице им. Боткина имеется прекрасно оборудованный электрофизиологический

²⁵ Профессор А.Ф.Самойлов - всемирно известный ученый в области физиологии. В Казани начал работать с 1903 года на кафедре физиологии физмата Казанского гос. университета. Сделал крупные открытия в области электрофизиологии.

кабинет, работа которого ведется в согласии с моими указаниями. Институт профессиональных заболеваний им. Обуха тоже устраивает при моей помощи электрофизиологический кабинет. Ассистенты этих учреждений обучены мною здесь в Казани. Я неоднократно получаю со всех сторон предложения читать лекции о токах сердца, просьбы о разрешении прислать сюда к нам молодых сотрудников для обучения их. Токами сердца заинтересовались и наши курорты, которые тоже посылают ассистентов к нам для обучения их методике. Этим летом я работал в прекрасно оборудованном для электрокардиографических занятий кабинете кардиологической клиники в Кисловодске, куда был приглашен консультантом. Наша лаборатория разрослась, таким образом, далеко за ее настоящие пределы. Но все же основной очаг моей работы - казанская лаборатория, с которой связан труд всей моей научной жизни, увя старится, дает самые реальные трещины, оседает, стала, как будто, еще меньше от той массы разных аппаратов, которые лаборатория приняла. Продолжать работу в этом здании становится невозможным; лаборатории должны быть предоставлены более соответствующие ее значению помещения и средства.

Профессор А.Е.Арбузов²⁶

В беседе с нашим сотрудником проф[ессор] А.Е.Арбузов сказал:

— Уступая неоднократно выраженному желанию редакции газеты «Красная Татария» охарактеризовать мою научную деятельность и условия работы руководимой мной лабораторией органической химии, заранее предвижу всю трудность выполнения этой задачи.

Лаборатория органической химии Казанского университета трудами моих предшественников академиков Н.Н.Зинина и А.М.Бутлерова и моего учителя профессора А.М.Зайцева была поднята на небывалую высоту и приобрела всемирную славу и известность.

Являясь питомцем лаборатории, я в начале своей научной деятельности был оторван от Казани и, вероятно, это обстоятельство является главной причиной, что подавляющее большинство моих работ в отношении тем и круга научных идей мало связано с работами Казан[ской] лаборатории.

В течение почти 30 лет в центре моих научных изысканий стоят мало доступные и мало изученные органические производные фосфора.

Из числа приготовленных мною и моими сотрудниками более 100 новых органических производных фосфора, вероятно, не менее десятка могли бы быть испытаны в качестве фармацевтических препаратов. Эта задача много раз стояла на очереди, но по различным причинам откладывалась.

При возобновлении нашей связи после войны и революции с Западом, я с удовольствием узнал, что моими работами заинтересовались и продолжили их шведские химики в Химико-Фармацевтическом Институте в Упсале. В последние 10-15 лет, наряду с соединениями фосфора, в нашей лаборатории изучаются так называемые ацетали. Работы эти имеют органическую связь с работами над фосфором.

Есть надежда, что некоторые из специалистов найдут практическое применение. Особый интерес в этом отношении представляет жидкий ацеталь камфоры. Введенный в кровь, этот препарат должен медленно разлагаться на спирт и камфару. В настоящее время действие ацетала камфары испытывается на животных.

Ограниченность места не позволяет мне хотя бы кратко сказать о работах нашей лаборатории в отношении организации химических производств.

Не могу, однако, не указать более подробно на работы нашей лаборатории над исследованием смол и скипидаров.

Работы в этой области идут одновременно и в теоретическом и практическом направлениях.

Рядом моих работ в лесу над соснами было открыто явление, заинтересовавшее ботаников-физиологов и отчасти лесоводов, - это наличие в дереве огромного давления, под которым на-

²⁶ А.Е. Арбузов - академик Академии наук СССР, всемирно известный ученый в области органической химии.

ходится смола. Наличием этого давления объясняется характер истечения смолы при поранении дерева и таким образом создается научная теория подсочки (искусственное добывание смолы). Изучение состава скипидаров и смол ведется в нашей лаборатории по новейшим западно-европейским методам (главным образом Института Сосны в Бордо, Франция). Подобные исследования являются в нашем Союзе пока единственными. <...>

Работы нашей лаборатории неоднократно докладывались в ВСНХ и велись отчасти на средства им ассигнованные.

Теоретическая разработка вопросов, связанных с изучением подсочки, состава скипидаров и смол, непосредственно переходит в практику. Так, по заданиям Татсовнархоза мною и моими сотрудниками разработан проект подсочки сосновых массивов в Мар[ийской] области. Далее нами изучаются составы скипидара и скипидарных масел на вновь пущенном ВСНХ заводе.

Дулевская фабрика Фарфорового Треста поручила нам разработку трудного вопроса: установление норм приемки скипидаров, необходимых фабрике для целей наводки позолоты на фарфоровые изделия.

Этот неполный и отрывочный перечень работ показывает, что наша лаборатория выполняет не только функции химической лаборатории высшего учебного заведения, но и функции исследовательского института.

К сожалению, некоторые недочеты в оборудовании лаборатории не позволяют развернуть работы более интенсивным темпом.

Неустойчивое положение с электрическим током и отсутствие хотя бы небольшого газового завода зачастую сводит на нет работу целого дня, а то и больше.

Недостаток помещения также сильно дает себя чувствовать и не позволяет в должном масштабе привлечь к научным и научно-техническим работам лаборатории наиболее выдающихся из студенческой молодежи.

Профессор Е.М.Лепский²⁷

Профессор Е.М.Лепский - руководитель клиники детских болезней при Институте для усовершенствования врачей им. Ленина сказал нашему сотруднику:

— Наша клиника возникла в очень трудное время в 1920 году. Получить сразу приспособленное помещение, надлежащее оборудование, аппаратуру для научных исследований тогда было невозможно. Пришлось устраивать клинику и создавать обстановку для научной работы на ходу во время текущей интенсивной лечебной и учебной работы. Все же года через два после основания клиники начали появляться в медицинской печати сообщения о производственных у нас научных работах.

Все производимые у нас научные исследования вызваны запросами, которые нам ставит жизнь в процессе работы. Так, во время голода в Поволжье через нашу клинику прошло много детей с болезнями голода, как цинга, отеки и т.п. Это заставило нас заняться изучением невыясненных сторон этих заболеваний, изысканием новых методов их лечения и т.д. Результаты были опубликованы мною и моими сотрудниками в медицинской прессе и, по предложению организационного комитета II Всероссийского съезда педиатров, доложены мною съезду.

Усиление туберкулеза после перенесенных странною невзгод (эпидемии, голод и т. п.) побудило нас заняться изучением его распространения среди детей, испытанием новых методов его распознавания, профилактики и лечения.

Кроме того, ряд сообщений в печати, вышедших из нашей клиники, посвящены малярии у детей, эпидемическому менингиту, профилактике дифтерии и др. вопросам.

Последние годы я и часть сотрудников нашей клиники заняты изучением рахита, который сильно распространен среди казанских детей, особенно татарской части населения. В связи с этим мы провели ряд научных опытов воспроизведения этой болезни у животных (насколько нам известно, впервые в СССР). Эти эксперименты позволили выяснить некоторые важные пункты в лечении рахита.

²⁷ Профессор Е.М.Лепский - известный специалист в области педиатрии.

В частности мы выяснили, что тюлений жир, добываемый в больших количествах у нас на берегу Каспийского моря и дельфиний жир, производство которого на Черноморском побережье тоже довольно значительно, - являются хорошим средством против рахита и может заменить недостающий у нас тресковый жир, который прежде ввозился из Норвегии. До сих пор тюлений и дельфиний жиры применялись у нас только для технических целей.

В педиатрии, может быть больше, чем в других областях клинической медицины имеет значение профилактика. Поэтому мы с самого возникновения клиники стремились органически связать ее деятельность с профилактическими учреждениями. В настоящее время при клинике функционируют три таких учреждения (первые в Казани): консультация для детей, диетическая кухня для грудного возраста, отпускающая до 300 порций в день, дневной санаторий для детей дошкольного возраста.

Благодаря этим учреждениям, мы могли произвести ряд исследований, касающихся здоровых детей. Так, на основании данных консультаций, впервые выведены нормальные кривые веса и роста казанских детей грудного возраста. До того приходилось пользоваться кривыми, составленными на основании обследования детей в Ленинграде, Харькове или даже за границей. Между тем, антропометрические данные (результаты измерения) для населения разных областей различны и прикладывать мерки, выработанные в одной области, к населению другой - не следует. В нашей клинике постоянно занимаются 20-30 врачей, прибывших на один семестр в институт усовершенствования и, кроме того, еще около 10 молодых сотрудников, оставшихся при клинике в течение нескольких лет. Большинство врачей, работающих в учреждениях охраны материнства и младенчества Казани и Татарской Республики, получило подготовку в нашей клинике. И само строительство сети учреждений охраны материнства и младенчества в Казани происходило при моем участии - в начале в качестве заведующего подотделом в губздраве, а потом в качестве консультанта Татаркомздрава.

Задачи, которые возникают перед нашей клиникой все усложняются. Количество работающих врачей увеличивается и для того, чтобы деятельность клиники могла дальше развиваться надлежащим образом, требуется значительно пополнить ее оборудование, в особенности расширить и улучшить лаборатории.

Для науки о детских болезнях очень важна популяризация знаний. Чем больше мать понимает физические потребности ребенка, тем здоровее он будет. С этой целью при клинике устраиваются для матерей краткосрочные курсы по физическому уходу за детьми. Система массовых популярных лекций не имеет успеха. Хорошо было бы устраивать экскурсии и демонстрации работ в лечебных учреждениях.

Красная Татария. — 1928. — 6 ноября; Красная Татария. — 1928. — 16 ноября.

№43

Сообщение газеты «Красная Татария» о латинском алфавите

В смысле возможности разнообразить рисунки машинных шрифтов, ново-тюркский алфавит имеет даже преимущество перед русским, ибо может пользоваться всеми шрифтами латинского алфавита.

Ново-тюркский алфавит ускоряет производство и удешевляет стоимость книги и приближает Восток ко всему техническому богатству западноевропейской полиграфии.

Ars.²⁸

Красная Татария. - 1928. - 9 декабря.

²⁸ Подпись латинским шрифтом.

№44

Из постановления VIII съезда Советов Татарской АССР^{29*} по докладу Наркомпроса и Госкомитета «Яналиф»³⁰ о введении Яналифа в республике

8 мая 1929 г.

1. VIII съезд Советов Татарии констатирует, что по пути выполнения задач культурной революции переход на яналиф является решительным шагом вперед. Переход на новый алфавит, заменяющий отсталый, технически несовершенный, связанный с пережитками средневековья, - арабский алфавит, имеет глубокое политическое и культурное значение. Яналиф обеспечивает более быстрое приобщение трудящихся масс к социалистической интернациональной культуре и дает возможность более ускоренного темпа в развитии культурного уровня трудящихся татар.

2. Татарские рабоче-крестьянские массы и трудовая татарская интеллигенция, осознавая революционное значение яналифа, полностью оказались на стороне нового алфавита, решительно отмежевались от возникшей в известной части верхушечной интеллигенции, подпавшей под влияние буржуазно-националистических элементов, - оппозиции яналифскому движению. Быстро распространяясь, яналифское движение вылилось в массовое революционное движение трудящихся татар. Оформление этого движения правительством Татарской республики явилось естественным и своевременным выражением воли и требований самих трудящихся.

3. Первые же мероприятия по введению яналифа обнаружили громадную тягу трудящихся к новому алфавиту, огромный подъем советской общественности и активное содействие татарской интеллигенции, в частности тех товарищей, которые отошли от оппозиции в яналифском вопросе и совершенно искренне работают на фронте яналифизации. Трудящиеся Татарии единомысленно встали на сторону нового алфавита.

4. VIII съезд Советов, одобряя постановления и мероприятия правительства Татарской республики в данном вопросе, считает необходимым ускорить продвижение яналифа с таким расчетом, чтобы работа по яналифизации была полностью закончена к десятилетию Татарской республики.

5. Основными мероприятиями, обеспечивающими дальнейшие успехи в яналифизации, являются следующие:

а) Отмечая успехи в работе текущей кампании по ликвидации неграмотности на яналифе трудящихся, грамотных на старом арабском алфавите, съезд считает необходимым уделить максимальное внимание делу ликвидации неграмотности на яналифе среди грамотных на старом алфавите и в будущем учебном году, проводя с этой целью ряд государственных мероприятий и привлекая к этому делу в самой широкой степени общественные силы и средства. Кроме того, должны быть приняты меры к подготовке большего кадра ликвидаторов неграмотности на яналифе, с выделением по бюджету необходимых средств, как на подготовку, так и на оплату труда ликвидаторов.

В предстоящую кампанию по ликбезу на яналифе поставить задачей охват 100000 трудящихся, грамотных на арабском алфавите, причем должны быть устранены недочеты, выявившиеся в кампании текущего года (слабое вовлечение в ликбез женщин, батраков и кряшенского населения).

На ликвидацию неграмотности по яналифу среди кряшенского населения должно быть обращено особенно серьезное внимание, так как ликвидация неграмотности на яналифе среди кряшен имеет громадное политическое значение для слияния кряшен-трудящихся с основной массой татарского населения и открывает, возможности трудящимся-кряшенам широко использовать богатства татарской культуры.

²⁹ VIII съезд Советов ТАССР состоялся 3-8 мая 1929 г.

³⁰ Госкомитет «Яналиф» был учрежден при Тат.ЦИКе 22 февраля 1928 г. для организации работы по введению латинизированного шрифта.

б) Полный переход на яналиф на обычных ликпунктах Наркомпроса во всех культурно-просветительных учреждениях Татарии не позднее начала 1929/30 уч. года. С этого же учебного года обеспечить полный переход татарских школ на яналиф. В целях надлежащего снабжения татарских школ и других культурно-просветительных учреждений литературой на яналифе, в бюджете 1929/30 г. предусмотреть необходимость усиления издательской работы на яналифе.

в) В целях закрепления и углубления грамотности на яналифе особое внимание обратить как на распространение массовой яналифской литературы среди населения, так и на вовлечение широких трудящихся масс в члены Общества «Долой неграмотность». Обеспечить твердое выполнение намеченного в области издательства и печати плана перевода периодической и непериодической литературы на яналиф как по линии Татиздата, так и других издательств Татарской республики. Принять меры к расширению плана Татиздата в части дешевой массовой литературы на яналифе, в особенности художественной.

г) Немедленный перевод на яналиф внутреннего делопроизводства во всех советских, кооперативных и общественных учреждениях и предприятиях Татарской республики и разработка мероприятий, обеспечивающих перевод всего делопроизводства в указанных учреждениях не позднее десятилетия Татарской республики (обучение служащих, снабжение пишущими машинками, выработка стенографии на яналифе и подготовка стенографистов).

6. Отмечая отдельные случаи недостаточно внимательного отношения со стороны некоторых организаций и учреждений Татарской республики к вопросам яналифизации, съезд Советов считает необходимым усилить наблюдение за бесперебойным и своевременным выполнением плана яналифизации и усилить взыскание за халатное отношение к данному вопросу, как за срыв и саботаж дела социалистического строительства.

Постановления VIII съезда Советов АТССР. 8 мая 1929 г. – Казань, 1929. – С. 21-23.

№ 45

Постановление бюро Татарского обкома ВКП(б) о подготовке научных работников из татар и национальных меньшинств

18 октября 1929 г.

Проблема выращивания кадров научных работников из татар и нацмен в условиях Татреспублики имеет крупное политическое значение, являясь одним из мероприятий, определяющих степень практического проведения нац[иональной] политики.

Бюро ОК [Областного комитета] констатирует, что до сих пор эта работа проходила недостаточно планомерно, а главное недостаточно решительно, как в ВУЗах, так и в парторганизации.

Бюро ОК отмечает, что налицо уже теперь имеется кадр лиц из националов достаточно подготовленных для выдвижения их, как на научную работу, так и на руководящую работу в ВУЗах.

Исходя из этого, Бюро ОК предлагает:

а) АПО ОК разработать ряд мероприятий, обеспечивающих систематическую и плановую подготовку кадров научных работников из националов и в месячный срок доложить на Бюро.

б) В качестве конкретных мер на ближайшее время необходимо срочно обсудить и разрешить вопросы о замещении ряда руководящих должностей в ВУЗах националами и выдвинуть кадр лиц на научную работу.

В частности Бюро ОК предлагает в отношении Восточного Педагогического Института немедленно обсудить и разрешить вопросы: а) выдвинуть на кафедру татарского языка одного из наиболее подготовленных педагогов из татар в качестве профессора; б) выдвинуть на научную работу ряд нацмен по нац[иональному] отделению Института в качестве доцентов и ассистентов; в) на должность ректора Института выдвинуть тов. Кудоярова.

Подл. подписал за. ответ. секретаря ОК ВКП(б) – Гарифуллин

Верно:

Секретарь Бюро ОК: (Гройсман)

ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 635, л. 147.

Опубликовано: Осуществление политики коренизации в Татарстане в документах. 1920-1930-е гг. / Автор-составитель к.и.н. З.Г. Гарипова. - Казань, 2009. - С. 96-97.

№ 46

Из доклада М.О.Разумова – ответ[ственного] секретаря Татарского ОК ВКП(б) на III Пленуме Татарского обкома ВКП(б) о подготовке национальных кадров татар и состоянии коренизации аппарата

3–9 ноября 1929 г.

<...> К числу важнейших задач в области национальной политики принадлежит вопрос о кадрах нац[ионального] пролетариата. Что мы имеем в этой области? За последний год мы имеем прирост в 1,25 %. Удельный вес национальных кадров в составе всех рабочих занимает сейчас 25 с небольшим процентов. Если мы взглянем на такие отрасли нашего хозяйства как совхозы, то там рабочие-татары составляют только 9 %. В железнодорожном транспорте удельный вес татарских рабочих таков же. Нужно констатировать, что в течение ряда лет мы в вопросе об удельном весе кадров нац[ионального] пролетариата топчемся на одном месте, в результате недостаточной настойчивости со стороны всех парт. организаций. Мы хотим в текущем году добиться того, чтобы удельный вес татарских рабочих в нашей промышленности дошел не менее, чем до 30 %. Эта задача довольно трудная, которую разрешить нелегко. Для этого придется установить, как минимум, 40–45 % татарских рабочих в общем наборе во всех предприятиях нашей промышленности и при организации новых предприятий. Мы считаем, что эта задача должна быть боевой в области промышленности.

Второй вопрос – реализация татарского языка. Я не могу вам привести по этому вопросу цифр, но картина здесь еще остается неприглядной, несмотря на то, что этот вопрос неоднократно ставился у нас и на пленумах и на конференциях. Между кантонными центрами и татарскими волостями переписка продолжает идти на русском языке. Мы имеем целый ряд фактов небрежного отношения к этому вопросу в учреждениях. Даже в центральных учреждениях, мы вынуждены констатировать, что до сих пор на этом важнейшем участке нашей политики мы поступаем сплошь и рядом по-канцелярски. Можно привести из политики центральных татарских учреждений чрезвычайно интересные факты. Напр[имер], на Татрабфаке и в Татпедтехникуме, в которых 100 % учащихся и учащихся татары, даже приказы издаются на русском языке, все абсолютно пишется на русском языке. В отношении комиссий по реализации татарского языка надо сказать, что они ничего не делают для усиления этой работы, что они являются ни чем иным, как ширмой для тех, кто не хочет серьезно выполнять директивы партии по вопросам реализации языка. Мы должны обязать учреждения организовать переписку с волостями и между соответствующими учреждениями на татарском языке, установив строжайшую ответственность за невыполнение этих директив. Мы должны добиться того, чтобы превозмочь тот консерватизм, который имеется в этом вопросе.

Вопрос о коренизации аппарата. В кантонных аппаратах число татар за два года увеличилось на 4,5 % и достигает сейчас 36,8 % при 55 % татар в составе населения кантонов. Несомненно, надо усилить работу по коренизации аппаратов, по подготовке людей для советской работы, решительно добиваясь при этом улучшения социального состава. Для того, чтобы иметь возможность правильно регулировать нашу работу на этом участке местные организации должны выделить учет низших технических служащих (сторожа, кучера, истопники) от учета работников средних и высших групп сов[етского] аппарата.

Я хочу также остановиться на вопросе о кадрах специалистов, работающих на местах. Какую мы имеем сейчас картину? Из 202 агрономов и инструкторов – татар 29,7 %, нацмен – 4,1 %. Из 238 человек землестроителей и землемеров – татар 31 %, среди ветеринаров татары составляют 8 %, среди фельдшеров – 5 %.

Среди специалистов Наркомздрава – татар 8,5 %; в местной промышленности из 116 специалистов только 5 татар. Ясно, что дело обстоит слабо, и ясно, что отсюда вытекает задача усиления работы по подготовке кадров специалистов, проверки всех наших мероприятий, разработки целого ряда дополнительных мероприятий, которые бы обеспечили нам должный темп в подготовке кадров специалистов по различным отраслям.

В отношении учебных заведений можно отметить целый ряд достижений и улучшений в этом вопросе. По рабфакам в этом году мы имеем в приеме 35 %, по техникумам – 51 %, по ВУЗам – 20 % татар. Особенно слабо обстояло раньше в Сельскохозяйственном институте, но в этом году и здесь набор татар составляет 20 %, против 13 % прошлого года. Но, товарищи, этого мало, это не обеспечивает нам нужные силы, поэтому мы должны поставить самым решительным образом вопрос о том, чтобы обеспечить все условия, которые бы дали возможность в последующие годы увеличить удельный вес татар в общем приеме в ВУЗы. Мы должны расширить сеть учреждений по подготовке в ВУЗы, должны принять самые решительные меры к тому, чтобы предохранить кадры татарского рабоче-крестьянского студенчества от того отсева, который зачастую наблюдаем.

Относительно комплектования кадров научных работников. Сейчас из 600 научных работников, имеющих в Т[атарской] Р[еспублике], только 90 татар. За последние годы в этом отношении кое-что сумели сделать, получили 22 новых научных работника татарина. В последнем году мы впервые получили двух профессоров из татар. За последнее время как будто бы удалось переломить настроение противодействия, которое имеется в наших ВУЗах, в наших учебных заведениях. Но, товарищи, нужна еще большая настойчивость со стороны соответствующих наших организаций, работающих в ВУЗах, университетах, в институтах, чтобы быстрее двинуть эту работу и быстрее создать необходимые кадры научных работников из националов <...>.

ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 2. Д. 633. Лл. 1, 27-29.

Опубликовано: Осуществление политики коренизации в Татарстане в документах. 1920-1930-е гг. / автор-составитель З.Г.Гарипова. - Казань, 2009. - С. 97-100.

№ 47

Докладная записка

Центральной комиссии по РТЯ в отдел национальностей при Президиуме ВЦИК о состоянии работы по коренизации госаппаратов и подготовке кадров в ТССР

1931 г.

Состояние коренизации – один из узловых вопросов госаппаратов. По осуществлению Ленинской национальной политики в условиях Татарской Республики является формирование национальных кадров и коренизация госаппаратов, перестройка и приспособление центральных и районных учреждений к обслуживанию на родном языке коренного населения; также обеспечение обслуживания нацмен на родном языке. Основным методом работы по коренизации является установление номенклатурных должностей, подлежащих замещению в порядке коренизации, каковые устанавливаются для центральных учреждений Комиссией по РТЯ, а для районных – районными комиссиями.

Переходя к конкретным данным о состоянии коренизации аппаратов, можно привести следующие данные

	На 1/I–31 года			На 1/VII–31 года		
	Общ. колич. служащ.	В том числе татар	%% татар	Общ. колич. служащ.	В том числе татар	%% татар
По центральным учреждениям ² Наркоматов:						
а) ответ. работ.	280	119	42,7%	248	114	46,5%
б) ср. технич.	437	123	28%	459	143	31,1%
в) низш. облс. персон.	80	27	33,6%	90	34	37,1%
Итого:	797	269	35,7%	797	291	36,2%

В общем, по центральным наркоматам за последнее время по коренизации аппарата большого изменения не имеется. По отдельным учреждениям в сторону роста имеет место, например по аппарату ЦИК и СНК – 57% против 51,5% на 1/I–31 г., Наркомпрос 50% против 44,8%, Наркомфин – 47% против 45%. Некоторый сдвиг имеется по аппарату Госплана, коренизация составляет 16,9% против 10,8% на 1/I–31 года. Изменение в сторону снижения имеет место в Наркомюсте – 37% против 34,6% на 1/I–31 года. По филиалам центральных учреждений (всесоюзного значения) по 9 учреждениям коренизация аппарата составляет 21%, наиболее слабым местом по коренизации из таковых учреждений Контора Союзмясо и Союзрыба, по данным на 1/I–31 года работников-татар в таковых было только 10%.

Также неудовлетворительное состояние с коренизацией аппарата управленческого аппарата Трестов, средний процент коренизации составляет только 19%. Из Трестов же слабым является Таткожтрест (7,1%), Татстройобъединение (10%).

Коренизация торгово-кооперативных учреждений составляет 32,8% из общего роста по вовлечению работников татар отстает Татаптекоуправление.

По банковским учреждениям (К[онто]ра Госбанка и Татбанка) коренизация аппарата составляет 25% против 34,3% на 1/I–31 года. По Казанской конторе работников татар 19% против 21,2% на 1/I–31 года и по Татбанку 39% против 51,7% на 1/I–31 года. По этим учреждениям коренизация отстает за счет особого вовлечения татар при общем росте служащих против прошлого.

В связи с районированием в 1930 году в ТР выделено 28 районов (из общего числа 45) с большинством татарского населения в каковых количество татарского коренного населения составляет 84,5% из общего количества населения татар в районах.

Для обслуживания коренного населения на родном языке указанных районов ЦИКом ТР, внутреннее делопроизводство в таковых и письменное сношение с ними центральными учреждениями установлено на родном татарском языке; также и делопроизводство в с/советах этих районов установлено на татарском языке.

Районы и сельсоветы, [где] переведен[о] делопроизводство³¹ на родной язык можно видеть из следующего списка:

№№ п/п	Наименование районов	Общ. число с/сов.	Из них по национальному признаку			
			Татар	Русских	Нацмен.	Смешан.
1.	Арский	63	45	18	–	–
2.	Агрызский	24	18	6	–	–
3.	Актанышский	53	47	2	1	3

³¹ Стиль документа.

№№ п/п	Наименование районов	Общ. число с/сов.	Из них по национальному признаку			
			Татар	Русских	Нацмен.	Смешан.
4.	Апастовский	51	40	9	2	–
5.	Алькеевский	44	21	19	4	–
6.	Альметьевский	29	22	3	3	1
7.	Рыбно- Слободский	70	40	27	0	3
8.	Атнинский	60	55	4	–	1
9.	Камско- Устьинский	35	25	8	2	–
10.	Шугуровский	25	15	4	6	–
11.	Тумутукский	29	27	2	–	–
12.	Красно-Борский	29	16	7	6	–
13.	Кукморский	53	40	2	11	–
14.	Тюнтеевский	59	47	1	11	–
15.	Мамадышский	52	26	23	3	–
16.	Сабинский	70	53	10	–	2
17.	Сармановский	59	49	10	–	–
18.	Муслумовский	48	37	9	2	–
19.	Дрожжановский	40	23	1	16	–
20.	Токаньшский	39	28	9	2	–
21.	Кайбицкий	44	21	17	1	5
22.	Бавлинский	30	16	7	7	–
23.	Первомайский	30	17	2	6	5
24.	Мензелинский	64	33	23	1	7
25.	Нурлатский	33	19	14	–	–
26.	Буинский	78	38	14	13	13
27.	Дубьязский	60	40	19	–	1
28.	Челнинский	65	39	20	–	7
Итого:		1337	902	290	97	48

Таким образом, в этих районах татарских сельсоветов составляет 65,2%, а из общего числа – татарских с/с составляет 88%.

В основном в этих районах, как внутреннее делопроизводство в районных учреждениях, так и письменное сношение с центральными учреждениями проводится на родном языке. Но в отдельных районах (Камско-Устьинский, Тюнтеевский и Атнинский) полностью реализация тат. языка не проводится. По некоторым районным учреждениям делопроизводство идет на русском языке, а также со стороны отдельных центральных учреждений практикуется посылка материалов на русском языке.

В целях обслуживания нацменского населения (чуваши) на родном языке постановлением ЦИКа ТР от 22 ноября 1930 года выделено два нацменские района (Аксубаевский и Октябрьский), в этих районах делопроизводство должно вестись на чуваш. языке. В отношении обслуживания нацмен вообще на родном языке, порядок реализации языка установлено: а) все сельсоветы в пределах ТР обслуживающ[ие] однородное по языку нацмен. население, установ-

ливают внутренние делопроизводство на языке соответств[ующей] народности и б) с/советы, обслуживающ[ие] разнородное по языку население могут переводить свое делопроизводство по своему усмотрению, на языке большинства обслуживаемого населения.

О состоянии коренизации аппарата районных учреждений полных материалов не имеется. По данным от отдельных районов, коренизация аппарата выражается:

Наименование районов	%% татар к общему числу населения	%% работников татар к общему числу служащих	% работников нацмен.
Камско-Устьинский	61,3%	56%	4,7%
Дубьязский	72,3%	58%	0,9%
Дрожжановский	64,7%	35,1%	56%
Арский	77%	60%	–
Мензелинский	56,1%	32,4%	2,8%
Тумутукский	90,7%	88%	1,8%
Тюнкерский	84%	88%	8%
Сармановский	89,2%	78,3%	–
Муслюмовский	77,2%	75,5%	4,7%
Нурлатский	71%	58,1%	3,2%

Как видно, слабое вовлечение имеет место в Дрожжановском районе, здесь большая часть коренизирована за счет нацмен.

Состояние работы по созданию кадров национального пролетариата

По вопросу подготовки кадров из коренного населения ноябрьского пленума ОК дал исчерпывающие директивы. По этим основным директивам партии процент рабочих-татар в течение 1931 года должен быть доведен до 38–40%. По данным на 1/1–31 года рабочих по союзной и трестированной промышленности ТР всего 26 726, в том числе татар 8 527, что составляет 31,9%; таким образом, стоит задача в течение 1931 года влить еще несколько тысяч новых рабочих татар, одновременно с увеличением роста также стоит задача по повышению квалификации и политического воспитания рабочих татар, проводя их через курсы, кружки и т.д.

На существующих курсах татар составляет 33%; кроме того имеются специальные курсы для татар на 181 чел., учитывая необходимость формирования подготовки кадров для промышленности, поставлено задачей в 31 году охватить различными видами курсов и кружков до 50% рабочих-татар, но эти мероприятия при практическом осуществлении полностью не выполняются отдельными предприятиями, например: Кирпичный завод организует курсы на 34 чел., не вовлек ни одного татарина; на курсах завода имени Муллачура Вахитова на 37 чел. курсантов только два татарина. На курсах водного транспорта на 64 курсанта только 8 татар. <...>

Таким образом, вовлечение квалифицированных рабочих татар из общего количества 2790 чел. составляет 69,5%.

Общее количество рабочих по трестистой³² промышленности без учеников и младшего обслуживающ[его] персонала в [19]31 году составляет 15 782, рост против [19]30 года 6,9%. Рост же рабочих татар сост[авил] 51,8%. К концу [19]31 г. % рабочих татар к общему числу рабочих намечается довести до 38,15%.

Основным источником подготовки кадров и привлечения рабочей силы является подготовка через школы ФЗУ. По данным Союзной трестированной промышленности ФЗУ, имеется 2658

³² Имеется в виду «трестированная промышленность».

учеников, из них мужчин 64,2%, женщин 35,8%; татар 46,1%, русских 46,3% и проч. 7,6%; по социальному происхождению: рабочих – 53,6%, батраков 1,6%, бедняков 18%, середняков 6,1%, служащих 11,6%, кустарей 4%.

Несмотря на значительный рост в школы ФЗУ, последние в течение 1931 года покроют лишь 12% всей потребности в рабочей силе. Таким образом перед промышленностью стоит задача в [19]31 году число учащихся увеличить на 2500 человек. Слабым местом в промышленности ТР является вопрос об инженерно-техническом персонале. По частному обследованию по трестированной промышленности из 110 инженеров татар составляет 3,6%; среди техников из общего количества 154 чел., татар 9,7%.

По имеющимся материалам по отношению руководителей трестов и предприятий в составе таковых (из учтенных 54) татар 36,5%, нацмен. 1,8% и друг[их] нац[иональностей] 9,2%.

В составе руководителей, несмотря на удовлетворительное состояние вовлечения татар, недостаточное место занимает нацмен. <...>

За председателя ЦИК АТССР (Хакимов)
 Ответ[ственный] секретарь ЦК РТЯ (Булатов)

НА РТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 1531. Лл. 22-32.

Опубликовано: Осуществление политики коренизации в Татарстане в документах. 1920-1930-е гг. / автор-составитель З.Г.Гарипова. - Казань, 2009. - С. 120-125.

№ 48

Из докладной записки о культурном обслуживании национальностей в Дальневосточном крае

Не ранее 1933 г.³³

Дальневосточный край по своему хозяйственному укладу, национальному составу и культурно-бытовому уровню национальностей представляет пеструю картину. Здесь живут 92 народности. Обслуживание национальностей школой характеризуется следующими цифрами:

	Начальная школа		II концентр	
	1931/32	1932/33	1931/32	1932/33
татарских	458	600	-	-

Для подготовки культ[урно]просвет[ительных] кадров в крае имеются Дальневосточный интернациональный пединститут, Коммунистический ВУЗ, Совпартшкола.

ГАРФ, ф. А-296, оп. 1, д. 544, л. 59-60.

№ 49

Из статьи П.М.Дульского в газете «Красная Татария» об искусстве Татарстана на заграничных выставках

Участие советских художников в международных выставках за границей, безусловно, является большим делом и не только художественного порядка. Эти показы имеют громадное политическое значение, как фактор, доказывающий и подтверждающий рост и развитие пролетарской культуры, наступление советской страны на фронте культурной революции. В связи с

³³ Датируется по содержанию документа.

этими огромными задачами, иллюстрирующими стиль нашей эпохи и достижения нашего искусства, которое стало на путь социалистического реализма - художественные выступления за границей неоспоримо являются актуальной необходимостью советского искусства, знакомящего международный пролетариат с успехами художественного творчества в нашей стране.

Было бы очень обидно, если бы художественная жизнь Татарии не была отражена в этом большом деле.

Еще в 1929 г. лучший европейский журнал «Gebrauchs Graphic» (1929 г., № 2), издающийся на двух языках - английском и немецком - заинтересовался оригинальными работами художников Татарии, посвятив им статью. Вслед за этой статьей было получено из Лос-Анжелеса (Калифорния) предложение татарам художникам принять участие в выставке графики, устраиваемой в публичной библиотеке, причем в просьбе указывалось прислать «предпочтительно ультрасовременное».

Работы были вскоре же отосланы. Этот факт свидетельствует о том, что опубликованные в «Gebrauchs Graphic» материалы о татарах художниках своей непосредственностью и выразительностью произвели должное впечатление в далекой Америке.

1925 год для татарского искусства должен быть отмечен как некоторый этап в области знакомства Запада с искусством Татарской республики. На грандиозной международной выставке декоративных искусств в Париже в 1925 г. Татарии был предоставлен огромный щит для ее экспонатов. Были выставлены в большей степени предметы, знакомящие с прикладным искусством: ткани, изделия из цветной кожи, вышивки, ювелирное дело и отчасти современная татарская книга в ее художественном оформлении. К сожалению, опыты молодых художников из татар показаны были недостаточно, но известный художественный критик Я.А. Тугенхольд уже тогда обратил внимание на остроту некоторых книжных украшений и в своей статье «L'element national dans l'art de L'URSS» воспроизвел работу Фаика Тагирова.

Надо указать, что это время – 1924-25 гг. должно быть отмечено как период зарождения национальной революционной графики Татарской республики и только на большой юбилейной выставке искусства народов СССР в Москве (1917-1927) выявился актив художников из татар, положивший начало своему книжному искусству.

Сумев завоевать себе имя, татарские художники в 1930 г. были приглашены к участию в очень ответственной международной выставке в Париже - «Искусство книги». Выставка охватывала ряд стран, и советский отдел был организован ВОКСом (Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей). Советский отдел возглавлялся нашим послом в Париже М. Довгалевским. «Union des Republiques Socialistes Sovietiques» дал до 150 образцов лучших мастеров советской графики. Среди них мы имеем ряд работ хорошо нам известных художников Татарии. Были выставлены работы Г. Юсупова, Ф. Тагирова, композиции к книгам «Октябрь и молодое поколение», «Загадочный шалаш» Мухаметжанова, обложки к стихам Тляшева «Ударные дни» и др. Ряд линогравюр к 1905 г. Козлова, графика Н. Сокольского и его обложка к изданию «10 лет социалистического строительства Татарстана», и Никитина «Тракторная станция» (фотомонтаж). Кроме того, на этой выставке были представлены Татиздат, техникум искусств, госуниверситет и полиграфшкола. Заграничная пресса отметила наше участие в выставке, и особо ценная статья была на страницах «Таймс».

В 1933 г. тот же ВОКС отправил в Америку выставку советской графики, куда были включены работы художников Татарской республики. Выставка сначала посетила Чикаго и затем летом 1933 г. была устроена в Филадельфии. Был издан путеводитель со статьей известного американского искусствоведа Х.Брентона, не раз посещавшего Советский Союз и хорошо знакомого с нашим искусством.

К октябрьским торжествам нынешнего года должна открыться выставка в Париже, иллюстрирующая достижения Советского Союза, где Татарии тоже уделено видное место — и Татарская республика по изо[бразительному искусству] будет представлена снимками, выполненными текущим летом Союзфото на колхозные темы.

Мы не ручаемся, что наш обзор является исчерпывающим весь материал, выставившийся за границей от Татарской республики за революционный период. Нами не были указаны те международные выставки, в которых принимали участие отдельные наши художники Татар-

ской республики (интернациональная выставка в Венеции в 1924 г.), но и отмеченное нами в основном говорит, что Татария не отстает в этой области творчества. В заключение нам все же хотелось бы сказать, что национальных кадров по графике у нас мало и они далеко не могут обслуживать ту большую потребность, которая у нас имеется в связи с развитием книжной продукции.

Необходимо возродить (ныне свернутое) графическое отделение нашего техникума искусств, которое, главным образом, и воспитало молодежь, в настоящее время участвующую в заграничных выставках.

Красная Татария. – 1933. - 22 ноября.

№ 50

Из спецсводки «О ненормальностях в ходе хлебозаготовок по Тат[арской] республике»³⁴

I. Нереальность хлебных заданий по некоторым районам.

Темпы хлебозаготовок по Татреспублике за первый период их хода в основном удовлетворительны (июльский план выполнен на 125%), а также как и план хлебозаготовок по Республике в общем реален. Однако ввиду сильного влияния засушливой погоды в момент созревания яровых, урожайность хлебов по отдельным районам и селениям резко колеблется.. ввиду этого построенные хлебные балансы местами оказались не устойчивыми, а контрольные цифры хлебозаготовок намеченные в июне-июле месяцах и по отдельным районам оказались не реальными и потребовали за последнее время тщательного пересмотра. <...>

ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 1008, л. 7.

№51

Выписки из сводки №13 Бавлинского райаппарата ПП ОГПУ Т[АССР] на 1 июля 1933 г.

Совершенно секретно.
13 июля 1933 г.

В колхозе им. Крупской д. М. Дубовки Рыковского сельсовета в данное время настроение колхозников совсем изменилось, чем в 1931-1932 гг. не стали никому верить, кто бы не говорил и не нахваливал жизнь колхоза. Некоторые члены колхоза отвечают: [«]Довольно нас обманывать, мы теперь видим сами, что живем дальше в колхозе и жизнь все становится труднее[»], в 1931 г. урожай был намного хуже, чем в 1932 г. а жить было лучше, своего хлеба в колхозе не было и колхозу разрешали продавать лошадей и купить хлеба, варили в столовой обед и кормили рабочих и так дожили до нового урожая, а в 1932 г. урожай был хороший, хлеба было много, а члены колхоза все же стали голодать, большую часть хлеба от нас увезли и колхозников совсем оставили голодными. Были фонды общего питания, школьный фонд и этот хлеб весь увезли, остался только страх[овой] фонд и сем[енной] фонд. Несколько раз обращались в РИК о расходовании на питание колхозников сколько-нибудь из страх[ового] фонда, но РИК категорически запретил расходовать страх[овой] фонд<...>

ЦГА ИПД РТ, ф. 23, оп. 1, д. 67, л. 276.

³⁴ составлена по материалам районов республики на 27/III 1931 г.

№52

Данные по коллективизации в Т[АСС]Р по годам

Дата отчетного срока	Количество колхозов	В них дворов	% коллектив.	Прирост за отчетный срок
1 мая 1928 г.	223	2647	0,5	2647
1 июня 1929 г.	431	7812	1,5	5165
1 октября 1929 г.	724	18674	3,6	10862
1 октября 1930 г.	1756	48568	9,1	29894
1 октября 1931 г.	3952	318221	62,4	269653
1 октября 1932 г.	3707	292703	58,7	25518
1 октября 1933 г.	3779	357319	74,7	64616
1 октября 1934 г.	3800	382056	77,2	24737
1 ноября 1934 г.	3800	384789	77,8	-

ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 3, д. 4771, л. 17.

№53

Из сводки о ходе раскулачивания по Татарской республике

15 марта 1930 г.

Ошибки и извращения

Главным недостатком всей работы по раскулачиванию является то, что вокруг этого вопроса в ряде мест слабо мобилизуется мнение бедноты и батрачества, слабо проводится разъяснение сущности лозунга «ликвидация кулачества как класса», а идут по линии голого применения административных мер, а иногда без достаточной увязки с коллективизацией, как характеристику приводим ряд факторов.

Секретарь Арборского волкома Арского кантона в с. Шуда вызвал кулаков и предлагал им сдать имущество «добровольно». Председатель Трехозерского ВИКа Спасского кантона в д. Порфирьевке сам составил списки подлежащих раскулачиванию и без обсуждения на собрании конфисковал имущество. Такие же явления наблюдались в Шонгутской волости Буинского кантона и др.

В Чершелинской волости Бугульминского кантона перед собранием о раскулачивании арестовали всех кулаков и выслали из волости.

Вместе с этим особенно многочисленны случаи, когда ячейки, волкомы и высланные уполномоченные не возглавляют выросшей активности бедноты за раскулачивание и плетутся в хвосте, полностью соглашаясь с вынесенными бедняцкими собраниями решениями о раскулачивании, почему мы имеем довольно многочисленные факты по всем кантонам, что под раскулачивание попадают середняцкие хозяйства и хозяйства заслуженных, пострадавших или погибших в революцию лиц от белых контрреволюционных банд. Об этом подтверждают многочисленные факты с мест:

По Арскому кантону в Калининской волости раскулачено 20 хозяйств середняков, Ново-Кишитской - 25. Н. Челнинский кантон Афанасьевской волости с. Пробуждение. Раскулачен середняк Зотин за то, что у отца была шерстобойня, активный участник Октябрьской революции, как моряк Балтфлота, весь период гражданской войны был на фронте, белые отобрали дом и имущество. В д. Тягузино раскулачен середняк Мутяшин за покупку с сестрой перины в голодный год, имеет 1 лошадь, 1 корову, служил в Красной Армии, 2 раза ранен, брат убит в бою с белыми. В Исенбаевской волости Челнинского кантона раскулачен середняк за выступление против хлебозаготовок, а по Акташской волости за «тенденцию к окулачиванию». Такие же факты были по Тархановской

волости Буинского кантона, Семиостровской волости Мензелинского кантона и т.д. Имеются отдельные случаи, когда не только раскулачивают середняков, но и под это подводят бедняков, например: Вахитовский ВИК Мамадышского кантона вынес решение «составить списки всех крестьян, в том числе бедняков и середняков». Или в Мамалаевской волости того же кантона как подготовка к раскулачиванию составлена опись имущества у бедноты и середняков.

При этом в отдельных местах прибегают к совершенно ненужным арестам середняков, иногда даже и бедняков (Акташской, Афанасьевской, Челнинской волости, дд. Бетьки, Суксы Челнинского кантона др.). В таких случаях не обходится без того, что середняки попадают под раскулачивание из-за личных счетов.

Вместе с этим действительных кулаков не замечают, и они в отдельных местах уклоняются от раскулачивания, приняв вид середняка, например: в с. Актаныш Мензелинского кантона кулак в декабре 1929 г. и январе 1930 г. продал 14 голов крупного скота, 2 лошади, его не раскулачили потому, что имеет одну лошадь.

На местах в некоторых волкомах и ячейках недостаточно уяснили, что раскулачивание является составной частью коллективизации и оно должно служить укреплению колхозного движения, а понимают раскулачивание как возвращение «комбедовщины». Поэтому имеет место ряд фактов дележки кулацкого имущества между бедняками, увлечение отбором мелких неценных предметов личного обихода и пр. Практически эта дележка проводится настолько неумело, что возбуждает недовольство бедноты, а в отдельных случаях вызывает сопротивление. Как характеристику приводим несколько фактов.

В с. Машкауше Мензелинского кантона у кулаков отобрано 10 домов, в которые насильно вселены бедняки, при этом у одной вдовы заморозили картошку. По Балтаевской и Кильдуразовской волостям Буинского кантона и Пановской и Тюлячинской волостям Арского кантона, Заинской волости Челнинского кантона и Агрызского района имущество, отобранное у кулаков, разделено между бедняками, а в некоторых селах бедняки насильно вселены в кулацкие дома.

Почти повсеместно наблюдались случаи отбора у кулаков мелких неценных предметов - одежды, лаптей, детских коньков и всякого хлама.

Сопротивление кулака

Чтобы избежать конфискации имущества или меньше подвергнуться воздействию раскулачивания, до того еще, когда не было объявлено раскулачивания, кулак стал спешно ликвидировать свое имущество, прятать по родственникам и знакомым в соседних деревнях или в городах (Теньки), массами сбрасывает облигации госзаймов и берет вклады из сберкасс, продает ценные вещи и различные серебряные изделия и старые монеты (Мензелинск). В некоторых местах прибегают к угрозам, террористическим актам и вредительству. В последние дни заметно вновь повышение кулацкой активности по использованию женщин в качестве своих защитников-ходатаев, преимущественно родственников. Главным образом, кулак для возбуждения женщин использует ошибки и недочеты в работе наших органов, в первую очередь по коллективизации. Приводим некоторые факты. В д. Тат[арское] Именьково Лаишевского района. В связи с раскулачиванием 13 хозяйств они и их родственники повели агитацию за развал колхоза. 10/III - с[го] г[ода] 75 женщин под угрозами заставили председателя сельсовета выписать их из колхоза. Движение идет под лозунгом «перебить всех уполномоченных». В д. Урманчеево Мамадышского кантона. Женщины предъявили требования прекратить раскулачивание, распустить колхоз. В с. Байсарове Мензелинского кантона кулак поджег свое имущество, конфискованное в порядке раскулачивания.

Проявление правого уклона

Практика раскулачивания на местах и в отдельных центральных учреждениях выявила ряд фактов проявления правого уклона на практике в работе низовых партийных организаций (волкомах, ячейках) и советских, кооперативных учреждениях. Как одно из ярких проявлений такого явления служит информативное письмо Татсоюза №12, где Татсоюз ориентирует свою сеть

так: «Кулацкая активность не проявляется, кулак разбит». - тогда как ниже в этом же письме констатируется, что в Менделеевском ПО кулаки стремились вынести решение, направленное против рабочих, с указанием, что крестьяне угнетены, а в Урюмове кулаки в противовес раскулачиванию устроили контрреволюционную демонстрацию женщин.

Ряд волостных и сельских работников при раскулачивании выступили с заявлением, что «у них кулаков нет», раскулачивать некого, некоторые из них пытались даже приостановить раскулачивание или отменяли уже проведенную конфискацию имущества, приводим характерные факты.

Балтасинский ВИК Арского кантона дал директиву задержать раскулачивание, а Калининский ВИК совершенно отрицает наличие кулаков в волости. В д. Кодряково Ново-Мазинской волости Мензелинского кантона секретарь ячейки Гафуров выступал в защиту кулаков, заявляя, что «кулаков у нас нет, раскулачивать некого», и лично отменил конфискацию имущества у одного кулака, потому что он часто вместе с ним пьянствовал. Председатель Кузайкинского ВИКа Челнинского кантона Ткачев писал предупредительное письмо кулаку о подготовке к раскулачиванию.

Наряду с этим отдельные уполномоченные и руководящие работники низовых советских органов при проведении раскулачивания допускали ряд искажений и нарушений даваемых директив, выразившихся в приобретении с торгов конфискованных предметов, присвоении отбираемых вещей, и даже допускались случаи взяток, например: в Мамалаевской волости Мамдышского кантона, в с. Гороховое Поле, уполномоченный Голов присвоил себе шубу, брюки, шапку. По Нурлатскому району в д. Тукаево помощник прокурора Садыков присвоил вещи, конфискованные у кулаков: перчатки, бритву - и, кроме того, взял взятку периной и подушками. По тому же району. Начальник райадминотдела и нарсудья приобрели с торгов вещи, конфискованные в порядке раскулачивания.

Такие действия вызывают недовольство окружающего населения и дают возможность кулакам дискредитировать действия местных работников по раскулачиванию.

Надо отметить, что вышестоящие местные органы к устранению таких явлений не принимают достаточно решительных мер.

Зав. информацией ОК:

(Беляев)

ЦГА ИПД РТ, ф.15, оп.2, д.831, лл.13-15.

Опубликовано: Галиуллин И. «...Кулак для возбуждения женщин использует ошибки и недочеты в работе наших органов...» // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1998. - №1/2. – С. 94-96.

№ 54

Директивное письмо Татарского обкома ВКП (б) канткамам и райкомам ВКП (б) об антиколхозном движении в районах республики

24 марта 1930 г.

Информируем, что по поступающим с мест сведениям серьезное антиколхозное движение продолжается в Арском, Спасском, Чистопольском кантонах и в Лаишевском, Нурлатском Агрызском, Рыбно-Слободском, Кайбицком районах. [В] других кантрайонах охватывает сравнительно небольшое количество деревень. Выставление явно контрреволюционных лозунгов имеет место лишь [в] немногих случаях. Обкомом приняты сегодня решения: по-прежнему вести упорную борьбу [на] основе массовой работы за сохранение сел сплошной коллективизации. [Во] всех случаях значительных выходов из колхозов, безусловно, сохранять устойчивую часть колхозников, сплывая их вокруг основного колхозного актива, рассматривая их организационно и хозяйственно как колхоз с тем, чтобы эта группа продолжала вести решительную

борьбу за восстановление сплошной коллективизации села, отвоевывая крестьян десятками и одиночками. Имущество ликвидированных кулацких хозяйств после исправления всех перегибов остается в распоряжении этих колхозов. [В] отдельных селах [в] виде опыта начните отвод земли сохранившейся части колхоза, не допуская никаких перегибов. Всеми методами убеждения противодействуйте, задерживайте процесс разобобществления семян до момента сева. Разъясняйте, предостерегайте бедноту, маломощных, что разобобществление семян является прямой угрозой обсеменению их полей.

Предостерегаем [от] вредного форсирования фактического обобществления лошадей без наличия соответствующих условий.

Ввиду истечения срока, предоставленного кантрайкомам для возврата верующим неправильно отобранных церковей, мечетей, предлагается немедленно доложить цифровые данные выполнения этой директивы. Рекомендовать кантрайкомам возвращать обратно [в] Казань бригадников и мобилизованных, мешающих проведению линии партии [в] борьбе [с] перегибами. Обком констатирует, что ряд местных организаций проявляет недопустимую медлительность в исправлении перегибов, основываясь [на] ложном понимании авторитета власти. Подобная установка, зачастую граничащая [с] явным саботажем партлинии, является прямой помощью кулакам. Максимально повысьте требовательность к сельским волостным органам, их ответственность, каждодневно проверяйте их практическую работу по исправлению перегибов. [Во] всех случаях привлечения [к] ответственности за перегибы информируйте немедленно все низовые организации.

Татобком (Разумов).

ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 785, л. 117.

Опубликовано: Фаезова Г., Елизарова С. «Все кричали, что колхоз не желаем» // Гасырлар вазы = Эхо веков. – 2009. - №2. – С. 70-71.

№ 55

Из докладной записки уполномоченных обкома ВКП (б) об антиколхозном движении в Арском кантоне

10 апреля 1930 г.

<...> Причины и характер движения.

Прежде всего, со всей категоричностью, следует отвергнуть сказку о том, что антиколхозное движение явилось в результате статьи т. Сталина и постановления ЦК о борьбе с перегибами. В Арском кантоне это движение проявилось не только в каждой волости, но и в каждой деревне. В своей основе оно имело взрыв давно уже назревавшего недовольства середняцких и бедняцких масс кантона. Общие перегибы, присущие чрезмерному темпу коллективизации ТССР, получили в Арском кантоне углубление через специфическую практику. Главным образом она сказалась в налоговой раскладке и системе взыскания, административном походе на религию и перераскулачивании.

В конкретных условиях Арского кантона линия, взятая ЦК, безусловно, содействовала лишь тому, что неизбежный взрыв получил в этих именно решениях разрядку и закончился более болезненно. <...>

О перегибах в Арском кантоне.

При организации колхозов.

За период событий не было ни одного схода, который бы не утверждал, что в колхоз загнали силком, нет сомнения, что здесь есть известная доля преувеличений, однако, в основном, как показывает ближайшая проверка конкретных подходов, метод при организации был по преимуществу методом нажима, застрачивания всякими невзгодами вплоть до раскулачивания и Сибири. Такое механическое вовлечение считалось за настоящее искусство формирования. Как правило, имело место и игнорирование деловых предложений крестьянина, если они хотя [бы] чуточку

расхотелись с принятым организатором колхоза направлением. Лучшим доказательством этого служит тот факт, что естественно отложившееся сейчас колхозное ядро имеется лишь в 126 деревнях из 612-ти и составляет всего около 12-15 % хозяйств кантона. <...>

По раскулачиванию. Раскулачивание шло по признаку не только экономическому, но и политическому и религиозному, врвался также и склочно-бытовой момент. По волости была дана ориентировочная разверстка в цифре нереальной, раздувающей количественный аппетит. В результате некоторые волости, как Арская, первоначально раскулачили до 5 %. После предварительных коррективов цифра по всему кантону сведена была до 2,5 %, а [в] результате действительной проверки оказалось всего лишь 1,17 %. Естественно, что среди восстановленных оказались бедняки, середняки, не кулаки — муллы, люди с давним прошлым, не имеющие никакого экономического признака кулака в настоящем. Кантком и не задумался над вопросом о том, что при малоземельи (свободной земли в кантоне нет) и общей скудности района какое действительное количество кулаков может быть в районе. Как велико было соревновательское увлечение секретаря канткама чрезмерным раскулачиванием, свидетельствует хотя бы его телеграмма Ново-Чурилинскому волкому от 17 марта. В этой телеграмме т. Сафаров, ссылаясь на статью т. Сталина и указывая на случаи недопустимых перегибов, одновременно дает «снижение» ориентировки раскулачивания: вместо 60 — 55. Фактически же оказалось в этой волости 23 кулака всех категорий. Никак иначе, как «левой» отсебятиной, подобный подход в работе характеризовать нельзя. <...>

ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 842, л. 3-5.

Опубликовано: Фаезова Г., Елизарова С. «Все кричали, что колхоз не желаем» // Гасырлар авазы = Эхо веков. — 2009. — №2. — С. 72-74.

№ 56

Из закрытого письма Татарского обкома ВКП (б) секретарям канткомов, волкомов и райкомов ВКП (б) о борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении в Татарии

17 апреля 1930 г.

Отлив из колхозов, имевший место в ТР в течение последнего месяца и резко снизивший фигурировавший до сих пор процент коллективизации крестьянских хозяйств, к настоящему времени приостановился. Мы можем констатировать известный перелом в положении в деревне. Закрепившаяся в колхозах часть бедняцко-средняцкого крестьянства и оставшиеся вне колхозов единоличные бедняцко-средняцкие хозяйства находятся накануне сева, который открывает следующий этап в нашей работе по подъему и соц[иалистической] реконструкции сельского хозяйства РТ. <...>

С ноября 1929 г. по март 1930 г. в ТР происходил быстрый рос коллективизированных крестьянских хозяйств. Несомненно, что колхозное движение в ТР, так же как и в других областях Советского Союза, в основе своей отражает поворот значительной группы бедняцко-средняцкого крестьянства на путь коллективизации и тяготение к этому пути развития все более широкой массы бедняков и середняков. Не подлежит никакому сомнению, что в том случае, если бы вся наша практическая работа по колхозному строительству полностью соответствовала указаниям ЦК, нам удалось бы к моменту сева значительно более прочно и широко закрепить успехи колхозного движения, чем это имеет место в настоящее время.

Однако факты показывают, что в ТР, так же как и в некоторых других областях Советского Союза, в ходе коллективизации стали сказываться грубейшие нарушения политики партии в деревне в основном вопросе, в вопросе о середняке. Подмена методов организационно-разъяснительной работы в массах методами насилия в отношении середняка в колхозном строи-

тельстве — такова основа этих ошибок. У нас, в ТР, эти ошибки сказались в многочисленных областях колхозного строительства и имели весьма широкое распространение <...>³⁵

Эти перегибы сказались, прежде всего, в нарушении важнейшего принципа коллективизации — принципа добровольности, в практике насильственного принуждения к вступлению в колхоз. Достаточно, например, указать на Бугульминский кантон, напечатавший в своей газете телеграфную директиву волостным работникам о том, что они «отвечают головой» за достижение более высокого процента коллективизации по кантону, и на ошибку «Красной Татарии», поместившей в газете заметку о том, что Бугульма заносится на черную доску за недостаточный темп коллективизации; на Кузнечихинский волисполком Спасского кантона, арестовавший членов сельсовета, которые не вступили в колхозы; на огромное количество случаев запугиваний крестьян Соловками, Сибирью «песочками» в том случае, если они не вступят в колхоз. <...>

Наиболее грубые, прямо-таки преступные, извращения политики партии имели место при проведении раскулачивания. В Лаишевском районе, например, было раскулачено более 6 % хозяйств, есть случай раскулачивания целого поселка (Восход), почти повсеместно раскулачиванием были задеты середняцкие хозяйства, при раскулачивании зачастую руководствовались не столько экономическими соображениями, сколько политической физиономией того или иного середняка и даже бедняка, механически раскулачивали всех служителей культа, всех лишенцев, некоторые семьи рабочих, работающих в городе, иногда даже раскулачивание являлось просто методом сведения личных счетов и в отдельных случаях выливалось в простое мародерство. Директива обкома от 9-го января с[его] г[ода] о том, что раскулачиванием ни в коем случае не должны быть задеты середняцкие хозяйства, и постановление ТЦИКа от 16-го февраля о привлечении к ответственности виновных в раскулачивании середняков, таким образом, не были выполнены. <...>

Учтя, что такое положение, имевшее место в ряде областей Советского Союза, создавало угрозу разрыва нашего союза с середняком, и ЦК партии изменением устава с[ельско]х[озийственной] артели, статьей т. Сталина «Головокружение от успехов» и, наконец, постановлением от 10 марта, опубликованным в «Правде» 15 марта, — счел необходимым открыть решительную борьбу с обнаружившимися искривлениями партийной линии в колхозном движении. Были ли, однако, повсюду поняты эти директивы ЦК и достаточно ли быстро перестроились партийные организации на выполнение этого постановления. Как известно — это не имело места. Салиховский волком Бугульминского кантона умышленно задерживал распространение среди крестьян статьи тов. Сталина, считая ее вредной, Левашевский волком Спасского кантона принял решение о том, что статья тов. Сталина и новый устав с[ельско]х[озийственной] артели не касаются его, Арский кантон 17-го марта в порядке исправления ошибок раскулачивания ограничивается снижением числа раскулаченных с 60 на 55 в одной из волостей, хотя проверка показала, что раскулачиванию там подлежат всего 23 хозяйства. До сих пор среди известной части актива имеет место непонимание значения директив ЦК о борьбе с перегибами, попытки смазать эти директивы. Такие настроения и обусловили в начале пассивность большинства низовых партийных организаций в исправлении перегибов до тех пор, пока за «исправление» этих перегибов не принялся кулак. Кулаку удалось в ряде мест взять в свои руки инициативу, воспользоваться ошибками и пассивностью партийных организаций и приступить к ложному истолкованию директив ЦК. Так была подготовлена почва для того массового отлива из колхозов, который имел место в течение последнего месяца.

ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 830, л. 37-38.

Опубликовано: Фаезова Г., Елизарова С. «Все кричали, что колхоз не желаем» // Гасырлар авазы = Эхо веков. — 2009. - №2. — С. 74-75.

³⁵ Здесь и далее опущены примеры перегибов и меры по исправлению ошибок в проведении коллективизации.

№57

**Из сводки секретариата председателя ЦИК СССР и ВЦИК М.И.Калинина
о выходах из колхозов ТАССР**

27 мая 1932 г.

<...>1. 52 домохозяйина деревни Энтуганово Буинского района подали в январе месяце заявление о выходе из колхоза (они составляют 65 % членов колхоза), будучи недовольными недружной работой и частыми спорами между колхозниками. До апреля месяца ответа на их заявление они не получали, и только теперь им сообщили, что они считаются исключенными из колхоза со всеми вытекающими отсюда последствиями (без земли для посева, лошадей, инвентаря и т. д.).

2. Неурядица во взаимоотношениях старых и новых колхозников (со старых меньше требовали семян и т. д.), а также зажим критики действий правления колхоза и его скверная работа повлекли к выходу из колхоза деревни Нижний Шендыр Мамадышского района 29 домохозяев.

3. Колхоз «Кызыл Уряк № 3» Рыбно-Слободского района, организовавшийся в мае 1931 г., единогласно вместе с правлением постановил перейти на единоличное хозяйствование. В протоколе общего собрания, где обсуждался вопрос о выходе, говорится: «1. Ввиду сильного упадка и не давая доходности социалистическому государству и также самим нашим хозяевам, общее собрание в количестве 25 чел[овек] поставило единогласно ходатайствовать перед ТатЦИКом о выходе из колхоза. <...>

4. В колхозе «Первомайский» (пос. Богородок Чирповского сельсовета Лаишевского района) в апреле 1931 г. было 50 дворов. В настоящее время 45 дворов вышло, так как «проработав там ровно год», пишут они, увидели, что в нашем хозяйстве хорошего для нашего рабоче-крестьянского права не предвидится, фактически ничего мы все колхозники не достигли. <...>

7. 30 колхозников села Панова Нурлатского района вышли из колхоза «Красный Октябрь». «В колхозе бесхозяйство и хаос, сушили рожь на сушилке и сожгли, сколько пожар сглотал, колхозникам убыток не обнаружили. В поле ржи осталось 4 десятины, скошено, в пластах под сеном, овса 7 гектар[ов] тоже в пластах осталось под снегом и 75 гектар[ов] овса и снопах лежали до Рождества разваленными. Видимо, когда свозили на гумно, развалили по всему гумну. Этот овес гнилой давали лошадям вместо фуража. Хлеба пропало на 60 %. Государству сдали сполна только сырой, и мы сейчас голодаем. Поэтому быть в колхозе не желаем», — пишут они.

8. Из колхоза пос. Сергеевки Чирновского с[ельского] с[овета] Лаишевского района вышло 19 чел[овек]. «28 апреля 1932 г. исполнился ровно год, как мы входили в коллективное хозяйство “Красный Дол”» — значит в их заявлении. «Проработав там ровно год, увидели, что в нашем хозяйстве хорошего дня нашего рабоче-крестьянского права не предвидится, а мы всеми силами старались принести своему государству пользу».

9. В колхозе «Ударный» Арского района состояло 160 дворов. В настоящее время 54 домохозяева из него выходят, так как недовольны плохой работой правления, неправильным распределением урожая, оплатой трудодней и пьянством местных работников.

10. В колхозе «Маркис» дер. Малый Шинар Сабинского района было 110 дворов. В настоящее время 50 дворов из колхоза выходят. Нежелание состоять в колхозе выходящие объясняют неправильным ведением колхозного хозяйства, где наблюдается сильный падеж скотины, и хулиганскими выходками председателя колхоза, а также жалуются на полное отсутствие всякой массовой работы.

ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 1176, л. 74-76.

Опубликовано: Фаезова Г., Елизарова С. «Все кричали, что колхоз не желаем» // Эхо веков. — 2009. — №2. — С. 77.

№58

Свидетельства очевидцев о коллективизации в ТАССР

Из письма Кунгуровой Е.И.

«...В 1932 году в августе месяце нашу маму с пятью детьми посадили на телегу и повезли неизвестно куда. Выслали из деревни 3 семьи. Одна семья осталась в Иркутске, а нас, 2 семьи, увезли на север Иркутской области, в Киринский район, д. Ильино, колхоз им. Сталина. Когда мы приехали, был уже снег. Наша одежда в такую суровую зиму нас не очень радовала. Но делать было нечего, надо жить. И вот мерзли мы, не ведая за какие грехи...»

Из письма Савельева В.Н.

«О тех далеких 1930-32 годах я знаю только по рассказам бабушки Безеновой Дарьи, деда Безенова Дементия Ивановича и матери Савельевой Агахины Дементьевны. Брат мой, Савельев Михаил Никифорович, 1931 года рождения, умер годика в четыре от голода и болезней.

Деда по отцу, Савельева Сергея Яковлевича, и всех его детей, которые жили отдельно, раскулачили и отправили в ссылку в г.Магнитогорск. Никаких вещей не дали: что было на них одето, в том и отправили.

Отца моего посадили, а мать вернулась к своим родителям со мной и братишкой. Потом и деда по матери раскулачили и отправили в ссылку вместе с бабушкой, матью с двумя малышами. Но по каким-то причинам со ст. Бугульма вернули обратно. Наверное, не подходили в качестве рабочей силы: дед с бабушкой были уже старыми людьми. Когда вернулись в свой дом, там уже жили другие люди и нас не пустили.

Бабушка со мною пошла скитаться по деревням, просить милостынно, мать ушла с младшим моим братом. После этих скитаний брат дедушки отдал нам баню у самой речки. Баню переделали под жилье и жили там на 9 м² 5 душ, позже четверо.

У деда моего была маслобойка, которой несколько лет пользовался колхоз. Как раз под раскулачивание построили мельницу на реке Ик в селе Кызылярово Бавлинского района, где я и родился. Эту мельницу дед сломал, чтобы не досталась колхозу...»

Из письма Галиуллина М.З.

«...До ссылки в Сибирь наша семья Галиуллиных проживала в д. Чума-Елга Арского района Татарстана. Семья была большая: отец - Галиуллин Зиннатулла, 1874 года рождения, мать - Галиуллина Фахрилбанат, 1877 года рождения, и 9 детей. Жили дружно, с раннего утра до позднего вечера трудились, не покладая рук и родители, и мы, дети. Справили себе 2-х Этажный дом, различные хозпостройки, баню. Имели 2 лошади, 2 коровы, 15 овец, сельхозинвентарь, швейную машину «Зингер» (шили шапки) и т.д.

Но весной 1929 года нас «раскулачили», все конфисковали и сослали в Сибирь родителей и шестерых детей. Первое время мы работали на приисках Дальневосточного края «Луженки», «Бутан». Помню названия: река Шилка, деревня Куларка, Сретенский округ (возможны неточности - давно это было).

Жили в землянках. Через 2 года нас привезли в Красноярск. Работали в тайге на приисках, строительстве дорог. Там тоже жили в землянках, палатках.

В 1935 году прибыли в Енисейск, поселили нас в тесных бараках. От холода и голода умерла сестра Дарья (1916 года рождения). В 1942 году ушли на фронт братья Малик (1906 года рождения), Абрар (1911 года рождения) и Насыр (1918 года рождения). Я же был в том же году мобилизован в состав трудовой армии, где был до 1944 года. Трудился в Красноярске. Затем вернулся в Енисейск и до пенсии проработал на одном предприятии...»

Из письма Лушниковой Л.И.

«...Волнения и пересуды по дворам в деревне начались после свержения царя: собирались старики, обсуждали события, перечитывали Библию и сходились на том, что пришло время Сатаны, которое долго не продержится.

Мои родители к тому времени отделились от своих родителей и, продавая личные вещи, одежду, построили свой дом. Выделенная родителями живность давала приплод. Ко времени раскулачивания у родителей было крепкое хозяйство, земли тоже было достаточно. Работали не покладая рук, спали по 4-5 часов. Детей к тому времени у них уже было шестеро.

Начали ограбление с реквизиции зерна - выметали из амбаров все под метелку, не оставляя ни зернышка на посев. Затем стали созывать всех в колхоз с предложением сдать весь скот и сельхозинвентарь. Отец отказался. А через день его двоюродный брат Лаврентий, вступивший в колхоз и живший рядом с ним, еще с двумя колхозниками (мама имен не называла) пришли забирать в колхоз домашнюю утварь, скот и все, что было в доме. Заглянули даже в печь. Дядя стал выдирать оконные рамы, а мама взяла топор и сказала: «Как только выдерешь окно, отрублю голову». Это его остановило. Из дома вынесли все: выделанные отцом овечьи шкуры, мешки с шерстью, швейную машину, часы и т.д. Двое других ловили овец, связывали им ноги и грузили на телегу. А старший брат Петр (1923 года рождения, ему было лет 8-9) развязывал им ноги, овцы разбегались. За это его поймали и побили. Мама успела зарезать кур и попрята-ла их в навоз. Коров, телят, лошадей (количество не знала) сразу же увели в колхозное стадо. На другой день отцу сказали: либо вступай в колхоз, либо уходи из дому. Папа ответил: «Если я вступлю в колхоз, меня пошлют отбирать нажитое у других. Я не пойду - значит, я не буду колхозником».

Мама с детьми перебрались в г. Бугульму сначала к брату, потом к сестре. И тем, и другим грозили: если будете держать у себя кулаков, выгоним и вас. Папа в это время скрывался, тайно работал некоторое время у еще нераскулаченного мельника. Потом прятался в какой-то землянке. Отца разыскивали, мама говорила, что он их бросил. Папа приходил к ней по ночам, принося кое-где раздобытую еду.

Встретившись случайно с председателем сельсовета Уваровым, отец получил от него справку середняка, по которой они завербовались в Сибирь».

Опубликовано: Коллективизация. Свидетельства очевидцев // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1997. - №1/2. – С. 123-125.

№59

Из писем-воспоминаний очевидцев о репрессиях в деревнях ТАССР в 1930-е гг.

Из письма жительницы г. Магнитогорска

Зайнап Мухаметвагизовны Набиуллиной (Лукманхакимовой)

Я, родилась в 1936 году в г. Магнитогорске, куда были сосланы мои родители. Их сейчас, к сожалению, никого нет в живых. Бабушка и брат Лукманов Султанхаким не выдержали - умерли с голоду еще в г. Магнитогорске в 1935 году. Если бы я знала, что доживем до таких времен, может, подробнее расспросила бы их, но они боялись даже говорить...

Я помню, мы с дедом ездили в 1951 году в его д. Уразаево Азнакаевского района. Он послал меня в свой дом (там расположена была колхозная бригада) посмотреть, в каком состоянии его дом и постройки, а сам побоялся даже зайти. Я видела, как он у соседей из окна только смотрел на свой дом. Вот такие были времена. Соседи-очевидцы рассказывали, что при раскулачивании все отобрали: дом, скотину, потом со стола самовар, со стен - часы-ходики. Бабушка моя, Назеля, на себя новое платье надела, деревенские активисты требовали, дергали ее за платье, чтобы сняла и надела старое, не догадалась бедная новое вниз надеть, а старое - сверху...

Из письма Марии Васильевны Колединой

<...>Наши родители были раскулачены, жили они в Аксубаевском районе д. Удельно-Енорускино. Папа с мамой жили с папиными родителями. Бабушка с дедушкой были старые, у них был большой дом, назывался пятистенник, лошадь, корова, телка, овечки. Папины друзья сказали: «Сегодня вас придут раскулачивать», - и папа убежал, уехал, в чем только был, а когда

пришли раскулачивать, все справлялись, папу искали, но его уже не было. Дедушку забрали и все вещи забрали, остались в чем только одеты. У бабушки на ногах были новые валенки, их сняли с нее, из дома выгнали, скотину забрали, описи никакой не было...

Через полгода папа приехал за мамой, но кто-то видел, хотя он приехал ночью. Сразу пришли к бабушке с обыском и все кричали: «Убьем, убьем...». Но папу спрятали в сундук и тряпками заложили, его не нашли. Мамин брат увез [папу] на станцию. Потом папа дал знать, где он находится. И мама тогда приехала на Урал в Челябинскую область г. Карабаш. Папа работал в шахте, жили на квартире несколько лет, потом слепили домик насыпной и мы в этом домике жили всю войну. Огорода не было, как дождь с гор, вода нас заливала. Папа был на фронте всю войну. Когда пришел с фронта, года через два купили другой дом. Папа был инвалид первой группы, у него было много орденов. Папа до самой смерти говорил: «Досталось нам самое тяжелое время».

Из письма Камиля Заляловича Багаутдинова

Я родился 15 октября 1931 года в селе Биябаши Кайбицкого района. Сообщаю подробности из рассказов матери Багавеевой Бибихазяр Ниамет-диновны (1907 - 1981 гг.), а также со слов соседней и односельчан, из которых в живых в настоящее время осталось очень мало. Вот что они рассказывали о беспределах в 1931 году по отношению к моим родителям.

Отец мой, Багаутдин Залялетдин Багаутдинович, он же Багавеев За-лял Багавеевич, он же Боговов Заляли Боговович. Годы рождения соответственно 1897 и 1894.

Может ли один и тот же человек обладать таким количеством фамилий, имен и отчеств, а также родиться и перерождаться через несколько лет вновь?..

В октябре или ноябре 1931 года на нашу деревню был совершен внезапный набег «комиссии» по раскулачиванию. Отца отстраняют и арестовывают, хотя он никакого сопротивления не оказывал. Имущество описывают. Все это [происходило] ночью.

Утром следующего дня начинается вывоз имущества. Девичье приданое матери, одежда, вещи из сундуков, женские и мужские украшения, убранство, постельные принадлежности, пуховые матрацы, словом, - все вплоть до полотенца для повседневного пользования. Разбирают дом, увозят и ставят между двумя селами русским и татарским - Верхним и Средним Биябаши, используют его как управление сельсоветом и правление колхоза «Трудовой путь». В этом качестве дом простоял до 60-х годов. Разбирают и увозят пятистенные клетки-амбары (общей длиной около 40 м.) и ставят для колхозного пользования под зернохранилище. Отнимают несколько лошадей, коров и другую живность, пасеку, состоящую из нескольких десятков ульев - пчелосемей. Словом, все для коллективного пользования. Если бы было все так, то куда бы ни шло. Однако награбленное, что можно было утащить, все растащили между собой члены «комиссии»...

Ребенка (меня), нескольких недель от роду, сбросили на голые доски деревянной кровати. Перед этим мать завернула меня в одеяло и уложила в постель. Один из членов «комиссии», оттолкнув мать, стащил с кровати постель одной рукой, а другой раскатал одеяло и вывалил с грохотом ребенка на доски кровати - при этом я получил вывихи запястий рук и переломы пальцев на обеих руках. Дефекты эти видны и по сей день. Мать не любила вспоминать пережитое и никому об этом не рассказывала до самого предсмертного года. Может, не хотела пробуждать в нас ненависть к существующему тогда строю, а возможно, все еще жила под страхом, поскольку «комиссия» терроризировала округу в течение нескольких лет и все по ночам. Они продолжали страшить, угрожать и издеваться как только могли. А нам детям не было проходу, так как мы дети кулаков, и этот ярлык мы носили пока не разъехались из деревни в разные стороны. Отца освободили (если можно назвать освобождением) только после статьи И.В.Сталина «Головокружение от успехов».

И вот только теперь я понял, какой кошмар носила мать в себе и вот почему она часто вскакивала среди ночи, как от прикосновения раскаленного железа. И это продолжалось до самого ее смертного часа. Кто-нибудь из Вас видел женщину плачущую без слез? Мы, ее дети, видели, как

она плакала, всхлипывая, а в глазах слез не было - она их выплакала за все прошлые годы. Вот я пишу эти строки с комком в горле и живо представляю себе весь пережитый ею ужас и кошмар.

Опубликовано: Шарангина Н. «Досталось нам самое тяжелое время». (О репрессиях 30-х годов в деревне) // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2000. - №1/2. – С. 91-93.

№60

Из заявления Г.А.Фоминых в ЦК КПСС

Август 1931 г.

<...>Прошу соответствующие органы Советской власти реабилитировать меня и восстановить о всех гражданских правах, снять с меня позорные, причиняющие бесконечные страдания, ярлыки «кулак» Ии «враг народа» <...>

Мы, братья Фоминых, никогда не были кулаками и презренными врагами народа. Никогда мы не были в ряда противников и врагов Великого Октября, КПСС и Советского строя. Никогда мы не тормозили и не подрывали в своей деревне Шишур, в Оршанском районе или других местах колхозное строительство, коллективизацию<...>

В 1923 г. мы оба демобилизовались и приступили, засучив рукава, к восстановлению пришедшего в упадок сельского хозяйства. Пока мы воевали, дома оставались старики, наши жены и детвора<...>

Нас интересовало: полеводство, техника, огородничество, садоводство, пчелы, птицеводство, технические культуры. Мы сами были и агрономами, и зоотехниками, и механиками, и экономистами в своем хозяйстве. Покоя не знали.

У нас не было лугов только сеяли клевер угловым порядком для лошадей на выезд. Поэтому скота держали мал. Держали 2-х коров и бычков, двух лошадей, 5-6 овец, свиней пару, и кур 15 шт. Имели пчел 5 ульев.

Так братья Фоминых невольно приобрели хорошую славу и известность во всей округе. Местные, районные власти первые годы поощряли и хвалили нас, гордились нами, как примерным хозяйством. Позднее, когда политика изменилась, им приказали зачислить нас в списки «кулаков» и ликвидировать нас.

Весной 1928 г. была опись копен в поле, наших и соседних. У нас была копна овсяная, ее заставили измолотить. Нам дали задание вывезти этот хлеб – овес. Мы три раза вывозили: вывезли 100 пудов. Еще требовали летом 1928 г. мы протестовали и доказывали, что больше нет у нас хлеба.

Тогда посадили брата Тимофея в карцер во дворе исполкома в Оршанке и держали неделю. Пришлось и мне посидеть там. Отпустили под расписку о невыезде.

В марте осудили брата Тимофея по ст. 61 УК за невыполнение госпоставок. Приговорили его в Оршанске к трем годам «вольной высылки» в г. Казань, куда он отправился сам, за свой счет; больше он не был на родине.

Меня арестовали через неделю после брата Тимофея и посадили сначала в районную тюрьму, где держали неделю. Потом я сидел до 1-го августа 1930 г. в тюрьме в г. Йошкар-Ола.

Семью брата Тимофея, жену и детей, забрали в июле 1930 г. в деревне Шишур и привезли в Йошкар-Олу. Вывели меня из тюрьмы и присоединили к братовой семье, к его детям и жене. Посадили в вагон, где были еще две семьи посажены. И трое суток в тяжелых условиях везли на Урал.<...>

Архив УФСБ РТ по РФ. Д2-14201.

Опубликовано: «Безумная жестокость при раскулачивании...» // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1995. - №1. – С. 198-199.

№61**Всем уполномоченным Райкома и РИКа
и секретарям яч[еек] ВКП(б)**

15 июля 1932 г.

Под персональную ответственность секретарей яч[еек] ВКП(б) и уполномоченных Р[айко]ма ВКП(б) и РИКа предлагается обеспечить оказание содействия вербовки рабочей силы. На Вашу яч[ейку] ВКП(б) и ВЛКСМ дана разверстка «_____» человек членов, кандид[атов] ВКП(б) и членов ВЛКСМ, предлагается безоговорочно выполнить. Если нет возможность направить членов и кандид[атов] ВКП(б) и комсомольцев, то должны эту разверстку выполнить за счет единоличников и колхозников через массово-разъяснительную работу.

Райком требует, чтобы разверстка была полнена.

Зам. отв. секр[етаря] Р[айко]ма ВКП(б)
Управделами Шаталина

подпись³⁶

ЦГА ИПД РТ, ф. 253, оп. 1, д. 42, л. 98.

№62**Из материалов местной промышленности Тат[арской] АССР.
О ходе выполнения решений декабрьского Пленума ЦК ВКП(б)
в связи со стахановским движением.**

Впервые за последние годы местная промышленность тат АССР закончила 1935 год досрочным выполнением плана, дав продукции в неизменных ценах [19]26/[19]27 г. (без сельхозмукомолья) на 133 986 тыс. руб. против плана в 129 324, 48 тыс. руб., что составляет 103,6% к плану.

План 1935 года по производительности труда выполнен на 102,5% план по снижению с[ебе]стоимости продукции выполнен на 101,9%, в результате чего местная промышленность закончила 1935 год перевыполнением пана по накоплениям (в 22 млн. против плана в 14,6 млн. руб.).

<...> Следует однако отметить, что рост валовой продукции в 1936 г. в целом по Наркомместпрому РСФСР предусматривается на 22,3%. Отставание темпа роста местной промышленности АТССР против среднего по РСФСР объясняется тем обстоятельством, что целый ряд предприятий местной промышленности работающих, главным образом, на завозном дефицитном сырье, растут крайне медленно или даже уменьшаются по сравнению с достигнутым уровнем в 1935 г.

<...>Динамика роста стахановского движения характеризуется следующими данными: общее среднее списочное число рабочих, работающих на производстве, колеблется от 15300 до 16200 чел. Количество же стахановцев на 1/XI – 35 г. составляло 237 чел. или 1,8[%] к общему числу рабочих. На 1/I – 36 г. – 1165 чел., или 6,8 %. На 1/II – 36 г. – 2410 чел. или 15,2%. 1/III – 36 г. – 3060 чел. или 19,4% и на 20/ III – 36 г. 3260 чел. или 20,%.<...>

ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 3, д. 1402, л. 1, 2, 3.

³⁶ Подпись неразборчива.

№63

**Из сведений о количестве рабочих стахановцев по состоянию на 20/III-1936 г.
по предприятиям местной промышленности Татарской АССР**

	кол-во рабочих на 1/III- 1936 г.	в т.ч. татар на 1/III- 1936 г.	кол-во стахановцев на 15/XI- 1935 г.	кол-во стахановцев на 10/III- 1936 г.	кол-во стахановцев на 20/III-1 936 г.	%% стахановцев на 20/III- 1936 г.
<...> Итого	15798	6238	237	3060	3260	20,6

ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 3, д. 1402, л. 26.

№64

Из протокола № 17 заседания бюро Татарского обкома ВКП(б) от 27 августа 1938 г.

Слушали: О переводе татарской письменности на новый алфавит (т.т. Мухаметов, Мангушев, Матвеев, Алемасов).

Постановили: Учитывая многочисленные просьбы трудящихся татар о переводе татар письменности на новый алфавит на русской основе, просить ЦК ВКП(б) разрешить провести это мероприятие.

Подпись³⁷

ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 4, д. 96, л. 24.

№ 65

Странички из дневника Мусы Джалиля

12 января 1942 г.

Я не боюсь смерти. Это не пустая фраза, когда мы говорим, что презираем смерть. Это на самом деле так. Великое чувство патриотизма, полное сознание своего общественного долга убивает страх.

Когда приходит мысль о смерти, то думаешь так: есть еще жизнь после смерти, не «жизнь на том свете», которую проповедовали попы и муллы, а жизнь в сознании, в памяти народа. Если я делал что-то важное, нужное людям, то этим я заслужил эту другую жизнь – «жизнь после смерти». Обо мне будут помнить, говорить, писать. Если я заслужил это, то зачем же бояться смерти! Цель-то жизни в том и заключается: жить так, чтобы и после смерти не умирать.

Вот и думаю я: если погибну в Отечественной войне, проявляя отвагу, то это – кончина совсем неплохая. Ведь когда-нибудь по закону природы кончится мое существование, оборвется нить моей жизни. Если не убьют, то умру в постели. Да, конечно, тогда, быть может, я умру в глубокой старости, и за 30-40 лет, оставшихся до этого момента, я сумею создать хорошие вещи, принесу много пользы для общества. Это, конечно, правильно. Больше жить, значит больше трудиться, больше приносить пользы обществу. Поэтому не боязнь смерти вовсе не означает, что мы не хотим долго жить. Совсем не так. Мы очень любим жизнь, хотим жить, и поэтому презираем смерть! А если эта смерть необходима, если она может принести столько же пользы, как и 30-40-летняя трудовая жизнь до старости, то незачем бояться, что я рано погиб.

«Жил и творил для Родины, а когда нужно было, погиб для Родины». И такая гибель – уже есть бессмертие человека!

³⁷ Подпись неразборчива.

Если вот так думать – смерть вовсе не страшна. Но мы не только рассуждаем, а так чувствуем, ощущаем. А это значит – такое сознание вошло в наш характер, в нашу кровь <...>³⁸
 Муса

Советская Татария. – 1956. – 14 февраля.

№ 66

Из письма руководителей партизанских отрядов Белоруссии трудящимся Татарии³⁹

Ноябрь 1942 г.⁴⁰

Растет и ширится партизанское движение в Белоруссии. Горит земля под ногами немецких грабителей. Близится время окончательного разгрома гитлеровских банд.

Вместе с нами, белорусскими партизанами, плечом к плечу в немецком тылу сражаются наши братья – русские и татары, украинцы и узбеки. Мы гордимся тем, что вместе с нами против немецких захватчиков сражаются отважные сыны славной Советской Татарии. Партизан-снайпер Уленгов Гайнулла из Билярского района Татарской АССР, действуя в одном белорусском партизанском отряде, из своей снайперской винтовки убил 83 немца. Правительство удостоило т. Уленгова награды – ордена Красного Знамени.

Тов. Халиулов Сулейман из Дрожжановского района Татарской АССР, действуя в одном из партизанских отрядов Белоруссии, взорвал железнодорожное полотно. Когда же к месту происшествия прибыли гитлеровцы, т. Халиулов Сулейман вступил с ними в бой и убил 10 немцев. Руководство партизанского отряда представляет т. Халиулова Сулеймана к правительственной награде.

Примеров героизма и отваги, проявляемых сынами славной Советской Татарии, действующими в наших партизанских отрядах, мы имеем немало. В этой совместной борьбе с ненавистными немецкими оккупантами проявляется содружество всех национальностей нашей Советской Социалистической Родины. <...>

Мы твердо верим, что недалек тот день, когда враг испытает всю силу новых ударов Красной Армии на фронте и партизан в тылу. Наша земля будет полностью освобождена от гитлеровских оккупантов.

Враг будет окончательно разбит. Будет и на нашей улице праздник.

С приветом:

Командир группы партизанских отрядов Белоруссии
 Герой Советского Союза

В.И.Козлов

Командир партизанской бригады орденосец

А.Я.Марченко

Командир партизанской бригады «Белорусь»
 орденосец

Я.П.Покровский

Командир партизанского отряда № 277
 орденосец

С.А.Мазур

Командир партизанского отряда орденосец

Я.Ф.Королев.

Опубликовано: В боях за нашу Советскую Родину: сборник материалов. – Казань, 1946. – С. 128-129.

³⁸ Документ в переводе с татарского языка впервые опубликован в газете «Советская Татария» 14 февраля 1956 г. Подлинник полностью опубликован в 1956 г. См.: Муса Джалиль. Избранные произведения в трех томах на татарском языке. Т. III. – Казань, 1956. – С. 407-410.

³⁹ Письмо адресовано в Татарский обком ВКП(б), Совнарком и Президиум Верховного Совета ТАССР.

⁴⁰ Установлено по тексту документа.

№67

**Из письма татарского народа своим сыновьям и дочерям, сражающимся на фронтах
Отечественной войны⁴¹**5 марта 1943 г.⁴²

Татарские джигиты!

Вам, кто, не щадя своих сил и жизни, грудью защищает каждую пядь родной земли на фронтах, от моря Белого до моря Черного, вам, кто в первых рядах гвардейских полков и дивизий идет в наступление, в дни 25-летней годовщины славной Красной Армии, в дни замечательных побед наших войск шлет татарский народ свой пламенный салам!

Бесстрашные, честные, стойкие сыны и дочери татарского народа! Матери ваши, вскормившие вас грудью, и отцы, передавшие вам свое благородство, шлют вам горячий, как лучи солнца, привет и благословляют вас неустанно идти вперед, мстя без пощады!

Пусть неугасимым огнем ненависти к врагу горит у вас в сердцах кровь ваших отцов!

Пусть любовь матерей ваших оберегает вас от вражеских пуль!

Герои, о подвигах которых будут спеты песни и рассказаны легенды! Ваши дети берут с вас пример, гордятся вами и, вручая свои судьбы в ваши руки, шлют вам поклон, полный надежды и уверенности в вас.

Джигиты, несущие смерть зверям над облаками, в морях, на горах и в долинах! Ваши подружки, исполненные верной любовью к вам, родственники и соседи, которые повторяют ваши имена с гордостью, шлют вам поклоны по числу звезд на небе, по неисчерпаемости воды в реках.

Татарский народ шлет братский салам и наилучшие пожелания вашим храбрым боевым товарищам, вашим старшим и младшим командирам, героям всех народов советской земли. Татарские джигиты, идущие в атаку рука об руку, плечом к плечу, сердцем к сердцу с сыновьями всех борющихся за свободу советских народов!

Вы не бойтесь смерти. Смерть сама, оробев перед железной стойкостью вашей, отступает назад.

Вы любите жизнь, и она не оставит вас. С вами жизнь, с вами народ, товарищи!

«Красна битва храбрым джигитом», – говорили в старину. Таков наш джигит-земляк – Герой Советского Союза Ильдар Маннанов. Десятки вражеских танков шли в атаку на участок, защищенный нашим орудием. Мужественно отражали натиск врага артиллеристы. Но много было немцев, один за другим выбывали защитники из строя, и вот Ильдар остается один у орудия. Он сам заряжает, сам наводит, сам стреляет по вражеским танкам, один заменяя весь орудийный расчет. Сто восемь выстрелов дает Ильдар. Он бьет и бьет до тех пор, пока немецкие танки не превращаются в груды металла, обьятого огнем.

Честь и слава народным батырам!

Честь и слава сыновьям татарского народа – беззаветным героям великой освободительной войны: отважным летчикам, зорким снайперам, смелым разведчикам, метким бронебойщикам и зенитчикам, мужественным артиллеристам и минометчикам, мастерам пулеметного огня, кавалеристам с нержавеющей шашкой, храбрым танкистам и морякам – всем, кто истребляет врага и крушит его оружие.

Честь и слава тебе, большевик-пулеметчик Абрар Залялеев! Уничтожив в одном лишь бою больше сотни фашистов, ты показал всему миру, на какие подвиги способен татарский джигит, защищающий свое отечество.

Честь и слава тебе, Ахмет Халимов, превративший в горящие головни 19 вражеских танков!

На Северо-западном фронте летчик Камалетдинов остался в загоревшемся самолете и продолжал бомбить врага, уничтожив множество немецких солдат и офицеров. На Западном фронте бесстрашный танкист Абуталипов своей грозной машиной раздавил 25 немецких грузовиков со снаряжением, 6 орудий, 8 минометов и до двухсот солдат и офицеров.

⁴¹ Заголовок документа.

⁴² Дата публикации в газете «Правда».

Великая Отечественная война родила и рождает сотни и тысячи героев из татарского народа. Мы видели их в рядах гвардейцев, отбивших танковую атаку неприятеля на подступах к Москве. Мы видели их среди храбрецов, удержавших в своих руках важную высоту под Сталинградом. Волна за волной, во весь рост, шли немецкие солдаты, непрерывно стреляя из автоматов. Михаил Кабрибов, командир отделения, охранявший эту высоту, увидев, что число наступающих фашистов достигает почти трехсот человек, обратился к своим десяти бойцам – татарам, узбекам и казахам:

– На каждый штык приходится тридцать немцев. Кто боится, пусть сейчас же выйдет из строя!

Ни один боец не двинулся с места. «Умрем, но не отступим!» – сказали они, и, когда были расстреляны патроны до последнего, каждый из них штыком заколол по 10-15 фашистов. Героически сражаясь, ценою своей жизни удержали они важную высоту. Так надо защищать свою Родину. [...]

Больше трех тысяч сынов татарского народа награждены в Отечественную войну орденами и медалями Советского Союза – красноармейцы, командиры и политработники.

В донских степях три бойца: русский воин Федор Липатов, украинец Степан Михно и татарский джигит Фаррах Бикбулатов защищают полевой дзот. Вдруг на них набрасываются два немецких танка и около сорока автоматчиков. Советские бойцы хорошо понимают, что если они не будут сражаться и отступят, то враг проберется в тыл соседней части Красной Армии. И ни один из трех богатырей не теряется, не отступает. Они дерутся, как львы. Они сжигают один танк, истребляют половину наступающих немцев и вынуждают остальных бежать. Трое храбрых рядовых бойцов удерживают за собой с виду небольшой, но очень важный участок фронта. Вот так нужно защищать каждую пядь родной земли!

На примере этом видна нерушимая сила дружбы народов Советского государства.

Пример этот воскрешает в памяти огненные слова татарского народного поэта Габдуллы Тукая:

Нам издавна другом был русский народ,
И разве конец этой дружбе придет?
Да, мы родились и растем в вышину,
Нанизаны словно на нитку одну.
На битвенном поле мы тигров сильней,
В труде мы сильнее могучих коней.

Не впервые пришлось столкнуться татарскому народу с немецкими захватчиками. И во всех битвах всегда побеждала сплоченная сила русских и татар. <...>

Дорогие сыны наши и дочери!

Мы крепко верим, что вы не дадите передышки врагу, будете гнать его все дальше на запад и до конца истребите немецких захватчиков.

Сегодня вместе с вами, встав, по обычаю предков, на берег Волги-матушки и целуя нашу кормилицу-землю, поклянемся:

– На каком бы фронте мы не были, против какого оружия ни сражались бы, жизни своей не пожалеем за Родину, за ее честь и свободу!

– Солнце свидетель, родная Волга! Мы не вложим сабли в ножны до того дня, пока не освободим всей нашей родной земли.

Да здравствует наша Родина, где священны каждая пядь земли, каждая былинка и каждая капля воды!

Да здравствует наша родная Красная Армия!

Настоящее письмо подписали 1 511 137 человек.

Правда. – 1943. – 5 марта; Красная Татария. – 1943. – 6 марта; Кзыл Татарстан. – 1943 – 6 марта.

№68

**Из наградных листов дважды Героя Советского Союза Н.Г.Столярова
о его боевых подвигах**12 января 1944 г.⁴³

<...>⁴⁴ Тов. Столяров за период пребывания на фронте Отечественной войны произвел 96 успешных боевых вылетов на самолете ИЛ-2. За отличное выполнение 28 боевых вылетов на Белгородском и Харьковском направлениях он награжден орденами Отечественной войны I степени и Красного Знамени. После второй правительственной награды произвел 40 боевых вылетов. За период боевой работы уничтожил: 24 танка, 115 автомашин с пехотой и грузом, 10 зенитно-артиллерийских батарей, взорвал 2 склада с горючим, уничтожил до 450 солдат и офицеров.

Участвовал в 14 воздушных боях с истребителями противника. В групповом бою имеет 6 сбитых истребителей.

10 раз водил пару самолетов ИЛ-2 на разведку войск и техники противника, каждый раз отлично выполнял задание, при этом представляя ценные сведения о скоплении вражеских танков и автомашин.

За отличное выполнение боевых заданий имеет 6 благодарностей от Верховного Главного Командования. Ряд благодарностей – от командующего Воздушной Армией, командира авиакорпуса и командования авиадивизии. <...>

Каждый боевой вылет т. Столярова наносит огромный урон врагу в живой силе и технике. Бесстрашный летчик-штурмовик, отличный разведчик.

За отличное выполнение 96 боевых вылетов на самолете ИЛ-2, сбитые в групповом бою 6 истребителей противника, отличные штурмовки на Великолукском, Демьянском, Белгородском, Харьковском, Кировоградском направлениях, проявленные при этом мужество и героизм т. Столяров достоин высшей правительственной награды — присвоения звания Героя Советского Союза.

<...> Тов. Столяров за период пребывания на фронте Отечественной войны произвел 185 успешных боевых вылетов на самолете ИЛ-2 на штурмовку и бомбежку живой силы и техники противника.

<...> За произведенные 30 успешных боевых вылетов, отличные штурмовки и бомбардировочные удары при форсировании р. Днепр, при освобождении гг. Полтава, Кременчук, Кировоград награжден орденом Красного Знамени.

За проявленное мужество и героизм при выполнении 96 успешных боевых вылетов, отличные штурмовые и бомбардировочные удары на Белгородском, Харьковском, Кировоградском направлениях и нанесенный огромный ущерб в живой силе и технике противника награжден орденом Ленина и медалью «Золотая Звезда».

За произведенные 24 успешных боевых вылета при содействии войскам 2 Украинского фронта по окружению и уничтожению группировки немцев в районе Корсунь-Шевченковский, при освобождении г. Умань, а также в боях под Кишиневом и Яссы награжден орденом Отечественной войны II степени.

За произведенные 30 успешных вылетов ведущим групп 6 - 18 самолетов ИЛ-2, отличные штурмовые и бомбардировочные удары, содействие войскам 1 Украинского фронта в проводимой январской наступательной операции, умелое руководство подчиненными, проявленные инициативу и упорство в бою награжден орденом «Александр Невский».

После представления к правительственной награде – званию Героя Советского Союза с 12 января 1944 г. произвел 89 эффективных боевых вылетов на самолете ИЛ-2.

[Подписи]

Опубликовано: Татария в период Великой Отечественной войны: Сборник документов и материалов / сост.: А.М.Залялов, Ю.И.Смыков, Н.А.Субаев. – Казань, 1963. – С. 295-297.

⁴³ Датируется по последнему событию, упоминаемому в документе.

⁴⁴ Опущены биографические данные.

№ 69

**Из наградного листа Героя Советского Союза Г.Г.Гафиатуллина
о его боевых подвигах**14 января 1944 г.⁴⁵

<...>⁴⁶ Заместитель командира отделения стрелкового полка сержант Гафиатуллин Газинур в период наступательных боев показал себя подлинным патриотом нашей социалистической Родины, будучи коммунистом, своим примером воодушевлял бойцов отделения и успешно выполнял поставленную боевую задачу.

При наступлении роты на деревню Овсищево он со своим отделением первым ворвался в нее, добрался к дзоту у батареи ПТО противника, забросал его гранатами и захватил одного гитлеровца в плен, а остальных уничтожил.

Сержант Гафиатуллин повторил героический подвиг рядового Александра Магросова, он при движении вперед по захвату деревни Овсищево поднял бойцов в атаку, но вражеский пулемет, находившийся в дзоте, не давал возможности продвигаться пехоте вперед.

Немецкий пулеметчик продолжал вести огонь по нашей пехоте. Сержант Гафиатуллин с автоматом и гранатой в руке пополз к дзоту, приблизившись к нему, он бросил гранату и броском подбежал к дзоту и закрыл амбразуру своим телом и обеспечил выполнение поставленной задачи.

Сержант Гафиатуллин погиб, ему было нанесено свыше 20 пулевых ран, он погиб, но врага победил. В результате героического подвига сержанта Гафиатуллина пехота стрелкового полка пошла в атаку и деревня Овсищево была взята, при этом противник понес большие потери в живой силе.

За героический подвиг в борьбе против немецкой своры сержант Гафиатуллин достоин присвоения звания Героя Советского Союза с награждением орденом Ленина и медалью «Золотая Звезда».

Командир стрелкового полка [Подпись].

Фонды НМ РТ, № В 13438.

Опубликовано: Татария в период Великой Отечественной войны: Сборник документов и материалов / сост.: А.М.Заялов, Ю.И.Смыков, Н.А.Субаев. – Казань, 1963. – С. 297.

№ 70

Письмо А. Алиша родным из фашистского застенка

28 января 1944 г.

Советский Союз, г. Казань, ул. Дзержинского, 18/19, кв. 1,
Тюльпановой Руккие.

Моя дорогая подруга жизни, любимая мать, мои дорогие дети, родные и друзья! Шлю вам, быть может, последний свой пламенный привет!

Я, Алишев Абдулла Бареевич, писатель А. Алиш, красноармеец, будучи в окружении, попал в плен 12 октября 1941 года под Брянском. Путешествуя по различным лагерям, под конец попал в Чехословакию, где работал на заводе шлифовальщиком. В конце 1942 года в лагере близ Берлина встретил поэтов: Мусу Джалиля, Р.Саттара (из газеты «Кызыл яшьлэр»). В августе 1943 года арестован по обвинению в распространении листовок среди татарских военнопленных, так называемых легионеров.

⁴⁵ Дата боевого подвига.

⁴⁶ Опущены биографические данные.

Со мною арестованы были следующие лица: 1. Муса Джалиль – поэт из Казани, 2. Гариф Шабаев – финансовый работник из Ташкента, 3. Сайфульмулюков – зам. наркома торговли Узбекистана, 4. Фуат Булатов – инженер из Казани, 5. Ахмет Симаев – журналист из Москвы и человек 20-25 из легиона.

Мы просидели полгода в берлинской тюрьме. Суд должен состояться 7 февраля 44 года в Дрездене.

Пришел, боролся и ушел. Такова уж наша, видно, судьба. Мы остаемся до последнего вздоха верными нашему народу. Ах, как хочется жить, увидеть вас, мои дорогие, и рассказать все пережитое. (Р.Саттар в июне 43 года сбежал, его судьба неизвестна.) Много написанных и обдуманных вещей уходят с нами в забвенье. Целую всех крепко, крепко. Особенно моего Алмаза и Айваза, постарайтесь дать им образование. Прощайте.

Ваш верный сын, супруг и друг А. Алиш.

Советская Татария. – 1957. – 5 октября.

№ 71

Письмо из Н-ской части родителям Героя Советского Союза В.Г.Пискунова о его боевых подвигах

19 октября 1944 г.

Колхоз им. Горького, Бондюжского района, Пискуновым Григорию Григорьевичу и Екатерине Ивановне.

18 сентября с. г. личный состав части на собрании офицеров отметил 150 боевой вылет, совершенный вашим сыном Василием Григорьевичем – славным соколом нашей авиации.

С марта 1942 г. Василий Григорьевич прошел большой и славный военный путь, защищая Родину от немецких захватчиков. В боях за Старую Руссу он получил первое боевое крещение. С тех пор боевой путь воздушного воина покрыт неуываемой славой героических подвигов. На крыльях грозного штурмовика он пронес доблесть и храбрость русского офицера в борьбе за Сталинград, в боях за советскую Украину, Донбасс, Крым, Севастополь...

За т. Пискуновым прочно укрепилось звание мастера штурмовых ударов. Грудь славного летчика украшают орден Ленина, два ордена боевого Красного Знамени, орден Отечественной войны I степени. Ему присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Мы восхищаемся и гордимся вашим сыном, его доблестью, храбростью, геройством.

Григорий Григорьевич и Екатерина Ивановна! Мы благодарим вас за воспитание бесстрашного воина, храброго офицера, истинного патриота нашей Родины.

Стахановец. – 1944. – 19 октября.

№ 72

Ответное письмо от трудящихся Татарии бойцам, сержантам и офицерам танкового корпуса

Декабрь 1944 г.

Дорогие друзья, родные братья!

С чувством величайшей гордости и с глубоким удовлетворением прочитали мы ваше письмо о славных подвигах танкового корпуса, вооруженного грозными машинами – боевым подарком трудящихся орденосной Татарии.

Отрадно было нам читать, что на танках с надписью «Колхозник Татарии», успешно выполняя боевой приказ, вы прошли с боями более 1500 километров, первыми переправились через седой Днепр и продолжаете победоносно идти на запад.

Мы с горячей благодарностью и любовью к вам прочли строки письма, где говорится о награждении за героизм и мужество 71% личного состава корпуса и о присвоении 37 воинам звания Героя Советского Союза. В списке прославленных богатырей-танкистов мы увидели имена отважных наших земляков – верных сынов татарского народа Шарипова и Фатыхова.

Честь и слава народным батырам! Честь и слава храбрым танкистам — беззаветным героям Великой Отечественной войны!

Весь наш народ славит и приветствует вас. Народ в своей летописи великих побед золотыми буквами пишет имена бесстрашных танкистов, которые ради своей Отчизны шли на достойный ее величия и красоты подвиг. Поколения, чьи судьбы решаются вами на поле брани, повторяют ваши имена с благоговением и складывают о вашей бессмертной славе вдохновенные песни, сказания и легенды. [...]

Отсюда, из далекого тыла, мы видим, слышим и чувствуем стальную поступь наших танков, на боевых башнях которых, как символ несокрушимого единства фронта и тыла, ярко горят слова «Колхозник Татарии». Мы видим и слышим, как наши доблестные танкисты, охваченные могучим духом наступления, опрокидывая все препятствия на своем пути, разя немецких захватчиков всей силой советского оружия, мужественно преодолевая все трудности весенней распутицы, упорно продвигаются на запад. Уже радостный скрежет ваших стальных гусениц слышат жители западных районов Украины. Уже шелест победных знамен танкового корпуса звонким эхом отзывается в сердцах наших братьев и сестер, находящихся по ту сторону фронта. Чем дальше удаляетесь вы на запад, тем ближе желанная победа. <...>

Слава нашим доблестным танкистам, героически борющимся за честь, свободу и независимость советской Отчизны!

Слава героическому танковому корпусу, победоносно идущему на запад!

Председатель Президиума
Верховного Совета ТАССР Г.Динмухаметов.

Председатель Совета
Народных Комиссаров ТАССР С.Шарафеев

Секретарь Татарского областного
комитета ВКП(б) В.Никитин

Опубликовано: Татария в период Великой Отечественной войны: Сборник документов и материалов / сост.: А.М.Залялов, Ю.И.Смыков, Н.А.Субаев. – Казань, 1963. – С. 318-319.

№ 73

Наградной лист Н.А.Загитова о его боевых подвигах

1 мая 1945 г.

1. Фамилия, имя и отчество: Загитов Гизий Казиханович
2. Военное звание: Старший сержант
3. Должность, часть: Начальник поста взвода оптической разведки Разведдивизиона 136 Армейской Пушечной Артиллерии Режецкой Краснознаменной Бригады.
Представляется к званию «Героя Советского Союза»
4. Год рождения: 1921 г.
5. Национальность: татарин
6. Партийность: член ВКП(б) с июня 1942 года.
7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и Отечественной войне: Отечественная война с 22 июня 1941 года

8. Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне: имеет, тяжелое ранение 30.04.45 года.

9. С какого времени в Красной Армии: с августа 1940 года.

10. Каким РВК призван: Мишкинским РВК, Башкирская АССР.

11. Чем ранее награжден: медалью «За боевые заслуги» приказ № 030 от 13.01.43 г. по 3 УА, медалью «За отвагу» приказ № 0148 от 29.9.43 г. по 3 УА и орденом «Слава 3 степени» приказ № 0189/н от 5.08.44 года по 3 УА.

12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи: Башкирская АССР, Мишкинский район, дер. Янагуш.

1. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

При подходе наших войск к центру Берлина – Рейхстагу, тов. Загитов по личной инициативе изъявил желание принять участие в его штурме и первым водрузить на Рейхстаге знамя победы. 26 апреля 1945 г., совместно с сержантом Мининым, ст. сержантом Бобровым, ст. сержантом Лисименко, Загитов направился на выполнение боевого задания. Следуя впереди наступающей пехоты, Загитов разведывал пути подхода к Рейхстагу и тем самым помог продвижению нашей пехоты.

28 апреля разведчики зашли в тыл к немцам и наскочили на немецкого часового, действуя смело и решительно они застрелили часового и ворвались в подвал, где захватили в плен 25 немецких солдат.

29 апреля Загитов и его товарищи пробрались в расположение немцев и ориентировали огонь нашей артиллерии по Рейхстагу. Дом, в котором они находились, был окружен немцами, но герои не сдавались. Действуя автоматами и гранатами, они истребили в этом бою 40 немцев и продержали дом до подхода нашей пехоты.

30 апреля Загитов вместе со своими товарищами разведывал необозначенный на карте канал, проходящий в 100 метрах от Рейхстага, была также обнаружена проходящая через канал переправа. О результатах разведки они немедленно доложили по радио командиру 79 корпуса.

30 апреля во время штурма Рейхстага Загитов первый ворвался в Рейхстаг, но в это время получил сквозное ранение в грудь, при ранении пробит партбилет. Будучи ранен, ст. сержант Загитов и сержант Минин забрались на башню Рейхстага и установили первое победное знамя.

За свою храбрость, мужество и героизм, проявленные во время штурма Рейхстага тов. Загитов достоин присвоения звания «Героя Советского Союза».

Командир РАД 136 АПАРКВ майор Максимов

1 мая 1945 года

2. Заключение вышестоящих начальников

Достоин присвоения звания Героя Советского Союза.

Командир 136 АПАРКВ полковник Писарев

2 мая 1945 г.

Достоин присвоения звания Героя Советского Союза.

Командир стрелкового корпуса генерал-майор Переверткин

3 мая 1945 г.

3. Заключение Военного Совета Армии

Достоин высшей награды присвоения звания «Героя Советского Союза».

Командующий артиллерией 3 УА

Гвардии Генерал-майор артиллерии Морозов
6 мая 1945 г.

4. Заключение Военного Совета фронта Армии
Достоин высшей награды присвоения звания «Героя Советского Союза».

Командующий войсками 3 УА
Генерал-полковник Кузнецов

Член Военного Совета
Генерал-майор Литвинов
1 мая 1945 г.

5. Заключение наградной комиссии НКО
6. Отметка о награждении
Приказом войскам 1БФ № 576/н от 18.5.45 награжд. орденом «Красное Знамя».

Ст. пом. нач. ОК УКА 1БФ
Подполковник а/с Васильев

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 6078. Л. 189.
Опубликовано: Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1996. – № ½. – С. 102-103.

№ 74

Приветствие командующего войсками Ленинградского фронта маршала Советского Союза Л.А.Говорова

Июнь 1945 г.⁴⁷

От имени генералов, офицеров, сержантов и бойцов Ленинградского фронта горячо приветствую и поздравляю трудящихся Татарии с двадцатипятилетием республики.

Сыны и дочери Татарии на полях ожесточенных битв стяжали себе славу воинов, беззаветно преданных советскому народу, партии Ленина-Сталина, самоотверженно, не щадя ни сил, ни самой жизни, выполняющих свой долг перед Родиной. Они показали замечательные образцы отваги и мужества в героической обороне города Ленина, в прорыве блокады Ленинграда, в очищении Ленинградской и Калининской областей от немецких захватчиков, в освобождении советской Прибалтики.

Я рад сообщить Вам, что среди прославленных героев нашего фронта немало воинов-татар. С большим уважением произносят у нас имя храбрейшего сына татарского народа гвардейца Акрама Валиева, который с группой бойцов первым переправился через водную преграду, уничтожил огневые точки противника и тем самым обеспечил успешное наступление наших частей на этом участке фронта. Акраму Валиеву присвоено звание Героя Советского Союза. Вчерашний сержант стал офицером. Воины нашего фронта свято чтут память Героя Советского Союза сержанта Газинура Гафиятуллина, который повторил бессмертный подвиг Александра Матросова – пожертвовал своей жизнью во имя победы. Воины нашего фронта гордятся братьями Мугалимсабировыми. Первый из них удостоен звания Героя Советского Союза, грудь второго украшают шесть правительственных наград. Я могу назвать десятки фамилий воинов-татар, которые завоевали всеобщее уважение, прославили свой народ, свою республику <...>.

⁴⁷ Установлено по содержанию документа.

Командующий войсками Ленинградского
Фронта Маршал Советского Союза Л. Говоров

Опубликовано: Татарская АССР в годы Великой Отечественной войны: Сборник документов и материалов / Под ред. Х.Г.Гимади. – Казань, 1948. – С. 163-164.

№ 75

Политдонесение военкомата ТАССР Приволжскому военному округу о патриотическом подъеме в республике

29 июня 1941 г.

Все шесть дней мобилизации по военкоматам республики проходят с большим политическим подъемом. Что это так, можно подтвердить следующими фактами. За эти дни в военкоматы республики поступило до пяти тысяч заявлений патриотов и патриоток об отправке их в Действующую Красную Армию.

Вот несколько волнующих патриотических заявлений и докладных записок, поступающих на имя райвоенкомов и непосредственно в военкомат Тат[арской] АССР как в первый день мобилизации, так и сейчас.

Участники борьбы с белофиннами муж и жена – Макаров Николай и Фусова Евдокия послали телеграмму в Москву.

«Мы, муж и жена, убедительно просим Вас послать нас в Действующую армию защищать свою социалистическую Родину, от зарвавшихся наглых фашистских бандитов-гитлеровцев».

Подписи: фельдшерница Фусова, военнообязанный Макаров.

Аналогичные заявления имеются в Приволжском райвоенкомате от участников борьбы с белофиннами тт. Молькина Анатолия, Макарова Ивана, Хайруллина Рахима, Мухутдинова, Журавлева.

Братья-близнецы колхоза «Красный Ключ» Тюлячинского района Крупновы Александр и Аркадий на проводах военнообязанных на фронт заявили райвоенкому: «В наших руках любимая винтовка никогда не дрогнет. Мы будем сражаться с фашизмом так, чтобы не посрамить великий, непобедимый народ социалистической Отчизны».

Патриотка Лывина Александра Никифоровна, работница управления связи, коммунистка заявила:

«Подлость фашистской своры, осмелившейся напасть на нашу Родину, вызвала у меня великую ненависть к заклятому врагу. Мой брат Иванов И.Н. за разгром японских самураев правительством награжден орденом Ленина, сестра Иванова Е.Н. в момент борьбы с белофиннами ушла добровольцем в Действующую армию и за храбрость, проявленную в боях, награждена орденом Красной Звезды. Я окончила два раза курсы медицинских сестер, хорошо освоила мотоцикл, телеграфное дело. Прошу вас, тов. военком, направить меня в Действующую армию. За дело любимой Родины не пожалею себя и своей жизни».

Просьба патриотки Лывиной удовлетворена. Она отправляется в Действующую армию.

В Дрожжановском райвоенкомате [в эти дни] всегда очередь – вот у стола стоит председатель Старо-Дувжовского сельсовета Рафиков. Сюда он привел военнообязанных своего сельсовета и сам настоятельно просит отправить его на фронт. За ним к столу подходят тт. Джалилов, Серазетдинов, Салахов, Храмов, учительница Федорова, колхозник Валеев. Их разговор с военкомом короток – «Мы все, как один, хотим стать на защиту Родины».

В Чистопольском призывном пункте ежедневно многолюдно, особенно когда транслируются по радио передачи Советского Информбюро. После каждой передачи лица военнообязанных и их родителей становятся суровые и решительные. Все они горят желанием скорее раздавить фашистскую гадину.

«Желаю взять снова оружие в руки, – заявил участник войны с финской белогвардейщиной Поляков Степан Александрович, – отправляйте меня на передовые позиции».

«Я хочу идти добровольно на защиту родной советской земли, – написал в заявлении член ВКП(б) т. Левушкин. – Прошу послать меня на фронт. Буду бить врага, не щадя своей крови и самой жизни, [хочу] быть достойным героической славы великой Красной Армии». <...>

Все это говорит о том, что шестой день мобилизации в орденосной Татарской республике проходит с исключительным патриотическим подъемом. С не меньшим подъемом и любовью колхозы и колхозники отдают своих лучших лошадей и автотранспорт для Действующей армии. Итак:

1. Мобилизация идет с большим политическим подъемом.
2. Настроение как военнообязанных, так и всего населения – здоровое. Все желают ехать на фронт.
3. Всю работу проводим в тесном контакте с местными партийными и советскими организациями.
4. Сборно-сдаточные и призывные пункты работают по плану.
5. Политсоставом все формирования обеспечены полностью.
6. Пять госпиталей готовы к приему раненых.
7. Об отправках всех формирований донесу дополнительно.

Начальник отдела политической пропаганды
военкомата ТАССР [Подпись].

ЦГА ИПД РТ, ф. 7130, оп. 1, д. 10, л. 111-113.

№ 76

Протокол партийного собрания коммунистов колхоза «Уньш» Ново-Письмянского района о создании Фонда Обороны

6 июля 1941 г.

Повестка дня:

1. Организация фонда обороны.

Слушали: 1. Выступление т. Гараева. Он говорит, что в связи с войной нашего государства с германским фашизмом необходимо создать фонд обороны.

2. По этому же вопросу т. Мавлюдов зачитывает газету «Правда» и говорит, что создаваемый нами фонд – это фонд победы.

Исходя из этого, собрание постановляет:

1. До конца войны каждый коммунист из месячной зарплаты должен отчислять стоимость однодневного заработка.
2. Все коммунисты должны принять активное участие в создании фонда обороны.
3. Не позднее завтрашнего дня провести собрание всех агитаторов и депутатов.

Председатель

Секретарь

Члены президиума⁴⁸

ЦГА ИПД РТ, ф. 5616, оп. 1, д. 23, л. 72-73.

Опубликовано: Татария в период Великой Отечественной войны: Сборник документов и материалов / сост.: А.М.Заялов, Ю.И.Смыков, Н.А.Субаев. – Казань, 1963. – С. 32.

⁴⁸ Подписи неразборчивы.

№ 77

Докладная записка Татарского Обкома ВКП(б) председателю Совета по эвакуации при СНК СССР Н.М. Швернику о размещении эвакуированного населения в районах Татарии

26 июля 1941 г.

В ответ на Вашу телеграмму сообщаю:

Решением Совета по эвакуации при СНК СССР Татарская АССР должна принять и разместить 115000 человек, эвакуированных из г. Москвы, и 34 эшелона, т.е. не менее 34000 человек эвакуируемых из других городов. Кроме того, по телеграмме члена Коллегии НКПС т. Мартышева от 24 июля 1941 г. к нам направлено 6 эшелонов, т.е. около 6000 человек эвакуируемых из разных мест. Далее, по телеграмме уполномоченного Совета по эвакуации при СНК СССР по Ивановской области т. Коновалова от 24 июля 1941 г. мы должны принять еще 10 эшелонов, т.е. 10000 человек. Таким образом, в Татарскую АССР направляется свыше 165000 человек.

Помимо этого на станцию и пристань Казань прибывает большое количество эвакуированных, не принятых в Куйбышеве, Ульяновске и других городах. Начальник Куйбышевского областного отдела по эвакуации т. Бегель, ссылаясь на Ваше распоряжение, направляет в Татарскую АССР на пароходе «Володарский» 185 семейств. На пароходе «Урицкий» прибыло свыше 150 семей работников НКВД УССР, имевших направление в Куйбышев, но не принятых там.

В результате в Татарской республике сверх указанных 165000 чел. осело еще свыше 10000 чел., транспорт загружался встречными перевозками, и совершенно нарушалось плановое расселение эвакуируемых по районам

Размещение эвакуируемых по районам Татарской АССР проходит по плану, утвержденному Советом по эвакуации при СНК ТАССР через основные эвакуопункты при железнодорожной станции и пристани Казань. По состоянию на 1 августа 1941 г. размещено в районах 56789 человек. В районах эвакуированные размещаются в свободных домах колхозников, школьных зданиях, помещениях клубов и т.д.

Питание эвакуированных организовано при эвакуопунктах пристани и станции Казань. В первое время на станции Казань были перебои с питанием, но теперь это устранено. Эвакуированные в течение первого дня получают горячее питание два раза в сутки (завтрак и обед) и обеспечиваются хлебом из расчета 500 граммов на человека. Снабжение хлебом, а также питание в пути производится через пароходные и станционные буфеты. Есть много жалоб эвакуированных на отсутствие хлеба на протяжении пути от Арзамаса до Казани, а также отсутствие кипяченой воды, в результате чего прибывающие по железной дороге по 3-4 дня оставались без хлеба и кипяченой воды.

По прибытии в районы эвакуированные обеспечиваются питанием в течение 5-7 дней. Пунктам, через которые эвакуируемые проходят транзитом, выделен дополнительный хлебный фонд из расчета выдачи 500 граммов на человека, при этом бесплатным питанием пользуются эвакуированные из прифронтовой полосы. Эвакуированные из Москвы и Ленинграда получают питание за свой счет. Денежная и материальная помощь эвакуированным из прифронтовой полосы оказывается только наиболее нуждающимся и контролируется Советом по эвакуации. Определением степени нуждаемости и необходимости бесплатной выдачи промтоваров занимается специальная комиссия под председательством зам. Председателя Президиума Верховного Совета ТАССР, а в районах – под председательством зам. предисполкома райсовета депутатов трудящихся. Средства, отпущенные на оказание материальной помощи эвакуированным, распределены между районами согласно плану эвакуации. Медицинская помощь эвакуированным организована через райздравы, которым даны соответствующие указания. Все эшелоны, прибывающие на железнодорожную станцию и пристань Казань, проверяются специально прикрепленными врачами. Дети обслуживаются комнатами матери и ребенка, в которых установлено дежурство педиатров. На пристани Казань организуется изолятор на 50 коек.

Что касается культурного обслуживания эвакуированных, то из-за отсутствия средств оно поставлено совершенно неудовлетворительно. На эвакуационных пунктах культурного обслуживания эвакуированных фактически не существует. Крайне слабо развернута также и агитмассовая работа среди эвакуированных. Несмотря на широкое поле деятельности, профессиональные союзы совершенно остались в стороне и не включились в культурное обслуживание.

Вопрос о размещении, питании и массовой работе среди эвакуированных 23 июля обсужден на заседании обкома ВКП(б). <...>

Секретарь обкома ВКП(б) С.Мухаметов.

Опубликовано: Татария в период Великой Отечественной войны: Сборник документов и материалов / сост.: А.М. Залялов, Ю.И. Смыков, Н.А. Субаев. – Казань, 1963. – С. 35-37.

№ 78

Справка заведующему военным отделом Татарского Обкома ВКП(б) Сидаеву об активизации деятельности антисоветских деклассированных элементов

4 сентября 1941 г.

Из полученных информации секретарей райкомов ВКП(б) и заведующих военными отделами видно, что в отдельных районах имеются некоторые факты активизации антисоветских деклассированных элементов, пытавшихся создать панику среди населения и нарушить нормальную работу нашего тыла, а также наличие таких фактов, когда военнообязанные по той или иной форме отклоняются от службы в рядах Красной Армии. Так, например, в Альметьевском районе гражданин Галимов Кашаф – член ВКП(б), с 1928 г. работал директором одной из школ, после мобилизации в ряды РККА вел антисоветские разговоры. Последствие: исключен из рядов ВКП(б), посажен.

В Ютазинском районе: Призываемый Абдуллин Гарай из колхоза «Роза Люксембург» на сборный пункт явился в нетрезвом состоянии, в дороге при следовании в часть отстал от команды, в тот же день вернулся домой. Последствие: посажен, дело передано суду военного трибунала. Или, гражданин того же района из колхоза «Заря», сын кулака Тенешев А.В., отказался служить в рядах Советской Армии и заявил: «Я раньше был сын кулака, тогда правительство в нас не нуждалось, теперь я нужен стал для правительства. Я не пойду служить в РККА». Последствие: посажен.

В Акташском районе в селе Акташ гр. Чеботарев И.А. (в прошлом кулак) говорит, что «пусть немцы разгромят Москву». Кильдушев В.Ф. из дер. Бутон, говорит: «Советская власть скоро провалится, Гитлер победит, будет барщина. Сейчас нужно проводить работу среди колхозников, чтобы они скорее выходили из колхозов, иначе Германия пришлет в колхоз помещиков, а они очень злые, будут бить колхозников палками». Тихонов А. (дер. Бухарай), Кузмина А. (Н. Елан), Токарев М.К., Исаев и некоторые другие говорят, «чтобы уничтожили коммунистов» и высказывают пораженческое настроение.

В Калининском районе гр. деревни Бекчантаева ведет такую антисоветскую агитацию: «Граждане Советского Союза бедны, голы, босые и не в силах победить Германию». Во время обложения мясоналога с гектара говорил, что это не для развития животноводства, а для уменьшения. Гр. дер. Апасова, того же района, Гарипов Салих во время реализации займа на заседании с/совета говорил: «10 лет тому назад грабили кулаков и зажиточных, а теперь начали грабить бедняков». Рабочий совхоза им. Кирова Хабибирахманов Хоби говорил: «Пускай Германия победит быстрее и пусть кончит Советскую власть». <...>

Наличие таких фактов в отдельных районах объясняется отсутствием достаточной массово-разъяснительной работы среди населения и отсутствием беспощадной борьбы против контрреволюционных элементов.

О чем счел необходимым довести до Вашего сведения.

Инструктор военного отдела
Татарского обкома ВКП(б) Н.Гафаров

ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 228, л. 46-47.

№ 79

Из протокола заседания Бюро Татарского Обкома ВКП(б) об организации сбора теплых вещей для Красной армии

9 сентября 1941 г.

Слушали: Решение ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1941 г. [«Об организации сбора теплых вещей для Красной Армии»].

Постановили:

1. Принять к руководству и исполнению решение ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1941 г.
2. Для практической работы по сбору теплых вещей и белья для Красной Армии создать комиссию в составе тт.:
 - а) Мухаметова (секретарь обкома ВКП(б), председатель комиссии),
 - б) Тинчурина (зам. председателя СНК ТАССР),
 - в) Евдокимова (военком ТАССР),
 - г) Доронина (секретарь обкома ВЛКСМ),
 - д) Колесовой (председатель обкома профсоюза медсантруд).
3. Предложить областной комиссии дать указание горкомам и райкомам ВКП(б) о порядке приема, учета, хранения и транспортировки собранных для Красной Армии теплых вещей.
4. Предложить горкомам и райкомам ВКП(б) создать комиссии под председательством секретаря горкома или райкома ВКП(б) в составе: зам. председателя райисполкома, а в городах – зам. пред. исполкома горсовета, райвоенкома, секретаря райкома или горкома комсомола и представителя профсоюзной организации для практической работы по сбору теплых вещей и белья для Красной Армии.
5. Обязать горкомы и райкомы ВКП(б), горкомы и райкомы ВЛКСМ, а также профорганизации широко развернуть по предприятиям и учреждениям, колхозам, совхозам, общежитиям и домам массово-разъяснительную работу среди населения по сбору теплых вещей и белья для Красной Армии.
6. Обязать редакторов областных и районных газет систематически и широко освещать ход сбора теплых вещей для Красной Армии.

[Подписи.]

Опубликовано: Татария в период Великой Отечественной войны: Сборник документов и материалов / сост.: А.М. Залялов, Ю.И. Смыков, Н.А. Субаев. – Казань, 1963. – С. 215-216.

№ 80

Постановление Совета Народных Комиссаров Татарской АССР о введении светомаскировки

12 октября 1941 г.

Совет Народных Комиссаров ТАССР постановляет:

1. Ввести, впредь до особого распоряжения, с 18 часов 13 октября 1941 г. полный режим светомаскировки в городах Казань, Зеленодольск, на территории железнодорожной линии Урмары – Зеленодольск – Юдино – Казань – Высокая Гора и на территории Юдинского, Высокогорского, Зеленодольского, Столбищенского, Верхне-Услонского, Нурлатского, Кайбицкого, Теньковского и Дубязского районов Татарской АССР.

2. Представленное НКВД ТАССР положение «О порядке проведения светомаскировки на территории Татарской АССР» утвердить, немедленно ввести в действие на территории Татарской АССР, опубликовав в печати.

3. Обязать начальников МПВО – председателей городских и районных исполкомов Советов депутатов трудящихся, руководителей предприятий, учреждений и организаций, председателей сельсоветов и колхозов, городов и районов, указанных в пункте 1 настоящего постановления, под их персональную ответственность обеспечить своевременное проведение всех мероприятий, установленных для полного режима светомаскировки.

4. Контроль за точным и своевременным исполнением настоящего постановления возложить на МПВО и органы Рабоче-крестьянской милиции.

Председатель Совета Народных Комиссаров
Татарской АССР С.Гафиятуллин

Управляющий делами Совета Народных Комиссаров
Татарской АССР Д.Асеев.

Красная Татария. – 1941. – 12 октября.

№ 81

Обращение рабочих Казанского машиностроительного завода к москвичам с призывом отдать все силы на помощь фронту

23 октября 1941 г.

Суровые дни переживает наша Родина. Кроважадная банда фашистов, несмотря на громадные потери людьми и вооружением, переступая через горы трупов своих солдат и офицеров, рвется к сердцу страны – нашей любимой столице Москве.

В эти тяжелые минуты, когда грозная опасность нависла над столицей, мы обращаемся к вам, дорогие москвичи. Мы с вами, с вами вся страна, весь советский народ! Всю нашу силу и волю мы направляем на помощь фронту, на поддержку москвичей в их героической борьбе против фашистских орд.

На нашем заводе, как и на всех предприятиях великого Советского Союза, широко развернулось предоктябрьское социалистическое соревнование, растут ряды двухсотников. Стремясь увеличить выпуск продукции, мы даем по 2-3 нормы в день. Но это не предел. Мы будем и впредь повышать производительность труда.

Будьте стойки и храбры, товарищи-москвичи! Беспощадно уничтожайте врага! Пусть подступы к столице станут могилой немецкого фашизма.

Стахановцы-двухсотники и трехсотники завода
М.Бендеров, Г.Шарифуллин, А.Батталов, А.Павлов, А.Наумов.

Красная Татария. – 1941. – 23 октября.

№ 82

Сообщение газеты «Красная Татария» о создании Комитета обороны г. Казани

26 октября 1941 г.

В интересах сосредоточения всей гражданской и военной власти и установления строжайшего порядка в городе Казани и прилегающих к нему районах постановлением Государственного Комитета Обороны СССР создан Казанский Городской Комитет Обороны. <...>

Комитет Обороны приступил к работе.

Красная Татария. – 1941. – 26 октября.

№ 83**Из докладной записки исполняющего обязанности прокурора
Татарской АССР Надеева о работе следственных органов по выполнению указа
об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности**

22 января 1942 г.

Прокуратура ТАССР, организовав в ряде предприятий военной промышленности проверку выполнения Указа от 26/ХІІ-1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с работы»⁴⁹ вскрыла безобразные факты несвоевременного оформления и передачи администрацией предприятий в органы Прокуратуры материалов о лицах, самовольно оставивших работу (дезертирах).

Администрация завода № 387 не приняла никаких мер для предания суду рабочего Суханова И.М., который самовольно оставил работу еще 2/ХІІ-1941 г. и не явился на предприятие до 2/І-1942 г. Накануне оставления работы Суханов получил спецодежду, продал ее и на вырученные деньги пьянствовал, нигде не работая в течение месяца.

2/І-с.г. Суханов явился на предприятие, где на протяжении 10 дней (до 12/І-с.г.) начальник отдела найма и увольнения Налетов решал вопрос о допуске и использовании его на работе, вместо того чтобы передать материалы о нем в органы Прокуратуры.

С этого же завода 3/І-с.г. дезертировал рабочий Ижарин П.М. Несмотря на то, что администрации было известно об этом, никаких мер принято не было. Лишь в результате вмешательства Прокуратуры, вскрывшей 17/І-с.г. эти факты, Ижарин на следующий день был разыскан и арестован. 19/І предан суду военного трибунала. <...>

За октябрь–декабрь 1941 г. были переданы в суд 178 материалов о нарушениях Указа.

И. о. прокурора ТАССР Надеев

ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 472, л. 2-3.

№ 84**Запись беседы с вице-президентом Академии Наук СССР
академиком Е.А.Чудаковым о помощи институтов АН СССР
народному хозяйству Татарии**

28 января 1942 г.

В дни войны, переживаемые нашей любимой Родиной, ученые страны Советов в твердом сознании своего долга напрягают все силы, знания и опыт для оказания наибольшей помощи и обеспечения наибольших успехов в тылу. Любовь к Родине и ненависть к потерявшему человеческий облик врагу воодушевляют людей науки к новым и новым открытиям и усовершенствованиям на благо социалистической Отчизны.

Наряду с решением ряда задач чисто оборонительного характера, институты Академии наук вплотную занялись вопросами народного хозяйства Татарской АССР, в частности, города Каза-

⁴⁹ Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с работы» все рабочие и служащие, занятые в военной промышленности и на предприятиях, кооперированных с ней, были признаны мобилизованными на время войны и закреплены для постоянной работы за предприятиями, на которых они работали. В необходимых случаях указанные рабочие подлежали обязательной эвакуации. Самовольно ушедшие с производства и «злостные прогульщики» считались «дезертирами трудового фронта» и наказывались исправительно-трудовыми работами в лагерях и колониях на срок от 5 до 8 лет. Если в результате допущенной халатности на предприятии происходили крупные аварии, то виновные приговаривались к расстрелу. Эти дела рассматривались военными трибуналами.

ни. Несмотря на краткий срок этой работы, уже сейчас учреждения Академии наук имеют возможность поделиться с трудящимися Татари некоторыми своими достижениями.

Но прежде чем перейти к краткому обзору работ Академии наук СССР по Татарии, мне бы хотелось указать на то, что Великая Отечественная война советского народа определила за ТАССР особо ответственное место. От четкости и напряженности работы предприятий республики во многом зависит снабжение нашей доблестной Красной Армии.

Татария – одна из областей нашего великого Союза, располагающая всеми необходимыми данными, чтобы с честью выполнить требования, которые партия и правительство предъявляют в настоящее время к работникам промышленности, сельского хозяйства, культуры. Народы Татарии владеют территорией, богатой всякого рода природными ресурсами, использование которых еще не достигло сколько-нибудь удовлетворительных размеров. И поэтому Академия наук СССР начала свои работы по выявлению этих резервов и разработке мероприятий по их рациональному использованию.

Уже в 1941 г. Академия наук (институт горючих ископаемых) уделила большое внимание вопросам нефтеносности, оказав в этом отношении существенную помощь местным организациям.

За очень короткий срок советом по изучению производительных сил составлен ряд карт, разносторонне характеризующих геологическое строение территории и распространение ряда полезных ископаемых в республике. Эти карты должны служить основным материалом в планах использования природных ресурсов Татарии.

Выявляя и изучая природные ресурсы, Академия наук ставит своей задачей определить и пути их использования. В качестве примера можно привести разработку способов очистки от вредных примесей песков для стекольной промышленности, разработку схемы технологического процесса цементного завода на местном сырье и др. Лабораторные исследования установили возможность использования широко распространенных в Татарии доломитов для изготовления цемента, близкого по своим качествам к порландскому. В настоящее время подготавливается проверка этого сырья в производственных условиях. Эти же доломиты оказались прекрасным сырьем для получения белой водяной краски, вполне отвечающей зимним маскировочным целям.

Проверка отходов и отбросов некоторых предприятий Казани позволила применить их для замены дефицитного сырья (отходы комбината им. Вахитова и т.д.). Многообещающим сырьем являются также широко распространенные флоридиновые глины, как для очистки нефтепродуктов, так и для других отраслей промышленности, как, например, мыловарения.

Широкий размах приняли работы по использованию местных видов топлива (уголь, торф, сланцы), в частности, для железнодорожного транспорта.

Внедрение газогенераторов на местном топливе, несомненно, имеет народнохозяйственное значение, далеко выходящее за пределы ТАССР. Разработаны проекты удешевленных типов газогенераторов.

Широкое распространение в Татарии мелких гидроустановок поставило вопрос о рациональном их использовании. Для этого была разработана Наркомземом республики и предложена колхозам инструкция по устройству простейших установок, позволяющих использовать мелкие гидростанции для обмолота зерновых.

В тесном контакте с «Казэнерго», энергетическим институтом Академии наук было изучено электрохозяйство г. Казани и разработаны мероприятия по быстрейшему подъему мощностей электростанций.

Весьма существенным видом нашей работы является постоянная производственная помощь предприятиям и организациям. Сейчас уже вряд ли можно назвать какой-либо завод Татарии, с которым бы у института Академии наук не было тесной производственной связи. Эта связь в отдельных случаях носит характер консультативной помощи, когда ученые на месте помогают разрешить тот или иной производственный вопрос, в других случаях эта связь выражается в систематической совместной работе над отдельными проблемами сотрудников академических институтов и промышленных предприятий. Для этой формы связи некоторые заводы предоставили Академии наук необходимые лабораторные помещения и производственные установки.

Многие академики и научные сотрудники институтов принимают активное участие в политико-просветительной работе, выступая с лекциями и докладами перед широкой аудиторией. Лекции и доклады ученых пользуются в Казани большой популярностью.

Красная Татария. – 1942. – 28 января.

№ 85

Из заявления учительниц-матерей Кузбасской начальной средней школы Чистопольского района ТАССР в райком ВКП(б)⁵⁰

17 февраля 1942 г.

Мы, учительницы-матери, одиночки, имеем четырех малолетних детей в возрасте от пяти месяцев до четырех лет. У Сизовой дети: одному ребенку – 5 месяцев, второму – 3 года, у Полтевой – одному ребенку – 1 год 5 месяцев, второму – 4 года. В настоящий момент наши дети сильно нуждаются в продуктах питания. Своего хозяйства мы не имеем и живем только на получаемую зарплату по школе, другой побочной работы в сельской местности нет. По государственному снабжению мы получаем только 9 кг ржаной муки в месяц, на этом и живем. На рынке купить что-либо из продуктов не имеем возможности ввиду несоответствия нашей зарплаты с ростом рыночных цен. Дети наши от недостатка питания, постоянного недоедания сильно истощены и болеют. У них развивается рахит, а поддержать здоровье нечем.

Очень просим Вас не оставить наше заявление без должного внимания и помочь в налаживании питания детей-малолеток, хотя бы чем-нибудь немногим и не дать им погибнуть. В городе население по карточкам получало мануфактуру, сахар, мыло. Вместо ржаного хлеба для детей имеют возможность получать сушки, пряники. Дети служащих находятся в детских садах, где нормальное питание для детей. В сельской же местности учительница-мать лишена всех этих возможностей. Ни одна из районных организаций не обращает на наши заявления никакого внимания. Поэтому мы обратились в райком ВКП(б), к Вам, тов. Семенов. <...>

Учительницы: А.Полтева
А.Сизова

ЦГА ИПД РТ, ф. 48, оп. 3, д. 291, л. 249.

№ 86

Из докладной записки в Татарский обком ВКП(б), Совнарком ТАССР и Президиум Верховного Совета ТАССР о положении эвакуированных по ТАССР (по материалам прокуратуры)⁵¹

26 марта 1942 г.

Прокуратура Тат[арской] АССР располагает большими материалами об исключительно безобразном отношении на местах к элементарным, жилищно-бытовым условиям эвакуированных.

Несмотря на неоднократные указания вышестоящих организаций о должной заботе к эвакуированным гражданам, их детям и семьям, об их трудоустройстве, обеспечении топливом на

⁵⁰ На документе имеется резолюция: «На бюро. Вызвать тов. Федоровского с данными о снабжении учительства на селе. 25/III. Семенов».

⁵¹ На документе имеются две резолюции. Первая адресована тов. Мухаметову: «Прошу принять меры в отношении организаций, допускающих такое нетерпимое отношение к эвакуированным». Вторая – распоряжение Мухаметова нижестоящим инстанциям: «1) По вопросу детей, находящихся в общежитиях 22 завода указание горздраву и горно дано. 2) Виновные в разбазаривании продовольственных, предназначенных для эвакуированных граждан, привлечены к ответственности Прокуратурой».

местах, районные и сельские организации не считают нужным своевременно реагировать на жалобы эвакуированных. <...>

О возмутительных фактах бездушного отношения со стороны местных организаций (райсоветов к жилищно-бытовым условиям эвакуированных еще 2/II-1942 г. Прокуратура ТАССР представила докладную записку в Совнарком ТАССР и 13-го октября 1941 г. сообщила председателю СНК ТАССР тов. Гафиатуллину о безобразном состоянии санитарно-профилактического обслуживания эвакуированных в г. Казани. При этом было сообщено, что Татнаркомздрав не принимает надлежащих мер к улучшению медико-санитарного обслуживания эвакуированных и не принимает надлежащих мер к нарушителям санитарных требований. Несмотря на это, и на сегодняшний день не внесено перелома со стороны органов Наркомздрави в медико-санитарное обслуживание эвакуированных.

1. Только 15 марта с.г. было произведено обследование общежития рабочих эвакуированного завода № 22, находящегося в центре города, на территории Кремля, где проживают 1430 чел., в т.ч. детей дошкольного возраста – 283 чел. и школьного – 155 чел., где выявлены возмутительные факты как по линии медобслуживания эвакуированных, так и жилищно-бытовых обслуживаний. В общежитии большая скученность, холод, антисанитария, отсутствует кубовая для воды, нет прачечной, нет теплой уборной, отсутствует вода. <...>

За все время отопительного сезона, помещение отапливалось всего лишь раз, температура доходит до $-5-10^0$, стены покрыты инеем, портятся обои, переплеты, полы и двери. Большинство жильцов заявляют, что благодаря отсутствию дров и неотапливаемости здания, они вынуждены спать в верхней одежде, по несколько месяцев не имея возможности попасть в баню, жильцам приходится в помещении стирать белье и там же сушить его. <...> Скученность, уплотненность превышает санитарный минимум. Такая скученность, отсутствие в здании воды, дров, прачечной, кубовой, – все это вместе взятое создало полнейшую антисанитарию, загрязнение, вшивость, и как результат этого имеют место смертельные случаи и заболевания сыпным тифом.

Как городской Совет, так и заводоуправление, не уделяют должного внимания жилищно-бытовым условиям рабочих. Есть ряд семей, которые проживают в холодных коридорах (Сосновская, Лытнев и др.).

Характерно отметить, что тов. Лытнев с семьей в 7 чел., с грудным ребенком и больной женой проживает в холодном коридоре. Последний неоднократно ставил вопрос об улучшении жилищно-бытовых условий, но ему никакого содействия не было оказано ни дирекцией завода, ни местными организациями. Жена Лытнева рассказала, что в таких условиях (холодном помещении) она родила ребенка, не имея никакой помощи ни со стороны райздрави, ни со стороны Управления домами. <...>

2. По материалам Юдинского райпрокурора установлено было безразличное отношение Юдинского райздравотдела в оказании медпомощи эвакуированному населению. Подробное расследование этого дела показало, что в Юдинском районе к вопросу трудоустройства, оказанию медицинской и материальной помощи эвакуированному населению отнеслись преступно, проявив полнейшую беззаботность и нечувствительность к эвакуированным.

Так, например, направленные для размещения в Юдинский район эвакуированные не получили должной медицинской помощи. 16 января 1942 г. заместитель уполномоченного по эвакуации направил без санитарной обработки и медосмотра 25 чел. эстонцев, демобилизованных красноармейцев. Председатель Юдинского райисполкома тов. Ермишин, без предварительной санобработки и медосмотра, [их], грязных, больных, обовшивленных, поручил зав. райзо Галимову [распределить] по 4-м колхозам района, что последний и сделал. Большинство из прибывших были плохо одеты, не имели обуви, а председатель райисполкома Ермишин, имея неиспользованных средств в сумме 9700 рублей, никакой помощи им не оказал и не принял мер к обеспечению их обувью и одеждой. <...>

В заключение необходимо отметить, что председатели исполкомов райсоветов депутатов трудящихся, секретари районных комитетов партии, несмотря на неоднократные указания вышестоящих директивных организаций, не проявили должной заботы к эвакуированному населению, не обеспечили должного контроля и наблюдения за состоянием размещенных по районам эвакуированного населения;

не обеспечили трудоустройством эвакуированных, не обеспечили также топливом, жилищем и не создали необходимого медицинского обслуживания, не проявили заботу по вовлечению детей-школьников в учебу, не имели также контроля за расходованием целевых фондов.

Прокурор Татарской АССР Д. Исупов

ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 472, л. 44-49.

№ 87

Из отчета партбюро Казанского Государственного Университета им. В.И.Ульянова-Ленина о политико-массовой работе среди студентов и научных работников университета

26 августа 1942 г.

Отечественная война советского народа против германского фашизма поставила перед коллективом университета задачу – оказание повседневной помощи фронту, мобилизации всех сил научных работников и студенчества на разрешение основных задач, выдвигаемых текущим моментом.

Начало учебного года проходило под знаком участия студенчества, научных работников в осенних сельскохозяйственных работах, в течение сентября 1941 г. свыше 700 человек работали в колхозах Пестречинского района, затем в октябре месяце 500 человек работали на уборке картофеля.

Мобилизация студенчества на проведение этой работы сопровождалась разъяснительной политической работой, борьбой за дисциплину, за высокую производительность труда и организованность. Итоги участия студенчества в уборочной кампании 1941 г. были предметом широкого обсуждения на факультетских собраниях. Эти собрания имели большое воспитательное значение, так как на них подвергались осуждению студенты, плохо и недисциплинированно работавшие в колхозах.

В конце октября месяца студенчество и научные работники в количестве 550 человек выехали на оборонительные работы, где и пробыли вплоть до 1 февраля 1942 г. Совершенно очевидно, что агитационно-массовая работа проводилась под лозунгом повышения производительности труда и укрепления трудовой дисциплины. Ежедневно проводилась политинформация по сводкам Совинформбюро.

Коллектив университета на трассе проделал большую работу; студенчество прошло суровую школу, закалилось в трудностях работы, вместе с тем выявили слабых, неустойчивых, вследствие чего целый ряд студентов из университета ушел.

Отсев студентов из университета за первое полугодие был значительным.

Студентов	I курс	II курс	III курс	IV курс	Всего
На сентябрь 1941 г.	321	267	264	306	1158
На 1 марта 1942 г.	93	104	125	204	526

Причины отсева различны: [основная] часть ушла в ряды Красной Армии по мобилизации; на заводы, мотивируя уход материальными обстоятельствами; некоторые были не уверены в нормальном ходе учебных занятий.

При возобновлении занятий со 2 полугодия агитационно-массовая работа была подчинена задачам дальнейшей мобилизации сил коллектива по оказанию помощи фронту и укрепления

трудова́й учебной дисциплины, борьбы за посещение лекции, за своевременную подготовку и сдачу зачетов и экзаменов. Потребовалась большая, напряженная работа общественных организаций по консолидации университета, по наведению порядка в учебной работе.

Секретарь партбюро КГУ Б. Рождественский

Опубликовано по книге: Татария в период Великой Отечественной войны: Сборник документов и материалов / сост.: А.М.Залялов, Ю.И.Смыков, Н.А.Субаев. – Казань, 1963. – С. 203- 204.

№ 88

Телеграмма Татарского обкома ВКП(б), Президиума Верховного Совета и Совета Народных Комиссаров ТАССР Председателю Государственного Комитета Обороны о сборе средств на строительство танковой колонны «Колхозник Татарии»

3 января 1943 г.

Проникнутые чувством глубокого патриотизма, колхозники и колхозницы нашей республики приступили к сбору средств на строительство танковой колонны «Колхозник Татарии» и из своих личных сбережений внесли 100.000.000 рублей. Поступление средств продолжается. Пусть этот новогодний подарок свободолюбивого народа поможет доблестной Красной Армии приблизить день нашей окончательной победы над немецкими оккупантами.

Секретарь Татарского обкома ВКП(б) Колыбанов

Председатель Президиума Верховного Совета
Татарской АССР Динмухаметов

Председатель Совнаркома Татарской АССР С. Гафиатуллин

Красная Татария. – 1943. – 3 января.

№ 89

Из постановления Совета Народных Комиссаров Татарской АССР о подготовке трактористов, комбайнеров, механиков и бригадиров тракторных бригад для МТС и совхозов республики

15 января 1943 г.

Совет Народных Комиссаров Татарской АССР и обком ВКП(б) постановляют:

1. Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 9 января 1943 года «О подготовке трактористов, комбайнеров, механиков и бригадиров тракторных бригад для МТС и совхозов» принять к руководству и неуклонному исполнению.

2. Подтвердить план подготовки механизаторских кадров для МТС Татарской АССР, утвержденный решением бюро Татарского обкома ВКП(б) от 9 ноября 1942 г.: трактористов – 8100, комбайнеров – 1700, помощников комбайнеров – 1370, механиков – 225, бригадиров тракторных бригад – 450, шоферов – 175 и ремонтных рабочих – 400 человек. Наряду с этим предложить Наркомзему Татарской АССР провести соответствующую подготовку к организации индивидуального обучения в период полевых работ трактористов из числа колхозников, работающих на прицепных машинах.

Утвердить план подготовки для совхозов: трактористов – 791, комбайнеров – 126, помощников комбайнеров – 188, механиков – 10, бригадиров тракторных бригад – 22, шоферов – 65, ремонтных рабочих – 54 человека. Обязать совхозтресты до 17 января 1943 г. довести до совхозов план подготовки механизаторских кадров.

3. В соответствии с постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) для обучения на курсах и в школах механизации проводить призыв (мобилизацию) лиц мужского и женского пола в возрасте не ниже 16 лет из числа колхозников, работников совхозов, МТС, а также трудоспособного населения сельских местностей, не занятого на работе в промышленности и на транспорте. <...>⁵²

7. Рекомендовать колхозам начислять колхозникам, обучающимся на курсах и в школах механизации до одного трудодня за каждый день обучения. В школах механизации и на курсах Наркомата совхозов выплачивать учащимся установленные стипендии <...>.⁵³

Совнарком Татарской АССР и обком ВКП(б) особо подчеркивают, что в связи с уходом в Красную Армию значительного количества квалифицированной рабочей силы из МТС и совхозов, важнейшей задачей советских, партийных и земельных органов в подготовке к проведению сельскохозяйственных работ 1943 г. является своевременное и полное обеспечение МТС и совхозов хорошо обученными кадрами трактористов, комбайнеров, механиков и бригадиров тракторных бригад и требуют обеспечить безусловное выполнение установленного плана подготовки механизаторских кадров.

Председатель Совета Народных Комиссаров
Татарской АССР С.Гафиатуллин

Секретарь Татарского Обкома ВКП(б)⁵⁴

Опубликовано: Татария в период Великой Отечественной войны: Сборник документов и материалов / сост.: А.М.Залялов, Ю.И.Смыков, Н.А.Субаев. – Казань, 1963. – С. 126-127.

№ 90

Сеть эвакуированных детдомов в ТАССР

Март 1943 г.

Эвакуированных детских учреждений системы Наркомпроса – 76, в них 7119 детей.

Эвакуированных детских учреждений Наркомздрава – 11, в них 1120 детей.

В системе Наркомпроса:

Детских домов – 38, в них – 3877 детей

В том числе московских – 20, – «–2046»

Детских интернатов – 38 – «–3242»

В т. числе московских – 13 – «–839»

– «–ленинградских – 24 – «–2262»

Из общего количества д/домов:

Дошкольных эвакуированных

д/домов – 10, – «–1097»

Школьных эвак. Детдомов – 28, – «–2780»

⁵² Опущены пункты постановления о составе комиссии по организации курсов и составлении учебных программ.

⁵³ Опущен пункт постановления, конкретизирующий формы оплаты курсантов школы механизации

⁵⁴ Подпись отсутствует.

В системе Наркомздрава:
 Д/младенца и ясли—8,— «—895 детей»
 Санатории (для детей
 от 3 лет и выше)—2,— «—225»

Всего эвакуированных дет[ских] коллективов системы
 Наркомздрава и Наркомпроса — 87, в них детей,— «—8239»
 Прочих ведомст. детучреждений—17,— «—226»
 Итого эвакуир. детучреждений—104,— «—10503»
 <...>

НА РТ, ф. Р-3959, оп. 1, д. 641, л. 106.

№ 91

**Из докладной записки Татарского обкома ВКП(б) в ЦК ВКП(б)
 о ходе выполнения постановления ЦК ВКП(б) от 22 января 1943 г.
 «О мерах улучшения работы советских органов и местных партийных организаций
 по оказанию помощи семьям военнослужащих»**

Апрель 1943 г.⁵⁵

Выполняя постановление ЦК ВКП(б) от 22 января 1943 г., советские и партийные организации Татарской республики провели в феврале – марте 1943 г. большую работу по оказанию помощи семьям военнослужащих.

Только по 32 сельским районам Татарской республики нуждающимся семьям выдано: 4008 центнеров продовольствия и овощей, 16389 вещей из одежды и обуви, 401582 руб. деньгами (единовременное пособие), 116153 куб. метров дров, выдано большое количество коров, телят и овец. 2952 семьям фронтовиков предоставлены новые квартиры и отремонтированы старые, 240 детей устроены в детские сады и детские ясли.

В Балтасинском районе в феврале 1943 г. 419 семьям подвезено 1295 кубометров дров, 690 семьям выдано колхозами 9400 кг хлеба, 637 хозяйствам отпущено 993 центнера кормов для скота, продано через райпотребсоюз 51 пара валенок, 150 пар нательного белья и других промышленных товаров на сумму 40 тысяч рублей.

Семьям военнослужащих Куйбышевского района подвезено 3326 кубометров дров, выдано 350 центнеров картофеля, 75 семей получили единовременное пособие в сумме 9900 руб., 247 семей получили одежду, 271 – различную обувь.

Многие колхозы Чистопольского района для семей колхозников-военнослужащих, не имеющих своего скота, выделяют телят, коров, ягнят, овец.

Инициатива общественных организаций Ивановской области, проводивших неделю помощи семьям воинов Красной Армии, нашла горячую поддержку и в Татарской республике. Декадни-ки помощи семьям военнослужащих, прошедшие в ряде городов и районов республики, дали большие результаты.

Итоги декадника, проведенного в Казани, следующие: 15907 семьям военнослужащих выдано 34,3 тонны картофеля, 16908 вещей, обуви и одежды, 4689 метров мануфактуры, 10802 кубометра дров, 337 тысяч рублей деньгами. Отремонтировано и предоставлено вновь 425 квартир. Помещено в детские учреждения 377 детей. Прикреплено к столовым 1892 человека.

В Агрызском районе за время декадника было обследовано 2532 семьи фронтовиков, 1487 семей получили дрова (было подвезено 3442 кубометра дров), 830 семей получили продовольственную помощь, 1160 хозяйствам, имеющим скот, организована помощь кормами, 31 семье выдано 5200 рублей деньгами. Кроме того, было отремонтировано для детей фронтовиков 200 пар обуви, 70 детей устроены в детские ясли, 42 ребенка в детские сады.

⁵⁵ Датируется по содержанию документа.

В г. Чистополе во время проведения декадника создан промтоварный фонд для оказания помощи остро нуждающимся семьям. В этот фонд выделено 5620 пар разной обуви, 4553 шт. трикотажных изделий, белья и др. Запасы для дальнейшего удовлетворения нужд семей фронтовиков, промтоварные и продовольственные фонды создаются также в Атнинском, Балтасинском, Высокогорском, Красноборском, Буинском и др. районах Татарской республики.

Колхозники колхоза «Искра» Буинского района только за один день внесли из личных запасов в фонд помощи семьям военнослужащих 37 пудов, хлеба, 125 пудов картофеля, 10 фунтов масла, 120 литров молока, 4800 руб. деньгами. Кроме того, колхоз решил посеять 10 га яровых культур сверх плана с тем, чтобы урожай с этого участка внести в этот фонд.

В деле улучшения материально-бытового обслуживания семей военнослужащих немалую работу проводят советы жен начальствующего состава. Хорошо поставлена работа совета жен начсостава при Советском райвоенкомате г. Казани (председатель т. Шестакова). 1500 семей фронтовиков обследованы членами совета и его активом. После обследования 30 семей переселены в более благоустроенные квартиры; особо нуждающиеся получили 2400 различных вещей, 1800 семей обеспечены дровами, выдано 19 тыс. рублей денежного пособия.

Зав. оргинструкторским отделом
Татарского обкома ВКП(б) Арнаутов.

Опубликовано: Татария в период Великой Отечественной войны: Сборник документов и материалов / сост.: А.М.Залялов, Ю.И.Смыков, Н.А.Субаев. – Казань, 1963. – С. 127-128.

№ 92

Из доклада Председателя Президиума Верховного Совета ТАССР Г.А.Динмухаметова на совещании фронтовых агитаторов в Москве об оказании помощи г. Сталинграду и Сталинградской области

3 августа 1943 г.

<...> Патриотическое движение передовых областей по оказанию помощи Сталинграду нашло горячий отклик и среди трудящихся Татарии. Трудящиеся нашей республики взяли шефство над Дзержинским районом Сталинграда, Городищенским и Красноармейским районами Сталинградской области. Трудящиеся Татреспублики отправили в Сталинград несколько эшелонов с оборудованием, инструментами, личными вещами, собранными в Татарии.

Так, трудящиеся столицы Татарии – г. Казани послали Сталинграду: различного хоз. оборудования и вещей на 2.859.000 рублей, послано деньгами – 2.593.000 рублей. Отправлено обуви 11.900 пар, книг 20.000, белья и одежды на 153.000 рублей, кинофильмов – 65, детских игрушек – 20.000 и ряд других.

24 июня 1943 г. председатель исполнительного комитета Сталинградского областного Совета трудящихся тов. Зименков секретарю Молотовского РКМ ВКП(б) г. Казани телеграфировал: «Прошу передать от трудящихся нашей области и города Сталинграда трудящимся Молотовского района гор. Казани большевистское спасибо за оказанную помощь в материалах, оборудовании для восстановления нашего любимого города.

С помощью Вас и всех трудящихся нашей страны мы возродим наш город Сталинград».
<...>

НА РТ. Ф. Р-3610. Оп. 1. Д. 323. Л. 30.

Опубликовано: Татарстан – Сталинграду: Сборник документов и материалов / Сост: А.А.Иванов, Л.В.Горохова, Н.В.Юнусова, В.В.Иванова. – Казань, 2009. – С. 156-157.

№ 93**Докладная записка Л.П.Берия И.В.Сталину о работе заключенных специалистов
4-го спецотдела НКВД СССР**

16 июля 1944 г.
Совершенно секретно

В 1942-43 гг. по проектам заключенным специалистам 4 Спецотдела НКВД СССР на заводе № 16 НКАП выполнены следующие работы, имеющие важное оборонное значение:

1. По проекту Глушко В.П. построены опытные реактивно-жидкостные двигатели РД-1, предназначенные для установки на самолеты в качестве ускорителей. Опытные образцы двигателей РД-1 прошли заводские летные и совместные стендовые испытания с удовлетворительными результатами. В настоящее время на заводе № 16 изготавливается опытная серия реактивных двигателей РД-1 для отработки всех вопросов, связанных с применением и дальнейшим развитием этих двигателей.

2. По проекту Добротворского А.М., на базе спаривания двух серийных моторов М-105, построены мощные авиационные моторы МБ-100 со взлетной мощностью 2200 л/с и МБ-102 со взлетной мощностью 2450 л/с. В настоящее время моторы МБ-100 проходят летные испытания на самолете Ер-2 и моторы М-102 готовятся к установке на самолете «102».

Помимо этих работ, специалистами 4 Спецотдела НКВД СССР была оказана большая техническая помощь заводу № 16 в период строительства и монтажа этого завода, в частности, по проекту и под руководством специалистов 4 Спецотдела НКВД СССР на заводе № 16 была построена опытная механическая база авиадвигателестроения. Группа квалифицированных специалистов 4 Спецотдела НКВД СССР, работающая на этом заводе на руководящих технических должностях, во многом способствовала заводу в успешном выпуске продукции.

По отзывам Наркомавиапрома тов. Шахурина, работы, выполненные заключенными специалистами 4 Спецотдела НКВД СССР, по технической новизне и умелому решению ряда сложных технических и конструктивных проблем являются весьма ценными.

Учитывая важность проведенных работ, НКВД СССР считает целесообразным освободить, со снятием судимости, особо отличившихся заключенных специалистов, с последующим направлением их на работу в Авиапромышленность. Прилагая при этом список на 35 заключенных специалистов, прошу Ваших указаний.

Народный комиссар внутренних дел
Союза ССР Б.Берия

ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 65. Л. 385-385а.

Опубликовано: Советская повседневность и массовое сознание. 1939-1945: Сборник документов / Сост: А.Я.Лившин, Б.Б.Орлов. – М., 2003. – С. 382-383.

№ 94**О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы
в Татарской партийной организации**

9 августа 1944 г.⁵⁶

В Центральном Комитете ВКП(б)

ЦК ВКП(б) принял постановление «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации». ЦК ВКП(б) отметил запу-

⁵⁶ Дата принятия постановления ЦК ВКП(б).

ценность массово-политической и идеологической работы в Татарской АССР и признал неудовлетворительным руководство этой работой со стороны Татарского обкома ВКП(б). Партийные организации Татарии, как указывается в постановлении ЦК ВКП(б), не уделяют должного внимания делу изучения марксистско-ленинской теории партийными, советскими и комсомольскими кадрами. В Татарской партийной организации оказался заброшенным метод самостоятельного изучения партийными и советскими кадрами марксистско-ленинской теории, крайне мало читалось лекций и проводилось консультаций в помощь изучающим историю и теорию большевистской партии, была допущена практика насаждения большого числа политических кружков при отсутствии достаточного количества подготовленных пропагандистов. Татарский обком ВКП(б) не организовал работы по марксистско-ленинской подготовке и переподготовке районных партийных работников, пропагандистов и редакторов газет, в результате чего многие из них серьезно отстали в теоретическом отношении и не в состоянии с успехом вести политическую работу среди населения. Обком, горкомы и райкомы ВКП(б) допустили вредную практику отрыва пропагандистских и газетных работников от их прямой работы и закрепления этих работников на длительное время в качестве уполномоченных в сельсоветах и колхозах, что приводило к фактической ликвидации пропагандистского аппарата в партийных организациях и к ослаблению политической работы в массах. Партийные организации недостаточно используют силы советской интеллигенции для проведения политической и культурно-просветительной работы среди населения.

Татарский обком ВКП(б) неудовлетворительно руководил республиканскими и районными газетами. Газеты республики еще не являются подлинными организаторами политической работы в массах, плохо популяризируют опыт передовиков промышленного и колхозного производства, слабо освещают партийную и комсомольскую жизнь. Республиканская газета «Красная Татария» допустила серьезные ошибки в статьях по военно-политическим и международным вопросам.

В Татарии, как указывается в постановлении ЦК ВКП(б), политической информацией охвачены далеко не все слои городского и сельского населения. Многие районные партийно-советские работники не выступают перед населением с политическими докладами. Доклады и беседы для рабочих и колхозников татар на их родном языке проводятся крайне редко. Не обеспечена повседневная политическая информация населения Казани. Райкомы ВКП(б) не ведут систематической работы с агитаторами, не оказывают им необходимой помощи, слабо ведут пропаганду основ колхозного строительства и агитацию за укрепление трудовой дисциплины и общественного хозяйства колхозов. Неудовлетворительно работают в Татарской АССР культурно-просветительные учреждения. Многие избы-читальни и библиотеки закрыты, библиотечные фонды растаскиваются, значительная часть киноустановок бездействует, во многих колхозах кино не было за все время войны. В 29 районах республики не организовано радиовещание, во многих сельсоветах не используются для радиопередач телефонные провода.

Татарский обком ВКП(б) неудовлетворительно руководил работой писателей и деятелей искусств, недостаточно контролировал репертуар учреждений искусств, не организовал работы по идейно-политическому воспитанию интеллигенции, в результате чего в республике имели место серьезные ошибки идеологического характера в освещении истории татарского народа, а также в татарской литературе и искусстве.

ЦК ВКП(б) обязал Татарский обком ВКП(б) устранить отмеченные недостатки в массово-политической и идеологической работе и предложил обкому и партийным организациям Татарии покончить с запущенностью агитационно-пропагандистской работы, широко развернуть массово-политическую работу среди населения и поднять уровень идеологической и политиковоспитательной работы в партийных организациях и среди интеллигенции республики. ЦК ВКП(б) указал, что коренное улучшение массово-политической и идеологической работы должно стать важнейшим средством мобилизации трудящихся на выполнение хозяйственно-политических задач, стоящих перед Татарской АССР.

В целях повышения идейно-политического уровня партийно-советских кадров и интеллигенции республики ЦК ВКП(б) предложил Татарскому обкому ВКП(б) широко развернуть

в партийных организациях работу по изучению членами и кандидатами партии истории и теории большевистской партии, восстановить в парторганизациях метод самостоятельного изучения марксистско-ленинской теории партийными, советскими и комсомольскими кадрами, организовать в помощь изучающим марксистско-ленинскую теорию чтение лекций и консультации по вопросам марксизма-ленинизма; развернуть работу по марксистско-ленинскому воспитанию сельской и городской интеллигенции; организовать в составе вечернего университета марксизма-ленинизма в Казани отделения для научных работников и работников искусств; организовать в городах и районных центрах лекции и консультации для интеллигенции по вопросам марксистско-ленинской теории силами лекторов обкома ВКИ (б) и преподавателей вузов.

Наряду с этим ЦК ВКП(б) рекомендовал Татарскому обкому ВКП(б) организовать районные вечерние партийные школы для партийных и советских работников районных центров, секретарей первичных партийных и комсомольских организаций <...>.

Отмечая, что в Татарской АССР серьезным препятствием к надлежащей постановке агитационно-пропагандистской работы является недостаточная теоретическая подготовка партийных и пропагандистских работников, ЦК ВКП(б) предложил Татарскому обкому организовать в Казани республиканскую партийную школу с годовичным сроком обучения для переподготовки руководящих районных и городских партийных работников; создать в составе этой школы пропагандистское отделение для переподготовки районных пропагандистских и газетных работников и комсомольское отделение для переподготовки секретарей горкомов и райкомов ВЛКСМ <...>.

ЦК ВКП(б) в своем постановлении подчеркнул необходимость превращения газет на деле в важнейшие центры политической работы в массах и обязал Татарский обком ВКП(б) усилить контроль за работой республиканских, городских и районных газет и руководство редакциями газет; обсуждать на бюро обкома ВКП(б) планы работы республиканских газет; организовать в отделе пропаганды и агитации обкома контроль за работой всех газет, направляя в райкомы не реже одного раза в 3 месяца обзоры на каждую газету; систематически публиковать в республиканских газетах обзоры на районные газеты; в целях обмена опытом и повышения квалификации районных газетных работников организовать при редакциях республиканских газет практику редакторов районных газет и секретарей редакций. ЦК ВКП(б) предложил обкому ВКП(б) восстановить отделы партийной жизни и отделы пропаганды в республиканских газетах Татарии и рекомендовал публиковать в них (3-4 раза в месяц) статьи и консультации по теоретическим, политическим и хозяйственным вопросам и другие материалы в помощь пропагандистам и агитаторам.

ЦК ВКП(б) рекомендовал также провести перераспределение лимита газет по республике, с тем чтобы не менее $\frac{3}{4}$ тиража республиканских газет направлялось непосредственно в районы, в первичные партийные организации, избы-читальни, сельсоветы и колхозы; создать газетные витрины во всех сельсоветах и колхозах.

Считая, что важнейшей задачей партийных организаций в деле политической работы в массах является правильная и своевременная информация населения о военных, политических и международных событиях, ЦК ВКП(б) обязал Татарский обком ВКП(б) организовать систематическую работу с агитаторами, обеспечить инструктирование их не реже одного раза в неделю о текущей политике; созывать не реже одного раза в 2 месяца районные или кустовые, а на крупных предприятиях не реже одного раза в месяц общезаводские совещания агитаторов с постановкой на них инструктивных политических докладов, а также докладов секретарей райкомов ВКП(б) или парткомов предприятий о хозяйственно-политических задачах; проводить на предприятиях и в учреждениях не реже одного раза в месяц собрания рабочих и служащих с постановкой на них докладов руководящих городских и районных партийно-советских работников, руководителей предприятий и учреждений о текущих военно-политических и международных событиях; организовать контроль за идейно-политическим содержанием докладов и лекций на предприятиях и в колхозах, а также обсуждение содержания докладов на совещаниях докладчиков, а отделу пропаганды и агитации обкома ВКП(б) обеспечить оказание помощи районным докладчикам и руководителям агитколлективов путем посылки им материалов, стенограмм лучших лекций и

проведения в районах не реже одного раза в 1,5 месяца инструктивных докладов силами лекторов и докладчиков обкома ВКП(б).

В целях улучшения политико-просветительной работы в Татарской АССР ЦК ВКП(б) предложил обкому ВКП(б) восстановить работу всех бездействующих изб-читален, домов культуры, районных библиотек и запретить использование помещений изб-читален и библиотек для посторонних целей; обеспечить топливом все политпросветучреждения республики; развернуть научно-просветительную пропаганду и широко привлекать кадры интеллигенции к чтению популярных лекций для населения; организовать 6-месячные курсы политпросветработников; провести ремонт всей бездействующей киноаппаратуры и обеспечить демонстрирование кинофильмов в каждом сельсовете не реже одного раза в месяц; организовать до конца 1944 года местное радиовещание во всех районах, обеспечить бесперебойную работу радиоузлов и приспособить для целей радиовещания все телефонные установки в сельсоветах.

ЦК ВКП(б) обязал Татарский обком ВКП(б) организовать научную разработку истории Татари, устранить допущенные отдельными историками и литераторами серьезные недостатки и ошибки националистического характера в освещении истории Татари (приукрашивание Золотой Орды, популяризация ханско-феодалного эпоса об Идееге), обратить особое внимание на исследование и освещение истории совместной борьбы русского, татарского и других народов СССР против чужеземных захватчиков, против царизма и помещичье-капиталистического гнета, а также на историю социалистического преобразования Татари в период Советской власти и популяризацию выдающихся деятелей, ученых и революционеров татарского народа и его сынов – героев Отечественной войны.

ЦК ВКП(б) обязал также Татарский обком ВКП(б) серьезно улучшить руководство воспитательной работой среди молодежи, обеспечить организационно-политическое укрепление комсомольских организаций, добиться создания комсомольских организаций во всех колхозах республики, обеспечить регулярное освещение жизни комсомольских организаций в республиканских газетах. Обком, горкомы и райкомы ВКП(б) обязаны, говорится в постановлении ЦК ВКП(б), оказывать повседневную помощь комсомольским организациям в агитационно-пропагандистской работе среди молодежи, выделять пропагандистов для руководства кружками и для выступлений с докладами, лекциями, беседами.

Опубликовано: Коммунистическая партия в период Великой Отечественной войны (июнь 1941 – 1945 гг.): Сборник документов. – М., 1961. – С. 222-227.

№ 95

Докладная записка в Совет по делам русской православной церкви при СНК СССР о количестве поступивших заявлений от верующих об открытии церквей и молитвенных домов по ТАССР

28 декабря 1944 г.

Сообщаю испрашиваемые сведения о количестве поступивших заявлений верующих об открытии церквей и молитвенных домов:

а) оставалось не рассмотренных от 1943 года	– 13,
б) поступило в 1944 г.	– 46,
в) снято с рассмотрения по разным причинам	– 4,
г) отклоненных епископом	– нет,
д) рассмотрено СНК Татарской АССР	– 21.
Из них отклонено	– 18.

Дано положительное заключение – 3; одно одобрено Союзным правительством; два заключения задержаны с отправкой в Совет.

Поступило повторных заявлений от верующих, направленных в разные адреса, но ставящих вопрос об одной и той же церкви – 17.

3⁵⁷. Жалоб [на] принятые решения СНК ТАССР об отклонении просьбы не поступило.

4. Поступившие заявления об открытии церквей распределяются порайонно в следующем виде:

а) всего районов в республике 70, из них 69 не имеют действующих церквей;

б) поступило заявлений об открытии церкви из 27 районов, где нет действующих церквей;

в) не поступило заявлений об открытии церквей из 42 районов, в которых нет действующих церквей, и одного района, где имеется действующая церковь.

5. За отчетный период принято 68 посетителей по вопросам открытия церкви и 7 председателей исполкомов райсоветов по вопросам, относящимся к русской православной церкви.

6. За 1944 год было три выезда на место по проверке поступивших заявлений об открытии церкви.

Уполномоченный Совета
по делам русской православной
церкви при СНК СССР
по Татарской АССР

Горбачев

НА РТ, ф. Р-873, оп. 1, д. 2, л. 24.

№ 96

Из статьи наркома ТАССР В.И.Прокушева о деятельности органов здравоохранения Татарской республики в годы войны

Январь 1945 г.⁵⁸

Отечественная война против немецко-фашистских захватчиков поставила перед органами здравоохранения новые ответственные задачи, одной из которых явилась задача сохранения качества медицинского обслуживания населения, организация лучшего медицинского обслуживания членов семей военнослужащих и инвалидов Отечественной войны.

Несмотря на тяжелую обстановку, трудности военного времени, органы здравоохранения Татарской республики не только сохранили имеющуюся сеть лечебных учреждений, но и за годы Отечественной войны добились расширения сети здравоохранения.

В годы войны вновь открыто 5 городских больниц. Заново создана и прекрасно оснащена всеми видами современного лечения Республиканская больница восстановительной хирургии на 300 коек для инвалидов Отечественной войны.

За 1944 г. в этой больнице получили лечение свыше 1500 инвалидов, из которых около половины возвращено в армию и более четверти возвращены к труду. Такого успеха больница достигла в результате правильной организации лечебного процесса и привлечения для работы высококвалифицированных специалистов (ортопедов, физиотерапевтов, невропатологов, терапевтов) под руководством заслуженного врача РСФСР профессора Л.И.Шулутко.

В больнице разрабатываются и с успехом применяются новые методы лечения последствий огнестрельных ранений. На базе этой больницы растут новые молодые кадры врачей. 15 районных хирургов прошли при ней специальные курсы и сейчас проводят работу по восстановительной хирургии у себя в районных больницах.

Много внимания органами здравоохранения уделялось лечебной сети на селе. За время Отечественной войны вновь открыто 8 сельских больниц, тем самым число больниц на селе теперь доведено до 100.

В Татарской АССР в настоящее время имеется 9461 больничная койка (без психиатрических, клинических и других ведомств). Огромное значение для качества работы больниц имеет рас-

⁵⁷ Нумерация в документе начинается с третьего пункта.

⁵⁸ Датируется по тексту документа.

ширение прибольничного хозяйства. Если в 1941 г. посевом больничные хозяйства не занимались, то в 1944 году ими было собрано урожая зерновых – 680 тонн, картофеля – 224 тонны, овощей – 119 тонн. В больницах имеется сейчас крупного рогатого скота 356 голов, овец и коз – 855, свиней – 532.

За годы войны выросла и амбулаторно-поликлиническая помощь. Вновь открыто 5 амбулаторно-поликлинических учреждений, 65 фельдшерских и акушерско-фельдшерских пунктов, в десятках колхозов созданы колхозные медицинские пункты, сохранившиеся за счет колхозов.

В 70 районных центрах (кроме гг. Казани, Чистополя, Зеленодольска) имеется 55 клинических лабораторий, 67 зубоврачебных кабинетов, 11 рентгенокабинетов, 12 физиотерапевтических кабинетов. Хирургическая помощь оказывается в 31 районе. В районах работает 44 хирурга, 24 окулиста, 21 акушер-гинеколог, 53 педиатра.

Большую работу провели органы здравоохранения Татарской АССР по медико-санитарному обслуживанию войсковой мобилизации, формированию эвакуогоспиталей и лечению раненых, медицинскому обслуживанию рабочих заводов и сохранению санитарно-эпидемического благополучия в тылу.

Наши лучшие хирурги были направлены на фронт. Они с честью выполняли и выполняют свои почетные обязанности, за что неоднократно награждены правительственными наградами (Мухамедьяров, Самойлов, Осиповский, Смирнов С.А., Лейзеровский и др.). Значительная масса оставшихся врачей и профессоров наших вузов была привлечена для работы в эвакуогоспиталях Татарии.

Татарская АССР, обладая специалистами различных областей, смогла развернуть широкую специализированную группу госпиталей. Кроме госпиталей для лечения ранений опорно-двигательного аппарата, у нас имеются госпитали для лечения ранений черепа, мозга, нервов, грудной клетки, брюшной полости, уха, глаз, челюстей и др.

Была проведена большая работа по повышению квалификации врачей, подготовке по хирургии врачей педиатров, гинекологов и других. Значительная группа врачей была выдвинута на должности ведущих хирургов. Вполне себя оправдали на этих ответственных должностях выдвинутые врачи: Байбекова, Калгатина, Медведев, Любимова, Ефремов, Гарфинкель и др.

Если в первый год войны только в 20% госпиталей проводилось грязелечение и парафинолечение, то к 1 января 1945 г. во всех госпиталях имеются полностью оснащенные электросветолечебные кабинеты и проводится грязелечение и парафинолечение.

За 3,5 года войны физиотерапевтическими кабинетами госпиталей проделано более 8 миллионов процедур. В первый год войны охват раненых этими видами лечения равнялся 40%, а во втором полугодии 1944 г. охват возрос до 70%. Во втором полугодии 1941 г. приходилось 8 процедур на одного лечившегося, а в 1944 г. – 33 процедуры <...>.

Большую научную работу в госпиталях ведут профессора: Соколов, Шулуток, Ратнер, Гусынин, Мелешенко, Печников, Мурзин, Лозанов, Русецкий.

Татарская республика к своему 25-летию имеет все основания гордиться своей работой по лечению раненых бойцов и командиров Красной Армии. Сейчас весь коллектив работников эвакуогоспиталей мобилизован на то, чтобы в радостные дни окончательной победы над фашистскими извергами добиться максимального успеха в восстановлении здоровья раненых бойцов и офицеров нашей героической Красной Армии.

Большое внимание за истекший период Отечественной войны уделялось органами здравоохранения медико-санитарному обслуживанию рабочих заводов. При всех медсанчастях организованы поликлиники закрытого типа. Открыто 2 больницы на 125 коек. Увеличилась сеть цеховых здравопунктов. На заводах открыты ночные туберкулезные санатории на 280 коек. На одном из заводов организован санаторий общего типа на 60 коек. Значительно улучшилось оснащение специальным оборудованием заводских поликлиник, развернуты кабинеты по узким специальностям; увеличился штат врачей и среднего медперсонала.

За годы войны из числа врачей общей практики подготовлены без отрыва от производства специалисты по туберкулезу, малярии, промсанитарии, лабораторному делу, гинекологии,

дермато-венерологии и т.д. Широко практикуется консультация высококвалифицированных специалистов из числа работников вузов и республиканских учреждений.

В результате проводимых лечебных и санитарно-оздоровительных мероприятий количество случаев заболеваний в 1944 г. по сравнению с 1942 г. снизилось на 14%, а количество дней утраты трудоспособности – на 17,5%. На всех заводах за 1944 г. случаев профотравлений и профзаболеваний не имелось.

За годы Великой Отечественной войны органами здравоохранения Татарской республики проведена большая профилактическая и противозидемическая работа. В результате, заболевания брюшным тифом по сравнению с 1941 г. в 1944 г. снизились на 26%, дизентерией – в 5 раз. По детским инфекциям имеется также снижение: по дифтерии в 2,5 раза, по скарлатине – в 3 раза, по кори – на 30%. Эпидемий сыпного тифа в республике не было, возникшие в отдельных местах вспышки заболеваний немедленно ликвидировались.

Нарком здравоохранения ТАССР В.И.Прокушев.

Опубликовано в книгах: 25 лет Татарской АССР (1920-1945). – Казань, 1945. – С. 95-98; Татарская АССР в годы Великой Отечественной войны: Сборник документов и материалов / Под ред. Х.Г.Гимади. – Казань, 1948. – С. 66-70.

№ 97

Из статьи наркома ТАССР У. Контюкова о состоянии системы народного образования республики в годы Великой Отечественной войны

Январь 1945 г.⁵⁹

Несмотря на тяжелые условия военного времени, школы Татарии успешно продолжали борьбу за осуществление сталинского закона о всеобщем обучении. В годы Великой Отечественной войны закон о всеобщем обязательном обучении приобрел особо важное значение. Призыв вождя товарища Сталина перестроить и подчинить всю работу интересам обороны страны от фашистских захватчиков имел прямое отношение и к работе школ. Интересы обороны страны потребовали от школ, от всего учительства и органов народного образования обеспечить обучением всех без исключения детей школьного возраста. В школах Татарии охвачены всеобщим обязательным обучением дети, начиная с семилетнего возраста.

Совершенно изменилась и постановка учебно-воспитательной работы в школах, качество и система преподавания в них.

В борьбе за качество обучения в школах особое внимание обращается на постановку преподавания русского языка в русских и нерусских школах, а также родного языка в татарских и других национальных школах. Первоочередной задачей в преподавании языков является повышение культуры устной и письменной речи, достижение высокой грамотности учащихся. <...>

За годы Великой Отечественной войны в жизни и работе советской школы произошли важнейшие изменения, содействующие улучшению качества учебно-образовательной и воспитательной работы в них. Введение военно-физической начальной и допризывной подготовки учащихся, раздельного обучения мальчиков и девочек в школах (в г. Казани), проведение в жизнь «Правил для учащихся», ряд мероприятий по укреплению дисциплины и порядка в школе, отмена социалистического соревнования в учебной работе в школе, переход на пятибалльную цифровую систему оценок знаний и поведения учащихся, мероприятия по улучшению качества обучения в школе на основе постановления Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 21 июня 1944 года, – все это потребовало от школ и учительства большой организационной, учебно-образовательной и воспитательной работы как внутри школы, так и среди родителей-

⁵⁹ Датируется по тексту документа.

ской и широкой советской общественности. Коренным образом улучшилось качество учебно-воспитательной работы в школе в связи с установлением выпускных экзаменов для оканчивающих начальную и семилетнюю школу, экзаменов на аттестат зрелости для оканчивающих среднюю школу и учреждение золотых и серебряных медалей за выдающиеся успехи в учебе при отличном поведении. Надо сказать, что школы Татарии и учителя с честью справляются с возложенными на них ответственнейшими задачами.

Высоко ценится труд народного учителя в советской стране. За самоотверженную и образцовую работу были награждены орденами и медалями СССР в 1939 году 85, а в 1945 году – 139 народных учителя Татарии. Широко известны в Татарии имена народных учителей-отличников, добившихся прекрасных показателей в деле обучения и коммунистического воспитания советской детворы. Таковы, например, учителя: Хабибуллин, Ласточкина, Селоустьева, Тарасова, Сайдашева и многие другие учителя-отличники, отмеченные высокой правительственной наградой. Хорошо владея педагогическим мастерством, они подготавливают в школе молодежь образованную, всесторонне развитую, с крепкими полноценными знаниями и прочными практическими навыками, воспитанную в духе беззаветной преданности Родине, партии Ленина – Сталина, уверенно вступающую в жизнь с аттестатом умственной и моральной зрелости. <...>

Вместе с ростом народного образования растет и количество учителей в Татарии. Если в 1913 году на территории нынешней Татарии учителей в общеобразовательных школах насчитывалось всего 3500 человек, то к 1 сентября 1944 г. их стало 18170 человек, или в 5,1 раза больше, чем в 1913 году.

Из этого количества: 6998 человек состоят учителями в начальных школах, 7688 – в неполных средних школах и 3484 – в средних школах. 3159 учителей имеют высшее образование.

Наши учителя не ограничивают свою работу рамками школы, детской среды. Они выполняют громадную общественно-полезную работу. Из несмелого, загнанного узкого работника школы в старое время, учитель превратился в наших условиях в инициативного, передового работника культурного фронта, педагога-общественника. За годы Великой Отечественной войны учительство Татарии показало образцы героической борьбы на фронте и самоотверженного труда в тылу. Учителя вместе с учащимися школ выполняли самые разнообразные виды общественно-полезной работы, крепя тем самым фронт и тыл и сливаясь в своем патриотическом порыве с многомиллионным советским народом. В одном только 1943 году в сельскохозяйственных работах участвовало 157065 школьников и 8287 учителей. Было выработано трудодней: учащимися – 3302350, учителями – 389927.

Учащиеся Тетюшского района в 1943 году выработали 46458 трудодней. Учащиеся Агрызского района задержали снег на площади в 5,5 тыс. га, вывезли на поля более 1300 возов удобрений и выработали 65218 трудодней.

Учащиеся и учителя Чистопольского района собрали на восстановление школ в освобожденных районах 139000 рублей, за что получили благодарность от товарища Сталина. Горячо откликнулись школьники на сбор средств в фонд Победы. Школы Верхне-Услонского района собрали 26000 руб., школы Кукморского – 17884 руб., Агрызского района – 65246 рублей.

Казанские школьники и учителя много сил положили к приведению родного города в благоустроенный вид. Они участвовали в многочисленных субботниках по благоустройству города.

Успешно проводился во многих школах города Казани сбор металлолома, например, средняя школа № 15 собрала 15 тонн, школа № 83 – 7 тонн и т. д.

Ряды учительства Татарии систематически пополняются молодыми педагогическими кадрами, оканчивающими курс обучения в высших и средних педагогических учебных заведениях. В Татарии в настоящее время существует три высших педагогических учебных заведения (Казанский Государственный Педагогический и Учительский институты, Елабужский Учительский институт) и 10 средних.

Количество учащихся в средних педагогических учебных заведениях следующее:

1. В 8 школьных педагогических училищах – 3035 человек
2. В дошкольном педагогическом училище – 298

3. В библиотечном техникуме	– 90
Всего	3423 чел.

Все педагогические учебные заведения имеют подсобные хозяйства, чем значительно подкрепляют свое материально-хозяйственное положение.

Нарком просвещения ТАССР У. Контюков

Опубликовано: 25 лет Татарской АССР (1920-1945). – Казань, 1945. – С. 83-96; Татарская АССР в годы Великой Отечественной войны: Сборник документов и материалов / Под ред. Х.Г.Гимади. – Казань, 1948. – С. 63-66.

№ 98

Из информации Казанского горкома ВКП(б) и Татарского ОК ВКП(б) в ЦК ВКП(б) о проведении дня победы в Казани

9 мая 1945 г.

С молниеносной быстротой разнеслась в г. Казани весть о безоговорочной капитуляции Германии, об окончании войны. Как только замолк голос диктора, известившего о подписании акта о капитуляции Германии, в городе началось всеобщее народное ликование. Несмотря на глубокую ночь, трудно было найти дом, где бы не зажглись яркие огни. Улицы и площади города стали заполняться радостным, ликующим народом. Слышались возгласы: «Да здравствует Красная Армия!», «Да здравствует Победа!». Люди обнимались, целовались, поздравляли друг друга с победой.

В 4 часа утра в горкоме ВКП(б) собрался руководящий актив работников города: секретари райкомов ВКП(б) и ВЛКСМ, секретари партийных организаций крупных предприятий и т. д. Было проведено небольшое совещание, на котором горкомом ВКП(б) была дана установка об организованном проведении дня Победы. Аналогичные совещания были проведены в райкомах ВКП(б).

Несмотря на то, что каждый знал о том, что 9 мая является нерабочим днем, все трудящиеся города, учащиеся, служащие – каждый стремился скорее побывать на своем предприятии, учреждении, учебном заведении, поделиться радостной вестью.

С утра на предприятиях стали проводить митинги. Никогда еще в условиях Казани не было таких многолюдных митингов, не проводились они с таким исключительным подъемом. На механическом заводе митинг проводился в 4 часа утра. Открыл митинг секретарь парткома т. Жуков, который поздравил собравшихся на митинг рабочих, служащих и интеллигенцию завода с днем исторической Победы Красной Армии. Затем т. Жуков предоставил слово секретарю обкома ВКП(б) т. Муратову.

На митинге выступил слесарь-стахановец, сборщик т. Козлов. Он сказал: «В суровые годы Великой Отечественной войны мы, работники тыла, отдавали все свои силы и знания на дело укрепления нашей доблестной Красной Армии, разгром немецко-фашистских захватчиков. Сегодня мы с гордостью можем сказать, что наш скромный труд не пропал даром. Своим честным трудом мы поможем любимой Родине залечить раны, восстановить нашу Родину-мать».

Тов. Лыч, заместитель начальника производства, в своем выступлении сказал: «Годы великой исторической войны советского народа с немецко-фашистскими захватчиками мы не забудем никогда. Мы не забудем проклятого нашествия на нашу священную землю, не забудем, как немецкие варвары пытались поработить наш свободный народ... Советский народ своим трудом, знаниями поможет в кратчайшие сроки восстановить разрушенные заводы и фабрики, сельское хозяйство, включить их в строй действующих». <...>

Целый день 9-го мая продолжалось ликование в городе. На площадях и центральных улицах играли оркестры. Молодежь танцевала прямо на улицах. Артисты театров, цирка, Татгосфилар-

монии, участники художественной самодеятельности клубов предприятий выступали на улицах с импровизированных эстрад. В каждом клубе, красном уголке проводились празднества.

Секретарь Казанского горкома ВКП(б) Барышников

Опубликовано: Татария в период Великой Отечественной войны: Сборник документов и материалов / сост.: А.М.Залялов, Ю.И.Смыков, Н.А.Субаев. – Казань, 1963. – С. 329-331.

№ 99

Сведения о работе сберегательных касс Татарской АССР за период с 1940 по апрель 1945 года по государственным займам, вкладам населения, денежно-вещевых лотереям и сети сберегательных касс

Не ранее мая 1945 г.⁶⁰

I. Государственные займы

Годы	Название займов	Поступило средств (в тыс. руб.)			
		Всего	В том числе		
			Раб. и служ.	Колхозники	Колхозы и артели
1940 г.	Заем Третьей Пятилетки (выпуска 3 года)	91021	68942	22079	
1941 г.	Заем Третьей Пятилетки (выпуска 4 года)	105825	82267	23558	
1942 г.	Государственный Военный заем 1942 года	268133	122659	121774	23700
1943 г.	Второй Государственный Военный заем	366842	159121	182361	25360
1944 г.	Третий Государственный Военный заем	326238	165306	142722	18210

II. Вклады населения (в тыс. руб.)

Годы	Остаток вкладов			Количество вкладчиков		
	Город	Село	Всего	Город	Село	Всего
На I/I-1940 г.	37800	10019	47819	104002	96391	200393
На I/I-1941 г.	34252	11413	45665	102193	99480	201673
На I/I-1942 г.	35198	8592	43790	97767	96365	194132
На I/I-1943 г.	29204	8052	37256	97324	100820	198144
На I/I-1944 г.	27071	6747	33818	94539	101900	196439
На I/I-1945 г.	29677	5630	35307	103461	92872	196333
На I/IV-1945 г.	33304	5774	39078	104512	93010	197522

⁶⁰ Установлено по содержанию документа.

III. Денежно-вещевые лотереи

Годы	Название лотерей	Поступило средств (в тыс. руб.)		
		Всего	Город	Село
1941 г.	Первая денежно-вещевая лотерея	25440	19365	6075
1942 г.	Вторая денежно-вещевая лотерея	76813	23394	53419
1943 г.	Третья денежно-вещевая лотерея	94169	25977	68192
1944 г.	Четвертая денежно-вещевая лотерея	78374	32534	45840

НА РТ, ф. Р-128, оп. 2, д. 254, д. 93.

Опубликовано: Кривоножкина Е.Г., Ханипова И.И. Сельское население Татарской АССР накануне и в годы Великой Отечественной войны (1937-1945). – Казань, 2011. – С. 419.

№ 100

**Постановление Бюро Татарского обкома ВКП(б) об организации
Казанского филиала Академии Наук СССР**

7 июня 1945 г.

В соответствии с постановлением директивных органов. Совет Народных Комиссаров Татарской АССР и обком ВКП(б) постановляют:

1. Организовать в Казанском филиале Академии наук Союза ССР 5 научно-исследовательских институтов: 1) математики, физики и механики; 2) химический; 3) геологический; 4) биологический; 5) литературы, языка и истории, а также сектор воднохозяйственных проблем и энергетики при Президиуме филиала АН.

2. Просить Президиум АН ССР утвердить Президиум Казанского филиала АН в составе: академика А.Е.Арбузова, члена-корреспондента Н.Г.Чеботарева, члена-корреспондента Б.А.Арбузова, профессора, доктора геолого-минералогических наук Л.М.Миропольского, профессора, доктора биологических наук Н.А.Ливанова, профессора, доктора химических наук Г.Х.Камая, профессора, доктора технических наук А.А.Труфанова профессора, доктора сельскохозяйственных наук П.М.Тихонова, доцента К.П.Ситникова, доцента М.Х.Гайнуллина.

3. Рекомендовать на должность заместителя председателя Президиума филиала АН СССР профессора Л.М.Миропольского, на должность ученого секретаря – профессора Камая Г.Х.

4. Рекомендовать Ученый Совет Казанского филиала АН в составе академика А.Е.Арбузова, члена-корреспондента Н.Г.Чеботарева, члена-корреспондента Б.А.Арбузова, профессора Л.М.Миропольского, профессора Н.А.Ливанова, профессора Г.Х.Камая, профессора А.А.Труфанова, председателя СНК ТАССР С.М.Шарафеева, секретаря обкома ВКП(б) Г.Ф.Шафикова, секретаря Казанского ГК ВКП(б) А.Н.Гржегоржевского, ректора КГУ К.П.Ситникова, председателя Госплана при СНК ТАССР А.А.Полянского, наркома земледелия ТАССР С.Б.Талыпова, профессора, доктора сельскохозяйственных наук П.Я.Сырнева, профессора, доктора медицинских наук А.Г.Терегулова.

5. Просить Президиум АН СССР утвердить: директором химического института – академиком А.Е.Арбузова, директором института физики, математики, и механики – Н.Г.Чеботарева, директором геологического института – профессора Л.М.Миропольского, директором биологического института – профессора Н.А.Ливанова, директором института языка, литературы и

истории – доцента М.Х.Гайнуллина, научным руководителем сектора воднохозяйственных проблем и энергетики при Президиуме филиала АН – профессора А.А.Труфанова <...>⁶¹.

[Подписи]

Опубликовано: Татария в период Великой Отечественной войны: Сборник документов и материалов / сост.: А.М.Залялов, Ю.И.Смыков, Н.А.Субаев. – Казань, 1963. – С. 186-187.

№ 101

Творчество работников литературы и искусства Татарии в годы войны⁶²

25 июня 1945 г.

Великая Отечественная война с немецкими захватчиками всколыхнула всю нашу страну. В этой невиданной битве с новой силой проявился героический дух татарского народа. Вместе с народом возмужала, пройдя через горнило военных испытаний, татарская литература. Призывом к героической борьбе с врагом, к завоеванию победы звучал голос татарской поэзии. Стихи военного времени стали конкретней, а их психологический рисунок ярче и явственней. Часть поэтов ушла на фронт. В стихах и песнях татарских поэтов-фронтовиков проявились большие патриотические чувства, страстная любовь к Советской Родине.

О смерти незачем тужить,
Все мысли о твоей Отчизне,—
Коль Родина дороже жизни,
Ты победишь и будешь жить!...

Так писал в своем стихотворении Ф.Карим. С ним перекликается другой поэт. Он пишет, обращаясь к другу:

Кто знает, что с нами случится,
Но, что б ни случилось, пока
Хоть капелька крови струится,
Мы в ножны не вложим клинка.
И что бы, товарищ, ни стало –
К победе дорога ясна...

Написавший эти строки поэт-фронтовик Муса Джалиль не вернулся с фронта. Не вернулся и Фатых Карим, погибший смертью героя во время штурма Кенигсберга. Их образы никогда не угаснут в сердце победившего народа.

Благороднейшая тема любви к Родине, тема дружбы народов и, прежде всего, дружбы с великим русским народом красной нитью проходит через творчество каждого татарского поэта.

Во время Отечественной войны писатели широко использовали публицистический жанр. Издано немало книг о героических буднях фронта и тыла. Вышла из печати ценная работа «Книга Героев» под редакцией Кави Наджми.

До революции татарский народ не имел композиторов, если не считать отдельных мелодистов-самоучек. В наше время наметился огромный сдвиг в развитии татарского музыкального искусства. Выросли талантливые музыканты. Широкой популярностью пользуется имя Салиха Сайдашева. Его задушевные песни дают высокое наслаждение. Татарский государственный театр оперы и балета, созданный шесть лет тому назад, неразрывно связан с именем Назиба Жиганова. В его талантливых и темпераментных операх «Алтынчеч» (либретто М.Джалиля), «Качкын» (либретто А.Файзи.) мы чувствуем широкое и свободное дыхание эпохи.

⁶¹ Опущены пункты 6-13 о материально-технической базе КФАН СССР.

⁶² Заголовок в газете.

Острым и свежим ощущением нового, проникновенной страстью и благородным чувством патриотизма отличается творчество талантливого композитора Д.Файзи. Его музыкальные комедии, а также многочисленные песни свидетельствуют о высоком мастерстве композитора. Много ценных произведений создали Мансур Музафаров и З.Хабибуллин. На долю молодого композитора Фариды Яруллина выпало счастье создать первый татарский балет «Шурале».

Композитор А.Ключарев является одним из лучших знатоков татарского музыкального фольклора. Большую роль в развитии татарской музыкальной культуры сыграли композиторы В.И.Виноградов и Ю.В.Виноградов.

Ценным вкладом в фонд татарской оперной лирики является опера «Фарида», созданная проф. М.Юдиным по либретто К.Наджми.

Рост музыкальной культуры Татарстана наметился и в области исполнительского мастерства. Заслуженная артистка Гультум Сулейманова является блестящей исполнительницей татарских народных песен. С именами народных артисток ТАССР М.Рахманкуловой, Г.Кайбицкой и А.Измайловой связано развитие вокальной культуры Татарии. Яркие образы созданы замечательным певцом Ситдиком Айдаровым. Широко известны татарскому зрителю заслуженные артисты С.Садыкова, Ф.Насретдинов, М.Булатова, Х.Забирова. Своеобразно развивается У.Альмеев, приносящий в вокальное искусство тонкий юмор и жанровые картинки.

Всем знакомо имя лауреата Всесоюзного конкурса вокалистов Н.Рахматуллиной. Любовь зрителя завоевали представители балетного искусства – Гацуллина, Романюк, Ахтямов, Айдарская, Карамышева, Тагиров.

Гордость татарского народа – Академический театр им. Г.Камала. В 1946 г. он будет праздновать свое 40-летие. Благодаря неустанным заботам партии и правительства татарский театр превратился в один из крупных театров страны. В нем выросли такие замечательные деятели сцены, как Х.Абжалилов, Ф.Ильская, З.Султанов, Г.Болгарская и Н.Таждарова. Только за время Отечественной войны театр осуществил следующие постановки: «Марьям» и «Ходжа Насретдин» Н.Исанбета, «Таймасовы» и «Ялкын» Т.Гиззата, «Минникамал» М.Амира, «Хаджи женится» Ш.Камала, «Банкрот» Г.Камала, «Тукай» А.Файзи, «Каюм Насыри» М.Гали и Х.Уразикова и др.

В развитии татарского изобразительного искусства видное место принадлежит художнику-живописцу Б.Урманчееву, скульптору С.Ахун, архитектору Гайнутдинову, графикам Б.Альменову и Дм.Красильникову. Талантливы полотна живописцев А.Ишмаметова, Р.Пономарева. Пользуется широкой известностью художник П.Сперанский.

Большое значение в деле эстетического воспитания масс имеет Татарская государственная филармония. Заслуживает внимания татарский народный хор, созданный на базе ансамбля песни и пляски (дирижер З.Ахметова) и ансамбль народного танца (руководитель Ф.Аскараров). В данное время организован оркестр народных инструментов, состоящий из баянистов, гармонистов, домбристов, гуслиристов и т. д. Много сделано филармонией по обслуживанию частей Красной Армии. Только в 1945 г. ее художественные бригады дали свыше 200 концертов на фронте, бригады побывали в частях Красной Армии, находящихся в Германии. Десятки бригад посылали филармония в районы Татарии для художественного обслуживания колхозов.

В тесном содружестве с деятелями татарской литературы и искусства работают в нашей республике русские писатели, композиторы, художники, артисты. Всеобщим признанием трудящихся пользуются замечательные спектакли русского Большого драматического театра, имеющего в своем исполнительском коллективе таких крупных мастеров сценического искусства, как Ф. Григорьев, Ардаров, Якушенко, Преображенская, Гусев. Широко известны в Татарии живописные полотна художников Н. Сокольского, Житкова, Максимова, Бадюль, Тимофеева, повести М. Бубеннова, Л. Голосницкого, стихи и песни Бруно Зернита. <...>

Большую заботу проявляет о татарской литературе и искусстве наша партия. Постановление ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» дает ясное направление нашим литераторам и работникам искусства.

Татарская советская литература и искусство имеют значительные достижения. Но они еще в большом долгу перед своим народом. Литература и искусство Татарии еще не показали нашу

действительность во всей ее полноте и многогранности. У нас еще много серьезных недостатков. Наш долг и обязанность – употребить все силы на их исправление, на дальнейший подъем татарской литературы и искусства.

Секретарь Союза Советских писателей
Татарской АССР А. Ерикеев.

Красная Татария. – 1945. – 25 июня.

№ 102

Из отчета Управления трудовых резервов Татарской АССР о деятельности трудовых резервов республики в годы Отечественной войны

Октябрь 1945 г.⁶³

Новое пополнение рабочего класса

Первого декабря 1940 г. в Татарии открылись двери ремесленных училищ и школ ФЗО. Сюда пришла колхозная и городская молодежь. В гг. Казани, Чистополе, Зеленодольске, Бугульме, Бондюге и поселке Юдино началась подготовка высококвалифицированных молодых рабочих – металлостроителей, химиков, строителей, железнодорожников. Открылись 5 ремесленных училищ, куда были приняты 1800 человек и 10 школ ФЗО, в которые было принято 3000 человек. Началась кипучая и разносторонняя учебно-производственная жизнь.

Но вот грянула война, навязанная советскому народу фашистской Германией. Рабочие меняли станок на оружие, уходили на фронт защищать свою Родину. Перед системой трудовых резервов встал новая серьезная задача – подготовить смену фронтовикам, дать заводам, фабрикам, транспорту новые квалифицированные кадры. Сеть ремесленных училищ и школ ФЗО стала непрерывно расти. В то время, когда уходило на фронт боевое пополнение, новые отряды советской молодежи призывались в РУ и ФЗО.

В трудных условиях военного времени предстояло принять и разместить эвакуированных учащихся из западных областей, организовать их обучение, создать нормальные жилищно-бытовые условия.

С 1941 г. по август 1942 г. было принято 10150 учащихся ремесленных железнодорожных училищ и школ ФЗО гг. Москвы, Ленинграда, Пскова, Донбасса, Сталинграда, Ефремова и Калининской области. Помимо этого, из Смоленской, Тульской и Калининской областей после освобождения их от немецкой оккупации, в ремесленные, железнодорожные училища и школы ФЗО Татарии прибыло 3 315 человек.

В 1942 г. в Татарской республике дополнительно было организовано 15 одноразовых школ фабрично-заводского обучения на 5 000 учащихся.

Огромное количество подростков, разных по своему характеру, успеваемости, природным дарованиям, нашли себе дорогу в будущее. Юные питомцы училищ ответили на заботу партии и правительства прилежной учебой, самоотверженным трудом на благо Родины.

За 5 лет системой трудовых резервов Татарии подготовлено и передано промышленности, новостройкам, транспорту 11697 молодых высококвалифицированных рабочих из ремесленных железнодорожных училищ и 37564 рабочих массовых профессий из школ ФЗО.

В предприятия промышленности влилось 49 260 молодых рабочих, в том числе: 33035 металлостроителей, 1913 химиков, 8282 строителя, 1540 специалистов железнодорожного и водного транспорта.

В цехи, мастерские, на заводы и фабрики пришло новое пополнение рабочего класса. Не как новички, а смело и уверенно, со знанием своего дела, стали к станкам юноши и девушки. Мо-

⁶³ Датируется по выпуску оттиска в свет.

лодежь оправдала надежды государства, она явилась достойной сменой своим отцам и старшим братьям. Много характеристик, писем, документов накопилось за эти годы о самоотверженном труде и производственных успехах молодых рабочих...

ЦГА ИПД РТ, ф. 4034, оп. 26, д. 162, л. 5-7, 12-13.

№ 103

Из отчета Республиканской Комиссии по сбору подарков бойцам и командирам действующей Красной армии

Декабрь 1945 г.

В конце 1941 и в начале 1942 г. посылка подарков Красной Армии от коллективов предприятий и от трудящегося населения Татарской АССР стала массовым явлением, требующим централизованного руководства и установления учета поступающих от населения и коллективов предприятий подарков Красной Армии.

В связи с этим возникла необходимость организации Республиканской комиссии по сбору подарков Красной Армии.

Решением бюро обкома ВКП(б) и постановлением Президиума Верховного Совета ТАССР под председательством председателя Президиума Верховного Совета ТАССР была образована республиканская комиссия в составе 5 человек (секретарь ОК ВКП(б) по пропаганде, зав. отделом ОК ВКП(б), секретарь ГК ВКП(б), секретарь ОК ВЛКСМ), а в районах были созданы районные комиссии.

За период с января 1942 по 1944 год на текущий счет республиканской комиссии от трудящихся поступило денег 31.436.336 руб. 82 коп. и помимо текущего счета – 6.802.899 руб. 40 коп.

Таким образом, поступило денег всего 38.239.236 руб. 22 коп. Из указанной суммы приобретено и послано подарков (продукты питания, вещи, кондитерские и табачные изделия, одеколон и т.д.):

Красной Армии – на 23.237.914 руб.

партизанам Украины – на 6.362.536 руб. 54 коп.

партизанам Белоруссии – на 3.537.863 руб. 61 коп.

партизанам Ленинграда – на 700.493 руб. 58 коп.

Индивидуальные подарки Героям Советского Союза, инвалидам Отечественной войны – на 65.366 руб. Всего – на 33.904.173 руб. 73 коп.

К этому надо добавить посланные новогодние подарки (1 января 1942 г.) на 500 тыс. рублей и к 24-й годовщине РККА (1942 г.) на 666.737 руб. 40 коп.

За время Отечественной войны от трудящихся Татарии, кроме того, поступило очень много продуктов (мясо, яйца, птица, масло, мед, овощи, сухари, печенье, табачные изделия) и вещей на десятки миллионов рублей. Все это было отправлено бойцам и командирам Красной Армии, партизанам Украины, Белоруссии и Ленинграда.

Большое значение в деле связи фронта с тылом имело командирование делегаций трудящихся Татарии с подарками бойцам и командирам Калининского фронта; членами делегации среди бойцов проводилась большая массово-политическая работа. Воинам рассказывалось о героической работе трудящихся Татарии в тылу.

Командование фронта и отдельные соединения неоднократно горячо благодарили рабочих, колхозников и интеллигенцию республики за их заботу о воинах и выражали уверенность, что трудящиеся Татарии еще больше усилят помощь Армии и дадут фронту во всевозрастающих размерах вооружение, боеприпасы и продовольствие.

Вернувшиеся с фронта члены делегаций выступали на многочисленных собраниях и митингах на предприятиях, в учреждениях и в колхозах с докладами о своей поездке на фронт, рассказывали о боевых подвигах наших фронтовиков.

Эти собрания имели большое значение в деле дальнейшего повышения производительности труда, укрепления трудовой дисциплины и т.д.

Республиканская комиссия по сбору подарков для Красной Армии проделала большую работу в деле поднятия морально-политического духа, боеспособности бойцов, командиров-фронтовиков и по повышению производительности труда на заводах, фабриках, транспорте и в колхозах республики.

Председатель Республиканской комиссии
по сбору подарков бойцам и командирам
Действующей Красной Армии Г. Динмухаметов

Опубликовано: Татарская АССР в годы Великой Отечественной войны: Сборник документов и материалов / Под ред. Х.Г.Гимади. – Казань, 1948. – С. 244-246.

№ 104

Из доклада заместителя секретаря Казанского горкома ВКП(б) Ильина о работе промышленности г. Казани за период с 1941 по 1945 гг.

16 сентября 1946 г.

С момента вероломного нападения гитлеровской Германии на нашу страну и вступления советского народа в Великую Отечественную войну перед промышленностью города встала ответственная задача по снабжению фронта необходимым вооружением, боеприпасами и снаряжением.

Необходимо было в кратчайший срок перевести работу предприятий на военный лад. Наряду с перестройкой производства действующих предприятий нужно было проделать большую работу по размещению эвакуированных предприятий.

В Казань прибыло свыше 20 крупнейших предприятий, имевших большое значение в деле обороноспособности страны, среди которых заводы №№ 22, 16, 387, 230, 448, 237, 144, 543, 708, 10, 3, фабрики 13 и 14 и другие предприятия.

В город были эвакуированы также целый ряд центрально-конструкторских бюро и научных учреждений страны, такие как: ЦКБ-4, 17, 19, 32, ЦНИИ 45 и другие. Всего рабочих, ИТР и служащих вместе с членами семей эвакуировалось к нам свыше 150 тысяч человек <...>.

Но эта перестройка нелегко далась нашим предприятиям, потребовалось примерно около года, чтобы выпускать военную продукцию в таком количестве, в каком предусматривалось Государственным планом. Несмотря на то, что выпуск продукции увеличился по сравнению с 1940 годом в 1941 году в 1,5 раза, в 1942 году в 2,5 раза – план по городу в эти годы не был выполнен. В 1941 году план был выполнен по товарной продукции на 81,6% и в 1942 году на 96%. Не выполняли план все отрасли промышленности, за исключением пищевой промышленности.

Не выполняли план в 1941 и 1942 годах наши крупнейшие предприятия, заводы: 22, 16, 230, 144, 543, 708, 741, кетгутный, Жиркомбинат и другие предприятия.

Невыполнение плана в целом по городу и по ряду ведущих предприятий вызывало большую тревогу Горкома партии и всей городской партийной организации. Были приняты все меры по выправлению создавшегося положения <...>.

Начиная с 1943 года, перестроенная промышленность города, увеличивая объем выпускаемой продукции, систематически, ежегодно выполняла план.

Вот данные работы промышленности:

Наимен-е	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.	Всего
товарная продукция в млн. руб.	840	1118	2348	2825	3220	2284	10524
Фактический выпуск (% выполнения плана)	97,5	81,6	90,6	105	102,6	103,7	-

В 1944 году мы дали продукции на 3,2 млрд. рублей. Выпуск продукции вырос по сравнению с 1940 годом почти в четыре раза.

А всего за годы войны промышленность города выпустила продукции на 10,5 миллиардов рублей, в том числе: оборонной продукции на 8,6 миллиардов рублей, что составляет 4/5 всей товарной продукции, изготовленной предприятиями в годы войны.

Свыше 600 различных наименований важнейших видов вооружения, боеприпасов и снаряжения выпускали заводы и фабрики Казани, в том числе: самолеты, моторы, различного назначения приборы, патроны, взрыватели, мины, взрывчатые вещества и другие военные изделия.

Из обмундирования и снаряжения за годы войны было изготовлено:

822 тысячи штук шинелей,

2350 тысяч комплектов шароваров и гимнастеров,

8169 тысяч комплектов нательного белья,

6 миллионов пар валенок,

5 миллионов пар армейских сапог,

118 тысяч меховых комбинезонов,

197 тысяч пар унт,

4400 тысяч штук шапок,

113 тысяч тонн мыла,

21 тысячу тонн сухарей.

Артелями промкооперации отремонтировано свыше 1 миллиона комплектов одежды. Изготовили около одного миллиона штук сумок для гранат, 250 тысяч комплектов парковой арматуры.

Число предприятий за годы войны увеличилось на 18 предприятий и к концу войны насчитывалось 157 предприятий. Вновь были организованы завод № 15, моторо-ремонтный, ремонтно-подшипниковый, фабрики детской обуви и первичной обработки шерсти, семь райпромкомбинатов и некоторые другие предприятия.

Количество работающих в промышленности города выросло с 80 тысяч человек до 127 тысяч человек. Соответственно этому числу производственных рабочих выросло с 52 тысяч человек до 90 тысяч человек.

Производительность труда рабочих росла из года в год.

Валовая выработка на одного рабочего в год в целом по промышленности города составляла:

в 1941 году	19,8 тыс. руб.
в 1942 году	26,8 тыс. руб.
в 1943 году	32,2 тыс. руб.
в 1944 году	40,0 тыс. руб.

За годы войны производительность труда выросла на 60%. Причиной такого увеличения производительности труда явилось то, что на наших предприятиях была проведена большая работа по внедрению новых методов организации труда и новой техники.

Особенно большую роль сыграло внедрение потока. Было организовано 165 поточных линий, охватывающих до 8-ми тысяч рабочих. <...>

Большую роль в деле технического роста оказали предприятиям рационализаторы и изобретатели. Всего за годы войны получена экономия от внедренных рационализаторских предложений на сумму 177 миллионов рублей.

Наши стахановцы, развернув социалистическое соревнование и применяя новые формы организации труда, сделали большой вклад по повышению производительности труда.

На предприятиях широко развернулась организация комсомольско-молодежных и фронтовых бригад.

Число стахановцев росло из года в год, так например, если в 1941 году число стахановцев и ударников составляло около 27 тысяч человек, или 41% ко всему числу производственных

рабочих, то в 1944 году стахановцев и ударников было уже около 45 тысяч человек, или 58% к числу производственных рабочих<...>. ⁶⁴

Большую роль по замене у станка ушедших на фронт мужчин сыграли наша молодежь и женщины. Если до войны на наших предприятиях женщин работало только 18% ко всему составу работающих, то в 1944 году на предприятиях города работало 49,5 тысяч женщин, что составляло 44,5% всех работающих. В такой же отрасли промышленности, как легкая, число женщин-работниц составляло 83%. На многих предприятиях больше половины работающих была молодежь, в том числе и на ряде ведущих наших заводах, например на заводе № 16.

Участвуя во Всесоюзном социалистическом соревновании, предприятия нашего города неоднократно завоевывали места. Из 47 предприятий, участвовавших во Всесоюзном соревновании, 42 предприятия 334 раза отмечались за хорошую работу. 14 предприятий 144 раза получили переходящие Красные Знамена ЦК ВКП(б), ГКО и ВЦСПС.

За бесперебойное снабжение Красной Армии вооружением и снаряжением 6 крупнейших предприятия города были награждены правительственными орденами:

1. Завод № 16 – орденом Ленина
2. Завод № 237 – орденом Ленина
3. Меховой комбинат – орденом Ленина
4. Завод № 22 – орденом Боевого Красного Знамени
5. Завод № 387 – орденом Боевого Красного Знамени
6. Фабрика № 8 – орденом Трудового Красного Знамени.

Зам. секретаря ГК ВКП(б) Ильин

ЦГА ИПД РТ, ф. 26, оп. 18, д. 17, л. 38-48.

№ 105

Из постановления бюро Татарского обкома ВКП(б) «Об ошибках и недостатках в работе Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории»

6 октября 1944 г.
Строго секретно

Вместо научной разработки истории Татарии, исследования и широкого освещения истории совместной борьбы русского, татарского и других народов нашей страны против чужеземных захватчиков, против русского царизма и помещичье-капиталистического гнета, а также истории социалистического преобразования Татарии за годы советской власти, популяризации выдающихся деятелей, революционеров татарского народа и героев Отечественной войны, институт занимался, главным образом, разработкой истории Золотой Орды и изучением литературных памятников периода XII – XVI веков. <...>

В свои трудах <...> институт допустил серьезные ошибки. Сводятся они к тому, что Золотая Орда, при явном расхождении с исторической правдой, изображается прогрессивным государством, страной с высокоразвитой экономикой и культурой. Институт при разработке этих трудов игнорировал основные черты Золотой Орды, как государства агрессивного, проводившего захватнические войны; и разбойничьи походы на земли русского народа и его соседей, как государства тягчайшего гнета и разорения народов. <...>

Грубейшей ошибкой института является полное отождествление истории Золотой Орды с историей современного татарского народа. <...>

Серьезную ошибку допустил институт в разработке, оценке и популяризации ханско-феодалного эпоса об Идееге. В течение нескольких лет этот антинародный эпос совершенно

⁶⁴ Опущены конкретные примеры стахановского труда на промышленных предприятиях.

неправильно трактовался институтом как героический эпос татарского народа, и в таком виде популяризовался в Татарии. Институт обошел тот факт, что в эпосе «Идегей» выражены чуждые татарскому народу, как и всем народам СССР, идеи (ненависть к русскому народу и идеи сращения татарских племен всех степных районов Дешт-Кипчака). <...>

В работах некоторых историков (Башкиров, Черепнин) присоединение Казани к Москве характеризуется лишь как завоевание и захват, и игнорируется исторически прогрессивное значение этого события.

Бюро обкома считает, что ошибки института, выразившиеся в приукрашивании Золотой Орды, в полном игнорировании ее агрессивной сущности, в антинаучной характеристике Золотой Орды, как родины татарского народа, в неправильной оценке ханско-феодального эпоса об Идегее, а также в односторонней оценке присоединения Казани к Москве, как захвата, являются националистическими ошибками и направлены против укрепления дружбы между русским и татарским народами.

Бюро обкома отмечает также серьезные ошибки, содержащиеся в материалах института по истории татарской литературы. В принятом в 1940 г. проспекте о периодизации истории татарской литературы игнорируется огромное прогрессивное влияние русской культуры на творчество татарских писателей, не отражено отрицательное влияние ислама на развитие татарской культуры, не показана борьба передовых представителей татарского народа (К.Насыри, Г.Тукай и др.) против религиозного фанатизма и мусульманского духовенства.

Институтом допущены недостатки и ошибки в разработке истории татарской литературы советского периода. В работе «Татарская литература за 25 лет» по существу отрицается идейный и художественный рост татарской литературы за время советской власти. <...>

Бюро обкома ВКП(б) постановляет:

1. Снять с работы директора Татарского научно-исследовательского института Языка, литературы и истории т. Ярмухаметова Х., как не справившегося с работой и допустившего серьезные ошибки националистического характера в научных работах института, и объявить ему выговор. <...>

2. Предложить дирекции Татарского научно-исследовательского института в полном соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации», устранить допущенные ошибки и коренным образом перестроить научно-исследовательскую работу института. <...>

3. Просить ЦК ВКП(б) организовать постоянную комиссию по истории Татарии при институте истории Академии Наук СССР, на которую возложить как разработку наиболее сложных и малоизученных вопросов истории Татарии, так и редактирование важнейших научных и научно-популярных трудов Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. <...>

ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 5, д. 1143, л. 51-55.

Опубликовано: Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1996. – № 3/4. – С. 101-104.

№ 106

Из постановления бюро Татарского обкома ВКП(б) «Об учебнике татарской литературы для 8 класса средней школы»

2 сентября 1948 г.

Строго секретно

Бюро обкома ВКП(б) отмечает, что учебник (хрестоматия) по татарской литературе для 8 класса средней школы, подготовленный к печати в 1946 году, несмотря на имеющиеся в нем серьезные ошибки и извращения, был издан в 1947 году без коренной переработки. Газета «Культура»

тура и жизнь» в № 19 от 11 июля 1948 года совершенно правильно отметила, что составители этого учебника «недостаточно критически подошли к оценке литературы прошлого, умолчали об ошибках некоторых писателей, включили заведомо ошибочные и вредные произведения». <...>

В учебнике слабо представлено творчество классиков русской литературы и крайне недостаточно освещено влияние русской литературы на развитие культуры татарского народа. Плохо и путано написаны разделы учебника, посвященные характеристике татарской литературы древнего периода и XVII-XVIII веков. Отсутствует систематичность в изложении материалов, допущены многочисленные искажения исторических событий.

В учебник включены вредные произведения (стихотворение «Сахипджамалга» Г. Кандаля, драма «Радди бичара Кыз» Ф. Халиди и др.), идеализирующие жизнь мулл, баев и купцов, дана незаслуженно высокая оценка таким писателям, как Утыз Имяни, Мауля Колый, Г.Кандаля, не показаны идеалистичность и примитивность их творчества и отдаленность от интересов народных масс. В учебнике не вскрыта отрицательная роль ислама и суфизма в истории культуры татарского народа, неправильно дана оценка течению джадидизма, превратившегося впоследствии в контрреволюционное движение. <...>

Бюро обкома ВКП(б) постановляет:

1. Признать учебник по татарской литературе для 8 класса средней школы из 1947 г., (автор Л. Залая, редактор Гази Кашшаф) не отвечающим требованиям коммунистического воспитания учащихся, содержащим грубейшие ошибки в оценке татарской литературы и вредные произведения, и запретить пользоваться этим учебником в средних школах Татарской АССР. <...>

ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 29, д. 155а, л. 26-29.

Опубликовано: Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1997. – № 1/ 2. – С. 88-92.

№ 107

Из постановления бюро Татарского обкома ВКП(б) «Об ошибках в учебнике литературы для 8 класса татарских средних школ»

18 января 1952 г.
Строго секретно

Бюро обкома ВКП(б) отмечает, что Министерство просвещения Татарской АССР, Институт языка, литературы и истории Казанского филиала Академии Наук СССР отнеслись безответственно к выполнению постановления бюро обкома ВКП(б) от 2 сентября 1948 года, где они обязывались обеспечить издание учебника, отвечающего задачам коммунистического воспитания учащихся, широко привлекая к этому делу передовое учительство и научных работников. <...>

В учебнике по-прежнему, вопреки исторической правде, идеализируется религиозно-мистическое творчество суфия начала XVII и конца XVIII века Мауля Кулья, который в своих стихотворениях воспевал наиболее реакционные секты ислама: суфизм, ишанизм - проповедовавшие отказ от мирских забот, покорность судьбе и эксплуататорам. <...>

В ложном свете представлено в учебнике и творчество Утыз-Имяни, автора поэмы «Очищение мыслей». Поэма носит религиозно-мистический, реакционный характер. Яфаров грубо искажил содержание поэмы. Пользуясь тем, что текст поэмы не известен широким кругам научных работников, он дал ложную оценку поэмы, приписал идеи, которых нет в ней, представлял Утыз-Имяни как человека, воспевающего дружбу народов - татар и русских, хотя в поэме, наоборот, воспевается ислам, проповедуются ненависть к инаковерующим. <...>

В учебнике не дана четко классовая оценка джадидизма - буржуазно-националистического движения. Джадидистское движение возникло среди татарской буржуазии в целях ограждения

своего рынка от проникновения «чужой» буржуазии. Оно проповедовало идеологию панисламизма, пантюркизма, классовый мир внутри татарской нации ради «единства нации», старалось оторвать татарский народ от России и превратить его в придаток прогнившей империи турецких султанов.

После Октябрьской Социалистической революции джадидисты вошли в ряды национальной контрреволюции и боролись против рабочих и крестьян в стане белогвардейцев и интервентов. Позднее их остатки сомкнулись с троцкистско-бухаринскими националистическими бандами, являясь наемными агентами капиталистических разведок. <...>

Бюро обкома ВКП(б) считает, что проникновение в татарскую литературу и историю буржуазно-националистических взглядов и ошибок, свидетельствует о том, что историки и литературоведы Татарии, не сделали до конца выводов из постановления ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 года и формально отнеслись к его выполнению <...>. Литературоведы и историки не перестроили свою работу в свете указаний товарища Сталина, данных им в работе «Марксизм и вопросы языкознания». <...> Бюро обкома ВКП(б) постановляет:

1. За допущение грубых ошибок националистического характера, за фальсификацию литературных памятников Яфарова Б.Г. из рядов ВКП(б) исключить.

2. За безответственное отношение к выполнению постановления бюро обкома ВКП(б) от 2 сентября 1948 года директору Института языка, литературы и истории Казанского филиала Академии Наук СССР т. Гайнуллин М.Х. объявить выговор. <...>.

5. Обязать Министерство просвещения ТАССР (т. Валиуллина):

а) разработать и довести до всех преподавателей литературы методические указания об исправлении ошибок, имеющих в учебнике. По окончании учебного года учебник по татарской литературе для 8 класса изъять <...>.

ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 33, д. 108, л. 113-117.

№108

Из письма Н.С.Соколова Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н.М.Швернику

17 января 1949 г.

Я, Соколов Николай Степанович, молодой коммунист, я родился при Советской власти, воспитывался в советской школе и воспитывает меня сейчас великая партия Ленина-Сталина. Я до малейших клеточек своего организма, до мозга костей проникнут единой комсомольской идеей.

<...> Правдивость нашей пропаганды о прошлом и будущем чиста и велика, исключительно прилегающая к сердцу каждого советского человека, но пропаганда о настоящем облита вонючей грязью и тормозит, и давит, и уничтожает веру в будущее. <...> Газеты описывают и рисуют почти райскую жизнь наших колхозников, что они живут, как «сыр в масле плавает» <...>. Какова действительность?

<...> Колхозники, рассчитывая, что хотя понемногу, но все же получают хлеба, трудились на совесть. Но вот убрали урожай, норму хлеба государству сдали, колхозникам почти уже ничего не осталось. Но «Главки» составляют «обязательство» И.В.Сталину о сверхплановой сдаче хлеба. Они пишут от «имени колхозников», но колхозники читают это обязательство только уже тогда, когда оно опубликовано в «Правде». А машины и повозки подъезжают к колхозным амбарам с приказом в руках о конфискации хлеба «под метелку», и колхозники за тяжелый трудовой год ничего не получают, вынуждены жить на картошке, выросшей на приусадебном участке, но ее немного, некоторые заготовили лебеды.

<...> Каково настроение колхозников. Ведь они прокляли нашу партию, нашего вождя И.В.Сталина и наше ЦК, они думают, что вся Москва виновата в их страдании, в их голоде.

<...> Где же наша коммунистическая совесть, где наша правда, истина. На словах одно, на деле - другое. Вам пишу я уже 3-е письмо, и десятки людей вам писали и писали в ЦК ВКП(б), но мер нет, люди голодают, кругом жульничество, подхалимство, ложь, обман <...>.

<...> Я думаю, что эти письма до Вас не доходят, либо «цензура», вероятно, их «почтенно» уничтожает.

<...> Сейчас рабочие и жители городов хлеб кушают досыта, ведь только деревня - кормилица государства голодает, и голодает сильно. Особенно, Апастовский район нашей республики. Нет больше терпения, люди не надеются прожить до весны, это хуже зверства, хуже в 100 раз империализма <...>. Это не коммунистическое, это империалистическое и даже хуже отношение к трудовому крестьянству, это зверство <...>.

Предложения:

Поскольку у колхозников пропала вера в счастливое будущее, она пропала так же, как пропали вера в бога, и для их заинтересованности необходимо:

1. Отменить все эти трудовни и «оплату» их «натурой».
2. Ввести сдельную работу с денежной оплатой за нее ежемесячно.
3. Ввести в деревне свободную кооперативную государственную торговлю хлебом, как, например, в городской местности. Если это будет сделано, то польза будет такова:
4. Все колхозники будут трудиться в 100 раз заинтересованней.
5. Все люди будут равно сыты.

Искоренится жульничество, подхалимство, обман. <...> Мысли и разговоры людей одни, что прошлое крепостное право было в 1000 раз лучше, чем данный момент, ибо тогда кушали досыта и не обманывали, не лгали хозяева.

ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 30, д. 1, д. 6-7.

№109

Из протокола бюро обкома КПСС «О состоянии и мерах улучшения преподавания русского языка в национальных школах республики»

1954 г.

Бюро Обкома КПСС отмечает неудовлетворительную постановку преподавания русского языка в национальных школах республики. Объем знаний учащихся начальных, семилетних и средних школ все еще не соответствует требованиям постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 марта 1938 года «Об обязательном обучении русского языка в школах национальных республик и областей». Успеваемость учащихся в национальных школах республики по русскому языку продолжает оставаться низкой.

Это является результатом того, что Министерство просвещения ТАССР и его органы на местах, а также горкомы и райкомы партии, исполкомы городских и районных Советов депутатов трудящихся не сделали необходимых выводов из указаний ЦК ВКП(б) и СНК СССР о том, что в условиях многонационального государства, каким является СССР, знание русского языка должно явиться мощным средством связи и общения между народами СССР, способствующим их дальнейшему хозяйственному и культурному росту, усовершенствованию национальных кадров в области научных и технических познаний, что овладение русским языком обеспечивает необходимые условия для успешного несения всеми гражданами СССР воинской службы в рядах Советской Армии и Военно-Морского флота.

Проверкой установлено, что преподавание русского языка во многих национальных школах ведется на низком идейно-теоретическом и научном уровне. Грамматика русского языка изучается в отрыве от овладения живой разговорной речью, зачастую сводится к механическому заучиванию определений и правил и не закрепляется систематическими тренировочными

упражнениями. Совершенно недостаточно уделяется внимания овладению правильным произношением и техникой выразительного чтения, требовательность к учащимся низка, часто завышаются оценки. Во многих национальных школах преподавание русского языка ведется в отрыве от грамматики родного языка.

Внеклассная работа и внеклассное чтение по русскому языку недооцениваются и не получили должного развития. Школьные библиотеки национальных школ плохо обеспечены литературой на русском языке. Обком ВЛКСМ, райкомы и горкомы комсомола не направляют работу комсомольских организаций национальных школ на успешное овладение учащимися русским языком, не проявляют инициативу в организации тематических литературных вечеров, читательских конференций, коллективных просмотров кинофильмов.

Министерство просвещения ТАССР не осуществляет систематического контроля и глубокого изучения состояния преподавания русского языка в национальных школах, не предьявляет должных требований к инспекторам Министерства просвещения, руководителям школ и отделов народного образования в деле повышения успеваемости по этому предмету. В результате чего в течение длительного времени преподавание русского языка не проверялось ни в одном районе республики, плохо поставлен внутришкольный контроль...

ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 37, д. 153.

№110

Из анонимного письма рабочих–нефтяников Н. С. Хрущеву.

1955 г.

«Татария стала крупным районом нефти. Но почему с Татарией не считаются. Здесь строятся города и поселки, похожие на арестантский лагерь. Кроме бараков, ничего нет. Нет улиц, воды и электричества, все сделано, как в лагерях МВД. В школах дети занимаются в 2–3 смены, капитальных больниц нет. Нет кино, нет дворцов культуры. Если татарская нефть оказалась бы на Украине, или в Узбекистане, Грузии, то, наверное, там давно бы все было сделано. Но с татарским народом никто не считается, наоборот, похоже, что кто-то издевается».

ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 7, д. 28, л. 20.

Опубликовано: Б.Ф.Султанбеков, Л.А.Харисова, А.Г.Галлямова. История Татарстана. XX век. 1917-1995 гг. IV часть: учебное пособие для общеобр. заведений. – Казань, 1998. – С. 313.

№111

Информация Первого секретаря З.И.Муратова в ЦК КПСС Об антисоветских листовках, обнаруженных в Казани 30 апреля 1956 г.

Татарский обком партии сообщает, что 30 апреля с.г. в почтовых ящиках г. Казани обнаружено 35 писем, каждое объемом в 5 страниц с воззванием антисоветского буржуазно-националистического содержания. Письма адресованы различным учреждениям и лицам Татарской и Башкирской АССР, Арзамасской, Чкаловской, Куйбышевской областей, преимущественно татарским пединститутам, училищам и школам.

Воззвание подписано от имени «комитета по организации мнениями по вопросам национальной свободы» И. Бикбулатом. Текст воззвания написан на татарском языке печатными от руки буквами и размножен одним лицом при помощи копировальной бумаги.

В воззвании говорится, что татарский народ страдал в течение 400 лет. «Какие только беды не приносили нам эти кровавые века: бедность, голод страдания, ссылки, крещение силой, пыт-

ки, все было... Речь идет не только о нашем прошлом, но и настоящем. Большевики стараются показать себя освободителями угнетенных народов, но какая разница между «свободой», которую они дали татарскому народу, и игом, принесенным опричниками кровавого Ивана?

Сколько ими уничтожено сынов и дочерей нашего народа за последние 30–40 лет, сколько погибло в тюрьмах, на горах Дальнего Востока, в степях Сибири, концлагерях Урала, в Воркуте, совершенно безвинных сынов и дочерей... Куда не посмотри, всюду доля татарского народа такая, какой она была до Октябрьской революции: тяжелый подневольный труд, тяжелая бедная жизнь.

Далее автор воззвания пишет, что в области просвещения проводится политика давления, обрусения, преследования национальных особенностей. Дети не могут получить высшего образования на родном языке, на низкое положение поставлена учеба в средних школах. Даже в Казани потихоньку сокращается число средних школ. В Уфе и в районах, где живут татары, совершенно не работают школы для татар на родном языке... Все вопросы татарской культуры невозможно свободно обсуждать. В течение последних 20–30 лет сколько сынов и дочерей татарского народа стали жертвами большевистского террора за то, что они полным голосом сказали: «Я татарин». Татары, проживающие в других районах Союза, лишены чтения на родном языке книг, газет, журналов, художественной литературы... Большое время в Москве, в городах Поволжья, Урала, Сибири и других республиках выпускались на татарском языке газеты, журналы, работали клубы, библиотеки для татар, а сейчас ничего нет... В таких условиях где может найти наш народ духовную пищу, как он может обогатить свою национальную культуру? Вот те плоды ленинско-сталинской политики, которые пали на долю татарского народа. Правда, мы не пробовали тех плодов этой национальной политики, которые пробовали народы Крыма и Кавказа, но политика большевиков такая же, как в Крыму и на Кавказе... Произведения таких писателей, как Г. Ибрагимова, К. Тинчурина, Ф. Амирхана не только не печатаются, но даже запрещено говорить их имена. Все это делается для того, чтобы впредь держать татарский народ в полной зависимости, для того, чтобы у татарского народа рождалось неверие в себя.

Воззвание заканчивается следующим: «Что же нужно делать для того, чтобы уничтожить эту несправедливую действительность? Некоторые думают, что надо обращаться в ЦК КПСС. Ждать чего-то от ЦК или их наймитов на местах является самообманом... Ныне сидящие во главе его зря сваливают на одного Сталина зверства, которые осуществлялись в течение 30–40 лет. Их руки также запачканы в крови, которая пролита за годы диктатуры Сталина. Они помогли установить кровавую диктатуру. Господство Сталина, основанное на терроре, держалось с их помощью, а для татарского народа все равно, что один диктатор стоит во главе русского правительства, что 10–15 аристократов от имени партии, что национальная политика правящих коммунистов называется ленинской или сталинской. Основа их политики – русский шовинизм... Вся надежда в народе, который пережил всякие мучения, к нему нужно обратиться, нужно организовать его чистые, свежие силы. Сейчас надо разъяснить нашему народу основы политики русских шовинистов. Надо принять меры к укреплению рядов нашего народа против этой политики. Наш народ пусть будет готовым в единстве взять свою судьбу в собственные руки в день, который придет».

Автор воззвания обращается с призывом: «Для начала просим вас переписать это воззвание и распространять его. Сам подлинник запрячьте, как можно подальше, он в нужное время послужит доказательством того, что вы участвовали в нашем движении. Давайте бороться за дело, родные, за будущность нашего народа! Для начала таким путем начнем обмен мнениями».

Меры по пресечению дальнейшего распространения воззвания и установлению его автора принимаются.

РГАСПИ, ф. 556, оп. 14, д. 55, л. 15–17.

Опубликовано: Галлямова А.Г. «В почтовых ящиках Казани обнаружено 35 писем буржуазно-националистического содержания» // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2010. – № 1/2. – С. 156–159.

№112

**Из выступления Дьяконова – директора краеведческого музея
на собрании партийного актива Бауманского района г. Казани**

27 января 1956 г.

Приезжающим в Казань чрезвычайно трудно устроиться в гостиницы. Их у нас 4, часть номеров занята постоянными жителями /это просто безобразия!/. Часть номеров в гостинице «Казань» ремонтируется и они будут в дальнейшем использоваться для специального назначения – для интуристов. Представьте, сейчас в Казани 4 гостиницы, а до революции их было – 34! Тогда в Казани проживало 120–140 тысяч населения, а сейчас оно возросло почти в 5 раз.

Надо было бы построить еще хотя бы 2–3 гостиницы. А может быть и не строить, а легче построить 2–3 хороших жилых дома, чтобы выселить в них жильцов из специальных гостиничных зданий у нас имеющихся и расположенных в центре города. Может быть, этот вариант и неудачен, но вопрос о расширении гостиничного фонда в Казани, вопрос очень острый и его надо решать.

Коли речь зашла о делах строительных, еще пару реплик и запросов. Первое – товарищи утверждают, что строительство Дома Советов законсервировано. Почему у нас так получается? Составляются проекты, обсуждаются, утверждаются, увязываются, отводятся площадки, подводится техника, роются котлованы, затрачиваются большие государственные деньги и ... стоп машина - пшик! Так получается неоднократно в Казани. Если дело решено, так надо строить, нажимать, чтобы не повторялось историй, как получалось с пресловутым театром.

Второе – осенью государственный музей Татарии посетила группа французских журналистов и мы испытывали очередное волнение в связи с тем, что надо было объяснять иностранцам-журналистам, причем реакционной французской газеты, в отношении нашего знаменитого «Бегемота». Немцы бомбили? Нет.

Так в чем же дело? И так каждый раз приходится испытывать такое положение при посещении нас группами товарищей, которые приезжают в Казань. Доколе мы будем обманывать общественное мнение и своих казанцев. Нет денег. Тогда надо привести в порядок этот крайне запущенный объект в центре города.

В директивах мы читаем о строительстве газопровода Казань-Горький. То, что нашим татарским газом в скором времени будут пользоваться горьковчане, это нас радует. Но не радует то, что в Горьком по-видимому большинство квартир будет газифицировано раньше, чем у нас в Казани. Наш Горгаз постепенно превращается в глазах населения в своеобразный -второй оперный театр. Работа по газификации города идет крайне плохо и медленно. Если бы устроить своеобразную доску соревнования городов по газификации, я боюсь, что Горсовет сидел бы на черепахе. Неужели и к концу пятилетки он не сползет с этой черепахи – этого синонима отсталости?

Надо сказать и в отношении телевидения, подумать надо о постройке телецентра в г. Казани. Тот любительский центр – это недоразумение. Надо создать новый телецентр, который является нашей необходимостью.

ЦГА ИПД РТ, ф. 19, оп. 45, д. 72, л. 19–21.

№113

**Из выступления на собрании партийно-хозяйственного актива
Бауманского района г. Казани о проблемах развития исторической науки
и государственного музея республики**

22 марта 1956 г.

У нас редко, чрезвычайно редко затеваются споры, дискуссии. На моей памяти был один случай дискуссии с азартом. Похоже, что кое-кто из лидеров исторической науки в Казани

ревниво обретает свои исторические кулуары от этого свежего ветерка, а, может быть, честь мундира. Возможно, что кое-кто не хочет портить отношения с приятелями.

Взять хотя бы вопрос о Казанском ханстве. По мнению товарищей из филиала Академии наук, в этом вопросе все ясно, точно, определено. А вот в Москве находятся товарищи, которые не согласны с казанцами в этом. Почему бы не встретиться за дискуссионным столом? Не надо заниматься отпихнизмом. Народная мудрость утверждает, что в спорах рождается истина.

Когда-то ранее в Казани существовало общество историко-археологической этнографии. Общество объединяло в своих рядах историков города и регулярно выпускало в течение многих лет свой журнал «Известия», в котором печаталось много работ по истории местного края. В 30-х годах общество и журнал прекратили свое существование. Почему бы не восстановить эти органы сейчас, когда сам круг историков, работающих в Казани, намного вырос, а нужда в печатном органе стала такой насущной?

Не является же секретом, что у многих наших товарищей в портфелях имеется немало подготовленных к печати рукописей, а никто их не печатает. Почему? Надо назвать вещи своим именем: из-за боязни, а как бы чего не вышло... Перестраховщиков у нас развелась тьма!

Несколько лет назад музей подготовил к печати том своих ученых записок. На каждую статью собрали мы по несколько рецензий. Татгиз в свою очередь начал собирать еще рецензии. Все шло гладко, но этого оказалось мало: Татгиз не понадеялся на рецензентов и в порядке перестраховки отправил рукописи в Обком.

Только через год-полтора кое-как обнаружился наш труд. Никто как будто не возражал против печатания, но никто не проявил никакой решительности, чтобы ускорить печатание. Бдительность в кавычках привела к тому, что многие работы по истории края иногда из-за пустяков складывались в секретные фонды, изымались из научного обращения, что попасть в архивы стало трудно, что кандидатские диссертации о коллективизации, индустриализации, об истории стахановского движения стали писаться не по архивным, а по газетным материалам. Серьезные замечания в адрес историков, сделанные на съезде, обязывают сделать, как говорят, надлежащие выводы. Для учреждений, занимающихся исторической наукой, необходим хороший сквознячок.

Если речь зашла об открытии для научных работ наших архивов, то следует сказать и о рассекретивании некоторых, на мой взгляд, совершенно несекретных других дел. Сделали мы однажды модель самоходного комбайна – продукцию одного из наших заводов. Пригласили на просмотр главлитчиков – показать нельзя – отрезали они – секретно. Мы с жалобой в Москву, ибо у нас в Казани даже на улицах афиши висят – «Сегодня в клубе завода самоходных комбайнов...» Москва пересылает бумажку в Казань. Опять нельзя. Выходит «Огонек» с цветной фотографией «На Казанском заводе самоходных комбайнов...» И все же нам опять нельзя. «Огонек» уже успел прибыть в Лондон и Вашингтон, а у нас инструкция: нельзя.

Такая участь постигла нас с подвесным лодочным мотором, с телевизором «Звезда» и даже со злополучной стиральной машиной.

А вот до сих пор мы в музее не имеем права сказать о компрессорном заводе, а по улицам бегают трамваи с вывеской: ул. Куйбышева – Компрессорный завод, а в Обллите нам говорят: что вы, что вы, никакого компрессорного завода в Казани нет. И получается в результате, что мы показываем в музее мыло и свечи, дамские туфли, меха и пирожные. Это можно, и получается кривое зеркало.

Хотелось бы поставить в связи с этим еще один вопрос – об издании для туристов хотя бы схематических планов центра Казани. На лицах обллитчиков, которые, очевидно, здесь присутствуют, я вижу выражение ужаса. А стоит ли пугаться?! Однажды в Ленинграде у одного моряка дальнего плавания, кстати, бывшего казанца я видел отлично изданный план Казани на английском языке. Он купил этот план в одной Нью-Йоркской таверне. В прошлом году один француз-турист экскурсировал по нашему городу с таким же планом. Однако мы прячемся. И это ли нам надо прятать?

Для ученых, пропагандистов, для всех недоступной крепостью стала статистика. Попробуйте достать в ЦСУ самую пустяковую статистическую справку, например, сколько пассажиров

перевез казанский трамвай за 1947 год. Ничего не выйдет, надо испрашивать специального разрешения, письменного за соответствующей печатью и подписью Председателя Совмина.

ЦГА ИПД РТ, ф. 19, оп. 45, д. 72, л. 117–122.

Опубликовано: Галлямова А.Г. «У нас чрезвычайно редко затеваются споры, дискуссии в общественно-политической жизни Татарстана» // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2006. – № 2. – С. 100-104.

№114

«О будущем татарской культуры!»

Из письма в редакцию «Литературной газеты» читателей Гумера Энверова и Шамиля Фахрульисламова

1956 г.

Наша страна - многонациональное социалистическое государство. Отсталые и забытые нации, входившие в состав Российской империи, которая являлась тюрьмой народов, после Октябрьской революции быстро развили свою экономику и культуру, достигли небывалого в их истории прогресса, в том числе и наш татарский народ. Созданы национальные по форме и социалистические по содержанию татарская литература и искусство. Выросли кадры татарской интеллигенции, имеются национальные композиторы, писатели, многие из которых пользуются популярностью не только у своего народа, но и во всем Советском Союзе и даже за границей. Сейчас наша республика готовится к декаде татарской литературы и искусства в Москве, которая явится смотрам достижений Татарской республики в области культуры.

Классики марксизма-ленинизма считали, что при коммунизме нации отомрут, но это должно произойти через большой промежуток времени, после наивысшего расцвета каждой нации. Это в равной степени относится и к нашему народу.

Но для того, чтобы дальше развивалась национальная культура, необходимо, чтобы молодежь явилась наследником предыдущих поколений, преемником тех лучших традиций, которыми отличалась наша культура.

Можно легко заметить, что молодое поколение не только не знает родной литературы и искусства, но даже не может правильно выразить своих мыслей на родном языке, в большинстве своем наша молодежь плохо знает даже обиходный язык. А ведь у нас были такие крупные писатели и поэты, как Г.Тукай, Г.Ибрагимов, М. Джалиль и многие другие. Чем же вызваны эти нежелательные явления? Это вызвано тем, что большинство татарских детей, даже в некоторых деревнях, учатся в русских школах, где не преподается татарский язык и литература. Может быть у нас нет национальных школ? Нет, они существуют, и каждый гражданин может обучать детей своих в такой школе. Но как бы родители не любили свой язык, ради будущего своих детей они отдадут их в русскую школу, так как экзамены в вузы, а также в технические училища, принимаются на русском языке, преподавание в них также ведется на русском языке. При нынешних конкурсах трудно попасть учащемуся, окончившему татарскую школу, в институт. Вот почему татарские школы не пользуются популярностью, намечается тенденция к постепенному уменьшению числа учащихся в них.

Например, в школе № 18 в результате недобора созданы классы, где преподавание ведется на русском языке. В это же время в русских школах большой процент учащихся составляют татары.

Целесообразно было бы ввести в казанских вузах для желающих прием экзаменов на татарском языке. Это будет способствовать выявлению одаренной молодежи, приехавшей из сельских районов, где не всегда можно достаточно овладеть русским языком. В связи с этим повысится роль Казани, как культурного центра всего татарского народа, так как значительная часть татар живет в сельских районах.

В связи с тем, что значительная часть татарский молодежи учится в русских школах и составляет там значительный процент (а где и большинство) учащихся, целесообразно было бы ввести преподавание татарского языка и литературы в русских школах. Только тогда молодое поколение овладеет в должной мере своим родным языком, письменностью, литературой. К тому же в союзных республиках, как известно, экзамены в вузы принимаются на национальных языках, и в русских школах там также преподаются национальные языки. ТАССР по величине территории и населения не уступает союзным республикам. Она отличается от них только тем, что не граничит с иностранными государствами. И только из-за такого второстепенного признака, как граничит или не граничит республика с иностранными государствами, положение в наших школах и на приемных экзаменах в вузы отличается от положения в других республиках. Нам кажется, что положение это является ошибочным. Когда-то татарский язык и литература преподавался во всех школах нашей республики, но почему-то было отменено. Население нашей республики больше населения таких союзных республик, как Киргизская, Туркменская, Таджикская, Армянская, Молдавская, Эстонская, Латвийская. Одних татар в ТАССР около 2 миллионов, в Башкирии их более 600 тысяч, много их и в других республиках и областях.

Но дело не в этом, а в том, что все нации в СССР равноправны. В Конституции ТАССР записано, что татарский язык, как и русский, является государственным языком ТАССР. Как же можно не изучать государственный язык республики в общеобразовательной школе. Да и какой республики? Республики, которая занимает первое место в СССР по добыче нефти, имеющей высокоразвитую промышленность всесоюзного значения, передовое сельское хозяйство. Значительную же часть рабочих в ТАССР составляют татары, они же составляют большую часть колхозного крестьянства нашей республики.

Кончив школы, техникумы, большинство выпускников идет на производство, в МТС, колхозы и совхозы, где знание татарского языка вовсе не помешает молодежи, а наоборот, будет способствовать сближению с массами. Многие едут на целинные земли Казахстана, где население говорит на казахском языке, зная татарский язык можно без труда объясниться на любом тюркском языке. А ведь на тюркских языках говорит население пяти союзных и нескольких автономных республик, особенно в восточных районах страны. В этих районах - будущее нашей страны, они бурно развиваются, быстрыми темпами на восток перемещается центр тяжести нашей индустрии, в связи с чем в эти районы переселяется и будет впредь переселяться молодежь.

Итак, мы предлагаем вести приемные экзамены на татарском языке (для татар), что повлечет за собой увеличение процента татар среди студентов в вузах нашей республики, а также уровня татарской интеллигенции за счет притока свежих сил из глубочайших недр народа. Также мы предлагаем ввести предмет татарского языка и литературы в школах нашей республики что, наряду с политехнизацией обучения, будет содействовать сближению советской школы с жизнью, что было предусмотрено XX съездом Коммунистической партии Советского Союза.

ЦГА ИПД РТ, ф. 15 оп. 38, д. 191, л. 65-67.

№ 115

Письмо Ш. Маннура Первому секретарю ЦК КПСС Н.С.Хрущеву

18 мая 1957 г.

Дорогой Никита Сергеевич!

Знаю, что Вы чрезвычайно заняты, все же очень хотел бы, чтобы Вы уделите 10 минут этому письму. Давно собирался обратиться к Вам, но не решался, боялся, что ошибаюсь. Потом крайне помешали венгерские события. Теперь все это благополучно улеглось, и я имею возможность написать Вам о самом наболевшем для меня. Вопрос о положении дел в татарской АССР.

Мы, рядовые коммунисты-«националы», считаем, что XX съезд нашей партии был поворотом лицом к народам Советского Союза по-ленински. Особо большая забота проявляется сейчас

к союзным республикам, расширили их права в области политической, экономической и культурной жизни, передаются в их ведение многие предприятия и учреждения, выращиваются национальные кадры, поощряется их руководство делами своей республики. Одни словом принимают меры, чтобы со временем все 15 союзных республик были подлинно равноправными.

Еще обрадовала нас шестая сессия Верховного Совета СССР, с трибуны которой было объявлено о восстановлении прав тех малых народов, которые в недавнем прошлом совершенно незаконно были ликвидированы. Этот акт смутит то позорное пятно, которым когда-то было запачкано лицо социалистической страны перед историей. (Только непонятно, почему оставлены в изгнании одни крымские татары?)

Все эти мероприятия партии глубоко нас радуют и вдохновляют. Тем не менее, однако, на местах не все обстоит благополучно. В особенности в некоторых автономных республиках и областях жизнь народа крайне трудная. Нам кажется, что права автономных республик за последние 25 лет все больше и больше свертываются. И вот в настоящее время в Татарской АССР создано такое положение, которое вызывает тревогу у ряда коммунистов, у ряда честных людей.

Во-первых, колхозное крестьянство республики переживает глубокое экономическое затруднение. Подавляющее большинство из них не ест досыта хлеба, хотя само производит его. Вот уже примерно 18–20 лет как это большинство получает на трудодень по 200–500 г зерна в среднем. Главная его опора – картофельный огород, а в годы войны и после (некоторое время) ели травы. Сейчас в народе выросло даже такое поколение молодежи мелких недоростков, которых зовут «картофельным племенем». Есть, конечно, у нас до 50 колхозов-миллионеров и несколько десятков (даже до сотни) средних колхозов. Но не они решают дело. Абсолютное большинство, повторяю, отсталые колхозы. Они не имеют денежного дохода, животноводство в них находится в очень плохом состоянии, зимой из-за недостатка кормов, терпит значительный процент потерь поголовья. Например, в одном из районов с октября по март этой зимы пало 1500 голов скота. Свиноводческие фермы в большинстве татарских колхозов не только не приносят дохода, но находятся прямо в плачевном состоянии.

Положение колхозов усугубляется еще и тем, что пахотные земли, в особенности в северо-восточных районах, довольно-таки истощены. Весь правый берег Камы состоит из гористых, с глубокими и частыми оврагами, полей, где красная глинистая почва очень бедна питательными для хлебов веществами и где эрозия почвы из года в год неудержимо увеличивается весенне-осенними водами и приводит в негодность все большую площадь полей. Южные и юго-восточные районы Татарстана в почвенном отношении хотя и лучшие, но там большую площадь занимает сейчас нефтяная промышленность. Однако и те районы, как и вся Татария, слишком зависимы от климатических условий. Если июнь мы сидим без дождей, то остаемся без хлеба.

Несмотря на все это, норма хлебопоставок для нашей республики довольно-таки высокая. Говорят, что мы имеем двойную норму поставок против наших соседей чуваш, где, между прочим, гораздо лучшие и плодородные земли, чем наши. Бывают годы, когда у колхозников не остается даже семенного фонда, самого необходимого фуража, забирается все, чтобы выполнить хлебозадание. Тут о выплате на трудодни и говорить нечего. Отставанию наших колхозов способствует и то обстоятельство, что до сих пор наши колхозы по-настоящему не укреплены способными, энергичными и умелыми кадрами. Да и руководители республики занимались колхозами поверхностно, на расстоянии. Я знаю, например, такой сельский район, где первый секретарь обкома не бывал в течение последних 6 лет.

Таким образом, наше колхозное крестьянство в экономическом отношении несравнимо далеко отстает от колхозников Украины, Азербайджана, Узбекистана, Казахстана, Киргизии, прибалтийских республик, да и многих областей РСФСР. ... У меня возникает вопрос: почему колхозный крестьянин Татарской республики так должен страдать экономически по сравнению с его братьями из других республик и областей? (По-моему, примерно такое же положение существует и в Удмуртской, Марийской, Башкирской АССР).

Во-вторых, положение всего трудового населения, живущего в таких городах, как Казань, Чистополь, Елабуга, Мамадыш, Бугульма, Тетюши и др. тоже остается желать много лучшего. Город Казань – столица автономных республик, снабжается товарами и продуктами первой необходимости гораздо хуже, чем Киев, Харьков, Свердловск, Ташкент, не считывая уже с Москвой и Ленинградом. Подавляющая часть населения Казани питается с рынка по двойной – тройной цене за продукты. А сельские районы нормально не снабжаются даже чаем, сахаром. Это татарам особенно трудно. В Казани крайне плохо обстоит дело с жилищным вопросом. В городе очень много аварийных, полуаварийных домов, зданий, требующих капитального ремонта, где живут многочисленные семьи рабочих и служащих в весьма тяжелых условиях. Работники горисполкома мало беспокоятся об этом, жилищное строительство в самом городе мизерное. Лишь строятся окраины за счет номерных заводов. Город крайне запущен, улицы содержатся в безобразном состоянии, гниют и разваливаются даже великолепные здания только из-за отсутствия своевременного ремонта крыш, водосточных систем, подвалов и т.д.

В-третьих, национальные кадры в производстве и науке составляют ничтожный процент. Руководящие кадры и ведущие специалисты из татар в республиканском госаппарате, министерствах, учреждениях, предприятиях, заводах, железнодорожном и водном транспорте, нефтяной промышленности и номерных заводах, вузах Казани, которые должны бы были занять командные посты, почти не имеются и не подготавливаются. Не менее 90 % (если не больше) инженерно-технического персонала нашей нефтяной промышленности завезены извне. Также рабочих-нефтяников около 40 тысяч человек завезены из других районов и областей, тогда как еще большее количество рабочей силы из Татарии отправляются в другие края и области. Характерный факт: Бавлы, Альметьевск и Азнакаево, где расположен центр нефтяной промышленности, являются исключительно татарскими районами. Но процент нефтяников из татар составляет только 40 %. Выходит, что коренное население плохо привлекается в производство.

В промышленности самой Казани большинство рабочих татар имеют низкую и среднюю квалификацию. Вопросам подготовки высококвалифицированных рабочих из татар, которые стали бы основными кадрами своего завода, никто не занимается. Я это говорю вот почему: при царизме татарский рабочий не имел доступа к машинам. Сейчас его нужно как можно больше и ближе приобщить к высокой технике.

Крайне мало у нас докторов и кандидатов наук, профессоров, преподавателей татар в казанских вузах. Нет ни одного академика. Преподаватели средних школ тоже недостаточно подготовлены. Там надо обновить, по крайней мере, 50-60 % всего состава. А секретари наших райкомов КПСС и председатели райсоветов в большинстве своем просто изношены, без высшего образования. Многие из них умеют руководить народом и коммунистами только путем администрирования, проработок. К таким же, к сожалению, относится и некоторая часть работников Татарского обкома КПСС.

В-четвертых, у нас много запутанности, порой извращения в области просвещения, языка и литературы, культуры и искусства. В Казани и многих районах все делопроизводство, даже судопроизводство поставлено на русском языке. Наши руководители выступают только на русском языке. В программах для татарских средних школ все меньше и меньше отводится часов для преподавания татарского языка и литературы. За счет этих часов проводится местами политехнизация, местами сокращение предметов и усиление преподавания русского языка. Однако, несмотря на это, молодежь, окончившая татарские средние школы из-за недостаточного знания русского языка в большинстве своем не попадает в казанские вузы. Теперь в части татарского народа создалось такое убеждение, что татарский язык потерял свою надобность, ни к чему он не нужен, все сейчас ведется по-русски, как и в старое время.

В результате такого положения в Казани имеется всего 4-5 татарских школ. Скоро и их не будет. Родители отказываются отдавать туда своих детей. А ведь вопросы образования на родном языке и развитие культуры в национальной форме были одним из революционных завоеваний народа, благодаря великому Октябрю.

Из всего вышесказанного возникают некоторые вопросы:

Нуждается ли великий русский народ и требует ли от нас партия, чтобы мы все поставили только на русском языке и постепенно вытеснили из обихода родной язык?

Отомрут ли и должны ли обязательно умереть языки народов Советского Союза еще до коммунизма и обязательно ли народы придут в коммунизм только через русский язык, т.е. потеряв главный свой национальный облик?

Имеют ли право народы Советского Союза учиться в вузах на своем родном языке и явится ли это национализмом, разобщенностью, отставанием от развития общественной науки и культуры?

Если да, то как понять европейские народы, у которых образование целиком поставлено на своем языке, но никак не отстают от общего развития и общения?

Далее, многие сельские школы, клубы и районные дома культуры находятся в плачевном состоянии. Большинству из них требуется капитальный ремонт или нужно построить заново. Ни какая культпросветработа в этих клубах не ведется. Наше Министерство культуры ими не занимается. Главная беда в том, что нет для всех этих нужд денежных средств.

За послевоенное десятилетие татарская литература и искусство имеют очень незначительные сдвиги. Татарский драматический театр в особо трудном положении. Он из года в год растаивает со своими лучшими старыми кадрами, а новых не выращивает. В это десятилетие секретари обкома руководили литературой и искусством только путем окрика, проработки, исключения и громовых постановлений. Поэтому развитие литературы и искусства не только не поощряется, а искусственно ограничивается. Несчастье в том, что эти товарищи не читают и не понимают своей литературы. Отсюда отсутствие всякого живого партийного руководства этой областью.

В-пятых нас особо угнетает положение, что почему-то существует два права: право союзных республик, право автономных. Отсюда два отношения к ним. Союзные республики имеют больше преимуществ в любом вопросе, больше прав в политической, экономической и культурной жизни, получают больше бюджетных ассигнований и других средств и т.д. Приведу некоторые мелкие примеры:

При различных заграничных поездках всегда в надлежащем количестве участвуют деятели союзных республик, но почти всегда забывают автономные республики

Даже на различных совещаниях и съездах в Москве делегатов размещают по признакам союзных и автономных. «Союзные республики» размещают в гостинице «Москва» и аналогичных, «автономщики» – в гостиницах «Урал» т.п.

Труд писателей, композиторов, художников, драматургов автономных республик оплачивают на 30 % ниже, чем в союзных республиках.

Издательства Татарии отчисляют в счет литфонда ежегодно 200 тыс. руб., однако литфонд СССР забирает себе такую сумму, отпуская нам всего 40 тыс. руб. в год

Во всех выступлениях руководителей нашей страны всегда звучит теплое заботливое отношение к союзным республикам, но в адрес автономной мы не всегда слышим это. А руководители РСФСР вообще забывают про нас.

И вот получается такое грустное впечатление, что мы «автономщики» являемся как бы второсортными людьми. Правильно ли все это?

Дорогой Никита Сергеевич, есть еще один вопрос. Дело в том, что за пределами ТАССР находятся еще три с лишним миллиона татар. Они живут как коренное население Ульяновской, Куйбышевской, Рязанской, Пензенской, Горьковской, Саратовской, Московской, Астраханской, Сталинградской, Чкаловской, Молотовской, Тюменской, Омской, Томской, Кемеровской, Новосибирской и других областей, Башкирской АССР, Узбекской, Казахской, Киргизской и др. ССР. Для них до 1935 г. издавались в различных городах свыше 10 газет и 3-4 журнала; были открыты национальные школы, культурные учреждения, работали театральные коллективы. Теперь все это ликвидировано. Местами ликвидируются даже сельские начальные школы и вместо них открываются смешанные или русские школы. Таким образом, огромная масса татар искусственно оторвана от своей культуры, от родного языка. Приведу только один факт. Недавно я узнал, что в одной только Москве постоянно проживает 515 тыс. татар. Никакая работа, никакое культурное обслуживание среди них не ведется. Между тем, духовенство работает, имея там мечети.

Выходит, что они не забывают про свою паству, а мы, коммунисты, забыли! Не является ли это грубейшим извращением ленинской национальной политики?

Секретарь обкома партии Батыев недавно говорил нам, что кто-то по Казани пустил листовку от имени «общества спасения листовку от имени «общества спасения татарской культуры». Но он не сказал, почему это стало возможным. Мне думается потому, что и работники нашего обкома и мы, коммунисты-интеллигенты, перестали заботиться о судьбах народа, руководить его духовной жизнью, удовлетворять его культурно-политические запросы. И выходит, что враг начинает брать эти задачи на себя.

Наконец, последний вопрос. Татария дает стране миллионы тонн нефти, но благами этого богатства народ почти не пользуется. Неплохо было бы, если бы РСФСР или другие инстанции отпустили бы значительную сумму нефтяных денег для улучшения жизни и благосостояния татарского народа, для его культурного обслуживания.

Вот круг вопросов, дорогой Никита Сергеевич, которые до сих пор не давали мне покоя. Весьма возможно, что я во многом ошибаюсь, но я крепко верю, что в таком случае вы меня отечески поправите.

Убедительно прошу только мое письмо не присылать в Татарский обком. Ибо люди там займутся не решением поднятых вопросов, а проработкой автора письма.

С глубоким уважением к Вам и горячим приветом.

Подпись Маннуров Ш.Ф., член партии с 1944 г. № 04269603.

РГАСПИ, ф. 556, оп. 14, д. 55, д. 108–116.

Опубликовано: Галлямова А.Г. Ш. Маннур «...Нам кажется, что права автономных республик за последние 25 лет все больше и больше свертываются» // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2007. – № 2. – С. 77-81.

№ 116

Речь С.Д.Игнатьева на заседании бюро Татарского обкома, предваряющем майский (1958 г.) Пленум Татарского обкома, посвященный развитию татарских школ

Апрель 1958 г.

Осенью прошлого года мне довелось встретиться с писателями, которые взволнованно рассказали о состоянии развития культуры. К тому времени я еще не представлял, как обстоит дело с языком, преподаванием, как полезен язык, чтобы партийный работник мог довести слово партии на родном языке. А когда стал присматриваться и изучать это дело, мне стало страшно. Я впервые за все время работы в национальных республиках встретился с таким положением, как здесь – неуважение к родному языку, отсутствие поддержки его, плохая работа по его развитию, совершенствованию, руководящие кадры стесняются говорить на родном языке, даже когда обязательно надо. Мы посоветовались после всего этого и решили поставить этот вопрос, как полагается, начать говорить, писать лозунги, призывы на татарском языке, заставить людей татар выступать с докладами на татарском языке и т.д. Но для того, чтобы не «перегнуть», потому что не считали себя большими специалистами, рассказали в ЦК партии и просили помочь нам. Мы имели в виду послать туда Фасеева для консультации. Но в ЦК нам, как школьникам, было сказано: что из того, что придет с пачкой бумаг один ваш работник, что ему скажут? ... Не лучше ли поступить иначе, вы сами поглубже разберетесь, по линии школ, вузов, учреждений культуры накопите материалы, соберете больше сведений, которые помогли бы принять правильное решение. Что касается нас, работающих в ЦК, настанет время, и пришлем к вам группу квалифицированных, знающих этот вопрос товарищей, вместе разберетесь и внесете предложения для рассмотрения в центре – ЦК партии, потому что эти вопросы волнуют и партийные

органы других автономных республик и областей, волнуют и Центральный комитет партии. А вы знаете, что Центральный Комитет партии вопросам языка, национальной культуры всегда придавал и придает большое значение. Вот предистория этого вопроса, в связи с чем и приехали к нам товарищи Дербинов, Максименко с товарищами, любезно влезли по уши в положение школьных дел, провели огромную исследовательскую работу, изучая все наши достижения и, главным образом, недостатки, которые нуждаются в незамедлительном устранении или по мере выявления, постепенно.

Что же произошло у нас? Здесь товарищи Фасеев, Батыев, я не говорю о Василии Игнатьевиче, он очень глубокий доклад нам сделал, вскрыли основные причины. Хорошо, что наши местные работники самокритично признали, что это плоды однобокости в решении вопроса в отношении улучшения изучения русского языка, при забвении огромной важности изучения родного языка, как базы, на которой растет и развивается и русский язык, и приобщение к русской и мировой культуре. Этим был невольно нанесен страшный удар по родному языку, по развитию национальной культуры. Я не знаю, может быть, ошибаюсь, но мне дело представляется таким образом.

Тов. Батыев говорит, что не боялись обвинения в том, что они допустят национализм. Он не боялся, но я знаю таких товарищей, которые как огня боялись такого проклятого слова «национализм» и из-за этого слова предали интересы всего татарского народа. А что на самом деле прятали за этим? Желание быть непорочным, такими интеллигентами, на теле которых не было бы ни одного пятнышка, а получилось огромное пятно, образовавшееся в работе многих учреждений и органов. Так кончилось.

Что является главнейшей из главных характеристик национальности? – Язык! Почему же бояться своего родного языка, почему его не изучать, почему его не совершенствовать, не обогащать. Почему можно мириться с тем, что даже национальные партийные и советские руководящие кадры разучились говорить на родном языке со своим народом? Как можно спокойно взирать на то, что мать-татарка не понимает своего трехлетнего ребенка, потому что мать не знает русского языка, а ребенок не знает татарского языка? Я утверждаю, что такие факты есть, Мать ведет ребенка в детские ясли или сад, там он находится до 8 вечера с русскими детьми, вечером забирает его, быстро укладывает спать, а утром рано снова в детский сад. Он все время в окружении русских детей.

Я хочу одного – чтобы у нас развивался язык, чтобы его любили, иначе мы доживем до того, что будем разговаривать с народом на непонятном языке, чтобы не предавалась забвению культура, слагавшаяся веками. Не зная языка, не сделаешь того дела, которое поручил тебе народ, ЦК партии, кадры не создашь. Нельзя так жить. Вот почему я еще раз должен высказать сердечную благодарность Центральному Комитету и товарищам, которые помогли нам поглубже разобраться и поставить вопрос, как полагается. Мы продолжим эту работу, доведем до конца, во что бы это ни стало.

Сроки? Медлить нельзя. Если мы будем брать увеличительное стекло, лупу, особые оптические приборы и рассматривать каждую вещь отдельно, а что она в себе таит, – опять останется так. Раз начали, давайте решительно, настойчиво действовать. Ни один проект решения обкома не может ответить на все случаи, но проект, представленный бюро, правильно ставит вопрос, дает линию, ориентировку в нашей работе, а между 12 и 16 мая созовем пленум обкома, подготовим более подробное, ясное решение, как полагается. Значит, со второй половины мая можем приступать к практической работе.

Надо развернуть активную работу по подготовке кадров, взять вопросы строительства школ, пойти на все, заставить всех принимать активное участие в строительстве школ. И мы, если не к началу этого учебного года, то в будущем году, создадим основную базу, а в течение 5 лет коренным образом улучшим дело, и народ нам спасибо скажет. Но это не значит, что надо ждать 5 лет. Что можно делать сегодня – надо делать. А всех этих леваков, нигилистов в партийной работе, которые кричат – давай русскую школу, потому что ему сына нужно учить, заставим перестроиться. Что он за барин, почему он не может отвезти сына в интернат. И не зачем из-за двух-трех

человек классы создавать. Не надо. ... Пусть, товарищи перестраиваются, не хотят, пусть уходят, мы в состоянии найти людей, которые понимают задачи Центрального комитета. А раз не понимает человек этого, не может понять других дел и может увести в сторону от линии партии.

Я не поднимаю специальные вопросы – методику и прочие вещи. Я хочу сказать, что совершенно настойчиво, решительно взять курс, который нашел свое отражение в проекте постановления и не почему-либо, а потому, что мы оказались в огромной опасности, перед лицом которой поставили не кого-нибудь, а все татарское население республики.

О создании групп на татарском языке в детских яслях и детских садах. Я считаю, что это правильно. В проекте постановления это сегодня не записывать, а в порядке опыта создать неделя в 2–3 садах, а потом развивать это дело.

Проект постановления членам бюро роздан. Замечаний особых не высказано, но он нуждается после обмена мнениями на местах в улучшении. Я предлагаю поручить Батыеву, Фасееву, Баширову, Табееву, Шакирзяновой, Зариповой, Кременской, Туишеву, Нужину, Валиуллиной, Шадриной в двухдневный срок проработать и представить в бюро.

ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 39, д. 70, л. 41–49.

№ 117

Из постановления III пленума Татарского обкома КПСС «О состоянии и мерах улучшения работы татарских общеобразовательных школ»

21 мая 1958 г.

<...> Одним из основных принципов советской национальной школы, определяющих ее успех, является то, что обучение и воспитание в ней ведется на более доступном, близком детям родном языке. Богатство словарного запаса татарского языка обеспечивает глубокое и быстрое усвоение татарской молодежью всех знаний, которые дает школа. Вместе с тем национальная школа создает благоприятные условия для овладения русским языком, достижениями русской и мировой культуры. Русский язык является в татарской школе основным неотъемлемым элементом обучения и воспитания, что всецело отвечает огромной тяге к русскому языку, которую проявляют трудящиеся-татары, способствует еще более тесному сближению русских и татар, дальнейшему укреплению их дружбы.

XX съезд КПСС определил новые задачи общеобразовательной школы как школы трудовой, политехнической и потребовал от партийных, советских организаций и органов народного образования повышения качества обучения и воспитания детей, ликвидации коренного недостатка в работе школы - отрыва обучения от жизни, нацелил на массовое приобщение школьников к общественно-полезному труду в промышленности и сельском хозяйстве.

Решения XX съезда КПСС в еще большей мере повышают ответственность партийных и советских органов за дальнейшее укрепление национальной школы.

Наряду с этим пленум Татарского обкома КПСС отмечает, что партийными и советскими органами республики за последнее время допущено серьезное ослабление внимания к татарским школам, делу обучения и воспитания детей на родном языке. У отдельных работников существует ошибочное мнение, что проблемы национальной школы и языка якобы уже полностью решены, что национальная школа не требует теперь к себе серьезного внимания и постоянной заботы. Вследствие этого в республике за последние годы усилилось стремление граждан коренной национальности, особенно интеллигенции, партийных и советских работников обучать своих детей не в татарских, а в русских школах. Если в 1947/48 учебном году на родном языке обучалось 95% детей татар, то в настоящее время обучается только 70%. В Казани на родном языке обучается лишь 16,8% детей татар. Во многих сельских средних школах открыты русские классы, в которых преобладающее большинство учащихся составляют татары. <...>

Таким образом, в республике стал сокращаться контингент детей, обучающихся в национальной школе, что привело к нарушению основного принципа советской школы - обучения на родном языке. В русскую школу зачисляются дети, не знающие русского языка. Это затрудняет усвоение учащимися общеобразовательных предметов, вызывает второгодничество и отсеивает детей из школы. В республике оказались нарушенными микрорайоны татарских школ и часто ученики-татары вынуждены ходить в школу за 5 и более километров. В Казани и других городах республики появились такие национальные школы, где один учитель работает с двумя и тремя классами из-за малой их наполняемости. <...>

Особенно плохо поставлено в татарских школах и, прежде всего в начальных классах, преподавание русского языка и литературы. Значительная часть преподавателей плохо владеет русским языком и не в состоянии давать учащимся прочных знаний. <...> Неудовлетворительное состояние преподавания русского языка в татарских школах не отвечает стремлению трудящихся татар к овладению русским языком и принижает авторитет национальной школы, вынуждает родителей отдавать своих детей в русскую школу.

Имеют место серьезные недостатки и в преподавании татарского языка и литературы. Пленум считает недопустимым тот факт, что большая часть детей татар, обучаясь в русских школах совершенно не изучает и не знает родного языка и литературы, а в связи с этим растет число татар, которые плохо знают или вовсе не знают родного языка, отрываются от культуры, которая создана за многолетнюю историю татарским народом, и не в состоянии вести массово-политическую, просветительскую и организаторскую работу среди татарского населения. <...>

Наличие крупных недостатков в работе татарских школ поставило их выпускников в неравное положение с окончившими русские школы вследствие низкого уровня преподавания ряда общеобразовательных предметов и особенно русского языка. Татарские школы за последние годы стали хуже готовить своих выпускников к жизни, производственной деятельности и к поступлению в высшие и средние учебные заведения. Кроме того, в вузах республики при приеме абитуриентов не учитывались особенности татарской национальной школы и поступление выпускников татарских школ было значительно затруднено.

Пленум обкома КПСС считает ненормальным то, что в последние годы были ликвидированы коренизированные группы в средних специальных учебных заведениях республики, в результате чего почти прекратилась подготовка специалистов — торговых работников, агротехников, зоотехников, фельдшеров, медсестер и др., хорошо владеющих татарским языком, необходимым для работы в районах с татарским населением. <...>

Придавая большое политическое значение национальной школе, как важнейшей основе дальнейшего развития языка, культуры татарского народа, подготовки национальных кадров и в целях устранения недостатков в этом деле, пленум татарского обкома КПСС постановляет:

1. Обязать бюро обкома, Совет Министров ТАССР, райкомы и горкомы КПСС, исполкомы районных и городских Советов, Министерство просвещения и его местные органы покончить с недооценкой роли и значения национальной школы, всемерно способствовать повышению ее авторитета, взять под неослабный контроль работу татарских школ, усилить заботу о них. <...>

4. Обязать Министерство просвещения ТАССР и его местные органы покончить со стихийностью и самотеком в руководстве татарскими школами и безотлагательно провести в жизнь следующие меры:

<...> г) добиться резкого повышения качества преподавания татарского языка и литературы, повысить к ним интерес и уважение детей; восстановить по татарской литературе государственный экзамен на аттестат зрелости; пересмотреть программы и учебники по татарскому языку и литературе в сторону их усовершенствования, улучшить состав преподавателей за счет выпускников вузов; для детей-татар, обучающихся в русских школах и в русских классах смешанных школ, ввести преподавание татарского языка и литературы со сдачей экзаменов. <...>

№118**Некоторые данные о работе татарских школ г. Казани, предоставленные зав. отделом пропаганды агитации Казанского горкома КПСС Роговой**

14 мая 1958 г.

В 1957-58 уч. году в городе функционирует 119 школ всеобщая; из них: 3 татарские школы (49, 106, 89) и 17 русско-татарских школ (82, 57, 26, 35, 75, 113, 91, 92, 118, 30, 95, 18, 80, 76, 12, 13, 114).

В 180 татарских классах обучается 4026 человек.

Наполняемость классов в среднем 18-25 человек.

Количество татар-учащихся в татарских школах с каждым годом уменьшается. Если в 1947-48 уч. году в школах города на татарском языке обучалось 6650 учащихся (было 12 татарских и 2 русско-татарских школы), в 1950-51 уч. году татарских школ стало 10, русско-татарских - 13, а количество учащихся увеличилось до 6932 человек, то в 1954-55 уч. году татарских школ стало только 7, и обучалось на родном языке 5500 учащихся, в 1956-57 уч. году татарских школ было 6, русско-татарских - 10, учащихся - 4246 чел., в 1957-58 уч. году татарских школ - 3, смешанных - 17, учащихся 4026 чел.

В настоящее время во всех школах города Казани обучается 23676 учащихся татар, из них только 4025 чел. обучается на родном языке, что составляет 17 % от общего количества учащихся татар.

В связи с ростом общего контингента учащихся в городе за последние годы стала резко ощущаться недостаточность школьной площади. С каждым годом все более стали внедряться в татарские школы русские классы, в результате ряд школ преобразовались из татарских в русские.

Некоторые из функционируемых смешанных школ (35, 57, 91 и др.) помещены не в приспособленных зданиях или находятся в крайне стесненных условиях с русскими классами, не имея необходимых условий для организации учебно-воспитательного процесса, обеспечивающего необходимую подготовку для будущего практической деятельности учащихся.

Учебные планы и программы для татарских школ являются далеко несовершенными. Нагрузка учащихся в татарских школах значительно больше, чем в русских.

Серьезным фактором является то, что учителя, работающие в татарских школах, имеют малую учебную нагрузку, и в результате кадры национальных школ являются менее материально обеспеченными по сравнению с учителями, работающими в русских школах.

Мало проявляется интереса к работе татарских школ со стороны органов народного образования. Работа татарских школ не изучается, положительный опыт не обобщается, обучение на родном языке среди сельского населения не популяризируется.

В аппарате горно только один работник татарин, в 5-м роно имеется только 2 школьных инспектора из татар.

Возможности расширения сети татарских школ и улучшения условий их работы в городе имеются. Нужно больше уделять внимания этому делу, в первую очередь укрепить органы народного образования национальными кадрами, представить всем средним татарским школам отдельные типовые школьные здания и усилить внимание и интерес к работе.

ЦГА ИПД РТ, ф. 15039 а, д. 77, л. 44-44 об.

№ 119**Из выступления К.Ф.Фасеева, Председателя Президиума Верховного Совета на VIII Пленуме Татарского ОК КПСС**

21 мая 1959 г.

В строительстве национальной татарской культуры, партийные, советские органы и творческие работники республики прочно опираются на достижения мировой и, прежде всего передовой русской культуры.

Русская культура, русский язык чрезвычайно благотворно влияют на нашу культуру. Это глубоко понимает большинство деятелей культуры Советской Татарии.

Вместе с тем, сегодня мы не можем обойти молчанием о наличии среди некоторой части нашей интеллигенции нездоровых настроений и демагогических высказываний о состоянии и путях развития татарской культуры, подрывающих прочные основы нашей культуры и являющихся попыткой (сознательно или бессознательно – все равно) противопоставлять татарскую культуру культурам других народов, отгораживаться от них, замыкаться в своей скорлупе, поставить себя выше всех и, если можно, чуть ли не навязывать, диктовать другим народам свою культуру.

Некоторым представителям нашей интеллигенции присуще ничем не оправдаваемое чувство зазнайства, высокомерия, увлечение всем татарским, ограничение своего поля зрения, идейного кругозора только татарским.

Да, мы от души хотим расцвета своей национальной культуры, языка, литературы, искусства. Мы хотим всемерно поднять культурный уровень татарского народа. Это важная задача всех партийных, советских, комсомольских, профсоюзных организаций.

Но мы против узкого местничества, замкнутости, национальной ограниченности, ибо все это отнюдь не способствует развитию нашей культуры, а мешает этому.

<...> В чем же проявляются нездоровые явления в нашем культурном строительстве?

Прежде всего в том, что часть татарской творческой интеллигенции, в частности, писатели Н. Фаттах, Ш. Маннур, Г. Латыпов и другие на протяжении ряда лет упорно пытаются доказать, что татарская культура, татарский язык, литература, искусство, якобы, оказались перед угрозой ликвидации, вымирания потому что, дескать современные татары осваивают достижения русской культуры, осваивают русский язык, что татарские дети обучаются в русских школах, что, руководящие органы Татарской республики, не берут под свое попечение культурное развитие татарского населения, находящегося в других республиках, областях и краях, что в силу этого якобы, эти татары перестают быть татарами, и суживается поле распространения татарской культуры.

Можем ли мы согласиться с таким утверждением? Конечно, не можем. Это явно ошибочная, вредная точка зрения. Она является ничем иным, как попыткой возродить давно разбитую теорию культурно-национальной автономии в корне враждебную ленинской национальной политике коммунистической партии.

<...> Всем известно, что татарский язык, как и любой другой язык, развивается, обогащается, совершенствуется изо дня в день, из года в год как за счет новых образований на собственной основе, так и за счет заимствования из других языков. Это естественный и закономерный процесс. Но как ни странно, кое-кто пытается выступить против этого, против обогащения нашего языка за счет русского языка и в то же время старательно хочет засорить наш татарский язык недоступными, чуждыми народу арабизмами.

Как ни странно, в этом отношении неприглядную позицию занимают некоторые наши журналы и газеты. Самовольно, по настоянию некоторых писателей и журналистов, журнал «Азат хатын» заменяет общепринятые, давно вошедшие в наш язык русские слова никому (кроме узкого круга людей старшего поколения, обучавшихся в медресе) непонятными арабскими словами. Журнал пишет вместо председатель – рэис, вместо политика – сязэс, искусство – сэнэгат, Верховный Совет – югары совет. <...>

Такие недозволенные вольности, к сожалению, допускает также детский журнал «Ялкын».

Редакция газеты «Совет Татарстаны» слишком много дает места авторам, которые в своих статьях часто дезориентируют читателей и настраивают их против терминов, вошедших из русского языка. Это совершенно нетерпимо, товарищи, ибо может, при попустительстве и неприятии своевременных мер, привести к очень плохим последствиям.

Характерно еще то, что если одни товарищи выступают против употребления русских терминов, то другие, как Н. Фаттах, стоят за то, чтобы эти термины переделать на татарский лад, «приблизить» к народному произношению. Они пытаются заставить нас писать и говорить «калхуз», «сатсиализым», «присидэтел», «абкум», «гэзит».

Они утверждают, что татарский народ говорит именно так. Но как мало знают они народ! Рабочие, крестьяне давно уже очень хорошо освоили эти термины, умеют их правильно произносить и глубоко понимают их смысл. А некоторые же ремесленники от языкознания пытаются толкать нас назад, что, разумеется, может кончиться их поражением.

Нам, товарищи, надо беречь чистоту языка, не давать ни кому ломать, искажать, опошлять наш язык. Партийные, советские, профсоюзные, комсомольские работники, деятели литературы и искусства, журналисты, работники радио и телевидения обязаны быть активными борцами за дальнейшее развитие и обогащение родного языка, используя его, как могучее средство коммунистического воспитания трудящихся.

Переход татарской письменности на русский алфавит является актом исключительно большого значения и очень положительно сказался на развитии татарского языка. Поэтому некоторые призывы вернуться к латинскому или чуть ли не к арабскому шрифту, которые мы слышали на совещании языковедов при КФАН СССР, мы обязаны сурово осудить, как попытки вернуть нас назад.

ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 40, д. 134, л. 123–129.

№ 120

Из отчетов Главлита ТАССР

1958 г.

Бывают некоторые случаи, когда отдельные работники издательств пытаются протолкнуть явно ущербные произведения. В качестве примера можно привести случай со сборником стихов поэта Ш. Маннура «Вечерние мелодии». Дело с выходом этой книги оказалось очень скандальным. Еще до представления верстки сборника к нам на контроль он несколько раз обсуждался на редакционном совете Таткнигоиздата, где автору указывалось на политическую и идейную несостоятельность отдельных его стихов. Но Ш.Маннур ни с чьим мнением считаться не желал. Дело дошло до областного комитета партии. Там сборник обсуждался в отделе культуры. Автор остался при своем мнении. Таким образом, книга Ш.Маннура поступила к нам. Читавший этот сборник в порядке предварительного контроля старший цензор И.З.Музафаров довел до сведения начальника Управления о том, что в сборнике есть отдельные произведения, имеющие политико-идеологические дефекты, и что он книгу в таком виде подписать к печати не может. После этого со сборником ознакомился весь цензорский состав Управления, и было проведено производственное совещание цензоров, на котором все работники пришли к единому мнению, что книгу в таком виде выпускать нельзя, и было решено написать официальное письмо на имя секретаря обкома КПСС Батыева.

С. Батыев поручил разбор дела Фасееву, который собрал специальное совещание. На нем присутствовали ответственные работники Таткнигоиздата, работники обкома, начальник Татоблита и цензор Музафаров. Основное возражение было на стихотворение «Прошедшая жизнь» и эпиграмму «О поэтах-недоростках». Из содержания стихотворения видно, что поэт, всю свою сознательную жизнь проживший при Советской власти, весь свой жизненный путь рисует сплошной черной краской, одним росчерком пера зачеркивает все светлое, положительное, что дала советская власть простому человеку, в том числе и Ш. Маннуру.

Эпиграмма в подстрочном переводе выглядит так:

Ушли времена, когда писали Тукай, Такташ
И вряд ли они вернутся вновь
Дайте дорогу, последние гулливеры!
Лилипуты пришли в поэзию

Поэт скорбит о прошедших годах, времени, когда творил Тукай, забывая, что это были годы разгула царского самодержавия. Наша партия заботливо пестует молодое талантливое поко-

ление поэтов, а Маннур издевается над ними, называя их лилипутами. Кроме того, в данной эпиграмме сквозит смысл, что Маннур и иже с ним являются последними гулливерами, последними могиканами, что после их смерти не будет настоящей поэзии.

Участники совещания единодушно осудили вышеуказанные стихотворения Ш. Маннура и было решено изъять их из сборника. Только после этого сборник был подписан в печать.

Другой пример. Во время подготовки к первому Всероссийскому учредительному съезду писателей Таткнигоиздат подготовил монографию Х. Усманова «О современной татарской литературе», которая также изобиловала рядом политических неправильных формулировок. В монографии говорилось, что татарские писатели укрепили свою связь с массами лишь в годы Великой Отечественной войны. Многие из татарских литераторов в ней не упоминались, творчество некоторых истолковывалось превратно. После того, как вмешался обком КПСС, производство было существенно переработано.

Но нельзя обойти молчанием, что обком не разделил нашего отрицательного мнения в отношении пьесы Юнуса Аминова «Корни». Цензор Аминов З.Н. нашел, что она грешит против колхозной действительности. Об этом он доложил начальнику в докладной записке. С пьесой были ознакомлены все цензоры, и было проведено по данному вопросу производственное совещание, на котором цензоры выступили с резкой критикой пьесы. Однако обком решил, что хотя пьеса и слабая, нет оснований снимать ее с репертуара и разрешить ее к постановке. Цензор Аминов написал письмо в Главлит СССР. Главлит дал распоряжение приостановить пьесу, письмо пришло в обком. Но и на этот раз обком настоял на своем. Справедливости ради, надо признать, что пьеса получила признание театральной общественности.

1959 г.

В 1959 г. участились случаи, когда отдельные театры начали ставить пьесы без разрешения органов цензуры. Особенно своевольничал главный режиссер Мензелинского колхозно-совхозного театра Уметбаев, который поставил без разрешения постановку Эммы Шамиль «Она», Ш. Хусаинова «Чулпан». Ю. Аминова «Гольчачак», «Тамырлар» Х. Сабирова «Непрощенный грех». Об этих фактах мы сообщали в Министерство культуры, но оно не приняло действенных мер.

Республиканский дом народного творчества, несмотря на неоднократные предупреждения, продолжал принимать в репертуар и распространять пьесы без разрешительной визы органов цензуры. Так были распространены отпечатанные на ротаторе пьесы Г. Зайнашевой «Рамай» и Ишмуратовой «Жафалар». Альметьевский республиканский колхозный театр поставил пьесу С. Кальметова «Звезды сияют». Об этих фактах написали письмо секретарю обкома Табееву, после чего подобные явления не повторялись.

В верстке сатирического журнала «Чаян» было помещено стихотворение Х. Туфана «Кто он?», низкопробное с политической точки зрения. В том же журнале давалась карикатура, которая с немарксистских позиций толковала сущность ревизионизма. После вмешательства обкома эти материалы были сняты.

1961 г.

Редакция газеты «Татарстан яшляре» 12 декабря 1961 года разместила статью «Два письма, два взгляда». В статью вмонтировано письмо автора, который отрицает все новое в стране, пытается ревизировать и оспаривать решения 22 съезда. Он пишет: «Еще нет конца и края к тому, чтобы переходить в коммунизм. Наше правительство в целях удовлетворения и улучшения жизненных условий советского народа в последнее время приняло развернутый семилетний план. Однако я полагаю, что выполнить полностью и своевременно мы не сможем. Можно сказать, что работающих честно и в полную силу и в меру у нас мало. Приходится слышать по радио и читать в газетах с присущим советским людям, строителям коммунизма многих положительных качеств, прежде всего честности и добросовестности, но я с этим не могу согласиться, хочу привести несколько примеров...

Редакция дает комментарии, но они тусклы и необедительны по сравнению с автором письма. Редакция не дает отпора автору письма. После настоятельного требования редакция внесла в текст соответствующие изменения.

Казанский университет выпускает монографию «Почвы Татарии» под редакцией М.А.Винокурова. Книга написана с точки зрения травопольщиков. В ней даны таблицы, сравнения в доказательство того, что многолетние травы являются хорошими предшественниками пшеницы и ржи.

1962 г.

В 1962 г. вышла книга генерала-лейтенанта Г. Сафиуллина «По дорогам победы». Это мемуары. С согласия обкома КПСС из книги были удалены более 50 слов Сталинград. Серьезные вмешательства политико-идеологического характера были сделаны в материалах, подготовленных к передаче по телевидению. Были сняты материалы под заголовками «20 лет спустя». «Красоту в жизнь». Статья «Александр Блок» была заново переработана и только после этого разрешена цензором к передаче.

Таткнигоиздатом в начале 1961 года была выпущена брошюра Н.Аитова «Сближение крестьянства с рабочим классом в период развернутого строительства коммунизма». Брошюра была полна субъективистскими суждениями. По автору выходит, что социализм – одна стадия, а коммунизм – другая.

26 ноября цензурой было снято с передачи по телевидению стихотворение Н.Беляева «Солнце». Стихи были утверждены редактором Р.Кутуем и главным редактором Р.Мустафиним. Стихи были посвящены защите одного неизвестного человека, тем самым было обобщено, что человеку не дают творческой свободы, что солнце пропадает и уходит творец – непокорный, угластый. В стихотворении имеются тезисы вроде «недоверие еще не задушено в человеке, что сквозь коммунальные квартиры уходит творец». Как потом выяснилось, этим «человеком» оказался художник-абстракционист» Аникиенок. Убрав из передачи «Солнце», цензура поступила правильно, и не правы те редакторы, которые встали на защиту абстракциониста.

В сентябре 1962 года была подписана к печати брошюра Р.Г.Рахматуллиной и И.И.Яфаевой «Использование краеведческого материала на уроках экономической географии». Цензоры Шамсутдинова и Галеева пропустили. Срочной телеграммой из Главлита СССР за подписью Аветисяна брошюра была задержана. И все экземпляры на складе были уничтожены по указанию Главлита СССР. Шамсутдиновой было поставлено на вид. Галеева строго предупреждена в административном порядке.

Работниками библиотек списано 155 тыс. экз. Среди изъятой литературы были книги авторов-участников антипартийной группы Маленков, Молотова, Кагановича, краткая биография Сталина, брошюра Анвара Ходжи «Албанский народ за мир и социализм», «Народная Республика Албания». Из многих библиотек изъята литература издания 1953-1955-гг. по распространению и пропаганде политических знаний. Речь, как правило, о произведениях Маркса, Энгельса, которые пропитаны духом культа личности.

1963 г.

В марте 1963 года Управление Облита обратилось с письмом в обком, в котором говорилось о книге «Образование Татарской АССР» (сборник документов и материалов). Книга объемом 32 п.л. была представлена татарским книжным издательством. Издание книги не вызывалось необходимостью, если иметь в виду недавний выпуск двухтомника по истории Татарской АССР. В тексте книги были неточные формулировки, на 20 страницах именной указатель, отдельные документы, возвеличивающие культ личности Сталина.

Из текста мюз комедии Ш. Зайни «Когда не умеешь шутить» был снят диалог, в котором чувствовалась тоска по первобытному коммунизму.

В июле из журнала «Совет эдебияты» была снята статья литературоведа Р.Мустафина «Думы о литературной критике». В ней пропагандировались идеи джадидизма (это реакционное дореволюционное течение татарской буржуазной интеллигенции).

Управление обратилось 21 октября 1963 г. с письмом к Тутаеву относительно книги автора Каримуллина «Библиографический указатель татарской художественной литературы». В книге было обнаружено множество названий книг и стихов, связанных с культом личности Сталина. Несмотря на то, что библиографические ежегодники освобождены от предварительного контроля, издательство решило обратиться к нам за консультацией. Но в отношении второй книги Каримуллина «Библиография литературных сборников и альманахов» мы не смогли провести оперативный контроль. Мы поздно сообщили о своей ошибке в обком КПСС. Здесь освещены не все факты политико-идеологических вмешательств.

1964

При контроле книги «Упрочение Советской власти» цензором Тимергалиной была сделана ошибка политико-идеологического характера. По указанию Главлита СССР в двух местах сделаны вырывки. В четырех местах вычеркнута фамилия Султан-Галеева.

Из анализа Главлита СССР отчета Главлита ТАССР:

В годовом отчете следовало указать причину упущений в книге «Упрочение Советской власти в Татарии», тираж которой был задержан Главлитом, а по решению Татарского обкома в издание внесены исправления.

Статьи и книги, не разрешенные к печати:

16. Р.И.Музафаров «Фольклорные связи татар с восточными славянами» (изд-во КГУ). Книга направлена в идеологический отдел обкома КПСС для согласования. Верстка была задержана в связи с ошибочными толкованиями национального вопроса.

ГАРФ, ф. 9425, оп.1, д. 998, л. 230; д. 1038, л. 235, 243; д. 1101, л. 199; д. 1131, л. 211, 231; д. 1164, л. 204; д. 1196, л. 185, 205, 207.

Опубликовано в журналах: Галлямова А.Г. «Карикатура ... с немарксистских позиций толкует сущность ревизионизма» (Отчеты Главлита ТАССР периода «оттепели») // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2010. – № 2. – С. 149-152; Галлямова А.Г. Главлит на страже коммунистических ценностей (вторая половина 1960-х гг.) // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2012. – № 1. – С. 98-101.

№ 121

Письмо рабочего треста «Химэнергострой» Гаптельхалима Хусниева

2 февраля 1960 г.

Минем үтенеч

Тиздән Автономияле республикабыз төзелүенә кырык ел тула. Шушы данлы еллар кочагында Татарстан чәчәк атучы бакчага әверелде. Партиябезнең зирәк акылы кайгыртучанлыгы белән республика халык хужалыгының бөтен тормаклары кызу һәм эре адымнар белән атлый. Милли культурабыз да югары дәрәжәгә күтәрелде. Бөек талант ияләре: Габдулла Тукай, Салих Сәйдәшев, Галимжан Ибраһимов, һади Такташ һәм Муса Жәлилне биргән татар әдәбияты һәм сәнгате көннән-көн яңа уңышларга ирешә.

Якынлашып килүче юбилей алдыннан, мин – гади эшче, әдәбият һәм сәнгать хезмәткәрләренә ике теләгемне белдерәсем килә. Якын арада туган республикабызда “Әдәбият һәм сәнгать” загеты чыгарылсын иде. Моңы укучылар шатланып каршы алырлар иде.

Минмчә, республикабыз башкала Казан шәһәрәндә татарча кинофильмнар төшерү өчен киностудия төзү дә кичергесез һәм мөһим бурыч. Моңы тормышка ашырырга тотынырга вакыт, чөнки миллионлаган тамашачылар милли кинолар карауны бик күптәннән зарыгып кәтәләр.

Бу чараларны үткәрү, татар культурасын үстерүдә бик зур этәргеч көч булыр иде.

Язды: Гәптәлхәлим Хәснәев, Химэнергострой трест эшчесе.

ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 41, д. 221, л. 12,13.

Опубликовано: Галлямова А.Г., Абдракипов И. «В ТАССР нет и духа от ленинской национальной политики» // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2007. – № 1. – С. 94-98.

№ 122

Из справки о состоянии коммунально-бытового обслуживания населения строящегося г. Нижнекамска

11 января 1966 г.

<...> Рост населения города Нижнекамска идет бурными темпами». На 1 января 1966 г. его численность достигла 27 тысяч <...>.

Бытовое обслуживание осуществляет Нижнекамский комбинат. В нем работает 200 человек, 80% которых занято на обслуживании городского населения, Основные производственные подразделения комбината размещены в общественном центре города. Площади под швейное ателье, сапожную, часовую мастерские, цех трикотажных изделий и парикмахерскую весьма ограничены. Швейная мастерская с 30 мастерами с ноября 1965 г. размещается в непригодных холодных двух вагонах временного поселка. Единственная в районе фотография на 1 рабочее место с декабря 1965 года помещается в подвале жилого дома. <...>

В настоящее время во всем районе работает всего лишь одна парикмахерская с мужским и дамским залами <...>.

Не организовано оказание услуг по ремонту бытовой техники, радиоаппаратуры, коммунальных жилищ, химической чистке и крашению одежды, обуви и т.д.

Филиалы комбината с оказанием лишь частичных услуг организованы только в двух населенных пунктах района - Шереметьевке и Шешминке. <...>

Для междугородных переговоров имеются лишь 2 кабины, <...> обеспеченность города объектами торговли составляет лишь 50% потребности. На весь город имеются 2 хлебных магазина, один мебельный магазин и ни одного специального по продаже спорттоваров, культтоваров, овощей, мясных и молочных изделий. <...>

В работающих школах Нижнекамска на 2404 ученических мест обучается 4 тысячи учащихся. По существующим нормам в городе должно быть 4050 ученических мест, таким образом, обеспеченность школьными помещениями – 59%. Детские дошкольные учреждения удовлетворяют потребность на 33%.

Неудовлетворительно поставлено коммунальное обслуживание. До 5 января 1966 г. недостаточно подавалось тепло в помещения, температура в помещениях была 10-12 градусов <...>. Происходят частые отключения электрической энергии, последствиями которых являются отключения воды, тепла, остановка работы столовых, магазинов, бани, телефонной связи. В городе отсутствует гостиница, прачечная, а имеющаяся баня на 26 моечных мест совершенно не удовлетворяет потребность населения <...>.

Потребность в больницах и поликлиниках обеспечена на 32% <...>.

Не налажена нормальная работа городского транспорта. <...> Имеются недостатки в благоустройстве города. Допускаются случаи приема в эксплуатацию готовых объектов без планировки и благоустройства прилегающей территории. Весной и осенью город становится труднопроходимым даже в специальной резиновой обуви.

ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 7, д. 98, лл.1-4.

№ 123

**Докладная записка председателя КГБ при Совете министров ТАССР А.Бичурина
Первому секретарю Татарского обкома КПСС тов. Табееву Ф.А.**

от 3 февраля 1966 года.
Секретно

За истекшее время чекистская работа по изучению Зайнуллина, Айдельдинова, Мухамеджанова и Якупова проводилась в направлении выяснения их замыслов и пресечения враждебных действий.

В связи с поступлением сигналов о наличии на квартире Айдельдинова документов (рукописей), представляющих оперативный интерес, был проведен негласный осмотр его квартиры. В результате обнаружено и сфотографировано много рукописей и копий писем-обращений к разным инстанциям, в которых он, ссылаясь на многочисленные статистические и справочные данные, пытается доказывать о «приниженном» положении татарской нации, об «отсутствии» условий для роста и развития национального языка и культуры.

Эти рукописные материалы, хотя и не могут служить основанием для привлечения Айдельдинова к уголовной ответственности, но ввиду насыщенности их умело подобранными цифровыми данными, сопровождаемые тенденциозными, ошибочными выводами, носят, безусловно, политически вредный характер и способны оказывать на неосведомленного читателя определенное отрицательное влияние.

Как видно, Айдельдинов неплохо эрудирован, очень усидчив и трудолюбив. Систематически и много читает разнообразную литературу, начиная от партийных документов и периодической печати национальных республик, кончая произведениями Г. Исхаки и религиозными изданиями о «пророке» Мухаммеде. Возможно, по этим причинам Айдельдинов среди известной ему части татарской молодежи пользуется репутацией «теоретика» и поборника «за интересы» национальной культуры. Основной метод деятельности Айдельдинова - это сбор, обобщение, официальных цифровых данных, якобы подкрепляющих его демагогические утверждения, составление и отправление как анонимно, так и от имени группы лиц писем-обращений в партийно-государственные инстанции, стремление выявлять единомышленников среди татар в других областях и склонять их к направлению в инстанции аналогичных «обращений» Айдельдинова.

Отрицательные взгляды и действия Айдельдинова в некоторой степени обусловлены, возможно, нездоровым влиянием на него со стороны жителя г. Баку Манеева. Согласно материалам их переписки, обнаруженным при негласном осмотре квартиры Айдельдинова, и документам «ПК», Манеев настроен националистически. В каждом письме дает Айдельдинову советы по составлению и распространению тенденциозных писем, искаженно изображающих вопросы национальной политики.

О материалах на Манеева нами ориентирован местный орган КГБ. Одновременно приняты меры к срыву их переписки и согласованных действий в будущем.

Наряду с изучением, в отношении Айдельдинова, Зайнуллина, Мухамеджанова и Якупова проводились мероприятия по ограничению их вредного влияния на окружение. Так, через секретаря парткома завода п/я 157 т. Заморянова, при участии оперативных работников была осуществлена профилактическая беседа с Якуповым по поводу его нездоровых высказываний, отклонений в поведении. В процессе беседы Якупов признал свои ошибки и заверил не допускать их впредь. Дальнейшее наблюдение за ним показало, что он правильно воспринял нашу беседу и прервал всякие отношения с Мухамеджановым и его товарищами.

Согласно нашей рекомендации, проводимые Дворцом культуры Советского района (пос. Дербышки) литературно-юбилейные вечера, читательские конференции и встречи с творческими работниками были взяты под непосредственный контроль парткома завода п/я 157. На подобные мероприятия специально приглашались видные писатели, журналисты, способные оказывать нужное влияние на ход проводимых общественных мероприятий, Давать отповедь

или разъяснение в случае неправильных выступлений со стороны Зайнуллина, Мухамеджанова и им подобных.

Одновременно через партком завода принимались меры по усилению контроля за их поведением на предприятии и приобщению их к полезной общественной работе. В результате были исключены возможности использования указанные лицами трибуны читательских конференций и литературных вечеров для открытых тенденциозных выступлений.

Как свидетельствуют полученные нами данные, Мухамеджанов и его друзья в узком кругу стали высказывать мнение о необходимости изменения тактики открытых действий и соблюдения некоторых мер конспирации. По мнению Мухамеджанова, необходимо организовать работу среди татарской молодежи, обучающейся в казанских вузах. При этом он делает упор на студентов-татар из сельскохозяйственного института, которые после окончания учебы выезжают в сельскую местность и там среди татарского населения могут проводить работу.

Мухамеджанов, Айдельдинов и Зайнуллин предпринимали некоторые попытки практиковать встречи татарской молодежи, интересующейся историей и культурой своего народа, в таких местах, которые бы обеспечивали бесконтрольность их «мероприятий» со стороны общественности.

Именно с таким расчетом и была организована ими в июне с.г. коллективная поездка в Булгары. В группу подбирались люди по национальному признаку и хорошо известные друг другу. По замыслам организаторов поездки, данное «мероприятие» намечалось использовать в качестве предлога для ведения нездоровых разговоров вокруг истории Булгар и подогревания национальных чувств участников группы. В этом деле определенная роль отводилась ими на научного сотрудника КИЯЛИ АН СССР Ф. Валеева, как на единомышленника и сведущего человека по истории Булгар. Валеев хотя внешне и не проявлял активной инициативы по организации поездки в Булгары, но сам готовился к выступлению в роли гида в Булгарах. Валеев в прошлом подвергался профилактической беседе за националистические взгляды и его поездка во главе группы-татар в Булгары была крайне нежелательной. Тем более что, по имеющимся данным, он после профилактики, хотя и прекратил высказывать открыто националистические суждения, но в узком кругу лиц продолжает иногда выражать недовольства по поводу «приниженного положения» татарского языка и культуры. Кроме того, Валеев иногда снабжает Мухамеджанова разного рода литературой, доказывающей, по его мнению, «неравноправное» положение татарской нации.

С учетом изложенного, Валеев через дирекцию КИЯЛИ от поездки в Булгар был отведен.

В пути следования группы в Булгары и при осмотре исторических памятников в роли гидов-экскурсоводов выступили писатель Н.Фаттахов и артист Г.Шамуков. Последние в своих объяснениях допустили ряд политически вредных, националистического характера высказываний.

По поступившим данным, писатель Н.Фаттахов, несмотря на проведенные с ним в прошлом в КГБ при СМ ТАССР профилактические беседы, продолжает вынашивать националистического характера настроения. Допускает высказывания о якобы неравноправном положении татарской нации и артист Г.Шамуков. По просьбе Мухамеджанова и его товарищей, он корректировал отдельные их письма по национальным вопросам в инстанции.

С учетом складывающейся обстановки считаем целесообразным провести с Зайнуллиным, Айдельдиновым, Мухамеджановым, Фаттаховым и Валеевым повторные профилактические беседы путем вызова в КГБ при СМ ТАССР. Одновременно с этим оказывать на Айдельдинова, Мухамеджанова, Зайнуллина выгодное нам влияние через наши возможности.

В целях оказания на них дополнительного положительного влияния осуществить соответствующие беседы (в парткоме завода п/я 157) также с женами Мухамеджанова (член КПСС) и Зайнуллина.

Также полагаем нужным провести профилактику Шамукова через партийные органы.

№124**Письмо Т. Идрисова в редакцию газеты «Правда»**

13 апреля 1982 г.

Дорогая «Правда».

Удивляет, почему Татарское телевидение работает на русском языке. Неужели недостаточно двух общесоюзных программ? Там передачи самые разнообразные, на любой вкус и в любое время.

Телевизионные передачи в Казани продолжаются всего 3-4 часа. Их можно и нужно вести на татарском языке.

Особенно страдают наши жители, которые плохо знают и вообще не знают русского языка. Редкие телепередачи на татарском языке становятся для них настоящими маленькими праздниками. Не хочется думать (как часто приходится слышать), что это делается специально, с той целью, чтобы татарский язык постепенно вышел из употребления. Нельзя забывать, что на нём говорит народ, который занимает по своей численности пятое место среди более чем ста народов СССР.

Жители многих районов республики вообще лишены возможности смотреть программу Татарского телевидения.

Студент Казанского пединститута Идрисов Тагир.

Служебная информация по письму Т.Идрисова**Письмо, подписанное фамилией «Идрисов Т.», об увеличении телевизионных передач на татарском языке рассмотрено с участием работников Госкомитета ТАССР по телевидению и радиовещанию**

1982 г.

Как показывает анализ работы республиканского телевидения, передачи организуются как на татарском, так и на русском языках, т.е. с учетом национального состава населения Татарской АССР. Передачи на татарском языке занимают в среднем до 50, а по литературно-драматическим музыкальным редакциям до 60-70 процентов суточного времени вещания.

Автор письма был приглашен на беседу в обком КПСС, однако почта вернула наше письмо с ответом: «адресант по указанному адресу не проживает». По нашей просьбе партком пединститута занимался установлением личности «Идрисова Т.», но такого товарища среди студентов данного учебного заведения не был найден.

ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 8, д. 1573, л. 33-34.

№ 125**Письмо Касимова Д. Первому секретарю Татарского обкома КПСС Мусину Р.М.**

1982 г.

Вы во всех своих выступлениях говорите, что в ТАССР проводится Ленинская национальная политика. Что происходит с нашим народом сегодня, молодежь не знает своего родного языка, презирает, не уважает свой родной язык, родную культуру, отошел от своей нации, родное стало чужим.

Воспитывая татарских детей с раннего детского возраста в русских яслях, в русских детсадах, в русских школах у них выветриваются национальные чувства, родной язык, родную культуру, быт и т.д. В республике шла, идет интенсивная русификация татарского народа, коренных народов нашей земли. Что говорил В.И. Ленин о национальной политике русских марксистов:

«Тот не марксист, тот даже не демократ, кто не признает и не отстаивает равноправие наций и языков, не борется со всяким национальным гнетом и неравноправием».

«Национальная программа рабочей демократии: никаких, безусловно, привилегий ни одной нации, не одному языку». А в ТАССР все права даны только русскому языку, наш язык стал балластом. Если Вы марксист, то обязаны бороться за равноправие языков.

Русские марксисты говорят, что необходимо «отсутствие государственного языка, при обеспечении населению школ с преподаванием на всех местных языках». Что означает обязательный государственный язык? Что значит язык великороссов, составляющих меньшинство населения России. (В.И.Ленин)

В многонациональном государстве обязательный государственный язык – насилие, он разрушает национальные особенности. В ТАССР установлен обязательный русский государственный язык, по Ленину у нас должен быть татарский. Путь к жизни, труду, воспитанию, к образованию установлен только через русский язык. Значение татарского языка сведено к абсолютному нулю.

«Единая школа, поэтому не смейте учить на другом языке, кроме русского! По-моему, такой коммунист, великорусский шовинист». (В.И.Ленин.) От того, что нет пути в жизни нашему языку, постепенно закрылись, закрываются татарские школы даже в селах. Сегодняшняя судьба народов Поволжья, завтрашняя судьба народов Союзных республик и не только <...>.

По данным переписи 1978 года 1. 200.000 татар отказались от своей нации, языка. В ТАССР строго ограничены телепередачи на татарском языке, не более 40%.

В ТАССР нет и духа от Ленинской национальной политики. Тот, кто говорит, что у нас проводится Ленинская национальная политика, лжет с Ленинским партийным билетом в кармане.

Крестовый поход против национальных меньшинств привел нации к национальной катастрофе.

В.И.Ленин был противником русификации. «Политика царизма, политика помещиков и буржуазии по отношению к этим народам состояла в том, чтобы убить среди них зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснить язык, держать в невежестве и, наконец, по возможности и русифицировать их» (В.И.Ленин.)

Проводимая национальная политика в ТАССР 100% противоречит Ленинскому принципу. В резолюции по национальному вопросу В.И.Ленин писал: «Были изданы специальные законы, обеспечивающие употребление родного языка во всех государственных органах».

Вы все это хорошо знаете, писать Вам об этом бесполезно».

Справка по письму Касимова Д.

В обком КПСС поступило письмо за подписью Касимова Д. без обратного адреса

Автор пишет о том, что в Татарской АССР не соблюдаются Ленинские принципы национальной политики, молодые люди татарской национальности отказываются от родного языка, что мало телепередач на татарском языке.

Ввиду отсутствия обратного адреса дать ответ автору не предоставляется возможным. Прошу данное письмо закрыть».

Зам. Зав. Отделом пропаганды и агитации ОК КПСС Р. Ногманов.

ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 8, д. 1573, л. 63-68.

Опубликовано: Галлямова А.Г., Абдракипов И. «В ТАССР нет и духа от ленинской национальной политики» // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2007. – № 1. – С. 94-98.

№ 126

Письмо татарина, жителя г. Алма-Ата Рашида Ахметшина в Тат[арский] ОК КПСС

1982 г.

Здравствуйте, уважаемый Рашид Мусинович!

Внимательно прочитал Вашу статью «Воспитание требовательностью», опубликованную в «Правде» 22 марта 1982 года и не могу более не поделиться некоторыми соображениями. Буду краток, не пытаюсь объять необъятное.

Ваша статья никак не способствует дальнейшему повышению авторитета татарского народа среди других народов СССР, росту его национального самосознания. Скорее наоборот. А ведь эта проблема, (Вы лучше меня знаете) наряду с воспитанием интернационализма, еще очень не скоро будет снята с повестки дня. Неужели во всей Татарии не нашлось руководителя татарина достойнее проходимца И. Ахметсафина? К чему такое самобичевание, и кому это нужно?

Со знанием многочисленных фактов утверждаю, что без положительных примеров, по представителям коренной национальности ни один официальный документ, тем более публикация для центральной прессы, просто-напросто не пропускается партийным, советским и т.д. руководством Алма-Аты. Если надо такие примеры, как говорится, притягиваются за уши. Я уверен, что Вам бы этого не понадобилось.

Два года тому назад по служебным делам мне посчастливилось впервые в своей жизни побывать на родине моих предков в Татарии, ну и конечно, в Казани. Какой разительный контраст с Алма-Атой! Практически вся наглядная агитация, вся реклама, все вывески, названия культурно-бытовых объектов и т.д., только на русском языке. И если бы не приветствие на вокзале «Рахим итегез Татарстанга!» да милый говор старушек в автобусах и трамваях можно было бы не поверить своему счастью.

А регистрация миллионного жителя Казани? Не думаю, что счастливая мать происходит из крещеных татар. Если даже и так, то ведь всем не объяснишь. В той же Алма-Ате, где всего 12% коренного населения в год 250-летия добровольного присоединения Казахстана к России, партийные органы подобрали молодую казахскую пару.

Почему и от чьего имени тов. Р. Сабилов на страницах «Правды» предлагает назвать будущий город строителей татарской автономной электростанции, Камскими Полями? Может быть достаточно Нижнекамска, Наб. Челнов, Зеленодольска, Чистополя, Спасска и т.д. и т.п.?

Почему, к примеру, не назвать город Джалиль? Ведь есть же в Казахстане город Джамбул, в Башкирии город Салават и т.д.!

Случайно ли, даже после сказанного здесь, что молодежь, некоторые комсомольские активисты, с которыми мне пришлось встречаться в Татарии, не знают истории собственного народа, предпочитают говорить на русском языке, переименовывают свои имена на русский лад? Более того, не собираются учить (я имею в виду не только школу) своих детей родному языку. Видите ли, они «боятся, что у детей будет татарский акцент».

Случайно ли, что корреспондент АПН, публикуя в «Правде» статью, посвященную 150-летию со дня рождения И.И.Шишкина, пишет, что его вдохновляла самая могучая русская природа? И это в Алабуге, в самом сердце исконной Волжской Булгарии.

Случайно ли, что первый секретарь Башкирского обкома КПСС тов. Шакиров М.З. в «Правде», в статье, по случаю 100-летия со дня рождения Акмуллы, ни словом не обмолвился о его связях с татарским народом, о том, что он учился и творил на татарском языке? А пишет в основном о его одиссее по Казахским степям.

Помня об обещании быть кратким, наконец, скажу о том, что и Вам инициал исказили в «Правде» за 22 марта 1982 года не случайно. В место Р. напечатали В. Мусин. Разве это не говорит об отношении?

Дорогой Рашид Мусинович, не подумайте, пожалуйста, что я национально или умственно ограничен. Обычно такими пространными и сумбурными письмами досаждают партийным комитетам различные «шизики». Я прекрасно понимаю, что процесс сближения, а затем и слияния наций (в далекой перспективе) необратим, диалектичен и объективен. Но стоит ли нам самим этим процессом понукать и искусственно его подталкивать?

С уважением Рашид Ахметшин. 28лет.

г. Алма-Ата.

P.S. По-возможности не ограничивайте тиражи журналов «Чаян», «Азат Хатын», «Казан утлары», «Ялкын», не лишайте нас (более 3 млн) волею злых судеб ушедших когда-то из Татарии, возможности совершенствоваться в родном языке, знать сегодняшнюю жизнь своей прекрасной прародины.

Спасибо огромное за литературу на татарском языке, продающуюся в алмаатинском магазине «Отан» (тат. Ватан), за регулярные гастроли мастеров татарской культуры.

ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 8, д. 1573, л. 20.

Опубликовано: Галлямова А.Г., Абдракипов И. «В ТАССР нет и духа от ленинской национальной политики» // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2007. – № 1. – С. 94-98.

№127

Письмо студента Казанского государственного университета И.П.Ильина в редакцию журнала ЦК ВЛКСМ «Комсомольская жизнь»

9 сентября 1985 г.

Здравствуйте, уважаемая редакция. Пишет вам студент Казанского гос[ударственного] университета Ильин Игорь Петрович. Вопрос, с которым к вам обращаюсь, сформулирую напрямую, без вступлений и пр[очего], дабы не занимать много времени (которого, кстати, перед сессией не хватает).

Как вы считаете, девальвировалось ли звание (марка что ли) комсомольца? Скажем относительно тридцатых годов? Ну, пусть, пятидесятых? Я считаю, что да.⁶⁵ Звание комсомольца, мягко выражаясь, потускнело и несколько утратило былое. Ну, спросите у первого встречного об этом. Конечно, и вполне естественно, он ответит, что комсомол — боевой орган, имеющий важное значение в... и для... и т. д. Я сам лично неоднократно встречался с такими комсомольцами (и не только), которые напрямую пренебрежительно и презрительно говорили о комсомоле. И доля правды в этом есть.

Предвижу вашу отрицательную реакцию на все это. Но не пора ли поставить ребром вопрос о дальнейшем повышении марки комсомольца? Так сказать, «заставить сиять заново» (как у Маяковского помните?).

Приведу (может быть не совсем адекватный) пример с падением престижности инженерного труда. По-моему, аналогия вполне подходящая.

Вы скажете: говорить и отвечать мы все умеем.

Предлагаю конкретные меры:

1) Резко ограничить прием в члены ВЛКСМ во многих случаях наблюдается чуть ли не насильственный прием в комсомол. А пренебрежение ко всему начинается именно с диалога:

— Ты что, рыжий что ли? Все вступают, а ты нет.

Вы скажете о добровольности. А между прочим, когда в первичной организации пройдет подобная «агитация», в райкомы ВЛКСМ пойдут сведения о великом желании вступить в члены ВЛКСМ всех желающих.

2) Исключать из членов ВЛКСМ всех, кто не достоин этого звания.

Вы скажете: перевоспитывать надо. Ну, о перевоспитании — вопрос особый. По-моему, перевоспитавшихся весьма малое количество по ср[авнению] с числом перевоспитуемых. И это хорошо, скажете вы. А, по-моему, все закладывается в довольно раннем возрасте, и упор нужно сделать [на] воспитание, а не [на] перевоспитывание. А у нас прямо скажем, недостаточно уделяется внимания подшефной организации. (Вы на время исключите и перевоспитайте на кр[айний] случай).

3) Предлагаю установить условия приема в члены ВЛКСМ. Ну, короче говоря, в 8-9 кл[ассах], по-моему, рановато (для многих) вступать в комсомол.

4) Пора начать эффективную борьбу с бюрократизмом и волоки́тством.

5) Пора кончать с показухой во многих случаях.

На этом кончаю, с комсомольским приветом Ильин И[горь] П[етрович].

⁶⁵ Здесь и далее выделение чертой соответствует выделению в документе.

Р. С. Прошу прощения за необычное письмо. Но если бы я его начал переписывать, то многое бы смягчил и приукрасил. А так выпалил [что] было на душе.

ЦГА ИПД РТ, ф. 4034, оп. 47, д. 21, л. 34-35.

Опубликовано: Бушуев А. «Звание комсомольца, мягко выражаясь, потускнело и несколько утратило былое...» // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2011. – № 3/4. – С. 127–128.

№ 128

Из письма члена Союза татарской молодежи «Азатлык» А. И. Фатхутдинова в редакцию газеты «Суверенитет»

Январь 1992 г.

г. Нижнекамск.

*Даже если Родина в пустыне,
все равно ее прекрасней нет.
Не бывает родин несколько,
родина — одна на много лет.*

(Р. Файзуллин)

«Национализм» в английском политическом словаре первоначально имело понятие, как национально-освободительное движение ирландцев. [...]

1902 год, проект программы РСДРП гласит: «п. 7. Признание права на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства»; 1913 год «п. 5. Вопрос о праве наций на самоопределение неправомерно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации».

И вот демократы решили вершить судьбу великой древней нации, которая на несколько веков раньше обрела свою культуру и письменность.

«Герб, флаг» захотели — получите у нас, есть вариант имперского покроя. «Независимость» надо — берите. Вот вам пустые вагоны, наместник нужен — пришлем. Парламент у вас плохо работает — пришлем вам [...] Кашея, Змея Горыныча и Синюю Бороду. Много у вас земли — проведем референдум и разделим ее между «центром» и «империей». Хотите свободы — пришлем ОМОН. [...]

Однако забыли демократы, любое унижение, ложь по отношению к другому — это слабость ума и неполноценность их голов, если они у них есть [...].

Наш народ не позволит никому задушить и уничтожить татарский народ. Народ, который веками создавал свою культуру, язык и письменность, оказав свою роль в развитии мировой культуры; который [...] жил дружно со всеми народами, голодал наравне с русскими, башкирами, украинцами..., сохранил тепло своего сердца ко всем, сейчас хотят представить человечеству как «изгой» «неполноценный народ».

Байрамова, Мулюков, Махмутов — вот идеалы морального единства и сплоченности народа, хранители рода великого.

Нам трудно бороться за суверенитет, но я уверен, что «империя» рухнет под чистотой идеалов татарского народа. [...]

Народы Татарстана сплотимся в рядах защитников, [за] свободу независимого государства — Татарстан.

Сплотимся вокруг Татарского общественного центра, партии «Иттифак», С[оюз] т[атарской] м[олодежи] «Азатлык», и «Суверенитет». Бүленмәс⁶⁶ Россия — Жир йөзендәге соңгы империя⁶⁷.

Фатхутдинов А.И., член С[оюза] т[атарской] м[олодежи] «Азатлык».

⁶⁶ «Бүленмәс» в переводе с татарского языка — «неделимая».

⁶⁷ «Жир йөзендәге соңгы империя» в переводе с татарского языка «последняя империя на Земле».

ЦГА ИПД РТ, ф. 8245, оп. 2, д. 6, л. 7-8 об.

Опубликовано: Бушуев А. «Звание комсомольца, мягко выражаясь, потускнело и несколько утратило былое» // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2011. – № 3/4. – С. 128.

№ 129

Декларация о государственном суверенитете Татарской Советской Социалистической Республики

Верховный Совет Татарской Автономной Советской Социалистической Республики,
-сознавая историческую ответственность за судьбу многонационального народа республики;
-свидетельствуя уважение к суверенным правам всех народов, населяющих Российскую Федерацию и Союз Советских Социалистических Республик;
-отмечая несоответствие статуса автономной республики интересам дальнейшего политического, экономического, социального и духовного развития ее многонационального народа;
-реализуя неотъемлемое право татарской нации, всего народа республики на самоопределение;

-стремясь создать демократическое правовое государство,

1. Провозглашает государственный суверенитет Татарии и преобразует ее в Татарскую Советскую Социалистическую Республику - Республику Татарстан.

2. Земля ее недр, природные богатства и другие ресурсы на территории Татарской ССР являются исключительной собственностью ее народа.

3. Татарская ССР гарантирует всем проживающим на ее территории гражданам независимо от их национальности, социального происхождения, вероисповедания, политических убеждений других различий равные права и свободы человека.

В Татарской ССР гарантируется равноправное функционирование татарского и русского языков в качестве государственных, сохранение и развитие языков других национальностей.

4. Впредь в качестве официального наименования государства в Конституции, других правовых нормативных актах, в государственной жизни употреблять «Татарская Советская Социалистическая Республика» («Татарская ССР», либо «Республика Татарстан»).

Высший орган государственной власти республики именовать «Верховный Совет Татарской Советской Социалистической Республики», а принимаемые им акты - актами Верховного Совета Татарской Советской Социалистической Республики.

5. Настоящая Декларация является основой для разработки Конституции Татарской ССР, развития законодательства Татарской ССР, участия Татарской ССР в подготовке и заключении Союзного договора, договоров с РСФСР и другими республиками, вынесения наиболее важных вопросов государственного строительства Татарской ССР и ее отношений с Союзом ССР, РСФСР и другими республиками на обсуждение ее народа. Конституция и законы Татарской ССР обладают верховенством на всей территории Татарской ССР.

6. До принятия новой Конституции Татарской ССР, других законов и нормативных актов Татарской ССР на территории Татарской ССР продолжают действовать законы и подзаконные акты Татарской ССР, РСФСР и Союза ССР, не противоречащие Декларации о государственном суверенитете Татарской ССР.

Настоящая Декларация вступает в силу с момента ее принятия.

Председатель Верховного Совета Татарской Советской Социалистической Республики

М. Шаймиев

г. Казань, 30 августа 1990 г.

Советская Татария. – 1990. – 31 августа.

Опубликовано: Мухаметшин Ф.Х. Республика Татарстан: от референдума до договора. /Общ. ред. Г.А.Исаев, Р.Г.Фатыхов. Предисл. Р.М.Харисов, И.Р.Тагиров. – Казань, 1995. – С. 144-145.

№ 130**Постановление Верховного Совета Татарской ССР
о проекте Союзного договора**

Верховный Совет Татарской ССР, выражая волю многонационального народа Республики Татарстан к созданию добровольного Союза суверенных государств:

- исходя из безусловного приоритета прав человека и общечеловеческих ценностей;
- выступая в поддержку исторического права народов на самоопределение и равноправие;
- стремясь к сохранению и углублению между всеми нациями и народностями Советского государства исторически сложившихся экономических и политических связей;
- отмечая необходимость признания суверенитета республик и разграничения полномочий между Союзом ССР и его субъектами на конституционно-договорной основе;

1. Проект Союзного договора принимает за основу. Считает, что скорейшее заключение Союзного договора является назревшей социально- политической задачей, условием достижения экономической стабильности, гармонизации межнациональных отношений, соблюдения прав и свобод человека, права личности, гарантией гражданского мира и согласия. Необходимым условием подписания договора считать разграничение собственности.

2. В соответствии с Декларацией о государственном суверенитете Татарской ССР от 30 августа 1990 года и Законом СССР от 26 апреля 1990 года «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации» заявляет о своей готовности выступить соучредителем Союза Суверенных Советских Республик, самостоятельно подписать Союзный договор и принять вытекающие из него высокие обязательства.

3. Образовать полномочную делегацию Республики Татарстан для подготовки официально-го текста Союзного договора и для его последующего подписания. Возложить на эту делегацию подготовку и подписание договора с РСФСР и другими суверенными республиками.

4. Поручить Президиуму Верховного Совета Татарской ССР обобщить предложения и замечания, высказанные в ходе обсуждения по проекту Союзного договора, и представить их в Верховный Совет СССР вместе с настоящим постановлением.

Председатель Верховного Совета Татарской ССР

М. Шаймиев

13 декабря 1990 г.

Социалистик Татарстан. – 1990. – 14 декабря.

Опубликовано: Белая книга Татарстана. Путь к суверенитету. (Сборник официальных документов). 1990-1995. – Казань, 1996. – С. 7-8.

№131**Заявление Верховного Совета Татарской Советской Социалистической Республики**

Мы живем в сложное время, время перемен и надежд.

Содружество народов нашей страны, соединенное тысячами живых нитей, стоит у опасной черты. Как показывает развитие событий в ряде регионов страны, один неверный, необдуман- ный шаг любой республики, края, области, города, политического лидера любого ранга - и мо- жет произойти непоправимое. И невозможно предугадать, сколько времени нужно будет тогда нашим потомкам, чтобы вновь собрать расколотые политическими амбициями и близорукостью части пока еще целого общества.

Есть ли шанс сохранить это целое? Да, шанс есть! Он в руках каждого человека, народа, ре- спублики, он в мудрости, чувстве реализма, гибкости органов власти и их руководителей.

Есть и средство для этого - Договор о Союзе суверенных республик. В нем - гарантия об- новления Союзного государства, соблюдения прав человека, независимо от национальности,

вероисповедания и других убеждений. Он - реальный путь к социальному и экономическому благополучию, гражданскому миру и согласию. Поэтому мы обращаемся к республикам с призывом активнее содействовать работе по завершению договора и скорейшему его подписанию.

Мы с огромным удовлетворением констатируем, что на вопрос Всесоюзного референдума - быть или не быть новому Союзу! - многонациональный народ Татарстана ответил: «Да!». Это воля народа, и она для нас - высший закон.

Руководствуясь этим волеизъявлением, опираясь на Декларацию о государственном суверенитете Татарской ССР, Верховный Совет подтверждает готовность Республики Татарстан подписать Союзный договор непосредственно и самостоятельно. В этом мы видим свой вклад в строительство обновленного Союза, где каждая суверенная республика явится тем монолитом, без которого нельзя возвести наш общий будущий дом.

Такими же святыми и чистыми помыслами продиктовано наше стремление заключить договор между Татарстаном и Российской Федерацией, который будет олицетворением демократических принципов самоопределения и равноправия, сотрудничества и взаимопомощи.

Наша позиция ясна и конструктивна. Она доведена до Президента СССР, Совета Федерации, руководства РСФСР. Мы надеемся на справедливую оценку этой позиции и ее поддержки Верховным Советом СССР, Верховным Советом РСФСР и всех братских республик.

16 апреля 1991 г.

Советская Татария. – 1991. – 17 апреля.

Опубликовано: Белая книга Татарстана. Путь к суверенитету. (Сборник официальных документов). 1990-1995. – Казань, 1996. – С. 8-9.

№132

Совместное заявление Президиума Верховного Совета Татарской ССР, Совета Министров Татарской ССР, Татарского рескома КПСС, Татарского рессовпрофа, Татарского рескома ВЛКСМ «Об участии Республики Татарстан в заключении Союзного договора»

Президенту СССР товарищу М.С.Горбачеву
Президиуму Верховного Совета СССР
Комитету Конституционного надзора СССР
Президиуму Верховного Совета РСФСР и
Президиумам других союзных республик

25 апреля 1991 года было опубликовано совместное заявление руководителей девяти союзных республик и Президента СССР «О безотлагательных мерах по стабилизации обстановки в стране и преодолению кризиса». Народ суверенной Республики Татарстан разделяет беспокойство, которым проникнуто заявление, вызванное озабоченностью все углубляющимся кризисом нашего общества, поразившим все сферы его политического, социального и экономического развития, поддерживает участников заявления в их стремлении наряду с попыткой анализа сложившейся обстановки открыто сказать не только о просчетах исторического прошлого, трудностях переходного периода, но и ошибках, допущенных в ходе перестройки, основополагающая цель которой - восстановление исторической справедливости.

Вместе с тем отдельные положения заявления о путях преодоления сложившейся ситуации вызывают серьезную озабоченность.

Ратую за повсеместное восстановление конституционного порядка, участники заявления вошли в противоречие с существующими законами, в частности с Законом «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами Федерации», а также постановлением IV Съезда народных депутатов СССР «Об общей концепции нового Союзного договора и порядке его заключения».

Заявление о подписании Союзного договора «делегациями названных республик» по существу отстраняет от его подписания Республику Татарстан, хотя проект Союзного договора разрабатывался совместно с участием полномочных представителей девяти союзных и всех бывших автономных республик. Фактически узкий круг руководителей союзных республик пытается решить судьбу Татарстана и других автономных республик, голосовавших на референдуме 17 марта 1991 года за обновленный Союз равноправных суверенных республик.

Суть решений Верховного Совета Татарской ССР после принятия Декларации о государственном суверенитете заключается в том, что Республика Татарстан рассматривает себя в качестве самостоятельного соучредителя Союза ССР наравне со всеми союзными республиками. Эта позиция не является сепаратистской, она направлена на ликвидацию ранжирования республик на союзные и автономные и на укрепление СССР как союза равноправных республик.

Татарская ССР имеет развитую экономику, положительное сальдо вывоза- ввоза, высокую степень интеграции народного хозяйства со всеми республиками страны. Попытка сегодня сохранить прежние структуры означает не что иное как возврат к не оправдавшему себя национально-государственному устройству страны. Наша позиция не означает разрыва сложившихся естественно-историческим путем связей с Россией. Сессия Верховного Совета Татарстана приняла решение об укреплении этих отношений на основе договора с РСФСР.

Татарстан со своим намерением быть соучредителем Союза ССР заявлял еще в 1922 году при создании СССР, затем в 1936 году при принятии Конституции СССР, однако личная позиция Сталина помешала реализовать волю народа республики. Попытка изменить статус Татарстана предпринималась в 60-е и 70-е годы. Наконец, 30 августа 1990 года Верховным Советом Татарстана единодушно была принята «Декларация о государственном суверенитете Татарской Советской Социалистической Республики», ставшая формой межнационального и гражданского согласия в республике.

В результате возникших за последние годы правовых и организационных предпосылок Республика Татарстан прошла исторический путь от автономии до суверенной государственности, что отнюдь не противоречит Конституции СССР. Поэтому любая попытка не учитывать реалии свершившегося является несостоятельной по сути, исключая «неукоснительное соблюдение действующих законов», противоречит принципам построения правового государства.

Совместное заявление в этой части не только принижает суверенитет, но и унижает достоинство народов Татарстана.

Руководствуясь волеизъявлением народа на Всесоюзном референдуме, Декларацией о государственном суверенитете, мы заявляем о твердой решимости и готовности Республики Татарстан подписать Союзный договор непосредственно и самостоятельно.

Советская Татария. – 1991. - 8 мая.

Опубликовано: Белая книга Татарстана. Путь к суверенитету. (Сборник официальных документов). 1990-1995. – Казань, 1996. – С. 9-11.

№133

Постановление Верховного Совета Татарской ССР «Об Акте государственной независимости Республики Татарстан»

Основываясь на Декларации о государственном суверенитете Татарской ССР, принимая во внимание создавшуюся ситуацию, при которой Республика Татарстан лишена квоты в Верховном Совете СССР и права участия в подписании Договора об экономическом сообществе независимых государств, Верховный Совет Татарской ССР постановляет:

1. Верховный Совет Республики Татарстан подтверждает свою приверженность принципам Декларации о государственном суверенитете Татарской ССР, не подлежащим какой-либо ревизии. Реализация этих принципов, реальное наполнение суверенитета является обязанностью всех органов государственной власти и управления.

2. Республика Татарстан, как суверенное государство, выражает волю и решимость иметь полноправное непосредственное представительство в Верховном Совете СССР, других государственных и межреспубликанских органах Союза ССР, их структурах, а также заявляет о своем праве участвовать в подготовке и заключении соглашений между республиками, затрагивающих интересы Республики Татарстан.

3. Учитывая чрезвычайную важность Акта о государственной независимости Татарстана, сознавая ответственность, которая возлагается в связи с этим на высшие органы власти республики, на ее многонациональный народ, поручить Кабинету Министров в месячный срок представить на рассмотрение Верховного Совета Татарской ССР анализ-прогноз изменения политико-правового, социально-экономического положения Республики Татарстан в результате принятия Акта о государственной независимости.

4. На основе рассмотрения представленных материалов Верховному Совету подготовить и провести всенародное голосование (референдум) граждан Республики Татарстан по вопросу о государственном статусе Республики Татарстан.

Председатель Верховного Совета Татарской ССР
Ф. Мухаметшин

г.Казань, 24 октября 1991 г.

Советская Татария. – 1991. – 26 октября; Социалистик Татарстан. – 1991. – 26 октября.

Опубликовано: Белая книга Татарстана. Путь к суверенитету. (Сборник официальных документов). 1990-1995. – Казань, 1996. – С. 11-12.

№134

Декларация о вхождении Республики Татарстан в Содружество независимых государств

Исходя из необходимости поиска выхода из политического и экономического кризиса, вызванного распадом Союза ССР;

разделяя стремление независимых и суверенных республик к объединению в равноправное содружество государств;

выражая волю многонационального народа Республики Татарстан к сохранению единой семьи народов, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности;

реализуя Декларацию о государственном суверенитете Республики Татарстан,

Верховный Совет Республики Татарстан заявляет о вхождении Республики Татарстан в Содружество независимых государств на правах учредителя.

Верховный Совет Республики Татарстан
г.Казань, 26 декабря 1991 г.

Советская Татария. – 1991. – 28 декабря.

Опубликовано: Белая книга Татарстана. Путь к суверенитету. (Сборник официальных документов). 1990-1995. – Казань, 1996. – С. 12.

№135

Постановление Верховного Совета Республики Татарстан «О проведении референдума Республики Татарстан по вопросу о государственном статусе Республики Татарстан»

Учитывая, что определение государственного статуса Республики Татарстан является важнейшим вопросом государственной жизни, затрагивает интересы каждого гражданина Респу-

блики Татарстан, и реализуя конституционный принцип осуществления государственной власти народом непосредственно путем референдума Верховный Совет Республики Татарстан постановляет:

1. Внести вопрос о государственном статусе Республики Татарстан для его решения на референдум Республики Татарстан.

2. Референдум провести 21 марта 1992 года.

3. Включить в бюллетень для голосования следующую формулировку вопроса, выносимого на референдум, и варианты ответов голосующих:

«Согласны ли Вы, что Республика Татарстан - суверенное государство, субъект международного права, строящее свои отношения с Российской Федерацией и другими республиками, государствами на основе равноправных договоров?»

«Да» или «Нет».

4. Установить, что в соответствии со статьей 19 Закона Республики Татарстан «О референдуме Республики Татарстан» полномочия Центральной комиссии референдума Республики Татарстан, проводимого 21 марта 1992 года, осуществляет Центральная комиссия по выборам народных депутатов Республики Татарстан, а полномочия районных, городских комиссий референдума осуществляют соответствующие районные, городские избирательные комиссии по выборам народных депутатов местных Советов.

5. Установить, что в референдуме не принимают участия лица, не имеющие постоянного места жительства на территории Республики Татарстан.

6. Президиуму Верховного Совета Республики Татарстан, местным Советам народных депутатов в строгом соответствии с Законом «О референдуме Республики Татарстан» обеспечить гарантии свободного волеизъявления граждан по вопросу, вносимому на референдум, исключить возможность оказания на граждан любого воздействия, препятствующего осуществлению ими права на участие в референдуме.

7. Пригласить представителей государств СНГ, республик Российской Федерации и представителей международных организаций, желающих принять участие по контролю за проведением референдума, в качестве наблюдателей.

8. Районным и городским Советам народных депутатов не позднее 25 февраля 1992 года обеспечить организацию участков и участковых комиссий референдума.

9. Кабинету Министров Республики Татарстан по представлению Центральной комиссии референдума Республики Татарстан в срок до 1 марта 1992 года решить вопросы материального и финансового обеспечения проведения референдума Республики Татарстан, обслуживания его предприятиями и организациями транспорта и связи.

10. Рекомендовать общественным объединениям, средствам массовой информации, их редакционным коллегиям обеспечить в доступных для широких слоев населения формах всестороннее и объективное разъяснение существа вопроса, выносимого на референдум, порядка голосования.

11. Результаты голосования определить по Республике Татарстан в целом.

12. В соответствии со статьей 1 Закона Республики Татарстан «О референдуме Республики Татарстан» решение, принятое путем референдума Республики Татарстан, является окончательным, имеет обязательную силу на всей территории Республики Татарстан и может быть отменено или изменено только путем нового референдума Республики Татарстан.

Председатель Верховного Совета Республики Татарстан

Ф. Мухаметшин

г.Казань, 21 февраля 1992 г.

Советская Татария. – 1992. – 25 февраля.

Опубликовано: Белая книга Татарстана. Путь к суверенитету. (Сборник официальных документов). 1990-1995. – Казань, 1996. – С. 13-14.

№ 136

Заявление Президиума Верховного Совета Республики Татарстан

В Президиум Верховного Совета Республики Татарстан поступают многочисленные письма трудовых коллективов и граждан с просьбами дать разъяснение вопроса, вынесенного на референдум 21 марта 1992 года, и актов о государственном суверенитете Республики Татарстан.

Руководствуясь п.7 статьи 101 Конституции Республики Татарстан, Президиум Верховного Совета Республики Татарстан дает официальное толкование: вопрос, вынесенный на референдум 21 марта 1992 года, не предусматривает выход или невыход Республики Татарстан из состава Российской Федерации и государственное обособление Татарстана от России.

Референдум имеет своей целью определить, отвечает ли интересам и воле народа Республики Татарстан конституированный Основным Законом республики переход ранее автономного Татарстана в статус суверенного государства, которое остается в едином с Российской Федерацией экономическом и геополитическом пространстве, но, исходя из общепризнанного принципа самоопределения и равноправия народов, соответственно строит свои отношения с Российской Федерацией, другими государствами, республиками по-новому, на основе равноправных договоров и делегирования на этой базе ряда правомочий органам Российской Федерации.

Под определением государственного статуса Республики Татарстан, о котором говорится в первом абзаце постановления Верховного Совета Республики Татарстан от 21 февраля 1992 года «О проведении референдума Республики Татарстан по вопросу о государственном статусе Республики Татарстан», следует понимать повышение ее статуса, предусмотренное Декларацией о государственном суверенитете Республики Татарстан.

Учитывая уже существующие экономические, культурные и иные связи между Республикой Татарстан и участниками Содружества независимых государств, которые в силу юридической природы Содружества фактически носят международно-правовой характер, а равно и развивающиеся связи с иностранными государствами, Республика Татарстан как государство должна обладать необходимым и естественным объемом международной правосубъектности, что и отражено в вопросе, вынесенном на референдум. Эти правомочия не имеет в виду выводить за рамки конституционного законодательства.

Поскольку вопрос, вынесенный на референдум 21 марта 1992 года, не предусматривает изменений в действующем конституционном законодательстве Республики Татарстан, которое уже исходит из суверенного статуса республики, основные положения Закона от 29 ноября 1991 года «О референдуме Республики Татарстан» не расходятся с мировой практикой выборов и плебисцитов, а также с соответствующими положениями Закона от 16 октября 1990 года «О референдуме РСФСР». Статья 35 Закона РСФСР, как и Закона о референдуме Республики Татарстан, устанавливает, что решения по вынесенным на референдум вопросам считаются принятыми, если за них проголосовало более половины граждан, принявших участие в референдуме.

Необходимость перехода от устаревших отношений субординации к отношениям координации неоднократно подтверждалась в ходе переговоров между официальными делегациями Республики Татарстан и Российской Федерации. Так, в Протоколе по итогам консультаций делегаций РСФСР и Республики Татарстан, состоявшихся 12-15 августа 1991 года в г.Москве, констатируется, что Российская Федерация, понимая и уважая стремление Республики Татарстан к обновлению и повышению ее статуса, согласилась ориентироваться на использование договорных форм регулирования своих отношений с нашей республикой, учитывающих приоритетные интересы обеих сторон. Соглашением Правительства Российской Федерации с Правительством Республики Татарстан об экономическом сотрудничестве от 22 января 1992 года предусмотрено, что стороны самостоятельно осуществляют внешнеэкономическую деятельность и заключают договоры по другим вопросам, представляющим взаимный интерес.

Что же касается юридической природы постановлений Верховного Совета Республики Татарстан от 24 октября 1991 года и от 21 февраля 1992 года, то они в целом являются правоприменительными актами, изданными во исполнение Декларации о государственном суверенитете

Республики Татарстан, действующей Конституции Республики Татарстан, Закона о референдуме Республики Татарстан, ст.4 Декларации о государственном суверенитете РСФСР, и направлены на практическую организацию референдума.

Президиум Верховного Совета обращает особое внимание на то, что акты о государственном суверенитете и референдуме Республики Татарстан ни в коей мере не посягают на государственную и территориальную целостность Российской Федерации. Они не дискриминируют и не разделяют граждан республики по национальному или религиозному признаку, а исходят из юридического равноправия граждан независимо от национальной принадлежности и вероисповедания, закрепляя татарский и русский в качестве государственных, безусловно сохраняют за всеми гражданами Республики Татарстан гражданство Российской Федерации, равно как и право граждан на добровольное изменение своего гражданства.

Все указанные акты Республики Татарстан соответствуют принципу свободного национально-государственного самоопределения народов, закрепленному статьей 4 Декларации о государственном суверенитете РСФСР и международно-правовым обязательствам Российской Федерации.

Советская Татария. – 1992. – 10 марта.

Опубликовано: Белая книга Татарстана. Путь к суверенитету. (Сборник официальных документов). 1990-1995. – Казань, 1996. – С. 14-16.

№137

Обращение Президиума Верховного Совета Республики Татарстан к народу Республики Татарстан в связи с Обращением Верховного Совета Российской Федерации к Верховному Совету, Президенту и народу Республики Татарстан

Дорогие сограждане!

21 марта 1992 года в соответствии с Конституцией Республики Татарстан впервые в нашей истории состоится референдум о государственном статусе Республики Татарстан - выражение подлинного народовластия.

Главная цель референдума - прямым и свободным волеизъявлением граждан подтвердить положения единогласно принятой Верховным Советом Декларации о государственном суверенитете Республики Татарстан, которая стала основой демократических преобразований, сохранения межнационального согласия, уважения прав человека независимо от его национальной принадлежности. Принципы и идеи Декларации нашли отражение в действующей Конституции, законах, а также межправительственных соглашениях Республики Татарстан со странами содружества, в том числе с Российской Федерацией.

Референдум позволит сделать решительный шаг по пути развития демократии, обеспечения прав человека в соответствии с международными нормами, подлинного самоуправления и экономической самостоятельности республики.

Референдум - это перспектива новых справедливых и взаимовыгодных отношений между народами России, перспектива подлинного Союза Татарстана и России, основанного на исторических связях России и Татарстана.

Непонятно, почему эти ясные и четкие цели референдума, а также демократическая процедура его проведения вызывают неприятие со стороны Верховного Совета России, тем более что сам Верховный Совет Российской Федерации постоянно заявляет о своей приверженности идеалам народовластия, а его лидеры неоднократно призывали Верховный Совет Татарстана решать вопросы статуса республики на основе референдума.

Президиум Верховного Совета Татарстана категорически отвергает обвинения Республики в сепаратизме, в стремлении «разорвать вековые связи татарского народа с другими народами и выйти из состава Российской Федерации», высказанные в Обращении Верховного Совета Российской Федерации.

Татарстан решал и будет решать все существующие проблемы только цивилизованным путем. Мы вновь заявляем о своей готовности продолжить полномасштабные переговоры с Российской Федерацией по политическим, экономическим и гуманитарным вопросам, и выражаем уверенность в том, что они завершатся подписанием Договора, который станет заметным вкладом в дело обновления не только Российской Федерации, но и в создание Союза Татарстана и России.

Проведение референдумов по наиболее важным вопросам жизни является неотъемлемым конституционным правом народа Республики, это право в соответствии с законом будет реализовано.

Дорогие сограждане!

Судьба республики, мир и согласие в нашем многонациональном доме, благосостояние каждого из нас зависит от осознанного, ответственного и взвешенного подхода граждан к вопросу о будущем Татарстана.

Президиум Верховного Совета Республики Татарстан
г.Казань, 6 марта 1992 г.

Советская Татария. – 1992. – 10 марта.

Опубликовано: Белая книга Татарстана. Путь к суверенитету. (Сборник официальных документов). 1990-1995. – Казань, 1996. – С. 16-17.

№138

Постановление Верховного Совета Республики Татарстан «О разъяснении формулировки вопроса референдума Республики Татарстан, назначенного на 21 марта 1992 года»

В связи с многочисленными просьбами граждан и трудовых коллективов официально разъяснить существо вопроса референдума Республики Татарстан 21 марта 1992 года, а также подтверждая Декларацию о государственном суверенитете Республики Татарстан и в соответствии с Конституцией Республики Татарстан, Верховный Совет Республики Татарстан постановляет:

1. Разъяснить, что целью референдума Республики Татарстан 21 марта 1992 года является подтверждение Декларации о государственном суверенитете Республики Татарстан.

2. Вопросы государственного обособления Республики Татарстан от Российской Федерации, изменения ее территориальной целостности и границ предметом проводимого референдума не является.

3. Республика Татарстан выступает за реформирование отношений с Российской Федерацией на основе Договора о делегировании полномочий.

4. Республика Татарстан гарантирует на своей территории равноправие всех граждан, соблюдение общепризнанных прав человека независимо от национальной принадлежности, вероисповедания и других признаков.

5. Республика Татарстан обеспечивает на своей территории двойное гражданство, равноправное функционирование татарского и русского языков в качестве государственных, сохранение и развитие языков и культур других национальностей.

Председатель Верховного Совета Республики Татарстан

Ф.Х. Мухаметшин

г.Казань, 16 марта 1992 г

Советская Татария. – 1992. – 18 марта.

Опубликовано: Белая книга Татарстана. Путь к суверенитету. (Сборник официальных документов). 1990-1995. – Казань, 1996. – С. 18-19.

№139

**Постановление Верховного Совета Республики Татарстан
«О мерах по реализации государственного суверенитета Республики Татарстан,
вытекающих из итогов референдума о статусе Республики Татарстан,
состоявшегося 21 марта 1992 года»**

Заслушав и обсудив доклад Председателя Верховного Совета Республики Татарстан Мухаметшина Ф.Х. о мерах по реализации государственного суверенитета Республики Татарстан, вытекающих из итогов референдума о статусе Республики Татарстан, состоявшегося 21 марта 1992 года, Верховный Совет Республики Татарстан постановляет: 1. Государственным органам, должностным лицам и общественным организациям Республики Татарстан, расположенным на ее территории, в своей деятельности исходить из того, что по итогам референдума Республика Татарстан есть суверенное государство, субъект международного права, строящее свои отношения с Российской Федерацией и другими республиками, государствами на основе равноправных договоров. 2. Обратиться к государствам и международным организациям с предложением строить отношения с Республикой Татарстан согласно ее новому государственному статусу.

Председатель Верховного Совета Республики Татарстан
Ф.Х. Мухаметшин
г.Казань, 21 мая 1992 г

Советская Татария. – 1992. – 21 мая.

Опубликовано: Белая книга Татарстана. Путь к суверенитету. (Сборник официальных документов). 1990-1995. – Казань, 1996. – С. 19.

№140

**Сообщение Центральной комиссии референдума
об итогах референдума Республики Татарстан 21 марта 1992 года**

Общее число районных, городских комиссий	60
Общее число участков для голосования	2611
Число участков, по которым представлены сведения	2611

На основании протоколов районных, городских комиссий референдума о результатах голосования на референдуме Республики Татарстан по вопросу: «Согласны ли Вы, что Республика Татарстан - суверенное государство, субъект международного права, строящее свои отношения с Российской Федерацией и другими республиками, государствами на основе равноправных договоров?»

Центральная комиссия референдума определила:

1. Общее число граждан, имеющих право участвовать в референдуме	2.600.297
2. Число граждан, получивших бюллетени для голосования	2.134.271
3. Число граждан, принявших участие в голосовании	2.132.351
4. Число граждан, ответивших «Да»	1.309.056
5. Число граждан, ответивших «Нет»	794.444
6. Число бюллетеней, признанных недействительными	28.851

На основании вышеизложенного и в соответствии со ст.33 Закона Республики Татарстан «О референдуме Республики Татарстан» Центральная комиссия референдума Республики Татарстан установила:

Вопрос, вынесенный на референдум Республики Татарстан 21 марта 1992 года: «Согласны ли Вы, что Республика Татарстан - суверенное государство, субъект международного права, строящее свои отношения с Российской Федерацией и другими республиками, государствами на основе равноправных договоров?» считается принятым - за него проголосовало более половины граждан республики Татарстан, принявших участие в голосовании.

Председатель комиссии

Галеев И.Х.

Зам.председателя комиссии

Нарышкин Н.В.

Секретарь комиссии

Зарипов Д.В.

Члены комиссии: 1. А.Б.Багаутдинов., 2. Р.М.Бекбаев, 3. М.Ф.Долгов, 4. А.В.Заботин, 5. А.А.Захарова, 6. Ф.А.Ильдарханова, 7. К.С.Миннебаев, 8. Н.К.Набиуллина, 9. Л.Н.Певнева, 10. А.Д.Ряднов, 11. М.А.Сайфутдинова, 12. А.М.Салабаев, 13. Н.Ф.Сидоров, 14. Т.Н.Соломенцева, 15. М.Ф. Файзрахманов, 16. Р.Х. Халиуллин, 17. С.Е.Ячменев

25 марта 1992 года

Советская Татария. – 1992. – 26 марта.

№141

Законодательная инициатива Верховного Совета Республики Татарстан

Председателю Конституционной комиссии
Российской Федерации Ельцину Б.Н.

Уважаемый Борис Николаевич!

В связи с разработкой новой Конституции Российской Федерации-России Верховный Совет Республики Татарстан, используя право законодательной инициативы, в соответствии со статьей 110 действующей Конституции Российской Федерации вносит предложения:

1. Из статьи 56 исключить слова: «Республика Татарстан (Татарстан)».
2. Включить дополнительно статью 56.1 следующего содержания: «Республика Татарстан - суверенное государство, субъект международного права, ассоциированное с Российской Федерацией-Россией на основе Договора о взаимном делегировании полномочий и предметов ведения».

Председатель Верховного Совета Республики Татарстан

Ф.Х.Мухаметшин

г.Казань, 4 июня 1993 г.

Опубликовано: Белая книга Татарстана. Путь к суверенитету. (Сборник официальных документов). 1990-1995. – Казань, 1996. – С. 25.

№142

Заявление Президента и Председателя Верховного Совета Республики Татарстан

Мы, полномочные представители Республики Татарстан, выражаем свою обеспокоенность ходом первого этапа работы Конституционного совещания и его органов. Принимая деятельное участие в обсуждении проекта Конституции Российской Федерации, мы исходили из того, что в Новом Основном Законе найдут отражение и получат правовое закрепление необратимые политические перемены, происшедшие в республике за последние годы.

Руководство Российской Федерации, став первопроходцем политического реформирования исторически отживших принципов государственно-правового устройства страны, положило начало глубоким демократическим преобразованиям во всех республиках и регионах.

В Декларации о государственном суверенитете Российской Федерации закреплена неукоснительная приверженность ее общепризнанным нормам международного права в отстаивании и уважении коренных интересов народов. Провозглашенный во имя высших целей государственный суверенитет Российской Федерации стал гарантом реализации неотъемлемого права каждого народа на самоопределение в избранных им национально-государственных формах. Был дан мощный импульс необратимым переменам в бывших автономиях. Историческая воля наших народов, вековые чаяния обретения подлинной государственности получили свое закрепление в принятой Декларации о государственном суверенитете Республики Татарстан, в итогах референдума о государственном статусе Татарстана и принятой новой Конституции республики.

Вместе с тем в подготовленном на первом этапе Конституционным совещанием проекте налицо стремление умалить, дискредитировать саму идею становления качественно нового типа федеративных отношений. Игнорируется законодательная инициатива Республики Татарстан о новом видении федерализма в России, о конституировании в ее Основном Законе положения о договорно-конституционных отношениях между Республикой Татарстан и Российской Федерацией-Россией.

Нельзя создавать новую Конституцию Российской Федерации, определяющую судьбу ее многонациональных народов, в угоду амбициям определенных политических кругов, нельзя не считаться с интересами республик.

Все это порождает обоснованные сомнения в приверженности авторов проекта идеям новой государственности и реформирования Российской Федерации на подлинно демократических началах. Нельзя с позиций вчерашнего дня принимать политические решения, идущие вразрез с волеизъявлением многонационального народа. Конституция обновляющейся Российской Федерации должна создаваться на основе учета объективно сложившихся реалий, укоренившихся в сознании людей за годы перестройки. Только такой Основной Закон может стать надежным гарантом соблюдения прав, свобод личности и народов.

Считая невозможным в этих условиях свое дальнейшее участие в работе Конституционного совещания и его органов, выражаем уверенность, что в дальнейшем политическая мудрость, добрая воля возобладают в решении судьбоносных вопросов, и остаемся приверженными нашему стремлению строить отношения между Республикой Татарстан и Российской Федерацией на основе Договора о взаимном делегировании полномочий.

Президент
Республики Татарстан

М.Ш. Шаймиев

24 июня 1993 года

Председатель Верховного Совета
Республики Татарстан

Ф.Х. Мухаметшин

Советская Татария. – 1993. – 26 июня.

Опубликовано: Белая книга Татарстана. Путь к суверенитету. (Сборник официальных документов). 1990-1995. – Казань, 1996. – С. 26-27.

№143

Результаты всенародного голосования по проекту Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 года в Республике Татарстан Протокол Окружной комиссии по Татарстанскому избирательному округу 16

На основании 2614 протоколов участковых комиссий о результатах голосования окружная комиссия установила:

Общее число граждан, имеющих право участвовать во всенародном голосовании, зарегистрированных по округу	2 638 886
Число бюллетеней, выданных в день всенародного голосования и оставленных ранее проголосовавшими гражданами	367 088
Число бюллетеней для голосования, обнаруженных в избирательных ящиках	366 220
Число недействительных бюллетеней	13 434
Число бюллетеней, признанных действительными	352 786
Число действительных голосов, поданных за принятие Конституции Российской Федерации	264 028
Число голосов, поданных против принятия Конституции Российской Федерации	88 758

Председатель комиссии	Гусева Л.А.
Зам. председателя комиссии	Гараев Ф.Г.
Секретарь комиссии	Ибрагимов Л.Х.
Члены комиссии:	
Белов Н.П.	Гельмутдинов А.Г.
Гильфанов И.Х.	Жадобов А.А.
Зайцев В.И.	Зюзина А.И.
Комиссаров В.И.	Кузнецова Л.А.
Сафина Ф.Г.	Тимиргалеев Д.Ш.
Хабибуллина М.К.	Халиуллин Ф.К.

Опубликовано: Белая книга Татарстана. Путь к суверенитету. (Сборник официальных документов). 1990-1995. – Казань, 1996. – С. 27-28.

№144

Официальное письмо Президента Республики Татарстан М.Шаймиева Президенту Российской Федерации Б.Ельцину

Уважаемый Борис Николаевич! Согласно договоренности с Вами направляю состав официальной делегации Татарской ССР для решения вопроса о порядке подписания Союзного договора делегацией Татарской ССР и подготовки двустороннего Договора Республики Татарстан и РСФСР.

1. Руководитель Лихачев В.Н.	Вице-президент Татарской ССР, доктор юридических наук, профессор
2. Газизуллин Ф.Р.	зам. Премьер-министра Татарской ССР, кандидат экономических наук
3. Железнов Б.Л.	доктор юридических наук, профессор, член Комитета конституционного надзора Татарской ССР
4. Хафизов Р.Ш.	председатель постоянной Комиссии Верховного Совета Татарской ССР, кандидат юридических наук
5. Тагиров И.Р.	доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Казанского госуниверситета

Одновременно прошу после определения Вами соответствующей группы для этих целей назначить время начала их работы.

Президент Татарской ССР
М. Шаймиев
30 июля 1991 г.

Опубликовано: Белая книга Татарстана. Путь к суверенитету. (Сборник официальных документов). 1990-1995. – Казань, 1996. – С. 30.

№145

**Распоряжение Президента Российской Советской
Федеративной Социалистической Республики
«О составе делегации РСФСР для согласования с Татарской ССР позиций
по экономическим и правовым вопросам»**

Для проведения консультаций и согласования позиций по экономическим и правовым вопросам с Татарской ССР утвердить официальную делегацию в составе:

БУРБУЛИС Геннадий Эдуардович - Государственный секретарь РСФСР, Секретарь Государственного Совета при Президенте РСФСР (руководитель делегации)

ВОРОНИН Юрий Михайлович - Председатель Комиссии по бюджету, планам, налогам и ценам Совета Республики Верховного Совета РСФСР

ЛОБОВ Олег Иванович - Первый заместитель Председателя Совета Министров РСФСР

СТАНКЕВИЧ Сергей Борисович - Государственный советник РСФСР по взаимодействию с общественными объединениями

ФЕДОРОВ Николай Васильевич - Министр юстиции РСФСР

ШАХРАЙ Сергей Михайлович - Государственный советник РСФСР по правовой политике

ШЕЛОВ-КОВЕДЯЕВ Федор Вадимович - Председатель подкомитета по межреспубликанским отношениям Комитета по вопросам межреспубликанских отношений, региональной политике и сотрудничеству Верховного Совета РСФСР

Управлению Делами Администрации Президента РСФСР осуществить необходимые организационно-технические мероприятия по обеспечению работы делегаций.

Президент РСФСР
Б.Ельцин
9 августа 1991 г.

Опубликовано: Белая книга Татарстана. Путь к суверенитету. (Сборник официальных документов). 1990-1995. – Казань, 1996. – С. 30-31.

№146

**Протокол по итогам консультаций делегаций Российской Советской Федеративной
Социалистической Республики и Республики Татарстан,
состоявшихся 12-15 августа 1991 года в городе Москве**

В ходе консультаций состоялся обмен мнениями по широкому кругу вопросов политико-правовых и экономических отношений Российской Советской Федеративной Социалистической Республики с Республикой Татарстан.

Принимая во внимание принципы Деклараций о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и Республики Татарстан, учитывая исторические, экономические, культурные и иные связи своих народов, исходя из понимания необходимости строить свои отношения на новых началах и стремясь к их дальнейшему развитию, делегации согласились о нижеследующем:

1. Понимая и уважая стремление Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и Республики Татарстан как участников Договора о Союзе суверенных государств к обновлению и повышению их статуса, ориентироваться на использование договорных форм регулирования отношений Российской Советской Федеративной Социалистической Республики с Республикой Татарстан, учитывающих их приоритетные интересы без ущемления интересов других республик и Союза в целом.

2. Углублять и совершенствовать хозяйственные связи и взаимовыгодное сотрудничество на основе единого экономического пространства, развития рыночных отношений, стимулирования предпринимательства и социальной защиты населения.

3. Гарантировать соблюдение и защиту прав и законных интересов граждан независимо от национальных, конфессиональных и иных различий.

4. Способствовать развитию национальных культур и языков.

5. Признать целесообразным продолжить консультации в городах Москве и Казани.

В консультациях приняли участие:

со стороны Российской Федерации

О.Лобов

С.Станкевич

Н.Федоров

С.Шахрай

Ф.Шелов-Коведяев

Р.Хафизов

Руководитель делегации

Российской Федерации

Г.Бурбулис

со стороны Республики Татарстан

Ф.Газизуллин

Б.Железнов

Ф.Сафиуллин

И.Тагиров

Р.Хакимов

Руководитель делегации

Республики Татарстан

В.Лихачев

Опубликовано: Белая книга Татарстана. Путь к суверенитету. (Сборник официальных документов). 1990-1995. – Казань, 1996. – С. 31-32.

№147

Протокол по итогам консультаций рабочей группы Верховного Совета и Совета Министров Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и делегации Республики Татарстан, состоявшихся 3-4 октября 1991 года в городе Казани

В соответствии с протоколом по итогам консультаций делегаций Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и Республики Татарстан, состоявшихся 12-15 августа 1991 года в городе Москве, исходя из договоренности об углублении и совершенствовании хозяйственных связей и взаимовыгодного сотрудничества на основе единого экономического пространства,

участники консультаций согласились о нижеследующем:

1. Признать необходимым ориентироваться на развитие отношений между РСФСР и Татарской ССР на договорной основе.

2. Считать целесообразным принятие согласованных решений по следующим вопросам взаимного экономического сотрудничества в 1992 году:

–обеспечение поставок продукции производственного назначения (включая сырье и материалы) и товаров народного потребления;

–проведение политики ценообразования;

–реорганизация бюджетной и налоговой системы;

–осуществление внешнеэкономической деятельности, включая квотирование и лицензирование продукции;

–разработка, добыча и реализация (в том числе на экспорт) природных ресурсов, прежде всего нефти и газа;

–экологическая политика.

При этом исходить из необходимости достижения договоренностей по широкому кругу социально-экономических и политических вопросов развития отношений РСФСР и Татарской ССР.

3. Участники подтвердили готовность продолжить консультации в октябре 1991 года в г. Москве.

В консультациях приняли участие:
со стороны Российской Федерации:

М.Дмитриев

Н.Богаенко

О.Тиунов

Г.Кальван

Н.Карцев

Ю.Мельник.

В.Лихачев

Р.Шамгунов

Ф.Газизуллин

Д.Нагуманов

Ф.Сафиуллин

Ф.Хамидуллин

со стороны Республики Татарстан

Руководитель рабочей
группы РСФСР
Д.Дмитриев

Руководитель делегации
Республики Татарстан
В. Лихачев

г. Казань, Кремль.
4 октября 1991 г.

Опубликовано: Белая книга Татарстана. Путь к суверенитету. (Сборник официальных документов). 1990-1995. – Казань, 1996. – С. 33-34.

№148

Соглашение Правительства Российской Федерации с Правительством Республики Татарстан об экономическом сотрудничестве

Правительство Российской Федерации и Правительство Республики Татарстан, далее именуемые «Стороны», исходя из сложившихся между ними традиционных связей, учитывая заинтересованность обеих Сторон в дальнейшем развитии и углублении взаимовыгодного экономического сотрудничества на долгосрочной и стабильной основе, согласились о нижеследующем:

Статья 1. Стороны подтверждают, что земля, ее недра, воды и природные ресурсы, расположенные на территории Республики Татарстан, являются достоянием ее народа. Стороны признают наличие на территориях республик федеральной, республиканской (Республики Татарстан) и совместной собственности, которая формируется с учетом взаимной заинтересованности и по их добровольному согласию.

Статья 2. На основе взаимной экономической заинтересованности и ответственности Стороны выступают за сохранение общего экономического пространства и развитие сложившихся хозяйственных связей между предприятиями, объединениями и хозяйственными субъектами. Стороны будут оказывать им содействие в сохранении на 1992 год объема поставок продукции, как правило, не ниже уровня 1991 года. Номенклатура и объем взаимных поставок важнейших видов продукции для государственных нужд регулируются специальным соглашением.

Статья 3 Выступая за расширение межреспубликанских отношений, Стороны подтверждают необходимость осуществления совместных целевых комплексных программ по вопросам науки и техники, конверсии, экологии и других сфер социально-экономического развития. Россия обеспечивает финансирование перепрофилирования производств тех предприятий и организаций, целесообразность конверсии которых будет признана Сторонами.

Статья 4. Стороны исходят из того, что воинские части, военные учреждения и учебные заведения, расположенные в Республике Татарстан, обеспечиваются всеми видами материальных, продовольственных и энергетических ресурсов из фондов Объединенных Вооруженных Сил. Стороны участвуют в формировании этих фондов. На территории Республики Татарстан земли, переданные для их размещения, остаются исключительной собственностью Республики Татарстан.

Статья 5. Перемещение товаров и услуг на территориях республик и между ними осуществляется на свободной основе. Каждая из Сторон обеспечивает режим беспрепятственного и беспошлинного передвижения по своей территории транспорта, грузов и продукции, отправляемых другой Стороной (или хозяйствующими субъектами) ей или третьим сторонам (в том числе и за границу) по воздушным, морским, речным, железнодорожным и шоссейным путям, а также по трубопроводному транспорту.

Статья 6. Стороны признают, что Республика Татарстан на своей территории самостоятельно контролирует разработку, добычу и реализацию природных ресурсов, прежде всего нефти и продуктов нефтегазохимпереработки. Поставки их для России производятся на основе взаимовыгодных ежегодно заключаемых договоров. Поставки нефти на 1992 год определены в объеме согласно приложению к настоящему Соглашению.

Статья 7. Стороны самостоятельно осуществляют внешнеэкономическую деятельность, кроме котируемой и лицензированной продукции. Стороны ежегодно утверждают согласованные квоты на экспорт продукции, производимой на территории Республики Татарстан. Выдача лицензий в пределах согласованных квот осуществляется по решениям Правительства Республики Татарстан через уполномоченного Комитета внешнеэкономических связей России в Республике Татарстан. В случае превышения согласованных квот РСФСР приостанавливает действие выданных лицензий. На территории Сторон действует единая таможенная система.

Статья 8. Стороны осуществляют согласованную политику в области социальных гарантий и занятости: заключают специальные соглашения по регулированию миграционных процессов, принимают взаимные обязательства по социальной защите, пенсионному обеспечению и социальному страхованию.

Статья 9. Стороны сотрудничают в сферах науки, образования, здравоохранения и культуры. Подведомственность соответствующих учреждений и организаций, расположенных на территории Республики Татарстан, и участие каждой из Сторон в обеспечении их деятельности определяются соглашениями Сторон.

Статья 10. Стороны, исходя из целостности и неделимости природной среды, и сохраняя полную самостоятельность в принятии соответствующих решений, координируют мероприятия по предотвращению экологических катастроф, совместно вырабатывают единый комплексный подход к оценке состояния природной среды и принимают меры по ее стабилизации и защите.

Статья 11. Стороны договорились о том, что в согласованные сроки будут подписаны предусмотренные настоящим Соглашением специальные соглашения по направлениям сотрудничества, представляющим взаимный интерес.

Статья 12. При правительствах создаются постоянные представительства Сторон с равными полномочиями. Стороны выделяют помещения и создают необходимые условия для их работы.

Статья 13. Стороны будут совместно рассматривать возникающие в процессе реализации Соглашения проблемы и принимать меры к их решению. Для контроля за ходом выполнения Соглашения, координации действий создается межправительственная комиссия, которая проводит совместные заседания поочередно в городах Москве и Казани.

Статья 14. Настоящее Соглашение заключается на пять лет и вступает в силу со дня его подписания. При невыполнении принятых обязательств Соглашение может быть расторгнуто любой из Сторон с предварительным уведомлением другой Стороны не менее чем за 12 месяцев. Совершено в г.Москве «22» января 1992 года в двух экземплярах, каждый на русском и татарском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

Заместитель Председателя
Правительства Российской Федерации
Е.Гайдар

Премьер-министр
Республики Татарстан
М.Сабилов

Опубликовано: Белая книга Татарстана. Путь к суверенитету. (Сборник официальных документов). 1990-1995. – Казань, 1996. – С. 34-37.

№149

Протокол по итогам консультаций делегаций Российской Федерации и Республики Татарстан 30 марта-2 апреля 1992 г. в г.Москве

В ходе консультаций состоялся обмен мнениями по широкому кругу вопросов политико-правовых, экономических и гуманитарных отношений Российской Федерации и Республики Татарстан.

Принимая во внимание Декларацию о государственном суверенитете Российской Федерации и Декларацию о государственном суверенитете Республики Татарстан и процессы их реализации, учитывая исторические, экономические, культурные и иные связи своих народов, руководствуясь желанием сохранить целостность Российской Федерации, исходя из понимания необходимости строить свои отношения на новых конституционных и договорных началах и стремясь к их дальнейшему развитию, делегации согласились о нижеследующем:

1. О необходимости установить особые отношения Республики Татарстан с Российской Федерацией.

2. О скорейшей реализации межправительственного соглашения Российской Федерации и Республики Татарстан об экономическом сотрудничестве от 22 января 1992 г. и его дальнейшего развития с целью укрепления экономического суверенитета Республики Татарстан на основе единого экономического пространства.

3. О гарантиях обеспечения прав и свобод человека независимо от национальных, конфессиональных и иных различий, включая регулирование вопросов гражданства, равноправное функционирование татарского и русского языков.

В ходе консультаций были обсуждены проект двустороннего Договора о делегировании полномочий, представленный делегацией Татарстана, и предложение делегации Российской Федерации о присоединении Республики Татарстан к Федеративному договору.

Стороны договорились продолжить консультации в г.г.Казани и Москве в апреле-мае 1992 г.

В консультациях приняли участие:

Со стороны Российской Федерации:

С. Шахрай, В. Тишков, С. Станкевич, В. Подопригора, В. Шамшуров, Е. Кузьмин, А. Киринов, А. Кричевский

Со стороны Республики Татарстан:

А. Колесник, Р. Хафизов, И. Тагиров, Р. Хакимов, Ф. Газизуллин, И. Юсупов, Г. Кобелев, Ф.Сафиуллин

Руководитель делегации Российской Федерации
Руководитель делегации Республики Татарстан

Г. Бурбулис
В. Лихачев

Опубликовано: Белая книга Татарстана. Путь к суверенитету. (Сборник официальных документов). 1990-1995. – Казань, 1996. – С. 37-38.

№150**Коммюнике по итогам встречи рабочих комиссий
федеральных органов государственной власти Российской Федерации
и органов государственной власти Республики Татарстан**

2 июля 1992 года состоялось очередное заседание рабочих комиссий федеральных органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти Республики Татарстан, на котором был обсужден предложенный Татарстаном проект Договора.

В ходе обсуждения проекта Договора стороны определились в следующем: о необходимости создания экспертных групп для детальной подготовки Договора; о придании динамичности процессу переговоров с целью их завершения в июле-августе текущего года; о рекомендации экспертам в дальнейшей работе над проектом Договора исходить из статуса суверенной Республики Татарстан; необходимости закрепления ее международной правосубъектности; принципов территориальной целостности; безусловного соблюдения прав человека, независимо от национальной принадлежности, вероисповедания и иных различий; уважения к истории, традициям, культуре, языку и национальному достоинству народов; согласованного взаимораспределения предметов ведения и полномочий по широкому кругу вопросов.

Руководители рабочих комиссий:

от Российской Федерации:

заместитель Председателя

Верховного Совета Российской Федерации

Ю.Яров

от Республики Татарстан:

Вице-президент Республики Татарстан

В.Лихачев

Советская Татария. – 1992. – 4 июля.

Опубликовано: Белая книга Татарстана. Путь к суверенитету. (Сборник официальных документов). 1990-1995. – Казань, 1996. – С. 38-39.

№151**Распоряжение Президента Российской Федерации
о делегации федеральных органов власти Российской Федерации
для переговоров по разграничению полномочий с Республикой Татарстан**

Образовать делегацию федеральных органов власти Российской Федерации для переговоров с Республикой Татарстан в составе:

БУРБУЛИС Геннадий Эдуардович - Государственный секретарь при Президенте Российской Федерации руководитель делегации

ЯРОВ Юрий Федорович - заместитель Председателя Верховного Совета Российской Федерации - заместитель руководителя делегации

ТИШКОВ Валерий Александрович - Председатель Государственного комитета Российской Федерации по национальной политике, Министр Российской Федерации - заместитель руководителя делегации

АБДУЛАТИПОВ Рамазан Гаджимурадович - Председатель Совета Национальностей Верховного Совета Российской Федерации

ГЕН Николай Леонидович - заместитель председателя Комиссии Совета Национальностей по национально-государственному устройству и межнациональным отношениям Верховного Совета Российской Федерации

СТАНКЕВИЧ Сергей Борисович - советник Президента Российской Федерации

ГРАНБЕРГ Александр Григорьевич - советник Президента Российской Федерации

ТУРБИН Виталий Борисович - заместитель Министра внутренних дел Российской Федерации

КОРОЛЕВ Станислав Андреевич - заместитель Министра финансов Российской Федерации
МИРОНОВ Валерий Иванович - заместитель Министра обороны Российской Федерации,
генерал-полковник

МИРОШИН Борис Владимирович - заместитель начальника Отдела Государственно-
правового управления Президента Российской Федерации

ЮСУПОВ Магомед Юсупович - заместитель Министра экономики Российской Федерации
Наделить делегацию федеральных органов власти Российской Федерации всеми полномо-
чиями для переговоров и парафирования соглашений.

Результаты переговоров представить Президенту Российской Федерации.

Для обеспечения деятельности делегации федеральных органов власти Российской Федера-
ции утвердить группу советников-экспертов:

САЛИКОВ Рашид Абдулович

КОСИКОВ Игорь Георгиевич

БОЛТЕНКОВА Любовь Федоровна

ДАНИЛОВ Евгений Алексеевич

МУКАЕД Александр Львович

Президент Российской Федерации Б.Ельцин

14 июля 1992 г.

Собрание актов президента и правительства Российской Федерации. - 1992. - №3.

Опубликовано: Белая книга Татарстана. Путь к суверенитету. (Сборник официальных доку-
ментов). 1990-1995. – Казань, 1996. – С. 39-40.

№152

Официальное письмо Совета Национальностей Верховного Совета Российской Федерации

Первому заместителю Председателя
Верховного Совета Российской Федерации
Филатову С.Л.

Прошу Вашего согласия командировать сроком на 3 дня (с 13.08.92 г. по 15.08.92 г.) для уча-
стия в работе над проектом Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между
федеральными органами государственной власти Российской Федерации и Республикой Татарстан
экспертов от Верховного Совета Российской Федерации, Государственно-правового управления
Президента Российской Федерации, Министерства обороны Российской Федерации, Госкомнаца
Российской Федерации, Конституционной комиссии и Института этнологии и антропологии:

1. БОЛТЕНКОВА Любовь Федоровна - зав.сектором по обеспечению законодательной дея-
тельности Совета Национальностей ВС РФ, руководитель группы
2. ГРИЩЕНКО Геннадий Петрович - эксперт МО РФ
3. ДАНИЛОВ Евгений Алексеевич - эксперт Конституционной комиссии
4. ДУБИНИН Анатолий Васильевич - эксперт ГПУ Президента
5. САЛИКОВ Рашид Абдулович - эксперт Госкомнац РФ
6. КОСИКОВ Игорь Георгиевич - эксперт Института этнологии и антропологии

Заместитель Председателя Совета Национальностей В. Сыроватко

12 августа 1992 г.

Опубликовано: Белая книга Татарстана. Путь к суверенитету. (Сборник официальных доку-
ментов). 1990-1995. – Казань, 1996. – С. 40-41.

№153**Распоряжение Президента Республики Татарстан О делегации Республики Татарстан для переговоров по подготовке Договора о делегировании полномочий между Российской Федерацией и Республикой Татарстан**

Образовать делегацию Республики Татарстан для переговоров с Российской Федерацией в составе:

ЛИХАЧЕВ Василий Николаевич - вице-президент Республики Татарстан - руководитель делегации

ВАЛЕЕВА Зия Рахимьяновна - первый заместитель Председателя Верховного Совета Республики Татарстан - заместитель руководителя делегации

ХАМИДУЛЛИН Фильзя Гарифович - вице-премьер Республики Татарстан - заместитель руководителя делегации

КОБЕЛЕВ Гелий Васильевич - председатель постоянной комиссии Верховного Совета Республики Татарстан

КОЛЕСНИК Алексей Алексеевич - председатель постоянной комиссии Верховного Совета Республики Татарстан

ХАФИЗОВ Рустем Шамильевич - председатель постоянной комиссии Верховного Совета Республики Татарстан

ХАКИМОВ Рафаэль Сибгатович - советник Президента Республики Татарстан

АРСЛАНОВ Шаукат Рауфович - министр внешнеэкономических связей Республики Татарстан

НАГУМАНОВ Дмитрий Нагуманович - министр финансов Республики Татарстан

САЛАБАЕВ Альберт Михайлович - министр юстиции Республики Татарстан

САФИУЛЛИН Фандас Шакирович - председатель постоянной комиссии Верховного Совета Республики Татарстан

ТАГИРОВ Индус Ризакович - профессор, декан исторического факультета Казанского университета

Наделить делегацию Республики Татарстан всеми полномочиями для переговоров и парафирования Договора и соглашений. О результатах переговоров доложить Президенту Республики Татарстан.

Для обеспечения деятельности делегации Республики Татарстан утвердить группу советников-экспертов:

ГАЛЕЕВ М.Г.

ГАРЕЕВ М.М.

ЖЕЛЕЗНОВ Б.Л.

ТАРНАПОЛЬСКИЙ Р.И.

Президент Республики Татарстан М. Шаймиев

13 июля 1992 года

Опубликовано: Белая книга Татарстана. Путь к суверенитету. (Сборник официальных документов). 1990-1995. – Казань, 1996. – С. 41-42.

№154**Проект договора «О взаимном делегировании (передаче) предметов ведения и полномочий государственной власти»**

[Полномочные представители государственной власти Российской Федерации и Республики Татарстан],⁶⁸ {(1)Мы, полномочные представители федеральных органов государственной вла-

⁶⁸ Текст, заключенный в квадратные скобки [], подлежит дальнейшему согласованию.

сти Российской Федерации и органов государственной власти Республики Татарстан - вариант экспертов РФ; (2) Российская Федерация и Республика Татарстан - *вариант экспертов РТ*; (3) Российская Федерация и Республика Татарстан в лице соответствующих полномочных представителей государственной власти - *вариант экспертов РТ*},

уважая право народов на самоопределение, Декларацию о государственном суверенитете Российской Федерации, Федеративный Договор как часть Конституции Российской Федерации, [а также признавая - *вариант экспертов РТ*] Декларацию о государственном суверенитете Республики Татарстан,

[руководствуясь стремлением сохранить целостность Российской Федерации и Республики Татарстан - *вариант экспертов РТ*]; [исходя из принципа территориальной целостности - *вариант экспертов РФ*];

исходя из признания принципов равноправия, добровольности и свободы волеизъявления;

стремясь к сохранению общего экономического пространства;

способствуя сохранению и развитию исторических и национальных традиций, культур, языков;

заботясь об обеспечении гражданского мира, межнационального согласия и общей безопасности народов;

реализуя приоритет основных прав и свобод человека и гражданина независимо от национальной принадлежности, вероисповедания, местожительства и иных различий;

[закрепляя международную правосубъектность Республики Татарстан, самостоятельное ее участие в международных и внешнеэкономических отношениях как суверенного государства - *вариант экспертов РТ*]; [исходя из правосубъектности Республики Татарстан, ее самостоятельного участия в международных и внешнеэкономических связях как суверенного государства - *вариант экспертов РТ*];

подтверждая самостоятельность в осуществлении своих полномочий Российской Федерацией и Республикой Татарстан, договорились о нижеследующем:

СТАТЬЯ I.

Республика Татарстан - суверенное государство - самостоятельно осуществляет все полномочия государственной власти [в том числе - *вариант экспертов РТ*]:

1) принимает Конституцию, обеспечивает ее соблюдение;

2) устанавливает законодательство:

о [своих - *вариант экспертов РФ*] бюджете и бюджетном процессе, налогах, банках;

о судостроительстве, прокуратуре;

уголовное, гражданское и административное, трудовое, семейное, жилищное, водное законодательство;

регулировании интеллектуальной собственности;

уголовно-процессуальное, гражданско-процессуальное, арбитражно- процессуальное, административно-процессуальное;

законодательно регулирует и осуществляет амнистию и помилование лиц, осужденных судами Республики Татарстан;

земельное, лесное, о недрах, об охране окружающей среды и природопользовании;

3) владеет землей, недрами, природными ресурсами, [а также государственными предприятиями, организациями, другим движимым и недвижимым государственным имуществом, расположенным на территории Республики Татарстан, являющимся исключительным достоянием и собственностью народа Татарстана и находящимся под юрисдикцией Республики Татарстан - *вариант экспертов РТ*].

[государственные предприятия, организации, другое движимое и недвижимое государственное имущество, расположенное на территории Республики Татарстан переходит в исключительное достояние и собственность народа Татарстана в порядке, определяемом дополнительными Соглашениями - *вариант экспертов РФ*].

С учетом заинтересованности по добровольному и взаимному согласию объекты собственности Республики Татарстан и Российской Федерации, оставаясь в их юрисдикции, могут быть

переданы в совместное управление. Формы и порядок совместного управления конкретных объектов определяются отдельными соглашениями;

4) устанавливает систему государственных органов Республики Татарстан, порядок их организации и деятельности;

5) решает вопросы гражданства Республики Татарстан;

6) поддерживает взаимоотношения и заключает договоры с государствами СНГ, а также республиками, краями и областями, автономными областями, автономными округами, городами Москвы и Санкт-Петербурга Российской Федерации;

7) устанавливает отношения с иностранными государствами и заключает договоры, участвует в деятельности международных организаций, [обменивается дипломатическими и консульскими представителями - *вариант экспертов РФ*], [решает вопросы прикомандирования к дипломатическим и консульским представительствам Российской Федерации представителей Правительства Республики Татарстан - *вариант экспертов РФ*];

8) формирует свой государственный бюджет, устанавливает и взимает свои налоги;

9) создает Национальный банк и проводит денежно-кредитную политику;

10) проводит внешнеэкономическую политику, в том числе определяет порядок лицензирования, квотирования и квоты экспортных поставок, устанавливает и взимает таможенные пошлины;

11) участвует в уплате внешнего долга бывшего СССР; доля Татарстана определяется соглашением между заинтересованными Сторонами;

12) взыскивает со стран-должников свою долю их задолженности бывшему СССР; доля долга и страны-должники устанавливаются соглашениями между заинтересованными Сторонами;

13) располагает своей долей в золотом запасе и алмазном фонде бывшего СССР; размер доли Татарстана в золотом запасе и алмазном фонде устанавливается специальными межправительственными соглашениями;}⁶⁹

[14) осуществляет другие полномочия, вытекающие из ее статуса как суверенного государства и не отнесенные к совместным полномочиям настоящим Договором - *вариант экспертов РФ*].

СТАТЬЯ II.

Следующие полномочия, вытекающие из суверенных прав Российской Федерации и суверенных прав Республики Татарстан, осуществляются совместно:

1) обеспечение прав и свобод человека и гражданина, прав национальных меньшинств;

2) защита суверенитета и территориальной целостности;

3) [обеспечение обороны и безопасности Сторон; организация и руководство разработкой и производством вооружений и военной техники на территории Республики Татарстан; продажи оружия, боеприпасов, военной техники и другого военного имущества; формы и доля участия Сторон в реализации соответствующих полномочий определяются отдельными соглашениями - *вариант экспертов РФ*]. [Установление порядка призыва и прохождения воинской службы; определение военной политики, а также решение вопросов, связанных с деятельностью войск, дислокацией военных объектов Вооруженных сил Российской Федерации, затрагивающих интересы Республики Татарстан; организация мобилизационной подготовки народного хозяйства; управление предприятиями оборонного комплекса; совместное осуществление конверсии - *вариант экспертов РФ*]

4) координация международных и внешнеэкономических связей и их осуществления. {Во внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности Стороны руководствуются принципом ненападения ущерба друг другу - эксперты РФ предлагают перенести в преамбулу в соответствующей редакции}.

[Таможенные службы Республики Татарстан и Российской Федерации действуют на основе отдельного соглашения.

Представительство интересов Республики Татарстан в отношениях с иностранными государствами и в международных организациях, где отсутствует собственное представительство Татарстана - *вариант экспертов РФ*];

⁶⁹ Эксперты РФ оставляют пп.9-13 на проработку специалистов.

[представительство интересов Республики Татарстан в отношениях с иностранными государствами и в международных организациях;

решение вопросов о прикомандировании к дипломатическим и консульским представительством Российской Федерации представителей Правительства Республики Татарстан - *вариант экспертов РФ*];

5) координация основ ценовой политики;

6) образование фондов регионального развития;

7) проведение согласованной политики в области денежной эмиссии;

8) реализация общих принципов статистического и бухгалтерского учета;

9) координация по вопросам геодезии, картографии, метеорологической службы, стандартов, эталонов, метрической системы и исчисления времени;

10) создание общих фондов для финансирования совместных программ, ликвидации последствий стихийных бедствий и катастроф. Для реализации совместных целевых программ Российской Федерации и Республики Татарстан производятся отчисления финансовых средств на основе взаимных соглашений;

11) координация управления общей энергетической системой; магистральным железнодорожным, трубопроводным, воздушным и водным транспортом;

12) перемещение товаров и услуг на территориях республик и между ними осуществляется на свободной основе. Каждая из Сторон обеспечивают режим беспрепятственного и беспошлинного передвижения на своей территории транспорта, грузов и продукции, отправляемой другой Стороне (или хозяйствующими субъектами) ей или третьим сторонам (в том числе и за границу) по воздушным, морским, речным, железнодорожным и шоссейным путям, а также по трубопроводному транспорту;

13) выработка единого комплексного подхода по оценке состояния качества природной среды, мер по ее стабилизации и восстановлению; координация действий в области использования водных ресурсов, включая водное законодательство и по вопросам особо охраняемых природных территорий; обеспечение экологической безопасности, координация мероприятий по предотвращению экологических катастроф;

14) осуществление политики в области социальных гарантий и занятости населения, миграционных процессов, социальной защиты, включая социальное обеспечение;

15) координация вопросов здравоохранения, защиты семьи, материнства, отцовства и детства, образования, науки, культуры, физической культуры и спорта. Подготовка национальных кадров для школ, учебных заведений, учреждений культуры, средств массовой информации и других учреждений и организаций; обеспечение дошкольных учреждений и учебных заведений литературой на родном языке. Координация научных исследований в области истории, культуры народов и их языков;

16) координация деятельности правоохранительных органов и органов безопасности, разработка и реализация целевых программ по борьбе с организованной преступностью, угоном транспортных средств, преступлениями на железнодорожном, воздушном и водном транспорте, наркобизнесом и коррупцией; [обеспечение законности, правопорядка и общественной безопасности - *вариант экспертов РФ*];

17) уголовно-процессуальное, гражданско-процессуальное, арбитражно- процессуальное, административно-процессуальное законодательство;

18) коллизионное право;

19) другие полномочия, устанавливаемые по взаимной договоренности. {*Эксперты РФ и РТ предлагают сформулировать отдельную статью о механизме реализации совместных полномочий*}.

СТАТЬЯ III.

Юридические документы, выданные органами власти, учреждениями и должностными лицами Российской Федерации и Республики Татарстан в пределах полномочий этих органов, учреждений и должностных лиц, признаются на всей территории Российской Федерации и Республики Татарстан.

СТАТЬЯ IV.

Федеральные органы государственной власти Российской Федерации, равно как и органы власти Республики Татарстан не могут издавать правовые акты по вопросам, не отнесенным к их ведению. Органы государственной власти Республики Татарстан, равно как и федеральные органы государственной власти Российской Федерации вправе приостанавливать и опротестовывать действие на своей территории законов Российской Федерации и Республики Татарстан, если они нарушают настоящий Договор. Споры по осуществлению полномочий в сфере совместного ведения Российской Федерации и Республики Татарстан, разрешаются в соответствии с [законодательством Российской Федерации и Республики Татарстан – *вариант экспертов РФ*] настоящим Договором посредством согласительных процедур. {*Эксперты РФ предлагают ввести статью о полномочиях федеральных органов государственной власти Российской Федерации*}.

СТАТЬЯ V.

Органы государственной власти Российской Федерации и Республики Татарстан по взаимному согласию учреждают [полномочные - *вариант экспертов РФ*] [постоянные - *вариант экспертов РФ*] представительства соответственно в г.Москве и г.Казани.

СТАТЬЯ VI.

Договор или отдельные его положения не могут быть отменены, изменены или дополнены в одностороннем порядке.[Договор вступает в силу с момента его подписания -*вариант экспертов РФ*]. Срок действия Договора ... года. Договор составлен в двух экземплярах, каждый на русском и татарском языках, причем оба текста аутентичны и имеют одинаковую юридическую силу.

Совершенно в городе _____ « ____ » _____ 1992 года.

Руководитель экспертов федеральных органов государственных органов Российской Федерации Л.Ф.Болтенкова

Руководитель экспертов Республики Татарстан Ф.Г.Хамидуллин
15 августа 1992 г.

Опубликовано: Белая книга Татарстана. Путь к суверенитету. (Сборник официальных документов). 1990-1995. – Казань, 1996. – С. 43-48.

№155

**Распоряжение Президента Российской Федерации
о составе участников переговоров 21 января 1993 г. представителей высших органов
власти Российской Федерации с представителями высших органов власти
Республики Татарстан о государственно-правовом статусе Республики Татарстан и взаи-
мораспределении предметов ведения и полномочий между органами власти
Российской Федерации и Республики Татарстан**

Утвердить состав участников переговоров 21 января 1993 года представителей высших органов власти Российской Федерации с представителями высших органов власти Республики Татарстан по вопросам о государственно-правовом статусе Республики Татарстан и взаимораспределении предметов ведения и полномочий между органами власти Российской Федерации и Республики Татарстан:

Ельцин Борис Николаевич - Президент Российской Федерации

Черномырдин Виктор Степанович - Председатель Совета Министров Правительства Российской Федерации

Шахрай Сергей Михайлович - Заместитель Председателя Совета Министров Правительства Российской Федерации

Яров Юрий Федорович - Заместитель Председателя Совета Министров Правительства Российской Федерации

Президент Российской Федерации Б.Ельцин
15 января 1993 года

Опубликовано: Белая книга Татарстана. Путь к суверенитету. (Сборник официальных документов). 1990-1995. – Казань, 1996. – С. 49.

№156

Коммюнике итогам встречи делегаций Российской Федерации и Республики Татарстан

21 января 1993 г. в г. Москве состоялась встреча делегаций Российской Федерации и Республики Татарстан.

В переговорах приняли участие Президент Российской Федерации Б.Н.Ельцин, Президент Республики Татарстан М.Ш.Шаймиев, Председатель Верховного Совета Республики Татарстан Ф.Х.Мухаметшин, заместитель Председателя Верховного Совета Российской Федерации Н.Т.Рябов, Председатель Совета Министров Российской Федерации В.С.Черномырдин, Премьер-министр Республики Татарстан М.Г.Сабилов, Вице-президент Республики Татарстан В.Н.Лихачев, заместитель Председателя Совета Министров Российской Федерации С.М.Шахрай, заместитель Председателя Совета Министров Российской Федерации Ю.Ф.Яров, народный депутат Республики Татарстан Г.В.Кобелев, советник Президента Республики Татарстан Р.С.Хакимов.

В ходе переговоров был обсужден проект Договора между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан о взаимном делегировании предметов ведения и полномочий. Стороны обменялись мнениями по политико-правовым и экономическим вопросам. Было отмечено, что в современных условиях отношения Российской Федерации и Республики Татарстан должны развиваться на договорно-конституционной основе.

На переговорах была достигнута договоренность о первоочередной подготовке, в рамках работы над проектом Договора, соглашений по вопросам экономики охраны окружающей среды, внешнеэкономической деятельности и другим. Особое внимание было уделено вопросам борьбы с преступностью.

Президент Российской Федерации Б.Н.Ельцин и Президент Республики Татарстан М.Ш.Шаймиев положительно оценили работу делегаций и экспертов. По рассмотренным на заседании вопросам достигнута договоренность. Было отмечено, что участие Президентов в переговорах придало новый импульс работе над проектом Договора.

Следующая встреча делегаций намечена на середину февраля текущего года.

Советская Татария. - 1993. - 22 января; Татарстан. - №2. – С. 1.

№157

Распоряжение Президента Российской Федерации о составе участников переговоров 27 мая 1993 г. представителей высших органов государственной власти Российской Федерации с представителями высших органов государственной власти Республики Татарстан

Утвердить состав участников переговоров 27 мая 1993 г. представителей высших органов государственной власти Российской Федерации с представителями высших органов государственной власти Республики Татарстан:

ЕЛЬЦИН Борис Николаевич - Президент Российской Федерации
ЛОБОВ Олег Иванович - Первый заместитель Председателя Совета Министров Правительства Российской Федерации
РЯБОВ Николай Тимофеевич - Заместитель Председателя Верховного Совета Российской Федерации
ФЕДОРОВ Борис Григорьевич - Заместитель Председателя Совета Министров Правительства Российской Федерации
ШАХРАЙ Сергей Михайлович - Заместитель Председателя Совета Министров Правительства Российской Федерации

Президент Российской Федерации Б.Ельцин
27 мая 1993 года

Опубликовано: Белая книга Татарстана. Путь к суверенитету. (Сборник официальных документов). 1990-1995. – Казань, 1996. – С. 50-51.

№158

Сообщение об итогах встречи делегаций Российской Федерации и Республики Татарстан

27 мая 1993 г. в г.Москве состоялась встреча делегаций Российской Федерации
и Республики Татарстан.

В переговорах приняли участие Президент Российской Федерации Б.Н.Ельцин, Президент Республики Татарстан М.Ш.Шаймиев, Председатель Верховного Совета Республики Татарстан Ф.Х.Мухаметшин, Заместитель Председателя Верховного Совета Российской Федерации Н.Т.Рябов, Первый заместитель Председателя Совета Министров - Правительства Российской Федерации О.И.Лобов, Премьер-министр Республики Татарстан М.Г.Сабилов, вице- президент Республики Татарстан В.Н.Лихачев, Заместитель Председателя Совета Министров - Правительства Российской Федерации Б.Г.Федоров, Заместитель Председателя Совета Министров - Правительства Российской Федерации С.М.Шахрай, Председатель Комитета по планам и бюджету Верховного Совета Республики Татарстан Г.В.Кобелев.

На переговорах был обсужден ход подготовки отдельных соглашений между Российской Федерацией и Республикой Татарстан. Было отмечено, что соглашения о взаимодействии в области охраны окружающей среды, в области высшего образования, о реализации и транспортировке нефти и продуктов нефтехимпереработки, а также по вопросам собственности подготовлены и в ближайшее время будут подписаны главами правительств. Работа над соглашениями по вопросам о таможенном регулировании, о взаимоотношениях в сфере банковской деятельности, налоговой политики, бюджетов и другим будет продолжена.

Во время переговоров был обсужден ход подготовки проекта Договора между Республикой Татарстан и Российской Федерацией о взаимном делегировании предметов ведения и полномочий органов государственной власти.

Кроме того, стороны обменялись мнениями о развитии конституционного процесса в Российской Федерации.

По рассмотренным на встрече вопросам достигнуто взаимопонимание.

Президент Российской Федерации Б.Н.Ельцин и Президент Республики Татарстан М.Ш.Шаймиев положительно оценили работу делегаций и экспертов.
Москва, 27 мая 1993

Советская Татария. - 1993. – 29 мая.

№159

**Проект договора Республики Татарстан и Российской Федерации
«О взаимном делегировании предметов ведения и полномочий органами государственной
власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан»**

Полномочные представители федеральных органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти Республики Татарстан;

принимая во внимание декларации о государственном суверенитете Российской Федерации и Республики Татарстан;

руководствуясь Конституцией Российской Федерации и Конституцией Республики Татарстан;

исходя из общепризнанного права народов на самоопределение, принципов равноправия, добровольности и свободы волеизъявления;

стремясь [гарантируя - вариант экспертов РФ] к сохранению территориальной целостности и общего экономического пространства;

способствуя сохранению и развитию исторических и национальных традиций, культур, языков;

заботясь об обеспечении гражданского мира, межнационального согласия и общей безопасности народов;

реализуя приоритет основных прав и свобод человека и гражданина независимо от национальной принадлежности, вероисповедания, места жительства и иных различий;

учитывая, что Республика Татарстан как суверенное государство является субъектом международных и внешнеэкономических отношений; договорились о нижеследующем:

СТАТЬЯ I.

Российская Федерация и Республика Татарстан объединены (ассоциированы) на основе настоящего Договора. Республика Татарстан самостоятельно осуществляет полномочия государственной власти, кроме тех, иной порядок осуществления которых предусмотрен настоящим Договором.

СТАТЬЯ II.

Федеральными органами государственной власти Российской Федерации- России и органами государственной власти Республики Татарстан совместно осуществляются следующие полномочия:

- 1) обеспечение прав и свобод человека и гражданина, прав национальных меньшинств;
- 2) защита суверенитета и территориальной целостности;
- 3) установление порядка призыва в Вооруженные Силы Российской Федерации и прохождения воинской службы гражданами Республики Татарстан; [обеспечение обороны и безопасности Сторон – *вариант экспертов РФ*] организация мобилизационной подготовки народного хозяйства, руководство разработкой и производством вооружений и военной техники на территории Республики Татарстан; продажа оружия, боеприпасов, военной техники и другого военного имущества; вопросы конверсии оборонной промышленности. Формы и доля участия Сторон в реализации соответствующих полномочий определяются отдельными соглашениями;
- 4) общие и коллизионные вопросы гражданства;
- 5) координация международных и внешнеэкономических связей. Таможенные службы Республики Татарстан и Российской Федерации действуют на основе отдельного соглашения;
- 6) координация основ ценовой политики;
- 7) образование фондов регионального развития;
- 8) проведение денежной политики;

9) управление объектами собственности Российской Федерации или Республики Татарстан, которые могут быть переданы в совместное управление с учетом заинтересованности по добровольному и взаимному согласию. Формы и порядок совместного управления конкретными объектами определяются отдельными соглашениями;

10) координация деятельности правоохранительных, судебно-прокурорских органов и органов безопасности, разработка и реализация целевых программ по борьбе с преступностью; обучение и подготовка кадров судебных, прокурорских и правоохранительных органов;

11) координация деятельности по вопросам геодезии, метеорологической службы, эталонов и исчисления времени;

12) создание общих фондов для финансирования совместных программ, ликвидация последствий стихийных бедствий и катастроф на основе взаимных соглашений;

13) координация управления общей энергетической системой, магистральным, железнодорожным, трубопроводным, воздушным и водным транспортом, связью, информационными системами;

14) обеспечение режима беспрепятственного и беспошлинного передвижения транспорта, грузов и продукции по воздушным, морским, речным, железнодорожным и шоссейным путям, а также по трубопроводному транспорту;

15) оценка в соответствии с международными стандартами состояния качества природной среды, осуществление мер по ее стабилизации и восстановлению; обеспечение экологической безопасности, координация действий в области использования земельных, водных и других природных ресурсов; предотвращение экологических катастроф; вопросы особо охраняемых природных территорий;

16) проведение общей политики в социальной сфере: занятости населения, миграционных процессов, социальной защиты, включая социальное обеспечение;

17) координация деятельности по вопросам здравоохранения, защиты семьи, материнства, отцовства и детства, образования, науки, культуры, физической культуры и спорта; подготовка национальных кадров для школ, учебных заведений, учреждений культуры, средств массовой информации и других учреждений и организаций; обеспечение дошкольных учреждений и учебных заведений литературой на родном языке; координация научных исследований в области истории, культуры народов и их языков;

18) [административное, административно-процессуальное, трудовое, семейное, жилищное, водное, лесное законодательство, законодательство о недрах, об охране окружающей среды – *вариант экспертов РФ*]; [основы уголовно-процессуального, гражданско-процессуального, арбитражно-процессуального, административно-процессуального законодательства – *вариант экспертов РТ*];

19) коллизионное право;

20) правовое регулирование интеллектуальной собственности;

21) другие полномочия, устанавливаемые по взаимной договоренности.

СТАТЬЯ III.

Юридические документы, выданные органами власти, учреждениями и должностными лицами Российской Федерации и Республики Татарстан в пределах полномочий этих органов, учреждений и должностных лиц, признаются сторонами без дополнительного удостоверения их подлинности.

СТАТЬЯ IV.

Федеральные органы государственной власти Российской Федерации, равно как и органы власти Республики Татарстан не могут издавать правовые акты по вопросам, не отнесенным к их ведению. Органы государственной власти Республики Татарстан, равно как и федеральные органы государственной власти Российской Федерации вправе приостанавливать и опротестовать

вывать действия на своей территории законов Российской Федерации и Республики Татарстан, если они нарушают настоящий Договор. Споры по осуществлению полномочий в сфере совместного ведения Российской Федерации и Республики Татарстан, разрешаются в согласованном сторонами порядке.

СТАТЬЯ V.

В целях осуществления настоящего Договора Российская Федерация-Россия и Республика Татарстан могут заключать дополнительные соглашения, создавать совместные структуры; учреждают на паритетных началах постоянно действующую Совместную Комиссию, состав которой определяется Президентом Российской Федерации и Президентом Республики Татарстан.

СТАТЬЯ VI.

Органы государственной власти Российской Федерации и Республики Татарстан по взаимному согласию учреждают полномочные представительства соответственно в г.Москве и г.Казани.

СТАТЬЯ VII.

Договор или отдельные его положения не могут быть отменены, изменены или дополнены в одностороннем порядке. Договор вступает в силу с момента его подписания. Совершено в г.Москве «__» _____ 1994 года в двух экземплярах, каждый на русском и татарском языках, причем оба текста аутентичны и имеют одинаковую силу.

Президент Российской Федерации Б.Ельцин

Президент Республики Татарстан М.Шаймиев

Премьер-министр Российской Федерации В.Черномырдин

Премьер-министр Республики Татарстан М.Сабиров

Проект Договора подписали:

Члены делегации Российской Федерации Михайлов В.А., Болтенкова Л.Ф.

Члены делегации Республики Татарстан Хакимов Р.С., Сафиуллин Ф.Ш.

Москва, 1 февраля 1994 г.

Опубликовано: Белая книга Татарстана. Путь к суверенитету. (Сборник официальных документов). 1990-1995. – Казань, 1996. – С. 52-57.

№160

Соглашение между Правительствами Российской Федерации и Республики Татарстан о бюджетных взаимоотношениях между Российской Федерацией и Республикой Татарстан

Правительства Российской Федерации и Республики Татарстан, исходя из необходимости финансового обеспечения социального и экономического развития Республики Татарстан, эффективного использования ее природного и экономического потенциала и участия Республики Татарстан в финансировании общефедеральных программ в интересах обеих сторон, рассмотрев бюджетные взаимоотношения, договорились о нижеследующем.

Статья 1 Республика Татарстан для реализации делегированных Российской Федерации полномочий, а также осуществления совместных программ производит взносы платежей в республиканский бюджет Российской Федерации, исходя из следующих нормативов и соглашений: - налога на прибыль по нормативу 13 процентов; - подоходного налога с физических лиц по нормативу 1 процент; - налога на добавленную стоимость по нормативу, определяемому в ежегодных соглашениях между министерствами финансов Российской Федерации и Республики Татарстан.

Статья 2 В целях финансового обеспечения реализации на территории Республики Татарстан экологических программ, связанных с необходимостью восстановления природных ресурсов и защитой окружающей среды, оставлять в бюджете Республики Татарстан акцизы на спирт, водку и ликеро-водочные изделия, акцизы на нефть и газ, плату за землю, доходы от приватизации, специальный налог для финансовой поддержки важнейших отраслей народного хозяйства.

Статья 3 Стороны несут взаимную ответственность за нарушение обязательств по настоящему соглашению. Поправки к настоящему Соглашению могут быть приняты по взаимному Соглашению сторон и оформляются специальным протоколом.

Статья 4 Настоящее Соглашение вступает в силу со дня его подписания и заключается сроком на 5 лет.

За Правительство Российской Федерации В. Черномырдин

За Правительство Республики Татарстан М. Сабиров

15 февраля 1994 г.

Вечерняя Казань. – 1994. – 14 октября.

№161

Договор Российской Федерации и Республики Татарстан «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан»

Полномочные представители органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти Республики Татарстан:

руководствуясь Конституцией Российской Федерации и Конституцией Республики Татарстан;

исходя из общепризнанного права народов на самоопределение, принципов равноправия, добровольности и свободы волеизъявления;

гарантируя сохранение территориальной целостности и единства экономического пространства;

способствуя сохранению и развитию исторических и национальных традиций, культур, языков;

заботясь об обеспечении гражданского мира, межнационального согласия и безопасности народов;

реализуя приоритет основных прав и свобод человека и гражданина независимо от национальной принадлежности, вероисповедания, места жительства и иных различий;

учитывая, что Республика Татарстан как государство объединена с Российской Федерацией Конституцией Российской Федерации, Конституцией Республики Татарстан и договором о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан, участвует в международных и внешнеэкономических отношениях, договорились о нижеследующем:

СТАТЬЯ I.

Разграничение предметов ведения и взаимное делегирование полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан осуществляются Конституцией Российской Федерации, Конституцией Республики Татарстан и настоящим Договором.

СТАТЬЯ II.

Республика Татарстан имеет свою Конституцию и законодательство. Органы государственной власти Республики Татарстан осуществляют полномочия государственной власти, в том числе: 1) обеспечивают защиту прав и свобод человека и гражданина; 2) формируют республиканский бюджет, устанавливают и взимают республиканские налоги; 3) решают вопросы адвокатуры и нотариата; 4) осуществляют правовое регулирование административных, семейных, жилищных отношений, отношений в области охраны окружающей среды и природопользования; 5) осуществляют помилование лиц, осужденных судами Республики Татарстан; 6) решают вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными, лесными и другими природными ресурсами, а также государственными предприятиями, организациями, другим движимым и недвижимым государственным имуществом, расположенными на территории Республики Татарстан, являющимися исключительным достоянием и собственностью народа Татарстана, за исключением объектов федеральной собственности. Разграничение государственной собственности регулируется отдельным Соглашением; 7) устанавливают систему государственных органов Республики Татарстан, порядок их организаций и деятельности; 8) решают вопросы республиканского гражданства; 9) устанавливают порядок прохождения альтернативной гражданской службы на территории Республики Татарстан гражданами, имеющими в соответствии с федеральным законом право на замену несения военной службы; 10) устанавливают и поддерживают отношения и заключают договоры и соглашения с республиками, краями, областями, автономной областью и автономными округами, городами Москвой и Санкт-Петербургом Российской Федерации, не противоречащие Конституциям Российской Федерации и Республики Татарстан, настоящему Договору и иным соглашениям между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан; 11) участвуют в международных отношениях, устанавливают отношения с иностранными государствами и заключают с ними соглашения, не противоречащие Конституции и международным обязательствам Российской Федерации, Конституции Республики Татарстан и настоящему Договору, участвуют в деятельности соответствующих международных организаций; 12) создают Национальный банк в соответствии с отдельным Соглашением; 13) самостоятельно осуществляют внешнеэкономическую деятельность. Разграничение полномочий в области внешнеэкономической деятельности осуществляется отдельным Соглашением; 14) решают в порядке, установленном отдельным Соглашением, вопросы конверсии на предприятиях, находящихся в государственной собственности Республики Татарстан; 15) устанавливают государственные награды и почетные звания Республики Татарстан.

СТАТЬЯ III.

Органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан совместно осуществляются следующие полномочия: 1) обеспечение прав и свобод человека и гражданина, прав национальных меньшинств; 2) защита суверенитета и территориальной целостности; 3) организация мобилизационной подготовки народного хозяйства, руководство разработкой и производством вооружений и военной техники на территории Республики Татарстан; вопросы продажи оружия, боеприпасов, военной техники и другого военного имущества, а также конверсии оборонной промышленности. Формы и доля участия Сторон в реализации соответствующих полномочий определяются отдельными соглашениями; 4) общие и коллизионные вопросы гражданства; 5) координация международных и внешнеэко-

номических связей; 6) координация ценовой политики; 7) образование фондов регионального развития; 8) проведение денежной политики; 9) управление объектами собственности Российской Федерации или Республики Татарстан, которые могут быть переданы в совместное управление с учетом заинтересованности по добровольному и взаимному согласию. Формы и порядок совместного управления конкретными объектами определяются отдельными соглашениями; 10) координация деятельности по вопросам геодезии, метеорологической службы, исчисления времени; 11) создание общих фондов для финансирования совместных программ, ликвидация последствий стихийных бедствий и катастроф на основе взаимных соглашений; 12) координация управления общими: энергетической системой, магистральным, железнодорожным, трубопроводным, воздушным и водным транспортом, связью, информационными системами; 13) обеспечение режима беспрепятственного и бесположенного передвижения транспорта, грузов и продукции по воздушным, морским, речным, железнодорожным и шоссейным путям, а также по трубопроводному транспорту; 14) оценка в соответствии с международными стандартами состояния качества природной среды, осуществление мер по ее стабилизации и восстановлению; обеспечение экологической безопасности, координация действий в области использования земельных, водных и других природных ресурсов; предотвращение экологических катастроф; вопросы особо охраняемых природных территорий; 15) проведение общей политики в социальной сфере: занятости населения, миграционных процессов, социальной защиты, включая социальное обеспечение; 16) координация деятельности по вопросам здравоохранения, защиты семьи, материнства, отцовства и детства, образования, науки, культуры, физической культуры и спорта; подготовка национальных кадров для школ, учебных заведений, учреждений культуры, средств массовой информации и других учреждений и организаций; обеспечение дошкольных учреждений и учебных заведений литературой на родном языке; координация научных исследований в области истории, культуры народов и их языков; 17) кадры судебных и правоохранительных органов; 18) адвокатура, арбитраж и нотариат; 19) координация деятельности правоохранительных органов, взаимодействие органов безопасности, разработка и реализация целевых программ по борьбе с преступностью; 20) установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления; 21) административное, административно-процессуальное, трудовое, семейное, жилищное, земельное, водное, лесное законодательство, законодательство о недрах, об охране окружающей среды; 22) вопросы совместного использования земли, недр, водных и других природных ресурсов; 23) другие полномочия, устанавливаемые по взаимной договоренности.

СТАТЬЯ IV.

В ведении Российской Федерации и ее органов находятся: 1) принятие и изменение Конституции Российской Федерации и федеральных законов, контроль за их соблюдением; федеративное устройство и территория Российской Федерации; 2) регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина; гражданство в Российской Федерации; регулирование и защита прав национальных меньшинств; 3) установление системы федеральных органов законодательной, исполнительной и судебной власти, порядка их организации и деятельности; формирование федеральных органов государственной власти; 4) федеральная государственная собственность и управление ею; 5) установление основ федеральной политики и федеральные программы в области государственного, экономического, экологического, социального, культурного и национального развития Российской Федерации; 6) установление правовых основ единого рынка; финансовое, валютное, кредитное, таможенное регулирование, денежная эмиссия, основы ценовой политики; федеральные экономические службы, включая федеральные банки; 7) федеральный бюджет; федеральные налоги и сборы; федеральные фонды регионального развития; 8) федеральные энергетические системы, ядерная энергетика, расщепляющиеся материалы; федеральный транспорт, пути сообщения, информация и связь; деятельность в космосе; 9) внешняя политика и международные отношения Российской Федерации, международные договоры Российской Федерации; вопросы войны и мира; 10) внешнеэкономические отношения Российской

Федерации; 11) оборона и безопасность; оборонное производство; определение порядка продажи и покупки оружия, боеприпасов, военной техники и другого военного имущества; производство ядовитых веществ, наркотических средств и порядок их использования; 12) определение статуса и защита государственной границы, территориального моря, воздушного пространства, исключительной экономической зоны и континентального шельфа Российской Федерации; 13) судостроительство; прокуратура; уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство; амнистия и помилование; гражданское, гражданско-процессуальное и арбитражно-процессуальное законодательство; 14) федеральное коллизионное право; 15) метеорологическая служба, стандарты, эталоны, метрическая система и исчисление времени; геодезия и картография; наименования географических объектов; официальный статистический и бухгалтерский учет; 16) государственные награды и почетные знаки Российской Федерации; 17) федеральная государственная служба.

СТАТЬЯ V.

Юридические документы, выданные органами власти, учреждениями и должностными лицами Российской Федерации и Республики Татарстан в пределах полномочий этих органов, учреждений и должностных лиц, действительны.

СТАТЬЯ VI.

Органы государственной власти Российской Федерации, равно как и органы власти Республики Татарстан, не могут издавать правовые акты по вопросам, не относящимся к их ведению.

Органы государственной власти Республики Татарстан, равно как и федеральные органы государственной власти, вправе опротестовывать законы Российской Федерации и Республики Татарстан, если они нарушают настоящий Договор.

Споры по осуществлению полномочий в сфере совместного ведения органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти Республики Татарстан разрешаются в согласованном между ними порядке.

СТАТЬЯ VII.

В целях осуществления настоящего Договора органы государственной власти Российской Федерации и органы государственной власти Республики Татарстан могут заключать дополнительные соглашения, создавать совместные структуры, комиссии на паритетных началах.

СТАТЬЯ VIII.

Органы государственной власти Российской Федерации и органы государственной власти Республики Татарстан имеют полномочные представительства соответственно в г. Казани и г. Москве.

СТАТЬЯ IX.

Договор или отдельные его положения не могут быть отменены, изменены или дополнены в одностороннем порядке.

Договор вступает в силу через 7 дней после подписания и подлежит опубликованию.

Совершено в г. Москве «15» февраля 1994 г. в двух экземплярах, каждый на русском и татарском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

Председатель Правительства Российской Федерации	В. ЧЕРНОМЫРДИН
Президент Республики Татарстан	М. ШАЙМИЕВ
Премьер-министр Республики Татарстан	М. САБИРОВ

Республика Татарстан. – 1994. – 19 февраля.

№162
Официальное письмо

Президенту Российской Федерации Ельцину Б.Н.

К проекту Конституции Российской Федерации

Республика Татарстан при определении своего отношения к проекту Конституции Российской Федерации исходит из принятых Верховным Советом Республики Татарстан документов, в частности «Декларации о государственном суверенитете Республики Татарстан» и новой «Конституции Республики Татарстан». В соответствии с ними отношения между Республикой Татарстан и Российской Федерацией определяются как договорно-конституционные. В ст.61 Конституции Республики Татарстан записано: «Республика Татарстан - суверенное государство, субъект международного права, ассоциированное с Российской Федерацией - Россией на основе Договора о взаимном делегировании полномочий и предметов ведения».

Верховный Совет Республики Татарстан с учетом принятой Конституции РТ обратился к высшим государственным органам России с предложением «о конституировании в Основном Законе Российской Федерации положения о договорно-конституционных отношениях между Республикой Татарстан и Российской Федерацией – Россией». Однако официального ответа мы до сих пор не получили.

Руководители России неоднократно заявляли о приверженности демократии и формированию государственности с учетом воли народа и республик. Волеизъявление народа Татарстана, его политические приоритеты как суверенного государства были легитимно выражены на выборах в июне 1990г. Президента Республики Татарстан, на референдуме 21 марта 1992 года о государственно-правовом статусе республики («за» проголосовало 61,4%). Известно также, что российский референдум от 25 апреля 1993г. в республике не состоялся в связи с явкой на голосование лишь 22,8% избирателей. С этими политическими фактами нельзя не считаться при конституционном определении взаимоотношений Российской Федерации с Республикой Татарстан.

Переговоры между официальными делегациями Республики Татарстан и Российской Федерации о заключении Договора о взаимном делегировании полномочий и предметов ведения идут по совместной инициативе Президента РФ Б.Н.Ельцина и Президента РТ М.Ш.Шаймиева с участием представителей Верховных Советов и Правительств. За это время были подготовлены проекты соответствующего Договора и ряда соглашений. Однако в последнее время переговорный процесс не по вине Татарстана оказался замороженным, а достигнутые договоренности не реализованными. Все это порождает у населения республики, представителей международной общественности сомнения в приверженности руководства России идеям Декларации о государственном суверенитете Российской Федерации и реформирования Федерации на новых демократических началах. Более того, такое состояние неопределенности в регулировании наших двусторонних отношений может создать в дальнейшем реальные трудности при формировании новых структур власти и управления Российской Федерации, а также привести к отсутствию представительства Республики Татарстан в федеральных структурах. Республика Татарстан считает, что назрело время для официального признания ее нового государственного статуса и включения в проект новой Конституции Российской Федерации отдельного положения о договорно-

конституционных отношениях между Российской Федерацией и Республикой Татарстан на основе ассоциации, оформленной в виде Договора и двусторонних соглашений.

Президент Республики Татарстан

Шаймиев М.Ш.

Председатель Верховного Совета
Республики Татарстан

Мухаметшин Ф.Х.

г. Казань, 10 мая 1993 г.

Опубликовано: Белая книга Татарстана. Путь к суверенитету. (Сборник официальных документов). 1990-1995. – Казань, 1996. – С. 24-25.

№163

Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан

26 июня 2007 г.
г. Москва

Органы государственной власти Российской Федерации и органы государственной власти Республики Татарстан,

действуя в соответствии с Конституцией Российской Федерации и Конституцией Республики Татарстан, федеральными законами и законами Республики Татарстан;

учитывая опыт применения Договора Российской Федерации и Республики Татарстан «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» от 15 февраля 1994 г., заключенного на основе референдума Республики Татарстан, проведенного 21 марта 1992 г., и в соответствии с Конституцией Российской Федерации и Конституцией Республики Татарстан;

исходя из исторических, культурных, экономических, экологических и иных особенностей Республики Татарстан,

договорились о нижеследующем:

СТАТЬЯ 1

Разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан осуществляется Конституцией Российской Федерации, Конституцией Республики Татарстан и настоящим Договором.

СТАТЬЯ 2

1. В соответствии с Конституцией Российской Федерации и Конституцией Республики Татарстан Республика Татарстан (государство) - субъект Российской Федерации - обладает всей полнотой государственной власти вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

2. Учитывая, что использование и охрана земли, недр, водных, лесных и других природных ресурсов на территории Республики Татарстан составляют основу жизни и деятельности ее многонационального народа, Правительство Российской Федерации и Кабинет Министров Республики Татарстан заключают соглашения, предусматривающие совместное решение вопро-

сов, связанных с экономическими, экологическими (в результате длительного использования нефтяных месторождений с учетом горногеологических условий добычи углеводородов), культурными и иными особенностями Республики Татарстан. Правительство Российской Федерации и Государственный Совет Республики Татарстан по затронутым в данном пункте проблемами вносят соответствующие законопроекты в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации.

3. Республика Татарстан в пределах своих полномочий осуществляет международные и внешнеэкономические связи с субъектами и административно-территориальными образованиями иностранных государств, участвует в деятельности специально созданных для этих целей органов международных организаций, а также заключает соглашения об осуществлении международных, внешнеэкономических связей и осуществляет такие связи с органами государственной власти иностранных государств по согласованию с Министерством иностранных дел Российской Федерации в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

4. Республика Татарстан по согласованию с Правительством Российской Федерации оказывает государственную поддержку и содействие соотечественникам в сохранении самобытности, развитии национальной культуры и языка.

5. Государственными языками в Республике Татарстан являются русский и татарский языки, статус и порядок использования которых определяются Конституцией Российской Федерации, Конституцией Республики Татарстан, федеральным законом и законом Республики Татарстан.

Для кандидатур на замещение должности высшего должностного лица Республики Татарстан, вносимых в порядке, предусмотренном федеральным законом, устанавливается дополнительное требование, предусматривающее владение государственными языками Республики Татарстан. Владение государственными языками Республики Татарстан устанавливается в заявительном порядке.

СТАТЬЯ 3

Граждане Российской Федерации, проживающие на территории Республики Татарстан, имеют право получать основной документ, удостоверяющий личность (общегражданский паспорт гражданина Российской Федерации), с вкладышем на государственном языке Республики Татарстан (татарском) и с изображением государственного герба Республики Татарстан.

СТАТЬЯ 4

Органы государственной власти Республики Татарстан имеют соответствующее представительство при Президенте Российской Федерации в г. Москве.

СТАТЬЯ 5

1. Срок действия настоящего Договора - 10 лет со дня вступления его в силу.
2. Порядок продления действия настоящего Договора, а также порядок и основания досрочного прекращения его действия (расторжения) определяются федеральным законом.

СТАТЬЯ 6

Совершено в г. Москве 26 июня 2007 года в двух экземплярах, каждый на русском и татарском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

Президент Российской Федерации

В. Путин

Президент Республики Татарстан

М. Шаймиев

№164
КОНСТИТУЦИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
(Извлечения)

(в редакции законов Республики Татарстан от 19 апреля 2002 года № 1380, от 15 сентября 2003 года № 34-ЗРТ, от 12 марта 2004 года № 10-ЗРТ, от 14 марта 2005 года № 55-ЗРТ, от 30 марта 2010 года № 10-ЗРТ, от 22 ноября 2010 года № 79-ЗРТ, от 22 июня 2012 года № 40-ЗРТ)

Настоящая Конституция, выражая волю многонационального народа Республики Татарстан и татарского народа, реализует приоритет прав и свобод человека и гражданина, исходит из общепризнанного права народов на самоопределение, принципов их равноправия, добровольности и свободы волеизъявления, способствует сохранению и развитию исторических, национальных и духовных традиций, культур, языков, обеспечению гражданского мира и межнационального согласия, создает условия для укрепления демократии, социально-экономического развития Республики Татарстан, сохранения исторически сложившегося единства народов Российской Федерации на принципах федерализма.

РАЗДЕЛ I. ОСНОВЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ
СТАТЬЯ 1

1. Республика Татарстан – демократическое правовое государство, объединенное с Российской Федерацией Конституцией Российской Федерации, Конституцией Республики Татарстан и Договором Российской Федерации и Республики Татарстан «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» и являющееся субъектом Российской Федерации. Суверенитет Республики Татарстан выражается в обладании всей полнотой государственной власти (законодательной, исполнительной и судебной) вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и Республики Татарстан и является неотъемлемым качественным состоянием Республики Татарстан.

<...>

СТАТЬЯ 3

1. Носителем суверенитета и единственным источником власти в Республике Татарстан является ее многонациональный народ.

2. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления.

3. Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы.

4. Конституция Республики Татарстан и поправки к ней принимаются Государственным Советом Республики Татарстан или путем референдума.

5. Никто не может присваивать власть в Республике Татарстан. Захват власти или присвоение властных полномочий преследуются по федеральному закону.

СТАТЬЯ 4

1. Вне пределов ведения Российской Федерации, совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов Республика Татарстан осуществляет собственное правовое регулирование, включая принятие законов и иных нормативных правовых актов.

2. В случае противоречия между федеральным законом и нормативным правовым актом Республики Татарстан, изданным по предметам ведения Республики Татарстан, действует нормативный правовой акт Республики Татарстан.

<...>

СТАТЬЯ 6

Республика Татарстан в пределах своих полномочий вступает в международные и внешнеэкономические связи с субъектами и административно-территориальными образованиями иностранных государств, иностранными государствами, заключает международные соглашения, обменивается представительствами, участвует в деятельности международных организаций.

СТАТЬЯ 7

Республика Татарстан вступает в отношения с субъектами Российской Федерации, заключает договоры и соглашения, обменивается представительствами, участвует в деятельности совместных организаций.

СТАТЬЯ 8

1. Государственными языками в Республике Татарстан являются равноправные татарский и русский языки.

2. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях Республики Татарстан государственные языки Республики Татарстан употребляются на равных основаниях.

СТАТЬЯ 9

1. Государственная власть в Республике Татарстан осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны.

2. Государственную власть в Республике Татарстан осуществляют Президент Республики Татарстан, Государственный Совет Республики Татарстан, Кабинет Министров Республики Татарстан, суды Республики Татарстан.

3. Кабинет Министров Республики Татарстан, министерства, государственные комитеты Республики Татарстан и иные органы исполнительной власти Республики Татарстан составляют систему исполнительных органов государственной власти Республики Татарстан.

4. Органы государственной власти Республики Татарстан при осуществлении своих полномочий учитывают исторические, национальные и иные особенности Республики Татарстан.

СТАТЬЯ 10

В Республике Татарстан признается и гарантируется местное самоуправление. Местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно. Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти.

СТАТЬЯ 11

1. Республика Татарстан – светское государство.

2. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом.

СТАТЬЯ 12

1. В Республике Татарстан признается идеологическое многообразие. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.

<...>

СТАТЬЯ 13

Республика Татарстан – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

СТАТЬЯ 14

Республика Татарстан оказывает содействие в развитии национальной культуры, языка, сохранении самобытности татар, проживающих за пределами Республики Татарстан.

СТАТЬЯ 15

1. Республика Татарстан отвергает насилие и войну как средство разрешения споров между государствами и народами.

2. В Республике Татарстан пропаганда войны запрещается.

СТАТЬЯ 16

1. Земля, ее недра, водные, лесные и другие природные ресурсы, животный и растительный мир используются и охраняются в Республике Татарстан как основа жизни и деятельности народа.

2. Средства бюджета Республики Татарстан, иное государственное имущество, культурные и исторические ценности и другое имущество, обеспечивающее экономическую самостоятельность республики и сохранение материальной и духовной культуры, являются общенародным достоянием.

<...>

СТАТЬЯ 18

1. В Республике Татарстан признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности.

2. Земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности.

СТАТЬЯ 19

1. Собственность неприкосновенна. Ограничение прав собственника при владении, пользовании, распоряжении законно приобретенным имуществом не допускается, кроме случаев, предусмотренных федеральным законом.

<...>

СТАТЬЯ 21

1. Республика Татарстан имеет свое гражданство.

2. Гражданин Российской Федерации, постоянно проживающий на территории Республики Татарстан, является гражданином Республики Татарстан.

3. Гражданин Республики Татарстан одновременно является гражданином Российской Федерации.

СТАТЬЯ 22

Граждане Российской Федерации обладают на территории Республики Татарстан всеми правами и свободами и несут равные обязанности в соответствии с Конституцией Российской Федерации, Конституцией Республики Татарстан, общепризнанными принципами и нормами международного права.

<...>

СТАТЬЯ 25

Договор Российской Федерации и Республики Татарстан «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» – составная часть правовой системы Российской Федерации и Республики Татарстан.

<...>

Президент
Республики Татарстан

М.Ш. Шаймиев

г. Казань,
6 ноября 1992 года
№ 1664-ХП

Опубликовано: Конституция Республики Татарстан. – Казань: Государственный Совет РТ, 2012. – С. 235–271.

Источники и литература

Источники неопубликованные

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф. 523 – Партия народной свободы (кадеты)

Ф. А-259 – Совет Министров РСФСР (Совмин РСФСР)

Ф. А-262 – Государственный плановый комитет РСФСР (ГОСПЛАН РСФСР)

Ф. А-2306 – Министерство Просвещения РСФСР (Минпрос РСФСР)

Ф.Р-1066 – Всероссийский комитет содействия сельскому хозяйству и сельскохозяйственной промышленности при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете

Ф. Р-1235 – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ВЦИК)

Ф. Р-1318 – Народный Комиссариат по делам национальностей РСФСР (НАРКОМНАЦ РСФСР), представительства Наркомнаца РСФСР в договорных и автономных республиках и их представительства при Наркомнаце РСФСР

Ф. Р-9425 – Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР (ГЛАВЛИТ)

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ)

Ф. 5 – Аппарат ЦК КПСС

Ф. 17 – Центральный комитет КПСС

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

Ф.17 – Центральный Комитет КПСС (ЦК КПСС) (1898,1903–1991)

Ф.556 – Бюро ЦК КПСС по РСФСР (1956–1966)

Российский государственный архив экономики (РГАЭ)

Ф. 1562 – Центральное Статистическое Управление СССР

Ф. 4372 – Госплан РСФСР

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

Ф. 407 – Рукописные списки по старшинству в чинах генералов, штаб- и обер-офицеров русской армии

Ф. 409 – Послужные списки, аттестации и наградные листы офицеров русской армии

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 22 – Центральные учреждения МФ по части торговли и промышленности

Ф. 733 – Департамент народного просвещения

Ф. 776 – Главное управление по делам печати МВД

Ф. 821 – Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД

Ф. 1278 – Государственная дума I, II, III и IV созывов

Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Татарстан (Архив УФСБ по РТ)

Ф. 109 – Фонд рассекреченных дел; фонд архивно-следственных дел

Государственный архив Кировской области (ГАКО)

Ф. 237 – Вятская духовная консистория

Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО)

Ф. Р-27 – Саратовский губернский комитет ВКП (б)

Государственный архив Оренбургской области (ГАОО)

Ф. 15 – Оренбургское губернское по городским и земским делам присутствие

Ф. 41 – Оренбургская городская управа

Государственный архив Пензенской области (ГАПО)

Ф. Р-298 – Пензенская губернская комиссия по ликвидации последствий голода (ГУБКОМГОЛ)

Ф. Р-1315 – Сулеймановский сельский совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Неверкинского района Тамбовской губернии

Ф. Р-1336 – Алеевский исполнительный комитет и сельский совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

Ф. Р-1694 – Статистический отдел Кузнецкого уездного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Саратовской губернии

Государственный архив Саратовской области (ГАСО)

Ф. Р-466 – Саратовская губернская плановая комиссия

Ф. Р-521 – Саратовский губернский исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

Государственный архив Ульяновской области (ГАУО)

Ф. 76 – Канцелярия Симбирского губернского

Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ)

Ф. 1 – Канцелярия казанского губернатора

Ф. 2 – Казанское губернское правление

Ф. 3 – Казанская губернская казенная палата

Ф. 4 – Казанская духовная консистория

Ф. 41 – Казанский окружной суд

Ф. 92 – Попечитель Казанского учебного округа

Ф. 98 – Казанская городская управа

Ф. 142 – Казанская татарская учительская школа

Ф. 151 – Податный инспектор 1-го участка г. Казани

Ф. 199 – Казанское губернское жандармское управление.

Ф. 256 – Казанская губернская землеустроительная комиссия

Ф. 420 – Казанский временный комитет по делам печати

Ф. 551 – Податный инспектор 1-го участка Мензелинского уезда Уфимской губернии

Ф. 685 – Первое Казанское городское по промысловому налогу присутствие

Ф. 757 – Пятое Казанское городское по промышленному налогу присутствие

Ф. 908 – Земский начальник 7-го участка Елабужского уезда Вятской губернии

Ф. 977 – Казанский университет

Ф. 1875 – Столбищенское волостное управление милиции Арского района

Ф.Р-98 – Казанский губернский исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (губисполком)

Ф.Р-100 – Татарский областной совет профсоюзов Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов (Татоблсофпроф)

Ф.Р-116 – Отдел управления Казанского губернского и городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (губотуправ)

Ф.Р-128 – Совет Народных Комиссаров ТАССР

Ф.Р-326 – Казанский городской Совет народных депутатов и исполнительный комитет (горисполком)

Ф.Р-516 – Татарский филиал института промышленно-экономических исследований

Ф. Р-526 – Революционный трибунал при ЦИКе ТАССР

Ф.Р-732 – Центральный исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов ТАССР (ТатЦИК; ЦИК ТАССР)

Ф.Р-873 – Совет по делам религий при Совете министров СССР по ТАССР

Ф.Р-1076 – Татарский научно-исследовательский колхозный институт (ТНИКИ)

Ф. Р-1296 – Статистическое управление ТАССР

Ф. Р-1804 – Управление жилищного хозяйства исполкома Казанского горсовета депутатов трудящихся

Ф. Р-2648 – Спасский уездный Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и исполнительный комитет

Ф. Р-3452 – Народный комиссариат финансов ТАССР

Ф. Р-3682 – Народный комиссариат просвещения ТАССР; Министерство просвещения ТАССР

Ф. Р-4493 – Государственный комитет ТАССР по телевидению и радиовещанию

Ф. Р-4580 – Государственная плановая комиссия при Совете Министров ТАССР (Госплан ТАССР)

Ф. Р-5852 – Народный комиссариат внутренних дел ТАССР

Ф.Р-5874 – Министерство сельского хозяйства ТАССР

Ф.Р-6663 – Татарский государственный театр оперы и балета им. М.Джалили

Ф.Р-7239 – Управление по делам искусств при Совете Министров ТАССР

Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета

Алиев А.-З. Истэлеклэр. ОРПК НБЛ КГУ. – 3258 Т. [Б.г.], [б.п.]

Текущий архив Государственного Совета Республики Татарстан (ТА ГС РТ)

Ф. Р-3610 – Президиум Верховного Совета Татарской ССР

Ф. Р-6004 – Президиум Государственного Совета Республики Татарстан

ТА ГС РТ, X – Десятая сессия Верховного Совета Республики Татарстан (двенадцатый созыв): Стенографический отчет

ТА ГС РТ, XI – Одиннадцатая сессия Верховного Совета Республики Татарстан (двенадцатый созыв): Стенографический отчет

ТА ГС РТ, XII – Двенадцатая сессия Верховного Совета Республики Татарстан (двенадцатый созыв): Стенографический отчет

ТА ГС РТ, XIII – Тринадцатая сессия Верховного Совета Республики Татарстан (двенадцатый созыв): Стенографический отчет

Текущий архив Духовного управления мусульман Республики Татарстан (ТА ДУМ РТ)

Доклад Г. Исакова на международной научно-практической конференции в г. Нальчик в ноябре 1999 г.

Текущий архив Прокуратуры Республики Татарстан (ТА Прокуратуры РТ)

Д. 109966. Т. 5, 6.

Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГАИПД РТ)

Ф. 15 – Татарский областной комитет ВКП(б)

Ф. 19 – Бауманский районный комитет КПСС, г.Казань

Ф. 26 – Казанский горком ВКП(б)

Ф. 36 – Отдел истории партии Татарского обкома ВКП(б), г.Казань

Ф.262 – П/о КПСС фабрики «Коммунар», г.Казань

Ф. 273 – Альметьевский райком ВКП(б)

Ф.292 – Партийная коллегия при уполномоченном КПК при ЦК ВКП(б) по ТАССР, г.Казань

Ф. 840 – Партийный комитет завода № 22 им. С.П. Горбунова (ныне – Казанского авиационного производственного объединения), г. Казань.

Ф.868 – Казанский губернский комитет РКП(б), г.Казань

Ф. 4034 – Татарский областной комитет ВЛКСМ

Ф. 7130 – Политотдел Татарского областного военного комиссариата

Ф. 8237 – Султан-Галиев Мирсаид Хайдаргалеевич – председатель Центрального мусульманского комиссариата при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР

Ф. 8240 – Партия «Единство и прогресс»

Ф. 8245 – Комитет по защите и реализации суверенитета Татарстана «Суверенитет»

Ф. 8246 – Всетатарский общественный центр (ВТОЦ)

Ф. 8247 – Татарская партия национальной независимости «Иттифак»

Центральный государственный архив Самарской области (ЦГА СО)

Ф. 32 – Самарская духовная консистория

Центральный исторический архив Республики Башкортостан (ЦИА РБ, ранее ЦГИА РБ)

И-295 – Оренбургское магометанское духовное собрание

Ф. Р-4767 – Коллекция документов по истории уфимского медресе «Галия»

Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA)

[Федеральный военный архив (Фрайбург)]

Ф. RH 19 III – Oberkommando der Heeresgruppe Nord [Командование группы армий Север]

Ф. RH 19V – Oberkommando der Heeresgruppe A-Sudukraine-Sud [Командование группы армий А Южная Украина – Юг]

Ф. RH 53-23 – Militärbefehlshaber im Generalgouvernement [Главнокомандующий в генерал-губернаторстве]

Ф. RH 58 – Kommandeur der Osttruppen – Ost- und Fremdtruppen [Командир Восточных отрядов – Соединения восточных и прочих народов]

Bundesarchiv-Potsdam (BA-Potsdam)

[Федеральный архив (Потсдам)]

Ф. NS 31 – SS-Hauptamt [Главное управление СС]

Bundesarchiv-Koblenz

[Федеральный архив (Кобленц)]

Ф. NS-19 – Personlicher Stab Reichsführer-SS [Персональный штаб рейхсфюрера СС]

Bundesarchiv des Beaufragten für die Unterlagen des Ministeriums der Staatssicherheit der ehemaligen Deutschen Demokratischen Republik (BStU-Zentralarchiv)

[Архив федерального уполномоченного по делам Министерства государственной безопасности бывшей ГДР (Берлин)]

Ф. RHE 5 – Rechtshilfersuch

Источники опубликованные

20 лет ТАССР, 1940 – 20 лет Татарской АССР (1920-1940). /Под ред. А.И.Зайцева, П.А.Якимова – Казань, Татгосиздат, 1940. – 188 с.

70 лет ТАССР, 1990 – 70 лет Татарской АССР. Юбилейный статистический сборник. – Казань: Госкомстат РСФСР, Татар. респ. управление статистики, 1990. – 256 с.

Адамишин, ред., 1989 – СССР и международное сотрудничество в области прав человека: Документы и материалы / отв. ред. А.Л. Адамишин. – М.: Междунар. отношения, 1989. – 708 с.

Акционерно-паевые предприятия, 1915 – Акционерно-паевые предприятия России. – Пг., 1915.

Архив русской революции, 1991 – Архив русской революции / сост. И.В. Гессен. – М., 1991. – Т. 11–12. – 295 с.

Архумас, 2005 – Архумас. Казанский авангард 20-х: каталог выставки / сост. И.И. Галлеев, О.Л. Улемнова. – М.: Скорпион, 2005. – 170 с.

Белая книга, 1996 – Белая книга Татарстана. Путь к суверенитету (Сборник официальных документов). 1990-1995 / сост. и отв. ред. Р.С. Хакимов. – Казань: Б.и., 1996. – 101 с.

Ботен Русия моселманларнын съезднын протоколлары, 1917 – Ботен Русия моселманларнын 1917-нче елда 1–11 майда Мэскэудэ булган гомуми съезднын протоколлары. – Пг., 1917. – 474 с.

Васильев, Гуреев, 1972 – Образование и развитие СССР как союзного государства: сборник за-

конодательных и других нормативных актов / авт. введ. ст. и ред. сб. В.И. Васильев и П.П. Гуреев. – М.: Известия Советов депутатов трудящихся СССР, 1972. – 343 с.

Ведомости съезда, 1990 – Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1990 – №2.

Верховный Совет СССР, 1990 – Третья сессия Верховного Совета СССР: Стенографический отчет. Ч.19: 14 февраля – 14 июня 1990 г. – М.: Верховный Совет СССР, 1990. – 339 с.

Военно-статистический ежегодник – Военно-статистический ежегодник за 1912 год. – СПб., 1914.

Всемирный конгресс татар, 1992 – Всемирный конгресс татар (первый созыв), 19 июня 1992 г.: Стеногр. отчет. – Казань: Татар. фонд «Мирас», 1992. – 296 с.

Всенародное партизанское движение, 1973 – Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941-июль 1944 гг.). Документы и материалы в трех томах. Т.2: Развитие всенародного партизанского движения во второй период войны. Книга первая (ноябрь 1942 - июнь 1943 гг.). – Минск: Беларусь, 1973. – 680 с.

Всероссийское учредительное собрание, 1930 – Всероссийское Учредительное собрание (1917 г. в документах и материалах) / под ред. М.Н. Покровского и Я.А. Яковлева. – М.-Л., 1930. – 220 с.

Всесоюзная перепись, 1929 – ЦСУ СССР. Всесоюзная перепись населения 1926 г. – Т.20. – М.: Изд-во ЦСУ СССР, 1929. – 446 с.

Всесоюзная перепись, 1991 – Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги / сост. Н.А. Араловец и др. – М.: Институт истории СССР, 1991. – 238 с.

Всесоюзная перепись, 1992 – Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. / сост. Ю.А. Поляков. – М.: Наука, 1992. – 256 с.

Габяши, 1994 – Габяши С. Моя краткая биография // Султан Габяши. Материалы и исследования. – Казань, 1994. – С. 33–35.

Годичный отчет, 1909 – Годичный отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1908 год. – Казань, 1909. – С. 32-34.

Государственная Дума, 1915а – Государственная Дума: Стенографические отчеты: Созыв 4: Сессия 3. – СПб., 1915а.

Государственная Дума, 1915б – Государственная Дума: Стенографические отчеты: Созыв 4: Сессия 4. – СПб., 1915б.

Государственная Дума, 1916 – Государственная Дума: Стенографические отчеты: Созыв 4: Сессия 4. – СПб., 1916.

Декреты Советской власти, 1917 – Декреты Советской власти. Том I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – М.: Гос. издат-во политической литературы, 1957. – 624 с.

Деятельность предприятий и организаций РТ, 2009 – Внешнеэкономическая деятельность предприятий и организаций Республики Татарстан за январь-сентябрь 2009 г.: статистический бюлле-

ть // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан, Казань, 2009. – 41 с.

Директивы КПСС, 1957 – Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам (1917–1957 гг.): сб. документов. В 4-х т. Т. 2: 1929–1945 гг. – М.: Госполитиздат, 1957. – 888 с.

Договор, 1994 – Договор об общественном согласии // Российская газета. – 1994. – 29 апреля.

Документы по истории Октября, 1973 – Документы по истории Октября в Татарии: март 1917 г. – март 1918 г. / сост. Л. В. Горохова, И. М. Ионенко, Н. М. Силаева. – Казань, 1973. – 212 с.

Достижения ТАССР, 1967 – Достижения Татарской АССР к 50-летию Советской власти / ЦСУ СССР; Стат. упр. ТАССР; под общей ред. И.Н. Кобрановой. – Казань: Статистика, 1967. – 140 с.

ДУМ РТ, 2004 – Материалы III съезда ДМ РТ. – Казань, 2004.

Думский сборник, 1906 – Думский сборник. Государственная дума первого созыва (27 апреля – 8 июля 1906 г.). – СПб., 1906. – 400 с.

Закон РТ – Закон Республики Татарстан «О совести и о религиозных объединениях». – Моя Казань. Сайт столицы РТ. [электронный ресурс] <http://www.kazan.ws/cgi-bin/religion/show.pl?act=art&id=28&ids=2&page=1>. Дата обращения: 27.12.12.

Закон РТ, 1994 – Закон РТ от 30 ноября 1994 г. № 2248-ХII «О выборах народных депутатов местных Советов народных депутатов РТ» // Там же. – 1994. – № 12. – Ст. 158.

Закон СССР, 1988 – Закон СССР «О выборах народных депутатов СССР». – М., 1988.

Закон ТАССР, 1989 – Закон ТАССР «О выборах народных депутатов Татарской АССР». – Казань, 1989.

Законы Российской империи, 1910 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXVII. 1907 г. – №29241–29242. СПб.: Государственная типография 1910. – 1276 с.

Заседание ВС ТАССР, 1947–1987 – Заседания Верховного Совета Татарской АССР за 1946–1986 гг. – Казань, 1947–1987.

Заседание ВС ТАССР, 1985 – Заседания ВС ТАССР одиннадцатого созыва, первая сессия, 22 марта 1985 г.: стеногр. отчет. – Казань, 1985.

Заседание ВС ТАССР, 1986а – Заседание ВС ТАССР одиннадцатого созыва, вторая сессия, 17 декабря 1985 г.: стеногр. отчет. – Казань, 1986.

Заседание ВС ТАССР, 1986б – Заседание ВС ТАССР одиннадцатого созыва, третья сессия (18 апреля 1986 г.): стеногр. отчет. – Казань, 1986.

Известия ВЦИК, 1918 – Известия Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов от 24 (11) марта 1918 г. // СУ РСФСР. – 1918. – № 30.

Илиас Алкин, 2002 – Илиас Алкин – общественный деятель, военачальник, ученый: Док. и материалы / Сост.: И.Р.Тагиров, Д.Р.Шарафутдинов. – Казань: Гасыр, 2002. – 351 с.

Ислам в законодательстве, 1999 – Ислам в законодательстве России. 1554–1929 гг.: Сборник законодательных актов / Ред.-сост. А.Б. Юнусова. – Уфа, 1999. – 160 с.

Ислам в Российской империи, 2001 – Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. Д. Ю. Арапов. – М., 2001. – 368 с.

История Казани, 2004 – История Казани в документах и материалах, XX век / под ред. Р.У. Амирханова. – Казань: Магариф, 2004. – 711 с.

Итоги ВВП, 1923 – Итоги Всероссийской городской переписи 1923 г. в Авт. Татарской С.С.Республике. – Вып.1. – Казань, Изд. Статистического управления АТССР, 1923. – 23 с.

Итоги Всесоюзной переписи населения 2002 г., 2004 – Итоги Всесоюзной переписи населения 2002 г.: В 14 т. – Т. 2. – М., 2004.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г., 1990 – Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. – Т. 1. – Казань, 1990.

Казанская татарская учительская школа, 2005 – Казанская татарская учительская школа 1876–1917 гг.: сборник документов и материалов. – Казань, 2005.

Казань на пороге тысячелетия, 2004 – Казань на пороге тысячелетия (история, демография, социальная сфера): статистический сборник. – Казань: Комгосстат РТ, 2004. – 142 с.

Катанов, 1899 – Катанов Н.Ф. Материалы к изучению казанско-татарского наречия: в 2 ч. – Казань, 1899. – 1898 г. – Ч. 1. – 168 с.

Книга памяти – Книга Памяти жертв политических репрессий Республики Татарстан: в 24 тт. – Казань: Редакция «Книга Памяти», 2000–2011.

Князев, ред., 1993 – Нефть и газ Республики Татарстан: Сб. документов, цифр и материалов. – В 3 т. / отв. ред. С.Л. Князев – М.: Недра, 1993.

Конституция РТ, 2004 – Конституция РТ. 1992 г. – Казань, 2004.

Конституция РТ, 2005 – Конституция Республики Татарстан. – Казань: Новое знание, 2005. – 36 с.

Конституция РФ, 2002 – Конституция РФ. 1993 г. – Казань, 2002.

Конституция СССР, 1988 – Конституция СССР. 1988 г. – М., 1988.

Конституция СССР, 1999 – Конституция (Основной закон) СССР 1936 г. / Хрестоматия по истории государства и права России / сост. Ю.П. Титов. – М.: Проспект, 1999. – С. 342–374.

Конституция ТАССР, 1984 – Конституция ТАССР. 1978 г. – Казань, 1984.

Кочурова, сост., 1964. – Мы придем к победе коммунистического труда: Сб. док. и материалов о движении за коммунистический труд в ТАССР / сост. М.Б. Кочурова. – Казань, 1964.

КПСС в резолюциях, 1938 – КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1986. 9-е изд., доп. и испр. Т. 7: 1938–1945. – М.: Политиздат, 1985. – 574 с.

КПСС в резолюциях, 1970 – КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – Т. III. – М.: Политиздат, 1970. – 270 с.

Кто водрузил Знамя Победы, 1996 – Кто водрузил Знамя Победы над рейхстагом. Публикация Пискарева В. // Гасырлар авазы=Эхо веков. – 1996. – № 1/2. – С. 92–107.

Культурное строительство в Татарии, 1971 – Культурное строительство в Татарии (1917–1941 гг.): Сб. документов и материалов/ сост. Кочурова М.Б., Хакимова Р.Ш., Гарипова З.Г., Тутаев М.З. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1971. – 672 с.

Ленин и культурная революция, 1972 – Ленин и культурная революция: Хроника событий (1917–1923 гг.). – М.: Мысль, 1972. – 494 с.

Ленин, 1970 – Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – Т. 39 (Июнь — декабрь 1919). – М.: Издательство политической литературы, 1970. – 624 с.

Магълумат, 1917 – Магълумат, 1917–1917 ел 1–11 майда Москва шэхэрэндэ гомуми Русия молселман съезды хахында кыскача мэгълумат. – Казан, 1917. – 6–7 бб.

Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС, 1988 – Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС. – М., 1988.

Материалы XXVII съезда КПСС, 1986 – Материалы XXVII съезда КПСС. – М., 1986.

Материалы XXVIII съезда КПСС, 1990 – Материалы XXVIII съезда КПСС. – М., 1990.

Материалы для географии, 1860 – Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генштаба. Рязанская губерния. – СПб, 1860. – 609 с.

Материалы и документы, 1992 – Материалы и документы по истории общественно-политического движения среди татар (1905 – 1917) / сост. Р.Р. Фахрутдинов. – Казань, 1992. – 130 с.

Материалы Учредительного съезда комитета «Суверенитет», 1990 – Материалы Учредительного съезда комитета «Суверенитет» Татарстана. – Казань, 1990.

Министерство промышленности, 2011 – Информация о межрегиональной деятельности Республики Татарстан за 2011 г. Официальная информация Министерства промышленности и торговли РТ. [электронный ресурс]: <http://mpt.tatarstan.ru>. Дата обращения: 27.12.12.

Министерство финансов, 2012 – Бюджетный процесс на современном этапе (24.02.2012 г.): Информационно аналитические материалы Министерства финансов Республики Татарстан. [электронный ресурс] <http://minfin.tatarstan.ru>. Дата обращения: 27.12.12.

Мирсаид Султан-Галиев, 1992 – Мирсаид Султан-Галиев. Статьи. Выступления. Документы / сост.: И.Г. Гиззатуллин, Д.Р. Шарафутдинов. – Казань: Татар. книжн. изд-во, 1992. – 518 с.

Мулламур Вахитов, 1985 – Мулламур Вахитов. Жизнь и деятельность пламенного революционера. Сост.: М. А. Мулюков, И. Р. Тагиров. – Казань: Татарское книжное издательство, 1985. – 269 с.

Мусульмане, 2009 – Мусульмане и мусульманское духовенство в военном ведомстве Российской империи: сборник законодательных актов, нормативно-правовых документов и материалов / сост. Х.М. Абдуллин. – Казань, 2009.

Мухарьямов, ред., 1976 – Культурное строительство в Татарии (1941–1970 гг.): Документы и мате-

риалы / под ред. М.К. Мухарьямова. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1976.

Нархоз РСФСР, 1957 – Народное хозяйство РСФСР: стат. сб. – М.: Госстатиздат, 1957. – 372 с.

Нархоз ТАССР, 1970 – Народное хозяйство Татарской АССР: К 50-летию со дня образования. Стат. сб. /Под общ. ред. Г.Д. Майорова. – Казань: Статистика, 1970. – 195 с.

Населенные пункты, 2002 – Населенные пункты Башкортостана. Часть I. Уфимская губерния 1877 г. – Уфа, 2002. – 432 с.

Неизвестный Султан-Галиев, 2002 – Неизвестный Султан-Галиев. Рассекреченные документы и материалы / сост.: Б. Ф. Султанбеков, Д. Р. Шарафутдинов. – Казань: Татарское книжное издательство, 2002. – 459 с.

Никольский и др., 1939 – Никольский В., Соколов Н. Татарстан промышленности стахановчлары (Стахановцы промышленности Татарстана). – Казань, 1939.

О веротерпимости, 1905 – О веротерпимости. Закон 17 апреля 1905 года. Издание неофициальное. М., 1905.

Обозрение преподаваний Императорского Казанского университета. Юридический факультет., 1916 – Обозрение преподаваний Императорского Казанского университета. Юридический факультет. 1916–1917. – Казань, 1916.

Образование БАССР, 1959 – Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики. Сборник документов и материалов / под ред. Б. Х. Юлдашбаева. – Уфа: Башкир. книжн. изд-во, 1959. – 990 с.

Образование ТАССР, 1963 – Образование Татарской АССР: сборник документов и материалов / под ред. И. М. Климова, М. К. Мухарьямова. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1963. – 503 с.

Общий состав чинов Казанского военного округа, 1917 – Общий состав чинов Казанского военного округа на 1917 год. – Казань, 1917. – С.66.

Объединенный пленум ОК и ОК ВКП(б), 1933 – Объединенный пленум ОК и ОК ВКП(б). 19–23 февраля 1933 г. Стенографический отчет. – Казань, Тагпартиздат, 1933. – 296 с.

Осуществление политики коренизации, 2009 – Осуществление политики коренизации в Татарстане в документах. 1920–1930-е гг./ авт.-сост. З.Г.Гарипова. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009. – 272 с.

Отчет о деятельности ЦИК и СНК, 1922 – Отчет о деятельности ЦИК и СНК с 1 июля 1921 г. по 1 октября 1922 г. – Казань, 1922.

Отчет ЦИК и СНК ТАССР, 1925 – Отчет ЦИК и СНК ТАССР к V съезду Советов. – Ч.2. – Казань, 1925. – 200 с.

Отчет эконом. сов. ТАССР, 1922 – Отчет экономического совещания Татарской АССР за 1922 год. – Казань, 1922.

Память, 1993–2010. – Память: Сведения о погибших на фронтах Великой Отечественной войны жителях Республики Татарстан / редкол. А.А. Ива-

нов, Р.Р. Идиатуллин. В 27-ми тт. – Казань: редакция «Книги Памяти», 1993–2010.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1904 – Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XIV. Казанская губерния. – 1904. – 108 с.

Первый Поволжский съезд, 1906 – Первый Поволжский съезд «Союза 17 октября», созванный в Казани 10–12 сентября 1906 г. – Казань, 1906. – 44 с.

Перестройка – Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки. Документальные свидетельства. – М.: Изд-во «Весь мир», 2010. – 944 с.

Подворная перепись, 1914 – Подворная перепись Симбирской губернии 1910–1911 гг. Буинский уезд. – Симбирск, 1914. – Вып.4. 25 с.

Политические репрессии в ТАССР, 2011 – Политические репрессии в Татарской АССР сквозь призму подлинных документов и воспоминаний / автор-сост. А.А. Иванов. – Казань: Редакция «Книга Памяти», 2011. – 319 с.

Приказы армиям юго-западного фронта, 1915 – Приказы армиям юго-западного фронта. – 1915. – № 599.

Программа КПСС. Устав КПСС, 1989 – Программа КПСС. Устав КПСС. – М., 1989.

Программа союза российских мусульман, 1906 – Программа союза российских мусульман. – СПб., 1906.

Программа стабилизации, 1991 – Программа стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночным отношениям в Татарской АССР. – Советская Татария. – 1991. – 22 января.

Программа ТПНН «Иттифак», 1991 – Программа ТПНН «Иттифак» // Панорама. – 1991. – № 6.

Промышленность и рабочий класс Татарии, 1986 – Промышленность и рабочий класс Татарии (1946–1980 гг.): Документы и материалы. – Казань, 1986.

Протоколы ЦК, 1990 – Протоколы ЦК кадетской партии периода первой российской революции // Вопросы истории. 1990. N 6.

ПСЗ, 1830-1884 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 1-124. - СПб., 1830-1884.

ПСЗ, 1885-1916 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 1 - 19, 21-33. - СПб., 1885-1916.

Рахимкулова, 2010 – Рахимкулова М.Ф. Медресе «Хусания» в Оренбурге // Медресе Южного Урала и Приуралья: история и современность. Хрестоматия. – Уфа, 2010.

Революционная борьба крестьян Казанской губернии накануне Октября, 1958 – Революционная борьба крестьян Казанской губернии накануне Октября. Сборник документов / под ред. И.М. Ионенко, сост. Н.М. Силаева. – Казань, 1958. – 824 с.

Регионы России, 2011 – Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: стат. сб. – М.: Федеральная служба государственной статистики, 2011. – 990 с.

Резолюции ООН, 1971 – Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, принятые на ее Двадцатой сессии. – Нью-Йорк, ООН. – 1971.

Резолюция, 1924 – Резолюция по докладу о реализации татарского языка // Красная Татария, 1924. – 19 июня.

Республика Татарстан, 1998 – Республика Татарстан. 1997: стат. сб. – Казань: Изд. цент Госкомстата РТ, 1998. – 546 с.

Республика Татарстан, 1999 – Республика Татарстан. 1998: стат. сб. – Казань: Изд. цент Госкомстата РТ, 1999. – 366 с.

Республика Татарстан, 2004 – Республика Татарстан. 2003: стат. сб. – Казань: Изд. цент Госкомстата РТ, 2004. – 381 с.

Республика Татарстан, 2010 – Республика Татарстан 2010: Статистический ежегодник. – Казань. 2011. - 537 с.

Решения партии, 1968 – Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам / сост. К.У. Черненко, М.С. Смиртюков; под общ. ред. К.М. Боголюбова, М.С. Смиртюкова. – Т.3. – М.: Изд-во полит. лит-ры. – 1968. – 752 с.

Сборник законов о мусульманском духовенстве, 1898 – Сборник законов о мусульманском духовенстве в Таврическом и Оренбургском округах и о магометанских учебных заведениях. - Казань, 1898.

Сведения о состоянии Казанского университета, 1901 – Сведения о состоянии Казанского университета за 1900 и 1-е полугодие 1901 года (Извлечение из отчета). – Казань, 1901.

Сведения о состоянии Казанского университета, 1907 – Сведения о состоянии Казанского университета за 1906 и 1-е полугодие 1907 года (Извлечение из отчета). – Казань, 1907.

Свод товарных цен, 1914 – Свод товарных цен на главных русских и иностранных рынках за 1913 г. – СПб., 1914. – 121 с.

Список населенных мест, 1909 – Список населенных мест Пермской губернии. В.1. Верхотурский уезд. – Пермь, 1909.

Справка о свободе совести, 1906 – Справка о свободе совести. – СПб., 1906.

Справочная книжка, 1910 – Справочная книжка для слушательниц Казанских высших женских курсов. С приложением обозрения преподавания. – Казань, 1910.

Сталин, 1951 – Сталин И.В. Сочинения. – М.: Политиздат, 1951. –Т.4. – 488 с.

Статистические данные о рассмотрении устных и письменных обращений, 2002 – Статистические данные о рассмотрении устных и письменных обращений граждан в ГС РТ с 01.01.2002 по 31.12.2002 // ТА ГС РТ.

Стенографический отчет, 1925 – Стенографический отчет заседаний XI областной партконференции. – Казань, 1925. – 397, XX, 13 с.

Стенографический отчет, 1927 – Стенографический отчет заседаний XII областной партконференции. – Казань, 1927. – 293 с.

Султан-Галиев, 1998 – Султан-Галиев М. Избранные труды/ сост. Гизатуллин И.Г., Шарра

- футдинов Д.Р. – Казань: Изд-во «Гасыр», 1998. – 720 с.
- Съезды и конференции, 1997* - Съезды и конференции конституционно-демократической партии. 1905-1907 гг. - М., 1997. - Т. 1. - 744 с.
- Тайны национальной политики, 1992* – Тайны национальной политики ЦК РКП: Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в Москве 9-12 июня 1923 г. Стенографический отчет. – М.: НПО «Инсан», 1992. – 296 с.
- ТАССР за 40 лет, 1960* – Татарская АССР за 40 лет: стат. сб. / ЦСУ СССР; Стат. упр. ТАССР; под общ. ред. И.Н. Кобрановой. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1960. – 172 с.
- ТАССР за XX лет, 1940* – Татарская АССР за XX лет в цифрах (краткий статистический сборник)/под ред. А.И. Зайцева. – Казань: Татгосиздат, 1940. – 64 с.
- Татария в борьбе за победу пролетарской революции, 1957* – Татария в борьбе за победу пролетарской революции (февраль-октябрь 1917 г.): Сборник документов и материалов / под ред. М. К. Мухарьмова, В. П. Тимофеева, С. Н. Фомичева; сост. И. А. Георгиевская, А. М. Залялов, М. Н. Олимпина, В. В. Снедкова, С. Н. Фомичев. – Казань, 1957. – 510 с.
- Татария в ВОВ, 1963* – Татария в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник документов и материалов / сост. А.М. Залялов, Ю.И. Смыков, Н.А. Субаев. – Казань: Таткнигоиздат, 1963. – 360 с.
- Тоган, 1994* – Тоган З.В. Воспоминания. – М., 1997.
- Тоган, 1997* – Тоган З.В. Воспоминания. – Уфа, 1994. – Кн. 1. – 400 с.
- Третий Всероссийский мусульманский съезд в Нижнем Новгороде, 1906* – Третий Всероссийский мусульманский съезд в Нижнем Новгороде. Постановления и резолюции. – Казань, 1906. – 20 с.
- Третий пленум, 1927* – Третий пленум Татобластка ВКП (б) (16-19 мая 1927 года): Стенограмма отчета бюро ОК ВКП(б). – Казань, 1927. – 133 с.
- Троцкий, 1990* –Троцкий Л.Д. Сталин. – М.: Политиздат; Терра, 1990. – Т. 2. – 285 с.
- У истоков борьбы, 1997* – У истоков борьбы за суверенитет Башкортостана, 1917-1925 гг. : Док. и материалы : посвящ. 80-летию провозглашения Башк. автономии / сост. Ф. Х. Гумеров.– Уфа: Китап, – 232 с.
- У милосердия древние корни, 2002* – У милосердия древние корни (Благотворительность и милосердие в Казани XVIII – начало XX вв.): Сборник документов и материалов. – Казань, 2002.
- У милосердия древние корни, 2003* – У милосердия древние корни (Благотворительность и милосердие в Казани в годы Первой мировой войны. 1914-1917). Сборник документов и материалов. Кн.2. – Казань, 2003.
- Усманов, 1987* – Усманов Г.И. Курсом ускорения и перестройки. Доклад на пленуме обкома КПСС 21 июля 1987 г. // Советская Татария. – 1987. – 23 июля.
- Устав ВЛКСМ, 1989* – Устав ВЛКСМ. – М., 1989.
- Федеральная служба, 2008* – Федеральная служба государственной статистики. [электронный ресурс] <http://www.gks.ru>. Дата обращения: 27.12.12.
- Хакимов, 1996б* - От конфронтации к наведению мостов. Стенографический отчет под редакцией Рафаэля Хакимова. – Казань, 1996. – 112 с.
- Хакимов, 1996в* – Международный опыт урегулирования этно-политических конфликтов. Стенографический отчет и аналитические материалы под редакцией Рафаэля Хакимова. – Казань, 1996. – 156 с.
- Царская армия в период мировой войны и Февральской революции, 1932* – Царская армия в период мировой войны и Февральской революции: Материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны / сост. А. Максимов. – Казань, 1932. – 440 с.
- ЦСУ СССР, 1928* – ЦСУ СССР. Всесоюзная перепись населения 1926 г. – Т.3. – М., 1928. – 628 с.
- ЦСУ СССР, 1929* –ЦСУ СССР. Всесоюзная перепись населения 1926 г. – Т.17. – М., 1929. – 111 с.
- ЦСУ СССР, 1930* – ЦСУ СССР. Всесоюзная перепись населения 1926 г. – Т. 37. – М., 1930. – 524 с.
- Четвертое совещание ЦК РКП, 1923* - Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в Москве 9-12 июня 1923 г.: (Стенографический отчет) – М., 1923.
- Численность, состав и движение населения в РТ, 1992* – Численность, состав и движение населения в РТ. [1991]. – Казань: Б.и., 1992. – 101 с.
- Численность, состав и движение населения в РТ, 1993* – Численность, состав и движение населения в РТ. [1992]. – Казань: Б.и., 1993. – 120 с.
- Численность, состав и движение населения в РТ, 1994* – Численность, состав и движение населения в РТ. [1993]. – Казань: Б.и., 1994. – 128 с.
- Численность, состав и движение населения в РТ, 1995* – Численность, состав и движение населения в РТ. 1994. – Казань: Б.и., 1995. – 132 с.
- Численность, состав и движение населения в РТ, 2001* – Численность, состав и движение населения в РТ в 2000 г.: стат. сб. – Казань: Изд. цент Госкомстата РТ, 2001. – 143 с.
- Численность, состав и движение населения в РТ, 2002* – Численность, состав и движение населения в РТ в 2001 г.: стат. сб. – Казань: Изд. цент Госкомстата РТ, 2002. – 141 с.
- Шайхутдинова, 2000* - Европейские конвенции в Российской Федерации/сост. Г. Шайхутдинова. – Казань: Изд. Гос. Совета Респ. Татарстан, 2000. - 179с.
- Шестой съезд Советов ТАССР, 1925* - Шестой съезд Советов ТАССР: Стенографический отчет. – Казань, 1925.
- Юдин, ред., 1978* – Партийная организация Татарии в цифрах и документах (1917–1977 гг.): Сб. стат. материалов и документов / отв. ред. И.Н. Юдин – Казань: Таткнигоиздат, 1978.

* * *

Battal-Taymas, 1927 – Battal-Taymas A. Rusyadan ayrılan milletler. - Ankara, 1927.

Battal-Taymas, 1947 – Battal-Taymas A. Rus ihtilalından hatıralar. 1917-1919. - Istanbul, 1947.

Battal-Taymas, 1958 – Battal-Taymas Abdulbari, Kazanlı Türk meshurları. Istanbul, 1958 – 1969.

Battal-Taymas, 1988 – Battal-Taymas A. Kazan Türkleri: Türk tarihinin hasiran yaprakları. - Ankara, 1988. 240 s.

Der Prozeß gegen die Hauptkriegsverbrecher, 1949 – Der Prozeß gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof. Nürnberg 1949, Bd. XXXVIII, Dokument 221-L.

Ishaki, 1979 – Muhammed Ayaz Ishaki hayati ve faaliyeti: 100. Dogum yeli doleyisiyla. Ankara, 1979. – 352 s.

Периодические издания

Алтай. – Казань. – 1918.

Анг. – 1913.

Баянелхак. – 1913.

Бюллетень НКВД РСФСР. – 1929.

Бюллетень СНК ТАССР. – 1923.

Вақыт. – 1906, 1913–1915.

Ватаным Татарстан. – 1995–1996, 1998.

Ведомости ВС РТ. – Ведомости Верховного Совета Татарстана. – 1992–1993.

Ведомости ГС РТ. – Ведомости Государственного Совета Татарстана. – 1996, 1998–1999.

Вестник НКВД ТАССР. – 1921.

Вестник Комуча. – 1918.

Вестник научного общества по татароведению. – 1927.

Вестник партии народной свободы. – 1906.

Веч. Каз. – Вечерняя Казань. – 1979, 1981, 1987, 1989–1990, 1992.

Военно-исторический журнал. – 1982.

Волжский листок. – 1905, 1907.

Время и Деньги. – 1996.

Журнал Министерства народного просвещения.

Новая серия. – 1917.

За Родину. – 1942.

Зауральский край. – 1917.

Звезда Поволжья. – 2009–2010.

Знамя революции. – 1917, 1918.

Идель. – 1994

Известия ВМВШ – Известия Всероссийского Мусульманского военного шуро. – 1918.

Известия ВЦИК. – 1919.

Известия ТатЦИК. – 1922.

Известия ЦИК. – 1918.

Известия ЦК КПСС. – 1990–1991.

Известия. – 1939, 1991.

Икътисад. – 1908–1910.

Ил. – 1917.

Ирек. – 1917.

Казанский вечер. – 1906–1907.

Казанский телеграф. 1905–1906.

Казанское время. – 1998.

Казанское слово. – 1917.

Камско-Волжская речь. – 1917.

Каспий. – 1914.

Кзыл Татарстан. – 1944.

Ком. правда – Комсомольская правда. – 1991, 1993.

Коммунист Татарии. – 1970.

Коммунист. – 1989–1990.

Кояш. – 1913, 1917.

Кр. Т. – Красная Татария. – 1924, 1926–1927, 1929, 1932–1933, 1939–1940, 1944, 1950, 1988.

Красная звезда. – 1997.

Крестьянская газета. – 1917.

Курултай. – 1917.

Кызыл Армия. – 1920.

Мэгърифэт. – 2000.

Мэдэни жөмга. – 2009.

Мәктәп. – 1913.

Милләт. – 1991.

Миллят. – 1914.

Мир Ислама. – 1913.

Мохбир. – 1917.

Мохтарият. – 1917–1918.

НГ-религии – Независимая газета. Религии. – 1999.

Новое время. – 1906–1907.

Новое Казанское слово – 1918.

Обновление. – 1906.

Офък. – 1991.

Правда. – 1918, 1988.

Право. – 1912, 1916.

Республика Татарстан. – 1995.

Речь. – 1906–1907.

Российская газета. – 1991, 1997, 2000.

Русский телеграф. – 1998.

Сабанче. – 1922 – 1924, 1926.

Самарские епархиальные ведомости. – 1906.

Сарай. – Астрахань. – 1917–1918.

Сов. Т. – Советская Татария. – 1956, 1964–1970, 1972, 1977, 1979, 1983, 1987, 1989–1992

Солдат телге. – 1917.

Соц. Т. – Социалистик Татарстан. – 1968, 1970.

Социализмга. – 1941.

Социалистик Татарстан. – 1990

Сугыш сафы. – Псков. Действующая армия. – 1917.

Тан йолдызы. – 1906.

Тормыш. – 1916–1918.

Труд и хозяйство. – 1923–1924, 1929

Труд. – 1991.

Труды ОИТ – Труды Общества изучения Татарстана. – Казань, 1930.

Ульфет. – 1905.

Уфа хэберлэре. – 1918.

Ученые заметки КГУ – Ученые заметки Казанского государственного университета. – Казань, 1946.

Фронт хакыйкэте. – 1945.

Халяль гид. – 2011.

Шәһри Казан. – 1991, 1996.

Шура. – 1914.

Юлдуз. – 1907, 1910–1911, 1913–1915, 1917–1918

Яна милли юл. – 1931, 1933, 1937–1938.

Яналиф. – 1928.

Der Neue Orient. – 1917–1918.

Idel-Ural. – 1943.

Литература

на английском языке

Devlet, 2005 – Devlet N. Studies in the politics, history and culture of turkic peoples. – Istanbul, 2005. – 425 p.

Graney, 2001 – Graney, K.E. Ten Years of Sovereignty in Tatarstan : End of the Beginning or Beginning of the End? / K.E. Graney // Problems of Post-Communism. 2001. September/October. P. 39.

Rorlich, 1986 – Rorlich Asade–Ajshe. The Volga Tatars. A Profile in National Resilience. – Stanford, 1986.

Tatar history and civilization, 2010 – Tatar history and civilization / project director Halit Eren. – Istanbul: IRCICA, 2010. – 695 p.

Thomas, 1918 – Thomas W.L., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. N.Y.: Knopf, 1918. Vol. 1. P. 79

Usmanova, 2010 – Usmanova D., Minnullin I., Mukhametshin R. Islamic education in Soviet and Post-Soviet Tatarstan // Islamic education in the Soviet Union and its successor states. Ed. Kemper, M., Motika R. and Reichmuth. – S.L.– N.Y., 2010. – P. 21–66.

на азербайджанском языке

Летопись азербайджанского театра, 1975 – Летопись азербайджанского театра. – Баку, 1975.

на немецком языке

Die geheimen Tagesberichte, 1988 – Die geheimen Tagesberichte der deutschen Wehrmachtführung im Zweiten Weltkrieg 1939-1945. Bd.8: 1.September 1943 - 30.November 1943. – Osnabrück, 1988.

Hobsbawm, 2005 – Hobsbawm Eric J. Nationen und Nationalismus. Mythos und Realität seit 1780. – Bonn, 2005.

Hoffmann, 1976 – Hoffmann J. Die Ostlegionen 1941-1943. Turkotataren, Kaukasier und Wolgafinnen im deutschen Heer. – Freiburg, 1976.

Neulen, 1985 – Neulen, Hans Werner. An deutscher Seite. Internationale Freiwillige von Wehrmacht und Waffen-SS. – München, 1985.

Noack Ch., 2000 – Noack Ch. Muslimischer Nationalismus im Russischen Reich. Nationsbildung und Nationsbewegung bei Tataren und Baschkiren. 1861–1917. – Stuttgart, 2000.

Tessin, 1976 – Tessin, Georg. Verbände und Truppen der deutschen Wehrmacht und Waffen-SS im Zweiten Weltkrieg. 1939-1945. Bd. 13: Die Landstreitkräfte 801-13400. – Osnabrück 1976.

на русском языке

10 лет соцстроя, 1930 – 10 лет социалистического строительства в Татарстане. – Казань, Татарское государственное изд-во, 1930. – 178 с.

25 лет ТАССР, 1945 – 25 лет Татарской АССР. 1920–1945 / А. Тарасов, Х. Гимади, Г. Динмухаметов и др.; отв. ред. К. Фасеев. – Казань: Татгосиздат, 1945. – 104 с.

5 лет рабочего факультета, 1924 – 5 лет рабочего факультета Казанского государственного университета. – Казань, 1924.

50 лет ОАО «Казанькомпрессормаш», 2001 – 50 лет ОАО «Казанькомпрессормаш». – Казань: «Матбугат йорты», 2001.

70 лет Татарской АССР, 1990 – 70 лет Татарской АССР. Юбилейный стат. сб. /Под общ ред. Беловой В. В.– Казань: Татарское респ. управление стат. Госкомстата РСФСР, 1990.

Regnum, 2012 – Информационное агентство Regnum. [электронный ресурс]. <http://www.regnum.ru/news/1377753.html>. Дата обращения: 27.12.12.

Абдрахманов, 1960 – Абдрахманов М. И. Октябрьская революция и развитие производительных сил Татарской АССР / Некоторые вопросы развития Татарской АССР за годы Советской власти. – Казань: Изд-во КГУ, 1960. – С.3-29.

Абдулатипов, 1993а – Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф., Яров Ю.Ф. Федерализм в истории России: В 3 кн. Кн. 2. – М.: Республика, 1993.– 414 с.

Абдулатипов, 1993б – Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф., Яров Ю.Ф. Федерализм в истории России: В 3 кн. - Кн. 3. – Ч. 2. – М.: Республика, 1993.– 238 с.

Абдулатипов, 2008 – Абдулатипов Р. Как нам реструктуризировать федерацию? [электронный ресурс]. http://www.sakha.gov.ru/files/federal_n14.doc. Дата обращения: 01.09.2008.

Абдуллин, 1985 – Абдуллин М.И. Сражающаяся правда. Критика буржуазных концепций развития социалистических наций Поволжья и Урала. – Казань: Таткнигоиздат, 1985. – 160 с.

Абдуллин и др., ред., 1986 – Итоги и задачи изучения истории крестьянства Татарии в свете решений XXVII съезда КПСС / Я.Г. Абдуллин, З.И. Гильманов, А.М. Залялов, Ю.И. Смыков // XXI сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. – Казань, 1986. – С. 10–13.

Абдуллин, 1991 – Абдуллин Я.Г. Общественная и философская мысль в Татарии начала XX века / Я.Г. Абдуллин, Р.М. Амирханов, Р.М. Мухаметшин. – М., 1991. – 197 с.

Абдуллин, 2007 – Абдуллин Х.М. Воинская служба крымских татар в Российской Империи // Военно-исторический журнал. – 2007. – №1. – С. 49–54.

Абдуллина, Аблязов, 1970 – Абдуллина Р.Г., Аблязов Г.И. Очерки Казанского химического завода им. В.В.Куйбышева. – Казань: Татар. книжн. изд-во, 1970. – 167 с.

Абдюшев, 1999 – Таким он запомнился. К 90-летию П.Д. Тунакова / Под общ. ред. А.Я. Абдюшева – Казань: КГАСА, 1999.

Абрамов, 1960 – Абрамов П.В. Татарская АССР: Экономико-географический очерк. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1960.

Абрамов, 1967 – Абрамов П.В. Октябрьская революция и социалистическая индустриализация: Цифры и факты в помощь лекторам. – Казань: Знание, 1967.

Абрамов, 1970 – Абрамов П. Ведущий промышленный комплекс // Коммунист Татарии. – 1970. – №3. – С.38-42.

- Абрамов и др., 1970* – Абрамов П.В., Кладиев Н.Х., Шаги-Мухаметов Ф.Г. Наш край Татарстан. – Казань: Татар. книжн. изд-во, 1970. – 189 с.
- Абубакирова и др., 2002* – Абубакирова М., Шамсутдинов И., Хасанжанова Р. Историю оставить народу своему. – Троицк, 2002.
- Абязова и др., 2001* – Хвала рукам, что хлебом пахнут: Из прошлого и настоящего «Татархлебопродукта» / Г. Абязова, С. Галанин, Л. Карташова, Ю. Колова, Г. Салимзянов, А. Субботкин. – Казань: Изд-во «По городам и весям», 2001.
- Авербух, 1922* – Авербух И. Обзор сельского хозяйства в ТАССР // Труд и хозяйство. – 1922. – №2/3. – С.53–56.
- Агитатору, 1957* – Агитатору о Татарии (Справочные материалы) / сост. П.В. Абрамов, Ф.Г.Шаги-Мухаметов. – Казань: Татгосиздат, 1957. – 198 с.
- Агишев, 1954* – Агишев Я. Творчество Габдуллы Тукая. – Казань, 1954.
- Адо, 1927* – Адо В.И. Сююмбекина башня. Экскурсионно-методический очерк. – Казань, 1927.
- Азизов, 1973* – Азизов К.И. Промышленность Татарии и пути повышения ее эффективности. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1973.
- Азизов, 1977* – Азизов К.И. Эффективность использования материальных и трудовых ресурсов в промышленности Татарии. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1977.
- Азизов, 1979* – Азизов К.И. НОТ на промышленных предприятиях Татарии. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1979.
- Азизов, ред., 1983* – Трудовые ресурсы Татарской АССР и пути рационального их использования в свете решений XXVI съезда КПСС. Респ. науч. конф. Тезисы докладов / отв. ред. К.И. Азизов. – Казань: КФЭИ, 1983.
- Азовский, 1958* – Азовский А.М. Развитие всеобщего семилетнего образования в сельской местности ТАССР // Ученые записки / Казанский педагогический институт. Вып. 13. – Казань, 1958. – С. 356-402.
- Айда, 1996* – Айда А. Садри Максуди Арсал. – М., 1996 – 359 с.
- Айдаров, 1978* – Айдаров С.С. Архитектурное наследие Казани. – Казань, 1978.
- Айдарская, 2002* – Айдарская А.Г. Память сердца. – Казань, 2002. – 224 с.
- Айнутдинов, 1971* – Айнутдинов А.К. Татарская фронтовая печать (1942–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1971.
- Айнутдинов, 1984* – Айнутдинов А.К. Летопись подвига: Исторический очерк по страницам фронтовых газет. – Казань: Таткнигоиздат, 1984. – 110 с.
- Айнутдинов и др., 1987* – «Известия» и Татария. Сборник материалов о деятельности Советов ТАССР / сост. А.К. и Р. А. Айнутдинов. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1987.
- Айнутдинов и др., сост., 1986* – Полные кавалеры ордена Славы – наши земляки (Сб. документальных очерков и зарисовок) / сост.: А.К. Айнутдинов, З.И. Гильманов. – Казань, 1986.
- Айнутдинова, 2002* – Айнутдинова Л.М. Всероссийские съезды мусульман / Л.М. Айнутдинова, Р.Г. Хайрутдинов // Татарская энциклопедия.– Казань, 2002. – Т. 1. – С. 642–644.
- Айнутдинова, 2003* – Айнутдинова Л.М. Либеральное движение в Казанской губернии (1900–1917 гг.). – Казань: ФЭн, 2003. – 205 с.
- Айнутдинова, 2005* – Айнутдинова Л.М. «Иттифак аль-муслимин» // Татарская энциклопедия. – Казань, 2005. – Т. 2.
- Айнутдинова, 2006* – Айнутдинова Л.М. Общественно-политическое движение в России во второй половине XIX – начале XX века. – Казань, 2006. – 115 с.
- Акулов, 2000* – Акулов Т.Ю. Международная деятельность Республики Татарстан / Т.Ю. Акулов // Гасырлар авазы – эхо веков. – 2000. – №1-2. – С.61-66.
- Акулов, 2006* – Акулов Т.Ю. Международные связи Республики Татарстан / Т.Ю. Акулов, И.Р. Насыров, И.Л.Савельев // Политико-правовые ресурсы федерализма в России / под ред. Р.С. Хакимова. – Казань, 2006. – С. 272-286.
- Акулов, Насыров, Савельев, 2006* – Акулов Т.Ю. Международные и внешнеэкономические связи Республики Татарстан (1990-2005 гг.) / Т.Ю. Акулов, И.Р.Насыров, И.Л.Савельев // Материалы конф. «Современные тенденции развития федерализма и демократических институтов в России», Москва, 6 декабря 2005 г. / Казанский федералист. – 2006. – № 1-2
- Акчура, 1997* – Акчура Й. Дамелла Галимжан аль-Баруди. – Казан, 1997.
- Алексеев, 2001* – Алексеев И.Е. Черная сотня в Казанской губернии. – Казань, 2001. – 334 с.
- Алексеев, 2002a* – Алексеев И.Е. Под сенью царского манифеста (Умеренно-монархические организации Казанской губернии в начале XX века). – Казань, 2002. – 311 с.
- Алексеев, 2002b* – Алексеев И.Л. Ислам в общественно-политической жизни России (XIX – начало XX века): дисс... к.и.н. М., 2002. – 218 с.
- Алексеев, 2002в* – Алексеев И.Л. Ислам в общественно-политической жизни России (XIX – начало XX века): автореферат дисс... к.и.н. – М., 2002. – 25 с.
- Алексеев, 2004* – Алексеев И.Е. Русское национальное движение в Казанской губернии и Татарстане (конец XIX – начало XX веков). – Казань, 2004. – 322 с.
- Алексеева, 2011* – Алексеева Е. Проблемы культурного разнообразия: переосмысление подходов // Вестник Института Кеннана в России. – М., 2011. Вып. 20. – 144 с.
- Алексеевский район, 2000* – Алексеевский район: история и современность. – Казань: изд-во «Матбугат йорты, 2000.
- Алекторов, 1906* – Алекторов А.Е. Инородцы в России. Современные вопросы. – СПб., 1906.
- Алишев, 1986* – Алишев С.Х. Гибрагимов – историк революционного движения // По следам минувшего. – Казань, 1986.
- Альметьевский район, 2005* – Альметьевский район: от прошлого к будущему / Рук. проекта: З.М. Насретдинов, Г.А. Миниханова. – Казань: Изд-во «Дом печати», 2005.

- Аминов, 1994* – Аминов Д.А. Татары в С.–Петербурге: Исторический очерк. – СПб, 1994. – 90 с.
- Амирханов, 1986* – Амирханов Р.У. Татарская демократическая печать (1905–1907 гг.). – М., 1986.
- Амирханов, 1988* – Амирханов Р.У. Татарская демократическая печать (1905–1907 гг.). – М., 1988. – 191 с.
- Амирханов, 1995* – Амирханов Р.У. Образование татарской нации // Материалы по истории татарского народа. – Казань, 1995. – С. 298-334.
- Амирханов, 1999* – Амирханов Р.У. Развитие татарского предпринимательства в начале XX в. (1901-1917) // Поволжье в системе всероссийского рынка: история и современность: Материалы научной конференции. – Чебоксары, 1999. – С. 228-249.
- Амирханов, 2000* – Амирханов Р.У. Развитие татарского предпринимательства в начале XX в. (1901-1917 гг.) // Поволжье в системе всероссийского рынка: история и современность: материалы научной конференции. – Чебоксары, 2000. – С. 228–251.
- Амирханов, 2002a* – Амирханов Р.У. Система профессионального образования у татар // Ислам в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. – Казань, 2002a. – С. 148.
- Амирханов, 2002b* – Амирханов Р.У. Татарская дореволюционная пресса в контексте «Восток–Запад» (на примере развития русской культуры). – Казань, 2002. – 239 с.
- Амирханов, 2005* – Амирханов Р.У. Татарский народ и Татарстан в начале XX века: Исторические зарисовки. – Казань, 2005. – 152 с.
- Анализ и основные направления развития РТ, 1999* – Анализ и основные направления развития и размещения производительных сил Республики Татарстан. – Казань, 1999.
- Ананьев, 1950* – Ананьев Д.Д. Казанские большевики в борьбе за крестьянство в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции: дис. ... канд. ист. наук. – М., 1950.
- Ананьич, ред., 1996* – Власть и реформы. От самодержавной к советской России / под ред. Б.В.Ананьича. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. – 800 с.
- Андреев, 1951* – Андреев М. Восточные рукописи библиотеки Казанского государственного университета // Библиотекарь. – 1951. – № 5. – С. 29-32
- Андреева, 1988* – Андреева С.В. Партийное руководство деятельностью ВЛКСМ по патриотическому и интернациональному воспитанию молодежи в 70-е годы (на материалах Марийской, Татарской и Чувашской АССР): Дис. ...канд. ист. наук. – Казань: Б.и., 1988. – 180 с.
- Андрианов, ред., 1962* – Очерки истории партийной организации Татарии / [редкол.: Н. А. Андрианов и др.]—Казань: Татарское книжное изд-во, 1962.—407 с.
- Анисимов, 1960* – Анисимов Н.Г. Казанский льнокомбинат. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1960.
- Анисимов, 1941* – Анисимов Н.И. Колхозы работают по-военному. – М., 1941.
- Анисков, 1966* – Анисков В.Т. Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока – фронту. 1941–1945. – Барнаул, 1966.
- Анисков, 1975* – Анисков В.Т. С полей колхозных на поля сражений: Партийно-организаторская деятельность в ярославской и костромской деревне в годы Великой Отечественной войны / В.Т. Анисков. – Ярославль: Изд-во Ярослав. гос. ун-та, 1975.
- Анисков, 1993* – Анисков В.Т. Жертвенный подвиг деревни: Крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны / В.Т. Анисков. – Новосибирск: Сиб. отделение РАН; Ин-т истории, 1993.
- Арапов, 2003* – Арапов Д.Ю. «Где есть магометане казачьего сословия» // Источник. – 2003. – № 4. – С. 8.
- Арапов, 2006* – Императорская России и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX вв.). Сборник материалов / сост. Д.Ю. Арапов. – М., 2006. – 480 с.
- Арбузов, 1941* – Арбузов А.Е. Казанская школа химиков (К 135-летию Казанского университета) // Ученые записки / Казанский университет. Т. 101. Кн. 1. – Казань, 1941. – С. 19-56.
- Арбузов, 1957* – Арбузов Б.А. Работы химического института КФАН СССР в области органических производных фосфора // Известия Казанского филиала Академии наук СССР. – Казань, 1957. – С.35-38.
- Арсланов, 1992* – Арсланов М.Г. Татарское режиссерское искусство (1906 – 1941 гг.). – Казань: Татар. книжн. изд-во, 1992. – 334 с.
- Арсланов, 2002* – Арсланов М.Г. Татарское режиссерское искусство (1957-1990). - Казань: Фикер, 2002.
- Артемьев, 1975* – Артемьев А.П. Братский боевой союз народов СССР в Великой Отечественной войне. – М.: Мысль, 1975. – 200 с.
- Арутюнян, 1963* – Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны / Ю.В. Арутюнян. – М.: Изд-во АН СССР. 1963.
- Арцыбашев, 1925a* – Арцыбашев Д.П. Довоенная мелкая (кустарная и ремесленная) промышленность сельских местностей, вошедших в состав ТАССР // Труд и хозяйство. – 1925. – № 5.
- Арцыбашев, 1925b* – Арцыбашев Д.П. Производственные итоги ценовой промышленности ТАССР за 1923–24 операционный год // Труд и хозяйство. – 1925. – № 8.
- Аршаруни, 1931* – Аршаруни А. Очерки панисламизма и пантюркизма в России / А. Аршаруни, Х. Габидуллин. – М., 1931. – 138 с.
- Аршаруни, 1990* – Аршаруни А. Очерки панисламизма и пантюркизма в России / А. Аршаруни, Х. Габидуллин. – Лондон, 1990. – 189 с.
- Асанов, 1928* – Асанов Т. Сельское хозяйство Татареспублики по контрольным цифрам 1928–1929 гг. // Труд и хозяйство. – 1928. – №10–11. – С.36 - 52.
- Асанов, Бергер, 1927* – Асанов Т., Бергер А. Перспективы развития сельского хозяйства в Татареспублике (за период 1926-1940 гг.) // Труд и хозяйство. – 1927. – №3–4. – С.29-90

- Асылгараева, 1991* – Асылгараева А.Ш. Женщины Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1991.
- Атлас истории Татарстана, 1999* – Атлас истории Татарстана и татарского народа / под ред. Р.Г. Фахрутдинова. – М.: Издательство ДИК, 1999. – 64 с.: илл.
- Афанасьев, 1925* – Афанасьев А.А. Казанская кожевенная промышленность // Труд и хозяйство. – 1925. – № 5.
- Ахметзянов, 1992* – Ахметзянов М. // Татарстан. – 1992. – № 5/6. – С. 90–100.
- Ахметзянов, 2000* – Ахметзянов Р.Х. Политика социальной защиты населения Республики Татарстан в конце 80-х – первой половине 90-х годов: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2000.
- Ахметов, 1991* – Современные межнациональные процессы в ТССР: Прогр. исслед. и инструментарий / отв. ред. Р.М. Ахметов. – Казань: ИЯЛИ, 1991. – 157 с.
- Ахметшин, 1961* – Ахметшин З.А. Патриотические и трудовые подвиги комсомольцев Татарии в промышленности в период Великой Отечественной войны Советского Союза: дис. ... канд. ист. наук / З.И. Ахметшин. – Казань, 1961.
- Ахметшин, 2003* – Ахметшин Ш. Генерал-майор И.И. Ислямов / Ш. Ахметшин, Я. Гришин, Ш. Насеров // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2003. – №3/4.
- Ахметшина, 2000* – Ахметшина А.К. Современные тенденции татарского изобразительного искусства: дис. ... канд. искусствоведения. – М., 2000.
- Ахтамзян, 2002* – Ахтамзян А. О «Курмашеве и десяти других», казненных в Берлине за «подрыв военной мощи» Германского рейха // Татарские новости. – 2002. – № 1 (90).
- Ашрафуллина, 2004* – Ашрафуллина Л.Ф. Проблемы культурных связей Татарстана с зарубежными странами в конце XX века в историко-политическом измерении: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2004.
- Багавиева, 2003* – Багавиева С.С. Политические репрессии в советском Татарстане (1918–начало 1950-х годов): Дис. ... к.и.н. – Казань, 2003. – 188 с.
- Багин, 1909* – Багин С. О пропаганде ислама путем печати. Казань, 1909. – 31 с.
- Багин, 1910* – Багин С. Об отпадении в магометанство крещенных инородцев Казанской губернии и о причинах этого печального явления. – Казань, 1910. – 35 с.
- Байбаков, 1984* – Байбаков Н.К. Дело жизни: Записки нефтяника. – М.: Советская Россия, 1984. – 350 с.
- Байраков, 1926* – Байраков М. Сельскохозяйственные коллективы ТР (В системе Селькредпромосюза) // Труд и хозяйство. – 1926. – № 9.
- Байрамов, 1954* – Байрамов К.Л. МТС – опорные пункты в борьбе Коммунистической партии за социалистическое переустройство сельского хозяйства (на материалах Татарской АССР 1928–1938): дис. ... канд. ист. наук. – М., 1954.
- Бакирова, 1981* – Бакирова Д.Д. Село: расширяя горизонты науки. Очерки о внедрении в сельскохозяйственное производство Татарской АССР достижений науки и передового опыта. – Казань: Татар. книж. изд-во, 1981.
- Бакирова, 2004* – Бакирова А. «Слобода Татарская Каргала, Сеитово тоже» // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2004. – № 2.
- Барменков, 1982* – Барменков А.И. Свобода совести в СССР. – М.: Мысль, 1979. – 223 с.
- Баруди, 1998* – Баруди Г. Хатирэ дэфтэре // Казан. - 1998. - №1. - С. 21–486.
- Баруди, 2000* – Галимджан хазрат Баруди. Памятная книжка. – Казань, 2000.
- Баттал, 1912* – Баттал Г. Габделвэли Яушев, Зэйнулла хэзрэт Рэсули вэ ахунд Эхмэд хажи Рахманколыһның рисалэседер. – Оренбург, 1912.
- Бекмаханова, 2003* – Бекмаханова Н.Е. Государственное законодательство и народы России // Российская многонациональная цивилизация. – М., 2003. – С. 21–81.
- Белов, 2010* – Белов С.Г. Вклад промышленных предприятий Татарстана в реализацию отечественной космической программы // История России и Татарстана: итоги и перспективы энциклопедических исследований: сборник статей итоговой научно-практической конференции 11–12 марта 2010 г. / отв. ред. А.И. Ногманов. – Казань: ИТЭ АН РТ, 2010. – С. 255–259.
- Белов, 2007* – Белов С.Г. Застойные явления в социалистической промышленности Татарстана 70-х – первой половины 80-х гг. 20 в. // История и регионалогия: грани пересечения: сб. науч. ст. – Казань, 2007. – С. 97–103.
- Белов, 2003* – Белов С.Г. Кризисные явления в промышленном комплексе Татарстана (1985–1990 гг.) // Из истории Татарстана и татарского народа: сборник статей молодых ученых и аспирантов Института Татарской энциклопедии АН РТ. – Вып. 1. – Казань: Фэн, 2003. – С. 25–38.
- Белокопытов, сост., 1993* – Нефть Татарстана: дела и люди / сост. В.И. Белокопытов. – Казань: Таткнигоиздат, 1993.
- Белокопытов, сост., 1981* – Татария: новая строка биографии / Ред.-сост. В.И. Белокопытов. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1981.
- Беляев, Муллаянов, сост., Сабирзянов, ред., 1980* – Цвети, мой Татарстан» / сост. Н. Беляев, Ш. Муллаянов. Под ред. Г.С. Сабирзянова. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1980.
- Беляков, 1988* – Беляков Р.И. Идеологическая борьба по национальному вопросу в период восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.): На материалах Татарстана: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1988.
- Белялов и др., 1976* – Белялов У.Б., Горник Г.Л., Токарев В.Б. Социалистическое соревнование в промышленности Татарии. – Казань: Татарское книжное изд-во, 1976. – 190 с.
- Белялов, 1978* – Белялов У.Б. Руководство Коммунистической партии социалистической индустрии

- стриализацией в национальных республиках Среднего Поволжья (1926-1940 гг.). – Казань: изд-во КГУ, 1978. – 389 с.
- Белялов, Низамов, 1969* – Белялов У.Б., Низамов Р.Х. Участие партийной организации Татарии в борьбе за деятельный подъем творческой и трудовой активности рабочего класса в годы второй пятилетки // Из истории партийной организации Татарии. – Казань, 1969. – С.100-134.
- Белялов, 1982* – Белялов У.Б. Ленинская национальная политика КПСС и развитие социалистической индустрии в Татарии. – Казань, 1982.
- Белялов, 1976* – Белялов У.Б., Горник Г.Л., Сагитов Т.К. Индустриальное развитие автономных республик Поволжья в VIII и IX пятилетках // История СССР. – 1976. – № 1.
- Бергер, 1928* – Бергер А.Б. Основные черты в состоянии с/хоз. ТАССР в 1928 г. // Труд и хозяйство. – 1928. – № 8/9.
- Бессмертная, 2010* – Бессмертная О.Ю. Россия и мусульманский мир: инаковость как проблема / О.Ю. Бессмертная, А.В. Журавский, А.В. Смирнов, Ю.И. Федорова, Н.Ю. Чалисова. – М., 2010. – 528 с.
- Бигиев, 2005* – Бигиев М. Избранные труды: В 2 т. – Т. 2. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. – 256 с.
- Биктимиров, 1992* – Биктимиров У.А. Ничейная земля. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1992.
- Благов, 2001* – Благов Ю.А. Кешнер и Ко: История одной казанской семьи. – Казань, 2001. – 95 с.
- Бобровский А.А.* 40 лет лесного опытного дела в Татарии // 40 летнего опытного дела в Татарии труды по лесному хозяйству. Вып. X. – Казань, 1952. – С.3.
- Богачев, 2001* – Богачев Е. Прямая речь. Личное дело. От первого лица. – Казань, 2001
- Болгарское государство, 2007* – Постановление Кабинета министров РТ «О перспективах развития болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника» № 590 (от 24 октября 2007 г.). [электронный ресурс] <http://www.prav.tatar.ru › rus/docs/post/post1.htm?page=50&pub>. Дата обращения: 23.04.2010.
- Бондаренко, 2002* – Бондаренко Л. Классик башкирской живописи // Ватандаш. – 2002. – № 9. – С. 158–167.
- Борисов, 1930* – Борисов М.И. Демонстрация торговых служащих г. Казани (в феврале 1905г.) // Труды ОИТ. – 1930. – Т. 1.
- Борисов, 1927а* – Борисов М.И. За Казанской в году пятом... – Казань, 1927.
- Борисов, 1927б* – Борисов М.И. Казанские швейники до и после Октября. – Казань, 1927. – Кн. 1.
- Борисов, 1923* – Борисов М.И. Наше прошлое. Очерки по истории профсоюза кожевников г. Казани с краткой биографией автора. – Казань, 1923.
- Бречкевич, 1919* – Бречкевич М. Северо-Восточный Археологический и этнографический институт в Казани // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – Казань, 1919.
- Бронштейн, 1995* – Бронштейн Б. Пенсионер французского значения // Известия. – 23 декабря 1995 г.
- Бузяков 1987* – Бузяков З.С. Дружба народов как важный фактор победы в Великой Отечественной войне (по материалам Марийской, Татарской и Чувашской автономных республик): дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1987. – 270 с.
- Булатов, 1963* – Булатов М.Р. В братской семье советских народов. – Казань, 1963.
- Булатов, 1947* – Булатов М.Р. Казанская партийная организация большевиков в борьбе за установление Советской власти в Казанской губернии и образование Татарской АССР: дис. ... канд. ист. наук. – М., 1947.
- Бунин, 1987* – Бунин И.А. Собрание сочинений: в 6 томах. – Т.4. – Москва: Художественная литература, 1987. – 703 с.
- Бурджалов, 1942* – Бурджалов Э. Тыл помогает фронту. – М., 1942.
- Бурнашева, 1960* – Бурнашева Ю.В. Борьба Татарской партийной организации за массовое внедрение новаторства в нефтяной промышленности республики в годы пятой пятилетки // Некоторые вопросы развития Татарской АССР за годы Советской власти. Казань, 1960. С. 258-270.
- Бурьлина, рук проекта, 2005* – Казань: город и люди. Специальный выпуск, посвященный 1000-летию г. Казани / Рук. проекта Г.Г. Бурьлина. – Казань: Издательский дом «Бис», 2005.
- Бухарин, ред., 1957* – К столетию Казанского жирового комбината им. Вахитова / Спец. ред. В.В. Бухарин. – Казань: Пищепромиздат, 1957.
- Бушканец, 1953* – Бушканец Е.Г. Уголок Г.Р. Державина в музее. – Казань, 1953. – 7 с.;
- Бушувев, 2009* – Бушувев А.С. Развитие политического сознания молодежи Республики Татарстан в 1985–2004 гг.: историко-социологический аспект. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009. – 204 с.
- Бюджетный круговорот, 2007* – Бюджетный круговорот // Эксперт Волга. – 2007. – № 7 (47). – 19 февраля.
- Важная, 1957* – Важная задача советских историков // Правда. – 1957. – 29 сентября
- Валеев, 1955* – Валеев А.У. Борьба Коммунистической партии за осуществление ленинско-сталинской национальной политики в области выращивания кадров. На примере ТАССР за 1920-1932 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1955.
- Валеев, 1975* – Валеев М.Ф. К вершинам науки в Татарии. – М.: Сов. Россия, 1975.
- Валеев, 2005* – Валеев Р.К. Забулачная республика // Татарская энциклопедия. – Казань, 2005. – Т. 2. – С. 399–400.
- Валеев, 2004* – Валеев Р. «По материалам значится националистом» // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2004. – № 2. – С. 184–192.
- Валеев, 2007а* – Валеев Р.М. Государственная культурная политика в области сохранения объектов культурного наследия в Республике Татарстан. – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2007.

- Валеев, 2007б* – Валеев Р.М. Историко-культурное наследие Республики Татарстан: тенденции развития и опыт исследования, сохранения, реставрации и использования в последней четверти XX в. - Казань: Идел-Пресс, 2007.
- Валеев, 2008* – Валеев Р.М. Культура и искусство Татарстана на рубеже тысячелетий. Основные тенденции развития в 90-е годы XX – начала XXI века. – Казань: [б. и.], 2008.
- Валеев и др., 1975* – Валеев Ш.М., Пушкарев Н.С. Производственная активность рабочих. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1975.
- Валеева, 1999* – Валеева Д.К. Искусство Татарстана (XX век). – Казань: Туран, 1999. – 322с.
- Валеева-Сулейманова, 1995а* – Валеева-Сулейманова Г.Ф. Декоративное искусство Татарстана (1920-начало 1990-х годов). – Казань: Фэн, 1995. – С. 188.
- Валеева-Сулейманова, 1995б* – Валеева-Сулейманова Г.Ф. Золотое яблоко истины // Казань. – 1995. – № 4–5. – С. 4–15.
- Валиди, 1924* – Валиди Дж. Очерки истории образованности и литературы татар до революции. – М.–Л., 1924.
- Валидов, 1986* – Валидов Дж. Очерки образованности и литературы татар (до революции 1917). – Лондон, 1986. – 213 с.
- Валиев, 2001* - Валиев М.Х. Общее и особенное в образовательных доктринах России и Татарстана // Национальная школа и актуальные проблемы обучения.– Казань: Мастер Лайм, 2001.– 64 с
- Валиев, 2009*–Валиев А. В целях «установления политического, культурного и экономического равенства трудящихся всех национальностей». О мерах по улучшению социально-экономического положения татарского населения ТАССР в начале 1920-х гг.) // Эхо веков. – 2009. - № 2. – С. 58-62.
- Валиуллина, 1948* – Валиуллина А.Г. Борьба большевиков за осуществление ленинской национальной политики в первый год существования Советской власти (на примере Татарии): дис. ...канд. дис. наук. - М., 1948.
- Ванчинов, 1980* – Ванчинов Д.П. Военные годы Поволжья. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1980.
- Вахитов, 1967* – Вахитов М. Избранное. – Казань, 1967. – 121 с.
- Вахитов, 1955* – Вахитов А.И. Общественные доходы колхозов Татарии и их распределение // Ученые записки / Казанский университет. Т. 115, Кн. 7. – Казань. 1955. – С. 107-114.
- Вахрушева, 1972* – Вахрушева Н.А. Солдатские письма и цензорские отчеты как исторический источник (1915–1917 гг.) // Октябрь в Поволжье и Приуралье (источники и вопросы историографии). – Казань, 1972. – С. 77.
- Верт, 2005* – Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. Антология / сост. П. Верг, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. – М., 2005. – 696 с.
- Витенберг, 2001* – Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 / сост. М. Витенберг и др. – М., 2001. – Т. 2. – 259 с.
- ВОВ, 1985* – Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: Энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1985. – 832 с.
- Великая Отечественная, 1998–1999* – Великая Отечественная 1941–1945. Военно-исторические очерки: В 4-х кн. – М.: Наука. 1998–1999. – Кн. 1: Суровые испытания. – 544 с.; кн. 2: Перелом. – 502 с.; кн. 3: Освобождение. – 510 с.; кн. 4: Народ и война. – 368 с.
- Великая, 1984* – Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. Краткая история. 3-е изд., доп. и испр. – М.: Воениздат, 1984. – 560 с.
- Винецкий, 1947* – Винецкий Я. Подвиг. Очерк о Казанском ордена трудового Красного Знамени заводе самоходных комбайнов. – Казань, 1947.
- Винтайкин и др., 1931* – Винтайкин З., Медведев Ф., Щеперин Г. Кондратьевщина в Татарии. Сб. ст. – Казань, 1931.
- Вихирев, 1922* – Вихирев И. Политическая история рабфаков // Вестник рабфаков. – 1922. – № 4–5;
- Вишневский, 1921* – Вишневский Б. Восточная Академия, ее организация и задачи // Вестник просвещения. – Казань, 1921.
- Возрастно-половой состав населения РТ, 2004* – Возрастно-половой состав населения РТ, городов с населением 100 тыс. чел. и более и внутригородских р-нов г.Казани на начало 2004 г.: экспресс-бюллетень. – Казань: Б.и., 2004. – 117 с.
- Возрастно-половой состав населения РТ, 2005* – Возрастно-половой состав населения РТ, городов с населением 100 тыс. чел. и более и внутригородских р-нов г.Казани на начало 2005 г.: экспресс-бюллетень. – Казань, 2005. – 34 с.
- Возрождение Свияжска, 2007* - Постановление Кабинета министров РТ «Об утверждении основных направлений концепции социально-экономического, экологического и архитектурно-художественного возрождения Свияжска как исторического малого города» № 417 (от 24 августа 2007 г., № 417). [электронный ресурс] http://www.prav.tatar.ru/docs/post/post1.htm?page...pub_id=6658. Дата обращения: 23.04.2010.
- Волобуев, 1993* – Политические деятели России. 1917: Биографический словарь / Гл. ред. П.В. Волобуев. – М., 1993. – 432 с.
- Волобуев, Ильяшук, 1991* - Волобуев О.В., Ильяшук Г.И. Послеоктябрьский меньшевизм // История СССР. - 1991. - №2. - С.32-51.
- Волхонский, 2003* – Волхонский М.А. Национальная политика и правительственные круги накануне и в годы первой русской революции: автореф. дис. ...канд. ист. наук. – М., 2003
- Воробьев, 1953* – Воробьев Н.И. Казанские татары (этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода). – Казань, 1953. – 380 с.
- Воробьев, 1967* – Татары Среднего Поволжья и Приуралья / Ред. Н.И. Воробьев, Г.М. Хисамутдинов. – М., 1967. – 538 с.
- Воробьев, Хисамутдинов, 1957* – Воробьев Н.И., Хисамутдинов Г.М. Исследования казанских ученых по этнографии народов Среднего Повол-

жья // Известия Казанского филиала Академии наук СССР. – Казань, 1957. – С. 163-166.

Воробьева, 1999 – Воробьева Е.И. Мусульманский вопрос в имперской политике Российского самодержавия (вторая половина XIX – 1917 г.): дисс. ... к.и.н. – СПб., 1999. – 195 с.

Воронин и др., 1980 – Воронин Ю.М., Петров А.А., Цитрин Л.Н. Курсом научно-технического прогресса. – Казань, 1980.

Вострокнутов, 1958 – Вострокнутов А.И. Осуществление ленинского кооперативного плана в Татарской АССР // Сборник научных работ / Гуманитарные науки. – Казань, 1958. – С. 37-43.

Всемирный конгресс татар, 1996 – Всемирный конгресс татар: голос на весь мир (интервью с И.Р. Тагировым) // Республика Татарстан. – 1996. – 5 марта.

Вьюжанина, 2002 – Вьюжанина Н. О ситуации в Республике Татарстан: результаты социологического исследования о восприятии населением РТ политической ситуации // Социологические исследования. – 2002. – № 6.

Габидуллин, 1927 – Габидуллин Х.З. Татарстан за семь лет (1920–1927 гг.). – Казань, 1927.

Габидуллин, 1997 – Габидуллин Р. Этнополитическая концепция государственного возрождения Татарстана в программных положениях татарского национального движения // Панорама-форум. – 1997. – № 12. [электронный ресурс]: http://www.kcn.ru/tat_ru/politics/pan/index.php?tbut=12&sod=22. Дата обращения: 21.09.2008.

Габяши, 1994 – Габяши С. О татарской музыке // Султан Габяши. Материалы и исследования. – Казань, 1994. – Ч. 1. – 114 с.

Гаврилов, 1985 – Гаврилов А.В. Рабочие Урала в период домонополистического капитализма 1861–1890 (Численность, состав, положение). – М., 1985. – 303 с.

Гагаев, 1946 – Гагаев Б.М. Развитие математики в Казани за 25 лет // Ученые записки / Казанский университет. Т. 106. Кн. 2. – Казань, 1946. – С. 3-13.

Газиз Г., 1994 – Газиз Г. История татар / Пер. с тат. – М.: Московский лицей, 1994.

Газиев, 2009 – Газиев И.М. Граммофонные записи татарских певцов на рубеже XIX и XX веков // Проблемы музыкальной науки / Music scholarship. – 2009. – № 1. – С. 177-181

Газизов, 1956 – Газизов Ф.Г. Хозяйственно-культурное строительство и бюджет ТАССР в послевоенные годы // Ученые записки КФЭИ. – 1956, вып. 10.

Гайнуллин, 1983 – Гайнуллин М.Х. Татарская литература и публицистика начала XX в. – Казань, 1983. – 350 с.

Гайнуллина, 1998 – Гайнуллина Ф.И. Становление системы социального партнерства в Республике Татарстан. – М., 1998.

Гайнуллина и др., 1996 – Гайнуллина Ф.И., Мирсияпов Т.А. Профсоюзы и государственная власть в условиях общественных перемен конца XX века. Опыт Татарстана. Казань, 1996.

Гайнутдинов, 1944 – Гайнутдинов М. Горький и татарская литература. – Казань, 1944.

Гайнутдинова, 1995 – Гайнутдинова Ф. Возвращаясь к истокам (размышления после выставки) // Аргатак. – 1995. – № 5-6. – С. 138-145.

Гайфуллин, 1954 – Гайфуллин У.Н. Партийная организация Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1954

Галеев, 2010 – Галеев С. Перепись // Звезда Поволжья. – 2010. – № 2. – 21–27 января.

Галеева, 1994 – Галеева Л.И. Интеллигенция Среднего Поволжья в годы гражданской войны: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1994.

Галиев, 2006 – Галиев И.М. Внешнеэкономические связи Республики Татарстан в 1990-е годы: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 – Казань, 2006. – С. 188.

Галиев, 1987 – Галиев Ф.А. Судьба хлеба. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1987.

Галиуллин, 1993 – Галиуллин Т. Дети своего времени. Воспоминания и размышления. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1993 (на татарском языке).

Галиуллина, 2004 – Галиуллина Д. Обсуждение некоторых аспектов истории татарского народа на кафедре истории СССР КГУ во второй половине 1940-х гг. // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2004. – № 2. – С. 26–28.

Галиуллина, 2004 – Галиуллина Д. Обсуждение некоторых аспектов истории татарского народа на кафедре истории СССР КГУ во второй половине 1940-х гг. // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2004. – № 2. – С. 26–28.

Галлямова, 1997 а – Галлямова А. Социальный облик Татарстана в 40-80-е гг. // Ислам в татарском мире: история и современность. – Казань, 1997. – С. 199 – 210. – С. 202.

Галлямова, 1997 б – Галлямова А.Г. Время собирать камни... Сельское хозяйство Татарстана в 1970-е годы: анализ развития, уроки. – Казань: Татаркигоиздат, 1997. – 150 с.

Галлямова, 2007а – Галлямова А.Г. «В ТАССР нет и духа от ленинской национальной политики» // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2007. – №1. – С. 94–98.

Галлямова, 2007б – Галлямова А. Г. Преодолевая ухабы истории // Татарстан. – 2007. – № 3. – С. 50–55.

Галлямова, 2010 – Галлямова А.Г. История Татарстана: модернизация по-советски (вторая половина 1940-х – первая половина 1980-х гг.). – Казань: Магариф, 2010. – 223 с.

Ганиева, 2002 – Ганиева Р.К. Татарская литература: традиции, взаимосвязи. – Казань, 2002. – 268 с.

Гараев, 2003 – Гараев М. Наши! Переход татарского батальона на сторону белорусских партизан // Татарстан. – 2003. – № 8.

Гараева, 1994 – Гараева Н.Г. Мусульманские организации в современной России // Исламо-христианское пограничье: итоги и перспективы

изучения. - Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН Татарстана, 1994. - 208с.

Гарипова, 1978 – Гарипова З.Г. Историография культурно-просветительной работы в Татарии в период социалистического строительства // Исследования по историографии Татарии. – Казань, 1978.

Гарипова, 2004 – Гарипова З.Г. Казань: общество, политика, культура (1917-1941). – Казань: Магариф, 2004. – 165 с.

Гарифуллина, 1995 - Гарифуллина Н. Тот, кто не предал. - М.: АО Внешторгиздат, 1995. - 422 с.

Гаспринский, 1881 – Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина. – Симферополь, 1881. – 45 с.

Гатауллина, 2001 - Гатауллина М.Х. Ведущие тенденции развития татарской национальной школы (1985–2000 г.г.). Монография. – Казань: «Печатный двор», 2001. – 128 с.

Гатауллина, 2003 – Гатауллина И.А. Социально-демографическая характеристика населения Среднего Поволжья в годы НЭПа // Социальная структура и социальные отношения в Республике Татарстан в первой половине XX века. – Казань, Татарское республиканское изд-во «Хэтер», 2003. – С. 190-197.

Гатауллина-Апайчева, 2007 – Гатауллина-Апайчева И.А. Среднее Поволжье в годы новой экономической политики. Социально-экономические процессы и повседневность. – Казань, изд-во Казан. ун-та, 2007. – 432 с.

Гафуров и др., 1977 – Гафуров В.З., Мифтахов З.З. Развитие полиграфии и печати в Татарии. – Казань: Изд-во КГУ, 1977.

Гаффарова, 2001 – Гаффарова Ф.Ю. Садри Максуди. – Казань, 2001.

Герои, 1982-1985 – Герои Советского Союза – наши земляки: Сборник документальных очерков и зарисовок. В 3-х кн. / сост. З.И. Гильманов, А.К. Айнутдинов. – Казань: Таткнигоиздат. Кн. 1 – 1982. – 211 с.; Кн. 2 – 1984. – 232 с.; Кн. 3 – 1985.

Герои Советского Союза, 1984 – Герои Советского Союза: Историко-статистический очерк. – М.: Воениздат, 1984. – 288 с.

Герои труда Татарии, 1974 – Герои труда Татарии, 1920-1938 гг.: Документальные очерки / сост.: У.Б. Белялов, Л.В. Горохова и др.; под ред.: У.Б. Белялова и др. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1974. – 303 с.

Герои, 1982 – Герои Советского Союза – наши земляки. Сб. док-в и зарисовок / сост. З.И. Гильманов, А.К. Айнутдинов. В 3 кн. – Казань: Таткнигоиздат: Кн. 1 – 1982. – 211 с.

Герои, 1984 – Герои Советского Союза – наши земляки. Сб. док-в и зарисовок / сост. З.И. Гильманов, А.К. Айнутдинов. В 3 кн. – Казань: Таткнигоиздат: Кн. 2 – 1984. – 232 с.

Герои, 1985 – Герои Советского Союза – наши земляки. Сб. док-в и зарисовок / сост. З.И. Гильманов, А.К. Айнутдинов. В 3 кн. – Казань: Таткнигоиздат: Кн. 3. – 1985. – 247 с.

Гибадуллин, 2001 – Гибадуллин М.З. Общие тенденции и особенности формирования капита-

лов татарской буржуазии России (1861-1913): дис. ... канд. экон. наук. – Казань, 2001.

Гибадуллин, 1998 – Гибадуллин Р.М. Татарское национальное движение: политическая деятельность и влияние в Татарстане (1988–1992). – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1998. – С. 176.

Гибадуллина, 1993 – Гибадуллина Р.Н. Крестьянство Среднего Поволжья в годы гражданской войны. Отечественная историография: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1993.

Гибадуллина, 2009 – Гибадуллина Э. Мусульманская община г. Бугуруслана Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Эхо веков. – 2009. – № 1. – С. 173–175.

Гибатдинов, 2012 - Гибатдинов М.М. Роль исторического образования в формировании личности в условиях гетерогенного российского социума. – [Электронный ресурс]. <http://www.tataroved.ru/institut/center/publ/14/>. Дата обращения: 25.03.2012.

Гизатуллин, 1998 – Султан-Галиев М.Х. Избранные труды. / сост. Гизатуллин И.Г. и др. – Казань, 1998. – 719 с.

Гизатуллин, 2002 – Гизатуллин И.Г. Мусульманские военные организации (1917-1921 гг.). – Казань: Издательство «Фэн», 2002. – 205 с.

Гильманов, 1963 – Гильманов З.И. Деятельность Татарской партийной организации в первый период Великой Отечественной войны 1941–1942 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1963. – С. 23.

Гильманов, 1967 – Гильманов З.И. Татария в годы суровых испытаний (1941–1945): серия «В помощь лектору» / З.И. Гильманов, А.М. Залялов. – Казань, 1967.

Гильманов, ред., 1968 – История Татарской АССР (с древнейших времен до наших дней) / Ред. З.И. Гильманов. – Казань, 1968. – 720 с.

Гильманов, 1977 – Гильманов З.И. Татарская АССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – Казань: Таткнигоиздат, 1977. – 295 с.

Гильманов, 1981 – Гильманов З.И. Трудящиеся Татарии на фронтах Великой Отечественной войны. – Казань: Таткнигоиздат, 1981. – 288 с.

Гильманов и др., редколлегия, 1984 – Проблемы истории рабочего класса Татарии / Редколлегия: З.И. Гильманов, К.А. Назипова, Т.И. Славко, Ю.И. Смыков. – Казань, 1984.

Гилязов, 1995 – Гилязов И.А. Политика царизма по отношению к татарам Среднего Поволжья во 2-ой пол.XVI – XVIII вв.// Материалы по истории татарского народа. – Казань, 1995. – С. 243-256.

Гилязов, 1997 – Гилязов А. Давайте помолимся: Роман-воспоминание – Казань: Татар. кн. изд-во, 1997.

Гилязов, 1998 – Гилязов И.А. На другой стороне (Коллаборационисты из поволжско-приуральских татар в годы Второй мировой войны). – Казань: Мастер Лайн, 1998. – 252 с.

Гилязов, 1999 – Гилязов И.А. Военно-политический коллаборационизм торко-мусульманских народов СССР в годы Второй мировой войны: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Казань, 1999. – 48 с.

- Гилязов, 2004* - Гилязов И.А., Пискарев В.И. История Татарстана: учеб. пособие для 7 кл. основной шк. - Казань: «Хэтер», 2004. - 111 с.
- Гилязов, 2005* - Гилязов И.А. Легион «Идель-Урал»: представители народов Поволжья и Приуралья под знамёнами «третьего рейха». - Казань: Таткнигоиздат, 2005. - 383 с.
- ГКЧП, 2007* - ГКЧП. Специальный выпуск Международной Лиги защиты достоинства и безопасности. - М.: [б. и.], 2007. - 71 с.
- Гиниатуллин, 2006* - Гиниатуллин М.К. Два миллиарда тонн: выдающееся достижение или грубое насилие? - Казань: Центр-Пресс, 2006.
- Глебов, 1950* - Глебов А. Борьба двух тенденций в татарской драматургии // Театр. - 1950. - № 6.
- Горбачев, 1987* - Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нас и для всего мира. - М.: Политиздат, 1987. - 271 с.
- Горбачев, 1995* - Горбачев М.С. Жизнь и реформы. В 2-х кн. - М.: Изд-во «Новости», 1995.
- Горбачев, 2006* - Горбачев М.С. Понять перестройку... Почему это важно сейчас. - М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. - 400 с.
- Горенбург, 2004* - Горенбург Д. О механизмах изменения национальной принадлежности татар и башкир Башкортостана // Башкортостан в политическом пространстве России: зарубежная политология о тенденциях современного развития республики. [Текст] : [сб. ст.] / Под общ. ред. И. В. Кучумова. - Уфа : Здоровохранение Башкортостана, 2004. - 127 с.
- Горник, 2002* - Горник Г.Л. Международные культурные контакты. Из истории культурных связей Татарстана с зарубежными странами. Казань: КГАСА, 2002. - 132 с.
- Горник, 2000* - Горник Г.Л. Мосты культуры. Из истории культурных связей Татарстана с зарубежными странами. - Казань: КГАСА, 2000. - 68 с.
- Горохов, Рождественский, 1958* - Горохов В.М., Рождественский Б.П. Развитие народного образования в Татарской АССР. - Казань, 1958.
- Государственная Дума России, 2006* - Государственная Дума России: Энциклопедия: в 2-х т. - Т. 1 Государственная дума Российской империи (1906 - 1917). - М.: РОССПЭН, 2006. - 768 с.
- Государственная программа, 2005* - Государственная программа Республики Татарстан по сохранению, изучению и развитию государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2004 - 2013 годы // Республика Татарстан. Закон Республики Татарстан О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан. - Казань: ТКИ, 2005. - 89 с.
- Гохберг, Забатурина, 2006* - Рейтинг субъектов Российской Федерации по показателям развития образования / Гохберг Л.М., Забатурина И.Ю., Ковалева Н.В., Кузнецова В.И., Нечаева Е.Г., Озерова О.К // Тематическое приложение к журналу «Вестник образования». - 2006. - № 1.
- Григорьев, 1974* - Григорьев Н.Я. История нашего комбината. - Пенза, 1974.
- Гринев, 1978* - Гринев О.Л. Деятельность партийной организации ТАССР по укреплению единства армии и народа, фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / О.Л. Гринев. - Казань, 1978. - С. 28.
- Гусев, 1929* - Гусев А. Состояние колхозного строительства // Труды Первого агросъезда Татарской республики (15-21 декабря 1928 г.): Сб. статей. - Казань, 1929. - С. 32-41.
- Гуца, 1997* - Гуца В.М. Институт национально-культурной политики на переходном этапе // Панограма культурной жизни стран СНГ и Балтии: информ. сборник. - М.: НИО Информкультура. -1997. - Вып.11. С. 2-22.
- Давлетшин, 1974* - Давлетшин Т. Советский Татарстан: теория и практика ленинской национальной политики. - Лондон, 1974. - 484 с.
- Давлетшин, 2005* - Давлетшин Т.Д. Советский Татарстан: теория и практика ленинской национальной политики. - Пер. с англ.яз.- Казань: Жиен, 2005. - 485 с.
- Давыдов, 2010* - Давыдов Д.В. Крестьянство ТАССР в условиях нэпа: историко-демографическая характеристика. - Казань: Изд-во Казанского гос. техн. ун-та, 2010. -230 с.
- Даишев, 1958* - Даишев С.И. Из истории развития капиталистических отношений в деревне Казанской губернии в конце XIX века (по материалам землепользования): Доклад на «Краеведческих чтениях». - Казань, 1958.
- Даминов, 1953* - Даминов Р.Л. Коммунистическая партия в борьбе за установление и упрочение Советской власти в Казанской губернии (1917-1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук. - М., 1953.
- Даниловский, 1924* - Даниловский И. Хозяйство ТАССР // Труд и хозяйство. - 1924. - №10. - С.3-9.
- Деборин, 1975* - Деборин Г.А. Итоги и уроки Великой Отечественной войны / Г.А. Деборин, Б.С. Тельпуховский. 2-е изд., дораб. - М.: Мысль, 1975. - 438 с.
- Дедков, 2002* - Дедков А.П. Петр Иванович Кротов. 1852-1914- Казань, 2002. - С.1-10.
- Демидова, 1977*- Демидова Е.И. Деятельность партийных организаций и органов народного образования Татарии по подготовке и воспитанию учительских кадров в послевоенные годы (1946-1958гг.) // Борьба КПСС за развитие народного образования и культуры Татарии и Среднего Поволжья: Ученые записки КГПИ - Вып. 173. - Казань, 1977. - С.70-90.
- Демин, 1996* - Демин В.А. Государственная Дума России (1906-1917): механизм функционирования. - М., 1996. - 214 с.
- Демократизация и образы национализма в РФ, 1996* - Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов / отв. ред. Л.М. Дробужева. - М.: Мысль, 1996. - 384 с.
- Денисов, 2005* - Денисов Д.Н. Дашкин // Татарская энциклопедия. - Казань, 2005. - Т. 2. - С. 233.
- Деятельность Правительства РТ, 2010* - Ежегодный отчет «О результатах деятельности Пра-

- вительства Республики Татарстан в 2010 году». Приложение к Посланию Президента Республики Татарстан Государственному Совету Республики Татарстан. – Казань 2010. – Режим доступа: president.tatar.ru/file/File/File/2010/1010_Poslanie_05_2.pdf, свободный.
- Деятельность Советов Татарии, 1983* – Деятельность Советов Татарии (1917–1978 гг.): Документы и материалы. – Казань: Татар. кн. зд-во, 1983.
- Диковицкий, 1927* – Диковицкий А. Отец их – Октябрь, мать их – социалистическая революция // На путях к высшей школе. – Казань, 1927.
- Документы актуальные и сейчас, 1996* – Документы актуальные и сейчас // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1996. – № 1–2.
- Документы и материалы XX съезда ВЛКСМ, 1988* – Документы и материалы XX съезда ВЛКСМ. – М., 1988.
- Дробижева и др., ред., 2007* – Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформации / под ред. Л.М. Дробижевой, Е.И. Головахи. – Киев: Институт социологии НАН Украины; М.: Институт социологии РАН, 2007. – С. 280.
- Дробижева, ред., 2000* – Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России / отв. ред. Л.М. Дробижева. – 2-е изд. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 2000. – С.388.
- Дробижева, 1996* – Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х гг. – М.: Мысль, 1996. – 382с
- Дробижева, 1997* – Дробижева Л. Национализм в республиках Российской Федерации: идеология элиты и массовое сознание // Панорама–Форум. 1997. № 1. С.64 – 77.
- Дробижева, 2003* – Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. – М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. – 376 с.
- Дробижева, 2008* – Дробижева Л.М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. Ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. – Вып.7. – М.: Институт социологии РАН, 2008. – С. 214-228;
- Дробижева, 2010* – Дробижева Л.М. Этничность в современном обществе: новые подходы, старые мифы, социальные практики // Вестник Института социологии. – 2010. – № 1. – С.429-442.
- Дробижева, 2011* – Дробижева Л.М. Российская идентичность и проблемы межэтнического согласия // Казанский федералист. – 2011. – №4(30). – С.4-21.
- Дробязко, 2004* – Дробязко С.И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил. 1941-1945. – М.: ЭКС-МО, 2004. – 608 с.
- Дронова, Дронов, 2002* – Дронова Т., Дронов П. Философский камень НИДУ «Альметьевнефть» – Камский изд. Дом, 2002.
- Дубовиков, 2000* – Дубовиков А.М. Уральское казачество в пореформенный период 1861–1904 гг.: автореф. дисс. ... к.и.н. – Самара, 2000. – 23 с.
- Дубровский, 1975* – Дубровский С.М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. – М., 1975. – 398 с.
- Дулат-Алеев, 1999* – Дулат-Алеев В.Р. Текст национальной культуры: новоевропейская традиция в татарской музыке. – Казань, 1999. – 244 с.
- Дульский, 1925* – Дульский П.М. Искусство канзанских татар. – М., 1925.
- Дульский, 1920* – Дульский П.М. Классицизм в Казанском зодчестве. – Казань, 1920.
- Дульский, 1929а* – Дульский П.М. Искусство в Татреспублике за годы революции. – Казань, 1929.
- Дульский, 1929б* – Дульский П.М. Конкурс графического отделения художественно-театрального техникума. – Казань, 1929.
- Дульский, 1930* – Дульский П.М. Оформление татарской книги за революционный период. – Казань, 1930.
- Дульский, 1931* – Дульский П.М. Народное искусство Татреспублики // Художественная культура Советского Востока. – М.–Л., 1931.
- Дульский, 1934а* – Дульский П. Скульптура Татарстана // Красная Татария. – 1934. – 3 марта.
- Дульский, 1945* – Дульский П.М. Архитектура Казани, столицы Татарской республики за 25 лет. – Казань, 1945.
- Дульский, 1946* – Дульский П.М. Татарское искусство // Большая советская энциклопедия. – М., 1946. – Т. 53.
- Дьяконов, 1955* – Дьяконов В.М. 60 лет музея. Доклад на сессии Ученого совета (Государственный музей ТАССР). – Казань, 1955. – С. 20.
- Дювбанов, 1958* – Дювбанов П. Посланы рабочего класса (О борьбе рабочих–двадцатипяти тысячников за коллективизацию сельского хозяйства и укрепление колхозов ТАССР) // Коммунист Татарии. – 1958. – № 3. – С. 25-32.
- Дювбанов и др., 1970* – Ленинский кооперативный план и его осуществление в Татарии / Дювбанов П.М., Залялов А.М., Куркин М.И., Пуцкова З.С. – Казань: Изд-во КГУ, 1970.
- Дювбанов, 1975* – Дювбанов П.М. Ведущая роль рабочего класса в социалистическом переустройстве сельского хозяйства: на материалах автономных республик Среднего Поволжья. – Казань: изд-во Казан. университета, 1975. – 230 с.
- Дюдуаньон, 1997* – Дюдуаньон С.А. Кадимизм: элементы социологии мусульманского традиционализма в татарском мире и в Мавераннахре (конец XVIII – начало XX вв.) // Ислам в татарском мире: история и современность: Материалы международного симпозиума, Казань 29 апр. – 1 мая 1996 г. – Казань: ИИ АНТ, 1997. – С. 57–69.
- Дюрягин 1972* – Дюрягин Г. М. Боевой путь и подвиги воинов дивизий, сформированных в Татарии (1941-1945): дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1972. – 291 с.

Дякин, 1998 – Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). – СПб., 1998. – 1004 с.

Егоров, 1927 – Егоров В.В. Внутреннее архитектурное убранство зданий г. Казани. – Казань, 1927.

Емельянова, 1998 – Емельянова И.А. Юридический факультет Казанского государственного университета. 1895–1917. Очерки. – Казань, 1998. – 150 с.

Еналеев, 1950 – Еналеев Ш.М. Торжество ленинско-сталинской национальной политики в Татарской АССР (1928-1937 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1950.

Еникеев, 2002 – Еникеев З. И. Правовой статус Башкортостана в составе России: историко-правовое исследование. — Уфа: Гилем, 2002. — 371 с.

Ермолаев, 2004 – История Казанского университета / Гл. ред. И.П. Ермолаев. – Казань, 2004. – 651 с.

Ермолаев, 1925 – Ермолаев В. Сельское хозяйство Татарской республики // Материалы по изучению Татарстана. – Казань, 1925. Вып. 2.

Ермолаев, 1927 – Ермолаев В. Сельское хозяйство Татарской республики за 10 лет (1917-1927 гг.) // Труд и хозяйство. – 1927. – № 10.

Ермолаев, Рухлядова, 1925 – Ермолаев В.М., Рухлядова А.А. Мелкая (кустарно-ремесленная) промышленность ТАССР в 1925 г. // Труд и хозяйство. – 1926. – № 3.

Ермолаев, Шараф, 1927 – Ермолаев В.М., Шараф Г.Ш. Сравнительная характеристика татарского, русского и нацменовского крестьянского хозяйства Татарской республики. – Казань, 1927. – 16 с.

Жизнь замечательных людей в Казани, 1940-1941 – Жизнь замечательных людей в Казани. Сб. статей. – Казань, 1940-1941.

Жирнова, 1980 – Жирнова Г.В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. – М.: Наука, 1980.-150 с.

Жиромская, 1997 – Жиромская В.Б. Население Российской Федерации в 1920-1930-е гг.: Дис. ... докт. ист. наук. – М., 1997. – 341 с.

Жуховицкий, 1976 – Жуховицкий Л. Костер по четвергам. – М.: Советская Россия, 1976.

Заббарова, 2000 – Заббарова Л. Передвижной театр ТГАТа // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2000. – № 1/2. – С. 232-233.

Забиров, 1990 – Забиров, И. Джалиль и джалильцы. Документальные очерки и этюды. – 2-е изд. – Казань: Татар. книжн. изд-во, 1990. – 140 с.

Загидуллин, 1992 – Загидуллин И.К. Татарская школа и русификаторская политика царизма во второй половине XIX в. // Народное просвещение у татар в дооктябрьский период. - Казань, 1992. - С. 60-84.

Загидуллин, 2003 – Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи. Мусульманская община в Санкт-Петербурге XVIII – начала XX века. – Казань, 2003. – 179 с.

Загидуллин, 2006 – Загидуллин И.К. Нижегородская ярмарка как центр экономической и общественной жизни татарских предпринимателей // Форумы российских мусульман на пороге нового тысячелетия. – Н.Новгород, 2006. – С. 74–95.

Загидуллин, 2006а – Загидуллин И.К. Мусульманское богослужение в учреждениях Российской

империи (Европейская часть России и Сибирь). – Казань, 2006. – 559 с.

Загидуллин, 2006б – Загидуллин И.К. Нижегородская ярмарка как центр экономической и общественной жизни татарских предпринимателей // Форумы российских мусульман на пороге нового тысячелетия. – Нижний Новгород, 2006. – С.74–95.

Загидуллин, 2007 – Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи. Мечети в европейской части России и Сибири. – Казань, 2007. – 415 с.

Загидуллин, Гибатдинов, 2010 - История Татарского народа (XVIII – начало XX вв.): Учеб. пособие для 11 кл. (профильный уровень) / И.К.Загидуллин, М.М.Гибатдинов, Д.Ф.Загидуллина. – Казань: Магариф, 2010. – 319 с.

Заинская комсомольская – судьба моя, 1995 – Заинская комсомольская – судьба моя. Очерки, воспоминания, документы о становлении ГРЭС и ее коллектива. – Казань, 1995.

Зайнуллина, 2010 – Зайнуллина Г.И. Элементы соц-арта и постсоц-арта в татарском драматическом театре на рубеже XX - XXI веков: дис. ...канд. искусствоведения. – М., 2010. – 185 с.

Зайнутдинова, 2008 - Зайнутдинова Д. Прозаик, поэт, драматург, публицист. (К 105-летию со дня рождения Аделя Кутуя) // Гасырлар авазы - Эхо веков. - 2008. - №2.-с. 211.

Зайцев и др., 1940 – 20 лет Татарской АССР (1920-1940): сб. ст. / под ред. А.И.Зайцева и П.А.Якимова. – Казань, 1940. – С. 3-67.

Зайцев, 1957 – Зайцев А.И. Подъем экономики и культуры Татарии за 40 лет: Краткий историко-экономический очерк. – Казань: Таткнигоиздат, 1957. – 155 с.

Зайцев, 1957 – Зайцев А.И. Подъем экономики и культуры Татарии за сорок лет: Краткий историко-экономический очерк. – Казань: Таткнигоиздат, 1957.

Закиров, 2006 – Закиров Р.З. Татары в меняющемся мире. Очерки этнополитической истории в XX-начале XXI вв. – Казань: Татарское книжное изд-во, 2006. – 207 с.

Закиров, 2009 – Закиров Р. Национальный вопрос в России. // Историко-культурное наследие. -2009.-№5.

Залкинд, 1930 – Залкинд Г.М. Очерки истории горнозаводской промышленности Татарстана (XVII–XVIII веков) // Труды / Общество изучения Татарстана. – 1930. – Т. 1.

Заляй, Амиров, 1957 – Заляй Л., Амиров Г. Татарское языкознание за 40 лет // Известия Казанского филиала АН СССР – Казань, 1957. – С.183-194.

Залялов, 1957 – Залялов А.М. Революционное движение молодежи Татарии в период Великого Октября и гражданской войны. – Казань, 1957.

Залялов, 1975 – Залялов А.М. Героизм комсомольцев и молодежи Татарии в годы Великой Отечественной войны. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1975. – 32 с.

Залялов, 1978 – Залялов А.М. Вопросы социально-экономического развития и социалистического переустройства деревни Татарии в литера-

туре конца 20-х – начала 30-х годов // Исследования по историографии Татарии. – Казань, 1978.

Замалетдинов, 2006 - Замалетдинов Р.Р. Об опыте внедрения государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования в ТГГПУ // Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы: междунар. науч.-практ. конф. (Казань, 23-24 июня 2006 г.): тр. и материалы. В 2 т. / под общ. ред. Р.Р. Замалетдинова. – Казань: Алма-Лит, 2006. - Т. 1. – С. 98-100.

Зарецкий, 1963 – Зарецкий М.З. Партийные организации Казанской магистраль во главе трудового героизма железнодорожников в первый период Великой Отечественной войны (июнь 1941 – ноябрь 1942 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1963. – 21с.

Зарипов, 1986 –Зарипов М. Поступь моей республики. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1986.– 255 с.

Зарипов, 1987 –Зарипов Р.И. Курсом ускорения. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1987.

Зарипов, 1996 –Зарипова Л.Д. Российская история в трудах Н.Н.Фирсова: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1996.

Зарипов, 1998 –Зарипов М. Черное сокровище. – В 2-х т. – М.: ИП РадиоСофт, 1998.

Здравствуй, земля родная, 1970 – Здравствуй, земля родная: Сб. статей, посвященных 50-летию Татарской АССР. – Казань: Таткнигоиздат, 1970.

Зевелев, ред., 1994 – История политических партий России / Под. ред. А.И. Зевелева. – М., 1994. – 448 С.

Зеленин, 2000 – Зеленин И. Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство / Труды Института российской истории РАН. – М.: ИРИ РАН, 2000. – С.394 – 425.

Зеленин, 2001 – Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. – М.: ИРИ РАН, 2001. – 305 с.

Зеньковский, 1956 – Зеньковский А.В. Правда о Столыпине. – Нью-Йорк, 1956. – 255 с.

Зиганшин, ред., 1980 – Родное поле / отв. ред. – У.Ш. Зиганшин. – Казань, 1980.

Знаменский, 1910 – Знаменский П. Казанские татары. – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1910. – 67 с.

Знамя революции, 1919а – Знамя революции. – 1919. – 1 ноября.

Знамя революции, 1919б – Знамя революции. – 1919. – 5, 6, 21 ноября; 2, 17 декабря.

Золотова, 2002 – Золотова Т.Н. Русские календарные праздники в Западной Сибири (конец XIX–XX вв.). – Омск: ООО «Издатель-Полиграфист», 2002.- 234 с.

Зорин, 2003 – Зорин В.Ю. От национальной политики к этнокультурной: проблемы становления доктрины и практики (1990– 2002 гг.) // Журнал социологии и социальной антропологии. - 2003. - № 3. – С. 122-154.

Зубаревич, 2005 - Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем?/Независимый институт социальной политики. / под ред. Н.В.Зубаревич. — М.: Поматур, 2005. — 280 с.

Ибрагим и др., 2002 – Ибрагим Т.К., Султанов Ф.М., Юзеев А.Н. Татарская религиозно-философская мысль в общемусульманском контексте. – Казань, 2002.

Ибрагимов, 1925а – Ибрагимов Г. Татары в революции 1905 г. – Москва, 1925

Ибрагимов, 1925б – Ибрагимов Г. Материалы по истории организации Татреспублики // За 5 лет. К V годовщине провозглашения Татарской Социалистической Советской Республики. – Казань, 1925. – С. 202-208.

Ибрагимов, 1924 – Ибрагимов Г. О пролетарской литературе. – М., 1924.

Ибрагимов, 1926 – Ибрагимов Г. Татары в революции 1905 года. – Казань, 1926. – 262 с.

Ибрагимов, 1980 –Ибрагимов Ф.Ф. Руководство татарской партийной организации профсоюзами республики в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук / Ф.Ф. Ибрагимов. – Казань, 1980. – 221 с.

Ибрагимов, 2005 – Ибрагимов Р.Р. Власть и религия в Татарстане в 1940–1980-е гг. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2005. – С. 181.

Иванов, 1973 – Иванов С.Н. Николай Федорович Катанов (Очерк жизни и деятельности). – М., 1973. – 114 с.

Иванов, 2010 – Иванов А.А. Татарстан в годы Великой Отечественной войны// Великая Отечественная война 1941-1945 гг.: История и современные оценки. Материалы науч.-практ. конф. 10 декабря 2009 г. – Казань: ТРО ВПП «Единая Россия», 2010. – С. 48-61.

Иванов, 1929 –Иванов П. Важнейший вопрос национальной политики // Труд и хозяйство. – 1929. - № 10. – С. 17-26

Иванов, 1998 – Иванов А.А. Боевые потери народов Татарстана в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. – Казань: Книга Памяти, 1998. –136 с.

Иванов, 2001 – Иванов А.А. Боевые потери народов Татарстана в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: науч. докл. ... д-ра ист. наук. – Казань, 2001. – 94 с.

Идиатуллина, 1997 – Идиатуллина К.С. Региональное политическое лидерство: пути эволюции. – Казань: Карпол, 1997.

Ижболдин, 1963 – Ижболдин Б. Введение в историю татар. – Нью-Дели, 1963. – 178 с.

Ижбулатов, 2005 – Ижбулатов М.Р. Ижбулатов Хаджи-Ахмет Исхакович // Татарская энциклопедия. – Казань, 2005. – Т. 2. – С. 534.

Измайлова, 1980 – Измайлова Н.Г. Партийное руководство развитием высшей школы в автономных республиках Среднего Поволжья в 1946–1955 гг. (На материалах Татарской, Марийской и Чувашской АССР). Дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1980. – 195 с.

Ильин, 1947 – Ильин С.С. 50 лет опытной работы с удобрениями в Татарской АССР (1896-1946 гг.). – Ульяновск, 1947.

Ильина, 1952 – Ильина Л.А. Борьба большевиков за коллективизацию сельского хозяйства Татарии в годы первой пятилетки (1928-1932 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1952.

Илялова, 1981 – Илялова И.И. Искусство актера татарского театра // Татарский театр (Новаторские искания татарского советского театра). – Казань, 1981. – С. 25–26.

Илялова, 1986 – Илялова И. Театр им. Камала. Очерк истории: исследование. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1986.

Илялова, 1993 – Илялова И.И. Марсель Салимжанов. – Казань: Татарское книжное изд-во, 1993. – С. 215.

Илялова, 1996 – Илялова И.И. Татарский государственный академический театр им. Г. Камала. – Казань: Татарское газетно-журнальное издательство, 1996. – С. 191.

Илялова, сост., 2006 – Репертуар Татарского государственного академического театра им. Г. Камала (1906–2006) / сост. И.И. Илялова. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2006. – С. 63.

Имена, 2005–2008 – Имена из солдатских медальонов. В 3-х тт. / сост.: М.Ю. Коноплев, Р.Р. Салахиев. – Казань, 2005 – 2008.

Индустриализация ТАССР, 1968 – Индустриализация ТАССР. 1926–1941: Сборник / Под ред. Н.А. Андрианова. Казань: Таткнигоиздат, 1968. – 607 с.

Ионенко, 1955 – Ионенко И.М. Революционная борьба крестьянства Среднего Поволжья в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции (По материалам Казанской губернии): дис. ... канд. ист. наук. – М., 1955.

Ионенко, 1957 – Ионенко И.М. Крестьянство Среднего Поволжья накануне Октября (По материалам Казанской губернии). – Казань, 1957. – 256 с.

Ионенко, 1967 – Ионенко И.М. Октябрь в Казани / И.М. Ионенко, И.Р. Тагиров. – Казань, 1967. – 272 с.

Исаев, Миннибаев, Тухфатуллин, 1990 – Советская Татария: перестройка и межнациональные отношения: (Информационный материал обкома КПСС) / Г.А. Исаев, Т.Х. Миннибаев, Р.Г. Тухфатуллин и др. – Казань: [Б.и.], 1990. – 134 с.

Ислам, 1983 – Ислам. Краткий справочник. – М.: Наука, 1983. – 160 с.

Ислам в Российской империи, 2001 – Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). Составитель и автор вводной статьи, комментариев и приложений Д.Ю. Арапов. – М., 2001.

Исмагилов, 2007 – Исмагилов И.Ф. Герои татарского народа. 2-е изд. – Казань: Изд-во «Идел-Пресс». 2007. – 200 с.

История ВКП (б), 1952 – История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. – Госполитиздат, 1952. – 351 с.

История, 1960–1965 – История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. В 6-ти тт. / редкол. П.Н. Поспелов (предс.) и др. – М.: Воениздат, 1960–1965.

История, 1973–1982 – История Второй мировой войны. 1939–1945. В 12-ти тт. – М.: Воениздат, 1973–1982.

История, 1970 – История КПСС. Т. 5. Кн. 1: 1939–1945. – М.: Политиздат, 1970. – 723 с.

История Казани в документах и материалах, 2004 – История Казани в документах и материалах: XX век. / под ред. Амирханова Р.У. – Казань: «Магариф», 2004.

История Казани, 1991 – История Казани / в 2-х кн. – Кн.2. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. – 382 с.

История нефтепромысла «Миннибаево», 2000 – История нефтепромысла «Миннибаево»: Нефтепромысел № 2 треста «Бугульманефть» (1950–1952 гг.) – Казань: Изд-во «Матбугат Йортъ». – 2000.

История России, 2008 – История России, XX – начало XXI века. 11 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений: базовый уровень / А.А. Левандовский, Ю.А. Щетинов, С.В. Мироненко. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 2008. – 384 с.

История ТАССР, 1955 – История Татарской АССР. – Т. 1. (С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции) / Редкол.: Н.И. Воробьев, М.Х. Гайнуллин, Х.Г. Гимади и др. – Казань: ТКИ, 1955. – 550 с.

История ТАССР, 1960 – История Татарской АССР. В 2 т. / под ред. Х.Г. Гимади, М.К. Мухарьямова, Х.Х. Хасанова. – Т.2. (От Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней). – Казань: Татарское кн. изд-во, 1960. – 584 с.

История и культура татарского народа, 2011 – История и культура татарского народа (Древний мир и средние века): уч. пособие для 5 кл. осн. общеобразоват. шк. с рус. яз. обучения. – Казань: Татарское книжное изд-во, 2011. – 207 с.

История ТАССР, 1968 – История Татарской АССР / редкол.: Х.Г. Гимади, Х.Х. Хасанов, М.К. Мухарьямов. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1968. – 720 с.

История ТАССР, 1980 – История Татарской АССР / под ред. М.К. Мухарьямова. 2-е изд., доп. – Казань: Таткнигоиздат, 1980. – 256 с.

История ТАССР, 2010 – История ТАССР в одном журнале // Татарстан. – 2010. – № 6.

История тат. сов. лит-ры, 1965 – История татарской советской литературы / отв. ред.: Л.И. Залеская, В.Г. Воздвиженский. – М.: Наука, 1965. – 578 с.

История Татарского народа, 2012 – История Татарского народа (XX – начало XXI вв.): Учеб. пособие для 11 кл. (профильный уровень). Ч. 2 – Казань: ТКИ, 2012. – 303 с.

История Татарской АССР, 1956 – История Татарской АССР. С 1917 г. до наших дней. Т. 2. / Редкол.: Гимади Х. Г., Хасанов Х. Х., Мухарьямов М. К. – Казань: Таткнигоиздат, 1956. – С. 500.

История Татарстана, 2001 – История Татарстана: уч. пос. для основной школы / Б.Ф. Султанбеков, Ф.Ш. Хузин, И.А. Гилязов и др.; отв. ред. Б.Ф. Султанбеков. – Казань: Тарих, 2001. – 544 с.

История, 1973 – История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. X. СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М.: Наука, 1973. – 782 с.

Исхаки, 1932 – Исхаки Г. Татарская военная организация во время войны // Wostok – Orient. – Варшава, 1932. – № 1–2 (5–6). – С. 18.

Исхаки, 1999 – Исхаки Г. Ислам за мир / Доклад на научно-практической конференции 1.10.1999 г. – Казань, 1999. – С.3.

Исхаков, 1929 – Исхаков В. К вопросу о практических мероприятиях по проведению националь-

ной политики в Татарской Республике // Труд и хозяйство. – 1929. – № 1–2. – С. 5–16.

Исхаков, 1958 – Исхаков В.М. Мулламур Вахитов; Хусайн Мавлютов // Замечательные люди Прикамья. – Пермь, 1958.

Исхаков, 1960 – Исхаков В.М. Мулламур Вахитов. – Уфа, 1960.

Исхаков, 1991 – Исхаков Д.М. Неформальные объединения в современном татарском обществе // Панорама. – 1991. – № 2. – С. 28–35; № 3. – С. 13–18.

Исхаков, 1993 – Исхаков Д.М. Историческая демография татарского народа (XVIII – начало XX вв.) – Казань, 1993. – 143 с.

Исхаков, 1997a – Исхаков Д.М. Феномен татарского джадидизма: введение к социокультурному осмыслению. – Казань, 1997.

Исхаков, 1997b – Исхаков С.М. Общероссийская партия мусульман // История национальных политических партий России. – М., 1997. – С. 214–239.

Исхаков, 1997в – Исхаков Д.М. Проблемы становления и трансформации татарской нации. Казань: Издательство «Мастер Лайн», 1997. – 248 с.

Исхаков, 1997г – Исхаков Д.М. Современный национализм татар // Татарская нация: прошлое, настоящее, будущее. – Казань, 1997. – С. 31 – 58.

Исхаков, 2001 – Исхаков С.М. Мусульманский либеральный консерватизм в России в начале XX века // Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы Всероссийской научно–практической конференции. – М., 2001. – С. 362–370.

Исхаков, 2002a – Исхаков Д.М. Татары: краткая этническая история. – Казань, 2002. – 79 с.

Исхаков, 2002б – Исхаков Д.М. Татарская нация: история и современное развитие. – Казань, Магариф, 2002. – 223 с.

Исхаков, 2002в – Исхаков Д.М. Взгляд на Всероссийскую перепись из Татарстана // Ab imperio. – 2002. – № 4. – С. 235–249.

Исхаков, 2003 – Исхаков С.М. Тюрки–мусульмане в российской армии (1914–1917) // Тюркологический сборник: 2002 г.: Россия и тюркский мир. – М., 2003. – С. 245–280.

Исхаков, 2004 – Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). – М., 2004. – 598 с.

Исхаков, 2005 – Исхаков Д.М. Перепись 2002 года в Башкортостане: историко–демографический комментарий к итогам. Казань: Центр этнологического мониторинга. 2005. – 60 с.

Исхаков, 2007 – Исхаков С.М. Первая русская революция и мусульмане Российской империи. – М., 2007. – 399 с.

Исхаков, 2008 – Исхаков Р.Р. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в отношении мусульман Среднего Поволжья в XIX – начале XX вв. (1800–1917 гг.): дисс... к.и.н. – Казань, 2008. – 292 с.

Исхаков, 2009a – Исхаков С. Временное правительство: взаимоотношения с мусульманами // Ислам в Санкт–Петербурге. Энциклопедический словарь. – М.–Нижний Новгород, 2009. – С. 52–54.

Исхаков, 2009б – Исхаков С. Всероссийский мусульманский совет // Ислам в Санкт–Петербурге.

Энциклопедический словарь. – М.–Нижний Новгород, 2009. – С. 57–59.

Исхаков, 2009в – Исхаков С. Февральская революция в России // Ислам в Санкт–Петербурге. Энциклопедический словарь. – М.–Нижний Новгород, 2009. – С. 257–260.

Исхаков и др., 2010 – Большая ложь историков Башкортостана: (к вопросу о формировании словосочетания «башкир–вотчинников» в северо–западном Приуралье) / Д.М. Исхаков, И.Р. Габдуллин, И.В. Антонов и др. – Казань: Яз, 2010. – 255 с.

Исхаков, 2010a – Исхаков Д.М. Татары: перепись и политика. – Казань, 2010. – 77 с.

Исхаков, 2010б – Религия. Интервью муфтия Гусмана Исхакова. Единый муфтият в России – это утопия. 24.02.2010. [электронный ресурс] <http://www.interfax-religion.ru/islam/?act=interview&div=254&domain=3>. Дата обращения: 27.12.12.

Исхаков, 2010в – Обращение муфтия, Председателя ДУМ РТ Гусмана хазрата Исхакова к мусульманам Татарстана в связи с событиями произошедшими в Нурлатском районе Республики 01.12.2010. [электронный ресурс]. <http://e-islam.ru/newsall/news/?ID=2485>. Дата обращения: 27.12.12

Исхакова 2002 – Исхакова З.А. Функциональное взаимодействие татарского и русского языков в современном Татарстане // Язык и этнос на рубеже веков: Этносоциологические очерки о языковой ситуации в Республике Татарстан. – Казань: Магариф, 2002. – 206 с.

Исхакова–Вамба, 1997 – Исхакова–Вамба Р.А. Татарское народное музыкальное творчество–традиционный фольклор. – Казань: Татарское книжное изд–во, 1997. – 264 с

Исхакий, 1991 – Исхакий Гаяз. Зиндан. – Казань, 1991.

Кабинова, 1995 – Кабинова А.Ш. Женщины Татарстана на фронте и в тылу. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1995. – 174 с.

Кабинова, 2005 – Кабинова А.Ш. Социальная политика в годы войны и ее реализация в Татарии (1941–1945 гг.) // Россия в XX веке. Война 1941–1945 гг.: Современные подходы. – М.: Наука, 2005. – С. 205–217.

Кабинова, 2011a – Кабинова А.Ш. Война и общество: Татарстан в 1941–1945 гг. – Казань: Изд–во «Фэн» АН РТ, 2011. – 468 с.

Кабинова, 2011б – Кабинова А.Ш. Сороковые – роковые: Татарстан в годы военного лихолетья. – Казань: Ин–т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. – 212 с.

Кабытов, 1977 – Кабытов П.С. Поволжская деревня накануне Февральской буржуазно–демократической революции (Предпосылки и ход столыпинской аграрной реформы 1907–1914 гг.). – Куйбышев, 1977. – 72 с.

Кавеев, 1957 – Кавеев М.С. Основные итоги изучения подземных вод Татарской АССР и задачи дальнейших исследований // Известия Казанского филиала Академии наук СССР. – Казань, 1957. – С. 97–99.

Казаков, 2005 – Казаков И.М. Казань – центр Волжско–Камского края. – Казань, 1923.

- Казанский университет, 1979* – Казанский университет. 1804-1979. Очерки истории. Казань: изд-во КГУ, 1979. – 304 с.
- Казанцев, 1968* – Казанцев В.Ю. 18-я дивизия. – Казань: Таткнигоиздат, 1968. – 80 с.
- Казин, 1992* – Казин В.Х. Казачьи войска: хроники гвардейских казачьих частей. Репринт. изд. 1912 г. – М., 1992. – 480 с.
- Калимуллин, 1995* – Калимуллин А.М. Индустриальное развитие Татарстана и проблемы экологии в 60-е–90-е годы: дис ... канд. ист. наук. – Казань, 1995. – 172 с.
- Калимуллин, 2005* – Калимуллин А.М. Природоохранные проблемы в контексте индустриального развития Татарстана в 1960-х – начале 1990-х годов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005. – 111 с.
- Калимуллин, 2011* – Калимуллин А.М. Экологическая история промышленного города во второй половине XX века. – Казань: Казанский университет, 2011. – 362 с.
- Калинин, 1927* – Калинин Н.Ф. Где был дворец казанских ханов // Вестник научного общества татароведения. – Казань, 1927.
- Калинин, 1926* – Калинин Н.Ф. Спасская башня: Историко-архитектурный очерк. – Казань, 1926.
- Калишенко, 1950* – Калишенко Д.Ф. Патриотизм трудовых резервов Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1950. – 298 с.
- Камалов, 1994* – Камалов Т.Р. Зия Камали о вере и правдивности в исламе // Исламо–христианское пограничье: итоги и перспективы изучения. – Казань, 1994. – С. 40–49.
- Кантор, 1994* – Кантор Г.М. Казань музыкальная: статьи, очерки, рецензии. – Казань, 1994. – 192 с.
- Каппелер, 1997* – Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. – М., 1997. – 212 с.
- Каримов, 1992* – Каримов Т. Т. Социально-экономическое развитие села Татарстана в 1953–1964 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1992. – 203 с.
- Каримова, 1950* – Каримова С.К. Печать Коммунистической партии в борьбе за подготовку Великой Октябрьской социалистической революции (по материалам Казанской партийной организации: дис. ... канд. ист. наук. – М., 1950.
- Каримуллин, 1954* – Каримуллин А. 150-летие научной библиотеки Казанского университета // Библиотекарь. – 1954. – № 10. – С. 35-40.
- Каримуллин, 1974* – Каримуллин А.Г. Татарская книга начала XX в. – Казань, 1974. – 319 с.
- Каримуллин, 1983* – Каримуллин А.Г. Татарская книга пореформенной России. – Казань, 1983. – 320.
- Каримуллин, 1999* – Каримуллин А.Г. Татарское государственное издательство и татарская книга России (1917–1931). – Казань, 1999. – 319 с.
- Карманов, 1978* – Карманов Н.Н. Идеологическая работа партийной организации Татарии в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1978. – 26 с.
- Карпенкова, 2005* – Карпенкова Т.В. Политика самодержавия в отношении мусульманского населения России: вторая половина XIX – февраль 1917 г.: дис. ... д.и.н. – М., 2005. – 402 с.
- Карчевский и др., 1982* – Карчевский Ю.В., Лешкин Н.И. Лица и маски. -2-е изд. – Уфа: Башкир. книжн. изд-во, 1982. – 175 с.
- Касимовская православная магометанская миссия, 1909* – Касимовская православная магометанская миссия за первое десятилетие своего существования. – Касимов, 1909. – 216 с.
- Касимов, 1931* – Касимов Г. Пантюристская контрреволюция и ее агентура султангалиевщина. – Казань, 1931.
- Касимов, 1932* – Касимов Г. Очерки по религиозному и антирелигиозному движению среди татар до и после революции. – Казань: Таткнигоиздат, 1932. – 56 с.
- Катанов, 2001* – Катанов Н. Поволжские татары в их произведениях и в жизни. Обзор литературной деятельности татар за XIX век // Гасырлар авазы - Эхо веков. – 2001. - №1/2.
- Кауфман, 1918* – Кауфман А.А. Аграрный вопрос в России. – М., 1918. – 267 с.
- Кашапов, 1992* – Кашапов Р. Герой сопротивления из Татарстана // Казанские ведомости. -16 апреля 1992 г.
- Кашапов, 1994* б– Кашапов Р. Из плена – с военным крестом де Голля // Республика Татарстан. – 13 августа 1994 г.
- Кашин и др., 1965* – Кашин С.Г., Волков Р.В., Пашковский А.Б. Есть на Каме завод: Очерк о революционных и трудовых делах бондюжских рабочих. – Казань: Татарское книжн. изд-во, 1965. – 93 с.
- Кашшаф, 1941* – Кашшаф Г. Классик татарской литературы (О Ш.Камале) // Дружба народов. – 1941. – № 4.
- Кашшаф, 1984* – Кашшаф Г. По завещанию Мусы Джалиля / Пер. с татар. Р.Хакимова. – Казань, 1984. – 223 с.
- КГЭУ, 2008* – Казанский государственный энергетический университет. К 40-летию вуза. В.2 т./ под ред. Ю. Я. Петрушенко. – Т.1. – Казань: КГЭУ, 2008. – 427 с.
- Кибяков, 1941* – Кибяков А. Школа казанских физиологов // Красная Татария. – 1941. – 14 мая.
- Кильдеев, 2002* – Кильдеев М.В. Организационно-управленческие основы развития этнополитических партий и движений в постсоветской России (региональный аспект): дис... канд. социол. наук. – Казань, 2002. – 177 с.
- Климов, 1957* – Климов И.М. Национальные моменты в государственном и партийном строительстве Татарии в восстановительный период. – Казань, 1957.
- Климов, 1960* – Климов И.М. Образование и развитие Татарской АССР. – Казань, 1960.
- Климов, 1962* – Климов И.М. Татарская партийная организация в восстановительный период (1921-1925 гг.). – Казань, 1962.
- Ключевич, 1950* – Ключевич А.С. История Казанского жирового комбината им. М. Вахитова. – Казань, 1950.

- Ключевская, 1990* – Ключевская Е.П. У истоков казанской графики // *Художник*. – 1990. – № 6. – С. 36–40.
- Книга Героев, 1946* – Книга Героев: О героизме татарского народа в Великой Отечественной войне / под общ. ред. К. Наджми. – Казань: Татгосиздат, 1946. – 174 с.
- Князев, 1984* – Князев С.Л. Нефть Татарии: путь к большому будущему. – Казань: Таткнигоиздат, 1984.
- Князев, 1990* – Князев С.Л. Нефть Татарии: рubeжи, взгляд сквозь годы. – Казань: Таткнигоиздат, 1990.
- Князев, 1981* – Князев С.Л. Нефть Татарии: страницы истории. – Казань: Таткнигоиздат, 1981.
- Князев, 1978-1979* – Нефть, газ и нефтехимия Татарии: В 2 т. / под ред. С.Л. Князева. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1978–1979.
- Кобзев, 2007* – Кобзев А.В. Исламская община Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. – Нижний Новгород, 2007. – 446 с.
- Коблов, 1910* – Коблов Я.Д. О татаризации инородцев Приволжского края // Миссионерский съезд в г. Казани 13–26 июня 1910 года. – Казань, 1910. – 712 с.
- Коблов, 2007* – Коблов Я.Д. Конфессиональные школы казанских татар // Медресе г. Казани XIX – нач. XX вв.: Сборник документов и материалов. – Казань, 2007.
- Ковальская, ред., 1969* – Промышленность Татарской АССР (современное состояние и основные направления развития) / Науч. ред. Н.Я. Ковальская. – М., 1969.
- Козлов, 1974* – Козлов В.И. Национальности СССР (этнодемографический обзор). – М.: Статистика, 1974. – 263 с.
- Козырева, 2012* – Козырева П.М. Доверие и его роль в консолидации российского общества // Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение / под ред. чл.-корр. РАН М.К. Горшкова. – М.: Новый хронограф, 2012. – С. 165.
- Колбасьев, 1931* – Колбасьев С. Радиокнижка. – М., 1931. – 130 с.
- Колганов, 1990* – Колганов А.И. Путь к социализму: трагедия и подвиг. – М.: Экономика, 1990. – 173 с.
- Колесник, 1982* – Колесник А.Д. РСФСР в годы Великой Отечественной войны: проблемы тыла и всенародной помощи фронту. – М.: Наука, 1982. – С. 328.
- Комсомол Татарии, 1974* – Комсомол Татарии в цифрах и фактах. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1974.
- Кондакова, 1982* – Кондакова Н.И. Идеологическая победа над фашизмом. 1941–1945 / Н.И. Кондакова. – М.: Политиздат, 1982. – С. 176.
- Коновалов, 1998* – Коновалов В. Губернаторы перереживают страну // *Известия*. – 1998. – 22 сентября.
- Кораблев, Куманев, 1972* – Кораблев Ю.И., Куманев Г.А. Братский союз народов СССР в Великой Отечественной войне // СССР – великое содружество народов-братьев. – М., 1972. – С. 188–222.
- Корбут, 1924* – Корбут М.К. Рабочие факультеты и высшая школа // 5 лет рабочего факультета Казанского государственного университета. – Казань, 1924.
- Корбут, 1925* – Корбут М.К. Рабочее законодательство 3-й Государственной Думы // УЗКУ. – 1925. – Т. 85. – Кн. 2.
- Корбут, 1926* – Корбут М.К. Революционное движение в России накануне войны в оценке Департамента полиции. 1911–1913 гг. // УЗКУ. – 1926. – Т. 86. – Кн. 2.
- Корбут, 1927* – Корбут М.К. Как создавались царские страховые законы (К 15-летию страховых законов 23 июня 1912 г.) // Советская педагогика. – 1927. – № 3.
- Корбут, 1928* – Корбут М.К. Казанские рабочие перед Октябрьской революцией // УЗКУ. – 1928. – Т. 88. – Кн. 1.
- Корбут, 1930* – Корбут М.К. Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова–Ленина за 125 лет (1804/05–1929/30): в 2 т. – Т. 2. – Казань, 1930. – 382 с.
- Корнеева, 1958* – Корнеева М.С. Из истории развития общественного дошкольного воспитания в Татарской АССР (1917–1941 гг.) // Ученые записки / Казанский педагогический институт. Вып. 13. – Казань, 1958. – С. 320–355.
- Корнилов, 1927* – Корнилов П.Е. Памятник волжского судоходства – галера «Тверь». – Казань, 1927.
- Коржец, 1925* – Коржец А.В. Землеустройство ТАССР. – Казань, 1925. – 39 с.
- Косицин, 1968а* – История Советского государства и права: В 3 кн / Гл. ред. А.П. Косицин. Кн.1: Становление Советского государства и права (1917–1920 гг.). – М.: «Наука», 1968 – 607 с.;
- Косицин, 1968б* – История Советского государства и права: В 3 кн / Гл. ред. А.П. Косицин. Кн.2: Советское государство и право в период строительства социализма (1921–1935 гг.). – М.: «Наука», 1968. – 622 с.
- Кравченко, 1970* – Кравченко Г.С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Экономика, 1970. – 391 с.
- Красильникова, 2002* – Красильникова О.В. Избирательные кампании в Республике Татарстан (1990 – 2000 гг.): историко-политический анализ: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2002. – 239 с.
- Краснов, 1877* – Краснов Н. Народонаселение и территория казаков Европейской и Азиатской России // Военный сборник. – 1877. – № 12. – С. 264–301.
- Крестьянское землевладение, 1909* – Крестьянское землевладение в Казанской губернии. – Казань, 1909. – Вып.13. – С. 56.
- Кривоножкина, 2001* – Кривоножкина Е.Г. Сельское население Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны: дис. ...канд. ист. наук. – Казань, 2001. – 299 с.

- Кривоножкина, 2011* – Кривоножкина Е.Г. Сельское население Татарской АССР накануне и в годы Великой Отечественной войны (1937–1945 гг.) / Е.Г. Кривоножкина, И.И. Ханипова. – Казань: Центр инновационных технологий, 2011. – 464 с.
- Крупянская, Будина, Полищук, Юхнева, 1974.* – Крупянская В.Ю., Будина О.Р., Полищук Н.С., Юхнева Н.В. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917-1970). – М., Наука 1974.- 320 с.
- Кузеев, 1999* - Кузеев Р.Г. Демократия. Гражданственность. Этничность / отв. ред. М.Н. Губогло. - М.: ЦИМО, 1999. - 371 с
- Кузнецова, 1996* – Кузнецова Л.О. Социальная политика в отношении рабочих и служащих в годы нэпа (по материалам Республики Татарстан): дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1996. – 276 с.
- Кузьмин, 1975* – Кузьмин В.В. К вопросу о социально-профессиональной структуре татарского советского крестьянства // Татания в прошлом и настоящем. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1975. – С. 48–55.
- Кукушкин, Чистяков, 1987* - Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. – 2-е изд., доп. – М., Политиздат, 1987 – 367 с.
- Куликова, 1953* – Куликова Л.И. Татарская партийная организация в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства в годы первой пятилетки: дис. ... канд. ист. наук. – М., 1953.
- Кулиш, 1996* – Кулиш В.М. Советская историография Великой Отечественной войны / В.М. Кулиш // Советская историография / под общей ред. акад. Ю.Н. Афанасьева. – М.: РГГУ, 1996. – С. 274–315.
- Кульшарипов, 1992* – Кульшарипов М.М. З. Валидов и образование Башкирской Автономной Советской Республики: 1917-1920. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1992. – 160 с.
- Кульшарипов, 2000* – Кульшарипов М.М. Башкирское национальное движение. 1917 – 1921 гг. – Уфа, 2000. – 368 с.
- Куманев, 1976* – Куманев Г.А. На службе фронта и тыла. Железнодорожный транспорт СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945. – М.: Наука, 1976. – С. 455.
- Куманев, 1963* – Куманев Г.А. Советские железнодорожники в годы Великой Отечественной войны. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 324.
- Куроедов, 1982* – Куроедов В.А. Религия и церковь в Советском государстве. – М.: Политиздат, 1982. – 263 с.
- Куркин, 1986* – Куркин М.И. МТС – решающая сила колхозного производства. – Казань, 1956; Куркин М.И. Обновление села. Село: дела и проблемы. – Казань: Таткнигоиздат, 1986.
- Куркин, 1968* – Куркин М.И. Оплата труда в колхозах и совхозах – основа интенсификации земледелия. – Казань, 1968.
- Куркин и др., 1969* – Куркин М.И., Шашкин Н.Ф., Зезюлин И.Д. Материальные и моральные стимулы в колхозах. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1969.
- Куркин, ред., 1968* – Труд в колхозах и пути повышения его эффективности / под ред. М.И. Куркина. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1968.
- Курчаков, 2012* - Курчаков Р. Дамир Бикбов и школа народного хозяйства. [электронный ресурс]. <http://www.business-gazeta.ru/readblog/26/323>. Дата обращения: 19.08.2012.
- Кустарные промыслы Уфимской губернии, 1912* – Кустарные промыслы Уфимской губернии. – Уфа, 1912. – 291 с.
- Кучма, 2003* - Кучма Л. Украина - не Россия. - М.: Время, 2003. - 560 с.
- Кучумов, 1997* – Кучумов И.В. Башкирское национальное движение 1917–1920 гг. и А.З. Валиди: Зарубежные исследования. – Уфа, 1997. – 249 с.
- Куфаев, 1942* – Куфаев В.И. Забота о детях в дни Великой Отечественной войны / В.И. Куфаев // Советская педагогика. – 1942. – № 8. – С. 9-14.
- Кушаев и др., ред., 1940* – Краткая история Казанского завода пишущих машин (1929-1939) / под ред. Г.А. Кушаева и А.А. Урманчеева. – Казань, 1940.
- Кэримуллин, 2005* – Кэримуллин Э.Г. Книжные связи татар Поволжья и Приуралья с народами Средней Азии и Казахстана // Безнен кардэшлек: Мэкалэлэр. – Казан, 2005. – С. 205.
- Лесков, 1940* – Лесков В. Театры Казани // Театр. – 1940. – № 7. – С. 136-142.
- Линсцер, 1925* – Линсцер Г. Народное образование за 5 лет. – Казань, 1925.
- Литвин, 1957* – Литвин А.Л. По местам Октябрьского вооруженного восстания в Казани. Путеводитель. – Казань, 1957.
- Литвин, 1972* – Литвин А.Л., Циунчук А.Г. Создание и деятельность Татарского Истпарта (1920–1939) // Историография федосеевских марксистских кружков Поволжья. – Казань, 1972.
- Литвин, 1982* – Литвин А.А. Советская историко-партийная историография деятельности большевиков Поволжья накануне и в период первой русской революции. – Казань, 1982.
- Литвин, 1985*– Литвин А.А. Большевики Среднего Поволжья (1905–1907). Советская историография. – Казань, 1985.
- Литвин, 1988* – Литвин А.Л. Советская историография гражданской войны в Поволжье. – Казань, 1988.
- Литвин, 1993* - Литвин А.Л. Запрет на жизнь. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1993. – 224 с.
- Литвин, 1995* - Литвин А.Л. Следственные дела как исторический источник // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1995, май. – С. 170-176.
- Литвин, 2003* – Литвин А.А. Общественно-политическое движение в Поволжье. Конец XIX – нач. XX вв. Российская историография: дис. ... д-ра ист. наук. – Казань, 2003.
- Лифшиц и др., 1973* – Очерки истории партийной организации Татарии / И.М. Лифшиц, А.А. Петрова, В.П. Худяков и др. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1973.
- Лифшиц и др., 1962* – Очерки истории партийной организации Татарии / И.М. Лифшиц, Ш.Х.

Хамматов, Н.И. Юдин и др. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1962.

Лобачева, 1975 – Лобачева Н.П. Формирование новой обрядности узбеков. – М.: Наука, 1975. – 140 с.

Лозанов, 1946 – Лозанов Н.Н. Итоги работы отоларингических отделений в госпиталях Казани за годы Великой Отечественной войны // Вопросы лечения ранений и заболеваний уха, горла и носа. – Казань, 1946. – С. 132-137.

Лукоянов, 2003 – Лукоянов И.В. У истоков российского парламентаризма: историко-документальное издание. – СПб., 2003. – 416 с.

Люшин, 1952 – Люшин С.П. Патриотизм трудящихся Казани в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): дис. ... канд. ист. наук / С.П. Люшин. – Казань, 1952. – 384 с.

Лященко, 1948 – Лященко П.И. История народного хозяйства СССР: Капитализм. – М., 1948. – 503 с.

Мазитова, 1990 – Мазитова Г.В. Учреждения и деятели искусств ТАССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук / Г.В. Мазитова. – Казань, 1990. – 274 с.

Макарова, 2009 – Макарова Г.И. Этнокультурная политика федерального центра и Республики Татарстан: стратегии интеграции. – Казань: Институт истории АН РТ. – 2009. – 242 с.

Макарова, 2010 – Макарова Г.И. Идентичность татар и русских в контексте этнокультурных политик Российской Федерации и Республики Татарстан. – Казань: Казан. ун-т, 2010. – 248 с.

Маклыгин, 2000 – Маклыгин А.Л. Музыкальные культуры Среднего Поволжья: становление профессионализма. – Казань: Казан. гос. консерватория, 2000. – 311 с.

Малашенко, 1998 – Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России. – М.: Московский Центр Карнеги, 1998. – 250 с.

Малкина, 1929 – Малкина У.И. Сельское хозяйство Буинского кантона // Записки Тетюшского музея. – Казань, 1929. – №5.

Малков, 1930 – Малков В.П. Пятилетка в действии: достижения и перспективы промышленного строительства Татареспублики. – Казань: Татиздат, 1930. – 88 с.

Матвеева, 1955 – Матвеева Е.Г. Комсомол Татарии – верный помощник партии в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства (1930-1934 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1955.

Матвеева, 1980 – Матвеева Е. Г. Крестьянство Татарии в период развитого социализма. – Казань: Изд-во КГУ, 1980. – 167 с.

Маторин, 1929 – Маторин Н.М. Религия у народов Волжско-Камского края прежде и теперь. – М.: Безбожник, 1929. – 176 с.

Маурер, ред., 2009 – Университет и город в России (начало XX века) / Ред. Т. Маурер и А. Дмитриев. – М., 2009. – 784 с.

Махмутов, 1959 – Махмутов М.И. Перспективы татарской школы // Народное образование. – 1959. – № 9. – С. 14-19.

Махмутова, 1998 – Махмутова А.Х. П.А. Столыпин: направить «серьезные усилия к пресечению национально-татарского натиска» // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1998. – № ¾

Махмутова, 2003 – Махмутова А.Х. Лишь тебе, народ, служенье! (История татарского просветительства в судьбах династии Нигматуллинных-Буби). – Казань, 2003.

Мачнев, 1981 – Мачнев Б.Я. Сельское хозяйство Поволжья в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Б.Я. Мачнев. – Казань, 1981. – С. 22.

Машанов, 2002 – Современное состояние татар-мухаммедан и их отношение к другим иноверам. Доклад профессора Казанской духовной академии М.Машанова Миссионерскому съезду 1910 года. – Казань, 2002.

Машковец, 1940 – Машковец Н. Художественная жизнь Казани // Творчество. – 1940. – №6 – С.14-15.

Медведев, 1931a – Медведев Е.И. Историческое прошлое народного хозяйства Татарии // Генплан Татарии. – 1931. – № 1–4; Медведев Е.И. Промышленность Казанской губернии перед революцией // Социалистическое хозяйство Татарстана. – 1931. – № 3–4.

Медведев, 1931b – Медведев Е.И. Казанский пролетариат в годы империалистической войны // История пролетариата СССР. – 1931. – Сб. 7.

Медведев, 1930a – Медведев Е.И. Забастовочное движение в Казани в годы империалистической войны // Татарстан. – 1930. – № 8–9.

Медведев, 1930b – Медведев Е.И. Рабочие Казани на подступах к Октябрю // Красная Татария. – 1930. – 12 марта.

Медведев, 1948 – Медведев Е.И. Об Октябрьском вооруженном восстании в Казани в 1917 году: Сборник статей / Е.И. Медведев, А.Н. Григорьев, М.Р. Булатов. – Казань, 1948. – 88 с.

Медведева, 1953 – Медведева Т.Г. Большевики Татарии за развертывание массового стачковского движения в промышленности и за подъем культурно-технического уровня рабочих республики в годы второй пятилетки (1933-1937 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1953

Медведев, 2008 – Медведев считает единство нации одной из высших духовных ценностей РФ // Общество. Лента новостей «РИА Новости». [электронный ресурс] <http://wap.rian.ru/society/20081104/154372372.html>. Дата обращения: 07.11.2008.

Мельгунов, 1990 – Мельгунов С.П. Красный террор в России. – М.: СП «РУСКО», «P.S.», 1990. – 209 с.

Мечеть Кул Шариф и Благовещенский собор, 2010 – Указ Президента РТ № УП-125 от 08 апреля 2005 г. «Об открытии мечети Кул Шариф и Благовещенского собора в Казанском кремле» // Новое в законодательстве Республики Татарстан. [Электронный ресурс] URL: <http://info.tatcenter.ru/article/25920/> (дата обращения: 05.03. 2010).

Миннегулов, 2006 – Миннегулов Х.Ю. Литература татарская / Х.Ю. Миннегулов, Т. Н. Галиуллин

// Татарская энциклопедия. – Казань, 2006. – Т. 3. – С. 618.

Миннибаев, 1991 – Миннибаев Т.Х. Политическая карьера провинциалов. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1991.

Минниханов, 2012 – Минниханов Р. Село сегодня является тем местом, где татарский народ может сохранить обычаи, уклад, традиции. [электронный ресурс]. <http://prav.tatarstan.ru/rus/index.htm/news/128264.htm>. Дата обращения: 04.01. 2012.

Миннуллин, 2006 – Миннуллин И.Р. Мусульманское духовенство и власть в Татарстане (1920–1930-е гг.). – Казань: Изд-во Ин-та истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. – С. 214.

Миннуллин, 2007 – Миннуллин И.Р. Мусульманское духовенство Татарстана в условиях политических репрессий 1920–1930-х гг. – Нижний Новгород: Медина, 2007. – С. 82.

Меньшиков, 1956 – Меньшиков М.П. Технический прогресс в промышленности Татарии. – Казань, 1956.

Миронов, 1999 – Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.): в 2-х томах. – Т. 2. – СПб., 1999. – 567 с.

Миронова, 1977 – Миронова В. Трам – агитационно-молодежный театр 1920 – 1930-х годов. – Л.: Искусство, 1977. – 127 с.

Митрофанова, 1960 – Митрофанова А.В. Рабочий класс Советского Союза в первый период Великой Отечественной войны. – М., 1960.

Митрофанова, 1971 – Митрофанова А.В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны / А.В. Митрофанова. – М.: Наука, 1971. – С. 575.

Михайлова и др., 1997 – Михайлова С.М., Коршунова О.Н. Традиции взаимодействия культур народов Поволжья. – Казань, 1997.

Михайлова, 2006 – Михайлова С.М. Казанский университет между Востоком и Западом / С.М. Михайлова, О.Н. Коршунова. – Казань, 2006. – 208 с.

Модели экономического развития Татарстана, 1995 – Сможет ли Татарстан стать Японией? Беседы о модели экономического развития Татарстана // Идель. - 1995. - № 3.

Молодость, 1978 – Молодость древнего города. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1978. – 272 с.

Мулюков, 1985 – Муллауру Вахитов: жизнь и деятельность пламенного революционера–ленинца. / сост. М.А. Мулюков и др. – Казань, 1985. – 269 с.

Мурадян, 1978 – Мурадян В.А. Боевое братство. – М.: Воениздат, 1978. – 336 с.

Муракаев, 2010 – Муракаев М. Становление республики: особенности формирования современной экономики Татарстана // Известия Татарстана. – 2010. - №15 (527).

Муратов, 1996 – Муратов Р. Дорогу осилит идущий. – Казань, 1996.

Муртазин, 1927 – Муртазин М.Л. Башкирия и башкирские войска в гражданскую войну // Издание военной типографии УПР делами Наркомвоенмор и ГВС СССР. – 1927. – С. 183-196.

Муртазина, 2012a – Муртазина Л.Р. Особенности развития системы национального образования

татар в 1990–2005 гг. // Педагогическое образование: история, современность, перспективы: Материалы I Международной научно-практической конференции, посвященной 135-летию Казанского педагогического колледжа. – Казань: Центр инновационных технологий, 2012. – С. 15–17.

Муртазина, 2012b – Муртазина Л.Р. Некоторые особенности преподавания предметов естественно-математического цикла в вузах на татарском языке (1990–2005 гг.) // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 3. [электронный ресурс] <http://www.science-education.ru/pdf/2012/3/410.pdf>. Дата обращения: 27.12.2012.

Мусин, 1964 – Мусин М.М. Братство народов, содружество языков. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1964.

Мусин, ред., 1973 – Поступь батыра: Очерки, статьи, интервью, репортажи, статистика, фотодокументы о становлении Камского автомобильного комплекса / отв. ред. М.М. Мусин. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1973.

Мусина, 1992 – Мусина Р.Н. К вопросу о месте и роли религии в жизни современных татар. По материалам этносоциологических исследований // Современные национальные процессы в Республике Татарстан. - Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова КНЦ РАН, 1992. – С. 52-64

Мусина, 1997 – Мусина Р.Н. Ислам и мусульмане в современном Татарстане// Ислам в татарском мире: история и современность. – Казань, 1997. – С.211-218.

Мусина, ред., 2006 - Государственные языки в школьном образовании Республики Татарстан: информационно-аналитический материал по результатам этносоциологического исследования в г.Казани /Отв. ред. Р.Н. Мусина. - Казань: Институт истории АН РТ, 2006. - 72 с.

Мусина, ред., 2009 – Этносоциология в России: научный потенциал в процессе интеграции полиэтнических обществ: материалы международной научно-практической конференции. Казань, 26–28 июня 2008 г. / отв. ред. Р.Н. Мусина. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009. – 388 с.

Мусина, ред., 2011 - Языки в системе образования Республики Татарстан: по материалам этносоциологического исследования / отв. ред. Р.Н. Мусина. - Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. - 158 с.

Мустафин, 1981 – Мустафин Р. А. Образ времени: Статьи. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1981.

Мустафин и др., 1995 – Мустафин Р.А., Хасанов А.Х. Первый президент Татарстана М. Шаймиев: Штрихи к политическому портрету. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1995.

Мустафин, 1971 – Мустафин Р.А. По следам поэта-героя: Книга-поиск. - М.: Дет. лит., 1971. – 271 с.

Мустафин, 1974 – Мустафин Р.А. По следам оборванной песни. – М.: Известия, 1974. – 510 с.

Мустафин, 1989 – Мустафин М. От каждого по способности, но всегда ли по труду? // Вечерняя Казань. – 1989. – 6 февраля.

Мустафин, 1992 – Мустафин Р. Письмо из Франции // Казанские ведомости. – 15 февраля 1992 г.

Мустафин, 1993 – Мустафин Р.А. Что же двигало Джалилем? // Татарстан. – 1993. – № 12. – С.72-74.

Мустафин, Хузеев, 1992. – Мустафин М. Р., Хузеев Р. Г. Все о Татарстане (Экономико-географический справочник). – Казань: Татарское кн. изд-во, 1992. – 175 с.

Мухаметдинов, 1999 – Мухаметдинов Р. Борьба между унитаристами и федералистами на мусульманских съездах 1917 года в свете тюркской идеи / Садри Максуди: наследие и современность. – Казань, 1999. – С. 66–78.

Мухаметзянов, 2008 – Мухаметзянов А.А. Трансформация институтов мусульманской общины Татарстана (1920–1930-е годы.) / А.А. Мухаметзянов, И.Р. Миннуллин. – Нижний Новгород: Медиана, 2008. – 147 с.

Мухаметшин и др., 1998 – Мухаметшин Ф.Х. Республика Татарстан в зеркале опросов общественного мнения (90-е годы. Социолого-экономический аспект) / Ф.Х. Мухаметшин, Г.А. Исаев. - Казань: Изд-е Кабинета министров РТ, 1998. - 338 с.

Мухаметшин, 1998 – Мухаметшин Р.М. Что способствует распространению исламских ценностей среди татар // Россия и мусульманский мир. – 1998. – №1. – С. 33-40.

Мухаметшин и др., 2005 – Мухаметшин Р., Саляхов И. Экономические основы функционирования мусульманского общества на страницах журнала «Иктисад» // Ислам и благотворительность. – Казань, 2005. – С. 115–120.

Мухаметшин, 2005 – Мухаметшин Р.Г. Татарский традиционализм: особенности и формы проявления. – Казань, 2005.

Мухаметшин, 1987 – Мухаметшин Р.М. Окрыленный борьбой. К 100-летию со дня рождения Г.Ибрагимова (Эволюция философских и общественно-политических взглядов). – Казань, 1987.

Мухаметшин, 2003 – Мухаметшин Р.М. Татары и ислам в XX веке. – Казань, 2003.

Мухаметшин, Измайлов, 1997 - Суверенный Татарстан = Sovereign Tatarstan / сост. Ф.М. Мухаметшин, Р.Т. Измайлов. – М.: ИНСАН, 1997. - 282 с.

Мухаметшин, 1998 – Мухаметшин Ф.Х., Исаев Г.А. Республика Татарстан в зеркале общественно-го мнения (90-е годы. Социолого-экономический аспект). – Казань: Изд-е Кабинета министров РТ, 1998. – 338 с.

Мухарьямов и др., 1957 – Мухарьямов М.К., Ги-мади Х.Г. Советская Татария – детище Октября. – Казань, 1957.

Мухарьямов, 1955 – Мухарьямов М.К. Советская Татария в братской семье народов СССР: Материалы в помощь пропагандистам и агитаторам. – Казань: Таткнигоиздат, 1955.

Мухарьямов, 1958 – Мухарьямов М.К. Октябрь и национально-государственное строительство в Татарии (октябрь 1917 – июль 1918). – Казань, 1958. – 276 с.

Мухарьямов, 1965 – Татарская АССР в 1965 г. / под ред. М.К. Мухарьямова. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1965.

Мухарьямов, 1969 – Мухарьямов М.К. Октябрь и национальный вопрос в Татарии (октябрь 1917 – 1920). – М., 1969. – 285 с.

Мухарьямов, ред., 1968 – Торжество ленинской национальной политики в Татарии. / отв. ред. М.К. Мухарьямов – Казань: Татар. кн. изд-во, 1968.

Мухарьямова, 2008 – Мухарьямова Л.М., Андреева А.Р. Феномен национальной школы в социологических дискурсах. - Казань: Казан. ун-т. 2008. - 268 с.

Мухарьямова, 2011 – Мухарьямова Л.М., Андреева А.Р. Институционализация национальной школы в постсоветской России // Тюркские языки в условиях глобализации (этносоциологический анализ татарского языка). Коллективная монография / сост. Г.Ф. Габдрахманова, З.А. Исхакова, Р.Н. Мусина. – Астана: Кантана-пресс, 2011. - 396 с

На путях к высшей школе, 1927 – На путях к высшей школе. 8 лет работы (1919–1927). – Казань, 1927.

Набиев, 1991 – Набиев Р.А. На путях научного мировоззрения: история проблемы, уроки. – Казань: Изд-во КГУ, 1991. – 254 с.

Набиев, 2002 – Набиев Н.А. Бахтизин Ахтям Мусалимович // Татарская энциклопедия. – Казань, 2002. – Т. 1. – С. 318.

Наджми, 1930 – Татарская художественная литература за 10 лет (1920–1930) / сост.: Наджми К., Нигмати Г., Гали Г. – Казань, 1930.

Назипова, 1989 – Назипова К.А. Октябрь и рост кадров рабочего класса Татарии (1917 – 1937 гг.) // Великий Октябрь и некоторые вопросы формирования татарской социалистической нации. – Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова, 1989. – С. 21 - 40.

Назипова, 1997 – Назипова К. Индустриальная Москва и татары // Татарские края. – 1997, январь, № 4 (217). – С.3.

Назипова, 2000 – Назипова К.А. О ликвидации частного в промышленности Татарстана в 20-х годах XX века //Поволжье в системе Всероссийского рынка: история и современность. Материалы научной конференции. – Чебоксары. – 2000. – С. 305-324.

Назипова, 2004 – Назипова К. Татарские нефтяники: начало большого пути. – Казань: изд-во “Магариф”, 2004. – 150 с.

Нам, 1995 – Национально-культурные автономии и объединения. Историография. Политика. Практика. Антология / сост. И.В. Нам. – М., 1995. – Т. 2. – 317 с.

Нам, 1998 – Нам И.В. Культурно-национальная автономия в истории России. Документальная антология. – Т. I. – Сибирь. 1917–1920. – Томск, 1998. – 308 с.

Насыров, 2007 - Насыров И.Р. Регионы децентрализованных государств и федераций в системе международных отношений // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях : материалы 4 Конвента РАМИ. В 10 т. / под ред. А. Ю. Мельвиля ; Рос. ассоциация междунар.

- исследований. – М.: МГИМО-Университет, 2007. – Т. 1 : Акторы в пространстве и времени мировой политики / под ред. М. М. Лебедевой. – 188 с.
- Насыров, 2008* - Насыров, И.Р. Вклад российских регионов в построение отношений со странами исламского мира: пример Татарстана // Право и политика. – 2008. – № 11.
- Насыров, 2009* - Насыров И.Р. На пути к стабильному миропорядку. Россия-Организация исламская конференция // Дипломатическая служба. – 2009. – № 3.
- Нафигов, 1964* – Нафигов Р.И. Формирование и развитие передовой татарской общественно-политической мысли. – Казань, 1964. – 446 с.
- Национальная доктрина, 1999* - Национальная доктрина развития образовательно-воспитательных систем в Республики Татарстан. – Казань: [Б.и.], 1999. – 66 с.
- Национальная политика РТ, 2010* - Концепция государственной национальной политики Республики Татарстан. Раздел II. Основополагающие принципы государственной национальной политики Республики Татарстан. [Электронный ресурс] URL: http://tatarstan.news-city.info/docs/systemsw/dok_iegbsz.htm (дата обращения: 21.05. 2010).
- Национальная политика РФ, 2007* - Проект Концепция государственной национальной политики Российской Федерации от 25.07.2007 г. [электронный ресурс] http://www.balakovo.ru/full_news.php?num_news=7740. Дата обращения 18.11.2009.
- Наш дом Татарстан, 2010* – Наш дом Татарстан: 90 лет ТАССР: 90 страниц многонациональной жизни. – Татарстан. – 2010. – № 2.
- Наше Отечество, 1991* – Наше Отечество. Опыт политической истории: в 2-х тт./ Кулешов С. В., Волобуев О. В., Пивовар Е. И. и др.; Рос. гос. гум. унив. – Т.2. – М.: Терра, 1991. – 619 с.
- Неджибъ, 1911* – Неджибъ, Пробуждение русских татар и их литература // Современник. – 1911. – Кн.4. – 169 с.
- Незимов, Сементовский, 1957* – Незимов В.Н., Сементовский Ю.В. Экономика и создание цементной промышленности в Татарии //Известия Казанского филиала Академии наук СССР.– Казань: Таткнигоиздат, 1957. – С. 111-124.
- Немировский, 2003* – Немировский В.В. Политическая культура общественных движений как объект историко-политического исследования (на материалах республик Среднего Поволжья; сер. 1980-х – 1990-е гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2003. – 206 с.
- Нефедов, 1950* – Нефедов Н. За дальнейший подъем животноводства в колхозах и совхозах Татарской АССР. – Казань, 1950.
- Нигамедзинов, 2003* – Нигамедзинов Ф.Ф. Купеческое сословие России на рубеже XIX – XX веков. – Казань, 2003.
- Нигамедзинов, 1999* – Нигамедзинов Ф.Ф. Заметки о казанском татарском купечестве XIX – XX столетий// Поволжье в системе всероссийского рынка: история и современность: Материалы научной конференции. – Чебоксары, 1999. – С. 220-227.
- Нигмати, 1925* – Нигмати Г. На литературном поприще. – М., 1925.
- Нигматуллина, 1970* – Нигматуллина Ю.Г. Национальное своеобразие эстетического идеала. – Казань, 1970. – 210 с.
- Нигматуллина, 2000* – Нигматуллина Ю.Г. Рыцарь прогресса и национального возрождения // Татарское возрождение. Эпоха и личности. – Казань: Изд-во «Фэн», 2000. – С. 115-120.
- Нигмедзянов, 1980* – Нигмедзянов М. Три поколения музыкантов // Цвети, мой Татарстан. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1980. – С.271-285
- Нигмедзянов, 2003* – Нигмедзянов М. Татарская народная музыка. – Казань: Магариф, 2003. – 255 с.
- Низамиев, 1998* – Низамиев М.Т. Полвека на ниве культуры. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1998.
- Никифоров, 1984* – Никифоров В. В. Деятельность КПСС по интернациональному воспитанию трудящихся в период восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства (1945 –1952 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1984. – 221 с.
- Новейшая история, 2007* – Новейшая история России. 1914–2005. Под ред. М.В. Ходякова. 2 изд. – М.: Высш. образование, 2007. – 527 с.
- Ногманов, 1994* – Ногманов А.И. Российское законодательство в. п. XVI–XVII вв. как источник по истории татарского населения Среднего Поволжья и Приуралья: дисс. ... к.и.н. – Казань, 1994. – 275 с.
- Ногманов, 2002* – Ногманов А.И. Татары Среднего Поволжья и Приуралья в Российском законодательстве второй половины XVI – XVIII вв. – Казань, 2002.
- Нургалиев и др., 1989* – Нургалиев Х.М., Муштафин М.Р., Базов А.Д. География населения Татарской АССР. // Географические аспекты исследования социально-экономических систем. – Казань: КГПИ, 1989. – С. 66 – 81.
- Нуруллаев, 1999* – Нуруллаев А.А. Ислам и мусульмане России в условиях советского режима // Ислам и мусульмане в России. Сборник статей. – М., 1999. – С. 118–162.
- Нуруллин, 1971* – Нуруллин И.З. Путь к зрелости: о зарождении и развитии критического реализма в татарской литературе (О зарождении и развитии критического реализма в татарской литературе). – Казань, 1971. – 350 с.
- Овчинников, 2012* – Овчинников В. Невеста в красном. Старые и новые черты китайской свадьбы // Российская Газета. – 2012. – 7 марта. - №50 (5723).
- Ольшамовский, 1923* – Ольшамовский С.М. Влияние голода на питание сельского населения АТССР и на основные элементы его хозяйства // Труд и хозяйство. – № 3. – 1923. – С. 123 - 131.
- Осипов, 2004* - Осипов А.Г. Национально-культурная автономия. Идеи, решения, институты. СПб.: Центр независимых социологических исследований, 2004. - 508 с.
- Остром, 1993* - Остром В. Смысл американского федерализма. Что такое самоуправляющееся общество / Перевод с англ. С.А. Егоров, Д.К. Утегенова, под общ. ред. А.В. Оболонского. - М.: Арена, 1993. — 320 с.

- Остроумов, 1978* – Остроумов В.П. Казань. Очерки по истории города и его архитектуры. – Казань: Изд-во КГУ. – 1978. – 295 с.
- Отзывы татарской общественности, 2010* - Отзывы татарской общественности на принятие закона: Аллах Акбар, Святая Русь. [электронный ресурс] <http://www.pravoslova.info/article/3018> Дата обращения: 02.09.2010.
- Очерки истории партийной организации Татарии, 1963* – Очерки истории партийной организации Татарии. – Казань, 1963.
- Очерки истории партийной организации, 1973* – Очерки истории партийной организации Татарии. 2-е доп. и испр. изд. / отв. ред. М.К. Мухарьямов. – Казань: Таткнигоиздат, 1973. – 712 с.
- Палкин, 1952* – Палкин Г.А. Очерки по истории развития зоотехнической науки в ТАССР за 30 лет // Известия Казанского филиала АН СССР. Серия биологических и сельскохозяйственных наук. Вып.3. – Казань, 1952. – С. 153-169.
- Памяти З.И. Гильманова, 2000* – Памяти З.И. Гильманова: сб. воспоминаний и ст. – Казань: Мастер Лайн, 2000.
- Памяти М.К. Мухарьямова, 1995* – Памяти М.К. Мухарьямова: сб. воспоминаний и ст. – Казань: ИЯЛИ АНТ, 1995.
- Память, 1993-2010* – Память (Сведения о погибших на фронтах Великой Отечественной войны жителей Республики Татарстан). В 27-ми тт. / редкол. А.А. Иванов, Р.Р. Идиатуллин. – Казань: Книга Памяти, 1993–2010.
- Панов, 2009* – Панов Е.В. Казанский танкодром // Татарстан в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. К 65-летию Победы. – Казань: Редакция «Книги Памяти», 2009. – С. 205-208.
- Паперный, 1929* – Паперный Ю. Основные недочеты в колхозном строительстве Татреспублики // Труд и хозяйство. – 1929. – № 3–4.
- Пашкова, 1997* – Пашкова М. Батик Галины Анютиной // Аргатак. – 1997. – №3. – С. 114–124.
- Пашкова, 1995* – Пашкова М. Размышления о творчестве художника (В.Анютин) // Аргатак. – 1995. – № 7. – С. 94–105.
- Первушин, 1921* - Первушин С.А. Вольные цены и покупательная сила русского рубля. 1917-1921 гг. – М., 1921.
- Перестройка, 1987* - Перестройка политического сознания и повышение его роли в ускорении социально-экономического развития трудовых коллективов ТАССР (по материалам социологического исследования). - Казань: Изд-во Татарского ОК КПСС, 1987. - 91 с.
- Перцов, 1911* – Перцов В.В. Мелкая промышленность Казанской губернии. – Казань, 1911. – 404 с.
- Петрова, 1954* – Петрова А.А. Развитие стахановского движения в промышленности Татарской АССР в годы второй пятилетки (1933-1937): дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1954.
- Петрова, 1985* – Петрова А.А. Эстафета трудового подвига (К 50-летию стахановского движения). – Казань: Татар. кн. изд-во, 1985. – 103 с.
- Печилина и др., 1998* – Печилина Г., Щербакова Р. Ромашкино. – Казань: Рухият, 1998.
- Пинегин, 2005* – Пинегин М.Н. Казань в ее прошлом и настоящем. – СПб., 1890. – переизд. Казань, 2005.
- Пискарёв, 1996* – Пискарёв В. Р. Илялов против «танковой политики» // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1996. – № 1–2. – С. 186–199.
- Пискарёв, 1997* – Пискарёв В., Султанбеков Б., Гибадуллина Р. «Этот учебник не выдерживает большевистской критики» // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1997. – № 1–2. – С. 81–111.
- Пискарёв, 2012* - История Татарстана, XIX век.: Уч. пособие для 8-го кл. общеобразоват. шк. / В.И. Пискарёв. - Казань: Хэтер, 2012. - 109с.
- Платформа ТОЦ, 1991* – Платформа ТОЦ // Парорама. – 1991. – № 2.
- Под солнцем Октября, 1967* – Под солнцем Октября / Предисл. Н. Андрианова и М. Мусина. – Казань: Таткнигоиздат, 1967.
- Политика Горбачева, 2007* - Союз можно было сохранить. Белая книга. Документы и факты о политике М.С.Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. 2-е изд., перераб. и доп. / Общ. ред. А.Б.Вебер и др. – М.: АСТ МОСКВА, 2007. – 526 с
- Политическая история, 1996* – Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация: в 2-х тт. / Рос. независимый ин-т соц. и нац. пробл. и др.; под рук. Кулешова С.В. и др. – М.: Терра, 1996.
- Политические партии Татарстана* - Политические партии Татарстана. [электронный ресурс]. <http://socarchive.narod.ru/bibl/polros/Tatar/partii-tat.html>. Дата обращения: 27.12.2012.
- Полные, 1986* – Полные кавалеры ордена Славы – наши земляки (Сб. документальных очерков и зарисовок) / сост.: А.К. Айнутдинов, З.И. Гильманов. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1986. – 154 с.
- Половникова, 1954* – Половникова Н.А. Общеобразовательная школа Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук / Н.А. Половникова. – Л., 1954. – 417 с.
- Поляков, 1967* – Поляков Ю.А. Переход к НЭПу и советское крестьянство. – М.: Наука, 1967. – 511 с.
- Полякова, 1998* – Полякова Л. Диво-дивное Л.Роменского // Аргатак. – 1998. – № 5-6. – С. 127–136.
- Полянский, 1930* – Полянский Г. Опера «Эшче» на олимпиаде // Красная Татария. – 1930. – № 166.
- Поспелов, 1942* – Поспелов П. Советская интеллигенция в Великой Отечественной войне. – М.: Огиз-Госполитиздат, 1942. – 42 с.
- Постнов, 1952* – Постнов М.П. Борьба большевиков Татарии за индустриализацию республики в годы второй сталинской пятилетки: дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1952.
- Похлебкин, 1997* – Похлебкин В.В. Великая война и несостоявшийся мир (1941–1945–1994): Военный и внешнеполитический справочник по истории Великой Отечественной войны и ее международно-

правовым последствиям с 22 июня 1941 г. по 31 августа 1994 г. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1997. – 383 с.

Права народов России, 2008 – Татарстан: последние изменения государственного образовательного стандарта ограничивают права народов России. [электронный ресурс]. <http://www.mari.ee/rus/news/soc/2008/04/29.html>. Дата обращения: 30.11.2008.

Президент конгресса настроен оптимистично, 1994 – Президент конгресса настроен оптимистично (интервью с И.Р. Тагировым) // Татарские края. – 1994. – 17 мая.

Проблемы перестройки, 1990 – Проблемы перестройки управления социально-экономическим развитием автономных республик на основе самоуправления и самофинансирования. Материалы межреспубликанской науч.-практ. конф. (15–17 нояб. 1989 г.) – Казань, 1990. – 134 с.

Проблемы татар будут решаться постоянно, 1997 – Проблемы татар будут решаться постоянно, пока существует нация (интервью с И.Р. Тагировым) // Молодежь Татарстана. – 1997. – 17 июля.

Провал операции, 2010 – Провал операции «Шаровая молния»: Татары в партизанских отрядах Белоруссии в годы Великой Отечественной войны: сб. ст. / сост. Р.А. Мустафин. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2010. – 159 с.

Протасов, 1997 – Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. – М., 1997. – 368 с.

Пуришкевич, 1907 – Пуришкевич В.М. Накануне. (Политические партии в России перед 3-й Думой). – Харьков, 1907. – 25 с.

Путин, 2005 – Путин В.В. Выступление на торжественном собрании, посвященном 1000-летию Казани // Проблемы современной экономики. – 2005. – N 3/4 (15/16).

Путин, 2007 – Путин В.В. Заключительное слово на церемонии вручения Государственных премий Российской Федерации, приуроченной ко Дню России. Москва, 2007: [электронный ресурс]. <http://www.rosnation.ru/index.php?D=11>. Дата обращения: 09.10.2009.

Пуцкова, 1973 – Пуцкова З.С. Деятельность партийных организаций по развитию материально-технической базы сельского хозяйства Среднего Поволжья (Историография вопроса). – Казань: Изд-во КГУ, 1973. – 152 с.

Пьянов, 1979 – Пьянов М.А. Военное обучение населения Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1979. – 208 с.

Рабочий класс Татарии, 1981 – Рабочий класс Татарии (1861–1980 гг.) / З. И. Гильманов, А. М. Залялов, К. А. Назипова и др. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1981. – 384 с.

Развитие социально-экономического и этнокультурного потенциала российских немцев, 2007 – Распоряжение Правительства РФ об утверждении Концепции новой федеральной целевой программы «Развитие социально-экономического и этнокультурного потенциала российских немцев на 2008–2012

годы» от 29 августа 2007 г. [электронный ресурс]. <http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow.asp?DocumID=128445&DocumType=19>. Дата обращения: 12.10.2010.

Развитие социально-экономической и культурной базы, 1997 – Постановление правительства РФ «О федеральной целевой программе развития социально-экономической и культурной базы возрождения российских немцев на 1997–2006 годы» от 8 июля 1997 г. [электронный ресурс] <http://www.lawmix.ru/pprf/9000>. Дата обращения: 03.05.2010.

Разумейченко, 2000 – Разумейченко В. Статьи об искусстве. – Казань, 2000. – 86 с.

Раимов, 1952 – Раимов Р.М. Образование Башкирской автономной Советской Социалистической республики. – М.: Издательство АН СССР, 1952. – 524 с.

Рахимов, 2002 – Рахимов Р.Н. Доблестные сыны Урала в Отечественной войне 1812 года // Военно-исторический журнал. – 2002. – № 9. – С.66–72.

Рахматуллин, Сташкевич, 1970 – Рахматуллин Э.С., Сташкевич И.Е. Источники пополнения технической интеллигенции Татарии на завершающем этапе социалистического строительства (1938–1959) // Труды КАИ. – Вып. 100. – 1970. – С.55–64.

Религия и общество, 1998 – Религия и общество: Справочник / Отв. ред. Р.А. Набиев. – Казань: Б.и., 1998. – 146 с.

Роблес, 2004 – Роблес А.Х. Доклад Комиссара по правам человека о его визите в Российскую Федерацию с 15 по 30 июля 2004 года, с 19 по 29 сентября 2004 г. Комитету Министров и Парламентской Ассамблее Совета Европы. Страсбург, 20 апреля 2005 г. [электронный ресурс]. www.hri.ru/docs/?content=doc&id=305. Дата обращения: 27.12.2012.

Рогозина, 1973 – Рогозина Е.Н. Новые гражданские обряды. – Л-д.: «Лениздат», 1973. – 73 с.

Розенберг, 2001 – Розенберг Н.А. Прорубить окно в Азию. – СПб., 2001. – 194 с.

Рой, 1998 – Рой Я. Ислам в Советском Союзе после Второй мировой войны // Ислам и этническая мобилизация: национальные движения в тюркском мире: Сб. ст. – М., 1998. – С. 129–141.

Романько, 2004 – Романько О.В. Мусульманские легионы во второй мировой войне. – М.: АСТ, 2004. – 320 с.

Росницкий, 1925 – Росницкий Н. Полгода в деревне. Издание комиссии по работе в деревне РКП (б) (основные итоги обследования 28 волостей и 32730 крестьянских хозяйств в Пензенской губернии). – Пенза, 1925.

Россия в XX веке, 2002 – Россия в XX веке. Реформы и революции. В 2-х тт. – М.: Наука, 2002. Т.1. – 675 с.

Рубинштейн, 1930 – Рубинштейн Л. В борьбе за ленинскую национальную политику. – Казань, 1930.

Рустямова, 1957 – Рустямова А. К вопросу о женском образовании среди казанских татар (с конца XIX века до 1917 года) // Ученые записки КГПИ. – Вып. XIII. – Казань, 1957. – С.403–422.

- РФ сегодня, 2000* - Укрепил ли Федерацию договор с Татарстаном? // Российская Федерация сегодня. — 2000. — № 6.
- Рыбаков, 1900* – Рыбаков С. Ислам и просвещение инородцев в Уфимской губернии. – СПб., 1900.
- Рыбаков, 1917* – Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман России. – Пг., 1917. – 55 с.
- Рыбкин, Дубнов, 2003* - Рыбкин И., Дубнов В. Мы живем в режиме спецоперации... // Новое время. - 2003. - № 5. - 2 февраля.
- Рыжова, 2011* - Рыжова С.В. Этническая идентичность в контексте толерантности. - М.: Альфа, 2011. - 280 с.
- Саади, 1928* – Саади А. Галимзян Ибрагимов и его литературное творчество. – Казань, 1928.
- Сабиров, 2006* – Сабиров М. Три поры: воспоминания, выступления, интервью. – Казань: Идел-Пресс, 2006.
- Сабиров, ред., 2008* – Строители нефтяного края / Гл. ред. М.Г. Сабиров. – Казань: Слово, 2008.
- Сагадеев, 1990* – Сагадеев А.В. Мирсаит Султан-Галиев и идеология национально-освободительного движения. – М., 1990. – 141 с.
- Сагди, 1926* – Сагди Г. История татарской литературы. – Казань, 1926.
- Сагидуллин, 1927* – Сагидуллин М.С. Татарские трудящиеся на путях Великого Октября. – Казань, 1927.
- Сагитова, 1998* - Сагитова Л.В. Этничность в современном Татарстане. - Казань: Татполиграф, 1998. -184 с.
- Сагитова, 2009* - Сагитова Л.В. Региональные и локальные аспекты ислама в Поволжье: социальные основания различий // Конфессиональный фактор в развитии татар: концептуальные исследования. - Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 125–162.
- Садыков, 2001* – Садыков Ф. «Не обрывать корни». – Казань, 2001.
- Сажин, Налимов, 1960* – Сажин К.А., Налимов А.М. Татария – республика высокоразвитой промышленности // Труды Казанского химико-технологического университета им. С.М.Кирова. – Казань, 1960. – С. 108-126
- Сайдашева, 1995* – Сайдашева З. В мире татарской музыки = Татар музыкасы доньясында: Сб.ст. – Казань: б.и., 1995. – 220 с.
- Сакаев, 2008* – Сакаев В.Т. Городское население Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны: историко-демографические процессы: дис. ... канд. ист. наук / В.Т.Сакаев. – Казань, 2008. – 234 с.
- Салехов, 1948* – Салехов Г.С. О научно-исследовательской деятельности сектора математики физико-технического института КФАН СССР // Успехи математических наук. – 1948. – Вып. 4. – С. 169-172.
- Салехова, 1993* - Салехова Н.Х, Максимова А.К., Харисова Ч.М. Интенсивное обучение татарскому языку. – Казань: Магариф, 1993 - 128 с.
- Салитова, 1983* – Салитова Ф.Ш. Роль творчества С.Сайдашева в развитии интернациональных черт татарской музыки // Взаимовлияние и взаимообогащение культур народов СССР. – Казань: АН СССР, 1983. – С.266-271.
- Салитова, 1983* – Салитова Ф.Ш. Роль творчества С.Сайдашева в развитии интернациональных черт татарской музыки // Взаимовлияние и взаимообогащение культур народов СССР. – Казань, 1983. – С.266-271.
- Салихов, ред., 2000* – Под покровительством Меркурия. Внешнеэкономическая деятельность Республики Татарстан / под ред. Х.М. Салихова. – Казань: ИД «Георгий», 2000. – С. 240.
- Салихов и др., 2004* – Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р. Слобода Новотатарская // Ислам на Европейском Востоке: Энциклопедический словарь. – Казань: Магариф, 2004. – С. 294–295.
- Салихов, 1998* – Салихов Р.Р. Общественно-реформаторская деятельность татарской буржуазии города Казани во второй половине 19 – начале 20 вв. – дисс. ... к.и.н. – Казань, 1998. – 192 с.
- Салихов, 2000* – Салихов Р.Р. Татарская буржуазия Казани и национальные реформы конца XIX – начала XX в. – Казань, 2000.
- Салихов, 2002* – Салихов Р.Р. Татарские слободы Казани. Очерки истории / Р.Р. Салихов, Р.Р. Хайрутдинов. – Казань, 2002. – 170 с.
- Салихов, 2004* – Салихов Р.Р. Участие татарского предпринимательства России в общественно-политических процессах второй половины XIX – начала XX вв. – Казань: Фэн, 2004. – 260 с.
- Сафаргалиев, 1951*– Сафаргалиев М. Один из спорных вопросов истории Татарии // Вопросы истории. – 1951. – № 7. – С. 74–80.
- Сафаров, 2011* – Сафаров Асгат. Никого живыми брать не будем. Глава МВД по РТ объяснил одну из причин целой серии загадочных отставок начальников райотделов милиции. 19.01.2011. [электронный ресурс]. <http://www.business-gazeta.ru/article/34659/14/>. Дата обращения: 27.12.12.
- Сафиуллин, 2010* – Сафиуллин Ф.Ш. Дурь в законе. [электронный ресурс]. http://www.fandasafullin.ru/?topic_id=3&id=180. Дата обращения: 24.11.2010.
- Сафиуллина, 2001* – Сафиуллина Р.Р. Книгопечатание на арабском языке у татар // Эхо веков = Гасырлар авазы. – 2001. – № 1/2.
- Сафиуллина, 2010* - Теория и практика реализации татарского языка как государственного: история и современность: отчет о НИР (заключит.) / М-во образования Рос. Федерации, КГУ; науч. рук. темы Ф.С. Сафиуллина. — Казань, 2000. - 77 л.
- Свердлова, 1994а* – Свердлова Л.М. Апанаевы // Идель. - 1994. - №3-4. - С.52-55.
- Свердлова, 1994б* – Свердлова Л.М. Аппаковлар // Идел. - 1994. - №5. - 46-47 б.
- Свердлова, 1993а* – Свердлова Л.М. Замановы - Аитовы // Идель. - 1993. - №6. - С. 52-54.
- Свердлова, 1993б* – Свердлова Л.М. Купеческая династия Юнусовых // Идель. - 1993. - №1. - С. 42-44.

- Свердлова, 1991* – Свердлова Л.М. На перекрестках торговых путей. - Казань, 1991.
- Сверкалов, 1989* – Край Симбирский / Ред. В.Н. Сверкалов. – Саратов, 1989. – 253 с.
- Сеид–Заде, 1991* – Сеид–Заде Д. Азербайджанские депутаты в Государственной думе. – Баку, 1991. – 123 с.
- Семёнов, 2001* – Семёнов В.Г. Татары в Оренбургском казачьем войске // Евразийское ожерелье: Альманах. – Оренбург, 2001. – Вып.1. – С. 166–189.
- Семенихина, 1987* – Семенихина И.Н. Советская историография культурной революции в Среднем Поволжье: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1987.
- Семеркин, 2010* – Семеркин С.В. Из мирового кризиса будем выходить сообща // Республика Татарстан. – 2010. – № 128. – 26 июня.
- Сенюткин, 2005* – Сенюткин С.Б. Основные тенденции развития татарских общин Нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX в.: дис. ... д-ра ист. наук. – Нижний Новгород, 2002.
- Сенюткина, 2005* – Сенюткина О.Н. Первый съезд мусульман России (к 100–летию проведения). – Н.Новгород, 2005. – 71 с.
- Сенюткина, 2006* – Сенюткина О.Н. Третий съезд мусульман России (к 100–летию проведения). – Н.Новгород, 2006. – 52 с.
- Сенюткина, 2007* – Сенюткина О.Н. Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905–1916 гг.). — Н.Новгород, 2007. – 576 с.
- Сенявский, Тельнуховский, 1971* – Сенявский С.Л., Тельнуховский В.Б. Рабочий класс СССР (1938 – 1965 гг.). – М.: Мысль, 1971. – 534 с.
- Серебрянников, 1997* – Серебрянников В.В. Социология войны. – М.: Научный мир, 1997. – 398 с.
- Середа, 1950* – Середа А.Ф. Борьба трудящихся Татарии за выполнение послевоенной сталинской пятилетки (на правах рукописи). – Казань, 1950.
- Сибирские татары, 2002* – Сибирские татары. – Казань: Институт истории АН РТ, 2002. – 240 с.
- Сивогринов, 1929* – Сивогринов А. Кризисный район Поволжья // Пути сельского хозяйства. – 1929. – №3.
- Сидорова, 2008* – Сидорова И.Б. Традиции казанского Общества археологии, истории и этнографии // Известия Общества истории, археологии и этнографии при Казанском государственном университете. – Вып. I. – Казань, 2008.
- Симонов, 1992* – Симонов Н.С. Демократическая альтернатива тоталитарному НЭПу // [электронный ресурс] <http://www.fedy-diary.ru>. Дата обращения: 22.12.2012.
- Синицын, 1975* – Синицын А.М. Всенародная помощь фронту. – М., 1975.
- Синицын, 1985* – Синицын А.М. Всенародная помощь фронту: О патриотических движениях советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / А.М. Синицын. 2-е изд. – М.: Воениздат, 1985. – 319 с.
- Синицына, 2002* – Синицына К.Р. Полвека мурзев Казани и Татарии. Очерки истории 1917–1967. – Казань: Kazan-Казань, 2002. – 278 с.
- Сиринов, 1923* – Сиринов М.А. Очерки по аграрной статистике. – М.–Пг., 1923. – 571 с.
- Ситнов, 1923* – Ситнов В. К электрификации Татареспублики. (Конспективный очерк) // Труд и хозяйство. – 1923.
- Сказ о казанских меховщиках, 1974* – Сказ о казанских меховщиках / Ю.С. Комиссаренко и др. – Казань: Татар. книжн. изд-во, 1974. – 295 с.
- Смирнов, 1998а* – Смирнов Ю.П. Индустрия автономных республик Поволжья в середине 50-х – начале 80-х годов: достижения и нереализованные возможности: дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1998.
- Смирнов, 1998б* – Смирнов А.Ф. Государственная Дума Российской Империи, 1906–1917: историко–правовой очерк. – М., 1998. – 624 с.
- Смыков, 1965* – Смыков Ю.И. Общественное разделение труда среди населения Казанской губернии в конце XIX века (по материалам Первой всеобщей переписи населения России 1897 года) // Из истории Татарии / Сборник научных работ Госмузея Татарской АССР. В.2.– Казань, 1965.
- Смыков, 1973* – Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в борьбе за землю и волю. 60–90-е годы XIX века. – Казань, 1973. – 270 с.
- Смыков, 1958* – Смыков Ю.И. Молодежь Татарии в борьбе за власть Советов. – Казань, 1958.
- Советский, 1974* – Советский тыл в Великой Отечественной войне / под общ. ред. П.Н. Поспелова. Кн. 1: Общие проблемы. – М.: Мысль, 1974. – 300 с.; Кн. 2: Трудовой подвиг народа. – М.: Мысль, 1974. – С. 367.
- Советский тыл, 1986* – Советский тыл в годы Великой Отечественной войны: Пособие по истории СССР для студентов вузов. – М.: Высшая школа, 1986. – 190 с.
- Советское крестьянство, 1970* – Советское крестьянство. Краткий очерк истории (1917–1969) / под ред. В.П. Данилова. – М.: Политиздат, 1970 – 510с.
- Советское строительство в Татареспублике, 1922* – Советское строительство в Татареспублике за год (1920–1921). - Казань, 1922.
- Современные этнокультурные процессы, 2000* – Современные этнокультурные процессы в молодежной среде Татарстана: язык, религия, этничность. - Казань: РИЦ «Школа», 2000. - С.54-55
- Соколов, 2002* – Соколов А.К. Об изучении социальных преобразований Советской власти (1917–1930-е годы) // Россия в XX веке. Реформы и революции. В 2-х тт. – М.: Наука, 2002. Т.1.
- Соколов, 1957* – Соколов Н.В. Школы казанских хирургов и их значение для развития отечественной хирургии // Казанский медицинский журнал. – 1957. – № 2/3. – С. 118–121.
- Соколовский, 2002* – Соколовский С.В. «Татарская проблема» во всероссийской переписи населения // Ab imperio. - 2002. - № 4. С. 207–237
- Сотонин, 1922* – Сотонин К. Научная жизнь за 1918/19 уч. год // Научные известия. Сб. второй. М., 1922.
- Софонов, 2007* – Софонов А.А. Свобода совети и модернизация вероисповедного законодатель-

ства Российской империи в начале XX в. – Тамбов, 2007. – 367 с.

Социальное и экономическое развитие, 1989 – Социальное и экономическое развитие столиц автономных республик, краевых и областных центров РСФСР в 1989 г. – М.: Респ. информ.-издат. Центр, 1989.

Социальное развитие и уровень жизни, 1990 – Социальное развитие и уровень жизни населения РСФСР в 1989 г. В 2. – М.: Респ. инф.-издат. Центр, 1990.

Социальное развитие села, 1990 – Социальное развитие села в РСФСР. – М.: Респ. информ.-издатель центр, 1990.

Сперанский, 1914 – Сперанский А. Казанские татары. – Казань, 1914. – 30 с.

СССР, 1982 – СССР. Энциклопедический справочник / гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: «Советская энциклопедия», 1982. – 606 с.

Стариков, 1967 – Стариков В.Н. Татарская АССР: Краеведческое пособие. – Казань: Изд-во КГУ, 1967.

Стариков, 1891 – Стариков Ф. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. – Оренбург, 1891. – 352 с.

Старовойтова, 1976 – Старовойтова Г.В. К исследованию этнопсихологии городских жителей (по материалам опроса населения трех городов ТАССР) // Советская этнография. – 1976. – №3. – С. 45-56.

Степанов А.Ф. Расстрел по лимиту: хроника политических репрессий в ТАССР в годы «ежовщины» // Казань: «Чара», 1996. – 64 с.

Столярова, 2008 – Столярова Г.Р. Этнополитические процессы в современном Татарстане // Этнорегиональные модели адаптации (постсоветские практики). – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2008. – 444 с.

Сулима, 1996 – Сулима Л.О. Борьба с национал-уклонизмом в Татарстане в 1920-30-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1996.

Султанбеков и др., 2006 – Султанбеков Б.Ф., Иванов А.А., Галлямова А.Г. История Татарстана (XX - начало XXI века): учеб. издание для 9 кл. средних общеобразоват. учебных заведений (на татарском языке). — Казань: «Хәтер», 2006. – 318 с.

Султанбеков, 1991 – Султанбеков Б.Ф. Первая жертва генсека. Мирсаид Султан-Галиев: Судьба, люди, время. – Казань, 1991. – 206 с.

Султанбеков, 1994. – *Султанбеков Б.Ф.* Страницы секретных архивов. – Казань: Таг. кн. изд-во, 1994. – 253 с.

Султанбеков, 1995 – Султанбеков Б.Ф. История Татарстана: Сталин и «татарский след». – Казань, 1995. – 252 с.

Султанбеков, 2003 – Султанбеков Б.Ф. Татарстан. XX век. Личности. События. Документы. – Казань: ТаРИХ, 2003.

Султанбеков, 2006 – Султанбеков Б.Ф. Архивы и судьбы: статьи, очерки, рецензии. – Казань: Га-сыр, 2006. – 192 с.

Султанбеков, Малышева, 1996 – Султанбеков Б.Ф., Малышева С.Ю. Трагические судьбы: научно-

популярные очерки. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1996. – 285 с.

Султан-Галиев, 1921а – Султан-Галиев М.Х. Очерки антирелигиозной пропаганды среди мусульман. – М., 1921.

Султан-Галиев, 1921б – Султан-Галиев М.Х. Татары и Октябрьская революция // Жизнь национальностей. – 1921. – № 24(122).

Султанова, 2000 – Султанова Р.Р. Искусство новых городов Татарстана. – Казань, 2000. – 194 с.

Суркин, 1957 – Суркин Р.Г. О работах казанских ученых по теории пологих оболочек // Известия Казанского филиала Академии наук СССР. Юбилейный сборник. – Казань, 1957. – С.27-29.

Сухарев, 1904 – Сухарев А.А. Казанские татары (уезд Казанский). Опыт этнографического и медико-антропологического исследования. – Спб., 1904.

Сухарева, 1960 – Сухарева О.А. Ислам в Узбекистане. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1960. – 86 с.

Сухарева, 1976 – Сухарева О.А. Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов). – М.: Наука, 1976. – 365 с.

Табеев, 1976 – Табеев Ф.А. На новых рубежах. О развитии экономики Татарии в девятой пятилетке. – Казань: Таткнигоиздат, 1976. – 271 с.

Тагиров, 1973 – Тагиров. Э.Р. Деятельность партийных организаций Татарии по усилению руководства комсомолом республики. (1946 –1958 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1973. – 204 с.

Тагиров, 1977а – Тагиров И.Р. В борьбе за власть Советов (октябрь и национально-освободительное движение в Поволжье и на Урале). – Казань, 1977. – 182 с.

Тагиров, 1977б – Тагиров И.Р. Революционная борьба и национально-освободительное движение в Поволжье и на Урале (февраль – июнь 1917 г.). – Казань, 1977. – 216 с.

Тагиров, 1987 – Тагиров И.Р. Дорогой свободы и братства. – Казань, 1987. – 295 с.

Тагиров, 1992 – Тагиров И.Р. Гарантии сохранения и развития нации, или чем должен заниматься исполком Всемирного конгресса татар // Советская Татария. – 1992. – 26 ноября.

Тагиров, 1995 – Тагиров И.Р., Валеев Р.К. Общественно-политическая жизнь в первой четверти XX века // Материалы по истории татарского народа. – Казань, 1995. – С. 388-423.

Тагиров, 1997а – Тагиров И.Р. Чувство семьи (о работе Всемирного конгресса татар) // Республика Татарстан. – 1997. – 26 августа.

Тагиров, 1997б – Тагиров И.Р. Это было лишь началом (о работе Всемирного конгресса татар) // Татарские края. – 1997. – №35. – С. 1–2.

Тагиров, 1997в – Тагиров И.Р. Предисловие к кн: Гайнетдинов, Рустэм Бадретдинович. Тюркотатарская политическая эмиграция: начало 20 века-30-е годы: Истор. очерк. - Набережные Челны: Кам. издат.дом, 1997. - 159с.

Тагиров, 1999а – Тагиров И.Р. О совместной работе государственных органов и татарских общественных объединений по реализации национально-

культурных запросов татарского населения // Татарские края. – 1999. – №22/23;

Тагиров, 1999б – Тагиров И.Р. Очерки истории Татарстана и татарского народа (XX век). – Казань: Татар. кн. изд-во, 1999. – 468 с.

Тагиров, 2000 – Тагиров И.Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана. – Казань, 2000. – 327 с.

Тагиров, 2005 – Тагиров И.Р. История государственности Татарстана. XX век. – Казань: Гасыр, 2005. – 383 с.

Тагиров, 2008а – Тагиров И.Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана. – 2-е изд. – Казань, Тат. книжн. изд-во, 2008. – 454 с.

Тагиров, 2008б – Тагиров И.Р. Милләт Меджлиси // Татарская энциклопедия, 2008. – Т. 4. – С. 162–163.

Таиров, 2002 – Таиров Н.И. Акчурины. – Казань, 2002. – 160 с.

Таиров, 2004 – Таиров Н.И. Нижегородская ярмарка и татары // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2004. – № 2. – С. 260–264.

Тарасов, 1950 – Тарасов А.А. Большевики Татарии в борьбе за победу установление Советской власти (март 1917 – январь 1919): дис. ... канд. ист. наук. – М., 1950.

Тарасов, 1956 – Тарасов А.А. Казанские большевики в период подготовки и проведения Октябрьской революции. – Казань, 1956.

Тарханов 1930 – Тарханов О. Десятилетие Советского Татарстана (1920-1930). – Казань, Татиздат, 1930. – 65 с.

Татария на пути к коммунизму, 1965 – Татария на пути к коммунизму. – Казань: Татар. кн. Изд-во, 1965.

Татарский интернет, 2010 – Татарский интернет: история, проблемы, тенденции развития: [Электронный ресурс]. <http://tatclub.net/2010/06/tatarskij-internet-istoriya-problemy-tendencii-razvitiya/>. Дата обращения: 24.11.2010.

Татарстан в ВОВ, 2000 – Татарстан в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / авторы-сост. А.А. Иванов, Ф.С. Хабибуллина. – Казань: ред. «Книга Памяти» при КМ РТ, 2000. – 399 с.

Татарстан в ВОВ, 2009 – Татарстан в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: к 65-летию Победы / авторы-сост. А.А. Иванов, Ф.С. Хабибуллина. – Казань: ред. «Книга Памяти» при КМ РТ, 2009. – 447 с.

Терегулов, 1926 – Терегулов И. Очерки революции и общественного движения мусульман России, 1926. – 394 с. ОРРК НБЛ КГУ. 3881.

Терентьева, 1993 – Терентьева И.В. О состоянии и перспективах развития этнокультурной и религиозной ситуации в Республике Татарстан // Межэтнические и межконфессиональные отношения в Республике Татарстан. Ч.1: Материалы науч.-практ. конф., состоявшейся 9 июня 1993 в г. Казани. – Казань: [Б.и.], 1993. – 145с.

Тиунова, 1958 – Тиунова К.П. Коммунистическая партия – организатор массового социалистического соревнования в промышленности в 1929 г.

(По материалам Татарской АССР): дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1958.

Тихонов, 2007 – Тихонов А.К. Политика Российской империи по отношению к католикам, мусульманам, иудеям в последней четверти XVIII – начале XX век: дисс. ... д-ра ист. наук. – СПб., 2007. – 495 с.

Тишков, 2003 – Тишков В.А. Как обновить концепцию национальной политики? // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2003. – № 48. – [Электронный ресурс]. <http://www.iea.ras.ru/topic/law/publ/tishkov2003.html>. Дата обращения: 12.04.2007.

Тишков, 2003б – Тишков В.А. Реквием по этносу: Исслед. по социал.-культур. антропологии. – М.: Наука, 2003. – 542.

Тишков, 2007 – Тишков В.А. Этничность и право в современной России: [Электронный ресурс]. <http://www.eawarn.ru/bin/view/Law/WebHome>. Дата обращения: 04.05.2007.

Тишков, 2009 – Тишков В.А. Прощание с Миннацем: мнение бывшего председателя Госкомнаца России.- [Электронный ресурс]. <http://www.russ.ru/politics/20011115-tish.html>. Дата обращения: 24.08.2009.

Тишков, 2010а – Тишков В.А. Не надо искусственно конструировать демографический кризис. [электронный ресурс] http://www.dmo.econ.msu.ru/demografia/Rus_census2002/History/Tishkov/Tishkov.htm. Дата обращения: 20.10. 2010.

Тишков, 2010б – Тишков В.А. Переписи населения и конструирование идентичностей.- [Электронный ресурс]. http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/kollektivn/na_puti_k_/perepisi_n.html. Дата обращения 12.11.2010.

Тлевский, 1925 – Тлевский А. Аренда предприятий Татсовнархоза //Труд и хозяйство. – 1925. – № 7. – С.41-43.

Токарев, 1963 – Токарев В.Б. Партийные организации во главе перестройки и совершенствования управления промышленностью и строительством в 1956–1961 гг. – Казань: Изд-во КГУ, 1963.

Толстой, 1996 – Толстой Н.Д. Жертвы Ялты. – М.: Русский путь, 1996. – 562 с.

Торвей, 1993 – Торвей Р. Индексы потребительских цен. – М., 1993. – 248 с.

Труд, 1930 – Труд в СССР. 1926-1930. – М., 1930. – 104 с.

Туишев, 1950 – Туишев Ю.А. Развитие народного образования в Татарской АССР (К 30-летию Татарской АССР). – Казань, 1950.

Тукай, 1961 – Тукай Г. Избранное в 2-х т. – Казань, 1961. – Т. 2. – 292 с.

Тулумбайский, 1926 – Тулумбайский Г. На литературном фронте. – Казань, 1926

ТЭ, 2002 – Татарская энциклопедия: в 5 т. / под ред. М. Х. Хасанова. –Казань: Институт татарской энциклопедии, 2002. –Т.1: А - В. – 671 с.

ТЭ, 2005 – Татарская энциклопедия: в 5 т. / под ред. М. Х. Хасанова. – Казань: Институт татарской энциклопедии, 2005. –Т.2: Г - Й. – 655 с.

ТЭС, 1998 – Татарский энциклопедический словарь. – Казань: Ин-т Татар. энциклопедии АН РТ, 1998. – 703 с.

ТЭС, 1999 – Татарский энциклопедический словарь / под ред. М.Х. Хасанова. – Казань: Институт татарской энциклопедии АН РТ, 1999. – 690 с.

Уразманова, 1984 – Уразманова Р.К. Современные обряды татарского народа: (историко-этнографическое исследование). – Казань: Татар. изд-во, 1984. – 143 с.

Уразманова, 2010 – Уразманова Р.К. Симбиоз этнического и конфессионального в современной праздничной культуре татар // Этнографическое обозрение. – 2010. – №2. – С. 69–83.

Урманче, 1985 – Урманче Б.И. Становление и развитие изобразительного искусства и архитектуры Татарстана // Искусство Татарстана: пути становления : Сб. ст. / АН СССР. Казан. фил. – Казань, 1985. – С. 69–78.

Усманов, 1981 – Усманов Х.Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. 60–90-е годы XIX в. – М., 1981. – 370 с.

Усманов, 1999 – Усманов М. История – это не просто наука // Идель. – 1999. – № 4. – С. 26 – 33.

Усманова, 1994 – Усманова Д.М. Вопросы национально-государственного самоопределения на страницах татарской периодической печати (1917–апрель 1918 гг.): дисс... к.и.н. – Казань, 1994. – 274 с.

Усманова, 1995 – Усманова Д.М. Прерванный путь // Татарстан. – 1995. – № 1/2.

Усманова, 1997 – Усманова Д.М. Февраль 17-го в телеграммах от мусульманского населения // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1997. – № ½. – С. 164–170.

Усманова, 1999 – Усманова Д.М. Мусульманская фракция и проблемы “свободы совести” в Государственной Думе России (1906–1917). – Казань, 1999. – 164 с.

Усманова, 2004 – Усманова Л. Доклад, прочитанный на Всемирном Форуме татарской молодежи 28 июня 2004 г. (Казань). – [электронный ресурс] http://tatarica.narod.ru/world/diaspor/diaspnet_280604.htm. Дата обращения: 01.02.2012.

Усманова, 2005 – Усманова Д.М. Мусульманские представители в Российском парламенте. 1906–1916. – Казань, 2005. – 583 с.

Усманова, 2006 – Усманова Д.М. Депутаты от Казанской губернии в Государственной думе России: 1906–1917. – Казань, 2006. – 496 с.

Усманова, 2009а – Усманова Д.М. Всероссийский мусульманский народный союз „Сират аль-Мустахим“ // Ислам в Санкт-Петербурге: энциклопедический словарь. – М., 2009. – С. 56–57.

Усманова, 2009б – Усманова Д.М. Мусульманское “сектантство” в Российской империи: “Ваисовский Божий полк староверов–мусульман”. 1862–1916 гг. – Казань, 2009. – 568 с.

Усманова, 2009в – Усманова Д.М. Из опыта издания специализированного юридического журнала в Казани: «Хокук ва хаят» / Д.М. Усманова, Н.В. Гильмутдинов // Научный Татарстан. – 2009. – № 1. Гуманитарные науки. Тюркология. – С. 100–105.

Усманова, 2010 – Усманова Д.М. „Иттифак аль–муслимин“ // Российский либерализм середи-

ны XVIII – начала XX века: энциклопедия. – М., 2010. – С. 376–378.

Усманова, 1954 – Усманова Р.Ф. Основные этапы развития татарского советского театра (1917–1929 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – М., 1954.

Устюжанин, 1957 – Устюжанин Е.И. Завершение коллективизации сельского хозяйства и борьба за укрепление колхозов в Татарии (1933–1937 гг.) // Ученые записки / Казанский педагогический институт. Вып. 12. – Казань, 1957. – С. 209–251.

Устюжанин, 1959 – Устюжанин Е.И. Колхозное строительство в Татарии в начальный период индустриализации (1926–1928). – Казань, 1959.

Устюжанин, 1956 – Устюжанин Е.И. Колхозы Татарии в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1921–1925 гг.) // Ученые записки / Казанский педагогический институт. Вып. 11. Ч. 1. – Казань, 1956. – С. 55–92.

Устюжанин, 1954 – Устюжанин Е.И. Первые коллективные хозяйства в Татарии (1918–1920 гг.) // Ученые записки / Казанский педагогический институт. Т. 114. Кн. 5. – Казань, 1954. – С. 65–102.

Уханов, 1932 – Уханов А.С. Социалистическое наступление и религия. – Казань, 1932. – 76 с.

Фазульзянов, 2005 – Фазульзянов А. Х. Животноводство // Татарская энциклопедия. – Казань, 2005. – Т. 2. – С. 380.

Фазульзянов, 2006 – Фазульзянов А.Х. Коневодство / А. Х. Фазульзянов, Х. А. Абдулкаюмов, Т. П. Жучкова // Татарская энциклопедия. – Казань, 2006. – Т. 3. – С. 387.

Файзрахманов, 1981 – Файзрахманов Г.Л. Развитие сельского хозяйства Татарской АССР в годы восьмой пятилетки (1966–1970). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. – Казань, 1981. – 18 с.

Файзрахманов, 2002 – Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). – Казань, 2002. – 486 с.

Фарушкин, 1994 – Фарушкин М.Х. Политическая элита в Татарстане: вызовы времени и трудности адаптации // Полсе. – 1994. – № 6. – С. 67–79.

Фарушкин, 2009 – Фарушкин М.Х. Субъекты федераций: сравнительное исследование. – Казань: Центр инновационных технологий, 2009. – 477 с.

Фархиаатов, 1999 – Фархшатов М. Мусульманское духовенство // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып. 2. – М., 1999. – С. 67–72.

Фасеев, 1971 – Фасеев К.Ф. На путях пролетарского интернационализма. – Казань, 1971. – 391 с.

Фасхутдинов, 2007 – Фасхутдинов К.Ф. Нефтеяная промышленность Республики Татарстан: основные направления развития и современное состояние // История и регионология: грани пересечения: сб. науч. ст. – Казань, 2007. – С. 24–34.

Фахрутдинов, 1998 – Фахрутдинов Р.Р. Татарский либерализм в конце XIX – начале XX века (черки политической истории). – Казань, 1998. – 127 с.

Фахрутдинов, 2004 – Фахрутдинов Р.Р. Сират аль–Мустахим // Ислам на европейском Востоке: Энциклопедический словарь. – Казань, 2004.

Федеральная целевая программа, 2007 – Русский язык (2006 – 2010 годы): концепция фе-

деральной целевой программы. [Электронный ресурс]. http://www.allbusiness.ru/BPravo/DocumShow_DocumID_103719.html Дата обращения: 23.03.2007.

Федорова, 1990 – Федорова Н.А. Сельское население Среднего Поволжья накануне коллективизации (опыт социально-демографического изучения). – Казань: изд-во Казанского ун-та, 1990. – 134 с.

Филиппов, 2001 – Филиппов Д.Ю. Купечество города Касимова в конце XVIII – начале в.ХХ.: дисс. ... к.и.н. – Рязань, 2001. – 257 с.

Филиппова, Филиппов, 2006 - Филиппова Е., Филиппов В. Государство и общество перед лицом социального кризиса (две парадигмы: российская и французская). [электронный ресурс]. http://www.eawarn.ru/pub/AnnualReport/AnnualReportWeb-Home2005/Anrep2005_Social_Crisis/ Дата обращения: 24.04.2006.

Фирсов, 1869 - Фирсов Н.А. Иностранческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация закамских земель в это время. — Казань: Унив. тип., 1869. - 445 с.

Фирсов, 1922а – Фирсов Н.Н. Крестьянская революция 1917 г. (до Октября) и Временное правительство. Очерк по архивным материалам // Пути революции. – 1922. – № 1.

Фирсов, 1922б – Фирсов Н.Н. Университет и народ // Известия ТЦИК. – 1922. – 3 июня.

Фомин, 1997 – Фомин А.А. Деятельность профсоюзов Республики Татарстан в условиях перехода к рыночной экономике (1985–1995 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1997.

Фролова, 2001 – Фролова Л. Помнить о прошлом, думать о настоящем, работать для будущего: Казанскому моторостроителю – 70 лет. – Казань: Идел-Пресс, 2001.

Фурман, Каариайнен, 2000 - Фурман Д., Каариайнен К. Старые церкви, новые верующие. Религия в массовом сознании в постсоветской России. – М.; СПб.: Летний сад, 2000. – 248 с.

Хабутдинов, 1997 – Хабутдинов А. Ю. Татарское общественно-политическое движение в досоветский период: 1900–1918: Учебное пособие. – Казань, 1997. – Ч. 1. – 64 с.

Хабутдинов, 1997 – Хабутдинов А.Ю. Татарское общественно-политическое движение в досоветский период: 1900–1918: Учебное пособие. – Казань, 1997. – Ч. 2. – 64 с.

Хабутдинов, 1999 – Хабутдинов А. Садри Максуди о механизмах власти в татарском обществе // Садри Максуди: Наследие и современность: Материалы международной научной конференции. – Казань, 1999. – С. 90–91.

Хабутдинов, 2000а – Хабутдинов А. Милли Идарэ как первое татарское правительство // Актуальные проблемы истории государственности татарского народа: Материалы республиканской научной конференции. – Казань, 2000. – С. 103–111.

Хабутдинов, 2000б – Хабутдинов А. Муса Биги как общественный деятель // Муса Биги: Мирас һәм хезерге заман. – Казань, 2000. – С. 114–120

Хабутдинов, 2000в – Хабутдинов А.Ю. Миллет Оренбургского духовного собрания в конце XVIII–XIX веках. – Казань, 2000.

Хабутдинов, 2001а – Хабутдинов А. Проект «Идель–Урал»: История и современность // Конфликт – Диалог – Сотрудничество. – 2001. – Бюллетень № 8. – С. 50–59.

Хабутдинов, 2001б – Хабутдинов А. Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII – начале XX веков. – Казань, 2001. – 383 с.

Хабутдинов, 2004 – Хабутдинов А.Ю. Лидеры нации. – Казань, 2004.

Хабутдинов, 2005 – Хабутдинов А.Ю. Всероссийские мусульманские съезды 1905–1906 гг. / А.Ю. Хабутдинов, Мухетдинов Д.В. – Н.Новгород, 2005. – 451 с.

Хабутдинов, 2008 – Хабутдинов А.Ю. От общины к нации: татары на пути от средневековья к новому времени (конец XVIII – начало XX вв.). – Казань, 2008. – 214 с.

Хабутдинов, 2009 – Хабутдинов А. // Ислам в Санкт-Петербурге Энциклопедический словарь / А.Ю. Хабутдинов, А.Т. Цаликов. – М.–Н.Новгород, 2009.

Хайретдинов, 2001 – Хайретдинов Д.З. Мусульманская община Москвы в XIV – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2001.

Хайри, 1954 – Хайри Х. Пьесы, рассказы и статьи Х.Такташа // Советская Татария. – 1954. – 25 мая.

Хайруллов, 1997 – Хайруллов Д.С. Государственное регулирование процессов социально-экономической трансформации и развития Республики Татарстан. – Казань: ФЭН, 1997. – 236 с.

Хайрутдинов, 2003 – Хайрутдинов А.Г. Наследие Мусы Джаруллаха Бигиева. Сборник документов и материалов. – Вып. IV. – Казань, 2003.

Хайрутдинов, 1989 – Хайрутдинов С.К. Печать Татарии в годы Великой Отечественной войны 1994–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1989. – 226 с.

Хайрутдинов, 1996 – Хайрутдинов Р.Р., Салихов Р.Р. Из истории казанского купечества // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1996. – № 3–4. – С. 48–49.

Хакимов, 1989 – Хакимов Ш.В. Деятельность партийной организации Татарии по руководству художественной культурой (1966–1985 гг.). ... Дис. ист. наук. – Казань, 1989. – 209 с.

Хакимов, 2002 – Хакимов Р.С. Кто ты татарин? Казань: Панорама-Форум, 2002. – 47 с.

Хакимов, 2005 – Хакимов Р.С. Метаморофозы духа (к вопросу о тюрко-татарской цивилизации). – Казань, 2005.

Хакимов, 2009 - Хакимов Р.С. Российский федерализм в условиях социально-политической трансформации. - Казань: Институт истории АН РТ, 2009. – 216 с.

Хакимова, 2004 – Хакимова Л.З. Формирование и эволюция общественно-политических и исторических взглядов Г.Ибрагимова: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2004.

- Хаков, 2006* – Хаков В.Х. Литературный язык // Татарская энциклопедия. – Казань, 2006. – Т. 3. – С. 621.
- Халиков, 1988* – Халиков А.Х. История Казани / А.Х. Халиков, Ю.И. Смыков, С.Х. Алишев. – Казань, 1988. – Кн. 1. – 349 с.
- Халит, 1990* – Халит Г. Многоликая лирика. – Казань, 1990. – 336 с.
- Хамидуллин, 1995* – Хамидуллин Ф.Г. Суверенитет Татарстана в социально-экономическом аспекте. – Казань, 1995.
- Ханин, 1966* – Ханин Л.И. Патриотический подвиг комсомольцев и молодежи Татарии в Великой Отечественной войне Советского Союза: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1966. – 290 с.
- Хаплекхамитов, 2008* – Хаплекхамитов Р.Б. Татарская творческая интеллигенция и власть (1944–1965 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2008. – 169 с.
- Хасанов, 1931* – Хасанов Х. Против буржуазного национализма в татарской исторической литературе // Революционный Восток. – М.Пб., 1931. – С. 193–214.
- Хасанов, 1965* – Хасанов Х.Х. Революция 1905–1907 гг. в Татарии. – М., 1965. – 341 с.
- Хасанов, 1928* – Хасанов М. Хлебозаготовки в Татарской Республике в 1927–1928 гг. // Труд и хозяйство. – 1928. – № 8–9.
- Хасанов, 1977* – Хасанов М.Х. Галимджан Ибрагимов. – Казань, 1977.
- Хасанов, 1977а* – Хасанов М.Х. Галимджан Ибрагимов. – Казань, 1977. – 432 с.
- Хасанов, 1977б* – Хасанов Х.Х. Формирование татарской буржуазной нации. – Казань: Татарское книжное издательство, 1977. – 327 с.
- Хасанов, 1987* – Хасанов М.Х. Писатель, ученый, революционер. Страницы из жизни и творчества Галимджана Ибрагимова. – М., 1987.
- Хафизов, 1958* – Хафизов Ш.Ш. Победа Великой Октябрьской социалистической революции и образование Татарской АССР. – Казань, 1958.
- Хафизов, 1960а* – Хафизов Ш.Ш. Образование Татарской АССР. – Казань, 1960. – 104 с.
- Хафизов, 1960б* – Хафизов Ш.Ш. Роль советской автономии в разрешении национального вопроса по территории Татарии в восстановительный период (1921–1926) // Ученые записки КГУ. – 1960. – Т.120. – Кн.5.
- Хисамутдинов, 1957* – Хисамутдинов Г.М. К вопросу о ликвидации фактического неравенства татарской нации // Известия Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. Вып. 2. – Казань, 1957. – С.27–40.
- Хоменко, 2011* – Хоменко В.В. Система международной межрегиональной экономической кооперации Республики Татарстан // Экономический вестник РТ. – 2011. – №2. – С. 23–36.
- Хоменко, 2006* – Хоменко В.В. Татарстан в системе межрегионального торгового-экономического сотрудничества: история, современное состояние и перспективы / В.В. Хоменко, М.З. Гибадуллин, Л.М. Свердлова // Экономический вестник РТ. – 2006. – №3. – С. 18–21.
- Хоменко, 2007* – Хоменко В.В. Экономика Татарстана: этнический разрез // Татарстан. – 2007. – №12. – С. 12–19.
- Хоменко, ред., 2011* – Российский регион в системе глобального кооперационного взаимодействия / В.В. Хоменко, М.З. Гибадуллин, Р.В. Кашбразиев и др.; научн. ред. В.В. Хоменко. – Казань: Фэн, 2011. – 188 с.
- Храмков, 1974* – Храмков Л.В. Советы Поволжья в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. – Саратов, 1974. – 482 с.
- Храмкова, 1987* – Храмкова Е.Л. Вклад трудящихся Поволжья в победу советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (советская историография, 1941–1986): дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1987. – 232 с.
- Худяков, 1920* – Худяков М.Г. К истории казанского зодчества // Казанский музейный вестник. – 1920. – № 5–6.
- Худякова, 1970* – Худякова Р.А. Коммунистическая партия – организатор всенародной борьбы за здоровье воинов Советской Армии в тылу в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1970. – 270 с.
- Хузин, 2005* – Хузин Ф. Ш., Пискарев В. И. История Татарстана с древнейших времен до конца XVI в. – Казань: «Хэтер», 2005.
- Хузин, 2006* – Хузин Ф.Ш., Пискарев В.И. История Татарстана: учеб. пособие для 6 кл. общеобразоват. шк. – Казань: «Хэтер», 2006.
- Цейтлин, 2006* – Цейтлин Р. С. Казанский военный округ // Татарская энциклопедия. – Казань, 2006. – Т. 3. – С. 80.
- Цирков, 1969* – Цирков А.В. Промышленность Поволжья в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – М., 1969. – 246 с.
- Циунчук, 1997* – Циунчук Р.А. Имперское и национальное в думской модели российского парламентаризма // Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов. – М., 1997. – С. 83–105.
- Циунчук, 2004* – Циунчук Р.А. Думская модель парламентаризма в Российской империи: этноконфессиональное и региональное измерения. – Казань, 2004. – 415 с.
- Циунчук, 2006а* – Циунчук Р.А. Мусульманская фракция // Государственная Дума России: Энциклопедия: в 2-х т. – Т. 1. Государственная дума Российской империи (1906–1917). – М., 2006.
- Циунчук, 2006б* – Циунчук Р.А. Союз автономистов // Государственная Дума России: Энциклопедия: в 2-х т. – Т. 1. Государственная дума Российской империи (1906–1917). – М., 2006. – С. 245–255.
- Циунчук, 2008* – Циунчук Р.А. Мусульманская фракция // Татарская энциклопедия. – Казань, 2008. – Т. 4. – С. 296–298.
- Цой, 1996* – Цой В. Живопись сплав души художника с реальностью (В.А.Анютин) // Татарстан. – 1996. – №1. – С. 84–87.

- Цой, 1995* – Цой В. Житие художника Акимова // Татарстан. 1995. – № 1-2. – С. 140-147.
- Цуканова, 2000* – Цуканова Л. Очищение рядов. Государственному механизму нужны надежные винтики // Новое время. – 2000. – 5 ноября [электронный ресурс]. http://www.newtimes.ru/artical.asp?n=2871&art_id=227. Дата обращения: 27.12.2012.
- Чадаев, 1965* – Чадаев Я.Е. Экономика СССР в период Великой Отечественной войны. 1941–1945. – М., 1965.
- Чадаев, 1985* – Чадаев Я.Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Мысль, 1985. – С. 494.
- Чеботарев, 1938* – Чеботарев Н.Г. Математическая жизнь в Казани // Успехи математических наук. – 1938. – вы. 4. – М.-Л. – С.297-299.
- Червоная, 1975* – Червоная С.М. Художники Советской Татарии (Биограф. справочник). – Казань: Тат. книж. изд-во, 1975. – 214 с.
- Червоная, 1987* – Червоная С.М. Искусство Татарии. – М., 1987. – 352 с.
- Червоная, 1988* – Червоная С.М. Насущные проблемы времени // Художник. – 1988. – № 11.
- Червоная, 1999* – Червоная С.М. Все наши боги с нами и за нас. Этническая идентичность и этническая мобилизация в современном искусстве народов России. – М.: ЦИМО, Институт этнологии и антропологии РАН, 1999. – 298 с.
- Червоная, 2008* – Червоная С.М. Современное исламское искусство народов России. – М.: Прогресс-Традиция, 2008. – 552 с.
- Черепанов, 1991* – Черепанов М.В. В кривом зеркале справедливости // Татарстан. – 1991. – № 7. – С. 41.
- Черепанов, 1993* – Черепанов М.В. Две жизни капитана Утяшева // Татарстан. – 1993. – № 10. – С. 50-61.
- Черепанов, 1995* – Черепанов М.В. Преданные Родины // Посев. – 1995. – № 5. – С. 86-93.
- Чернышев, 1926* – Чернышев Е.И. Из истории крестьянских движений в Казанском крае в 1917 г. // Вестник научного общества татароведения. – 1926. – № 4.
- Чернышев, 1925* – Чернышев Е.И. Материалы по истории крестьянской революции в Казанском крае в 1917 г. // Вестник научного общества татароведения. – 1925. – № 1-2.
- Чернявский, 1964* – Чернявский У.Г. Война и продовольствие (снабжение городского населения в Великой Отечественной войне). – М.: Наука, 1964. – 208 с.
- Черняев, 2008* – В Политбюро ЦК КПСС...: По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985-1991). Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Горбачев-Фонд, 2008. – 800 с.
- Чеснокова, 1952* – Чеснокова О.Н. Борьба большевиков Татарии за индустриализацию республики в годы первой пятилетки: дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1952.
- Чуев, 2004* – Чуев С. Проклятые солдаты. – М.: Эксмо; Яуза, 2004. – 576 с.
- Чуканов, 2005* – Чуканов И.А. Борьба народных масс Поволжья против социально-экономической политики большевиков в 1918–1920 годах // Крестьянин в миру и на войне: Материалы III Меркушкин. науч. чтений / МГУ им. Н. П. Огарева, ист.соц. ин.-т; [отв. ред. проф. Н. М. Арсентьев; редкол.: Э. Д. Богатырев, К. И. Шапкарин, В. В. Щербаков и др]. – Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 2005. – С.334-342.
- Шайдуллин, 1960* – Шайдуллин А.Р., Юдин И.Н. Борьба Татарской партийной организации за крутой подъем сельского хозяйства (1953–1959 гг.) // Ученые записки КГУ. – Т. 120. – Кн. 1. – 1960.
- Шайдуллин, 2000* – Шайдуллин Р.В. Крестьянские хозяйства Татарстана: проблемы и пути их развития в 1920–1928 гг. – Казань; изд-во «Наука», 2000. – 222 с.
- Шайдуллин, Валеев, 1995* – Шайдуллин Р.В., Валеев Р.К. Социально-экономическое развитие татарской деревни в первой половине 20-х гг. // Материалы по истории татарского народа. – Казань, 1995. – С.424-438.
- Шаймиев, 2010а* – Выступление М.Ш. Шаймиева на презентации Республиканского Фонда возрождения памятников истории и культуры 20 марта 2010 г. [электронный ресурс]: URL: <http://www.antat.ru/index.shtml?1714>. Дата обращения: 1.06.2010.
- Шаймиев, 2010б* – Выступление Президента РТ М.Ш. Шаймиева на IV съезде мусульман РТ [электронный ресурс]. <http://shaimiev.tatar.ru/pub/view/8983>. Дата обращения: 04.01.2012.
- Шалавин В.К. Итоги продовольственной налоговой кампании 1922–1923 гг. в Татарской Республике // Труд и хозяйство. – 1923. – №6.
- Шамов, 2004* – Шамов С. Мелодии судьбы народа. – Казань: Изд-во КГУ, 2004.
- Шарангина, 1998* – Шарангина Н. «Солдаты смотрят на войну как на огромное несчастье» (солдатские письма с фронтов Первой мировой войны) // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1998. – №3/4. – С. 177–184.
- Шараф и др., 1925* – Шараф Г.Ш., Ермолаев В.М. Сравнительная характеристика экономики русского и татарского крестьянского хозяйства в ТР// Труд и хозяйство. – № 11. – 1925 – С. 25-45.
- Шарафеев, 1947* – Шарафеев С.М. Советская Татария: полит.-экон. очерк. – Казань: Татгосиздат, 1947. – 55 с.
- Шарафутдинов, 2004* – Шарафутдинов Д.Р. Традиционная культура татарского народа XIX- начало XXI вв.: Монография. – Казань: Гасыр, 2004. – 639 с.
- Шаронов, 1970* – Шаронов А.В. Патриотический подвиг тружеников сельского хозяйства Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): дис. ... канд. ист. наук / А.В. Шаронов. – Куйбышев, 1970. – 335 с.
- Шафиков, 2001* – Шафиков Я. Фикрят Табеев: Документальная проза на русском и татарском языках. – Казань: «Идел-Пресс», 2001.
- Шелохаев, 1997* – Шелохаев В.В. Феномен многопартийности в России // История национальных политических партий России. Материалы международной конференции. – М., 1997. – С. 11–23.

Шелохаев, ред., 2010 – Российский либерализм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. - М.: РОССПЭН, 2010. – 1084 с.

Ширкевич, 1958 – Ширкевич К.А. Общеобразовательная школа Татарской АССР в 1935-1941 гг. // Ученые записки / Казанский педагогический институт. Вып. 13. – Казань, 1958. – С. 155-201.

Шишкин, 1954 – Шишкин А.А. Под руководством казанских большевиков комитеты деревенской бедноты в борьбе за хлеб, за социализм: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1954.

Школьный вопрос в русском мусульманстве, 1913 – Школьный вопрос в русском мусульманстве // Мир ислама. - Спб., 1913. - Том II, Выпуск VIII. – 515 с.

Штуцер, 1924 – Штуцер И.И. Восстановление сельского хозяйства Татарской Республики и перспективы на будущее // Труд и хозяйство. – Казань, 1924. – №12. – С.1-25.

Штуцер, 1926 – Штуцер И.И. К вопросу о расстройстве крестьянства в ТР // Труд и хозяйство. – 1926. – №7.

Штуцер, 1927 – Штуцер И.И. К вопросу об оскудении хозяйства ТР // Труд и хозяйство. – 1927. – №11-12.

Юлдашбаев, 1963 – Юлдашбаев Б.Х. Татаро-башкирский вопрос в период октябрьской революции // ТОИАЭ, 1963. – Т. 1.

Юлдашбаев, 1984 – Юлдашбаев Б.Х. Национальный вопрос в Башкирии накануне и в период Октябрьской революции. – Уфа, 1984. – 81 с.

Юлдашев, 1998 – Юлдашев Р.З. «Азатлык» – это Свобода. Общественно-политическая характеристика и история деятельности Союза Татарской молодежи «Азатлык» в 1989–1998 гг. – Казань: Иман, 1998. – 83 с.

Юнусова, 1999 – Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. – Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 1999. – 352 с.

Юнусова, 2006 – Юнусова Г. Салих Сайдашев и театр // Гасырлар авазы - Эхо веков. – 2006. – №2. – С. 156-159.

Юсупов, 2003 – Юсупов М.Х. Галимджан Баруди. – Казань, 2003.

Юсупов, 1957 – Юсупов Б.М. Пути и некоторые результаты тектонических исследований в Татарии // Известия Казанского филиала Академии наук СССР. – Казань, 1957. – С.71-79.

Юсупов, 1998 – Юсупов Р.А. Преподавание на татарском языке в педагогических вузах Республики Татарстан // Югары уку йортларында татарча укыту мәсьәләләре. – Казан, 1998. – 12 б.

Явгильдина, 2007 – Явгильдина З.М. Музыкальное образование в общеобразовательных учреждениях Казанской губернии (вторая половина XVIII – начало XX вв.) – Казань, 2007. – С. 228 с.

Ягафова, 2009 – Ягафова Е.А. Чуваши-мусульмане в XVIII – XXI века. – Самара, 2009. – 128 с.

Яковлева, 2004 – Яковлева И. Поселок Джалиль: мечта воплотилась в быль. – Н. Челны: Изд. Дом «Граф и К», 2004.

Якупов, 2005 – Якупов В. Ислам в Татарстане в 1990-е годы. – Казань: Издательство «Иман», 2005.-142 с.

Якупова, 2000 – Якупова В. 100 историй о суверенитете. – Казань: Идел-Пресс, 2000.

Ямаева, 2002 – Ямаева Л.А. Мусульманский либерализм начала XX века как общественно-политическое движение (по материалам Уфимской и Оренбургской губерний). – Уфа, 2002. – 300 с.

Ямаева, 2003 – Ямаева Л.А. Либеральное общественно-политическое движение российских мусульман в начале XX в. (по материалам Уфимской и Оренбургской губерний): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Уфа, 2003.

Ярмухаметов, 1975 – Ярмухаметов Х. Татарская советская фольклористика за 40 лет // Известия Казанского филиала Академии наук СССР. – Казань, 1957. – С.173-175.

Яхин, 1963 – Яхин А. Шамиль Усманов. – Казань, 1963.

на татарском языке

Абсалямов, 1946 – Абсалямов Г. Чайкалды Днепр сулары (Взволновались воды Днепра). О Герое Советского Союза Н. Зиннурове // Совет эдәбияты. – 1946. – № 2. – 75-79 б.

Акчура, 1911 – Акчура И. Иске «Шураи өммэт» дә чыккан мәкаләләрден. – Истанбул. – 1911. – 98 с.

Әмирхан, 1984 – Әмирхан Ф. Искәрмә һәм аңлатмалар // Әсәрләр. – Казан, 1984. – Т. 1.

Әмирхан, 2003 – Әмирхан И. Татар фәлсәфәсе һәм милли мәгариф. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. – 335 б.

Әхмәд бай, 1995 – Әхмәд бай (1837-1906). – Оренбург, 1995.

Батталов, 1996 – Батталов Г.А. Казан торкиләре. Тарихи язмалар. – Казань, 1996. – 192 б.

Бертуган Рәмиевләр, 2002 – Бертуган Рәмиевләр: Фәнни-биографик жьентык. – Казан, 2002.

Биги, 1917 – Биги М.Я. Ислахат эсаслары. – Пг., 1917. – 289 б.

Ваисов, 1917 – Ваисов Г. Кахарман милләте мажид эл-ислам вәзиләр тарихы хәм эжмалы программасы. – Казан, 1917. – 23 б.

Ваисзаде, 1907 – Ваисзаде [Ваисов Г.] Джавахир-и хикмат-и дарвишан. – Казань, 1907. – Части I-II.

Валеев, 2007 – Валеев Р.К. Прерванная молитва. Казань, 2007. – 295 с.

Валиди, 1912 – Валиди Дж. Татар эдәбиятенен барышы. – Оренбург, 1912.

Ваһапов, 2010 – Ваһапов Н. Татар вакытлы матбугатында мәгариф һәм тәрбия мәсьәләләренен чагылышы (1907–1916 еллар). – Казань, 2010. – 188 б.

Вәли, 1928 – Вәли Х. Унбер елда татар эдәбияты // Яналиф. – 1928. - № 21-22. – С.26-28.

Вәлиев, 1996 – Вәлиев Р. Фажиға. – Казан, 1996.

Вәлиев, 1998 – Вәлиев Р. Татар телен куллану даирәсе кинәя // Мәгариф. – 1998. - №4. – 84 б.

- Вәлиев, 1999* – Вәлиев Р.К. Болак арты республикасы. - Казан: Тат. кит. нәшрияты, 1999. - 160 б.
- Вәлиди, 1914* – Вәлиди Дж. Миллэт вэ миллэт. – Оренбург, 1914. – 50 с.
- Габдрахман Гомәри, 2002* – Габдрахман Гомәри: Фәнни-биографик хыянтгык. – Казан, 2002.
- Гайфуллин, Габидуллин, 2005* – Гайфуллин В.Г., Габидуллин Ә.С., Исламшин Р.Ә. Физика. Татар урта белем мәктәбенең 9 сыйныфы өчен дәреслек. – Казан: Мәгариф, 2005. – 231 б.
- Гайфуллин, 1996* – Гайфуллин В.Г. Физикадан мәсьәләләр һәм күнегүләр хыянтгыгы. Кис.2, Электродинамика. Оптика. Квант физикасы / В.Г. Гайфуллин. - Казан: Мәгариф, 1996.—256 б.
- Гайфуллин, 2002* - Гайфуллин В. Мәгариф реформалары һәм модернизациясе // Мәгариф.— 2002. – № 11. – Б.4.
- Гайфуллин, Габидуллин, 1997* – Гайфуллин В.Г., Габидуллин Ә.С., Исламшин Р.Ә. Физика. Татар урта белем мәктәбенең 8 сыйныфы өчен дәреслек. – Казан: Мәгариф, 1997. – 191 б.
- Гайфуллин, Исламшин, 1993* - Гайфуллин В.Г., Исламшин Р.Ә. Физика. Урта мәктәпнең 7 сыйныфы өчен дәреслек. – Казан: Мәгариф, 1993. – 151 б.
- Гайфуллин, 1997* - Гайфуллин В.Г. Физикадан мәсьәләләр һәм күнегүләр хыянтгыгы. Кис.1, Механика. Молекуллар физика. Жылылык / В.Г. Гайфуллин. - Казан: Мәгариф, 1997.—173 б.
- Гаффарова, 2001* – Гаффарова Ф.Ю. Садри Максуди (1906–1924 еллар). – Казан, 2001. – 262 с.
- Гаффарова, 2006* – Гаффарова Ф. Ю. «Йолдыз» кабызган Максуди. – Казань, 2006. – 180 с.
- Гобәйдуллин, 2002* – Газиз Гобәйдуллин: Фәнни-биографик хыянтгык. – Казан, 2002.
- Гыймадиев, 2000* – Гыймадиев И. Муса Бигиев һәм аның «Исламият әлифбасы» // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2000. – № 1/2. – Б. 147-157.
- Даутов, Садыков, 1994* – Даутов Г.Ю., Садыков Р.С. Татар милли мәгариф системасының торышы һәм киләчәге // Милли мәгариф: оештыру тәҗрибәсе, тикшеренү проблемалары һәм нәтиҗәләре. – Казан, 1994.
- Дульский, 1934 б* - Дульский П. Татарстанда скульптура эшләре // Совет әдәбияты, 1934, №№ 3,4.
- Дульский, 1935* - Дульский П. Советлар Татарстанының архитектурасы // Совет әдәбияты. – 1935. - № 6.
- Дзулэт, 1984* – Дзулэт Н. Русия торкиләрнен милли керәш тарихы (1905 – 1917). – Казан, 1998.
- Дзулэт, 2008* – Дзулэт Н. 1917 Октябрь инкыйлабы вэ торк–татар Миллэт Мәҗлесә (Эчке Русия вэ Себер моселманларнын Миллэт Мәҗлесә. 1917–1919). – Казан, 2008. – 384 б.
- Елизарова, 1958* – Елизарова М.А. М. Горькийның Казан музей (Казанский музей М. Горького) // Татарстан коммунисты. – 1958. – № 3. – Б. 42-43.
- Еники, 1996* – Еники Ә. Кояш баер алдыннан. – Казан, 1996. – 192 б.
- Жиңу, 1946* – Жиңу юлы (Дорога Победы: о войнах-татарах 1-го Украинского фронта) / сост.: Р. Ишмуратов, Г. Хузиев. – Казань: Татгосиздат, 1946.
- Заһидуллина, 2003* – Заһидуллина Д. Модернизм һәм XX йөз башы татар прозасы. – Казан, 2003. – 178 б.
- Ибраһимов, 1922* – Ибраһимов Г. Бюек Октябрь революциясе һәм пролетариат диктатурасы. – Казань, 1922.
- Ибрагимов, 1905* – Ибрагимов Г.–Р. Автономия яки идэрэи мохтарият. – СПб., 1905. – 36 с.
- Исхакый, 2005* – Исхакый Г. Әсәрләре: 15 томда. – Т. 6. – Казан, 2005. – 446 б.
- Казыйханова, 2002* - Казыйханова Ф.Г., Казыйханов В.С. Математика. 1 нче сыйныф өчен дәреслек. — Казан: Мәгариф, 2002. —120 б.
- Камал, 1981* – Камал Г. Әсәрләре: 3 томда. – Т. 3. – Казан, 1981. – 415 б.
- Касыйми, 1918* – Касыйми Г. Милли Идарэдэ татар кадетлары нишлэгэннэр? – Мәркэз Моселман Комитетынын матбугат тгьгбэсе, 1918. – 56 с.
- Кашапов, 1994 а* – Кашапов Р. Якташларыбыз – макилар // Әллүки.- 16 сентябрь 1994 ел.
- Ключарев, 1939* – Ключарев А. Татар халкынын ижаты // Совет әдәбияты. – 1939, № 5. – С. 74-78.
- Кэримуллин, 1997* – Кэримуллин Ә.Г. Татар басма китабына 270 ел // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Труды международной конференции в 3–х томах, 9–13 июнь 1992, г. Казань. – Т. 2. – М., 1997. – С. 122.
- Махмутов, 1988* – Махмутов Х. Октябрьгэ кадэрге татар театры / Х. Махмутов, И. Илялова, В. Гыйззат. – Казань, 1988. – 398 с.
- Мәһдиев, 1987* – Мәһдиев М. Татар рәсем сэнгатә һәм Гәлимжан Ибраһимов // Казан утлары. – 1987. – №3. – Б. 52–54.
- Мәһдиев, 1989* – Мәһдиев М. Реализмга таба. – Казан, 1989.
- Мәрҗани, 1989* - Мәрҗани Ш. Мөстафадел-эхбар фи эхвали Казан вэ Болгар / Тәрҗемә итүче Ә.Хәйруллин. - Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. - 415б.
- Мәрҗани, 2001* – Мәрҗани. – Казан, 2001. – 194 с.
- Мәхмүтов, 1996* - Мәхмүтов М. Мәктәпләребезнең үсеш юнәлешләре // Мәгариф. – 1996. - №2. – Б.5.
- Миннуллин, 1994* – Минуллин Ф.М. Топор в руках злонамеренных. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1994.
- Мөхәммәдьяров, 1914* – Мөхәммәдьяров Ш. Алпавытлар заманы вэ крестияннәрне азат итнэ. – Оренбург, 1914. – Б.7.
- Мударрис, 1946* – Мударрис Ш. Кызый (Отчаянная девушка). О Герое Советского Союза М. Сыртлановой) / Ш. Мударрис // Кызыл Татарстан. – 1946. – 4 июнь.
- Мустафин, 2008* – Мустафин Ш.С. Яна меңьеллыкка очыш. – Казан: Тат. китап нәшрияты, 2008. – 129 б.
- Н.А.Г., 1918* – Н.А.Г. («Тугры») Вэкиллэр козгесе (Эчке Русия вэ Собер торк–татарларнын беренче Миллэт Мәҗлесендэге вэкиллэр козгесе). – Стерлитамак, 1918.
- Насыйри, 2005* – Насыйри К. Сайланма әсәрләре. – Т.3. – Казань, 2005. – 382 б.
- Нәҗипова, 1972* – Нәҗипова К. Хезмәттәшлек // Казан утлары. – 1972. № 11. – Б.141-152.

Рахим, 2008 – Рахим Г. Халык эдәбиятенә бер караш // Гали Рахим. Историко–документальный, литературный и биографический сборник. – Казань, 2008. – 71–115 б.

Рәми, 2001 – Рәми И.Г. Эдәби сүзлек (элекке чор татар эдәбияты һәм мәдәнияте буенча кыскача белешмәләр) / И.Г. Рәми, Р.Н. Даутов. – Казан, 2001. – 399 б.

Ризәтдин Фәхретдин, 1913 – Ризәтдин бине Фәхретдин. Мөхәммәдшакир әфәнди Рәмиев // Шура. – 1913. - №6. – 186-188 бб.

Сәгъди, 1926 – Сәгъди Г. Татар эдәбияты тарихы. – Казан, 1926. – 300 б.

Социализм авыл хужалыгы мастерлары, 1940 – Социализм авыл хужалыгы мастерлары. - Казань, 1940.

Сүнчәләй, 2005 – Сүнчәләй С. Әсәрләр һәм хатлар. – Казан, 2005. – 366 б.

Тайсин, 2003 - Тайсин Ә.С. Татарстан географиясе: Татар урта гомуми белем мәктәбенең 8-9 сыйныфлары өчен дәреслек. – Казан: Мәгариф, 2003. – 273 б.

Татар эдәбияты тарихы, 1989 – Татар эдәбияты тарихы: 6 томда / ред. Н.Г.Юзиев. – Т.4. – Казан: Татар китап нәшрияты, 1989. – 568 б.

Татар халкы тарихы, 2012 - Татар халкы тарихы һәм мәдәнияте (Урта гасырлар): 6 нче сыйныф өчен уку әсбабы. – Казан: ТКН, 2012. - 215 б.

Толымбай, 1936 – Толымбай Г.Фатих Әмирхан. – Казан, 1936. – 1650 б.

Тукай, 1985 – Тукай Г.Әсәрләр. 5 томда: Т. 3. – Казан, 1985. – 392 б.

Тукай, 1986 – Тукай Г.Әсәрләр: 5 томда: Т. 5. – Казан, 1986. – 368 б.

Туктамышев, 2001 - Туктамышев Н. Югары уку йортларында – икетеллек // Мәгариф. – 2001. - №1.

Урманче, 1960 – Урманче Б. Татарстан рәсем сәнгате // Совет эдәбияты. – 1960. – № 10. – Б. 138–142.

Усал, 1909 – Усал М.–Ф. Беренче, икенче вә эченче Думада моселман депутатлары хәм аларнын кылган эшләрә. – Казан, 1909.

Усманова, 1996 – Усманова Д.М. Милләт Мәжлесә тарихы (чыганақларда) // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1996. – № 1. – С. 61–72.

Фәхретдинов, 1911 – Фәхретдинов Р. Әхмәт Хөсәенов. – Оренбург, 1911.

Фәтхуллин, Шакирҗанов, Нарбеков, 1999 - Фәтхуллин В.Ш., Шакирҗанов Р.Ә., Нарбеков А.И.

Татар телендә югары белем бирү концепциясе // Фән һәм тел. – 1999. - №1. – 10-15 б.

Фәхретдинова, 2009 – Фәхретдинова Ч. Аңлашу һәм бердәмләшү бәйрәме // Мәдәни җомга. – 2009. – 10 июля. - №27 (725).

Харисов, 1998 - Харисов Ф. Икетеллек: студентлар татарча сөйләшә // Мәгариф. – 1998. - №7.

Харисов, 2000 - Харисов Ф. Милли мәгариф системасын үстерүнең төп юнәлешләре // Мәгариф. – 2000. – № 3.

Хәлиуллин, 2001 - Хәлиуллин Р.И. Неорганик химиядән дидактик материалар (8-9 сыйныфлар). — Казан: Мәгариф, 2001;

Хәлиуллин, 2002 - Хәлиуллин Р.И. Органик химиядән дидактик материаллар: Татар урта гомуми белем мәкт.10-11 нче с- флары өчен / Р. И. Хәлиуллин.—Казан: Мәгариф, 2002.—111б.

Хисмәтова, 2002 – Хисмәтова Г. «Икътисад» журналында татар икътисади фикере үсешен чагылдырган язмалар. – Казан, 2002. – 50 б.

Шәрәф, 1913 – Шәрәф Б. Гани Хөсәенов. – Оренбург, 1913.

Юлдашев, 1998 - Юлдашев А.К. Безнең бурычлар // Югары уку йортларында татарча укыту мәсьәләләре. – Казан, 1998. – 38 б.

Юсупов, 2002 - Юсупов Р. Югары белемне – ана телендә // Мәгариф. – 2002. - № 6. – 3 б.

Ягъфәров, 1993 - Ягъфәров Р. Мәктәбе булган халык – мәңгелек // Мәгариф. – 1993. - №10. – Б.3.

на турецком языке

Devlet, 1985 – Devlet N. Rusya türklerinin milli mücadele tarihi (1905 – 1917). – Ankara, 1985. – 350 s.

Çağdaş türk resmi – Çağdaş türk resmi. [Электронный ресурс]. <http://www.turkresmi.com>. Дата обращения: 18.11.11.

Медиа-ресурсы

Эхо Москвы, 1998а – Эхо Москвы, «Гость дня», 02.09.98

Эхо Москвы, 1998б – Эхо Москвы, «Интервью», 28.09.98, 15:35.

НТВ, 1998 – НТВ, «Герой дня», 03.09.98.

РЕН-ТВ, 1998 – РЕН-ТВ, «Новости», 06.09.98, 17:45.

ТАСС, 1998 – ТАСС. «Новости властных структур России», 23.09.98

Список сокращений

- Академцентр – Академический центр
 АН – Академия наук
 АНКО – Ассоциация национально-культурных обществ
 АПО – Агитационно-пропагандистский отдел
 АРЕ – Ассамблея регионов Европы
 Архумас – Архитектурно-художественные мастерские
 АХРР – Ассоциация художников революционной России
 БГИАМЗ – Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
 БРИК – Организация группы стран – Бразилия, Россия, Индия, Китай
 БССР – Белорусская Советская Социалистическая Республика
 БТР – Бронетранспортёр
 ВДВ – Воздушно-десантные войска
 ВДНХ – Выставка достижений народного хозяйства
 ВДСРН – «Всероссийский Дубровинский Союз Русского Народа»
 ВИК – Волостной исполнительный комитет
 ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
 ВКТ – Всемирный конгресс татар
 ВКЦ – Высший координационный центр
 ВЛКСМ – Всесоюзный Ленинский Коммунистический союз молодежи
 ВМС – Всероссийский мусульманский съезд
 ВМП – Валовый национальный продукт
 ВОК – Военно-окружной комитет
 ВПК – Военно-промышленный комплекс
 ВРП – Валовый региональный продукт
 ВТОЦ – Всетатарский общественный центр
 Вуз – высшее учебное заведение
 ВФТМ – Всемирный форум татарской молодежи
 ВХУТЕМАС – Высшие художественно-технические мастерские
 ВЦБРМ – Временное центральное бюро российских мусульман
 ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет
 ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия
 ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации
 ГД – Государственная дума
 ГИА – Государственная итоговая аттестация
 ГИДУВ – Государственный институт для усовершенствования врачей
 ГК (Горком) – Городской комитет
 ГКО – Государственный Комитет Обороны
 ГКЧП – Государственный комитет по чрезвычайному положению
 Горono – Городской отдел народного образования
 Госсовет – Государственный совет
 Госстрой – Государственный комитет СССР по делам строительства
 ГПУ – Главное политическое управление
 ГЭС – Гидроэлектростанция
 ДДДИИ – Департамент духовных дел иностранных исповеданий
 ДК – Дворец культуры, дом культуры
 Домком – Домовой комитет
 ДПР – Демократическая партия России
 ДУМ – Духовное управление мусульман
 ДУМЕС – Духовное управление мусульман Европейской части России и Сибири
 ЕБРР – Европейский банк реконструкции и развития
 ЕГЭ – Единый государственный экзамен
 ЕРЭ – Единый республиканский экзамен
 ЕС – Европейский Союз
 ЕЭК – Европейская экономическая комиссия
 ЖБИ – Железобетонные изделия
 Женсовет – Женский совет
 ЖКХ – Жилищно-коммунальное хозяйство
 ЗАГС – Отделы записей актов гражданского состояния
 ЗРТ – Закон Республики Татарстан
 ЗСФСР – Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика
 ИБР – Индекс бюджетных расходов
 ИМАШ – Институт машиноведения
 ИПВ – Именные приватизационные вклады
 ИСЕСКО – Исламская организация по делам образования, науки и культуре
 Исполком – Исполнительный комитет
 ИТР – Инженерно-технические работники
 ИЯЛИ – Институт языка, литературы и истории
 КАИ – Казанский авиационный институт
 КамАЗ – Камский автомобильный завод
 КВЖД – Китайско-Восточная железная дорога
 КГАСУ – Казанский государственный архитектурно-строительный университет
 КГБ – Комитет государственной безопасности
 КГО – Казанский губернский отдел
 КГПИ – Казанский государственный педагогический институт
 КГУ – Казанский государственный университет
 КДА – Казанская духовная академия
 КИК – Кантонный исполнительный комитет
 КИМ – Контрольно-измерительные материалы
 КИСИ – Казанский инженерно-строительный институт
 КМРВЕ – Конгресс местных и региональных властей Европы Совета Европы
 КНР – Китайская народная республика
 Колхоз – Коллективное хозяйство
 КомУЧ – Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания
 КОПРЖ – «Казанское Общество Православных Русских Женщин»
 КОРС – Казанский отдел «Русского Собрания»
 КОТ – «Казанское Общество Трезвости»
 КПИ – Казанский политехнический институт
 КПКБ – Казанское приборостроительное конструкторское бюро
 КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза

- КТУШ – Казанская татарская учительская школа
 КУВШ – Коллегия Урало-Волжского штата
 КФАН СССР – Казанский филиал Академии наук СССР
 КФЭИ – Казанский финансово-экономический институт
 КХТИ – Казанский химико-технологический институт
 КЦНРО – «Казанское Царско-Народное Русское Общество»
 КЭИ – Казанский энергетический институт
 КЭМСТ – Конструктивно-экспериментальная мастерская театра
 ЛиАЗ – Ликийский автобусный завод
 ЛПХ – Личное подсобное хозяйство
 МБРР – Международный банк реконструкции и развития
 МВД – Министерство внутренних дел
 МГИМО – Московский государственный институт международных отношений
 МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
 МИД – Министерство иностранных дел
 Минвуз – Министерство высших учебных заведений
 МНП – Министерство народного просвещения
 МОиН РТ – Министерство образования и науки Республики Татарстан
 МОТ – Международная организация труда
 МСК – Мусульманский социалистический комитет
 МСМВ – Международный союз местных властей
 МТК – Международный транспортный коридор
 МТС – Машинно-тракторная станция
 НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан
 Наркомзем – Народный комиссариат земледелия
 Наркомнац – Народный комиссариат по делам национальностей
 Наркомпрос – Народный комиссариат просвещения
 Наркомтруда – Народный комиссариат труда
 НАТО – Организация Североатлантического договора
 НГДУ «Ленингорскнефть» – Нефтегазодобывающее управление «Ленингорскнефть»
 НДР – «Наш дом – Россия»
 НИИ – Научно-исследовательский институт
 НИОКР – Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы
 НКА – Национально-культурная автономия
 НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
 НКЦ – Национально-культурный центр
 НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан
 НРК – Национально-региональный компонент
 НЭП – Новая экономическая политика
 ОАО – Открытое акционерное общество
 ОГВН – Организация городов Всемирного наследия
 ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление
 ОИК – Организация Исламская Конференция
 ОК (Обком) – Областной комитет
 ОМДС – Оренбургское магометанское духовное собрание
 ООН – Организация Объединенных Наций
 ООО – Общество с ограниченной ответственностью
 ОЦСПП – «Общество церковных старост и приходских попечителей города Казани»
 ОЭЗ – Особая экономическая зона
 ПНА – Палестинская национальная администрация
 Профсоюз – Профессиональный союз
 ПТУ – Профессионально-техническое училище
 ПФО – Приволжский федеральный округ
 РАН – Российская Академия наук
 РГИА – Российский государственный исторический архив
 Ревком – Революционный комитет
 Ревштаб – Революционный штаб
 Реском – республиканский комитет
 РИК – Районный исполнительный комитет
 РК (Райком) – Районный комитет
 РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков)
 РНСМА – «Русский Народный Союз имени Михаила Архангела»
 РСДРП – Российская социал-демократическая рабочая партия
 РСДРП(б) – Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков)
 РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
 РТ – Республика Татарстан
 РФ – Российская Федерация
 СВБ – Союз воинствующих безбожников
 СДР – Совет по делам религий
 СДРК – Совет по делам религиозных культов
 СЕКР – Совет европейских коммун и регионов
 СКБ – Специальное конструкторское бюро
 СМИ – Средства массовой информации
 СНГ – Содружество независимых государств
 СНК (Совнарком) – Совет народных комиссаров
 СНХ (Совнархоз) – Совет народного хозяйства
 Совхоз – Советское хозяйство
 СРН – «Союз Русского Народа»
 СССР – Союз Советских Социалистических Республик
 США – Соединенные Штаты Америки
 ТА ГС РТ – Текущий архив Государственного Совета Республики Татарстан
 ТА Прокуратуры РТ – Текущий архив Прокуратуры Республики Татарстан
 ТАПП – Татарская ассоциация пролетарских писателей
 ТАСИС – Программа технического содействия странам СНГ
 ТАССР – Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика
 ТБР – Татаро-Башкирская республика
 ТВ – телевидение
 ТГГПУ – Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет
 ТНВ – «Татарстан – Новый век»

- ТОЦ – Татарский общественный центр
ТЭЦ – Теплоэлектроцентраль (тепловая электростанция)
ТЮЗ – Театр юного зрителя
ТЮРКСОЙ – Международная организация по совместному развитию тюркской культуры и искусства
УК – Уголовный Кодекс
Уличком – Уличный комитет
УП – Указ Президента
УССР – Украинская Советская Социалистическая Республика
ФЗ – Федеральный закон
ФЗО – Фабрично-заводское обучение
ФЗУ – Фабрично-заводское ученичество
ФИАН – Физический институт Академии наук СССР
ФИАП – Федеральная адресная инвестиционная программа
ФИДЕ – Международная шахматная федерация
ФИСУ – Международная федерация студенческого спорта
ФИФА – Международная футбольная федерация
ФКЗ – Федеральный конституционный закон
ФНКАТ – Федеральная национально-культурная автономия российских татар
- ФЦП – Федеральная целевая программа
ЦГА ИПД РТ – Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан
ЦДУМ – Центральное духовное управление мусульман
ЦИК – Центральный исполнительный комитет
ЦК – Центральный комитет
ЦК РКП – Центральный комитет рабочей крестьянской партии
ЦК РТЯ – Центральная комиссия по реализации татарского языка
ЦКК – Центральная контрольная комиссия
ЦНМО – «Царско-Народное Мусульманское Общество»
ЦНРО – «Царско-Народное Русское Общество»
ЧК – Чрезвычайный комитет
ШОС – Шанхайская организация сотрудничества
ШУМП – Школа ученичества массовых профессий
ЭВМ – Электронно-вычислительные машины
ЮНЕСКО – Организация ООН по вопросам образования, науки и культуры
ЮНИДО – Организация ООН по промышленному развитию

Именной указатель

- Аббас М. – 623
Абдраязков А.А. – 434
Абдрахимов А.Ш. – см. Рахим А.
Абдрахманов М.И. – 457
Абдрахманов Ф. – 390
Абдрашитов Ш. – 385
Абдулатипов Р.Г. – 559–560
Абдуллин Б. – 376
Абдуллин М.И. – 275
Абдуллин Р.Ф. – 460
Абдуллин Т.М. – 501, 546, 577
Абдуллин Я.Г. – 457
Абдулло С. – 493
Абдулов – 558
Абдильменов Х. – 399
Абжалилов Х. – 399, 458–459
Аблеев М. – 396
Абрамов К.А. – 410
Абрамович Р. – 283
Абсалямов А. – 384, 397, 458
Абуладзе С. – 546
Абызгильдин Дж. – 120, 226, 373
Абызов Г. – 240
Авзалова А. – 422, 460
Агапов – 204
Агафуров – 153
Агеев Ф. – 187, 191
Агиш С. – 335
Агишев Я.Х. – 447
Агишева З. – 337
Аглиуллин М.А. – 546
Адамантов И. – 184
Адамов М. – 55
Адгамова Ф. – 43
Адлер Б.Ф. – 356
Адутов Я. – 365
Адылов Н. – 460
Аитов А. – 396
Аитов С.М. – 49, 53, 58, 98, 100, 193
Аитова Ф.А. – 147, 153, 187
Айда А. – 223
Айдаров С. – 337, 341, 376
Айди Т. – 419–420
Айнутдинов А.К. – 384
Акбулатовы – 56
Аккыш Г. – 697
Аксянцев М.И. – 410
Акчуря Ю.Х. – 75, 77–82, 84, 97, 99, 101, 127, 135, 162, 192, 223, 642
Акчурин А.С. – 55
Акчурин Г. – 234
Акчурин С. – 55
Акчурин Т.К. – 56
Акчурин Ю.С. – 55
Акчурин Я.С. – 55
Акчурина Х. – 183–184
Акчурины – 55, 60
Акыш А. – 499, 643
Алаев Ю.П. – 546, 560
Алафузов – 343
Алафузовы – 60, 188–189
Алеев Х. – 55
Александров А.А. – 146
Александров В. – 655
Александров И.И. – 98
Александров Л.Н. – 398
Александров Н.А. – 112
Александров П.И. – 98
Алексеев М.В. – 285
Алексий П. – 659
Алемасов В.Е. – 457, 705
Алигер М.И. – 397
Алимбек Б.М. – 353
Алиш А. – 336, 376, 396, 406
Алкин Д.С. – 245, 253
Алкин И.С. – 200, 216–217, 219, 221, 223, 228, 234–235, 237–238, 243, 245, 250–253, 270–271, 377
Алкин С.Ш. – 77, 80–82, 84–88, 97, 99, 101, 162, 190–191, 199
Алкин Х.Х. – 410
Алкин Ш.С. – 229–231, 236, 240
Алкины – 192
Алмаев Х. – 346
Алмашев И. – 254
Алпаров Г. – 356, 358
Алпаров У. – 442
Алтынбаев Р.З. – 547, 738
Альменов Б.М. – 398
Альмухаметов Г. – 343–344, 376
Альмухаметов М.И. – 348–349
Альтер В. – 283
Альтшулер С.А. – 349, 457, 669, 705
Аминов А. – 349, 703
Аминов Г. – 375
Аминов М. – 349
Амир К. – 341
Амир М. – 338, 384, 399, 449, 458
Амиров Г. – 236, 241
Амиров К.Ф. – 582
Амирхан М.-Ф.З. – 75, 137
Амирхан Р. – 666
Амирхан Ф. – 147, 149, 162, 166–172, 183, 336, 340–341
Амирханов И. – 711
Амирханова – 153
Амирхановы – 191
Ананьев А. – 420
Андреев – 412
Андреев Н.Н. – 394
Андронов Н.Л. – 203, 207–208, 210
Анипкин А. – 494
Антаки П.В. – 119
Антакольский – 80
Антонов Л.П. – 159
Антонов О.М. – 561
Апанаев А. – 81–82, 84
Апанаев Б. – 98, 190
Апанаев В. – 187, 343

- Апанаев Х.А. – 356
Апанай Г. – 193, 226
Апине И. – 492
Арасланов И. – 49, 53
Арацкий В. – 47
Арбузов А.Е. – 145, 350, 395, 450, 703–705
Арбузов Б.А. – 350, 395, 457, 704–706
Ардаров Г.П. – 342
Арконада Сесар – 397
Арништейн К.А. – 146
Арсентьев – 206
Арсланов Н. – 397
Артемяев А. – 356
Артемяев А.П. – 382
Архиереев Г. – 460
Архипов – 206, 210–212
Асадуллин А. – 697
Атласи Х. – 157, 224, 235, 250, 377
Атнагулов И. – 246, 254
Атнагулов С.С. – 228, 240, 243, 250–251, 265, 356, 374, 376
Атнашев А. – 406
Аттай М. – 160
Афанасьев – 398
Афлятунов М. – 111
Ахатов А.Г. – 546, 573
Ахмад Мухаммед Али – 627
Ахмадеев – 451
Ахмадиев Ш.Г. – 166, 173, 185, 226, 236, 267
Ахмадуллин Ф. – 225
Ахмадуллин Х. – 343
Ахманов А.О. – 388
Ахмеров М. – 229
Ахмеров С. – 190
Ахмеров Ш. – 191
Ахмет паши Ш. – 182
Ахметгалиев М. – 396
Ахметзянов Ш. – 460
Ахметов – 412
Ахметов Д. – 730
Ахметов Ф.А. – 460
Ахметшин М. – 387
Ахтямов А.А. – 79, 86, 120, 216
Ахтямов Б. – 337
Ахтямов Ибн.А. – 76, 84, 88, 91, 121, 127, 190, 213–215, 224, 230–231, 234–237, 250, 252
Ахтямов Ибр.А. – 76, 215, 237
Ахтямов С. – 387
Ахун Г. – 458–459, 461
Ахун С.С. – 398, 458
Ахундов М. – 179
Ахунов С. – 347
Ашмарин Н.И. – 196
Аюпов М. – 55
Бабаджанов М. – 184
Бабич Ш. – 164–165, 173
Бабушкин И.И. – 74, 97, 99
Бабушкин С.Д. – 106
Багаутдинов Г.Б. – 261, 377
Багин С.А. – 138
Багманов Г.М. – 479
Баграмов Н. – 546
Бадаев – 205
Баданинский Х. – 183–184
Бадигов Г. – 358
Бадретдинов Ф. – 511
Бадьгов А.Б. – 412
Бадьгов Хужи – 357
Бадюль В. – 346
Баимбетов Г.С. – 220, 265, 375
Байбарышев П.М. – 398
Байкеев Мирзаджан – 345
Байкиев М. – 183–184
Байрамова Ф.А. – 500–501, 526, 534, 542, 548, 562, 570, 572, 575–576, 580, 585, 611
Байрашев М.-Ф.А. – 94
Байтеряков Г.Х. – 121, 193
Байчуря У.Ш. – 409
Байчураин Г.Г. – 374, 410
Бакеев Х. – 234
Бакиров Э.З. – 459
Бакировы – 54
Бакланов О.Д. – 551–552
Балешов Н.Ф. – 553–554
Баллод Ф. – 355, 704
Барабарчук – 261
Баракатулла М. – 266
Баранов Г.М. – 586–587
Баранцников В.П. – 554
Бартольд В.В. – 119
Баруди Г. – 80–82, 84, 107, 220, 226, 229–231, 236, 583
Барышев Н.И. – 291
Басыров К. – 396
Басыров Ф. – 254
Басырова З. – 422
Батгал Г.Г. – 191, 226, 237–239, 250, 642
Батгал С. – 334, 376, 449, 452, 458
Батгалов А. – 390
Батгалов А. – 406
Батыев С.Г. – 412–414, 418, 452
Батыр – 353
Батыр-Булгари Л.М. – 460
Батыршин – 398
Бать А.Г. – 74, 97, 99, 101
Бауман Н.Э. – 347, 442
Бауэру О. – 235
Бахметьев В.М. – 397
Бахтеев Ю. – 547
Бахтизин А.М. – 197
Бахтияров С. – 448–449
Баширов А. – 346
Баширов Г.Б. – 357, 384, 397, 452, 458–459, 496
Башкиров Ш.Г. – 294
Башмаков И.Н. – 460
Башмаков Н.Я. – 99
Баязитов А. – 80
Баязитов Г. – 160–161
Баязитов М.-С. – 94–63, 119, 191
Баян Н. – 334, 396
Бейлин А. – 283
Белилин К.В. – 103, 106
Белистов И. – 516
Белкин А.С. – 102
Белозерова Е.А. – 393

- Белькович П.Н. – 100
Беляев В.А. – 511
Беляев В.Г. – 352
Беляев М.И. – 395, 704
Беньков П. – 345
Бердников И.С. – 146
Бердымухамедов К. – 623
Березин И.Н. – 355, 357
Березовский Б.А. – 612
Берим О. – 442
Беркутов М. – 372
Бехер Иоганнес – 397
Бжезинский З. – 553
Бигиев М.Д. – 75, 78, 80–82, 134, 162, 221, 266, 333
Биглов А.М. – 254
Биглов М.-А. – 86
Бикбаев А. – 386
Бикбулат И. – 413
Биккинин Ф. – 343
Биккулов И. – 227, 229, 231, 235, 237, 241
Биккулов С. – 334
Бикмухамедов Р. – 383
Биктагиров А. – 376
Биктагиров Р. – 579
Биктимиров А. – 164, 166
Бикушев С. – 375
Бикчантаев К. – 687
Бикчантаев А.Г. – 459
Бирюков А. – 390
Бирюлин М.Ф. – 402
Блок Жан Ришар – 397
Блом К. – 397
Бобров А.П. – 386
Бобровицкий И.Е. – 398
Бобровников Н.А. – 130, 152, 154
Богардус Э. – 676
Богарский И. – 160
Богаутдинов Г.Б. – 410
Богачев Е. – 464
Богданов И. – 179–180
Богородицкий В.А. – 144, 146, 358
Богородский А.Я. – 101, 145, 353
Богушевский С.А. – 102
Бодуэн де Куртенэ И.А. – 76, 144, 702
Болгарская Г. – 180, 337, 341, 399
Болгарский Б. – 178
Болдин В.И. – 551, 552
Бор Н. – 487
Боратынский А.Н. – 100
Боратынский Е.А. – 653
Бородин А. – 508
Боронин М. – 203
Бочвар А.М. – 394
Бочкарев В.К. – 593
Бочков – 265
Бош Е. – 207
Бояре Ю. – 491
Боярский П.М. – 189, 193–194, 200
Брауде С.М. – 253
Бредель В. – 397
Брежнев Л.И. – 418, 435
Бронштейн – 268
Брудный Е. – 442
Брундуков М.Ю. – 261, 268, 274
Буби Г. – 82, 84, 229
Буби М. – 220, 229, 373
Будде Е.Ф. – 144
Будилович А.С. – 126–127
Букейханов А. – 86, 213
Букова М.С. – 393
Булаева А. – 390
Булат Д.Г. – 398
Булатов В. – 387
Булатов Фуат – 406
Булатова Г. – 458
Булатова М. – 399
Булгаков М.А. – 459
Бульгин В.Ф. – 106, 108
Булыгина В.С. – 112
Бунин – 412
Бурайкина М. – 390
Бурбулис Г.Э. – 495, 549, 561, 583–584
Бургальшинский – 201
Бурган С. – 335, 376
Бурков В.Г. – 386
Бурлай А. – 459
Бурлюк Д. – 149
Бурнаев М.-С.К. – 58
Бурнаш Ф. – 172, 334–336, 340–341
Бурокаявичус М. – 494
Бусыгин А. – 498
Бусыгин Е.П. – 458
Бусырев – 204
Бутенин Ф.В. – 100
Бутлеров А.М. – 350, 669
Бутров В.М. – 350
Бухарин Н.И. – 267, 285, 333, 375
Бухаров С. – 406
Бухов М. – 200, 203, 211
Буш Дж. – 551
Буянцев Я.М. – 392
Бывальцев М.Ф. – 411
Вавилов С.И. – 394, 456, 704–705
Вагапов Г. – 357
Вагизов Р. – 546, 559
Вадут М. – 396
Вазир-заде Н. – 178
Вайсов Б. – 91
Вайсов Г.Б. – 91–93, 216, 254
Валеев Г.В. – 376
Валеев Н. – 542
Валеев Р. – 659
Валеев Р.И. – 420, 498, 534, 536, 544, 570, 590
Валеев Ф.Х. – 457
Валеева З.Р. – 561, 559–590
Вали Я. – 164
Валиди А.-З.А. – 136, 215, 219, 225–226, 228, 235, 252, 259, 266, 642
Валиди Дж. – 135–136, 338, 354, 356, 358–359, 704
Валидов И.Г. – 351, 457
Валидов Ю.Н. – 261, 263, 265, 267
Валиев К.А. – 457, 511
Валиев Р. – 561
Валиевы – 54

- Валиуллин А. – 458
Валиуллин М. – 385
Валиуллин Н.К. – 398
Валиуллин С. – 385
Валиуллин Х. – 399, 458
Вараксин В.В. – 159
Варенников В.И. – 552–553
Варламова З. – 390
Варнеке Б.В. – 101–103
Васильев А. – 355
Васильев А. – 535, 546
Васильев А.В. – 74, 97, 101–102, 145–146
Васильев А.М. – 412
Васильев А.Н. – 352
Васильев В.М. – 148
Васильев В.П. – 554
Вафин – 562
Вафин С.В. – 409
Вахитов В.Х. – 574
Вахитов М.М. – 205–206, 216–218, 223, 227, 229, 246, 255–259, 271, 422, 440
Вахитов С. – 356
Вахитов С. – 373
Вебер К. – 575
Вейцер – 265
Векслин Н.З. – 410
Велихов – 450
Венедиктов А. – 612
Венецианов – 205
Венецианов М.С. – 97
Вергазовы – 56
Верейская Е. – 397
Вернадский В.И. – 487
Виноградов В.И. – 337, 343–344, 399
Витте С.Ю. – 80
Вишневский А.В. – 145, 351, 395, 705
Вишняков М.Х. – 197
Владимиров А. – 542
Владимиров В.В. – 125
Владимиров Н. – 546
Войт К.В. – 352
Волков И. – 205
Володина Т. – 558
Вольхин А.А. – 384
Воробьев Б. – 539, 543
Воробьев К.И. – 356
Воробьев Н.И. – 356
Воронцов – 351
Воротников В.И. – 513
Ворошилов К.Е. – 382
Восторгов И.И. – 114
Врангель П.Н. – 268–269, 286
Высоцкий В. – 47
Высоцкий Н.Ф. – 112
Габдрашитов Г. – 254
Габидуллин А. – 254
Габидуллин М. – 184
Габидуллин Х.З. – 263, 374
Габитова – 153
Габитова З. – 146
Габитова Р. – 146
Габяши С.Х. – 148, 181, 186, 190, 337, 343–344
Габяши Х.-Г. – 186, 223, 226, 232
Гаврилов – 257
Гаврилов П.М. – 382–383, 410
Гаврилов Ф.П. – 347
Гагаев Б.М. – 348, 457
Гадьлышин М.А. – 513
Гази И. – 384, 397, 408, 461
Газиз Г.С. – 135
Газизов Р.С. – 421
Газизов Э. – 561
Газизова – 345
Газизуллин Ф.Г. – 457
Гайдаров И.-б.И. – 83, 87–88, 124
Гайнетдин Р. – 685
Гайнетдинов – 347
Гайнуллин М. – 447, 449
Гайнуллин Х.З. – 261, 265
Гайнутдинов – 412
Гайнутдинов И.Г. – 459
Гайфи Ш. – 240
Галактионов А.П. – 264
Галеев Б. – 460, 697
Галеев Г. – 356, 375
Галеев И. – 345
Галеев М. – 345
Галеев М.И. – 58, 98, 134
Галеев Р.Г. – 535, 546
Галеевы – 153
Гали Г. – 334, 340
Гали З. – 334
Гали М. – 334, 340, 375
Галиакбаров И. – 187, 343
Галиев – 219
Галиев З. – 379
Галиев Ш. – 459
Галиев Ш. – 479
Галикеев М.-С.М.-С. – 58
Галикеев С.С. – 77, 97
Галимов – 353
Галимов – 558
Галимов К.З. – 348
Галиуллин Г. – 681, 684–688
Галиуллина Б. – 337
Галкин-Врасской Н.Н. – 106
Галлеев М. – 666
Галлиев – 159
Галлиев И. – 590
Галлямов М. – 692
Галязетдинов М. – 111
Галяу М.Г. – 338
Гамаева М. – 343
Гамсахурдия З. – 516
Ганеев А.Г. – 305, 312, 410
Гараев Ю.Ш. – 409
Гарай Ш. – 396
Гарифьянов Н.С. – 705
Гаспринский И.М. – 79, 81–82, 119, 152, 190, 220
Гатауллин Р. – 459
Гаусс – 349
Гафиятуллин Г. – 385, 421
Гафури М. – 147–148, 164–165, 167–168, 172–173, 334–335, 344, 422

- Гафуров К.Г. – 376
Гацулина А. – 337
Гаязов М. – 396
Гейне Г. – 180
Гельмс Э.Б. – 398
Генералов А. – 444
Генц А. – 623
Георги И.Г. – 150
Герасимов Н.П. – 350
Гербек О. – 160
Геринг – 399
Геркен П.И. – 100
Гибсон У. – 459
Гизатуллин Г. – 49
Гизетуллин Х.В. – 53
Гиззат Т. – 334, 337–338, 340, 344, 396, 399
Гиззатуллин И.Г. – 275
Гиззатуллина-Волжская С. – 178–180
Гильманов З.И. – 457
Гильманов Л. – 338
Гильмутдинов – 379
Гильмутдинов З.Г. – 410
Гилязов А. – 410–411, 459, 461
Гимади Х. – 448
Гиматов Г. – 337
Гимбитская Х – 184
Гимранов З. – 376
Гинцбург А.Г. – 205, 253
Гисматуллин А. – 81
Гитлер – 379, 399–400, 402, 404
Гиффат С. – 339
Гладилов И. – 201
Глушко В.П. – 394, 704
Говоров Л.А. – 388
Говорухин С. – 460
Гоголь Н.В. – 180
Годнев И. – 188
Голанов П. – 200, 211
Голубев С.Т. – 114
Гольдберг Б.И. – 289
Гольдгаммер Д.А. – 145
Гончаров А. – 346
Гоппе В.А. – 100
Горбачев М.С. – 470, 491–492, 494, 496, 498–499, 505, 516–517, 528, 550–553, 557, 591, 595
Горбунов С.П. – 438
Гордеев А.С. – 261, 265
Гордеев Г.С. – 203
Гордов В.Н. – 388
Гордягин А.Я. – 352
Горшунов Н. – 574
Горький М. – 423, 459, 653
Горяев – 351
Грасис К.Я. – 205–207, 209–210, 212, 216, 245–246, 253, 258
Грачев И.Д. – 533, 546, 559, 567–568, 570–572, 574, 579, 581, 585
Грачев М.А. – 352
Грачев П.С. – 551, 553
Гребеньщиков Ф.С. – 106, 114
Греков Б.Д. – 394, 448, 704
Григорьев – 202
Григорьев Ф.В. – 342
Грингмут В.А. – 105
Гринь П.М. – 561
Грисюк А.Г. (Анаголий) – 106
Гришанин А. – 201
Гроздов – 208–209
Груздев В.С. – 101
Губайдуллин Г.С. – 147, 193, 225, 228, 251, 356, 374–375, 704
Губайдуллин К.С. – 356
Губайдуллин М. – 385
Губайдуллин Р. – 458
Губайдуллин Х. – 55
Губайдуллина М.С. – 146, 356
Губайдуллины – 356
Гудожников А. – 298
Гудцов Н.Т. – 394
Гулькин Д.П. – 92
Гумари Г. – 186
Гумбольдт – 709
Гумеров Г. – 345
Гумерова Ф. – 148
Гурьев В.И. – 398
Гусев Н.П. – 99
Гусевы – 562
Гусынин В.А. – 395, 705
Гучков А.И. – 102
Гуща В.М. – 648
Гюль А. – 623
Давидович М. – 82
Давлет Н. – 643
Давлеткильдеев К. – 183–184, 345
Давлетшин Г. – 190
Давлетшин Т. – 234
Давлетшин Т. – 501
Давлетшина Д.С. – 525
Давлетъяров А.М. – 374, 410
Давыдов – 204
Далгат М. – 88, 213
Даркшевич Л.О. – 145
Даули Наби – 396
Даутов Н. – 459
Дашкин З.Ш. – 197
Дебердеев И. – 55
Дебердеев М. – 55
Дебердеев Я. – 55
Дебердеевы – 60
Девишев Г. – 341
Девишев М.В. – 56
Девятаев М.П. – 387, 410
Дейнека А. – 460
Денике – 199
Деникин А.И. – 259, 286
Денисов А.А. – 261–262, 265, 291
Депрейс М.П. – 100
Дерен-Айерлы О.А.Г. – 269–270
Дерунов И. – 206, 262
Джалиль М. – 334, 336, 340, 344, 396, 399, 402, 406, 422, 442, 451, 458–459, 669
Джалал С. – 335
Джантюрин С.С. – 79, 81–82, 84, 86, 191, 229–231, 240, 250

- Джафаров М.-Ю.Г. – 121, 127, 213
Джерманетто Дж. – 397
Дики К. – 575
Дмитриева – 444
Добрянский – 211
Догадов А.И. – 261, 265
Долгополов Н. – 590
Домбровский Б.Л. – 159
Домрачев – 351
Дородницын А.Я. (Алексий) – 106, 108
Драверт П.Л. – 74, 201
Драчевский Д.В. – 83
Дрегалин А.Ф. – 705
Дубровин – 347
Дубровин А.И. – 105, 114
Дубровский А.Е. – 108, 114
Дубяго А.Д. – 457
Дубяго Д.И. – 349
Дульский П. – 346, 356
Думава Н. – 148, 167, 171–173, 339
Дутов А.И. – 285
Дьячков А.К. – 394
Дэрдменд – 147, 172, 339, 448
Дюков И.А. – 457
Евсевьев М.Е. – 146
Евсеев М.В. – 356
Егерев В.В. – 356
Егоров А. – 286
Егоров М.А. – 386
Егоров Н. – 564
Егоров С.П. – 353
Егоров Ф.В. – 309
Елизаров Г.А. – 309
Елизаров М. – 397
Елистратов А.И. – 145
Ельцин Б.Н. – 483, 489–490, 494–495, 497, 523, 528,
540, 543, 548–555, 557–558, 561, 564, 590–592,
595, 610–611, 619
Ельцов – 412
Емалетдинов Ю.Ф. – 508
Емельянов – 204
Емельянова И.А. – 119
Еналиев Д. – 240
Енбаев А.М. – 268–269, 274
Енгальчев С. – 228, 239–240
Еникеев – 156
Еникеев Г.Х. – 85, 88, 121, 214, 229, 231
Еникеев Н. – 411
Еникеев Р.А. – 460
Еникеев Х. – 225
Еники А. – 414, 418, 449, 458–459, 461, 496–497
Ерикеев А. – 344
Ермакова О. – 581
Ермолаев И.П. – 457
Ермолаева И.В. – 159
Ерофеев П.П. – 450
Ершов Н.Я. – 204–210, 212
Ефимов – 199
Ефремов А.В. – 577
Железнов Б.Л. – 496–497, 522–524, 527, 543–544,
546, 579, 581
Жестянников Л. – 205, 210
Живов Д.Е. – 267–268
Жиганов Н. – 344, 399, 449, 458, 460
Жижиленко А.А. – 118
Жилина Е. – 458
Жилинский В. – 201
Жириновский В.В. – 596
Жузе П.К. – 119
Жуков – 402
Жуковский В.А. – 119
Забириев А.Г. – 354
Забириев Ш. – 698
Завадский А.В. – 99, 145
Завойский Е.К. – 349, 395, 457, 669, 704, 710
Загирова Р. – 386
Загитов Г.К. – 386
Загородников А.Н. – 593
Загоскин Н.П. – 74, 102, 144
Заикин И. – 386
Зайни Х. – 239, 241
Зайнуллин Э. – 419–420
Зайпин Г. – 187
Зайцев А.М. – 145
Закиев М.З. – 419, 458, 509–510, 510
Закиров Р. – 561
Закирова А. – 390
Закроев К.Я. – 100
Залеский (Залесский) В.Ф. – 74, 93, 107–108, 110–115
Залай Л.З. – 448–449, 458
Залаялутдин М. – 687
Залаялудинов Э. – 460
Замятин А.Н. – 350
Зарипов – 590
Зарипов И. – 452, 460
Зарипов М.М. – 457
Зарипов Р.И. – 521–522
Зарипов С. – 409
Зарипов Х. – 385
Засецкий Н.А. – 112
Засыпкин Н.П. – 356
Захаров – 402
Зашибалов М.А. – 383
Звягинцев А.Г. – 594
Зейлингер Д.Н. – 145
Зеккендорф фон О. – 401
Зеленов Н.А. – 507
Зеленовская Л. – 578
Зелинский Н.Д. – 394, 704
Земляков А.С. – 705
Зеньковский А.В. – 128
Зернит Б. – 397–398
Зерцалов Г.И. – 506–507, 545
Зиатдинов А.Ш. – 545
Зиатдинова А. – 578
Зиатханов А. – 86
Зимницкий С.С. – 706
Зиннатулла Г. – 685, 687
Зиновьев – 554
Зиновьев Г.Е. – 267, 273, 375
Зиновьев Ю.С. – 398
Знаменский П.В. – 106
Золотарев Н.Н. – 129
Золотова Т.Н. – 473

- Зорин Н.В. – 458
Зорькин В.Д. – 557, 565, 573
Зубаиров Д.М. – 707
Зульфат – 459
Зуфаров Х. – 236
Ибн Фадлан – 645
Ибрагимов В. – 49
Ибрагимов Г.Г. – 147, 164–165, 167–168, 171–172, 213, 216–217, 220, 222, 225–229, 234–235, 243, 258, 265, 267–268, 334–335, 337–340, 354, 374, 411, 422, 509, 703–704
Ибрагимов Г.Р. – 76–82, 84, 136, 161–162, 339
Ибрагимов Р.И. – 460
Ибрагимов Т. – 387
Ибрагимов У. – 49
Ибрагимов Х. – 336
Ибрагимов Ш.М. – 269–270
Ибрагимова – 444
Иван IV Грозный – 212, 530, 594, 618
Иваненко В.В. – 554
Иванов В. – 535
Иванов Г. – 261, 265
Иванов Г. – 507, 508
Иванов М. – 357
Ивановский В.В. – 145
Ивановский В.Н. – 99
Игнатъев А.П. – 80, 122, 126–127
Игнатъев Н. – 390
Игнатъев С.Д. – 414, 416–417, 433, 441, 452
Идегей – 448, 450, 452
Иделле Г. – 334
Идиатуллин Р.Р. – 496, 553–554
Идрисов – 159
Идрисов Н. – 385
Идрисов Т. – 453
Ижболдин Д.Г. – 49
Ижбулатов Х.-А. – 197
Измайлов А.Ю. – 261, 265
Измайлова А. – 343
Израйлович – 206
Изюмов А.С. – 261, 265
Иксукуль-Гильденбанд А.А. – 64
Ильдар М. – 337
Ильминский Н.И. – 139, 153
Ильская Ф. – 341, 399
Ильхамджанов А. – 81
Ильяс Р. – 396
Ильяси Г. – 147, 178, 180
Ильясов Г. – 229
Ильясов Г. – 337
Ильяшенко А.Г. – 113
Ильяшенко Н.А. – 113
Илялов Р. – 423
Имаков – 244
Иманаев Ш.-Г. – 120
Иманкулов М.-С. – 365, 369, 372
Ионов П. – 538, 543
Иоффе А.Ф. – 394, 704
Ирисовы – 54
Исаев А. – 385
Исаев Г.А. – 498
Исаковский М.В. – 397
Исанбет Н. – 335–336, 341, 376, 397, 399–408, 447, 449, 458–459
Искандарова М. – 184
Искендеров А.И. – 410
Ислямов И.И. – 197
Исмаев К.Х. – 261, 305
Исхаки Г. – 75–76, 79, 81, 83–84, 91, 135, 147, 162, 164, 166–168, 172, 176, 179–181, 191, 215, 218–219, 222, 226–227, 230–231, 233–235, 237–238, 240, 333, 339, 503, 642–643, 653
Исхаков А.А. – 397, 449
Исхаков В. – 261, 265
Исхаков Г. – 471, 687–690, 692
Исхаков Д.М. – 659, 666, 684
Ительсон – 261
Ихсаноглу Э. – 626
Ишимбаевы – 56
Ишмурастов Г.А. – 58
Ишмурастов Р. – 452, 458
Иштиряков Х.Г. – 563
Каарийнен К. – 678
Кабанов – 440
Кабанов И. – 520
Кабушкин И.К. – 386
Кабьш Е. – 546
Кавеев М.С. – 354, 457
Кавеев Х. – 396
Кадерлиев И. – 238
Кадьри З. – 225–227, 229, 231, 235, 237, 250
Кадырметов Б. – 386
Кадырметов Н. – 498
Казакевич – 205
Казаков В.Е. – 159
Казаков Е.П. – 458
Казаков И.М. – 98
Казаков М. – 545
Казанлы Ф.-С. – 704
Казем-Бек А.К. – 702
Казин Ф.Н. – 115
Кайбицкая Г. – 337, 343, 399
Кайманов Н.Ф. – 382
Каледин А.М. – 285
Калимуллин Р. – 460
Калинин Е.П. – 209–210, 212
Калинин К.И. – 190
Калинин М.И. – 228, 264
Калинин Н.Ф. – 448
Калиновский А.Г. – 109
Кальгин Б.С. – 423
Каляга А.В. – 108
Камай Г.Х. – 374, 377, 395, 408, 457–458, 703–704, 710
Камал А. – 396
Камал Г. – 147–149, 159, 164, 166, 178–181, 191, 334, 336–337, 345, 374–375, 443, 451, 459
Камал З. – 186
Камал Ш. – 148, 166–168, 172, 334, 338, 340, 397, 458
Камали З. – 134, 220, 225–226, 373
Камалов Х. – 452
Каменев Л.Б. – 267, 273, 283
Каменев Л.В. – 375

- Каменев С. – 285
Каменский В. – 341
Каменский Н.Т. (Никанор) – 106
Камская Г. – 337
Кандалинцев В.Б. – 553–554
Кандалый Г. – 449
Кант И. – 532
Кантария М.В. – 386
Капица П.Л. – 394, 704
Капралов – 200
Капустин М.Я. – 74, 100, 103
Карам Г. – 180
Карамзин Н.М. – 738
Карасев – 206
Каратаев С.-Б. – 88, 123, 127
Караулов – 208
Караши Г. – 220
Карбышев Д. – 386
Кариев Г. – 178–180, 191
Карим Ф. – 148, 159, 164, 374, 377, 396–397
Карими М.-Ф.Г. – 80, 119, 135–136, 218, 220, 224, 237
Каримов – 464
Каримов А. – 579
Каримов Г. – 229–231
Каримов И.А. – 494
Каримов К. – 224
Каримовы – 139, 158–159
Каримуллин А. – 453
Карпов А.И. – 205–206, 210, 253
Карташов А. – 385
Карчевский Ю. – 403
Карякин В.А. – 74
Касимов Д. – 421
Касимов Э. – 459
Кастров А.Х. – 56
Касымов Г. – 376
Катаев – 412
Катанов Н.Ф. – 106, 144, 146, 157, 356–357
Катков Г.П. – 398
Кацюба А. – 421
Качалов В.И. – 342, 451, 458–459
Кашаев З. – 80
Кашшаф Г. – 403, 413, 448–449
Кейтель – 399–400
Келдыш М.В. – 394, 704
Кербель Л.Е. – 458
Керенский А.Ф. – 202
Кибяков А. – 351
Киникеев А. – 55
Кириенко С.В. – 594
Кириллов С.И. – 525, 585
Киров С.М. – 513, 556
Кирпичников П.А. – 457, 706
Кирсанов А.В. – 386, 388
Киришон А. – 422
Киселев – 351
Кистяковский А.Ф. – 118
Киямов Х. – 546
Клаус В. – 623
Клаус К.К. – 702
Климов П. – 449
Клинтон Х. – 623
Клюева Н.Г. – 450
Ключарев А.С. – 108, 343, 345, 458
Ключевский В.О. – 738
Ключников Н. – 103
Кобеко Д.Д. – 108
Кобелев Г.В. – 568, 590
Коблов Я.Д. – 138–139
Козак Д.Н. – 737
Козлов Б. – 574, 580
Козлов И. – 148
Козлов Я.И. – 53
Козырев Б.М. – 349, 457, 705
Кокорев А.А. – 159
Коллегаев А.Л. – 204
Колесник А.А. – 541, 544, 568, 574, 584
Колчак А.В. – 230–231, 259, 285–286
Кольи М. – 449
Комаров – 200, 202
Коморовский Б. – 642
Конев И.Н. – 388
Коновалов А.И. – 457, 503, 513–514, 706
Конюшкин – 205
Копнов А. – 261, 265
Кораблев Ю.И. – 382
Корбут М.К. – 410, 704
Коржец А.В. – 288
Корин П.Д. – 460
Корнеев Л.П. – 402
Корнейчук А. – 399
Корнилов Л.Г. – 285
Коровиченко – 202
Королев С.П. – 394, 704
Корсаков Д.А. – 144
Кортов – 205
Космодемьянская З. – 421
Косулин – 537, 543
Косыгин А.Н. – 469
Котельников А.П. – 145
Котов И. – 503
Кочергин С.М. – 457
Кошевой О. – 421
Кошегулов Ш. – 81–82
Красильников Ю.Г. – 544, 546
Кремнев В. – 492
Крестовников – 343
Крестовниковы – 60, 189
Кржижановский Г.М. – 394, 704
Кротов Б.П. – 351
Кротов П.И. – 101–102, 145, 356
Крупская Н.К. – 464
Крылов Я. – 210
Крымов М. – 336, 338
Крючков В.А. – 551, 552
Кувшинов П.К. – 106, 113
Кугультинов Д.Н. – 511
Кудаш С. – 334–336
Кудашев-Ашкадарский И.Б. – 148, 178
Куделькин В.И. – 398, 460
Кузнецов А. – 47
Кузнецов Н. – 459, 461
Кузнецов С.К. – 140

- Куйбышев В.В. – 267, 240–273, 347, 438
Кукарников А.И. – 108, 110, 112
Кукляшев С. – 357
Кул Гали – 459, 625
Кулалаев А. – 178
Кулахметов Г. – 167, 422
Кульбарисов Ф. – 458–459
Куманев Г.А. – 382
Кун-Макпартленд – 664
Куприенко В.П. – 704
Купцов – 257
Куракин И.А. – 102
Кураманаев Г. – 229
Курамшин Я.Ф. – 376
Курат А. – 643
Курбангалиев Н. – 230, 235–236
Курбангалиев М. – 225
Курбатов Х. – 453
Курицына О.В. – 393
Курмаев О.Д. – 352
Курманов М.М. – 586
Курмашев Г. – 406
Куроедов З.А. – 469
Курочкин П.А. – 383
Курчаков Р. – 666
Курчатов И.В. – 394, 704
Курылев В. – 535
Кустабаева Л. – 459, 697
Кутлин З.Ю. – 388
Кутуй А. – 334–336, 340–341, 376, 384, 396–397, 451
Кучма Л.Д. – 493
Кушай Х. – 643
Ламмерс – 399
Лаптев Б.Л. – 457
Лаптев И. – 551
Лаптев К.А. – 108
Ларин Ю. – 283
Ларионов В.П. – 511
Латып Г. – 419
Латыпов З. – 570, 572–573
Латыпов М. – 399
Латыпов Р. – 452
Латыпов Ф. – 148, 343
Лебедев – 450
Лебедь А.И. – 612
Левшин – 451
Лейбниц Г.-В. – 709
Леман А. – 458
Леманов И. – 87, 127, 191
Ленин В.И. – 229, 257, 259–260, 264, 266–267, 270, 282–285, 307, 347, 409, 412, 422, 654, 709
Леонов Л.М. – 397, 422
Леонтьев – 210
Леонтьев М.В. – 593
Лепа А.К. – 338, 410
Леушин Б.Д. – 512, 520
Лешкин Н. – 403
Ливанов Н.А. – 352, 457, 705
Липатов Н. – 385
Липовцев – 412
Липужина В.Н. – 546
Лисименко А.Ф. – 386
Лисицын А. – 613
Лист Г.Н. – 394
Литвин А.Л. – 374, 457
Литров И.А. – 349
Лихачев А.Ф. – 337
Лихачев В.Н. – 498, 546, 579, 583–585, 590
Лобачевский Н.И. – 348–349, 669, 702
Ловчицкий С. – 254
Логинов – 565
Логинов В. – 613
Логутов А. – 518, 522
Логутов А.Я. – 100
Лозовой А.П. – 546, 565, 568, 584, 589
Лозовский С.А. – 74–75
Лосев Л.И. – 106
Лузин А.В. (Варсонофий) – 106
Лукьянов А.И. – 550–552, 555
Луначарский А.В. – 342
Лундстрем О. – 458
Луньяк А.И. – 353
Львина А.Н. – 379
Львович Б. – 424
Ляпин Ф. – 644
Мавлютов Х. – 376
Мавлятшин М.М. – 582, 586–587
Магдеев М. – 341
Магдеев М.С. – 506
Мазитов А. – 341
Макашев А. – 555–556
Маков В.Н. – 386
Максимов К.Е. – 398, 458, 460
Максимов П.В. – 108
Максуд М. – 334, 336
Максуди А.-Х.Н. – 79–80, 82, 191, 227, 250
Максуди Н. – 237
Максуди С. – 82, 85, 87–89, 92, 123, 127, 190–193, 213, 215, 218–221, 223–224, 226, 229–238, 242, 250–251, 410, 642–643
Максуди Х. – 162, 410
Максудов Г. – 348
Максудов М. – 449
Максудов С. – 366
Максудов М.-А. – 79
Максудова З. – 408
Максумов М. – 344
Максутов М. – 160
Маленков – 451
Маленков Г.М. – 338
Маликов А.К. – 377
Маликов В. – 461
Маликов З. – 238, 420
Малиновский Р.Я. – 388
Малкин – 349
Малкин П.И. – 387
Малов С.И. – 447
Мамлиев С. – 192, 230
Мамонтов Н.И. – 112
Манатов Ш. – 229
Мангуткин Ф.С. – 412
Мангушев М. – 379
Мандельштам И.В. – 99

- Мандельштам Л.И. – 704
Мандельштам М.А. – 74
Маннур Ш. – 334, 397, 408, 414, 432, 438, 440, 448–449, 452, 458
Мансуров Б.Х. – 261, 265, 268
Мансуров Г.Г. – 261, 268
Мансуров М. – 420
Мансуров Н.В. – 559, 567, 572, 577
Мансуров П. – 345
Манцев – 210
Марджани Ш. – 176, 500, 683, 702
Марков М.В. – 705
Марковников В.В. – 100
Маркой 2-й – 124
Маркс К. – 132, 333, 347, 409
Мартынов Б.Н. – 352
Мартынов Д.Я. – 350, 457
Масальский – 205
Маслоу А. – 669
Матвеевский Л.А. – 108
Матросов А. – 385, 421
Махиянов Н. – 536, 583
Махмудов М. – 229
Махмудов Х. – 229
Махно Н. – 286
Мацуура К. – 625
Машковцев Н. – 346
Медведев Д.А. – 684, 690
Медведев Н.Я. – 583
Медиев Р.-М. – 86
Меллер – 404
Мельгунов С.П. – 123
Мельников А.А. – 350
Мельников Н.А. – 74
Менкин Е.В. – 125
Метшин И.Р. – 628
Миллер Е.К. – 285
Милх М.Р. – 205, 255
Мильеран – 237
Милюков П.Н. – 596
Мингалим Р. – 459
Мингареев Р.Ш. – 426
Минин М.П. – 386
Минкин Г. – 184
Миннигалеев М. – 121
Минниханов Р.Н. – 671, 730
Миннуллин Р.М. – 541, 546
Миннуллин Т.А. – 459, 496, 512, 514
Минский А. – 334–335, 340
Минский Г. – 452
Минц – 210
Мирзанов Б. – 173
Миронов С.И. – 350–351
Миронов С.М. – 737, 738
Миропольский Л.М. – 351, 395, 450, 457, 705
Мирошниченко Н. – 422
Мирхайдарова – 153
Миславский Н.А. – 145, 351
Мифтахов В. – 396
Михайлов В. – 539–540, 570, 573–575, 586–587
Михалков С. – 655
Могамет – 81
Мойкин П.Ф. – 108, 114
Мокшин С. – 450
Молоствов В.В. – 200, 213
Молотов В. – 191
Мольер Ж.-Б. – 180
Монасыпов А.З. – 460
Монасыпов Г. – 166, 219
Моради Я. – 164
Моракаев Г. – 254
Морокин – 583
Мосолов – 200
Мохов В.И. – 204, 253
Мударрис Ш. – 384, 397, 458
Муджай Хайрутдин – 386, 396
Музафаров – 414
Музафаров М. – 343–344, 399, 458
Музафаров Н. – 520
Музафаров Ю. – 217, 245, 253
Музинов Г. – 111
Мулюков М.А. – 480–512, 514, 526, 537, 546, 560, 562, 570, 573, 576, 578
Мунасыпов Г. – 254
Муравьев В. – 424
Мурадымов Х. – 483
Муратов З.И. – 408, 431, 433, 443, 447
Муртазин Г. – 546
Муртазин Ф. – 132, 226
Муртазин-Иманский В. – 178–179
Мусагит Ф. – 448
Мусин Г.Я. – 345, 398
Муслимов Р.Р. – 554
Мустафа А. – 193
Мустафин А.Р. – 410
Мустафин Г. – 75
Мустафин И. – 546
Мустафин И.Ш. – 445
Мустафин Р.А. – 403–404, 453
Мусяев Х. – 56
Мутин М. – 341
Мутыги А. – 343
Мутыги К. – 148, 161, 184
Муфтий-Заде И. – 123–124
Мухамаджанов М. – 345
Мухамадиев Р.С. – 509, 512, 523–525, 543, 546, 583
Мухамедов А. – 385
Мухамедов М. – 225
Мухамедов Х. – 402
Мухамедов Ш. – 164–165, 167, 171
Мухамедьяров Ф. – 234, 239, 375
Мухамедьяров Ф.Г. – 395, 705
Мухамедьяров Ш. – 75–76, 134–135, 215, 229
Мухаметдинов А. – 229
Мухаметжанов Ш. – 346
Мухаметжанов Ш.Ю. – см. Матросов А.
Мухаметзянов Г.М. – 336, 374
Мухаметзянов М. – 419, 420
Мухаметов А.А. – 369
Мухаметшин Г. – 338
Мухаметшин Р.М. – 435, 666
Мухаметшин Ф.Х. – 534, 557–558, 561–563, 567–569, 574–575, 578–580, 582, 584, 587–589, 593–594, 627–628, 737

- Мухаметшина М. – 346
Мухаммад – 132
Мухаммад – 698–699
Мухаммедьяров Ш. – 191
Мухаммедьяров Ф. – 228, 254
Мухарьямов С.Ф. – 554
Мухарьямов М.К. – 457
Мухетдинова А. – 224
Мушина В.И. – 383
Мухитдинов К.Х. – 312
Мухитдинова А.Ф. – 146
Мухтаров К.Г. – 261–262, 265, 268, 274, 374, 377
Мухтарова А. – 343
Муштари Х. – 349, 457, 703
Мушгариева – 153
Мышляевский – 202
Мэтлок Дж. – 551
Мясникова – 353
Набиев Р. – 688
Нагуевский Д.И. – 146
Нагуманов Д.Н. – 568
Наджми К. – 334, 336, 338, 340, 376, 397, 448, 458
Надиров – 558
Назарбаев Н. – 730
Назарбаев Н.А. – 552
Назирова – 153
Нариманов Н. – 178–179
Нариманов Ф. – 337
Насретдинов Г. – 397
Насрый Г. – 384
Насыри К. – 147, 357, 408, 422, 450, 653, 702
Насырова Р.Ш. – 387
Наумов Х. – 335
Нафигов Р. – 453, 457
Нафиев С.Х. – 587
Неометов И.К. – 312
Несмеянов А.Н. – 394, 704
Нефедов В. – 546
Нехотин В. – 492
Нехотяев А.Н. – 261, 265
Нечаев А.В. – 350
Нигмати Г. – 376, 704
Нигматуллина Ю. – 336
Нигматуллины – 160
Низамов Р.А. – 508–509, 525
Низамовы – 562
Никаноров – 450
Николай II – 68, 104, 106, 113–114, 128, 142, 188, 213
Николай Николаевич, великий князь – 188
Никольский Н.В. – 356
Никулин Ю. – 442
Ниязов А. – 681
Новиков В.И. – 200
Новиков М. – 386
Новикова Л.Я. – 409
Новоселов И.А. – 398
Ноинский М.Э. – 350, 352
Норден А.П. – 457
Нугаев А. – 375
Нугайбек Г. – 358
Нужин М.Т. – 457
Нуретдинов К. – 561
Нури З. – 386, 458
Нуриев Р. – 636, 652, 669
Нуруллин – 412
Обнорский С.М. – 394, 704
Одинокоев Ю.Г. – 457
Олейник Б. – 494
Олькеницкий Г. – 190, 205–206, 212
Оранский – 344
Орджоникидзе Г.К. – 306, 409, 513
Островский А.Н. – 178, 180
Остром В. – 593
Охроменко Л.П. – 100
Павличева М.И. – 393
Павлов – 412
Павлов В.С. – 551–552
Паломожных А. – 209
Палютин Х.Р. – 410
Панарин А. – 385
Панкратов И.Л. – 103
Панов В. – 442
Панфилов И.Л. – 108
Папалекси Н.Д. – 704
Паперный Ю.Н. – 317
Парфентьев Н.Н. – 348–349, 352, 703
Пастернак Б.Л. – 653
Пастернак Л. – 397
Паушкин Г. – 382
Пахомов Б. – 386
Перкинс Т. – 710
Перов А. – 546
Перов И.В. – 159
Перов И.С. – 108
Персидский – 349
Пестсковский С. – 259
Петкевич Г.Б. – 125
Петляков В.М. – 394
Петр I – 709
Петров А.З. – 457
Петров И. – 257
Петров Н.А. – 112
Петровский Н.М. – 101, 144, 146
Петрушин Ю. – 546
Петяев И.М. – 100
Пивоваров Ю. – 738
Пилсудский Ю. – 642
Пинегин М.Н. – 132, 156
Пионтковский А.А. – 145
Пирогов Н.И. – 709
Писаревский Л.М. – 458
Пискорский В.К. – 144
Пичуев Г. – 442
Пластов А.А. – 460
Плотникс А. – 492–493
Плотников А.Н. – 213
Подгорный Н.В. – 469
Позднякова Н. – 184
Познышев С.В. – 118
Полетик П.Я. – 112
Полтаржицкий С. – 254
Полтев – 203
Полянин В.А. – 457

- Полянский И.В. – 464
 Пономарев – 205
 Поплавский К.Б. – 203, 206, 209, 211–212,
 Попов – 200
 Попов Г. – 551
 Порай-Кошиц А.Е. – 394, 704
 Порфирьев В.С. – 450
 Потапов С.А. – 423
 Праксин И.А. – 100
 Прам – 403
 Преображенская – 342
 Преображенский Е. – 333
 Привин А. – 460
 Прокопьев А.А. – 423, 460
 Прокофьев Н.О. – 113
 Прохоров А.Я. – 411
 Прохоров Ю. – 525
 Прошкуратов И. – 460
 Прусак М.М. – 593, 612
 Пуго Б.К. – 552, 557
 Пудовик А.Н. – 457, 706
 Пултар Г. – 643
 Пуришкевич В.М. – 103, 105, 114
 Путин В.В. – 529, 592, 594, 612–613, 619, 641, 654,
 690
 Путин В.В. – 736, 737
 Пушкин А.С. – 669
 Пчелин М. – 390
 Радек К.Б. – 267
 Радлов В.В. – 357
 Разин Г. – 338
 Разумов М.О. – 410
 Разумовский В.И. – 100, 145
 Рамазанов Ш. – 358
 Рамеев З. – 55, 80
 Рамеев И. – 334
 Рамеев Ш. – 55
 Рамеевы – 119
 Рамзи М. – 221
 Рамиев З. – см. Дэрдменд
 Рамиев И. – 226
 Рамиев С. – 164, 166, 171–173, 180, 339
 Расих А. – 458–459
 Рассел Б. – 487
 Рафиков С. – 410–411
 Рафикый Г. – 166
 Рахим А. – 334, 354–356, 375, 459, 703–704
 Рахимкулов Г. – 422
 Рахимов – 402
 Рахимов С.В. – 453
 Рахлин Н. – 459
 Рахманинов С.В. – 148
 Рахманкулов А.-Т. – 340
 Рахманкулов А.-х.А. – 94
 Рахманкулова Г.А. – 398
 Рахманкулова М. – 337, 399
 Рахмати А.Р. – 643
 Рахматуллин И.Ш. – 376, 410
 Рахматуллин Х.Б. – 408
 Рахметуллин Ш. – 111
 Рашитов Г. – 387
 Рейнбот А.А. – 108
 Решетов Ю.С. – 546, 564, 569, 579–580
 Рид Дж. – 625
 Ризположенский Р.В. – 106–110
 Родионов А.М. – 398, 460
 Родченко А. – 149
 Рождественский Н.И. (Никон) – 106
 Рождественский П.А. – 106
 Розенберг – 399
 Розова Э. – 346
 Рой Я. – 430
 Рокицкий М.Р. – 541
 Рокоссовский К.К. – 383
 Романова М. – 390
 Романовы – 285
 Рорлих А.А. – 136
 Роскин Г.И. – 450
 Россель Э.Э. – 495
 Рoshаль М.Г. – 261, 265
 Рубикс А. – 494
 Рудов С. – 206
 Румянцев О.Г. – 579, 581–583, 558
 Русинов Л.И. – 394
 Руцкой А.В. – 591
 Рыбаков А. – 508
 Рыбкин И.П. – 611
 Рыжков Н.И. – 516
 Рыков А.И. – 283
 Рыскулов Т. – 274, 333
 Рябков Г.М. – 417
 Саади Г. – 358
 Сабилов А. – 453
 Сабилов М.Г. – 544, 554, 558, 561
 Сабилов Р. – 421
 Сабилов Р.А. – 274
 Сабитов Р. – 546
 Сабитова Ф.С. – 50
 Сабитова Х.М. – 50
 Саблуков – 355
 Сагадеев А.В. – 275
 Сагдеев Р.З. – 511
 Сагди Г. – 155, 334, 704
 Сагидуллин М. – 268, 375
 Сагитова Л.В. – 652
 Садриев – 562
 Садриев С. – 387
 Садьков Г. – 191
 Садькова С. – 187, 460
 Сазанов М.Г. – 108
 Саидгаджиев – 411–412
 Саид-Галиев С.С. – 253, 261–263, 265, 267–270,
 374, 442
 Саинов Г. – 158
 Сайдашев А.Я. – 100, 107, 134, 159
 Сайдашев С. – 337, 341, 343, 344, 399, 458
 Сайдашевы – 60
 Сайфи Ф.К. – 180, 225–226, 228, 239, 251, 265, 334,
 340, 356, 374–376, 410
 Сайфуллин Г. – 184
 Сайфуллин Р.Ф. – 398
 Сайфуллина – 153
 Сайфульмулюков Ф. – 406
 Сайфульмулюков Г. – 237

- Сайфутдинов Ш. – 92
Сакаев Р. – 460
Сакс – 451
Салабаев А.М. – 575–577, 579–580
Салаватов Р. – 459
Саламашкин В. – 521
Салахов И. – 338
Салахов И.И. – 560, 562, 574, 580
Салехов Г.С. – 457
Салимов А. – 385
Салихи К. – 225
Салихов Г.С. – 348
Салихов К.М. – 457, 705
Салихов Р.Р. – 133
Салихов С. – 229
Салман Ф. – 687, 698
Салыхова Д. – 422
Самаренкин А. – 521
Самбикин Д.И. (Димитрий) – 106
Саммер И.А. – 75
Саммитов Ю.Ю. – 705
Самойлов А.Ф. – 351, 703, 706
Самохвалов А.С. – 261, 265
Сандецкий – 200, 202
Санфиорова О. – 386
Сапожников – 412
Саразеева – 398
Сарымсаков Ш. – 459
Сасонов В. – 199
Сатаров Ш. – 172
Саттаров Г.Ф. – 458
Сафаргалиев М. – 448
Сафаров А. – 692
Сафиуллин Г.Б. – 384, 388
Сафиуллин М.Г. – 353
Сафиуллин Ф.Ш. – 570, 546–547, 559, 562, 570, 574–575, 584–586, 620, 689
Сафиуллин Х. – 225
Сафиуллина Ф.С. – 458
Сахапов Г.З. – 542
Сахаров А.Д. – 511
Сахибуллин Н.А. – 707
Саяхов Р.А. – 590
Сбоев В.А. – 356
Свердлов Я.М. – 257, 285
Свиридов Г. – 461
Святополк-Мирский П.Д. – 76
Седлецкий – 208
Селиванов А.А. – 92
Селивановский Б.В. – 350
Селищев А.М. – 144
Селянкин Ф. – 160
Сергеев Л. – 424
Сергиевич Н.В. – 112
Сибгатуллин И. – 420
Сидорова – 562
Силаев И.С. – 552
Силантьев А.Г. – 398
Симаев А. – 406
Симолин А.А. – 97
Симонов К. – 399
Сираев М. – 546
Сиразеев – 412
Сиразеев Д. – 697
Сиразеев Р. – 584,
Сиразетдинов Х. – 111
Сиразиев Р. – 534–536, 540, 546
Сичова С. – 515
Скоков Ю. – 560
Скрябин А. – 148
Скукин Е. – 565
Скуратов Ю.И. – 613
Сламан – 709
Смирнов А. – 312
Смирнов А.В. – 74
Смирнов А.П. – 448
Смирнов В.С. – 423
Смолин В.Ф. – 354, 703–704
Смыков Ю.И. – 457
Снегирев И.М. – 357
Собинов Л. – 148
Соболев В.Г. – 353
Соколова М.М. – 112
Соколовский С.А. – 108
Сокольский Н. – 346
Сокольский Н.М. – 398
Соловьев А.Т. – 106, 110, 113–116
Соловьев В. – 399
Соловьев С.М. – 738
Сорокин Н.В. – 146
Софронов Е.Е. – 100, 108
Сперанский – 347
Сталин И.В. – 227, 229, 255–260, 266–267, 269–274, 374–375, 378, 383, 385, 407, 409, 412–413, 444, 462, 515
Станкевич С.Б. – 549
Становой А.Д. – 102
Стародубцев В.А. – 552
Старостин П.Н. – 458
Стасова Е.Д. – 266
Стаханов А.Г. – 315
Стахеев И.Г. – 98
Степанов А.И. (Гурий) – 106
Степанов М.И. – 353
Степанов Н. – 531
Стечкин Б.С. – 394
Столыпин П.А. – 66–67, 81, 117, 127–128
Столяров Н.Г. – 387
Стрижевский М.В. – 67–68, 108, 127
Субаев – 60
Субботин И. – 397
Суворов Ф.М. – 145
Судейкин Г.С. – 352
Сулеймани Г. – 220, 226, 229–230
Сулин В.А. – 354
Султанбеков Б.Ф. – 275, 513
Султан-Галиев М.Х. – 216–217, 222–223, 245–247, 253, 261, 265–269, 271–276, 374, 377, 509, 513–514, 629
Султанов Г. – 375
Султанов З. – 341
Султанов И.Т. – 570, 574, 586
Султанов М. – 138
Султанов Ш.З. – 265

- Сулькевич С.С. – 268, 270
Сунчалей С. – 339
Сунчалай Ш.Х. (Сунчелей) – 185, 229
Суханов В.М. – 106
Сыромолотов Ф.Ф. – 258
Сыртланов Г.-О. – 82, 88, 92
Сыртланов Р. – 165
Сыртланов Ш. – 79, 80-82, 216
Сыртланова М.Г. – 386–387
Табеев Ф.А. – 385, 412
Тавлин Г. – 410–411
Таганцев Н.С. – 118
Тагеева Н.В. – 354
Тагиров А. – 254
Тагиров А. – 340
Тагиров Г. – 344
Тагиров З.Ш. – 356
Тагиров И.Р. – 275, 457, 533, 546, 549, 581, 614
Тагиров Р.Ш. – 356
Тагиров Ф. – 346
Тагиров Ш. – 345
Тадевоян Э.В. – 497, 516
Таджиев – 402
Таджутдин Т. – 645, 684, 687
Такташ Х. – 334, 336, 340, 347
Тальковский А. – 377
Таначеев В. – 191, 193
Тангатаров А. – 172
Танеев Х.Х. – 56
Таняев А.П. – 261, 265, 267
Тарановский Г.Н. – 119
Тарджиманов К. – 220, 229–230, 373
Тарле Е.В. – 394, 704
Тарнапольский Р.И. – 579
Тарханов Б. – 341
Тарчевский И.А. – 457
Тевкелев К.-М. – 82, 87–89, 124, 127, 188, 191, 216, 219
Тевкелева С. – 153
Тельберг Г.Г. – 97, 99, 101
Тельман Э. – 308
Темир А. – 643
Терегулов – 351
Терегулов А.Б. – 145, 190
Терегулов А.Г. – 395, 705
Терегулов Г. – 76, 215, 218, 222–224, 227, 229, 232, 235, 237, 250
Терегулов И.В. – 149
Терегулов И.Г. – 457
Терегулов К. – 254
Терегулова Ф.И. – 356
Терентьев Л. – 546
Терновская О.Н. – 112
Тизяков А.И. – 552
Тикн Г.П. – 410
Тимашев Г.А. – 555–556
Тимашев Н.С. – 118
Тимербулатов Ш.Х. – 459
Тимирбулатов Г.Г. – 111
Тимофеев В.К. – 398
Тинчурин К. – 148, 164, 167, 172, 337–338, 340–341, 411, 374, 377, 459, 697
Тирегулов Г. – 339
Титов С. – 546
Тиханович-Савицкий Н.Н. – 108
Тихвинская Е.И. – 350, 353, 395, 457, 705
Тихомирнов В. – 191, 201
Тишков В.А. – 695, 738
Токумбетов У. – 231, 245, 253
Токумбетов О. – 217
Тольский А.П. – 352
Топчибашев А.-М.-б. – 79–82, 84–88, 127
Травкин Н.И. – 525
Трапезников А.П. – 353
Тренев К.А. – 397
Троицкий Н.М. – 106, 108, 112
Трофимук – 353
Троцкий Л.Д. – 200, 267, 273, 285, 375
Трошанин П.Г. – 353
Трусенев Н. – 408
Тубакаевы – 56
Туишев Ф. – 343, 399
Туйкин Ф. – 172
Тукаев М.-Ш.Х. – 80, 123
Тукай Г. – 95, 137, 147, 149, 164, 171–177, 183, 185, 357, 419, 442, 450, 459, 627, 653, 669, 699–700
Туктамышев Н. – 716
Туктаров М.-Ф.Ф. – 75–76, 79, 83–84, 91, 135, 203, 217, 222–223, 225, 229, 237
Туктаров Ф. – 162, 191, 339
Тулумбайский Г. – 334, 340, 341, 356
Тумашев А. – 459
Тумашев Г.Г. – 457
Тумашева Д.Г. – 458
Тунтул И. – 258
Туполев А.Н. – 394, 704
Тургенев И.С. – 171
Турьянский – 412
Туфан Х. – 334, 374, 376–377, 411, 419, 461
Тухватуллин М. – 186
Тухватуллин Р. – 459
Тухватуллин Ф. – 387
Тынышпаев М. – 213
Тюнтяри М.-Н. – 226
Тюфилин А.М. – 106, 112
Удалов И.И. (Йоасаф) – 106
Улитин А.И. – 423
Ульянов-Ленин В.И. – см. Ленин В.И.
Улюкаев А. – 492
Ураев П.В. – 432
Уразаевы – 54
Уразгильдеев Г. – 373
Уразиков Х. – 341
Уразов К. – 386
Урицкий М.С. – 442
Урманов С. – 220, 229–231
Урманче Б. – 346, 374–375, 398, 460–461, 653
Урманчиев А. – 191
Усманов Г. – 153
Усманов Г.И. – 495–498, 510
Усманов М.А. – 440, 457
Усманов М.У. – 398, 460
Усманов Н.К. – 348
Усманов Х. – 384

- Усманов Х. – 86
Усманов Х.У. – 414, 458
Усманов Ш.Х. – 263, 267, 274, 277, 335–336, 338, 340, 374, 377, 411
Утехин Н.В. – 103
Уткин Н.С. – 423
Утыз Г. – 449
Утямышев – 53
Утямышев И. – 229
Утяшев А.Г. – 410
Ухтомский А.А. (Андрей) – 106, 113
Ушков – 60, 201
Фаворский А.В. – 145
Фадеев А.А. – 397
Фазлуллин М. – 356
Фаизханов Х. – 702
Файдыш – 200, 202
Файзи А. – 344, 414, 452, 459
Файзи М. – 147–148, 164, 171, 336, 340
Файзуллин Р. – 459
Файзуллин Р.А. – 541
Файзуллин Ф.Ф. – 705
Файзуллин Х. – 93, 111
Фалин И. – 259
Фасеев К.Ф. – 415, 452
Фаттах Н. – 413, 416, 458, 459
Фаттахов Л.А. – 398, 458–460
Фахретдин Р. – 147, 164, 220, 229–231, 339, 702
Фахретдинов Г. – 234
Фахрульсламов Ш. – 414
Фахрутдинов – 583
Фахрутдинов В. – 541–542
Фахрутдинов И. – 613
Фахрутдинов Р. – 164
Фахрутдинов Р.Г. – 458
Федин К.А. – 397
Федотов – 200, 206
Федотов С. – 345
Фешин Н.И. – 149, 345
Филатов С. – 533–534
Фирдевс И. – 266, 269, 274
Фирсов Н.А. – 593
Фирсов Н.Н. – 144, 355, 703
Флавицкий Ф.М. – 145
Фок В.А. – 704
Френ Х.Д. – 355, 702
Фридман – 412
Фришман Е.В. – 106
Фролов – 205–206, 210
Фрунзе М.В. – 285–286
Фукс К.Ф. – 356–357
Фурасов – 409
Фурман Д. – 678
Фурсов А. – 738
Хабаров В.А. – 402
Хабибуллин З. – 343–344, 399, 458
Хабибуллин М. – 459
Хабибуллин Ш.Т. – 457
Хабибуллина Г.Р. – 579
Хабибуллина Н. – 390
Хади З. – 164–165, 167
Хазбиевич С. – 642
Хайбуллин И.Б. – 457, 705
Хайзен Вальтер – 403
Хайруллин А. – 442
Хайруллин И.К. – 511
Хайруллина А. – 458–459
Хайрутдинов Х. – 520
Хайрутдинова Л.А. – 460
Хаким С. – 396–397, 451, 458, 461
Хакимов К.А. – 261
Хакимов Н. – 229–230, 376
Хакимов Р.С. – 275, 498, 554, 659, 666
Хакимовы – 153
Халиди Ф. – 178, 180, 449
Халиков А.Х. – 706
Халиков В. – 386
Халиков Я. – 111
Халилов Г. – 55
Халит Г. – 419, 449
Халитов Р. – 387
Халитов Ф. – 458
Халлик К. – 493
Халтурин С. – 459
Халфины – 48
Хальфин Н. – 224–225, 228, 238, 251–252
Хальфин С. – 357
Хамди бей О. – 182
Хамзави-аль И. – 155
Хамзин В. – 411
Хамиди Г. – 562–563
Хамидуллин Г.Х. – 392
Хамидуллин Ф.Г. – 544, 546
Ханафи М. – 172, 226
Хангильдин В.Н. – 358
Хантингтон С. – 677–678
Ханхойский Ф. – 86, 88
Харис Р. – 459
Харитонов И.Н. – 158–159
Харламов Н.П. – 125
Харузин А.Н. – 125
Хасани А. – 183
Хасанов Г. – 191
Хасанов З. – 406
Хасанов М.-С. – 86
Хасанов М.Х. – 519, 614
Хасанов Н. – 221
Хасаншин М. – 387
Хасбулатов Р.И. – 552–553, 561–562, 582, 588, 590–591
Хасибуллин – 419
Хасмамедов Х. (Хас-Мамедов Х.-бек) – 88, 124
Хатаевич М.М. – 410
Хафизов М.М. – 562, 574, 586
Хафизов Р.Ш. – 538, 540, 546–547
Хахарев К.Г. – 265
Хвостов М.М. – 97, 99, 101, 144, 146
Хеннинг – 405
Хидиятуллин С. – 390
Хиль-Роблес А. – 626
Хисамутдинов Г.М. – 356
Хисамутдинов З. – 111
Хисамутдинов С. – 111
Хисматуллин Х.Х. – 447

- Хиялетдинов – 464
 Хованская О.А. – 353
 Хольсте – 405
 Хорос В. – 494
 Храповицкий А.П. (Антоний) – 106
 Хрушев Н.С. – 414, 432, 438, 440, 466–467, 620
 Ху Цзиньтао – 623
 Худяков М.Г. – 354, 356, 703-704
 Хузахметова Ф. – 698
 Хузеев М.Ю. – 375
 Хузи Г. – 452
 Хусаинов – 78, 160
 Хусаинов А. – 152
 Хусаинов А.Г. – 54
 Хусаинов Г.Г. – 54
 Хусаинов М.Г. – 54
 Хусаинов Ш. – 452, 459
 Хусаинова Л. – 147, 153
 Хусни Ф. – 397, 448–449
 Хусниев Г. – 453
 Хуснуллин Р. – 563
 Хуснутдинов – 204
 Хуснутдинов Н. – 498
 Цаликов А.Т. – 191, 215, 217–221, 227–229, 231, 237
 Цек – 401
 Чагатай С. – 643
 Чанышев Я.Д. – 205, 375, 388, 411
 Чаплыгин С.А. – 394
 Чаромский А.Д. – 394
 Чеботарев Н.Г. – 348–349, 351, 457, 703
 Чегвинцев – 412
 Чекунов – 199–200
 Ченакай Т. – 334–336, 375
 Чепиков К.Р. – 350
 Череванский В.П. – 80, 126
 Черепанов М. – 403
 Чернобровка Е. – 565
 Чернов В. – 229
 Чернов С.П. – 350
 Черномырдин В.И. – 592
 Чернояров А.Д. – 97-98
 Чернояров Д.Д. – 98
 Чернышев Е.И. – 355, 448, 703
 Четаев Н.Г. – 281, 349, 457, 703
 Чехов А.П. – 178, 180
 Чингиз-хан – 355
 Чиркова М. – 159
 Чирковский – 351
 Чудаков Е.А. – 394-395
 Чуйков И.П. – 289
 Чураев В.М. – 413
 Чыгтай Г. – 164
 Шабаетов Г. – 406
 Шабанов А. – 188–189, 201
 Шавалиев Б. – 385
 Шагиахметов И. – 215
 Шагидуллин А. – 80
 Шагидуллин В. – 191
 Шагиев Б.А. – 554
 Шагиев В. – 387
 Шаймарданов Б.Ш. – 376
 Шаймарданов З. – 385
 Шаймарданов Ш.Ш. – 278
 Шаймиев М.Ш. – 495, 497, 499, 504–506, 510, 512–514, 517–518, 525–527, 533–536, 541, 543, 546–550, 555, 558, 560–562, 564–568, 571–572, 574, 577–579, 582, 589, 591–592, 596, 617, 619, 622, 625, 630, 660, 670, 687–688, 691, 736, 739
 Шайморданов Ш.Ш. – 374
 Шайхиев М. – 539
 Шакиров А.Ш. – 411
 Шакиров И. – 460, 697
 Шакулов Х. – 56
 Шакуров Р. – 544
 Шаляпин Ф.И. – 148, 669
 Шамгунов Р.Ш. – 546
 Шамиль З. – 230
 Шамиль Ш. – 341
 Шамов А. – 334, 336, 340, 397, 449, 451
 Шамсутдинов А. – 373
 Шамсутдинов И. – 399, 460
 Шамсутдинов М. – 546
 Шамсутдинов Ф. – 373
 Шамсутдинова М. – 460, 697
 Шамуков Г. – 420, 458
 Шараф – 158–159, 192
 Шараф Г. – 224–225, 227–228, 238, 240–243, 247, 250–252, 257–258, 356, 358, 374, 377
 Шараф Ш. – 373
 Шарафеев С.М. – 411
 Шарафутдинов Д.Р. – 275
 Шарафутдинов З.З. – 376
 Шарипов Ф. – 386
 Шарифуллин Н. – 563
 Шарифуллин Ш. – 460
 Шатров М. – 422
 Шафигуллин В.С. – 265, 410
 Шахрай С.М. – 549
 Шахтактинский М.-А. – 83
 Шашин В.Д. – 426
 Шварц С.М. – 267–268, 273, 411
 Шеварднадзе Э.А. – 620
 Шейнкман Я.С. – 245–246, 253
 Шейх-Али Д. – 77, 80
 Шелов-Коведяев Ф.В. – 549
 Шельхманов И. – 210
 Шенин О.С. – 552–555
 Шергин Б. – 420
 Шереметев П.С. – 105
 Шершеневич Г.Ф. – 74, 97–99, 102, 146
 Шестаков С.П. – 101
 Шестопалов Л.М. – 394
 Шигабиев Т. – 540
 Шинаси Г. – 232, 237
 Шингареев – 264
 Ширванский М. – 81
 Широков П.А. – 349
 Ширяев В.Н. – 118
 Шишкин И.И. – 653
 Шишков Т.А. – 102
 Шмарев А.Т. – 426
 Шнаси А. – 356
 Шнаси Г. – 223, 226
 Шнуровский К. – 201, 205, 253

- Шофман А.С. – 457
Шохин А.Н. – 612
Штанин А.В. – 533, 541, 546
Штейн А.П. – 459
Штенгер С.К. – 115
Штукенберг А.А. – 354
Шубинский Н.П. – 92
Щербаков А.С. – 383
Щербатов А.Г. – 108, 114
Эйнштейн А. – 487
Эйхенвальд А. – 148
Элиа – 451
Эльвов Н.Н. – 411
Энверов Г. – 414
Энгельгардт В.П. – 702, 705
Энгельс Ф. – 409
Эренбург И. – 384
Эренжен Хара-Дован – 355
Юденич Н.Н. – 259
Юдин – 560
Юдин М. – 399
Юзеев И. – 159
Юзеевы – 111
Юзефович Я. – 270
Юмкелла К. – 625
Юницкий А.А. – 352
Юнысов Н. – 385
Юртаев А. – 498
Юсупов Б.А. – 383
Юсупов Б.М. – 350–351, 457
Юсупов Г. – 345–346
Юсупов М. – 376
Юсупов Р.А. – 535–536, 546, 575, 716
Юсупов Х. – 184
Юсупова М. – 390
Яблоков В.М. – 349, 423
Ягудин М.Л. – 415
Ягудин Ш.Ш. – 546, 579
Ягудин Э. – 337
Ягудины – 153
Язвин – 200, 202
Язов Д.Т. – 551–552
Яковлев А.Н. – 528
Яковлев Е. – 551
Якубов И.Д. – 460
Якубов К. – 205, 253, 226–259, 267
Якубовский А. – 254
Якубовский Я.И. – 384
Якупов А. – 506–507
Якупов В. – 698
Якупов Г. – 364–365
Якупов Х.А. – 398, 458–459, 461
Якупов Ш. – 375
Якушенко Н.И. – 342
Ялчин – 451
Ялышев Х. – 94
Ямашев Х.М. – 76, 162, 422
Ямашева Х. – 76
Янаев Г.И. – 551–553, 555
Ярмухаметов Х. – 357
Яров Ю.Ф. – 579
Яруллин З. – 343
Яруллин Н.Я. – 261, 265
Яруллин Ф.З. – 343–344, 399, 459
Ярцев – 201
Яушев Л. – 153, 229–230
Яушев М. – 343
Яушевы – 54–55
Яфаев Г. – 418
Яфаров Б. – 447, 449
Яхин Р. – 458, 460
Яхшибаев Ч.С. – 345
Яхшыбаев С. – 179, 182–183
Ячевский М.Э. – 125
Яшин А. – 290
Яшнов Л.И. – 352

Политико-географический указатель

- Абдикеево – 141
 Абхазия – 529, 617, 620
 Австралия – 614, 636, 642
 Австрия – 629
 Агрыз – 365–366, 561
 Агрызский район – 325
 Аджария – 529
 Азербайджан – 227, 317, 489, 521–522, 528, 531, 622, 635
 Азербайджанская ССР – см. Азербайджан
 Азия – 470, 487, 618, 621, 632, 636, 726, 728–729
 Азнакаево – 445, 479, 544, 609
 Азнакаевский район – 324–325
 Азяк – 142
 Акмолинская область – 122
 Акмолинский регион – 80
 Аксубаевский район – 325
 Актанышский район – 324–325
 Акташский район – 325
 Актюбинский – 445
 Алексеевка – 141
 Алексеевская волость – 291
 Алексеевский район – 325
 Алма-Ата – 309, 398, 421, 481, 552
 Алмалык – 634
 Алькеевский район – 303, 325, 379
 Альметьево – 371
 Альметьевск – 414, 427, 434, 442–445, 455, 569, 607, 609
 Альметьевская волость – 289
 Альметьевский район – 324, 376, 379–380, 383, 606
 Америка – см. Соединенные Штаты Америки
 Аму-Дарья, р. – 635
 Англия – 317, 439
 Ангрэн – 634
 Анкара – 643
 Апазово – 138, 140
 Апастовский район – 325
 Арзамасская область – 413
 Армения – 374, 489, 515, 521, 531
 Армянская ССР – см. Армения
 Арск – 107, 113, 338
 Арская волость – 263, 291
 Арский кантон – 287, 291, 322, 366
 Арский район – 325, 368, 373, 380, 384, 434
 Арское поле – 210–211
 Архангельск – 642, 696
 Астраханская губерния – 139, 144, 227, 240, 253
 Астраханская область – 608, 644
 Астраханское ханство – 633
 Астрахань – 56, 62, 80, 160–161, 191, 252, 561, 696, 718
 Атинская волость – 291
 Атинский район – 324–325, 366
 Афганистан – 469, 633
 Африка – 470, 487
 Ашхабад – 80
 Ашхытбаш – 366
 Бавлинский район – 325, 376, 390
 Бавлы – 445, 453, 609,
- Багдадский халифат – 645
 Баймурзино – 141
 Байсарово – 199
 Байсаровская волость – 291
 Баку – 62, 64, 80, 220, 300, 309–310, 316, 374, 462, 470, 489
 Балтасинский район – 324–326
 Балыклы – 111
 Бардымский район – 719
 Башкирия – см. Республика Башкортостан
 Башкирская Автономная Советская Социалистическая Республика, Башкирская АССР, БАССР – см. Республика Башкортостан
 Белая Волошка – 141
 Белая, р. – 60
 Белгород – 386
 Белгородская область – 529, 608
 Белград – 355
 Белебеевский уезд – 260
 Белебей – 386
 Беловежская пуца – 490, 557
 Белоруссия – 272, 316–317, 384, 386, 400, 402, 407, 490, 494, 530, 531, 557, 619, 622, 635, 642, 728
 Белорусская ССР – см. Белоруссия
 Бельновичи – 402
 Бельгия – 728
 Березники – 306
 Берлин – 63, 351, 386–387, 402, 406, 409, 709
 Биер – 140
 Бикмурзино – 300
 Биляр – 632, 670
 Билярский район – 325
 Бирск – 153, 261
 Бирский уезд – 260
 Бишкек – 481
 Благодатная – 142
 Ближний Восток – 487, 621, 626, 636, 728
 Бобылевка – 55
 Болгар – 203–204, 418, 421, 354–355, 625, 632, 645, 661, 670, 694, 697, 700
 Болгария – 622, 629, 728
 Большая Атня – 366
 «Большая Башкирия» – 260
 Большетарханский район – 325
 Большие Нурлаты – 368
 Большие Савруши – 138
 Большие Труевы Вершины – 334
 Большой Чирклей – 334
 Бондюжский район – 325
 Босния и Герцеговина – 617, 728
 Бостон – 351
 Бреда – 402
 Брест – 382, 400
 Брюссель – 709
 Брянская область – 732
 Бугульма – 289, 310, 338, 386, 382, 427, 443, 609, 628
 Бугульминский кантон – 322
 Бугульминский район – 324–325, 353
 Бугульминский уезд – 289
 Бугуруслан – 187

- Буденновский район – 325
 Бузулук – 220
 Буинск – 60, 609
 Буинский кантон – 295, 322, 364, 366, 371
 Буинский район – 325, 376
 Буинский уезд – 61, 334
 Буйнакск – 462
 Букеевская Орда – 227
 Булантамак (Артемьевка) – 141
 Булгарское городище – 669
 Булгарское государство – 670
 Булым-Булыхчи – 367
 Бухара – 62, 149–151, 462
 Важешур (Вежешур) – 140
 Варшава – 400–401, 404, 642
 Васильево – 303, 353
 Вашингтон – 551
 Великобритания – 58, 65, 728
 Великое княжество Литовское – 635, 642
 Вена – 63
 Венгрия – 622–623, 629, 728
 Венесуэла – 426
 Верный – 80
 Верхнее-Волжский регион – 80
 Верхнеуральский уезд – 61
 Верхнеуслонский район – 324–325
 Верхнеуслонский уезд – 182
 Верхние Отары – 138, 140
 Верхняя Татарская Майна – 111
 Верхозима – 55
 Верхотурский уезд – 61
 Вилькомир – 197
 Висла – 404
 Витебск – 384, 402
 Внутренняя Россия – 218, 220, 222, 224, 230, 232–235, 237–239, 250–252, 255
 Водоял (Уты) – 141
 Волга, р. – 60, 63, 227, 285–286, 302, 383, 385, 387, 632, 638, 645
 Волгоград – 383–384, 387, 394, 436, 696
 Волгоградская область – 696, 728
 Волго-Уральский регион – 80, 86–89, 139, 151, 192, 227, 229, 231, 234, 337, 350, 633–636, 638, 643, 681, 707
 Волжская Булгария – 354, 632, 645, 660, 697, 700
 Волжско-Камский край – 354, 358, 457
 Волжско-Уральская Советская Республика – 253
 Вологодская область – 495, 730
 Воронеж – 309
 Воронежская область – 316
 Вороний Куст – 141
 Ворошиловский район – 324–325
 Восток (страны Востока) – 59, 131, 136, 151, 164, 170, 259, 264, 271, 275, 447–448, 491, 618, 621–622, 632
 Восточная Россия – 138
 Восточная Сибирь – 316
 Выборг – 78
 Высокогорский район – 434
 Вятка, р. – 60, 82
 Вятская губерния – 139, 141–142, 144, 194, 228, 241, 252–253, 257, 259, 261, 639
 Гаага – 620
 Гагаузия – 620
 Гамбург – 63
 Гданьск – 642
 Германия – 58, 70, 280, 308, 317, 377, 379, 382, 386, 397, 399–400, 406, 409, 427, 456, 462, 622, 629, 636, 643, 697, 728, 731
 Германская Демократическая Республика, ГДР – см. Германия
 Глазовский уезд – 141
 Голландия – 351, 402–403
 Горький – см. Нижний Новгород
 Горьковская область – см. Нижегородская область
 Гралево – 402
 Грозный – 591
 Грузинская ССР – см. Грузия
 Грузия – 374, 489, 513, 515–516, 528, 531, 558, 617, 620
 Гурьевка – 56
 Дагестан – 454
 Дальний Восток – 230, 286, 657
 Демблин – 401
 Дербышки – 419, 437, 538–539
 Джалиль – 445
 Джамбул (Тараз) – 634
 Джебказган – 634
 Димитровград – 695
 Донбасс – 62, 64, 282, 316–317
 Донецк – 316
 Досасе – 141
 Дрезден – 406
 Дрожжановская волость – 61, 334
 Дрожжановский район – 325, 380, 434
 Дубьязский район – 325, 373
 Душанбе – 309
 Дюсум – 368
 Евразия – 621, 628, 707
 Европа – 71, 135–136, 182, 237, 303, 306, 383, 405, 456, 486–487, 499, 621, 624, 627–628, 630, 632, 636, 641–643, 709, 726, 728–730, 744
 Европейская часть России – 59, 61, 71, 73, 351, 464, 683, 700
 Египет – 121, 145, 728
 Еддино – 385, 401, 402–404
 Екатеринбург – 49, 61, 153, 252, 304, 389, 394, 437, 528, 561, 718
 Елабуга – 282, 353, 382, 434, 443, 542, 606–607, 609, 669, 708
 Елабужский кантон – 289, 322, 364, 366
 Елабужский район – 324–325, 386, 606, 623
 Елгава – 515
 Ельшево – 139–140, 142
 Ереван – 309
 Ефемов – 309
 Женева – 191
 Живут-себе-Усадом – 138, 140
 «Забудачная республика» – 236, 243, 245, 247, 254–256
 Заинск – 434, 445, 609
 Заинский район – 325, 606
 Зайсан – 220
 Закавказская Советская Федеративная Социалистическая Республика, ЗСФСР – 272, 530

- Закавказский округ – 126
 Закавказье – 272, 286, 300, 462, 470, 481, 489, 517
 Заказанье – 60
 Закаспийская область – 122
 Закаспийский регион – 80
 Запад (страны Запада) – 130–131, 136, 164, 348, 409, 450, 481, 486, 491, 494, 621–622, 632, 646, 661, 668, 739
 Западная Двина, р. – 402
 Западная Европа – см. Европа
 Западная область – 316
 Западная Сибирь – 316, 427, 473, 694
 Заречье – 208, 211, 347
 Зеленая Роща – 445
 Зеленодольск – 303, 310, 326, 391, 421, 443, 556, 607, 609, 685
 Зеленодольский район – 606
 Золотая Орда – 355, 407, 447–448, 632, 635, 670, 704, 736
 Ибраево Каркали – 111
 Иваново – 312
 Ивановская область – 644
 Ивано-Франковская область – 515
 Иглайкино – 141
 Идель-Уральский штат – см. Урало-Волжский штат
 Иж, р. – 353
 Иж-Бобья – 152–153
 Ижевск – 644, 696
 Израиль – 545
 Иманаево – 141
 Ингушетия – 611
 Индия – 110, 623, 633, 728
 Индонезия – 687
 Иордания – 687
 Ирак – 426
 Иран, Исламская Республика Иран – 426, 622, 629, 728
 Ирбит – 49
 Иркутск – 80, 252, 696
 Испания – 397, 399
 Исуар – 405
 Италия – 397, 622, 629, 728
 Иштуганов – 141
 Йошкар-Ола – 444, 695
 Кабан – 347
 Кавказ – 62, 80, 82, 86–87, 89, 95, 179, 213, 217, 219–221, 231, 251, 383, 470, 562, 633
 Казанская губерния – 48, 51, 59–60, 62, 64–65, 67–68, 70–71, 73–74, 88, 96–105, 107, 109, 111–116, 127, 138–139, 141–144, 153, 188, 192–193, 199, 203–204, 215, 217, 225, 227–228, 230, 240–241, 252–253, 257, 259–260, 262, 271, 287–290, 333, 355, 639
 «Казанская республика» – 107
 Казанская Советская Рабоче-Крестьянская Республика – 244, 253
 Казанский край – 151, 296
 Казанский уезд – 62, 109, 138, 140, 142, 286
 Казанское ханство – 133, 140, 354, 447, 632, 702–703, 729, 738
 Казанское царство – 110
 Казанско-Зеленодольский промышленный регион – 429
 Казань – 46–49, 51–54, 57–58, 60, 64, 71, 73–74, 76–80, 82, 87, 91–93, 97–101, 103–116, 130, 139, 144, 152–153, 158–159, 161–162, 178–179, 182–183, 186–188, 190–194, 197, 199–212, 216–218, 220–221, 224–226, 228–229, 231–232, 235, 240, 243, 245–246, 251–255, 258, 265, 267–268, 270–271, 273, 276–278, 302, 305–306, 308–310, 313–314, 318–321, 324, 326, 335, 337, 341, 343–344, 346–352, 355–356, 358, 364, 366–369, 372, 375–377, 383, 387, 389, 390–391, 394, 397–398, 410, 412–415, 417, 421–425, 436–445, 450–451, 453–460, 463, 468, 470, 472–473, 477, 483, 485, 496–500, 503, 506–507, 511–512, 514, 519–520, 524–526, 530, 534–535, 539, 545–546, 549–550, 553, 558, 569, 584, 592, 594, 602, 609, 611, 614, 618–619, 623, 625–628, 630, 632–633, 640, 643–644, 652–665, 669, 681, 683–685, 695–696, 698–700, 702, 704, 706, 708, 711, 715, 719, 721, 729–730, 737, 739, 746
 Казахская ССР – см. Казахстан
 Казахстан – 63, 179, 219, 220–221, 231, 317, 382, 415, 421, 431, 462, 491, 500, 531, 552, 587, 633–635, 643, 695, 728–730
 Казябаш – 141
 Каир – 151
 Кайбицкий район – 325
 Калининградская область – 316, 613
 Калининский район – 324
 Калмаюр – 141
 Калмыкия – 613
 Калуга – 696
 Кама, р. – 60, 63, 286, 302
 Камские Поляны – 421, 606
 Камский территориально-промышленный регион – 425, 427–428, 430, 436, 444
 Камское Устье – 310
 Камско-Устьинский район – 325, 434
 Канада – 439, 614, 629, 636, 643, 658, 728
 Карабаш – 445
 Кара-Богаз-Гол – 635
 Караваево – 437
 Караганда – 634
 Карамышево – 111
 Карелия – 696
 Карская область – 190
 Касимов – 56
 Касимовский уезд – 56
 Каспий – 62, 635
 Каунас – 513
 Кашмир – 633
 Кашур – 141
 Кемеровская область – 415, 529, 613
 Кзыл-Армейский район – 325
 Кзыл-Юлдузский район – 324–325, 376
 Кзыл-Юлский район – 324–325
 Киев – 113, 309, 481, 515, 549
 Киевская Русь – 549
 Кизил-Арват – 635
 Кизическое болото – 353
 Киргизская ССР, Киргизия – см. Кыргызстан

- Кировская область – 316, 432, 723–724, 730
 Кировский район г. Казани – 422, 546
 Китай, КНР – 614, 622–623, 629, 636, 643, 728–730
 Кичуй – 289
 Кичуйская волость – 289
 Киязлы – 140
 Клермон-Ферран – 405
 Ключищенская волость – 111
 Кляшево – 463
 Кобяк-Кози – 142
 Коканд – 161
 Константинополь – 80
 Корея – 622, 633
 Корсунский уезд – 60
 Костромская область – 730
 Кочкара – 55
 Красная Дубрава – 385
 Красноборский район – 325
 Красноводск (Туркменбаши) – 635
 Краснодар – 696
 Краснодарский край – 529
 Краснококшайский уезд – 260
 Красноярск – 561
 Красноярский край – 316, 529
 Крешенные Янасалы – 138, 140, 142
 Кривоозерская волость – 293
 Крым – 62, 80, 82, 87, 89, 95, 179, 191, 219–221, 231, 252, 268–270, 286, 489, 551, 617, 620, 633
 Кубань – 62
 Кугуль (Марьино) – 183
 Кузнечихинский район – 325
 Куйбышев – см. Самара
 Куйбышевская область – см. Самарская область
 Куйбышевский район – см. Спасский район
 Кукмор – 61, 562, 563
 Кукморский район – 325, 376, 390, 434
 Кукшим – 141
 Кумаевка – 334
 Курск – 385
 Кустанай – 55
 Кутеминская волость – 111
 Кыргызстан – 531, 617, 622, 635, 643
 Кюмель-Ямашева – 112
 Лаишев – 338
 Лаишево – 74, 97
 Лаишевский кантон – 322
 Лаишевский район – 325, 355
 Лаишевский уезд – 62, 73, 109, 111, 203, 263, 286
 Ланьон – 403
 Латвийская ССР – см. Латвия
 Латвия – 492–494, 515–516, 531, 635, 641, 728
 Ле Пюи – 405
 Легионово – 401, 404
 Ленинград – см. Санкт-Петербург
 Ленинградская область – 316, 730
 Лениногорск – 445, 455, 479, 561, 564, 606, 609
 Лениногорский район – 326
 Ленино-Кокушкино – 410, 422
 Ленинский район г. Казани – 422, 442, 535
 Ливия – 687
 Лион – 405
 Липецкая область – 529
 Лиссабон – 709
 Литва – 492, 494, 516, 531, 543, 622, 635, 641–642
 Литовская ССР – см. Литва
 Литовский регион – 80
 Лондон – 709
 Лыя Пойкино – 141
 Ляховка – 55
 Магнитогорск – 306, 718
 Малайзия – 687
 «Малая Башкирия» – 240, 259–261, 266, 271
 Малая Шатъма – 112
 Малмыж – 60
 Малога – 102
 Малороссия – 56, 493
 Малые Нырсы – 111
 Малые Труевы Вершины – 334
 Малые Чути – 289
 Малый Чирклей – 334
 Малый Юмь – 141
 Мамадыш – 60, 203, 338, 372, 382
 Мамадышский кантон – 287, 322, 364, 366, 371–372
 Мамадышский район – 326, 353, 371
 Мамадышский уезд – 61–62, 115, 138, 140, 142, 203
 Маньчжурия – 633, 636
 Марийская АССР – см. Республика Марий Эл
 Марокко – 687
 Мелекесс – 385
 Мелля-Тамак – 370
 Менделеевский район – 606
 Мензелинск – 49, 58, 161, 225, 261, 290, 364, 575
 Мензелинский кантон – 291, 322, 370
 Мензелинский район – 326
 Мензелинский уезд – 48, 61, 199, 225, 260–261, 289, 639
 Мерв – 92
 Мийо – 404–405
 Минск – 80, 309, 386, 481
 Мирный – 443
 Можга – 699
 Молдавия – 407, 489, 515, 528, 531, 543, 545, 562, 617, 620
 Молдавская ССР – см. Молдавия
 Монголия – 729
 Мордовская АССР – см. Республика Мордовия
 Москва – 47, 49, 56, 62, 64, 97, 102, 113, 160–162, 184, 191, 210–212, 216, 218–220, 246, 255, 258–259, 261, 266, 268–269, 273, 282, 285–286, 304–305, 312, 316, 337, 342, 344, 346–347, 351, 355, 373, 375–376, 382–383, 385, 387–388, 394, 401, 423, 428, 440, 442–443, 448, 451, 456, 473, 481, 483, 490, 494–495, 498, 503, 510, 512–513, 516, 528, 542, 545, 547–548, 551–552, 555–556, 558, 561, 563–564, 581, 584–585, 591–592, 594, 602, 608, 611–612, 617, 619, 630–631, 638, 643–644, 681, 684, 687–698, 700, 710, 728–739
 Московская область – 316, 608, 638
 Московский район г. Казани – 535
 Московское государство – 736, 738
 Мулловка – 55
 Муслюмовский район – 326, 380
 Мюнхен – 386

- Мясной Бор – 396
 Набережные Челны – 278, 303, 421, 437, 442, 444–445, 453, 455, 483, 502, 507, 518, 534, 546, 556, 569, 575, 606, 609, 644, 681, 686, 720, 722, 738, 746
 Навои – 634
 Нагорно-Карабахская автономная область, Нагорный Карабах – 489, 491, 498, 500, 522, 558, 617
 Нанси – 404
 Наратлык – 513
 Нарва – 388
 Небитдаг – 635
 Нева, р. – 385
 Неверкинский район – 300
 Немецкая автономная республика – 294
 Нечерноземная зона РСФСР, Нечерноземье – 436, 605
 Нидерланды – 622, 728
 Нижегородская губерния – 59, 139, 253
 Нижегородская область – 308, 316, 604, 607–608, 644, 700, 722–725, 728
 Нижневолжский край – 316
 Нижне-Волжский регион – 80
 Нижнекамск – 421, 444–445, 483, 507, 534, 545, 569, 609, 720, 726
 Нижнекамский район – 382, 606
 Нижние Шитцы – 142
 Нижний Новгород – 49, 56–58, 60, 79–80, 102, 220, 304, 437, 528, 594, 695, 696, 737
 Нижний Нурлат – 141
 Нижний Тагил – 473
 Нижняя Каминка – 111
 Нижняя Русь – 141
 Николькино – 141
 Новая Астрахань – 355
 Новая Елань – 289
 Новгородская область – 593, 612
 Новое Демкино – 111
 Новое Ибрайкино – 111
 Новое Кадеево – 111
 Новое Надырово – 409
 Новое Суркино – 141
 Новое Узеево – 111
 Новой Серезино – 141
 Ново-Огарево – 490, 550
 Новописьмянский район – см. Лениногорский район
 Новотатарская слобода – 438
 Ново-Чукали – 334
 Ново-Шешминский район – 324, 326
 Новый Азов – 355
 Новый Гюлистан – 355
 Новый Кумор – 141
 Новый Сарай – 355
 Новый Чувашский Адам – 112, 140
 Ногайская Орда – 633
 Нурлат – 609
 Нурлатский район – 326, 692
 Объединенные Арабские Эмираты, ОАЭ – 623, 687
 Одесса – 63, 348
 Окско-Сурское междуречье – 694
 Октябрьский район – см. Нурлатский район
 Омск – 80, 252, 309, 389
 Омская область – 316
 Омский регион – 80
 Орел – 437
 Оренбург – 54, 80, 82, 87, 126, 152–153, 159–162, 178–179, 190–191, 195, 217, 224–225, 229–230, 246, 252, 337, 355, 385, 683, 718, 730
 Оренбургская губерния – 51, 54, 57, 59–62, 139–140, 182, 227–228, 230, 239, 241, 252–253, 257
 Оренбургская область – 382, 413, 431–432, 638, 696, 723–724, 730
 Оренбургский регион – 80
 Орловско-Курское направление – 385
 Палестинская национальная администрация, ПНА – 623
 Париж – 237, 346, 625
 Пензенская губерния – 59, 62, 139, 253, 292–293, 295–297, 334
 Пензенская область – 297, 299–300, 593, 638, 700, 719, 723–724
 Первомайский район – см. Черемшанский район
 Переславль – 310
 Пермская губерния – 61, 142, 227–228, 239, 241, 252–253, 257, 259
 Пермская область – 604, 607, 638
 Пермский край – 718, 722–725
 Пермь – 285, 696
 Пестречинский район – 326
 Петербург – см. Санкт-Петербург
 Петербургский регион – 80
 Петроград – см. Санкт-Петербург
 Петропавловск – 63, 80, 126, 161, 230–231
 Поволжско-Уральский регион – см. Волго-Уральский регион
 Поволжье – 64, 75, 95, 127, 139, 178, 179, 206, 223, 228, 230, 253, 257–258, 285–286, 292, 346, 385, 388, 400, 439–409, 454, 470, 489, 521, 633–634, 639–640, 645, 686, 706, 720, 729, 735
 Полевая Байбахина – 141
 Полевая Бува – 141
 Польша – 87, 252, 383, 397, 400–401, 404, 427, 614, 629, 642, 728
 Померания – 404
 Прага – 423
 Предкамье – 60
 Пренцлау – 386
 Прибалтийские республики, Прибалтика – 87, 230, 400, 481, 489, 492–493, 500, 515, 517, 558, 562, 635, 638, 641
 Приволжский район г. Казани – 442
 Приволжский федеральный округ – 594, 607–608, 720, 722–724
 Приднестровье – 617, 620
 Прикамье – 351
 Приуралье – 63–64, 126, 139, 194, 206, 253, 257–258, 285–286, 292, 300, 351, 470, 633–634, 639, 706
 Прокопьевск – 415
 Прости – 382
 Прохоровка – 386
 Псковская область – 385
 Пшалым – 368

- Радам – 385, 400–401, 404
 Рембертов – 400
 Республика Башкортостан – 160, 183, 259–260, 268, 271, 385–386, 413, 415, 427, 431, 454–455, 464, 490, 508, 510, 529, 561, 573, 604, 607, 613, 635, 638–641, 658, 718–719, 722–723, 725, 728, 736
 Республика Бурятия – 696
 Республика Коми – 696, 718
 Республика Марий Эл – 308, 376, 432, 644, 695–696, 723–724
 Республика Мордовия – 316, 558, 644, 696, 700, 718, 723–724
 Республика Саха (Якутия) – 511, 529, 545, 561
 Республика Татарстан – 212, 220, 250, 260–262, 264, 266, 268, 271–272, 276–279, 282, 291–308, 310–324, 326–328, 330–331, 333, 336–340, 342–348, 350–357, 359, 361–366, 368, 370–376, 378–384, 386–399, 407–415, 417–422, 425–427, 429–436, 439–455, 458–459, 461, 463, 466–472, 479, 481–485, 490–491, 493, 495–515, 517–550, 554–558, 560–574, 576–578, 580–611, 613–631, 635, 637–638, 640–641, 643, 646–647, 650–655, 658–692, 694–695, 697–700, 702–703, 705–709, 711–715, 717–731, 735–747
 Речь Посполитая – 642
 Рига – 492–493, 496, 508
 Рим – 494
 Российская империя – 73, 75–80, 84, 88, 95, 98, 104–105, 110, 113, 117–118, 120–122, 125–128, 130–131, 135–137, 144, 152, 156, 159, 192, 194–195, 199, 204, 213, 218–222, 226–230, 233, 235–238, 241–243, 250–252, 255–256, 258, 275, 311, 529, 530, 619, 633, 636, 642
 Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика, РСФСР – см. Российская Федерация
 Российская Федерация – 228, 229, 238, 251, 256, 264, 268, 270, 272, 274–275, 280–282, 284, 286–287, 290–291, 293, 295, 300–301, 304–305, 307, 311, 317–318, 320–321, 326, 330, 333, 343, 349, 355–356, 361, 363, 373, 407–408, 411, 418, 426, 430, 434, 436, 443, 447, 449, 454, 456, 470, 482–485, 489–490, 492–496, 499, 501, 503–504, 513, 515–516, 518–533, 536–555, 557–563, 565–574, 576–578, 580–616, 619–638, 640–643, 645–651, 654–675, 678–681, 683–685, 690–695, 696, 698, 700, 702, 704, 707–709, 712–715, 717–721, 723–725, 728–729, 731–733, 736–747
 Россия, Российское государство (Российская империя) – см. Российская империя
 Россия, Российское государство (Российская Федерация) – см. Российская Федерация
 Ростовская область – 605
 Рошфор – 405
 Румыния – 382, 614, 636, 642
 Русский Акташ – 445
 Русское государство – 632, 642, 736, 738
 Русь – 105, 470, 494, 530, 660
 Рыбно-Слободский район – 326, 353, 371, 380, 385
 Рысайкино – 141
 Рязанская губерния – 51, 56, 139
 Рязанская область – 739
 Рязань – 696
 Сабакеево – 141
 Сабинская волость – 366
 Сабинский район – 324, 326, 371
 Савруши – 139, 140
 Салаушская волость – 289
 Салтакаево – 140–141
 Самара – 64, 102–103, 161–162, 191, 226, 252, 386, 427, 437, 473, 558, 643
 Самарканд – 151
 Самарская губерния – 55, 59, 139, 141, 144, 187, 227–228, 239–241, 252–253, 257, 259, 261, 289, 639
 Самарская область – 413, 432, 604, 606–608, 613, 638, 695, 696, 722–725, 728
 Санкт-Петербург – 47, 56, 61–62, 76, 79–82, 86, 92, 94, 105, 113, 160–162, 183, 190, 192, 199, 202, 205, 207, 210–212, 214, 218–220, 282, 304, 309, 316, 333, 342, 345–346, 355, 385, 388, 456, 473, 513, 528, 644, 697, 728–730
 Саранск – 208, 696
 Сарапул – 49
 Саратов – 161, 304, 427, 454, 695
 Саратовская губерния – 51, 55, 59–60, 139, 141, 144, 292–293, 295, 297
 Саратовская область – 300, 696, 723–724
 Сармановский район – 324, 326, 368
 Сарчак – 112
 Сатлыган Ключ – 138–140, 142
 Саудовская Аравия – 426, 681, 687
 Сауши – 111
 Сахалин – 92, 545, 613, 696
 Свердловск – см. Екатеринбург
 Свердловская область – 316, 495, 604, 638, 718, 728
 Свияжск – 113, 303, 337, 625, 661, 670
 Свияжский кантон – 294, 322
 Свияжский уезд – 73, 115, 141, 204, 286
 Север – 657
 Северная область – 316
 Северная Осетия – 529
 Северный Кавказ – 122, 126, 191, 214, 285–286, 316, 462, 619, 657, 684
 Северо-Запад России – 126, 608
 Седльце – 400–401
 Сеитовский посад – 54
 Семипалатинск – 80, 160–161
 Семипалатинская область – 122
 Семипалатинский регион – 80
 Семиреченский регион – 80
 Семиречье – 86, 633
 Сенгилевский уезд – 60
 Сербия – 558
 Сибирское ханство – 633
 Сибирь – 62, 93, 126, 180, 219, 221–222, 224, 230–233, 235–239, 250–252, 255, 285–286, 388, 464, 473, 618, 633, 636, 657, 683, 729
 Сиделькинская волость – 142
 Симбирск – см. Ульяновск
 Симбирская губерния – 51, 55, 57, 62, 139, 141–142, 227–228, 241, 252–253, 257, 259, 261, 297
 Симбирский регион – 80
 Симферополь – 80

- Синьцзян – 633
 Синьцзян-Уйгурский автономный округ – 643
 Сирия – 687
 Скандинавские страны – 728, 729
 Скробово – 197
 Служилая Елтань – 111
 Служилая Ура – 366
 Смоленщина – 386
 Советская Россия – см. Российская Федерация
 Советский район г. Казани – 442
 Содружество Независимых Государств, СНГ – 483, 485, 531, 557, 561, 565–566, 608, 612, 616, 623–624, 628, 635, 638, 641, 643, 645, 726–728, 737, 745
 Соединенные Штаты Америки, США – 58, 71, 303, 309, 317, 351, 426, 433, 470, 487, 551, 553, 573, 593, 614, 617, 621–623, 625, 629, 636, 643, 710, 728, 731
 Сосновый Мыс – 142
 Союз Советских Социалистических Республик, Советский Союз, Союз ССР, СССР – 266, 270, 272, 274, 276, 300–301, 303–307, 309–311, 315, 317–318, 321, 323–324, 328, 330, 346, 348–351, 358, 373, 377, 379, 381–382, 384–385, 388, 394, 398, 400, 405–407, 409, 412, 418, 425–427, 432, 435–436, 443, 454, 456–457, 460, 462, 467, 469–471, 481–484, 486–497, 499–500, 502–506, 509–522, 525–531, 533, 536–539, 541–544, 546, 548, 550–554, 557, 559, 562, 564, 567, 571, 587, 610–611, 617, 619, 634–636, 641, 646–647, 663–665, 683, 703–705, 708, 736
 Спасск – см. Болгар
 Спасский кантон – 322
 Спасский район – 325
 Спасский уезд – 62, 73, 115, 203, 286
 Средне-Волжский регион – 709
 Среднее Поволжье – 57, 60, 63–65, 137, 140, 194, 244, 257, 300, 320, 351, 354, 356, 652, 706
 Средний Урал – 694
 Средняя Азия – 54, 57, 59, 70, 92, 149, 179, 286, 300, 372, 462, 470, 489, 502, 517, 633, 684, 729
 Средняя Россия – 247, 257, 633
 Ставропольская губерния – 122
 Ставропольский край – 605
 Сталинград – см. Волгоград
 Стамбул – 182, 219, 643
 Старая Икшурма – 138–140, 142
 Старая Русса – 383
 Старое Афонькино – 141
 Старое Ганькино – 141
 Старое Ибрайкино – 111
 Старое Суркино – 141
 Старое Тимошкино – 55, 60
 Старо-Татарская Киреметь – 111
 Старые Курбаши – 141
 Степная область – 214
 Степной край – 82, 87, 89, 120
 Степной регион – 80
 Стерлитамак – 261
 Столбищенский район – 324, 326
 Страны Балтии – см. Прибалтика
 Сувар – 670
 Сугуты – 141
 Суконная слобода г. Казани – 189
 Сумгаит – 489, 513
 Сумели Степанково – 141
 Суражское шоссе – 402
 Сутер – 141
 Сызранский уезд – 56, 60
 Табарли – 366
 Таджикистан – 493, 531, 558, 617, 634–635, 643
 Таджикская ССР – см. Таджикистан
 Таканышский район – 326
 Тамбовская губерния – 62, 139
 Тамбовская область – 593
 Танкеевка – 115
 Татаро-Башкирская Советская Социалистическая Республика, Татаро-Башкирская республика – 246–248, 256–262, 270–271
 Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика, Татарская АССР, ТАССР – см. Республика Татарстан
 Татарская республика, Татария – см. Республика Татарстан
 Татарская Советская Социалистическая Республика, ТССР – см. Республика Татарстан
 Татарский Канадей – 334
 Татарский Сунчелей – 141
 Ташкент – 55, 161, 219, 309, 333, 462, 468, 473, 481, 634
 Тбилиси – 309, 491
 Тельманский район – 326
 Темиртау – 634
 Теневая – 141
 Теньковский район – 324, 326
 Тернопольская область – 515
 Терси – 366
 Тетюшский кантон – 322, 367
 Тетюшский район – 326, 463
 Тетюшский уезд – 63, 115, 141–142
 Тифлис – 178
 Тобольская губерния – 63
 Тобынск – 195
 Токмак – 55
 Тольятти – 695
 Томск – 161
 Томская область – 613
 Тохтамышево – 142
 Трех-Озерская волость – 115
 Три Сосны – 138, 140
 Троицк – 54, 56, 87, 94, 126, 152–153, 160–161, 191, 224, 230
 Тумутукский район – 324, 326
 Тунис – 687
 Тургайская область – 122
 Туркестан – 80–81, 86–87, 89, 120, 213–214, 219–221, 227, 231, 333, 633
 Туркестанский край – 120, 122
 Туркменистан – 317, 531, 543, 623, 635, 643
 Туркменская ССР – см. Туркменистан
 Турция, Турецкая Республика – 58, 63, 111, 121, 145, 188, 227, 268, 334, 377, 400, 451, 456, 468, 593, 614, 622–623, 629, 633, 636, 642–643, 695, 697, 707, 728

- Тюлячинский район – 326, 380, 390
 Тюменская область – 638, 718
 Тюркский каганат – 736
 Удмуртская АССР, Удмуртия – см. Удмуртская Республика
 Удмуртская Республика – 432, 508, 638, 644, 696, 699, 723–724
 Узбекистан – 317, 451, 494, 500, 531, 545, 558, 561, 617, 634, 635, 643
 Узбекская ССР – см. Узбекистан
 Узбек – 479
 Украина – 252, 272, 286, 308, 400, 403–405, 489–490, 493, 515, 517, 530–531, 545, 546, 557–558, 620, 622, 634–635, 643, 728
 Украинская ССР, Украинская республика – см. Украина
 Улан-Удэ – 309
 Ульяновск – 91, 102, 153, 161, 337, 389, 696
 Ульяновская область – 385, 432, 638, 644, 695–696, 718, 723–724
 Урал – 61, 62, 64, 230–231, 282, 285, 302, 316–317, 388, 473, 638, 640, 729
 Урало-Волжская республика – 246
 Урало-Волжский штат, УВШ – 227–229, 235, 237–239, 241–246, 251–256, 262, 270, 502
 Урало-Поволжье – см. Волго-Уральский регион
 Уральск – 76, 80, 161, 186
 Уральская область – 122, 316
 Уральская республика – 495
 Уралинская волость – 289
 Уруссу – 445
 Усады – 109
 Усть-Каменогорск – 634
 Утево-Биково – 141
 Уфа – 77, 80, 82, 108, 120, 152–153, 160–161, 178–179, 183, 186, 191, 216, 218, 223–225, 227–231, 233–236, 238–239, 243, 246–247, 252, 258, 260–261, 270, 333, 335, 345, 355, 362, 367, 372, 462, 490, 534, 640, 644, 681, 683–684, 698
 Уфимская губерния – 49, 59, 139–141, 183, 188, 194, 199, 213, 217, 222, 225–228, 230, 239, 241, 252–253, 257, 259–260, 271, 289, 333, 639
 Уфимская директория – 230
 Уфимский регион – 80
 Уфимский уезд – 183, 260–261
 Федеративная Республика Германия, ФРГ – см. Германия
 Фергана – 491, 513
 Ферганская долина – 500
 Филадельфия – 346
 Финляндия – 78, 334, 439, 545, 614, 636, 641–642, 728
 Форос – 551, 552, 557
 Франкфурт-на-Майне – 344
 Франция – 65, 237, 317, 397, 401, 403–405, 439, 456, 622, 629, 728, 731
 Фрунзе – 309
 Хабаровский край – 613
 Хайриби – 355
 Ханты-Мансийский автономный округ – 529, 604, 608, 696
 Харбин – 203
 Харьков – 62
 Хельсинки – 641
 Хорватия – 558, 728
 Царевококшайск – 113
 Царицыно – 220
 Царское Село – 113, 202
 Царство Польское – 189–190
 Центральная Азия – 633–635, 729
 Центральная Россия – 57, 316, 608
 Центрально-Европейский регион России – 685
 Цехановец – 383
 Цивильск – 74, 97, 113
 Цивильский уезд – 112, 141, 260
 Ципьинский район – см. Балтасинский район
 Чарджоу (Туркменабад) – 635
 Чебоксарский уезд – 115, 203, 260
 Чебоксары – 207
 Челнинский кантон – 322, 364, 366, 371
 Челнинский район – 326
 Челябинск – 55, 191, 561, 643, 696
 Челябинская область – 638, 644, 718, 728
 Ченстохов – 197
 Черемшанский район – 326
 Черемышево село – 109
 Черноморское побережье – 62
 Чернушки – 385
 Чехия – 623, 643
 Чехословакия – 382, 423, 427
 Чеченская Республика, Чечня – 529, 610, 612, 620
 Чикаго – 346
 Чингизова держава – 355
 Чистополь – 48, 60, 73–74, 78, 97, 100, 113, 282, 308, 310, 337, 364, 386, 382, 397, 412, 421, 443, 468, 606, 609, 670
 Чистопольский кантон – 291, 294, 322
 Чистопольский район – 278, 326, 353, 606
 Чистопольский уезд – 62, 63, 94, 107, 110–112, 141–142, 225, 286–289
 Чкаловская область – см. Оренбургская область
 Чувашская АССР, Чувашия – см. Чувашская Республика
 Чувашская Майна – 140
 Чувашская Республика – 308, 432, 545, 573, 696, 718, 723–724, 728
 Чувашская Чебоксарка – 112
 Чукотский автономный округ – 732
 Шадринск – 49
 Шама – 140
 Шанталь – 405
 Швейцария – 575, 629, 658
 Швеция – 334, 728
 Шемордан – 60–61
 Шереметьевский район – 326
 Шонгутская волость – 371
 Шор-касы – 112
 Шосток – 310
 Штат «Идель-Урал» – см. Урало-Волжский штат
 Шубинская волость – 291
 Шугурово – 445
 Шугуровский район – 326
 Шугуры – 382
 Шумково – 263
 Шымкент – 634

- Эскишехир – 643
Эстония – 492–494, 515–516, 531, 545, 635, 641
Юг России – 285–286
Юго-Восточная Азия – 633, 636
Юго-Осетинская Советская Демократическая Республика – 516
Югославия – 617
Юдинский район – 324, 326
Южная Осетия – 516, 617
Южный Урал – 227–228, 257, 285
Юкамень – 141
Ютазинский район – 326
- Ядрин – 74, 97
Ядринский уезд – 112, 260
Якутия – см. Республика Саха (Якутия)
Якутск – 309
Ямало-Ненецкий автономный округ – 529
Янгильдино – 141
Янгличи – 112
Яньль – 138, 140
Япония – 529, 545
Япония – 73, 377, 614, 633
Ярославль – 309
Ярославская область – 316, 613

Список таблиц

1.1 Торговый капитал татарской буржуазии Казани в 1904 и 1913 гг.	46	быть патриотом России?», 2011 г., город (%)	669
1.2 Концентрация торгового капитала татарских предпринимателей Казани в начале XX в.	48	3.12 С кем и в какой степени татары Татарстана испытывают чувство общности, 2011 г.(%)	670
1.3 Отпадение в мусульманство по губерниям Волго-Уральского региона с 17 апреля 1905 по 1 января 1910 гг.	139	3.13 Распределение ответов на вопрос: «Что сейчас особенно важно для России?», 2011 г., город (%) (ответы «полностью согласен» и «скорее согласен»)	671
1.4 Печатная продукция, изданная Казанскими типографиями в 1901–1917 гг.	159	3.14 Степень владения татарским языком русскими Татарстана, 2011 г., город (%)	672
2.1 Состояние коренизации управляющего аппарата ТАССР в 1925 г.	277	3.15 Распределение ответов русских Татарстана о поддержке обязательного преподавания татарского языка в русскоязычных школах, 2011 г., город (%)	673
2.2 Распределение татарских сельских населенных пунктов по количеству постоянного населения (в %)	321	3.16 Оценка респондентами социально-культурной дистанции (степени близости) по отношению к народам и конфессиям, города РТ (%) ...	674
2.3 Распределение татарского населения по кантонам республики в середине 1920-х гг.	322	3.17 Уровень доверия (доверяют полностью или скорее доверяют) русских и татар, город, 2011 г., %	674
2.4 Национальный состав Татарской республики в 1937–1939 гг.	323	3.18 Ориентации на межэтническое взаимодействие в Республике Татарстан, 1994 г.(%)	675
2.5 Распределение татарского населения по районам республики по переписи 1939 г.	325	3.19 Ориентации на межэтническое взаимодействие в Республике Татарстан, 2011/2012 гг. (%)	675
2.6 Численность и возрастной состав татар, состоящих в браке (по данным переписи 1939 г.).	326	3.20 Жизненные ценности татар и русских РТ, город (%)	676
2.7 Распределение самодельного татарского населения по роду занятий	329	3.21 Распределение ответов татар и русских на вопрос «Верующий ли Вы человек?» в разных возрастных группах, 2011 г., город (%)	677
2.8 Состав населения ТАССР по переписи 1939 г. по общественным группам (в %) ...	331	3.22 Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы сейчас оценили межнациональные отношения в Вашей республике?», 2011/2012 гг. (%)	680
3.1 Отраслевая структура промышленного производства Татарстана в 1991–2003 гг., %	605	3.23 Результаты единого республиканского экзамена за 2006–2011 гг.	716
3.2 Отраслевая структура занятых в 1990–2003 гг., %	606	3.24 Отраслевая структура валовой добавленной стоимости в 2005 г. (в текущих основных ценах; в % к итогу)	723
3.3 Динамика численности населения городов республиканского подчинения Татарстана.	609	3.25 Отраслевая структура валовой добавленной стоимости в 2009 г. (в текущих основных ценах; в % к итогу)	724
3.4 Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, насколько вероятны в ближайшие месяцы вооруженные конфликты в России?»	611	3.26 Место, занимаемое Республикой Татарстан по основным социально-экономическим показателям в Российской Федерации в 2010 г.	725
3.5 Примеры финансовой автаркии регионов в период финансового кризиса (август–сентябрь 1998 г.)	613	3.27 Удельный вес отдельных видов продукции в структуре экспорта и импорта предприятий и организаций Республики Татарстан в 2010 г.	727
3.6 Компоненты этнической идентичности татар Республики Татарстан (%)	665	3.28 Структура общих объемов экспорта и импорта продукции предприятий и организаций Республики Татарстан по группам стран в 2010 г.	727
3.7 Динамика соотношения региональной и национально-гражданской идентичностей, город (%)	666		
3.8 Компоненты идентификации с россиянами у русских и татар, 2011/2012 гг. (%)	667		
3.9 Уровень абсолютной поддержки преобразований в России у татар и русских Татарстана, 2011/2012 гг. (%)	668		
3.10 Степень поддержки татарами и русскими Татарстана условий для развития своего народа, 2011/2012 гг. (%)	668		
3.11 Распределение ответов на вопрос: «Что значит, на ваш взгляд,			

Содержание

У истории нет сослагательного наклонения (Р.Н.Минниханов)	3

Введение

Особенности развития татар и Татарстана в XX – начале XXI века (Р.Р.Салихов)	7
Историография и источники (Р.Р.Салихов, А.С.Бушуев, А.Г.Галлямова, А.Ш.Кабирова)	13

Раздел I. Казанская губерния и татарское сообщество России начала XX века

Глава 1. Социально-экономическое развитие Казанской губернии и татарского мира в начале XX века

§ 1. Экономика России империалистического периода и развитие татарского предпринимательства в Казанской губернии (Л.М.Свердлова, М.З.Гибадуллин)	46
§ 2. Основные направления деятельности татарской буржуазии (Р.Р.Салихов)	51
§ 3. Социально-профессиональная структура населения Казанского края и татарского мира: общее и особенное (Н.А.Халиков)	59
§ 4. Столыпинская аграрная реформа и татарское крестьянство (Р.В.Шайдуллин)	63

Глава 2. Становление тюрко-татарского политического движения в России (начало XX столетия)

§ 1. Предреволюционная ситуация и революционные события в России и Казанской губернии (Д.М.Усманова)	73
§ 2. Контакты татар с общероссийскими политическими партиями и образование первых мусульманских (татарских) политических организаций (Д.М.Усманова)	75
§ 3. Всероссийские мусульманские съезды 1905–1907 гг. Образование Мусульманского союза «Иттифак аль-муслимин» (Д.М.Усманова)	78
§ 4. Мусульманские представители в российском парламенте: общая характеристика мусульманской фракции Государственной думы и роль в ее деятельности татарских представителей (Д.М.Усманова)	84
§ 5. Консервативные тенденции в татарском политическом движении: политизация ваисовского движения в 1905–1916 гг. и попытки создания ЦНМО и союза «Сират аль-Мустахим» («Прямой путь») (Д.М.Усманова)	91
§ 6. Основные черты мусульманской (татарской) политической активности в позднеимперской России: общие выводы (Д.М.Усманова)	95
§ 7. Либеральные партии Казанской губернии в годы первой российской революции 1905–1907 гг. (Л.М.Айнутдинова)	96
§ 8. Правомонархическое (черносотенное) движение в г. Казани и Казанской губернии в 1905–1917 гг. (И.Е.Алексеев)	104

Глава 3. Этноконфессиональная политика в России в начале XX века

§ 1. Этноконфессиональная политика российского правительства по отношению к татарскому населению (Д.М.Усманова)	117
§ 2. Идеологическая борьба среди российских мусульман (Р.М.Мухаметшин)	129
§ 3. Движение возвращения крещеных татар в ислам в начале XX в. (И.К.Загидуллин)	137

Глава 4. Просвещение и культура Казанской губернии и татар России

§ 1. Казанская губерния как образовательный, культурный и научный регион Российской империи (Л.А.Бушуева)	144
§ 2. Состояние национального образования у татар (Р.М.Мухаметшин)	149
§ 3. Национальная пресса и книгоиздание (А.В.Ахтямова)	158
§ 4. «Золотой век» татарской культуры: татарская литература в начале XX века (Д.Ф.Загидуллина)	164
§ 5. Возникновение национального театра (А.Р.Салихова)	178
§ 6. Развитие музыкального и изобразительного искусства у татар до 1917 г. (Л.Р.Габдрафикова)	181

Глава 5. Казанская губерния и татарский народ в годы Первой мировой войны

§ 1. Социально-экономическое и политическое положение Казанской губернии в период войны (А.Ю.Хабутинова)	188
§ 2. Татары в российской армии (Х.М.Абдуллин)	194

Глава 6. Революционные события и борьба за власть в Казанской губернии и Казани в 1917–1918 гг.

§ 1. Февральский переворот в Казани. Образование совета и установление двоевластия (И.Р.Тагиров)	199

§ 2. Политические группировки и борьба за власть в Казанской губернии в 1917–1918 гг. (<i>И.Р.Тагиров</i>)	204
§ 3. Победа революции в Казани (<i>И.Р.Тагиров</i>)	207
§ 4. Татары-мусульмане и органы российской власти в 1917–1918 гг. (<i>Д.М.Усманова</i>)	213
Глава 7. Всероссийские мусульманские съезды 1917 г. Национальное собрание и их значение. Провозглашение национальной автономии в 1917–1918 гг.	
§ 1. Значение всероссийских мусульманских съездов 1917 г. (<i>А.Ю.Хабутдинов</i>)	218
§ 2. Органы национальной автономии татар в 1917–1919 гг. (<i>А.Ю.Хабутдинов</i>)	224
§ 3. Казанские мусульманские съезды и провозглашение «культурно-национальной автономии» (<i>Д.М.Усманова</i>)	231
§ 4. Национальное собрание и судьба различных проектов национальной автономии (<i>Д.М.Усманова</i>)	233
§ 5. Попытки провозглашения штата «Идел-Урал» и судьба национальных проектов весной 1918 г. (<i>Д.М.Усманова</i>)	243
Раздел II. Этапы развития Татарской Автономной Советской Социалистической Республики	
Глава 1. Образование ТАССР и татарское сообщество Советской России в условиях общественно-политических преобразований 1920–1930-х гг.	
§ 1. Проекты национально-государственного строительства и образование ТАССР (<i>Р.К.Валеев</i>)	250
§ 2. Формирование советских институтов власти в ТАССР (<i>И.Р.Тагиров</i>)	262
§ 3. Идеологическая борьба в стране по национальному вопросу в 1920-е гг. (<i>Д.Р.Шарафутдинов</i>)	270
§ 4. Образование ТАССР и решение вопросов коренизации (<i>З.Г.Гарипова</i>)	276
Глава 2. Социально-экономическое положение ТАССР и татар в 1917–1940 гг.	
§ 1. Советская политика ликвидации имущих классов (<i>И.А.Гатаулина</i>)	280
§ 2. Крестьянство в стране и ТАССР (<i>Р.В.Шайдуллин</i>)	287
§ 3. Политика индустриализации страны: результаты в ТАССР и ее влияние на положение татар в республике и за ее пределами (<i>К.А.Назипова</i>)	300
Глава 3. Этнодемографическая ситуация в ТАССР в 1920–1930-е гг. (<i>Н.А.Федорова, И.И.Ханипова</i>)	320
Глава 4. Культура, образование, наука ТАССР и татар в 1920–1930-е гг.	
§ 1. Образование ТАССР и развитие национальной культуры (<i>И.Р.Тагиров</i>)	333
§ 2. Формирование советской образовательной системы. Последствия смены алфавита в 1927 г. (<i>З.Г.Гарипова</i>)	338
§ 3. Развитие профессиональных видов культуры и искусства (<i>З.Г.Гарипова</i>)	339
§ 4. Основные тенденции в научных исследованиях в ТАССР (1917–1941 гг.) (<i>З.Г.Гарипова</i>)	348
Глава 5. Религия и общество в ТАССР в условиях становления командно-административной системы	
§ 1. Мусульманские общины в 1920–1930-е гг.: политико-правовое и социально-экономическое положение (<i>И.Р.Миннуллин</i>)	360
§ 2. Политические репрессии в ТАССР в 1930-е годы (<i>А.Ш.Кабирова</i>)	374
Глава 6. Татары и Татарстан во Второй мировой войне	
§ 1. Участие татарстанцев и татар на фронтах войны (<i>А.Ш. Кабирова</i>)	379
§ 2. Татарская АССР – важная тыловая база СССР (<i>А.Ш. Кабирова</i>)	388
§ 3. Восточная политика Германии и Волго-татарский легион – легион «Идель-Урал». Бессмертный подвиг Мусы Джалиля (<i>И.А. Гилязов</i>)	399
Глава 7. Национальный вопрос и политическая ситуация в Татарской АССР в середине 1940-х – первой половине 1980-х гг. (<i>А.Г.Галлямова</i>)	407
Глава 8. Социально-экономическое развитие ТАССР в 1945 – середине 1980-х гг. (<i>А.Г.Галлямова</i>)	425
Глава 9. Духовные и культурные процессы в ТАССР в 1940-х – середине 1980-х гг.	
§ 1. Идеология и культура татарского народа во второй половине 1940-х – середине 1980-х гг. (<i>А.Г.Галлямова</i>)	447
§ 2. Ислам среди татар в 1940–1980-е годы (<i>Р.Р.Ибрагимов</i>)	461
§ 3. Праздничная культура татар советского времени (<i>Р.К.Уразманова</i>)	471

Раздел III. Республика Татарстан и татарский мир на рубеже тысячелетий

Новая страница в истории Татарстана (<i>М.Ш.Шаймиев</i>)	481
Глава 1. Перестройка и общественно-политические изменения в стране и республике	
§ 1. Причины общественно-политических изменений в СССР и курс на перестройку (<i>М.С.Горбачев</i>)	486
§ 2. Перестройка в Татарстане (<i>И.Р.Тагиров</i>)	491
§ 3. Идеология обкома КПСС в годы перестройки (<i>О.В.Морозов</i>)	497
§ 4. Подъем татарского этнонационального движения в конце XX века (<i>Р.З.Закиров</i>)	499
§ 5. Топтание вокруг идеи суверенитета (<i>И.Р.Тагиров</i>)	504
§ 6. Развитие идеи суверенитета республики (<i>И.Р.Тагиров</i>)	515
Глава 2. Судьба СССР и положение Татарстана в новых политических условиях	
§ 1. Демократическая платформа (<i>В.Н.Лысенко</i>)	528
§ 2. «Парад суверенитетов»: причины возникновения и влияние на формирование федеративных отношений в стране (<i>Л.Ф.Болтенкова</i>)	529
§ 3. Положение Татарстана в новых политических условиях (<i>И.Р.Тагиров</i>)	533
§ 4. Заговор против страны и народа (<i>И.Р.Тагиров</i>)	550
Глава 3. Новые отношения Республики Татарстан с Российской Федерацией	
§ 1. Подготовка референдума и решение народа республики (<i>И.Р.Тагиров</i>)	557
§ 2. Итоги референдума и их законодательное закрепление (<i>И.Р.Тагиров</i>)	566
§ 3. Историческое значение Договора 1994 г. (<i>И.Р.Тагиров</i>)	594
§ 4. Значение законотворчества Верховного Совета Республики Татарстан для закрепления статуса Республики Татарстан (<i>Ф.Х.Мухаметшин</i>)	597
§ 5. Татарстан: стратегия «мягкого вхождения в рынок» (<i>Ф.Г.Хамидуллин, В.В.Хоменко</i>)	604
§ 6. Федеративные отношения в 1990-е годы и их роль в укреплении целостности России (<i>Э.А.Паин</i>)	610
§ 7. Учреждение Всемирного конгресса татар (<i>Р.З.Закиров</i>)	614
§ 8. «Модель Татарстана» (<i>Р.С.Хакимов</i>)	617
Глава 4. Приоритеты внешних связей Республики Татарстан	
§ 1. Практика внешних связей Республики Татарстан (<i>И.Р.Насыров</i>)	621
§ 2. Сотрудничество Республики Татарстан с международными организациями (<i>И.Р.Насыров</i>)	624
§ 3. Полномочное представительство Республики Татарстан в Российской Федерации в системе международных связей Татарстана (<i>Н.М.Мириханов</i>)	629
Глава 5. Татарский мир в конце XX века	
§ 1. Татары в ближнем и дальнем зарубежье: история расселения и современное состояние (<i>Р.Б.Гайнетдинов</i>)	632
§ 2. Положение татар в Российской Федерации и странах зарубежья. Роль общетатарских мероприятий в консолидации нации (<i>Р.З.Закиров</i>)	638
Глава 6. Этнокультурные процессы в Татарстане и татарском мире в конце XX – начале XXI в.	
§ 1. Динамика этнокультурных политик федерального центра и Республики Татарстан в 1990–2000-е гг. (<i>Г.И.Макарова</i>)	646
§ 2. Динамика межэтнических отношений и идентичностей в Татарстане в 1990–2000-е гг. (<i>Г.Ф.Габдрахманова, Р.Н.Мусина</i>)	663
§ 3. Ислам в общественно-политической жизни современного Татарстана (<i>Р.М.Мухаметшин</i>)	680
§ 4. Трансформация праздничной культуры татар в постсоветское время (<i>Р.К.Уразманова</i>)	694
§ 5. Приоритеты развития науки в Республике Татарстан (<i>А.М.Мазгаров</i>)	702
§ 6. 200-летие КГУ и развитие Высшей школы Татарстана (<i>М.Х.Салахов</i>)	708
§ 7. Развитие системы образования татарского народа в постсоветский период (<i>М.М.Гибатдинов, Л.Р.Муртазина</i>)	711
Глава 7. Татарстан в системе глобальных координат социально-экономического развития Поволжья и России (<i>В.В.Хоменко</i>)	
§ 1. Общая характеристика уровня социально-экономического развития Республики Татарстан	720
§ 2. Татарстан на рубеже XX–XXI веков и в системе современных оценок социально-экономического развития регионов Приволжского федерального округа	721

§ 3. Кооперационное позиционирование Татарстана – глобальный вектор исторического и будущего лидерства	726
§ 4. Межбюджетные отношения как стратегический стимул развития экономики Республики Татарстан.	730
§ 5. Модель организации межбюджетных отношений	734
Глава 8. Государственное строительство в Республике Татарстан в начале XXI века	
§ 1. Новый договор отвечает современным реалиям (<i>И.Р.Тагиров</i>)	736
§ 2. Законодательство Республики Татарстан в условиях новой политики в федеративных отношениях (<i>Ф.Х.Мухаметшин</i>).	741
Заключение	748
Приложения	750
Источники и литература	932
Список сокращений	974
Именной указатель	977
Политико-географический указатель	994
Список таблиц	1003

ИСТОРИЯ ТАТАР С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН

в семи томах

том VII

Татары и Татарстан в XX – начале XXI в.

Компьютерная верстка *Ф.А.Ибрагимова*
Корректор *Л.Т.Нигъмязянова*

Подписано в печать 17.01.2013 г.
Формат 84x108/16. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Печатных листов 63,0. Тираж 500 экз.

Переиздание с готового оригинал-макета

Отпечатано в типографии Имак Офсет (İmak Ofset)
Стамбул, Турция. 2015 г.
<http://www.imakofset.com.tr>

Казанский кремль. Начало XX в. *НМ РТ*

Сенной базар. Казань. Начало XX в. *НМ РТ*

Фабрика и завод торгово-промышленного общества Алафузовых.
Казань. Начало XX в. *НМ РТ*

**Стеариново-мыловаренный, глицериновый и химический завод
фабрично-торгового товарищества братьев Крестовниковых.**
Казань. Начало XX в. *НМ РТ*

Владельцы и служащие фабрики торгово-промышленного общества Алафузовых.
Казань. Фото 1890-х гг. *НМ РТ*

Рабочие фабрики торгово-промышленного общества Алафузовых.
Казань. Начало XX в. *НМ РТ*

Типы инородцев Казанской губернии.
Начало XX в. *НМ РТ*

Казанские татары в национальной одежде.
Казань. Конец XIX – начало XX в. *НА РТ*

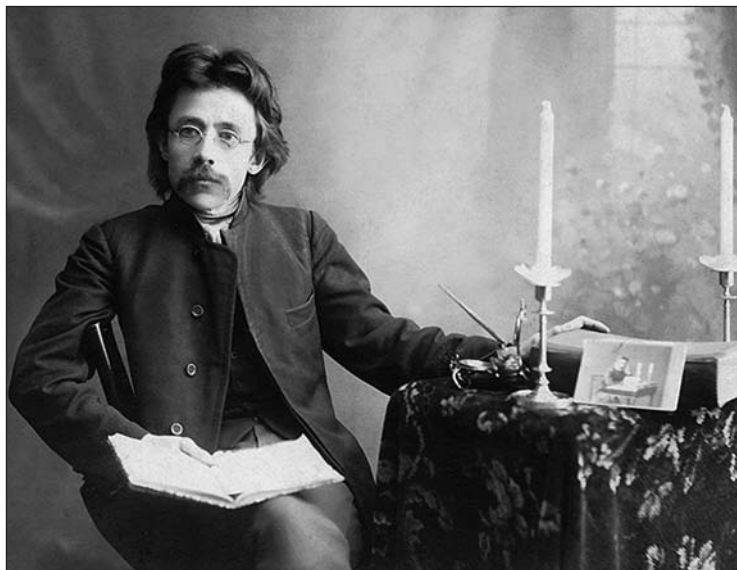
Р.Фахретдин с семьей.
Казань. Начало XX в. *НМ РТ*

Казанский университет.
Начало XX в.

Группа учеников и преподавателей медресе «Галия».
Уфа. 1915–1916 гг. ЦГА ИИД РТ

М.Бигиев, богослов,
общественно-политический деятель

Г.Баруди,
религиозный и общественный
деятель

Учащиеся Тетюшской русско-татарской школы.
Тетюши. 1907–1908 гг. ЦГА ИПД РТ

Г.Тукай, поэт

Ф.Амирхан, писатель

**В редакции газеты «аль-Ислах». Слева направо: В.Бахтияров, К.Бакир,
Ф.Амирхан, И.Амирхан, Г.Тукай. Казань. 1908 г.**

Г.Камал, драматург, театральный
и общественный деятель

Г.Кариев и С.Гиззатуллина-Волжская,
основатели профессионального татарского
театра. Казань. Начало XX в. *НМ РТ*

Татарская театральная группа «Сайяр».
Казань. Начало XX в. *НМ РТ*

В.И.Качалов, драматический актер.
Казань. 1897 г.

Ф.И.Шаляпин, оперный певец

Казанский театр. Начало XX в. *НМ РТ*

Ю.Акчура, общественный и политический деятель

С.Максуди, один из лидеров татарского национально-освободительного движения, депутат 2-й и 3-й Государственных дум

М.-З.Рамиев (Дэрдмэнд), поэт, общественный деятель, золотопромышленник

М.Я.Капустин, профессор Казанского университета, депутат 2-й и 3-й Государственных дум

Члены и организаторы мусульманской трудовой группы в Государственной думе 2-го созыва. 1907 г.

Н.Я.Ершов, один из руководителей вооруженного восстания в Казани

М.М.Вахитов, политический деятель, один из руководителей Мусульманского социалистического комитета. Казань. ЦГА ИПД РТ

К.Л.Якубов, один из руководителей борьбы за установление Советской власти в Казани. ЦГА ИПД РТ

Солдатский митинг. Казань. 1917 г. ЦГА ИПД РТ

**Солдатская демонстрация у Казанского университета.
17 марта 1917 г. ЦГА ИПД РТ**

**Группа красногвардейцев Казанского казенного завода.
Казань. 1917 г. НА РТ**

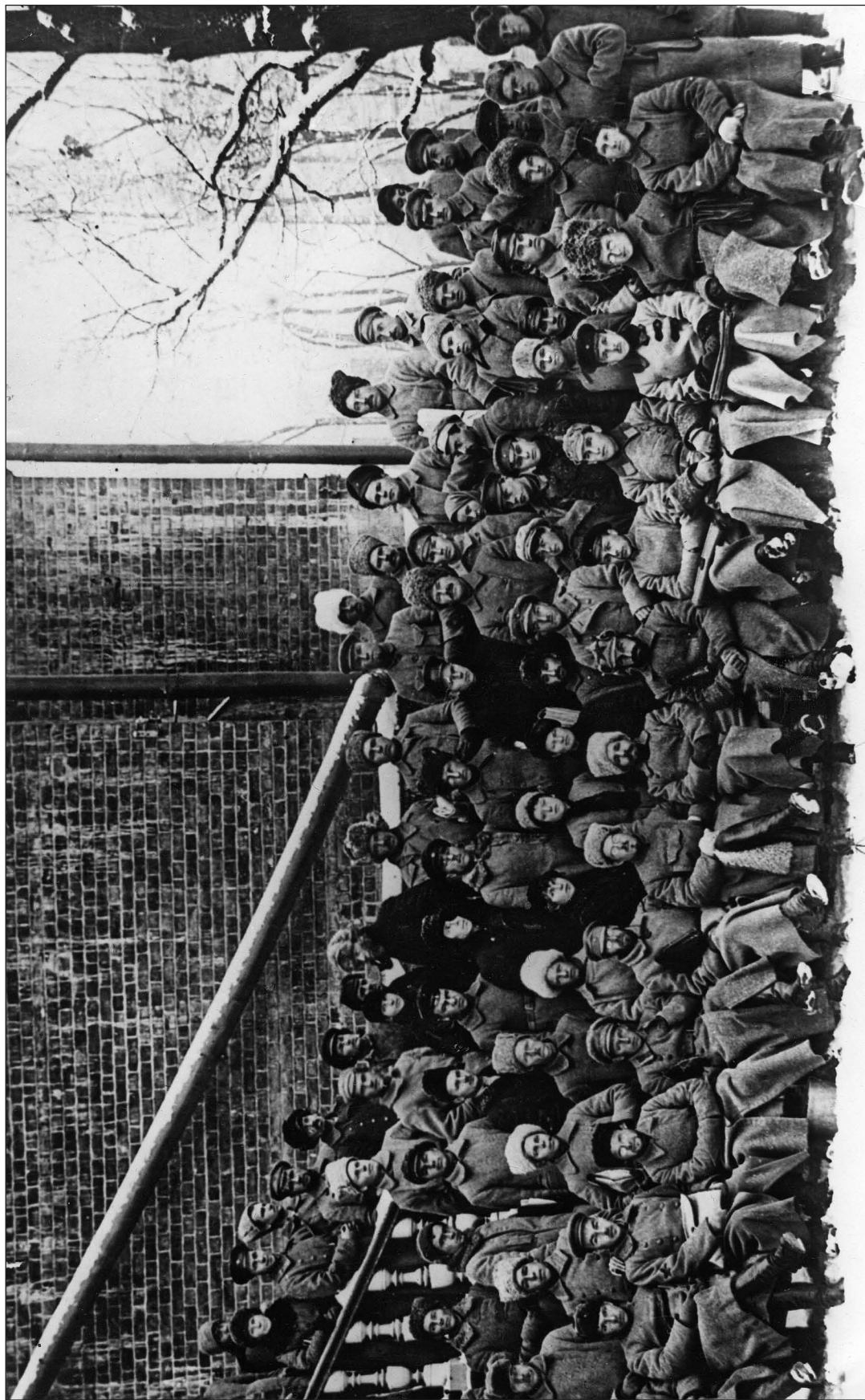
Празднование первой годовщины Октябрьской революции.
Чистополь. Ноябрь 1918 г. ЦГА ИДД РТ

Корабли Волжской военной флотилии на Каме.
Казань. 1917–1918 гг. ЦГА ИПД РТ

Вступление частей Красной армии в Казань,
ул. Грузинская (ныне ул. К. Маркса). 1918 г. ЦГА ИПД РТ

Участники революционных событий 1917–1918 гг. в Казани.
1918–1919 гг. ЦГА ИИД РТ

**Конный отряд, сформированный в Казани,
выезжает из Казанского кремля воевать против Колчака.
Апрель 1919 г. *НА РТ***

**Участники II Всероссийского съезда коммунистов-мусульман.
Москва. Декабрь 1919 г. *ЦГА ИПД РТ***

С.С.Саид-Галиев,
первый председатель
СНК ТАССР
(1920–1921 гг.)

Б.Х.Мансуров,
первый председатель
Президиума ЦИК ТАССР
(1920–1921 гг.)

М.Х.Султан-Галиев,
политический
и государственный деятель,
председатель Центрального
мусульманского комиссариата

**1-й Учредительный съезд Советов рабочих, красноармейских
и крестьянских депутатов Татарской АССР. Казань. 26–27 сентября 1920 г. НА РТ**

Д.Е.Живов,
1-й секретарь
Татарского обкома РКП(б)
(1922–1923 гг.). Казань.
1922 г. ЦГА ИПД РТ

К.Г.Мухтаров,
председатель СНК ТАССР
(1921–1924 гг.). Казань.
1922 г. ЦГА ИПД РТ

Р.А.-С.Сабиров,
председатель Президиума
ЦИК ТАССР (1921–1924 гг.)
Казань. 1922 г. ЦГА ИПД РТ

Казанский губисполком в дни передачи власти Ревкому Татарской АССР.

Казань. Июнь 1920 г. ЦГА ИПД РТ.

Стоят слева направо: 1) В.Догадов, 3) Кудрявый, 4) А.Догадов, 6) М.Ендаков.

Сидят слева направо: 1) И.Казаков, 2) А.Бочков, 3) М.Владимирский,
5) И.Ходоровский, 6) С.Саид-Галиев, 7) Б.Гольдберг.

Президиум III съезда Советов ТАССР.
Казань. 5 декабря 1922 г. ЦГА ИПД РТ

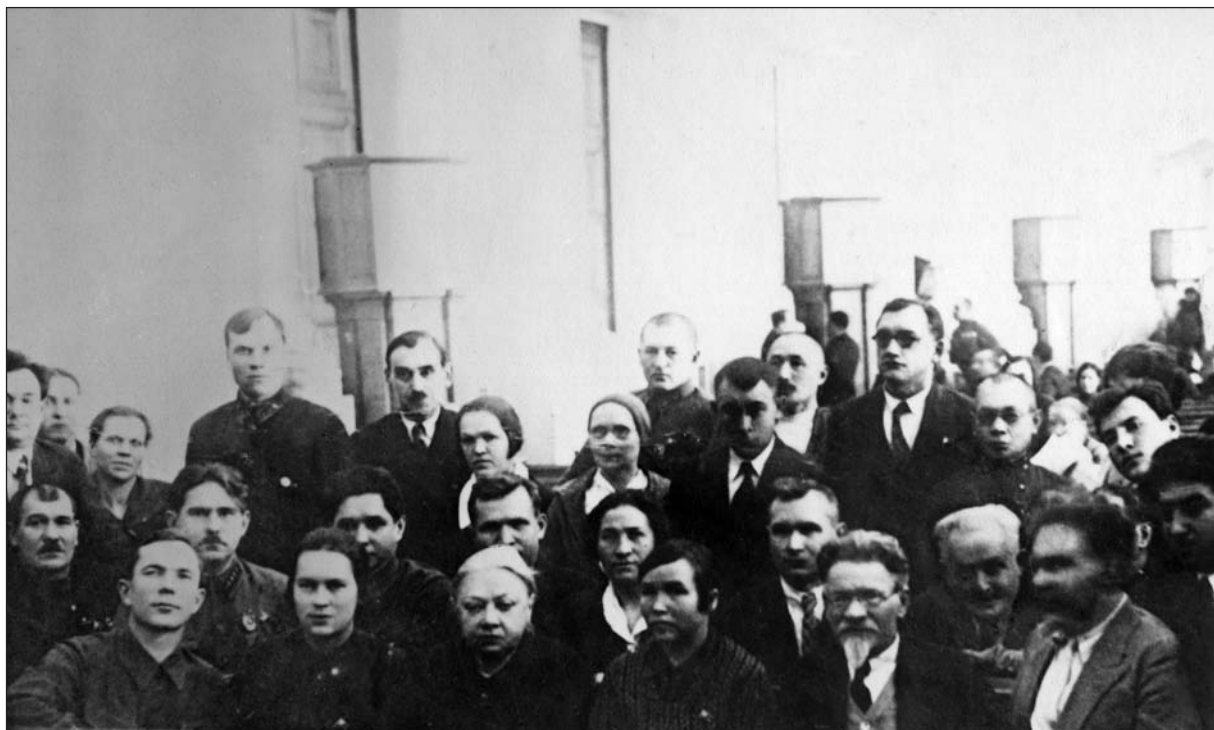
Митинг на Театральной площади г. Казани, посвященный 2-й годовщине Татарской Республики.
Казань. 25 июня 1922 г. ЦГА ИПД РТ

III Всесоюзное совещание татаро-башкирских работников при ЦК ВКП(б). 31 мая 1926 г. Москва

Группа делегатов Татарской партийной организации с И.В.Сталиным на XIV съезде ВКП(б). Москва. 1925 г. ЦГА ИИД РТ

Делегация Татарской АССР на XVI Всероссийском съезде Советов с членами Политбюро ЦК ВКП(б). Москва, Кремль. Январь 1935 г. ЦГА ИИД РТ.

Слева направо в первом ряду: 1) Б.А.Абдуллин – секретарь ОК ТАССР, 2) Мейзельс – делегат съезда, 3) Н.К.Крупская, 5) М.И.Калинин, 6) А.С.Енукидзе – секретарь ВЦИК; 7) Г.Г.Байчурин – председатель ЦИК ТАССР.

Похороны павших во время «вилочного» восстания.
Мензелинск. 1920 г. ЦГА ИПД РТ

Изолятор для голодающих детей.
Спасский кантон ТАССР. 1922 г.

Сотрудники врачебного поезда Наркомздрава, организованного для помощи голодающим детям.
1920-е гг. ЦГА ИПД РТ

Члены первой в Татарии сельскохозяйственной коммуны «Заветы Ильича».
Лаишевский кантон ТАССР. 1926 г. ЦГА ИПД РТ

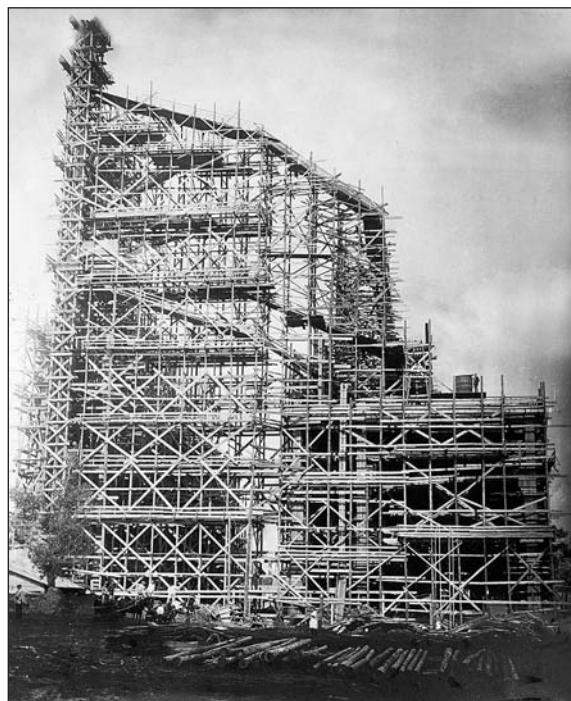
Автомобили – подарок районам Татарии, отличившимся в ходе коллективизации.
1930-е гг. ЦГА ИПД РТ

Первая тракторная колонна Черемшанской МТС.
Казань. 1930 г. ЦГА ИПД РТ

**Открытие железнодорожных путей
на участке Юдино–Зеленодольск.
Казань. 2 июня 1933 г. ЦГА ИПД РТ**

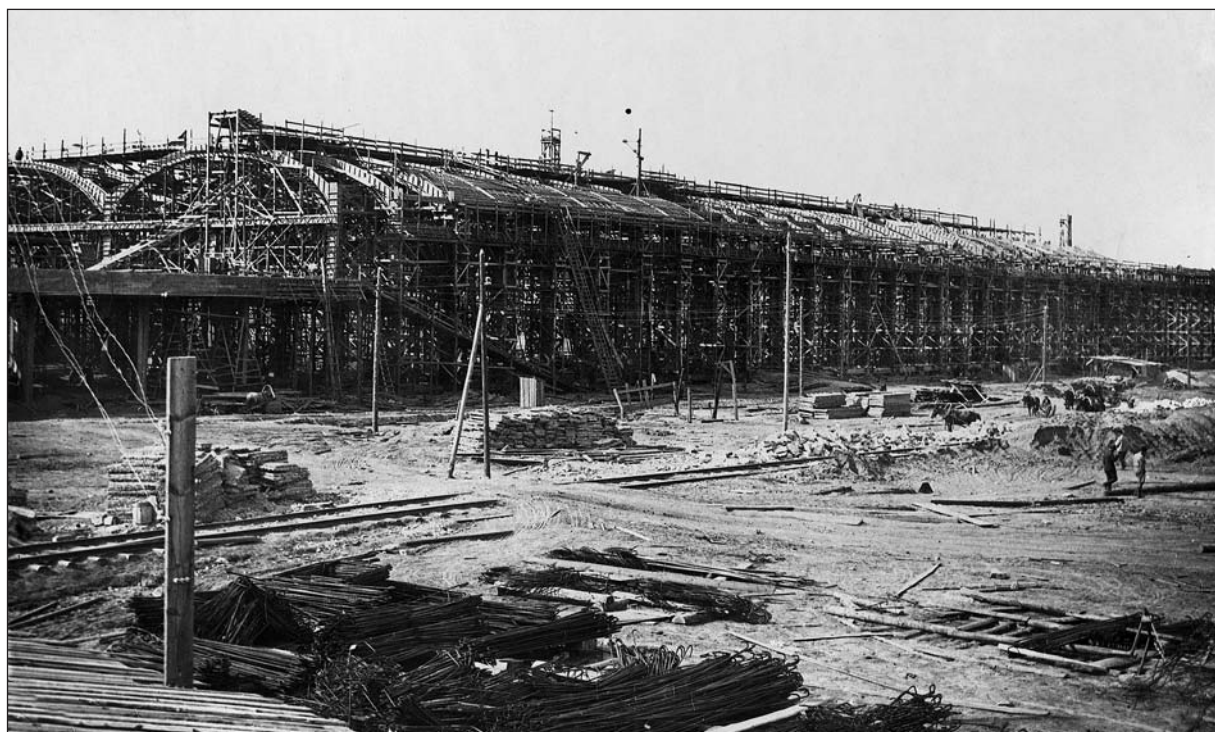
**Строительство главного корпуса
КазГРЭС (ТЭЦ-1). Казань. 1930 г. ИМ РТ**

**Члены ударной бригады каменщиков на строительстве
Казанского химического завод им. Куйбышева. Казань. 1930-е гг. ЦГА ИПД РТ**

Первые нефтесобиратели Татарии. Альметьевский район ТАССР.
1939 г. ЦГА ИПД РТ

На строительстве авиационного завода. Казань. 1936 г. ЦГА ИПД РТ

Самолет «Казанский комсомолец», собранный комсомольцами
авиационного завода г. Казани, готовится к взлету. 1942 г. *НА РТ*

Сдача зерна государству на сыпном пункте Высокогорского района ТАССР.
1943 г. *ЦГА ИПД РТ*

Раненые бойцы на излечении в эвакогоспитале № 1665.
Казань, 1943 г. ЦГА ИПД РТ

Группа артистов из Татарии на гастролях на 3-м Прибалтийском фронте.
1943 г. ЦГА ИПД РТ

М.Джалиль, поэт

Ф.Карим, поэт

Военные корреспонденты Татарии. 1946 г. ИЯЛИ.
В 1-м ряду слева направо: 2) С.Хаким, 3) М.Хусаин.
Во 2-м ряду слева направо: 1) Ш.Маннур, 2) А.Файзи, 3) А.Ерикей.
В 3-м ряду в центре А.Исхак.

**Передача знамени подшефной 202-й бомбардировочной
авиационной дивизии им. Верховного Совета ТАССР.
1944 г. ЦГА ИПД РТ**

**Участники парада Победы в Москве.
1945 г. ЦГА ИПД РТ**

На демонстрации трудящихся 1 мая. Казань. 1946 г. *НМ РТ.*
 Стоят слева направо: 2) Г.А.Динмухаметов, председатель Президиума ВС ТАССР;
 4) З.И.Муратов, 1-й секретарь Татарского обкома КПСС.

Н.С.Хрущев во время пребывания в ТАССР.
 1964 г. Справа А.Т.Шмаров – в 1957–1960 гг.
 председатель Совнархоза ТАССР.

Первый космонавт Ю.А.Гагарин и 1-й секретарь Татарского обкома ВЛКСМ Р.К.Беляев на открытии советско-японского фестиваля.
 Казань. Август 1967 г. *Фото С.Токарева. НА РТ.*

Делегация ТАССР на юбилейной сессии Верховного Совета СССР. Москва. 1972 г. ЦГА ИИД РТ.
Сидят слева направо: 1) Г.И.Усманов; 3) В.Д.Шашин; 4) Ф.А.Табеев; 5) А.Х.Даджал-Терегулов
6) Ф.И.Панин; 7) Б.П.Мартынов.

З.И.Муратов,
1-й секретарь Татарского
обкома КПСС
(1944–1957 гг.)

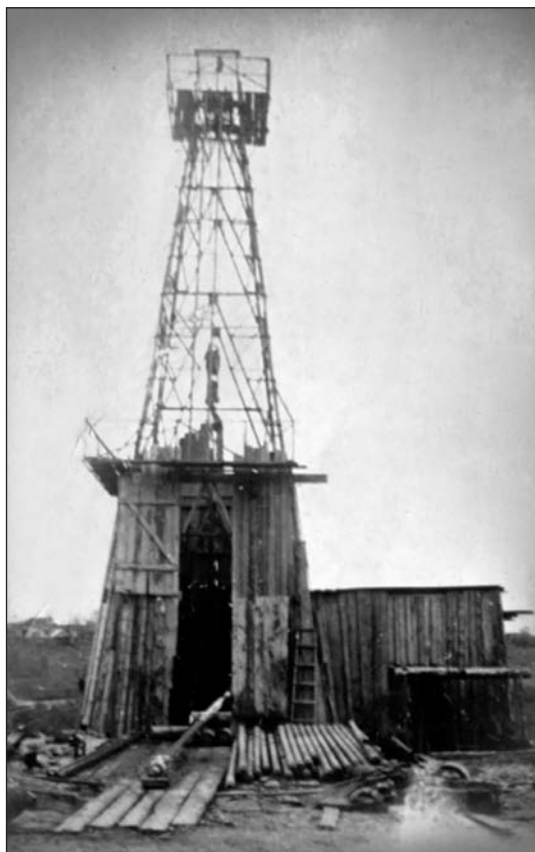
С.Д.Игнатьев,
1-й секретарь Татарского
обкома КПСС
(1957–1960 гг.)

Ф.А.Табеев,
1-й секретарь Татарского
обкома КПСС
(1960–1970 гг.)

Митинг по обсуждению проекта Конституции СССР. 1977 г. ЦГА ИПД РТ.

Скважина № 3 – первооткрыватель Ромашкинского нефтяного месторождения.
Альметьевский район ТАССР. 1950-е гг.
ЦГА ИПД РТ

Бригада нефтяников с ампулой нефти во время митинга, посвященного добыче 2-х миллиардов тонн нефти. Альметьевский район ТАССР.
1981 г. *ЦГА ИПД РТ*

Бурение скважины на нефть ведет лучшая бригада М.П.Гриня.
Азнакаевское УБР объединения «Татнефть». Альметьевск. 1975 г. *НА РТ*

Закладка первого камня Камского автомобильного завода. 1969 г.

**Член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А.Н.Косыгин на строительстве КамаАЗа.
Набережные Челны. 24 декабря 1971 г.
*Фото М.Шакирзянова. НА РТ***

Выпуск первого автомобиля КАМАЗ. Набережные Челны. 16 февраля 1976 г.

Казанский завод органического синтеза. 1975 г. ЦГА ИПД РТ

Нижнекамская ГЭС. Нижнекамск. 1980 г. ЦГА ИПД РТ

Делегаты I-го съезда безбожников ТАССР. 1920-е гг. ЦГА ИПД РТ

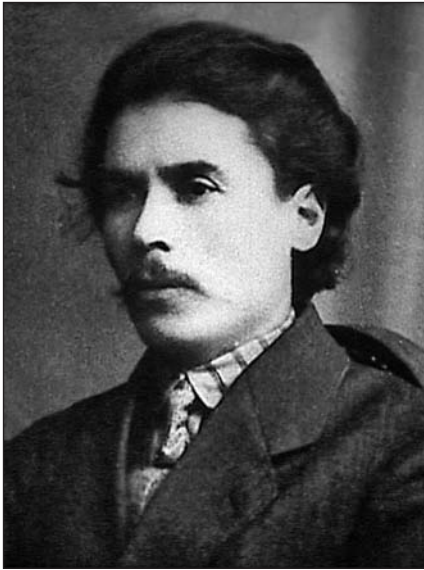
Разборка минарета
Сенной мечети.
Казань. 1930-е гг. ИМ РТ

Обряд «исем кушу» («имьянаречение») с участием имама
мечети «Марджани» И.Муштареева.
Казань. Конец 1950-х – начало 1960-х гг.

Джаназа (погребальная молитва) у мечети «Марджани».
г. Казань. Конец 1950-х – начало 1960-х гг.

Г. Ибрагимов, писатель

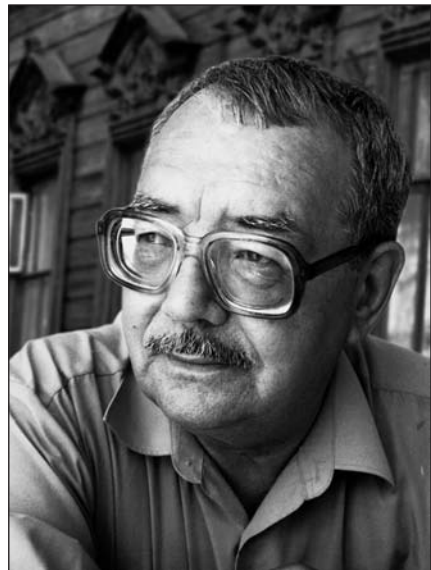
А. Кутуй, писатель
г. Казань. 1930-е гг. *ИЯЛИ*

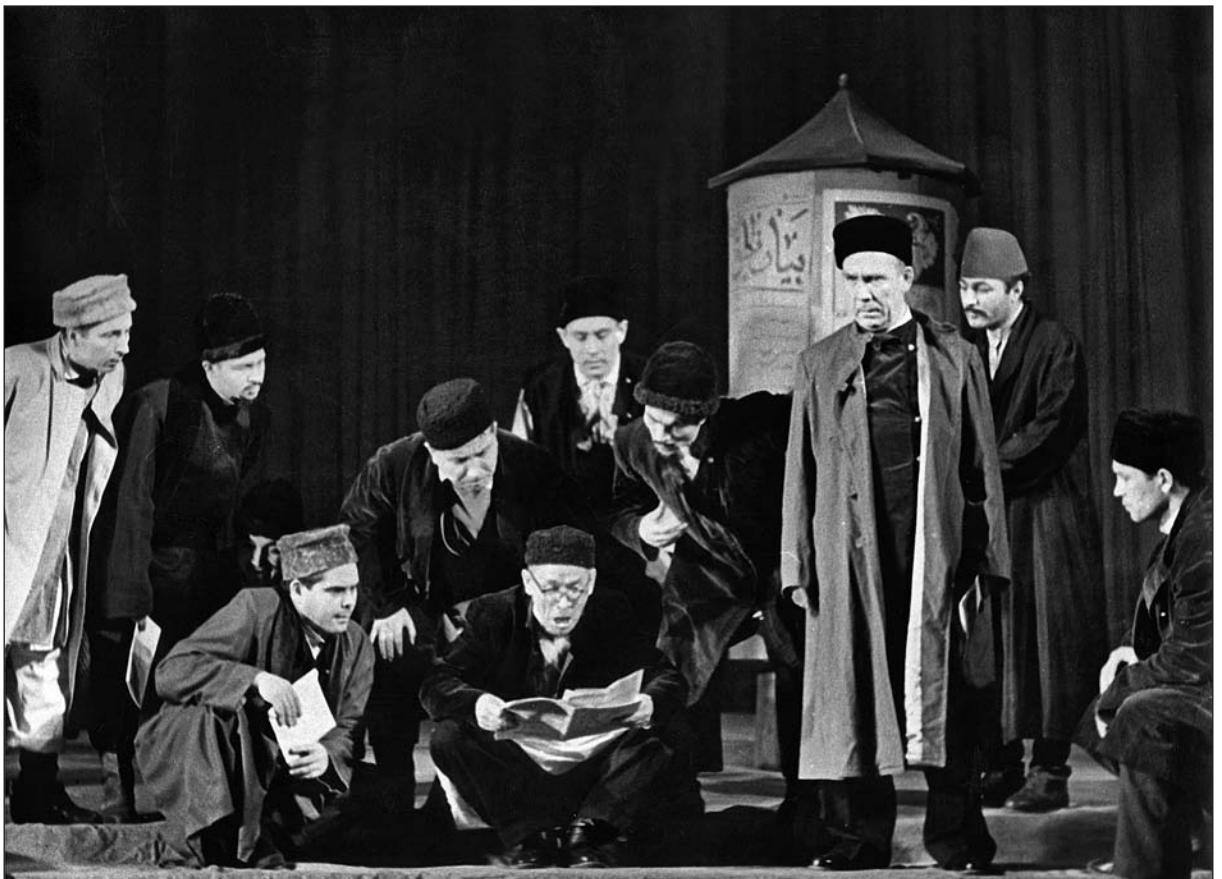
Писатели Советской Татарии на I Всесоюзном съезде советских писателей.
Москва. Август 1934 г. Сидят слева направо К.Наджми, А.Толстой, М.Горький.
Стоят слева направо: 2) Х.Туфан, 5) Г.Нигмати

К.Тинчурин, драматург

Т.Миннуллин, драматург

Сцена из драмы И.З.Нуруллина «Тукай в Петербурге».
Казань. 1960 г. ЦГА ИПД РТ

С.Габаша, композитор

Ф.Яруллин, композитор

Союз композиторов ТАССР. Казань. 1948 г.

Сидят слева направо: Ю.Виноградов, Н.Жиганов (председатель), С.Сайдашев, М.Музафаров и А.Ключарев. Стоят слева направо: А.Рыжкин, Х.Валиуллин, А.Леман, З.Хабибуллин, Дж.Файзи.

Участники татарской декады искусства в Москве. 1958 г. ЦГА ИПД РТ.
Слева направо в 1-м ряду: 1) О. Логинова, заслуженная артистка ТАССР и РСФСР;
4) С. Садыкова, композитор и певица.

Открытие Дней литературы и искусства ТАССР в Москве.
Танцевальная сюита «Сабантуй» в исполнении Государственного ансамбля песни и танца.
Москва. 17 декабря 1980 г. НМ РТ

Члены Татарского обкома КПСС со строителями.
Казань. 1988 г. В первом ряду слева направо: второй – Г.Ф.Самойлов,
третий – Г.И.Усманов, шестой – М.Ш.Шаймиев. *НА РТ*

**Депутаты Верховного Совета Татарской АССР 12-го созыва, принявшие Декларацию
о государственном суверенитете ТССР.**
Казань. Апрель 1990 г. Фото М.Медведева. НКЦ «Казань»

На митинге накануне открытия 4-й сессии Верховного Совета Татарской ССР 12-го созыва.
На первом плане – М.А.Мулюков, президент Татарского общественного центра.
Казань. Площадь Свободы. 16 апреля 1991 г. *Фото И.М.Юсупова. НМ РТ*

Митинг в день открытия внеочередной 6-й сессии Верховного Совета Татарской ССР 12-го созыва,
на которой обсуждались события в республике
в связи с попыткой государственного переворота в СССР 19–21 августа 1991 г.
Казань. Площадь Свободы. 29 августа 1991 г. *Фото И.М.Юсупова. НМ РТ*

Встреча международных наблюдателей за проведением референдума о статусе Республики Татарстан с представителями различных фракций Верховного Совета РТ.
Казань. Март 1992 г. *НА РТ*

Президент Татарстана М.Ш.Шаймиев во время голосования на референдуме о статусе Республики Татарстан.
Казань. 21 марта 1992 г. *НА РТ*

21 МАРТА — РЕФЕРЕНДУМ

ГРАЖДАНЕ ТАТАРСТАНА!

Ваше "ДА" — это РАЗВАЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, СОГЛАСИЕ НА ГРУБОЕ РАСЧЛЕНЕНИЕ РУССКОГО И ТАТАРСКОГО НАРОДОВ.

Ваше безразличие — это помощь национал-экстремистам.

Ваше "НЕТ" — это СВОБОДНЫЙ ТАТАРСТАН В СВОБОДНОЙ РОССИИ.

ТОЛЬКО СИЛЬНОЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО МОЖЕТ ЗАЩИТИТЬ ПРАВА И СВОБОДЫ КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА, ОБЕСПЕЧИТЬ МИРНОЕ БУДУЩЕЕ ДЛЯ ВАС И ВАШИХ ДЕТЕЙ.

**ТАТАРЫ И РУССКИЕ!
НАША СИЛА — В ЕДИНСТВЕ!
РАЗВАЛУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ — НЕТ!!!**

21 МАРТА — РЕФЕРЕНДУМ ГРАЖДАНЕ ТАТАРСТАНА! ЗАДУМАЙТЕСЬ!

Пять лет назад армянин и азербайджанец вместе пили вино на свадьбе. Теперь они пьют порознь на поминках убитых сыновей.

Разве кто-нибудь из них хотел этого?

Татарское отделение ДПР

МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЙ НАРОД РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН!

21 марта 1992 года состоится всенародное голосование о будущей судьбе Татарстана.

Цена ответа на референдуме слишком высока, чтобы поддаваться эмоциям. Мы должны проявить мудрость и единогласно ответить «ДА»!

«ДА» — благополучию и уверенности в будущем для каждой семьи;

«ДА» — согласию в нашем многонациональном доме;

«ДА» — мирному труду на благо нашей общей родины — суверенного Татарстана в союзе с Россией. Будущее Республики Татарстан зависит от каждого голоса!

ВСЕ НА РЕФЕРЕНДУМ!

Листовки, отражающие отношение различных политических сил к референдуму о статусе Республики Татарстан. 1992 г. ЦГА ИИД РТ

**Ф.Х.Мухаметшин и А.П.Лозовой в Президиуме Верховного Совета Татарстана
во время обсуждения проекта Конституции РТ.
Казань. Май 1992 г. Фото В.Н.Зотова. НА РТ**

**На 10-й сессии 12-го созыва Верховного Совета Республики Татарстан.
Обсуждение проекта Конституции РТ. Май 1992 г. НА РТ**

**Участники переговоров между Республикой Татарстан и Российской Федерацией
о разграничении полномочий и предметов ведения.**
Москва. 1992–1993 гг. *Личный архив И.Р.Тагирова*

**Во время подписания Договора «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании
полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти РТ».**
Москва. Февраль 1994 г. *НА РТ*

**Встреча Президента РТ М.Ш.Шаймиева
с Президентом Сената Франции Р.Монори во время посещения Франции
делегацией Республики Татарстан. Париж. 1994 г.**

**Подписание межправительственного соглашения о сотрудничестве
между Республикой Татарстан и Киргизией.
Казань. 4 апреля 1996 г. *НА РТ***

Президент СССР М.С.Горбачев в Казанском кремле. 29 августа 2005 г.

Передача М.Ш.Шаймиевым президентского штандарта Р.Н.Минниханову во время инаугурации Президента РТ. Казань. 25 марта 2010 г.

**Президент Российской Федерации В.В.Путин
и Президент РТ Р.Н.Минниханов на открытии деревни Универсиады 2013.
Казань.**

**IV Международный саммит «Экономическое сотрудничество России
и стран Организации исламского сотрудничества (ОИС) – KAZANSUMMIT 2012».
Казань. 17 мая 2012 г. Фото Р.Кадырова**

**Президент Российской Федерации В.В.Путин,
Президент Республики Татарстан Р.Н.Минниханов,
Государственный советник Республики Татарстан М.Ш.Шаймиев
на земле древнего Болгара.
28 августа 2012 г. Фото М.Б.Козловского**

**Президент Республики Татарстан Р.Н.Минниханов и Президент Турции А.Гюль
во время официального визита Президента РТ в Турцию.
Анкара. 30 мая 2012 г. Фото Р.Кадырова**

Мэр Казани К.Ш.Исхаков с метростроителями.
Казань, 2005 г.

**Президент РТ Р.Н.Минниханов и генеральный директор ОАО «Татнефть»
Ш.Ф.Тахвудтинов на строительной площадке ОАО «ТАНЕКО».**
Нижнекамск, 2009 г.

Мэр г. Набережные Челны И.Ш.Халиков с депутатами Государственного Совета РТ принимают дом, построенный по программе «Доступное жилье». Набережные Челны. 31 мая 2006 г.

Двухуровневая транспортная развязка. Казань. 2010 г.

«Нижнекамскнефтехим». Общий вид. 2000-е гг.

Комплекс нефтеперерабатывающих заводов ОАО «ТАНЕКО».
Нижнекамск. 2012 г.

**Председатель Государственного Совета Республики Татарстан
Ф.Х.Мухаметшин на полях республики. 2012 г.**

**Посевные комплексы «Агромастер-8500».
Муслюмовский район РТ. 2000-е гг.**

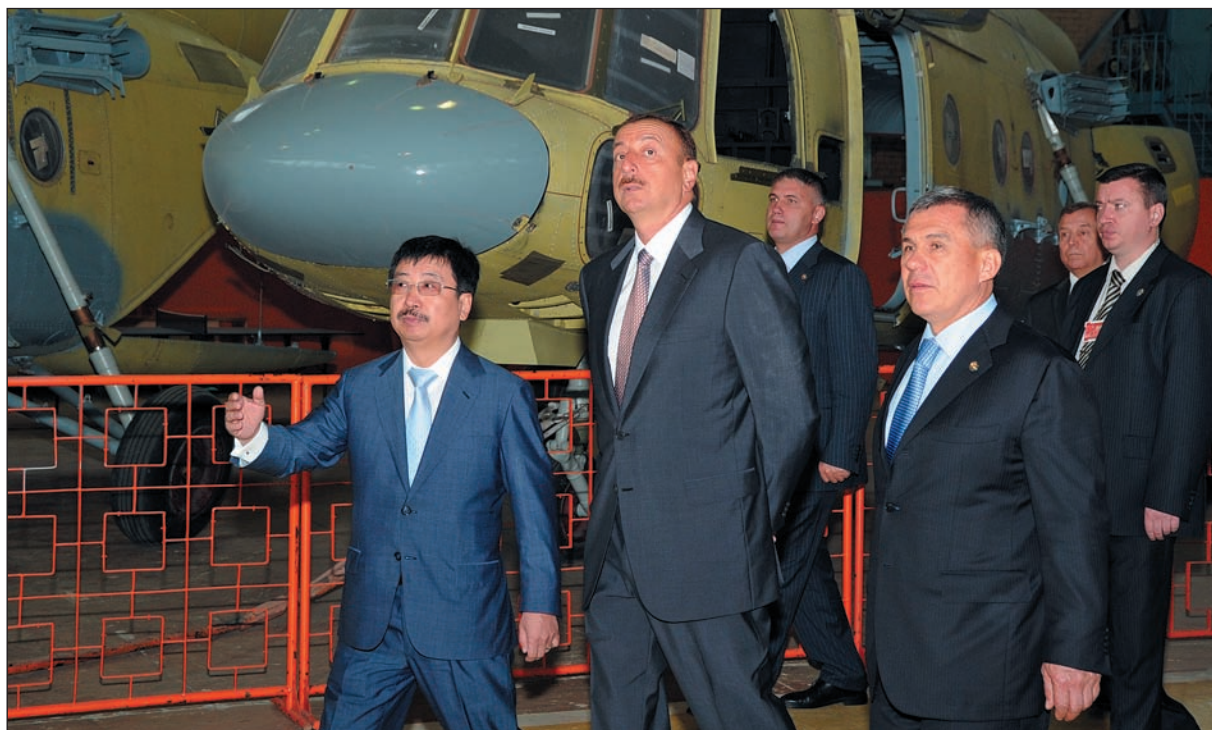
**Закладка капсулы в основание
IT-поселка Иннополис.**
Июнь 2012 г. *Фото Э.Хайруллина*

**Премьер-министр Республики Татарстан
И.Ш.Халиков на предприятии
в Ютазинском районе РТ.**
2012 г. *Фото Р.Сафина*

На конвейере Камского автомобильного завода.
Набережные Челны. Февраль 2012 г. *Фото Р.Кадырова*

Посещение Президентом Азербайджана И.Г.Алиевым
Казанского вертолетного завода. 2011 г. Фото Р.Кадырова

Цех АО «Нижекамскшина». Нижнекамск. 2012 г.

Сторожевой корабль «Татарстан».
Зеленодольский завод им. А.М.Горького. 2000-е гг.

Скоростной состав аэроэкспресса.
Казань. 2012 г. Фото М.Б.Козловского

**Вручение ключа от Татарского академического театра им. Г.Камала
главному режиссеру театра М.Салимжанову. Казань. 1987 г. *НА РТ***

**Президент РФ Б.Н.Ельцин и Президент РТ М.Ш.Шаймиев у памятника Г.Тукаю.
Новый Кырлай. Арский район РТ. 1995 г.**

Президент Российской Федерации Д.А.Медведев и Президент Республики Татарстан Р.Н.Минниханов на Сабантуе в Казани. 2011 г. Фото М.Б.Козловского

Обход исторического центра Казани. Слева направо: мэр г. Казани И.Р.Метшин, Президент РТ Р.Н.Минниханов, помощник Президента РТ О.А.Балтусова, прокурор РТ К.Ф.Амиров. Сентябрь 2012 г. Фото Р.Сафина

Восстановленный дом купца Б.Ф.Муллина
(конец XIX в.). Казань. Старотатарская слобода.
Сентябрь 2012 г. *Фото Р.Сафина*

Президент Республики Татарстан
Р.Н.Минниханов и Государственный советник
Республики Татарстан М.Ш.Шаймиев в Болгаре.
Май 2012 г. *Фото М.Б.Козловского*

Открытие Белой мечети в Болгаре.
10 июня 2012 г. *Фото М.Б.Козловского*

Содружество конфессий. Казань. 2000-е гг.

**Госсекретарь США Х.Клинтон на встрече с казанскими учеными.
2009 г. Фото М.Б.Козловского**

**Визит в Казань академика РАН, всемирно известного
ученого-астрофизика Р.А.Сюняева. 3 сентября 2012 г. Фото Р.Сафина**

**Первый заместитель Премьер-министра РТ Р.Ф.Муратов
и Президент АН РТ А.М.Мазгаров вручают удостоверение академика АН РТ
директору Института истории им.Ш.Марджани АН РТ Р.С.Хакимову.
Казань. 19 ноября 2010 г.**

Открытие новой татарской гимназии в Казани.
1 сентября 2011 г. *Фото Р.Кадырова*

Фестиваль «Созвездие».
Казань. 2007 г. *Фото М.Б.Козловского*

На Сабантуе в Казани. 2000-е гг. Фото М.Б.Козловского

На сцене Дома дружбы народов РТ.
Казань. 2012 г. Фото М.Б.Козловского

День Победы: никто не забыт, ничто не забыто.
Май 2012 г. Фото Р.Кадырова

День Республики Татарстан.
30 августа 2007 г. Фото М.Б.Козловского